1490 т. Пятакову

БОЛЬШЕВИК

№ 1 № 1

15 ЯНВАРЯ

1926

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

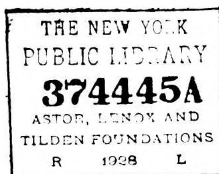
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ЯНВАРЯ 1

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»



Главлит № 52987. Москва. Тираж 40.000 экз.

Тип. изд-ва „Правда" и „Беднота". Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Ленинские заветы и с'езд партии.

Работы XIV с'езда нашей партии протекали перед второй годовщиной со дня смерти В. И. Ленина.

Вот уже в течение двух лет партия растет и крепнет, укрепляет диктатуру пролетариата и строит социализм без своего гениального вождя, без Ильича, но твердо идя по пути выполнения его заветов.

Только потому, что партия ни на шаг не сбивается с ленинских заветов, мы достигли тех крупных политических и хозяйственных успехов, которыми ознаменовались последние два года. Упрочилось наше международное положение, несмотря на затяжку революции в Европе; упрочилась и стоит непоколебимо диктатура пролетариата в нашей стране; произошел общий под'ем нашего народного хозяйства, рост производительных сил страны; вместе с тем, вырос и удельный вес социалистических элементов хозяйства во всей экономике страны; сильно выросли ряды партии за счет рабочих и т. д.

Это «мирное» строительство дается партии с огромными трудностями. В условиях нэпа, наш рост сопровождается также абсолютным (хотя и не относительным) ростом капитализма как в городе, так и в деревне, известным ростом классовых противоречий и некоторым усилением буржуазии.

В то же время и в среде нашей партии, единственной легальной партии в стране, в условиях мелко-буржуазного окружения, не могут от поры до времени не проявляться отдельные колебания, об'ективно отражающие собою давление этого социально чуждого пролетариату окружения. Это создает дополнительные, крайне серьезные трудности партии, вынуждая ее отдавать известные силы, время и внимание на борьбу с уклонами и извращениями ленинизма, отрывая эти силы, время и внимание от основных задач строительства социализма.

Такие дополнительные трудности, «накладные расходы» в деле строительства социализма в крестьянской стране встали и перед XIV с'ездом партии, который посвятил свои заседания почти исключительно борьбе с новой оппозицией.

В борьбе с этой оппозицией, представленной на с'езде исключительно ленинградскими делегатами, подавляющее боль-

шинство с'езда, как и подавляющее большинство всей партии, заняло последовательно-ленинскую позицию, отстаивая ленинские заветы против непонимания и искажения их оппозицией.

Крайне характерно при этом, что оппозиция проявила непонимание именно последних статей Ленина, которые вся партия рассматривает, как посмертные завещания Ильича партии («Как нам реорганизовать Рабкрин», «О кооперации» и др.). В этих посмертных статьях В. И. Ленин, несомненно, взвешивая каждое свое слово, формулировал перспективы нашего развития и основные задачи партии на целый период исторического развития.

Споры с оппозицией вращались прежде всего вокруг основного вопроса об оценке движущих сил революции.

Вот как перспектива развития классовых отношений в нашей стране рисовалась Владимиру Ильичу Ленину:

«Конечно, в нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами (т.-е. между двумя основными классами—рабочими и крестьянами. Ред.), тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской республики» (Статья «Как нам реорганизовать Рабкрин». Собр. Соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 115).

Каковы те два коренных, принципиальных положения, которые выдвигает здесь Ильич по вопросу об отношениях между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя основными классами в нашей стране? Эти положения таковы:

1. Раскол между ними «был бы губителен для Советской Республики»,—вот первое положение. О том же говорят слова: «В последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними». Отсюда, из этой первой главной мысли вытекает главная практическая директива, которую дает Ильич партии: «внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол»,—укреплять союз рабочих и крестьян.

2. «Но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола» (т.-е. раскола между рабочими и крестьянами. Ред.),—говорит Ленин. Мы должны ясно видеть перед собой «двоякий исход».

Поскольку речь идет о внутренних движущих силах русской революции, Ленин исходит здесь из признания об'ективной возможности двух исходов классовой борьбы в России: рабочие, руководя крестьянами, построят социализм, или же буржуазия, обманув крестьян, восстановит капитализм. Это значит, что мы вполне можем,—внимательно следя за сохранением союза рабочих и крестьян, ведя правильную политику, не ошибаясь, или, по крайней мере, быстро поправляя те или иные ошибки, неизбежные при большой и трудной работе,—мы вполне можем избежать раскола между рабочим классом и крестьянством и строить социализм.

Чтобы в должной мере и степени оценить это второе кардинальное положение Ленина, отрицающее «неизбежность» раскола рабочих и крестьян в России, надо вспомнить как ставили и ставят этот вопрос меньшевики. Они видят не «двоякий исход», а один исход, они предрекают неминуемую гибель Советской власти от внутренних противоречий в нашей стране, считают переход крестьянства на сторону «нэпмановской» буржуазии об'ективно неизбежным и исходят в своих заключениях из основной посылки о технической и экономической отсталости России. Эта техническая и экономическая отсталость, при которой пролетариат составляет меньшинство населения, по прописям меньшевизма, делает абсолютно невозможным в нашей стране, на данной стадии ее развития, проведение социалистической революции; поэтому то, что мы имеем в России—не диктатура пролетариата, а «исторический казус»: то ли диктатура кучки захватчиков «над пролетариатом», то ли осуществление пролетариатом задач буржуазной (а не социалистической) революции; что это такое, мень-

шевики, впрочем, сами хорошенько не знают, и каждый толкует по своему.

Крестьянство покончит с советской властью неизбежно—такова оценка перспектив развития СССР меньшевиками, исходящая из догматического, упрощенного, якобы «марксистского» толкования отношений между «базисом» и «надстройкой», между техническим уровнем страны и ходом классовой борьбы в ней.

Если кто-нибудь глубоко понимал действительно огромные, необ'ятные трудности для диктатуры пролетариата и для строительства социализма в технически и экономически отсталой стране, то это был В. И. Ленин. Вся его деятельность в течение не одного десятка лет, вся выработанная им линия большевизма—союз пролетариата с крестьянством на всех этапах революции—говорит, как нельзя лучше, об учете им этой основной особенности исторического развития России.

Как же он решал вопрос о наших трудностях, вполне понимая их?

В заметках «О нашей революции» («По поводу записок Н. Суханова». 16 января 1923 г. Собр. Соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 110—111) Ленин писал:

«Например, до бесконечия шаблонным является у них довод (у мелко-буржуазных демократов. Ред.), который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, об'ективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию, такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он под влиянием безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации».

«Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала и, в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно же является решающим для оценки нашей революции».

«Ну, а что если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западно-европейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся, и частично уже начавшихся, революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив писал такой «марксист», как Маркс, в 56 году по отношению к Пруссии?»

«Что если полная безвыходность положения, удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов в каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?»

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». (Соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 118—119).

«Бесспорно положение», говорит Ленин, что Россия «не достигла» такой высоты развития производительных сил, культуры и цивилизации, при которой возможен социализм. Однако, мы можем «двинуться догонять другие народы» в этом отношении, потому что основные «предпосылки» для достижения необходимого уровня культуры мы завоевали в Октябре 1917 года.

В ленинской постановке вопроса даже и тени нет того утверждения, что внутренние противоречия в нашей стране для нас неразрешимы, что внутренние трудности неодолимы, что мы не сможем вылезти из современной технической и экономической отсталости. Наоборот, всякий, кто прочтет статью по поводу записок Суханова, скажет, что она проникнута твердой уверенностью в том, что мы вылезем, победим, «дорастем» до социализма, сумеем использовать те «шансы», которые дала нам в руки история.

В нынешний период затяжки международной революции, вопрос о внутренних движущих силах русской революции, всем ходом вещей ставится в порядок дня: частичное восстановление, стабилизация капитализма в мировом масштабе ставит перед нами вопрос: сумеем ли мы продержаться известный, может быть, долгий срок, до победы мировой рево-

люции? Куда пойдет кривая нашего развития за этот период: вперед — к социализму, или назад — к капитализму? Вынуждены ли мы будем, внутри страны, «отступать», или сможем и будем «наступать» на рельсах нэпа? Ускорим ли мы победу международного пролетариата наглядным фактом роста социализма в России, или деморализуем международную революционную армию фактом нашего распада, разложения и падения?

Яд сомнения в наличии об'ективных предпосылок внутри нашей страны для того, чтобы кривая нашего развития не повернула, в конечном счете, вниз, а шла неуклонно вверх, — этот яд сомнений в текущий тяжелый период мировой революции проникает и в ряды нашей партии.

Первая оппозиция, которую партия имела после ухода от нас Ильича, проявила эти сомнения, когда она пыталась воскресить в партии старую теорию троцкизма, которая гласила:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру».

В 1922 году (в предисловии к книге «1905») эта теория получила такую формулировку:

...«Для обеспечения своей победы, пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата».

Раскол между пролетариатом и крестьянством неизбежен, основания для него «с необходимостью заложены» в нашем социальном строе, противоречия между рабочими и крестьянами России разрешит только международная революция, у нас нет об'ективной возможности их разрешить самим: как бы мы ни пытались «предупреждать раскол», кривая нашего развития неизбежно повернет вниз, нас взорвут внутренние силы, если нас не спасет международная революция, — такова эта позиция, в корне противоречащая ленинской позиции, ясно

видящей об'ективную возможность двух исходов классовой борьбы внутри России.

Новая оппозиция 1925 года в новой форме поставила тот же вопрос и обнаружила, по существу, ту же самую ошибку. Именно то же самое непонимание перспектив развития классовых отношений в Советской Республике содержится в той точке зрения, будто бы «мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция» [1]).

Разумеется, трудности, лежащие перед нами внутри страны, громадны, и всякая недооценка их, всякий «ура»-оптимизм со стороны правящей партии был бы губителен для диктатуры пролетариата. Выяснение действительных размеров трудностей, проистекающих в первую голову из нашей технической и экономической отсталости, заслуживает только приветствия со стороны партии, в особенности если бы оно сопровождалось предложением программы мер, способных двинуть вперед дело преодоления этих трудностей. Но есть глубокая разница между практическим указанием на эти трудности, тактически-политическим «ударением» на них (чтобы партия «не зазналась»), с одной стороной, и общей перспективой, которая внутри страны видит об'ективные основания к нашему падению («не справимся»), но не видит об'ективных предпосылок для иного, победоносного исхода, — с другой.

Это есть слепота на один глаз по отношению к внутренним движущим силам нашей революции, и партия, отдающая неустанной борьбе за эту победу все свои силы, не может такую слепоту принять.

Мы ведем политику развития социализма в нашей стране, исходя из убеждения, что об'ективные предпосылки для построения социализма есть, что они вызревают с укреплением диктатуры пролетариата, что технику мы можем развить, что нашу техническую и экономическую отсталость можем преодолеть. Поэтому, наша тактика, наша новая экономическая политика в ее основе, не есть тактика и политика отступательная. Ошибкой оппозиции была попытка видеть в отступлении — основную черту новой экономической политики. На рельсах нэпа мы и «отступали» (с 1921 года), и переходили от «отступления» к «перегруппировке сил» (начало 1922 г., см. речь Ленина об этом на XI с'езде партии) и «наступаем» сейчас в смысле увеличения доли и веса социалистических элементов в нашем хозяйстве.

---

[1]) См. об этом в «Ответе МК ВКП (б) на письмо ленинградской губпартконференции». «Правда», № 291 от 20 декабря 1925 года.

Скептицизм по отношению к перспективам и возможностям удержания власти и строительства социализма в нашей стране проявился у новой оппозиции также в крайне своеобразной форме, в невероятно-абстрактной, отвлеченной постановке вопроса о победе социализма в «одной» стране. Все сходились на том, что окончательная победа социализма в одной стране, в смысле закрепления победы и гарантий от возврата капитализма, невозможна без мировой победы пролетариата. Но представители оппозиции шли дальше, утверждая, что в «одной стране» возможно построение социализма «неполного», но не возможно построение «полного» социализма. Имелась в виду при этом, не отсталая страна, а страна «вообще», и не коммунизм (осуществление которого наступит, вероятно, не быстро даже и после победы мировой революции), а социализм, первая начальная стадия коммунизма,—обобществление всех средств производства, как залог уничтожения классов.

Вопрос был поставлен, повторяем, в нелепую плоскость гаданий и предсказаний о том, что «вообще» «может» быть. Мы знаем, как Маркс и Ленин презрительно отзывались о фантазерстве относительно сроков появления и форм будущего социалистического общества, устанавливая лишь основные тенденции общественного развития, формулируя лишь основные принципы будущего строя. Оппозиция не проявила понимания того, что вопрос о строительстве социализма в одной стране есть вопрос борьбы пролетариата в конкретных условиях, в конкретной обстановке и что пытаться заранее теоретически установить «предел» строительства социализма в одной стране «вообще», в капиталистическом окружении «вообще», пытаться здесь «развить» и «дополнить» учителей социализма—занятие мало-полезное и чисто-академическое. Академическое, чисто-профессорское это дело именно потому, что практически-то нам до «полного» социализма еще очень далеко и «бояться» (!), как бы мы его не осуществили «чересчур скоро», нет, положительно, никаких оснований,—к сожалению, конечно.

Практически же у нас стоит вопрос о том, как мы сейчас строим и будем строить социализм, где у нас сейчас уже имеется социализм, где его нет, а есть капитализм или еще до-капиталистические формы хозяйства. Вот в этом-то вопросе, более близком для нас, чем полный социализм, опять-таки, напутала оппозиция, попытавшись об'явить наши национализированные советские предприятия государственным капитализмом, а за одно этим же термином покрыть и весь наш хозяйственный строй, игнорируя ленинское определение госкапитализма, как одного из пяти имеющихся в нашем хозяйственном строе «общественных укладов» или элементов. В дискуссии была достаточно выяснена вредоносность такой путаницы понятий, в особенности с точки зрения воспитания молодежи и новых пластов рабочего класса, приходящих на нашу фабрику из деревни.

Довольно остро проявился скептицизм оппозиции в отношении перспектив социалистического развития страны в вопросе о кулаке.

Рост кулачества и рост дифференциации в деревне есть, действительно, одно из важнейших новых явлений за годы нэпа и за последний период в частности. Но размеры этого роста и кулацкая опасность были преувеличены и раздуты оппозицией подобно тому, как оппозиция 1923 года раздула размеры и опасности, идущие от частного торгового капитала.

Сосредоточивая внимание партии на факте количественного роста кулачества, оппозиция затушевывала роль середняка, как «центральной фигуры нашего земледелия» (Ленин), и тем самым впадала в неверный тон в вопросе о самом характере кулацкой опасности в настоящий момент и о методах ее преодоления.

Во-первых, не было проявлено достаточного понимания того, что центр тяжести политики партии в деревне лежит в том, чтобы, опираясь на бедноту, отвоевать на сторону пролетариата среднее крестьянство, что борьба с кулаком в настоящих условиях есть прежде всего борьба за влияние на середняка.

Во-вторых, вместо подчеркивания мер экономического регулирования и воздействия со стороны пролетарского города на деревенский капитализм, оппозиция напоминала партии о политике по отношению к кулакам времен 1918 года.

В-третьих, основное средство нашей борьбы с ростом капитализма в деревне,—средство «перегнуть» развитие производительных сил деревни на социалистические рельсы,—кооперацию — оппозиция в своих ответственнейших выступлениях отводила на задний план, либо трактовала ее исключительно как форму развития капитализма, подчеркивая в ней капиталистические тенденции и фактически проглядывая ту новую роль кооперации, которую она приобретает в условиях диктатуры пролетариата, роль, на которую указал т. Ленин.

Таковы основные политические черты уклона, наметившегося перед XIV с'ездом партии и развившего свою платформу на этом с'езде. Очень характерно, что наряду с «левыми» нотками, в новой оппозиции был представлен и правый уклон в лице т. Сокольникова, сторонника фактической отмены монополии внешней торговли и превращения наших государственных трестов в частно-хозяйственные организации. Такие выводы, пожалуй, наиболее последовательно согласованы с пессимисти-

ческой оценкой перспектив нашего развития, ибо если кривая его пойдет вниз, то почему бы, забежав вперед (или «назад»?), не сделать таких «уступок капиталу»?

Следует еще отметить тот характерный факт, что оппозиция, начав свои выступления (по вопросу об организационных выводах из дискуссии с т. Троцким) с якобы последовательной защиты ленинской идеи о монолитности партии, целиком и полностью отказалась от этой основной организационной идеи ленинизма, заговорив фактически о пресловутой «свободе группировок» внутри партии, забыв ленинский завет о единстве партии, об опасности фракционных группировок.

Логика положения показывает свою силу, а ленинизм—свое внутреннее единство, свою монистичность: отступлению от ленинизма в вопросах тактических соответствует отступление от него и в вопросах организационных.

Нет сомнений, что партия изживет и этот уклон, выйдет из борьбы с ним, в конце концов, еще более единой и окрепшей. Вопросы, поставленные в дискуссии,—коренные вопросы революции и ленинизма. Усвоение правильных ленинских взглядов на эти вопросы всей партией, каждым ее членом будет означать крупный идейный рост всей партии, рост, который будет иметь несомненные благоприятные последствия во всей нашей работе и борьбе.

На основе этого идейного роста партия укрепляет то коллективное руководство, без которого после Ленина невозможно мыслить себе нашу партию. Только такое коллективное руководство, руководство в лице выборных партийных органов, которым доверяет вся партия, ведет и поведет партию и революцию по ленинскому пути.

Трудности на нашем пути к социализму огромны, в частности—трудности внутренние, и в особенности—хозяйственные, вытекающие из технической и экономической отсталости страны. Но трудности эти никогда не должны приводить к утере перспектив нашего развития.

Хозяйственный рост нашей страны идет не по гладким рельсам, в нем неизбежны те или иные временные заминки, те или иные уклонения его от общей кривой,—они были и они будут. Подобная заминка была у нас в 1923 году («ножницы» и пр.). Тогдашняя оппозиция пыталась тогдашними трудностями обосновать неверные общие перспективы строительства социализма в нашей стране.

Как тогда поступила партия? Неправильные перспективы она отвергла, а трудности практически преодолела, подходя к ним по-ленински, и с точки зрения ленинской теории.

В 1925 году мы имели наш просчет в отношении плана хлебозаготовок, частичное нарушение экспортно-импортного плана и ряд явлений в хозяйственной жизни, связанных с этим. При этих симптомах хозяйственных затруднений, назревающих на фоне нашего хозяйственного роста, сопровождающих этот рост, новая оппозиция выступила так же, как и оппозиция 1923 года, с обоснованием неверных общих перспектив о непреодолимости внутренних трудностей и т. п.

Как поступила партия теперь? Она, опять-таки, отвергла неверную перспективу, способную только дезориентировать партию и сбить ее с правильного пути. А практические трудности, каковы бы они ни были, партия преодолеет тем легче, чем решительнее ею отвергнуты неверные общие перспективы нашего развития и чем тверже вся партия усвоит подлинно-ленинские взгляды на пути строительства социализма в нашей стране.

И. Жиров.

В чем партия усмотрела „ликвидаторское“ безверие в социалистические пути нашего развития?

I.

В последней дискуссии был поднят вопрос о сущности ликвидаторства. Ликвидаторство—явление не новое в истории нашей партии. Кому неизвестно, что впервые это течение появилось в России после первой нашей революции, как результат поражения рабочего класса и крестьянства в их борьбе за буржуазно-демократический переворот? Но мы сделали бы серьезную ошибку, если бы сказали, что ликвидаторское течение того времени не имело исторических корней в прошлом. В действительности это ликвидаторство теснейшим образом связано с экономизмом, теоретическим выражением которого следует признать бернштейнианство, как отрицание борьбы за социализм вообще. Экономизм, меньшевизм, ликвидаторство, социал-шовинизм и, наконец, социал-демократический фашизм наших дней—все это, по сути дела, лишь конкретно-исторические выражения одного и того же явления, именно—бернштейнианства, как отрицания социалистической борьбы. Основная мысль бернштейнианства: «движение—все, конечная цель—ничто»—оставалась неизменной на всем протяжении эволюции оппортунизма вообще, меньшевизма—в частности.

В 1909 году Владимир Ильич, определяя понятие ликвидаторства, писал:

«Ликвидаторство в тесном смысле слова, ликвидаторство меньшевиков состоит идейно в отрицании *революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще и в частности* в отрицании гегемонии пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции»...

«Организационно—ликвидаторство есть отрицание необходимости нелегальной с.-д. партии и связанное с этим отречение от Р. С.-Д. Р. П., выход из нее, борьба против нее».

Как видно из подчеркнутых нами слов Ильича, он рассматривает ликвидаторство наших меньшевиков, как частность, как конкретно-историческое выражение их оппортунизма вообще, т.-е. как частную историческую форму бернштейнианства. Смысл его критики ликвидаторства был таков: «Вы отрицаете за пролетариатом роль гегемона в буржуазно-демократической революции; не вздумайте, однако, утверждать, что ваш грех только в этом и заключается. Нет, ваше отрицание идеи гегемонии пролетариата есть вместе с тем «отрицание классовой борьбы социалисти-

ческого пролетариата вообще», ибо путь к победе социализма идет через борьбу революционных сил нашего общества *под руководством рабочего класса* не только в социалистической революции, но и в революции буржуазно-демократической».

Вот почему, говоря о ликвидаторских настроениях наших дней, мы говорим о «ликвидаторском безверии в *социалистические* пути нашего развития».

Вопрос, следовательно, стоит так: кто в наше время выражает настроения, могущие довести до отрицания того единственно верного пути классовой борьбы пролетариата, который (путь) ведет к социализму?

Иные полагают, что ликвидаторские настроения современности имеют своим источником необузданный социалистический оптимизм. Они говорят, что «оптимисты от социализма», ложно оценивая возможности строительства социализма в национально-государственных границах, преувеличивая действительные достижения пролетарской революции в «национальной» фазе ее развития, сбиваются с верного пути движения к окончательной социалистической победе и тем самым вредят великому делу рабочего класса, т.-е. об'ективно вступают на ликвидаторский путь.

Вот как выражает это один из наиболее неумных, но зато более откровенных критиков линии ЦК.

«В настоящее время мы в праве были бы назвать ликвидаторскими такие взгляды, которые бы заявляли (!), что мы находимся сейчас уже в обстановке полноправного (!) социалистического хозяйства». («Ленинградск. Правда», 10 дек. 1925 г., ст. М. Цвибака).

Та же самая мысль высказана в письме Ленинградской Губпартконференции (см. «*Правду*», *за 20 декабря с. г.*). «Те «оптимисты»,—пишется в этом письме,—которые в противоположность «пессимисту - Ленину» доказывают, будто у нас уже кругом социализм, оказывают плохую услугу делу подлинного строительства социализма».

Оба эти утверждения, к счастью для партии, не имеют под собою никакой почвы. Такого течения в партии, которое бы имело своим источником социалистический оптимизм, не установить сейчас никаким исследованием, как бы тщательно оно ни было сделано. Никто, нигде до сих пор не утверждал еще, что наш союз—уже социалистический рай. Ведь нельзя же сказать, что товарищи, считающие вместе с Лениным наши госпредприятия «предприятиями последовательно-социалистического типа» и полагающие в соответствии с действительностью, что наша социалистическая госпромышленность начинает задавать тон всей нашей экономике,—являются «оптимистами-ликвидаторами». Поэтому мы в праве заявить, что, рассуждая об источнике современных ликвидаторских настроений, Цвибаки ни на шаг не выходят за пределы своей фантазии.

«Оптимистическое» ликвидаторство пока что голая выдумка. Ликвидаторские же настроения пессимистов—факт. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать то, что писалось за последнее время, например, т.т. Залуцким, Саркисом, Сафаровым и многими другими. В своем ответе ленинградцам МК ВКП (б) устанавливает этот факт с полнейшей очевидностью. Для нас

вопрос сводится, таким образом, к тому, чтобы показать, что представляют собою современные ликвидаторские настроения, в чем состоит их идейное содержание. К разбору этих вопросов мы и переходим сейчас.

Коренной источник «ликвидаторских настроений» лежит в пессимизме. А пессимизм этот коренится в ложном понимании конкретного пути развития социалистической революции. Сущность этого ложного понимания состоит в ошибочной оценке соотношения национального и интернационального в пролетарской революции, а во-вторых, в непонимании отношения эволюционных методов к революционным после победы пролетариата над буржуазией. Разберемся сначала в первом из этих вопросов. Ясно, что в зависимости от того, как мы решим этот основной вопрос, будут решаться нами все вопросы политики и тактики нашей партии в переживаемую нами эпоху. Прежде всего мы должны спросить себя, как решал этот вопрос Ильич. В 1915 году он писал:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» [1]).

Это пророческое рассуждение Владимира Ильича замечательно в том отношении, что здесь возможность победы пролетариата в одной стране выводится в качестве следствия из внутреннего закона развития капитализма. Еще замечательней в этом рассуждении то, каким образом т. Ленин увязывал национальное в пролетарской революции с международным. Мало того, что он разрушил здесь с.-д. догму о том, что пролетарская революция должна вспыхнуть и победить сразу в ряде стран и, при этом стран наиболее развитых в капиталистическом отношении. Важно иметь в виду еще то, что пролетарская революция, протекающая в определенных национальных рамках, «организует у себя социалистическое производство» и всячески помогает пролетариям других стран, вовлекая их в борьбу с капиталистами.

Здесь перед нами возникает вопрос о возможности победы социализма в одной стране. Этот вопрос имеет две стороны. Во-первых, он может быть поставлен так: как далеко может пойти в своем социалистическом строительстве победивший в данной стране пролетариат? С точки зрения диалектики такой вопрос, т.-е. вопрос об априорном, если позволено будет так выразиться, установлении границ размаха революции нелеп. Но этот вопрос поднимался и именно в такой нелепой постановке не раз в истории нашей партии. Так же ставится этот вопрос некоторыми членами нашей партии сейчас. Кое-кто умудряется даже самым точным образом установить предел социалистического строительства в одной стране. Напомним, что Владимир

[1]) Н. Ленин. т. XIII, стр. 133.

Ильич издевался над меньшевиками в годы первой нашей революции, когда они ставили подобным образом вопросы революционной борьбы. Для Ильича всякое революционное завоевание было «дверью», но никогда не было «загородкой». И это потому, что он всегда был образцовым диалектиком. Чтобы не покатиться назад, борющийся класс должен итти вперед. Но если он вынужден отступать? Отступление не есть только отступление, но вместе с тем оно есть и наступление. Отступление есть наступление по новым путям, в новой форме, новыми методами. И это потому, что победа социализма неизбежна. И отступление, следовательно, есть «дверь», а не «загородка».

Во-вторых, наш вопрос может быть поставлен так: каковы общие условия победы социалистической революции? Совершенно ясно, что социализм может победить лишь при наличии определенных общих условий. Все имеет свою причину. Нет причины—нет следствия. Но общие условия являются предпосылкой для решения вопроса о возможности победы лишь в самом общем виде. Размах же победы определяется ими лишь посредственно, лишь в последнем счете. Общие условия, необходимые для успеха социалистической революции ничего не говорят еще о том, как велик этот успех может быть. Размах социалистического строительства определяется другими, частными условиями, учесть которые заранее совершенно нельзя.

В подтверждение правильности нашего понимания взглядов Ильича на возможность победы социализма в одной стране мы могли бы привести бесконечное количество цитат из статей, речей и книг самого Ильича. Но это едва ли необходимо, так как совершенно ясно, что Ленин-диалектик никогда не мог заниматься метафизическим, делаемым наперед, ограничением размаха социалистического строительства в одной стране. Отсюда следует, что, по Ленину, международная революция выступает сначала, как революция, совершающаяся в одной стране, как «национальная» революция. И выступая так, социалистическая страна одержит полную победу. Однако, какова бы ни была эта победа, она может быть сведена на-нет, если «национальная» социалистическая революция не набросит узду на мировую буржуазию. Гарантией того, что победа социализма, полная победа социализма в одной стране будет навсегда закреплена, является, таким образом, мировая революция. Огромную роль при этом играет союз с большинством крестьянства.

Необходимо отметить еще вот что. Так как победивший в данной стране пролетариат оказывает революционизирующее влияние на рабочих других стран, помогает им, будоражит и поднимает их, то тем самым он в значительной степени упрочивает свою победу, закрепляет ее. Национальное в пролетарской революции перерастает в силу этого и интернациональное.

Вот как решал проблему соотношения национального и интернационального в пролетарской революции Владимир Ильич. Вот почему он верил в социалистические пути нашего строительства и так бодро, убежденно заявлял: из России нэповской будет Россия социалистическая!

Не так ставится и разрешается этот вопрос некоторыми из членов нашей партии, принадлежащих к «новой оппозиции». Они смешивают указанные нами две стороны этого вопроса и

сводят последний к нелепой, недиалектической его форме. Вопрос об окончательной победе социализма эти товарищи понимают именно как вопрос о размахе социалистического творчества. Беря вопрос в таком смысле и отвечая на него, они устанавливают, что «обеспеченная возможность строить социализм может мыслиться и в рамках одной страны», но окончательное построение социализма в одной стране невозможно. Получается такое решение вопроса у этих товарищей потому, что они вульгаризируют интернационализм, извращают ленинизм. Им кажется, что раз социализм международен, то в национальных границах он может сделать лишь такое-то количество шагов, не больше. Им кажется, что подобную нелепость проповедывал Ильич.

Нас занимает не только теоретическая сторона этой ошибки, но и ее политический смысл. Что означает отрицание возможности, так сказать, бесконечно приближаться к окончательной победе социализма в одной стране? Что означает это отрицание политически? Утверждать то, что наш Союз может итти и притти к полной победе социализма, это значит признавать, что динамика мировой и нашей внутри-национальной классовой борьбы такова, что движение по пути к социализму у нас возможно, что эта динамика в основном нам на пользу. Политический же смысл отрицания движения нашего Союза к полной победе социализма состоит в ложной, пессимистической оценке этой динамики. Вот к чему привела теоретическая ошибка наших товарищей в вопросе о соотношении национального и интернационального в пролетарской революции. Вот почему они не верят в социалистические пути нашего строительства.

Основная идея современной оппозиции есть, следовательно, идея ложно-понятого интернационализма. Под эту идею подгоняют впавшие в «ликвидаторское безверие» товарищи оценку нашей нынешней экономической действительности. Им, может быть, кажется, что ничего подобного они вовсе и не делают. Они, быть может, полагают, что наша действительность лишь подтверждает их идею «интернационализма». В действительности же они насилуют факты, извращают ленинизм. Кому неизвестно, например, то, что Ильич смотрел на наши госпредприятия, как на «предприятия последовательно-социалистического типа»? Кто не знает сейчас, что наша госпромышленность начинает задавать тон всей нашей экономике? Чудаков, отрицающих это, мало. Но как относится к этим фактам тот, кто впал в «ликвидаторский» скепсис? Ясно, что он должен отрицать эти факты, ибо признание их есть признание возможности победы социализма в одной стране. И он отрицает их. Мы, говорит один из скептиков-пессимистов, «делаем только первые шаги к подходу превращения современного переходного предприятия «социалистического типа», но работающего еще на началах «государственного капитализма» в подлинно-социалистическое предприятие» [1]). Так извращается ленинизм в угоду «интернационализму», так «причесываются» факты ради сохранения «теории».

Хорошо еще, что автор только-что приведенной цитаты признает хоть «подход к подходу превращения» «социализма» в социализм. Правда, от этого признания последовательность

[1]) Залуцкий. Звеновые организаторы и их задачи, стр. 7.

автора этого «подхода к подходу» несколько пострадала. Все же утешительно: он хоть немного, да «верит».

Той же основной идее «интернационализма» подчинены взгляды нынешних оппозиционеров на нэп, кооперацию и т. д. Нэп, с точки зрения этих скептиков,—сплошное и непрерывное отступление под напором капиталистической стихии от социализма к госкапитализму, а кооперация—лишь винт госкапитализма. Нет нужды доказывать, что эти взгляды нисколько не соответствуют тому, что писалось и говорилось по этим вопросам Ильичем. Зато эти взгляды легко увязываются с идеей «интернационализма».

Если мы сопоставим оценку нашего строя, даваемую Сафаровым и К°, с соответствующей оценкой наших политических противников, то мы увидим, что обе оценки очень близки. Это является лучшим показателем того, откуда идет в наши дни опасность ликвидаторства. Но нам могут возразить следующим образом: враги рабочих говорят о «спуске на тормозах» к капитализму, а ведь, у нас, у нынешних скептиков, речь идет об отступлении к госкапитализму. Однако, ясно, что это возражение не основательно, ибо и меньшевики, и сменовеховцы, и т. д. прекрасно понимают, что наша государственная власть наложила свою руку на стихию капиталистического производства и обращения.

Что же получается у идеологов оппозиции в конечном счете? Получается у них то, что в России сейчас не диктатура пролетариата, а диктатура «нации», «бюрократии» и т. д., ибо ведь на данной стадии государственное строительство есть лишь строительство госкапитализма. Вот куда привела наших скептиков их идея «интернационализма».

II.

На об'единительном с'езде Р. С.-Д. Р. П., возражая против аграрного проекта т. Ленина, Плеханов завел речь об абсолютной гарантии против реставрации. Почему Плеханов выдвинул тогда этот вопрос? Потому, что он боялся крестьянской революции, не верил в нее. Такой ход мыслей, приводил, по сути дела, не только к муниципализации, а и к выводу о том, что Россия должна обождать, пока запылает Запад. Если вдуматься в сущность и в происхождение нынешних «ликвидаторских настроений», то в них можно найти нечто общее со старыми рассуждениями Плеханова. В самом деле, «нынешний скептик пришел к идее «интернационализма» пролетарской революции не только потому, что он не понял «национального» в этой революции, сделал теоретическую ошибку в этом вопросе, но и потому, что он испугался крестьянина-кулака. Это становится совершенно очевидным, когда вы выслушиваете «новейшее» об'яснение происхождения нэпа, особенно же об'яснение смысла решений XIV партконференции в отношении деревни. Мы отступили перед кулаком, скажет скептик. Кулак нас жмет, жмет тем сильней, чем больше он крепнет, растет. А при нэпе он будет постоянно расти. Его не «переваришь» в социалистическом котле,—грустно заявляет скептик. Отсюда бегство под крылышко «интернационализма».

Так связывается паника перед кулаком с основной идеей оппозиционеров. Перед нами встает вопрос о том, как разрешал

проблему «переварки» элементов капитализма в нашей экономике т. Ленин. Пока что ясно одно, именно то, что Ильич, признавая возможность победы социализма в одной стране, и обращаясь к помощи мировой революции, как к гарантии закрепления победы пролетариата в данной стране,—тем самым должен был допустить возможность преодоления внутренних для страны противоречий без помощи заграницы. И он делал это допущение. В его статье «О кооперации» имеются такие слова:

«Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения... Но если это оставить в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно, теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству» [1]). Какой смысл вкладывал Ильич в понятие культурничества? Это ясно из таких его слов:

«Собственно говоря, нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие... Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму» [2]). Кооперация—вот важнейшее орудие «переварки». Так думал Ильич в 1923 году.

Современная оппозиция не поняла соотношения национального и интернационального в пролетарской революции. Этому в значительной степени помогло то обстоятельство, что она не уразумела другого важного вопроса ленинизма, именно: вопроса об отношении эволюции к революции в разные этапы социалистической борьбы.

Н. И. Бухарин так характеризует «историческое лицо» ленинизма. «Во-первых, это есть возврат к Марксовой эпохе, но не просто возврат, а возврат, обогащенный всем новым, т.-е. это есть синтез марксизма Маркса со всеми приобретениями на основе применения марксизма; мы можем его рассматривать, как марксистский анализ всего колоссального нового, которое дает нам новая эпоха. Это—во-первых. Во-вторых, это есть соединение и синтез теории и практики борющегося и побеждающего рабочего класса и, в-третьих, это есть синтез разрушительной и созидательной работы рабочего класса, при чем последнее обстоятельство мне кажется наиболее важным» [3]).

Мы целиком и полностью разделяем эту характеристику ленинского марксизма, признавая вместе с тем, что третий из моментов, характеризующих ленинизм, является наиболее важным. Этот момент имеет огромное и теоретическое и практическое значение с точки зрения классовой борьбы пролетариата. В марксизме этот момент дан лишь в отвлеченно-алгебраической форме. Маркс не был свидетелем пролетарской революции в ее кульминационной фазе, если не считать Парижской Коммуны, которая к тому же больше походила на революционно-демократическую диктатуру рабочих и мелкой буржуазии, чем на диктатуру пролетариата, как вполне справедливо полагал Владимир Ильич. Поэтому марксово учение оформилось, как теория разрушительной деятельности рабочего класса по преимуществу. Что же касается теории ленинизма, то она может быть правильно понята только в том случае, если будет рассматриваться нами, не только как теория разрушительной революционной деятельности рабочего класса, но и как теория построения социализма и как научное обобщение фактов созидательной работы пролетариата. Ленинизм, таким образом, пополняет, развивает марксизм.

[1]) Н. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 144-145.
[2]) Н. Ленин, тот же том, стр. 141.
[3]) Н. Бухарин, Ленин как марксист. Ленгиз 1925 г., стр. 15.

В тесной связи с тем, что Маркс не имел возможности наблюдать и изучать факты социалистического строительства рабочего класса, он не мог в полной мере оценить значения методов «реформизма» в деле построения социалистического общества, хотя он и понимал, что наряду с задачами по завершению разрушения старого общества перед победившим буржуазию пролетариатом встанут задачи более или менее «мирного», эволюционного преодоления остатков этого старого общества. Тов. Ленин пишет по этому поводу следующее: «Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, при чем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата, хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата... После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции» [1]). В чем состоит это «новое»? Полный ответ на этот вопрос мы находим в статье Владимира Ильича «О кооперации». В этой статье Ильич прямо заявляет, что «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу» [2]). Когда «раньше»? Очевидно в эпоху военного коммунизма и до этого. С введением же у нас новой экономической политики картина резко изменилась, теперь на первый план выдвигается «мирная организационная работа». С нэпом наше общество вступило на путь «эволюции» по преимуществу.

Значит ли это, что классовая борьба с нэпом прекратилась? Разумеется, нет. Больше того: она на первое время может даже обостряться. Но формы этой борьбы, ставшей теперь значительно более трудной, коренным образом изменились. На первую линию выдвинулась борьба в форме экономического соревнования, как заявил об этом Ильич на XI с'езде РКП.

Мы должны, говорил Ильич на этом с'езде, «показать и научиться тому, что мы умеем не хуже капиталистов установить смычку с крестьянским хозяйством, можем удовлетворить его потребности, помочь ему двинуться вперед. Вот в чем гвоздь новой экономической политики» [3]).

В годы военного коммунизма нами была сделана первая попытка «штурмом» решить проблему социализма в нашей стране. Это оказалось невозможным. Легко было смести помещиков и ка-

[1]) Н. Ленин, О значении золота и т. д., т. XVIII, ч. 1, стр. 414—415.
[2]) Н. Ленин, О кооперации, т. XVIII, ч. 2, стр. 144.
[3]) Н. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 31—32.

питалистов; отнять у капиталистов их предприятия не представляло тоже особой трудности; но обобществление сельско-хозяйственного труда, построение на началах социализма крестьянской экономики—дело невероятно тяжелое. Невозможность решения этой последней задачи только методами революционными превратилась для нашей партии в необходимость применения в этом деле методов «реформистских». Тем самым элементы социализма в нашей пестрой экономике призваны были выдержать испытание в соревновании с прочими ее элементами. Испытание это, как показывает опыт, оказалось по силам нашей социалистической госпромышленности. Она мало-по-малу подчиняет себе капиталистическую стихию; все классы и группы союзного населения мало-по-малу приковываются к коммунистической колеснице, несмотря на одновременный рост классовых противоречий, особенно в нашей деревне. В этом состоит основной смысл нашей эпохи, эпохи нэпа: старое «переваривается» на новый лад.

Идеологи осужденной оппозиции совершенно не поняли «изюминки» нашей эпохи, потому что один из главных элементов ленинизма остался для них за семью печатями. Вот почему они твердят на все лады о том, что кулака «не переваришь», что у нас сильно распространена недооценка кулака и т. д. На деле же они сами до такой степени ударились в панику, что, стремясь парализовать влияние кулака, приходят к выводам о необходимости почти-ликвидации партии. В самом деле, как понимать предложение, например, т. Саркиса о доведении процента рабочих в партии до цифры 90? На наш взгляд, здесь пахнет стиранием грани между партией и классом, т.-е. старыми антибольшевистскими тенденциями в организационном вопросе. Суб'ективные мотивы оппозиционеров нашего времени, конечно, иные, чем те, которые выдвигались в свое время меньшевиками. Но ведь дело не в мотивах, а в об'ективном смысле «предложений». Спорить против необходимости дальнейшего орабочения нашей партии никто не будет, но понятие «орабочить» не должно быть отождествляемо с понятием «угробить».

III.

Можно сказать, что новая оппозиция дала не только «систему» настроений, но и, как мы видели, некоторую систему идей. В основе этой системы идей лежит отрицание социалистического характера наших экономических командных высот. Эта система идей вытекает, с одной стороны, из ложного понимания соотношения между национальным и интернацональным в пролетарской революции, а с другой — из непонимания ленинизма, как синтеза разрушительной и созидательной работы пролетариата. Из этих двух ошибок вытекают все остальные положения нынешнего ликвидаторства.

То обстоятельство, что современное ликвидаторское «поветрие» претендует на то, чтобы противопоставить себя ленинизму, сугубо обязывает нас поставить вопрос об его судьбах. Для этого необходимо знать, на чем держатся современные ликвидаторские настроения и как прочна эта основа их.

На первый из этих вопросов мы уже дали ответ. Несомненно, что силу своего бессилия оппозиция черпает из источника тех противоречий, которые характеризуют советскую экономику. Начнись процесс преодоления этих противоречий под знаком самого энергичного подчинения капиталистической стихии нашим экономическим командным высотам—рыцари ликвидаторского безверия неизбежно сразу же сдадут свои идейные позиции. Но сейчас, когда наша госпромышленность, хотя и начинает задавать тон всей советской экономике, но еще недостаточно (недостаточно, главным образом, с точки зрения маловеров) энергично подчиняет ее своему руководству; когда рост классовых противоречий, особенно в деревне, все еще продолжается, углубляется, когда успехи нашего «культурничества» еще недостаточно велики,—сейчас эти настроения имеют под собою некоторую почву.

Нам нужно «переварить» старые силы, вызванные с нэпом к жизни. Это дело очень большое. Мы знаем, какие тяжелые трудности стоят на нашем пути. Кулак растет, его сила и его вес в деревне увеличиваются. Это так. Но не верно, что мы не сможем «переварить» кулака. Тот, кто это утверждает, должен отказаться от нэпа, от методов экономического соревнования и проповедывать возвращение к военному коммунизму в той или иной его форме. Это—отказ от ленинизма.

Трудности, стоящие на нашем пути, устранимы. В чем они состоят? Отвечая на этот вопрос, Владимир Ильич писал:

«Перед нами являются две главных задачи, составляющие эпоху. Это—задача переделки нашего аппарата... Вторая наша задача состоит в культурной работе для крестьянства...

«Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто-культурного свойства, (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база») [1].

Наша «материальная база» развивается с каждым годом все быстрее и быстрее. Эту часть нашей задачи мы одолеваем с довольно-таки значительным успехом. С этой стороны корни ликвидаторских настроений подрезываются. Не подлежит сомнению и то, что «трудности чисто-культурного свойства» также преодолеваются нами. Мы идем вперед к социализму, и чем дальше, тем быстрее, ибо чем дальше, тем глубже развертывается культурная революция. Ильич не видел тех успехов, какие имела в последние два года наша промышленность и наше сельское хозяйство. Но он предвидел эти успехи. Заразившиеся «ликвидаторским безверием» товарищи—свидетели роста нашего хозяйства. И поэтому их ошибки можно об'яснить только паникой, растерянностью,—не больше.

Поднимай культуру, создавай строй «цивилизованных кооператоров», и ты победишь, «переваришь» нэпмана в городе, кулака в деревне. Так учил Ленин. Это нелегкое дело,—говорил он. Но это дело по силам пролетариату, совершающему социалистический переворот. По мере того, как будет крепнуть, расти и подчинять себе советскую экономику наша социалистическая госпромышленность, будет уничтожаться то, что порождает шатания в рядах некоторой части нашей партии. Пока же с этими шатаниями необходима дружная суровая борьба. Ошибающихся необходимо разоблачать, вскрывая их ошибки и указывая, куда эти ошибки ведут.

[1] Н. Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 145.

Григ. Марецкий.

О новом походе на ленинскую теорию рабоче-крестьянской смычки.

Пролетарская диктатура опирается на союз рабочего класса и крестьянства. На протяжении всей революции задача нашей партии сводилась к тому, чтобы обеспечить этот союз, чтобы укрепить рабоче-крестьянский блок.

Если союз пролетариата и крестьянства представляет основную гарантию несокрушимости господства пролетариата в нашей стране, то, с другой стороны, именно стык этих классов есть наиболее уязвимое место фундамента, на котором держится рабочая диктатура. Поэтому все удары врагов нашей партии и рабочего класса, начиная с гигантов империализма и кончая их социал-предательскими шавками, были направлены в эту точку.

Наши противники, пытающиеся играть на наших затруднениях и ошибках, всегда стремились пробить хотя бы самую малую брешь в отношениях рабочего класса и крестьянства, дабы в дальнейшем обеспечить раскол основных классов советского общества. Вот почему всякие промахи, срывы, искажения в крестьянской политике партии представляют такую громадную опасность для судеб социалистического строительства в нашей стране, для перспектив мировой социалистической революции. Вот почему всякая тенденция к искривлению ленинской линии партии в крестьянском вопросе должна быть отмечена и преодолена в своем зародыше, если партия хочет продолжать свое продвижение к социализму.

В ходе революции отношения классов, отношения пролетариата и крестьянства изменялись не раз. И каждый раз в новой обстановке, по новому приходилось ставить вопрос о рабоче-крестьянском блоке. Изменения классовых соотношений вызывали изменения в нашей тактике, обусловливали повороты нашей политической линии.

Новая ориентировка не сразу давалась партии. Партия действует в мелкобуржуазном окружении. Напор мелко-собственнической стихии в моменты экономических затруднений увеличивается. Отдельные слои партии на время становятся жертвой антипартийных влияний. Они лишаются возможности осознать необходимость перемены политической установки, которая вызывается классовыми передвижками, происходящими в стране.

Поэтому вокруг каждого поворота завязывалась в партии борьба, поднимались теоретические споры. Эти споры, начиная с дискуссии 1918 г. и кончая второй дискуссией с троцкистами в 1924 г., иногда начинались с теоретических, казалось бы отвлеченных вопросов, но упирались, неизбежно в проблему рабоче-крестьянского блока.

И это совсем не случайно: проблема рабоче-крестьянского блока является основным вопросом пролетарской диктатуры. «Высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролетариата и крестьянства, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» (Ленин).

И для всех внутрипартийных течений, осужденных партией, от левых коммунистов до троцкистов включительно, характерно непонимание учения о рабоче-крестьянском блоке, этой значительнейшей и своеобразной черты ленинизма.

Наметившееся перед XIV партс'ездом течение подвергало бешеному штурму партийную точку зрения, в вопросах о нэпе, кооперации, бедняке, кулаке, середняке и т. д. Сейчас уже вполне выяснилось, что за этими отдельными вопросами стоит один о б щ и й в о п р о с о р а б о ч е - к р е с т ь я н с к о м б л о к е, о роли и значении рабоче-крестьянского блока в строительстве социализма.

На самом деле. Обратимся, прежде всего, к вопросу о нэпе.

Суть нэпа в том, что в его условиях связь города и деревни принимает форму обмена. Смычка между государственной, социалистической промышленностью и отдельными частными крестьянскими хозяйствами принимает форму товарно-денежных отношений. Связь городской индустрии и сельского хозяйства при нэпе есть торговая связь.

Ленин считал нэп («о б м е н хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину») правильной хозяйственной политикой пролетарской диктатуры и утверждал, что «только т а к а я продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна у к р е п и т ь основы социализма и привести к его п о л н о й победе» (Ленин, т. XVIII, стр. 214).

«Нэповская» форма отношений обеспечивает союз пролетариата и крестьянства на ближайшую эпоху вплоть до уничтожения классов. Рабоче-крестьянский блок есть о с н о в н о е условие переделки диктатурой пролетариата старых «экономических укладов» в новый социалистический уклад.

Нэп является, таким образом, рациональной политикой пролетариата в переходную эпоху. Отношения нэпа отомрут вместе с отмиранием классов

Из оппозиционного лагеря вышли две следующие формулы нэпа: 1) «Нэп это тактика пролетарской партии в крестьянской стране в условиях з а т я ж к и мировой революции». 2) «С о ю з рабочего класса и крестьянства—это всерьез, надолго, н а в с е г д а, вплоть до уничтожения классов вообще. Н э п, это всерьез и надолго, но н е навсегда». Что вторая формула направлена против рабоче-крестьянского блока это видно с первого взгляда. В основе этого положения лежит непонимание того, что для сохранения п о л и т и ч е с к о г о союза между пролетариатом и крестьянством, нужен определенный э к о н о м и ч е с к и й союз, нужна определенная экономическая политика.

Победивший пролетариат знает два вида экономической политики по отношению к крестьянству. 1) «Старая» экономическая политика, так называемая политика «военного коммунизма». 2) новая экономическая политика—«нэп». Если оппозиционеры в более или менее отдаленном будущем, но в пределах классового общества предлагают отказаться от нэпа («не навсегда»), то в пользу чего они делают свой отказ?

В пользу «военного коммунизма?»

Ильич так характеризовал «военный коммунизм»: «Военный коммунизм» был вынужден **войной и разорением**. Он не **мог** быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был **временной** мерой» (Ленин, т. XVIII, стр. 214).

Мнение Ильича о нэпе, как «**правильной**», «отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политике» уже было нами приведено.

Итак, или «нэп», или «военный коммунизм». Никакого третьего вида экономической политики в переходную эпоху ленинизм не знает. Его не могут указать и новые оппозиционеры, хотя некоторые из них и утверждают, что на пути к социализму пролетарская диктатура может **обеспечить рабоче-крестьянский блок без нэпа**, помимо нэпа, не через нэп.

Те, которые собираются раньше или позднее, но еще до осуществления социализма, при существовании классов (они не понимают, что нэп вызван именно классовым характером «переходного» общества, наличием в этом обществе частной собственности на средства производства и т. д.) «отменить» нэп, — те или проповедуют возврат к «военному коммунизму», или вообще не могут свести концы с концами.

И в том и в другом случае подобное «откровение» о нэпе вредно, потому оно имеет своей целью сбить партию с ее генерального политического курса на рабоче-крестьянский блок.

Первая «оппозиционная» формула о нэпе нисколько не лучше только что разобранной.

«Нэп—это тактика пролетарской партии... в условиях **затяжки мировой революции**» гласит эта первая формула. Отсюда следует, во-первых, что победа мировой революции избавляет нас от необходимости придерживаться нэпа, во-вторых, что нэп ни в какой степени не является обязательным для пролетариата, который победит в передовых странах. Первый вывод связан с предположением, что факт революции в передовых странах поведет к «моментальному» исчезновению классов в нашей стране. Несуразность подобного предположения бьет в глаза. Конечно, победа социалистической революции в передовых странах классов у нас сразу не уничтожит. Но с другой стороны, громадное влияние победы пролетариата в передовых странах мира на пути социалистического строительства первого Союза Советских Социалистических Республик не оставляет никаких сомнений. В чем же будет состоять это влияние? В том ли, что пролетарская победа в соседних странах «отменит» существующий путь строительства социализма в нашей стране, отменит наше продвижение к социализму на путях нэпа? Нет, мы и дальше будем итти вперед по дороге нэпа? Но дорога эта сократится, путь наш к социализму станет короче. Помощь победившего пролетариата обеспечивает более **быстрое** нарастание социалистических элементов в нашей экономике и **окончательную** победу социализма в нашей стране. Следовательно, эта помощь будет подгонять вперед все процессы, связанные с уничтожением классов. А чем скорее исчезнут классы, тем скорее исчезнет нэп, обусловленный наличием в нашем обществе класса мелких и мельчайших крестьян. Победа мировой революции, таким образом, ведет не **к отмене** нэпа, а **к сокращению** сроков нашего развития на рельсах нэпа. Кто этого не понимает, тот искажает перспективы нашего развития, тот бессознательно покушается на рабоче-крестьянский блок, так как политика нэпа обеспечивает союз пролетариата и крестьянства на весь переходный от капитализма к социализму период.

Теперь о втором выводе: о **необязательности** нэпа в передовых странах после победы в них социалистической революции. Русский пролетариат, одержавший победу в бывшей царской империи, проводит политику нэпа для того, чтобы укрепить блок с русским крестьянством, с одной стороны, и с крестьянством бывших царских колоний (Туркестан, Кавказ, Сибирь) с другой. Бывшая царская Россия существует ныне как Союз Советских Социалистических Республик. Организованный в государство пролетариат проводит определенную национальную и определенную экономическую политику. Политический и экономический союз русского пролетариата с инонациональным окраинным крестьянством, с крестьянством бывших царских колоний обеспечивается проведением новой экономической политики, обусловливается проведением нэпа.

Нет никаких сомнений в том, что, скажем, для английского пролетариата на другой день после победы встанет вопрос о привлечении к союзу с ним крестьянских колоний (Индии, Египта и т. д.). Для обеспечения условий строительства социализма английский пролетариат должен будет превратить Британскую империю в Союз Советских Социалистических Республик, что может быть достигнуто при соответствующей национальной и экономической политике британского рабочего государства. А такой экономической политикой может быть только нэп; только методами нэпа можно превратить классовое общество, в котором имеются громадные массы мелкого и мельчайшего крестьянства, в бесклассовую социалистическую организацию.

Отрицание нэпа как **правильной** политики пролетариата после победы мировой революции ведет к признанию ненужности рабоче-крестьянского блока после этой победы. А между тем именно после захвата власти мировому пролетариату особенно необходим союз с мировым крестьянством. Если представить себе нашу планету после мировой пролетарской победы, как одну страну, то это будет пролетарская диктатура в крестьянской стране. Мировой «пролетарский город» будет находиться в мировом мелко-буржуазном окружении. В таком положении строить социализм **против** или **помимо** громадных подавляющих масс человечества было бы безумием. Эти крестьянские массы должны быть вовлечены в строительство социализма. «Мировой» рабоче-крестьянский блок должен быть установлен. А этот блок может быть обеспечен только нэпом. Вот почему совершенно ясно, что «оппозиционные» взгляды на нэп стоят в коренном противоречии с ленинизмом и с оценкой нэпа Коминтерном. Обосновывая переход к нэпу, Ленин писал: «Мы на опыте убедились, что этого (восстановить крупное социалистическое производство. *Г. М.*) нельзя сделать сразу, и мы знаем, что после разорительной империалистической войны **даже самые богатые и передовые страны лишь в течение известного, довольно долгого ряда лет смогут решить такую задачу**. Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению **мелкой** промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, которая может немедленно оказать известную по-

В пользу «военного коммунизма?»

Ильич так характеризовал «военный коммунизм»: «Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» (Ленин, т. XVIII, стр. 214).

Мнение Ильича о нэпе, как «правильной», «отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политике» уже было нами приведено.

Итак, или «нэп», или «военный коммунизм». Никакого третьего вида экономической политики в переходную эпоху ленинизм не знает. Его не могут указать и новые оппозиционеры, хотя некоторые из них и утверждают, что на пути к социализму пролетарская диктатура может обеспечить рабоче-крестьянский блок без нэпа, помимо нэпа, не через нэп.

Те, которые собираются раньше или позднее, но еще до осуществления социализма, при существовании классов (они не понимают, что нэп вызван именно классовым характером «переходного» общества, наличием в этом обществе частной собственности на средства производства и т. д.) «отменить» нэп,— те или проповедуют возврат к «военному коммунизму», или вообще не могут свести концы с концами.

И в том и в другом случае подобное «откровение» о нэпе вредно, потому оно имеет своей целью сбить партию с ее генерального политического курса на рабоче-крестьянский блок.

Первая «оппозиционная» формула о нэпе нисколько не лучше только что разобранной.

«Нэп—это тактика пролетарской партии... в условиях затяжки мировой революции»—гласит эта первая формула. Отсюда следует, во-первых, что победа мировой революции избавляет нас от необходимости придерживаться нэпа, во-вторых, что нэп ни в какой степени не является обязательным для пролетариата, который победит в передовых странах. Первый вывод связан с предположением, что факт революции в передовых странах поведет к «моментальному» исчезновению классов в нашей стране. Несуразность подобного предположения бьет в глаза. Конечно, победа социалистической революции в передовых странах классов у нас сразу не уничтожит. Но с другой стороны, громадное влияние победы пролетариата в передовых странах мира на пути социалистического строительства первого Союза Советских Социалистических Республик не оставляет никаких сомнений. В чем же будет состоять это влияние? В том ли, что пролетарская победа в соседних странах «отменит» существующий путь строительства социализма в нашей стране, отменит наше продвижение к социализму на путях нэпа? Нет, мы и дальше будем итти вперед по дороге нэпа? Но дорога эта сократится, путь наш к социализму станет короче. Помощь победившего пролетариата обеспечивает более быстрое нарастание социалистических элементов в нашей экономике и окончательную победу социализма в нашей стране. Следовательно, эта помощь будет подгонять вперед все процессы, связанные с уничтожением классов. А чем скорее исчезнут классы, тем скорее исчезнет нэп, обусловленный наличием в нашем обществе класса мелких и мельчайших крестьян. Победа мировой революции, таким образом, ведет не к отмене нэпа, а к сокращению сроков нашего развития на рельсах нэпа. Кто этого не понимает, тот искажает перспективы нашего развития, тот бессознательно покушается на рабоче-крестьянский блок, так как политика нэпа обеспечивает союз пролетариата и крестьянства на весь переходный от капитализма к социализму период.

Теперь о втором выводе: о необязательности нэпа в передовых странах после победы в них социалистической революции. Русский пролетариат, одержавший победу в бывшей царской империи, проводит политику нэпа для того, чтобы укрепить блок с русским крестьянством, с одной стороны, и с крестьянством бывших царских колоний (Туркестан, Кавказ, Сибирь) с другой. Бывшая царская Россия существует ныне как Союз Советских Социалистических Республик. Организованный в государство пролетариат проводит определенную национальную и определенную экономическую политику. Политический и экономический союз русского пролетариата с инонациональным окраинным крестьянством, с крестьянством бывших царских колоний обеспечивается проведением новой экономической политики, обусловливается проведением нэпа.

Нет никаких сомнений в том, что, скажем, для английского пролетариата на другой день после победы встанет вопрос о привлечении к союзу с ним крестьянских колоний (Индии, Египта и т. д.). Для обеспечения условий строительства социализма английский пролетариат должен будет превратить Британскую империю в Союз Советских Социалистических Республик, что может быть достигнуто при соответствующей национальной и экономической политике британского рабочего государства. А такой экономической политикой может быть только нэп; только методами нэпа можно превратить классовое общество, в котором имеются громадные массы мелкого и мельчайшего крестьянства, в бесклассовую социалистическую организацию.

Отрицание нэпа как правильной политики пролетариата после победы мировой революции ведет к признанию ненужности рабоче-крестьянского блока после этой победы. А между тем именно после захвата власти мировому пролетариату особенно необходим союз с мировым крестьянством. Если представить себе нашу планету после мировой пролетарской победы, как одну страну, то это будет пролетарская диктатура в крестьянской стране. Мировой «пролетарский город» будет находиться в мировом мелко-буржуазном окружении. В таком положении строить социализм против или помимо громадных подавляющих масс человечества было бы безумием. Эти крестьянские массы должны быть вовлечены в строительство социализма. «Мировой» рабоче-крестьянский блок должен быть установлен. А этот блок может быть обеспечен только нэпом. Вот почему совершенно ясно, что «оппозиционные» взгляды на нэп стоят в коренном противоречии с ленинизмом и с оценкой нэпа Коминтерном. Обосновывая переход к нэпу, Ленин писал: «Мы на опыте убедились, что этого (восстановить крупное социалистическое производство. *Г. М.*) нельзя сделать сразу, и мы знаем, что после разорительной империалистической войны даже самые богатые и передовые страны лишь в течение известного, довольно долгого ряда лет смогут решить такую задачу. Значит, необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности, которая не требует машин, не требует ни государственных, ни крупных запасов сырья, топлива, продовольствия, которая может немедленно оказать известную по-

мощь крестьянскому хозяйству и поднять его производительные силы.

Что же из этого получается?

Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма» (Ленин, т. XVIII, 215). Из этого совершенно ясно, что Ленин, даже в «самых богатых и передовых странах» после пролетарской победы в течение «довольно долгого ряда лет» допускал существование свободы торговли, следовательно, допускал и считал необходимым нэп.

По предложению Ленина же Коминтерн внес положение о нэпе, как типической политике пролетарского государства, в программную часть Коминтерна.

Отрицание нэпа и связанное с этим непонимание значения рабоче-крестьянского блока в «мировом» строительстве социализма ведет к признанию невозможности построить социализм вообще—и в мировом масштабе.

Нэп, по мнению идеологов оппозиции, есть только отступление. На рельсах нэпа наступать к социализму нельзя. В лучшем случае нэп—бег на месте, прозябание, в ожидании мировой победы пролетариата. Отсюда вытекает непонимание значения рабоче-крестьянского союза в построении социализма. Рабоче-крестьянский блок рассматривается как очень кратковременная политическая комбинация, нужная нам для того, чтобы продержаться до победы социалистической революции. Сторонники теории нэпа, как сплошного и непрерывного отступления, не понимают, что пролетариат строит социализм вместе с крестьянством. Пролетариат вовлекает крестьянство в строительство социализма и руководит им в этом строительстве. На рельсах нэпа мы укрепляем наши командные социалистические высоты, увеличиваем удельный вес социалистических элементов в нашем хозяйстве. С одной стороны, рабочекрестьянский блок есть условие социалистического строительства, с другой стороны, наше социалистическое строительство, опирающееся на пролетарско-крестьянский союз, является одним из важнейших факторов мировой социалистической революции. Успехи социализма в нашей стране играют крупнейшую роль в деле революционизирования международного пролетариата. Мы уже идем вперед к социализму, при чем наше движение вперед идет в форме нэпа, который обеспечивает рабочекрестьянский блок в процессе социалистического строительства. А оппозиционеры, пытавшиеся под присягами ленинизму скрыть свое неверие в социалистические пути развития Советского Союза, изображают нэп, как какое-то жалкое топтание на месте. Этим самым они удостоверяют свою неспособность разобраться и в том, какую роль рабоче-крестьянский блок играет в деле наших социалистических успехов, и в том, как эти успехи, обусловленные политикой рабоче-крестьянского блока, влияют на процесс мировой социалистической революции.

Следующим вопросом, разрешение которого у новых критиков Ленина связано с ревизией теории рабоче-крестьянского блока, является вопрос о кооперации. Ими отрицается социалистическая роль кооперации после захвата власти пролетариатом и тем самым берется под сомнение идея о возможности некапиталистической эволюции мелкого крестьянского хозяйства при пролетарской диктатуре.

Уже трюизмом стало положение о том, что у нас имеются два основных рычага социалистического преобразования: это крупная индустрия в городе и кооперация в деревне. Эти рычаги, так сказать, не «равноценны». Кооперация лишь в том случае сможет выполнить свою роль социалистически-преобразующего фактора в деревне, если городская крупная индустрия будет развиваться. В этом заключается руководящая роль города по отношению к деревне в деле социалистической трансформации.

О вовлечении крестьянства в строительство социализма Ленин говорил не раз: «Только диктатура одного класса пролетариата может решить вопрос о борьбе с буржуазией за господство»...

«Однако, отсюда ни в коем случае не следует,—это было бы глубочайшей ошибкой, что и в дальнейшем строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть уже в руках пролетариата,—будто и дальше нам можно обойтись без участия средних промежуточных элементов» (Ленин, т. XVI, стр. 141).

Итак, Ленин отводил «промежуточным элементам», т.-е. крестьянству, определенную роль в строительстве коммунизма.

Рабоче-крестьянский блок, руководство крестьянством со стороны пролетариата в этом блоке нужно для того, чтобы втянуть крестьянство в строительство коммунизма, при чем формой, которая обеспечивает приобщение крестьянства к строительству социалистического общества, является кооперация. Крестьянин должен сделаться строителем социализма. Эту мысль Ленин определенно подчеркнул в статье «О кооперации». «Одно дело,—писал он,—фантазировать насчет всяческих рабочих об'единений для построения социализма, другое дело—научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении». (Ленин, т. XVIII, стр. 140).

Не признавать кооперации, как организационной формы движения крестьянства к социализму, значит не признавать союза пролетариата с крестьянством, как непременного условия строительства социализма. Недаром Ленин обосновывал союз с середняком необходимостью привлечь последнего к строительству коммунизма. А участие крестьянства в этом строительстве возможно только через посредство кооперации. Не видеть кооперации, как главного метода социалистического перевоспитания крестьянства, значит сдавать в архив политику рабоче-крестьянского блока при построении социализма.

Теперь замечание о кулаке.

Каждый знает, что сила кулака—не в его численности, а в том экономическом влиянии, которое он может оказывать и оказывает на остальную часть деревни. Кулак опасен тем, что он может увлечь за собою середняка. Лучший путь борьбы против кулака—это организация среднего крестьянства вокруг пролетариата и бедноты.

Основная предпосылка правильной политики партии по отношению к крестьянству—это отчетливое представление о соотношениях между различными классовыми слоями современной деревни.

Различать середняка от кулака, не смешивать середняка с кулаком—в этом Ильич видел залог правильности нашей по-

литики. Мало того. Ильич клеймил последними словами тех, кто валил в одну кучу середняка с кулаком.

В принятой VIII с'ездом партии и составленной Ильичем лично резолюции написано: «Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата со средним крестьянством, в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплоатации». (Ленин, т. XVI стр. 158).

Итак, Ленин обвинял тех, кто зачислял середняка в кулаки, в нарушении «всех основных принципов коммунизма». Как же поступали те, кто недавно довольно прозрачно намекали на «кулацкий уклон» руководящего органа партии?

Они на глазах у всех проделали нехитрый статистический трюк, который дал им возможность преувеличить расслоение деревни и превратить значительную часть среднего крестьянства в кулаки. Охваченные необ'ятным испугом авторы этого превращения начинали во весь дух вопить «караул» перед кулацкой опасностью, а после подобных статистических и психологических манипуляций они предложили партии по сути дела, выстроиться фронтом и против той части деревни, с которой мы можем и должны действовать рука об руку.

Так печально обстоит дело с теоретическими положениями оппозиции.

Но и практические предложения оппозиции нисколько не лучше. Они страдают тем же фатальным недостатком. Их проведение в жизнь поставило бы нас очень быстро перед разрывом рабоче-крестьянского союза.

Основных практических мероприятий, которые вышли из оппозиционного стана перед партийным с'ездом, имеется два.

Первое предложение сводится к организации в деревне делегатских собраний середняцкой молодежи, вокруг комсомола.

Современная крестьянская молодежь вырастает в условиях революции. Эта молодежь не имеет возможности сравнить теперешних порядков с теми, которые были при царизме. Эта молодежь не имеет опыта революционной борьбы. С одной стороны, эта молодежь может оказаться ценнейшим человеческим материалом в деле строительства социализма, если мы сумеем по соответствующим каналам направить ее бурлящую активность. С другой стороны, эта молодежь своей активностью может принести громадный вред пролетарской диктатуре, если мы не сумеем сорганизовать середняцкий молодняк вокруг рабочего класса.

Способствует ли лозунг делегатских собраний выгодной для пролетариата реализации активности подрастающего середнячества? Не только не способствует, но стоит с такой реализацией в непримиримом противоречии.

Организация делегатских собраний середняцкой молодежи неминуемо ведет к обособлению беспартийной молодежи от комсомола, который является проводником пролетарской политики в деревне. Обособление будет означать выпадение руля руководства из рук комсомола. Если пролетарское руководство потерпит крах среди молодежи, то неизбежно на смену «появится» буржуазное руководство. Делегатские собрания сделаются центром притяжения кулацких элементов, а также антисоветски настроенных элементов интеллигенции. Так, из недр этих собраний может постепенно выкристаллизоваться «Крестьянский Союз», направленный против пролетариата.

Второе предложение оппозиции состояло в том, чтобы расширить ряды партии так, чтобы иметь в них не менее 90% рабочих от станка. К каким словесным вывертам ни прибегали авторы этого предложения, им не удалось снять с себя обвинение в попытке наводнить партию политически незрелой и пролетарски невыдержанной массой. Разбухание партии, наличие в ее рядах громадного количества полупролетарского сырья ослабит партийное единство, сделает партию особенно доступной для непролетарских влияний. Все это, в свою очередь, могло бы повести к падению дисциплины внутри партии. А чем угрожает колебание дисциплины в рядах партии об этом Ильич недвусмысленно заявил в «Детской болезни».

«Кто хоть сколько-нибудь ослабляет,—писал он, железную дисциплину в партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата».

Партия может проводить политику рабоче-крестьянского блока, опираясь на стальную спайку своих рядов, на политическую сознательность своих членов.

Нечего говорить о том, что и от спайки и от сознательности в партии осталось бы очень и очень мало, если бы партия приняла «оппозиционный» рецепт регулирования своего социального состава.

Угроза нашему руководству крестьянством при недостаточной политической сознательности партийной массы отмечена Лениным. Вот выдержка из письма Ленина Молотову от 24/III—22 г., оглашенного на XIV парт'езде. «С другой стороны, так же несомненно,—писал Ильич,—что партия наша теперь является менее политически воспитанной в общем и среднем (если взять уровень громадного большинства ее членов), чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент, особенно при громадном преобладании крестьянства, которое быстро просыпается к самостоятельной классовой политике».

Мы видим, что все вопросы, выдвинутые последней дискуссией, увязываются в проблему рабоче-крестьянского блока. Во всех этих вопросах и по линии теоретических формулировок, и по линии практических предложений оппозиция заняла сугубо-опасные антиленинские позиции. Логика всех оппозиционных «заскоков» «растет» в одном направлении, в направлении к срыву рабоче-крестьянского союза. Рабоче-крестьянский блок находит себе экономическое выражение в союзе государственной социалистической промышленности с кооперацией. Именно в таком союзе, как известно, заключается ленинский план строительства социализма. Ликвидация рабоче-крестьянского блока в переходную эпоху есть ликвидация ленинского плана строительства социализма, есть фактическое отречение от ленинизма.

М. Шефлер.

Перспективы развития системы сельско-хозяйственного кредита.

Народное хозяйство СССР вступает в новую фазу своего развития.

Последние три-четыре года, т.-е. первые годы проведения новой экономической политики, характеризуются чрезвычайно бурным течением восстановительного процесса.

Восстанавливался транспорт, восстанавливалась промышленность, начала развертываться внутренняя и отчасти внешняя торговля, подходит к довоенному уровню сельское хозяйство.

Каковы теперь тенденции сельского хозяйства? Во-первых, наше сельское хозяйство имеет, несомненно, тенденции к быстрому росту. Это доказывают цифры роста его в последние 2—3 года.

Сельское хозяйство после пережитой особенно сильной разрухи в 1920 и 1921 годах, когда посевная площадь упала до 70% от довоенного уровня, а сбор хлебов составлял только 40%,—начинает подниматься сначала довольно медленным темпом, а затем темп укрепления сельского хозяйства начинает ускоряться.

Посевная площадь уже к 1925 году дошла до 90% от площади 1913 года, численность скота точно так же составляет 90%, а сбор хлебов определяется цифрой около 80% (отставание в % отношении сбора хлебов от роста посевной площади, несмотря на выше-средний урожай, об'ясняется качественным ухудшением обработки земли, посевного материала и т. п.).

Общая продукция сельского хозяйства составляет в 1924—25 году сумму около 8.200 миллионов рублей против 10.700 миллионов рублей в среднем до войны, т.-е. около 77%.

Динамика постепенного выхода сельского хозяйства из кризиса, почти дошедшего до катастрофы в 1921 и 1922 г.г., видна из следующих данных:

Отрасли сельск. хозяйства.	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
I. Посевная площадь в милл. дес.	105,8	86,2	74,4	87,3	94,0	97,0
В процент. к 1913 г.	100	83	70	84	90	92
» » к пред. году	—	—	86	101	109	103
II. Сбор зерновых хлебов в милл. пудов	5.690	2.253	3.585	3.475	3.165	4.500
В процент. к 1913 г.	100	40	63	61	54	80
» » к пред. году	—	—	160	97	91	150
Численность скота всего (в переводе на крупный) в милл. голов	67,1	52,0	48,0	49,0	56,9	60,0
В процент. к 1913 г.	100	78	72	73	83	90
» » к пред. году	—	—	92	102	114	10

Рост, несомненно, довольно быстрый, и этот рост потребовал от сельского хозяйства еще большего напряжения, чем рост промышленности, чем укрепление транспорта и других отраслей народного хозяйства.

Сравнивая рост промышленности и рост сельского хозяйства, необходимо учесть совершенно различную природу этих отраслей хозяйства.

Промышленность концентрирована на нескольких тысячах предприятий с двумя миллионами рабочих, а сельское хозяйство распылено среди двадцати двух миллионов крестьянских дворов и ведется свыше, чем пятьюдесятью миллионами трудящихся. Следовательно, если концентрированной промышленности, имеющей хотя и частично разрушенный, но все же значительный основной капитал в виде более или менее совершенных средств производства, было трудно вылезать из оврага послевоенной разрухи, то сельскому хозяйству, никогда и не имевшему хороших средств производства, растерявшему их за время войны и революции, вылезать пришлось на неимоверной затрате мускульного труда.

Таким образом, если промышленность еще имеет некоторые, хотя и очень небольшие, резервы неиспользованных основных капиталов в виде некоторых находящихся в консервации, не открытых пока фабрик и заводов, в виде неиспользованных еще кое-где станков и оборудования,—то сельское хозяйство в этом году, несомненно, использовало все свои ресурсы, все средства производства, и дальнейший рост и развитие сельского хозяйства будет находиться в прямой зависимости от пополнения основных капиталов и восстановления оборотных средств крестьянского хозяйства.

Отсюда основной вывод таков: для дальнейшего роста сельского хозяйства, для дальнейшего его развития, без которого невозможно ни поднять нашу внешнюю торговлю, ни создать внутреннего рынка для промышленной продукции, ни укрепить наше финансовое хозяйство,—нужно пополнение основных капиталов крестьянского хозяйства, нужно предоставление ему для этой цели долгосрочных кредитов, и вместе с тем, нужно восстановление у крестьянства оборотных средств путем предоставления ему для этой цели краткосрочных кредитов.

С другой стороны, наше сельское хозяйство стремится к улучшению, к переходу к более совершенным методам ведения хозяйства.

Громадный спрос в настоящее время на тракторы в Украине, на С. Кавказе, в Поволжье, в Сибири, который мы сейчас наблюдаем, является лучшим доказательством стремления крестьянства к механизации сельского хозяйства.

Громадный спрос на семена трав, семена клевера, который мы наблюдаем в Центр.-Пром. районе и в районах Северном и С.-Западном, является доказательством стремления к переходу на многопольные севообороты, которое мы наблюдаем в приговорах сходов.

Следовательно, сельское хозяйство действительно стремится перейти на более совершенные способы ведения хозяйства.

Вместе с тем, сельское хозяйство идет по пути развития товарности. Если мы обратимся опять-таки к цифрам, рисующим рост товарности сельского хозяйства, то мы увидим следующее.

Строение дохода от сельского хозяйства в довоенное время выражалась в следующих соотношениях между отдельными культурами сельского хозяйства: от зерновых культур 45% дохода, от технических и интенсивных культур—12,7%, от огородничества, садоводства и виноградарства—11,4%, от животноводства—30,7%.

В 1924—25 году, мы имели следующее соотношение доходности тех же отраслей сельского хозяйства: зерновые культуры 38% вместо 45%, технические и интенсивные культуры 13,4% вместо 12,7%, огородничество, садоводство и виноградарство 12,9% вместо 11,4% и, наконец, животноводство 35,3% вместо 30,7%, т.-е. падение доходности от зерновых культур и одновременное поднятие доходности от технических и интенсивных культур: от огородничества, садоводства и виноградарства и от животноводства

Это показывает, что по своей структуре сельское хозяйство переходит к более интенсивным отраслям с.-х. производства, и в то же время это показывает, что растет товарность сельского хозяйства.

Конечно, по сравнению с довоенным развитием, товарность нашего сельского хозяйства еще недостаточна. Она в настоящее время составляет, примерно, около 50% довоенного уровня. В среднем 1911—15 году стоимость товарной массы с.-х. продукции составляла 4 миллиарда рублей, а в настоящее время она составляет 2,25 миллиарда рублей, т.-е. всего около 50% довоенного уровня.

Все это дает основание ждать, что роль основного фактора, от которого зависит под'ем всего народного хозяйства и улучшение финансового хозяйства, сельское хозяйство сможет выполнить, если мы его сможем обеспечить достаточным приливом основного капитала и оборотных средств.

В этом и заключается коренная и основная задача системы с.-х. кредита.

В то же время система с.-х. кредита, являясь источником для увеличения и расширения основного капитала сельского хозяйства, источником для создания оборотных средств в сельском хозяйстве, должна явиться тем рычагом, посредством которого государство должно оказать влияние на тенденции развития с.-х. производства.

Совершенно ясно, что сельское хозяйство сыграет свою роль в отношении под'ема всего народного хозяйства и в отношении укрепления наших финансов только тогда, когда оно будет стремиться к товарности, когда оно будет переходить на более совершенные способы ведения хозяйства, когда оно действительно будет улучшаться именно в нужном направлении, в направлении развития экспортной продукции и в направлении интенсификации.

Для того, чтобы это было так, несомненно, государство должно иметь возможность, оказывая кредит, влиять на тенденции развития с.-х. производства. Именно, в этом отношении система сельхозкредита может сыграть громадную роль в качестве регулятора направления развития с.-х. производства.

В то же время для Союза ССР далеко не безразлично по какому руслу пойдет развитие производительных сил сельского

хозяйства—по руслу ли, ведущему к социалистическому хозяйству, или по руслу частно-капиталистического хозяйства.

В этом направлении точно так же система с.-х. кредита в СССР может сыграть громадную роль, т. к. ее работа ориентируется на кооперирование крестьянства, и между системой с.-х. кредита и с.-х. и кредитной кооперацией в СССР уже установлена в этом вопросе непосредственная, органическая, тесная связь.

Система с.-х. кредита в СССР построена на началах государственно-кооперативных.

В этом основная отличительная черта системы с.-х. кредита и в этом заключается возможность для рабоче-крестьянского Союза ССР посредством системы с.-х. кредита, направлять крестьянское хозяйство по пути коллективизации, а следовательно по пути, ведущему к организации социалистического хозяйства.

Какова же сейчас система сельхозкредита и насколько она может выполнить эти чрезвычайно важные задачи, которые перед ней стоят, в связи с задачей восстановления, развития и укрепления нашего народного хозяйства?

Динамика развития системы с.-х. кредита характеризуется тем же чрезвычайно быстрым ростом, таким же темпом роста, каким растет и сельское хозяйство СССР.

Состояние системы с.-х. кредита и перспективы дальнейшего ее развития характеризуются нижеприводимыми данными.

Вся система в настоящее время состоит из руководящего центра—Центрального Сельско-Хозяйственного банка СССР, 6 республиканских с.-х. банков в союзных республиках, 62 обществ с.-х. кредита, называемых также местными с.-х. банками, и 134 их местных отделений и агентств,—и опирается на низовую сеть, состоящую в настоящее время из 10.000 первичных кредитных и с.-х. кредитных товариществ.

Рост числа первичных товариществ, входящих в низовую сеть системы, с.-х. кредита, по СССР таков:

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г.
5.353	6.444	7.221	7.940	10.000

Еще недавно мне пришлось указывать, что к 1 октября 1925 г. следует ожидать несколько меньшего числа низовых товариществ, а именно 9.000, но темп роста первичной сети оказался быстрее ожидаемого.

Рост числа членов кооперативов еще интенсивнее и выражается следующими данными:

Число кооперативов и их членов.	На 1 октяб. 1924 г.	На 1 янв. 1925 г.	На 1 апр. 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 окт. 1925 г. (предполо-жит.).
Число кооператив. давших сведения	4.092	4 399	7.212	7.940	около 10.000
Число в них членов . . .	873.676	1.112.527	2.282.433	2.664.663	4.000.000

Таким образом, нам казалось бы самым правильным, если система с.-х. кредита, не увлекаясь числом кооперативов, обратила бы главное свое внимание на укрепление низовой сети и на привлечение в нее возможно большего числа членов.

Перспективы роста низовой сети таковы, что к 1 октября 1926 г. можно ожидать расширения сети до 12.000 первичных кооперативов, с 7,2 миллионами членов.

Интенсивность роста низовой сети особенно выявляется числом членов на один кооператив, которое росло в среднем таким образом:

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г. (предполож.)
213	253	316	335	400

Этим темпом почти предопределяется и перспектива расширения числа членов на 1 товарищество до 600 крестьянских хозяйств, что представляется вполне вероятным и отвечает довоенным цифрам (610 членов в среднем на 1 кред. т-во к концу 1913).

Таким образом, направляя свое внимание именно на качественное улучшение низовой сети, на расширение числа кооперативных крестьянских хозяйств на одно товарищество, система с.-х. кредита к концу 1925—26 г. могла бы завершить эту важнейшую работу укрепления существующей сети.

Для этой цели необходимо прежде всего добиться перехода всей низовой сети к уставам и к структуре сельско-хозяйственных кредитных товариществ с посредническими функциями.

Отказ от потребительской торговли, отказ от торговли за свой счет и переход к товаро-комиссионным операциям, гарантия направления кредитных средств только на кредитные операции—таково существо этой реорганизации установленной XIV партконференцией.

А. И. Рыков, в своей речи, сказанной на XIV партконференции, характеризует эту задачу следующими словами:

«Внизу, в деревне, создается единый сельско-хозяйственный кредитный кооператив, обслуживающий и кредитные и снабженческо-посреднические нужды кооперативного населения. В деревне не должно быть никакой специальной организации по кредиту и особой по посредническо-снабженческой с.-х. работе. Однако, создание единой сельско-хозяйственно-кредитной кооперации в деревне должно сопровождаться целым рядом дополнительных мер, которые гарантировали бы целесообразность и правильность ее работы. Главный вопрос заключается здесь в создании такой организации этого кредитного с.-х. кооператива, которая обеспечила бы возможность привлечения в кооператив вкладов, приток средств накопляющихся в крестьянском хозяйстве. Для достижения такого результата необходимо, чтобы кредитные средства, получаемые от вкладов со стороны населения, равно как и средства, данные государством на развитие сел.-хоз. кредита, были свободны от ответственности по каким-либо другим операциям. Снабженческо-сбытовые посреднические функции должны вестись таким кооперативом за счет специальных капиталов или за счет специальных кредитов, но ни в коем случае не за счет тех средств, которые обслуживают кредитную работу.

Эти гарантии необходимо установить для того, чтобы дать крестьянству полную уверенность в том, что кредитные средства обеспечены от каких-либо рисков.

Кроме этого, необходимо добиться, чтобы сельско-хозяйственная кооперация отказалась от торгашества, от торговли потребительскими товарами. Должно быть достигнуто и обеспечено полное разграничение функций между потребительской кооперацией и кооперацией сельско-хозяйственной. Должен быть разработан единый устав сельско-хозяйственного кредитного кооператива, который ляжет в основу первичных кооперативных об'единений, пришедших на смену существующим в настоящее время кредитным и общим сельско-хозяйственным организациям».

Извиняясь за длинную цитату, должен сказать, что она лучше всего передает смысл решений XIV партконференции о строительстве первичного с.-х. кредитного товарищества с посредническими функциями.

Приведем суммы сводных балансов низовой сети системы сельско-хозяйственного кредита, из которых видно, что низовая сеть за год укрепила уже свое финансовое положение.

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г.
В миллионах рублей.				
85,9	119,9	156,5	197,7	240

Из этих данных вытекает возможность роста баланса низовой сети до 400 миллионов рублей к 1 октября 1926 г., и это вполне вытекает как из плановых предположений ЦСХБанка, так и из динамики балансов за истекший год.

По балансам, однако, в начале формирования низовой сети системы сел.-хоз. кредита товарные операции и операции по выдаче ссуд занимали одинаковое место (до 1 октября 1924 г. первое место занимали товарные операции), а именно: товарные операции составляли в сводном балансе на 1 октября 1924 г. 23,7% и операции по выдаче ссуд—24,8%.

В настоящее время положение значительно изменилось, % выданных ссуд к балансу повысился к 1 июля до 32,8, а % товарных операций понизился до 17,5.

Это доказывает несомненную тенденцию низовой сети направлять свое преимущественное внимание на кредитную деятельность.

Характерно при этом, что сумма ссуд в среднем на 1 члена кооператива изменилась сравнительно мало, а именно, она составляла:

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г.
18,5	16,8	18,6	23,2	25,0

Это показывает, что при почти неизменной средней величине ссуд, кредитная деятельность товариществ охватила значительно большее число крестьянских хозяйств и что в дальнейшей деятельности в ближайшем году системе сел.-хоз. кредита следует точно так же, не расширяя среднего размера ссуд на 1 члена кооператива, расширить число кредитуемых хозяйств.

Значительно хуже обстоит дело со вкладными операциями.

Хотя в абсолютных числах и замечается рост суммы вкладов, но в балансе вклады занимают все время одно и то же последнее место, что видно из следующих данных:

	На 1 окт. 1924 г.	На 1 янв. 1925 г.	На 1 апр. 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 окт. 1925 г.
Сумма	857 т. р.	1.417 т. р.	1.894 т. р.	2.276 т. р.	3.000 т. р.
% к балансу .	1,0	1,2	1,2	1,2	1,2

Такое медленное движение вкладов, конечно, об'ясняется и сравнительным недостатком в крестьянском хозяйстве свободных средств, и молодостью кредитной сети, и недоверием, которое пока существует у крестьянства к кооперации из-за действительно плохой часто постановки дела.

Наступающий год, год урожая, год роста сельского хозяйства, год значительного укрепления и улучшения кооперативной сети, несомненно, должен явиться переломным годом в отношении привлечения крестьянских вкладов.

В наступающем году мы должны требовать от всей системы сел.-хоз. кредита неустанного внимания к развитию вкладных операций.

Мы должны считать устойчивым впредь только то товарищество, в котором крестьянские вклады начинают играть заметную роль, и только то общество сель.-хоз. кредита, в районе которого товарищества заметно расширили привлечение крестьянских вкладов.

Переходя к итогам работы с.-х. банков и обществ сел.-хоз. кредита, приведем точно так же несколько цифр.

Сводный баланс всех обществ сел.-хоз кредита изменялся следующим образом:

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г.
В миллионах рублей.				
82,5	120,0	164,3	1[illegible]9,0	240,0

Таким образом, динамика роста балансов обществ с.-х. кредита за этот год дает все основания полагать, что в наступающем году суммарный баланс всех обществ с.-х. кредита подойдет к четырем стам миллионов рублей.

Перспективы роста всей системы сел.-хоз. кредита таковы.

Если мы возьмем сводный баланс, не исключая из балансов взаимных расчетов звеньев системы сел.-хоз. кредита, то мы получим следующие цифры:

На 1 октября 1924 г.	На 1 января 1925 г.	На 1 апреля 1925 г.	На 1 июня 1925 г.	На 1 октября 1925 г. (предполож.)
В миллионах рублей.				
219,0	334,0	457,4	572,3	750,0

Эта сумма, во всяком случае, обязывает всю систему с.-х. кредита, имеющую общий баланс уже к началу текущего года в три четверти миллиарда рублей, к улучшению своего аппарата, к уточнению каждой своей операции, к укреплению каждого звена системы и к безусловному согласованию всей работы с общим планом по развитию крестьянского хозяйства.

Общая сумма всех средств, вложенных государством в дело с.-х. кредита, составляет около четверти миллиарда рублей, т.-е. почти вдвое больше, чем было направлено на производственное кредитование крестьянства государством до революции.

Однако, эти цифры далеко еще не соответствуют действительной потребности крестьянского хозяйства.

Разорение крестьянства во время войны, революции и в периоды засухи и неурожая настолько велики, что для восстановления крестьянского хозяйства и для его укрепления и развития требуются средства гораздо более значительные.

Если считать, что в Союзе ССР еще до 30% безлошадных, то только для обеспечения их рабочим скотом или тракторами требуется не менее полумиллиарда рублей.

Не меньшей суммой выражается потребность в чистосортных семенах и в племенном скоте.

Программа машиноснабжения на текущий год составлена в 125 миллионов рублей. Землеустройство и мелиорация требуют точно так же значительных сумм.

Если к этому прибавить потребности в кредите хозяйств, ведущих специальные отрасли (хлопководство, свекло-сахарное производство, льноводство, табаководство, маслоделие и т. д., и т. д.), потребность в кредитах, обеспечивающих нормальные условия сбыта с.-хоз. продукции, то общая сумма, потребная для удовлетворения основных нужд крестьянского хозяйства в кредите, перевалит за 2 миллиарда рублей.

Само собой разумеется, что до удовлетворения потребности сельского хозяйства в таких суммах еще далеко.

Задача, однако, состоит в том, чтобы по возможности ближе подойти к осуществлению кредитной помощи крестьянству на самые его реальные основные нужды.

Из каких, однако, источников возможно черпать средства для удовлетворения, хотя бы самых неотложных основных нужд?

Государство уже в общей сложности вложило около четверти миллиарда рублей и вложит, несомненно, в текущем году столько же.

Вклады самого крестьянства — таков второй источник средств. Этому источнику средств необходимо придавать особое значение.

Мы можем отметить, однако, анализируя более подробно цифры развития нашей системы с.-х. кредита, что наряду с ростом суммарных балансов низовой сети, происходящим, примерно, с той же самой интенсивностью по всей системе с.-х. кредита,—роста вкладов пока почти не наблюдается.

Во всяком случае вклады растут медленнее, чем балансы низовой сети.

Это не должно нас пугать, ибо это—результат тех же самых восстановительных процессов в крестьянском хозяйстве, которые явились следствием и задержки сбыта хлеба.

Конечно, отчасти это—следствие также слабости наших низов, следствие того, что их количественный рост обгоняет их качественный рост, что нет достаточного доверия к ним и что у крестьянства отсутствует сознание ответственности за рост своей низовой сети.

Но в основном отсутствие вкладов это—следствие тех восстановительных процессов, которые переживает наше крестьянское хозяйство и которые не позволяют ему помещать свои свободные средства иначе, чем в обмен на основной капитал, иначе, как в обмен на средства с.-х. производства.

Задача этого года—переломить этот процесс.

Если в прошлом году мы говорили, что надо создать возможность для вкладной операции, то в этом году мы должны переломить эту кривую, переломить этот процесс.

Своей работой, своим уменьем мы должны поднять доверие к низовой сети, мы должны найти отдельные методы технической помощи низовке и работой с низовкой суметь поднять вклады, поднять их значимость в балансе. Это самое главное, самое основное.

Выводы, которые можно сделать, очертив рост нашей системы с.-х. кредита, примерно следующие.

Рост системы с.-х. кредита идет вполне нормально.

Рост системы с.-х. кредита на будущий год должен поспевать за ростом сельского хозяйства, должен поспевать за ролью сельского хозяйства, все возрастающей пока в нашем внешнем торговом обороте и в развитии всего народного хозяйства в целом.

Вместе с тем, организационные и практические задачи нашей системы с.-х. кредита должны поспевать за всеми запросами нашей деревни, в частности за запросами по расширению товарности с.-х. производства, по улучшению системы ведения хозяйства, по переходу к усовершенствованным методам с.-х. производства, по переходу к многопольному севообороту, к более сложным машинам и т. д.

Вместе с тем необходимо на этот год углубить свое внимание по отношению к запросам крестьянства и оживить связь обществ с.-х. кредита с низовой сетью, сделать ее наиболее гибкой, простой, живой, доступной, для того, чтобы провести ту четкую линию, которую наметил первый с'езд по с.-х. кредиту и постановила XIV партконференция.

Задачи системы с.-х. кредита в основном следующие:

1) создание крепкой низовки;

2) укрепление связи с низовой сетью;

3) укрепление связи низовой сети с крестьянством;

4) перенесение центра тяжести в низовой сети к обслуживанию бедняцких и середняцких слоев деревни;

5) организация действительной помощи низовой сети — не циркуляры, не приказы, а именно помощь;

6) наблюдение за правильным направлением кредита на производственные нужды крестьянского хозяйства;

7) усиление привлечения средств самого крестьянства;

8) расширение значения кооперативного строительства в деревне.

Система с.-х. кредита должна явиться мощным рычагом по регулированию процессов развития нашего крестьянского хозяйства—такова тенденция всей нашей партпостановки этого вопроса. Все развитие нашего рабоче-крестьянского государства подсказывает необходимость такой рычаг держать в своих руках и дать возможность системе с.-х. кредита направлять в правильное русло все процессы развития крестьянского хозяйства. Поэтому нет никаких сомнений, что ближайшие перспективы системы с.-х. кредита—это дальнейший его рост, дальнейшее ее развитие и дальнейшее укрепление.

А. Мелькумов.

Революционная законность и наши задачи.

Развитие экономических сил Советского Союза, с одной стороны, способствует росту числа нарушений законности, особенно в деревне, а с другой—создает наиболее благоприятные условия для борьбы за законность. Если мы обратимся к массовым растратам и другим видам нарушения законности в городах, а также к «морю беззакония» в нашей деревне, то станет очевидным, что именно в связи с общим экономическим под'емом в городе и деревне, как отрицательное последствие, быстро растут беззаконные действия со стороны определенных социальных групп населения. Вместе с тем, этот под'ем создает соответствующую обстановку для внедрения революционной законности.

Поворот «лицом к деревне» вскрыл огромную массу беззаконных действий со стороны как отдельных лиц, так и наших низовых советских органов. Именно теперь, когда страна перешла к оживлению деятельности советов, к борьбе за поднятие культурного уровня широких, особенно крестьянских, масс, к изгнанию из наших органов всякого рода произвола и беззакония—вопрос о революционной законности становится важнейшей и злободневной проблемой, требующей от государства огромных сил, средств и энергии.

Многие из местных парторганизаций отмечают, что за последний год работа по проведению революционной законности, благодаря мобилизации партийно-общественного мнения и внимания трудящихся масс—дала определенные результаты. Наряду с этим имеются такие губернии и области, в которых положение еще поныне продолжает оставаться почти попрежнему без изменения.

Специфичность задач, которые поставлены перед нашей прокуратурой, еще с начала ее возникновения, выдвинула необходимость установления единого руководства работой прокуратуры и организации аппарата ее так, чтобы он был построен сверху донизу на принципах строжайшей централизации. Бесспорно, что принцип этот еще поныне продолжает оставаться незаменимым, ибо прокуратура со своей задачей может справляться лишь при условии сохранения независимости ее от местных влияний.

Помимо этого, практика и переживаемая обстановка выдвигают необходимость серьезной реорганизации органов прокуратуры. Эта реорганизация должна выражаться в создании всесоюзной прокуратуры, которая взяла бы на себя функции об'единенного руководства работой прокуратур союзных республик, что с точки зрения ревзаконности является существенно необходимым. Организация союзной прокуратуры, безусловно, позволит установить единство в осуществлении всех мероприятий по наблюдению за законностью во всесоюзном масштабе.

После апрельского пленума ЦК и XIV партконференции, безусловно, произошел значительный перелом во взаимоотношениях между парторганами и прокуратурой. Если до этого наблюдалось сплошное вмешательство парторганов в работу прокуратуры, то после указанных директив партии большинством организаций отмечается установление между ними тесной связи и деловых взаимоотношений. Иваново-Вознесенский, Ульяновский, Нижегородский и др. парткомы пишут, что «в борьбе за революционную законность, местные партийные и советские органы оказывают полное содействие» органам юстиции. Имеется ряд случаев, когда губкомы (Курский, Калужский, Ив.-Вознесенский и др.) даже за несвоевременное донесение уголовного дела до сведения следственных органов об'являют строгий выговор укому и т. д.

Наряду с этим имеются губернии, особенно нац. окраины, где во взаимоотношениях парторганов с прокуратурой и вообще судебными органами продолжают существовать ненормальности. Парткомы, попрежнему вмешиваются в разбор отдельных дел судебными и прокурорскими органами, берут на себя совершенно ненужные функции по непосредственному осуществлению рев. законности и т. д. В других же губерниях взаимоотношения нарушаются с совершенно иного конца. Здесь мы приведем три наиболее характерных случая, ярко рисующие ненормальные взаимоотношения парторганов с органами юстиции:

1. «Член партии за нанесение побоев и клевету на беспартийного был осужден на один месяц, а отбыл один день: под влиянием ответработников и укома, под предлогом предоставления возможности работать в укоме пом. прокурора и нач. исправдома отпускают его. В делах же отмечается, что он отбыл месячное наказание».

2. В мае месяце с. г. нач. уголрозыска убил двух крестьян-сектантов, одного при попытке бежать, другого, как он об'яснил потом, за сопротивление и буянство. По мнению милиции, убитые были сектантами-фанатиками, пришедшими освободить арестованных крестьян. И бюро губкома ограничивается тем, что отмечает «нетактичность поступка начальника». С этим постановлением соглашается прокуратура, ограничившись только об'яснением начальника милиции. И этим дело кончилось.

3. Одним из членов сельской ячейки был крещен новорожденный ребенок. Бюро волкома это дело поручило милиционеру для выяснения; последний допросил мать ребенка и других, заполнил на всех допрашиваемых, полагающуюся при этом анкету: сколько скота, когда родился, где родился и т. д. Следствие милиционер (как он пишет) произвел на основании 99-й статьи Угол.-Проц. Кодекса с предупреждением, что за ложные показания допрашиваемые будут привлечены к ответственности по 178-й статье Угол. Код. «Жена члена партии Карпова, на вопрос, что она еще может добавить—заявила, что если бы она знала, что можно ребенка крестить в вике, она согласилась бы, только, чтоб был окрещен ребенок». Вместо того, чтобы вызвать в волком члена партии и выяснить—дело о крещении ребенка передается в органы милиции для «специального дознания».

Кроме того, мы наблюдаем полнейшее непонимание некоторыми парторганами форм привлечения прокуратуры к общественно-политической деятельности. Так, например, выезжающему в

деревню прокурору поручается выступать с докладами по антирелигиозным вопросам перед крестьянскими массами (Тула). Подобный метод общественно-политической работы безусловно следует осудить.

Во многих губерниях прокуроры привлечены в партийные органы в качестве их выборных членов. Около 50% общего числа губ. прокуроров и 24% числа уездных пом. прокуроров являются членами выборных парторганов. Кроме этого, почти всюду прокуроры регулярно принимают участие на заседаниях, как бюро парткомов, так и коллегий их основных отделов. Таким образом, наметившийся перелом в сторону установления тесной связи во взаимоотношениях парторганов с прокуратурой имеет уже в большинстве организаций определенные, конкретные достижения. Перед партией становится теперь, помимо продолжения работы по улучшению взаимоотношений, также принятие целого ряда мер по созданию авторитетной прокуратуры, могущей осуществить возлагаемые на нее задачи по проведению и закреплению революционной законности.

Переходя к практической работе прокуратуры, прежде всего, рассмотрим политработу ее. Текущий 1925 год, собственно, не внес особых существенных изменений в задачи прокуратуры по политработе, и она фактически попрежнему сводится к укреплению связи с массами рабочих и крестьян. Нужно сказать, что политработа прокуратуры, по сравнению с прошлым годом, значительно увеличилась, за что говорит рост числа выступлений прокуроров с докладами и в печати.

Весьма существенное значение в деле непосредственного общения прокуратуры с массами имеет привлечение и правильное использование института общественных обвинителей. Работа прокуратуры в этой области, особенно за текущий год, имеет некоторые достижения. Выступления общественных обвинителей растут, что видно из следующих данных:

В 1923 г. было . . . . 2.420 выст.
» 1924 г. » . . . . 8.499 »
» 1 полуг. 25 г. было . . . . . 5.670 »

Общественные обвинители в своем большинстве рабочие от станка. Однако, следует отметить, что дело организации общественного обвинения далеко еще не закончено и имеет целый ряд дефектов.

Как отрицательный момент следует отметить, что организация общественного обвинения захватила пока лишь город; что касается деревни, то там она находится в зачаточном состоянии.

За истекший год центр тяжести в работе прокуратуры в деревне перенесен на обследование низовых органов власти и на выезды в деревню. Как положительное явление мы наблюдаем, что выезды в большинстве губерний постепенно принимают плановерный характер. Они обыкновенно по мере возможности приурочиваются к моментам расширенных заседаний риков и виков. Кроме этого, при выездах прокуроры производят обследования деятельности низовых сов. аппаратов.

Помимо этого, посещение деревни дает возможность прокурору на месте принимать и рассматривать непосредственно от крестьян всякого рода жалобы и заявления. Цифры приема и разбора заявлений от крестьян при приездах по отдельным губерниям растут, и выезды прокуроров в деревни постепенно привлекают к себе крестьянские массы.

Наша прокуратура принимает участие в организации юридической помощи деревне. В Череповецкой губ. в текущем году в сельских местностях организовано справочных столов—24 и юридических кружков—21; в Пензенской губ. в некоторых уездах, по инициативе прокуратуры, образованы справочные столы при избах-читальнях и юридические бюро—при нарсудах; в Орловской губ. во всех 66 волостях организованы юридические бюро и т. д.

Борьба прокуратуры с нарушением революционной законности местными властями непрерывно усиливается.

Как видно из приведенной ниже таблицы, за истекшее полугодие 1925 г. число опротестованных неправильных постановлений местных властей увеличилось на 47,3% по сравнению с предыдущим полугодием.

Период 1922—23 г.	1 полугод. 1924 года.	2 полугод. 1924 года.	1 полугод. 1925 года.
9.019	7.833	9.603	14.150

Увеличение числа протестов прокуратуры вызывается еще предоставлением низовым органам права издания обязательных постановлений, которые подчас противоречат общим законам союза.

Наряду с этим мы наблюдаем усиление борьбы с преступностью должностных лиц. Большинство сообщений с мест подтверждают рост числа дел о должностных преступлениях. По 33 губерниям и 2 областям к прокурорам за июль м-ц поступило 3.563 дела о растратах. В Тамбовской губ. число дел о растратах с 1/VII по 1/IX с. г. возросло на 63%; на 1 августа из 4.065, находившихся в производстве следственных дел—1.870, т.-е. 40% были дела о должностных преступлениях. В Ульяновской губ. во 2-м квартале число дел у следователей было 700—о растратах 220.957 руб. В Саратовской губ. за 8 мес. 1925 г. возбуждено 328 дел о должностных преступлениях и т. д. Указанный рост дел о должностных преступлениях, безусловно, доказывает не столько рост числа самих преступлений, сколько увеличение раскрытия их вообще. Надо сказать, что нормальным видом борьбы с должностными преступлениями являются судебные репрессии, но, к сожалению, эта мера в большинстве мест еще поныне продолжает страдать мягкостью воздействия. Кроме этого, не мало случаев, когда подготовка и разбор дела принимает слишком затяжной характер. В борьбе с должностными преступлениями, предстоит еще проделать огромную работу, как по дальнейшему усилению раскрытия их, так и по применению более суровых мер.

Если в губернских и уездных центрах в отношении проведения революционной законности наступил перелом, то далеко не та картина наблюдается на периферии: в волости и деревне.

Одним из виков при взимании сел.-хоз. налога в три рубля наложен штраф на одного крестьянина за неуплату одной копейки налога к первому сроку.

Сельская ячейка РЛКСМ решила повести антирелигиозную борьбу в своей деревне. На собрании ячейки и культпросвета

обсуждали вопрос о сельском священнике, при чем вынесли следующее постановление: «Настоящим доводится до вашего сведения, что в связи с вашим предложением о поступлении на должность священника, мы, ниже подписавшиеся, резко протестуем, так как война всем попам и приверженцам их и невежеству об'явлена. Ваша цель обмануть темные массы в пользу своего кармана». Это постановление за подписью секретаря ячейки РЛКСМ было вручено священнику. Вмешавшийся в это дело вик приостановил службу в церкви. Через некоторое время поп опять приступил к продолжению службы без «разрешения», за что нач. милиции оштрафовал его на 50 руб. Священник апеллировал через вик и уик, последний отменил это постановление, но вик, однако, не удовлетворившись этим командировал милиционера для составления описи имущества попа на предмет взыскания штрафа.

В одном из уездов член семьи возбудил ходатайство о разделе и выдаче его доли имущества. Дело это разбиралось 12 февраля 1924 г. в нарсуде, 6 апреля в губсуде, 22 июня в волземкомиссии, 16 июля в уземкомиссии, 17 августа опять в волземкомиссии, 6 сентября опять в уземкомиссии, 30 ноября в Архангельской губземкомиссии, 16 июля 1925 г. опять в уземкомиссии, 20 августа в Архангельской губземкомиссии и, наконец, 6 сентября в особой комиссии высшего контроля по земельным устройствам. Вот до чего доходит бюрократизм наших органов.

Если мы обратимся к рассмотрению отдельных опротестованных прокуратурой обязательных постановлений низовых совorганов, то станет ясно, насколько мера согласования проектов обязательных постановлений виков и риков с прокуратурой является целесообразной мерой. Из наиболее характерных обязательных постановлений мы отметим:

1. Постановление Уваровского вика Томской губ. о воспрещении (в целях борьбы с хулиганством) гражданам ходить по улицам с 8 час. вечера до 6 час. утра.

2. Постановление одного из виков Ярославской губ. о воспрещении плавания уток в прудах в виду того, что оно сопряжено с загрязнением воды.

3. В целях борьбы с неграмотностью воспрещение посещения неграмотными вечеринок и выдачи им документов в виках и сельсоветах (Вологодская губ.).

4. «Из'ять налог с каждой коровы 4 коп., с женщины 4 коп., со снохи 8 коп., а свекрови от налога освобождаются, при чем сбор этот производится в принудительном порядке» (Саратовская губерния).

5. Постановление Кудринского Сельсовета «закрепить в дворах своих свиней и поросят впредь до окончания полевых работ и закрепление в надлежащем порядке изгороди, а также обрезать перья у крыльев домашних птиц—кур, уток, с таким расчетом, чтобы таковые не могли перелетать через огороды».

6. Случай, происходивший в Тарском уезде (Сибирь), где вынесено было постановление об обязанности церковно-служителей дезинфицировать посуду и др. принадлежности, при совершении причащения и др. обрядов.

7. Характерный случай привлечения к ответственности священника за разглашение сведений, полученных им на исповеди. В Ново-Николаевском уезде в одном селе священнику запретили ходить с крестом и иконой более 8-ми час. в день. В другом селе сделали еще лучше: вызвали попа в сельсовет, для доклада о своей работе, при чем сельсовет работу попа признал неудовлетворительной.

Все приведенные примеры, безусловно, свидетельствуют о неграмотности и незнакомстве низовых органов власти с сущностью ревзаконности.

Основным тормозом в работе наших судебных органов по осуществлению революционной законности, является плохой качественный подбор работников низовых судебных органов и тяжелое материальное положение как аппарата суда, так и его работников. Число нарсудов и следственных участков очень ограничено. Нарсуд подчас чисто физически не в силах удовлетворить все запросы масс, в особенности деревни, так как один народный суд на 40—70 тысяч сельского населения, при радиусе в 80—100 верст обслуживать деревню не может. Выезды для разбора дел в сельских местностях почти не бывают, так как, помимо недостатков средств, суды не справляются с работой в тех 2—3 укрупненных волостях, которые входят в их районы. «Большое зло, мешающее нашим нарсудам, завоевать симпатии крестьян — это отдаленность нарсуда от деревни, вследствие которой крестьянам приходится итти за несколько десятков верст на суд»—так освещает положение Архангельская губ. партконференция.

Постоянное повышение числа поступающих дел над разрешаемыми создает непрерывный рост загруженности нарсудов делами, которые подчас лежат без всякого движения по 6 мес. и до 1 года. Надо сказать, что загрузка не всегда образуется исключительно вследствие плохой пропускной способности нарсудов. Напротив, несмотря на рост числа поступающих в нарсуды дел, число разрешенных дел в большинстве мест также возрастает. Данные НКЮ свидетельствуют о том, что «в 1923 г. в среднем на участок нарсуда разрешалось 693 дела, в 1924 г.—795 дел. Число оконченных уголовных дел в 1923 г. в отношении всех уголовных дел, бывших в производстве нарсудов составляло 85%, в 1924 г.—88%; по гражданским в 1923 г.—81%, и в 1924 г. 82%.

Не следует забывать, что, помимо непосредственной работы, нарсудьи еще втянуты в различные комиссии: земельные, налоговые, по делам несовершеннолетних, административные и т. д., а также несут обязанности по общественной работе: постановке показательных процессов, оказанию юридической помощи, популяризации советского права и пр.

Загруженность наших судей и следственного аппарата подчас вызывается также тем, что им приходится заниматься делами более мелкого характера, которые могли бы с успехом рассматриваться и разрешаться третейскими судами или единолично нарсудьями. Необходимо поставить вопрос об образовании третейских судов на предмет передачи им целого ряда дел более мелкого характера. Также нужно, чтобы дела, не имеющие большого и важного значения, по мере возможности рассматривались нарсудьями единолично в порядке об'езда деревень и сел без нарзаседателей.

Имеющиеся при губернских, областных и краевых судах дисциплинарные коллегии заняты рассмотрением дел о проступках и неправильных действиях судебных работников, имевших место

как при исполнении служебных обязанностей, так и вне их. Неполные данные по 24 губерниям свидетельствуют о том, что наибольшее количество дисциплинарных взысканий падает на низовой судебный аппарат, а именно на нарсудей и нарследователей—131 на общее число 1.521 челов. нарсудей и нарследователей, что составляет 8,6%, в то время, как из общего числа 218 работников губ. масштаба подвергались дисциплинарным взысканиям всего—3, т.-е. 1,4%.

Надо прямо сказать, что приближение аппарата коллегии защитников к сельским местностям, может быть, за редким исключением, не дало никаких результатов. Предпринятые меры по переброске части членов коллегии защитников поближе к деревне, почти повсюду не достигли цели.

Что касается вовлечения в работу по оказанию юридической помощи профессиональных и кооперативных организаций, то и здесь тоже мало положительных результатов, и здесь предстоит проделать еще огромную работу.

На местах шел и продолжает итти стихийный процесс образования всевозможных бюро, консультаций, ячеек и т. д. по оказанию юридической помощи населению. Все эти организации являются наиболее совершенными в данных условиях, и можно считать, что эти новые формы работы нарсуда по оказанию юридической помощи населению являются наиболее прочными формами. Задачей дня становится необходимость всемерного укрепления их и установления нормального и планомерного руководства их работой.

На национальных окраинах «постановления центра о революционной законности еще слабо проводятся в жизнь»—так оценивают некоторые организации и выезжавшие на места товарищи.

Существующие на нац. окраинах шариатские суды по мере организации нарсудов быстро теряют свой вес, и население Средней Азии, за исключением некоторых областей, перестает обращаться к шариатским судам. Лишь в Казакстане до сих пор продолжают пользоваться большим доверием населения суды аксакалов. Существование судей казия показало ряд незаконных действий с их стороны. Киробком отмечает «бездеятельность прокуратуры в отношении контроля над деятельностью казиев». Население подчас питает к аксакалам больше доверия, чем к нашим судам, и обращается к ним со многими бытовыми делами. Например, решением аксакала в Майкаринской вол. взыскано с бедняка, к которому бежала от жениха купленная девушка, два быка в пользу «пострадавшего»; или «аксакал Улептинской вол., Уральской губ. присудил бедняка, оскорбившего бая, к 25 ударам плетью» и т. д. Там же можно наблюдать случаи, когда население приходит к акасакалам с жалобами даже на неправильные решения нарсуда.

Многие нац. окраины за последнее время приняли ряд решений по поводу методов борьбы с беззаконными действиями казиев. Правительство Казакстана приняло проект о запрещении аксакалам производить судебное разбирательство; Якутский С'езд Советов постановил отменить калым; Всетуркменский С'езд Советов постановил отменить «брачное право на воду» и т. д.

Однако, все это не свидетельствует о реальных результатах осуществления революционной законности, ибо беззаконие в национальных деревнях процветает, и низового судебного аппарата фактически во многих нац. окраинах не существует. Из материалов Узбекистана видно, что «низового судебного аппарата почти не существует, и он не пользуется популярностью. В Кашко-Дарьинской области в некоторых местах парт'ячейки сами подрывают авторитет суда, освобождая из-под ареста заключенных без ведома прокуратуры и т. д.». На нац. окраинах нам предстоит еще огромная работа по закреплению рев. законности. Мы не забываем, что здесь дело с проведением ревзаконности усугубляется еще целым рядом влияний национальных, бытовых и племенных условий, которые очень часто являются тормозом в практическом осуществлении сов. строительства вообще. Однако, в практической работе все эти препятствия должны быть преодолены.

Если в отношении прокуратуры мы наблюдаем иногда не совсем серьезный подход со стороны местных органов к подбору работников, то в отношении подбора судебных работников дело на местах обстоит еще хуже. Можно установить массу случаев, когда в судебные органы посылаются работники, которых просто использовать негде. Об'ясняется это еще и тем, что тяжелое материальное положение судорганов отбивает охоту и желание у работников итти туда и заняться полезной, с точки зрения осуществления ревзаконности, работой.

Затем—вопрос о подготовке и переподготовке работников для судебных органов и прокуратуры. Здесь требуется, во-первых, улучшение материального положения и состава существующих юридических курсов, а также положительное разрешение вопроса о некотором расширении сети вузов по подготовке новых сил для органов юстиции. Местным партийным и советским органам нужно также изменить свою политику в отношении подбора работников суда. Надо посылать туда действительно полезных работников, умеющих, с точки зрения осуществления революционной законности, выполнять возлагаемые на судебные органы задачи. Кроме этого, при подборе судебных работников следует иметь в виду необходимость постепенного выдвижения из крестьян и из членов РЛКСМ товарищей, могущих быть полезными работниками для органов суда.

Успешность проведения и закрепления революционной законности, таким образом, зависит от разрешения следующих задач:

1. Качественный подбор работников аппарата прокуратуры и суда на местах.

2. Увеличение сети низовых судебных и прокурорских органов с целью приближения их к главному источнику: «морю беззакония» в деревне.

3. Улучшение материального положения судебных и прокурорских органов и их работников на местах.

4. Мобилизация общественного мнения вокруг вопросов ревзаконности и вовлечение широких рабочих и крестьянских масс в дело борьбы за законность.

Эти задачи должны стоять в центре внимания будущей работы наших как центральных, так и местных советских и партийных органов.

4

Г. Зайдель.

Идеология рабства и борьба с ней.

(«Дела и дни» современной германской с.-д.).

Когда в ноябре месяце 1925 года престарелая Клара Цеткин, вернувшаяся из Советского Союза, бросила с трибуны немецкого рейхстага огненные и гневные слова о предательской роли с.-д., толкающей германского Михеля в намыленную петлю т. н. «Локарнского пакта»,—прожженные дельцы из буржуазного и юнкерского лагеря, плотной стеной сгрудились вокруг этого живого воплощения коммунизма и с затаенным дыханием, с пылающим взором и сжатыми кулаками слушали подлинный голос немецкого рабочего класса. Социал-демократы не посмели ни одним возгласом прервать пылающую речь ветерана рабочей революции, и, когда господин Гильфердинг, который уже давно сменил доспехи лево-радикального забияки на клоунский наряд лакейского прихлебателя буржуазии, пытался в кулуарах бросить выражение порицания старой революционерке, которая, по его словам, получает субсидии у «чужого государства»,—даже его собственные собратья по партии зашикали и замахали на него.

В тот же день огромные, организованные массы немецких рабочих, прямо от станка,—с красными знаменами и плакатами, наполнили аллеи обширного Люстгартен и демонстрировали против Локарно, против правительства и, следовательно, против социал-демократических вождей, поддерживающих правительство и каждый день предающих интересы рабочего класса. Социал-демократическая печать со злобой отмечала, что демонстрация, в общем удалась, но не могла удержаться от очередной лжи, уменьшив количество собравшихся на демонстрацию рабочих в несколько раз... Прошли те времена, когда немецкая социал-демократия была пугалом в глазах не только немецкой, но и всемирной буржуазии. Ныне вожди с.-д. не могут без скрежета зубовного вспомнить об «экстремистских» устремлениях былых времен, о «путчистских» тенденциях коммунистов, о «бланкистской» тактике тех кругов рабочего класса, которые, освободившись от плена и инерции старого, загрязненного знамени, все растут и увеличиваются, группируясь под знаменем и лозунгами Коминтерна.

Диалектика исторического развития, однако, вещь очень и очень сложная: за социал-демократическими прожженными дельцами, за этими трубадурами послевоенного хищнического империализма идут еще большие массы рабочих,—и нужна столь же диалектическая тонкость политики и тактики, нужна вся мудрость исторического опыта авангарда рабочего класса, воплощенная в учении Маркса, Энгельса и Ленина, чтобы вы-

рвать из-под влияния вождей идущие за последними, отчасти по инерции, отчасти по другим причинам, пролетарские массы. Быстро меняется лик послевоенной Европы, каждый день приносит что-нибудь новое, «стабилизация» конца 1925 года вовсе не похожа на «стабилизацию» середины того же года. Социал-демократический Карфаген должен быть разрушен. В этом— историческая задача нашего поколения, правильное разрешение которой одно только может вывести трудящиеся массы всего мира из хаоса послевоенного Бедлама.

I.

С сокрушенным сердцем сообщает «Социалистический Вестник» (№ 21) господина Дана об «относительных успехах немецких коммунистов на последних выборах (Баден, Берлин)». Конечно, одновременно с этим он хитроумно «доказывает» (если можно назвать «доказательством» бессмысленный набор трескучих фраз), что так называемый «новый курс» германской компартии по существу, означает... что бы вы думали?.. ну не что же иное, как «нежизнеспособность» компартии, «отказ от всего, что составляло до сих пор сущность коммунизма» и пр. и пр., а в общем и целом, победу господ Данов и tutti quanti.

Разберем конкретно, действительно ли имела успех германская компартия на выборах (мы имеем в виду не только выборы в Берлине, но и недавно закончившиеся выборы в провинциальные и окружные самоуправления), чем об'ясняется этот успех и каковы дальнейшие перспективы компартии в борьбе за влияние на массы. На последних выборах в берлинское городское самоуправление социал-демократы выставили лозунг: «51% всех голосов с.-д.», т.-е. с.-д. большинство в городской думе. Главным об'ектом нападения была, конечно, компартия, но эта тактика велась весьма хитро, нападение производилось не открыто, а в замаскированном виде. Учитывая настроения с.-д. рабочих, которые, безусловно, в огромном большинстве за Советский Союз и левеют под влиянием растущей нужды и безработицы,—с.-д. весь гнев свой обращали против правых партий, особенно, против «дейтш-национале», спекулируя на республиканских чувствах рабочих, которым, мол, угрожает эта монархическая и юнкерская партия. Свою борьбу за Локарно вожди старались сделать выигрышной, напирая на «мир», который будто бы несет этот «пакт», и указывая, что «худой мир лучше доброй ссоры»; при чем, они категорически принуждены были отмежевываться от «каутскианских» выводов, по поводу «красного империализма», угрожающего европейской цивилизации. Они выпускали в качестве агитаторов своих «левых», которые под покровом революционных фраз всяческими способами преподносили своим слушателям самую реакционную сущность.

Сделав очередной лицемерно-гневный выпад против коалиции с буржуазными партиями и, особенно, против «дейтш-националe» и этим увлекши слушателей, и сорвавши аплодисменты, такой «левый» оратор, как бы нечаянно прибавлял, что этим зловредным «дейтш-национале» помогают их «друзья слева», которые тоже против Локарно и тем самым, мол, служат реакции. Одним словом, борьба против компартии затушевывалась

всемерно, психологическими трюками старались усыпить бдительность рабочего... И, несмотря на все это, коммунисты удвоили количество своих мандатов и в процентном отношении «оказались в числе наименее пострадавших от роста абсентеизма», как дипломатически признают и сами меньшевики. Социал-демократы потеряли значительное количество голосов; в чисто пролетарских районах, как Ведииг, Нью-Кельн, Лихтенберг и др., коммунисты идут почти наряду с социал-демократами, уступая им только в мелкобуржуазных районах, где с.-д. имели успех не за счет рабочих голосов, а за счет попутчиков. Конечно, в общем и целом, с.-д. являются еще самой сильной партией в городском самоуправлении Берлина: из 780 депутатов 261 (больше $^1/_3$) принадлежат к с.-д., за ними идут «дейтш-национале», которые имели успех, между прочим, в крестьянских предместьях—181, на третьем месте идут коммунисты, собравшие около миллиона голосов и завоевавшие 147 мандатов.

Что победа коммунистов не является случайной, а есть закономерное явление, доказывают недавно закончившиеся выборы в провинции. При огромном абсентеизме избирателей, который выражался в 50—60%, а в некоторых округах достигал и большей цифры, коммунисты не только сохранили свои голоса, полученные на выборах 26 апреля и 7 декабря 1925 года, но во многих местах перешагнули цифры 7 декабря (день президентских выборов). Надо принять во внимание, что во время выборов 26 апреля и 7 декабря абсентеизм избирателей равнялся всего 15—20% и, следовательно, в общем коммунисты, несомненно, вышли с успехом из выборов в то время, как с.-д. и остальные буржуазные партии, в общем, потеряли от 30 до 40% своих прежних голосов. Это значит, что значительное число рабочих, избиравшее раньше социал-демократов, убедившись в бесплодности, вредности или реакционности их политики, либо отошло в сторону и воздержалось, либо прямо голосовало за коммунистов[1]). Это, в общем, означает несомненный успех коммунистов, свидетельствующий о начавшемся приливе симпатий рабочих масс к революционной тактике и политике Коминтерна.

Каковы причины этого успеха? Во-первых, как мы уже указывали, возросшие симпатии широчайших рабочих масс к Советскому Союзу; во-вторых, ухудшение положения рабочего класса в Германии, в связи с обнаруживающимися последствиями демократической политики и идеологии; в-третьих, сказывающееся банкротство социал-демократической политики и идеологии; в-четвертых, «новый курс» немецкой компартии. Эти основные причины, в общем и целом, и являются залогом начавшегося успешного влияния коммунизма в Германии на широкие пролетарские массы.

[1]) Даем для примера табличку голосования в провинции Бранденбург.

	Нынешние выборы.	Выборы 7 декабря.	Выборы 26 апреля.	% уменьш. по сравн. с 7 декабря.
Коммунисты . . .	74.987	94.090	65.845	20 + 7% срав. с 26/IV.
Соц.-демократы. .	296.089	427.[illegible]35	—	30
Дейтш-национале.	2[illegible]0.8[illegible]3	563.272	—	53
Демократы . . .	32.647	78.080	—	62 и т. д.

Таким образом, при общем абсентеизме, минимум в 50%, коммунисты получили меньше голосов, чем на выборах 7 декабря, всего на 20%. т.-е. в общем относительно увеличили свои голоса в то время, как с.-д. потеряли значительно больше, а буржуазные партии потерпели сильнейшее поражение.

II.

Пребывание немецкой делегации в Советском Союзе имело и еще будет иметь огромные последствия. Как ни травили и ни травят еще членов делегации, тем не менее факты сильнее отравленных ложью и клеветой на нашу революцию буржуазных и социал-демократических газет. Надо сказать, что до последнего времени буржуазная печать, как это ни странно, гораздо более об'ективно оценивала положение вещей в Советском Союзе, чем социал-демократический «Форвертс». То обстоятельство, что «Форвертс» с некоторого времени стал гораздо осторожнее говорить о советской власти и ее достижениях, также является одним из лучших признаков полевения рабочих масс в Германии. Середняк-рабочий не приемлет лжи на Советский Союз и русского рабочего: он послал свою, собственную, из профсоюзных деятелей и социал-демократических рабочих составленную делегацию, и, когда его собственные товарищи приехали и передали ему с фактами и цифрами в руках обо всем том, что они собственноручно ощупывали, что они видели и слышали,—стена недоверия была разрушена, карта социал-демократических вождей была бита, и «Форвертс» принужден был переменить свой тон.

Конечно, двурушничество все еще продолжает служить важнейшим орудием в деле обмана масс. Во время последних прений в рейхстаге о Локарнском «пакте» социал-демократические вожаки работали на два фронта. Вначале они, в качестве «генералреднера» выставили фактического выразителя мнения большинства нынешнего партийного «форштанда» (ЦК), махрового реакционера, Вельса. Сей почтенный муж, имеющий тоже некоторые заслуги в полицейском деле (он был комендантом гор. Берлина в эпоху революционных событий, и немало потрудился в деле расстреливания коммунистических рабочих), защищая Локарнский «пакт», не находил в нем ничего плохого; по его словам, ни один пункт этого договора не направлен против Советского Союза; наоборот, он означает безусловный шаг вперед в деле установления всеобщего мира. С Советским же Союзом,—заявил Вельс,—Германия никогда не пойдет вместе.

Это недвусмысленное заявление, видимо, произвело столь неприятное впечатление на с.-д. рабочих, что мужи из с.-д. Ц. К. испугались. Еще до начала прений левая социал-демократическая пресса очень неодобрительно отзывалась о Локарно. Хемницкая «Volksstimme» писала, что ответственность за «пакт», которую берет на себя соц.-дем. партия, весьма велика, а чем этот «пакт» кончится—неизвестно: «с подобной тактикой,—писала газета,—мы не можем согласиться и мы уверены, что Вильгельм Либкнехт всплеснул бы руками, если бы он жил и был свидетелем совершающегося». Ей вторила «Leipziger Volkszeitung», которая называла тактику официальных вождей

партии «политическим харакири». А «Dresdener Volkszeitung» заявляла, что политика поддержки кабинета Лютера и безоговорочного голосования за «пакт», несомненно направленный против Советского Союза, приведет только к тому, что «после того, как мавр сделает свое дело, его просто вытолкнут взашей... и будут продолжать совместно с «дейтш-национале» реакционную внутреннюю политику».

Конечно, левая с.-д. пресса, по старому обычаю всех «левых» с.-д.,—левых на словах, реакционных на деле,—не могла договорить до конца, не смела решительно потребовать голосовать против «пакта»... ибо, по существу, эти «левые» выполняют роль отдушины для правых реакционеров; когда атмосфера слишком накаливается и рабочий начинает задыхаться в реакционном смраде, «левые» осторожненько приподнимают крышку и прыскают... пульверизатором революционных фраз. Во всяком случае, оппозиция против поведения ЦК по отношению к Советскому Союзу была сильна среди с.-д. и до прений в рейхстаге. Речь Вельса и его полицейски грубые заявления усилили оппозиционные настроения: тогда при следующих чтениях «пакта» с.-д. фракция рейхстага выпустила «левых» ораторов—известного «дипломатического» гаера, Брейтшейда, который в свое время делал «высокую политику» в дипломатических передних, и Ландсберга, выступивших с совершенно противоположными Вельсовским заявлениями: «Мы радуемся тем вкладам,—патетически провозгласил Ландсберг,—которые освобожденная Россия несет в историю человечества, неужели же мы дадим себя вовлечь в военный союз против такой страны?» Одновременно, этот опытный демагог не отказал себе в удовольствии намекнуть, что Советский Союз не лишен агрессивных намерений: «Никто не говорит,—благочестиво заявил наш «левый»,—о нападениях, если сам не предполагает совершить таковых».

Коммунистический депутат Шнеллер немедленно разоблачил эту тактику «лисьего хвоста и волчьей пасти», показав, что подобные заявления делают не менее благочестивые лорды из консервативного английского кабинета и что, по существу, эти выступления с.-д. свидетельствуют, в лучшем случае, о растерянности социал-демократии, не умеющей свести концов с концами, а не о ее добрых настроениях по отношению к русской революции. Нет никакого сомнения, что Брейтшейды и Ландсберги заговорили по-новому под давлением изменившегося настроения рабочих масс. Надо хоть раз побывать на рабочем собрании, видеть, как загораются глаза у рабочего при упоминании о Советском Союзе, как бешено аплодируют каждому хорошему сообщению о стране диктатуры пролетариата, как недоверчиво относятся к нападкам на новую Россию,—чтобы понять, какое огромное, гигантское значение имеет и, повторяем, будет иметь в деле революционизирования рабочих масс Германии и, само собой разумеется, всего Запада—**правда о Советском Союзе**.

III.

Правда о Советском Союзе—лучшее революционное оружие в деле завоевания рабочих масс компартией, ибо как ни велики наши недостатки (несмотря, или, вернее, на ряду с нашими

достижениями),—положение нашего рабочего не в пример лучше немецкого рабочего.

Через полтора года после принятия т. н. «плана Дауэса» **Германия** не только не вышла из хозяйственного тупика, но, несмотря на казавшееся вначале оживление и стабилизацию, **ныне стоит накануне надвигающегося кризиса**. Когда социал-демократия, вкупе с буржуазно-монархическим большинством рейхстага, принимала «план Дауэса», — она, не отставая от своих буржуазных собратий, кричала о необходимости оздоровления, «рационализирования» германского народного хозяйства и одновременно выдвинула лозунг «хозяйственной демократии», как «конечную цель» социал-демократических устремлений. Именно, под знаком «хозяйственной демократии» проходил последний бреславльский с'езд профсоюзов, один из реакционнейших с'ездов, какой имел в последние десятилетия немецкий рабочий класс; тот же дух «нового завета» бюрократических пророков и законодателей царил на Гейдельбергском с'езде германской с.-д., который, как известно, принял новую программу. Что же вышло из упомянутого нами «рационализирования», и как выглядит «хозяйственная демократия» в свете современности?

«Рационализирование» принесло ухудшение положения в промышленности и грозит полной распродажей индустриальной Германии американскому капиталу. А «хозяйственная демократия» принесла с собой новые сотни тысяч безработных (в одном Берлине около 100.000 безработных), число которых с каждым днем возрастает. Undiasur et altera pars [1]): даем слово профсоюзному, социал-демократическому «теоретику» Бруно Рауекеру. В последнем номере журнала «Die Arbeit», органа Всегерманского Профессионального Союза, издаваемого небезызвестным Лейпартом, Рауекер в статье «Значение рационализирования» [2]) подводит некоторые небезынтересные итоги. «Нас занимает,—пишет он,—прежде всего вопрос о том, как разрешена важнейшая задача современности — «хозяйственное рационализирование» Германии, оздоровление немецкого хозяйства от паразитического существования...» Целью этого «рационализирования» и оздоровления являлась, по словам автора статьи, борьба против роста цен и вздувания их картелями и другими об'единениями, известный контроль государственного банка над распределением кредитов и очищение хозяйства Германии вообще от «инфляционной» ржавчины, т.-е. от дутых предприятий, не имеющих под собою твердой, экономически-технической базы и возникших в целях спекуляции и легкой наживы. Цифры, приводимые Рауекером, говорят об увеличении, а не об уменьшении этой «инфляционной ржавчины». «По статистике Берлинского Торгового Регистра в 1913 году в Берлине было 31.600 торговых предприятий, в 1919—39.500, в 1921 г.—48.600, в 1924 г.—60.000 г. Это обозначает увеличение круглым счетом на 90% в течение 11 лет. Подобного рода статистику опубликовал также город Любек. Согласно этой статистике население Любека увеличилась с 1914 года на 7,5%, в то время, как зарегистрированные личные торговые фирмы увеличились на 45%». Автор правильно констатирует,

[1]) Пусть будет услышана и другая часть.

[2]) Bruno Rauecker, «Die Bedeutung der Rationalisierung».—в журнале «Die Arbeit, Zeitschrift für Gewerkschaftspolitik und Wirtschaftskunde. Herausgeber Th. Leipart. 11 Heft, November 1925.

что увеличение количества личных торговых фирм при относительно гораздо меньшем приросте населения указывает на «несоответствие между спросом и предложением, каковое несоответствие немецкое хозяйство вынести долго не может». Но увеличение торговых фирм относится также и к области акционированного капитала: «количество акционерных обществ увеличилось на 139%, акц. о-в с ограниченной ответственностью на 245%. В течение 1914 года на одну зарегистрированную фирму приходилось 103 жителя, в начале же 1925 год только 68 жителей».

Количество паразитических предприятий не только не уменьшается, но, наоборот, увеличивается, в связи с чем так называемое «оздоровление» промышленности пока привело к учащению банкротств, об'явлению множества предприятий неплатежеспособными и к подрыву общей хозяйственной и кредитной системы. В то время, как число банкротств в решающие месяцы инфляции, примерно, летом и осенью 1923 года, стояло близко к нулю—в августе 1923 года оно равнялось 13, в ноябре—8, в первую половину 1924 г. (к июлю) число банкротств достигло апогея—1125, опустившись к концу этого года наполовину. Первая половина 1925 года опять дала легкое повышение количества банкротств, достигши в январе—796, в марте—776, в апреле—687, в мае—807, в июне—766, в июле—797, в августе—751, поднявшись в сентябре до 914». От себя прибавим, что количество банкротств в октябре и ноябре отнюдь не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось, захвативши все отрасли промышленности и перебросившись также на сельское хозяйство. Если сравнить процентное отношение банкротств в Германии «Дауэсовского» периода с довоенным, то, по словам автора, окажется такое соотношение в области торговли (каковая больше всего из'едена «инфляционной ржавчиной»): 53% сейчас против 37% довоенных.

Какова причина этой болезни, мы здесь полностью судить не беремся. Является ли нынешний кризис кризисом производства или только кризисом кредита, как доказывал недавно демократический профессор Бонн на страницах «Берлинер Тагеблатт»—этот вопрос может быть решен тщательным изучением динамики экономического процесса Германии. Несомненно только одно, что об «оздоровлении» германского хозяйства сейчас не может быть и речи, что тяжести «плана Дауэса» уже сейчас очень остро сказываются на всем организме германского народного хозяйства и что в первую очередь это чувствуют, конечно, рабочие массы. Инфляционный период помог крупным промышленным и биржевым акулам нажиться в достаточной степени, но одновременно с этим он тяжелейшим образом подорвал общее благосостояние страны: он выкачал все сбережения у мелкой буржуазии и малосостоятельной части крестьянства, не считая рабочих, у которых, в большинстве, сбережений больших не было (хотя некоторую роль в жизни германского рабочего до войны сбережения играли), он обессилил физическую мощь трудящейся части населения, что отражается также на хозяйстве, а нынешняя тяжесть даже уменьшенных репарационных платежей и содержание паразитически сосущих народное тело, свергнутых с тронов, но продолжающих владеть огромными богатствами и получающих крупное содержание, прежних больших и маленьких Вильгельмов [1],—все это вместе взятое сделало Германию одной из самых бедных стран мира, довело до минимума покупательную способность внутреннего рынка и тем самым не устранило, а увеличило «несоответствие между спросом и предложением».

IV.

Выше мы упоминали о том, что некоторые симптомы кризиса ощущаются также в сельском хозяйстве. Когда в августе текущего года германский рейхстаг провел в пользу крупных аграриев закон о введении покровительственных пошлин на хлеб и пр. продукты с.-х., главный виновник этого нового каторжного налога на трудящиеся массы—партия крупных аграриев, «дейтш-националe»—торжественно провозглашала, что правительство примет все меры к тому, чтобы на внутреннем рынке цены на предметы первой необходимости не поднимались. Тщетно вопили германские коммунисты против этой новой петли: при благосклонном попустительстве социал-демократической фракции, коммунистические депутаты лишались слова, исключались на десятки заседаний, грубо полицейскими приемами буквально были вынесены из зала парламента. Парламентский кретинизм торжествовал победу. И тем не менее, несмотря на принятый закон в пользу крупных аграриев, нельзя сказать, что в сельском хозяйстве Германии все обстоит благополучно.

Недавно крахнул отделившийся от «Всегерманского союза сельских хозяев», организации крупных аграриев, т. н. «Концерн союза сельско-хозяйственных товариществ» (Konzern der Landbundgenossenschaften); несмотря на значительное повышение цен на с.-х. продукты, концерн этот в начале ноября прекратил платежи и оказался в положении банкрота. Орган крупных аграриев, «Deutsche Tageszeitung» писала обрадованно, что «Всегерманский союз сельских хозяев» ничего общего не имеет с крахнувшим концерном, но тут же с сокрушением прибавляла, что кредитная нужда у юнкеров не уменьшается, а, наоборот, увеличивается. Чтобы заплатить к 30 ноября причитающуюся $1/3$ ссуды, которую дал рентный банк аграриям, треть, выражающуюся в сумме 190 миллионов марок,—необходимо было прибегнуть к следующей операции: взять большую часть полученной в Соед. Шт. С. А. ссуды для рентного банка,—приблизительно, около 25 миллионов долларов,—и заплатить, таким образом, дыру. Одна из газет меланхолически заметила, что, в общем, никакого кредитного облегчения нет, и что «постановления плана Дауэса ведут к еще большей задолженности немецкого хозяйства». Получается, поистине, тришкин кафтан!

К затруднениям, описанным выше, прибавляются еще затруднения в области мукомольной промышленности. «В аграрном капитале,—писала «Роте Фане» от 21 ноября 1925 г.,—наблюдается то же явление, что и в промышленном: поднятие цен на хлеб так же, как и повышение цен на промышленные товары, не облегчает кредитной нужды, а ухудшает

[1] В данный момент как раз решается вопрос о выплате прусским правительством Вильгельму, бывшему германскому императору, огромной суммы денег, приблизительно 50.000 марок ежемесячной пенсии, начиная с 1 января 1924 г., не считая земельных и лесных богатств, дворцов и пр., которые ему возвращаются.

ее. Оно делает таможенные пошлины недействительными и ста.. немецкий капитал на мировом рынке в худшее положение сравнению с иностранным. Кредитный кризис, как следствие товарной стабилизации, сменяется кредитным кризисом, как следствием рационализирования». В связи же с кредитной нуждой вокруг кредитного в.. проса поднимается бешеная пляска. Юнкера пришли к выводу что необходимо требовать государственной субсидии для аграриев, а также удлинения сроков кредитов. Последнее обстоятельство вызывает затруднения у крупных промышленных капиталистов, поставляющих товары аграрному капиталу—и тем самым увеличивает денежные затруднения. Союзу крупных промышленников и крупных аграриев, воплощением которого являлось до сих пор существующее правительство Лютера, угрожает серьезная трещина. Отчасти этим об'ясняется выход «дейтш-националe» из правительства и их оппозиция против Локарно. Но и крупный, торговый немецкий капитал недоволен домогательствами юнкеров. Ганзейский союз, центральное об'единение крупного торгового капитала, категорически высказывается против государственных кредитов крупным аграриям. Так вокруг вопроса о кредитах, т.-е. вокруг вопроса о дележе выкачиваемых путем налогового пресса последних остатков сбережений из населения—идет бешеная борьба, грозящая крупными осложнениями внутри буржуазного блока.

Борьба эта угрожает также отколом от «дейтш-националe» и буржуазного блока вообще, ремесленников, среднего и мелкого крестьянства, до сих пор крепко держащегося за свою собственность. Дело в том, что та часть крестьянства, которая вследствие незначительности своего состояния не может регулярно уплачивать паевых взносов в товариществах, фактически исключается из участия в реальном кредите. По сообщению «Франкфуртской Газеты» такое положение наблюдается, особенно, в юго-западных земледельческих округах Германии и вызывает недовольство среди крестьянства. Последние выборы в окружные муниципалитеты показали, что этот процесс уже сказывается: абсентеизм особенно силен в сельских местностях, и партиями, больше всех пострадавшими на последних выборах, являются «дейтш-националe», демократы и «центр», которые вели за собою значительные круги крестьянства.

V.

Мы не задаемся целью дать исчерпывающий анализ экономическому положению Германии: сложные процессы, происходящие сейчас в германском хозяйстве, требуют, повторяем, особо тщательного собирания материалов и критической, осторожной их проработки. Мы хотим только проиллюстрировать еще процесс распродажи германского производственного аппарата американскому капиталу. Этот процесс неуклонно и неудержимо развивается: видимой причиной как будто является та же бешеная пляска промышленного капитала вокруг кредитов, но, несомненно, что основания этого процесса лежат гораздо глубже и заключаются, в общем, в технической отсталости разрушенного войной и инфляцией немецкого производственного аппарата, по сравнению с американским—с одной стороны, а, с другой стороны, отчасти имеются и политические причины—в общем повышении классовой активности немецкого и мирового пролетариата после революции, в революционизирующем примере Советского Союза, существование которого мешает проводить «рационализирование» немецкого производства так, как это нужно было бы для того, чтобы конкурировать с Соединенными Штатами.

Каковы бы, однако, ни были причины неудержимого разбазаривания производственного аппарата Германии,—процесс этот идет и в последнее время принял особо интенсивные формы. Нет никакого сомнения, что «план Дауэса», в сущности, есть план колонизирования Германии американским капиталом, по преимуществу. «Колонизационная ссуда», по сообщению «Роте Фане», обходится стране ежегодно в 190 миллионов марок [1]) одними процентами. Но этого мало. Кредитов не хватает ни аграрному капиталу, как мы видели, ни промышленному капиталу. В лихорадочной погоне за этой «синей птицей» золотого дождя кредитов солиднейшие предприятия ищут возможности пристегнуться к американскому компаньону. Идет усиленный процесс трестирования, имеющий всегда своей конечной целью отдаться под защиту американского капитала.

Недавно в печати нашумела история с переходом крупнейшего концерна Гише (Giesche), владеющего важнейшими горными разработками, в частности цинковыми рудниками—в руки знаменитого концерна Гарримана. Дело шло о кредите в 50 миллионов долларов, которые концерн Гише получает от компании Гарримана, за что уступает последнему значительную часть акций и цинковые рудники, лежащие в польской части Верхней Силезии. Передача этих рудников в руки американского капитала, в общем, угрожает всей обрабатывающей промышленности Германии, т. к. Гарриман, конечно, вовсе не заинтересован в оставлении добываемых им богатств на территории Германии. Даже «Форвертс» заволновался и стал вопить о необходимости запретить эту сделку, т. к. Америка хочет превратить Германию в свою сырьевую базу. Прусский ландтаг принял какие-то меры против этой сделки, но что из этого выйдет—неизвестно. Ведь, пикантнее всего, что фирма Гише принадлежит к одному из столпов «дейтш-националe», которые вопят об измене левых партий (о коммунистах и говорить не приходится) отечеству, а так как «дейтш-националe», хотя и временно вышла из правительства, по существу имеет огромное влияние на правительство,—то эта пикантная история кончится, конечно, в их пользу.

Можно констатировать уже почти совершившийся переход крупнейших пароходных обществ Германии: «Северо-Германского

---

[1]) Приводим здесь любопытные данные, сообщаемые «Роте Фане» (27 ноября 1925 года).

«С 1 октября 1924 года по октябрь 1925 года кредит Германии достигает 1.895 миллионов марок. Из них ссуда в долларах обществ.-прав. организациям составляет 1.310 мил. мар., ссуда в долларах частным организациям—532 мил. марок, ссуда в марках общ.-прав. организациям 0,7 мил. марок, частным о-вам—11 мил. мар. В швейцарских франках ссуды публ. прав.-1,2 мил. мар., частн. о-вам 24,5 мил. мар. В Голландских гульденах—частным—7,7 мил. мар. В фунтах—8 мил. марок. Т. к. процент разбойничий—не меньше 10%, то ежегодные проценты на эту «колонизационную ссуду» обходятся Германии около 190 мил. марок».

Обращаю внимание читателей на подавляющий процент в общей сумме, который составляют американские доллары. Поистине, Германия уже неоплатный должник американскому дядюшке.

Ллойда» в Бремене, акц. об-ва «Гамбург—Бремен—Африка линия» и др. под эгиду американского капитала. Переживающая ныне жесточайший кризис автомобильная промышленность Германии тоже мечтает о переходе под крылышко заокеанских денежных мешков, под видом трестирования. Разразившееся банкротство ряда автомобильных фирм и кризис сбыта привел и к сильному сокращению этой отрасли промышленности и к угрозе обречь около полумиллиона немецких рабочих на безработицу или, в лучшем случае, на эпидемическое сокращение рабочих часов, т.-е. на полубезработицу.

Даже кино-промышленность Германии переходит мало по малу в руки американских капиталистов. Одна из крупнейших кино-фирм Германии, UFA, имеющая 135 театров с 150.000 платных мест, очутилась в безвыходном положении: она должна Немецкому банку 18 миллионов марок, т.-е. больше 8% всего банковского капитала. Грозило банкротство. Выход был найден: фирма «Universal Pictures Corporation» в Нью-Йорке дала UFA ссуду в 15 миллионов марок по 8% и, тем самым, прибрала к рукам эту крупнейшую немецкую кино-фирму. Рабочая пресса сообщает, что означенная нью-йоркская фирма имеет целью прекратить немецкое производство кино-фильм и уже теперь начинает наводнять немецкий кино-рынок американскими фильмами.

Можно было бы умножить приводимые примеры во много раз. Но и этого достаточно, чтобы судить о том, как быстро немецкая промышленность разбазаривается под эгидой «плана Дауэса», как неуклонно катится Германия в руки американского капитала.

VI.

Упомянутый уже нами «демократический» профессор Бонн писал в «Берлинер Тагеблатт» от 8 ноября 1925 года: «Уже третий раз стоит немецкий капитализм перед угрозой кризиса». Первый кризис, по мнению почтенного профессора, происходил немедленно после войны, во время «наступления большевизма»: этот кризис был пережит «благодаря сопротивлению организованной части немецкого пролетариата», т.-е. социал-демократия и профессиональная бюрократия спасли немецкий капитализм от смертельного удара. Ценное признание, которое следует запомнить. Второй кризис, который Бонн называет «большевизмом индустриальных магнатов» (Industriherren-Bolschewismus), наступил в период инфляции и состоял в том, что «отдельные индустриально-капиталистические группы» завладели всем богатством страны. Но когда наступила стабилизация,—меланхолически заявляет Бонн,—то оказалось, что большая часть грабежей была бесплодна, Германия обеднела капиталами, а те, которые полагали, что они присвоили себе капиталы других, владели этими капиталами только в своих книгах». Теперь Германия стоит перед угрозой третьего кризиса, который не менее опасен, чем первые два. Он отчасти связан с общемировой послевоенной экономической ситуацией: «Автоматическая отдушина, которая регулировала капитализм всего мира до войны, вывоз капитала для создания новых покупателей больше не функционирует». Европа обеднела, Америка сделалась капиталистическим поставщиком всего мира. Притом еще, «во время войны и инфляции капитализм расширил свой технический аппарат до последних пределов в то время, как потребители уменьшились». В прежние времена кризис время от времени потрясал хозяйственный организм, он приводил все же к понижению цен и к новой технической перестройке промышленности, т.-е. к движению вперед. Капитализм же сегодняшнего дня не двигается вперед, «если он и думает о понижении цен, то только за счет понижения заработной платы рабочего. Он забывает притом, что от дохода рабочего зависит благополучие его рынка. Одним словом, Бонн, который не прочь к своим чисто экономическим расчетам прибавить несколько благочестивых рассуждений в духе Кантовского «категорического императива», заключает со вздохом: капиталист сегодняшнего дня «отклоняет правило, что капитализм имеет не только право получать прибыль, но и обязанности нести жертвы» (курсив Бонна. *Г. З.*).

Мы не будем итти дальше, вслед за рассуждением почтенного профессора, который, в конце концов, приходит к выводу, что «в сущности, третий кризис, кризис кредита, может быть разрешен, конечно, опять-таки американским дядюшкой, патриотическим «самопожертвованием» индустриальных королей и некоторым «терпением» рабочего. Ибо «нести жертвы», по мнению демократов, вовсе не значит выкладывать из капиталистического кармана часть прибыли или совсем ее лишиться, а быть дальновиднее и не слишком раздражать рабочего. Поэтому Бонн высказывается против таможенной политики германского правительства и рекомендует борьбу за удешевление цен. Все это было бы весьма неплохо, если бы, если бы... мелкобуржуазные политики типа Бонна не плелись в хвосте у юнкеров и магнатов тяжелой индустрии, которая сейчас у власти в Германии и делает свое, сугубо классовое дело: дело выкачивания прибыли из трудящихся масс всяческими средствами и перекладывания тяжестей репараций на плечи рабочего.

Характерно, что социал-демократические вожди до последнего момента наличия или угрозы кризиса не признавали и рисовали перед своими избирателями довольно радужные картинки. Еще в начале ноября, когда безработица угрожающе стала расти, «Форвертс» весьма осторожно и завуалированно писал, что «затруднения в сбыте продолжаются», так же, как «нужда в капиталах и кредите». Они характеризовали положение как «выжидательное». И только под влиянием энергичной кампании компартии и криков о нужде в рабочих массах с.-д. принуждены были признать наличие кризиса. В номере от 29 ноября «Форверст» пишет: «Развитие рабочего рынка принимает постепенно такие формы, которые близки к кризису, нехватка капиталов, застой в предприятиях, скверные деловые перспективы, приостановки платежей,—все это приводит не только к выбрасыванию рабочих, но и служащих. Крупная безработица растет не только в металлургической и деревообделочной промышленности, но и в конфекционной. Даже в отелях сокращают служащих; на рынке появилось много сокращенных отельных работников и горничных». По вычислению того же «Форвертса» к 1 декабрю было: 91.935 безработных в одном Берлине (прирост за одну неделю на 10.000 человек); из них 62.117 мужчин и 29.818 женщин. Социальное обеспечение получают 31.790 мужчин и 8.837 женщин, т.-е. всего 40.663 человека, да на общественных работах занято 1.346 человек. Таким

образом, если даже признать, что получающие социальное обеспечение (в среднем от 8 до 10 марок в неделю) [1] кое-как просуществуют до лучших времен (когда-то они будут!),—то все же до 60% безработных в Берлине обречены буквально на голодную смерть, если не будут приняты в самый кратчайший срок героические меры. Нужно ко всему этому прибавить, что подобные же известия о критическом положении в промышленности и, вместе с тем, и на рабочем рынке идут из разных концов Германии. Тот же «Форвертс» сообщает, что, например, «в Рейнской провинции сокращения в железоделательной и железообрабатывающей промышленности производят почти паническое впечатление».

Прибавьте к этой безработице растущую не по дням, а по часам дороговизну—и вы получите приблизительно верную картину о современном хозяйственном положении «рационализированной» Германии и о «достижениях» рабочего класса при торжественно провозглашенной с.-д. «теоретиками» эре «хозяйственной демократии». Некоторые факты говорят сами за себя. С 17 по 23 ноября торговый индекс поднялся с 121,0 до 122,7. Поднялись оптовые цены на хлеб, масло, хлопчатую бумагу и др. сырье. В общем, предметы аграрного производства вскочили за одну неделю на 2,4%. Еще ярче обстоит дело с розничными ценами: с августа по ноябрь месяц цены на предметы первой необходимости поднялись на 12,7% [2]).

Это—результаты таможенной политики правительства Лютера, проведенной не без участия социал-демократии, или, в лучшем случае, при ее попустительстве дикому разгрому протестовавшей коммунистической фракции, учиненному буржуазно-монархическим блоком германского рейхстага.

В общем, если исходить из данных, приводимых статистикой «германского ВЦСПС» (Allgemeiner Deutsch. Gewerkschaftsbund). квалифицированный рабочий получал 200—220 марок в месяц, что равнялось, примерно, к сентябрю 1924 г. 83,9% довоенной заработной платы. По вычислениям «Роте Фане» реальная заработная плата квалифицированного немецкого рабочего составляет сейчас всего 60% довоенной и за один год упала, вследствие растущей дороговизны, на 10%. Таким образом, налицо — общее понижение, прогрессирующее притом в последний год, уровня жизни рабочего класса. И не только рабочего, но и интеллигента. В этом смысле чрезвычайно показательно недавно состоявшееся собрание немецких художников, которые протестовали против покупки государством (Прусский ландтаг) какой-то статуи древне-римской богини за миллион марок, в то время, как огромная часть художников терпит сильнейшую нужду. На собрании приводились новые случаи самоубийств художников, нищеты, царящей в их семьях; между прочим, отмечался тот факт, что около 450 ателье за последнее время перешло из рук художников в руки послевоенных «шиберов». Не лучше обстоит дело со служащими, в частности, напр., с почтовыми работниками, которые недавно выставили категорические требования повышения заработной платы, грозя забастовкой.

«План Дауэса», дополненный таможенными пошлинами в пользу аграриев—результат политики с.-д.—собирает обильную **жатву.**

(Окончание в следующем номере).

---

[1]) По данным, относящимся к февралю—марту 1925 года, рабочий, ниже 21 года получал еженедельно социальное обеспечение в размере от 3,25 до 5,25 марок, выше 21 года от 5,95 до 8,70 марок, женатый рабочий без детей—от 7,50 до 11,95 марок и женатый рабочий с двумя детьми—от 10,40 до 16,50 марок. В среднем на одного безработного получается от 8 до 10 марок еженедельно. На 32—40 марок в месяц в Германии можно теперь очень быстро умереть с голоду. (См. «Jahrbuch des Allgemeinen Deutschengewerkschaftsbundes». за 1924 год. Berlin 1925. Verlagsgesellschaft des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes).

[2]) По сообщению «Welt am Abend» за август—ноябрь 1925 года розничные цены поднялись: на мороженое мясо с 3 до 7%, свиное мясо—с 3 до 6%, ветчину—на 11,1%, колбасу—с 5 до 10%, яйца—на 11,5½%, маргарин—на 15%, поваренную соль—на 12,5%. Падение цен, между прочим, произошло на предметы продовольствия, которые употребляются не рабочими, а состоятельными кругами, как, напр., дорогие сорта сыров и пр.

С. Тимов.

Гарантийный договор на Балканах.

Идея гарантийного договора на Балканах обязана своим происхождением той же причине, что и гарантийный договор на Западе: неуверенности стран-победительниц в возможности сохранения границ своих территорий. Автором же этой идеи является быв. министр иностранных дел Греции г. Рентис.

То обстоятельство, что именно Греция, а не какая-нибудь иная балканская держава, выступила с проектом договора—не случайно и заслуживает нашего внимания. Дело в том, что в настоящее время одной из самых могущественных стран на Балканах является, несомненно, Юго-Славия. В Малой Антанте она, наряду с Чехо-Словакией, играет первую роль. С Италией у нее более или менее урегулированные отношения, Францию она имеет за собою в вопросах внешней политики. После предательства Стефана Радича и вступления его партии на путь примирения и сотрудничества с монархией старой Сербии, укрепилось и внутреннее положение этой страны. Все это вместе взятое дает ей возможность вести активную политику по отношению к своим соседям.

Прежде всего это сказывается на поведении Юго-Славии в Албании. Известно, что правительство Ахмед-Зогу, свергнувшее в свое время правительство Фан-Ноли, установилось благодаря непосредственной помощи Юго-Славии. Уж это одно должно было повести к тесной зависимости албанского правительства от Белграда. Немедленно по установлении режима Ахмед-Зогу Албания уступила Юго-Славии некоторые пограничные местности (область Вермош и монастырь св. Наума, что на берегу озера Охрида), которые были признаны за Албанией даже великими державами. Цена-бег, министр внутренних дел Албании, сообщил недавно, что албанское правительство собирается закупить два тропеллера для охраны берегов страны. В то же время, оно разоружает население в целях избежания возможного восстания в будущем. Все эти меры диктуются из Белграда и проводятся в жизнь с денежной помощью последнего. Недавно в некоторых балканских газетах проскользнуло известие о том, что Юго-Славия потребовала от Албании вступления с нею в таможенный союз, что означает, если это правда, попытку со стороны юго-славской буржуазии окончательно закрепить свои позиции в Албании и поставить последнюю в вассальную зависимость от себя.

Когда в январе 1924 года Юго-Славия подписывала соглашение с Италией, в силу которого она отказывалась от всякого вмешательства в дела Фиуме и этим самым уступала фактически его Италии, то Юго-Славия поступила так не только под давлением внешних обстоятельств, но и в силу соображений внутренней политики. Фиумский порт был одной из тех экономических предпосылок, которые давали возможность развиваться хорватскому автономистскому движению. С уступкой Фиуме Италии хорватская буржуазия лишилась выхода в море, и возможность будущей экономической и политической независимости Хорватии подорвана. Надо думать, что эта политика сербской националистической буржуазии сыграла не последнюю роль в развитии предательского поведения вождей Хорватской республиканской партии.

Несмотря на то, что Юго-Славия имеет пока возможность беспрепятственно пользоваться фиумской гаванью, она предпочла бы этого не делать, потому что не хочет слишком ставить себя в зависимость от Италии. Салоникский порт на Эгейском море, который находится в греческих руках, представляет из себя больше выгод уже хотя бы потому, что Греция—слабое государство, и пользование ее услугами не может повести к таким последствиям, что пользование итальянскими портами. Юго-Славия усиленно обратила поэтому, с потерей для себя Фиуме, свои взоры на Салоники [1]).

Греция находилась в союзных отношениях с Юго-Славией с 1913 г. В прошлом году Юго-Славия денонсировала этот договор. Греция, у которой еще памятны недавние ее поражения в Малой Азии, опасается за свои границы, при чем эти свои опасения разделяет как в отношении национально-революционной Турции, так и в отношении реакционно-фашистской Болгарии. Она поэтому стремится возобновить оборонительный союз с Юго-Славией, которая на это готова пойти, но при условии полного удовлетворения ее требований. В сентябре 1924 г. между Грецией и Болгарией был заключен договор о взаимном покровительстве национальных меньшинств в этих странах. Юго-Славия усмотрела в этом акте признание со стороны Греции болгарского характера национальных славянских меньшинств в греческой Македонии и приняла его за вызов по своему адресу. Под давлением Юго-Славии, выразившимся в указанном денонсировании договора 1913 г., договор с Болгарией не был ратифицирован греческим парламентом, и болгары и по сей день горько жалуются на своего южного соседа. Зато этот благородный жест греческого правительства вызвал аплодисменты у Белграда, который готов был снизойти к Афинам и начать переговоры о возобновлении денонсированного договора на новых началах. Переговоры действительно были начаты, но то и дело то, прерывались, то, под давлением великих держав, возобновлялись. Во время этих переговоров выяснилось, что юго-славская буржуазия не лишена прекрасного империалистического аппетита, и хотя в результате войны она получила немало территорий, но ее ненасытная пасть чувствует себя в силах проглотить еще кое-какие «прирезки». Юго-славская делегация потребовала во время переговоров признания со стороны Греции сербского характера славянских меньшинств, населяющих Македонию, и интернационализации железнодорожной линии Гевгели—Салоники, соединяющей Юго-Славию с салоникским портом. Юго-Славия пользуется сейчас свободной зоной в Салониках, облегчающей сербский транзит через греческую территорию, но юго-славская буржуазия этим не удо-

[1]) Юго-Славия стремилась к этому порту, конечно, еще и раньше, но потеря Фиуме послужила лишним стимулом к ее экспансии к Эгейскому морю.

влетворяется и, пользуясь затруднительным положением греческого правительства, под видом интернационализации железнодорожной ветки, хочет на самом деле стать полным хозяином положения в Салоникском порту и на ведущих к нему подступах.

Салоники имеют несчастье находиться всего в 60 клм. от сербской границы, представляя важнейший стратегический пункт. Та из балканских стран, которая фактически им владеет, имеет возможность связываться через Эгейское море непосредственно с великими империалистическими державами и получать оттуда в случае, скажем, войны снаряжение независимо от того, в каком положении и в чьих руках будут находиться Дарданеллы. В последнюю империалистическую войну союзники, пользуясь Салониками, высадили там свой десант, и этим сумели обеспечить себе македонский фронт. Значение этого порта тем более велико, что он соединен железнодорожным путем с одной стороны с Малой Азией, с другой—с Зап. Европой. Уступая домогательствам сербов, греческие делегаты предлагали им установление такого жел.-дор. тарифа для сербских товаров, который был бы в 3 раза меньше тарифа на сербских дорогах для греческих товаров, так же, как проведение нового жел.-дор. пути для нужд юго-славского транзита, но юго-славская делегация выставила такие требования, на которые Греция ни в коем случае не может пойти.

Чего же домогаются сербы? Работы греко-юго-славской конференции происходили в таких условиях, которые не дают возможности точно знать, что там происходило, но зато юго-славская печать оказалась достаточно откровенной и разболтала небезинтересные вещи. «Трговински Гласник», сербский торгово-промышленный орган, писал 18 августа по поводу греко-сербских переговоров вот что: «Салоники являются естественным портом, необходимым для торгового транзита и экономической жизни Вардарского бассейна и главных балканских стран, связанных с ним. Нет никакой силы, никакой возможности изменить эту жизненную связь плодородной и богатой области Балканского полуострова с Салониками. Этим обстоятельством и определяется значение Салоник в бассейне Средиземного моря. Балканский хинтерланд не может существовать без Салоник так же, как Салоники не могут существовать без балканского хинтерланда. Такова реальная действительность, относительно значения которой должен отдать себе отчет всякий политик. Но эта реальность, которую мы имеем в виду во время переговоров с греками, рассматривается последними—как тенденция с нашей стороны оккупировать Салоники, как империалистический план, направленный к расширению нашей территории в ущерб нашему соседу». Такова оценка вещей со стороны газеты. Но, признается она дальше, «есть, однако, значительная часть правды в этой греческой концепции. Наше государство, в силу географических и других условий, должно иметь свободный выход в море через Салоники, лишенный каких бы то ни было препятствий с чьей бы то ни было стороны. Наше государство должно иметь этот выход,—это не амбиция, а жизненная необходимость, подобно тому, как мы нуждаемся в воздухе, в воде и пище для организма. Греческие государственные мужи должны это понять. И им тогда не будет трудно сделать вывод относительно своей позиции по отношению к нам. Единственно благоразумный вывод может

быть только следующий: «если королевство сербов, хорватов и словенцев должно иметь свободный выход через Салоники, если в его жизненных интересах—обеспечение торговых связей, то ясно, что его империалистические замыслы по отношению к Салоникам смогут быть устранены только в том случае, если с греческой стороны не будут поставлены никакие препятствия для торгового выхода юго-славского государства через этот порт». Довольно оригинальная постановка вопроса: если Греция хочет избегнуть результатов захватнических поползновений националистической буржуазии Юго-Славии, то она должна сейчас же и добровольно удовлетворить ее разгоревшиеся империалистические страсти. Но если у Греции не будет к этому склонности? Тогда слова внушения должны уступить место орудиям принуждения. «Неужели в Греции не найдется благоразумного человека, который бы понял, что наше государство предпочтет обеспечить себе выход через Салоники при помощи дружественного соглашения, а не добиваться этой уступки военным нападением? Непримиримая позиция греческих государственных мужей неизбежно вызывает эту угрозу по отношению к Салоникам. Мы должны иметь выход через Салоники. От греческого правительства зависит, чтобы эта необходимость стала пунктом дружбы и общности интересов, а не мотивом нашего расширения, в каковом случае греки не могут надеяться на благоприятный исход или какой-нибудь успех» [1]).

Вопрос слишком очевиден: если Греция не захочет отказаться от своего суверенитета и дать возможность Юго-Славии хозяйничать по своему усмотрению в Салониках и на жел.-дор. участке Гевгели—Салоники, то юго-славская буржуазия готова направить на нее свою армию и заставить подчиниться силою оружия. Греция поставлена под угрозу войны со стороны Юго-Славии.

Не чувствуя себя в силах одной противостоять домогательствам Юго-Славии, Греция и прибегла к идее гарантийного договора на Балканах. Основой этого договора должен служить нынешний территориальный, экономический и политический status quo. Таким путем Греция думает заинтересовать в салоникском вопросе все балканские державы, которые, как она надеется, не допустят осуществления юго-славских домогательств в отношении ее. Однако, из проекта будущего договора исключается Болгария. Фактически это означает капитуляцию Греции перед юго-славским империализмом. Между Грецией и Болгарией существует, конечно, антагонизм. Болгария, в силу Нейского договора, настаивает на защите нацменьшинств в Греции, а также требует предоставления ей выхода через Эгейское море. Этот последний вопрос вспоминают теперь очень неохотно, но тем более энергично каждый раз его поднимает болгарское правительство. Греции было бы, конечно, не трудно урегулировать отношения с Болгарией, как с государством побежденным и не претендующим пока на слишком многое. Но она опасается гнева Белграда, заклятого врага Софии, и поэтому сразу же исключила из своего проекта Болгарию.

Как отнеслись к этой идее остальные балканские страны? Юго-Славия отнеслась к ней определенно отрицательно. Какой

[1]) Цитировано по «Ле-Мессажер д'Атен» от 28 августа 1925 г.

ей смысл допустить вмешательство третьей стороны в спор со своим южным соседом, когда она чувствует слабость противной стороны и уверена в своих собственных силах? Устами Нинчича, министра иностранных дел, она высказалась против гарантийного договора и за союз балканских стран. «Я лично думаю,— сказал он сотруднику белградской «Слободна Речь»,—что лучше будет заключить балканский союз, чем гарантийный договор, без поручительства и без санкций». По его мнению, балканский договор без Болгарии не имеет никакого смысла. Греко-юго-славские переговоры, надеется он, приведут к заключению союза. «Союз должен стать предпосылкой гарантийного договора» на Балканах, заявил Нинчич корреспонденту афинской «Емброс». Иными словами, Юго-Славия ничего не имеет против гарантийного договора, но при условии, что он будет заключен не на основе нынешнего территориального, экономического и политического status quo, а, по урегулировании греко-сербских отношений, на основе нового соотношения сил.

У Румынии идея Рентиса вызвала одновременно надежды и опасения. Салоники лежат на международном жел.-дор. пути, идущем в направлении на Запад через Ниш. От Ниша уходит жел.-дор. ветка к Дунаю (по юго-славской территории) до Паланки, против которой лежит румынский Турну-Северин, соединенный со страной железной дорогой. Если у Турну-Северина перебросить мост через Дунай, то Румыния этим самым соединяется при помощи этой жел.-дор. ветки с Салониками, через которые в случае войны с СССР и закрытия проливов, Румыния сможет снабжаться великими империалистическими державами. Между Румынией и Грецией уже происходят по этому поводу переговоры, но в какой именно стадии они находятся, еще трудно сказать.

То обстоятельство, что не исключена возможность полного торжества юго-славских домогательств в отношении Греции, сильно беспокоит Румынию. Наряду с Юго-Славией, она претендует на господствующее положение на Балканах. Но фактическое завладение Салониками и укрепление в Албании усилило бы Юго-Славию и ослабило Румынию. В одной бухарестской газете («Романия») мы нашли несколько времени тому назад одну корреспонденцию из Софии, поднимающую истерический вопль по поводу того, что Юго-Славия—по пути к осуществлению своей гегемонии на Балканах. «Виниторул», официоз румынского правительства, сообщил, что возобновление греко-сербского союза должно быть направлено против Турции, Болгарии и... Албании. Если принять во внимание, что эта последняя находится в вассальной зависимости от Юго-Славии, и никакой угрозы с ее стороны не может быть, то ясно, что речь идет просто о предоставлении Юго-Славии свободы действий в Албании. Румыния смотрит на подобное усиление Юго-Славии с большой тревогой. «Всякое изменение в отношениях Юго-Славии с другими балканскими странами, изменение, которое бы облегчило установление и укрепление чьей-нибудь гегемонии, не было бы в соответствии с нашей внешней политикой» («Романия» от 8 августа).

Что же намерена предпринять Румыния? Она отказалась, по сообщениям некоторых газет, обсуждать греческое предложение до того момента, пока Греция не урегулирует спорных вопросов с Юго-Славией, но в то же время вступила в сепаратные переговоры со своими соседями о заключении арбитражных договоров. На одном из заседаний сентябрьской сессии Лиги Наций Дука, румынский министр иностранных дел, заявил, что «в настоящий момент Румыния ведет переговоры с рядом стран, речь идет о заключении местных арбитражных договоров». По поводу румыно-болгарских отношений министр заявил корреспонденту «Прагер-Прессе», что «в настоящее время мы ведем переговоры с Болгарией с целью разрешения ряда вопросов, которые возникли в связи с применением мирного договора, и я уверен, что мы достигнем соглашения, которое удовлетворит обе стороны». И далее: «по пути к румыно-болгарской дружбе нет никаких препятствий». Оба эти заявления вызвали большую сенсацию и не меньшее возмущение в Белграде. Румыния ведет переговоры об арбитраже со своими соседями. Но кто такие эти соседи? Болгария и Венгрия! Следовательно, Румыния, будучи в союзных отношениях с Юго-Славией, без ведома последней, посмела вступить в переговоры с ее врагами. Предательство!—завопила вся белградская печать. И действительно, если Румынии удастся заключить договоры о ненападении со своими соседями, то это может послужить причиной радикального изменения политики по отношению к Юго-Славии.

Когда Рентис предлагал гарантийный договор, то он думал направить страны, заинтересованные в сохранении равновесия на Балканах, против Юго-Славии. Оказалось, однако, обратное: хотя они и опасаются изменения этого равновесия, но, в надежде и самим воспользоваться потом плодами этой «победы», заинтересованные страны решили выдать Грецию на с'едение Юго-Славии. В этом отношении представляется характерным тот факт, что на последней (майской) конференции Малой Антанты, как теперь оказывается, обсуждался вопрос о линии Гевгели—Салоники. Греция, узнав об этом, потом заявила официальный протест. Мало того, надеясь на благоприятный исход греко-сербских переговоров, страны Малой Антанты, т.-е. Юго-Славия, Румыния и Чехо-Словакия назначили даже специальную конференцию (на сентябрь, в Бухаресте), посвященную вопросу о транспорте. Следующая интересная телеграмма из Бухареста была по этому поводу опубликована газетой «Политиа»: «Основной транспорта стран Малой Антанты, в особенности во время войны и главной линией по снабжению этих стран, является путь, который соединяет их с Салоникским портом. В надежде, что греко-сербский союзный договор будет подписан, после чего Сербия должна была представить на усмотрение Мал. Антанты соглашение о железных дорогах, соединяющих Грецию, была назначена конференция на первые дни сентября. Так как греко-сербский договор не был подписан, то транспортная конференция была отложена». Страны Малой Антанты, в числе их Чехо-Словакия, столь отдаленная от Греции, собирались, таким образом, поделить шкуру не убитого еще зверя.

Каковы шансы на действительное заключение гарантийного договора на Балканах? На наш взгляд, очень сомнительно, чтобы он увидел когда-нибудь свет. Для того, чтобы этот договор был подписан, придется преодолеть большие препятствия не только в области отношений между побежденными и странами-победительницами, но, прежде всего, в области отношений между последними. На противоречиях интересов, разделяющих Румынию и Юго-Славию, главные балканские страны, мы остановились

выше, теперь укажем на два привходящих обстоятельства, усложняющих положение: 1) на роль великих империалистических держав и 2) на значение польско-советского сближения.

Великие империалистические державы кровно заинтересованы в балканских делах. Англия нуждается в сильной Греции, которая, когда это понадобится, сможет быть направлена против революционной Турции. Поэтому она не допустит уступки Салоник Юго-Славии. Владея Салониками, Юго-Славия не могла бы позволить себе не строить собственного флота. Юго-славский флот, соединенный с итальянским, представлял бы серьезную угрозу английскому господству на Средиземном море и пути в Индию. Поэтому Салоники должны оставаться в руках Греции, ибо того требуют высшие интересы британской империи, у которой Греция только вассал. Но если это в интересах английского империализма, то это невыгодно в интересах Франции. И если нельзя преподнести Юго-Славии во владение салоникский порт, то можно завладеть подступами к нему—линией Гевгели—Салоники.

Так как Греция оказалась неуступчивой, то прибегли к следующему проекту урегулирования вопроса об этом железно-дорожном участке: последний должен быть передан в эксплоатацию смешанному обществу из греческого, сербского и французского капитала: грекам и сербам должно принадлежать по 40% акций, а французам—20%. Арбитрами в спорных вопросах должны быть французы. Перспектива господства французского капитала на линии Гевгели—Салоники не по душе, конечно, англичанам. Осуществится ли этот проект или нет, но пока что он должен повести к обострению англо-французских отношений на этом участке империалистического фронта.

Польско-советское сближение имеет то отношение к событиям на Балканах, что окончательно хоронит, думается нам, возможность вступления Польши в состав Мал. Антанты. Оно ставит под вопросительный знак все значение польско-румынского оборонительного союза, долженствующего гарантировать восточные границы Румынии.

Договор между Румынией и Польшей был подписан 3 марта 1921 года и гарантировал взаимную вооруженную помощь на случай нападения СССР на одну из договаривающихся сторон. Обе стороны обязались не заключать сепаратного мира и даже перемирия, по всем вопросам внешней политики (в отношении к СССР), они должны предварительно совещаться для того, чтобы выступать потом солидарно и не заключать договоров с третьей стороной без предварительного согласия союзника. Срок договора был установлен в пять лет, так что через пару месяцев истекает его сила. Одна бухарестская газета сообщила по этому поводу, что никто не думает о его денонсировании, и что договор будет, вероятно, возобновлен. Однако, у нас нет пока никаких оснований утверждать, что польско-румынский оборонительный союз действительно будет возобновлен. Наоборот, есть кое-какие основания предположить, что возобновление договора наталкивается на трудность. Польша, после наметившегося сближения с СССР, не так заинтересована в оборонительном союзе с Румынией, как прежде, после окончания польско-русской войны, когда этот договор был заключен. Мало того, при неурегулированности отношений между СССР и Румынией из-за бессарабского вопроса, польско-румынский союз принял бы неизбежно односторонний характер, выгодный Румынии, но ничего, кроме плохого, не сулящий Польше. Вот почему Румыния, сознавая это, пытается сейчас привлечь Польшу новыми приманками, с одной стороны, и урегулировать отношения с СССР,—с другой. В румынский парламент вносится сейчас законопроект о так называемых автономии портов и свободных зонах в них. Созданием специального режима в Констанце и Галаце предполагается облегчить транзитную торговлю Польши с Ближним Востоком. Польша давно добивалась этого мероприятия, но все неудачно, теперь же, видимо, бухарестское правительство сочло момент подходящим и вносит соответствующий законопроект. Удастся ли Румынии таким путем расположить к себе Польшу или нет—покажет ближайшее будущее, но пока что очевидно, что с делом возобновления польско-румынского оборонительного союза обстоит не так просто.

Поездка т. Чичерина по Западной Европе внесла сильное замешательство в ряды балканской правящей буржуазии. Успехи советской дипломатии заставляют последнюю серьезно призадуматься над судьбами отношений с СССР. Имеются сообщения о том, что Юго-Славия решила вступить на путь урегулирования взаимоотношений с СССР и пойти, в этом отношении, впереди других стран из Малой Антанты. В 20-х числах января, в Рагузе (на берегу Адриатического моря, Юго-Славия) должна состояться очередная конференция Малой Антанты. В связи с этим вновь всплыл на поверхность вопрос об отношении к СССР. Общеизвестно, что в этом отношении страны Малой Антанты не брали на себя никаких обязательств друг перед другом и каждая из них вольна поступать согласно своим интересам. Это обстоятельство дало повод некоторым газетам утверждать, что возможность включения русского вопроса в повестку дня рагузской конференции исключена. Однако, надо думать, что этот вопрос все же будет обсуждаться, поскольку внешнее укрепление СССР имеет важное значение для стран Малой Антанты.

Из всех балканских стран Румыния—самый заклятый враг Советского Союза. Тем более симптоматичное значение приобретает тот факт, что, когда румынский мининдел Дука выступал на предпоследней сессии Лиги Наций, то он то и дело напоминал о румынском предложении, сделанном в 1922 г. советскому правительству о заключении договора, гарантирующего взаимное ненападение. Румынский министр заявил, что Румыния поддерживает это предложение и теперь. Если румынской буржуазии хватит мужества и разума вступить на путь действительного урегулирования отношений с СССР, то положение вещей значительно изменится, при чем не будет даже исключена возможность краха Малой Антанты.

Каковы перспективы для заключения гарантийного договора на Балканах? Нам думается, что говорить о его заключении еще очень преждевременно. По сообщению бухарестской печати, этот вопрос даже не будет обсуждаться на предстоящей конференции Малой Антанты. Об'ясняется это не только почти непреодолимым противоречием интересов, существующим между буржуазией балканских стран, но—в силу неопределенности положения,—выжидательной позицией правительств этих стран.

Польско-советское сближение, возможное окончательное урегулирование отношений между СССР и Францией, одной из «покровительниц» балканской буржуазии, намечающееся стремление со стороны белградского и бухарестского правительств к урегулированию своих отношений с Москвой,—все это вместе взятое вызовет, если действительно случится, такое радикальное изменение положения вещей на Балканском полуострове, которое неизбежно повлечет новую перегруппировку сил, новые договоры на совершенно новых началах. Пока же Балканы представляют заколдованный круг, в котором солидарность и противоречие интересов, внешняя верность и тайная измена союзам и предательство переплетаются друг с другом.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Переворот в ленинизме, совершаемый тов. Зиновьевым[1]).

(По поводу книги «Ленинизм»).

Эта статья написана в результате коллективной проработки книги т. Зиновьева «Ленинизм» в группе слушателей курсов марксизма при Комакадемии.

Сначала мы ставили себе задачу выявить и разобрать то ошибочное, что, на наш взгляд, содержится в книге т. Зиновьева, с тем, чтобы, не вдаваясь в полемику, облегчить другим партийным товарищам, главным образом, сотоварищам по учебе, возможность проработки затронутых вопросов и чтения широко распространенной книги т. Зиновьева.

При проработке этой книги мы убедились, что в ошибках т. Зиновьева проявляется определенная политическая тенденция, что отдельные ошибки являются отнюдь не случайными, а представляют собою связную цепь рассуждений, рассуждений ошибочных, но тем не менее претендующих на то, что может быть названо особой политической платформой.

То обстоятельство, что в полемике против ЦК нашей партии со стороны ряда ленинградских товарищей, и на конференциях и в печати книга т. Зиновьева послужила основным арсеналом для их аргументации, еще больше убеждает нас в том, что эта книга представляет собою попытку теоретического обоснования особой политической платформы.

Выступление т. Зиновьева на XIV партс'езде показало, что этот «арсенал» теоретического оружия для нападения на руководящий коллектив нашей партии далеко не случайно оказался в руках нападающих. Он был не только любезно предоставлен, но и предупредительно задуман для использования его новоявленной оппозицией.

Все это заставило нас, не изменяя в основном нашей работы, придать ей полемический характер.

Мы не исчерпали всех ошибок т. Зиновьева и разобрали только основные из них, но и этих ошибок вполне достаточно, чтобы доказать теоретическую негодность того оружия, которым замахнулась нововявленная оппозиция на ленинское единство партии.

* * *

За последнее десятилетие мы имеем три великих исторических полосы. Первая—от начала империалистической войны до Октябрьской революции 1917 года—ставила перед пролетариатом задачу революционного выхода из войны и захвата власти. Русский пролетариат выполнил эту задачу. Вторая—от Октября до нэпа—выдвигала задачу отстоять в

[1]) Печатаемая ниже статья прислана в редакцию до XIV партс'езда.

гражданской войне советскую власть и возможность строить социализм. Обе эти великие исторические полосы были чреваты кризисом мирового капитализма, обостренными противоречиями в империалистском лагере, революционным движением пролетариата в Германии, Австрии, Венгрии, Италии и других странах, а также национальным освободительным движением народов Востока. Но ни в одной стране, кроме России, пролетариату не удалось победить. Третью историческую полосу мы переживаем с начала нэпа и, повидимому, будем переживать еще продолжительное время. В СССР мы наблюдаем непреклонный рост элементов социалистического хозяйства, на Западе—временную стабилизацию капитализма и в то же время укрепление иностранных компартий, рост симпатий международного пролетариата к СССР, новый под'ем движения народов Востока (Китай, Марокко, Сирия и т. п.).

Перед нашей партией стоят в этой третьей полосе две центральные задачи: одна—внутри: строить социализм, вторая—во-вне: поддержка Коминтерна в его работе по большевизации компартий и завоеванию рабочих всех стран на сторону коммунизма; всяческая поддержка национально-освободительного движения народов Востока.

В решении задач нашего внутреннего строительства и подготовки мировой революции руководящей нитью служит нам ленинское учение.

Мы имеем несколько попыток изложить основные взгляды ленинизма. Одной из последних таких попыток является книга т. Зиновьева, названная им «Ленинизм». Особый ее характер заключается в том, что т. Зиновьев пытается изложить взгляды т. Ленина под углом зрения ряда «жгучих проблем», «от правильного решения которых в значительной мере зависят судьбы международного рабочего движения»; т. Зиновьев подчеркивает в предисловии, что дело идет не только о жгучих, но и спорных проблемах.

Претендовать на более или менее полное изложение взглядов т. Ленина книга не может; на это указывает и сам т. Зиновьев, и мы с ним вполне согласны.

Какие же злободневные вопросы выдвинул т. Зиновьев? Мы не касаемся первых глав, содержащих, в общем и целом, правильное изложение взглядов т. Ленина, заостренное против народничества и троцкизма. Актуальные жгучие вопросы следующие:

1. Диктатура пролетарита и классовая борьба.
2. Характер и сущность нэпа.
3. Путь к социализму и вопрос о кооперации.
4. Вопрос о победе социализма в одной стране.

По нашему мнению, т. Зиновьев не только неверно излагает подлинные взгляды т. Ленина по этим вопросам, но, трактуя их, допускает ряд теоретических и политических ошибок, расходясь с общепартийной линией в данный период.

Прежде чем перейти к разбору взглядов т. Зиновьева и сопоставлению их с действительной позицией т. Ленина, мы остановимся на самом характере изложения у т. Зиновьева.

В предисловии оговорено то, что автор будет приводить «обширные тексты» из сочинений тов. Ленина. Действительно, текстов приведено очень много, но, к сожалению, часто не соблюдены примитивные правила, которые нужно пред'являть к т.т., особенно, когда дело идет об изложении взглядов т. Ленина.

Во-первых, часто не соблюдается историческая последовательность в изложении взглядов т. Ленина.

Во-вторых, часто не приводятся те тексты, которые дали бы более правильное и всестороннее освещение взглядов т. Ленина.

В-третьих,—что особенно печально—некоторые тексты оборваны на важнейших местах, из некоторых текстов выпущены места, меняющие самый смысл их.

Самая большая трудность, однако, заключается в том, что нагромождение цитат «из разных эпох и времен» не дает возможности установить правильность утверждений т. Зиновьева, сделанных на основании этих цитат.

Этот способ цитирования является производным от того, что у самого т. Зиновьева противоречивые взгляды.

В ряде мест у тов. Зиновьева встречаются выводы, которые ни в какой мере между собой не согласованы.

Поэтому мы считаем необходимым держаться золотого правила, на которое указывает и т. Зиновьев.

«Читайте и перечитывайте по нескольку раз, изучайте и еще раз изучайте тов. Ленина по первоисточнику!».

1. Диктатура пролетариата и формы классовой борьбы при нэпе.

В X главе своей книги тов. Зиновьев, говоря о том, что «пролетарская диктатура дает возможность не только сплотить весь рабочий класс... но й дает возможность все более и более прочного завоевания на сторону рабочего класса непролетарских трудящихся масс»,—приводит следующие цитаты из Ленина:

«Крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это—довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это—обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. А при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному, неизменяемому со стороны именно крестьян, и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.».

И отсюда Ленин делает вывод:

«По отношению к этому классу—или к этим общественным элементам—задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых—вот что должен делать пролетариат». (Курсив *Г. З.*)[1].

Из этих цитат тов. Зиновьев, при помощи другой цитаты из Ленина, на стр. 205, в свою очередь делает следующий вывод: «Вести за собой колеблющихся, неустойчивых» пролетариат может... потому, что «сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения»[2].

«А сила пролетариата в советской стране—стране, где первый критический период диктатуры победоносно завершен,—в такой стране сила пролетариата во много, много раз больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения,—в особенности, если партия пролетариата в этой стране твердо стоит на почве ленинизма, т.-е. если она, между прочим, не заблуждается и насчет того, что колебания со стороны крестьянства

[1]) Н. Ленин, Собр. соч. т., XIV, стр. 354—355.
[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 458.

неизбежны и во второй, «мирный» период диктатуры, если не заменяет трезвый ленинский классовый анализ розовой «внеклассовой» водичкой, если она помнит, что классовая борьба продолжается и при диктатуре пролетариата, что капитализм и буржуазия растут из мелкого производства, «ежедневно, ежечасно», если она способна умело осуществлять диктатуру пролетариата, т.-е., между прочим, во-время менять формы проведения диктатуры при полном сохранении социальной сущности ее» (Зиновьев, «Ленинизм», стр. 205—206).

Разберем теперь те условия, которые действительно дают пролетариату возможность вести за собой колеблющееся крестьянство и посмотрим, что у т. Зиновьева в этом отношении верно и что не верно.

Что «сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения» и что это является одним из условий, обеспечивающих пролетариату его руководство над крестьянством, это верно.

Что в нашей стране, при диктатуре пролетариата, сила пролетариата во много раз больше его доли в общей сумме населения, это тоже верно.

Верно и то, что одним из основных условий руководства является правильная ленинская политика партии, то, чтобы партия твердо стояла на почве ленинизма.

Что же не верно у т. Зиновьева?

Не верно то, что при анализе условий, обеспечивающих пролетариату возможность вести за собой крестьянство, в деле социалистического переустройства нашей страны, т. Зиновьевым упущен один из основных моментов. Т. Зиновьев совершенно упускает из анализа второе об'ективное условие, заключающееся в том, что крестьянство—это не только «обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы», а и «довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста» (Ленин, т. XVI, стр. 354).

Вот этого-то второго необходимого условия, указанного в приводимых т. Зиновьевым цитатах т. Ленина, не замечает, или не хочет принять в расчет т. Зиновьев.

Он видит в крестьянстве только торговцев, только спекулянтов, только кулаков и не замечает основной массы трудящихся, «соединяемой общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста».

Не отсюда ли вытекают все дальнейшие ошибки т. Зиновьева?

Не отсюда ли проистекает непонимание т. Зиновьевым новых форм классовой борьбы в деревне при диктатуре пролетариата?

Не отсюда ли растут такие взгляды, что нэп—это отступление и только?

Не с этим ли связано непонимание ленинского кооперативного плана?

Не этим ли определяется неверие в победу социализма в нашей стране?

В дальнейшем изложении мы попытаемся доказать, что именно в этом отношении корень всех ошибок т. Зиновьева.

Перейдем теперь к следующему вопросу.

Выше мы видели, что одним из условий, обеспечивающих пролетарское руководство над крестьянством, т. Зиновьев, совершенно правильно, считает необходимость правильной ленинской политики партии. Правильно у т. Зиновьева и то, что без перечисленных им условий политика партии не была бы ленинской.

Но представляет ли перечисленное т. Зиновьевым всю сумму условий, при соблюдении которых «партия будет твердо стоять на почве ленинизма»?

Каждому ясно, что нет—не представляет.

Зачем же нужно т. Зиновьеву перечисление этих, и только этих, столь односторонних условий, при соблюдении которых «партия... твердо стоит на почве ленинизма»? Почему берутся только эти условия? А если, например, партия недостаточно чутко и внимательно будет следить за сохранением союза с середняком? Если она, «напуганная» или «раздраженная» ростом кулака, примет меры, затрудняющие рост сельского хозяйства в целом? Если партия не поймет необходимости и возможности некапиталистической эволюции крестьянства при диктатуре пролетариата? Разве при несоблюдении этих условий партия будет «твердо стоять на почве ленинизма»?

Эта односторонность в постановке вопроса тов. Зиновьевым тем более бросается в глаза, что он в дальнейшем изложении ни одним словом не обмолвился, что же по этому поводу думает партия. Заблуждается наша партия «насчет того, что колебания со стороны крестьянства неизбежны и во второй, «мирный» период диктатуры», или не заблуждается? Заменяет «трезвый ленинский классовый анализ розовой «внеклассовой» водичкой», или не заменяет? «Помнит, что классовая борьба продолжается и при диктатуре пролетариата», или не помнит? Способна она «во время менять формы... диктатуры при полном сохранении социальной сущности ее», или не способна?

На все эти, самим же тов. Зиновьевым поставленные, вопросы он не дает никакого ответа. Сослаться на то, что книга дает анализ основных положений ленинизма вне связи с практической политикой партии, тов. Зиновьев вряд ли захочет, так как тем самым был бы обесценен делаемый анализ, да и не сможет, так как и в предисловии и в основном тексте он неоднократно подчеркивает, что разбираемые им проблемы и выводы имеют «самое злободневное значение для нас и сейчас». (Стр. 207).

Еще большее подтверждение злободневности разбираемых тов. Зиновьевым проблем и делаемых им выводов получается при разборе им таких вопросов, как вопросы: об усилении советской демократии, об опасности «перерождения» диктатуры пролетариата, о новых формах классовой борьбы при диктатуре пролетариата и т. п. Тов. Зиновьев не разбирает конкретного осуществления диктатуры пролетариата в «форме союза между пролетариатом и непролетарскими слоями трудящихся» (стр. 207), но он особо подчеркивает, как имеющее злободневное значение, то, что «мысль Ленина заключается не в том, что нам нужен союз рабочего класса и крестьянства «вообще», а в том, что нам нужен такой союз рабочего класса и крестьянства, в котором (союзе) руководящая роль принадлежала бы рабочему классу» (стр. 207).

Говоря о необходимости смягчения форм руководства крестьянством со стороны пролетариата, о лозунге оживления советов и революционной законности, он не говорит, в какой мере и как мы должны смягчать формы диктатуры, как внести оживление в советы, чтобы это повело к упрочению диктатуры пролетариата, но он подчеркивает, что «осуществление «советской демократии» нужно суметь сделать так, чтобы ни на йоту не потрясти, не ослабить диктатуры пролетариата, не допустить даже малейшего «выскабливания» ее социального содержания». Он не дает анализа обстановки, в кой заложена возможность «перерождения» диктатуры пролетариата (как это

сделал, например, т. Бухарин в речи на московской губпартконференции), но он опять же подчеркивает, что «надо ясно видеть опасность «перерождения», заложенную в обстановке и противоборствовать этой опасности всеми подходящими средствами» (стр. 209—210).

Таким образом, хочет или не хочет этого тов. Зиновьев, у читателей его книги получается впечатление, что в партии по этим вопросам есть отход от позиции ленинизма и что такое положение дел в партии естественно заставляет тов. Зиновьева браться за перо, чтобы исправить «вывих».

Такое впечатление еще больше подкрепляется, когда тов. Зиновьев, говоря о двух опасностях, возможных для диктатуры пролетариата, как формы государственной власти, формулирует одну из них: «это — опасность непринятия своевременных мер против подтачивания пролетарской диктатуры мелкобуржуазной ржавчиной антипролетарских влияний на государственный аппарат, на экономику, даже на партию» (стр. 219, подчеркнуто нами). Заметим, что тов. Зиновьев говорит не об опасности подтачивания диктатуры пролетариата, самой по себе, а именно об опасности «непринятия своевременных мер против подтачивания пролетарской диктатуры» (подчеркнуто нами). Что это значит? Разве есть симптомы того, что такое подтачивание происходит, а партия не принимает необходимых мер против этого подтачивания? Но, ведь, если это подтачивание («ослабление», «разжижение», как выражается в других местах т. Зиновьев) пролетарской диктатуры происходит или грозит произойти, а партия необходимых мер не принимает, то ограничиваться только указанием на эту опасность, и только в книге, нельзя. Необходимо, во-первых, основательно проанализировать, из каких источников эта опасность проистекает, во-вторых, наметить мероприятия, противоборствующие этой опасности, и, в-третьих, мобилизовать силы партии для борьбы с этой опасностью. Почему же т. Зиновьев ограничивается только констатированием этой опасности, а не делает дальнейших выводов? Повидимому, страшен сон, да милостив бог.

В главе XII, «Ленинизм и нэп. Классовая борьба при диктатуре пролетариата», тов. Зиновьев совсем явно снисходит на грешную землю современности и с видимым успехом продолжает бороться с... ветряными мельницами. Он приводит цитату из опубликованного в третьем ленинском сборнике наброска т. Ленина «Некоторые стороны вопроса о диктатуре пролетариата»: «Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы пролетариата в новых формах... В этом гвоздь, этого не понимают»,—тов. Зиновьев заключает: «Вот именно этого не понимают, увы, и доныне. Этого не понимают, в частности, те, кто в леето от Р. Х. 1925 с серьезным видом доказывают, что кулака в современной русской деревне нет и в помине, или те, кто доказывает, что «накопление» в деревне будет происходить чуть ли не путем непорочного зачатия и т. д.» (стр. 260).

Кто же эти «те», т. Зиновьев?

XIV всесоюзная конференция РКП в своей резолюции о кооперации говорит: «Рост производительных сил в условиях дальнейшего развития товарно-денежных отношений влечет за собой, однако, и новые трудности. Наряду с укреплением социалистических элементов хозяйства СССР происходит и будет происходить в то же время развитие частного капитала и, связанное с этим, частичное обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства, как в городе, так и в особенности, в деревне.

Начавшееся с переходом к новой экономической политике расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства, с одной стороны, и пролетаризации его бедняцких элементов,—с другой» (Резолюции XIV партконференции. ГИЗ, Москва, стр. 20).

Представитель ЦК партии на VI всесоюзной конференции комсомола—тов. Бухарин заявляет: «Нужно со всей резкостью подчеркнуть, что в ближайшее время классовая борьба в деревне будет обостряться... По разным линиям будет итти эта борьба... Само собой понятно, что, если где-нибудь будут попытки насильственных действий против нас кулаков, мы будем их душить». («Правда», 19 июня 1925 года).

«Большевик» в статье тов. Бухарина «О нэпе и наших задачах», №№ 9—10, пишет: «Развитие будет итти в противоречивых формах. Крестьянство у нас неоднородно. Классовая борьба в деревне сразу не отомрет. Этого никто не будет отрицать. Думать это было бы бессмысленной маниловщиной. Наоборот, в ближайшее время она будет расти».

Резолюция пленума ЦК по докладу тов. Молотова о работе среди бедноты констатирует:

«2. Точно так же, как развитие нашей экономики вообще, в условиях нэпа, проходит в противоречивых формах и в борьбе различных хозяйственных систем (частный капитал и государственное хозяйство, индивидуальные и коллективные формы хозяйства), так и в области сельско-хозяйственного производства, в частности, совершенно неизбежен одновременный рост и капиталистических элементов (кулацкие земледельческие хозяйства, торговцы и т. д., неизбежно выделяющиеся из более зажиточных слоев крестьянства), и элементов, развивающихся в сторону социализма (коллективные хозяйства, кооперация и т. д.). Такие противоречивые тенденции неизбежно должны наблюдаться даже внутри самой кооперации, и вопрос окончательно решит лишь борьба этих тенденций».

Никакой оппозиции этим решениям и такой трактовке вопросов в партийном общественном мнении не замечалось. Где же это тов. Зиновьев нашел «тех», кто в лего 1925-е «прячет в карман руководящую роль пролетариата, замалчивает диктатуру пролетариата... кто глубокомысленно намекает на то, что капитализма у нас уже нет, или почти нет, что кулака нет, что наша политика одинаково полезна и кулаку и бедняку (стр. 272)? «Тех», кто самодовольно замазывает классовую борьбу в деревне (стр. 281), «тех», кто «сознательно или бессознательно ревизует ленинизм» (стр. 272)? «Тех», кто не понимает, что «государство лишь—орудие пролетариата в его классовой борьбе», тех, «кто доказывает, что наше пролетарское государство может вести такую политику, которая одинаково будет удовлетворять и кулака, и бедняка» (стр. 260)? Тех, чье «непонимание», «самодовольство», «замазывание» и «доказывание» грозило бы реставрацией капитализма в нашей стране? (стр. 274. Подчеркнуто нами). Уж не в лице ли отныне всем известного тов. Богушевского, тов. Зиновьев узрел эту опасность? Право же из-за писаний таких «опасных» тоза́рищей не стоило бы «огород городить».

И тут уместно будет поставить такие вопросы. А понимает ли сам тов. Зиновьев те новые формы классовой борьбы, которые заложены в новой нынешней стадии нэпа? Понимает ли тов. Зиновьев, что развязывание таварооборота, проводимое ныне партией, направлено к повышению национального дохода, а, следовательно, и к повышению дохода

и пролетарского государства; что повышение государственного дохода даст возможность пролетарской диктатуре оказывать не только политическую, организационную, а и материальную помощь бедноте и середняку; что налоговая политика пролетарского государства, его кредитная политика, кооперативная политика, политика цен и т. п., имеют целью взять больше у кулака и помочь бедноте и середняку? Понимает ли тов. Зиновьев, что именно в этом заключаются в основном новые формы классовой борьбы на данной стадии нэпа в эпоху диктатуры пролетариата? Всегда ли помнит тов. Зиновьев, что одним из основных моментов содержания классовой борьбы в данный период является борьба пролетарского государства, с одной стороны, и нэповской буржуазии и деревенского кулачества—с другой, за середняка, за то, чтобы перетянуть его на свою сторону, чтобы обеспечить пролетарскому государству поддержку широких масс среднего крестьянства и в деле социалистического строительства?

На все эти вопросы книга тов. Зиновьева положительного ответа не дает. Здесь нет даже попытки ответить на эти неизбежные вопросы, а все сводится к тому, чтобы создать у читателя чрезвычайно преувеличенную настороженность по поводу имеющего место роста кулачества, по поводу опасности «перерождения» диктатуры пролетариата, по поводу мнимого замазывания этих опасностей, мнимого «непринятия своевременных мер» и т. п. Тов. Зиновьев даже тов. Ленина пытается привлечь для того, чтобы «нагнать страху». Приводя цитаты из рукописи тов. Ленина, написанной в 1918 г. и опубликованной институтом Ленина в январе 1925 года, в которых тов. Ленин призывает рабочих к беспощадной войне против кулаков и указывает, что кулаков хотя и больше, чем помещиков и капиталистов, «но все же они представляют: меньшинство в народе... едва ли больше 2 миллионов»,—тов. Зиновьев восклицает: «двух миллионов! Это к сведению тех, кто утверждает, что кулаков у нас «почти» нет» (стр. 273). Конечно, те, кто утверждает, что у нас кулаков нет, или почти нет, очень жестоко ошибаются и подлежат осмеянию, как люди, не понимающие экономической действительности. Но право же, и тов. Зиновьев жестоко ошибается (и других вводит в ошибку), когда вслед за утверждением тов. Ленина, сделанным в 1918 году, он подчеркивает, что кулаков у нас 2 миллиона. Тов. Зиновьев, ведь это было в начале 1918 года! Разве можно при анализе социальных сил, ныне борющихся в нашей стране, опускать тот поистине великий процесс раскулачивания деревни, осереднячения деревни, который мы имели в первый период диктатуры пролетариата, особенно начиная с 1918 года, с проведения политики комбедов? Ведь это значит совершенно не понять того, о чем Ленин говорил неоднократно. Ленин еще на VIII с'езде партии в речи о работе в деревне говорил следующее: «В октябре 1917 года мы брали власть вместе с крестьянством в целом. Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась... Только летом 1918 года началась настоящая пролетарская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять эту революцию, работа наша была бы негодна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты—не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне.

Этот этап в основном также закончен» (Н. Ленин, том XVI, стр. 143).

«Главное, что является первой и основной задачей пролетарской революции, мы сделали. Именно потому, что мы это сделали,—на очередь стала задача более сложная: отношение к среднему крестьянству» (там же, стр. 144).

В докладе о продналоге на собрании секретарей ячеек РКП гор. Москвы, 9 апреля 1921 года, тов. Ленин, разбирая вопрос о тех изменениях, которые произошли за время революции в крестьянском хозяйстве, говорит:

«В результате получилось, что преобладающим элементом в деревне явились середняки. Мы знаем это из статистики, а всякий живущий в деревне знает это из своих наблюдений. Меньше стало крайностей в сторону кулачества, меньше в сторону нищеты, и большинство населения стало приближаться к середняцкому. Если нам нужно поднять производительность нашего крестьянского хозяйства, то мы должны считаться, в первую очередь, с середняком. Коммунистической партии и пришлось сообразно с этим строить свою политику». (Н. Ленин, том XVIII, ч. 1, стр. 196).

Конечно, с введением нэпа «раскулаченный» кулак начал вновь расти.

Но неужели для тов. Зиновьева рост кулака был таким неожиданным, и так сильно на него подействовал, что он в своей растерянности, кроме кулака, ничего не видит? Он даже и решения XIV всесоюзной конференции РКП пытается толковать только, как уступки кулаку, уступки крестьянской верхушке, уступки «именно капиталистическим элементам» (см стр. 255). Что этими решениями воспользуются и кулаки—это бесспорно. Но, что конференция политику партии намечала, исходя, главным образом, из интересов развития бедняцких и середняцких хозяйств—это факт, разжеванный во всей партийной прессе, начиная с весны 1925 года, ибо в основном решения XIV конференции направлены именно в эту сторону. Этими решениями, намечающими дополнительные меры развития производительных сил страны, обеспечивается ускорение темпа кооперирования крестьянства, укрепляется союз пролетариата с крестьянством, подводится более широкая база крестьянского рынка под развертывающуюся социалистическую государственную промышленность. Именно в этом основное содержание решений XIV партконференции, а отнюдь не в уступках кулаку.

О нэпе и госкапитализме.

В XI и XII главах тов. Зиновьев делает попытку изложить взгляды тов. Ленина на нэп, государственный капитализм и социалистическое строительство. Эти главы занимают, пожалуй, центральное место в его книге и имеют, по нашему мнению, действительно злободневное значение.

Прежде всего, о той общей оценке, которую дает нэпу тов. Зиновьев. Он указывает пять «стратегических отступлений в истории большевизма».

Новая экономическая политика (нэп). «Это самое широко задуманное отступательное движение ленинизма (?). Это—самый крупный, самый ответственный, самый решающий стратегический маневр пролетарской партии. Это отступление, исторический смысл которого до сих пор далеко еще не всем ясен. Это отступление, имеющее кардинальное значение не только для судеб русской революции, но и для судеб революции международной. Без надлежащего понимания смысла и значения нэпа нельзя понять ленинизм, нельзя быть подлинным большевиком» (стр. 223). Итак, нэп—это «широко задуманное отступательное движение ленинизма».

Тов. Зиновьев останавливается на том, что это «отступательное движение ленинизма» необходимо, целесообразно, но останавливается только для того, чтобы еще раз повторить: «но необходимое отступление, целесообразное отступление, есть тоже отступление» (стр. 227).

Что тов. Зиновьеву на 5 году нэпа приходится доказывать, что нэп был необходим,—это совсем не случайно, потому что вся та характеристика, которую дает нэпу тов. Зиновьев, может вызвать сомнения в этом.

Что нэп отступление—и только, это неоднократно повторяет тов. Зиновьев. И это определение кажется нам неточным, неполным, неверным, односторонним, и отговорками насчет «необходимости», «рациональности» и проч. этого не сгладить.

Книга тов. Зиновьева написана не в 1921, а в 1925 году. В ней тов. Зиновьев вплотную подходит к вопросам текущего дня. Его определение относится также и к тому периоду, который мы сейчас переживаем. Сомнение в том, отступаем ли мы, наступаем или топчемся на месте, само собой напрашивается из определения тов. Зиновьева.

На той же странице, где тов. Зиновьев дает это определение нэпа, приведена цитата из речи тов. Ленина:

«Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед».

«Только под одним этим условием (курсив тов. Зиновьева) мы отступаем назад в проведении нашей новой экономической политики». Эту мысль тов. Ленина, даже «на глаз» нельзя совместить с тем, что пишет тов. Зиновьев. Тов. Ленин определял нэп не как отступление и только, а как отступление только для того, чтобы обеспечить более быстрое и уверенное продвижение вперед. «Только под одним этим условием». Нэп был отступлением в смысле необходимости изменения форм и методов нашего движения вперед; нэп был отступлением на известном отрезке времени, нэп стал наступлением после того, как условия для этого были созданы.

Ведь, если нэп отступление и только (а тов. Зиновьев продолжает, даже после приведенной им выше мысли тов. Ленина, так определять нэп), то совсем непонятен лозунг окончания отступления, данный т. Лениным на XI с'езде партии. А сейчас разве не переживаем мы полосу наступления в нэпе, разве не ставим мы себе задачу развивать это наступление дальше? Ответа на эти вопросы у тов. Зиновьева мы не находим.

То, что тов. Зиновьев видит в нэпе только отступление, тоже не случайно, ибо своеобразия перехода от военного периода к мирному, которому тов. Ленин уделял так много внимания, тов. Зиновьев, видно, не усвоил. Он видит только наступательное движение в годы военного коммунизма и отступление с введением нэпа. Поэтому тов. Зиновьев берет под свою «защиту» военный коммунизм.

«Проводя нэп, мы не просто уничтожили крайности военного коммунизма, нет, мы сделали не это, мы коренным образом, переменили свою хозяйственную политику. И отступили мы не от военного коммунизма к социализму, а к своеобразному «государственному капитализму» в пролетарском государстве».

Что мы сделали большой поворот в нашей политике—это правильно. Но вот как рисует самый переход тов. Ленин:

«Продналог—есть одна из форм перехода от своеобразного военного коммунизма, вынужденного крайней нуждой, разорением и войной к правильному социалистическому продуктообмену. А этот последний, в свою очередь, есть одна из форм перехода от социализма с особенностями, вызванными преобладанием мелкого крестьянства в населении, к коммунизму» (XVIII т., ч. 1, 214 стр.). Читателю нужно только сопоставить эти две цитаты, чтобы увидеть склонность тов. Зиновьева прикрашивать «военный коммунизм», только для того, чтобы еще более подчеркнуть отступательный характер нэпа. Еще одно подтверждение этого мы находим в следующем:

Ленин не раз указывал на громадные ошибки, сделанные нами в эпоху военного коммунизма. Но он не говорил, что «военный коммунизм» был сплошной ошибкой, а, наоборот, заявил, что он в целом был нашей «заслугой» и вытек из всей обстановки гражданской войны.

Какой «заслугой»? Что значит «вытек» из гражданской войны? Тов. Зиновьев забыл, однако, указать, что тов. Ленин говорил и о том, что надо знать меру этой «заслуги».

«Военный коммунизм» был вынужден войной и разорением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата, политикой. Он был временной мерой. Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину» (XVIII т., ч. 1, 224 стр.).

Тов. Зиновьев, почему-то счел необходимым опереться на первую часть речи тов. Ленина и опустил, скрыл от читателя вторую. В книге, излагающей основы ленинизма, нужно было бы, по меньшей мере, излагать взгляды Ленина «более полно».

Мы приведем еще выдержки из речи тов. Ленина, прямо направленные против прикрашивания военного коммунизма.

В докладе на X с'езде партии, тов. Ленин возражал тов. Милютину, который указывал, что у нас во времена «военного коммунизма» существовала стройная система.

Та стройная система, которая создавалась, она диктовалась «потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими». Тов. Ленин указывает дальше, что в условиях войны эта политика была правильной, но это не означало стройной системы. Это была мера, «вызванная условиями не экономическими, а предписанная нам в значительной мере условиями военными».

Тов. Ленин старался установить преемственность той политики, которую мы начали проводить в 1921 году, с политикой во время первой кратковременной передышки 1918 года. Тов. Ленин указывал, что продналог был уже введен законом в 1918 году. В своей брошюре «О продналоге», тов. Ленин устанавливал преемственность политики 1921 года с тем, что большевики писали в 1917 году до взятия власти, в 1918 году—после Бреста. А тов. Зиновьев ударение ставит на противопоставлении политики «военного коммунизма» и нэпа. Нужно бороться против недооценки героического периода «военного коммунизма», но вредным является прикрашивание его, особенно сейчас, когда вопрос о пережитках «военного коммунизма» имеет пока злободневное значение.

Необходимость подчеркнуть, что нэп является отступлением и только, тов. Зиновьев пытается оправдать тем, что кто-то, где-то развивает обратную мысль, или изображает нэп, как «путешествие по гладкому асфальту». Но, если бы даже такие утверждения имели место, это вовсе не значит, что надо впадать в другую крайность. Тем более, что «гладкий асфальт» и любители ходить по оному существуют лишь в напуганном воображении тов. Зиновьева.

Поразительно еще следующее. Тов. Зиновьев эту оценку нэпа, как отступления, как «политики пролетариата в крестьянской стране»,

дает в полном противоречии с программой Коминтерна. Тов. Зиновьев приводит следующую цитату:

«Революциям пролетариата, которые зреют во всех передовых странах мира,—говорит тов. Ленин,—не удастся решить свои задачи без того, чтобы соединить уменье беззаветно бороться и наступать с уменьем отступать в революционном порядке. Опыт второй полосы нашей борьбы, т.-е. опыт отступлений, тоже пригодится, вероятно, в будущем рабочим, по крайней мере некоторых стран, как, несомненно, пригодится рабочим всех стран наш опыт первой полосы революции, опыт беззаветно смелого наступления» (т. XVIII, ч. 2, стр. 70). От приведенной цитаты может остаться впечатление, что здесь тов. Ленин говорит о нэпе только как об отступлении. Но все дело в том, что тов. Зиновьев не закончил цитату, обрезал ее весьма и весьма «странным» образом на полуверсте. А непосредственно дальше следует: «Теперь мы постановили признать отступление законченным. Это значит по новому ставится вся задача нашей политики» (71 стр.).

Чему рекомендовал тов. Ленин рабочим других стран учиться у нас,—так это уменью переходить от наступления к отступлению и обратно. С другой стороны, о значении нэпа, именно нэпа, для международного пролетариата мы имеем указания в программе Коминтерна, которая указывает, что многое из того, к чему мы перешли с введением нэпа, будет политикой пролетариата во многих странах сейчас же после взятия власти. О том, что национализация не должна распространяться на мелкую и среднюю собственность, «предоставленную частной инициативе», о сохранении капиталистических форм и методов управления и организации, о необходимости считаться с индивидуалистическим стимулом у крестьянства,—говорит программа Коминтерна. Что ж, выходит, что Коминтерн рекомендует сразу после захвата власти начать отступление?

Наибольшую актуальность имеет определение тов. Зиновьева с точки зрения текущих вопросов нашей партии. Отступаем ли мы или наступаем теперь? Единственно, к чему можно притти на основании книги тов. Зиновьева, так это к тому, что и сейчас нэп является отступлением. Нам кажется, что тов. Зиновьев мог найти более близкую к истине характеристику нэпа, обнимающую не один этап его. В той же речи, обрезанные и оборванные, т.-е. слегка фальшивые, цитаты из которой приводил тов. Зиновьев, дана тов. Лениным такая оценка, которая **и** для первых годов нэпа **и** для сегодняшнего дня дает нам лучшее представление о стратегии нэпа, обнимающей и отступление, и наступление.

«Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой, более мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед» (XVIII т., ч. 2, стр. 71).

Чтобы достигнуть смычки с широкой мощной массой, мы вынуждены были отступить назад. Но смысл нэпа в том и только в том, чтобы двигаться вместе с ней «вперед».

Зачем и для чего нужно тов. Зиновьеву заострять внимание на одной стороне нэпа,—станет нам ясно в дальнейшем.

Мы видели, что тов. Зиновьев в вопросе, от чего мы отступили, в вопросе о «военном коммунизме»,—имеет склонность прикрашивать последний.

Как же отвечает тов. Зиновьев на вопрос: к чему мы отступили? Мы приводили уже цитату, где тов. Зиновьев указывает, что мы отступили к «своеобразному» государственному капитализму» в пролетарском государстве». (226 стр.).

«Вот как определял он (т. Ленин) социально-экономическую сущность нэпа. Нэп—это государственный капитализм в пролетарском государстве» (224 стр.),—так пишет т. Зиновьев. Надо отметить, что мы не нашли нигде такой формулировки у т. Ленина. Тов. Ленин писал, что мы отступаем к государственному капитализму, но о том, что нэп, это—то же самое, что государственный капитализм, тов. Ленин сказать не мог по той простой причине, что это неграмотно. Нэп, это—если не сливать три буквы вместе и не придавать им на этом основании нового значения,—экономическая политика, а государственный капитализм, это—хозяйственная форма, хозяйственный уклад. Можно ли ставить между двумя понятиями знак равенства? Можно только либо по недосмотру, либо по неграмотности, либо весьма условно с определенными оговорками. Повторяем, что у тов. Ленина такого определения нет. Это, конечно, не означает, что между нэпом и госкапитализмом не существует никакого соответствия. Но вот это-то соответствие т. Зиновьев и понимает неправильно.

Тов. Ленин рассматривал госкапитализм, как ту ступень в развитии капитализма, которая наиболее близка к социализму, а в условиях пролетарской диктатуры—«на три четверти социализм». Мы должны строить социализм в стране с преобладанием мелкого крестьянства. Госкапитализм был бы более выгоден, потому что он является средством преодоления мелкобуржуазной стихии, а, именно, он облегчает государственный учет и контроль над разрозненными хозяйствами, а этот учет и контроль являются одним из основных условий перехода к социализму. Чистым видом его (госкапитализма) являются концессии. Вот почему такое громадное значение придавал им. т. Ленин.

С этой точки зрения нам выгодно было бы введение у нас госкапитализма. Госкапитализм—наш союзник в борьбе с мелкой стихией.

Но чей союзник, в какой мере мы вводим капитализм? Почему т. Ленин говорил, что развитие товарооборота в нашей стране нам уже не страшно? Здесь мы подходим к основной, самой глубокой ошибке тов. Зиновьева. Чтобы не оставалось никаких сомнений, о чем у т. Зиновьева идет речь, мы приведем вторую выдержку, наряду с первой, о том, что нэп, это—госкапитализм: «Наш госкапитализм приходится отличать, во-первых, от госкапитализма вообще (от госкапитализма буржуазных стран) и, во-вторых, от частно-хозяйственного капитализма. От первого наш госкапитализм отличается тем, что это—госкапитализм под контролем пролетарского государства, от второго он отличается тем, чем вообще госкапитализм отличается от частного капитализма» (246 стр.).

В табличке экономических укладов в нашей стране, приводимой тов. Лениным для доказательства того, что госкапитализм для нас выгоден, на пятом месте указан социализм. Здесь речь шла у т. Ленина не о политических факторах (пролетарское государство), а об экономических укладах. Нет никаких сомнений в том, что под социализмом Ленин подразумевал нашу госпромышленность. Для наибольшей ясности мы приводим ту цитату, где тов. Ленин сопоставляет концессии и госпромышленность: «Концессии нам не страшны, если мы отдадим концессионерам несколько заводов, сохраняя большинство за нами», и дальше: «Все, что можно сделать для улучшения крестьянского хозяйства, для развития местного аппарата, в то же время рассчитывая общегосударственное хозяйство так, чтобы крупная социалистическая промышленность восстанавливалась быстрее, чем до сих

пор,—все это при помощи концессий мы сделаем раньше, чем без концессий» (XVIII т., ч. 1, стр. 199). У т. Зиновьева мы нигде в книге не найдем того, чтобы он выделял госпромышленность, как элемент социалистический. И особенно после вышеприведенной цитаты не остается сомнений, что и нашу госпромышленность тов. Зиновьев включает в госкапитализм. А ведь речь идет о социально-экономической сущности, т.-е. классовой сущности нэпа,—об этом говорит тов. Зиновьев, когда определяет нэп, как госкапитализм. Значит, и наша промышленность (по т. Зиновьеву часть госкапитализма) отличается от обычного госкапитализма только тем, что «находится под контролем пролетарского государства», а от частного капитализма только более высокой ступенью развития. Обратного тов. Зиновьев нигде не оговаривает и оставляет место для всякого рода выводов, ведущих далеко, очень далеко, от ленинизма. Основной вывод, однако, таков, что и в нашей госпромышленности отношения те же, что и в госкапиталистических формах, т.-е. отношения эксплоатации; в госпромышленности отношение рабочих к ней не есть отношение рабочих к своей социалистической промышленности. Здесь все ставится на голову. И сколько бы тов. Зиновьев на многих страницах своей книги ни звал рабочих укреплять, строить промышленность, вряд ли ему с таким «введением» рабочих в политэкономию нашего хозяйства удастся чего-нибудь достигнуть.

Тов. Зиновьев чрезвычайно непоследователен, если из всего этого не делает того вывода, что необходимо коренное изменение отношения рабочих и нашей партии (если она хочет остаться подлинно-пролетарской партией) к госпромышленности и т. д.

Это—одна сторона рассуждений т. Зиновьева. Другая сторона заключается в следующем. Давая неверные определения классовой сущности нашей промышленности, подводя ее под понятие госкапитализма, т. Зиновьев превращает нэп из политики пролетариата, открывающей путь к социализму, в тактику «топтания на месте». Корень ошибки т. Зиновьева заключается в том, что он полон идеологии отступления, что действительного своеобразия нашего пути он не понимает, что он нэп рассматривает только под углом зрения 1921 года.

Мы обратимся к тому, что писал о госкапитализме т. Ленин впоследствии, в 1923 году. Это приводит и т. Зиновьев, но не так, как нужно. У т. Зиновьева приведена следующая часть цитаты:

«Всегда, когда я писал о новой экономической политике, я цитировал свою статью 1919 года о государственном капитализме. Это вызывало не раз сомнения некоторых молодых товарищей, направленные, главным образом, по адресу абстрактно-политическому.

Им казалось, что нельзя называть государственным капитализмом тот строй, при котором средства производства принадлежат рабочему классу, и этому рабочему классу принадлежит государственная власть».

Все это полностью приводит т. Зиновьев, а дальнейшая часть у него оборвана, и оборвана тенденциозно. Мы же приводим ее полностью:

«Однако, они не замечали, что у меня название «государственный капитализм» употреблялось, во-первых, для истрической связи нашей теперешней позиции с позицией в моей полемике против так называемых левых коммунистов, а также я уже тогда доказывал, что государственный капитализм был бы выше нашей современной экономики»—это т. Зиновьев приводит. А вот, что он совершенно опускает и опять скрывает от читателя: «Для меня,—пишет т. Ленин,—важно было установить преемственную связь обычного государственного капитализма с тем необычным государственным капитализмом, о котором я говорил, вводя читателя в новую экономическую политику. Во-вторых, для меня важна была практическая цель. А практическая цель новой экономической политики состояла в получении концессий; концессии уже, несомненно, были бы в наших условиях чистым типом государственного капитализма» (т. XVIII, ч. 2, стр. 142—143). Это написано после двух лет нэпа. Дает ли нам приведенная цитата что-нибудь новое для освещения вопроса о роли госкапитализма? Несомненно, дает, не меняя основных взглядов Ленина на нэп. Новое заключается не только в том, что в этой статье развит план т. Ленина о кооперации, как столбовой дороге к социализму.

«Если выделить концессии, которые. кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь и рядом совершенно совпадает с социализмом», -продолжает дальше тов. Ленин.

Как представлял себе первоначально, при введении нэпа, т. Ленин роль госкапитализма в деле создания базы для социализма? Госпромышленность, плюс концессии, аренда и т. д.—выступают в борьбе с мелкобуржуазной стихией. А практика показала, что концессии, основной вид госкапитализма, «не получили» «сколько-нибудь значительного развития». Вместе, с тем, госпромышленность поднялась быстрей, чем мы предполагали. Мы подошли вплотную к регулированию рынка, обмена. Вот в этих условиях, благодаря нэпу, кооперация получила такое исключительное значение.

Правильно, что такую систему, когда концессии и другие формы в союзе с социалистической промышленностью ведут борьбу с мелкобуржуазной стихией, Ленин называл «своеобразным госкапитализмом». Правильно, что, в случае удачи концессионной политики, мы бы, благодаря ей, сильно продвинулись вперед. Но ведь у нас картина другая. Можно ли в 1925 году называть всю нашу систему госкапитализмом, подводя под нее решающий фактор нашей экономической жизни—социалистическую промышленность? Это не верно ни теоретически, ни практически, ни политически.

Своеобразие того пути, по которому мы сейчас идем, пропадает. Ибо если прав т. Зиновьев в том, что наша хозяйственная система—это госкапитализм, то как с ней увязать кооперацию, «совпадающую с социализмом»? Такой она является именно потому, что через кооперацию получается прямая увязка нашей социалистической промышленности с кооперированным крестьянским хозяйством.

Тов. Зиновьев этой формы нашего перехода к социализму с особенностями, вызванными в нем преобладанием мелкокрестьянского хозяйства, не понимает.

* *

Большая часть главы о нэпе посвящена вопросу об опасности иллюзий в смысле переоценки социалистического роста нашей страны. Если эти иллюзии сами по себе и опасны, то брать их надо опять-таки в конкретной обстановке и борьбу с ними вести на основании реального учета наших достижений.

Тов. Зиновьев указывает, что кто-то, где-то (кто? где?) пытается представить дело так, будто у нас повсюду социализм.

«Разве даже в современных нашихтрестах, в их операциях, в их системе работы, в их окружении нет элементов капитализма? Разве рабочие, крестьяне, народ (!) не чувствуют (?) этого? Разве не почув-

ствуют (?) рабочие всей фальши, если мы будем преподносить им сладенькие фразы о том, что это и есть социализм?»—так спрашивает тов. Зиновьев. (254 стр.).

А если бы рабочие обратились к тов. Зиновьеву с вопросом: «Что же мы имеем в нашей стране?» На этот вопрос тов. Зиновьев отвечает буквально следующее:

«Мы должны решительно и определенно сказать рабочим и всей стране: то, что мы сейчас имеем в нэпе,—это есть своеобразный государственный капитализм с растущими элементами социализма (курсив т. Зиновьева), с растущими, но еще далеко не выросшими» (281 стр.).

Мы думаем, что после того, как тов. Зиновьев упрятал социалистическую госпромышленность в обширных складках госкапитализма; после того, как кооперация является чем-то, с чем сомкнуться она не имеет возможности, неудовлетворительность этого ответа, неясность его, неправильность его чрезвычайно ясны.

Но дальнейшие приемы борьбы т. Зиновьева против «иллюзий» еще более оригинальны. Если сначала «иллюзиям» противопоставляется «горькая правда», что у нас госкапитализм и только, то в дальнейшем т. Зиновьев развивает свое положение о том, что нэп является отступлением.

«А случилось так, что в 1925 году, в интересах развития производительных сил деревни, нам пришлось сделать еще дополнительные уступки даже крестьянской верхушке». «...Нельзя торжествовать мнимую победу некапиталистической эволюции в сельском хозяйстве как раз тогда, когда нам приходится делать еще дополнительные уступки именно капиталистическим элементам (курсив наш) сельского хозяйства». (255 стр.). Таким образом, получается, что решениями XIV партконференции партия пошла навстречу, сделала уступки именно кулаку, именно капиталистическим элементам деревни. Нужно же суметь так истолковать решения XIV конференции!

Это, и только это, усвоил и подчеркивает т. Зиновьев. Стоит только воспроизвести всю цепь рассуждений тов. Зиновьева, чтобы понять смысл этих выводов: нэп—отступление, мы имеем в нашей стране госкапитализм с невыросшими элементами социализма, мы идем на дальнейшие уступки кулаку. Как тут не удариться в панику, как не бить в набат?

Тов. Зиновьев забывает здесь сказать о том, что основным фактором, позволившим нам развивать нэп в деревне, является громадный рост промышленности, громадный рост основной социалистической базы в нашей стране.

Все это является лучшим подтверждением того, что т. Зиновьев далеко уходит от ленинизма и в теоретической области, и в вопросах конкретных шагов нашей партийной политики.

О кооперации.

Прежде, чем перейти к рассмотрению того, как отвечает т. Зиновьев на вопрос о победе социализма в одной стране, остановимся еще на вопросе о кооперации.

Основная ошибка т. Зиновьева в этом вопросе заключается в том, что он и до сего времени не понял того нового, что вносит в роль кооперации упрочение диктатуры пролетариата, укрепление ее экономических командных высот.

По мнению т. Зиновьева, в статье тов. Ленина «О кооперации», написанной в 1923 году, сказано то же, «что сказано в «Продналоге» о кооперации, как виде государственного капитализма» (стр. 280). Таким образом, мы имеем явное непонимание того, что говорилось т. Лениным о кооперации применительно к данной исторической обстановке.

На самом деле, есть ли что-нибудь отличное, новое во взглядах т. Ленина на кооперацию в 1923 г. по сравнению с 1921 г.?

Что в 1921 г. т. Ленин действительно считал кооперацию одним из видов государственного капитализма, подчеркивая ее капиталистический характер,—это бесспорно. В брошюре «О продналоге» т. Ленин писал:

«Кооперация мелких товаро-производителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о преобладающей, о типичной в мелкокрестьянской стране) неизбежно порождает мелкобуржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистов, им дает наибольшую выгоду. Это не может быть иначе, раз есть налицо преобладание мелких хозяйчиков и возможность, а равно необходимость обмена. Свобода и права кооперации при данных условиях России означают свободу и права капитализму. Закрывать глаза на эту очевидную истину было бы глупостью и преступлением. Но «кооперативный» капитализм, в отличие от частнохозяйственного капитализма является при советской власти разновидностью государственного капитализма, и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас в известной мере... Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учет, контроль, надзор, договорные отношения между государством (советским в данном случае) и капиталистом» (том XVIII, часть 1, стр. 202).

Правда, уже в этой брошюре т. Ленин делает гениальный намек на социалистическую функцию кооперации в будущем:

«Кооперация, как форма торговли, выгодней и полезней, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму» (том XVIII, ч. 1, стр. 20).

Но это был только гениальный намек.

В 1921 г. концессия не была и не могла быть основной организационной формой хозяйственного социалистического строительства в деревне. Удельный вес социалистической госпромышленности был крайне низок, органы госторговли и госкредита еще только создавались, командные высоты пролетарской диктатуры в экономике не были укреплены. И наоборот: значение частного хозяйства и в особенности мелкого крестьянского хозяйства, при развязывании рыночных отношений в связи с нэпом, на фоне упадка крупной промышленности, неимоверно возросло.

Поэтому вполне понятно, что центр тяжести оценки кооперации в 1921 г. состоял в признании ее, как одного из видов госкапитализма; капитализма, который «похож на государственный в том отношении, что (он) облегчает учет, контроль, договорные отношения» советского государства с об'единенными в кооперацию мелкими капиталистиками. Такая оценка кооперации соответствовала об'ективной действительности, не была ошибочной, была правильной.

В 1923 г. положение значительно изменилось. Политика концессий, в силу ряда условий, не получила большого практического значения. Наша государственная промышленность сильно окрепла и повысила свой удельный вес в общем народном хозяйстве. Мы имеем уже первые государственные сбережения (т. Ленин с радостью отмечал на IV конгрессе Коминтерна первый доход в 10 миллионов от прибылей госторговли). Созданные банки и система кредита уже охватили не только предприятия, госторговлю, но и кооперацию. А овладение этими командными высотами создает возможность некапиталистической эволюции сельского хозяйства.

Естественно, что кооперация, при таких условиях приобрела огромное значение, именно, как рычаг для вовлечения мелких крестьянских хозяйств в социалистическое строительство. Естественно, что при таких условиях, кооперация становится в полном смысле столбовой дорогой для перехода крестьянского хозяйства к социализму. Она становится, на ряду с электрификацией, при руководящей роли социалистической промышленности, основным стержнем социалистического строительства. Она ведет деревню к социализму именно потому, что развивается не изолированно, а будучи втянутой в общую систему советского хозяйства, где командная, решающая роль принадлежит социалистической госпромышленности. Вот почему в записках т. Ленина «О кооперации», написанных в 1923 г., говорится:

«Вот это обстоятельство у нас недостаточно учитывается, когда рассуждают о кооперации. Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение. Если выделить особо концессии, которые, кстат исказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом». (Курсив наш).

«Поясню свою мысль. В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплоататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну, в классовый мир (так называемый гражданский мир).

«Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве, социализм не может быть осуществлен.

«Но посмотрите, как изменилось дело теперь (курсив наш), раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплоататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплоататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

«Теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас, тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную, «культурную работу» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 133—134), (курсив наш).

Именно в этом и состоит то новое, что внес т. Ленин в оценку кооперации в 1923 году и чего до сих пор не понял тов. Зиновьев, продолжающий и теперь считать кооперацию госкапиталистической. Именно последним об'ясняется то обстоятельство, что т. Зиновьев не привел всей этой цитаты в своем «Ленинизме».

Считая кооперацию госкапиталистической т. Зиновьев хочет заняться вывариванием ее «в социалистическом котле» (стр. 329). Но мы вправе спросить: где же у вас, т. Зиновьев, этот самый социалистический котел? Ведь госпромышленность т. Зиновьев нигде в своей книге не признал социалистической! Какие же элементы нашего хозяйственного уклада т. Зиновьев считает социалистическими?

На эти вопросы в книге т. Зиновьева ответа нет.

Для того, чтобы избегнуть подозрения в непонимании или отрицании ленинского кооперативного плана т. Зиновьев вынужден неоднократно цитировать статью «О кооперации» и признать, что в ней кое-что новое все-таки есть.

Но вся беда (или вина?) т. Зиновьева заключается в том, что он и в данном вопросе упускает главное. Оно состоит совсем не в том, чем его видит т. Зиновьев (см. стр. 278), а в том, чего он всячески избегает и из приводимых им цитат Ленина выбрасывает. Это главное заключается в изменении роли кооперации (а, следовательно, и наших взглядов на нее) при упрочении диктатуры пролетариата. Это главное состоит в том, что если идеи старых кооператоров о мирном построении социализма через кооперацию, без классовой борьбы и революции пролетариата, были «утопичными» и даже «пошлыми», то теперь в советских условиях, при диктатуре пролетариата, кооперативный строй становится строем социалистическим.

Конечно, в кооперации еще долго будет итти борьба двух тенденций: социалистической и капиталистической; будет продолжаться своеобразная классовая борьба.

Само собой разумеется, что партия в этой борьбе будет опираться на бедняка и середняка против кулака. Партия будет оказывать и политическую и организационную, и материальную поддержку для укрепления в кооперации позиций бедноты и середняков.

С другой стороны, совершенно ясно, что пока силы бедноты недостаточно организованы, пока среднее крестьянство не вырвано окончательно из-под влияния кулачества, последнее, в целом ряде местных кооперативов, будет захватывать руководство, осуществлять свое влияние, толкать кооперацию по пути капиталистического развития.

И, наконец, каждому, кто понимает, какое значение в развитии кооперации имеет система кредита, политика цен и т. п., должно быть ясно, что несмотря на наличие в коооперации кулачества, на его преобладающее местами влияние в ней, социалистическая тенденция уже начинает преобладать в кооперации и ее преобладание с каждым днем будет расти.

Повторяем: классовая борьба в кооперации (и не только в ней!) идет и будет итти. Но она идет и будет итти в новых формах, в формах до сих пор в других странах не имевших места.

И кто знает только, что классовая борьба идет, а конкретных форм этой борьбы не видит, тот, сколько бы он ни «божился» словами «пролетариат», «беднота», «классовая борьба» и т. п., ничего в этой классовой борьбе не понимает и никаких полезных в этом отношении советов дать партии не может.

Именно так обстоит дело с книгой т. Зиновьева.

Мы думаем, что только неверие в возможность, медленного, но непосредственного движения середняцкой массы крестьянства к социализму через кооперацию могло привести т. Зиновьева к отрицанию (искусно замаскированному) некапиталистической эволюции крестьянства при диктатуре пролетариата. Только непонимание того нового, что мы имеем в нашей стране, по сравнению с 1921 годом, могло привести т. Зиновьева к утверждению, что кооперация и в наших условиях является одним из видов госкапитализма.

Вопрос о победе социализма в одной стране.

Около 70 страниц написал по этому поводу т. Зиновьев, но прямого и ясного ответа на этот вопрос не дал. Надо иметь в виду, что книгу свою он писал, или, по крайней мере, заканчивал, после XIV партконференции, на которой этот вопрос обсуждался и на которой дан по сему поводу самый недвусмысленный ответ.

Центр тяжести в этом вопросе лежит в следующем: можем ли мы при нашей технико-экономической отсталости, в стране с преобладанием крестьянского населения, при задержке международной революции, без явной государственной поддержки пролетариата передовых экономических стран—строить и построить социализм? XIV партконференция ясно ответила на этот вопрос: да, можем.

Наша партия, совершая октябрьский переворот, конечно, связывала и связывает его с победой международной революции, но из этого отнюдь не следует, что при задержке в развитии последней, без непосредственной государственной помощи пролетариата передовых стран, мы погибнем и социализма не построим. «Есть все основания надеяться, что СССР и собственными силами при наличии той поддержки со стороны международного пролетариата, которая доказана уже 8-летним опытом, сможет и дальше успешно поднимать свое хозяйство, продолжая служить серьезнейшим фактором роста мировой революции и продолжая помогать рабочим других стран подготавливать свою пролетарскую революцию» (Рез. XIV конференции, стр. 41).

При правильной политике взаимоотношений рабочего класса с крестьянством, при неуклонном росте госпромышленности, кооперации, развитии электрификации, мы можем внутренними силами преодолеть технико-экономическую отсталость, мы можем достичь того уровня цивилизации, которого нам, по Ленину, не хватает, чтобы перейти к полному социалистическому обществу. Партия отчеканила этот ясный взгляд в дискуссии с троцкизмом. XIV партконференция, словами т. Ленина, ответила на все пошлые возражения меньшевиков на этот счет: «До бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные «ученые» господа из них, об'ективных предпосылок для социализма» (записки о Суханове).

Ленинизм в противоположность оппортунизму учит, что вследствие неравномерности экономического и политического развития разных стран «возможна победа социализма первоначально в немногих и даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (Ленин, т. XIII, стр. 133). XIV партконференция в духе с этим положением ленинизма сказала: «Вообще победа социализма (не в смысле окончательной победы) безусловно возможна в одной стране» (Резол. конф. стр. 43).

Что значит окончательная победа социализма? Это прежде всего означает победу социализма в мировом масштабе. Для строительства социализма в нашей стране это означает абсолютную гарантию от интервенции, гарантию от внешней капиталистической реставрации. XIV партконференция сказала в резолюции по докладу Коминтерна: «Единственной гарантией окончательной победы социализма, т.-е. гарантией от реставрации, является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран».

Из этого отнюдь не вытекает, что невозможна постройка полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран» (Рез. конф. стр. 44). Победа пролетариата передовых (технико-эконом.) стран явится гарантией от интервенции и реставрации для СССР, а, с другой стороны, успешное развитие международной революции в значительной степени зависит от успехов строительства социализма в нашей стране. Об этом XIV конференция сказала:

«Из этого вытекает, что страна рабочей диктатуры, являющаяся основной базой мировой революции, должна рассматривать себя, как ее могущественный рычаг и подспорье; с другой стороны, господствующая в ней партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным, если удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации. Другими словами, правильной политикой как в отношении к крестьянству внутри страны, так и в области международных отношений РКП должна преодолеть все затруднения, вытекающие из замедления темпа мировой революции» (стр. 45).

Т. Зиновьев в своей книге, несмотря на четкий и ясный ответ на эти вопросы в резолюции XIV партконференции, их запутывает и правильного ответа не дает. Больше того, он даже не дает правильной постановки вопроса, ибо все время подменяет вопрос о победе социализма в нашей стране вопросом об окончательной его победе.

На самом деле, как ставит и решает т. Зиновьев эти вопросы?

«Чтобы еще точнее уяснить себе, как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 году, надо различать две вещи:

1) Обеспеченная возможность строить социализм—такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может мыслиться и в рамках одной страны и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т.-е. осуществление социалистического строя, социалистического общества, совершившийся переход ко второй, высшей стадии коммунизма. Возможна ли такая окончательная победа социализма в одной стране?» («Ленинизм», стр. 293). Хотя т. Зиновьев внешне как бы и разграничивает два вопроса: вопрос о победе социализма в одной стране и вопрос об окончательной победе, но по существу он уже самой постановкой вопроса их смешивает, а в дальнейшем и сливает в один вопрос. «И вот вопрос заключается в том, возможна ли такая полная и окончательная победа социализма в одной стране, находящейся в буржуазном окружении» (стр. 293), подчеркнуто нами). Само собой разумеется, что при такой постановке вопроса нельзя

дать правильного ответа. Вместо того, чтобы в соответствии с решениями нашей партии (XIV партконференции) признать возможной победу социализма в нашей стране, т. Зиновьев не дает определенного недвусмысленного ответа на этот вопрос.

Ясного отрицательного ответа на этот вопрос т. Зиновьев не дает, но именно такой, отрицательный ответ из его вопроса сам собою напрашивается. Чтобы скорее натолкнуть читателя на этот отрицательный ответ, т. Зиновьев построение социализма в одной стране тут же подменяет вопросом об окончательной его победе.

«Одно дело низвергнуть власть буржуазии и создать пролетарское правительство. Это сделать можно для начала и в одной стране. Другое дело обеспечить полную и окончательную победу социалистического строя. Последнее возможно только в результате победы пролетариата в ряде стран» («Ленинизм», стр. 302).

Как нужно понимать окончательную победу социализма в отношении нашей страны? В постановлении XIV партийной конференции вопрос об окончательной победе социализма рассматривается, как вопрос об абсолютной гарантии от капиталистической интервенциии и реставрации в нашей стране, как вопрос победы международной пролетарской революции. В решениях XIV партконференции все эти вопросы получили и разграничение и увязку. В книге т. Зиновьева ни того, ни другого нет.

Для того, чтобы иметь ясную политическую линию в вопросах социалистического строительства нашей страны, для этого нужно иметь ясную перспективу и правильный, ленинский подход к разрешению этих вопросов. Партия имея эту перспективу, этот подход, будет уверенно строить социализм, а т. Зиновьев, не имея перспективы в этих вопросах, безбожно путает.

Партия понимает, что в обстановке замедлившегося развития мировой революции мы должны, продолжая держать курс на мировую революцию и всячески содействуя ее развитию, внутри страны разрешить задачи мирного хозяйственного и культурного строительства. Мы должны перестроить нашу промышленность на новой технической базе, электрифицировать всю страну, машинизировать сельское хозяйство, кооперировать все население, сделать его технически и политически грамотным, вовлечь его в органы управления государством и хозяйством страны. Это и значит построить социализм. Нужно понимать, что именно в этом состоит полная победа социализма в одной (т.-е. нашей) стране. Нельзя забывать, что это еще не окончательная победа, в том смысле, что у нас не будет гарантий от реставрации буржуазного строя извне, т.-е. путем интервенции. Но нужно понимать, что это будет именно полная победа социализма внутри нашей страны в том смысле, что хозяйственный уклад нашей страны будет социалистическим и это будет гарантией против «реставрации» внутренней.

Нужно помнить о том, что эта «мирная» работа, эта полная победа социализма в нашей стране будет чрезвычайно способствовать развитию мировой пролетарской революции.

Того, что современный период диктатуры пролетариата с точки зрения наших **в н у т р е н н и х** отношений является периодом «мирного» хозяйственного и культурного строительства социализма, т. Зиновьев не понимает и тянет партию назад. На стр. 301—302 в 5 пунктах он излагает то, чему, якобы, учит ленинизм. Во всех этих пяти пунктах т. Зиновьев приемлет в Ленине только то, что при неравномерности и скачкообразности развития капитализма, можно начать пролетарскую революцию в одной стране, но совершенно отбрасывает, не упоминает,

что можно построить в этой стране социалистическое общество. Т. Зиновьев, в основном, намечает линию не строительства социализма, а линию «передышки»:

«Сколько лет может продержаться власть пролетариата в одной стране при отсутствии пролетарской революции в других странах? Сначала мы имели не совсем ясное представление на этот счет. Фактор время» мы начинаем учитывать только теперь» («Ленинизм», стр. 312).

«Мы выиграли решающее сражение в первой стране. Мы постараемся **п е р е ж д а т ь**, возьмем себе «передышку», пока подойдут другие наши армии» (314 стр. Курсив наш).

Только переждать, только продержаться, вот как он увязывает нашу революцию с революцией международной. Отсюда ясно следует, что тов. **З и н о в ь е в н е м ы с л и т с е б е п о с т р о е н и е с о ц и а л и з м а в н а ш е й с т р а н е б е з н е п о с р е д с т в е н н о й п о м о щ и м и р о в о г о п р о л е т а р и а т а.**

Толкование нэпа только как отступление; нашего хозяйственного уклада—как государственно-капиталистического; отстаивание старых методов классовой борьбы; утеря из поля зрения середняка, как центральной фигуры нашего земледелия; непонимание возможности некапиталистической эволюции деревни при диктатуре пролетариата в нашей стране, находящейся в капиталистическом окружении,—все это увязывается в один клубок, в **с и с т е м у** взглядов, но систему отнюдь не ленинскую. Исходя из этих взглядов т. Зиновьев основной задачей современного периода пролетарской диктатуры ставит построение мероприятий, обеспечивающих нашей партии возможность сохранения пролетарской диктатуры в период передышки, осуществления тактики лавирования и выжидания до победы мировой революции.

Эти взгляды на задачи современного периода пролетарской диктатуры т. Зиновьев пробует защитить (на стр. 312) ссылкой на статьи и речи т. Ленина, обосновывавшие необходимость брестского мира, как передышки для нашей советской страны. «Наша тактика определяется как «тактика лавирования, выжидания и отступления». Эти взгляды сам Ленин называл «теорией передышки» (стр. 312).

Неужели т. Зиновьеву не ясно, что тогда стоял вопрос о жизни или смерти пролетарской диктатуры, вопрос теперь снятый жизнью? Но и тогда (в 1918 г.) т. Ленин задачей «передышки» считал не только сохранение советской власти, но и призывал «итти вперед... не падая духом от поражений, собирать камень за камешком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, общего учета и контроля за производством и распределением продуктов,—таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической» (т. XV, стр. 153—154). Итак из этих слов видно, что даже в 1918 г. в период неокрепшей пролетарской диктатуры т. Ленин считал возможным и обязательным для нашей партии приступить к строительству социализма. Тем более очевидной эта задача становится теперь.

Тов. Зиновьев указывает на два массива настроений (стр. 312—313). Один из них—с уклоном к национальной ограниченности, другой же—здоровый революционный, умеющий связывать нашу революцию с революцией международной. Здесь тов. Зиновьев целиком расходится с резолюцией конференции.

Тов. Зиновьев ничего не говорит о том, что конференция указала на два следующих уклона: первый уклон к «пассивности», «отсутствие достаточного импульса к энергичной и систематической работе над построением социалистического общества в СССР, несмотря на замедленный темп международной революции», второй уклон—«национальной ограниченности», забвение наших международных обязанностей.

Тов. Зиновьев, обходя первый уклон, борется со вторым уклоном, борется настолько энергично, что, как видно, из боязни усилить этот уклон, он сам уклоняется от возможности победы социализма в нашей стране. И мы в результате имеем источник, питающий эти настроения неверия и пассивности.

Перспективы развития СССР и «равенство».

Очень показательным, на наш взгляд, для непонимания т. Зиновьевым перспектив нашего развития, является также его постановка вопроса о равенстве. На протяжении 10 страниц т. Зиновьев трижды возвращается к этому вопросу (стр. 210,215, 220). На стр. 215 он пишет: «Массы ценят, прежде всего, подлинную материальную возможность лучше, культурнее, сытнее, разумнее, здоровее жить, все больше вводить *подлинное равенство*. Мы вступаем теперь в ту полосу, когда эта возможность будет расти» (курсив наш). И как бы для того, чтобы не было сомнений, что это не «оговорка», на стр. 220 т. Зиновьев заключает: «Бороться не только словом, а делом за проведение в жизнь все большего и большего равенства,—*вот в чем задача пролетарской диктатуры* в СССР *в современный период*» (подчеркнуто нами).

Что наша партия ведет борьбу за подлинное материальное и культурное равенство, за коммунизм это каждому ясно. Что пролетариат является единственным классом, способным, в результате своей борьбы, обеспечить подлинное коммунистическое равенство, это тоже известно со времени Маркса и Энгельса. Поэтому пролетариат и стремится к захвату власти, чтобы через свою диктатуру, через уничтожение классов построить такое общество, в котором всей массе населения земного шара была бы обеспечена «возможность лучше, культурнее, сытнее, разумнее, здоровее жить», ввести подлинное социалистическое равенство.

О каком равенстве говорит т. Зиновьев?

Ведь, если ставить вопрос о подлинном равенстве, как в материальном, так и в культурном, и в политическом отношениях, о равенстве социалистическом, то ни в коем случае нельзя забывать того марксистского и ленинского положения, что «действительного фактического равенства *не может быть, пока совершенно не уничтожена* всякая возможность эксплоатации одного класса другим» (*Ленин*, т. XV, стр. 466, ГИЗ, 1924 г. Курсив наш). А мы великолепно знаем и т. Зиновьев неоднократно говорит об этом в своей книге, что и при диктатуре пролетариата классы остаются, классовая борьба продолжается и даже обостряется. Следовательно, и эксплоатация одного класса другим остается. Как же можно в современный период диктатуры пролетариата, когда, в интересах развития производительных сил и необходимого для успешного социалистического строительства усиления товарооборота, окончательно устраняются пережитки военного коммунизма в деревне и в известных пределах расширяется сфера эксплоатации кулачеством бедноты,—как можно в наших условиях, в условиях отсталости нашей страны, с одной стороны, и неизбежности неравенства даже внутри пролетариата для более успешного продвижения вперед, с другой, ставить очередной задачей проведение в жизнь социалистического равенства? Лозунг равенства, не может быть сейчас реальным лозунгом дня, а потому неизбежно является лозунгом демагогическим. Этот лозунг способен вызвать величайшую путаницу умов и угрожает срывом всего строительства периода пролетарской диктатуры.

Данный лозунг является неправильным и, с другой стороны: не верно, что широкие массы середняцкого крестьянства так сильно стремятся ввести подлинное равенство, ввести социализм (мы уже не говорим о кулацких слоях, которые «тоже хотят» «равенства», но равенства не социалистического, а равенства политических прав с рабочим классом). Такой взгляд является прикрашиванием действительности.

Пролетариат под руководством нашей партии ведет крестьянство к социализму не потому, что крестьянство жаждет подлинного равенства, не потому, что оно стремится к социализму, а потому, что всей системой экономических и политических отношений, созданных в нашей стране в результате пролетарской революции, крестьянство вне зависимости от его частно-хозяйственных интересов и стремлений втягивается в социалистическое строительство. Именно, на этом основан принятый партией план тов. Ленина об организации кооперативного строя.

* * *

Мы старались установить подлинные взгляды т. Ленина, привлечь из ленинского то, что может нам помочь правильно оценить окружающую нас обстановку, путь нашей партии и наши перспективы, сопоставив все это с ошибками тов. Зиновьева.

Общей их чертой является то, что как раз в тех вопросах, которые имеют актуальное, «жгучее» значение для партии, у тов. Зиновьева есть своя трактовка, в одних случаях очень неясная, в других прямо расходящаяся с т. Лениным и той политикой, которую партия проводит после смерти т. Ленина.

При чем, это—не отдельные ошибки по разным вопросам, а определенно политическая тенденция, складывающаяся в одно целое. Нам кажется, что основным звеном во всей цепи является непонимание перехода к нэпу, его сущности и нашего дальнейшего пути к социализму. Тов. Зиновьев живет настроениями 1921 года, от них исходит и дальше их не идет. И какую бы гору цитат ни громоздил т. Зиновьев в подтверждение своей точки зрения, установить какую-либо связь со взглядами Ленина он не сумел.

Непонимание перехода к нэпу, сущности нэпа приводит к тому, что и в важнейшем вопросе, не выдуманном вопросе, в котором рабочие обращаются к нашей партии, в вопросе о строительстве и победе социализма в одной стране, т. Зиновьев дает полууклончивые, полуотрицательные ответы.

Главную опасность т. Зиновьев видит не в недооценке нашего роста, не в неверии в победу социализма в нашей стране, а совершенно в другом—в переоценке социалистического роста. И это тоже очень характерно. Стоя на своей позиции, т. Зиновьев не может видеть основной главной опасности, состоящей в непонимании сущности нашей политики, в непонимании нашего пути, в неверии в нашу победу. Позиция, которую занимает тов. Зиновьев, заставляет его впадать в панику перед лицом неизбежных явлений реальной экономической действительности, которой он не понимает.

Эта позиция заставляет т. Зиновьева кричать о замазывании классовой борьбы перед лицом новых форм этой борьбы, не понятых им.

За спиной растущего кулака он не видит центральной фигуры нашего земледелия—середняка.

Эта позиция заставляет его содрогаться от мнимого непринятия мер против перерождения партии, против «подтачивания» диктатуры пролетариата мелкобуржуазной ржавчиной, перед лицом непонятого им лозунга оживления советов.

Она создает почву для теорий о «перерождении» руководящего штаба нашей партии перед лицом практической политики этого штаба, политики, основанной на правильном понимании генеральной линии нашего развития, линии, данной т. Лениным, но не понятой т. Зиновьевым.

В позиции т. Зиновьева ничего общего с тем, о чем писал, на что указывал, к чему призывал партию т. Ленин в своих предсмертных статьях, нет.

В той статье, в которой т. Ленин указывал на возможность победы социализма в нашей стране, возможность продержаться не на основе «крестьянской ограниченности», а на основе крепнущей и растущей индустрии, переделывающей крестьянское хозяйство, т. Ленин писал о единстве наших рядов, как одном из основных факторов нашей победы.

Книга т. Зиновьева является чем угодно, только не документом, способным укрепить это единство.

Противоречивая обстановка, в которой живет и борется наша партия, является источником для всякого рода колебаний. Эти колебания возможны не только со стороны крестьянства, они возможны и в среде рабочего класса, ряды которого пополняются сейчас благодаря росту, расширению и укреплению нашей социалистической промышленности. Такова живая диалектика нашего роста. Об опасности цеховых уклонов, в связи с ростом, наша партия говорила в последнее время не раз. И нам кажется, что та тенденция, которая видна в книге т. Зиновьева, способна увенчать именно такого рода настроения. От этого надо нашу партию и рабочий класс беречь. Партии нужно единство и в первую голову единство, но на действительно ленинской о с н о в е, на основе той политики, которую проводит наш ленинский ЦК.

Ефим Цейтлин.
Я. Никулихин.
Ф. Леонов.

СОДЕРЖАНИЕ:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ЯНВАРЯ 2

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 53932 Москва. Тираж 50.000 экз.

Тип. изд-ва „Правда" и „Беднота". Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Эпоха Ленина.

Два года прошло со дня смерти Ленина. Два года коммунистические партии всего мира борются против капитализма за социализм без генерального учителя, вождя, организатора, каковым был тов. Ленин. Два года на одной шестой части земного шара строится социализм в условиях диктатуры пролетариата, завоеванной и укрепленной под руководством Ленина, вырванного из наших рядов в самом начале успешного экономического наступления на рельсах нэпа.

Впереди—целая эпоха борьбы за социализм, эпоха, которая непременно завершится победой пролетариата в международном масштабе, но которая чревата для нас величайшими трудностями и частичными поражениями. Этот путь мы будем проходить без Ленина.

Однако, не может быть никакого сомнения в том, что расцвет ленинизма, широчайшее распространение идей Ленина, невиданный рост популярности Ленина, как учителя и вождя революционного пролетариата и трудящихся масс—еще впереди.

Ибо переживаемая нами эпоха есть эпоха Ленина, ибо именно последний с такой ясностью и такой силой охарактеризовал эту эпоху, наметив пути исторического развития, лежащие перед нами, так ясно очертив те «разрешимые задачи», перед которыми стоит современное человечество; ибо история работает за Ленина.

Три четверти века тому назад великий предшественник Ленина—Маркс—гениально предвосхитил пути общественного развития, вскрыв пружины движения капитализма, обострение противоречий этого движения, доказав неизбежность пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Но Маркс, во-первых, мог установить только общие тенденции общественного развития без учета исторически-ограниченных, исключительных условий эпохи пролетарских революций и переходного периода; во-вторых, он наметил перспективы, историческое воплощение которых началось через много десятков лет.

Продолжая и развивая Маркса, Ленин имел возможность поставить вопрос о переходе от капитализма к коммунизму более точно, детально и конкретно, ибо самой

исторической обстановкой этот вопрос ставился с неотвратимой остротой.

Ленин выступал, в силу этого, и теоретиком и организатором борющегося за власть пролетариата.

И именно поэтому мы вправе назвать переживаемую нами эпоху эпохой Ленина.

То, что Марксом и его сподвижником Энгельсом относительно перехода к социализму было только намечено, Лениным было подробно обосновано, детализировано, развернуто. Прежде всего. Ленин дал анализ конкретного этапа капитализма, который является его последней формой, в условиях которого нарастают победоносные пролетарские революции. Ильич показал, что империалистическая эпоха всевластия капитала является одновременно эпохой его разложения, «загнивания». Эту сторону дела, чрезвычайно важную с точки зрения, революционной практики пролетариата, Ленин осветил впервые, с величайшей силой разоблачая и преодолевая меньшевистские теории, замалчивающие и оспаривающие решающий кризис капиталистической системы.

С другой стороны, величайший марксист нашей эпохи вооружил пролетариат развернутой теорией пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Он с изумительной убедительностью доказал, что настоящим революционным марксистом является не тот, кто признает теорию классовой борьбы вообще, а кто признает составным и непременным элементом этой теории учение о диктатуре пролетариата.

Утверждая, что диктатура пролетариата является орудием классовой борьбы, протекающей в новых условиях и новых формах, Ильич вместе с тем установил, что после завоевания государственной власти пролетариат, держа курс на международную революцию и разжигание классовой борьбы на мировой арене, заинтересовывается в рамках своей страны, хозяином которой он является, в прекращении гражданской войны и установлении гражданского мира.

Организованный в государство пролетариат в своей политике должен умело сочетать классовую борьбу с классовым сотрудничеством таким образом, чтобы это сочетание, в общем и целом, обеспечивало победоносный рост социалистических общественных форм, все большую переделку общественного целого на социалистический лад.

Взрыв загнивающего капитализма посредством пролетарских революций, установление диктатуры пролетариата и строительство социализма на основе экономической и политической гегемонии пролетариата в отношении всех трудящихся,—вот вехи нашей эпохи, отмеченные Лениным.

В разработке этих вопросов Ильич особо остановился на выяснении тех об'ективных условий, наличие которых является необходимым для совершения социалистической революции.

Вслед за Марксом Ленин полагал необходимым для победоносной пролетарской революции наличие определенных материальных предпосылок.

Но эти последние, с точки зрения марксиста Ленина, уже подготовлены предшествующим процессом капиталистического развития.

Кризис мировой капиталистической системы как раз и является выражением противоречия между капиталистическими производственными отношениями и производительными силами, дальнейшее развитие которых предполагает установление социалистических производственных отношений.

Ильич непрестанно боролся против формально-арифметического, немарксистского подхода меньшевиков к вопросу о предпосылках социалистической революции.

Каутские всех стран усердно доказывают, что история еще не подготовила ни кризиса мировой капиталистической системы, ни материальных предпосылок мировой пролетарской революции. Оба эти утверждения тесно связаны между собою, и оба они являются следствием отказа меньшевиков от метода Маркса.

Оппортунистические опошлители Маркса твердили и твердят, что социалистическая революция невозможна из-за технически-экономической незрелости современного общества, из-за того, что до-капиталистические хозяйственные формы играют в нем еще значительную роль.

Переводя эти свои утверждения на язык социальных отношений, они заявляли и заявляют, что социалистическая революция не может победить, пока пролетариат составляет меньшинство общества, а мелкая буржуазия и, прежде всего, крестьянство—большинство.

Когда, вопреки их утверждению, в России установилась и укрепилась диктатура пролетариата, они пытались и из этого факта сделать выводы, благоприятные для себя. То, что пролетарская революция победила только в России и еще не победила в других крупнейших странах мира, по мнению меньшевиков, является доказательством утопичности большевистской теории о вступлении общества в фазу социалистической революции.

Ленин вскрыл безнадежное педантство, тупоумие и несостоятельность теоретиков социал-предательства.

Социалистическая революция, утверждал Ленин, может начаться еще до того, как пролетариат будет составлять большинство населения. Поскольку пролетариат овладевает государ-

ственной властью и экономическими командными высотами, о становится определяющей силой, способной вести к социализму все хозяйство в целом. Нельзя подходить к вопросу формально-арифметически, ибо город не равен деревне.

Учитывая опыт пролетарской революции в России, тов. Ленин писал:

«Сколько бы мелко-буржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами(Черновы, Мартовы, Каутские, Лонге, Макдональды и К°), ни разбивали себе лба перед богинями «равенства», «всеобщего голосования», «демократии», «чистой демократии» или «последовательной демократии», от этого не исчезнет экономический и политический факт неравенства города и деревни. Это—факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведет за собой деревню. Вопрос только в том, какой класс из «городских классов» сумеет вести за собою деревню, осилить эту задачу и какие формы это руководство города примет».

Пролетариат—меньшинство, но при правильной политике он сможет стать гегемоном всех трудящихся в их борьбе за свержение эксплуататоров. А при таких условиях широкие слои мелких хозяев, не эксплуататоров, а эксплуатируемых, об'ективно могут стать участниками социалистической революции против капитализма.

Учитывая неравномерность развития капитализма в разных странах, Ильич еще до наступления эпохи пролетарских революций писал о том, что, по всей вероятности, социалистическая революция одержит победу сначала только в нескольких или даже в одной стране.

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государства».

Ход событий показывает, что именно Ленин понял эпоху.

В капиталистической мировой системе пробита громадная брешь. Шестая часть земного шара уже освободилась от власти капитала. Пролетариат капиталистических стран проходит в обостряющейся классовой борьбе тяжелую школу политграмоты,

помогающую ему окончательно и бесповоротно освободиться от иллюзий «мирного» перехода к социализму.

Развитие революционного, антиимпериалистического движения в крестьянских колониях доказывает, что Ленин был прав и в вопросе о революционном союзе рабочего класса с крестьянством.

Вот почему наша эпоха есть эпоха Ленина.

Вот почему Ленин бессмертен.

А. Гольцман.

Об экономических „предпосылках социализма“ в деревне[1]).

От редакции.

Помещая статью тов. Гольцмана, редакция оговаривает свое несогласие с некоторыми положениями и формулировками автора.

Так, она не согласна, что мелкий товаропроизводитель в борьбе с капиталом „почти всегда ищет спасение в коллективных формах хозяйствования“; считает слишком формальной постановку вопроса о социалистических признаках кооперативного об'единения, противоречиях внутри кооперации и т. д.

I.

Социалистические элементы в деревне только еще намечаются. Должно быть сказано совершенно открыто и с полной категоричностью, что не может быть и речи о наличии сколько-нибудь определенно развитых форм социалистически-хозяйственных типов в современной советской деревне. В общем она, деревня, представляет собой сплошную и подавляющую массу индивидуальных товаропроизводителей, действующих в режиме полунатурального простого товарного хозяйства. Капиталистические элементы экономики, а также более высокие формы товарно-денежного обращения, с ними связанные, только еще должны развиться и лишь отчасти намечаются на фоне господствующих форм простого товарного хозяйства крестьянина. Что же касается элементов капитализма, то лишь начиная с новой экономической политики, эти элементы приобретают быстрый темп восстановления. Чем больше развиваются капиталистические элементы, тем больше подвергается разложению строй простого товарного производства. В классовом отношении носителем простого товарного производства является основная масса крестьянства—середняцкие хозяйства. Носителем капиталистических элементов являются кулаки и потенциально, зажиточное трудовое крестьянство, имеющее возможность перейти (и часто переходящее) на кулацкие, т.-е. капиталистические формы хозяйствования. Классовые элементы социализма как бы раздваиваются. С одной стороны, они представляют собой отряд борющихся за улучшение своего материального положения наемных рабочих у тех же кулацких работодателей. Этот отряд на данной ступени развития не противопоставляет капиталистическому типу хозяйства «своих» хозяйственных форм и ведет борьбу пока главным образом по линии увеличения своей заработной платы. Следовательно, здесь, на данной ступени развития речь может итти лишь о борьбе за распределение общественного дохода в пределах существующего экономического режима. С другой стороны, социализм в деревне выражается также в создании новых хозяйственных форм, которые противопоставляются капиталистическим хозяйствам, ведут с ними борьбу на экономической основе, стремясь вытеснить их с хозяйственной арены и занять их место. Поскольку мы имеем дело с рыночными отношениями, постольку борьба хозяйственных типов должна выразиться прежде всего в жестокой конкуренции, в стремлении вытолкнуть с рынка своего противника и монополизировать в своих руках снабжение потребителя продуктами своего производства.

Таков итог. Но нам предстоит еще рассмотреть какое именно коллективистическое сельское хозяйство является социалистическим, т.-е. может нас привести в дальнейшем к социализму, и какое из них может представлять собой, с одной стороны, усиление капиталистических элементов под маской коллективизма, а, с другой стороны, лишь небольшие «уклоны» самозащиты вытесняемых с рынка индивидуальных производителей в пределах докапиталистических или капиталистических отношений.

Эта вторая возможность отнюдь не исключена. Мелкий индивидуальный товаропроизводитель, вытесняемый кулаком с рынка, отбрасываемый в лагерь бедняков, отнюдь не всегда с первого же момента хватается за верное орудие борьбы с капиталистическим противником. Правда, почти всегда он ищет спасения в коллективных формах хозяйствования, противопоставляя их единоличной собственности кулака. Но не всегда эта коллективная форма является хозяйственно крепкой, имеющей свою будущность и, следовательно, могущей в дальнейшем разбить своего противника окончательно. Такие коллективистические формы, которые представляют собой полумеру, только паллиатив в борьбе бедняцких элементов с кулацкими, которые не дают окончательного выхода из положения, также ценны, но лишь в том смысле, что представляют собой **урок для бедняков**. На этих ошибках бедняки и середняки учатся хозяйственным формам борьбы с капиталистическими противниками. Терпя поражения на них, они неизбежно должны перейти к более рациональным формам. Поэтому нам нет смысла относиться предосудительно к этим неизбежным, хотя и дорого стоящим, ошибкам. Но было бы вместе с тем неправильно также идеализировать эти формы, принимая их за действительно социалистические хозяйственные типы. Такие попытки идеализации **всякой** коллективной формы ведения сельского хозяйства в нашей литературе наблюдаются. Все то, что имеет коллективистическую форму, принимается зачастую вместе с тем и как социалистическая форма хозяйства; между тем, эта форма иногда имеет такое же отношение к социализму, как организационные попытки утопистов (колонии и т. п.) к современным действительно социалистическим формам. Эти **лжесоциалистические** или, мягче сказать, **мнимо социалистические** формы ведения сельского хозяйства должны быть раскрыты, ибо раз'ясняя крестьянам ошибки, мы помогаем избегать или, во всяком случае, быстрее преодолевать неправильные пути борьбы с их кулацкими противниками.

[1]) Настоящая статья представляет собою IV главу подготовляемой автором работы о внедрении социализма в деревню. Будучи написана в середине 25 г. она оперирует сравнительно устарелыми цифрами. Введение нового цифрового материала, однако, является излишним, т. к. подтверждая выводы статьи, этот материал способствовал бы лишь ее разбуханию.

Какая коллективная форма ведения сельского хозяйства может быть признана, как имеющая наибольшие перспективы превращения в социалистическую? Разумеется, сельское хозяйство нами рассматривается в условиях соприкосновения его с социалистической промышленностью при концентрации главных финансовых средств в руках социалистического государства. Социалистическим типом сельского хозяйства могут быть названы те коллективистические формы хозяйства, которые при дальнейшем их развитии и расширении неизбежно приведут к полному обобществлению охватываемых ими средств производства. Следовательно, лишь тот, ведущий сельское хозяйство коллектив (например, кооператив, сельско-хозяйственное товарищество и т. п.), который, имея в настоящее время лишь ограниченную сферу деятельности, т.-е. небольшую группу членов, незначительный инвентарь и т. п., по мере своего развития и увеличения масштаба деятельности в дальнейшем об'ективно, т.-е. независимо от сознательно поставленной себе цели, вырастает или вливается во всесоюзную организацию, передавая этой последней юридическую и фактическую собственность на средства производства с тем, чтобы на последней ступени эта собственность стала бы общественной, т.-е. в наших условиях общенациональной, государственной,—только такой коллектив может быть назван нами действительно социалистическим типом хозяйств, стремящимся вытеснить капиталистические элементы в сельском хозяйстве.

Здесь нужно сделать два замечания. Первое—коллективистические формы, имеющие превратиться в социалистические, не могут оставаться локальными. Они неизбежно должны вырасти в обще-национальные, терять свое исключительное право собственности, передавая это право государству в целом. В противном случае, мы имели бы строй кооперативных общин, ведущих сельское хозяйство в известных ограниченных территориальных и производственных рамках. В известных пределах эти общины могут быть связаны между собой товарообменом. Производственный прогресс неизбежно ограничивается непосредственными потребителями общин. Хозяйство всей страны представляет собой не единое целое, планомерно разделенное на части, специализирующиеся по естественным богатствам районов, путям сообщения и т. п., а лишь федерацию «ассоциаций добровольных работников». Между тем марксизм мыслит себе социализм не в таком виде. Социализм представляет собой единую ассоциацию работников, связанных в одно нераздельное хозяйственное целое. Общество является единым собственником всех средств производства. При этом исключается возможность товарообмена и взамен него выдвигается общественный продуктообмен. Описанный выше вариант представлял бы собой картину утопического социализма, который, конечно, неосуществим и неизбежно должен был бы привести либо к возникновению капиталистических элементов хозяйства, либо к перерождению в единую социалистическую общину.

Второе. Выше говорилось о превращении коллективистической собственности в общенациональную собственность, о передаче средств производства из рук коллективов (кооперативов, сельских товариществ и т. д.) в руки государства. Но, с другой стороны, в процессе развития социалистического хозяйства, по мере его полного оформления государственная власть сама будет постепенно отмирать, уничтожаться. Следовательно, здесь идут два встречных процесса: с одной стороны, процесс обобществления и, поскольку существуют ограниченные друг от друга государственные образования,—огосударствления средств производства в сельском хозяйстве; с другой стороны,—процесс отмирания, ликвидации самой государственной власти, т.-е. того суб'екта, которому мы намерены передать право собственности на средства производства наших расширяющихся и разрастающихся сельско-хозяйственных коллективов.

Можно даже сказать и так, что как раз по отношению к сельскому хозяйству эти два процесса должны столкнуться и во времени. Так как промышленность, транспорт и финансы находятся уже и сейчас в руках социалистического государства, то полное оформление социализма в такой стране, как наша, наступит как раз в тот момент, когда социалистическая экономика победит в сельском хозяйстве, тогда все главные узлы его окажутся под влиянием социализма и в основном социализм победит по всей стране. Но именно в этот момент, когда социализм с помощью государственной власти распространит свое влияние на главные узлы народного хозяйства, тогда государственная власть придет к апогею своего развития и вместе с тем к началу своего уничтожения [1]). Эти два процесса: процесс огосударствления средств производства в сельском хозяйстве и уничтожения самого государства, должно иметь в виду при рассмотрении развития коллективистических форм в сельском хозяйстве.

II.

Поскольку речь идет о сельско-хозяйственной кооперации, то первое условие, т.-е. превращение кооперативных организаций в форму Всесоюзного кооперативного образования — налицо уже теперь, хотя и не в полном об'еме. А. Минин считает, что на территории СССР действует 33.340 кооперативов (крестьянских) об'единяющих 2.546.500 членов или, принимая, что каждый член представляет собою одно крестьянское хозяйство, а общее число последних в 19.750 т., всего 12,6% кооперативного сельского населения [2]). Все эти кооперативы об'единяются союзами кооперативов, из которых, правда, не все имеют общегосударственный масштаб деятельности. Что касается «диких», т.-е. не об'единяемых в союзы кооперативов, то тот же автор принимает их число равным 5—7 тысячам с полумиллионом членов.

Сельско-хозяйственная кооперация растет в целом, но темп роста не одинаков для разных ее ступеней. Общий рост народного хозяйства в особенности в 1924 г. значительно расширил деятельность всех звеньев с.-х. кооперации. Если судить по валовому обороту отпуска товаров, то получится, что быстрее всего растет низовая кооперация, обгоняя союзы и центры. Так,

---

[1]) Разумеется, если, что весьма мало вероятно, указанная в тексте картина победы социализма в нашей стране не будет сопровождаться победой международной социалистической революции, государственная власть, в том числе армия в первую голову, останутся существовать и в дальнейшем. Однако, существование института государственной власти в этом гипотетическом случае будет оправдываться не непосредственно, т.-е. внутреннего порядка, экономическими причинами.

[2]) А. Минин. «С.-х. кооперация СССР», стр. 43. По данным того же автора на 1/IV—25 г. имеется кооперированных крестьянских хозяйств свыше 4.000 т. См. ст. в «Экон. Обозр.» июньский выпуск.

Виды кооперативов.	1923 г.		1923—24 г.	Рост в %
Центры сельско-хоз. коопер. .	28	100	60	114,3
Местные союзы	69	100	180	160,8
Кооперативы I степени . . .	75	100	272	262,7
Всего . .	172	—	512	200

отпуск товаров за 1923 и 1923—24 г. выражался следующими цифрами (в милл. рубл., без Украины) [1]).

При среднем увеличении оборотов втрое низовая сеть кооперации увеличила отпуск товаров свыше, чем в три с половиной раза. На втором месте—союзы, и лишь третьими идут центральные организации.

Такой бурный рост оборотов низовой кооперации не опасен для дела централизации кооперативного хозяйства, хотя на данной стадии имеет практически тревожные симптомы. Он указывает на охват сельско-хозяйственной кооперацией все новых и новых районов, увеличение сети низовой кооперации, втягивание новой клиентуры, при чем этот процесс пока идет впереди усиления самого кооперативного аппарата, расширения работы центральных организаций по сбыту. Число кооперативов растет и не может не расти, ибо растет бурно все народное хозяйство и— благодаря высокой кон'юнктуре,—кооперируемые мелкие хозяйства. Но для того, чтобы увеличивающаяся кооперативная работа была прочной, росла бы не только вширь, но и вглубь, должна упрочиваться ее финансовая база. Между тем, взгляд на финансовое положение кооперации убеждает в том, что в этой области центральные организации идут впереди местных. Обратим внимание на:

Сводный баланс всех организаций сельско-хозяйственной кооперации [2]).

Виды кооперативов.	Сводный баланс на 1 января. 1923 г. милл. р. (довоен.).	Сводный баланс на 1 января. 1924 г. милл. р. (черв.).	Прирост в %, считая черв. р. равн. довоен.	Соотнош. разных степен. между соб. 1923 г. %	Соотнош. разных степен. между соб. 1924 г. %
Центры	4,6	40,2	850	8,1	17,2
Союзы	19,2	96,7	507	34,0	42,5
Кооперативы I ст.	32,7	91,9	282	57,9	40,3
Всего . . .	56,5	228,8	411	100,0	100,0

[1]) А. Минин. «С.-х. кооперация СССР»., стр 150.

[2]) «Сельско-хозяйственная кооперация в системе государственного капитализма», стр. 55.

Средства центральных организаций возросли в 8,5 раз; средства союзов—в 5 раз, а низовой кооперации—около 3 раз.

Далее. Хотя по абсолютной величине средств низовая кооперация все еще занимает почетное место, однако, и абсолютно и относительно она уступила первое место союзным об'единениям. Что касается центров, то их относительная роль увеличилась вдвое—с 8,1% до 17,2%, т.-е. больше и быстрее, чем оба другие звена кооперативной системы.

На низших и средних ступенях кооперативной системы быстрее опять-таки растут те организации, которые связаны или входят составными частями в центральные об'единения. Приводим для характеристики таблицу [1]):

Рост балансов сельско-хозяйственной кооперации.

(Принимая баланс 1 января 1923 г. за 100)

Виды кооперативов.	1 января 1923 г.	1 июля 1923 г.	1 января 1924 г.
	В процентах.		
Губернские союзы	100	382	888
Уездные и районные союзы, входящие членами в Сельскосоюз	100	92	300
Уездные и районные союзы, не входящие в Сельскосоюз	100	61	208

«Дикие», т.-е. локальные, кооперативы увеличили свой баланс за год вдвое, «осоюженные» же кооперативы—в три и в девять раз.

Стремление сельско-хозяйственного кооперативного движения вылиться в формы организации общегосударственного масштаба не есть чисто советское новшество. Оно органически заложено в глубинах кооперативной системы и имеет в своей основе две главные причины.

Первая: народно-хозяйственная система страны сравнительно достаточно развита и дифференцирована. Основные торговые, кредитные и транспортные (т.-е. узловые) центры определились с достаточной ясностью и сосредоточивают, естественно, главные операции по закупке и сбыту товаров в том числе сельскохозяйственного производства. Продукты производства крестьянина Вологодской губернии или отдаленных сибирских местностей давно вышли за пределы «местного» полунатурального товарооборота. Они циркулируют по каналам обращения, охватывающим громадные территории и скрещивающимся друг с другом. Наиболее выгодные условия сбыта товара и, обратно, закупки инвентаря и полуфабриката при такой централизованной и дифференцированной системе товарооборота возможны при условии, если узловые пути товарооборота будут обслуживаться об'единяющим центром. Отсюда, вертикальные кооперативные об'единения.

[1]) «Сельское хозяйство в системе государственного капитализма», стр. 49.

Второе: это—экспорт. Главные продукты сельско-хозяйственной кооперации идут на экспорт, как одна из важнейших его составных частей. Вывоз льна, молочных продуктов, животного сырья и т. п. составлял основную заботу сельско-хозяйственной кооперации и до войны. Как только начали восстанавливаться мировые торговые связи, развитие сельско-хозяйственной кооперации получило стремительный толчок вверх.

«В течение 1923 года, — говорится в сборнике Сельскосоюза [1]),—устанавливается прочный контакт с заграничными рынками, в распоряжение советской кооперации поступают все заграничные аппараты старой сельско-хозяйственной кооперации, ставится и сразу развертывается в массовом размере кооперативный экспорт льна, масла, яиц, зерна и др. продуктов, возрождается кортофеле-герочная кооперация и возникают к жизни десятки других отраслей кооперативной работы. Обороты растут в несколько раз и темп развития становится столь стремительным, что подчас кажется, что кооперативная система не выдержит и где-нибудь разобьется в щепки».

Действительно, в том же сборнике находим сведения о росте экспортных операций кооперативных организаций [2]). (Кстати, таблица иллюстрирует также роль центральных кооперативных органов в вывозе—и не только рост экспортных операций кооперации, но и относительную долю этих операций в вывозе страны).

Доля участия (в процент.) Сельскосоюза, Льноцентра и всей кооперативной системы в экспорте страны.

Статьи экспорта.	1922/23 г.	1923/24 г.	1-е полуг.
	I	I	II
Масла	41,0	48,0	60,0
Льна	15,4	20,0	28,0
Животн. сырья . . .	8,0	12,0	20,0
Яиц	12,0	10,0	15,0
Хлеба	2,0	4,0	13,0

Столь значительный рост экспортных операций немыслим для мелких крестьянских товаропроизводителей без организующего центра даже при свободе внешней торговли. Не может каждый сибирский маслодел или даже артель организовать самостоятельный вывоз масла в Англию. Она должна либо итти на поклон к оптовому скупщику-капиталисту, переплачивая ему громадные проценты за призрачные услуги, либо создать собственного массового скупщика, об'единяясь с однородными организациями.

Таким массовым скупщиком является Маслоцентр для маслодельных артелей; Льноценгр—для льноводных товариществ; прежде—«Кооперативное Яйцо»—для яичных кооперативов и т. п. Индивидуальный мелкий товаропроизводитель ищет (и искал в прежние капиталистические времена) иных, независимых от промышленной и финансовой буржуазии способов внедрения своих товаров в мировой товарооборот. С одной стороны, главной причиной втягивания в мировую хозяйственную систему являлось развитие капиталистической промышленности, прокладка железно-дорожных путей сообщения, дифференциация народного хозяйства страны на основе общественного разделения труда. С другой стороны, втягиваясь в товарно-денежное хозяйство и вылезая навсегда из скорлупы своего полунатурального хозяйства, мелкий индивидуальный товаропроизводитель стремился попасть на рынок «окольным» путем, минуя крупных капиталистических акул, место которых он, впрочем, не прочь бы и занять.

Рост экспортных операций кооперативных организаций возможен вследствие увеличения собственных капиталов кооперации. Здесь отражается общий процесс улучшения благосостояния страны и крестьянского, в частности кооперативного, хозяйства. Это же увеличение капиталов кооперации отражается также в оборотах кооперативных организаций внутри страны. Сопоставляя оборот Сельскосоюза с оборотом Московской Товарной Биржи и 162 крупнейших об'единений ВСНХ, мы находим, что Сельскосоюз в относительных цифрах все время идет впереди упомянутых организаций.

Сравнительные данные об оборотах Сельскосоюза за 1923—24 г.[1])

Месяцы.	Сельскосоюз	МТБ	162 об'ед. ВСНХ
	В тыс. рублей.		В милл. руб.
Октябрь 1923 г.	1.240	80.800	74,6
Ноябрь »	2.876	96.200	79,8
Декабрь »	2.961	127.800	98,9
Январь 1924 г.	1.681	138.200	—
Февраль »	4.041	177.600	124,5
Март »	4.872	119.900	104,7
Апрель »	3.757	118.400	98,8
Май »	2.317	121.000	112,2
Июнь »	2.593	107.400	111,6
Июль »	3.289	145.400	106,9
Август »	2.889	116.500	103,8
Сентябрь »	7.852	205.500	158,9

[1]) «Сельское хозяйство в системе государственного капитализма» стр. 49.

[2]) «Сельско-хозяйствен. кооперация в системе государственного капитализма», стр. 65.

Сельскосоюз+Льноцентр обозначены (I). Вся кооперация—(II). Вывоз всей кооперации не указан во времени. Произвольно отнесен мною ко второй половине 1924 г., как наихудший вариант.

[1]) Справочник ЦСУ за 1924 г., стр. 559 и 605. Дальнейшее сравнение оборотов Сельскосоюза с др. торговыми организациями лишено интереса, так как из Сельскосоюза выделились Льноцентр и Маслоцентр, а в последнее время—центр по яично-птичной кооперации. В данный момент обсуждается вопрос о выделении заготовки кожсырья и др.

Между мартом и августом 1924 г. все приведенные организации обнаруживают падение оборота, об'ясняющееся сезонным затишьем. Сельскосоюз увеличил свои обороты за приведенный период свыше, чем в 6 раз, в то время, как Московская Товарная Биржа увеличила в 2½ раза, а об'единения ВСНХ— несколько больше, чем в 2 раза. Правда, в абсолютных величинах оборот Сельскосоюза значительно уступает своим контрагентам, но в темпе роста он, несомненно, идет впереди.

Точно так же можно судить о росте капиталов кооперативных организаций по их балансам на приведенные даты.

Сводный баланс 3-х кооперативных центров[1]) (Сельскосоюз, Льноцентр, Союзкартофель).

Даты.	Тыс. черв. руб.	%%
На 1 января 1923 г.	4.066	100
» 1 марта »	7.846	192
» 1 мая »	8.710	214
» 1 июля »	18.114	445
» 1 сентября »	26.242	645
» 1 ноября »	33.133	814
» 1 января 1924 г.	40.250	991
» 1 октября »	79.801	1.962

Средства трех важнейших кооперативных центров увеличились меньше, чем за 2 года, в 19 раз, что соответствует, впрочем, росту их оборота.

Хотя на основании опыта одного-двух лет деятельности кооперации нельзя делать обобщающих выводов, мы вряд ли, однако, ошибаемся, констатируя рост централизации в кооперативном хозяйстве. Вся история сельско-хозяйственной кооперации, в ее довоенный период в частности, убеждает нас в правильности этого вывода. Те же условия существования мелкого товаропроизводителя-маслодела, конопле- или льно-вода, которые гнали его в кооперацию, заставляли создавать собственную организацию по сбыту, действуют и теперь, несмотря на коренное различие общей обстановки.

Разница в побуждающих к кооперированию причинах, конечно, есть. Раньше крестьянин искал в кооперативе спасения от торговой буржуазии, от кулака, противопоставляя ее сетям собственный торговый аппарат. Теперь опасность овладения сбыта сельско-хозяйственных товаров кулаком хотя и вполне реальна, но все же не так велика, как до революции. И кулак уже не тот. Все же за годы нэпа он не успел настолько обрасти жиром, чтобы посягать на распространение своей сферы влияния на весь сельско-хозяйственный промысел. И помощь, которую раньше кулак получал от своего городского собрата, теперь уже совсем не та. Пожалуй, это едва-ли не самое главное,—теперь нет той городской промышленной и финансовой буржуазии, которая при царизме, вкладывая свои деньги в банки, кредитующие кулаков, вступала тем самым с последним в коалицию для эксплоатации и экономического разложения крестьянства.

[1]) До 1/I—24 г. включительно сведения взяты из сб. «С.-х. кооперация в системе государственного капитализма», стр. 54. На 1/X—24 г. по Справочнику ЦСУ за 1924 г., стр. 601. В последнюю цифру вошли те же балансы Маслоцентра и Плодовинсоюза, выделившихся из Сельскосоюза в 1924 г. Баланс Льноцентра дан на 1/VII—24 г., и баланс Плодовинсоюза—на 1/IX.

Но зато осталась необходимость вывоза за пределы деревни (и даже, во многих случаях,—страны) товаров, продуктов домашнего промысла. Организующий сбыт аппарат кулацкого крестьянства разбит и во всяком случае еще далеко не настолько восстановлен, чтобы удовлетворить потребности крестьянина-середняка в сбыте своего товара. С другой стороны, государственный социалистический капитал прочно и сравнительно надолго завяз в промышленности и во всяком случае не может быть авансирован в таком размере, чтобы исключить необходимость крестьянской кооперативной самоорганизации. Отсюда возникновение последней, *как промежуточной формы между хозяйством мелких докапиталистических или некапиталистических товаропроизводителей и строем социалистической промышленности.* Через сбытовую кооперацию строй простого товарного производства прокладывает себе мост к социализму над бездной капиталистической эксплоатации. Но об этом мы будем иметь случай говорить дальше.

III.

Выше было сказано, что социалистическими формами можно назвать те формы хозяйствования, при которых право собственности на средства производства в дальнейшем переходит к нации, обобществляется. Обобществляется ли эта собственность в сельско-хозяйственной кооперации?

Должно признать, что на данной ступени развития этого обобществления нет. Хотя тенденция централизации кооперативной деятельности и капиталов достаточно велика, хотя усиление кооперативных центров и вымирание локальных «диких» кооперативов налицо, хотя создание в будущем единого хозяйственно-оперативного центра кооперации по каждой отрасли сбыта сельско-хозяйственных товаров с превращением местных органов в отделения не только возможно, но безусловно намечается жизнью, но в данный момент, сегодня нам приходится считаться с фактом наличия имеющих юридическое лицо местных кооперативов и их союзов. Правда, они связаны (и чем дальше, тем больше связываются) с кооперативными центрами, но до полного «обобществления», хотя бы в пределах кооперативной организации, функционирующего здесь капитала дело далеко не дошло.

Дальше. Сельско-хозяйственные кооперативные организации, как Льноцентр, Маслоцентр и т. п., являются по преимуществу

торговыми организациями—организациями сбыта товаров, входящих в их состав крестьянских хозяйств [1]).

В последнем счете, это—организации сбыта товаров крестьянина. Сельско-хозяйственный кооператив, следовательно, есть закупочно-сбытовая организация, об'единяющая некоторую сумму отдельных, экономически независимых крестьянских хозяйств. Каждое такое хозяйство есть хозяйство мелкого товаропроизводителя. Усиление сельско-хозяйственной кооперации представляет собой не что иное, как усиление его, мелкого товаропроизводителя, кооперативной организации.

Теряет ли этот мелкий товаропроизводитель свой характер мелкого товаропроизводителя в связи с усилением его кооперативных организаций? Иными словами, антагонистичны ли процессы усиления сельско-хозяйственных кооперативных организаций, и в частности сельско-хозяйственных кооперативных центров, и усиления строя мелкого товарного производства?

Мы должны сказать, что на данной ступени развития сельско-хозяйственной кооперации этого нет. Усиление сельско-хозяйственной кооперации теперь, при данных условиях, влечет за собою укрепление хозяйства крестьянина, проталкивание с наибольшей быстротой и при наименьших расходах его товаров на рынок. Строя и усиливая свою кооперативную организацию, мелкий, «парцеллярный» хозяин вовсе не «роет себе яму», по крайней мере на ближайший, измеряющийся, вероятно, десятилетиями, период. Сельско-хозяйственная кооперация есть и остается организацией «свободных», мы хотим сказать, экономически друг от друга более или менее независимых, индивидуальных мелких товаропроизводителей.

Для данного периода, т.-е. на нынешней стадии развития сельско-хозяйственного промысла, сельско-хозяйственная кооперация не вытесняет пока что, а укрепляет мелкого товаропроизводителя, мелкое, «парцеллярное» хозяйство. Вместе с этим зачастую укрепляются отрицательные, как в техническом отношении, так и в социальном, черты мелко-буржуазного производства.

В высшей степени важно в деталях рассмотреть, каков именно тот путь, по которому кооперация, являясь сначала организационной формой закрепления индивидуального, мелкобуржуазного товарного производства, при дальнейшем развитии несет с собой отрицание, разрушение этого способа производства, замену его более высокой ступенью социальной организации труда.

Каково социальное определение хозяйств, об'единяемых сельско-хозяйственной кооперацией. Материалы, опубликованные центральными кооперативными организациями, показывают, что большею частью члены кооперативов являются представителями мелко-буржуазного хозяйства полунатурального типа.

К сожалению, у нас нет материалов о группировке об'единяемых в кооперативы хозяйств по товарности. Вследствие этого мы лишены прямых указаний по этому вопросу, но мы исходим из неоспоримого факта, что наиболее «товарными» являются два крайних крыла крестьянской массы: 1) капиталистические хозяйства, пользующиеся наемным трудом — мы видели [2]), что это по преимуществу носители производительного товарного потребления и наиболее интенсивного сбыта; и 2) пролетаризованное, батрацкое крестьянство, продающее свою рабочую силу и покупающее предметы потребления. Если вторые и втянуты в товарооборот зачастую в абсолютных величинах, меньше, чем середняк, то зачто относительно они более «отоварены», чем последние, ибо весь их материальный баланс (рабочая сила—предметы потребления) состоит из циркулирующих на рынке товаров.

Меньше втянуты в товарооборот середняки. Значительная часть—а иногда и большая часть—продуктов их производства остается в их домашнем хозяйстве для удовлетворения нужд собственного потребления. Еще Ленин в «Развитии капитализма» говорил о середняцком хозяйстве, что «оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства».

Здесь перед нами громадная масса, целина, основной массив крестьянства, который еще только-только начинает разворошиваться товарным строем. Как раз эта масса крестьянских хозяйств ведет отчасти еще натуральное домашнее производство, построенное на патриархальных основах. Хотя на опушках этого громадного леса хозяйств и происходят капиталистические бури, вырывающие целые полосы растений и отбрасывающие их в кругооборот товарно-капиталистического хозяйства,—этот основной массив еще живет прежним экономическим укладом.

Помимо натурального хозяйства, представляющего собою сравнительно низкую, более отсталую ступень середняцких хозяйств, мы здесь находим еще первичную форму товарного производства, производство на рынок силами своей семьи. Выше приведены были уже данные, характеризующие сравнительно ничтожную распространенность наемного труда, хотя и шагающую быстро вперед. Подавляющая же масса крестьян производит товары на рынок собственными силами (так наз. трудовое крестьянство, т.-е. не эксплоатирующее чужого труда).

Последние ступени натурального строя и первые ступени раннего капитализма, колыбель капиталистических отношений,—вот что мы находим в нашем середняцком хозяйстве.

На вопрос, какой экономический уклад господствует в нашем середняцком хозяйстве, мы должны, поэтому, ответить: строй простого товарного хозяйства, соответствующий раннему, эмбриональному (зародышевому) капитализму, строй, в котором первые зачатки товарных отношений являются еще некапиталистическими отношениями и притом перемешиваются с натуральным замкнутым хозяйством.

Товаропроизводитель не дифференцировался еще здесь на собственника средств производства и «владельца» рабочей силы. Поскольку он, товаропроизводитель, уже существует,—он существует, как мелкий «трудовой» хозяйчик, выбрасывающий на рынок продукты своего личного и своей семьи труда. При дальнейшем развитии товарно-капиталистических отношений, должна была бы неизбежно произойти дифференциация хозяина своей рабочей силы от собственника средств производства.

Вот этот кадр крестьянских хозяйств, выразителей простого товарного строя, в значительной мере докапиталистических отношений, составляет главную массу кооперированного населения. Оба крайние крыла крестьянства:

[1]) Значение производственных функций этих организаций будет рассмотрено ниже.

[2]) Во II и III главах.

капиталистические эксплоататоры и наемные рабочие, либо вовсе отсутствуют в сельско-хозяйственной кооперации, либо играют совершенно незначительную роль.

Для характеристики этой роли заимствуем данные из упоминавшейся уже книги А. А. Минина.

Группировка кооперации в Гжатском (льноводческом) уезде [1]).

(Проц. хозяйств).

Категории крестьянских хозяйств.	Без раб. лошад.	Имеющих раб. лошадей.				Без коров.	Имеющих коров.			
		Одну.	Две.	Три.	Четыре и более.		Одну.	Две.	Три.	Четыре и более.
Кооперированных	7	67	25	1,0	0,0	2,0	27,0	51,0	17,0	3,0
Некооперированных.	11	75	13	0,2	0,8	5,7	49,5	39,4	5,1	0,3

Батраки, или стоящие на грани батрачества, т.-е. безлошадные и бескоровные менее всего втянуты в кооперацию. С другой стороны, слабо представлены и зажиточные слои (выше 4 лошадей). Главную массу членов кооперативов составляют хозяйства с 1 и 2 лошадьми—92% общего числа кооперированного населения, и с 1, 2 и 3 коровами—95%.

Примерно, такую же картину дает группировка клиентов Юго-Восточного Сельско-Хозяйственного Банка.

Социальная группировка клиентов Ювсельбанка [2]).

Группы хозяйств.	Число заемщик.	% к общ. числу.	Относ. заемщиков к общ. числу хоз.	Средний размер ссуды в руб.	
				На 1 заемщика.	На 1 голову раб. скота.
1. Хозяйства без раб. скота	909	33,3	3,2	91,8	91,8 (на хоз.)
2. Хозяйства с 1 гол. рабоч. скота	673	21,6	3,5	72,8	72,8
3. Хозяйства с 2 гол. рабоч. скота	693	25,4	3,3	57,1	28,5
4. Хозяйства с 3—4 гол. раб. скота	398	14,6	3,5	70,7	23,5
5. Хозяйства свыше 4 гол.	57	2,1	1,5	67,1	13,4
Итого	2.730	100	3,3 (в сред.)	—	—

[1]) Упом. сочинен., стр. 51.

[2]) Упом. сочинен., стр. 97.

Основную массу клиентов составляют хозяйства с средним достатком от одной до 4 голов скота. Но в практике банка имеется очевидный уклон в сторону кредитования наиболее беднятских элементов. Они составляют у него 33,3% клиентуры. Так как среди них по большей части встречаются трудно восстанавливаемые хозяйства, а также хозяйства, ведущиеся по необходимости более отсталыми способами, то размер ссуды на одного заемщика и на одну голову рабочего скота здесь больше, чем в других группах. Ювсельбанк может, конечно, в один прекрасный день оказаться фактическим хозяином принадлежащих его клиентам материальных средств, но трудно сказать наперед, оправдаются ли выданные им ссуды стоимостью этих средств [1]).

Понятие «середняк» экономически достаточно характеризуется полунатуральным или ранне-капиталистическим укладом хозяйства этой группы крестьянства. В этом смысле середняцкая масса крестьянства однородна. Для выяснения интересующих нас здесь вопросов это определение середняцкого хозяйства достаточно. Однако, несмотря на однородность экономического уклада, абсолютный размер обеспеченности не одинаков по всей середняцко-крестьянской массе. Хозяйства, опирающиеся на зерновые культуры, в среднем ниже хозяйств, работающих с техническими культурами. Маслодельные и сыроваренные хозяйства по необходимости в среднем богаче других крестьянских хозяйств. Маслоделом может быть крестьянин, имеющий, по крайней мере, одну - две коровы. Такой крестьянин, выглядывая середняком по отношению к хлебопашцу, является бедняком в своем «молочном миру». Маслодел-середняк — это крестьянин, имеющий две-три коровы, хотя при учете «средних» статистических величин расслоенности крестьянства он может попасть и в зажиточные мужики. Такая группировка была бы неправильна, так как не учитывала бы конкретных особенностей данного промысла. Общим признаком всех таких различных по степени материального обеспечения крестьянских хозяйств. является обслуживание всех «средств производства» собственными силами своей семьи.

Возьмем, например, маслодельную кооперацию,—она, пожалуй, наиболее показательна в этом отношении. А. Минин приводит справку, из которой видно, какова относительная группировка членов маслодельных артелей по коровности (на 1/I—24 г. по выбор. обследов.) (см. табл. на след. стр.).

По нашим «обычным» понятиям, мы здесь имеем дело с засилием зажиточных элементов в кооперации. Преобладают двух и трехкоровники. С другой стороны, деревенская голь—бескоровники, почти совершенно не имеют доступа в кооперацию. Между тем, слой крестьян, не располагающих ни одной коровой довольно широк в упомянутых в таблице районах. В Ярославской губернии он достигает 15,9 процента всего крестьянского

[1]) Такое же сомнение в правильности ссудной политики Ювсельбанка разделяет, повидимому, и тов. А. Минин.

«Очевидно,—говорит он,—на Юго-Востоке установилась определенная практика выдачи ссуд членам не столько по принципу кредитоспособности, сколько по принципу нуждаемости. Однако, характеристики результатов этой практики, повидимому, в виду кратковременности существования самих операций, Ювсельбанк не дает; поэтому весьма интересный вопрос об аккуратности возврата ссуд остается пока неосвещенным».

Районы.	В процентах.					
	Без кор.	1 кор.	2 кор.	3 кор.	4 и более.	Всего.
Ярославская губ.	1,6	25,8	55,0	15,6	2,0	100
Смоленская »	0,4	19,7	49,5	22,0	8,4	100
Новгородская.						
Валдайск. у. . . .	—	41,3	35,6	16,1	7,0	100
Старо-Русск. у. . . .	2,4	22,7	38,9	27,2	8,8	100
Тверская: Краснохолм. у.	2,3	4,6	76.0	13,3	3,8	100
Омская: Татарск. у. . . .	1,4	14,8	22,5	17,3	44,0	100

населения; в Смоленской—7,7%; в Валдайском уезде—11,6%; в Старо-Русском—11,6%; в Краснохолмском—7,1%; в Татарском—9,8%. (А. Минин, стр. 52).

Нам неизвестно, какой преимущественно промысел распространен среди бескоровных. Быть может, будучи бескоровными, некоторые из них многолошадны, или занимаются разведением технических культур, или компенсируют себя развитием кустарных промыслов, или, наконец, находят источники жизни в торговле или даже ростовщичестве. Указание на то, что они бескоровны почти ничего не говорит о степени их зажиточности, хотя заставляет предполагать, что в общем, т.-е. при прочих равных условиях, мы имеем здесь дело с бедняцким слоем крестьянства. Если дело обстоит именно так, то члены маслодельных артелей выше по своему уровню зажиточности, чем общая масса крестьянства этих районов.

Значит ли это, что в кооперацию идут более зажиточные слои крестьянства, или, скажем резче, что кооперация «окулачивается»? Ничего подобного! Из приведенной таблицы этого вывода никак нельзя сделать. Таблица показывает, во-первых, что пролетаризующиеся крестьянские слои (за каковые мы при прочих равных условиях принимаем бескоровных) не идут в сбытовую и молочную кооперацию, ибо этот вид кооперации товаропроизводителей предполагает сравнительно высокий уровень собственных средств производства, собственного «постоянного капитала». А мы видели выше, что сельско-хозяйственная кооперация, как преимущественно сбытовая кооперация состоит из недифференцированных от средств производства товаропроизводителей. Конкретная особенность молочной кооперации состоит в силу технических условий производственного процесса в том, что средства производства (корова) здесь обладают большей стоимостью, чем в других отраслях сельско-хозяйственного промысла. Выражаясь аналогиями, мы можем сказать, что органический состав капитала маслодельного промысла выше, чем в других отраслях сельско-хозяйственной сбытовой кооперации [1]).

[1]) Если бы, например, была введена купля-продажа земли, то картина бы существенно изменилась. Тогда крестьянин, обрабатывающий на последней кляче одну «собственную» десятину свекольного посева, оказался бы «зажиточнее» сибирского маслодела.

Во-вторых, таблица показывает, что «зажиточные», «крепкие» мужички, составляющие основной кадр маслодельных артелей, являются прямыми представителями той стадии раннего капитализма, простого товарного производства, о котором было сказано выше.

При прочих равных условиях, т.-е. если предполагать, что молочное дело является основным и единственным промыслом нашего маслодела и что он, следовательно, не зарабатывает «на стороне» ссудою денег под проценты, или мелочной бакалейной торговлей и т. п.,—такой наш крестьянин есть «трудовой мужик». Он не эксплоатирует чужого труда. Справиться с одной, двумя и даже тремя коровами и даже переработать их молоко в молочные продукты можно свободно силами обыкновенной, средней численности, семьи. С другой стороны, доход от двух—трех коров не может быть столь велик, чтобы за его счет оплачивать наемную рабочую силу и праздность хозяев, если бы последние задумали прибегнуть к такому найму. Рабочая сила нанимается обычно в сельском хозяйстве лишь тогда, когда средства производства слишком велики, чтобы их владелец мог с ним справиться собственными силами. Лишь здесь наступает для такого хозяина момент превращения в капиталиста, момент, которому на другом полюсе социального процесса соответствует образование пролетария.

IV.

Установление факта, что в нашей сельско-хозяйственной кооперации, а равно и в нашем сельском хозяйстве в целом, господствует строй простого товарного производства имеет гигантское, основное значение для выяснения возможностей внедрения социализма в советскую деревню. Этот факт является ключом к разрешению вопроса о том, почему социалистические формы производства могут с успехом привиться не только к крупной индустрии, прошедшей длинный путь капиталистического развития с конкуренцией капиталистических фирм, обнищанием масс, образованием резервной армии, нарастанием классовых антагонизмов и—в качестве завершительного звена—Zusammenbruch'ом (катастрофой социального переворота), но также и к сельскому хозяйству мелко-буржуазной страны.

Имено, такая страна, в которой сельское хозяйство:

1) стоит на грани между докапиталистическими и капиталистическими способами производства,

2) расчлененное на массу мелких хозяйств, руководится индивидуальными товаропроизводителями, недифференцированными на собственников средств производства и наемных пролетариев;

3) втянуто в достаточной мере в общественный товарооборот,

4) вынуждено вследствие расширения сбыта и аграрного перенаселения искать новые формы технического прогресса производства,—именно такая страна может при известных исторических предпосылках перейти к социализму, минуя капиталистические отношения, «перепрыгивая» через капитализм.

Соблюдение всех этих условий необходимо и, как сказано, при известных предпосылках достаточно для перехода к социализму, но когда нет одного или нескольких из этих условий, тогда и переход не возможен.

Упрощенный, меньшевистский, недиалектический марксизм представляет себе дело так: раз существует строй простого товарного производства, то вследствие конкурентной борьбы индивидуальных товаропроизводителей на рынке происходит вытеснение, пролетаризация тех продавцов товаров, которые продают продукты своего производства выше стоимости, т.-е. расходуют больше среднего общественно-необходимого количества труда для производства данного товара. На другом полюсе производится концентрация капиталов (средств производства) в руках господствующей группы капиталистов. Таким образом, развитие капитализма налицо.

Эти традиционные рассуждения совершенно упускают из виду специальные исторические условия и возможности, в которых развивается сельское хозяйство в нашей стране и в других еще не вполне индустриализированных странах (Китай, Турция, Индия). Ссылки сторонников этих рассуждений на Маркса совершенно несостоятельны, ибо Маркс своем анализе имел в виду исключительно страны, вступающие раньше других в капиталистическую полосу развития. Огульное перенесение открытых Марксом законов развития хозяйственных отношений передовых капиталистических стран (Англия, Германия и др.), на восточные страны, развивающиеся при совершенно иной исторической обстановке, означает насилие над Марксом, ибо Маркс всегда протестовал против универсализации его законов, против приписывания им всеобщего философско-исторического значения.

Он с удовлетворением отмечает то место критика I тома «Капитала» в «Вестнике Европы», который говорит, что для Маркса не существует общих философско-исторических, т.-е. **действительных для всех времен и народов** законов развития. Полемизируя с Н. К. Михайловским, который обвинял Маркса в схематическом, т.-е. огульном, дедуктивном, распространении открытых им законов развития на Россию и отмечая, что «если Россия стремится стать нацией капиталистической «то ей придется пройти путь пролетаризации доброй доли своих крестьян», Маркс делает дальше следующие характерные замечания:

«Вот и все. Но этого моему критику (Михайловскому. *А. Г.*) слишком мало, ему непременно нужно превратить мой очерк генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития—в теорию, которой фатально должны подчиняться все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся), чтобы притти, в конце-концов, к такому экономическому строю, который обеспечивает им наибольший размах производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие ка́ждого отдельного человека.

Но прошу у него извинения. Это значило бы зараз и делать мне слишком много чести и приписывать мне ошибочное мнение, в котором я ничуть не повинен» [1]).

Но по сути дела, возможен ли, и при каких предпосылках возможен переход от простого товарного производства к социалистическому производству? Чтобы ответить на этот вопрос с марк-

[1]) Письмо К. Маркса в «Юридич. Вестник». Цитирую по сборнику «Письма К. Маркса и Фр. Энгельса к Николаю-Ону». Перевод г. Лопатина, СПБ. 1908 г., стр. 116. (Курсив мой. *А. Г.*).

систской точки зрения, нужно поставить его в несколько иной форме, упрощающей выяснение сути дела.

Строй простого товарного производства при прочих равных условиях, т.-е. при тех исторических условиях какие имела, например, западно-европейская народно-хозяйственная жизнь с необходимостью развивается в капиталистический строй. Эта необходимость об'ясняется усиливающимися меновыми связями и вытекающими отсюда потребностями в расширении общественного производства. Усиление «производительных сил» общества упирается в социальные формы индивидуального, мелкого товаропроизводства и разрывает поставленные ими грани. Дифференцируя мелкого товаропроизводителя на владельца средств производства и продавца рабочей силы, сосредоточивая значительные массы последних (продавцов рабочей силы, т.-е. рабочих) под крышей владельца средств производства, новый, капиталистический строй увеличивал до необходимых пределов производительную мощь общества. Итак, историческая миссия капитализма, оправдание смысла его существования состоит в громадном увеличении производительной мощи общества, увеличении, обусловленном новой (капитализма) социальной оболочкой функционирования производительных сил.

Расширение производства диктовало вступление человечества в капиталистическую фазу своего существования. Дифференциация средств производства от раб. силы было его **методом**. Наконец, юридическое закрепление собственности на средства производства за одной частью общества и на раб. силу— за другой частью общества, т.-е. оформление общества в классовую внутренне-антагонистическую структуру, было необходимым **специфическим признаком** капитализма, происшедшего вследствие стихийности и медленности процесса развития производительной мощи общества, постепенности отрыва товаропроизводителей от их средств производства [1]).

Цель [2]) — расширение производства, не есть специфическая миссия капитализма. Эта цель постоянно стоит перед человечеством, вынуждая его периодически переходить к новым социаль-

[1]) Вследствие постепенности процесса экспроприации мелких собственников, обусловленного в свою очередь постепенностью возрастания потребности в увеличенной продукции, эта экпроприация не могла произойти как **переход всего общества в целом** в новую историческую фазу. Наоборот, эта экспроприация отрывала постепенно одного за другим мелких собственников от средств производства и, следовательно, постепенно образовывала их в класс пролетариев. Если бы дело происходило обратно, т.-е. если бы потребность в расширении производства встала бы как катастрофическая необходимость перед обществом, и притом в значительном масштабе, то этот процесс отрыва товаропроизводителя от средств производства мог бы произойти **как сознательный, не стихийный** процесс. В этом случае общество, сознавая опасности капиталистического способа дифференциации собственности на средства производства и рабочую силу, могло бы поставить перед собою задачу избежания этих «Кавдинских ущелий капитализма», как выразился Маркс. Но для разрешения этой задачи недостаточно, однако, одного только сознания ее важности.

[2]) Когда мы говорим о «цели» вступления человечества в ту или иную фазу хозяйств. деятельности, то, разумеется, мы вовсе не имеем в виду какой-либо сознательно поставленной себе обществом цели. Речь идет о новой ступени развития производительных сил, стихийно достигнутой обществом в результате сознательной эконом. деятельности миллионов отдельных индивидуумов. Впрочем, вопрос о «стихийности» и «сознательности» общественного процесса нужно считать решенным полемикой между марксистами и народниками 25—30 лет назад.

Упрощенный, меньшевистский, недиалектический марксизм представляет себе дело так: раз существует строй простого товарного производства, то вследствие конкурентной борьбы индивидуальных товаропроизводителей на рынке происходит вытеснение, пролетаризация тех продавцов товаров, которые продают продукты своего производства выше стоимости, т.-е. расходуют больше среднего общественно-необходимого количества труда для производства данного товара. На другом полюсе производится концентрация капиталов (средств производства) в руках господствующей группы капиталистов. Таким образом, развитие капитализма налицо.

Эти традиционные рассуждения совершенно упускают из виду специальные исторические условия и возможности, в которых развивается сельское хозяйство в нашей стране и в других еще не вполне индустриализированных странах (Китай, Турция, Индия). Ссылки сторонников этих рассуждений на Маркса совершенно несостоятельны, ибо Маркс своем анализе имел в виду исключительно страны, вступающие раньше других в капиталистическую полосу развития. Огульное перенесение открытых Марксом законов развития хозяйственных отношений передовых капиталистических стран (Англия, Германия и др.), на восточные страны, развивающиеся при совершенно иной исторической обстановке, означает насилие над Марксом, ибо Маркс всегда протестовал против универсализации его законов, против приписывания им всеобщего философско-исторического значения.

Он с удовлетворением отмечает то место критика I тома «Капитала» в «Вестнике Европы», который говорит, что для Маркса не существует общих философско-исторических, т.-е. **действительных для всех времен и народов законов** развития. Полемизируя с Н. К. Михайловским, который обвинял Маркса в схематическом, т.-е. огульном, дедуктивном, распространении открытых им законов развития на Россию и отмечая, что «если Россия стремится стать нацией капиталистической «то ей придется пройти путь пролетаризации доброй доли своих крестьян», Маркс делает дальше следующие характерные замечания:

«Вот и все. Но этого моему критику (Михайловскому. *А. Г.*) слишком мало, ему непременно нужно превратить мой очерк генезиса капитализма в историко-философскую теорию общего хода экономического развития—в теорию, которой фатально должны подчиняться все народы (каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся), чтобы притти, в конце-концов, к такому экономическому строю, который обеспечивает им наибольший размах производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие каждого отдельного человека.

Но прошу у него извинения. Это значило бы заразилелать мне слишком много чести и приписывать мне ошибочное мнение, в котором я ничуть не повинен» [1]).

Но по сути дела, возможен ли, и при каких предпосылках возможен переход от простого товарного производства к социалистическому производству? Чтобы ответить на этот вопрос с марк-

[1]) Письмо К. Маркса в «Юридич. Вестник». Цитирую по сборнику «Письма К. Маркса и Фр. Энгельса к Николаю-Ону». Перевод г. Лопатина, СПБ. 1908 г., стр. 116. (Курсив мой. *А. Г.*).

систской точки зрения, нужно поставить его в несколько иной форме, упрощающей выяснение сути дела.

Строй простого товарного производства при прочих равных условиях, т.-е. при тех исторических условиях какие имела, например, западно-европейская народно-хозяйственная жизнь с необходимостью развивается в капиталистический строй. Эта необходимость об'ясняется усиливающимися меновыми связями и вытекающими отсюда потребностями в расширении общественного производства. Усиление «производительных сил» общества упирается в социальные формы индивидуального, мелкого товаропроизводства и разрывает поставленные ими грани. Дифференцируя мелкого товаропроизводителя на владельца средств производства и продавца рабочей силы, сосредоточивая значительные массы последних (продавцов рабочей силы, т.-е. рабочих) под крышей владельца средств производства, новый, капиталистический строй увеличивал до необходимых пределов производительную мощь общества. Итак, историческая миссия капитализма, оправдание смысла его существования состоит в громадном увеличении производительной мощи общества, увеличении, обусловленном новой (капитализма) социальной оболочкой функционирования производительных сил.

Расширение производства диктовало вступление человечества в капиталистическую фазу своего существования. Дифференциация средств производства от раб. силы было его *методом*. Наконец, юридическое закрепление собственности на средства производства за одной частью общества и на раб. силу—за другой частью общества, т.-е. оформление общества в классовую внутренне-антагонистическую структуру, было необходимым *специфическим признаком* капитализма, происшедшего вследствие стихийности и медленности процесса развития производительной мощи общества, постепенности отрыва товаропроизводителей от их средств производства [1]).

Цель [2]) — расширение производства, не есть специфическая миссия капитализма. Эта цель постоянно стоит перед человечеством, вынуждая его периодически переходить к новым социаль-

[1]) Вследствие постепенности процесса экспроприации мелких собственников, обусловленного в свою очередь постепенностью возрастания потребности в увеличенной продукции, эта экпроприация не могла произойти как *переход всего общества в целом* в новую историческую фазу. Наоборот, эта экспроприация отрывала постепенно одного за другим мелких собственников от средств производства и, следовательно, постепенно образовывала их в класс пролетариев. Если бы дело происходило обратно, т.-е. если бы потребность в расширении производства встала бы как катастрофическая необходимость перед обществом, и притом в значительном масштабе, то этот процесс отрыва товаропроизводителя от средств производства мог бы произойти *как сознательный, не стихийный* процесс. В этом случае общество, сознавая опасности капиталистического способа дифференциации собственности на средства производства и рабочую силу, могло бы поставить перед собою задачу избежания этих «Кавдинских ущелий капитализма», как выразился Маркс. Но для разрешения этой задачи недостаточно, однако, одного только сознания ее важности.

[2]) Когда мы говорим о «цели» вступления человечества в ту или иную фазу хозяйств. деятельности, то, разумеется, мы вовсе не имеем в виду какой-либо сознательно поставленной себе обществом цели. Речь идет о новой ступени развития производительных сил, стихийно достигнутой обществом в результате сознательной эконом. деятельности миллионов отдельных индивидуумов. Впрочем, вопрос о «стихийности» и «сознательности» общественного процесса нужно считать решенным полемикой между марксистами и народниками 25—30 лет назад.

ным формам. Метод—дифференциация частной собственности на средства производства и рабочую силу, необходим на той ступени развития производительных сил, которая именуется простым товарным производством. Только при этой дифференциации и при вытекающем отсюда разрушении индивидуального, мелко-буржуазного производства, возможен переход к крупному производству через мануфактуру к современной фабрике.

Но переход частной собственности на средства производства в новую форму частной же собственности, только сосредоточенной в руках капиталистов, т.-е. конституирование общества предпринимателей и пролетариев, необходимо только при указанных выше особенностях. Предприниматель накопляет капиталы (в виде средств производства и денег на выплату заработной платы) и благодаря этому имеет возможность привлекать под крышу своей фабрики (или мануфактуры) массы рабочих. Не может ли это накопление производить какая-либо другая сила—не класс капиталистов.

Такая постановка вопроса вводит нас в рассмотрение тех особенностей, при которых оказывается возможным «перепрыгивание» через капитализм. Для того, чтобы от строя простого товарного хозяйства перейти к социализму, нужно:

1) чтобы нашлась какая-либо социальная сила, которая могла бы выполнить историческую миссию капитализма в деле отделения индивидуальных владельцев средств производства от владельцев рабочей силы и тем подготовила бы переход к крупному производству;

2) чтобы эта сила имела общегосударственный национальный характер, если речь идет об одной стране, или распространяла свое влияние на все те страны, в которых такой переход к социализму подготовляется.

Предвидели ли основоположники социализма возможность прямого перехода от докапиталистических отношений к социалистическим?

В письме к Каутскому от 12/IX—1892 г. Энгельс, обсуждая условия, при которых произойдет социалистический переворот в колониальных странах, говорит:

«Раз только реорганизована (на социалистический лад. *А. Г.*) Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за нами; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы» [1]).

Энгельс не говорит прямо о том, какого характера «экономические потребности» позаботятся о переходе полуцивилизованных стран от своих докапиталистических отношений к социализму. Будут ли это экономические потребности только этих стран, или же тех европейских, прошедших капитализм, государств, которые теперь играют роль метрополии по отношению к этим странам. Несомненно, что «полуцивилизованные» страны, по мнению Энгельса, будут ко времени социалистического переворота настолько втянуты в мировой товарообмен, что им не обойтись без экономического общения с «реорганизованными» Европой и Сев. Америкой. Несомненно, что в силу этого они вынуждены будут приспособлять социальные формы своей хозяйственной жизни к экономическому укладу передовых стран. В этом смысле будут действовать «экономические потребности» переживающих докапиталистические отношения стран.

[1]) Цитирую по Н. Ленину, т. XX, стр. 192.

Но, с другой стороны, будут действовать также экономические потребности культурных стран, прошедших задолго до социалистического переворота фазу перехода от простого товарного хозяйства к капитализму. Экономические потребности этих стран заключаются в том, что они нуждаются в сырье и полуфабрикатах ныне колониальных, а при социализме политически независимых стран. Социалистические страны будут так же нуждаться в приобретении предметов первичной обработки (в т. ч. продуктов сельского хозяйства, заметим мы, несколько забегая вперед), как отсталые страны в сбыте товаров. Если бы налицо не было социалистического потребителя изделий «колониальных» стран, потребителя значительно более богатого, т.-е. экономически более мощного, развитого, чем эти отсталые страны, то процесс превращения мелкого производства в них в крупное пошел бы капиталистическим путем, ибо капиталисты оказались бы единственной силой способной материально, т.-е. средствами, деньгами поддерживать крупное производство, авансировать его функционирование. **Но взаимная экономическая зависимость между докапиталистическими и вступившими в фазу социализма странами толкает последние к материальной поддержке, к финансированию тех предприятий, которые при иных условиях организовывал бы капиталист.**

Старые русские народники тоже думали о возможности перехода от простого товарного хозяйства к социализму. Тем не менее они ошиблись. Переход от общины к социализму оказался невозможным в русских условиях конца XIX века. Почему?

Ошибка народников не в том заключалась, что они не понимали общих законов развития товарного хозяйства, хотя большинство из них не могло похвастать и этими знаниями. Их ошибка заключалась в неумении оценить конкретные условия экономического развития России. Им казалось, что достаточно взять власть,—как развитие хозяйства **мимо** капитализма будет обеспечено. Но они не заметили, что в России не достает главного условия для избавления от капитализма: не достает той третьей силы, которая могла бы авансировать материальные средства для социалистической организации сельского хозяйства.

В 1881 г. незадолго до цареубийства (16 февраля) Вера Засулич писала Марксу письмо из Женевы. Она просила автора «Капитала» высказаться по вопросу о том, вправе ли русские «ученики» ссылаться на Маркса в своей полемике с народниками.

«В последнее время,—пишет она,—мы часто слышим мнения, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм,—словом, все, что есть наиболее бесспорного, обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя вашими учениками par excellence «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс» [1]).

[1]) «Архив Маркса и Энгельса», книга I, стр. 269.

При составлении ответа Маркс написал пять черновиков [1]. Краткий ответ, данный 8 марта 1881 г., в высшей степени любопытен и поучителен. Маркс становится в своем ответе не на точку зрения «учеников», а в защиту сторонников взгляда о возможности перехода от общинного ведения сельского хозяйства непосредственно к социализму.

«Историческая неизбежность» этого процесса (экспроприации земледельца. *А. Г.*) точно ограничена странами Западной Европы».

И дальше: «Специальные изыскания, которые я произвел и материалы для которых я почерпал в первоисточниках, убедили меня, что эта община является точкой опоры общественного возрождения России. Но для того, чтобы она могла функционировать, как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которые теснят ее со всех сторон, а затем обеспечить ей условия самостоятельного развития».

Вот в том-то и дело, что силы, которая могла бы устранить «тлетворные влияния» раннего капитализма и выполнить взамен его роль насаждения крупного производства, не было в то время в России, когда происходил обмен этими интереснейшими письмами.

Ясно, что Маркс не считал исключенной возможность непосредственного производства от докапиталистических отношений к социализму. Нужно прямо сказать, что Маркс ошибся в своей оценке русской общины [2]. Он принимал ее за достаточно жизненную форму организации сельского хозяйства, она же оказалась на деле уже из'еденной капиталистическими влияниями. С другой стороны, он надеялся на возможность быстрого революционного переворота, который бы поставил во главе страны правительство, финансирующее дальнейшее «самостоятельное развитие» общины. Но он был столь предусмотрителен, что старался указать источники, резервы этого финансирования. Эти источники он находил в отказе от уплаты государственных долгов и в обращении этих сумм на поддержку общинного хозяйства.

«Если бы во время освобождения крестьян,—пишет он в первом наброске ответа В. Засулич,—сельская община была сразу поставлена в нормальные условия развития, если бы, затем, громадный государственный долг, выплачиваемый главным образом за счет крестьян, вместе с другими огромными суммами, предоставленными через посредство государства (все за счет крестьян) «новым общественным слоям» (nouvelles colonnes de sociète), превращенным в капиталистов,—если бы все эти траты были употреблены на дальнейшее развитие сельской общины, то никто не задумался бы теперь об «исторической неизбежности» уничтожения общины, все признавали бы в ней элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, еще порабощенными капиталистическим режимом».

[1]) Опубликованы в той же книге «Архива».

[2]) В своей брошюре «Возможна ли победа социализма в одной стране?» т. Варейкис не только отказывается признать ошибку Маркса, но полагает, что община еще и теперь может сыграть большую роль в деле перехода сельского хозяйства к социализму. Эта точка зрения заслуживает специального освещения, почему мы и не считаем возможным останавливаться здесь на ней более подробно.

Для того, чтобы от строя простого товарного производства перейти к социалистическому, нужна, следовательно, материальная поддержка, финансирование социалистических начинаний в деревне. Тогда капитализм теряет главный козырь, основное условие, необходимое для его распространения. Однако, как мы говорили выше, необходимо, чтобы сельское хозяйство такой страны было достаточно втянуто в мировой товарооборот. Тогда при наличии преимущественно мелкого индивидуального производства, при зачаточном состоянии капиталистических отношений, при сравнительно сильном развитии меновых связей, материальная поддержка социалистического строительства в деревне может успешно конкурировать с капиталистическими ферментами. Маркс формулировал эти мысли в следующих словах:

«С одной стороны, общая поземельная собственность дает возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже ведут его на нераздельных лугах. Физическая конфигурация ее почвы благоприятна для механической обработки в широком масштабе. Навык крестьянина в артельных отношениях облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному, и, наконец, русское общество, так долго жившее на его счет, обязано ему предоставить необходимые авансы для такого перехода. С другой стороны, одновременное существование западного производства, господствующего на всемирном рынке, позволяет России ввести в общине все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья» [1]).

Но «русское общество» того времени заботилось совсем не о том, чтобы «предоставить необходимые авансы» общине для упрочения социалистических форм хозяйства. Как раз наоборот, начиная с 1861 г. это «общество» поддалось в значительной мере буржуазному влиянию. Старые дворянские гнезда были заложены и перезаложены за долги героям первоначального накопления из молодой российской буржуазии. В городах началось развитие фабричного производства, а из деревень стали стягиваться «экспроприированные» манифестом 19 февраля земледельцы. Россия и «русское общество» стало пропитываться капитализмом.

Каждый шаг вперед хозяйственного развития России отодвигал ее все дальше и дальше от возможности перехода к социализму. «Кавдинские ущелья» капитализма становились все более и более реальной опасностью. Незадолго до смерти в упомянутом выше письме по поводу статьи Н. Михайловского Маркс писал:

«Я пришел к такому выводу: если Россия будет продолжать итти по тому пути, по которому она шла с 1861 г., то она лишится самого прекрасного случая, какой когда-либо предоставляла история какому-либо народу для избежания злоключений капиталистического строя».

В 1892 г. в письме к Николаю-Ону от 18 июня, Энгельс выражал сомнение в том, «имеется ли еще в запасе время для

[1]) Там же, стр. 273. Маркс все время говорит об общине, но не как об исключительном условии перехода крестьянского хозяйства к социализму, а как о форме докапиталистического производства.

такой перемены в общественном мнении России, которая сделала бы возможным привить к общине новейшую промышленность и новейшее земледелие и в то же самое время видоизменить самую общину таким образом, чтобы она могла стать подходящим и удобным орудием для этой новейшей промышленности и для ее производства из капиталистической в социализованную форму».

К началу XX столетия капитализм настолько основательно разворошил общинное земледелие и, скажем более обще, строй простого товарного производства, что ошибочность народнических воззрений стала окончательно ясна. Вместе с тем капитализм создал промышленность в городе.

Теперь уже отпала всякая надежда на возможность авансирования социалистических форм сельско-хозяйственного производства со стороны «русского общества». Марксисты видят естественный и исключительный резерв для поддержки социализма в русской деревне в развертывании социалистической революции в передовых странах Запада. Но, разрушая общину, создавая крупную промышленность, накопляя в ней прибавочный труд, капитализм создал тем самым условие для материальной поддержки социализму в сельском хозяйстве в тот момент, когда промышленность оказалась в руках социалистического пролетариата.

Капитализм раз'едал строй индивидуальных мелких товаропроизводителей, но в основном не успел его разрушить. Громадная страна с стомиллионным крестьянским населением оказалась слишком большим резервом для молодого русского капитализма. Раньше, чем ему удалось в корне, т.-е. в основной массе, разрушить простой товарный строй, экспроприировать земледельца, созданная им (капитализмом) промышленность оказалась настолько мощной, что пролетариат смог взять за горло своего господина. Русская промышленность развивалась слишком быстро для торжества социализма в городе и слишком медленно для торжества капитализма в деревне. Между этими двумя ступенями истории нашел свою гибель буржуазный строй.

С другой стороны, докапиталистически организованному сельскому хозяйству не удалось в своем развитии полностью избежать капитализма. Оно переходит к социализму не в девственном виде, как это думали народники. Оно отдало значительную дань капитализму в течение всего пореформенного периода, вскормив и вспоив за свой счет капиталистическую индустрию. Второй раз оно отдает дань капитализму теперь, при нэпе.

Итак, социалистическая промышленность—вот тот резерв, который может авансировать развитие докапиталистических отношений в деревне в социалистические. Она может заменить собою капиталиста, предоставлявшего в Зап. Европейских странах свои материальные средства для увеличения производительной мощи товарного производства и для организации крупного, сперва мануфактурного, а затем и фабричного, производства. Социалистическая промышленность финансирует социалистический строй в деревне, социалистический способ производства в сельском хозяйстве. Но в отличие от капиталиста, закрепляющего за собою собственность на средства производства, социалистическая промышленность организует социалистические элементы в деревне не всегда в виде государственной собственности на средства производства.

В частности, внедряясь в деревню через рыночные отношения, социализм «деформируется» в промежуточные кооперативные формы, приспособляется к строю мелких индивидуальных товаропроизводителей с тем, чтобы впоследствии снова вырасти в индустриально-социалистические формы. В то время, как капиталист начинает как универсальный недифференцированный финансист и организатор производства (или скупщик) и лишь затем делится на две независимые ипостаси—банкира и предпринимателя,—социализм начинает с разделения функции финансирования от функции организации производства и торговли. Социалистическое государство выступает с материальной помощью, кооперативная организация докапиталистических товаропроизводителей организует товарообмен, а затем и производство. Впоследствии с ростом кооперативной организации она (кооперативная организация) подымается до уровня государственной промышленной организации. Грани между кооперацией и государством стираются в процессе обобществления (национализации) кооперативных капиталов и отмирания государственной власти, и социализм снова об'единяет функции управления общественными капиталами и организации производства. Мы видели, что на данной ступени своего развития с.-х. кооперативные организации еще достаточно далеки от осуществления этой перспективы, но что, с другой стороны, тенденции к ее осуществлению безусловно налицо.

Однако, вопрос о том, каковы именно те пути, по которым кооперативная торговая организация переходит к производству, каковы технические условия производства, при которых она производит дифференциацию собственности мелкого производства на общественную собственность средств производства и рабочую силу, выводит нас из рамок затронутого вопроса и подлежит обсуждению в следующей главе.

В. Богданов.

К характеристике современного меньшевизма.

IV. Какой класс управляет советским государством?

В нашей первой статье [1]) мы уже показали, что в оценке народно-хозяйственных процессов, протекающих в нашей стране, меньшевики чрезвычайно ярко демонстрируют свою буржуазно-лакейскую идеологию оправдания и восхваления западно-европейского капитализма, с одной стороны, и самой беззастенчивой и злостной клеветы на нашу хозяйственную систему,—с другой. Наряду с этим, они обнаруживают абсолютное непонимание (точнее, сознательное извращение) социальной природы нашего обобществленного хозяйства, классовой сущности нашей экономической политики. Мы видели, как меньшевики, безнадежно запутавшись в хаосе нагроможденных ими обвинений, не сумели свести концов с концами, не смогли примирить «нерациональность» и «безжизненность» советских методов управления народным хозяйством с фактом интенсивного экономического под'ема, «паразитический» характер госпромышленности—с фактом оздоровления и расцвета всего народного хозяйства.

После этого следует ожидать, что и все дальнейшие социологические обобщения меньшевиков, построенные на таком путанном анализе экономических факторов, разбавленные к тому же солидной дозой новых противоречий, представят собой настоящий букет уплотненного вздора. Действительно, с первого же шага, с первого же вопроса, который естественно возникает, как только мы от «базиса» переходим к «надстройке», к вопросу о социальной природе советского государства, о классовой основе пролетарской диктатуры, мы сталкиваемся с полнейшей беспомощностью меньшевистских «социологов». Данный вопрос вообще представляет собой оселок для испытания «марксистской учености» всех критиков коммунизма из стана западно-европейской социал-демократии. На нем с самого начала споткнулся, как известно, наиученейший меньшевик Каутский, наговоривший уйму чудовищных нелепостей, вроде того, что советская власть является орудием нарождающейся молодой буржуазии американского пошиба и в то же время представляет собой некую внеклассовую организацию, стоящую и над буржуазией и над пролетариатом. Вариации в данном вопросе встречаются вообще самые разнообразные, начиная с утверждения о фашистски-бонапартистском характере советской диктатуры и кончая об'яснением «левого» с.-д. Бауэра, узревшего в нашей политике политику, несомненно, социалистическую, но «не рабоче-социалистическую, а социалистическую для рабочих» (??). Не везет и нашим меньшевикам. Беспомощно путаясь в поисках классовой характеристики нашего государства, они проявляют необычайное убожество мысли. В самом деле, что стоит, например, хотя бы следующее рассуждение:

> «Голая форма партийной диктатуры не может висеть в воздухе. Она должна опираться на определенные социальные силы, на вырастающий из этих сил административный, военный, полицейский и хозяйственный аппарат. До сих пор ее аппарат состоял, главным образом, из людей, сплотившихся под ее знаменем в дни «грабежа награбленного», «военного коммунизма», кровавого террора и гражданской войны» [1]).

Таким образом, в течение восьми лет советская власть укреплялась держась «на тех людях», «классовый интерес» которых заключается в грабеже награбленного.

Но позвольте, чей же это классовый интерес?

Какой характер носила новая организация производства и производственных отношений с момента национализации крупной промышленности, т.-е. примерно, с середины 1918 года?

Никакого прямого точного ответа у меньшевиков не сыскать и днем с огнем. Повторение старых чисто обывательских, контрреволюционно-обывательских измышлений, смягченных лишь по внешней формулировке,—вот все, на что хватает марксистской учености наших меньшевиков. Они, оказывается, не только не ушли далеко от Каутского, с которым они якобы не соглашаются, но их «марксизм» не отличается существенно и от социального мировоззрения отставных генеральш и бывших придворных дам, торгующих в советской России спичками и ругающих большевиков каторжниками, грабителями и т. д.

Рассмотрим далее другую, несколько отличную от первой характеристику советской системы:

> «Наша большевистская диктатура,—пишет меньшевик Далин,—перещеголяла все формы диктатуры, существовавшие где-либо и когда-либо. Никогда господство государства не было столь всеоб'емлющим, и потому диктатура никогда не была столь неограниченной, как у нас. В этом смысле диктатура Хорти и Муссолини далеко уступает большевистской диктатуре: ни в Венгрии, ни в Италии оппозиция не была так задавлена, независимый голос не был так придушен, как у нас... бесстыдный произвол венгерской и итальянской диктатуры во многом уступает диктатуре русской... Поэтому экономическое возрождение этих обоих стран пошло много легче, и они гораздо ближе к своему довоенному экономическому уровню, чем Россия» [2]).

Приведенная аналогия крайне поучительна. Если ее продумать поглубже, если провести ее до конца, даже стоя на точке зрения Далина, то мы придем непосредственно к вопросу: почему же все-таки в советской России государство пользуется таким неизмеримым могуществом, почему, выражаясь на меньшевистском жаргоне, его «произвол» столь неограничен, почему,

---

[1]) «Большевик» № 23—24. 1925 г.

[1]) «Социалистический Вестник» № 10. Передовая.
[2]) «Социалистический Вестник» № 14. 1925 г.

наконец, Хорти и Муссолини, опирающиеся на классовую мощь буржуазии, пользующиеся ее туго набитым денежным мешком и находящие широкую поддержку за границей, оказываются почти что «либералами» по сравнению с большевиками?

Естественный ответ, который напрашивается сам собой, следующий: пролетарская диктатура может подавлять буржуазию гораздо радикальней, может искоренять все попытки контрреволюционной реставрации на много решительней, чем это удается по отношению к пролетариату фашистской диктатуре, только потому, что первая сама опирается на значительно более широкую социальную базу, потому, что она находит активную поддержку в широких массах населения. Именно такой вывод непосредственно вытекает из элементарной логики марксизма, рассматривающей всякое государство, как орудие господства определенного класса. Однако, ожидать от меньшевиков подобной логики—величайшая наивность.

Два разобранных нами примера достаточно точно характеризуют общий теоретический уровень меньшевистской «социологии». Дальнейшее рассмотрение меньшевистской концепции в этой области представляется нам поэтому занятием совершенно непроизводительным, тем более, что блестящая отповедь тов. Бухарина Каутскому почти целиком уничтожает все остальные аргументы и либерданов.

* * *

Перейдем теперь к меньшевистским прогнозам насчет дальнейших путей развития пролетарской диктатуры, к их анализу социально-динамических процессов и классовых сдвигов, происходящих под оболочкой советской системы. Может быть, хотя бы здесь меньшевики дадут сколько-нибудь связную и последовательно развитую точку зрения.

Наши ожидания, конечно, совершенно напрасны.

«Как сложились бы обстоятельства, если бы нынешняя линия большевиков, мечтающих о «коммунистической» диктатуре, развязывающей коммунистические отношения, могла без помехи доведена до «логического конца».

В этом случае утверждение законности прекращения административного нажима, оживление советов (??), выдвижение беспартийных и т. д. и т. д.,—все это стало бы лишь более или менее приличным псевдонимом для того процесса замещения старого персонала новым (!!), к которому диктаторы отчасти уже и сейчас вынуждены приступить в интересах ставшего абсолютно необходимым «развития капиталистических отношений».

Но эти новые люди, которые начали бы вытеснять старых, ставших не ко времени, естественно, вербовались из слоев, положительными узами связанных с этим развитием... Входя в исполкомы и советы, во всевозможные совещания и комиссии, эти «честные беспартийные» уже не «коммунистическую линию» стали бы гнуть. Весь персональный состав диктаторской верхушки мог бы до поры до времени остаться неизменным; официальным гимном страны мог бы попрежнему быть «Интернационал»—это не помешало бы тому, что вся деятельность диктатуры стала бы принимать иную социальную окраску... И этот процесс обуржуазивания диктатуры пошел бы тем успешней и усиленней, чем более всякое противодействие ему, всякая критика его была задавлена рукой террора и режимом несвободы, а большевистская диктатура могла бы продолжать воображать себя «диктатурой рабочего класса» до тех пор, пока окрепшие под ее крылом буржуазные классы не найдут для себя и ненужной и стеснительной ее коммунистическую фразеологию и террористические формы ее властвования: и когда под их напором—бесшумно или с треском государственного переворота—лопнет диктаторская оболочка власти, из нее вылупится готовое новое общество.

И в этом случае молодой русский капитализм станет оплотом буржуазной реакции в Европе» [1]).

Итак, если что и помешает Макдональду, Вельсу, Реноделю и пр. в ближайшие же годы совершить социальную революцию, то это лишь выращенный и выпестованный большевиками русский капитализм. Непонятно только, почему европейская буржуазия не настолько дальновидна, как ее меньшевистские оруженосцы, и не помогает нам в нашем хозяйственном строительстве, ведь с точки зрения ее интересов—это лучшее средство гарантировать себя от революционной экспроприации своим собственным пролетариатом.

Но перейдем к сути дела: каковы об'ективные причины нарисованного выше финала русской революции?

Неизбежность и необходимость перерождения, классовой трансформации и прочих страшных вещей, которые сулят нам меньшевики, может вытекать из двоякого рода обстоятельств: или из неизбежности в ближайшем будущем такого усиления капиталистических отношений в нашем народном хозяйстве, которое повлечет за собой в дальнейшем соответствующую трансформацию социально-политической надстройки—это первая перспектива; или—перспектива вторая—из изменения одних лишь политических форм нашего строя в целях приспособления их к уже изменившейся экономической структуре. Иными словами, перерождение может пойти по двум путям: 1) одновременного «обуржуазивания» и экономики и социальной надстройки, и 2) перерождения одной лишь государственной системы, эволюционирования советской власти по направлению к обычному буржуазному государству, при чем последняя возможность предполагает наличие уже теперь в нашей экономической и социальной обстановке об'ективных факторов, обрекающих пролетарскую диктатуру на «линяние и перекрашивание в новые социальные цвета».

В приведенной выше цитате развивается первый вариант, построенный на том, что капиталистические отношения в ближайшие годы восторжествуют в нашей экономике. Согласно этому варианту, перерождение грозит нам только в будущем. Но такая будущность уже полностью опровергается настоящим, наше обобществленное хозяйство растет и крепнет; с каждым днем удельный вес его во всей национальной экономике не-

[1]) «Соц. Вестник» № 10. Несмотря на пространность настоящей цитаты, мы не могли отказать себе в удовольствии привести ее полностью, ибо в ней с особенной ясностью выступает вся бездна «меньшевистской мудрости».

наконец, Хорти и Муссолини, опирающиеся на классовую мощь буржуазии, пользующиеся ее туго набитым денежным мешком и находящие широкую поддержку за границей, оказываются почти что «либералами» по сравнению с большевиками?

Естественный ответ, который напрашивается сам собой, следующий: пролетарская диктатура может подавлять буржуазию гораздо радикальней, может искоренять все попытки контрреволюционной реставрации на много решительней, чем это удается по отношению к пролетариату фашистской диктатуре, только потому, что первая сама опирается на значительно более широкую социальную базу, потому, что она находит активную поддержку в широких массах населения. Именно такой вывод непосредственно вытекает из элементарной логики марксизма, рассматривающей всякое государство, как орудие господства определенного класса. Однако, ожидать от меньшевиков подобной логики—величайшая наивность.

Два разобранных нами примера достаточно точно характеризуют общий теоретический уровень меньшевистской «социологии». Дальнейшее рассмотрение меньшевистской концепции в этой области представляется нам поэтому занятием совершенно непроизводительным, тем более, что блестящая отповедь тов. Бухарина Каутскому почти целиком уничтожает все остальные аргументы и либерданов.

* * *

Перейдем теперь к меньшевистским прогнозам насчет дальнейших путей развития пролетарской диктатуры, к их анализу социально-динамических процессов и классовых сдвигов, происходящих под оболочкой советской системы. Может быть, хотя бы здесь меньшевики дадут сколько-нибудь связную и последовательно развитую точку зрения.

Наши ожидания, конечно, совершенно напрасны.

«Как сложились бы обстоятельства, если бы нынешняя линия большевиков, мечтающих о «коммунистической» диктатуре, развязывающей коммунистические отношения, могла без помехи доведена до «логического конца».

В этом случае утверждение законности прекращения административного нажима, оживление советов (??), выдвижение беспартийных и т. д. и т. д.,—все это стало бы лишь более или менее приличным псевдонимом для того процесса замещения старого персонала новым (!!), к которому диктаторы отчасти уже и сейчас вынуждены приступить в интересах ставшего абсолютно необходимым «развития капиталистических отношений».

Но эти новые люди, которые начали бы вытеснять старых, ставших не ко времени, естественно, вербовались из слоев, положительными узами связанных с этим развитием... Входя в исполкомы и советы, во всевозможные совещания и комиссии, эти «честные беспартийные» уже не «коммунистическую линию» стали бы гнуть. Весь персональный состав диктаторской верхушки мог бы до поры до времени остаться неизменным; официальным гимном страны мог бы попрежнему быть «Интернационал»—это не помешало бы тому, что вся деятельность диктатуры стала бы принимать иную социальную окраску... И этот процесс

обуржуазивания диктатуры пошел бы тем успешней и усиленней, чем более всякое противодействие ему, всякая критика его была задавлена рукой террора и режимом несвободы, а большевистская диктатура могла бы продолжать воображать себя «диктатурой рабочего класса» до тех пор, пока окрепшие под ее крылом буржуазные классы не найдут для себя к ненужной и стеснительной ее коммунистическую фразеологию и террористические формы ее властвования; и когда под их напором—бесшумно или с треском государственного переворота—лопнет диктаторская оболочка власти, из нее вылупится готовое новое общество.

И в этом случае молодой русский капитализм станет оплотом буржуазной реакции в Европе» [1]).

Итак, если что и помешает Макдональду, Вельсу, Ренаделю и пр. в ближайшие же годы совершить социальную революцию, то это лишь выращенный и выпестованный большевиками русский капитализм. Непонятно только, почему европейская буржуазия не настолько дальновидна, как ее меньшевистские оруженосцы, и не помогает нам в нашем хозяйственном строительстве, ведь с точки зрения ее интересов—это лучшее средство гарантировать себя от революционной экспроприации своим собственным пролетариатом.

Но перейдем к сути дела: каковы об'ективные причины нарисованного выше финала русской революции?

Неизбежность и необходимость перерождения, классовой трансформации и прочих страшных вещей, которые сулят нам меньшевики, может вытекать из двоякого рода обстоятельств: или из неизбежности в ближайшем будущем такого усиления капиталистических отношений в нашем народном хозяйстве, которое повлечет за собой в дальнейшем соответствующую трансформацию социально-политической надстройки—это первая перспектива; или—перспектива вторая—из изменения одних лишь политических форм нашего строя в целях приспособления их к уже изменившейся экономической структуре. Иными словами, перерождение может пойти по двум путям: 1) одновременного «обуржуазивания» и экономики и социальной надстройки, и 2) перерождения одной лишь государственной системы, эволюционирования советской власти по направлению к обычному буржуазному государству, при чем последняя возможность предполагает наличие уже теперь в нашей экономической и социальной обстановке об'ективных факторов, обрекающих пролетарскую диктатуру на «линяние и перекрашивание в новые социальные цвета».

В приведенной выше цитате развивается первый вариант, построенный на том, что капиталистические отношения в ближайшие годы восторжествуют в нашей экономике. Согласно этому варианту, перерождение грозит нам только в будущем. Но такая будущность уже полностью опровергается настоящим, наше обобществленное хозяйство растет и крепнет; с каждым днем удельный вес его во всей национальной экономике не-

---

[1]) «Соц. Вестник» № 10. Несмотря на пространность настоящей цитаты, мы не могли отказать себе в удовольствии привести ее полностью, ибо в ней с особенной ясностью выступает вся бездна «меньшевистской мудрости».

прерывно увеличивается, в наше народное хозяйство все глубже и глубже внедряются новые некапиталистические отношения, сфера же капиталистического хозяйства, наоборот, все более и более суживается и т. д.

Вместе с этим целиком опровергаются меньшевистские прогнозы о грядущем торжестве реставрационных мечтаний нашей буржуазии.

Однако, у меньшевистских Яковов, как у всех бойких очковтирателей, товару, что называется, про всякого—и вот нам преподносится уже вариант № 2, подробно развиваемый в статье некоего Гарви, посвящаемой полемике Зиновьева против Устрялова. Гарви пишет:

«Все рассуждения Зиновьева служат яркой иллюстрацией того, насколько бонапартизирована уже большевистская диктатура, насколько заострена уже широкая по советской конституции пирамида «рабоче-крестьянского государства» в математической точке бонапартизма... То, что большевистские авгуры преподносят теперь, как борьбу социалистических элементов нашего хозяйства с капиталистическим, является идеологически борьбой социалистического утопизма (стиль-то какой: кадет—и тот позавидует!) с реальными процессами капиталистического развития... Недаром... на вопрос о том, куда растет советская Россия, одинаковый ответ дают Устрялов и Милюков, Кин и Чернов. Это согласие политических антиподов в оценке экономической и социальной эволюции сов. России тем более показательно, что все они радикально расходятся между собой в тактических выводах из этой однородной оценки, хотя все сходятся на том, что переход России на капиталистические рельсы ставит на очередь дня ликвидацию большевистской диктатуры, как таковой» [1]).

Как видим, предположительный и условный тон первой статьи сменяется у Гарви резко-утвердительным. Переход на капиталистические рельсы признается им вместе со всей остальной эмиграцией уже совершившимся. Логику подобной трогательной солидарности (не очень, правда, лестной для «пролетарской» партии) меньшевиков с кадетами и сменовеховцами понять не трудно, она вытекает из того простого факта, что последняя надежда (многие изверились уже и в этой последней: к примеру, Пешехонов) всей эмиграции покоится на том, что большевики сами придут к Термидору, сами окажутся вынужденными выкинуть знамя реставрации.

Однако, все подобные упования бесконечно далеки от реальной действительности, и смеем заверить меньшевиков, что несмотря на всяческие подбадривания и самоутешения, им придется все же пролить не малую толику горьких слез в жилетку их ближайших единомышленников из сменовеховского лагеря по поводу крушения и этой последней, сладкой и безмятежной (ведь, ликвидация большевизма должна была бы обойтись даже без интервенции) мечты.

Конечно, мы ни в коей мере не склонны отрицать того, что нэп таит в себе ряд серьезнейших опасностей, что под давлением окружающей нас мелко-буржуазной стихии возможны отдельные случаи перерождения некоторых ячеек нашего государственного аппарата и отдельных персональных его носителей. Но можно ли говорить о перерождении всей пролетарской диктатуры, всего советского государства и коммунистической партии?

Такая возможность имелась бы безусловно, если бы в нашей стране рос капитализм за счет сужения нашей собственной базы, если бы из-под наших ног стихией товарного хозяйства вымывалась та твердая почва, на которой мы стоим (о социальной природе нашей госпромышленности и всего обобществленного хозяйства, являющегося нашей «базой», мы уже говорили в первой статье), только тогда опасность идеологического растворения господствующей партии, превращения ее в аппарат буржуазного государства имела бы шансы реально воплотиться в жизнь.

Все сказанное понятно даже таким «марксистам», как Устрялов, который пытается связать свои чаяния и ожидания с фактами, хотя и вымышленными, но относящимися все-таки к области экономики. Но как-раз эта-то экономика и гарантирует нас в действительности от перспективы социального перерождения, так как бурный рост крупной промышленности является причиной «собирания» на наших фабриках и заводах, широких рабочих масс, обусловливает растущую их активность, втягивание их в управление страной, благодаря чему все поры советской диктатуры все более и более заполняются пролетарски-классовым содержанием.

Само собой разумеется, трудности социалистического строительства в нашей стране все же еще крайне велики. Строить социализм нам приходится в мелко-буржуазном окружении, в непосредственном соприкосновении с капиталистическими элементами как в форме хозяйственных образований (частный торговый капитал, концессии аренда и т. д.), так и в форме использования технического и организаторского персонала, идеологически еще не изжившего полностью буржуазной идеологии (спецы и служилая интеллигенция). Нам приходится, кроме того, и в *своей* практике пользоваться отчасти методами капиталистического хозяйства. Но социализм вообще не может в готовом виде родиться из недр капиталистического общества, и тот путь, по которому мы идем,—единственный путь к новому социалистическому строю. В таких условиях только самые злостные враги могут обвинять нас в какой-то капитуляции, в отказе от основных принципов «чистого коммунизма» и т. д.

Особенно омерзительно слышать подобные обвинения от соратников российских меньшевиков из западно-европейской соц.-демократии. Ведь эта самая европейская соц.-демократия не только в лице своих вождей продается оптом и в розницу (барматовщина, автомобили и бисквиты сэра Макдональда), не только воспитывается и подвизается в атмосфере министерских приемных, парламентских кулуаров и банкирских контор, но и в своей программе устанавливает в форме т. н. хозяйственной демократии необходимость длительного сотрудничества и сожительства с крупным капиталом уже после социалистического переворота. Сколько политической наглости нужно иметь, чтобы бросать нам упреки в допускаемых нами компромиссах с буржуазией — с буржуазией не только политически обезглав-

[1]) «Соц. Вестник» № 19. 1925 год.

ленной, но и лишенной своих классовых организаций, вытесненной с основных командных высот,—а самим проповедывать рабочим, что капитализм разрушить сразу нельзя, что надо сперва научиться у буржуазии управлять хозяйством, оставив за ней права собственности на промышленные предприятия, т.-е. обеспечив максимум условий для своего собственного социального перерождения в массовом масштабе.

V. Демократия и еще раз демократия.

Рассмотрим далее те тактические лозунги, которые выдвигают меньшевики в связи с предстоящим буржуазным перерождением, «большевистской» диктатуры.

Уже цитированная нами передовица № 10 «Соц. Вестника» определяет задачи соц.-демократической тактики следующим образом:

> «Позиция социал-демократии в таких условиях очевидна: чем несомненней и неизбежней возрождение капиталистических отношений, тем настоятельней, с ее точки зрения, организация пролетариата в самостоятельную классовую силу, способную действенно вмешаться в процесс этого возрождения и направить его по наиболее благоприятному для трудящихся руслу—свободы и демократии».

Еще более четкую формулировку «классовой политики» пролетариата в настоящее время дает Дан в статье: «Пролетариат и демократия в России». Дан пишет:

> «Итак, несомненно, что борьба за политическую демократию является основной задачей русского пролетариата в переживаемую эпоху, как планомерная организация этой борьбы—основной задачей русской социал-демократии» [1]).

Таким образом, единственной избавительницей российского пролетариата от всех грядущих бед и напастей является демократия—демократия чистая и непорочная: только она может обеспечить рабочему классу, который большевики ведут на заклание и предают буржуазии связанным по рукам и ногам, наиболее благоприятные условия существования в рамках торжествующего под диктаторской оболочкой молодого русского капитализма.

Надо отдать честь седовласым меньшевистским мужам: они до сих пор остаются непоколебимо верны своей прекрасной даме сердца, несмотря на весьма относительную ее девственность и невинность. Посмотрим, однако, действительно ли наш рабочий класс должен, с точки зрения своих классовых интересов, разделять подобную преданность и пламенную приверженность к лозунгам демократических свобод. Мы не станем повторять в тысячу первый раз, что есть демократия и «демократия», т.-е. демократия пролетарская, вполне осуществимая и осуществляемая в границах политической диктатуры советов, и демократия «чистая», являющаяся прямой антитезой диктатуры, служащая в наших условиях мостиком, к непосредственному восстановлению буржуазных отношений. Все это бесконечно скучно и главное—

[1]) «Социалистический Вестник» № 14. 1925 г.

совершенно бесполезно! Меньшевики почти физически не способны к восприятию таких простых истин, у них, выражаясь на медицинском языке, выработался в этом отношении своеобразный иммунитет к логике бесспорных доказательств к непререкаемой убедительности исторических фактов и событий.

Некоторый интерес представляет, пожалуй, только новое подтверждение старой истины о том, что меньшевики давно превратились в теоретическом отношении в архаические окаменелости, место которых в музее археологических редкостей. Ярким образцом подобной умственной органичености может послужить статья Далина «Пути диктатуры» [1]), которую следует, по сути дела, назвать: «Тупиками меньшевизма». Далин рассуждает, примерно, так: диктатура есть власть, не связанная никакими законами (по этому признаку Далин об'являет диктатурой и Временное Правительство Керенского); такая власть необходима во время революции, в процессе ломки старых общественных форм.

Но, как только непосредственно-разрушительная работа революции заканчивается, как только выкристаллизовываются новые социальные отношения, возникает неотложная необходимость в создании соответствующей этим отношениям, юридически-правовой надстройки. Сами большевики принуждены вступить теперь на путь революционной законности, но такая законность, по Далину, непримирима с диктатурой, как формой правления, не считающейся ни с какими правовыми нормами. Посему, долой диктатуру и да здравствует демократия!

Опровергать подобные построения нет надобности: это сделал Ильич еще в своей книге: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», где он разобрал, примерно, такую же систему рассуждений. Необходимо лишь отметить возмутительную бесцеремонность, с какой развязные меньшевистские борзописцы извращают подлинную сущность ленинской точки зрения по данному вопросу, приписывая Ильичу не больше и не меньше, как каутскианское определение понятия диктатуры: «Ленин в сущности воспринимает у Каутского об'яснение диктатуры»,—пишет Далин.

На самом же деле, Ильич, как известно высмеивал Каутского, пытавшегося провести разграничение между диктатурой, как состоянием (в смысле фактического господства одного класса), и диктатурой, как формой (в смысле методов и приемов классовой политики государственной власти). Ильич доказывал на основании бесспорных, для всякого не впавшего в старческий маразм человека ясных цитат из работ Маркса и Энгельса, что под диктатурой следует понимать тип государства, конституция которого узаконяет господство того или иного класса.

Правда, диктатура тем и отличается от того переходного к социализму государства, каковое, по разумению меньшевиков, должно строиться на принципе коалиции между пролетариатом и буржуазией, что она резко порывает с нормами и законами буржуазного общества, что она сама в процессе своего формирования руководствуется только соображениями революционной целесообразности. Однако, приписывать Ильичу, что он понимал под диктатурой только эту голую форму «государственного произвола», не мирящуюся даже после своего укрепления с закон-

[1]) «Социалистический Вестник» № 14. 1925 г.

ностью,—можно только при наличии солидного опыта политического шуллерства. Конечно, мы и сейчас не особенно склонны к раболепству и обожествлению правовых норм: высшим законом для нас было и остается по старому благо революции, и когда реальные потребности жизни сталкиваются с существующими в настоящее время юридическими статутами, то согласование тех и других происходит не в форме подчинения жизненных требований развивающейся революции действующим законам, а как раз наоборот,—путем приспособления нашего законодательства к быстро идущей вперед жизни; но из этого ни в коей мере не следует, что диктатура в корне устраняет всякую законность. Так рассуждать может только филистер, для которого революция—сплошной произвол, хаос, анархия и т. д.

Итак, в плоскости общетеоретической постановки вопроса о диктатуре и демократии, меньшевики ничего, кроме запоздалых перепевов Каутского, выжать из себя не в состоянии.

* * *

Тем не менее, сами по себе эти хвалебные гимны в честь демократии приобретают в настоящее время практически иной характер, чем до сих пор, ибо вся совокупность условий, в которых осуществляется пролетарская диктатура теперь, на девятом году революции, радикально изменилась.

В чем наиболее характерные черты нашей современной социально-классовой обстановки?

Ответом на данный вопрос является факт растущей активности широких масс населения нашей страны и соответствующее ему оживление массовых политических и профессиональных организаций рабочего класса.

Пролетарская диктатура все более насыщается демократическим—без кавычек—пролетарски-демократическим содержанием, рабочие (а за ними крестьянские) массы все более и более втягиваются в управление государством. Этот факт принуждены признать и сами меньшевики, сетуя, конечно, по поводу того, что активность рабочего класса идет «по советскому руслу», по руслу «экономизма», как они выражаются, а не направляется против существующего государственного строя в его обще-политической форме.

> «Несомненно пробуждение активности «массового движения»,—пишет «Соц. Вестник» в № от 21/XII,—но вся беда, видите ли, в том, что... «рабочие собрания, проходящие очень бурно, переполненные критикой коммунистов (правда, критикой, имеющей опять-таки местный ультра-конкретный характер), заканчиваются дружным голосованием предложенных ячейкой кандидатов или даже предложением самого собрания голосовать не персонально, а по спискам».

Мы оставляем в стороне плоскую аналогию между «экономизмом» в смысле узко-цехового движения пролетариата при господстве капиталистического хозяйства и деловой практической критикой рабочими массами отдельныхх дефектов нашего хозяйственного и административного аппарата, критикой не выливающейся в политически-оформленное оппозиционное движе-

ние,—просто потому, что рабочий класс чувствует себя активным строителем социализма и критика наших недостатков им осознается большей частью, как **самокритика**. Нас интересует в данной связи другой вопрос, а именно: чьим классовым интересам об'ективно отвечает в данный момент, при развертывании пролетарской демократии—каковое признается, как мы видим, самими же меньшевиками—лозунг всеобщей, демократической свободы и равноправия?

Мы марксисты не привыкли верить на слово патетическим декларациям политических партий и принимать за чистую монету обуревающие их благие намерения. Еще Маркс писал на этот счет: «В исторической борьбе должны отличать мы фразы и продукты воображения партий от их действительного организма и их реального содержания» (18 Брюмера Луи Бонапарта). Так вот: каково же реальное содержание требования неурезанной демократии, [1]) не отвечает ли оно в первую голову классовым интересам нэпманской буржуазии?

Меньшевики решительно отвергают последнюю постановку вопроса; почтенное звание жрецов и служителей священной демократии они желают закрепить только за собой в порядке монополии—целиком и полностью. Конечно, буржуазия действительно может обходиться у себя в Европе и без парламентаризма и без «народовластия» и без прочих аттрибутов демократии—лучший пример фашистская диктатура в ряде западно-европейских государств. Однако, можно ли сказать, что **наша русская буржуазия в данный период**, под режимом пролетарской диктатуры, чувствует себя настолько великолепно, что ни в малейшей степени не заинтересована в получении равных с прочими классами политических прав и правовых гарантий?

---

[1]) Весьма характерна, между прочим, имевшая место недавно перебранка «Соц. Вестника» с либерально-эсеровскими «Днями». «Дни» усмотрели в одной из статей «Вестника» отказ от лозунга чистой демократии. Меньшевики, конечно, возмутились до глубины души по поводу этой злостной клеветы и ответили негодующей статьей некоего Ф. Д. (прозрачный псевдоним Федора Дана—в виду недостатка сотрудников бедным меньшевистским лидерам приходится писать в каждом номере по 2—3 статьи сразу). Ф. Д. пишет: «Платформа нашей партии, ясно говорит о том, что с завершением гражданской войны с.-д. своей политической целью ставит **демократический режим**, обеспечивающий равную свободу **для всех**» (курсив автора). Если же она и соглашается на компромисс, если «она готова принять, как **минимальную** программу и демократическую систему советов, которая наделяет (в теории) полнотою политических прав только трудящиеся классы», то только потому, что к демократии полной «она хочет итти реальными путями», надеясь в дальнейшем «идейной борьбой внутри рабочего класса убедить его большинство в возможности и необходимости осуществления ее максимальной демократической программы» (возникает вопрос: зачем же бороться и убеждать, если рабочий класс и сейчас верит только вам?). В заключение Ф. Д. разражается следующей негодующей филиппикой: «Социал-демократия отличается от тех партий, которым «не безразлично будущее русского социализма», но которые весьма склонны к демократическому минимализму, когда приходится считаться со своекорыстием буржуазных классов (тонкий намек по адресу эс-еров), и немедленно настраивается на непримиримо-максималистский лад, лишь только речь заходит о настроениях, психологии и пусть даже заблуждениях (!) трудящихся». («Соц. Вестник» № 22). Свалка, как видим, получилась самая ожесточенная—с многозначительными намеками, взаимными обвинениями и ядовитыми выпадами. Ничего, не стесняйтесь, разоблачайте друг друга, милые люди! Мы ведь и без того знаем, что вы все один другого стоите!

Дадим слово для ответа на поставленный вопрос... меньшевику Далину:

«Полная необеспеченность владения и доходов представляет главное препятствие для активной хозяйственной работы буржуазии. Буржуазное хозяйство может развиваться либо под эгидой контр-революционной власти, либо при демократической законности». Отсюда следует: «Надо помнить, что русская экономика властно и настойчиво требует сейчас политической перестройки и что она умеет диктовать свои веления и через головы правящих партий» [1]).

В приведенной выдержке заключается исчерпывающий ответ на вопрос об отношении буржуазии к лозунгу демократии. Из него вытекает, что капиталистическим элементам в нашей стране политическая свобода и «демократическая законность» необходима дозарезу. Ибо о другой форме государства, соответствующей капиталистическому хозяйству, о контр-революционной фашистской диктатуре, можно мечтать в настоящее время только при избытке фантазии, чем трезвая буржуазия, конечно, не отличается. И вполне понятно, что именно эти капиталистические слои больше всех выиграли бы от установления режима чистой, неурезанной демократии, так как политическая активность остальных (трудящихся) классов населения уже находит свое выражение в рамках советской демократии, ничего общего с прославленной демократией стран Зап. Европы по своему классовому содержанию не имеющей.

«Демократия для всех»—этот лозунг сейчас больше, чем когда-либо, выражает насущные и жизненные интересы поднимающих голову нэпманов—и только их интересы; именно в этом пункте с наибольшей рельефностью и четкостью воплощается тонкая и дальновидная тактика тех слоев населения, которые хотят выхолостить пролетарски-классовое содержание советского государства, которые всеми силами пытаются столкнуть нас на дорогу термидора и реставрации.

После всего сказанного не трудно выявить и социальную природу современного меньшевизма: меньшевистская тактика, меньшевистская политическая установка целиком и полностью совпадает в настоящее время с ближайшими нуждами российской буржуазии. В своей борьбе против пролетарской диктатуры меньшевики—застрельщики и проводники капиталистической реставрации: они лазутчики и наиболее верные слуги буржуазии. И поэтому-то они не получат возможности проявлять свою «активность» в рамках пролетарской демократии, и им не удастся попользоваться и нажить капитал на оживлении советских и профессиональных об'единений трудящихся классов нашей страны.

VI. Меньшевики «лицом к деревне».

Крайне любопытна современная позиция меньшевиков в крестьянском вопросе: только здесь они обнаруживают, под влиянием опыта нашей революции, некоторую эволюцию мысли, некоторую способность выйти из окостенелого состояния. В цитированной выше статье Дана «Пролетариат и демократия в России» мы встречаемся со следующим откровением:

[1]) «Социалистический Вестник» № 14.

«Таким образом, на ближайший исторический период пролетариату в поисках союзников приходится обратить свои взоры, в бесконечно большей степени, чем прежде, в деревню, к крестьянству. «Нет никаких причин, по которым многочисленное «среднее» (сколько нам бедным досталось в свое время за этот термин «среднего крестьянства») крестьянство в процессе своего политического самоопределения должно было бы обязательно предпочесть союз с бонапартистской буржуазией союзу с демократическим пролетариатом. Наоборот! Вся история революционной борьбы за землю должна его теснее связывать с пролетариатом, чем с буржуазией». И дальше: «Политические судьбы русского крестьянства, а вместе с тем и всей страны, будут определяться миллионами тех «середняков» (ужасно иронические кавычки! *В. Б.*), которые после революции будут основным типом крестьян в России».

Итак, забыты старые истины о реакционном характере крестьянства после победы буржуазной революции, забыты разговоры о крестьянстве, как оплоте реставрации, питающем бонапартистскую контр-революцию, скромно спрятаны в карманы обвинения большевиков в эсеровском уклоне и т. д. Прогресс несомненный и для наших меньшевиков совершенно необычный! И в этом прежде всего заслуга нашей революции, блестяще оправдавшей гениальные прогнозы Ильича, полностью подтвердившей ту тактику, которую Ильич формулировал еще накануне 1905 года, тактику революционного союза пролетариата с крестьянством. Опыт русской революции оказался настолько убедительным, настолько отчетливо продемонстрировал все значение крестьянского участия в революции, что не только наши меньшевики, но и их западно-европейские коллеги обрели, наконец, понимание роли крестьянства, как соратника социалистического пролетариата, и заговорили о «середняке», как о решающей фигуре, от которой зависит будущность рабочего движения.

Поворот меньшевистской тактики в аграрном вопросе представляет собой лишь часть общей перемены фронта европейской социал-демократии (по крайней мере многих важнейших с.-д. партий Зап. Евр.); поэтому интересно познакомиться с «последним словом» европейского меньшевизма непосредственно по первоисточникам. Вот аграрная программа, принятая на последнем с'езде австрийской социал-демократии. [1]).

В первой части, формулирующей задачи соц.-дем. политики еще в границах капиталистического хозяйства, программа выдвигает ряд конкретных мероприятий по защите интересов крестьянства. К этим мероприятиям относятся: «дешевый кредит сельскому хозяйству», реформа налогового обложения, ставящая целью «превращение земельного налога в налог на земельную ренту», «энергичное поощрение всех видов производительных товариществ, регламентирование арендных договоров в целях защиты мелких арендаторов от эксплоатации землевладельцев и, наконец, самое интересное, учреждение «государственной монополии по ввозу и вывозу за границу хлеба, муки и отрубей».

Наиболее характерен, однако, последний раздел: «Переход к

[1]) Настоящая программа на русском языке опубликована в № 23—24 «С. В.», по которому мы ее и цитируем.

социалистическому строю». Он начинается следующей принципиальной формулировкой:

«В борьбе за под'ем сельского хозяйства и сельского пролетариата социализм наталкивается на оковы крупного землевладения. Он должен порвать их. Задачей социализма становится вернуть всему народу землю, которую на протяжении веков отняли у народа господствующие классы».

Как же мыслят себе австрийские меньшевики эту передачу земли народу. Австрийская программа «принципиально высказывается за сохранение их, т.-е. крупных поместий в нераздельном виде, как очагов с.-х. культуры. С.-х. крупное производство необходимо, как носитель и исходный пункт технического прогресса. Крупное хозяйство имеет возможность наиболее полно использовать все завоевания современной науки и техники в сельском хозяйстве. Его пример побуждает и крестьян к улучшению методов хозяйствования. Поэтому социал-демократия требует экспроприации крупных с.-х. имений и передачи в собственность государства, которое распоряжается ими следующим образом (дальнейшие требования программы настолько интересны, что мы приведем их полностью):

«1. Отрезные земли крупных имений должны быть переданы общинам. В местностях, где крупное землевладение охватывает особенно обширную площадь, а недостаточное наделение землею крестьянства особенно препятствует рациональному хозяйствованию в мелких предприятиях, общинам могут передаваться, кроме отрезных земель, и другие участки крупных имений.

2. Те участки крупных имений, на которых не ведется крупного хозяйства и которые не менее, как в течение одного поколения, сдавались в обработку мелким арендаторам, должны быть переданы общинам.

3. В остальных частях имений должно вестись крупное хозяйство на общественных началах.

Когда и поскольку отсутствуют еще необходимые условия для рациональной организации общественного хозяйства, крупные предприятия должны сдаваться в аренду наиболее дельным сельским хозяевам.

Арендаторы обязаны превращать эти имения в образцовые предприятия способные обслужить и с.-х. обучение и соседние крестьянские хозяйства; использовать их, под контролем государства, в опытных целях: поставлять крестьянам семена на льготных условиях и предоставлять им в пользование рабочий скот и машины».

Стоит только сравнить приведенные отрывки из австрийской аграрной программы с резолюцией II Конгресса Коминтерна по аграрному вопросу, автором которой является т. Ленин, чтобы установить, откуда мудрые мужи австрийской социал-демократии списали, с самыми лишь незначительными изменениями, свои последние откровения.

Посмотрим, однако, как определяется дальше роль крестьянства в социалистическом обществе:

«Переход крупных банков, крупной промышленности и торговли («командные высоты»? *В. Б.*) во всенародную собственность освободит крестьян от закабаления финансовому капиталу, от командования трестов в области цен, от эксплоатации капиталистическою торговлею.

В социалистическом строе общество заведует, с одной стороны, промышленностью, поставляющей крестьянам орудия и предметы потребления, а с другой стороны,—сбытом произведений крестьянского хозяйства. Тем самым общество впервые получает возможность обеспечить равномерное развитие промышленности и сельского хозяйства и сознательно регулировать долю крестьянина в общей сумме продуктов общественного труда.

Лишь социалистическое общество в ходе своего развития пропитает постепенно массы духом товарищеской солидарности и тем самым создаст психологические предпосылки для наивысшего развития крестьянских кооперативов. В своем дальнейшем развитии кооперация сможет все в большей степени делать крестьян участниками выгод, представляемых крупным хозяйством, и ставить завоевания совершенной техники и науки на службу крестьянскому хозяйству».

Итак, то самое, что об'является капитуляцией большевиков, признаком их перерождения, отказом от основных принципов коммунизма, словом, нэп,—одновременно же возводится в перл творения мощного гения европейской социал-демократии. Формальное сходство между австрийскою аграрной программой и основами современной политики советской власти настолько бросается в глаза, что даже Дан принужден в своих комментариях к австрийской программе признать этот факт. Он пишет:

«Еще важнее отметить другое обстоятельство. Если взять программу с чисто внешней стороны, то нельзя не заметить в ней во многих отношениях разительного сходства с нынешними «лозунгами» большевиков. И основные идеи программы—социализм, осуществляемый путем овладениями «командными высотами», союз пролетариата и крестьянства с «гегемонией» рабочего класса и т. д., и отдельные частности ее,—кооперация, как средство вовлечения крестьянства в социалистическое строительство, и даже хлебная монополия,—все это как будто то же, что говорят большевики теперь, отказавшись от теорий «чистого коммунизма» [1]).

Было бы, однако, наивностью ожидать от русских и европейских меньшевиков, что заимствуя свои новейшие лозунги из арсенала нашей революции, они воспримут их полностью без принижения и опошления. Действительно, что стоит хотя бы следующее рассуждение идейного вдохновителя австрийской аграрной политики, Отто Бауэра, одного из наиболее ловких и приспособляющихся, так называемых вождей социал-демократии, умеющих перенимать опыт революционного коммунизма, выдавая его за свое собственное изобретение!

«Дальнейшей индустриализации Австрии, способной сделать большинством одних только промышленных рабочих и служащих, ожидать не приходится. Поэтому важнейшей

[1]) «Соц. Вестник» № 23—24, 1925 г.

задачею партии становится приобретение промышленными рабочими и служащими союзников, с которыми они только и смогут положить конец господству буржуазии над республикой (одна эта формулировка чего стоит! *Б. В.*). Мы должны стать большинством, чтобы провести (конечно, через парламент) свои требования и осуществить свои цели».

Приводя эту цитату из статьи Бауэра, помещенной в центральном органе австрийской соц.-дем. «Kampf», Дан сопровождает ее следующей арифметической выкладкой:

«На последних выборах в австрийский парламент (1923 г.) соц.-демокр. собрала 1.311.870 голосов и завоевала 68 мандатов из 165. Ей не хватает всего 300.000 голосов и 15 мандатов, чтобы иметь «большинство среди избирателей парламента».

Таким образом, завоевание крестьянства является для соц.-демократии не чем иным, как средством к получению новых мандатов в парламенте. Если к этому добавить, что во всей австрийской программе ничего не говорится о революции, что в ней ни одним словом не упоминается о роли крестьянства, как боевого союзника пролетариата в процессе разрушения капиталистического общества, то станет совершенно ясным, что поворот меньшевиков «лицом к деревне» есть не больше не меньше, как агитационный маневр, «избирательная утка».

Принимая во внимание это обстоятельство, необходимо признать, что между австрийским «ленинизмом» и подлинной ленинской постановкой вопроса о рабоче-крестьянском блоке, по сути дела, несмотря на их внешнее сходство, разница столь же неизмерима, как между российским «Октябрем» и австрийским «Ноябрем», между Лениным и Бауэром. Ленинизм в австрийской, бауэровской оболочке лишен своего революционного содержания, выхолощен до основания, превращен из боевого орудия пролетарской революции в наиболее тонкое средство обмана рабочего класса и широких масс трудового крестьянства. Большее проституирование, большее опошление ленинского учения и всемирной значимости нашей революции трудно придумать.

Еще более откровенно оппортунистична тактика наших меньшевиков. Опасаясь, как бы их не зачислили в «стан нечистых», в стан сторонников пролетарски-классовой диктатуры, они спешат раз'яснить всему честному народу, что «социал-демократия понимает «союз» (союз рабочего класса и крестьянства) иначе. Она понимает, что союз этот возможен лишь, как сознательный компромисс, как сознательное соглашение двух равноправных классов, на почве демократии. Политические и экономические основы такого соглашения дает наша платформа» [1]).

Каждому марксисту, конечно, не меньшевистского типа, не трудно понять, что под великодушным отказом от «руководства» крестьянством в действительности скрывается не что иное, как передача этого руководства в руки буржуазии, особенно в наших условиях, когда «сознательное соглашение двух равноправных классов на почве демократии», или даже превращение пролетарской диктатуры в диктатуру рабоче-крестьянскую на основе всеобщей демократии, является прямой лазейкой контр-революционной буржуазии (Милюков и его позиция).

---

[1]) «Социалистический Вестник» № 14.

Г. Зайдель.

Идеология рабства и борьба с ней.

(«Дела и дни» современной германской с.-д.).

(Окончание).

VII.

Перед лицом надвигающихся тяжелых месяцев,—перед лицом депрессии, дороговизны, падения реальной заработной платы, массовой безработицы и продолжающегося наступления буржуазно-монархического блока,—что может дать немецкая с.-д. рабочим массам? Какое оружие она может вложить в руки пролетариата для отражения капиталистического натиска? Острое ли это оружие? Способно ли оно защитить и даже, если это понадобится, поразить врага, или это оружие обратится против самого рабочего? Ведь с точки зрения рабочего, пусть недальновидного, но все же члена пролетарской семьи, пусть думающего только о сегодняшней, надвинувшейся опасности и не смотрящего далеко—безразлично, в конце концов, кто даст ему это оружие: если социал-демократы, он пойдет за ними, если они не дадут средства защиты, он отвернется от них.

Если проанализировать идеологический багаж социал-демократических профессиональных вождей и связать этот анализ с практическим поведением партии, то мы увидим, во-первых, какая тесная связь существует между идеологией и повседневной практикой, стратегией и тактикой классовой борьбы, во-вторых, что идеологическая сущность современной социал-демократии ничего общего не имеет с интересами пролетариата, и, в-третьих, что вытекающая отсюда практика социал-демократического водительства на каждом шагу предает рабочий класс, обезоруживает его и делает беззащитным перед лицом капиталистического врага.

В одном из номеров уже упоминавшегося нами журнала «Die Arbeit», теоретического органа «германского ВЦСПС», редактор журнала, Лотар Эрдманн, выступил с чрезвычайно характерной статьей, подводящей итог всему пройденному после войны идеологическому пути германской с.-д. и профсоюзами. Статья называется «Профсоюзы и социализм» [1]).

«Ревизионизм,—пишет Эрдманн,—был первой и значительной попыткой вышедшую из практики рабочего движения идеологию согласовать с учением Маркса и Энгельса, но это была критическая ревизия, а не конструктивная работа» [2]).

---

[1]) Lothar Erdmann: „Gewerkschaften und Sozialismus". «Die Arbeit» № 11, 1925 г.

[2]) Курсив везде мой, за исключением специально оговоренных случаев.

Практика рабочего движения сразу же противопоставляется теории Маркса и Энгельса—прием, который принят давно всеми теми, которые на словах об'являют себя марксистами, на деле же от него отказываются. Далее Эрдманн ясно, отчетливо, черным по белому пишет: «В научном социализме заключается столько же утопических (?!) элементов, сколько сам научный социализм открыл в науке вчерашнего и позавчерашнего дня. Прежде всего, немецкий социализм не нашел в революционной теории Маркса и Энгельса ни одного намека на практические задачи, которые сейчас стоят перед ним. Теория прибавочной стоимости, диалектика, исторический материализм, позитивистское (positiwistische) мировоззрение достаточны еще, чтобы об'яснить только возникновение, движение капиталистического общества, тенденции его развития и историческую функцию, задачи рабочего класса в далекой исторической перспективе... Они (эти теорий) были неоценимой помощью при создании политической партии и профсоюзов... Однако, время ее величайшего, в лучшем случае, ее единственного значения прошло... Марксизм и социализм был неотделимым понятием по ту сторону немецких границ. Но через практику партии и профсоюзов наступил разрыв связи между социализмом и марксизмом... потому, что практические задачи, которые социализм сегодня должен разрешить, в значительной степени лежат по ту сторону проблемы, которая составляла жизненный труд Маркса».

Итак, то, что боятся, совестятся (если можно говорить о совести у подобных «бывших» людей) еще сказать Каутский, Гильфердинг и tutti quanti, — то открыто, прямо говорит профсоюзный «теоретик» Эрдманн: германский социализм отказывается от наследства Маркса и Энгельса, германская с.-д. и профсоюзные вожди не находят совершенно ничего в учении Маркса, что способно было бы помочь сегодня, теперь, после войны рабочему классу в борьбе с капитализмом. Ревизионисты типа Бернштейна—поистине щенки по сравнению с новыми бюрократами из «германского ВЦСПС»!

Но пойдем дальше. Какую же программу выдвигают сейчас германские с.-д. деятели профсоюзов для рабочего класса? «Тарков (один из профсоюзных правых вождей. *Г. З.*) в своей речи на Бреславльском профессиональном конгрессе,—пишет Эрдманн,—указал совершенно серьезно на то, что рабочему движению, в частности профессиональному движению, не хватает идеологии, идеала, в который массы могли бы верить». Эрдманн согласен с этим, но он полагает, что надо учиться на историческом опыте—и идеал будет легко найден. В самом деле, «ближайшими интересами» профессионального движения было «улучшение условий труда и жизненных отношений членов профсоюзов». Взаимоотношение между интересом и идеей было, поэтому, у профсоюзов простым, ясным и совершенно отчетливым». Бебель перевернулся бы в гробу, если бы он был способен воспринять такие речи своих наследников. Но господа Эрдманны и в ус себе не дуют: на основании открытого ими «исторического опыта», они заявляют: «Задачи современности, ближайшие цели, достижение которых жизненно возможно, важнее в двадцать раз для рабочего, чем конечная цель».

Никакого желания понять связь между ближайшей и конечной целью, поставить каждое из этих звеньев одной цепи взаимодействий на свое место! Наоборот, вывод делается из этих предпосылок настолько решительный, что последний Гейдельбергский с'езд социал-демократии, в глубине души тоже мечтавший об этом, замахал бы руками и ногами. Вот он, сам собой напрашивающийся вывод, который делает Эрдманн: нужно выбросить из недавно принятой в Гейдельберге программы с.-д. партии пункт о конечной цели социализма. Посудите сами: «Резкое подчеркивание конечной цели в восьмом абзаце [1]) кажется, по своей несвязанности с программой действия, чужеродным телом, а своей общностью — анахронизмом... На кого внутри партии,—вопрошает Эрдманн,—на кого в рядах профсоюзов могут глубоко влиять эти общие места?» Они принадлежат, как выражается автор, «к железному достоянию» старого поколения. Ныне, когда партия пережила период младенчества и стала партией, которая уже стояла и может во всякую минуту, в зависимости от парламентских комбинаций, стать у власти,—ныне «современные, сегодняшние задачи гораздо важнее, чем спорные разговоры о конечной цели». Поэтому, все значение Гейдельбергского с'езда состоит в том, что он, — по мнению автора,—выработал «программу действия» (actionsprogramm), т.-е. методы конкретной, медленной борьбы «за пятачок», которые в сотни раз важнее и понятнее пролетарию, чем десятки красиво написанных фраз о «конечной цели». Но и этого мало для Эрдманна. Не следовало также слишком подчеркивать место о международной солидарности пролетариата. Если же это место уже для вида подчеркнуть пришлось, то надо было сказать также, «что эта международная солидарность находит свое законное и фактическое ограничение, естественную границу в понимании общих, национальных интересов, которые социал-демократия должна представлять по меньшей мере в такой степени, как и другие партии, если она хочет быть не только элементом внутренней политики, но и фактором общенациональной политики Германии».

Яснее, тверже, более четко и (не можем удержаться!) более подло не говорил еще никогда ни один социал-демократический писатель. Повторяем, Бернштейн—щенок, представитель «старого поколения», несчастный сморчок, по сравнению с господами Эрдманнами! Борьба за «пятачок», не пренебрежение, а просто ненужность «конечной цели», отрицание международной солидарности рабочего класса.—вот самоновейшая, подлинная идеология германской с.-д. Поистине, Эрдманн прав: между

---

[1]) Этот «восьмой абзац» Гейдельберской программы гласит: «Цель рабочего класса может быть осуществлена только путем превращения капиталистической частной собственности на орудия производства в общественную собственность. Превращение капиталистического в социалистическое для общества и самим обществом выполняемое производство приведет к тому, что развитие и нарастание производительных сил станет источником высшего благосостояния и всестороннего совершенствования. Только тогда общество освободится от подчинения слепой стихии хозяйства и внутренней раз'единенности и поднимется на высшую ступень—к свободному соединению в гармонической солидарности».

По существу, означенный пункт—единственный, который напоминает учение Маркса.

немецким «социализмом» (в изложенном у Эрдманна виде) и марксизмом связь порвана, нити разрублены,—к великому счастью для Маркса и марксизма!

VIII.

Но из этой теории, которую изобрели сегодняшние социал-демократические и профсоюзные вожди, с железной логикой следует положительная программа действий, или, как теперь модно выражаются все ренегаты рабочего класса—от Макдональда и до Чернова—«конструктивное творчество». В чем оно состоит и где оно начертано? По мнению Эрдманна, это «творчество»—плод работ Бреславльского с'езда профсоюзов, и имя этому новому детищу новоявленных «конструктивистов»: «хозяйственная демократия».

На Бреславльском с'езде профсоюзов выступал с докладом о «хозяйственной демократии» с.-д. профессор д-р Гермберг (Germberg). Что же он преподнес в своем докладе? По мнению Эрдманна, доклад подчеркнул и выдвинул следующие два положения: 1) как могут влиять профсоюзы на хозяйственную политику и 2) в чем может выражаться их участие в управлении хозяйством? «Возможно ли,—спрашивает автор статьи,—уже при капиталистическом хозяйстве положительное разрешение обоих выдвинутых на с'езде проблем?» По мнению автора, не только возможны, но безусловно разрешимы. «По мере роста влияния профсоюзов демократизация хозяйства в определенном, ограниченном смысле может быть проведена, в этом нет никакого сомнения. В целях пробуждения в массах «воли» к этому влиянию, требования конгресса направлены к основательной отстройке беспомощной до сих пор системы фабрично-заводских советов и к установлению паритетно составленных хозяйственных камер так же, как и к увеличению возможностей хозяйственного образования для рабочего».

Но даже потерявшие всякий стыд бюрократы из «германского ВЦСПС» понимают, что одним сидением совместно с предпринимателями в «паритетных хозяйственных камерах», либо одной «волей» к сидению вместе с господами за одним столом—«демократизации» промышленности не добьешься. Поэтому, в числе дополнительных и необходимых мер Эрдманн выдвигает: 1) «достижение равновесия сил между профсоюзами и предпринимателями», 2) «завоевание большинства народа» на сторону этой идеи «хозяйственной демократии», 3) проникновение «общественных элементов хозяйства» в «частно-капиталистическую систему» и постепенное завоевание последней.

Согласимся на минутку, что рабочим надо всего только добиться «равновесия сил» с капиталистами: подумать о «воле» к ниспровержению буржуазии профсоюзные и с.-д. вожаки неспособны,—согласимся с мыслью автора. Возникает, однако, вопрос: как добиться этого равновесия и, кстати, как выявить приверженность большинства народа к этой идее «хозяйственной демократии»? Как? Да, конечно же, парламентским путем. Другого пути не дано, и тщетно вы будете искать у господ Эрдманнов попытки подумать над этим вопросом. Рабочие будут страдать под тяжестью «плана Дауэса», а через некоторое время и Локарно, парламент будет заседать и социал-демократические вожаки будут «treiben politik» — заниматься политическим и парламентским онанизмом, профсоюзные вожди будут пропагандировать идею «равновесия между профсоюзами и предпринимателями», умильно вертеть хвостом и по-собачьи заглядывать в глаза господам, а... капиталистическая мельница будет вертеться дальше.

«Вот приедет барин,—барин нас рассудит!»

Да, но... проникновение «общественных элементов хозяйства» в «частно-капиталистическую систему»—ведь, вот выход. Послушаем автора этих планов. Должны развиваться новые формы рабочих кооперативов, рабочих банков, новых «индустриальных обществ» (Industrei gemeinschaft) вроде, хотя бы, рабочих строительных кооперативов в Англии, должен быть создан экономический фонд для общественно-хозяйственных задач профсоюзов, фонд из средств рабочего класса, и при помощи этих рабочих капиталов (Arbeiterkapital) должна быть уменьшена область господства частного капитала». По мнению профессора Гермберга, высказанному им в его докладе на профсоюзном с'езде, «индустриальные рабочие общества» не являются еще сейчас в Германии «хозяйственно, политически и духовно решающей силой», но—вполне согласен и Эрдманн—они являются «единственной организацией, которая, в противоположность одностороннему представительству приобретательского хозяйства, как она выражена предпринимателями, защищает человека против тирании хозяйства, против тирании, которая никогда не была сильнее, чем в век капитализма».

Даже со слезой сказано, даже с указанием на «тиранию капитализма»! Характерно, что дело идет об «уменьшении области господства капитала», а отнюдь, не дай Аллах, об уничтожении капитализма: при господах лучше! А главное, сам автор статьи признает, что проблема эта с'ездом еще не разрешена: «Проблема, возможно ли и как начинать с помощью профсоюзов уже теперь строить общественное хозяйство, поставлена только конгрессом, но основательно не была обсуждена». Между тем, если практически подойти к указанным проф. Гермбергом мероприятиям, то спрашивается: известно ли ему, что опыт американских рабочих банков показал, что они ничем не отличаются от капиталистических банков, с тою только разницей, что членами правлений являются рабочие и профсоюзные бюрократы, владеющие солидной толикой акций и вкладов? Известно ли почтенному реформатору, что голодающий рабочий из своих средств, не только не может создать «рабочих капиталов», способных конкурировать с частным, но что даже наилучше оплачиваемый рабочий в послевоенной Германии не может прилично одеться и накормить свою семью? Известно ли ему также, что кооперативные организации (рабочие также) при капиталистическом строе могут только некоторым образом, давать дешевле продукты питания рабочему, в лучшем случае; и до сих пор не было еще такого чуда, чтобы кооперативы могли конкурировать с капиталистическими трестами и картелями? Эти вопросы можно улесятерить. Но здравая логика не может прошибить медных лбов господ бюрократов, которые кричат об «утопиях» в «научном социализме Маркса и Энгельса», а сами ничего, кроме глупых сказок, усыпляющих «волю к борьбе» рабочего класса, в лучшем случае, создать не в состоянии.

IX.

Теперь совершенно ясно, что идеологическое оружие, которое может дать германская социал-демократия рабочему классу для борьбы за пролетарские интересы—ржаво, покрыто плесенью, тупо, как мозги с.-д. вождей и может только послужить на пользу буржуазии. Ибо только ей выгодно, чтобы рабочий, усыпленный сказками о «хозяйственной демократии», мирно почивал и ждал, пока установится «равновесие сил рабочих и предпринимателей».

Но из предыдущего также ясно, что рабочий, особенно тот, который думает о сегодняшнем дне, полагает, что с.-д. ему поможет бороться за «пятачок», что она, отвергающая конечную цель и подчеркивающая интересы сегодняшнего дня, будет его лучшим защитником против поползновений капиталистов на восьмичасовой рабочий день, на заработную плату, на социальное обеспечение и на политические завоевания, которые рабочий класс несомненно ценит (этого нельзя забывать!), т.-е. на республику, которая все же лучше, чем вильгельмовско-юнкерский строй. Этой психологией, этим капиталом живет германская социал-демократия. Но этим капиталом она может жить и даже усиливаться (мы это видели в годы 1924—25) только в том случае, если германский капитализм будет постепенно, систематически укрепляться, стабилизироваться, получать прежнюю, жизненную силу.

Вот почему германская с.-д. всеми способами поддерживает шатающийся буржуазный блок, вот почему она скорее готова пойти на коалицию с чортом, чем с компартией, которая разжигает классовые аппетиты, а не стремится их сгладить. Вот почему с.-д. так горячо ухватилась за Локарно, полагая, что единый фронт капиталистических держав, установление порванных мировых связей, ввод Германии в мировой дипломатический концерн,—все это сумеет укрепить немецкий капитализм. Бебель, Вильгельм Либкнехт в героическую эпоху германской с.-д. держали курс на усиление противоречий между капиталистическими державами, по-марксистски стремились всякую щель в капиталистической постройке превратить в широкое отверстие, через которое пролетариат мог бы хотя бы протянуть руку к социализму, а потом и совсем разрушить капитализм. Нынешние наследники Бебеля и Либкнехта тщательно замазывают каждую трещинку в капиталистической системе: малейшее колебание этой системы—и с.-д. начинает качаться. Малейший взрыв недовольства среди рабочих масс, необходимость действительной борьбы даже за «пятачок»—и германская с.-д. окажется не на месте: ибо она не хочет боев с капиталистами, она хочет «мирного жития». Вот почему, в эпоху осенних событий 1923 года с.-д. катастрофически теряла своих приверженцев. Наоборот, началась пресловутая «стабилизация», и с.-д. ожила. Неразрывная связь между социал-демократией и незыблемостью капиталистического строя не нуждается в доказательствах: она установлена исторически на протяжении последних нескольких лет, она подтверждается практическими и теоретическими заявлениями ее вождей и руководителей.

Сами с.-д. вожди это великолепно знают и учитывают. В последнем номере журнала Гильфердинга «Die Gesellschaft» Георг Деккер посвящает статью кризису партии центра [1]). Он стремится доказать, что «партия центра» вовсе не является «партией середины», а ее раз'едают классовые противоречия, и поэтому она постепенно, но неуклонно идет на-нет. Анализируя цифры, собираемых партией центра голосов во время различных выборов, начиная с 1871 года,—Деккер приходит к выводу, что и до войны количество собираемых голосов католической партией уменьшалось, при чем, если в 1920 году оно и увеличилось, то за счет выступивших на избирательную арену женщин. Вообще же говоря, партия центра обречена на распад. Мы не будем здесь вдаваться в анализ выводов автора: в конечном итоге, он прав—межеумочные партии, вроде «партии центра», обречены на смерть при нынешнем столкновении классов—и это относится не только к партии центра, но и к самой с.-д., которая пытается стать «партией середины», хотя и называет себя рабочей партией. Нас интересует один момент в рассуждениях социал-демократического автора, имеющий непосредственное отношение к разбираемому нами вопросу о постоянстве и крепости социал-демократии.

Автор приводит следующую таблицу избирательных голосов, собранных разными немецкими партиями в период 1922—24 гг. в Верхней Силезии (округ Оппельн):

Количество голосов:

	С.-д.	Коммун. парт.	«Дейтш-Нац.	Фашисты	Центр.
1922 г. ноябрь	75.416	37.118	69.981	—	204.096
1924 г. май	26.306	130.306	103.744	18.803	198.689
1924 г. сентябрь [2])	19.385	76.284	81.342	11.865	192.821
1924 г. декабрь	36.530	66.096	117.920	8.200	221.550
1925 г. март	46.391	45.552	—	4.640	220.914

Анализируя цифры, полученные «Центром», Деккер приходит к следующему выводу: «Все это подтверждает мнение, что кризис партии центра не может быть сведен к действию временных, преходящих явлений (курсив мой. *Г. З.*), а может быть только понят, как выражение длительно действующей тенденции». Нас интересует то, что автор называет «временными, преходящими явлениями». Таблица, приведенная Деккером, к сожалению, не может почитаться идеально показательной для иллюстрации нашей мысли, но ее можно взять за исходный пункт: Деккер считает «временными и преходящими явлениями» кризис капитализма. 1922 год ноябрь—это момент, когда в Германии бушевала инфляция и рабочий класс был еще охвачен революционным порывом, в стране продолжалась революционная ситуация; сентябрь 1924 года может быть принят, как момент переломный—наступление «стабилизации». Цифры голосов, собираемых различными партиями в эти периоды, чрезвычайно показательны: вплоть до сентября 1924 года со-

[1]) «Die Gesellschaft» Intern. Revue für Sozialz. und Politik. Herausgegeben von D-r Rudolf Hilferding. Berlin. November 1925. № 11. Статья Georg'a Decker'a «Die Zentrumkrise».

[2]) При этих выборах (сент. 1924 г.) был огромный абсентеизм вообще.

циал-демократия идет вниз все с большим и большим уроном, наоборот, коммунисты и «дейтш-национале»—общественные полюсы—в мае 1924 г. собирают за счет с.-д. и промежуточных партий катастрофически большое количество голосов. То, что автор считает «преходящим»: кризис и связанную с ним революционную ситуацию, т.-е. то, что неминуемо должно наступить на месяцы, год раньше или позже—смертельно ударяет социал-демократию. В момент революционного под'ема с.-д. оказывается неспособной ни в какой мере защищать интересы рабочего класса. Не помогает проповедь «малых дел», наоборот отталкивает рабочего от с.-д., и с.-д. вожди пытаются всеми средствами, вплоть до расстрелов своих братьев по классу, тушить революционный пожар. Такова истина, такова роль партии, которая называет себя рабочей, будучи по идеологии и тактике мелкобуржуазной партией par excellence.

X.

Стоим ли мы сейчас непосредственно перед решающими боями в Германии, или надвигающийся кризис будет медленно развиваться,—в конечном итоге не имеет особого значения для правильной выработки общей тактики компартии по отношению к социал-демократии и рабочему классу. Предыдущие данные имели целью показать, что с весьма большой дозой неточности можно говорить о «стабилизации» в Германии и что прав тов. Зиновьев, утверждающий в одной из последних своих речей, что «стабилизация» не оказалась стабилизацией на 100%.

Резюмируя все раньше сказанное, мы можем констатировать: 1) наличие тяжелого экономического положения в Германии, безработицы, недовольства среди рабочих—с одной стороны, 2) развивающиеся аппетиты среди основных партий буржуазно-монархического блока и некоторые признаки намечающихся трещин внутри групп населения, идущих за буржуазным блоком: торговая буржуазия против аграриев—индустриальных магнатов, среднее и мелкое крестьянство, разочарованное политикой таможенных пошлин и не могущее воспользоваться кредитами,—на распутье (воздерживается от голосования)—с другой, 3) перед лицом надвигающегося кризиса с.-д. идеология оказывается банкротом: политика утихомирения и «мирного жития» не удовлетворяет рвущегося в бой от нужды, для защиты своих кровных интересов рабочего, 4) симпатии рабочего класса пока еще медленно, но несомненно, переходят на сторону компартии (последние успехи на выборах).

Но социал-демократия еще очень сильна. Она все еще является одной из первых партий по количеству собираемых во время избирательных кампаний голосов, она все еще ведет за собой большие массы рабочих. Очередной задачей, поэтому, для компартии все еще остается добиться того, чтобы перетянуть на свою сторону большинство рабочего класса, разоряющуюся интеллигенцию и недовольное мелкое, а отчасти и среднее крестьянство, которое сейчас находится на распутье и которое перетянуть можно, при правильной тактике. Бороться же с социал-демократией можно не только теоретическим разоблачением ее идеологического убожества, но сейчас—в данный момент—упорной, повседневной, практической борьбой за будничные интересы рабочего класса. В этом смысле, уточнение лозунгов и требований компартии применительно к пониманию их каждым рабочим—играет существенную роль. К сожалению, нельзя сказать, чтобы это до сих пор делалось вполне удачно немецкой компартией. Я беру в пример кампанию против Локарно. Она имела несомненный успех в рабочих массах, но она имела бы еще больший успех, если бы на ряду с подчеркиванием опасности войны, направляемой против Советского Союза (это обстоятельство, конечно, весьма сильно действовало на сознательного рабочего, независимо от его партийной принадлежности), компартия смогла конкретно показать, что Локарнский «пакт» несет уменьшение заработной платы, удлинение рабочего дня и пр. и пр. К сожалению, выставлялся только политический момент: середняк или малосознательный рабочий раскачивается только тогда, когда он видит или, по крайней мере, понимает, что тот или другой акт парламентского кретинизма непосредственно угрожает его сегодняшнему благополучию. Приблизить агитацию к массам, к гуще голосующих по инерции, за соц.-дем. рабочих масс—вот важная задача партии в ее борьбе против контр-революционных поползновений соц.-дем. и профсоюзных вождей. О «конечной цели» компартия забыть не может: одно прошлое и настоящее Коминтерна, германской компартии есть боевое знамя. Опасность забыть о «конечной цели» могла бы быть только тогда, если бы... с.-д. оказались правы и капитализм в Германии процветал.

«Новый курс», принятый сейчас компартией, с такой злостью осмеивается сейчас с.-д. потому, что он угрожает благополучию с.-д. бюрократов. Выдвигание тактики «единого фронта» также неприятно с.-д., поэтому ее выдвигать необходимо со всей энергией и силой. Помнить только, что т. н. «левые» не лучше, в конечном счете, правых с.-д. Коммунистическая партия Германии, при правильном руководстве и тактике, имеет сейчас все возможности продолжить свой успех и отвоевать рабочий класс от с.-д. Это—процесс не одного дня и месяца, это—длительный процесс. Те 500.000 пролетариев, которые, по вычислениям т. Пауля Фрелиха [1]), входят членами в с.-д. партию Германии, не так быстро от нее отойдут; тут играет роль и некоторый консерватизм, и партийная инерция, и чувство преклонения перед партийным знаменем, и индивидуальное влияние вождей, и крепкий аппарат самой партии и много других бытовых, психологических и политико-экономических моментов. Основной задачей в настоящий момент является разоблачить с.-д. вождей, предающих интересы рабочего класса, в глазах широких ра-

---

[1]) См. его статью «Uber die gegenwartige Rolle der SPD» в № 10 от 15 октября органа немецкой компартии «Die Internati nale». Тов. Фрелих дает, в результате ряда вычислений, следующую картину состава германской с.-д. по отношению к рабочему классу Германии:

Штаб партии и вожди профсоюзов (контр-революц.)	3.000 ч.
Наход. вне капит. произ. члены с.-д. партии (реформ. парт. и проф. функционеры)	50.000 »
Другие мелко-буржуазные элементы в партии	300.0 0 »
Пролетарские элементы в партии.	500.000 »
Рабочие, организованные в свободные профсоюзы	4.890.000 »
Всех членов профсоюзов (включая христ., Гирш-Дункер и пр.)	6.300.000 »
Индустриальных рабочих	17.000.000 »
Индустриальных и сельских рабочих	20.000.000 »

бочих масс, поколебать преклонение рабочих с.-д. перед былыми «заслугами» их вождей. Это можно сделать только правильной, гибкой тактикой, умением делать самые отвлеченные, политические лозунги понятными для масс, действительной защитой интересов рабочего от покушений капитала. Подлинно большевизированная немецкая партия имеет все основания так же выйти с честью из всех испытаний, как русские большевики вышли, под руководством Ленина, из всех тяжких пертурбаций царской реакции в межреволюционные годы; может так же победить немецкий капитализм, как победили русские большевики. Идеология рабства, носителем которой является с.-д., может быть, должна быть сокрушена.

История за немецкую компартию, за Коминтерн. И в этом залог его **победы!**

Эркнер.

Вопросы таможенной и валютной политики в Индии.

(Страничка из новейшей истории колониальной борьбы).

Целый ряд симптомов свидетельствует о том, что отношения между империалистической Великобританией и ее индийской колонией находятся накануне новых осложнений. Поводов для конфликтов уже накопилось достаточно в экономической области, откуда, при неустойчивости общего положения в Индии, они неизбежно перекинутся и в область политики. В настоящее время стоит вопрос о повышении индийских текстильных пошлин. Индийские текстильные фабриканты хотят провести новые высокие ставки, против чего энергично протестуют английские экспортеры мануфактуры. Индийские предприниматели мотивируют необходимость повышенных ставок затруднениями, которые испытывает их производство. Такие затруднения до известной степени действительно существуют. Давно уже золотая стоимость рупии (индийская валюта) неизменно двигается вверх. Это автоматически повлекло за собой рост издержек производства в Индии и помогло промышленности конкурирующих стран вытеснить с рынка индийскую мануфактуру. Запасы индийских текстильных изделий, не находящих себе сбыта, стали возрастать. В августе 1925 г. их стоимость оценивалась в 70 миллионов рупий с лишним (около 60 миллионов рублей). Индийские хлопчато-бумажники заявили, что при таких условиях дальнейшее ведение производства будет приносить одни убытки. От рабочих они потребовали согласия на снижение зарплаты, на что те ответили стачкой. А перед правительством Индии они настаивали на более выгодном обложении конкурирующих с индийскими изделиями пряж и тканей и на обложении экспортной пошлиной индийского хлопка. При этом они заявляли, что острие предлагаемых ими мероприятий направлено исключительно против Японии, сильно увеличившей за последнее время свой текстильный вывоз в Индию. По данным английского журнала «Экономист» японский ввоз текстильных изделий в Индию развивался следующим образом:

В миллионах ярдов.

	Средняя годовая
1911—14 г.г.	5,2
1921—24 г.г.	107,0
1924—25 г.г.	145,0

Повышение пошлин на привозные текстильные изделия должно было поставить предел этому наводнению японскими товарами.

Той же цели должно было служить обложение вывозного индийского хлопка, ибо в 1924—25 г. Япония закупила свыше 50% всего хлопкового экспорта Индии, и вздорожание этого сырья, без сомнения, нанесло бы удар японским конкурентам. (Последнее требование окончательно отклонено индийским правительством).

Интересно при этом, что «Экономист», а также другие английские журналы и газеты энергично взяли под свою защиту японских экспортеров мануфактуры, конкурирующих на индийском рынке с английскими экспортерами. «Экономист» вообще отрицал право индийских текстильных фабрикантов говорить о слишком для них опасной конкуренции со стороны японских экспортеров. В доказательство он приводил следующие данные:

	Инд. текст. изделия	Инд. текст. экспорт.	Весь инд. импорт	Инд. текст. импорт из Японии
	(В миллионах ярдов).			
1911—14 г.г. (средн. годовая) .	2.348	85	2.819	5,2
1921—24 г.г. „ .	2.658	164	1.319	107,0
1924—25 г.г. „ .	3.372	181	1.771	145,0

Из этих цифр,—пишет «Экономист»,—видно, что общая величина индийского ввоза сильно сократилась в послевоенное время. От этого сокращения больше всего выиграла как раз текстильная промышленность Индии, значительно повысившая за это же время и производство и вывоз текстильных изделий. При таком положении вещей абсолютное возрастание японского текстильного ввоза не имеет никакого значения. Таковы выводы «Экономиста».

Однако, с другой стороны, индийским текстильным фабрикантам не всегда удавалось сбывать свои товары без заминки. Это доказывает, что при фактическом росте производства потенциальная производительность индийских текстильных предприятий возросла еще сильнее. Естественно, что индийские предприниматели хотят использовать работоспособность своих фабрик полностью, не считаясь с тем, как это отразится на интересах заграничных экспортеров; они всячески стараются покрыть спрос индийского рынка на текстильные изделия средствами туземного производства.

В том обстоятельстве, что в 1924—25 г.г. общее количество ввоза в Индию заметно повысилось против средней годовой за 1921—24 г.г., индийские текстильные фабриканты усмотрели знак предостержения. И вполне справедливо. Это повышение пошло на пользу прежде всего Ланкаширу, центру английской текстильной индустрии, в котором оно пробудило новые надежды на увеличение его экспорта в будущем. Несомненно, правда, что упадок текстильной промышленности Англии в значительной мере об'ясняется возникновением новых текстильных производств в колониях. Но, с другой стороны, не следует забывать и о том, что Англия прилагает все усилия к отвоеванию своего прежнего положения на мировом рынке и что ряд важных симптомов свидетельствует об успешности этих усилий. Английская текстильная промышленность находится сейчас в периоде самой широкой реорганизации, которая имеет своей конечной целью снижение издержек производства и повышение конкурентной способности Англии. В том же направлении действует блестящий урожай американского хлопка в истекшем году, что сильно удешевляет сырьевую базу английской текстильной промышленности, эту важную статью издержек производства. И, наконец, при оценке возможных перспектив английской и вообще европейской индустрии в ее борьбе с нововозникшей промышленностью колоний, не следует забывать, что Европа, наряду с Соединенными Штатами, все еще имеет на своей стороне громадное преимущество в виде монополии техники, обеспечивающее за ней огромный перевес над ее колониальными конкурентами. Так, именно в последнее время нередко можно было наблюдать, как не слишком большое снижение производственных издержек в Ланкашире уже ставило в тяжелое положение молодую промышленность заокеанских стран и в том числе бумагопрядильные и ткацкие фабрики Индии. Европа, не исключая и Англии, имеет здесь перед собой еще очень широкие возможности, чего в такой же мере никак нельзя утверждать о колониях.

В силу всего сказанного Англия является, особенно в перспективе ближайшего будущего, весьма опасным соперником для молодой текстильной промышленности Индии, и более опасным, чем Япония с ее все еще очень отсталой техникой. И Ланкашир решил теперь полностью использовать это свое превосходство. Однако, индийские текстильные промышленники могли бы расстроить все расчеты Ланкашира, если бы им удалось оградить индийский текстильный рынок достаточно высоким таможенным барьером. К этому сейчас и направлены все их усилия. Не удивительно, что английские экспортеры, у которых этот «ход» снова отнимает надежду на казавшееся уже столь близким отвоевание индийского рынка, пришли в особенно сильное негодование, и они испробуют все средства воздействия, прежде всего на «индийское» правительство, чтобы так или иначе воспрепятствовать планам индийских текстильных фабрикантов. В результате вопрос об индийских протекционных пошлинах быстро перекинется в политическую область, где он неминуемо разовьется в гораздо более серьезную и более радикальную проблему национального самоопределения Индии.

Есть еще одно очень важное обстоятельство, свидетельствующее о том, что в Индии назревают крупные события. В конце августа с. г. была назначена под председательством члена нижней палаты, Хильтона Юнга, комиссия по валютному вопросу. Вероятно, ей поручено наметить новые эксперименты в области «стабилизации» индийской рупии. В этом отношении индусы уже кое-чему научены горьким опытом, и британские проекты валютной «реформы» внушают им почти панический страх. Когда, например, 24 января 1922 г. в законодательном собрании Индии было внесено предложение о созыве новой валютной комиссии (после последнего валютного эксперимента 1920 г.) и о проведении новой валютной реформы, индийское большинство собрания отклонило это предложение, сославшись на то, что «купечество не желает ни новых правительственных мероприятий в области валюты, ни новых валютных комиссий».

Валютные эксперименты англичан в Индии сводятся обыкновенно к следующему. Индийские капиталисты не отвергают

стабилизацию рупии; наоборот, они сами заинтересованы в действительной стабилизации индийской валюты, и предметом спора является только высота курса. Сейчас, напр., курс рупии равняется 1 ш. 6 п. Индусы требуют окончательной стабилизации рупии на курс в 1 ш. 4 п., что совпадало бы с довоенной нормой, англичане же хотят положить в основу соотношение 1920 г., когда 1 рупия равнялась 2 шиллингам. Во всяком случае на английских биржах этот последний курс до сих пор принимается за паритет рупии.

В стабилизации рупии индийские капиталисты заинтересовались, помимо общих соображений, еще потому, что в своих заграничных сделках они по большей части все еще связаны с Англией и другими отдаленными странами: при вытекающей отсюда медленности грузового транспорта колебания курса грозят придать всему товарообороту характер слишком рискованной спекулятивной торговли, при чем риск фактически всегда падает на индусов.

Как показывают все прежние опыты «стабилизации» рупии, от высокого стабилизационного курса англичане выигрывают, а индусы теряют. И вот почему: накануне и во время эксперимента стабилизации индусы платят в дорогих рупиях, а прежняя их выручка от проданных в Англии, и вообще за границей, товаров реализуется в это время в дешевых фунтах, т.-е., иначе говоря, приносит индийским продавцам убытки. При ярко выраженном сезонном характере индийской торговли англичанам стоит только назначить «реформу» индийской валюты на особенно неблагоприятный для Индии период, и убытки индусов сразу возрастают. Так оно всегда и бывало: «стабилизация» рупии всегда предпринималась в такой момент, которому предшествовало особенно большое количество индийских запродаж в Англию. При обращении вырученных фунтов в рупии индийские коммерсанты несут в этом случае громадные убытки: за свои фунты они получают гораздо меньше рупий, чем это выходило по первоначальной смете. Высокий курс рупии сделался, далее, экспортной премией для английской текстильной индустрии. Дело в том, что он автоматически повышает издержки производства в индийской промышленности и так же автоматически снижает—сравнительно с индийскими—производственные издержки англичан. Результатом такого эксперимента является усиление текстильного вывоза Англии в Индию, сопровождаемое банкротствами и безработицей в индийской промышленности. Так, в 1920 г., когда англичане «стабилизовали» рупию, т.-е. искусственно взвинтили ее курс и удержали его на этой высоте даже после происшедшего тем временем сильного падения рупии на вольном денежном рынке,—в 1920 г. радикально изменилось соотношение между индийским ввозом и вывозом. В декабре 1919 г. ввоз в Индию составлял 17,5 миллионов фунтов, а вывоз—25,6 милл.; в декабре 1920 г. соотношение изменилось в диаметрально противоположное: индийский вывоз упал до 18,5 милл. фунтов, а ввоз поднялся до 31,6 милл. В течение целого года торговый баланс Индии был пассивным. Для Индии—это прямо катастрофическое положение, учитывая еще то обстоятельство, что Индии приходится регулярно выплачивать Англии огромную дань, для покрытия которой она пользуется главным образом, выручкой от своей внешней торговли. При таких условиях пассивный торговый баланс означает для Индии внеочередную задолженность, обременяющую ее на много лет вперед.

Для характеристики британских «методов накопления» стоит упомянуть о следующих разбойничьих подвигах «честных» английских купцов. Сильно нажившись на войне, индийские предприниматели делали в первые послевоенные годы большие заказы. С выполнением этих заказов англичане сначала долго тянули. И только когда, несмотря на свой оффициальный «паритет», рупия стала стремительно падать, англичане начали отправлять в Индию заказанные товары. Индусы, вычислившие в свое время стоимость этих товаров по гораздо более высокому рыночному курсу рупии, оказались вынужденными уплатить английским продавцам гораздо больше фунтов, чем они предполагали раньше. Сбыть полученные из Англии товары по этим ценам при том кризисе, в котором оказалась страна, вследствие искусственной «стабилизации» рупии они, конечно, не могли. Они все же пошли на некоторые компромиссы, предлагая взять за основу перечисления оффициальный, но не рыночный курс рупии. Англичане на это не согласились, и индийские купцы на одной этой операции потеряли не меньше 10 милл. фунтов (см. «Manchester Guadian» от 15 марта 1921 г.).

Англичане изобрели еще и другой «оригинальный» способ «накопления». «Индийское» правительство продолжало придерживаться фиктивного паритета, когда рыночный курс рупии был уже гораздо ниже. По этому курсу, чрезвычайно выгодному для покупателей фунтов, оно и оплачивало некоторые ценные бумаги, которые оно продавало в Индии на Лондон. Таким образом, через посредство правительства можно было приобрести за рупии гораздо больше фунтов, чем на вольном рынке. Благодаря связям с «индийским» правительством английским капиталистам было легче всего доставать эти бумаги. Они быстро обратили свой помещенный в Индии капитал в «Reserve councils», т.-е. они попросту заставили «индийское» правительство подарить им громадное количество фунтов, которые они затем перевели в лондонские банки под видом «прибылей». В 1920 г. правительство Индии продало этих бумаг в короткий срок на 55 миллионов фунтов, т.-е. оно просто подарило английским капиталистам в Индии несколько миллионов фунтов. Средства для этого подарка были добыты необыкновенно тяжелым налоговым обложением индийских крестьян. Когда же этот источник стал иссякать, правительство Индии вывезло, несмотря на тогдашний недород, 40 тысяч тонн хлеба, чтобы таким образом собрать новые средства для своих разорительных подарков. Впрочем, подобные явления регулярно повторялись при каждой «стабилизации» рупии. Всякий раз при этом из страны вывозилось большое количество пшеницы и ржи. Индийскому крестьянину приходилось платить за «стабилизацию» голодом. Во всей стране начинал свирепствовать экономический кризис. Дивиденды же английских обществ именно в эти периоды достигали 100 и больше процентов.

Во время последней «стабилизации» рупии (в 1920 г.) англичане задались специальной целью урезать крупные военные барыши индийских капиталистов. Последние—поскольку они не сделались жертвой наступившего кризиса—попытались, в свою

очередь, переложить бремя кризиса на плечи рабочих и крестьян. На индийских рабочих обрушилась безработица и нищета, крестьяне попали в новую долговую кабалу, миллионы были обречены на голод. Последствием кризиса было то, что лозунг национального самоопределения проник в самые широкие массы. Национальное освободительное движение стало распространяться по всей Индии со стихийной силой.

В настоящий момент английские империалисты готовы, по-видимому, затеять снова ту же игру. Уже назначена валютная комиссия, пока только «изучающая» вопрос. Самый состав подобных комиссий уже является достаточной гарантией, что их проекты будут считаться только с английскими интересами. Во всех таких валютных комиссиях сидят почти исключительно англичане. Так. в состав комиссии, которая была назначена в 1919 г. и работы которой явились основой для «стабилизации» рупии в феврале 1920 г., входил только один индус, Дабида Мерванджи Далал. Он отказался дать свою подпись под меморандумом комиссии и выпустил собственный доклад, в котором требовал установления довоенного паритета рупии (1 рупия=1 ш. 4 п.). Но «индийское» правительство отклонило доклад индуса и провело «стабилизацию» рупии по проекту английских членов комиссии. Интересно, что Кейнс, опрошенный тогда валютной комиссией в качестве эксперта, высказался, конечно, в полном согласии с английскими империалистами за стабилизацию рупии на высоком курсе, доставив, таким образом, британским империалистам «научное» оправдание их разбойничьего похода на Индию. После всех этих уроков прошлого можно не сомневаться, что новая валютная комиссия и теперь выскажется за стабилизацию рупии на высоком курсе.

Описанные валютные эксперименты британских империалистов в Индии представляют собой самоновейшие формы разбойничьего накопления. Примитивные способы разбоя уже не годятся, главным образом, потому, что отпор против таких способов грабежа был бы теперь гораздо энергичнее, чем прежде. Но и при помощи обычных капиталистических методов британским империалистам становится все труднее побивать своих индийских конкурентов на рынке. Индийские промышленники сами переняли капиталистические методы и умело пользуются ими, как это между прочим, видно и по сильному протекционистскому движению в Индии. Поэтому англичане прибегают к несколько более сложному средству валютной реформы, которая все еще целиком зависит от них, поскольку они господствуют над государственным и в частности над финансовым аппаратом Индии.

Валютная реформа, как средство «накопления», облюбована именно потому, что они все больше чувствуют свое бессилие в капиталистической конкурентной борьбе с индусами на рынке. В прежнее время «деятельность» среднего англичанина протекала в Индии следующим образом. Как правило, он являлся в Индию без капитала. Нормой считалась 20-летняя купеческая деятельность, к концу которой он рассчитывал скопить себе состояние по крайней мере в 25.000 фунтов (около 250.000 р.). Покидая индийское «дело», такой англичанин обыкновенно увозил нажитой в Индии капитал за границу. Таким образом, в Индии накопляли и англичане и индусы, но только накопленный

последними капитал оставался в главной своей массе в индийском народном хозяйстве. Метод среднего английского капиталиста об'ективно сводился при таких условиях к простому грабежу. Но именно эти методы англичан и привели, в конце концов, к тому, что английские капиталисты стали все больше оттесняться своими новоявленными индийскими конкурентами. Индийский предприниматель, проникший сперва в сферу торгового капитала, довольствовался не очень большими прибылями, сохранял их навсегда в своем предприятии, вел сравнительно скромный образ жизни,—словом, накоплял, как «нормальный» капиталист. Когда же в капиталистический товарооборот стала все больше втягиваться сама Индия, он сумел извлечь пользу из своего знания местных условий, позволявшего ему ориентироваться в состоянии спроса. Аналогичные причины еще усилили его положение, когда во внешней торговле Индии начали приобретать все большее значение азиатские рынки сбыта. В конце концов, должен был наступить такой момент, когда индийский купец, успевший вырасти в крупного капиталиста, начал проникать и в область заокеанского экспорта, где прежде безраздельно господствовали англичане. В самом деле, некоторые неанглийские крупные фирмы Европы, поддерживавшие с Индией оживленные торговые сношения и желавшие избавиться от дорого стоящего посредничества Лондона, стали завязывать непосредственные связи с индийскими фабрикантами и купцами (и наоборот).

Таковы приблизительно были этапы восхождения индийского капиталиста. Это были подготовительные стадии, которые индийский капитал должен был пройти для того, чтобы, наконец, испытать свои силы и в роли промышленного капитала. Так образовались в Индии широкие кадры туземных капиталистов, вооруженных новейшими методами капиталистической коммерции. Англичане же вели свои дела такими способами, которые соответствовали условиям докапиталистической Индии. И они продолжали придерживаться этих способов даже тогда, когда индусы уже начали побивать их именно потому, что обратились к специально-капиталистическим методам.

Теперь англичане пытаются отвоевать себе в Индии свое старое положение. Они прибегают к усиленной концентрации, чтобы таким путем лучше использовать свою капиталистическую мощь и устранить внутрианглийскую конкуренцию, они стараются использовать превосходство своей техники. Однако, их шансы на успех в чисто рыночной борьбе не высоки, в виду силы индийского капитала, успевшего уже пустить глубокие корни. Против превосходства английской техники индийские предприниматели борются путем все большего повышения таможенных ставок. А невероятно низкий уровень жизни индийских крестьян дает им возможность наживать большие барыши и одновременно вносить огромные суммы на уплату дани англичанам. С этой точки зрения их расчеты пока что правильны. Неслыханная эксплоатация индийского крестьянина пока все еще обеспечивает получение прибылей индийскими предпринимателями и уплату дани британским империалистам. Так, напр., в Бомбейском округе крестьянину приходится «довольствоваться» средним месячным доходом в 100 анов (около 5—6 рублей). Не меньшей эксплоатации подвергается индийский рабочий. Только чу-

довищной эксплоатацией об'ясняется тот факт, что расчетный баланс Индии, несмотря на ее огромные платежи Англии, остается активным, как это видно между прочим и по ввозу большого количества золота в Индию.

В последнее время цивилизованные английские пираты перешли к методу «реформ» индийской валюты, чтобы таким путем сохранить свою «традиционную» долю в эксплоатации индийских крестьян и рабочих, далеко превосходящую меру рыночных прибылей и регулярной дани; индийские капиталисты, в свою очередь, прибегают к орудию высоких протекционных пошлин, пытаясь вытеснить британских капиталистов с индийского рынка тоже самоновейшими средствами борьбы.

Высокий протекционный тариф против стабилизации валюты— именно так стоит теперь вопрос. Соответственно радикальным переменам в хозяйственной жизни Индии, изменились, «модернизировались» и методы борьбы. Это—подготовительная стадия к последующим событиям, к борьбе за государственную власть в Индии.

Чудовищная эксплоатация крестьян и рабочих—вот та почва, на которой развертывается эта борьба. Только восстание рабочих и крестьянских масс Индии положит конец этой кровавой главе новейшей истории.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Л. Шанин.

Вопросы экономического курса.

1. Характеристика положения.

Хозяйственное положение Союза к началу года в основном характеризуется следующими чертами: острый недостаток промышленных товаров, несмотря на интенсивное развертывание промышленности. Одновременно слабое предложение сельско-хозяйственных товаров. На полюсе промышленности слабое предложение из-за недостатка промышленных товаров; на полюсе сельского хозяйства слабое предложение, несмотря на достаточное наличие сельско-хозяйственной продукции. В обоих сферах недостаточное предложение при напряженном спросе. В результате— дальнейшее раздвижение оптовых и розничных цен и значительное удорожание товаров.

Недостаточное сельско-хозяйственное предложение привело к ослаблению экспорта. Снижение экспорта неизбежно поклекло за собой сокращение импорта. Недостаточность последнего ударила по развертыванию промышленности.

Одновременно промышленность идет навстречу затруднениям с финансовой стороны. Эмиссию предполагалось вести соответственно размерам товарооборота. Этот последний определялся, исходя из возросшей с.-х. товарной массы. Такой размер эмиссии, однако, оказался невозможным, поскольку денежными рессурсами (не подкрепленными предложением промышленных товаров) не удалось на деле вовлечь в рыночный оборот потенциальные товарные массы сельско-хозяйственной продукции. Масса р е а л ь н о обращающихся товаров оказалась значительно ниже потенциально возможной к обращению. В результате намеченная первоначально эмиссионная программа привела к явно выраженным инфляционным явлением. В связи с этим не удалось в предположенной мере использовать эмиссию для финансирования промышленности. После того, как предложение сельско-хозяйственных товаров равняется по предложению промышленных товаров, финансирование товарооборота должно равняться по н а л и ч н ы м промышленным товарам, а не по программе намеченного развертывания промышленности.

Инфляционные явления приводят к установлению строгого финансового режима. На ряду с сокращением импортной программы сокращение программы финансирования заставляет пересмотреть планы развертывания промышленности и промышленного строительства.

Сокращение программы промышленности одновременно со сжатием внешне-торговой программы снижают размах всего хозяйственного строительства нынешнего года. Таково положение, как оно определилось к моменту с'езда партии.

Надо отдать себе отчет в том, что указанными сокращениями мы производим количественное только приспособление к затруднениям последних месяцев, притом приспособление пассивного характера. Такая работа, правда, совершенно необходима, но она недостаточна. Ибо необходимо одновременно наметить и пружины, с помощью которых мы предполагаем обеспечить развитие, более интенсивное, нежели то, которое намечается в результате сокращения. Сжатие это необходимо лишь, как предпосылка к качественной перегруппировке, которая должна послужить исходной точкой для нового наступательного маневра,—для маневра, правда, несколько иного типа, чем испробованный в последнее время, но отнюдь не менее широкого.

Речь идет не о том, чтобы, сорвавшись на первоначальном плане этого года, перейти к хозяйственному минимализму, а о том, чтобы на опыте сегодняшних затруднений найти более реальные и менее кризисные пути для быстрого роста. Ибо вопрос о темпе нашего хозяйственного развития не утратил ни одного грана своей международно-политической остроты. Производимая за последний месяц сократительная работа имеет целью облегчить эту перегруппировку, но отнюдь не означает значительного снижения размаха нашей хозяйственной работы на сколько-нибудь значительное время. Она нужна, как предпосылка для нового наступления, возможность которого должна и может быть сейчас подготовлена.

2. Экономическая природа бестоварья.

Основным фактом сегодняшнего дня является промышленное бестоварье. Факту этому обыкновенно дается следующее об'яснение. Коренная причина бестоварья—в заметной диспропорции между сравнительно быстрым под'емом сельского хозяйства и замедленным развертыванием промышленности. В этом видят коренной порок нашего развития.

Присматриваясь к действительности, нельзя, однако, не заметить некоторых фактов, которые кажутся малопонятными с точки зрения такого об'яснения. Эти факты заключаются в том, что наши заготовители хлеба, мяса и сельско-хозяйственного сырья сталкиваются по ряду товаров с явным недостатком крестьянского предложения.

А между тем по указанному об'яснению корень бестоварья лежит в слишком быстром, по сравнению с промышленностью, развитии сельского хозяйства. Откуда же тогда эта недостаточность крестьянского предложения?

Казалось бы, что при форсированном развитии сельского хозяйства предложение сельско-хозяйственных продуктов должно заметно превышать спрос на них. Диспропорциональность должна была бы получить свое выражение прежде всего в недостатке рынка сбыта для сельско-хозяйственной продукции, в превышении предложения над спросом и в падении с.-х. цен, но никак не в недостатке сельско-хозяйственного предложения. Между тем на деле мы имеем обратное явление: значительному росту крестьянской продукции соответствует явный недостаток крестьянского предложения и явная невозможность удовлетворить многоемкий рыночный спрос,

который, несмотря на возросшую сельско-хозяйственную продукцию, остается не насыщенным.

В нашем нынешнем положении можно констатировать несколько отдельных диспропорций. Для нас важно, однако, установить, какая из них доминирует. Большинство считает основным несоответствие между продукцией промышленности и товарными излишками сельского хозяйства. Такое несоответствие бесспорно имеет место. Тем не менее не оно накладывает отпечаток на экономическое положение сегодняшнего дня. Важнее, нежели оно, другое несоответствие, заключающееся в том, что наше промышленное предложение недостаточно не только для того, чтобы скомпенсировать всю массу товарной продукции сельского хозяйства, но оно недостаточно даже для того только, чтобы покрыть собой часть товарных излишков крестьянского хозяйства, именно ту часть ее, которая должна быть извлечена для удовлетворения промышленного и экспортного спроса. Нам не удается разрешить даже эту сравнительно более скромную задачу.

В центре стоит не невозможность разместить крестьянское предложение, а невозможность удовлетворить спрос промышленности и экспорта на крестьянскую продукцию. Если в 1923 году над всем доминировал кризис неосуществимого сбыта крестьянской продукции, то в 1925 году мы имеем кризис неудовлетворенного спроса на ту же продукцию, хотя последний и не выходит за пределы наличных у крестьянства товарных излишков. В этом своеобразие положения 1925 года в отличие от 1923 года. Наша промышленность и наш импорт оказываются недостаточными для того, чтобы скомпенсировать хотя бы только ту часть крестьянской продукции, на которую они же пред'являют спрос. Они своим товарным предложением не могут оплатить своего собственного товарного спроса. В этом основная характеристика положения.

Если бы положение в чистой форме характеризовалось тем, что сельское хозяйство растет скорее, нежели промышленность (и промышленный импорт), то мы имели бы не то положение, с которым сталкиваемся сейчас. В этих условиях промышленное предложение (плюс предложение импортных товаров) было бы, правда, недостаточно по сравнению с крестьянской продукцией, но одновременно и промышленный и экспортный спрос на сельско-хозяйственную продукцию были бы по сравнению с нею весьма слабы. При слабом развитии внутренней промышленности и внешней торговли слабыми должны были бы быть и промышленное предложение и промышленный спрос.

В этих условиях трагизм положения был бы на стороне крестьянства, не находящего рынка для своих товарных излишков. Именно крестьянство должно было бы в таком случае чувствовать себя экономически зависимым, но не промышленность и экспорт. Недостаточность промышленного и импортного предложения сама по себе при отсутствии значительного спроса со стороны промышленности и внешней торговли не могла бы создать для них зависимого положения.

Между тем, на деле роли распределяются совершенно иначе. Именно экспорт и промышленность попали в зависимость от сельского хозяйства. И если это так, то произошло это только потому, что их спрос на крестьянскую продукцию быстро подымается, что он растет скорее, нежели крестьянское предложение, которое они в состоянии простимулировать.

Проблема заключается не в несоответствии роста сельского хозяйства и промышленности, взятом в такой общей формулировке, а в несоответствии промышленного и экспортного спроса промышленному и импортному предложению.

Основная причина наших сегодняшних затруднений и, в частности, корень бестоварья, которое мы переживаем, заключается не в том, что промышленность недостаточно быстро развертывается (за счет внутренних рессурсов) и поэтому отстала от сельского хозяйства, а в том, что она развертывается (и прежде всего со стороны своего спроса) слишком быстро, а внешняя торговля развивается слишком медленно.

Именно форсированное развертывание промышленности сказывается в том несоответствии промышленного спроса промышленному предложению, о котором идет речь.

В самом деле, чем об'ясняется недостаточность промышленного предложения (в частности крестьянскому хозяйству) по сравнению с промышленным спросом (в частности на продукцию крестьянского хозяйства)?

Очевидно, тем, что промышленность выбрасывает меньше товаров, чем сама потребляет. Это не значит, что промышленность проедает (как это было, примерно, до 1922 года) вводимые в производственный процесс ценности, что производительность труда недопустимо низка, в результате чего продукция не покрывает издержек производства. Причину надо искать в непомерно форсированном накоплении основных капиталов. Мы вкладываем сейчас в основные и оборотные капиталы промышленности колоссальные массы товарных ценностей, измеряемые миллиардом рублей. Мы ведем это вложение не только за счет собственных рессурсов промышленности, но и за счет перекачки рессурсов из других сфер народного хозяйства. Но каковы бы ни были сейчас источники усиленного развертывания капитала промышленности, при форсированном образовании основного капитала, промышленность неизбежно берет из оборота больше, чем непосредственно (на первых шагах) сама дает. Это не означает, что она ведет сейчас хищническое хозяйство, а только то, что мы форсируем процесс развертывания основных капиталов.

Здесь корень несоответствия между ростом промышленного спроса и замедленным развитием промышленного предложения, которое создает всю ту сумму растущих затруднений, о которых шла речь вначале.

3. О «равномерности» развития сельского хозяйства и промышленности.

Ключ к пониманию экономических затруднений, которые мы переживаем, пытаются найти в неравномерности развития сельского хозяйства и промышленности. При этом исходят из того, что равномерность развития сельского хозяйства и промышленности сейчас возможна и желательна, что к ней надо стремиться как к непосредственной задаче, ибо равномерное развитие сельского хозяйства и промышленности представляет наиболее целесообразный тип нашего ближайшего экономического развития.

Такое утверждение ошибочно.

Для развития каждой сферы народного хозяйства существует ряд пределов. Одним из них является наличие рабочей силы, в частности квалифицированной. Другим — наличие необходимых для данного производства натуральных производственных элементов. Третьим—возможность того темпа капиталонакопления, которого требует органический состав капитала в данной отрасли. Четвертым—наличие рынка сбыта.

Эти условия складываются неодинаково для различных разветвлений народного хозяйства. Из того факта, что для одной из отраслей имеются налицо в необходимом сочетании все условия для широкого развития, нельзя делать того вывода, что эти условия в столь же удачном сочетании имеются и для всех остальных отраслей.

Процесс воспроизводства рабочей силы в сельском хозяйстве и в тех отраслях промышленности, которые требуют высоко квалифицированных рабочих, идет далеко не одинаковым темпом. Для ряда отраслей промышленности сырьевая проблема (хлопок, шерсть, каучук) складывается неблагоприятно. Точно так же резко различны (и это главное) требования отдельных отраслей народного хозяйства в смысле необходимых размеров авансированного основного капитала. Если одна сфера народного хозяйства может широко развиваться, ибо она базируется на сравнительно небольших основных капиталах, то другая, где органическая структура капитала значительно менее благоприятна, без серьезного добавления рессурсов из других сфер не сможет достигнуть того темпа развития, который получило первое разветвление. Точно так же и рынок сбыта складывается неодинаково для разных отраслей.

Отсюда неизбежность того различия в росте отдельных отраслей народного хозяйства, которое констатируется всюду и везде.

Переходя к конкретным условиям нашей действительности, надо сказать, что наше сельское хозяйство имеет почти все условия для быстрого роста. Емкость мирового рынка для нашей сельско-хозяйственной продукции по всей видимости еще велика. Наличие подготовленной рабочей силы здесь больше, чем в какой-либо другой отрасли. Соотношение постоянного и переменного капиталов в сельском хозяйстве в восемь раз более благоприятно, чем в крупной промышленности. Сельское хозяйство требует несравненно меньшего вложения основного капитала на единицу продукции. В условиях слабого капиталонакопления наш ближайший хозяйственный под'ем пойдет поэтому главным образом за счет под'ема сельского хозяйства.

В иные условия поставлена промышленность. Рынок сбыта промышленной продукции (в условиях под'ема нашего сельского хозяйства), правда, достаточно обеспечен. Тем не менее, развитие нашей промышленности не сможет пойти в том темпе, в каком пойдет развитие сельского хозяйства. Главнейшая причина этого в том, что требования промышленности в смысле предварительного капиталонакопления (в частности образования

фонда основного капитала) совершенно иные, нежели в сельском хозяйстве. Развитие промышленности будет в наших условиях уже по одному этому более замедленным, нежели развитие сельского хозяйства. Кроме того, промышленность поставлена в менее благоприятные условия и в отношении притока квалифицированной рабочей силы, а для отдельных отраслей—в менее благоприятные условия и в отношении сырьевого снабжения. Совершенно ошибочно поэтому предположение, что наша промышленность может в ближайшее время развиваться в ногу с сельским хозяйством. На самом деле задача эта неразрешима, по крайней мере неразрешима без широкого импорта капиталов или насильственно-резкой задержки в развитии сельского хозяйства.

В наших рядах нет разногласия насчет того, что диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью будет в ближайший период усиливаться. Тов. Рыков в своем отчете ЦК на XIV московской губпартконференции говорил: «В дальнейшем, при вложении даже не очень больших средств в сельское хозяйство, последнее будет все в больших размерах и скорее выбрасывать продукты на рынок, нежели это сможет сделать промышленность». В этом смысле на XIV с'езде партии высказывался и т. Сталин: «Так как недостаток капиталов,—говорил он,—у нас значительный, то в дальнейшем развитие нашей промышленности будет итти, по всей вероятности, не таким быстрым темпом, каким оно шло до сих пор. Не так обстоит дело с сельским хозяйством. Нельзя сказать, что все возможности, таящиеся в сельском хозяйстве, уже исчерпаны. Сельское хозяйство, в отличие от промышленности, может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе. Даже простое поднятие культурности крестьянина, грамотности, даже такое простое дело, как очистка семян, могли бы на 10—15 проц. поднять валовую продукцию сельского хозяйства. Сосчитайте-ка, что это означает для всей страны. Вот какие возможности еще таятся в земледелии. Вот почему дальнейшее развитие земледелия не встречает пока что таких технических затруднений, какие встречает наша промышленность. Поэтому несоответствие баланса промышленности к балансу сельского хозяйства в будущем, в первые несколько лет, будет еще расти».

Именно таким будет соотношение между сельским хозяйством и промышленностью в ближайший период. Несколько позже это соотношение претерпит коренные изменения. Мы пройдем через период, когда промышленность и сельское хозяйство будут развиваться более или менее равномерно, а еще позже войдем в полосу, когда промышленность будет развиваться скорее сельского хозяйства. Таковы фазы, через которые прошло большинство передовых стран.

Ставить вопрос о соотношении сельского хозяйства и промышленности вне исторической перспективы, вне анализа конкретного внутреннего и мирового экономического положения, абсолютно недопустимо. Исходить здесь из абстрактной и априорной мысли о какой-то предустановленной гармонии и равномерности, значит подходить к вопросу с точки зрения схемы, не имеющей корней в экономической действительности.

Когда мы констатируем несоответствие между развитием сельско-хозяйственной продукции и предложением промышленных товаров, мы решаем этот вопрос обыкновенно исключительно в рамках двух звеньев, какими являются наше сельское хозяйство и наша промышленность. Такой подход неверен, так как есть еще и третье звено—внешняя торговля. Когда мы разрешаем проблему равновесия сельско-хозяйственной продукции и промышленного предложения, необходимо учитывать все три элемента. Равновесие между сельско-хозяйственной продукцией и предложением промышленных товаров, равновесие, которого сейчас нет, может быть в течение ближайшего же времени создано, но только на основе комбинации нашего сельского хозяйства, с одной стороны, и промышленности и внешней торговли, с другой. Специфическая ошибка сегодняшнего дня заключается в том, что мы (несмотря на большое внимание, уделяемое внешней торговле) все же ищем решения вопроса в пределах двух звеньев—нашего сельского хозяйства и нашей промышленности и тем создаем товарный голод. Между тем, разрешение настоящей проблемы для ближайших лет лежит в заметной мере во внешней торговле.

Тов. Рыков говорил в своем докладе на московской губпартконференции следующее: «Сельское хозяйство... будет все в больших размерах и скорее выбрасывать продукты на рынок, нежели это сможет сделать промышленность. Отсюда та роль, которая выпадает на долю внешней торговли. Проблема экономической смычки между городом и деревней теперь уже не может быть взята изолированно от внешней торговли. Последняя вклинивается сюда в качестве важнейшего элемента. Существующая диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью находит во внешней торговле своего рода клапан, с помощью которого возможна организация нормального оборота между городом и деревней».

Не надо забывать, что товарный голод создается не в качестве прямого и неизбежного результата диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью. Разве С.-А. Соед. Штаты в прошлом столетии или Канада и Австралия, где сельское хозяйство росло скорее, нежели промышленность, испытывали товарный голод? Избыток с.-х. продукции и нехватка промышленной продукции ликвидировалась в них через механизм внешней торговли. Не диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью сама по себе создает товарный голод, а определенный метод ликвидации этой диспропорции. Именно тот метод, когда основным средством преодоления ее намечается не определенное построение внешней торговли (плюс выдержанное развитие промышленности), а одно лишь форсированное развертывание основных капиталов собственной промышленности.

В противовес распространенному представлению о возможности равномерного развития промышленности и сельского хозяйства, необходимо легализовать в партийном сознании обратное представление: невозможность на ближайшие годы такой гармоничности и тщетность на ближайший период усилий догнать с нашей промышленностью сельское хозяйство.

4. Преодоление товарного голода есть предварительное условие расширения основных капиталов.

Какие из предыдущего вытекают выводы и какая в связи со всем этим должна быть намечена программа экономических мероприятий.

Из сказанного следует, что 1) должен быть замедлен процесс инвестирования в основные капиталы и 2) в той мере, в какой это инвестирование может производиться, необходимо изменить внутреннюю пропорцию, в которой мы развиваем отдельные отрасли хозяйства, а внутри промышленности—отдельные отрасли промышленности.

Эта директива должна стать руководящей в нашей экономической работе на ближайшие несколько лет.

Необходимо, однако, конкретизировать ее, указав: 1) критерии, которых следует держаться при определении об'ема допустимого расширения основных капиталов и 2) последовательность введения отдельных отраслей в расширенную работу.

Сначала о первом. Основным критерием, определяющим об'ем допустимого расширения основных капиталов и указующим максимальный предел вложения, является наличие товарных запасов, созданных предшествующей хозяйственной работой (или импортированных на основе кредита). Если для нормальной производственной работы необходим в качестве оборотного товарного капитала, скажем, месячный запас товаров и если фактические запасы не превышают этой месячной нормы, то *расширение основных капиталов не может иметь место.* Лишь по мере образования, скажем, шестинедельного или двухмесячного запаса, вложение в основные капиталы может достигнуть размеров, соответствующих избытку товарных запасов над указанной месячной нормой оборотного запаса.

Поэтому *предпосылкой* бескризисного расширения основных капиталов является некоторое *предварительное* насыщение рынка, как сельско-хозяйственными, так и промышленными товарами. Только на этой основе производимые в пользу промышленности, транспорта и сельского хозяйства бюджетные ассигнования, усиление банковского кредитования, организация займа хозяйственного восстановления смогут создать *не только платежеспособный спрос, но и реальные (товарные) возможности для инвестирования в основные капиталы.* Только на этой основе инвестирование сможет быть на деле и притом бескризисно осуществлено. Ибо только в этих условиях налицо будут те запасы, благодаря которым станет возможной безболезненная иммобилизация товарных масс в основные капиталы.

Вложение в основные капиталы на первых порах сокращает товарное предложение. Не всякое сокращение товарного предложения создает, однако, товарный голод. Его не бывает, если наличные товарные запасы больше того сокращения их, которое будет создано расширением основных капиталов.

Со временем вложенный в промышленность капитал начинает функционировать и давать растущую промышленную продукцию. Трудность заключается в том, чтобы быть в состоянии *выждать до этого момента, притом выждать так, чтобы сокращение товарного предложения не создало товарного голода* [1]). Последнее возможно только тогда, когда товарные запасы настолько значительны, что некоторое временное сокращение их не в состоянии сразу же создать бестоварья. Предлагаемый курс и должен создать эти условия—насытив рынок сельско-хозяйственными и промышленными товарами.

В этой связи становится понятным то существенное различие, которое имеется между нами и Западом в этом пункте. *Интенсивное вложение в основные капиталы на Западе создает обыкновенно кризис промышленного перепроизводства; у нас же оно создало острый товарный голод.* В чем причина этого разительного различия? Она заключается в том, что более богатые западные государства ведут инвестирование на основе накопленных ранее значительных товарных запасов. А эти последние позволяют им это инвестирование производить так, что сокращение товарной массы еще не создает товарного голода и остается на все время иммобилизации незаметным. Оно позволяет, следовательно, спокойно, без кризиса бестоварья выждать результатов развертывания промышленности. А когда промышленность начинает давать свою увеличенную продукцию, то страны, сумевшие (благодаря значительности запасов) бескризисно пережить период сокращения, по этой же причине попадают в кризис перепроизводства. В условиях же недостаточности товарных запасов вложение в основные капиталы на первых порах становится, наоборот, источником острого кризиса бестоварья и может дать некоторое облегчение только позже. Отсюда указанное различие между нами и Западом.

Поэтому, если благодаря задержке инвестирования и усилению внешней торговли мы образуем некоторые товарные запасы, то тем самым *создадутся условия для менее кризисного и более энергичного развертывания основных капиталов в дальнейшем.* Именно таков будет конечный результат намечаемой экономической программы.

5. Схема нашего развития под углом зрения чистой экономики.

Так решается вопрос об общем размере инвестирования. Но на ряду с этим должен быть разрешен еще и вопрос о том, в каких отраслях, в какой мере и в какой последовательности следует вести это расширение основного капитала.

Рассмотрим вопрос этот сначала на основе *односторонне-*экономических соображений, вне зависимости от политических моментов, связанных с тем, что мы ведем наше строительство в капиталистическом окружении.

Критерии, решающие этот вопрос, могут быть намечены лишь в самом схематическом виде.

Исходя из того, что в наших условиях сельское хозяйство, как правило, требует меньших капиталов, чем промышленность, предпочтение следовало бы отдать прежде всего сельскому хо-

1) Вопрос стоит сложнее, если в стране сельское хозяйство *длительно* растет скорее, нежели промышленность, и если пытаются расширением основных капиталов промышленности сгладить это расхождение в темпе. В этом случае промышленность позже с некоторым избытком, правда, возвращает вложенное, но так как одновременно сельское хозяйство растет еще скорее, то выравнивание и в этот следующий момент не достигается. Но дело в том, что это выравнивание вообще отнюдь не обязательно.

зяйству. Развитие сельского хозяйства, в полную меру того, что может поглотить мировой рынок, должно было бы стать основной директивой. *Возможность под'ема народного хозяйства за счет сельско-хозяйственного экспорта, т.-е. возможность максимально дешевого под'ема народного хозяйства, есть величайший плюс для нашей экономики. Он должен был бы быть использован поэтому в максимальной мере.*

Но и с точки зрения односторонне-экономических соображений линия эта может быть взята лишь в той мере, в какой для нашей сельско-хозяйственной продукции обеспечен мировой рынок. Нельзя считать, что для всех отраслей нашего сельского хозяйства такой рынок имеется налицо в неограниченном размере. Поэтому, как только мы подходим к пределу емкости мирового рынка, дальнейшее (безотносительно к прочим условиям) вложение капиталов в сельское хозяйство, очевидно, становится нерациональным. Несмотря на то, что размер капитальных вложений в сельском хозяйстве относительно меньше, чем в промышленности, в этот момент это преимущество сельского хозяйства утрачивает свое значение, поскольку для возросшей продукции крестьянского хозяйства не находится рынка.

В отношении ряда отраслей сельского хозяйства экспорт, кроме того, возможен лишь на основе предварительной промышленной переработки. Сюда относятся свекла (сахарная промышленность), картофель (спиртовая промышленность), частично—плодоводство и огородничество (консервная промышленность), животноводство (беконные фабрики и холодильники) и т. д. Там, где экспорт сельско-хозяйственного продовольствия или сырья в чистом виде наталкивается на предел, но где возможен экспорт их в переработанном виде, развитие соответственных отраслей промышленности становится прямым условием с.-х. экспорта.

Но и сверх того развитие сельского хозяйства может упереться в ограниченную емкость мирового рынка. В этих условиях развитие сельского хозяйства не сможет продолжаться, если одновременно не будут развиваться отрасли промышленности, которые хотя и не экспортируют, но, работая на сельско-хозяйственном сырье, расширяют для сельского хозяйства внутренний рынок и, следовательно, обеспечивают возможность дальнейшего вложения капиталов в сельское хозяйство. В этих условиях развитие указанных отраслей промышленности является необходимой и решающей предпосылкой дальнейшего развития сельского хозяйства, а следовательно, и всего народного хозяйства.

То же значение могут позже получить и те отрасли промышленности, которые, хотя и не работают на сельско-хозяйственном сырье, но создают внутренний рынок для продовольственных продуктов сельского хозяйства (зерновых и животноводственных).

С переходом в эти последние стадии цена нашего экономического прогресса значительно возрастет. Хотя само по себе сельское хозяйство и здесь требует сравнительно меньших вложений капиталов, но так как на этой ступени его нельзя уже подымать, не подымая одновременно и промышленности (требующей значительно больших капитальных вложений), то по совокупности стоимость развертывания народного хозяйства становится много

большей, чем прежде. Она предполагает теперь значительно большее предварительное капиталонакопление, чем на предыдущих ступенях.

Но если в нынешних условиях, пока емкость мирового рынка для с.-х. продукции не исчерпана, мы можем подымать народное хозяйство (в части сельского хозяйства), не подымая в такой же мере и промышленность, то на новой ступени развитие уже не сможет пойти иначе, чем этим более дорогим путем. Если сейчас у нас есть выбор, то к этому моменту выбора уже не будет и форсирование промышленности станет необходимостью и с чисто экономической точки зрения.

Намечается, таким образом, следующая схема. В той мере, в какой мировой рынок в прямой форме для сельского хозяйства исчерпывается, должен быть открыт мировой рынок через промышленную переработку сельско-хозяйственного сырья. Вслед за хлебом и животноводством должна настать очередь за сахаром, спиртом, текстилем, кожевенной продукцией и т. д. В той мере, в какой и эти возможности исчерпываются, развитие должно пойти, главным образом, за счет промышленности, работающей хотя и на внутренний рынок, но использующей сельско-хозяйственное сырье или же только с.-х. продовольствие. Но одновременно мы должны развертывать и те отрасли промышленности, которые, хотя и не работают на сельско-хозяйственном сырье, но имеют серьезное экспортное значение (нефть, марганец, платина и т. д., резиновая, спичечная, лесная промышленность). В вопросе о развертывании остальных отраслей промышленности (работающих не на сельско-хозяйственном сырье и не для экспорта) решающее значение принадлежит цене внутреннего производства по сравнению с мировой ценой [1]). Мера и очередность развертывания этих последних отраслей определяется, кроме того, количеством капитальных вложений, которых они требуют [2]).

* * *

Намечаемый курс связан с сокращением общей массы инвестируемого основного капитала. Он, кроме того, означает иное,

[1]) Дороговизна продукта внутреннего происхождения сравнительно с ценой импортного продукта не всегда говорит о нерациональности в наших условиях данной отрасли промышленности. Возможны случаи, когда эта дороговизна определяется не малой экономичностью постановки в данном производстве, а дороговизной сырья и полуфабрикатов, которыми оно пользуется. В этих случаях целесообразнее, нежели отказ от развития данного производства, переход на импорт тех производственных элементов его (сырье и полуфабрикаты), которые определяют повышенную стоимость конечного продукта. Но и в тех случаях, когда дороговизна данного производства коренится в нем самом, нельзя еще итти к безусловному отказу от развертывания его. Нередко эта дороговизна является результатом лишь первого периода работы, при чем имеются все основания ждать заметного снижения себестоимости в дальнейшем. В этом случае известный воспитательный протекционизм является безусловно рациональным. Но протекционизм является ничем не оправданным, когда отрасль или предприятие по техническим условиям своим не имеет никаких перспектив подойти к мировой цене. Вкладывание основных капиталов в предприятия, ни при каких условиях не обещающие необходимого снижения цен, является недопустимым. Известный корректив здесь возможен только в интересах обороны.

[2]) В связи с упреками, которые делались автору, что промышленность совершенно выпала из поля его зрения, считаю полезным указать, что приведенная часть этой главы почти дословно воспроизводит один из тезисов *той самой* записки в ЦК ВКП (б), часть которой в свое время была опубликована в «Экономической Жизни» и в «Финансовой Газете».

чем сейчас, распределение инвестируемого капитала между отдельными отраслями народного хозяйства и в частности промышленности. Следует ли в связи с этим ждать, что создадутся еще большие затруднения с предложением промышленных товаров? Такие опасения неосновательны. На самом деле произойдет *не сокращение, а увеличение его. Именно некоторая придержка в темпе промышленного развития должна создать более обильное промышленное предложение*. Это может показаться парадоксальным, но это тем не менее так.

Сокращенное инвестирование в промышленность означает сокращение внутреннего производственного потребления промышленностью и высвобождает рессурсы для экспорта. На базе расширенного экспорта импорт развернется значительно шире, нежели сейчас. На основе авансирования тех же рессурсов, которые предполагалось вложить во внутреннее производство, импорт даст значительно большее товарное предложение. Результат этот обусловливается тем, что одна и та же единица экспортного товара покупает внутри страны значительно меньше, чем за границей. Кроме того, экспортная выручка, усиленная заграничными (как экспортными, так и импортными) кредитами, дает дополнительное увеличение поступающей товарной массы, усиливая предложение. К обоим моментам следует присоединить сократившуюся иммобилизацию товаров в основные капиталы, значительно понижающую спрос на промтовары. Ясно поэтому, в какой мере отказ от форсированного развертывания основных капиталов промышленности должен на первых порах усилить промышленное предложение, а не ослабить его.

* * *

Но что обещает такой тип развития не в смысле общего роста промышленного предложения (хотя бы и за счет импорта), а в смысле развития нашей *собственной* индустрии? Означает ли он отказ от широкого развертывания нашей промышленности?

Такое понимание было бы величайшей ошибкой. Ибо *максимальные промышленные перспективы открывает только этот тип развития*. Только он (если оставить в стороне приток иностранного капитала) может обеспечить *максимум* доступного нам индустриального развития.

Почему, однако, это так? Откуда такое утверждение? Как можно об'яснить себе такой парадоксальный результат политики неформирования промышленного развития?

Наша промышленность будет в ближайший период расти за счет двух источников: 1) собственного, внутри-промышленного накопления и 2) перекачки рессурсов из других сфер народного хозяйства (из сельского хозяйства) [1]. А поскольку раз-

[1] Некоторые оппоненты утверждали, что я отрицаю необходимость перекачки рессурсов из других сфер народного хозяйства в промышленность. Это несомненная ошибка. Я говорил лишь о том, что в третьей фазе нашего развития, когда удельный вес нашей промышленности будет больше удельного веса сельского хозяйства и когда промышленность наша будет расти скорее, нежели сельское хозяйство, в этот период она будет развиваться за счет собственного накопления, а не за счет перекачки. Все это относилось именно к третьей фазе нашего развития, когда «сравнительный с промышленностью темп развития сельского хозяйства будет постепенно падать, между тем как перспективы промышленного развития будут все время улучшаться»,—а не к нынешней фазе.

витие пойдет двумя этими путями, мы столкнемся с сложным переплетом воздействий. Проанализируем этот момент.

Развитие промышленности, скажем, нынешнего года идет за счет внутри-промышленного накопления прошлого года и за счет перекачки рессурсов из других сфер. Но после того, как перекачка эта совершилась и рессурсы эти ассимилированы промышленностью, они—одинаково с прочими средствами—входят в производственную работу промышленности и становятся источником—теперь уже *внутри*-промышленного накопления (следующих лет). Если до момента перекачки средства, привлеченные со стороны, являются *внешними* рессурсами, то после того, как они в промышленность уже вложены, они в дальнейшем фигурируют как источник (последующего) *внутри*-промышленного накопления.

Сокращение перекачки из сельского хозяйства должно поэтому на первых порах сказаться двойным замедлением развития промышленности: один раз прямо и непосредственно—за счет снизившегося прилива средств со стороны, а другой раз косвенно—за счет снижения дальнейшего внутри-промышленного накопления (в результате сниженной перекачки). Ибо задержка промышленного развития (на основе замедленной перекачки из других сфер) сужает базу промышленной работы, а тем самым и размер внутри-промышленного накопления в ней. Чем медленнее будет промышленность впитывать рессурсы со стороны, тем уже будет база ее внутреннего накопления в каждый последующий год и тем замедленнее пойдет развитие ее и за счет внутреннего накопления.

Здесь обнаруживается, следовательно, в ясном виде отрицательное влияние замедленной перекачки. Как же в таком случае может последняя стать *фактором расширенного развития промышленности*? Вопрос, повидимому, совершенно законный.

Возможность такого влияния дана тем, что на ряду с указанным процессом в народном хозяйстве будет происходить и другой, имеющий обратное значение. Притом этому другому процессу будет принадлежать перевес. Какой же это процесс?

Вложение капиталов в сельское хозяйство в наших условиях более рентабельно, чем вложение в промышленность. Органическая структура капитала в сельском хозяйстве значительно ниже, трудоемкость сельского хозяйства значительно больше. Одна и та же единица капитала в сельском хозяйстве приводит в движение в восемь раз большие массы труда, чем в промышленности; а при той же норме эксплоатации труда та же единица капитала дает в сельском хозяйстве значительно большее накопление, нежели в промышленности. Кроме того, уровень потребления в сельском хозяйстве ниже, чем в промышленности, а это дополнительно усиливает накопительный эффект вложенного в сельское хозяйство капитала.

Если накопление в промышленности в среднем расценивать, скажем, в 6% в год, то накопление в сельском хозяйстве можно исчислять в значительно большей цифре, скажем, в 15%. Какой отсюда вытекает вывод? Очевидно, если бы какие-нибудь 100 единиц рессурсов были в нынешнем году перекачены из сель-

ского хозяйства в промышленность, то они в следующем году в промышленности составили бы уже 106 дополнительных единиц, в третьем году 112,3, а в четвертом году 119,1 дополнительных единиц. Но если бы эти первоначальные 100 единиц были оставлены в сельском хозяйстве, то они здесь дали бы в следующем году 115,0 единиц дополнительных ресурсов, в третьем году—132,2, а в четвертом году—152,0. Если бы перекачка этих средств из сельского хозяйства в промышленность была произведена в первом году, то рессурсы промышленности возросли бы к началу пятого года на 119,1 единиц. Но если бы эта перекачка произошла бы не в первом году, а к началу пятого года, то рессурсы промышленности за счет тех же 100 единиц возросли бы на 152,0 единицы. Очевидно, что проводя рессурсы, предполагаемые для перекачки в промышленность, спачала через сельское хозяйство, мы даем им возможность сказаться на промышленном развитии большим под'емом, чем если их вливаем немедленно и прямо в промышленность.

Какой отсюда можно сделать вывод? Очевидно, что снижая относительную долю с.-х. прибавочного продукта, перекачиваемого сейчас из сельского хозяйства в промышленность, мы в первые годы тем самым снижаем и абсолютные размеры наших вливаний в промышленность. Но позже, благодаря значительно большей всхожести сельско-хозяйственных вложений—понижение относительной доли переливаний может дать в абсолютных цифрах большие массы впрыскиваемого в промышленность. Благодаря большей продуктивности вложений капитала в сельском хозяйстве, всхожесть этих рессурсов в нем больше, чем в промышленности. И в результате относительно пониженная доля с.-х. прибавочного продукта, перекачиваемая в промышленность, с годами начнет составлять абсолютно большие товарные массы.

Некоторая придержка перекачки в промышленность, таким образом, в дальнейшем не только возместит первоначальную задержку (как по линии перекачки, так и по линии внутрипромышленного накопления), но в итоге даст значительный перевес положительным влияниям над отрицательными. То, что мы потеряем в темпе промышленного развития в первые годы, то будет с лихвой возмещено в последующие. Ибо в итоге абсолютный рост промышленности будет больше, нежели при том типе развития, который базируется на немедленной и максимально форсированной перекачке.

Правда, при нашем варианте, относительный рост промышленности (по сравнению с ростом сельского хозяйства) будет все же меньшим. Но не потому, что промышленность будет развиваться медленнее, чем при другом типе (наоборот, она будет развиваться скорее), а потому, что при нем сельское хозяйство будет развиваться еще быстрее.

При этом типе развития диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством будет заметнее, чем при другом. Ибо, хотя оба (и промышленность и сельское хозяйство) будут расти быстрее, чем при первом типе, но сельское хозяйство будет здесь расти скорее, чем промышленность.

Оба выиграют при этой схеме развития. Общий уровень народного хозяйства заметно подымется. В том числе и промышленность, которая будет расти скорее, чем при другом типе. Она будет расти скорее потому, что при нашем варианте резервуар сельско-хозяйственных рессурсов будет скорее расширяться и промышленность сможет из этого резервуара черпать для себя большие массы средств.

Вот почему можно утверждать, что при намечаемой нами схеме не только народное хозяйство будет развиваться полнее и не только сельское хозяйство взойдет при ней пышнее, но и максимальные промышленные перспективы открывает только этот тип развития. Именно он наиболее полно выражает тот курс на индустриализацию, который прокламировал XIV с'езд партии.

6. Международно-политические коррективы.

Так разрешается вопрос, если строить схему развития в терминах чистого экономизма.

Но такого рода односторонне экономический подход мог бы получить безоговорочное признание только при условии, если бы мы находились не в капиталистическом, а в социалистическом окружении, или если бы нам был обеспечен длительный период «нормального» экономического «сотрудничества» с капиталистическим миром.

Если бы последнее было обеспечено и если бы защищаемый тип развития не грозил ослабить социалистические элементы в нашем внутреннем строительстве, то вопрос мог бы быть исчерпан предыдущим изложением. Но для страны, строящей социализм, указанные два момента имеют, надо думать, решающее значение. Необходимо поэтому на них несколько остановиться.

Сначала о влиянии капиталистического окружения на выбор типа нашего развития.

Надо ли говорить, что мы не можем считать наше экономическое «сотрудничество» с капиталистическим миром обеспеченным длительно? Низвержение нас—притом низвержение manu militari—неотступно подготовляется нашим окружением. Есть много оснований ждать, что рано или поздно такая попытка снова будет сделана. Поэтому в нашем строительстве мы обязаны исходить из перспективы предстоящего рано или поздно разрыва и военных столкновений. Наши экономические планы должны, поэтому, ориентироваться на такой тип развития, который к моменту такого столкновения в максимальной мере обеспечил бы нашу экономическую и военную обороноспособность.

Совершенно очевидно, что существеннейшим элементом такой (экономической и военной) обороноспособности является развитие нашей промышленности. Необходимо поэтому задаться вопросом, какие коррективы в намеченную выше схему вносит такая международно-политическая обстановка. Корректив этот в основном сводится к тому, что конкретные планы нашего экономического развития должны быть поставлены в прямую зависимость от нашей оценки международного положения. Если мы считаем, что нам предстоит, примерно, 10 лет «нормального сотрудничества» с капиталистическим окружением, то мы могли

бы остановиться на таком типе развития, который обеспечил бы нам максимально возможное развитие промышленности через 10 лет, допуская замедленный рост ее в течение ближайших, скажем, пяти лет, если только такое замедление обещает нам в дальнейшем решительный промышленный реванш. Мы могли бы тогда в течение этих ближайших лет форсировать сельское хозяйство, сведя к минимуму перекачку из него в промышленность, с тем, чтобы на основе этого поднять сельское хозяйство столь пышно, чтобы, черпая из этого широко разросшегося резервуара, в течение последних пяти лет не только возместить то, что было в первое пятилетие потеряно в темпе промышленного развития, но и с лихвой обогнать упущенные возможности. Такой план, однако, целиком базировался бы на предположении, что нам обеспечены 10 лет мирного сотрудничества. Если бы такая гарантия существовала, мы на самом деле ничем не рисковали бы, если бы на первых порах наша экономическая и военная обороноспособность была несколько ослаблена, но зато на этих дрожжах заметно взошла наша промышленность и укрепилась обороноспособность к концу десятилетия.

На совершенно другом типе экономического развития мы должны были бы остановиться, если бы нам предстояли не 10 лет мирного развития, а каких-либо 1—2 года. В этом случае, мы должны были бы взять линию развития, которая дала бы максимально возможный эффект промышленного развития уже в ближайшие 1—2 года, хотя бы ценой придержки развития сельского хозяйства и хотя бы этот тип, будучи продолжен на целое десятилетие, дал меньший общеэкономический и специально-промышленный эффект, чем первый. Это совершенно понятно. Точно так же, если бы нам предстоял период мирного сотрудничества в 4—5 лет, тип экономического развития должен был бы быть взят средний между обоими указанными крайностями.

Очевидно, *тип нашего экономического развития есть функция срока нашего мирного «сотрудничества» с Западом.*

Относительно этих сроков никто не может быть уверен. И тем не менее во всей нашей работе и коминтерновской, и дипломатической, и экономической, мы на какие-то сроки сознательно или безсознательно ориентируемся. Если говорить о конкретных перспективах, на которые мы в той или другой форме делаем сейчас свою установку, то думается, что это, примерно, 4—5 лет.

Резолюция XIV партс'езда констатирует, что в области международных отношений, несмотря на то, что противоречия между нами и капиталистическими государствами не ослабляются, а возрастают, «*налицо закрепление и расширение передышки, превратившейся в целый период, так называемого, мирного сожительства СССР с капиталистическими государствами*». Думается, что сейчас было бы невозможно расценивать этот «период» на срок больший, чем 4—5 лет. Весьма возможно, наоборот, сокращение его. Но в общем и целом такой срок вырисовывается сейчас, как более или менее вероятный. А если так, то тип нашего развития должен быть рассчитан таким образом, чтобы мы достигли максимальной экономической и военной обороноспособности около этого времени, *хотя бы ценою того, что в течение ближайшего года или двух мы будем к этому итти кружными путями.*

Нам важно быть максимально сильными к моменту вероятного столкновения. И если перед нами стоит выбор: готовиться ли нам так, чтобы в *каждую* ближайшую минуту дать максимум гарантий, хотя бы ценою того, что к моменту действительного столкновения мы будем слабее, чем при другом типе развития, или нам готовиться и расти таким образом, чтобы наша обороноспособность в решающий момент столкновения была максимально обеспечена (хотя бы ценою того, что в более спокойные ближайший год—другой, мы сконцентрируем наши средства в таких точках работы, которые в большей мере обеспечивают наше будущее, чем наше настоящее), то остановиться мы должны не на первом, а на втором типе.

Очевидно, что если мы считаем, что уже завтра, в 1926 г. мы должны иметь максимальное развитие промышленности, то мы изберем другой тип развития и другое соотношение между промышленностью и сельским хозяйством, чем тогда, когда мы считаем, что имеем в своем распоряжении 4—5 лет передышки.

Если мы сегодня ориентируемся на срок в 4—5 лет, то это, конечно, не значит, что мы не будем с величайшей зоркостью следить за международной обстановкой. Если в будущем году обстановка сложится таким образом, что срок этот окажется более близким, чем мы это предполагали, мы должны будем энергично и быстро перегруппироваться, чтобы встретить столкновение, разыгравшееся ранее ожидавшегося, более вооруженными. Но с другой стороны, если по истечении, скажем, 3-х лет выяснится, что период мирного сотрудничества удлиняется, скажем, на каких-нибудь новых 4—5 лет, то мы опять пересмотрим тип нашего развития с тем, чтобы в большей мере, нежели сейчас, дать ход сельскому хозяйству, которое, быстро расширяя рессурсы народного хозяйства, позволит в последние годы этого периода вести значительно более энергичную политику развертывания промышленности.

Таким образом, в пределах каждого из сроков нашего «сотрудничества» мы кладем в основу приведенную чисто-экономическую схему. Но конкретные пропорции сельского хозяйства и промышленности, являются функцией того срока сотрудничества, который мы намечаем. Чем длиннее этот срок, тем в более чистой форме может быть принята указанная схема; чем короче этот срок, тем радикальнее те коррективы, которые в эту схему должны быть внесены.

Сейчас мы должны были бы остановиться на таком плане экономического строительства, который обещает нам через 4—5 лет максимально возможное развитие промышленности. Но план этот конкретно должен быть таким, чтобы в течение ближайших 2—3-х лет он дал бы замедленное развитие промышленности по сравнению с тем, что намечает ВСНХ, и стал бы обгонять этот план, примерно, с 1929 года.

Так разрешается затронутый вопрос в свете международно-политического положения, как оно вырисовывается к началу 1926 года.

Нам остается рассмотреть еще только один вопрос: означает ли рекомендуемый тип развития отход от социалистического строительства.

7. Отход от социалистического строительства или усиление его?

В временном отставании промышленности от развития сельского хозяйства была усмотрена неизбежность отказа от социалистического строительства. Можно ли отождествлять одно с другим?

Система социалистических элементов в нашем хозяйстве достаточно сложна. Мы имеем ряд командных высот, являющихся орудием социалистического строительства. Не все они в одинаковой мере являются элементами «последовательно-социалистического типа». Мы имеем здесь нашу крупную промышленность и транспорт, имеем кооперацию и государственную торговлю, имеем монополию внешней торговли, бюджет и кредитную систему.

О монополии внешней торговли и кредитной системе можно говорить только как о технических орудиях социалистического строительства. Людской материал, на который они опираются—непосредственная их аппаратная «социальная база» весьма незначительна и пока далеко не пролетарская. Здесь мы имеем лишь технический аппарат и технические методы государственного регулирования, поставленные на службу социалистического строительства.

В этом отношении промышленность, транспорт и кооперация существенно отличны от первых двух командных высот. Ибо в последних мы имеем не только технические аппараты, но и большие социальные пласты определенной классовой физиономии.

Но и между последними тремя элементами имеются существенные различия. Пролетарскими являются только промышленность и транспорт (последний может быть несколько в меньшей мере, чем первая). Совершенно отличную социальную базу имеет сельская кооперация. Классовой характер последней сам по себе не гарантирует социалистической линии строительства. Только в специфических условиях диктатуры пролетариата она постепенно получает это значение.

Наиболее полным выразителем социалистического строительства является, таким образом, только наша государственная промышленность. Технические же функции строительства социализма осуществляются всей системой названных элементов.

Такова общая расстановка. А теперь перейдем к нашему вопросу. Если бы мы стояли перед перспективой длительного и неуклонного снижения роли государственной промышленности, то совершенно очевидно, что система нашей экономики имела бы много шансов с годами переродиться. Мы имели бы, вероятно, деградацию социалистических элементов в нашем хозяйстве. Но такое положение было бы вероятно лишь при том условии, что отстаивание промышленности будет характеризовать длительный период нашего развития. Если же это отстаивание определит собою только ближайшие годы и если оно будет сопровождаться энергичным ростом других социалистических элементов нашей экономики, можно ли тогда считать, что из такого временного отставания промышленности неизбежно проистечет отход от строительства социализма? Несмотря на первенствующее вообще значение промышленности такой неизбежности нет и в помине.

Указываемый нами тип развития связан с известной перегруппировкой элементов внутри социалистического ядра нашей экономики. Он связан с усилением роли монопольно организованной внешней торговли, кооперации, с.-х. кредита и транспорта и с сравнительным (отнюдь не абсолютным) замедлением роста госпромышленности. Эта перегруппировка пойдет одновременно с значительным усилением и ростом социалистического ядра в целом. Последнее будет в течение этих лет расти, при чем этот рост будет опережать рост частно-хозяйственной периферии.

Этот рост будет ускорен именно благодаря некоторому замедлению в развитии промышленности и благодаря форсированию развития внешней торговли.

На чем основывается такая уверенность? Задержка в промышленном строительстве освободит некоторые рессурсы для транспортного строительства. Транспорт импортировать, к сожалению, нельзя. Можно максимум импортировать отдельные элементы его. Между тем промышленную продукцию импортировать можно. А транспорт нам придется в ближайшее же время серьезно двигать вперед, охватывая им подымающуюся экономику отсталых районов.

Развитие импорта, в частности предметов производственного крестьянского потребления, вольет в народное хозяйство значительно большие массы товаров и улучшит насыщенность страны товарами, ибо один пуд хлеба покупает за границей большую массу промтоваров, чем внутри страны. Это позволит нам усилить снабжение крестьянства промтоварами и, следовательно, усилить социалистическое строительство в деревне. Ибо ключ к социалистическому строительству в деревне,—в хорошо поставленном, притом нами поставленном, промышленном снабжении крестьянства. Снабжение это, организованное кооперацией, поддержанное системой с.-х. кредита и проведенное в духе нашей политики в деревне, наряду с хорошо организованным кооперативным сбытом крестьянской продукции, дает максимум возможных сейчас элементов социалистического строительства в деревне. Именно защищаемый курс, усиливая наше снабжение деревни, на деле усиливает эти возможности.

Мы имеем внутри нашего социалистического ядра целую систему элементов, представляющих известное подвижное равновесие. Элементы эти растут неравномерно. То выдвигается вперед государственно-кооперативная торговля и кредит, то промышленность, то, скажем, транспорт и внешняя торговля. Если сейчас наше социалистическое ядро будет расти главным образом за счет внешней торговли и сельского хозяйства, кредита и кооперации, то через некоторое время она будет расти преимущественно за счет промышленности, а позже,—за счет промышленности и внешней торговли, создающих тесный экономический блок между нами и экономикой подымающегося и освобождающегося Востока.

Из того, что на ближайшие несколько лет нам предстоит более быстрый рост других элементов, нежели промышленности, нельзя делать того вывода, что нам предстоит отход от социалистического строительства. Этого вывода нельзя делать несмотря на то, что промышленность является наиболее полным выразителем социалистических тенденций нашей экономики.

Если бы мы в каждой фазе нашего развития были бы в столь ультимативной форме связаны с форсированным ростом крупной промышленности, то судьбу социалистического строительства пришлось бы на самом деле считать менее обеспеченной или по крайней мере связанной с значительно большими трудностями. Ибо такого рода задержки могут повторно оказаться неизбежными. А при указанной ультимативной зависимости всякая вынужденная (хотя бы и временная) заминка с форсированием промышленности, должна была бы нанести непоправимый ущерб строительству социализма.

Страшен сон, однако, значительно более милостива советская явь. Такого положения на самом деле нет, и не надо терроризовать себя трудностями, которые не представляют собой неизбежных опасностей.

Система нашего социалистического строительства значительно более подвижна. Когда в тот или другой момент об'ективные условия не позволяют двигать один элемент вровень с остальными, мы возмещаем этот ущерб энергичным развитием других элементов социалистического ядра и в итоге все же даем этому ядру растущий перевес над частно-хозяйственной периферией. Не надо преуменьшать наших маневренных возможностей и не надо представлять себе наше развитие в слишком однотипно-закостеневших формах.

Возможности социалистического строительства не в такой уже мере условны, как это кое-кто себе представляет; открытые перед нами просветы не столь узки, как это кое-кому кажется. В «ультиматизме форсирования промышленности», на позиции которого стоят отдельные товарищи, чувствуется какое-то стесненное дыхание испуга, чувствуется изрядная доля маловерия и если не беспросветность, то утрированная «однопросветность». Наши возможности на деле больше и сложнее, чем это кое-кому представляется.

В нашем прошлом были уже случаи, когда несмотря на голод промтоваров, мы шли на замедленное развитие крупной (и в частности тяжелой) промышленности и ускоренное развитие сельского хозяйства (в сочетании с кустарной и мелкой промышленностью). Разве не с этого мы начали нэп? Что же, курс этот привел нас к отходу от социалистического строительства или к исключительному усилению его? Попробуйте сравнить успехи социалистического строительства последних лет с успехами этого строительства в период Троцкистско-Гусевского форсирования транспорта и тяжелой промышленности.

Замедленное развитие крупной промышленности в начале нэпа привело к энергичному развитию ее в последние годы. Быстрое развитие последних лет, было бы невозможно без той временной придержки, которую мы имели в 1921—1923 г.г.

Мы развивали за последние годы нашу промышленность главным образом за счет огромного вливания в нее банковских краткосрочных кредитов. И это было правильно. Мы подошли сейчас к новому периоду, носящему черты, отличные от тех, к которым мы привыкли за последние годы. Своеобразие этого нового положения должно быть осознано нами.

Сейчас промышленность может быть форсирована уже не за счет краткосрочных вложений в оборотный капитал, быстро дающих новую продукцию, а за счет расширения основных капиталов, лишь спустя изрядное время сказывающегося увеличением продукции. Нельзя поэтому в новых условиях брать тот же темп, что и раньше, внося в него лишь второстепенные коррективы.

Сравните следующие данные. В прошлом году по данным ВСНХ промышленность вложила в капитальное строительство около 400 м. р., а задолженность ее по краткосрочным кредитам возросла на 550 м. руб. Уже при этом соотношении создался в стране товарный голод. В нынешнем году ВСНХ по декабрьским своим расчетам намечает к вложению в основные капиталы 896 м. р., повышая свою задолженность по краткосрочному кредиту на 500 миллионов. Соответственно с этим резко меняется, то, что промышленность изымет из оборота и то, что она в этом году вернет в виде продукции. Если мы этот план попытаемся выполнить[1]), то товарный голод к концу года снова заметно обострится по сравнению с облегченным положением, которого можно ждать к началу 1926 года.

Своеобразие нового этапа промышленного развития, в который мы вступаем, требует того, чтобы мы вновь на время несколько замедлили темп развития промышленности, а главное, пересмотрели состав развиваемых отраслей ее. Такая временная придержка окупится в смысле действительно полнокровного развития промышленности уже спустя короткий промежуток времени.

Опыт начала и последних лет нэпа должен облегчить нам принять правильное решение. Можно было бы сильно тревожиться за результаты такой придержки в отношении судеб социалистического строительства, если бы мы под руководством Владимира Ильича не проделали огромный опыт в течение 1921—1923 г. Еще на XII с'езде партии тов. Троцкий тревожно указывал, что крупная промышленность, даже вместе с средней и даже вместе с арендованной промышленностью, поднялась за 1921—1922 год на 43%, а ремесленно-кустарная промышленность на 60%. Удельный вес второй поднялся с 28% до 30,3%, а удельный вес первой упал с 72% до 69,7%. А теперь кто у нас думает о реальных опасностях развития кустарной промышленности? «Свежо предание, а верится с трудом». А ведь одно время мы на самом деле имели в лице кустарно-ремесленной промышленности серьезного соперника.

---

[1]) Конкретные расчеты показывают, что при нынешней ситуации можно считать действительно обеспеченными капитальные вложения в промышленности лишь в пределах 550—600 милл. рублей, при усилении краткосрочного кредита в размере 400 м. р. Все остальное должно быть отнесено во вторую очередь и начато осуществлением лишь при заметном улучшении общего положения.

Попытка чрезмерно форсировать развитие, как мы знаем из опыта 1919—1920 г., мстит за себя глубокими кризисами. Казалось бы, что усиленный рост промышленности должен оздоровить пролетарскую базу страны. Однако, это не всегда бывает так. Бесперебойно ли в последнее время идет процесс оздоровления? Мы имеем быстрый рост пролетариата, вбирающего в себя новые, не ассимилированные еще элементы из крестьянства. Такое вливание новых масс в пролетариат является значительным приобретением для нас, **если оно происходит на основе прочного поступательного развития промышленности.** **Обратный** результат может дать это вливание, если оно происходит не на основе рассчитанного и методического под'ема промышленности, а на основе искусственного и непосильного форсирования ее, ведущего потом к непрерывным пересмотрам производственных программ, хроническим сокращениям, нерегулярной выплате заработной платы и к другим формам кризисного развития. В этих условиях мы получаем пролетариат, правда, более многочисленный, чем раньше, но пролетариат хозяйственно и политически дезорганизованный. Укрепляется ли в результате всего этого революция? Ключ к социалистическому строительству в городе не в непосильном форсировании промышленности, а в методическом, настойчивом, и по возможности бескризисном развитии ее. Непосильное же форсирование ее может повести лишь к хроническим перебоям, ослабляющим энергию и продуктивность социалистического строительства.

Вот почему защищаемый курс усиливает элементы социалистического развития и в городе и в деревне, а не ослабляет их.

* * *

Если оставить пролетариат и крестьянство с глазу на глаз в их экономических взаимоотношениях, то соотношение между ними определяется сейчас так: крестьянство имеет что предложить городу и оно может выжидать, а пролетариат не может выступить с достаточным (для возмещения крестьянской продукции) предложением. Вместе с тем он пред'являет растущий спрос на крестьянскую продукцию притом с удовлетворением этого своего спроса он не может ждать, если не откажется от чрезмерных задач, которые сейчас перед собой поставил.

Тот факт, что пролетариат взялся за форсированное развертывание основного капитала, промышленности и транспорта заставляет его выступать по отношению к крестьянству прежде всего в роли потребителя (хотя бы и производственного типа), т.-е. в роли носителя спроса, а не предложения.

Мы имеем здесь новый пароксизм, новый рецидив восстановительной политики IX с'езда партии с тем различием, что на этот раз мы надеемся разрешить задачу безнажимными методами нэпа. Несмотря на такой безнажимный характер нашей политики курс этот все же привел к некоторому ослаблению равновесия в соотношении двух классов.

Положение это не следует длить. Нам нужен крупный экономический маневр, способный изменить положение вещей.

Резко неблагоприятное соотношение между промышленным спросом и промышленным предложением должно быть устранено. Промышленное предложение должно скорее вырастать, чем оно растет за последнее время и промышленный спрос должен медленнее расти, чем он растет на самом деле. А это возможно лишь при условии некоторых изменений в типе нашего хозяйственного развертывания. Это значит, что в нынешних условиях пока длится товарный голод, пролетариат должен несколько менее оттенять свою роль носителя быстро развертывающейся промышленности и должен несколько выдвинуть вперед свою роль организатора внешней торговли.

Надо осознать, что на ближайшее время пролетариат не сможет удовлетворить крестьянство на пути форсированного развития собственной промышленности. Всякие иллюзии, которые мы питаем в этом отношении, должны быть оставлены. Чтобы удовлетворить крестьянство промышленными товарами нам нужно иначе соразмерять пропорцию развертывания промышленности и развертывание внешней торговли.

В нашей экономической стратегии сейчас нужна известная перегруппировка. Только в результате ее взаимоотношения обоих классов придут к равновесию и пролетариат сможет в более энергичном, чем сейчас, темпе вести практическую работу социалистического строительства.

М. Лифшиц.

Каким должен быть сельхозналог?

В 19—20 номере (от 30-го октября) «Большевика» мы ознакомили читателя с системой ныне действующего сельхозналога.

Теперь перейдем к вопросу о том, каким должен быть сельхозналог. Разумеется, говорить о совершенной системе обложения деревни,—принимая во внимание 23 миллиона крестьянских хозяйств, разбросанных на огромнейшей территории Советского Союза, принимая во внимание многообразие нашего крестьянского хозяйства,—довольно трудно, но совершенствовать, исправлять мы должны.

Но раньше, чем строить систему обложения деревни, следует установить, разрешению каких задач должна содействовать эта система.

Остановимся только на некоторых:

Во-первых, содействовать разрешению социально-экономических задач партии в деревне;

во-вторых, содействовать и во всяком случае не препятствовать развитию производительных сил деревни и

в-третьих, она должна быть наиболее проста, понятна крестьянству и удобна с точки зрения проведения ее.

По нашему мнению, действующая система в чрезвычайно малой степени соответствует перечисленным выше задачам. Начнем с главного.

В какой степени нынешняя система содействует разрешению наших социально-экономических задач в деревне? Формально она пытается это делать, но довольно безуспешно.

Совершенно очевидно, что только тогда можно будет наиболее правильно подойти к различным социальным группам деревни, когда удастся в первую очередь установить социальную природу этих групп, т.-е. когда мы сможем выявить действительную мощность, доходность этих крестьянских хозяйств. Налоговую же систему надо строить так, чтобы изымать часть дохода в зависимости от мощности хозяйства, от его доходности. Иначе говоря, путем наибольшего приближения к системе подоходного налога.

Нам кажется это положение бесспорным.

Кроме того, при одной и той же сумме налога тяжесть его будет распределяться тем закономернее, чем большее количество источников дохода крестьянского двора будет привлекаться к обложению.

Что же мы имеем в нынешней системе налога? Мы привлекаем к обложению доход только от двух источников, хотя, правда, главнейших: от земли и крупного скота. Точнее будет сказать, что мы облагаем не столько доход от этих источников, сколько самые источники, выраженные в натуральных единицах. То-есть

налог взимается не с рубля дохода, а с десятины земли, коровы, лошади, десятины луга.

Привлекая к обложению только эти источники дохода, мы игнорируем доходы крестьянского хозяйства от других источников. То-есть мы определяем мощность хозяйства, его социальную природу только по количеству голов скота и десятин земли. Таким образом, два хозяйства, имеющие одинаковое количество едоков, земли и скота, при обложении этих хозяйств налогом рассматриваются, как одинаково мощные. Между тем, одно из этих хозяйств имеет еще доходы от промысловых заработков и от второстепенных отраслей сельского хозяйства, иногда в два раза превышающие доходы от земли и скота, а другое хозяйство этих дополнительных доходов не имеет.

Можно ли считать эти хозяйства одинаково мощными и одинаково облагать их налогом? Разумеется, нет.

Обложением только части дохода крестьянского хозяйства, игнорируя остальную часть его дохода, мы искажаем классовый характер нашей налоговой политики.

Это обстоятельство препятствует разрешению задачи оказания действительной помощи крестьянской бедноте.

В самом деле, мы освобождаем от налога часть крестьянских хозяйств (бедноту) в зависимости от количества земли и крупного скота, приходящихся на едока в хозяйстве, исходя опять-таки из того положения, что эти признаки определяют действительную мощность, доходность хозяйства. В результате получается, примерно, такое положение: два хозяйства имеют одинаковое количество едоков; в первом хозяйстве земли и скота, в пересчете в облагаемые единицы—$3/4$ единицы на душу, а в соседнем хозяйстве на душу—$4/5$ единицы. Закон рассуждает так: первое хозяйство имеет на едока не больше $3/4$ облагаемой единицы—оно подходит под категорию бедноты и освобождается от налога. Второе хозяйство имеет на едока $4/5$ единицы—оно беднотой не считается и налогом облагается.

Между тем, если бы мы в этих обоих хозяйствах учли и доходы от остальных источников, мы бы пришли к тому выводу, что первое хозяйство, имеющее на душу только $3/4$ облагаемой единицы—имеет еще от всяких других источников, примерно, 100 руб. доходу, а второе хозяйство либо ничего не имеет, либо имеет только 50 руб. и в результате второе хозяйство, признанное нами подлежащим обложению, по своей мощности куда отстает от первого, освобожденного нами от налога, как бедняцкое.

Поэтому мы и считаем необходимым привлечь к обложению доходы не только от тех источников, которые привлекаются до сих пор, т.-е. от земли, крупного рогатого и рабочего скота и сенокосов, но также и от промысловых заработков и второстепенных отраслей сельского хозяйства (пчеловодство, птицеводство, огородничество, садоводство, мелкое животноводство и проч.).

Как велики доходы, которые до сих пор к обложению не привлекались? Большое ли они имеют значение?

Приведем несколько цифр [1]).

---

[1]) Все расчеты, таблицы, диаграммы, приводимые в этой статье, составлены Отделом Сельхозналога НКФ СССР.

Исчисленный нами средний условно-чистый доход (о котором подробнее будет сказано ниже) распределяется таким образом:

Полеводство	53,1%	78,9%
Крупное животноводство	14,3%	
Луговодство	11,5%	
Промысловые заработки	10,6%	21,1%
Второстепенные отрасли сельского хозяйства	10,5%	

Значит, по Союзу эти доходы составляют — за округлением—21%.

По отдельным же районам и губерниям эти доходы занимают в общем условно-чистом доходе различное место: например, Крайний Север—29,5% условно-чистого дохода этого района, Север—12,5%, Западный район—19%, а Московско-Промышленный район—25%, Центр.-Землед. район—23%, а Урал—11,7%, Северный Кавказ—15% и т. д.

Еще большую пестроту мы наблюдаем по отдельным губерниям внутри каждого района: Тверская губерния—20% всего условно-чистого дохода губернии, а Иваново-Вознесенская—38%, Тульская губерния—29,7%, а Рязанская—16%. Одесская губерния—16%, а Полтавская—9%. Брянская губ.—26%, а Гомельская—16% и т. д.

Совершенно очевидно, что еще большая пестрота наблюдается в распределении дохода от различных источников в уездах, волостях и, главным образом, в отдельных крестьянских хозяйствах. Но об этом ниже подробнее.

Может возникнуть такого рода вопрос: что же до сих пор не очевидны были эти основные положения или эти недостатки?

Что до сих пор, принимая во внимание, что вопрос о системе обложения деревни значился в повестке дня чуть ли не всех наших партийных и советских с'ездов, этого вопроса не касались? Нет, касались и давались определенные директивы, о которых мы отчасти говорили в нашей предыдущей статье, и сейчас напомним их.

Когда вопрос о системе обложения деревни был предметом суждения II С'езда Советов, последний дал совершенно ясную директиву: перестроить систему налога в сторону наибольшего приближения ее к подоходной. Наркомфин весною нынешнего года разработал проект реформы в духе этой директивы. По соображениям, главным образом, технических затруднений, ввиду недостаточной подготовленности нашего низового советского аппарата в первую очередь, и, принимая во внимание значительное понижение самого налога, решено было отложить реформу обложения деревни. Предполагалось, что те изменения, которые были внесены в существующую систему, и факт значительного понижения налога несколько ослабят все недостатки, которые в системе имеются.

XIV партконференция по этому вопросу приняла следующее постановление:

«Стремясь обеспечить соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатков при помощи учета всех данных, определяющих мощность и платежеспособность крестьянского хозяйства (курсив везде наш. *М. Л.*), желая достичь справедливого распределения тяготы налога между различными слоями крестьянства сообразно степени их благосостояния, партия должна поставить перед собой задачу коренного улучшения системы прямого обложения». И дальше: «Конференция обращает внимание ЦК партии на необходимость разработки нового закона о сельхозналоге, который обеспечил бы беспрепятственное развитие сельско-хозяйственного промысла и давал бы возможность защиты интересов тех слоев деревни, кои являются опорой советской власти».

III С'езд Советов, собравшийся после партийной конференции, признает, «что переход к твердой валюте дает возможность осуществить общий пересмотр действующей системы единого сельско-хозяйственного налога в направлении, указанном постановлениями II С'езда Советов Союза ССР».

Таким образом, мы не только имеем директивы о коренном изменении системы обложения, но имеем и некоторые руководящие указания, в каком направлении эти изменения должны пойти.

Выше мы говорили о роли доходов, которые мы предлагаем привлекать к обложению впервые.

Что изменится от того, что они будут привлечены?

Мы проделали кое-какие расчеты распределения дохода от каждого источника и налога между различными категориями крестьянского хозяйства, чтобы установить в какой степени включение в обложение дохода от источников, до сих пор не облагавшихся, изменит нынешнюю картину распределения хозяйств по мощности и тяжести налога. Расчеты проделаны по нескольким губерниям.

Ввиду сложности этих расчетов, требующих много времени, мы выбрали отдельные губернии отдельных районов, которые являются характерными для этих районов. Основные результаты одни и те же, т.-е. везде мы имеем значительное перераспределение.

Приводим расчеты по Курской губернии (диаграмма № 1) [1]).

Мы установили, что в Курской губернии хозяйств, имеющих доход только от земли и крупного рогатого и рабочего скота, имеется 18—20%; хозяйств, имеющих еще вдобавок доход от второстепенных отраслей сельского хозяйства (от мелкого скота, птицеводства, пчеловодства, огородничества, садоводства и проч.) 72%; и хозяйств, имеющих неземледельческие заработки—10%.

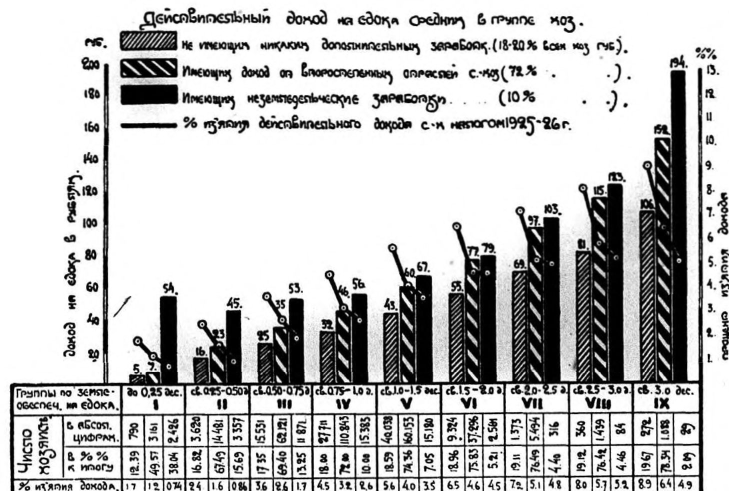
Считая этот учет неполным, мы увеличили число хозяйств, занятых неземледельческими промыслами в каждой группе на определенный % против учтенных налоговыми списками, а сумму среднего заработка на одно промысловое хозяйство сохранили

[1]) Все эти расчеты проделаны Отделом сельхозналога Наркомфина Союза по следующему методу: на основании расчетов довольно детальных и подробных о доходности крестьянского хозяйства от всех источников нами установлена сумма дохода всей Курской губернии от каждого источника в отдельности. Доход от земли и скота был распределен по отдельным группам плательщиков на основании данных о количестве посева, сенокоса и скота, действительно учтенных в каждой группе налоговыми списками. Сумма неземледельческих заработков промыслового населения и число хозяйств с промыслами по тем же группам также учтены налоговыми списками.

полученную по спискам, хотя она, несомненно, преуменьшена.

Так как сведений о распределении дохода от второстепенных отраслей сельского хозяйства по группам нет, то разбивка исчисленного по губернии дохода от этих источников произве-

Диаграмма № 1.



Группы по землеобеспеч. на едока.		до 0,25 дес. I			св. 0,25–0,50 д. II			св. 0,50–0,75 д. III		
Число хозяйств	в абсол. цифрах.	790	3161	2.426	3.620	14481	3 357	15531	62121	11 871
	в %% к итогу	12.39	49.57	38.04	16.82	67.49	15.69	17.35	69.40	13.25
% изъятия дохода.		1.7	1.2	0.74	2.4	1.6	0.86	3.6	2.6	1.7

Группы по землеобеспеч. на едока.		св. 0,75–1,0 д. IV			св. 1,0–1,5 дес. V			св. 1,5–2,0 д. VI		
Число хозяйств	в абсол. цифрах.	27711	110.843	15.383	40.038	160.153	15.180	9.324	57.296	2.561
	в %% к итогу	18.00	72.00	10.00	18.59	74.36	7.05	18.96	75.83	5.21
% изъятия дохода.		4.5	3.2	2.6	5.6	4.0	3.5	6.5	4.6	4.5

Группы по землеобеспеч. на едока.		св. 2,0–2,5 д. VII			св. 2,5–3,0 д. VIII			св. 3,0 дес. IX		
Число хозяйств	в абсол. цифрах.	1.573	5.494	316	360	1.439	84	272	1.088	89
	в %% к итогу	19.11	76.49	4.40	19.12	76.42	4.46	19.67	78.34	2.89
% изъятия дохода.		7.2	5.1	4.8	8.0	5.7	5.2	8.9	6.4	4.9

дена условно: доход этот распределен между 80% всех хозяйств, не имеющих промыслового заработка пропорционально доходу от основных отраслей сельского хозяйства.

Все хозяйства губернии мы распределили по существующим 9 налоговым группам по обеспеченности землей на едока и каждую группу разделили на три подгруппы по доходу, который хозяйства имеют от различных источников.

В результате мы получили, примерно, такую картину: в первой группе по земле, т.-е. имеющие до ¼ десятины земли на едока,—790 хозяйств, или 12,39% (если все хозяйства данной группы принять за 100), имеют доход только от сельского хозяйства, и он составляет 5 руб. на едока; 3.161 хозяйство, или 49,5%, имеют доход не только от главных источников сельского хозяйства, но и от второстепенных отраслей его, и весь этот доход составляет 7 руб. в год на едока; 2.426 хозяйств, или 38,04%, помимо всего прочего, имеют доход от промысловых заработков, который повышает общий доход на едока до 54 руб.

Мы все хозяйства этой группы (всех трех подгрупп) в нынешнем году считали беднотой, потому что учитывали доход только от сельского хозяйства, т.-е. только 5 руб. на едока.

Теперь посмотрим вторую группу хозяйств, т.-е. имеющих земли на едока до 0,5 десятины. Картина получается такая: 16,82% хозяйств имеют доход только от сельского хозяйства, и этот доход составляет 16 руб. на едока, 67,49% хозяйств имеют дохода на едока 23 рубля, потому что они, помимо дохода от основных источников, имеют доход и от второстепенных отраслей сельского хозяйства. 15,69% хозяйств имеют дохода 45 руб. на едока, потому что они, кроме всего прочего, имеют доход от неземледельческих заработков. Хозяйства всех этих подгрупп этой группы мы облагали в нынешнем году только по доходу от основных отраслей сельского хозяйства, т.-е. только по доходу в 16 руб. на едока.

Теперь попробуем сопоставить первую группу со второй и мы замечаем, что 38% хозяйств первой группы, признанные нами безусловно беднотой, имели доходу на едока гораздо больше 3-й подгруппы второй группы, облагавшейся нами налогом, как середняцкие хозяйства.

В одинаковой степени это будет относиться к любой из девяти групп Курской губернии.

Разумеется, в более высоких группах общее количество хозяйств меньше, а промысловых хозяйств еще меньше.

Совершенно очевидно, что облагая все эти хозяйства по доходу только от сельского хозяйства, мы льготили более доходные хозяйства за счет менее доходных. Кроме того, мы всей налоговой тяжестью наваливаемся на сельское хозяйство и это само по себе уже препятствует развитию сельского хозяйства. В самом деле, посмотрим, как распределяется налог с этих хозяйств.

Возьмем вторую налоговую группу (до 0,5 дес. на едока). Мы установили процент из'ятия налогом от дохода в этой группе в 2,4%. Таким образом, с хозяйств наиболее слабых, имевших дохода только от сельского хозяйства (т.-е. 16 руб. в год на едока) мы действительно изымали 2,4%, а с тех 67% хозяйств, которые имели доход не только от основных отраслей сельского хозяйства, но и от второстепенных, т.-е. 23 руб. на едока, мы изымали только 1,6%. Оно и понятно: налогу мы брали столько же, а доход у них был более высокий. С 15% крестьянских хозяйств, имевших наиболее высокий доход (45 руб. в год на едока), мы изымаем ту же сумму налога, которая составляла всего лишь 0,86% дохода, то-есть мы налогом изымали тем меньшую часть дохода, чем больше доходу имело это хозяйство.

В какой же степени это относится ко всем группам? Возьмем самую высокую 9-ю группу (выше 3 десятин на душу). Там мы изымаем с хозяйств, имеющих доход только от сельского хозяйства—8,9% дохода, а те 78% хозяйств, которые имеют доход не только от земли и крупного скота, но и от второстепенных отраслей сельского хозяйства, платили только 6,4%, а с той группы хозяйств, правда, довольно малочисленной, имеющей и неземледельческие заработки, мы изымали 4,9% дохода.

В такой же степени сказанное относится и к остальным губерниям. Разница будет заключаться только в том, что в Курской губернии, скажем, хозяйств, имеющих неземледельческие

заработки, есть только 10%, а в Костромской губернии таких хозяйств будет 72%, а хозяйств, имеющих доход исключительно от сельского хозяйства—только 6%.

По Смоленской губернии хозяйств, имеющих неземледельческие заработки, будет 15%, а имеющих доход только от основных отраслей сельского хозяйства—17%.

Разве все это мало искажает нашу классовую политику?

Разве одно это не дает достаточно поводов для реформы нынешней системы налога?

Совершенно очевидно, что привлекая к обложению доход от новых источников, оставаясь при той же сумме налога по Союзу, мы получим перераспределение тяжести налога в большем соответствии с доходностью отдельных категорий крестьянских хозяйств.

Таким образом, мы предлагаем систему обложения деревни перестроить таким образом, чтобы к обложению привлекались доходы от земли, сенокосов, крупного рогатого рабочего скота, неземледельческих (промысловых) заработков и второстепенных отраслей сельского хозяйства.

Второе изменение, которое мы предлагаем и которое мы относим к коренным, сводится к тому, чтобы доход крестьянского хозяйства, который облагается, выражался в рублях.

То-есть ставка налога должна устанавливаться не на десятину земли, не на корову или лошадь, а на рубль дохода от этих источников.

Этим мы значительно упростим систему, сделаем ее куда более понятной крестьянству и изживем один из элементов натуральщины, еще сохранившийся в нашей системе обложения деревни.

В первые годы революции, когда в нашем хозяйстве преобладали элементы натуральности, понятны были элементы натуральности и в налоге. Если понятно было исчисление налога по натуральным единицам (десятина земли, голова скота) в годы неустойчивости нашей валюты, то совершенно очевидно, что теперь при тенденции крестьянского хозяйства развиваться, как товарно-денежное, при наличии устойчивой валюты и, наконец, при решении привлекать к обложению большее количество источников дохода, совершенно нецелесообразно и даже вредно сохранять обложение дохода, выраженного в натуральных единицах.

Кроме того, если еще можно было устанавливать ставку налога на десятину земли, на корову и лошадь, то нельзя устанавливать ставку налога на курицу, на овцу, на ¼ десятины огорода, на улей, на работников в хозяйстве и проч.

Обложение дохода, выраженного в натуральных единицах, требовало установления колоссального количества таблиц ставок для различных губерний (см. нашу ст. в № 19—20, стр. 49). Если мы ставки налога устанавливаем на один рубль дохода, а реальное значение этого рубля мало колеблется по губерниям Союза, то совершенно очевидно, что мы можем вместо 100 таблиц ставок, имеющихся теперь, ограничиться одной маленькой табличкой ставок для всего Советского Союза.

В этой табличке ставок и будет сказано, сколько копеек налога взимается с рубля дохода, приходящегося на душу населения.

Как же будет исчисляться в крестьянском хозяйстве доход, подлежащий обложению? Двояким способом.

Доход от источников и теперь облагающихся налогом, т.-е. от земли, сенокосов, крупного рогатого и рабочего скота, по твердым нормам этого дохода, устанавливаемым в центре, при чем местам предоставляется право эти нормы доходности изменять по уездам, волостям и даже селениям в зависимости от местных экономических условий.

Доход же от источников, привлекающихся к обложению впервые, т.-е. от неземледельческих заработков и второстепенных отраслей сельского хозяйства, в каждом отдельном крестьянском хозяйстве учитывается волостной налоговой комиссией, большинство состава которой, должно быть из крестьян данной волости и данного села. Эти комиссии определяют доход индивидуального хозяйства на основании тех данных о доходности хозяйства, которыми они располагают (не подлежащих формальному учету) и руководствуются исчерпывающими на этот счет директивами и инструкциями центра, и, главным образом, местных организаций.

Принимая во внимание многообразие нашего крестьянского хозяйства, совершенно очевидно, что никакими нормами из центра доход от многих, в сущности говоря, мелких источников не учтешь. Да, наконец, вряд ли и нужна такая точность и сложность.

Общая сумма дохода крестьянского двора, получаемая от перечисленных источников и учитываемая указанными двумя методами, облагается, повторяем, по единой для всего Союза таблице ставок.

Мы это поясним примером. Предположим, будет установлено, что в Воронежской губернии десятина посева дает доходу 40 руб., корова—20 руб., лошадь—25 руб., а десятина луга—20 руб.

В хозяйстве, состоящем из 7 душ, имеется 6 десятин посева. 2 коровы, одна лошадь и 2 десятины сенокоса. Кроме того, в хозяйстве имеется еще кое-какой мелкий скот, довольно много птицы, с ½ десятины огорода и проч. Доход этого хозяйства исчисляется таким образом:

6 десятин посева по 40 руб.=240 руб.

2 коровы по 20 руб.=40 руб.

Лошадь=25 руб.

2 десятины сенокоса по 20 руб.=40 руб.

Итого 345 руб.

Кроме того, волостной налоговой комиссией установлено, что всех доходов в хозяйстве от всех прочих источников—40 руб. Таким образом, общая сумма дохода, облагаемого в хозяйстве, будет 385 руб., или 55 руб. на душу.

И налог, исчисляется примерно по такой табличке ставок.

Таблица ставок с.-х. налога в копейках с каждого рубля облагаемого дохода.

С первых 40 руб. дохода на едока.	С излишка дохода сверх 40 руб. до 60 руб. на едока.	С излишка дохода сверх 60 руб. на едока.
2 коп.	8 коп.	17 коп.

Третье изменение, которое мы предлагаем, сводится к изменению порядка освобождения от налога крестьянской бедноты.

Мы уже выше говорили, на основании каких принципов освобождается от налога беднота по нынешней системе. Порядок же освобождения от налога установлен такой: налог с бедняцких хозяйств исчисляется на общих основаниях и лишь потом в порядке льгот, в порядке скидок, эти хозяйства освобождаются полностью или частично от налога.

По предлагаемому проекту устанавливается порядок примерно такой же, как при обложении рабочих в городе, т.-е. устанавливается необлагаемый минимум дохода, приходящегося на душу в хозяйстве. Этот необлагаемый минимум будет дифференцироваться по районам в зависимости от среднего дохода на душу крестьянского населения в том или другом районе.

Таким образом, крестьянская беднота получит не льготу, не скидку, а освобождение от налога по праву. Сколько хозяйств нужно освободить от налога—об этом ниже.

До сих пор налогом облагалась вся земля (пашня), числящаяся в хозяйстве, независимо от того, какая часть этой пашни фактически засевалась.

Таким образом, одинаково платили налог с десятины пашни два хозяйства, которые при прочих равных условиях,—одно по целому ряду обстоятельств засевало большую часть этой пашни, а другое меньшую часть. Это, в сущности говоря, сводилось к тому, что мы наказывали те крестьянские хозяйства, которые имели большой недосев. Если предполагать, что крестьянское хозяйство мало сеет, ну, скажем, по лени, за отсутствием нужды,—пожалуй, было бы правильнее наказывать его и облагать всю его землю, но ведь совершенно очевидно, что так мыслить не может ни один марксист. Совершенно очевидно, что отдельные крестьянские хозяйства в отдельных губерниях, уездах, волостях и селениях не досевают в первую очередь и главным образом потому, что им не под силу поднять всю свою землю: нет коня, не хватает семян, нет работника и проч.

А раз это так, то обложение налогом всей земли хозяйства, независимо от размера использования этой земли, в сущности говоря, вносит такую же несправедливость и неравномерность при распределении тяжести налога, как и исключение из обложения некоторых доходных статей.

Поэтому следует перейти к обложению не пашни, а фактически засеваемой в хозяйстве площади.

Наиболее правильно было бы строить ставки налога в зависимости от того дохода, который получает крестьянство в год платежа налога, но практически это неосуществимо. Крестьянство будет платить налог в будущем году за счет доходов будущего года. Совершенно очевидно, что мы теперь исчислить доход будущего года не можем.

Не можем мы также руководствоваться доходом только нынешнего года, потому что доход нынешнего года выше среднего за последние годы. Да и вообще, поскольку доход крестьянского хозяйства на 80, а иногда и на все 100% зависит от урожая текущего года, нельзя строить налог, исходя из дохода какого-либо одного года. Колебания дохода крестьянского хозяйства в зависимости от урожая настолько значительны, что правильнее брать годовой доход за некий средний период.

Мы полагаем наиболее правильным принять годовой доход—средний за последнее четырехлетие (1922—1925 г.г.).

Довоенный доход мало показателен для всего послереволюционного периода: произошли такие коренные изменения во всей структуре сельского хозяйства, что равняться по довоенному доходу совершенно не приходится. Что же касается послереволюционного периода, то первые годы революции, период военного коммунизма был периодом наибольшего разрушения сельского хозяйства, и поэтому он не показателен. Первый год новой экономической политики, т.-е. 1921 год,—исключительно неурожайный, и включение его исказит действительный средний доход более или менее нормальных лет, поэтому мы взяли последующие четыре года, т.-е. 1922—1925 г.г.

Чему же равняется исчисленный нами годовой доход за этот средний период? Ответ дает эта таблица.

Годовой условно-чистый доход крестьянского хозяйства по СССР по средним данным за четырехлетие 1922—25 г.г.

Статьи дохода.	Милл. руб.	% к итогу.
Полеводство	3.771,5	53,1
Луговодство	817,5	11,5
Животноводство	1.019,7	14,3
Итого дохода, облагаемого по внешним признакам (твердым нормам).	5.608,7	78,9
Прочие отрасли с. х. (включая доход от мелкого животноводства) . . .	744,2	10,5
Неземледельческие заработки . .	758,1	10,6
Итого дохода от второстепенных отраслей с. х.	1.502,3	21,1
Весь доход крестьянск. хозяйства .	7.111,0	100

Таким образом, весь исчисленный нами условно чистый доход всех источников, предполагаемых нами к обложению, сводится к 7,1 миллиард. рублей. Из них—5,6 млрд. рублей будут облагаться по внешним признакам и по нормам, установленным в законе, и 1,5 млрд. рублей — волостными налоговыми комиссиями.

Два слова об условно-чистом доходе. Наш условно-чистый доход получается путем вычитания из валового дохода семян и корма скоту. Наш и валовый доход и условно-чистый доход несколько ниже дохода, исчисленного и Госпланом, и ЦСУ, и Наркомземом.

Руководствуясь взятым на себя обязательством изложить здесь проектируемую нами систему, не вступая в полемику со сторонниками какой-либо другой системы, мы все же считаем доход, исчисленный нами, правильным и, главное, наиболее точным, ибо он исчислен нами для каждой отдельной губернии по данным о посевных площадях и урожаях по культурам, о ценах и о количестве скота по категориям, числящимся в каждой отдельной губернии.

Термин и понятие условно-чистого дохода в нашей экономической и статистической литературе уже ясно определен и закреплен. Мы же при построении проектируемой нами системы обложения вынуждены были выдвинуть новое понятие, новый термин, так называемый, облагаемый доход—некий доход более низкий по сравнению с условно-чистым доходом.

Этот так называемый облагаемый доход, положенный в основание той таблицы ставок, которую мы строим, исчислен нами в 5,5 млрд. рублей по Союзу, против 7,1 млрд. условно-чистого дохода, против 10,5 млрд. валового среднего дохода за последнее четырехлетие.

Что это за облагаемый доход, как он исчислен и чем вызвано появление этого нового положения?

Дело в следующем. Исчисляя валовой и условно-чистый доход, мы руководствовались, в первую очередь, статистическими данными, т.-е. площадями статистически исчисленными, количеством скота—то же самое, заработками—то же самое. Между тем, совершенно очевидно, что мы вряд ли налогом учтем такое же количество об'ектов обложения, как по данным статистическим. Мы безусловно получим недоучет и земли и скота. Поэтому, если бы мы продолжали придерживаться исчисленного нами условно-чистого дохода по статистическим данным об'ектов обложения, мы должны были бы, повидимому, либо повысить ставки налога, либо при недоучете об'ектов обложения развёрстать остальное количество об'ектов обложения между всеми налогоплательщиками, т.-е. каждый налогоплательщик должен бы был несколько больше платить за то, что его сосед укрыл, либо недобрать большую часть налога.

Совершенно очевидно, что мы не можем пойти ни по одному из этих путей. Поэтому при построении ставок налога мы все элементы доходности об'екта обложения (коровы, лошади, десятины земли) умножаем на то количество об'ектов обложения, которые мы исчисляем по налоговым спискам (т.-е. учитываем вероятный недоучет) и в результате мы получим сумму дохода несколько низшую, чем статистически исчисленная.

Это относится к результатам недоучета. Кроме того, статистически исчисленный доход с головы крупного скота довольно высок. Надо полагать, что с точки зрения хозяйственного значения этого скота, статистические исчисления довольно верны. Но следует принять во внимание, что в условиях нашего крестьянского хозяйства понятие дохода от скота (и от земли), когда оно этого дохода реально не получает, т.-е. продукции этой земли и скота не выбрасывает на рынок, приобретает известную условность. Крестьянство не всегда усваивает, о каком доходе с десятины земли идет речь, когда оно с'едает все, что собирает. Какой же доход может быть от той лошади, от которой хозяйство никакого денежного дохода не получает?

Исходя из этих соображений, и в предыдущие годы, когда скот облагался путем пересчета его в землю по определенным нормам, эти нормы устанавливались несколько ниже действительных соотношений доходности головы скота и десятины земли.

Мы полагаем наиболее целесообразным и теперь нормы доходности скота несколько понизить против статистически исчисленных.

В результате умножения учтенных налоговыми списками голов скота на несколько пониженные нормы дохода получится в общем понижение суммы дохода.

Принимая во внимание недостаточную полноту материалов о доходности от второстепенных отраслей сельского хозяйства и неземледельческих заработков, то, что этот доход будет учитываться недостаточно совершенным аппаратом, новизну этого учета и важность дальнейшего развития этих отраслей хозяйства, мы считаем наиболее правильным к обложению привлечь не весь исчисленный в центре доход от этих источников, а несколько пониженный.

В результате всего этого мы получим доход, который будем называть облагаемым, и который мы исчисляем в $5^1/_2$ млрд. руб.—на 25% ниже условно-чистого дохода.

По отдельным источникам дохода мы получаем понижение: по полеводству—на 20% против условно-чистого дохода, по луговодству—на 45%, по крупному скоту—на 49%, по мелкому скоту в тех районах, где он облагается самостоятельно (Казакстан, Узбекистан, Туркменистан и проч.)—49%, по второстепенным отраслям сельского хозяйства и неземледельческим заработкам 12,5%.

Таблицу ставок, прогрессию обложения мы строим, исходя из этих $5^1/_2$ млрд. облагаемого дохода.

О характере прогрессии ныне действующего налога мы довольно подробно говорили в нашей предыдущей статье. Поэтому здесь мы остановимся только на проектируемой прогрессии. Но все же, чтобы товарищам было легче разобраться, мы здесь дадим следующую табличку (см. свод. табл. на стр. 100).

При построении нынешнего налога доход был исчислен средний не за четырехлетие, а за предыдущее трехлетие. Здесь мы видим нынешнюю прогрессию: начинается она с 3,56% из'ятия и достигает в высшей группе—12,6%. Все это относится к условно-чистому доходу. Это нужно хорошенько запомнить, потому что проектируемая прогрессия строится, повторяем, не по условно-чистому доходу, а облагаемому, т.-е.

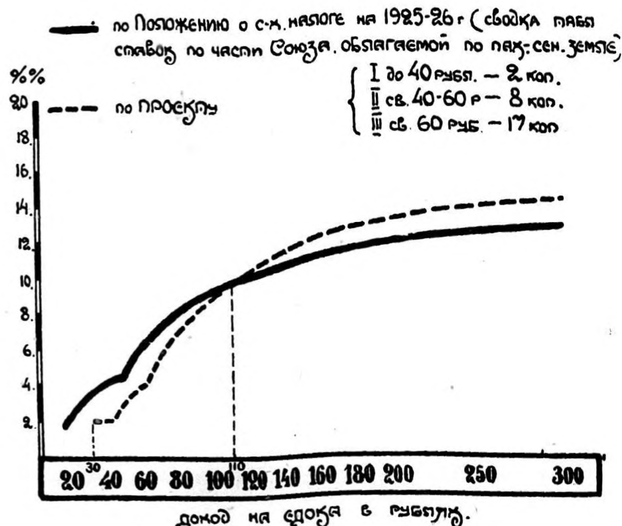
Сводная таблица ставок сельско-хозяйственного налога нынешнего 1925 26 года.

Доход на едока в рублях.	Сумма налога на едока	% из'ятия дохода.
30	1,07	3,56
40	1,68	4 20
50	2,51	5,[illegible]2
60	3,89	6.48
70	5 31	7,59
80	6,74	8,[illegible]2
90	8.16	9,07
100	9,[illegible]9	9 59
120	12,39	10,32
140	15.24	10,89
160	18,04	11,27
180	20,89	11,61
200	23,70	11.85
250	30.77	12,31
300	37 85	12,62

пониженному доходу, а, следовательно, те проценты из'ятия, которые мы проектируем, по отношению к условно-чистому доходу будут еще более низкими.

Прогрессия нынешнего налога и проектируемого изображаются так: (диаграмма № 2).

Диаграмма № 2.



Как видим, хозяйства с облагаемым доходом до 30 руб. от налога вовсе освобождаются. Хозяйства с доходом на едока до 110 руб. в сравнении с нынешним годом получают понижение процента из'ятия. Хозяйства с доходом выше 110 руб. на едока получают против нынешнего года некоторое повышение.

Реальное содержание этой прогрессии показывает следующая табличка распределения дохода на едока, количества хозяйств, суммы облагаемого дохода в каждой группе хозяйств, % из'ятия и суммы налога с этой категории хозяйств.

В сущности говоря, эта табличка дает совершенно отчетливую картину проектируемой системы прогрессии.

Группы по размерам дохода на едока.	Число хоз. в % к итогу	Сумма облагаемого дохода в тыс. руб.	% из'ятия дохода налогом.	Сумма налога в милл. руб.
До 30 руб	29,8	7[illegible]6	Не облагается	Не облагается
30—40	21,2	1.010	2,0	2[illegible],2
40—50 50—60	26,5	1 590	2,3 3,6	50,9
60—70 70—80	12,3	953	4,6 6,8	57,2
80—90 90—100	5,6	522	8,0 9,0	43.3
100—120	1,9	200	10,0	20,0
120—140 140—160 160—180	2,2	400	11,0 12,0 12,5	46,0
180—200 200—220 св. 220	0,5	119	1[illegible],0 13,5 14,0	15,4
Итого . .	100	5.500	—	253,0

А эту табличку ярче изображает диагр. № 3, на стр. 103.

Конкретно: освобождаются вовсе от налога (везде округляем) 30% хозяйств.

Платят налог от 2—3,6% облагаемого дохода—48% хозяйств,
платят налог от 4—7%—12% хозяйств,
примерно от 7% до 9% платят—5,6% хозяйств,
от 10—14% будут платить 5% хозяйств, из которых только ½% хозяйств будут платить от 12,5 до 14%.

Теперь, если сопоставить нынешнюю прогрессию с проектируемой, увидим:

Таблица ставок по с.-х. налогу на 1926—27 г.

Размер облагаемого дохода на едока в рублях.	По ставкам 1925—26 г.		По проекту на 1926—27 г.	
	Налог на едока в рублях.	% из'ятия облагаем. дохода налогом.	Налог на едока в рублях.	% из'ятия облагаем. дохода налогом.
30	1,07	3,56	0,60	2
40	1,68	4,20	0,80	2
50	2,51	5,02	1,60	3,2
60	3,89	6,48	2,40	4
70	5,31	7,59	4,10	6
80	6,74	8,42	5.80	7,25
90	8,16	9,07	7.50	8,33
100	9,59	9,59	9,20	9,2
120	12,39	10,32	12,60	10,5
140	15,24	10,89	16,00	11,43
160	18,04	11,27	19,40	12,12
180	20,89	11,61	22,80	12,67
200	23,70	11,85	26,20	13,1
250	30,77	12,31	34,70	13,88
300	37,85	12,62	43,20	14,40

В нынешнем году мы изымали при доходе в 40 руб. на едока 4,2%, по новому проекту мы будем изымать только 2%. При доходе в 60 руб. на едока мы изымали 6,5%, а по проекту будем изымать 4%. Это в низших и средних группах. В высших же группах при доходе в 200 рублей на едока мы изымали 11,85%, а будем изымать, примерно, 13%.

Если припомнить, что предлагаемые нами проценты из'ятия относятся к облагаемому доходу, пониженному против условно-чистого, то мы должны будем притти к выводу, что и те 5% хозяйств, которые против нынешнего года будут платить несколько более высокий процент своего дохода—при исчислении налога по отношению к условно-чистому доходу, получат либо также понижение, либо тот же процент из'ятия, как и в нынешнем году.

Таким образом, в 95% хозяйств налогом будет изыматься меньше, чем в нынешнем году.

За счет чего делается это понижение?

В первую очередь за счет более высокого дохода, чем в нынешнем году, и во-вторых, таблица ставок нынешнего налога строилась для налога в 280 милл. руб. (к реальному получению 240). Мы строим таблицу ставок на сумму налога, примерно, в 250 милл. руб., а к реальному получению примерно в 220—225 милл. руб.

При построении прогрессии обложения, при разрешении задачи партии—содействовать развитию производительных сил деревни, мы как будто упираемся в некоторое противоречие. Если при построении налога неуклонно проводить принцип наибольшего благоприятствования тем слоям деревни, на которые опирается советская власть, то, повидимому, мы вынуждены были бы перенести наибольшую тяжесть налога на выс-

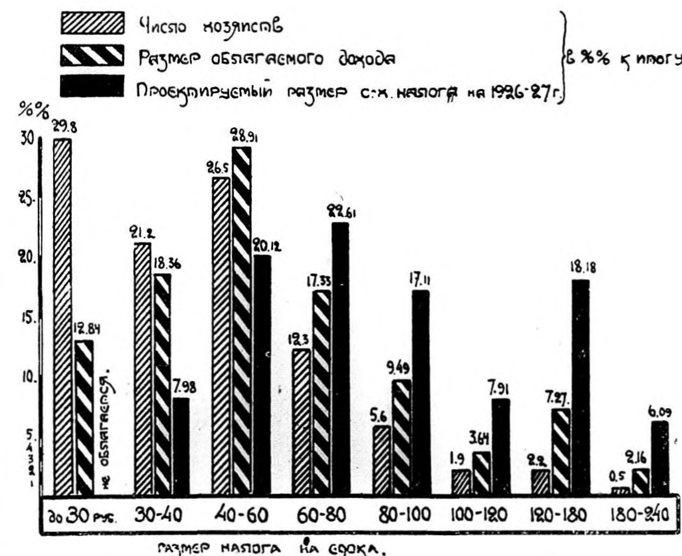
шие группы хозяйств. Между тем, наиболее производительными, доставляющими наибольшее количество товарных излишков, являются эти группы и переобложение их может приостановить их дальнейшее развитие. Но является ли процент из'ятия, предлагаемый нами, препятствием к развитию производительных сил даже этой маленькой категории хозяйств?

Ни в какой степени. Потому что, даже изымая 12—13% в хозяйствах, имеющих примерно $1\frac{1}{2}$ тыс. руб. облагаемого дохода, т.-е. значительно пониженного дохода, они являются

Диаграмма № 3.

Относительное распределение крестьянск. хозяйств дохода и с.-х. налога

по группам с различной доходностью на едока по проекту таблиц ставок на 1926-27 год.



настолько мощными, что из'ятие этого дохода ни в какой степени не может повлиять на дальнейшее развитие этих хозяйств.

В самом деле, конкретно, что из себя представляет хозяйство с облагаемым доходом в $1\frac{1}{2}$ тыс. рублей? Предположим, что это хозяйство никаких промысловых заработков не имеет. Тогда это хозяйство будет примерно таким: 20 десятин посева, 10 коров, 5 лошадей, 50 голов мелкого скота, огород, сад, птица и проч.

Такое хозяйство, уплатив налог в размере нами предполагаемом, будет дальше расти. Между тем, из'ятие от 5 до 9% дохода, как мы изымали теперь у основной массы

середняцких хозяйств, имеющих доходу на хозяйство примерно 350—400 руб., безусловно задерживает, замедляет развитие этих хозяйств.

Поэтому мы считаем, что предлагаемый нами проект прогрессии наиболее полно отражает нашу политику к различным категориям крестьянских хозяйств, и, безусловно, будет содействовать разрешению наших задач в деревне.

Естественно возникает вопрос: что же в предлагаемой системе налога все бесспорно? И есть ли другие проекты системы?

Ответить на эти вопросы совершенно об'ективно пишущему эти строки, защищающему систему, только что изложенную, будет не легко. Все же, постараемся вкратце познакомить читателей на этот счет.

Мы не будем останавливаться на системе, предлагаемой отдельными лицами о построении налога по принципу из'ятий ренты. Мы считаем этот проект неприемлемым. Подробно на нем не останавливаемся, потому что место не позволяет.

Против же предлагаемой нами системы есть возражения, мы бы сказали, больше технического характера, чем принципиального. Продолжают оставаться некоторые затруднения, которые ясны и защитникам изложенного проекта.

Мы считаем учет дохода от неземледельческих заработков и второстепенных отраслей сельского хозяйства в индивидуальном хозяйстве делом довольно трудным. Но опыт работы волостных налоговых комиссий за нынешний год показал, что им можно поручить эту ответственную задачу. Эти налоговые комиссии в нынешнем году выполняли чрезвычайно ответственные задачи, и материалы подтверждают, что они с задачей справились и что они пользуются большим авторитетом среди крестьянства.

Кроме того, следует помнить про задачу вовлечения крестьянства в советское строительство. А ведь лучший способ вовлечения крестьянства в советское строительство—это передать проведение в жизнь важнейших мероприятий советской власти самому крестьянству.

До проведения нового налога в жизнь остается еще достаточно времени, и за это время надо будет провести большую подготовительную работу, чтобы дать местам наиболее исчерпывающие данные и материалы.

Некоторые возражают против нашего предложения перейти от обложения по пашне к посеву, при чем эти возражения двоякого характера.

Во-первых, технические затруднения, которые об'ясняются тем, что посев, являющийся наиболее текучим элементом в крестьянском хозяйстве, не удастся правильно учесть, что мы будем иметь большой недоучет посевной площади, а это, в свою очередь, отразится на сумме налога.

Во-вторых, нет нужды в переходе к обложению по посеву, потому что мы имеем незначительные колебания в использовании пашни.

Что касается первого возражения, то ему нельзя отказать в некоторой убедительности, но все же нельзя из-за этого отказаться от коренного изменения этого принципа.. Когда в 1921 году начали учитывать пашню, у нас тоже был большой недоучет пашни, как мы имеем недоучет посева и теперь. Кроме того, мы имеем теперь низовой советский аппарат куда лучше, чем в 1921 году. Да, наконец, у нас имеются данные о посевных площадях целого ряда организаций и, самое важное, у нас есть посевные площади, учтенные налоговыми списками в каждом отдельном крестьянском хозяйстве.

Что же касается соображения второго порядка, что мы имеем небольшие колебания в размерах использования пашни, то не представляется возможным загромоздить статью таблицами, опровергающими это положение. В том-то и дело, что мы имеем чрезвычайную пестроту в использовании пашни под посев по губерниям, уездам, волостям, но, самое важное,—по отдельным крестьянским хозяйствам.

Мы считаем совершенно неправильным оставаться дальше на обложении по пашне. Ведь, если признать, что нет больших колебаний в использовании пашни между отдельными крестьянскими хозяйствами одного и того же села, то придется на девять десятых отвергнуть положение о наличии каких-то процессов дифференциации крестьянского хозяйства. Совершенно бесспорно, во-первых, что количество пашни на едока больших колебаний внутри села не даст, и второе, что наибольшим показателем мощности крестьянского хозяйства является количество посева на едока. Если считать, что в деревне, все засевают одинаковую часть своей земли, а земли на едока у всех почти одинаково, то следовательно на едока получается одинаковая площадь посева, т.-е. все хозяйства по своей доходности и мощности одинаковы. Какие же тогда разговоры о какой-то дифференциации? Именно в размерах использования пашни в хозяйстве мы имеем большие колебания.

Оно и понятно: землю-то поделили, а скота не делили, работников не делили, денег не делили, инвентарь не делили, и в результате мы имеем большое количество хозяйств многоземельных, но никчемных, нищих—и наоборот.

Отсюда и аренда земли и наем работников и проч., а ведь эти явления имеют характер преимущественно внутри села.

Мы на этом заканчиваем нашу статью и полагаем, что по этому вопросу придется еще писать.

Мы считаем, что предлагаемая нами система наиболее полно отражает политику партии в деревне, лучше нынешней системы будет содействовать разрешению задач партии в деревне, и поэтому она должна быть принята.

Два слова о сумме проектируемого налога. Отсутствие указаний на этот счет может помешать свободному обсуждению наших предложений. По нашему мнению сумма нового налога никоим образом не должна быть выше нынешнего года, возможно даже, несколько ниже. Что же касается тяжести налога, т.-е. процента из'ятий дохода, то эта тяжесть налога должна быть безусловно ниже нынешнего года.

Волостному бюджету должно быть передано в порядке отчисления, как и в нынешнем году, не менее 100 милл. руб., независимо от общей суммы налога.

К этому сводятся все наши предложения.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Наше наступление и роль государственного капитализма.

(*Заметки о сборнике: „Ленин о госкапитализме", „Прибой", 1926 г.*).

Очевидно, составители этого сборника хотели помочь членам партии разобраться в закончившемся на XIV с'езде споре о госкапитализме. Собранные и об'единенные в одну брошюру мысли Ленина должны служить, по замыслу редакции, руководящим материалом для определения мнения партии по этому вопросу. С той же целью т. Зиновьев усиленно рекомендовал этот сборник в своем содокладе, указывая, что в нем содержатся «только материалы, только подбор того, что сказано Владимиром Ильичем о госкапитализме».

Однако, нам кажется, что эта рекомендация вдвойне не заслужена. Во-первых, трудно, вернее невозможно, создать другую такую брошюру, столь основательно, серьезно и уже, несомненно, ортодоксально, по-ленински опровергающую постановку вопроса о госкапитализме, данную самим тов. Зиновьевым и в особенности тов. Сокольниковым. С этой точки зрения брошюра не заслужила рекомендации именно с их стороны. Впрочем, нам думается, что это совершенно не входило в планы составителей. Это видно из того, что, во-вторых, редактирование и составление брошюры страдает, мягко говоря, некоторыми «странностями». Оставим в стороне отдельные недочеты в подборе отрывков и отметим прежде всего, две основных «странности».

Во-первых, с первого же взгляда на книжку бросается в глаза то обстоятельство, что она выпущена без указаний составителя или редактора, т.-е. анонимно. Конечно, можно считать, что для подбора мыслей Ленина по волнующему партию вопросу нужны только ножницы: нарезал цитат, склеил их—и готово дело; стоит ли проставлять скромное имя товарища или товарищей, проделавшего или проделавших эту простую работу? Но нам кажется, что подбирать мысли Ленина, как «материалы» для партии, для партс'езда—дело большой ответственности. В самом деле, раз сборник выпущен анонимно, то кто же отвечает за данный подбор ленинских мыслей? Кто озаглавил отдельные отрывки? Кто расположил их в определенном, хотя бы хронологическом, порядке? Тайна сия велика есть. Тщетны все попытки разыскать редактора или составителя. Он в природе существует, он на стр. 8 сделал даже «примечание редакции», но шапка невидимка скрывает его от нескромных взоров.

Во-вторых, нельзя в сборнике, предназначенном для широкого круга читателей, давать сплошную вереницу отрывков из Ленина, совершенно не проводя никакой периодизации и ограничиваясь только ссылками петитом на месяц и год. Нельзя приводить отрывки 1918 года рядышком с отрывками 1921 года, без всяких примечаний, проглатывая целые периоды экономической политики, в корне изменившие всю обстановку хозяйственной борьбы. Этого нельзя делать потому, что Ленин намечал определенную линию экономической политики, отводил определенную

сферу для госкапитализма, применяясь к данному периоду со всеми его конкретными особенностями, с его центральной задачей и «очередным звеном». Попросту переносить постановку вопроса, данную Лениным для одного этапа, на условия совершенно другого этапа экономической истории нашей революции—прием совершенно недопустимый. Между тем, указанное расположение отрывков как раз может привести к некоторому смазыванию в глазах рядового читателя исторических особенностей данной постановки Лениным вопроса о госкапитализме. Следствием этого может явиться прямехонькое применение ленинской экономической линии, намеченной специально для этапа 1918 г., к условиям 1925—26 года. Такое неисторическое восприятие ленинских мыслей равносильно прямой путанице, «блестящие» образцы каковой мы имеем в оппозиционных попытках применить ленинские возражения против «левых коммунистов» к современным противникам «госкапиталистических излишеств» (т.-е. к большинству партии). Впрочем, может быть, анонимные составители нашего сборника и хотели попытаться путем беспересадочного перенесения положений Ленина 1918 года на 1925—26 г.г. подвести базу под об'явление госкапитализма всеобщим путем к социализму? Во всяком случае несомненно, что этот сборник по замыслу должен был «мобилизовать» Ильича для поддержки наших неумеренных «госкапиталистов». Однако, стоит вдуматься даже только в материал сборника, стоит разобраться в развитии ленинской постановки вопроса о госкапитализме, чтобы убедиться в том, что ленинское учение о госкапитализме «поддерживает» теоретиков новой оппозиции на манер веревки, «поддерживающей» повешенного.

Прежде всего, какое содержание Ленин вкладывает в понятие госкапитализма в пролетарском государстве. Во-первых, по Ленину, «государственный капитализм состоит не в деньгах, а в общественных отношениях», другими словами, не наличие той или иной формы товарно-капиталистического хозяйства составляет суть госкапитализма; он имеется только при условии определенного социального содержания этой формы. Какое же общественное отношение составляет сущность госкапитализма? «Пролетарская государственная власть» направляет «капитализм по государственному руслу» и создает «капитализм, подчиненный государству и служащий ему» (стр. 37, подчеркнуто нами).

В соответствии с этим точным и ясным определением Ленин никогда, ни в одной своей работе не относит к государственному капитализму ничего другого, кроме как предприятия, в которых главное общественное отношение можно определить как «капитализм, подчиненный государству и служащий ему». Так, в 1918 г. Ленин называет госкапитализмом те случаи, когда пролетарии кожевники, текстильщики и др. «сажают» в правления трестов $^1/_3$ капиталистов, «купцов» и «деляк», а сами учатся у них делу организации крупного производства. При этом часть прибыли идет этим капиталистам, при этом остается действовать капиталистическая предприимчивость, при этом капиталисты являются полусобственниками, полуслужащими. В 1921 г. Ленин относит к госкапитализму концессии, аренду, «буржуазных кооператоров», торговцев—агентов государства и т. д. Предприятия, организованные по типу советских железных дорог, Ленин все время относит к социалистическим элементам нашего хозяйства. Уже в 1921 г. он пишет, прямо-таки предвидя современные шатания по этому вопросу: «Мы ни в коем случае не можем забывать того, что мы часто наблюдаем—социалистического отношения рабочих на принадлежащих государству фабриках»... Крупные госпредприятия Ленин тут же называет «социалистическими фабриками» (стр. 24). Наконец, в 1923 году Ленин дает законченную формулировку о «пред-

приятиях последовательно-социалистического типа», от которых радикально «не отличаются» кооперативные предприятия. Но, увы, в 1925 году находятся такие «100%-ные ленинисты», у которых госкапитализм расплывается из точных ленинских рамок во что-то неопределенное и вездесущее. Они не находят в нашем хозяйстве ни одного социалистически организованного завода [1]; они, ничтоже сумняшеся, относят к госкапитализму железные дороги и считают, что участие частного капитала в хозяйственных процессах и торговая связь государственных предприятий с капиталистическими элементами делают даже нашу госпромышленность—не говоря уже о Госбанке—частью госкапиталистического сектора нашей экономики. При этом, они еще имеют смелость претендовать на «спасение» ленинизма от ревизионистов! Стоит ли спорить с подобными путаниками? Ограничимся только некоторым «углублением» их мыслей. Если участие частного капитала в торгово-производственном кругообороте государственной промышленности превращает государственные предприятия в госкапиталистические, то что же надо сказать о скромном хозяйстве якута, если меха от убитого им зверя попадают на госуд. предприятия Москвошвея и пришиваются к воротникам Москвошвеевских шуб? Раз Москвошвей участвует в воспроизводстве якутского хозяйства, то согласно разбираемой теории, оно превращается в что-то вроде патриархально-социалистического предприятия! На этом пути перед нами открываются блестящие перспективы немедленного об'явления заводов «Форда» «капиталистическо-социалистическими» предприятиями, ибо наши советские социалистические совхозы некоторым образом участвуют в воспроизводстве этих заводов, покупая у них «фордзоны». Однако, предоставим развивать эту замечательную теорию ее авторам, а сами обратимся к учению Ленина (а не Сокольникова) о госкапитализме.

Попробуем выяснить, какую роль отводил Ленин госкапитализму в деле строительства социализма в нашей стране. Конечно, смешно и глупо было бы думать, что Ленин на протяжении всей революции (т.-е. с 1917 по 1923 г.) возлагал на госкапитализм совершенно одну и ту же роль, отводил ему совершенно одинаковую хозяйственную сферу. Основная линия оставалась неизменной: необходимо так ограничить и использовать капитализм, чтобы он оказался на службе государству в деле создания материально-производственной базы социализма [2]; но в вопросе, в какой мере, где и как допустить и применить госкапитализм, у Ленина можно найти три основных этапа.

П е р в ы й э т а п охватывает, главным образом, первые 5—6 месяцев 1918 года—до полного разворачивания гражданской войны и военного коммунизма. Каковы главные черты этого периода и каковы задачи, намечаемые Лениным для госкапитализма?

Главная экономическая о п а с н о с т ь на этом этапе—«мелкособственнический р а с п а д и развал», «продолжение мелко-собственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность», «нам грозит стихия мелко-буржуазного разгильдяйства». Мелкий собственник хочет не только разбить буржуазию, но и сорвать в с я к и й учет и к о н т р о л ь, в с я к у ю организацию, в с я к о е крупное и культурное производство.

Главная з а д а ч а—«общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов». Необходимо этим путем обуздать «мелко-буржуазную стихию» и подготавливать «материально-производственное «введение» социализма». «Победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего».

[1]) См. речь т. Сокольникова на XIV партс'езде.

[2]) Мы здесь, как и в некоторых дальнейших местах, опускаем отношение к капитализму в период военного коммунизма.

Главное з а т р у д н е н и е в э т о м д е л е—отсутствие у пролетариата «умения организовать к р у п н е й ш е е производство», «опыта самостоятельной работы по налаживанию к р у п н е й ш и х, д е с я т к и м и л л и о н о в н а с е л е н и я о б с л у ж и в а ю щ и х, п р е д п р и я т и й». (Курсив наш).

Главный в ы х о д, главное с р е д с т в о в этой борьбе по преодолению мелкобуржуазной стихии—государственный капитализм. «В государственном капитализме для нас спасение». Нужно пойти на компромисс с «культурными капиталистами», нужно, чтобы эти капиталисты организовали необходимый учет и контроль «в качестве умнейших и опытных организаторов к р у п н е й ш и х предприятий» (подчеркнуто Лениным); нужно, чтобы они помогли наладить «крупное и крупнейшее «государственное» производство». Только этим путем можно обуздать мелкособственническую стихию, укрепить крупное, технически-развитое производство и выдвинуть его в качестве руководителя всем хозяйством. Нужно поэтому «наладить к р у п н у ю, о б щ е г о с у д а р с т в е н н у ю о р г а н и з а ц и ю п р о и з в о д с т в а н а г о с у д а р с т в е н н о - к а п и т а л и с т и ч е с к и х н а ч а л а х» (курсив наш).

Эта постановка вопроса настолько ясна, что не требует почти никаких комментариев; отметим только, что центральной мыслью здесь является применение «государственно-капиталистических начал» именно в «крупной и крупнейшей промышленности». Именно, прежде всего здесь рабочие должны, сидя рядом с капиталистами, учиться у них «налаживать» тресты, «налаживать» государственный капитализм, «при советской власти являющийся преддверием социализма, условием прочной победы социализма» (стр. 23—24). Государственный капитализм на этом этапе мыслится как посредствующее звено между капиталистическим и социалистическим строем в крупной промышленности. Затем постепенно эта «система государственного производства и распределения и система частноторгового (очевидно мелко-капиталистического, мелко-собственнического. *А. А.*) производства и распределения вступят между собой в борьбу» и «мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной (мелко-капиталистической. *А. А.*) системы» (стр. 42).

Удалось ли развернуть такой государственный капитализм? Пошли ли капиталисты на предложенный им «компромисс»? Нет. «Нам, которые предложили капиталистам... постепенное изменение всего этого (старого экономического уклада. *А. А.*) путем государственного регулирования—нам был поставлен вопрос о самом нашем существовании. Тактика, принятая классом капиталистов, состояла в том, чтобы толкнуть нас на борьбу..., вынудившую нас к неизмеримо большей ломке старых отношений, чем мы предполагали» (стр. 44). В силу этого в советской республике установился военный коммунизм. Вместо подчинения капитализма советскому государству пролетариат был вынужден проводить полное его запрещение и уничтожение; вместо использования буржуазии—всяческое ее подавление и искоренение; вместо обуздания мелкого собственника при помощи государственного капитализма—его обуздание путем войны и военной дисциплины.

В результате этого к 1921 году оказалось, что «мелкое производство существует отдельно от с о ц и а л и з м а» (т.-е. от с о ц и а л и с т и ч е с к о й промышленности. Курсив наш, стр. 24). Единственный способ связать разорванные части хозяйства—свобода торговли. А «свобода торговли означает рост капитализма» (стр. 25); это известное развитие капитализма «неизбежно при существовании миллионов мелких производителей». Поэтому «мы до известной степени заново создаем капитализм».

Следовательно, мы отступаем, допуская капитализм; это неизбежно, «ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства... ибо это нужно народу, без этого жить нельзя» (стр. 53). Таковы условия *второго этапа* постановки вопроса о госкапитализме, этапа первых шагов нэпа. Ленин спрашивает «страшен ли этот капитализм (т.-е. капитализм, вырастающий из свободы торговли для мелких собственников. *А. А.*) нам, если мы имеем в руках фабрики, заводы, транспорт и заграничную торговлю?» Ответ ясен и тверд: «Этот капитализм нам не страшен». Надо только «не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма» (стр. 27). «Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере, *как стихийный продукт мелкого производства и обмена*, и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма) как *посредствующее звено между мелким производством и социализмом*: как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил» (стр. 33. Все курсивы наши)... «При таких условиях государственный капитализм—что это такое? Это будет *об'единение мелкого производства*» (стр. 24, курсив наш). «Мы», авангард, передовой отряд пролетариата переходим *непосредственно к социализму*». Но для того, «чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего *непосредственного* перехода к социализму, для этого надо понять, какие *посредствующие* пути, приемы способы, пособия нужны для перехода *докапиталистических* отношений к социализму» (стр. 32, два первых курсива—наши, два вторых—Ленина). Постановка вопроса здесь совершенно ясна: государственный капитализм есть «об'единение мелкого производства». Теперь его центральная задача—служить посредствующим звеном между *мелким* производством и социализмом. Крупная же промышленность переходит *непосредственно* к социалистической организации. Конечно, концессии остаются особым видом госкапитализма, дополняющим крупную социалистическую промышленность. На этом этапе еще не нащупаны конкретные формы некапиталистического развития мелкого (крестьянского) хозяйства. Дано только отношение к капитализму, растущему из мелко-собственнического уклада, формулирована задача и указаны пути превращения этого капитализма в посредствующее звено движения к социализму. Кооперация, как известно, отнесена к государственному капитализму; еще не указана возможность превратить ее в путь непосредственно-социалистического об'единения крестьян. Ленин пишет: «Свобода и права кооперации *при данных условиях России* означают свободу и права капитализму» (стр. 30, курсив наш). Конечно, в условиях 1921 года социалистические элементы были еще не в силах превратить кооперацию из организации, регулирующей рост капитализма, в организацию непосредственной социалистической переделки крестьянских хозяйств; для этого необходимо, чтобы социалистическая промышленность имела действительную гегемонию и в области производства, и в области снабжения, и в особенности в области руководства рынком и торговлей.

Благодаря отсутствию этих условий в «Продналоге» мы имеем только зародыши, только намек на возможность кооперативно-некапиталистического развития нашей деревни. Этот «намек» состоит из трех пунктов. Во-первых, Ленин не только нигде не говорит о неизбежности *всеобщего, всеохватывающего* характера роста деревенского капитализма, но наоборот, многократно подчеркивает, что рост капитализма неизбежен только «в известной мере», «до известной степени» и т. д. Во-вторых, Ленин не отрицает принципиальной возможности «непосредственного перехода» к социализму от «преобладающего в России состояния» (т.-е. от мелко-крестьянского уклада). Он такой переход, считает «мыслимым до известной степени, но лишь при одном условии... Это условие—электрификация». Но так как это «одно условие» требует десятилетий, то нам «на ближайшие годы надо уметь думать о посредствующих звеньях» (стр. 32—33). Несомненно, все же, что принципиальная возможность перехода к социализму *в обход* капитализма здесь дана, и никакой *безусловной* неизбежности преобладания капиталистической эволюции Ленин не выставляет. В-третьих, наконец, кооперация выделена Лениным в несколько особое положение, по сравнению с другими видами госкапитализма. Возьмем хотя бы следующую мысль: «Кооперация... облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь, есть гигантский плюс с точки зрения *дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму*» (стр. 30, взято из «Продналога», курсив наш). Или: «Политика кооперативная, в случае успеха, дает нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок *к крупному производству на началах добровольного об'единения*», т.-е., иначе говоря, к социализму (курсив наш, стр. 31). Однако, для того, чтобы развить эти намеки для того, чтобы с полной ясностью указать на возможность подтягивания основной части крестьянства к социализму против капиталистической тенденции, на основе второго, *в корне* другого, «прямого» пути—для этого понадобилось еще два года.

Третий этап постановки вопроса о госкапитализме мы имеем в статье «О кооперации» (1923 год). Отличие от «Продналога» состоит в определенном указании на то, что мы в кооперации нашли способ сомкнуть, соединить «частный торговый интерес» крестьянина с «общим интересом» — с социалистическим строительством. Если кооперация, с одной стороны, «врастает» в систему социалистического пролетарского хозяйства, руководящего всеми хозяйственными процессами, а, с другой стороны, миллионами корней уходит в крестьянский массив, то это создаст возможность не только ограничивать и регулировать рост деревенского капитализма, но также и предупреждать этот рост, также противопоставить ему социалистическое об'единение крестьянских хозяйств.

В соответствии с этим кооперация (в основной своей части) из формы госкапитализма превращается в органическую часть социалистического сектора нашего хозяйства.

Через кооперацию мы научились (или научимся) «строить этот социализм так, чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении». Как видно, тут конкретный путь к социализму для *основной* массы крестьянских хозяйств намечен не по капиталистической линии, а по другой линии—по линии кооперирования под руководством социалистической промышленности. Отсюда вытекает, что государственный капитализм уже не является единственным конкретно указанным «посредствующим звеном» или способом «об'единения мелких производителей». На первое место в деле такого об'единения выдвинута кооперация, которая «сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом». Таков третий этап определения Лениным роли госкапитализма в деле приближения к социализму.

Сравним теперь все три постановки этого вопроса и сделаем некоторые обобщения и выводы. В первом случае (1918 год) «источник» необходимости госкапитализма—проблема создания государственной крупной промышленности. В соответствии с этим именно в ней

должен быть введен госкапитализм, как посредствующее звено движения к социализму. В 1921 году, после трех лет военного коммунизма, сфера госкапитализма передвигается в область об'единения мелкого производства, в область связывания капиталистической тенденции мелко-собственнического «моря» с государственной промышленностью, переходящей непосредственно к социалистической организации. Мы только «частично возвращаемся к системе госкапитализма» (Ленин). Военный коммунизм сыграл ту положительную роль, что достиг (дорогой ценой) непосредственного «превращения» крупных госпредприятий в «социалистические фабрики» (Ленин). Тут, непосредственно в крупной промышленности, в «командных высотах» мы не отступили, на госпредприятиях госкапитализма не ввели. Госкапитализм, как посредствующее звено, выдвигается поэтому теперь для организации стихийного мелкого капитализма, для мелко-собственнической стихии (конечно, мы берем госкапитализм, вытекающий из подчинения государством внутренних капиталистических элементов, т.-е. мы оставляем концессии в стороне). Однако, такая передвижка госкапитализма равносильна сужению его сферы, его роли. Правда, в 1918 г. у Ленина нет прямых указаний на госкапиталистические способы и пути переделки крестьянства. Он говорит только (да и то позднее), что тогда предполагалось, что система государственного хозяйства вступит «в борьбу» с частно-торговой системой и шаг за шагом будет отвоевывать у этой «враждебной системы» хозяйственную территорию. Однако, само собой понятно, что если даже для крупной промышленности Ленин намечал госкапитализм, как посредствующее звено, то для мелкого производства трудно было и думать о каком-либо другом переходе. Очевидно, что государственный капитализм должен был шаг за шагом наступать на «мелкобуржуазную стихию», постепенно переделывая ее по своему образу и подобию, «навязывая» ей или как-либо по другому внедряя государственно-капиталистическое регулирование (напр. Ленин к госкапитализму относит (в 1918 г.) хлебную монополию). Центр госкапитализма на первом этапе лежит, разумеется, в крупной промышленности; а в 1921 г. этот центр передвигается в область регулирования и об'единения мелкого производства. Вместе с тем, социалистическая организация крупной промышленности превращает госкапитализм из руководящей, главной формы хозяйства скорее в агенты, в «пособники» социалистической формы в деле об'единения мелкого производства. В соответствии с этим Ленин выдвигает в качестве форм госкапитализма кооперацию, аренду мелких предприятий, комиссионную торговлю и т. д.; а в 1918 г. в центре внимания у него находился «трест», как форма госкапитализма (вопрос о концессиях мы все время оставляем в стороне, т. к. в нем принципиальных изменений не было). Таково первое сужение роли и сферы госкапитализма.

В переходе от второго этапа («Продналога») к третьему («О кооперации») мы имеем налицо второе аналогичное сужение. Если три года военного коммунизма «перевели» крупную промышленность в стадию социалистической (а не госкапиталистической) системы, то благодаря производственному укреплению и овладению рынком со стороны этой социалистической промышленности два первые года нэпа открыли возможность кооперативного развития для основной части крестьянства. Развитие нашей промышленности вырвало кооперацию из области государственного капитализма и превратило ее в организацию «прирастания» мелко-крестьянской экономики к социалистической промышленности. Это дало возможность социализму сделать серьезный наступательный шаг: от одного ограничения деревенского капитализма продвинуться на высшую ступень: приступить к направлению развития деревни по социалистическому руслу. Это значит, что теперь дается к одному, основному, опорному звену—к социалистической промышленности—начать подтягивать следующее звено социализма—кооперативные об'единения крестьян, которые, конечно, являются гораздо менее законченными хозяйственными организациями в смысле приближения к полному социализму. Понятно, что это сужает сферу капиталистического развития, создает вторую, социалистическую тенденцию развития в деревне, переносит нашу главную ставку именно на эту вторую, новую, социалистическую тенденцию и на ее борьбу с капиталистическим развитием. Вместе с тем, это является сужением роли госкапитализма, как дороги к социализму. Отменяет или дополняет эта постановка вопроса положения «Продналога»? Она их развивает. Уничтожает ли эта постановка вопроса роль госкапитализма, как она указана в 1921 г. в «Продналоге»? Отнюдь не уничтожает; только, как мы уже говорили, сужает (прежде всего хотя бы прямым изменением характеристики кооперации). В «Продналоге» нет развернутого учения о некапиталистической, кооперативной эволюции нашей деревни. Там зато разработана госкапиталистическая сторона нашего движения к социализму. Это, конечно, не случайность. Тут мы имеем развертывание ленинского учения о строительстве социализма в крестьянской стране; это развертывание соответствует нашему наступательному движению. Можно ли при этом сужение роли госкапитализма подменять упразднением его роли? Никоим образом. Это значило бы переоценить наши силы, это значило бы не видеть неизбежности абсолютного роста (при вероятности относительного падения) враждебных нам капиталистических элементов. Современной сферой госкапитализма (без концессий) является подведения к социализму, при условии регулирования пролетарским государством, во-первых, той части крестьянских хозяйств, которые или захвачены, или будут захвачены капиталистическим развитием (речь идет, конечно, не о пролетаризующихся, а о капитализирующихся хозяйствах), во-вторых, частно-хозяйственного капитализма и различного рода смешанных обществ с участием частного капитала.

Несомненно, что фактическое количество госкапиталистических предприятий растет; вероятно, что и доля госкапитализма в нашем хозяйстве увеличивается. Но суть дела в том, что из «откалывающихся» хозяйственных «кусков» отсталых ступеней нашего народного хозяйства все меньшая их часть будет прирастать к госкапитализму, все большая—к социалистическим формам нашего хозяйства.

В общем, сужение роли госкапитализма, как дороги к социализму, является просто одной из сторон того центрального факта, что общая линия нашей пооктябрьской хозяйственной политики была, есть и будет линией наступающего социализма; первый период нэпа был в этом смысле известным исключением. По мере нашего наступления увеличивались возможности непосредственно-социалистической переделки частей хозяйства и поэтому-то сужалась роль обходного, госкапиталистического пути.

Пытаться вернуть нашу партию чуть ли не к позициям 1918 года, при этом искренне считать себя спасителем ленинизма—можно только при одном «условии»: полного, крепкого непонимания ленинской диалектики; другими словами совершенно «неисторического», т.-е. поверхностного восприятия ленинских положений.

Об'являть госкапитализм всеобщим путем к социализму; окрашивать все и вся в двуцветные госкапиталистические тона—значит, по сути дела, не понимать ни ленинизма, ни нашего наступления, ни путей строительства социализма в нашей стране.

А. Айхенвальд.

САФАРОВ, Г.—К вопросу о нашей стабилизации. Ленинград 1926 г., раб. изд. «Прибой».

Тов. Сафаров в последнее время избрал своей специальностью пропаганду «стопроцентного» ленинизма и борьбу со всякого рода идейными шатаниями внутри нашей партии. Рецензируемый «труд» тов. Сафарова посвящен выяснению «значения ленинизма на хозяйственном фронте», главным образом, борьбе с «кулацким» уклоном т. Богушевского, Спасского и др. От другого уклона, связанного с недооценкой середняка и неверием в социалистическое строительство, признанного XIV партс'ездом наиболее опасным в условиях переживаемого периода, тов. Сафаров пренебрежительно отмахивается замечанием «стоит ли лоб расшибать, если желаешь разоблачить всего на-всего лишь Ларинский уклон» (стр. 33). Зато для разоблачения «кулацкого» уклона тов. Сафаров не пожалел своих скромных сил. Источники этого уклона он нашел в утопическом социализме, меньшевизме, струвизме, народничестве и левом коммунизме (?), построив для этого специальную, всеоб'емлющую теорию уклонов. Эта любопытная теория стоит того, чтобы на ней остановиться.

«На всех ступенях рабочего движения вопрос о взаимоотношении между хозяйственной жизнью и классовой борьбой был коренным, кардинальным» (стр. 8). «Переоценка хозяйственного момента за счет классовой борьбы, забвение политики из-за экономики, неумение увязать задачи строительства нового с решительной борьбой против старого—таков первородный грех всех уклонов и отклонений от столбовой дороги революционного марксизма» (стр. 8). Этот первородный грех всякого оппортунизма особенно грозит нашей партии, так как «необходимость постоянной увязки пролетарской политики с мелко-буржуазной экономикой может толкать наиболее неустойчивые элементы нашей партии к забвению граней между хозяйственным развитием и классовой борьбой даже в условиях пролетарской диктатуры». Именно поэтому, поучает тов. Сафаров, «необходимо постоянно иметь перед глазами весь предыдущий опыт разоблачения ошибок оппортунизма в деле увязки хода хозяйственной жизни с классовой борьбой» (стр. 14).

До сих пор мы скромно полагали, что основным социально-политическим содержанием марксистско-ленинской теории является учение о роли пролетариата в борьбе за социализм, о путях и методах этой борьбы. Отсюда мы делали вывод, что непонимание этой исторической роли пролетариата, неверие в его силы, непонимание путей и методов борьбы за социализм является в основном той гранью, которая отделяет революционных марксистов-ленинцев от всякого рода буржуазных и мелкобуржуазных политиков и идеологов. В частности в послеоктбрьский период большинство уклонов нашей партии основывалось на непонимании путей и методов социалистического строительства в крестьянской стране, на недооценке союза с крестьянством и неверии в возможность социалистической перестройки десятков миллионов крестьянских хозяйств. Но у тов. Сафарова дело обстоит совершенно иначе. Он толкует о забвении «граней между хозяйственным развитием и классовой борьбой», между экономикой и классовой борьбой, совершенно не подозревая, что эти грани, о которых он подчеркнуто пишет курсивом, не существуют, ибо экономика—это комплекс производственных отношений, которые в современных условиях в основном сводятся к отношениям классовым. Он противопоставляет политику экономике, забывая знаменитую ленинскую формулу, что политика есть концентрированное выражение экономики. Он выхолащивает из экономики ее классовое содержание, скатываясь тем самым к пошлым трактовкам вульгарных экономистов, от которых даже наиболее умные представители буржуазной науки — наши классовые враги—давно отказались. Он загоняет всю классовую борьбу в область политики, видя в экономике лишь «хозяйственный момент», игнорируя тем самым ту азбучную марксистскую истину, что каждый шаг экономического развития современного общества происходит в условиях упорнейшей борьбы классов, которая неразрывна и едина в какой бы форме она ни проявлялась, будь то борьба экономическая, политическая или идеологическая. И это у тов. Сафарова называется ленинизмом. Невольно возникает вопрос: во имя чего потребовалась эта фальсификация марксистско-ленинского учения? Ключ к разрешению этой загадки дает нам сафаровский анализ проблем нашего экономического строительства.

«Мы до сих пор боролись за восстановление производительных сил, за условное достижение «довоенного уровня». В рамках этой задачи главное наше внимание сосредоточивалось на материальном накоплении, и вопрос о классовом расслоении на основе нэпа занимал нас в меньшей степени» (стр. 6). «Мы добились стабилизации народного хозяйства по-ленински. Новая (?) задача—обеспечить социалистическое развитие хозяйства» (стр. 7).

Оказывается, что задача обеспечить социалистическое развитие хозяйства есть задача новая, ставшая актуальной лишь теперь на девятом году пролетарской революции, до сих пор не стоявшая в порядке дня нашего экономического строительства. До сих пор мы занимались «материальным накоплением», а теперь пора приступить если не к социалистическому строительству, то к тому, чтобы обеспечить это строительство. Раньше тов. Сафаров рассматривал экономику вне классовой борьбы, теперь он рассматривает рост производительных сил нашего хозяйства, «как материальное накопление», вне анализа того, какой класс укрепил свои позиции в результате этого роста, какая передвижка в удельном весе отдельных секторов нашего хозяйства произошла в результате этого роста. Поэтому он проглядывает весь процесс социалистического строительства и выдвигает задачу обеспечения этого строительства, как задачу «новую». Такова сафаровская «философия эпохи». Но кто ей поверит? Разве любой курсант школы политграмоты не знает того, что мы не только успели к этому строительству приступить, но имеем уже налицо целый ряд крупнейших достижений в этом строительстве, которые совсем недавно зафиксированы XIV с'ездом партии в назидание некоторым маловерам. Отрицание этого факта нельзя квалифицировать иначе, как неверие в социалистическое строительство, отрицание того наступления по пути к социализму, которое было предпринято и успешно проводится нами на основе нэпа.

Четыре года мы занимались, по Сафарову, материальным накоплением. Но кто знает хоть немного азбуку марксизма, не должен упускать из виду, что это материальное накопление или рост производительных сил может иметь совершенно различное социальное содержание. Поэтому голый абстрактный лозунг материального накопления никогда не был и не мог быть содержанием нашей экономической политики, основной задачей которой является перестройка всей экономики на социалистических началах. Основная ошибка лозунга «обогащайтесь» в том и заключалась, что он был по существу лозунгом материального накопления без социальной характеристики этого накопления, лозунгом развития производительных сил без определения классовой формы этого развития. И вот тов. Сафаров, столь усердно улюлюкавший по поводу этого, никем не поддерживаемого лозунга, сейчас признает его правомерным для целой четырехлетней полосы нашего строительства. Усердно вытаскивал соломинку из чужого глаза, а у самого целое бревно застряло.

А если бы тов. Сафаров освободился от этого бревна, которое мешает ему рассмотреть сдвиги, происшедшие в социальном существе нашей экономики и в удельном весе отдельных элементов этой экономики, он понял бы, что 4 года нэпа были не просто годами «материального накопления», но годами упорнейшего социалистического строительства, давшими абсолютное и относительное укрепление социалистического сектора нашего хозяйства, и ему не нужно было бы вновь открывать Америку и выбрасывать «новые» лозунги, над осуществлением которых партия работает с успехом уж ряд лет.

Выдвинув «новую» задачу—обеспечить социалистическое строительство,—тов. Сафаров вместе с тем стремится предостеречь партию от опасностей и трудностей этого строительства. Если раньше «в ходе борьбы с разрухой не могли вырасти такие внутренние классовые опасности и угрозы, которые бы поставили под вопрос самую основу наших завоеваний» (стр. 6), то теперь дело обстоит несколько иначе. Нам угрожает опасность «неправильной, недиалектической увязки вопросов хозяйства с вопросами классовой борьбы» (стр. 23), забвение «граней между хозяйственным развитием и классовой борьбой». Вспоминая о том, что Ильич всегда советовал не обманываться насчет слабости врага, тов. Сафаров зловеще напоминает, что этот враг—кулак, и что «роль кулака отнюдь не исчерпывается отведенными ему статистикой четырьмя (?) процентами» (стр. 22). До сих пор мы с этой опасностью не боролись. В течение первых четырех лет нэпа, по Сафарову, «шла бешеная и ожесточенная борьба между двумя хозяйственными планами, планом Ленина и планом Дауэса». Основная задача этого периода заключалась в том, чтобы «добиться такого восстановления производительных сил, которое бы обеспечило действительную нашу политическую и экономическую самостоятельность по отношению к международному капиталистическому окружению» (стр. 7). «Вопрос же о классовом расслоении на основе нэпа занимал нас в меньшей степени» (стр. 6).

Остановимся сначала на том разграничении, которое тов. Сафаров проводит между «внутренними классовыми опасностями и угрозами», и борьбой за «политическую и экономическую самостоятельность по отношению к международному капиталистическому окружению». Отлично понимая, что «нэп есть форма соперничества и соревнования между капитализмом и социализмом в известных исторических пределах» (стр. 5), тов. Сафаров для первых четырех лет нэпа сводит это соревнование к борьбе с международным капиталистическим окружением. Тов. Сафаров забыл ту основную ленинскую истину, что весь вопрос в том, «организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или подчинят его капиталисты,—от этого зависит исход борьбы» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 377). Основная трудность нашего социалистического строительства в отсталости и мелко-буржуазности крестьянской экономики. Международная буржуазия сумеет поставить нас на колени только в том случае, если мы не преодолеем трудностей смычки, а это преодоление возможно не по пути сафаровского внеклассового «материального накопления», а по пути такого материального накопления, которое на фоне общего хозяйственного под'ема укрепляет смычку социалистической экономики с крестьянской, усиливает руководящую роль социалистических командных высот. И когда тов. Сафаров пишет, что четыре года шла бешеная и ожесточенная борьба против плана Дауэса, а внутренние опасности и угрозы не имели большого значения, то это есть недооценка борьбы за смычку, недооценка союза с крестьянством, непонимание основных трудностей нашей революции, игнорирование единства фронта международной и внутренней буржуазии в борьбе против нас. Интересно отметить, что тов. Сафаров, столь ожесточенно вопивший в последнее время о недооценке внутренних классовых опасностей, отрицает наличие этих опасностей для самого тяжелого периода нашего экономического строительства, когда командные социалистические высоты были наиболее слабы, возможности срыва их смычки с крестьянской экономикой наиболее реальны. Борясь против недооценки классовых противоречий, он сам смазывает эти противоречия для целого четырехлетнего периода.

Но недооценка классовых противоречий для одного периода у тов. Сафарова теснейшим образом связана с их переоценкой для другого периода. Загипнотизированный абсолютным ростом экономической мощи капиталистических элементов в городе и деревне, тов. Сафаров упускает из виду, что все же социалистические элементы растут еще быстрее и поэтому внутренняя опасность экономической реставрации все уменьшается, хотя несомненно, что трудности роста очень велики, борьба все усложняется. Только паника перед кулаком могла стушевать этот основной факт нашего экономического строительства. Общую тенденцию ослабления позиций капиталистических элементов нашей экономики тов. Сафаров подменяет перспективой усиления опасностей, угрожающих социалистическому сектору нашего хозяйства.

Необходимо отметить, что, призывая к борьбе с недооценкой кулацкой опасности, тов. Сафаров в то же время, как мы видели выше, загоняет всю классовую борьбу в область политики, выхолащивая ее из сферы экономики. Невольно получается, хочет ли этого тов. Сафаров или не хочет, что эта борьба с кулацкой опасностью должна вестись методами внеэкономического принуждения, административного нажима, раскулачивания, а этот, с железной необходимостью вытекающий из положения тов. Сафарова, вывод политически опасен, партией отвергнут, противоречит основам нашей экономической политики. Не следует забывать, что если до захвата власти и ее закрепления классовая борьба у нас в основном развертывалась по линии политической, то теперь внутри нашей республики центр тяжести этой борьбы переместился в область экономического соревнования социалистических и капиталистических элементов нашего хозяйства.

Непонимание методов борьбы с кулацкой опасностью органически связано у тов. Сафарова с непониманием существа этой опасности. Кулак опасен не сам по себе, а как сила, которая может подчинить своему влиянию определенную часть середняцких и бедняцких элементов деревни. Основной метод борьбы против кулацкой опасности поэтому—неуклонное проведение политической и экономической изоляции кулака путем укрепления союза с бедняцкой и середняцкой частью деревни. Но эту главную задачу—укрепление союза с середняком, который составляет основную массу крестьянства и легче всего поддается кулацкому влиянию,—тов. Сафаров своей паникой перед кулаком смазывает.

Не понимает тов. Сафаров и того, что экономическая борьба против кулацкой опасности в основном должна итти по линии преодоления капиталистических тенденций развития деревни, установления непосредственного перехода к социализму основной массы крестьянских хозяйств. Генеральный план Ленина о строительстве социализма в деревне в том и заключается, чтобы направить крестьянское хозяйство на путь некапиталистического развития через кооперацию. А тов. Сафаров, сердито фыркая по поводу «теории некапиталистического развития земледелия на кооперативных началах» Суханова, издеваясь над утопиями Фурье, совершенно упускает из виду, что «теперь многое из того, что было фанта-

стического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 129).

Правда, в одном месте он делает кивок в сторону кооперации, как пути к социализму, но лишь для того, чтобы сделать особое ударение на классовых противоречиях, в которых происходит рост кооперации. Роль же кооперации, как пути к социализму, подробно им не рассматривается и определенно смазывается.

Таково основное содержание брошюры тов. Сафарова, предназначенной для обучения широких партийных масс ленинизму. Невольно возникает вопрос: не внесет ли такого свойства «стопроцентный ленинизм» стопроцентную путаницу в головы неискушенных читателей и не было ли бы лучше для партии, если бы таких брошюр было поменьше.

Л. Мендельсон.

ЛОЗИНСКИЙ, С., проф.—Очерки по истории классовой борьбы. Изд. Ленинград. Совета Проф. Союзов, 1925 г., стр. 296, ц. 1 р. 60 к.

Написать историю классовой борьбы—значит написать историю вообще, осветив ее с марксистской точки зрения. Так, видимо, и понимал свою задачу проф. Лозинский, когда собирался своей книгой иллюстрировать «коротенькое положение Маркса»—«история всего предшествующего общества есть история борьбы классов»—и заполнить это теоретическое положение конкретным содержанием.

Однако, такую задачу легче поставить, чем ее выполнить. В самом деле, пересмотреть весь материал конкретной истории, переосветив его с марксистской точки зрения—дело нелегкое. Поэтому наш автор, прикрывшись термином «очерки», значительно облегчил себе задачу. Ведь «очерки»—это извиняет и прикрывает многое. И что же получилось в результате?

Обратимся к оглавлению, начиная, к примеру, с главы XIX третьей части книги—«Новое время». Главы этого отдела носят такие названия: XX. Материальное могущество французской буржуазии; XXI. Противоречие политического и экономического строя Франции; XXII. Англия накануне промышленного переворота; XXIII. Борьба буржуазии и пролетариата за всеобщее избирательное право в Англии; XXIV. Чартистское движение; XXV. Разложение чартистского движения; XXVI. Торгово-промышленный под'ем в июльскую монархию во Франции; XXVII. Луи Блан; XXVIII. Временное Правительство и право на труд; XXIX. Июньское восстание; XXX. Победа Луи Наполеона; XXXI. Империализм.

Как видно из перечисления наудачу взятой последней части последнего отдела книги, книга эта, вышедшая из-под пера проф. Лозинского, представляет собою не только «очерки», но наброски и притом наброски весьма беглого характера. Если мы к вышесказанному прибавим, что из предыдущих глав III отдела книги целых 10 посвящено английской революции XVII века, 8—революции голландской, то непропорциональность частей книги с важностью событий, в них описываемых, бросится нам в глаза еще ярче.

Конечно, классовая борьба была и в эпоху Гаммураби и в эпоху Перикла, но, ведь, современный нам строй (для Западной Европы) и строй, уничтоженный пролетарской революцией у нас, возник не в результате этой борьбы. Современный классовый строй общества возник в результате буржуазных революций, бывших как всякие революции

обостреннейшим моментом классовой борьбы. Типичными буржуазными революциями были: французская революция XVIII в., революция 48 г. в Германии и Австрии, революция 1905 г. в России.

Казалось бы, на основании вышесказанного, эти моменты должны были бы быть освещены в книге, посвященной истории классовой борьбы, даже, если книга эта представляет собою всего лишь «очерки» истории этой борьбы. Но как раз, именно эти-то моменты и не затронуты разнообразным и, по правде сказать, сумбурным содержанием нашей книги.

От всех явлений французской революции в ней остались только «противоречия политического и экономического строя Франции». Но какой толк констатировать наличие таких противоречий, не рассказав о том, как они разрешались в процессе революции и как они влияли на ход этой революции?

Неужели идеологическим фокусом, собравшим в себе все моменты классовой борьбы 40 годов, было учение Луи Блана. Разве не говорит сам наш автор, что Луи Блан стоял на точке зрения «сотрудничества классов». Не лучше ли было сказать хоть что-либо об учении Бланки или остановиться поподробнее на социалистических воззрениях О'Брайена, и, наконец, упомянуть о Марксе. О последнем—авторе «коротенького положения», послужившего отправным пунктом настоящих «очерков»—в этих «очерках» нет ни слова...

Но нам могут заметить, что наш способ критики—останавливаться на том, чего нет в разбираемой книге,—способ никуда негодный. Обратимся к тому, что имеется у нашего автора.

Несомненно, центральным пунктом изложения III части (которую мы только разбираем, оставляя в стороне часть I, посвященную древности и II—средним векам), является рассказ о революции 48 года во Франции. Надо сказать автору, из-под пера которого в свое время вышла солидная книга, посвященная этой эпохе, удалось изложить кое-что из событий этого революционного периода весьма удачно. Правда, появление монархии Луи Филиппа остается для читателя совершенно неожиданным и непонятным. Но что можно требовать от «очерков»? Зато очень удачно обрисован крах попытки правительства сделать рабочих Национальных Мастерских орудием контр-революционных намерений. Внешним образом крах этот выявился в том, что субсидируемая правительством газета мастерских во избежание потери всякой популярности среди рабочих принуждена была ругать правительство. Недурно изображен острый момент конфликта между рабочими Национальных Мастерских и правительством, момент переговоров с представителем правительства Маршем, а также поведение Национального Собрания во время июньского восстания. Хорошо изложено учение Луи Блана.

Но, с другой стороны, в трактовке всех событий у нашего автора замечается известная упрощенность: борьба классов в 48 году во Франции сводится им к борьбе между рабочими и буржуазией в то время, как буржуазия мелкая игнорируется совершенно, а крестьянство скидывается со счетов для того, чтобы вынырнуть как-то внезапно к моменту избрания Луи Бонапарта президентом.

Говоря о последнем, проф. Лозинский заявляет, что «Наполеон Бонапарт не мог удовлетворить полностью чаяний своих избирателей»—крестьян (стр. 282). В результате такого заявления у читателя может создаться впечатление, что Луи Бонапарт имел какое-либо стремление удовлетворить эти «чаяния». Такое представление будет, конечно, неверным. Введение налога на соль, последовавшее почти немедленно за избранием Луи Бонапарта, доказывает нам это. Вообще же до интересов крестьянства, которое было использовано при выборах, Наполеону, отражав-

шему интересы вполне определенной социальной группировки, не было никакого дела...

Кстати о классовой сущности монархии Наполеона и той группировки, интересы которой он выражал. Все это в изложении проф. Лозинского выступает весьма неясно, хотя этому и посвящено несколько страниц (279—283).

По странному капризу фантазии автора глава «Победа Луи Бонапарта» содержит и несколько строк, посвященных... Парижской Коммуне. О сем небезынтересном моменте классовой борьбы мы в разбираемых нами очерках этой борьбы читаем буквально лишь следующие строки: «Она (Коммуна) явилась страшным ударом по собственническому миролюбию (!), и все владельческие элементы Франции об'единились для самого энергичного подавления Коммуны... Городская буржуазия стала проявлять в борьбе с коммуной столько энергии, что крестьянство стало постепенно прощать буржуазии ее республиканские тенденции» (стр. 285).

Все это весьма туманно и главное не верно. Едва ли вся буржуазия имела республиканские тенденции, а затем, как раз масса крестьянства и не была настроена безусловно монархически. Коммунальные выборы в апреле 1871 года дали большинство республиканцам, что показывает наличие республиканских тенденций в среде крестьянства, которое, если и посылало в Бордосское собрание махровых черносотенцев, то исключительно из боязни воинственности, которую проявили республиканцы в лице Гамбетты и его друзей.

Последняя глава очерков, озаглавленная «Империализм», является, вероятно, самой неудачной во всей книге. Уже начало ее не предвещает ничего хорошего: «Производственный процесс (!),—пишет наш автор,— «порождающий в недрах своих могильщика» капиталистического строя, особенно интенсивно протекал со второй половины XIX века в Германии». Дальнейшее изложение соответствует этому неудачному началу. Империализм трактуется нашим автором, как неизбежный спутник «высоко развитого в торгово-промышленном отношении государства» (стр. 285).

Такое толкование понятия «империализм», несомненно, внесет в умы читателей величайшую путаницу: основываясь на таком определении можно будет говорить, как это иногда и делается, и притом весьма неправильно, об империализме древности, об империализме XVIII века и т. д.

Между тем, под империализмом мы понимаем нечто совершенно определенное, внешнюю политику не торгово-промышленного капитала, а капитала финансового, капитала монопольного. Поэтому для империализма является характерным не столько поиски рынков сбыта для продуктов, как это выходит по проф. Лозинскому, сколько поиски почвы для приложения вывозимого капитала.

Проф. Лозинский говорит о рынках сбыта, но ни одним словом не упоминает о рынках сырья, а следовательно, о взаимоотношениях между аграрными и индустриальными странами, а ведь это все немаловажные элементы для понимания сущности империализма.

Все это азбучные истины, всем известные, и нам приходится прямо-таки извиняться за повторение этих простых, всем известных истин. Но между тем, истины эти, видимо, очень мало известны автору разбираемой нами книги. Так, говоря о таможенной политике империализма, он характеризует ее таким образом, что читатель не сможет усмотреть разницы между нею и покровительственной таможенной политикой ранней эпохи развития промышленного капитала. Здесь наш автор, наконец, вспоминает о вывозе капитала, каковое явление у него оказывается каким-то побочным

обстоятельством, но зато мы ничего не найдем у него о трестах, синдикатах, картелях и их монопольном хозяйствовании.

Не менее важным промахом проф. Лозинского является то, что империализм в его изложении оказывается явлением, свойственным развитию Германии по преимуществу, другие же государства оказываются вынужденными лишь обороняться от агрессивной империалистической политики последней. Недаром из всей империалистической литературы наш автор цитирует лишь двух немецких авторов и между ними Бернгарди, вокруг книги которого было поднято столько шума английскими и французскими империалистическими публицистами.

Конечно, такая «союзническая» ориентация на восьмой год после окончания империалистической войны кажется нам прямо-таки чудовищной.

Еще более чудовищным оказывается то, что автор «Очерков истории классовой борьбы» забыл упомянуть об этой самой борьбе в эпоху империализма. Как отражается империализм на особенностях классовой борьбы в эту эпоху, как протекает классовая борьба в самих империалистических государствах и как в государствах, ими эксплоатируемых,—все это остается совершенно неизвестным.

Принимая во внимание все вышеуказанное, мы осмеливаемся высказать совершенно определенное мнение, мнение, заключающееся в том, что книгу, написанную проф. Лозинским, несмотря на имеющиеся в ней ссылки на Ленина, Маркса или Жореса, которыми автор хотел придать своей книге более приемлемый вид, печатать не стоило. Еще менее стоило издавать ее Ленинградскому Губернскому Совету Проф. Союзов. Ведь, штамп, поставленный на этой книге столь авторитетной пролетарской организацией введет в заблуждение не одного члена Профес. Союзов, имеющего полное право рассчитывать, что штамп этот может быть поставлен лишь на марксистски-выдержанной книге и, уж во всяком случае, на книге, более тщательно написанной.

Моносов.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ФЕВРАЛЯ 3

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 54283. Москва. Тираж 40.500 экз.
Тип. Изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

И. Сталин.

Ленинградской организации В. К. П. (б.) посвящаю.

И. Сталин.

К вопросам ленинизма [1]).

(Вместо предисловия).

Одной из основных частей настоящего сборника нужно считать брошюру «Об основах ленинизма». Эта брошюра впервые была выпущена в свет почти два года назад, в апреле 1924 г. Теперь она выходит в настоящем сборнике вторым изданием. За эти два года утекло много воды: партия пережила две дискуссии, выпущен целый ряд брошюр и руководств по ленинизму, встали на очередь новые практические вопросы социалистического строительства. Понятно, что новые вопросы, возникшие за эти два года, равно как результаты дискуссий, имевших место после выхода брошюры, не могли быть учтены в этой брошюре. Понятно также, что конкретные вопросы нашего строительства (нэп, госкапитализм, вопрос о среднем крестьянстве и т. д.) не могли быть полностью освещены в маленькой брошюре, представляющей «конспективное изложение основ ленинизма». Эти и подобные им вопросы могли быть освещены лишь в последующих брошюрах автора («Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «К итогам XIV партконференции», «Вопросы и ответы» и т. д.), вошедших в состав настоящего сборника и органически связанных с основными положениями, изложенными в первоначальной брошюре «Об основах ленинизма». Это обстоятельство вполне оправдывает выход в свет настоящего сборника, представляющего, таким образом, единый и целостный труд по вопросам ленинизма.

Последняя дискуссия на XIV партс'езде подвела итог идеологической и строительной работе партии за последний период, за период с XIII по XIV с'езд. Она дала вместе с тем некоторую проверку положений, выставленных в свое время новой оппозицией. Позволительно спросить: каковы итоги этой проверки?

I.

Определение ленинизма.

В брошюре «Об основах ленинизма» дано известное определение ленинизма, получившее, видимо, права гражданства. Оно гласит:

> «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности».

---

[1]) Настоящая статья вошла в состав выходящего в свет сборника статей т. Сталина «Вопросы ленинизма» в качестве предисловия к нему. *Ред.*

Правильно ли это определение?

Я думаю, что правильно. Оно правильно, во-первых, потому, что правильно указывает на исторические корни ленинизма, характеризуя его, как марксизм эпохи империализма, в противовес некоторым критикам Ленина, неправильно думающим, что ленинизм возник после империалистической войны. Оно правильно, во-вторых, потому, что правильно отмечает международный характер ленинизма, в противовес социал-демократии, считающей ленинизм применимым лишь в национально-русской обстановке. Оно правильно, в-третьих, потому, что правильно отмечает органическую связь ленинизма с учением Маркса, характеризуя его, как марксизм эпохи империализма, в противовес некоторым критикам ленинизма, считающим его не дальнейшим развитием марксизма, а лишь восстановлением марксизма и применением его к русской действительности.

Все это, как будто бы, не нуждается в особых комментариях.

Тем не менее в нашей партии имеются, оказывается, товарищи, считающие необходимым определить ленинизм несколько иначе. Вот, напр., т. Зиновьев думает, что:

> «Ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство»[1]) (см. статью т. Зиновьева «Большевизм или троцкизм», «Правда» № 273 от 30/XI—24 г.).

Что могут означать слова, подчеркнутые т. Зиновьевым? Что значит вводить в определение ленинизма отсталость России, ее крестьянский характер?

Это значит превращать ленинизм из интернационального пролетарского учения в продукт российской самобытности.

Это значит играть на-руку Бауэру и Каутскому, отрицающим пригодность ленинизма для других стран, капиталистически более развитых.

Слов нет, что крестьянский вопрос имеет для России важнейшее значение, что страна у нас крестьянская. Но какое значение может иметь этот факт для характеристики основ ленинизма? Разве ленинизм выработался только на почве России и для России, а не на почве империализма, и не для империалистических стран вообще? Разве такие труды Ленина, как «Империализм», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь левизны» и т. д., имеют значение только для России, а не для всех империалистических стран вообще? Разве ленинизм не есть обобщение опыта революционного движения всех стран? Разве основы теории и тактики ленинизма не пригодны, не обязательны для пролетарских партий всех стран? Разве Ленин был неправ, говоря, что «большевизм годится как образец тактики для всех» *) (см. том XV, стр. 503)? Разве Ленин был неправ, говоря о «международном значении *) Советской власти и основ большевистской теории и тактики» (см. т. XVII, стр. 116)? Разве неправильны, напр., следующие слова Ленина:

> «В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы—и основные формы общественного хозяйства—в России те же, как и в любой капиталистической стране. Так что особенности эти во всяком случае не могут касаться самого главного» *) (см. т. XVI, стр. 348).

[1]) Курсив т. Зиновьева. *И. Ст.*

*) Курсив мой. *И. Ст.*

Но если все это верно, не следует ли из этого, что определение ленинизма, данное т. Зиновьевым, не может быть признано правильным?

Как совместить это национально-ограниченное определение ленинизма с интернационализмом?

II.

Главное в ленинизме.

В брошюре «Об основах ленинизма» сказано:

> «Иные думают, что основное в ленинизме—крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Это совершенно неверно. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть — является вопросом производным».

Правильно ли это положение?

Я думаю, что правильно. Это положение целиком вытекает из определения ленинизма. В самом деле, если ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции, а основным содержанием пролетарской революции является диктатура пролетариата,—то ясно, что главное в ленинизме состоит в вопросе о диктатуре пролетариата, в разработке этого вопроса, в обосновании и конкретизации этого вопроса.

Тем не менее т. Зиновьев, видимо, не согласен с этим положением. В своей статье «Памяти Ленина» он говорит:

> «Вопрос о роли крестьянства, как я уже сказал, является основным вопросом *) большевизма, ленинизма» (см. «Правда» № 35 от 13 февр. 1924 г.).

Это положение т. Зиновьева, как видите, целиком вытекает из неправильного определения ленинизма, данного т. Зиновьевым. Поэтому оно так же неправильно, как неправильно его определение ленинизма.

Правилен ли тезис Ленина о том, что диктатура пролетариата является «коренным содержанием революции» (см. т. XV, стр. 447)? Безусловно, правилен. Правилен ли тезис о том, что ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции? Я думаю, что правилен. Но что же из этого следует? А из этого следует то, что основным вопросом ленинизма, его отправным пунктом, его фундаментом является вопрос о диктатуре пролетариата.

Разве это неверно, что вопрос об империализме, вопрос о скачкообразном характере развития империализма, вопрос о победе социализма в одной стране, вопрос о государстве пролетариата, вопрос о советской форме этого государства, вопрос о роли партии в системе диктатуры пролетариата, вопрос о путях строительства социализма,—что все эти вопросы разработаны именно Лениным? Разве это неверно, что эти именно вопросы и составляют основу, фундамент идеи диктатуры пролетариата? Разве это неверно, что без разработки этих основных вопросов разра-

*) Курсив мой. *И. Ст.*

ботка крестьянского вопроса с точки зрения диктатуры пролетариата была бы немыслима?

Слов нет, что Ленин был знатоком крестьянского вопроса. Слов нет, что крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата, имеет важнейшее значение для пролетариата и является составной частью основного вопроса о диктатуре пролетариата. Но разве не ясно, что если бы не стоял перед ленинизмом основной вопрос о диктатуре пролетариата, то не было бы и производного вопроса о союзнике пролетариата, вопроса о крестьянстве? Разве не ясно, что если бы не стоял перед ленинизмом практический вопрос о завоевании власти пролетариатом, то не было бы и вопроса о союзе с крестьянством?

Ленин не был бы величайшим пролетарским идеологом, каким он, несомненно, является, он был бы простым «крестьянским философом», каким его нередко рисуют заграничные литературные обыватели, если бы он вел разработку крестьянского вопроса не на базе теории и тактики диктатуры пролетариата, а помимо этой базы, вне этой базы.

Одно из двух:

либо крестьянский вопрос является главным в ленинизме, и тогда ленинизм не пригоден, не обязателен для стран капиталистически развитых, для стран, не являющихся крестьянскими странами;

либо главным в ленинизме является диктатура пролетариата, и тогда ленинизм является интернациональным учением пролетариев всех стран, пригодным и обязательным для всех без исключения стран, в том числе и для капиталистически развитых.

Тут надо выбирать.

III.

Вопрос о «перманентной» революции.

В брошюре «Об основах ленинизма» «теория перманентной революции» расценивается, как «теория» недооценки роли крестьянства. Там сказано [1]):

> «Ленин воевал со сторонниками «перманентной» революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин сам стоял на точке зрения непрерывной революции, а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата».

Эта характеристика русских «перманентников» считалась до последнего времени общепризнанной. Тем не менее она, будучи вообще правильной, не может быть, однако, признана исчерпывающей. Дискуссия 1924 года, с одной стороны, и тщательный анализ трудов Ленина, с другой стороны, показали, что ошибка русских «перманентников» состояла не только в недооценке роли крестьянства, но и в недооценке сил и способностей пролетариата повести за собой крестьянство, в неверии в идею гегемонии пролетариата.

Поэтому в своей брошюре «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (декабрь 1924 г.) я расширил эту характеристику и заменил ее другой, более полной. Вот что сказано об этом в этой брошюре:

> «До сего времени отмечали обычно о д н у сторону теории «перманентной революции»,—неверие в революционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону необходимо дополнить д р у г о й стороной,—неверием в силы и способности пролетариата России».

[1]) Речь идет о первом издании.

Это, конечно, не значит, что ленинизм стоял, или стоит против идеи перманентной революции без кавычек, провозглашенной Марксом в сороковых годах прошлого столетия. Наоборот, Ленин был единственным марксистом, который правильно понял и развил идею перманентной революции. Отличие Ленина от «перманентников» состоит в этом вопросе в том, что «перманентники» искажали идею перманентной революции Маркса, превратив ее в безжизненную, книжную мудрость, тогда как Ленин взял ее в ее чистом виде и сделал ее одной из основ своей теории революции. Следует помнить, что идея перерастания буржуазно-домекратической революции в революцию социалистическую, данная Лениным еще в 1905 году, есть одна из форм воплощения марксовой теории перманентной революции. Вот что писал на этот счет Ленин еще в 1905 году:

> «От революции демократической мы все же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. М ы с т о и м з а н е п р е р ы в н у ю р е в о л ю ц и ю *). Мы не остановимся на полпути... Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевенькой популярностью, мы можем сказать и говорим л и ш ь о д н о: мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, ч т о б ы т е м л е г ч е было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче—революции социалистической» (см. т. XVI, стр. 449—450).

А вот, что пишет Ленин на эту тему спустя шестнадцать лет, после завоевания власти пролетариатом:

> «Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хиллквиты, Лонге, Макдональдьы, Туратти и прочие герои «$2^1/_2$-ного» марксизма не сумели понять... соотношения между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями. П е р в а я п е р е р а с т а е т в о в т о р у ю *). Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 363).

Я обращаю особое внимание на первую цитату, взятую из статьи Ленина «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению», опубликованной 1 сентября 1905 года. Я подчеркиваю это к сведению тех товарищей, которые все еще продолжают утверждать, что Ленин пришел, будто бы, к идее перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, к идее перманентной революции после империалистской войны, примерно, в 1916 году. Эта цитата не оставляет сомнений в том, что эти товарищи глубоко заблуждаются.

IV.

Пролетарская революция и диктатура пролетариата.

В чем состоят характерные черты пролетарской революции, в отличие от революции буржуазной?

Различие между революцией пролетарской и революцией буржуазной можно было бы свести к пяти основным пунктам.

1) Буржуазная революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, вы-

*) Курсив мой. *И. Ст.*

росших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества, тогда как пролетарская революция начинается при отсутствии, или почти при отсутствии, готовых форм социалистического уклада.

2) Основная задача буржуазной революции сводится к тому, чтобы захватить власть и привести ее в соответствие с наличной буржуазной экономикой, тогда как основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, захватив власть, построить новую, социалистическую экономику.

3) Буржуазная революция завершается обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее началом, при чем власть используется, как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой.

4) Буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплоататорской группы другой эксплоататорской группой, в виду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплоататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплоатируемых, класс пролетариев, в виду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой.

5) Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплоатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплоатируемыми, тогда как пролетарская революция может и должна связать их с пролетариатом в длительный союз, именно как трудящихся и эксплоатируемых, если она хочет выполнить свою основную задачу упрочения власти пролетариата и построения новой, социалистической экономики.

Вот некоторые основные положения Ленина на этот счет:

«Одно из основных различий,—говорит Ленин,—между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма. В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к соцалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи—организационные» (см. т. XV, стр. 124).

«Если бы народное творчество,—продолжает Ленин,—русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависит от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы не потому, что в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить Советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму российского государства, — Российскую Советскую Республику» (см. там же, стр. 124—125).

«Оставались еще,—говорит Ленин,—две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не является тем триумфальным шествием, которым шла наша революция» (см. там же, стр. 125).

«Это, во-первых, задача внутренней организации, стоящая перед всякой социалистической революцией. Отличие социальной революции от буржуазной состоит именно в том, что там есть готовые формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По самым своим условиям она никоим образом не допускала решения на „ура", того решения, которым нам удавалось преодолевать задачи гражданской войны» (см. там же, стр. 125).

«Вторая задача — решение вопроса международной революции. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что специально сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм, который обладает мощью всего об'единенного капитала и всею мощью военной техники, представляет гигантскую реаьльную силу, который ни в коем случае, ни при каких условиях ужиться рядом с Советской республикой не мог и по своему об'ективному положению, и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, не мог в силу торговых связей, международных и финансовых отношений. Тут конфликт представлялся неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема—необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию» (см. там же, стр. 126—127).

Таковы внутренний характер и основной смысл пролетарской революции.

Можно ли проделать такую коренную перестройку старых, буржуазных порядков без насильственной революции, без диктатуры пролетариата?

Ясно, что нельзя. Думать, что такую революцию можно проделать мирно, в рамках буржуазной демократии, приспособленной к господству буржуазии,—значит либо сойти с ума и растерять нормальные человеческие понятия, либо отречься грубо и открыто от пролетарской революции.

Это положение должно быть подчеркнуто с тем большей силой и категоричностью, что мы имеем дело с пролетарской революцией, победившей пока что в одной стране, которая окружена враждебными капиталистическими странами и буржуазию которой не может не поддерживать международный капитал.

Вот почему говорит Ленин, что «освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 302).

«Пускай сначала,—говорит Ленин,—при сохранении частной собственности, т.-е. при сохранении власти, гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата, — только тогда она может и должна взять власть», — так говорят мелко-буржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя «социалистами» (см. т. XVI, стр. 456).

«Пускай сначала,—продолжает Ленин,—революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный государственный аппарат,—тогда пролетариат, одержавший победу,

сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их за счет эксплоататоров, говорим мы» (см. там же, стр. 457).

«Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону,—продолжает Ленин,—пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки. Он должен, во-вторых, ввести Советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелко-буржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, добить влияние буржуазии и мелко-буржуазных соглашателей среди большинства непролетарских трудящихся масс революционным осуществлением их экономических нужд за счет эксплоататоров» (см. там же, стр. 450).

Таковы характерные признаки пролетарской революции.

Каковы, в связи с этим, основные черты диктатуры пролетариата, если признано, что диктатура пролетариата есть основное содержание пролетарской революции?

Вот наиболее общее определение диктатуры пролетариата, данное Лениным:

«Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденой, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии» (см. т. XVI, стр. 240—241).

Возражая против смешения диктатуры пролетариата с властью «общенародной», «общевыборной», с властью «не классовой», Ленин говорит:

«Тот класс, который взял в свои руки политическое господство, взял его, сознавая, что берет его один. Это заключено в понятии диктатуры пролетариата. Это понятие тогда только имеет смысл, когда один класс знает, что он один берет себе в руки политическую власть и не обманывает ни себя, ни других разговорами насчет «общенародной, общевыборной, всем народом освященной» власти» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 175).

Это не значит, однако, что власть одного класса, класса пролетариев, который не делит и не может делить ее с другими классами, не нуждается для осуществления своих целей в помощи, в союзе с трудящимися и эксплоатируемыми массами других классов. Наоборот. Эта власть, власть одного класса, может быть утверждена и проведена до конца лишь путем особой формы союза между классом пролетариев и трудящимися массами мелко-буржуазных классов, прежде всего трудящимися массами крестьянства.

Что это за особая форма союза, в чем она состоит? Не противоречит ли вообще этот союз с трудящимися массами других непролетарских классов идее диктатуры одного класса?

Состоит она, эта особая форма союза, в том, что руководящей силой этого союза является пролетариат. Состоит она, эта особая форма союза, в том, что руководителем государства, руководителем в системе диктатуры пролетариата является одна партия, партия пролетариата, партия коммунистов, которая не делит и не может делить руководства с другими партиями.

Как видите, противоречие тут только видимое, кажущееся.

«Диктатура пролетариата,—говорит Ленин,—есть особая форма классового союза *) между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это—особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно, классами»*) (см. т. XVI, стр. 240—241).

*) Курсив мой. И. Ст.

В одном из своих инструктивных докладов тов. Каменев, полемизируя с такого рода пониманием диктатуры пролетариата, говорит:

«Диктатура не есть*) союз одного класса с другим» (см. «Правда», № 11, от 14 января 1925 г.).

Я думаю, что т. Каменев имеет тут в виду, прежде всего, одно место из моей брошюры «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», где сказано:

«Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело» «отобранная» заботливой рукой «опытного стратега» и «разумно опирающаяся» на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат».

Я всецело поддерживаю эту формулировку диктатуры пролетариата, ибо думаю, что она целиком и полностью совпадает с только что приведенной формулировкой Ленина.

Я утверждаю, что заявление т. Каменева о том, что «диктатура не есть союз одного класса с другим», данное в такой безоговорочной форме,—не имеет ничего общего с ленинской теорией диктатуры пролетариата.

Я утверждаю, что так могут говорить лишь люди, не понявшие смысла идеи смычки, идеи союза пролетариата и крестьянства, идеи гегемонии пролетариата в этом союзе.

Так могут говорить только люди, не понявшие ленинского тезиса о том, что:

«Только соглашение с крестьянством *) может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 138).

Так могут говорить лишь люди, не понявшие положения Ленина о том, что:

«Высший принцип диктатуры *)—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 331).

Отмечая одну из важнейших целей диктатуры, цель подавления эксплоататоров, Ленин говорит:

«Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»... «Диктатура означает—примите это раз на всегда к сведению, господа кадеты—неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть. Во время гражданской войны всякая победившая власть может быть только диктатурой» (см. т. XVII, стр. 361 и 355).

*) Курсив мой. И. Ст.

Но насилием, конечно, не исчерпывается диктатура пролетариата, хотя без насилия не бывает диктатуры.

«Диктатура,—говорит Ленин,—означает не только насилие, хотя она невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация» (см. т. XVI, стр. 222).

«Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплоататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основной этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма» (см. т. XVI, стр. 247—248)... «Главная сущность ее (т.-е. диктатуры. *И. Ст.*) в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя—пролетариата. Его цель—создать социализм, уничтожить деление общества на классы, сделать всех членов общества трудящимися, отнять почву у всякой эксплоатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму,—и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелко-буржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой упорной борьбе. Поэтому Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму» (см. там же, стр. 226—227).

Таковы характерные черты диктатуры пролетариата.

Отсюда три основные стороны диктатуры пролетариата:

1) Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства.

Пролетарская диктатура есть соединение всех этих трех сторон. Ни одна из этих сторон не может быть выдвинута, как е д и н с т в е н н о характерный признак диктатуры пролетариата, и, наоборот, достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы диктатура пролетариата перестала быть диктатурой в обстановке капиталистического окружения. Поэтому ни одна из этих трех сторон не может быть исключена, без опасности исказить понятие диктатуры пролетариата. Только все эти три стороны, взятые вместе, дают нам полное и законченное понятие диктатуры пролетариата.

Диктатура пролетариата имеет свои периоды, свои особые формы, разнообразные методы работы. В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы. Без строительной работы вести гражданскую войну невозможно. В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала, или может отпасть,

в период строительства. Органы подавления, армия и другие организации, необходимы теперь, в момент строительства, так же, как в период гражданской войны. Без наличия этих органов невозможна сколько-нибудь обеспеченная строительная работа диктатуры. Не следует забывать, что революция победила, пока что, всего лишь в одной стране. Не следует забывать, что пока есть капиталистическое окружение, будет и опасность интервенции со всеми вытекающими из этой опасности последствиями.

V.

Партия и рабочий класс в системе диктатуры пролетариата.

Выше я говорил о диктатуре пролетариата с точки зрения ее исторической неизбежности, с точки зрения ее классового содержания, с точки зрения ее государственной природы, наконец, с точки зрения ее разрушительных и творческих задач, выполняемых на протяжении целого исторического периода, называемого периодом переходным от капитализма к социализму.

Теперь нам нужно поговорить о диктатуре пролетариата с точки зрения ее строения, с точки зрения ее «механизма», с точки зрения роли и значения тех «приводов», «рычагов» и «направляющей силы», совокупность которых составляет «систему диктатуры пролетариата» (Ленин) и при помощи которых осуществляется повседневная работа диктатуры пролетариата.

Что это за «привода» или «рычаги» в системе диктатуры пролетариата? Что это за «направляющая сила»? Для чего они понадобились?

Рычаги или привода—это те самые массовые организации пролетариата, без помощи которых невозможно осуществление диктатуры.

Направляющая сила—это передовой отряд пролетариата, это его авангард, являющийся основной руководящей силой диктатуры пролетариата.

Эти привода, рычаги и направляющая сила необходимы для пролетариата потому, что без них он оказался бы в своей борьбе за победу в положении безоружной армии перед лицом организованного и вооруженного капитала. Эти организации необходимы пролетариату потому, что без них он потерпел бы неминуемое поражение в его борьбе за свержение буржуазии, в его борьбе за упрочение своей власти, в его борьбе за строительство социализма. Систематическая помощь этих организаций и направляющая сила авангарда необходимы потому, что без этих условий невозможна сколько-нибудь длительная и прочная диктатура пролетариата.

Что это за организации?

Это, во-первых, п р о ф с о ю з ы рабочих, с их разветвлениями в центре и на местах в виде целого ряда производственных, культурных, воспитательных и иных организаций. Они об'единяют рабочих всех профессий. Это есть организация не партийная. Профсоюзы можно назвать поголовной организацией господствующего у нас рабочего класса. Они являются школой коммунизма. Они выделяют из своей среды лучших людей для руководящей работы по всем отраслям управления. Они осуществляют связь между передовыми и отсталыми в составе ра-

бочего класса. Они соединяют рабочие массы с авангардом рабочего класса.

Это, во-вторых, советы с их многочисленными разветвлениями в центре и на местах в виде административных, хозяйственных, военных, культурных и других государственных организаций, плюс бесчисленное множество самочинных массовых об'единений трудящихся, облегающих эти организации и соединяющих их с населением. Советы есть массовая организация всех трудящихся города и деревни. Это есть организация не партийная. Советы есть прямое выражение диктатуры пролетариата. Через советы проходят все и всякие мероприятия по укреплению диктатуры и строительству социализма. Через советы осуществляется государственное руководство крестьянством со стороны пролетариата. Советы соединяют миллионные массы трудящихся с авангардом пролетариата.

Это, в-третьих, кооперация всех видов со всеми ее разветвлениями. Это есть массовая организация трудящихся, организация не партийная, об'единяющая их, прежде всего, как потребителей, а также, с течением времени, и как производителей (сел.-хоз. кооперация). Она приобретает особое значение после упрочения диктатуры пролетариата, в период широкого строительства. Она облегчает связь авангарда пролетариата с массами крестьянства и создает возможность вовлечения последних в русло социалистического строительства.

Это, в-четвертых, союз молодежи. Это есть массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, организация не партийная, но примыкающая к партии. Она имеет своей задачей помощь партии в деле воспитания молодого поколения в духе социализма. Она дает молодые резервы для всех остальных массовых организаций пролетариата по всем отраслям управления. Союз молодежи приобрел особое значение после упрочения диктатуры пролетариата, в период широкой культурной и воспитательной работы пролетариата.

Это, наконец, партия пролетариата, его авангард. Ее сила заключается в том, что она вбирает в себя всех лучших людей пролетариата из всех его массовых организаций. Ее назначение состоит в том, чтобы об'единять работу всех без исключения массовых организаций пролетариата и направлять их действия к одной цели, к цели освобождения пролетариата. А об'единять и направлять их по линии одной цели абсолютно необходимо, ибо без этого невозможно единство борьбы пролетариата, ибо без этого невозможно руководство пролетарскими массами в их борьбе за власть, в их борьбе за строительство социализма. Но об'единять и направлять работу массовых организаций пролетариата способен лишь авангард пролетариата, его партия. Только партия пролетариата, только партия коммунистов способна выполнить эту роль основного руководителя в системе диктатуры пролетариата.

Почему?

> «Потому, во-первых, что партия есть сборный пункт лучших элементов рабочего класса, имеющих прямые связи с беспартийными организациями пролетариата и очень часто руководящих ими; потому, во-вторых, что партия, как сборный пункт лучших людей рабочего класса, является лучшей школой выработки лидеров рабочего класса, способных руководить всеми формами организации своего класса; потому, в-третьих, что партия, как лучшая школа лидеров рабочего класса, является по своему опыту и авторитету единственной организацией, способной централизовать руководство борьбой пролетариата и превратить, таким образом, все и всякие беспартийные организации рабочего класса в обслуживающие органы и приводные ремни, соединяющие ее с классом» (см. «Об основах ленинизма»).

Партия есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата.

«Партия есть высшая форма классового об'единения пролетариата» (Ленин).

Итак: профсоюзы, как массовая организация пролетариата, связывающая партию с классом, прежде всего, по линии производственной; советы, как массовая организация трудящихся, связывающая партию с этими последними, прежде всего, по линии государственной; кооперация, как массовая организация, главным образом, крестьянства, связывающая партию с крестьянскими массами, прежде всего, по линии хозяйственной, по линии вовлечения крестьянства в социалистическое строительство; союз молодежи, как массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, призванная облегчить авангарду пролетариата социалистическое воспитание нового поколения и выработку молодых резервов; и, наконец, партия, как основная направляющая сила в системе диктатуры пролетариата, призванная руководить всеми этими массовыми организациями,—такова, в общем, картина «механизма» диктатуры, картина «системы диктатуры пролетариата».

Без партии, как основной руководящей силы, невозможна сколько-нибудь длительная и прочная диктатура пролетариата.

Таким образом, говоря словами Ленина, «получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский, аппарат, посредством которого партия связана тесно с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса» (см. т. XVII, стр. 139).

Это не значит, конечно, что партия может или должна заменить профсоюзы, советы и другие массовые организации. Партия осуществляет диктатуру пролетариата. Но она осуществляет ее не непосредственно, а при помощи профсоюзов, через советы и их разветвления. Без этих «приводов» сколько-нибудь прочная диктатура была бы невозможна.

> «Нельзя,—говорит Ленин,—осуществлять диктатуру без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся»... «Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. Не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнить государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно, через*) советский аппарат» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 8—9).

Высшим выражением руководящей роли партии, напр., у нас, в Советском Союзе, в стране диктатуры пролетариата, следует признать тот факт, что ни один важный политический или организационный вопрос не решается у нас нашими советскими и другими массовыми организациями без руководящих указаний партии. В этом смысле можно было бы сказать, что диктатура пролетариата есть, по существу, «диктатура» его авангарда, «диктатура» его партии, как основной руководящей силы проле-

*) Курсив мой. *И. Ст.*

тариата. Вот что говорил Ленин на этот счет на II Конгрессе Коминтерна:

«Теннер говорит, что он стоит за диктатуру пролетариата, но диктатура пролетариата представляется не совсем такою, какою ее представляем себе мы. Он говорит, что мы понимаем под диктатурой пролетариата в *сущности**) диктатуру его организованного и сознательного меньшинства. И действительно, в эпоху капитализма, когда рабочие массы подвергаются беспрерывной эксплоатации и не могут развивать своих человеческих способностей, наиболее характерным для рабочих политических партий является именно то, что они могут охватывать лишь меньшинство своего класса. Политическая партия может об'единить лишь меньшинство класса, так же, как действительно сознательные рабочие во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих. Поэтому мы вынуждены признать, что лишь это сознательное меньшинство может руководить широкими рабочими массами и вести их за собою. Если т. Теннер говорит, что он враг партии, но в то же время за то, чтобы меньшинство лучше всего организованных и наиболее революционных рабочих указывало пути всему пролетариату, то я говорю, что разницы между нами в действительности нет» (т. XVII, стр. 270).

Значит ли это, однако, что между диктатурой пролетариата и руководящей ролью партии («диктатурой» партии) можно провести *знак равенства*, что можно *отождествить* первую со второй, что можно *подменить* первую второй? Конечно, не значит. Конечно, нельзя. Вот, напр., тов. Сорин говорит, что «*диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии*» (см. «Учение Ленина о партии», стр. 95). Это положение, как видите, отождествляет «диктатуру партии» с диктатурой пролетариата. Можно ли признать правильным это отождествление, оставаясь на почве ленинизма? Нет, нельзя. И вот почему.

Во-первых. В вышеприведенной цитате из речи Ленина на II Конгрессе Коминтерна Ленин вовсе не отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата. Он говорит только о том, что «лишь сознательное меньшинство (т.-е. партия. *И. Ст.*) может руководить широкими рабочими массами и вести их за собой», что *именно в этом смысле* «под диктатурой пролетариата мы понимаем, *в сущности**), диктатуру его организованного и сознательного меньшинства». Сказать—«в сущности» еще не значит сказать—«целиком». Мы часто говорим, что национальный вопрос есть, в сущности, вопрос крестьянский. И это совершенно правильно. Но это еще не значит, что национальный вопрос покрывается крестьянским вопросом, что крестьянский вопрос равняется национальному вопросу по своему об'ему, что крестьянский вопрос тождественен с вопросом национальным. Не нужно доказывать, что национальный вопрос по об'ему шире и богаче вопроса крестьянского. То же самое нужно сказать, по аналогии с этим, о руководящей роли партии и о диктатуре пролетариата. Если партия проводит диктатуру пролетариата и в этом смысле диктатура пролетариата является, *в сущности*, «диктатурой» его партии, то это еще не значит, что «диктатура партии» (руководящая роль) *тождественна* с диктатурой пролетариата, что первая *равняется* второй по своему об'ему. Не нужно доказывать, что диктатура пролетариата по об'ему шире и богаче руководящей роли партии. Партия

*) Курсив мой. *И. Ст.*

проводит диктатуру пролетариата, но она проводит диктатуру *пролетариата*, а не какую-либо иную. Кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает диктатуру пролетариата «диктатурой» партии.

Во-вторых. Ни одно важное решение массовых организаций пролетариата не обходится без руководящих указаний со стороны партии. Это совершенно правильно. Но значит ли это, что диктатура пролетариата *исчерпывается* руководящими указаниями партии? Значит ли это, что руководящие указания партии можно отождествить, в виду этого, с диктатурой пролетариата? Конечно, не значит. Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением. Тут мы имеем дело, как видите, с целым рядом переходов и промежуточных степеней, составляющих далеко не маловажный момент диктатуры пролетариата. Между руководящими указаниями партии и их претворением в жизнь лежат, следовательно, воля и действия руководимых, воля и действия класса, его готовность (или нежелание) поддержать такие указания, его умение (или неумение) провести эти указания, его умение (или неумение) провести их так именно, как требует этого обстановка. Едва ли нужно доказывать, что партия, взявшая на себя руководство, не может не считаться с волей, с состоянием, с уровнем сознания руководимых, не может сбрасывать со счета волю, состояние и уровень сознания своего класса. Поэтому кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает волю и действия класса указаниями партии.

В-третьих. «Диктатура пролетариата,—говорит Ленин,—есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата» (см. т. XVI, стр. 240). В чем может выразиться эта *классовая* борьба? Она может выразиться в ряде вооруженных выступлений пролетариата против вылазок свергнутой буржуазии или против интервенции иностранной буржуазии. Она может выразиться в гражданской войне, если власть пролетариата еще не упрочена. Она может выразиться в широкой организаторской и строительной работе пролетариата, с привлечением к делу широких масс, после того, как власть уже упрочилась. Во всех этих случаях действующим лицом является пролетариат, как *класс*. Не бывало, чтобы партия, одна только партия, устраивала все эти выступления исключительно своими собственными силами, без поддержки класса. Обычно она лишь руководит этими выступлениями, и руководит ими постольку, поскольку имеет за собой поддержку класса. Ибо партия не может покрыть, не может заменить класс. Ибо партия, при всей ее важной, руководящей роли, все же остается *частью* класса. Поэтому кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает класс партией.

В-четвертых. Партия осуществляет диктатуру пролетариата. «Партия—это непосредственно правящий авангард пролетариата,—это руководитель» (Ленин). В этом смысле партия *берет* власть, партия *управляет* страной. Но это еще не значит, что партия осуществляет диктатуру пролетариата помимо государственной власти, без государственной власти, что партия правит страной помимо советов, не через советы. Это еще не зна-

чит, что партию можно отождествить с советами, с государственной властью. Партия есть ядро власти. Но она не есть и не может быть отождествлена с государственной властью. «Как правящая партия,—говорит Ленин,—мы не могли не сливать с верхами партийными верхи советские, и они у нас слиты и будут таковыми» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 112). Это совершенно правильно. Но этим вовсе не хочет сказать Ленин, что наши советские учреждения в целом, напр., наша армия, наш транспорт, наши хозяйственные учреждения и т. д. являются учреждениями нашей партии, что партия может заменить советы и их разветвления, что партию можно отождествить с государственной властью. Ленин неоднократно говорил, что «система советов есть диктатура пролетариата», что «Советская власть есть диктатура пролетариата» (см. т. XVI, стр. 44—46), но он никогда не говорил, что партия есть государственная власть, что советы и партия одно и то же. Партия, имеющая несколько сот тысяч членов, руководит советами и их разветвлениями в центре и на местах, охватывающими несколько миллионов людей, партийных и беспартийных, но она не может и не должна заменять их собою. Вот почему говорит Ленин, что «диктатуру осуществляет организованный в советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков», что «вся работа партии идет через *) советы, которые об'единяют трудящиеся массы без различия профессий» (см. т. XVII, стр. 138—140), что диктатуру «приходится осуществлять... через *) советский аппарат» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 8). Поэтому, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает советы, государственную власть партией.

В-пятых. Понятие диктатуры пролетариата есть понятие государственное. Диктатура пролетариата обязательно включает в себя понятие насилия. Без насилия не бывает диктатуры, если диктатуру понимать в точном смысле этого слова. Ленин определяет диктатуру пролетариата, как «власть, опирающуюся непосредственно на насилие» (см. т. XVII, стр. 124). Говорить, ввиду этого, о диктатуре партии в отношении класса пролетариев и отождествлять ее с диктатурой пролетариата,—это значит говорить о том, что партия должна быть в отношении своего класса не только руководителем, не только вождем и учителем, но и своего рода государственной властью, применяющей к нему насилие. Поэтому, кто отождествляет «диктатуру партии» с диктатурой пролетариата, тот молчаливо исходит из того, что можно строить авторитет партии на насилии, что абсурдно и что совершенно несовместимо с ленинизмом. Авторитет партии поддерживается доверием рабочего класса. Доверие же рабочего класса приобретается не насилием,—оно только убивается насилием,—а правильной теорией партии, правильной политикой партии, преданностью партии рабочему классу, ее связью с массами рабочего класса, ее готовностью, ее умением убеждать массы в правильности своих лозунгов.

Что же из всего этого следует?

А из этого следует то, что:

*) Курсив мой. *И. Ст.*

1) Ленин употребляет слово диктатура партии не в точном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а в переносном смысле, в смысле руководства;

2) кто отождествляет руководство партии с диктатурой пролетариата, тот извращает Ленина, неправильно присваивая партии функции насилия в отношении рабочего класса в целом;

3) кто присваивает партии неприсущие ей функции насилия в отношении рабочего класса, тот нарушает элементарные требования правильных взаимоотношений между авангардом и классом, между партией и пролетариатом.

Мы подошли, таким образом, вплотную к вопросу о взаимоотношениях между партией и классом, между партийными и беспартийными в рабочем классе.

Ленин определяет эти взаимоотношения, как «взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой» (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 135).

Что это значит?

Это значит, во-первых, что партия должна чутко прислушиваться к голосу масс, что она должна внимательно относиться к революционному инстинкту масс, что она должна изучать практику борьбы масс, проверяя на этом правильность своей политики, что она должна, следовательно, не только учить, но и учиться у масс.

Это значит, во-вторых, что партия должна изо дня в день завоевывать себе доверие пролетарских масс, что она должна своей политикой и своей работой ковать себе поддержку масс, что она должна не командовать, а убеждать прежде всего, облегчая массам распознать на собственном опыте правильность политики партии, что она должна, следовательно, быть руководителем, вождем, учителем своего класса.

Нарушение этих условий означает нарушение правильных взаимоотношений между авангардом и классом, подрыв «взаимодоверия», развал и классовой, и партийной дисциплины.

«Наверное,—говорит Ленин,—теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что 2 с половиной года, но и 2 с половиной месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса*), т.-е. всем, что есть в нем мыслящего, честного самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать остальные слои» (см. т. XVII, стр. 117).

«Диктатура пролетариата,—говорит дальше Ленин,—есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов—самая страшная сила. Без партии, железной, закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе*), без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (см. т. XVII, стр. 136).

Но как приобретается партией это доверие и поддержка класса? Как складывается необходимая для диктатуры пролетариата железная дисциплина, на какой почве она вырастает?

*) Курсив мой. *И. Ст.*

Вот что говорит об этом Ленин:

«Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его уменьем связаться, сблизиться до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся*), в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом. Их выработка облегчается правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения» (т. XVII, стр. 119).

И далее:

«Для успеха победы над капитализмом требуется правильное соотношение между руководящей, коммунистической партией, революционным классом, пролетариатом,—и массой, т.-е. всей совокупностью трудящихся и эксплоатируемых. Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплоатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие*),—только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной последней борьбе против всех сил капитализма. С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и частью сопротивление небольшого меньшинства испорченной капитализмом рабочей аристократии, старых тред-юнионистских и кооперативных вождей и т. п.,—способен развернуть всю свою силу, которая неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества» (см. т. XVII, стр. 232).

Из этих цитат следует, что:

1) авторитет партии и железная дисциплина в рабочем классе, необходимая для диктатуры пролетариата, строятся не на страхе или «неограниченных» правах партии, а на доверии рабочего класса к партии, на поддержке партии со стороны рабочего класса;

2) доверие рабочего класса к партии приобретается не сразу и не посредством насилия в отношении рабочего класса, а длительной работой партии в массах, правильной политикой партии, умением партии убеждать массы в правильности своей политики на собственном опыте масс, умением партии обеспечить себе поддержку рабочего класса, вести за собой массы рабочего класса;

3) без правильной политики партии, подкрепленной опытом борьбы масс, и без доверия рабочего класса не бывает и не может быть настоящего руководства партии;

4) партия и ее руководство, если она пользуется доверием класса и если это руководство является настоящим руководством,

*) Курсив мой. *И. Ст.*

не могут быть противопоставлены диктатуре пролетариата, ибо без руководства партии («диктатуры» партии), пользующейся доверием рабочего класса, невозможна сколько-нибудь прочная диктатура пролетариата.

Без этих условий авторитет партии и железная дисциплина есть либо пустая фраза, либо чванство и авантюра.

Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству («диктатуре») партии. Нельзя, так как руководство партии есть главное в диктатуре пролетариата, если иметь в виду сколько-нибудь прочную и полную диктатуру, а не такую, какой была, напр., Парижская Коммуна, представлявшая диктатуру неполную и непрочную. Нельзя, так как диктатура пролетариата и руководство партии лежат, так сказать, на одной линии работы, действуют в одном направлении.

«Одна уже постановка вопроса,—говорит Ленин,—«диктатура партии или диктатура класса? диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?» свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли... Всем известно, что массы делятся на классы... что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных цивилизованных странах, политические партии; что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями... Договориться... до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость» (см. т. XVII, стр. 133—134).

Это совершенно правильно. Но это правильное положение исходит из той предпосылки, что имеются налицо правильные взаимоотношения между авангардом и рабочими массами, между партией и классом. Оно исходит из того предположения, что взаимоотношения между авангардом и классом остаются, так сказать, нормальными, остаются в пределах «взаимодоверия». Ну, а как быть, если правильные взаимоотношения между авангардом и классом, если отношения «взаимодоверия» между партией и классом нарушены? Как быть, если партия сама начинает так или иначе противопоставлять себя классу, нарушая основы правильных взаимоотношений с классом, нарушая основы «взаимодоверия»? Возможны ли вообще такие случаи? Да, возможны, если партия начинает строить свой авторитет в массах не на своей работе и доверии масс, а на своих «неограниченных» правах; если политика партии явно неправильна, а она не хочет пересмотреть и исправить свою ошибку; если политика правильна, в общем, но массы еще не готовы к ее усвоению, а партия не хочет или не умеет выждать для того, чтобы дать массам возможность убедиться на своем собственном опыте в правильности политики партии. История нашей партии дает целый ряд таких случаев. Различные группировки и фракции в нашей партии падали и рассеивались потому, что они нарушали одно из этих трех условий, а иногда и все эти условия, взятые вместе.

Но из этого следует, что противопоставление диктатуры пролетариата «диктатуре» (руководству) партии не может быть признано правильным лишь в том случае:

1) если под диктатурой партии в отношении рабочего класса понимать не диктатуру в собственном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а руководство партии.

исключающее насилие над классом в целом, над его большинством, как это именно и понимает Ленин;

2) если партия имеет данные быть действительным руководителем класса, т.-е. если политика партии правильна, если эта политика соответствует интересам класса;

3) если класс, если большинство класса принимает эту политику, усваивает ее, убеждается, благодаря работе партии, в правильности этой политики, доверяет партии и поддерживает ее.

Нарушение этих условий неминуемо вызывает конфликт между партией и классом, раскол между ними, их противопоставление друг другу.

Можно ли навязать классу силой руководство партии? Нет, нельзя. Во всяком случае, такое руководство не может быть сколько-нибудь длительным. Партия, если она хочет остаться партией пролетариата, должна знать, что она является, прежде всего и главным образом, руководителем, вождем, учителем рабочего класса. Мы не можем забыть слов Ленина, сказанных им на этот счет в брошюре «Государство и революция»:

> «Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовать новый строй, быть учителем, руководителем вождем*) всех трудящихся и эксплоатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 317).

Можно ли считать, что партия является действительным руководителем класса, если ее политика неправильна, если ее политика приходит в столкновение с интересами класса? Конечно, нельзя. В таких случаях партия, если она хочет остаться руководителем, должна пересмотреть свою политику, должна исправить свою политику, должна признать свою ошибку и исправить ее. Можно было бы сослаться для подтверждения этого положения хотя бы на такой факт из истории нашей партии, как период отмены продразверстки, когда рабочие и крестьянские массы оказались явно недовольными нашей политикой и когда партия пошла, открыто и честно пошла на пересмотр этой политики. Вот что говорил тогда Ленин на X с'езде по вопросу об отмене продразверстки и введении новой экономической политики:

> «Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас установилась, недовольно, что оно этой формы соотношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это—воля громадных масс трудящегося населения. Мы с этим должны считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте пересматривать»*) (см. т. XVIII, ч. 1, стр. 138).

Можно ли считать, что партия должна взять на себя инициативу и руководство в организации решающих выступлений масс на том лишь основании, что политика ее в общем правильна, если эта политика не встречает еще доверия и поддержки со стороны класса, ввиду, скажем, его политической отсталости, если партии не удалось еще убедить класс в правильности своей политики, ввиду того, скажем, что события еще не назрели? Нет, нельзя. В таких случаях партия, если она

---

*) Курсив мой. *И. Ст.*

хочет быть действительным руководителем, должна уметь выждать, должна убеждать массы в правильности своей политики, должна помочь массам убедиться на своем собственном опыте в правильности этой политики.

> «Если нет у революционной партии,—говорит Ленин,—большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть и речи о восстании» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 255).

> «Без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создается политическим опытом масс» (см. т. XVII, стр. 172).

> «Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно далеко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс» (см. там же, стр. 179).

Известно, что наша партия так именно и поступала за период от апрельских тезисов Ленина до Октябрьского восстания 1917 года. И именно потому, что она действовала по этим указаниям Ленина, она выиграла восстание.

Таковы в основном условия правильных взаимоотношений между авангардом и классом.

Что значит руководить, если политика партии правильна, а правильные отношения между авангардом и классом не нарушаются?

Руководить при таких условиях—значит уметь убеждать массы в правильности политики партии, выдвигать и проводить такие лозунги, которые подводят массы к позициям партии и облегчают им распознать на своем собственном опыте правильность политики партии, подымать массы до уровня сознания партии и обеспечивать, таким образом, поддержку масс, их готовность к решительной борьбе.

Поэтому метод убеждения является основным методом руководства партии классом.

> «Если бы мы,—говорит Ленин,—сейчас в России, после 2 с половиной лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления «признание диктатуры», мы бы сделали глупость, испортили бы свое влияние на массы, помогли меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов — уметь убедить отсталых, уметь работать среди них, а не отгораживаться от них выдуманными ребячески - «левыми» лозунгами» (см. т. XVII, стр. 141).

Это не значит, конечно, что партия должна убедить всех рабочих, до последнего человека, что только после этого можно приступить к действиям, что только после этого можно открыть действия. Нисколько. Это означает лишь то, что раньше чем пойти на решающие политические действия, партия должна обеспечить себе, путем длительной революционной работы, поддержку большинства рабочих масс, по крайней мере, благоприятный нейтралитет большинства класса. В противном случае ленинское положение о том, что завоевание большинства рабочего класса на сторону партии является необходимым условием победоносной революции,—было бы лишено всякого смысла.

Ну, а как быть с меньшинством, если оно не хочет, если оно не согласно добровольно подчиниться воле большинства? Может ли партия, должна ли партия, имея за собой доверие большинства, принудить меньшинство к подчинению воле большинства? Да, может и должна. Руководство обеспечивается методом убеждения масс, как основным методом воздействия партии на массы. Но это не исключает, а предполагает принуждение, если это принуждение имеет своей базой доверие и поддержку партии со стороны большинства рабочего класса, если оно применяется к меньшинству, после того, как сумели убедить большинство. Следовало бы вспомнить споры в нашей партии на этот счет, имевшие место в период профсоюзной дискуссии. В чем состояла тогда ошибка оппозиции, ошибка Цектрана? Не в том ли, что оппозиция считала тогда возможным принуждение? Нет, не в этом. Ошибка оппозиции состояла тогда в том, что она, не будучи в состоянии убедить большинство в правильности своей позиции, потеряв доверие большинства, стала тем не менее применять принуждение, стала настаивать на «перетряхивании людей, облеченных доверием большинства.

Вот что говорил тогда Ленин на X с'езде партии в своей речи о профессиональных союзах:

> «Для того, чтобы установить взаимоотношения, взаимодоверие между авангардом рабочего класса и рабочей массой, надо было, если Цектран сделал ошибку... надо было ее исправлять. Но когда эту ошибку начинают защищать, то это делается источником политической опасности. Если бы максимально возможного в смысле демократии не сделали из тех настроений, которые здесь выражает Кутузов, мы бы пришли к политическому краху. Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить. Мы должны во что бы то ни стало убедить, а потом принудить*). Мы не сумели убедить широкие массы и нарушили правильное соотношение авангарда с массами» (см. т. XVIII ч. 1, стр. 135).

То же самое говорит Ленин в своей брошюре «О профсоюзах»:

> «Мы тогда правильно и успешно применяли принуждение, когда умели сначала подвести под него базу убеждения» (см. там же, стр. 19).

И это совершенно правильно. Ибо без этих условий невозможно никакое руководство. Ибо только таким образом можно обеспечить единство действий в партии, если речь идет о партии, единство действий класса, если речь идет о классе в целом. Без этого—раскол, разброд, разложение в рядах рабочего класса.

Таковы в общем основы правильного руководства партии.

Всякое иное понимание руководства есть синдикализм, анархизм, бюрократизм,—все что угодно,—только не большевизм, только не ленинизм.

Нельзя противопоставлять диктатуру пролетариата руководству («диктатуре») партии, если имеются налицо правильные взаимоотношения между партией и рабочим классом, между авангардом и рабочими массами. Но из этого следует, что тем более нельзя отождествлять партию с рабочим классом, руководство («диктатуру») партии с диктатурой рабочего класса. На том основании, что «диктатуру» партии нельзя противопоставлять диктатуре пролетариата, тов. Сорин пришел к тому неправильному выводу, что «диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии». Но Ленин говорит не только о недопустимости такого противопоставления. Он говорит вместе с тем о недопустимости противопоставления «диктатуры масс диктатуре вождей». Не угодно ли на этом основании отождествить диктатуру вождей с диктатурой пролетариата? Идя по этому пути, мы должны были бы сказать, что «диктатура пролетариата есть диктатура наших вождей». А ведь к этой именно глупости и ведет, собственно говоря, политика отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата...

Как обстоит дело на этот счет у т. Зиновьева?

Тов. Зиновьев стоит, в сущности, на той же точке зрения отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата, что и т. Сорин, с той, однако, разницей, что т. Сорин выражается прямее и яснее, а т. Зиновьев «вертится». Достаточно взять, хотя бы, следующее место из книги т. Зиновьева «Ленинизм», чтобы убедиться в этом:

> «Что такое,—говорит т. Зиновьев,—существующий в Союзе ССР строй с точки зрения его классового содержания? Это—диктатура пролетариата. Какова непосредственная пружина власти в СССР? Кто осуществляет власть рабочего класса? Коммунистическая партия! В этом смысле у нас*) диктатура партии. Какова юридическая форма власти в СССР? Каков новый тип государственного строя, созданный Октябрьской революцией? Это — советская система. Одно нисколько не противоречит другому» (см. «Ленинизм», стр. 371).

Что одно другому не противоречит, это, конечно, правильно, если под диктатурой партии в отношении рабочего класса в целом понимать руководство партии. Но как можно ставить на этом основании знак равенства между диктатурой пролетариата и «диктатурой» партии, между советской системой и «диктатурой» партии? Ленин отождествлял систему советов с диктатурой пролетариата, и он был прав, ибо советы, наши советы, являются организацией сплочения трудящихся масс вокруг пролетариата при руководстве партии. Но когда, где, в каком своем труде ставил знак равенства Ленин между «диктатурой» партии и диктатурой пролетариата, между «диктатурой» партии и системой советов, как это делает теперь т. Зиновьев? Диктатуре пролетариата не противоречит не только руководство («диктатура») партии, но и руководство («диктатура») вождей. Не угодно ли, на этом основании, провозгласить, что наша страна является страной диктатуры пролетариата, то-есть страной диктатуры партии, то-есть страной диктатуры вождей? А ведь к этой именно глупости и ведет «принцип» отождествления «диктатуры» партии с диктатурой пролетариата, вкрадчиво и несмело проводимый т. Зиновьевым.

В многочисленных трудах Ленина мне удалось отметить лишь пять случаев, где Ленин затрагивает мельком вопрос о диктатуре партии.

Первый случай—это полемика с эс-эрами и меньшевиками, где он говорит:

> «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии и предлагают, как вы слышали, единый социалистический фронт, мы говорим: «Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем, потому что это та партия, которая в течение десятилетий завоевала положение авангарда всего фабрично-заводского и промышленного пролетариата» (см. т. XVI, стр. 296).

*) Курсив мой. *И. Ст.*

Второй случай—это «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком», где он говорит:

> «Крестьян пугают (особенно меньшевики и эс-эры, все, даже «левые» из них) пугалом «диктатуры одной партии», партии большевиков-коммунистов. На примере Колчака крестьяне научились не бояться пугала. Либо диктатура (т.-е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса» (см. т. XVI, стр. 306).

Третий случай—это речь Ленина на II Конгрессе Коминтерна в полемике с Теннером. Эту речь я процитировал выше.

Четвертый случай—это несколько строчек в брошюре «Детская болезнь». Соответствующие цитаты уже приведены выше.

И пятый случай—это набросок схемы о диктатуре пролетариата, опубликованный в III «Ленинском Сборнике», где имеется подзаголовок под названием «Диктатура одной партии» (см. «Ленинский Сборник», III, стр. 497).

Следует отметить, что в двух случаях из пяти, в последнем и во втором случае, слова «диктатура одной партии» Ленин берет в кавычки, явно подчеркивая неточный, переносный смысл этой формулы.

Следует также отметить, что во всех этих случаях под «диктатурой партии» в отношении рабочего класса Ленин понимает не диктатуру в собственном смысле этого слова («власть, опирающаяся на насилие»), а руководство партии.

Характерно, что ни в одном из своих трудов, основных и второстепенных, где Ленин трактует или просто упоминает о диктатуре пролетариата и о роли партии в системе диктатуры пролетариата, нет и намека на то, что «диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии». Наоборот, каждая страница, каждая строчка этих трудов вопиет против такой формулы (см. «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь» и т. д.).

Еще более характерно, что в тезисах II Конгресса Коминтерна о роли политической партии, выработанных под непосредственным руководством Ленина, на которые Ленин неоднократно ссылался в своих речах, как на образец правильной формулировки роли и задач партии,—мы не находим ни одного, буквально ни одного слова о диктатуре партии.

О чем все это говорит?

О том, что:

а) Ленин не считал формулу «диктатура партии» безупречной, точной, ввиду чего она употребляется в трудах Ленина крайне редко и берется иногда в кавычки;

б) в тех немногих случаях, когда Ленин был вынужден, в полемике с противниками, говорить о диктатуре партии, он обычно раз'яснял, что под диктатурой партии в отношении рабочего класса нужно понимать руководство партии;

в) во всех тех случаях, когда Ленин находил нужным определить научно роль партии в системе диктатуры пролетариата, он говорил исключительно о руководящей роли партии (а таких случаев—тысячи);

г) именно поэтому Ленин «не догадался» включить в основную резолюцию о роли партии—я имею в виду резолюцию II Конгресса Коминтерна—формулу «диктатура партии»;

д) не правы с точки зрения ленинизма и политически близоруки те товарищи, которые отождествляют или пытаются отождествить «диктатуру» партии, а, значит, и «диктатуру вождей», с диктатурой пролетариата, ибо они нарушают условия правильного взаимоотношения между авангардом и классом.

Я уже не говорю о том, что формула «диктатура партии», взятая без указанных выше оговорок, может создать целый ряд опасностей и политических минусов в нашей практической работе. Этой формулой, взятой без оговорок, как бы подсказывают:

а) беспартийным массам: не смейте противоречить, не смейте рассуждать, ибо партия все может, ибо у нас диктатура партии;

б) партийным кадрам: действуйте посмелее, нажимайте покрепче, можно и не прислушиваться к голосу беспартийных масс,—у нас диктатура партии;

в) партийным верхам: можно позволить себе роскошь некоторого самодовольства, пожалуй, можно даже немножечко зазнаться, ибо у нас диктатура партии, а «значит», и диктатура вождей.

Об этих опасностях уместно напомнить именно теперь, в период под'ема политической активности масс, когда готовность партии внимательно прислушиваться к голосу масс представляет для нас особую ценность, когда чуткость к запросам масс является основной заповедью нашей партии, когда от партии требуется особая осмотрительность и особая гибкость в политике, когда опасность зазнаться является одной из самых серьезных опасностей, стоящих перед партией в деле правильного руководства массами.

Нельзя не вспомнить золотых слов Ленина, сказанных им на XI с'езде нашей партии:

> «В народной массе мы (коммунисты) все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собой масс, и вся машина развалится».

«Правильно выражать то, что народ сознает»,—это именно и есть то необходимое условие, которое обеспечивает за партией почетную роль основной руководящей силы в системе диктатуры пролетариата.

VI.

Вопрос о победе социализма в одной стране.

В брошюре «Об основах ленинизма» (апрель 1924 г.) имеются две формулировки по вопросу о победе социализма в одной стране. Первая формулировка гласит:

> «Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран, или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира, — все это ведет не только к возможности, но и необходимости победы пролетариата в отдельных странах» (см. 3-ю главу брошюры).

Это положение совершенно правильно, и оно не нуждается в комментариях. Оно направлено против теории социал-демократов,

считающих взятие власти пролетариатом в одной стране, без одновременной победоносной революции в других странах,—утопией.

Но в брошюре «Об основах ленинизма» имеется еще вторая формулировка. Там сказано [1]):

«Но свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране еще не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма—организация социалистического производства—остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны,- об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно,—для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран» (см. там же).

Эта вторая формулировка была направлена против утверждения критиков ленинизма, против троцкистов, заявлявших, что диктатура пролетариата в одной стране, при отсутствии победы в других странах, не может «устоять против консервативной Европы».

Постольку,—но только постольку,—эта формулировка являлась тогда (апрель 1924 г.) достаточной, и она, несомненно, сослужила известную пользу.

Но впоследствии, когда критика ленинизма в этой части была уже преодолена в партии и когда на очередь стал новый вопрос, вопрос о возможности построения полного социалистического общества силами нашей страны, без помощи извне,—вторая формулировка оказалась уже явно недостаточной и, потому, неправильной.

В чем состоит недостаток этой формулировки?

Ее недостаток состоит в том, что она связывает в один вопрос два разных вопроса: вопрос о **возможности** построения социализма силами одной страны, на что должен быть дан положительный ответ, и вопрос о том, может ли страна с диктатурой пролетариата считать себя **вполне гарантированной** от интервенции и, стало быть, от реставрации старых порядков, без победоносной революции в ряде других стран, на что должен быть дан отрицательный ответ. Я уже не говорю о том, что эта формулировка может дать повод думать, что организация социалистического общества силами одной страны невозможна, что, конечно, не правильно.

На этом основании я видоизменил, исправил эту формулировку в своей брошюре «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (декабрь 1924 г.), расчленив этот вопрос на два вопроса: на вопрос о **полной гарантии от реставрации буржуазных порядков** и вопрос о **возможности построения полного социалистического общества** в одной стране. Это было достигнуто, во-первых, путем трактовки «полной победы социализма», как «полной гарантии от восстановления старых порядков», возможной лишь в порядке «совместных усилий пролетариев нескольких стран», и, во-вторых, путем провозглашения, на основании брошюры Ленина «О кооперации», той неоспоримой истины, что мы имеем все необходимое для построения полного социалистического общества (см. «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов»).

[1]) Речь идет о первом издании.

Эта новая формулировка вопроса и легла в основу известной резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП», рассматривающей вопрос о победе социализма в одной стране в связи со стабилизацией капитализма (апрель 1925 г.) и считающей построение социализма силами нашей страны возможным и необходимым.

Она же послужила основой моей брошюры «К итогам работ XIV партконференции, изданной непосредственно после XIV партконференции, в мае 1925 г.

По вопросу о постановке вопроса о победе социализма в одной стране в этой брошюре сказано:

«Наша страна представляет две группы противоречий. Одна группа противоречий — это внутренние противоречия, существующие между пролетариатом и крестьянством (речь идет здесь о построении социализма в одной стране. *И. Ст.*) Другая группа противоречий — это противоречия внешние, имеющиеся между нашей страной, как страной социализма и всеми остальными странами, как странами капитализма (речь идет здесь об окончательной победе социализма. *И. Ст.*)»... «Кто смешивает первую группу противоречий, совершенно преодолимых усилиями одной страны, со второй группой противоречий, требующих для своего разрешения усилий пролетариев нескольких стран,—тот допускает грубейшую ошибку против ленинизма, тот либо путаник, либо неисправимый оппортунист» (см. «К итогам работ XIV партконференции»).

По вопросу о **победе** социализма в нашей стране брошюра говорит:

«Мы можем построить социализм, и мы его будем строить вместе с крестьянством, под руководством рабочего класса»... ибо «при диктатуре пролетариата у нас имеются... все данные, необходимые для того, чтобы построить полное социалистическое общество, преодолевая все и всякие внутренние затруднения, ибо мы можем и мы должны преодолеть их своими собственными силами» (см. там же).

По вопросу же об **окончательной** победе социализма там сказано:

«Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит, и реставрации, ибо сколько-нибудь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах, является необходимым условием полной гарантии первой победившей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма» (см. там же).

Кажется, ясно.

Известно, что в том же духе толкуется этот вопрос в моей брошюре «Вопросы и ответы» (июнь 1925 г.) и в политотчете ЦК на XIV с'езде ВКП (декабрь 1925 г.).

Таковы факты.

Эти факты известны, я думаю, всем и каждому, в том числе и т. Зиновьеву.

Если теперь, спустя почти два года, после идейной борьбы в партии и после принятой резолюции на XIV партконференции (апрель 1925 г.), т. Зиновьев находит возможным в своем заключительном слове на XIV партс'езде (декабрь 1925 г.) вытащить старую, совершенно недостаточную, формулу из брошюры Сталина, писанной в апреле 1924 г., как базу для решения уже решенного вопроса о победе социализма в одной стране,—то эта своеобразная манера тов. Зиновьева говорит лишь о том, что он окончательно запутался в этом вопросе. Тащить партию назад,

после того как она ушла вперед, обходить резолюцию XIV парт-конференции, после того как она подтверждена пленумом ЦК,—это значит безнадежно увязнуть в противоречиях, не верить в дело строительства социализма, сойти с пути Ленина и расписаться в своем собственном поражении.

Что такое возможность победы социализма в одной стране?

Это есть возможность разрешения противоречий между пролетариатом и крестьянством внутренними силами нашей страны, возможность взятия власти пролетариатом и использования этой власти для построения полного социалистического общества в нашей стране, при сочувствии и поддержке пролетариев других стран, но без предварительной победы пролетарской революции в других странах.

Без такой возможности строительство социализма есть строительство без перспективы, строительство без уверенности построить социализм. Нельзя строить социализм, не будучи уверен, что его можно построить, не будучи уверен, что техническая отсталость нашей страны не является непреодолимым препятствием к построению полного социалистического общества. Отрицание такой возможности есть неверие в дело строительства социализма, отход от ленинизма.

Что такое невозможность полной, окончательной победы социализма в одной стране без победы революций в других странах?

Это есть невозможность полной гарантии от интервенции, а, значит, и реставрации буржуазных порядков без победы революции, по крайней мере, в ряде стран. Отрицание этого бесспорного положения есть отход от интернационализма, отход от ленинизма.

«Мы, живем,—говорит Ленин,—не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что пролетариат, как господствующий класс, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это также своей военной организацией» (т. XVI, стр. 102).

«Мы имеем перед собою,—говорит Ленин в другом месте,—в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое, известное равновесие. Надолго ли это—не знаю, и думаю, что этого знать нельзя. И поэтому с нашей стороны нужна величайшая осторожность. И первой заповедью нашей политики, первым уроком-уроком, вытекающим из нашей правительственной деятельности за год, уроком, который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это—быть на-чеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске» (т. XVIII, ч. 1, стр. 425).

Кажется, ясно.

Как обстоит дело у тов. Зиновьева насчет вопроса о победе социализма в одной стране?

Слушайте:

«Под окончательной победой социализма следует понимать, по крайней мере: 1) уничтожение классов, и, стало быть, 2) упразднение диктатуры одного класса, в данном случае диктатуры пролетариата»... «Чтобы еще точнее уяснить себе,—говорит дальше тов. Зиновьев,—как стоит вопрос у нас в СССР в 1925 году, надо различать две вещи: 1) обеспеченная возможность строить социализм—такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может мыслиться и в рамках одной страны, и 2) окончательное построение и упрочение социализма, т.-е. осуществление социалистического строя, социалистического общества» (см. «Ленинизм» т. Зиновьева, стр. 291 и 293).

Что все это может означать?

А то, что под окончательной победой социализма в одной стране т. Зиновьев понимает не гарантию от интервенции и реставрации, а возможность построения социалистического общества. Под победой же социализма в одной стране т. Зиновьев понимает такое строительство социализма, которое не может и не должно привести к построению социализма. Строительство на авось, без перспективы, строительство социализма при невозможности построить социалистическое общество,—такова позиция т. Зиновьева.

Строить социализм без возможности построить его, строить, зная, что не построишь,—вот до каких несообразностей договорился т. Зиновьев.

Но это ведь издевка над вопросом, а не разрешение вопроса!

А вот еще одно место из заключительного слова т. Зиновьева на XIV партс'езде:

«Вы посмотрите, до чего, напр., договорился т. Яковлев на последней Курской губпартконференции. Можем ли мы в одной стране,—спрашивает он,—будучи окружены со всех сторон капиталистическими врагами, можем ли мы в таких условиях в одной стране построить социализм? И отвечает: «На основе всего сказанного мы вправе сказать, что мы не только строим социализм, но что мы, несмотря на то, что мы пока что одни, что мы пока единственная в мире советская страна, советское государство,—мы этот социализм построим» («Курская Правда», № 279 от 8 декабря 1925 г.). Разве это ленинская постановка вопроса, разве здесь не отдает душком национальной ограниченности?» *).

Таким образом, по Зиновьеву выходит, что признать возможность построения социализма в одной стране—это значит стать на точку зрения национальной ограниченности, а отрицать такую возможность—значит стать на точку зрения интернационализма.

Но если это верно,—стоит ли вообще вести борьбу за победу над капиталистическими элементами нашего хозяйства? Не следует ли из этого, что такая победа невозможна?

Капитуляция перед капиталистическими элементами нашего хозяйства,—вот куда приводит внутренняя логика аргументации т. Зиновьева.

И эту несообразность, не имеющую ничего общего с ленинизмом, преподносит нам т. Зиновьев как «интернационализм», как «стопроцентный ленинизм»!

Я утверждаю, что в важнейшем вопросе о строительстве социализма т. Зиновьев отходит от ленинизма, скатываясь на точку зрения меньшевика Суханова.

Обратимся к Ленину. Вот что он говорил о победе социализма в одной стране еще до Октябрьской революции, в августе 1915 года:

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны,

*) Курсив мой. *И. Ст.*

экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство*), встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств» (см. т. XIII, стр. 133).

Что значит подчеркнутая фраза Ленина: «организовав у себя социалистическое производство»? Это значит, что пролетариат победившей страны может и должен организовать у себя, после взятия власти, социалистическое производство. А что значит «организовать социалистическое производство»? Это значит построить социалистическое общество. Едва ли нужно доказывать, что это ясное и определенное положение Ленина не нуждается в дальнейших комментариях. В противном случае непонятны были бы призывы Ленина ко взятию власти пролетариатом в октябре 1917 года.

Вы видите, что это ясное положение Ленина, как небо от земли, отличается от путанного и антиленинского «положения» т. Зиновьева о том, что мы можем строить социализм «в рамках одной страны» при невозможности построить его.

Это было сказано Лениным в 1915 году, до взятия власти пролетариатом. Но, может быть, у него изменились взгляды после опыта взятия власти, после 1917 года? Обратимся к брошюре Ленина «О кооперации», писанной в 1923 г.

«В самом деле, — говорит Ленин, — власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества*). Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»*) (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 140).

Иначе говоря: мы можем и должны построить полное социалистическое общество, ибо мы имеем в своем распоряжении все необходимое и достаточное для этого построения.

Кажется, трудно выразиться яснее.

Сравните это классическое положение Ленина с антиленинской отповедью т. Зиновьева против т. Яковлева и поймете, что Яковлев только повторил слова Ленина о возможности построения социализма в одной стране, а Зиновьев, выступая против этого положения, бичуя т. Яковлева, отошел от Ленина и стал на точку зрения меньшевика Суханова, на точку зрения невозможности построения социализма в нашей стране ввиду ее технической отсталости.

Неизвестно только, для чего же мы брали власть в октябре 1917 г., если не рассчитывали построить социализм?

Не надо было брать власть в октябре 1917 года, — вот к какому выводу приводит внутренняя логика аргументации т. Зиновьева.

Я утверждаю далее, что в важнейшем вопросе о победе социализма т. Зиновьев пошел против определенных решений

*) Курсив везде мой. *И. Ст.*

нашей партии, зафиксированных в известной резолюции XIV партконференции «О задачах Коминтерна и РКП в связи с расширенным пленумом ИККИ».

Обратимся к этой резолюции. Вот что сказано там о победе социализма в одной стране:

«Наличие двух прямо противоположных общественных систем вызывает постоянную угрозу капиталистической блокады, других форм экономического давления, вооруженной интервенции, реставрации. Единственной гарантией окончательной победы социализма, т.-е. гарантией от реставрации*) является, следовательно, победоносная социалистическая революция в ряде стран». ...«Ленинизм учит, что окончательная победа социализма в смысле полной гарантии от реставрации*) буржуазных отношений возможна только в международном масштабе...». «Из этого отнюдь не вытекает*), что невозможна постройка полного социалистического общества*) в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» (Троцкий) более развитых в технико-экономическом отношении стран» (см. резолюцию).

Вы видите, что резолюция трактует окончательную победу социализма, как гарантию от интервенции и реставрации, — в полную противоположность трактовке тов. Зиновьева в его книге «Ленинизм».

Вы видите, что резолюция признает возможность постройки полного социалистического общества в такой отсталой стране, как Россия, без «государственной помощи» более развитых в технико-экономическом отношении стран, — в полную противоположность обратному утверждению т. Зиновьева в его отповеди против т. Яковлева в заключительном слове на XIV партс'езде.

Как назвать это, как не борьбой т. Зиновьева против резолюции XIV партконференции?

Конечно, партийные резолюции иногда не безгрешны. Бывает, что партийные резолюции содержат ошибки. Вообще говоря, можно предположить, что резолюция XIV партконференции тоже содержит некоторые ошибки. Возможно, что т. Зиновьев считает данную резолюцию ошибочной. Но тогда об этом надо сказать ясно и открыто, как подобает большевику. Однако, т. Зиновьев не делает этого почему-то Он предпочел избрать другой путь, путь тыловых атак резолюции XIV партконференции, при замалчивании этой резолюции и при отсутствии какой бы то ни было открытой критики резолюции. Тов. Зиновьев думает, видимо, что этот путь лучше всего достигает цели. А цель у него одна, — «улучшить» резолюцию и «немножечко» подправить Ленина. Едва ли нужно доказывать, что т. Зиновьев ошибся в своих расчетах.

Откуда проистекает ошибка т. Зиновьева, где корень этой ошибки?

Корень этой ошибки заключается, по-моему, в уверенности т. Зиновьева в том, что техническая отсталость нашей страны является непреодолимым препятствием к построению полного социалистического общества, что пролетариат не может построить социализм, ввиду технической отсталости нашей страны. Тов. Зиновьев и тов. Каменев одно время пробовали выступить с этим аргументом на одном из заседаний ЦК партии перед апрельской партконференцией. Но они получили отповедь и вынуждены были отступить, подчинившись формально про-

*) Курсив везде мой. *И. Ст.*

тивоположной точке зрения, точке зрения большинства ЦК. Но, подчинившись ей формально, т. Зиновьев все время продолжал борьбу с ней (см. книгу т. Зиновьева «Ленинизм» и заключительное слово на XIV партс'езде). Вот что говорит об этом «инциденте» в ЦК ВКП Московский Комитет нашей партии в своем «Ответе» на письмо Ленинградской губпартконференции:

> «Не так давно товарищи Каменев и Зиновьев защищали в Политбюро ту точку зрения, будто бы мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция. Мы же, вместе с большинством ЦК, думаем, что мы можем строить социализм, строим и построим его, несмотря на нашу техническую отсталость и вопреки ей. Мы думаем, что это строительство будет итти, конечно, гораздо медленнее, чем в условиях мировой победы, но тем не менее мы идем и будем итти вперед. Мы точно так же полагаем, что точка зрения т. Каменева и Зиновьева выражает неверие во внутренние силы нашего рабочего класса и идущих за ним крестьянских масс. Мы полагаем, что она есть отход от ленинской позиции» (см. «Ответ»).

Этот документ появился в печати во время первых заседаний XIV партс'езда. Тов. Зиновьев, конечно, имел возможность выступить против этого документа еще на с'езде. Характерно, что у т.т. Зиновьева и Каменева не нашлось аргументов против этого тяжкого обвинения, выставленного против них Московским Комитетом нашей партии. Случайно ли это? Я думаю, что не случайно. Обвинение, видимо, попало в цель. Т. Зиновьев и т. Каменев «ответили» на это обвинение молчанием потому, что нечем было его «крыть».

Новая оппозиция обижается, что т. Зиновьева обвиняют в неверии в дело победы социалистического строительства в нашей стране. Но если т. Зиновьев после целого года обсуждения вопроса о победе социализма в одной стране, после того, как точка зрения т. Зиновьева была отвергнута Политбюро ЦК (апрель 1925 г.) после того, как сложилось уже определенное мнение партии по этому вопросу, зафиксированное в известной резолюции XIV партконференции (апрель 1925 г.), если после всего этого т. Зиновьев решается выступить в своей книге «Ленинизм» (сентябрь 1925 г.) против точки зрения партии, если он потом повторяет это выступление на XIV с'езде,—то как об'яснить все это, это упорство, эту настойчивость в отстаивании своей ошибки, как не тем, что т. Зиновьев заражен, безнадежно заражен, неверием в дело победы социалистического строительства в нашей стране?

Тов. Зиновьеву угодно трактовать это свое неверие, как интернационализм. Но с каких это пор отход от ленинизма в кардинальном вопросе ленинизма стал трактоваться у нас, как интернационализм?

Не вернее ли будет сказать, что не партия, а т. Зиновьев грешит здесь против интернационализма и международной революции? Ибо что такое наша страна «строящегося социализма», как не база мировой революции? Но может ли она быть настоящей базой мировой революции, если она неспособна построить социалистическое общество? Может ли она остаться тем величайшим притягательным центром для рабочих всех стран, каким она, несомненно, является теперь, если она неспособна добиться у себя победы над капиталистическими элементами нашего хозяйства, победы социалистического строительства? Я думаю, что не может. Но не следует ли из этого, что неверие в победу социалистического строительства, проповедь этого неверия ведет к развенчанию нашей страны, как базы мировой революции, развенчание же нашей страны ведет к ослаблению мирового революционного движения? Чем отпугивали от нас рабочих г.г. социал-демократы? Проповедью о том, что «у русских ничего не выйдет». Чем мы бьем теперь социал-демократов, привлекая к себе целые вереницы рабочих делегаций и укрепляя тем самым позиции коммунизма во всем мире? Нашими успехами по строительству социализма. Но разве не ясно после этого, что, кто проповедует неверие в наши успехи по строительству социализма, тот помогает косвенно социал-демократам, тот ослабляет размах международного революционного движения, тот неизбежно отходит от интернационализма?..

Вы видите, что с «интернационализмом» тов. Зиновьева дело обстоит ничуть не лучше, чем с его «стопроцентным ленинизмом» в вопросе о строительстве социализма в одной стране.

Поэтому XIV партс'езд поступил правильно, определив взгляды новой оппозиции, как «неверие в дело строительства социализма» и «извращение ленинизма».

VII.

Борьба за победу социалистического строительства.

Я думаю, что неверие в победу социалистического строительства является основной ошибкой новой оппозиции. Ошибка эта является, по-моему, основной потому, что из нее проистекают все остальные ошибки новой оппозиции. Ошибки новой оппозиции по вопросу о нэпе, о госкапитализме, о природе нашей социалистической промышленности, о роли кооперации при диктатуре пролетариата, о методах борьбы с кулачеством, о роли и удельном весе среднего крестьянства,—все эти ошибки являются производными от основной ошибки оппозиции, от неверия в возможность построения социалистического общества силами нашей страны.

Что такое неверие в победу социалистического строительства в нашей стране?

Это есть, прежде всего, отсутствие уверенности в том, что основные массы крестьянства *могут втянуться*, в силу известных условий развития нашей страны, в дело социалистического строительства.

Это есть, во-вторых, отсутствие уверенности в том, что пролетариат нашей страны, имеющий в своем распоряжении командные высоты народного хозяйства, *способен* втянуть основные массы крестьянства в дело социалистического строительства.

Из этих положений исходит молчаливо оппозиция в своих построениях о путях нашего развития,—все равно,—делает ли она это сознательно или бессознательно.

Можно ли втянуть основную массу советского крестьянства в дело социалистического строительства?

В брошюре «Об основах ленинизма» имеются на этот счет два основных положения:

> 1) «Нельзя смешивать крестьянство Советского Союза с крестьянством Запада. Крестьянство, прошедшее школу трех революций, боровшееся против царя и буржуазной власти вместе с пролетариатом и во главе с пролетариатом, крестьянство, получившее землю и мир из рук пролетарской революции и ставшее в виду этого резервом проле-

тариата,—это крестьянство не может не отличаться от крестьянства, боровшегося во время буржуазной революции во главе с либеральной буржуазией, получившего землю из рук этой буржуазии и ставшего в виду этого резервом буржуазии. Едва ли нужно доказывать, что советское крестьянство, привыкшее ценить политическую дружбу и политическое сотрудничество с пролетариатом и обязанное своей свободой этой дружбе и этому сотрудничеству,—не может не составлять исключительно благоприятный материал для экономического сотрудничества с пролетариатом».

2) «Нельзя смешивать сельское хозяйство России с сельским хозяйством Запада Там развитие сельского хозяйства идет по обычной линии капитализма, в обстоновке глубокой дифференциации крестьянства, с крупными имениями и частно-капиталистическими латифундиями на одном полюсе, с пауперизмом, нищетой и наемным рабством—на другом. Там распад и разложение ввиду этого вполне естественны. Не то в России. У нас развитие сельского хозяйства не может пойти по такому пути, хотя бы потому, что наличие Советской власти и национализация основных орудий и средств производства не допускают такого развития. В России развитие сельского хозяйства должно пойти по другому пути, по пути кооперирования миллионов мелкого и среднего крестьянства, по пути развития в деревне массовой кооперации, поддерживаемой государством в порядке льготного кредитования. Ленин правильно указал в статьях о кооперации, что развитие сельского хозяйства у нас должно пойти по новому пути, по пути вовлечения большинства крестьян в социалистическое строительство через кооперацию, по пути постепенного внедрения в сельское хозяйство начал коллективизма сначала в области сбыта, а потом—в области производства продуктов сельского хозяйства»... «Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство крестьянства охотно станет на этот новый путь развития, отбросив прочь путь частно-капиталистических латифундий и наемного рабства, путь нищеты и разорения».

Правильны ли эти положения?

Я думаю, что оба эти положения являются правильными и неоспоримыми для всего нашего строительного периода в условиях нэпа.

Они являются лишь выражением известных тезисов Ленина о смычке пролетариата и крестьянства, о включении крестьянских хозяйств в систему социалистического развития страны, о том, что пролетариат должен двигаться к социализму вместе с основными массами крестьянства, о том, что кооперирование миллионных масс крестьянства является столбовой дорогой социалистического строительства в деревне, что при росте нашей социалистической индустрии «простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 144).

В самом деле, по какому пути может и должно пойти развитие крестьянского хозяйства в нашей стране?

Крестьянское хозяйство не есть капиталистическое хозяйство. Крестьянское хозяйство, если взять подавляющее большинство крестьянских хозяйств, есть хозяйство мелко-товарное. А что такое мелко-товарное крестьянское хозяйство? Это есть хозяйство, стоящее на распутьи между капитализмом и социализмом. Оно может развиться и в сторону капитализма, как это происходит теперь в капиталистических странах, и в сторону социализма, как это должно произойти у нас, в нашей стране, при диктатуре пролетариата.

Откуда такая неустойчивость, несамостоятельность крестьянского хозяйства? Чем ее об'яснить?

Об'ясняется она распыленностью крестьянских хозяйств, их неорганизованностью, их зависимостью от города, от индустрии, от кредитной системы, от характера власти в стране, наконец, тем общеизвестным положением, что деревня идет и должна итти за городом, как в материальном, так и в культурном отношении.

Капиталистический путь развития крестьянского хозяйства означает развитие через глубочайшую дифференциацию крестьянства, с крупными латифундиями на одном полюсе и массовым обнищанием на другом полюсе. Такой путь развития является неизбежным в капиталистических странах, потому что деревня. крестьянское хозяйство находится в зависимости от города, от индустрии, от концентрированного кредита в городе, от характера власти, а в городе царит буржуазия, капиталистическая промышленность, капиталистическая кредитная система, капиталистическая государственная власть.

Обязателен ли этот путь развития крестьянских хозяйств в нашей стране, где город имеет совершенно другой облик, где индустрия находится в руках пролетариата, где транспорт, кредитная система, государственная власть и т. д. сосредоточены в руках пролетариата, где национализация земли является всеобщим законом в стране? Конечно, не обязателен. Наоборот. Именно потому, что город является руководителем деревни, а в городе царит у нас пролетариат, держащий в руках все командные высоты народного хозяйства, именно поэтому крестьянские хозяйства должны пойти в своем развитии по другому пути, по пути социалистического строительства.

Что это за путь?

Это есть путь массового кооперирования миллионов крестьянских хозяйств по всем линиям кооперации, путь об'единения распыленных крестьянских хозяйств вокруг социалистической индустрии, путь насаждения начал коллективизма среди крестьянства сначала по линии сбыта продуктов земледелия и снабжения крестьянских хозяйств городскими изделиями, а потом по линии сельско-хозяйственного производства.

И чем дальше, тем больше этот путь становится неизбежным в обстановке диктатуры пролетариата, ибо кооперирование по линии сбыта, кооперирование по линии снабжения, наконец, кооперирование по линии кредита и производства (сел.-хоз. товарищества) является единственным путем под'ема благосостояния деревни, единственным средством спасения широких масс крестьянства от нищеты и разорения.

Говорят, что крестьянство у нас несоциалистично по своему положению, что ввиду этого оно неспособно к социалистическому развитию. Это, конечно, верно, что крестьянство несоциалистично по своему положению. Но это не есть аргумент против развития крестьянских хозяйств по пути социализма, если доказано, что деревня идет за городом, а в городе командует социалистическая промышленность. Во время Октябрьской революции крестьянство тоже не являлось социалистическим по своему положению, и оно вовсе не хотело установить в стране социализм. Оно добивалось тогда, главным образом, ликвидации помещичьей власти и окончания войны, установления мира. Тем не менее, оно пошло тогда за социалистическим пролетариатом. Почему? Потому, что свержение буржуазии и взятие власти социалистическим пролетариатом явилось тогда единственным путем выхода из империалистической войны, единственным путем установления мира. Потому, что других путей не было тогда и не могло быть. Потому, что нашей партии удалось тогда нащупать, найти ту степень соединения и подчинения специфических интересов крестьянства (свержение помещика, мир) общим интересам страны

(диктатура пролетариата), которая оказалась приемлемой и выгодной для крестьянства. И крестьянство, несмотря на его несоциалистичность, пошло тогда за социалистическим пролетариатом.

То же самое нужно сказать о социалистическом строительстве в нашей стране, о вовлечении крестьянства в русло этого строительства. Крестьянство несоциалистично по своему положению. Но оно должно стать, и обязательно станет, на путь социалистического развития, ибо нет и не может быть других путей спасения крестьянства от нищеты и разорения, кроме смычки с пролетариатом, кроме смычки с социалистической промышленностью, кроме включения крестьянского хозяйства в общее русло социалистического развития через массовое кооперирование крестьянства.

Почему именно через массовое кооперирование крестьянства? Потому, что в массовом кооперировании «мы нашли ту степень соединения частного интереса, частно-торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам» (Ленин), которая является приемлемой и выгодной для крестьянства и которая обеспечивает пролетариату возможность вовлечения основной массы крестьянства в дело социалистического строительства. Именно потому, что крестьянству выгодно организовать сбыт своих товаров и снабжение своего хозяйства машинами через кооперацию, именно поэтому оно должно пойти, и оно пойдет, по пути массового кооперирования.

А что означает массовое кооперирование крестьянских хозяйств при главенстве социалистической промышленности?

Оно означает о т х о д мелко-товарного крестьянского хозяйства от старого капиталистического пути, чреватого массовым разорением крестьянства, и п е р е х о д на новый путь развития, на путь социалистического строительства.

Вот почему борьба за новый путь развития крестьянского хозяйства, борьба за вовлечение основной массы крестьянства в дело строительства социализма является очередной задачей нашей партии.

XIV с'езд ВКП поступил поэтому правильно, постановив, что: «Основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы, при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы» (см. резолюцию с'езда по отчету ЦК).

Глубочайшая ошибка новой оппозиции состоит в том, что она не верит в этот новый путь развития крестьянства, не видит или не понимает всей неизбежности этого пути в условиях диктатуры пролетариата. А не понимает она этого потому, что не верит в победу социалистического строительства в нашей стране, не верит в способность нашего пролетариата повести за собой крестьянство по пути к социализму.

Отсюда непонимание двойственного характера нэпа, преувеличение отрицательных сторон нэпа и трактовка нэпа, как отступления по преимуществу.

Отсюда преувеличение роли капиталистических элементов нашего хозяйства и преуменьшение роли рычагов нашего социалистического развития (социалистическая промышленность, кредитная система, кооперация, власть пролетариата и т. д.).

Отсюда непонимание социалистической природы нашей государственной промышленности и сомнения в правильности кооперативного плана Ленина.

Отсюда раздувание дифференциации в деревне, паника перед кулаком, преуменьшение роли середняка, попытки сорвать политику партии по обеспечению прочного союза с середняком и, вообще, метание из стороны в сторону в вопросе о политике партии в деревне.

Отсюда непонимание той громадной работы партии по вовлечению миллионных масс рабочих и крестьян в строительство промышленности и сельского хозяйства, в оживление кооперации и советов, в управление страной, в борьбу с бюрократизмом, в борьбу за улучшение и переделку нашего государственного аппарата, которая знаменует собой новую полосу развития и без которой немыслимо никакое социалистическое строительство.

Отсюда безнадежность и растерянность перед трудностями нашего строительства, сомнения в возможности индустриализации нашей страны, пессимистическая болтовня о перерождении партии и т. д.

У них, у буржуа, все обстоит более или менее хорошо; у нас же, у пролетариев,—более или менее плохо; если не подоспеет с Запада революция,—пропало наше дело,—таков общий тон новой оппозиции, являющийся, по-моему, тоном ликвидаторским, но для чего-то выдаваемый оппозицией (должно быть, для потехи) за «интернационализм».

Нэп есть капитализм, говорит оппозиция. Нэп есть отступление по преимуществу, говорит т. Зиновьев. Все это, конечно, неверно. На самом деле нэп есть политика партии, допускающая борьбу социалистических и капиталистических элементов и рассчитанная на победу социалистических элементов над элементами капиталистическими. На самом деле нэп только начался отступлением, но он рассчитан на то, чтобы в ходе отступления произвести перегруппировку сил и повести наступление. На самом деле мы наступаем уже несколько лет, и наступаем с успехом, развивая нашу индустрию, развивая советскую торговлю, тесня частный капитал.

Но каков смысл тезиса—нэп есть капитализм, нэп есть отступление по преимуществу? Из чего исходит этот тезис?

Он исходит из неправильного предположения о том, что у нас происходит теперь простое восстановление капитализма, простой «возврат» капитализма. Только этим предположением можно об'яснить сомнения оппозиции насчет социалистической природы нашей промышленности. Только этим предположением можно об'яснить панику оппозиции перед кулаком. Только этим предположением можно об'яснить ту поспешность, с которой ухватилась оппозиция за неправильные цифры о дифференциации крестьянства. Только этим предположением можно об'яснить особую забывчивость оппозиции насчет того, что середняк является у нас центральной фигурой земледелия. Только этим предположением можно об'яснить недооценку удельного веса середняка и сомнения насчет кооперативного плана Ленина. Только этим предположением можно «обосновать» неверие новой оппозиции

в новый путь развития деревни, в путь вовлечения деревни в социалистическое строительство.

На самом деле у нас происходит теперь не односторонний процесс восстановления капитализма, а двусторонний процесс развития капитализма и развития социализма, противоречивый процесс борьбы элементов социалистических с элементами капиталистическими, процесс преодоления элементов капиталистических элементами социалистическими. Это одинаково неоспоримо как для города, где базой социализма является государственная промышленность, так и для деревни, где основной зацепкой социалистического развития является массовая кооперация, смыкаемая с социалистической промышленностью.

Простое восстановление капитализма невозможно хотя бы потому, что власть у нас пролетарская, крупная промышленность в руках пролетариата, транспорт и кредит находятся в распоряжении пролетарского государства.

Дифференциация не может принять прежних размеров, середняк остается основной массой крестьянства, а кулак не может возыметь прежнюю силу хотя бы потому, что земля у нас национализирована, она из'ята из обращения, а наша торговая, кредитная, налоговая и кооперативная политика направлена на то, чтобы ограничить эксплоататорские стремления кулачества, поднять благосостояние широчайших масс крестьянства и выравнивать крайности в деревне. Я уже не говорю о том, что борьба с кулачеством идет у нас теперь не только по старой линии, по линии организации бедноты против кулачества, но и по новой линии, по линии укрепления союза пролетариата и бедноты с середняцкими массами крестьянства против кулака. Тот факт, что оппозиция не понимает смысла и значения борьбы с кулачеством по этой второй линии, этот факт лишний раз подтверждает, что оппозиция сбивается на старый путь развития деревни, на путь ее капиталистического развития, когда кулак и беднота составляли основные силы деревни, а середняк «вымывался».

Кооперация есть разновидность государственного капитализма, говорит оппозиция, ссылаясь при этом на «Продналог» Ленина, в виду чего она не верит в возможность использования кооперации, как основной зацепки для социалистического развития. Оппозиция и здесь допускает грубейшую ошибку. Такая трактовка кооперации была достаточна и удовлетворительна в 1921 году, когда был написан «Продналог», когда у нас не было развитой социалистической промышленности, когда Ленин мыслил госкапитализм, как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом. Но эта трактовка теперь уже недостаточна и превзойдена историей, ибо с тех пор времена изменились, социалистическая промышленность у нас развилась, госкапитализм не привился в той степени, в какой это было желательно, а кооперация, охватывающая теперь более десятка миллионов членов, стала смыкаться с социалистической индустрией.

Чем же иначе об'яснить тот факт, что уже спустя два года после «Продналога», в 1923 году, Ленин стал рассматривать кооперацию по другому, считая, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 144)?

Чем же иначе это об'яснить, как не тем, что за эти два года социалистическая промышленность успела уже вырасти, госкапитализм же не привился в должной степени, ввиду чего Ленин стал рассматривать кооперацию уже не в сочетании с госкапитализмом, а в сочетании с социалистической промышленностью?

Изменились условия развития кооперации. Должен был измениться и подход к вопросу о кооперации.

Вот, напр., одно замечательное место из брошюры Ленина «О кооперации» (1923 г.), проливающее свет на этот вопрос.

> «При государственном капитализме*) предприятия кооперативные отличаются от государственно-капиталистических, как предприятия частные, во-первых, и коллективные, во-вторых. При нашем существующем строе*) предприятия кооперативные отличаются от предприятий частно-капиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются*) от предприятий социалистических, если они основаны на земле, при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу» (т. XVIII, ч. 2, стр. 143—144).

В этой маленькой цитате разрешены два больших вопроса. Во-первых, вопрос о том, что «наш существующий строй» не есть госкапитализм. Во-вторых, вопрос о том, что кооперативные предпредприятия, взятые в сочетании «с нашим строем», «не отличаются» от предприятий социалистических.

Я думаю, что трудно выразиться яснее.

А вот еще одно место из той же брошюры Ленина:

> «Простой рост кооперации для нас тождественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (см. там же).

Очевидно, что в брошюре «О кооперации» мы имеем дело с новой оценкой кооперации, чего не хочет признать новая оппозиция и что она старательно замалчивает, вопреки фактам, вопреки очевидной истине, вопреки ленинизму.

Одно дело—кооперация, взятая в сочетании с госкапитализмом, и другое дело—кооперация, взятая в сочетании с социалистической промышленностью.

Из этого, однако, нельзя делать того вывода, что между «Продналогом» и брошюрой «О кооперации» лежит пропасть. Это, конечно, неправильно. Достаточно сослаться, например, на следующее место в «Продналоге», чтобы сразу уловить неразрывную связь между «Продналогом» и брошюрой «О кооперации» в вопросе об оценке кооперации. Вот оно:

> «Переход от концессий к социализму есть переход от одной формы крупного производства к другой форме крупного производства. Переход от кооперации мелких хозяйчиков к социализму есть переход от мелкого производства к крупному, т.-е. переход более сложный, но зато способный охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, способный вырвать более глубокие и более живучие корни старых, до-социалистических*), даже до-капиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой «новизне» (т. XVIII, ч. 1, стр. 220).

Из этой цитаты видно, что Ленин еще во время «Продналога», когда не было еще у нас развитой социалистической индустрии, считал возможным превращение кооперации, в случае успеха, в могучее средство борьбы против «до-социалистических», а значит, и против капиталистических отношений. Я думаю, что эта именно мысль и послужила впоследствии отправной точкой для его брошюры «О кооперации».

Но что из всего этого следует?

*) Курсив мой. *И. Ст.*

А из этого следует, что новая оппозиция подходит к вопросу о кооперации не по-марксистски, а метафизически. Она рассматривает кооперацию не как историческое явление, взятое в сочетании с другими явлениями, в сочетании, скажем, с госкапитализмом (в 1921 г.) или социалистической промышленностью (в 1923 г.), а как нечто постоянное и раз навсегда данное, как «вещь в себе».

Отсюда ошибки оппозиции по вопросу о кооперации, отсюда ее неверие в развитие деревни к социализму через кооперацию, отсюда сворачивание оппозиции на старый путь, на путь капиталистического развития деревни.

Такова в общем позиция новой оппозиции в практических вопросах социалистического строительства.

Вывод один: линия оппозиции, поскольку есть у нее линия, колебания и шатания оппозиции, ее неверие и растерянность перед трудностями—ведут к капитуляции перед капиталистическими элементами нашего хозяйства. Ибо если нэп есть отступление по преимуществу, если социалистическая природа государственной промышленности подвергается сомнению, если кулак почти что всесилен, на кооперацию мало надежды, роль середняка прогрессивно падает, новый путь развития деревни сомнителен, партия почти что перерождается, а революция с Запада еще не так близка,—то что же остается после всего этого в арсенале у оппозиции, на что она рассчитывает в борьбе с капиталистическими элементами нашего хозяйства? Нельзя же итти в бой с одной лишь «Философией эпохи».

Ясно, что арсенал новой оппозиции незавиден, если вообще можно назвать его арсеналом. Этот арсенал не для борьбы. Тем более он не для победы.

Ясно, что с таким арсеналом партия «в два счета» загубила бы себя,—если бы она полезла в драку, ей пришлось бы просто капитулировать перед капиталистическими элементами нашего хозяйства.

Поэтому XIV с'езд партии поступил совершенно правильно, постановив, что «борьба за победу социалистического строительства в СССР является очередной задачей партии»; что одним из необходимых условий для разрешения этой задачи является «борьба с неверием в дело строительства социализма в нашей стране и с попытками рассматривать наши предприятия, являющиеся предприятиями «последовательно-социалистического типа» (Ленин), как предприятия государственно-капиталистические»; что «такие идейные течения, делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала»; что «С'езд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма» (см. резолюцию по отчету ЦК ВКП).

Историческое значение XIV с'езда ВКП состоит в том, что он сумел вскрыть до корней ошибки новой оппозиции, отбросил прочь ее неверие и хныканье, ясно и четко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства.

25 января 1926 г.

Я. Яковлев.

Советский аппарат и строительство социализма.

Если сопоставить черты советской системы, разработанные Лениным, с тем, что у нас есть в действительности, то разница, несомненно, будет очень значительная. Эту разницу никто не видел с такой ясностью, как ее видел Ленин, с каждым годом все более упорно ставивший вопрос о способах переделки, улучшения, исправления советского аппарата.

Основным фактом, который приходится констатировать, является возрождение бюрократизма, бюрократическое извращение советского аппарата. По существу, вопрос о советском аппарате, т.-е. об истинной природе его и возможности его исправления, является центральным во всех ленинских предсмертных статьях. Все основные недостатки советского аппарата «коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры» [1]).

Ленин давал такую характеристику советского аппарата не только в последнее время, накануне своей смерти. Все основные отрицательные черты советского аппарата и причины их возникновения были показаны Лениным еще в первые годы существования советской власти. И в черновом наброске программы, и в речи о программе, и в самой программе партии бюрократическое извращение советского аппарата Ленин подчеркивает с исключительной ясностью.

В своей книге о «Государстве и Революции» Ленин дал точное определение того, что такое бюрократ. Бюрократ есть лицо, оторванное от массы, стоящее над массой, привилегированное лицо. Государство с «бюрократическим извращением» означает, что в нем чиновник отрывается от массы, становится привилегированным лицом, становится над массой, что сами массы не борются успешно с бюрократизмом, не умеют с ним бороться и его преодолевать. Не раз Ленин спрашивал о том, кто у нас пользуется теми величайшими возможностями борьбы с бюрократизмом, которые дает самая структура советской власти, кто умеет пользоваться советскими законами для борьбы с волокитой, взяткой, что в советском государстве мешает этой борьбе, умеют ли, наконец, бороться с этой волокитой и с этим бюрократизмом сами коммунисты. И сам Ленин на это обычно ответ давал такой, что не умеют бороться, плохо борются, еще не научились бороться.

Что тут мало может помочь прямое изгнание из государственного аппарата чиновников или специалистов, перенятых нами от капиталистического строя, показывает то, что и коммунист,

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 125. «Лучше меньше, да лучше».

находящийся на ответственном посту, даже пролетарий, очень часто не только не владеет аппаратом, но им владеет аппарат. и аппарат старый.

В 1922 году особенно часто Ленин возвращался к этой мысли, подчеркивая величайшую опасность, которая исходит для советского строя от тех коммунистов, которые не только не умеют бороться с волокитой, бюрократическим перерождением нашего государства, но которые его прикрывают. И даже группу нескольких тысяч наиболее ответственных коммунистов, стоящих над всем государственным аппаратом, очень часто аппарат ведет за собой,—ведет за собой и подчиняет себе, как это говорил Ленин на XI с'езде партии, «мизерная и ничтожная культура старого побежденного царского строя».

Европейским товарищам Ленин прямо сказал в своей речи на IV конгрессе Коминтерна: «государственный аппарат очень часто работает против нас» [1]). «Против нас» это означает — против партии, руководящей движением советского государства к социализму, против пролетарского авангарда, направляющего всю свою работу в целях наиболее безболезненного продвижения вперед к социализму, против рабочего класса, все экономические и политические интересы которого требуют продвижения вперед к социализму, а не назад—к капитализму.

* * *

В чем же основная причина бюрократических извращений в советском аппарате? Здесь есть ряд причин, действующих все годы революции и коренящихся в самых экономических и культурных основах нашего государства и устранимых лишь в ряд десятилетий, с другой стороны, ряд причин, явившихся уже следствием особенностей того или иного этапа развития СССР и устранимых в относительно более короткие сроки.

Первое и основное—это то, что до сих пор, если брать международный масштаб, буржуазия сильнее нас. Несмотря на то, что русская буржуазия разбита, у ее остатков имеется огромный тыл, в лице международной буржуазии; несмотря на то, что новая российская буржуазия еще чрезвычайно слаба, ее силы умножает тот же тыл международного капитализма. Враждебность, настойчивость в борьбе иностранной буржуазии против советской власти не уменьшается, а возрастает в силу того, что она еще не свергнута, и в то же время ей не удалось уничтожить советское государство. Из этого основного соотношения вытекает необходимость организации в советском государстве армии, самая структура которой определяется, в первую очередь, необходимостью для советского государства быть способным дать отпор силам иностранной буржуазии. Отсюда же необходимость сохранения и даже развития специального аппарата «полиции», который должен охранять советское государство от попыток иностранных капиталистов взять нас или разложить путем шпионажа, заговоров, подкупа тех или иных элементов новой буржуазии, а иногда и отдельных единиц, принадлежащих к рабочим или крестьянам.

Основное значение здесь имеет экономика СССР. Ее наиболее подробно Ленин характеризовал в своей брошюре о продналоге.

[1]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 97. Речь на IV Конгрессе Коминтерна.

Основное здесь—наличие наряду с крупной промышленностью последовательно-социалистического типа мелкого товарного крестьянского хозяйства, непрерывно рождающего капитализм, и низкая техника крупной промышленности, затрудняющая хозяйственно-экономическое руководство деревни советским городом.

В этих условиях успехи в деле изменения технической базы нашей промышленности и реорганизации мелкого крестьянского хозяйства в крупное общественное могут быть достигнуты только в течение длинного ряда лет. Тем самым, на этот длинный ряд лет остаются жить условия, порождающие бюрократическое извращение советского государственного аппарата.

Наконец, к числу причин, продолжающих действовать и неизбежно создающих условия для бюрократического извращения советского государства, относится культурный уровень страны. К вопросу о культурном уровне Ленина возвращался десятки раз за время революции, но с особой настойчивостью он выдвигает низкий культурный уровень, как важнейшую причину недостаточных наших успехов в деле развития советского аппарата в последние годы своей жизни, уже после нэпа. Если бы пролетариат ряда крупнейших капиталистических стран одержал победу над своей буржуазией, если бы даже реорганизация технической базы нашей промышленности и сельского хозяйства шла вперед наиболее быстрым темпом, то и в этих условиях низкий культурный уровень широких народных масс, несомненно, оставался бы величайшего значения препятствием к развитию советской системы. Низкий культурный уровень мешает разворачиванию того способа улучшения советского аппарата, который является единственно-действительным способом, т.-е. он мешает увеличению числа лиц, управляющих государством. Низкая культурность не только крестьянских, но и рабочих масс заставляет господствующий рабочий класс для организации советского аппарата обращаться к чиновникам, доставшимся советскому строю в наследство от дореволюционной, даже, в значительной степени, докапиталистической культуры, подчиняет часто лучших пролетариев культурному влиянию этих чиновников, превращает их часто в хозяев аппарата.

Тут имеет значение не только отсутствие простой грамотности. Простая грамотность, конечно, есть предпосылка какой бы то ни было культуры. Человек неграмотный не может стать человеком культурным, но, конечно, необходимая для строения социалистического общества культура отнюдь не покрывается одной только грамотностью. Грамотность здесь является только предпосылкой для того под'ема культуры, который Ленин считает важнейшим условием борьбы с волокитой, взяткой, бюрократическим извращением советского аппарата. У Ленина повышение культурности, под'ем культуры, есть неотрывная часть под'ема масс к управлению. Одно входит в другое и—больше того—одно сливается с другим. В условиях советской власти любое повышение культурного уровня, даже самое минимальное, прежде всего, дает увеличение числа лиц, действительно участвующих в государственном управлении, тем самым уменьшает опасность бюрократического извращения советского государства. Против тех, кто низкий культурный уровень считает достаточным основанием для отрицательного отношения к самой идее захвата советской власти, Ленин выдвигает соображение о необходимости и возможности сначала

взять власть и тем создать предпосылки для повышения культуры, а затем перейти к завоеванию необходимого культурного уровня. Именно поэтому, анализируя в своей статье «Лучше меньше, да лучше» способы улучшения советского аппарата, Ленин делает вывод о необходимости целой культурной революции.

Советская власть есть лучшая предпосылка для такого темпа под'ема культуры, которого не знает и не может знать история ни одного буржуазного государства. Ибо в буржуазном государстве власть буржуазии препятствует рабочему и крестьянину под'ем культуры превратить в непосредственное участие в управлении государством. В советском государстве с культурным под'емом становится все более реальной, все более действительной по своим результатам и борьба с бюрократическим искажением советской власти.

В этой связи делается особо понятной беспощадная враждебность Ленина ко всяческого рода «пролетарским культурам».

В выдумках «пролетарской культуры», в попытках аптекарским путем изготовить пролетарскую культуру Ленин видел всегда опасность отклонения от работы над той культурной революцией, вне которой невозможно действительное развитие советского строя. В 1919 году в своей речи на с'езде по внешкольному образованию Ленин, раз'ясняя, чем отличается советская демократия от буржуазной, и указывая, какие задачи организации и культуры стоят перед передовым классом, замечает: «Вот почему я с такой беспощадной враждебностью отношусь ко всяким интеллигентским выдумкам, ко всяким пролетарским культурам» [1]).

Конечно, создать в любом пролеткульте усовершенствованного человека много легче и много скорее, чем миллионы людей поднять на такой культурный уровень, чтобы они превратились в управляющих государством. Но Ленин не останавливается перед сроками, больше того: он говорит ясно о том, что культурная революция требует длиннейших сроков...

* * *

Февральская и Октябрьская революции подняли сразу огромные слои к работе разрушительного характера. В деле уничтожения старой государственной машины буржуазии, в деле конфискации помещичьих земель и капиталистических фабрик, в деле уничтожения буржуазных земств и городских дум, в деле искоренения царской полиции принимали участие сотни тысяч и миллионы. Величайшие народные глубины подняла Октябрьская революция на дело разрушения старого слоя. Трудящиеся массы России развернули неслыханную в истории энергию разрушения, закладывая одновременно фундамент строя советов. Здесь недостатки малого культурного уровня если и давали себя чувствовать, то не имели, во всяком случае, решающего значения, ибо делом разрушения пролетарский авангард руководил превосходно, вовлекая в него миллионы трудящихся масс. В этот период (это относится в особенности ко времени октябрь 1917 г.— весна 1918 года) задача превратить старую государственную машину в возможно большее количество возможно более мелких обломков была выполнена всей народной массой.

[1]) Собр. соч., т. XVI, стр. 22, статья «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства».

Затем Советская Республика вступает в войну с бесконечно более сильными капиталистическими врагами. Война, которая требует величайшей концентрации власти, централизации и единства ее, неизбежно суживает слой, фактически участвующий в управлении. В таком же направлении, как и война, т.-е. в направлении сужения числа лиц, принимающих участие в управлении государством, действует величайшее истощение всего народа, прямой голод. В этом отношении весь период от 1919 до начала, примерно, 1924 года (и два года войны на фронтах внешних, и три года непосредственной войны с голодом и его медленного преодолевания) отличался относительным сужением массового базиса советской власти. Тем самым уменьшалась возможность действительного улучшения и исправления советского аппарата.

Самый переход от задач разрушения к задачам строительным вскрывает сразу недостаток культурности, как важнейшее препятствие к развитию советского государства. Круг лиц, непосредственно переходящих к строительным задачам, чрезвычайно суживается по сравнению с тем, кто принимал участие в задачах разрушения. Переход от работы миллионов в деле разрушения к работе таких же миллионов в деле созидания оказывается значительно более трудным, чем это казалось в 1918 году. Но он все же начинается, вопреки всем тем об'ективным препятствиям, о которых мы говорили раньше.

Итак, бюрократическое извращение советского аппарата вызывается рядом причин, которые будут действовать в течение очень длительного ряда лет: буржуазное окружение, численное преобладание крестьянства в стране, низкий культурный уровень страны. Воздействие этих обстоятельств усугублялось в течение минувших лет вначале войной, затем голодом и истощением. Последние же временные причины в настоящее время отпадают.

Еще в докладе об изменении партийной программы и названия партии в марте 1918 г. Ленин констатировал, что дело строительства нового государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, которое превратило бы трудящиеся массы и в законодателей и в исполнителей, «только начато и пока начато плохо» [1]). Из того, что оно плохо начато, Ленин тут же сделал вывод о том, что плохое мы преодолеем, если история позволит поработать порядочное время над советской властью. Он развивал тут же с исключительной подробностью, в каком направлении нужно работать, чтобы закрепить и развить советы, как новый тип государства несоизмеримо более высокий и прогрессивный, чем государство буржуазное. Ленин с полной уверенностью намечал пути дальнейшего превращения имеющегося государства в государство подлинно социалистическое. В статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» в 1921 году Ленин писал: «Доделывать, переделывать, начинать сначала нам придется еще не раз. Каждая ступень, что нам удается вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна

[1]) Собр. соч., т. XV, стр. 154. Доклад об изменении партийной программы и названия партии.

сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости)» [1]). В речи на XI с'езде партии он пояснил ту же мысль сравнением советской системы с паровой машиной, которая была плохой, когда она была изобретена. («Даже неизвестно работала ли она»). Как из этой первой плохой паровой машины родился в результате развития паровоз, так и из первой советской государственной машины родится в результате развития социалистическое общество. Самое трудное было ее открыть, изобрести, иначе говоря, свергнуть власть буржуазии, отбросить ее первый натиск. Теперь же, заложив основы советской системы, мы имеем бесконечное количество возможностей улучшения нашей государственной машины.

Сопоставление ленинского чернового наброска и текста программы нашей партии позволяет выделить те пути исправления советского аппарата, которые Ленин считал основными.

Пункт первый соответствующего раздела программы требует от партии работы над проведением полностью того высшего типа демократизма, которым является советская власть.

Пункт второй ставит задачу перед партией добиться сужения и, наконец, полной отмены всех мер по лишению политических прав и ограничению свободы по мере того, как будет исчезать об'ективная возможность эксплоатации человека человеком. В черновом наброске проекта программы это же формулируется так: «Распространение советской конституции, по мере прекращения сопротивления эксплоататоров, на все население» [2]).

Пункт третий и четвертый, детализируя способы обеспечения советской властью действительной демократии для рабочих и крестьян, требуют от партии вовлечения все более широких масс населения в пользование демократическими правами (в особенности подчеркивая необходимость работы над уничтожением фактического неравноправия женщины).

Пункт пятый, перечисляя основные черты советов, ставит перед партией задачу добиваться все большего сближения органов власти с массами, путем осуществления массами демократизма, в особенности путем проведения ответственности и подотчетности должностных лиц (в черновом наброске программы имеется обычное ленинское перечисление наиболее характерных черт советской системы, отличающих ее, как более высокий тип демократии, от буржуазного государства).

Пункт шестой ставит задачей укрепление связи и единства рабочих и солдат в советах (соответствующий пункт чернового наброска подчеркивает необходимость укрепления и развития вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа, и развития организации всенародного вооружения).

Пункт седьмой программы раз'ясняет временный характер закрепленных конституцией преимуществ рабочих перед крестьянами и предлагает партии использовать их для усиления связи передовых пролетариев с крестьянскими массами.

[1]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 412. Статья «О значении золота теперь и после полной победы социализма».

[2]) Собр. соч., т. XV, стр. 161. Черновой набросок проекта программы.

Пункт восьмой, указывая на возрождение бюрократизма внутри советской системы, для преодоления этого бюрократизма рекомендует следующие меры: «1) Обязательное привлечение каждого члена совета к выполнению определенной работы по управлению государством; 2) последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления; 3) постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством» [1]). В черновом наброске программы эти же мероприятия рассматриваются, как пути дальнейшего развития советского государства. И, наконец, и черновой набросок и программа рассматривают проведение всех этих мер развития пролетарской демократии, как средство перехода к социализму и уничтожения государственной власти.

* * *

В развитии пролетарской демократии Ленин видит основной путь к искоренению бюрократизма. Он предлагает учиться у парижских коммунаров тому, как притти к полному разрушению бюрократизма. В «Государстве и Революции» Ленин рассматривает движение и развитие пролетарской демократии, как основные меры против превращения рабочих и крестьян в советах в бюрократов (условия для этого—Ленин при этом ссылается на Маркса—выборность, сменяемость, соответствующая плата не выше среднего рабочего, сочетание управления с законодательством). Все время существования советской власти этим путем Ленин шел к преодолению бюрократизма. Характерно, что весной и летом 1918 года, во время борьбы за единство, централизацию и дисциплину, Ленин не забывал подчеркнуть, что для искоренения бюрократизма, необходимо одновременно с осуществлением беспощадной твердой власти возможно более полное развитие форм и способов контроля снизу. В черновом наброске программы устранение бюрократизма Ленин рассматривает как задачу, входящую отчасти, если не целиком, в систему мер развития пролетарской демократии. В речи «О партийной программе» на VIII с'езде он заявил еще более ясно о том, что до конца можно будет бороться с бюрократизмом и победить бюрократизм лишь тогда, «когда все население будет участвовать в управлении» [2]). На VIII с'езде вопрос о борьбе с бюрократизмом и способах его преодоления через развитие демократии вносится в партийную программу (в речи Ленина особо подчеркивается о том, что бюрократию можно потеснить только действительным проведением мер по привлечению рабочих к управлению). В речи на VII С'езде Советов по поводу надежд некоторых товарищей путем организационных перестроек уничтожить бюрократизм Ленин снова подчеркивает, что настоящий путь борьбы с бюрократизмом лежит в приучении к делу управления в широком государственном масштабе все большего числа рабочих и крестьян (при этом приводит пример того, как воздействие передовых рабочих и крестьян уменьшало бюрократизм в армии). Во время попытки перехода к мирному строительству в 1920 году Ленин указывал, что серьезно бороться с бюрократизмом можно только путем привле-

[1]) Собр. соч., т. XVI, стр. 478. Программа РКП(б).

[2]) Собр. соч., т. XVI, стр. 127. Речь о партийной программе на VIII, с'езде РКП(б).

чения низов. Здесь же он разворачивает план создания рабоче-крестьянской инспекции, которая была бы аппаратом низов, подымающихся к делу искоренения бюрократизма. В брошюре о продовольственном налоге и в наказе СТО в начальный период нэпа и в статьях о Рабкрине в 1923 году Ленин рекомендует для преодоления косности бюрократизма опять-таки привлечение низов, привлечение беспартийных, снова выдвигая рабоче-крестьянскую инспекцию, через которую должно итти расширение применения низов на борьбу с бюрократизмом (в наказе СТО он выделяет в особый раздел вопрос о приемах и результатах борьбы с бюрократизмом и волокитой, вкладывая в этот раздел, прежде всего, привлечение беспартийных, привлечение низов).

В настоящее время отпадает ряд временных препятствий к разворачиванию советской демократии (война и голод). Тем самым, создаются новые благоприятные условия для развития советской демократии (конечно, рамки возможного развития пролетарской демократии определяются экономикой страны, классовой ее структурой, культурным уровнем). Во-первых, народное хозяйство поднимается, крупная промышленность последовательно-социалистического типа идет в этом под'еме впереди; во-вторых, рабочий класс восстанавливается; в-третьих, союз с крестьянством приобретает характер экономического союза пролетариев и бедняков деревни с середняком; в-четвертых, умножаются и ширятся возможности экономического и культурно-политического воздействия пролетариата на крестьянство. Окончание войны, преодоление голода, восстановление промышленности, подход к той грани, на которой начинается переделка технической базы промышленности и сельского хозяйства,—все это действует в том направлении, что, по-новому, уже на задачах созидания закладываются основы для нового вовлечения масс в дело управления государством. То, что в 1917 и в 1918 г.г. происходило на основе решения задач преимущественно разрушительных, то теперь, конечно, по-новому, по-иному будет решаться, начинает решаться на задачах созидательного характера.

В условиях не советских, в условиях буржуазного государства, экономический под'ем вроде того, который теперь переживается Советской Республикой, бурный темп восстановления ее ее производительных сил вызывал бы рост оппозиционных сил рабочего класса и трудящихся масс. В советских же условиях экономический под'ем и связанный с ним политический под'ем реализуется рабочими массами по-иному. Вместо роста оппозиции к государственной власти—расширение участия рабочих масс и идущих за ними крестьянских масс в советах, а через советы в управлении государством. В этом примере лучше, чем в каком бы то ни было другом, вскрывается действительная разница между буржуазным и советским строем.

Тем самым возможен значительный под'ем рабочих и крестьянских масс к делу управления государством. Но этот под'ем, в отличие от того, что было в 1917—1918 г.г., — под'ем не преимущественно разрушительного характера, а под'ем созидательный. Массовое участие в управлении государством ведет уже не только к уничтожению помещичьего имения, или капиталистического управления фабрикой, но к лучшей организации новой социалистической фабрики, к под'ему земледелия на новой общественно-хозяйственной основе. Тем самым мы вплотную стоим

перед вопросом, являются ли те черты советского строя, которые рисовал Ленин, фантастической утопией, владевшей Лениным до захвата власти и в первые годы власти, или это план, согласно которому надо работать. Утопия, от которой следует отказаться честному советскому чиновнику, радеющему об улучшении советского аппарата, или единственно возможный путь настоящего улучшения и роста советов? Иначе говоря, по какому пути итти: по пути ли обычного типа улучшения буржуазной машины, или по пути советского типа ее улучшения (буржуазный тип означает некоторое улучшение техники делопроизводства, или разграничения функций между различными органами власти—плохие бюрократы превращаются в хороших, нечестность уходит с низов аппарата на верхи его: вместо того, чтобы на низах красть сотни, на верхах крадут сотни тысяч и миллионы, но делают это так, что это для народа не заметно, не видно). И в этом пути (конечно, только в части удаления плохих бюрократов и улучшения техники управления, делопроизводства и отчетности) есть очень много такого, что безусловно необходимо и для советского государства. И в советском государстве хороший бюрократ лучше бюрократа плохого, радивый и старательный чиновник лучше нерадивого, умеющий писать бумажки лучше неумеющего, умеющий просителя направить в соответствующее место лучше не умеющего это делать. Величайшим плюсом для советского строя, конечно, было бы такое техническое улучшение государственной машины, которое позволило бы в той или иной степени развернуть советский аппарат по образцу лучших государственных аппаратов буржуазии. Но к этому сводить все дело было бы решительным отказом от самых основ советской системы. Ибо только улучшение технического аппарата и только превращение плохих бюрократов в хороших означало бы в наших условиях только подготовку хорошего аппарата для реставрирующейся буржуазии. Дело не только в том, чтобы аппарат технически улучшить и усовершенствовать,—дело в том, чтобы на новых социалистических началах углубить, расширить его связь с массами, слить ряд отраслей этого аппарата непосредственно с народными массами, сделать сами массы его созидателями и участниками. Иначе говоря, не только технически улучшать, перенимая буржуазную культуру, но и систематически, планомерно изо дня в день работать над осуществлением ленинского плана советского государства. Только его осуществление может гарантировать нас от того, что самое улучшение аппарата, над которым мы поработаем, не окажется оружием в руках буржуазии против нас. Только расширение и углубление связи аппарата с массами гарантирует советский аппарат от его превращения только в хороший буржуазный аппарат. Ибо ленинский план советского государства не только не был фантазией, он был составной частью, притом неот'емлемой частью движения к социализму, вне которого нет и осуществления социализма.

* * *

Мы победили наших внешних врагов из буржуазного мира, по меньшей мере, мы отбили их натиск на нас, мы уничтожили старую буржуазию, а нарождающуюся новую держим в твердых рамках, мы заканчиваем восстановительный процесс в рамках довоенного производства, мы начинаем прорывать его рамки. Тут

необходимы взгляды более «далеко идущие», соразмеряющие путь сегодняшний, сегодняшнее практическое дело с общей перспективой социалистического строительства.

Ленин учил партию этому на каждом соответствующем историческом повороте, и в особенности на каждом повороте, обещавшем возможность мирного и органического строительства. Так это было после окончания первого периода гражданской войны и Бреста. Так это было при окончании войны еще до нэпа и при переходе к нэпу. Так это было и в предсмертных ленинских статьях.

После Бреста—вопросы государственного капитализма и с ним связанные вопросы использования специалистов и перехода от задач разрушения к задачам созидания, требующим величайшей дисциплины, выдержки, под'ема производительности труда. После окончания войны, в 1920 году,—задачи движения к коммунизму через переделку технической базы, через электрификацию, ибо коммунизм—это «советская власть плюс электрификация». В предсмертных статьях, наряду с той же темой о переделке технической базы (по-новому глубоко увязанной с крестьянской экономикой)—забота об улучшении и исправлении государственного аппарата, вне которых нельзя ни сохранить, ни улучшить отношения рабочего класса с крестьянством, ни обеспечить безболезненный путь к социализму.

Мы находимся ныне в таких условиях, когда с особой настойчивостью необходимо применять теорию развития Маркса и Ленина к пролетарскому государству. Благодаря экономическому под'ему и разворачивающемуся созидательному творчеству масс тот способ улучшения советского аппарата, на который Ленин указывал в своих предсмертных статьях — обращение к самим рабочим массам, являющимся наиболее глубоким источником силы пролетарской диктатуры,—теперь реализуется, может реализоваться в невиданном еще масштабе. Его проведение в жизнь с новой силой началось с ленинским призывом, когда в нашу партию вступило 200.000 рабочих. В новом масштабе мы подошли к ленинским путям исправления советского государственного аппарата теперь, когда начала разрешаться задача оживления советов. Ленинский план советского государства делается мерилом текущей практики. Поскольку социальная база советов остается неизменной, поскольку советы остаются формой союза рабочих и бедняков-крестьян с середняками, постольку разворачивание советской демократии есть, несомненно, шаг вперед к осуществлению первой ступени советского государства, достижение которой сделает явным движение к социализму для сотен тысяч и миллионов людей.

Единственная поправка, которую в ленинский план внесло время—это сроки перехода. Под'ем на первую ступень советского строя, характеризовавшуюся теми чертами, которые мы рассматривали выше, Ленину представлялся вначале революции значительно более быстрым и легким, чем это оказалось в действительности. Действительность показала, что шесть пунктов ленинской книги «Удержат ли большевики государственную власть?» будут осуществлены лишь в результате длительной борьбы, в которой сочетается повышение техники, повышение культурного уровня со все большим ростом пролетарской демократии, расширением привлечения масс к делу управления. Стал виден ряд

ступеней, которые были неясны еще в условиях 1917—1918 г.г., поскольку тогда нельзя было предполагать, что энергия, инициатива миллионов людей, поднявшихся к делу разрушения, не поднимается сразу в том же масштабе к делу созидания, поскольку и сроки европейской революции казались тогда более близкими.

Всем этим определяются очередные задачи, стоящие перед коммунистической партией в области развития советской системы. Основное здесь в том, что настоящие условия сделали неотложной и в то же время возможной задачу развития под руководством коммунистической партии пролетарской демократии, ее расширение, углубление, превращение отдельных ее достижений во всеобщие, планомерно и систематически проводимые на всей территории советского государства. Важнейшие формы этого развития определяет ленинская теория советского государства.

1. Выборность и сменяемость любых чиновников в любое время, право отзыва любых должностных лиц закономерным избирательным собранием. Мы видели, какую важность этой черте советского строя придавал всегда Ленин. Практика последних лет привела советскую страну к расширению выборности, к увеличению отчетности, к введению действительной сменяемости и установлению права отзыва не только в области советов, но и в области других общественных организаций не только рабочих, но и крестьянских (профсоюзы, кооперация и т. п.). Ленинский тип советского государства требует продолжения шагов наиболее решительных и смелых в сторону установления действительной выборности и сменяемости. При чем, безусловно, особо важным становится установление практики отзыва депутата или должностного лица, забюрократившегося, оторвавшегося от масс, или нарушившего тем или иным нечестным поступком интересы массы. Это право отзыва записано последним постановлением С'езда Советов. Оно требует своего применения, как нормы отношений избирателя к негодному депутату.

2. Расширение обучения беспартийных путем привлечения их к государственной работе, расширение связи беспартийных с авангардом, привлечение их в советы и во все общественные организации, осуществление через них того, что Ленин в письме к Мясникову прекрасно назвал проверкой партийных беспартийными. Мы уже перешли в этой области от общей постановки вопросов к практической работе, начав оживление советов. Узкий слой «командиров» и руководителей, сложившийся в итоге войны и первых годов нэпа, начал уже на деле расширяться снизу. Наряду с оживлением советов, здесь величайшее значение имеет движение рабкоров и селькоров, которое, по существу, представляет собой под'ем нового слоя беспартийных рабочих и крестьян к делу государственного управления. Они начинают с роли критиков,—и это хорошо, поскольку они видят со стороны лучше, чем кто бы то ни было другой—лучшие из них будут в дальнейшем выдвигаться в советы. По всей линии этого рода работы необходимо возможно более смелое привлечение беспартийных рабочих и крестьян к делу ответственного государственного управления. Здесь лежит основной путь расширения связи авангарда с массами и под'ема низовой массы на уровень авангарда. Косность, которая кое-где имеется в деле привлечения таких рабочих и крестьян к управлению государством, является отклонением от ленинской линии и должна быть безусловно изжита.

3. Расширение избирательного права. Здесь дело идет — в части расширения избирательного права—не столько о новых законах, сколько о под'еме активности ряда слоев, которые фактически не участвуют в выборах и управлении и еще недостаточно привлекаются к делу управления. Огромные слои кустарей, значительные слои бедных и средних крестьян в ряде районов, значительные слои женщин,—все они, как это показывают данные, не только выборов 1924 года, но и перевыборов, на деле участвуют в выборах до сих пор в сравнительно недостаточной мере. Расширение их участия в выборах диктуется как программой партии, так и всем ленинским взглядом на советы. С этим связан вопрос об уравнении в избирательных правах рабочих и крестьян. Программа партии обязалась работать систематически над уничтожением неравенства рабочих и крестьян. В конституцию это неравенство было записано, поскольку оно вытекало из отношений более организованного пролетариата и распыленной, мелко-собственнической деревни в условиях борьбы за власть в разоренной стране. Классовая природа крестьянства, низкий культурный уровень деревни, толкавший крестьян при каждом затруднении к колебанию от советской власти в сторону буржуазии, делали это неравенство одним из способов сохранения и удержания пролетарской власти от поражений в борьбе. Вопрос о некоторых шагах в сторону исчезновения этого неравенства есть вопрос, прежде всего, действительного роста экономической мощи и культуры рабочего класса, роста его воздействия на крестьянские массы—воздействия культурного и политического. В условиях продвижения к социализму, характеризующихся прежде всего восстановлением пролетариата, как класса, когда растут новые, совершенно небывалые в минувшие годы возможности культурного и политического воздействия на деревню (советы, школы, кооперация и т. д., и т. п.), неравенство рабочих и крестьян станет в будущем постепенно ненужным пережитком иного исторического периода. При этом необходимо иметь в виду как общетеоретического характера указание Ленина на необходимость итти к поголовному участию в управлении государством, так и отсутствие каких бы то ни было ленинских указаний на неравенство рабочих и крестьян в области избирательного права, как на неот'емлемую черту советского строя. Конечно, даже при уравнении избирательных прав рабочих и крестьян, не будет и не может быть уничтожено фактическое неравенство рабочего и крестьянина. Оно может исчезнуть только с развитием высших начал социалистического строя. Оно останется на весь переходный к социализму период, поскольку во весь этот период классом господствующим и ведущим к социализму всех трудящихся может быть только руководимый коммунистической партией рабочий класс.

4. Развитие форм советской работы, обеспечивающих расширение участия в деле управления не только членов совета, но и самого населения. Это расширение предусматривается партийной программой. Программа в этой части превращается в практическую программу действий. И здесь мы имеем ряд достижений, ряд примеров образцовой работы секций или комиссий, втягивающих в работу советов, помимо членов советов, и беспартийных, ряд примеров советов, в которых действительно каждый член совета начинает нести ту или иную государственную обязанность. Здесь дело не в изобретении тех или иных форм, а в повсеместном распространении и в превращении во всеобщие тех результатов, которые опыт уже дал в том или ином месте. Задачей партии здесь является наиболее решительно и смело итти по пути возможно широкого применения того опыта, который уже себя оправдал на ряде передовых городских и сельских советов. Ленинский идеал государства требует наиболее смелого и решительного развития таких форм организации рабочих и крестьян, через которые советы рядом ступеней сливаются с самой народной массой. Действительное развитие работы таких организаций (профсоюзы, беспартийные конференции, делегатские собрания и т. д., и т. п.) требует возможно более смелой постановки на их обсуждение и рассмотрение всех хозяйственных и политических вопросов, интересующих массу, и всемерное развитие критики соответствующих мероприятий советской власти со стороны рабочих и крестьян. Опыт здесь выдвигает формы, очень часто неожиданные, и по меньшей мере, непредусмотренные каким бы то ни было указанием сверху. Необходимо их всемерно поддержать, хотя бы они не соответствовали тому или иному наркоматскому плану, или инструкции, или циркуляру. В частности, нужно решительно отбросить, как антиленинский уклон, боязнь того или иного советского бюрократа, хотя бы наиболее квалифицированного, перед таким мероприятием, как председательствование в секциях особо избранных председателей и т. п., поскольку такая боязнь отражает условия уже прошедшего периода и в настоящее время является вредным препятствием к развитию советской самодеятельности рабочих и крестьян.

Также нельзя думать, что развитие соответствующих форм работы советов может ограничиться только низовыми советскими органами. То, что Ленин говорил еще на XI с'езде партии о сессиях ВЦИК'а, которые должны стать более длительными, которые должны обсуждать проекты законов с тем, чтобы их можно было местным работникам обдумать повнимательнее и построже, которые должны разбиться на секции и комиссии,—хотя и достигнуто в некоторой мере, но пока еще в мере очень небольшой. В особенности это относится к цик'ам союзных и автономных республик, и здесь движение в сторону, указанную Лениным, является теперь неотложным.

5. Тот же ленинский тип советского государства (и это целиком подтверждает опыт строительства уже после смерти Ленина) требует в соответствии с настоящими условиями того видоизменения взаимоотношений авангарда с массами, т.-е. партии с беспартийными, которое бы полностью соответствовало ленинскому пониманию руководства и «ведения» беспартийных коммунистами. Поэтому, «не командовать» означает не только норму отношений рабочего класса и массы мельчайшего и мелкого крестьянства, но и норму отношений коммуниста с беспартийными, норму, представляющую формы руководства со стороны коммунистов беспартийными. Проводимое с наибольшей решительностью изживание командования и развитие ленинских форм руководства через все новое привлечение беспартийных к делу управления, — таков вывод в этой части из ленинской теории, из ленинского плана советского строительства. Тот же план учит нас не бояться здесь ошибок, которые, конечно, будут неизбежны при вовлечении новых широчайших слоев в дело управления. Эти ошибки под руководством пролетарского авангарда можно будет всегда исправить, но достижения, которые здесь могут

быть получены в деле развития пролетарской демократии, настолько продвигают советскую республику вперед, что здесь неопасны будут отдельные ошибки. Расширение численного состава пролетарского авангарда делается неизбежным, как вследствие роста такого типа организации, как Комсомол, так и вследствие растущего привлечения беспартийных в советы. Здесь дело идет не только о рабочих, но и о крестьянах. Известной части крестьянской молодежи, воспитываемой Комсомолом, нельзя будет закрыть двери перед партией,—это будет политически нецелесообразно и, больше того, вредно. Также нецелесообразно было бы закрытие дверей партии перед растущим активом, подымающимся через советы на уровень авангарда. Элементы, подымающиеся на уровень авангарда, партии необходимо будет постепенно впитать в себя (отнюдь не задаваясь могущей только погубить партию задачей немедленно, в год или два, влить в партию большинство рабочих или сотни тысяч крестьян). Этот путь вытекает также из ленинского понимания советского государства, предусматривающего по мере хозяйственных, экономических и культурных успехов, все большее расширение пролетарского авангарда и дальнейшие шаги по пути его слияния с массой. Все это, конечно, при условии сохранения и укрепления основного пролетарского ядра партии и той постепенности, которая необходима для обеспечения сплоченности и единства партии.

6. Развитие строительного почина, поощрение всяческих ростков коммунизма. В настоящую эпоху, когда впервые строительные задачи действительно становятся задачами реальными для сотен тысяч и миллионов, сила примера получает возможность оказывать исключительное действие. Сила примера имеет огромное значение не только в деле создания новых хозяйственных отношений, не только в деле перехода крестьянского хозяйства на высшую общественно-хозяйственную ступень, но и в деле развития пролетарской демократии. Больше того, развитие и поощрение любых зародышей нового общественного строя, вырастающих, несмотря на все препятствия, несмотря на непрерывное возрождение сил капитализма, является составной частью, притом неот'емлемой частью, пролетарской демократии. То, что Ленин писал в «Великом почине», то, что он превратил в инструкцию в своем «Наказе СТО», входит именно теперь в наступающую строительную эпоху неот'емлемым элементом развития пролетарской демократии.

7. Один из моментов пролетарской демократии, который Ленин, ссылаясь на Маркса, всегда выдвигал, является установление для чиновников оплаты не выше хорошего рабочего. Если вдуматься, то, несомненно, придется признать, что в этой области мы достигли значительно больших результатов, чем в других областях. Заработная плата чиновника у нас в среднем ниже платы хорошего рабочего[1]). Здесь придется преодолевать большое давление капиталистических отношений, борющихся с социалистическими. При решении практического вопроса о нормах оплаты той или иной категории необходимых чиновников, несомненно, руководящим началом все в большей мере будут нормы, установленные Марксом и Лениным. Это—одно из условий недопущения превращения любого выборного лица в чиновника.

1) Редакция считает это утверждение спорным.

8. Уничтожение отделения армии от населения. И здесь практические шаги вытекали и вытекают из самой классовой сущности советской власти. Переход к созданию частей переменного состава есть, по существу, начало перехода к милиционной системе. Оно вытекает не только из ленинского понимания советского государства, требующего перехода к такой системе, как гарантирующей наибольшую связь армии с народом. Мы не можем тратить крупных средств на армию, поскольку принуждены основные средства тратить на обеспечение движения к социализму, т.-е. на повышение культурного уровня и на повышение технической базы промышленности и сельского хозяйства. Классовая сущность советской власти толкает ее к поискам путей сокращения расходов на армию, и здесь, как и в других областях, выход во все большем привлечении народа к выполнению той или иной государственной функции, а в данном случае,—в конкретных шагах по пути создания милиционной армии. Конечно, эти шаги проверяются каждый раз на опыте с тем, чтобы, во-первых, боеспособность армии, необходимая для самого сохранения советской власти, крепла, во-вторых, руководство пролетарского авангарда не только сохранялось, но и укреплялось. И здесь какие бы то ни было временные неудачи не могут заставить нас отойти от этого пути, поскольку он вытекает из самой сущности, из самых основ советской системы.

9. Расширение культурной работы. Предпосылкой разворачивания советской демократии, является, по словам Ленина, целая культурная революция. Хотя в общем и целом культурная революция сливается с расширением участия рабочих и крестьян в деле управления, но, вместе с тем, взятая в узком смысле слова, она означает уничтожение неграмотности, повышение культурного уровня не только растущей молодежи, но и взрослого населения. Культурная революция предполагает грамотность. Без грамотности не может быть никакого разговора о какой бы то ни было культурной революции, хотя, конечно, она ни в коем случае не покрывается грамотностью. В этой части развитие советской демократии требует от партии мер к решительному разрыву с довоенными царскими расходами на дело культурного под'ема и культурного развития, поскольку царский режим держался темнотой, советский строй может держаться и расти только в соответствии с ростом и успехами культурной революции.

10. Наряду с ростом рабочего класса и укреплением социалистических начал народного хозяйства в условиях нэпа происходит возрождение городской и сельской буржуазии. Учение Ленина о советах показывает, что основной гарантией от реставрации капитализма является всемерное развитие советской демократии—под неизменным и твердым руководством коммунистической партии, — обеспечивающее под'ем к управлению советским государством все новых народных слоев под руководством рабочего класса. Нет лучшей гарантии прочности дела социализма, чем превращение партией—высшей руководящей силой государства—все новых сотен тысяч и миллионов рабочих, бедных и средних крестьян в самодеятельных и сознательных строителей советского государства, для которых дело социализма и дело управления советской страной—их повседневное дело.

А. Горев.

Положение электрификации в СССР и ее задачи.

I. Строительство за истекший период и план Гоэлро.

21 декабря 1921 г. СНК РСФСР издал декрет об электрификации, которым предполагалось в 10—15 лет построить 30 электрических станций общей мощности около 1.500.000 клв. и общей стоимостью около 800 милл. золотых рублей.

Развитие электростроительства шло таким образом, что уже в первые четыре года, т.-е. до 21 декабря 1925 года было установлено и пущено в действие 100.000 клв. новой мощности в расширенных старых и новых районных станциях и около 50.000 клв. на станциях местного значения.

В текущем 1926 году мощность районных станций будет расширена на 146.000 клв., а станции местного значения получат приращение свыше 180.000 клв. Программа дальнейшего развития предполагает установку и пуск в ход в 6-м году, т.-е. в 1927 г. около 250.000 клв. новой мощности в районных и больших городских станциях; развитие станций местного значения в настоящее время определить трудно.

Прирост мощности электрических станций по годам представляется в следующем виде (в тыс. киловатт):

Типы станций.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	Итого
1. Районные ст.	10,0	12,0	16,0	62,0	146,0	250	496
2. Городские »	—	—	—	11,5	73,5		
3. Жел. дор. »	—	—	2,50	2,5	3,0		
4. С.-хоз. »	0,85	4,66	2,34	6,0	10.0		
5. Промышл. »	—	—	—	22,0	93,5		
Итого по 2—5 .	0,85	4,66	4 84	42,0	180,0		
Общий итог . . .	10,85	16,66	20,84	104,0	326,0		

8. Уничтожение [illegible]итая только районные станции, мы в 1926 году достигаги [illegible] годного прироста мощности около 150.000 киловатт и в 1927 году должны пустить в ход новые 250.000 клв.

Если дальнейшее развитие пойдет таким же темпом (а, по всей вероятности, он будет превзойден), программа Гоэлро на 1.500.000 клв. будет осуществлена к началу 1932 года [1]), т.-е. ровно в 10 лет—минимальный срок, намеченный планом.

В первую очередь нами начата была постройка 7 новых районных станций из числа 30, намеченных планом Гоэлро: Волховской гидравлической на мощность в 54.000 клв. и шести паровых на местном топливе:

Шатурской на мощность . .	48.000 клв.
Каширской	12.000 »
Красный Октябрь	20.000 »
Балахнинской	20 000 »
Штеровской	20.000 »
Кизеловской	6.000 »
Итого . . .	126.000 кв.

Полная стоимость этих первоочередных станций составит 163 милл. рублей, из коих на гидравлическую станцию (Волхов) приходится 85 милл. рублей и на шесть паровых станций 78 м. рублей. Действительная стоимость новых станций, считая вместе с необходимыми распределительными сетями, составляет на 1 установленный киловатт: для Волхова 1.520 р. и для паровых станций—600 р., а в среднем 870 руб. против предположенной Гоэлро средней стоимости в 416 золотых рублей. Таким образом, несмотря на тяжелые условия строительства в истекшем периоде, и неизбежные в новом деле ошибки, стоимость новых станций, учитывая общее вздорожание, не выходит из пределов первоначальных предположений.

При этом необходимо отметить, что итоговые данные, взятые за первый период, дают несколько превратное представление о действительной стоимости нашего строительства. Во-первых, в общий итог входит Волховская станция, на которой нам приходится учиться и технике и организации постройки крупных гидроэлектрических станций. Чрезвычайно продолжительный срок постройки, перебои в снабжении, необходимость переделок во время самого хода работ, особый порядок отпуска средств—вызвали перерасход свыше 50% против сметных предположений. В отношении же паровых станций, средняя стоимость которых выходит в 600 р. с установленного киловатта вместе с сетями, можно отметить два обстоятельства, повлиявших на увеличение единичной стоимости.

1. Программа строительства была значительно сокращена против предположений Гоэлро в отношении даже строящихся станций: так перечисленная выше группа первоочередных станций должна была по плану Гоэлро дать в первую очередь 310.000 квл. установленной мощности, вместо 126.000 клв., на которые она строится. Естественно, что стоимость одного установленного ки-

[1]) Первые 6 лет—500.000 клв.; вторые четыре года—по 250.000 клв. в год, а всего 1.000.000 клв.

ловатта должна была выйти при таком сокращении среднего размера станции значительно выше предположенной.

2. На первую очередь строящихся станций падает непропорционально большая часть расходов. Так, здание часто строится на всю мощность или на ближайшее расширение: Кизеловская станция, например, имеет мощность машин в 6 т. клв., а здание ее выстроено на 40.000 клв.; построенная Шатурская станция имеет возможность расширить свою мощность почти без новых строительных работ до 85 тыс. клв. при первой очереди в 48 т. клв. и т. д.

Как влияют эти обстоятельства на единичную стоимость станции можно видеть на примере Шатурской станции: ее стоимость при мощности в 48.000 клв. составит 24 милл. рублей, что дает около 500 р. на установленный клв.; расширение же до 87.000 клв. будет стоить не свыше 2 милл. рублей, что дает после расширения стоимость в 300 р. на установленный клв.

II. Опыт последних лет.

Надо отметить, что работы последних лет показывают достигнутые нами крупные успехи в области техники электрификации. Результаты эксплоатации Каширской станции дают нам право сказать, что мы разрешили задачу экономического сжигания мелочи подмосковного угля под топками котлов; работа временной Шатурской станции вполне разрешает задачу использования торфа, имеющего для нас, благодаря огромным запасам его в Союзе, исключительное значение. Достигнутые в этом отношении результаты идут дальше того, что дает заграничная практика.

Вступление новых станций в работу не могло не оказать существенного влияния на все стороны экономической жизни обслуживаемых ими районов. Тариф на электрическую энергию, составляющий основу широкого развития электроснабжения, непрерывно понижается. Так, в Московском районе средний довоенный тариф составлял 9,4 довоенных коп. за клв.-час. В 1922—23 году средний тариф был 10,7 черв. коп. За счет рационализации электроснабжения и введения в работу новых станций он постепенно понижался, спустившись в текущем году до 7,8 черв. коп. за клв.-час. Для крупной промышленности вводимый с нынешнего года тариф спускается до 3,8 коп. за клв.-час. В Ленинграде средний тариф 1913 года был 12 довоенных коп. за клв.-час. В 1923—24 г. тариф достигал 13 червон. коп.; в настоящее время он спустился до 9 коп. в среднем, при соответственно меньших ставках для крупных потребителей.

При этом снижении тарифов станции не только не терпят убытка, но и начинают становиться прибыльными. И в текущем году новые работы по развитию электроснабжения Московского района общей стоимостью свыше 10 милл. рублей будут сняты с государственного бюджета, и произведены за счет амортизационного фонда, прибылей МОГЭС и кредитов Электробанка.

Подобное положение имеет место и в Ленинградском районе. Понижение тарифов толкает промышленность районов, обслуживаемых дешевой энергией на самую широкую электрификацию. Так, например, в Ленинграде ежегодный прирост потребности в мощности превышает 30.000 клв., благодаря чему новая Волховская станция будет полностью использована в первый же год ее открытия, и возникает потребность в дальнейшем расширении мощности станций.

В центральном промышленном районе, обслуживаемом Московским Об'единением Центральных станций, ежегодный прирост мощности достигает 60.000 клв.; некоторая недооценка этого прироста, имевшая место в истекшие годы ставит сейчас станции в очень трудное положение, не позволяя закрыть ряд старых, невыгодных станций.

Нижегородская станция, только что построенная на мощность в 20.000 клв., должна в ближайшие 2—3 года утроить свою мощность, чтобы удовлетворить спрос, пред'являемый к ней как старыми, так и вновь возникающими промышленными предприятиями района.

В дальнейшем же необходимо считаться с гораздо большим ростом потребности, учитывая, что все отрасли нашего хозяйства в своем развитии должны строиться на основе самого широкого использования электрической энергии. Между тем современное потребление ее в СССР далеко отстоит от такового и на Западе и в С.-А. С. Ш. В то время, как у нас ежегодно потребляется около 20 клв.-часов на 1 жителя, в С.-А. С. Ш. это потребление достигает 500, а в некоторых странах, богатых водной силой, еще больших размеров [1]).

И необходимо быть готовым к тому, что электрификация Союза потребует в ближайшие годы относительно значительно больших средств, чем до сих пор.

Нужно, однако, отметить, что наряду с этими достижениями. наше электростроительство обнаружило ряд недостатков и встретило крупные затруднения. Так, постройка больших гидроэлектрических станций (Волхов и Земо-Авчалы) приводит к перерасходу против первоначальных смет свыше 50%, что, при учете действующего процента на капитал, делает стоимость их энергии дороже стоимости энергии современных паровых станций [2]). В некоторых случаях к постройке гидроэлектрических станций было приступлено без достаточного изучения естественных условий, что вызывало необходимость переделок во время самой работы. Наконец, совершенно неудовлетворительным оказался и существующий у нас порядок бюджетного финансирования. В этом отношении весьма поучительно исполнение бюджета электрификации в истекшем году.

На крупное строительство было предположено отпустить по смете 33.830 т. р. и гарантировать кредит строительств на сумму в 1.700 т. р., а всего; следовательно, предположено было отпустить, после всевозможных сокращений 35.530 т. р. Фактически

---

[1]) Швейцария —700 клв.-час., Канада —612, Норвегия—1.850, С.-А.С. Ш.—500, Швеция—346, Франция—147. Англия—139, СССР—20. Ленинградский район — 260 Московский район — 240.

[2]) Волхов 56 000 клв.—стоимость 85 милл. рублей, считая ежегодные расходы в 10% на капитал (процент, амортизация и эксплоатация) и использование 4.000 час. в году получим стоимость клв.-часа

85 м. р. : 56.000 × 0.1 : 4.000 = 3,8 коп. за клв.-час.

Шатура 48 000 клв. — стоимость 23.800 т. р., считая ежегодные расходы, кроме топлива, в 12% на капитал и использование 4.000 часов в году, получим

23,8 м. р. : 48 000 × 0,12 : 4.000 = 1,5 коп.

Топливо: 1,2 килограмма торфа по 14 коп: пуд на 1 клв. час.:

1,2 × 14: 16 = 1,05 коп.

Общая себестоимость клв.-часа 1,5 + 1,05 = 2,55 коп. против 3,8 Волхова

же строительствами было израсходовано против предположенных 35,5 милл. рублей на 16 милл. рублей больше.

Еще большая разница имеет место в отношении строительства местных станций. По смете предположено было выдать на эту надобность всего 2.980 т. р., тогда как фактически было отпущено около 5.000 т. р.

Исполнение всего бюджета характеризуется такими данными, без учета негарантированного кредита, который только для крупных строительств достигает 8.356 т. р.

	По смете.	Фактически.
Наличными	38.610 т. р.	41.822 т. р.
Гарантийными письмами . . .	2.500 »	6.100 »
	41.110 т. р.	50.922 т. р.

Такой результат указывает на полное неблагополучие в этой области. Финансирование строительства производилось до сих пор по ежегодным сметам, которые урезывались по бюджетным соображениям, что срывало планы работ, удлиняло их срок, вызывало простой материалов, оборудования и рабочей силы. Между тем срок постройки играет, напр., в случае гидроэлектрических станций, при высоком строении их капитала, решающую роль при оценке их экономичности. Часто строительства, стремясь выйти из положения прибегали к дорого стоящему банковскому кредиту.

В дальнейшем порядок финансирования должен быть радикально изменен; жесткий план отпуска кредитов должен утверждаться при самом приступе к постройке; лучше вовсе не строить станцию, чем начать постройку, не обеспечив на 100% необходимыми средствами весь план строителя.

Перечень трудностей стоящих на пути электрификации далеко не исчерпывается указанными случаями. Особенно тяжела была работа в этой области за последние полтора года, когда цены на высококалорийное топливо: уголь и нефть, в главных центрах потребления были ниже цен на местное топливо: торф и подмосковный уголь (в пересчете на единицу теплоты), что вызывалось перепроизводством донугля, конкуренцией его с нефтью и сниженными тарифами на их перевозку на далекие расстояния. Энергия новых районных станций, построенных в расчете на местное топливо, оказывалось при этом в отдельных случаях даже дороже энергии станций, работавших на привозном топливе (пример—Красный Октябрь). Такое положение вызвало сомнения в целесообразности планового строительства районных станций и не осталось без влияния на прохождение бюджета электрификации в прошлом году, который, как мы видели, был неосновательно сокращен и в дальнейшем потребовал в течение года крупных внеплановых ассигнований. В настоящее время топливная кон'юнктура резко изменилась: острый недостаток топлива заставляет промышленные предприятия отказываться от своего силового хозяйства и усиленно искать энергии районных станций.

III. Низовая электрификация.

Широкое обслуживание электрической энергией потребностей крестьянского хозяйства представляет задачу большой трудности. Разбросанность потребителя и малая величина потребной энергии на единицу поверхности значительно удорожают стоимость деревенской электрификации по сравнению с городской. Все это требует очень осторожного экономического подхода к решению вопросов сельской электрификации. История развития крестьянской электрификации по данным НКЗема рисуется так. На 1 января 1919 года имелось всего 138 сельских станций общею мощностью в 10.200 клв., большинство коих было построено еще до войны. Затем начинается быстрый рост числа станций, одной из причин коего был острый топливный кризис, связанный с недостатком керосина в деревне.

На 1 янв.	1919 г.	станций	было	138	общ.	мощн.	в	10.200 клв.
» »	1920 »	»	»	2[illegible]1	»		»	11.900 »
» »	1921 »	»	»	318	»		»	13.150 »

Рост этот приостанавливается в 1921 году под влиянием неурожая. В этот период новые станции отличаются своей небольшой мощностью (в среднем 16 клв. на станцию), что указывает на то, что основной целью постройки станций было электрическое освещение. Начиная с 1923 года, рост, возобновляется, при чем наблюдается ясно выраженная наклонность к укрупнению станций.

На 1 янв.	1923 г.	было всего . . .	345	стан.	с	общей	мощн.	в	14.000 клв.
» »	1924 »	» » . . .	438	»	»	»	»	»	18.660 »
» »	1925 »	» » около	490	»	»	»	»	»	21.000 »
» »	1926 »	будет » »	570	»	»	»	»	»	27.000 »

Средняя мощность новых станций, построенных в 1922 году достигла 32 клв. В следующие годы она повышается до 50 клв.: новые станции должны иметь в среднем мощность в 125 клв.

Это указывает на начавшийся переход к производственному применению электрической энергии в крестьянском хозяйстве. Действительно, опыт истекших лет показал, что постройка станций, служащих только для электрического освещения, в деревенских условиях экономически себя не оправдывает. Напротив, сооружение станций для снабжения крестьянского хозяйства механической энергией, необходимой для быстрой уборки урожая и, в особенности, для переработки сельско-хозяйственного сырья в пищевые продукты высокой рыночной ценности, оказывается весьма рентабельным. Там, где электрическая энергия приводит в движение молотилки, мельницы, маслобойни, картофелетерочные машины, служит для переработки льна и конопли и выделки кожи,—сельская электрификация оказывается весьма выгодной и быстро окупает затраченные средства. Там, где она строится именно на этой промысловой основе, электрическое освещение деревни также оправдывает себя, так как большая часть оборудования окупается за счет энергии, произведенной с промышленной целью.

Развиваемая в этом направлении с.-хозяйственная электрификация:

превращает продукт крестьянского хозяйства в транспортабельный товар высокой рыночной стоимости и большого экспортного значения;

создает спрос на первичную с.-хозяйственную продукцию, стимулируя интенсификацию, развитие технических культур, животноводства, повышение урожайности и т. д.;

создает промысловую крестьянскую кооперацию на основе экономических преимуществ крупного, кооперативного или коллективного, электрифицированного производства перед мелким индивидуальным;

разрешает задачу равномерного использования крестьянского труда в течение всего года, занимая крестьянина в свободное от посевных работ время в кооперативной мастерской по промышленной переработке продуктов сельского хозяйства.

Помощь быстрейшему развитию промысловой кооперации по переработке продуктов сельского хозяйства в комбинате с производственной электрификацией должна быть нашей очередной задачей. При разрешении этой задачи в первую очередь необходимо обратить внимание на использование энергии наших районных станций. При современной технике электрических станций действительно дешевую энергию как для города, так и для деревни, могут дать только крупные районные станции.

Широкое осуществление электрификации крестьянского хозяйства требует ряда организационных мероприятий. Сельская и промысловая кооперация, которые должны быть хозяевами этого дела, еще недостаточно подготовлены к этой довольно сложной, в техническом и экономическом отношениях задаче.

В этом году впервые на сельскую электрификацию отпускаются в порядке ссуды по бюджету около 4 м. рублей. Около 2 м. рублей предположено обратить на эту же надобность из займа хозяйственного восстановления. Потребность в средствах гораздо больше, однако, новизна дела вызывает необходимость в осторожности на первых порах.

IV. Электробанк.

Потребность в развитии электрификации уже сейчас далеко превышает возможности ее удовлетворения за счет средств государственного бюджета. Целый ряд явно рентабельных предприятий по электрификации остается неосуществленным или откладывается благодаря невозможности их финансирования за счет госбюджета. Таким образом, перед нами во весь рост встает задача привлечения к этому делу иных, кроме бюджетных, средств. Для разрешения этой задачи год тому назад был основан специальный банк по электрификации—Электробанк.

Несмотря на короткий срок своего существования и трудность поставленной задачи, ему удалось уже много сделать в этом направлении. Помимо помощи нашим государственным строительствам краткосрочным кредитом и централизованными операциями по снабжению, банк выдал свыше 8 м. рублей долгосрочных ссуд по строительству местных городских станций, около 5 м. р.—на электрификацию промышленности, около 1,5 м. р.—на электрификацию сельского хозяйства. Свыше 5 милл. рубл.—электропромышленности и радиостроительству. Для покрытия этих долгосрочных операций банк, получив от НКФина около 9,5 милл. рублей, сумел привлечь около 10,5 милл. рублей средств внебюджетных (акционерный капитал, твердые остатки текущих счетов и прибыли). Правда, для выполнения этой программы долгосрочных операций банку пришлось широко развернуть работу в области краткосрочного кредита (месячный оборот банка в октябре достиг 125 милл. рублей) и работать, в особенности в первое время, на дорогом кредите. Однако, деятельность банка в области долгосрочных операций непрерывно развивается, и Электробанк может стать центром финансирования тех предприятий по электрификации, которые, будучи достаточно рентабельными, не могут, по тем или другим причинам, стать об'ектом государственного финансирования.

Неоднократно возникали сомнения в целесообразности существования отдельного органа по финансированию электрификации. Между тем самое положение электрификации в ряду других отраслей народного хозяйства требует такой самостоятельности. Современная электрическая станция тесно связывается хозяйственно с промышленностью, городскими нуждами, сельским хозяйством и транспортом. Полное подчинение ее интересам какой-либо одной из этих сторон хозяйства нецелесообразно. Поэтому поручение финансировать электрификацию какому-либо одному из наших спецбанков неприемлемо. Еще более неприемлемо раздробление этой задачи между банками, так как такое раздробление поведет, да и ведет и сейчас уже, к созданию рядом нескольких станций с узкими задачами. Между тем техника современного снабжения дешевой энергией основана как раз на об'единенном питании потребителей различных категорий от одной общей сети. И именно в наших условиях возможно без трений (часто тормозящих правильное решение вопроса в капиталистических странах, где обыкновенно в таких случаях сталкиваются интересы отдельных предпринимателей) создание такого централизованного снабжения от районных станций, обслуживающих одновременно интересы промышленности, городов, сельского хозяйства и транспорта. По этим соображениям финансирование электрификации должно быть сосредоточено в особом спецбанке—Электробанке, в составе акционерного капитала которого должно быть достаточно полно представлены интересы всех перечисленных выше отраслей народного хозяйства. Рациональная увязка интересов электропромышленности со своими потребителями также может найти себе место в этом банке: как мы увидим сейчас, такая увязка необходима, так как наша электропромышленность далеко не удовлетворяет в настоящее время запросам электрификации.

V. Электропромышленность.

Основой развития широкой электрификации должна быть электропромышленность, стоящая на высоте современных технических достижений и дающая дешевые и доброкачественные изделия. Страны, стоящие на первом месте по развитию электрификации—С.Ш.С.А. и Германия—обладают одновременно развитой и сильной технически и экономически электропромышленностью, Фирмы «Дженераль Электрик Компани» и «Вестингауз» в Америке, «A. E. G.» и «Сименс» в Германии являются крупнейшими капиталистическими предприятиями, с капиталом в сотни миллионов рублей. Франция, недостатком угля вынужденная особенно широко развернуть работу в области электрификации, первым делом обратила внимание на развитие своей электропромышленности, широко используя американский и немецкий опыт.

Восстановление и развитие нашей электропромышленности шло быстрыми шагами вперед, в особенности в последние годы. Выпуск изделий, оцененных по каталогам 1913 года составляет:

в 1913 году	71,5 м. руб.	
» 1920 »	5,3 »	»
» 1921 »	8,9 »	»
» 1921/22 году	14,7 »	»
» 1922/23 »	25,0 »	»
» 1923/24 »	34,3 »	»
» 1924/25 »	64,9 »	»
» 1925/26 » программа	104,0 »	»

Продукция текущего года должна, таким образом, на 45% превысить продукцию 1913 года.

Однако, быстрый рост выпуска изделий не означает полного благополучия в этой области. Производственная основа—это старые заводы, построенные на уровне довоенной техники. Между тем, за последние 10 лет иностранная электропромышленность сделала крупный шаг вперед в отношении техники, организации и удешевления производства. Наши цены, в особенности на изделия, имеющие массовый сбыт, в 2 и 3 раза превышают заграничные. В области построения больших паровых турбин, котлов высокого давления и других частей механического оборудования паровых станций мы технически сильно отстали от Запада.

Производить дешевую электрическую энергию мы можем только на машинах, заказанных за границей. Нажим на импорт в этой области усиливается еще тем обстоятельством, что по таким заказам нам предоставляется долгосрочный (до 6 лет) кредит в практически неограниченных размерах, что, разумеется, недоступно для наших трестов.

То широкое развитие программы электрификации, которое допускается наиболее жизненными потребностями нашего развивающегося хозяйства, становится, таким образом, в полную зависимость от иностранной электрической и связанных с ней отраслей промышленности. Такое положение должно быть изменено в корне.

Необходимо обратить самое серьезное внимание на переустройство нашей электротехнической промышленности на современной технической основе. Необходимо, наконец, переустройство старых и сооружение новых заводов и самое широкое использование иностранного технического опыта и капитала путем предоставления концессий на сооружение новых заводов.

VI. Электрификация как основа нового хозяйственного строительства.

Восстановительный период развития нашего хозяйства заканчивается. Основная задача нового хозяйственного строительства — под'ем общей производительности труда на основе новой техники производства, дающей гораздо более высокую производительность труда, чем та довоенная техника, на которой основано наше восстановленное хозяйство. Широкое использование природной энергии является основой производственного процесса таких стран, как С.Ш.С.А., Германия, Франция и Англия, где общая производительность труда стоит особенно высоко. Количество работы при использовании сил природы в производственном процессе там в 80 раз превышает возможную физическую работу их трудоспособного населения. Для этого широко используются как запасы топлива, так и источники водной силы. Значительная часть их энергии находит себе применение в виде электричества. Так, потребление электрической энергии достигает в некоторых странах 500 и более клв.-часов на одного жителя в год или 2000 клв.-часов на одного трудоспособного, что в 15 раз превышает его возможную физическую работу в течение года (130 клв.-часов). Сопоставление этих коэффициентов 15 и 80 указывает на значительную роль, которую электричество играет в процессе утилизации природной энергии. К этому нужно добавить, что рост потребления электричества везде далеко превышает рост добычи топлива. Таким образом, современное высокопроизводительное хозяйство основано на широком использовании природной энергии, значительная и все возрастающая часть которой используется в виде электричества.

Чтобы поставить наше хозяйство на ту высокую базу, на которой оно стоит в передовых капиталистических странах и, тем самым, дать трудящимся Союза возможность использовать преимущество, которое дает обобществление орудий производства, нам необходимо строить новое хозяйство на основе последних достижений иностранной техники, избавив наш пролетариат от того непроизводительного труда, который ему пришлось бы нести в том случае, если бы мы ограничились совершенствованием нашей техники, игнорируя и считая «неприменимыми в русских условиях» последние достижения Запада. Мы должны устроить наше, новое хозяйство на основе самой широкой электрификации. При этом особенное внимание мы должны обратить на развитие тех наивыгоднейших форм хозяйства, которые не могут быть усвоены капиталистическими странами.

Мы уже указывали на то, что снабжение дешевой энергией составляет основу реконструкции всех отраслей народного хозяйства целых районов. Рациональное получение энергии и ее использование связывает между собой самые разнообразные отрасли хозяйства.

Примером может служить проект постройки гидроэлектрической станции на р. Днепре. Сооружение этой станции, мощностью, в первую очередь, в 200.000 клв. определяет собой план хозяйственного развертывания всего Южно-горнопромышленного района. Устройство плотины и шлюзов на Днепровских порогах создаст сплошное судоходство по этой реке, связывая дешевым водным транспортом лесные болота Запада и хлеба Украины с портами Черного моря и удешевляя перевозки донугля и нефти в район Приднепровья. Однако, со станцией связывается не только развитие водного, но и железнодорожного транспорта. Две магистрали, связывающие Донецкий каменноугольный бассейн с криворожскими железорудными месторождениями, получают сразу различное значение. Устройство гидроэлектрической станции в Александровске отдает предпочтение Южной магистрали, предопределяя ее развитие в сверхмагистраль. Ее переустройство, технически связанное с постройкой Днепровской гидростанции, существенно удешевит стоимость транспорта руды и угля, а следовательно, и стоимость черного металла. Кроме того, устройство новых металлургических заводов должно будет ориентироваться не только на руду и уголь, но и на близость гидроэлектрической энергии, так как последняя широко применяется теперь не только

при выплавке металла из руды, но и при переделе чугуна в сталь, при приготовлении сплавов железа с марганцем, кремнием, хромом, вольфрамом, аллюминием и т. д., при прокатке и дальнейшей обработке металла.

Главная связь станции с промышленностью идет, однако, в несколько ином направлении. Есть целый ряд производств, продукты которых нам крайне нужны, но которые мы не можем получить, не имея в своем распоряжении больших количеств дешевой электрической энергии. Современная Франция расходует на эти производства свыше 1 млрд. клв.-часов электрической энергии, примерно, столько, сколько может дать первая очередь Днепровской станции. Большинство из таких продуктов составляют основу современной военной техники; в настоящее время мы импортируемых их из-за границы.

Дальнейшее развитие Днепровской станции дает возможность произвести мелиорацию 750.000 десятин в низовьях Днепра и превратить их в плодородный земельный фонд столь необходимый перенаселенной Украине. Эксплоатация этого фонда позволит нам развить экспорт сельско-хозяйственной продукции, что, вследствие близости портов Черного моря, будет для нас весьма выгодным.

Из одного этого примера можно судить, насколько постройка большой гидроэлектрической станции теснейшим образом связывает между собой самые разнообразные отрасли народного хозяйства. В частно-капиталистических странах предприятия, которые получают выгоду от ее сооружения, находятся в руках многих частных предпринимателей, и извлечение добавочных доходов, которые эти последние получают вследствие сооружения станции, оказывается крайне затруднительным. При высокой народнохозяйственной рентабельности, сооружение такой станции, рассматриваемой как изолированное предприятие, оказывается мало доходным или даже убыточным. Такое положение имеет место, напр., с колоссальным проектом использования водных сил реки Роны во Франции, который до сего времени не мог быть осуществлен, несмотря на огромное значение его для всего хозяйства страны. Затруднения такого рода могут быть в наших условиях разрешены гораздо легче, чем в условиях Запада. В нашем новом строительстве мы можем и должны исходить из народнохозяйственной оценки новых предприятий, что значительно расширяет возможность рационального строительства.

И планы нового строительства должны учесть это обстоятельство. Планируя новые станции, мы должны одновременно планировать и те заводы, которые согласно указаниям современной техники, естественно комбинируются с производством электрической энергии или ее широким потреблением; переустройство и развитие транспорта, которое технически и экономически связывается с появлением дешевой электрической энергии в районах снабжения; реконструкцию бытовых условий крупных городов, снабжение сельской и кустарной промышленности, где наличие дешевого электричества создает совершенно новые возможности рационального использования крестьянского труда.

Общее количество произведенного страной продукта существенно зависит от того, насколько полно использован труд ее трудоспособного населения. Между тем, в сельском хозяйстве вообще, а в некоторых, относительно перенаселенных районах

Союза в особенности, использование труда, при наличном уровне техники сельского хозяйства, неравномерно и недостаточно. Задача выравнивания труда крестьянина, имеющая для нас огромное экономическое и политическое значение, в значительной степени разрешается производственным применением электричества при уборке урожая и переработке его в рыночные пищевые продукты высокой ценности в кооперативных предприятиях. Развитие нашей электрификации должно быть поэтому тесно связано с планом индустриализации земледелия.

Сеть электрических проводов, связывая между собою электрические станции и передавая энергию от наших районных станций в города, несет с собой всюду, куда она проникает, дешевую энергию. Это дает новые перспективы в отношении расселения наших фабрик и заводов по территории Союза. Избытки труда крестьянского населения являются серьезным, во многих случаях решающим фактором при определении местоположения и размера новых промышленных предприятий.

В качестве примера приведем возможную схему электроснабжения наших текстильных районов, в связи с необходимым для нас развитием текстильной промышленности. Три последовательных стадии переработки хлопка—прядение, ткачество и отделка товара—существенно различны в их отношении к размеру производственной единицы, энергии и труду. Так, прядильное производство дает существенную выгоду при концентрации; в ткацком производстве наиболее существенную роль играет труд, при чем размер производственной единицы играет второстепенную роль; оба они потребляют электрическую энергию; напротив, отделочное производство, которому концентрация также дает существенную выгоду, потребляет главным образом пар, комбинированное производство которого с производством электричества дает дешевую энергию и дешевый товар. Отсюда естественно возникает рациональность крупных прядильных, и отделочных фабрик и приближение ткацких к источнику труда, т.-е. к крестьянскому населению. Производство необходимой энергии должно быть сосредоточено в нескольких крупных отделочных фабриках, электрические станции которых должны быть включены, в интересах перестраховки, в общую сеть района. Эта энергия должна питать крупные прядильные фабрики и мелкие ткацкие фабрики, располагаемые в тех местах, где налицо имеются избытки неиспользованного крестьянского труда.

Новое хозяйственное строительство связывается с электрификацией, таким образом, и по линии наилучшего использования народного труда.

Рациональное использование сил природы и человеческого труда должно лежать в основе плана наших дальнейших работ в области электрификации.

Беннет.

Английская Независимая Рабочая Партия и единый интернационал.

После Ливерпуля.

Печальной известности Роберт Вильямс, новый председатель Рабочей Партии, поспешил заверить и утешить всех сомневающихся и колеблющихся сообщением, что Ливерпульский с'езд Рабочей Партии ликвидировал вопрос о коммунизме в Англии раз и навсегда. Видный руководитель «Плебса», считающий себя беспартийным коммунистом, Хорабэн, обнаружил меньше доверия к автоматическому действию ливерпульской резолюции и обратился с предложением к коммунистической партии—распустить свою организацию, чтобы не поставить противников исключения коммунистов в затруднительное положение. Он обещал при этом компартии, что левые сумеют оценить этот благородный акт. Лэнсбери и Брейльсфорд, подписавшие накануне с'езда манифест против исключения коммунистов, на другой день после с'езда поспешили выступить на страницах редактируемых ими журналов «Рабочий Еженедельник Лэнсбери» и «Нью Лидер» с раз'яснением, что коммунисты вполне заслужили тот удар, какой был нанесен им в Ливерпуле. Эти левые литераторы не сообразили при этом, что коммунисты честно боролись в Ливерпуле с развернутыми знаменами, а позорное поражение потерпели те, кто до с'езда делали вид, что борются против Макдональда, а на самом с'езде трусливо молчали.

Выступления этих журналистов характерны и поучительны, прежде всего, потому, что они дают некоторое представление о настроениях, которые царили в оффициальных кругах рабочего движения после победы Макдональда в Ливерпуле. Они одновременно говорят о той обстановке, в какой коммунистической партии приходится вести свою работу в Англии. Главная же их ценность в том, что они выявляют физиономию тех «левых», которые относятся к коммунистам подчас не менее злобно, чем Макдональд и его сподвижники, хотя они, как общее правило, действуют менее уверенно и более осторожно.

Боб Вильямс выдал секреты этих левых лидеров в той самой статье (см. «Лейбор Магазин», ноябрь 1925 г.), в которой он об'явил коммунистическую проблему разрешенной. Свое надгробное слово над воображаемой могилой коммунистов он заканчивает заявлением, что теперь левые начнут играть большую роль внутри рабочего движения, чем играли до сих пор. Странное пророчество! Казалось бы, что полная победа Макдональда вряд ли улучшает позицию левых. Вместе с тем, есть определенная

логика в рассуждениях героя Черной Пятницы. Он, как и некоторые левые краснобаи, ненавидит коммунистов по двум причинам. Английские коммунисты, как и коммунисты других стран, усвоили скверную привычку сверять и сличать слова и дела левых болтунов. Это сличение кое для кого в полном смысле слова убийственно. К тому же эти левые лидеры, к ужасу своему, замечают, что массовые выступления рабочего класса за последний год в Англии ясно отмечены печатью влияния коммунистической партии,—напомним хотя бы первомайскую демонстрацию, красное воскресенье безработных, комитеты действия, с'езд в Скарборо и даже резолюции, предложенные Ливерпульскому с'езду. Мы, конечно, говорим не о программе «согласованной политики национальной реконструкции и реформы», разработанной Вэббом, а о тех предложениях, которые пришли из недр рабочего движения. И развенчанным левым мерещится, что после смерти коммунистической партии они смогут занять авансцену, а рабочие массы, забыв про все их измены, опять начнут относиться к ним с прежним доверием.

Джойнсон Хикс прекрасно понимал, что резолюции Ливерпульского с'езда и выступления так называемых левых развязывают ему руки. Было время, когда он готов был следовать совету своего вождя Болдуина и ждать, чтобы выстрел был произведен с противной стороны, хотя и тогда эта политика отнюдь не соответствовала его темпераменту. За с'ездом в Ливерпуле последовал с'езд в Брайтоне. Там зубры распоясались. От них-то Хикс получил ту директиву, о которой он так страстно мечтал: атаковать коммунистов. В отличие от Роберта Вильямса, он прекрасно понимал, что Ливерпуль коммунистической проблемы в Англии не разрешил. Он знал, что маленькая коммунистическая партия в такой же мере оформляет еще молодое, но растущее революционное сознание английских пролетариев, в какой макдональдовская группа отражает и представляет еще сильные, но отмирающие либерально-реформистские тенденции английского рабочего движения. Улучив благоприятный момент, он, как человек дела, произвел атаку.

Лэнсбери и его друзья, захлебываясь, говорят теперь о восхитительной картине солидарности, проявленной рабочим движением в отношении к атаке на коммунистическую партию. Блажен, кто верует! Мы отнюдь не отрицаем того факта, что все рабочее движение откликнулось протестом против ареста коммунистов и против приговора, вынесенного им классовым судом присяжных. Сантиментальным разглагольствованиям мы, однако, предпочитаем холодный анализ всех фактов, относящихся к этому процессу. Забегая вперед, мы сразу скажем, что борьба против налета Хикса отнюдь не отличалась единодушием, а, наоборот, отразила и продолжает отражать в себе ту сложную борьбу между реформистскими и революционными тенденциями в рабочем движении Англии, которая чем дальше, тем больше углубляется и расширяется.

Оффициальные лидеры английского рабочего движения в своих нападках на консервативное правительство особенно подчеркивают тот факт, что из пыльного архива оно извлекло давно устаревший закон 1797 года. Что и говорить! Закон возраста-то почтенного. Но ведь всего $1\frac{1}{2}$ года тому назад «первое рабочее правительство его величества», возглавляемое Макдо-

нальдом, привлекло к судебной ответственности коммуниста Кемпбеля на основании того же закона 1797 года. Верно, что правительство Макдональда впоследствии от преследования отказалось. Но при этом правительство об'яснило, что оно согласилось на прекращение дела по следующим двум причинам: во-первых, оно боялось, что у обвинителей не будет достаточных данных, чтобы добиться осуждения и, во-вторых, потому, что оно опасалось, что процесс поднимет шансы коммунизма в Англии. Так рабочее правительство оправдывалось перед господствующими партиями. Но мы досконально знаем, что дело против Кемпбеля было прекращено лишь после того, как рабочее движение дало понять Макдональду, что оно угодничества в форме преследования революционеров не потерпит. Вряд ли есть основание думать и полагать, что Макдональд и его соратники за эти 18 месяцев полевели. Нам скажут: но факт остается фактом, что Макдональд и все официальное рабочее движение в протесте против процесса коммунистов участвуют. Против фактов не спорим. Мы только утверждаем, что сопоставление словесного протеста официальных вождей рабочего движения с их практическими действиями, в тот момент, когда рабочее правительство держало бразды правления в своих руках, приводит к выводу, что они присоединились к движению против процесса не по доброй воле, а под непосредственным давлением масс.

Около года прошло с того момента, когда болдуинское правительство получило большинство, опираясь на подложное письмо Зиновьева, до того момента, когда Джойнсон Хикс произвел налет на коммунистическую партию. За этот год недовольство консервативным правительством растет во всей стране. Об этом красноречиво свидетельствуют как дополнительные выборы в различных избирательных округах—в частности, избрание Перселя,—а равно—муниципальные выборы, имевшие место накануне процесса коммунистов. Внутри рабочего движения сильно растет коммунистическое влияние, о чем свидетельствуют резолюции конгресса профсоюзов в Скарборо. В этой обстановке нет ничего удивительного, что хиксовский налет вызвал бурю негодования. И руководители Рабочей Партии прекрасно понимали, что оставаться вне этого движения означало—утратить влияние на широкие народные массы. Но примкнули они к движению против процесса не для того, чтобы расширить и углубить его, а, наоборот, с тем, чтобы направить движение на либерально-реформистские рельсы.

«Свобода мнений—основа нашей надежды на гражданский мир» — таков лейт-мотив всех протестов реформистского рабочего движения. Против осуждения коммунистов они апеллируют к разуму господствующих классов, стараясь убедить их в том, что осуждение коммунистов является оправданием коммунистической теории. Во имя либерализма, во имя «свободы и демократии», они призывают господствующие классы к умеренности. Рабочее движение, однако, не пошло по указке либеральных лидеров. Наоборот, в резолюциях рабочих организаций и массовых демонстраций отчетливо говорится о том, что коммунисты осуждены за то, что они честно служили делу рабочего класса и верно защищали его интересы. Макдональд и его сподвижники попытались использовать кампанию против процесса коммунистов для борьбы с коммунизмом. Их речи и резолюции содержат

в себе больше нападок на коммунизм и коммунистическую партию, чем на консерваторов и на драконовский приговор. Рабочие же массы отчетливо и открыто высказывают свои симпатии коммунистам, потерпевшим за рабочее дело.

Коммунистическая партия не послушалась «дружеского» совета Хорабэна. Она также не испугалась скорпионов Хикса. Она продолжает жить и работать, и ее работа дает ощутительные результаты. Напряженная борьба ведется теперь вокруг вопроса о проведении в жизнь ливерпульских резолюций. Те, кто предсказывал неизбежную смерть компартии от отравленных стрел ливерпульских резолюций, пытаются теперь убедить членов Рабочей Партии в необходимости исключения коммунистов во имя дисциплины. Пикантней всего то, что в этом движении активно участвует «Еженедельник Лэнсбери». В течение девяти месяцев «Первое Рабочее Правительство» каждодневно нарушало принципы и постановления руководящих органов английского рабочего движения. Никто о дисциплине не заикался. В течение десятков лет Лэнсбери считал особой доблестью свою свободу от постановлений партийных центров. Во имя свободы личности он выступал и выступает против дисциплины коммунистов. Теперь адвокаты бесподобной мозаики английского рабочего движения вдруг запели о солидарности и дисциплине. Удивляться этому, однако, не приходится. Если организатор военных восстаний, Джойнсон Хикс, может атаковать коммунистов во имя конституционализма, то почему же сторонникам свободы не добиваться исключения коммунистов из Рабочей Партии во имя дисциплины!

Интересно, однако, то, что, невзирая на согласованные действия целого ряда общественных групп, начиная с правительства и кончая некоторыми левыми журналистами, рабочие массы продолжают отчетливо выражать свои симпатии коммунистической партии, а наиболее активные организации рабочей партии их уже более ста — наотрез отказываются исключать из своей среды коммунистов. В то самое время, когда вся пресса была полна нападок на коммунистов, Лондонский Городской Совет Профсоюзов избрал своими делегатами в состав конференции Рабочей Партии трех видных коммунистов, а десять местных организаций Рабочей Партии города Лондона не ограничились тем, что отказались исключить из своей среды коммунистов, а созвали конференцию, которая избрала временный комитет для борьбы против всей программы Ливерпуля[1]). Примеру Лондона последовали и другие промышленные центры Англии.

На вопросе об исключении коммунистов мы опять сталкиваемся с борьбой основных двух тенденций — революционной и реформистской — в недрах английского рабочего движения. Еще рано подводить итоги этой борьбы вокруг данного конкретного вопроса. Но для иллюстрации настроений пролетарского актива в Англии, возьмем ход борьбы в Ливерпульском Совете Профсоюзов.

Исполком Ливерпульского Совета Профсоюзов сообщил общему делегатскому собранию, что ему придется оказать некоторое

[1]) Этот комитет созывает более обширную конференцию на 23 января. По имеющимся у нас сведениям от 10 с. м. более 20 местных организаций Рабочей Партии уже избрали своих делегатов. А из повестки дня этой конференции явствует, что она созывается для борьбы против Ливерпуля.

давление на организации, входящие в его состав, в направлении выполнения резолюций Ливерпульского с'езда. Против этого заявления было вынесено следующее предложение:

«Заслушав доклад о работах Ливерпульского с'езда Рабочей Партии, этот Совет подтверждает, что профессиональные союзы, входящие в состав Совета, располагают абсолютной свободой в выборе своих представителей в этот городской совет и в Рабочую Партию».

Для пояснения этой резолюции, необходимо прибавить, что в Ливерпуле, как и в целом ряде других городов, городские советы профсоюзов являются одновременно высшими местными органами Рабочей Партии. После страстной дискуссии, резолюция была принята подавляющим большинством. Исполком Рабочей Партии предложил Ливерпульскому Городскому Совету пересмотреть свою резолюцию. Вопрос снова был поставлен на обсуждение; и всеми голосами, против 5, было решено «положить бумагу исполкома на стол», что правильнее было бы перевести на русский язык «положить под сукно».

Борьба вокруг ливерпульских резолюций осложнилась в связи с активной работой коммунистической партии в деле организации и об'единения левых элементов как Рабочей Партии, так и Независимой Рабочей Партии. Аресты коммунистов и подготовляемая атака на заработную плату рабочих убедительно показали английским рабочим все бесплодие Ливерпуля. Предложение коммунистов всем активным элементам рабочего движения об'единиться для совместной борьбы против наступления капитала стало встречать все больше и больше отклика в среде рабочих. Давление масс очень скоро получило свое отражение не только в резолюциях местных организаций, но и в общем тоне рабочей прессы, а также и в выступлениях тех левых лидеров, которые ближе стоят и теснее связаны с широкой рабочей массой.

Английское рабочее движение, в целом, находится в положении шатаний и исканий и отличается поразительной восприимчивостью; но, однако, можно проследить наличие новых революционных настроений, с трудом пробивающих себе путь в старых организациях английского рабочего движения, представляющих собой нагромождение не только различных течений и оттенков, но и различных эпох в истории самой Англии.

Активные работники английского движения начинают выступать с конкретными предложениями. В «Рабочем Воскреснике» мы читаем письмо Гучинсона, члена ЦК Рабочей Партии и одного из лидеров Союза Механиков, письмо, в котором он пишет черным по белому, что Ливерпуль не дал ничего положительного движению, а, наоборот, наши враги на политическом и экономическом поприще приняли решения Ливерпуля, как признак слабости. Он умозаключает, что необходима новая политика, и приветствует деятельность «Рабочего Воскресника», который, по сути дела, взял на себя проведение предложений коммунистической партии о едином фронте всех активных революционных элементов рабочего движения. В том же номере журнала напечатано еще более тревожное письмо Джорджа Гикса, руководителя Союза Строительных Рабочих, в котором говорится, что дальнейшее промедление было бы пагубно для движения. Все эти письма в редакцию заканчиваются письмом Алекса Госипа, видного деятеля Независимой Рабочей Партии и профсоюзного движения, в котором последний предлагает трем еженедельникам: «Рабочему Еженедельнику» (орган коммунистической партии), «Рабочему Воскреснику» (орган крайней левой, редактируемой известным коммунистом Полем) и «Рабочему Еженедельнику Лэнсбери» — созвать совместную конференцию левых элементов для совместной работы.

Открытые и тайные пособники Макдональда всполошились. Испугались и те левые, которые предпочитают хаотическую мозаику, разукрашенную букетами радикальных фраз, организованному действию. Рабочая улица зашевелилась. К чести «Рабочего Воскресника» следует сказать, что он, невзирая на протесты и увещевания, невзирая на отказ «Нью Лидер'а» и «Еженедельника Лэнсбери», нашел в себе мужество на свой риск и страх созвать конференцию. Приглашение на эту конференцию было подписано от имени «Рабочего Воскресника» следующими пятью лицами: А. Перселем — председателем Амстердамского Интернационала, Джорджем Гиксом — секретарем Союза Строительных Рабочих, А. Куком — секретарем Союза Горняков, Робертом Донстоном — председателем редакционной коллегии «Рабочего Воскресника», и Вильямом Полем — редактором этой газеты.

Авторы письма подчеркивают, что отчеты со всех концов страны показывают нежелание активных рабочих провести решение Ливерпульского с'езда об исключении коммунистов и свидетельствуют о быстром росте местных организаций левого крыла. Авторы полагают, что время дискуссий прошло и что настало время серьезных действий.

Целью этой конференции было об'единение левых лидеров, которое могло бы помочь оформлению движения в низах. Конференция состоялась 18 декабря п. г. Из отчета явствует, что об'единить лидеров оказалось делом не столь легким. Среди явившихся на конференцию нашлись и такие, которые мечтали об об'единении левого крыла **без коммунистов**, надеясь на скорую смерть этой организации, которая за короткое время своего существования успела разоблачить многих, в свое время влиятельных, фигляров, умевших служить правым делом и подлизываться к левым трескучими фразами. Среди участников этой конференции был и упомянутый нами выше Хорабэн и его сподвижник, бывший коммунист Постгейт, который, поверив сообщению Вильямса о кончине коммунистической партии, уже стал было сочинять новую программу для левого блока, обкрадывая для этой цели программу мнимого покойника. Формально конференция закончилась крахом. Она не сумела об'единиться на резолюции, предложенной редактором «Рабочего Воскресника». Она также не выдвинула другого предложения. Резолюция, предложенная Полем, гласит:

«Собрание социалистов и трэд-юнионистов заявляет, что важнейшей задачей рабочих в настоящее время является достаточная подготовка к тому, чтобы дать отпор покушениям, откровенно организуемым классом капиталистов на заработки, рабочее время, условия труда и политическую свободу рабочих.

В интересах осуществления этой подготовки, собрание считает необходимым для всех активных рабочих, стоящих на почве

бескомпромиссной борьбы за социализм, работать сообща в боевом Левом Крыле во всех отраслях деятельности, будь то профсоюзы, политические партии, или другие организации рабочего класса.

Собрание приветствует усилия, приложенные в различных частях страны и направленные к тому, чтобы достигнуть согласованности и сотрудничества между всеми членами Левого Крыла в этом направлении.

Предостерегая рабочих от каких бы то ни было попыток образования новой партии, собрание полагает, что никакое учение, либо принадлежность к какой бы то ни было партии не могут послужить препятствием к тому, чтобы об'единенными действиями проводить принципы, общие всем, кто служит рабочему классу в его борьбе против класса капиталистов.

Принципы эти суть:

1. Мировое единство профсоюзов.
2. Национальное единство профсоюзов от предприятия до Генерального Совета.
3. Солидарность британских рабочих с рабочими угнетенных народов Британской империи.
4. Политика для следующего рабочего правительства, имеющая целью свергнуть класс капиталистов.
5. Самозащита организованного труда против фашизма во всех его формах».

Конференция решила собраться еще раз и снова обсудить вопрос об об'единении левого крыла.

Все же конференция явилась важным и ценным этапом в деле об'единения революционных сил движения. В процессе этого об'единения активным работникам рабочего движения придется призадуматься не только над программой и над тактикой, но они вынуждены будут также сжечь кое-кого из тех богов, которым они в свое время поклонялись. С этой точки зрения, конференция 18 декабря, бесспорно, приблизила нас к действительному об'единению активных элементов английского рабочего движения.

Отношение активных элементов рабочего движения к идее кристаллизации и об'единения революционного крыла внутри Рабочей Партии станет более понятным, если мы обратимся к переписке между Коммунистической Партией Англии и Независимой Рабочей Партией. Сейчас же после ареста коммунистов ЦК Английской Коммунистической Партии обратился к ЦК Независимой Рабочей Партии с предложением единого фронта. В обосновании своего предложения ЦК, между прочим, пишет: «Джойнсону Хиксу не удастся сокрушить наш аппарат и наш боевой дух. Мы, однако, хотим, чтобы все рабочие научились на этом уроке и создали такую прочную организацию, которая даст им возможность сломить надвигающееся наступление капитала». В виде первого шага, Коммунистическая Партия предлагает Независимой Рабочей Партии совместно провести кампанию под следующими лозунгами:

1. Стопроцентная организация рабочих в профсоюзах.
2. Национализация копей.
3. Обеспечивающая существование рабочих зарплата (прожиточный минимум).
4. Самооборона рабочих от фашистских организаций.

Письмо это было отправлено 17 октября, ответ датирован 6 ноября. Мы считаем необходимым коротенький ответ Независимой Рабочей Партии привести полностью. Напомним только, что во главе Независимой Рабочей Партии поныне находятся те люди, которые наиболее активно борются против коммунизма и против Коммунистической Партии. Письмо гласит:

«Наш Национальный Совет смог теперь обсудить ваше письмо от 17 октября. Как вам известно, мы энергично протестовали против политического принципа, на основании которого были арестованы члены вашего исполкома и просили наши организации предпринять в связи с этим, соответствующие выступления. Мы поступили так не потому, что согласны с вашей политической линией, а потому, что полагаем, что каждому должна быть предоставлена свобода выражать свои взгляды, при чем народ сам должен решить, принять ли, или отвергнуть пропагандируемую партией политику.

Мы учитываем серьезное положение в промышленности и события, к которым оно может привести, сами ведем кампанию, чтобы помочь нашим товарищам из профсоюзов, и пропагандируем требование о национализации копей и об обеспечивающей существование зарплате.

Однако, принимая во внимание различие в методах, применяемых вашей и нашей партией, мы считаем более целесообразным, чтобы каждая партия проводила кампанию соответственно своим принципам.

В виду этого мы сожалеем, что не можем принять ваше предложение о выделении представителей в об'единенный комитет».

Авторы этого письма, очевидно, очень хорошо понимали настроение в низах своей собственной организации. Они не смеют отвергнуть предложения и пытаются сослаться на целесообразность. Вместе с тем, их письмо вызвало бурю протеста со стороны активных середняков, членов Независимой Рабочей Партии. И со своими протестами последние обратились не в орган Независимой Рабочей Партии, а в коммунистический «Рабочий Еженедельник».

Еще интереснее попытка Британского Комсомола наладить совместную кампанию с организацией молодежи Независимой Рабочей Партии, для защиты экономических и профессиональных интересов рабочей молодежи в Англии. Совещание представителей названных двух организаций единогласно приняло предложение Комсомола. ЦК Комсомола утвердил резолюцию совещания, а исполком организации НРП, очевидно, по директивам свыше перефразировал письмо исполкома НРП, которое мы выше привели.

Независимая Рабочая Партия всемерно сопротивляется единому фронту с коммунистами, при чем ей приходится преодолевать все более растущее давление со стороны своих же наиболее активных работников из среды рабочих, открыто и отчетливо высказывающихся за единый фронт с Коммунистической Партией. Низы тянут Независимую Рабочую Партию в сторону блока с Коммунистической Партией, а верхи тянут ее в направлении политического союза с Либеральной Партией.

Уже на другой день после выборов в парламент в конце 1924 года, выявивших развал Либеральной Партии, либеральное студенчество стало агитировать на страницах «Манчестер Гардиан» за массовое вступление либералов в Рабочую Партию. Свое предложение молодые либералы мотивировали тем, что в нынеш-

них условиях бессмысленно заниматься гальванизацией трупа старой Либеральной Партии, ходом истории обреченной на смерть. Они при этом утверждали, что обстановка внутри Рабочей Партии достаточно благоприятна для того, чтобы блок умеренных элементов мог продолжать традиции либерализма и с успехом преодолевать все поползновения крайних элементов. В последнее время картина несколько изменилась: Макдональд стал усиленно зазывать либералов в Рабочую Партию и, по всем видимостям, ведутся тайные переговоры между лидерами обоих партий о той или иной форме соглашения. Независимая Рабочая Партия очутилась, таким образом, перед возможностью двух блоков: с либеральной партией, с одной стороны, и с коммунистической,—с другой!

Своеобразная роль Независимой Рабочей Партии в истории английского рабочего движения и внутри Рабочей Партии привела к тому, что она теперь стала ареной наиболее напряженной борьбы между революционными и реформистскими тенденциями. Было время, когда Независимая Рабочая Партия была, примерно, таким же пропагандистским обществом, как фабианцы и как социал-демократы. В отличие от этих двух организаций фабианской и социал-демократической—она, однако, сумела под руководством Кер-Гарди, ближе подойти к профсоюзам и включить в свои ряды наиболее влиятельных и наиболее видных лидеров английского профсоюзного движения. Она нашла также лучший доступ к сердцу активных английских пролетариев. Напомним, что в течение долгого времени секретарем этой организации был нынешний лидер движения меньшинства Томас Манн. Бурный рост Рабочей Партии в послевоенные годы означал, в первую очередь, столь же бурный рост Независимой Рабочей Партии. Внутри Рабочей Партии, которая возникла, как федерация профсоюзов и социалистических организаций, для совместного проведения избирательных кампаний, Независимая Рабочая Партия, естественно, являлась об'единяющим и руководящим политическим ядром. Политический рост Рабочей Партии означал, поэтому, усиление и увеличение удельного веса Независимой Рабочей Партии. В правительстве Макдональда наиболее важные посты были заняты членами Независимой Рабочей Партии, которая насчитывает более $^2/_3$ среди членов парламентской фракции Рабочей Партии. Таким образом, из пропагандистского общества Независимая Рабочая Партия превратилась в влиятельную политическую партию.

Но и Рабочая Партия уже давно перестала быть просто федерацией различных рабочих организаций. Уже в 1918 году она обзавелась расплывчатой программой и отчетливой конституцией и стала опираться не только на организации, но и на индивидуальных членов. По мере своего роста, она постепенно обзаводилась своим собственным аппаратом, который чем дальше, тем больше приходит в столкновение с аппаратом Независимой Рабочей Партии. Организационные конфликты между этими двумя организациями стали учащаться. А рядом с организационными конфликтами идет идейная неразбериха. До окончания войны активные рабочие, социалистически настроенные, рассматривали Независимую Рабочую Партию, как «социалистическую душу» большого конгломерата, именуемого Рабочей Партией. Но в послевоенные годы—особенно в пору существования рабочего правительства—«независимцы» успели растерять свой социализм, а Рабочая Партия еще в 1918 году обзавелась программой, составленной в общих социалистических терминах. Естественно, возникает вопрос: какова же теперь роль Независимой Рабочей Партии в отношении к Рабочей Партии?

В течение долгого времени Макдональд считался лидером Независимой Рабочей Партии, получившим это лидерство непосредственно из рук покойного Кер-Гарди. Он и теперь не прочь иметь этот хороший, гибкий аппарат в своих руках. Он хорошо понимает, что небольшая организация, с солидным прошлым, с хорошими связями, с глубокими корнями, может оказать подчас большую услугу, чем громоздкий аппарат—аппарат Рабочей Партии, упирающийся в еще более громоздкие профсоюзы. Но старые традиции Независимой Рабочей Партии и новые тенденции в рабочем движении толкают Независимую Рабочую Партию влево. И Макдональд стремится либо поступить с Независимой Рабочей Партией точно так же, как было поступлено с Коммунистической Партией, т.-е. исключить ее из состава Рабочей Партии, или подчинить ее своему влиянию.

В течение последних лет Независимая Рабочая Партия возглавлялась Клифордом Элленом, который умел искусно лавировать между макдональдовским либерализмом и революционными устремлениями низов. Давление снизу привело, однако, к тому, что Эллен должен был об'явить себя «больным» и уйти с своего поста; а старый исполком с новым председателем, Джоветом, призван был сформулировать такую левую платформу, которая могла бы удовлетворить пролетарский актив Независимой Рабочей Партии. Задача нелегкая. Все же «Нью-Лидер» от 1 января утверждает, что исполком с этой задачей справился и что он такую платформу составил.

Платформа эта содержит 3 кардинальных пункта.

Первый пункт касается нынешнего положения английских рабочих. Исполком отвергает идею медленной постепенности и, открыто выступая, таким образом, против Макдональда, предлагает концентрировать всю энергию на борьбе за прожиточный минимум, который... должен быть установлен авторитетной комиссией из экспертов. И этот проект исполком называет «вызовом бедности».

Второй пункт касается больного вопроса о взаимоотношениях с Рабочей Партией. Резолюция гласит: «Функцией Независимой Рабочей Партии является раз'яснение неотложной необходимости тех фундаментальных изменений, которые социализм представляет, и влияние на политику Рабочей Партии в более полном и более быстром социалистическом направлении».

Наконец, третий пункт касается вопроса о едином интернационале. Надо полагать, что члены исполкома живо чувствовали, что первых двух пунктов отнюдь не достаточно, чтобы удовлетворить своих членов, рвущихся к более активной революционной борьбе. И исполком Независимой Рабочей Партии, памятуя о том отклике, который встретила борьба Генерального Совета за профсоюзное единство, решил выступить с предложением о создании единого политического интернационала.

Точного текста постановления исполкома мы пока еще не имеем,—он держится в строжайшем секрете. Мы имеем только изложение этого решения в отчетной статье секретаря партии, напечатанной в «Нью-Лидер» от 1 января. В этой статье

только сказано, что «многое произошло с тех пор, как Независимая Рабочая Партия обратилась к Коминтерну, и, пожалуй, не может быть вреда в том, чтобы попытаться еще раз». В обоснование безвредности этой попытки, Броквей сообщает, что еще накануне суда коммунисты были более озабочены борьбой против капитализма и империализма и что они готовы были отложить вопрос о вооруженной силе до того момента, когда жизнь этого потребует, если она этого потребует. Броквей заключает свой отчет сообщением, что Независимая Рабочая Партия решила поставить вопрос о едином интернационале перед ближайшим заседанием исполкома II Интернационала.

Мы не собираемся комментировать толкование Броквея настроений и взглядов коммунистов. Мы, однако, считаем решение Независимой Рабочей Партии заслуживающим серьезнейшего внимания, и мы поэтому попытаемся остановиться на нем подробнее. Мы, естественно, начнем с тех попыток переговоров с Коммунистическим Интернационалом, на которые исполком ссылается в своем новом решении.

Ленин против Макдональда.

Образование III Интернационала «огорчило» лидера Независимой Рабочей Партии, Рамзея Макдональда. 14 апреля 1919 года он выступил с обширной статьей во французской газете «Юманите», которая тогда находилась в руках социал-шовинистов. В то время Рамзей Макдональд был еще окружен некоторым ореолом в связи с тем, что он отказался от активной помощи английскому империализму в деле проведения всемирной войны. Он расценивался, как один из пацифистских вождей внутри II Интернационала. В упомянутой статье он, между прочим, писал дословно следующее:

«Я принадлежу к числу сторонников того взгляда, что прения на Бернской конференции по вопросу об ответственности за войну **были только уступкой общественному мнению несоциалистических кругов**».

Это отнюдь не помешало ему считать образование III Интернационала помехой на пути к осуществлению социализма.

«Меня лично,—писал он в той статье,—этот факт (образование Коммунистического Интернационала) глубоко огорчает. Ведь Социалистический Интернационал в настоящее время достаточно открыт для всех видов социалистической мысли, и, несмотря на все теоретические и практические несогласия, порожденные в нем большевизмом, я не вижу причин, почему левое крыло его должно отделиться от центра и образовать самостоятельную группу».

Из сказанного явствует, что в ту пору Макдональд, с таким усердием борющийся ныне за исключение коммунистов из Рабочей Партии, считал возможным совместное существование большевиков и реформистов в одном интернационале. Мы не ошибемся, если скажем, что эта своеобразная «терпимость» со стороны Макдональда была обусловлена тем, что в то время революционное движение как в Англии, так и во всей Европе, еще развивалось по восходящей линии.

Мы не будем подробно останавливаться на статье Макдональда. Мы полагаем, что она достаточно отчетливо и ясно охарактеризована в ответе Ленина (см. Собрание сочинений, т. XVI, стр. 270 и дальше).

«Статья Рамзея Макдональда,—пишет Ленин,—есть лучший образчик тех гладких, благозвучных, шаблонных фраз, повидимому, социалистических, которые во всех передовых капиталистических странах издавна служат для прикрытия буржуазной политики внутри рабочего движения».

Но если верно, что статья Рамзея Макдональда является букетом шаблонных фраз, то не менее верно, что ответ Ленина не только сохраняет всю свою силу, но приобретает особую свежесть, в связи с тем ворохом новых фактов, свидетельствующих об образовании левых групп внутри социал-реформистских партий. Велик соблазн воспроизвести весь ответ Ленина в целом. Мы вынуждены, однако, ограничиться только теми двумя выводами, к которым Ленин пришел на основании анализа письма Макдональда:

«Вывод первый: Бернский «Интернационал» есть фактически, по его действительной исторической и политической роли, независимо от доброй воли и невинных пожеланий тех или других из его членов, **организация агентов международного империализма**, действующих **внутри** рабочего движения, проводящих в **нем** буржуазное влияние, буржуазные идеи, буржуазную ложь и буржуазный разврат».

«Вывод второй: III Коммунистический Интернационал для того и основан, чтобы не позволять «социалистам» отделываться тем **словесным** признанием революции, образцы которого дает Рамзей Макдональд в своей статье. Словесное признание революции, на деле прикрывавшее насквозь оппортунистическую реформистскую, националистическую, мелкобуржуазную политику, было основным грехом II Интернационала, а с этим злом мы ведем войну не на живот, а на смерть».

Эти два вывода дают отчетливую характеристику тех двух интернационалов, об об'единении которых под единой крышей тосковал в 1919 году Рамзей Макдональд. Можно, пожалуй, еще прибавить другое место из того же ответа Ленина, гласящее:

«Покойный Харри Квелч в 1907 году был выслан германским правительством из Штуттгарта за то, что он назвал «собранием воров» заседание европейских дипломатов. Вожди Бернского «Интернационала»—не только собрание воров, они—собрание подлых убийц».

Английскому типографу, играющему в демократической Англии роль добровольного цензора, очень хотелось последнюю строку вычеркнуть. Ему это не удалось. Но если бы даже эти строки были вычеркнуты, то правда, заключенная в них, все же продолжала бы жить.

Мы не знаем, как отнесся Рамзей Макдональд к ответу Ленина. Мы имеем, однако, основание предполагать, что он произвел некоторое впечатление на пролетарские элементы Независимой Рабочей Партии. Факт тот, что Независимая Рабочая Партия на своем с'езде в 1920 году постановила предписать Национальному Административному Совету (так называется ЦК НРП) выйти из II Интернационала; и одновременно поручила ему изучить программу и условия вступления в Московский Интернационал.

Дипломаты Независимой Рабочей Партии, учитывая силу тяготения членов партии к Москве, решили провести изучение программы Коммунистического Интернационала при помощи допроса с пристрастием. За подписью Уолхэда и Эллена, Коммунистическому Интернационалу было отправлено письмо, содержащее в себе 12 вопросов.

Мы позволим себе воспроизвести все эти 12 вопросов, так как мы имеем некоторые основания предположить, что левый Броквей не прочь повторить в 1926 году тот же шахматный ход, какой сделал его предшественник в 1920 году.

Эти вопросы суть:

«1. Насколько строги требования, пред'являемые III Интернационалом к каждой отдельной стране, в смысле точного следования методам, намеченным в программе?

2. Угодно ли III Интернационалу высказать, как он понимает теорию диктатуры пролетариата в применении к Великобритании?

3. В какой мере признает III Интернационал методы парламентаризма?

4. Как относится III Интернационал к тому, что НРП входит в состав Рабочей Партии?

5. Есть ли советская форма власти основной принцип III Интернационала?

6. В какой мере признает III Интернационал возможность различных форм советской власти в различных странах?

7. Должны ли партии, принадлежащие к III Интернационалу, признавать, что коммунизм и диктатура пролетариата могут быть установлены только вооруженной силой, или допускаются в III Интернационал и такие партии, которые оставляют этот вопрос открытым?

8. Чем отличается, по мнению III Интернационала, коммунизм от остальных форм социализма?

9. Обязательно ли для вступающих в III Интернационал то понимание коммунизма, которое выразилось в ответе на 8-й вопрос?

10. Намерен ли III Интернационал делегировать своих представителей на Швейцарский с'езд представителей левого крыла социалистических партий?

11. Согласен ли III Интернационал содействовать международному с'езду для обсуждения его программы, методов и конституции?

12. Какова была бы в таком случае норма представительства на с'езде и каковы были бы полномочия его?»

Коммунистический Интернационал в своем ответе подчеркнул, что он ни в какой мере не собирается потворствовать тем, кто пытается «получить паспорт для своих оппортунистических проделок, апеллируя к Коммунистическому Интернационалу, чтобы он, считаясь с разным соотношением сил, позволил им на словах высказаться за III Интернационал, а на деле вести решительную политику качания между революционным пролетариатом и контр-революционной буржуазией». Он отчетливо заявил, что «Коммунистический Интернационал не допускает расхождений между словом и делом».

Ответ Коминтерна был достаточно ясен[1]), чтобы ввергнуть политиканов из Независимой Рабочей Партии в смертельный страх. Все же они вряд ли могли бы воспротивиться стремлению рабочих масс связаться с Коммунистическим Интернационалом, если бы им на помощь не пришли их друзья и единомышленники в других странах, которые решили «смутное время» напряженной борьбы между революцией и реакцией высидеть в $2^1/_2$ Интернационале. Изучение программы Коммунистического Интернационала имело, таким образом, своей единственной целью выиграть время, пока капитализму удастся отбить первую мощную революционную волну. Приходится констатировать, что этот маневр, в общем и целом, им удался. В 1920 году английский рабочий класс был полон революционной энергии, он организовал комитеты действия, он сумел удержать руку Черчилля и Ллойд-Джорджа от активной помощи Пилсудскому в борьбе против Советского Союза. А правительство Ллойд-Джорджа, сложно и ловко маневрируя, искусно совмещало пряник с кнутом. Еще сравнительно недавно лорд Дерби признал, что закон о дополнительном страховании рабочих был принят в 1920 году, с единственной целью предотвращения революции. Над этим делом усердно работали сообща Ллойд-Джордж и Макдональд.

Коммунистический Интернационал в своем подробном ответе не ограничился разоблачением доподлинного смысла 12 вопросов, поставленных ему. Он подробно проанализировал все вопросы и точно сформулировал отношение Коминтерна к вопросу о диктатуре и гражданской войне в самой Англии. Согласно этого ответа, коммунисты обязаны раз'яснять рабочим:

«1) что очень неправдоподобно, чтобы буржуазная Англия, самая энергичная, самая умелая угнетательница[2]) народных движений, самая богатая в мире буржуазия—властительница не только миллионов английских рабочих, но и сотен тысяч рабочих и крестьян в своих колониях—сдала власть без боя, покорилась бумажной воле парламента;

2) что поэтому рабочим надо готовиться не к легкой парламентской победе, а к победе в тяжелой гражданской войне;

3) что если бы рабочим удалось взять власть без этой гражданской войны, это означало бы лишь, что необходимость гражданской войны стоит перед рабочим классом (очевидно, надо читать «станет») после того, как он захочет проводить в жизнь свою волю, защититься от капиталистической эксплоатации и спекуляции, когда он захочет освободить рабочие массы в колониях, ныне угнетаемые английским империализмом».

На последнем с'езде Рабочей Партии Макдональд держал в руках этот ответ Коммунистического Интернационала, но процитировал он оттуда только три слова: «тяжелая гражданская война», которыми он на смерть испугал старых чиновников профсоюзов, мечтающих дотянуть свои дни, пользуясь благами «свободы и демократии». Макдональд скрыл—намеренно скрыл—ту часть ответа, в которой Коминтерн анализирует победу советской власти в России («русские рабочие взяли власть не столько путем применения вооруженной силы, как благодаря тому, что

[1]) Он полностью опубликован в 12 номере „Коминтерна“ за 1920 года и вышел отдельной книжкой на англ. языке.

[2]) В русском издании „Ком. Интерн.“ вместо „угнетательницы“ написано „покровительницы“, что является досадной ошибкой.

вооруженная сила стала на их сторону») и в Венгрии, где «венгерские рабочие получили власть без восстания». Теперь, конечно, придется ответ полностью восстановить. Но уже и теперь мы должны попытаться понять те цели, которые руководители Независимой Рабочей Партии преследуют своим последним решением.

Единый фронт против английских коммунистов.

Из отчета явствует, что решение о создании единого политического интернационала было принято единогласно. Это единогласие наводит на весьма серьезные размышления. Мы знаем очень хорошо, что кадры Независимой Рабочей Партии никогда не относились с особым уважением ко II Интернационалу. Партия туда вошла вместе с 2½ Интернационалом в момент упадка революционного настроения. Если мы обратимся хотя бы к последнему конгрессу II Интернационала, который происходил летом прошлого года в Марселе, то мы увидим, что он особенного энтузиазма в английском рабочем движении не вызвал.

Для выявления отношения английского рабочего движения к II Интернационалу я ограничусь только тремя цитатами.

В статье, напечатанной в «Лейбор Монтли» за сентябрь прошлого года Персель пишет:

«Небольшая группа амстердамских вождей заинтересована в том, чтобы сделать Интернациональную Федерацию Профсоюзов простым придатком к II Интернационалу, или, как он теперь называется, Рабочему и Социалистическому Интернационалу. В свою очередь, II Интернационал в некоторых своих частях является придатком к различным континентальным капиталистическим правительствам».

В номере от 29 августа «Рабочий Еженедельник Лэнсбери», подводя итоги Марсельскому конгрессу, спрашивал: «Кто доставляет фонды для анти-советской кампании внутри Рабочего и Социалистического Интернационала?»... «Они (партии II Интернационала) не имеют времени для изучения положения рабочих в современном государстве, управляемом финансовым и концентрированным промышленным капиталом. Это ставит их на одну доску с либералами нашей страны».

А центральный орган Независимой Рабочей Партии «Нью-Лидер» в номере от 21 августа обращал внимание на тот факт, что самая страстная и самая об'емистая полемика II Интернационала «направлена не против французского милитаризма, не против британского империализма, не против германского монархистского оживления, а против русского коммунизма». Утверждая, что II Интернационал пронизан империализмом, автор руководящей статьи показывает, что вся деятельность макдональдовского правительства, начиная с его письма к Индии накануне образования рабочего правительства, вплоть до последнего акта в отношении к исключительным законам в Бенгалии, является политикой соглашения с империализмом. Автор идет дальше и заявляет, что «некоторые шаги Макдональда могли бы шокировать даже последовательных старомодных либералов».

Эти цитаты дают в общем верное отражение отношения английского пролетарского актива ко II Интернационалу. Но мы не имеем никаких данных, которые позволили бы нам думать, что лидеры Независимой Рабочей Партии радикально изменили свое отношение к Москве. Говоря это, мы отнюдь не скрываем от себя того отрадного факта, что сближение между английскими и советскими профсоюзами сильно подняло интерес и уважение к Москве не только в области профсоюзной, но и в области политической. Но мы знаем, что лидеры Независимой Рабочей Партии всемерно сопротивлялись, особенно на первых порах, этому сближению. Мы знаем также, что они вряд ли повинны в повороте в сторону тех принципов, которые в свое время были изложены в ответе Ленина и Коммунистического Интернационала.

В этих условиях предложение исполкома Независимой Рабочей Партии должно рассматриваться либо как весьма серьезный политический акт, либо как неловкий и неискусный шахматный ход.

Мы готовы были бы принять первую версию. В ней не было бы ничего удивительного, памятуя, что английское рабочее движение переживает тяжелый кризис и мучительно работает над своим перевооружением, в соответствии с новыми потребностями классовой борьбы. Факты, реальные факты политической жизни, предшествовавшие постановлению и последовавшие за ним, увы, не дают нам возможности остановиться на этой версии.

Мы уже упоминали об ответе Независимой Рабочей Партии на предложение Коммунистической Партии о едином фронте. Если в английской обстановке, когда капитал бешено наступает и когда мощное рабочее движение бессильно сопротивляться из-за своей раздробленности и распыленности, целесообразнее врозь итти и врозь бить, то с трудом постижимо, почему и каким образом возможен единый фронт в мировом масштабе, который должен включить не только Независимую Рабочую Партию и Коммунистическую, но и партии, никогда с Коминтерном не заигрывавшие и открыто боровшиеся с коммунизмом, помогая контрреволюции с оружием в руках.

Обращению английских коммунистов к Независимой Рабочей Партии предшествовало обращение Коммунистического Интернационала ко II Интернационалу—организовать совместные митинги и денежные сборы в пользу бастующих китайских рабочих и семей убитых и раненых китайцев. Это обращение было сделано в июне месяце прошлого года, когда революционная война в Китае приняла массовый характер. В отличие от руководящих организаций II Интернационала, Независимая Рабочая Партия, по крайней мере, на словах, проявила сочувствие героической борьбе китайского народа. Тем не менее, Независимая Рабочая Партия пальцем о палец не ударила, чтобы помочь осуществлению единого фронта, даже в таких скромных размерах, как это было предложено письмом Коминтерна к II Интернационалу. Более того: все усилия компартии добиться единого фронта в английском масштабе оказались тщетными.

Но нам скажут, что новое постановление было принято после смены руководства Независимой Рабочей Партии. Ушел, мол, Эллен, представитель Макдональда в исполкоме, и теперь начинается радикальная эра, возглавляемая Броквеем. Мы рады были бы поверить, но события, последовавшие за принятием предложения, внушают серьезные сомнения.

Передо мною отчет о большом митинге протеста против осуждения коммунистов, состоявшемся 8 января сего года в восточ-

ной части Лондона. Митинг этот был созван совместно местными организациями Независимой Рабочей Партии, Коммунистической Партии и Городским Советом Профсоюзов. Выступить на этом митинге должны были Кук, Саклатвала, Джордж Гикс и Хонтер—центральный работник исполкома Независимой Рабочей Партии. Последний не только не явился, но отправил собранию письмо, что он не может выступать с одной трибуны с коммунистами.

Кук предложил собранию—в нем участвовало 1.500 пролетариев—осудить поведение Хонтера. Одновременно Кук обратился к своему ЦК с просьбой определить свое отношение к поведению Хонтера. Общее собрание в 1.500 человек единогласно осудило действия Хонтера, а исполком Независимой Рабочей Партии, тот самый исполком, который трактует теперь о едином интернационале, от ответа на вопрос Кука уклонился.

Инициатива Хонтера очень пришлась по вкусу исполкому лондонской раб. партии, который поспешил обратиться с воззванием ко всем своим организациям—вести кампанию против осуждения коммунистов отдельно от коммунистов.

Невольно возникает вопрос: не является ли предложение о переговорах с Коммунистическим Интернационалом той отдушиной, в которую лидеры Независимой Рабочей Партии хотели бы направить революционные настроения масс и таким образом уменьшить их тягу к коммунистической партии в самой Англии.

С этой точки зрения крайне интересен упомянутый выше митинг в восточной части Лондона. Резолюция этого митинга не только энергично протестует против политических преследований, но она «просит Генеральный Совет Профсоюзов (заметьте, Рабочей Партии не упоминает) об'явить всеобщую однодневную забастовку, если кампания за освобождение арестованных не приведет к цели». В составлении и в проведении этой резолюции местная организация Независимой Рабочей Партии принимала участие на ряду с местной организацией Коммунистической Партии. Вряд ли приходится доказывать, что резолюция эта отнюдь не напоминает речей Макдональда о необходимости свободы слова для обеспечения гражданского мира и для более успешной борьбы с коммунистами [1]).

Исполкому Независимой Рабочей Партии приходится учитывать кристаллизующееся и оформляющееся революционное настроение в рабочей части партии. Некоторые из лидеров НРП более или менее искренно и честно отражают это растущее революционное настроение. Другие же, наоборот, озабочены тем, как бы направить это настроение на такие рельсы, чтобы не помешать Макдональду в проведении блока с либералами и всей его

реформистской политики. Обе группы сошлись на заманчивом лозунге единого политического интернационала. Одних этот лозунг привлекает революционностью, другие же его приемлют постольку, поскольку он не содержит в себе прямой угрозы расколоть нынешнюю Независимую Рабочую Партию, бессильную об'единить тягу своей либеральной части к Макдональду и Ллойд-Джорджу, и левой части—к местным блокам с коммунистами, которые уже фактически осуществляются в ряде городов.

В свете этого анализа нам представляется, что Английская Коммунистическая Партия очень удачно ответила на постановление исполкома Независимой Рабочей Партии о едином интернационале. Не вдаваясь ни в какие теоретические споры, она просто и отчетливо сказала: вместо очень громких фраз об очень широких планах, давайте конкретно, практически, в английской обстановке, совместными усилиями наладим сопротивление наступающему капиталу.

Этот простенький и практический ответ заставит маневрирующих лидеров Независимой Рабочей Партии сойти на землю, и раз навсегда решить, с кем и куда они идут.

Активное пролетарское ядро Независимой Рабочей Партии честно и искренно озабочено вопросом, как обеспечить победу английских рабочих в борьбе против наглых и циничных атак капитала. Можно уверенно сказать, что оно радостно откликнется на предложение Коммунистической Партии и пролетарским чутьем поймет, что путь, предложенный коммунистами, является единственным путем, ведущим к победе. Ответ коммунистов, с другой стороны, прижмет к стене тех, которые рассматривают заигрывания с Коминтерном только как особый способ маскировки деловых переговоров с либералами о политическом соглашении против революционных элементов в рабочем движении. Иными словами, внутренняя борьба в рядах НРП не будет придушена маневрами ее искусных лидеров, а примет более отчетливую политическую форму.

Вся обстановка классовой борьбы в Англии властно требует об'единения активных и боевых элементов для организации борьбы против наступающего капитала и для освобождения рабочего движения из плена социал-либерализма. Заслуга коммунистической партии в том, что она сумела в конкретной и убедительной форме передать своими словами властные требования истории.

---

[1]) Для понимания той борьбы, которая теперь происходит в английском рабочем движении, интересно сопоставить резолюцию Лондонского собрания рабочих с передовой в центральном органе британской соц.-дем. федерации. „Симпатии к осужденным коммунистам,—читаем мы в „Соц.-Демократе" от января с. г.,—должны в высокой степени смешаться с симпатиями к их идеалам, которые являются идеалами III Интернационала, которых никто не хотел бы видеть в этой стране, и эти симпатии уже имеют определенное влияние в рядах Раб. Партии. Установив под присягой, что компартия получила 14 тысяч фунтов в 10 месяцев, сумму, какой революционная партия не может получить от членов и сочувствующих в стране, в которой она работает, правительство поступило бы разумно, если бы оно разрешило освободить обвиняемых.

П. Ионов.

О пролетарской культуре, напостовской путанице и панике перед „литкулом".

Уже порядочно долго на страницах нашей ежедневной и периодической печати ведется ожесточенный спор о пролетарской культуре или вернее—уже—о пролетарской литературе. В противовес ликвидаторам «справа» выступило неистовствующее крыло «левого ликвидаторства», возглавляемое Вардиным, Лелевичем, Авербахом и др. товарищами, с важностью именующими себя «организованной пролетарской литературой» и группирующимися вокруг небезызвестного журнала «На посту». Как и полагается всяким добросовестным ликвидаторам, ликвидаторы «слева» клянутся на каждом углу именем Маркса и Ленина, взывают к диалектике и неистово крестятся на пролетарскую культуру. Но, ведь, в наше время, как говаривали еще Маркс и Энгельс, «любой лавочник умеет отлично различать, между тем, за что выдает себя кто-нибудь и тем, чем он является в действительности».

Вышедшая на днях в свет книжечка Л. Авербаха «За пролетарскую литературу» [1]), включающая в себя помимо статей автора ряд оффициальных документов, в свете прошедшей партийной дискуссии чрезвычайно ярко обнаруживает истинное лицо напостовства, вскрывая связь напостовских литературных «теорий» с обще-политической установкой его вождей. Вот почему мы считаем небесполезным разбор авербаховских писаний на страницах «Большевика», сколь бы мало нас лично и ни прельщала эта задача.

I.

Терминологическая определенность—основное условие всякого производительного спора. Между тем, как раз именно этим и не может похвастаться развернувшаяся дискуссия о пролетарской культуре. Возьмем к примеру так наз. проблему культурного «наследства». Каково должно быть отношение пролетариата к буржуазной культуре?—Разрушить ее!—отвечают одни, обладающие кровожадностью Майн-Ридовского индейца, судорожно хватаясь за перочинный ножик,—понятие культуры для них, повидимому, всецело покрывается такими явлениями, как

[1]) Л. Авербах, «За пролетарскую литературу». Изд. «Прибой», Ленинград, 1926 г.

религия, государство, семья, спиритизм и проч. прелести буржуазного строя,—в лучшем случае—культурными «ижицами» и «ять», которых, как известно, не мало накопила скупая буржуазная старуха в своем сундуке. Другие, отличающиеся менее «индейским» темпераментом, настаивают на преодолении и «критической переработке», имея, главным образом, в виду такие вещи, как буржуазная политическая экономия, фрейдизм и т. д. И, наконец, третьи делают ударение на о в л а д е н и и культурой буржуазного общества, понимая под последней преимущественно так наз. «материальную» культуру и область «точных» наук. Когда же один и тот же автор, вроде Авербаха, в пределах своей собственной сущности, употребляет термин «культура» во всех указанных смыслах, тогда подымается над полем литературной «критики» такой густой туман, что в нем рискует сломать себе ногу даже сам мудрый Эдип на Колоне.

Нам думается, вполне правильное и точное определение культуры дал М. Н. Покровский, как «совокупности всего созданного усилиями человека в противоположность тому, что даром, без усилий с нашей стороны, дает нам природа».

С этой точки зрения, культура есть не что иное, как продукт совокупного физического и умственного труда всех предыдущих поколений. Если принять это определение, а его как будто бы приемлют даже Лелевич (см. Лелевич, «На литературном посту», стр. 7) и Авербах, то из него, в свете интересующего нас вопроса, мы можем сделать следующие выводы.

1. Прав был тов. Слепков [1]), предлагая говорить не о феодальных, буржуазных и проч. культурах, а о культурах соответствующих способов производства. Исторические типы культур даны историческими типами общественных форм. Буржуазная культура есть не культура б у р ж у а з н а я, а культура капиталистического общества. Употребляя же термин «буржуазная культура», мы впадаем в соблазн неправомерно сузить понятие «культура» и по об'ему и по содержанию. Говоря, например, о буржуазной культуре, а думая о буржуазной идеологии в марксовом смысле этого слова, мы приравниваем часть целому с таким же правом с каким можно, к примеру, ленинградскую делегацию XIV партс'езда приравнять всесоюзной коммунистической партии.

2. При решении конкретного вопроса об отношении так наз. пролетарской культуры к культуре буржуазной необходимо сойти с почвы абстрактных рассуждений о культуре вообще. Нужно дифференцировать это понятие, ибо пролетариат имеет дело не с культурой вообще, а с отдельными элементами культуры: с техникой, государством, наукой, точнее—с отдельными областями науки, с отдельными отраслями и типами искусства и т. д.,—и его тактика должна диалектически видоизменяться в зависимости от конкретных особенностей того или иного участка культурного фронта. Тогда станет ясно, что не может быть с п л о ш н о г о ответа на вопрос о «наследстве»: кое-что придется «просто» взять целиком, на предмет дальнейшего продолжения и развития, кое-что подвергнуть коренной переработке, а кое-что и «просто» выбросить или разрушить. Только т а к мо-

[1]) См. «Большевик» № 16.

жет ставиться вопрос. Твердить же по-попугайски о пролетарской и буржуазной культуре вообще—значит топтаться на одном месте, подменяя действительное дело пустой схоластикой.

3. Поскольку является обще-признанным положение о том, что между капитализмом и социализмом мы будем иметь целую историческую эпоху переходного периода, длительность которой будет, повидимому, измеряться многими десятилетиями,—можно и должно говорить о пролетарской культуре, точнее—о культуре эпохи диктатуры пролетариата. Эта культура будет отличаться и от культуры буржуазного общества, неся на себе духовную печать нового господствующего класса, и от культуры чистого социалистического типа. О последней можно будет говорить лишь тогда, когда исчезнут последние остатки классовых противоречий и закончится процесс «массового изменения людей»—процесс чистки «от всей грязи старого общества» (Маркс и Энгельс) и «выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи» (Бухарин).

Мы уже отметили, что Авербах, по существу соглашается с выше данным определением культуры, как «единства культуры» духовной и культуры «материальной». Однако, категорически возражая наряду с этим против замены термина «буржуазная культура» термином «культура буржуазного общества», Авербах впадает в вопиющее противоречие с самим собой—противоречие, как известно, отнюдь не диалектическое. «Что это за противопоставление культур буржуазного общества и социалистического,—возмущается Авербах,—что это за общая культура всего буржуазного общества?! Буржуазное общество—не что иное, как внутренне-противоречивое и постоянно борющееся формальное (?!) единство пролетариата и буржуазии. Общий, более или менее выкристаллизовывающийся, культурный стиль эпохи есть стиль господствующего класса, стиль, вырастающий на основе борьбы между буржуазной и пролетарской идеологией, борьбы, осложняющейся наличием остатков помещичьей идеологии, наличием больших слоев мелкой буржуазии и т. д. Буржуазная культура не может быть приравнена к культуре буржуазного общества, ибо такие фундаментальные основы пролетарской культуры, как марксизм, партия и т. д. вырастают еще в рамках буржуазного общества... Конечно, в идеологии буржуазии, к примеру, много помещичьих, средневековых пережитков. Но значит ли это, что нельзя говорить о буржуазной культуре? Ни в какой мере! Наоборот, так как (!?) сознательные представители буржуазии сознательно работают над сознательно ими ставящейся себе задачей сделать культуру буржуазии, как коллектива данного личного состава, буржуазной культурой, разве (?!) мы не ставим себе задачу создания из всех пролетариев классово-сознательных и последовательных людей? Буки — аз — ба», — торжествует классово-сознательный Авербах («За пролетарскую культуру», стр. 8).

Мы очень извиняемся перед читателем за столь длинную и вдобавок чудовищно безграмотную (особенно хороша по своей логической структуре последняя фраза—«так как—разве»!) выписку из творений напостовского «теоретика»—мы ее привели в качестве иллюстрации той колоссальной сумятицы, которая, повидимому, является перманентным уделом голов вапповских «гимназистов». Нетрудно заметить, что свою «блестящую» «победу», столь воодушевившую нашего автора, Авербах одерживает путем маленького... мошенничества! Но ребеночек, хоть он и малюсенький, все же остается ребеночком, а именно: вышеустановленное и признанное самим Авербахом понятие культуры подменяется благополучно другим более узким, содержание которого связано исключительно с фактом классового господства буржуазии. «Буржуазная культура не может быть приравнена к культуре буржуазного общества»,—пишет курсивом Авербах. Почему?—А куда же вы денете марксизм?!—беснуется Авербах,—нельзя же его причислить к буржуазной культуре?!

Слов нет, причислить марксизм к буржуазной культуре довольно затруднительно. Но также затруднительно к буржуазной культуре причислить и технику, которая по меньшей мере войдет в качестве «элемента» в пролетарскую культуру. Не меньше трудностей возникает и с такими вещами, как математика, дарвинизм и проч. Впрочем, что касается последнего, то глубокомысленные напостовские апостолы склонны зачислить его по ведомству пролетарской культуры. По крайней мере, в статье, направленной против тов. Яковлева («Большевик» № 15), обосновывая свое положение о «несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии», напостовцы выдвигают следующий потрясающий аргумент: разве господство пролетариата совместимо с анти-дарвиновской реакцией?! Отсюда неизбежен логический вывод—дарвинизм есть не что иное, как... пролетарская идеология?! Поздравляем Авербаха, и иже с ним, с головокружительным открытием, достойным быть занесенным на золотую доску истории наряду с энчменовскими анализаторами!

Следовательно?... Следовательно, если Авербах хочет быть последовательным, а последовательность неот'емлемое качество всякого здравомыслящего человека, тем более журналиста,—он обязан, соглашаясь с определением культуры, как «всего», созданного усилиями человечества, согласиться и с предлагаемой нами терминологией. То, что Авербах, противореча себе самому, называет буржуазной культурой, является всего лишь элементом культуры капиталистического общества, и при этом таким элементом, который менее всего имеет шансов войти в железный инвентарь будущей обще-человеческой социалистической культуры. Если принять это суженное определение, тогда последовательно говорить не о «критической переработке» буржуазной культуры, о чем так усердно хлопочет Авербах, а об ее разрушении. Однако, подобная терминология научно неверна и нецелесообразна: в содержание понятия культуры тогда не войдут не только техника и наука, но и многое другое. «Когда мы говорим о пролетарской культуре, мы, конечно, говорим о всей культуре, включая сюда ее «материальный остов». (Авербах, «За пролетарскую литературу», стр. 9) [1]).

Спрашивается, на каком же основании в таком случае обижать буржуазную культуру, лишая ее «материального остова»? А раз оснований нет, то понятие буржуазной культуры должно употребляться (или верней—совсем не употребляться) лишь в смысле термина «культура буржуазного общества».

[1]) Во всех последующих ссылках на книжку Авербаха мы будем просто указывать страницы, не упоминая имени автора.

В одном из рассказов О. Генри, американский сенатор произносит две блестящие речи, одну—в защиту уменьшения пошлин на соль, другую—в защиту увеличения оных на... хлористый натрий!.. Уважаемый тов. Авербах удивительно напоминает этого сенатора. Разница между ними лишь в том, что сенатор принимал одну и ту же вещь за две разных, а Авербах—две различных вещи—за одну!

II.

Главный столп и теоретик напостовства, Вардин, в своих знаменитых «12 тезисах» писал: «Если верно указание Маркса о том, что господствующие идеи какого-либо времени были всегда только идеями господствующего класса, то бесспорно и то, что господство пролетариата не совместимо с господством непролетарской идеологии, в частности непролетарской литературы» (стр. 83). Как известно, вардиновское глубокомыслие встретило резкий отпор на страницах «Большевика» в статьях т.т. Яковлева и Слепкова. Авербаху этого оказалось недостаточно, и он посвятил защите вардиновского положения несколько страниц своего «труда». Однако, верный своему обыкновению, он так и не понял сути спора. Авербах ссылается на Маркса, твердит зады и очень удивляется, как это могут с ним не соглашаться? Ведь это же—большевистская аксиома!—восклицает он. Как можно отрицать бесспорное марксистское положение о том, что непролетарская идеология не совместима с фактом пролетарской диктатуры?! И ему и невдомек, что вот это-то и плохо, что это—аксиома, и что вот именно поэтому-то ей и было не место в тезисах, претендующих на определение партийной литературной линии. На восьмом году советской власти с надутым видом повторять абстрактные положения, всем известные и бесспорные (производительные силы являются движущими силами в истории, господство пролетариата не совместимо с непролетарской идеологией, маленькие дети кричат «агу»), это значит тащить партию назад к абстракциям и аксиомам, вместо того, чтобы помочь ей найти конкретное решение данного конкретного вопроса.

Как это ни скучно, разберем подробнее путаницу Вардина—Авербаха. Маркс писал о том, рассуждает Вардин, что, «господствующие идеи какого-либо времени были всегда только идеями господствующего класса». Ergo [1]), «господство пролетариата не совместимо с господством непролетарской идеологии, в частности непролетарской литературы». Ergo—если пролетариат не завоюет гегемонии в литературе, он не удержится у власти как господствующий класс. А посему: напостовцы—на баррикады! Громи попутчиков и захватывай власть в литературе!

Так рассуждают Авербахи и Вардины. И они не замечают того, что все это не имеет ничего общего ни с марксизмом, ни с ленинизмом, ибо это—гнилая силлогистика, не диалектика, а самая настоящая, как теперь любят выражаться, стопроцентная формальная логика! В самом деле, не нужно особой проницательности, чтобы убедиться в том, что все эти рассуждения являются добросовестнейшим повторением обычных меньшевистских задов.

[1]) Следовательно.

Для пролетарской революции необходимы соответствующие экономические предпосылки. Таких предпосылок в России нет. Следовательно, в России, отсталой стране, невозможна пролетарская революция.

В России происходит буржуазная революция. Значит руководящую роль в революции должна играть буржуазия. Пролетариат же занимает позиции крайней оппозиции и соглашается с либеральной буржуазией.

Спрашивается, не отличается ли эта меньшевистская жвачка от вардиновской премудрости еще меньше, чем Жирофле от Жирофля на сцене Камерного театра?! Во всех этих логических упражнениях мы наблюдаем один и тот же «методологический прием»—вместо конкретного анализа и выяснения точного значения марксистской аксиомы в применении к данным конкретным условиям дается пустая силлогистическая схема. «Стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины... есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом» (Ленин. Предисловие ко II изд. «Развития капитализма в России»).

Мы не знаем, известны ли эти слова В. И. Ленина Авербаху и Вардину. Не знать их, или знать, но не понимать, и наряду с этим претендовать на гегемонию в литературе и на право определения литературной партийной линии—это значит соединять качества чичиковского Петрушки с образцовой теоретической хлестаковщиной.

Если разобрать теперь вардиновское положение по существу, то сразу же обнаружится вся его действительная ничтожность. Во-первых, вместо того, чтобы говорить вообще об идеологии, выделим различные идеологические типы. Тогда окажется, что идеология идеологии рознь. Мы бы очень хотели, например, увидеть такого смельчака, который стал бы утверждать, что отсутствие завоеванных позиций в области... скульптуры может привести к краху советской власти! Или, если взять далее историю, пусть вспомнят напостовцы, всегда ли правящий феодально-помещичий класс старой Руси осуществлял свою гегемонию в литературе, живописи, искусстве вообще, науке и даже политической идеологии?

Во-вторых, необходимо помнить, что есть буржуазная и буржуазная идеология. Идеология реакционной буржуазии, ждущей последнего часа—это одно, идеология буржуазии революционной, идущей на штурм феодальных твердынь,—это совсем другое. Ведь не даром, в конце концов, старый Меринг с таким жаром пропагандировал в немецких рабочих массах Гете и Шиллера! Или вот еще, к примеру: будет ли совместимо с господством пролетариата распространение материалистической и атеистической литературы буржуазных просветителей Франции конца XVIII века?

Достаточно только поставить эти вопросы, чтобы увидеть, что решение вардиновской задачи вовсе не так просто, как это представляется Авербаху и Вардину. А именно—для ее решения нужен не формально-логический топор, а тонкий диалектический инструмент, которым—увы!—повидимому, никогда не дано овладеть напостовским «вождям».

«Без своей самостоятельной (?) классовой (!?) культуры, пишет Вардин,—без своей литературы пролетариат не сумеет сохранить гегемонию над крестьянством» (стр. 88).

А вот, что писал В. И. Ленин по тому же самому вопросу: «Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.-е. культур чиновничьей или крепостнической и т. п.». («Лучше меньше, да лучше», т. XVIII, ч. 2, стр. 125).

Если это не две противоположные точки зрения, то мы тогда отказываемся понимать, что же такое вообще обозначает слово противоположность!

В связи с вышесказанным еще несколько слов о напостовском отношении к «наследству». Напостовцы много—на словах! заботятся о пролетариате и пролетарской культуре. Но согласно диалектическому закону, как это твердо зазубрил Лелевич, все превращается в свое «другое». Во всяком случае, когда заходит разговор о наследстве, то оказывается, что пролетариату заказаны все пути к литературе предшествующих эпох. И хотя Лелевич и написал специальную статью на эту тему («Отказываемся ли мы от наследства?»), однако, он свое любезное согласие на «приятие» наследства сопровождает такими любопытными размышлениями, которые ставят оное согласие по крайней мере под большое сомнение. «Литература предшествующих эпох и других классов,—пишет Лелевич,—является для нас об'ектом серьезнейшего научного изучения. (И только? А как же быть с Пушкиным, Толстым? Или вот еще т. Троцкий заявляет,—и мы этому совсем не удивляемся,—что ему чтение Данте доставляет огромное художественное наслаждение?), мы рассматриваем ее в исторической перспективе, как предмет определенной классовой идеологии в определенной исторической обстановке. Внимательно изучая при помощи марксистского метода доставшееся ему литературное наследие, пролетариат в то же время строит свою литературу, совершенно (?!) отличную от прошлой, как по содержанию, так и по форме» (Лелевич, «На литературном посту», стр. 25). Здесь прежде всего любопытно отметить, что для Лелевича вся художественная критика сводится лишь к тому, что Плеханов называл определением социологического эквивалента. Но по тому же Плеханову,—да и не только Плеханову,—социологический анализ является предпосылкой к художественной оценке произведения. Об этом забывает Лелевич. Художественная форма, т.-е. то, что только и делает произведение искусства искусством, совершенно исчезает с горизонта нашего литературного «критика». И исчезновение это, о чем мы впоследствии еще будем говорить, совсем не случайно. Когда-то Салтыков-Щедрин, противопоставляя Писемского Тургеневу, писал: «От художников наших пахнет ябедой и семинарией; все у них плотяно и толсто выходит, никак не могут форму покорить» («Письма», стр. 13). Вот эта-то задача покорения формы, встающая во весь рост перед пролетарской литературой, и смазывается, сознательно или бессознательно, напостовскими «теоретиками».

Дальше, как мы уже видели, для Лелевича все искусство предшествующих общественных форм представляет из себя лишь об'ект критического изучения. Нетрудно заметить, что подобное упрощение проблемы связано, с вульгарным пониманием диалектического отрицания лишь, как отрицания. И вот теперь, спрашивается, кто же это мы, изучающие? Конечно—напостовцы, т.-е. в лучшем случае—одиночки, поднявшиеся из рабочего класса. Рабочему же классу остается с робкой надеждой взирать на Лелевича и Авербаха и в рассуждении грядущих «пролетарских полотен» удовлетворяться теперешним напостовским творчеством, которое, как говорят, не отличается ни качеством ни количеством. Словом,

Как персик, так и ананас
Природой создан не для нас.
О, Влас! Не пяль напрасно глаз
На персик и на ананас!

Лелевичи и Авербахи кушают персики, а пролетариат смотрит и одобряет. И все это—под флагом забот о пролетарской литературе!

(Окончание в следующем номере).

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ПОПОВ, Н.—Очерк истории Российской Коммунистической партии (большевиков). Гиз, 1926 г., стр. 336.

Рецензируемая нами книга тов. Попова, по словам автора, выпускается в свет в виду «крайних обстоятельств». Именно: «У нас нет не только научно-обработанной истории партии, но даже самого элементарного учебника, который бы охватывал все периоды».

Представляя из себя обработку лекций, «читанных автором в 1924—1925 учебном году на первом курсе Артемовского Университета», книга претендует помочь «нашим групповодам и слушателям в качестве пособия или справочника». Таковы суб'ективные намерения автора. Перейдем теперь к самой книге.

Уже с первых страниц мы сталкиваемся с своеобразным пониманием, точнее говоря—непониманием тов. Поповым роли интеллигенции в нашем революционном движении.

Как представляет себе автор социальную сущность народничества? «...Если с классовой точки зрения,—читаем в книге,—подойти к движению революционеров-народников 70-х годов, то мы увидим в этом движении определенные и н т е р е с ы м е л к о - б у р ж у а з н о й р а з н о ч и н н о й и н т е л л и г е н ц и и и т о л ь к о. Но если мы присмотримся к тому, как это движение представлялось интеллигенции, то окажется, что оно представлялось (ей. *Э. Г.*) в совершенно другом свете. Интеллигенция считала, что она борется не за к л а с с о в ы е и н т е р е с ы б у р ж у а з и и, а за интересы крестьянства, за интересы народа...» (стр. 26. Курсив наш. *Э. Г.*).

Прежде чем перейти к разбору этого положения по существу, отметим, что автор вообще не увязал концов с концами. Подчеркнутые нами места это наглядно показывают. В самом деле, сначала т. Попов утверждает, что народничество выражало «интересы мелко-буржуазной интеллигенции, и только», а затем, тут же, хотя и в отрицательной форме, утверждается, что интеллигенция боролась «за классовые интересы буржуазии». Мы полагаем,—надеемся, что с этим согласится и тов. Попов,—что это все же не одно и то же. Ставить знак равенства между борьбой мелко-буржуазной интеллигенции и классовыми интересами буржуазии, значит помогать не выяснению вопроса, а его запутыванию.

А теперь по существу вопроса о народническом социализме. Достаточна ли, такая точка зрения на народничество, как на движение выражавшее «только» интересы мелко-буржуазной разночинной интеллигенции (второй вариант тов. Попова мы отбрасываем, как явно несуразный)? Было бы неверно отрицать, что всеми условиями своего существования значительная часть пореформенной интеллигенции толкалась в резкую оппозицию господствующему режиму. Но сам по себе этот факт исторически очень значительный, так как им создавалась важнейшая предпосылка народничества, не в состоянии все же исчерпывающе об'яснить его социально-классовую суть, т.-е. как раз то, к чему сводится задача марксистского анализа.

За раз'яснением обратимся к работам первых русских марксистов эпохи их идейной борьбы с народничеством. Послушаем, по интересующему нас вопросу, В. И. Ленина.

«Сущность народничества,—читаем у него,—представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа. Г. Струве... назвал народничество «национальным социализмом». Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский»—по отношению к старому русскому народничеству (т.-е. 60-х, 70-х г.г. *Э. Г.*) и «мещанский» по отношению к «современному» (т.-е. 90-х г.г. *Э. Г.*). «Источник» народничества—преобладание класса мелких производителей (крестьян и кустарей. *Э. Г.*) в пореформенной капиталистической России» (Собр. сочин., т. II, стр. 61). Такова выпуклая и марксистски-четкая характеристика народничества, не раз, а много раз повторенная Лениным на протяжении всех своих работ. И, именно, это основное в народничестве,—представительство интересов мелких производителей,—ухитрился совсем не заметить тов. Попов.

Пойдем, однако, дальше. Как об'ясняет тов. Попов возникновение «легального марксизма»? «В 90-х годах марксизм завоевывает колоссальные симпатии в широких кругах разночинной интеллигенции и сильные позиции в легальной журналистике». Какова же причина этого, столь быстрого распространения марксизма? Рассказав о том, что роман интеллигенции с крестьянством кончился неудачно, тов. Попов продолжает: «Если говорить о всей массе интеллигенции, то по отношению к ней играли роль, с одной стороны, с о б с т в е н н ы е и н т е р е с ы и н т е л л и г е н ц и и, заставлявшие ее искать союза с рабочим классом и красить себя в защитный цвет марксистской идеологии, с другой—здесь играло роль еще одно чрезвычайно интересное обстоятельство...» Этим интересным обстоятельством,—как дальше поясняет тов. Попов,—было «словесное, а вслед затем и идейное приспособление марксизма к л е г а л ь н о й о б с т а н о в к е в л е г а л ь н о й р у с с к о й л и т е р а т у р е» (стр. 26—27. Первый курсив наш. *Э. Г.*).

Теперь пусть судит читатель, что получается у тов. Попова? Народничество—это попытка разночинной интеллигенции опереться на крестьянство в борьбе за свои «собственные интересы».

«Легальный марксизм»—та же разночинная интеллигенция в борьбе за те же «собственные интересы» пытается опереться на рабочий класс.

Но ведь всякому известно, что «марксизм» Струве, Туган-Барановского и т. д. занимал позицию диаметрально противоположную народничеству. Первый исходил—под флером марксистской фразеологии—из интересов к а п и т а л а, последнее—из интересов т р у д а (мелких производителей), хотя и плохо понятых и еще хуже защищаемых. К сожалению, этого т. Попов и не приметил. Для него существует только разночинная интеллигенция, кочующая от одного класса к другому и ухитряющаяся, проделав поворот в 180 градусов, неизменно защищать «собственные интересы». Это не марксизм, а какое-то своеобразное воскрешение «блаженной памяти» «лавризма»!

Вся беда т. Попова, приведшая его к этой путанице, заключается в том, что он рассматривает интеллигенцию как какую-то, особую самодовлеющую силу в борьбе за свои «собственные интересы», опирающуюся и использовывающую то тот, то другой класс. Эту концепцию необходимо перевернуть, поставив ее на ноги. Не интеллигенция в борьбе за свои интересы использовывает другие классы. Этого в «природе» не бывает. В действительности же другие классы—главным образом буржуазия, а также пролетариат и крестьянство—использовывают в качестве «идеологов» и организаторов своей борьбы интеллигенцию. Поэтому последнюю нельзя рассматривать как нечто единое, а следует помнить, что в капиталистическом обществе, продуктом которого интеллигенция является, она **п о л и т и ч е с к и** выступает не столько как интеллигенция

вообще, сколько как буржуазная, пролетарская и мелко-буржуазная интеллигенция [1]).

Если с этой точки зрения мы подойдем к той идейной борьбе, которая в 90-х годах происходила между революционным марксизмом и народничеством, с одной стороны, между «легальным марксизмом» и народничеством—с другой, то мы сразу увидим, что здесь не интеллигенция вообще боролась за свои собственные интересы, а три различные группы интеллигенции в своей борьбе, представительствуя три различных класса, «оружием критики» предвосхищали грядущую «критику оружия».

Революционный марксизм означал классовую эмансипацию пролетариата, его выделение из сплошного крестьянского моря, и, соответственно, революционные марксисты, в лице Плеханова, Ленина и т. д., сбрасывая с себя «ветхого Адама» народничества и переходя на сторону пролетариата, становились *пролетарской интеллигенцией*.

«Легальный марксизм» был своеобразной формой самоопределения буржуазии, и, соответственно, в лице Струве, Туган-Барановского и т. д. создавались кадры *буржуазной интеллигенции*.

И, наконец, третьей, *мелко-буржуазной группой интеллигенции* было народничество, смотревшее на вещи глазами мелкого производителя, разоряемого капитализмом.

Такова, конечно, очень грубая и нарочито заостренная схема, претендующая не столько на об'яснение данного отрезка истории, сколько на об'яснение ошибки тов. Попова. В заключение, мы не можем не привести несколько строк из Ленина, коротко и ясно вскрывающих социальную подоплеку этого глубоко интересного процесса, который происходил у нас на рубеже XIX—XX веков. В предисловии к сборнику «За 12 лет», рассказав о том, что борьбу с народничеством вели совместно с революционными соц.-демократами «такие люди, как Струве, Булгаков... и т. д.», Ленин пишет: «Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому, как для нас, а к буржуазному либерализму» (Собр. сочин., т. VIII, стр. 474).

Таково действительно марксистское понимание и об'яснение этого вопроса, в отличие от того, которое дает в своей книге тов. Попов.

Перейдем теперь к вопросу об отношении партии к крестьянству. И здесь, в этом сугубо важном вопросе, мы принуждены констатировать, по меньшей мере, глубокую путаницу в изложении тов. Попова. Методологически ошибка нашего автора та же, что и отмеченная нами ранее по вопросу об интеллигенции: *сплошная* постановка вопроса о крестьянстве как целом приводит тов. Попова к *неразличению «цветов»* внутри этого якобы единого крестьянства. Между тем *различное* отношение партии пролетариата к *различным* слоям крестьянства на *различных* этапах исторического развития—всегда составляло характерную и отличительную черту большевизма. Мы говорим *отличительную*, так как именно это отличало большевизм в данном вопросе от меньшевиков, сплошь зачислявших крестьянство в

---

[1]) Попыткой об'единить и организовать интеллигенцию, как таковую, для самостоятельной политической борьбы можно рассматривать возникший в начале революции 1905 года «Союз Союзов». Но и это, как бы исключение, только подтверждает вышеуказанное правило. «Союз Союзов» оказался эфемерной, плававшей без руля и ветрил по бурным волнам революции, политически бессильной организацией. И это по той простой причине; что, как указывает тов. Покровский, ...«у этой пестрой толпы, начавшей уже с февраля об'единяться в «Союз Союзов»... не нашлось ни общей программы, ни общей тактики».

лагерь реакции, и эсеров, впадавших в противоположную крайность, и сплошь зачислявших крестьянство в лагерь революции. Таким, если можно так выразиться, «дальтонизмом» никогда не страдала наша партия, умевшая уже в период буржуазно-демократической революции четко разграничивать революционные устремления всего крестьянства, от присущих некоторой его части мещански-реакционных тенденций. «Мы поддерживаем крестьянское движение,—писал Ленин в 1905 г.,—поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит, как реакционное, противопролетарское. Вся суть марксизма в этой двоякой задаче, которую упрощать и сплющивать в единую и простую задачу могут только непонимающие марксизма люди» (Собр. сочин., т. VI, стр. 449).

Этот глубоко диалектический подход к вопросу, конкретно нашедший свое выражение в том, что одновременно с решительным призывом всего крестьянства на борьбу против помещичьего государства, наша партия столь же решительно подчеркивала необходимость «*во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата*», (из резолюции XIII с'езда. Цит. по Ленину, т. VI, стр. 449), остался совершенно невыясненным у тов. Попова.

Покажем это на конкретном примере. Как излагает тов. Попов решения III с'езда в отношении крестьянского движения. Рассказав о том, что «начавшееся аграрное революционное крестьянское движение сразу приняло формы *борьбы за помещичью землю*», тов. Попов продолжает: «Тов. Ленин отсюда сделал сейчас же определенный политический вывод: в газете «Вперед» он поместил ряд статей, в которых доказывал, что *крестьянство в настоящей революции является самым надежным союзником пролетариата*... потому что наша *революция* в случае своего полного успеха будет прологом революции социалистической». Это «*потому что*» прямо замечательно! Что это не описка показывает следующая за этой фраза: «*Крестьянская масса*... не имеет основания бояться социализма...» (стр. 93).

Теперь, посмотрите, что делает тов. Попов. Он усиленно и неоднократно подчеркивает, что наша революция, в случае своего успеха, станет прологом революции социалистической, но при этом ни разу не отмечает той двоякой задачи партии по отношению к крестьянскому движению, которую мы выше изложили словами Владимира Ильича. Да будет вам ведомо, тов. Попов, что именно в ней, в этой «двоякой задаче», которую вы «упростили или сплющили», дана действительная возможность успешного перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Не понимая этого, всуе повторять, что наша первая революция в случае своего успеха могла явиться прологом революции социалистической.

С тем же самым непониманием мы встречаемся и в изложении тов. Поповым Октябрьской революции. С этой точки зрения характерно, как понимает тов. Попов *комбеды*. «Для обеспечения сбора хлеба,—пишет он,—пришлось теснее связаться с деревенской беднотой, которая также своего хлеба не имела и могла получить его у зажиточного крестьянина. И вот *органами этой самой деревенской бедноты*, которые должны были оказывать *активную поддержку выкачиванию из деревни хлеба для советской власти*, стали комбеды» (стр. 235).

Как видит читатель, для нашего автора вся «соль» комбедов, так сказать, «в хлебе». Что комбеды были органами классовой борьбы в деревне не только за хлеб, но и, больше всего, за землю, за орудия производства и т. д.,—короче говоря, органами социалистической революции и диктатуры пролетариата в деревне, об этом тов. Попов, повидимому, и не догадывается. Чтобы облегчить ему усвоение этого вопроса сошлемся на Ленина. «В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства,—говорил он на VIII с'езде партии...—наша революция до организации комитетов бедноты, т.-е. до лета и даже осени 1918 года была в значительной мере революцией буржуазной... Но когда стали организовываться комитеты бедноты,—с этого момента наша революция начала переходить в революцию пролетарскую... И, когда мы увидели, что в деревне, летом 1918 года, началась и произошла Октябрьская революция, только тогда мы стали на свой настоящий пролетарский базис, только тогда наша революция не по прокламациям, не по обещаниям и заявлениям, а на деле стала пролетарской» (Собр. сочин., т. XVI, стр. 105—106. Курсив наш. *Э. Г.*) [1]).

Тот факт, который был известен Ленину не хуже, чем тов. Попову, что комбеды были вначале созданы по инициативе продовольственных органов и, в частности, тов. Брюханова, как видим нисколько не затушевывал для него их роли как органов пролетарской, социалистической революции в деревне. А тов. Попов, зачислив комбеды по ведомству Наркомпрода, решил, что этим их значение и исчерпывается. Мало, слишком мало, чтоб с этим можно было согласиться.

Таковы основные ошибки тов. Попова.

Встречается в книге и ряд других неверных положений. На стр. 272 тов. Попов следующим образом характеризует новую экономическую политику: «Таким образом, советская власть произвела отступление и вернулась к условиям капиталистического обращения товаров, к условиям свободной торговли. В этом заключалась громадная уступка советской власти, в конечном счете продиктованная затяжкой мировой революции, ибо с этой затяжкой мировой революции было связано наше варшавское поражение, ибо с этой затяжкой мировой революции был связан кризис советской власти, из которого единственным выходом являлся нэп» (стр. 272. Последний курсив наш. *Э. Г.*).

Как курьез отметим, что несколькими страницами раньше тов. Попов, обсуждая вопрос о причинах поражения под Варшавой, категорически заявлял, что это поражение было основано на «большой ошибке военного ведомства», «на грубом преувеличении наших сил и недооценке сил и техники противника (стр. 257).

Теперь же оказывается, что в этом «виновата» затяжка мировой революции.

Но оставим это в стороне. Верно ли, что нэп был, в конечном счете, продиктован нам затяжкой мировой революции?

На это приходится ответить отрицательно, и вот почему. Нет сомнения, что затяжка мировой революции, изолировавшая нашу революцию в кольце враждебных капиталистических государств, обострила вопрос о переходе к нэпу. Но, и не больше. Ибо даже победа международной революции не избавила бы нас от той или иной формы нэпа, как единственно рациональной хозяйственной политики в условиях перехода от капитализма к социализму при диктатуре пролетариата. И это относится не только к отсталой России. IV конгресс Коминтерна, разбирая вопрос о существе нэпа, пришел к тому выводу, что нэп не только, и даже не столько, специфически-русское явление, сколько явление имеющее характер международной значимости.

На это указывал в своем докладе конгрессу Ленин. Об этом же говорили в своих выступлениях на том же конгрессе, обосновывая программу Коминтерна, т.т. Бухарин и Тальгеймер (см. Собр. сочин., т. XVIII, стр. 83, также «К вопросу о программе Коммунистического Интернационала», стр. 78, 96).

Нельзя не пожалеть, что после дискуссии, в которой неверное понимание нэпа было основной ошибкой и, в то же время, главным аргументом нэпа (новой оппозиции), книга тов. Попова не только не поможет раз'яснению этого вопроса, но своей неверной формулировкой, еще больше затруднит для своих читателей его правильное усвоение.

По меньшей мере, спорным кажется нам и утверждение тов. Попова о том, что Иваново-Вознесенский совет рабочих депутатов не может и не должен рассматриваться как первый Совет революции 1905 года на том основании, что он возник «как орган экономической борьбы, а не как орган революционной власти» (стр. 85).

Тот факт, что Ивановский совет, действительно возник как «орган экономической борьбы», нисколько не говорит против того, что он был все же первым по времени советом. Возникая вначале как «стачечные комитеты» советы самой логикой борьбы перерастали в органы революционной власти и вооруженного восстания. И таков был взгляд Ленина на советы. Чтобы доказать это достаточно сослаться на его брошюру «Победа кадетов и задачи рабочей партии», где Ленин причисляет к советам «железнодорожные стачечные комитеты на юге» (см. т. VII, ч. 1, стр. 121).

Эволюцию от «стачечного комитета» к «зачаточному органу революционной власти» (Ленин) проделал и Иваново-Вознесенский совет. Об этом убедительно рассказывает в своих воспоминаниях один из участников этого совета, тов. Самойлов. «Популярность совета росла с каждым днем не только среди избирателей; она распространялась далеко за пределы города. К нам, в совет, через некоторое время после его избрания, начали поступать самые разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек о притеснениях со стороны хозяев; были жалобы и от крестьян на притеснения со стороны помещиков и разного сельского начальства» (Ф. Н. Самойлов, «Воспоминания», стр. 52).

Но и этим дело не ограничивалось. Даже «власти предержащие» вынуждены были считаться с авторитетом совета. Так, например, было исполнено требование совета о закрытии всех винных лавок на время забастовок.

Поэтому, представляется нам, исторически неверно, да, пожалуй, и не к чему, пытаться, как это делает тов. Попов, установить какую то, чуть ли не принципиальную разницу между Иваново-Вознесенским советом и, скажем, Питерским, неизмеримо обогнавшим его по темпу и характеру своей работы и по своей исторической значимости.

Последнее, на чем мы хотели бы остановить внимание читателя — это на беглой характеристике тов. Поповым метода ленинизма.

Рассказывая о спорах Плеханова с Лениным по поводу подготовлявшейся ко II с'езду программы партии, тов. Попов делает следующее «глубокомысленое» замечание.

---

[1]) Напомним для ясности, что декрет о национализации крупной промышленности был издан 28 июля 1918 г., а декрет об организации комитетов бедноты—11 июля 1918 г.

«К чему сводились поправки Владимира Ильича? Это очень важно знать, потому что в этих поправках прекрасным образом находит себе выражение метод ленинизма, отличающийся именно тем, что берет явления в конкретной форме, именно тем, что является приложением марксизма к практике» (стр. 59).

На этой формулировке, затрагивающей, хотя и несколько бегло, вопрос о ленинизме и об его соотношении с марксизмом, необходимо остановиться с возможной полнотой, так как вопрос очень важен. Правда, определение, которое дает тов. Попов, отнюдь не страдает оригинальностью: подобные и аналогичные формулировки в работах, посвященных Ленину и ленинизму, особенно, в первое время после смерти Владимира Ильича, встречались частенько. Не менее верно и то, что уже тогда, т.-е. в момент их появления они встречали дружную и сосредоточенную критическую отповедь, в процессе которой и были найдены верные и ясные определения этого вопроса. Но все это, очевидно, прошло мимо тов. Попова. Он упрямо повторяет старые ошибки и тем тянет своих читателей назад к уже пройденному партией этапу. Ничего другого не остается, как, позаимствовав у тов. Попова некоторое количество упрямства, повторить ему старые возражения.

Мы только что сказали, что тов. Попов повторяет старые ошибки. Теперь, переходя к разбору его утверждения по существу, мы вынуждены оговориться: к старым ошибкам тов. Попов добавляет (и в этом тоже нет ничего оригинального) новую путаницу. Об'яснимся. Как помнит читатель, утверждение тов. Попова кратко сводится к следующему: «Метод ленинизма... является приложением марксизма к практике». Нетрудно видеть, что здесь сама постановка вопроса страдает логическим противоречием. Именно: нельзя определять метод ленинизма через марксизм, а можно и должно говорить о методе ленинизма в его соотношении с методом же марксизма точно так же, как можно и следует сопоставлять ленинизм с марксизмом. Тов. Попов попросту путает метод, т.-е. орудие познания с учением, т.-е. с суммой идей, которые являются результатом приложения метода к конкретной действительности, «опосредствования» этой действительности. Методом марксизма, как это известно всякому, является материалистическая диалектика, представляющая собой, по удачному выражению тов. Деборина, «метод научного познания и революционного действия одновременно». Рассматриваемый со стороны метода, ленинизм и есть «полный возврат» (Бухарин) к критическому и революционному, в существе своем, методу Маркса [1]).

Не задерживаясь на этом совершенно ясном положении, перейдем теперь к вопросу о содержании ленинизма. Дело в том, что Ленин не только отстоял и защитил метод Маркса и добытые с его помощью идеи от всевозможных оппортунистических искажений и извращений теоретиков и практиков II Интернационала; он не только извлек и восстановил подлинное учение Маркса—это смертельно разящее оружие пролетариата в борьбе с буржуазией,—нет, в совершенстве владея методом Маркса и опираясь на достигнутые уже результаты—его учение,—Ленин сумел создать последовательную теорию и практику марксизма эпохи распада капитализма и пролетарских революций. Поэтому, по своему содержанию ленинизм шире марксизма, ибо к той сумме идей, которые были оставлены Марксом, ленинизм прибавил ряд новых, являющихся результатом анализа новой исторической полосы, новых исторических явлений. Легко понять, что это различие между марксизмом и ленинизмом есть различие необходимое и исторически обусловленное. Подобно тому, как в своем развитии старый промышленный капитализм перерастает в монополистический, финансовый капитализм, подобно этому и как отражение этого об'ективного процесса, марксизм перерастает в ленинизм. А это значит, что ленинизм и есть не что иное, как современный марксизм, марксизм эпохи империализма и пролетарских революций.

¹) Как верно замечает Рорза Люксембург, метод исследования составляет «бессмертную часть учения Маркса». Сборник «Памяти К. Маркса», стр. 149.

Теперь понятно насколько ошибочно утверждение тов. Попова, сводящее ленинизм к приложению марксизма к практике.

Ленинизм не есть «марксизм приложенный к практике» или, как говорят некоторые другие авторы, «марксизм в действии». Ленинизм—это и есть современный марксизм, представляющий из себя диалектическое единство теории и практики, абстрактного анализа и практического действия. Теоретик-Маркс немыслим без Маркса-практика—активного участника революции 1848 года, созидателя I Интернационала и т. д. Практик-Ленин немыслим без Ленина-теоретика—автора «Развития капитализма», «Эмпириокритицизма», «Государства и революции» и т. д.

Встречаются в книге и фактические неточности.

На стр. 129, читаем: «По вопросу о профсоюзах на с'езде (речь идет о IV с'езде. Э. Г.) была принята меньшевистская резолюция. Меньшевики считали, что профессиональные союзы должны быть нейтральными и совершенно независимыми от партии». Как известно, на IV с'езде этой точки зрения придерживались и большевики. Резолюция о профсоюзах, внесенная на с'езд комиссией, куда входили представители обоих фракций, была принята с'ездом единогласно. Только на Лондонском с'езде наша партия становится на точку зрения «теснейшего сближения союзов с партией» (см. Ленин, т. VIII, стр. 483).

В остальном книга правильно и достаточно популярно, хотя и несколько сухо, излагает основные моменты нашей партийной истории.

Большим достоинством книги тов. Попова является и то обстоятельство, что, в отличие от всех имеющихся по этому предмету пособий, она доводит изложение истории партии до XIV парт. конференции.

Эм. Газ.

МАНУЙЛОВ, А. А.—К теории сельско-хозяйственной эволюции. «Новая Деревня». Москва, 1925 г., стр. 120.

Вопросы сельско-хозяйственной экономики стояли и еще долго будут стоять, как актуальнейшие вопросы современности. И среди этих вопросов, вопрос характера условий и темпа сельско-хозяйственной эволюции стоит как основной и кардинальнейший вопрос.

Установление того или иного характера эволюции сельского хозяйства, условий и темпа этой эволюции имеет далеко не отвлеченный теоретический интерес. При наличии резко выраженной противоположности двух основных классов капиталистического общества—рабочего класса и класса капиталистов, основная масса населения—крестьянство должно будет сыграть решающую роль в борьбе этих классов-антиподов.

С кем пойдет в этой борьбе крестьянство? Кого оно поддержит? На чью чашку весов бросит свою решающую силу основная масса крестьянства?

Достаточно именно в такой резкой форме поставить проблему крестьянства в революции, чтобы убедиться насколько важна, в какой мере первостепенна роль крестьянства в революции.

И, конечно, не случайно атака ревизионистов на Маркса велась, между прочим, **именно** с этой стороны марксова учения. В условиях распада капитализма, в эпоху империализма, когда неизбежность революционного столкновения пролетариата с капитализмом стала очевидной даже для буржуазных экономистов, перед ними стала новая задача—доказать, что это столкновение, это революционное восстание пролетариата должно окончиться его поражением, ибо крестьянство в этой борьбе пролетариат не поддержит.

И буржуазные экономисты, как и ревизионисты усиленно стали доказывать, что эволюция, развитие сельского хозяйства пойдет по совершенно иному пути, чем развитие промышленности.

Сельское хозяйство, утверждали они, не пойдет по пути того капиталистического развития, через которое прошла промышленность. В сельском хозяйстве будущее обеспечено не за крупными, капиталистическими предприятиями, а за небольшими хозяйствами, способными не только конкурировать, но и в этой конкуренции побивать крупные сельско-хозяйственные предприятия. Закон Маркса, кричали они на всех перекрестках, не действителен для сельского хозяйства, потому что здесь действует «закон убывающего плодородия почвы» и потому возможность приложения капитала строго ограничена.

Надо было во что бы то ни стало доказать, что развитие сельского хозяйства пойдет отличным от промышленности путем, что здесь действие законов капиталистического общества, если не исключено совершенно, то исключено **в основном**.

Атака на эту сторону марксова учения окончилась весьма неудачно. Абсурдность «закона убывающего плодородия почвы» доказала не только теория, но и практика. Опровергла практика и утверждение о экономической невыгодности и нецелесообразности крупно-капиталистических с.-хоз. предприятий. Эволюция сельского хозяйства оказалась **в основном** не отличающейся от эволюции всего капиталистического хозяйства.

Но у противников Маркса осталось последнее оружие... Впрочем, это будет касаться уже Ал. Мануйлова и **его** теории сел.-хоз. эволюции.

Ал. Мануйлов, конечно, отказывается от избитых возражений против марксовой системы, принятых буржуазными экономистами и ревизионистами. Он, **конечно**, против «закона убывающего плодородия почвы», он, **конечно**, не признает экономически нецелесообразными крупные с.-х. предприятия. Больше того, он вообще отрицает «какое-нибудь отличие в этом отношении между предприятием вообще и предприятием сельско-хозяйственным». Он, наконец, нашел даже об'яснение этому странному противопоставлению предприятий «вообще» предприятиям сельско-хозяйственным. «В нас еще глубоко сидят корни той психики, которая была свойственна эпохе широко-экстенсивного хозяйства, когда при господстве однообразной системы использования почвы и при одинаковых размерах затрат на ее единицу внешним признаком увеличения хозяйства было увеличение его земельной площади»[1]).

Таким образом, Ал. Мануйлов не только указал и доказал ошибки критиков Маркса, но и нашел причины, корни этих ошибок. Что может быть, кажется, лучше? Впрочем, насчет «корней» этих ошибок мы не придерживаемся "академических" раз'яснений Ал. Мануйлова...

Но под шумок «критики критиков» Ал. Мануйлов пытается протащить как раз то, что в своей критике Маркса хотели солидно и обстоятельно доказать буржуазные экономисты и ревизионисты.

«Многолетний спор о пролетаризации земледельческого населения не привел ни к каким результатам,—пишет Ал. Мануйлов в одном месте.

---

[1]) **Ал. Мануйлов**, «Теория с.-х. эволюции», стр. 38.

«На вопрос—происходит ли пролетаризация крестьянского населения, мы, очевидно, определенно ответить не можем, так как нет цифр, которые с очевидностью показали бы наличие или отсутствие этого процесса»,—говорит он дальше и, наконец, «говорить о наличии процесса пролетаризации крестьянства в России нельзя, так как нет достаточно полных и точных цифровых данных». Самое любопытное, пожалуй, здесь то, что из четырех примеров, приводимых самим автором, два говорят о резкой дифференциации, т.-е. о разложении основного массива крестьянства и увеличении двух крайних групп бедняков и кулаков, а два других—об обнищании деревни вообще и пролетаризации ее беднейшей части[1]). Между прочим, Ал. Мануйлов весьма часто делает ссылки на работы Ленина по аграрному вопросу. Было бы чрезвычайно интересно знать, известна ли автору новой работы о «теории сельско-хозяйственой эволюции» ленинская работа о «Развитии капитализма в России». А если она известна—а она наверняка автору известна,—то как наш почтенный автор может обнаруживать такое забвение, уже ставших прописными истинами, происходящих в деревне процессов дифференциации и пролетаризации ее известной части?

Опираясь, на данные земской статистики Ленин **показал и доказал**, на основании гигантского цифрового материала, процесс развития капитализма в сельском хозяйстве. **Показал и доказал**, что с развитием капиталистических отношений в деревне, идет и неизбежный процесс дифференциации крестьянства: пролетаризация одной его части и выделение численно ничтожной, но экономически сильной капиталистической головки. А Ал. Мануйлов, не потрудившись опровергнуть эти данные о расслоении крестьянства, имеет смелость заявлять, что «говорить о наличии процесса пролетаризации крестьянства в России нельзя, так как (!) нет (!) достаточно полных и точных цифровых данных» (!).

К характеристике автора надо добавить, что, цитируя и притом неоднократно «Новейшие данные о законах развития капитализма в земледелии» Ленина, Ал. Мануйлов умудрился проглядеть как раз ту часть работы, которая говорит о росте и характере капиталистической эволюции сельского хозяйства Соед. Штатов!

Пользуясь официальными статистическими данными С.-Ам. Соед Шт. за 1900 и 1910 г.г., Ленин на основании их всестороннего изучения пришел к выводу, что для всех Соед. Шт. «изменения в соотношении остальных групп (речь идет о группах в сельском хоз. *К. Р.*) характеризуются **вымыванием средних** и усилением крайних»[2]). То-есть часть (и притом, конечно, большая) фермеров переходит из средних групп в малоимущую и неизбежно пролетаризируется. А Мануйлов, совершенно игнорируя все данные и факты—этой пролетаризации, неустанно твердит: «На вопрос, происходит ли пролетаризация крестьян-

---

[1]) По Мариупольскому уез. беспосевных с 1886 по 1901 г. увеличилось на 47,8%, с посевом до 20 дес. уменьшилось; до 50 дес. увелич. на 51,7%, а с посевом свыше 50 дес. увелич. на 200%! Та же картина резкой дифференциации—и по Полтавской губ. По Никольскому уез. Самарской губ. за десять лет: с 1888 по 1898 г., количество хозяйств безлошадных увеличилось на 32,2%, с одной лошадью—на 42,1%, с 2—3 лошадьми—на 12,6%; с 4— уменьшилось на 19%, 5—10—41,6%, 10—20—45,2% и свыше 20 лошадей уменьшилось на 60,8%! Та же картина в основном и по Воронежской губернии (стр. 70—72).

Можно только удивляться Ал. Мануйлову и его научной «осторожности» не видеть в этих цифрах происходящих в деревне процессов дифференциации. Впрочем, такая «осторожность» и «оптимизм» имеют свои корни и свое об'яснение!

[2]) **Ленин**, т. III, стр. 252.

ского хозяйства, очевидно, определенно ответить не можем, так как нет(!) цифр, которые с очевидностью показали бы наличие или отсутствие этого процесса».

Но автор не отличается последовательностью.

Выше мы приводили утверждение Ал. Мануйлова, что «между предприятием вообще и предприятием сельско-хозяйственным»... «разницы нет никакой» (стр. 38). Несколько дальше, на стр. 67, это положение несколько видоизменяется, автор вносит некую поправку, смысл который состоит в том, что «значение этих своеобразных черт» (речь идет об основных чертах эволюции сельск. хоз. *К. Р.*) ведет «лишь к замедлению той общей тенденции, которая свойственна эволюции земледелия и индустрии».

Но вот автор кладет эти свои весьма существенные положения в карман и на стр. 82 преподносит изумленному читателю такое ценное признание: «Единственно возможная форма концентрации капитала в сельском хозяйстве, именно форма «домашней промышленности», не может быть осуществлена частным капиталом»!

Итак, сперва Ал. Мануйлов не находит никакой разницы между предприятием вообще и предприятием сельско-хозяйственным, затем вносит поправку, что общая тенденция развития в с.-х. замедляется и, наконец, приходит к благополучному заключению, что никакого сходства между предприятием вообще и предприятием сельско-хозяйственным, нет, ибо в с. х. невозможна концентрация капиталов!

Можно было бы, пожалуй, и обойти по существу вопрос о невозможностии «концентрации капиталов в сельском хозяйстве», но одно маленькое замечание нашему незадачливому автору мы сделать все же должны. Концентрация земель в капиталистическом обществе происходит или нет? Этого не может не признать и Мануйлов. Действительно, говорит он, «стремление мелкого земледелия к расширению своих размеров (заметьте, читатель, размеров. *К. Р.*), к превращению в крупные чрезвычайно велико».

Ну, а концентрация земель, не есть ли один из видов концентрации капиталов в земледелии? Как же можно возражать вообще против даже возможности такого рода процессов в земледелии?

Нельзя не остановиться и на некоторых «мелочах».

«То или иное изменение производительности труда обнаруживается из сравнения размеров затрат с размерами дохода»—пишет Мануйлов. И двумя строками ниже: «Для наших целей наиболее пригодным является тот масштаб, которым измеряется все предметы в современных условиях народного хозяйства, т.-е. количество денежных единиц».

Таким образом, по Мануйлову, изменение производительности труда обнаруживается из сравнения размеров денежных затрат с денежными доходами!

Ну, а разве не известны нашему автору такие случаи, когда предприятия с высокой производительностью труда вылетают в трубу, потому что размеры их денежных затрат превышают размеры денежного дохода? Разве неизвестно Мануйлову, что деньги не только масштаб цен, но и выразитель определенных общественно экономических отношений? Разве неизвестно ему, что рыночная кон'юнктура «управляет» производством через посредство денег и что не только степень «производительности труда», но и закон спроса и предложения определяет соотношение между размерами денежных затрат и денежного дохода? Ведь деньги, наконец, есть выражение специфической общественно-экономической формации—капиталистической, в то время, как труд—категория, свойственная всем формациям человеческого общества. Поэтому и само

понятие и определение «производительности труда» только, мягко выражаясь, по легкомыслию можно отнести к категории капиталистического хозяйства. И если А. Мануйлов не согласен с определением производительности труда, сводящимся к отношению количества полученного продукта к количеству затраченного труда, то он должен был иметь смелость открыто выступить против него.

Нам думается, что едва ли стоит задерживать внимание читателя на остальных сторонах новой «мануйловской теории» сельско-хозяйственной эволюции.

Книга Ал. Мануйлова путанная, неверная, вредная.

К. Розенталь.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 28 ФЕВРАЛЯ 4

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 56234. Москва. Тираж 42.000 экз.
Тип. изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Джон Пеппер.

О задачах расширенного пленума ИККИ.

При выяснении основных задач происходящего теперь расширенного пленума ИККИ мы должны вспомнить главные результаты последнего пленума ИККИ, заседавшего в марте 1925 г.

Важнейшими результатами прошлогоднего расширенного пленума являются следующие два основных положения:

1) Революция движется вперед медленным темпом; период мировой революции не закончен, и сейчас мы в этом всеобщем революционном периоде проходим через полосу относительной стабилизации капитала. Другими словами, сейчас, вообще говоря, положение не является непосредственно революционным.

2) Компартии не готовы и не способны еще проводить тактику, которая бы во всех отношениях подходила для теперешних условий. Секции Коминтерна все еще не пропитались всецело идеологией марксизма-ленинизма, они все еще не освободились от разных социал-демократических и синдикалистских традиций и проявляют некоторые лево-сектантские тенденции и правые оппортунистические уклоны. Они все еще не умеют полностью использовать революционное положение и не научились в незначительных повседневных требованиях пролетариата выступать как настоящие партии рабочего класса. Они очень часто оказываются недостаточно гибкими для успешного маневрирования и, ведя за собою пролетариат, зачастую не умеют привлечь к себе другие классы в качестве союзников пролетариата.

Последний расширенный пленум Исполкома охарактеризовал мировое положение одним словом: с т а б и л и з а ц и я, которой он противопоставил б о л ь ш е в и з а ц и ю, как основную задачу партий Коминтерна.

Открывшийся теперь расширенный пленум ИККИ должен будет снова констатировать, что мы все еще переживаем период относительной стабилизации, но, вместе с тем, он должен будет признать и наличие в капиталистической Европе разных явлений кризисного характера и обострения классовых противоречий, выступающих подобно трупным пятнам на теле стабилизации.

I.

Мировое положение стоит под знаком победоносного выступления американского империализма.

Какие основные особенности сможет обнаружить расширенный пленум в мировом положении? В первую очередь—н о в о е в з а и м о о т н о ш е н и е А м е р и к и с Е в р о п о й. В истекшем году Америка экономически глубоко проникла в целый ряд европейских стран. Едва ли найдется такая европейская страна, которая

не являлась бы должником Америки. В целом ряде крупных стран американский капитал проник и в промышленность и в банки. Благодаря колоссальному накоплению и концентрации своего капитала Америка в состоянии помещать все большие и большие капиталы в Европе, в результате чего она все больше и больше становится деспотом европейского хозяйства. Во многих европейских странах устойчивость валюты зависит исключительно от американских кредитов (даже мощная Великобритания смогла установить золотую валюту лишь благодаря помощи американского капитала). Весь круговорот промышленной жизни зависит сейчас почти во всех европейских странах от американского капитала. Уже в 1924 году Америка являлась крупнейшим экспортером капитала на мировом рынке, но в 1925 году мы уже наблюдаем новые выступления американского финансового капитала: он не только предоставляет займы, но скупает акции целых предприятий и целых отраслей промышленности и со все большей грубостью ставит свою финансовую помощь в зависимость от условий политического характера. Наиболее ярким примером в этом отношении является Бельгия, которой Америка поставила условием получения займа—сокращение ее армии.

Несмотря, однако, на американские миллиарды долларов, почти все европейские страны переживают сейчас экономический кризис, который в каждой отдельной стране имеет свой особый характер. В Великобритании мы стоим перед промышленным кризисом, во Франции—перед инфляционным. Обе эти страны-победительницы, собственно, лишь в последние годы начали страдать от кризиса, явившегося результатом мировой войны, этой громадной империалистической мировой катастрофы. Есть, однако, ряд стран Европы, которые уже однажды «оздоровлялись» и теперь, после оздоровления, переживают новый глубокий кризис, который можно назвать после-оздоровительным кризисом. К этим странам относятся Германия, Польша, Австрия, Бельгия.

На всем европейском континенте царит массовая безработица, не имеющая себе, кажется, равной в истории, и где эта безработица еще не приняла массового характера, как, например, во Франции, там свирепствуют дороговизна и инфляция.

Империалистские противоречия беспрерывно растут. Можно сказать, что подобно тому, как перед мировой войной мировое положение зависело в первую очередь от противоречий между британским империализмом и германским, ныне ось всей мировой ситуации образует противоречие между британским империализмом и американским. Есть, конечно, вопросы, где оба капиталистических грабительских государства все еще сходятся. Но, с другой стороны, мы можем наблюдать, как британские и американские интересы начинают все больше и больше сталкиваться друг с другом. Везде, где происходит борьба за рынки сбыта промышленных изделий, Америка и Англия выступают в качестве конкурентов. Во всех местностях, имеющих значительные запасы сырья, предназначенного для утоления ненасытного аппетита капитализма, идет ожесточеннейшая борьба и соревнование между Америкой и Англией. Это соревнование и борьба обеих империалистических стран свирепствуют везде, где речь идет о ввозе капитала, будь то в отдельных странах и городах, или целых отраслях промышленности.

В то время, как Америка все больше и больше душит Европу, идет семимильными шагами вперед индустриализация Востока. В процессе этой индустриализации рождаются новые сильные буржуазные и широкие рабочие слои. Подымают голову национальные революции (Китай), вспыхивают колониальные войны (Марокко, Сирия), и некоторые конфликты, возникающие между угнетенными народами и империалистскими хищниками, весьма близки к войне (конфликт Турции и Египта с Великобританией).

Советский Союз является большой сияющей звездой на фоне мирового положения. Господство пролетариата в СССР необыкновенно укрепилось в последний год, и нельзя отрицать улучшения условий жизни российских рабочих масс. Строительство социализма делает успехи, и международное признание советских республик подымает их престиж. Во многих странах миллионы безработных пролетариев думают с надеждой о Советском Союзе и требуют от своих капиталистических правительств, чтобы они, предоставив крупные кредиты, сделали возможным вывоз промышленных изделий в Советский Союз и таким образом начали успешную борьбу с безработицей у себя дома.

Капитализм, постепенно спускающийся со своей былой высоты, защемлен в Европе между все еще растущим империализмом Соединенных Штатов, с одной стороны, и уже идущим вверх социализмом Советского Союза, с другой стороны. Мы видим, как по этой причине старые империалистические державы Европы стараются в обоих этих направлениях восстановить свое прежнее неограниченное мировое господство. Первой попыткой в этом направлении было Локарно, и в гарантийном локарнском договоре скрещиваются следующие четыре тенденции:

1) Локарно было заговором против Советского Союза;

2) Локарнский договор означает удар по континентальной гегемонии Франции в пользу Англии;

3) Локарно пыталось взять под свою защиту старые капиталистические интересы путем увеличения степени обеспеченности всех капиталистических инвестиций;

4) Локарно имело, однако, еще и четвертую тенденцию. Оно явилось первым шагом к образованию под руководством Великобритании блока народов-должников, направленного против С.-Американских Соединенных Штатов, этого крупнейшего заимодавца. В связи с Локарно появился даже лозунг Соединенных Штатов Европы, которые бы образовали одно целое на капиталистической основе. Противоречия интересов капиталистических стран (Англия—Франция, Франция—Германия) однако настолько велики, что образование Пан-Европы против пан-американского империализма не возможно на буржуазной основе. Одновременно с этим мы видим, что окончились неудачей и все старания Великобритании создать мировой блок против Советского Союза. Не следует, конечно, думать, что эта опасность уже совершенно миновала, британский империализм, без сомнения, будет продолжать свои попытки в этом направлении и в будущем.

Совершенно новое развитие мы замечаем в целом ряде стран латинской Америки. Американский империализм все больше и больше вытесняет английский империализм из Мексики и из Средне-и Южно-американских стран и постепенно становится неограниченным владыкой огромного американского континента. Это наступление американского империализма должно, однако, непременно дать толчок к революционно-национальной борьбе всех этих народов. Возможно, что в течение этого процесса Мексика начнет играть роль «западного Китая», так как она может стать на Западе таким же опорным пунктом против американского империализма, каковым на Востоке является Китай против империализма Великобритании.

II.

Новые явления в рабочем движении.

Крупные сдвиги в общем мировом положении изменили, разумеется, и лицо рабочего класса. В этой области мы можем констатировать особенно существенные изменения в следующих четырех направлениях:

1. Усиление американской рабочей аристократии и сдвиг американского рабочего движения вправо.
2. Радикализация рабочего движения в Европе.
3. Образование новых рабочих слоев на Востоке.
4. Грозящая опасность расщепления рабочего класса из-за массовой безработицы.

Мощный рост американского империализма дает американскому капитализму возможность подкупить широкие слои рабочего класса всевозможными привилегиями. По этой причине пропасть между рабочей аристократией и настоящим пролетариатом в последние годы еще больше углубилась. Рабочая аристократия чувствует себя заодно с американской буржуазией и относится пренебрежительно к неквалифицированным и плохо оплачиваемым настоящим пролетариям. Это противоречие в среде самого рабочего класса особенно заостряется благодаря тому, что рабочая аристократия состоит из «прирожденных» американцев, говорящих по-английски, в то время, как настоящий пролетариат состоит из рабочих, родившихся вне Америки, говорящих на других языках и принадлежащих 55 различным нациям. Американская федерация труда, эта официальная представительница американского рабочего движения, ведет настолько открыто буржуазную политику, во всех отношениях солидарную с империалистической буржуазией, что в этом отношении с нею даже не может сравниться ни одна социал-демократическая партия Европы. Выкристаллизовалась буржуазная профсоюзная политика. Миллионы необученных рабочих вытесняются из профсоюзов, и место настоящих профсоюзов все больше и больше занимают теперь предпринимательские профсоюзы (компанейские унионы). Движение за рабочую партию потеряло свой массовый характер. Возникает один рабочий банк за другим, и у профсоюзов имеется уже около 40 таких банков с капиталом в полтораста миллионов. Правильнее, однако, будет, если мы скажем, что рабочие-банки завладели профсоюзами, так как боевые фонды последних перешли к рабочим банкам, и они больше не могут служить своим главным боевым целям—поддержке забостовщиков и проч. Эти профсоюзные банки выступают лишь в качестве отделений крупных банков американского финансового капитала, находящихся на Уолл-Стрит. В некоторых отношениях американское рабочее движение находится теперь в таком же положении, в каком находилось английское рабочее движение до конца 90-х годов и до первого потрясения мировой монополии британского империализма.

В Европе мы переживаем совершенно обратное развитие. В последние годы началась сильная радикализация рабочего движения. Важнейшие признаки этого поворота влево таковы:

а) Растущее стремление к профсоюзному единству, продуктом которого является англо-русский комитет профсоюзного единства.

б) Успех рабочей делегации, вернувшейся из СССР.

в) Образование левого крыла почти во всех социал-демократических партиях Европы.

г) Некоторые успехи компартии при разных выборах (в Бельгии, Германии, Чехо-Словакии).

д) Попытки сближения с Коминтерном и Советским Союзом. Упомянем лишь статью Отто Бауэра, в которой он признает рост социализма в Советских Республиках, и предложение английской независимой рабочей партии об об'единении II Интернационала с III.

Причины этого полевения широких слоев рабочего класса Европы вкратце таковы:

во-первых, экономический кризис, свирепствующий почти во всех европейских странах и приносящий с собою повсюду постоянно растущую безработицу;

во-вторых, разочарование широких рабочих масс в буржуазно-социал-демократических коалиционных правительствах. Почти во всех европейских странах рабочие имели возможность убедиться на собственном опыте в предательском характере социал-демократических буржуазных коалиционных правительств;

в-третьих, под'ем Советского Союза показывает на примере возможность не капиталистического, а социалистического выхода из теперешнего хаоса и нужды.

III.

Тактические выводы: ближе к массам для создания более широкого единого фронта.

Расширенный пленум Исполкома Коминтерна должен дать анализ мирового положения, охарактеризовать картину рабочего движения и сделать соответствующие фактические выводы. Основные задачи тактики Коминтерна заключаются в следующем: пошире и покрепче единый фронт, более глубокое проникновение в массы, установление контакта с социал-демократическими рабочими, двигающимися влево.

Коминтерн уже на III своем конгрессе бросил лозунг: «К массам». IV и V конгрессы стояли под знаком единого фронта,

но тактика отдельных секций Коминтерна была до сих пор слишком мало направлена на действительное практическое проведение единого фронта. Можно сказать, что в то время, как Коминтерн провозгласил необходимость единого фронта в мировом масштабе, отдельные секции все еще не заняли правильных позиций в отношении проведения единого фронта. В сущности Великобритания является единственной страной, где тактика единого фронта годами последовательно ведется в широких размерах терпеливо и уверенно и, как показывают результаты, с большим успехом. В последние месяцы и германская компартия начала действительно проводить единый фронт, и ей уже удалось путем давления на социал-демократические рабочие массы и благодаря давлению этих левых пролетарских слоев на официальное руководство социал-демократической партией добиться капитуляции этой крайней правой организации в двух вопросах: социал-демократия не осмелилась вступить в большую коалицию, и была вынуждена выступить сообща с компартией в вопросе национализации имущества бывших владетельных королей и князей. В других странах, однако, тактика единого фронта проводилась до сих пор лишь урывками. Главной задачей расширенного пленума явится критика этих недочетов в деле осуществления тактики единого фронта и проведения единого фронта в массовом масштабе во всех странах.

Все ошибки, сделанные до сих пор, нужно беспощадно бичевать. Недостаточно, если компартии обращаются к руководителям социал-демократических партий и этим ограничиваются, ничего не делая ни в массах, ни в профсоюзах, ни на фабриках. С другой стороны, ошибочна и не верна другая теория, которая говорит о том, что единый фронт можно проводить «лишь снизу», как гласила знаменитая теория группы Рут Фишер—Маслова. Сектантские стремления в компартиях выражаются в своеобразных теориях, которые все приводят к саботажу тактики единого фронта. Надо покончить с теорией Бордига, разрешающего единый фронт с профсоюзами и запрещающего образование единого фронта с политическими партиями, а значит, и с социал-демократией. Необходимо разбить и польскую теорию т. Домского, согласно которой нельзя вступать в переговоры о едином фронте с социал-демократическими партийными вождями, как таковыми, но с которыми можно проводить маневры единого фронта, если они избраны массами в качестве членов парламента или членов городских управлений. Все эти запутанные теории предназначены лишь для замаскирования нерасположения к применению тактики единого фронта. Расширенному пленуму предстоит вскрыть ошибки, заключающиеся в том, что коммунистические партии часто ставят *условием единого фронта* принятие их программы социал-демократическими рабочими; так, например, французская компартия поставила *условием* эвакуацию Марокко и лозунг пораженчества; Лига Пропаганды (организация левого меньшинства американских профсоюзов), являющаяся, таким образом, *организацией единого фронта*, внесла в свою программу пункты о диктатуре пролетариата и поддержке коммунистической партии. Принятие программы компартии не должно быть поставлено условием в самом начале, оно должно явиться естественным результатом применения тактики единого фронта.

Расширенный пленум должен будет выработать *организационные и политические методы для широкого привлечения масс*, поднять уровень политического понимания компартий и углубить их работу в беспартийных организациях единого фронта, в первую очередь, конечно, в профсоюзах, но также и в других организациях, как «Рабочая партия», как общество «Друзей Советского Союза», в «Комитете по плебисциту против возмещения быв. князьям Германии», в комитетах безработных, в движении меньшинства профсоюзов и проч. Индустриализация Востока и появление новых сильных рабочих слоев в Китае, Индии и других, ставят пленум пред рядом новых проблем. Эти новые рабочие слои необходимо вовлечь в международное рабочее движение и вместе с тем нужно разрешить проблему, насколько в этой национально-революционной борьбе гегемония буржуазии благодаря этому процессу уже перешла или переходит к пролетариату.

Второй важной задачей расширенного пленума Исполкома явится интернационализация Коминтерна не только в отношении усиления роли иностранных компартий в руководстве Коминтерном, но и в отношении вовлечения в работу Коминтерна и тех континентов, на которые до сих пор не обращалось достаточного внимания. Мы имеем в виду в первую очередь Индию, Африку и латинскую Америку. В своем первом периоде Коминтерн был интернационалом одних лишь *средне-европейских* партий. В своем втором периоде он стал интернационалом и угнетенных народов Дальнего Востока. В третьем периоде мы должны перенести свое наступление и на *Дальний Запад*. Лишь когда нам удастся стать обоими ногами и на Дальнем Западе, и в Соединенных Штатах, и в латинской Америке, равно как и в Австралии,—мы сможем утверждать, что Коммунистический Интернационал действительно превратился в мировую организацию всемирного пролетариата всех угнетенных народов и всех рас, порабощенных империализмом.

В. Кирпотин.

Старые „категории“ и новая эпоха.

Одним из важнейших вопросов, затронутых последней партийной полемикой, является вопрос о перенесении законов, категорий и положений, имеющих определенное, в марксистской литературе твердо установленное, значение в одной общественной формации—на другую общественную формацию.

Все общественные законы суть законы исторические. Общественные категории суть категории определенного общественного строя. «Капитал» есть прежде всего произведение историческое. Он устанавливает законы развития общества, базирующегося на капиталистическом способе производства.

В такой общей форме все эти положения являются азбукой исторического материализма. Марксизм тем и отличается от буржуазной социологии, что он рассматривает общественные явления строго исторически, в то время как последняя устанавливает законы «абсолютные», «вечные», якобы применимые в любой общественной формации.

Проблема становится сложней, когда мы исследуем вопрос о п е р е х о д е от одного общественного строя к другому. При переходе от одного общественного строя к другому процесс общественного развития имеет скачкообразный, революционный характер. Один класс, обычно, насильственно сменяется другим у кормила власти и общественного руководства. Но Ленин оберегал от вульгарного понимания «скачка»:

«Вся оригинальность переживаемого положения, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противополагать капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок» (некоторые, вспоминая обрывки читаемого у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы»). О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории, и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеют подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не вникали»[1]).

На рубеже старого и нового общественного строя лежит переходный период, в течение которого на ряду с новым продолжает еще существовать и старое. В каком об'еме сохраняется после революции старое, это зависит от степени экономической и иной зрелости страны. В России, при переходе

[1]) Ленин, т. XV, стр. 222.

от капитализма к социализму, старого больше, чем это будет в Англии.

Само «новое» носит на себе отпечаток «старого». Всякий общественный строй носит на себе следы той общественной формации, из которой он возник. Этот закон, установленный Марксом, имеет значение и для капитализма, при всей его чудовищной разрушительной и нивелирующей силе. Достаточно вспомнить различные формы наемного труда в земледелии, выросшие из феодальных форм эксплоатации, на что неоднократно указывал Ленин. Этот же закон в большой степени имеет значение для социализма, вырастающего на плечах капитализма. Наши социалистические предприятия, на данном этапе нашей экономики, сохранили форму капитала, прибыли, заработной платы повременной и сдельной. Некоторые категории нашей экономики восходят не только к капитализму, но и к более ранним периодам.

Но в каждую общественную эпоху формально одно и то же явление имеет или разное значение, или неодинаковый об'ем распространения. Возьмем вопрос о т о в а р е. В к а п и т а л и с т и ч е с к о м обществе производство имеет целью меновую стоимость; оно производит не продукты, а товары, товарообмен же есть о б м е н э к в и в а л е н т о в. При купеческом же капитале «продукты»[1]) принимают форму товаров, а не производство товаров движением последних образует торговлю»[2]). Товарообмен при этом уже не есть обмен эквивалентов: «Дешево купить, чтобы дорого продать—вот закон торговли. Следовательно, это н е о б м е н э к в и в а л е н т о в. Понятие стоимости предполагается при этом постольку, поскольку различные товары все суть стоимость, а потому деньги; качественно все они одинаково суть выражения общественного труда. Но они не равновеликие стоимости. Количественное отношение, в котором продукты обмениваются друг на друга, сначала совершенно случайно. Они принимают товарную форму, потому что они вообще могут обмениваться, т.-е. потому, что они суть выражения одного и того же третьего»[3]).

Иначе, чем при капитализме и чем до капитализма, обстоит дело «после капитализма»,—при диктатуре пролетариата. В «Наказе СТО» Ленин писал: «На вопрос о товарообмене (включая сюда и продуктообмен, ибо г о с у д а р с т в е н н ы й п р о д у к т — п р о д у к т с о ц и а л и с т и ч е с к о й ф а б р и к и, о б м е н и в а е м ы й н а к р е с т ь я н с к о е п р о д о в о л ь с т в и е, н е е с т ь т о в а р в п о л и т и к о - э к о н о м и ч е с к о м с м ы с л е, в о в с я к о м с л у ч а е, н е т о л ь к о т о в а р) должно быть обращено теперь главное внимание всех экономсоветов, всех органов хозяйственного строительства»[4]).

При оценке этого положения Ленина не надо забывать, что оно было сформулировано на первом этапе нэпа, до того, как намеченный вначале натуральный товарообмен сорвался, «сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу». Но не надо и недооценивать этого положения, ибо вопрос шел все же о товаре, об обмене, о товарообмене.

[1]) Курсив, везде, где это не оговорено, наш.
[2]) «К а п и т а л», т. III, ч. 1, стр. 312.
[3]) Ibid., стр. 313.
[4]) Л е н и н, т. XVIII, ч. 1, стр. 211.

Во всяком случае нам важно здесь установить следующие три положения:

1) при капиталистическом способе производства производятся товары, обмениваемые эквивалентно;

2) при до-капиталистических общественных системах, «которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости» (Маркс), т.-е. производство продуктов, продукт становится товаром лишь благодаря торговле; но обмен происходит не эквивалентно; мы имеем дело лишь с процессом превращения производства продуктов в производство товаров;

3) при переходе к социалистическому строю, после завоевания власти пролетариатом, но до установления непосредственно социалистических форм распределения, мыслимо производство «товаров», которые уже не являются вполне товаром «в политико-экономическом смысле». Производство товаров превращается в производство продуктов уже на социалистической общественной базе.

Формально одна и та же общественная категория «товар» имеет разное значение и разный об'ем распространения при разных общественных структурах.

Теоретическому исследователю нужно быть очень осторожным при определении меры значимости одной и той же категории в различных общественных формациях. Нужно уметь не поддаться соблазну простого перенесения категорий из одной среды в другую. Это же требование должно быть пред'явлено и политическому деятелю, который строит политику, исходя подчас от явлений формально одинаковых, но существенно различных.

Имеют ли эти общие замечания значение для понимания недавних споров в партии? Конечно, имеют. Основной, так сказать, методологической ошибкой оппозиции является ее тенденция подходить к нашему строю с той же самой меркой, с какой марксизм подходил к капиталистическому обществу. Находя в нашей «нэповской» России те же формы, те же явления, что и в капитализме, она в общем и целом полагала, что в обществе диктатуры пролетариата, на нашем уровне его развития, эти формы и эти явления имеют то же значение, что и при самом капитализме.

Конечно, возможна и иная ошибка, — вернее та же ошибка, да наизнанку.

Можно себе представить, что кому-либо действительно взбредет в голову поставить знак равенства между нэпом и социализмом. Этим самым он совершенно отказался бы от «родства» с капитализмом, от понятия переходного периода, от применения — пусть в измененной и не всеобщей форме — но все же капиталистических категорий для уразумения наших теперешних отношений. Соответственным образом, такой подход и отразился бы на его тактике. Оппозиция и пыталась приписать эту ошибку ЦК, выдвигая фактически против ЦК необоснованное и беспредметное обвинение в «идеализации нэпа».

Подойдем, однако, с этой стороны к ошибкам оппозиции. Тов. Зиновьев в своей книге «Ленинизм» неоднократно цитирует Ленина, неоднократно же напоминавшего, что на почве свободной торговли растет и нарождается вновь и вновь капитализм. Цитируя, автор очень часто опускает те места, которые

не укладываются в его схему, но которые, однако, имеют непосредственнейшее отношение к делу.

«Новая экономическая политика означает замену разверстки налогом, означает переход к восстановлению капитализма в значительной мере... Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти. Эта самая основная экономическая азбука, преподаваемая в начатках экономической науки»[1]).

Эту цитату из соч. Ленина т. Зиновьев приводит не целиком. В середине ее, там, где у Зиновьева поставлено многоточие, у Ленина идет еще следующая фраза: «В какой мере этого мы не знаем»[2]). Дальше идет о концессиях. Если цитировать не весь абзац, то многоточие надо было ставить обязательно после, а не до только что приведенных слов, ибо они имеют существенное значение для выяснения проблемы о росте капитализма из свободной торговли.

Дальше — в следующем абзаце, из которого т. Зиновьев приводит опять-таки только начальную фразу, у Ленина мы читаем следующее место: «И вопрос коренной состоит, с точки зрения стратегии, в том, кто скорее воспользуется этим новым положением (в это «новое положение» — ясно, как божий день, входит и свобода торговли. *В. К.*). Весь вопрос, за кем пойдет крестьянство — за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество, или за капиталистом, который говорит: «повернем назад, так оно безопаснее, а то еще какой-то социализм выдумали»[3]).

Тов. Зиновьев приходит к выводу, что свобода торговли вообще ведет к капитализму, по отношению к которому, естественно, встает задача его регулирования: «Но столь же бесспорным для нас должно быть и то, что этим (концессиями и арендой. *В. К.*) не исчерпывается государственный капитализм, что нельзя забывать о свободной торговле, о ее формах, о планировании и распределении, о возрастании капитализма из индивидуальных хозяйств. Нельзя забывать, что все это, поскольку оно подчинено контролю государства, — все это Владимир Ильич называл государственным капитализмом, называл условно, добавляя, что это — своеобразный государственный капитализм...»[4]). Несколько раньше, в том же содокладе, т. Зиновьев говорит: «...Забывают такую «мелочь», как свобода торговли, как существующая у нас форма распределения и потребления, как неизбежное нарастание капитализма из индивидуального крестьянского хозяйства»[5]).

Свобода торговли, индивидуальное крестьянское хозяйство дает капитализм — и только капитализм. Вот что хочет сказать т. Зиновьев. Где есть рынок, торговля, хотя бы торговали между собой социалистические фабрики, или социалистическая фабрика с простым товарным хозяйством — там мы имеем дело в лучшем случае с госкапитализмом. Таковы были взгляды оппо-

[1]) Зиновьев, «Ленинизм». Изд. 2, стр. 213.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 371.
[3]) Ibid.,
[4]) Бюллетень XIV партс'езда, № 3, стр. 17.
[5]) Ibid., стр. 10 и 13.

зиции—т. Зиновьева и всей его «школы»—т.т. Сафарова, Залуцкого, Глебова-Авилова и т. д. Соответственные места из произведений этой «школы» приводились так часто и на с'езде и в нашей печати, что я не буду вновь утомлять читателя выдержками.

Сверим, однако, эти взгляды на торговлю с взглядами Маркса.

Капиталистический способ производства «предполагает в качестве своего базиса прежде всего товарное обращение». Товарное обращение и вырастающий на почве товарного обращения торговый капитализм являются «исторической предпосылкой для развития капиталистического способа производства»: 1) как предварительное условие концентрации денежного имущества и 2) потому, что капиталистический способ производства предполагает производство для торговли, сбыт в крупных размерах и не отдельным покупателям»...[1]).

Однако, «денежное и товарное обращение может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости»[2]).

Было бы вульгарным извращением марксизма ставить вопрос таким образом, будто в некапиталистической среде торговля никак не влияет на окружающие общественные отношения. «Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги в мировые деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительную стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т.-е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, но от характера самого старого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены, кроме развития торгового капитала, еще совершенно иными обстоятельствами.

«Такова природа дела, что, как только городская промышленность, как таковая, отделяется от земледельческой, ее продукты

[1]) «Капитал», т. III, ч. 1, стр. 311.
[2]) Ibid., стр. 312.

с самого начала являются товарными, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Таким образом, связь торговли с городским развитием и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлею понятны сами собой. Но насколько рука об руку с этим идет промышленное развитие, это в большей мере зависит здесь от других обстоятельств. В древнем Риме уже в позднейший республиканский период купеческий капитал достиг, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии, более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире; между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промышленности. С другой стороны, в прямую противоположность развитию городов и его условиям, торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам»[1]).

Революция в торговле, ее огромное расширение после великих географических открытий XVI и отчасти XVII века сыграли переломную роль в развитии европейского капитализма. Однако, Маркс прямо предупреждает от поспешных выводов в стиле «торговля равна капитализму»:

«Не подлежит никакому сомнению—и именно этот факт привел к совершенно ошибочным взглядам,—что великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках после географических открытий и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система,—все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. Между тем современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде, развивался только там, где условия для этого создались еще в средние века. Стоит сравнить, например, Голландию с Португалией. А если в XVI и отчасти еще в XVII столетии быстрое расширение торговли и создание нового мирового рынка оказали подавляющее влияние на падение старого и на под'ем капиталистического производства, то это, напротив, произошло на основе уже созданного капиталистического способа производства»[2]).

Что следует из этих обширных выписок из Маркса? В капиталистическом обществе торговля есть только момент в совокупном процессе общественного производства. «Товарно-торговый капитал, поскольку и пока он существует в форме товарного капитала,—с точки зрения воспроизводства всего общественного капитала,—очевидно, есть не что иное, как еще находящаяся на рынке, проходящая процесс своих метаморфоз часть промышленного капитала, которая теперь существует и функционирует, как товарный капитал»[3]).

[1]) «Капитал», т. III, ч. 1.
[2]) Ibid., стр. 317.
[3]) Ibid., стр. 257.

«Купеческий капитал есть не что иное, как капитал, функционирующий в сфере обращения. Процесс обращения есть фаза всего процесса воспроизводства» [1]).

В этом случае торговля оказывает то же действие, что и вообще капитализм. В своем победном шествии по лицу земного шара она едкой щелочью в'едается в докапиталистические общественные формации и преобразует их по образу и подобию бога капитала.

Рынок, торговля образует основу для триумфального шествия промышленного капитализма. С другой стороны, имманентная для последнего необходимость производить в прогрессивно увеличивающемся масштабе ведет соответственно к расширению рынка, к росту торговли. Все некапиталистические общественные уклады, попадающиеся в зубцы этого неумолимого механизма, или должны соответственно изменить свой облик, или беспощадно сметаются с поверхности подлунного мира, где все, как известно, «к лучшему». Но этот закон, обязательный для торговли, когда она является моментом в общем процессе капиталистического воспроизводства, теряет свое всеоб'емлющее значение во внекапиталистическую эпоху.

Ленин, устанавливая в конце XIX века факты, говорившие о развитии капитализма в России, отнюдь не аргументирует, исходя от торговли «вообще». Он ссылается на только что приведенные места из Маркса [2]), из которых делает вывод:

«Следовательно, в применении к России следует разрешить вопрос: связывается ли у нас торговый и ростовщический капитал с промышленным (капиталом. *В. К.*), ведет ли торговля и ростовщичество, разлагая старый способ производства, к замене его капиталистическим способом производства или каким-либо иным? Это — вопросы факта, вопросы, которые должны быть разрешены по отношению ко всем сторонам русского народного хозяйства» [3]).

Таким образом, ленинская методологическая установка вопроса о том, куда ведет развитие торговли, не абстрактна, исторически конкретна («вопрос факта»). Куда ведет торговля?—этот «вопрос факта» Ленин ставит и решает при этом «по отношению ко всем сторонам народного хозяйства».

Можно ли после этого приписывать Ленину точку зрения, будто бы где торговля, там и капитализм? Эта точка зрения абсолютно верна для капитализма. Но мы в наше время, в СССР живем не в капитализме, как господствующем строе. Еще не в социализме,—но между нами и прошлым лежит Октябрь со всеми его завоеваниями. Мы живем в строе переходном, уже ином по отношению к капитализму. И в нашей общественной среде те законы и категории, которые мы унаследовали от прошлого, не могут не иметь иной об'ем, иное значение, иное применение. Наша задача—конкретно исследовать вопрос о том, как развивается торговля у нас, в каких случаях и к чему она ведет, а не повторять по-попугайски заученные и не понятые якобы марксовы «универсальные» законы.

Абсолютно верным, самой основной экономической азбукой является положение, «что на почве этой свободной торговли (у нас) капитализм не может не расти». Устанавливая это положение, Ленин, однако, как мы видели выше, тут же ставит и ограничительный предел для него. «В какой мере—этого мы не знаем». «Не знаем»—потому что мы только что открыли двери этой свободной торговле, но у нас мера этому все же есть. И мера эта не совпадает с мерой роста капитализма из «всякой» торговли. Иначе был бы бессмыслен лозунг Ильича «учитесь торговать».

XIII с'езд РКП дал директиву передвинуть границы между государственной и частной торговлей в нашу пользу. А XIV с'езд установил, что партия в этом направлении одерживает первые успехи, что доля частной торговли—пока еще только относительно—стала в общей сумме нашего товарооборота падать. Не доказывает ли это, что мы начинаем уже не только «знать», но и устанавливать «меру» роста капитализма из торговли (конечно, только начинаем)?

Ленин там же устанавливает основной вопрос нашей стратегии—добиться того, чтобы крестьянство на почве этой свободной торговли пошло не за капиталистическим производством, которому мы разрешаем восстанавливаться (опять-таки в известных пределах), а за пролетариатом, стремящимся построить социалистическое общество. Этого, опять-таки, мы достигнем развитием нашей социалистической промышленности, ведущей к социализму за собой миллионы крестьянских хозяйств. Сейчас, на долгий еще срок, наша промышленность смыкается с крестьянским хозяйством посредством торговли. «Торговля,—говорит Ленин,—вот то звено в исторической цепи событий, в переходных формах нашего социалистического строительства, за которое надо всеми силами ухватиться нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко ухватимся, мы всею цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка».

Неправильный методологический подход, немарксистское, недиалектическое, механическое перенесение законов, свойственных одной общественной среде, в среду инородную не дает возможности нашей оппозиции уразуметь и ленинскую постановку вопроса о кооперации для нашего строя, для нэповской, но все же не «нэпмановской», не капиталистической, не буржуазной России.

Нет никакого сомнения, что для буржуазного ума явится неразрешимой загадкой сопоставление того, что Ленин писал про кооперацию в 1903 году, с его предсмертной статьей «О кооперации»:

«Сторонники буржуазии носятся, как с писанною торбой, со всякими кооперациями (союзами для дешевой закупки и выгодной продажи). Находятся даже люди, которые называют себя социалистами-революционерами» и даже кричат вслед за буржуазией, что всего нужнее крестьянину—кооперация. Начинают заводить всякие кооперации и у нас в России, но у нас еще очень мало их, и до тех пор будет мало, покуда не будет политической свободы. А вот в Германии есть очень много всяких кооперации среди крестьян.

«Посмотрите, кому больше всего помогают эти кооперации. Во всей Германии 140 тысяч сельских хозяев участвуют в това-

[1]) Ibid., стр. 262.
[2]) Ленин, т. III, стр. 138.
[3]) Ibid., стр. 139.

риществах для сбыта молока и молочных продуктов, и у этих 140 тысяч хозяев (мы берем опять круглые цифры для простоты) 1.100 коров. Бедных крестьян считают во всей Германии четыре миллиона. Из них только 40 тысяч участвуют в товариществах. значит, из каждой сотни бедняков только один пользуется этими кооперациями. Коров у этих 40 тысяч бедняков всего только 100 тысяч. Далее, средних хозяев, средних крестьян—один миллион; из них 50 тысяч участвуют в кооперации (значит, пять человек из сотни) и коров у них 200 тысяч. Наконец, богатых хозяев (т.-е. и помещиков и крестьян вместе) одна треть миллиона; из них участвуют в кооперации 50 тысяч (значит, семнадцать человек из каждой сотни!) и коров у них 800 тысяч.

«Вот, кому помогают, прежде всего, и больше всего все кооперации. Вот как водят за нос мужика люди, которые кричат о спасении среднего крестьянина всякими подобными союзами для дешевой покупки и выгодной продажи. Уж очень дешево хочет буржуазия «откупить» мужика от социал-демократов, которые зовут и бедноту и среднего крестьянина на свою сторону!

«У нас тоже заводят разные сыроваренные артели да сборные молочные. У нас тоже сколько угодно имеется людей, которые кричат: артели да мирской союз, да товарищества, вот что мужику надобно. А посмотрите-ка, кому эти артели, да товарищества, да мирские аренды идут на-руку?

«У нас из каждой сотни дворов не меньше двух десятков вовсе не имеют коров; три десятка имеют по одной корове: эти продают молоко из горькой нужды, дети остаются без молока, голодают и мрут, как мухи. Богатые же мужики имеют по 3, по 4 коровы и больше, и у этих богатых мужиков половина всех крестьянских коров. Кому же на пользу идут сыроваренные артели? Ясное дело, что, прежде всего, помещикам и крестьянской буржуазии. Ясное дело, им выгодно, чтобы средние крестьяне и беднота тянулись за ними, чтобы средством избавления от нужды считали не борьбу всех рабочих со всей буржуазией, а стремление отдельных хозяйчиков выкарабкаться из своего положения и пролезть в богатеи.

«Это стремление поддерживают и поощряют на все лады все сторонники буржуазии, прикидываясь сторонниками и друзьями мелкого крестьянина...»

(Из брошюры «К деревенской бедноте», т. IX, стр. 342).

Что случилось? Как связать эту категорическую и не допускающую никаких сомнений постановку вопроса с другой, тоже весьма недвусмысленно выраженной точкой зрения, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом», «что простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма»?

Конечно, с Лениным-то ничего не случилось, он как был гениальным диалектиком-материалистом, так и остался им до самого конца своих дней. Но время утекло, сама действительность изменилась, а азбукой для марксиста является положение, что каждая полоса истории имеет свои, ей одной свойственные исторические законы.

Кооперация—формально одно и то же явление—имеет при капитализме и при диктатуре пролетариата диаметрально противоположное значение.

Мы нарочно выписали такой большой отрывок из ленинской работы 1903 года, чтобы показать как Ленин ставил вопросы. Из кооперации, как и из торговли, не как из голой формы вообще, следуют те или иные последствия. Все это зависит от той конкретной исторической среды, в которой действует кооперация, от того, какое об'ективное историческое содержание наполняет эту форму, а это содержание в итоге определяется характером всего общественного строя в его развитии и тем, что хочет (и что может, конечно) господствующий класс.

Тов. Зиновьев считает нашу кооперацию, строящуюся (хотя еще и не построенную до конца) по ленинскому плану—госкапитализмом: «Здесь (в ст. «О кооперации») нет никакого противоречия с тем, что сказано в «Продналоге» о кооперации, как виде «государственного капитализма». Ведь и государственный капитализм есть у нас дорога к социализму. Ведь и о государственном капитализме в пролетарском государстве Ленин говорил, что это «три четверти» социализма» [1]). «Брошюра «О продналоге», которую мы цитировали выше, и «Запись из дневника» о кооперации представляют во всем основном одну логическую вещь» [2]).

Это совершенно верно, что «Запись из дневника» о кооперации и брошюра «О продналоге» представляют во всем одном одну логическую цепь. Только логика этой цепи есть ленинская, диалектическая логика. Эта логика знает закон качественных изменений. В статье «О продналоге» в 1921 году Ленин говорит о государственном капитализме, как об основном и важнейшем укладе в нашем строе, укладе, составляющем для нас «основное звено». В общей связи с этой ролью госкапитализма он рассматривает и кооперацию, говоря о «кооперативном капитализме», о том, что она «неизбежно порождает мелко-буржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию» [3]). Кооперация, смыкающаяся с городским государственным капитализмом, конечно, сама остается видом государственного капитализма.

На ряду с этим, однако, в брошюре «О продналоге» есть нити, прямо связывающие ее со статьей «О кооперации» в смысле трактовки вопроса о социальной природе кооперации. В «Продналоге» подчеркивается, что кооперация «облегчает об'единение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно», что кооперативная политика «дает нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного об'единения».

Но только в статье «О кооперации», после того, как концессии не получили того развития, как это предполагалось, после того, как наметились первые хозяйственные успехи нашей государственной промышленности на рельсах нэпа—только после этого Ленин заговорил о «совершенно исключительном значении» кооперации, о принципиальном значении третьего вида предприятий,—кооперативных, раньше не имевших самостоятельного значения. Ленин написал о коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм, о

[1]) Зиновьев, «Ленинизм», стр. 253.
[2]) Там же, стр. 227.
[3]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 219.

кооперативном социализме, а не кооперативном капитализме, о совпадении в нашем строе, при нащих условиях сплошь да рядом кооперации с социализмом. Вопрос о кооперировании крестьянства стал центральным с точки зрения социалистической эволюции крестьянства, вырос в задачу, в план конкретного осуществления еще в «Продналоге» теоретически намеченной возможности:

«Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния (патриархальщины. *В. К.*) к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и должно), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму, или почти не потребуется» [1]).

Вот в этом контексте последняя работа Ленина, хотя и вырастает диалектически из его предшествующих работ, является принципиально новым обогащением марксизма. Она является новым завоеванием марксистской науки, а т. Зиновьев в своих формулировках, замазывая это, тянул нас назад. В своем дневнике, в нескольких страницах, Ленин дал новый вклад в нашу теорию, сформулировав в первый раз с такой ясностью то значение, которое приобретает кооперация, для некапиталистической эволюции к социализму докапиталистического хозяйства при диктатуре пролетариата, при строящемся социализме.

Это новое слово марксистско-ленинской теории отнюдь не имеет только чисто русское значение. Это есть столбовая дорога к социализму для мировой—азиатской и вообще колониальной, в первую голову—деревни при диктатуре пролетариата в «метрополиях», при строящемся социализме в мировом городе.

«Можем ли мы признать правильным утверждение,—говорил Ленин,—что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса? Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно предполагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только вести пропаганду за организацию крестьянских советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [1]).

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 222.

Когда настанет день конкретного выполнения этой, стоящей пока только теоретически задачи, ленинский план кооперирования пригодится всему мировому пролетариату и будет осуществлен в величайших размерах. Пригодится он и в тех развитых капиталистических странах, где все еще есть мелкое крестьянство.

Чтобы показать, как новое слово в теории, вырастая из предшествующего развития этой же теории, все же может быть принципиально новым, вспомним постановку у Ленина вопроса о наших взаимоотношениях с крестьянством. Со всем крестьянством против царя и помещика, с пролетарским и полупролетарскими слоями крестьянства против капиталиста и кулака. Таково содержание двух первых лозунгов Ленина о крестьянстве. А на VIII с'езде он провозгласил союз с середняком для социалистического строительства. Вытекает этот третий лозунг из первых двух? Да, вытекает. Составляют ли они «одну логическую цепь», как выражается т. Зиновьев? Да, составляют. Но можно ли ограничиться «только» такой характеристикой этого третьего лозунга? Нет, на основе всего прошлого развития нашей тактики мы имеем в третьем лозунге новое, принципиально важное, достижение большевизма. Так и с кооперацией.

В той тщательности, с какой т. Зиновьев заботился о том, чтобы кто-либо как-нибудь не «противопоставил» «Продналог» статье «О кооперации», в многократном подчеркивании того, что в последней мы имеем «только» развитие взглядов первого, кроется на деле непонимание, недооценка ленинского кооперативного плана, игнорирование того, какую невиданно-огромную новую роль начинает играть эта старая форма в новых общественных условиях.

Марксизм обогатился, новое возникло в нем, и эта не иссякающая способность марксизма теоретически осмысливать новую действительность, по-новому подойти к старому по внешности явлению, форме, помещенной в иную социальную среду, является одним из признаков его величайшей жизнеспособности. Не уметь так воспринять марксизм—значит превратить его из руководства действием в мертвую догму.

Указания, что при пролетарской диктатуре «целый ряд вопросов не может стоять так, как он стоит для пролетариата в буржуазном обществе» [2]), деланные не раз т. Бухариным, вызвали по его адресу со стороны оппозиции обвинение в левой эсеровщине, струвистском извращении марксизма и во многих других «хороших вещах». Многие помнят печально-знаменитую статью т. Вардина в старой «Ленинградской Правде» (18/XII—25): «Родственный лево-эсерам «левый коммунизм» в рядах нашей партии фактически сохранился, он имеет во главе старых вождей—против них необходима старая ленинская большевистская (во, как! *В. К.*) борьба». В ней же и «перлы», направленные по адресу ЦК, об отражении «кулацко-нэпмановской идеологии». Это был голос наиболее визгливый, но отнюдь не одинокий.

[1]) II конгресс Ком. Интерн. Стеногр. отчет. Речь Ленина по национальн. вопросу, стр. 119.

[2]) Бухарин, «К вопросу о троцкизме», стр. 146.

Между тем т. Бухарин совершенно правильно напоминал, что при диктатуре пролетариата Ленин говорил не только о классовой борьбе, но и о классовом сотрудничестве (в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин»). Выводы, которые делал из этого тов. Бухарин, также совершенно правильны: «Генеральная линия пролетариата при капитализме—это линия на взрыв общественного целого, на раскол общества, на разрушение государства. Генеральная линия пролетариата при его диктатуре—это линия на укрепление общественного целого, линия против раскола общества, линия за упрочение государства (до той фазы, когда начнется «отмирание» его). При капитализме пролетариат—за революцию против данного порядка вещей. При пролетарской диктатуре рабочий класс—за эволюционное движение к коммунизму, ибо государство пролетариата не разрушается, а «отмирает». При капитализме пролетариат стоит за гражданскую войну внутри общества. При своей собственной диктатуре, при ее укреплении, он за гражданский мир. Он карает за нарушение этого гражданского мира» [1]).

Тов. Бухарин говорит об общей стратегической линии пролетариата в классовой борьбе при диктатуре пролетариата. Он предупреждает, что, «разумеется, было бы глупейшей маниловщиной и сентиментальным отрицанием марксизма, если бы мы это будущее целиком перенесли в настоящее и проглядели классовую борьбу теперь, различные формы классовых трений между рабочими и крестьянами, дифференциацию внутри крестьянства и проч.» [2]).

Теоретически т. Бухарин поставил вопрос вполне по-марксистски. Классовая борьба до диктатуры пролетариата и при ней протекает различно, и линия партии в отношении этого существеннейшего вопроса не может этого не учитывать. А тов. Сафаров в своей хорошо известной читателям «Большевика» трактовке «высших и низших форм борьбы» проповедует мораль, смысл которой сводится к тому, что нэп хотя и всерьез и надолго, но не навсегда, что когда подоспеют резервы с Запада, мы сменим «низшие» нэповские формы борьбы на новое октябрьское наступление. Вместо конкретно-исторического анализа изменившейся обстановки и изменившихся задач мы видим шаблонерское натаскивание «универсальных» схем на живую действительность. Ошибка и здесь лежит по той же линии, в непонимании диалектики общественного развития.

Ларинская «вторая» революция логически увязывается с сафаровской трактовкой (и с трактовкой тов. Зиновьева) нашей современной классовой борьбы в деревне, точно так же, как сафаровские «высшие и низшие» формы борьбы базируются на определении нэпа, как только отступления.

Сопоставляя с этим точку зрения т.т. Каменева и Зиновьева на решения XIV конференции, как на уступку кулаку, мы находим в этом подтверждение тому, что ошибка их состоит в перенесении дореволюционных перспектив на наше общественное развитие: конец отступления будет каким-то изломом в нэпе, переходом к «высшим формам борьбы» с нашей стороны, будет новым революционным походом на кулака, от которого мы сейчас лишь откупаемся уступками, будет новой, при нашей власти, от нас исходящей, волной гражданской войны в деревне.

[1]) Ibid., стр. 146.
[2]) Ibid., стр. 150.

Свой подход к нашей советской общественной и экономической организации с тем же самым аршином, с каким марксисты подходят к капиталистическому обществу (не в смысле метода, конечно, а в смысле недиалектического механического перенесения категорий и лозунгов из одной общественной среды в другую) оппозиция срезюмировала, определив весь наш строй, в том числе и нашу госпромышленность, как госкапитализм.

В этом определении сказалась своеобразная фетишизация капиталистических форм (торговля, зарплата и пр.), которая закрыла от взора т.т. из оппозиции изменившееся социальное содержание, стоящее за старыми, взятыми от капитализма, формами.

Однако, нужно же было об'яснить своеобразие нашего госкапитализма, нужно же было отгородиться от меньшевиков и прочей белой компании, которая без обиняков говорит о советском капитализме. Т.т. из оппозиции стали искать особенности нашего госкапитализма в том, что это... капитализм без капиталиста, без эксплоатации, даже вовсе без капитализма. Эта премудрость была из среды оппозиции провозглашена, однако, не только косвенно, а так-таки прямиком, без всяких обиняков [1]).

«Государственный капитализм,—писал Ленин,—это тот капитализм, который мы сумеем ограничить... Государственный капитализм—это тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки»... (из доклада на XI с'езде, т. XVIII, ч. 2).

Говоря о госкапитализме, Ленин, конечно, имел всегда в виду и персонально суб'екта капиталистической эксплоатации—капиталиста. О том, что в концессии, аренде, подконтрольном предприятии и торговом заведении, в смешанном обществе,—что во всех этих разновидностях госкапитализма есть капиталист, не требуется и доказывать. Но когда Ленин говорил, в 1921 году, о кооперации, как о «простом, менее отчетливом, более запутанном» виде госкапитализма, он прямо пальцем указывал на «персону»,—на капиталиста: «Кооперация мелких товаропроизводителей (о ней, а не о рабочей кооперации идет здесь речь, как о

[1]) Например, тов. Горшенин в «Ленингр. Правде», от 19 декабря 1925 г., обрушивается на слова т. Бухарина о том, что «госкапитализм при пролетарской диктатуре—это все-таки капитализм», а «капитализма без капиталиста быть не может».

«Что сущность капитализма при диктатуре пролетариата заключается не в том, что это капитализм,—пишет т. Горшенин,—можно «ясно видеть» из доклада Ленина, где он говорит о «мелких крестьянских шахтах, которые стали сдаваться в аренду. Мы видим развитие отношений государственного капитализма» на этих шахтах, говорит Ленин».

«Спрашивается,—заключает т. Горшенин,—есть здесь капиталистическое отношение, «эксплоатация», которая, по Бухарину, является главным признаком государственного капитализма? А, ведь, здесь идет речь как раз о крестьянах-некапиталистах, больших или маленьких, все равно арендующих шахты у государства. По Ленину—эксплоатации нет, но отношение государственного капитализма есть, потому что остаются товарно-денежные отношения».

Что в лето от Рождества Христова 1925 находятся в коммунистической партии чудаки, которые, вслед за блаженной памяти народниками, вновь по-народнически толкуют крестьянские «промыслы», от этого приходится только разводить руками. Почему т. Горшенин полагает, что арендаторами национализированных мелких крестьянских шахт являлись обязательно крестьяне-некапиталисты?

преобладающем, о типичном в мелко-крестьянской стране) неизбежно порождает мелко-буржуазные капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду»[1]).

Государственный капитализм без капитализма, капитализм без капиталиста является изумительнейшим порождением оппозиционной фантазии. Конечно, и государственный капитализм видоизменяет свое значение в зависимости от характера общественного строя. В государстве капиталистическом госкапитализм усиливает капитализм, усиливает капиталистов, отягчает эксплоатацию, ухудшает условия продажи рабочей силы, несмотря на то, что он является важнейшей предпосылкой для осуществления социализма. В пролетарском государстве госкапитализм ставится под контроль пролетариата, эксплоатация в нем ограничивается, урезывается, он усиливает, в конечном счете, не капитализм, а социализм, ускоряет его строительство, облегчая учет и контроль, увеличивая производительные силы в стране. В последнем заключается его особенность, а вовсе не в том, что он без капитализма и капиталиста.

Оппозиция не умеет понять своеобразия нашего строя. Она подходит к нему не диалектически, без марксистского конкретного анализа этого своеобразия, что ведет к слепому перенесению категорий капиталистических, в неизмененной форме и степени, в иную, еще не социалистическую, но уже переходную и уже в значительной части некапиталистическую среду. Этим самым она искажает и Ленина, ибо величие ленинского гения состояло не в доктринерском восприятии марксизма, а в конгениальной диалектической ориентировке, с помощью метода марксизма, в новых условиях новой действительности.

Спору нет, торговля в СССР еще порождает весьма и весьма капиталистические отношения, спору нет—за ленинский путь кооперативного строительства надо еще много и упорно бороться, классовая борьба и в весьма острых формах является пока еще неот'емлемой принадлежностью нашего советского строя, госкапитализм нам еще весьма и весьма пригодится в деле строительства социализма и т. д. Но все эти формы и категории имеют не то значение и не тот об'ем действования, как это было до пролетарской революции.

Не понимать этого, значит не понимать того, что произошло в октябре 1917 года.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 219. «О продналоге».

М. Рютин.

О лозунге равенства.

I.

В тактике и стратегии коммунистической партии правильность даваемых лозунгов играет огромную роль. Дать правильный лозунг—значит успешно мобилизовать массы вокруг той или иной ближайшей или отдаленной, частной или общей, основной или второстепенной задачи. И, наоборот, дать ошибочный лозунг—значит дискредитировать партию, значит внести разброд в массы.

Мы боремся за ниспровержение капитализма, за пролетарскую диктатуру, за коммунизм,—это наши постоянные лозунги, содержащиеся в программе партии. Они ясны для каждого большевика.

Но в тактике может итти речь о том, чтобы в один момент тот или иной лозунг особенно выпятить, сделать его ударным, стержневым, в другой—несколько отодвинуть назад, поставив на его место следующий. Здесь уже возможны некоторые тактические промахи.

Но в практической политике, кроме этих лозунгов, нужны еще лозунги частные, касающиеся того или иного политического события, текущего политического момента или данного исторического этапа. Здесь ошибки встречаются очень часто. Тем больше мы должны учиться давать такие лозунги. Тем больше внимательности должно быть проявлено при их выработке.

К каждому лозунгу мы должны пред'являть ряд требований.

Во-первых, лозунг должен быть дан своевременно. Раннее появление лозунга для борющейся партии может принести отрицательные результаты. Позднее—может сделать лозунг ненужным, пустым, бездейственным и даже вредным.

Во-вторых, лозунг должен быть ясен. Он не должен допускать двоякого толкования. Ленин еще в 1905 году говорил: «Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги».

Ленин подчеркивал: «Партия борющегося класса должна при всех этих спорах не упускать из виду необходимости совершенно ясных, не допускающих двух толкований, ответов на конкретные вопросы нашего политического поведения: да или нет, делать ли нам теперь же, в данный момент, то-то или не делать».

В-третьих, каждый лозунг должен строиться на учете всей данной экономической и политической обстановки, он должен исходить из общих тактических задач и строиться на основе всей партийной стратегии.

Или иначе, как Владимир Ильич пишет: «Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей со-

вокупности особенностей определенного политического положения». (Ленин, том XIV, «К лозунгам»).

С таким же мерилом мы, несомненно, должны подходить и к лозунгу «равенство», выдвинутому в печати перед XIV с'ездом нашей партии.

По ряду причин на анализе и раз'яснении этого лозунга мы должны остановиться особенно подробно.

Уравнительные тенденции у нас, несомненно, имеются и у части (неквалифицированной) рабочего класса, они имеются и в деревне у известной части деревенской бедноты, они захватывают иногда и отдельные группы членов партии.

Затем, в данный момент, мы констатируем огромную активность не только у рабочего класса, а в деревне у бедняков и середняков, но и у враждебных нам социальных прослоек. Поэтому нам сейчас надо строго учитывать, что неправильный лозунг, или даже просто неясный, будет вышеназванными враждебными элементами использован в своих классовых целях.

Наконец, необходимо иметь в виду, что лозунг равенства выдвинут был теперь, как равноценный лозунг борьбы за социализм, за коммунизм. Именно такое толкование дала ему оппозиция. Здесь мы, таким образом, имели тенденцию заменить наш старый, испытанный, ясный лозунг—лозунг борьбы за социализм—новым, якобы не менее для нас приемлемым.

Отсюда вытекает настоятельная потребность разобраться и в проблеме равенства и в лозунге равенства.

II.

Нас здесь ни в какой мере не может интересовать философско-психологическая постановка проблемы равенства. Нам нет надобности заниматься дюринговским «равенством двух человеческих воль», общей человеческой «суверенностью индивидуума» и тому подобными идеалистическими бреднями.

Нас интересует общественно-политическое содержание понятия равенства. И постановка вопроса для нас важна именно в данной плоскости. Выяснение этой стороны содержания понятия равенства определит и ценность лозунга равенства, как нашего коммунистического лозунга.

Энгельс в своем «Анти-Дюринге» по вопросу о равенстве пишет:

«Представление о том, что все люди, как люди, имеют между собой нечто общее и, насколько простирается это общее, равны меж собой,—это представление, разумеется, очень старо. Но от этого представления совершенно отлично современное понятие о равенстве, которое непосредственно соединяется с требованиями равенства социального и политического положения всех людей, по крайней мере, всех граждан одного государства или всех членов одного общества. Для того, чтобы из первобытного представления об относительном равенстве выработалось новое понятие о равноправии в государстве и обществе и оно стало казаться чем-то естественным, само собою разумеющимся, человечеству потребовались целые тысячелетия».

Из сказанного видно, что общественно-политическое содержание понятия равенства не было неизменно. Оно менялось вместе с изменением самой классовой природы и экономики человеческого общества.

В древнейших общинах говорилось лишь в лучшем случае о равноправии членов общины, исключая отсюда чужестранцев, рабов и женщин.

У греков неравенство в общественных и экономических отношениях играло еще большую роль. Там даже самая мысль о том, что греки и варвары, свободные и рабы могут быть в политическом отношении равными—должна была казаться безумной. Там в сознании свободных греков и римлян (у последних на первой стадии их развития) понятие равенства имело только один смысл—равенство рабовладельцев. И, наоборот, в сознании рабов понятие равенства должно было означать уничтожение рабской зависимости и самого рабства.

Для рабовладельческой эпохи последнее содержание в понятии равенства было наиболее революционным и наиболее прогрессивным.

Для эпохи феодализма, поскольку мы там встречаемся с лозунгом равенства (например, в Великой крестьянской войне в Германии), об'ективно-революционное содержание этого лозунга сводилось к уничтожению феодального гнета и к освобождению от вассальной зависимости.

Затем, «феодальное средневековье» «воспитало в своей среде тот класс, который был призван впоследствии сделаться носителем современного требования равенства, а именно буржуазию» (Энгельс).

В этой эпохе капиталистического развития и буржуазного господства лозунг равенства нашел свое наиболее блестящее теоретическое обоснование у Жан-Жака Руссо, а свое практическое применение, наиболее яркое, наиболее последовательно-буржуазно-революционное в самой Великой Французской Революции.

Учение Руссо о «происхождении и причинах неравенства между людьми» и его «общественный договор», заключает в себе, в форме внешнего радикализма этих произведений, вдохновенную песнь буржуазному равенству. Несмотря на то, что Руссо принадлежат знаменитые слова: «Первый кто огородил клочок земли и сказал «это мое»—был виновником неравенства»,—Руссо, тем не менее, не только не был противником частной собственности, но, наоборот, ее сторонником. Его последователи и, в частности, Робеспьер, частную собственность точно так же считали неприкосновенной. Именно поэтому учение Руссо о равенстве не выходит из рамок буржуазного господства, именно поэтому его учение о равенстве было революционным требованием буржуазии, переведенным на философский язык французских просветителей.

На какой почве этот лозунг равенства тогда базировался? Государственная система оставалась тогда еще феодальной, тогда как общественные отношения становились все более и более буржуазными. Развивавшаяся промышленность и торговля, как внутренняя, так и международная, требовали и «свободных» рабочих рук, и «свободных» в своих движениях товаровладельцев. Новые отношения требовали, чтобы продавец и покупатель рабочей силы встречались на рынке труда, как «равные». Потребность в свободных рабочих руках требовала также и освобождения крестьян от феодальной зависимости, их политического «равенства».

Свобода и равенство Великой Французской Революции были провозглашены «правами человека». Энгельс раз'ясняет внутренний смысл и этих прав и лозунгов свободы, равенства. Он пишет: «Упомянутое требование приняло всеобщий, расширяющийся за пределы отдельного государства характер, и вследствие этого свобода и равенство были провозглашены правами человека. Весьма характерно для понимания специфически буржуазного значения этих прав человека, что американская конституция, первая, которая признала права человека, одновременно с этим освятила законом существовавшее в Америке рабство цветных людей: классовые привилегии устраняются, расовые же узаконяются» («Анти-Дюринг», стр. 53, курсив наш. *М. Р.*).

Буржуазное равенство не идет дальше формального политического равенства. В настоящее время мы больше, чем когда-либо, хорошо знаем, что буржуазное политическое равенство уживается бок о бок с величайшими насилиями над рабочим классом, над пролетарскими революционерами. Там, где мы встречаемся с высшими формами формального политического равенства (всеобщее избирательное право), там же мы обычно встречаемся и с высшими формами экономического неравенства и капиталистической эксплоатации.

Маркс в своей брошюре «К еврейскому вопросу» блестяще вскрывает буржуазную сущность лозунга: «свобода, равенство и братство». Он пишет: «Практическое применение человеческого права на свободу есть право человека на частную собственность» (Маркс и Энгельс, «Литературное наследство», изд. т-ва «Мир», т. I, стр. 351).

И дальше: «Egalité (равенство) в его неполитическом значении есть не что иное, как равенство вышеописанной liberté (свобода), а именно: каждый человек одинаково рассматривается, как одинаково замкнутая в себе монада».

Подводя итоги, Маркс подчеркивает, что «ни одно, следовательно, из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека, как члена гражданского общества, т.-е. как индивида, ушедшего в себя, в свои частные интересы и свою частную волю и обособившегося от общежития» (Маркс и Энгельс, «Литературное наследство», т. I, стр. 371, изд. т-ва «Мир»).

Но гражданское общество—это буржуазное общество. Следовательно, лозунг «свобода, равенство и братство» и является лозунгом буржуазного общества.

Буржуазия еще и в настоящее время не отказывается от использования лозунга равенства и ловит на эту удочку несознательных, политически отсталых рабочих и мелкую буржуазию. Мелко-буржуазные партии, эсеры и меньшевики, точно так же с лозунгом равенства носятся, как с писанной торбой.

Тем больше нам нужно проявить теоретической последовательности тогда, когда этот лозунг выставляют как якобы пролетарский.

Пролетариат и его партии понимают, естественно, под равенством нечто совершенно иное, чем буржуазия. Пролетариат буржуазному требованию отмены классовых привилегий противопоставляет свое требование—уничтожение классовых различий и самих классов.

С точки зрения рабочего класса равенство должно осуществляться не только в области политических отношений, но и в общественной и экономической жизни.

«Требование равенства в устах пролетариата имеет, таким образом, двоякое значение. Либо оно является—и это бывает особенно в самом начале, в крестьянской войне,—стихийной реакцией против вопиющих социальных неравенств, протестом бедных против богатых, рабов против господ, голодных против расточителей, и как таковое, оно является простым выражением революционного инстинкта, и в этом, только в этом, находит свое оправдание. Когда же пролетарское требование возникает в форме реакции против буржуазного требования равенства, черпая из последнего более правильные и широкие выводы, и это требование сопровождается агитацией среди рабочих против капиталистов,—в этом случае оно обусловливается самым существованием буржуазного общества и может замолкнуть только с прекращением последнего. Во всяком случае, действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованиям отмены классов. И требование равенства, которое простирается далее этого, необходимо впадает в абсурд» (Энгельс, «Анти-Дюринг», стр. 53).

Пролетарское требование равенства «возникает в форме реакции против буржуазного требования равенства». Мы в это требование вкладываем понятие отмены классов, т.-е. выдвигаем требование социализма. Наша задача, следовательно, сводится в данном случае к тому, что мы вскрываем классовую подоплеку буржуазного лозунга равенства и под тем же псевдонимом противопоставляем ему пролетарское требование социализма и уничтожение всякого классового господства.

Принимая, таким образом, данный лозунг, мы поднимаем политический кругозор пролетариата с одной ступеньки буржуазного сознания на другую ступеньку пролетарского классового сознания, пользуясь готовой уже словесной оболочкой, данной нам в руки самой буржуазией, и заменяя одно ее содержание другим.

Необходимо иметь в виду, что лозунг равенства находил в пролетариате широкую почву именно тогда, когда сама пролетарская идеология не поднялась еще выше утопического социализма.

Когда пролетариат получил в свои руки такое теоретическое оружие, как революционный марксизм, тогда он в своей наиболее сознательной передовой части окончательно отказался от этого лозунга: пролетариату ненужен оказался уже псевдоним «равенство». Он для выражения классовых целей своей борьбы нашел более точные и ясные выражения: «да здравствует социализм», «да здравствует коммунизм».

Компартии некоторых стран в некоторых случаях и теперь могут подхватывать лозунг равенства, когда его выдвигают сами рабочие массы. При этом партия в таких случаях должна вкладывать в него строго определенное пролетарское содержание, раз'ясняя и раскрывая это содержание массам. Но это еще не основание для того, чтобы партия сама выдвигала данный лозунг в тот момент, когда рабочие массы стоят уже на более

высоком уровне и требуют более определенных и четких формулировок конечных целей своей борьбы.

Наша же партия ни при каких условиях не может принять или выдвигать лозунг равенства, ибо мы уже осуществляем пролетарскую диктатуру, ибо мы уже начали строить социализм. В капиталистических странах выдвижение рабочими лозунга равенства может в известных случаях характеризовать переход их от политической отсталости и пассивности к политической активности и политической сознательности. Это будет явлением революционным. У нас выдвижение лозунга о равенстве той или иной группой рабочих с неизбежностью должно свидетельствовать о том, что они политически или не подвинулись вперед, или идут назад и захвачены мелко-буржуазным влиянием.

Особый смысл вкладывается в лозунг равенства крестьянством.

В буржуазно-демократических революциях крестьянство направляет требование равенства против помещиков, пробивая им, как тараном, твердыни крупного крепостнического землевладения и монархий, расчищая пути к развитию капитализма на основе общественных отношений, очищенных от феодализма.

При перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую пролетариат использует крестьянское стремление к равенству и крестьянское требование равенства, чтобы повести крестьянство уже не только против помещиков, но и против буржуазии.

Иное содержание для крестьянства лозунг равенства получает в эпоху диктатуры пролетариата, когда буржуазно-демократическая революция окончена и когда буржуазия, в основном, побита. В эту эпоху буржуазная контр-революция сплошь и рядом спекулирует на лозунге «равенство рабочих и крестьян», направляя его острие против диктатуры пролетариата. Известно, как тов. Ленин лозунг равенства такого рода называл колчаковским лозунгом.

Итак, идея равенства так же стара, как и сама человеческая история. Каждая эпоха и каждый класс в эту идею вкладывали свое содержание.

III.

Каждый политик, бросая лозунг, обязан учитывать не только то, какое содержание он сам вкладывает в бросаемый лозунг, но в особенности то, какое содержание в него будет вкладываться теми широкими массами, которые его будут подхватывать. Спрашивается, какое же содержание будет вкладываться сейчас, при диктатуре пролетариата, в лозунг равенства. Только буржуазное или мелко-буржуазное.

Именно поэтому Владимир Ильич в своей речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства так бичевал и эти лозунги и бросающих их. Он говорил:

«Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства, помимо уничтожения классов, есть глупейший вздорный предрассудок».

И дальше:

«Мы говорим: мы ставим себе целью равенство, как уничтожение классов. Тогда надо уничтожить и классовую разницу между рабочими и крестьянами. Это именно и составляет нашу цель. Общество, в котором осталась классовая разница, не социалистическое общество. Конечно, при толковании слова социалист в известном смысле, можно назвать его социалистическим, но это будет казуистика,—спор о словах. Социализм это есть первая стадия коммунизма, но спорить о словах не стоит. Ясно одно, что пока остается классовая разница между рабочим и крестьянином, мы не можем говорить о равенстве, не остерегаясь того, чтобы не попасть, как вода, на мельницу буржуазии».

Эта речь была произнесена Владимиром Ильичем 19 мая 1919 года. С того времени мы провели победоносно невиданную в истории гражданскую войну, перешли к новой экономической политике, отступление сменилось наступлением, мы успешно строим социалистическое хозяйство, но критика, данная Лениным лозунгу равенства, остается верной полностью и в настоящее время.

В самом деле. Мы осуществляем пролетарскую диктатуру, это открытое, обнаженное выражение неравенства. В этот момент нельзя выдвигать лозунг равенства без того, чтобы об'ективно он не был направлен своим политическим острием против пролетарской диктатуры.

У нас нет политического и экономического равенства между рабочими и крестьянами. При таком положении вещей лозунг равенства неизбежно был бы направлен к обострению взаимоотношений двух основных классов Советского Союза, а, следовательно, и к ослаблению союза пролетариата с крестьянством.

У нас нет полного экономического равенства в рядах самого рабочего класса. Лозунг равенства внес бы неизбежно разброд и в рабочие массы.

Наконец, у нас нет экономического равенства и в самой партии. Лозунг равенства поднимает здесь настроение противопоставления низов и верхов и ослабляет таким путем единство партии и ее сплоченность.

Лозунг равенства в данный момент не удовлетворяет всем требованиям, пред'являемым нами к лозунгам.

Этот лозунг в настоящее время несвоевременен. Понимаемый, как лозунг борьбы за социализм, он опаздывает почти на полсотни лет. Тогда, пятьдесят лет тому назад, до зарождения пролетарской партии, он, будучи псевдонимом социализма, толкал бы рабочий класс и на экономическую, и на политическую борьбу, тогда он был бы ступенькой к более точному лозунгу борьбы за коммунизм. Теперь он является ступенькой назад от нашего точного лозунга к мелко-буржуазному мировоззрению.

Дальше, лозунг равенства сейчас больше, чем когда либо, не ясен. В нем «каждый будет слышать только свое». Неквалифицированный рабочий поймет его по-своему, деревенский бедняк по-своему, нэпман и кулак тоже по-своему. Лозунг равенства в настоящее время внес бы величайший разброд в массы рабочих и крестьян.

Наконец, лозунг равенства в настоящее время не только не может быть «выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения», но, наоборот, почти целиком противоречит этой совокупности.

Равенство приемлемо для нас только, как уничтожение классов. В настоящий же переживаемый период мы, идя к уничто-

жению классов, однако, пока что, имеем их «качественный» и количественный рост. Растет рабочий класс, растет кулак, растет, в известной мере, новая городская буржуазия.

Затем. Мы покончили с господством буржуазии и осуществили пролетарскую диктатуру. Мы национализировали почти всю промышленность, железные дороги, водный транспорт. Здесь мы добились уничтожения эксплоатации человека человеком. Это гигантский шаг к полному равенству—к коммунизму. Но полного равенства в итоге экспроприации экспроприаторов мы еще не добились. Осталось неравенство в заработной плате рабочих различных квалификаций. Имеются ставки для буржуазных специалистов. Такое неравенство не только еще останется весьма долгое время, но, повидимому, в некоторой части, в ближайшие годы кое-где будет даже расти.

Решение XIV Всесоюзной партийной конференции, касающееся развертывания товарооборота в деревне, решение партии о праве пользования наемным трудом, о праве аренды—решения, преследующие, в конечном счете, цели социалистического накопления, вместе с тем тоже связаны с частичным ростом экономического неравенства в деревне.

«Совокупность» особенностей данного периода не мирится с лозунгом равенства точно так же, как лозунг равенства—с политикой и экономикой настоящего периода.

Политического равенства при пролетарской диктатуре мы не можем дать.

Экономического равенства всех при новой экономической политике не может быть. Лозунг равенства, с какой угодно стороны, остается для партии, следовательно, не только неприемлемым, но и вредным.

Полное и настоящее равенство осуществится только с уничтожением классов, только при полном торжестве коммунизма. Даже при социализме, который Ильич называет первой фазой коммунистического общества, даже тогда мы полного равенства иметь не будем.

Маркс об этой фазе коммунизма в своей брошюре «Критика Готской программы» пишет: «Здесь мы имеем дело с коммунистическим обществом, не как оно развилось на своей собственной основе, а, наоборот, как оно еще только выходит из капиталистического общества,—значит, еще покрытым во всех отношениях—экономическом, нравственном, умственном—родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно выходит. Сообразно с этим отдельный производитель получает от общества обратно, за всеми вычетами, ровно столько, сколько отдает ему, а отдает он ему свое индивидуальное количество работы».

Здесь мы имеем социалистические производственные отношения, ибо частная собственность на средства и орудия производства уничтожена, эксплоатация человека человеком исчезла, но полного равенства и тут при социализме, как низшей фазе коммунизма, мы еще не имеем. Каждый получает в виде продуктов и средств для существования за всеми вычетами столько, сколько отдает обществу в виде индивидуального количества работы, т.-е. один получает больше, другой меньше. Буржуазия и, буржуазные ученые, а также господа Каутские и компания на всех капиталистических базарах кричали и кричат о том, что мы обещали равенство, а дали нэп, где не только не исчезли экономические противоречия, но в некоторой своей части продолжают даже расти. Приведенная цитата из Маркса яснее ясного свидетельствует о всем клеветническом характере ученых, буржуазных и меньшевистских сплетен о немедленном осуществлении равенства и коммунизма. Революционный марксизм-ленинизм слишком далеко видят, чтобы поддаваться мелко-буржуазным иллюзиям об осуществлении *немедленного* равенства.

Продолжая свой анализ, Маркс дальше в этой же брошюре говорит: «Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый есть только рабочий, как и все прочие; но оно молча признает неравную индивидуальную одаренность и работоспособность за естественные привилегии. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как и всякое право» («Критика Готской программы»).

Какой вывод отсюда делает Маркс? Он пишет, что для устранения этого зла, этой несправедливости, «право должно быть вместо равного неравным» («Критика Готской программы» стр. 13, изд. 1918 г., г. Иркутск). Но это возможно будет только в высшей фазе коммунизма, когда исчезнут противоречия между умственным и физическим трудом, а самый труд станет необходимой жизненной потребностью. Тогда, при могучем развитии производительных сил, человечество, которое тоже станет иным, напишет на своем знамени: «От каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

Так смотрел Маркс на *эволюцию* социалистического общества.

Ни основоположник научного коммунизма Карл Маркс, ни мы, его последователи, революционно-марксистские ленинцы, не могли, значит, строить и не строили никаких утопических надежд на то, что на другой же день пролетарского переворота нам удастся установить абсолютное равенство. Полное равенство предполагает отмирание государства. Свободное коммунистическое общество «поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место—в музей древностей рядом с веретеном и бронзовым топором». В коммунистическом обществе господство над людьми исчезает, остается управление вещами—средствами и орудиями производства.

Элемент принудительности исчезает. Это предполагает и огромную степень развития производительных сил, полную планомерность в организации производства и высочайшую степень развития человеческого сознания и чувства коллективизма. Люди должны будут в процессе борьбы за коммунизм, в процессе социалистического строительства не только изменить окружающий мир, но и самих себя.

Мы находимся только в начале этой новой эпохи строительства коммунизма. Притом стройка совершается в стране экономически и культурно отсталой. Если Маркс говорит, что в первой стадии коммунизма общество будет покрыто во всех отношениях родимыми пятнами старого капиталистического общества, из лона которого оно выходит, то мы в Советском Союзе еще и в настоящее время имеем сколько угодно родимых пятен не только капиталистического общества, но и феодально-крепостнического. Для трубадуров международного социал-лакейства наша отста-

лость знаменует невозможность социалистического строительства. Для нас эта отсталость в связи со всем своеобразием экономического и политического развития России знаменует только то, что на плечи пролетариата и коммунистической партии Советского Союза история возложила неслыханно трудные задачи, с которыми мы обязаны справиться.

То, что писал Маркс в своей «Критике Готской программы», естественно, не могло ускользнуть от гениального взора Ленина. Он в своей книге «Государство и революция», писавшейся тогда, когда мы еще не осуществили Октябрьского переворота, освещая и развивая взгляды Маркса, в свою очередь подробно останавливается на вопросе о равенстве в первой и второй стадии коммунизма.

О первой фазе коммунизма (социализме) мы у него находим следующие строки: «Справедливости и равенства первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся — и различия несправедливые, но невозможна будет эксплоатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства, фабрики, машины, землю и проч. в частную собственность. Разбивая мелко-буржуазно-неясную фразу Лассаля о «равенстве» и «справедливости» вообще, Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)» («Государство и революция»).

В приведенной цитате прежде всего обращает внимание то, что Ленин фразу Лассаля о равенстве вообще называет мелко-буржуазной. Это лишний раз подчеркивает, что лозунг равенства вообще не может выдвигать сознательная выразительница классовой борьбы пролетариата—коммунистическая партия. Лозунг «равенства» слишком расплывчат, неопределенен по своему содержанию, истаскан, истрепан и изгажен буржуазией и мелкой буржуазией в их политической борьбе, чтобы партия его снова бросала, как свой лозунг, и писала на своем знамени.

Затем, из приведенной цитаты видно, что и Ленин точно так же целиком стоял на точке зрения Маркса и в вопросе о равенстве и справедливости в первой стадии коммунизма. Ленин отчетливо подчеркивает, что справедливости и равенства первая фаза коммунизма дать еще не может. Ленин в дальнейшем подчеркивает диалектическую мысль Маркса, что это неравенство предполагает и известное наличие буржуазного права в социалистическом обществе на его первом этапе. Мало того, Ленин, анализируя слова Маркса о буржуазном праве, вскрывает их внутренний смысл еще дальше и глубже:

«Буржуазное право,—пишет Ленин,—по отношению к распределению продуктов потребления предполагает, конечно, неизбежно и буржуазное государство, ибо право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права. Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство—без буржуазии» («Государство и революция»).

Такова диалектика исторического развития. С одной стороны, в социалистическом обществе (первая фаза) исчезает уже всякое классовое господство, классы уже отмирают, пролетариат, уничтожая свое классовое господство, тем самым кончает со всяким классовым господством. А, с другой стороны, в первой стадии коммунизма не только остается кусочек «буржуазного права», но и кусочек «буржуазного государства»! Ленин замечает, что это может показаться парадоксом, но на самом деле наличие старого в новом жизнь нам показывает на каждом шагу и в природе и в обществе.

IV.

Мы говорим, что даже в первой фазе коммунизма не будет еще полного равенства. И вместе с тем, мы уже в настоящее время в огромных размерах добиваемся осуществления равенства.

В капиталистических государствах на одном полюсе в руках ничтожной горстки магнатов капитала сосредоточены десятки миллиардов рублей богатства, на другом—море нищеты. Между этими двумя полюсами существует целая пропасть. У нас этого нет. В нашем транспорте, в государственной промышленности, в государственной торговле уже нет эксплоатации человека человеком. Разница в заработной плате измеряется самое большее тремя-четырьмя сотнями рублей. Частному накоплению у нас поставлены довольно узкие границы. В дальнейшем, мы уверены, что наша государственная социалистическая промышленность, государственная торговля и кооперация будут продолжать успешно вытеснять частный капитал, суживая сферу его роста и накопления.

Поэтому, кто утверждает, что и у нас в Советском Союзе имеется неравенство, и ни в какой мере не пытается это сопоставить с тем, что мы имеем в капиталистических государствах, кто кричит о неравенстве и не видит различных социально-экономических корней его у нас и в странах капиталистического господства, тот одно из двух: или чрезвычайно политически отсталый человек, или просто агент буржуазии. Ибо нельзя не видеть, что корни нашего неравенства лежат сейчас, главным образом, в нашей экономической и культурной отсталости, корни капиталистического неравенства лежат в капиталистической частной собственности на средства и орудия производства: на фабрики и заводы, транспорт, банки и землю.

Мы в основном уже подорвали основы роста капиталистического неравенства, установив пролетарскую диктатуру, национализировав фабрики, заводы, транспорт, землю и банки. Там основы этого неравенства остаются еще нетронутыми.

Наша задача заключается в том, чтобы не успокаиваться на достигнутом, а со всем пролетарским напряжением и энергией итти дальше по пути к коммунизму. В этом движении от нас требуется ленинское умение руководить массами. Им надо указывать ясный путь, надо давать верные лозунги. Лозунг равенства к числу верных отнесен быть не может. Если бы

даже он и не нес с собой, в виду его неясности, двойственности, отрицательных последствий, он и тогда по сравнению с лозунгом «борьба за коммунизм» представлял бы из себя старое заржавевшее оружие.

Нам же сейчас для агитации среди масс нужен не старый допотопный лук, а современная дальнобойная пушка. Нам нет надобности говорить плохими псевдонимами, когда у нас для названия наших конечных целей имеются настоящие хорошие имена.

Нам нельзя выбрасывать сейчас лозунг равенства, ибо он неизбежно был бы «водой на мельницу буржуазии».

П. Ионов.

О пролетарской культуре, напостовской путанице и панике перед „литкулом".

(*Окончание*).

III.

Проблема партийного руководства литературой—проблема огромной сложности и огромной трудности. Во всяком случае для каждого марксиста должно быть ясно одно—простое механическое перенесение на эту область обычных методов партийного руководства заранее обречено на полный крах. Этого, повидимому, не дано понять напостовцам. Верные своему формально-логическому методу, они забывают о специфических особенностях художественного творчества и их понимание форм партийного руководства в литературе является редким образцом вульгаризации и упрощенства.

В самом деле, как представляется решение этого вопроса тов. Авербаху? Раскритиковав в пух и в прах досужего публициста из кадетского «Руля», утверждающего внепартийность и внеполитичность литературы, Авербах приходит к заключению, что «политика является первенствующей над искусством, в частности над литературой» (стр. 30). Отсюда для нашего автора с железной необходимостью следует, что при наличии партийной литературной политики мы создадим идеологически-четкую и выдержанную пролетарскую литературу.

Таким образом, вопрос у Авербаха ставится так, что как будто бы в обществе вообще ничего, кроме политики и литературы, не существует и что, во-вторых, связь между ними аналогична, к примеру, связи между творчеством канцелярии и приказной деятельностью величественного управделами пыльбухтреста. Само собой разумеется, если согласиться с обоими предпосылками Авербаха, то весь вопрос сведется к тому, что Политбюро будет давать поэтам соответствующие задания и поэты (политика определяет искусство!) послушно «нарезать эпоху на сердца», скрипя перьями и творя величественные «коммунэры». К несчастью для тов. Авербаха, вопрос обстоит чуть-чуть посложнее.

Вздор говорить о внеполитичности искусства. Искусство, как и всякая идеология, определяется в конечном счете экономикой. Но эта определяемость складывается в процессе сложной психической трансформации, причудливо преломляю-

щей социально-экономические и политические влияния в ряду влияний других сторон совокупной общественной жизни, в действующие отраженно, изнутри мотивы и побуждения.

Плеханов писал, что не только в области искусства, этой причудливейшей одежды, покрывающей костяк общественно-экономического тела, но и в вопросах, касающихся развития идеологии вообще «самые лучшие знатоки «струны» (экономической структуры. *П. П.*) окажутся подчас бессильными, если не будут обладать некоторым особым дарованием, именно—художественным чутьем. Психология приспособляется к экономии. Но это приспособление есть сложный процесс, и чтобы понять весь его ход, чтобы наглядно представить себе и другим, как именно он совершается, не раз и не раз понадобится талант художника... Будем надеяться, что со временем явится много таких художников, которые будут понимать, с одной стороны, «железные законы» движения «струны», а с другой—сумеют понять и показать, как на «струне», и именно благодаря ее движению, вырастает «живая одежда» идеологии». («К монистическому взгляду», т. VII, стр. 239).

Но если это верно, то с одним «приказом» в литературе ничего не поделаешь. Определенный социально-политический «приказ», прежде чем наложить свою печать на творчество художника должен быть психологически переплавлен действием сложных законов эмоциональной жизни. И только в этом контексте, действуя изнутри, он обнаруживает свою детерминирующую роль. «Свобода» художника заключается не в воображаемой свободе от социально-политических мотивов, а в переживании и выражении их, как своих собственных.

С этой точки зрения каждый художник будет художником лишь постольку, поскольку он творит суб'ективно, вполне «свободно», т.-е. независимо от всяких внешних его творчеству побуждений и соображений,—безразлично, навязываются ли они им самим, или же условиями внешней обстановки; другими словами, поскольку его свободная творческая деятельность является свободным и сознательным выражением социально-политической детерминации. В противном случае, получается тенденциозное произведение, в котором навязанная извне идея пожирает то, что делает искусство искусством—творческую форму.

Ведь не даром сплошь да рядом прекрасные, выдержанные коммунисты с большим дарованием дают либо бездарную коммунистическую декламацию, либо талантливое по форме, но довольно мутное и подозрительное по своей идеологии произведение. Что это значит? А это значит лишь то, что чрезвычайно медленно перестраивается эмоциональный мир человека, держа в своих цепких об'ятьях рвущуюся вперед мысль.

Вот почему, тем более к мелко-буржуазным «попутчикам» партия должна подойти не с приказом, а с отчетливо поставленной задачей перевоспитания и переработки их. Им, попутчикам, конечно, несравненно легче и проще писать о прошлом в настоящем, чем о будущем. Но партия должна помочь им понять, что «как бы честно и правдиво современное искусство ни изображало развалины, оно становится нечестным и неискренним, если не замечает той новой жизни, которая возникает на развалинах старой» (Франц Меринг, «Мировая литература и пролетариат», стр. 19). Всякий крупный художник нашей эпохи может быть только певцом великого строительства новой революционной России—иначе он будет нечестен, а потому художественно однобок и тенденциозен. Помочь понять это «попутчику», помочь ему пересесть в наш вагон, не чувствуя себя в нем временным гостем, справляющим «пир на празднике чужом»,—такова одна из наших основных задач.

Все это, конечно, азбука. Но что же делать, если эта азбука оказывается для иных «теоретиков» китайской грамотой?

Таким образом, руководить искусством не только можно, но и должно, но это руководство не может быть ни прямым, ни непосредственным. Партия сумеет лишь облегчить стихийный процесс рождения новой пролетарской литературы. Материальная и моральная помощь, с одной стороны, партийная художественная критика, умело и осторожно переводящая мелко-буржуазное творчество в общепролетарское русло, с другой,—вот главнейшие орудия партийного влияния и руководства в литературе.

В свое время некий Шулятиков прославился «суздальской» простотой своих попыток применить марксизм к социологическому исследованию; при чем Плеханов, посвятив Шулятикову несколько ядовитых страниц, перевел эпитет «суздальская» словами—«огромная умственная дубоватость». Напостовство есть не что иное, как та же шулятиковщина в вопросах искусства и литературы. Но напостовство во много раз вреднее и опаснее шулятиковщины. Шулятиков жил в такое время, когда он мог только «об'яснять» исторический процесс. Напостовцы же «об'ясняя» последний по-шулятиковски, претендуют на «руководство» «историческим процессом». Предоставление им этого руководства принесло бы величайший вред всей нашей литературе и в первую голову—нарождающейся пролетарской литературе.

IV.

«Реакционной утопией являются разговоры о том, будто в области литературы возможно мирное сотрудничество, мирное соревнование разных литературных идеологических направлений. Большевизм постоянно боролся против этой реакционной утопии. В области идеологии, в области литературы действуют законы классовой борьбы так же, как они действуют в других областях общественной жизни. Поэтому большевизм всегда стоял и стоит на точке зрения идеологической непримиримости, нетерпимости, на точке зрения безусловной четкости идеологических линий» (стр. 83). Эти грозные строки по адресу современной нашей литературы взяты из печально-знаменитых вардиновских тезисов. Воображая себя «твердокаменным» большевиком, Вардин крепко убежден в том, что «при современных условиях художественная литература является одной из последних арен, на которой происходит непримиримая классовая борьба между пролетариатом и буржуазией за гегемонию над промежуточными элементами» (стр. 81).

Однако, если подобное вардиновское открытие что-либо и обнаруживает, то во всяком случае не «твердокаменность», а редкостную твердолобость уважаемых напостовцев.

Вардиновскую ошибку повторяет и Авербах, несмотря на то, что после вардиновских тезисов мы имели такое событие, как появление резолюции ЦК, и кроме того, ряд выступлений Н. И. Бухарина, неоднократно раз'яснявшего напостовцам ошибочность их позиции по этому вопросу. Обидевшись на эпитеты, которые прилагались неоднократно критиками к напостовским «теориям», Авербах возмущенно восклицает: разве можно говорить о наших формулах, как о формулах мертвых, нежизненных, когда «у нас не ослабляется, а обостряется классовая борьба в области идеологии»! (стр. 12). Вот уж поистине—как любили говорить некоторые т.т. ленинградцы—мимо Сидора в стенку! Ведь вот именно это-то и плохо, тов. Авербах! Ведь вот именно за это-то требование «разжигать» классовую борьбу—ваши формулы и были ославлены, как мертвые абстракции!

Непримиримая классовая борьба—«это единственно, что имманентно присуще взаимоотношениям пролетариата с буржуазной идеологией» (стр. 13),—пишет Авербах далее. И всего комичнее то, что за несколько строк перед этим он победоносно вопрошает одного из своих критиков—«можно ли ставить знак равенства между периодами по преимуществу ломки и преимущественно строительства?» (курсив автора). В аналогичных случаях в старых русских песнях пелось:

Вынул ножик он булатный
И зарезал сам себе.

На стр. 33, расхвалив В. И. Ленина за поставленную им задачу культурной революции, Авербах продолжает: «Но в процессе этой культурной революции мы упираемся в то, что культурная революция есть обострение классовой борьбы в области идеологии. Это не есть сотрудничество, содружество с другими идеологическими течениями по отношению к пролетариату, а это есть в первую голову классовая борьба». «Можно ли в таком случае говорить о внеклассовом (!?) сотрудничестве в области идеологии... и в каком смысле можно говорить? Если мы в области экономики сотрудничали и будем дальше сотрудничать с новой буржуазией (не только с буржуазией, тов. Авербах, но и, главным образом, с крестьянством!), то, во-первых, мы сохраняем за собой экономические высоты, а, во-вторых, мы держим в руках новую буржуазию, сами регулируем и направляем ее рост» (стр. 36).

Либо классовая борьба, либо внеклассовое сотрудничество,—рассуждает Авербах. Но так как в классовом обществе не может быть никакого внеклассового сотрудничества, то остается лишь классовая борьба.

Но ведь речь идет не о «внеклассовом» (?) сотрудничестве, а о классовом сотрудничестве, сотрудничестве классов, в первую очередь—пролетариата и крестьянства! При этом классовая борьба не исчезает—она ведется, но ведется на основе сотрудничества и в форме сотрудничества. Авербах и Вардин твердо заучили, что большевики до захвата власти всегда беспощадно боролись с каким бы то ни было подменом классовой борьбы филистерским соглашательством. Это верно. Большевики всегда беспощадно разоблачали и разоблачают меньшевистские попытки просунуть вместо революции идею мирного «вползания» в социалистический строй на основе «мирно-организаторского» сотрудничества с буржуазией в рамках капиталистического общества. Большевики всячески старались в эпоху до захвата власти разжечь классовые противоречия и, при наличии соответствующих условий, перевести классовую борьбу на рельсы гражданской войны. Все «мирные» и «немирные» методы и формы большевики, в противовес социал-демократическим крокодилам, подчиняли верховному закону революции. Выражаясь в терминах Гегелевой диалектики, в эпоху до захвата власти, единство мирных и насильственных методов классовой борьбы было «положено» в форме гражданской войны. Картина меняется коренным образом после захвата власти пролетариатом. В условиях своей диктатуры пролетариат не отказывается и не может отказаться от классовой борьбы. Он не отказывается и от насильственных методов. Он их применяет и будет применять. Больше того, в отдельные периоды при диктатуре пролетариата классовая борьба достигает наивысшего обострения. Но если взять всю переходную от капитализма к социализму эпоху в целом, то это есть эпоха отмирания классовых противоречий. Пролетариату, захватившему власть, уже не нужна новая революция, чтобы перейти к коммунизму: революционный переворот остался уже позади. Постольку для большевиков—марксистов, ленинцев, не метафизиков, а диалектиков,—единство мирных и насильственных методов классовой борьбы дано уже в форме мирных методов, в форме мирного руководства, мирной переделки попутчиков-крестьян, мирного соревнования и сотрудничества. Разумеется, с этой точки зрения нисколько не исключается возможность новых обострений классовой борьбы на целые периоды (внутри всей переходной эпохи). «Было бы совершенно неправильно,—читаем мы в резолюции ЦК,—упускать из виду основной факт нашей общественной жизни, а именно: факт завоевания власти рабочим классом, наличие пролетарской диктатуры в стране. Если до захвата власти пролетарская партия разжигала классовую борьбу и вела линию на взрыв всего общества, то в период пролетарской диктатуры перед партией пролетариата стоит вопрос о том, как ужиться с крестьянством и медленно переработать его, вопрос о том, как, допуская известное сотрудничество с буржуазией, медленно ее вытеснять, вопрос о том, как поставить на службу революции техническую и всякую иную интеллигенцию и в то же время идеологически отвоевать ее от буржуазии. Таким образом, классовая борьба, конечно, не прекращается, но она изменяет свою форму, ибо пролетариат до захвата власти стремится к разрушению данного общества, а в период своей диктатуры на первый план выдвигает «мирно-организаторскую работу».

Итак, в резолюции ЦК написано черным по белому, что хотя классовая борьба и не прекращается, однако, при наличии диктатуры пролетариата нелепо, чтобы рабочий класс стремился к обострению классовых противоречий.—Да здравствует разжигание классовой борьбы!—восклицают Вардины, Авербахи и Лелевичи. Резолюция ЦК утверждает, что рабочий класс после захвата власти выдвигает на первый план задачи «мирно-организа-

торской работы». А Вардины и Авербахи об'являют реакционной утопией даже разговоры о возможности мирного сотрудничества!

Все эти заявления, как видит читатель, в корне расходятся с генеральной линией партийной политики, и их последовательное проведение по существу означало бы отказ от нэпа и тем самым срыв смычки пролетариата с крестьянством. Вот куда завела напостовцев их любовь к афоризмам и прописям!

Вардиновская «левая» фраза на поверку оказалась столь же похожей на вардиновскую «действительность», как Павел Николаевич Милюков на пионерский барабан. Напостовцы, правда, быть может, закричат, что наши выводы произвольны, ибо они (напостовцы) не против сотрудничества вообще, не против сотрудничества в экономической области, а против сотрудничества в идеологии. Однако, вся нелепость подобного возражения ясна. Мы бы очень хотели посмотреть, как это можно разжигать классовую борьбу в области идеологии, не разжигая ее в экономике и политике—и наоборот, тем более, что понятие «идеология» включает в себя не только науку и искусство, и проч. безобидные штуки, но и политическую идеологию! Ведь каждый рабфаковец из учебника Бухарина знает, что социально-политическая надстройка включает в себя не только «вещи» и «людей», но и «идеи». Мы не сомневаемся в том, что напостовцы читали учебник Н. И. Бухарина. Но что же поделаешь, если при столкновении напостовских голов с книгой неизменно получается пустой звук! Ведь в этом далеко не всегда бывает виновата книга.

V.

Но если на литературном фронте дело обстоит так, что здесь еще неминуема *такая же* «революция», какая произошла в политике и экономике, то, само собой разумеется, с точки зрения Авербаха ни о каком действительном соревновании в области литературы говорить не приходится. Авербаху очень не нравится заявление тов. Бухарина о том, что «лучшим средством загубить пролетарскую литературу, сторонником которой я (Бухарин) являюсь, величайшим средством ее загубить является отказ от принципа свободной анархической конкуренции»[1]).

Авербах категорически возражает против подобных взглядов, при чем при случае не забывает показать кукиш в кармане, кивнув на Богданова и намекнув на «левый уклон».

Как известно, ЦК стал в этом вопросе в основном на точку зрения тов. Бухарина, заявив, что «партия должна высказываться за свободное соревнование различных группировок и течений в данной области. Всякое иное решение вопроса было бы казенным, бюрократическим псевдо-решением. Точно так же недопустима декретом или партийным постановлением легализованная монополия на литературно-издательское дело какой-либо группы или литературной организации. Поддерживая материально и морально пролетарскую и крестьянскую литературу, помогая попутчикам и т. д., партия не может предоставить монополии какой-либо из групп, даже самой пролетарской по своему идейному содержанию: это значило бы загубить пролетарскую литературу прежде всего».

[1]) «Вопросы культуры при диктатуре пролетариата». Сборник, стр. 83.

Решения ЦК, как видит читатель, в данном пункте чрезвычайно четко и недвусмысленно заострены против напостовских поползновений на гегемонию и монополию. И сколько бы ни делали напостовцы больших глаз, утверждая, что это вовсе не по их адресу, шило все же упорно вылезает из напостовского мешка.

«Нужно различать,—пишет Авербах,—между творческим соревнованием и методами анархической конкуренции» (стр. 69). Само собой разумеется, разница между творческим соревнованием и анархической конкуренцией есть, поскольку последний термин делает ударение на *свободном* характере соревнования, не ограничивая число его участников. Термину же «творческое соревнование» нисколько не противоречило бы применение соревнования, например, только лишь на арене ВАПП'а, с исключением всяких «инородных» тел. Как мы уже заранее можем сказать, ВАПП'овские «критики» в иной постановке вопроса «творческого соревнования» и не приемлют. Но ведь ЦК в своей резолюции говорит о *свободном* соревновании, а не просто о творческом соревновании! Выкидывая маленькое словечко «свободное»,—Авербах получает самую широкую возможность интерпретации постановления ЦК в угодном ему смысле.

Что же касается анархической конкуренции и свободного соревнования, то разницы между ними по существу нет—резолюция ЦК заменяет лишь — и правильно заменяет — первый термин вторым, ибо термин «анархическая конкуренция» мог бы быть истолкован, как отказ от всякого руководства, что было бы неверно.

«Если буржуазия,—пишет Авербах,—осуществляет влияние на литературу теми же мерами, которыми она руководит хозяйством—в условиях анархической конкуренции, то мы не должны маскировать классового существа вопроса. Мы отчетливо ставим перед собой задачу партийного руководства в области литературы» (стр. 30). Слов нет, партия не может и не должна маскировать классового существа вопроса. Но Авербах—кажинный раз на эфтом самом месте!—никак не может понять, что речь идет не только об общественно-политической значимости творчества того или иного писателя—с точки зрения социологической оценки, партия, как это верно отмечает резолюция ЦК, обладает безошибочным критерием,—речь идет *о художественной значимости*, о художественной форме. Стихотворение, например, может заключать в себе самое раскоммунистическое содержание и рифмовать не «свободу» с «народом» (буржуазные категории!), а, положим—«пролетариат» с «богатым», но оно от этого еще не станет художественным произведением.

Мне зимою холодненько,
А весною мне тепленько,
А на стуже—
Мне не хуже.

Здесь, если вы и не найдете «идеологической выдержанности», то уж во всяком случае—лойяльность и бьющий через край оптимизм. Но, однако, вряд ли кто-нибудь согласится обменять сие произведение искусства, ну, хотя бы, на мелко-буржуазное стихотворение С. Есенина!

— Значит вы против партийного руководства?!—завопят напостовцы. Отнюдь нет. Но мы вовсе не противопоставляем партийное руководство свободному соревнованию, как это делает Авербах. Мы понимаем это руководство совсем иначе, чем уважаемые напостовцы, совершенно забывающие, что они имеют дело с художественной литературой, а не с теми путанными статьями, которые пишутся ими в порядке планового задания для своего журнала.

Но если необходимость классового сотрудничества Авербах с негодованием отвергает, а задачу свободной конкуренции суживает до творческого соревнования на арене ВАПП'а, то, естественно, в области литературной партийной политики ему остается лишь одно—проповедь немедленного захвата власти и образования литературного Совнаркома под председательством Вардина!

Особенно в этом отношении великолепны Вардиновские высказывания, автор которых, по меткому замечанию тов. Троцкого, до сих пор еще в чем родился, в том и ходит.

Возражая Троцкому и Воронскому, Вардин, в противовес им, выставляет положение, что литературный путь пролетариата есть, только лишь «путь гегемонии, путь захвата власти пролетариатом в области искусства» (тезис 7, стр. 86). «Не только в области политической и экономической, но в области культурной, рабочий класс должен вести за собой непролетарские слои. Но эту задачу он разрешит только в том случае, если он произведет *такую же* (?!) революцию в области культурной, какую произвел он в области экономической и политической» (тез. 8, стр. 87). Мы бы никогда не поверили, что могут найтись люди, способные подобным карикатурным образом истолковать Ильичевский лозунг культурной революции. Однако, факты—упрямая вещь...

Теперь несколько слов о попутчиках. Напостовцы, обычно, при одном упоминании слова «попутчик» принимают удивительно невинный вид.—Как! Чтобы мы требовали разгона попутчиков?! Да где же это слыхано?

«Крики о том, что напостовцы—заушатели,—с благородным негодованием восклицает Авербах,—что напостовцы хотели задавить всех попутчиков, что задачей напостовцев являлся захват всей печати, всех издательств,—все это было ходячим обвинением против напостовцев» (стр. 58).

Однако, ясно само собой, насколько эти «ходячие обвинения» неизбежно вытекают из разобранных выше теорий. Мы хотим лишь только привести один пример, характеризующий напостовские методы «руководства». На стр. 44 Авербах пишет: «Есть буржуазная реакционерка-писательница Мариетта Шагинян». А на следующей странице в сноске мы читаем: «За последнее время М. Шагинян соприкоснулась с нашей промышленностью, дала интересные заводские и фабричные очерки... В М. Шагинян начал происходить большой сдвиг в сторону понимания и восприятия нашей современности». Так что же из себя представляет М. Шагинян?—спрашивает огорошенный читатель. Реакционерка она или нет? Если была реакционеркой, то почему так неожиданно быстро наметился сдвиг? Если сдвиг наметился, то уж не потому ли, что напостовцы ругали ее реакционеркой и грозили прихлопнуть заодно с другими реакционерами литературы?

Каннибальские инстинкты напостовцев с особенной яркостью выразил уже неоднократно нами цитированный тов. Вардин. «Мы вступили в такую полосу культурного развития,—пишет он,—*когда одного признания пролетарской литературы недостаточно, когда обязательно признание принципа гегемонии этой литературы, принципа упорной, систематической борьбы этой литературы за победу, за поглощение всех видов и оттенков буржуазной и мелко-буржуазной литературы*» (тез. 11, стр. 89. Курсив автора).

Ожесточенная классовая борьба с непролетарской литературой за «поглощение» всех видов и оттенков буржуазной и мелко-буржуазной, т.-е. крестьянской, литературы, под угрозой гибели диктатуры пролетариата — так ставит вопрос Вардин. Для того, чтобы наглядно представить себе всю нелепость и абсурдность вардиновских суждений, мы предлагаем читателю сравнить его тезис со следующим местом из резолюции ЦК. «*Борясь с формирующейся идеологией новой буржуазии среди части попутчиков сменовеховского толка, партия должна терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам, терпеливо помогая эти неизбежно многочисленные формы изживать в процессе все более тесного товарищеского сотрудничества с культурными силами коммунизма*». «*Крестьянские писатели*,—читаем мы в той же резолюции за несколько строк перед этим,—*должны встречать дружественный прием и пользоваться безусловной поддержкой. Задача состоит в том, чтобы переводить их растущие кадры на рельсы пролетарской идеологии, отнюдь, однако, не вытравляя из их творчества крестьянских литературно-художественных образов, которые и являются необходимой предпосылкой для влияния на крестьянство*».

Сравните свирепое «поглощение» и напостовское бахвальство своей «непримиримостью» и «нетерпимостью» с требованием терпимо относиться к промежуточным идеологическим формам, терпеливо изживая их в процессе товарищеского сотрудничества; сравните это—«отнюдь не вытравляя» с абсолютным непониманием задач партии по отношению к *крестьянскому писателю*,—сравните—и вы увидите, как мало напостовская линия совпадает с общепартийной линией и притом не только на фронте искусства.

Как же, однако, быть с попутчиками?—спросит читатель. *Нужно* ли добиваться их дифференциации? *Нужно* ли держать курс на гегемонию пролетарской литературы? На оба поставленные вопроса мы без малейшего колебания отвечаем—*да*! Но пути их решения мы видим и ищем совсем не там, где их ищут напостовцы.

Гегемонию пролетарских писателей нужно не требовать, не декларировать, а завоевывать, зарабатывать. Но заработать гегемонию можно, лишь конкурируя и сотрудничая с непролетарскими писателями, учась у них и вырастая в этой борьбе. Не только их учить, но и учиться у

них. Заработать гегемонию—это значит завоевать головы и сердца читателей яркостью, силой и блеском своего творчества. Завоевать гегемонию — не насилием над попутчиками, а художественной интервенцией в широкие рабоче-крестьянские читательские массы. Реальный рост гегемонии пролетарской литературы при наличии моральной и материальной поддержки со стороны партии и рабочего класса, при наличии умной, принципиальной художественной критики,—все это вместе с тем неизбежно поведет за собой и рост дифференциации в рядах попутчиков.

Тогда, когда в недрах царской России стали происходить социальные сдвиги и на исторической арене появился разночинец—народническая литература (не пролетарская, мелко-буржуазная) добилась гегемонии без всякого бутафорского «захвата власти». Завоевала гегемонию не благодаря, а вопреки самодержавию, под зорким глазом и грозным окриком царского цензора. Так неужели же пролетариат в обстановке колоссальных путряных сдвигов в народном массиве современной России, при поддержке своей власти, при горячем сочувствии рабоче-крестьянских масс не сумеет заработать свое историческое право на гегемонию?

Мы не сомневаемся в том, что—да...

VI.

Мы далеко не исчерпали в своей и без того затянувшейся статье и половины безграничного богатства напостовской путаницы. Мы совершенно не касались ни организационных принципов напостовства, ни его теоретического родства с богдановщиной. Однако, несмотря на это, нам думается, читатель имеет все же достаточно материала для того, чтобы сделать заключительные выводы относительно общей характеристики напостовства.

Хотя, может быть, большинство т.т. напостовцев и не отдает себе в том отчета, но напостовство в главном об'ективно примыкает к той же сумме идей и порождено теми же настроениями, которые легли и в основу политической платформы сформировавшейся перед XIV парт'ездом новой оппозиции. Другими словами,—напостовство есть не что иное, как отражение методов новой оппозиции в условиях работы на фронте искусства. Правда, напостовство сложилось задолго до оформления обще-политической оппозиции—определенное течение, естественно, скорее всего и прежде всего проявляет себя в той обстановке, где раньше и ярче сказались порождающие его тенденции. В частности, новый «чумазый» нашел себе среди правой части попутчиков готовый рупор и готовое знамя, вынесенное привычными руками вперед, еще тогда, когда в экономике только едва намечались элементы по-революционного капитализма.

Три основных факта лежат, нам думается, в основе всех напостовских теорий.

Во-первых, неверие в творческие силы рабочего класса, в его способность переварить Пильняка и отразить кулацкие поползновения на захват пролетарских форпостов. Отсюда же и напостовские теории «критической переработки наследства», сводящиеся по существу к отстранению рабочего класса от сокровищ мирового искусства в чаянии грядущих пролетарских полотен.

Во-вторых, паника перед зазвучавшим в литературе сменовеховским рупором. Подобно тому, как новая оппозиция, растерявшись перед лицом новых опасностей, встающих в условиях лихорадочного хозяйственного роста, «перекулачила» и «перебеднячила» самого т. Ларина,—в глазах на смерть перепуганных вождей напостовства, Пильняки стали со сказочной быстротой перерастать в чудовищных пильнячищ. И не даром т. Авербах в качестве последнего и существеннейшего аргумента в пользу своих положений выставляет указание на растущую кулацкую силу и опасность перерождения. «Я считаю,—пишет курсивом Авербах, — что вопрос о перерождении есть основной политический фон, на котором наши споры должны находить верный критерий и правильное разрешение» (стр. 35). Ссылаясь на тов. Зиновьева, Авербах усердно делает выписки из небезызвестной Устряловской книги и, с каждой выпиской пугаясь все больше и больше, в конце концов в панике начинает колотить в «сигнализаторский» барабан, воображая себя по меньшей мере спасителем пролетарской литературы и советской власти от нашествия сменовеховских полчищ. Однако, барабанным шумом кулака не возьмешь. А вот середняк, нерушимость союза с которым является основной гарантией против кулацкой опасности, выпал из кругозора бедняцких Дон-Кихотов. «Жуткий» образ «литкула» загипнотизировал напостовцев и заставил их забыть о важнейшей задаче—задаче сотрудничества и переработки крестьянских писателей, первые отряды которых уже показались на литературном горизонте. Забвение задач партии по отношению к крестьянскому писателю—такова, нам думается, третья основная идея, легшая в основу напостовства. И подобно тому, как последовательное проведение политической программы новой оппозиции по существу означало бы крах смычки и подлинный разгул кулацкой стихии, так и последовательное проведение «прекрасных» напостовских планов на деле привело бы к разгрому всей советской литературы и в первую очередь—к гибели еще неокрепших ростков пролетарского искусства...

Борьба с литературным капитулянтством и ликвидаторством необходима. Ошибки тов. Воронского и других товарищей, перегибавших или перегибающих палку направо, нужно выправлять—в этом не может быть никакого сомнения. Но именно в целях успешного проведения кампании за пролетарскую литературу и против капитулянтских настроений необходимо в первую очередь ликвидировать литературную вардиновщину.

Сложна и лукава диалектика общественного развития. Не укладывается она в Прокрустово ложе заученных догм, неспособных схватить многоцветные ткани реальной, а не надуманной жизни.

Нужно выбросить догмы и овладеть методом живой диалектики Маркса и Ленина.

Вот над этим-то мы и советуем серьезно задуматься товарищам из журнала «На посту».

Уже после того, как были написаны эти строки, мы с удовлетворением узнали, что тов. Авербах отмежевался от вардиновщины в вопросах общепартийной политики. Шаг знаменательный, но еще недостаточный.

Мы надеемся, что тов. Авербах в своем отходе от политической вардиновщины окажется не один, а увлечет за собой все, что есть среди напостовства действительно дельного, талантливого и пролетарского.

Но мы ждем от тов. Авербаха и второго необходимого шага — отмежевания от литературной вардиновщины, ибо, как мы это пытались показать, последняя есть не что иное, как своеобразное отражение новооппозиционных настроений в условиях работы на литературном фронте.

Кроме того, нам кажется необходимым сделать следующее замечание. Было бы ошибкой ставить знак равенства между всей группой напостовцев и некоторыми неумеренными в своих выродах «оформителями» их идеологии (Вардин). Мы никогда не сомневались в том, что, кроме крикливых «литературных критиков» вардиновско-лелевичского пошиба, среди напостовцев имеются действительно талантливые товарищи, которые способны не только «провозглашать принцип пролетарской литературы», но и осуществлять его на деле, усердно работая над своими произведениями.

Эти товарищи представляют собою лучшую и ценнейшую, с точки зрения партии, часть группы напостовцев. Будем надеяться, что они полностью и целиком встанут на общепартийные позиции не только в области обще-политической, но и в области литературных взглядов.

Б. Семенов.

Китайские события на переломе.

I.

Когда мы в январе прошлого года оценивали на страницах «Большевика» сложившуюся в результате осенних событий 1924 года обстановку в Китае, то мы писали («Большевик», январь 1925 г.):

«...Все эти силы (местные китайские силы: пролетариат, крестьянство, национальная китайская буржуазия, ремесленники. *Б. С.*) направлены против иностранного империализма своим острием. В известных случаях эти силы, как направленные против одного общего врага, контактируют свою работу. Но эти же силы до тех пор, пока соответствующий иностранный капитал, или об'единенная группа капиталов работает безраздельно в соответствующей сфере влияния, придавлены, и доминирующим политическим влиянием в этой территории пользуется иностранный капитал. Очевидно, что в том случае, если бы это влияние иностранного капитала в силу каких-либо причин было аннулировано или ослаблено, немедленно же эти китайские силы начали бы действовать и оказывать свое влияние на складывающуюся политическую обстановку...»

И дальше, указывая на то обстоятельство, что правительство образовавшееся вскоре после переворота в Пекине осенью 1924 года, несмотря на свое неособенно большое сочувствие национально освободительному движению, все же было вынуждено требовать отмены неравноправных договоров и приглашать к сотрудничеству Сун-Ят-Сена, мы писали:

«Несомненно, что с поражением северной армии У-Пей-Фу политическое влияние англо-американского капитала в Северном Китае претерпело значительный урон, а с победой Чжан-Цзо-Лина политическое влияние Японии усилилось. Таким образом, оба эти влияния в известной степени уравновесились и, будучи направлены одно против другого, взаимно уничтожались... Но события развивались далее. По инерции японское политическое влияние продолжало усиливаться, в то время, как англо-американское восстанавливалось с меньшей скоростью... Равновесие нарушилось на короткий срок в сторону Японии. Раз опять появилось доминирующее влияние одного иностранного империалиста, национально-освободительное движение в этом районе Китая должно было постепенно параллельно росту этого иностранного влияния замирать...

...Но сможет ли Япония надолго закрепить за собой завоеванные позиции? Мы смело можем утверждать, что такое усиление политического влияния Японии в северном Китае является только временным».

Япония не смогла закрепить за собой это полученное в результате побед Чжан-Цзо-Лина преимущественное политическое доминирование в северном Китае по двум обстоятельствам. Во-первых, экономика северного Китая была за все послевоенное время тесно связана с английским и американским капиталом, и, во-вторых, потому что в результате все развивающегося национально-освободительного движения, силы, которые толкали это движение, стали уже самостоятельными факторами, которые могли уже выступить на всекитайской арене, не только как результат того или иного ослабления иностранного влияния, а как самодовлеющие элементы, могущие уже себя противопоставить тому или иному иностранному влиянию, с большей или меньшей степенью вероятия победы. Этот постепенный рост национально-освободительного движения в Китае, получившего, в результате временной нейтрализации иностранных влияний в северном Китае, возможность свободного выхода на всекитайскую арену, и как результат этого роста постепенное его освобождение от положения того или иного иностранного влияния или от взаимоотношений этих влияний друг с другом, совершенно переродил самую внутреннюю структуру китайских событий. Если даже в начале событий, осенью 1924 года, происхождение их и самое направление можно было определять схематически только, как результат взаимодействия различных иностранных влияний в Китае, то уже с начала 1925 года, и в особенности с мая прошлого года, со времени знаменитых шанхайских событий, со времени побед Кантона, внутренние пружины, толкавшие в том или ином направлении события, коренным образом изменились. Если раньше от взаимоотношений между иностранными капиталами или группами капиталов зависел, в конце концов, весь ход событий, то теперь вопрос уже не в том, какое сопротивление встретит Япония при своем продвижении вглубь Китая со стороны Англии и Америки, и наоборот, вопрос главным образом заключается в том, какое реальное сопротивление этому движению может оказать национально-освободительное движение, имеющее на севере свои вооруженные силы главным образом в лице 1-й народной армии. Борьба стала гораздо упорнее, гораздо напряженнее и опаснее для империалистов. Произошла известная дифференциация сил: по одну сторону фронта стали все элементы, которые были связаны с иностранным влиянием, по другую—национально-освободительные силы и те элементы, которые к данному моменту не были настолько тесно связаны с империалистическим влиянием. Такое соотношение сил начало определять ход борьбы в течение последнего года.

II.

Шанхайские события прошлого года всколыхнули весь Китай и подняли национально-освободительное движение на небывалую до того времени высоту. Немедленно, вслед за расстрелами шанхайских пролетариев и студентов, по всему Китаю прокатилась колоссальная волна возмущения этими наглыми расстрелами, расстрелами, произведенными английской полицией. Началась всеобщая забастовка на большинстве иностранных фабрик и заводов, к забастовке присоединились даже шанхайские купцы, прекратив торговлю. Забастовали грузчики, матросы, коммунальные рабочие, домашняя прислуга, конторские служащие, печатники и др. Забастовка происходила даже при явном сочувствии китайской полиции. Грандиозные митинги рабочих и студентов по всей стране единогласно выносили резолюции протеста и требовали: 1) освобождения арестованных рабочих и студентов, 2) прекращения локаутов на японских фабриках, 3) полной свободы собраний, союзов, печати и права стачек, 4) отмены права экстерриториальности иностранцев, удаления из Шанхая иностранных войск и военных судов, упразднения консульских и смешанных судов, 5) упразднения иностранного городского самоуправления в Шанхае, передачи городских дел в руки избранного китайского самоуправления и роспуска иностранной полиции, 6) наказания убийц рабочих японских фабрик и полицейских виновных в расстреле рабочих 30 мая, выплаты пенсий семьям пострадавших и формального извинения иностранного муниципалитета, 7) запрещение телесного наказания на фабриках, 8) улучшения гигиенических условий и защиты женского и детского труда на фабриках.

Если рассмотреть эти требования, то мы увидим, насколько далеки они от тех чисто экономических требований, которые выставлялись рабочими в начале забастовок. Попытки империалистов задавить это растущее национально освободительное движение собственной вооруженной силой приводили только к тому, что движение вспыхивало с новой силой и в тех районах, которые прежде казались сравнительно благополучными. Нужно было менять позиции, нужно было искать новых методов «работы», которые бы давали более или менее хорошие результаты и вместе с тем не обостряли так положения. К этому толкало и еще одно обстоятельство. Первые попытки пойти по испытанному пути для об'яснения и некоторого оправдания расстрелов не дали результатов. Попытки свалить всю вину на «красных эмиссаров», на «советские деньги» сразу же провалились, ибо даже для китайских младенцев было ясно, что вина здесь во всяком случае не в «большевистских агитаторах». Центр всей ненависти Китая концентрировался на зачинщиках этого выступления, в данном случае на Англии в первую очередь и затем на Японии. Стало очевидно, что в этом периоде развития событий гораздо целесообразнее для других империалистов, прямо не замешанных в этих расстрелах, отмежеваться от физической виновницы расстрелов—от Англии. Американские газеты, а за ними и японские начали говорить, что дело здесь, собственно, не столько в большевиках, сколько в «методах» и в экономике. Только английская пресса в Шанхае, продолжала упорно держаться версии о «темных большевистских кознях», хотя тон ее становился все менее уверенным.

«Таймс» попытался было проявить столь свойственную ему твердость и строгость приемов и, укоряя заинтересованные стороны в пагубном разнобое, заявил, что «время и опыт убедительно доказали, что китайцы везде и во всем всегда считались с требованием держав, коль скоро они представлялись солидарно и достаточно твердо. Непростительной ошибкой явилось отсутствие солидарности в данном случае. Слишком часто общие интересы держав подчиняются их действительным или мнимым интересам, имеющим, разумеется, второстепенное значение».

«Таймс» не напрасно взывал к международной солидарности. Англия в результате этих событий совершенно неожиданно для себя вылезла единолично на открытую сцену. И понятно, что она не прочь была при помощи единого фронта всех держав-угнетателей, рассосать между своими друзьями эту концентрированную ненависть китайцев. Но «друзья» отнюдь не были склонны выручать Англию. «Осаки-Майничи» (японская газета) анализируя позицию Англии, высказывающейся за политику репрессий по отношению к Китаю, говорит, что «в этом пункте Япония безусловно должна разойтись с Англией. Среди требований забастовщиков есть много таких, которые не являются плодом агитации и которые побуждают рассмотреть вопрос о деятельности в Китае».

С своей стороны Англия не остается в долгу перед Японией, в знак дружбы с которой английская полиция в Шанхае расстреливала рабочих и студентов. Английская пресса в Китае начинает доказывать, что в Шанхае была сделана ошибка тем, что защищались японские интересы и что полиция считала выступление против японцев выступлением против дружественной державы. Англия в данном случае не прочь была прибегнуть к способу православных попов, который в случае, если им не платили за свадьбу, попросту развенчивали, путем повторения требы с конца. Но шанхайские события не поддавались столь упрощенному способу ликвидации: мертвых воскресить было нельзя.

Таким образом, образовалась трещина между империалистами по вопросу о Шанхайских событиях и способах их ликвидации. Эта трещина могла расширяться только до известных пределов, до того момента, пока растущее национально-освободительное движение не стало грозить смести все достижения империалистов в Китае. С этого момента должна была начаться более или менее контактированная работа империалистов в Китае.

И т. к. выступление собственными вооруженными силами давало только отрицательные результаты и никакому самому отпетому империалисту, исходя просто из практической необходимости, нельзя было уже пускать в ход свои войска, то естественно должна была возникнуть мысль использовать для этой цели такие национальные китайские силы, которые, будучи пущены в действие, с одной стороны, не были бы столь одиозны, как иностранные интервенционистские войска, а с другой — были бы достаточно сильны, чтобы подавить национально-освободительное движение и ликвидировать последствия шанхайской забастовки. Несмотря на попытки взвалить всю вину на Англию империалисты, в том числе и Япония, терпели громадные убытки от продолжения шанхайского конфликта. Одна только Япония на торговле теряла ежедневно больше двух миллионов иен, а Англия и того больше, не считая потерь промышленности, которая несла еще больший ущерб.

В силу того обстоятельства, что в результате роста национально-освободительного движения происходила естественная дифференциация сил в Китае, Чжан-Цзо-Лин, с его чрезвычайно большой связанностью с японским капиталом и японской империалистической политикой, держащийся, главным образом, только в результате этой связи (а последние события при восстании Го-Сун-Лина с еще большей наглядностью показали это), неминуемо оказался в одних рядах с империалистами против национально-освободительного движения. И так как он казался достаточно сильным для того, чтобы выполнить сокровенные мечты империалистов, то ясно, что на него пал «жребий» стать очередным «спасителем» Китая от растущей «большевистской опасности». Началось быстрое продвижение войск Чжан-Цзо-Лина к Шанхаю и вскоре Шанхай был занят отборными войсками под командованием сына Чжан-Цзо-Лина. Путем репрессий и постоянного вооруженного давления Чжан-Цзо-Лину удалось загнать революционное движение в Шанхае вглубь и создать видимость успокоения. «Мавр сделал свое дело и мавр может уйти»: Англия, которая перед лицом смертельной опасности своим интересам в Китае, особенно в Шанхае, являющемся центром торговой и промышленной деятельности Англии в центральном Китае, могла и должна была поддерживать Чжан-Цзо-Лина—должна была одновременно считаться и с тем обстоятельством, что с приходом Чжан-Цзо-Лина в Шанхай пришла одновременно и Япония, а следовательно, интересам Англии попрежнему начала угрожать большая опасность уже со стороны Японии. Выбирая перед лицом двух опасностей—национально-освободительное движение или усиление Японии, Англия решила, что оба хуже и начала принимать шаги к устранению столь ненормального положения, тем более, что Чжан-Цзо-Лин уже выполнил ту обязанность, которую на него возлагалась Англией: революционное движение было загнано вглубь, непосредственная опасность со стороны китайской революции была отодвинута. Были вызваны к жизни новые силы, остатки чжилийской группировки, которые до своего поражения об'ективно проводили английское и американское влияние. Генерал Сун-Чуан-Фан со своими войсками выступил против Чжан-Цзо-Лина в Шанхае, вытеснил его оттуда и быстро занял провинции Цзян-Су и Ань-Хуй. Быстрому поражению Чжан-Цзо-Лина под Шанхаем способствовало как то, что он не успел еще в военном и политическом отношении внедриться в Шанхае, так и то, что Англия доминирует в Шанхае экономически. Но как и везде, Англия вынуждена была барахтаться в тисках своей собственной двойственной политики. Если, с одной стороны, оттеснение Чжан-Цзо-Лина от Шанхая необходимо для противодействия стремлению Японии проникнуть в этот центральный район, то, с другой стороны, окончательное уничтожение его совершенно не в интересах Англии, которая в этом случае видит неминуемый рост национального освободительного движения. Кроме того, и в противовес собственной чжилийской группировке Англия должна держать какую-то силу, которая бы по своему существу не была бы совершенно противоположна империалистической политике Англии в Китае, и при помощи которой можно было бы в известных случаях маневрировать. Такое положение неминуемо приводило к двойственной политике, по отношению к Чжан-Цзо-Лину: не давая ему расширяться дальше известных рамок, вместе с тем, стараться спасти его от окончательной гибели. И действительно мы видим, что еще до вступления в борьбу народных армий, Чжан-Цзо-Лин ведет переговоры с Англией о займе и Англия благосклонно выслушивает его просьбы. И только слишком быстрый темп событий не дал возвозможности завершить все это дело в желательном для Чжан-Цзо-Лина духе. А во время последних событий, когда участь

Чжан-Цзо-Лина в результате выступления Го-Сун-Лина висела на волоске, английская пресса во главе все с тем же почтенным «Таймс» вела бешеную кампанию за Чжан-Цзо-Лина, выставляя его, как наиболее последовательного «демократа», единственного лица, могущего «спасти Китай от разрухи и большевизма». И чем в большей опасности находился Чжан-Цзо-Лин, тем сильнее раздавались голоса в Англии, требовавшие помощи Чжан-Цзо-Лину, и если гибель Го-Сун-Лина физически лежит целиком на совести милитаристической Японии, то и Англия, конечно, вложила свою лепту в это дело, правда, не физическими способами, а более продуманной дипломатической игрой, путем втравливания во все это дело Японии, путем целого ряда провокаций, имевших своей целью спасти Чжан-Цзо-Лина и поссорить наш Союз с Японией.

III.

Как мы уже сказали выше, в результате роста национально-освободительного движения произошла дифференциация сил в Китае, и если Чжан-Цзо-Лин оказался по одну сторону фронта с империалистами против революционного движения в Китае, то те военные группировки, которые не были так тесно связаны с империалистами, которые не строили своего существования на содружестве с империалистическими странами, оказались по другую сторону фронта вместе с национально-освободительным движением, вместе с лучшей частью китайского народа. К таким военным группировкам, с неясно до того времени выраженной ориентировкой, принадлежал целый ряд армий, получивших название народных. Благодаря размаху и глубине национально-освободительного движения эти военные группировки, перерабатываясь и оформляясь, все больше примыкали к этому движению, и в результате последних столкновений с Чжан-Цзо-Лином этот процесс еще более углубился, т. к. сочувствие, которым было встречено выступление народных армий на стороне освободительного движения против всекитайской реакции в лице Чжан-Цзо-Лина, наглядно показало колеблющимся еще элементам в среде народных армий, какова должна быть их правильная политика. Но и здесь нужно сделать оговорку. Когда мы говорим о народных армиях, то формально мы берем все три народные армии. Между тем нужно постоянно иметь в виду, что по существу народные армии, не являются какой-то единой организацией. Если все, что сказано выше, приложимо в полной мере к первой народной армии во главе с Фын-Юй-Сяном, то это же можно сказать относительно второй и третьей народных армий только весьма условно. Некоторые части этих армий и сейчас полностью стоят на платформе поддержки национально-освободительного движения, другие же до сих пор не потеряли органической связи с чжилийской группировкой, из недр которой они вышли, третьи, наконец, до сих пор политически еще не оформились и поддерживают освободительное движение исключительно в силу персональных связей. Эта до сих пор еще существующая политическая неоформленность и налагает на действия народных армий в целом некоторую неуверенность и неясность, которая всегда при вооруженных столкновениях крайне опасна и может привести к совершенно неожиданным осложнениям.

Самый ход последних событий развивался следующим образом. После выступления Сун-Чуан-Фана, который между прочим при самом начале военных действий декларировал ряд национально-освободительных лозунгов (что лишний раз доказывает силу освободительного движения в Китае), Чжан-Цзо-Лин быстро покатился к северу. Сун-Чуан-Фан смог легко занять две провинции и самый Шанхай и на этом приостановил свое движение. Такая легкость победы была обусловлена тем, что в рядах армии Чжан-Цзо-Лина, продвинувшейся на юг, уже к моменту выступления Сун-Чуан-Фана было большое разложение. Часть чжан-цзо-линовских генералов, отправившись в эту южную экспедицию, быстро эмансипировалась от Чжан-Цзо-Лина, и потеряв связь с центром в Мукдене, перешла на сторону Сун-Чуан-Фана. О солдатах местных войск, которые были набраны Чжан-Цзо-Лином, говорить не приходится. Они вовсе не собирались оставлять родные провинции и следовать вместе с мукденскими войсками, а предпочли сразу же перейти на сторону противников Чжан-Цзо-Лина и остаться у себя дома. Пройдя до границы Шаньдуня, Сун-Чуан-Фан дальше не смог продвинуться. Возможно, что в расчеты Англии не входило так далеко отгонять Чжан-Цзо-Лина, так как всем без сомнения было ясно, что, прогнав чжан-цзо-линовские войска в Маньчжурию, Сун-Чуан-Фан вовсе не был гарантирован, что занятые им провинции достанутся ему. Наоборот, была уверенность в том, что разгром Чжан-Цзо-Лина был бы в то же время и усилением народных армий, которые, находясь в невыгодном стратегическом положении не преминули бы сами занять и Шаньдунь и Чжили. Кроме того, на границе Шаньдуня Сун-Чуан-Фан встретил настоящее сопротивление выдержанных чжан-цзо-линовских войск под командой назначенного Чжан-Цзо-Лином военного губернатора провинции Шаньдунь, генерала Чжан-Цзу-Чана. Произошла задержка наступления Сун-Чуан-Фана и некоторая стабилизация положения. Но имея у себя на фланге народные армии, особенно после того, как вторая народная армия под командой Ио-Вей-Цзуня придвинулась к границам Чжили и Шаньдуня, Чжан-Цзо-Лин, естественно, должен был опасаться за судьбу тех своих частей, которые находились в этих провинциях. И т. к. народные армии, постепенно оформляя свое политическое кредо, становились наиболее важными противниками Чжан-Цзо-Лина, как основного представителя всекитайской реакции, то Чжан-Цзо-Лин начал готовиться к столкновению с народными армиями, в первую очередь с Фын-Юй-Сяном. Помимо тех войск, которые были в его распоряжении около Тяньцзина, он стянул сильный кулак в окрестностях Шанхай-Гуаня (на границе с Маньчжурией) и навис постоянной угрозой над 1-й народной армией. Столкновение было неминуемо. В этой борьбе шансы на победу были неясны, т. к. если у Чжан-Цзо-Лина было великолепное вооружение и снаряжение, своевременно доставленное ему империалистическими друзьями, то на стороне народных армий было сочувствие и активная поддержка всех сил национально-освободительного движения. А это много значило, если вспомнить хотя бы шанхайские события и их воздействие на всю страну и на империалистов. И если в армию Фын-Юй-Сяна начали массами вливаться студенты и рабочие для поддержки и для политической работы, то в армии Чжан-Цзо-Лина происходил совершенно обрат-

ный процесс. Разложение, которое началось еще под Шанхаем, шло быстрым темпом и на севере. Отдельные части и их командиры переходили на сторону народных армий или в лучшем случае об'являли себя нейтральными. И, наконец, произошло событие, которое в корне изменило обстановку на данный момент. Один из лучших генералов Чжан Цзо-Лина, стоявший во главе собранных им в Шанхай-Гуане войск—генерал Го-Сун-Лин восстал против Чжан-Цзо-Лина и двинулся против Мукдена. Положение Чжан-Цзо-Лина сразу стало критическим. Лучшая и большая часть его войск восстала против него, оставшиеся же войска были в лучшем случае небоеспособны, в худшем же—кандидатами на восстание. Были некоторые войска в тылу Маньчжурии, которые и в мирное время вызывали большие сомнения в своей преданности своему хозяину, а теперь после ряда восстаний и поражений Чжан-Цзо-Лина только и ждали, чтобы перейти на сторону противников Чжан-Цзо-Лина. Го-Сун-Лин начал быстро продвигаться к Мукдену, почти не встречая сопротивления и не ожидая его, т. к. состояние армии Чжан-Цзо-Лина он знал, пожалуй, даже лучше самого Чжан-Цзо-Лина. Казалось, песня маршала спета, и котайские газеты, говоря об этом периоде событий, в один голос повторяли: «Слышится похоронный звон над Чжан-Цзо-Лином». Экстренные меры, которые предпринимались Чжан-Цзо-Лином к своему спасению, не давали результатов, или же давали совсем не то, на что рассчитывал Чжан-Цзо-Лин: артиллерия переходила к Го-Сун-Лину, аэропланы перелетали туда же, солдаты толпами уходили к счастливому сопернику маршала. Гибель Чжан-Цзо-Лина была неизбежна, если к нему на помощь не пришли бы посторонние силы. «Ищите и обрящете, толцыте и отверзется». Как раз в это время английская пресса с благословения властей начала экстренную кампанию в пользу Чжан-Цзо-Лина, подготовляя на всякий случай «общественное мнение» страны к возможным решениям английского кабинета, очевидно, в это же время были предприняты соответствующие шаги и перед единственной силой, которая физически могла помочь Чжан-Цзо-Лину—Японией. Впрочем Японию, особенно японскую военную партию в этом отношении, подбадривать не приходилось. Достаточно вспомнить, что Япония в Маньчжурию вложила 5 миллиардов иен, в Маньчжурии проходит громадная японская железнодорожная артерия, непосредственно связывающая Маньчжурию с сетью корейских железных дорог—Южно-Маньчжурская железная дорога. Япония слишком экономически заинтересована в южной Маньчжурии, чтобы так легко с ней расстаться. Потеря Маньчжурии для Японии равносильна колоссальной катастрофе, по своим результатам превышающей знаменитое сентябрьское землетрясение 1923 г. И так как наступление народных армий (а Го-Сун-Лин об'явил о своем присоединении к народным армиям и даже назвал свои войска «северо-восточными народными армиями») означало не только изгнание Чжан-Цзо-Лина, который при некоторой только неуступчивости по мелким вопросам все же выполнял в основном пожелания Японии, но и аннулирование неравноправных договоров, на основе которых Япония строила всю экономику южной Маньчжурии,—то немудренно, что Япония начала предпринимать ряд экстренных мер, чтобы чисто военной помощью помочь Чжан-Цзо-Лину спасти положение. Были переброшены новые значительные японские военные силы в Маньчжурию, был издан ряд правил, которыми фактически запрещалось Го-Сун-Лину наступать на Чжан-Цзо-Лина (напр., запрещение военных действий в районе Ю.-М. ж. д.) и пр. Был также широко использован ряд провокаций—и в результате Го-Сун-Лин был под самыми стенами Мукдена разбит, взят в плен со своей женой и казнен. После этого японские войска были выведены из Маньчжурии, остались только стоявшие и раньше охранные войска, английская пресса, успокоившись за судьбу Чжан-Цзо-Лина, несколько сбавила свой тон, а Чжан-Цзо-Лин приступил к своему закреплению в Маньчжурии, в частности начав наступление на К.-В. ж. д., о чем ниже.

IV.

Если на севере национально-освободительное движение по внешности переживало ряд волн, по временам уходя вглубь и тем создавая представление о спаде, то на юге, в Кантоне эта характерная восходящая революционного движения даже и по внешности не претерпевала изменений. За все время последнего периода национально-освободительного движения оно в Кантоне победоносно развивалось на всей территории Гуандунской провинции. Кантон—это пока единственная база революционного движения в Китае, которая имеет, помимо прочих предпосылок, еще и целый ряд материальных факторов. Правительственная власть находится в руках Гоминдана, боеспособность армии с каждым днем с каждой новой победой все повышается финансы постепенно упорядочиваются, налоговая система реформирована, профессиональное движение встречает не только признание, но и особенную поддержку правительства. Приступлено к организации крестьянских союзов, которые ставят целью не только улучшение материального положения крестьянства, но и вовлечение его в русло нового строительства. Все это придает особенную силу южному Гоминдановскому правительству. И эта сила, питаемая все растущим освободительным движением во всем Китае (со своей стороны встречающего отклик и поддержку Кантона), успешно справляется до сих пор со всеми затруднениями, вытекающими как из особенного положения южного правительства как провозвестника нового Китая, так и из особого положения самого Кантона, который должен бороться за господство над южным Китаем с Гонконгом—английской колонией находящейся возле Кантона. И борьба Кантона с Гонконгом, означая, с одной стороны, борьбу нового Китая с английским империализмом вообще (последняя забастовка в Кантоне, которая сводит почти на-нет Гонконг и тем наносит смертельный удар по английскому господству вообще в Китае, возникла как результат последних шанхайских событий, следовательно имеет непосредственную связь с общим национально-освободительным движением)—с другой стороны, тесно переплетается с чисто местными интересами самого Кантона. Если первое обстоятельство притягивает к Кантону симпатии и поддержку всего революционного Китая, то последнее ставит в ряды его союзников или по крайней мере в ряды лояльно настроенных элементов даже кантонскую китайскую буржуазию, которая видит в революционном Кантоне надежного союзника в борьбе с английским капиталом, и ввиду

этого мирится с теми неизбежными жертвами, которые она должна нести на поддержку кантонского правительства. Те настроения, которые были год тому назад у кантонской буржуазии, настроения в значительной степени подогретые Гонконгом и выливавшиеся в восстания «бумажных тигров», уже теперь пережиты и отошли далеко назад. Нельзя быть, конечно, совершенно уверенным, что у кантонской буржуазии, при каких-либо военных потрясениях, не появится вновь таких же тенденций. Во всяком случае Кантон, революционная база Китая, никогда еще не был так силен и крепок, как в настоящее время, в результате развития национально-освободительного движения. Но под влиянием тех же обстоятельств, которыми обусловливалось недостаточно полное единство в рядах народных армий—известная связанность отдельных групп китайской буржуазии и интеллигенции с иностранным влиянием и капиталом, и в рядах партии Гоминдан, главным образом на севере, имеет место некоторое расхождение во взглядах как в тактических, так и в программных вопросах. Правда, количество сторонников половинчатой, соглашательской позиции в рядах партии Гоминдан крайне незначительно, и их удельный вес незначителен, но факт остается фактом, такие настроения имеются и время от времени, в период наибольшего обострения национально-освободительной борьбы, они проявляются и вносят некоторую дезорганизацию в единый фронт борьбы. Под влиянием таких настроений, небольшая часть Гоминдана на севере открыла свой конгресс, который об'явила единственным полномочным органом партии. Это мероприятие встретило единодушный отпор как со стороны Гоминдана, так и всего национально-освободительного движения в целом. Наиболее право настроенные группы гоминдановцев ставили вопрос о расколе в Гоминдане, о невозможности примирения отдельных точек зрения как раз тогда, когда требовались стройные ряды, когда обстановка налагала определенные обязательства на руководящую партию освободительного движения. Таким образом, становилась явной затаенная мысль правых элементов партии—внести дезорганизацию в ряды партии. В партийных кругах понимали, что соглашения с наиболее правой группой Гоминдана достичь трудно, но т. к. эта группа была крайне малочисленна и не имела за собой никакой массы, то вопрос ставился не в плоскость раскола Гоминдана, а фактического откола небольшой группы, отсечения нездоровой маленькой части партии. С этой точки зрения к раскольническим мероприятиям и настроениям и подошел с'езд Гоминдана в Кантоне, открывшийся 1 января 1926 г. С'езд открылся речью Ван-Чин-Вея, в которой последний, упомянув о смерти Сун-Ят-Сена, заявил: «Наша партия уверена в победе национальной революции, и с этой уверенностью мы смело идем вперед по пути, предуказанному нам Сун-Ят-Сеном». На втором заседании конгресса была принята декларация о сотрудничестве со всеми угнетенными народами, а также вынесен решительный протест против японской интервенции в Маньчжурии. Принята резолюция, одобряющая действия народных армий, и содержащая благодарность СССР. В телеграмме, отправленной конгрессом правительству СССР выражается уверенность в том, что обе страны установят искреннее сотрудничество с целью свержения империализма. «Советская Россия,—указывается в телеграмме,—является авангардом и защитником угнетенных народов. С'езд обещает завершить до конца национальную революцию и ускорить освобождение угнетенных народов».

Политический отчет ЦК Гоминдана отметил рост организованности как в рядах Гоминдана, так и укрепление положения кантонского правительства. Доклад ЦК по вопросу о работе среди крестьянства отметил рост организованности и среди крестьянского населения провинции Гуандунь и то содействие, которое крестьянство оказывает правительству в его стремлении построить новую жизнь. Число членов крестьянских союзов удвоилось. В каждом округе Гуандунской провинциии теперь существуют крестьянские организации. Свой доклад представитель ЦК Чжан-Гу-Бо закончил указанием, что без активной поддержки крестьянства революция невозможна. По вопросу о росте рабочего движения конгресс отметил значительное расширение организованного рабочего движения как во всем Китае, так и в Кантоне. Количество организованных рабочих в Китае со времени начала шанхайских событий почти удвоилось, достигая 1.000.000 членов профсоюзов против 600.000 летом прошлого года. «События последнего времени в особенности поражение «тигров» и продолжающиеся забастовки протеста против империалистов показали мощь рабочего класса». Но рост Гоминдана отмечен не только в пределах Китая. Заграничные отделения Гоминдана, которые в настоящее время имеются не только в Европе и Америке, но главным образом в Индо-Китае и южных островах, чрезвычайно расширили свою работу, не ограничиваясь только работой среди своих членов. Конгресс постановил подчеркнуть необходимость раз'яснять чуждую империализму тактику Гоминдана, об'явить свою солидарность со всеми колониальными народами и усилить политпросвещение среди членов партии, находящихся за границей. С'езд постановил отправить циркулярную телеграмму всем китайским и заграничным секциям Гоминдана с призывом ко всем членам партии решительно поддерживать партию в целях осуществления национальной революции.

Рассмотрев вопрос о поведении отдельных членов партии, стремящихся вызвать раскол в Гоминдане, конгресс выявил чисто раскольнические и дезорганизаторские стремления этих членов партии и постановил навсегда исключить из партии наиболее ярких выразителей этих тенденций—Чжоу-Лу и Шие-И-Чи. Менее зараженные этими тенденциями Чу-Чен и Ши-Чи-Ян исключены на год, остальным сделаны предупреждения. Таким образом попытка разложившихся членов Гоминдана внести дезорганизацию в единые ряды партии не удалась и фактически свелась не к расколу, как этого им хотелось, а к отколу маленькой группы.

Таким образом, если на севере после бурного натиска на позиции империализма в Китае со стороны национально-освободительного движения наступило как бы некоторое внешнее «успокоение», то на юге национально-освободительное движение, свободно развиваясь, достигло таких результатов, что ставит под угрозу уже основные «завоевания» империалистов, в первую очередь Англии. И не даром так пессимистически настроена английская пресса. «Морнинг Пост» печатает письмо видного гонконгского коммерсанта-англичанина, в котором он между прочим пишет: «Здесь все более усиливается опасение, что Гонконг, как

колония и крупнейший торговый центр, будет фактически потерян для англичан. Минувший год нанес большой удар английскому престижу в Китае».

В интервью председателя «Китайской ассоциации» Лифа, последний заявил следующее: «Гонконгская торговля в полном застое. Переговоры не привели ни к каким результатам. Английские коммерсанты требуют вмешательства английского министерства иностранных дел». Единодушное мнение английских кругов, заинтересованных в китайской торговле, что английское правительство должно вмешаться в вопрос о бойкоте Гонконга Кантоном, т. к. в противном случае Гонконгу грозит разорение.

Такое положение, когда на севере, с воскресением Чжан-Цзо-Лина, положение непосредственной опасности для империалистов от растущего национально-освободительного движения, несколько смягчилось, по всей вероятности, заставит Англию пересмотреть свое отношение к Кантону еще раз и направить главные свои усилия против базы национально-освободительного движения. Если раньше, на севере, когда Чжан-Цзо-Лин стоял на краю гибели, сила народных армий, как представителей национально-освободительного движения угрожала уже непосредственно основным интересам империалистов, то теперь обстановка на севере опять сделалась неясной, т. к. Чжан-Цзо-Лин существует в центре имеются военные группировки, весьма симпатично относящиеся к Англии, следовательно, империалистами получена какая-то отсрочка, передышка, возможно даже продолжительная. Но на юге положение совершенно безнадежное. Усиление Кантона одновременно означает и крайнее усиление национально-освободительного движения и непосредственную угрозу прямым интересам Англии на юге. Поэтому естественно, что огонь английской прессы и «общественного» мнения переносится на Кантон. «С Кантоном нужно расправиться,—вот затаенный пока лозунг английских империалистов. Использовать прежние средства, вроде наступления Чен-Цзю-Мина против Кантона, очевидно, уже не удастся, т. к. военные силы Кантона теперь настолько велики и обучены, что мелкими бандитскими налетами коренным образом обстановку не исправишь. Использовать свои собственные вооруженные силы также не удастся, т. к. опыт Шанхая ясно показывает, к чему приводится такая тактика. Нужно, очевидно, использовать старый способ, когда для подавления Шанхая был использован Чжан-Цзо-Лин, с той только разницей, что в этой операции будет использован уже не Чжан-Цзо-Лин, а возможно чжилийская группировка, не только потому, что движение Чжан-Цзо-Лина на юг физически крайне затруднено, но главным образом потому, что пустить Чжан-Цзо-Лина, а за ним и Японию в свою цитадель—юг Китая, Англия никогда не согласится. Потому и сейчас уже по китайской прессе прошли первые глухие сообщения о готовящемся походе на юг, при чем, руководителем весьма недвусмысленно называют У-Пей-Фу.

V.

Параллельно с этими мероприятиями фундаментального свойства, имеющими своей целью загнать национально-освободительное движение вглубь, отдалить момент решительного столкновения, империалисты предпринимают ряд мер, при помощи которых они хотят выбить козыри из рук национально-освободительного движения. В ответ на лозунг об отмене неравноправных договоров, державы выдвигают приемлемый для половинчатой и соглашательской группы китайской буржуазии и интеллигенции проект таможенной конференции, на которой должен был быть разрешен вопрос о повышении таможенных тарифов Китая. Этим своим мероприятием, своими разговорами по этому вопросу, державы хотели отвлечь общественное мнение страны от прямой цели освободительной борьбы и свести колоссальное народное движение, в крайнем случае, к мелким экономическим уступкам.

Дело в том, что согласно предыдущим договорам, носящим общее название неравноправных договоров, ввозные пошлины в Китай с иностранных товаров устанавливались в размере 5% «ад валорем», при чем самое исчисление этих пошлин производилось применительно к ценам товаров за прошлое время. В результате такого положения получилось то, что таможенные сборы, которые, между прочим, почти полностью уходили на покрытие процентов по иностранным займам, никогда не достигали размеров действительных 5%. Если подсчитать общую сумму всех ввезенных в Китай товаров иностранного происхождения и сумму таможенных сборов, то в 1905 г. эта сумма составляла только 3% действительных, а в 1912 г.—меньше 3%, в 1923 г.—значительно меньше и этих 3%. Кроме того, совершенно ускользали от обложения или облагались в незначительных размерах такие виды товаров, которые конкурировали с местными китайскими товарами. Поэтому Китай еще на Вашингтонской конференции выдвинул ряд требований, которые сводились в основном к тому, чтобы привести эти тарифы к размерам действительных 5%.

В надежде затуманить общественное мнение страны иностранные державы уведомили Китай, что на основании постановления Вашингтонской конференции будет созвана в конце 1925 г. специальная таможенная конференция, которая обсудит вопросы повышения таможенных тарифов. Но, к сожалению, для империалистов события в Китае развивались гораздо более быстрым темпом, чем они принимали свои решения. К тому моменту, когда державы известили о своем намерении сделать такие уступки Китаю, национально-освободительное движение в связи с поражением Чжан-Цзо-Лина вступило в полосу непосредственного наступления на империализм в Китае, и потому в Китае началось сильное движение сначала против самой таможенной конференции, а затем было подхвачено более компромиссное предложение—предоставление Китаю полной таможенной автономии. Некоторое время державы упирались, но затем с различными оговорками, фактически сводящими на-нет все их уступки в данном вопросе, согласились на введение с 1929 года таможенной автономии. Но и это мероприятие было слишком запоздалым—к этому времени произошло восстание Го-Сун-Лина, участь Чжан-Цзо-Лина была поставлена на карту, и вопрос стоял уже о победе национально-освободительного движения во всекитайском масштабе, а следовательно и полной победе всех его лозунгов и в первую очередь об отмене всех неравноправных договоров. Понятно, что при таком положении, уступка, делаемая иностранными империалистами Китаю, была слишком запозда-

лой и самое существование таможенной конференции, обсуждающей вопросы в слишком узкой плоскости, ставилось под вопрос. И конференция, вынеся ряд половинчатых решений, благополучно скончалась. Очевидно, что такая же судьба была бы суждена и переговорам по вопросам уничтожения экстерриториальности в Китае. Правда, теперь с отдалением непосредственной опасности и с некоторым уходом вглубь национально-освободительного движения на севере Китая, обстановка несколько меняется и для империалистов представляется возможность поговорить и по этому вопросу, но все же, в конце концов, особенных результатов из этих переговоров ожидать не приходится. Эта попытка затемнить мнимыми уступками китайское общественное мнение так же не удастся, как не удалось провести уловку с таможенными делами.

Одновременно с некоторым восстановлением положения на севере, Чжан-Цзо-Лин начинает закреплять свое положение в Маньчжурии, т. к. пытаться распространить свое влияние во всем Китае он еще долгое время не будет в состоянии. Между тем, его положение в Маньчжурии, было сильно поколеблено поражениями и «нейтральностью» ряда его генералов. Маньчжурия попрежнему остается основной базой китайской контрреволюции, и потому на нее должно быть обращено особенное внимание как самого Чжан-Цзо-Лина, так и держав, заинтересованных в его существовании, как противовеса национально-освободительного движения. Закрепления своего положения в Маньчжурии Чжан-Цзо-Лин не мыслит без вытеснения влияния СССР К.-В. ж. д., которая на основании договоров с Китаем является совместным коммерческим предприятием. Для империалистов в данном случае такое наступление вдвойне интересно: с одной стороны, захват Чжан-Цзо-Лином К.-В. ж. д. укрепляет положение его в Маньчжурии, с другой,—ослабляется положение СССР в Китае, т.-е. в конечном счете ослабляется национально-освободительное движение. Поэтому первые сведения о конфликте на К.-В. ж. д. в английской прессе появились даже раньше самого конфликта, а его развитие этой прессой было подхвачено на все голоса.

Но результаты конфликта уже известны. Чжан-Цзо-Лин должен был пойти на уступки и по крайней мере на время отказаться от намерения захватить дорогу для себя (а следовательно и для империалистов, в первую очередь для Японии). Твердый тон, который был занят советским правительством в этом вопросе, показал Чжан-цзо-Лину, что его попытки будут немедленно пресечены в самом корне, а наглость его отдельных местных представителей будет самым решительным образом опротестована. Чжан-Цзо-Лин вернулся к своим исходным позициям.

VI.

Подводя итоги теперешнему положению в Китае, нужно отметить следующие неоспоримые данные. В результате последних событий (поражение Чжан-Цзо-Лина, занятие народными армиями Тяньцзина, значительный рост кантонского правительства и его сил) национально-освободительное движение выходит из этого периода борьбы значительно окрепшим не только количественно, но—что самое важное—качественно. Обострение, которое приняла борьба, усиленная работа китайской компартии и Гоминдана по пропаганде идей национально-освободительного движения, резкий напор империалистов по отдельным вопросам, затрагивающим суверенитет Китая,—все это способствовало дифференциации сил в Китае, в результате чего выявились новые возможности национально-освободительной борьбы в лице народных армий. Вместе с тем, в силу того же роста национально-освободительного движения внутренние группировки сил, которые определяют в общем направление китайских событий, значительно изменились: национально-освободительное движение стало таким самостоятельным фактором, который не только свободно выявляется при отсутствии доминирования в данном районе какого-либо иностранного влияния, но и при наличии такого влияния бьет наружу, небезуспешно стараясь бороться с реакционными силами, поддерживающими это иностранное влияние. Чем дальше идет рост движения, тем больше он способствует дифференциации сил, присоединяя под знамена освободительной борьбы все большие силы и открывая тем самым для этой борьбы все большие возможности. Вместе с тем, самое существование революционного Кантона является могучим фактором, который об'единяет разрозненные стихийные силы национально-освободительной борьбы, а проводимая кантонским правительством политика в новом строительстве является действительным провозвестником нового свободного Китая, притягивающим к себе симпатии и поддержку всех лучших элементов страны.

Такое положение Кантона, как бродила революционного движения в Китае, вызывало и вызывает к нему ненависть империалистов, которые особенно в последнее время, когда обозначился особый рост Кантона и когда в борьбе с Гонконгом первый остается победителем, почувствовали, какую действительную опасность для них он представляет. Поэтому нужно ожидать усиленного нажима на Кантон особенно со стороны Англии всеми доступными средствами. Но этот нажим, как бы он ни кончился, даст один результат—национально-освободительное движение получит новый громадный толчок для своего развития. К таким же, правда, в меньшем масштабе, результатам приведет и нажим империалистов по отношению народных армий. Создалось такое положение, при котором всякому препятствию со стороны империалистов дальнейшему росту национально-освободительного движения будет противопоставляться ожесточенное сопротивление, в свою очередь обусловливающее дальнейшее углубление этого движения. Положение создается безвыходное для империалистов, так как пойти на такие уступки, которые бы смягчили и замедлили национально-освободительное движение, они не могут, а вместе с тем и иными путями задержать естественный ход событий также не могут.

В этой плоскости и развиваются и будут развиваться дальнейшие события в Китае. Временное же «затишье», которое по временам наступает в Китае, не должно никого обманывать—это не затишье, а углубление и дальнейшее расширение сил освободительной борьбы, новое активное накопление сил, которое неминуемо выльется в непродолжительном времени в еще более сильное открытое наступление на позиции империализма в Китае.

Виктор.

Положение в Польше.

Польша первая из всех европейских государств пала жертвой относительности стабилизации капитализма, на которую западноевропейские политики возлагали столько надежд. Кризис «стабилизации» не является характерной особенностью только Польши. И в других западно-европейских государствах мы отмечаем симптомы, свидетельствующие, что эта, улучшившаяся по сравнению с послевоенным периодом, кон'юнктура подходит к концу. В Польше, как в самом экономически слабом и, с точки зрения внутренних отношений, самом неустойчивом государстве, этот кризис проявился ранее всего и принял особенно резкие и грозные формы. В свою очередь польский кризис окажет влияние на другие страны, прежде всего на Германию. С одной стороны падение злотого до известной степени увеличит конкурентную способность польской промышленности путем создания экспортной премии, с другой стороны, это же падение злотого, первое падение вновь введенной твердой валюты, подрывает доверие к новым твердым валютам вообще.

Причины польского экономического и финансового кризиса неоднократно освещались в нашей печати, поэтому мы ограничимся только кратким повторением основных причин. Таковыми являются, прежде всего, великодержавные стремления Польши, желание играть большую роль в международной политике, не имея для этого достаточных рессурсов. Эти тенденции вызвали необходимость содержания крупной армии, которая тяжелым бременем ложится на польский бюджет.

Кроме армии, огромные суммы с'едает бюрократический административный аппарат, который к тому же отличается колоссальным взяточничеством и воровством. Так некоторые польские газеты утверждают, что за истекший год в Польше было разворовано около $^1/_4$ всего бюджета.

Инфляция, начало которой относится к первым дням возникновения польского государства и которая своего кульминационного пункта достигла в конце 1923 года, явилась расточением национального имущества и привела к обнищанию масс, в особенности мелкой городской буржуазии. В то же время в период инфляции крупная буржуазия при помощи казенных субсидий и займов сумела восстановить разрушенные во время войны фабрики и заводы. Низкий курс марки создавал все время условия, благоприятные для развития экспорта, и способствовал расширению производства, которое в целом ряде отраслей достигло, а иногда и превысило довоенные нормы.

Быстрота денежного обращения до известной степени компенсировала недостаток капиталов.

Но нездоровые основы, на которых восстанавливалась после войны польская промышленность, роковым образом сказались после того, как государство вынуждено было отказаться от политики инфляции, грозившей окончательно разрушить польскую экономику (фактически к концу 1923 года польская марка перестала исполнять функции денег, и ее заменил доллар) и ввело твердую валюту—злотый. Переход на твердую валюту обычно сопровождается промышленным кризисом. В Польше этот кризис оказался особенно глубоким и болезненным. Польская промышленность оказалась неспособной к конкуренции. С начала мировой войны она была лишена своего главного внешнего рынка — России, и только благодаря инфляции она смогла найти другие рынки. С введением злотого цены на изделия польской промышленности превысили уровень мировых цен. Экспорт стал быстро сокращаться. В то же время введение твердой валюты и высокий уровень цен вызвали усиление импорта. Торговый баланс Польши из активного превратился в пассивный. За первые 6 месяцев 1925 года отрицательное сальдо торгового баланса достигло 515 миллионов злотых (в 1924 г. оно равнялось 212 милл. злотых).

К этому прибавился таможенный конфликт с Германией, который поставил в катастрофическое положение тяжелую промышленность Верхней Силезии (конфликт возник в связи с истечением летом 1925 года срока женевского протокола о беспошлинном ввозе верхне-силезского угля в Германию в размере 500 тыс. тонн ежемесячно и отказом Германии возобновить договор).

Одновременно с потерей внешних рынков стал все более суживаться и внутренний рынок. Инфляция разорила широкие слои мелкой буржуазии. Переход на твердую валюту сопровождался усилением налогов, которые всем своим бременем легли на плечи трудящихся масс. В то время, как прямые налоги истекшего года дали лишь около 71%, предусмотренных бюджетом, с косвенных собрано свыше 150%.

В результате потери рынков, производство стало резко падать, фабрики закрываться одна за другой, количество безработных—увеличиваться со дня на день. В настоящий момент количество безработных по оффициальным данным перевалило за 300 тысяч, по неоффициальным—оно доходит до 700 тысяч. По последним данным безработица в среднем возрастает на 11.000 человек в неделю. Притом следует имет в виду, что значительное число действующих фабрик работает не более 2—3 дней в неделю.

Неурожай 1924 г. тяжело отразился на польском народном хозяйстве. Польша, ранее вывозившая хлеб, была вынуждена ввозить его из-за границы.

В 1925 году урожай был хороший и польское правительство, добиваясь активного баланса, а также уступая давлению аграриев, разрешило свободный вывоз хлеба за границу. В результате оказалось, что хлеба вывезено больше, чем следует, и к весне придется прибегнуть к импорту пшеницы.

Кризис промышленности и сельского хозяйства подорвал устойчивость нововведенной твердой валюты—злотого, который должен был стать фундаментом пресловутой «санации», т.-е. оздоровления польского хозяйства. Пассивный торговый баланс вызвал отлив золота и иностранной валюты из страны. Обнищание населения и экономический кризис отразились на поступлении

налогов. Чрезмерно разбухший бюджет сводился с хроническим дефицитом (дефицит последнего года достиг 500.000.000 злотых). Все это привело к падению злотого, который с паритета 5,18 злотых за доллар, в декабре 1925 г. пал до 12 злотых за доллар.

Пытаясь путем интервенции на заграничных и польских биржах искусственно поддержать курс злотого, польское правительство еще более уменьшило свои валютные запасы и растратило 2 небольших полученных Польшей иностранных займа («Банка Коммерчиале» в 400 миллионов лир и Диллона в 35 миллионов долларов).

Иностранный капитал вообще крайне неохотно идет в Польшу, ибо не верит в прочность польского государства и установившихся там социальных отношений. Падение злотого заставило правительство и Польский Банк сократить и без того недостаточные кредиты промышленности и торговле. Началась полоса банкротств, самоубийств (достигают в последнее время 20 в день) и проч. Финансовый и кредитный кризис еще более углубили расстройство экономической жизни.

Нарушение «стабилизации» польской экономики сорвало относительное равновесие, которое установилось было во внутренне-политической жизни страны. Экономический кризис вызвал обострение социальных противоречий и усиление классовой борьбы. Падение валюты, дороговизна, катастрофическая безработица резко ухудшили положение рабочего класса, которое и в период «санации» было далеко не блестящим.

Рост дороговизны выразился в следующих цифрах. Если принять цены 1914 года за 100, то общие расходы[1] в

январе 1925 года были равны	150,0
октябре » » » »	155,1
декабре » » » »	173,1

Буржуазия, сумевшая тяжесть введения твердой валюты переложить на широкие массы трудящихся, пытается и теперь найти выход из экономического кризиса за счет рабочего класса. Активность пролетариата и его готовность к борьбе, упавшая после 1923 года под влиянием все более ухудшающегося положения и наступления буржуазии, снова подымается. В первых рядах выступают наиболее обездоленные слои рабочего класса — безработные, которые во всех промышленных центрах устраивают демонстрации, требуя улучшения своего положения. Правительство отвечает репрессиями и применением вооруженной силы. Полиция прибегает к новым способам борьбы — слезоточащим газам. Процесс активизации и полевения рабочего класса будет продолжаться вместе с ростом и углублением экономического кризиса.

Крупные сдвиги произошли также и в деревне. Основным вопросом в этой области был вопрос об аграрной реформе. Изданный в 1920 г., когда Красная Армия подходила к Варшаве, радикальный закон об аграрной реформе, был благополучно похоронен, как только миновала военная опасность. Новый аграрный закон вырабатывался 5 лет. Помещики, которые не смели выступать в 1920 г., теперь, имея в своем распоряжении крупные денежные средства и обладая большими связями, оказывали сильное влияние на правительство и законодательные органы. Крупные землевладельцы, которые до сих пор не были об'единены в одну политическую партию, стремятся к консолидации. Значительная их часть входила в партию эндеков. Но эндеки, стремящиеся сохранить союз с кулацкой партией «Пяст», вынуждены были голосовать за закон «о парцелляции», который явился весьма куцым остатком закона об аграрной реформе. Ввиду этого наблюдается отход аграриев от партии н.-д. Выразительницей интересов помещиков становится партия х.-н. (группа Дубановича). Процесс их организации завершается состоявшимся в Варшаве 10 сентября 1925 года с'ездом землевладельцев, в котором приняло участие около 2.000 человек.

[1] Согласно данным Главного Статистического Управления. Ведомости статистические № 1 от 5/I 1926 года.

Организованные помещики становятся крупной силой и оказывают сильное влияние на политическую жизнь страны. Им удалось ввести в и без того весьма умеренный аграрный закон такие «поправки», которые фактически похоронили всю реформу. Не говоря уже о всем законе, который преследует исключительно интересы кулацкого крестьянства и старается частичную ликвидацию помещичьего землевладения сделать как можно более безболезненной для помещиков, принятая по настоянию Сената поправка о том, что за отчуждаемую землю уплачивается от 50 до 20 процентов наличными, сводит на-нет даже те недостаточные мероприятия по наделению крестьян землей, которые предусмотрены законом. В самом деле, уплата наличными в современных условиях экономического и финансового кризиса совершенно неосуществима.

Такое разрешение аграрного вопроса вызывает сильное недовольство крестьянских масс и ускоряет процесс дифференциации крестьянских партий и группировок. Партия «Пяст», которая в свое время претендовала на представительство интересов всего крестьянства в целом, окончательно превратилась в партию «крепкого» кулацкого крестьянства. Она все более и более сближается с правыми буржуазными партиями, с которыми она уже составила в 1923 году центро-правое правительство Витоса. В настоящее время «Пяст» входит в коалиционное правительство Скшинского.

Стоящая левее «Пяста» партия «Вызволение», которая претендовала быть партией мелкого крестьянства, представляла из себя конгломерат самых разнородных элементов. Наряду с действительно радикальными элементами в этой партии уживались представители так называемой «радикальной интеллигенции», бывш. легионеры Пилсудского, ничего общего с крестьянством не имеющие. Процесс радикализации крестьянских масс имел для «Вызволения» весьма печальные последствия. От нее начали откалываться слева и справа различные группировки, и она, будучи ранее одной из крупнейших партий в Сейме, насчитывавшей 60 депутатов, сократилась до небольшой группы в 29 депутатов. Сперва от нее откололась группа левых депутатов во главе с Воевудским и Федеркевичем, образовавшая радикальную «независимую крестьянскую партию» (N. P. Ch.). Затем от нее отошла правая группа во главе с бывш. лидером «Вызволения» Тугуттом, образовавшая «партию труда». Наконец, в декабре 1925 г. произошел новый раскол: из «Вызволения» ушел Ян Домбский с 16 депутатами, образовавший «крестьянскую партию».

Одновременно с разложением крестьянских партий наблюдается процесс консолидации радикальных элементов среди них.

Так последний раскол в «Вызволении» произошел под лозунгом об'единения с «крестьянским союзом» (группа депутатов Бриля), который образовался вследствие раскола «Пяста» в конце 1923 г. Несомненно, в ближайшее время группа Домбского соединится с группой Бриля[1]). К ним примкнет, вероятно, группа ксендза Оконя («радикальная крестьянская партия») или, по крайней мере, часть этой группы. Образовавшаяся таким путем партия вступит в блок с «независимой крестьянской партией». Таким образом, на левом фланге польской общественности появится в самом ближайшем будущем сильный радикальный крестьянский блок, который, несомненно, встретит поддержку в широких крестьянских массах. Этот блок выдвинет лозунг передачи земли крестьянству без выкупа и будет по всем вопросам внутренней политики выступать левее «Вызволения». В вопросах внешней политики блок займет благожелательное отношение к СССР в противовес так наз. «левице», которая настроена резко антисоветски. Для политической ориентации будущего блока характерно возглавление одним из его организаторов, депутатом Брилем, делегации польских парламентариев, посетивших СССР.

Процесс разложения крестьянских партий и консолидация радикальных элементов среди них продолжается. В «Вызволении» ожидается новый раскол. На этот раз должна уйти группа представителей восточных окраин. Эта группа также, вероятно, примкнет к крестьянскому блоку. Можно также ожидать дальнейших расколов в «Пясте».

Экономический кризис и неустойчивость положения внутри страны, естественно, не создают предпосылок для существования твердого правительства. Ко всем существующим кризисам прибавляется кризис власти. Политику «оздоровления» польского хозяйства и введения твердой валюты проводило правительство Владислава Грабского. Полтора года Грабский был «спасителем отечества» и разлагающийся Сейм наделил его чрезвычайными полномочиями. После того, как выяснился полный крах политики оздоровления, Грабский вынужден был уйти, хотя он и сохранил небольшое большинство в Сейме. Недавний герой—он стал козлом отпущения и об'ектом ожесточенных нападок. Нашлось даже 100 депутатов, которые потребовали предания его суду.

После падения Грабского, создалось весьма тяжелое положение. Сейм, состоящий из множества враждующих между собой, раскалывающихся партий, давно утратил всякий авторитет и не был в состоянии выделить какое-либо правительство. Ни одна из партий не хотела брать на себя ответственность за власть. Выход был найден в полупарламентарном коалиционном правительстве Скшинского. Такое «механическое» разрешение кризиса является, конечно, только временным. Противоречия, раздирающие правительство, настолько велики, что оно не распадается только потому, что все возможные правительственные комбинации уже исчерпаны. Правые партии, которые играют доминирующую роль в правительстве и сосредоточили в своих руках важнейшие портфели, откровенно стремятся к «удешевлению продукции» путем удлинения 8-часового рабочего дня, уменьшения заработной платы, и «бюджетному равновесию», путем ликвидации министерств труда и социального обеспечения, общественных работ и здравоохранения, а также уменьшения расходов на народное образование, сокращения числа чиновников и снижения им заработной платы. Участие пепеэсовцев в правительстве имеет для правых тот смысл, что при их помощи они надеются более безболезненно провести свою программу. Пепеэсовские вожди должны помочь буржуазии сломить сопротивление рабочих масс, оказываемое ими наступлению капиталистов. Пепеэсовцы вошли в правительство для того, чтобы, как они заявляют, спасать отечество, находящееся на краю гибели. Они находят, что надо сотрудничать с буржуазией, ибо и капиталисты и рабочие одинаково заинтересованы в восстановлении производства. В то же время, заседая в правительстве вместе с эндеками, палачем краковских рабочих Керником, пепеэсовцы заявляют, что они продолжают классовую борьбу.

[1]) По последним сведениям это соединение произошло 22 января с. г.

Однако, наступление капитала и под'ем рабочего движения ставят пепеэсовцев в весьма тяжелое положение. Боязнь революции заставляет их сотрудничать с буржуазией. С другой стороны, их участие в правительстве, где они являются игрушкой в руках буржуазных партий, вызывает возмущение в рабочих массах. Главный козырь пепеэсовцев заключается в том, что они имеют монополию на легальность. Массы настроены гораздо левее, но компартия, находящаяся в глубоком подполье, не в силах организационно охватить всех ей сочувствующих. С нею пепеэсовцы борются при помощи охранки.

Часть пепеэсовских лидеров учитывает настроение рабочих масс. Поэтому, на последнем партийном с'езде ППС была разыграна комедия в «оппозицию». Часть вождей, прожженных оппортунистов, оказалась вдруг в оппозиции и требовала ухода из коалиционного правительства. Нашлись своего рода «ультиматисты», которые считали необходимым поставить правительству условия, при выполнении которых ППС сможет остаться в коалиции. Все это было плохо разыгранной комедией. С'езд оставил полную свободу действий вождям, а последние продолжают спокойно сотрудничать с буржуазией.

Однако, в рядах ППС имеется не подставная, а действительная, чисто-рабочая оппозиция. На-днях в Западной Галиции и Верхней Силезии, в организации ППС произошел раскол, при чем отколовшаяся группа стала издавать свой орган.

Несмотря на весь оппортунизм вождей ППС, противоречия между ними и правыми партиями, входящими в коалицию, все увеличиваются. Пепеэсовские министры вынуждены были согласиться на сокращение жалования чиновникам. Теперь н.-д. в лице своего лидера Дмовского и министра финансов Здеховского требуют немедленной ликвидации восьмичасового рабочего дня и уменьшения заработной платы. Запрещение вывоза хлеба, которого добивались пепеэсовцы, до сих пор не проведено в жизнь. Между тем, хлеб уже вывезен в таком количестве, что его не хватит до будущего урожая. За последнее время буржуазная пресса начинает поговаривать о том, что деньги, идущие на пособие безработных, надо отдать промышленникам: те пустят в ход фабрики, и таким образом будет ликвидирована безработица.

При таком положении дальнейшее пребывание в коалиции даже для пепеэсовских оппортунистов может сделаться невыносимым.

Одним из главных внутренних противоречий Польши является также вопрос о национальных меньшинствах. В Польше живет 11 миллионов украинцев, белоруссов, евреев и немцев, что составляет более одной трети всего населения страны. Польское правительство ведет по отношению к ним политику беспримерного национального угнетения. Национальные меньшинства не считаются полноправными гражданами Польши. По теории, выдвинутой правыми партиями, имеют право выбирать Президента Республики и утверждать правительство только польские сеймовые партии. Все это не может не вызвать сопротивления со стороны угнетенных народностей, и их отношения к польской государственности являются открыто враждебными. Особенно большого напряжения достигает положение на восточных окраинах («кресах»), населенных в подавляющем большинстве украинцами и белоруссами. Польское правительство пытается колонизировать окраины так же, как это делала в свое время Пруссия по отношению к полякам в Познани. Для этой цели создано так наз. осадничество. Только что принятый закон об аграрной реформе является новым ударом для украинских и белорусских крестьян, ибо земля, которая будет отчуждена у помещиков, перейдет не к ним, а будет употреблена на цели колонизации. Об обещанной культурной автономии нечего и говорить. В этом отношении польское правительство проводит ту же политику, какую царизм применял в отношении поляков. Царское правительство в свое время предлагало полякам открыть польский университет в Новочеркасске. Теперь польское правительство хочет украинский университет открыть в Кракове. Сотни украинских и белорусских школ закрываются под всякими предлогами. Проводимая за последнее время так наз. «утраквизация» школ означает окончательную ликвидацию школ национальных меньшинств.

Вся эта политика вызывает сильное возмущение среди населения Восточной Галиции, Волыни и Зап. Белоруссии, которое выливается в партизанском движении.

Подобную же политику польское правительство проводит по отношению к немцам и евреям. Преследование немецкого меньшинства и выселение германских оптантов из Польши было одной из причин обострения отношений с Германией и германско-польской таможенной войны. В конце концов под давлением Англии Польша была вынуждена это выселение приостановить.

Польша наряду с Румынией является одной из самых классических стран по своему антисемитизму. Не говоря уже об н.-д., его не чужды даже левые партии. В связи с этим и евреи в Польше подвергаются особенным преследованиям. В высших учебных заведениях введена процентная норма для евреев так называемый «нумерус кляузус». Евреи подвергаются экономическому бойкоту, их стараются вытеснить из промышленности и торговли. Несмотря на все это, сеймовый еврейский клуб, который состоит из представителей буржуазных партий, настроен весьма оппортунистически. В середине 1925 года он заключил соглашение с польским правительством, по которому в обмен за некоторое ослабление антисемитского курса обязался поддерживать правительство. Однако, направление политики против евреев осталось прежним, и клуб опять вынужден перейти в оппозицию.

Обострение национальной борьбы, в процессе которой трудящиеся массы национальных меньшинств зачастую выступают против правительства с оружием в руках, а буржуазные элементы ограничиваются оппозицией в Сейме и жалобою и протестом в Лигу Наций, является серьезной угрозой устойчивости положения внутри страны и создает правительству большие трудности во внешней политике.

Тяжелое положение страны, неустойчивость правительства, падение авторитета Сейма,—все это создает почву благоприятную для усиления всевозможных фашистских и военных организаций, ставящих своей целью разрешение правительственного кризиса путем переворота. С одной стороны, усиливается деятельность монархических организаций, которые на-днях устроили с'езд в Познани. Польские монархисты имеют сторонников только среди помещичьих кругов; к ним также принадлежало несколько генералов, главным образом бывшей царской армии, вроде пресловутого генерала Довбора-Мусницкого. Теперь монархисты хотят перебросить свою работу в деревню, для чего стали издавать в Ченстохове газету «Монархический Голос», предназначенную для крестьян. Впрочем, пока что монархисты не имеют серьезного значения и каких-либо шансов на успех.

Гораздо более серьезными представляются другие организации, группирующиеся вокруг «отдыхающего» в своем имении «Сулеювек» под Варшавой маршала Пилсудского. Бывший революционер, ставший потом, по своему собственному мнению, «самым крупным военным специалистом и полководцем в Польше», Пилсудский оказал польской буржуазии неоценимые услуги в первые годы существования польского государства, много сделавши для предотвращения надвигающейся революции. Когда опасность революции миновала, Пилсудский сделался ненужен и вынужден был уйти. Буржуазия сама взяла в свои руки власть. Пилсудский был для нее неподходящим, как слишком «красный», слишком связанный с кругами радикальной буржуазной интеллигенции. Она боялась его авантюристических планов, которые не соответствовали ее внешней политике. Пилсудский два года оставался в тени. В настоящее время угроза новых социальных потрясений снова выдвигает на сцену Пилсудского, как человека, который уже раз спас Польшу от революции. Экономический кризис особенно сильно отразился на мелко-буржуазной интеллигенции. Все усиливающаяся пауперизация этих слоев толкает их к активности и способствует увеличению числа сторонников «1 марта». Опорой Пилсудского являются воспитанные им кадры так наз. «пилсудчиков»—офицеры его легионов. Они составляют главную силу его организаций: ПОВ («польская организация свободы») и Стрелкового Союза. Из политических партий наиболее близкой Пилсудскому является «Вызволение». ППС, хотя и не так близка к своему бывшему вождю, все-таки принадлежит к лагерю Пилсудского, который, кроме того, имеет среди ее лидеров своих личных друзей (среди них находится министр в настоящем кабинете—Морачевский).

Главной задачей Пилсудского является в настоящее время борьба за армию. После его ухода в отставку правые партии, которым удалось проводить на должность военного министра подходящих для них людей (генералы Шептыцкий и Сикорский), поставили своей целью вырвать армию из-под влияния Пилсудского. Для этого они начали «чистку» армии, удаляя и смещая с ответственных постов всех сторонников отставного маршала. Мо-

ментами борьба достигала большого напряжения, и обе стороны готовились разрешить спор вооруженным путем. Сейчас Пилсудский начинает отвоевывать утраченные позиции. Военным министром в кабинете Скшинского состоит его сторонник генерал Желиговский, и пилсудчики опять возвращаются на руководящие посты. Сейчас борьба сосредоточилась вокруг законопроекта об организации высших военных властей, который генералом Сикорским был так составлен, что генеральный инспектор армии (а этот пост и предназначался для Пилсудского) имеет такие ограниченные права, что им может быть, по мнению Пилсудского, только идиот или осел. От изменения этого законопроекта зависит возвращение Пилсудского в армию, чего ультимативно добиваются и военный министр Желиговский и ппсовский министр общественных работ Морачевский.

Возросшее значение Пилсудского вызывает стремление чуть ли не всех политических партий перетянуть его на свою сторону. С ним пытаются столковаться даже монархисты и эндеки.

Усиление значения Пилсудского и конспиративных организаций лишний раз свидетельствует о слабости правительства и неустойчивости внутреннего положения Польши.

Эта неустойчивость самым отрицательным образом отражается и на внешнем положении страны. Польша, несмотря на все свои великодержавные устремления, не играет в международной политике той роли, какую она могла бы играть. С ней, например, считаются гораздо меньше, чем с соседней Чехо-Словакией, значительно уступающей Польше в отношении территории и численности населения. Польша с самого своего возникновения, как независимое государство, не была в состоянии вести самостоятельной политики и являлась вассалом великих держав. Самое сильное влияние в ней имела Франция, и союз с Францией был основой всей польской внешней политики. Он гарантировал Польше безопасность ее границ. Вместе с тем по указке Франции Польша вела агрессивную политику по отношению к СССР и Германии.

Теперь международное значение Франции, переживающей острый финансовый кризис, стало падать. Это особенно выявилось во время Локарнской конференции. Польша лишается, таким образом, своей главной опоры. В то же время заключенные в Локарно договоры создают угрозу западным границам Польши. Версальский договор отнял у Германии и передал Польше так назыв. Данцигский коридор, который отделяет Восточную Пруссию от остальной Германии, Познанскую область и Верхнюю Силезию. Германия никогда не могла примириться с потерей этих территорий. Локарнский договор, который гарантирует только восточную границу Франции, не распространяет этой гарантии на западную границу Польши. Эта последняя обеспечена отдельным гарантийным договором, который подписан Францией, но под которым нет в отличие от «Рейнского договора» подписи Англии. Это различное обеспечение границ Франции и Польши создает для последней угрозу пересмотра ее границ, когда Германия сочтет удобным поставить этот вопрос. Сама французская гарантия польских границ является весьма относительной, ибо фактически, согласно тому же Локарнскому договору, Франция не может притти на помощь Польше без санкции Англии. Если принять во внимание, что и Германия не может поднять вопрос о пересмотре своих границ с Польшей без поддержки Англии, то станет ясно, что после Локарно международное положение Польши в значительной степени зависит от Англии. Это, конечно, способствует усилению английского влияния. Другим фактором укрепляющим влияние Англии является экономическое положение Польши и крайняя необходимость для нее в иностранном займе. Попытки получить заем в Америке успеха не имеют. Америка предпочитает действовать при посредстве Англии. Приехавший на две недели в Польшу американский эксперт Кеммерер прочел полякам популярную лекцию по политической экономии, получив за это 10.000 долларов, и уехал, дав понять, что на заем в Америке рассчитывать нечего. Таким образом, и международная обстановка и экономический кризис способствуют тому, что в Польше английская ориентация начинает брать верх над французской. Англия, ведя определенно антисоветскую политику, пытается создать блок европейских держав, направленный против СССР. В этот блок она хочет привлечь и Польшу. Свою политику Англия старается проводить в Польше через определенные группировки. Наиболее влиятельная до сих пор в вопросах иностранной политики партия н.-д. является определенно франкофильской. Проводниками английского влияния выступают левые группировки, прежде всего сторонники Пилсудского. Их ярая враждебность к СССР, как нельзя более способствует планам английской политики. Английское влияние постепенно проникает в Польшу. Политика польского правительства отражает на себе этот процесс. Она лишена последовательности, определенной линии. Польская буржуазия борется за последние остатки своей самостоятельности. Она понимает, что Англия толкает Польшу на новые авантюры на Востоке, которые противоречат экономическим интересам страны. Но вместе с тем польские правящие круги ищут спасения от экономического кризиса в немедленном крупном займе, а заем может дать только Англия, конечно, на определенных условиях...

Но по существу даже иностранный заем не явится для нее средством спасения. Он не откроет для Польши новых рынков сбыта, он не сделает польскую промышленность более способной к конкуренции. Иностранный капитал, который, в случае получения займа, получит контроль над польским народным хозяйством, совсем не будет заинтересован в развитии польской промышленности и приобретении ею новых рынков. Заем будет растрачен, как были растрачены предшествующие займы, и через некоторое время Польша опять очутится у разбитого корыта. Вместе с тем заем наложит колоссальное бремя на государственную казну, и ни произведенное правительством Скшинского сокращение государственного бюджета на 500 миллионов злотых, ни некоторая активность торгового баланса не спасут польских финансов. За последние месяцы польский торговый баланс стал опять активным. Но это произошло не за счет увеличения экспорта, а за счет уменьшения импорта. Во втором полугодии 1925 года импорт сократился на две трети по сравнению с первым полугодием. Таким образом, временная активность торгового баланса была достигнута за счет лишения населения необходимых ему товаров заграничного происхождения. Польская промышленность продолжает разрушаться. Фабрики останавливаются одна за другой. Наблюдается редкое в истории явление: эмиграция промышлен-

ности. Предприятия переносятся в Румынию, на Балканы, в Турцию. Польша задыхается из-за отсутствия рынка.

И выход из положения напрашивается сам собой. Только при условии соглашения с СССР, отказа от авантюристической политики путем сотрудничества с восточным соседом Польша может выйти из того тупика, в котором она очутилась. Пойдут ли правящие круги Польши по этому пути? Это покажет будущее. Во всяком случае в Польше есть силы, которые будут толкать ее в этом направлении. Помимо рабочих масс, под давлением которых даже ППС должна была высказаться за экономическое сближение с СССР, помимо усиливающейся партии мелкого крестьянства, недавно организовавших поездку к нам своих представителей, трезвые круги польской буржуазии понимают, что в этом залог экономического оздоровления Польши и единственная возможность для нее избежать превращения в колонию западно-европейского и американского капитала.

Г. Белкин.

К вопросу о трудовых артелях.

Проект нового декрета о трудовых артелях должен быть издан в отмену ныне действующего декрета от 15 декабря 1924 г., который оказался нежизненным и на практике почти не применялся.

Основная причина нежизненности этого декрета заключается в том, что он считает «работу артели с материалами работодателя» единственным признаком существования между ними трудового отношения.

Однако, работа собственными или чужими материалами производства сама по себе ничего еще не говорит о природе отношений, существующих между производителем и заказчиком. И частный подрядчик, и государственное предприятие, и промысловый кооператив, могут работать из материалов своих заказчиков, но никто не станет утверждать, что между первыми и последними в таком случае существует трудовое отношение. Когда производитель выполняет работу заказчика в своем собственном хозяйстве (на своем заводе, на своей фабрике), то независимо от того, выполняет ли он работу своими материалами или чужими, он является предпринимателем (самостоятельным хозяйствующим суб'ектом).

С другой стороны, когда рабочие работают «собственными материалами», они еще не всегда являются подрядчиками. Рабочие, не владеющие ничем, кроме своей рабочей силы, могут приобретать материалы производства только на средства работодателя—на его «авансы», являющиеся не чем иным, как выдачей материалов производства в их денежном выражении.

Некоторые товарищи, в частности работники нашей юстиции, полагают, что, когда лицо или группа лиц (артель), помимо продажи своей рабочей силы, поставляют еще нанимателю на его средства материалы производства, то они этим самым из наемных рабочих превращаются в самостоятельных производителей. Это было бы верно, если бы поставка материалов производства на средства работодателя явилась бы новым источником дохода рабочего, помимо его заработной платы. В действительности же этого никогда не бывает.

Когда работодатель имеет дело с экономически зависимыми от него наемными рабочими, то он имеет возможность не только установить крайне низкую заработную плату, едва хватающую на поддержание их существования, но и засчитывать им материалы производства в такую цену, которая при максимальной экономии едва покрывает расход на их приобретение.

Исследования кустарных промыслов, произведенные во второй половине XIX и начале XX столетий, различными губернскими статистическими комитетами, земствами, и др., дают богатейший материал, свидетельствующий о том, что заработки

тех пролетаризированных кустарей, которые работали «собственными материалами», приобретаемыми на авансы скупщика или предпринимателя, были гораздо ниже заработков кустарей, работавших с материалами работодателя. Когда кустарь-квартирник работает «собственными материалами», скупщик в цену изделий, помимо определенной (обыкновенно крайне низкой) заработной платы, включает не среднюю стоимость материалов, существующую в данной местности, а фактический расход кустаря на их приобретение. Не оплачивается и время, (иногда очень продолжительное), затрачиваемое кустарем на приобретение и доставку материалов, что уже при прочих равных условиях сокращает заработок кустаря.

Зависимый от скупщика или предпринимателя, кустарь-квартирник, работающий «собственными материалами», никакими средствами не в состоянии поднять свой заработок. Даже та помощь, которая оказывалась кустарю правительственными органами и общественными организациями в виде отпуска ему материалов производства по льготным ценам (лес, глина и т. п.), никогда не достигала цели, так как скупщик, соответственно этому уменьшению стоимости материалов, снижал и цены на изделия. При работе кустаря материалами, выданными ему работодателем, его заработная плата, как бы она ни была мизерна, не может спуститься до нуля; при работе же кустаря «собственными материалами», приобретаемыми на средства скупщика, он иногда выручает за свои изделия сумму, едва покрывающую расход на одни только материалы.

Общеизвестно, что при неорганизованности рабочих и при отсутствии законодательной охраны их труда, заработная плата при известных условиях имеет тенденции спуститься до физиологического минимума и даже ниже его. Работа рабочего или кустаря-квартирника с материалами, приобретаемыми им на средства работодателя, не только не ослабяет действие этого закона, но его усугубляет, так как рабочий в данном случае попадает в двойную зависимость от работодателя: с одной стороны, как лицо, единственным источником существования которого является заработная плата, с другой, как должник. Усиление же экономической зависимости делает рабочего более беспомощным и уничтожает всякую возможность его сопротивления работодателю.

Близкой к системе эксплоатации труда, основанной на выдаче рабочим материалов производства не в натуре, а в их денежном выражении, является форма найма, известная в истории артельного движения под названием «покрута». Характерная особенность системы «покрута» заключалась в том, что артели, не имея средств производства, а также средств существования на время промысла (напр., орудия промысла, с'естные припасы, деньги на прокормление семьи) получали их от работодателя. За пользование средствами производства и авансирование в счет будущего промысла, артели отдавали работодателю львиную долю произведенной ими продукции (напр., $^{3}/_{5}$ улова рыбы). Остальная часть (напр., $^{2}/_{5}$ улова рыбы) доставалась членам артелей за их труд. Но члены артелей не имели права распоряжаться своей долей в промысле, а обязаны были продавать ее работодателю по произвольно назначенной им низкой цене. Вследствие такой политики назначения цен за причитающуюся артелям долю добычи, нередко за вычетом работодателю долга, который производился при расчете, членам артелей никакого заработка не оставалось, и они опять вынуждены были жить на «авансы», получаемые от работодателя в счет будущего заработка. Таким образом, члены артелей превращались в зависимых невольных рабочих, вынужденных всегда продавать свою рабочую силу одним и тем же предпринимателям. Эта зависимость привела к закабалению и обнищанию «покрученников».

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что и в настоящее время работа артели «собственными материалами», приобретаемыми на средства работодателя, приводит к не менее тяжелым последствиям. В обувном производстве дневной заработок кустаря-квартирника, поставляющего работодателю материалы на его средства, до того ничтожен, что достигает в ряде районов (Курск., Воронежск. и др. губ.) 35—40 коп. при 14—16-часовом рабочем дне. Немногим лучше положение неорганизованных городских квартирников, «патентщиков» или об'единенных в артели, на которых до сих пор не распространяется законодательство о труде. Только организованные квартирники, под руководством профессионального союза, упорной экономической борьбой добились лучших условий труда. Характерно, что требование выдачи работодателем основных материалов производства, а также требование установления твердого процента надбавки на заработную плату за подобные материалы (в том случае, когда квартирник поставлял их от себя) пользовалось наибольшей популярностью в широких массах рабочих-квартирников.

В строительной и других отраслях промышленности система работы артели «собственными материалами», приобретаемыми на средства работодателя, получила широкое распространение после издания действующего декрета. Несовершенство редакции отдельных статей декрета привело к тому, что многие юристы и трудсуды толковали поставку артелью материалов производства на средства работодателя, как «работу собственными материалами». Это дало возможность работодателям безнаказанно подвести наемных рабочих, членов артелей, под категорию самостоятельных производителей.

Невольная «самостоятельность», навязанная артели работодателем, имела целью не только ухудшение условий труда ее членов, но и изоляцию их от профсоюзов и органов законодательной охраны труда. В отдельных случаях это работодателям удавалось. Некоторые местные губотделы профсоюзов и инспектора труда действительно принимали закабаленного рабочего за мелкого собственника. Но большинство из них никогда не сомневалось в рабочей природе членов артелей, работающих на авансах работодателей. Они отлично знали, что только распространение законодательства о труде на трудовые артели, поставляющие нанимателям на их средства материалы производства, уничтожит тот стимул, который в настоящее время побуждает практиковать такую систему договоров с артелями.

В неменьшей мере повинна в провале декрета изданная инструкция ВСНХ и НКТ РСФСР, установившая признаки, отличающие трудовую артель от промыслового кооператива.

Согласно инструкции, промысловым кооперативом является об'единение лиц, имеющих собственное предприятие (техническ

оборудованное хозяйство). «Собственному предприятию» инструкция противопоставляет простые орудия производства (топоры, пилы, лопаты и т. п.), обладание которыми не является признаком «наличия у трудовой артели особого технически оборудованного хозяйства (предприятия)». Это противопоставление простых орудий производства «собственному предприятию» свидетельствует о том, что под технически оборудованным хозяйством (предприятием) инструкция подразумевает наличие у артели сложных машин или технических установок, независимо от той роли, какую они играют в общей совокупности средств производства.

Такое абстрактное и одностороннее определение «собственного предприятия» на практике оказалось так же мало применимым, как и определение трудового отношения, данное декретом.

Не всегда в основе «предприятия» (хозяйства) лежит техническое оборудование. Только на определенной стадии развития техники производства большую роль в постоянном капитале начинает играть техническое оборудование (здания, машины, установки и т. д.). В таких предприятиях (хозяйствах) основной капитал действительно приобретает колоссальное значение в общей совокупности средств производства (в общей массе постоянного капитала). Однако, в предприятиях с таким высоким органическим строением капитала труд артелей не применим. Труд артелей применяется, главным образом, в технически отсталых отраслях промышленности (строительной, ручной обувной, лесозаготовительной, швейной, местного транспорта и т. п.), в которых сложные машины не играют большой роли, так как 90—95% всех капиталов, вложенных в производство, содержатся не в техническом оборудовании, а в материалах и средствах, затрачиваемых на покупку рабочей силы.

Вследствие того ничтожного значения, которое в данном случае имеет техническое оборудование в общей совокупности средств производства, наличие у артели некоторых сложных машин или собственных технических установок не делает ее хозяйственно самостоятельной.

Для пошивки обуви, одежды, постройки дома, рубки, сплава и вывоза леса, мало иметь те или иные технические установки или машины. Необходимо, главным образом, иметь средства на приобретение материалов производства и на оплату рабочих. При наличии средств на покупку материалов и на оплату труда, производство может вестись и в том случае, когда нет никакого технического оборудования. Поэтому в строительной, лесозаготовительной, швейной, обувной ручной и однородных им, по степени технического развития, отраслях промышленности наличие у артели некоторых машин или технических установок не делает ее экономически самостоятельной. Единственным источником существования подобной артели остается заработная плата, как и в том случае, когда она, кроме рабочей силы своих членов, ничем не владеет. Действительным владельцем предприятия (хозяйства) является не артель, работающая собственными сложными машинами (напр., швейные машины у артелей швейников, заготовщиков, машины для резки металлов у артелей строителей и т. п.), а то лицо, которое предоставляет артели материалы производства и оплачивает труд ее членов.

Когда рабочий работает на собственной машине, он приносит пользу только своему работодателю. В отсталых отраслях промышленности, в которых широко применяется труд артелей или одиночек-квартирников, работодатель стремится усилить эксплоатацию рабочего не только путем прямого понижения заработной платы, но и путем переложения на рабочего значительной части своих производственных расходов (организационных расходов, расходов на покупку и доставку материалов производства, оплату машин, помещения для работы и т. п.). Таким образом, машины не увеличивают заработка рабочего, а его сокращают.

Но это еще не все. Следует принять во внимание, что рабочий, единственным источником существования которого является заработная плата, не может на свои средства покупать дорогостоящие машины, как и не может приобретать на свои средства материалы производства. Машина обыкновенно предоставляется рабочему или артели работодателем, что бывает чаще всего, или государственной или частной конторой на выплату в рассрочку. В таком случае, рабочий, не являясь владельцем машины до тех пор, пока не оплатит ее стоимость, не может превратить ее в капитал (продать ее), что иногда было бы ему выгоднее, так как вырученная за машину сумма денег могла бы быть использована им в торговле или другом промысле, что давало бы ему больший доход, чем он получает от своей работы по найму. Действительным владельцем машины является, как и в случае покупки материалов на средства работодателя, не рабочий, который на ней работает, а то лицо или учреждение, которому рабочим-«машинником» регулярно выплачивается ее стоимость и которому он вынужден вернуть «свою машину», в том случае, когда он вследствие долгой безработицы или других об'ективных условий не может продолжать за нее платить. Машина переходит в собственность рабочего только после нескольких лет пользования ею (когда оплачена ее стоимость), когда машина фактически никакой ценности собой не представляет.

Это крайне существенный момент, который нельзя упустить из виду при разрешении вопроса о пролетарской природе лиц, работающих на работодателя своими собственными сложными машинами.

Но рабочий или группа рабочих (артель), работающих на своих машинах, не только оплачивают их стоимость из своего скудного заработка, но, как и в случае работы «собственными материалами», приобретаемыми на средства работодателя, попадают в двойную экономическую зависимость. Рабочий может платить за полученную им в кредит машину, когда он работает. Вследствие этого еще больше увеличивается нуждаемость рабочего в заработке. Это усиление нуждаемости в заработке увеличивает и экономическую зависимость нанимаемого от нанимателя, что неизбежно приводит к усиленной эксплоатации его труда. Следовательно, машины приводят не только к косвенному сокращению заработной платы, но и к прямому—понижение расценков.

Система работы рабочего на своей машине для профсоюзов неприемлема не только потому, что она является скрытой формой сокращения заработной платы рабочего, но и потому, что эта скрытая форма сокращения заработка рабочего затушевывает в глазах рабочего действительные причины его усиленной

эксплоатации. Поэтому основным требованием профсоюзов является или предоставление машины рабочему нанимателем, или оплата последним за предоставленные рабочему в кредит машины.

Инструкция ВСНХ и НКТ, отнеся артель, работающую сложными оборудованиями и техническими установками, независимо от того значения, какое они имеют в общей совокупности средств производства, к разряду промысловой кооперации, не только не стала на путь борьбы с замаскированной формой усиленной эксплоатации труда членов артелей, но, наоборот, эту форму эксплоатации труда узаконила.

Таким образом, декрет и инструкция, имевшие целью распространить законодательство о труде на трудовые артели, в действительности своим неверным определением трудового отношения и признаков, отличающих трудовую артель от промыслового кооператива, дали возможность подменить трудовой договор подрядным.

Подмена трудового договора подрядным чревата тяжелыми последствиями для членов артелей. В то время, как трудовой договор защищает рабочего, как экономически более слабую сторону, от усиленной эксплоатации нанимателем, договор подряда предусматривает, главным образом, не защиту интересов рабочего-подрядчика, а заказчика, который в данном случае выступает в лице нанимателя. Следовательно, группа наемных рабочих, работающих на основе договора подряда, помимо того, что является экономически более слабой стороной, еще становится бесправной. Можно себе представить, к чему приводит такое положение вещей, при котором на стороне нанимателя оказывается не только экономическая сила, но и право.

Имеющийся в нашем распоряжении материал показывает, что артель, работающая по договору подряда, получает такую оплату, которой едва хватает на прокормление ее членов, и это при наилучшем стечении обстоятельств (при выполнении подряда). Но бывает, что артель, по об'ективным условиям, не в состоянии выполнить подряд, и тогда артель не только не получает причитающуюся ей заработную плату, но должна платить неустойки или возмещать убытки, понесенные заказчиком. Неустойки иногда выражаются в сумме, значительно превышающей плату, следуемую артели за работу.

Превращение членов трудовых артелей в беззащитных рабочих сделало трудовую артель приманкой для частного капитала (подрядчика). Произведенное в 1925 г. инспекцией труда и РКИ обследование артелей в ряде городов (Ленинград, Москва, Иваново-Вознесенск и др.), обнаружило частно-капиталистический характер большинства зарегистрированных трудовых артелей. Председателями правлений артели и «производработы», за редким исключением, являются бывшие подрядчики, которые самовольно вербуют членов артелей на черной бирже, рассчитывают их, производят вычеты из заработной платы членов (не об'ясняя им цели этого), по своему устанавливают размеры заработной платы и др. условия труда. Под вывеской трудовой артели скрывается частное предприятие, которое не только уклоняется от заключения с рабочими трудового договора и несения налогов, но перекладывает на рабочих риск, вытекающий из гражданских (имущественных) отношений между предприя-

тием (подрядчиком) и заказчиком. Эта двойная эксплоатация труда непосредственного нанимателя, с одной стороны, и посредника-подрядчика, с другой, доводила «членов артелей» до такого отчаяния, что они сами искали защиты у инспекции труда и профсоюзов от своих «руководителей».

Профсоюзы, понятно, не остались равнодушными к бесчеловечной эксплоатации труда членов трудовых артелей и повсеместно вели решительную борьбу, как с прикрытием трудового отношения фиктивным подрядом, так и с подрядчиками, которые под видом главарей артели, производработ, председателей правлений, эксплоатировали ее членов.

Однако, развертыванию профсоюзной борьбы за улучшение условий труда членов артелей на практике мешали указанные выше декрет и инструкция ВСНХ и НКТ, которые своим неправильным определением трудового отношения и признаков, отличающих трудовую артель от промыслового кооператива, создали крайне разнообразную судебную практику. В одних случаях судьи принимали во внимание не внешнюю форму договора, а социально-экономическое положение заподрядившихся и тогда спор решали таким образом, как если бы с последними был заключен трудовой договор. В других—судьи исходили не из существа действительных отношений между сторонами, а из содержания заключенного ими договора, и тогда суд выносил решение в пользу работодателя.

Это побудило профсоюзы поднять вопрос об изменении существующего декрета от 15 декабря 1924 г. В ряде докладных записок, поданных в ВЦСПС центральными комитетами профсоюзов (строителей, пищевиков, местного транспорта, кожевников, швейников, Всеработземлеса), на ряду с критикой ныне действующего декрета о трудовых артелях, были выдвинуты основные положения, которые, по мнению профсоюзов, должны лечь в основу нового декрета.

Междуведомственная комиссия при НКТ СССР приняла выдвинутые профсоюзами принципы, но в течение 4-месячного периода работы комиссии представители различных ведомств в первоначальный согласованный проект внесли некоторые поправки и «улучшения» редакции, которые фактически восстанавливают основные принципы старого декрета и инструкции.

Не касаясь существа разногласий между профсоюзами и представителями различных ведомств, мы изложим главные ст.ст. декрета с точки зрения представителей профсоюзов и НКТ, участвовавших в работе комиссии.

Основными ст.ст. проекта нового декрета являются: 1) определяющая признаки, устанавливающие существование трудового отношения, 2) определяющая понятие подряда и 3) предусматривающая право профсоюзов заключать коллективный договор от имени артели.

Законодательная охрана труда распространяется на артель в том случае, когда она участвует своим трудом в чужом хозяйстве. Под хозяйством же в данном случае следует понимать «совокупность средств производства и средств, затраченных на оплату рабочей силы». При различном техническом развитии отдельных отраслей промышленности различно будет и органическое строение того капитала, который образует производительное хозяйство. В одних случаях в хозяйстве будет преобла-

дать капитал, вложенный в здания, техническое оборудование, организационный аппарат, в других—капитал, вложенный в материалы производства и купленную рабочую силу.

С этой точки зрения, когда артель работает из материалов нанимателя или из материалов, приобретаемых ею на средства нанимателя, она работает в «чужом хозяйстве», в хозяйстве того лица, средствами которого производство ведется. То же самое и артель грузчиков, выполняющая погрузочно-разгрузочные работы хозоргана или частного лица, получающая от него заработную плату, участвует своим трудом в хозяйстве последнего, так как хозяйство в данном случае образует тот капитал, который потрачен на покупку рабочей силы. Таким образом, действительным владельцем хозяйства считается лицо, физическое или юридическое, для которого и средствами которого работа выполняется.

Работе в чужом хозяйстве, как социально-экономическому признаку, определяющему трудовое отношение, декрет противопоставляет работу в своем хозяйстве (своими средствами), как признак, определяющий хозяйственную самостоятельность и экономическую независимость производителя от лица, работу которого он выполняет.

Таким образом, новый проект декрета лишает нанимателей возможности подводить трудовые артели, работающие с помощью некоторых сложных машин или технических установок, под промысловые кооперативы, так как под хозяйством (предприятием) декрет понимает совокупность средств (капиталов), затраченных в производстве. Из этого определения хозяйства (предприятия) не следует делать вывод, что самостоятельным хозяйствующим суб'ектом является только та артель, которая владеет, в буквальном смысле слова, абсолютно всеми средствами, необходимыми для производства (техническое оборудование, материалы производства, средства на оплату рабочей силы, организационные расходы). Артель рабочих может владеть только технически оборудованным металлическим заводом или текстильной фабрикой, но не иметь средств на покупку материалов производства и наем рабочей силы. Но располагая основной массой средств производства (оборудованным заводом или оборудованной фабрикой), имеющей значительную ценность, артель может получать ссуду от кредитных учреждений для покупки материалов производства или получать кредиты от заказчика. В данном случае само обладание технически оборудованным предприятием дает артели возможность пополнить недостающий ей для производства капитал и тем самым обусловливает ее экономическую самостоятельность.

Следовательно, для разрешения вопроса о социально-экономической природе артели, работающей теми или иными собственными сложными машинами и техническими установками, необходимо выяснить ту роль, какую они играют в общей совокупности средств производства. Когда значение технического оборудования в хозяйстве артели так велико, что обусловливает экономическую самостоятельность ее членов, оно является признаком существования у артели собственного предприятия. В противном случае, социально-экономическая природа трудовой артели ничем не отличается от обыкновенной группы наемных рабочих.

Положив в основу определения трудового отношения и собственного хозяйства предприятия) социально-экономические признаки, разработанный декрет правильно отражает в себе действительные отношения, складывающиеся в процессе производства между артелями и работодателями. Когда артель не имеет своих средств производства, она вынуждена продавать свою рабочую силу в чужом хозяйстве. Какие бы формы ни принимали отношения между работодателем и артелью, первый всегда является экономически более сильным, вторая экономически более слабой и зависимой. Это экономическое неравенство работодателя и артели фактически превращает «двусторонний свободный договор» между ними в односторонний, навязанный экономически сильной стороной экономически слабой.

Только законодательная охрана труда, устанавливающая минимум гарантий для артелей, нарушение которых не может пройти безнаказанно для нанимателя, ограждает артель от неограниченной эксплоатации ее труда.

Иное дело, когда артель выполняет работу в своем хозяйстве. Владея средствами производства, она является экономически самостоятельной хозяйствующей единицей (самостоятельным хозяйствующим суб'ектом). Заказчик для выполнения своей работы нуждается в хозяйстве артели и потому не может навязать ей кабальные условия договора. Наш Гражданский Кодекс, учитывая экономически более выгодное положение подрядчика, чем заказчика, главным образом и охраняет имущественные интересы второго от ущерба, который первый может нанести ему своими незаконными действиями.

Таким образом, проект нового декрета направлен против тех обходов, которые в настоящее время широко практикуются нанимателями, привлекающими к работе трудовую артель, так как не оставляет никаких сомнений, что следует понимать под «подряд» и «подрядчик». Подводить трудовое отношение под подряд, а рабочего под категорию подрядчика после издания проектируемого декрета нанимателям не удастся. Таким образом, разрешается одна из наиболее сложных проблем гражданского и трудового права—проведение наиболее точного водораздела между подрядом и трудовым договором.

Не менее важна статья декрета, предусматривающая право профсоюзов заключать от имени артели коллективные договора.

В кооперативных кругах до сих пор господствует точка зрения, что трудовые артели, являясь одной из форм кооперативной организации трудящихся, не нуждаются в защите своих интересов профсоюзами и поэтому высказываются против применения системы коллективных договоров для регулирования условий труда членов артелей.

Не касаясь вопроса о том, являются ли трудовые артели особой формой кооперации или только особой формой найма (групповой наем), мы считаем, однако, бесспорной точку зрения профсоюзов, отрицающих за трудовой кооперацией возможность защищать интересы об'единяемых ею членов (физических лиц) при продаже их рабочей силы. Трудовые артели, нанимаясь всей группой, могут уничтожить конкуренцию, существующую между отдельными об'единяемыми ею членами, но ни в коем случае не будет уничтожена конкуренция между артелями, работающими в однородных отраслях промышленности. Даже артели, входящие

в состав одного и того же губернского или областного союза, работают на различных условиях. Наниматель, несомненно, использует и раз'единенность трудовых артелей в интересах усиления эксплоатации их и после издания проекта нового декрета.

Кроме того, трудовые артели работают в большинстве случаев в таких отраслях промышленности, где применяется труд организованных рабочих (членов профсоюзов). Когда члены трудовой артели работают на худших условиях, чем члены профсоюзов, тогда они превращаются в дешевую рабочую силу, конкурирующую с организованным трудом. Эта конкуренция со стороны членов трудовых артелей побудила некоторые профсоюзы выступить против допущения к работе трудовых артелей. Такие методы борьбы с конкуренцией со стороны членов трудовых артелей не могут быть оправданы профсоюзами. Но, с другой стороны, недопустимо, чтобы члены трудовых артелей срывали условия труда организованных рабочих.

Основным условием, необходимым для уничтожения конкуренции и розни между трудовыми артелями и профсоюзами, является установление сходных условий труда для всех рабочих, занятых в однородной отрасли промышленности, независимо от того, состоит ли он членом артели или профсоюза.

Эта задача может быть выполнена только коллективным договором, который может выровнять условия труда членов трудовых артелей и организованных рабочих. Только путем сближения с профсоюзами и применения системы коллективных договоров могут быть разрешены задачи, стоящие перед артельным движением.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

В. И. Ленин.

План речи 27. III. 1922:

1. О Генуе кратко повт[орить] сказ[анное] 6. III. 1922[1])	(Дел[ега]ция сост[авлена].— Дир[ективы] тща[тельно] обс[уждались] не раз и не **два**. — **„Мы готовы“**).
2. **НЭП** Гл[авные] пункты сего „вопроса“: (а) Проверка **„смычки“** с кр[естья]нской **эк[ономи]кой**. 3. (б) Проверка **соревнованием** гос[ударственных] **И** капитал[истических] **предпр[ия]тий** (и торг[овых] и промышл[енных]; рус[ских] и загр[аничных])	
4. (в) **„Госкап[итали]зм“**. Схоластич[еское] v[ersu]s[2]) р[е]в[олю]ц[ио]н[ное] и практ[ическое] значение сего слова.	(Гос[ударственный] кап[итали]зм. Г[о]с[ударст]во, это **„МЫ“**).
5. (г) **Остановка** отст[у]пл[е]ния. Не в смысле: „уже научились“, а в смысле: не нервничай, не сочиняй, а на **данной почве** учись, **„перегруппировка сил и подготовка“**—лозунг дня. Подготовка наступл[ения] **на ча[стно]хоз[яйственный] к[апитал]**—лозунг.	Разведка сделана. **Смещ[анные] общ[ест]ва.**
6. **„Эв[олю]ция или т[а]кт[и]ка“?** Устрялов в „См[ене] вех“: полезнее „сладенького комвранья“.	
7. Чья возьмет? Чего не хватает? Культурности, уменья управлять (в т[ом] ч[исле] вести гос[ударственную] т[о]рг[о]влю).	
8. **Тодорский.** с[траница] **62, подч[еркнуть]**. Уже в X. 1918[3])	(Ср[авни] завоеватель и зав[оев]ан]ный : кто культурнее ? 4700 отв[етственных] ком[муни]стов Москвы и м[о]ск[о]в[ская] бюрократия.)

Два типичных примера:

9. Пример № 1: **МПО** бор[ется] с бюр[ократи]змо[м] **НКВТ** „копия с белой коровы“. Чего	„им“ (без Красина и Кам[ене]ва) не хватало? Культурности. (**Материалы о „деле“ МПО v[er]sus[1]) НКВТ**)

10. Пример № 2: Как „он" и („они") переадминистрировал? (в Донбассе)

(Тут был[о] неполное умен[ье] упр[а]влять] + нек[ото]р[а]я] полит[ическая] ошибка).

(роль коммуни[стов]: плохи!)

11. „Гострест": пример[но].... к будущему году!

12. Итог: вполне достаточно у нас средств для победы в НЭПЕ: и полит[ических] и экон[омических]. Вопрос „только" в культурности!

13. Белогвардейцы (в т[ом] ч[исле] М[еньшевики] и с.р. и К°) видят в этом нечто в их пользу! Напрасно! обзор доделанного и недоделанного оч[ень] полезен:

(α) Ор[ган]з[ованная] дем[ократическая] рев[олюция] „они" г[ово]рят! Против них (400 лет навоза в 4 года!)

(β) выход из в[ой]ны: р[е]в[олю]ц[ионный] выход из реакц[ионной] в[ой]ны. А у них?

(γ) Сов[етское] г[о]с[у]д[арст]во. Первое в мире. Нов[ая] эпоха хуже первого паровоза!!

Три неот'емлемы.

Четвертая и главная, недоделана: фундам[ент] соц[иалистической] эк[ономи]ки. Многажды переделать.

14. За какое „звено цепи" теперь уцепиться надо?

За какое „звено цепи" уцепиться?

1917—выход из в[ой]ны.

1918—Сов[етско]е г[о]с[у]д[арст]во v[ersu]s[2]) Учредилка.

1919 и 1920 —отпор нашествию.

1921: эк[ономическ]ий подход к кр[естья]н[ст]ву.

Поиски эк[ономической] политики.

1922: Не в учреждениях, не в переорганизациях, не в новых декретах гвоздь, а в людях и в проверке исп[олнен]ия. Подбор людей и проверка исполнения.

При трех (3) условиях:

(α) отс[утст]вие] интервенции с м[еньшеви]-ками и с[оциалистами] р[еволюционерами]: расстрел за полит[ическое] оказ[ательст]во.

(β) фин[ансовый] кризис не чересчур сильный.

(не оч[ень] сильный? чистка гострестов).

(γ) Не делать политич[еских] ошибок.

15. „Гвоздь момента" (звено цепи)—разрыв м[ежду] величием поставл[енных] з[ада]ч и нищетой не т[оль]ко материальной, но и культурной.

16. Во главе масс надо быть, иначе мы капля в море.

„Полоса проп[а]г[ан]ды декретами" прошла. Массы поймут и оценят лишь деловую практич[ескую] работу, практич[еский] успех в хоз[яйственной] и культур[ной] работе.

ΣΣ[5]) —Подбор людей и проверка исполнения!

Дополнения.

1. П[арт]ия vs Соворганы. (Освободить от мелочей. Повыс[ить] отве[тственно]сть сов[етских] раб[отни]ков.

2. ВЦИК. Сессии подольше. Обсуждение потщательнее. Проверка обстоятельнее.

3. СНК и СТО.

мои замы. (Рыков и польза В[ильгельма] II).

переп[иска] с 1.1922. Проверка исполнения, подтягивание, чистка сверху

4. СНК. Повысить авторитет, освоб[одить] от мелочей.

5. СТО. Разв[итие] и расш[ирение] раб[оты] Обл[астных] Эк[ономических] Со[вещаний].

6. М[алый] СНК. Тоже освободить от мелочей.

Проект директив (по поруч[ению] ЦК) будет внесен.

Примечания.

1. Имеется в виду речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского с'езда металлистов. Она напечатана во второй части XVIII тома собр. соч. (стр. 5—17).

2. Versus = соотносительно; в противопоставлении.

3. Имеется в виду брошюра Тодорского, А. «Год с винтовкой и плугом». Изд. Весьегонского Уездного Исполнительного Комитета. Весьегонск, 1918. На стр. 62 находится то самое место («это еще полдела, если мы ударим эксплоататоров по рукам, обезвредим их, или «доконаем». Дело успешно будет выполнено тогда, когда мы заставим их работать и делом, выполненным их руками, поможем улучшить новую жизнь и укрепить Советскую власть»), на которое ссылался и часто приводил в своей речи Ленин.

4. Против.

5. Общий итог, общий вывод.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

СОКОЛЬНИКОВ, Г. — Пройденный путь и новые задачи. Москва, 1926 года.

Рецензируемая брошюра тов. Сокольникова отнюдь не является очередным выступлением по финансовому ведомству. Она занимается более общими вопросами нашей экономики и притом ставит их в широком разрезе перспектив ближайших десятилетий, не ограничиваясь конкретными задачами текущего периода. Но при такой постановке вопросы хозяйственные принимают сугубо-принципиальный характер, ибо здесь увязываются исходные пункты общей тактической линии партии с оценкой перспектив развития.

Первая часть брошюры тов. Сокольникова озаглавлена: «Общая оценка перспектив хозяйственного развития СССР». В ней он толкует о задачах, которые будут стоять перед нами в области производства «в течение ближайшей $^1/_4$ или $^1/_2$ века». Возможности под'ема хозяйства, по его мнению, колоссальны. Основные предпосылки—неисчислимые богатства, революционные формы общественной организации—налицо. Он считает, что «вполне возможно постепенное перемещение целого ряда экономических центров с Запада на Восток» и что «эти перспективы далеко не столь фантастичны, как может показаться на первый взгляд. Ощутительные результаты быстрого под'ема могут сказаться по всей линии нашего хозяйства уже, примерно, через два с половиной десятка лет» (стр. 10).

С этим нельзя не согласиться. Пожалуй, что в отношении сроков тов. Сокольников слишком осторожен, хотя история нас и учила подходить к ним с сугубой осторожностью. Мы полагаем, что ощутительные результаты под'ема будут гораздо раньше, чем через 20—25 лет. Но зато серьезнейшее недоумение вызывает та картина под'ема, которая рисуется тов. Сокольниковым после этих общих замечаний. В ней он подробнейшим образом развертывает перспективы роста сельского хозяйства, подчеркивая, что этот под'ем «уже в течение ближайших лет произведет величайший мировой экономический переворот» (стр. 11), ибо Октябрьская революция «разбудила крестьянство, как и всю страну», и поэтому «мы смело можем поставить ставку на то, что крестьянство Советской страны окажется не менее предприимчивым, гибким и энергичным, не менее ищущим изменения всего строя своей жизни, чем в свое время были американские фермеры» (стр. 13). Но рисуя блестящую будущность нашего сельского хозяйства, тов. Сокольников, мягко выражаясь, «упустил из виду» нашу промышленность, эту основную цитадель социализма в нашем Союзе. В главе, рисующей общую перспективу развития «в течение ближайшей четверти или полвека», нельзя найти ни одной строчки, посвященной промышленности. Но может быть отсюда еще рано приходить к заключению, что тов. Сокольников оценивает тенденцию нашего развития, как аграризацию, превращение СССР в аграрный придаток к промышленной Европе? Посмотрим, что пишет т. Сокольников дальше. «Ключ к ускорению процесса под'ема всего хозяйства Союза,—пишет т. Сокольников,—заключается в перспективе быстрого под'ема сельского хозяйства. Этот под'ем сельского хозяйства может произойти в ближайшее же время

за счет улучшения производительности труда в сельском хозяйстве, за счет его интенсификации, за счет изменения системы культур, а не только за счет некоторого технического улучшения. В процессе под'ема сельского хозяйства будет получаться все больший избыток для реализации на внешнем рынке, который и может быть использован на нужды под'ема всего хозяйства». «Именно то обстоятельство, что наше сельское хозяйство может «обогнать» промышленность, что оно есть мелкое хозяйство, которое не требует больших затрат для того, чтобы быстро подняться,—это и есть к большой выгоде для страны динамическое (движущее) начало в нашем хозяйстве (стр. 41—42, курсив наш. *Л. М.*).

Попытаемся выявить основной смысл выдвигаемых здесь положений. Несомненно, что тов. Сокольников здесь не просто подчеркивает взаимозависимость в развитии сельского хозяйства и промышленности: ибо для этого совсем не нужно было бы налегать на то, что «эта постановка вопроса представляет собой» «довольно вопиющее противоречие с теми взглядами, которые обычно защищаются в нашей печати, собраниях и т. д.». Квинтэссенция скрывается здесь не в этом, а в оценке того, где находится «динамическое» (движущее) начало развития нашего хозяйства, которое т. Сокольников видит в том, что «наше сельское хозяйство может обогнать промышленность, т.-е. по темпу своего развития опередить последнюю». Но более быстрый темп развития сельского хозяйства есть повышение его удельного веса в общей экономике страны и вместе с тем ослабление роли промышленности в народном хозяйстве, т.-е. аграризация. Другого пути развития, по тов. Сокольникову, не дано. Но политик не может быть пассивным созерцателем происходящих хозяйственных процессов, и если тов. Сокольников действительно прав, что в аграризации лежит «движущее» начало нашего хозяйства, то необходимо за это звено уцепиться, сделав аграризацию определяющим лозунгом нашей экономической политики. За «динамическим началом» у тов. Сокольникова скрывается фактическое отстаивание курса на аграризацию. Повидимому, не случайно «забыта» промышленность тов. Сокольниковым при оценке перспектив развития и еще менее случайно его замечание о вопиющем противоречии защищаемой им точки зрения с «взглядами, которые обычно защищаются в нашей печати, собраниях», к которым отметим в скобках относится и такое «собрание», как XIV с'езд партии.

Проанализируем, в чем суть этого действительно «вопиющего противоречия», подчеркнув предварительно, что тов. Сокольников трактует не о конкретных мероприятиях нашей политики текущего года, а о линии развития, о путях нашего хозяйственного под'ема, рассчитанного на десятки лет. Это очень важное обстоятельство, ибо с точки зрения данного хозяйственного года вопросы, поднятые тов. Сокольниковым, могут иметь другое значение и разрешаться в другом направлении, чем тогда, когда они рассматриваются в общей перспективе развития.

Прежде всего отметим, что положения тов. Сокольникова противоречат не только «обычным мнениям, высказываемым в печати и на собраниях», но и фактам реальной экономической действительности. По тов. Сокольникову выходит, что двигаться вперед мы можем только в том случае, если сельское хозяйство будет обгонять промышленность. Но в последние годы мы имели явление обратного порядка: экономический под'ем, и довольно быстрый, совершался при темпе развития промышленности, опередившем темп под'ема сельского хозяйства.

«Динамическое начало» тов. Сокольникова не действовало, и все же мы двигались вперед—и довольно успешно. Нужно ли нашей экономической политике стремиться к тому, чтоб изменить это соотношение

темпа под'ема промышленности и сельского хозяйства? Входит ли это в интересы социалистического строительства?

Тов. Сокольников исходит из того, что нужно разбудить производительные силы деревни и развить с.-х. экспорт. Это, несомненно, верно, с этим никто не спорит.

Но что мы дадим крестьянину взамен его возрастающей продукции, если промышленность будет отставать хронически в своем темпе развития от сельского хозяйства. До сих пор соотношение темпа было в пользу промышленности, и все же мы уже около года находимся в полосе товарного голода.

Растущее сельское хозяйство пред'явит нам еще большие требования, и если мы окажемся неспособными их удовлетворить, крестьянство будет стремиться к установлению смычки с иностранным и внутренним капиталом, или же нам самим придется усиленно расширять ввоз предметов крестьянского потребления и крестьянского обихода, облегчая в то же время внутреннее производство их на частных капиталистических предприятиях, ослабляя тем самым позиции социалистич. промышленности за счет усиления роли капиталистич. сектора хоз-ва. Это неизбежно, поскольку мы не сумеем снижать крестьянское потребление промышленной продукции налоговым прессом довоенных размеров, ибо послереволюционное крестьянство не согласится сидеть на довоенных нищенских нормах потребления, да и партия и рабочий класс не пойдут по этому пути, грозящему политическими осложнениями, не говоря уже о том, что эта политика была бы сильнейшим тормозом развития производительных сил деревни и всей страны в целом. Индустриализация—вот единственно-правильный путь развития, который, укрепляя нашу смычку с крестьянством, ослабляет в то же время нашу зависимость от международного капитализма, как об этом четко и ясно заявил в своей резолюции XIV партс'езд. Эту индустриализацию с'езд и противопоставил курсу на аграризацию, защищаемому в рецензируемой брошюре тов. Сокольниковым.

Курс на индустриализацию не только не означает забвения деревни, но должен, по мнению с'езда, теснейшим образом сочетаться с всемерной поддержкой беднейшего и среднего крестьянства в его стремлении повысить производительность своего хозяйства, что вполне совпадает и с интересами промышленности. Весь смысл индустриализации в конечном счете сводится к тому, чтоб обеспечить перестройку сельского хозяйства на новых общественных началах, которые позволят ему достигнуть уровня производительности, не известного еще даже самым культурным капиталистическим странам.

Ибо курс на индустриализацию вытекает не только из необходимости укрепить смычку с деревней путем усиления ее снабжения продуктами промышленности, не только из необходимости «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность» (XIV партс'езд), но и из общего генерального плана строительства социализма в нашем Союзе.

Мы сможем строить социализм в деревне только тогда, когда наша промышленность окажется настолько мощной, чтобы чрез кооперацию подчинить деревню своему контролю и регулированию и быть в состоянии преодолеть капиталистические тенденции развития мелкого товарного производства. Каждый шаг по пути индустриализации есть укрепление позиций социализма в нашем Союзе. Ни о каком строительстве социализма при курсе на аграризацию говорить не приходится. Эту проблему строительства социализма тов. Сокольников обошел, подменив ее проблемой «хозяйственного под'ема» вообще. Но такая постановка вопроса ничего общего с ленинизмом не имеет, и партия правильно сделала, решительно ее отвергнув.

В полном соответствии с общей концепцией тов. Сокольникова находится и его утверждение, выдвинутое им в речи на XIV партс'езде, о том, что переоборудовать промышленность мы сможем лишь за счет в в о з а оборудования. Само собой разумеется, что этот ввоз будет иметь место, ибо без него мы обойтись не можем. Но если это бесспорно, то все же мы не можем согласиться с тов. Сокольниковым, ибо он—как вполне правильно подчеркнул тов. Сталин—«превращает эту нужду в принцип, в теорию, в перспективу развития. Вот в чем ошибка тов. Сокольникова». «Если мы застрянем на той ступени развития, на которой нам приходится ввозить оборудование и машины, а не производить их собственными силами, то мы не можем быть гарантированы от превращения нашей страны в придаток капиталистической системы». «Мы, т.-е. наша промышленность будет, таким образом, находиться на привязи у Европы». Поэтому «мы должны поставить дело так, чтобы помыслы и стремления хозяйственников были направлены в эту именно сторону, в сторону превращения нашей страны из страны, ввозящей оборудование, в страну, производящую это оборудование. Ибо в этом основная гарантия хозяйственной самостоятельности нашей страны. Ибо в этом гарантия того, что наша страна не будет превращена в придаток капиталистических стран. Тов. Сокольников не хочет понять этой простой и очевидной вещи», не учитывая того, что «отказаться от нашей линии—значит отойти от задач социалистического строительства, значит стать на точку зрения дауэсизации страны» (Бюллетень XIV с'езда, № 10).

Л. Мендельсон.

МОРОХОВЕЦ, Е. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. ГИЗ, стр. 238, тир. 3.000.

Известно, что по вопросу о роли пролетариата в буржуазной крестьянской революции большевики резко расходились с меньшевиками. И это расхождение носило, так сказать, не только количественный, но и качественный характер. В то время, как меньшевики полагали, что пролетариат сможет быть в нашем буржуазно-демократическом перевороте лишь о п п о з и ц и е й «с н и з у», но не р у к о в о д и т е л е м революции, сочетающим революционные методы действия и «снизу» и «сверху»; в то время, как, с их точки зрения, крестьянство не было достаточно подготовленным для того, чтобы под руководством пролетариата сыграть роль, аналогичную роли городской мелкой буржуазии в Коммуне 1871 г.,— большевики находили, что победа нашей крестьянской революции возможна лишь при условии совместной борьбы рабочего класса и крестьянства за революционно-демократическую диктатуру, как переходную ступень к диктатуре пролетариата.

Касаясь этого вопроса в своей книге, тов. Мороховец более или менее верно освещает взгляд меньшевиков на роль пролетариата в революции 1905 года; что же касается их взгляда на роль крестьянства в ней, то он изложен совершенно неправильно. Это об'ясняется тем, что автор на слово поверил тов. Мартынову. Между тем, у тов. Мартынова получается, будто бы меньшевики отрицали за крестьянством всего-на-всего лишь способность «играть с а м о с т о я т е л ь н у ю политическую роль» (разрядка т. Мартынова) [1]). А это абсолютно не верно.

Большевики всегда утверждали, что крестьянство может развернуться в революционно-действующий класс только под руководством

[1]) М о р о х о в е ц. «Кр. движение etc», стр. 32.

и под воздействием пролетариата, но вовсе не самостоятельно, не независимо от него. Следовательно, различие во взглядах меньшевиков и большевиков на крестьянство заключается не в том, в чем это усматривают т.т. Мороховец и Мартынов, но в том, что, по мнению меньшевиков, крестьянский вопрос не был «национальным вопросом окончательного утверждения в России буржуазного развития» [1], и что, следовательно, крестьянство *об'ективно* не могло оказать на нашу революцию определяющего действия.

Важно иметь в виду именно этот об'ективный смысл роли крестьянства в нашем буржуазном демократическом перевороте, а не крестьянское самосознание. «Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о... революционной эпохе по ее сознанию; скорее это сознание следует об'яснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями» [2]). А тов. Мороховец, резко выпячивая моменты, характеризующие политическое самосознание крестьянства, уделяет очень мало внимания об'ективному значению крестьянского вопроса в России. Такое освещение вопроса имеет, с нашей точки зрения, родство со своеобразной луиблановщиной. Тот же грех чувствуется и в цитате, взятой т. Мороховцем из статьи Мартынова. Тов. Мартынов толкует там о «царском фетишизме» крестьянства, забывая о том, к чему вынуждали крестьян об'ективные условия их существования.

Основная ошибка меньшевиков в вопросе о движущих силах нашей революции состоит в том, что они, во-первых, подменяли конкретный вопрос о типе российской буржуазной революции абстрактным вопросом о буржуазной революции вообще; во-вторых, совершенно ложно представляли себе расстановку и взаимоотношения классов в процессе развития России от полуфеодализма к социализму, т.-е. не видели действительного пути и основных этапов этого развития.

Тов. Мороховцу, повидимому, кажется, ошибочным заявление тов. Ленина, что меньшевизм «всегда сбивается на ту, в корне ошибочную, опошляющую марксизм, мысль, будто буржуазную революцию надлежит вести только буржуазии. Роль пролетариата, как передового борца за полную и решительную победу буржуазной революции, неясна правому крылу с.-д.» [3]). Ему представляется, повидимому, преувеличенным замечание Ильича о том, что меньшевики занимаются реакционно-утопическим сочинительством в аграрном вопросе, не зная того, какие классы являются действительными движущими силами революции.

Тов. Мороховец забывает о том, что на его обязанности, как историка, лежит об'ективный анализ «о-себе-высказываний» и меньшевиков и большевиков. А этого-то он и не делает. Ильича же интересует не то, что думали и говорили меньшевики, а то, что они *делали и к чему вело то*, что они делали.

Тов. Мороховец стирает острые углы. Они ему не нравятся. Но стирая их, он впадает, как мы видели, в своеобразную луиблановщину.

Признавали ли меньшевики гегемонию рабочего класса в революции 1905 года? Тов. Мороховец утверждает, что принципиально они признавали главенство пролетариата. Верно ли это утверждение?

Прежде всего определим понятие гегемонии рабочего класса. Оно может толковаться различно. Во-первых, под гегемонией можно подразу-

[1]) Н. Ленин, Письмо к тов. Скворцову.
[2]) К. Маркс, Предисловие к „Критике полит. экон.".
[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 228.

мевать то, что вкладывал в это понятие Г. В. Плеханов, именно: противопоставление рабочего, как носителя социализма, мужику. Брошенное им на Парижском конгрессе II Интернационала выражение — «Русская революция восторжествует, как революция рабочего класса, или не восторжествует вовсе»—обозначает собою то же самое, что и фраза тов. Ленина—«Будущее в России принадлежит не мужику, а рабочему».

Гегемония пролетариата в этом смысле тождественна с понятием руководящей роли рабочего класса в социалистической революции. *Эта* идея гегемонии направлена против народничества, против мелко-буржуазного социализма. Следовательно, заслуга Г. В. Плеханова, как отца идеи первенствующей роли пролетариата в России, имеет вес лишь по отношению к народничеству. Это, разумеется, колоссальная заслуга, но она ограничена определенными историческими рамками, вне которых она теряет свою исключительную ценность.

Следует заметить еще вот что. Плехановская идея гегемонии появилась на свет в результате распада старого мелко-буржуазного социализма, изжившего себя в силу присущих ему внутренних противоречий, как неизбежное отрицание народничества первой поры. Именно поэтому она, эта идея, страдает такой же отвлеченностью, как и идея народничества. Замечание тов. Луначарского (тогда Воинова) на IV с'езде РСДРП, что Плеханов, обжегшись в детстве, т.-е. в народнический период своей политической деятельности, на молоке, начал дуть на воду, т.-е. на революционное крестьянство, вполне правильно. Оно говорит как раз о том, что Плехановская гегемония—абстракция, порождение, так сказать, политического рассудка. Эту абстракцию необходимо было подвергнуть обработке посредством политического разума, что и было сделано Владимиром Ильичем.

Для тов. Ленина понятие гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции равнозначно с понятием пролетариата, как вождя «общенациональной» революции, концентрирующего вокруг себя все революционные элементы общества. Отстаивая *эту* идею гегемонии, Ильич горячо спорил с народниками, еще горячее—с экономистами и в особенности—с меньшевиками, с Плехановым—в числе последних.

По нашему мнению, Г. В. Плеханов делал ошибку не только в том смысле, что он не сумел «арифметизировать» идею верховенства рабочего класса, но и в том, что даже алгебраическое выражение этой идеи страдало у него односторонностью. Выражение тов. Ленина «рабочий класс, как вождь народа» алгебраично, а не арифметично. Но алгебра Влад. Ильича диалектична, алгебра же Плеханова рассудочно-схоластична. И это потому, что Плеханов, в известном смысле, не преодолел, а просто отбросил народничество. Ильич, напротив, не просто отбросил, а диалектически преодолел мелко-буржуазный социализм.

Таким образом, понятие гегемонии у Ильича одно, у Плеханова—совсем другое. Строго говоря, Плеханов никогда по настоящему не понимал руководящей роли пролетариата в буржуазно-демократической революции, как ее не понимали экономисты и меньшевики.

Отсюда ясна, между прочим, недостаточность замечания тов. Мороховца о том, что, «*признавая* принципиально *неизбежность* гегемонии пролетариата в грядущей буржуазной революции, меньшевики отказывались от этой гегемонии *при практической* постановке вопроса» [1]). (Разрядка наша. *И. Ж.*). Делая это замечание, он ссылается на две цитаты из тов. Мартынова. Но, во-первых, в одной из этих цитат тов. Мартынов говорит о гегемонии, как о результате «слепой игры ре-

[1]) Мороховец, «Кр. движение etc», стр. 32.

волюционной стихии», т.-е. не о неизбежности, а лишь о случайной возможности гегемонии, и вопрос этот ставится им не практически, а теоретически. Что касается другой цитаты, то в ней тов. Мартынов ведет речь, очевидно, о руководящей роли пролетариата в социалистической революции.

Несмотря на это, работа т. Мороховца, в общем, является ценной работой. Но именно потому, что эта книга, несомненно, ценна, мы не могли пройти мимо хотя бы некоторых ее недостатков. Очень жаль, что по некоторым причинам нам не удалось коснуться в нашей заметке еще кое-каких вопросов, освещенных тов. Мороховцем недостаточно выпукло, ясно и точно. Так, например, мы находим, что ошибочность «отрезочной» программы не совсем резко подчеркнута, а также мало заострен вопрос о связи аграрного переворота с демократизацией центральной власти в программах Маслова и тов. Ленина.

Вот те замечания, которые мы считаем необходимым сделать по поводу книжки тов. Мороховца «Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции».

И. Жиров.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

В редакцию «Большевика».

В своей только что вышедшей работе «К вопросам ленинизма» (отдельная брошюра в изд. Госиздата; «Большевик» № 3) т. Сталин указывает на неправильность моей формулировки: «диктатура пролетариата есть диктатура нашей партии», данной в брошюре «Учение Ленина о партии». Я согласен, что мое изложение слишком упрощает вопрос о взаимоотношении партии и класса: формулировка неточна и должна быть, естественно, исправлена в новом издании, буде таковое окажется необходимым.

Статья т. Сталина ставит своей задачей дать итоги проверки положений, выставленных новой оппозицией. При таком условии цитирование т. Сталиным моей формулировки (март 1924 г.) и сопоставление ее с аналогичной формулировкой т. Зиновьева (сентябрь 1925 г.), наряду с разбором некоторых других положений т. Зиновьева и т. Каменева, может вызвать у читателя неправильное представление о моих общеполитических взглядах и подать повод к заключению о каком-либо или в чем-либо расхождении моем с партией. Против возможности такой ошибки я счел себя обязанным предупредить читателя.

15 февраля 1926 г.

Вл. Сорин.

В редакцию «Большевика».

Заявляю, что, критикуя формулировку т. Сорина в его книжке «Учение Ленина о партии» (1924 г.), я не имел в виду дать характеристику взглядов т. Сорина по вопросам, затронутым недавней дискуссией на XIV с'езде партии (декабрь 1925 г.). Во избежание недоразумений, считаю своим долгом сказать, что т. Сорин—в этом не может быть никакого сомнения—не имеет ничего общего с новой оппозицией, что он целиком разделяет точку зрения XIV с'езда партии. Именно поэтому я думаю, что ошибка, допущенная т. Сориным в 1924 году, является ошибкой случайной, эпизодической.

17 февраля 1926 г.

И. Сталин.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЛЕНИН И ЛЕНИНИЗМ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 МАРТА 5

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 56926. Москва. Тираж 44.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Хозяйственная обстановка и хозяйственная политика.

Продолжающийся под'ем нашего хозяйства сопровождается в текущем году рядом кризисных явлений. Обострившийся к осени прошлого года и проявляющийся теперь товарный голод на промышленные продукты, рост цен как на сельско-хозяйственные, так и на промышленные товары, связанное с этим некоторое понижение покупательной силы червонца, затруднения в области внешней торговли и острая нужда промышленных предприятий в капиталах,—таковы в основных чертах эти явления.

Мы не переживаем общего кризиса. Наше хозяйство находится в процессе под'ема, а не упадка. Основные показатели народного хозяйства свидетельствуют о продолжающемся его здоровом развитии. И эти кризисные явления вытекают и в значительной мере обусловливаются именно этими процессами хозяйственного роста. С полным правом их можно назвать поэтому «болезнями роста».

Однако, они таят в себе большие опасности, так как если они не будут преодолены, если им будет предоставлена возможность беспрепятственно развиваться, они из кризисных явлений могут вырасти в общий экономический кризис и приостановить дальнейший под'ем нашего хозяйства. Естественно поэтому, что внимание партии должно быть направлено на установление корней этих явлений и мер, необходимых для их устранения.

Более близкое рассмотрение переживаемых нами затруднений показывает, что мы имеем нарушение равновесия (диспропорцию) между отдельными отраслями хозяйства. Нарушение равновесия наблюдается прежде всего между сельским хозяйством и промышленностью. Хороший урожай, наличие излишков хлеба и других продуктов вместе с уменьшением сельхозналога создали условия для пред'явления крестьянством повышенного спроса на продукты промышленности, спроса в таком об'еме, который промышленность не в состоянии покрыть, не-

смотря на свое быстрое развертывание. Эта диспропорция была обострена нашей политикой хлебозаготовок, вызвавшей повышение цен на сельхозпродукты. Вместе с тем нарушение равновесия наблюдается и внутри промышленности: основное—между топливной промышленностью и остальными отраслями. Оно выражается в том, что потребности этих отраслей в топливе лишь с большим трудом удовлетворяются продукцией топливной промышленности. В прошлом году в этом отношении мы имели как раз обратное положение. Таким образом, эти нарушения равновесия проистекают из неодинакового темпа развития отдельных отраслей хозяйства; они обусловливаются тем, что то одна, то другая отрасль забегает вперед и тем нарушает необходимую пропорциональность с остальными отраслями. Было бы, однако, непозволительной ошибкой видеть в этих диспропорциях, и прежде всего в диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством основную причину стоящих перед нами затруднений. Свести всю сумму этих затруднений целиком к нарушению равновесия между сельским хозяйством и промышленностью никак нельзя. Правда, такого рода «приведение» подкупает своей внешней последовательностью и простотой, но эти простота и последовательность получаются в результате того, что остается вне поля зрения ряд весьма важных обстоятельств. Исходя из диспропорции никак нельзя об'яснить факта повышения цен на сельско-хозяйственные товары; точно так же нельзя об'яснить и затруднений в области внешней торговли. Эта внешне последовательная точка зрения может привести к заблуждениям и выводам, не отвечающим действительным условиям нашего хозяйства и нашей политики.

Для правильного суждения о сложившейся теперь обстановке необходимо иметь в виду наш летний просчет, выразившийся конкретно в «контрольных» цифрах Госплана. Мы переоценили летом имевшиеся у нас ресурсы и прежде всего хлебные излишки и переоценили темп нашего развертывания в текущем году. На основе преувеличенного расчета на хлебные излишки и возможность их реализации был построен план хлебозаготовок, учитывались перспективы развития товарооборота, был определен кредитный план и эмиссионные возможности, составлен большой экспортно-импортный план, определен рост промышленности и размеры капитальных затрат. Размеры урожая однако оказались ниже первоначальных предположений; с другой стороны, рост потребления хлеба сельским и городским населением оказался значительно недоучтенным. Таким образом, хлебные излишки в стране оказались значительно меньше тех, на которые мы рассчитывали. Вместе с тем крестьянство, которое не находилось в этом году под давлением налогового пресса, не спешило со сбытом хлеба. Все это привело к тому, что план хлебозаготовок оказался преувеличенным; осуществление этого плана, базировавшегося на широком кредитовании, привело к росту хлебных цен и усилению товарного голода. Но ход хлебозаготовок в значительной мере определял размеры и темп развертывания внешней торговли и промышленности. Недовыполнение большого плана хлебозаготовок привело к тому, что экспорт оказался ниже предположений, рост товарооборота и вместе с тем эмиссионные возможности—точно так же. Но импорт уже начал проводиться в расчете на большой экспортный план, эмиссия и кредитование осуществлялись в расчете на рост товарооборота по первоначальным предположениям, к капитальным затратам в промышленности было приступлено в расчете на большие возможности получения средств по госбюджету и в порядке кредитования. Отсюда именно—из переоценки темпа развития—и возник тот ряд нарушений равновесия, который характеризует теперешнее положение.

В общем этот ряд диспропорций сводится к тому, что наши планы и расчеты развертывания промышленности, производства капитальных затрат, роста внешней торговли и проч. оказались несоответствующими реальным рессурсам страны, а попытка выполнения этих планов привела к наблюдающимся теперь болезненным явлениям.

* *
*

В связи с этими затруднениями снова обсуждаются вопросы нашего хозяйственного курса.

XIV с'езд четко определил общее направление экономической политики, поставив перед партией задачу индустриализации страны и достижения ее максимальной хозяйственной самостоятельности. Однако, теперь, при анализе сложившейся экономической обстановки и затруднений, делаются кое-кем выводы, идущие вразрез с решениями с'езда, представляющие пересмотр этих решений, несмотря на то, что все это проводится под флагом всего лишь невинного «толкования» с'ездовских постановлений.

Наиболее далеко идущими в этом отношении являются выступления т. Шанина (см. № 2 «Большевика») и его соратников. Здесь выставленному с'ездом лозунгу индустриализации нашей страны фактически противопоставляется лозунг ее дальнейшей аграризации. Курсу на развитие нашей социалистической промышленности непосредственно противопоставляется курс на развитие сельского хозяйства, где господствует мелкое товарное производство. Все это мотивируется тем, что развертывание промышленности якобы

создает в теперешних условиях кризисные явления, что капитальные затраты в промышленности, могущие дать эффект через продолжительный срок, не под силу пока нашей стране и что поэтому мы должны ориентироваться теперь на развитие сельского хозяйства и сельско-хозяйственного экспорта, так как вложение наших средств в эти отрасли может дать более быстрый, благодаря господствующему здесь мелкому производству, и более ощутительный хозяйственный эффект. Вместе с тем развитие сельского хозяйства и установление большей связи его с иностранным рынком должно вывести нас из теперешних затруднений и обеспечить гладкий, бескризисный под'ем в дальнейшем.

Отсталость сельского хозяйства, господство в нем мелкого производства возводится этой теорией, таким образом, в особую «добродетель» и превращается в условие нашего хозяйственного роста и развития к социализму! Мелкое сельско-хозяйственное производство об'является имеющим преимущества в наших условиях над крупным, машинным хозяйством. Здесь мы имеем своеобразный рецидив тех мелко-буржуазных теорий превозносивших мелкое кустарное производство и крестьянское хозяйство над крупной промышленностью и крупным капиталистическим хозяйством в земледелии, с которыми боролись революционные марксисты.

Эта теория должна быть нами отвергнута со всей решительностью. Ибо такого рода курс ведет к ослаблению ведущего начала нашей экономики—социалистической промышленности, ибо он обеспечивает превращение нашей страны в «царство крестьянской ограниченности», в аграрный придаток высокоразвитых капиталистических стран.

Условия нашего сельского хозяйства таковы, что там минимальные затраты могут дать большие результаты и значительное повышение продукции. Переход к многополью, улучшение обработки почвы, очистки семян, и проч.,—одно это может дать большое увеличение сельско-хозяйственного дохода. Именно поэтому надо больше средств вкладывать в промышленность, которая благодаря высокому органическому строению капитала требует больших затрат для увеличения своей продукции. С другой стороны, преодолеть отсталость, рутину, раздробленность и хищническое расходование труда в сельском хозяйстве можно, только опираясь на крупную промышленность. Крупная промышленность и электрификация только и могут создать техническую базу для обобществления сельского хозяйства.

Индустриализация является, таким образом, одним из основных условий осуществления социализма в нашей стране. Вот почему индустриализация является осью нашей экономической политики.

* * *

Однако, когда говорят, что выход из теперешних затруднений обеспечивается индустриализацией страны, то это нас ни в коей мере удовлетворить не может. Индустриализация является элементом нашего большого плана движения к социализму. Ее нельзя «провести» одним махом. Она будет осуществляться в течение долгого ряда лет, требуя от нас больших усилий, выдержки, затраты соответствующих средств.

Этот большой план недостаточно и неправильно поэтому предлагать в качестве единственной меры, могущей вывести нас из того сложного переплета временных, своеобразных затруднений, в котором мы теперь находимся. Это было бы чересчур большим «упрощением» наших задач и на практике привело бы и часто приводит к неправильным выводам.

Ибо, если выход заключается единственно и просто в развертывании промышленности, то отсюда следует, что наша кредитная и эмиссионная политика, бюджет и проч. должны быть подчинены этой задаче. Если для развертывания промышленности нужна новая эмиссия, она должна быть осуществлена, не считаясь с обстановкой. Если для этого нужно увеличение бюджета, оно должно быть проведено, не считаясь с реальными нашими возможностями. Лозунг индустриализации превращается в такой постановке в лозунг максимального развертывания, т. е. в то, против чего предостерегал в своей резолюции XIV парт-с'езд.

Вот почему неправильно, недостаточно выставлять индустриализацию в качестве единственной меры преодоления теперешних временных затруднений. Переплет этих затруднений чрезвычайно сложен, нам нужно гибкое маневрирование, умелое использование всех основных рычагов нашей экономической политики, чтобы выбраться из этих затруднений. Нам нужно добиться смягчения товарного голода и увеличения продукции промышленности. Надо добиться снижения цен внутри страны и укрепления курса червонца. Надо добиться расширения нашего экспорта, которое даст возможность увеличить импорт сырья и оборудования промышленности. Все это решается путем сложного сочетания системы мер развертывания промышленности, регулирования торговли, кредитной и эмиссионной политики.

Речь идет теперь именно о том, как конкретно осуществить индустриализацию в данный отрезок времени, при данном сочетании условий. Дело здесь заключается в точном расчете и учете этих условий и имеющихся у нас ресурсов. Нам нужно увеличение промышленной продукции, нам необхо-

создает в теперешних условиях кризисные явления, что капитальные затраты в промышленности, могущие дать эффект через продолжительный срок, не под силу пока нашей стране и что поэтому мы должны ориентироваться теперь на развитие сельского хозяйства и сельско-хозяйственного экспорта, так как вложение наших средств в эти отрасли может дать более быстрый, благодаря господствующему здесь мелкому производству, и более ощутительный хозяйственный эффект. Вместе с тем развитие сельского хозяйства и установление большей связи его с иностранным рынком должно вывести нас из теперешних затруднений и обеспечить гладкий, бескризисный под'ем в дальнейшем.

Отсталость сельского хозяйства, господство в нем мелкого производства возводится этой теорией, таким образом, в особую «добродетель» и превращается в условие нашего хозяйственного роста и развития к социализму! Мелкое сельско-хозяйственное производство об'является имеющим преимущества в наших условиях над крупным, машинным хозяйством. Здесь мы имеем своеобразный рецидив тех мелко-буржуазных теорий превозносивших мелкое кустарное производство и крестьянское хозяйство над крупной промышленностью и крупным капиталистическим хозяйством в земледелии, с которыми боролись революционные марксисты.

Эта теория должна быть нами отвергнута со всей решительностью. Ибо такого рода курс ведет к ослаблению ведущего начала нашей экономики—социалистической промышленности, ибо он обеспечивает превращение нашей страны в «царство крестьянской ограниченности», в аграрный придаток высокоразвитых капиталистических стран.

Условия нашего сельского хозяйства таковы, что там минимальные затраты могут дать большие результаты и значительное повышение продукции. Переход к многополью, улучшение обработки почвы, очистки семян, и проч.,—одно это может дать большое увеличение сельско-хозяйственного дохода. Именно поэтому надо больше средств вкладывать в промышленность, которая благодаря высокому органическому строению капитала требует больших затрат для увеличения своей продукции. С другой стороны, преодолеть отсталость, рутину, раздробленность и хищническое расходование труда в сельском хозяйстве можно, только опираясь на крупную промышленность. Крупная промышленность и электрификация только и могут создать техническую базу для обобществления сельского хозяйства.

Индустриализация является, таким образом, одним из основных условий осуществления социализма в нашей стране. Вот почему индустриализация является осью нашей экономической политики.

* * *

Однако, когда говорят, что выход из теперешних затруднений обеспечивается индустриализацией страны, то это нас ни в коей мере удовлетворить не может. Индустриализация является элементом нашего большого плана движения к социализму. Ее нельзя «провести» одним махом. Она будет осуществляться в течение долгого ряда лет, требуя от нас больших усилий, выдержки, затраты соответствующих средств.

Этот большой план недостаточно и неправильно поэтому предлагать в качестве единственной меры, могущей вывести нас из того сложного переплета временных, своеобразных затруднений, в котором мы теперь находимся. Это было бы чересчур большим «упрощением» наших задач и на практике привело бы и часто приводит к неправильным выводам.

Ибо, если выход заключается единственно и просто в развертывании промышленности, то отсюда следует, что наша кредитная и эмиссионная политика, бюджет и проч. должны быть подчинены этой задаче. Если для развертывания промышленности нужна новая эмиссия, она должна быть осуществлена, не считаясь с обстановкой. Если для этого нужно увеличение бюджета, оно должно быть проведено, не считаясь с реальными нашими возможностями. Лозунг индустриализации превращается в такой постановке в лозунг максимального развертывания, т.-е. в то, против чего предостерегал в своей резолюции XIV парт-с'езд.

Вот почему неправильно, недостаточно выставлять индустриализацию в качестве единственной меры преодоления теперешних временных затруднений. Переплет этих затруднений чрезвычайно сложен, нам нужно гибкое маневрирование, умелое использование всех основных рычагов нашей экономической политики, чтобы выбраться из этих затруднений. Нам нужно добиться смягчения товарного голода и увеличения продукции промышленности. Надо добиться снижения цен внутри страны и укрепления курса червонца. Надо добиться расширения нашего экспорта, которое даст возможность увеличить импорт сырья и оборудования промышленности. Все это решается путем сложного сочетания системы мер развертывания промышленности, регулирования торговли, кредитной и эмиссионной политики.

Речь идет теперь именно о том, как конкретно осуществить индустриализацию в данный отрезок времени, при данном сочетании условий. Дело здесь заключается в точном расчете и учете этих условий и имеющихся у нас ресурсов. Нам нужно увеличение промышленной продукции, нам необхо-

димо обновление основного капитала индустрии. Но как, в каких размерах это может быть проведено, решается тем, каким наличием рессурсов мы располагаем.

Ставить вопрос иначе это значит итти на новое увеличение эмиссии червонцев, что при теперешнем тяжелом положении червонца может привести лишь к дальнейшему понижению его курса вызвать новый рост цен, обострить еще более экспортные затруднения, вовлечь нас в русло новой инфляции. Средства для необходимого и возможного для нас теперь развертывания промышленности должны быть найдены. Но их надо создавать не путем инфляции, а путем строжайшей экономии, отказа от всех не абсолютно необходимых расходов, путем перераспределения кредитов между промышленными и торговыми организациями, путем новых кредитных операций, перераспределения бюджетных средств в сторону промышленности, путем повышения производительности труда. Только эти методы обеспечат здоровый и быстрый под'ем нашего хозяйства.

Я. Яковлев.

Советы, как форма пролетарской демократии.

Опыт семнадцатого года сразу выявляет значение советов, как органов пролетарской диктатуры, в которых и через которые рабочий класс устанавливает сотрудничество с крестьянскими массами. Тем самым дается разрешение той проблемы, которая заполнила всю историю России за последние три десятка лет: кому вести за собой крестьянство—рабочему классу или буржуазии. В октябрьские дни рабочие ведут крестьян, завоевав крестьянское доверие декретом о земле. Этот декрет показал, что рабочий класс берет представительство «интересов трудящихся крестьянских масс», что он умеет при этом считаться с крестьянскими предрассудками, на опыте помогая их изживанию. Таких же «естественных представителей» крестьяне находят в рабочем классе в годы гражданской войны, когда союз пролетариата с крестьянством приобретает характер военного союза. И в октябрьские дни и во время гражданской войны крестьянская революция против помещика сочетается, сливается с пролетарской борьбой против буржуазии. Государственной формой этого сочетания являются советы. В этом сочетании—коренной источник непобедимости советов. В нем основное условие перерастания доведенной до конца буржуазной революции в революцию социалистическую. Советы явились формой государства, обеспечивающей влияние рабочего класса на крестьянство и на тех этапах революции, когда революция буржуазно-демократическая перерастала в революцию социалистическую.

И теперь, когда первостепенными становятся экономические задачи, советы продолжают играть роль того орудия, с помощью которого рабочий класс привлекает на свою сторону крестьян и отрывает их от буржуазии. Опыт подтверждает целиком ленинское утверждение, что советы наилучшим образом приспособлены к борьбе пролетариата против буржуазии за влияние и руководство непролетарскими трудящимися массами. Опыт всей нашей революции показал, что вне союза с крестьянами невозможна пролетарская диктатура, что союз с крестьянами, как это говорил Ленин на III конгрессе Коминтерна, означает усиление и укрепление пролетариата. «Высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролетариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть...» [1]). Поскольку союз рабочих и крестьян, осуществляемый советами, есть союз разных классов (союз рабочих

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., том XVIII, ч. 1, стр. 331. Речь о тактике РКП на III конгрессе Коминтерна.

и бедняков с середняками), он предполагает длительную, на поколения рассчитанную работу перевоспитания крестьянской массы, которая постепенно на собственном опыте убеждается, что движение к социализму ей выгоднее, чем движение назад к капитализму.

Вопросы дальнейшего развития советов нельзя рассматривать вне реального соотношения этих двух классов, вне вопроса о том, какими путями и методами рабочий класс будет вести за собой крестьянские массы к социализму.

Величайшее значение советов в том, что они представляют собой орган связи авангарда—коммунистической партии—с массами. Всякая попытка рассматривать диктатуру пролетариата вне связи авангарда с массами, была бы в корне неверной, противоленинской. Ленин всегда рассматривал Советскую власть, как такую форму власти рабочего класса, которая обеспечивает поднятие миллионов трудящихся к управлению государством.

При всех условиях, при всех особенностях практической постановки вопроса (вытекающих из видоизменения условий от одного периода к другому) у Ленина все же не меняется определение основных отношений.

В статье «Удержат ли большевики государственную власть», написанной в 1917 году, Ленин, рассматривая советы, как форму пролетарского государства, на первое место выдвигает их роль аппарата связи авангарда с массами. Он показывает, как советы дают связь авангарда с массами наиболее «тесную, неразрывную, легко проверимую и возобновляемую», как советы дают возможность авангарду «поднимать, воспитывать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу» рабочих и крестьян [1]).

В черновом наброске проекта программы Ленин рассматривает укрепление и развитие Советской власти, прежде всего, как об'единение авангарда угнетенных классов, «который должен воспитывать поголовно все трудящееся население к самостоятельному участию в управлении государством не теоретически, а практически».

В 1918 г. в статье «Очередные задачи Советской власти»—то же определение. Значение советов и Советской власти и здесь для Ленина прежде всего в том, что они создают наилучшую возможность руководства коммунистического авангарда широкими массами и их воспитания на собственном опыте, «ибо Советская власть есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплоатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя [2]).

В следующем 1919 году, в статье «Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата» Ленин видит главнейший источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны II Интернационала в непонимании им того, что Советская власть, как форма власти рабочего класса, служит в руках этого класса

[1]) Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 229, ст. «Удержат ли большевики государственную власть?».

[2]) Соб. соч., т. XV, стр. 215, ст. «Очередные задачи Советской власти».

орудием привлечения на его сторону непролетарских трудящихся масс.

Еще через год, в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», в 1920 году, Ленин рассматривает вопрос о том, чем держится, проверяется и подкрепляется дисциплина революционной партии пролетариата. Он выдвигает в качестве условия существования этой дисциплины, наряду с сознательностью пролетарского авангарда, его умение сблизиться с широкими слоями трудящихся пролетарских и непролетарских масс. Основным условием правильности практического руководства авангарда этими массами он выдвигает требование, «чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности» [1]).

Перечисляя в тезисах об основных задачах II конгресса Коммунистического Интернационала в 1920 году условия победы над капитализмом, Ленин выдвигает на первое место создание сплоченной, закаленной, крепкой коммунистической партии и связь такой партии не только со своим классом, но и со всей массой эксплоатируемых. Вне этих условий не может быть самого захвата власти советами. И после 1920 года вытекающие из нэпа трудности заставляют Ленина все вновь и вновь возвращаться к мысли о связи массы и авангарда, как основном условии существования и развития Советской власти.

Можно ли в любом из этих определений диктатуры одну часть оторвать от другой? Можно ли изобразить Советскую власть только как прямую власть авангарда рабочего класса над трудящимися массами? Мы видим из ленинских формулировок, что это не по-ленински, что это грубейшим образом Ленину противоречит.

Именно потому власть коммунистической партии и власть рабочего класса совпадают, что власть коммунистической партии превращает весь рабочий класс в класс господствующий, подымающий «к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся» [2]). Ленин разрабатывает неоднократно вопрос об источниках прочности Советской власти в разные исторические периоды, каждый раз подчеркивая, что сила и значение советов в правильном сочетании авангарда и массы.

Авангард может в иных случаях своим порывом, своей решимостью, а иногда дерзостью своего наступления, даже уйдя вперед от массы, в конечном счете эту массу увлечь за собой. Он может внезапным наступлением, иногда неожиданным по смелости, дезорганизовать ряды врага и тем самым расчистить пути для движения вперед основной массы, которая иначе бы не решилась двигаться вперед. Но сам авангард без массы и вне массы прочно победить не может, даже не может продержаться на уже завоеванных позициях.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин подвел итог отношениям авангарда и массы в выражениях, не допускающих никаких перетолкований. «С одним авангардом победить нельзя». Больше того, Ленин считает не только глупостью, но и преступлением всякую попытку бросить один авангард в

[1]) Соб. соч., т. XVII, стр. 118, ст. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

[2]) Соб. соч., т. XV, стр. 215, ст. Очередные задачи «Советской власти».

решительный бой, если ему не обеспечена либо прямая поддержка широких масс, либо, по крайней мере, такой благожелательный нейтралитет к нему, который одновременно означает полную неспособность масс поддержать противника.

В этой же связи Ленин раз'ясняет, что одной пропагандой и агитацией нельзя привести широкие массы к поддержке авангарда,—«для этого нужен собственный политический опыт этих масс» [1]).

Так складываются конкретные отношения авангарда и массы. Они во всяком случае не покрываются отношениями командования. Гораздо более точно отношения авангарда и масс определяются понятием руководства. Авангард—правящая коммунистическая партия—руководит массами не как учитель руководит учениками в школе. Его руководство прежде всего заключается в том, что он, ведя за собой рабочий класс и массы бедного и среднего крестьянства, помогает самим массам осознать свой собственный опыт, опыт своей собственной жизни и борьбы. Пролетарский авангард—учитель и вождь всех трудящихся, их руководитель в деле движения к социализму—отнюдь не похож ни на ученого пропагандиста, ни на командира, приказывающего массам производить то или иное движение, занять те или иные позиции. Он не проповедник и не командир, хотя, конечно, в его политику в любой момент составной частью входят и командование и проповедь, т.-е. убеждение. У Ленина руководство означает, прежде всего, воспитание масс на их собственном опыте.

Представление о руководстве только как о командовании или даже только как об агитации или пропаганде было бы опошлением ленинизма.

У Ленина мы не найдем ни одного места, где бы рабочий авангард выступал только в качестве такого педагога или командира. Ленинское руководство заключается в том, что правящая партия подводит самые массы, миллионы людей, на их собственном опыте к идее рабочего класса.

Но тут мы слышим голос, склонный возвести в принцип те из приемов непосредственного командования над массой, которые были величайшей добродетелью в военный период, в первые годы нэпа и которые начинают превращаться в величайший порок в настоящее время. Иной коммунист не прочь свести указание Ленина о воспитательной роли авангарда к предложению через школу, особенно школу политграмоты, через книгу подготовлять новых участников управления государством. Поэтому мы опять обратимся к Ленину для того, чтобы у него найти ответ на вопрос, что означает обучение авангардом масс, какими путями авангард учит массы, какие средства обучения он имеет в своем распоряжении.

На с'езде крестьянских депутатов в 1917 году Ленин призывал учить народ искусству государственного управления не только книжкой, а немедленным повсеместным переходом к практике... В 1918 году в своем докладе об изменении партийной программы и названия партии основное значение советов Ленин видит в том, что они дают возможность воспитывать массы,

[1]) Соб. соч., том XVII, стр. 179, ст. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

а суть этого воспитания он раз'ясняет заявлением: мы хотим, чтобы русский крестьянин учился из собственного опыта, а не из книг. Советы воспитывают массы, потому что через них массы непосредственно учатся управлению государством. Заслугу партии Ленин видит в том, что партия помогает массам самим взяться за управление государством и за введение социализма вместо того, чтобы «учиться этому из книг, из лекций»...

В своем докладе о годовщине пролетарской революции на VI Всероссийском С'езде Советов Ленин характеризует сознательность масс не тем, что они взяли и прочли книжку или брошюру, а тем, что они собственными руками строят фундамент социализма. В 1919 году в речи на II Всероссийском С'езде Профсоюзов он в том же—в обучении масс практикой управления, не митингами, не книжками, не речами—видит основное условие прочности социалистического переворота. В тезисах об основной задаче II Конгресса Коминтерна он обобщает это положение до международного масштаба, заявляя: «Только в советах начинает масса эксплоатируемых действительно учиться не из книжек, а из собственного практичекого опыта делу социалистического строительства» [1]). Такое же обобщение он делает и в «Детской болезни «левизны» на опыте России и Германии, доказывая, что только собственный политический опыт масс может обеспечить необходимую для победы революции поддержку этих масс пролетарскому авангарду. Соответственно, в своей речи о задачах Союза молодежи, Ленин называет грубым и недостаточным такое определение коммунизма, которое считает, что учиться коммунизму—это значит усвоить сумму знаний из коммунистических учебников, брошюр и трудов. Обучение только из книг и брошюр могло бы повести к созданию «коммунистических начетчиков или хвастунов». Настоящего коммуниста и строителя Советского государства может создать только опыт практического советского строительства. (Мы не хотим, конечно, умалить значение коммунистического образования, но нельзя к книжному образованию сводить ленинское понятие обучения масс авангардом).

Меньшевики всего мира в ответ на этот ход ленинских мыслей, и еще больше в ответ на практику советского государства, указывают на ошибки, которые в деле управления совершают неопытные строители из рядов рабочих и крестьян. Им Ленин дает ответ в докладе о деятельности Совнаркома на III Всероссийском С'езде Советов:

«Мы знаем лишь один путь пролетарской революции... научиться власти на опыте, на своих ошибках» [2]). В письме же к американским рабочим Ленин раз'ясняет, что эти ошибки действительно перестраивающих свою жизнь рабочих и крестьян стоят тысяч и миллионов успехов буржуазии. Каждая такая ошибка учит рабочих и крестьян обходиться без капиталистов. На ошибках авангард учится вместе с массами.

У массы нет опыта,—пугают меньшевики. Научатся на деле управления,—отвечает Ленин. Нужно только развивать веру

[1]) Собр. соч., т. XVII, стр. 233. Тезисы об основных задачах II конгресса Коминтерна.

[2]) Собр. соч., т. XV, стр. 84. Доклад о деятельности СНК на III Всероссийском С'езде Советов.

самих масс в свои силы, ибо эти массы еще мало освоились с тем, что рабочий класс господствует. На том же III С'езде Ленин решительнейшим образом борется со старым буржуазным предрассудком, будто рабочий и крестьянин не могут управлять государством. Больше доверять массам, внушать им веру в себя,— таков был ленинский путь всегда. Еще в 1917 году в статье «Один из коренных вопросов революции» Ленин указывал, что величайшим грехом меньшевиков и эсеров является их неверие в массы, их боязнь почина, самостоятельности и революционной энергии масс. Этой меньшевистской боязни масс Ленин противопоставляет доверие авангарда к их инициативе, самодеятельности, самостоятельности.

В ответ на меньшевистские жалобы на отсталость массы, на ее некультурность, дикость, Ленин показывает, как удесятеряется революционный энтузиазм масс, когда они видят, что власть им верит, им помогает, на них опирается. Корень такой постановки вопроса Лениным в том, что опыт самих трудящихся масс толкает их к доверию пролетарскому авангарду. Только собственным опытом масс проверяется правильность тактики и стратегии пролетарского авангарда. Только когда сами широкие массы на собственном опыте убедились в правильности пролетарского руководства, может быть прочна пролетарская диктатура и может быть крепким и сплоченным сам пролетарский авангард.

Если Маркс основным условием действительно народной революции считал разрушение государственной машины буржуазии, то Ленин это положение Маркса дополняет, вводя основным признаком подлинной народной революции огромное увеличение числа лиц, принимающих участие в управлении государством. При этом степень углубления и укрепления революции может характеризоваться степенью расширения числа рабочих и руководимых рабочим классом крестьян, ее строящих, в ней принимающих участие. Успехи революционного пролетариата, успехи подлинной народной революции могут измеряться степенью вовлечения масс в строительство. В конечном счете, тем была велика французская революция и в еще большей мере великой действительно является наша революция, что они привлекали массы в масштабе еще невиданном.

Что требует такое ленинское соотношение авангарда и массы от самого авангарда, Ленин раз'яснял десятки раз во всех своих работах. Единство, централизация, дисциплина авангарда Лениным рассматриваются не только как основное условие захвата, сохранения и укрепления власти пролетариата, но и как важнейшее условие сохранения правильного соотношения авангарда и массы.

Роль дисциплины, единства, решимости пролетарского авангарда, как условий, вне которых невозможна пролетарская победа, Лениным выяснялась с особой ясностью на каждом историческом повороте, требовавшем особо четкого выявления этих качеств авангарда (в революции: Октябрь, Брест, переход к нэпу). Без такого авангарда пролетариат не может удержать и развить победу, как это полностью вскрыл и опыт Парижской Коммуны и опыт любого исторического поворота во время революции, когда малейшее ослабление дисциплины, единства, твердости авангарда явно грозили гибелью революции. Больше того, в известные

моменты революции, борьба с настроением упадка, ликвидаторства, с рецидивом доверия к буржуазии делается обязательной для пролетарского авангарда. Такого рода рецидивы неизбежны в более или менее широких слоях крестьянства, представляющего собой, как говорил Ленин, силу колебания в виду его мелко-буржуазного классового характера. Более того,—и известная часть рабочего класса в некоторые моменты может заразиться крестьянским колебанием, поддаться мелко-буржуазной стихии.

Мартов в своей книге «О мировом большевизме» издевается над тем, что нынешняя форма советской диктатуры ограждает себя раз навсегда от всякого воздействия обывательских настроений широких масс. Нужно ли Советской власти и коммунистической партии ограждать себя от возвращения обывательских настроений, обязана ли коммунистическая партия сдаваться настроениям пассивности, инерции, неверия или упадка, которые в те или иные тяжкие моменты могут охватить под воздействием мелко-буржуазной стихии даже и широкие пролетарские круги? Так это было весной и летом 1918 года. Следовало ли тогда в условиях непрерывно растущего голода передовым элементам рабочего класса поддаться временному настроению усталости, порожденной трудностями, и сдать власть? Сдать единственному, действительному претенденту на власть, которым были и могли быть только те или иные группы буржуазии, так или иначе связанные или с англо-французским или с германским капиталом? Очень короткие сроки господства этого капитала повернули бы решительно настроение рабочих снова в сторону Советской власти и коммунистической партии (так это было на Украине после гетманщины или деникинщины, на Урале и в Сибири после Колчака). Но этот поворот, конечно, не дал бы возможности восстановить Советскую власть, ибо совершенно своеобразная и исключительно благоприятная для рабочего класса ситуация октября 1917 года отнюдь не обязательно должна была повториться. Тем самым уступка временному колебанию, усталости, пассивности, инерции, частью отчаянию голодных означала бы, по существу, сдачу, поражение Советской власти на целый исторический период.

В праве ли были тогда передовые элементы рабочего класса уступать этим настроениям упадка? Достаточно этот вопрос поставить, чтобы на него дать совершенно точный и ясный ответ: с точки зрения интересов пролетарской революции они этого права не имели. Преодолев пассивность, а иногда даже враждебность некоторых элементов своего же класса, передовые элементы этого класса обеспечили не только сохранение, но и дальнейшее развитие власти советов, как формы такой демократии, которая во всяком случае и при всех условиях дает рабочему больше возможности действительно участвовать в управлении государством, чем самая демократическая буржуазная демократия, представляющая собой лишь форму господства капитала.

Как же преодолевается это временное противоречие авангарда и масс? Мартов в своей книжке навязывает нам умозаключение о необходимости для передового меньшинства, т.-е. для коммунистической партии, подавить мерами насилия пассивность или инерцию масс собственного класса, пошатнувшегося или отразившего колебания крестьянских масс. Наш опыт го-

ворит совершенно иное. Противоречия, в такие моменты возникающие, преодолеваются главным образом расширением участия масс своего класса в управлении, в решении хозяйственных, политических и военных задач. Противоречия авангарда и масс весной и летом 1918 г. преодолеваются тогда же вовлечением новых отрядов рабочего класса в дело продовольствия, в дело войны, под'емом в деревне к власти новых слоев деревенской бедноты, сотни тысяч и миллионы которой решают не только частную задачу уничтожения кулака, но и общую задачу преодоления противоречия между авангардом, не знающим колебания, и массой, в тот или иной момент способной поддаться колебанию под воздействием голода или нужды, под бременем тяжести задач. В этом примере вскрывается коренное отличие диктатуры пролетарской от любой, наиболее радикальной буржуазной диктатуры. Последняя могла бы решить затруднения типа 1918 г. только беспощадным подавлением колеблющихся. Первая же его решила расширением участия широких народных масс в непосредственном разрешении тех или иных государственных задач, наряду с величайшей решительностью в деле подавления открытой войны или заговоров буржуазии. Конечно, это не исключает мер решительного подавления в отношении к тем слоям крестьянства, которые в тот или иной момент дают себя кулакам увлечь на путь восстания против Советской власти (например, Тамбовское восстание) и даже по отношению к тем единицам своего класса, которые переходят в лагерь врага.

Неизбежность временных расхождений между авангардом и массой об'ясняется, прежде всего тем, что новое общество еще является классовым обществом, которое «во всех отношениях—в экономическом, нравственном и умственном—носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло»... (Маркс).

Ленин неоднократно возвращается к той же мысли, перечисляя остатки старого, встречающиеся на каждом шагу нового общества. Решающее значение здесь имеет экономическая структура советской страны, переходный к социализму характер экономики страны, на каждом шагу дающей сплетение начал социалистических с началами капиталистическими и докапиталистическими. Экономика советской страны определяет ее классовую структуру.

Почти 100 миллионов крестьян, уровень которых определяется, в первую очередь, условиями мелкого индивидуального хозяйства,—такова та живая масса, которую пролетарскому авангарду надо вести за собой, осуществляя союз пролетариата и бедного крестьянства с середняком. Руководство крестьянскими массами пролетарским авангардом к тому же затрудняется наличием интеллигенции, воспитанной дореволюционными общественными отношениями. Упорство предрассудков этого слоя тем больше, чем больше техническая и экономическая отсталость советского государства, чем могущественнее процесс, рождающий капитализм из крестьянского хозяйства, и, наконец, чем ниже культурно-политический уровень самого рабочего класса. И пролетарии не явились чудом какой бы то ни было пролеткультовской реторты, готовенькими людьми нового общества. (Не потому ли Владимир Ильич так ненавидел всегда пролеткультовские изощрения, что они подменяли настоящего пролетария, со всеми его недостатками, но зато и со всеми его достоинствами, пролетарием выдуманным, в действительности никогда не существовавшим, и тем самым мешали бороться с действительными недостатками и использовать действительные достоинства?). Эти недостатки в разной пропорции имеются не только у рабочего класса СССР—страны экономически и технически отсталой,—но и у рабочих наиболее передовых капиталистических стран: кастовый дух верхушки рабочих (больше в передовых капиталистических странах, чем в России); неграмотность и некультурность низов (больше у русских рабочих, чем у рабочих передовых капиталистических стран); неверие в собственные силы,—в рабочих чересчур силен буржуазный предрассудок, будто управлять могут только специальные, предназначенные на то и специально для этого воспитанные люди (на этот недостаток Ленин неоднократно указывает, призывая пролетарский авангард всячески его преодолевать, привлекая все шире и смелее рабочих к государственной работе, не отступая перед их собственной боязнью этой государственной работы); недостаток критического отношения к органам власти—отзвук и остаток созданного буржуазным и добуржуазным строем взгляда на власть, как на нечто поставленное свыше над рабочими и крестьянами. Отсюда и недостаток критического отношения к мероприятиям советов, которые нуждаются не в отсутствии рабочей критики, а, наоборот, в ее развитии.

Ленин десятки раз возвращается к той мысли, что рабочий класс входит в социалистическую революцию не таким, каким бы его хотелось видеть каким-нибудь утопистам, фантазерам или мечтателям, а таким, каким его сделало буржуазное общество.

В ходе самой борьбы с капиталистическим обществом изменяется и сам рабочий класс: в ходе борьбы с военной опасностью создается школа связи рабочих с крестьянами, навыки сотрудничества с крестьянскими массами; на опыте хозяйственного строительства создаются навыки коллективной ответственности за государственное, т.-е. в последнем счете свое, имущество, навыки коллективной общественной работы. Совершенной фантастикой является лежащее в основе меньшевистской тактики желание иметь к моменту социалистической революции рабочий класс, всесторонне подготовленный во всей своей массе, в самых своих толщах, к руководству государством. Таким рабочий класс не может стать в недрах капиталистического общества. Больше того, в недрах капиталистического общества он не может не носить ряда следов этого общества с его индивидуализмом, анархией, с его много десятков раз приводимым Лениным правилом: каждый за себя, бог за всех. А сотни тысяч пролетариев, бивших Колчака и Деникина, организовавших затем трудовые армии, на их неудаче обучавшихся иным методам руководства крестьянскими массами, обученных под Кронштадтом, преодолевающих нэп методами нэпа, строящих социалистическую государственную промышленность, идущих к уничтожению торговли путем торговли, переводящих крестьянское хозяйство на рельсы социализма через кооперацию,—действительно изменяют свой собственный характер в меру и в связи с изменением той материальной среды, в которой они живут и которую они изменяют своей собственной борьбой-работой. Отсюда основной вывод. Для победы социализма необходима

величайшая переделка толщ народных масс, вошедших в эпоху борьбы за социализм с рядом черт капиталистического периода. Дело строительства социализма требует создания действительно общественного человека и строителя общественного дела, умеющего свои личные интересы не только сочетать с общественными, но и подчинять общественным.

Этот человек может быть создан только на опыте борьбы. Эту работу за народные массы никто не может проделать, и здесь революционный авангард в величайшей мере заинтересован в том, чтобы этот опыт расширялся всячески и всемерно. Нет иного пути к переделке оставшегося в наследство от капитализма человека, как непосредственное его участие в деле строительства и переделки условий его существования. Человек, рассчитывающий средства волостного бюджета, строящий ясли, организующий пионерские отряды, участвующий в управлении предприятием и, через пролетарскую власть, во всем управлении социалистической промышленностью, строящий кооперацию,— переделывает и материальные условия своего существования и самого себя. Отсюда ясна нелепость самого предположения, будто бы рабочий авангард может понимать свою миссию, как миссию господства над трудящимися массами. Прямое господство в форме подавления самодеятельности этих масс било бы в конечном счете, прежде всего, этот самый авангард, отрывая его от резервов, делая безнадежным его движение к социализму. Не в подавлении самодеятельности лежит преодоление отрицательных черт, внесенных и рабочим и крестьянином в новую эпоху от капитализма, частью вновь порождаемых условиями нэпа, а, наоборот, во все большем расширении их самодеятельности, активности и участия в управлении.

Ленин всегда учил строить социализм из тех кирпичей, которые оставил нам в наследство капитализм. «Мы знаем, что с неба ничего не свалится, мы знаем, что коммунизм вырастает из капитализма, что только из его остатков можно построить коммунизм—из плохих, правда, остатков, но других нет. Того, кто мечтает о таком фантастическом коммунизме, надо гнать из всякого делового собрания, и надо оставить на этом собрании людей, которые из остатков капитализма умеют дело делать» [1]).

Меньшевик из этого ленинского положения сделал бы вывод о том, что мы не доросли до коммунизма, что задача построить коммунизм из оставшихся нам в наследство от капитализма людей—задача фантастическая и неразрешимая. Ленин же отсюда делает другой вывод—о необходимости признания руководящей роли партии, ее воспитательных, организующих, ведущих задач в отношении к народным массам.

Советы являются той формой государственной власти рабочего класса, которая позволяет пролетарскому авангарду вести за собой массы, обучать их, перевоспитывать, не силами пролеткультовского фокуса, а повседневной, все расширяющейся работой привлечения рабочего и крестьянина к делу государственного управления. Советы, естественно, поэтому превращаются в органы, позволяющие ликвидировать и преодолевать те или иные временные колебания массы путями, отнюдь не похожими на

[1]) Собр. соч., т. XVII, стр. 55. Речь на III Всероссийском С'езде рабочих водного транспорта.

пути буржуазные,—путями расширения ее участия в деле строительства советского государства.

От буржуазной демократии к пролетарской нет другого пути, кроме революции, кроме уничтожения старой государственной машины буржуазии. Пролетарская же демократия, развиваясь в социализм и коммунизм, отмирает как государство.

Пролетарская демократия, проведенная с наибольшей глубиной и охватом всего народа, превращается из пролетарского государства в безгосударственное общество. Какой же путь от мощного централизованного пролетарского государства, отбивающегося от жесточайших и беспощаднейших врагов, к тому строю, где по очереди каждый выполняет еще оставшиеся необходимыми на первой фазе коммунистического общества функции контроля и учета? Ленин на этот вопрос ответил с полной ясностью: это путь все большего развития пролетарской демократии в сторону все большего увеличения числа рабочих и крестьян, а затем и всего населения, фактически участвующих в управлении. По мере того, как все начинают управлять, умирает само управление. «Чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти»... [1]). «Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собой» [2]). «Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной» [3]).

В черновом наброске программы, Ленин также намечает переход через советское государство к постепенному уничтожению государства,—путем все более расширяющегося привлечения все большего количества граждан к непосредственному ежедневному управлению государством.

Программа партии рассматривает развитие пролетарской демократии, повышение числа участвующих в управлении, развитие выборности, ответственности, отчетности, развитие форм работы советов, сливающих их с населением, как путь к уничтожению государственной власти.

Отмирание государства состоит прежде всего в том, что все государственные функции начинают выполняться все большим количеством людей. Все большее количество рабочих и крестьян, а затем и всего народа привлекается к постоянному систематическому выполнению государственных функций,—такое развитие пролетарской демократии равносильно процессу ее отмирания. Дело управления советским государством становится доступным каждому гражданину страны, тем самым функции управления теряют свой характер принуждения, и государство, как государство, как особый аппарат насилия, исчезает.

И советская демократия не остается неизменной в основных своих чертах. Она развивается, как развивалась и развивается всякая другая государственная форма. Коренная разница в том, что буржуазная демократия на вершине своего развития означает максимальное отделение функций управления от народа и их сосредоточение в руках узкой клики финансового капитала;

[1]) Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 330—331. «Государство и революция».
[2]) Там же, стр. 370.
[3]) Там же, стр. 380.

максимум же развития пролетарской демократии означает отмирание государства. В то время, как на известной ступени развития буржуазной демократии, вырастающий в ее недрах рабочий класс ломает буржуазную государственную машину,—на известной ступени развития пролетарской демократии, вырастающее на ее основе поголовное управление государством означает исчезновение всякого государства.

Все это предполагает, конечно, соответствующую техническую базу, соответствующий рабочий день, чтобы каждый, помимо своего производительного труда, мог еще принимать участие в управлении, и уровень культуры, который делал бы для всякого доступными, хотя бы, простейшие операции контроля и управления. Эти предпосылки будут непрерывно развиваться в связи и параллельно общему развитию пролетарской демократии.

Конечно, трудно делать какие бы то ни было научно-проверенные утверждения относительно того, на какой стадии развития отомрет необходимость в особой организации авангарда. Одно совершенно несомненно—и это показывают с исключительной ясностью последние два-три года—движение к социалистическому обществу, движение в сторону осуществления той советской системы, основные черты которой разрабатывал Ленин, неразрывно связано с тем, что авангард пополняется все новыми слоями рабочих и крестьян (конечно, в первую очередь рабочих). Ленинский призыв, давший небывалое количество рабочих в нашу партию; Комсомол, превратившийся в массовую организацию, насчитывающую больше членов, чем вся партия в годы наиболее жестокой гражданской войны; идущие за Комсомолом массы молодежи, подготовляющие будущие, более широкие массы авангарда,—все это определяет направление развития. Развитие пролетарской демократии означает и расширение авангарда, охват авангардом все больших слоев рабочих и передовых крестьян. Расширение советов, их оживление, вовлечение в советы новых слоев беспартийных предопределяет переход значительной части этих беспартийных в состав авангарда, т.-е. в самый состав коммунистической партии. (Конечно, постепенность этого процесса есть прямое условие сохранения партии, как руководящей силы, т.-е. условие сохранения и развития советской системы. Попытки перескочить через эту постепенность включением, напр., в партию сразу большинства рабочего класса, являются неленинскими и антиленинскими). Вместе с тем, как показал опыт всей нашей революции, черта, отделяющая авангард от массы, смывается целым рядом переходных организаций, представляющих ряд ступеней к беспартийной массе. Такие организации, как делегатские собрания работниц и крестьянок, секции и комиссии советов, беспартийные конференции, в которых рабочие и крестьяне участвуют в той или иной, хотя бы в небольшой области управления, создают ряд переходных ступеней от все расширяющегося количественно авангарда, к все более проникающей в советы и все более обучающейся через советы управлению беспартийной рабочей и крестьянской массе.

Отмирание авангарда состоит поэтому: 1) во все большем расширении участия в управлении государством беспартийных рабочих и крестьян, а затем и всего населения (проходящего под руководством авангарда), 2) во все большем количественном расширении авангарда и впитывании им в себя все новых слоев беспартийных, подымающихся через управление государством к уровню авангарда, 3) во все большем развитии и облекании авангарда (через советы и вокруг советов преимущественно) огромной системой организаций, через которые рядом ступеней авангард сливается с массой (профсоюзы, беспартийные конференции, комиссии и секции советов, делегатские собрания, селькоры, рабкоры и т. д., и т. п.). Это отмирание авангарда сливается с его постепенным расширением и укреплением его влияния, поскольку вне руководящей роли правящей коммунистической партии нет и не может быть и советской системы.

Развитие пролетарской демократии обеспечивается тем, что самое сохранение советского государства возможно лишь путем расширения числа людей его строящих. Нет иного пути для победы над врагами советского государства, как путь все расширяющегося привлечения народа к управлению. Мы это видели на опыте революции неоднократно. Неоднократно именно резервы народных масс спасали Советскую Республику в наиболее острые и опасные моменты, в наиболее опасном для нее месте. Не то ли происходит и теперь, когда подымается к делу улучшения советского аппарата из самого народа армия рабочих и сельских корреспондентов, дающих пример такого типа улучшения советской государственной машины, которого не знает и не может знать никакой строй, основанный на угнетении народных масс? Советский строй не может сохранить себя, не привлекая новые массы к решению той или иной задачи. Иначе говоря, самая структура государственной власти, которая борется с капитализмом, толкает эту государственную власть к привлечению все новых народных масс к управлению. Советы принуждены итти по пути расширения своих связей с массами и распространения своей массовой базы, потому что иначе они были бы разбиты более сильными капиталистическими врагами. Улучшить государственную машину Советская власть может только, привлекая трудящихся, и это—закон ее существования так же, как закон существования буржуазных государств—угнетение трудящихся масс. А увеличение числа управляющих государством есть закон отмирания советского государства. В этой связи особо понятным делается ленинское утверждение в «Государстве и революции» о том, что одной из составных частей борьбы за социальную революцию является «развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой» [1]).

Конечно, главное в экономике:—социализм—это, прежде всего, общество, построенное на высшей технической базе, где общественным является хозяйство не только города, но и села. Социализм возможен только на основе новейшей машинной техники, более высокой, чем нынешняя, на основе электрификации не только промышленности, но и сельского хозяйства, на фундаменте которых строятся новые экономические отношения.

Вне этого не может быть социализма. Вне этого остался бы только рабоче-крестьянский союз, политическое сотрудничество рабочих и крестьян, оказавшееся бы в силах преодолеть политическое наступление противника, но не сумевшее бы построить новых социалистических экономических отношений. Ленин развивал эту мысль в ряде своих выступлений, в особен-

[1]) Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 361. «Государство и революция».

ности в конце 1920 года и в своих последних статья ает отмира- зывал, что подорвать капитализм окончательно мо... только перевод всего хозяйства страны (т.-е. и промышленности и земледелия) на базу крупного машинного производства, электрификации. Больше того, он доказывал, что такой переход возможен и в СССР, несмотря на наличие в нашей экономике капиталистических и даже докапиталистических отношений, что в нашей республике есть все нужное для построения социалистического общества. Того, кто готов забыть, что единственно возможная экономическая основа социализма—это крупная машинная индустрия, Ленин не считает коммунистом. Но ограничиваться лишь утверждением этого при рассмотрении ленинской теории государства не приходится. Вопрос стоит о связи этой переделки экономической базы нашей промышленности и нашего сельского хозяйства с развитием демократии. Какое соотношение между ростом машинной техники, электрификации и развитием пролетарской демократии? В условиях пролетарского государства, т.-е. пролетарской демократии каждый шаг по пути развития машинной техники, каждый шаг в деле замены единоличного хозяйства общественным, означает шаг по пути развития пролетарской демократии. Расширяется круг людей, воспитываемых техникой крупной индустрии, подымается их культурный уровень, растет их подготовленность к управлению государством. Всякий шаг по пути развития пролетарской демократии, об'единение людей, рост их организации, исчезновение распыленности и разбросанности, подталкивают, в свою очередь, экономику и создают условия, благоприятные для развития машинной техники. В «Государстве и революции» Ленин раз'яснил, что демократизм не может быть взят отдельно от преобразования экономического строя общества. Его нужно брать в связи с соответствующими экономическими преобразованиями, которые будут подталкиваться ростом пролетарской демократии, в свою очередь видоизменяясь под ее воздействием. Лучший пример здесь—кооперация: кооперирование крестьянина в какой бы то ни было форме есть развитие общественной организации крестьянина, есть один из элементов развития советской демократии в наших условиях, один из элементов развития социализма.

В то же время кооперирование в любой форме (и в области торговли, и сбыта) создает предпосылки для введения крупных машин в сельском хозяйстве, обучая людей навыкам общественного труда, научая их сочетанию интересов частных с интересами общими. В свою очередь, введение соответствующих машин создает новую базу для кооперированного труда, подводит под организацию советской демократии могущественную материальную базу. Так же и электрификация. Ее нельзя в условиях советского государства брать вне связи с теми формами общественной организации людей, которые вокруг нее складываются. Ибо каждая, действительно крупная, дающая электричество земледельческому хозяйству районная электрическая станция будет перестраивать общественные отношения людей, будет создавать условия для развития советской демократии, будет превращать советы в коммуны, организующиеся и развивающиеся на базе вводимой машинной техники. Поэтому соображения относительно того, что важнейшее, если не основное, значение в осуществлении социализма имеет реорганизация нынешней технической базы

слоев беспа... ти и сельского хозяйства, не только не противоречит, а наоборот, подчеркивает всю правильность ленинского соображения о развитии пролетарской демократии и роли этого развития в движении к социализму.

Здесь нужно иметь в виду, что мы говорим все время о том, что Маркс и Ленин называли первой фазой коммунистического общества. На этой фазе ряд функций государства остается. Несмотря на то, что все средства производства принадлежат обществу и каждый получает от общества предметы потребления согласно его труду, еще сохраняются некоторые государственные функции, еще существует государство, охраняющее «равенство труда и равенство дележа продуктов».

Окончательно, согласно теории государства Маркса и Ленина, государство отомрет только на высшей стадии коммунизма, с уничтожением классов, с исчезновением всякого противопоставления труда умственного физическому, с превращением труда в потребность человека, с слиянием города с деревней, с осуществлением идеала «с каждого по способностям, каждому по потребностям». Такое коммунистическое безгосударственное общество, конечно, также не появится вдруг готовым, а вырастет в результате развития общества социалистического на его основах. Ленин рисует процесс вырастания этого общества, как процесс нарастания количества привычек к общественной организации труда и жизни. Когда все управляют, число «привычек» людей, делающих ненужным самое управление, растет непрерывно, и на известной стадии привычки заменяют то, что еще на первой стадии социализма достигается регламентацией со стороны продолжающих существовать остатков государства. Таким образом, процесс вырастания пролетарской демократии в социалистическое общество есть процесс, в первую очередь, развития до конца этой пролетарской демократии, превращения всех в управляющих. Процесс же развития этого социалистического общества в безгосударственное коммунистическое общество—это процесс нарастания привычек у всего населения поголовно, делающий излишними какие бы то ни было государственные функции и тем самым определяющий постепенное превращение общества социалистического в общество коммунистическое.

Каковы черты советской демократии, которые в развернутом виде обеспечивают ее дальнейшее развитие в безгосударственное общество? Ленин вскрыл эти черты в ряде своих произведений, разрабатывавших вопросы советского государства. (Тут особо важны все его работы, связывающие Советскую власть с Парижской Коммуной).

Наиболее существенными основными чертами советского государства Ленин считает: устранение особой, отделенной от народа полиции и армии; устранение чиновничества путем установления выборности, смены и права отзыва любого должностного лица в любое время; оплата должностных лиц не выше средней оплаты хорошего рабочего; сочетание в советах законодательной и исполнительной власти; неразрывная связь советов с массами; почин снизу; все развивающееся привлечение к управлению всех трудящихся, а затем и поголовно всего населения страны.

При рассмотрении вопроса о полиции и армии в советском государстве Ленин исходит из того, что советское государство

уже не будет государством в обычном смысле этого слова. На апрельской конференции так же, как и в ряде статей, Ленин доказывает, что советское государство, осуществляющее власть большинства над меньшинством, не должно будет вернуться к старому правлению через полицию, поскольку подавление огромным большинством меньшинства не потребует существования таких особых органов насилия,—сами массы, большинство народа силой своей государственной организации советов будут осуществлять это насилие. В своих апрельских тезисах он записывает требование устранения полиции и армии, раз'ясняя последнее, как замену постоянной армии всеобщим вооружением народа. В своем проекте изменений к программе Ленин указывает, что партия борется за такую более демократическую, пролетарско-крестьянскую республику, в которой полиция и постоянная армия совершенно устраняются и заменяются всеобщим вооружением народа, поголовной милицией. Создание поголовной всенародной милиции он рассматривает, как единственное средство предотвратить восстановление полиции. (Брошюра «Задачи пролетариата в нашей революции», том XIV, ч. 1).

В тех же апрельских тезисах Ленин пишет: «Устранение чиновничества»... «плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех и в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего» [1])...

В проекте изменений программы Ленин пишет: «Все должностные лица становятся не только выборными, но и сменяемыми в любое время по требованию большинства их избирателей; плата всем без из'ятия должностным лицам определяется в размере, не превышающем среднюю плату хорошего рабочего» [2]). В книге «Государство и революция» Ленин, выдвигая те же требования полной выборности, сменяемости и установления чиновникам заработной платы рабочего, указывает, что эти мероприятия, отвечая интересам и рабочих и большинства крестьян, в то же время служат мостиком от капитализма к социализму. И в своей книге «Государство и революция» и в черновом наброске проекта программы Ленин раз'ясняет необходимость осуществления всех этих новых начал работы должностных лиц, как основной меры против превращения их в чиновников и бюрократов.

Вопрос о праве отзыва Ленин разрабатывает особо в статье «О праве отзыва и перевыборов членов учредительного собрания». В этой статье на ряду с очередными тактическими указаниями об использовании рабочими и крестьянами права отзыва для смены членов учредительного собрания, не отвечающих настроениям избирателей, Ленин развивает ряд мыслей о праве отзыва в системе пролетарского государства. Он ставит здесь знак равенства между правом отзыва и правом действительного контроля. Он указывает, что именно право отзыва любого депутата в советы лучше всего показывает истинно-народный смысл советов; он напоминает, что во все исторические революционные времена разрешение права отзыва проходило через все конституции.

[1]) Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 18.
[2]) Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 117—118. Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы.

Важнейшим преимуществом советов, с точки зрения осуществления действительной демократии трудящихся, Ленин считает сочетание в них законодательства и исполнения законов. Именно это соединение он считает важнейшим шагом вперед в области демократии по сравнению с демократией буржуазной. В советах сочетаются выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии. Управление сливается с законодательством. Вместе с тем, иное классовое содержание советов (парламент трудящихся вместо парламента буржуазии) предохраняет советы от развития в них отрицательных черт парламентаризма.

Очень настойчиво выдвигает Ленин неразрывность, гибкость, прочность связи трудящихся масс с советами. Особо подробно Ленин останавливается на этом в своей брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть?» В ней он дает перечисление важнейших черт советской системы. Из шести пунктов, характеризующих советскую систему, второй, четвертый и пятый подчеркивают, что советы есть наилучшая форма связи авангарда с массами, посредством которой государственный аппарат связывается с самыми различными слоями трудящихся и ведет за собой всю гигантскую массу трудящихся классов. В черновом наброске проекта программы Ленин, ссылаясь на эти же шесть пунктов из брошюры «Удержат ли большевики государственную власть?», особо подчеркивает тесную связь советов с производственными единицами (заводы, крестьянские и кустарные районы), позволяющую осуществлять наиболее глубокие социалистические мероприятия. С этим связана возможность строительства снизу, без надзора сверху, почином самих масс.

Наконец, особенностью советов, наиболее важной, которую Ленин постоянно выдвигает на первое место, является то, что через советы все трудящиеся массы поголовно становятся участниками государственного управления. В 1917 году самое соображение о том, что любая кухарка сразу не может управлять государством, служит Ленину для вывода о необходимости не отказа от ее привлечения к управлению, а, наоборот, о необходимости сугубого обучения любой кухарки и любого чернорабочего делу управления государством на практическом опыте.

Уже из этого видно, насколько ошибочным является сведение государственного аппарата Советской Республики только к нескольким стам тысяч коммунистов. Попытка отождествить государственный аппарат Советской Республики с коммунистической партией была бы безусловно искажением ленинизма, вытекающим, прежде всего, из коренного непонимания соотношения авангарда и масс. Такое искажение ленинизма было бы тем вреднее, что по существу оно представляет собой повторение меньшевистских разговоров насчет ничем не ограниченной непосредственной власти коммунистической партии н а д рабочими и крестьянами, якобы заменившей Советскую власть. Это прекрасно вскрыл тов. Сталин в своей брошюре «Вопросы и ответы». Тов. Сталин приводит в этой брошюре то место из брошюры Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?», где Ленин утверждает, что 240 тысяч членов партии большевиков смогут управлять Россией в интересах бедных и против богатых. О тех коммунистах, которые готовы отождествлять коммунистическую партию с Советской властью, тов. Сталин совершенно спра-

ведливо замечает: «Некоторые коммунисты на этом основании думают, что государственный аппарат может быть исчерпан несколькими сотнями тысяч членов партии и что этого вполне достаточно для того, чтобы управлять громадной страной. В этих видах они иногда не прочь отождествлять партию с государством. Это неправильно, товарищи. Это искажение мысли Ленина. Говоря 240.000 членов партии большевиков, Ленин вовсе не хотел сказать, что этим исчерпывается или может исчерпаться численный состав и общий размах советского государственного аппарата. Наоборот, в состав государственного аппарата он включал, кроме членов партии, еще один миллион голосов, поданных тогда, перед Октябрем, за большевиков, заявляя, что у нас есть средство одним ударом удесятерить наш государственный аппарат, т.-е. довести его, по крайней мере, до 10 миллионов, путем привлечения трудящихся к повседневной работе управления государством» [1]).

В соответствующей главе своей брошюры Ленин, указав на имеющееся у нас чудесное средство удесятерить государственный аппарат путем привлечения трудящихся к управлению государством, дает ряд примеров таких государственных функций, которые могут быть с успехом выполнены любым сознательным рабочим и крестьянином. Перечислив примеры такого революционного демократизма, Ленин пишет: «К управлению государством в таком духе мы можем *сразу привлечь государственный* аппарат миллионов в десять, если не в двадцать, человек,—аппарат, невиданный ни в одном капиталистическом государстве. Этот аппарат только мы можем создать, ибо нам обеспечено полнейшее и безаветное сочувствие гигантского большинства населения. Этот аппарат только мы можем создать, ибо у нас есть сознательные, дисциплинированные долгой капиталистической «выучкой» (недаром же мы были на выучке у капитализма) рабочие, которые в *состоянии* создать рабочую милицию и *постепенно* расширить ее (начиная расширять медленно) во *всенародную* милицию. Сознательные рабочие должны руководить, но привлечь к делу управления они в состоянии настоящие массы трудящихся и угнетенных. Разумеется, неизбежны ошибки при первых шагах этого нового аппарата. Но разве не было ошибок у крестьян, когда они из крепостного права выходили на волю и начинали сами вести свои дела? Разве может быть иной путь к обучению народа управлять самим собой, к избавлению от ошибок, как путь практики?» [2]).

Таким же искажением ленинизма явилась бы попытка вычитать из ленинской речи на совещании политпросветов «теорию» отождествления партии с государственным аппаратом советов. В этой речи Ленин говорил: «Вся юридическая и фактическая конституция Советской Республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу» [3]). «Толкователи» этой цитаты совершенно упускают из виду так же, как и в случае, нами приведенном выше, то соотношение между авангардом и массами, которое в той же речи развивает Ленин так же, как и во всех других своих речах и статьях.

[1]) И. Сталин, «Вопросы и ответы», стр. 6 и 7.
[2]) Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 238—239. «Удержат ли большевики государственную власть?».
[3]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 181—182.

Основную задачу партии Ленин (в этой речи) видит в воспитании и образовании трудящихся масс с целью преодоления навыков и привычек, оставшихся в наследство от старого строя (том XVIII, ч. 2, стр. 179). Ленин выдвигает в качестве важнейшей задачи борьбы с буржуазией превращение привычек, навыков и убеждений, выработанных рабочим классом в продолжение многих десятилетий, в орудие воспитания всех трудящихся (том XVIII, ч. 2, стр. 180). Ленин бичует тех, кто не понимает необходимости коммунисту превратиться из агитатора и пропагандиста в руководителя агитаторами, в руководителя гигантской политической организации. В виде примера такого руководства он приводит работу коммуниста по привлечению сотен тысяч учителей к делу коммунистического просвещения. Тот пропагандист и агитатор необходим партии, который работает, не ограничиваясь партией, но умеет руководить сотнями тысяч преподавательского персонала (том XVIII, ч. 2, стр. 183).

И, наконец, как заключение: «В чем состоит коммунизм? Вся пропаганда его должна быть поставлена так, чтобы дело свелось к руководству практически государственным строительством. Коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело. Это дело ведется плохо, с тысячами ошибок. Мы этого не скрываем, но сами рабочие и крестьяне должны при нашей помощи, при нашем небольшом и слабом содействии выработать и выравнять наш аппарат; для нас он уже перестал быть программой, теорией и заданием, для нас это дело сегодняшнего фактического строительства. На примере этого строительства, повторяя его большое количество раз, мы добьемся того, что из плохих начальников-коммунистов мы создадим настоящих строителей, прежде всего, нашего экономического хозяйства». Коммунизм, который должен быть доступен рабочим массам, как их собственное дело; рабочие и крестьяне, которые должны сами выработать и выравнять наш государственный аппарат, при содействии партии; коммунисты, которые должны быть превращены из плохих начальников в настоящих строителей хозяйства,—все это ни в какой мере не похоже на отождествление партии и государственного аппарата советов, которое позволяют себе некоторые товарищи.

П. Коломойцев.

К вопросу об индустриализации СССР.

«Возможно ли развитие крупной советской промышленности в условиях капиталистического окружения без кредитов извне.

Да, возможно. Дело это будет сопряжено с большими трудностями, придется при этом пережить тяжелые испытания, но индустриализацию нашей страны без кредитов извне мы все же можем провести, несмотря на все эти затруднения».

И. Сталин.

I.

Вопрос об индустриализации нашей страны принадлежит к числу тех вопросов, рассмотрение которых неотделимо от рассмотрения перспектив всего нашего строительства, неотделимо от более общей проблемы построения социализма в одной такой стране, как наш Советский Союз.

В самом деле, ни построение промышленного плана в узком смысле этого слова, ни вопрос о переоборудовании и расширении основного капитала советской промышленности нельзя удовлетворительно решить, не дав себе ясного отчета в том, каковы цель и назначение этого плана и этого переоборудования, каковы источники и рессурсы необходимых для индустриализации средств, каковы экономические предпосылки и перспективы всего процесса индустриализации и каковы, наконец, те взаимоотношения с капитализмом внутренним и капитализмом внешним, в какие вступит наше государственно-социалистическое хозяйство в процессе решения одной из труднейших задач пролетарской диктатуры—задачи индустриализации СССР при существовании враждебного капиталистического окружения.

Грандиозность проблемы индустриализации СССР, т.-е. проблемы превращения страны преимущественно аграрной в страну преимущественно промышленную заключается в том, что это одновременно будет означать превращение нэпа в социализм, так как только крупная промышленность и механизация всех видов народно-хозяйственной деятельности составляют настоящую базу социализма. Даже такая величайшая организационно-производственная задача, как замена через кооперативную систему распыленного крестьянского труда хозяйством коллективным и общественным в условиях диктатуры пролетариата, решается положительно лишь при наличии известного уровня механизации сельско-хозяйственных работ. Успех советской кооперации, ставящей в отношении крестьянства своей целью перейти от кооперирования процессов обращения к кооперированию процессов производства, находится в прямой зависимости от того, удастся ли авангарду рабочего класса повести страну по пути восстановления и расширения государственной социалистической промышленности, удастся ли нашей крупной промышленности стать во главе всего нашего хозяйственного движения вперед.

Но не только в плоскости теоретических и логических построений может и должна обсуждаться проблема индустриализации СССР. Вся нынешняя хозяйственнная обстановка, вся практика производственной работы настоятельно требует ответа по основному, коренному вопросу нашей экономической политики: как и когда, говоря словами Ленина, мы начнем пересаживаться с лошади мужицкой, обнищалой, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии. Этот вопрос, как увидим далее, далеко не праздный, ибо на этот счет существуют весьма серьезные разногласия.

Еще недавно главная забота советской власти заключалась в том, чтобы какой угодно ценой пустить в ход главнейшие из бездействующих предприятий, загрузив их необходимым минимумом сырья и топлива.

Это нужно было сделать, чтобы консолидировать распылившийся рабочий класс, чтобы «разогреть» замирающие от передряг гражданской войны промышленность и транспорт, хотя бы самый процесс производства и не давал бы прибавочного продукта. Это был период «организованного проедания» основного капитала.

Несколько позже наступил момент **простого воспроизводства**, когда «проедание» сменилось равновесием растрат и пополнений основного капитала.

Ныне, после внедрения твердой валюты и введения регулярной амортизации, мы вступаем в полосу **расширенного воспроизводства**, характеризуемого тем, что капитальные затраты ремонтного и восстановительного свойства опережаются капитальными затратами, идущими на новое промышленное строительство. Вот табличка, наглядно показывающая этот весьма важный процесс движения основного промышленного капитала за период 1917—1924 г.г.

Годы:	Восстановительные затраты:	Новые вложения:	Всего:
1917—18	73 м. р.	—	73 м. р.
1918—19	56 » »	—	56 » »
1919—20	36 » »	4 м. р.	40 » »
1920—21	33 » »	6 » »	39 » »
1921—22	42 » »	24 » »	66 » »
1922—23	54 » »	30 » »	84 » »
1923—24	69 » »	60 » »	129 » »

Продолжая эти данные, взятые у тов. Струмилина [1]), сведениями за 1924—25 г., когда сумма капитальных вложений уже равна 375—400 м. р., можно сказать, что именно в этом году «новые вложения» обгоняют «восстановительные затраты», и уже совсем резко выступает это начало в плане 1925—26 года, имеющем в виду общую сумму в размере 800 м. р.

---

1) «Проблема промышленного капитала», 1925 г., стр. 58.

Таким образом, если в 1921—22 г. намечается перелом в отношении «проедания» в сторону постепенной его ликвидации, то в 1924—25 г., т.-е. спустя три года, мы уже имеем отчетливую картину намечающегося процесса расширенного воспроизводства. Контрольные данные за текущий 1925—26 год еще более подчеркивают эту здоровую тенденцию нашей промышленности. По опубликованным до сих пор данным намечено на новое капитальное промышленное строительство 130 м. р. *Переход от отрицательного воспроизводства к расширенному, есть гигантский успех пролетарской власти.* Это означает, что в пыльный архив сдаются все зловещие «пророчества» и пораженческие сомнения относительно возможности промышленного развития нашей страны в условиях пролетарской власти, страны, которая якобы «не дозрела» до социализма, и власти, которая, якобы, является «оковами» производительных сил страны.

Однако, это только первая, хотя и чрезвычайно важная, так сказать, «принципиально важная» ступень наших достижений. Было бы величайшей ошибкой успокоиться на этом достижении, ибо следующей ступенью должно явиться достижение нами необходимого *темпа* расширения производительных сил нашей промышленности.

Вопрос «темпа» также имеет свои «оттенки». Во-первых, нам надо и в области расширения воспроизводства основного капитала догнать сначала довоенный размер. Эту величину наращения основного капитала русской промышленности в предвоенные годы тов. Струмилин определяет округленно в 300 милл. руб. в год. Стало-быть «настоящего» довоенного уровня в области промышленности мы достигнем не только тогда, когда размер ее продукции будет отвечать довоенным нормам, но лишь тогда, когда к этому мы будем иметь еще и «довоенный прирост» основного капитала нашей индустрии.

Лишь после прохождения этой «станции» перед нами реально станет задача достижения темпа передовой капиталистической страны. Эти успехи дадут нам об'ективное основание сохранить нашу политическую самостоятельность во вне. Но этот темп зависит, главным образом, от того, как скоро и в каких размерах удастся нам привлечь в нашу промышленность (и транспорт) новые капиталы. В противном случае мы, наша страна и наша промышленность, окажемся в хвосте экономического роста Европы, вследствие чего, при затяжке мировой революции, мы легко можем попасть в кабалу к европейской (и американской) буржуазии. Наконец, наше хозяйственное развитие должно совершаться еще и такими путями, которые полностью и надежно обеспечивали бы преобладание социалистических командных высот во внутренней экономике страны, т.-е. гарантировали бы прочность и устойчивость власти пролетариата внутри СССР.

Переход к расширенному воспроизводству у нашей промышленности начался ранее того времени, когда все более или менее здоровые наличные предприятия стали в строй работающих предприятий, т.-е. ранее окончания, так называемого, восстановительного процесса. Окончание этого процесса ныне уже наступает. Имевший до сего времени место (за последние 3—4 года) порядок включения в ряды работающих предприятий из числа законсервированных по существу означал также небывалый по темпу

своеобразный процесс расширенного воспроизводства, своеобразие которого заключалось в том, что эти новые «капитальные вложения» происходили не за счет нынешнего накопления и не в форме вновь возводимых сооружений и вновь произведенного оборудования, а черпались из «кладовой социальной революции», за счет фонда, отвоеванного в открытой и очень упорной войне с буржуазией.

Ныне этот «революционный фонд» кончается. Перед нами во весь свой рост становится проблема промышленного капиталонакапления, в свою очередь упирающаяся в проблему государственного (социалистического) накопления и в его основу—проблему роста национального фонда и его распределения. В этой же связи вырастает вопрос и о практических взаимоотношениях нашего государства с государствами, которые богаче нас капиталами, с государствами капиталистическими, взаимоотношениях, обусловленных тем вынужденным «сожительством», которое создала старуха история.

Когда мы говорим о проблеме расширения основного капитала, не надо упускать из виду, что речь может и должна итти не только о промышленности. Все отрасли хозяйства СССР нуждаются в восстановлении и расширении своего основного оборудования. Возьмем ли мы сельское хозяйство или транспорт, коммунальное хозяйство или хозяйство связи, везде мы встретим отсталость, везде мы найдем кричащую необходимость воспроизводства основных материалов, материальной базы, обслуживающей производственные процессы данной отрасли, везде мы увидим техническую отсталость и рутину, питаемую незначительностью новых капитальных вложений [1]).

Вспомним, что наше сельское хозяйство нуждается в восстановлении живого и мертвого инвентаря, в обширных мелиоративных и ирригационных сооружениях. Железнодорожный транспорт хромает из-за обветшалости строений и путей и грозит стать «минимальным звеном» всего хозяйства СССР. В речном и морском транспорте ощущается острый недостаток судов для возросшего грузооборота, при чем возраст наличных судов подходит к предельному. Не менее острая нужда в восстановлении наших городов, а также в разрешении вопроса с рабочим жилищным строительством, без чего не может удовлетворительно решиться и вопрос рабочей силы для новых производств. Также нуждается в индустриализации и торговля, так как дальнейшее развитие товарооборота упирается в постройку холодильников, вагонов- и судов-ледников, возведение элеваторов, боен, постройку товарных складов, механизированных амбаров, современных магазинных зданий и т. д.

Но именно эта отсталость и это огромное разнообразие наших хозяйственных потребностей настоятельно ставит вопрос, в чем же заключаются «ведущие силы» нашего развития, где то «звено», за которое нам теперь надо ухватиться всеми силами, чтобы с наименьшими жертвами и риском двинуться по пути возведения социалистического строя.

Таким образом, выбор пути движения, правильное определение «ведущего колеса» перед нами ставит ребром вся сложив-

[1]) См. об этом содержательную статью С. Молчанова „Техническое состояние и издержки производства советской промышленности“, «Социалистическое хозяйство», 1925 г., книга V.

шаяся обстановка. И вот оказывается, что именно в этом вопросе, в котором с исключительной сложностью переплетаются многие другие, связанные как с историей нашего государства, так и с перспективами его развития, не все достаточно ясно, не все было и теперь еще остается бесспорным [1]).

Один из распространенных на этот вопрос взглядов заключается в том, что такой «ведущей силой» нашего хозяйственного развития и, в частности, индустриализации страны является иностранный капитал. Эта концепция имеет, несомненно, буржуазные источники.

Представителем подобной идеологии является, например, такой сторонник необходимости быстрейшей индустриализации России, как проф. Гриневецкий, автор известной и чрезвычайно содержательной книги «Послевоенные перспективы русской промышленности». Гриневецкий далеко не сторонник прогнившего помещичье-царского режима, и хотя он слово «социализм» обычно заключает в иронические кавычки (книга писалась им в первой половине 1918 года), тем не менее в конце своей работы в числе «благоприятствующих факторов» хозяйственного развития страны он видит как в «глубокой революционной встряске всех народных масс», так и в «жизненном решении аграрного вопроса в смысле перехода земель преимущественно в руки хозяйственного мужика» [2]).

Подводя итоги возможной емкости русского рынка в отношении промышленной продукции, Гриневецкий подчеркивает, что «ключем к восстановлению рынков промышленно-технического, а через это и городского потребления, является привлечение иностранных капиталов для воссоздания и развития добычи сырья и топлива, восстановления и развития транспорта и т. д.» [3]). Двумя страницами выше он развивает целую «концепцию» о том, «что привлечение иностранных капиталов должно стать основной задачей экономического возрождения и развития России», но что на это привлечение «на здоровых началах» способен будет лишь «мелко-буржуазный строй» (!?), а не «социалистический», при наличии какового пойдет в страну лишь «хищнический, авантюристический капитал» [4]). Упомянутый «мелко-буржуазный» строй, по мнению нашего автора, вообще способен «к гораздо большей социальной устойчивости, чем политический строй в странах чисто промышленного типа, и с этой стороны будет привлекателен для капитала, если сумеет справиться с налоговой системой и с вспомогательными условиями для развития промышленности» [5]).

Увы, история не подтверждает мысли проф. Гриневецкого. Напротив, она говорит о том, что именно «мелко-буржуазный строй», т.-е. власть мелкой буржуазии, во-первых, вообще власть крайне непрочная и недолговечная, а во-вторых, что эта «демократическая власть» там, где она удерживается на более или менее продолжительный срок, может служить провосходной ширмой для ограбления страны крупным иностранным капиталом и вместе с тем не плохим прессом по выжиманию сверхприбылей для «привлекаемых» капиталистов. Поэтому никаких «новых» перспектив Гриневецкий не открывает, указывая на средства иностранных капиталистов, как на единственный «ключ», который только и может отомкнуть стране дорогу вперед.

[1]) См., например, вновь появившуюся статью тов. Л. Шанина «Вопросы экономического курса», «Большевик» № 2 за 1926 год.

[2]) Проф. В. И. Гриневецкий, «Послевоенные перспективы русской промышленности». Москва, 1919 г., стр. 208.

[3]) Там же, стр. 184.

[4]) Там же, стр. 182.

[5]) Там же, стр. 182.

Мы уже говорили, что на этот счет у автора «Послевоенных перспектив» нет никаких сомнений. Так, говоря о том, что «область металлических производств будет как барометром для оценки экономики страны, так и ключем к разрешению всей задачи возрождения промышленности», он не забывает прибавить: «при чем воспользоваться этим ключем удастся лишь при помощи иностранных капиталов» [1]).

Итак, совершенно ясно, что цитируемый нами автор предал полному забвению внутренние силы страны, что хозяйственная активность населения, внешняя торговля, перспективы роста национального дохода, образование промышленных капиталов путем внутреннего накопления, — все это осталось для него книгой за семью печатями.

Замечательно, что такое же абсолютное игнорирование внутренних сил и возможностей и преувеличение роли иностранного капитала мы встречаем и «на другом берегу»: в лагере кредиторов России.

Характерная в этом отношении книга двух американских авторов о русских долгах и восстановлении России целиком проникнута сознанием полной безвыходности Советского Союза без иностранной помощи. Эти авторы, например, твердо уверены в том, что «у русского крестьянина отсутствует то интеллектуальное развитие, которое необходимо для быстрого роста сельско-хозяйственного производства». Вследствие этого, по их мнению, в области сельского хозяйства «в лучшем случае можно надеяться на медленное постепенное восстановление, которое в будущем поколении (!!!) могло бы достигнуть приблизительно довоенного уровня» [2]). Почтенным экономистам, видимо, придется значительно переработать свою книгу уже для ближайшего нового издания, если они не захотят, чтобы их посчитали слепыми. Такого же сорта их предсказание и в отношении нашей валюты. «Мы верим, — пишут они, — («блажен, кто верует!») в возможность действительной стабилизации русской бумажной валюты лишь при условии возобновления размена на золото», а для этого, по их же словам, России потребуется ввести значительно больше, чем на 500 м. руб. золотого, металла. Вот как далеко некоторые буржуазные американцы решили отложить нашу денежную реформу [3]).

Пасвольский и Моультон задались целью в отношении России развить ту часть «большого плана», который в общих чертах сводится к овладению щупальцами американского капитала государствами Европы. Этот «план», как известно, фактически уже проводится в отношении побежденной Германии под именем плана Дауэса. Овладеть Советским Союзом американская буржуазия считает возможным и удобным для себя через посред-

[1]) Стр. 174.

[2]) Пасвольский и Моультон, «Русские долги и восстановление России», изд. НКФ, стр. 139.

[3]) Стр. 143.

ство других стран Европы и, главным образом, через посредство Германии, которая, при поддержке американских банков, должна завладеть гигантским внутренним рынком СССР. «Экономическое восстановление России,—пишут Пасвольский и Моультон,—тесно связано с экономическим восстановлением Германии». Спрашивается, в каком случае могла бы платить свои репарации Германия? Несомненно, в том случае, если бы она как можно больше экспортировала в Россию и как можно меньше ввозила бы к себе заграничных товаров. Вся разница по торговому балансу могла бы пойти на уплату репараций с тем, конечно, условием, чтобы эта разница одновременно проходила бы по германскому государственному бюджету, как превышение доходов над расходами. Таким образом, по этому плану Германия (а с ней и другие европейские страны американского влияния) превращалась бы в гигантскую усовершенствованную машину по выкачиванию из германского и русского народа дани Антанте и Америке. Моультон и Пасвольский считают этот план несбыточным без предварительного хозяйственного восстановления России. Это же условие они считают обязательным и для уплаты Россией своих долгов. Но каким путем бывшая Россия может выпрямить свое положение? Мы уже указывали, что Моультон, который близко участвовал в разработке «плана Дауэса», и мысли не допускает о возможности сделать это внутренними силами страны. Выход он видит единственно в том, что «России должен быть предоставлен заем в целях восстановления ее экономической системы» [1]. Размер этого предварительного займа авторы-американцы определяют в сумме 1.400 милл. р.

Моультон и Пасвольский представляют себе Советский Союз как своеобразное коммерческое общество, которому предстоит расплата по его прежним долгам, но которое в настоящее время оказывается «несостоятельным должником». И вот, «при отказе от непосредственного уничтожения долгов (а это и есть исходное, отправное положение наших экономистов. *П. К.*) единственным выходом для того, чтобы Россия могла завязать новые кредитные сношения с внешним миром, является длительный мораторий, при котором средства России в виде активного сальдо ее торгового баланса пойдут в первую очередь на покрытие займа на восстановление» [2], а затем, конечно, и на покрытие многочисленных миллиардов царских займов.

Итак, к Советскому Союзу идеологи кредиторов царской России подходят, как к обанкротившемуся предприятию, хотя, в общем, и очень доходному, но которое без посторонней помощи абсолютно не в состоянии выпутаться из затруднений, к тому же, по их мнению, усложненных революционным аннулированием прежних долговых обязательств. При чем от поднятия хозяйства Советского Союза ждут погашения своих долгов не только кредиторы царской России, но и кредиторы Германии.

Поэтому по отношению к СССР считается возможным проведение той «финансовой реорганизации», которую до войны проводили не так редко капиталистические банки по отношению к тому или иному промышленному предприятию, впавшему в безвыходное положение вследствие невозможности платить, и каковую «реорганизацию» после войны стали практиковать буржуазные правительства в отношении разорившихся и обанкротившихся стран.

1) Стр. 145.
2) Стр. 132.

Мы хорошо знаем, чем пахнет такая «финансовая реорганизация» в отношении Советского Союза, хотя некоторые страны, как Польша, настойчиво ее добиваются, засылая своих министров к богатым дядюшкам. Мы в корне отвергаем подход к нашей стране, как к банкроту. Если кто и обанкротился, так это те буржуазные правительства, которые, затеяв невиданную войну, ныне никак не расхлебают ее последствий, никак не выпутаются из золотых сетей задолженности, наброшенных американским «союзником». Истинными банкротами, поэтому, являются именно эти европейские правительства. Поэтому и сделки наши с ними отнюдь не могут и не должны иметь элементов финансовой кабалы. У нас нет никакой к этому нужды.

Таким образом, то, что представлялось проф. Гриневецкому в розовом свете, как «оплодотворение» добродетельным иностранным капиталом девственного хозяйства России, имеющей «мелкобуржуазный строй», то в представлении капиталистических дельцов будет означать фактическое закабаление страны, а для населения последней—и возвращение к тройному гнету платежей по старым и новым займам. К тому же сами возможные «реорганизаторы» являются убежденными противниками индустриализации СССР, о чем не один раз высказывались языком своих журналистов в соответствующей прессе.

Из всего этого отнюдь не вытекает, что мы должны игнорировать проблему привлечения иностранного капитала в наше народное хозяйство вообще, и проблему кредита со стороны иностранных капиталистов, в частности. Для нас представляется несомненным, что благоприятное разрешение этой проблемы ускорило бы процесс восстановления нашего хозяйства и дальнейшего укрепления социализма в нашей стране.

II.

Итак, ставка на иностранный капитал, как на основную ведущую силу развития хозяйства СССР и его индустриализации, есть ставка на план Дауэса для Советского Союза. А принимая во внимание враждебность буржуазных правительств всего мира против социальных порядков нашей страны, следует признать, что это есть еще и ставка на ликвидацию диктатуры пролетариата, ставка на замену социалистического режима «мелко-буржуазным строем».

Эта очевидная невозможность войти в новое будущее через двери иностранной «помощи», естественно, порождает необходимость искать «ведущую силу» внутри СССР.

Попытку таких «поисков» представляют не так давно развитые в нескольких выступлениях взгляды тов. Сокольникова, которые «дополнил и углубил» в ряде своих статей тов. Шанин.

Основным произведением, где т. Сокольников наиболее полно и выпукло формулировал свои мысли, является его статья: все время пытается сделать обратное!

1) См. «Вестник Финансов», № 10 за 1925 г. Впоследствии вышла отдельным изданием НКФина.

Тов. Сокольников исходит из той совершенно правильной мысли, что для превращения нашей страны в такую, которая могла бы равняться со странами, имеющими высоко развитую машинную индустрию, нам необходимо произвести *переоборудование* нашей промышленности, построить ее на новой, более высокой технической базе, чем это имеет место в настоящее время. «Но,—думает дальше тов. Сокольников,—попытка решить эту задачу за счет своих собственных рессурсов (?), за счет промышленности, которая есть налицо, предполагала бы организацию целого ряда циклов производства и воспроизводства, которые для своего осуществления потребовали бы десятки и десятки лет. Поэтому, задача переоборудования нашей промышленности должна быть решена путем ввоза наиболее совершенных машин и оборудования из-за границы. Это даст выигрыш во времени на десятилетие» [1]). Как и за счет чего мы можем получить из-за границы все это огромное количество потребного для нас оборудования, не за счет ли заграничных займов и кредитов? Нет, не за счет займов и кредитов. Это оборудование мы сможем получить за счет расширения и интенсификации нашего экспорта и в первую очередь за счет расширения экспорта сельско-хозяйственной продукции.

Однако, как же мы расширим экспорт без предварительного оборудования нашего хозяйства, спрашивает тов. Сокольников. Ответ его таков: «Оно (расширение и развитие экспорта), возможно в таких отраслях хозяйства, которые не требуют сейчас для развития экспорта предварительного, очень значительного технического переоборудования, и такой отраслью является, прежде всего, сельское хозяйство. *Поэтому ключ к ускорению процесса под'ема всего хозяйства Союза заключается в перспективе быстрого под'ема сельского хозяйства*» [2]).

Упомянув далее, что его взгляд представляет «вопиющее противоречие» с обычными взглядами о том, что у нас промышленность отстает от сельского хозяйства и что в этом отставании «наша беда», тов. Сокольников, продолжает: «Но это не так. Именно то обстоятельство, что наше сельское хозяйство может «обогнать» промышленность, что оно есть мелкое хозяйство, которое не требует больших затрат для того, чтобы быстро подняться,—*это и есть, к большой выгоде для страны, динамическое начало в нашем хозяйстве*» [3]).

Итак, стало быть, ведущей силой всего хозяйства СССР или—по терминологии т. Сокольникова—его динамическим началом оказывается... *крестьянское сельское хозяйство!*

Если бы эта «философия динамического начала» была бы простым афоризмом, своего рода «острым словом», эффектно определяющим своеобразие *нынешнего момента* хозяйственной эволюции СССР, если бы из этого «афоризма» не делалось бы никаких «глубоких», «принципиальных» и «деловых» выводов, то аллах с ним. Но в том-то и дело, что этот афоризм, оказывается, положен в основу целой «платформы», да еще какой!

Возьмем к примеру статью Л. Шанина «Экономическая природа нашего бестоварья». Мы уже указывали, что он взял на себя

[1]) «Вестник Финансов», стр. 17.
[2]) Стр 19. Подчеркнуто мною. *П. К.*
[3]) Та же страница, подчеркнуто мною.

обязанность «дополнить и углубить» основные мысли т. Сокольникова. Вот что, например, мы читаем в указанной статье: «Корень того бестоварья, которое мы констатируем, заключается не в том, что промышленность недостаточно быстро развертывается, а в том, что она *развертывается слишком быстро* и, *кроме того, развертывается неправильно*, т.-е. что в ее развитии отдельные отрасли участвуют не в тех долях и пропорциях, в которых их участие необходимо» [1]).

Какие же отрасли промышленности «участвуют не в тех долях и пропорциях», которые бы отвечали потребностям времени? Оказывается, речь идет о тяжелой, основной промышленности. «Именно потому, что мы бросаем главные средства не в легкую, а в тяжелую индустрию, и получается явление длительного бестоварья, признаки чего мы наблюдаем в настоящее время».

Дальше мы узнаем, что «все зло» не только в развертывании тяжелой индустрии, но и в том, что основной капитал всей промышленности расширяется слишком быстро.

Мы знаем, что на этом скользком пути очень легко катиться вниз. Так это с неизбежностью и происходит с т. Шаниным. Он договаривается до того, что всякое развертывание промышленности не облегчает, а увеличивает наши хозяйственные затруднения, ибо благодаря развертыванию промышленности, «через заработную плату и последующие закупки сырья, промышленность передает свою покупательную способность рабочим и крестьянам», «происходит перемещение покупательных рессурсов от промышленности к широким массам», и спрос, созданный промышленностью, «вступает в конфликт с ее предложением». Вот на почве этих рассуждений, для подкрепления которых был притянут... Маркс, рождается и «деловая», «практическая» программа по затушевыванию необходимости индустриализации СССР. Создание относительного перепроизводства продукции крестьянского труда—вот выход из положения. Вследствие этого,—пишет тов. Шанин,—«наша экономическая стратегия должна быть такова: в первую очередь сельско-хозяйственный экспорт, во вторую—вложение капиталов в те отрасли, которые обслуживают сельско-хозяйственный экспорт. На ряду с этим мы должны всемерно форсировать развитие отраслей промышленности, перерабатывающих сельско-хозяйственную продукцию. Только на базе товарных запасов мы сможем сказать: в таком-то году, помимо легкой индустрии, можно бросить такие-то средства на развитие тяжелой индустрии», ибо ведь только «через ряд производственных звеньев тяжелая индустрия приведет в движение производство машин, а еще позже эти машины дадут производство предметов широкого потребления».

Итак, перед нами законченная и заманчивая программа развития пшенично-ситцевого царства: сельско-хозяйственный экспорт плюс легкая индустрия. Уже не говоря о том, что рассуждения о «ряде производственных звеньев» (Шанин) и об организации «целого ряда циклов производства и воспроизводства» (Сокольников), которые, якобы, должны лечь между затратой капитала в тяжелую промышленность и готовым потребительским товаром, в подавляющем большинстве случаев не верны, не отвечают действительному ходу производства и приведены больше

[1]) См. «Экономическое Обозрение», ноябрь 1925 г., стр. 27.

в целях «припугнуть», чем доказать, — вся постановка вопроса получает глубоко антиленинское, антимарксистское, а если знать историю промышленного развития России, то и антиисторическое содержание. Преслбвутая шанинская «стратегия», отодвигающая тяжелую промышленность куда-то «на задворки истории», игнорирующая *перспективу* нашего строительства, отвергающая мысль об основной промышленности, как о базе всей хозяйственной жизни страны и ее политической независимости, на самом деле представляет попытку *отписаться* от рассмотрения коренной, центральной проблемы хозяйственного упрочения диктатуры пролетариата в мелко-крестьянской стране. Но при этом оба автора бьют гораздо дальше своей цели: развивая до конца свои мысли и делая из них соответствующие выводы, они должны были бы сказать «новое слово» и в отношении главнейших положений нашей общей политики.

В самом деле, ставя «во главу угла» своей программы и стратегии развитие сельско-хозяйственных культур, дающих экспорт, надо себя спросить о двух вещах: какому крестьянскому хозяйству должны были бы в первую очередь и всеми средствами помочь оба автора и, во-вторых, чем бы они компенсировали эти дополнительные сельско-хозяйственные экспортные излишки при условии, что промышленность наша уже теперь в полной мере не удовлетворяет ни потребительских, ни производственных нужд крестьянства.

Нет сомнения, что исходя из развитой выше программы, на первый вопрос можно дать лишь один ответ: помогать в первую очередь и всеми силами надо таким крестьянским хозяйствам, которые могут дать максимум товарной продукции, т.-е. наиболее зажиточным, наиболее «крепким» крестьянским хозяйствам. А в целях компенсации и стимулирования должны быть брошены внутрь страны заграничные товары крестьянского потребления. Однако, к чему же сведется тогда роль хозяйственного аппарата советской власти? Надо ли говорить о том, что это будет роль пособничества в первую очередь кулаку, пособничества прежде всего крестьянской буржуазии. Но не потребует ли тогда сельская буржуазия и соответствующей «реформы» этого посреднического аппарата, не потребует ли оно «прямой связи» с капиталом западных стран. А ведь это и будет означать начало «плана Дауэса» для нашей страны. Нет сомнения в том, что проблема импорта средств производства есть слишком важная и ответственная проблема, чтобы ее можно было обойти молчанием. Но никто этого ведь и не делает. Пытаться же разрешить ее столь элементарно-простой формулой, как это сделано было т.т. Сокольниковым и Шаниным, значит допустить грубейшую ошибку в основном вопросе построения социализма в СССР.

В недавно опубликованной статье т. Л. Шанина [1]) последний присоединяет новые аргументы и развивает старые в подкрепление своей позиции. Если отбросить всякие оговорки, «принципиальные формулы» и т. д., то на чем основном и главном настаивает автор этой статьи? Опираясь на прошлое, на первый период нэпа, когда «мы шли на замедленное развитие крупной (и в частности тяжелой) промышленности и ускоренное развитие сельского хозяйства (в сочетании с кустарной и мелкой промышленностью)», тов. Шанин спрашивает: «Что же, курс этот привел нас к отходу от социалистического строительства или к исключительному усилению его»? [1]).

[1]) См. «Большевик» № 2 за 1926 г.

Да, тов. Шанин, *тот* курс, действительно, привел к усилению социализма, к хозяйственному овладению нами прежним основным капиталом страны, в первую очередь—капиталом промышленности и транспорта. Но в нынешних условиях, когда закончился процесс восстановления, этот курс начала нэпа надо видоизменить, ибо нам нужно теперь обратить серьезнейшее внимание на организацию производства средств производства, организацию той тяжелой промышленности, от которой вы отмахиваетесь и о которой еще в конце 1922 года *Ленин* сказал, что без нее мы, не только как социалистическая страна, но и как цивилизованное государство, погибнем.

Еще довоенная Россия в своем хозяйственном развитии подошла к тому пределу, когда на пути этого развития стала слабость национальной тяжелой промышленности, а вовсе не недостаток экспортной массы или товарный голод на предметы потребления. В нынешний период времени, при совершенно ином социальном строе, мы снова упираемся в то же самое препятствие, а вовсе не в отставание сельско-хозяйственной продукции от спроса на нее со стороны внутреннего потребления и экспорта. Затруднения, имеющиеся здесь в настоящее время, есть затруднения скоропреходящие, т. к., с одной стороны, они вызваны тем, что деревня форсированно образует необходимые и нормальные для нее натуральные фонды, растраченные в предшествующие годы, с одновременным непринятием еще форм денежного накопления; с другой стороны, деревня не использовала еще тех «добавочных капиталов», которые дала ей Октябрьская революция, открыв перед нею новые пути хозяйственного под'ема. «Нельзя сказать,—отметил т. *Сталин*, в своей с'ездовской речи,—что все возможности, таящиеся в сельском хозяйстве, уже исчерпаны. Сельское хозяйство, в отличие от промышленности, может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе. Вот почему дальнейшее развитие земледелия не встречает пока что таких технических затруднений, какие встречает наша промышленность». Верно это или нет? Безусловно, это так. Но о чем тогда все это говорит? Конечно, не о том, что утверждает тов. Шанин. Эти слова, на которые он также пытается опереться, говорят против всей шанинской концепции, ибо их смысл в том и заключается, чтобы предостеречь от недооценки нужд тяжелой промышленности и нужд всей страны в тяжелой промышленности и чтобы вследствие этой недооценки не проморгать *нужный и максимально для нас возможный темп ее развертывания*. А т. Шанин все время пытается сделать обратное.

[1]) Стр. 84.

И. Д. Левин.

Система двух партий и развал либерализма в Англии.

Английская буржуазия недаром пользовалась славой самой умной в мире. Никакая другая буржуазия не смогла с таким искусством, с такой виртуозностью и с такой тонкостью пропитать рабочие массы своим влиянием, своими идеями и взглядами, внушить им такое благоговение перед атрибутами своей власти, как это сделала английская буржуазия. Она сумела включить рабочий класс в свою политическую систему, задержать и отдалить на многие десятилетия возникновение самостоятельного политического движения рабочего класса, возникновение самостоятельной рабочей партии. Ей удалось привить рабочим массам ту мысль, что никакой классовой борьбы не существует, что стачки и другие конфликты между трудом и капиталом являются частным делом свободных граждан или об'единений свободных граждан и что ее классовое государство, ее парламент, ее суд стоят над классами, являясь верховными, беспристрастными арбитрами, держащими чашу весов между различными классами в равновесии в соответствии с «высокими» принципами «человечества», «разума» и «справедливости». Прокатившаяся в XIX веке по Европе волна революций не вызывает революционных потрясений в Англии. Революционное движение чартистов кончается крахом, а после этого наступает относительная тишь да гладь, тянувшаяся до наступления мировой войны. Неудивительно, что вся буржуазная Европа завидовала английской буржуазии.

Чем об'ясняется этот удивительный успех?

В основе здесь лежали экономические факторы: небывалый расцвет английской промышленности, начавшийся в середине прошлого века, усиление колониального могущества Англии, ее первенствующее положение на мировом рынке. Все это дает английской буржуазии возможность делать уступки рабочему классу в вопросах заработной платы, рабочего дня и других условий труда, а непрерывное падение цен на предметы первой необходимости, продолжавшееся до конца прошлого века, укрепляет и улучшает материальное положение английского рабочего класса.

На этой основе и сложилось то своеобразное взаимоотношение между английской буржуазией и английским рабочим, которое до самого недавнего времени отличало Англию от континента. У английской буржуазии годами и десятилетиями вырабатываются особые приемы и методы обволакивания рабочего класса и его вождей, вырабатывается особое чутье, особая интуиция и уменье во-время остановиться, отступить и уступить.

Так, например, во время угольного кризиса в 1925 году, премьер Болдуин сдается накануне об'явления всеобщей забастовки углекопов и после того, как он в течение целых месяцев твердо заявлял, что никаких поблажек не будет и что рабочие должны принять условия хозяев. Другой пример, отказ со стороны Болдуина в поддержке законопроэкта, внесенного консервативным членом парламента Маквисгеном и направленного против взимания профсоюзами с своих членов сбора в пользу рабочей партии. Нет никакого сомнения, что если б Болдуин не воспротивился, этот закон прошел бы голосами не только консерваторов, но и многих либералов. Этот закон в корне подорвал бы финансовую основу рабочей партии и выбил бы ее на время из строя, но вызвал бы неимоверное возмущение рабочих масс. Или возьмем пример 1920 года во время нашей войны с Польшей, когда в ответ на угрозу английского правительства пойти на нас войной, Англия стихийно покрывается сетью рабочих «Комитетов действия», ставящих себе целью парализовать военные мероприятия правительства и подготовить всеобщую забастовку. Английское правительство тогда сразу отступает. Приведенные нами примеры взяты из практики послевоенного периода, когда в Англии в результате войны и нашей революции происходят новые сдвиги, тем не менее они характерны, так как доказывают, что английская буржуазия и в новых условиях продолжает свою старую тактику в надежде удержать рабочие массы от дальнейшего полевения и дальнейшего революционизирования.

Когда же крайняя необходимость заставляет ее взять «твердый курс и она не может иначе», со стороны кажется, что она провоцирует рабочих. Но это скорее результат ее уверенности в своем господстве над умами рабочих и в своем умении заставить рабочих «внять голосу разума». Даже в таких случаях ее излюбленный метод не прямая атака, а окольные пути, обходные движения. Так, в конце прошлого столетия английская буржуазия, теснимая на мировом рынке своими соперницами Германией и Америкой, готовится повести наступление на рабочий класс. Однако, удар в самое сердце тред-юнионистского движения наносится не прямо в виде закона против права союзов или стачек, а в виде постановления какого-то местного суда по поводу иска, возбужденного акционерным обществом железной дороги Тафской долины в Валисе, присудившего союз железнодорожников к уплате возмещения за убытки, причиненные забастовкой акционерному о-ву. В 1901 году суд в последней инстанции выносит решение в пользу акционерного об-ва и присуждает союз возместить о-ву 27.000 фунтов стерлингов (около 270.000 рублей)! Этим неожиданным ударом, обрушившимся на рабочее движение, английские тред-юнионы оказались сразу отброшенными на 25—30 лет назад, так как завоеванное ими в 70-х годах право стачек и союзов данным решением свелось на-нет. Во время войны принудительная воинская повинность (небольшая английская армия до войны была вольнонаемной и вербовалась, главным образом, среди безработных) была введена постепенно небольшими дозами—и то после надлежащей патриотической обработки населения.

Английская буржуазия сумела в совершенстве использовать против рабочих всякие возможности «мирного» воздействия: переговоры, всякие согласительные и примирительные камеры, крючкотворство, обещания и полуобещания, выгадывание времени путем оттяжек, проволочек, назначения королевских комис-

сий, годами заседающих и «изучающих» тот или другой вопрос, волнующий рабочие массы и last but not least—компромисс, вошедший в английский быт со своими словечками «give and take» (брать и дать), «half a loaf is better than nothing» (лучше полхлебца, чем ничего), «one good turn deserves another» (услуга за услугу) и т. д., компромисс, сладкий яд, который разъедает и разлагает рабочее движение.

Политическая история Англии, начиная с «великой» избирательной реформы 1832 г. и до «великих» реформ Ллойд-Джорджа, это история искуснейшего надувательства рабочих масс английской буржуазией.

В результате—классовая борьба под сурдинку. Буржуазия с политикой кулака в бархатной перчатке, рабочий класс сначала без своей политической партии, т.-е. без политического жала, а затем рабочая партия с политикой беспринципного, бесхребетного, мягкого социализма, перемешанного с пацифизмом и империализмом, которая тащится на буксире у буржуазии.

Английская система двух партий.

В XIX веке в Англии укрепляется так называемая система двух партий. Это означает, что в стране существуют лишь две традиционные правительствующие партии: консерваторы и либералы, и что государственная власть переходит от первых к последним и наоборот, в зависимости от того, кто победит на парламентских выборах.

Системе двух партий способствует английское избирательное право, как оно сложилось в результате «реформ», которые проводили то либералы, то консерваторы, то обе партии вместе. Реформаторское творчество обоих партий наградило Англию одним из самых отсталых избирательных законов в Европе. Этот закон не знал ни перевыборов (в тех случаях, когда более двух кандидатов борются за одно депутатское место, и когда победитель получает меньше голосов, чем его остальные противники, вместе взятые), ни оплаты членов парламента и даже требует от кандидатов оплаты расходов государственного аппарата по выборам (returning officers fees)! Участие в избирательной борьбе, даже в самых скромных размерах, требует огромных расходов. Как консерваторы, так и либералы цепко держатся за этот закон. Всякие попытки ввести изменения разбиваются о сопротивление либералов, а о консерваторах и говорить не приходится. Уже после войны в 1918 году коалиционное правительство Ллойд-Джорджа поливает наметившиеся революционные волны маслом новой реформы избирательного закона. Ллойд-Джордж «демократизирует» этот закон, дает право голоса даже женщинам, но... не дает перевыборов или пропорционального представительства, так как это могло бы способствовать возникновению значительных третьих групп и партий и, таким образом, взорвало бы систему двух партий, которая придает твердость и устойчивость английскому парламентскому режиму.

Увы, мудрый, проницательный Ллойд-Джордж не предвидел тогда, что отсутствие пункта о перевыборах или пропорциональном представительстве в его «наидемократическом» законе приведет к результату, которого он менее всего желал или ожидал, а именно к крушению либеральной партии, к положению, когда

система двух партий остается, но место либеральной партии занимает рабочая партия. Это положение как раз сейчас перед нами вырисовывается, и выясняются очертания невиданной до сих пор в мире группировки: с одной стороны, единая партия буржуазии (остатки тающей либеральной партии переходят к консерваторам; а ее крайние, радикальные мелко-буржуазные элементы перекочевывают в лагерь рабочей партии), с другой—единая рабочая партия. Правда, рабочая партия погрязла в мелко-буржуазной тине и ее вожди большей частью мало чем отличаются от либералов, но она все же базируется на профессиональных союзах и по мере революционизирования рабочих масс, по мере усиления левого движения меньшинства и по мере проникновения коммунистической партии в широкие рабочие массы, рабочая партия должна стать на путь классовой борьбы. Во всяком случае, уже тот факт, что против пролетариата стоит его классовый враг, представленный политически единой партией, что между ними исчезли всякие промежуточные звенья, исчезли либералы и радикалы, мешавшие пролетариату осознать свое классовое положение,—этот факт должен действовать самым революционизирующим образом на английский рабочий класс. Но мы забежали вперед и должны вернуться к системе двух партий, как она существовала до образования рабочей партии.

Как мы видели, английское избирательное право делало крайне затруднительным и почти невозможным возникновение 3-ей партии. Третий кандидат на выборах не имеет почти никаких шансов на успех против кандидатов двух традиционных партий с их могущественным аппаратом и всесильной прессой. Все попытки маленькой слабой социал-демократической федерации в конце XIX века, а также «социалистической» независимой рабочей партии, пробить брешь в твердыне двух-партийной системы, неизбежно кончались крахом. Социал-демократические кандидаты, а также кандидаты независимой рабочей партии получали ничтожное количество голосов. Консерваторы и либералы вытесняют с общественного поля зрения третьи группы и зародыши третьих партий; они всецело заполняют политическую арену собой, своей междупартийной борьбой, своими лозунгами они втягивают в свою борьбу широкие народные массы, смазывая и затушевывая действительную подоплеку этой борьбы, выдавая ее за борьбу, которую они якобы ведут в интересах трудящихся масс. Глухое недовольство рабочих масс буржуазным режимом они искусно направляют на рельсы борьбы против той или другой из правительствующих партий. «Ты недоволен, тебе плохо живется,—говорит консерватор рабочему.—Это оттого, что у власти стоят либералы, которые ничего для тебя не сделали и не сделают. Ты дай нам свой голос, и мы тебе поможем. Мы введем покровительственные пошлины, защитим нашу промышленность от иностранной конкуренции, и ты избавишься от бича безработицы!»—«Неправда,—говорит либерал тому же рабочему,—вот Германия, страна, в которой господствует протекционизм, а безработица там все же существует. Если ты отдашь свой голос консерваторам, то они введут пошлины на хлеб и твое положение станет еще хуже. Что касается безработицы и других бедствий, от которых ты страдаешь, то у нас на этот счет имеется старая программа реформ, разработанная на многие, многие годы. Правда, ты упрекаешь нас, что наша программа реформ что-то вроде

«улита едет, когда-то будет», но нельзя же сразу. На что уж Вебб социалист, и тот говорит, что все надо делать постепенно, медленно, шаг за шагом. Дай нам время и поверь, что мы не забудем тебя». Перед рабочим стоял лишь один выбор, либо голосовать за либерала, либо за консерватора, третьего не дано. Не голосовать опять-таки означало, если не прямое, то косвенное усиление той или другой партии.

В тех редких случаях, когда на выборах в гармонию двухпартийной системы диссонансом врезывалась третья кандидатура революционного социал-демократа, старавшегося растолковать рабочему, что от обоих—и консерватора, и либерала—выражаясь по Гейне, воняет и что обоих надо послать к чорту и ввести социализм, то консерватор и либерал на перебой говорили рабочему: «Если этот человек не сумасшедший, то это несомненный чудак и фантазер, человек не от мира сего. Социализма еще нигде нет, нигде его не испытали, и неизвестно, окажется ли он жизненным. Это красивая мечта и фантазия. Но мы с тобою абстрактными вопросами не занимаемся, мы ведь люди практические, и перед нами сейчас стоит практический вопрос, который должен быть немедленно решен: покровительственные пошлины, или свобода торговли? Если ты против пошлин, то ты не можешь голосовать за социалиста. Голос, поданный за социалиста, это все равно, что голос, поданный за консерватора, т.-е. за пошлины, так как все равно он пройти в парламент не может. Следовательно, все голоса, поданные за него пропадут даром, а благодаря этому может пройти консерватор. Твой долг поэтому голосовать за либерала. Если же ты за пошлины, то по тем же соображениям ты должен голосовать за консерватора, ибо твой голос, поданный за этого социалиста, которому ты сочувствуешь, потому, что он рабочий, только послужит к тому, что в парламент пройдет болтун-либерал, которого ты ненавидишь всей душой». И, как это ни печально, два голоса двуликого Януса английской буржуазии оказываются более убедительными для рабочего, чем голос социалиста. На всем протяжении последней половины XIX века рабочий голосует либо за либерала, либо за консерватора. Ненависть к очковтирателю-либералу у него часто так велика, что он голосует за консерватора даже при наличии третьего кандидата социалиста: он боится, как бы его голос, поданный за «неимеющего никаких шансов на успех» социалиста, косвенно не помог бы либералу пройти в парламент. Во время всеобщих выборов в конце 1923 г. на массовых собраниях, устроенных рабочей партией для об'явления результатов выборов, рабочие встречали извещения о победах консерваторов над либералами бурными аплодисментами и криками ура. Этот энгузиазм был вызван, конечно, не победой консерваторов, а фактом поражения либералов. Это показывает, какая глубокая ненависть существует среди широких рабочих масс к либеральной партии.

И консерваторы, и либералы ведут за собой огромные рабочие массы, которые подают за них свои голоса. За консерваторами идут, главным образом, самые отсталые и неорганизованные слои рабочих. Либералы, с другой стороны, пользуются огромным влиянием среди тред-юнионистских масс. Либералы культивируют дружбу с рабочими вождями и деятелями профессиональных союзов. Эти вожди и деятели почти поголовно члены либеральной партии; либералы проводят их под своим флагом в парламент и дают им даже министерские портфели (Джон Бернс). Либералы пропитывают рабочее движение насквозь своим духом.

В первой половине XIX века консерваторы и либералы являются политическим выражением двух отдельных классов, и борьба, которую виги (впоследствии либералы) вели против тори (консерваторов) за избирательную реформу и против хлебных законов, была борьбой молодой английской буржуазии против земельной аристократии и остатков феодализма. В дальнейшем, однако, по мере того, как земледелие в Англии уходит на задний план, а земельная аристократия переходит в ряды промышленной буржуазии, грани между этими двумя классами стираются, а консерваторы и либералы становятся двумя партиями, отражающими интересы разных слоев единой буржуазии. Происходит перегруппировка социальной базы этих партий. Консерваторы опираются на крупную промышленность, главным образом на тяжелую, а либералы на мелкую буржуазию и некоторые отрасли промышленности, как текстильная, шерстяная, какао-шоколадная и т. п. Меняется и содержание борьбы между либералами и консерваторами, хотя лозунги остаются старые: свободная торговля и протекционизм. Раньше под протекционизмом подразумевались покровительственные пошлины на хлеб в интересах английских аграриев, теперь же под этим лозунгом понимаются пошлины на промышленные изделия для защиты отечественной промышленности от иностранной конкуренции, а поскольку вопрос идет о пошлинах на сельско-хозяйственные продукты, то здесь имеется в виду не защита местного земледелия, которое играет ничтожную роль в экономике Англии, а создание привилегированного положения на английском рынке для сельско-хозяйственных продуктов английских колоний, чтобы крепче связать их с метрополией и противодействовать развивающимся в них центробежным силам. С другой стороны, промышленные группы, представленные либеральной партией, как например, текстильная и шерстяная не боятся иностранной конкуренции. Вопрос о покровительственных пошлинах на фабричные изделия их поэтому не особенно интересует, но другое дело вопрос о пошлинах на сельско-хозяйственные продукты и сырье. Здесь либеральные промышленные группы, зависящие от привозного сырья, выступают решительными противниками протекционизма.

Тут перед нами противоречия между двумя основными группами промышленности, на основе которых разыгрывается партийная борьба между либералами и консерваторами. Но как глубоки эти противоречия?

Из внимательного анализа положения можно убедиться, что противоречия эти совсем не глубоки. И действительно, коренным яблоком раздора, как мы видим, являются покровительственные пошлины на сельско-хозяйственные продукты и сырье. Но здесь консервативные группы выдвигают покровительственные пошлины не ради своих собственных интересов,—в данном случае их интересы совпадают с интересами либеральных промышленных групп, ибо все они заинтересованы в дешевом продовольствии для своих рабочих и дешевом сырье для своих фабрик и заводов,—они их выдвигают в интересах британской империи, т.-е. в интересах английской буржуазии в целом. Здесь, несомненно, обе группы смогли бы давно найти общий язык, особенно, если примем во внимание, что счет по этим пошлинам пришлось бы

платить не им, а английскому рабочему. Что касается покровительственных пошлин на фабричные изделия, то, как мы указывали выше, либеральной промышленной группе они не нужны и постольку они для них не представляют интереса, но поскольку эти пошлины могут удорожить жизнь рабочих, постольку они их отвергают. Здесь обе партии при компромиссной складке английского человека и подавно могли бы найти общую линию на основе «give and take» (брать и дать). Впрочем, не надо далеко ходить за примером. Не кто иной, как сам Ллойд-Джордж провел закон о защите промышленности, являющийся протекционизмом в сокращенном издании. Что же сдерживало обе партии от такого компромисса? Да то, что это означало бы открытое признание, что между двумя традиционными партиями буржуазии нет больше коренных разногласий, что вся их борьба, весь их парламентский и выборный галдеж и возня сплошная фикция, театральная игра с заранее распределенными ролями, поставленная специально с целью привлечения рабочих масс на сторону одной или другой из двух правительствующих партий. Это означало бы конец стройной системы двух партий, с таким трудом и терпением созданной в течение целого века и служившей такой верной плотиной против напора рабочих масс и против создания рабочей партии. Пока рабочая партия не прорвала этой плотины, буржуазия и думать не могла о таком шаге, означавшем слияние обоих традиционных партий в одну единую партию буржуазии. Как ни заманчивой могла казаться для буржуазии такая перспектива, она все же инстинктивно чувствовала, что это значит развязывание революционных сил пролетариата, и поэтому она всячески поддерживала миф о существовании двух партий, когда в действительности существовала единая партия единой буржуазии. Только теперь, когда плотина двух-партийной системы прорвана рабочей партией, существование двух буржуазных партий становится для нее излишним, ненужным.

Рабочая партия и прорыв системы двух партий.

Судебное решение по иску акционерного общества железной дороги Таффской долины, о котором мы говорили выше, оказалось роковым для английской системы двух партий. Право стачек и право союзов, завоеванное в 70-х годах, за которое рабочие боролись более полувека и которое, казалось, вошло в плоть и кровь английской конституции, одним росчерком судебного пера было поставлено под знаком вопроса. Правда, английская буржуазия, чтобы усыпить бдительность рабочих, не затевала никаких новых процессов против профсоюзов, несмотря на открывшуюся возможность широкого использования судебного решения по делу Таффской железной дороги. Консервативное правительство Балфура с своей стороны для успокоения рабочих назначает королевскую комиссию. Но рабочие не перестают волноваться, опасаясь за свои кассы и фонды, которые могли быть судом конфискованы. Парламент же молчал, молчали и патентованные «друзья» рабочих, либералы, а некоторые открыто даже высказывали свое одобрение судебному решению. Идея отдельного «рабочего представительства» в парламенте, туго прокладывавшая себе дорогу в рабочие массы, получает неожиданный толчок. Плимутский тред-юнионистский Конгресс 1899 г. вынес решение

созвать в 1900 году конференцию из представителей профессиональных союзов, кооперативов и социалистических организаций с целью образования «Комитета рабочего представительства» в парламенте. На этой конференции и создается «Комитет рабочего представительства», который впоследствии в 1906 году переименовывается в рабочую партию. Первые кандидаты новой рабочей партии, попавшие на выборах в 1900 году в парламент, были Кер-Гарди, вождь и основатель реформистской социалистической организации, известной под именем независимой рабочей партии, и Ричард Белл, вождь железнодорожников. К ним через некоторое время присоединился Шэклтон, вождь текстильщиков, прошедший в парламент на дополнительных выборах. Либералы, верные своей старой тактике, прикладывают свою руку к новому движению в надежде прибрать его целиком к рукам. Они не только не мешают кандидатам «Комитета рабочего представительства», но всячески помогают им. Они помогают не только Беллу и Шэклтону, выходцам из рабочих, матерым либералам, но и рабочему-социалисту Кэр-Гарди, большому путанику, но искренно стремящемуся к образованию рабочей партии, независимой от консерваторов и либералов. Все они проходят благодаря поддержке либералов. Шэклтон «побеждает» без всякой борьбы: у него нет противников: консерваторы и либералы не выставляют против него никаких кандидатов. У власти в это время находятся консерваторы: это полоса англо-бурской войны. Либералы готовятся к следующим выборам, которые наступают в 1906 году. На этих выборах рабочая партия выступает с 50 кандидатами. Борьба ведется вокруг лозунгов, выброшенных либералами и консерваторами. «Свобода торговли и долой китайское невольничество» [1],—клич либералов; «тарифная реформа»,—ответ консерваторов. Рабочая партия не вносит в разгоревшуюся борьбу ничего своего, а примыкает к либеральным лозунгам. Либералы продолжают свою тактику. В преобладающем числе округов, где выступают рабочие кандидаты, они не выставляют своих кандидатов, приглашая избирателей подать свои голоса за рабочих кандидатов, как верных союзников либералов. Рабочая партия проводит 29 своих кандидатов в парламент, главным образом, при помощи либералов. Успех либералов обеспечен. Уже дополнительные выборы, происходившие до 1906 года, указывали на предстоящее поражение консерваторов. Маятник явно качнулся в сторону либералов. Угар англо-бурской войны прошел. Ее финал—пресловутое китайское рабство в трансваальских рудниках, отрезвил английские рабочие массы, показав им истинные цели войны. Консервативное правительство, затеявшее эту войну, стало самым ненавистным для рабочих масс. Было ясно, что консерваторы должны будут уступить власть либералам и перейти до поры до времени в оппозицию. Либералы готовились к власти, но одержанная ими победа превзошла всякие ожидания. Поражение консерваторов было сокрушительное. Проваливаются почти все члены правительства с премьером Балфуром во главе. В парламенте либералы располагают абсолютным большинством над всеми остальными партиями: над консерваторами, рабочей пар-

[1]) После победы над бурами, магнаты бриллиантовых рудников в Южной Африке, виновники англо-бурской войны, распоясались и стали ввозить массами китайских кули для работы в рудниках, заключив с ними предварительно кабальные договоры.

тией и националистами [1]), взятыми вместе. Они получают 393 места, рабочая партия—29, националисты (ирландская партия)—83, а консерваторы всего-на-всего—152 места вместо 369, которые у них были в прошлом парламенте. «Успех» рабочей партии не вызвал у либералов никакого беспокойства. Этот «успех» был отчасти их успехом. Своей «расчетливой» поддержкой они произвели известное воздействие на состав и качественный отбор рабочей партии, они отсеивали более радикальные и социалистические элементы, либо поддерживая против них консерватора, либо выставляя против них своих собственных кандидатов. Полученный в результате отбор в огромном своем большинстве не отличается от той стаи славных либералов-рабочих, которая обрела себе место в лоне либеральной партии и занимала свыше 20 мест на скамьях ее парламентской фракции. Между рабочей партией и рабочей группой либеральной партии устанавливается «контакт» (в 1910 году вся эта группа, состоящая почти исключительно из углекопов, переходит к рабочей партии). Либералы ухаживают за рабочей партией, поют ей дифирамбы в своей прессе в полной уверенности, что им удастся подчинить ее себе и включить ее в свою орбиту. После некоторого нажима со стороны рабочей партии, либералы проводят в парламенте закон о конфликтах с рабочими, которым всякая опасность для профсоюзных касс совершенно устраняется. Рабочие торжествуют победу и приписывают ее присутствию рабочей партии в парламенте. Престиж рабочей партии среди рабочих масс все растет. Сама же рабочая партия в парламенте совершенно не проявляет себя как оппозиция. Она плетется в хвосте либеральной партии и голосует вместе с либералами за правительство. Либералам как будто удается их план взять рабочую партию целиком на буксир. Чтобы обезвредить рабочую партию и свести ее на-нет, необходимо было погубить ее в глазах рабочих масс, доказав им на деле, что рабочая партия им не нужна, что лучшего представителя их интересов, чем либеральная партия, им и не надо. Либералы должны, как говорят на парламентском жаргоне, «dish the Labour Party», т.-е. перехитрить рабочую партию. Либералы выдвигают широкую программу реформ: тут и пенсии престарелым, 8-часовой рабочий день для углекопов, государственное страхование от болезни, безработицы и т. д. Пламенный «чародей из Валиса», как называли Ллойд-Джорджа, развивает колоссальную агитацию по всей стране. Он громит палату лордов, называет князей, графов и лордов тунеядцами и паразитами, говорит языком, каким не осмеливаются и не привыкли говорить наирадикальнейшие крохоборы из рабочей партии. На сей раз либералы не могут ограничиться одной лишь болтовней и должны кое-что проводить в жизнь. Буржуазия прекрасно понимает маневр Ллойд-Джорджа и аплодирует ему, хотя в то же время его агитация вызывает бешенство реакционных органов, сердцам которых дороги остатки английского владетельного феодализма.

[1]) Националисты — это буржуазная партия представителей Ирландии в английском парламенте, добивающаяся автономии (Гом-руль) для Ирландии. Эта партия появляется в английском парламенте в 1874 г. На всеобщих выборах в 1918 году эта партия терпит крушение. Ее побеждает партия Шин-Фейн, требующая полной независимости Ирландии. Выбранные в английский парламент 73 шин-фейнера отказываются принимать участие в заседаниях парламента.

Ничего страшного в этих реформах для буржуазии, конечно, нет. Большая часть их давным давно введена в Германии, затем их осуществление намечается в значительной степени за счет рабочих (страховые взносы и прочее), а отчасти за счет земельного налога, направленного против лордов. А самое главное то, что либеральная партия становится популярной среди рабочих масс. Нечего и говорить, что громы и молнии, расточаемые Ллойд-Джорджем против лордов, чисто опереточные, и только неискушенные рабочие массы принимают их всерьез. Земельный налог, направленный против земельной аристократии, был определен в ничтожном размере и приносил казне один лишь убыток, так как расходы по его собиранию превышали самый налог. Впоследствии под шумок, сам Ллойд-Джордж выбросил этот налог за борт и даже вернул землевладельцам полученные с них по этому налогу деньги. Но этих деталей массы тогда не понимали и не предвидели. С 1906 года до самой войны либералы заслонили собой рабочую партию: «чародей из Валиса» очаровал не только массы, он очаровал рабочую партию и даже Кэр-Гарди, самого честного из рабочих вождей. В 1909 и 1910 г.г. во время разгара борьбы между либеральным правительством и палатой лордов, отвергнувшей ллойд-джорджевский бюджет, главным образом из-за его земельного налога, Кэр-Гарди выступает пламенным защитником ллойд-джорджевских реформ и на грандиозной демонстрации, организованной либералами в Гайд-Парке, произносит речь в поддержку официальной либеральной резолюции.

Рабочая партия становится «послушным хвостом либеральной собаки».

Но если политически буржуазия вынуждена рядиться в радикальную тогу, то экономически она начинает все сильнее ощущать конкуренцию Германии и вынуждена показывать рабочим свой обнаженный кулак; тем более, что, в виду непрерывного роста цен на предметы первой необходимости, в стране подымается волна забастовок, не прекращающаяся с 1909 года до самой войны. В 1908 году буржуазия своим испытанным маневром наносит рабочей партии удар из-за угла. Некий г. Осборн предъявляет иск к своему профессиональному союзу за незаконное взимание с него сбора в пользу рабочей партии. Суд решает в пользу Осборна. Дело идет в высшую инстанцию, палату лордов, которая выносит свое решение о незаконности принудительного взимания сбора на политические цели. Палата лордов попутно поставила под знаком вопроса законность отобрания рабочей партией от своих кандидатов подписки в том, что они будут вести независимую от других партий политику. Это решение поставило под угрозу самое существование рабочей партии, жившей исключительно взносами тред-юнионов. Ее членами были профессиональные союзы и социалистические организации (фабианское общество и независимая рабочая партия). Несмотря на весь нажим, который рабочая партия производит на либералов, требуя от них узаконения права взимания профсоюзами с своих членов сборов на политические цели, либералы не двигаются с места.

Экономическая депрессия, непрерывный рост дороговизны, растущее недовольство и левение рабочих масс не дают либе-

ральной партии возможности пожинать плоды своей ловкой политики. Они теряют свое влияние на массы.

После проведения реформ, рабочие на опыте узнают всю их иллюзорность, мизерность и тяжесть нового бремени. Рабочие из своего скудного заработка должны оплатить большую часть стоимости государственного страхования от болезни и безработицы. Пенсии выдаются рабочим с 70 лет, т.-е. тогда, когда никакой пенсии им не нужно, так как редко, когда рабочие доживают до такого возраста. Звезда либералов закатывается. На выборах в конце 1910 года они терпят поражение. Вместо своих 393 мест они получают всего 270, в то время как консерваторы вместо своих 152 мест получают 274. Рабочая партия слегка усиливает свое положение в парламенте (42). К рабочей партии примыкает целиком группа углекопов около 12 человек, сидевшая на скамьях либеральной партии. Либеральная партия остается у власти, для чего вынуждена опираться на голоса националистов (84) и рабочей партии. Либералы должны теперь больше считаться с рабочей партией и, наконец, после угроз со стороны последней вынуждены в 1913 году провести закон, предоставляющий тред-юнионам право заниматься политической деятельностью и принудительно взимать со всех своих членов отчисления на политические цели, если большинство членов высказывается за такие отчисления.

Реформы либерального правительства и шумная агитация «чародея» Ллойд-Джорджа оказались лебединой песней либеральной партии. Наступает империалистическая война. На карту поставлен вопрос о британской империи и о мировом господстве. Английской буржуазии нужно единение всех своих сил, чтобы отстоять свою мировую гегемонию. Происходит национальное единение: 4 августа, после об'явления Англией войны Германии, Вил. Крукс, видный член рабочей партии, поет национальный гимн: «Боже, короля храни», сэр Эдвард Карсон, заклятый враг независимости Ирландии, кричит: «Боже, храни Ирландию», а Редмонд, вождь ирландских националистов отвечает: «Боже, храни Англию».

Крушение либеральной партии.

Английская буржуазия выходит победительницей из войны. Ее опасный конкурент на мировом рынке, Германия, лежит окровавленная, обессиленная у ее ног. Версальский договор делает британскую империю еще более обширной и ее мировое господство еще более могущественным. Никто из старых соперников ей больше не угрожает. Разбита не только Германия, но и Россия. Из войны Англия приходит к победе под эгидой диктатуры Ллойд-Джорджа. Этому хитрому златоустому демагогу английская буржуазия вверяет свои судьбы. Война кончена, но континент пылает заревом революций. В самой Англии растут революционные настроения у широких слоев рабочих масс, растут симпатии к русской революции, к Советской России. Хитрый диктатор видит все эти опасности. Он настаивает на сохранении коалиции между либералами и консерваторами, достигнутой во время войны, ибо опасности послевоенной обстановки ничуть не меньше опасностей войны. Со свойственной ему решительностью, он немедленно после перемирия в 1918 г. распускает парламент и проводит выборы пока еще не прошел военный и победный угар, пока не вернулась с фронта революционно настроенная шинельная рабочая масса, на своей шкуре испытавшая прелести империалистической войны, и пока революционные настроения рабочих масс в самой Англии не успели вылиться в определенные формы и действия. В этих выборах впервые принимают участие женщины, получившие в начале года избирательные права (с 30-летнего возраста). Ллойд-Джордж ведет в бой об'единенную армию консерваторов и либералов. Небольшая часть либералов во главе с вождем партии Асквитом, которого Ллойд-Джордж в 1916 г. бесцеремонно спихнул с премьерского поста, потребовав себе диктаторские права и заняв его место, отказалась итти за Ллойд-Джорджем и под названием «независимых» либералов» выступила отдельно на выборах. Задача Ллойд-Джорджа отбить революционную волну. Со свойственной ему демагогией, он подхлестывает остывающий патриотический пыл, развивает бешеную кампанию и с лозунгом «кайзера повесим, а Германию заставим платить за войну», выходит триумфатором из сражения. Коалиция получает 478 голосов, а независимые либералы—28, при чем Асквит проваливается. Рабочая партия, вышедшая из коалиции после заключения перемирия, выставляет 361 кандидата, но проводит всего 57 человек в парламент. Она собирает, однако, 2.444.945 голосов, немногим больше 20% всех поданных на выборах голосов. Рабочая партия, шаг за шагом, неуклонно завоевывает себе место. После некоторого экономического под'ема, вызванного огромными закупками и заказами в Англии, посыпавшимися со стороны товарно-изголодавшегося континента, снова наступает депрессия и безработица. Недовольство и полевение масс снова усиливается. Снова идет волна забастовок. Усиливается тяга в рабочую партию. Дополнительные выборы доводят число членов рабочей партии в парламенте до 74. Третья партия становится фактором общественной жизни Англии. Этот факт не перестает беспокоить буржуазные партии. Либеральная партия, расколотая на коалиционистов, последователей Ллойд-Джорджа, и независимых либералов, последователей Асквита, отходит на задний план. Первые так слились с консерваторами, что их нельзя отличить друг от друга. Вторые представляют небольшую жалкую группу. Последующие выборы 1922, 1923 и 1924 г.г. лишь подтверждают, что мы имеем дело не со случайным явлением, что либеральная партия безнадежно больна и обречена на политическую смерть, на исчезновение. На выборах 1922 г. консерваторы получают 347 мест, рабочая партия—147, независимые либералы—64, национал-либералы (ллойд-джорджевцы)—53. Перед выборами 1923 г. происходит примирение между Ллойд-Джорджем и Асквитом, и их группы об'единяются. Но это не помогает. Либеральная партия снова попадает на 3 место. Консерваторы получают 254, рабочая партия—192, либералы—149. Рабочая партия составляет правительство. В 1924 г. оно распускает парламент и происходят пресловутые «зиновьевские» выборы. Консерваторы фабрикуют подложное письмо Зиновьева, и, нагнав смертельный страх и ужас на английскую обывательщину, искусно размалеванной картиной «тайной руки Москвы», подготовляющей восстания в армии и флоте и подбирающейся к домашнему очагу английского обывателя, чтоб осквернить это святилище, одерживают огромную победу. Консерваторы полу-

чают 402 места из общего числа 603. Рабочая партия получает 151 место, а либералы всего на всего—41 место; 9 мест достается диким. Следует заметить, что такая исключительная победа достается консерваторам, благодаря отсутствию в английском избирательном праве перевыборов и пропорционального представительства. При пропорциональном представительстве консерваторы не располагали бы большинством в парламенте, как это можно видеть из количества голосов, поданных за каждую партию:

Консерваторы получили	7.385.000	голосов.
Рабочая партия »	5.487.000	»
Либералы »	2.982.000	»
Дикие »	265.000	»

Раньше всякие попытки ввести пропорциональное представительство разбивались о сопротивление как консерваторов, так и либералов, которые видели в английском избирательном законе надежную защиту от третьих партий и рабочего представительства. Теперь, когда этот избирательный закон, по иронии судьбы, обратился против самих либералов, последние подняли крик и вопль против несправедливости этого закона и стали горячими поборниками пропорционального представительства. И в 1924 и в 1925 г.г. они поднимают вопрос в парламенте, но, увы, их голос остается гласом вопиющего в пустыне. И консерваторы, и даже рабочая партия остаются глухи к нему. Рабочая партия, занявшая твердо положение одной из двух «правительствующих» партий, больше не нуждается в пропорциональном представительстве, а провести его ради спасения либеральной партии у нее нет никакого намерения. Организованные массы, идущие за рабочей партией, ненавидят либералов. В их среде исчезновение либеральной партии будет встречено с ликованием. Выше мы привели пример этой ненависти к либералам, проявленной на послевыборных рабочих собраниях. Это и понятно. Либералы в двухпартийной системе играли роль главной плотины, сдерживавшей стихийное неосознанное стремление рабочих масс к независимому политическому движению. Что касается консерваторов, то они ясно понимают, что, при создавшемся положении, пропорциональным представительством делу не поможешь. Плотина безнадежно прорвана,—и никакой метлой пропорционального представительства не погонишь волны вспять. Время третьих партий прошло. Если для либералов еще есть возможность отвоевать свое старое место, то они должны это сделать и без пропорционального представительства. Консерваторы будут только приветствовать такой оборот; но если этого достигнуть нельзя, то надо покончить с комедией двух партий единой буржуазии; на этой мякине сейчас и политического младенца из рабочих не проведешь. Место действительных либералов—в рядах консервативной партии. Система же двух партий остается: с одной, консерваторы, с другой—рабочая партия. Теперешняя рабочая партия—смирное животное и еще долго будет на привязи ходить. Доказательство—опыт с недавним рабочим правительством. Против такой рабочей партии старых средств в «мирном» арсенале буржуазии хватит, если не «письмо Зиновьева», то что нибудь другое; а когда рабочая партия попадет в руки левых, тогда видно будет. Преимущества двухпартийной системы остаются в силе: прочность правительства и парламентской системы. На континенте, благодаря групповой системе и невозможности образования прочного правительства, парламентаризм обанкротился. Так или приблизительно так рассуждают консерваторы и отказываются бросить либералам спасительный пояс пропорционального представительства.

Гальванизация либерального трупа.

Маленькая либеральная группа в парламенте раздирается внутренними неурядицами. Поклонники Ллойд Джорджа и последователи Асквита не могут забыть друг другу свои старые обиды. На выборах 1924 г. Асквит снова проваливается, а заботливое консервативное правительство дает ему титул лорда, и он попадает в Палату Лордов. Асквит остается вождем либеральной партии, но он уже не может быть вождем парламентской фракции в нижней палате. На это место намечается Ллойд-Джордж. Это означает, что номинальным вождем будет Асквит, а фактическим Ллойд-Джордж. Часть радикального крыла либеральной партии начинает бунтовать и заявляет, что они не будут подчиняться Ллойд-Джорджу. Пытливый ум Ллойд-Джорджа сразу постигает, что, если ему не удастся возродить либеральную партию, она погибла, и вместе с ней кончена его политическая карьера. Консерваторам он был нужен во время войны, когда его демагогия ослепляла рабочие массы и воодушевляла их на «войну до победного конца». Но теперь, когда его демагогия оказалась бессильной остановить рост рабочего движения и его имя служит для рабочих синонимом вероломного надувателя, он консерваторам больше не нужен.

В январе 1925 г. в Альберт Холле, самой большой зале в Лондоне, устраивается огромная либеральная демонстрация, которая должна влить бодрость в упавших духом либералов. На этой демонстрации Ллойд-Джордж напоминает слушателям, что в 1874 г. после того, как либералы пробыли 30 лет у власти, они потерпели страшнейшее поражение. Люди думали тогда, что консерваторы засели у власти лет на двадцать, однако, 1876 год увидел конец их власти. Ллойд-Джордж ни словом не обмолвился о рабочей партии. На этой же демонстрации с помпой возвещается об открытии подписки на фонд в 1.000.000 фунтов стерлингов для предстоящей избирательной кампании. Что же касается программы, то специальная комиссия, назначенная Асквитом, представила на январской конференции партии длинный доклад и предложила, как пункты программы, налог на земельные угодья, свободную торговлю, жилищное строительство, борьбу с алкоголизмом. Между прочим, некоторые делегаты на этой конференции требовали законодательства против взимания тред-юнионами сборов на политические цели.

Представленная программа показала, что разбитая либеральная партия не осознала обрушившегося на ее голову несчастья и продолжает жить в довоенных понятиях и довоенных формулах.

Консерваторы, с большим сочувствием следившие за этой кампанией «либерального возрождения», дают дружеские советы, а умная «Таймс» указывает на самое больное место и преподает либералам урок политграмоты.

«От длинного доклада комиссии,—говорит почтенная газета,—навряд ли можно ожидать много толку. Изложенные в нем

принципы и предложения, несомненно, правильны и являются общими для всех партий. Но в них нет ничего «либерального». Задачи либеральной партии—доказать, что имеется средняя линия, действительно дающая стране выбор чего-то третьего — третью возможность... Когда страна отхлынула от рабочей партии, она не задержалась на либерализме, и навряд ли задержится на либерализме, когда она отхлынет обратно от консерваторов. Перед либералами—нелегкая задача, но если средняя линия не может быть найдена, то либеральная партия исчезнет. На европейском континенте перед народами большей частью стоит выбор между реакцией и социализмом. Суждено ли английскому либерализму разделить участь европейского либерализма? Возрождение английского либерализма представляется еще более трудным, ибо ему приходится тягаться, с одной стороны, с консерватизмом, у которого реакционное крыло очень слабо, а, с другой,—с социализмом, у которого умеренный элемент довольно силен... Вследствие этого имеется единомыслие между правым крылом либерализма и многими консерваторами, с одной стороны, и его левым крылом и социалистами—с другой... Резкие уклоны либо вправо, либо влево делу не помогут. Если страна захочет повернуться влево или вправо, то она знает к кому обратиться. Либерализм—это либо средняя линия, либо он превращается в ничто».

Между прочим, в той же передовице от 29 января 1925 г. «Таймс», касаясь внутрипартийных раздоров и соперничества вождей, преподает либералам замечательный, мы бы сказали, классический совет: «Да будет нам позволено,—пишет газета,—хотя мы и не члены партии, но как люди, которые с радостью желают видеть возрождение либеральной партии, коснуться вопроса о соперничестве между вождями. В таких случаях, в истории зачастую вождями избирались посредственности, как например, при наличии таких крупных сил, как лорд Розбери, Асквит, Морлей и Ллойд-Джордж, чтобы нейтрализовать их соперничание, вождем был избран сэр Генри Кампбел Банерман. Соперничанье между лордом Кастлри и Каннингом привело к избранию вождем заурядной посредственности—лорда Ливерпуля... Разве нельзя сейчас найти какую-либо заурядную посредственность среди либералов, которая дала бы либералам время забыть свои соперничанья и зависть, накопившиеся в течение последних 10 лет?... Пусть помнят либералы, что американские партии в настоящее время почти всегда спасаются, поставив какую-либо посредственность над головами враждующих знаменитостей».

Со своей привычной энергией Ллойд-Джордж раз'езжает по стране, выступает на больших собраниях. Агитация Ллойд-Джорджа имеет свое воздействие. Замечается оживление. Уже в мае 1925 г. на конференции партии кассир об'являет, что в миллионный партийный фонд уже поступило свыше 300.000 фунтов стерлингов. Настроение конференции чрезвычайно бодрое. Однако, ясно, что на одном настроении далеко не уедешь, что при создавшемся положении либеральная партия должна сделать что-то героическое, она должна сказать какое-то магическое слово, которое вернуло бы ей ее прошлое положение. В прессе проскальзывают слухи, что у «чародея» это магическое слово есть, что скоро оно будет произнесено во всеуслышание.

Наконец, в сентябре Ллойд-Джордж выступает с программной речью под открытым небом в громадном парке Коллертон под Экзетером перед собранием в 25.000 человек. Громкоговорители передают его речь в самые отдаленные части парка. Какое же слово нашел «чародей», чтобы спасти от смерти либеральную партию? Оказывается, это слово—национализация земли с компенсацией по ее действительной ценности!

Суть этой программной речи сводилась к следующему. В Англии идет уже шестая зима экономического кризиса. Положение промышленности отчаянное, как это явствует из письма крупного судостроителя, сэра Джорджа Хунтера, на имя премьера. В Англии 1.342.000 безработных. Англия каждый год ввозит на 400.000.000 фунтов стерлингов продовольствия и леса, в то время как большую часть этих продуктов можно было бы, при почвенных и климатических условиях Англии, производить дома. Если взять количество человек, работающих в сельском хозяйстве в Германии, и сравнить с пропорционально занимаемой площадью в Англии, то последняя могла бы дать работу на земле 1.000.000 человек, по сравнению с Голландией—1.750.000, а с Бельгией 2.000.000 человек. Конечно, не сразу: нужно будет дать рабочим известную подготовку. Таким образом, Англия может легко избавиться от своей армии безработных и увеличить богатство страны. Расходы, которые государство должно будет произвести на такую схему и на разведение лесов, не дали бы и 1% на затраченный капитал, но все же это обошлось бы дешевле теперешней «подачки» безработным. Чтобы провести в жизнь эту схему, необходимо из'ять землю из рук частных собственников. Государство должно стать собственником земли годной к земледелию и сдавать ее в аренду фермерам, обеспечив им и их детям право непрерывного пользования ею до тех пор, пока они эту землю обрабатывают. Компенсация собственникам выплачивается не по искусственной оценке, которую земля получила благодаря земельной монополии, а по действительной ее стоимости, исходя из того справедливого процента, который он должен получить на свое хозяйство. Компенсация выплачивается не сразу, а распределяется на известное количество лет. Для батраков должен быть установлен прожиточный минимум.

Схема земельной реформы Ллойд-Джорджа была разработана особой комиссией, назначенной им для изучения этого вопроса. Нельзя сказать, чтобы эта схема была чем-то особенно новым или чем-то особенно «либеральным». К идее национализации земли пришли еще до обнародования своей схемы Ллойд Джорджем, два известных писателя, Ц. С. Орвин и В. Р. Пил, из коллегии Оксфордского института сельско-хозяйственных и экономических исследований, которые изложили свои мысли в книжке «The Tenure of Agricultural Land». Судя по сильной симпатии, которую авторы высказывают в своей книжке землевладельцам, можно безошибочно сказать, что они являются консерваторами. В своей книжке они указывают, что 100 лет тому назад больше 50% населения жило на земле, теперь же на земле живет лишь 20% населения. После наполеоновских войн много земли перешло в другие руки и в деревне появилась новая земельная аристократия, которых Кобетт прозвал «бумажными лордами», т. к. они разбогатели на военных займах. После теперешней мировой войны опять много земельной собственности переходит в руки новых владельцев. Однако, между той эпохой и теперешней существует большая разница. Тогда земля перешла к новым собственникам, осевшим на земле. Теперь же новые

собственники являются лишь спекулянтами, покупающими землю исключительно с целью перепродажи. Эти спекулянты принуждают фермеров, являющихся арендаторами, и не желающих быть собственниками, купить ее, угрожая в противном случае выгнать их из своих ферм. Между 1919 и 1924 г.г. более 3¼ миллионов акров земли перешли в собственность к арендаторам, так что количество собственников увеличилось вдвое. Хорошо ли,— спрашивают авторы книжки, что вместо 40.000 собственников будет 100.000? Нет,—говорят они,—это будет плохо. Землевладелец старого закала был не только простым получателем земельной ренты. Он заботился и об улучшении своей земли. В его обязанности входило проведение и содержание в порядке дренажных и ирригационных работ, и, вообще, он должен был найти средства для улучшения своей земли. Теперь же, с переходом земли в руки фермера, последний оказался без всяких средств на улучшение, ибо все свои сбережения он вложил в покупку земли. В аграрных странах имеются кооперативные общества сельско-хозяйственного кредита. В Англии же ничего этого нет. Прежнюю систему авторы считают своего рода «партнерством» между землевладельцем, доставлявшим капитал, и фермером. Теперь землевладельца нет, а фермер сам себе хозяин, но у него нет капитала. Авторы считают, что исчезновение землевладельцев является «непоправимой потерей для общества». Какой же выход? И вот они предлагают, чтобы государство заняло место землевладельца. Государство национализирует землю, создает местные аппараты, которые сдают землю в аренду, следят за выполнением арендных договоров, производят необходимые работы по улучшению земельных участков и т. д.

В устах Ллойд-Джорджа национализация земли становится панацеей от всех зол современного общества. Исчезнет безработица, не будет больше скученности в городах, начнется новая эра жилстроительства и т. д. Каким образом его национализация может сделать земледелие рентабельным в Англии, и дать ему возможность устоять против конкуренции хлебопроизводящих стран, остается секретом Ллойд-Джорджа. Напрасно консерваторы (см. письмо Георга Кортхона в «Таймсе» от 5/II—26)—задают ему этот вопрос, который он считает самым кардинальным во всей этой проблеме. Ллойд-Джордж в своем ответном письме в «Таймсе» от 9/II—26 разбирает все другие вопросы, выдвинутые Кортхоном, но упорно обходит молчанием именно этот кардинальный вопрос. Национализация земли должна дать Ллойд-Джорджу голоса, это самое важное: и в городе, и в деревне, и голос рабочего, и голос фермера, и голос батрака, и голос безработного. «Тысячи людей,—восклицает он на собрании в Лидсе,—умерли в одном только Лидсе в этом году, которые жили бы в настоящий момент и разделили бы с нами радости рождественских праздников, если бы не было земельной эксплоатации. Вы не найдете изложения причины их смерти в свидетельствах врача, но, несомненно, факт, что они отравлены земельной монополией».

Агитация развертывается по всей стране. Ллойд Джордж доволен результатами. «Некоторые близорукие критики ожидали взрыва, т.-е. быстрых результатов земельной кампании», говорит он на одном собрании. «Но мы народ тихий. Мы только прилаживали провод. Взрывчатого материала достаточно: наш провод с часовым механизмом. Когда наступят выборы, будьте покойны, взрыв получится очень эффектный».

Все идет как будто хорошо, но вот вдруг гром и молния: на банкете, устроенном в начале декабря 1925 г., Ллойд-Джордж, обращаясь к Асквиту, говорит: «Либеральная парламентская фракция не может считаться счастливым семейством; она даже и не семейство. Мы сходимся на конференциях, принимаем единогласно программу, а потом расходимся, и каждый идет своей собственной дорогой. Это должно быть прекращено. И если это будет продолжаться, то я уйду». Асквит со своей стороны тоже заявляет: «Я не буду вождем партии, которая после горького опыта раскола не может забыть свои старые разногласия и не может об'единиться в интересах поддержания и укрепления партии».

Что же случилось? А случилось то, что либеральные промышленники никак не могли переварить ллойд-джорджевскую национализацию земли. Национализация для них—покушение на индивидуализм, чуть ли не социализм! Они потребовали радикального изменения этого проекта. Однако, чтобы заставить партию принять этот проект, Ллойд-Джордж угрожает отказом передать партии имеющийся у него фонд, собранный им, когда он еще был коалиционистом. Это еще более усиливает бурю. После угроз Ллойд-Джорджа и Асквита выйти из партии, шторм немного улегается. Начинается торг между промышленной группой и Ллойд-Джорджем. Ллойд-Джорджу приходится выбросить много из своего проекта за борт. Вопрос кажется совершенно улаженным, и Ллойд-Джордж снова берется за свою работу спасения либеральной партии. Но у него нет больше прежней уверенности. Тон уже совсем другой. «Предложенный план,—заявляет он на собрании в Ковентри 6 декабря 1925 г.,—не является скрижалями закона, он будет предложен собранию кандидатов партии в парламент для их утверждения. Но,—добавляет он,—утвержденный проект должен будет обеспечить имеющуюся в виду цель, иначе он будет совершенно бесполезен». Эта туманная фраза значит, что Ллойд-Джордж готов на компромисс, если только в проекте будут в том или ином виде включены пункты, которые могли бы служить приманкой для ловли голосов в городе и деревне. Но и эта готовность Ллойд-Джорджа на всякие компромиссы не может примирить промышленную группу. Она настроена яростно против национализации. Идет обмен любезностями. Сэр Альфред Монд, миллионер-промышленник, один из виднейших членов либеральной партии, в начале января этого года заявляет, что при всем своем уважении к Ллойд-Джорджу, он, а также его единомышленники, не могут согласиться с проектом, разработанным «самозванной» земельной комиссией (имеется в виду комиссия, назначенная Ллойд-Джорджем). С этим не могла согласиться и парламентская фракция, назначившая комиссию для рассмотрения этого вопроса под его председательством. Эта комиссия, в свою очередь, не могла притти к единогласному решению и вопрос пойдет на решение партийной конференции. После этого грызня внутри партии не прекращается. Наконец, не дожидаясь партийной конференции, сэр Альфред Монд в конце января оставляет либеральную партию и переходит к консерваторам. С ним переходит и его сын. За Мондом, несомненно, последуют и другие. Либеральная партия—разлагающийся труп. Никакая гальванизация даже «чародея» Ллойд-Джорджа не может его воскресить.

И. Зорге.

Кризис германского хозяйства и план Дауэса.

I. Настоящее положение германской промышленности.

Экономический кризис в Германии явно близится к состоянию, соответствующему тому, какое наблюдалось в середине 1924 г., накануне вступления в силу плана Дауэса; с тою, однако, разницей, что тогда можно было говорить о начале стабилизационного кризиса, между тем как настоящий кризис мы имеем полное право назвать кризисом стабилизации.

Положение угольной, железной и стальной промышленности характеризуется следующими данными:

МЕСЯЦЫ.	Годы.	Железо.	Сталь (в тыс. тон.).	Уголь (в Рурской обл.).
Январь	1913 [1]) / 1914	914 / 600	1.015 / 762	9.786 / 6.471
Сентябрь	1924	600	762	9.159
Декабрь	»	803	—	8.968
Январь	1925	910	1.181	9.560
Март	»	991	—	9.047
Май	»	961	—	8.403
Июль	»	886	—	8.511
Сентябрь	»	735	879	8.732
Ноябрь	»	760	—	8.588

Эти данные показывают, что производство железа сократилось против мирного времени на 15%, производство стали—на 10% и угля—на 12% (приблизительно). Приведенная таблица показывает также, что в январе 1925 г. был достигнут уровень производства, почти сравнявшийся с довоенной нормой, а для стали даже превысивший ее. И если ноябрьские цифры не пали еще до низшей точки, какой был отмечен январь 1924 г., то мы

[1]) Средняя величина за месяц, вычисленная для нынешней площади германской территории.

во всяком случае видим, что с мая 1925 г. уже начинается движение по нисходящей линии.

Машиностроительная промышленность. С весны 1925 г. количество заказов в германской машиностроительной промышленности неудержимо падает. Оно оценивается сейчас об'единением германской машиностроительной промышленности в 15—20%, тогда как в мирное время иностранные заказы составляли по меньшей мере 30% всей германской машиностроительной продукции. В октябре и ноябре это сокращение оставалось, по данным названного об'единения, в полной силе. Единственное исключение составляет пока, пожалуй, производство ткацких машин. В виду сокращения работ на сталелитейных заводах, этой основной отрасли машиностроительной индустрии, об'единение германских машиностроительных предприятий считается с возможностью дальнейшего ухудшения в течение ближайших месяцев.

Текстильная промышленность. Положение текстильной промышленности, которая после довольно острого кризиса испытала осенью короткий сезонный под'ем, в течение зимы явно ухудшается снова. Ухудшение распространилось даже на шелковое производство, бывшее до сих пор единственным, в котором случаи банкротств были редки: во всей остальной текстильной промышленности цифры банкротств необычайно велики так же, как и цифры сокращенных рабочих часов. Германский союз текстильщиков зарегистрировал среди своих членов 20,8%, работающих по сокращенной норме; центральный союз христианских текстильщиков—16%. Это очень высокие цифры, превзойденные только союзом рабочих портняжного производства, т.-е. отраслью, которая находится в теснейшей связи с текстильной промышленностью; в этом союзе число членов, работающих неполное время, составляет 37,5%, при наличии безработных в количестве 16%.

Судостроительная промышленность. Положение этой отрасли тоже чрезвычайно плохое. Массовые заграничные заказы, сделанные летом, либо оказались невыполнимыми, либо принесли убытки. В результате осенью в целом ряде судостроительных верфей было назначено конкурсное управление.

Банкротства. Общее положение не только германской промышленности, но всего германского хозяйства вообще, яснее всего отражается в данных о конкурсах и администрациях по делам.

МЕСЯЦЫ.	Годы.	Конкурсы.	Администрации по делам.
Средняя за месяц	1913	811	0
Январь	1924	31	10
Сентябрь	»	817	255
Декабрь	»	572	204
Январь	1925	766	232
Март	»	744	288
Апрель	»	755	311
Июль	»	797	359
Сентябрь	»	887	430
Ноябрь	»	1.320	838
Декабрь	»	1.589	1.317

Так как администрация по делам только более мягкая форма конкурсного управления, по существу же это одно и то же, то за декабрь мы имеем увеличение числа несостоятельных должников приблизительно в 360% против средней месячной нормы в 1913 г.

Торговый баланс. Если по данным производственной статистики германское хозяйство находится на пути к худшим временам 1924 г., то в отношении банкротств конец 1925 года уже обогнал 1924 год. То же самое приходится сказать и относительно торгового баланса. В 1924 г. пассивность чистого товарооборота составляла—за первые 11 месяцев—2,3 миллиарда марок, а пассивность всего торгового баланса (товарооборот плюс ввоз золота и серебра)—4,3 млрд. За первые же 11 месяцев 1925 г. пассивность чистого товарооборота достигла 3,7 млрд., а вместе с ввозом золота и серебра—4,3 млрд.

Мы имеем, таким образом, резкое увеличение пассивности торгового баланса. При этом важно еще обратить внимание на следующее обстоятельство: в 1925 г. ввоз готовых продуктов повысился на 22% сравнительно с тем же периодом в 1924 г., вывоз же готовых продуктов повысился за то же время на 30%. Стало быть, вывоз готовых продуктов, этой важнейшей статьи германского экспорта, улучшился только на 8% против 1924 г. И это несмотря на то, что в 1925 г. германский капитал получил крупные кредиты, приступил к рационализации производства и даже мог, с января 1925 г., вести самостоятельную политику по отношению к своим прежним военным противникам (до января 1925 г. последние пользовались в Германии, в силу версальского договора, односторонней привилегией наибольшего благоприятствования).

Правда, в сентябре 1925 г. наблюдается сильное сокращение избытка импорта. В сентябре пассивность чистого товарооборота составляла 294 милл., в октябре—228, в ноябре—только 65 милл. На декабрь можно даже довольно уверенно предсказать некоторую активность торгового баланса. Но это резкое улучшение только свидетельствует о размерах кризиса. Характерно в этом отношении чрезвычайно резкое сокращение ввоза при одновременном сокращении, но менее сильном, вывоза. Нечто подобное наблюдалось до сих пор при всех острых кризисах; неожиданно только, что во время настоящего кризиса вывоз все-таки тоже сократился. Вообще же при таких сильных кризисах бывает, вследствие понижения цен и лихорадочной конкуренции, легкое повышение вывоза. Временное улучшение торгового баланса является, таким образом, как бы автоматическим клапаном, который закроется сам собою при некотором смягчении кризиса. Важно, конечно, то, что благодаря функционированию этого автоматического аппарата, крушение плана Дауэса не есть еще вопрос ближайших дней, каким оно непременно было бы, если бы нынешний кризис осложнился пассивностью торгового баланса в несколько миллионов марок в месяц.

II. Положение рабочего класса.

В соответствии с описанным положением германского капиталистического хозяйства складывается и положение рабочего класса Германии.

1) Безработица:

	Количество получающих основное пособие.
1923 г. (среднее в месяц)	400.000
1924 г. август	588.000
» октябрь	436.000
1925 г. январь	535.000
» март	540.000
» май	320.000
» июль	195.000
» сентябрь	231.000
» ноябрь	364.000
» 1 декабря	669.000
» 15 декабря	1.057.031

Приведенные цифры показывают, что 15 декабря мы далеко оставили за собою не только самые тяжелые дни января 1925 г., но и времена наибольшего обострения стабилизационного кризиса в августе 1924 г.

Рабочие, организованные в профсоюзы, дают следующий процент безработных и работающих неполное время:

1925 г.	Безработные.	Работающ. неполное время.
	В процентах.	
Январь	8,1	5,5
Март	5,8	5,1
Май	3,6	5,0
Июль	3,7	5,8
Сентябрь	4,5	5,8
Ноябрь	11,0	22,3

Особенно важны данные о сокращенном рабочем времени, ибо сокращенное рабочее время означает большей частью максимально 24 рабочих часа в неделю, вместо обычных 48 часов.

В капиталистических кругах Германии определенно считают, что безработица в лучшем случае не будет больше возрастать, но уж никак не сократится в течение зимних месяцев. А «Дейче Бергверкецейтунг», заявила даже, что германское хозяйство должно считаться с тем, что безработица, приблизительно в размерах английской, сделается в Германии постоянным явлением. Интересно, что и «Форвертс», центральный орган СПГ, стоит на той же точке зрения, но об'ясняет наступившую безработицу усиленными мерами по рационализации производства и приходит к заключению, что если уж рабочим приходится помириться с постоянным отсутствием работы, то они должны по крайней мере

получать более удовлетворительное пособие, чем какое получают сейчас. Этот пессимизм или этот цинизм достаточно красноречив.

2) Заработная плата. О движении заработной платы германских рабочих со времени большого стабилизационного кризиса 1924 года дает понятие следующая табличка:

МЕСЯЦЫ.	Обученные рабочие.	Не обученные рабоч.
	(пфен. за час).	
Октябрь 1924 г.	71	51
Январь 1925 г.	79,2	55,7
Март »	81,9	57,6
Октябрь »	92	65

Если принять во внимание наступившее со времени войны вздорожание и большую, чем прежде, обремененность немецкого рабочего налогами, податями и т. д., то получится уровень заработной платы, достигающий в лучшем случае только 70% довоенной нормы.

Все же нельзя не признать, что с октября 1924 г. произошло некоторое улучшение. Только нужно помнить, что уровень заработной платы после стабилизационного кризиса 1924 года был уровнем инфляционного периода. Дело в том, что во время стабилизационного кризиса 1924 г., и особенно после поражения в октябре 1923 г., рабочему классу не удалось согласовать заработную плату с золотым курсом; в то время, как товарные цены постепенно приспосабливались к новому курсу, заработная плата оставалась на уровне инфляционной бумажной марки. Соответствие между заработной платой и золотым курсом установилось только в течение 1925 г., чтобы теперь снова исчезнуть вследствие быстро возрастающей безработицы. Повышение абсолютной величины заработной платы отчасти сводится на-нет еще тем, что обремененность германского рабочего класса усиленными налогами возросла за то же время, по указаниям правых социал-демократических кругов, по крайней мере на 20%.

3) Рабочий день. Осенью 1924 г. об'единение германских профсоюзов доказало, на основании статистических данных, что фактически пользуются 8-часовым рабочим днем только 55% немецких рабочих. Эта цифра во всяком случае сильно преувеличена, потому что ОГПС ставило себе целью внести успокоение в массы, раздраженные фактической отменой 8-часового рабочего дня. С тех пор в вопросе о рабочем дне ничего не изменилось к лучшему. Даже «Форвертс» в общем и целом скрыто признает это в одной заметке от 30 декабря 1925 г.

Хотя реальная величина заработной платы немецких рабочих несколько повысилась сравнительно с 1924 г., все же необычайный рост безработицы свидетельствует о значительном ухудшении общего положения германских рабочих.

При самом осторожном расчете можно утверждать, что это ухудшение достигло по меньшей мере уровня весны 1924 г. Это станет особенно правдоподобно, если вспомнить, что статистикой регистрируется только часть безработных—именно те, которые получают пособия. Даже «Франкфуртер Цейтунг» признает, что действительная безработица превосходит по крайней мере на 50% официально зарегистрированную. На основании личного опыта мы можем сказать, что число безработных, получающих пособие, составляет самое большее 40% всего количества безработных. Это приводит к фактическому количеству безработных по крайней мере в 1.600.000 чел.

III. Причины кризиса и роль плана Дауэса.

В самой общей форме причиной нынешнего кризиса можно назвать плохой внутренний и внешний сбыт продуктов германской промышленности. Конкретно это общее выражение означает неблагоприятный технический состав германского капитала, недостаток капиталов и высокую обремененность всего германского хозяйства. Все эти моменты вместе создают такой уровень цен, который отчасти превосходит международный рыночный уровень и уже во всяком случае не может прорвать границ, воздвигаемых международной торговой политикой—международным протекционистским движением, охватившим в последнее время и Англию. Ясно, что этими условиями определяется и недостаточность внутреннего сбыта. Было бы утопией пытаться разрешить вопрос внутреннего рынка сбыта при капиталистическом хозяйстве путем повышения заработной платы. Такое разрешение вопроса возможно только там, где техническое оборудование промышленности поставлено на американскую ногу и где заграничный рынок сбыта приносит такие прибыли, в которых может принять участие и рабочий класс через посредство высокой заработной платы. Вот где тайна высокого уровня заработной платы в Америке, а тем самым отчасти и мощного внутри-американского рынка. Расширение внутреннего рынка сбыта путем повышения покупательной силы рабочего класса будет возможно лишь после устранения указанных трудностей. Правда, и в Германии сельское хозяйство играет некоторую роль в образовании внутреннего рынка, и хороший урожай текущего года вызвал, с этой точки зрения, большие надежды в германских промышленных кругах. Но и тут тяжело дает себя знать сильный недостаток капиталов в германском сельском хозяйстве. Особенно, следует отметить тот факт, что мелкие и средние крестьяне должны были немедленно сбыть собранный хлеб, что привело к снижению хлебных цен и не создало для промышленности никакого оживления на крестьянском рынке. Реализация урожая пошла почти целиком на покрытие долговых обязательств. Из сказанного легко понять, какова роль плана Дауэса в нынешнем кризисе.

Как ни велико было значение плана Дауэса для стабилизации германской валюты, все же его выполнение привело к новым осложнениям, способствовавшим обострению кризиса. Это выразилось: 1) в общей обремененности всего германского хозяйства в связи с проведением в жизнь плана Дауэса, 2) в побочных следствиях, вызванных предоставлением кредитов, и 3) косвенно—в реакции международного капитала на разрешение германским капиталистам урегулировать заново свои торговые отношения с другими капиталистическими государствами:

а) Платежное бремя. Как велики финансовые обязательства, взятые на себя Германией в связи с планом Дауэса, видно из следующих цифр: в 1924 г. германское правительство собрало налогов на 4,455 млрд. марок, тогда как в 1914 г. общая сумма имперского налога составляла 1,9 млрд. Величина налогового бремени возросла, таким образом, на 127%. На 1925 г. имперский налог, пожалуй, несколько уменьшился. Но зато повысились коммунальные налоги, так что общее налоговое обложение 1925 г. можно без ошибки приравнять к обложению 1924 г. Коммунальное обложение повысилось в 1925 г. на 50% против мирного времени. Общее налоговое обложение составляет в 1925 г. — 7,1 млрд., против 4,5 млрд. в 1913 г. Сюда присоединяется еще обремененность всего германского хозяйства теми суммами, которые должны быть внесены, согласно плану Дауэса, в 1925—26 г. из доходов железных дорог и промышленности в размере около 1 млрд. марок. А если прибавить к этому, что германский капитал в целом должен уплатить по меньшей мере 400 милл. в виде процентов по иностранным займам, то получится общая обремененность в 8,5 млрд. против приблизительно 4,8 млрд. мирного времени (в последнюю цифру включены проценты, которые германское капиталистическое хозяйство должно было уплачивать за границу). Следовательно, платежное бремя возросло примерно на 88% сравнительно с 1913 г.

Совершенно ясно, что это обстоятельство должно отразиться на уровне цен, а тем самым на конкурентной способности и на прибылях германского капитала. Тем более, что Германия несет сейчас гораздо более тяжелое финансовое бремя, чем тоже довольно тяжело обремененное капиталистическое хозяйство Англии. Та цель, которую преследовала планом Дауэса особенно Англия — недопущение слишком сильной конкуренции Германии на мировом рынке путем финансового нажима на германское хозяйство — эта цель, таким образом, достигнута.

б) Приобретенная германским капиталом возможность заново урегулировать с января 1925 г. свои торговые отношения с заграницей имела последствием то, что и английский капитал начал усиленнее прежнего повышать свои таможенные барьеры. Надежды на серьезное улучшение положения Германии, если не вполне, то в значительной мере, разбились об упорство, с каким Франция сохраняет свой высокий общий тариф. В конце концов германский капитал оказался вынужденным дополнить свою торговую политику таможенным протекционизмом. А таможенный протекционизм, затруднив доступ в страну заграничному капиталу, приведет вместе с тем к повышению цен и к ограничению возможностей германского экспорта, особенно экспорта готовых продуктов.

Таким образом, и этот второй результат плана Дауэса — новая торговая политика Германии — играет в лучшем случае двойную роль: наряду с некоторым улучшением, он приносит в то же время германскому капитализму новые трудности.

в) Иностранные кредиты. Общая сумма кредитов, полученная до сих пор Германией от иностранцев, оценивается в 3,5—4 млрд. Из них часть краткосрочных кредитов, правда, уже выплачена обратно. В общем кредиты предоставлены на очень тяжелых условиях. Средняя высота подлежащих уплате процентов даже буржуазными газетами оценивается, при учете низкого курса выпуска займов, приблизительно в 9—10%.

Хотя предоставление кредитов чрезвычайно облегчило стабилизацию германского хозяйства и даже впервые позволило пустить в ход производство в январе 1924 г., после тяжелых месяцев предшествующей весны, — все же не следует забывать, что главным образом действие этих кредитов проявилось в повышении ввоза в Германию. Увеличение избытка импорта в 1925 г. против 1924 г. связано с предоставлением кредитов непосредственной причинной связью. Интересны в этом отношении отзывы американских и английских капиталистов. Так, американский президент Кулидж заявил, что «интересы страны требуют, чтобы предоставление кредитов загранице, в особенности же Европе..., проводилось по возможности только тогда, когда этим расширяется сфера возможностей для американского экспорта». («Дейче Бергверксцейтунг» от 23 апреля 1925 г.). Когда в Англии обсуждался вопрос об отмене запрещения предоставлять кредиты другим государствам, «Экономист» писал 7 ноября 1925 года: «В оживлении нашего экспорта мы нуждаемся больше всего для восстановления нашей хозяйственной жизни. Предоставление займов иностранцам бесспорно должно подействовать благоприятно в этом отношении, и мы должны поэтому приветствовать его». А во время прений по этому вопросу в нижней палате английский министр финансов Черчиль заявил: «Я доверяю здравому смыслу Сити и не сомневаюсь, что оно подойдет к этому вопросу так, чтобы преимуществом при получении кредитов воспользовались наиболее крупные заказчики».

Стало быть, при всей огромной жизненной важности иностранных кредитов для Германии, они все же оказали действие, которое может прямо-таки погубить весь план Дауэса: повысив избыток импорта, они в значительной степени создали настоящий кризис.

Если, однако, в первое время иностранные кредиты играли чрезвычайно важную роль в деле стабилизации валюты и оживления производства, то по мере дальнейшего предоставления кредитов все больше выдвигаются на первый план их отрицательные стороны. И если мы сравним избыток импорта с величиной кредитов, полученных Германией со времени вступления в силу плана Дауэса, то придем к тому парадоксальному результату, что наиболее выгодные кредиты оказались недостаточными даже для оплаты избыточного товарного ввоза в Германию. С октября 1924 г. (с этого момента мы можем считать начало фактического проведения плана Дауэса) избыток товарного ввоза в Германию составлял в круглых цифрах по меньшей мере 5 млрд. Кредитов же было предоставлено за то же время, по расчетам «Франкфуртер Цейтунг», на 3,5 млрд., а по нашим расчетам — 4 млрд. Это значит, что для покрытия остающегося избытка ввоза в 1 млрд. пришлось частью прибегнуть к германским девизным резервам в самой Германии и за границей, частью же заключить долг, который можно обозначить как косвенное предоставление кредитов (т.-е. этот долг был формально обращен в кредиты). А если мы еще учтем те 800 милл. из дауэсовских займов, которые пришлось использовать не для оплаты ввоза, а для покрытия дауэсовских платежей за первый год и для обеспечения девиз-

ного фонда рейхсбанка, то окажется, что Германия должна была получить кредитов в какой-либо форме еще прибл. на 1 млрд. Общая задолженность Германии получается, таким образом, приблизительно в 6 млрд. марок. Из этой суммы только часть была употреблена производительно на рационализацию или восстановление производства. Тот факт, что в общем и целом все кредиты Германии пошли на оплату избытка импорта, имеет существенное значение. Эти кредиты явились, следовательно, как в случае частно-хозяйственного потребительского кредита, не кредитами на производительные цели, а были использованы для народно-хозяйственного потребления. Высоту одних процентов по этим долгам следует считать по меньшей мере в 450 милл.

IV. Дальнейшие тенденции.

Описанный характер кредитов очень важен еще и в другом отношении. Поскольку торговый баланс пассивен, эти кредиты означают, что в наступающем году срочные заграничные платежи из резерва германского капиталистического хозяйства повысятся на 50%. А это значит, что в конце-концов придется затронуть и резервы рейхсбанка и что при дальнейшем сохранении пассивности торгового баланса их и хотя бы только при отсутствии его активности, и дауэсовские платежи придется, в конце-концов, покрывать либо из имеющихся еще резервов, либо за счет новых иностранных кредитов. Ясно само собой, что нелепость плана Дауэса обнаруживается здесь вполне конкретно,—нелепость, которая рано или поздно должна привести к крушению самого плана.

Впрочем, настоящий кризис делает мало вероятным, чтобы иностранцы предоставляли в дальнейшем сколько-нибудь крупные кредиты. Это означает, что в недалеком будущем Германия должна будет для покрытия своих долговых обязательств обратиться к девизному фонду рейхсбанка. Стало быть, на сцену неизбежно должна появиться снова валютная проблема, ибо как только начнется отлив девизов из рейхсбанка, так тотчас же ухудшится соотношение между выпуском банкнот и золотым и денежным фондом. Мы стоим перед угрозой, что деньги начнут выпускаться без соответствующего обеспечения. Новые кредиты могли бы только отсрочить, но не уничтожить эту опасность, покуда нет твердого активного торгового баланса. Однако, внутренняя связь между предоставлением кредитов и импортом едва ли позволит осуществиться мечтам германского капитала об активном торговом балансе.

Что нынешний кризис несет с собой угрозу для валюты, подтверждается и с другой стороны. А именно выяснилось, что разоряются далеко не одни только технически-отсталые предприятия. Чисто денежные затруднения вызывают банкротства и в предприятиях высокого технического уровня. Германский рейхсбанк заметил эту опасность, и председатель банка, Шахт, считаясь с возможностью сокращения иностранных кредитов на время настоящего кризиса, решил увеличить отпуск кредитов технически-образцовым предприятиям из средств рейхсбанка. Это неизбежно приведет к увеличению банкнотного обращения, а в связи с угрозой отлива девизов из рейхсбанка такое увеличение еще ухудшит положение валюты. Тем более, что количество находящихся в обращении банкнот возросло с июня 1924 г. на 700 милл., между тем как уровень производства именно теперь приблизился к тому же июньскому уровню, а может быть, уже и сравнялся с ним. Решение рейхсбанка вызывает опасения еще и потому, что как раз за последние недели можно уже было наблюдать отлив девизов из рейхсбанка. Впрочем, это наблюдается не в первый раз. Во время задержки иностранных кредитов в связи с выборами Гинденбурга имела место подобная же утечка девизов за границу. Тогда она составила в круглых цифрах 270 милл.; о величине теперешней утечки мы, к сожалению, еще не имеем точных данных.

Третьим моментом, осложняющим положение, является намерение агента по репарационным платежам начать операции по переводу, т. е. приступить к обращению в иностранную валюту платежей Германии по репарационным счетам, внесенных ею, согласно принятому плану, в германских имперских марках. Это повлечет за собой усиленное предложение германской марки за границей и, стало быть, еще ухудшит положение германской валюты в такой момент, когда общее положение германского хозяйства и германской валюты и без того достаточно трудно.

Речь идет здесь, разумеется, только об основных тенденциях. Мы отнюдь не утверждаем, что крах германской валюты есть вопрос ближайших месяцев. Международный капитал еще располагает возможностями, которые позволят ему отдалить и эту катастрофу (соединение германских репарационных платежей с попытками стабилизации французского франка и т. д.). Едва ли можно ожидать смягчения настоящего кризиса и от борьбы германского капитала против высокого налогового обложения. Ибо, во-первых, небольшого ослабления налогового пресса теперь уже будет недостаточно для устранения или смягчения кризиса. А во-вторых, этот кризис автоматически влечет за собой такое сокращение налоговых поступлений, при котором предполагавшиеся излишки окажутся существующими только на бумаге, так что германское правительство не сможет допустить дальнейших послаблений.

Перспективы развития торговых сношений Германии с другими капиталистическими странами также не сулят особенных выгод германскому капиталу. В области торговли с Англией может даже произойти ухудшение, потому что результаты усиленных протекционистских мероприятий Англии скажутся только через несколько месяцев. Затяжной кризис франка еще только увеличит избыток французского ввоза в Германию. Действительно улучшить положение сможет только стабилизация франка, которая, конечно, сильно затормозит массовый экспорт Франции. Но если, несомненно, что франк в конце-концов будет стабилизован, то вопрос о том, когда это произойдет, остается открытым, а несколько месяцев составляют для Германии, при нынешнем кризисе, весьма значительный срок. Из всего вышесказанного ясно, что план Дауэса является не только одной из причин настоящего кризиса, но что он усиливает также те тенденции, которые ведут к его дальнейшему обострению.

Есть, однако, и обратные тенденции, действующие в направлении преодоления или по крайней мере смягчения кризиса.

Такие тенденции мы находим, во-первых, в мерах по рационализации германской промышленности; во-вторых, в попытках трестирования целых отраслей производства; и, в-третьих, в усиливающемся давлении на рабочий класс и в возрастающей агитации против плана Дауэса.

1) Стремление германского капитала к рационализации производства увенчалось наибольшим успехом в тяжелой и автомобильной промышленности, но успех этот все же ограничен вследствие недостатка капиталов. Особенно потому, что притекавший до сих пор в Германию капитал лишь в незначительной своей части мог быть использован в целях рационализации, в главной же своей массе шел на уплату долгов по импорту. В результате размеры рационализации так невелики, что она не оказала заметного влияния в смысле предотвращения кризиса даже в автомобильной промышленности. Кризис германской автомобильной промышленности резко выявлен и широко распространен: он охватил как отсталые, так и наилучшие предприятия, оборудованные по последнему слову техники.

2) Трестирование, являющееся тоже своего рода рационализацией, приобретает особенное значение потому, что, вследствие об'единения целых отраслей промышленности, чрезвычайно усиливается концентрация капиталов и суживается связь между банковским и промышленным капиталом, а также связь иностранного финансового капитала с об'единяемыми отраслями промышленности. Трестирование означает, далее, усиление позиции буржуазии против рабочего класса, что уже вполне явственно обнаружилось при некоторых стачках, например, при последней большой стачке в химической промышленности. Но если трестирование приводит к рационализации всего производственного и коммерческого аппарата об'единяемых отраслей, то оно заключает в себе в то же время тенденцию к созданию монопольных цен, что ослабляет или даже совсем уничтожает те моменты, которые могли бы задержать развитие кризиса.

3) Ограниченность сферы действия перечисленных мероприятий приводит к попытке усилить давление на рабочий класс, чтобы таким образом ликвидировать кризис посредством снижения цен. Эти попытки находят себе опору в том, что почти совсем прекратилось всякое движение в пользу поднятия зарплаты—факт, находящийся в теснейшей связи с ростом безработицы.

4) Параллельно с названными явлениями идет усиление пропаганды против плана Дауэса. Она ведется не только крайними националистическими элементами, но начинает прививаться и в таких промышленных кругах, которые до сих пор стояли в общем на почве германской народной партии, т.-е. Штреземана. Эта пропаганда встречает поддержку в течении, исходящим от некоторой части английского капитала и от некоторых кругов особенно заинтересованного в Германии американского капитала, так что вполне возможно, что с течением времени она будет иметь успех, тем более, что уже сейчас с американской стороны делается попытка урегулировать вопрос о почти всеобщей задолженности всех стран перед Америкой путем введения однообразия в порядок уплаты причитающихся процентов. Насколько это практически осуществимо, теперь еще нельзя сказать. Во всяком случае подобные попытки будут, вероятно, продолжаться.

Заключение.

При сравнительной оценке дальнейших тенденций нынешнего германского кризиса перевес оказывается на стороне таких моментов, которые заставляют считаться с возможностью длительной затяжки кризиса. В то же время следует, однако, подчеркнуть, что хотя настоящий кризис уже является кризисом стабилизации и, следовательно, кризисом самого плана Дауэса, все-таки в ближайшем будущем нельзя рассчитывать на крушение всего плана и германской валюты. Часто проводившаяся параллель между настоящим кризисом и октябрьским кризисом 1923 г. является поэтому несостоятельной. При оценке общего положения Германии приходится признать, что о каких-нибудь политических осложнениях сейчас не может быть и речи, и в течение ближайших месяцев едва ли можно ожидать появления подобных осложнений.

Тем не менее, было бы большой ошибкой недооценивать социальное значение нынешнего глубоко проникающего кризиса. Он создает об'ективные предпосылки для обострения, с одной стороны, противоречий внутри буржуазии, а с другой—противоречия между определенно реформистскими кругами рабочего движения и приходящими в волнение подлинно пролетарскими массами Германии. Так, например, уже сейчас наблюдается сильное брожение среди чиновничества,—разумеется, в его низших слоях. К этим двум противоречиям присоединяется еще третье, весьма важное для развертывания классовой борьбы и революционного классового сознания в Германии: растущее противоречие между германской буржуазией, которую нынешний кризис все сильнее толкает к западной ориентации, и рабочим классом, который под влиянием того же кризиса все определеннее ориентируется на Восток. Все эти моменты, ведущие к обострению классовой борьбы, еще усилятся после неизбежного в конце концов вступления социал-демократии в буржуазное правительство. Но отличие этого нового коалиционного правительства от прежних будет заключаться именно в том, что на этот раз одновременно действуют все три перечисленные момента, дополняя и усиливая друг друга. И поэтому социальные последствия настоящего кризиса развернутся более широко, чем это обыкновенно бывает при кризисах, не ведущих прямо к катастрофе. Организационное же использование этих последствий должно быть делом германской коммунистической партии.

Р. Вайсберг.

„Госкапитализм“, специалисты и наша критика.

«Основной хозяйственной формой явился государственный капитализм, известный больше под сокращенным названием нэп». Читатель, вероятно, подумает, что эти слова принадлежат товарищу Сафарову или Гладневу и что напечатаны они в «Ленинградской Правде» в тот период, когда эта газета была фракционной? Отнюдь нет. Приведенные нами слова принадлежат не коммунисту, но беспартийному. Автор их—старый почтенный профессор И. Г. Александров, который в свое время был видным представителем сменовеховского течения.

Запоздалый отклик сменовеховства нашел свое выражение в отдельной книжке «Основы хозяйственного районирования СССР»[1]). На стр. 18 этой книжки и написаны те слова, которые приведены нами вначале.

В этой книжке ставится знак равенства между новой экономической политикой и государственным капитализмом.

Критикуя свыше года тому назад слова Александрова, пишущий эти строки заметил: «Итак, государственный капитализм олицетворяется нэпом. Об'яснение гениальное и всеоб'емлющее, только оно немного с политграмотой расходится... Над этим самым нэпом господствуют такие силы, которые не дают возможности «восстанавливать хозяйство в той форме, как это было бы желательно» (слова Александрова. *Р. В.*). Виной тому просто то, что из гражданской войны «Россия» вышла «в значительной степени с новыми людьми во главе» (слова Александрова. *Р. В.*). Классы тут, конечно, не при чем»...[2]).

Вообще «Основы» Александрова изобилуют рядом сомнительных и неверных положений. Естественно, что эта книжка, несмотря на ряд и достоинств была встречена не совсем дружелюбно. В ответ на ту критику, которую книжка Александрова нашла в «Большевике» и в «Плановом Хозяйстве»[3]) автор выступил недавно с письмом в редакцию[4]). В этом письме Александров, между прочим, настаивает на правильности своего понимания нашей экономической системы, как госкапиталистической. Считая неправильной мою критику его точки зрения,

[1]) См. Экономическая библиотека под редакцией проф. С. А. Фалькнера. Проф. И. Г. Александров, «Основы хозяйственного районирования СССР». Из-во «Экономическая Жизнь». Москва,—Ленинград, 1924 г.

[2]) См. «Плановое хозяйство», № 1 за 1925 год, стр. 263 — 4.

[3]) «Большевик» № 5 — 6 за 1925 год и «Плановое хозяйство» № 1 и 3 за 1925 год.

[4]) См. «Плановое хозяйство» № 11 за 1925 год.

он пишет следующее: «Другой критик Ефимов[1]) обращается со мною несколько мягче... добавляя к моим грехам еще один—политическую безграмотность, так как я-де отождествляю новую экономическую политику с государственным капитализмом. Тут я думаю, что критик сам забыл политграмоту, пусть прочтет статью В. И. Ленина «О продналоге», а потом уже пишет рецензии»[2]).

Мы не будем здесь заниматься опровержением по существу точки зрения проф. Александрова на нэп и доказывать полную неосновательность его ссылок на брошюру «О продналоге». Случилось так, что партия совсем недавно разбирала эту точку зрения, защищавшуюся уже не проф. Александровым, а внутрипартийной оппозицией. Разоблачению ошибки в понимании нэпа, как госкапитализма, было посвящено очень много речей и статей, есть и решения партийного с'езда по этому вопросу.

Проф. Александров не член нашей партии, он не обязан считаться с решениями ее с'езда, но, с нашей точки зрения, повторять здесь против проф. Александрова еще и еще раз всем известные доводы не имеет смысла.

Что мы хотим отметить здесь, так это тот факт, что для подкрепления своих неправильных взглядов на госкапитализм и на другие вопросы советской действительности Александров ссылается на свои заслуги перед Советской властью. Так он упоминает, о том, что под его руководством был составлен доклад по районированию для III сессии ВЦИК, что в свое время даже тов. Ленин одобрил его тезисы и т. д. Всего этого мы не отрицаем. Более того, мы можем добавить, что заслуги проф. Александрова этим не исчерпываются. Он имеет несомненные и большие заслуги, особенно по вопросам районирования, и их, конечно, никто умалять не собирается. Но проф. Александров выражает горькую обиду за свою «личность». «Мои критики,—возмущается он,—раздваивают мою личность: сменовеховство—это я, а районирование, его теоретическая разработка,—это уже как будто и не я»[3]).

Да, уважаемый профессор Александров, «раздвоение» есть, но оно не является виной критики, которую вы, в припадке красноречия величаете, как «хлесткую и злобную ругань»[4]). Оно не является и вашей личной виной, а вашей бедой. Это беда человека, который перешел к пролетариату, строит вместе с ним и пытается мыслить вместе с рабочим классом, но время от времени еще впадает во власть отдельных буржуазных предрассудков. Это беда не индивидуальная, но социальная: беда целого общественного слоя, т. н. технической интеллегенции, которая строит социализм вместе с рабочим классом и его партией, но еще недостаточно опролетаризировалась идеологически и в отдельные моменты политически спотыкается.

Мы охотно соглашаемся с проф. Александровым, когда он говорит: «Не трудно видеть, что та постановка районирования, которую я проводил всегда и защищаю теперь, есть система, не-

[1]) Заметки по поводу книги Александрова в № 1 и 3 «Планового хозяйства» за 1925 год помещены мною за подписью «Р. Ефимов» (*Р. В*).

[2]) См. «Плановое хозяйство» № 11, стр 299.

[3]) И. Г. Александров, „Письмо“. «Плановое хозяйство» № 11, стр. 300.

[4]) Там же, стр. 301.

свойственная никакому хозяйству, кроме социалистического или переходного к нему»[1]).

Октябрьская революция освободила производительные силы страны от капиталистических препон и открыла невиданные нигде еще общественные горизонты, при наличии которых и возможно свободное развитие производительных сил. Поэтому техническая интеллигенция (ее идейные элементы), преданная своему делу, не может не итти нога в ногу с пролетариатом, строящим новый мир. Она, помимо ряда других причин, именно потому сравнительно быстро примкнула к нам, что для развития техники больше всего возможностей открывает коммунистический строй, а как переход к нему созданные у нас в СССР общественные отношения. С другой стороны, и пролетариат заинтересован в дружной совместной работе с технической интеллигенцией. Наша партия неоднократно декларировала свое внимательное и бережное отношение к специалистам.

Выступая категорически и решительно против малейших попыток «спецеедства», партия не может, однако, вместе с тем замалчивать те идеологические вывихи, которые замечаются со стороны отдельных специалистов. Такое замалчивание было бы худшим видом оппортунизма, противоречащим духу и истории нашей партии.

Александров, не согласный с направленной против него критикой, заявляет, что «*читающую и ищущую света массу* от подобной критики надо тщательно оберечь»[2]).

Апелляция к интересам читательской массы—дело разумное и правильное. Но эти самые читательские интересы и требуют, чтобы критика разоблачала те неправильные взгляды, которые имеются в таких книжках, как книжка проф. Александрова.

Партийная критика выступала бы в роли предателя читательских интересов, если бы она не брала за ушко и не вытаскивала бы на солнышко рискованные и явно неправильные политические мысли, заключенные в издающихся нами книгах. Такие мысли в книжке проф. Александрова, правда, не сгруппированы в одной главе. Но это сути дела не меняет. Отсутствие у автора даже попытки дать специальную главку, увязывающую проблему районирования с основными вопросами советской политики, не делает чести даже его методологии. Если у Александрова и была предвзятая мысль о том, чтобы не «соваться в политику», то, она, во-первых, неправомерна с точки зрения избранной им темы, а, во-вторых, она ему не удалась. Поэтому и получилось, в конечном счете, что во многих местах Александровской книги некоторые перлы политической мудрости бросаются на лету, походя. А перлы эти, вкрапленные только «между прочим» в одних местах двусмысленны, а в других отдают антисоветским душком. А когда критика делает свое правильное дело, вскрывая такие (быть может невольные) ошибки авторов, то ей отвечают: а личность? а хорошее отношение к специалистам? а борьба со «спецеедством»?

В том-то и дело, что о хорошей личности проф. Александрова ничего неизвестно той широкой рабочей и интеллигентной *читающей массе*, о которой говорит Александров. А несовсем хорошая *книжка*, написанная хорошим человеком, *идет в руки читателя*. Спрашивается, о чем должна критика говорить читателю—о «личности», которую ни критик, ни читатель не знают, или о книжке, которую читатель получает и читает? Достаточно поставить вопрос под углом зрения общественных интересов, чтобы понять всю вздорность замалчивания ошибок книги во имя интересов «личности».

[1]) Там же, стр. 300.
[2]) Там же, стр. 301.

Есть ли в этом «спецеедство»? Ни на иоту. Это только *ограждение пролетарской идеологии от классово-чуждых и фальшивых ноток, которые, быть может, помимо своей собственной воли, вносят люди, еще недостаточно освободившиеся от буржуазного образа мышления.*

Борьба со «спецеедством» не может означать санкционирования борьбы с коммунистической идеологией. Сотрудничество со специалистами не может достигаться ценой идеологических уступок.

Помимо своих заслуг, Александров ищет своего оправдания в слабостях собственного литературного стиля.

«Причиной (т.-е. причиной некоторого «конфуза» с его книжкой. *Р. В.*)—говорит он—была может быть и форма изложения, так как, несмотря на свой небольшой об'ем, книжка совершенно не носит популярного характера и предназначена для совершенно грамотного в экономике читателя»[1]).

Мы не станем углубляться здесь в вопрос о том, в чем действительная причина такого печального явления: в шалостях литературного стиля или в том, что автор находится в некоторой степени под властью неизжитой сменовеховской идеологии? Мы не беремся отвечать на этот вопрос, ибо вовсе не хотим, чтобы уважаемый профессор приписывал нам в какой бы то ни было мере попытку «чтения в сердцах».

Но не лишнее, в связи с этим, показать читателю, что в тех случаях, когда Александров считает необходимым говорить ясным политическим языком, литературный стиль ему не изменяет. Мы приводим здесь один отрывок из «письма» Александрова—и позволим себе привести этот отрывок полностью,—*ибо он представляет собою в высшей степени интересную «политическую декларацию» о сменовеховстве.*

«Я хотел бы сказать дальше о сменовеховстве и о пользовании этим именем для разных определений,—пишет проф. Александров.—Ведь сменовеховство появилось у нас на сравнительно короткий период, как такое течение в публицистике, которое стремилось показать среднему интеллигенту, что в коммунизме для него ничего страшного не заключается. Работай добросовестно, а там история сама приведет большевиков к опасной пристани, произойдет их «обмирщение» по выражению проф. Устрялова, об'явятся все свободы и пр. Коммунистам сменовеховцы выставляли другое утешение: пусть все работают под знаменем советов, это ничего, что некоторые будут думать, что вы обмирщитесь, ведь это вас ни к чему не обязывает и т. д.

«Такое наивное заигрывание не продолжалось и года, да и не могло продержаться, так как не было надобности в том,

[1]) Там же, стр. 298.

мелком влиянии, которое сменовеховство устраивало из политики, в серьезнейший исторический период».

«При нарастающем мировом катаклизме между трудом и капиталом мелочь сменовеховства не могла иметь успеха.

«Современная жизнь все меньше места оставляет среднему мнению, никакие временные успехи капитализма, которые сейчас можно наблюдать в Европе, не могут закрыть пропасти, которая нарастает в самых глубинах жизни. Нет середины,—или с революцией, или против нее. Колеблющиеся должны выбрать свой лагерь и больше нет пути не только у нас, но за пределами Союза. Самая ожесточенная борьба ведется сейчас за то, чтобы отвоевать побольше людей в среде малосознательных и средних слоев, но для этих слоев все же нет выбора в сторону сменовеховства—мирно дожидаться пока коммунизм обмякнет. Этого в настоящей исторической обстановке не может быть по совершенно об'ективным условиям, и это все хорошо знают.

«Можно, конечно, притворившись сторонником власти Советов, стараться извратить политику коммунистической партии, вводить ее в заблуждение, портить дело ловкими маневрами. Это, конечно, возможно, да и имеет место в жизни, но это уже не сменовеховство, а самая злостная борьба.

«Не только смешное сменовеховство, а и более умный меньшевизм не мог выдержать средней линии и либо лишился значительной части своих сторонников, либо ориентировался ярко против революции, а в рядах меньшевизма мы знали таких политиков, старых революционеров, людей добросовестных, как Мартов, Плеханов и др., но это не спасло от крушения, так как во время боя нельзя быть соглашателем нейтральным и вместе с тем играть роль в политике. Два мира стоят один против другого и нет середины»[1]).

Мы привели эту длинную выписку потому, что мы вовсе не намерены замалчивать и затушевывать то положительное, что имеется в «письме» проф. Александрова.

В высшей степени показательно то обстоятельство, что такие ясные, отчеканенные, политические мысли исходят от профессора Александрова, одного из виднейших представителей сменовеховства, этого «вышедшего из политического употребления течения».

Характеристику этой декларации мы находим в ответе редакции «Планового Хозяйства» на письмо Александрова.

Редакция пишет: «Не жалея красок, Александров бичует сменовеховскую политику, как «наивное заигрывание» и «мелкое влияние». Открещиваясь с некоторым запо данием (впрочем, лучше позже, чем никогда) от «золотой» сменовеховской середины, Александров заявляет о том, что он видит для себя место на революционной стороне баррикады. Более того, он старается показать, что именно проблемы советского хозяйства, именно стремление понять нашу экономическую действительность заставляют его занять такую позицию. Правда, все это весьма мало похоже на то, что принято называть анализом общественно-политических отношений, анализом и характеристикой политических партий и течений. Однако, от человека, который проявил себя всего лишь год тому назад такой книгой, как «Основы хозяйственного районирования», мы не станем требовать, чтобы он давал марксистский анализ общественных отношений. Мы, наоборот, с удовлетворением принимаем те политические заявления (а в искренности их мы не сомневаемся), которые делает в «письме» своем профессор Александров. Они с категорической ясностью свидетельствуют, что автор их поднялся выше одной политической ступенью»[1]).

[1]) Там же, стр. 299 — 300 (курсив наш. *Р. В*).

Следует учесть, что такое ценное признание со стороны бывшего сменовеховца явилось в результате той беспощадной критики, которую встретили его ошибочные положения.

Не свидетельствует ли это о том, что правильная идейная марксистско-ленинская критика не отталкивает от нас ценных специалистов, не является «спецеедством», как ошибочно думают даже некоторые партийные товарищи, но, наоборот, способствуют установлению общего языка между нами и той технической интеллигенцией, которая вчера еще всецело была во власти буржуазного миропонимания?

Общее миропонимание можно пытаться устанавливать двояким путем. Первый путь—покровительственное замалчивание тех буржуазных отрыжек, которые то и дело выпирают из разных углов нашей «спецовской» литературы. Это дает ложное представление и авторам и читателям о наших действительных взглядах. Второй: последовательное, коммунистически-выдержанное разоблачение невольных и вольных заблуждений тех беспартийных людей, которые работают с нами, упорное и длительное об'яснение того, что в каждом отдельном случае является правильным и неправильным с нашей точки зрения. Этот путь полезен и для авторов и для читателя.

Какой путь и честнее, и вернее? На этот счет вряд ли могут быть сомнения.

[1]) Там же, стр. 301.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Н. Попов.

По поводу рецензии на мою книгу.

В № 3 «Большевика» помещена рецензия Эм. Газа на мою книгу «Очерк истории РКП». Так как эта рецензия построена отчасти на непонимании, отчасти на прямом извращении моих мыслей и поэтому может вызвать у читателя «Большевика» самое неправильное мнение о книге, я вынужден высказаться по существу рецензии.

Автор рецензии с места в карьер приписывает (или лучше сказать пришивает) мне взгляд на интеллигенцию как на «особую самодовлеющую силу (курсив мой. *Н. П.*), в борьбе за свои собственные интересы опирающуюся и использовывающую (использующую? *Н. П.*) то тот, то другой класс» («Большевик», № 3, стр. 97).

Что у отдельных групп интеллигенции могут быть «собственные групповые интересы», это разумеется, факт, но чтобы интеллигенция как целое представляла собой «особую самодовлеющую силу»—это мнение во всяком случае не мое, а скорее самого автора рецензии.

Ибо в конце 97-й страницы «Большевика», несколькими строками ниже только что цитированного места Эм. Газ заявляет:

> «Последнюю (интеллигенцию. *Н. П.*) нельзя рассматривать как нечто единое, а следует помнить, что в капиталистическом обществе, продуктом которого интеллигенция является, она политически выступает не столько как интеллигенция вообще (курсив мой. *П. Н.*), сколько как буржуазная, пролетарская и мелко-буржуазная интеллигенция».

В отличие от Эм. Газа я считаю, что в капиталистическом обществе интеллигенция не по большей части, не «постольку-поскольку», а всегда выступает как представительница или как часть определенного класса (классовой прослойки): крупной буржуазии, мелкой буржуазии, пролетариата.

Бесчисленное количество раз на страницах своей книги я называю интеллигенцию, как массовую участницу революционного движения 70-х, 80-х, 90-х годов в России, мелко-буржуазной. Одно из таких мест приводит сам Эм. Газ в своей рецензии.

> «Если с классовой точки зрения подойти к движению революционеров-народников 70-х годов, то мы увидим в этом движении определенные интересы мелко-буржуазной разночинной интеллигенции и только (курсив книги, стр. 26).

Таким образом, речь идет о мелко-буржуазной интеллигенции, а не об интеллигенции вообще. Правда, в этой цитате Эм. Газ пытается найти у меня другую погрешность, отрыв народничества 70-х годов от мелкого производителя, от крестьянства. Чтобы убедить меня в связи народничества 70-х годов с крестьянством, Эм. Газ приводит даже цитаты из Ленина. Но здесь он совершенно напрасно, хотя и вооруженный с ног до головы цитатами из Ленина, ломится в открытую дверь.

Ибо в самом начале книги на стр. 7 я говорю о представителях нашей народнической интеллигенции 70-х годов:

> «Они остаются плоть от плоти, кость от кости тех общественных слоев, откуда они вышли: мелкого мещанства, крестьянства (курсив мой. *Н. П.*), чувствовавших на себе всю тяжесть государственной, полицейской, бюрократической машины».

И на той же странице несколькими строками ниже:

> «Это одно (полуазиатский характер государственного строя. *Н. П.*) порождает среди развивающейся интеллигенции, частью связанной с растущей буржуазией, частью с освобожденным крестьянством (курсив мой. *Н. П.*) известное недовольство существующим строем».

Была ли мелко-буржуазная интеллигенция, связанная частью с крестьянством, частью с городским мещанством, частью с растущей буржуазией при наличности у отдельных своих групп специфических групповых интересов—была ли эта мелко-буржуазная интеллигенция основной силой революционного движения в России до начала 90-х годов, до начала широкого движения рабочего класса? Да, была.

Пыталась ли она (безуспешно) привлечь в сторону своей борьбы крестьянство, с которым часть ее была органически связана? Да, пыталась.

Имели ли место аналогичные попытки по отношению к рабочему классу в 90 годы, в года блаженной памяти экономизма и легального марксизма? Да, имели. Борьба легального марксизма с народничеством вовсе не была борьбой между интересами капитала и труда, как хочет нас убедить Эм. Газ [1]). Если бы мы стали на эту, более, чем странную, точку зрения, то пришлось бы признать, что Ленин и Плеханов, выступавшие одно время вместе с легальными марксистами против народников, защищали интересы капитала против интересов труда.

Борьба между легальным марксизмом и народничеством отражала крупные социальные процессы, происходившие в нашей стране и вместе с тем отражала пестрый разноцветный характер мелко-буржуазной интеллигенции. Та часть ее, которая представляла городское мещанство (связанное с буржуазией, с одной стороны, с пролетариатом—с другой), тяготела к легальному марксизму (и к экономизму) [2]), другая часть интеллигенции, свя-

[1]) Всякому известно—пишет Эм. Газ,—что марксизм Струве, Туган-Барановского и т. д. занимал позицию, диаметрально противоположную народничеству. Первый исходил из интересов капитала (курсив автора рецензии), последнее из интересов труда (курсив его же), хотя плохо понятых и еще хуже защищаемых.

[2]) М. Н. Покровский говорит о легальном марксизме, как о попытке приспособить учение Маркса к запросам и потребностям массы русской интеллигенции (см. «Русская история в самом сжатом очерке», ч. 3, стр. 64). Разумеется, т. Покровский имеет в виду не всю интеллигенцию целиком.

занная с крестьянством (в том числе и с его верхушечными слоями), тяготела к народничеству.

Блок легальных марксистов с революционными имел место до тех пор и постольку, пока и поскольку речь шла о защите интересов экономического развития в целом, поднятия производительных сил, в котором заинтересованы как мелко-буржуазная интеллигенция, так и пролетариат. Потом внутри марксизма произошла дифференциация, некоторые из бывших легальных марксистов превратились в буржуазных либералов, перестав быть марксистами.

Так обстояло дело в действительности, а не по смехотворной схеме Эм. Газа, согласно которой легальные марксисты были простыми защитниками капитала.

Кстати, отметим, что народничество 90-х годов, зачисляемое Эм. Газом по ведомству «труда», вовсе уже не отличалось такой невинностью по отношению к капиталу, как это кажется Эм. Газу. Через верхушечные слои крестьянства оно связывалось с интересами капиталистического земледелия. Близость народников 90-х годов к либералам, защищавшим эти интересы, общеизвестна и неоднократно отмечалась т. Лениным. Достаточно вспомнить о «Русской Мысли» Гольцева, о «Русских Ведомостях», на страницах которых либеральные профессора (Каблуков, Чупров и др.) писали почти что в народническом духе.

Те два течения среди мелко-буржуазной интеллигенции (выделяемой мещанством и крестьянством), которые столкнулись между собой в 90-х годах в лице народничества и легального марксизма вылились (после превращения части легальных марксистов в либералов) в меньшевистскую партию, с одной стороны, и эсеровскую—с другой. Первой временами удавалось вести за собой часть пролетариата, вторая в дальнейшем связалась с крестьянством.

И там, и здесь мы имели перед собой попытки подчинить буржуазному руководящему влиянию рабочий класс и крестьянство.

Эм. Газ не имел ни малейшего основания приписывать мне «лавристский» взгляд на интеллигенцию, как на какую-то самодовлеющую, внеклассовую (ибо Лавров говорит о внеклассовой интеллигенции) силу. Эм. Газ обнаружил самое чудовищное представление о борьбе народничества с легальным марксизмом. Эм. Газ не связал концы с концами собственных взглядов на интеллигенцию.

Так обстоит дело с первым пунктом рецензии Эм. Газа.

Второй пункт касается отношения нашей партии к крестьянству, как оно изложено в моей книге.

> «Здесь,—заявляет Эм. Газ,—мы принуждены констатировать, по меньшей мере, глубокую путаницу в изложении т. Попова. Методологическая ошибка нашего автора та же, что и отмеченная выше по вопросу об интеллигенции—сплошная постановка вопроса о крестьянстве, как целом, приводит т. Попова к неразличению «цветов» внутри этого, якобы единого, крестьянства. Между тем, различное отношение партии пролетариата к различным слоям крестьянства на различных этапах исторического развития всегда составляло характерную и отличительную черту большевизма. Мы говорим отличительную, так как именно это отличало большевизм в данном вопросе от меньшевиков, сплошь зачислявших крестьянство в лагерь реакции».

То, что меньшевики сплошь зачисляли крестьянство в лагерь реакции (речь идет о революции 1905—06 г.г.), является, конечно, сплошным стопроцентным вздором. Известные реакционно-мещанские тенденции крестьянского движения (1905—06 г.г.) констатировали не только меньшевики, но и большевики. Меньшевики в отличие от большевиков **недооценивали** революционного значения крестьянского движения, считали, что крестьянство будет итти на буксире у либеральной буржуазии, у городской буржуазной демократии, всегда готовы были торговаться поэтому с либеральной буржуазией за счет крестьянства (их постоянный отказ от требования конфискации земли без выкупа), но сказать, что меньшевики сплошь зачисляли крестьянство в лагерь реакции, значит иметь очень туманное и путанное представление об истории нашей революции и нашей партии.

Это между прочим. Вернемся к основному обвинению автора этих строк Эм. Газом в сплошной постановке крестьянского вопроса (в частности, в главах о революции 1905—06 г.г.). Эм. Газ утверждает, что наша партия в 1905 году «умела четко разграничивать **революционные устремления** всего крестьянства от присущих некоторой его части мещански-реакционных тенденций». Что из этого следует? Не то ли, что даже сам Эм. Газ признает наличность в 1905 году «революционных устремлений всего крестьянства». Да и смешно бы было их отрицать даже Эм. Газу. Сотни раз Ленин говорил и писал в 1905 г. о революционности всего крестьянства по отношению к пережиткам крепостничества, к царизму, к помещичьему землевладению. Мог ли Ленин иначе ставить вопрос о демократической диктатуре пролетариата и **крестьянства** (сплошная постановка вопроса!). Почему тогда Эм. Газ не выступает против Ленина и чего ему, собственно, от меня нужно?

Эм. Газ, якобы в противовес мне, заявляет, что большевики подчеркивали необходимость «во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата». Очень приятно. Я это знаю сам нисколько не хуже Эм. Газа и говорю об этом на стр. 128 своей книги, касаясь IV с'езда. Что же дальше? Оказывается, в распоряжении Эм. Газа имеется самое решающее обвинение против меня. По его словам, я полагаю, что крестьянство в целом должно остаться союзником пролетариата и после доведения буржуазно-демократической революции до конца и после перерастания ее в революцию социалистическую.

Если бы я действительно держался такого взгляда и где-нибудь на страницах книги его высказал, Эм Газ был бы совершенно прав, обвиняя меня в отступлении от ленинской трактовки крестьянского вопроса. Но в том-то и беда Эм. Газа, что я этого нигде в книге не говорю, а говорю совершенно противоположное.

На стр. 91 (примечание) приводится следующая цитата из Ленина:

> «При условии революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и **дере-**

вейской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота».

На стр. 98-й приводится другая цитата, опять-таки из Ленина:

> «Когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, когда мы подменим лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата (курсив мой. *Н. П.*).

Эм. Газ не нашел другого способа доказательства пришитого им мне отступления от ленинизма, кроме открытой и прямой фальсификации цитаты (мы вынуждены называть факт его настоящим именем).

Не угодно ли полюбоваться? Эм. Газ выписывает такую «цитату» из моей книги:

> «В газете «Вперед» он (Ленин) поместил ряд статей, в которых доказывал, что крестьянство в настоящей революции является самым надежным союзником пролетариата... потому что наша революция в случае своего успеха будет прологом революции социалистической».

«Это «потому что» прямо замечательно»,—восклицает Эм. Газ. Но, по нашему мнению, гораздо замечательнее то многоточие, которое стоит перед ним. Если читатель поинтересуется соответствующим местом книги (стр. 93), то цитата (без многоточия) примет следующий натуральный вид:

> «В газете «Вперед» он (Ленин) поместил ряд статей, в которых доказывал, что крестьянство в настоящей революции является самым надежным и верным союзником пролетариата, в то время, как либеральная буржуазия, заинтересованная в соглашении с царизмом, имеет все основания бояться доведения революции до конца, потому что наша революция в случае своего полного успеха будет прологом революции социалистической».

Курсивом набрано место, замененное Эм. Газом в своей рецензии многоточием. Если вставить его куда следует, получится полное расхождение с тем смыслом, который хочет пришить мне ловкий автор рецензии. Не потому крестьянство является надежным и верным союзником пролетариата, что наша революция является прологом революции социалистической (такой взгляд, пришиваемый мне Эм. Газом, действительно не имел бы ничего общего с ленинизмом), а потому либеральная буржуазия имеет все основания бояться доведения революции до конца, что наша революция является прологом революции социалистической.

Бесподобнее всего тут восхищение, которое вырывается из-под пера Эм. Газа после проделанной им операции над цитатой. «Это замечательно»—действительно замечательно!

Признаться, очень нелегко вести дальнейшую полемику с Эм. Газом, допускающим приемы, от характеристики которых мы воздерживаемся только потому, что эту характеристику без

нас дадут сами читатели [1]). Но приходится бегло ответить еще на ряд его полемических красот.

Эм. Газ упрекает меня в том, что я свел роль комбедов в 1918 году к выкачиванию хлеба, не указавши, что они одновременно занимались экспроприацией орудий производства, земли и т. д. Сам Эм. Газ называет комбеды «органами социалистической революции и диктатуры пролетариата в деревне». Мне кажется, что называть их так теперь не годится, хотя это можно было делать в 1918 году. Из такого определения кое-кто сделает заключение, что с роспуском комбедов социалистическая революция и диктатура пролетариата в деревне не имеют больше места. Точнее и правильнее назвать комбеды орудием экспроприации кулачества, кулацких излишков (разумеется, не только хлеба, под излишками всегда подразумевалась также земля и инвентарь). Так я и называл комбеды на стр. 242-й книги. Эм. Газ почему-то не привел этой цитаты и ограничился другой, в которой речь шла только о хлебе. Разумеется, по сравнению с тем фокусом, который он проделал с многоточием—это несущественная мелочь.

О расслоении крестьянства после революции 1905 года, о классовой борьбе в деревне в последующие периоды, о нашем «различном отношении к различным слоям крестьянства» в книге моей имеется так много мест, что было бы скучно их все приводить (см. стр. 138, 140, 234, 238, 243, 244 и т. д., и т. д., и т. д.).

Я могу теперь оставить основную часть рецензии Эм. Газа, которая говорит об «основных ошибках тов. Попова». Какова ее ценность, читатель может судить сам.

Эм. Газ обвиняет меня дальше в неверной трактовке нэпа и чуть ли не в защите точки зрения новой оппозиции на нэп. Само собой разумеется, если бы моя книга была сдана в печать после XIV с'езда или даже накануне с'езда, пришлось бы заострить и дополнить многие ее формулировки не только насчет нэпа. Но, как известно, каждому державшему в руках книгу, она составилась из лекций, читанных автором еще в 1924 и начале 1925 года. Сдана в набор книга 10 августа 1925 года, что видно из даты предисловия. Но то, что есть в книге, нисколько не противоречит точке зрения партии на нэп. Что партия считает теперь нэп единственно правильной тактикой захватившего власть рабочего класса не только в отсталых странах, но и в странах капиталистически развитых—святая истина. Однако, к такому взгляду мы пришли только к концу 1922 года, к IV Конгрессу Коминтерна. В моей книге не дается общая оценка нэпа, а говорится, как мы пришли к нэпу, что толкнуло партию отступить от законченной системы военного коммунизма, после ликвидации последних остатков свободной торговли, накануне уже об'явленного упразднения денег. У меня в книге сказано, что причиной перехода партии от военного коммунизма к нэпу был кризис Советской власти, хозяйственные затруднения. Были ли связаны они с затяжкой международной революции? Разумеется, были. Так это понимала и осязала

---

[1]) Нет никакой возможности об'яснить «извращение» цитаты случайным «пропуском». Предательское многоточие осталось на «месте преступления» и выдает его автора с головой.

в свое время вся партия. Так говорил Ленин на X с'езде в докладе о продналоге, когда мы еще не видели ближайших перспектив новой экономической политики, не знали, в какие формы она отольется и, разумеется, не могли оценить полностью ее значения в интернациональном масштабе.

> «Мы знаем,—говорил тогда Ленин,—что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах».

Видеть в простой констатации того факта, что нас в конкретной обстановке к новой экономической политике непосредственно принудили в начале 1921 года хозяйственные трудности, связанные с затяжкой международной революции, какую-то связь с точкой зрения новой оппозиции, считающей, что нэп является отступлением при всех условиях и допустим только в отсталой крестьянской стране, значит проявлять догматический кретинизм в самом лучшем случае.

Несколько слов о варшавском поражении. Эм. Газу кажется неправильным, что я ставлю варшавское поражение в связь с затяжкой международной революции. Этим случаем Эм. Газ пользуется, чтобы выкинуть новый фортель.

> «Как курьез отметим, — пишет он, — что несколькими страницами раньше тов. Попов, обсуждая вопрос о причинах поражения под Варшавой, категорически заявлял, что это поражение было основано на «большой ошибке военного ведомства», на «грубом преувеличении наших сил и недооценке сил и техники противника».

Эм. Газ весело иронизирует над тем, что же в конце концов является причиной варшавского поражения—затяжка ли международной революции, или «грубая ошибка военного ведомства». В этом месте своей рецензии Эм. Газ поднимается на максимальную высоту совершенно безнадежного непонимания и извращения мыслей рецензируемого им автора.

Начать с того, что в моей книге нет ни одного места, в котором бы я об'являл затяжку международной революции или «грубую ошибку военного ведомства» причинами варшавского поражения. В специальной главе, помещенной на стр. 256 книги и называемой «Причины варшавского поражения», в качестве таких причин указывается слабость организации, снабжения и вооружения нашей армии, об'ясняющаяся в свою очередь отчаянным экономическим положением страны. По какому поводу упоминается грубая ошибка военного ведомства, и в чем я ее усматриваю? Как известно, в конце июля 1920 года, когда наши войска стояли на границе этнографической Польши, подойдя к западному Бугу, польское и английское правительства предлагали нам перемирие. Перед нами стоял вопрос—принимать ли это предложение, или итти дальше, ставя ставку на полный разгром белой Польши. Известно, что ЦК нашей партии принял последнее решение, известно также, что кое-кто из членов ЦК высказывался против него, считая по политическим мотивам невозможным наступление на чисто польской территории. Впоследствии была сделана попытка, раздувши варшавскую ошибку до размеров брестской, этим бросить некоторую тень на ЦК и на тов. Ленина. Вот почему я счел нужным отметить в книге, что **п о л и т и ч е с к и** наступление на Варшаву было совершенно правильно, вопрос же о том,—нужно или не нужно было его вести при конкретных условиях, был вопрос чисто стратегический. Военное ведомство сообщило ЦК, что наших сил вполне достаточно для взятия Варшавы. При таких обстоятельствах было бы смешно отказываться от наступления из доктринерских соображений. Но как потом оказалось, военное ведомство не знало толком ни наших сил, ни сил противника.

Вот что я хотел сказать, а Эм. Газ ровно ничевошеньки не понял и наговорил вздор насчет моего категорического (?) заявления, будто «поражение было основано на большой ошибке» военного ведомства.

Поражение было основано на гораздо более серьезных и глубоких причинах, выше мною указанных, грубая же ошибка военного ведомства лежала в основе не поражения, а известного политического решения нашего ЦК (не взирая на мирные предложения, на которые Польша шла, чтобы выиграть время для организации армии), наступать дальше к Варшаве.

Что касается до затяжки мировой революции в связи с варшавским поражением, то об этом я говорю по другому поводу, несколькими страницами ниже, но говорю только о **с в я з и**, а вовсе не о том, что затяжка международной революции была причиной варшавского поражения. Связь и причина две вещи совершенно разные. Зачем Эм. Газу и здесь понадобилось безбожно путать и искажать, трудно сказать.

А что варшавское поражение находилось в известной связи с затяжкой международной революции, нам кажется, не приходится доказывать читателю «Большевика».

Эм. Газ оспаривает мое утверждение, что Иваново-Вознесенский совет рабочих депутатов, существовавший в июне 1905 года, не может рассматриваться, как первый совет революции 1905 года, поскольку он не был органом политической борьбы, а простым стачечным комитетом.

Эм. Газ ссылается на то, что Ленин в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» ставил железнодорожные стачечные комитеты на юге наравне с советами рабочих депутатов. Эм. Газ забыл об одном: в октябре—декабре 1905 года железнодорожные стачечные комитеты руководили не экономическими, а **п о л и т и ч е с к и м и** забастовками и восстаниями.

Целая страница, которую Эм. Газ посвящает методу ленинизма, делая вид, что он, якобы, отстаивает правильное понимание ленинского метода против меня, представляет собой совершенно непроизводительную трату бумаги, чернил и умственной энергии автора. Дело в том, что я нигде в книге не ставил своей задачей дать полное, исчерпывающее определение ленинизма или ленинского метода. Случайное и неправильное по форме замечание, брошенное по частному поводу, относительно действенно-конкретного характера ленинизма не имело ничего общего с этой задачей. Что Ленин не только прилагал к жизни и конкретизировал идеи Маркса, но что он дополнил идейную сокровищницу марксизма целым рядом новых идей, об этом я говорю в главе о мировой империалистической войне. И, наконец, с определением, что ленинизм есть современный марксизм, марксизм эпохи империализма и пролетарских рево-

люций, которое Эм. Газ приводит без кавычек, но которое на самом деле принадлежит т. Сталину, я совершенно согласен.

Теперь последний пункт. Эм. Газ нашел в моей книге фактическую неточность. Я отмечал, что на IV с'езде была принята меньшевистская резолюция о профсоюзах. «Меньшевики считали, что профессиональные союзы должны быть нейтральными и совершенно независимыми от партии». Приводя это место из моей книги, Эм. Газ замечает с ученым видом знатока:

«Как известно, на IV с'езде этой точки зрения (т. е. нейтральности. *Н. П.*) держались и большевики. Резолюция о профсоюзах, внесенная комиссией, куда входили представители обеих фракций, была принята с'ездом единогласно. Только на Лондонском с'езде наша партия становится на точку зрения «теснейшего сближения союзов с партией».

Так и хочется сказать по адресу Эм. Газа словами древнегреческого поэта:

«Муж многоопытный, губит тебя твоя храбрость».

На Стокгольмском с'езде, выходит у Эм. Газа, большевики стояли за нейтральность союзов и только на Лондонском они перешли на точку зрения «теснейшего сближения союзов и партии». Во-первых, нейтральность и независимость союзов от партии, может совсем не противоречить их «теснейшему сближению». В Германии союзы весьма близки к социал-демократической партии и тем не менее партия союзами не руководит. Германские социал-демократы стояли и стоят за равноправность и равноценность партии и союзов, как двух самостоятельных ветвей рабочего движения. На этой же точке зрения стояли и наши меньшевики. Для них нейтральность означала категорическое отрицание партийного руководства союзами.

Стояли ли большевики, как фракция, во время IV (Стокгольмского) с'езда на позиции нейтральности, как пытается уверить читателей «Большевика» Эм. Газ? Цитирую заключительную часть проекта резолюции, предложенной большевиками Стокгольмскому с'езду:

«Партия всеми мерами должна стремиться к тому, чтобы воспитывать участвующих в профсоюзах рабочих в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы з а в о е в ы в а т ь с в о е й д е я т е л ь н о с т ь ю ф а к т и ч е с к и р у к о в о д я щ у ю р о л ь в т а к и х с о ю з а х, и, н а к о н е ц, ч т о б ы э т и с о ю з ы м о г л и п р и и з в е с т н ы х у с л о в и я х п р я м о п р и м ы к а т ь к п а р т и и[1]), отнюдь, однако, не исключая из своего состава непартийных членов» (см. сочинения Ленина, т. VII, ч. 2, прилож. стр. 176).

Хорошая нейтральность!

Разумеется, комиссия Стокгольмского с'езда категорически отвергла эту резолюцию и положила в основу меньшевистскую, в которой о руководящей роли партии, конечно, не было сказано ни слова. Большевики, добившись некоторых второстепенных улучшений резолюции, о т к о т о р ы х о н а н е п е р е с т а в а л а

[1]) Курсив мой.

быть меньшевистской, и, находясь в безнадежном меньшинстве, решили не давать боя по этому вопросу (не имевшему еще в то время острого практического значения), и не выступать против резолюции на с'езде. Только поэтому она и была принята с'ездом единогласно, а вовсе не потому, что большевики, как фракция в 1906 году являлись сторонниками нейтральности союзов, хотя сторонники нейтральности в рядах фракции и были.

Читатель видит теперь, кто впал в фактическую неточность — я или Эм. Газ.

Всем написанным я отнюдь не хочу сказать, что книга, о которой идет речь, безгрешна. В предисловии я ссылаюсь на условия, в которых она «делалась», заявляю о полном отсутствии каких бы то ни было претензий со стороны автора. В книге, охватывающей такой огромный период, несомненно есть фактические ошибки. Благодаря недостаточной литературной обработанности книги, там при внимательном чтении можно найти много неточных корявых выражений, нуждающихся в исправлениях. Последние главы скомканы. Автор будет только благодарен за деловую серьезную критику. Однако, такая критика требует двух необходимых качеств, у тех людей, которые за нее берутся: знания предмета и добросовестности.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

К вопросу об эволюции самодержавия.

(По поводу книги М. Н. Покровского „Марксизм и особенности исторического развития России". „Прибой". 1925 г.).

В лице т. Покровского мы имеем одного из крупнейших наших ученых и виднейшего из русских историков. В особой аттестации произведения тов. Покровского не нуждаются. Всякая его книжка есть поистине литературное событие. Интерес со стороны читателя заранее обеспечен каждой его новой работе. И в последней работе т. Покровского ряд проблем поставлен и освещен со свойственным ему мастерством. Но в книге вместе с тем содержится, по нашему мнению, несколько неверных положений, на которых мы, главным образом, и остановимся.

Книга т. Покровского представляет сборник его статей за 1922—1925 г.г. Сборник открывается статьей: «Плеханов, как историк».

На анализе введения к «Истории русской общественной мысли» («Очерк развития русских общественных отношений») т. Покровский выясняет плехановское понимание русского исторического процесса и высказывает остроумное предположение о том, что сторонником буржуазной теории внеклассового происхождения русского самодержавия Плеханов сделался в целях обоснования своей оригинальной идеи, по которой «ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов, и их взаимными отношениями, т.-е., во-первых, их взаимной борьбой там, где дело касается их внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений» [1]). Эта «оборонческая» идея и привела Плеханова, по мнению т. Покровского, в социал-шовинистический лагерь в начале империалистической войны 1914 г.

Законное вообще стремление проследить пути теоретических заблуждений Плеханова заставило т. Покровского сделать необоснованный упрек по адресу основоположника русского марксизма.

Тов. Покровский приводит сжатую схему исторического процесса, данную Плехановым в «Основных вопросах марксизма».

«Если бы,—писал Плеханов,—мы захотели кратко выразить взгляд Маркса—Энгельса на отношение знаменитого теперь «основания» к не менее знаменитой надстройке, то у нас получилось бы вот что:

1. Состояние производительных сил.

2. Обусловленные им экономические отношения.

3. Социально-политический строй, выросший на данной экономической основе.

4. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, психика общественного человека.

[1]) Всюду, где не оговорено, подчеркнуто нами. *Г. М.*

5. Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики».

«Тут,—заканчивает т. Покровский,—есть кое-что новое—и это новое, без сомнения, замеченное уже читателем, заключается в несомненной попытке сколь возможно эмансипировать политический (подчеркнуто т. Покровским. *Г. М.*) момент из-под влияния производительных сил».

Обвинение Плеханова в попытке «эмансипировать» политический момент нельзя признать справедливым со стороны т. Покровского: грех «эмансипации» должен разделить с Плехановым и сам творец научного социализма и его ученики.

В введении к «Критике политической экономики» Маркс тоже выступает в роли подобного «эмансипатора», когда между производительными силами и социально-политическим строем «помещает» экономическую структуру общества. «Совокупность... производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания».

В таком же духе высказывается и Ленин: «Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием» (см. Ленин, «Маркс. Энгельс. Марксизм». Изд. 1925 г., стр. 43).

Упрек Плеханову в «эмансипации» «политического момента из-под влияния производительных сил» нужно, таким образом, отвести.

Спорной является также квалификация Плеханова (после 1905 г.), как идеолога технической интеллигенции.

В четырех следующих статьях т. Покровский полемизирует с тов. Троцким на тему о возникновении самодержавия в России. В этом споре истина, несомненно, на стороне тов. Покровского. Методологические ошибки т. Троцкого вскрыты им превосходно.

Тов. Троцкий действительно пытался «эмансипировать» самодержавие от его социального основания, действительно пытался доказывать, что самодержавное государство носило в известной степени «надклассовый» характер. Тов. Покровскому вполне удалось установить, что тов. Троцкий тоже в известной мере вслед за Плехановым сделался жертвой буржуазного понимания русского исторического процесса. И это, конечно, войдет в столь богатый научно-литературный актив т. Покровского.

Далее идет статья: «Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия».

Автор выясняет, что отцом этой теории был Борис Николаевич Чичерин—«главный противник русского социализма во второй половине XIX столетия». Классу помещиков, который стремился мирно провести ограбление крестьян, известное под названием «реформы 1861 г.», нужно было иметь доказательство силы правительственной власти и слабости крестьянства. «Философия истории тамбовского полукрепостника», как кратко определяет т. Покровский теорию Чичерина, и должна была дать подобные доказательства.

Живучесть и огромную популярность помещичьей теории, созданной в эпоху «освобождения» крестьян, нужно искать, во-первых, в ее связи с обще-европейскими идейными течениями (с философией Гегеля, которая отводила такую исключительную роль государству), и, во-вторых, в тех выводах, которые из нее были сделаны буржуазией главным образом для внешней политики.

В окончательном виде теория была сформулирована Ключевским, который синтезировал теорию закрепощения Чичерина с теорией борьбы

со степью Соловьева. От Ключевского теория была заимствована Милюковым.

Анализ вопроса о происхождении самодержавия, а также анализ теорий, об'ясняющих это происхождение, выполнен т. Покровским блестяще. Написанное им на эту тему является оригинальнейшим и выдающимся применением историко-материалистического метода и представляет собой исключительную ценность.

Бесспорно верна данная т. Покровским характеристика складывающегося московского самодержавия, как политической организации купеческого капитала и торгового дворянства.

Однако, на ряду с этим у т. Покровского сказывается тенденция об'единить помещиков и купцов в одну и ту же социальную категорию, тенденция недостаточно точно разграничивать, дифференцировать оба социально-экономических слоя. Нам кажется, что тов. Покровский неправ, об'единяя помещика и купца в одну и ту же социальную категорию, изображая и того и другого, как торговых капиталистов.

Различная роль в производственном процессе принадлежит купцу и помещику. Различны поэтому и источники их доходов.

Борьба между двумя этими социальными группами за влияние на государственную власть носила порой резкий характер. Эта борьба определенно дает себя знать и при преемниках Грозного, и при Петре, и при Екатерине. В исторических работах самого т. Покровского мы встречаемся с мастерским анализом этой борьбы.

Совершенно нельзя согласиться с т. Покровским, когда свою характеристику самодержавия (как аппарата купеческого капитала и торгового дворянства), вполне правильную для эпохи его возникновения, он переносит на самодержавие XX века, самодержавие эпохи финансового капитала.

В заключительной статье сборника тов. Покровский пытается «обосновать классовый характер самодержавия накануне его падения» — пункт, по его мнению, вызывающий наибольшие сомнения и колебания в нашей литературе, хотя, в сущности, теоретически он до конца был выяснен еще тов. Лениным, подчеркнувшим и необычайную архаичность этого учреждения, «невероятную застарелость и устарелость царизма».

Тов. Покровский прав, считая, что в нашей литературе особенно много сомневающихся и колеблющихся по интересующему нас вопросу. Прав он также, указывая, что теоретически вопрос выяснен еще т. Лениным. И то и другое бесспорно.

И все-таки, мы полагаем, что точка зрения Ленина совершенно не совместима с точкой зрения нашего историка.

Это мы сейчас постараемся показать.

Тов. Покровский с полным основанием отмечает связь двух вопросов: вопроса о социальной природе царизма с вопросом о гегемонии пролетариата в русской революции.

Как известно, отношение к государству вообще, к самодержавному государству в частности и в особенности, резко ограничивало большевиков от меньшевиков.

Одни меньшевики считали самодержавное государство «надклассовой» организацией, независимой от классовой структуры российского общества (см. ст. Дана в сборнике «Общественное движение в России в начале XX века»).

Другие характеризовали самодержавие, как плутократическую монархию, прямо противопоставляя эту характеристику большевистской. «Мы солидарны и с предложением кавказцев,—писал меньшевистский орган,—говорить о русской монархии не как о «буржуазной», а как о «плутократической», ибо эта поправка отрицает в корне неверное утверждение большевистской резолюции, будто русский царизм начинает выражать классовые интересы буржуазии» (см. «Голос Социал-Демократа», 1909 г., март, № 12, стр. 15. Редакционное примечание к заметке «По поводу конференции Р. С.-Д. Р. П.»).

Меньшевики той и другой манеры делали из их различных характеристик самодержавия один и тот же вывод, о революционности нашей буржуазии и шли с проповедью соглашательства в рабочие массы. Большевики же брали самодержавие в его социально-классовой динамике, они беспощадно разоблачали «надклассовый» миф меньшевиков. Оценивая самодержавие в основном, как помещичью организацию, они обращали внимание на капиталистическое перерождение самодержавного государства, они видели все учащающиеся случаи блока помещика с буржуазией, все более увеличивавшийся контакт царизма с русской буржуазией—контакт, обусловивший ее нереволюционность, — и тем решительнее отстаивали гегемонию пролетариата.

Вполне понятно, что большевистская литература не оставила без определенного ответа вопрос о социальных корнях самодержавия.

Незадолго до выхода в свет меньшевистского сборника «Общественное движение» была выпущена брошюра Никитина и Степанова «Деятельность второй Государственной Думы».

В брошюре т. Степанов с замечательной четкостью осветил вопрос о сущности самодержавия. Вот что он писал:

«Уже тогда (в 1861 году. *Г. М.*) носителями государственной власти были не чистые крепостники, а дворяне, втянутые в капиталистический оборот, вынужденные считаться с требованиями буржуазного развития, в известной степени обуржуазившиеся помещики». Дальше т. Степанов указывает две причины, обусловившие это «обуржуазивание».

«Крепостническое сословие,—продолжает он,—встретившись с развивающимися капиталистическими методами присвоения, не могло не вкусить от древа плодов капитализма, признало их сладкими и постаралось сочетать крепостнические, феодальные способы эксплоатации с капиталистическими буржуазными и таким образом утратило первобытную крепостническую чистоту и невинность».

«Точно так же крепостническое государство с развивающимися буржуазными отношениями, поставленное в мир капиталистических международных отношений, неизбежно должно было внести буржуазные элементы в свою деятельность. Таким образом, об'ективные условия, требовавшие несколько иного содержания от государственной деятельности, слагались одновременно с суб'ективными условиями такой перемены,— с преобразованиями в психике дворянского сословия, носителя государственной власти» (цит. по сб. статей «От революции к революции», ГИЗ. 1925 г., стр. 167).

Не тактика, а именно некоторая эволюция самодержавия выражалась в его отношениях к буржуазным элементам—вот в чем, по нашему мнению, суть большевистских воззрений на самодержавие.

Тов. Покровский считает невозможным сочетать идею гегемонии пролетариата с таким взглядом на сущность царизма и подвергает критике идею о медленном, но несомненном социальном перерождении самодержавия.

Первый аргумент против «перерождения» таков: Грозный и Николай II применяли одинаковые «методы действия». «Быть может, это сохранение методов (подчеркнуто т. Покровским), не только методов выражаться, но и методов действия, самое характерное изо всего.

Почитайте у Штадена описание методов действия опричнины Ивана Грозного: это—*погром*. (Подчеркнуто т. Покровским). Кому бы пришло в голову, что в начале XX века это будет все еще любимый метод действия абсолютизма в борьбе с противниками! И при этом так же пытали, так же вешали. Правда, не сажали на кол и не жарили на сковороде. Но *к этому только* и сводилась вся «динамика социального содержания» русского абсолютизма. В *остальном* на протяжении 4 веков *он оставался верен себе*» (стр. 96).

Громил Иван Грозный, громил Николай Кровавый, следовательно,— заключает тов. Покровский,—и тот и другой представляли торговый капитал. Но ведь громит и Муссолини, и Цанков. Погром—«*любимый метод действия*» современного фашизма (см. «Мировой фашизм», сборник под редакцией И. Мещерякова. ГИЗ. 1923).

Громит фашистская организация Америки Ку-Клукс-Клан. Организация эта поддерживается правительством С.-А. С. Ш. Вот как описывает Ку-Клукс-Клан один современный наблюдатель: «Его методы—волчьи: индивидуальный, а если можно, то и массовый *погром*. Погром антикатолический, т.-е. направленный прежде всего против итальянских рабочих, публики весьма революционной. Погром негритянский, т.-е. направленный против беднейших крестьян-арендаторов, батраков и непривилегированных рабочих. Этих не подкупишь полутораста долларами в месяц, у этих нет автомобилей. Для них есть—Ку-Клукс-Клан».

«Он существует, впрочем, против революционных рабочих вообще. С предшествующего он только начинает, как Крушеван и Пуришкевич начинали с еврейских погромов и ритуальных легенд, тоже пахнувших ватерклозетом. Конец в обоих случаях по идее один: антипролетарский погром... Ку-Клукс-Клан присоединяет и *антисемитизм* к арсеналу своих идей и лозунгов, особенно в новейшее время, так что достиг полного расцвета в своем погромном совершенстве» (см. «Правда» № 269, 25/XI—25 г., ст. Н. Поморского «Еще об Америке»).

Сохранение методов «*самое характерное изо всего*»,—утверждает т. Покровский. Неужели на этом основании Муссолини и лидеры Ку-Клукс-Клана будут признаны им за политических представителей «старых, допромышленных форм капитализма».

Здесь мы вынуждены напомнить несколько трюизмов, которыми т. Покровский в данном случае неизвестно почему пренебрег.

Никто из марксистов вопрос о «*методах действия*» государства не считал «*самым характерным*» для определения его социальной физиономии. Наоборот, вопрос о *классовом, социально-экономическом* содержании государственной власти всегда был *решающим* для марксиста.

Желая определить социальную сущность царизма последнего периода, мы должны прежде всего анализировать воплощенные им *социальные связи*, исследовать *классовый смысл* его политических мероприятий.

Тогда без большого труда будет понятно, что «применение» погрома, скажем, опричниками Грозного имеет *одно* функционально-классовое значение, а «применение» погрома агентами американских миллиардеров из Ку-Клукс-Клана—*другое*. В первом случае погром служит целям блока *средне-поместного дворянства и торговых капиталистов* против феодализма. (Этот мотив великолепно развит в I томе «Истории» т. Покровского). Во втором—погром «совершается» в интересах класса крупно-капиталистической буржуазии против пролетариата.

Конечно, если рассматривать диктатуру, как форму государства, то во всякой диктатуре, независимо от ее классового содержания, мы найдем кое-какие общие черты.

«Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» (Ленин).

Применение насилия в самых острых формах есть черта, которая обща, как диктатуре буржуазии, так и диктатуре пролетариата. У той и у другой диктатуры есть сходные «*методы действия*», говоря в терминах т. Покровского.

Но, разумеется, никто из нас не стал бы на основании сходства «*методов действия*» диктатуры пролетариата и диктатуры буржуазии заключать о «тождественности» и их социального содержания. Всякий из нас понимает то, что за одной и той же формальной *оболочкой* («методы насилия») нельзя упускать из виду диаметрально-противоположной *сущности* явлений. Нельзя проглядывать *основного, решающего*. Нельзя останавливаться на анализе формы, забывая о классовом содержании.

Не вправе ли мы после этого указать именно на т. Покровского, как на виновника полной Umwälzung der Wissenschaft, именуемой русской историей в марксистском понимании, в каковом Umwälzung'е т. Покровский совершенно, необоснованно, как нам кажется, обвиняет т. Слепкова.

Продолжая дальше свое исследование, т. Покровский стремится свести к нулю влияние промышленного капитала на государственную власть царской России. «Обзор «всеподданнейших» докладных записок русских министров финансов 1880 годов,—пишет т. Покровский,—привел недавно одного молодого исследователя к выводу, что эти министры смотрели на таможенные пошлины только с *фискальной* (подчеркнуто т. Покровским) точки зрения... В такой форме это утверждение, конечно, неверно... *Но* в такую ошибку легко попасть: *так мало звучали интересы промышленного капитала в русской финансовой политике последней четверти XIX века* (стр. 100).

Итак, в финансовой политике самодержавия почти совершенно не учитывались интересы промышленного капитала. Так ли это?

Откроем стр. 69 этой же книжки т. Покровского, там мы прочтем «наше финансовое законодательство было такой же *реализацией* пожеланий *промышленных* с'ездов, как законодательство Екатерины II—реализацией пожеланий дворянства в 1760 годах».

Одно не согласуется с другим. В первом случае финансовое законодательство царизма трактуется тов. Покровским, как почти совсем *не считающееся* с интересами промышленного капитала. Во втором случае то же самое финансовое законодательство рассматривается им, как *целиком совпадающее* с пожеланиями промышленной буржуазии. Первое неверно. Второе верно с рядом оговорок.

Выше мы видели, что для определения классовой сущности самодержавия т. Покровский выдвинул такой неудовлетворительный с точки зрения марксизма критерий, как «методы действия» государственной власти.

Этот неудачный критерий т. Покровский еще раз применил для обоснования своей точки зрения. Теперь для решения вопроса о социальной подоплеке романовской монархии т. Покровский решил остановиться на «*методах действия*» царизма в области колониальной политики.

«На протяжении трех четвертей столетия,—пишет он,—*методы действия* эволюционировали так мало, что было бы смешным педантством

искать здесь какого-либо «социального перерождения». При Николае II, как и при Александре I, непосредственной целью русской колониальной политики было то же, что являлось такой же целью для португальцев или голландцев XVII века—прямой грабеж, и было бы в высшей степени странно, если бы эти типические приемы «первоначального накопления» руководились властью более современного типа, чем европейский абсолютизм XVI—XVII столетий» (стр. 118).

Сначала насчет «прямого грабежа». Итак, «прямой грабеж» был целью колониальной политики Николая II—это сказано на 118 стр., а на 111 говорится, что в это время Россия использовала свои колонии, как источники промышленного сырья, и указывается на Кавказ, который в 1901 г. дал для «империи» больше нефти, чем имело какое-либо государство мира «и Среднюю Азию, которая перед войной покрывала 50% всей потребности России в хлопке».

Разве, помня о «прямом грабеже» нефтеносных земель на Кавказе, можно забывать о создании здесь нефтяной промышленности? Разве можно отождествлять «колониальное хозяйство» голландцев XVII века с капиталистической крупнейшей в мире нефтяной индустрией XX века?

Сейчас речь шла о «методах действия» во время использования царской Россией своих колоний. Здесь «методы действия» не укрепляют позицию т. Покровского. Может быть, они укрепят ее, когда мы остановимся на вопросе: в каких формах Россия захватывала колонии? Сейчас увидим.

«В расцвет захвата колониальных владений в Америке и Азии, в XVI—XVII в.в.,—пишет т. Покровский,—колонии просто грабили, (подчеркнуто т. Покровским), просто отнимали у населения, что было поценнее, а при малейшем сопротивлении, население истребляли».

«Колониальный грабеж был неразрывной частью первоначального накопления (подчеркнуто т. Покровским). История голландского колониального хозяйства,—говорит Маркс,—а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII века—развертывает бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей».

«Возьмем ли мы завоевание Закавказья в 1820 годах, или Средней Азии—в 1860-х, эта характеристика Маркса будет бесподобной фотографией того, что проделывала в названных местах... царская Россия» (стр. 112).

«...Чеченцы могли рассказать о случаях, когда за убийство одного казака истреблялись до последнего жители целого аула» (113 стр.).

При вторичном взятии Самарканда, сначала подчинившегося при первом приближении русских войск и потом вновь «отпавшего», когда русский отряд ушел дальше—«Город был жестоко наказан за свое непостоянство: между прочим, сожжен был огромный самаркандский базар, разгромлены мечети, минаретами которых пользовались нападающие во время осады цитадели... начальство... ко всему прочему, разрешило солдатам в течение нескольких дней грабить город, не разбирая уже ни правого, ни виноватого» (стр. 115).

Царизм при завоевании колоний совершал грабежи, предательства, подкупы, убийства и подлости, следовательно, он олицетворял торговый капитализм, сродни существовавшему в Голландии в XVI веке.

Англия и Франция, где господство промышленного капитала в XIX веке никем не оспаривалось, должны в своей колониальной политике отказаться от таких «методов действия», как «грабежи, подкупы, убийства и подлости». Колониальная политика названных держав должна как небо от земли отличаться от колониальной политики романовской монархии. Между английскими и французскими колонизаторами, с одной стороны, и их русскими «собратьями», с другой, не должно быть никаких точек соприкосновения. Таковы выводы, которые сами собой напрашиваются из положений т. Покровского.

Отвечают ли они действительности?

В 1840—42 г.г. Англия вела с Китаем, так называемую, опиумную войну. Во время войны англичане разгромили ряд китайских городов, истребили тысячи китайцев. Нанкинский договор 1842 г. открыл им для торговли опиумом пять портов, в том числе Шанхай и Кантон. Но этого мало, они содрали с китайцев огромную контрибуцию и оккупировали остров Гонгконг.

В 1856 г. началась вторая опиумная война. Теперь уже англичане действовали в кооперации с французами.

Эта война точно так же сопровождалась сожжением городов и грабежами. Дело кончилось тем, что союзники пробили себе штыками дорогу в Пекин, где разграбили, а потом сожгли императорский дворец. Вновь была взята большая контрибуция (см. Ходоров, «Мировой империализм и Китай»).

Интересно, что расправа англо-французов с Китаем происходила почти одновременно с «насаждением цивилизации», русскими завоевателями в Средней Азии.

Маркс, как известно, считал опиумные войны с Китаем составной частью процесса первоначального накопления.

Указания об этом содержатся там же, откуда т. Покровский взял цитату о «голландском колониальном хозяйстве» (см. «Капитал», т. I, стр. 712, перевод Базарова и Степанова, Москва, 1909 г.).

Тов. Покровский не обратил внимания на столь существенное для его темы место из Маркса. А ведь сравнение опиумных войн с войнами России с Средней Азией так и напрашивается. Сравнение это помогло бы тов. Покровскому избежать некоторых неправильных выводов, которые он допускает.

В 1900 году европейцы подавляли восстание боксеров в Китае. Русские и японские войска тоже принимали участие в экспедиции. После падения Пекина последовало разграбление города, в котором братски соединились как «представители» «торгового», так и—«промышленного» капитала (см. Ходоров и Павлович, «Китай в борьбе за независимость»).

Во время покорения Францией Марокко, этот уголок земли подвергается страшному опустошению и разорению. Французы сжигают посевы и деревни. Война ведется на истребление. Целые районы превращаются в безлюдные пустыни (см. М. Мирский, «Европейские цивилизаторы и Марокко», изд. «Военный Вестник», 1925 г.).

История захвата Египта показывает, что «предательства, подкупы, убийства и подлости» были в значительной мере «методами действия» британского империализма в этой стране (см. Ротштейн, «Захват и закабаление Египта», Гиз., 1925 г.).

Что же, можно ли возвести непроходимую стену между колониальными «методами действия» английской монархии и французской республики, с одной стороны, и российского самодержавия, с другой? Как мы видим, никакого основания для такого заключения не имеется. На ряду с различием в колониальных «методах действия» между царской Россией и, скажем, Англией было и разительное сходство. Провести между теми и другими резкую демаркационную линию не представляется возможным.

Еще раз приходится констатировать, что критерий «методов действия» вторично потерпел неудачу. Приняв этот критерий, нам при-

шлось бы поставить знак равенства между «политической верхушкой» России и «политической верхушкой», скажем, Франции.

Но едва ли кто отважится утверждать, что Франция Пуанкаре и Россия Николая II, имели одну и ту же социальную базу. Третья республика выражала господство *промышленного* капитала. В государстве Романовых, накануне его падения, играл *первую скрипку помещик*.

Но, с другой стороны, отождествление голландского абсолютизма XVII в. с русским самодержавием XX века точно так же представляет ошибку. Государство голландцев XVII века было политическим выражением господства *торгового капитала*. Государство Николая II уже выражало в известной мере и интересы *промышленного* капитала [1]).

Таким образом, попытку обосновать классовую сущность самодержавия накануне его гибели аргументацией от «методов действия» в области колониальной политики нужно признать точно так же неудавшейся.

Монархия Николая II была своеобразным государством переходного типа. «Переходный период» романовского государства затянулся. Процесс перерождения происходил в исключительно противоречивых формах. Ряд внутренних и международных факторов обусловил невозможность *завершения* этого процесса. Романовский режим был сметен революцией.

Для покрепления своей формулы «самодержавие—политически организованный торговый капитализм» тов. Покровский в конце своей книжки предпринимает довольно подробный анализ эры Витте и приходит к выводу, что Витте был ярким представителем торгового капитализма. В начале 1900-х годов,—пишет т. Покровский,—произошло образование «рядом двух правительств»: «ведомственного»—с Витте, Куропаткиным, Ламздорфом и т. д.,—и «вневедомственного» во главе с Николаем и Безобразовым. Оба отражали интересы *торгового* капитала, но двух его различных фаз» (стр. 130, подчеркнуто т. Покровским).

Но «сделав» Витте представителем торгового капитала, т. Покровский вступил в явное противоречие с самим собой. Совсем недавно он писал о Витте нечто другое. Разрешим себе привести несколько цитат из книги т. Покровского «Очерки русского революционного движения XIX—XX в.в.» (Москва, «Красная Новь», 1924 г.).

«Буржуазия того времени (90-х годов. *Г. М.*) жила с царским правительством в необыкновенно добрососедских отношениях и признаком этих добрососедских отношений является тот режим Витте, который фактически был *диктатурой промышленной* и финансовой буржуазии в России».

«...Русский предприниматель не имел никаких оснований быть особенно ярым радикалом в 90-х годах, ибо у власти стоял *его* человек, стоял Витте, который фактически был представителем интересов русского капитализма».

«В девяностых годах, как я вам сказал, у нас утвердилась временно в лице Витте *гегемония промышленного капитала*. Наиболее ярким моментом, чтобы не приводить других и не затруднять вас слишком большим отступлением в сторону,—наиболее ярким моментом эры Витте

---

[1]) «Если главной опорой трона служило «благородное дворянское сословие», то *промышленная буржуазия* лишь отчасти *касалась* власти. Только одна ее фракция, а именно та, которая была теснейшим образом связана с казенными заказами и финансовыми операциями правительства, которая, несмотря на свою техническую отсталость, процветала благодаря совместному с государственной машиной разворовыванию «национального достояния»—только эта фракция буржуазии *входила составной частью* в *аппарат управления страной*» (Н. *Бухарин*, «Классовая борьба и революция в России», изд. «Коммунист», 1918 г. стр. 8).

было у нас введение золотой валюты. Это была совершенно определенная *победа промышленного капитала* над капиталом торговым» (стр. 122—123, 124—125).

В первом случае т. Покровский трактует эру Витте, как господство торгового капитала, во втором случае—как диктатуру промышленного капитала. Нам думается, что во втором случае точка зрения т. Покровского ближе к действительности.

Несомненно, режим Витте был таким периодом нашей истории, когда воздействие русского промышленного капитала на государственную власть достигло наибольших размеров.

Мы рассмотрели главнейшие аргументы, которые т. Покровский приводит в защиту своего положения, что «самодержавие—политический аппарат торгового капитала». Мы видим, что с аргументами т. Покровского едва ли можно согласиться: некоторые из них неправильны методологически, некоторые недостаточно обоснованы исторически. Таким образом, основное положение, которое защищает т. Покровский, нельзя признать доказанным.

Приведем теперь несколько выписок из Ленина, показывающих как оценивал самодержавие основоположник большевистской теории.

«Развитие русского *государственного строя* за последние три века показывает нам, что он *изменил свой классовый характер*, в одном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не *похожа* на чиновничье-дворянскую монархию XVIII в.».

«Монархия первой половины XIX века—*не то*, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—10 г.г. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать *направлением к буржуазной монархии*».

«В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны» (*Ленин*, т. XI, ч. 2, стр. 201).

Когда эта цитата была приведена (см. «Большевик» № 9—10—1925 г.), чтобы показать, как смотрел Ленин на вопрос об эволюции самодержавия, тов. Покровский попытался так своеобразно интерпретировать ленинскую точку зрения.

Тов. Покровский возражал: «Спор идет о том, представляло ли русское *самодержавие* (а не русское *государство*, тов. Слепков, это две вещи разные) в конце XIX в. *промышленный* капитализм или же *нет*, а *промышленный* капитализм в системе, именуемой «русское государство» представлялся не самодержавием, а силами ему враждебными (напр., в 1910—14 г.г. *оппозиционными* партиями государственной думы—которая, конечно, была такой же составной частью «русского государства», как и боярская дума XVII века, о которой говорил Ленин)» (подчеркнуто всюду тов. Покровским).

Во-первых, заметим здесь, что тов. Покровский неправильно изобразил точку зрения тов. Слепкова, приписывая последнему взгляд, согласно которому самодержавие последних лет представляло организацию промышленного капитала: тов. Слепков утверждал, что «во второй половине XIX века *происходит* (а не произошло, что вещи действительно разные) социальное перерождение самодержавия».

Во-вторых, *враждебность* оппозиционных партий самодержавию была «*враждебностью*». Это была весьма условная и весьма относительная враждебность. В таких решающих областях как борьба против рабочего класса, внешняя политика и империалистическая война, самодержавие и его оппозиция действовали рука об руку.

Конечно, у буржуазии были известные противоречия с самодержавием. Но резко рвать с ним, выступить против него в решительную борьбу буржуазия не решалась, надеясь добиться уступок мирным путем.

Если же, в конце концов, буржуазия и решилась организовать заговор против самодержавия, то это в значительной мере потому, что ее подхлестывала нарастающая революция. Заговор должен был предупредить революцию, в которой российский капитализм предчувствовал, и вполне основательно, свое крушение. Характерно, что на путь заговора вступили и некоторые совсем родственные самодержавию круги.

Вот что по этому поводу мы находим в книге ген. А. И. Деникина «Очерки русской смуты», том I:

«В состав образовавшихся кружков (заговорщицких. *Г. М.*) входили некоторые члены правых и либеральных кругов Государственной Думы, прогрессивного блока, члены императорской фамилии и офицерство. Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей. В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия физическое его устранение» [1]) (подчеркнуто т. Покровским).

Таким образом, косвенную поддержку оказывали самодержавию до самого последнего момента даже те силы, которые т. Покровский изображает, как ему враждебные.

Нельзя также принять то противопоставление, которое тов. Покровский делает между русским дореволюционным государством и самодержавием. Это все равно, если бы мы стали в наших теперешних условиях противопоставлять власть советов пролетарской диктатуре.

Самодержавие было такой же формой дореволюционного государства, как советская власть является сейчас формой пролетарского государства в нашей стране.

Оспаривать эти положения тем более бесполезно, что никто иной как Ленин поставил знак равенства между русским дореволюционным государством, с одной стороны, и самодержавием—с другой.

Ту же самую мысль об эволюции русского государственного строя Ленин так выражает в другом месте:

«На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, при чем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства эксплоататорских классов при иной оболочке. Например, русское самодержавие XVII в. с боярской думой и боярской аристократией—не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма», и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учреждениям национального масштаба

[1]) Цит. по статье т. Покровского, „Мемуары царя Андрона", «Печать и революция», 1922 г., книга II, стр. 21.

стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. п. Революционная борьба 1905 года обострилась особенно из-за того, кто и как соберет первое всероссийское представительное учреждение. Декабрьское поражение решило это вопрос в пользу старой монархии, а при таких условиях иной конституции, кроме черносотенно-октябристской и быть не могло» (Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 203).

Всякий заметит разницу в оценке самодержавия у тов. Покровского и у Ленина.

У тов. Покровского самодержавие на всем протяжении своего трехвекового существования одно и то же. Оно все время есть «политическая организация торгового капитализма».

У Ленина «Самодержавие XVII века... не похоже на самодержавие XVIII века..., и от обоих резко отличается самодержавие XIX века».

У тов. Покровского «сложившееся в XVI—XVII в.в. русское самодержавие» закоченело «почти без перемен до XX столетия».

У Ленина «русский государственный строй за последние три века изменил свой классовый характер».

У тов. Покровского «вся» динамика социального содержания русского абсолютизма» «сводилась только к тому», что при Николае II «не сажали на кол и не жарили на сковороде», как при Иоанне Грозном. «В остальном на протяжении 4-х веков он (абсолютизм. *Г. М.*) оставался верен себе».

У Ленина русское самодержавие «проходит через различные этапы развития его классового содержания».

«Столыпинская «конституция» и столыпинская аграрная политика знаменует новый этап разложения старого полупатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию».

Что перед нами две различных постановки вопроса о самодержавии,—это вне сомнения. Какая из них диалектическая—читателю ясно.

Наличие некоторых несомненных перерожденческих тенденций в самодержавии и тот парадоксальный факт, что буржуазия была заинтересована в сохранении помещичьего землевладения (весьма значительная часть помещичьих земель была заложена в буржуазных банках), об'ясняют нам контр-революционные позиции буржуазии в русской буржуазной революции. Из определенной оценки взаимоотношений самодержавия и буржуазии вытекал большевистский взгляд на русскую буржуазную революцию, как на революцию буржуазно-крестьянскую.

Отвергая взгляд на самодержавие как на организацию, в которой происходили некоторые явления перерожденческого характера, мы закрываем перед собой путь для понимания тактики большевизма в буржуазной революции. Без признания некоторой эволюции самодержавия трудно понять и гегемонию пролетариата, и лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Мы подробнее останавливались на тех положениях т. Покровского, которые вызывают возражения. В общем же последняя работа тов. Покровского представляет выдающееся явление. В освещении ряда вопросов глубина непревзойденного по мастерству анализа сочетается с блеском изложения одного из лучших современных стилистов. Книга должна возбудить и возбудит у читателей большой интерес.

Григ. Марецкий.

О „Библиотеке марксиста“.

(Под редакцией Д. Б. Рязанова. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. ГИЗ, 1926 г. М. Л.).

1. **К. Маркс и Ф. Энгельс**. «Коммунистический манифест», стр. 141, ц. 50 к., тир. 30.000.
2. **Ф. Энгельс**. «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 166, ц. 70 к., тир. 10.000.
3. **Он же**. «Крестьянская война в Германии», стр. 159, ц. 70 к., тир. 10.000.
4. **Сборник статей**. «Карл Маркс. Мыслитель, человек, революционер», стр. 174, ц. 80 к., тир. 10.000.
5. **Поль Лафарг**. «Томас Кампанелла», стр. 102, ц. 50 к., тир. 10.000.
6. **Г. В. Плеханов**. «Основные вопросы марксизма», стр. 134, ц. 60 к., тир. 10.000.

«Институт К. Маркса и Ф. Энгельса»—это единственное в мире учреждение, систематически занимающееся изучением неопубликованного литературного наследства основоположников марксизма,—успел в течение своей пятилетней деятельности подарить русскому читателю ряд ценнейших работ, частью совершенно не видевших света, частью, благодаря цензуре и другим условиям—неизвестных в России. Издание сочинений Маркса и Энгельса, издание сочинений Плеханова, Каутского, Лафарга, выпуск «Библиотеки материализма», двух книг «Архива» с их бесценными «Немецкой идеологией» и «Диалектикой природы»,—вот основные этапы деятельности института.

До последнего времени институт занимался изданием того, что требовалось для высококвалифицированной части нашего актива: он выпускал так наз. «тяжелую» литературу. Этим создавалась известная опасность удариться в своеобразный марксистский академизм, связанный с забвением потребностей широких слоев пролетариата, жадно тянущихся к серьезной, но популярной и недорогой теоретической книжке. Учитывая эти потребности, институт выпускает в свет настоящую «Библиотеку марксиста», предназначенную не столько для высококвалифицированных читателей, сколько для тех, кто заполняет сейчас комвузы, совпартшколы, марксистские кружки и т. д. Издания «Библиотеки» снабжены вступительными статьями и примечаниями. Недорогая по цене, небольшая по об'ему, каждая книжка этой серии, несомненно, найдет пути в самую толщу партийной массы и рабочего актива и поможет им как преодолеть искажающую вопрос популярщину, так и привыкнуть к серьезной, теоретически-выдержанной литературе.

Перед нами лежат шесть первых выпусков «Библиотеки марксиста». Когда сравниваешь условия, в которых эти книги впервые увидели свет, с нашей обстановкой, то невольно вспоминаешь известные слова «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем». Это относится не только к рабочему классу, но и к его теории—к марксизму. Каких-нибудь 70—80 лет тому назад Союз, который обнародовал свой «Коммунистический Манифест», представлял из себя сравнительно небольшую группу, а Маркс и Энгельс—авторы манифеста—вместе со своими друзьями казались стороннему наблюдателю лишь крошечной сектой среди других бесчисленных сект социалистов.

И вот, теперь мы пришли к диктатуре пролетариата, к осуществлению того, о чем писали гиганты социализма—Маркс и Энгельс—еще в своем «Коммунистическом Манифесте», что дополнил и развил их гениальнейший продолжатель—Ленин.

Социализм стал признанной наукой. Этому, как впрочем и всякому другому общераспространенному положению, грозит известное опошление, если мы не будем отдавать себе отчета в причинах и ходе развития социализма от утопии к науке. Путаница и непонимание в этой области рано или поздно скажется и на практике, в форме упрощения стоящих перед пролетариатом задач, смазывания всей их сложности и принижения размаха нашей работы.

Откровенным извратителям и благожелательным «друзьям» необходимо со всей силой противопоставить толкование этого вопроса, исходящее от самих основоположников научного социализма.

Что говорит об этом Энгельс? «Научный социализм по существу представляет немецкий продукт и мог возникнуть только у народа, классическая философия которого живо сохранила традицию сознательной диалектики — в Германии. Материалистическое понимание истории и его специальное приложение к современной классовой борьбе возможно только при помощи диалектики... мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что мы ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» (II, 137. Курсив всюду мой) [1]. «Материалистическое понимание истории возможно только при помощи диалектики». Как бесконечно далеко стоит это от точки зрения всяких современных «героев оговорочки», «поправочки» и «упрощения»!

Здесь уместно привести еще более резкую формулировку, данную Энгельсом в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» (я намеренно пользуюсь только тем, что есть в «Библиотеке марксиста»). Энгельс говорит: «Если бы немецкому научному социализму не предшествовала немецкая философия, в особенности философия Гегеля, то немецкий социализм,—единственный научный социализм, который когда-либо существовал,—никогда не мог бы сложиться» (III, 26).

Но социализм только тогда превращается в подлинную науку, когда он определяет собою политику классовой борьбы пролетариата, этим самым почти превращенную в науку. Что говорит об этом Ленин? В своей замечательной статье «Карл Маркс» (в библиотеке она приведена под названием «Марксизм», см. IV, стр. 69—95) Ленин обрисовывает учение Маркса, на первое место ставя философский материализм и диалектику, очевидно, потому, что они, с его точки зрения, определяют все остальное. Говоря специально о политике, Ленин формулирует такую мысль: «Основную задачу политики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания». «На каждой ступени развития, в каждый момент политика пролетариата должна учитывать... об'ективно неизбежную диалектику человеческой истории...» (IV, 91). Эти слова Ленина кладут предел антидиалектическому извращению марксизма, так как совершенно отчетливо устанавливают, что марксизм и политика пролетариата, неизбежно вытекающая из теории,—все это спаяно воедино и пронизано единым диалектико-материалистическим методом.

Поэтому нельзя лучше характеризовать вновь выпущенные работы Маркса и Энгельса, как приведя слова Ленина, сказанные им по поводу переписки этих двух учителей социализма. «Если попытаться,—говорит Ленин,—одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот

[1]) Римскими цифрами обозначаются номера выпусков библиотеки.

центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее,—к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот во что они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [1]).

На самом деле. «Коммунистический Манифест», «Развитие социализма от утопии к науке», «Крестьянская война в Германии»,—вся грандиозная сила их покоится на этих двух китах: на материализме и диалектике.

Это красной нитью проходит от первой фразы «Манифеста», что «история всего предшествующего общества есть история борьбы классов», вплоть до той абсолютно верной мысли, что в коммунистической революции пролетарии теряют свои цепи и приобретают целый мир. Мир приобретают те, кто прежде был «подонками» этого мира. Материалистической диалектикой насыщено учение Маркса и Энгельса о коммунистической партии, о ее отношениях к своему классу и к другим партиям. Диалектика пронизывает марксистское учение о революции и диктатуре пролетариата, столь яркими штрихами набросанное в «Манифесте». Каждая фраза здесь дышет диалектикой, отражая тем самым действительные отношения. «Вы возмущаетесь тем,—говорит Маркс, обращаясь к буржуазии,—что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем теперешнем обществе она уничтожена уже для девяти десятых населения. Она существует именно потому, что не существует для этих девяти десятых» (I,47). Пусть попробует кто-нибудь отрицать диалектичность и научную правильность этой мысли.

Энгельсовское «Развитие социализма», этот блестящий очерк, кратко излагающий соответствующие части «Анти-Дюринга», долго будет являться образцом как самой материалистической диалектики, так и научной (хотя и популярной) ее трактовки. Вторая глава специально посвящена выяснению того, что «мы ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» (II, 13). Революционная материалистическая диалектика составляет «фокус» и других глав книжки. «Революция пролетариата»: «разрешение противоречия: пролетариат овладевает общественной властью и обращает с помощью этой власти отнятые у буржуазии общественные средства производства в общественную собственность»... «Люди, ставшие, наконец, господами своих общественных отношений, становятся, вследствие этого, господами природы и самих себя, т.-е. достигают свободы» (II, 80). И здесь жизненная диалектика и поэтому научное предвосхищение действительного процесса развития.

Вопрос о крестьянстве, вопрос, на котором больше всего грешили люди, не умеющие использовать марксистской диалектики: что говорит о нем Энгельс, не изменил ли он здесь своему методу? Судите сами. Говоря о так наз. «марке»—древне-германской общине,—Энгельс указывает крестьянам такой путь выхода из современной помещичье-капиталистической эксплоатации: «Путем возрождения марки, но не в ее старой, пережившей себя, а в омоложенной форме, путем такого обновления общинного землевладения, чтобы последнее обеспечило мелко-крестьянским товариществам не только все выгоды крупного хозяйства и применения сельско-хозяйственных машин, но и доставило им средства наряду с земледелием организовать и крупную промышленность с помощью силы

[1]) В. И. Ленин, «Маркс. Энгельс. Марксизм», Институт Ленина. ГИЗ. 1925 г. Л. Стр. 89—90. Курсив Ленина.

пара или воды и за счет не капиталистов, а всей общины» (II, 97). Если к этому прибавить еще и то, что говорит Энгельс в своем предисловии в «Крестьянской войне в Германии» (III, 19—20) по поводу различного отношения партии к различным слоям крестьянства, то взгляды Энгельса на крестьянский вопрос никак нельзя будет упрекнуть в отсутствии диалектики.

Этим самым Энгельс предвосхищает и ленинскую постановку того же вопроса, постановку, насыщенную пониманием, с одной стороны, возможностей крестьянства итти по пути к социализму, и с другой—особых по сравнению с пролетариатом путей этого перехода. Это особенно ярко вырисовывается перед нами, если вспомнить, что меньшевизм,—по определению Ленина, не понявший «решающего в марксизме—его революционной диалектики»—сплошь и рядом преувеличивал размеры расслоения крестьянства, считая, что только через сельско-хозяйственный пролетариат, деревня и может участвовать в пролетарской революции. Конечно, в формулировке Энгельса многое устарело: не пар и вода, а только электричество уничтожит «идиотизм деревенской жизни». Конечно, формула Ленина о строе цивилизованных кооператоров значительно более развита и полна, чем слова Энгельса о «марке». И однако, это не может служить основой для какого бы то ни было противопоставления Ленина Энгельсу и Марксу. Для своего времени Энгельс дал единственно возможную формулу, правильно намечающую общую постановку вопроса—вовлечение крестьянина в строительство социализма через «общину»—в наших условиях через кооперацию.

Вся работа Энгельса о крестьянской войне—образец диалектического анализа «конкретной ситуации», и вместе с тем, эта работа важна, как характеристика крестьянского движения, выступающего самостоятельно, дающая ряд существеннейших указаний и для нашей политики. Теоретическое и практическое значение этой работы, как и всех других, огромно.

Три последних выпуска «Библиотеки марксиста» дают нам некоторые работы наиболее крупных последователей Маркса и Энгельса.

Брошюра «Карл Маркс. Мыслитель, человек, революционер»—в ряде очерков и речей рисует образ того, после чьей смерти человечество действительно «стало ниже на целую голову» (Энгельс). «Маркс был прежде всего революционером. Содействовать тем или иным способом падению капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, содействовать делу освобождения современного пролетариата, в который он впервые вдохнул сознание своего положения и своих потребностей, сознание условий своего освобождения,—таково было его действительное призвание. Борьба была его стихией. И он боролся со страстью, с упорством, с успехом, как немногие» (Энгельс, речь на могиле; IV, 28). Не менее ценные характеристики находим мы и у остальных авторов, вошедших в книжку. Из прочтения их статей становится совершенно ясным, что сказка о Марксе только как о теоретике, не знавшем практической борьбы,—надумана и неверна. Соединение теории и практики в их диалектическом единстве,—таков Маркс во всех его характеристиках, таков и был действительный Маркс, гигант науки и революционного дела.

Из ряда статей наибольшее внимание обращает на себя речи самого Маркса (IV, 38—47), статьи Энгельса, Ленина (где он дает краткий, но исчерпывающий анализ марксизма) и покойного Тимирязева, устанавливающего точки соприкосновения Маркса с Дарвином. Однако, и остальной материал также интересен и ценен.

Очерк Лафарга—«Томас Кампанелла»—посвящен выяснению одной из ранних утопических систем социализма, и в этом смысле является дополнением к энгельсовскому «Развитию социализма от утопии к науке».

Последний из вышедших в настоящее время выпусков (IV)—общеизвестная работа Плеханова—«Основные вопросы марксизма». В краткой рецензии трудно оценить ее достоинства полностью (как и все цитированные прежде сочинения). Вещь эта, написанная с громадной эрудицией, долгое время была и долгое время будет одним из лучших произведений, систематически излагающих марксизм, как «целое миросозерцание» (IV, II). Ее, так же как и «Комм. Манифест», вместе с «Развитием социализма», можно причислить к классическим произведениям марксизма.

Исходя из той не потерявшей еще и сейчас своего значения мысли, что «теперь чрезвычайно мало распространены, во-первых, знание гегелевой философии, без которого трудно усвоить метод Маркса, во-вторых, знакомство с историей материализма»... (VI, 14. Курсив автора), Плеханов кратко набрасывает основы диалектического материализма, чтобы перейти затем к более детальному изложению того, что обычно именуется материалистическим пониманием истории. К брошюре приложены превосходные отрывки—«О «скачках» в природе и истории» и «Диалектика и логика», и по-сейчас являющаяся чуть ли не единственной в марксистской литературе детальной критикой формализма.

* * *

Редакционная сторона издания—в общем и целом вполне удовлетворительна.

Все выпуски т. Д. Б. Рязановым снабжены предисловиями, которые обрисовывают условия появления данной работы, ориентируют в вопросе, нередко исправляют отдельные неточности и, в отдельных случаях, указывают соответствующую литературу. Подробные пояснения и примечания, составленные т. Рязановым (выпуски I и VI), И. Лупполом и Г. Зайделем (II и V) и Ц. Фридляндом (III), вводят в курс дела и этим самым делают «Библиотеку» доступной для товарищей с небольшими сравнительно знаниями.

К сожалению, допущен, однако, ряд относительно небольших шероховатостей и неточностей. Автор предисловия и пояснений к «Комм. Манифесту» (одновременно и редактор всей серии) совершенно правильно поступает, когда, употребляя тот или иной термин тут же об'ясняет его. Этого нет, к сожалению, в других выпусках, где остаются не об'ясненными иногда встречающиеся латинские фразы (напр., II, 36), не говоря уж об иностранных словах. Затем, в выпуске VI не помещена статья «О роли личности в истории», хотя в предисловии редактора она указана (VI, 7). На читателя всей серии неприятно действует также и то, что в одном случае примечания расположены в алфавитном порядке (II и V), в другом (III и VI)—в порядке нумерации.

К несомненным достоинствам издания принадлежат: снабжение всех выпусков, кроме VI, портретами авторов или иллюстрациями. Особенно ценны и интересны иллюстрации к «Комм. Манифесту», взятые из архивов института. Печатаемые работы дополнены соответствующими предисловиями авторов и материалами, относящимися к вопросу. Из них можно назвать: полный текст предисловия Энгельса к английскому изданию «Развития социализма» (в таком виде оно не было еще на русском языке), ряд неизвестных русскому читателю примечаний Плеханова к «Основным вопросам», статья Энгельса о «Марксе» и—что особенно заинтересует некоторых—«Основные и справедливые тезисы всего крестьянства и всех подвассалов духовных и светских властей, от которых они терпят тягости» (III, 127—135).

Таким образом, «Библиотека», преследуя цели популяризации марксизма, выполняет эту задачу вполне научно.

Техническая сторона поставлена недурно, хотя можно было бы требовать от ГИЗ'а значительно лучшей брошюровки книжки. Пора этим заняться и в производстве рабочих библиотек.

Энгельс еще в 1874 г. сказал: «Долг вождей—все более и более уяснять себе все теоретические вопросы, все более и более освобождать себя от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию фраз и все время иметь в виду, что к социализму, после того как он стал наукой, необходимо относиться так же, как к науке, т.-е. его необходимо изучать» (III, 28). В 1926 году в СССР подобное обращение должно быть направлено не только к вождям, но и к широкой партийной и рабочей массе.

«Библиотека марксиста» много поможет в этом нужном сейчас деле.

К. Милонов.

СОДЕРЖАНИЕ:

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

№ 6

...1 МАРТА

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

СОДЕРЖАНИЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 МАРТА 6

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 58572 Москва. Тираж 44.000 экз.

Тип. изд-ва „Правда“ и „Беднота“, Яузский мост, Серебряническ. наб., д. 23а.

Задачи момента и комсомол.

(К итогам VII с'езда комсомола).

Последний партийный с'езд обратил свое внимание на то обстоятельство, что и в комсомольской организации и в пионерских об'единениях на ряду с явлениями роста и неоспоримыми успехами имеют место кое-где и явления безразличного или даже отрицательного отношения молодежи к этим организациям. В этой связи с'езд указывал на текучесть состава союза и пионерорганизаций, на рост выходов из них как в городе, так и в деревне.

Вскрывая причины подобного рода явлений, партс'езд отметил недостаточную слаженность содержания и методов работы союза с теми запросами, устремлениями и интересами, которые обострились у рабочей и крестьянской молодежи в переживаемую нами полосу хозяйственного роста. Новые условия экономического развития обострили в рабочем классе и крестьянстве вообще и в среде рабочей и крестьянской молодежи в частности, стремление теперь же улучшить свое материальное положение, оздоровить и сделать более культурным свой быт, получить разумное и живое развлечение.

Эти устремления нельзя просто отмести; нужно понять их закономерность и естественность и на них ответить соответствующей политикой комсомола; надо увязать эту тягу к лучшему материальному положению и лучшим бытовым условиям с повседневной работой по строительству социализма.

Только что закончившийся с'езд комсомола учел решения партийного с'езда и наметил в полном согласии с решениями партии практические пути увязки личных устремлений молодого рабочего и крестьянина с общественной работой, с делом социалистического строительства.

Исходя из отмеченных выше соображений, с'езд комсомола подчеркнул необходимость более тесного и непосредственного вовлечения молодежи в строительно-хозяйственную работу, указав одновременно на пути и средства оживления союзной работы в этой области.

Учитывая стремление молодежи улучшить свое материальное положение путем повышения производственной квалификации, с'езд уделил особое внимание вопросам профессионально-технического и агрикультурного образования.

При обсуждении этого вопроса на с'езде делалось ударение на необходимости массового, охватывающего широкие слои молодежи производственного обучения.

Вопрос о приспособлении производственно-квалифицирующей учебы к нуждам и потребностям народного хозяйства, к особенностям различных хозяйственных районов Союза Советских Республик—был поставлен и получил предварительное общее (правда, далеко не полное) решение еще до с'езда; сейчас речь шла именно о расширении производственной учебы, об увеличении ее охвата, о вовлечении в техническо-производственные образовательные организации широчайших слоев молодежи. Поэтому с'езд указал, как на важнейшую и очередную задачу, не только на организацию квалифицированных технических школ с многолетним курсом, но и на устройство массовых курсов, докладов, собраний, вечерних школ, кружков, могущих вовлечь в дело обучения массы молодежи.

В деревне, помимо школ крестьянской молодежи, по тем же соображениям придается исключительно важное значение сельско-хозяйственным кружкам, в работе которых местным союзным работникам рекомендуется использовать знания и опыт агронома и культурного крестьянина-домохозяина. Само собою разумеется, что производственно-техническое обучение должно соответствующим образом сочетаться с политико-воспитательной работой комсомола. На с'езде неоднократно отмечалось, что в отношении политического развития дело обстоит очень слабо, ибо громадные массы комсомольцев являются в политическом отношении неграмотными или малограмотными.

Увеличивая заинтересованность молодежи в хозяйственном строительстве, повышая ее производственную квалификацию, союз одновременно ставит в порядок дня борьбу за новый быт. Рост пьянства, разнузданности, хулиганства, бестолковости и разгильдяйства в повседневной бытовой обстановке выдвигает борьбу за новый быт, как задачу первостепеннейшей важности.

Рост материальной обеспеченности рабочего и крестьянского молодняка создает почву для такой борьбы за новый рационально-организуемый быт. Комсомол должен помочь осознать молодежи эту задачу эпохи, оживить методы клубной работы, содействовать разумному оформлению тяги молодежи к развлечению и живому отдыху.

Необходимо усвоить, что только переделывая свою собственную природу, только воспитывая в себе культурного строителя новых хозяйственных форм, только выступая в роли борца за новый быт, комсомолец сможет в наши дни завоевать, удержать и укрепить политическую гегемонию над рабочей и крестьянской молодежью, а также—в известной мере—и над взрослым поколением пролетариата и крестьянства.

Роль помощника партии в деле руководства советом, кооперацией и другими организациями советской общественности может закрепиться комсомолом только в том случае, если он будет серьезнейшим образом работать над повышением культурной квалификации своих членов.

Совершенно очевидно, что усложнение задач, стоящих перед союзом, требует усиления партийного руководства союзной организацией.

С'езд решительно и единодушно осудил попытку ленинградских союзных оппозиционеров противопоставить часть комсомола партии и ее руководству. С'езд заявил, что он стоит за дальнейшее усиление партийного руководства.

Великая историческая задача переделки поколений и обеспечения преемственности опыта революционной борьбы требует для своего разрешения преодоления тех явлений размычки «трех поколений» строителей социализма, которые кое-где имеют место.

Партия обязана усилить систематическое и повседневное руководство союзом; она должна обеспечить такое положение вещей, при котором бы партиец знал во всякий данный день, чем живет и чем дышит комсомолец; она должна помочь комсомолу правильно поставить воспитательную работу в отношении третьего—пионерского—поколения.

Пути намечены верно. Под руководством партии комсомол пойдет по этим путям вперед, к социализму.

На путях к Дауэсу.

(Ответ тов. Шанину) [1].

«Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» (Н. Ленин, т. XII, часть 2, стр. 58—59).

«По целому ряду вопросов у нас налицо такая путаница и такое забвение элементарных теоретических предпосылок, которые ни к чему хорошему повести не могут» (Г. Сокольников, «Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания»).

I. Долой промышленность!

В своей статье тов. Шанин ни единым словом не обмолвился против решений XIV партийного с'езда. «Совсем наоборот». Он даже ссылается на речь т. Рыкова на Московской губернской партконференции, он не преминул сослаться и на речь т. Сталина на XIV партийном с'езде. Но эти «ссылки» на авторитеты и «тексты» поддерживают партийную линию так, как веревка поддерживает повешенного.

Для примера обратимся к одному месту. Шанин пишет:

«Большинство считает основным несоответствие между продукцией (разрядка моя. *Р. В.*) промышленности и товарными излишками сельского хозяйства. Такое несоответствие бесспорно имеет место. Тем не менее не оно откладывает отпечаток на экономическое положение сегодняшнего дня» [2]).

А что же накладывает отпечаток? «Другое несоответствие»,— авторитетно заявляет Шанин. И в об'яснение этого другого несоответствия Шанин как-будто иными словами тут же повторяет то же самое, что говорит «большинство». «Наше промышленное предложение (разрядка моя. *Р. В.*) недостаточно не только для того, чтобы скомпенсировать всю массу товарной продукции сельского хозяйства, но оно недостаточно даже для

[1]) См. Л. Шанин, „Вопросы экономического курса": «Большевик» № 2, 1926 год.

[2]) «Большевик» № 2, стр. 67 (разрядка Шанина. *Р. В.*)

того только, чтобы покрыть собою часть [1]) товарных излишков крестьянского хозяйства, именно ту часть ее, которая должна быть извлечена для удовлетворения промышленного и экспортного спроса» [2]).

С первого взгляда может показаться, что т. Шанин признает целиком и полностью то, что говорил XIV с'езд. Во всяком случае он не отрицает наличия диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством. Что же это: пустая тавтология? «Перефразировка большинства»? И да, и нет. Как-будто бы Шанин ничего нового в отличие от XIV с'езда партии здесь не говорит. Но он придает мысли «большинства» такую формулировку, из которой на большевистской основе последовательно и логически вылупляется антибольшевистская концепция.

Заметьте: вместо «продукции промышленности» Шанин выдвигает «промышленное предложение». Это—едва заметное почкование шанинской линии, которая «растет» в сторону от партийного понимания хозяйственных проблем.

Может показаться, что мы придираемся к словам «предложение» и «продукция». В самом деле, разве не ясно каждому человеку, что между промышленной продукцией и промпредложением имеется теснейшая связь? Разве не ясно, что для предложения товаров деревне наша социалистическая промышленность должна эти товары раньше всего произвести?

Внешне у Шанина все в порядке. Это было бы так, если бы декларативные заявления Шанина не разоблачали бы себя полностью уже на следующей странице. «Проблема,—заявляет Шанин,—заключается не в несоответствии роста сельского хозяйства и промышленности, взятом в такой общей формулировке, а в несоответствии промышленного и экспортного спроса промышленному и импортному предложению» [3]).

Здесь Шанин берет за одну скобку промышленность и импорт, которые, вместе взятые, должны противостоять крестьянскому предложению. Становясь на точку зрения удовлетворения крестьянского спроса, он проводит знак равенства между производством товаров социалистической промышленности и ввозом товаров из капиталистических стран. Стушевывать принципиальную разницу между двумя этими видами товаров нельзя. С точки зрения потребителей разницы почти никакой нет, но с точки зрения строителей социалистического хозяйства тут разница глубоко-принципиальная. Удовлетворять крестьянский спрос за счет импортных товаров это одно дело, а удовлетворять этот же самый спрос за счет государственной промышленности—другое дело. Между продукцией, т.-е. производством промтоваров на наших фабриках и заводах, и предложением промтоваров, которое идет и за счет ввоза из капиталистических стран—дистанция огромных размеров.

Невинная на первый взгляд подмена понятия «промышленной продукции» понятием «предложение промтоваров» отклоняется

[1]) Разрядка Шанина. *Р. В.*

[2]) Там же, стр. 67.

[3]) Разрядка автора, там же, стр. 68.

сперва в сторону от принятого XIV с'ездом партии курса на индустриализацию страны, а затем выступает и против него.

В первых строках шанинской декларации уже содержится в зародышевом состоянии тот антипартийный экономический курс, который получает у Шанина наиболее яркое и развернутое выражение в процессе дальнейшего изложения.

* * *

Кто обжегся на молоке, тот должен дуть на воду. Шанин, которого не мало ругали за хозяйственную «микроманию», заявляет с самого начала, что он не «минималист», хотя все его дальнейшие построения опровергают это заявление. В заключительных строках первой главы («характеристика положения») он так и пишет: «Речь идет не о том, чтобы сорвавшись на первоначальном плане этого года, перейти к хозяйственному минимализму, а о том, чтобы на опыте сегодняшних затруднений найти более реальные и менее кризисные пути для быстрого роста» [1]). И несколькими строками выше: «Сжатие [2]) это необходимо лишь, как предпосылка к качественной перегруппировке, которая должна послужить исходной точкой для нового наступательного маневра,—для маневра, правда, несколько иного типа, чем испробованный в последнее время, но отнюдь не менее широкого» [3]).

Каков должен быть иной тип развития—об этом Шанин расскажет ниже. Но для того, чтобы обосновать этот «иной тип» он раньше всего мобилизует все, что возможно против социалистической промышленности.

«После того,—пишет он,—как предложение сельско-хозяйственных товаров равняется по предложению промышленных товаров, финансирование товарооборота должно равняться по наличным [4]) промышленным товарам, а не по программе намеченного развертывания промышленности» [5]).

Здесь странным образом финансирование товарооборота противопоставляется развертыванию промышленности. Повидимому, тов. Шаинин имеет в виду устойчивость валюты, и он опасается, как бы чрезмерное «выуживание» средств благодаря финансированию товарооборота не превратилось в политику инфляции. Это вопрос соблюдения определенной осторожности в отношении нашей валюты, вопрос, который, конечно, игнорировать нельзя.

Но нельзя, с другой стороны, считать правильным положение, когда финансирование товарооборота равняется только по наличным промтоварам. Это парализует всякие пути промышленного развития.

По Шанину, финансирование товарооборота должно служить только потребностям рыночной стихии. По нашему же оно должно служить не только задачам рынка, но также и социалистическому строительству, в частности задачам промышленного накопления. Нужно оба эти момента сочетать с максимальной для нас пользой. Ведь и во всяком «приличном» буржуазном государстве сфера обращения, в целом, и такие

---

[1]) «Большевик» № 2, стр. 66. Курсив автора. *Р. В.*
[2]) Речь идет о сокращении первоначальных планов на 1925—26 г.
[3]) Там же, стр. 66. Курсив наш. *Р. В.*
[4]) Курсив Шанина. *Р. В.*
[5]) «Большевик» № 2, стр. 65. Курсив мой. *Р. В.*

части ее, как денежная и кредитная система, служат не только целям обмена, но и накопления.

Если в ранее цитированных рассуждениях Шанин, смешивая промышленную продукцию с предложением, саботировал промышленное развитие с точки зрения крестьянского потребления, то тут он делает то же самое с точки зрения валютной. В этом вопросе Шанин не одинок. Его верным союзником является тов. Сокольников.

«Деньги,—пишет Сокольников,—являются таким перекрестком, где смыкаются, с одной стороны, интересы хозяйства, с другой—основные политические интересы. Валюта не только инструмент товарообмена, это инструмент ведения государственного хозяйства и возможности вообще существования государства, как организации политической власти, организации культурного хозяйства, организации, обеспечивающей военную оборону и т. д.» [1]).

Если Шанин считает, что валюта служит только рынку, то Сокольников знает, что она служит также и государству. Он учитывает и политическую сторону. Но эта истина, известная каждому толковому буржуазному экономисту, совершенно недостаточна и до бессодержательности тривиальна в наших условиях. У нас валюта служит и должна служить не только рынку, не только культуре и армии, но и хозяйственному социалистическому строительству. И у Шанина, и у Сокольникова социалистическое строительство игнорируется.

Шанин молчаливо переносит на наш переходный период предпосылки простого товарного хозяйства.

Не вздумает же товарищ Шанин отказывать «нормальному» капиталистическому хозяйству в праве авансировать деньги на расширение производства: покупку рабочей силы, сырья, оборудования и т. д.

Чем же «наши хуже ваших»? Почему должны быть исключены задачи развертывания промышленности?

Шанин, быть может, попытается укрыться под формальным разграничением между финансированием товарооборота и финансированием промышленности. Мы не станем отрицать важности такого разграничения. Однако, оно не должно затемнять существа вопроса, которое заключается в том, что в условиях товарного хозяйства деньги, авансируемые на расширение промышленности, не могут не попасть в товарооборот, ибо других путей плодотворного использования денежных капиталов для промышленного строительства товарное хозяйство не знает.

Конечно, нужно соблюдать меру в финансировании всех отраслей народного хозяйства, оберегая устойчивость нашей валюты. В этой плоскости может итти речь о размерах кредитов и эмиссии, это спор о количестве, но не о качестве.

Шанин же выдвигает принципиально иную постановку вопроса, качественно отличную, сводящуюся к тому, что товарооборот наш должен финансироваться только под углом зрения рыночной стихии, без всякой оглядки на задачи социалистического развития.

Это уже не простая осторожность, но принципиальный хвостизм.

---

[1]) Г. Я. Сокольников, «Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания», Москва, 1926 г., стр. 35—36.

Помимо валюты, Шанин вооружил против промышленности еще ряд моментов: рабочую силу, элементы воспроизводства in natura, процесс образования капиталов и рынок сбыта товаров [1]).

Что касается рабочей силы, то «процесс воспроизводства рабочей силы и в тех отраслях промышленности, которые требуют высококвалифицированных рабочих, идет далеко не одинаковым темпом» [2]). Все же, «в каком темпе» идет воспроизводство рабочей силы? Какие здесь отрицательные и положительные стороны для промышленности? Каковы наши возможности в области воспроизводства рабочей силы внутри страны? Не выгодно ли нам вместо ввоза товаров ввозить квалифицированных рабочих из-за границы? Все эти и подобные вопросы Шаниным даже не затрагиваются. Между тем этими вопросами нужно было заняться раньше, чем делать выводы о том, что в данном отношении развертывание промышленности парализуется.

Из натуральных элементов воспроизводства Шанин затрагивает только сырье. Констатируя, что одни отрасли промышленности подвержены затруднениям со стороны сырьевой базы, тов. Шанин ни слова не говорит о тех отраслях промышленности, которые имеют благоприятную сырьевую базу. Здесь—нарочитое сгущение красок.

Одного, конечно, даже тов. Шанин не посмеет отрицать, а именно, что рынок сбыта для нашей промышленности бесспорно имеется. И, поневоле констатируя это обстоятельство, тов. Шанин считает нужным немедленно смягчить то впечатление, которое создается в пользу развития промышленности, и добавляет: «Тем не менее развитие нашей промышленности не сможет пойти в том темпе, в каком пойдет сельское хозяйство» [3]).

Обоснованность такого заключения, особенно по отношению к рынку сбыта, далеко уступает смелости его.

По вопросу о капиталообразовании, как и по вопросу о рабочей силе, Шанин тоже отделывается одними суммарными заявлениями. Он не говорит ничего ни о возможностях капиталообразования в самой промышленности, ни о возможностях получения средств из других отраслей народного хозяйства внутри страны.

Между тем, в этой связи не мешало бы вспомнить, что кое-какое накопление наша промышленность уже имеет и что возможность капиталообразования за счет средств самой промышленности вовсе не является такой утопией, как некоторым кажется. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что прибыли нашей промышленности из года в год растут [4]).

---

1) «Большевик» № 2, стр. 69.

2) Там же, стр. 69.

3) Там же, стр. 69.

4) Вообще, прибыли нашей госпромышленности представляются до сих пор выясненными далеко не полностью. Если в 1923—24 г. они, по данным ВСНХ, составляли 190 милл. руб., а по данным НКФ — 220 милл. руб. (в этом вопросе ВСНХ является, в противовес НКФ, сторонником «малых чисел»), то по самым предварительным подсчетам ВСНХ на 1 октября 1925 года прибыли промышленности составляют 340 милл. рублей. Важно подчеркнуть, что сюда не входят как раз те суммы, которые уже пошли в накопление, а именно затраты на те новые капитальные работы, которые в течение последних лет производились в промышленности и «сидят» в отчетах под скромным видом затрат на текущий ремонт (см. Б. Гухман, „Сумма доходов СССР“. «Плановое Хозяйство» № 1, за 1926 год). Нужно об'явить решительную борьбу тому предрассудку, по которому наша промышленность не имеет внутренних сил: из пеленок «военного коммунизма» мы уже вышли.

Имеются также и пути внутренних займов, которые Шаниным тоже почему-то отрезываются.

Перспективы долгосрочных заграничных займов в форме промышленного оборудования Шаниным à priori исключаются. В настоящее время мы стоим, например, перед возможностью получения германского займа для оборудования промышленности. Заем этот мыслится, как долгосрочный. Если Шанин, не без некоторого основания, считает заграничные займы проблематичными, то Сокольников высказывается против них принципиально. «Для Советской страны,—пишет он,—основным путем вне всякого сомнения должна быть и может быть не политика долгосрочных займов, не политика иностранных кредитов, а путь развития экспорта» [1]).

Иностранные займы у капиталистических держав—вещь далеко непривлекательная. Но и они в определенных размерах могут сослужить нашему строительству большую службу. Зачем же против них зарекаться?

Вряд ли найдется кто-нибудь, кто стал бы утверждать будто мы имеем безграничные возможности капиталообразования. Но одно бесспорно: кой-какие пути капиталообразования имеются в настоящее время. Они идут по линии накопления в самой промышленности, а также по линии бюджета и кредитных операций. Бюджет (в частности, налоги и акцизы) и кредит—вот пути мобилизации «гуляющих» и непроизводительных (с народно-хозяйственной точки зрения) частных капиталов. Нужна, кроме того, строжайшая экономия в самой промышленности и в госаппарате. Кроме того, следует не отбрыкиваться и от иностранных займов, но стараться их развить в полной мере. Итак, по мнению Шанина, в ближайшее время нет путей для капиталообразования. А по мнению Сокольникова, от этих путей следует отказаться, если они идут по линии долгосрочных займов. Зато оба они сходятся в том, что единственный верный путь—это сельско-хозяйственный экспорт.

Сгущая темные стороны промышленного развития, Шанин в то же время всячески выпячивает «светлые» стороны сельско-хозяйственного развития. Но о каком сельском хозяйстве идет у Шанина речь? Он говорит о «быстром росте сельского хозяйства», а не о его технической реконструкции. Он восторженно отзывается о низком органическом строении капитала в сельском хозяйстве (ничтожная величина постоянного капитала по отношению к переменному), о непритязательности сельского хозяйства в области капиталов и квалифицированной рабочей силы [2]). Тут возводится в идеал та отчаянная техническая отсталость, которая характеризует наше сельское хозяйство.

Шанин, повидимому, всерьез думает, что с таким сельским хозяйством мы будем достаточно конкурентоспособны на мировом рынке и что такое сельское хозяйство призвано долгие годы превалировать над промышленностью.

Хорошо сделал бы товарищ Шанин, если бы он поставил во всю ширь вопрос о технической реконструкции сельско-хозяйственных производительных сил. Он навел бы некоторую тень убедительности на свою теорию, если бы он попытался проана-

---

1) Г. Сокольников, упом. кн., стр. 17.

2) См. там же, стр. 69.

лизировать, пойдет ли реконструкция сельского хозяйства успешнее и дешевле, чем реконструкция промышленности [1]). Но, к сожалению, он и этого не сделал.

Зачем понадобился весь этот арсенал тенденциозных «доводов» и сгущенных красок? Не для того ли только, чтобы доказать, что в нашем хозяйстве органически заложена неравномерность развития сельского хозяйства и промышленности?

И поэтому мы с особым изумлением (чтоб не сказать больше) читаем заключительные строки его рассуждений о неравномерности развития сельского хозяйства и промышленности.

«В противовес распространенному представлению о возможности равномерного развития промышленности и сельского хозяйства, необходимо легализовать в партийном сознании обратное представление: невозможность на ближайшие годы такой гармоничности и тщетность на ближайший период усилий догнать с нашей промышленностью сельское хозяйство» [2]).

Ничего себе—«легализация»!

Она означает, что нужно поставить на голову все наше «партийное сознание». Из коммунистического оно должно превратиться почти в народническое. Но для этого нужна одна «малость»: предварительное перерождение коллективного партийного сознания.

II. «Чистая» теория или «чистая» профанация.

Шанин пытается построить «схему нашего развития под углом зрения чистой экономики».

Под углом зрения «чистых» построений тов. Шанин, без всякого зазрения партийной совести совершенно вычеркивает социалистические задачи нашей страны. Вместо задачи построения социализма он выдвигает на первый план другую, которая формулируется в следующих словах: «Возможность под'ема народного хозяйства за счет сельско-хозяйственного экспорта, т.-е. возможность максимально-дешевого под'ема народного хозяйства, есть величайший плюс для нашей экономики. Он должен был бы быть использован поэтому в максимальной мере» [3]). Здесь тов. Шанин совершенно выплевывает социальные отношения, заменяя их материальными процессами. Если говорить только о «под'еме народного хозяйства», только о развитии материальных процессов, безотносительно к их социальному содержанию, то с точки зрения политической коммунистическая идеология стушевывается. Ее место, в лучшем случае, заступает идеология сменовеховская.

Шанин выдвигает очень любопытную концепцию, которая таит в себе немаловажные последствия. Предоставим слово самому изобретателю новых рецептов: «Если мы считаем, что нам предстоит, примерно, 10 лет «нормального сотрудничества» с капиталистическим окружением, то мы могли бы остановиться на таком типе развития, который обеспечил бы нам максимально возможное развитие промышленности через 10 лет, допуская замедленный рост ее в течение ближайших, скажем, пяти лет, если только такое замедление обещает нам в дальнейшем реши-

---

[1]) Мы пока не говорим о социальных процессах, связанных с этим.
[2]) Там же, стр. 71, курсив мой. *Р. В.*
[3]) Там же стр. 74, разрядка автора.

тельный промышленный реванш. Мы могли бы тогда в течение этих ближайших лет форсировать сельское хозяйство, сведя к минимуму перекачку из него в промышленность с тем, чтобы на основе этого поднять сельское хозяйство столь пышно, чтобы черпая из этого широко разросшегося резервуара, в течение последних пяти лет не только возместить то, что было в первое пятилетие потеряно в темпе промышленного развития, но и с лихвой обогнать упущенные возможности. Такой план, однако, целиком базировался бы на предположении, что нам обеспечены 10 лет мирного сотрудничества. Если бы такая гарантия существовала, мы на самом деле ничем не рисковали бы, если бы на первых порах наша экономическая и военная обороноспособность была несколько ослаблена, но зато на этих дрожжах заметно взошла наша промышленность и укрепилась обороноспособность к концу десятилетия» [1]).

Мы позволили себе привести эту длинную цитату без всяких сокращений потому, что в ней сконцентрирован «весь Шанин»; здесь механическое, антидиалектическое мышление выступает голым, без прикрас, как родила сама шанинская незатейливость.

Из чего исходит т. Шанин? Первое: примерно, десят лет мирного сожительства с капиталистическими странами; второе: пятилетие форсированного развития сельского хозяйства; третье: то же пятилетие замедленного развития промышленности; четвертое: разбогатевшее через пять лет сельское хозяйство, из которого черпаются рессурсы для промышленности, и, наконец, пятое: пять последних лет развития промышленности. Здесь все гладко, стройно и последовательно... безжизненно.

Die erste Kolonne marschiert!
Die zweite Kolonne marschiert!..

Пять колонн, выступающих в исторической последовательности по шанинским приказам.

А если вдруг, товарищ Шанин, какая-нибудь колонна Вас не послушается, забастовку об'явит—не хочу дальше двигаться, или хочу по другому пути продвигаться?

А, ведь, весь шанинский план ведет к тому, что на определенном пункте парадного марша количество враждебных пролетариату экономических сил должно столь возрасти, что оно перейдет в новое экономическое и политическое качество. Это новое «социальное качество» будет неизмеримо сильнее, чем рабочий класс и его власть. Оно будет обладать такой силой, чтобы советской власти не подчиниться.

В самом деле, какая чистая тенденция здесь кроется?

Обратимся к «марширующим колоннам». Первая: нормальное сотрудничество с другими странами создается рядом факторов, лежащих и внутри нашей страны и за рубежом. Для того, чтобы не усложнять вопрос, остановимся только на наших внутренних факторах. Так как Вы, товарищ Шанин, считаете себя материалистом, то Вы обязаны согласиться с тем, что для длительного мирного сожительства с капиталистическими странами требуется с нашей стороны отнюдь не одна только наркоминдельская мудрость. Последняя представляет собою колоссальную ценность.

---

[1]) «Большевик» № 2, стр. 79—80.

Все же она нуждается в некоторой постоянной подмоге со стороны нашей экономической и военной мощи. Хорошие чичеринские ноты, направленные на цели мирного сожительства с капиталистическими державами, приобретают для последних тем больше силы убеждения, чем больше эти ноты опираются на растущие процессы социалистического строительства, чем больше они аргументируют нашей социальной и материальной мощью. Между тем путь форсирования сельского хозяйства и замедленного продвижения промышленности ведет к ослаблению нашей обороноспособности. В этом вопросе между нами и тов. Шаниным разногласий нет, ибо он в своей концепции и сходит из того, что «на первых порах наша экономическая и военная обороноспособность была (бы) несколько ослаблена». Здесь Шанин свободен от всяких иллюзий. Он знает, что в первые годы его план должен повести к ослаблению хозяйственной и военной мощи страны. А если так, то не вызовет ли это в ближайшее же время ухудшения условий мирного сожительства с капиталистическими странами? Не явится ли шанинская политика таким фактором, который обескровливает и почти аннулирует его первую предпосылку—«мирное сожительство»? Если б т. Шанин обнаруживал мало-мальски диалектический подход, он бы понимал, что противоречивое движение явлений приводит к тому, что его экономический курс делает несостоятельной его первую международно-политическую предпосылку, ибо по мере того, как будет, хотя бы «временно», ослабляться военная и хозяйственная мощь СССР, отношение к нам со стороны капиталистического окружения должно неизбежно ухудшаться. И пионеры знают, что миролюбивое отношение к нам со стороны капиталистических стран имеет своей основой, помимо причин международного характера, наш внутренний экономический и политический рост. «Миролюбие к нам прямо-пропорционально нашему могуществу. Кто этого не понимает, тот может обольщаться вульгарно-механистическим планом Шанина: ослаблять нашу хозяйственную мощь, сохраняя в то же время миролюбивые международные отношения.

Переходим ко второй и третьей колонне. Какова их чистая тенденция? Что должен дать убыстренный темп развития сельского хозяйства и замедленный темп развития промышленности?

Мы не думаем, чтобы даже т. Шанин мыслил себе такой «чистый» путь аграрного развития страны, при котором «нормальная аграризация» могла бы протекать без всяких «промышленных дополнений». Сельское хозяйство нуждается не только в рынке сбыта своих товаров, но и в рынке приобретения промтоваров. И если государственная промышленность товаров не дает, то их следует искать либо у иностранных промышленников, либо у частных производителей промтоваров внутри страны. При определенных условиях неудовлетворенный спрос деревни может стимулировать такой темп развития частной промышленности (сперва кустарной, а затем и более крупной), какой чреват немаловажными последствиями для нашей крупной госпромышленности.

Усилится вместе с тем процесс роста частного торгового капитала и стремление этого капитала захватить у нас и кой-какие позиции в промышленных высотах. Не лишне будет напомнить

т. Шанину одно из ленинских положений. В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин писал: «В последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними» [1]).

Из двух возможностей, намеченных в этих строках Ильича, тов. Шанин идет во всяком случае не по линии первой возможности. Осуществление его плана приведет к разрыву союза рабочих и крестьян и весьма усилит темп роста той самой новой буржуазии, которая вклинивается враждебной силой между двумя основными классами нашей страны. Шанинский маршрут должен усилить существующую между госпромышленностью и сельским хозяйством диспропорцию развития и выявить ряд весьма отрицательных моментов.

Убыстренный темп развития сельского хозяйства вызовет еще более сильный спрос со стороны деревни, особенно верхушечных слоев ее. Промышленность же при замедленном темпе развития будет еще меньше в состоянии удовлетворять товарный спрос деревни. Отсюда—неизбежность «размычки» между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством. Деревня обратит свои взоры не только на частную промышленность внутри страны, но и на те пути, которые непосредственно, помимо нас и против нас, ведут к дешевому иностранному товару. Шанинская политика должна вызвать среди кулачества тенденцию к смычке с контрабандой и к отмене монополии внешней торговли—одной из наших важнейших командных высот на хозяйственном фронте.

Шанинская политика «первых пяти лет» таит в себе не только экономические, но и политические опасности.

Обострение экономических отношений с крестьянством должно привести и к внутренним политическим осложнениям. Нэп тогда превращается из политики строительства социализма в политику, ведущую либо к беспрерывной борьбе между усиливающимся крестьянством и все ослабляющимся пролетариатом, либо к полосе уступок как крестьянству, так и иностранному капиталу. Теория, гласящая, что нэп есть беспрерывное отступление, вступит в свои права и будет господствовать безраздельно. «Если нет отступления, его надо создать». Шанинская программа обеспечит это целиком и полностью.

Триумфальный марш второй и третьей из шанинских колонн ставит под жесточайший удар все наши завоевания.

Помножьте друг на друга результаты первых трех шанинских походов,—и вы получите всю сумму условий, необходимую для того, чтобы выбить господствующий пролетариат из седла, в котором он сидит в настоящее время.

Точка. О четвертой и пятой колонне говорить уж не приходится. Они окажутся вне пределов нашего воздействия.

Тут мы подходим к непролазной наивности шанинских иллюзий. Тов. Шанин мечтает о промышленном реванше. Он думает,

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 115—116, разрядка моя. *Р. В.*

что можно «поднять сельское хозяйство столь пышно, чтобы, черпая из этого широко разросшегося резервуара в течение последних пяти лет, не только возместить то, что было в первое пятилетие потеряно в темпе промышленного развития, но и с лихвой обогнать упущенные возможности». Но в том-то и дело, что возросшие капиталистические силы внутри страны и усилившееся враждебное отношение к нам капиталистического Запада (а все это—неизбежный результат шанинской политики, если бы партия послушалась его) не дадут нам возможности перекачивать средства из сельского хозяйства в промышленность. Социально-импотентный рабочий класс не будет в состоянии выкачивать средства из капиталистически-окрепших элементов страны.

Станция Чухлома! Дальше Советский поезд не двигается!..

Начинается эра развития на аграрно-колониальной основе.

Упущенное шанинское «пятилетие» представляет собою не просто упущенное время, но—что ужаснее всего—упущенный тип развития. Недостаточное развитие промышленности в ближайшее время ведет неизбежно к тому, что аграрный тип развития страны возьмет верх и отрежет на долгие годы пути для развития промышленности на социалистической основе.

Нельзя же в самом деле представлять себе дело так, как тов. Шанин. Он мечтает о каком-то «широко разросшемся резервуаре», которым можно беспрепятственно маневрировать в любое время. Что же такое этот «резервуар»? Неужели это какая-то бочка нефти, которую можно сегодня накачивать, а через пять лет столь же легко выкачивать?

Он забывает, что на этой «бочке нефти» сидит живое человеческое общество, которое диалектически развивается. Он не понимает, что для деревни «пятилетнее накачивание» имеет свои глубочайшие социальные последствия.

Шанину все эти соображения чужды.

Но в одном ему нельзя отказать. Он, повидимому, понимает, что ослабление внимания к промышленности должно направить внимание страны к зарубежным товарам. Поэтому он на протяжении всей своей статьи неоднократно подчеркивает важность внешней торговли. «Классическим» можно считать один из заключительных аккордов его «теории»: «Пролетариат должен несколько менее оттенять свою роль носителя быстро развертывающейся промышленности и должен несколько выдвинуть вперед свою роль организатора внешней торговли» [1]).

Шанинский план и ведет к тому, что господствующая роль в организации внешней торговли будет выпадать из наших рук. Ослабление базы социалистического строительства, падение роли крупной промышленности по отношению к сельскому хозяйству поведет с непреложностью истматовских законов к ослаблению всех наших командных высот, в том числе и монополии внешней торговли. Не учитывая этой опасности, Шанин продолжает «углублять» свои взгляды: «Указываемый нами тип развития связан с известной перегруппировкой элементов внутри

[1]) «Большевик» № 2, стр. 87, разрядка моя. *Р. В.*

социалистического ядра нашей экономики. Он связан с усилением роли монопольно организованной внешней торговли, кооперации, с.-х. кредита и транспорта и с сравнительным (отнюдь не абсолютным) замедлением роста госпромышленности. Эта перегруппировка пойдет одновременно с значительным усилением и ростом социалистического ядра в целом. Последнее будет в течение этих лет расти, при чем этот рост будет опережать рост частно-хозяйственной периферии» [1]).

Выходит, что в монополии внешней торговли, в кооперации, в сельско-хозяйственном кредите и в транспорте заложены самодовлеющие, ни от кого не зависящие «социалистические» бациллы.

Кооперация, кредит и прочие хорошие вещи не являются сами по себе социалистическими. Они, как и всякие другие формы общественных отношений, могут итти по пути социалистического развития, если в обществе имеются соответствующие к тому предпосылки. Но при определенных условиях они могут превратиться в орудия капиталистического развития.

Основной предпосылкой является характер производства, его технический уровень и его общественная организация.

Сфера обмена, к которой относится значительная часть кооперации и вся торговля, суть функции от производства. «Производство» в противоположности своих определений охватывает как самого себя, так и остальные моменты [2]). С него каждый раз вновь начинается процесс. Что обмен и потребление не имеют господствующего значения, это ясно само собою... Определенная (форма) производства обусловливает, таким образом, определенные (формы) потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу» [3]).

Рабочий класс является носителем тех социалистических тенденций, тех новых отношений, которые создаются в нашей промышленности, как на социалистической базе. Те социалистические тенденции, которые имеются в кооперации и кредите, выражают в основном экономические отношения пролетариата, как коллективного хозяина социалистической промышленности, ко всем остальным группам населения. Не отрицая огромной роли тех командных высот, которые мы имеем в сфере обмена и распределения, мы должны все же признать, что их значение обусловлено нашим господством в определенной сфере производства—в промышленности.

И если пролетариат может через систему госторговли, кооперации и кредита форсировать развитие социалистических тенденций в сельском хозяйстве и ослаблять капиталистические возможности, то это не потому, что кооперация, кредит и торговля сами по себе «социалистичны», а потому, что промышленность, которую пролетариат представляет, выявляет мощные социалистические тенденции.

[1]) «Большевик» № 2, стр. 83.

[2]) Разрядка моя. *Р. В.*

[3]) Разрядка автора. См. К. Маркс, «К критике политической экономии», издание «Московского рабочего», 1922 г., стр. 23.

Отрежьте «промышленность»—и вся система отношений, созданная Октябрьской революцией, полетит в бездну капитализма или «патриархальщины». Попробуйте ослабить промышленность, и «социализм» наших рычагов до основания пошатнется. Конечно, и кооперация, и торговля, и кредит имеют колоссальное значение, как орудия социалистического строительства, но они теряют свое значение при отсутствии социалистической промышленности и ее развития.

Когда читаешь цитированные выше строки Шанина, которые осеняют торговлю, кооперацию, кредит и транспорт каким-то «изначальным», «предвечным» и «незыблемым» социалистическим духом, то невольно вспоминается небезызвестное место Маркса, направленное против «Шанина» того времени. Против Прудона, который не понимал диалектики экономических отношений, Маркс писал: «Что мы сказали бы о химике, который, вместо того, чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на почве их определенные задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ сообразно «вечным идеям»?[1]).

Про алхимика, рождающего социалистический элексир путем ополчения против социалистических тенденций развития, ничего больше сказать нельзя.

III. Общественные классы в роли марионеток.

Путь к превращению страны в колонию открыт полностью. «Идеология колонии» немилосердно держит Шанина в своих руках. Отодвинув во имя ее на задний план промышленность, превратив кооперацию и кредит в самодовлеющие «социализмы», «идеология колонии» заставляет Шанина фаворизировать, кроме сельского хозяйства и внешней торговли, еще одну отрасль—транспорт. Почему транспорт? Мотивировка Шанина по этому вопросу заслуживает самого пристального внимания. Вот что он пишет: «Задержка в промышленном строительстве освободит некоторые рессурсы для транспортного строительства. Транспорт импортировать, к сожалению, нельзя. Можно максимум импортировать отдельные элементы его. Между тем, промышленную продукцию импортировать можно. А транспорт нам придется в ближайшее же время серьезно двигать вперед, охватывая им подымающуюся экономику отсталых районов»[2]).

Нельзя не вспомнить, что против промышленности Шанин выдвинул пять адских пунктов, которые заставляют промышленность «в первые годы» относительно стушевываться.

Следует поэтому испробовать в отношении транспорта направленную против промышленности силу шанинского оружия.

Во-первых, Шанин исходит из того, что промышленность освободит некоторые средства для транспортного строительства. Мы помним, что против финансирования промышленности Шанин выдвигал тот мотив, что «финансирование товарооборота должно равняться по наличным промышленным товарам, а не по программе намеченного развертывания промышленности»[3]).

[1]) «Капитал», т. I, отд. 1. 43 примечание.
[2]) «Большевик», № 2 за 1926 г., стр. 83.
[3]) Там же, стр. 65. Курсив автора. *Р. В.*

Теперь мы видим, что промышленности не только не следует давать средства на свое развертывание, но из нее еще следует высвобождать рессурсы для транспортного строительства.

Но встает другой вопрос. Разве вложение средств в транспорт не означает, что финансирование товарооборота должно равняться не по наличным транспортным средствам, а по программе намеченного развертывания транспорта? Почему такая немилость в отношении промышленности—об этом «чистая» экономика умалчивает.

Для строительства транспорта нужно извлекать некоторые материальные средства из товарооборота?—Нужно. Нужно авансировать капитал на транспортное строительство?—Тоже нужно. Чем же в этом отношении промышленность хуже транспорта? Ничем абсолютно.

Во-вторых, имеет ли транспорт достаточно квалифицированной рабочей силы? Чем в этом отношении транспорт лучше промышленности? Об этом Шанин ни слова не говорит и сказать ему в свою пользу нечего. С квалифицированной рабочей силой для транспортного строительства у нас обстоит в общем и целом так же хорошо и так же плохо, как и с квалифицированной рабочей силой для развертывания промышленности.

В-третьих, имеет ли наша страна те «самые натуральные производственные элементы», которые нужны для транспортного строительства? Нет, не имеет. И, в этом отношении транспорт никакими преимуществами перед промышленностью не отличается. «Транспорт,—говорит Шанин,—импортировать, к сожалению, нельзя, а отдельные элементы его можно».

Стопроцентная истина глаголет Вашими устами, товарищ Шанин. Но разрешите Вас спросить: если можно импортировать «отдельные элементы транспорта», почему нельзя импортировать «отдельных элементов» для промышленного оборудования?

Вместо того, чтобы говорить о производстве средств производства внутри страны, или хотя бы об их импортировании, т.-е. о техническом усилении основной социалистической базы—промышленности—Вы, товарищ Шанин, говорите о ввозе «промышленной продукции», о «снабжении крестьянства промтоварами», словом, о том, что приличествует делать для всякой аграрной колонии.

В этом отношении следует отличать политику временного маневренного импорта готовых изделий от той политики, которая превращает этот временный маневр в господствующую систему. От первого пути мы не зарекаемся. Но тот путь, который вводит в систему импорт готовых товаров на основе катастрофически медленного развития промышленности, при форсированном развитии сельского хозяйства, транспорта и внешней торговли,—этот путь ведет к превращению советской страны в колониальную.

В-четвертых. Против промышленности был выставлен таран в виде «темпа капиталонакопления». Но если в отношении промышленности Шанин хотя бы декларировал слабый темп капиталонакопления, то в отношении транспорта этот вопрос им даже не затрагивается.

В-пятых, наконец, рынок сбыта. Стоит ли сомневаться в том, что транспорт найдет кого обслуживать? «А транспорт,—заявляет тов. Шанин,—нам придется в ближайшее же время

серьезно двигать вперед, охватывая им подымающуюся экономику (читай: колониальную аграризацию. *Р. В.*) отсталых районов».

Правильно, тов. Шанин! Нужно двигать транспорт вперед. Для смычки нашей сельско-хозяйственной продукции с иностранными промтоварами нужно сдерживать промышленность и развивать транспорт!..

Это первейшее условие. Его осуществляет финансовый капитал в каждой аграрной колонии. История экономических и военных завоеваний колоний финансовым капиталом неразрывно связана с строительством транспорта, с ввозом промтоваров и вывозом сельско-хозяйственных продуктов.

Мы не сомневаемся в том, что Шанин, как коммунист, считает себя злейшим врагом международного капитала и что транспорт он собирается строить в интересах коммунизма. Но, к сожалению, благие суб'ективные намерения дают подчас прямо противоположные результаты.

Об'ективное значение развития транспорта во всей шанинской концепции именно таково, что оно призвано будет служить целям международной буржуазии.

Логическая последовательность заставляет Шанина форсировать транспорт, хотя с точки зрения его «чистой» экономики транспортное строительство не отличается никакими «чисто экономическими» преимуществами перед промышленным строительством.

Чувствуя, что его план «не совсем» вяжется с социалистическим типом развития, Шанин готовит для своей теории путь к отступлению.

И тут начинается самое потешное.

Тип развития нашей страны определяется, по Шанину, двумя моментами: 1) теорией «чистой» экономики, далекой от марксо-ленинизма и от реальной действительности и 2) тем, что «тип нашего экономического развития есть функция срока нашего мирного «сотрудничества» с Западом»[1]).

Внутренние силы нашего развития играют для Шанина чрезвычайно ничтожную роль.

Исходя из этого, Шанин вносит поправку в свой «чисто-экономический» план. Если, рассуждает он, нам предстоит десять лет мирного жития, то следует в течение пяти лет форсировать развитие сельского хозяйства, а затем—пять лет гнать вверх промышленность. Если же в наших руках окажется только четыре года, то мы должны два года посвятить сельскому хозяйству и два года промышленности. В одном Шанину, конечно, нельзя отказать: в знании арифметических правил деления.

Наш знаток арифметики еще более осторожен и скромен. Он с десяти лет опускается, наконец, и до одного года. «Если,—говорит он,—в будущем году обстановка сложится таким образом, что срок этот (срок окончания нашей военной передышки. *Р. В.*) окажется более близким, чем мы это предполагали, мы должны будем энергично и быстро перегруппироваться, чтобы

[1]) Там же, стр. 80, курсив Шанина. *Р. В.*

встретить столкновение, разыгравшееся ранее ожидавшегося, более вооруженными»[1]).

Шанин, надеемся, не бросает слов на ветер. Ведь он указывает партии новые пути. Поэтому постараемся проследить конкретно, что представляет собою шанинская «игра на срок».

Вот мы начали новый хозяйственный год «по Шанину». Выкачали кое-что из промышленности и вложили в капитальное строительство по транспорту. Авансировали деньги на сельское хозяйство, роздали кредиты в частные крестьянские руки. Бросили, наконец, крупные средства на внешнюю торговлю и ввезли мануфактуру, сахар и все прочее для крестьянского потребления.

Это—из области «чистой экономики», а в области социальных отношений произошло за это время то, что в городе заработная плата рабочих снизилась, политические настроения рабочих немножко пали, а численность и мощь рабочего класса увеличилась на ничтожный процент в сравнении с ростом кулачества и частного капитала в деревне. Ослабли и социалистические ростки деревни. Возросла сила частного капитала и в городе.

Все это рикошетом ударяет и по кооперации и по государственному кредиту и нажимает также на монополию внешней торговли. Словом, рабочий класс «немножечко» отступает, а капитализм «немножечко» наступает по всему фронту.

И в такое прекрасное время, когда под ясным советским небом наливается резервуар «социалистического капитализма», вдруг разражается гром «керзониады». В такую пору, как признает «сам» Шанин, надо перестраиваться.

Как же нам, выражаясь словами Шанина, «быстро перегруппироваться»?

Очевидно, нужно издать декрет о том, чтобы капиталистические тенденции развития вернули те позиции, которые они отняли у социалистических тенденций развития.

По части «чистой экономики» следует сахар превратить в пушки, а заграничную мануфактуру переработать в станки для наших фабрик и заводов. Деньги, вложенные в сельское хозяйство, придется приказом в один день вынуть и перебросить в другое место.

Вот так—и только так!—придется вести экономическую и социально-политическую перегруппировку.

Нужно иметь представление об общественных классах, как о каких-то мертвых куклах, которые можно поворачивать и направлять по прихоти маленького ребенка, куда захочется. Нужно ничего не смыслить ни в «чистой экономике», ни в классовых отношениях, чтобы думать, что можно народное хозяйство и живых людей заставить каждый день фиглярничать и танцовать на канате так, чтобы они не расшибли твою собственную голову.

Но, ведь, это худший вид бюрократического, вреднейшего планирования и государственного «управления»!

[1]) Там же, стр. 81.

IV. Заключение.

В чем заключается та апельсиновая корка, о которую споткнулся Шанин?

Шанин с наивным видом останавливается перед вопросом: как это получается, что в стране, где наблюдается товарный голод на промтовары, «значительному росту крестьянской продукции соответствует явный недостаток крестьянского предложения»? [1]).

Он не уясняет себе, что предложение промтоваров с нашей стороны должно явиться стимулирующим моментом для крестьянского предложения. А потому нужно использовать все меры к развитию промышленности.

Вместо того, чтобы направить свою мысль именно в эту сторону и поставить вопрос о диалектической взаимозависимости между производством промтоваров и предложением сельско-хозяйственных продуктов, Шанин перевел вопрос в плоскость метафизики.

В высшей степени характерным для рассуждений тов. Шанина является следующая концепция.

«Если для нормальной производственной работы,—пишет он—необходим в качестве оборотного товарного капитала, скажем, месячный запас товаров и если фактические запасы не превышают этой нормы, то расширение основных капиталов не может иметь место. Лишь по мере образования, скажем, шестинедельного или двухмесячного запаса вложение в основные капиталы может достигнуть размеров, соответствующих избытку товарных запасов над указанной месячной нормой оборотного запаса» [2]).

Мы не будем спорить против этого положения. Оно верно для отдельного предприятия и для отдельных отраслей промышленности.

Но тот универсальный вывод, который Шанин отсюда делает, вызывает возражения.

«Поэтому [3]),—пишет он,—предпосылкой [4]) бескризисного расширения основных капиталов является некоторое предварительное [5]) насыщение рынка как сельско-хозяйственными, так и промышленными товарами» [6]).

Причинная связь, устанавливаемая Шаниным, явно незакономерная. Частное явление он, без достаточных оснований, возводит в общий принцип для народного хозяйства в целом. Вовсе не обязательно насытить рынок товарами в один день. Насыщение это может происходить скачкообразно. Более того, развитие одних отраслей промышленности может и должно служить толчком к развитию других отраслей. Шанин категорически настаивает на том, что «преодоление товарного голода есть предварительное условие расширения основных капиталов». В такой постановке шанинское положение напоминает старый спор о том, что родилось раньше: курица или яйцо?

---

[1]) Там же, стр. 66.
[2]) Там же стр. 72. Разрядка автора. Р. В.
[3]) Разрядка моя. Р. В.
[4]) Разрядка автора. Р. В.
[5]) Разрядка автора. Р. В.
[6]) Разрядка моя. Р. В.

В самом деле, сперва нужно, по словам Шанина, преодолеть товарный голод. Но как его можно преодолеть, если не путем расширения производства промтоваров, которое в свою очередь должно стимулировать и поступление сельско-хозяйственных товаров на рынок? Значит, нужно расширять производство промтоваров, а для этого—расширить основные капиталы промышленности. Получается порочный круг, который обусловлен не об'ектом исследования, но метафизической постановкой вопроса со стороны самого исследователя.

Метафизика в том и заключается, что нельзя раньше удовлетворить товарный голод, а затем расширять производство. Это—два процесса, одновременно протекающих и взаимно-обусловленных. Нужно одновременно и расширять производство и удовлетворять товарный голод.

Это—длительный процесс, в котором усиление одного полюса служит усилению другого, и наоборот.

Вопрос заключается не в том, «что раньше», или «что позже», а в другом: как вести одновременно изживание товарного голода и расширение промышленности под углом зрения социалистических задач?

Тут обнаруживается корень расхождений тов. Шанина с партией. Решения XIV с'езда партии проникнуты классовым пониманием нашей экономической политики.

У Шанина же эта «мелочь» совершенно «выпадает». Когда «шанинская программа» выставляет «аполитичный» лозунг максимально-дешевого восстановления народного хозяйства, то нужно со всей категоричностью заявить, что экономическая политика пролетарской диктатуры исключает такой «внеклассовый» взгляд на народное хозяйство и на процессы, в нем происходящие.

Нужно раз'яснить тов. Шанину и иже с ним блуждающим, что внеклассовой экономической политики в природе не существует. Буржуазия ведет свою экономическую политику с той целью, чтобы сохранить и развить капиталистический строй там, где он существует. Экономическая же политика пролетариата стремится к построению социализма в той стране, где пролетариат уже установил свою классовую диктатуру. Для этого пролетариат стремится накопить побольше социалистических элементов в народном хозяйстве. Его политика сводится к тому, чтобы укреплять социалистические элементы страны и ослаблять капиталистические. Он стремится превратить несоциалистические производственные отношения в социалистические.

Конечно, превращение несоциалистических элементов в социалистические не должно итти таким путем, чтобы создавать экономические и политические конфликты между рабочим классом и крестьянством. Ленинская «политика смычки» и рассчитана поэтому на мирный путь развития.

Каждый шаг нашей собственной политики следует оценивать под углом зрения не «дешевизны», но под углом зрения приближения к социализму или отдаления от него. Все явления и процессы, происходящие в народном хозяйстве, должны расцениваться под углом зрения укрепления существующих

социалистических элементов и накопления новых социалистических элементов в народном хозяйстве.

При этом следует остерегаться комвульгаризации. Нельзя, конечно, забывать, что иногда шаг отступления открывает в конечном счете путь для социалистического наступления. Но в том-то и вся суть, что шанинская «максимально-дешевая» программа в конечном счете ведет не к победе социалистических элементов, но к их поражению.

Шанин словно боится, как бы его «народное хозяйство» не оказалось обремененным задачами развития социалистической промышленности.

«Если бы мы,—говорит он,—в каждой фазе нашего развития были бы в столь ультимативной форме связаны с форсированным ростом крупной промышленности, то судьбу социалистического строительства пришлось бы на самом деле считать менее обеспеченной или, по крайней мере, связанной с значительно большими трудностями, ибо такого рода задержки могут повторно оказаться неизбежными. А при указанной ультимативной зависимости всякая вынужденная (хотя бы и временная) заминка с форсированием промышленности должна была бы нанести непоправимый ущерб строительству социализма [1]).

Спасая страну от такого «бедствия», Шанин разворачивает план, по которому «мы в каждой фазе нашего развития» в ультимативной форме связаны с форсированным ростом капиталистических сил внутри и империалистических нажимов извне.

В связи с этим мы считаем полезным напомнить некоторые мысли Ильича, кое-кем позабытые.

22 декабря 1920 г. Ленин заявил на VIII С'езда Советов следующее: «Мы, говоря о восстановлении земледелия, промышленности и транспорта, об их гармоническом соединении, не может не говорить о широком хозяйственном плане» [2]).

О каком же плане говорил Ленин? Он говорил как раз о той самой электрификации и технической реконструкции народного хозяйства, о которых даже намека нет во всей шанинской «программе». Рассуждения Ленина шли—о ужас!—не под «широким» углом зрения «народного хозяйства», но под «узко-классовым» углом зрения. «Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны. Иначе страна остается мелко-крестьянской, и надо, чтобы мы это ясно сознали. Мы более слабы, чем капитализм, не только в мировом масштабе, но и внутри страны. Всем это известно. Мы это сознали, и мы доведем дело до того, чтобы хозяйственная база из мелко-крестьянской перешла в крупно-промышленную. Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно» [1]).

[1]) Там же, стр. 84.

[2]) Н. Ленин, т. XVII, стр. 427. Ленин, оказывается, был настолько «наивен», что выдвигал мысль о гармонии, о соответствии и равномерности в развитии основных отраслей народного хозяйства. А Шанин через шесть лет после этого «понял». что «выравнивание (темпа развития с. х-ва и промышленности. *Р. В.*) отнюдь не обязательно» (см. примечание на 73 стр. шанинской статьи) Шанин, следует признать, и здесь по своему прав, ибо с аграрно-колониальной точки зрения «гармоническое развитие» не только невозможно, но вредно.

Конечно, в этой классовой постановке было больше подлинного народно-хозяйственного понимания, чем во всей шанинской «чистой экономике».

Шанин, как мы видели, переносил центр тяжести социалистического строительства на кредит, кооперацию и пр., включая сюда «транспорт», поскольку последнему «самим богом» велено занять почетное место в аграрно-колониальной системе. Ленин же, не мудрствуя лукаво, считал промышленность основной базой социализма. А среди всей промышленности он особое и исключительное внимание уделял средствам производства. Так, в другом документе, который, кажется, совсем забыт сторонниками шанинской программы, в «письме V всероссийскому с'езду профессиональных союзов» [2]) Ленин писал: «Наше положение особенно трудно потому, что нет средств для восстановления основного капитала—машин, орудий, зданий и т. п., а ведь, именно эта промышленность, так называемая «тяжелая индустрия», есть основная база социализма... Остается необыкновенно трудный и долгий путь: скапливать понемногу сбережения, увеличивать налоги, чтобы постепенно восстановить разрушенные жел. дороги, машины, здания и проч.».

Так рассуждал Ильич в 1922 г., когда наше хозяйство находилось только на пороге восстановительного процесса. Последний, как известно, подходит к концу. В порядок дня ставятся вопросы технической реконструкции. И вот, под углом зрения новых задач, XIV с'езд партии повторил «старые» Ленинские мысли.

С'езд постановил:

«а) во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической госпромышленности и вовлечение, под ее руководством и при помощи кооперации, все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства;

«б) обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования;

«д) развертывать нашу социалистическую промышленность на основе повышения технического уровня, однако, в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и финансовыми возможностями государства».

«Емкость рынка и финансовые возможности» можно понимать по разному. С'езд понимает, что мы можем и должны развивать производство средств производства и выставляет это, как программу на длинный ряд лет. А Шанин, наоборот, считает, что мы должны пойти по такому окольному пути, который приведет к прямо-противоположной цели.

[1]) Там же, стр. 428, разрядка моя. *Р. В.*

[2]) См. Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 71.

И, наконец, вопрос о деревне. С'езд постановил, что «основной путь строительства социализма в деревне заключается в том, чтобы, при возрастающем экономическом руководстве со стороны социалистической госпромышленности, государственных кредитных учреждений и других командных высот, находящихся в руках пролетариата, вовлечь в кооперативную организацию основную массу крестьянства и обеспечить этой организации социалистическое развитие, используя, преодолевая и вытесняя капиталистические ее элементы».

По Шанину же получается прямо-противоположное: рабочий класс на поводу у тройственного союза между кулаком, нашим «отечественным» и иностранным капиталистом. Получаются диаметрально-противоположные общественные отношения.

Что касается социологического содержания шанинского выступления, то оно, конечно, против воли автора, бьет очень далеко. Оно представляет собою интересы той верхушечной части деревни, которая стремится через голову советской власти (и, конечно, в советски-легальных формах) протянуть руку международному капиталу и установить с ним союз против пролетариата и против тех слоев крестьянства, которые идут вместе с советской властью. Шанин отражает не просто мелко-буржуазные настроения деревни, но специфическую форму их, а именно, ту форму настроений, которые тяготеют к «хорошему», организованному Европой и воодушевленному Америкой, дауэсовскому капиталу. Шанинская теория, действительно, может превратиться в идеологию тех слоев и города и деревни, которым нужно освобождение от всяких «социализмов», не дающих возможности «почестному» жить и наживаться.

«Капитал-освободитель» должен притти с Запада, вспахать обширный торговый рынок на территории СССР и открыть свободу для экономических верхушек деревни (а затем и города) эксплоатировать рабочих и крестьян.

В качестве «комиссионных» он должен получить одну «малость»: осуществленную программу колониальной политики.

Тесно связано с этим то обстоятельство, что по мановению шанинского пера все силы экономики восстали против промышленности: и крестьянское потребление, и санирование валюты, и внутренний товарооборот, и внешняя торговля, и рынок, и процесс капиталообразования.

И по той же причине от шанинского похода уцелели только сельское хозяйство и... транспорт.

Специфическим отличием шанинского выступления является еще одно обстоятельство.

Так как на нынешней ступени развития нашего хозяйства между социалистическим строительством и под'емом народного хозяйства имеется очень много точек соприкосновения, то обнаруживается тенденция подменить одно другим. Это добросовестное заблуждение отдельных товарищей в данном случае встретилось с настроениями, идущими из другого лагеря. Общим оказалось между ними то, что оба обращают внимание только на материальные процессы.

Шанинское понимание материальных процессов ведет к потере социалистической перспективы. С этим тесно связаны и его методологические ошибки.

Следует ли считать шанинское выступление абсолютно вредным? Нет. Оно имеет и свою положительную сторону, которая заключается в том, что на фоне неправильных антимарксистских и антиленинских построений Шанина выявляется еще больше, еще ярче и убедительнее правильность и актуальность тех решений, которые вынесла на своем XIV с'езде Всесоюзная Коммунистическая Партия.

А. Ивин.

Крестьянство в Китае.

В настоящем письме мы лишь поставим некоторые вопросы, а также сообщим кое-какие статистические данные, хотя и не особенно точные, но все же могущие представить известный интерес для широкого круга советских читателей, а, может быть, и для некоторых китаеведов. Действительно, разве не незнание каких бы то ни было данных побудило недавно одного из наших наиболее плодовитых авторов-китаеведов «своим умом дойти» до изумительного открытия, будто «к р е с т ь я н е в К и т а е н и к а к о й с о б с т в е н н о с т и н е и м е ю т, к р е с т ь я н и н в К и т а е в е ч н ы й а р е н д а т о р д р о б н о г о (п а р ц е л ь н о г о) м е л к о г о к л о ч к а з е м л и»[1]), иначе говоря, одним росчерком пера экспроприировать десятки, если не сотни, миллионов китайских крестьян, превратив их в бездомных и безземельных пролетариев. Мы не стали бы останавливаться на таком печальном для нашей синологии инциденте, если бы наивный вопрос о том, имеются ли в Китае мелкие собственники-крестьяне или таковых нет, не был вновь поднят на страницах «Большевика» вышеупомянутым автором, написавшим обиженное письмо в редакцию, поместившую неблагоприятный отзыв о его книге. Как ни прискорбен, повторяем, для нашего китаеведения уже самый факт постановки такого вопроса, все же раз он так упорно ставится, то на него приходится отвечать в первую очередь. Итак, действительно ли «крестьяне в Китае никакой собственности не имеют» и крестьянин в Китае вечный арендатор дробного (парцельного) мелкого клочка земли»?

Если верить китайскому министерству земледелия и торговли, то оказывается, что крестьяне-собственники в Китае пока еще не перевелись. Мы приводим данные, опубликованные статистическим бюро при вышеуказанном министерстве касательно количества и групп земельных владений в 1917 году.

В нижеприведенной таблице отсутствуют цифры лишь о провинциях Сычуань (50 милл. жит.), Гуанси (12 милл. жит.), Юннань (10 милл. жит.) и Гуйчжоу (11 милл. жит.). Она составлена на основании докладов губернаторских «ямыней», которые в свою очередь основывались на сведениях, сообщенных уездными начальниками. Особенно полагаться на эту таблицу не приходится, но все же и из нее можно сделать хотя бы тот, по существу ничего нового не представляющий собою, вывод, что крестьяне-собственники в Китае не только имеются, но что они составляют подавляющее большинство. Этот факт упускать из виду не приходится особенно авторам опытов политико-эконо-

[1]) А. Х о д о р о в, М. П а в л о в и ч, «Китай в борьбе за независимость». Научная Ассоциация Востоковедения.

Провинции.	Менее 10 «му».	10—30 «му».	30—50 «му».	50—100 «му».	100 и более «му».	
Пекинск. район	125.013	128.534	148.337	121.823	64.000	587.767
Чжили	1 364.265	1.087.100	767.417	501.655	216.315	3.966.761
Пров. Мукден	395.954	357.876	401.632	336.731	254.453	1.686.646
Гиринь	52.475	96.891	109.775	121.901	157.856	583.893
Хэйлуцзян	24.962	30.999	57.985	67.092	143.117	324.156
Шаньдун	2.106.970	1.551.611	957.640	497.413	341.096	5.454.730
Хэнань	1.597.26[illegible]	1.568.984	1.524.916	876 726	562.524	6.130.415
Шаньси	282.787	359.685	397.780	337.[illegible]05	151.789	1.529.546
Цзянсу	2.[illegible]26.001	1.312.268	487.017	260.024	86.674	4.871.984
Аньхой	1.130.775	987.108	343.692	20[illegible].624	175.815	2 846.014
Цзянсу	336.326	9[illegible]4.819	2.174.072	507.007	62.623	4.064.347
Фуцзянь	870.609	508.988	176.015	56 722	9.018	1.621.352
Чжецзянь	1.689.940	999.045	37[illegible].389	150.878	30.963	3 256.215
Хубэй	1.485.700	994.697	651.534	391.583	147.257	3.670 771
Хунань	354.862	346.321	385.987	244 920	10[illegible].707	1.437.797
Шэньси	615.848	368.777	188.529	98.038	63.984	1.335.176
Ганьсу	284.957	221.916	162.558	125.795	69.881	865.137
Синьцзян	156.519	157.484	63.758	56.351	17.628	451.738
Гуандун	2.083.252	962.107	553.222	243.040	83.586	3 925 207
Жохоль	160.120	199.199	128.146	99.722	28.250	615.437
Суйюань	7.692	10.017	13.158	15.699	18.021	64.587
Чахар	12.838	14.039	23.627	29.065	35.847	115.411
Итого	17.805.125	13.248.474	10.122.214	5.348.314	2.835.464	49.359.591

мического исследования Китая. Далее. Даже беглого сравнения между численностью различных групп земельных владений в различных провинциях достаточно, чтобы убедиться как сложно обстоит дело с аграрным вопросом в Китае. Впрочем, это и не удивительно. При обширности своей территории, значительно превышающей территорию всей Западной Европы, при необычайном разнообразии своей поверхности, изрезанной могучими водными бассейнами и гигантскими цепями гор, гранича на Востоке на протяжении тысяч верст с Тихим океаном и зарываясь на северо-западе в пески необозримых пустынь, Китай с его сотнями миллионов неравномерно распределенного населения, естественно, должен представлять значительное разнообразие в своей земледельческой культуре, а следовательно, и в формах землевладения. Аграрный вопрос в Китае приходится, пожалуй, по его сложности сравнивать не с аграрным вопросом той или иной из европейских стран, но со всей их совокупностью. Наконец, вышеуказанная таблица интересна в том отношении, что она дает некоторую точку опоры для определения соотношения сил в китайской деревне между эксплоатируемыми и эксплоататорами. Вопрос настолько важный, что на нем необходимо остановиться подробнее. На основании личных расспросов жителей различных провинций мы полагаем, что если говорить не о той или иной провинции или даже группе провинций, но о всем Китае, то демаркационная линия между эксплоатируемыми и эксплоататорами проходит, по всей вероятности, внутри той группы владений, которая показана в таблице под рубрикой вла-

дений или крестьянских дворов, насчитывающих от 50 до 100 «му». Разумеется, при решении обсуждаемого нами вопроса одно количество владеемой земли не есть вполне надежный и достаточный критерий. К сожалению, базироваться на других фактах мы не можем в виду негодности, а то и полного отсутствия, соответствующих статистических цифр. Приходится оперировать в конечном счете лишь с данными, касающимися размеров и количества владений. Но тут, повторяем, возникает целый ряд затруднений. Иметь 50 «му» в северной части Чжили или же в лёссовой необычайно плодородной полосе вдоль Желтой реки, скажем, в известном Мэнсяньском уезде, Хэнаньской пров., где ценность одного «му» достигает иногда нескольких сот долларов, далеко не одно и то же. В Encyclopaedia Sinica, изданной под редакцией S. Coulingia, а именно в статье, посвященной агрикультуре, говорится, что в Шаньдунской провинции одного «му» на едока достаточно, чтобы удовлетворить потребности крестьянской семьи. Правда, в данном случае под «му» надо подразумевать не так наз. «правительственное му», равное $^1/_{16}$ нашей десятины, а величину, раза в три большую, ибо нужно заметить, что в Шаньдуне размеры «му» весьма варьируют. Наиболее известными являются му в 240—360—720 квадрат. «бу» (шагов). Однако, в целом ряде обширных местностей других северных провинций и «тройное му» на едока не в состоянии удовлетворить даже чрезвычайно ограниченных потребностей крестьянской семьи. Здесь было бы уместным привести целый ряд имеющихся таблиц о различной урожайности земли. Мы, однако, от этого воздержимся, ибо сии таблицы являются, повидимому, сплошным недоразумением. Так, например, в одной из таблиц, касающихся урожайности пшеницы в Шаньдуне, указано, что одно «му» дает в среднем 0,410 тана пшеницы. А так как под таном здесь подразумевается оффициальная мера, содержащая 100 кит. фун., то выходит, что одно «му» дает в Шаньдуне всего на всего лишь 41 фунт (кит. фунт равняется приблизительно 0,6 килограмма), что расходится с действительностью раза в два, а то и три. Не менее странные цифры даны и относительно урожайности других злаков как в той же Шаньдунской, так и в целом ряде других провинций. Произошло это, повидимому, даже не столько от способа ведения анкеты при помощи уездных начальников, сколько от чрезвычайной запутанности китайских мер, в частности мер веса и сыпучих тел. Например, в Шаньдунской провинции в районе Точжоу, являющемся в настоящий момент одним из театров военных действий, под таном подразумевается мера сыпучих тел, превышающая правительственный тан в 2,4 раза, тогда как в Пекинском округе тан пшеницы весит приблизительно около 185 фунтов. Это различие в мерах веса и поверхности в различных местностях даже одной и той же провинции способно запутать даже куда более опытных и ревностных статистиков, чем те, которыми располагает кит. министерство земледелия и торговли. Впрочем, и без помощи статистических таблиц можно составить себе некоторое представление о том, насколько одно и то же количество «му» земли может представлять собою весьма различные величины в лёссовой и нелёссовой полосе. Известное значение имеет также и то, идет ли дело «о водной земле» или же о «сухой». В провинции Чжецзян, например, три урожая в год с водного поля (2 урожая риса и один—

овощей) представляют обычное явление. 50 «му» водной земли в Чжецзяне могут, таким образом, по своей доходности равняться 150—200 и более «му» земли в провинциях с менее плодородной почвой и менее благоприятными климатическими условиями. В южной части провинции Сычуань крестьянина, не имеющего даже и одного «му» земли, но арендующего хотя бы и «дробный (парцельный) мелкий клочок» водной земли, отнюдь нельзя зачислить в ряды «несобственников», ибо самый факт аренды водного, а не сухого участка предполагает, как общее правило, наличие у него «водяного буйвола» или «буйвола землепашца», т.-е. наличие определенного капитала. Без помощи буйвола с водным участком справиться трудно, да и ни один землевладелец южного Сычуана, где формой аренды водных участков является почти исключительно аренда исполу, «безбуйволному крестьянину» своего участка не сдаст. Таким образом, говорится ли о крестьянах-арендаторах или крестьянах-собственниках, никогда не мешает знать арендуют или владеют они водными или же сухими участками. О количестве водных и сухих полей в различных провинциях можно судить по следующим статистическим данным, рисующим положение в 1917 году.

Провинции.	Водных полей «му»	Сухих полей «му»	Огород. и сад. «му»	Общ. площадь «му»
Пекинский округ	71.423	16.733.549	2.294.556	19.099 528
Чжили	4.057 383	73 022.300	4.946.500	82.026.248
Мукденск. провинц.	152 024	43.915 306	1.126.845	45.194.175
Гиринь	42 216	83 124.251	2.819 301	85.985.768
Хейлуцзян	3 (?)	35.373.457	1.791.554	37.165.014
Шаньдун	850.273	121.773.487	4.473.827	127.097.587
Хэнань	26.329.614	321.583 580	51.311.398	399.226 592
Шаньси	3.979.350	45.841 551	959.536	50.780 437
Цзянсу	21.651 766	48.350.868	7.093.197	77.095.831
Аньхой	15 250.126	23 762.810	2.414 605	41.427 541
Цзянси	19.026.565	16.817.446	4 536 899	40.380.910
Фуцзян	12.874.821	9.580 859	1 857.751	24.313.431
Чжецзян	17.014 265	10 028.748	5.916 595	32 959.608
Хубэй (часть)	117 900.746	36.133 574	6 379 940	160.414.290
Хунань (часть)	15.587.464	3.117.492	3 319 150	22 024.106
Шэньси	1.984.629	29.543 036	1.193.987	32.727 712
Ганьсу	7.539.273	19.432.891	416 408	27.388 570
Синьцзян	496.066	10.219 976	1.088.823	11.804.865
Сычуань	—	—	—	—
Гуандун	13.517.041	9.388.582	3.096.277	26.001.900
Гуанси	—	—	—	—
Юннань	—	—	—	—
Гуйчжоу	—	—	—	—
Жохоль	300.057	15 908.620	686.645	16.895 322
Суйюань	1.709.052	3 330.415	168.982	5.208.449
Чахар	615.574	11.141 884	17.653	11.775 111
Итого...	280.453 670	977.910.766	106.821.664	1.365 186.100

Разумеется, эти данные лишь весьма приблизительны: вполне доверять им отнюдь не следует. В экономическом описании Китая, принадлежащем перу Н. М. Попова-Тативы, на стр. 42 приводятся иные цифры. Но последние уже не только маловероятны,

а просто невозможны. Например, в Шаньдуне рисовых полей значится не более не менее, как 254.879.996 «му», тогда как сухих полей всего на всего 1.882.720 «му». Если в площадь шаньдунских рисовых полей не включить по ошибке значительной порции водной поверхности из близлежащего Желтого моря, то цифра в 254 милл. есть цифра фантастичная. Точно так же, если согласиться с цифрами, приводимыми в той же таблице относительно большинства других провинций, как и относительно самого Пекинского района, то вся страна превращается в гигантское озеро, а все китайцы, в том числе и пекинцы, в каких-то венецианских гондольеров. В самом деле, в названной таблице общая площадь сухих полей во всем Китае оказывается на 176.613 «му» менее, чем площадь рисовых полей в одной Шаньдунской провинции. В действительности дело, разумеется, обстоит не так страшно, и в приводимых нами статистических данных водных полей в Китае оказывается неизмеримо меньше, но все же более чем достаточно (особенно в «рисовых провинциях» бассейна Янцзы) для того, чтобы при всяких выкладках и заключениях с ними приходилось считаться.

Итак, делать какие-либо решительные заключения относительно расслоения китайской деревни на основании таблицы, показывающей количество и группы владений, как-будто нельзя, но, может быть, при решении поставленного вопроса нам помогут следующие данные.

По анкете 1917 года в различных провинциях Китая числилось «земледельцев».

Провинции.	Обрабат. собствен. землю сем.	Арендаторов сем.	Полуаренд. полусобств. сем.	Всего сем.
Пекинский район	307 874	125.348	154 545	587.767
Чжили	2.890.897	523.003	562 861	3 966.761
Мукденская провинция	686 281	501.731	498.634	1.686.646
Гиринская провинция	251 676	165.079	122.143	538.898
Хэйлуцзян	180 689	82 098	61.368	324.155
Шаньдун	3 819.135	717.632	917.963	5.454.730
Хэнань	3.453.552	1.596.937	1.079.926	6.130.415
Шаньси	1 078.697	238.698	212.151	1 529.546
Цзянсу	2.23[illegible].278	1.541 211	1.096 495	4.871.984
Аньхой	1.314.311	983 888	547.815	2.846.014
Цзянси	1.714.401	1.241 202	1.109.244	4.064.847
Фуцзян	553.807	554 941	512 604	1.621.352
Чжецзян	1.073.387	1.158 783	1 023.045	3 255.215
Хубэй (часть)	1.561 127	1 339.307	770 337	3.670.771
Хунань (часть)	287.553	1.006 453	143.791	1.437 797
Шэньси	771 247	304.975	258 954	1.335.176
Ганьсу	556.780	151.554	156.803	865.137
Синьцзян	343.998	62 606	45.134	451.738
Сычуань	?	?	?	?
Гвандун	1.316.500	1.463.865	1.144.842	3.925.207
Гуанси	?	?	?	?
Юннань	?	?	?	?
Гуйчжоу	?	?	?	?
Жохоль	416 962	95 135	103.340	615.437
Суйюань	35 3 2	14.884	14 371	64 587
Чахар	83.099	18.882	18 490	115.411
Итого	24.587.585	13.825.546	10.494.722	42.907.835

В статье «Положение крестьянства на Дальнем Востоке», появившейся в «Правде» от 10 октября с. г., тов. С. Катаяма приводит следующие данные, относящиеся к 1919 году:

Обрабат. соб. землю	Арендаторов	Полуарендат. полусобств.	Итого
17.349.000	6.780.000	5.438.000	29.567.000

Столь значительное расхождение с нашими цифрами—чуть не на 20 миллионов семей—об'ясняется, разумеется, не тем, что здесь для круглого счета поставлено всюду по три нуля и даже не тем, что берутся данные более поздние, но тем, что последние касаются далеко не всего Китая. В таблице министерства земледелия и торговли за 1919 г., откуда взяты эти данные, отсутствуют сведения о провинциях Мукден (12 м. жит.), Цзянси (24 милл. жит.), Чжецзян (22 милл. жит.), Хубэй (27 милл. жит.), Хунань (28 милл. жит.), Ганьсу (6 милл. жит.), Синьцзян (2,5 милл. жит.), Сычуань (50 милл. жит.), Гуандун (37 милл. жит.), Гуанси (12 милл. жит.), Юннань (10 милл. жит.), Гуйчжоу (11 милл. жит.) и об особой области Суйюань. Это обстоятельство тов. С. Катаяма, к сожалению, упустил из виду.

Под «земледельцами, обрабатывающими собственную землю», надо, повидимому, подразумевать как трудовое крестьянство, так и крестьян, пользующихся постоянным наемным трудом, а равно «земледельцев, обрабатывающих свою землю» путем сдачи ее в аренду. Очень возможно, что сюда же отнесены даже самые крупные помещики. Во всяком случае, в нее включены все собственники, владеющие «100 и более «му». Очень возможно, что употребленный нами термин «помещики» скандализирует не одного синолога. В самом деле, какие «помещики»—после падения маньчжуров? Здесь мы не можем подробно останавливаться на этом любопытном вопросе. Скажем только, что если говорить о существовании помещичьего землевладения при цинской династии (1644—1911), то под таковым, поскольку дело идет о всем Китае, а не об отдельных провинциях, отнюдь не приходится подразумевать исключительно землевладение маньчжуров, более того, можно утверждать, что в экономике страны маньчжурские помещики играли несравненно меньшую роль, чем китайские. Правда, вначале маньчжурская или цинская династия пыталась установить в Китае нечто в роде феодального строя, но из ее попыток по существу ничего не вышло, и когда она пала, то падение ее отразилось на земельных отношениях в Китае даже меньше, чем, скажем, падение династии Мин'ов (1368—1643), известной своими колоссальными латифундиями. И вот даже теперь, «после 14 лет существования республики», вы можете встретить чуть не в самом сердце Китая, а именно в провинции Аньхой, такую картину.

«В Хофэйском уезде, родине Дуань Ци-Жуя,—читаем мы в одной чрезвычайно любопытной корреспонденции, принадлежащей, вероятно, перу миссионера,—наибольшим весом пользуются четыре семьи, а именно: семья Ли—наиболее богатая, семья Дуаня—наиболее влиятельная в политическом отношении, семья Чжоу—вторая по богатству и, наконец, семья Ли. Ли принадлежит честь основания первого банка в уезде. В восточной части уезда из каждых пяти земельных участков Ли владеют по крайней мере четырьмя... Земельные владения Дуан'ов и Ли лежат

в северо-западной и западной части уезда, тогда как владения Чжоу в юго-западной. Каждая из вышеуказанных фамилий в центре своих земельных владений имеет «вэй-дзы»—резиденцию, устроенную наподобие крепости. Стоит войти туда,—и вы словно попадаете в далекое средневековье. Целая система рвов окружает высокие стены, на которых возвышаются сторожевые башни с вооруженными солдатами, стоящими на дозоре. Перейдя под'емный мост, вы наталкиваетесь на массивные ворота, за которыми находится оружейная палата, напоминающая музей, наполненный всевозможным оружием, начиная с современного и кончая оружием VIII и IX веков... В этом своеобразном замке сидит лорд-феодал со своими вассалами, воинами, фермерами, слугами, творя суд и расправу в своих владениях, плетя интриги и заключая союзы с другими подобными ему феодалами. Поистине—фигура, воскрешающая давно прошедшие времена китайской истории».

Разумеется, тут не без красного словца, разумеется также, что «хофэйские уезды» скорее исключение, хотя, безусловно, они имеются почти в каждой провинции. К сожалению, в приведенной нами таблице № 1 из группы владений в 100 и более «му» не выделены владения, имеющие 500—1000, 5000 «му» и т. д.

В одной из статей известного лидера китайских коммунистов, профессора Чжэн-Ту-Сиу, мы находим следующее соображения по этому вопросу. Крупных землевладельцев, земельные участки которых превышают 10.000 «му», в каждой провинции имеется, по мнению проф. Чжэна, не более десятка. Незначительная часть их принадлежит к бывшей маньчжурской знати, остальные, т.-е. подавляющее большинство, принадлежат к фамилиям старых бюрократов или же нынешних крупных милитаристов. Их власть над арендаторами и вообще местным крестьянством необычайно велика. Акционерных землевладельческих компаний очень мало, ибо вследствие низкой прибыли капиталисты неохотно вкладывают капитал в землю (*? А. И.*). Владеющих 1.000 и более «му» земли не менее 30 тысяч. Вероятно, половина из них живет в деревне, остальные же—в городах. Живущие в городах стоят зачастую во главе небольших промышленных предприятий, а то и занимаются торговлей или же, как это имеет место с сыновьями бюрократов и чиновничества, ничем не занимаются, полагаясь исключительно на доходы с доставшихся им по наследству имений.

Живущие в деревне обычно пользуются большим влиянием, являются теми «уездными именитыми людьми», которых по-английски принято называть джентри. Что касается владеющих 100 «му» и более, то подавляющее большинство их живет в деревне, часто занимаясь торговлей и ростовщичеством, из них же вербуются должностные лица на общественные службы или «сельское джентри».

Итак, по данным 1917 года в Китае, без провинций Сычуань, Гуйчжоу, Юннань и Гуанси, числилось:

Землевладел. семейств.	Сухих полей «му»	Водных полей «му»	Огород. и сад. «му»	Общая площ. полей
48.907.853	977.910.766	280.453.670	106.821.664	1.365.186.100

Земледельц. собственн. сем.	Арендаторов сем.	Полуарендат. полусобств. сем.	Колич. аренд. земли	
			Сухих полей «му»	Водных полей «му»
24.587.585	13.825.546	10.494.722	344.568.461	127.711.497
			472.279.958	

Владеющ. менее 10 «му» сем.	10—30 «му» сем.	30—50 «му» сем.	50—100 «му» сем.	100 «му» и более сем.	Итого сем.
17.805.125	13.805.125	10.122.214	5.348.314	2.835.464	49.359.591

Если исходить из вышеприведенных данных, как и из некоторых более или менее общеизвестных в Китае фактов, то с известной долей вероятия можно сделать следующие выводы:

1. На одну семью приходится в среднем 1.365.86.100, деленное на 48,907.853, т.-е. приблизительно 300 «му».

2. Число семей безземельного и малоземельного крестьянства (13.825.546+10.494.722=24.320.268) составляет около 50% китайской деревни.

3. На каждую такую семью в среднем приходится арендуемой земли 472.279.958 : 24.320.268, т.-е. приблизительно 20 «му» (не считая огород. и сад. земли, данными об аренде которой мы не располагаем).

4. Принимая во внимание, что весьма распространенной формой аренды является аренда исполу, а также исходя из количества арендуемой одной семьей земли, можно заключить, что в среднем 10 «му» на семью недостаточно, чтобы обеспечить ей жизненный минимум, для этого, вероятно, требуется от 15 до 20 «му» (в среднем).

5. Для сельского пролетариата особой рубрики в статистических таблицах кит. мин. земледел. и торговли не отведено, он включен главным образом в 17.805.125 сем., владеющих менее 10 «му» земли, хотя, нужно сказать, не мало сельских батраков выходит и из следующей группы, т.-е. дворов, имеющих от 10 до 30 «му». Эти же 17.805.125 сем. являются главным поставщиком как городского пролетариата, так равно и рекрутов для все растущих китайских армий и китайской вольницы всевозможных наименований. Что касается цифры 13.825.546 арендаторов, то к ней приходится отнестись с еще большей осторожностью, чем к остальным. Чуть не 14 миллионов крестьянских дворов не владеют ни одним «му» земли. Это безусловно—преувеличение за счет преуменьшения количества полуарендаторов, полусобственников.

6. В целом ряде кит. провинций не мало крестьянских семей, владеющих от 50 до 100 «му», возделывают свой участок, обходясь без помощи наемного труда или прибегая к нему лишь в страдную пору. Кроме того, частые засухи и наводнения [1], поражающие громадные площади, как и не прекращающаяся гражданская война, падающая своей тяжестью, главным образом, на крестьянство, сильно понижают общий жизненный уровень всех его слоев. Все это вместе взятое подтверждает до некоторой степени тот взгляд, по которому демаркационная линия между эксплоататорами и эксплоатируемыми в китайской деревне проходит внутри группы владений или хозяйств «от 50 до 100 му». Будет, однако, более осторожным полагать, что эта линия, как мы уже говорили в начале письма, прилегает значительно ближе к цифре 50, чем 100. Количество семей, владеющих менее чем 50 «му» земли, равняется 17.805.125+13.805.125+10.122.214=41.733.164. Если согласиться с общепринятым мнением, что в среднем китайская семья насчитывает 5,5 человек, мы будем, таким образом, иметь для всего Китая без провинции Сычуань, Гуйчжоу, Юннань и Гуанси **значительно более** 5,5×41.733.164=226.466.471 **эксплоатируемых** и **значительно менее** 5,5×(5.348.314+ +2.835.464)=45.013.429 **эксплоататоров**. Вероятно, истинное количество последних лежит где-то между 30 и 40.

7. Наиболее грубой и в то же время наиболее распространенной у нас ошибкой является приравнивание китайской земельной меры «му» к $^1/_{16}$ русск. десятины. «В большинстве для срединного Китая,—читаем мы в статье одного китаеведа,—размер земельного участка, находящегося в пользовании семейства, не превышает десятины, и только на севере в Манчжурии и т. д.» [2]). Писать таким образом—это значит вводить и себя и читателя в заблуждение. Ибо нельзя брать среднее количество «му» земли, владеемой крестьянской семьей, и механически делить его на 16. По своей площади оффициальное «му» равняется приблизительно $^1/_{16}$ нашей десятины, но по своей продукции это же самое «му» равняется $^1/_8$, $^1/_7$, $^1/_6$... $^1/_3$, а то и более крупной доле десятины. Разумеется, если не принять последнего во внимание, то, скажем, на основании данных о количестве и группах земельных владений можно сделать самые ужасающие выводы. В самом деле, если в вышеуказанной таблице перевести «менее 10 му», «30—50 му» и т. д. на десятины, принимая во внимание лишь площадь, а не продукцию, то чуть не 75% китайского крестьянства превращается в нищих и пауперов, а остальные 25% в маломощные и самое большее середняцкие элементы. Более того, если общее количество «му» обрабатываемой в Китае земли разделить на количество семей, занимающихся земледелием, то мы получим около 30 «му» на семью, т.-е. менее двух десятин. Значит ли это, что «черный передел» в Китае был бы равносилен всеобщей и абсолютной пауперизации. Разумеется нет, ибо, повторяем, реальная величина одного «му» равняется не $^1/_{16}$, а значительно более крупной доле нашей десятины. Мы думаем, что с известной долей вероятия вышеприведенную таблицу о

[1]) Площадь посевов, пострадавших от различных стихийных бедствий в 1914 г., равнялась 653.475.445 «му», в 1915 г.—132.163.902 «му». К сожалению, мы не имеем цифр. данных касательно засухи 1920 г.

[2]) Вл. Виленский (Сибиряков), «Перспективы революционного развития Китая», «Новый Восток», кн. 2, стр. 319.

количестве и группах владений можно в переводе на принятую у нас терминологию представить в следующем виде.

Бедняки (менее 10 «му») сем.	Маломощные (10—30 «му») сем.	Середняки (30—50 «му») сем.	Середняки и зажит. (50—100 «му») сем.	Крест. бурж. и помещики (100 и бол. «му») сем.
17.805.125	13.248.474	10.122.214	5.348.314	2.835.464

Очень возможно, конечно, что жизненный уровень вышепоименованных групп будет значительно ниже жизненного уровня соответствующих групп в Сов. России, но это вопрос другой, и здесь мы его касаться не будем.

8. Хотя большую часть семей четвертой группы (владеющих от 50 до 100 «му» земли) приходится отнести к эксплоататорам, однако, если говорить о классовой борьбе в китайской деревне, то главное внимание приходится всё же обращать не на эту группу, а на следующую, т.-е. крестьянскую буржуазию, купцов и крупных землевладельцев. Эта группа насчитывает, как мы видим, всего лишь 2.835.464 сем. Весьма значительное количество этих семей владеет 200—300—400—500 и т. д. «му» земли. Если даже допустить, что в среднем каждое хозяйство этой категории владеет не более 200 «му», то мы получили для всей группы 200×2.835.464=567.092.900 «му», т.-е. чуть не половину всей обрабатываемой площади, во всяком случае несравненно бо́льшую площадь, чем та, которая имеется у первых двух групп, т.-е. 17.805.125 сем.+13.248.474=31.053.599 сем. Противоречие интересов между нею и бедняками, маломощными, а также и середняками составляет главное содержание классовой борьбы в китайской деревне. Если бедняцкие элементы поставляют для вышеуказанной группы арендаторов и главный контингент батраков, маломощные—арендаторов, то середняки эксплоатируются ею главным образом, в качестве представительницы ростовщического капитала, к помощи которого им нередко приходится обращаться вследствие хотя бы столь частых в Китае стихийных бедствий, ставящих их хозяйства в критическое положение.

Эксплоатация зажиточным крестьянством бедняков и маломощных выявляется, главным образом, в эксплоатации батрацкого труда, ибо, как общее правило, семьи, владеющие от «50 до 100 му» земли в аренду своих участков не сдают. Другое дело семьи, владеющие «100 и более му». Безземельное и малоземельное крестьянство, составляющее по оффициальным данным 50% китайской деревни, арендует землю, главным образом, у этой высшей группы, владеющей чуть не половиной всей обрабатываемой площади. Неудивительно, если и по настоящее время классовая борьба в китайской деревне сказывается более в борьбе арендаторов, чем батраков против землевладельцев. Из бесчисленного количества судебных тяжб, поступающих в уездные «ямыни», не меньше половины приходится на иски, учиняемые землевладельцами против неисправных арендаторов; значительная часть другой половины суть тяжбы между заимодавцами и должниками. Таким образом, между тремя первыми группами (а отчасти и

четвертой) вышеприведенной нами таблицы т.-е. бедняками, маломощными, середняками и пятой группой, т.-е. крестьянской буржуазией и помещиками, идет нескончаемая судебная склока. Но здесь мы имеем дело с разрозненной индивидуальной борьбой или, если хотите, с пассивным сопротивлением угнетенного крестьянства. Одной из наиболее общих, наиболее распространенных форм активной борьбы является борьба за отстаивание принципа: «Хуан-чу пу-хуан-цу», означающего: переход земельного владения из одних рук в другие не должен влечь за собою перемены арендаторов, что по существу есть не что иное, как борьба против повышения арендной платы. Само собою разумеется, эта борьба по самой своей природе есть борьба коллективная, и успех ее зависит от степени солидарности, которая существует между бедняцкими, маломощными и середняцкими семьями данной деревни, а то и целого округа. Если городская буржуазия сравнительно не так охотно вкладывает свои капиталы в землю, то причина этого явления в значительной степени кроется в организованном отпоре, который встречает попытка установить новые условия аренды. Даже в том случае, когда арендаторы соглашаются на новые условия и в первый год выполняют их, то уже со второго года обычно начинаются «недоразумения», обнаруживаются «недоимки» и в конце концов, новые условия фактически начинают мало чем отличаться от старых. По мере роста китайского вывоза, по мере стремительного вздорожания сельско-хозяйственных продуктов, по мере увеличения площади, отводимой под культуру табака, хлопчатника и других высокодоходных злаков, борьба между арендаторами и землевладельцами неизбежно принимает все более и более острый характер. Этим обострением борьбы отчасти об'ясняется и всеми ныне констатируемое явление, а именно: стремление крестьянской буржуазии и помещиков увеличивать площадь участков, обрабатываемых батрацким трудом за счет сокращения площади участков, сдаваемых в аренду.

Таковы те немногие условные выводы, которые, думаем мы, позволительно сделать на основании китайской оффициальной статистики, и хотя к этим выводам надо относиться весьма и весьма осторожно, тем не менее иметь их в виду не мешает в ожидании других более точных и обоснованных.

Понадобится не мало лет и целая армия исследователей, прежде чем положение крестьянства в Китае будет освещено с достаточной полнотой. Пока же, несмотря на существование колоссальной литературы о Китае, как и несмотря на многолетнюю «работу» статистического бюро при китайском министерстве земледелия и торговли, китайская деревня, т.-е. три четверти Китая, остается попрежнему terra incognita. Китайская статистика находится, как мы это видели, еще в отроческом состоянии и настолько ненадежна, что делать на основании ее даже приблизительные выводы—вещь чрезвычайно опасная. Но если еще не настало время для полного и всестороннего освещения крестьянского вопроса в Китае, если всякие решительные суждения в данной области могут принести лишь вред, то ознакомить советского читателя хотя бы с некоторыми фактами, касающимися земельных отношений в Китае, а также с бытом и нравами китайской деревни, показать ему, как живет китайский батрак, мелкий и средний крестьянин, деревенский кулак-ростовщик и именитый землевладелец,—будет во всяком случае не бесполезно. Но Китай—дистанция не малого размера, и условия жизни китайской деревни представляют в зависимости от области и провинции значительное разнообразие. Спрашивается, на каких провинциях, на каких областях следует остановиться прежде всего.

Китай можно, весьма приблизительно, разумеется, подразделить на четыре главные области: бассейн Амура и Ляо-Хо или Маньчжурия—страна бобов, бассейн Хуан-Хо с его морем пшеницы и гаоляна, бассейн Ян-Цзы, выращивающий ежегодно сотни миллионов пудов риса и, наконец, бассейн Западной реки. Из этих четырех областей наиболее важными являются, без сомнения, бассейны Хуан-Хо и Ян-Цзы. Они вмещают в себе более ¾ китайского крестьянства. Действительно общее население провинций, орошаемых Хуан-Хо, достигает 115—120 миллионов жителей, а провинций Ян-Цзы—более 200 миллионов.

Уже по одному этому аграрный вопрос в Китае есть прежде и больше всего вопрос этих двух великих бассейнов: то или иное разрешение его здесь предопределит собою дальнейшие судьбы китайского крестьянства и всего Китая в целом. Ознакомление с земельными отношениями, с жизнью, бытом и нравами китайской деревни следует поэтому начать именно отсюда и прежде всего с бассейна Хуан-Хо или Желтой реки—этой колыбели великой китайской цивилизации. Из шести провинций, относящихся целиком или только частью к этому бассейну, четыре провинции, а именно Шэньси, Шанси, Хэнань и Шаньдун являлись главной ареной деятельности на самой заре китайской истории. С ними связаны воспоминания о легендарном золотом веке Яо и Шуна (2357—2042 г.г.), с ними же (т.-е. главным образом с провинциями Хэнань, Шаньдун и отчасти Чжили) связаны для китайцев предания о титанической борьбе их предков с великим «потопом», здесь же в значительной мере расцвела великая цивилизация эпохи династии Чжоу (1122—221 г.г.), не уступающая по своему блеску и глубине цивилизации древней Греции, эти же провинции являлись опорной базой и отправным пунктом для одного из наиболее грандиозных колонизаторских движений, которые когда-либо знала всемирная история, приобщившего к высокой земледельческой культуре необ'ятные пространства Восточной Азии от Тибета и Индии до островов Японии, от степей Сибири и пустынь Монголии и Туркестана вплоть до Индийского океана. Достаточно хотя бы несколько ознакомиться с этой непрерывной многотысячелетней историей китайской колонизации, отнюдь не закончившейся и поныне,—ибо китайская волна уже подступает к Внешней Монголии, проникает на советский Дальний Восток и Сибирь, закрепляется в Голландской Индии и на Филиппинах, стремясь переброситься в Австралию и на американский материк: Канаду, Соединенные Штаты, Мексику и т. д.,—чтобы убедиться в колоссальной энергии и жизнеспособности все выносящего китайского народа. Эту энергию и выносливость он приобрел еще на заре своей истории в жестокой борьбе со свирепыми Мяо-Цзы, как и в не менее жестокой титанической борьбе с неукротимым Хуан-Хо—этим «бичем» и «беспутным сыном», как величают его китайцы. Гигантский стремительный поток, совершающий пробег в 2.500 миль от Кукунора до Чжилийского залива, несущийся к морю с высоты

14—15 тысяч футов и извергающий до 12 тысяч кубических ярдов воды в секунду, поток, который вступив в равнинную местность Хэнаня, Чжили и Шаньдуна, все время пытается выбрать себе новое русло,—таков Хуан-Хо. Несмотря па грандиозные плотины, Хуан-Хо уже шесть раз менял свое течение, разгуливая между Чжилийским заливом и Желтым морем. В последний раз, а именно в 1854 году, «беспутный сын» покинул провинцию Цзянсу и выбрал себе Шаньдун, где гуляет и поныне, ежегодно, однако, стремясь выскочить на простор из сжимающих его колоссальных насыпей. Вообразите себе на мгновение нашу Волгу, но только более многоводную и в десять раз более стремительную, имеющую к тому же тенденцию разгуливать между Каспийским и Черным морями, Волгу, дно которой постоянно повышалось бы вследствие несомого ею ила так, что зачастую уровень ее воды был бы значительно выше пересекаемой ею равнины, куда лишь искусственные препоны мешали бы ей ринуться разрушительным водопадом,—и вы будете иметь некоторое понятие о неугомонном Хуан-Хо, несущемся среди неисчислимых поселков и деревень, настолько скученных, что идя от одного поселка к другому, от одной деревни к другой, зачастую не успеешь выкурить и папиросы. Ибо благодетельны мутные желтые воды Хуан-Хо: почва, только что вышедшая из-под его разлива, дает баснословные урожаи; и вот, несмотря на внушаемый им панический страх, как и несмотря на самые грозные декреты, тесной непрерывной лентой облепили его берега убогие китайские селения.

Но ни один мало-мальски значительный город Хэнаня, Чжили и Шандуня не смеет придвинуться к его берегам. Посмотрите, на какое почтительное расстояние отступил от него Кайфын—эта древняя столица Китая, а уездные города и местечки, что рискуют возводить свои стены неподалеку от Хуан-Хо, не раз уже осаждались его рассвирепевшими водами, иногда жестоко платясь за свою дерзость.

Хуан-Хо, сказали мы, орошает шесть провинций: Ганьсу, Шэньси, Шанси, Хэнань, южную часть Чжили и, наконец, Шаньдун, но из этих шести провинций мы остановимся, главным образом, лишь на трех последних, как на наиболее значительных. Каждая из них по количеству своего населения значительно превышает Ганьсу, Шэньси и Шаньси вместе взятых. Так, Хэнаньская провинция, с которой нам придется иметь дело в первую очередь, насчитывает около 31 миллиона, тогда как три вышеупомянутые провинции всего лишь 26 (Ганьсу—6 милл., Шэньси—9 милл., Шаньси—11 милл.). Площадь обрабатываемых полей в Хэнани 399.226.592 «му», т.-е. почти в четыре раза более площади полей Ганьсу, Шэньси и Шанси (27.388.570+ +50.780.437+32.727.712). Если верить китайской статистике, Хэнань дает более $^2/_3$ всей китайской пшеницы, равно как и более $^2/_3$ гаоляна.

Вот несколько любопытных цифр касательно ежегодной продукции этой провинции:

Пшеница	256.873.820 танов	395.190.400 «му»
Гаолян	185.915.611 »	132.796.865 »
Пшено	119.260.300 »	95.408.640 »
Бобы	76.647.560 »	95.170.902 »
Кукуруза	38.651.094 »	28.630.440 »
Хлопок	461.352.360 кит. фунт.	10.984.580 »

Рис.	1.019.773 тана	1.597.818 «му»
Конопля	59.814.160 кит. фунт.	746.526 »
Кунжут	2.008 607 тан.	3.090.164 »
Земляные орехи	6.871.564 »	3.589.445 »

Однако, вполне доверять этим цифрам не приходится. Не только потому, что они несколько противоречат данным, приводимым в China Jear Book—это была бы еще небольшая беда—и китайским ежегодником «Чжун Го Ньен-Тьец», но главным образом по следующим соображениям.

Вся обрабатываемая площадь Хэнаня, т.-е. водные поля, сухие поля, огороды и сады, равняется всего лишь—399.226.592 «му». Если одна пшеница занимает более 395 м. «му», то спрашивается, где взять 132 милл. «му» для гаоляна, 95 милл. «му» для пшена и т. д. Правда, в описываемой нами провинции зачастую собирается два урожая в год, так что один и тот же участок может иногда фигурировать в таблице одновременно и как поле, занятое под пшеницу, и как поле, занятое под бобы, или, скажем, гаолян, но все же, несмотря на это, вышеприведенные цифры слишком велики, чтобы не возбуждать вполне законных сомнений. Мы все время подчеркиваем, как осторожно нужно относиться к подавляющему большинству статистических данных касательно Китая, и делаем мы это для того, чтобы предупредить читателя против так наз. «серьезных работ» о Китае, переполненных статистическими таблицами. Как опасно делать какие-либо решительные заключения на основании этих таблиц, мы сможем проиллюстрировать хотя бы на следующем примере, непосредственно касающемся темы нашего письма. Дело идет об уезде Ци-Юань Хэнаньской провинции, уезде, который легко найти на любой карте Китая, ибо лежит он при пересечении Хуан-Хо с границей провинции Шаньси. Изучая этот уезд, мы натолкнулись на следующую чрезвычайно любопытную таблицу о количестве и группах владений, имевшихся в Ци-Юане в 1917 и 1919 г.г.

Годы.	Влад. менее 10 «му»	Владен. 10—30 «му»	Владен. 30—50 «му»	Владен. 50—100 «му»	Владен. 100 «му» и более	Всего владен.
1917 г. . . .	5.000	9.500	15.500	6.000	3.680	39.680
1919 г. . . .	13.400	11.435	9.438	5.175	256	39 704
	+ 8.400	+ 1.935	— 6.062	— 0.825	— 3.424	+ 24
	+ 10.335		— 10.311			

Итак, количество владений, насчитывающих менее 30 «му» увеличилось с 17 по 19 г. на 10.335 единиц, тогда как количество владений, насчитывающих более 30 «му», уменьшилось соответственно на 10.311 единиц. Сомнений быть не может, мы имеем дело с чрезвычайно стремительной децентрализацией земельной собственности. Смущает лишь одно: «уж больно она стремительна». Однако, следующая таблица вполне как-будто

подтверждает выводы, вытекающие из предыдущей. Действительно, в том же Ци-Юаньском уезде за те же годы числилось:

Годы:	Собственников сем.	Арендаторов сем.	Полуарен. полусоб. сем.	Итого сем.
1917 г.	20.978	12.967	5.735	39.680
1919 г.	36 580	2.094	1.030	39.704
	+ 15.602	— 10.873	— 4.705	+ 24
		— 15.578		

С 1917 по 1919 г.г. 15.578 сем. арендаторов превратились в собственников. Словом, децентрализация полная. К сожалению, данные о площади арендуемой земли совершенно идут вразрез с вышеприведенными выводами. В самом деле общая площадь полей, сдаваемых в аренду в Ци-Юаньском уезде:

Годы:	Водных полей «му»	Сухих полей «му»	Всего «му»	
1917 г.	140.079	144.500	284.579	— 1.641 «му»
1919 г.	139.098	143.850	282.938	

Спрашивается, каким образом количество семей, арендующих землю, могло уменьшиться на 15.578, когда площадь арендуемой земли уменьшилась всего лишь на 1.641 «му»? Очевидно, если не все, то по крайней мере одна из вышеприведенных таблиц есть скорее плод горячей фантазии, чем холодного подсчета. Во всяком случае лица, хорошо знающие Ци-Юаньский уезд, утверждают, что никакой децентрализации там не замечается, хотя полагают они, вполне возможно, что площадь арендуемой земли в их уезде уменьшилась, ибо вследствие сильного вздорожания сельскохозяйственных продуктов, наблюдаемого за последние годы, многие землевладельцы предпочитают не сдавать в аренду, а сами при помощи наемного труда обрабатывать все большую и большую площадь своих участков. Разумеется, не на одном только Ци-Юаньском уезде можно было бы показать всю беспомощность китайской оффициальной статистики, однако, мы воздержимся от дальнейших иллюстраций в надежде, что в данном случае читатель поверит нам на слово. Скажем, только раз навсегда, что в последующих письмах, посвященных описанию нескольких уездов (начиная с Ци-Юаньского), уездов, лежащих как в бассейне Хуан-Хо, так и в бассейне Ян Цзы, все приводимые нами статистические данные будут приводиться «на всякий случай», но что главной опорой для наших суждений и выводов по целому ряду вопросов будут служить не они, а показания местных жителей.

Беннет.

Перспективы развития английской компартии.

Коммунистическая партия Англии насчитывает от 6 до 7 тысяч членов. В течение четырех лет английская рабочая партия из года в год осуждала деятельность этой молодой и малочисленной организации на своих с'ездах, при чем за антикоммунистические резолюции высказывались миллионы. Правда, то были миллионы мертвых душ. Но их именем и за их счет рабочая партия вершает все свои дела. Эти миллионы мертвых душ приветствовались и выхвалялись мощной капиталистической прессой, которая читается и почитается миллионами живых людей. Казалось бы, что маленькой организации не под стать вести борьбу за свое существование против таких сильных и искусных врагов. Вместе с тем, эта маленькая, малочисленная организация проявляет поразительную силу, и ее голос находит все вырастающий резонанс в рабочих массах.

Филипп Споуден попытался об'яснить успехи коммунистических предложений в рабочем движении поразительной ловкостью коммунистов, умеющих облекать коммунистические резолюции в приемлемую для рабочих форму. О коварстве коммунистов говорил также исполком рабочей партии в своем отчете XXIV с'езду[1]) рабочей партии. Читая эти обвинения в хитрости, ловкости и коварстве, можно было бы подумать, что в аппаратах рабочей партии сидят невинные младенцы, которые бессильны в борьбе против ловких и изобретательных коммунистов. Но ведь мы хорошо знаем, что лидеры рабочей партии уже оставили позади себя либералов в деле околпачивания пролетарских масс. Их не так легко обмануть. Верно, что эти «вожди» бессильны против господствующих классов, перед которыми они пресмыкаются, но они достаточно сильны и изощрены в деле борьбы против здоровых проявлений классовой борьбы внутри рабочего класса. Нет, не в ловкости английских коммунистов причина их успеха. Причины лежат глубже. Они коренятся в дряхлости английского капитализма и в несоответствии старых методов социал-реформизма новым условиям жизни английских пролетариев.

Английский рабочий класс поколениями воспитывался в благоговейном уважении к существующему общественному порядку и к его верному стражу—к английской буржуазии. Английская буржуазия не ограничилась тем, что создала рядом с собою «буржуазный пролетариат». Она сумела при помощи сложной системы насилия и обмана подчинить своему влияния широчай-

[1]) См. Отчет исполкома XXIV с'езду рабочей партии, стр. 39.

шие народные массы, используя для этой цели не только свои рессурсы, но и все аппараты рабочего движения. Успехи английской буржуазии на широкой дороге мирового грабежа, крохи от которого перепадали и части рабочего класса, содействовали усилению ее ореола. Великая империя рисовалась английскому пролетариату в виде неприступного утеса, на который он смотрел со страхом и с уважением. Английская буржуазия позаботилась о том, чтобы английский пролетариат мало думал о подступах к этому утесу. Многотысячная армия попов, церковь, школа, кинематограф, пресса, бокс,—словом, вся буржуазная Англия имела одну целевую задачу: держать рабочие массы в идейном порабощении. До поры до времени эта политика давала буржуазии желанные ей результаты. Гипнозом буржуазного влияния был пронизан пролетарский быт, а рабочие лидеры, еще поныне тянущиеся к титулам и к королевскому дворцу, являются концентрированным воплощением чаяний и устремлений духовных пленников капитала.

Быт складывается веками. Везде и повсюду он отличается поразительным упорством. Но нет страны в мире, где власть быта, освященная традицией, была бы так сильна, как в Англии. В течение веков английский пролетарий воспитывался в уважении к своему отечеству и к своему хозяину. Чартизм, словно молния, только на миг оборвал «органическое» развитие английского пролетариата. В последующие десятилетия английские пролетарии участвовали во многих экономических битвах. В битвах этих рождались новые идеи, выходящие за пределы капиталистического общества. Но рабочий класс, в массе своей, борясь за улучшение своего положения, не дерзал посягать ни на существующую систему, ни на мораль этой системы. Только активное меньшинство жадно подхватывало социалистические идеи. Но буржуазия сумела не только обезвредить социалистические организации и социалистические идеи, но и пользоваться ими в своих интересах.

Материальное богатство «всемирной фабрики» было экономической базой духовной мощи английской буржуазии. Упадок этой фабрики повлек за собою огромнейшие сдвиги в рабочих массах. Политическим результатом этих сдвигов было создание рабочей партии. Но новая партия, возникшая на переломе в истории Англии и развившаяся лишь тогда, когда звезда английского капитализма уже стала закатываться, возглавляется бюрократией, которая всеми своими помыслами является детищем уже превзойденной исторической эпохи. Английская буржуазия, потерявшая свою монополию, продолжает, таким образом, пожинать обильные плоды былых своих посевов. «Буржуазный пролетариат» уже умирает, как экономическая категория, но он еще живет в пролетарском быту и в политике рабочей партии. Англия поэтому становится ареной сложной, запутанной и вместе с тем грандиозной борьбы подымающихся новых и молодых сил против векового прошлого, заслоняющего путь к освобождению английского пролетариата.

Английская компартия родилась в обстановке послевоенных бурь. Она была смелым вызовом всему прошлому английского рабочего движения. Расплывчатым фразам о социальной республике она противопоставила идею диктатуры пролетариата. Мозаике и разброду она противопоставила идею дисциплинированной монолитной партии, не на живот, а на смерть ведущей войну против капитализма. Она дерзко выступила против старых вождей, разоблачив их услужливую в отношении буржуазии и предательскую в отношении пролетариата роль.

Ее появление вызвало переполох среди господствующих классов и их верных слуг. Компартия, однако, на первых порах была бессильна найти путь к массам. Она образовалась из организаций, сложившихся в борьбе с социал-реформизмом. Но все эти организации—в большей или меньшей степени—представляли из себя небольшие секты, мало приспособленные к борьбе на широкой массовой арене. Понадобилась кропотливая и длительная работа внутренней консолидации сил пролетарского авангарда, чтобы коммунистическая партия могла во всеоружии вступить в бой за принципы революционного коммунизма.

Английская коммунистическая партия была еще занята исканием новых путей, когда на нее обрушилась вся старая Англия с ее «демократической» юстицией и «социалистической» рабочей партией. Среди застрельщиков анти-коммунистического похода был, конечно, и «Джим» Томас. Он еще не был министром тогда, но уже был «тайным советником» его величества. Это звание он получил, как и другие рабочие лидеры (Гендерсон, Клайнс и т. д.), за верную службу отечеству в пору всемирной войны.

«Честный и преданный слуга Его Величества» не хотел, однако, положиться только на одного господа и на священную книгу. Он привлек к судебной ответственности английскую компартию за то, что она разоблачила его роль, как героя «черной пятницы». Компартия в лице Мак-Мануса попала на скамью подсудимых за «клевету». Во время процесса Томас под присягой признал, что он не социалист. Мак-Манус был осужден, а Томас не только остался на своем посту секретаря союза железнодорожников, но он был впоследствии назначен министром «социалистического» правительства.

Этот маленький эпизод дает некоторую картину нравов, царящих в английском рабочем движении. Он также показывает нам небольшой участок единого фронта господствующих классов с либеральными лидерами рабочего движения в борьбе против «красной опасности». Суд поддержал Томаса в 1921 году в его борьбе против коммунизма. А в 1926 г. Боб Вильямс поддержал суд, посадивший коммунистов за решетку, исключением из состава рабочей партии трех местных организаций за то, что те наметили своими парламентскими кандидатами коммунистов.

Согласованная работа всех сил буржуазной Англии очень часто затрудняла работу коммунистической партии. Несомненно, однако, что злобное бешенство всего буржуазного лагеря к коммунистической партии приковывало к ней внимание честных пролетариев. На лондонской конференции независимой рабочей партии в феврале 1926 г. делегат с тревогой спрашивал, почему буржуазия более ненавидит коммунистов, чем «независимцев». Он призывал конференцию действовать так, чтобы заслужить недоверие буржуазии. Этот делегат в своем простодушии не соображал, что призывает свою партию перестать быть тем, чем она есть. Конференция горячо аплодировала оратору, невзирая на то, что председательствовал на этой конференции тот

самый Хоптер [1]), который отказался выступать на одной платформе с коммунистами, подчеркнув этим, что единый буржуазный фронт против коммунистов заставляет английских рабочих с большим доверием относиться к травимой и преследуемой партии.

Для правильного понимания пути пройденного коммунистической партией в Англии необходимо мысленным взором охватить всю обстановку классовой борьбы в послевоенной Англии. Эта обстановка складывается из следующих элементов:

1) богатая буржуазия, потерявшая базу своего владычества, но в совершенстве владеющая искусством угнетения народных масс и располагающая сложной сетью аппаратов управления,

2) организационная распыленность рабочего движения и идейный разброд, являющиеся результатом длительной политики опеки над рабочим классом со стороны английской буржуазии,

3) Крепкая профсоюзная бюрократия, связавшая свою судьбу с судьбой капиталистического общества, продолжающая в союзе с либеральными лидерами рабочего движения играть руководящую роль в рабочем движении,

4) власть традиции «постепенности и преемственности», которая на практике означает духовную закабаленность рабочих масс,

5) аполитизм рабочих масс, который обеспечивает гегемонию буржуазной политики не только в стране, но и внутри рабочего движения.

Таковы основные факторы, тормозящие поступательное развитие рабочего движения. Рядом с ними выступают новые факторы классовой борьбы.

1) Новое поколение пролетариев, прошедших через войну и участвовавших в первых массовых столкновениях между трудом и капиталом в годы, последовавшие за войной, стремящееся создать органы успешной борьбы против капитализма.

2) Активное стремление рабочих преодолеть организационную лоскутность, повлекшее за собой частичную консолидацию профсоюзов; консолидации профсоюзов сопутствует кристаллизация основных течений внутри рабочего движения.

3) Борьба против традиций чистого трэд-юнионизма и либерализма в политике, которая ведет к воскрешению славных традиций чартизма; это движение получает отчетливое отражение в тяге к Москве.

4) Рост влияния коммунистической партии, не на живот, а на смерть борющейся со старой, развращенной до мозга костей бюрократией за руководство массами.

5) Возросшая активность пролетарских масс, выразившаяся в образовании стройной организации профсоюзного меньшинства и толкающая на путь об'единения социалистических элементов рабочей партии.

Для более ясного понимания удельного веса компартии и перспектив ее развития, нам придется более подробно остановиться на характере и методе ее повседневной работы.

Работа коммунистической партии сосредоточена в существующих массовых организациях рабочего класса и, в первую очередь, в профессиональных союзах и местных отделах рабочей

[1]) См. мою статью «Независимая рабочая партия и Единый Интернационал».—«Большевик». Февраль, 1926 г.

партии. В самое последнее время коммунистическая партия усилила также свою работу в кооперативных организациях, которые густой сетью покрыли страну. Кооперативы, как и организации рабочей партии, об'единили огромные массы пролетариев, ведя, однако, отчетливую буржуазную политику. Они, как общее правило, держатся вдали от непосредственной пролетарской борьбы, питая в рабочих иллюзию, что можно кооперацией вытеснить капитализм. Кооперативы, таким образом, представляют собою огромное поле деятельности, увеличивая возможности смычки коммунистического авангарда с широкими пролетарскими массами.

Одновременно коммунистическая партия проявляет особую активность в новых массовых организациях, родившихся после войны и отмеченных печатью нового фазиса классовой борьбы. Мы имеем в виду, в первую очередь, движение меньшинства и комитеты безработных. Рядом с этими двумя организациями, охватывающими широкие массы, существуют также второстепенные пролетарские организации, в которых коммунистическая партия играет активную и подчас руководящую роль.

Обстановка деятельности компартии станет более ясной, если мы прибавим, что профсоюзное движение распылено и что существующие 1.100 национальных профсоюзов имеют, по меньшей мере, 15.000 местных отделов. Что же касается рабочей партии, то она насчитывает 615 местных отделов. А коммунистическая партия насчитывает только от 6 до 7 тысяч членов.

Чтобы получить конкретное представление о повседневной работе английского коммуниста, мы обратимся к коммунистической организации в Лондоне и к коммунистическим фракциям в текстильной промышленности.

Большой Лондон представляет собой целое государство с огромным населением в 6—7 миллионов человек. По самым скромным подсчетам в столице Англии находится не менее 500.000 рабочих, организованных в профсоюзы. Эти 500.000 человек распределены между четырьмя тысячами местных профсоюзных отделов, не считая районных и центральных комитетов профсоюзов, находящихся в столице. Все эти профсоюзы об'единены 61-м городским советом профсоюзов, которые, в свою очередь, об'единяются общелондонским городским советом, являющимся федеративным об'единением всех районных городских советов и районных организаций наиболее крупных профессиональных союзов. Рабочая партия в свою очередь насчитывает в Лондоне 125 отделов. Этих сухих цифр достаточно, чтобы иметь представление о положении 1.200 членов коммунистической партии, находящихся в Лондоне и работающих в 29 местных организациях коммунистической партии.

Казалось бы, что коммунистической партии нельзя даже мечтать о каком бы то ни было серьезном влиянии на рабочее движение столицы. Факты, однако, говорят обратное. Крупнейшие события в рабочем движении Лондона носят на себе печать коммунистического влияния. Но если даже отвлечься от массовых выступлений, когда все большие и маленькие аппараты отодвинуты на задний план и на сцену выступают рабочие с фабрик и заводов, и перейти к будничной жизни пролетарских организаций, то и здесь мы увидим отчетливые результаты кипучей

деятельности маленькой, но сильной своей активностью и сознательностью организации.

Некоторые цифры подтвердят правильность высказанной нами мысли. В большом лондонском городском совете профсоюзов, играющем исключительную роль в профсоюзном движении всей страны, коммунисты составляют 25% общего числа делегатов: 47 членов компартии из общего числа в 200 делегатов. Еще характернее состав исполкома лондонского совета профсоюзов; из 12 членов 5 являются членами компартии. Иными словами, состав высшего органа профсоюзного движения в Лондоне говорит о том, что работа коммунистов высоко ценится всеми органами профсоюзного движения. Влияние коммунистов в этом высшем органе обусловлено не только численным их составом, но их организованностью, с одной стороны, и той симпатией, которой они пользуются среди активных элементов профсоюзного движения, с другой. В течение последнего года (1925) вопрос о присоединении лондонского городского совета к движению меньшинства обсуждался неоднократно. Был короткий период, когда лондонский городской совет был официально частью движения меньшинства. В самое последнее время реакционерам удалось получить большинство в два голоса под лозунгом борьбы за «независимость» лондонского совета профсоюзов от всяких центральных органов. Но и после этой победы реакционеров коммунисты продолжают играть руководящую роль во всех мероприятиях совета.

Еще более резко и отчетливо выступает влияние коммунистической партии в тех местных городских советах профсоюзов, которые работают в густо населенных пролетарских районах. В Баттерси городской совет открыто работает в контакте с коммунистической партией и с движением меньшинства. Такую же картину мы наблюдаем в Бетналгрине. Не случайно исполком рабочей партии, желая обрушиться на коммунистические твердыни, счел необходимым исключить из рабочей партии те свои организации, которые находятся под «тлетворным» влиянием городских советов профсоюзов в районах Баттерси и Бетналгрине. Напомним, что кандидатом Баттерси в парламент был член компартии Саклатвала, а кандидатом Бетналгрина был Воган.

Если мы перейдем к организациям рабочей партии, то мы увидим, примерно, такую же картину. Рабочая партия имеет ряд отделов в богатых районах города, которые не за страх, а за совесть следуют указаниям либеральных вождей рабочей партии. Картина, однако, резко меняется, когда мы переходим из богатых районов в пролетарские центры. Из 125 отделов рабочей партии 53 отдела приняли участие в конференции левого крыла—23 января 1926 г.,—утвердившей программу борьбы с ливерпульскими резолюциями, выработанную компартией. Но коммунистическая партия пользуется некоторым влиянием также в других лондонских отделах рабочей партии. Факт тот, что в 15 отделах, кроме упомянутых выше 53 отделов, функционируют группы меньшинства, поддерживающие линию компартии в деле образования боеспособного левого крыла.

При сравнении рабочих отделов, поддерживающих линию Макдональда, с теми отделами, которые активно участвуют в формировании левого крыла, мы замечаем следующую любопытную картину. Макдональдовские отделы отличаются поразительной пассивностью и бездеятельностью. Они честно и лойяльно выполняют все директивы, получаемые от центра, не дерзая иметь свое суждение ни по одному вопросу. Активной революционной группе приходится поэтому бороться не в атмосфере политической активности двух соперничающих между собой политических течений. Они имеют против себя большое количество аппаратов, находящихся в руках исполкома рабочей партии и стоящих в стороне от всех попыток, направленных к приспособлению рабочего движения к новым потребностям классовой борьбы в Англии.

Эту картину мы наблюдаем не только в Лондоне. Она характерна для всей рабочей партии во всей стране. Ожили и заговорили громким голосом те организации рабочей партии, в которых работают активные группы коммунистов,—остальные отделы рабочей партии занимаются только тем, что готовятся к избирательным битвам. Такую же картину мы наблюдаем в профсоюзном мире. Если мы обратимся ко всем резолюциям, внесенным на обсуждение последних 4-х с'ездов рабочего движения в Англии—с'езды профсоюзов в Гулле и в Скарборо и с'езды рабочей партии в Лондоне и в Ливерпуле,—то мы увидим, что активность проявляют те отделы рабочей партии и те профсоюзы, в которых коммунисты пользуются определенным влиянием. Остальные либо молчат, либо же ограничиваются второстепенными поправками уставного характера. Отделы профсоюзов проявляют активность только тогда, когда возникает борьба между двумя профсоюзами за сферу влияния. Борющиеся чиновничьи клики апеллируют к «демократии» и от поры до времени получают соответствующие резолюции от местных организаций. Общие же резолюции, касающиеся консолидации рабочего движения и откликающиеся на острые проблемы рабочего движения, являются, как общее правило, делом рук коммунистических групп. Местные отделы рабочей партии и профсоюзов не всегда, конечно, принимают резолюции в том виде, в каком они предложены коммунистами. В результате обсуждения и «исправления» резолюции, внесенные коммунистами, часто меняются до неузнаваемости. Несомненно, однако, что инициатива обсуждения обще-политических вопросов, как общее правило, исходит от коммунистов.

Сила коммунистов в профсоюзах и в местных отделах рабочей партии обусловлена, однако, не только и даже не столько тем, что они ставят перед рабочими общие проблемы рабочего движения. Главная причина влияния коммунистов заключается в том, что они принимают активное участие в повседневной работе как профсоюзов, так и организаций рабочей партии. В Бетналгрине, например, как и в целом ряде других районов Лондона, коммунисты являются инициаторами борьбы с местными органами самоуправления во всех вопросах, задевающих интересы бедноты. Ни одна рабочая организация, находящаяся в конфликте с местным органом самоуправления, не решается выполнить директивы об исключении коммунистов даже в том случае, если реакционеры располагают большинством в аппарате. В пору боевых конфликтов,—а их теперь очень много, в связи с ростом безработицы и с лишением больших категорий безработных права получения страхования,—коммунисты находятся в центре внимания масс, и руководители местных рабочих организаций знают, что всякая попытка нанести удар коммунистам вызовет бурю протеста.

В Лондоне сосредоточена вся либеральная знать рабо[...]ча-тии, включая $1^1/_2$ сотни членов парламента, в том чис[...] ток-другой тайных и явных советников его королевско[...]ами чества. Рабочей партии легко удается с успехом пр[...]ров, сравнительно большие собрания, на которых выступают п[...]ссей ные лидеры. Никогда, однако, рабочая партия не мо[...]ов: роться с влиянием коммунистов в пролетарских центрах Лон[...] когда эти центры вовлечены в те или иные конфликты с [...]; нами самоуправления или с хозяевами. В этих случаях и в [...] обстановке коммунисты встречают широчайший отклик ср[...] рабочих.

Из всех кампаний, проведенных лондонской организацией компартии за последние два года, неуспешными оказались только кампании по рекрутированию новых членов. Лондонской организации компартии удалось укрепиться в наиболее важных центрах рабочей партии и профсоюзного движения. Она сумела заметно поднять распространение коммунистической литературы вообще и «Рабочего Еженедельника» в частности. Рядом с фракциями, работающими в рабочей партии и в профсоюзах—их 71—она создала 27 фабричных ячеек, охватывающих десятки тысяч рабочих. 20 из этих ячеек имеют свои небольшие фабричные газеты, существующие на началах самоокупаемости, имеющие постоянный состав читателей в 8—10 тысяч человек. Но рабочие, активно откликающиеся на призывы коммунистической партии и дружно выступающие в защиту ком'ячеек, когда администрация пытается избавиться от редакторов фабричных газет, все же не проявляют особой склонности к вступлению в ряды компартии.

Отдельные районы лондонской организации попытались выяснить причину нежелания рабочих вступать в ряды коммунистической партии. Из полученных ответов явствует, что рабочих, как общее правило, смущают следующие обстоятельства: чрезмерная нагрузка коммунистов, строгая дисциплина компартии, страх перед террором со стороны хозяев и правительства. Несомненно, однако, что вопрос о судьбах коммунистической партии в настоящий момент интересует уже не только членов коммунистической партии, но он стал проблемой, волнующей весь актив пролетарского движения.

Мы отметили три причины, выдвигаемые самими рабочими, мешающие численному росту коммунистической партии. Но есть и четвертая причина, играющая еще поныне весьма серьезную роль. Деятельность лидеров рабочей партии и старых бюрократов, возглавляющих профсоюзы, вызывает очень часто чувство негодования среди пролетарских масс. В моменты острой борьбы рабочие направляют свои взоры к коммунистам, доверие к которым безусловно растет. Но рабочие массы далеко еще не изжили своих парламентских иллюзий. Вестминстер еще окружен большим обаянием. А вся пресса, включая и «Дейли Геральд», настойчиво пугает английского пролетария теми ужасами, которые последуют для Англии, в случае гражданской войны. Крайне характерно, что все те ренегаты, которые покинули ряды коммунистической партии, особенно усердствуют в разрисовывании жесточайших последствий революции для Англии, которая не имеет сырья и не может сама себя пропитать. Сближение с Советским Союзом сильно помогает английским рабочим выле-

няю[...]т этих страхов. Сведения, прибывающие из Советского суж[...] быстро продвигающемся вперед процессе восстановле-ние п[...]изводительных сил, рядом с ухудшающейся экономиче-тив[...]'юнктурой в самой Англии, заставляют рабочих приза-чен[...]я над непарламентскими путями борьбы с капиталом. нах[...]ат лондонской организации говорит, однако, за то, что с[...] трудный период в жизни коммунистической партии уже [...]ойден. Компартия находится в центре внимания рабочих [...] Ей, вероятно, придется сделать свой аппарат более гиб-[...]. Но экономические условия английского пролетариата и правильная политика коммунистической партии являются лучшей порукой за то, что коммунистической партии в недалеком будущем удастся привести в соответствие свою организационную силу со своим идеологическим влиянием.

Перейдем теперь к работе коммунистической партии в профсоюзах текстильной промышленности. Картину роста и влияния коммунистической партии можно было бы легче показать на союзе горняков вообще, и на организациях горных рабочих в Южном Уэльсе в частности. Южно-уэльские горняки в течение последних двух лет дважды высказались за то, чтобы федерация горняков присоединилась к Профинтерну. Они так же активно поддерживали и поддерживают боевые лозунги коммунистической партии. Мы предпочитаем, однако, обратиться к текстильной промышленности, по той простой причине, что в этой отрасли промышленности мы отчетливее видим те трудности, на которые коммунистическая работа в Англии наталкивается.

Текстильную промышленность Англии можно разделить на 3 части: хлопчато-бумажную, шерстяную и джутовую. Хлопчато-бумажная промышленность сосредоточена в Ланкашире. Рабочие, занятые в этой промышленности, распылены в ста различных союзах. Общие членские собрания происходят только раз в $^1/_2$ года. Ясно, что вся власть сосредоточена в руках старой бюрократии, чьи действия никем не контролируются. Вместе с тем, компартии удалось создать в этой отрасли промышленности движение меньшинства, которое успешно ведет борьбу за консолидацию профсоюзов и за демократизацию профсоюзного управления.

Шерсто-прядильная промышленность сосредоточена в восточном Иоркшире. В этой отрасли промышленности конкурируют между собою только 29 союзов. Эти 29 союзов об'единяются федерацией текстильных профсоюзов. Среди 29 профсоюзов имеется также 2 крупных союза—об'единенный союз текстильных рабочих и союз чесальщиков шерсти. Общие собрания членов этих больших союзов происходят раз в 3 месяца. Об отношении масс к своим союзам свидетельствует посещаемость этих собраний. Союз текстильных рабочих насчитывает в Братформе 22.000 рабочих, из них в последних собраниях участвовало только 900 членов; в Шипли число членов достигает 4.200, а в собраниях участвовало 650, в Гудерсфильде число членов достигает 7.600 чел., а в собраниях участвовало 240. К сказанному прибавим, что во всех трех районах, вместе взятых, компартия насчитывает... 60 членов. Казалось бы, что обстановка не очень благоприятствует влиянию коммунистической партии. Вместе с тем, мы были свидетелями того, как в июле месяце 1925 г.

маленькие фракции компартии, опиравшиеся на движение меньшинства, играли исключительную роль. Хозяева текстильной промышленности хотели приурочить сокращение заработной платы к локауту горняков, который должен был начаться 31 июля. По инициативе коммунистов, во всех союзах текстильной промышленности были созданы комитеты действия. Само собой понятно, что локаут в текстильной промышленности потерпел поражение, главным образом, вследствие частичной победы горняков в день 31 июля. Несомненно, однако, что комитеты действия сыграли определенную роль в пору этого конфликта. Крайне характерно, что после этого конфликта, лидер текстильщиков, Бен Тернер, принадлежащий к пацифистской части профсоюзной бюрократии, счел возможным послать приветственное письмо Поллигу, в связи с организацией конференции меньшинства. Он также был единственным умеренным лидером, выступившим против исключения коммунистов на Ливерпульском с'езде. В настоящий момент профсоюзы текстильной промышленности обсуждают полную программу реорганизации профсоюзного движения, выдвинутую коммунистическими фракциями.

Наиболее важным союзом в текстильной промышленности является союз чесальщиков шерсти. Этот союз контролирует всю текстильную промышленность, так как его рабочие заняты в первоначальном процессе шерсто-прядильного дела. В результате активной работы коммунистов в этом союзе, в состав его центрального комитета, состоящего из 12 человек, были избраны два члена коммунистической партии и три сторонника меньшинства. Вряд ли есть надобность прибавить, что старая бюрократия всемерно сопротивлялась избранию коммунистов в ЦК. Коммунистам удалось преодолеть это сопротивление лишь потому, что они успели зарекомендовать себя не только честными борцами за рабочее дело, но и аккуратными работниками повседневной профсоюзной работы.

Джутовая промышленность сосредоточена более всего в Донди (Шотландия). Усилиями коммунистов об'ясняется факт посылки делегации этого союза в Индию. Коммунисты еще не были достаточно сильны, чтобы оказать должное влияние на состав посланной делегации. Несомненно, однако, что этот контакт с индийскими рабочими таит в себе огромные возможности.

Этот краткий обзор деятельности коммунистической партии в Лондоне и в текстильной промышленности дает нам некоторое представление о том, как коммунистическая партия осуществляет повседневную связь с массами.

Обратимся теперь к настроению масс.

Классовая борьба в Англии упирается теперь в вопрос о заработной плате. Ни придворные балы, в которых участвуют тайные советники, вышедшие из недр рабочего класса, ни оптимистические отчеты директоров банков, твердящих о том, что английская экономика стабилизуется, ни маневры рабочей партии, исключающей радикальные организации и произносящей левые речи в парламенте, не могут затушевать факта ухудшающегося положения английских пролетариев. За 1925 год английская промышленность сделала шаг назад. Производство угля, составлявшее в 1924 году 92,2% довоенного уровня, упало в 1925 г. до 88,2%. Железная и стальная промышленность упала с 86,7% довоенного уровня в 1924 г. до 76,2% в 1925 г. Дороговизна жизни, наоборот, поднялась со 174,7% довоенного уровня в 1924 г. до 175,6% в 1925 г. Заработная плата упала. Число безработных возросло, при чем категории, лишенные страхования министерством Болдуина, легли своей тяжестью на кассы профсоюзов и на местные попечительные советы. А английский капитал продолжает добиваться дальнейшего сокращения заработной платы.

Летом 1925 года профсоюзные деятели были ошеломлены заявлением либерального экономиста, профессора Кейнса, что крупные банки Англии сознательно способствуют увеличению безработицы, в целях обеспечения успешной борьбы за понижение прожиточного минимума английских пролетариев. События, последовавшие за опубликованием книжки Кейнса—«Экономические последствия г-на Черчилля», вполне подтвердили правильность заключения либерального профессора. Весьма недавно сэр Эллен Смит, который возглавляет теперь союз фабрикантов машиностроительной промышленности, вынужден был высказать те же соображения о политике английских банков. На собрании представителей союза хозяев и профессиональных союзов машиностроительной промышленности Эллен Смит сделал следующее заявление:

«Когда русская торговая делегация прибыла сюда в августе (1925 г.) и когда она установила, что в результате *преступного настроения банковской клики* (курсив мой. *Б.*), гарантия кредитов и авансов для производства советскому правительству не будет дана, делегация обратилась к центральному комитету видного профессионального союза в этой стране. С поразительной справедливостью центральный комитет заявил делегации, что он им помочь не может и что им следует обратиться к нам».

Эту цитату мы взяли из отчета, помещенного в «Уоркерс Уикли» от 12 февраля 1926 года. В своей речи Эллен Смит хвастал тем, что он оказал всемерную помощь советской делегации. Мрачными красками он обрисовал перед собранием те трудности, на которые машиностроительная промышленность натолкнулась в переговорах с банками. В речи Эллена Смита был и другой момент, заслуживающий внимания. Желая убедить профсоюзы в необходимости понижения заработной платы в Англии, он им рассказал о возрастающей силе Северо-Американских Соединенных Штатов и о сознательном устремлении дяди Сама подчинить своему контролю все производство чугуна в Европе.

Эллен Смит не разделяет политики английских банков в отношении к торговле с Советским Союзом. Он также против заигрывания с Америкой. Но Эллен Смит работает в том же направлении, в каком работают английские банки и американские «наблюдатели»,—в направлении уменьшения заработной платы английских рабочих и понижения их прожиточного уровня.

Загнивание английского капитализма, его бессилие обеспечить английским рабочим тот прожиточный минимум, которого они добились еще до войны, приводит к тому, что вопрос о заработной плате превращается в самую острую проблему классовой борьбы в Англии, в проблему борьбы за власть.

Уже день 31 июля 1925 г. угрожал превратиться в начало серьезной битвы между трудом и капиталом. Английские капи-

талисты не скрывают, что они намерены провести в 1926 году ту программу, которой им не удалось полностью провести в 1925 году. Устами Джойнсона Хикса правительство Болдуина заявило, что оно серьезно готовится к предстоящим битвам, что оно мобилизует военные и полицейские силы и что в случае необходимости тайный совет, членами которого состоят Томас Клайнс и др., обратится с воззванием к населению о помощи. Иными словами, правительство готовится к тому, чтобы не только использовать все аппараты насилия нормального времени, но чтобы пустить в ход также свои фашистские резервы, которые призваны будут играть роль боевой организации буржуазии для нанесения решительного удара рабочему классу.

Для июльских событий 1925 года характернее всего то, что рабочая партия находилась в стороне от всего конфликта и что коммунисты играли в нем инициативную и подчас руководящую роль. Июльские дни являются как бы прообразом будущих битв между трудом и капиталом в Англии. Все руководство рабочей партии настолько развращено, что оно не может приспособиться к темпу обостряющейся и разрастающейся классовой борьбы. В те самые февральские дни, когда Джойнсон Хикс угрожал обрушиться всеми аппаратами буржуазного общества на рабочий класс, газеты сообщили, что 16 февраля состоится, наконец, вечер [1]), организуемый г-жей Сноуден, на котором посетители будут «иметь честь встречи их высочеств, принцессы Елены-Виктории и принцессы Марии-Луизы».

Ходом вещей коммунистическая партия выдвигается на авансцену. По ее инициативе меньшинство созывает конференцию для мобилизации и подготовки профсоюзных сил к предстоящему майскому конфликту. Тем временем идет активная работа внутри рабочей партии, имеющая целью об'единить боеспособные элементы партии для борьбы против наступления капитала и против либеральной политики макдональдовской клики.

Старые факторы, тормозящие развитие классовой борьбы в Англии, еще не умерли. Но новые факторы развиваются с огромной быстротой. Самым важным новым фактором является коммунистическая партия. Она находится на самом трудном посту в общей борьбе рабочего класса против попытки капитала восстановить старый капиталистический ритм за счет понижения жизненного уровня рабочих масс. Пост трудный. Сила коммунистической партии, однако, в том, что эти трудности ее не пугают и что, будучи еще в меньшинстве, она упорно, активно и успешно завоевывает пролетарские массы, подготовляя себя и массы к победной борьбе.

А бои предстоят жестокие и напряженные. Только прекраснодушные реформаторы вроде Брейльсфорда могут поверить, что от английской буржуазии можно будет откупиться. Английская буржуазия без жестокой борьбы не сдаст своих позиций. Она будет сопротивляться всякому посягательству на ее власть всеми мерами, и она отнюдь не постесняется применить против «свободолюбивых» англичан те же жестокие и коварные средства борьбы, при помощи которых она держит большую часть Востока под своей властью.

[1]) Он был отложен из-за смерти королевы Александры.

Хитрая, опытная, богатая, изощренная и жестокая английская буржуазия будет, в конечном счете, разбита мощным натиском организованного пролетариата. Ныне распыленный пролетариат обретает свою массовую боевую организацию в тяжелой борьбе против капитала. В этой борьбе он излечится от своих иллюзий и избавится от слуг капитала, которых он еще почитает своими вождями. В этой же борьбе он научится искать верных союзников. Он их найдет среди рабов колоний на Востоке, среди пролетариев Европы и Америки, борющихся против ига капитала, и, наконец, в той стране, над которой уже развевается красное знамя труда. Нынешние вожди английских рабочих зовут рабочих на соглашение с капиталом. Макдональд рекомендует им «рабочими миссионерами» сменить «министров христа», бессильных защищать интересы английского капитала на Востоке. Но экономическая необходимость толкает английских рабочих на борьбу с капиталом в союзе со всеми рабами капитализма и империализма. Английские пролетарии смотрят поэтому с возрастающей симпатией на ядро своей массовой боевой организации—молодую Коммунистическую Партию Англии.

С. Тимов.

О балканском Локарно.

Вопросы внешней политики занимают за последнее время исключительное внимание правящих кругов и буржуазного общественного мнения балканских стран. Газеты переполнены сообщениями, статьями и декларациями, посвященными проблемам взаимоотношений между отдельными странами и положению на Балканах вообще. При этом в центре внимания стоит вопрос о гарантийном договоре и в связи с ним проблема греко-юго-славских отношений.

Локарнский договор, как известно, совершенно не затронул балканских стран. Только одна Чехо-Словакия, входящая в составе Малой Антанты, оказалась связанной в силу его договором об арбитраже и ненападении с Германией. Балканские же страны Юго-Славия и Румыния, образующие вместе с Чехо-Словакией Малую Антанту, остались без всяких гарантий своих границ со стороны великих держав. Поэтому им и пришлось «самостоятельно» заняться вопросом об обеспечении своих территорий.

Однако, заключение гарантийного договора на Балканах наталкивается не только на препятствия в виде противоречий интересов, существующих между побежденными странами и победительницами, но и на антагонизмы, раз'едающие и страны-победительницы.

Камнем преткновения на пути к заключению гарантийного договора на Балканах продолжает служить антагонизм между Юго-Славией и Грецией. В первой книжке (за этот год) этого журнала мы подробно остановились на сущности этого антагонизма. Речь идет о стремлении Юго-Славии фактически завладеть греческим портом на Эгейском море—Салониками. Переговоры между правительствами этих государств по вопросу о так называемой свободной зоне в Салониках для Юго-Славии, которые столько раз прерывались и возобновлялись, оказались вновь прерванными (в начале марта) из-за неуступчивости сторон. Сербская делегация потребовала разрешение воздвигнуть в пределах зоны специальный вокзал, который бы обслуживался юго-славскими служащими и подчинялся бы непосредственно управлению юго-славских железных дорог. Сербская зона по требованию делегации должна рассматриваться, как пограничная станция, и поезда должны направляться не через Салоники, а прямо на Гевгели, внутрь страны. Удовлетворить подобного рода требование означало дать возможность Юго-Славии распространить свою власть на греческую территорию, на что греческая делегация не могла, конечно, согласиться.

Судя по сообщению печати, Греция склонна заключить, при содействии и под гарантией Лиги Наций, конвенцию с Юго-Славией, которая бы гарантировала последней нормальную связь со своим выходом в море—Салониками. Однако, подобная перспектива не удовлетворяет юго-славских империалистов и греко-сербские переговоры вновь зашли в тупик.

Вопрос о заключении гарантийного договора на Балканах был опять предметом обсуждений последней (февраль) конференции Малой Антанты (в Темешваре, Румыния). Накануне ее открытия полномочный министр Румынии в Афинах навестил греческого премьера и справился относительно его взгляда на этот вопрос. Греческий премьер ответил, что Греция остается на прежней своей точке зрения относительно необходимости заключения гарантийного пакта, предложенного еще в свое время Рентисом. Но с того момента греческое правительство не предприняло и не предпримет ни одного шага, будучи убежденным в том, что балканский пакт принесет пользу не только Греции, но послужит существенной гарантией для блага остальных стран. Таким образом, Греция остается непреклонной в своем решении отстоять свой суверенитет от поползновений сербского империализма. Мало того, сознавая, что ей приходится противостоять не только одной Юго-Славии, но всем странам, солидарным с последней, она сделала соответствующие военно-организационные выводы. Греция реорганизует сейчас свою армию и флот. Ген. Пангалос, греческий диктатор, подражая Муссолини, совершенно этого не скрывает. В речи, произнесенной на одном офицерском банкете в Салониках (в конце февраля), он, между прочим, сказал: «То, что я видел вчера в армии и сегодня во флоте, подкрепляет меня в своей уверенности, что судьбы нации находятся в верных руках... Я предпринял дело, которое я доведу до конца и которое вы сами будете охранять. Что касается нас, то все мы об'единимся в едином порыве вокруг нашего знамени и не допустим нарушения целостности нашей территории. Я повторяю, что Греция не может жить без Македонии и Салоник». Далее он подчеркнул, что реорганизация армии и флота составляет сейчас особую заботу греческого правительства. Благодаря им, Греция должна стать важнейшим фактором... мира.

При таком положении вещей темешварская конференция оказалась бессильной сколько-нибудь продвинуть вперед вопрос о заключении договора. И Юго-Славия и Румыния считают, что предпосылкой последнего должно служить урегулирование спорных вопросов между отдельными странами. Но поскольку Юго-Славия хочет урегулировать спорный вопрос с Грецией с пользой только для себя, а Греция не идет на уступки, постольку конференция, повидимому, решила сломить сопротивление Греции обходным путем.

Поездка Нинчича в Рим и Париж (в начале марта) была, несомненно, предрешена на конференции Малой Антанты. Своей поездкой юго-славский growth миниидел преследует более тесное сближение с Италией с целью противопоставить итало-сербскую дружбу греческой неуступчивости. Существующее итало-югославское соглашение (заключено в 1924 г.) будет расширено. Если верить английской печати, Юго-Славия отказывается от

создания своего собственного порта на Адриатическом море, который бы конкурировал с Фиуме, рассматривающимся окончательно итальянской гаванью. Фиумский порт будет служить для Сербии выходом в Адриатическое море. Италия обязуется поддерживать юго-славские притязания на Салоники.

Нужно заметить, что в деле окружения Греции поездка Нинчича в Рим является не первым шагом. Еще задолго до того, Юго-Славия заключила дружеский договор с Турцией (конец 1925 г.), заклятым врагом Греции, и этим самым заручилась, по крайней мере, ее пассивной поддержкой против последней. Наконец, в силу тех же соображений в Юго-Славии наметилось за последнее время течение в пользу сближения с Болгарией. Некоторые политические деятели даже заговорили о конфедерации с последней и, хотя эта идея не встречает отзыва в оффициальных правящих кругах, но сама по себе она в высшей степени показательна для характеристики запутанности отношений на Балканах.

Когда Рентис выдвинул идею гарантийного договора на Балканах, то он имел в виду Грецию, Юго-Славию и Румынию. Когда же выяснились козни юго-славского правительства, то греческое правительство стало на точку зрения необходимости заключения договора между Грецией, Юго-Славией, Болгарией, Турцией, Румынией и Албанией. Подобное расширение границ договора означает прежде всего увеличение трудностей, стоящих на пути к его заключению. Так, Болгария условием своего участия в договоре считает: 1) предоставление выхода через Эгейское море; 2) предоставление займа Лигой Наций и 3) разрешение принятия на военную службу безработных беженцев.

Положение вещей на Балканах усугубляется последними событиями в Зап. Европе. Предстоящий прием Германии в Лигу Наций вызывает замешательство в рядах Мал. Антанты. Последняя полагает, что допущение Германии в Лигу означает ее укрепление и ослабление позиций стран, образующих эту группировку. Поэтому темешварская конференция и решила поддерживать требование Польши на постоянное место в Лиге Наций, с одной стороны, а с другой—работать в духе Локарно и пытаться распространить систему локарнских договоров на всю Центральную Европу. Повидимому, одним из результатов этих решений и является заключенный между Чехо-Славакией и Австрией (начало марта) договор о третейском разбирательстве.

То обстоятельство, что первый договор заключен с Австрией, не случайно. Юго-Славия, Румыния и Чехо-Словакия испытывают большой страх в связи с агитацией за присоединение Австрии к Германии. Поездка Нинчича в Рим и Париж стоит не только в связи с натянутыми отношениями с Грецией, но и в связи с желанием стран Малой Антанты заручиться помощью Италии и Франции против Германии и возможности присоединения Австрии к последней. Сейчас оффициозная белградская печать сообщает о предстоящем созыве конференции с целью выработки условий договора, долженствующего гарантировать status quo в Центральной Европе. На этой конференции будут участвовать представители Италии, Франции, Австрии, Чехо-Словакии, Юго-Славии и Румынии, при этом не исключена возможность присутствия на конференции и делегата от Германии.

Наметившееся, таким образом, сближение между странами Малой Антанты и Италией является фактом первостепенного значения. Мы знаем, что до сих пор отношения между ними были довольно натянутыми. Французское влияние на Балканах сменялось итальянским, итальянское английским и т. д. Теперь же страны Малой Антанты перед призраком немецкой опасности вновь начинают ориентироваться, повидимому, на Италию и Францию, которые более, чем Англия, заинтересованы в сохранении равновесия в Центральной Европе и на Балканах. Вслед за Нинчичем в Рим помчался и Руфос,ининдел Греции. Если Нинчич добивался у Муссолини поддержки против Греции, то Руфос просил помощи против Юго-Славии. Возможно, что Италия умудрится удовлетворить обоих министров и примирить между собою Юго-Славию и Грецию для того, чтобы взять их обоих на борт своей империалистической политики. В отзывах английской печати уже промелькнула, по крайней мере, мысль о том, что сближение между Италией, Юго-Славией и Грецией может привести к невыгодной для Англии комбинации в Средиземном море, в которой была бы заинтересована и Испания. Таким образом, независимо от того, будет ли или не будет достигнуто соглашение между балканскими странами по вопросу о заключении гарантийного договора, сама подготовка его приводит к обострению отношений между балканскими странами, с одной стороны, и великими империалистическими державами, интересы которых переплетаются на Балканах—с другой.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Е. Преображенский.

Экономические заметки.

В своей статье о товарном голоде [1]) мы говорили о тех причинах длительного характера, которые вызывают товарный голод. Теперь мы остановимся на последствиях товарного голода, на проблеме равновесия в нашем хозяйстве и на вопросе о том экономическом курсе, который диктуется настоящей хозяйственной обстановкой.

Нарушение равновесия в распределении производительных сил в хозяйстве, где существует товарно-денежный обмен, прежде всего отражается в области цен. И при том товарном голоде, который мы переживаем второй год, эта диспропорция в хозяйстве находит свое выражение также в области цен, хотя при нашей системе хозяйства движение цен имеет свои специфические черты. Прежде, чем остановиться на этих особенностях в движении цен, связанных с особенностями структуры этого хозяйства, мы поставим перед собой следующий вопрос. Допустим, у нас не существовало бы социализации промышленности и транспорта: каким образом было бы достигнуто равновесие в хозяйственной системе при наличии товарного голода на промышленные товары, т.-е. при недостаточной индустриализации страны? На основе действия закона ценности равновесие было бы достигнуто следующим образом. Повышение цен на промышленные товары, носящее длительный характер, должно было бы привести, с одной стороны, к увеличению ввоза недостающих товаров, а с другой стороны, к перераспределению производительных сил между городом и деревней в сторону притока новых капиталов в отрасли с недостаточным производством товаров. Таким образом, на основе действия закона ценности чисто стихийным путем было бы достигнуто приспособление производства к расширившемуся платежеспособному спросу страны. Но в нашнх условиях, когда у нас промышленность национализирована, достижение равновесия вышеуказанным способом является невозможным. Нашей промышленностью руководим мы сами, и если мы не обеспечиваем в плановом порядке необходимых размеров накопления в ней, мы сами поддерживаем товарный голод. С одной стороны, путем национализации промышленности мы ограничиваем действие закона ценности в государственном хозяйстве, а с другой стороны, не замещаем действия этого закона необходимым темпом планового социалистического накопления,

[1]) «Правда» от 15 декабря 1925 года.—Кстати, т. Гулоян в фельетоне, помещенном в «Правде» в качестве собственных мнений преподнес читателям все основные выводы моей первой статьи, без упоминания источника, а что самое главное, он преподнес их в порядке полемики с основным положением моего фельетона. Прошу т. Гулояна справиться у кого-либо из людей с литературным стажем, как называется обыкновенно такой прием.

т.-е. не обеспечиваем на основе сознательной плановой политики такого распределения рабочих сил и материальных ресурсов в стране, которое способно обеспечить хозяйственное равновесие. При таком положении мы не устраняем действия закона ценности, а создаем условия, при которых этот закон проявляется в наиболее уродливой и в наиболее убыточной для нас форме. В области частной торговли, т.-е. прежде всего в области розничной и оптово-розничной торговли, цены на те товары, которых не хватает, резко поднимаются, но это повышение цен не приводит стихийным путем к перераспределению производительных сил страны в интересах ее индустриализации, а ведет лишь к быстрому накоплению в сфере частного капитала. Частный капитал повышает цены до пределов платежеспособного спроса и усердно зарабатывает на хозяйственной диспропорции.

Недостаточное накопление в промышленности, недостаточно быстрый темп расширенного воспроизводства в ней приводят, следовательно, с неизбежностью к падению покупательной способности наших денег в определенной сфере товарного оборота. Но падение валюты, кроме этой причины, связано еще с двумя другими причинами, без анализа которых очень трудно разобраться в переживаемых нами хозяйственных затруднениях. Причины эти следующие.

Произведя снижение единого сельско-хозяйственного налога, мы нарушили расчетный баланс между городом и деревней в пользу последней. Уже одно это снижение должно было бы иметь заметные последствия в смысле относительного увеличения денежных средств, отлагающихся в крестьянском хозяйстве. К этому прибавилось еще то обстоятельство, что 1925 год был, во-первых, урожайным годом; во-вторых, мы имели в этом году общее расширение посевных площадей; в-третьих, крестьянство продолжало расширять производство технических культур и промышленного сырья вообще; в-четвертых, наконец, в частном хозяйстве начался рост цен. В итоге деревня, при недостаточном предложении на рынке товаров промышленного производства, получила больше денег, чем могла их реализовать. Расчетный баланс между городом и деревней оказался в несоответствии. При нормальном состоянии валюты это должно было бы привести к увеличению бумажно-денежного накопления в деревне. Крестьянство накопляло бы деньги для будущих закупок, откладывало бы излишние деньги в государственные сберегательные кассы и т. д. Но при падающей валюте и даже при колеблющейся только валюте оно воздерживается от денежного накопления по мотивам, которые вполне понятны. Продать 100 пудов хлеба за 100 рублей, положить сто рублей в сберегательную кассу, иметь через год 104 рубля вместе с процентами в условиях повышения цен на хлеб—это значит через год, быть может, купить за 104 рубля только 90 или 80 пудов хлеба. При такой кон'юнктуре крестьянству выгоднее пожертвовать некоторым процентом хлеба в пользу мышей и крыс, чем соблазниться 4% за свои денежные вклады в сберегательную кассу. К тому же, в прошлом году цены на хлеб весной резко поднялись по сравнению с ценами осени 1924 года. Тот крестьянин, который продал осенью хлеб по лимитным ценам, явно проиграл по сравнению со своим соседом, который хлеб придержал и продал его за двойную цену весной. Весь год жена пилила несчастного за «без-

хозяйственность», за «неумение торговать» и ставила ему в пример соседа, который придержал хлеб и выиграл вдвое. Воспоминание обо всем этом, несомненно, очень сильно отразилось на крестьянской психологии, и в этом году деревня очень осторожно торгует хлебом, выжидая повышения цен к весне. Все это свело бумажно-денежное накопление крестьянства к минимуму. Деревня прекрасно понимает, что, когда цены повышаются, излишки выгоднее держать в товарах, а не в деньгах, что излишки держать в деньгах выгоднее только тогда, когда цены падают и когда за 100 рублей, отложенных в январе 1925 года, можно купить больше товаров в январе 1926 года. Совершенно очевидно, что при создавшихся условиях, т.-е. при прекращении бумажно-денежного накопления в деревне, рушатся, на ближайший по крайней мере год, и все планы, построенные на использовании этого накопления в интересах промышленности.

Вторая причина неустойчивости нашей валюты заключалась в ошибке, допущенной Наркомфином в области бумажно-денежной эмиссии. Если взять конец 1924 года со стороны размеров денежного обращения и сравнить его с концом 1925 года, то мы увидим увеличение общей массы денежного обращения на 70% в то время, как за тот же промежуток времени продукция нашей государственной промышленности увеличилась едва на 40%, а весь товарооборот еще на меньшую сумму. Это тоже, очевидно, вело к инфляции. И если за тот же промежуток времени курс червонца, беря средний по оптовому и розничному индексам, пал только на 8%, то это лишь доказывает, насколько вообще прочно держится наша валюта, как она еще слабо реагирует на проделанный над нею эксперимент.

Из сказанного выше видно, что для падения нашей валюты причин было более, чем достаточно. Теперь необходимо рассмотреть, в чем заключается то своеобразие в движении цен, о котором мы говорили выше. Допустим, в результате всех вышеприведенных причин мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен всех товаров, на всех ступенях товарного обращения. Если товарооборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15%, как раз и приводит к достижению валютного равновесия. Вся денежная масса обесценивается в том самом размере, в каком она превышает необходимый минимум обращения. Но у нас весь этот процесс принимает своеобразные формы, весьма убыточные для государственного хозяйства. Отпускные цены трестов у нас остаются твердыми, следовательно, на территории государственного хозяйства не происходит достижения валютного равновесия стихийным путем. Но тем самым весь этот процесс искусственно переносится в частное хозяйство, движение цен в котором остается вне нашего регулирования, либо эти цены регулируются нами в весьма незначительной степени. Таким образом, на частное хозяйство возлагается достижение валютного равновесия путем повышения цен, иными словами, только частному хозяйству мы предоставляем монополию на это повышение. Результат совершенно очевиден. В частном хозяйстве растут цены на хлеб, на те виды промышленного сырья, где возможности нашего регулирования невелики, частное хозяйство за всю свою продукцию получает больше в бумажных деньгах. Наоборот, государственное хозяйство продает всю свою продукцию по твердым ценам, т.-е. за фиксированную общую сумму. А это означает, что расчетный баланс между государственным и частным хозяйством резко изменяется в пользу частного хозяйства и к невыгоде для государственного хозяйства.

Совершенно очевидно также, что при создавшейся кон'юнктуре не только теряет государственное хозяйство, как таковое, но и теряют рабочие и служащие государства, поскольку они покупают продукты питания на вольном рынке. Реальная заработная плата, следовательно, понижается, а в тех случаях, когда мы проводим намеченное по плану увеличение заработной платы, оно, в сущности, только в состоянии удержать старый реальный минимум заработной платы.

* * *

Какие же выводы вытекают из создавшегося положения для нашей экономической политики?

Мы должны отличать здесь те меры чисто кон'юнктурного характера, которые мы должны принять для самого ближайшего времени, и те меры, которые связаны с общей линией нашей экономической политики, рассчитанные на длительный период времени.

Что касается мер текущего характера, то прежде всего мы должны позаботиться о возмещении государственному хозяйству всех его потерь на падающей валюте. Мы должны выправить расчетный баланс в интересах государственного хозяйства, вернуть ему его потери и гарантировать его от потерь в будущем. Реально можно представить себе два основных метода в достижении этой цели: во-первых, увеличение налогов на частное хозяйство, что, разумеется, осуществить наиболее трудно, и, во-вторых, увеличение отпускных цен трестов на те товары широкого потребления, по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод и на которых больше всего наживается частный капитал. Как бы ни была нежелательна эта последняя операция она остается единственным выходом из положения, если мы хотим ограничить накопления частного капитала и приостановить утечку ценностей из государственного хозяйства в частное. Конечно, дело идет о таком повышении цен, которое не может отразиться в смысле дальнейшего увеличения цен в рознице. С другой стороны, только этим путем мы в состоянии будем получить необходимые рессурсы для возмещения рабочему классу того, что он потерял на повышении цен в частной торговле, и гарантировать ему на будущее время определенный реальный уровень заработной платы.

Что касается мер длительного характера, то здесь нам необходимо ясно и твердо поставить перед собой задачу достижения такого уровня накопления в государственной промышленности, который обеспечивает равновесие во всей хозяйственной системе. Для будущего хозяйственного года мы должны построить наш государственный бюджет таким образом, чтобы промышленность

раньше всего и прежде всего была обеспечена необходимыми рессурсами на ту часть нового строительства, которая не может быть обеспечена средствами самой промышленности. Наш бюджет должен быть бюджетом социалистического государства, т.-е. интересы социалистического накопления должны стоять на первом плане. Во-вторых, нам нужно вести такую политику отпускных цен трестов, которая обеспечивает социалистическое накопление с этого конца. При твердой валюте это будет означать сначала стабилизацию оптовых цен, а затем такое осторожное их понижение, которое ни в коем случае не может повредить ни достижению нужной пропорции накопления, ни росту заработной платы.

В-третьих, нам необходимо пересмотреть систему налогового обложения в сторону его увеличения и, прежде всего, увеличить обложение зажиточных элементов деревни. С этой точки зрения намечаемые Наркомфином размеры прямых налогов являются явно недостаточными.

В-четвертых, нам необходимо теперь же приступить к выработке такого импортного плана, который полностью и целиком обеспечивает ввоз для промышленности всего необходимого ей оборудования на данный год и всего необходимого сырья. Только после того, как все потребности промышленности будут полностью удовлетворены, можно будет говорить об удовлетворении других заявок по импортному плану.

Если мы не обеспечим всех этих необходимейших мер, о настоятельности которых вопиет товарный голод, мы не только не ликвидируем этого голода в следующем году, но в 1926 году будем подготовлять элементы товарного голода для 1930 года. Необходимо помнить, что с новым строительством мы и так уже страшно запоздали. Через год мы не в состоянии уже будем увеличивать продукцию нашей металлургии, используя оборудование старых заводов. Между тем, новые заводы смогут давать продукцию не ранее, как через 3 года, если мы немедленно приступим к их постройке. С социализацией промышленности и транспорта шутить нельзя. Если мы ограничиваем или ликвидируем действие закона ценности, этого стихийного регулятора капиталистических отношений производства, то мы должны заместить его плановым социалистическим накоплением в тех пропорциях, которые диктуются нам всей экономикой страны. Мысль о том, что мы можем ограничивать наши капитальные затраты и более усиленно развертывать легкую промышленность, является реакционной утопией. Эта мысль питается, главным образом, аналогией с 1921 годом, т.-е. с тем периодом, когда наша промышленность еле-еле начинала подниматься после небывалого развала. Когда человек лежит на земле и должен подняться, то вопрос о том, обопрется ли он сначала на одну руку или на одну ногу, имеет смысл. Но когда человек поднялся и идет полным ходом, то рекомендовать ему разворачивать левую ногу быстрее правой можно только в том случае, если он хромой или паралитик. Между тем, нашей теперешней промышленности, идущей полным ходом, как раз и рекомендуют разворачивать одну ногу, т.-е. легкую промышленность, быстрее другой, т.-е. быстрее тяжелой промышленности. Такой совет является или экономической безграмотностью, которую проще высмеять, чем опровергать, либо скрывает за собой затаенную мысль о чем-то другом. Эта затаенная мысль может заключаться только в следующем. Если наше сельское хозяйство пред'являет платежеспособный спрос, который превышает производительные способности нашей промышленности, то при данном уровне накопления достижение равновесия возможно лишь путем усиления импорта готовых предметов потребления, т.-е. по линии наименьшего сопротивления. Этот путь, есть путь не индустриализации страны, а путь увязки нашего платежеспособного спроса на предметы потребления с заграничной промышленностью. Если на длительный период мы отказываемся от достаточно быстрой индустриализации страны, если на длительный период мы будем мириться с систематической недоразвитостью нашей тяжелой промышленности, если на длительный период мы будем мириться с дефицитом в области социалистического накопления, если мы упорно будем закрывать глаза на экономическую и политическую опасность такого положения, то тогда рассуждение о более быстром развертывании легкой промышленности и об умеренном темпе капитального строительства имеет свой смысл. Но тогда мы должны иметь достаточно мужества, чтобы предвидеть все последствия, вытекающие из такого пути развития нашего хозяйства. При росте наших урожаев, при росте наших экспортных возможностей мы тогда будем иметь неизбежно такой напор частного хозяйства на нашу таможенную систему, на нашу монополию внешней торговли (т.-е. на барьеры, которыми мы парализуем действия закона ценности мирового хозяйства), что наши искусственные преграды будут расшатаны в корне и наш импортный план будет строиться не согласно плана индустриализации страны, а подобно Тришкиному кафтану, в котором заплаты в виде экспорта продуктов потребления будут играть из года в год все более растущую роль. Мы согласны с тем, что такая линия экономической политики имеет свой смысл, но она не имеет никакого отношения к решениям XIV с'езда партии о программе индустриализации и диктуется мелко-буржуазным напором на экономическую политику пролетарского государства. Эта линия идет навстречу тому, чего добиваются от нас капиталистические страны: она идет по линии ликвидации монополии внешней торговли, ликвидации социалистического протекционизма, включения СССР в систему мирового разделения труда на основе действия закона ценности, сохранения теперешнего уровня индустриализации Европы путем относительного усиления аграризации нашей страны. Партия должна отвергнуть решительно и категорически не только подобную экономическую политику, если ее кто предлагает вполне сознательно, но и такую политику шатания из стороны в сторону и оппортунизма в области индустриализации, которая бессознательно ведет к тому же самому об'ективно неизбежному результату.

Теперь я хотел бы перейти к возражениям против фельетона тов. Стецкого «Хозяйственные затруднения», помещенного в «Правде» от 6-го февраля с/г. В фельетоне тов. Стецкого есть много верных положений, но нет ясного деления между кон'юнк-

турными задачами сегодняшнего дня и центральной проблемой нашей экономической политики на длительный период времени. Точно так же и при об'яснении причин переживаемых хозяйственных затруднений тов. Стецкий не проводит точного расчленения между последствиями хозяйственной диспропорции и последствиями, вызванными валютными колебаниями. В то же время статья т. Стецкого является достаточно типичным образчиком политики балансирования между двух стульев.

Основной причиной, обусловливающей возникновение хозяйственных затруднений в переживаемый нами период, тов. Стецкий считает «сложность задачи установления и нащупывания правильных отношений между социалистическим ядром нашей экономики и мелко-буржуазным окружением, между крупной государственной промышленностью и крестьянским хозяйством».

В чем же состояла наша конкретная ошибка в деле «нащупывания правильных отношений между крупной государственной промышленностью и крестьянским хозяйством»? На этот вопрос т. Стецкий отвечает нижеследующим образом: «Мы не можем никоим образом при анализе теперешней обстановки обойти наш осенний, или, вернее, летний «просчет», ибо он сыграл не малую роль в возникновении стоящих перед нами теперь затруднений... Нельзя отрицать того, что в основе теперешних затруднений лежит диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством. Но нельзя забывать и той роли в усилении этой диспропорции, которую сыграла наша хлебо-заготовительная политика... Попытка обойти это обстоятельство есть попытка укрыться от признания и анализа наших ошибок в области общих, мало что дающих рассуждений о диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством».

Что наш осенний просчет очень вредно отразился на нашем хозяйственном строительстве, в частности повлиял на падение валюты—поскольку размеры эмиссии были рассчитаны на неоправдавшийся товарооборот—все это бесспорно. Один из выводов, который нужно отсюда сделать, заключается в том, что эмиссионная политика Наркомфина должна обсуждаться всеми планирующими органами, в пять раз более внимательно, чем это было до сих пор. Но все это только одна сторона дела и притом не самая главная. Товарный голод у нас был налицо еще до осеннего просчета, а, значит, перенести центр внимания на этот последний конкретный просчет, значит, «укрыться от признания» какого-то другого просчета, который по времени предшествовал осеннему. А это приводит нас к необходимости вообще строго различать между кон'юнктурными просчетами и просчетом более основным, с более длительными и глубокими последствиями. Таким просчетом является недооценка роста платежеспособного спроса крестьянства и города. Эта недооценка была сделана уже в 1923—24 г.г., она привела в области экономической политики к лозунгу: «промышленность, не забегай вперед»; она повлекла за собой в области практической систематически-недостаточное накопление в промышленности. Следовательно, основной просчет, с которым главным образом связаны наши хозяйственные затруднения, был сделан не осенью 1925 года, а на протяжении еще 1924 г. В 1925 году мы лишь пожинаем плоды этого основного просчета, который остается в силе и теперь и за который, повидимому, нет охотников нести ответственность. А это значит, что в спорах 1923—24 г.г. и в дальнейших спорах на те же темы, которые велись внутри планирующих органов, правыми полностью и целиком оказались «индустриалисты», а не те, кто думал осуществлять смычку с крестьянством посредством промышленного недопроизводства.

Правда, т. Стецкий не отрицает роли диспропорции между промышленностью и земледелием. В приведенной цитате он пишет: с одной стороны, «нельзя отрицать», с другой стороны, «нельзя забывать». Одним словом, два «нельзя»: нельзя не признаться, и нельзя не сознаться. Но нельзя ли тогда сознаться Вам, тов. Стецкий, что Вы были не правы в основном споре с индустриалистами в 1923—24 годах. Разве не ясно, что, если бы мы в 1924 году подготовили элементы расширения производства товаров крестьянского спроса для 1925 года, хотя бы на 70 или 80 миллионов рублей больше теперешнего, мы могли бы в 1925 году купить у крестьян на 70 миллионов пудов больше хлеба и на 100 миллионов пудов могли бы больше этого хлеба вывезти за границу? Разве не ясно, что мы, быть может, не были бы вынуждены сокращать импорт промышленного оборудования, сокращать производство и рассчитывать рабочих в отраслях, связанных с закупками иностранного сырья?

Одну из наших очередных задач в области экономической политики т. Стецкий формулирует следующим образом: «Единственным правильным и приемлемым для нас курсом является курс на общее понижение цен внутри страны и укрепление червонца». Я совершенно согласен с такой линией экономической политики, поскольку дело идет о формулировке наших программных задач в области хозяйственной. Но в общем верная формулировка т. Стецкого, совершенно не отвечает на конкретный вопрос сегодняшнего дня: если государственное хозяйство уже потеряло на падении валюты, я думаю, не менее 100 миллионов рублей, если реальный уровень заработной платы понижался от роста цен в частном хозяйстве, то из каких источников т. Стецкий предполагает покрыть дефицит по расчетному балансу между государственным и частным хозяйством, дефицит, который является уже фактом? На этот вопрос в статье т. Стецкого мы не находим ответа. Между тем, дело идет не о том, чтобы высказаться за твердую валюту и снижение цен, а практически показать, как при недостаточном социалистическом накоплении, мы можем иметь твердую валюту и нормальный уровень розничных надбавок к отпускным ценам трестов.

Тов. Стецкий с некоторым запозданием открывает Америку насчет того, что мы можем использовать крестьянское накопление не путем эмиссии, а путем развития вкладной операции со стороны крестьянства, путем использования крестьянских сбережений для кредитования промышленности. Автор этих строк писал на эту тему еще в 1922 году. Линия использования крестьянского накопления совершенно бесспорна. Но пусть и здесь тов. Стецкий говорит нам не о прекрасных возможностях в будущем, а о том, как при колебании валюты и при отсутствии крестьянского накопления в бумажной форме обеспечить необхо-

димое накопление в промышленности для расширения производства и для необходимых капитальных затрат. Ведь для каждого же ясно, что план снабжения промышленности необходимыми рессурсами на основе использования крестьянского накопления и новых эмиссий, по крайней мере для этого года, провалился, поскольку имелось в виду прибегнуть к этим методам финансирования промышленности за счет уменьшения бюджетных ассигнований и накопления внутри самой промышленности. Но провалившийся план, в основе которого лежал очень большой оптимизм по отношению к частному хозяйству и большой пессимизм по отношению к государственному, был все же хоть и гнилым, но—планом. Этот план чем-то нужно заменить, заменить предложением вполне конкретных мер, а не мечтаниями о том, как хорошо мы когда-то в будущем используем крестьянское накопление для кредитования промышленности.

Я должен далее остановиться на том месте статьи т. Стецкого, где он говорит о развитии тяжелой промышленности. У нас сейчас довольно распространено то мнение, что большие ассигнования на капитальные затраты для государственной промышленности являются важной причиной, усиливающей товарный голод страны. Вместо голых рассуждений на эту тему я попытался подсчитать, сколько снимает с рынка наша промышленность ходовых товаров для своих капитальных затрат. Оказалось, что при выполнении плана капитальных затрат на 800 миллионов рублей, мы сняли бы с рынка ходовых товаров в 1925—26 году всего около 5% общего товарооборота. Вот к чему сводится вся сила аргумента насчет непосильности для нас капитального строительства. По этому вопросу тов. Стецкий пишет: «Развитие тяжелой промышленности представляет собой предпосылки развития легкой. Однако, мы не можем ухлопывать все средства на развитие тяжелой индустрии». Никто не предлагает такой экономической безграмотности, какой явилось бы «ухлопывание всех средств на развитие тяжелой промышленности». Нам необходимо пропорциональное развертывание и тяжелой и легкой промышленности. Но в то же время нам до крайности необходимо капитальное строительство для борьбы с будущим товарным голодом и для удешевления цен на основе технического переоборудования нашей промышленности. Дело заключается в том, чтобы согласовать эти две задачи, а не скатываться на позицию оппортунизма и топтания на одном месте в деле индустриализации страны. Для ясности дела было бы гораздо лучше, если бы т. Стецкий ответил прямо на вопрос: за какую цифру капитального строительства он высказывается? За ту ли, которая предусматривает ликвидацию в будущем товарного голода, или за ту, которая его увековечивает и усиливает?

Подведем итог. В статье т. Стецкого, на ряду со многими верными мыслями, главным образом, академического характера, не видно, однако, понимания или, вернее, признания основного просчета в нашей экономической политике, повлекшего за собой недостаточные размеры социалистического накопления, а тем самым неизбежно—и обострение товарного голода. В связи с этим и линия экономической политики, рекомендуемая т. Стецким, на ряду с верными предложениями в частностях, означает, продолжение политики недостаточного накопления

(что делается для нас чем дальше, тем более опасным), а значит, начало политики осторожного отступления от решения XIV партсъезда об индустриализации страны.

Не желая быть пророком, я, однако, в заключение соблазняюсь кое-что предсказать. Пишущий эти строки, по примеру прошлого, будет, вероятно, обвинен: в недооценке одного, в переоценке другого, в перенедооценке третьего, т.-е. короче говоря в уклоне. Это пока неизбежно. Однако, в свое оправдание я имею заметить следующее. Для таких экономических политиков, как т. Стецкий, дозарезу нужен мой «уклон». Они ищут всегда убежища для своей линии между стульями. Но чтобы сидеть между стульями, нужно минимум два стула, значит, минимум два уклона. Один уклон, аграрный, более или менее уже обеспечен и формально и по существу. Теперь необходимо иметь в натуре или выдумать второй. Тогда все будет в порядке: прозодежда из двух уклонов, оттеняющих истинность золотой середины, будет налицо. Можно будет приступить к формулировке и обоснованию арифметической средней и к распределению соответствующего количества пинков направо и налево.

Беда только, что товарный голод в стране будет продолжаться...

О методе построения прогрессии при обложении сельского хозяйства.

(К вопросу о реформе сельско-хозяйственного налога).

Правильное построение сельхозналога наталкивается на огромнейшие трудности. Проблема была бы разрешена наилучшим образом, если бы было возможно построить обложение на учете действительной доходности крестьянского двора. Однако, на практике это при современных условиях неосуществимо. Поэтому до сих пор обложение крестьянского хозяйства строилось лишь на основе внешних признаков.

Предусматривая обложение крестьянских хозяйств только по внешним признакам, действовавшая в последние годы система налога ориентировалась главным образом на потребительскую основу нашего крестьянского хозяйства.

Наблюдающийся общий рост сельского хозяйства, развитие его товарности за счет увеличения рыночных и технических культур, увеличение доходов от второстепенных отраслей хозяйства и неземледельческих заработков, а также происходящие на селе процессы дифференциации крестьянства выдвигают настоятельную необходимость реформировать систему обложения сельского хозяйства в сторону наибольшего усиления элемента подоходности с сохранением за сельхозналогом роли фактора, регулирующего экономические процессы на селе.

Разработанный Наркомфином Союза на основе этих предпосылок проект реформы сельско-хозяйственного налога может быть разделен на две основные части:

1) на учет об'ектов и признаков, как источников, определяющих доходные возможности крестьянского хозяйства и способ определения самой суммы дохода от этих источников, и

2) метод обложения выявленного дохода.

Проект реформы сельхозналога, предлагаемый НКФ Союза, предусматривающий учет дохода крестьянского хозяйства, выраженного в денежной форме не только от основных, но и второстепенных отраслей сельского хозяйства, а также от неземледельческих заработков, достаточно удовлетворительно разрешает первую часть вопроса.

В отношении же второй части вопроса о порядке обложения дохода проект этот считает целесообразным сохранить ныне действующую систему обложения, т.-е. прогрессию обложения предполагает строить в зависимости от высоты дохода на едока—часто случайного признака в хозяйстве—и самое обложение исчислять по непонятной широким массам селянства скользящей скале обложения.

Какую бы систему налога на сельское хозяйство мы ни выработали, решающим в ней, в условиях современной советской действительности, будет такое разрешение вопроса о методе построения прогрессии обложения, которое находилось бы в полном соответствии с нынешней политикой советской власти в отношении крестьянства. Для ближайшего времени это разрешается следующей общей формулой: тяжесть обложения отдельных групп крестьянства, по сравнению с обложением нынешнего года, должна быть несколько передвинута в сторону более мощных групп хозяйств за счет некоторого понижения налога для маломощных хозяйств.

Как вопрос о прогрессии обложения разрешался до сих пор и как нужно его разрешить, чтобы выполнить поставленную выше задачу?

Невозможность для ближайшего будущего отказаться от нормативного обложения основных отраслей хозяйства: земледелия и скотоводства (проект Госналога, предусматривающий обложение неземледельческих доходов, считает, что 85% дохода будет облагаться от основных отраслей сельского хозяйства нормативным порядком) позволяет при изучении вопроса о роли, удельном весе и тяжести обложения отдельных групп хозяйств базироваться на их земельной обеспеченности, обеспеченности скотом, числе едоков в хозяйстве и других признаках, находящих свое отражение и в статистике и особенно в налоговой практике последних лет, где они получили к тому же нужную нам группировку.

Рассмотрим для примера, как в бывш. Киевской губернии, более или менее типичный для лесо-степного района Украины, группируются хозяйства в зависимости от высоты землеобеспеченности хозяйства и числа едоков (число хозяйств в тысячах).

Хозяйства по величине землепользования.	Группы по землеобеспеченности едока.									
	До 0,5 дес.	Св. 0,5 до 0,75 дес.	Св. 0,75 до 1,00 дес.	Св. 1,00 до 1,25 дес.	Св. 1,25 до 1,50 дес.	Св. 1,50 до 2,00 дес.	Св. 2,00 до 2,50 дес.	Св. 2,50 до 3,00 дес.	Свыше 3 дес.	Итого.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	
До 1 дес.	56,1	3,9	6,2	—	—	—	—	—	—	66,2
От 1—2 дес. . . .	61,5	38,7	20,4	7,0	5,2	7,8	—	—	—	140,6
» 2—3 »	35,4	66,9	41,6	20,3	16,1	—	4,8	2,9	—	188,0
» 3—4 »	13,4	51,4	54,1	33,8	7,2	20,3	—	—	3,1	183,3
» 4—5 »	2,8	31,2	38,9	25,6	9,1	5,7	5,4	—	0,8	119,5
» 5—6 »	0,5	13,3	23,9	15,9	9,9	5,0	—	1,6	0,3	70,4
» 6—9 »	0,2	4,6	21,1	20,9	10,9	9,4	4,4	1,0	1,5	74,0
» 9—15 »	—	0,1	1,0	2,6	3,1	5,0	2,3	1,0	1,0	16,1
Свыше 15 дес. . . .	—	—	—	—	0,1	0,4	0,4	0,4	0,6	1,9
Итого . . .	169,9	210,1	207,2	126,1	61,6	53,6	17,3	6,9	7,3	860,0

Из этой таблицы видно, что как состав каждой едоцкой группы, так и групп хозяйств по величине земельной обеспеченности, чрезвычайно пестр. Рассматривая земельную площадь хозяйства, как основной капитал, в результате эксплоатации которого хозяйство получает то или иное количество ценностей, нужно признать, что хозяйство с большей земельной площадью при прочих равных условиях располагает и большими возможностями для приобретения этих ценностей. Если при этих условиях допустить, что размер земельной обеспеченности едока является не меньшим показателем мощности хозяйства, как это считают защитники едоцкого принципа, то высшие по землеобеспеченности на едока хозяйства должны были бы сосредоточиваться в высших хозяйских группах. В действительности этого нет. Девятая едоцкая группа имеет 3,9 тыс. хозяйств из 7,3 тыс., т.-е. 53,4% хозяйств с земельной обеспеченностью до 5 десятин и восьмая группа 42% хозяйств—до 3-х десятин. Наоборот, четвертая едоцкая группа имеет 39,4% хозяйств этой группы с землеобеспеченностью хозяйств свыше пяти десятин и третья—22,2% таких хозяйств.

Еще отчетливее неубедительность преимущества едоцкой группировки, как показателя мощности хозяйства, выступает, когда мы по указанным выше группам хозяйств приведем значение других показателей в виде числа едоков, количества скота и проч.

Вот как распределяются другие показатели при группировке хозяйств по размеру землеобеспеченности на едока по той же бывш. Киевской губернии:

Едоцкие группы.	Среднее число десят. на 1 хозяйство.	Среднее число едоков на 1 хозяйство.	Средняя землеобеспеченность едока.	Рабочий и крупный рогатый скот.			
				На 1 хозяйство.	На 1 дес.	На 1 едока.	% бесскотных хоз.
I	1,6	4,9	0,33	0,70	0,43	0,15	52,9
II	3,1	4,9	0,63	1,04	0,33	0,22	37,5
III	3,9	4,5	0,87	1,22	0,31	0,27	31,1
IV	4,3	3,9	1,16	1,31	0,30	0,34	29,4
V	4,6	3,4	1,35	1,34	0,28	0,39	30,5
VI	5,0	2,9	1,72	1,32	0,26	0,45	32,2
VII	5,6	2,6	2,15	1,38	0,24	0,53	34,8
VIII	6,2	2,3	2,70	1,35	0,21	0,58	38,5
IX	6,8	1,8	3,78	1,14	0,17	0,62	44,8

Далее значение тех же показателей приведем по хозяйствам в зависимости от размера их земельной обеспеченности:

Хозяйские группы.	Среднее число десят. на 1 хозяйство.	Среднее число едоков на 1 хозяйство.	Средн. землеобеспеченность едока.	Рабочий и крупный рогатый скот.			
				На 1 хоз.	На 1 дес.	На 1 едока.	% бесскотных хоз.
До 1 дес.	0,6	3,2	0,18	0,35	0,61	0,11	73,3
От 1 до 2 дес. . .	1,6	3,3	0,19	0,58	0,36	0,18	58,5
» 2 » 3 » . .	2,6	3,7	0,6[illegible]	0,85	0,34	0,23	44,2
» 3 » 4 » . .	3,5	4,1	0,85	1,04	0,33	0,26	29,9
» 4 » 5 » . .	4,5	5,0	0,91	1,49	0,33	0,32	18,4
» 5 » 6 » . .	5,5	5,6	0,97	1,76	0,32	0,33	12,7
» 6 » 9 » . .	7,2	6,4	1,12	2,18	0,30	0,34	7,4
» 9 » 15 » . .	10,7	6,7	1,58	2,68	0,25	0,35	3,1
Свыше 15 дес. . .	18,6	7,6	2,43	2,10	0,15	0,40	3,6

Нарастание земельной площади хозяйств в первой таблице идет, как мы видим, недостаточно интенсивно; число едоков на хозяйство от низших едоцких групп к высшим падает; количество скота во всех группах остается почти неизменным. Таким образом, главные орудия производства хозяйства (назовем так семью хозяйства и обеспеченность его крупным скотом) не только не возрастают с увеличением землеобеспеченности едока, а, наоборот, падают, что наблюдается, например, в отношении числа едоков в хозяйстве. Наличие почти одинакового процента бесскотных хозяйств во всех едоцких группах довершает картину полной несостоятельности едоцкой группировки. Несмотря на это, прогрессия обложения до сих пор строилась по едоцкому принципу и в проекте НКФ СССР сохраняется для 1926—27 г.

Группировка хозяйств по признаку обеспеченности их земельной площадью (см. вторую таблицу) дает более отчетливую картину изменения дополнительных показателей. Число едодов непрерывно возрастает от низших групп к высшим; то же нужно сказать в отношении скота и, что можно считать наиболее показательным, процент бесскотных хозяйств резко падает от низших по землеобеспеченности групп к высшим.

То, что изменение обеспеченности скотом одного едока в хозяйстве мало отличается и в первой и во второй группировке говорит за то, что только один признак—земля на хозяйство—также не является абсолютно бесспорным показателем мощности хозяйства, но все же этот последний признак имеет ряд неоспоримых преимуществ перед признаком землеобеспеченности едока. Очевидно, наиболее верной была бы группировка хозяйств на основе комбинаций этих двух признаков (землеобеспеченности хозяйства и землеобеспеченности едока) с большим использованием признака земельной обеспеченности хозяйства в целом.

К тем же выводам мы придем, если произведем аналогичный анализ такой же группировки крестьянских хозяйств по другим губерниям Украины как по налоговым, так и по бюджетным данным.

По 199 бюджетам 1922—23 г. и по 160 хоз. 1923—24 года бывш. Киевской губернии был произведен специальный математический анализ зависимости между доходом крестьянских хозяйств и различными об'ективными признаками в них. Результаты этого анализа в виде коэффициентов корреляции, характеризующие степень связи указанных выше элементов хоз., получились следующие:

	По бюджетам: 1922/23 г.	1923/24 г.
Земли на хозяйство	+ 0,67	+ 0,61
Землеобеспеченн. на едока	+ 0,57	+ 0,23
Количество скота на хоз.	+ 0,40	+ 0,55
Число всех едоков	+ 0,29	+ 0,44

И по бюджетам 1922—23 года мы наблюдаем более тесную связь дохода с землеобеспеченностью хозяйства, а не едока; в 1923—24 г. эта зависимость выявляется еще более резко, что находится в полном соответствии с наблюдающимся общим ростом сельского хозяйства и увеличением его товарности.

Аналогичная работа проделана по бюджетам бывшей Екатеринославской губернии—картина получилась не менее отчетливая. Земля на хозяйство в отношении дохода всего хозяйства дала коэффициент корреляции +0,68, а на едока+0,36.

Имея в виду, что значительная часть дохода крестьянских хозяйств будет учитываться нормативным порядком, игнорировать результаты приведенного математического анализа, подтверждающего преимущество хозяйского принципа по сравнению с едоцким, нельзя.

Привлечение к самостоятельному обложению сельхозналогом крупного скота несколько сглаживает дефектность едоцкого принципа, но все же не дает желательного настижения дохода действительно мощных хозяйств, которые, благодаря повышенному составу семьи, часто облагаются наравне с середняцкими хозяйствами, и подчас дает нежелательный эффект.

Еще в 1924—25 году Украина сознательно пошла на введение прогрессивных норм пересчета скота для многоскотных хозяйств, чтобы тем самым хотя бы до некоторой степени корректировать недообложение мощных групп хозяйств. Но итти по пути значительного повышения налога на скот значило бы поставить под угрозу развитие такой важной, определяющей дальнейшее развитие всего украинского сельского хозяйства отрасли, как животноводство.

Отказ от прогрессивных норм пересчета для продуктивного скота, общее снижение норм привело в нынешнем году к большому понижению налога для хозяйств многоскотных, а следовательно, и более зажиточных, в то время как маломощные хозяйства—бесскотные и с пониженной скотообеспеченностью—получили меньшее снижение, а иногда даже и увеличение налога.

Приведем для примера данные фактического распределения налога в относительных величинах по группам скотообеспеченности в 1924—25 году и в 1925—26 году по двум округам: мелкоземельному Сумскому и степному—Изюмскому.

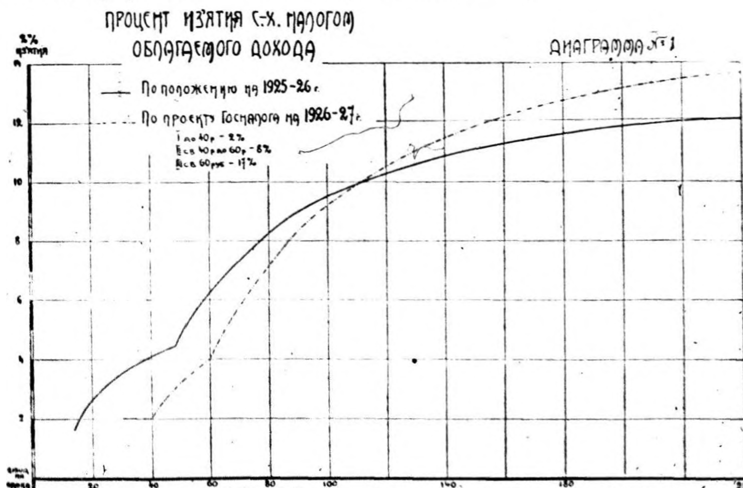
Налог в %% по группам скотообеспеченности к общей сумме налога по округу, принятой за 100:

Название округа.	Группы хозяйств.	Бесскотные	С 1 голов скота.	С 2 голов. скота.	С 3 голов. скота.	С 4 и более.	Итого
Сумской	в 1924—25 г.	6,8	16,7	52,7	16,9	6.9	100
	в 1925—26 г.	10,3	23,5	52,4	10,8	3.0	100
Изюмский	в 1924—25 г.	9,1	10,8	19,5	25,0	35,6	100
	в 1925—26 г.	10,2	14,7	23,3	25,2	26.6	100

Аналогичная картина наблюдается и по другим округам Украины.

Такое перераспределение налога вызвало нежелательный политический эффект и не могло найти себе экономического оправдания.

Обложение сельского хозяйства в 1926—27 году по системе, проектируемой Госналогом, т.-е. на основе едоцкого принципа и применения пропорциональных, а не прогрессивных норм доходности для скота по скользящей скале с более крутой прогрессией, приведет к еще большим невязкам в указанном направлении и вместо рационализации системы усугубит ненормальности, присущие едоцкому принципу; в результате мощные группы все же не будут настигнуты налогом, а середняцкие в массе будут относительно переобложены.



Перейдем далее к анализу проектируемой Госналогом скользящей скалы обложения, в которой крутизна кривой из'ятия по налогу от дохода несколько усилена по сравнению с прошлым годом в сторону хозяйств с повышенным доходом на едока. Графически крутизна прогрессии обложения за два года изображается на прилагаемой диаграмме № 1. Кривая процента

из'ятия от дохода для 1926—27 года здесь построена, исходя из следующего расчета: доход на каждого едока в хозяйстве до 40 рублей облагается двумя процентами, излишек на каждого едока свыше 40 руб. до 60 руб.—восемью процентами, и излишек сверх 60 руб. на каждого едока облагается семнадцатью процентами. Кривая процентов из'ятия отличается своей плавностью, и, если закрыть глаза на дефектность самого признака, положенного в основу ее построения, она подкупает своей стройностью нарастания процента из'ятия по мере увеличения дохода на едока и внешне как-будто удовлетворяет тем задачам, которые поставлены перед законодателем в отношении обложения различных по мощности групп крестьянства. Но стоит подвергнуть ее более углубленному анализу, как эта стройность нарушается и со всей очевидностью выявляется дефектность едоцкой группировки.

Для того, чтобы проследить, как будут изменяться проценты из'ятия в отношении хозяйств с одинаковым составом семьи при разном размере дохода на хозяйство, исчислим налог по приведенной выше скале для хозяйств с разным доходом—предположим от 50 до 1000 руб.—и разным числом едоков—от 1 до 12, охватив таким путем главную массу облагаемых крестьянских хозяйств, и для каждого хозяйства вычислим процент налога от дохода, учтя при этом, что хозяйства с доходом до 30 руб. на едока не облагаются. Результаты получатся следующие (см. таблицу № 1 на след. стр.).

По вертикальным рядам, которые в настоящий момент нас интересуют, проценты из'ятия по налогу к доходу изменяются по мере увеличения дохода на хозяйство не одинаково: круче они изменяются в малоедоцких хозяйствах, и с увеличением числа едоков нарастание в процентах из'ятия все более и более уменьшается. Изобразим эти изменения в процентах из'ятия для хозяйств с разным числом едоков графически (см. диаграмму № 2, на стр. 80, кривые, изображенные пунктиром). По вертикальной оси отложены проценты из'ятия, а по горизонтальной—размеры дохода на хозяйство. Диаграмма наглядно показывает, как неравномерно нарастают проценты из'ятия для разных групп хозяйств по числу едоков. В то время как хозяйство с одним едоком уже при 150 рублях платит почти 12%, хозяйство с 12 едоками при 1000 руб. дохода платит всего 7,6%. В группах хозяйств с невысоким доходом и малым числом едоков при одном и том же доходе на хозяйство при уменьшении или увеличении семьи на одного едока процент из'ятия изменяется на 2—3 и даже до 5%. При доходности хозяйства в 1000 р. изменение в проценте из'ятия на каждого едока равно 0,8% от дохода хозяйства. Налог на хозяйство с 12 едоками и 1.000 руб. дохода составляет 7,6% от дохода, а с одним едоком—16,2%; те же 7,6% от дохода платят хозяйства с 165 рублями дохода и двумя едоками. Оправдывается ли такое «справедливое» распределение налога задачами советской власти на селе? Если считать, что хозяйства с 2 едоками при 165 руб. дохода и 12 едоками при 1000 руб. дохода являются хозяйствами одинаковой мощности—тогда оправдывается, и такие хозяйства нужно облагать одинаково. Но ведь в действительности, если даже указанная выше доходность и соответствует фактической доходности, а не учтенной в нормативном порядке, как это будет в действительности, и тогда мы

Таблица № 1.

Налог на хозяйство с разной доходностью и разным числом едоков по скользящей скале, предлагаемой Госналогом НКФ Союза (в рублях и в %%).

Группы по числу едоков	С 1 дес.		С 2 дес.		С 3 дес.		С 4 дес.		С 5 дес.		С 6 дес.		С 7 дес.		С 8 дес.		С 9 дес.		С 10 дес.		С 11 дес.		С 12 дес.	
Доход на хозяйство в руб.	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
50	1,6	3,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
100	9,2	9,2	3,2	3,2	2,0	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
150	17,7	11,8	9,9	6,6	4,8	3,2	3,0	2,0	3,0	2,0	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
200	26,2	13,1	18,4	9,2	10,6	5,3	6,4	3,2	4,0	2,0	4,0	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
250	34,7	13,9	26,9	10,8	19,1	7,6	11,3	4,5	8,0	3,2	5,6	2,2	,0	2,0	5,0	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—
300	43,2	14,4	35,4	11,8	27,6	9,2	19,8	6,6	12,0	4,0	9,6	3,2	7,2	2,4	6,0	2,0	6,0	2,0	6,0	2,0	—	—	—	—
350	51,7	14,8	43,9	12,6	36,1	10,3	28,3	8,1	20,5	5,9	13,6	3,9	11,2	3,2	8,8	2,5	7,0	2,0	7,0	2,0	7,0	2,0	—	—
400	60,2	15,0	52,4	13,1	44,6	11,1	36,8	9,2	29,0	7,3	21,2	5,3	15,2	3,8	12,8	3,2	10,4	2,6	8,0	2,0	8,0	2,0	8,0	2,0
500	77,2	15,4	69,4	13,9	61,6	12,3	53,8	10,8	46,0	9,2	38,2	7,6	30,4	6,1	22,6	4,5	18,4	3,7	16,0	3,2	13,6	2,7	11,2	2,2
600	94,2	15,7	86,4	14,4	78,6	13,1	70,8	11,8	63,0	10,5	55,2	9,2	47,4	7,9	39,6	6,6	31,8	5,3	24,0	4,0	21,6	3,6	19,2	3,2
700	111,2	15,9	103,4	14,7	95,6	13,7	87,8	12,5	80,0	11,4	72,2	10,3	64,4	9,2	56,6	8,1	48,8	7,0	41,0	5,9	33,2	4,7	27,2	3,9
800	128,2	16,0	120,4	15,0	112,6	14,0	104,8	13,0	97,0	12,1	89,2	11,1	81,4	10,2	73,6	9,2	65,8	8,2	58,0	7,3	50,2	6,2	42,4	5,3
900	145,2	16,1	137,4	15,3	129,6	14,3	121,8	13,5	114,0	12,7	106,2	11,8	98,4	10,9	90,6	10,1	82,8	9,2	75,0	8,3	67,2	7,5	58,4	6,5
1.000	162,2	16,2	154,4	15,4	146,6	14,7	138,8	13,9	131,0	18,1	123,2	12,3	115,4	11,5	107,6	10,8	99,8	10,0	92,0	9,2	84,2	8,4	76,4	7,6

имеем два хозяйства, не сравнимые по мощности. При учете же дохода по средним к тому же пониженным нормам хозяйство с 12 едоками и 1000 руб. дохода всегда будет мощнее хозяйства с 2 едоками и 165 руб. дохода, и поэтому нет никакого основания эти хозяйства облагать одинаково.

Ведь как бы экстенсивно ни эксплоатировался капитал в нашем крестьянском хозяйстве, уже наличие самого размера капитала в значительной мере определяет доходные возможности данного хозяйства.

Вот, например, какие контрасты дает изменение условно-чистой доходности и числа рабочих рук на одно хозяйство при едоцкой группировке хозяйств и по их земельной обеспеченности по бюджетам Киевской губернии.

Группы по землеобеспеченности едока.	Число рабоч. на 1 хозяйство (абсол.).	Усл. чистый доход на хозяйство.	Усл. чистый доход на едока.	Группы по землеобеспеченности хозяйства.	Число работн. на хозяйство.	Усл. чистый доход на хозяйство.	Усл. чистый доход на едока.
I	3,3	149,4	24	До 1 дес. . . .	2,7	74,4	21
II	2,1	151,9	29	От 1—2 дес. . . .	2,0	73,6	23
III	3,2	169,9	31	» 2—3 » . .	2,3	94,5	23
IV	3,5	281,7	56	» 3—4 » . . .	3,3	173,2	31
V	3,0	401,1	70	» 4—6 » . .	3,7	234,0	37
VI . . .	4,1	261,2	50	» 6—9 » . . .	5,8	327,8	51
VII—IX . .	4,2	617,0	121	Свыше 9 дес. . .	4,5	538,6	79

Число работников на хозяйство с ростом его земельной площади повышается, так же отчетливо возрастает и доход на хозяйство, чего мы не наблюдаем в «едоцкой» группировке. Дальше, разве мы можем во всех случаях рассматривать едока как отрицательную величину в хозяйстве, как это предусматривает «едоцкий» принцип? А кто же тогда является создателем ценностей в сельском хозяйстве, как не трудоспособный едок? А трудоспособная часть от всего сельского населения по нашим налоговым данным, как мы знаем, составляет около 45%. При этих условиях «едоцкий» принцип, игнорируя производственные возможности этих 45% трудоспособных членов семьи, за исключением небольшого процента, не находящего применения своей силы в хозяйстве, допускает грубейшую ошибку в оценке доходных, а следовательно, и платежных возможностей различных групп крестьянских хозяйств по числу едоков. Эта особенность применения едоцкого принципа приводит не к прогрессивному и даже не всегда к пропорциональному, а зачастую к регрессивному обложению хозяйств с различной доходностью.

Для подтверждения такого вывода, в корне дискредитирующего едоцкий принцип построения прогрессии обложения, приведем результаты фактического процента из'ятия от дохода различных хозяйств, сгруппированных по высоте дохода по бюджетам 1923—24 года бывш. Киевской губ. и по селению Верхний Городок Бердичевского округа. Доход в данном случае исчислен только от главных отраслей сельского хозяйства по средним

окружным нормам для дес. пашни и скота, а налог—по скользящей скале, проектируемой Госналогом на 1926—27 год. Для сравнения тут же приводим процент из'ятия по налогу 1925—26 года, также исчислявшемуся по едоцкому принципу.

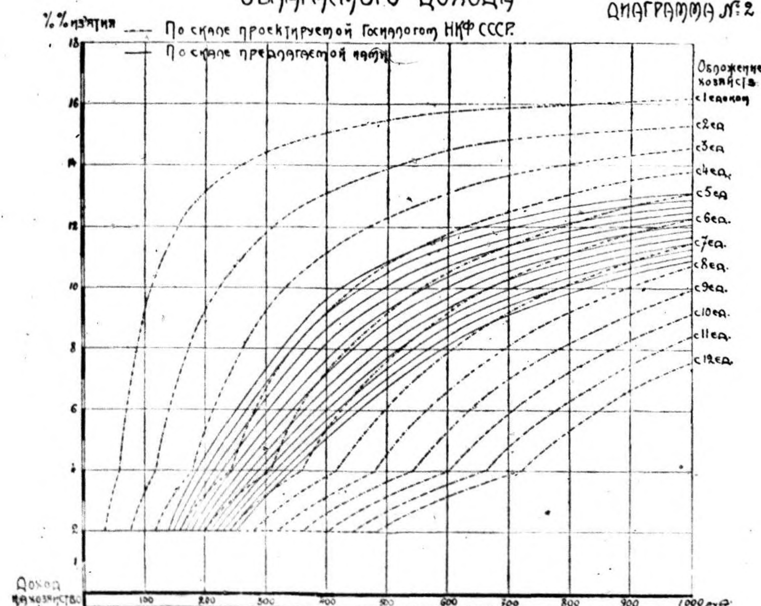
Вот результаты:

Группы по доходу хозяйств.	По 156 хоз. бюджет быв. Киевской губерн.		По 379 хоз. селения Верхний Городок.	
	Проценты из'ятия по налогу.			
	1925—26 г.	1926—27 г.	1925—26 г.	1926—27 г.
От 75—100 руб. . .	4,0	2,0	3,7	4,3
» 100—125 » . . .	4,0	2,1	4,1	3,5
» 125—150 » . .	6,4	3,6	4,7	4,2
» 150—175 » . . .	5,7	3,2	4,2	3,7
» 175—200 » . . .	7,5	3,3	4,2	3,7
» 200—225 » . . .	7,2	3,5	4,0	3,3
» 225—250 » . . .	6,6	5,3	4,7	4,5
» 250—300 » . . .	5,4	3,4	4,8	5,0
» 300—350 » . . .	8,4	3,5	4,1	4,5
» 350—400 » . . .	8,1	5,4	5,0	4,7
» 400—450 » . . .	7,9	6,1	5,3	5,2
» 450—500 » . . .	—	—	5,6	6,2
500 и свыше » . .	—	—	6,7	4,5

Эти исчисления произведены по сравнительно ограниченному числу хозяйств, массовый материал безусловно даст еще более отчетливую картину, говорящую за то, что при сохранении едоцкого принципа построения прогрессии не только не реализуется директива высших советских и партийных органов в отношении регулирования сельхозналогом экономических процессов на селе и в том числе процессов дифференциации крестьянства, а, наоборот, создаются условия, способствующие этой дифференциации, так как хозяйства повышенной мощности автоматически попадают в привилегированное положение в смысле обложения налогом по сравнению с середняцкими хозяйствами.

Несмотря на всю дефектность едоцкого принципа построения прогрессии, перейти к принципу прогрессии только по размеру дохода на хозяйство без всяких поправок на число едоков нельзя, так как в современных условиях развития нашего сельского хозяйства нельзя отрицать, что едок в хозяйстве является не только производителем, но также и потребителем его ценностей. И кроме того, переход к прогрессии по доходу на хозяйство произведет значительное перераспределение налога между отдельными группами хозяйств по сравнению с прошлым годом, что также нежелательно. Вот почему большинство защитников хозяйского принципа говорит о необходимости введения в том или ином виде поправок к налогу на число едоков в хозяйстве. Некоторые мыслят себе эти поправки в виде скидок с налога для многосемейных хозяйств в индивидуальном порядке с учетом признака трудоспособности, другие—в виде скидок с облагаемого дохода на каждого едока в определенной сумме, и в этом случае, значит, облагаемый доход уменьшится на эту сумму, умноженную на число едоков. Возможность введения индивидуальных попра-

вок на миллионы облагаемых хозяйств отпадает по техническим соображениями. Скидки же с дохода на каждого едока приведут к необходимости, при одной и той же сумме налога, повысить процент отчуждения по налогу от оставшегося дохода, что вряд ли может быть приемлемо по политическим соображениям, тем более, что в отношении дохода от сельского хозяйства мы и так устанавливаем повышенные проценты из'ятия по сравнению с городскими налогами; значит, и этот способ отпадает. Мы предлагаем осуществить эти поправки путем сближения кривых процента из'ятия для хозяйств с различным составом семьи и различным доходом на хозяйство (см. диаграмму № 2 пунктирные линии), доведя их до снопа сплошных линий, изображенных на той же диаграмме. Степень сближения нами определялась, исходя из отношения числа работоспособных лиц, как созидателей ценностей в хозяйстве, к общему числу едоков и наличия большей связи доходности хозяйства с землеобеспеченностью на хозяйство, а не на едока.

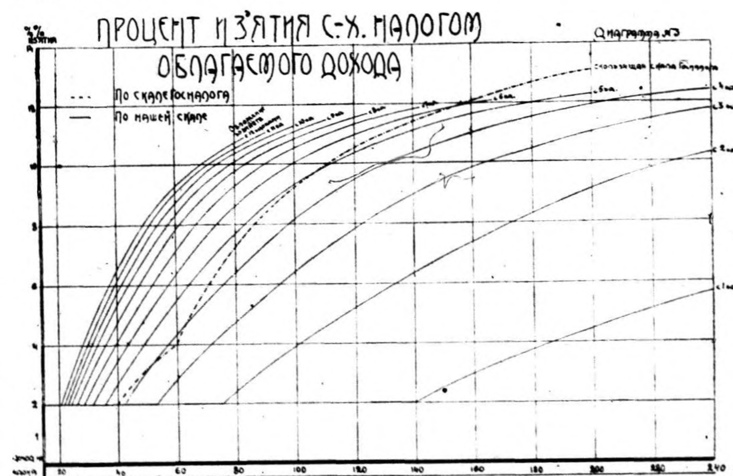


Разницу между процентами из'ятия от дохода хозяйств с одинаковым доходом и разным числом едоков мы доводим при этом до $^{1}/_{4}$ той же разницы, получаемой в результате применения едоцкого принципа построения прогрессии. Например, при увеличении или уменьшении состава семьи на одного едока при доходе хозяйства в 1000 рублей разница в проценте из'ятия при едоцком принципе составляет 0,8% всего дохода хозяйства,

мы же устанавливаем разницу в 0,2% от того же дохода хозяйства. Каждая сплошная линия при этих условиях будет характеризовать обложение хозяйств с определенным числом едоков при разных величинах дохода на хозяйство, а все в совокупности представляет из себя прогрессию обложения, построенную на комбинации двух методов едоцкого и хозяйского с некоторым приближением к последнему.

Такой способ построения кривых из'ятий даст к тому же возможность выровнять впадины кривых (по горизонтальной линии, приходящейся на четырехпроцентное из'ятие по всем группам хозяйств), присущие скользящей скале, построенной на основе едоцкого принципа, и сделать самое обложение более плавным и равномерным при одинаковом нарастании дохода хозяйств.

Для того, чтобы нагляднее представить себе, как при нашей комбинированной скале обложения будут облагаться хозяйства с одинаковым числом едоков, но при разной высоте дохода на едока, рассмотрим следующую диаграмму № 3. При одинаковом изменении размера дохода на едока кривые процентов из'ятия будут более крутыми для многоедоцких хозяйств (см. сплошные линии на диаграм. № 3) и более пологими по мере уменьшения числа едоков в хозяйстве. Для сравнения здесь же приведена кривая из'ятия (пунктирная линия), полученная в результате применения едоцкого принципа по скользящей скале предлагаемой Госналогом (та же, что и в диаграмме № 1). Эта кривая, как мы знаем, не дифференцирует обложение хозяйств с разным составом семьи.



В многоедоцком хозяйстве увеличение дохода хозяйства по сравнению с доходом на едока прямо-пропорционально числу едоков в хозяйстве, а потому и обложение многоедоцких хозяйств в том случае, когда в основание положена высота дохода на едока, исходя из приведенных выше экономических соображений, должно производиться с более крутой прогрессией.

В хозяйствах же с малым числом едоков, в котор... возрастает менее круто, и обложение должно быть ме... тым. Как раз мы это и наблюдаем в предлагаемой нам... обложения.

Но так как мы предусматриваем различную крути... грессии для хозяйств с разным числом едоков при оди... изменении дохода на едока, то в данном случае ... чается возможность построения единой ск... щей скалы. Единство скалы может быть сохранено лишь ... условии построения ступенчатой скалы с возможно бол... числом ступеней для придания необходимой плавности ... жения хозяйств с различным доходом или же—при обложе... остатка от дохода хозяйства за вычетом определенной суммы на каждого едока, как его прожиточного минимума. Имея в виду, что скала обложения будет одна для всего Союза, разницу между ступенями размера дохода на хозяйство можно довести до минимума, примерно, до 1 рубля на хозяйство, и тогда разница в налоге для двух соседних хозяйств составит 15—25 копеек. Нас не должно смущать, что ступенчатая таблица ставок в законе будет несколько громоздкая; эта таблица зато сразу, без всяких арифметических действий даст возможность определить сумму налога для хозяйства в целом, что в значительной мере упростит проверку начисленного налога как для аппарата, так и для плательщиков, и самая таблица будет одинаково для всех понятна. Такую таблицу ставок можно издать в виде брошюры. Для иллюстрации мы приводим примерную страницу из такой брошюры, в которой указывается размер налога в копейках на хозяйство с разным числом едоков и доходом от 400 до 406 руб. (см. табл. № 2).

Таблица № 2.

Часть ступенчатой скалы для обложения хозяйств с доходом от 400 до 406 рублей на хозяйство.

№№ по порядку.	При доходе.	Сумма налога на хозяйство в рублях при числе едоков.											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1.	Св. 400 до 401	39,00	37,00	35,00	33,00	31,00	29,00	27,00	25,00	23,25	21,50	20,00	18,50
2.	» 401 » 402	39,15	37,15	35,15	33,15	31,15	29,15	27,15	25,15	23,40	21,65	20,15	18,65
3.	» 402 » 403	3[illegible],30	37,30	35,30	33,30	31,30	29,30	27,30	25,30	23,55	21,80	20,30	18,80
4.	» 403 » 404	39,45	37,45	35,45	33,45	31,45	29,45	27,45	25,45	23,70	21,95	20,45	18,95
5.	» 404 » 405	39,60	37,6[illegible]	35,60	33,60	31,60	29,60	27,60	25,60	23,85	22,10	20,60	19,10
6.	» 405 » 406	39,75	37,75	35,75	33,75	31,75	29,75	27,75	25,75	24,00	22,25	20,75	19,25

Можно, конечно, такое же обложение произвести по принципу скользящей скалы, но тогда пришлось бы установить несколько скользящих скал, в зависимости от числа едоков в семье: отдельные скалы для хозяйств с 1, 2, 3 и т. д. едоками, ограничившись, допустим, 15 скалами.

При этих условиях все хозяйства, имеющие свыше 15 едоков, а такие случаи единичны, будут облагаться, как 15-едоцкие. Но, повторяем, надобности в таком количестве скал не встретится, если пренебречь сомнительным преимуществом сложной скользящей скалы перед более простой и понятной—ступенчатой.

...примера приведем сравнение обложения различных хо... о скале Госналога, построенной на основе едоцкого прин... ...по предлагаемой нами, построенной на комбинации хо... и едоцкого принципа.

Размер налога в рублях и в процентах.

Доход хоз. в руб.	Какая скала.	2 едока. Абс.	2 едока. %	3 едока. Абс.	3 едока. %	4 едока. Абс.	4 едока. %	5 едок. Абс.	5 едок. %	6 едок. Абс.	6 едок. %	7 едок. Абс.	7 едок. %
100	а	3,20	3,2	2,00	2,0	—	—	—	—	—	—	—	—
»	б	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
200	а	18,40	9,2	10,60	5,3	6,40	3,2	4,00	2,0	4,00	2,0	—	—
»	б	7,20	[illegible],6	6,20	3,1	5,45	2,7	4,70	2,3	4,20	2,1	4,00	2,0
300	а	35,40	11,8	27,60	9,2	19,80	6,6	12,00	4,0	9,60	3,2	7,20	2,4
»	б	21,60	7,2	19,40	6,5	17,60	5,9	15,60	5,2	13,60	4,5	12,10	4,0
400	а	52,40	13,1	44,60	11,1	36,80	9,2	29,00	7,3	21,20	5,3	15,20	3,8
»	б	37,00	9,2	35,00	8,7	33,00	8,2	31,00	7,7	29,00	7,2	27,00	6,7
500	а	69,40	13,9	61,60	12,3	53,80	10,8	46,00	9,2	38,20	7,6	30,40	6,1
»	б	52,40	10,5	50,40	10,1	48,40	9,7	46,40	9,3	44,40	8,9	42,40	8,5
600	а	86,40	14,4	7[illegible],60	13,1	70,80	11,8	63,00	10,5	55,20	9,2	47,40	7,9
»	б	67,80	11,3	65,80	11,0	63,80	10,6	61,80	10,3	59,80	10,0	57,80	9,7
700	а	103,40	14,7	95,6	13,7	87,80	12,5	80,00	11,4	72,20	10,3	64,40	9,2
»	б	83,20	11,9	81,20	11,6	79,20	11,3	77,20	11,0	75,20	10,7	73,20	10,4

а—по скале Госналога.
б—по проектируемой нами скале.

Из этой таблицы видно, что средние хозяйства с нормальной обеспеченностью едоками облагаются одинаково как по скале Госналога, так и по нашей, расхождения в размере обложения увеличиваются в обе стороны к крайним группам: по предлагаемой нами скале сильнее облагаются хозяйства с большим числом едоков и слабее—хозяйства с пониженным составом семьи, чаще всего так называем «больные» хозяйства, которые в силу недостатка рабочей силы не могут нормально вести свое хозяйство.

Все приведенные выше соображения потеряли бы некоторую долю своей убедительности, если бы мы ограничились теоретическими выводами и не проверили бы результатов на основании фактического исчисления налога по предлагаемому нами комбинированному методу и не только по отдельным селениям или группам хозяйств, но и по более крупным территориям, т.-е. на массовом материале.

Для этой цели нами произведено исчисление налога по скользящей скале Госналога и по нашей скале по всем хозяйствам: 1) селения Верхний Городок Бердичевского округа (около 400 хоз.), 2) по 156 хозяйст. бюджет. бывш. Киевской губ., 3) по типичному для мелкоземельной лесостепной части Украины Билниц-

кому округу и 4) по Мариупольскому округу, типичному для Украинской степи.

Мы намеренно взяли разнообразные единицы как по числу хозяйств, так и по территории Украины, дабы обеспечить себя достаточной репрезентативностью материала и учесть степень эффективности применения того и другого метода по разным территориям. Во всех случаях для сравнения мы также приводим данные фактического обложения налогом в нынешнем 1925—1926 году. Доход в данном случае нами учитывался только от основных отраслей сельского хозяйства—земледелия и группового животноводства—по средним нормам доходности, исчисленным за ряд последних лет.

При исчислении налога по системе, проектируемой Госналогом, исключались из обложения все хозяйства с доходом до 30 руб. на едока, по нашей же скале не облагались хозяйства с доходностью до 125 руб. на хозяйство. Для сравнения результатов обложения мы использовали две группировки хозяйств по высоте дохода на хозяйство и по обеспеченности крупным скотом.

При группировке хозяйств по размеру их дохода получились следующие колебания в процентах из'ятия по налогу от дохода.

Группы по высоте дохода на хозяйство в руб.	По 156 хозяйст. бюджет. бывш. Киевской губернии.			По 379 хозяйств. селения Верхн. Городок. Берд. округа		
	Налог 1925—26 г.	1926—27 год		Налог 1925—26 г.	1926—27 год	
		По скале Госналога	По нашей скале		По скале Госналога	По нашей скале
	Проценты из'ятия от дохода.					
От 75 до 100 р. . .	4,0	2,0	—	3,7	4,3	—
» 100 » 125 » . .	4,0	2,1	—	4,1	3,5	—
» 125 » 150 » . .	6,4	3,6	2,0	4,7	4,2	2,0
» 150 » 175 » . .	5,7	3,2	2,0	4,2	3,7	2,0
» 175 » 200 » . .	7,5	3,3	2,3	4,2	3,7	2,3
» 200 » 225 » . .	7,2	3,5	2,6	4,0	3,3	2,6
» 225 » 250 » . .	6,6	5,3	2,9	4,7	4,5	3,5
» 250 » 300 » . .	5,4	3,4	3,6	4,8	5,0	4,2
» 300 » 350 » . .	3,4	3,5	4,3	4,1	4,5	4,9
» 350 » 400 » . .	8,1	5,4	6,2	5,0	4,7	6,1
» 400 » 450 » . .	7,9	6,1	7,8	5,3	5,2	6,9
» 450 » 500 » . .	—	—	—	5,6	6,2	7,8
» 500 и выше . .	—	—	—	6,7	4,5	8,5

В то время как проценты из'ятия по скале Госналога дают чрезвычайно пеструю картину, обнаруживая иногда тенденцию к регрессивному обложению хозяйств с повышенным доходом,

проценты из'ятия по проектируемой нами скале дают равномерное нарастание по мере увеличения дохода на хозяйство.

Не менее удовлетворительные результаты получаются при сравнении размера из'ятия по группам обеспеченности хозяйств крупным скотом:

Об'ект анализа	Группы по скотообеспеч. / Как исчислен налог	I. Без скота	II. С 1 головой	III. С 2 головами	IV. С 3 головами	V. С 4 и более	В среднем
По 156 хозяйств. Киевск. бюдж.	% из'ятия по налогу 1925/26 г.	5,7	8,1	8,7	11,7	14,1	9.9
	% по скале Госналога	3,4	3,1	3,4	5,4	4,6	4,2
	% по нашей скале	2,1	3,0	3,8	5,7	5,7	4,7
По селен. Верхний Городок. Бердич. округа	По налогу 25/26 г.	4,2	4,3	4,6	5,3	5,7	4,6
	По скале Госналога	3,8	3,7	4,3	4,9	4,3	4,3
	По нашей скале	2,5	3,0	4,1	5,6	6,6	4,2

Соответственно этим процентам налог по группам в относительных величинах распределяется так:

Об'ект анализа.		II	III	IV	V	Итого
По хозяйств. Киевск. бюджетов						
а)	5,8	17,2	22,6	36,0	18,4	100
б)	5,5	12,5	22,2	45,5	14,3	100
в)	2,2	8,1	22,0	49,7	18,0	100
По селен. Верхний Городок.						
а)	9,4	25,9	32,4	28,6	3,7	100
б)	8,4	23,9	33,9	30,2	3,6	100
в)	5,1	18,1	34,7	36,9	5,2	100

Две последние таблицы показывают, что налог, исчисленный по системе Госналога НКФ Союза, даже при усилении крутизны прогрессии обложения не только не дает по сравнению с обложением прошлого года нужного перемещения налога в сторону более мощных хозяйств, а, наоборот, облегчает налоговые тяготы хозяйств самой высокой группы по обеспеченности крупным скотом. Группа хозяйств с 4 и более головами скота вместо 18,4% всей суммы налога нынешнего года будет платить лишь 14,3%—это по киевским бюджетам, и по селу Верхний Городок; разница,

правда, незначительная, также в пользу хозяйств высшей скотской группы. Совсем иную картину распределения налога по приведенным группам хозяйств дает применение проектируемой нами скалы обложения. В данном случае мы наблюдаем совершенно отчетливое перераспределение налога в сторону сильных хозяйств за счет облегчения маломощных.

Аналогичные результаты получаются при сравнении обложения по более крупным территориям, в данном случае по округам Винницкому и Мариупольскому. Тут мы выделяем группу хозяйств также и с 5 головами скота.

Округ	Налог		Без скотин.	С 1 голов.	С 2 голов.	С 3 голов.	С 4 голов.	С 5 и более	Итого в среднем.
Винницкий округ.	Налог 25—26 г.	Процент из'ятия	5,2	5,8	6,7	7,4	8,1	10,0	6,2
		Налог в процент.	19,5	29,5	28,6	19,5	2,5	0,4	100,0
	Налог 1926—27 года	По скале Госналога.							
		Процент из'ятия	2,1	3,0	3,7	4,1	5,3	7,6	3,2
		Налог в процент.	15,3	29,8	30,6	21,2	2,6	0,5	100,0
		По скале, предлаг. нами.							
		Процент из'ятия	0,1	2,0	3,1	4,3	6,2	8,3	2,3
		Налог в процент.	0,7	28,3	35,6	30,4	4,3	0,7	100,0
Мариупольский округ.	Налог 25—26 г.	Процент из'ятия	4,9	5,1	5,9	6,9	7,6	9,2	6,6
		Налог в процент.	6,9	14,5	19,4	21,4	15,9	21,9	100,0
	Налог 1926—27 года	По скале Госналога.							
		Процент из'ятия	5,9	6,4	7,5	8,6	9,7	10,7	8,2
		Налог в процент.	6,7	14,6	19,9	21,6	16,4	20,8	100,0
		По скале, предлаг. нами.							
		Процент из'ятия	3,5	5,2	7,4	9,1	10,5	11,1	8,0
		Налог в процент.	4,2	12,2	20,1	23,2	18,1	22,2	100,0

Несмотря на некоторое повышение процента из'ятия по налогу 1926—27 года по сравнению с 1925—26 годом для хозяйств с 4 и 5 головами скота по Мариупольскому округу, при рассмотрении относительного распределения налога по группам эти категории хозяйств по системе Госналога получат некоторое облегчение налога по сравнению с 1925—26 годом. По нашей же скале эта возможность исключается. Не менее показательные результаты в смысле перераспределения налога в сторону более мощных хозяйств, при применении нашей системы обложения, получаются и по Винницкому округу.

При сравнении результатов начисления налога по двум различным по своей экономической структуре округам еще одна особенность выгодно отличает комбинированный принцип построения прогрессии: при значительно повышенных нормах доходности земли в Винницком округе по сравнению с Мариупольским (45 р. и 32 р. десят.) и почти одинаковых нормах доходности головы облагаемого скота, наша скала дает значительную разницу в общей сумме налога по этим двум округам—по Винницкому округу общая сумма налога составляет от облагаемого дохода 2,3% при 3,2% по скале Госналога, в Мариупольском же округе эта разница составляет лишь 0,2%.

Такое распределение налога по территории Украины вполне соответствует экономике сельского хозяйства указанных двух округов, являющихся типичными представителями для степной и мелкоземельной части Украины.

Степь у нас представительствует наличием большего количества зажиточных, крупных хозяйств; лесостепное же мелкоземелье, несмотря на повышенную интенсивность в использовании земельной площади, благодаря чрезвычайной скученности населения, не дает той дифференциации крестьянских хозяйств, какую мы наблюдаем в степи.

Здесь мы имеем на селе подавляющее большинство мелких хозяйств, не имеющих возможности экономически выделиться из общей массы по причинам, повторяем, чрезвычайного мелкоземелия.

Это перераспределение налога из лесостепного в степной район, которое может быть осуществлено только при комбинированном способе построения прогрессии, также находится в полном соответствии с основной директивой правительства о перемещении тяжести налога в сторону более мощных хозяйств.

Приведенные соображения заставляют нас сделать следующие выводы:

1. Землеобеспеченность едока или земельная площадь хозяйства в отдельности не являются достаточными показателями мощности хозяйства; то же нужно сказать и в отношении исчисляемого нормативным порядком дохода на едока и на хозяйство. Но все же из этих двух признаков хозяйский признак имеет безусловное преимущество перед едоцким.

2. Поэтому, принцип построения прогрессии обложения только по высоте дохода на едока, ориентировавшийся исключительно на потребительскую основу крестьянского хозяйства и имевший свое оправдание в первые годы после революции, в настоящее время, при общем росте сельско-хозяйственного промысла, развития его товарности и, наконец, при наблюдающихся процессах дифференциации крестьянства, не разрешает тех задач, какие ставятся советской властью в отношении крестьянства.

3. Едоцкий принцип построения прогрессии дает возможность хозяйствам с большим доходом а, следовательно, и повышенным капиталом укрываться в группы, облагаемые пониженным и средним процентом только потому, что эти хозяйства обычно являются и многосемейными.

4. Применение при едоцком методе построения прогрессии обложения скользящей скалы приводит не к прогрессивному обложению хозяйств с большим доходом, а к пропорциональному и даже к регрессивному, что в корне противоречит нашим

задачам в отношении крестьянства и не дает возможности пересмотреть тяжесть налога в сторону зажиточной части села.

5. Разрешение задачи некоторого перемещения налога в сторону зажиточных хозяйств путем усиления крутизны прогрессии обложения при этих условиях также невозможно, так как тогда еще сильнее проявятся дефекты, присущие едоцкому принципу в смысле переобложения середняцких и маломощных хозяйств с малым составом семьи.

6. Построение прогрессии только по высоте дохода на хозяйство произведет значительное перераспределение налога между отдельными группами хозяйств по сравнению с прошлым годом и, кроме того, приведет к относительному переобложению хозяйств, переобремененных семьей, что также неприемлемо.

7. Прогрессия обложения должна быть построена на комбинации двух признаков едоцкого и хозяйского с некоторым приближением в сторону последнего.

8. Такой способ построения прогрессии обложения дохода без всяких вычетов на едоков исключает возможность применения единой скользящей скалы обложения. Единство скалы может быть сохранено при условии построения ступенчатой скалы с мелкими ступенями для сохранения плавности обложения различных по доходу хозяйств или скользящей скалы на основе обложения остатка дохода хозяйства за вычетом определенной скидки на каждого едока, рассматривая эту скидку с дохода как прожиточный, одинаковый для всех едоков минимум, но при этих условиях неизбежно пропорциональное обложение некоторого остатка дохода, что свойственно каждой скользящей скале.

9. Комбинированный метод построения прогрессии дает возможность полностью осуществить директивы правительства и партии в отношении обложения различных по мощности групп крестьянства.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Об апрельской конференции 1917 года.

Петроградская общегородская и всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) в апреле 1917 г. Истпарт ЦКРКП. Госиздат, 1925 г., 175 стр., тираж 25.000.

Февральская революция 1917 года поставила нашу партию перед небывалой, оригинальной и очень сложной обстановкой классовой борьбы.

Прежние лозунги оказались к этому историческому моменту устаревшими, новые лозунги в первые недели после переворота не отчеканены.

Апрельская конференция 1917 года имела крупнейшее историческое значение именно потому, что она оформила большевистскую позицию в условиях, сложившихся после февральского переворота, потому что она наметила пути пролетариата к Октябрю.

Настоящие отчеты, как справедливо отмечает в предисловии редакционная комиссия Истпарта, страдают весьма существенными недостатками.

«Работу пришлось проделать,—заявляет комиссия,—очень большую, так как стенографических записей на конференции не велось, и нужно было составить текст по тем весьма часто отрывочным протоколам, которые велись секретарями конференции, и по тем записям, которые имелись, кроме того, у некоторых товарищей».

Эти обстоятельства об'ясняют нам конспективность речей, перебои в них, незаконченность ряда положений и т. д.

Но даже в **таком** виде отчеты дают довольно полную и ясную картину тех внутрипартийных отношений, которые сложились ко времени апрельской конференции.

Поскольку протокол всероссийской конференции восстановлены более полно и точно и поскольку на этой конференции (происходившей 24—29 апреля 1917 г.) принципиальные разногласия получили более острое выражение, чем на предшествующей ей петроградской общегородской конференции (14—22 апреля 1917 г.),—мы считаем целесообразным остановить внимание читателя преимущественно на ходе прений, имевшем место на всероссийской апрельской конференции.

Центральным пунктом разногласий, проявившихся на апрельской конференции в среде большевиков, был вопрос о характере и направлении революции. Ленин считал, что российская революция, начавшись, как буржуазная, в своем развитии ставит в порядок дня осуществление социалистической диктатуры пролетариата.

Однако, эта позиция не имела ничего общего с троцкизмом.

Ильич подчеркивал неправильность позиции т. Троцкого и на общегородской петроградской и на всероссийской конференциях.

«Троцкизм,—заявлял он в заключительном слове на общегородской конференции,—«без царя, а правительство рабочих». Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя» (стр. 17).

В заключительном слове на всероссийской конференции он эту мысль повторяет еще раз:

«Вот если бы мы сказали: «без царя, а диктатура пролетариата»—ну, это был бы скачок через мелкую буржуазию. Но мы говорим: помогай революции через Совет Р. и С. Д.» (стр. 76).

Тов. Троцкий донес до революции 1917 года свою формальную, недиалектическую, немарксистскую концепцию «перманентной» революции.

Указывая на диктатуру пролетариата, как на неизбежный этап борьбы пролетариата против эксплоататоров, т. Троцкий не видел того пути, тех средств борьбы, тех тактических мероприятий, которые должны были привести к пролетарской диктатуре. Концепция т. Троцкого не давала возможности дать оценку путей к рабочей диктатуре, наметить правильные способы достижения последней.

Нет никакого сомнения в том, что и революцию 1905—7 г.г. и февральский переворот 1917 года можно и закономерно рассматривать с известной точки зрения, как подготовительные этапы длительной борьбы пролетариата за власть. Но взять власть в октябре пролетариат мог только потому, что на этих подготовительных этапах, на путях к диктатуре он во всякий данный критический момент учитывал своеобразие исторической обстановки и намечал и проводил правильную—для данного момента—политическую линию. Для троцкизма характерно, что этого качественного различия различных этапов революции он не видел и не имел правильной позиции, обеспечивающей пролетариату движение к диктатуре пролетариата.

Вместо выработки конкретной программы действий тов. Троцкий выступил на пути этого движения пролетариата к диктатуре с одной и той же, неизменной революционной фразой, не давая ответа на вопрос, как и каким образом обеспечить победоносное продвижение к пролетарской диктатуре.

Февральская революция потребовала от пролетарских революционеров определенной реакции на новую обстановку.

Тов. Троцкий этой новизны и своеобразия положения не оценил. Он не выявил того, что после февральского переворота наступила полоса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и что со стороны пролетарского авангарда требуется особая, специфическая тактика, облегчающая его, а не голое декретирование социалистического переворота.

Но оказалось, что этого перерастания не уловили некоторые руководящие товарищи из большевистских рядов.

Тов. Каменев выступал и на петроградской и на всероссийской конференциях против Ленина с содокладами по текущему моменту.

На всероссийской конференции тов. Каменев очень стройно и последовательно развернул свою концепцию с оценкой характера революции и того ее этапа, который—с точки зрения т. Каменева—революция проходила к моменту апрельской конференции.

«Мы говорим,—заявлял т. Каменев,—о Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, как об организующих центрах наших сил и центрах власти. Мы должны признать, что они являются центральными узлами революции. Одно название их показывает, что они представляют собой блок мелкобуржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще незаконченные буржуазно-демократические задачи. Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать, и перед ним никаких определенных задач не было бы, а пролетариат вел бы революционную борьбу против мелко-буржуазного блока. Совместная работа в этот момент была бы совершенно невозможна...

Я думаю, что должна быть одна из двух тактик: или перед пролетариатом стоят задачи, которые могут быть осуществлены только пролетариатом, и ни одна из общественных групп ему помочь не может,—и тогда мы разрываем блок и идем на осуществление тех идей, которые должны быть выполнены пролетариатом,—или мы считаем, по условиям текущего момента, блок жизненным, имеющим будущее,—и тогда мы в этом блоке участвуем и строим нашу тактику так, чтобы этот блок не разорвать... Мы идем с блоком и еще можем сделать совместно с ним несколько шагов. Я хочу, чтобы пролетарская партия действительно поступила так» (53—54 стр.).

Теперь, после большой исторической проверки, не представляет большого труда выявить, в чем заключались ошибки этой концепции т. Каменева. В цитированных нами положениях т. Каменева сказывается: 1) неправильное отгораживание буржуазно-демократической революции от социалистической «китайской стеной»; непонимание процесса перерастания первой революции во вторую, непонимание, свойственное и т. Троцкому; 2) неверное, свойственное и т. Троцкому, представление будто бы переход к социалистической революции неизбежно разорвать блок пролетариата с крестьянством.

Своеобразие положения не было схвачено тов. Каменевым; он подошел к новой обстановке со старыми шаблонами и дал неверную перспективу развития революции.

«Главная ошибка, которую революционеры делают,—отметил т. Ленин на петроградской конференции,—это то, что они смотрят назад, на старые революции. Жизнь же дает слишком много нового, которое необходимо внести в общую цепь событий...

Оригинальность положения—в двоевластии. За границей, куда ни одна газета левее «Речи» не доходит, и где англо-французские буржуазные газеты говорят о полновластном Временном Правительстве и «хаосе» в лице Совета Р. и С. Д., никто не имеет точного представления о двоевластии. Только на месте здесь мы уже узнали, что Совет Р. и С. Д. отдал власть Временному Правительству. Совет Р. и С. Д. есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства. Но эта «диктатура» вошла в соглашение с буржуазией. Тут и нужен пересмотр «старого» большевизма. Создавшееся положение показывает, что диктатура пролетариата и крестьян переплелась с властью буржуазии. Положение изумительно своеобразное» (7—8 стр.).

...«Жизнь сплела диктатуру пролетариата и крестьянства с диктатурой буржуазии. Дальнейшая ступень—диктатура пролетариата, но он еще недостаточно организован и просвещен, его надо просветить. Нужны по всему государству такие Советы рабочих и прочих депутатов, это—требование жизни. Другого пути нет. Это и есть Парижская Коммуна. Совет Рабочих Депутатов—не профессиональная организация, чего хочет буржуазия. Народ смотрит иначе и правильнее: он видит в нем власть. Он видит, что путь выхода из войны—победа Советов Рабочих Депутатов. Вот это и есть тип государства, при котором можно итти к социализму. Когда власть захватит группа—это еще немного. Русская революция поднялась выше,—другой власти, чем Совет, быть не может, и буржуазия этого боится. Пока власть не захватили Советы—мы ее не возьмем; Советы же должна толкать к власти живая сила. Иначе мы не выйдем из войны, которую ведут капиталисты обманом народа. Все страны стоят на краю гибели; надо это сознать; выхода, кроме социалистической революции, нет. Правительство должно быть свергнуто,—но не все правильно это понимают. Если власть Временного

Правительства опирается на Совет Рабочих Депутатов, то свергнуть его «просто» нельзя. Его можно и должно свергнуть, завоевывая большинство в Советах. Или вперед, к всевластию рабочих и солдатских депутатов,—или назад, к империалистической войне,—другого пути нет»... (10 стр.).

Систематическая борьба за большинство внутри Советов путем непрерывной критики соглашателей, серьезная и длительная пропаганда идеи Советской власти, завоевание под лозунгом: «власть Советам» не только пролетариата, но солдатских, крестьянских масс,—словом, курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую,—такова позиция Ленина. Оценка момента, данная тов. Каменевым, исключала возможность таких практических выводов. Поскольку перед ним не было перспективы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, он считал позицию т. Ленина неверной.

Ход мыслей тов. Каменева был следующий. Мы проходим еще через полосу буржуазно-демократической революции—и только. Только в этой полосе и возможен блок с мелкой буржуазией. Практически этот блок выражается в контроле Советов над Временным Правительством. Нельзя выдвигать лозунг: «вся власть Советам», пока нет призыва к немедленному свержению Временного Правительства.

Поскольку же мы из рамок буржуазно-демократической революции не выходим, поскольку мы остаемся на почве блока с мелкой буржуазией, поскольку лозунга немедленного свержения Временного Правительства мы не выбрасываем,—постольку нельзя дать голый лозунг: «вся власть Советам»—необходимо держаться пока тактики контроля Советов в отношении Временного Правительства.

Критикуя позицию Ленина, тов. Каменев подчеркивал, что он считает эту позицию не актуальной, не действенной, не дающей прямого и конкретного ответа на запросы дня.

«Мы остаемся,—заявил он на Всероссийской конференции,—без политической работы, мы остаемся теоретиками, пропагандистами, которые пишут хорошие исследования о будущей социалистической революции, но для переживаемого периода устраняются как политические деятели, как определенная политическая партия. В противном случае, если мы принимаем ряд политических действий, мы должны знать, чего требовать от Совета тем товарищам, которые несут ответственную работу в Исполнительном Комитете, зная, что нельзя ограничиваться раз'яснениями. Это орган, который должен или отменять приказы, или издавать, и вот там-то наши товарищи и должны иметь какую-нибудь политическую линию. Если вы придете в Исполнительный Комитет и вас спросят, что вы постановили насчет Временного Правительства, и вы скажете, что сменять его еще не время, и что в то же время оно должно быть сменено, и поэтому мы будем выжидать, пока власть перейдет в руки Совета, а пока будем раз'яснять,—то этим вы передадите власть в руки наших врагов, сдадите им позиции. Вы, таким образом, играете в руку противникам и ждете, пока об'ективные условия преподнесут нам власть. Из всего этого следует, что осуществление контроля есть необходимость и его надо внести в нашу резолюцию, если мы не желаем ехать на места с простым указанием на то, что нам необходимо ограничиться только раз'яснениями» (56 стр.).

Таким образом, практические расхождения между большинством конференции, возглавляемым Лениным, и товарищами, точка зрения которых была представлена т. Каменевым, упиралась в вопрос о контроле.

По поводу лозунга контроля, выдвинутого т. Каменевым и поддержанного группой москвичей, т. Ленин сказал на апрельской конференции следующее:

«Представлен этот контроль Чхеидзе, Стекловым, Церетелли и другими руководителями мелко-буржуазного блока. Контроль без власти есть пустейшая фраза. Как я буду контролировать Англию? Для того, чтобы ее контролировать, надо захватить ее флот. Я понимаю, что неразвитая масса рабочих и солдат может наивно и бессознательно верить в контроль, но достаточно подумать об основных моментах контроля, чтобы понять, что эта вера—отступление от основных принципов классовой борьбы. Что такое контроль? Если я напишу бумажку или резолюцию, то они напишут контр-резолюцию. Для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть. Если это непонятно широкой массе мелко-буржуазного блока, надо иметь терпение раз'яснить ей это, но ни в коем случае не говорить ей неправду. А если я заслоняю это основное условие контролем, я говорю неправду и играю в руку капиталистам и империалистам. «Пожалуйста, ты меня контролируй, а я буду иметь пушки. Будь сыт контролем»,—говорят они. Они знают, что отказать народу сейчас нельзя. Без власти контроль—мелко-буржуазная фраза, тормозящая ход и развитие русской революции» (46 стр.).

Диалектик Ленин стоял на точке зрения перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Оценивая характер Октябрьской революции уже несколько лет спустя после Октября, он подчеркнул, что даже завершение буржуазно-демократической революции (о котором так много говорил т. Каменев на конференции), было немыслимо без перерастания ее в социалистическую. Это положение было несомненной посылкой позиции Ленина на апрельской конференции 1917 г. Тов. же Каменев воздвигал между той и другой революциями «китайскую» стену и считал возможным намечать тактику для «отгороженного» и неестественно оторванного от исторического контекста периода буржуазно-демократической революции.

Сначала закончить буржуазно-демократическую революцию,—затем начать социалистическую—такова его постановка вопроса.

Но эта постановка вопроса предполагала, что Временное Правительство, контролируемое меньшевистско-эсеровским Советом, способно завершить буржуазно-демократическую революцию.

Дальнейший ход событий показал, что в оценке перспектив был прав Ленин, а не т. Каменев, и что только при переходе власти к Советам были завершены и закреплены завоевания буржуазно-демократического порядка.

В силу этого решения апрельской конференции, ставшей на точку зрения Ленина и отвергнувшей предложения т. Каменева, нужно считать исторически-оправданными.

Серьезные разногласия далее наметились и нашли соответствующее отражение в протоколах конференции лишь по национальному вопросу.

Докладчик тов. Сталин обосновал лозунг права наций на самоопределение.

Тов. Пятаков выступил с контрдокладом, в котором он попытался доказать, то этот лозунг не верен и не соответствует интернациональным устремлениям пролетариата. В проекте резолюции по национальному вопросу, предложенном им от имени секции по национальному вопросу и отвергнутой конференцией, центральное место гласит так: «Единственным действительным методом разрешения его (т.-е. национального вопроса. *А. С.*) является метод социалистической революции под лозунгом

«прочь границы», ибо только этим путем может быть уничтожен империализм, этот новый фактор обострения национального гнета».

И докладчик и т. Ленин показали в своих выступлениях, что об'ективно позиция т. Пятакова, сражающегося против права наций на самоопределение, ведет не к укреплению союза российского пролетариата с массами национальных меньшинств, а к ослаблению его.

«За всеми нациями, входящими в состав России,—подчеркивает резолюция конференции,—должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства.

Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий.

Лишь признание пролетариатом права наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительному демократическому сближению наций».

«Левизна» в национальном вопросе, осужденная на апрельской конференции, имела в основе недоучет тех национально-освободительных тенденций, которые получили обостренное выражение на окраинах России в силу шовинистической политики самодержавия.

Ленин и здесь подчеркнул необходимость диалектического подхода к вопросу. Он указал, что путь к положению, при котором лозунг «прочь границы» найдет действительное осуществление, лежит через признание права наций на самоопределение вплоть до отделения.

Вместе с тем, и докладчик и конференция подчеркнули, что «нельзя смешивать вопрос о праве наций на отделение с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент».

«Этот последний вопрос,—отметила в резолюции по национальному вопроосу конференция,—партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы за социализм».

Как это ни странно, но приходится констатировать, что даже до последнего времени по данному вопросу кое у кого из членов партии царит путаница и мешанина.

Читатель «Большевика» может вспомнить, что еще в 1924 г. в первых №№ нашего журнала тов. Вардин, оспаривавший правильность ленинского лозунга «права наций на самоопределение вплоть до отделения», обнаружил непонимание этих элементарных положений.

Решения апрельской конференции дают по национальному вопросу исчерпывающий и точный ответ, который мы признаем правильным и по настоящее время.

По всем другим вопросам, затрагиваемым на конференции, серьезных разногласий не обнаружилось. Ответы на эти вопросы были даны в полном соответствии с той оценкой перспектив революции, которая была предложена Лениным и одобрена конференцией.

Ни один партиец, желающий ознакомиться с подготовкой Октября не может и не должен пройти мимо настоящего издания Истпарта.

А. Слепков.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ.—Введение в политическую экономию. Перевод с немецкого. Изд. «Прибой». 1925 г.

Рецензируемая книга представляет из себя рукопись лекций Розы Люксембург в берлинской партийной школе. Впервые она была издана в 1925 г. Паулем Леви. Леви издал ее чрезвычайно неряшливо и с тенденциозными пропусками тех набросков, в которых Роза подчеркивает, что «само по себе» капиталистическое развитие ведет «не к социалистическому хозяйству, а к анархии и варварству. Переход может быть осуществлен лишь насильственным упразднением частной собственности, т.-е. политическим переворотом». Эти революционные выводы из экономической теории самозванный «душеприказчик», Леви, предпочел не включать в издаваемую книгу, а эти места удалось обнаружить и частично опубликовать только после перехода рукописи в руки германских коммунистов.

Книжка Р. Люксембург не является полным курсом политической экономии: целый ряд проблем политической экономии совершенно не включен в изложение; другие поставлены только в самом общем виде. Местами изложение не закруглено и не отделано. Но, несмотря на это, Розе удалось создать все же цельное и систематическое изложение небольшого круга самых основных вопросов теоретической экономии.

В обширной первой главе Роза выясняет предмет политической экономии. При этом она очень удачно связывает теоретические доказательства и полемику с буржуазными экономистами, с конкретным описанием мирового капиталистического хозяйства и некоторых других хозяйственных форм. Роза приходит к заключению, что «политическая экономия представляет науку об особых законах капиталистического способа производства». «...Задачей и предметом политической экономии является об'яснение законов возникновения, развития и распространения капиталистического способа производства...» (стр. 63). Тем не менее две следующие главы (2 и 3) «Введения» дают читателю много интересного материала по истории хозяйственных форм, главным образом, по истории первобытного коммунизма; но Роза дает читателю этот материал не как составную часть политической экономии, а только как вводный материал; Роза включает историю хозяйственных форм в книгу по политической экономии не для смазывания особенной специфической структуры товарно-капиталистического общества, а для особо отчетливого выпячивания тех отличительных черт капитализма, из которых только и вытекает необходимость экономической теории. «Во все эпохи мы находим самые разнообразные формы подобного общественного труда, т.-е. труда планомерного и организованного. В современном же обществе мы его совершенно не находим: ни господства, ни закона, ни демократии, ни малейшего следа плана и организации—анархия». Как возможно капиталистическое общество? «Этот вопрос является вместе с тем и основным вопросом политической экономии, как науки» (стр. 157 и 291).

Опираясь на предыдущий обзор хозяйственных форм, Роза выпукло описывает самую важную особенность товарного производства: осуществление производственного единства между людьми исключительно через рыночный обмен вещами-товарами. При такой организации хозяйства закон трудовой стоимости становится попросту единственно возможной формой регулирования производства, поэтому Роза не строит каких-либо специальных «обоснований» необходимости обмена товаров по трудовой стоимости. Эта необходимость вытекает у нее из всего хода изложения, из самой роли рыночного обмена в структуре товарного хозяйства.

Заканчивая анализ простого товарного производства, Роза очень последовательно и логично подходит к вопросу: «как возможно суще-

-ствование капитализма при... обмене товаров по их стоимости?» (стр. 186). Пятая глава («Закон заработной платы») дает ответ на этот вопрос: в товарном обществе, «чтобы иметь возможность жить, всякий человек должен поставлять и продавать товары». «Тому, у кого нет средств производства, и, следовательно, нет возможности производить товары, не остается ничего иного, как вынести на рынок в качестве товара самого себя, т.-е. свою собственную рабочую силу» (187—188 стр.). Несколькими подобными ясными и простыми положениями Роза перекидывает логически мост между товарным производством и капиталистическими общественными отношениями. Затем она постепенно раскрывает перед читателем все стороны основного общественного отношения капитализма. Наконец, в последней коротенькой главе о «тенденции капиталистического хозяйства» Роза пытается вскрыть «фундаментальное противоречие» капитализма: «чем быстрее отсталые формы производства уступают место капиталистической эксплоатации», тем больше «уменьшается возможность соответственного расширения емкости рынка». Стоит только вообразить, что все человеческое производство построено на капиталистических основаниях, как «ясно обнаруживается невозможность капитализма».

Как видно, «Введение» составлено не по принципу «обо всем понемножку», наоборот, в нем взяты немногие вопросы, но зато о них сказано все необходимое.

Роза взяла группу экономических проблем в разрезе основного внутреннего строения капиталистического общества и сумела эту внутреннюю структуру обрисовать до конца с полной глубиной и четкостью. При этом, несмотря на то, что ряд вопросов совсем не включен в изложение, книга Розы дает читателю дельное и очень стройное представление о ходе хозяйственного развития и о капиталистической ступени «в колоссальной лестнице развития человеческой культуры» (стр. 222).

Особенную ценность имеет то обстоятельство, что у Розы мы имеем чрезвычайно умелое соединение двух моментов: во-1-х, выявлена методологическая сторона марксовой политической экономии; читатель получает правильную методологическую установку; во-2-х, Роза привлекает для обоснования и иллюстрации теоретических положений богатый и интересный конкретный материал. Поэтому каждое теоретическое положение, с одной стороны изложено с полной серьезностью и глубиной, а с другой—чрезвычайно живо, ясно и понятно. Вдобавок, книжка написана очень хорошим, образным и богатым языком. Сравнительно слабо сказываются в книжке известные теоретические ошибки автора. Несколько упрощена местами теория заработной платы и совершенно не ортодоксально намечена тенденция капитализма к гибели. Оказывается, что капиталистические законы «обращаются против всех основных условий существования человеческого общества» и «раньше всего и больше всего» благодаря внутреннему стремлению «механически распространиться на весь земной шар и вытеснить всякий другой старейший общественный порядок» (стр. 222—223). И Роза не приводит никаких других причин тенденции капитализма к гибели, кроме простого факта его распространения на новые и новые страны и области. Конечно, такое упрощение вопроса сильно портит впечатление от книжки. Она оказывается плохо увенчанной, у читателя остается неудовлетворенность концом.

Но этот недостаток смягчается, во-1-х, тем, что сама глава о тенденции капитализма очень невелика (8 стр. из 228) и, судя по стилю и ходу изложения, представляет собой черновой, малообработанный набросок; во-2-х, «Введение» и не должно вполне удовлетворить читателя, дать ему окончательный ответ на все вопросы; оно должно только

подготовить читателя к более серьезной работе, показать ему, «как стоят» основные экономические проблемы. Как раз эту задачу книга Р. Люксембург выполняет неизмеримо лучше, чем какая-либо другая подобная работа. Поэтому указанные недочеты ни в коей мере не уничтожают высокой ценности «Введения» Розы.

А. А.

КРУМИН, Г.—В борьбе за социализм (Основные итоги в области хозяйства и предстоящие задачи). Изд-во «Экономическая Жизнь», Москва, 1926 г., стр. 95, цена 60 коп.

Несмотря на то, что брошюра тов. Крумина написана была ранее дискуссии, предшествовавшей и сопровождавшей XIV партс'езд, она до сих пор не только не потеряла своего значения, но и приобрела особенный смысл и значение, и именно под углом зрения оценки выступлений так назыв. «новой оппозиции».

К чему сводилась суть выступлений «новой оппозиции»? Неверие в возможность социалистического строительства в одной стране, оценка нэпа только как отступления, признание нашей экономики—госкапиталистической, непонимание знаменитого ленинского кооперативного плана и отсюда отрицание возможности некапиталистического развития крестьянства и недооценка роли и значения середняка. И, как всегда, правое дело прикрывалось ультра-левой фразой.

Рядом фактов и цифр тов. Крумин показывает, что последний год восстановительного периода «является годом быстрого роста производительных сил страны, роста и укрепления социалистических элементов в хозяйстве, дальнейшего укрепления, в основном, хозяйственной смычки города и деревни».

Но прежде всего надо твердо установить, какие же, собственно говоря, элементы нашего хозяйства являются социалистическими и какой характер носит вся наша экономика в целом.

В IV главе «Рост производительных сил и рост социализма». «Государственный капитализм» тов. Крумин, в оценке характера нашей экономики, полемизирует с российскими зарубежниками, утверждающими, что быстрый рост производительных сил Советского Союза «идет по давно знакомой и проторенной капиталистической дорожке, что ведет он к добропорядочному «отечественному» капитализму, который, естественно, раньше или позже взорвет диктаторскую оболочку большевистской власти.

Особенно интересна в этом вопросе точка зрения российских меньшевиков, похвалы и одобрения которых заслужила своими выступлениями наша «новая оппозиция». Тов. Крумин приводит следующую любопытную выдержку из статьи Дана в 14 номере «Социалистического Вестника» за 1925 г. Мы извиняемся за некоторую длину этой цитаты, но она настолько любопытна, что мы все-таки решаемся ее привести полностью.

...«Для таких отсталых стран, как Россия, нет сейчас других путей для быстрого развития производительных сил и восстановления мощи рабочего класса (а это, ведь, и суть основные предпосылки успешной борьбы за социализм!), как пути капиталистические. Сам большевистский руководящий штаб сознает это и уже не раз это открыто высказывал. Да и Зиновьев, укорительно качающий головой по поводу этих «незрелых высказываний» и «непродуманных попыток расширительно истолковывать политику партии», подчеркивает, что в России существует «государственный капитализм». Капитализм, а не социализм! Но, во-первых, государственный капитализм сам по себе отличается от частного

только личностью собственника предприятий, а отнюдь не строем социально-экономических отношений. А, во-вторых, ведь, именно теперь большевики делают отчаянные усилия, чтобы и в промышленности, и в земледелии, и в торговле увеличить долю частного капитализма по сравнению с государственным. Только что богатейшая марганцевая промышленность стала добычей частного американского комиссионера Гаримана. А новейшие декреты о частных промышленных предприятиях, о кредитных льготах частным торговцам, об аренде земель и наемном труде в деревне и т. д., и т. д.? Что это, как не стремление перевести все возрастающую часть народного хозяйства на частно-капиталистические рельсы?»

Как видит читатель, концепция меньшевиков очень проста и не сложна. «Коммунистическая» революция оказалась не чем иным, как длинным, обходным, мучительным и кровавым путем к развязыванию частно-хозяйственных и буржуазно-капиталистических отношений в России» (Дан). Иначе говоря: от военного коммунизма к госкапитализму, от госкапитализма к возрождению добропорядочного «отечественного» капитализма.

Г.г. меньшевики с удовольствием выражают свою солидарность с «новой оппозицией» в определении характера нашей экономики—госкапиталистической. Ведь госкапитализм, как его ни верти, все-таки «капитализм, а не социализм»! И надо сказать, что меньшевики совершенно правы в своем утверждении, что «госкапитализм сам по себе отличается от частного только личностью собственника предприятий, а отнюдь не строем социально-экономических отношений». В одном случае собственником является отдельный капиталист, в другом капиталистическое государство, как выражение коллективного капиталиста, класса капиталистов в целом.

Изменились ли у нас социально-экономические отношения? Коренным образом. Диктатура капиталистов заменилась диктатурой пролетариата, и в этих условиях все экономические категории приобрели существенно, коренным и принципиальным образом отличный смысл. Потому-то и «абсолютно-ложной является предпосылка, приравнивающая государственные промышленные предприятия, предприятия «последовательно-социалистического типа» по определению В. И. Ленина,—к предприятиям государственно-капиталистическим». Ибо разница между «государственным капитализмом» и нашими государственными предприятиями именно в социально-экономическом типе.

Этого не поняли меньшевики, это недостаточно поняла и наша «новая оппозиция».

В наших же условиях госкапитализм является одной из форм пяти различных «общественно-экономических укладов», тем капитализмом, «который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства» (Ленин).

Но, быть может, именно эта госкапиталистическая форма нашего общественно-экономического уклада является организующим и ведущим началом в нашей экономике? Но и такое предположение было бы глубоко неверным. «Удельный вес продукции предприятий «последовательно-социалистического типа» неуклонно возрастает... социалистическое влияние государственной крупной промышленности на все народное хозяйство из года в год увеличивается. Организующим, ведущим началом в советской экономике становится социалистическая промышленность».

И тов. Крумин приводит ряд цифр и фактов, неопровержимо подтверждающих растущую роль и значение в нашей экономике государственной промышленности. Валовая продукция всей цензовой промышленности, составлявшая еще в 1923—24 году только 45,7% продукции 1913 года, в 1924—25 г. достигла 70,3% довоенной. «Для одной крупной государственной промышленности мы имеем в 1924—25 г. (по сравнению с 1923—24 г. *К. Р.*) прирост в 60%. Этот процент, повторяем, опережает процент прироста за год на всех остальных секторах производства, давших увеличение на 53,7%. «За 4 года (с 1921—22 по 1924—25 г.г. *К. Р.*) валовая продукция крупной государственной промышленности возросла с 850 милл. руб. до 2.616 млн. руб., т.-е. больше, чем в три раза».

Особенно энергичен был рост тяжелой индустрии. Стоимость валовой продукции металлической промышленности возросла с 130,1 млн. рублей в 1921—22 г. до 503,4 млн. р. в 1924 году, при чем за последний год прирост выразился в цифре, близкой к 100%.

Продукция хлопчато-бумажной промышленности с 1921—22 г. по 1924—25 г. выросла с 302,5 до 1.490,3 млн. метров. Прирост же за последний год выразился в 66,6% общей стоимости.

Примерно, такие же процессы происходили и во всех остальных отраслях промышленности, за исключением электротехнической, где в 1925—26 году ожидается превышение довоенного уровня на 75%, и бумажной—на 25%!

Несомненен рост социалистических элементов, вопреки утверждениям меньшевиков об «отчаянных усилиях» советской власти привлечь частный капитал, и в торговле. «Государственная и кооперативная торговля—на рельсах нэпа—решительно переходит в наступление». Во всем обороте роль частной торговли, измерявшаяся в 1923—24 г. 41,6%, падает в 1924—25 г. до 26,3%. В торговых капиталах доля частных капиталов падает соответственно с 28,4 до 16,6%.

«Сеть потребительской кооперации возрастает с 19,2 тыс. обществ на 1 октября 1923 г. до 22,6 тыс. на 1 октября 1924 г. и 25,2—на 1 апреля 1925 г. Число членов на те же сроки: 6,3 млн. чел., 7,1 млн. чел. и 8,7 млн. Валовые обороты по продаже потребительской кооперации возрастали следующим образом: 446 млн. руб. в 1922 г., 853 млн. руб. в 1922—23 г., 2.205,1 млн. в 1923—24 г. и 3.505 млн. руб. в 1924—25 г. За последний год обороты, таким образом, увеличились на 71%. По сравнению же с 1922 г. они выросли почти в 8 раз.

Данные по сельско-хозяйственной кооперации показывают такую же картину неуклонного роста».

«В общем и целом социалистические элементы в нашей экономике вырастают и абсолютно и относительно. С двух сторон—со стороны государственной промышленности и государственной торговли и всех вообще рычагов социалистического хозяйства и кооперации—они зажимают элементы капиталистические. Эти последние в абсолютном выражении пока что возрастают. Мероприятия партии и советов за последний год, развязывающие производительные силы в деревне, развязывают в известных пределах и капиталистические элементы. Происходит также, очевидно, абсолютный рост капиталистических элементов и в кустарной промышленности в результате смычки ее с частным торговым капиталом. Но гвоздь положения заключается в укреплении командных высот социализма, в опережающем росте социалистических элементов, обозначающем переход и начало широкого наступления социализма на капитализм» (87 стр.).

Чрезвычайно интересна гл. III, в которой тов. Крумин рассматривает нашу политику цен и действие «ножниц». Рассматривая отношение промышленного индекса в сельском хозяйстве, тов. Крумин делает следующее замечание:

«Бесспорно, что соотношение цен складывалось таким образом, что значительно увеличивало покупательную способность крестьянства. Больше того, приходится даже ставить вопрос о том, соответствует ли нынешний раствор «ножниц» фактическим условиям производства в промышленности и сельском хозяйстве. Ибо не может быть «уничтожения» «ножниц». Речь может итти лишь об их изживании, о постепенном преодолении их в процессе реконструкции хозяйства» (стр. 55).

И, как вывод, в заключительной главе тов. Крумин пишет:

«...В порядке самого приближенного подхода, мы полагаем, что генеральная линия должна быть твердо взята на индустриально-аграрный характер развития страны».

В условиях «диспропорциональности, несоответствия как количественного, так и ценностного» между продукцией города и деревни, единственным выходом будет «твердо и настойчиво продолжать проводимую за последние два года линию опережающего роста промышленности в нашем народном хозяйстве и опережающего роста отраслей промышленности, производящих орудия и средства производства внутри промышленности. Другого пути нет».

К. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 АПРЕЛЯ 7—8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

—8

...т ее

...тиче-

Главлит № 59239. Москва. Тираж 43.200 экз.

Типография изд-ва «Правда» и «Беднота». Яузский п., Серебрянич. наб., д. 23а.

№

н...

как...

О внутри-партийной демократии и единстве партии.

Чтобы быть на высоте своих исторических задач, партия революционного пролетариата должна быть соответствующим образом организована. Организационные формы партии, таким образом, обусловлены общей ролью партии в пролетарской революции.

Большевистские организационные принципы—идейная монолитность партии, созданной на основе одного марксистски-ленинского течения, строжайший централизм и железная дисциплина, демократический характер ее централизма, строгость и четкость организационных граней между партией и внешней социальной средой и т. п.—в конечном счете обусловлены ролью нашей партии в революции точно так же, как организационная расхлябанность меньшевистской партии, расхлябанность, в которой неоднократно признавались в печати сами же меньшевики (вплоть до самого Мартова), обусловлена ролью меньшевистской партии. Большевики строили партию, чтобы она под своим руководством проводила пролетарскую революцию. Меньшевики добровольно отрекались от выполнения боевых революционных задач и ограничивали себя ролью оппозиции при буржуазии. Отсюда—единая, централизованная партия большевиков и лоскутная, расхлябанная партия меньшевиков.

Коммунистическая партия ведет за собой рабочий класс, возглавляя в нашей стране его диктатуру. Поскольку же рабочий класс руководит крестьянством и ведет его за собой, постольку партия должна обеспечить своим руководством и осуществление гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству, что для эпохи строительства социализма в первую очередь означает работу над переделкой мелко-собственнической природы крестьянства. Задачи партии в отношении эксплоататорских классов определяются необходимостью уничтожить всякую эксплоатацию. Мы стерли с лица земли помещичий класс, свергли власть буржуазии и отняли у нее командные хозяйственные высоты. Теперь наша задача—вытеснить остатки капитализма прежде всего хозяйственно, а в строительстве социализма в максимальной степени использовать все ценное из культуры, оста-

вленной нам в наследие буржуазным обществом, преодолевая ее специфически-эксплоататорские черты.

Сетка классовых отношений в стране и основные тактические задачи партии в текущий период неизменно должны быть перед нашими глазами, когда мы говорим об организационных внутри-партийных вопросах. Отрывание организационных вопросов от политических, непонимание тесной связи, существующей между теми и другими, и не только вообще связи, а конкретного характера этой связи в данное время, чревато крупнейшими организационными и политическими ошибками. При этом из тесной связи между организационными и политическими задачами партии вытекает тесная связь между политическими и организационными ошибками. Одни очень легко перерастают в другие, одни обусловливаются или вызываются другими. О связи организационного оппортунизма с тактическим мы все достаточно хорошо знаем из истории раскола РСДРП на меньшевиков и большевиков.

Каковы же характерные черты современного периода в жизни нашей страны и партии, которые вносят своеобразие и особенности в постановку организационных внутри-партийных вопросов у нас сейчас, с точки зрения правильного применения к современной обстановке большевистских организационных принципов?

Главная черта современного периода, его основная особенность с точки зрения развития нашего Советского Союза, состоит в том, что это есть период строительства социализма. Центр тяжести в нашей работе переносится на хозяйственные и культурные задачи, но и политические задачи и трудности отнюдь не уничтожаются, а принимают новую форму, приобретают специфический характер.

«Я готов сказать,—писал В. И. Ленин в статье «О кооперации»,—что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству».

Если это так, то не ослабляется ли роль партии в нынешний период?.. Когда центр тяжести, с точки зрения внутренних отношений в стране, перешел в область культурничества, то не теряет ли добрую долю своего значения руководство со стороны политической партии пролетариата?

Вот вопрос, на который мы с порога должны дать твердый отрицательный ответ. Мысль о возможности ослабления партийного влияния, о меньшем значении единого партийного руководства революцией в нынешнюю полосу нашего развития должна быть решительно отвергнута, как прокладывающая дорожку меньшевистским настроениям.

Значение партии не только не ослабляется, а в известных отношениях даже усиливается по мере того, как мы ближе и практически подходим к построению фундамента социалистического общества,—его экономики. Об этом нам, прежде всего, говорят факты, говорит самоочевидный опыт последних лет. Именно в последние годы, когда мы начали вести наше экономическое наступление, роль, авторитет и политическое влияние в стране нашей партии не только не обнаружили хотя бы малейших симптомов падения, но явным образом возросли. Масса рабочих и трудящихся крестьян начинает все более доверять нашей партии уже не только в вопросах политической власти и ведения гражданской войны, но и в вопросах руководства хозяйственной и культурной жизнью страны.

С какой же точки зрения может итти речь о возможности в дальнейшем ослабить роль и влияние нашей партии?

С двух точек зрения. Во-первых, так можно ставить вопрос, если исходить из предпосылок, что наше культурное и хозяйственное строительство ведет к победе капиталистических элементов над социалистическими, к умалению роли социалистических элементов. Так ставят вопрос меньшевики, эсеры, кадеты, выдвигая требование ликвидации «монопольного положения» нашей партии вместе с требованием легализации их собственных партий.

Во-вторых, говорить об ослаблении значения нашей партии можно было бы в том случае, если позабыть о противоречиях, в которых протекает рост социализма в нашей стране, когда рядом с социализмом растет (хотя до сих пор и в меньшей степени, но все же) капитализм, если бы стать на ту, пока еще не существующую, точку зрения, о которой говорила недавняя оппозиция,—что будто бы у нас уже «кругом социализм».

И совершенно ясно, что раз у нас «кругом социализма» еще нет, то такие товарищи, которые преуменьшали бы роль партии вследствие недооценки значения противоречий нашего роста, фактически лили бы воду только на мельницу чуждых нам партий, ищущих социальной опоры в растущих буржуазных элементах нашей страны. Это неизбежно случилось бы с такими «левыми» товарищами, потому что «кругом социализм»—это сплошная фантазия, а существование и рост капиталистических элементов на ряду с ростом социализма есть реальный факт.

Ни о каком ослаблении роли партии не может итти речь. Но может и должна итти речь о новых методах и формах проведения партийного влияния на массу с целью углубления и усиления этого влияния. Наиболее наглядный пример изменения методов руководства массой дает нам лозунг «оживления

советов» и лозунг оживления пролетарской общественности вообще. Всем известно, какие надежды меньшевистская и эсеровская публика связывала и связывает с проведением нами этого лозунга. Они ждут, что оживление советов ослабит нашу партию. Мы же полагаем, что оно усиливает нашу партию, направляющую рост активности рабоче-крестьянских масс, протекающий на основе экономического под'ема страны, в советское русло, т.-е. в русло партийного руководства.

У нас в ряде областей,—и в хозяйственной, и в политической, и в культурной,—все еще не окончательно изжиты пережитки и отрыжки военно-коммунистического периода. Изжить эти отрыжки, перейти к работе по методам, вполне соответствующим эпохе строительства социализма, это значит не ослабить, а укрепить руководящую роль партии в деле социалистического строительства. Кто думал бы иначе, тот показал бы, что он до сих пор рассматривает нашу обстановку через военно-коммунистические очки.

Перед партией только сейчас, по мере хозяйственного под'ема страны, во всю ширь становится вопрос о привлечении рабочих и трудовых крестьянских масс к делу строительства социализма. Построить социализм руками одних коммунистов—«ребячья затея»,—говорил Ленин. Дело построения социализма—дело творчества м а с с, которое должно протекать под руководством нашей партии. Повседневная работа строительства социализма, по необходимости, необычайно децентрализована разбита по неисчислимым ведомствам, организациям, производствам. Она ведется везде в условиях, когда медленным, упорным нажимом приходится преодолевать «тихую сапу» со стороны стихийно растущего капитализма. Нет ничего вреднее, в таких условиях, идей о бюрократически-централистической утопии построения социалистического общества и его экономики по военной «команде», по циркулярным распоряжениям сверху—и т о л ь к о. Для успехов социализма нужен непрестанный рост общественной энергии и творческой инициативы со стороны самой широкой трудящейся пролетарской и крестьянской массы, со стороны н и з о в. Если мы не сможем такого роста активности масс вызвать и обеспечить, сохраняя и укрепляя в то же время свое руководство,—нам социализма не построить.

Между тем, рост активности масс, с одной стороны, усложнение хозяйственных и культурных задач, с другой,—пред'являют п о в ы ш е н н ы е требования к самой партии, к партийному руководству строительством социализма и жизнью всей страны. Руководство партии должно быть в наибольшей степени компетентным и авторитетным как в вопросах хозяйства, так и во всех других, удовлетворяя растущим запросам со стороны рабочих и крестьянских масс. Каждый сельский или городской коммунист должен показать себя с п о с о б н ы м руководить делом социалистического строительства, брать д е л о м, а не криком, завоевывать политический и деловой авторитет в массе, проводя при этом е д и н у ю, правильную партийную линию в своей повседневной работе, не головотяпствуя, а руководя массой действительно в коммунистическом духе и направлении, умея одолевать и преодолевать различные буржуазные влияния на массу.

Каковы же, в таких условиях, особые внутриорганизационные задачи партии, специфические для данного момента?

Во-первых, это дальнейшее и еще более решительное проведение в н у т р и п а р т и й н о й д е м о к р а т и и. Без этого не может быть обеспечен рост партийных кадров в теоретическом и практическом отношении. Мы должны в партии обеспечить н а и л у ч ш и е у с л о в и я д л я р о с т а н о в ы х а к т и в н ы х с и л и з п а р т и й н о й м а с с ы, п р е ж д е в с е г о и з р а б о ч е й ч а с т и п а р т и и.

Вопрос о демократии в партии ставился у нас уже неоднократно за годы нэпа. Его поставил X с'езд партии в начале 1921 года. В конце 1923 года партия вернулась к этому вопросу и должна была признать, что пережитки военного коммунизма в организационном вопросе,—некоторое закостенение и бюрократизация партийного аппарата,—нами за первые два года нэпа еще не были окончательно изжиты. Уже тогда, в 1923 году, ясно наметившийся процесс хозяйственного возрождения страны давал основания полагать, что рост активности партийной массы и повышение ее теоретического и практического уровня пойдут вперед значительно более быстрыми шагами, чем в первые годы нэпа.

Партия не ошиблась, давая в 1923 году лозунг укрепления начал внутри-партийной демократии. С тех пор прошло больше двух лет, и мы можем констатировать значительный не только количественный, но и к а ч е с т в е н н ы й рост партийных рядов. Частью, этот рост происходил в форме внутрипартийных дискуссий. Несмотря на ряд вредных последствий этих дискуссий, в итоге каждой из них партийная масса выносила основные идеи Ленина, все более и более твердо усваивая и переваривая их.

Последний период—с 1923 по 1926 г.—несомненно, создал более благоприятные условия для осуществления внутрипартийной демократии, поскольку это был период бурного хозяйственного роста и роста политической активности рабочих масс, отражавшейся и на росте активности партийной массы. Правда, за этот период в среду рабочих влились новые слои из деревни, но до сих пор партия умела обеспечивать классовое пролетарское руководство этими слоями. С другой стороны, вбирая новые

пласты рабочего класса в таких условиях в свои ряды, партия может обеспечивать их большевизацию сейчас лишь при условии проведения внутрипартийной демократии.

Не все наши парторганизации ясно сознают роль и значение внутрипартийной демократии в настоящий период. Это сказалось особенно на примере ленинградской организации. До XIV партс'езда в этой одной из лучших пролетарских организаций партии, где, казалось бы, имеются наилучшие условия для проведения внутрипартийной демократии по сравнению с другими (например, крестьянскими по составу) организациями, руководители ее не провели даже последовательной выборности секретарей ячеек, проводя систему назначенства сверху так называемых «оторгов» («ответственных организаторов»). Эта организационная ошибка, несомненно, увязывается с политическими ошибками, которые допустили бывшие руководители ленинградской организации. Неправильное понимание полосы нашего развития, полосы строительства социализма, сказалось в данном случае в том, что товарищи медленнее изживали приемы и методы военного коммунизма и в организационном вопросе.

Итак, первое организационное условие, при котором партия справится с задачами строительства социализма, это—проведение внутрипартийной демократии.

Второе,—отнюдь, однако, не по важности второе, по важности—первое условие,—это партийное единство.

Если мы не идем на удочку либеральных и мелко-буржуазных болтунов о политической демократии в стране, о «ликвидации монопольного положения» нашей правящей партии, если мы не опиваемся розовой водичкой об отсутствии трудностей на пути нашего развития, когда рост социализма происходит на ряду с известным ростом капитализма и в условиях империалистического окружения,—тогда мы должны высоко держать и не спускать ни на один вершок знамя единого партийного руководства нашей революцией.

Одна партия руководит и обеспечивает правильную ленинскую линию диктатуры пролетариата в вопросах социалистического строительства. Без единого руководства в том сложном переплете экономических и политических сил, который мы имеем сейчас, советский корабль не может находить правильного пути движения к социализму, он сделается игрушкой в руках чуждых пролетариату социальных сил.

Но что такое единое партийное руководство? Оно предполагает единую партию. О едином партийном руководстве всерьез можно говорить только в том случае, если все партийные организации и все партийные фракции в беспартийных организациях неуклонно проводят единую линию. Из этого ясно, что единое партийное руководство было бы на деле пустым

звуком, если бы внутри партии существовали и боролись друг с другом различные фракции или, как их зовут помягче «группировки».

Скажем, разве мы могли бы руководить хозяйством, если бы у нас «ведомственные» трения, которые часто случаются, пошли по линии фракционной борьбы? Что было бы, если у нас в хозяйственных органах укрепилась бы одна фракция, а в профсоюзных—другая? Или в военных организациях одна, в рабочих—другая, в крестьянских местных организациях — третья и т. д.?

Это означало бы расщепление диктатуры пролетариата и вело бы к провалу нашей революции.

Все это—популярные истины, которые были разжеваны еще в дискуссии 1923 года. Они остаются верными и сейчас.

Следует ясно видеть, в каких условиях находится наша партия, пользующаяся монопольно-легальным положением в стране и правящая государством, диктатурой пролетариата. Процессы, которые внутри нее происходят ни в каком случае невозможно отрывать от социальных процессов, происходящих во всей стране. Всякий уклон от пролетарской линии, а тем более создание фракций в нашей партии, об'ективно смыкается с интересами и настроениями чуждых пролетариату групп. Поэтому, это есть не только дорожка к расколу партии, это есть дорожка к не пролетарской, а мелко-буржуазной политической демократии в стране. Ибо от борьбы фракций в партии всего один шаг, а в особо острые исторические моменты даже полшага, до борьбы партий в стране. Борьба фракций может перерасти сама,—а если дело до этого не дойдет, то все же может вызвать борьбу партий в стране, потому что фракционная борьба в партии ослабляет влияние партии на пролетариат, ослабляет влияние пролетариата, в свою очередь, на крестьянство и тем усиливает политический вес совершенно чуждых нам политических групп.

Нам нужна последовательная внутрипартийная демократия, но без свободы фракций и группировок, потому что нам нужен здоровый партийный рост новых и новых активных сил с низов наших организаций, потому что нам нужно укрепление руководящей роли партии, укрепление единого партийного руководства пролетариатом, который в союзе с трудящимися крестьянскими массами строит социализм в международном империалистическом окружении.

А. Тальгеймер.

Новое экономическое обоснование социал-реформизма.

I.

До войны теоретическое (в том числе и экономическое) обоснование социал-реформизма было дано Эд. Бернштейном в его «Предпосылках социализма» (1898 г.). Ясно, что после мировой войны и вызванных ею революционных потрясений простого повторения бернштейновских мыслей уже недостаточно. Рабочий класс, к которому обращается социал-демократия, требует ответов на грандиозные вопросы, выдвинутые войной и послевоенной эпохой. После того, как Советская Россия пошла своим путем к социализму, те, кто считает этот путь вообще неправильным или же пригодным только для России, обязаны об'яснить рабочему классу, как они представляют себе путь к социализму. И этот свой путь они должны обосновать экономически.

Такую задачу и поставил себе К. Реннер в своей книге «Хозяйство, как целостный процесс, и социализация в популярно-научном изложении по системе Карла Маркса» (Берлин, 1924 г.). Как мы увидим, излагаемое Реннером экономическое обоснование реформистского пути к социализму по существу вполне совпадает со старым обоснованием Бернштейна. Но метод у них различный. Бернштейн ставил под вопрос или оспаривал некоторые существенные стороны марксистской экономии, заменяя их идеями, заимствованными из вульгарной политической экономии и теории предельной полезности. Он отрицал значение закона стоимости, как фундамента всей политической экономии, и утверждал, что для обоснования социализма не важно, будем ли мы опираться на теорию стоимости Маркса или Бэм-Баверка. Бернштейн оспаривал, далее, закон концентрации капиталов. Число капиталистов, утверждал он, возрастает, а не убывает. Акционерные общества служат специфическим средством для увеличения числа собственников-капиталистов; совместно с развитием кредита они притупляют кризисы, а то и вовсе предупреждают их. Капиталистическое общество развивается не в направлении растущей анархии, а наоборот: порядок и плановость в нем постепенно возрастают. Обнищание рабочего класса в действительности не имеет места и т. д. Таким образом, Бернштейн открыто выступает как критик марксовой политической экономии. Это было для него тем легче, что он пытался заменить экономико-материалистическое обоснование социализма этико-идеалистическим.

Совершенно другой метод у Карла Реннера. Он выдает себя за ортодоксального марксиста, за непритязательного ученика великого учителя. Его задача только в том, чтобы популяризировать незыблемые выводы марксовой теории и применить их к вопросу о социализации. С высоты марксизма он гордо и презрительно взирает на буржуазную политическую экономию.

Метод Реннера гораздо основательнее, но и гораздо утонченнее в своей бесчестности, чем старый метод Бернштейна. Реннер не излагает сначала в простой популярной форме мысли Маркса с тем, чтобы сделать потом свои социал-реформистские выводы. Он искажает все экономическое учение Маркса в целом, излагая при этом отдельные его части весьма удачно. Это ново. До сих пор марксистская экономия либо целиком принималась, либо целиком отвергалась. Реннеру удается сочетать то и другое. Он переделывает ее в своих целях и в то же время почтительно склоняется перед ней. В сравнении с Реннером Бернштейн, Каутский и т. д. кажутся неловкими простаками.

Поскольку книга содержит в себе превосходную местами популяризацию II тома «Капитала», ее безусловно стоило бы перевести на русский язык. Многим читателям она облегчит изучение II тома. Они должны только помнить, что лучи марксовой теории, пройдя через линзу Реннера, не только собираются, но и отклоняются в сторону. В дальнейшем мы и постараемся это доказать.

II.

Тезис, защите которого в сущности посвящена вся книга Реннера, заключается в том, что процесс капиталистического производства в целом определяется обращением, что обращение в силу присущего ему закона развития автоматически вызывает в различных пунктах переход от капиталистических к социалистическим формам хозяйства и что, следовательно, ниспровержение капиталистического строя должно произойти не со стороны производства, как до сих пор принимали все марксисты, а со стороны обращения, при чем получается то преимущество, что во время этого переворота производство остается ненарушенным. Мы сейчас изложим и разберем доказательства, которые Реннер приводит в защиту этого своего тезиса. Но сначала заметим, что сам тезис отнюдь не нов, а представляет собою возврат к взглядам, уже опровергнутым марксовой экономией и всем научным социализмом. Мнение, что капиталистический процесс в целом определяется в первую голову явлениями обращения, и составляет, как хорошо известно, сущность вульгарной политической экономии; оно является, следовательно, регрессом не только по отношению к марксистской, но и по отношению к классической экономии. Углубленный и подлинно научный анализ капитализма начинается именно с того момента, когда производство постигается, как исходный пункт и руководящее начало анализа. В этом постижении можно, пожалуй, усмотреть существенный принципиальный шаг вперед, сделанный физиократами против меркантилистов. Не блещет также новизной мысль Реннера, что обращение является тем рычагом, при помощи которого капиталистический хозяйственный строй может быть переведен в социалистический. Наоборот, эта идея принадлежит к самому залежалому хламу утопического, мелко-буржуаз-

ного социализма, и первое слово Маркса, как социалиста, заключалось как раз в том, что он критически уничтожил прудоновские утопические представления этого рода (рабочий меновой банк, трудовые боны и т. д.) и показал Прудону, что эти идеи уже были подробно развиты в Англии и потерпели там крушение. «Святое семейство» и «Нищета философии» наносят первый критический удар такого рода социализму. «Капитал» же всем своим положительным содержанием окончательно его хоронит, так что здесь Маркс мог довольствоваться несколькими общими замечаниями по адресу прудоновских и им подобных представлений.

Ново у Реннера только одно: возвращение к Прудону и т. д. «на основе» Маркса, т.-е. воспроизведение прудоновского, утопически-мелко-буржуазного социализма в расширенной тональности, на более высокой технической ступени.

Как же он этого достигает?

Посредством трех передержек. Во-первых, он отрывает область обращения и его законов от области производства. Во-вторых, отвлекается от специфически капиталистического, двустороннего, противоречивого характера всех форм и процессов капиталистической концентрации и ассоциации, т.-е. перерезывает диалектический нерв марксова анализа. В-третьих, подменяет экономические понятия юридическими, впадая таким образом в юридический фетишизм. Повсюду, где Реннер пытается самостоятельно продолжать экономический анализ Маркса, он покидает экономическую сферу и переходит в сферу правовых форм, правового выражения экономических фактов и законов. А это сводится в области теории к замене материалистического анализа идеалистическим, а в области практики к признанию буржуазного государства творцом капиталистической экономии и в то же время орудием перехода к социализму. Таким образом, вместо марксова метода перед нами метод Менгера. И если Реннер в предисловии к своей книге говорит: «Духом и методом первой половины прошлого века проникнут «Капитал» (имеется в виду метод классической немецкой философии),—то мы на это отвечаем: Маркс исходил, критически и революционно преобразуя ее, из буржуазной науки об обществе в ее наивысших формах. Реннер же мыслит некритично и нереволюционно, в формах упадочных буржуазных наук об обществе, выродившихся в чистую апологию. И нам кажется, поэтому, что «дух и метод» Марксова «Капитала» с революционной точки зрения все же «современнее», чем дух и метод Реннера, который преспокойно соединяет современнейших Бэм-Баверка и Менгера с Марксом.

Для эклектического метода Реннера весьма характерны те немногие замечания, в которых он мимоходом касается теории стоимости. Как теория предельной полезности, так и теория издержек производства запечатлены, по его мнению, характером «односторонности». Ибо товар является «продуктом» в сфере производства и благом в сфере потребления, товаром же он является только в сфере обращения. Не следует ли после этого сказать: теория предельной полезности справедлива в сфере потребления, ибо эта теория занимается исключительно «благами»; сфера производства, имеющая дело с «продуктами», есть, пожалуй, нейтральная область; а вместе с обращением начинается господство теории издержек производства, потому что появляется «товар»? (Мы не говорим уже о том, что недопустимо называть марксову теорию стоимости просто теорией издержек производства. У вульгарной политической экономии есть своя «теория издержек производства», отличающаяся однако от марксовой, как белое от черного).

Одно из двух. Либо закон стоимости определяет весь капиталистический процесс в целом (производство, распределение, обращение, потребление) как со стороны количественных отношений, так и со стороны форм каждой из этих сфер,—и тогда теория предельной полезности, оперирующая только с суб'ективными оценками, неправильна и бесполезна. Либо теория предельной полезности справедлива, хотя бы только для капиталистического потребления,—и тогда, в виду систематической всесторонней связи всех сфер хозяйства, она справедлива для них всех, а трудовая теория стоимости не годится ни для одной. Потребление рабочего класса, например, есть вместе с тем производство и воспроизводство рабочей силы. Результатом потребления является в данном случае рабочая сила, которая в виде товара поступает на рынок. Где тут начинается и где кончается теория предельной полезности? И что потребляет рабочий—«блага» или «товары»? Пока он производит только «блага», т.-е. предметы, изготовленные для собственных нужд, как, напр., работающий на фабрике мелкий крестьянин, до тех пор он еще только одной ногой стоит в капиталистическом обществе. И разве в производстве исчезает экономическое, общественное различие между индейцем, который строгает себе стрелы, и рабочим, который работает на пушечном заводе Круппа? Какой безнадежно-путанный эклектицизм проявляется в этом коротеньком замечании! И то же самое проглядывает сквозь все дыры «марксова» плаща, в который облачился Реннер.

Возьмем другое замечание Реннера. «Этот процесс (экономический),—говорит он (стр. 65),—должен быть непрерывным и бесконечным, ибо он должен непрерывно и бесконечно поддерживать жизнь человечества и, следовательно, должен воспроизводить сам себя». Поскольку это заключение отрицает возможность и действительность перерывов, оно ошибочно. Оно справедливо только в целом, только для средних величин, как непрерывное распределение материи во вселенной может быть принято в качестве статистической средней, что, однако, отнюдь не исключает отдельных перерывов. Так и кинетическая теория газов исходит из равномерного в среднем распределения молекул, хотя мы отлично знаем, что фактически материя распределена в газах весьма неравномерно. Что касается в частности капиталистического хозяйственного строя, то его своеобразие в том именно и состоит, что непрерывность развития поддерживается при нем только постоянной игрой сил, нарушающих непрерывность (постоянные колебания цен, периодические кризисы и т. д.). Игнорировать это противоречие значит отнять у капиталистического хозяйства его движущий момент—как в том смысле, что капиталистическое хозяйство является формой движения этих противоречий, что с ними связан самый факт его существования, так, наоборот, и в том, что его исторический конец; его замена другой общественной формой активно обусловлена именно отрицательными сторонами проникающего его противоречия. Ясно само собой, к чему приводит умерщвление этой диалектики.

В результате получается «бесконечность» не экономического процесса вообще, а его исторически определенной капиталистической формы. И мы приходим к следующему выводу, который наверное вполне удовлетворит капиталистов.

«Многие социалисты думают, что единственная проблема социализма заключается в борьбе против прибавочной стоимости, в том, чтобы ее урезать и по новому распределить. Они забывают, что первейшей предпосылкой социалистической экономики является сохранение и воспроизводство основного фонда ценностей. Коммунисты охотно срубили бы дерево, чтобы правильно распределить урожай его плодов» (стр. 91).

Бесконечность процесса образования «прибавочной стоимости», т.-е. процесса капиталистической эксплоатации, здесь очень просто получается в результате того, что общественный прибавочный труд, этот всеобщий закон экономического, а стало быть и культурного прогресса, обязательный для всякого исторического периода, подменивается прибавочной стоимостью, т.-е. специфической формой общественного прибавочного труда в классовом обществе, основанном на эксплоатации.

«В процессе производства,—читаем мы дальше,—прибавочная стоимость только создается, но не реализуется; реализуется всякая прибавочная стоимость в процессе обращения» (стр. 124). Положение это само по себе вполне правильно, но оно вызывает ложное представление, будто обращение есть важнейший, определяющий фактор в процессе образования прибавочной стоимости; автор «забывает» прибавить, что первичным условием обращения является производство и что лишь вторично формы обращения воздействуют со своей стороны на формы производства. Так, напр., прибавочный продукт самостоятельного крестьянского хозяина в результате обращения может стать прибавочной стоимостью, присвоенной себе третьим лицом (напр., продукт китайского крестьянина, вносящего свою долю в уплату процентов по какому-нибудь европейскому железнодорожному займу),—но такое превращение предполагает уже существование капиталистической прибавочной стоимости. Существование последней есть первичный факт.

Не лучше обстоит дело и со следующим утверждением Реннера: «Земельная рента есть явление обращения, а не явление производства и уж, конечно, не натуральный продукт» (стр. 158). Пусть-ка Реннер попробует получить земельную ренту без сельско-хозяйственного и промышленного производства и без образования прибавочной стоимости! Распределение же, которое предоставляет одному классу землю, другому орудия производства, а третьему только рабочую силу, само является фундаментальным моментом производства.

«Структура распределения всецело определяется структурой производства. Распределение есть само продукт производства, не только по своему предмету, поскольку распределяться могут лишь результаты производства, но и по своей форме, поскольку определенный вид участия в производстве определяет особенную форму распределения, ту форму, в какой принимаешь в нем участие. Чистейшая иллюзия (это как-будто специально написано для г-на Реннера. *А. Т.*) относить землю к производству, а земельную ренту к распределению... Наиболее плоскому пониманию распределение представляется распределением продуктов,

являясь, таким образом, далеким от самого производства и как бы самостоятельным по отношению к нему. Но прежде, чем распределение становится распределением продуктов, оно является 1) распределением орудий производства и 2) (и это лишь дальнейшее развитие того же) распределением членов общества между различными видами производства (подведение индивидуумов под определенные производственные отношения). Распределение продуктов есть явным образом результат этого распределения, которое само входит в производственный процесс и определяет структуру производства. Рассмотрение производства отдельно от этого включенного в него распределения есть явным образом пустая абстракция, тогда как, наоборот, распределение продуктов уже дано вместе с распределением, первоначально составляющим момент производства» (Карл Маркс, «Zur Kritik der politischen Ökonomie», Einleitung, 3 изд., стр. XXXI—XXXII).

Приведем еще из того же «Введения» слова Маркса об отношении обращения к производству:

«Обмен,—читаем мы здесь,—представляется независимым от производства и индифферентным к нему только в последней стадии, когда продукт выменивается непосредственно для потребления. Но 1) не существует обмена без разделения труда, будь то разделение естественное, или само уже исторически возникшее; 2) частный обмен предполагает частное производство; 3) интенсивность обмена, а также его об'ем и вид определяются развитием и структурой производства—напр., обмен между городом и деревней, обмен в деревне, в городе и т. д. Обмен оказывается, таким образом, во всех своих моментах либо прямо включенным в производство, либо получающим от него свои определения... Производство возвышается как над самим собою, во взаимно-противоположных определениях производства, так и над другими моментами. С него процесс всякий раз начинается сызнова. Что обмен и потребление не могут быть первенствующими, ясно само собой. То же относится и к распределению, как распределению продуктов. А как распределение производителей, оно само есть момент производства».

На ряду с этим «плоским» отрывом обращения и распределения от производства мы находим у Реннера еще более плоский (если это возможно) юридический фетишизм. Так, он выводит земельную ренту из поземельной собственности, как «правовой монополии», забывая, что правовая монополия сама является производной от хозяйственной монополии. Он приходит, далее, к удивительному для марксиста положению: «(Земельная рента) есть особая часть прибавочной стоимости, отколовшаяся благодаря вступлению права в экономику, она есть право на владение прибавочной стоимостью» (стр. 162; разрядка наша. *А. Т.*). Как похоже это открытое Реннером «вступление права в экономику» на прудоновскую премудрость, над которой потешается Маркс.

«Происхождение поземельной собственности является, так сказать, внеэкономическим. Оно покоится на соображениях психологии и морали, имеющих лишь весьма отдаленное отношение к производству богатств» («Elend der Philosophie», 2 изд., стр. 141). Маркс называет это утверждение «иллюзией метафизики или юриспруденции». Вместо того, чтобы ограничивать эту юридическую метафизику областью земельной ренты, Реннер мог бы

с таким же успехом распространить ее на все части политической экономии. Разве нельзя точно так же сказать, что предпринимательская прибыль основана на «правовой монополии» фабриканта на фабрику, а заработная плата на «правовой монополии» рабочего по отношению к самому себе (на его юридической свободе)? Ведь раб, юридически несвободный, не получает заработной платы. Не предшествует ли весь капиталистический правопорядок в целом капиталистическому способу производства? Но нужно впасть в банальнейший юридический фетишизм, чтобы считать правовые формы творцами экономических форм, а не наоборот, их историческими продуктами. Плодом того же юридического фетишизма являются рассуждения Реннера о «вытеснении» денежного капиталиста «из области экономики», поскольку процент на капитал является «доходом без соответствующей функции («funktionsloser Ertrag»). Разве присвоение этого процента не есть экономическая функция? Тут явно смешаны две совсем различные вещи: экономика и непосредственное участие в производстве. И смешав их, Реннер перевертывает вверх ногами действительное положение вещей. Чем больше капиталист удаляется от непосредственной функции производства, тем могущественнее становится его экономическая роль; становясь более или менее ненужным для процесса производства, он тем сильнее овладевает хозяйством в целом.

На «юридической иллюзии» основана, далее, классификация форм капиталистического об'единения. У Реннера она имеет чисто юридически-описательный характер. Марксистским и единственно научным приемом была бы классификация по экономическим функциям. Только из них могут быть выведены и поняты юридические формы. Право ли акционерных обществ является творцом капиталистического об'единения этого типа или же наоборот? Только при поверхностном рассмотрении может показаться, что юридическая форма творит формы экономического об'единения.

В этой же связи Реннер делает важное открытие о корпорации (о публичных союзах, вроде государства, общин и т. д.). «В этом месте,—говорит он (стр. 189),—мы должны их обойти, потому что, как создания правового порядка, они не развиваются свободно по законам экономики. В этой своей правовой форме, по крайней мере, корпорации представляют уже переход к социальному хозяйству». Странно прежде всего, что человек, желающий популяризировать экономию Маркса, может дописаться до такой фразы по существу и по форме. Одна правовая форма может служить переходом только к другой правовой форме, но никак не к какой-нибудь хозяйственной форме. По существу общинное или государственное хозяйство, пока власть в общине или государстве принадлежит буржуазии, в такой же мере капиталистично и лишено социализма, как какой-нибудь металлургический трест или банк. Можно только сказать, что это те ступени, с которых легче всего перейти к социализму, ибо для этого нужен лишь переход политической власти в руки рабочего класса. Впрочем, при виде такого извращения простых фактов вспоминаешь, что венская коммунальная политика является той почвой, на которой главным образом орудует австрийская социал-демократия, и что самые заурядные мероприятия коммунального хозяйства она преподносит под кличкой «социализма». Но не все, что полезно как средство агитации, является тем самым истиной политической экономии.

Так же несообразно и следующее утверждение Реннера: «Подлинные товарищества фактически являются уже переходными формами между корпорацией, коалицией и обществом, они суть также переходные формы от капиталистического к социалистическому хозяйству». Как-будто при переходе к социализму действительно серьезное препятствие представляют юридические формы, а не конкретные формы хозяйства и конкретное соотношение классовых сил в данной стране и в данное время! Советская государственная промышленность и торговля, напр., многие свои юридические формы получила в готовом виде. Едва ли нужно подробно доказывать, что при капиталистическом строе товарищества любого типа и любой юридической структуры, от мелко-крестьянского товарищества по сбыту или производству до рабочего потребительского кооператива, остаются вполне подчиненными законам капиталистической экономики. Только шарлатаны могут называть их переходными формами от капитализма к социализму в том смысле, будто они лишь отчасти имеют капиталистический характер, а отчасти уже социалистический. В действительности их можно назвать переходными формами только в том смысле, что они облегчают переход от одной хозяйственной формы к другой,—но отнюдь не в силу своей юридической природы, а в силу своего экономического содержания, каковым является общественное сотрудничество. Юридическая форма товарищества, подобно всякой другой юридической форме, может, как известно, вмещать самое различное и даже прямо противоположное социальное содержание. Юридическая форма товарищества восходит к классической древности и к первобытной истории германских, славянских и т. д. народов. Древне-германская марка, средневековое торговое товарищество, современный рабочий потребительский кооператив и т. д. могут быть подведены под одну и ту же юридическую форму, но их экономическое и социальное содержание совершенно различно. Или возьмем американский стальной трест и советский трест «Югосталь»: при одной и той же юридической форме диаметрально противоположное экономическое и социальное содержание—там чисто капиталистическое, здесь социалистическое об'единение. Общность юридической формы выражает только тот факт, что то и другое есть форма об'единения, общественного сотрудничества, но она стирает как раз его специфический социальный и экономический характер, она—та ночь, в которой все кошки серы, в которой первобытный коммунизм, феодализм, капитализм, социализм, словом, все общественные формы сливаются в неразличимое единство. Не удивительно, поэтому, что социал-демократические теоретики заинтересованы в превращении экономических форм в юридические.

Что касается об'единения капитала, то со времен Маркса оно без сомнения чрезвычайно возросло в смысле об'ема и богатства форм. Оно наложило свою печать на всю империалистическую эпоху. Но оно не является чем-то абсолютно новым. Его элементы были уже известны Марксу, который и дал их анализ. Рост об'единения капиталов вызвал к жизни целый ряд новых экономических явлений, но не изменил его общественную сущность.

Маркс говорит об об'единении капитала:

«Оно есть упразднение капитала, как частной собственности, в рамках самого капитализма... Но эта экспроприация (капиталистов капиталистами) является внутри самой капиталистической системы в антагонистической форме, как присвоение общественной собственности немногими; а кредит сообщает этим немногим все в большей степени характер чистых баловней судьбы» («Kapital», III, 1, 427).

В частности, форма акционерного общества, замечает Маркс в этой же связи, выявляет «только в новой форме» противоположность между характером богатства, как общественной, и его характером, как частной собственности.

Маркс устанавливает также двусторонний характер капиталистической кредитной системы, являющейся одним из сильнейших рычагов для об'единения капитала. Стоило только упустить из виду эту двойственность, забыть о специфически-капиталистическом моменте в присвоении общественного богатства комбинированным капиталистом,—и капиталистический кредит превращался в волшебное орудие социализма. Здесь достаточно напомнить о Сен-Симоне, Оуэне, Прудоне. Социалистические фантазии на тему о кредите были, разумеется, излюбленным коньком мелко-буржуазного, утопического социализма. Если отсутствие кредита ввергало мелкого буржуа в пропасть, превращало его в пролетария, то почему бы наличествующему кредиту не спасти его—если не как мелкого производителя, то как члена крупного социалистического об'единения производителей.

Характер нынешней социал-демократии, как мелко-буржуазной партии, теоретически выражается у Реннера в том, что он возобновляет все социалистические иллюзии, связанные с капиталистическим кредитом и об'единением капиталов, и при этом возобновляет их на марксистской основе. Об'единение капиталов, пишет он, есть «путь к вытеснению частных капиталистов своего рода об'единением общественных чиновников» (разрядка наша). Недурная метаморфоза Морган-Рокфеллера, Шваба и К°! Эти не совсем обычные «общественные чиновники» отличаются, однако, от обыкновенных «чиновников» тем, что не они служат обществу, а общество служит им, их корыстным интересам. Впрочем, в стране доллара нынче вошло в моду у апологетов капитализма прикрывать методы капиталистической эксплоатации названием «общественные услуги» (social service). Но и тут американцы не открыли ничего нового. Как стары «услуги», оказываемые категорией «услуг» апологетам капитализма,—об этом можно прочесть уже у Маркса («Капитал», I, 3 отдел 5 глава: «Zur Kritik der politischen Ökonomie», стр. 14).

Там, где он говорит о кредите, Реннеру мешает его уже известный нам юридический фетишизм. «Из анализа орудий кредита,—пишет он,—мы уже знаем, что без вмешательства права деньги не могут стать денежным капиталом, а денежный капитал—товаром» (стр. 255).

Весь кредитный механизм есть только «надстройка правового порядка над природно-экономическим фактом обращения». Ведь ясно, что товар существует в природе, а вексель, напр., создан искусством, юриспруденцией! Что уже при простой купле и продаже любого товара появляется на сцену «право», что правовая санкция не есть специфическая принадлежность орудий кредита,—об этом Реннер, повидимому, не подумал. Той же юридической иллюзии о самостоятельной и творческой роли правового порядка обязан, как известно, своим существованием вывертъ, именуемый «государственной теорией денег». В самом деле, и «деньги», которые всякий назовет, вероятно, естественно-экономическим явлением, уже связаны с «правом» и «государством», и последнее даже чеканит на денежной единице свое символическое изображение, превращая ее таким образом в монету. Юридическая иллюзия, считающая орудия кредита созданиями права, потому что они санкционируются правом, по существу ничем не отличается от той, которая превращает и деньги в создания права и государства.

Эта юридическая иллюзия повторяется у Реннера на всех ступенях. Так, он говорит о банке: «Государство и право, т.-е. воля организованного общества (! *А. Т.*) создают вещи и наделяют полномочиями лиц, которые осуществляют этот процесс» (стр. 280). Ниже мы увидим, как эта юридическая иллюзия относительно основ капиталистической экономии становится орудием, с помощью которого переход к социализму превращается в юридическую формальность. Если право есть творец капиталистической экономики в ее наиболее развитых формах, то почему бы не быть ему и творцом социалистической экономики?

Сюда же относится следующее замечание:

«Изумительное переплетение многих капиталистов, осуществляемое кредитом, создает как бы анонимное, чисто фактическое об'единение, общество без общественного договора, общество в силу многочисленных правовых отношений (? *А. Т.*), порождаемых кредитной связью, общность судеб (! *А. Т.*) всех капиталов, организованных вокруг контролирующей власти фиктивного капитала» (стр. 265).

Относительно фиктивного капитала, этого удвоения реально функционирующего промышленного капитала в форме акций и т. д., мы тоже находим у Реннера всякого рода фикции. «Колебания в области фиктивных ценностей,—говорит он,—не изменяют национального имущества» (стр. 256). Он забывает при этом, что фиктивный капитал имеет двойной лик. Начиная с известного пункта (который иногда может опускаться гораздо ниже половины всего акционерного капитала), владение акциями, т.-е. фиктивным капиталом дает власть над капиталом реальным. Изменения в области фиктивного капитала имеют весьма реальное экономическое и общественное значение.

С высоты своего марксистски подновленного мелко-буржуазного экономического утопизма Реннер взирает, конечно, с горделивым презрением на Оуэнов, Прудонов и т. д.

«Образование фиктивного капитала революционизирует, как мы видим, технику циркуляции платежей; она создает искусственные платежные средства в форме бумаг—изобретение, внушившее утопистам веру в то, что путем технических ухищрений, без всякого социального переворота, будет достигнуто полное уничтожение денег. Эта утопия вновь ожила в наше революционное время» (стр. 259).

III.

Провозгласив обращение основным, господствующим моментом всего хозяйственного процесса и превратив формы и орудия обращения из созданий экономики в создания права, созидающие экономику, Реннер открывает новый, безболезненный и беспрепятственный путь к социализму.

Как совершается это чудо?

Прежде всего исключим пути, которые не приводят к цели. С уничтожения товарного характера продуктов и денег начинать во всяком случае нельзя. Ибо «тенденция к самоупразднению товарного характера продуктов, а значит и денег, до сих пор не обнаружилась» (стр. 335). Устранение прибавочной стоимости тоже не может быть задачей социализации, ибо «мы нигде не видим еще того пункта, где мог бы вступить в действие подобный закон о социализации, не лишив тотчас же производство и обращение их единственного пока импульса,—разве только этот импульс был бы немедленно заменен другим, столь же всеобщим» (стр. 335). Значит, с производства начинать социализацию нельзя. Точкой приложения социализации может быть только обращение. Процесс обращения создает, еще при капиталистическом строе, мировую организацию (стр. 337). Он является «верховным законодателем и судьей капиталистического общества». «Он реализует стоимость и прибавочную стоимость, он распределяет их среди хозяйствующих суб'ектов, он есть последняя инстанция хозяйственных судеб» (стр. 358). Процесс обращения создает анонимную хозяйственную организацию. Поставьте на ее место государство или нечто ему подобное, что сознательно регулировало бы, исходя из обращения, производство и распределение,—и вы получите новое принципиальное решение вопроса. В банковском капитале весь капитал является непосредственно и осязаемо обобществленным (стр. 351). «Тайна юридической и экономической творческой силы обращения» в том, что она «стремится обманом вырвать будущее из рук непокорного прошлого». Обращение осуществляет то, в чем «нуждается общество»: оно «передает производительные силы в распоряжение тех, кто действительно может и хочет действовать» и концентрирует капитал в таких «количествах и формах, в каких это... соответствует современным производительным силам...» (там же). «Обращение откупается, хотя и дорогой ценой от института собственности. Оно отвергает этот институт, обходя его! В этом центральный пункт развития со времени марксова «Капитала!» (стр. 352, разрядка наша. *А. Т.*). Экспроприация экспроприаторов, капиталистов, становится излишней. В первую половину XIX века экспроприация мелких собственников орудий производства была массовым явлением. Требование экспроприации крупных капиталистов в пользу общества есть «просто-на-просто требование возмездия», т.-е. проявление сентиментальности. К тому же не все могут итти этим путем. Ибо «несмотря на всю концентрацию, число имущих не уменьшается, и вместо нескольких гигантов-капиталистов посреди бесчисленных пролетариев мы видим капиталистов всевозможных типов и достатков, расположенных в виде пирамиды, постепенно суживающейся кверху» (стр. 358).

Экспроприация приводит либо к тому, что экспроприируется также мелкая и средняя собственность, либо к государственному капитализму (стр. 359). Не изменение размеров, а изменение функции собственности решает дело. Капитал (в форме банковского капитала) «становится анонимным, безличным, превращается в общественный институт. Правда, частный собственник, исчезая со сцены, сохраняет за собою право на некоторую часть прибавочной стоимости» (стр. 360). Это можно назвать «процессом социальной интеграции»: после предшествующей дифференциации капиталистические функции об'единяются банковским капиталом. «Идеальной целью» этого процесса является создание «универсального капитала в общественном масштабе»; как «продукт автоматического обращения, получается автоматическая социализация — все еще, однако, бессознательная, невольная, лишенная юридической санкции, не определяемая людьми, которые социализированы лишь пассивно, не образуя в правовом отношении активную общину,—получается половинчатая социализация» (стр. 264—5). Уже упразднение капиталистической конкуренции означает «замаскированную социализацию» (стр. 365). В ближайшем десятилетии предстоит (капиталистическая) «организация мирового рынка», «организация обращения всего капиталистического хозяйства, выходящая за пределы всех доселешних масштабов. Это обобществление обращения впервые создает все нужные предпосылки для мирового социализма» (стр. 369). Капитал ведет к социализму (стр. 370). Социализация может совершаться насильственно или без насилия. В последнем случае все дело в том, чтобы довести до конца организацию обращения. Это возможно без нарушения производства. Захваты фабрик и т. д. могут происходить в революционные времена, но это не путь к цели (стр. 370—1). «Генеральная экспроприация путем декрета, это—генеральная бессмыслица, потому что она приведет только к хаосу» (стр. 372). Вполне достаточно экспроприировать, с соблюдением необходимых переходных сроков, права на капиталистическую прибавочную стоимость, достаточно «экспроприации прав». «Прорвать и уничтожить в каком-нибудь пункте обращение, а тем более стремиться к устранению его важнейшего вспомогательного средства, денег, есть раз навсегда явное безумие» (стр. 372). Путь к социализации, отправляющийся от обращения, в конкретных чертах таков.

«Итак, поставим существующие картели и концерны под контролирующее руководство государства, а там, где концернов нет, создадим их государственными мерами. И пусть они сначала присваивают и об'единяют в своих руках прибавочную стоимость собственными методами, а затем передадим ее сразу государству, которое сделает из нее производительное употребление» (там же). «Не дать замереть хозяйству—таков категорический императив социализации» (стр. 379). Для действительно полной социализации необходимо овладение государственной властью. Но социализация может совершаться постепенно, от случая к случаю. Этой экономической стадии соответствует в политической сфере «политика меняющихся союзов» со стороны пролетариата,— другими словами, коалиционная политика (стр. 379). Это приво-

дит, разумеется, к изменению прежнего отношения к государству. Социализация в рамках отдельного государства возможна лишь постольку, «поскольку ее допускают формы и порядки обращения на мировом рынке».

Таковы взгляды Реннера. Мы можем быть кратки в критике этой прекраснодушной юридически-экономической конструкции безболезненного и беспрепятственного перехода к социализму со стороны обращения, т.-е., конкретно говоря, путем овладения банковским капиталом. Предположим, прежде всего, что им овладевает буржуазное государство. Тогда мы получим государственный капитализм, и «автоматический ход» обращения будет ввергать нас все глубже в этот государственный капитализм, но ни на волос не приблизит к социализму. Вместо единичного капиталиста будет эксплоатировать коллективный капиталист, именуемый государством. Мы получим наивысший рост общественного сотрудничества, какой только возможен при капиталистическом строе, но вместе с тем и наивысший рост эксплоатации; в производственно-организационном отношении—наибольшее приближение к социализму, в социальном—наиболее резкую противоположность к нему. Противоречия капиталистической системы были бы доведены до своего высшего предела. О постепенном переходе к социализму в этом случае не может быть, следовательно, и речи.

Предположим, во-вторых, что банковский капитал захватывается рабочим классом, который на первых порах оставляет в руках капиталистов промышленные тресты и т. д. Эта хитроумная гипотеза имеет только один недостаток: она представляет себе и капиталистов и рабочих более глупыми, чем то допускается полицейскими правилами. Она исходит из предположения, что только один человек, именно сам Реннер, понимает смысл происходящего. Что банковский (вернее—финансовый) капитал есть центральный рычаг капиталистического хозяйства, это сообразил не только хитроумный Реннер, это знают и капиталисты. Поэтому пролетариат не сможет овладеть им, пока не покончит с буржуазией. Далее: если к социализму нас приведут одни только законы обращения, без экспроприации промышленных капиталистов, то это, разумеется, означает, что промышленный капиталист сохраняет свободу распоряжения своим капиталом. Кто же помешает ему, при таких условиях, найти себе другой банк, хотя бы за границей, вместо того, чтобы обращаться в банк, принадлежащий социалистическому правительству? Что помешает ему основать, вместе со своими собратьями, новый банк, управляемый капиталистами? Одно из двух: либо промышленный капиталист остается хозяином своего предприятия и своего капитала,—и тогда он без труда посадит на мель социалистический центральный банк; либо вы отнимете у него право свободного распоряжения своим капиталом, — и тогда, значит, он будет экспроприирован, и, следовательно, будет изменена социальная база производства. Это и явится в таком случае первичным, основоположным фактом.

Влияние обращения второстепенно, оно не производит экономической революции, а лишь продолжает уже совершившуюся в сфере производства. Так на практике будет доказано то, что давным-давно доказал действительный, а не перевернутый вверх ногами марксовский анализ капиталистической экономии, именно, что форма производства есть фундаментальный, первичный и господствующий момент, что обращение обусловлено этой формой, что оно отнюдь не может самостоятельно и революционно противостать производству. Насколько второстепенно значение обращения, как орудия социализации, показывает новая экономическая политика Советской России. Основная идея нэпа заключается в том, чтобы использовать рынок и, следовательно, обращение в качестве промежуточного звена для перевода на социалистический путь крестьянского и мелкого частно-промышленного производства. Но даже ребенку ясно, что предпосылкой для этого служит социалистическая государственная промышленность, государственный банк, государственные железные дороги и т. д. «Автоматический механизм» обращения только потому действует здесь в направлении социализации, что уже совершился революционный переворот в основных областях производства. Этот автоматический механизм не образует социализма из капитализма, а лишь продолжает развивать дальше уже образовавшиеся начатки социализма.

Эта роль достаточно важна и не только для России, но и для Западной Европы. Здесь, где во всех областях происходит дальнейшая концентрация и об'единение капитала, социалистическому центральному государственному банку предстоит крупнейшая организационная роль—разумеется, при одновременной социализации промышленности.

Что же касается рабочего, то он скажет господину Реннеру: к чему мне завоевывать политическую власть, если капиталист попрежнему останется собственником и хозяином фабрики и попрежнему будет меня эксплоатировать? Социальная революция не делается ради пустяков.

Но Реннер, конечно, вовсе и не думает о революции, а думает лишь о том, как бы обойти ее, как устроить так, чтобы можно было врастать в социализм, оставаясь в лоне капитализма.

Э. Гольденберг.

Запоздалый рефлекс.

Мы вступили уже в шестой год новой экономической политики. Тем не менее до сих пор нам приходится сплошь и рядом сталкиваться с пережитками военно-коммунистических приемов действия в практической работе и с пережитками военно-коммунистических представлений и предрассудков в идеологической области. Пережитком последнего рода является и статья тов. Преображенского «О законе ценностей в советском хозяйстве».

Статья эта представляет собой не только академический интерес, так как пытается дать теоретическое обоснование определенной программе экономической политики особого экономического курса, отличного от курса, принятого и проводимого всей партией. Над всем анализом тов. Преображенского тяготеет пресловутый «закон» социалистического накопления, впервые открытый и изложенный им еще в 1923 году. Этот «закон» служит стержнем всех рассуждений; его отраженным светом светят все остальные положения и выводы.

С методологической стороны основной порок исследования «О законе ценностей» (точно так же, как и статьи о социалистическом накоплении, прямым продолжением которой оно является) заключается в вульгарно-механическом подходе к вопросу. Мысль тов. Преображенского все время движется в рамках схоластических расчленений и формально-логических противопоставлений, не улавливая диалектической связи противоречивых и борющихся начал. А метод, как известно, душа исследования. Общая установка исследования изложена т. Преображенским в следующих словах:

> ...«Закон ценности и плановое начало вступают в состязание в крайне своеобразной обстановке, в обстановке весьма сильного отрыва в области производства и в сфере обмена об'единенного кулака государственного хозяйства от неорганизованного моря простого товарного производства» (стр. 13).
>
> ...«В результате такого своеобразного положения, мы неизбежно должны иметь далеко идущее отмирание действия закона ценности внутри круга государственного хозяйства при очень большом разгуле действия закона ценности за пределами государственного хозяйства и при постоянных ударах рыночной стихии по всему государственному хозяйству, как единому целому» (стр. 14).

Отмирание закона ценности в государственном хозяйстве здесь, следовательно, выступает, как результат отрыва последнего от «неорганизованного моря простого товарного производства». Но в таком случае по мере усиления смычки государ-

ственного хозяйства с государственной экономикой процесс отмирания закона ценности должен смениться процессом его восстановления внутри государственного круга. Между тем для тов. Преображенского отмирание ценностных отношений (как мы это еще увидим ниже) равнозначно движению к социализму. Вся его статья в сущности посвящена доказательству того, что мы движемся к социализму лишь в той мере, в какой ценностные отношения вытесняются плановым регулированием. Смычка «государственного хозяйства» с деревней, которая является основной задачей и основным содержанием новой экономической политики, поскольку она влечет за собой осквернение государственного хозяйства законом ценности, с точки зрения тов. Преображенского, должна представляться прямым ущербом социализму, скатыванием с социалистических высот в болото неорганизованного товарного производства.

Эти выводы с необходимостью вытекают из положения т. Преображенского и тем самым дают им достаточно красноречивую оценку. Ни к каким другим выводам т. Преображенский и не может притти, потому что он занимается не серьезным анализом действительных отношений и реальных путей к социализму, а схоластической игрой в формально-логические определения.

> «Товарное производство,—пишет он страницею дальше,—мы противопоставляем социалистическому плановому хозяйству, рынок—бухгалтерии социалистического общества, цены—трудовым издержкам производства, товар—продукту».

В этом голом противопоставлении «социалистического планового хозяйства товарному производству» и обнаруживается полное непонимание т. Преображенским действительной роли закона ценности в нашей экономике. В корне неверно представление, будто у нас социалистическое плановое хозяйство может развиваться только за счет вытеснения товарного производства, и обратно, будто товарное производство у нас может расти только за счет уменьшения удельного веса планово-социалистических начал. Развертывание нашей промышленности, работающей на рынок, есть рост товарного производства, и в то же время означает укрепление планово-социалистического начала. Наша кредитная сеть, вырастая из рыночных отношений и их обслуживая, вместе с ними растет, но вполне очевидно, что ее рост есть рост планово-социалистического начала и т. д., и т. п.

В конечном счете социализм, разумеется, приведет к полной ликвидации рынка и рыночных отношений. Но не может быть ошибки более грубой и более вредной, чем смешение результата процесса с самим процессом. Строительство социализма—это длительный процесс, проходящий различные стадии развития, из которых каждая имеет свои специфические особенности и закономерности. Такой анализ, который от этих особенностей отвлекается, будет совершенно бессодержательным в лучшем случае и грубо-ошибочным в худшем. Статья же т. Преображенского представляет собой образчик сочетания обоих случаев.

В самом деле, в чем заключается специфическое содержание и специфическая особенность той стадии строительства социализма, в которой мы находимся в настоящий момент? В том, что в нынешних условиях, на данной стадии, развертывание рыночных отношений является одной из основной предпосылок укрепления социалистических элементов нашего хозяйства. Общий рост то-

варооборота является одной из основных предпосылок роста социалистической промышленности. В то же время рост рыночности крестьянского хозяйства является предпосылкой как его увязки с социалистической промышленностью, а значит, и руководства им со стороны последней, так и развития сельско-хозяйственной кооперации. Что кооперировать натуральные хозяйства в наших условиях—это сумасшедшая утопия, не станет отрицать и тов. Преображенский. Развитию товарного оборота соответствует развитие денежного оборота. Но как раз возможность регулирования денежного обращения является одним из самых сильных и далеко идущих орудий нашего планирования всего хозяйства в целом.

Конечно, такой путь движения к социализму имеет свои опасности и свои трудности. Опасность заключается в том, что из рыночных отношений растут не только социалистические, но и капиталистические элементы. Трудность в том, что их приходится преодолевать преимущественно рыночными методами. Но как бы там ни было, этот путь единственно возможный и единственно реальный. И на этом пути нет места тому голому противопоставлению «товарного производства плановому социалистическому хозяйству, рынка бухгалтерии социалистического общества, цены трудовым издержкам производства, товара—продукту», которое служит исходным пунктом анализа тов. Преображенского. Это голое противопоставление совершенно искажает действительные отношения, которые много сложнее и много диалектичнее. Конечно, рано или поздно должен наступить переломный момент, когда дальнейшее развитие социалистических и плановых элементов нашей экономики будет вести к прямому изживанию рыночных и ценностных отношений. Но на данной стадии положение совершенно другое. Сейчас имеет место не только и не столько борьба плана с р ы н к о м, сколько борьба плана за р ы н о к. Задача настоящей полосы н е в у п р а з д н е н и и рыночных отношений, а в овладении ими. Рост плановых начал сейчас предполагает развертывание рыночных отношений и овладение рыночными отношениями.

Точно так же, как плановое регулирование нельзя грубо механически противопоставлять ценностным отношениям, нельзя грубо механически противопоставлять государственное хозяйство всему лежащему за его пределами. Расщепление всего хозяйства нашей страны на две половинки, из которых в одной господствует план, а в другой стихия, совершенно формально и бессодержательно. Именно такое расщепление мы имеем у тов. Преображенского, когда он говорит о «далеко идущем отмирании закона ценности внутри круга государственного хозяйства, при общем большом разгуле действия закона ценности за пределами государственного хозяйства». На деле, однако, планирование внутри государственного круга может быть успешным лишь в той мере, в какой мы в состоянии «спланировать» рынок, лежащий за пределами этого круга. Реальность промышленного плана самым непосредственным образом зависит от реальности и успешности проведения хлебозаготовительного, экспортно-импортного и т. п. планов. Это относится не только к «производству средств производства (или средств потребления), когда государство является монопольным производителем, но не монопольным покупателем»—случай, для которого значение рынка признает и тов. Преображенский,—это относится ко всему государственному хозяйству в целом [1]). Другое дело, что крупная промышленность, транспорт и т. д. являются в наших руках теми орудиями планирования, силою которых мы преодолеваем сопротивление плану частного хозяйства. Но это ничего не меняет в том основном факте, что путь к плановому хозяйству лежит не через замыкание государственного хозяйства, но, напротив, через смычку с рынком, через овладение им рыночными связями.

От общих рассуждений тов. Преображенский переходит к более конкретным формулировкам. Он говорит:

«Борьба за плановое начало есть прежде всего борьба за накопление материальных рессурсов государственного хозяйства, обеспечивающих рост одних производственных отношений за счет других. Это накопление ограничено действием еще существующего закона ценности, следовательно, подвержено действию стихии. С этой точки зрения закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия в экономической системе, осуществляемого при огромной роли сознательного предвидения и практического учета экономической необходимости».

У свежего человека это место вызовет целый ряд недоуменных вопросов.

Во-первых, почему здесь говорится только о росте производственных отношений з а с ч е т других и ни звука не упоминается о параллельном и уже во всяком случае не менее важном процессе п е р е р а с т а н и я одних производственных отношений в другие? Ведь социализм в нашей стране растет и будет расти, с одной стороны, за счет вытеснения кулака и нэпмана, но с другой стороны, и через кооперирование середняка и бедняка, через включение их в систему социалистического хозяйства. Неужели с точки зрения роста социалистического хозяйства вытеснение кулака настолько важнее кооперирования середняка и бедняка, что о последнем можно вообще не упоминать? С каких это пор центральными фигурами необобществленного сектора нашего хозяйства стали нэпман и кулак?

Во-вторых, почему накопление материальных рессурсов государственного хозяйства ограничено действием еще существующего закона ценности? Разве мы не накопляем в ценностном обмене? Разве в случае эквивалентного обмена между городом и деревней промышленность перестает накоплять? Неужели производительность промышленного труда у нас настолько низка, что в ней не создается никакого прибавочного продукта? Разве промышленность накопляет л и ш ь в такой мере, в какой продает свои товары выше их действительной ценности?

Чтобы разобраться во всем этом, необходимо вспомнить, ч т о тов. Преображенский понимает под социалистическим на-

[1]) Тут же отметим, что и пример «далеко идущего отмирания закона ценности», приведенный тов. Преображенским, крайне неудачен. «Понятие «товар»—говирит он,—по отношению к паровозу Сормовского завода отступает на задний план перед понятием государственный продукт, изготовленный для государства» (стр. 16). Почему отступает? Разве паровоз этот не попадает на рынок? Разве его амортизация протекает не на рынке? Разве он не продается таким образом по частям тем, кого он возит?

коплением. В статье, написанной в 1923 году (продолжением которой служит разбираемая нами статья), он дал следующее определение основного закона социалистического накопления [1]:

«Чем более экономически отсталой, мелко-буржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплоатацию досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, то-есть, тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности».

При таком «понимании» основного закона социалистического накопления естественно и утверждение, что закон ценности ограничивает накопление. Конечно, ограничивает, если социалистическое накопление есть раньше всего эксплоатация досоциалистических форм. Понятно, что ничего не говорится о перерастании одних форм в другие. Какое уж перерастание, когда основным методом строительства является эксплоатация! Не совсем понятным остается только одно: почему, собственно, тов. Преображенский говорит, что «закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия». Почему диалектическое? При чем тут диалектика? Если основной закон социалистического накопления заключается в эксплоатации досоциалистических форм, то перерождение последних в организованное хозяйсво должно, повидимому, протекать не по методу диалектики, а по методу старого анекдота о некой кобыле, которую приучали не есть до тех пор, пока она не умерла.

«Закон» тов. Преображенского был в свое время исчерпывающе разобран и раскритикован тов. Бухариным в статьях «О новом откровении, о советской экономике» и «К критике экономической платформы оппозиции». Социалистический пролетариат не эксплоатирует крестьянское хозяйство, а кооперирует его. Это единственный и политически и экономически (а ведь политика—это концентрированная экономика) возможный путь к тому, что тов. Преображенский несколько кудряво называет «диалектическим перерождением стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия в экономической системе». В этом—существо новой экономической политики.

В плане брошюры о продналоге (опубликованном во II Ленинском сборнике) тов. Ленин писал: «Ни разверстки, ни налога, а обмен продуктов крупной («социализированной») промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая суть социализма, его база. Разверстка не «идеал», а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд—опасная ошибка».

А несколькими строками ниже мы читаем: «Переход от войны к строительству. IX с'езд 1920 (ср. IV 1918) Versus X с'езд

[1]) «Вестник Соц. Акад.», кн. 8, 1923 г.

(III 1921 г.). Переход от разверстки к правильному товарообмену».

Для Ленина т. о. переход от войны к строительству (строительству социализма, конечно [1]), связан с переходом к правильному товарообмену. Что правильный товарообмен и социалистическое накопление по рецепту тов. Преображенского вещи разные—это в пояснениях не нуждается. У Ленина правильный товарообмен является базой социалистического строительства (а, значит, и социалистического накопления). У тов. Преображенского эквивалентный товарообмен (закон ценности) «ограничивает» социалистическое накопление. По Ленину, разверстка, налог,—это «печальная и горькая необходимость», вызванная условиями гражданской войны. Путь к социализму—у него это путь от «своеобразного» военного коммунизма, «вынужденного крайней нуждой, разорением, и войной к правильному социалистическому продукто-обмену» [1]). У тов. Преображенского его «закон» первоначального социалистического накопления (т.-е. эксплоатации досоциалистических форм) есть та форма, в которой происходит «диалектическое перерождение» и т. д.

«Борьба за плановое начало,—говорит т. Преображенский,—есть, прежде всего, борьба за накопление материальных рессурсов государственного хозяйства». Фраза эта сама по себе абсолютно верна. Все дело лишь в том, какое содержание вкладывается в понятие накопления. Мы видели, какое содержание вкладывает в это понятие тов. Преображенский. У него получается, что борьба за плановое начало, есть борьба за эксплоатацию крестьянства. Все содержание плана в «перекачке». Плана тем больше, чем больше эксплоатации. Дальше итти некуда.

Что мы ни в малейшей мере не утрируем тов. Преображенского, видно из целого ряда других мест его статьи. На стр. 19 он пишет:

«Забастовка покупателей—вот предел для гос. планирования в том случае, если цены государства превышают известный уровень, приемлемый для частного рынка... Наоборот, когда платежеспособный спрос частного рынка превышает размеры государственного производства, рамки хозяйственного маневрирования государства расширяются, расширяются возможности накопления за счет частного хозяйства, государство является хозяином в назначении цен в пределах от себестоимости производства до исчерпания всего платежеспособного спроса (с учетом, разумеется, влияния цен на размеры спроса)».

Здесь планирование прямо отождествляется с политикой высоких цен, так как расширение его рамок возможно лишь тогда, когда расширяются рамки накопления государства за счет частного хозяйства. Такой плановый маневр, как снижение цен, для тов. Преображенского, повидимому, не существует.

Во-вторых, тов. Преображенский совершенно непозволительным образом мешает в одну кучу совершенно разные категории, говоря о «частном хозяйстве». Государство по-разному планирует свою политику по отношению к частному хозяйству середняка и бедняка и по отношению к частному хозяйству

[1]) «Продналог».

нэпмана и кулака. Устанавливать недифференцированный «закон» накопления государством за счет «частного хозяйства» вообще, значит, совершенно не видеть действительной классовой расстановки, не понимать, что середняк и бедняк являются нашими союзниками в социалистическом строительстве, между тем, как нэпман и кулак—врагами, а значит, и наша экономическая политика по отношению к ним не может быть одной и той же.

Весь анализ тов. Преображенского вращается в рамках грубо-механических и потому неверных противопоставлений государственного хозяйства частному, плана—рынку, товарообмена—социалистическому накоплению и т. д. Наиболее ярким, однако, выражением непонимания им специфических особенностей нынешней полосы социалистического строительства, отсутствия у него подлинно диалектического подхода к вопросу может послужить следующее место:

> «Развертывание действия закона первоначального социалистического накопления, в котором концентрируются на данной стадии тенденции движения к социализму, означает усиление определенного типа, коллективного типа, организации человеческого труда. Усиление действия закона ценности и отражает и в то же время способствует тенденции к другой, частно-капиталистической, его организации» (стр. 61).

Со своей точки зрения тов. Преображенский только последователен. Если социалистическим является лишь такое накопление, которое проистекает из неэквивалентного товарообмена, то «усиление коллективного типа организации человеческого труда» возможно лишь через «развертывание действия закона первоначального социалистического накопления», или иными словами через перекачку. Социализма тем больше, чем больше перекачки. В этом вся мудрость тов. Преображенского.

О том, насколько неверно голое противопоставление социалистического накопления ценностному товарообмену на данной стадии, мы уж говорили; с формально организационной стороны тов. Преображенский сталкивает лбами план и рынок, когда в действительности задача в настоящий момент заключается не в том, чтоб с помощью плана прошибить рынок, а в том, чтобы с помощью плана овладеть рынком. Но вслед за этим, он с таким же изяществом сталкивает лбами и материальные процессы: социалистическое и частно-хозяйственное накопление [1]. Социалистическое накопление идет только за счет частного, его единственный источник—это перекачка. При чем единственное указание на границу этой перекачки—это приведенная выше и скромно заключенная в скобки фраза о том, что повышение цен должно вестись «с учетом влияния цен на размеры спроса».

Правильно ли такое голое противопоставление социалистического накопления, часно-хозяйственному. Вопрос необходимо раньше всего дифференцировать. Если говорить о кулацком и нэпманском накоплении, то здесь такое противопоставление, несмотря на то, что известную часть его мы срезаем в свою пользу через налоговый, кредитный аппарат и т. д., правильно, по-

[1]) О «материальных» процессах мы здесь говорили лишь условно, противопоставляя их «формально-организационным».

тому что рост кулацкого и нэпманского накопления означает рост враждебных капиталистических элементов хозяйства. Но правильно ли такое противопоставление в отношении к середняцкому частно-хозяйственному накоплению? Нет, не правильно.

Диктатура пролетариата обладает достаточно мощными командными высотами, чтобы двинуть развитие середняцкого хозяйства не по капиталистическому, а кооперативно-социалистическому пути. Тов. Преображенский со многими, правда, оговорками, но тоже делает вид, что это признает. Но в таком случае необходимо отдать себе ясный отчет в том, что на данной стадии развития частно-хозяйственное накопление бедняка и середняка является необходимой предпосылкой кооперативного накопления. Такое середняцкое накопление, которое служит основой для роста кооперации, несмотря на свой частно-хозяйственный характер, означает однако, в наших условиях усиление того, что тов. Преображенский с обычной кудрявостью называет «коллективным типом организации человеческого труда», а не «другой, частно-капиталистической его организации». Не видеть этого, неизбежного в современных условиях соотношения между середняцко-бедняцким частно-хозяйственным накоплением и кооперативно-социалистическим, было бы либо величайшим и вреднейшим обскурантизмом, либо полным непониманием самых основных задач нашей деревенской политики. Голое противопоставление социалистического накопления частно-хозяйственному для данной стадии развития, являющееся одним из китов всего построения тов. Преображенского, т. о. так же неверно, формально, грубо-механистично, как и его противопоставления плана—рынку, товара—продукту и др.

В этой же связи необходимо сделать еще одно замечание относительно теории «перекачки». Не подлежит никакому сомнению, что мы должны перекачивать поддающиеся срезанию излишки кулацкого и нэпманского накопления в социалистическую промышленность. Но несравненно сложнее стоит вопрос о перекачке в промышленность середняцкого накопления, хотя зарекаться от него принципиально мы не можем. Здесь необходимо помнить, что оно является предпосылкой кооперативно-социалистической перестройки деревни. Необходимо помнить слова Ленина в его статье «О кооперации»: «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть кооперация» [1]).

[1]) Закон первоначального социалистического накопления тов. Преображенского имеет своим источником, помимо непонимания нэпа, непонимания кооперативного плана Ленина, еще и недооценку возможностей внутрипромышленного накопления. Между тем, эта недооценка совершенно лишена каких бы то ни было об'ективных оснований. Согласно вычислению т. Гухмана («План.хоз.» № 4, 1926 г.) чистый доход обобществленного хозяйства возрос в 24/25 г. сравнительно с предыдущим 23/24 г. на 218% и показывает максимальный рост сравнительно со всеми остальными видами дохода.

Согласно перспективному пятилетнему плану Госплана в ближайшее пятилетие мы вложим в наш основной капитал до 5 миллиардов рублей, из которых до 4,4 миллиардов даст сама промышленность. Т. о. «перекачка», которая у т. Преображенского является основным, главным и т. п., даст лишь немногим больше 0,1 общей суммы, в которой по этому плану выльется в ближайшее пятилетие основной вид действительного социалистического накопления.

нэпмана и кулака. Устанавливать недифференцированный «закон» накопления государством за счет «частного хозяйства» вообще, значит, совершенно не видеть действительной классовой расстановки, не понимать, что середняк и бедняк являются нашими союзниками в социалистическом строительстве, между тем, как нэпман и кулак—врагами, а значит, и наша экономическая политика по отношению к ним не может быть одной и той же.

Весь анализ тов. Преображенского вращается в рамках грубо-механических и потому неверных противопоставлений государственного хозяйства частному, плана—рынку, товарообмена—социалистическому накоплению и т. д. Наиболее ярким, однако, выражением непонимания им специфических особенностей нынешней полосы социалистического строительства, отсутствия у него подлинно диалектического подхода к вопросу может послужить следующее место:

> «Развертывание действия закона первоначального социалистического накопления, в котором концентрируются на данной стадии тенденции движения к социализму, означает усиление определенного типа, коллективного типа, организации человеческого труда. Усиление действия закона ценности и отражает и в то же время способствует тенденции к другой, частно-капиталистической, его организации» (стр. 61).

Со своей точки зрения тов. Преображенский только последователен. Если социалистическим является лишь такое накопление, которое проистекает из неэквивалентного товарообмена, то «усиление коллективного типа организации человеческого труда» возможно лишь через «развертывание действия закона первоначального социалистического накопления», или иными словами через перекачку. Социализма тем больше, чем больше перекачки. В этом вся мудрость тов. Преображенского.

О том, насколько неверно голое противопоставление социалистического накопления ценностному товарообмену на данной стадии, мы уж говорили; с формально организационной стороны тов. Преображенский сталкивает лбами план и рынок, когда в действительности задача в настоящий момент заключается не в том, чтоб с помощью плана прошибить рынок, а в том, чтобы с помощью плана овладеть рынком. Но вслед за этим, он с таким же изяществом сталкивает лбами и материальные процессы: социалистическое и частно-хозяйственное накопление [1]). Социалистическое накопление идет только за счет частного, его единственный источник—это перекачка. При чем единственное указание на границу этой перекачки—это приведенная выше и скромно заключенная в скобки фраза о том, что повышение цен должно вестись «с учетом влияния цен на размеры спроса».

Правильно ли такое голое противопоставление социалистического накопления, часно-хозяйственному. Вопрос необходимо раньше всего дифференцировать. Если говорить о кулацком и нэпманском накоплении, то здесь такое противопоставление, несмотря на то, что известную часть его мы срезаем в свою пользу через налоговый, кредитный аппарат и т. д., правильно, по-

[1]) О «материальных» процессах мы здесь говорили лишь условно, противопоставляя их «формально-организационным».

тому что рост кулацкого и нэпманского накопления означает рост враждебных капиталистических элементов хозяйства. Но правильно ли такое противопоставление в отношении к середняцкому частно-хозяйственному накоплению? Нет, не правильно.

Диктатура пролетариата обладает достаточно мощными командными высотами, чтобы двинуть развитие середняцкого хозяйства не по капиталистическому, а кооперативно-социалистическому пути. Тов. Преображенский со многими, правда, оговорками, но тоже делает вид, что это признает. Но в таком случае необходимо отдать себе ясный отчет в том, что на данной стадии развития частно-хозяйственное накопление бедняка и середняка является необходимой предпосылкой кооперативного накопления. Такое середняцкое накопление, которое служит основой для роста кооперации, несмотря на свой частно-хозяйственный характер, означает однако, в наших условиях усиление того, что тов. Преображенский с обычной кудрявостью называет «коллективным типом организации человеческого труда», а не «другой, частно-капиталистической его организации». Не видеть этого, неизбежного в современных условиях соотношения между середняцко-бедняцким частно-хозяйственным накоплением и кооперативно-социалистическим, было бы либо величайшим и вреднейшим обскурантизмом, либо полным непониманием самых основных задач нашей деревенской политики. Голое противопоставление социалистического накопления частно-хозяйственному для данной стадии развития, являющееся одним из китов всего построения тов. Преображенского, т. о. так же неверно, формально, грубо-механистично, как и его противопоставления плана—рынку, товара—продукту и др.

В этой же связи необходимо сделать еще одно замечание относительно теории «перекачки». Не подлежит никакому сомнению, что мы должны перекачивать поддающиеся срезанию излишки кулацкого и нэпманского накопления в социалистическую промышленность. Но несравненно сложнее стоит вопрос о перекачке в промышленность середняцкого накопления, хотя зарекаться от него принципиально мы не можем. Здесь необходимо помнить, что оно является предпосылкой кооперативно-социалистической перестройки деревни. Необходимо помнить слова Ленина в его статье «О кооперации»: «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть кооперация» [1]).

[1]) Закон первоначального социалистического накопления тов. Преображенского имеет своим источником, помимо непонимания нэпа, непонимания кооперативного плана Ленина, еще и недооценку возможностей внутрипромышленного накопления. Между тем, эта недооценка совершенно лишена каких бы то ни было об'ективных оснований. Согласно вычислению т. Гухмана («План.хоз.» № 4, 1926 г.) чистый доход обобществленного хозяйства возрос в 24/25 г. сравнительно с предыдущим 23/24 г. на 218% и показывает максимальный рост сравнительно со всеми остальными видами дохода.

Согласно перспективному пятилетнему плану Госплана в ближайшее пятилетие мы вложим в наш основной капитал до 5 миллиардов рублей, из которых до 4,4 миллиардов даст сама промышленность. Т. о. «перекачка», которая у т. Преображенского является основным, главным и т. п., даст лишь немногим больше 0,1 общей суммы, в которой по этому плану выльется в ближайшее пятилетие основной вид действительного социалистического накопления.

Мы не будем вдаваться в критику отдельных положений частного характера в статье тов. Преображенского. Это ни с какой стороны никакого интереса не представляло бы. На одном месте, однако, остановиться необходимо. Тов. Преображенский, конечно, не может упустить случая погрозить кулаком Наркомфину. Политика поддержания валютного паритета червонца представляется ему чистейшим безумием, «денежным фетишизмом» и т. п.

«Спасать на черной бирже паритет бумажного червонца, где нет золотого обращения, но где есть другие методы регулирования хозяйственных, и в частности валютных, отношений, значит некритически имитировать самые иррациональные и самые убыточные стороны капиталистического регулирования вообще».

И в доказательство приводится цитата из Маркса, где последний говорит, что вся история современной промышленности показывает, что если бы производство внутри каждой страны было организовано, то металл требовался бы только для того, чтобы выплачивать разницу по балансу международной торговли, раз равновесие ее в данный момент нарушено.

«Если бы производство внутри каждой страны было организовано»... Что ж, тов. Преображенский, производство внутри нашей страны уже полностью организовано? На какого читателя вы рассчитываете?

Теория тов. Преображенского с ее непониманием того, что «разверстка, налог—это горькая, печальная необходимость» (Ленин), с ее непониманием действительного значения рынка и рыночных отношений на нынешнем этапе социалистического строительства, с ее грубо упрощенными представлениями о плане и планировании есть—пользуясь его же терминологией—лишь запоздалый «рефлекс» военно-коммунистической идеологии. Партией в целом эта идеология уже изжита. Навязать ее снова после пяти лет «движения к социализму на рельсах нэпа» никому не удастся.

С. Эркнер.

Германский кризис.

После краткого периода ускоренного хозяйственного развития, последовавшего за стабилизацией валюты в 1924 г., в Германии внезапно разразился кризис неслыханных размеров. Быстрый темп хозяйственного развития в прошлом году характеризуется следующими выразительными цифрами: за два первых квартала 1925 г. товарооборот возрос на 66—67%, за третий квартал даже на 72%—против первого квартала 1924 г. Производство, ввоз и потребление очень быстро поднялись из того состояния глубокого упадка, которым было отмечено начало 1924 г., и достигли в прошлом году, по единогласному отзыву сведущих лиц, приблизительно довоенной высоты. Тем сильнее оказалось действие внезапно обрушившегося на страну глубочайшего кризиса.

Под'ем, пережитый Германией в прошлом году, совершился, несмотря на ее пресловутую бедность капиталами, и он был бы невозможен без исключительно высокого ввоза капиталов. Приводимый подсчет платежного баланса Германии за 1925 г., выполненный Имперским Кредитным Обществом (государственное банковское учреждение), дает понятие о громадных размерах этой иностранной поддержки:

Платежный баланс Германии за 1925 г.

(В миллиардах имперских марок).

Ввоз капиталов.	Прибл.	Вывоз капиталов.	Прибл.
Вывоз, без золота и серебра (подсчитано за 11 месяцев)	8,8	Ввоз, без золота и серебра (подсчитано за 11 месяцев)	12,6
Репарационные поставки натурой (подсчитано за 11 месяцев)	0,5	Репарационные платежи . . .	1,0
Избыток услуг в пользу Германии	0,4	Избыточные суммы процентов и т. д.	0,2
Сокращение девизного фонда, возвращение утекших капиталов, продажа ценных бумаг и земельной собственности, получение займов и прочих кредитов	4,8	Избыток ввоза золота и серебра (подсчитано за 11 месяцев)	0,7
Итого . . .	14,6	Итого . . .	14,6

Как видно, германский платежный баланс мог быть сведен только благодаря исключительно высокому ввозу денежного капитала. Германии понадобилось ввезти из-за границы огромную сумму в 4,1 млрд. марок (из статьи в 4,8 млрд., входящей в рубрику «ввоза капиталов», нужно вычесть последнюю статью в 0,7 млрд. из рубрики «вывоза капиталов»), чтобы довести в истекшем году производство и потребление, примерно, до довоенной высоты и выплатить в счет репараций 500 милл. имперских марок (1,0 млрд. репарационных платежей минус 0,5 млрд. репарционных поставок натурой).

Эти астрономические цифры весьма красноречивы. Они отмечают прежде всего один благоприятный для капиталистической Германии момент: ее чрезвычайную «кредитоспособность». В основе же последней лежат не одни только экономические мотивы, но еще и мотив существенно-политический, выражающий собою тенденцию мирового капитализма сосредоточивать громадные силы на угрожаемых в данную минуту пунктах своего фронта. Таким угрожаемым пунктом оказалась Германия, когда социальный кризис обострился в ней до крайней степени. Но указанная тенденция уже вносит элементы кризиса в мировое, а косвенно и в германское хозяйство. Ибо эта концентрация сил означает, между прочим, и помещение капиталов одними промышленными странами в других промышленных странах. Она способствует, таким образом, тенденции к перепроизводству в мировой промышленности и ведет в этом смысле к неправильному распределению капиталов, подготовляющему, в свою очередь, почву для кризисов. Специально для Германии неблагоприятное влияние иностранной помощи сказалось далее в том, что чрезмерная зависимость Германии от заграницы внесла в германское хозяйство элементы большой неустойчивости.

Помимо таких общих последствий минувшего инфляционного периода, как вынужденность Германии экстренно заполнить в кратчайший срок различные пробелы в своем хозяйстве, потребность Германии в миллиардном ввозе иностранных капиталов была еще усилена в прошлом году следующими обстоятельствами кризисного характера: аграрным недопроизводством или неурожаем 1924 г. и относительным перепроизводством угля и железа в прошлом году. Неурожай вызвал в первые 8 месяцев 1925 г. чрезвычайно крупный ввоз хлеба и муки из-за границы. А в то же время тяжелое положение на мировом железном и угольном рынке стеснило германский экспорт, широкое развитие которого могло бы при других обстоятельствах компенсировать ненормальный избыток ввоза. Этими неблагоприятными торговыми условиями об'ясняется исключительно высокий избыток общей суммы германского ввоза в прошлом году (достигший около 3,8 млрд. имперских марок). Кроме того, действовал еще один постоянный фактор, задерживавший образование капиталов: мы имеем в виду неправильную политику капитальных вложений в Германии. Как государство, так и частные лица слишком часто направляли капиталы в такие отрасли хозяйства, доходность которых была явно сомнительна по причинам не временного, а более или менее органического характера. Такое неудачное помещение капиталов вызывалось большей частью непониманием того факта, что современное германское хозяйство должно базироваться на других основаниях, чем довоенное. Так, напр., размеры производства железа следовало радикально сократить против довоенной, а тем более против военной нормы, в виду исчезновения рынка для военных припасов. Вместо этого, некоторые отрасли железной промышленности усиленно снабжались субсидиями по соображениям, которые, быть может, и были правильны для довоенных условий, но недостаточно сообразовались с глубокими изменениями, происшедшими с тех пор в хозяйстве. Правильное размещение капиталов в Германии должно было бы считаться как с этими изменениями, так и с могучим под'емом новых отраслей промышленности, прежде не имевших большого значения.

Сказанное относится в первую очередь к простому воспроизводству. Но в прошлом году имело место также и расширенное воспроизводство, которое по приблизительной оценке достигло около 90% расширенного воспроизводства в последнем довоенном году. Мы должны теперь рассмотреть его специально со стороны новообразования собственного германского капитала, как имеющего наибольшее значение.

Для 1913 г. Гельферих оценивал новообразование собственного германского капитала следующим образом:

Образование капитала в Германии.

(В миллиардах марок).

1913 г. прежняя территория.	В довоенных ценах.	В нынешних ценах, переисчисленных: по германскому торговому индексу.	по индексу мировых цен «Берлинер Тагеблатт»'а.	по среднему из обоих индексов.
За счет германского производства и товарного ввоза.	7,5	9,4	11,6	10,5
Прирост требований на заграницу и прирост золота и серебра	1,0			
Новообразование собственного капитала	8,5			

На 1925 г. Имперское Кредитное Общество дает такой подсчет:

Образование капитала в Германии в 1925 г.

(В миллиардах имперских марок).

Новая территория.	При учете повышения цен. по германскому торговому индексу.	по индексу мировых цен «Берлинер Тагеблатт»'а	по среднему из обоих индексов.
За счет германского производства и товарного ввоза	8,5	10,4	9,5
Чистый ввоз капиталов	4,1	4,1	4,1
Новообразование собствен. капитала .	4,4	6,3	5,4

Различие между обоими таблицами бросается в глаза. Образование капитала совершалось в Германии в 1913 г. без всякой иностранной поддержки. При этом процесс новообразования своего капитала Германия смогла расширить в том году за пределы одного лишь германского производства, как это видно из статьи «прирост требований на заграницу». Наоборот, в 1925 г., как опять-таки показывает статья «ввоз капиталов», образование капитала в Германии было возможно только благодаря энергичной помощи со стороны иностранного капитала. И уже в полнейшую противоположность 1913 году, в 1925 г. даже не весь новообразованный германский капитал образовался за счет германского производства и товарного ввоза; в некоторой своей части он образовался за счет ввоза денежного капитала.

Интересно посмотреть, как был использован новообразованный капитал, ибо этот вопрос имеет решающее значение для процесса образования капитала в ближайший период. Обыкновенно промышленные или торговые доходы, не идущие на непосредственное потребление или простое воспроизводство, используются в современном народном хозяйстве для сооружения зданий, для проведения путей сообщения, для пополнения машинного парка и расширения производственного аппарата, для увеличения товарных запасов, без которых невозможно свободное развитие хозяйственных сношений, и, наконец, для вывоза капиталов.

По подсчетам Имперского Кредитного Общества, прирост капиталов в Германии был использован в 1925 г. следующим образом:

Помещение капиталов.	В миллиардах имперских марок
Жилищное строительство	1,3
Сооружение общественных и хозяйственных зданий	1,2
	2,5
Почта, жел. дорога и прочие средства сношения	1,0
Расширение производственного аппарата и увеличение товарных запасов	6,0
Общий прирост	9,5
Из них за счет продажи иностранных ценностей и заключения иностранных займов	4,1

Вложение капиталов в строительное дело держалось в прошлом году в скромных размерах. Правда, строительная деятельность возросла почти вдвое против 1924 г., но все же в 1925 г. она была, несмотря на увеличившуюся плотность населения, вдвое меньше, чем в 1913 г. В этой отрасли наблюдался, таким образом, сравнительно слабый приток капиталов. Относительно вяло вкладывались капиталы и в транспортное дело (почту, железные дороги, судоходство). Между тем, именно в названных отраслях германская промышленность довоенного времени достигла очень большой высоты. Зато сравнительно велик был в прошлом году прирост производства автомобилей и мотоциклеток. Следовательно, типичный массовый рынок, укрепление которого выразилось бы в росте строительного дела и

в усиленном развитии транспортного дела, был оставлен без внимания, а вместо этого налегли на производство таких предметов обихода высших классов, как автомобили, что, однако, не могло компенсировать сокращение массового рынка.

Эта несчастная, неизбежно ведущая к кризису политика германских предпринимателей обнаруживается еще ярче при рассмотрении последней статьи приведенной таблицы. В статью эту входят две главные группы: «машинный парк» и «товарные запасы», между которыми и распределяются остальные шесть миллиардов. Значительнейшая часть этой суммы приходится, по единогласному отзыву сведущих лиц, на пополнение запасов. Разумеется, после товарного голода военного и инфляционного периодов расширение товарных запасов было совершенно необходимо для нормального развития хозяйственной жизни. Но германские предприниматели взялись за это дело с чрезмерным усердием, преследуя при этом одну единственную цель: не допустить снижения цен внутри страны. Это означало, конечно, потерю значительной части новообразованного капитала. Если указанным способом и можно было удержать на высоком уровне цены выброшенных на рынок товаров, то вскоре выяснилось, что задержанные на складах товары вообще уже нельзя сбыть—главным образом потому, что клапан заграничного сбыта, на который возлагались надежды, отказался действовать. Припасенные товары обесценивались, а вместе с ними и вложенный в них капитал. Если, таким образом, уже при простом воспроизводстве руководились устарелыми и неправильными соображениями, то неправильной была и политика помещения капиталов при расширенном воспроизводстве. Прикрепление освободившихся капиталов к бездоходным отраслям хозяйства, накопление товарных запасов с единственной целью удержания высоких цен,—все это взвинтило общие издержки производства германского хозяйства, понизило его конкурентоспособность на мировом рынке, лишало доходности все большее число предприятий, пока, наконец, не разразился общий кризис.

Дальнейшее развитие бедного капиталами германского хозяйства затрудняется тем обстоятельством, что вся тяжесть охарактеризованного обесценения падает исключительно на новообразованный собственный германский капитал, как и вообще всякая депрессия по настоящему поражает единственно только германский капитал, оставляя в полной неприкосновенности капитал, ввезенный в Германию иностранцами. Иностранные займы заключаются в соответствующей заграничной валюте, их величина и процентные ставки твердо зафиксированы и тем самым до известной степени поставлены вне кон'юнктурных и кризисных влияний. Благодаря всем этим условиям потенциальное преобладание кредиторов еще значительно превосходит их фактическое преобладание.

В настоящее время Германии уже приходится нести весьма солидное бремя таких премированных помещений капитала. Они не совпадают с общей суммой всего капитала, непосредственно ввезенного в Германию. Эта последняя сумма была оценена для 1924 г. проф. Гиршем, примерно, в 2,2 миллиарда, директором Имперского Статистического Бюро, Сузатом, в 3 млрд. имперских марок, а за 1925 г.—Имперским Кредитным Обществом приблизительно в 4,1 млрд. Таким образом, за последние два года Гер-

мании понадобился ввоз капиталов на громадную сумму в 6—7 млрд. имп. марок, чтобы поднять в прошлом году свою хозяйственную деятельность приблизительно до довоенного уровня. Но чистая задолженность Германии перед заграницей ниже этой цифры. Председатель германского рейхсбанка подсчитал ее на конец 1925 г. в 3—3½ млрд. имперских марок (включая дауэсовский заем). Это и есть сумма находящихся сейчас в Германии «премированных» помещений иностранного капитала. Остаток германского ввоза капиталов состоит, вероятно, главным образом из утекших за границу в период инфляции и теперь вернувшихся германских капиталов. Эти капиталы также ввезены из-за границы. Но при такого рода ввозе капиталов только уменьшается германское имущество за границей, длительного же обременения Германии это не вызывает.

Долгосрочные займы, которые имеют сравнительно с краткосрочными целый ряд преимуществ, но которые вместе с тем, несомненно, обременяют германское хозяйство на много лет вперед, были получены Германией до ноября 1925 г. в следующих размерах:

Германские иностранные займы.

(В миллионах имперских марок по номиналу).

1924 г. (включ. заем по плану Дауэса).	Всего 864.	Из них на долю Соединенных Штатов 512.
1925 г. I полугодие	226	225
» III квартал	417	363
» Октябрь	50	50
» Ноябрь	311	240
11 месяцев 1925 г.	1.004	878
1924 г. + 11 месяцев 1925 г.	1.868	1.390

И эти дорого стоящие иностранные кредиты (8—9% годовых) были отчасти использованы германскими предпринимателями для поддержания разорительных предприятий и для приобретения товаров на складах в целях удержания высоких цен. При неправильном помещении капиталов, в связи с другими факторами, эти кредиты также способствовали подготовке разразившегося кризиса.

В наступающем периоде ввоз капитала (денежного), давший германской хозяйственной жизни такие мощные импульсы в первой стадии валютной стабилизации, испытает, повидимому, разнообразные изменения. Прежде всего, вероятно, сильно сократится, а то и вовсе исчезает, одна статья этого ввоза—именно возвращение в Германию утекших в свое время германских капиталов. Получение краткосрочных кредитов из англо-саксонских стран хотят сильно ограничить сами германские предприни-

матели (опасаясь, что в случае их внезапного прекращения произойдет расстройство денежного рынка, т.-е. опасаясь нарушения равновесия германского хозяйства. Впрочем, эти краткосрочные кредиты уже были в значительной степени ликвидированы в январе в виду наступившего кризиса, и даже впервые после войны германские капиталы были помещены за границей на условиях краткосрочного займа). С другой стороны, в этом году Германии придется уплатить за границу в счет репараций 1.260 милл. имперских марок и в счет процентов по уже заключенным займам (кратко- и долго-срочным) 250—300 милл. имп. марок, т.-е. в общей сложности сумму приблизительно в 1½ млрд. имперских марок.

На основании всех этих фактов можно установить для дальнейшего развития германского капиталистического хозяйства следующую важную тенденцию: в противоположность 1924 и 1925 годам, в будущем иностранное содействие образованию германского капитала грозит прекратиться, в виду невозможности использовать германские имущества за границей—в том случае, если утекшие в свое время германские капиталы действительно не вернутся больше в Германию,—а также в виду возрастающего бремени репарационных и долговых обязательств Германии. Если бы это случилось, то это означало бы, что образование германского капитала должно впредь основываться исключительно только на германском производстве. Размеры образования германского капитала определялись бы в таком случае только степенью способности германского производства к росту, зависящей от общих рыночных условий. Другими словами, оценка будущего процесса образования германского капитала зависит от того, насколько может быть реализовано германское производство на внутреннем и мировом рынке. (Если бы даже Германия и получила в этом году иностранные займы, то о фактическом содействии иностранцев образованию германского капитала все равно не могло бы быть речи до тех пор, пока эти займы не превысили бы громадной суммы в 1½ млрд. имперских марок, слагающейся из репарационных взносов и срочных процентных платежей. При номинальном ввозе в Германию капиталов на 2 млрд. имперских марок фактический вклад иностранцев составил бы только 500 милл., при ввозе на 3 млрд.—только 1.500 милл. и т. д.).

Итак, в настоящем году Германия идет навстречу гигантским переменам. В платежном балансе наступающий перелом должен отразиться в перегруппировке около 5 миллиардов. В самом деле, против прошлогоднего ввоза капиталов на сумму в 4 млрд. (в круглых цифрах), Германия должна будет отказаться в этом году от всякого ввоза капиталов, если она не хочет увеличить свою задолженность сверх репарационных обязательств; против прошлогодних репарационных платежей на сумму в 500 милл. имперских марок Германии придется в этом году уплатить в счет репараций и процентов 1.500 миллионов. При таких условиях Германия должна была бы иметь в 1926 г. исключительно большой избыток экспорта в 1½ млрд. имп. марок, чтобы быть в состоянии из собственных средств покрыть полностью свои репарационные и долговые обязательства. А на ту сумму, на какую экспортные излишки Германии не достигнут в 1926 г. до 1½ миллиарда, автоматически возрастет участие

иностранцев в германском хозяйстве, усилится иностранный захват, при чем иностранцам даже не придется авансировать Германии какие-нибудь суммы в форме займов. Ибо за те репарационные взносы, которые не смогут быть покрыты из экспортных излишков или посредством возможной ликвидации германских заграничных имуществ, иностранные кредиторы «возместят себя», наложив руку на германскую собственность в самой Германии. При нейтральном торговом балансе, т.-е. без избытка как вывоза, так и ввоза, и при одновременной невозможности ликвидировать германские имущества за границей, иностранный захват германской собственности выразился бы, на основании обязательств одного только настоящего года, суммой в $1\frac{1}{2}$ млрд. имп. марок. Тогда к возможным иностранным займам Германии пришлось бы присчитать еще и эти $1\frac{1}{2}$ млрд., чтобы получить полную меру той задолженности, в которой Германия может оказаться в 1926 г. При пассивном торговом балансе—опять-таки при невозможности ликвидировать германские заграничные имущества—величина германской задолженности в 1926 г. составилась бы из величины импортных излишков плюс $1\frac{1}{2}$ млрд. имперских марок.

Из всего сказанного можно во всяком случае вывести одно несомненное заключение: 1926 год покажет на деле, в каком направлении будет сделана попытка «разрешения» репарационной проблемы. В этом особенное значение этого года. Германский торговый баланс сможет при этом служить весьма простым, но и вполне надежным барометром. Избыток германского ввоза или вывоза покажет, будет ли выбран для окончательного разрешения вопроса путь товарного вывоза, или путь иностранного экономического захвата. Первый путь означал бы, что назревает необычайно высокая мировая кон'юнктура, ибо только она и сделала бы возможным такое решение. (Можно принять, что германское производство может быть действительно поднято на громадную высоту, что Германия действительно может дать крупные экспортные излишки, если только найдутся надлежащие рынки сбыта). Второе решение—путем иностранного захвата германского хозяйства—показало бы, что международный финансовый капитал умеет, правда, «реализовать» свои требования к Германии, но не умеет оживить мировое хозяйство в целом на сколько-нибудь продолжительный срок. Иностранное вторжение в хозяйственную жизнь Германии было бы с этой точки зрения весьма сомнительным разрешением репарационного вопроса. Так как германское производство способно, как уже замечено, к такому расширению, при котором оно могло бы давать экспортные излишки, то иностранный захват германского хозяйства был бы результатом двух факторов: германского кризиса (уменьшенное образование капитала) и кризиса мирового рынка (невозможность накопления путем реализации германского производства на мировом рынке).

Выше мы наметили причины разразившегося в конце 1925 г. кризиса, поскольку он имеет более или менее стихийный характер. Однако, эти причины сами по себе еще не об'ясняют громадной напряженности кризиса, а также той его своеобразной черты, для обозначения которой в Германии экономисты употребляют термин «рационализационный кризис». С этой последней точки зрения нынешний кризис представляет собой насильственный процесс, стремящийся в краткий срок перевести германское хозяйство на новые рельсы, именно создать такое положение, при котором образование германского капитала основывалось бы исключительно на германском производстве. Центральной руководящей мыслью является при этом получение репарационных сумм во что бы то ни стало. «Рационализационный кризис» фактически является, таким образом, огромным и вместе с тем насильственным кризисом перехода на новую базу, насильственной «реорганизацией» германского хозяйства.

Предпосылки для этой новой ориентации германского хозяйства создаются в самой Германии следующим образом. Выдвигается требование, чтобы ввоз иностранного капитала был сокращен до минимальных размеров. Прежде всего это требование относится к тому ввозу капиталов, который за последние два года оказался совершенно необходимым для поднятия жизни масс на сколько-нибудь сносный уровень после голодных лет военного и инфляционного периодов. «Рационализация» означает, следовательно, в устах германских предпринимателей прежде всего создание массовой безработицы и, по всем признакам, безработицы длительной. Одновременно предполагается проведение действительной широкой рацинализации технического характера для снижения себестоимости германского хозяйства, что должно облегчить процесс накопления господствующим классам. Однако, тут сразу обнаруживается ряд противоречий: если рабочие обрекаются на безработицу, то вместе с ними выбрасываются из производственного процесса и «образователи капитала». Образование капитала на основе германского производства ставится, таким образом, с самого начала на слишком низкую ступень. Другими словами, германские предприниматели всячески стараются, чтобы избежать затруднений в настоящем, увековечить предпосылки для длительного кризиса (постоянного убывания накопления). В конце концов, при рационализации производства, связанной с миллионной безработицей, окажется, что и «рационализированные» таким способом товары не могут найти себе сбыта. Улучшение организации, снижение издержек производства, прежде всего издержек по оплате труда, должно доставить сбыт продуктам промышленности,—так рассуждает каждый предприниматель, этот путь представляется ему единственно возможным. И лишь новый кризис заставляет его понять, что этот путь исполнен противоречий. Ибо для расширенного производства, к которому приводит рационализация, требуется и более широкий сбыт. К этой, не менее важной «рационализации» рынка, которая включает в себя и беспрепятственный ход образования капитала, Германия может притти только одним путем: путем повышения покупательной способности масс в результате снижения цен, что могло бы обеспечить полное использование производственных возможностей. Подобное падение цен, особенно на разные промышленные изделия, само уже позволило бы, при нынешнем положении в Германии, ждать скорого преодоления органических причин кризиса, но несмотря на величайшее обострение последнего, это падение не наступило до сих пор, находясь в зависимости от общей мировой кон'юнктуры.

Одно во всяком случае несомненно: 1926 год начался для Германии сильным сокращением производства, уменьшением образования капитала, поскольку оно основано на германском про-

изводстве. Далее следует отметить, что до сих пор не произошло такого снижения цен, чтобы можно было говорить о преодолении одной из существеннейших внутри-германских причин потенциальных кризисов Германии. И, наконец, нет никаких признаков, которые указывали бы на усиленный рост германского экспорта. Зато процесс иностранного захвата германского хозяйства как раз в последнее время двинулся вперед гигантскими шагами. Как известно, над государственными финансами Германии уже давно тяготеет рука англо-саксонского финансового капитала. В этих главных очагах народного хозяйства англо-саксонский финансовый капитал уже чувствует себя, как дома. Но теперь он готовится к тому, чтобы прочнее овладеть и непосредственной областью частного германского капитала. Обзор важнейших фактов этого рода, относящихся к самому последнему периоду, покажет, какие «успехи» уже достигнуты в этом отношении англо-саксонским финансовым капиталом.

«Американский финансовый капитал последовательно «приобрел акции» следующих крупных банковских учреждений: Германского Банка, Учетного Общества и Дрезденского Банка. Это три крупнейших банка Германии. Шведско-американская Jnvestment Corporation, основанная мировым шведско-англо-саксонским спичечным трестом, в котором принимает участие и Рокфеллер, вступила, как сообщалось, «крупным пайщиком» в Прусский Ипотечно-Акционерный Банк, крупнейшее учреждение этого рода в Германии. Тот же шведско-англо-саксонский трест, уже завладевший в Германии большой частью спичечной индустрии, готовится теперь к тому, чтобы подчинить себе все германское спичечное производство. Далее, Гарриман, давно уже состоящий в «производственной связи» с крупнейшим когда-то германским судоходным концерном, Гапагом, забрал теперь в свои руки германское производство цинка (Гише, Верхняя Силезия). Американские кинематографические концерны (Famous Players Corporation u Metro Goldwyn Corporation) уже втянули в сферу своего влияния крупнейшее германское кинематографическое общество «Уфа». Для двух последних случаев иностранного «участия» характерен тот факт, что контролируемые теперь американцами предприятия получили кредиты только ценою ограничения производства и полного подчинения американским интересам (в Германии говорят о «кредитах экономического удушения»). Соглашения аналогичного характера были столь же недавно заключены германской нефтяной промышленностью с англо-саксонскими нефтянными концернами: Германское Нефтяное Акционерное Общество связано теперь т. наз. «Interessengemeinschaft» с Англо-Персидской компанией, а общество, реорганизованное из прежнего нефтяного общества Стиннеса—Рибека,—с Standard Oil Company. Эта связанность настолько крепка, что германские нефтяные фирмы обязуются бойкотировать более дешевую советскую нефть. Такого рода иностранное «участие» означает, следовательно, подчинение интересам англо-саксонских промышленников к прямому вреду для всего германского хозяйства.

В начале текущего года было об'явлено об учреждении американско-германского инвестмент-треста (European Shares Jnc.), который собирается сделать из иностранного захвата германского хозяйства специальную отрасль коммерции. Общество покупает или эмитирует акции германских предприятий с тем, чтобы

потом ввести их и на американских биржах. Это делается, конечно, с той целью, чтобы путем усиленной скупки акций получить непосредственное влияние на германские предприятия и затем извлекать из них обильные дивиденды для американских кредиторов, независимо от роста германского капитала. Еще в декабре 1924 г. было основано аналогичное американское предприятие, American and Continental Corporation, но тогда оно ставило себе целью только предоставление финансовых кредитов и еще не думало о прямом участии в германских предприятиях. С недавнего времени так же «работают» в Германии и два английских инвестмент-треста, которые тоже «финансируют» и «участвуют». Все перечисленные случаи иностранного вторжения в сферу частного германского капитала относятся к самому последнему времени (конец 1925 и начало 1926 г.). В короткий срок оказались, таким образом, под контролем англо-саксонского финансового капитала крупные и крупнейшие отрасли германского хозяйства. Тем не менее, мы стоим еще в самом начале этого развития.

Иностранный захват германского хозяйства, как «разрешение» репарационной проблемы, мы назвали выше весьма сомнительным разрешением. Оно выдает только неспособность международного финансового капитала совладать с органическими причинами германского кризиса. Подробности в каждом отдельном случае—регулирование хозяйственной жизни путем ограничения производства, путем уменьшения германского накопления, расширение сферы влияния финансового капитала за счет всех других форм капиталистического могущества—только подтверждают правильность этого взгляда. Пока из него можно сделать лишь один вывод: германский кризис, даже если он временно уступит место новому под'ему хозяйственной жизни, является только прелюдией к новым кризисам. В настоящем кризисе уже начинают обозначаться контуры кризиса всей системы, контуры завтрашнего кризиса плана Дауэса.

Бернар.

Экономические и социальные основы кризиса французского империализма.

Расширенный пленум исполкома Коминтерна установил, что революционный кризис во Франции подвигается. Для того, чтобы понять значение этого факта, необходимо ближе присмотреться к истории французского империализма в последние десятилетия.

Мы недостаточно отмечали тот факт, что уже несколько лет, как черви подтачивают огромное здание французского империализма, что мы находимся накануне тяжелого кризиса, который станет революционным кризисом французского империализма; открытое проявление этого кризиса можно предвидеть в ближайшем будущем.

Положение французского империализма показывает, что ось революционного движения, проходившая сейчас же после войны в Средней Европе—Германии, Австрии, и других странах,—переместилась теперь на запад, и великие страны-победительницы, победоносно закончившие войну, переживают приблизительно то же состояние, которое мы наблюдали в средне-европейских странах после войны. Если мы вспомним, что на Дальнем Востоке сейчас началось крупное революционное движение, то мы можем сказать, что в настоящее время имеется два революционных центра: Дальний Восток и западно-европейские капиталистические страны.

Что касается Англии, то мы знаем, что там дело идет о полнейшей перестройке всего здания английского хозяйства и английских классовых взаимоотношений.

Сегодня мы можем сказать, что то же самое относится и к Франции, где экономические условия изменились в самом основании, равно как все условия жизни крупной и мелкой буржуазии и рабочих. Теперешняя Франция совершенно не похожа на Францию довоенную. Назревающая во Франции революционная ситуация об'ясняется тем, что новые производственные и классовые отношения вступают в конфликт со старыми политическими формами внутри страны и с окружающим империалистическим миром. Революционный кризис достигнет своего апогея в ближайшие годы; это положение установила французская комиссия расширенного пленума. Франция приближается к тому моменту, когда дальнейшее развитие ее экономических сил натолкнется на такие огромные внутренние и внешние препятствия, что революционные столкновения станут неизбежными.

Бросим сначала взгляд на довоенную Францию. Большинство товарищей знает, что довоенную Францию называли мировым банкиром. И, действительно, Франция в течение ряда десятилетий до войны снабжала капиталом значительную часть

мира. Так, напр., царская Россия заключила крупные займы во Франции, и русские административные центры (Москва, Петербург) и крупнейшие русские фирмы одалживали у Франции деньги. То же самое делал и ряд других стран в Европе и Азии.

Сопоставляя этот огромный экспорт капитала из Франции, скажем, с английским экспортом капитала за то же время, мы заметим большую разницу: в Англии уже задолго до войны была высоко развитая индустрия, и банковский капитал был тесно связан с промышленным. Часть накопленной прибавочной стоимости всегда тратилась на улучшение и расширение собственной промышленности, и лишь остаток капитала уходил за границу.

Совершенно иначе обстояло дело во Франции. Там уже гораздо раньше начался вывоз денег и предоставление займов загранице. Промышленность осталась на средней ступени развития, и почти все сбережения ссужались загранице и не употреблялись на развитие собственной индустрии. Таким образом, во Франции до войны имелся мощный, высоко-концентрированный банковский капитал, почти совершенно не работавший внутри страны ни для сельского хозяйства, ни для промышленности, в результате чего как индустрия, так и сельское хозяйство оставались почти на одной ступени. Все деньги, которые накоплялись во Франции, уходили за границу; в Англии и Германии же в то же время индустрия мощно развивалась.

Откуда шли эти деньги, которые крупные французские банки вывозили? В большинстве случаев они получались от крестьянства. Крестьянин, если ему удавалось отложить немного денег, не покупал себе на них скота, не улучшал своего дома, не прикупал плуга, а покупал государственные бумаги, т. е. отдавал деньги в банк, который их в свою очередь отдавал за границу. То же самое делал и ремесленник, и мелкий промышленник и даже рабочий, имевший более или менее приличный заработок. Все они отдавали свои деньги в банк, получая за это ценные бумаги и облигации, собирали регулярно проценты и надеялись жить когда-нибудь «мирно и покойно» на проценты со своего маленького капитала, накопленного в течение долгих лет. Каждый экономил в течение первой половины своей жизни для того, чтобы впоследствии иметь возможность жить на проценты. Само собой разумеется, что и чистая прибыль промышленных предприятий и банков обращалась на ту же самую цель.

Таким образом, Франция в течение десятилетий перед войной накопила капиталы, благодаря которым она имела возможность вывозить ежегодно до 4 миллиардов золотых франков. Это— не малая сумма. Деньги были так распределены, что еще в 1910 г., когда уже начался некоторый рост вкладов и внутри страны, за границу были посланы 4 миллиарда, и лишь 700 милл. были использованы внутри страны. Таким образом, Франция к 1913 г. имела за границей фонд в 50 миллиардов, отданных в виде займов, за которые она получала ежегодно 2.300 миллионов золотых франков в виде процентов.

Если мы это примем во внимание, то увидим, что Франция имела лишь слабо развитую индустрию, не об'единенную, как в Германии, в гигантские предприятия, синдикаты, тресты и т. д., а состоявшую из бесчисленных мелких предприятий, с

числом рабочих в 100—500—800. Эта индустрия едва удовлетворяла потребности французского рынка. Для экспорта во Франции существовал лишь один род промышленности—так называемая парижская промышленность предметов роскоши, художественной мебели, кожаных изделий и пр. Сельское хозяйство стояло на необыкновенно низком уровне. Если мы будем сравнивать урожайность Франции и других стран, то окажется, что Франция далеко уступает Англии и находится приблизительно на том же уровне, как и западные губернии России. Поля обрабатываются совершенно примитивным образом без машин и без искусственного удобрения.

Для того, чтобы поддержать свою валюту на одном постоянном уровне, капиталистические страны должны заботиться о соблюдении равновесия между своим экспортом и импортом. Страна, ввозящая слишком много и вывозящая слишком мало, вынуждена делать долги. Дело обстоит, как у купца, который закупает больше товаров, чем продает, влезает в долги и не в состоянии итти вперед. В стране, как Франция, имеющей очень слабо развитую индустрию и вынужденной ввозить очень много продовольствия и сырья, не могло быть равновесия в балансе. Казалось бы, что это должно было бы привести к большой задолженности, но в действительности этого не наблюдается. Хотя Франция вывозила мало товаров и ввозила много, но разница исчезала вследствие вывоза денег, которые приносили огромные проценты. В 1913 г. Франция ввезла товаров больше, чем вывезла, на 1.854 миллион. золотых франков, но зато она получила 2.300 миллион. золот. франков в виде процентов, так что общий баланс не нарушил равновесия между экспортом и импортом.

Для того, чтобы получить полную картину положения во Франции, необходимо подойти к социальным основам этой экономической структуры Франции. Все сбережения рабочих, ремесленников, крестьян, мелких буржуа и других стекались в крупные банки, которые их одалживали за границу, за что получались проценты. Крестьяне, ремесленники, мелкие и крупные промышленники и очень много рабочих хранили у себя в шкафу государственные бумаги, отрезали каждые полгода купоны и получали свои проценты. Промышленность и сельское хозяйство не двигались вперед и оставались на одной и той же ступени.

Каковы были следствия этого своеобразного развития? Мы имели перед собой тонкий слой крупной буржуазии, сгруппированной вокруг банковского капитала. Промышленная буржуазия была очень раздроблена, так как промышленность не была об'единена, не так тесно связана с банковским капиталом, как в Англии или Германии и вела самостоятельную жизнь. Кроме того, имелась городская мелкая буржуазия, многочисленный класс высокоразвитых ремесленников, купцов и огромный слой рантье. Последний слой образовался вследствие того, что масса мелких буржуа, крестьян и др. систематически оставляла свою землю и покидала фабрики для того, чтобы жить на покое, на счет своей ренты в 10 тысяч франков. Главное занятие этих рантье и их идеал заключались в том, чтобы где-либо на берегу тихой речки коротать время с удочкой в руках. И теперь еще можно видеть в провинции по воскресным дням сотни этих людей, сидящих часами с удочкой на берегу реки. Даже в городе, в Париже, они сидят со своими удочками. Это был их высший идеал—удалиться в маленький собственный домик, иметь свой кусочек земли и удить рыбу. В такой стране умирает, разумеется, всякий интерес к более важным вопросам. Мы во Франции видим типичную картину, описанную Лениным в своем «Империализме». Полный упадок, застой в науке, в индустрии, страна погружается в апатию и т. д. Крестьянин, очень добродушный и экономный, продолжал постоянно жить в одних и тех же экономических формах, деньги свои вкладывал в процентные бумаги и кончал свою жизнь в качестве рантье. Ему почти не нужно было платить налогов и высокие покровительственные пошлины защищали его от американской конкуренции. Что касается рабочих, то большинство из них было занято в типичном для того времени производстве предметов роскоши. Имелся значительный слой высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих. Они также имели в своих шкафах процентные бумаги. Рабочие эти, конечно, не были особенно революционно настроены; то были реформисты, синдикалисты. Лишь на севере, где, благодаря угольным копям, индустрия более развивалась, имелись рабочие сознательные, настоящие пролетарии, стоявшие на почве революционного марксизма. Наконец, на ряду с этим имелся еще один очень крупный слой—люмпенпролетариат: обедневшие рантье, проводники туристов, проститутки, разоренные ремесленники и пр.

Важным и своеобразным во всей этой структуре Франции является то, что все эти средние и низшие слои населения, средняя буржуазия, мелкий промышленник, городской мелкий буржуа, рантье, большинство крестьян и большая часть рабочих были заинтересованы в том, чтобы государство продолжало свою мирную работу, чтобы деньги были выгодно размещены и чтобы они имели возможность регулярно получать свои проценты. Они были заинтересованы в том, чтобы государство сохраняло свои колонии, чтобы страна могла туда посылать свои капиталы и чтобы она вела успешную империалистическую политику. Сила третьей французской республики и заключалась именно в союзе банковского капитала с этими слоями, интересы которых заключались в том, чтобы бумаги не потеряли свою ценность. В этой системе был лишь один революционный элемент, а именно часть промышленных рабочих на севере Франции, небольшой слой в Париже и небольшой слой рабочих шелковой индустрии в Лионе. На ряду с этим, был еще один слой, носивший лишь псевдо-революционный характер: рабочие, вербовавшиеся из крестьян, стекавшихся в город, и в первую очередь строительные рабочие, приходившие на время строительного сезона и затем возвращавшиеся в деревню. Они представляют главный контингент синдикалистско-анархистского движения.

Но вся эта грандиозная система, представляющая собою шедевр буржуазного государственного искусства, разрушена теперь до основания и в корне изменена. Старая основа Франции—экспорт огромных капиталов, которые государство получало в свои руки, благодаря соответствующей организации банков,—вся эта система разрушена и, начав распадаться в течение войны, она окончательно распалась вследствие российской революции и революционного движения в Средней Европе.

На развалинах старой системы Франция создала себе новый базис. Эта работа началась уже во время войны, велась и после войны и близка теперь к полному завершению.

Повод к этому дан был войной, которая создала для Франции необходимость иметь собственную индустрию. В первое время приходилось очень дорого платить за оружие, покупаемое в Англии. Германия, Италия и др. страны оружия не поставляли, и Франции пришлось приступить к созданию своей собственной военной промышленности. Это было первым толчком к индустриализации.

Затем присоединилась и потеря капиталов, вывезенных за границу. Когда эта основа былой силы пала, французской буржуазии пришлось думать о создании новой основы. Франция потеряла свои 50 миллиардов, хранившихся за границей, и теперь пришлось искать новых путей. Ныне Франция собирается стать страной современного финансового капитала наподобие Германии и Англии.

Французское государство вынуждено было купить ценные бумаги, находившиеся за границей, для того, чтобы иметь возможность заплатить за различные товары, купленные в других странах. Для этой цели государство купило право распоряжения находящимся за границей капиталом, и в период от 1914 г. до 1919 г. оно таким образом вернуло 2 миллиарда золотых франков. В 1917 г. поднялась революционная волна сначала в России, затем в Австрии, Германии, на Балканах. На этом Франция потеряла не менее 20 миллиардов своих капиталов, находившихся за границей. 3 миллиарда франков потеряли значительную часть своей ценности и, таким образом, у Франции осталось за границей лишь 19 миллиардов. Вследствие постоянно возраставшей инфляции эти 19 миллиардов теряли из года в год свою ценность и теперь оцениваются не больше, чем в $1/_7$ прежней своей стоимости. От всего этого капитала, таким образом, почти ничего не осталось. И вместо 2.350 миллион. Франция теперь получает всего лишь каких-нибудь 500 миллион. франков процентов из-за границы.

С другой стороны, мы видим созидание новых жизненных форм французского капитала и строительство собственной большой индустрии.

Какими средствами это производится? В первые годы Франция получала еще проценты со своего заграничного капитала. В первые военные годы она заключила в Англии и Америке займы на сумму 28 миллиардов. Союзные армии оставили массу денег в стране, приблизительно 9,6 миллиардов. Большая часть этих денег была в буквальном смысле этого слова обращена в снаряды. Но все же не малая часть этих денег была употреблена на создание промышленности в Париже и юго-западных областях (авиационная, машинная индустрия). Таким образом, процесс индустриализации начался еще во время войны.

Затем пришло перемирие. К тому времени Франция уже не получала больше процентов из-за границы, и страна была свободной от чужих армий. Она продолжала одалживать деньги у Америки и Англии, но в первую очередь увеличивала свои внутренние долги. Эта политика внутренних займов, и в особенности, займов «для обороны страны», дала французской казне крупные суммы. Были и долгосрочные займы с планом уплаты

в течение 5,10 и больше лет, давшие 119 миллиард., и краткосрочные займы на 1 год, 6 и 3 месяца, принесшие 37 миллиард., и займы «обороны страны» на общую сумму в 61 миллиард. Всего эти займы дали, таким образом, около 220 миллиардов.

На что пошли эти деньги? Почти исключительно на расширение промышленности путем восстановления разрушенных войной областей на Севере, во Фландрии, в Лотарингии, в области Брие и т. д. При восстановлении этих разрушенных областей были допущены огромные злоупотребления и мошенничества. Любой мелкий лавочник подавал заявления о том, что он владел целой фабрикой, и ему выдавали миллион. Деньги эти он, разумеется, не клал в карман, а обращал на постройку фабрики. Таким образом, на эти деньги, взятые из карманов мелкого люда, построена была масса новых фабрик, огромных предприятий, шахт и пр. Все это строилось по последнему слову техники, так что в техническом отношении, мы теперь имеем во Франции промышленность, стоящую выше и германской, и английской.

Какова была цель этого развития промышленности? Как я уже говорил, Франция до войны имела пассивный торговый баланс. Потеряв свои капиталы, она должна была искать новые источники для восстановления равновесия своего баланса, и в известной степени ей удалось выровнять свой торговый баланс.

Эта полная реорганизация изменила всю картину французского хозяйства. Центром экономической жизни стал вновь возникший современный финансовый капитал. Банковский капитал об'единился с капиталом молодой промышленности и создал блок, который мы знаем, как финансовый капитал, и который характерен для современного империализма. Переход к индустриальному государству стал исходным пунктом колоссальной политической спекуляции. Потеряв свое прежнее лицо, Франция должна была думать о том, как бы укрепить свое положение в Европе на новых началах. Французская буржуазия при этом исходила из той мощной военно-политической позиции, которую Франция заняла после войны. Это должно было стать исходным пунктом ее наступления. Военно-политические рамки должны были быть сохранены для создания крепкой экономической базы. Для сохранения своего военно-политического влияния в Центральной Европе Франция предоставляла среднеевропейским странам «политические займы» и поддерживала их в военном отношении. Для этого ей приходилось занимать деньги у Америки, так как сама она уже не имела средств. На этой основе Франция начала укрепляться экономически в Чехо-Словакии, Польше, Верхней Силезии, на Балканах и везде накладывала свою руку на отдельные промышленные предприятия. Важнейшим шахматным ходом в этой игре было тогда занятие Рурской области. Эту область заняли для того, чтобы связать рурский уголь с лотарингским железом и таким образом создать в Европе несокрушимый экономический блок. Но этот счет был составлен без хозяина, т.-е. без Англии. Искусными маневрами Англия достигла того, что рурская авантюра окончилась неудачей. Франция вынуждена была отступить, и, таким образом, и эти мечты ее были разбиты. Однако, основной процесс индустриализации страны продолжал итти вперед. Посмотрим, что было достигнуто. Приведем для этого лишь пару цифр.

До войны, в 1913 г., во Франции было добыто 41 миллион тонн антрацита, в 1920 г. эта сумма упала до 24 миллион., а в 1924 г. поднялась до 45 миллион. тонн. Железная руда: в 1913 г.—добыто 22 миллиона, в 1922 г. лишь 13 миллионов, а за последний год—29 миллион. тонн; производство стали поднялось с 3,6 до 7 миллион. тонн.

В то время, как продукция в других капиталистических европейских странах: в Австрии, Германии, Италии и даже Англии, идет по нисходящей линии, Франция уже сейчас значительно поднялась над довоенным уровнем. Это видно и по торговому балансу; ввоз с'естных припасов, сырья и пр. падает следующим образом:

1914 г.	ввезено на	33	миллионов	франков.
1922 »	» »	21	»	»
1924 »	» »	10	»	»

Экспорт растет. С 12 миллиард. франк. довоенного времени он в 1922 г. опускается до 9 миллиард., затем до 7,7, с тем, чтобы потом подняться до 11 миллиард. В результате экспорт превышает в 1924 г. импорт Франции, таким образом, не приходится больше прибегать к займам для удержания равновесия экспорта и импорта.

С развитием индустрии возникает, конечно, вопрос о возможности сбыта своих товаров, этот вопрос является решающим для Франции. В этом отношении Франция находилась в особом положении. После войны у нее был огромный внутренний рынок для сбыта своих товаров, и восстановление разрушенных областей дало массу работы французским фабрикам. Первым условием развития французской промышленности явилось это развитие внутреннего рынка. Затем наступил период инфляции, и Франция смогла дешевле производить, чем Германия, Англия и Америка. В-третьих, она имела хороший рынок и в своих колониях, как, напр., в Северной Африке, где также происходил процесс индустриализации. Все это дало возможность Франции так широко и грандиозно поставить развитие своей промышленности.

Я хотел бы еще сказать пару слов о сельской промышленности. Как во всех странах, так и во Франции, уменьшилось количество земли под посевами и увеличилось под пастбищами. Несмотря на это и на огромные потери рабочей силы в деревне вследствие того, что 900 тысяч крестьян погибли во время войны или стали инвалидами, и приблизительно еще столько же крестьян ушли в города, мы замечаем относительный рост сельского хозяйства.

Это об'ясняется, без сомнения, улучшением методов обработки земли. Мы замечаем, таким образом, развитие техники не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве: крестьянин начал пользоваться машинами, искусственным удобрением и т. д., больше засевается льна, сахарной свеклы, конопли и других культур. Мы видим вторжение промышленного капитала в сельское хозяйство. Культуры этих растений зависят сейчас от сахарной, текстильной и других видов промышленности, для надобностей которых они скупаются и чьими крупными машинами обрабатываются поля.

В крестьянском хозяйстве также замечается процесс индустриализации. Статистические данные (к которым нужно, однако, отнестись с большой осторожностью) говорят об увеличении числа средних крестьян. Эти крестьяне начали с некоторого времени—мы ниже укажем почему—вкладывать свои сбережения в реальные ценности, а не в процентные бумаги, как это было раньше. Они чинят свои дома, живут лучше, чем раньше, и в первую очередь начали покупать с.-х. орудия, пользоваться искусственными удобрениями, проводят в дома электричество и пр. Эти перемены имеют, без сомнения, значение для относительного под'ема урожайности.

Теперь перейдем к оборотной стороне этих процессов. Мы видим, что промышленность и с.-х. продукция растут. Какое влияние это оказывает на социальный состав страны и ее классовые взаимоотношения? Улучшилось ли положение рабочих, крестьян и мелкого люда в той же степени, как и состояние промышленности, и сохранилась ли старая довоенная система материальной заинтересованности крестьянских слоев, рабочих, мелких буржуа и других в прочности государства? На это мы можем ответить отрицательно. Как же это случилось?

Мы видели, что французская буржуазия для проведения своих планов восстановления вынуждена была деньги занять и, главным образом, у своих собственных соотечественников. Она взяла деньги мелких буржуа, крестьян-ремесленников, рабочих и др., и на эти сбережения мелкого люда она создала крупную промышленность. Эти внутренние займы заключались под лозунгом: «Мы временно прибегаем к внутреннему займу, так как завтра нам немец все заплатит. Когда он заплатит, вы все получите обратно». Но и этот счет был составлен без хозяина: Германия ничего не платила. Пришлось заключать снова займы для того, чтобы получить возможность выплачивать пособия инвалидам и проценты по прежним займам. Когда немец продолжал не платить, пришлось прибегнуть к новым займам для уплаты прежних. Но для того, чтобы люди согласились дать свои деньги, пришлось повысить проценты, и таким образом при каждом новом займе, каждые полгода, государство вынуждено было итти на большие уступки и соглашаться на уплату более высоких процентов. Долги его при этом постоянно росли и дошли до огромных размеров. Государству становилось все труднее и труднее реализовать новые займы. Так, например, по внутренним займам получено:

1920 г.	46	миллиард. бумажн. франков	= 16,5	золот.	франк.
1921 »	39	» » »	= 14,7	»	»
1922 »	26	» » »	= 11,1	»	»
1923 »	21	» » »	= 6,1	»	»
1924 »	13	» » »	= 3,6	»	»

Это означает, что крестьянин, ремесленник, рабочий и служащий не дают больше своих денег. Так как правительство, однако, должно было постоянно платить и тратить деньги на восстановление разрушенных областей, то оно вынуждено было последовать примеру Германии: прибегнуть к помощи печатного

станка и периодически выпускать новые бумажные деньги. Это привело к инфляции, т.-е. к падению покупательной способности денег. Эта инфляция имела громадное социальное значение—разорение всех слоев населения во Франции, на грошевых сбережениях которых зиждилась прежняя система.

С точки зрения изменения классовых взаимоотношений дело обстоит следующим образом: часть средней буржуазии поглощена финансовым капиталом. Их предприятия поглощены крупными синдикатами и подпали под контроль банков, т.-е. потеряли свою самостоятельность. Городская мелкая буржуазия и в первую очередь огромные слои людей, живущих целиком или отчасти на доход от капиталов, потеряли свою экономическую базу. Бумаги потеряли свою ценность, и накопленные рентные бумаги, хранившиеся у мелкого буржуа в шкафу, обесценились, и на проценты с них ничего больше нельзя купить. Мелкий люд, рантье вынуждены были думать о приискании занятий. Крестьянин первый почувствовал недоверие и, увидев, что его бумаги не имеют ценности, первый отказался давать свои деньги государству и начал их употреблять для ремонта своего дома, покупки машин и т. д. Промышленный рабочий при падении реальной зарплаты не мог ничего больше откладывать. В результате все эти слои потеряли связь с господствующими классами, с которыми их раньше связывало получение доходов с капиталов. Они увидели, что то самое государство, которому они доверчиво отдали свои деньги, их теперь оставило на произвол судьбы, и это заставило их перейти в оппозицию к нему. В этом заключается все революционное значение этой глубокой перемены, происшедшей в структуре французского хозяйства.

Это не могло долго продолжаться, не проявляясь в политическом кризисе. Первый подобный политический кризис совпал с окончанием рурской оккупации. Когда Англия заявила, что дело не может итти так дальше, влияние коренной перемены классовых взаимоотношений во Франции на средние слои достигло своего апогея. Рурская оккупация и финансово-политическое наступление Англии дали повод к инфляции. Средние слои перестали верить старому лозунгу правительства «немец заплатит», отвернулись от политики займов и начали искать новой ориентации. В тот самый момент, когда Англия вмешалась извне, правительство потеряло внутри страны почву под ногами. У власти стал левый блок, т.-е. блок мелко-буржуазных партий, которые в течение десятилетий защищали интересы мелких промышленников и рантье, торговцев, ремесленников, государственных чиновников и высшего слоя рабочих. Социалисты поддерживали правительство, не принимая в нем непосредственного участия. Но левый блок взял бразды правления в свои руки в момент, когда мелкая буржуазия уже настолько распалась, что не в состоянии была больше проводить свою собственную политику и нуждалась в посторонней поддержке. Эту поддержку она нашла во французской индустрии, а именно: в так называемых «деловых банках» и в части обрабатывающей промышленности. Что же получилось в результате? 1. Эта группа обрабатывающей промышленности заинтересована в продолжении инфляции, вследствие чего правительство систематически проводило инфляционную политику.

2. Она заинтересована в марокканской войне и заставила правительство продолжать ее. 3. Она заставила проводить политику более сильного обложения крестьян при одновременном предоставлении некоторых уступок рабочим. Таким образом, левый блок проводил политику, которая являлась политикой крупной буржуазии. Эту политику он мог, однако, более или менее, спокойно проводить лишь в течение 18 месяцев. Вместо улучшения критического положения мелкой буржуазии, она принесла дальнейшее ухудшение. Благодаря этому страна вступила в период нового кризиса и находится теперь в переходном состоянии, означающем крушение попытки проведения самостоятельной мелко-буржуазной политики и подготовляющем отвоевание государственной власти финансовым капиталом.

В этом периоде, в котором мы сейчас находимся, происходит следующее: финансовый капитал, вокруг которого сгруппирована крупная буржуазия, ведет борьбу за власть. Он старается при этом использовать растущую слабость средних классов для разрушения мелко-буржуазного блока, при чем часть его он привлекает в свои ряды, другую же отталкивает, разбивает и запугивает средствами фашизма. Но и финансовый капитал заинтересован в дальнейшем развитии инфляции, так как он еще не все сделал для погашения внутренних долгов. В мае, кроме того, предстоит срок платежей, в который государству предстоит уплатить несколько миллионов по займу и, вероятно, выпустить новые бумажные деньги. Эту работу предпочитают еще предоставить левому блоку.

Недалеко, однако, тот момент, когда с инфляцией придется покончить, и нужно будет провести стабилизацию валюты. Имеются уже некоторые экономические и социальные результаты инфляции, могущие стать опасными для буржуазии. Финансовый капитал проведет нужную ему стабилизацию валюты. Каково значение этой стабилизации для Франции в социальном и политическом отношениях? Стабилизация означает: 1) серьезный поход против рабочего класса для подготовки и проведения финансовых операций необходимых для стабилизации и 2) наступление колоссального инфляционного кризиса, подобного тому, который был в Германии. Сейчас мы имеем пред собой распад мелкой буржуазии, социальный и, значит, политический кризис средних слоев. Так как эти слои во Франции сильнее и влиятельнее, чем, например, в Германии, то этот политический кризис всего режима уже теперь имеет больший размах, чем в Германии. По наступлении же стабилизации валюты мы перейдем в период, который ударит по рабочему классу, не задетому пока непосредственно кризисом. Весь вопрос теперь в том, удастся ли крупной буржуазии настолько распылить силы мелкой буржуазии, чтобы не дать ей возможности помочь рабочему классу, изолировать последний, разбить его и провести стабилизацию валюты за его счет, когда стабилизационный кризис вызовет, подобно Германии, кризис безработицы.

Не стало прежней Франции, где среди отсталой промышленности и сельского хозяйства был высокоразвитый банковский капитал, и городская мелкая буржуазия, рантье, крестьяне и часть рабочих связаны были с правительством и его империалистической политикой вследствие помещения своих сбережений в процентные бумаги. Новая Франция построена на промышлен-

ности, созданной благодаря разорению средних слоев населения. Создан современный финансовый капитал, который будучи на короткое время вытеснен с рынка, теперь снова стремится захватить руководство политикой в свои руки. Основное условие для расширения его базиса заключается в отказе от инфляции и в проведении стабилизации валюты. В виду того, что восстановление разрушенных областей закончено, внутренний рынок перестал расширяться, и исчезли все те особые условия, которые дали возможность промышленности беспрерывно расширяться. Все эти явления порождают опасность крупных боев с рабочим классом после того, как в предыдущий период мелко-буржуазные массы уже вынуждены были занять позицию, враждебную правительству.

Французский империализм ищет исхода из этого положения. Он ищет его во внешней политике, и ему нужны новые рынки для сбыта, но как раз теперь, когда он собирается принять власть в стране и начать вести соответствующую внешнюю политику, ему извне настолько подрезали крылья (план Дауэса, Локарно и т. д.), что он чрезвычайно стеснен в своих действиях. Таким образом, молодой французский империализм, выросший благодаря об'единению старого банковского капитала с молодым промышленным капиталом, основывавшимся на постоянно возраставшей продукции,—эта новая молодая сила, собирающаяся оттолкнуть средние слои и взять бразды правления в свои руки, приходит к своей цели как раз в такой момент, когда политика других империалистических держав ограничила ее свободу действий, а затруднения внутри страны достигли необычайных размеров. Это кажущееся безвыходным положение французского империализма не может не отразиться серьезнейшим образом на внутренней жизни страны. Мы уже имеем серьезный крупный кризис мелкой буржуазии. С наступлением стабилизации валюты к этому кризису присоединится и кризис пролетарский.

В заключение я хотел бы еще сказать несколько слов об огромных сдвигах в среде французского пролетариата. Французский империализм уже не имеет пред собой довоенного пролетариата, т.-е. небольшого слоя высококвалифицированных, предававшихся беспочвенным идеалам рабочих, а мощный промышленный пролетариат, увеличившийся на целые миллионы. Париж, например, бывший городом рабочей аристократии, стал городом крупной металлической индустрии. Если теперь выйти за пределы Парижа, то натолкнешься на ряд всевозможных, построенных по последнему слову техники, фабрик, опоясывающих весь город. Париж стал городом 250 тысяч металлистов; французский пролетариат еще слабо организован, он молод, и у него еще нет большого боевого опыта, но он уже показал себя. В ноябре 1924 г. в Париже состоялась интересная демонстрация. Правительство хотело завоевать симпатии парижских рабочих перенесением тела Жореса в Пантеон, но оно было горько разочаровано: в этой демонстрации, устроенной правительством, приняло участие не более 7—8 тысяч парижских мещан. В ответной же демонстрации, устроенной в это же время компартией, приняло участие 200 тысяч парижских рабочих, полных такого воодушевления, какого правительство меньше всего ожидало. Французский капитал стоит, таким образом, пред лицом нового

промышленного рабочего класса, который, несмотря на свою молодость и неопытность, не даст себя так легко столкнуть с дороги. Когда французский империализм при переходе к стабилизации валюты попытается переложить все тяготы на плечи пролетариата, он столкнется не только с сильным рабочим классом, но с блоком, опирающимся на пролетарское большинство, на враждебное буржуазии крестьянство, и связанным—это будет зависеть от тактики компартии—с средними слоями, разоренными хищнической политикой буржуазии. Если нам удастся выковать этот блок, то кризис, назревающий для французского капитализма, кончится не так, как кончился германский кризис 1923 года.

Эр. Квиринг.

Перевыборы советов на Кубани.

Прошлогодние перевыборы стансоветов на Кубани (так называемые «мартовские перевыборы») заметно выделялись из перевыборов в других районах, происходивших в начале 1925 г. Эти перевыборы с особенной ясностью показали, что низовые парт'ячейки, в целом ряде случаев, оказались совершенно неподготовленными к руководству крестьянством в новых условиях. Курс «лицом к деревне» понимался, как поворот к зажиточному; свобода выборов—как отказ со стороны партии от руководства перевыборной кампанией и советами. Отсюда—полная растерянность перед наступающим кулачеством. Беднота и батраки менее всех остальных слоев деревни принимали участие в выборах. Они действовали неорганизованно, своими выступлениями нередко отталкивали от себя середняков и в результате потерпели полное поражение. Организованнее всего выступало кулачество. С большим мастерством кулаки подготавливали выборы. Середняк в значительной своей части подпал под их влияние,—в результате вся выборная кампания происходила в условиях резко выявившейся сословной и классовой борьбы.

В составе избранных во время «мартовских» перевыборов советов произошло резкое понижение процента коммунистов, комсомольцев, женщин, батраков и бедноты. Весьма значительно повысился процент казаков. В составе советов и даже их президиумов нередко можно было встретить бывших атаманов, белогв. офицеров и др. антисоветские элементы.

Руководящее начало в отдельных советах находилось в руках кулаков.

Этот урок, полученный Кубанской парторганизацией в новых условиях работы, оказался весьма тяжелым и требовал со стороны организации в течение всего этого времени совершенно исключительного внимания к деревне. Поэтому, закончившаяся недавно перевыборная кампания советов на Кубани требует самого внимательного изучения. По ней ярче всего мы можем судить об успехах, которые имеет наша партия за последний год в деревне, в районах, где классовое расслоение довольно резко выявилось, где деревенская верхушка более всего организованно и активно себя проявляет, где мы имеем дело не только с классовой борьбой, но усложненной еще и сословной.

Четыре центральные задачи стояли перед организацией в нынешней перевыборной кампании:

а) подготовить к перевыборной кампании станичные ячейки таким образом, чтобы не только изжить элементы растерянности и отказа от руководства, но на деле осуществить руководящее влияние ячейки;

б) организовать бедноту и батраков вокруг перевыборной кампании так, чтобы она принимала в ней активное, руководящее участие;

в) вырвать середняка из-под влияния кулака, установить союз между беднотой и середняком;

г) максимально сгладить сословную рознь.

Для того, чтобы выполнить эти задачи, хотя бы в некоторой части, со стороны организаций требовалось провести большую подготовительную работу. Эта работа была начата еще с октября месяца прошлого года, фактически же выборы происходили в январе и феврале мес. этого года.

В общем и целом, как это будет видно из дальнейшего, мы, несомненно, имеем в нынешних перевыборах советов на Кубани значительные достижения. Они, понятно, не могут быть целиком и полностью отнесены только за счет хорошей работы партийных и советских организаций Кубани. На благоприятную обстановку и исход выборов сказалась, прежде всего, общая политика нашей партии и советской власти, проводимая за последнее время, и в частности политика партии в отношении казачества.

Все это способствовало тому, что вся перевыборная кампания происходила в более спокойной обстановке. Если характерной чертой прошлых выборов было открытое, часто вызывающее выступление кулаков и ответное выступление бедноты в духе 1918 года, то при нынешних выборах такие выступления уже редко имели место.

Для нас особенно важно внимательно проанализировать отношение различных социальных групп деревни к выборам. Какие в этом отношении произошли изменения в сравнении с прошлым годом?

Б е д н о т а, в отличие от прошлогодней кампании, вела себя более активно и выступала более организованно. В огромном своем большинстве она охотно шла на предвыборные собрания, активно помогала ячейке в намечении кандидатов в будущий состав советов. Наиболее передовая часть бедноты поняла, что только в союзе с середняком она может одержать действительную победу над кулаком. Делу сплочения бедноты в значительной степени помогли проведенные в ряде мест общие собрания бедноты. Правда, в целом ряде мест парторганизации с излишней осторожностью подходили к этой работе, что в последствии сказалось и на самих выборах. Если бы на сторону работы по организации бедноты путем устройства общих собраний бедноты и создания групп бедноты было своевременно обращено больше внимания, целый ряд промахов, имевших место, мог бы и не быть.

Удалось ли бедноте установить союз с середняком? Правильнее было бы сказать, что союз этот только еще строится, поскольку союз бедноты с середняком мы понимаем как союз, в котором руководящее влияние принадлежит бедноте. На выборах, в большинстве случаев при помощи нашей партии, был найден общий язык между беднотой и середняками. И те и другие начинают понимать, что в борьбе с кулачеством этот союз нужен.

То сближение бедняка с середняком, которое мы сейчас имеем, еще далеко не достаточно прочное и при малейшем промахе со стороны нашей партии эти группы приходят к открытому столкновению. Для иллюстрации приведу два примера: в ст.

Платнировской происходили перевыборы стансовета при участии весьма незначительного количества избирателей. Беднота со своими кандидатами провалилась. Совет был избран, главным образом, середняцкий. Беднота почувствовала себя крайне обиженной и по окончании перевыборов предложила устроить демонстрацию против вновь избранного совета. Она предлагала взять оркестр музыки, красные знамена из ячейки и перед зданием совета устроить демонстрацию. Некоторые члены ячейки такому предложению сочувствовали, и стоило не мало трудов отговорить зачинщиков от совершения такой демонстрации. Эта демонстрация по существу своему являлась бы демонстрацией против середняков, поскольку вновь избранный совет являлся середняцким.

В другой станице в одном квартале беднота имела большинство голосов. Она оказалась весьма сплоченной и, увидев, что за ней большинство, начала проваливать кандидатуры середняков, выставленные ячейкой, и заменять их своими, хотя при обсуждении кандидатур на предвыборном собрании против середняков не возражала.

Эти два случая ярко показывают, насколько союз бедноты с середняком еще не прочен, насколько бедняк в отдельных случаях недоверчиво относится к середняку.

Однако, если нельзя говорить еще о твердом союзе бедноты с середняком, то с полной уверенностью можно сказать, что трещина между кулаком и середняком образовалась весьма основательная.

С помощью нашей партии между беднотой и середняком найден общий язык, и это является первой гарантией к тому, что кулак действительно окажется изолированным. Громадное большинство всех списков, выставлявшихся на выборах, предлагалось от имени об'единенного собрания бедноты и середняков. На выборных собраниях эти списки проходили на 80—90%.

В отношении кулака беднота держала себя явно враждебно. Случаи, когда беднота попадала под влияние кулака, единичны. Классовые противоречия настолько глубоки в Кубанской станице, что стыка между этими двумя группами не может произойти.

Нередко были случаи, когда беднота на выборных собраниях выступала с отводами против зажиточных, как эксплоататоров, не могущих защищать интересы бедноты и середняков. В большинстве случаев эти отводы поддерживались середняками.

Однако, не всегда наши ячейки умели в должной мере вызвать и использовать активность бедноты, вследствие чего имели место такие случаи, когда на выборах фигурировали списки от бедноты и, в противовес им, списки от ячеек. В станице Марьинской на выборах фигурировали три списка: первый от имени ячейки совместно с крестьянским активом, второй—список бедноты, и третий—список старого станичного совета. Два первых списка торжественно провалились и почти целиком прошел список старого стансовета.

Этот случай показывает не только полное неуменье ячейки работать с беднотой, но и с крестьянским активом, поскольку список этого «актива» не был поддержан широкой массой крестьянства.

Другой пример. В одной крупной станице, где имеется значительное количество бывших партизан, они в противовес списку ячейки с активом выставили в совет кандидатуры бывш. атаманов и, таким образом, надеялись скорее дискредитировать совет в целом и разогнать его.

Неуменье со стороны ячейки использовать активность бедноты приводило к тому, что в целом ряде случаев беднота собиралась самостоятельно по хатам, где обсуждала план действия во время выборов. Ячейка об этих собраниях узнавала обыкновенно только некоторое время спустя. Бывали и такие случаи, когда беднота, собравшись где-нибудь в частном порядке, посылала своего представителя в ячейку с просьбой прислать докладчика.

Как же вело себя на выборах среднее крестьянство?

Среднее крестьянство на выборах чувствовало себя господином положения. Середняк играл роль действительно центральной фигуры. В прошлом году, когда первый раз происходили перевыборы советов в новых условиях, он в значительной степени подпал под влияние кулака, так как ему показалось, что кулачество является наиболее верным защитником нового курса, поскольку, как выше было указано, ячейки не были способны к руководству перевыборами в условиях «оживления советов».

Год работы в советах убедил середняка в ином. Во-первых, середняк убедился в том, что не простого оживления советов хотел кулак, а их свержения, и, во-вторых, работая в советах, он увидел, что через них возможно получить правильное разрешение всех вопросов местного самоуправления.

В ходе выборов особенно ярко выявилось, насколько политика нашей партии за истекший год отразилась на настроениях в первую очередь середняка. Настойчивое проведение партией в жизнь лозунга «оживление советов», облегчение налоговых тягот, установление правил о найме рабочей силы и аренды земли, более выдержанная политика хлебных цен и т. д.—все эти мероприятия чрезвычайно резко повлияли на настроение середняка.

В начале кампании местные партработники подходили очень осторожно к определению настроения середняка. В своих речах ответственные товарищи обыкновенно говорили: «середняк только частично с нами», «небольшая группа середняков с нами», «середняк нейтрален» и т. п. Под конец кампании эти т.т. изменили свою точку зрения и уже более уверенно стали говорить о союзе с ним. Во всяком случае, там, где ячейки подходили с должным вниманием к середняку, вели среди него соответствующую работу, в большинстве случаев удавалось середняка повести за собой. При этом требовались чрезвычайная осторожность, гибкость и действительный учет интересов середняка.

Окончательное намечение кандидатов в будущий совет обыкновенно происходило на совместном собрании бедноты с середняками. До этого собрания кандидаты намечались ячейкой совместно с активом, обсуждались на общих собраниях бедноты, на женских собраниях и т. д. Казалось бы, обсуждение достаточно всесторонне, и намеченные кандидатуры должны бы были сравни-

тельно легко проходить через совместное собрание бедноты с середняком. На деле получалось иное.

Середняк здесь еще раз внимательно прощупывал всех кандидатов и в большинстве случаев дополнял эти списки новыми середняцкими кандидатурами.

И ячейка и беднота шли на эти уступки, лишь бы сохранить единый фронт против кулаков.

При подборе кандидатур середняк проявлял большую деловитость. Он занимался деловым подбором середняцких кандидатур, поддерживал деловые бедняцкие кандидатуры. Поддерживал только наиболее авторитетные кандидатуры членов партии.

Однако, не достигнув еще прочного союза с середняком, мы образовали значительную трещину между ним (середняком) и кулаком. Кулак еще не совсем изолирован, но ему трудно уже повести за собой середняка.

Как же держали себя кулаки? По общему отзыву всех товарищей, кулак был менее активен. Он сравнительно редко выступал открыто, а где и выступал, то с гораздо меньшим гонором, чем в прошлом году. Свое внимание он направил в сторону критики наших недостатков, а в особенности трудностей нашего хозяйственного роста. В своих выступлениях он заостряет внимание на отсутствие товаров в деревне, на несоответствии цен между продуктами сельского хозяйства и промышленности. Особенно часто эти выступления касаются отсутствия леса и высоких цен на него. Для Кубани (вернее для всего Сев. Кавказа) этот вопрос требует к себе действительного внимания. В этой критике, по линии наших хозяйственных трудностей, кулак, несомненно, имеет некоторый успех. Характерно отметить, что кулак свою агитацию очень быстро приспосабливает к изменившейся обстановке. Уже редко встретишь заявление со стороны кулака, что бедняк—«лодырь». Теперь можно услышать со стороны кулака, примерно, такие речи: «Бедняку, конечно, надо помочь, а то человек мается, а самостоятельно на ноги встать не может. Только надежда на вас (коммунистов) плохая, все обещаете, а ничего не делаете. Наверное и на этот раз поговорите, и этим дело кончится».

Вся постановка речи такова, чтобы посеять среди бедноты недоверие к тем мероприятиям, которые проводятся партией, показать бедняку, что действительную помощь он может получить только в союзе с кулаком.

Однако, констатируя, что кулак вел себя на выборах менее активно, чем в прошлом году, мы не делаем отсюда вывода, что он чувствует себя разбитым. Кулак еще весьма силен и в целом ряде случаев давал себя чувствовать весьма основательно. Я проиллюстрирую это несколькими примерами.

На Тихорецком районном с'езде советов кулаками была организована беспартийная фракция. На заседание этой фракции пропускали только по особым билетам. Эта фракция выставила следующие требования: 1) организация крестьянского союза с политической программой для него; 2) предоставить для занятия беспартийными следующие портфели в РИК'е—зав. финотделом, зав. земотделом, зав. административным отделом и зам. председателя РИК'а. Против занятия остальных постов коммунистами

особенно не возражали, и 3) требовали полного уравнения в избирательных правах с рабочими. Свою агитацию они вели так умело, что в начале с'езда имели за собой большинство среди крестьян, присутствовавших на с'езде. Для того, чтобы их разбить, пришлось устроить на один день перерыв, во время которого была совершена экскурсия в железнодорожные мастерские с целью ознакомления делегатов с жизнью рабочих. После этого удалось рядовую крестьянскую массу делегатов взять под руководящее влияние коммунистич. фракции с'езда. Однако, верхушка этой «беспартийной» фракции, в количестве 12 чел., держала себя активно до последних дней с'езда.

В ст. Вышестеблиевской за день до выборов была расклеена «газета» под заголовком: «Вышестеблиевская газета» («Правда в очи коле»). Издатель этой газеты базарком № 2, размер два писчих листа. Написана газета химическим карандашом на украинском языке. Цель этой газеты заключалась в том, чтобы опорочить тех лиц, которые рекомендовались в состав нового совета.

Такая же газета распространялась и в прошлогоднюю мартовскую кампанию.

Привожу еще один пример несколько другого порядка. В наказе делегатам на районный с'езд, принятом Ивановским стансоветом, требовалось предоставление крестьянам права ношения огнестрельного оружия.

Этих нескольких примеров достаточно для того, чтобы судить о том, насколько кулак активно себя проявлял там, где имел надежду на успех.

Для того, чтобы действительно изолировать кулака, необходимо проделать еще большую работу. Для открытого выступления в перевыборной кампании он не чувствовал под собой на этот раз достаточно твердой почвы, поэтому он несколько отступил, чтобы при первом же промахе в нашей политике пойти более уверенно в наступление. Кроме того, следует внимательно присмотреться еще к одному вопросу. Не сосредоточил ли в настоящее время кулак свое внимание на кооперации, в особенности сельско-хозяйственной? На Кубани это довольно сильно заметно. Руководящее влияние кулаков здесь постепенно усиливается.

Перехожу к вопросу об интеллигенции. Она приобретает все большее значение в выборной кампании. В особенности это заметно на Кубани. Там в станицах имеется большое количество интеллигенции. В некоторых станицах одних учителей 50—70 чел. Среди них довольно большое количество местной интеллигенции, тесно связанной с крестьянской массой, а иногда и занимающейся сельским хозяйством, и, естественно, что она имеет большое влияние на крестьянство.

В общем и целом мы должны констатировать, что интеллигенция на выборах голосовала за кандидатуры ячейки, но активно их не защищала. Казачья же интеллигенция, в значительной мере связанная с офицерским званием, не только не шла вместе с ячейкой, а нередко являлась организатором и руководителем деревенского кулачества. Два примера о поведении казачьей интеллигенции: в Уманском районе квартира врача являлась местом, где вырабатывались планы действия кулацкой группы на выборах. Сам врач во время перевыборной кампании являлся наиболее настойчивым защитником кулацких кандидатур.

В станице Ново-Покровской учитель Семенов на выборах стансовета являлся наиболее активным человеком, проваливавшим кандидатуры коммунистов.

Перевыборы показали, что перед местной организацией стоит серьезная задача усиления своего руководящего влияния на интеллигенцию, и в особенности казачью.

Еще несколько слов необходимо сказать о роли беспартийного крестьянского актива в перевыборной кампании. Вплотную к созданию крестьянского актива ячейки подошли только в ходе самой перевыборной кампании, поэтому в этом деле было не мало промахов. Прежде всего, ячейки не всегда достаточно уясняли себе, что такое беспартийный актив, из кого он слагается и как с ним необходимо работать, что привело к тому, что ячейка нередко группировала вокруг себя такой актив, который совершенно не пользуется авторитетом среди масс. Для иллюстрации приведу два примера.

В ст. Ново-Мышанской «в начале перевыборной кампании был создан хлеборобский актив из 80 чел. С созданием его допущена большая ошибка. В актив этот были записаны не члены старого совета, которые активно выделились в ходе годовой работы совета, а те, которые до сего времени оставались совершенно безучастными к общественной работе. На заседании актива, несмотря на вызовы повестками, являлось человек 30, не больше.

На первом своем собрании актив выдвинул в кандидаты совета своих близких и знакомых и выступил против кандидатур женщин и молодежи.

На первых квартальных предвыборных собраниях списки кандидатов в совет, намеченных активом, по требованию собрания и самого актива были сняты.

Уже в процессе перевыборной кампании наметился новый, надежный и крепкий актив из красноармейцев-бедняков, середняков-хлеборобов и женщин».

Примерно, такая же картина имелась в станице Переяловской. Предвыборная работа с активом станицы была проведена неумело: не сумели сплотить бедноту с середняками. На собраниях актива много говорили о том, что, дескать, в совет нужно провести бедняков и середняков, что сословной розни не может быть. Все было как-будто благополучно, но на выборах списки намеченных собранием актива торжественно провалились.

В результате выборов из 101 чел. членов совета 76% казаков. Бедноты—4 чел., остальные—зажиточные и середняки. Женщин—7, членов партии—7.

В других станицах работа с беспартийным активом хотя и стояла несколько лучше в отношении качества самого актива, однако, ей был придан характер, который неминуемо должен был привести к оформлению его в виде самостоятельной крестьянской организации. В ст. Ново-Покровской 22 ноября состоялось заседание бюро ячейки, на котором присутствует ряд беспартийных. Бюро ячейки обсуждало вопрос о создании беспарт. крест. актива, постановляет поручить беспартийным, присутствующим на бюро, на завтра составить список беспартийного актива станицы и прислать секретарю ячейки, и на послезавтра созвать этих активистов. На следующий день присылается список, собирается собрание беспарт. актива в количестве 100 с лишним человек. Что же делает этот беспартийный крест. актив? На

одном из своих заседаний постановляет: слушали «вопрос о выборах в районную комиссию для перевыборов в стансовет», постановляет «избрать от имени актива в районную комиссию таких-то и таких-то». Далее—слушали «доклад уполномоченного по землеустройству, постановили «избрать от имени актива в состав землеустроительной комиссии таких-то и таких-то» (идет перечисление фамилий). На след. заседании обсуждают вопрос опять о землеустройстве, и крестьянский актив постановляет подтвердить постановление общего собрания граждан, т.-е. выходит, что крестьянский актив стоит уже выше общего собрания. Состоялось следующее совещание беспарт. актива, на котором обсуждался вопрос о перевыборной кампании. Беспарт. крест. актив постановляет выбрать из своей среды на каждый квартал по 5 чел. для того, чтобы они руководили в квартале намечением кандидатур в будущий совет и всей перевыборной кампанией. Далее собирается еще раз беспарт. крест. актив и на этом собрании ставится вопрос о плане дальнейшей работы беспарт. актива. Тут наши коммунисты спохватились и предложили снять этот вопрос за отсутствием времени. С тех пор вообще перестали работать с беспартийным активом.

Было бы, однако, ошибочно, если из приведенных примеров неудачной работы с беспартийным активом мы сделали бы вывод, что актив не играл существенной положительной роли во всей выборной кампании. Наоборот, можно было бы привести десятки случаев, когда намеченные ячейкой и активом кандидаты на 90% проходили в совет, что называется «без сучка и без задоринки».

Другой вопрос, кто в этой работе играл главенствующую роль—ячейка или актив. И здесь надо сказать несколько слов вообще о руководящей роли ячейки во всей кампании. Отказа со стороны ячейки от руководства кампанией не было. Ячейки старались брать руководство в свои руки. В большинстве случаев—худо ли, хорошо ли—это им удавалось, а в отдельных случаях они плелись в хвосте событий. Актив беспартийного крестьянства в ряде мест взял руководство кампанией в свои руки, и ячейка играла роль подсобного характера.

Определить, насколько авторитетны ячейки в глазах широкой массы крестьянства, трудно. Мы пробовали проверить, в каких кварталах выбирались наши партийцы и установили, что, как правило, в кварталах с преобладающим казачьим населением в совет проходила только руководящая головка коммунистов (секретарь ячейки, пред. совета или кооперации и т. п.), рядовые же члены партии выбирались, главным образом, по кварталам с преобладающим иногородным населением.

Это обстоятельство можно понять, имея в виду, что подавляющее большинство коммунистов из иногородних, казаки же составляют ничтожное меньшинство. Надо отметить еще и то, что даже там, где кулаки имели на своей стороне большинство, секретарь ячейки и еще один-два коммуниста все же выбирались в совет по предложению самих же кулаков.

Имеются случаи, когда отдельные, даже весьма ответственные члены ячейки, отказывались выступать с отводами кандидатур кулаков, мотивируя свой отказ тем, что это роняет его «авторитет» в глазах широких масс. Вообще случаи подлаживания под «настроения массы» встречаются довольно часто. Для иллюстра-

ции привожу только два примера: в одном стансовете обсуждается вопрос о раздаче детей из детдомов по крестьянским хозяйствам. Задается вопрос, а можно этих детей бить. Встает авторитетный кулак и раз'ясняет, что, конечно, можно. Присутствовавшие бывшие партизаны возмутились таким нахальным заявлением кулака, а наши коммунисты, члены совета, не дали должную отповедь такому выступлению. На вопрос, почему они не выступили, последовал ответ: «Я не расслышал этого выступления». Случаи некоторой «глухоты» у отдельных коммунистов имели место и в других местах. В ст. Дядьковской, когда голосовалась кандидатура ячейки, один коммунист не голосовал за нее. Когда его спросили—почему? он заявил: «Не расслышал кого голосуют». Конечно, это являлось простой отговоркой. Вообще случаи недисциплинированности отдельных членов партии и комсомольцев, выразившиеся в том, что они голосовали против кандидатур ячейки, имели место.

К недостаткам необходимо также отнести голосование при выборах на так называемые «чистые голоса». Голосование на «чистые голоса» обозначает: голосуют «за» и «против»; голоса, полученные против, высчитываются из голосов, полученных за, и в совет проходят по количеству получивших большинство оставшихся «чистых» голосов. Приведу пример: в ст. Дядьково голосуются два кандидата—коммунист и кулак. Коммунист получает «за» 105 голосов и «против» 73, остается чистых 32. Кулак получает «за» 104, «против» 33, остается чистых 72. Таким образом, по системе голосования на «чистые» голоса прошел кулак.

Еще несколько слов необходимо сказать относительно выявления лиц, подлежащих лишению избирательного права. На прошлогодних «мартовских» выборах это было одним из самых больных вопросов. Кулаки, поддержанные середняками, нередко настаивали на восстановлении в избирательных правах лиц, которые явно на это не имели права согласно конституции. В нынешнем году этот вопрос почти нигде не вызывал протестов, хотя количество лишенных избирательных прав несколько увеличилось.

Общее количество лишенных избирательного права составляет 1,4% всех избирателей. Едва ли такой процент можно считать достаточным. Общее количество кулаков на Кубани по всей вероятности составляет не менее 3—4%, а скорее всего даже больше, если принять общее количество лишенных избирательных прав за 100%, то среди них:

	%
духовенства	11,0
торговцев	45,0
полицейских	9,0
умалишенных	1,0
осужденных	5,0
предпринимателей	8,0
прочих	21,0

Как видно, количество крестьян-кулаков крайне незначительно. Огромное большинство лишенных избир. права составляют торговцы, духовенство и т. п.

Это обстоятельство должно быть учтено на будущих выборах. Насколько неполно были выявлены лица, подлежавшие лишению избир. прав, наглядно видно на следующем примере.

На Тихорецком районном с'езде советов выступала «беспартийная» фракция. Кто же являлись руководителями этой фракции?

1. Усов—судебный пристав, перед концом старой власти был назначен участковым помощником, в переводе на наш язык, это—нечто вроде земского начальника.

2. Плотников—имеет магазин и хлебную ссыпку.

3. Слесаренко—бывш. офицер, имеет два трактора. Он же является председ. с.-х. товарищества.

3. Чапильвен—с него есть икона в церкви, как «мученика» от красных.

Фамилий двух других я не записал, они являются бывш. офицерами, недавно вернувшимися из концентрационного лагеря. Вот кто являлся руководителями так назыв. «фракции беспартийных» на Тихорецком с'езде советов.

Каковы же итоги перевыборной кампании в сравнении с двумя предыдущими перевыборами?

Прежде всего, имеется налицо значительное повышение количества избирателей, явившихся на выборы, хотя сами выборы происходили в период отчаянной грязи (на Кубани совершенно исключительная грязь, когда, что наз., «порядочный хозяин собаку и то не выгонит»).

	По перевыборам в марте мес. 1925 г.		По перевыборам в данное время.	
	Абс.	В %	Абс.	В %
Число переизбран. с/сов	134	100	134	100
Всего избирателей	409.050	100	392.891	100
Явилось на выборы	138.364	33	161.425	41
Избрано в советы	7.949	100	7·647	100

При чем здесь необходимо отметить, что особенно повысился процент иногородних, явившихся на выборы. В моем распоряжении не имеется данных для всего округа, а только по двум районам, которые, конечно, не являются счастливым исключением.

Так, по Кореновскому району казаки увеличили свою явку на выборы, в сравнении с прошлым годом, на 2%, а иногородние на 110%. По Тихорецкому району казаки—на 20%, иногородные—на 60%.

Это обстоятельство, несомненно, также сказалось на результатах перевыборов.

Состав вновь избранных стансоветов представляется в следующем виде:

По полу:

	1924 г.*) %	1925 г. %	1926 г. %
Мужчин	90.2	7,245—91.1	7,167—93.7
Женщин	9,8	704— 8.9	480— 6.3

По бывшему сословию:

	%	%	%
Казаков	53.6	4.904—61.7	4.921—64.4
Крестьян	41.4	2.698—33.9	2.726—34.6
Других сословий	5.9	—	—

По соц положению:

	%	%	%
Хлеборобов	75.3	6.526—82.1	6.271—82.1
Из них: бедняков	24.0	1.274—19.5	2.170—34.6
середняков	76.0	5.252—80,5	3.867—61.7
прочих	—	—	234— 3.7
Рабочих и батраков	9.9	477— 6.0	274— 3.7
Служащих	11.1	709— 8.9	734— 9.6
Кустар. и ремесленик	—	—	80— 1.0
Интеллигентов	3.7	237— 3.0	315— 4.1

По партийности:

	%	%	%
Членов ВКП(б) и канд.	12.2	688— 8.7	704— 9.2
Членов ВЛКСМ	3.5	150— 1.9	123— 1.7
Беспартийных	84.3	7.111—89.4	6.820—89.1

Участие Кр. армии:

	%	%	%
Терармейцев	—	—	237— 3.7
Красноармейцев	1.2	89— 1.1	63— 1.0
Демобилизованных	35.7	2.364—29.7	1.838—28·8
Не служивших	63.1	5.496—69.2	4.267—66·6

Примечание: Сведения об участии Кр. армии даны по 14 районам; нет сведений от Каневского, Медведовского и Краснодарского районов.

Таким образом, как заметные положительные стороны в отношении состава новых советов, необходимо отметить значительное повышение процента бедноты, превысившего даже процент 24 г., некоторое повышение процента коммунистов и повышение % иногородных.

*) Данные для 24 г. приводятся только в %, т. к. они относятся к 190 стансоветам, тогда как данные 1925 г. и 1926 г. относятся к 134 стансоветам, в которых проходили перевыборы.

К отрицательным результатам—понижение процента женщин, комсомольцев, батраков и демобилизованных красноармейцев.

Одними этими цифровыми выражениями еще трудно определить действительное улучшение состава советов. Для более точного определения следовало бы еще иметь и данные о зажиточности состава середняцкой группы, о количестве б. атаманов, б. офицеров и т. д. Этих данных в нашем распоряжении не имеется, но по отзыву товарищей, проводивших выборы, в этом отношении, несомненно, имеются достижения.

Какие же выводы напрашиваются в итоге перевыборной кампании на Кубани?

1. Перевыборная кампания в целом по сравнению с мартовскими перевыборами происходила при более спокойной обстановке повысившейся активности широких крестьянских масс, что является, во-первых, результатом политики нашей партии за истекший год, направленной к действительному учету интересов бедноты и середняков, и, во-вторых, настойчивой работы местной парторганизации по усвоению низовыми парторганизаторами смысла и значения современного курса партии.

2. В низовых ячейках постепенно изживаются элементы растерянности и отказа от руководства беспартийной массой. Однако, эти ячейки на последних перевыборах еще не всюду являлись действительными руководителями бедноты и середняков. Ячейками была проявлена излишняя осторожность по организации бедноты, вследствие чего имели место случаи, когда беднота самостоятельно организовывалась и со своими списками кандидатов выступала в противовес списку ячейки.

Внутри ряда ячеек отсутствует спайка и дисциплина, что приводило к отказу, со стороны, отдельных коммунистов, от отвода нежелательных кандидатов, или, наоборот, к голосованию коммунистов против кандидатов, выставленных ячейкой.

3. В союзе середняка с кулаком (который имел место на прошлогодних выборах) образовалась серьезная трещина, вследствие чего, в большинстве случаев, при умелом подходе со стороны ячейки, середняк голосовал вместе с беднотой против кулака.

Однако, прочный союз бедноты с середняком еще не создан. С помощью нашей партии выборная кампания сблизила бедняка с середняком, и при умелом руководстве они выступали вместе против кулака, но руководящее влияние принадлежит все еще середняку.

Эм. Газ.

Ответ на ответ.

I.

Быть может, читатели помнят нашу рецензию, посвященную книге Н. Попова «Очерки по истории РКП» и помещенную в № 3 «Большевика» за текущий год. В ответ на эту рецензию автор книги разразился в № 5 того же журнала сердитой статьей, обвиняя нас во всех смертных грехах. Само собой разумеется, в задачу критики вообще и в нашу задачу в частности не входило намерение обязательно понравиться автору рецензируемой книги. Естественно и то, что наша критика вызвала со стороны Н. Попова большое неудовольствие, которым он и поспешил поделиться с читателями «Большевика». «...Эта рецензия,—пишет автор,—построена отчасти на непонимании, отчасти на прямом извращении моих мыслей»... («Большевик» № 5, стр. 76).

Присмотримся же к возражениям автора книги и проверим, насколько правильны его суждения по ряду вопросов, связанных с историей нашей партии.

«Автор рецензии,—начинает свой ответ Н. Попов,—с места в карьер приписывает (или, лучше сказать, пришивает) мне взгляд на интеллигенцию, как на «особую с а м о д о в л е ю щ у ю силу (курсив мой. *Н. П.*), в борьбе за свои собственные интересы опирающуюся и использовывающую (используюущую? *Н. П.*) то тот, то другой класс» («Большевик» № 3, стр. 97)». Энергично выражается наш автор, но, увы, вся эта тирада страдает некоторой, скажем... излишней суб'ективностью. Чтобы убедиться в этом, достаточно мельком взглянуть на нашу рецензию. На протяжении целых д в у х страниц мы показали (и, надеемся, доказали), что в своей книге Н. Попов вульгарно исказил и извратил к л а с с о в у ю с у щ н о с т ь и и с т о ч н и к как народничества так и «легального марксизма». Только после (и на основании) подробного анализа этой части книги Н. Попова мы позволили себе з а к л ю ч и т ь р е з у л ь т а т ы р а с с м о т р е н и я в следующем положении. «Вся беда т. Попова, приведшая его к этой путанице, заключается в том, что он рассматривает интеллигенцию как какую-то особую самодовлеющую силу, в борьбе за свои «собственные интересы», опирающуюся и использовывающую то тот, то другой класс» («Большевик» № 3, стр. 92).

Н. Попов—автор ответа—с этим выводом не согласен, он считает себя неповинным в указанной нами ошибке. Но тогда следовало бы потрудиться доказать, что те посылки, т.-е. критика точки зрения Н. Попова—неверны и, следовательно, тем самым неверно, беспочвенно и лишено всякого разумного основания было и само, покоившееся на этой критике, з а к л ю ч е н и е. Вместо этого, наиболее простого и «экономного» способа выяснения спорных вопросов, наш автор, по весьма прозрачным побуждениям, предпочитает иной путь. Неожиданно и «с места в карьер» он обрушивается на ту характеристику роли интеллигенции, которую мы дали в положительной части рецензии, и переходя в наступление по всей линии, восклицает: «...Чтобы интеллигенция как целое представляла собою «особую с а м о д о в л е ю щ у ю силу»—это мнение во всяком случае не мое, а скорее самого автора рецензии».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Из критика мановением волшебного пера Н. Попова мы превращены в обвиняемого и, странное совпадение, как раз по тому же «делу», в котором видели «грех» автора книги.

Но соответствует ли действительности это обвинение? В этом весь вопрос.

В цитированном выше положении, коснувшись источника ошибок Н. Попова, мы продолжали: «Эту концепцию (Н. Попова. *Э. Г.*) необходимо перевернуть, поставив ее на ноги. Не интеллигенция в борьбе за свои интересы использовывает другие классы (точка зрения Н. Попова. *Э. Г.*). Этого в «природе» не бывает. В действительности же другие классы—главным образом буржуазия, а также пролетариат и крестьянство,—использовывают в качестве «идеологов» и организаторов своей борьбы интеллигенцию. Поэтому последнюю нельзя рассматривать как нечто единое, а следует помнить, что в капиталистическом обществе, продуктом которого интеллигенция является, она п о л и т и ч е с к и выступает не столько как интеллигенция вообще, сколько как буржуазная, пролетарская и мелко-буржуазная интеллигенция» («Большевик» № 3, стр. 77—78).

Стоит только сопоставить эту цитату с тем обвинением, которое тщится нам «пришить» автор рецензированной книги, чтобы убедиться, насколько основательна его контр-критика в данном вопросе.

Но на этом наш автор не останавливатся. П о с л е нашей критики и в п р о т и в о в е с ей он выдвигает свое понимание этого вопроса. Вот оно: «В отличие от Эм. Газа я считаю, что в капиталистическом обществе интеллигенция не по большей части (?), не «постольку-поскольку» (?), а в с е г д а выступает как представительница или как часть (?) определенного класса (классовой прослойки): крупной буржуазии, мелкой буржуазии, пролетариата» («Большевик» № 5, стр. 76).

«Обжегшись на молоке, начнешь дуть на воду»—скажем мы по поводу этого странного оборота. Если в своей к н и г е Н. Попов только и видел, что мелко-буржуазную интеллигенцию, заполнившую своей борьбой всю арену истории, то теперь, в своем о т в е т е—он по существу лишает интеллигенцию права на существование, так как пристегивает ее к другим классам (классовым прослойкам) «как ч а с т ь». Но, быть может, Н. Попов не пожелает сделать этого, л о г и ч е с к и н е и з б е ж н о г о вывода из его определения? Тогда... мы не видим для него другого выхода, кроме присоединения к нашей формулировке.

Вдоволь поговорив об интеллигенции «вообще», Н. Попов спохватывается. Приведя одно из цитированных нами в рецензии мест своей книги, он замечает: «Правда, в этой цитате Эм. Газ пытается найти у меня другую погрешность, отрыв народничества 70-х годов от мелкого производителя, от крестьянства» («Большевик» № 5, стр. 77).

Именно так, именно эту, а не какую-либо другую погрешность критиковали мы в книге Н. Попова по данному вопросу; именно на этой (хотя не только на этой) погрешности обосновывали мы свойственное нашему автору «лавристское» представление об интеллигенции. Однако, прежде чем перейти к разбору аргументов Н. Попова, восстановим вкратце картину спора.

Что, собственно, критиковали мы в той части книги Н. Попова, которая посвящена народничеству? Полное непонимание автором социально-классовой сути этого движения. В чем это непонимание выразилось? В том, что, по мнению Н. Попова, «...если с классовой точки зрения подойти к движению революционеров-народников 70-х годов, то мы увидим в этом движении определенные интересы мелко-буржуазной интеллигенции и «только» («Очерки», стр. 26). Приведя эту цитату из книги Н. Попова, мы спрашивали в своей рецензии: «Достаточна ли такая точка зрения на народничество, как на движение, выражавшее «только» интересы мелко-буржуазной, разночинной интеллигенции?» И, отвечая отрицательно, мы ссылались на следующее место из В. И. Ленина: «Сущность народничества—представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа. Г. Струве... назвал народничество «национальным социализмом». Вместо «национальный» следовало бы сказать «крестьянский»—по отношению к старому русскому народничеству (т.-е. 60-х, 70-х г.г. *Э. Г.*) и «мещанский» по отношению к современному (т.-е. 90-х г.г. *Э. Г.*). «Источник» народничества—преобладание класса мелких производителей (крестьян и кустарей. *Э. Г.*) в пореформенной капиталистической России» (Собр. сочин., т. VI, стр. 61).

Стоит сравнить эти две цитаты (Н. Попова и В. И. Ленина), чтобы увидеть, что при оценке народничества они исходят из совершенно различных положений. Поэтому, сопоставив этих двух авторов и согласившись с последним, мы пришли к следующему выводу: «...Именно это основное в народничестве — представительство интересов мелких производителей»—ухитрился совсем не заметить тов. Попов («Большевик», № 3, стр. 97).

Теперь, когда суть спора ясна, послушаем по данному вопросу Н. Попова. В своем ответе он пишет: «Чтобы убедить меня в связи народничества 70-х годов с крестьянством, Эм. Газ приводит даже (?) цитаты из Ленина. Но здесь он совершенно напрасно, хотя и вооруженный с ног до головы цитатами из Ленина (помилуйте, Н. Попов ведь всего одна—единственная цитата! *Э. Г.*), ломится в открытую дверь».

Последнее образное выражение должно, очевидно, выражать полную солидарность нашего автора с В. И. Лениным. Запомнив это, перейдем к дальнейшему. «Ибо в самом начале книги на стр. 7,—пишет Н. Попов,—я говорю о представителях нашей народнической интеллигенции 70-х годов: «Они остаются плоть от плоти, кость от кости тех общественных слоев, откуда они вышли: мелкого мещанства, крестьянства (курсив мой. *Н. П.*), чувствовавших на себе всю тяжесть государственной, полицейской, бюрократической машины».

И на той же странице несколькими строками ниже: «Это одно (полуазиатский характер государственного строя. *Н. П.*) порождает среди развивающейся интеллигенции, частью связанной

с растущей буржуазией, частью с освобожденным крестьянством (курсив мой. *Н. П.*)[1]), известное недовольство существующим строем» («Большевик» № 5, стр. 77).

Таковы те цитаты из книги Н. Попова, которые автор смог привести в своем ответе, дабы доказать неверность нашей критики и свою солидарность с В. И. Лениным. Но доказывают ли они это? Нисколько,—скажет всякий непредубежденный читатель. Наоборот, они являются лучшим подтверждением правильности нашей критики и лучшей демонстрацией коренного расхождения, которое существует между взглядами В. И. и нашего автора,—расхождения, ставшего источником ошибок Н. Попова по данному (и не только по данному) вопросу.

Методологически это расхождение сводится к следующему. В то время, как для всякого марксиста вопрос о классовой природе той или иной партии решается анализом всей суммы ее теоретических идей и, главное, практических действий, для Н. Попова этот вопрос без остатка решается только анализом социального состава участников и деятелей этой партии.

В свое время Маркс, разбирая классовый характер французской социал-демократии, мелко-буржуазной партии эпохи революции 1848 года, писал: «Еще меньше следует думать, что демократические представители—все только лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и личному положению в обществе они могут быть, как небо от земли, далеки от них.

Представителями мелкого буржуа их делает то, что в своем сознании они не переступают тех границ, за которые не выходит в жизни мелкий буржуа, что они поэтому теоретически приходят к тем же задачам и лозунгам, на которые мелкого буржуа практически наталкивает его материальный интерес и общественное положение. Таково вообще отношение между политическими и литературными представителями какого-нибудь класса и классом, который они представляют» (Собр. сочин. Маркса и Энгельса, т. III, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»).

Характеризуя народничество, Ленин утверждает: «Философствование о возможности иных путей для отечества», это только внешнее облачение народничества. Содержание же его—представительство интересов и точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому, народник в теории точно так же является Янусом, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое хозяйство, не зная и знать ничего не

[1]) Обращаем внимание читателя, что центр тяжести аргументации Н. Попова в приведенных цитатах по существу сводится к подчеркиванию слова «крестьянство» в то время, как в тексте книги курсивом набрано почти всюду слово «интеллигенция». Это «курсивное увлечение», как нельзя лучше, хотя и косвенно, выдает с головой нашего автора. Заслуживает также быть отмеченным и то, что крестьянство вовсе не играло столь значительной роли в формировании пореформенной интеллигенции, как это хотелось бы представить Н. Попову. Мелкое чиновничество, захолустное духовенство и даже дворянство — таковы те группы общества, которые, помимо крестьянства и мещанства, сыграли очень большую роль в формировании интеллигенции. Но это только между прочим.

желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом,—а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма» (Собр. сочин., т. II, стр. 155)[1]).

Подведем теперь итоги. Критикуя точку зрения Н. Попова в своей рецензии, мы писали: «Было бы неверно отрицать, что всеми условиями своего существования значительная часть пореформенной интеллигенции толкалась в резкую оппозицию господствующему режиму. Но сам по себе этот факт исторически очень значительный, так как им создавалась важнейшая предпосылка народничества, не в состоянии все же исчерпывающе об'яснить его социально классовую суть, т.-е. как раз то, к чему сводится задача марксистского анализа» («Большевик» №. 3, стр. 96).

Этого то и не понял Н. Попов ни в своей книге, ни в своем ответе на нашу рецензию. Подменив общий и решающий вопрос о классовой природе партии, хотя и важным, но все же частным и подчиненным критерием социальной характеристики личного состава участников и носителей движения[2]), он и пришел к своей теории всеоб'емлющей мелко-буржуазной интеллигенции, творящей историю по своему образу и подобию.

Аналогичную ошибку, вытекающую из того же источника, делает Н. Попов и по вопросу о «легальном марксизме». Схема нашего автора чрезвычайно проста и примитивна. Если раньше, как мы видели, мелко-буржуазная, разночинная интеллигенция в борьбе за свои интересы, в борьбе против бюрократического, полицейского режима самодержавия сделала попытку опереться на крестьянство,—откуда—крестьянский уклон, то впоследствии, убедившись, что эта опора ненадежна, что «роман» с крестьянством бесплоден, мелко-буржуазная интеллигенция решает опереться на рабочий класс,—откуда—марксистский уклон. Приведя в своей рецензии соответствующие места из книги Н. Попова, мы обращали внимание читателя на следующее противоречие: «Теперь пусть судит читатель, что получается у т. Попова. Народничество—это попытка разночинной

[1]) Вульгаризируя марксизм, ограничиваясь поверхностью движения, Н. Попов дает нам такое законченное определение народничества: „...Это был социализм неоформленный, в достаточной степени расплывчатый, отражавший на себе неопределенность и промежуточность классового положения так наз. разночинной интеллигенции, которая являлась его носителем, при чем он имел определенный крестьянский уклон". Откуда же взялся этот „уклон?" „Интеллигенции, нуждающейся в политических реформах, чувствовавшей на себе самодержавный гнет, нужно было на кого-нибудь опереться в борьбе с самодержавием. На кого же она могла опереться?" Ответ ясен: на крестьянство („Очерки", стр. 8). Чтобы читатель понял, какие политические выводы вытекали из этого анализа, кстати сказать, даже в выражениях совпадающего с тем анализом, который давал Маркс мелко-буржуазной партии 1848 года во Франции, приведем следующее за этим место: „Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу целиком, без разбора, было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны". Забегая вперед укажем, что этого никогда не понимали меньшевики—откуда их теоретически фальшивая, а практически ренегатская идея о роли крестьянства в нашей революции.

[2]) Кто, например, станет отрицать, что несмотря на рабочий состав германская социал-демократическая партия отнюдь не является пролетарской по существу своей политики?

интеллигенции опереться на крестьянство в борьбе за свои «собственные интересы». «Легальный марксизм»—та же разночинная интеллигенция в борьбе за те же «собственные интересы» пытается опереться на рабочий класс. Но ведь всякому известно, что «марксизм» Струве, Туган-Барановского и т. д. занимал позицию диаметрально противоположную народничеству. Первый исходил под флагом марксистской фразеологии из интересов капитала, последний из интересов труда (мелких производителей), хотя и плохо понятых и еще хуже защищаемых» («Большевик» № 3, стр. 97).

Как опровергает в своем ответе это положение Н. Попов? Довольно своеобразно: он не считает даже нужным опереться на какие-либо доказательства из своей книги, сослаться на какие-либо мысли в ней, чтобы показать, что мы их не «поняли», или даже «извратили». Верный своей методе, он «с места в карьер» переходит в атаку против нашего толкования этого вопроса, противопоставляя ему свое. Таким образом, получается довольно веселая история: мы критиковали в рецензии Н. Попова—автора книги, в ответе же перед нами выступает тоже Н. Попов, но упорно молчащий о тех взглядах, которые были изложены им в книге, явившейся об'ектом нашей критики.

«Борьба между легальным марксизмом и народничеством,—пишет наш автор,—отражала крупные социальные процессы, происходившие в нашей стране, и вместе с тем отражала пестрый, разноцветный характер нашей мелко-буржуазной интеллигенции. Та часть ее, которая представляла городское мещанство (связанное с буржуазией, с одной стороны, с пролетариатом—с другой), тяготела к легальному марксизму (и к экономизму), другая часть интеллигенции, связанная с крестьянством (в том числе и с его верхушечными слоями), тяготела к народничеству» («Большевик» № 5, стр. 77—78). Святая истина, что борьба между народничеством и «легальным марксизмом», «отражала крупные социальные процессы»... Но ведь задача в том и заключается, чтобы вскрыть и об'яснить эти «процессы». В своей рецензии мы по возможности эту работу выполнили. Но приведенная там схема кажется Н. Попову «смехотворной»[1]).

[1]) Чтобы читатель мог самостоятельно судить о степени верности критической оценки Н. Попова, приведем эту грубую и нарочито заостренную схему, как писали мы в рецензии, целиком.

Если... мы подойдем к той идейной борьбе, которая в 90-х годах происходила между революционным марксизмом и народничеством, с одной стороны, между «легальным марксизмом и народничеством, с другой, то мы сразу увидим, что здесь не интеллигенция вообще боролась за свои собственные интересы, а три различные группы интиллигенции в своей борьбе, представительствуя три различных класса, «оружием критики» предвосхищали грядущую «критику оружия».

Революционный марксизм означал классовую эмансипацию пролетариата, его выделение из сплошного крестьянского моря, и соответственно, революционные марксисты, в лице Плеханова, Ленина и т. д., сбрасывая с себя «ветхого Адама» народничества и переходя на сторону пролетариата, становились пролетарской интеллигенцией.

«Легальный марксизм» был своеобразной формой самоопределения буржуазии, и соответственно, в лице Струве, Туган-Барановского и т. д. создавались кадры буржуазной интеллигенции.

И наконец, третьей, мелко-буржуазной, группой интеллигенции было народничество, смотревшее на вещи глазами мелкого производителя, разоряемого капитализмом («Большевик» № 3, стр. 98).

Но что же дает нам взамен этой «смехотворной» схемы наш автор? Одну тощую и ничего не говорящую плоскую фразу о каких-то «крупных социальных процессах»... А затем он спокойно возвращается на свою излюбленную колею, к мелко-буржуазной интеллигенции, надеясь в ее «пестром, разноцветном характере» найти разрешение всех тревожащих его вопросов. На этом пути он, как и следовало ожидать, терпит крушение, ибо как иначе назвать то об'яснение, которое мы выше привели в изложении Н. Попова.

А теперь по поводу того кавалерийского рейда, которому подверглась наша рецензия со стороны Н. Попова. «Борьба легального марксизма с народничеством,—пишет он,—вовсе не была борьбой между интересами капитала и труда, как хочет нас уверить Эм. Газ. Если бы мы стали на эту более чем странную точку зрения, то пришлось бы признать, что Ленин и Плеханов, выступавшие одно время вместе с легальными марксистами против народников, защищали интересы капитала против интересов труда» («Большевик» № 5, стр. 77) [1]. Сей, с позволения сказать, аргумент Н. Попов считает неотразимым. Для этого он не постеснялся произвести над нашей цитатой небольшую операцию, сведя ее к голой антитезе труда и капитала.

Итак, Н. Попов не согласен с тем, что народники исходили из интересов «труда (мелких производителей), хотя и плохо понятых и еще хуже защищаемых». Вот что говорит по этому поводу автор, с которым, как знает читатель, ранее согласился Н. Попов. «Народничество отразило такой факт русской жизни, который еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов *труда и капитала*» (*Ленин*, Собр. сочин., т. II, стр. 68). Комментировать эту цитату излишне, поэтому пойдем дальше.

Чьи интересы об'ективно [2]) защищали легальные марксисты в отличие от революционных? По мнению Н. Попова, «Блок легальных марксистов с революционными имел место до тех пор и постольку, пока и поскольку речь шла о защите интересов экономического развития в целом, поднятия производительных сил, в которых заинтересованы как мелко-буржуазная интеллигенция, так и пролетариат. Потом (?) внутри марксизма произошла дифференциация, некоторые из бывших легальных марксистов превратились в буржуазных либералов, перестав быть марксистами» («Большевик» № 5, стр. 78). Прежде всего отметим перманентное противоречие, свойственное нашему автору: мелко-буржуазная интеллигенция заинтересована «в поднятии производительных сил» и т. д., в то же самое время—мелко-буржуазная

[1]) В примечании к *этому* месту Н. Попов приводит цитату из нашей рецензии, которую он не берет в кавычки, чтобы иметь возможность ее *исказить*. У нас сказано: «Легальный марксизм» «исходил—*под флёром марксисткой фразеологии* (курсив наш. *Э. Г.*)—из интересов *капитала*», народничество—«из интересов *труда* (*мелких производителей*, курсив наш. *Э. Г.*), хотя и плохо понятных и еще хуже защищаемых» (см. «Большевик» № 3, стр. 97).

Подчеркнутые нами *теперь* места показывают «случайные» пропуски щепетильного автора.

[2]) Мы говорим *об'ективно*, потому, что вопрос о *суб'ективных* намерениях и целях Струве и К° нас, в данной связи, не интересует. Пусть вспомнит читатель приведенное ранее определение Маркса об отношении «между *политическими* и *литературными* представителями какого-нибудь класса и тем классом, который они представляют».

интеллигенция в лице народников упорно и тупо борется против этого самого «развития в целом»... Прямо не интеллигенция, а какой-то сфинкс! Но это только мимоходом. Верно ли утверждение Н. Попова, что к вопросам «экономического развития» в целом одинаково подходили «легальные марксисты» и революционные; что только *потом* (когда?) «легальные марксисты» превратились в буржуазных либералов, а *вначале* были «внутри марксизма»? Начнем с последнего. Если бы утверждение Н. Попова было верно, то тогда следовало бы признать преувеличением, даже ошибкой то выступление Ленина против Струве осенью 1894 г., в котором он называл работу последнего «отражением марксизма в *буржуазной* литературе».

В данной связи уместно вспомнить и следующее положение, выдвинутое т. Лениным в «Что делать?»: «Ни для кого не тайна,—писал он,—что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей *крайних* с людьми *весьма умеренными*. В сущности эти последние были *буржуазными демократами*, и этот вывод (до очевидности подкрепленный (только подкрепленный) их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целости «союза». (Собр. сочин., т. V, стр. 128, курсив наш *Э. Г.*).

Конечно, между Струве 1894 г. и Струве 1905 г. существует большая разница [1]). В 1894 г. Струве был буржуазным либералом in nuce (в зародыше). Это так. Но из этого еще не следует, что он не был буржуазным либералом уже и тогда. Марксистом (без кавычек) Струве *никогда* не был; буржуазным идеологом—*всегда*. Поэтому-то идейная эволюция Петра Струве есть лучшее зеркало жизненной эволюции его «госпожи»—российской буржуазии [2]).

Разницу в подходе к «защите интересов экономического развития в целом» революционных марксистов и «легальных» и классовый смысл «критических» упражнений последних хорошо вскрывает Г. В. Плеханов. «Они (Струве и К°) «пересмотрели» теории Маркса с точки зрения «*реализма*» и в результате их «пересмотра» получилась такая доктрина, которая, *давая положительное об'яснение капитализму, в то же время отказывалась об'яснить его «неизбежное падение»*, анализировать его с его «*преходящей стороны*» (что делали революционные марксисты. *Э. Г.*). С этой стороны, «*пересмотренный нашими «критиками»*», Маркс *анализирует только старые, докапиталистические способы производства и вырастающие на их основе политические формы* (т.-е. является удобным средством для борьбы с народничеством и крепостническими методами само-

[1]) Еще большая разница существует между Струве 1905 г. и Струве 1925 г.—редактором «Возрождения».

[2]) Эту подоплеку Струве хорошо вскрыл В. Воровский: «Несамостоятельность русских «критиков» в их методах борьбы с ортодоксией являлась отражением того факта, что по существу они были не *мелко-буржуазными ревизионистами* (наподобие самого Бернштейна), а *идеологами буржуазного либерализма*, не обретшими еще самих себя».

См. сб. «Памяти К. Маркса», статья П. Орловского, стр. 174, курсив наш. Э. Г.

См. также по этому вопросу предисловие т. Л. Каменева к второму тому собр. сочин. В. И. Ленина.

державия. *Э. Г*). Таким образом, наш «неомарксизм» является самым надежным орудием русской буржуазии в борьбе ее за духовное господство в нашей стране» (Собр. сочин., т. VI, стр. 270—271).

Эта блестящая характеристика целиком приложима к «Критическим заметкам» Струве. Ленинская критика этой книги идет всецело по этой линии. Но если это так, если «легальный марксизм» выковывал, по выражению Плеханова, «надежное оружие русской буржуазии», то это и значит, что Струве и его «критические» друзья при оценке современной действительности (экономической и политической) исходили из интересов капитала.

Юмор Н. Попова насчет того, что «по смехотворной схеме Эм. Газа... легальные марксисты были простыми (?) защитниками капитала», мало смешит. Но в том-то и дело, почтенный автор, что если бы «легальные марксисты» были «простыми» защитниками капитала, тогда и Вы наверно без труда распознали бы их классовую природу. Тогда нам не пришлось бы об'яснять Вам этого ни в нашей рецензии, ни здесь. Но, увы, тот факт, что они были не «простыми», а учеными, идейными вождями буржуазии, скрыл от Вас их истинный смысл и заставил нас предостеречь читателя от следования по Вашему пути.

II.

Высоты фальшивого морализма достигает в своем ответе Н. Попов при разборе той части нашей рецензии, которая была направлена против искажения им отношения партии к крестьянскому движению. Займемся этим вопросом.

В чем видели мы ошибку автора книги в этом сугубо важном вопросе? В том,—писали мы в рецензии,—что то «различное отношение партии пролетариата к различным слоям крестьянства на различных этапах исторического развития», которое «всегда составляло характерную и отличительную черту большевизма»,—осталось совершенно не освещенным в книге Н. Попова. Основу подхода нашей партии к крестьянскому движению мы изложили следующими словами Владимира Ильича: «Мы поддерживаем крестьянское движение,—писал Ленин в 1905 г.,—поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит как реакционное, противопролетарское. Вся суть марксизма в этой двоякой задаче, которую упрощать и сплющивать в единую простую задачу могут только не понимающие марксизма люди» (Собр. сочин., т. VI, стр. 449).

И дальше продолжали мы: «Этот глубоко диалектический подход к вопросу, конкретно нашедший свое выражение в том, что одновременно с решительным призывом всего крестьянства на борьбу против помещичьего государства, наша партия столь же решительно подчеркивала необходимость «во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельско-хозяйственного пролетариата» (из резолюции III с'езда, цит. по Ленину, т. VI, стр. 499), остался совершенно не выясненным у тов. Попова». Почему мы сочли необходимым подчеркнуть эту ошибку автора книги? Потому что,—писали мы,—«он (автор) усиленно и неоднократно подчеркивает, что наша революция, в случае своего успеха станет прологом революции социалистической, но при этом ни разу не отмечает той двоякой задачи партии по отношению к крестьянскому движению, которую мы выше изложили словами Владимира Ильича. Да будет Вам ведомо, тов. Попов,—продолжали мы,—что именно в ней, в этой «двоякой задаче», которую Вы «упростили и сплющили», дана действительная возможность перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Не понимая этого, всуе повторять, что наша первая революция в случае своего успеха могла явиться прологом революции социалистической» («Большевик» № 3, стр. 99, курсив наш. *Э. Г.*).

Что имеет сообщить нам по этому поводу Н. Попов—автор ответа на нашу рецензию? Мы просим читателя заранее приготовиться к тому, что ему придется услышать весьма диковинные вещи. Впрочем, начнем по порядку.

«Эм. Газ, якобы в противовес мне,—пишет Н. Попов,—заявляет, что большевики подчеркивали необходимость «во всех случаях и при всех обстоятельствах самостоятельной организации сельского пролетариата». Очень приятно. Я это знаю сам нисколько не хуже Эм. Газа и говорю об этом на стр. 228 своей книги, касаясь IV с'езда». («Большевик» № 5, стр. 79).

Очень, очень жаль, что наш вообще многоречивый автор, на сей раз ограничился только неопределенной ссылкой на такую-то страницу своей книги. Проделаем за него эту, очевидно, ему не совсем приятную работу. Раскрываем книгу и после упорных поисков находим, что в числе многих поправок, внесенных большевиками в аграрную программу на IV с'езде, была и поправка «об охране интересов сельско-хозяйственного пролетариата».

Мы не знаем, какого мнения о читателях держится наш автор; во всяком случае эта попытка, одной строчкой (буквально) констатирующей определенный факт в ряду других, опровергнуть нашу критику говорит о том, что не слишком высокого. Ибо всякому, кто сравнит эту ссылку на стр. 128 с тем вопросом, о котором речь идет в нашей рецензии, сразу станет ясным, что эта ссылка есть не что иное, как замаскированная попытка к бегству от существа обсуждаемого вопроса.

«Оказывается в распоряжении Эм. Газа,—продолжает наш автор,—имеется самое решающее обвинение против меня. По его словам, я полагаю, что крестьянство в целом должно остаться союзником пролетариата и после доведения буржуазно-демократической революции до конца и после перерастания ее в революцию социалистическую». Как же доказывается, что эта наша критика была неправильна? Чрезвычайно показательно для характеристики нашего ожесточенного полемиста. Приводятся всего-на-всего два примечания (о том, что вторая цитата также является примечанием, Н. Попов благоразумно умалчивает. Должно быть и самому неудобно сделалось, что все решающие места книги вдруг оказываются рассованными по примечаниям)[1].

Но это было бы еще с полбеды. Вся беда в том, что обе приводимые Н. Поповым цитаты так-таки никакого отношения

[1]) Л. Фейербах метко замечает: «Пространственное отграничение и различение относятся... к мудрости писателя».

к обсуждаемому вопросу не имеют и выдернуты из контекста книги только потому, что... других более доказательных цитат Н. Попов, при всем желании, в книге обнаружить не мог.

Первая цитата (примечание на стр. 91) относится к вопросу о необходимости «участия социал-демократии во временном революционном правительстве, вторая (примечание на стр. 98)— о замене лозунга «демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата»...; обе, как это может убедиться читатель, прочтя указанные страницы, ни с какой стороны сами по себе не разбирают вопроса об отношении нашей партии к «различным слоям крестьянства на различных этапах революции». Не правда ли, довольно неожиданный способ доказательств? «По-человечески» мы вполне сочувствуем нашему автору: безвыходное положение не позволяет особенно считаться с какой-то там логикой и истиной. Но по «должности» мы вынуждены квалифицировать эти полемические красоты Н. Попова, как засорение читательских глаз песком не относящихся к делу цитат.

Мы допускаем, что неправильно поняли одно из неясно выраженных положений Н. Попова о соотношении пролетариата и крестьянства, по поводу чего он обвиняет нас в фальсификации и поднимает такой шум [1]). Чтобы читатель мог убедиться в том, что рассуждения Н. Попова по вопросу об отношении к крестьянству, оставляют желать большей ясности и определенности, обратимся, например, к тому, как автор оценивает отношение меньшевиков к крестьянскому движению.

Указывая отличие большевистской точки зрения от меньшевистской (и эсеровской), мы писали в рецензии, что меньшевики «зачисляли крестьянство в лагерь реакции». Вот это-то утверждение и не нравится Н. Попову. По его мнению, «сказать, что меньшевики сплошь зачисляли крестьянство в лагерь реакции, значит иметь очень туманное и путанное представление об истории нашей революции и нашей партии». Ибо на самом деле «меньшевики в отличие от большевиков не дооценивали революционного значения крестьянского движения»... («Большевик» № 5, стр. 79).

Мы не имеем возможности в узких рамках ответа на ответ вдаваться в подробный анализ теории и практике меньшевизма по данному вопросу.

Однако, мы можем, и это будет вполне достаточным для нашей цели, сослаться на кое-кого из писателей, занимавшихся этим анализом.

Вот, например, как характеризует точку зрения меньшевизма по данному вопросу один весьма известный автор. «Особенность русского оппортунизма в марксизме, т.-е. меньшевизма в наше время, состоит в том, что он связан с доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его... Воюя с народничеством, как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали истори-

[1]) Но если даже допустить, что приведенная нами цитата относится не к крестьянству, а к либеральной буржуазии, то остается все же неясным, что же означает следующая за этой цитатой фраза: „Крестьянская масса ...не имеет основания бояться социализма"...? И почему Н. Попов в своем ответе не раз'яснил нам ее смысл, в данной связи, хотя мы усиленно ссылались на нее в своей рецензии.

чески-реальное и прогрессивное исторически содержание народничества, как теории мелко-буржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского». Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «Общ. движение»), что крестьянское движение реакционно (последний курсив наш. *Э. Г.*), что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) противоречит «всему ходу хозяйственного развития» (стр. 661 ме-ковского «Общ. движения») [1]). «Противоречит всему ходу хозяйственного развития»—это ли не реакционность?»

По известному нам уже мнению Н. Попова, эта цитата, несомненно, принадлежит автору, имеющему «очень туманное и путанное представление об истории нашей революции и нашей партии». Сама же цитата «является, конечно, сплошным стопроцентным вздором». Увы, автором, которому эта цитата принадлежит, является не кто иной, как... Владимир Ильич Ленин; саму же цитату читатель может прочесть на стр. 315, ч. 1, XX тома, собр. сочин.

Пожалуй, этим можно было бы ограничиться. Но мы считаем не лишним привести Н. Попову свидетельство и другого автора, тем более, что этот последний, по всем данным, является для него не менее непогрешимым, чем сам римский папа.

Отметив те обвинения в народничестве, эсерстве, крестьянском уклоне, которые сыпались на нашу партию со стороны меньшевиков, этот автор пишет:

«Меньшевики заявляли: мы стоим за самостоятельную классовую линию пролетариата, мы против об'единения с крестьянством —крестьянство есть сила полуреакционная; крестьянство, в конце концов, выступит против нас;... что касается либеральной буржуазии, то она есть класс прогрессивный».

Несомненно, что и этот писатель, по классификации Н. Попова, имеет более или менее «туманное и путанное представление об истории нашей революции и нашей партии», очевидно, что и сама цитата является, по меньшей мере, пятидесятипроцентным вздором. Но не будем мучить читателя догадками и раскроем псевдоним этого автора. Приведенная цитата принадлежит... Н. Попову, автору «Очерков по истории Р. К. П.» (стр. 112, курсив наш. *Э. Г.*).

Таким образом, Н. Попов—автор ответа—не лишен в некоторой степени своеобразного мужества. Напав со всей отвагой на точку зрения нашей рецензии по данному вопросу, он не только зачислил В. И. Ленина в компанию людей, имеющих «очень туманное и путанное представление об истории нашей революции и партии, но даже не убоялся зачислить в нее Н. Попова— автора книги, т.-е. самого себя. Если это не слишком последовательно, то зато по крайней мере оригинально.

Два слова о «комбедах», природу и роль которых неправильно осветил в своей книге Н. Попов, сводя их только к ак-

[1]) Речь идет о меньшевистском пятитомнике (фактически вышло 4 тома) «Общественное движение в России в начале XX века», выходившем в 1909—1912 г.г. под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Автор имеет в виду статью П. Маслова «Развитие народного хозяйства и влияние его на борьбу классов в XIX в.», т. I.

тивной поддержке «выкачиванию из деревни хлеба для советской власти...» По существу, хотя и под покровом ничего не говорящих фраз, наш автор свою ошибку признал. Единственное, на что мы хотели бы обратить внимание читателя это — на ту замечательную «историко-философическую» теорию, которую мимоходом развил Н. Попов. «... Эм. Газ,—пишет он,—называет комбеды органами социалистической революции и диктатуры пролетариата в деревне». Мне кажется, что называть их так теперь (?sic!) не годится, хотя это можно было делать в 1918 году» («Большевик» № 5, стр. 81).

Что хочет этим сказать наш автор? Что сейчас комбеды не существуют, а потому называть «их так теперь не годится»? Или, быть может, это касается исторической оценки? Но тогда мы напомним нашему автору, что:

То, что жизнью взято раз,
Не в силах рок отнять у нас.

Впрочем, очевидно, Н. Попов и сам не знает, что, собственно, он хотел сказать в стремлении посторонними фразами обойти свою ошибку.

Таков «баланс» наших споров по «основным ошибкам» Н. Попова—автора книги и автора ответа на нашу рецензию. Полагаем, что мы не вступим в противоречие с истиной, если скажем, что он складывается далеко не в пользу нашего автора.

III.

Перейдем теперь к рассмотрению ошибок более частного порядка, сделанных Н. Поповым в своей книге и отмеченных в нашей рецензии.

Остановимся в первую голову на трактовке нашим автором нэпа. Верно ли, что нэп был, в конечном счете, продиктован нам затяжкой мировой революции, как утверждает в своей книге Н. Попов?[1]). Отвечая в своей рецензии на это отрицательно, мы давали там иное об'яснение этому вопросу. Правильность нашей критики вынужден теперь, хотя и окольными путями и со свойственными ему вывертами, признать и Н. Попов.

«Само собой разумеется,—пишет он,—если бы моя книга была сдана в печать после XIV с'езда и даже накануне с'езда, пришлось бы заострить и дополнить многие ее формулировки не только насчет нэпа» («Большевик» № 5, стр. 81). Конечно, если бы мы стали на ту точку зрения, что правильное понимание нэпа и его точная формулировка обязательны для авторов книг и преподавателей комвузов только накануне последнего с'езда или даже после него, тогда... тогда Н. Попов был бы совершенно прав, негодуя на нашу критику. Но так как мы на этой точке зрения не стоим и так как мы считаем, что XIV партийный с'езд ничего принципиально нового в понимание нэпа

[1]) «...Ибо с этой затяжкой мировой революции было связано наше варшавское поражение, ибо с этой затяжкой мировой революции был связан кризис советской власти, из которого единственным выходом являлся нэп» (см. «Очерки», стр. 272).

не внес, то мы сочли своим долгом предостеречь учащихся—возможных читателей книги Н. Попова—от его неверной трактовки этого вопроса. Видеть в этом нашу «вину», значит попросту валить с больной головы да на здоровую.

Но Н. Попов не ограничивается этими, так сказать, «календарными» доводами. Косвенно признавшись в своей ошибке («формулировка нуждается в заострении и дополнении»), он через пару строк, как ни в чем не бывало, продолжает: «Но то, что есть в книге, нисколько не противоречит точке зрения партии на нэп». «У меня в книге сказано, что причиной перехода партии от военного коммунизма к нэпу был кризис советской власти, хозяйственные затруднения. Были ли связаны они с затяжкой международной революции? Разумеется, были. Так это понимала и осязала в свое время (?) партия» («Большевик» № 5, стр. 81—82).

Неприятно ловить своего оппонента на некрасивых приемах. Но мы вынуждены это сделать. Разве кто-нибудь когда-либо отрицал, что затяжка международной революции сыграла значительную роль как в нашем переходе к нэпу, так и в формах его осуществления? Но разве в этом указании видели мы ошибку Н. Попова? Разве не отмечали мы сами в нашей рецензии связь между этими явлениями? [1]).

И разве эту мысль о связи хозяйственных затруднений с затяжкой мировой революции хотел выразить Н. Попов, когда писал в своей книге: «Таким образом, советская власть произвела отступление и вернулась к условиям капиталистического обращения товаров, к условиям свободной торговли. В этом заключалась громадная уступка советской власти, в конечном счете продиктованная затяжкой мировой революции»... («Очерки», стр. 272, послед. курсив наш. *Э. Г.*)? Конечно, нет—скажет читатель. Ибо всякому понятно, что «связь» и «в конечном счете продиктованная»—не одно и то же.

Два слова о варшавском поражении. Здесь совершенно напрасно Н. Попов выдвигает целую батарею военно-стратегических, тактических и иных соображений. В своей рецензии мы обращали внимание читателя не на фактическое описание в книге Н. Попова причин и условий этого поражения, а только на неувязку его взглядов по данному вопросу. Короче говоря, мы полагали, что в книге существует неясность в изложении определяющей причины варшавского поражения. Это и только это мы отметили в своей рецензии. Таким образом, весь набор доказательств, приведенных Н. Поповым в его ответе, бьет мимо цели.

Несколько замечаний о ленинизме. В своей книге Н. Попов проявил полнейшее непонимание этого—надеюсь читатель согласится—важного вопроса [2]). Исходя из того, что «нужно истину всегда повторять, ибо заблуждение также все снова и снова повторяют вокруг нас», (Гете), мы сочли себя обязанным

[1]) «Нет сомнения, что затяжка мировой революции, изолировавшая нашу революцию в кольце враждебных капиталистических государств, обострила вопрос о переходе к нэпу (см. «Большевик» № 3, стр. 100).

[2]) «Метод ленинизма... является приложением марксизма к практике» (приводим эту формулировку в сокращенном виде. См. «Очерки» стр. 54).

указать читателям на ошибку Н. Попова по данному вопросу. Не ограничиваясь этим, мы кратко изложили и то понимание этого вопроса, которое можно считать общепринятым в нашей партии. Н. Попов не отрицает того, что его определение ленинизма было неверно, но при этом он считает своим приятным долгом обругать своего рецензента за то, что тот обратил на это внимание читателей. Поразительный автор!.. Неподражаемый автор!..

Последнее, на чем мы остановим внимание читателя,—это на вопросе об отношении большевиков и меньшевиков к профессиональным союзам в период 1905 года и Стокгольмского партийного с'езда (апрель 1906 г.). Этот вопрос заслуживает, несомненно, самого тщательного рассмотрения, и потому мы на нем задержимся по возможности подробно.

Какую фактическую неточность в книге Н. Попова отметили мы в своей рецензии по данному вопросу? Утверждение Н. Попова, что на IV с'езде партии, «по вопросу о профсоюзах... была принята меньшевистская резолюция. Меньшевики считали, что профессиональные союзы должны быть нейтральными и совершенно независимыми от партии». В противовес этому мы указывали, что «резолюция о профсоюзах, внесенная на с'езд комиссией, куда входили представители обоих фракций, была принята с'ездом единогласно». И дальше, сославшись на соответствующее место у Ленина по этому вопросу, мы продолжали: «Только на Лондонском с'езде наша партия становится на точку зрения «теснейшего сближения союзов с партией» (см. Ленин, т. VIII, стр. 489) («Большевик» № 3, стр. 103).

Не соглашаясь с этим, Н. Попов в своем ответе открывает против нас ураганный огонь. «На Стокгольмском с'езде, выходит у Эм. Газа, большевики стояли за нейтральность союзов и только на Лондонском они перешли на точку зрения «теснейшего сближения союзов с партией». Но здесь мы вынуждены прервать нашего стремительного автора. Вынуждены прервать по той, прекрасно известной, но тщательно скрываемой нашим автором причине, что та точка зрения, против которой он выступает, принадлежит отнюдь не нам, а В. И. Ленину. Чтобы показать, что дело обстоит именно так, а не иначе, мы вынуждены будем привести ту цитату, на которую сослались в рецензии и которую, несмотря на нашу ссылку, совершенно игнорирует по понятным причинам Н. Попов. В предисловии к сборнику за 12 лет (сентябрь 1907 г.), подводя итоги истории партии за этот период, Ленин писал: «Другое замечание относится к вопросу об экономической борьбе и о профессиональных союзах. В литературе нередко превратно излагаются мои взгляды по этому вопросу. Необходимо подчеркнуть поэтому, что многие страницы в «Что делать?» посвящены раз'яснению громадного значения экономической борьбы и профессиональных союзов. В частности, я высказался тогда за нейтральность профессиональных союзов. С тех пор ни в брошюрах, ни в газетных статьях, я не высказывался иначе, вопреки многим утверждениям моих оппонентов. Только Лондонский с'езд Р. С.-Д. Р. П. и Штутгартский международный социалистический конгресс заставил меня притти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов принципиально отстаивать нельзя. Теснейшее сближение союзов с партией—таков единственный верный принцип. Стремление сблизить и связать союзы с партией—такова должна быть наша политика...» (Собр. сочин., т. VII, стр. 483).

Читатель видит, что эта цитата не оставляет сомнений насчет того, что в своем ответе Н. Попов выступает не против нас, а против В. И. Ленина, хотя по тактическим соображениям делает вид, что это ему неизвестно. Но вся беда Н. Попова заключается в том, что взявшись толковать об этом предмете, он даже не понимает того содержания, которое вкладывалось В. И. Лениным в «нейтральность» и «теснейшее сближение союзов с партией». Вырвав эти формулировки из той конкретной исторической обстановки, в которой они выросли, он извращает их истинный смысл, ставя их на одну доску с теорией «нейтрализма» германских ревизионистов.

Мог ли когда-нибудь Ленин стоять на точке зрения признания «равноправности и равноценности партии и союзов»? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него отрицательно. А между тем Ленин говорит о том, что он стоял до Лондонского с'езда на точке зрения «нейтральности», а резолюция, предложенная большевиками IV с'езду партии, говорит о необходимости организации «беспартийных проф. союзов». В чем же тут дело? Об'яснения нужно искать в своеобразных условиях развития русского профессионального движения. Вот как характеризует их тов. Зиновьев: «Русское профессиональное движение вскормлено и вспоено русской социал-демократией. Марксисты больше всех работали над созданием наших профессиональных союзов... У колыбели нашего рабочего профессионального движения стояли марксисты. И марксизм наложил на него неизгладимую печать». И дальше: «Считалось чем-то само собой разумеющимся, что социал-демократия будет энергично участвовать в экономической борьбе рабочих, что экономика будет тесно связана с политикой. Но вместе с тем, еще в совершенно туманных очертаниях рисовалось, какие организационные отношения будут созданы между грядущими профессиональными союзами и политической организацией. Отсюда и то, что некоторые лись даже к нейтрализму. Неясность их взглядов в этом вопросе ортодоксальные марксисты России в то время терпимо относилишь отражала тогдашнюю нерасчлененность движения, первоначальную стадию его...» (Г. Зиновьев, «Раб. партия и проф. союзы», стр. 41—42, курсив наш. *Э. Г.*).

Так обстояло дело в действительности, которую знать не хочет Н. Попов со своим шаблонерским подходом к своеобразию исторической обстановки.

А теперь мы можем перейти и к тому вопросу, который послужил предметом наших разногласий с Н. Поповым. Сославшись на Германию, наш автор продолжает в своем ответе: «Германские социал-демократы стояли и стоят за равноправность и равноценность партии и союзов, как двух самостоятельных ветвей рабочего движения. На этой точке зрения стояли и наши меньшевики. Для них нейтральность означала категорическое отрицание партийного руководства союзами» («Большевик» № 5, стр. 84).

Если эта цитата относится к периоду 1905 г.—середины 1906 г., то она совершенно неверна. В этот период меньшевики, как фракция, на точке зрения «категорического отрицания партийного руководства союзами», вопреки уверениям Н. Попова, не стояли. Доказать это нетрудно. В мае 1905 г. состоялась

первая общерусская конференция меньшевиков (в Женеве), на которой обсуждался вопрос об отношении партии к союзам. В принятой резолюции говорится (пункт 5): «Представительство союзов, признающих программу в общемарксистской организации». Комментируя это решение, тов. Зиновьев правильно замечает: «Такая постановка вопроса была в некоторых отношениях даже решительнее, чем постановка Лондонского и Штутгартского конгрессов в 1907 г.» (там же, стр. 34) [1]).

Следовательно, по отношению к этому периоду утверждение Н. Попова о «категорическом отрицании партийного руководства союзами» со стороны меньшевиков можно рассматривать как продукт его личного невежества.

Пойдем дальше. Как обстояло дело на Стокгольмском с'езде? «Разумеется,—пишет Н. Попов,—комиссия Стокгольмского с'езда категорически отвергла эту (большевистскую. *Э. Г.*) резолюцию и положила в основу меньшевистскую, в которой о руководящей роли партии, конечно, не было сказано ни слова. Большевики, добившись некоторых второстепенных улучшений резолюции, от которых она не переставала быть меньшевистской, и находясь в безнадежном меньшинстве, решили не давать боя по этому вопросу (не имевшему еще в то время острого, практического значения) и не выступать против резолюции на с'езде» («Большевик» № 5, стр. 84—85).

Таково мнение Н. Попова. Посмотрим же, какова его основательность. Оценивая резолюцию Стокгольмского с'езда, тов. Зиновьев пишет: «Его резолюция не была ни большевистской, ни меньшевистской. И большевики и меньшевики сходились тогда на том, что сейчас строить партийно-оформленные союзы нельзя, но что нельзя провозглашать и нейтральность союзов, а необходимо стремиться к тому, чтобы «в борьбе и агитации связать союзы с партией» (там же, стр. 48) [2]).

Точно так же подходит к ней и один из виднейших руководителей профессионального движения того времени В. Ногин. Вот его мнение: «...Основная мысль и «дух» резолюции—это сплочение масс под знаменем социал-демократии и энергичная работа в союзах для установления связи между союзами и партией. Цель резолюции—не раз'единение союзов и с.-д. партии, а их сплочение. Ясно отсюда, что беспартийность союзов [3]) предполагалась как нечно временное и зависимое от

[1]) Мимоходом отметим, что эта «решительность» была не без причины. Несомненно, что уже здесь проскальзывает будущая идея меньшевиков о растворении партии в широком, массовом рабочем движении. Хотя для оценки взглядов обоих крыльев социал-демократии на профсоюзы исключительно важно рассматривать их в тесной связи с организационно-партийными взглядами, мы от этого здесь вынуждены воздержаться. Нас в этой связи интересует только фактическая сторона вопроса.

[2]) Слова, взятые в кавычки, принадлежат резолюции с'езда. Вот этот пункт (3) полностью: «С'езд признает»—«что в союзы должны вступать все члены партии, принимая активное участие во всей деятельности союза и постоянно укрепляя среди членов их классовую солидарность и классовое сознание, чтобы органически в борьбе и агитации связать союзы с партией».

См. также в посылочной части резолюции: «§ 6... что в этой же революционной атмосфере рабочие массы, организуясь и политически об'единяясь, все более и более становятся под знамя социал-демократии» (Ленин, Собр. сочин. т. VII, ч. 2, стр. 193—194).

[3]) Еще раз напоминаем, что «беспартийность» союзов признавалась и большевистской резолюцией.

местных условий» («V с'езд партии (Лондонский)» Моск. Раб. 1923 г., статья В. Ногина, стр. 54).

Только впоследствии, с поражением революции 1905 года и резким поворотом меньшевиков вправо, последние стали интерпретировать стокгольмскую резолюцию в духе «нейтрализма», двусмысленно истолковывая слово «беспартийность». Таким образом, Н. Попов в блаженном неведении скатывается в оценке резолюции Стокгольмского с'езда к меньшевистской точке зрения, с большим апломбом и претенциозным самомнением обрушиваясь на своего рецензента, указавшего ему на это недопустимое искажение.

Что мы не ошибаемся, что большевизм никогда так (по-меньшевистски) не оценивал резолюцию Стокгольма, видно также из того, что Лондонский с'езд нашей партии (1907 г.), принимая большевистскую резолюцию о профсоюзах, начинает ее словами: «Подтверждая резолюцию об'единительного (т.-е. Стокгольмского) с'езда о работе в профессиональных союзах»... и т. д.

Вполне прав поэтому тов. Зиновьев, когда он пишет: «И только потому, что в основе своей стокгольмское решение было правильно, оно в Лондоне (в 1907 году) не было отменено, а, наоборот, в основном было подтверждено» [1]) (там же, стр. 48).

Пользуясь выражением Н. Попова, мы можем сказать: «Читатель видит теперь, кто впал в фактическую неточность, я или Эм. Газ?» Да, Н. Попов, теперь читатель видит...

Таковы те удивительные «приключения» Н. Попова в истории нашей партии, которые мы, по мере сил, выше разобрали. От личных оценок, характеристик и пр. писательской манеры Н. Попова мы считаем нужным воздержаться. Пусть судит читатель.

Что же касается существа сделанных Н. Поповым в своем ответе возражений, то о них мы скажем словами одного из героев Шекспира: «Его рассуждения—точно два зерна пшеницы, спрятанные в двух мерах соломы. Чтобы найти их, нужно искать целый день, а найдешь—оказывается, что они не стоили поисков».

[1]) В. Ногин: пишет «...ничего противоречащего стокгольмской резолюции в лондонской нет. Последняя является лишь напоминанием одной из основ первой, учитывая сделанные профессиональным движением шаги, делает шаг вперед» (там же стр. 55).

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Я. Оссовский.

О путях развития советского народного хозяйства.

Вопрос о том, что наша пореволюционная промышленность значительно отстает в темпе своего развития от темпа развития платежеспособного спроса сельского хозяйства и что это отставание при ныне проводимой хозяйственной политике есть длительное, а не сезонное явление,—все это стало уже достоянием всеобщим.

Различие точек зрения начинается с определения природы этой диспропорции, причин ее вызвавших и способов ее изживания.

По этому вопросу у нас, судя по печати, имеются следующие мнения:

1. Существующее ныне соотношение между сельским хозяйством и промышленностью с точки зрения общехозяйственных интересов является нормальным. Происходящий же хозяйственный кризис об'ясняется попыткой со стороны промышленности так или иначе это нормальное соотношение насильственно нарушить в свою пользу. И лечение хозяйства от создавшегося кризиса предлагается путем укрощения промышленности и удовлетворения главных нужд сельского хозяйства (потребительских и производственных) за счет широкого ввоза этих продуктов из-за границы, путем введения в практику нашей экономики широкой товарной интервенции. Советской промышленности в этой схеме отведена второстепенная, сопутствующая сельскому хозяйству и внешней торговле роль.

2. С общехозяйственной точки зрения существующую диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью надо считать явлением ненормальным, но данным нам об'ективными условиями. Следовательно, подвергать ее коренному изменению мы не можем, если не хотим хозяйственные кризисы осложнять политическими. Происходящий у нас хозяйственный кризис об'ясняется отдельными неправильными мероприятиями со стороны хозяйственных руководящих органов, в том числе и в попытках со стороны промышленности чрезмерно форсировать темп своего развития. Если мы сумеем все эти отдельные недочеты устранить, мы с течением времени сумеем преодолеть об'ективно нам данную диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью.

3. Выявившаяся в последнее время острая диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью с точки зрения общехозяйственных интересов совершенно ненормальна. Эта диспропорция также нам не дана об'ективными условиями. Она

является результатом проводимой нашими руководящими органами неправильной финансово-хозяйственной политики. Продолжающийся долгое время у нас хозяйственно-финансовый кризис имеет свои корни в упорном сопротивлении со стороны частно-собственнического хозяйства (сельского хозяйства главным образом) нести пропорционально своему удельному весу в экономике страны издержки по созданию крупной государственной промышленности, хотя бы в размерах близких к тем, как это было сделано сельским хозяйством в дореволюционное время. Лечение кризиса, являющегося безусловно хроническим, возможно исключительно путем устранения из нашей хозяйственно-финансовой политики допущенных ею в последние 2 года принципиальных ошибок.

Таковы основы сложившихся у нас трех точек зрения по вопросу об оценке специфического положения советского хозяйства к началу 1926 года.

Таким образом, ни одна из упомянутых выше точек зрения не оспаривает наличия в советском хозяйстве значительной неравномерности в темпе пореволюционного развития между сельским хозяйством и промышленностью. Этой неравномерности, сопутствует острый голод на промышленные товары, при их фактическом недостатке в стране, с одной стороны, а с другой—отсутствие достаточного предложения сельско-хозяйственных продуктов, несмотря на наличие их в стране в большом количестве. Такому положению вещей должно было бы соответствовать фактическое отставание восстановительного процесса по отношению к довоенному в промышленности в противовес сельскому хозяйству, где этот восстановительный процесс должен был итти гораздо более быстрым темпом.

Между тем этот восстановительный процесс по отношению к довоенному времени как в промышленности, так и в сельском хозяйстве к концу 1925 года шел одинаковым темпом.

Совершенно естественно встает следующий вопрос: если темп развития сельского хозяйства не перегнал темпа развития промышлености, то чем же об'яснить столь бурный рост платежеспособного спроса на промышленные товары со стороны сельского хозяйства и такое большое отставание от этого спроса промышленного предложения?

Единственным правильным об'яснением этого явления мы можем считать коренное изменение форм реализации товарности сельского хозяйства до революции и теперь. Это изменение заключается в том, что если до революции платежеспособный спрос на промышленные продукты создавала лишь часть товарной продукции сельского хозяйства в то время, как другая ее часть, как результат крестьянского накопления, ежегодно вливалась в промышленность и транспорт, сокращая тем самым платежеспособный спрос крестьянства, то теперь положение совершенно иное.

Почти все каналы, через которые раньше переливались крестьянские накопления в промышленность и транспорт, теперь окончательно разрушены, вернее—закупорены, и не имея промышленного приложения остаются внутри сельского хозяйства и создают ту повышенную покупательную способность, которая не может быть удовлетворена промышленностью.

И так как наша финансово-экономическая политика не способствовала до сих пор (главным образом в последние 2 года, когда произошло усиление накопления в крестьянском хозяй-

стве) соответствующему переливанию крестьянских накоплений в нашу советскую промышленность, то эти накопления теперь напирают на нас, расшатывая наше плановое хозяйство, стремясь выбраться за пределы страны, где они могли бы реализовать свою покупательную силу, не неся расходов на построение собственной промышленности, отвоевать себе наиболее выгодные условия хозяйственного приложения внутри страны, сохраняя за собой свои собственнические интересы. И до тех пор, пока не будет обеспечено непрерывное переливание в промышленность накоплений сельского хозяйства по мере их нарастания там, наше народное хозяйства не выйдет из состояния острых кризисов.

Но как бы мы ни спорили о корнях и причинах диспропорции между темпом развития промышленности и темпом роста платежеспособного спроса сельского хозяйства, однако, сам факт миспропорции признается с одинаковой силой всеми приведенными выше точками зрения.

Тем более интересны пути, предлагаемые для лечения порожденного этой диспропорцией кризиса советского хозяйства.

Проще всего, повидимому, обстоит дело у т. Шанина.

Т. Шанин видит факт, что сельское хозяйство, несмотря на наличие у него большего количества товарной продукции, все-таки ее на рынок не выбрасывает, потому что 1) ему мало платят за нее советских денег и 2) вообще за вырученные советские деньги мало дают промышленных товаров. Таков пока повседневный факт. Т. Шанин не пытается проанализировать этот факт с социально-экономической точки зрения. Он предпочитает тяжбу между сельским хозяйством и промышленностью разрешить с точки зрения «чистой экономики». И исходя из факта, что сельское хозяйство не удовлетворяется продукцией социалистической промышленности, тов. Шанин рекомендует советскому хозяйству развиваться по линии максимального ввоза продуктов потребления и производства для сельского хозяйства взамен экспорта продуктов последнего. Т. Шанин понимает, что это политика аграризации, но он пытается утешить и себя и других, что это только на ближайшее будущее, так лет на 10, например, а там видно будет.

Почему бы тов. Шанину не быть чуточку похрабрее и полнокровному сельскому хозяйству, вышедшему в темпе развития своего платежеспособного спроса за пределы, доступные нашему народному хозяйству в целом, предложить производить некоторые переливания накопленных им средств в промышленность и таким образом двинуть равномерно вперед все секторы народного хозяйства? У т. Шанина напрасно стали бы требовать ответа на этот вопрос.

Т. Шанин уверен, что недостаточное сельско-хозяйственное предложение может быть преодолено исключительно путем широкой интервенции товаров сельско-хозяйственного потребления и производства за счет длительного отставания социалистической промышленности. Другого пути, по его мнению, не дано. Социалистическая промышленность все равно с этим не справится и в конце концов она только проиграет. Преодоление недостаточного предложения сельско-хозяйственных продуктов путем соответствующей системы финансово-экономических мероприятий т. Шанин, с его «чисто экономической» точкой зрения, считает невозможным и ненужным. Нечего торопиться со строением социалистической промышленности—успеем еще лет через 10.

Т. Шанин умеет угрожать. Если вместо форсирования темпа развития социалистической промышленности мы не направим все усилия к форсированию экспорта, нам угрожает инфляция—обесценения стоимости червонца. Ибо эмиссия для усиления темпа развития промышленности, не подкрепленная соответствующим предложением промышленных товаров, обязательно должна довести до падения стоимости червонца. Но почему за эмиссией, целесообразной в интересах всего народного хозяйства в целом, должен следовать усиленный товарооборот на одном секторе народного хозяйства, а не на другом, в котором накоплены громадные количества товарной продукции и который в состоянии уже теперь выступать с крупными предложениями своих товарных излишков? Ведь, если бы мы использовали хотя бы часть имеющихся в нашем распоряжении средств, мы смогли бы вызвать большое предложение сельско-хозяйственных продуктов, и тогда никакой инфляции нам не грозило бы, несмотря на усиление темпа развития социалистической промышленности.

Напрасно, однако, искать у Шанина ответ на этот вопрос. Социалистическая промышленность по Шанину всегда виновата. И когда перед нами встает вопрос: либо временное сокращение экспорта сельско-хозяйственных продуктов с целью понижения невыгодной нашему советскому хозяйству, чрезмерно высокой кон'юнктуры на эти продукты, либо длительное сокращение плана развития социалистической промышленности, то Шанин не колеблясь выбирает последнее.

Попытка т. Шанина на примере Соединеных Штатов Сев. Америки доказать, что товарный голод не является следствием диспропорции между темпом развития платежеспособного спроса сельского хозяйства и промышленностью, не выдерживает никакой критики. Тов. Шанин забывает, что быстрому развитию в этих странах сельского хозяйства и такому же темпу развития экспорта сельско-хозяйственных продуктов сопутствовал громадный импорт промышленного капитала.

У нас же широкое привлечение иностранного капитала (даже при предположении, что это не подрывало бы основ советской власти) едва ли возможно из-за тех громадных царских долгов и процентов по ним, уплату которых ставят нам как предварительное условие получения новых кредитов. Но даже и в этом случае львиную долю этих процентов и погашений все равно должно будет платить крестьянство, составляющее 85% населения страны. И вот, если сельское хозяйство вложит в промышленность те свои накопления, которые должны были бы итти при признании царских долгов, с целью получения иностранных займов, в карман иностранным капиталистам, то это вполне достаточно было бы для преодоления товарного голода.

Эту простую истину забыл т. Шанин, когда он пустился для экскурсии по Соединенным Штатам Сев. Америки и Канаде.

С тем большим усердием старается т. Шанин искусственно выпячивать в качестве чрезвычайно крупной проблемы вопрос о необходимости в первую очередь вложить средства и развивать темп тех отраслей промышленности, которые способны более быстро их переварить и выступать с предложением своих товаров,

Совершенно верно (понятно, не по-шанински), с точки зрения народного хозяйства—это весьма важно, но это есть практическая, но ничуть не принципиальная сторона вопроса. Этот сам по себе ясный вопрос не затрагивает основную природу наших хозяйственных осложнений и кризисов. Он является частным фактором, который будет разрешен после разрешения основной проблемы о восстановлении порядка обмена веществ между сельским хозяйством и промышленностью.

Основной проблемой наших дней является следующее. Чем об'яснить растущий и неудовлетворенный спрос со стороны крестьянства в то время, когда валовая продукция сельского хозяйства и промышленности в 1925 году против 1913 года поднялись на одинаковый уровень.

На этот вопрос Шанин отвечает, что промышленность пред'являет к сельскому хозяйству незаконные требования, предлагая крестьянству вложить не вмещаемые в собственном хозяйстве накопления в основной капитал промышленности. Мы считаем эти требования вполне законными. Вложения подобного рода имели место и до революции. Изменилось только за это время то, что раньше крестьянские накопления переходя в промышленность не меняли формы собственности, а теперь эти формы меняются, ибо вливаясь в социалистическое хозяйство эти накопления становятся государственной собственностью.

Если так ставить вопрос, а он именно так каждым марксистом должен ставиться, то становится очевидным, что предлагаемые т. Шаниным рецепты равносильны полной капитуляции социалистического хозяйства перед частно-капиталистическим.

Для убеждения читателя в правильности своей капитулянтской точки зрения тов. Шанин проводит следующий мотив:

«Если оставить пролетариат и крестьянство с глазу на глаз в их экономических взаимоотношениях, то соотношение между ними определяется сейчас так: крестьянство имеет что предложить городу, и оно может выжидать, а пролетариат не может выступать с достаточным предложением. Вместе с тем он пред'являет растущий спрос на крестьянскую продукцию, притом с удовлетворением этого своего спроса он не может ждать, если не откажется от чрезмерных задач, которые сейчас перед собой поставил».

Вот смысл всей философии т. Шанина.

Да будет позволено тов. Шанина и иже с ним спросить: свои ли только задачи ставит перед собой пролетариат в наступательном движении по пути промышленного строительства? Не является ли это последнее и задачей крестьянства, тем более, что оно, крестьянство, имеет что п р е д л о ж и т ь и д а ж е в ы ж и д а т ь м о ж е т?

Мне кажется, что в быстром развитии нашей промышленности заинтересовано все народное хозяйство, в том числе и сельское хозяйство. Если накопления в сельском хозяйстве уже дошли до таких размеров, что основные нужды зажиточного крестьянства удовлетворяются за счет части этих накоплений, а с реализацией остальной части оно может в ы ж и д а т ь, т.-е. прятать эти накопления в погребах или кубышках, то не является ли более целесообразным в интересах всего народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства, вложение этих накоплений в промышленное строительство? Интересы народного хозяйства властно требуют максимального использования всех наличных свободных сбережений и накоплений, где бы они ни находились, в промышленности или в сельском хозяйстве. Наличие в сельском хозяйстве свободных накоплений не уменьшает, а увеличивает обязанности крестьянства в содействии своими средствами развитию промышленности. А по т. Шанину выходит наоборот: именно потому, что у крестьянства значительные свободные накопления («имеет что предложить и может выжидать»...), пролетариат должен отказаться от привлечения этих капиталов для развития промышленности. Где же логика, т. Шанин?

На этом пока приостановим дальнейший разбор второстепенных положений т. Шанина и попытаемся проанализировать вторую точку зрения, выразителем которой, судя по печати, является главным образом т. Стецкий («Правда» от 6 февраля 1926 года).

Тов. Стецкий в отличие от т. Шанина включает в число причин хозяйственного кризиса и диспропорцию между продукцией промышленности и платежеспособным спросом сельского хозяйства, как результат снижения прямых налогов и ликвидацию всех платежей, которые крестьяне вносили раньше помещикам и государству.

Но эти причины для него только в о б щ е м правильны. Для об'яснения же происходящего у нас кризиса они ему кажутся, повидимому, недостаточными, и потому он пытается вскрыть в нашей хозяйственной действительности новые причины кризиса, не утруждаясь, однако, проанализировать признанные им же в начале причины. Делает он это, повидимому, потому, что его смущает следующее обстоятельство: если диспропорция между продукцией промышленности и платежеспособным спросом сельского хозяйства исчерпывает вопрос об об'яснени причин нашего хозяйственного кризиса, тогда мы явились бы, по его мнению, свидетелями развертывания классического кризиса: цены на промышленные товары при относительном недостатке последних повышались бы, цены на сельско-хозяйственные продукты, которые имеются в избытке, должны были бы падать.

Фактически же цены и на промышленные и на сельскохозяйственые товары все повышаются. Вот это обстоятельство заставляет т. Стецкого не быть удовлетворенным об'яснением причин хозяйственного кризиса одной лишь диспропорцией между темпом развития промышленности и темпом развития у крестьянства платежеспособного спроса.

Верен ли вообще сам факт, что цены и на промтовары и на сельско-хозяйственные продукты одинаково растут. При наличии у нас на промтовары значительных оптово-розничных «ножниц», прежде чем говорить о сравнении движения цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, следовало бы т. Стецкому условиться, какие цены он имеет в виду.

Если сравнение провести между розничными ценами на промтовары в деревне и заготовительными ценами там же на сельскохозяйственные продукты, то соотношение между ними было бы далеко не в пользу сельско-хозяйственных продуктов (вопрос совершенно другой—кто на этих «ножницах» накапливает гро-

мадные капиталы). Мы имели бы именно то, что требуется т. Стецкому для того, чтобы в диспропорции между темпом развития промышленности и темпом развития платежеспособного спроса крестьянства как раз и найти исчерпывающие причины хозяйственного кризиса.

Однако, такое об'яснение т. Стецкого, повидимому, не удовлетворяет. Как это так?—он спрашивает. Ведь и самая то диспропорция является результатом ценностных соотношений между товарной массой сельского хозяйства и промышленности, вступающих в денежный обмен на рынке. А на рынке-то ведь государство имеет всеопределяющее(?) значение. Оно уже устанавливает цены и на промтовары через свои производственные органы и на сельско-хозяйственные продукты через свои заготовительные организации.

Если так, то получается, что виновато в диспропорции государство и его хозорганы. Как это государство допустило до таких ошибок и просчетов?—с изумлением спрашивает тов. Стецкий и сам себе отвечает: надо подтянуться.

Нам, кажется, что в ценообразовании как на заготовительном с.-х. рынке, так на розничном рынке промышленных товаров наши хозорганы скорее имеют (и то довольно слабое) регулирующее, чем всеопределяющее значение. Движение цен вверх по с.-х. продуктам и сырью, вниз—по промышленным товарам, проходя через систему частного торгового капитала, перехватывается его влиянием на образование цен. Далеко стоящий от этих первичных рыночных ячеек государственный капитал становится почти совсем бессильным против постоянно увеличивающего свои накопления частного торгового капитала и его влияния.

Но попробуем разобрать предложение т. Стецкого, установить ценностные соотношения между товарной массой с.-х. продуктов и промышленных изделий.

Ставя во главе угла задачу спасения от угрозы инфляции червонца, т. Стецкий находит выход из кризиса или в новой деноминации («понижение внешнего курса червонца») или же в понижении цен на внутреннем рынке, при чем не только на с.-х. продукты, но и на промышленные товары.

Но, как мы выше уже показали, снижение цен на промышленные товары при нынешней кон'юнктуре дальше оптового рынка не идет. Определение цен на с.-х. продукты со стороны государства упирается в сильное сопротивление организованной системы частного торгового капитала на с.-х. рынке. Следовательно, дальнейшее снижение цен на промтовары при все возрастающем накоплении частного капитала в деревне далеко еще не гарантирует снижения цен ни на розничном промышленном рынке, следовательно, и ни на заготовительном рынке с.-х. продуктов. Оно будет иметь своим последствием дальнейший раствор оптово-розничных ножниц на промтовары.

Снижение цен на промтовары можно оправдать только в том случае, если установленные государством так называемые справедливые цены на с.-х. и промышленные товары перестали бы быть таковыми, с одной стороны, потому, что промышленность за этот промежуток времени успела достигнуть новых значительных улучшений, главным образом за счет переоборудования своих предприятий и увеличения их основных капиталов, или же, с другой стороны, сельское хозяйство находилось бы в таком безвыходном положении, что даже эти сниженные «справедливые» цены на промтовары были бы ему недоступны. Но такого положения нет. Больше того, фактически происходит обратное. Поэтому нам кажется, что в ближайшее время должно произойти снижение цен на с.-х. продукты до уровня, признанного справедливым осенью 1925 г., а цены на промышленные товары оставить те же. Оставление же с.-х. цен на нынешнем уровне требует повышения цен на промышленные изделия.

Совершенно верно, конечно, что укрепление курса червонца—в интересах промышленности, но если это укрепление провести не за счет сельского хозяйства, где в последнее время произошло большое накопление капитала, а за счет промышленности, где накопление ничтожно, то подобная попытка наименьшего сопротивления навряд ли в интересах промышленности.

Отрицательное значение своего предложения о всеобщем снижение цен на промышленное строительство, находящееся и без того в весьма плачевном состоянии, чувствовал, повидимому, и сам т. Стецкий. Он говорит, что без вливания новых капиталов в промышленность невозможно осуществление намеченного XIV партс'ездом плана индустриализации нашей страны. А требуемые капиталы должны извлекаться из крестьянских накоплений, которые, если теперь исчисляются сотнями миллионов, то скоро их будет миллиарды. При чем, когда тов. Стецкий помышляет о привлечении этих сбережений и накоплений в промышленность, то он забывает, что эти накопления сосредоточены главным образом у незначительной части от 22 милл. хозяйств, при чем эти сотни миллионов лежат далеко не мертвыми, как думается тов. Стецкому, а образуют законченную систему частного торгового капитала в деревне. Именно туда пойдут и те миллиардные крестьянские накопления, которые ожидаются (и не без основания) в ближайшее время т. Стецким, если не будут найдены радикальные пути для вовлечения этих накоплений в сферу влияния государственного хозяйства.

Какими же путями нужно итти для избежания такого воистину катастрофического положения нашего социалистического строительства?

Тов. Стецкий указывает как на выход из положения на необходимость развития кредита, сети сберегательных касс, кредитных т-в, займов и пр. Но этот вопрос рассматривается им совершенно абстрактно, вне времени и пространства. Вообще говоря, посредством кредита, конечно, можно мобилизовать частный капитал. Это совершенно верно. Но для этого необходимы определенные предпосылки, определенная конкретная обстановка, а вот об этой-то конкретной обстановке, в которой, по мнению т. Стецкого, должна произойти мобилизация (вернее трансформация) сотен миллионов даже миллиардов рублей частных капиталистических накоплений в социалистическое хозяйство, он, повидимому, не подумал.

Попытаемся разобрать нашу нынешнюю хозяйственную обстановку.

Всем известно, что перелив капитала из одной отрасли народного хозяйства в другую определяется размером средней прибыли на вложенные в них капиталы. И в частно-капиталистическом хозяйстве происходит беспрерывное движение капиталов из менее прибыльных в более прибыльные отрасли народного хо-

зяйства. Чтобы вовлечь торговый капитал в промышленность, необходимо, чтобы средняя прибыль последней не на много отставала от средней прибыли торгового капитала. Если этой предпосылки нет, то не может быть и речи о переливании капитала.

В наших условиях прибыль торгового капитала (имея в виду частную розницу в деревне) местами чуть не в 10 раз превышает прибыль промышленных заведений. Понятно, конечно, что банки, сберегательные кассы и кредитные т-ва не могут платить за капитал больше среднего процента прибыли промышленности. И если у крестьянина накопилась пара десятков рублей, и он становится перед вопросом о том, вложить ли эти деньги в сберегательную кассу, кредитное т-во за 6—8% годовых или же поехать в город и привести для односельчан промышленные товары, на чем он может в один оборот заработать до 50% вложенных средств, то всякому ребенку ясно, что крестьянин, середняк ли он, зажиточный ли, выберет последнее. Ибо где же у него стимул поступать иначе.

Конечно, большая масса крестьянства (бедняки и маломощные середняки), не имеющая почти никаких накоплений, была бы очень довольна, если бы хотя часть сбережений зажиточных крестьян попала им за 6—8% годовых. Финансово-экономические мероприятия в эту сторону были бы, вне всякого сомнения, обеспечены поддержкой этих крестьянских маломощных групп.

Спрашивается, каким путем можно хозяйство, тем более частно-капиталистическое, отвлечь от выгодной сделки и вовлечь в невыгодную при его добровольном согласии? До сих пор мы благодаря чрезмерной мягкости нашей финансово-экономической политики обладателей накоплений до конфликта, правда, не доводили, но зато и вкладов у них пока никаких не добились.

Мы утверждаем, что трансформация накоплений частно-капиталистического крестьянского хозяйства в социалистическое и кооперативное может иметь место лишь при такой финансово-экономической политике, которая делает возможным накопление в частно-капиталистическом хозяйстве только до определенных пределов, дальше которых оно автоматически прекращается и переходит к государству, а отсюда в промышленность и кооперацию.

Вопрос о привлечении частно-капиталистических накоплений в государственные, кооперативные или кредитные учреждения в Советском Союзе не решается так легко, как это, повидимому, думает тов. Стецкий. Если пустить вклады в те хозяйственные круги, откуда они получились, то государству от этого мало пользы, ибо необходимых средств на промышленное строительство в таком случае мы не доставали бы; если же частно-крестьянские вклады будут пущены только в социалистическое и кооперативное хозяйство, то мы их и вовсе не получим.

Можно было бы еще говорить о создании за счет крестьянских вкладов собственных капиталов с.-х. кооперации. Высвобожденный таким образом оттуда государственный капитал пошел бы исключительно на промышленное строительство. Но в такой плоскости ставить вопрос преждевременно. Во-первых, сельскохоз. кооперация занимает пока еще очень скромное место в общей заготовке и сбыте с.-х. продуктов, так что высвобожденный оттуда государственный капитал—небольших размеров, во-вто-

рых, сам факт возможного наличия в с.-х. кооперации крестьянских вкладов в размере, близком к размеру накоплений в сельском хозяйстве, требует в качестве предпосылки совсем другой хозяйственной кон'юнктуры, чем та, которую мы имеем теперь и на радикальное изменение которой в ближайшее время при сохранении существующей финансово-экономической политики навряд ли можно надеяться.

Наконец, в качестве средства преодоления кризиса т. Стецкий предлагает усиление экспорта главным образом с.-х. продуктов. За вырученную валюту будет ввезено оборудование для промышленности. За несколько строк до этого т. Стецким было выдвинуто в качестве средства для той же цели снижение во что бы то ни стало цен на с.-х. продукты на внутреннем рынке. Т. Стецкий совершенно не заметил, что эти два предложения друг друга исключают. Если цены на с.-х. продукты благодаря слабому предложению чрезмерно высоки, то усиленным спросом на эти продукты для экспорта можно вызвать еще больший ажиотаж на рынке, но во всяком случае не содействовать снижению цен. Чтобы достигнуть снижения цен, надо было бы хотя бы временно сократить размер экспорта с.-х. продуктов.

Вот каковы пути, предлагаемые т. Стецким в качестве выхода из хозяйственного кризиса. Признавая, что в основе кризиса лежит диспропорция между темпом развития промышленности и темпом развития платежеспособного спроса крестьянства, т. Стецкий не предлагает никаких совершенных путей, могущих вывести советское хозяйство из кризиса, а предлагаемые пути—паллиативы. Если же диспропорция, как главнейшая основа кризиса советского хозяйства, нам дана об'ективными условиями, то паллиативами навряд ли ее повернешь.

По какому же, однако, пути надо итти, чтобы хозяйственный кризис был устранен в корне. По пути установления целой системы финансово-экономических мероприятий, увеличивающих из'ятие неэквивалентной товарной части сельского хозяйства в размерах, не отстающих от размеров соответствующих из'ятий до войны. Надо провести временное маневренное сокращение экспорта и, если возможно, его перегруппировку. Затем необходимо значительное сжатие оптово-розничных цен на промтовары, приняв для этого ряд действительных, не поверхностных мероприятий. Успех здесь зависит исключительно от проведения цельной системы мероприятий полностью и одновременно. Результатом этой финансово-экономической системы мероприятий должно быть восстановление в прежнем размере перелива частных накоплений из сельского хозяйства в промышленность, несмотря на изменение формы собственности в промышленности. Правильное и равномерное развитие всего народного хозяйства этого властно требует. Даже при вовлечении частных накоплений из сельского хозяйства в промышленность в дореволюционном размере мы только восстановим прежние условия, в которых развивалась промышленность. Когда промышленность требует восстановления этих условий, то она это делает не для того, чтобы за счет этих накоплений форсировать свое развитие, т. е. двинуть индустриализацию страны более быстрым темпом, чем это имело место

до революции. Эти частные накопления ей необходимы для поддержки дореволюционного темпа развития.

Форсирование нынешнего темпа развития народного хозяйства в целом, и промышленности и сельского хозяйства, по отношению к дореволюционному темпу у нас происходит—и чем дальше, тем в большей степени. Но усиления в развитии этого темпа можно достигнуть не разрушением существовавших прежде взаимоотношений между сельским хозяйством и промышленностью, а сохранением их в прежнем виде при совместном движении вперед на данной нам революцией более высокой общественно-политической базе.

Перелив крестьянских накоплений в промышленность никогда у нас не прекращался за исключением последних двух лет, когда промышленность форсировала использование прежнего оборудования, на создание которого в том или другом виде и до войны были вовлечены крестьянские капиталы. И это временное с 1923 г. прекращение перелива в промышленность крестьянских средств нам теперь и мстит. Высвобожденные от перелива в промышленность крестьянские накопления, кроме того, что замедлили темп ее развития, не абсолютно, конечно, а относительно, грозят окружением нашей социалистической промышленности тесным кольцом частного торгового капитала.

Переживаемый нами ныне хозяйственный кризис именно потому, что он происходит в момент полного исчерпывания, возможного использования прежнего основного капитала в промышленности, благодаря не совсем правильной финансово-экономической политике последних лет, может нанести роковой удар перспективам нашего социалистического строительства, в частности промышленности. Только так стоит вопрос. Если при попытке разрешения вопросов хозяйственного кризиса мы будем избегать всматриваться в его действительные корни, то это может кончиться только крахом и того социалистического строительства, которое до момента расширения его за пределы СССР мы можем и должны провести.

Но прежде чем дать точную формулировку о сущности кризиса 1925 г., необходимо отметить, чем этот кризис отличается от имевшего место в советском хозяйстве кризиса конца 1923 г.

Основные черты советского хозяйства в 1923 г. следующие: 1) появление двух валют, банковской с твердым курсом и совзначной с постоянно падающим курсом, при чем первая еще не успела проникнуть в деревню, сосредоточиваясь главным образом в городе, непрерывно подстригая доходы сельского хозяйства; 2) громадная нужда крестьянства в деньгах в связи с переходом в первый раз с натурального на денежный налог; 3) относительно высокий размер прямого налога, достигшего при тогдашней незначительной крестьянской товарности 400 милл. довоенных рублей; 4) весьма быстрый темп роста эмиссии совзнаков; 5) значительный рост банковских эмиссий на кредитование промышленности; 6) относительно хороший урожай; и 7) первые признаки оздоровления промышленности после ее падения и разбазаривания до того, особенно при переходе на новую экономическую политику.

Все финансово-экономические мероприятия, действовавшие в 1923 г., предназначены были для собирания утерянных в момент перегруппировки сил позиций пролетарской основы советского хозяйства—позиций промышленности. Они способствовали обратному переливу из сельского хозяйства громадных средств в промышленность, утерянных ею в пользу сельского хозяйства в предыдущий период своего упадка. Лишь получив из сельского хозяйства оборотные средства, советская промышленность могла приступить к оживлению и эксплоатации находящегося в его руках в громадном размере основного капитала в виде оборудованных, но не нагруженных или консервированных предпредприятий. Эти оборотные средства промышленности накопились в виде предоставленного ей широкого банковского кредита, а также в виде бюджетных ассигнований, а затем и в виде скопления относительно крупных товарных запасов, не попавших в оборот благодаря насыщенности промышленности оборотными средствами.

Сельское хозяйство, вынужденное в 1923 г. выбросить все поглощенное им в 1921 и 1922 годах, скопления многомесячных товарных запасов промышленности уже дальше выдержать не могло. Цены на промтовары были чрезмерно высоки, чтобы сельское хозяйство, после только что указанной непрерывной перекачки своих накоплений в промышленность, могло пред'явить сколько-нибудь значительный спрос на них. Наступил острый кризис для сельского хозяйства. Снижение цен на промтовары являлось тогда безусловно верным средством для преодоления кризиса. Оно и оживило рынок и сельско-хозяйственный, и промышленный. Конечно, того же самого можно было достигнуть путем ослабления любого из действовавших тогда в пользу промышленности рычагов.

Следовательно, основные черты кризиса 1923 г. выражаются в том, что, несмотря на наличие, благодаря указанным выше финансово-экономическим факторам, широкого предложения сельско-хозяйственных продуктов, крестьянство все-таки не могло, из-за чрезмерно высокой кон'юнктуры промышленности, осуществить спрос на промтовары.

И тут-то наша экономическая политика совершила свое грехопадение. Вместо того, чтобы ограничиться одним снижением цен на промышленные товары или же соответствующим увеличением цен на с.-х. продукты,—мероприятиями, вполне достаточными для выведения сельского хозяйства из кризиса,—мы спешили с проведением целого ряда дополнительных мероприятий, которые в силу того, что они не являлись тогда экономической необходимостью, не могли не дать отрицательного результата для всего народного хозяйства.

Абсолютное сокращение обложения сельского хозяйства вместо его абсолютного повышения (конечно, при некотором относительном его сокращении), при значительном росте продукции сельского хозяйства и его товарности, затем предоставление сельскому хозяйству крупных кредитов по отношению к тому, что было предоставлено промышленности,—все это, надо признать, было чрезмерным перегибом при довольно и без того усердном лечении кризиса 1923 г. Кроме того, не надо забывать, что финансовая реформа начала 1924 г. освободила крестьянство от бесконечного эмиссионного налога, что не могло не влиять на усиление его накопления.

Результат этого был следующий: с 1923 г. по 1925 г. сельское хозяйство увеличило свой платежеспособный спрос на

111%, а промышленность за те же два года—всего лишь на 81% [1]. Если при этом вспомнить, что восстановление продукции и товарности как в промышленности, так и в сельском хозяйстве идет по отношению к 1913 г. одинаковым темпом, то указанные только что цифры, говорящие о наличии значительной диспропорции в темпе роста платежеспособного спроса сельского хозяйства, оставившем позади себя на 37% темп роста платежеспособного спроса промышленности, то все эти факты не могут не навести на мысль, что мы здесь имеем дело с проблемой не чисто экономического порядка, а с переплетением проблем социально-политического и экономического порядка.

Дело здесь состоит в следующем: до революции, в частности в 1913 г., когда народное хозяйство в целом, в том числе сельское хозяйство, кризиса подобно нашему не переживало, сумма всех платежей государству и помещикам со стороны крестьянства равнялось свыше 30% товарности сельского хозяйства, в то время как соответствующие платежи в 1924—25 г. составляли всего около 10% товарности сельского хозяйства. Этот процент в 1925—26 г. при сокращении сел.-хоз. налога на 100 милл. руб. еще больше падал. Разница между внеэкономическими из'ятиями и др. платежами сельского хозяйства в 1913 и 1925 г.г. дает в пользу сельского хозяйства около $2\frac{1}{2}$ милл. червон. р. [2]). Громадная доля этой суммы до войны так или иначе была вложена в промышленность, транспорт, проценты по заграничным займам, шедшие тоже главным образом на промышленное строительство. Теперь, вместо прямого, через обложение, переливания в промышленность, как это было раньше, эти громадные суммы остаются в сельском хозяйстве и образуют в нем болезненное полнокровие, особенно в условиях, когда промышленность строится на социалистических началах и поэтому доступ к ней для частно-капиталистических накоплений, без совершения своего рода сальто-мортале, т.-е. без трансформации из частной собственности в государственную, при нынешней политике совершенно невозможен.

Резюмируя сказанное о кризисах 1923 и 1925 г.г., надо сказать следующее: в то время как в 1923 г. промышленность при отвоевании своих потерянных позиций сделала некоторые попытки взять с сельского хозяйства то, что ей не следовало, и вызвала этим кризис во всем народном хозяйстве и потому должна была отступить очень далеко от прежде занятых ею позиций, точно так же теперь сельское хозяйство, упорно наступая уже два года и стремясь все больше и больше оставить у себя долженствующие итти в фонд развития промышленности миллионные накопления, не могло не привести к острому кризису всего народного хозяйства.

Чем это может кончиться, повидимому, еще не все себе достаточно уяснили. Потребуются ли для этого еще дополнительные уроки?—На этот вопрос нам ответит ближайшее будущее.

Сказанное можно формулировать в следующих положениях:

1. Дореволюционное народное хозяйство развивалось главным образом за счет притока крестьянских накоплений из сельского хозяйства в промышленность. Это вполне естественно. Наша промышленность, находящаяся и тогда в начальной стадии своего развития, не могла из себя выделить столько средств для расширенного воспроизводства, которое требовалось интересами 20 миллионов крестьянских хозяйств. Обойтись без накопления этих крестьянских хозяйств при строении промышленности страны нельзя было до революции, нельзя и сейчас. В этом заложен прогресс всего народного хозяйства.

2. Революцией процесс перелива накоплений сельского хозяйства в промышленность не был прекращен.

3. Условия развития пореволюционного народного хозяйства установили некоторые сменообразную форму перелива средств из сельского хозяйства в промышленность и обратно. Необходимость сменообразного перелива средств заложена в природе разрушенного хозяйственного организма, стремящегося к быстрому своему восстановлению, и поэтому в нем происходит процесс временного питания одной части за счет другой.

4. Когда перелив накопления из сельского хозяйства в промышленность или обратно вышел за пределы возможного, наступил острый кризис всего народного хозяйства, а не только той его части, у которой другая попыталась взять лишнее. Изучение всех наших острых кризисов: сельско-хозяйственный кризис 1921 г., промышленный кризис 1922 г., сельско-хозяйственный кризис 1923 г., и наконец, промышленный кризис 1925—26 г., дает этому положению богатейшую иллюстрацию.

5. Вся наша финансово-экономическая политика 1923 г. представляет собой не что иное, как могущественное орудие восстановления потерянных пролетарским государством в предыдущую смену отлива позиций на промышленном фронте.

6. Кризис 1923 г. об'ясняется не тем, что вся финансово-экономическая политика была тогда в полном подчинении стремлениям промышленности отвоевать потерянные ею раньше в 1921—22 г. позиции. Ничуть. Благодаря этой политике промышленность достигла величайших успехов. Последние имели свои положительные результаты для всего народного хозяйства в целом и, конечно, не в последнюю очередь и для сельского хозяйства.

Кризис 1923 г. имеет свои причины в том, что к проводимой тогда правильной политике, промышленность хотела добавить кое-что от себя. Но после того, как совершился громадный перелив накоплений из сельского хозяйства в промышленность, что, несмотря на положительное значение для всего народного хозяйства, не могло не привести сельское хозяйство в напряженное состояние, промышленность задумала создать себе многомесячные товарные запасы. Сельское хозяйство, поддерживавшее всеми силами интересы промышленности в течение всего 1923 г., на такую роскошь итти уже не могло, и вследствие этого разразился острый кризис для всего народного хозяйства, в том числе и для промышленности.

7. Преодоление разразившегося осенью 1923 г. кризиса могло быть достигнуто путем ослабления или полного упразднения одного только из действовавших тогда финансово-экономических рычагов, призванных содействовать переливу средств из сельского хозяйства в промышленность. Достаточно было бы одно

[1] См. статью т. Гулояна в «Правде» от 18/I—26 г.
[2] См. ст. т. Преображенского в «Правде» от 15/XII—25 г.

из нижеследующих мероприятий, чтобы вывести сельское хозяйство из кризиса:

а) радикальное сокращение темпа эмиссии совзнаков в пользу бюджета или полное ее прекращение;

б) смягчение налогового пресса на сельское хозяйство;

в) снижение цен на промышленные товары;

г) под'ем цен на сельско-хозяйственные продукты;

д) значительный кредит по бюджету сельскому хозяйству;

е) значительный товарный кредит с. х. от промышленности.

Каждое из перечисленных мероприятий в отдельности в состоянии было бы преодолеть кризис 1923 г., вызванный не всей тогдашней финансово-экономической политикой государства, а лишь завершительным, крайне неосторожным шагом со стороны промышленности.

Мы же, однако, одним из указанных мероприятий не ограничились. Пустили в ход все их сразу. Финансово-экономическая политика 1923 г. была целиком упразднена. Желая вернуть сельскому хозяйству то, что не следовало у него брать, мы стали настолько щедрыми, что оставили в нем и то, что оно должно в силу установленных всей экономической обстановкой страны условий влить в промышленность. Вместе с водой мы выплеснули и ребенка.

Итак, кризис 1925—26 г. вызван полным упразднением правильной финансово-экономической политики 1923 года, вместо упразднения одного из начинающих неправильно действовать рычагов.

Леопольд Авербах.

О пролетарской культуре, „напостовской путанице“ и большевистских аксиомах.

(Ответ т. П. Ионову).

I.

Терминологическая определенность бесспорно является предпосылкой успешности спора. На это обстоятельство мне довелось обращать внимание т.т. в брошюре «За пролетарскую литературу». Но были ли у Ионова основания упрекать нас в неверной терминологии? Читатель не посетует на нас за большую цитату: она необходима для уяснения существа дискуссии:

«Азбучные вещи нужно об'яснять Слепкову и по вопросу о материальной культуре. Понятие культуры у нас часто берется и как единство «материальной» и «духовной» культур, и специально по отношению к «духовной» культуре. Тогда, когда мы говорим о пролетарской культуре, мы говорим о всей культуре, включая сюда и «материальный остов». И если, поэтому, в культурах буржуазных и социалистических обществ имеются «весьма значительные и исключительно важные секторы, принципиально общие, принципиально одинаковые» [1]), то вопрос только отсюда и начинается.

Пролетариат, рожденный капитализмом и в нем выросший, уже в его рамках создает новое мировоззрение. Захватывая власть, он реорганизует все общество, вплоть до производственных отношений, и «наследство» он берет в ином свете, в другом контексте, в отличных пропорциях, связывает кардинально противоположной (по отношению к буржуазии. *Л. А.*) точкой зрения,— а в этом все дело. Разве машина, электростанция, та же математика—сами по себе классовы? Ничуть не бывало». Как видит читатель, понятия здесь разграничены, и забота о терминологической определенности не может быть отнесена к числу достоинств статьи т. Ионова. При разборе ее мы обратим в частности внимание на то, как ревнитель терминологической определенности на деле обращается с терминологией.

Ионов пишет: «Прав был т. Слепков, предлагая говорить не о феодальных, буржуазных и проч. культурах, а о культурах соответствующих способов производства. Исторические типы культур даны историческими типами общественых форм». П. Ионов привел цитату из моей брошюры, в которой я возражал т. Слепкову. Придравшись к действительно имеющейся у меня стилистически неудачной фразе—«так как—разве» [2]),—П. Ионов чрезмерно возликовал, вместо того, чтобы дать хотя бы самый уме-

---

[1]) Из статьи т. А. Слепкова.

[2]) Впрочем, автору статьи, начинающейся словами: «уже порядочно долго», не пристало кого-либо учить литературной грамоте!

ренный ответ по существу: «Буржуазная культура не может быть приравнена к культуре буржуазного общества,—пишет курсивом Авербах. Почему? А куда вы денете марксизм?!—беснуется Авербах,—нельзя же его причислить к буржуазной культуре...» Выражение «беснуется», знаки вопроса и восклицания должны, очевидно, показать читателю всю степень иронического отношения Ионова к приводимой им цитате. Однако скрывается ли за этой иронией какое-либо содержание? «Слов нет, причислить марксизм к буржуазной культуре довольно затруднительно». Как же Ионов находит выход из действительно затруднительного положения? «Но так же (курсив мой. *Л. А.*) затруднительно к буржуазной культуре причислить и технику, которая по меньшей мере войдет в качестве «элемента» в пролетарскую культуру». Позвольте, сторонник терминологической определенности! Зачем же вы на глазах переставляете и меняете содержание термина? Ведь приведенная выше цитата из брошюры «За пролетарскую литературу» совершенно недвусмысленно, диаметрально противоположно ставит вопрос о материальной и духовной культурах. Ведь там прямо утверждается, что такие вещи, как техника, сами по себе абсолютно не классовы, это утверждается у нас и по отношению к математике. Я говорю: марксизм никак не причислишь к буржуазной культуре, а мне отвечают: также и технику! Но разве марксизм можно отнести к таким «секторам», которые будут общи, «принципиально одинаковы» — культуре буржуазного общества и культуре общества социалистического?

Поставив знак равенства между техникой и марксизмом, Ионов пишет: «Не меньше трудностей возникает и с такими вещами, как математика, дарвинизм и проч. Впрочем, что касается последнего (чего «последнего»? дарвинизма или «и проч.»? *Л. А.*), то глубокомысленные напостовские апостолы склонны зачислить его по ведомству пролетарской культуры. «Напостовцы выдвигают следующий потрясающий аргумент. Разве господство пролетариата совместимо с антидарвиновской реакцией? Отсюда неизбежен логический вывод: дарвинизм есть не что иное, как «пролетарская идеология». Поздравляем Авербаха, и иже с ним, с головокружительным открытием»...

Однако иронические приветствия Ионова нисколько нас не смутили. Зададим вопрос: а что же—совместимо господство пролетариата с антидарвиновской реакцией? Хотели бы мы посмотреть на такого Ионова, который даст положительный ответ! А господство буржуазии совместимо с господством дарвинизма? «Обезьяний процесс» демонстрирует наступающую уже необходимость антидарвиновской реакции для сохранения буржуазного господства. Ведь вот в чем дело! Культура не есть механическая смесь некоего количества «элементов», а целостная, согласованная—кем?—классом согласованная система, в которую входят и общезначимые, и долженствующие—как все основное в дарвинизме—быть общезначимыми для всех классов культур элементы. У Ионова культура в этом смысле слова пропадает. Культура представляется ему чем-то таким же эклектическим, как и его точка зрения на культуру!

«То, что Авербах, противореча самому себе (доказательства по милому обыкновению отсутствуют! *Л. А.*), называет буржуазной культурой, является лишь элементом культуры капиталистического общества». Запомним это.

Ионов цитирует «За пролет. литературу»: «Когда мы говорим о пролетарской культуре, то мы, конечно, говорим о всей культуре, включая сюда ее «материальный остов»—и Ионов заключает: «Спрашивается: на каком же основании в таком случае обижать буржуазную культуру, лишая ее материального остова? А раз оснований нет, то понятие буржуазной культуры должно употребляться (или верней, совсем не употребляться) лишь в смысле термина «культура буржуазного общества».

Где это нами «обижалась» буржуазная культура так, чтобы мы отнимали у нее материальный остов? «Обижать»-то мы буржуазную культуру обижали и—о ужас!—предполагаем «обижать» ее дальше. Но для этого нам совершенно не нужно было отрицать наличие у нее «материального остова». Это было бы просто-на-просто неразумно. Мы поступили иначе. Как не безызвестно, пролетариат отнял у буржуазии тот «материальный остов», который входит в пресловутые принципиально общие секторы. ыМ вовсе не отрицаем и не отрицали «материального остова», но мы брали культуру, как совокупность и «остова» и надстроек, а не как землю и небеса, ничем между собой не связанные, по представлению некоторых «элементов» «культуры буржуазного общества».

Найдите важнейшее место в книге прежнего Каутского «Размножение и развитие в природе и обществе», которое даст нашему красному профессору урок марксистской грамоты: «Каждый класс разовьет свойственное ему миропонимание, которое определяется не только состоянием естественно-научных знаний его времени, но и—еще в большей степени—его положением в обществе. В этом смысле можно говорить о буржуазной и пролетарской науке. Существуют мудрецы, которые иронизируют по этому поводу и выдвигают абсурдность пролетарской химии или физики. Но вся их премудрость свидетельствует лишь об их ограниченности, с которой они часть науки принимают за всю науку, за совокупность проникнутой общим единством картины мира, в которой каждая часть находится в необходимой связи с другой. Отдельные части могут, конечно, быть одинаковы, как одинаковы отдельные кирпичи, из которых строится дом пролетария и княжеский дворец. Но общее построение в одном случае резко отличается от построения в другом, и как часть общей постройки, один и тот же кирпич, из которого построен дом пролетария, выглядит совершенно иначе, чем кирпич, употребленный на постройку княжеского дворца». Оставим теперь П. Ионова с его кирпичами. Авось он сумеет понять, что вся буржуазная культура совершенно так же, как и наука, не куча кирпичей, а более или менее стройное здание.

«Мы уже отметили, что Авербах по существу соглашается с выше данным определением культуры, как «единства культуры» духовной и культуры «материальной». Однако, категорически возражая наряду с этим против замены термина «буржуазная культура» термином «культура буржуазного общества», Авербах впадает в вопиющее противоречие с самим собой»... Незавидная смелость снисходительного утверждения о согласии Авербаха с ним же, Авербахом, употреблявшейся терминологией—поистине своеобразна. Нетрудно убедиться, что Ионов здесь повторяет сказанное нами в уже использовавшейся выше цитате! Поищем теперь противоречия.

Что такое буржуазная культура и что такое культура буржуазного общества? Разберемся в этом вопросе. О какой культуре идет речь? И о духовной, и о материальной. В области «духовной» буржуазия имеет свою культуру? Из уважения к читателю не будем обосновывать это положение. Всякий, не окончательно расставшийся с марксизмом человек, согласится с тем, что буржуазия, как класс имеет свою «духовную» культуру, как систему определенного ряда идеологических фактов, понятий,—как свою политическую идеологию, свои общественные науки, свою литературу и т. д. На первый взгляд дело обстоит сложнее с культурой материальной. Но так ли резко разделимы эти две «культуры»? Не доказывали ли мы выше, что они сливаются в одну культуру, которая не перестает быть целостной от того, что некоторые ее части, перейдут в систему другого класса [1]).

Процесс создания классовой духовной культуры—это процесс превращения класса в себе в класс для себя. Естественно, что в культуре класса остается многое от культуры предыдущих классов, что класс лишь постепенно приводит в полное соответствие отдельные части здания своей культуры.

Но из этого вовсе не следует, что класс не хочет создавать или не создает своей классовой культуры. Ясно обратное.

А что такое культура буржуазного общества? Что такое культура соответствующего способа производства? Разрешение этого вопроса предполагает предварительный ответ на вопрос о характере соответствующего способа производства, о строении соответствующего общества. В реальном буржуазном обществе имеются, кроме буржуазии и пролетариата, и масса крестьянства, и остатки феодальных слоев—помещиков и т. д. Ионов предлагает нам говорить о культуре всего этого буржуазного общества. «Буржуазная культура есть не культура буржуазная, а культура капиталистического общества». И Ионов и Слепков, выдвигая это чудовищное положение, повторяют лишь... Тера-Ваганяна. Зрелище для богов, одинаково радующее как Слепкова и Ваганяна по отдельности, так и зрителя сей комбинации! В 3-м номере «Воинствующего материалиста» т. Ваганян писал: «Ни один здравомыслящий марксист не может считать буржуазную культуру культурой буржуазии».

Приведем по этому вопросу мнение одного марксиста, которого мои оппоненты должны были бы согласиться считать и в достаточной мере компетентным и уж, во всяком случае, «здравомыслящим».

«В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплоатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная)—притом не в виде только «элементов», а

[1]) В брошюре мы писали, что социализм будет создавать и свою новую техническую базу. Я утверждал там и утверждаю сейчас — мне абсолютно нечего менять в моей книжке, как бы ни пытался Ионов превратить ее в оппозиционный документ,—что электрификация, к примеру, берущаяся в условиях планового обобществленного хозяйства, представляет качественно отличное явление, по сравнению с электрификацией на Западе.

в виде господствующей культуры». «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре». Занимательно будет посмотреть на всякого, кто попытается «комментировать» приведенные нами мысли Ленина [1]). Легко убедиться в том, что точка зрения прежнего Каутского—Ленина «несколько» отличается от точки зрения Ваганяна—Ионова.

Употребляющие термин «культура буржуазного общества» замазывают классовую разорванность этого общества, отказываются от классового подхода к вопросам культуры, ставят знак равенства между господствующей классовой культурой и культурой всего общества, в котором идет классовая борьба—и по линии классовой культуры.

По отношению к социализму можно будет говорить о культуре соответствующего способа производства. Почему? Потому что это будет бесклассовое общество равных людей. Там будет единая культура социалистического общества. А в приложении к любому обществу, разделенному на классы, нельзя говорить о всеоб'емлющей культуре данного общества, хотя господствующая классовая культура и накладывает свой отпечаток на жизнь всего общества.

Но между буржуазным и социалистическим обществами лежит период диктатуры пролетариата. Между ними лежит период революционного переустройства первого во второе. Что соответствует этому переходному периоду в области культуры? Вот где основной и наиболее актуальный предмет спора. Ясно, однако, что по-разному понимая классовый характер культуры, мы будем давать разные ответы. Точка зрения Ионова не сможет здесь не отличаться от нашей точки зрения.

В брошюре «За пролетарскую литературу» я писал: «Товарищей, которые высказывались по вопросу о пролетарской культуре, можно схематически разделить на 2 основные группы: в одну группу мы сможем отнести т.т. Бухарина, Луначарского и напостовцев, в другую т.т. Троцкого, Воронского, Яковлева, Ваганяна и др.». Указав на существенные разноречия и внутри этих групп, мы разбирали тогда две последовательные линии. Одни считали, что пролетарская культура создается, одни так, как т. Бухарин, ратовали за ее строительство, а другие об'являли пролетарскую культуру богдановщиной и утопическими химерами, а другие заявляли, что у пролетариата попросту времени не хватит на создание своей культуры, что его задача сводится лишь, по существу, к ученическому усваиванию прежней культуры.

В этом пункте Ионов, вслед за Слепковым, открывает новые пути—если попытка эклектического разрешения вопроса может быть названа новыми путями. Понимая, что перед нами длительный переходный период, Ионов пишет: «Можно и должно говорить

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIX стр. 43 и 50. Мы видим, как П. Ионов вопиет о «неслыханной терминологической путанице» у Ленина. Приносим наше соболезнование! А вот в последнем (3) номере «Красной Нови» опубликованы исключительно интересные заметки Ленина о пролетарской культуре, где он пишет: «Дальнейшая работа на этой основе (критической переработки ценного наследства. *Л. А.*) и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплоатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры». Курсив мой. *Л. А.*

о пролетарской культуре, точнее—о культуре эпохи диктатуры пролетариата». «Точнее»! Вот уж, действительно, «уточнил»! Проблема пролетарской культуры—это для нас прежде всего вопрос о культурной революции Ленина.

Тов. Сталин в № 3 «Большевика» пишет: «Буржуазная революция завершается обычно захватом власти, тогда как для пролетарской революции захват власти является лишь ее началом, при чем власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой». В этой формулировке—ключ к пониманию ленинской культурной революции.

Как следует ставить вопрос о пролеткультуре? Только в плане ленинской культурной революции. Нам бесконечно чужды богдановские келейные химеры и неверные абстракции. Прежде и раньше всего ликвидация неграмотности. Но процесс культурной революции охватывает не только задачу научить читать и писать. Культурная революция охватывает все области идеологической надстройки. В процессе культурной революции пролетариат не ученически воспринимает прежнюю культуру, а критически перерабатывает ее, беря одни кирпичи, а другие кирпичи откидывая. Но борющийся класс не может успешно воевать и строить с кучей несогласованных элементов-кирпичей. В процессе классовой борьбы, воспринимая и перерабатывая прежнюю культуру, пролетариат из кучи отобранных старых и созданных им новых кирпичей создает свою классовую культуру. Процесс развития культурной революции неизбежно влечет за собой создание пролетарской культуры—если, конечно, культурная революция идет по пролетарским рельсам.

У нас речь идет о массовой культурной революции творчески растущего класса. У нас речь идет о необходимости культурной гегемонии пролетариата. Нам нужно вести за собой крестьянство, все более быстро культурно растущее. Нам нужно бороться с буржуазной идеологией, вырастающей из элементов частного капитализма в нашем хозяйстве. Вот почему на первых стадиях диктатуры пролетариата неизбежно должна расти пролеткультура. В резолюции ЦК о политике партии в области художественной литературы превосходно сказано о задаче перевода крестьянских писателей на рельсы пролетарской идеологии. Культурная революция—это задача невиданно грандиозного культурного под'ема масс и перевода их на рельсы пролетарской идеологии. Вот как мы ставим вопрос о культуре переходного периода. И вот для нас смысл философии всей в вопросе о пролеткультуре! Ясно, что к концу переходного периода, вместе с процессом отмирания классов, будет отмирать и пролеткультура, диалектически перерастая в бесклассовую культуру.

Ионов предлагает нам говорить о культуре эпохи диктатуры пролетариата. Но это еще более чудовищно, чем «культура буржуазного общества». Мы надеемся, что сказанного выше достаточно для опровержения попытки рассматривать культуру такой боевой, такой строительной, такой меняющейся эпохи—как единую культуру. «Пределы своей собственной сущности» [1]) обнаруживают здесь свою существенную бессодержательность и предельное отсутствие собственности... своих мыслей.

[1]) Бессмертное выражение П. Ионова.

* * *

Переходим к вопросу о совместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии. И здесь статья Ионова вызывает глубочайшее недоумение. С одной стороны, он с удовлетворением замечает, что положение о «несовместимости» встретило «резкий отпор» на стр. «Большевика» в статьях т.т. Яковлева и Слепкова. А, с другой стороны, он «с ехидством» пишет: «Авербах ссылается на Маркса... ведь, это же—большевистская аксиома—восклицает он. Как можно отрицать бесспорное марксистское положение о том, что непролетарская идеология не совместима с фактом пролетарской диктатуры... И ему и невдомек, что вот это-то и плохо, что это—аксиома, и что вот именно поэтому-то ей и было не место в тезисах, претендующих на определение партийной литературной линии».

Нам остается развести руками. Мы не знали до сих пор, что в тезисах, претендующих на определение партийной литературной линии, не должно быть места большевистским аксиомам—заменить их что ли теоремами недоучившихся схоластиков? Что здесь шельмуются именно аксиомы, доказывают эпитеты, употреблявшиеся Слепковым для характеристики этой, по признанию Ионова, аксиомы: «вредное фразерство», мертвые, постные, нежизненные «афоризмы» вроде «несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии». Предлагаем т.т. между собой сговориться, что это—большевистская аксиома или мертвый, постный и нежизненный афоризм! Нет, это такая аксиома, которая ни в какой мере не носит теоретически-абстрактного характера. Это прямая директива нам. И в особенности сегодня, и в особенности в связи с вопросом о классовой борьбе. Этот вопрос имеет политически решающее значение.

Нас обвиняют в непонимании форм классовой борьбы на данной стадии пролетарской революции. Нас обвиняют в непонимании политики гражданского мира и ленинских реформистских методов. «Да здравствует разжигание классовой борьбы»—так несколько раз формулирует нашу точку зрения П. Ионов. Он цитирует мою фразу: «У нас не ослабляется, а обостряется классовая борьба в области идеологии» и комментирует: «Вот уж поистине—как любили говорить некоторые т.т. ленинградцы—мимо Сидора в стенку. Ведь вот именно это-то и плохо,—тов. Авербах!» Плохо или хорошо—это другой вопрос, это вопрос на который ответ может дать только анализ современной действительности. Нами дается констатирование факта [1]). Опровергните его, докажите, что положение иное! Никогда и нигде мы не предлагали нарочито разжигать классовую борьбу—в частности по линии этого вопроса прошла линия нашего размежевания с группой Вардина—Лелевича. Но мы за классовую борьбу там, где она неизбежно будет происходить. Мы утверждаем, что процесс неслыханного приобщения масс ко всем областям «духовной» культуры, процесс культурной революции будет вести и за собой острую классовую борьбу в области идеологии: кто кого переработает—массы ли старую культуру сумеют разбить на кирпичи и нужное им взять, или здание целост-

[1]) Отсылаем читателя к докладу тов. Бухарина на Ленинградской губпартконференции. Там несколько раз подчеркивается наблюдающееся у нас сейчас обострение классовой борьбы.

ной старой культуры окажется сильнее пролетарского культурничества.

Мы понимаем, почему Ионова пугает перспектива классовой борьбы в области идеологии. Он пишет: «Мы бы очень хотели посмотреть, как это можно разжигать классовую борьбу в области идеологии, не разжигая ее в экономике и политике—и наоборот, тем более, что понятие «идеология» включает в себя не только науку и искусство, и проч. безобидные штуки (!!), но и политическую идеологию». Эта цитата дает существо вопроса. Перед нами стопроцентная меньшевистская логика, на которую так яростно обрушивался Ленин. Такая постановка вопроса представляет собой лейтмотив всех рассуждений «Социалистического Вестника» за годы после нэпа. У вас свобода торговли, у вас сотрудничество в области экономической—сделайте политические выводы отсюда. Что на это отвечал Ленин? «Капитализм мы допускаем, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству. Это нужно. Без этого крестьянин жить и хозяйничать не может. А без эсеровской и меньшевистской пропаганды он, русский крестьянин, мы утверждаем, жить может» [1]). Ленин много раз именно так ставил вопрос, борясь против попыток утверждать будто формы экономического сотрудничества будут определять и нашу политику в области идеологии. Еще при начале нэпа, когда у многих т.т. невольно проскальзывала именно эта, меньшевистская, логика Ленин обрушивался на них: «То, что говорил т. Варейкис, было в сущности не коммунистично и по содержанию мысли напоминало меньшевизм. Надо это сказать прямо. Каким образом он мог приставать с вопросом: «вы скажите, крестьянство—это класс или не класс?» Конечно, класс. Тогда,—говорит он,—ему нужны политические уступки, а если нет, тогда известные меры нужны в этом направлении, которые все же будут похожи на зубатовщину. Тут была сделана ссылка на Мартова, что он утверждал это целиком, т. же Варейкис говорит «до известной степени», «в той или иной мере», «отчасти». Путаница получается самая невероятнейшая, самая чудовищнейшая» [2]). Нужно сказать прямо: эта «путаница» Ионовым формулирована теперь уже не как путаница, а как крупнейшая политическая ошибка. Мы хотим ставить вопрос по-большевистски, памятуя, что говорил Ленин о пулеметах на II с'езде. Припомните, т. Ионов!

«Непримиримая классовая борьба—это единственное, что имманентно присуще взаимоотношениям пролетариата с буржуазной идеологией»,—пишет далее Авербах. И всего комичнее то, что за несколько строк перед этим он победоносно вопрошает одного из своих критиков: «Можно ли ставить знак равенства между периодами по преимуществу ломки и преимущественно строительства»—так комментирует и противопоставляет одну другой две цитаты из моей брошюры П. Ионов. «Комичнее»! Нет, дело обстоит достаточно трагически. Борьба Ионова против нашей постановки вопроса о классовой борьбе приобретает достаточно своеобразный характер. Ионов находит противоречие в нашем утверждении о том, что и в период строительства будет происходить борьба между пролетарской и буржуазной идеологиями. Но у того, кто так ставит вопрос, иное, чем у нас,

[1]) Ленин, Собр., соч., т. XVIII, 2 ч., стр. 61.
[2]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 269.

понимание гражданского мира. С нашей точки зрения, гражданский мир есть не что иное, как одна из форм классовой борьбы пролетариата. У Ионова же строительный период, очевидно, исключает классовую борьбу. И это вовсе не комично.

На всякий случай оговариваясь о том, что «в отдельные периоды при диктатуре пролетариата классовая борьба достигает наивысшего обострения», Ионов неправильно ставит вопрос и о диктатуре пролетариата.

Он пишет: «Пролетариату, захватившему власть, уже не нужна новая революция, чтобы перейти к коммунизму: революционный переворот остался уже позади. Постольку для большевиков-марксистов, ленинцев, не метафизиков, а диалектиков—единство мирных и насильственных методов классовой борьбы дано уже в форме мирного руководства, мирной переделки попутчиков-крестьян, мирного соревнования и сотрудничества». Эта формула абсолютно неверна. Основная ошибка заключается в забвении или затушевывании того факта, что, кроме крестьянства, имеется и нэпман, что крестьянство неизбежно выделяет некоторые элементы кулачества. Почему это у нас не вызывает паники? Потому что мы убеждены в том, что мы сумеем массу крестьянства ввести в русло социалистического развития. Мы знаем, что элементы капитализма относительно, а затем и абсолютно, будут все быстрее уменьшаться. Потому, конечно, не будет нужна никакая «вторая революция». Однако, отсюда вовсе не следует, что Ионов должен мещански прятать «ужасное насилие»: диалектическое единство у него заключается в том, что мирные методы до конца и без остатка с'едают насильственные. Вопрос более чем ясен. Читатели «Большевика» в том же номере, в котором они имели сомнительное удовольствие читать статью Ионова, видели и настоящий ответ на этот вопрос:

«В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала, или может отпасть в период строительства». Мы еще раз оставим т. Ионова наедине с собою—авось, он попытается найти единство в своих взглядах и взглядах тов. И. Сталина. Но мы ему не позавидуем—предприятие безнадежное!

Тяга к обязательной мирности, обязательная тяга к затушевыванию факта наличия классовой борьбы—вот истинная подоплека наших споров по вопросу о совместимости или несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии.

Та борьба, которая идет у нас в идеологической области, представляет собою борьбу за пролетарские рельсы развития, а борьба за эти рельсы есть классовая борьба в области идеологии, против попыток новой буржуазии перевести крестьянство на рельсы ее идеологии («кто кого?»).

* * *

Ионов не мог не порадеть и о крестьянстве. Но здесь его окончательно покинула всякая добросовестность. Приведем одну цитату: «Крестьянские писатели по большей части подводятся под категорию попутчиков. Я предлагаю их считать союзниками. Если мы говорим о представителях мелко-буржуазной

интеллигенции, как о попутчиках, то о крестьянских писателях мы должны перестать говорить, как о попутчиках, а говорить о них, как о союзниках, о спутниках»[1]). Ионов читал мою брошюру. При желании он мог бы подобрать из нее не одну цитату, дающую выразительный ответ на его обвинения. Всякий, хоть немного соприкасавшийся с литературной жизнью, знает, сколько внимания ВАПП—исходя из своих теоретических предпосылок—уделяет крестьянским писателям. Общеизвестно, что все начинания ВАПП'а проводятся совместно с Всероссийским Союзом Крестьянских Писателей. В то время, как на словах осуждаемые, а на деле покрываемые Ионовыми, Воронские игнорировали массового крестьянского писателя, мы боролись и боремся за то, чтобы писатель, растущий из селькорства, чтобы подлинный крестьянский писатель—нимало не похожий на Орешиных и Наседкиных!—пошел по пролетарскому пути.

Этих строчек по «крестьянсокму вопросу» достаточно, если принять во внимание, что Ионов и в этом пункте был верен себе: он не привел ни одного доказательства, обосновывающего сконструированные им за нас ошибки. Здесь будет не лишне привести афоризм Козьмы Пруткова: «Питомец рангов нередко портится».

* * *

Нам уже приходилось характеризовать полемические манеры П. Ионова. Переходя—очень вкратце—к вопросу о партийной политике в литературе и, в частности, к вопросу о попутчиках, я принужден опять заниматься спасением своих мыслей от тех ересей, которые были к ним приклеены «дружелюбным» т. Ионовым. Следите внимательно за цитатой, курсив в ней принадлежит мне: «Раскритиковав в пух и прах досужего публициста из «Руля», утверждавшего внепартийность и внеполитичность литературы, Авербах приходит к заключению, что «политика является первенствующей над искусством, в частности, над литературой». Отсюда для нашего автора с железной необходимостью следует, что при наличии партийной литературной политики мы создадим идеологически-четкую и выдержанную пролетарскую литературу. Таким образом, вопрос у Авербаха ставится так, что как-будто бы в обществе ничего, кроме политики и литературы, не существует (вот уж действительно, как будто бы! *Л. А.*), и что, во-вторых, связь между ними аналогична, к примеру, связи между творчеством канцелярии и приказной деятельностью управделами пыльбухтреста. Само собой разумеется, если согласиться с обоими предпосылками Авербаха, то...»—и далее.

На 3-х страницах Ионов ликует, справедливо резюмируя свои восторги словами: «Все это, конечно, азбука». Но азбука азбукой, однако, для чего же было из правильной фразы сделать словом «отсюда» неправильный вывод—вовсе это не отсюда следует!—на придуманном неправильном выводе надстроить следующий этаж словами «таким образом», и из второго этажа размахивать «отсюда таким образом» вытекающими «предпосылками Авербаха»?! Дешево это. Дешево и грустно.

[1]) Л. Авербах, «За пролетарскую литературу».

А по существу? Как известно, первым спорным вопросом литературной дискуссии были разногласия по линии: нейтралитет или руководство. Они ликвидированы,—точнее должны быть на практике ликвидированы,—принятием резолюции ЦК, установившей партийную линию. Ионов излишне предлагает нам становиться на общепартийную позицию. Мы на этой позиции стояли еще тогда, когда Ионов не начинал писать по вопросам литературы. Наша брошюра, ставшая предметом критического рассмотрения тов. Ионова, вся посвящена доказательству—с документами, с сопоставлением цитат—правильности основной линии напостовства, совпадения ее с резолюцией ЦК. Но это Ионов и не попытался опровергнуть. Он и решенный вопрос о руководстве партии в области литературы пытается замазать. Тов. Троцкий, выдвинув положение, что «методы марксизма—не методы искусства» писал: «Партия руководит пролетариатом, но не историческим процессом». Из этих, в частности, предпосылок т. Троцкий выводил политику нейтралитета партии в области художественной литературы. Мы категорически возражали против этих обоих предпосылок и, в частности, заявляли, что не верно само по себе противопоставление руководства пролетариатом руководству историческим процессом. Пролетариат один из весьма существенных факторов, определяющих ход исторического процесса, а посему,—утверждали мы,—руководство пролетариатом есть прямое воздействие на линию исторического развития. Конечно, партийная политика не может создать литературы, но оказать громадное влияние на ход ее развития она может. «Осмысленно» сославшись на Шулятикова, Ионов пишет: «Напостовцы... претендуют на «руководство» «историческим процессом». Предоставление им (курсив мой. *Л. А.*) этого руководства принесло бы величайший вред всей нашей литературе...» Спрос с т. Троцким о руководстве со стороны партии пролетариатом и историческим процессом Ионовым представляется, как желание напостовцев руководить историческим процессом. Экая ловкость рук! А ведь подумаешь, нормальные ли люди эти напостовцы? Желают руководить—небольшая группа, ведь,—историческим процессом! Нетрудно убедиться в том, что здесь Ионову явно изменила тактика превращения противника в заведомого олуха. Смысл наводимого Ионовым тумана заключается опять-таки в эклектической попытке смазать существо наших литературных разногласий.

Ионов цитировал мою фразу: «Нужно различать между творческим соревнованием и методами анархической конкуренции». Я разграничивал два вопроса. Одно дело—соревнование в области формы. В ВАПП, к примеру, в организацию довольно крепко сколоченную, входят формально самые различные товарищи. Другое дело—классовые писательские группировки. Здесь не должно быть методов анархической конкуренции ни в каком случае, а должна быть твердая установка на классовую пролетлитературу. Ионов валит все в одну кучу и пишет: «Что же касается анархической конкуренции и свободного соревнования, то разницы между ними по существу нет—резолюция ЦК заменяет лишь—и правильно заменяет—первый термин вторым, ибо термин «анархическая конкуренция» мог бы быть истолкован, как отказ от всякого руководства, что было бы неверно» (курсив мой. *Л. А.*). Все дело

заключается в том, что этот термин не мог быть иначе истолкован, что он об'ективно покрывал ставку на кого угодно, и на попутчиков действительных, и, что самое скверное, на попутчиков в кавычках—только не на пролетарскую литературу, у которой т.т. Троцким и Воронским принципиально отнималось право на существование.

В вопросе о формах партийного руководства у напостовцев не было ошибок. Но там, где в одном ответственном напостовском документе действительно были крупные ошибки, там их Ионов не заметил.

В январских тезисах Вардина была дана совершенно неправильная характеристика литературных попутчиков [1]). Именно в этом пункте моя брошюра разительно отличается от вардинских тезисов. И именно об этом я говорил в своей брошюре, заявляя, что у напостовцев были перегибы палки. Вопрос о политике по отношению к попутчикам был одной из главных причин раскола между напостовцами, между всем ВАПП-ом и группой Вардина—Родова—Лелевича—трех рыцарей печального образа без всякой армии. Но разорвав с «левыми», мы только исправили вывих в правильной напостовской линии. «Как же, однако, быть с попутчиками?»—спросит читатель. Нужно ли добиваться их дифференциации? Нужно ли держать курс на гегемонию пролетарской литературы? На оба поставленные вопросы мы без малейшего колебания отвечаем—да». Эта цитата взята нами не из первых напостовских документов 1923 г., как мог подумать читатель. Это цитата из статьи Ионова. Но тов. Ионов или не знает истории, или прячет ее, ибо мысли, которые он здесь высказывает: 1) дифференциация попутчиков. 2) курс на гегемонию пролетарской литературы,—были основными лозунгами, которые мы, напостовцы, отстаивали против ликвидаторов и капитулянтов. Ошибка Вардина, между прочим, заключается в фактическом отказе от политики дифференциации попутчиков. Он рассматривает их всех как одну реакционную массу—в то время, как Воронский их всех считает перлом создания. Методологически одна и та же ошибка!

В нашей дискуссии с «левыми», нам приходилось указывать на ряд ошибок Вардина и иже с ним. Как известно, наши разногласия с «левыми» по литературной линии оформились, примерно, за полгода уже до XIV с'езда. Пришел с'езд, и размежевание между нами целиком прошло в области политической так же, как и в области литературной. Да, те ультралевые теории, которые развивались Вардиным, после отхода Вардина от всей основной массы напостовцев—они были порождены политическими теориями оппозиции. Как только началась последняя партдискуссия мы немедленно, до партс'езда, связали литературные и политические ошибки Вардина. Здесь не место, сейчас, разбирать ошибки Вардина. Желающие ознакомиться с вопросом могут взять материалы Всесоюзной Конференции Пролетписателей, из которых они убедятся, что мы потому раскололись с группой Вардина, что наши ультралевые ликвидаторы так же далеко ушли от напостовства, как и правые ликвидаторы от резолюции ЦК.

[1]) Что опять-таки отмечалось на последней конференции пролетписателей.

* * *

Мы считаем мещанскими разговорами протесты против увязки политических и литературных вопросов. Мы приветствуем попытку Ионова связывать эти вопросы.

«Всякая ошибочная точка зрения, выявляющаяся у партийцев в области литературы, является большим или меньшим производным от той или иной ошибки по общим вопросам партийной политики» [1]).

Но, к сожалению, т. Ионову не удалась правильно поставленная задача: грубостью и топорностью тут ничего не сделаешь! Наша литературная линия есть линия резолюции ЦК, а вытекает она из правильной линии XIV с'езда, направленной как против забвения середняка и переоценки кулака, так и против забвения кулацкой опасности, против замазывания борьбы с кулачьем—вот почему попытка Ионова и не могла удасться. Литературные ошибки т. Слепкова, а теперь Ионова, я рассматриваю, как преломление осужденного партс'ездом правого уклона в применении к вопросам культуры. Я это доказывал на разборе статьи т. Слепкова. Разбор мыслей П. Ионова по вопросу о диктатуре пролетариата и связи между классовой борьбой в экономике и политике только подтверждает нашу прежнюю мысль.

Ионов понимает странность утверждения: напостовство (1922—23 г.г.) рождено новой партоппозицией (1925—26 г.г.). Он об'ясняет эту странность тем, что, дескать, в области литературы заранее сказываются тенденции общественной жизни. «В частности,—пишет он,—новый «чумазый» нашел себе среди правой части попутчиков готовый рупор и готовое знамя, вынесенное привычными руками вперед еще тогда, когда в экономике только едва намечались элементы пореволюционного (курсив мой. *Л. А.*) капитализма». В этой цитате имеется ответ на причины возникновения напостовства. Мы сформировались, как идеологическая группа, тогда, когда начался процесс возрождения буржуазной идеологии. Не случайно основной и исходной базой нашей борьбы с формирующейся идеологией нэпмана и кулака послужили резолюции XII партконференции. Резкость нашей борьбы определялась теми настроениями, которые так отчетливо находят свое законченное выражение в пореволюционном капитализме Ионова. Появление «пореволюционных» настроений—вот причина возникновения напостовства. И лучшим доказательством того, что мы являемся лишь большевиками в приложении и к вопросам культуры,—ничем другим!—является тот факт, что когда в нашей среде наметился «левый» отход от большевизма, мы разорвали с ним еще до того, как обнаружились политические корни наших разногласий.

«Три основных факта лежат, нам думается, в основе всех напостовских теорий. Во-первых, неверие в творческие силы рабочего класса». Мы провели длительную и успешную борьбу за пролетарскую литературу, за признание принципа ее гегемонии,—именно против тех, кто недооценивал силы пролетарской

[1]) «За пролетарскую литературу».

литературы, кто вообще заявлял, что у пролетариата не будет не то времени, не то сил на создание своей литературы. «Чужой нос другим соблазен» — этим афоризмом. Пруткова руководствуется Ионов и потому нашим же добром, да нам же челом! У Пруткова же есть еще один сюда относящийся афоризм: «Одного яйца два раза не высидишь». Ионов в муках производит на свет божий давно уже рожденные яйца, из которых успели вылупиться цыплята, давшие последующее потомство.

«Во-вторых, паника перед зазвучавшим в литературе сменовеховским рупором». «Литкул» загипнотизировал бедняцких Дон-Кихотов! Но... не лучше ли быть бедняцкими «Дон-Кихотами», чем кулацкими Санчо-Пансо? Упрекая нас в панике перед «зазвучавшим в литературе» сменовеховцем, Ионов льет воду на мельницу тех, кто заявляет, что у нас нет в литературе никаких сменовеховцев, кто утверждает, что у нас «единая русская литература», кто об'ективно помогает формированию буржуазной идеологии на фронте литературы. Паника перед буржуазными писателями—так мы характеризовали линию вардинских уклонистов. Но тот, кто у нас находит панику перед «литкулом»—тот должен быть отнесен к лику борцов с «устаревшей терминологией».

«Забвение задач партии—по отношению к крестьянскому писателю—такова, нам думается, третья основная идея, легшая в основу напостовства». На этот пункт мы дали уже ответ выше.

Выводы? Легок оказался багаж у Ионова! Утверждение, что напостовство есть литературная спецификация оппозиции осталось висеть в воздухе. Именно поэтому я считаю долгом отметить одну мою тактическую ошибку. Я не учел того, что партия должна будет перенести удар налево. Не учел, правда, потому что и вся партия тогда не переносила удара налево. Моя дискуссия с т.т., делающими правые ошибки в вопросах художественной политики, об'ективно могла лить воду на мельницу становившихся более опасными левых уклонистов. И если бы т. Ионов так поставил вопрос, то я с ним согласился бы. Но Ионов захотел воспользоваться этой тактической ошибкой—тактической, ибо я целиком отстаиваю все, что писалось в моей брошюре—для того, чтобы политически «ошельмовать» все напостовство, намеренно игнорируя факт ликвидации напостовством своего «левого уклона». Да, основной удар мы перенесли налево, но будем попрежнему отстаивать все наши позиции и против нападений справа.

Пусть судит читатель, удалась Ионову его задача или нет. Пусть судит читатель,—не веря никому на-слово, обращаясь к материалам!—где линия большевистских аксиом. Но мы-то убеждены в том, что литературная политика большевизма не будет нисколько похожа на эклектическую мешанину, хотя бы и выступающую в воинственном одеянии [1]).

---

[1]) В послесловии к статье Ионова пишется о моем «отходе» от политической вардинщины. Отходить можно от того, с чем был связан. Мы в оппозиции не состояли и выражение удовлетворения т. Ионова возвращаем за ненадобностью.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК, под редакцией Л. Б. Каменева, IV, 1925.

Приводимый в настоящем сборнике материал имеет отношение к самым различным историческим периодам. Первый отдел включает четыре письма В. И. Ленина А. Н. Потресову, относящиеся к сентябрю 1898 г.— июню 1899 г. и написанные Ильичем в ссылке (с. Шушенское); во второй («К истории создания «Искры» и «Зари») вошли: проект редакционного заявления о задачах и программе изданий «Искры», написанный Лениным, и статья Ю. Мартова (извлеченная из неопубликованных воспоминаний), из которой, между прочим, явствует, что этот проект редакционного заявления принадлежит именно Ильичу; в третий отдел («Из эпохи «Искры» и «Зари»), открываемый вводной статьей Н. К. Крупской («Перед вторым с'ездом»), вошла переписка редакции «Искры» и «Зари» в Лондонский период (с IV—1902 г., по IV—1903 г.), являющаяся продолжением переписки Мюнхенского периода (см. Ленинский сборник, III).

IV, V, VI и VII отделы дают материал, относящийся к первой революции, февральскому и октябрьскому переворотам. Сюда входят: принадлежащий Ленину проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе для Алексинского, ряд не напечатанных по разным причинам статей Ленина послефевральского периода, план не выполненной Владимиром Ильичем брошюры об апрельской конференции, его заметки на конференции межрайонцев (о выступлении т. Троцкого и план своего выступления), записка т. Каменеву об издании материалов, положенных в основу работы «Государство и революция»; очень интересное письмо И. Т. Смилге в предоктябрьский период, ответы Ильича на запросы крестьян в период непосредственно после Октября.

В VIII отдел вошли уже известные читателю «Большевика» план и конспект брошюры «О продналоге», записка Ленина и ответная записка т. Бухарина о сущности экономических форм Советского Союза в начале нэпа. К IX отделу отнесены тоже известные читателю «Большевика» замечания т. Ленина на тезисы тов. Преображенского и письмо т. Осинскому, относящиеся к периоду подготовки XI с'езда ВКП. Наконец, X отдел («В. И. Ленин и Коминтерн») включает «Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу для второго с'езда Коминтерна», «Письмо к австрийским коммунистам» (август 1920 г.) и рукопись «О тезисах по аграрному вопросу французской компартии» (декабрь 1921 года).

Открывающие сборник письма В. И. Ленина к Потресову (1898—1899 г.г.) дают основание утверждать, что Ильич более резко и отрицательно реагировал на реформистские литературные выступления легальных марксистов, чем Плеханов. Будучи в ссылке, он удивлялся, почему Плеханов оставлял без ответа эти выступления российских ревизионистов.

«Не понимаю только одного,—пишет он в четвертом письме от 27/VI—1899 г.,—как мог Каменский (один из литературных псевдонимов Плеханова. *А. С.*) оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса» (Сборник IV, стр. 34).

Это дополнительное обстоятельство весьма важно иметь в виду при разрешении вопроса о том, действительно ли Плеханов более решительно и энергично, чем Ленин—и даже якобы вопреки колеблющемуся последнему—боролся с легальными марксистами.

При разрешении этого вопроса необходимо видеть две стороны вопроса: одна касается использования легальных марксистов для дела пролетарской революции, другая—идейной критики ревизионизма легальных марксистов.

Ильич склонен был итти дальше Плеханова в первом направлении—он всемерно старался взять от Струве, Тугана и других все, что они могли дать положительного для партии в этот период ее оформления, он стремился использовать их и для «Искры» (с каковой целью пошел даже на известное читателю Псковское совещание), но в области теоретической и политической критики легального марксизма он шел дальше Плеханова и еще с 1895 года непрерывно реагировал в той или иной форме на все известные ему антимарксистские выступления Струве и К⁰.

Плеханов был не прочь намекнуть, что Ленин слишком миндальничает с легальными марксистами, но его критика последних была сугубо-академичной, мало увязана с критикой политических положений, которые у Струве и К⁰ вытекали из их общетеоретических позиций.

Ленин с самого начала ревизионистских выступлений легальных марксистов почувствовал в них либерально-буржуазных политиков, правда, еще не скинувших с себя «марксистского» облачения. Отношение к легальным марксистам у Ленина находилось в теснейшей связи с оценкой им роли либеральной буржуазии в российской революции.

Во втором письме к Потресову (от 26/I—1899 г.) Ильич делает следующие весьма характерные замечания по поводу статьи П. Б. Аксельрода «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России», напечатанной в апреле 1898 г. в органе германской социал-демократии «Neue Zeit»:

«В мотивировке... действительно следовало бы порезче выставить Klassencharakter (классовый характер) того Bewegung (движения), о котором говорит автор (он сказал это, но только мимоходом и очень кратко), а затем не так благоволить к фрондерствующим аграриям: в их либерализме больше именно фрондерства и «обиды» за einundsechzig (61), чем желания «быстрейшего индустриализирования» страны. Стоит вспомнить их отношение к отхожим промыслам, к переселениям и пр. Автору следовало бы точнее формулировать задачу: высвободить все и всяческие fortschrittliche Strömungen (прогрессивные течения) из-под хлама народничества и аграриерства и в таком, очищенном, виде утилизировать все их. По-моему «утилизировать» гораздо более точное и подходящее слово, чем Unterstützung und Bundesgenossenschaft (поддержка и союз). Последнее указывает на равноправность этих Bundesgenossen (союзников), а между тем они должны (и в этом я с Вами вполне согласен) в хвосте итти, иногда даже «со скрежетом зубовным»; до равноправности они абсолютно не доросли и никогда им не дорасти, при их трусости, раздробленности и т. д.» (Сборник, IV, стр. 14—15).

Для всякого непредубежденного читателя ясно, что именно Ильич, а не плехановец Аксельрод правильно оценил роль и место либерального движения в классовой борьбе, развертывавшейся в России конца XIX в. А оценивая так либеральное движение, говоря о необходимости «утилизировать» либеральное движение, а не «опираться» на него,—Ленин смотрел и на наиболее видного вождя либералов (правда, левых) Струве, как на об'ект «утилизации».

Уже значительно позже, в 1901 году, в редакции «Искры» имела место полемика по поводу статьи Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма», в которой Ленин дал резкую и заслуженную отповедь Струве, снабдившему предисловием и примечаниями конфиденциальную записку министра финансов С. Ю. Витте «Самодержавие и земство».

«Не следует теперь,—писал в июле 1901 года Плеханов Ленину,—ругать либерала вообще[1]). Это не тактично, надо от плохого либерала апеллировать к хорошему, хотя бы существование такового и было для нас сомнительно...

Следует несколько раз оговорить, что те, которых Вы презрительно аттестуете, собственно говоря, недостойны называться либералами, что плохи так называемые либералы, а либерализм сам по себе может заслуживать большого уважения. Мы, ведь, должны относиться к либералам, как к возможным союзникам, а тон у Вас, надо сознаться, совсем не союзнический.

Итак, смягчайте, голубчик. Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка!..

Господина Р. Н. С. (Струве) надо разносить, но разносить так, чтобы либерал не подумал, что в лице бедного Р. Н. С. (Струве) разносят его, либерала вообще. Такое впечатление было бы очень благоприятно для Р. Н. С. (Струве). А этого надо избегать...» (Сборник, III, стр. 203—204).

Из приведенного выше становится ясным, как день, что Плеханов, во-первых, не угадал в Струве либерала (и не отсталого либерала, а передового российского либерала), и во-вторых, не понял, что российский либерализм соглашательствует и будет соглашательствовать с самодержавием, по сути дела, борется и будет бороться с революционной социал-демократией, подготовляющей массы к свержению самодержавия. Ильич же не только критиковал теоретические положения Струве и К⁰ (в приведенных в IV сборнике письмах к Потресову он особенно возмущается Булгаковым, на аграрно-экономические статьи которого он написал ряд ответных статей), но понимал связь этой ревизии Маркса легальными марксистами с их буржуазно-либеральной сущностью.

В переписке редакции «Искры» и «Зари» в Лондонский период (апрель 1902 г.—апрель 1903 г.) отразилась внутриредакционная борьба. Ленин, имевший до этого времени ряд стычек с Плехановым, прислушиваясь к Плеханову, привлекая его к тесному сотрудничеству в «Искре» и «Заре», вместе с тем стремился обеспечить такое положение дел, при котором бы «Искра» и «Заря» (особенно «Искра») были ограждены от диктаторских поползновений Г. В. Плеханова.

Это стремление Ильича находило поддержку в Мартове и Потресове. Так Потресов писал в апреле 1902 года Ленину: «Что касается отдачи «Зари» и ее перевода в Женеву, то я безусловно против. Это зарез. Журнал, хотя и в меньшей степени чем газета, может оказаться организационным, собирающим началом. Этого Г. В. (Плеханов) выполнить не в состоянии. Затем под его шеф-редакторством она постепенно изменит свой характер и станет более абстрактной, академической...»

Однако, в дальнейшей переписке, характеризующей ход внутриредакционной борьбы, у противников Плеханова, которого поддерживали В. И. Засулич и П. Б. Аксельрод, возник неосуществленный проект: в целях изжития конфликта передать «Зарю» в распоряжение Плеханова, закрепив за собой «Искру».

---

[1]) Курсив везде Плеханова.

Ленин стоял в этой борьбе на строго-принципиальной почве. На истории с проектом программы и статьи об отрезках он убедился, что диктаторство Плеханова над «Искрой» и «Зарей» может повлечь за собой распространение неверных, нереволюционных идей на страницах органа партии.

Понимая это, Ленин, однако, очень не хотел разрыва с Плехановым, на который (разрыв) его вызывал последний.

Но когда Плеханов потребовал радикальной, принципиальной переделки «статьи об отрезках» Ленина, тогда последний при поддержке Потресова и Мартова заявил о неизбежности разрыва при таких отношениях.

Плеханов, однако, уступил, что весьма обрадовало Ленина и побудило его пойти со своей стороны на кое-какие уступки (в частности, Ильич на время «опустил» национализацию).

Нет никакого сомнения, что этот конфликт не прошел бесследно. Тов. Каменев совершенно правильно писал об этом в III сборнике:

«Было, однако, еще одно немаловажное последствие обсуждения этой статьи. Нельзя сомневаться в том, что именно история редакционного обсуждения этой статьи—вместе с ходом обсуждения проекта программы—убедила Владимира Ильича в нежизнеспособности такого состава редакции «Искры», при котором Плеханов—почти наверное и при любом разногласии, имел за себя еще двух членов редакции П. Аксельрода и В. Засулич. При шестичленном составе редакции это положение становилось тормозом дальнейшего ведения дела. Мысль Ленина об изменении состава редакции «Искры» ведет свое начало, несомненно, от рассмотренного конфликта. А предложение об изменении состава редакции и ограничении ее тройкой (Плеханов, Ленин и Мартов) было, как известно, ближайшим поводом к расколу «искровцев» и созданию «большинства» и «меньшинства» на II с'езде партии» (Сборник, III, стр. 316).

После переписки редакции «Искры» в сборнике помещен «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной Думе», написанный Ильичем для бывшего тогда большевиком и депутатом II Думы—Г. Алексинского.

Проект речи, снабженный богатым фактическим материалом и частично использованный Алексинским, включает критику правых, особенно детальную критику кадетов (Кутлера) и подхватывает и обосновывает требование трудовиков об отобрании 70 миллионов десятин помещичьей земли, при чем Ильич обосновывает требование безвыкупного отобрания, т.-е. экспроприации.

Из материалов 1917 года наиболее интересно предоктябрьское письмо т. Ленина т. И. Т. Смилге, публиковавшееся не так давно в «Правде».

Это письмо поражает, если можно так выразиться, страстной деловитостью, с которой Ильич намечает план работ для видного работника партии (т. Смилга в этот период был председателем Финляндского областного комитета армии, флота и рабочих). В письме имеется и общая оценка политического положения («История сделала коренным п о л и т и ч е с к и м вопросом сейчас вопрос в о е н н ы й»), и директива об организации военных сил революции в Финляндии («Кажется, единственное, что мы можем в п о л н е иметь в своих руках и что играет с е р ь е з н у ю военную роль, это финляндские войска и балтийский флот»), и указание о необходимости посылки «агитаторских отрядов из лучших сил матросов и солдат Финляндии» в казачьи отряды, которые Керенский старался изолировать, выведши их из Выборга, и необходимость использования от'езжающих в отпуск матросов и солдат для агитации в деревне и налажения нелегального транспорта литературы из Швеции («без этого все разговоры об «Интернационале»—фраза») и т. д., и т. д.

Из материалов, относящихся к нэпу, помимо известных плана и конспекта брошюры «О продналоге», следует отметить записку Ленина, адресованную т. Бухарину, и ответ на нее последнего, а также письма Ленина о работе в деревне перед XI с'ездом партии («О тезисах т. Преображенского» и «Письмо т. Осинскому»). В записке к т. Бухарину, написанной в период перехода к новой экономической политике, Ильич теоретически ставит вопрос о возможности строительства социализма при условии, когда «пролетарская государственная власть... д е р ж и т фабрики, железные дороги, внешнюю торговлю», образует «товарный фонд» и продает его: во-первых, «рабочим и служащим за деньги или за их труд без денег» и, во-вторых, «крестьянам за хлеб». Продажа эта должна происходить через комиссионера-торговца «за комиссионный процент» и кооперацию: «предпочтение оказывать кооперации (стараясь поголовно организовать в нее население)».

«Почему это н е в о з м о ж н о? А это есть капитализм+социализм»—заключает тов. Ленин.

Ответная записочка тов. Бухарина начинается с ответа на заключительное замечание т. Ленина:

«По-моему, это возможно, но, мне кажется, это не есть «капитализм++социализм». Это есть социалистическая диктатура, опирающаяся на социалистические производственные отношения в крупной промышленности и регулирующая широкую мелко-буржуазную экономическую организацию хозяйства (натурально, с тенденцией в сторону капитализма)».

В письмах о работе в деревне (письмо тов. Осинскому) необходимо отметить предвосхищение Ильичем некоторых решений XIV партконференции.

«По вопросу об условиях применения наемного труда в сельском хозяйстве и аренды земли партс'езд рекомендует всем работникам в данной области не стеснять излишними формальностями ни того, ни другого явления и ограничиться проведением решения последнего с'езда советов, а также изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно ограничивать крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях».

Указывая на необходимость помощи бедноте, Ильич пишет в заметках на тезисы тов. Преображенского: «Как организовать эти стремления (эксплоататорские стремления сельской буржуазии. *А. С.*), как защищать бедноту должно и может наше государство, в этом вся суть. Это надо изучать и заставить изучать практически, а общие фразы п у с т ы».

Эти указания, как известно, партия должным образом учла.

Комментирован материал с обычной тщательностью, издан сборник прекрасно.

А. Слепков.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЕ МЕШОЧНИКИ. («Н о в а я Р о с с и я»—№№ 1 и 2).

Вышел в свет журнал «Новая Россия». Обложка та же, что была у старой «России». Под обложкой «знакомые все лица»: редактор—И. Лежнев, неизбежный Тан-Богораз, «собственный корреспондент» из Берлина—Адольф Рифлинг. Рядом с именем проф. Устрялова, которое значится в списке сотрудников, в скромных скобках поставлено «дискуссионно».

Вопреки обычаю, редакция не дала декларации о задачах журнала. Это как нельзя более характерно для сотрудников «Новой России», которые привыкли топить принципиальные формулировки в гуще словесных образов. Впрочем, физиономия нового органа ясно вырисовывается из статейного материала первых двух номеров журнала. Сменовеховцы из «Новой России» выглядят несколько более причесанными и приглаженными на советский лад, чем это было раньше. Они «приемлют» и новую экономическую политику и последние мероприятия партии, направленные к изживанию хозяйственных затруднений. «Приемлют», конечно, по-сменовеховски. Лежнев не щадит усилий для доказательства того «положения», что нэп—это «национальная экономическая политика». «Монополия внешней торговли, заявляет он,—это система нашей экономической обороны на мировом рынке»; национализация земли—«мера национальной охраны от экономической экспансии Запада». Труднее обстоит дело с «оправданием» национализации промышленности. Но бойкий журналист и здесь не теряется, приглашая на помощь... покойного Ключевского. Тяжелая промышленность в России, оказывается, не что иное, как «исторически-неизбежная военно-государственная дедукция». Самодержавие не сумело своими силами развить крупную промышленность; не удалась эта задача и буржуазии (по Лежневу, буржуазия взялась не за свое дело). «Революция национализовала промышленность, т.-е. вернула ее к естественно-историческому истоку: поставила на службу государству, его военным нуждам, его индустриализующей страну воле» [1]).

Не трудно заметить, что путь, на котором Лежнев ищет «экономической санкции» для нэпа,—это путь передержек, путь обмана читателя. Лежнев старается выхолостить из советской экономики ее социальное содержание. Он забывает, или, вернее, делает вид, что забывает, о пролетариате и крестьянстве. Монополия внешней торговли—не просто «система обороны»—это оборона рабоче-крестьянского союза от буржуазии,—и не только от иностранной, но и от русских нэпманов (о которых не упоминает Лежнев), «оборона», обеспечивающая наступление социалистической экономики. Лежнев уверяет, что монополия внешней торговли единственный выход для «любой слабой или отсталой страны». Но в таком случае, интересно было бы узнать, почему слабые страны, вроде Австрии, или отсталые—как, например, Румыния, не воспользуются убедительным советом Лежнева. Потому ли, что они не читали последнего номера «Новой России» или потому, что в этих странах у власти стоит не пролетариат, а буржуазия?

Лежнев ищет санкций советской экономики,—его «дискуссионный» сотрудник проф. Устрялов—политики. Конек первого—«хозоборона» с умолчанием о «хозяйствующем суб'екте»; второй увлекается отвлеченной государственностью. Для нового поколения, записывает Устрялов в вагоне Москва—Харбин, «революция—...прежде всего быт, культ революции—государственный культ и вместе с тем культ государственности. Революция стала государством». Молодежь — «революционна ex officio и государственна par excellence» [2]). Декларация Устрялова также рассчитана на легковерие читателей. Но изречения харбинского профессора и латинские словечки, которыми он уснащает свои афоризмы, не могут скрыть недоброкачественности аргументов. Почему молодежь «государственна» сейчас и не была «государственна» до революции. Ответ

[1]) «Новая Россия» № 2, ст. Лежнева «Неп — национальная экономическая политика»,—стр. 20—22.
[2]) «Н. Р.» № 2, Устрялов, «Из окна вагона», стр. 43.

может быть только один—государство стало революционным. Государство—не абстрактное понятие в духе Устрялова, а реальное государство,—власть рабочих и крестьян—для молодежи,—это своя власть. Энтузиазм революции рождается не только на полях сражений; молодежь проникается им и на хозяйственном фронте. Молодежь революционна не по «долгу службы», как это думает проф. Устрялов, а потому, что она—рабоче-крестьянская молодежь, потому что она делает революцию.

Но, оставим пока Устрялова с его абсолютом «государства». Мы извратили бы действительность, если бы ограничились указаниями, на то, с чем согласны авторы из «Новой России».

Сменовеховские публицисты кое-чем недовольны. Правда, они смягчают это недовольство сотнями оговорок и оговорочек, но по некоторым «таврам» не трудно узнать «ретивых коней».

«Новая Россия» против идеологии, конечно, против идеологии социалистической. На последнем партийном с'езде велись споры о характере нашей промышленности. Редакционная статья журнала, посвященная с'езду, осторожно обходит этот вопрос: «Споры эти всецело лежат в плоскости теоретической надстройки и психологической надстроенности» [1]). «Революционная диктатура,—вторит Устрялов,—отнюдь не должна непременно осуществляться в идеологически спертом воздухе» [2]). «Если-б я мог,—ломается Лежнев,—не мудрствуя лукаво, до конца поверить, что по световому транспаранту на небе заполнятся жизненные письмена на земле. О, я не постыдился бы тошнотворной нуди покаяния; как блудный сын вернулся-б в отчий дом и просил о приеме в партию. Верую, верую, господи! Помоги моему неверию! Ведь я полон интеллигентских сомнений, колебаний, раздумий» [3]).

Лежнев не подает заявления о приеме в партию. Вопрос этот настолько ясен, что для обоснования позиции редактора «Новой России» вовсе не требовались самоуничижительные причитания с «достоевщинкой». Однако, интересно проследить, куда растут «раздумья» г. Лежнева.

«Нет сомнения, что плановое хозяйство выше, совершенней анархического» [4]),—твердо заявляет он, и, в последующих строчках, под видом ратоборства за улучшение плана, проводит мысль о его ненужности. Выдергивая из контекста различные места партийных резолюций, записок Госплана и т. п., Лежнев задается вопросом: «...не стоит ли слишком много рублей, слишком усердное планирование?» Это, конечно, позволительное сомнение. Но Лежнев не скрывает и мнения. «То, что социалистическое хозяйство по иерархии прогресса является высшей формой по сравнению с капиталистическим, бесспорно. Но это формальное суждение не должно затмевать реальных оценок. Ибо живая собака дороже мертвого льва» [5]).

Расписавшись в уважении к социализму, Лежнев старается похоронить и план и ростки социалистического хозяйства.

Недовольна «Новая Россия» и крестьянской политикой партии. «...Как знать,—спрашивает автор передовицы (по стилю тот же Лежнев),—какой критерий будет положен городом в основу определения понятия «кулак»—и начинает ратовать за уничтожение деления крестьян на середняков, бедняков и кулаков. В конце, конечно, оговорка,—он, автор передовицы, не стоит за мироедов...—Нужна лишь ясность. Очевидно, с

[1]) «Н. Р.» № 1, ст. «Четырнадцатый с'езд», стр. 7.
[2]) «Н. Р.» № 2, стр. 38.
[3]) Там же, стр. 19
[4]) Там же, стр. 17.
[5]) Там же.

целью добиться «ясности», «Новая Россия» извращает решения XIV с'езда, истолковывая с'ездовские резолюции в сменовеховском духе и квалифицируя идеологию партии, как «иллюзии». Но,—это в сторону. Продолжим наши поиски «ясности», как ее понимает редактор «Новой России».

К чему приходит он в результате признания совершенности социалистического хозяйства и одновременных возражений против плана, против коммунистической идеологии вообще.

«Не будем увлекаться формулой: «капиталист—тунеядец»; она имеет демагогический привкус. Не всегда же он был только тунеядцем; часто бывал он организатором производства—и совсем недурным» [1]), —так пишет г. Лежнев.

Ну, как тут не согласиться с Прутковым,—ведь и в самом деле «пояснительные выражения об'ясняют темные мысли». Лежнев в конце концов протащил защиту капитализма. Вот, куда «выросла» пресловутая ясность. Как ни старается г. Лежнев соблюсти необходимые «конвенансы», его «биологическая плоть» стремится к апологии капиталистических путей развития. Если кто-либо пожелает справиться, как обстоит дело с капитализмом на Западе,—у «Новой России» готов ответ. На Западе, вещает Адольф Рифлинг... «сейчас устанавливается классовый мир, как нечто постоянное, как нечто незыблемое»... Происходит «колоссальный эксперимент», цель которого «создать новую структуру, неклассовую,—но в то же время сохранить экономическую базу, на которой зиждется современное классовое общество» [2]). Не совсем политграмотно, но... бумага вытерпит, а идеология сменовеховства требует капитализма под вуалью. Движение профсоюзного меньшинства в Англии, грандиозная кампания по вопросу о княжеских возмещениях в Германии, экономический и социальный кризис во Франции—все это, конечно, не существует для берлинского сотрудника «Новой России», утверждающего «стабилизацию классового мира».

«Новая Россия» ориентируется на определенную социальную группу. Редакция и авторы статей часто говорят «от имени» «служилой интеллигенции», «советских беспартийных людей». Пожалуй это несправедливо по отношению ко многим беспартийным интеллигентам, не за страх, а за совесть работающим с советской властью и партией. Говорите только за себя, господа из «Новой России»!

Верно лишь то, что журнал пытается отразить настроения отсталой части этой социальной прослойки, точнее—настроения обывательщины. В этом смысле журнальный материал выдержан вплоть до... списка новых книг, поступивших в редакцию для отзыва.

«Лойяльная» критика—не недостатков механизма, а самого механизма—та критика, о которой можно сказать, что она чернит не с пользою, а с удовольствием. Высокомерный или иронически уничиженческий скептицизм. Линия, политический смысл которой мы уже видели. «Мы гребем в одну сторону,—развязно заявляет Лежнев,—а куда приплывем — это уж будет там видно» [3]). К чему такие заверения? Нам не по пути с Лежневыми и Устряловыми. Они гребут к пристани капитализма, мы—к социализму.

«Новая Россия» стремится взять на буксир беспартийную интеллигенцию. Эту попытку надо разоблачать в печати и противодействовать ей на практике, вовлекая широкие слои «служилого» люда в общественную работу и развивая среди них коммунистическую пропаганду. «Разница оценок не мешает общности работы»,—говорит Лежнев. Неверно. Советской интеллигенции надо раз'яснять правильность нашей оценки и неверность, капиталистические устремления «оценок» Лежнева-Устрялова. Только тогда работа этой интеллигенции пойдет по социалистическому руслу.

[1]) «Н. Р.» № 2, стр. 18.
[2]) «Н. Р.» № 1, стр. 72—73.
[3]) «Н. Р.» № 2, стр. 23.

Задача борьбы со сменовеховскими идеями и настроениями, с философией беспартийности и обывательщины—не бесплодная задача. Что дело обстоит именно так, показывает пример проф. Александрова, отмеченный в прошлом номере «Большевика». Проф. Александров, сам бывший сменовеховец, заявляет, что «нет выбора в сторону сменовеховства».

Даже Устрялов, побывав в Москве, должен был несколько пораздумать о своей «философии». «Быть может, сокрушенно признается он... мне следует внести кое-какие дополнения к моим привычным тезисам. Вернее, нужно будет усилить некоторые акценты, уловить и отразить в публицистике некоторые оттенки, мною доселе оставлявшиеся в тени. Перемена все-таки очень глубока—более глубока, чем это казалось сначала, чем это подчас, кажется издали» [1]).

Конечно, эти слова передают лишь настроение харбинского профессора. Устрялов верен самому себе. Он продолжает считать русских рабочих «завороженными» посланцами «некоего высшего рока», он презрительно-покровительственно замечает, что пролетарии «очеловечиваются». Но, настроение профессора, во всяком случае, показательно.

Мы заканчиваем заметку о «Новой России». Перед нами—рецидив сменовеховской идеологии. Смешно было бы впадать по такому поводу в панику, как это случилось с т.т. из бывшей оппозиции при появлении книги Устрялова.

Как бы ни старались интеллигентные мешочники из «Новой России», им не удастся заставить нас свернуть с путей социалистического развития. А господ Лежневых и Устряловых надо разоблачать, вытряхая из-под груды словесной рухляди спрятанную там апологетику капиталистического строя.

Н. Рубинштейн.

ОТТО ЛЕЙХТЕР.—Хозяйственный учет в социалистическом обществе. Перевод с немецкого, под редакцией Ф. Капелюша, с предисловием С. Струмилина. Изд-во «Эконом. Жизнь». Москва, 1926 г., стр. 91, ц. 80 коп.

Стоит ли особо подчеркивать то значение, которое получает у нас каждая выходящая работа о социализме, об экономике социализма в особенности. Социализм для нас является не только и не столько теоретической проблемой, он встал перед нами во всей своей широте и сложности, как практическая задача, задача непосредственного социалистического строительства. Отсюда, конечно, нельзя сделать вывод, что вопрос теоретического осмысливания экономики социализма отошел на задний план, но у нас теория непосредственно связывается с практикой, и в этой связи обе они, и теория, и практика социализма получают особенное значение. И поэтому, с особенным исключительным вниманием должны мы отнестись к выходящей в свет литературе по экономике социализма.

Рецензируемая книжка «Хозяйственный учет в социалистическом обществе» принадлежит перу «австро-марксиста», социал-демократа д-ра

[1]) «Н. Р.» № 2, стр. 33.

Отто Лейхтера. Как известно, «австро-марксизм» представляет своеобразное явление в международном рабочем движении, настоящее извращение марксизма—тут «австрийский марксизм» приемлет и кантианство, и махизм, и гильдейский социализм и пр. Как не вспомнить «австрийскую» теорию национального вопроса О. Бауэра и К⁰. Отто Лейхтер—явный сторонник гильдейского социализма, и его социалистическое общество строится на гильдиях. Гильдейский социалист, идеалист, не диалектик, человек приемлющий экономическую теорию Маркса (ниже мы увидим как приемлется она) и только—Отто Лейхтер рекомендуется С. Струмилиным «в качестве образованного марксиста» (предисл. с. 1). Нам кажется, что т. С. Струмилин отнесся к О. Лейхтеру чрезвычайно «снисходительно». Назовете ли вы А. А. Богданова—определенного врага материализма и диалектики, эмпириомониста и «тектолога», «принимающего» только экономическую и историческую теорию Маркса (и как!) за марксиста? Нужно быть менее щедрым к дарованию титулов марксиста, так как это просто вредно, это значит обманывать читателей.

Автор не ставит своей задачей анализировать в деталях проблему хозяйственного учета в социалистическом обществе. Он старается доказать возможность такого учета. Лейхтер внимательно прослеживает характер хозучета при капитализме, все его отличительные черты. Капиталистический способ учета и ведения книг, по мнению Лейхтера, затемняет сущность хозяйственного учета. Капиталистический учет, исключительно интересуется выяснением размера чистого дохода, прибыли. Капиталистическая погоня за наживой затемняет цель учета в хозяйстве. Капиталистическая система хозяйства целиком извратила учет, его функции, его методы. «Вопрос, возможен ли в социалистическом обществе хозяйственный учет, является одним из существеннейших вопросов социализма вообще» (11). Необходимость этого учета в будущем обществе автор доказывает тем, что и там имеется понятие издержек, удовлетворение потребностей связано с предварительным употреблением рабочей силы и расходованием вещественных основ производства, следовательно, и социалистическое общество будет заинтересовано в том, чтобы труд был достаточно успешным и покрывал издержки. Эта необходимость подтверждается еще тем, что закон издержек, конечно, побуждает к самой высокой рациональности в хозяйстве, т.-е. к достижению наилучших результатов при возможно низких расходах.

Но заниматься проблемой учета в социалистическом обществе, не освещая экономику социализма в целом, нельзя. Лейхтер поэтому берется осветить теоретически социально-экономическую природу социализма, и эта часть его работы почти поглощает всю тему книжки. И тут наш «марксист» наделал такую массу ошибок, внес такую путаницу, проявил такое непонимание азов марксизма, что только диву даешься.

«Мы—говорит Лейхтер,—по возможности, избегали касаться споров вокруг теории ценности, ибо—вопрос об основных теоретических понятиях социалистического хозяйства пока еще очень темен» (91). Нам кажется, что марксова экономическая теория дает достаточный, исчерпывающий ответ на экономические проблемы социализма. Для познания экономики социализма необходимо владеть материалистической диалектикой, знать Маркса, его теорию стоимости в частности. Кто отвечает на эти требования, для того экономика социализма в теоретической постановке ничего темного не представляет. Лейхтер этих «качеств» не имеет и действительно, судя по его книжке, теория стоимости для него очень темна.

Свой «анализ» Лейхтер начинает с рынка. «Рыночная конкуренция,—говорит он,—вот тот большой знак вопроса, который возникает для социалистического хозяйства» (17). Формально отрицая необходимость при социализме рынка и рыночной конкуренции, автор в конце концов приходит к заключению, что все-таки товарный обмен существует, хотя и т. д...

Лейхтеровский «социализм» не отказался и от цены. Цена, как экономическая категория при социализме существует, «готовый, пригодный для потребления продукт получает штемпель с ценой» (61), хотя экономический центр при социализме и может влиять «на политику цен и вообще возможность административно-хозяйственного воздействия на образование цен» (59) не отрицается. Лейхтер констатирует еще и монопольную цену. При этом он делает странное, безответственное—сказали бы мы—утверждение: «поднятый теоретиками суб'ективной ценности вопрос, в состоянии ли марксистская теория ценности вообще об'яснить монопольную цену» «до сих пор не нашел себе надлежащего места в учении о трудовой ценности» (23). Это называется интерпретация Маркса! Марксова экономическая теория целиком об'яснила проблему монопольного ценообразования и подобное утверждение есть не что иное, как отступление перед самыми ярыми противниками «Капитала» австрийскими суб'ективистами, идеологами рантье. Такое утверждение может быть сделано разве только «австро-марксистом».

«Не следует считать, что социалистическое хозяйство не может обойтись без капиталистических денег»... (40),—заявляет наш автор, но, будучи ярым сторонником т. н. «рабочих денег», он же пишет—они (деньги) «сохраняют... функции капиталистических денег, как, например, функцию средства учета и подведения всех благ к общему знаменателю» (46). В другом месте Лейхтер говорит о мериле стоимости, как функции денег при социализме. И когда дальше он оперирует категориями прибыли, сверх-прибыли, ренты и т. п., то Лейхтер тут только логичен и последователен. Кто сказал *а*, тот должен сказать и *б*. И признав стоимость, он, подчиняясь законам логики, должен признать и все прочие, логически вытекающие из закона стоимости экономические категории: цену, прибыль, ренту, зарплату и др., которые действительно находят приют в его, с позволения сказать, социалистическом обществе. Рассуждения нашего доктора на эту тему носят довольно противоречивый характер, и трудно сказать, какое положение у него решающее. Вот что он говорит: определенные отрасли производства «получат так называемую сверх-прибыль или дифференциальную ренту. Это, конечно, возможно также в социалистическом строе, в особенности в сельском хозяйстве и во всех отраслях, в которых играют особо важную роль естественные условия, так называемые, «дары природы» (87). Как будто бы сказано достаточно ясно. Говоря о характере зарплаты, Лейхтер пишет: «Руководитель социалистической фабрики тоже будет знать средний уровень заработной платы и в соответствии с этим будет определять индивидуальную плату в рамках общих принципов, которые гораздо легче будет зафиксировать, чем при капитализме... В сущности тот же процесс, что в капиталистическом хозяйстве» (57, курсив наш. *Д. Н.*). Что значит признание всех этих категорий в социалистическом обществе? Признание стоимости—есть признание товарных производственных отношений—в социалистическом обществе, стихийно регулируемых законом стоимости; признание цены—капиталистические отношения; признания зарплаты—наличие рабочей силы, как товара, нанимателя-покупателя ее—капиталиста, т.-е. классовые отношения; признание прибыли предполагает эксплоатацию рабочего класса, прибавочную стоимость; признание ренты предполагает капиталистическое сельское хозяйство, частную собственность на землю, помещиков и т. д., и т. п.

Это капитализм или социализм? И какая же тогда между ними разница? По существу это капитализм особого рода, sui generis, гильдейско-социалистического характера. Как видно, марксова методология, исторически преходящий характер капитализма, историческая природа экономических категорий, разбираемых в «Капитале»—остались книгой за семью печатями для О. Лейхтера. Как же он представляет себе самый переход к социализму? О социалистической революции, о «скачкообразном» переходе от капитализма к социализму, о методе «насилия» не может быть даже речи. Общая позиция гильдейского социализма на проблему революции и эволюции может быть характеризована следующими словами известного теоретика гильдейского социализма Стирлинга: «Мы не желаем никакой революции, никакого хаоса»... «главнейшим результатом революции всегда было то, что авантюристы становились у власти, а народ падал еще ниже»... «революция приносит счастье только авантюристам, каждое мирное преобразование мешает им добиться своих личных выгод...» (Стирлинг Тейлор, «Гильдейская политика», стр. 126, 64, 65; цит. по С. Моносову. «Гильд. Соц.» в «П. З. М.», № 8—9).

Лейхтер сразу мирно «врастает» в социализм, для него не существует переходного периода по пути от капитализма к социализму. Его конем, на котором он в'езжает в царство социализма, является капиталистический картель. Он говорит даже о возможности некоторого реального осуществления всеобщего генерального картеля. «Такой генеральный картель практически никогда не может быть осуществим. Но он может служить основой для исследования вопроса о хозяйственном учете в социалистическом обществе, так как генеральный картель может превратиться в социалистический строй путем одной замены его верхушки» (48. Курсив наш. *Д. Н.*). Оказывается заменить капитализм социализмом можно безо всякой классовой борьбы, революции и безо всякого кровопролития, надо только постараться всячески помочь картелям дойти до генерального картеля и в один прекрасный день попросить верхушку этого картеля отказаться от своего главенства и социализм готов. Разве это нехороший способ? Разве эти мысли не родственны мыслям Р. Гильфердинга и К⁰ из немецкого социал-демократического журнала «Gesellschaft»? Этого недостаточно. Лейхтер ставит знак равенства между социалистическим строем и картелем (см. стр. 48). «Образ генерального картеля с его единой централизованной волей, единым центральным управлением и учетом прекрасно подходит для непосредственной предварительной ступени к социалистическому учету» (53). Лейхтер оставляет также государство. Он, как и все прочие гильдейские социалисты, не понимает классовую природу государства. Без последнего они не понимают, не представляют социалистическое общество. Он оставляет также своих коллег по общественному положению—государственных, фабричных и пр... чиновников. Расходы на них, эти издержки входят целиком в цену (!) товара (!).

Лейхтер отбрасывает стихию, свойственную товарно-капиталистическому обществу и устанавливает плановое хозяйство в будущем обществе. Но «наш хозяйственный план (при социализме. *Д. Н.*),—пишет наш автор,—по форме будет примыкать к капиталистическому балансу» (60). «В балансе генерального картеля (в единой социалистической фабрике это не что иное, как хозяйственный план)» и т. д. (51).

Для руководства хозяйственной жизнью социалистического общества Лейхтер учреждает... «экономический парламент» (85)!! Какая любовь, какая привязанность к буржуазному парламентаризму у социал-демократа! Социал-демократ не мыслит и социализм без парламента!

Разве это нехороший социализм с партиями, фракциями, выборами, парламентом и пр.? Не обошлось и без государственного банка в социалистическом обществе (89), без «банковской политики» (90), без денежной инфляции (90) и т. д. Характерно у Лейхтера в вопросе о парламенте то, что самые крупные представители гильдейского социализма: Коль, Гобсон, Меллор, Пенти, Реккирт, Бэчхофер, Стирлинг решительно осуждали парламентаризм, если хотите, в этом отрицательном отношении к парламентаризму заключается известная заслуга гильдейского социализма. Лейхтер тут идет намного правее даже правых «гильдейцев».

«Социалистическое хозяйство будет по существу принадлежать к типу гильдейского социализма. Весь производственный процесс будет организован по производственным союзам, гильдиям» (51—52). «...В основе нашего метода хозяйственного учета лежит тип гильдейско-социалистической организации хозяйства, в которой, однако, органы целого имеют больше влияния на гильдии и отдельные фабрики» (52). Основной единицей, ячейкой в утопическом социалистическом обществе у них является мастерская. «В нашем исследовании об учете в социалистическом обществе мы исходим из гильдейской организации, потому что видим в ней исторический синтез между антитезами централизма и в сильной степени зараженной синдикализмом федералистской, гильдейской программы. Впрочем, мы предполагаем за конгрессом гильдий и назначенным им управлением больше прав, чем это делают английские гильдейские социалисты, как Коль и др.» (51). Тут же следует ссылка на столпа «австро-марксизма» О. Бауэра.

«Главнейшее условие,—продолжает Лейхтер,—при построении социалистического хозяйства—это возможность дальнейшего совершенствования производства и сохранения инициативы в отдельном предприятии. Великая историческая заслуга (!!) гильдейского социализма—это то, что он создает эту возможность сопоставления результатов отдельных предприятий и сохранения известной разумной самостоятельности их; в об'единении однородных производств в гильдии он создает даже предпосылки для более целесообразного контроля» (30).

Напрасно наш доктор старается приписать «великую историческую заслугу» гильдиям. Само развитие производительных сил, прогресс техники, концентрация и обобществление производства без гильдии всецело обеспечивают эту «возможность дальнейшего совершенствования производства и т. д.». Переход к социализму имеет свою закономерность, исторические процессы совершаются не по желанию, не набрасыванием утопических планов и проектов, как это делают гильдейцы. Нужно, пользуясь историческо-материалистическим методом, познать законы, самый механизм перехода к социализму и не только познать эту историю, но и самому делать ее. Гильдейский социализм есть разновидность, новейшее издание утопического социализма. Он в основу своего миросозерцания кладет средневековую гильдию, подбавив к ней немного воды из колодца XX века. Он представляет консервативную силу, затемняющую классовое самосознание рабочего класса. Недаром его противопоставляют большевизму, в чем особенно отличился Виктор Чернов. К несчастью Лейхтера гильдейский социализм доживает последние дни своего существования.

Мы подошли к самому характерному месту книжки. Мы целиком согласны с Лейхтером, что «для всей проблемы учета в социалистическом обществе было бы чрезвычайно важно иметь уже практический опыт с той или другой системой учета» (73). Автор ищет по белому свету и не находит ни одного «островка» социализма. В Венгрии были «попытки полной социализации»... «длившиеся еле девятнадцать дней, конечно, слишком коротки, чтобы на основании их можно было сделать какие-

либо выводы. Остается, таким образом, лишь опыт Советской России» (73). Но и там все время существовали деньги, тем более в «последнее время там вернулись к средствам капиталистической банковой и денежной политики, так что и здесь не имеется достаточного опыта» (73. Курсив наш. *Д. Н.*). Как видно, автор абсолютно не понял социальную природу нашей экономики, сущность нэпа. Чтобы понять нашу экономику ему нужно было бы перестать быть соц.-демократом, филистером и кое-что смыслить в марксизме. Все же Лейхтер следил за дискуссией в нашей газете «Экономическая Жизнь» по вопросу о методах учета в социалистическом обществе и в рецензируемой книжке более или менее подробно разбирает точки зрения в этой дискуссии Чаянова, Струмилина и Е. Варги. Соглашаясь с отдельными положениями их, он все-таки занимается им под критическим углом зрения. В начале книжки автор подвергает более или менее обстоятельной критике буржуазных экономистов, Макса Вебера и Л. Мизеса, возражавших против самой возможности учета в социалистическом обществе и социализма вообще. Тут он сравнительно силен. Вообще книжка построена на шатком фундаменте, его «учет» очень бледно развит, путаницы, ошибок, противоречий можно в ней найти сколько угодно. Сколько бы он ни утверждал, что его «доказательства построены на идеологии марксизма» (90), между ним и последней—дистанция громадного размера. В книжке есть и такие грубейшие ошибки, как, например, утверждение того, что «трудящиеся», т.-е. сами рабочие, несут на капиталистический рынок продукты своего труда, забыв, что особенностьто капитализма заключается в том, что рабочий владеет единственным товаром—рабочей силой, а продукт труда достается капиталисту (см. 34 стр.). Эту ошибку в таком элементарном вопросе не сделает наш рядовой рабфаковец.

Не знаем, оставляет ли «для учета» в социалистическом обществе Лейхтер вслед за другими теоретиками гильдейского социализма—армию, церковь, флот и т. п.? Очевидно, что такой утопизм, консерватизм, нереволюционность и пр., которые заключены у гильдейцев, найдут должный отпор и в практике рабочего движения. Но как ярко, прекрасно характеризует весь II Интернационал этот гильдейский социализм, нашедший внутри его, II Интернационала, теплое местечко, весь тот идейный разброд, полнейший отход от рельсов революционного марксизма—хотя бы устами автора рецензируемой книжки «австро-марксиста» Отто Лейхтера.

Дж. Нагиев.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 МАЯ 9—10

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 59260. Москва. Тираж 43.500 экз.

Тип. изд-ва „Правда" и „Беднота". Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а

Через индустриализацию к социализму.

Четырнадцатый с'езд партии, подведший политические итоги последней внутрипартийной дискуссии и развернувший в своих решениях перспективы социалистического строительства в СССР, вынужден был, как известно, отложить детальную разработку вопросов текущей хозяйственной политики нашей партии. Эту последнюю задачу выполнил апрельский пленум Центрального Комитета партии, принявший подробную резолюцию об очередных хозяйственных задачах и путях их разрешения.

За время, протекшее от XIV с'езда партии до апрельского пленума, с ясностью определилось, прежде всего, что СССР переживает в настоящий период общего хозяйственного под'ема некоторые хозяйственные затруднения, выразившиеся в товарном голоде, заметном росте цен не только на продукты промышленности, но и на продукты сельского хозяйства,— и незначительном, но все же ощутимом, колебании валюты.

Пленум отметил, что общей посылкой переживаемых хозяйственных затруднений является диспропорция между развитием производительных сил в промышленности и сельском хозяйстве. Дело в том, что развитие социалистической промышленности в СССР подошло к такому моменту, когда дальнейшие успехи этого развития, подготовленные и обусловленные восстановлением продовольственной и сырьевой базы промышленности,— требуют непременно серьезного обновления изношенного основного капитала, т.-е. расширения производства средств производства.

Само собой разумеется, что капитальная перестройка промышленности, связанная с отвлечением средств от отраслей, непосредственно обслуживающих деревню, в область тяжелой индустрии, должна была повлечь неизбежно усиление диспропорции между товарными массами, движущимися из города в деревню и обратно.

Однако, эта диспропорция не ощущалась бы столь остро и не сопровождалась бы столь значительными хозяйственными затруднениями, если бы в нашей политике не было осеннего

просчета с хлебозаготовками и вытекающих отсюда просчетов в общем хозяйственном плане.

Осенний просчет усугубил трудности, обусловил нарушение тех пропорций, которые были намечены первоначальным перспективным планом, и повлек за собой непредвиденное уменьшение масштаба строительных работ.

Таково происхождение современных хозяйственных затруднений.

Нет никаких сомнений в том, что отмеченные хозяйственные затруднения увеличили трудности, стоящие перед нашей партией и нашим государством в деле индустриализации страны, т.-е. в деле подведения под народное хозяйство крепкой промышленной базы с высоко развитыми отраслями производства средств производства. Однако, эти трудности, обязывающие нас к осторожности напряжению сил и учету реальных возможностей современного дня, ни в какой мере не снимают основной задачи периода — индустриализации нашей страны. Поэтому пленум Центрального Комитета, констатировавший и выяснивший переживаемые хозяйственные затруднения, поставил во главу угла нашей хозяйственной политики задачу индустриализации, подчеркнутую уже XIV с'ездом партии. Подобное определение центральной задачи, конечно, предполагало резко отрицательное отношение к таким хозяйственным «прожектам», авторы которых, идущие по линии наименьшего сопротивления, фактически отказываются от плана социалистической индустриализации. Пленум отметил, что он считает совершенно неправильным и вредным, с точки зрения социализма, принятие такой перспективы хозяйственного развития, которая предполагает на ближайшие годы усиленное развитие сельского хозяйства, сокращение промышленного строительства внутри страны и широкое импортирование продуктов промышленности из-за границы. Он отверг эту концепцию, ибо она предполагает превращение СССР в аграрный придаток к крупно-капиталистическим странам Запада.

Пролетариат должен и может строить социализм, используя, в первую очередь, внутренние возможности. Он может и должен индустриализировать нашу страну в тех условиях, которые сложились внутри Советского Союза, хотя будет всемерно использовать для строительства социализма и экономические связи с капиталистическими странами. Он может и должен превратить нашу отсталую страну в страну передовую, в которой рабочее государство имеет прочнейший экономический базис в виде сильной, мощной и непрерывно развертывающейся социалистической промышленности. Каждый год должен делать нашу страну все менее отсталой, все более индустриальной страной. Поэтому задача индустриализации, поставленная во главу угла наших хозяйственных планов XIV с'ездом партии, ни в коей мере не снимается временными хозяйственными затруднениями.

Наличие хозяйственных затруднений, однако, каждодневно напоминает нам о том, что проведение индустриализации должно происходить при строгом учете тех рессурсов и возможностей, которыми располагает и может располагать пролетарское государство; что темп индустриализации ограничен этими возможностями. В последнее время в партийной литературе начинает кое-где проскальзывать такая точка зрения, что переживаемые нами хозяйственные затруднения об'ясняются тем, что еще с 1923 года мы взяли неправильный курс на замедленное развитие промышленности. Находятся товарищи, которые утверждают, что еще в 1923 году, когда мы привели промышленное строительство в соответствие с финансовыми возможностями и крестьянским рынком, то мы совершили здесь серьезную ошибку и сами замедлили социалистическое накопление в нашей стране.

Подобная концепция связывается обычно с пренебрежительным отношением к задаче укрепления нашей валюты, задаче сохранения твердого червонца. Сторонники подобной точки зрения склонны думать, что можно ускорить промышленное развитие путем дальнейшей эмиссии. Пленум Центрального Комитета высказался в этом отношении совершенно прямо и недвусмысленно. Он подчеркнул, что индустриализация страны должна проводиться в строгом соответствии с нашими финансовыми возможностями, при непременном условии сохранения твердой валюты. Иначе и быть не может. Нельзя ни на одну минуту забывать, что дезорганизация нашей финансовой системы означает подрыв всего народного хозяйства, в том числе и в первую очередь, дезорганизации социалистической промышленности. С другой стороны, дезорганизация финансов и развитие инфляционных явлений привели бы к размычке между рабочим классом и крестьянством, ибо частно-собственническое товарное хозяйство крестьянина требует для своего развития твердой валюты. Твердая валюта является в условиях нэпа непременным условием нормальных взаимоотношений между пролетарским городом и мелко-буржуазной деревней.

«Сверхиндустриалисты», пренебрегающие валютной проблемой, не учитывают также и другой стороны дела. Они намекают на то, что индустриализацию можно ускорить путем усиленного нажима на крестьянство, путем энергичной «перекачки» средств, накопляющихся в массе крестьянских хозяйств. Само собой разумеется, что индустриализация будет производиться и за счет деревни, в первую очередь за счет ее буржуазных слоев, а также, в известной мере, и за счет основной середняцкой массы крестьянства. Однако, и здесь должны существовать известные пределы, которые ни в коей мере не должны лежать так далеко, чтобы они были связаны с забастовкой деревенского покупателя и крестьянскими волнениями. Если бы наша налоговая политика, политика цен и т. д. велась таким образом, что

она исключала бы возможность всякого накопления и роста в основной массе середняцких крестьянских хозяйств, то мы подорвали бы и базу промышленного развития и экономические и политические основы рабоче-крестьянской смычки в переживаемый нами момент. На деревню нельзя смотреть, как на «колонию». Система наших экономических мероприятий, обеспечивающая увеличение средств для возможно более быстрого проведения индустриализации, не может выразиться в «пожирании» середняцкого массива деревенских хозяйств. Индустриализация должна и будет протекать в условиях экономического и культурного под'ема основной массы крестьянских хозяйств, переход которых на рельсы общественного хозяйства будет обеспечиваться ростом и укреплением кооперации.

Понимание всех этих трудностей социалистического строительства, осознание возможностей и пределов индустриализации страны в наших условиях — выдвигают с небывалой остротой на первый план задачу осуществления режима экономии. Именно в наступающей полосе индустриализации нашей страны, именно в период, когда мы в условиях хозяйственных затруднений развиваем промышленность, и прежде всего обновляем и расширяем тяжелую индустрию, производство средств производства,—нам необходимо повести энергичную и решительную борьбу с разгильдяйством, халатностью, непроизводительными расходами в нашем государственном хозяйстве.

Было бы ошибкой представлять себе, что осуществление стоящих перед нами хозяйственных задач есть дело легкое и исключающее неудачи. Мы стали много сильнее и крепче, чем год, два, три тому назад. Мы ставим перед собой все более серьезные и крупные задачи, разрешение которых обеспечивает все более успешные шаги по направлению к социализму, но укрупнение задач сопровождается и ростом трудностей. Путь социалистического строительства—это не гладкая дорога. Наша политика индустриализации страны будет повседневно наталкиваться на сопротивления и препятствия со стороны враждебных нам социально-экономических сил. Международный капитал, внутренняя городская буржуазия различных оттенков, растущая сельская буржуазия в ближайшие годы будут усиливать свою борьбу против рабочего государства, против социалистических элементов нашего хозяйства. В этих условиях совершенно обязательно и необходимо укреплять смычку рабочего класса с крестьянством, укреплять единство рядов пролетариата, укреплять единство партийных рядов. Единство партии, единство рядов пролетариата и смычка пролетариата с крестьянством являются не менее необходимыми условиями наших успехов в борьбе за социализм теперь, чем на предшествующих ступенях борьбы пролетарской диктатуры за социализм.

Поэтому партия, вставшая перед новыми хозяйственными задачами и предвосхищающая и новые трудности, неизбежные для этого периода, будет рассматривать всякую попытку срыва единства партии в настоящий момент, как политику враждебную делу социализма, как политику, прямо и непосредственно направленную против строящего социализм пролетариата.

Л. Мендельсон.

Покушение с негодными средствами.

(По поводу одной книги).

I. О том, как Финн «в поход собрался».

Ленинская теория империализма является одним из центральных звеньев в общей системе ленинизма. Глубокий аналитик, прекрасно владеющий методом Маркса—Ленин в этой теории блестяще вскрыл все особенности современного капитализма, показал до какой невиданной остроты и глубины дошли его противоречия, выявил невозможность разрешения этих противоречий вне социалистической революции, доказал достаточную зрелость хозяйственных форм и социальных отношений для осуществления диктатуры пролетариата и для социалистического строительства. Отсюда неразрывность связи ленинской теории пролетарской революции—этой квинт-эссенции ленинизма—с его учением об империализме как о новейшей фазе капитализма, вступившего в полосу своего «загнивания» или «умирания».

Именно теория империализма Ленина вскрывает все элементы этого загнивания, показывая, как тесно становится производительным силам в рамках капиталистической формы организации производства, насколько не соответствует последняя потребностям общественного прогресса, как постепенно она приходит к собственному отрицанию, создавая на антагонистической основе новые формы хозяйствования, противоречащие самой природе капитализма. Именно в этой теории мы находим доказательство неизбежности новых конфликтов, борьбы за передел мира, принимающей, в условиях неравномерности капиталистического развития, характер военных столкновений. Именно она вскрывает и обосновывает факты чрезвычайного усиления социальных противоречий, приближающих момент решительной схватки труда с капиталом.

Отсюда понятна неизбежность отрицания ленинской теории империализма со стороны тайных и явных ренегатов марксизма. «Доказать» необоснованность ленинского положения о «загнивании» современного капитализма, «опровергнуть» утверждение Ленина о неразрешимости противоречий империализма вне пролетарской революции, это ли не соблазн для верных рыцарей буржуазии? Это ли не успокоительный бальзам для сознания рантье, так охотно оплачивающего своих «идейных» лакеев?

И вот, Каутский строит свою знаменитую теорию «ультраимпериалистического» мирного «врастания» в социализм, теорию сглаживанию противоречий империализма, теорию классового мира. Гильфердинг, давший прекрасный анализ изменений организационных форм современного империализма, но проглядевший загнивание последнего, не сумевший сделать из своего анализа революционных выводов,—за годы войны и Версальского «мира», с его Руром, Лигой Наций и дауэсизацией так далеко развил отдельные оппортунистические замечания, имевшиеся в его «Финансовом капитале», что может быть с полным правом поставлен в одну шеренгу с Каутским. О многочисленных «профессорских» работах, посвященных прямой апологетике империализма, уж говорить не приходится.

Теперь суд истории в основном уже разрешил этот спор. Огромное пролетарское государство, с успехом строящее социализм, непрочность и относительность «стабилизации» капитализма, нарастание на ее основе новых глубочайших противоречий, рост борьбы с империализмом на Востоке, серьезнейшие социальные конфликты в Англии,—разве все это не является наиболее блестящим доказательством правоты ленинского тезиса о загнивании капитализма? Разве жизнь не подписывается ежечасно под всеми пунктами ленинской теории империализма?

И все же, оказывается, есть люди, которых ни война, ни революция ничему не научили, которые сумели пронести через все эти годы весь свой старый меньшевистский идейный хлам.

Такой идейный хлам преподносит советскому читателю Финн-Енотаевский, в своей новой работе—«Финансовый капитал и производительность». Под флагом верности ортодоксальному марксизму, с применением целой системы уловок и ухищрений, мы имеем здесь выступление против теории империализма Ленина.

Книга Финна не направлена прямо против Ленина. Наоборот, она критикует прежде всего Гильфердинга, этого столпа II Интернационала. Ленина же Финн критикует как бы вскользь. Но критика Финна направлена не против того Гильфердинга, с которым Ленин боролся, а против Гильфердинга, взгляды которого Ленин в основном признавал правильными.

Финн выступает критиком Ленина, прежде всего,[1] по такому коренному пункту теории империализма, как положение о «сращивании» промышленного капитала с банковым, и приходит к отрицанию ленинской теории «загнивания» капитализма. В итоге—полная солидаризация Финна с Каутским по вопросу об «ультра-империализме» и об Октябрьской революции.

Автор ставит перед собою конкретную цель (об этом говорится в предисловии к книге)—«исправить» принятую полгода тому назад программу... немецкой социал-демократии. Он вносит в нее свои поправки, сформулированные им в конце книги. Собственно говоря, вся книга является обоснованием этих поправок.

Уже один тот факт, что русский буржуазный «марксист» Финн не находит для своих теоретических занятий целей более подходящих, чем «исправление» (!) программ немецких социал-предателей, заслуживает размышлений. Но пусть бы эти поправки были направлены против пронизывающего программу немецких с.-д. оппортунизма. Однако, ничего подобного нет. Поправки вводятся к тому, чтобы выкинуть из программы пункт о господстве финансового капитала, включенный в программу Гильфердингом после того, как этот пункт был уже предварительно освобожден им от всякого революционного содержания.

Не знаем, нуждаются ли немецкие меньшевики в «добрых советах» своего русского приятеля. Но одно несомненно: комедиантство с «поправками к социал-демократической программе» служит автору хитроумной ширмой для «опровержения» ленинской теории империализма.

Столь «почтенный» профессор — и такой грубый клоунский колпак!..

II. Финн о новейшей фазе капитализма.

И Гильфердинг и Ленин на основании тщательного анализа явлений современного капитализма пришли к выводу, что в конце XIX, начале XX века капитализм вступил в новую историческую полосу своего развития. Но Гильфердинг в своем анализе остановился на полпути, недооценив при этом реакционной роли монополий, не поняв, что эта новая фаза капитализма есть фаза его «загнивания» «умирания». Именно поэтому-то он и не сделал из своего анализа тех революционных выводов, которые сделал Ленин, и поэтому же он в конечном счете скатился в об'ятия Каутского. Таким образом, общим у Гильфердинга и Ленина было лишь признание того, что капитализм XX века качественно отличается от «классического» капитализма эпохи Маркса. Но Финн не согласен даже с этим.

«Финансовый капитал,—пишет Финн,—не есть высшая организованная форма индустриального, как это представляет Гильфердинг» (75). «Длительное и влиятельное участие крупных, задающих тон банков в индустриальных предприятиях — это исключение». Банки лишь «посредники кредита». В Германии никакого превращения промышленного капитала в финансовый не было, никакого сращения банкового капитала с индустриальным в единое целое не было».

Потоком цитат из Маркса, ссылками на буржуазных экономистов и буржуазных дельцов, а больше всего общими рассуждениями—Финн пытается доказать, что ни о каком господстве финансового капитализма не может быть и речи, что сам «финансовый капитал» в понимании Ленина есть плод его фантазии, что Ленин (как выразился Финн по поводу одного из положений ленинской теории империализма) введен «в заблуждение Гильфердингом и рядом буржуазных экономистов».

О беспримерной чванливости этого профессора от марксизма, проглядевшего все то новое, что дал Ленин в своей теории империализма, уже говорить не приходится. Но посмотрим, что нового нашел в современном капитализме сам Финн.

«Весь процесс капиталистического воспроизводства—процесс диалектический—един, но в своем единстве он сложен и противоречив. Он един с самого основания капиталистического производства; это—условие его движения. Отличие же его последней стадии от предыдущих—в развитии, в силу все большего разделения функций различных форм капитала, внешне все более самостоятельно движущихся моментов, что сопровождается и усложняющимся переплетом и все усиливающейся противоречивостью движения различных моментов, которые тем не менее должны быть внутренно связаны между собою, чтобы процесс мог итти беспрерывно» (49).

Таков итог, к которому приходит Финн в результате своего «анализа» монополистического капитализма и тех глубочайших качественных изменений, которые произошли в капитализме за последние десятилетия. И этот жалкий лепет Финн пытается противопоставить блестящему ленинскому анализу империализма. Нам кажется, что комментарии здесь совершенно излишни и читатель сам сумеет достойным образом охарактеризовать претензии Финна. Но на чем следует остановиться, так это на попытке Финна опереться на Маркса и Энгельса и противопоставить последних Ленину.

III. За спиной у Маркса.

«Марксизм,—писал Ленин,—есть чрезвычайно глубокое, разностороннее учение. Не удивительно поэтому, что обрывки цитат из Маркса,—особенно если приводить цитаты не кстати—можно встретить всегда среди «доводов» тех, кто рвет с марксизмом». Еще менее удивительны случаи ссылок на Маркса в борьбе с ленинизмом. Среди героев II Интернационала немало начетчиков от марксизма, которые готовы подкреплять цитатами из Маркса всю свою гнусную практику поддержки империализма, борьбы с революцией и т. п. Мобилизуя Маркса против Ленина, Финн делает попытку убедить читателя, что Маркс имел пред собой все основные элементы того, что мы называем финансовым капитализмом. «Следует иметь с виду,—пишет он, — что когда Маркс писал свой «Капитал», он имел перед собою не только развитую английскую кредитную систему, вызванную к жизни именно ростом промышленного капитала, но он знал и опыт Credit Mobilier, имел возможность изучить и роль акционерного дела... показать неизбежность возникновения на этой ступени в известных сферах монополий вообще и монополий денежного капитала, в частности. Более того он знал и про теории «господства банка над индустрией», т. к. в основе Credit Mobilier лежала идея сен-симонистов, что «банки должны сами взять на себя ведение индустрии» и т. д. (10—11).

Все это, конечно, бесспорно, но значит ли это, что Маркс дал нам готовую теорию империализма и что работы Маркса дают ответ на все явления современного капитализма?

«Маркс знал эпоху торгового капитала, который лежал за ним, Маркс знал промышленный капитал. Эпоха промышленного капитала считалась, можно сказать, классическим типом капитализма вообще... А целую новую эпоху капиталистического развития с большой переорганизацией производственных отношений в капитализме, того, что Ленин обозначал, как монополистический капитализм,—сумму всех этих явлений Маркс знать не мог, потому что их не было, и по этой простой причине он не мог их теоретически выразить и обобщить... Явления из области финансового капитала, из области империалистической политики этого финансового капитала... не были известны Марксу и... должны были подвергнуться теоретическому анализу» (Бухарин). И этот анализ был выполнен Лениным.

Мы полагаем, что тов. Бухарин в данном случае абсолютно прав, что не мало не противоречит тому обстоятельству, что мы имеем у Маркса целый ряд гениальных догадок, проливающих свет на явления современного капитализма.

Финн-Енотаевский ищет ответ на проблему империализма в работах Маркса, написанных более полвека тому назад. А вот что Ленин пишет по вопросу о том, к какому сроку следует

отнести оформление империализма и финансового капитализма. «Для Европы можно установить довольно точно время окончательной смены старого капитализма новым, это именно начало XX века».

Таким образом, апеллировать к Марксу в полемике о характере современного капитализма можно, лишь понимая качественное различие этих этапов капитализма, не перенося безоговорочно результаты теоретического анализа одного этапа на другой. Поскольку же Финн это делает, постольку он не идет дальше повторения самых общих мест, по существу бесспорных, но совершенно не способных к выяснению качественных особенностей нового этапа капитализма. Вообще, несомненно, что Маркс, а в особенности Энгельс, имели перед собой в той или иной степени развития не только акционерную форму предприятий, но и зародыши монополий, вмешательство банков в промышленность и многое другое, получившее вполне развитую форму в империализме. Но ошибка Финна заключается в том, что он совершенно не понял, что нарастание количественных изменений в данном случае дошло до таких размеров, когда налицо оказалось новое качество, о котором Маркс знать не мог. Поэтому приводимые Финном цитаты из Маркса в значительной степени бьют мимо цели. И когда Финн из замечания Маркса о том, что действительный денежный и производительный капитал суть разные экономические категории, имеющие разные формы движения, что банки играют посредническую роль и т. п., делает вывод о том, что ни о каком сращивании банкового капитала с промышленным не может быть и речи, что банки являются лишь посредниками кредита и в современном капитализме, то это служит лишь ярким доказательством того, как не следует всуе цитировать Маркса и искать у него ответа на вопросы, которые перед последним и не стояли.

Но еще хуже приписывать Марксу то, чего он никогда не писал, как это делает Финн, утверждая, что Маркс «совершенно отвергает всякую мысль о «сращении» или «слитии» банкового капитала с производительным». Никакого сращивания банкового капитала с производительным в эпоху Маркса не было, сам вопрос о сращивании перед Марксом совершенно не стоял, и поэтому ни положительных, ни отрицательных ответов на него Маркс давать не мог.

Поскольку же зародышевые явления монополистического капитализма были известны Марксу, постольку его замечания совпадают с последующими формулировками и Гильфердинга и Ленина. Сам Финн вынужден признать, что уже Маркс отмечал растущее вмешательство банков в промышленность. Энгельс же приводил и конкретные примеры «сращивания», хотя и рассматривал последнее, как явление частное. В цитате, приводимой Финном же, Энгельс пишет: «Когда торговля деньгами... в этом своем дальнейшем развитии становится торговлей ценными бумагами (Effektenhändel) и эти бумаги не только государственные, но и индустриальные и транспортные акции—и торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью господствующего в общем и целом над ней производства, тогда реакция торговли деньгами на производство становится еще больше и сложнее. Торговцы деньгами—собственники железных дорог, горных промыслов, металлургических предприятий, и т. д.» (23—24).

Финн считает, что эта цитата может служить доказательством того, что Энгельс отрицал какое бы то ни было сращивание банкового капитала с промышленным, но это происходит лишь благодаря тому чрезвычайно «своеобразному» пониманию этого сращивания, которое имеется у Финна и о котором нам еще придется говорить в дальнейшем, так как иначе Финн понял бы, что выступление торговца деньгами в качестве собственника промышленного предприятия и является одной из форм этого «сращивания».

Ссылками на Маркса Финн хочет доказать, что Гильфердинг, а вслед за ним и Ленин, своей теорией финансового капитала фактически отошли от экономического учения Маркса и извратили его. Финн претендует на роль защитника ортодоксального марксизма от «новаторов», но Финн забывает, что марксизм заключается прежде всего в умении применять диалектический метод—это блестящее орудие познания и исследования живой, вечно изменяющейся, конкретной действительности. Сила Ленина, как политика и марксиста, в том, что он не только знал Маркса, не только умел цитировать его,—а дальше этого Финн в данном случае не пошел,—но и прекрасно владел его диалектическим методом, умел учитывать своеобразие момента, анализировать конкретную обстановку и быть поэтому гибким политиком и стратегом. «Марксист,—писал Ленин,—должен учитывать жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее лишь приближается к охватыванию сложности жизни» (Ленин, собр. сочин., том. XIV, ч. 1, стр. 29).

Финн поступает наоборот и поэтому попадает в безысходный тупик, из которого затем безнадежно пытается выбраться терминологическим крючкотворством и чисто логическими ухищрениями.

IV. О терминологических фокусах и некоторых полемических приемах Финна.

Бесспорно, что терминология в общем вещь условная, но отсюда отнюдь не вытекает, что каждый автор, будь он даже профессор, может играть терминами на манер циркового клоуна. Вкладывать в понятия, уже употребляемые в литературе с весьма определенным содержанием, совершенно произвольное значение в зависимости от своих индивидуальных особенностей и практических целей—прием совершенно недопустимый. Но еще хуже, когда в полемике заведомо вкладывается в данное понятие совершенно другое содержание, чем у противника. В литературе, впрочем, этот прием также имеет свое название.

Для вящей убедительности своей критики Финн употребляет оба приема одновременно. Опровержение теории финансового капитала Финн начинает с того, что вкладывает в само понятие финансового капитала совершенно особый смысл, не имеющий ничего общего ни с общепринятой экономической терминологией вообще, ни с терминологией Ленина и Гильфердинга, в частности. Финансовым капиталом Финн называет «чисто денежную первоначальную форму приносящего процент капитала», т. е. тот капитал, который Маркс и вся экономическая литература

обозначает, как капитал ссудный. Давая «новое» определение «финансового капитала», Финн даже не счел нужным подчеркнуть, что оно коренным образом отличается, как от определения Гильфердинга, так и от определения Ленина.

По Ленину и по Гильфердингу, финансовый капитал означает единство банкового и промышленного капитала, при чем Ленин, кроме того, включает в это понятие чрезвычайно важные моменты концентрации и монополизации как производства, так и банков. По Финну же, финансовый капитал—это капитал, приносящий проценты. По Ленину, финансовый капитал есть продукт последних десятилетий развития капитализма, его новейшая фаза, по Финну же, финансовым капиталом является и ростовщический «капитал» средневековых менял. Чем об'яснить эти терминологические фокусы-покусы, как не попыткой ввести в заблуждение читателей и скрыть шаткость своих позиций?

Но Финн этим не ограничивается. Несмотря на весьма существенную разницу в определениях финансового капитала у Ленина и Гильфердинга, Финн в своем профессорском величии не склонен разбираться в «оттенках» точек зрения. Он поступает несравненно проще: критикует Гильфердинга, а потом об'являет, что и Ленин неправ. Что этот «научный» прием сведения вопроса о финансовом капитале к вопросу о сращивании промышленного капитала с банковым облегчил почтенному профессору его «критику», это несомненно, но в добросовестности такого приема да позволительно нам будет усумниться. Однако, и к Гильфердингу Финну следовало бы отнестись несколько внимательнее, как это сделал Ленин, который, отметив куцый характер гильфердинговского определения, тут же добавил, что «во всем изложении Гильфердинга вообще, в частности, в обоих главах, предшествующих той, из которой взято это определение, подчеркивается роль капиталистических монополий» (т. XIII, 272). Так что даже Гильфердингу нельзя приписывать, что все своеобразие финансового капитала он сводил исключительно к сращиванию промышл. капит. с банковым, как это делает Финн, чтоб иметь возможность ограничиться в своей критике одним вопросом о «сращивании» и обойти ряд других, подчас более существенных вопросов. О полемических приемах Финна пусть судит сам читатель.

V. Финн о «сращивании».

Итак, основные удары Финна направлены по теории «сращивания», устанавливающей новую роль банков в современном капитализме.

Финн не может согласиться с утверждением Ленина, что «по мере развития банковского дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки превращаются из скромной роли посредников во властных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом, всей совокупностью капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде других стран». Он отрицает, что «это превращение многочисленных скромных посредников в горстку монополистов составляет один из основных процессов превращения капитализма в капиталистический империализм». Он категорически возражает против того,

что «для империализма характерен как раз не промышленный, а финансовый капитал» и что «финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества», есть «рельефнейшее проявление монополистического капитализма». Об «ошибочности» этих ленинских формулировок Финн пишет уже в своем предисловии. Однако, конкретные возражения он предпочитает направлять преимущественно по адресу Гильфердинга, а не Ленина по соображениям, о которых мы уже говорили выше. Однако, и в критике Гильфердинга Финну определенно не везет.

«Свою теорию финансового капитала Гильфердинг старался обосновать прежде всего (?) утверждением, что банковый капитал имеет своей тенденцией «все растущую часть ссудного капитала превращать в собственный» (50). С этого неожиданного заявления начинает Финн свою критику Гильфердинга и затем на протяжении 12 страниц доказывает, что, несмотря на огромный рост собственных средств банка, депозиты растут еще сильнее, откуда он делает столь же неожиданный вывод, что банки попрежнему являются лишь посредниками кредита, поскольку они оперируют в основном чужими капиталами.

Однако, Финн слишком легко пытается разделаться со своим противником. Совершенно произвольно его утверждение, что финансовый капитализм, по Гильфердингу, прежде всего выражается в росте собственных капиталов банков. То, что этот рост происходит усиленным темпом, и то, что этот процесс связан с усилением участия банков в финансировании промышленности, поскольку собственные капиталы для этого более удобны, чем депозиты,—этого и Финн не отрицает. Но из того, что депозиты растут еще быстрее, совершенно не вытекает, что роль банков не изменилась и что они остались, как в эпоху Маркса, лишь посредниками кредита. Финансовый капитализм тем и характерен, что при нем немногочисленная кучка магнатов капитала получает колоссальную власть над громадными массами именно чужого капитала, во много раз превышающего их собственный. Этому способствует вся система акционерных обществ, при которых 25—30% акций достаточны для фактического распоряжения предприятием,—система выпуска так наз. «привилегированных» акций и облигаций, система, «участия» и организации дочерних обществ, этому же служит и тесная связь банков с промышленностью. Банки играют посредническую роль в том смысле, что их аппаратом мобилизуются и перекачиваются в промышленность громадные капиталы, но их роль этим не ограничивается. Самое характерное именно в том, что они не только передают капиталы промышленности, но и контролируют использование этих капиталов и принимают непосредственное участие в их применении. Нужно совершенно ничего не понимать в современной экономике, нужно быть человеком в футляре, который ничего, кроме трех томов «Капитала» не знает, чтобы утверждать подобно Финну, что банки в XX веке лишь посредники кредита, как и в середине XIX в.

В доказательство своего тезиса о посреднической роли банка Финн приводит цифры о том, что так наз. «нормальные» операции банков—учетно-ссудные операции, контокорентные счета и т. п.—играют бо́льшую роль в связях банков и промышленности, чем эмиссионные операции. Финн-Енотаевский в данном

случае или сам очень наивен, или надеется на экономическую безграмотность своих читателей. Ведь если взять любое предприятие и проверить, как часто оно занимается эмиссией акций и облигаций, то окажется, что последнее явление не столь уже частое. Если бы банки занимались исключительно эмиссией, если бы их связь с промышленностью заключалась на 100% в эмиссионных операциях, то это свидетельствовало бы лишь об эпизодичности и случайности этой связи. Эмиссионные операции важны лишь постольку, поскольку они усиливают зависимость промышленности от банков, дают в руки последних контрольные пакеты акций, но они ни в коем случае не ослабляют роли других операций банков с промышленностью, а наоборот, чрезвычайно усиливают их значение. Характерным примером в этом отношении может служить изменение значения текущих счетов, о которых Ленин пишет следующее:

«Ведя текущий счет для нескольких капиталистов, банк исполняет как-будто бы чисто техническую, исключительно подсобную операцию. А когда эта операция вырастает до гигантских размеров, то оказывается, что горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества, получая возможность через банковые связи, через текущие счета и другие финансовые операции—сначала точно узнавать состояние дел у отдельных капиталистов, затем контролировать их, влиять на них посредством расширения или сужения, облегчения или затруднения кредита и, наконец, всецело определять их судьбу, определять их доходность, лишать их капитала, или давать возможность быстро и в громадных размерах увеличивать их капитал и т. п. (Ленин, Собр. сочин., т. XIII, стр. 261).

Но этих качественных изменений, знаменующих крупнейший переворот в производственных отношениях, Финн как раз и не заметил, доказав тем самым свою полную неспособность к экономическому анализу.

Итак, Финн против теории «сращивания». Что же выдвигает он, где его анализ современного капитализма? Приводя указания ряда экономистов на процессы сращивания, Финн пишет: «Возникает вопрос, действительно ли имеет место в данном случае слияние функций банкового капитала и индустриального или лишь выполнение их одной и той же корпорацией. А это вещи различные (?)... И жизнь показала, что имело место только последнее» (45). «Сожительство, хотя бы и под одной кровлей банковского дворца, контор индустриальных предприятий и конторы банка, финансирующего эти предприятия, не есть еще сращение банкового и индустриального предприятий, не есть еще растворение, превращение двух тел в одно единое третье. Формы движения и функции индустриального и денежного, финансового капитала—различны» (80). «Война ясно показала, что о «слиянии», «сращении» банкового капитала с индустриальным, о «превращении» таким образом промышленного капитала в финансовый не могло быть речи. Была во многих случаях лишь личная уния» (78).

В результате оказалось, что Финн признает и личную унию и об'единение собственности на промышленный и банковый капитал в одних руках, но он утешается тем, что не произошло «слияния функций» и банк остался кредитным учреждением, а банкир не превратился в управляющего заводом.

Нужно, однако, быть «профессором», чтобы так безнадежно запутать вопрос. Совершенно бесспорно, что в банке не могут появиться станки и вагранки, а завод не может превратиться в банковскую контору. Ведь сращивание не есть химический процесс, совершенно уничтожающий специфические особенности составных элементов сложного вещества. Поистине смешно читать, с каким апломбом Финн возвещает, что банк остался кредитным учреждением. Мы можем в свою очередь к величайшему удовлетворению Финна добавить, что и фабрики и заводы в эпоху империализма остаются промышленными предприятиями. Но Финн совершенно не заметил, что здесь он сходит с экономической точки зрения и ставит вопрос чисто технически. Личную унию, сращивание собственности он противопоставляет сращиванию функций, совершенно не подозревая, что именно в изменении отношений собственности и заключается все своеобразие финансового капитализма. Финн спекулирует все время цитатами из Маркса, но совершенно забыл ту азбучную марксистскую истину, что разделение капитала на промышленный, торговый, ссудный и т. п. основано прежде всего не на том, что налицо разные функции, а на обособлении этих функций в руках особых лиц, на выполнение разных функций разными группами капиталистов. Если бы функции обращения выполнялись непосредственно промышленными капиталистами, то не существовало бы ни торгового капитала, ни торговой прибыли. А по Финну здесь даже не было бы «сращения», а только «личная уния», ибо Финн признает только «сращивание» «функций». Почтенный профессор упускает из виду, что техническое сращивание функций, о котором он толкует, во-первых, лежит вне пределов экономической науки, а, во-вторых, логически бессмысленно, ибо функция обращения технически не может слиться с функцией производства. Финн проглядел «изменяющиеся общественные отношения производства» (Ленин), не поняв того, что в личной унии и сращивании собственности проявляется лишь тот факт, что «с концентрацией капиталов и ростом оборотов банков изменяется коренным образом их значение» (Ленин).

Повторяя азбучную истину о примате производства, Финн совершенно произвольно заменяет проблему сращивания банкового капитала с промышленным проблемой господства первого над вторым. Сращивание может происходить как на основе подчинения банков промышленности, так и на основе подчинения промышленности банками, или без всякого подчинения. Когда во главе банкового консорциума и промышленного комбината стоит одна и та же группа капиталистов, то вообще бессмысленно ставить вопрос о том, что чему подчиняется. Господство финансового капитализма означает прежде всего не господство банкового капитала над промышленным—последнее отнюдь не обязательно, хотя оно очень часто и имеет место—а лишь то обстоятельство, что на смену старому капитализму с его промышленниками, оперировавшими преимущественно собственным капиталом, и банками, занимавшимися лишь посредническими операциями, пришел новый капитализм, в котором монополистические банки и монополистические союзы промышленников настолько тесно переплетаются друг с другом, что позволяют немногочисленной группе капиталистов распоряжаться громадными суммами чужого капитала.

Поскольку финансовый капитал есть синтез промышленного и банкового капитала, постольку совершенно впустую рассуждения Финна о примате производства. С другой стороны, не следует забывать и того, что «преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала означает господствующее положение рантье и финансовой олигархии, означает выделение немногочисленных государств, обладающих «финансовой мощью» из всех остальных» (Ленин, Собр. сочин., т. XIII, стр. 282).

Блестящим примером этого выделения является «мирное» проникновение Америки в Европу, основанное прежде всего на ее роли мирового кредитора, занимающегося не только выжиманием процентов из задолжавшей Европы, но постепенно прибирающего к своим рукам и ее транспорт, и промышленность, и банки и другие командные высоты. Но Финн предпочитает проходить мимо этих фактов и заниматься повторением азбучных марксистских истин о примате производства и т. п. Но, уважаемый профессор, кстати ли это, и не свидетельствует ли сие о вашем бессилии?

VI. По следам Каутского.

Мы видели выше, что свои возражения против Ленина Финн по возможности облекал в форму возражений против Гильфердинга. Однако, когда он подошел к центральному звену ленинской теории империализма—к теории загнивания капитализма—Финн лишился прикрытия, ибо Гильфердинг даже в ту пору, когда он еще не изменил марксизму, этого загнивания капитализма как раз и не заметил. Волей-неволей пришлось вступить в непосредственную полемику с Лениным, которая тем более важна, что здесь Финн не топчется вокруг мелочей, а ставит кардинальнейший вопрос, занимающий виднейшее место в системе ленинизма и стоящий в непосредственной связи с ленинской теорией пролетарской революции. Но, полюбуйтесь, с какой чисто иезуитской осторожностью, с какой сладенькой миной он пытается взорвать этот краеугольный камень ленинизма. Начинает он, конечно, с грациозного реверанса пред ленинизмом.

«Империализм по своей экономической сущности монополистический капитализм»,—говорит Ленин. Это верно,—добродушно подтверждает Финн,—хотя во всей своей книге, посвященной финансовому капиталу, не посвятил и одной страницы выяснению значения монополии. «Но далее следует: «Империализм это—«переходный или вернее умирающий капитализм» (Ленин). Вот это неточное (?) выражение и дает повод многим «малым сим» плодить ошибку за ошибкой» (147).

Итак, вкралась маленькая «неточность», небольшая «опечаточка» в ленинскую теорию империализма, которую Финн пытается «исправить».

Кто же поверит Финну, что ленинское учение о загнивании капитализма, из которого непосредственно вытекает его теория пролетарской революции—есть лишь маленькая деталь, да к тому же еще «неточная»? На чью наивность рассчитывает, почтенный профессор, куда девалось его мужество?

В чем видел Ленин «загнивание» капитализма?

«Что империализм есть паразитический или загнивающий капитализм, это проявляется, прежде всего, в тенденции к загниванию, отличающей всякую монополию при частной собственности на средства производства».

«Во-вторых, загнивание капитализма проявляется в создании громадного слоя р а н т ь е «капиталистов, живущих стрижкой купонов».

«В-третьих, вывоз капитала есть паразитизм в квадрате. В-четвертых, «финансовый капитал стремится к свободе». «Продажность, подкуп по всей линии. В-пятых, эксплоатация угнетенных наций, неразрывно связанная с аннексиями, и особенно эксплоатация колоний горсткой «великих» держав, все больше превращает «цивилизованный» мир в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов» (Ленин. Собр. соч., т. XIII, стр. 469—470).

Особое значение «загнивания» Ленин видел в том, что оно ставит в порядок дня социалистическую революцию. «Империализм,—писал он,—есть у м и р а ю щ и й капитализм, переходный к социализму: монополии, вырастающие из капитализма, есть уже умирание капитализма, начало перехода его в социализм» (XIII, 470).

Отсюда становится ясным, почему теория «загнивания» встречает наиболее сильный отпор со стороны героев II Интернационала и почему столь лицемерны рассуждения Финна о «неточности» выражения Ленина. Но последуем за Финном дальше.

«Монополистический капитализм, — пишет Финн, — высшая фаза развития капитализма; на этой стадии развития он должен достигнуть зенита, после которого наступает закат. Но вопрос в том, достиг ли он уже этого кульминационного пункта?» Оказывается, что нет! «В послевоенное время наблюдается, правда, медленное и крайне болезненное, но все же восстановление его в Европе». Отсюда Финн приходит к выводу о том, что нет «основания для решительных утверждений, что капитализм не сможет раздвинуть в ближайшем будущем и своих производственных отношений». И далее Финн рисует радужную картину дальнейшего развития капитализма, достигающего «высшего положения, чем до войны» и проделывающего «ряд цикловых, спиральных и все расширяющихся движений в мировом масштабе, прежде чем уступить место высшей, планомерной, о б щ е с т в е н н о-контролируемой форме движения экономической жизни» (147—148—149).

Таковы «поправочки» Финна. По Ленину, капитализм уже вступил в полосу своего умирания, по Финну же ему еще предстоит проделать целый ряд под'емных циклов. По Ленину социалистическая революция—вопрос сегодняшнего дня, по Финну—она отодвигается в далекое неизвестное будущее. Но ведь от подобной социалистической «революции» не отказывается даже и маэстро Каутский!

Финна смутила «стабилизация» капитализма, его временный под'ем. Но разве ленинская теория «загнивания» капитализма отрицает возможность таких под'емов? Ничуть не бывало!

«Было бы ошибкой думать, — пишет Ленин, — что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм не-

измеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще все более неравномерным, но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран» (Англия) (XIII, 333).

Поэтому ссылка Финна на стабилизацию капитализма с целью опровержения ленинской теории «загнивания» не выдерживает никакой критики, ибо между ними нет противоречия. Весь вопрос лишь в оценке этой стабилизации, которая, как известно, несколько отлична у Каутского и у Коминтерна. Финн солидаризируется с Каутским, довольно оптимистически расценивая перспективы развития капитализма. Переубеждать Финна мы не собираемся, но только посоветуем почтенному профессору впредь не скрывать первоисточники своего идейного багажа.

«Дело, конечно, не в том, назвать ли эту фазу (фазу «стабилизации» капитализма. *Л. М.*) сверхимпериализмом или просто империализмом»—замечает Финн. Конечно, дело не в названиях, а в характеристике тенденций развития капитализма. Но эта-то характеристика совершенно различна в ленинской теории империализма и в теории «ультра-империализма» Каутского. Общеизвестно, что Ленин энергичнейшим образом выступал против этой теории ультра-империализма, заявляя, что она «разрывает решительно с марксизмом», сеет вредные иллюзии в рабочем классе, фактически является прямой апологией империализма. Сейчас эта теория ультра-империализма сделалась знаменем второго Интернационала, поступившего на службу Лиги Наций, ведущей под прикрытием разговоров о мире политику насилий, грабежа и подготовки новых войн. Немудрено поэтому, что Финн, являющийся сторонником этой теории, скатывается к прямому оправданию гнуснейшей из войн. Прямое отвращение вызывает его замечание о том, что «инициатором ее (войны. *Л. М.*) была мировая промышленная страна, Германия», ибо из-за этого замечания выглядывают черносотенно-империалистические сказки об овечьей кротости Антанты и о кровожадности тевтонских вандалов.

И после этого у Финна еще хватает смелости выступить в роли хранителя основ ортодоксального марксизма и вносить свои «поправочки» в ленинизм!

В чем нельзя отказать Финну, так это в известной последовательности. Солидаризировавшись с Каутским в вопросе об «ультра-империализме», он затем остается в идейном плену у последнего и в своих суждениях о войне, Октябрьской революции, советской экономике и т. п. Но полный отказ от марксизма Финн пытается прикрыть ссылками на Маркса и Энгельса.

«Следует, далее, заметить,—пишет Финн,—что мы не видели бы особого несчастья в том, если бы у нас был чистый государственный капитализм под контролем советской власти. В истории бывает, что ставший преждевременно (?) у руля класс вынужден выполнять те экономические задачи, которые не успел или не смог выполнить его предшественник» (23).

В этой связи совершенно понятно, почему Финн в специальной главе так яростно оспаривает быстрый темп развития капитализма в России, так упорно отрицает какие бы то ни было элементы финансового капитала в ее дореволюционной экономике. Все это должно послужить лишь доказательством основного тезиса о преждевременности Октябрьской революции. Стоит ли после этого добавлять, что Финн отрицает социалистический характер нашей промышленности? Финн стоит здесь целиком и полностью на почве меньшевизма.

«То, что государство, т.-е. правительственный механизм, является собственником этих предприятий, не является решающим и при рабоче-крестьянской власти, как национализация земли этим же государством вовсе не определяет еще форм хозяйства в нашем земледелии».

Какая полнейшая экономическая неграмотность, какое извращение основ марксизма! Почтенный профессор не может заметить разницы между национализацией земли и национализацией промышленности, не может понять того, что земля не единственное и даже не всегда решающее средство производства в земледелии и что поэтому ее национализация еще не означает перехода в руки государства, того руководства и управления производством, которое мы имеем в промышленности. «Марксист» Финн забыл, какое значение придавал Маркс отношениям собственности для характеристики экономических эпох и недоглядел величайшего переворота в производственных отношениях, именуемого социалистической революцией.

Он боится сказать «пролетарское государство»; у него фигурирует «правительственный механизм», в то время как Маркс писал, что пролетарское государство это есть организация всего р а б о ч е г о к л а с с а. Не для того ли это сделано, чтобы противопоставить государственный механизм рабочему классу и поддержать меньшевистские сплетни об эксплоатации рабочих в социалистической промышленности?

Но не слишком ли много каутскианства в одной фразе?

Думаем, что сказанного достаточно для характеристики литературного выступления Финна, хотя мы далеко не исчерпали всей его меньшевистской премудрости. В общем, Каутский может быть довольным—в Финне он обрел верного ученика.

М. Танин.

Кризис английского угля—кризис английского капитализма.

Генеральная стачка.

Когда пишутся настоящие строки, старая капиталистическая Англия охвачена величайшей в ее истории забастовкой—генеральной забастовкой, в которой участвует около 5 миллионов рабочих.

Итак, грандиозный классовый бой начался. Начался, несмотря на все шатания лидеров, несмотря на призывы Макдональда к правительству, чтобы оно «во имя бога» поняло свою ошибку, несмотря на готовность представителей тред-юнионов итти на уступки.

Трудно сказать, чем кончится борьба. Руководство ее на стороне пролетариата недостаточно решительно, недостаточно четко, не окрылено ясными политическими устремлениями. И в то же время мы уже наблюдаем со стороны всех этих Макдональдов, Томасов и Ходжесов акты прямого предательства. Между тем, молодая английская компартия, несмотря на поразительные успехи, достигнутые ею в последнее время еще недостаточна сильна, чтобы стать во главе движения. Но независимо от непосредственных результатов борьбы, она является началом *новой эпохи в английском рабочем движении*. И совершенно прав—по своему, конечно,—тот представитель английского правительства, который заявил, что «самочинные» действия железнодорожников ставят вопрос—«чья власть?». Действительно, пусть нынешняя борьба английского пролетариата не является непосредственной борьбой за захват власти, но в историческом смысле этот вопрос поставлен в порядок дня. Его поставило само правительство. Когда пробил решительный час, оно бросило—вынуждено было бросить—игру в «демократию». Оно мобилизовало против рабочих не только полицию, но армию, морской и воздушный флот; оно двинуло в бой фашистские отряды штрейкбрехерской организации ОМС. Оно пустило в ход все средства экономического нажима. На войне, как на войне.

А «драка», в которой участвуют миллионы, закончится ли она для них благополучно, или неблагополучно, оставляет глубокую «зарубку» в коллективном сознании этих миллионов... Эта «зарубка»—политический фактор исторической важности. На массовых краткосрочных политических курсах в течение недель конфликта английский пролетариат проработает такую программу политграмоты, на усвоение которой в «нормальных» условиях потребовались бы многие, многие годы. Но пока идет

борьба еще рано заниматься подведением политических итогов. Поэтому мы в настоящей статье займемся проблемой, изучение которой, нам кажется, еще важнее анализа вопроса о нынешних событиях в Англии, как бы они ни были грандиозны. Мы займемся, главным образом, экономическими причинами великой схватки в угольной промышленности и попытаемся доказать, что *они сохранят свою силу в течение долгого периода после ликвидации конфликта в том или ином направлении и будут служить источником крупнейших социальных потрясений и революционизирования английского пролетариата, исходным пунктом революционной эры в старой буржуазной Англии.*

При этом нам часто придется ссылаться на любопытнейший и в определенном смысле исторический документ—доклад королевской комиссии по обследованию угольной промышленности под председательством Герберта Сэмюэля[1]).

Несколько слов об этой комиссии. Метод назначения правительством особых экспертов для вынесения суждения о том, что, собственно, происходит в угольной промышленности в Англии не нов. Особую роль сыграла аналогичная комиссия под председательством Сенки в 1919 г. Радикальные предложения Сенки об'яснялись давлением революционной ситуации, господствовавшей в момент работ комиссии и тем фактом, что в ней также участвовали представители рабочих. На сей раз рабочие в королевскую комиссию уже не были допущены. Правительство выделило для обследования «об'ективных» «беспристрастных» мужей: одного крупного чиновника и финансиста (Герберт Сэмюэль), одного передовика черносотенной газеты «Морнинг Пост» (Беверидж) и двух банкиров (Лауренс и Ли). Не лишнее будет привести пару строк из королевского указа о назначении этой комиссии: Для советского читателя поучительно вспомнить иногда монарший стиль в «рабочем вопросе».

«Божьей волей Георг Пятый, Соединенного Королевства Великобритании, Ирландии и Британских Заморских Доминионов Король, Защитник Веры, нашему верному казначею и горячо любимому советнику сэру Герберту Луису Сэмюэлю, Рыцарю Большого Креста, Нашего наиболее Достопримечательного Ордена Британской Империи»...

«Да будет Вам ведомо, что мы, питая большое доверие к Вашим познаниям и способностям назначаем Вас» и т. д.

В таком высоком штиле...

«Рыцарю Большого Креста» (кстати сказать, еврею по вероисповеданию) дается королем задание изучить положение в угольной промышленности и повергнуть к стопам его величества «нелицеприятное» суждение о том, кто прав и кто виноват в споре между угольными магнатами и рабочими. С «беспристрастным» приговором этих судей мы ниже ознакомимся. Но, чтобы по достоинству его оценить нужно раньше всего восстановить общую картину нынешнего кризиса.

Размеры кризиса.

«За исключением сельского хозяйства, читаем мы в отчете комиссии Сэмюэля,—в угольной промышленности занято больше человек, чем в любой иной индустрии: не меньше $^1/_{12}$ нашего

[1]) Report of the Royal Commission on the Coal Industry (1925). Volum I. Report.

населения непосредственно связано с ней. Она—база нашей железоделательной, стальной, судостроительной и машиностроительной индустрии—база всей нашей промышленной жизни. Стоимость ее продукции достигает около 250 милл. фунтов стерлингов (около $2^1/_2$ миллиардов рублей). Она дает $^1/_{10}$ нашего экспорта по ценности и $^4/_5$ по об'ему. Она дает груз для большей части нашего тоннажа и удешевляет фрахт импорта, составляющего для нас жизненную необходимость».

Отсюда ясно, что тяжкий кризис английской угольной промышленности есть тяжкий кризис английского капитализма в целом.

И недаром английский министр внутренних дел Джойнсон Хикс заявил в своей речи в Лондоне (15 апреля с. г.) по поводу кризиса в угольной промышленности: «Я должен констатировать без всякого преувеличения, что озабоченность правительства в эти дни серьезнее забот кабинетов военного времени».

А в английском консервативном журнале в статье, цитирующей отдельные места отчета королевской комиссии, читаем такую иеремиаду:

«Эта часть отчета означает конец эпохи беспрерывной промышленной экспансии Англии и начало новой эпохи под знаком полной неуверенности... Возможно, что нам суждено столкнуться с несчастьем значительно более серьезным, чем мировая война, несчастьем, которое не будет менее разрушительным от того, что оно растянется на долгие, очень долгие годы. Несчастьем такого колоссального масштаба явится хронический кризис угольной промышленности, т. к. он повлечет за собой закрытие шахт во все больших размерах, усугубление промышленной депрессии, систематическое понижение уровня благосостояния и рост безработицы».

(Статья Ланселот Лоутона в «Фортнайтли Ревью», апр. 1926 года).

Правда, автор в конце статьи заявляет, что научная реорганизация угольной индустрии может поправить дело, но самоутешение не умаляет значения этого весьма показательного глубочайшего пессимизма на страницах органа правящей партии английской буржуазии...

Причины кризиса.

Каковы же основные причины этого кризиса.

1) Раньше всего—как совершенно правильно отмечается в отчете «депрессия английской экспортной торговли является, главным образом, частью общей депрессии, захватывающей почти все европейские страны, добывающие уголь, депрессии об'ясняемой перевесом предложения над спросом, вызываемым отчасти обеднением клиентов, отчасти развитием новых угольных бассейнов и отчасти растущим применением энергии, заменяющей уголь.

2) Общий кризис сбыта английской промышленности и в частности экспортные затруднения железоделательной промышленности.

Последняя не смогла удержаться на высоком уровне, достигнутом в результате расширения производственного аппарата во

время войны и в период кратковременной высокой кон'юнктуры в 1920 г. Это видно из следующих данных:

Выплавка чугуна и стали в Англии в миллионах тонн.

	1913 г.	1918 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Чугун	10,6	9,2	8,2	2,7	5,0	7,4	7,3	6,3
Сталь	7,8	9,7	9,2	3,8	5,9	8,5	8,2	7,5

3) Рост добычи своего угля и сокращение ввоза английского в некоторых странах.

Так, например, Франция увеличила свою среднюю годовую добычу угля с 38,12 милл. тонн в 1909—13 г.г. до 46,29 млн. тонн в 1925 г. Это, с одной стороны, об'ясняется переоборудованием разрушенных в войне шахт, а с другой, увеличением территории Франции. Одновременно экономика Германии, потерявшей такие угольные районы как Эльзас-Лотарингия, Саарская область и часть В. Силезии в отношении угля показала поразительнейшую приспособляемость. Эти потери она возместила значительным увеличением добычи плохих сортов бурого угля. Ей также удалось освободиться от нависшей над ней угрозы попасть в зависимость от английского угля путем развития теплотехники, в частности процессов экономии топлива. Если исходить из довоенной территории Германии, ее добыча угля (высоких сортов) несколько превысила довоенную (169,4 млн. т. в 1925 г. против средней годовой нормы в 161,68 млн. тонн в 1909—13 г.г.). Бурого угля в 1925 г. добыто почти в два раза больше, чем в 1913 г.: 138 млн. тонн в 1925 г. против 73,60 млн. т. в 1913 г., при чем эта разница в 64,4 млн. тонн в переводе на уголь высоких сортов дает лишних 15 млн. тонн. В результате ввоз английского угля в Германию сократился со средней годовой нормы в 9,4 млн. т. в 1909—13 г.г. до всего лишь 3,4 млн. тонн в 1925 г.

В Италии, имеющей лишь ничтожные залежи угля, английский уголь оказался оттесненным на задний план германским, советским и отчасти американским. Ввоз английского угля упал с 8,7 млн. тонн в 1909—13 г.г. до 6,4 млн. тонн в 1925 г.

Россия до войны ввозила английский уголь в изрядном количестве—4,1 млн. тонн (в докладе эта цифра почему-то отнесена за счет Russia, etc.—Россия и проч.). В 1925 г. эта сумма сократилась на $^3/_4$. Вообще, данные отчета королевских экспертов о СССР довольно противоречивы. В одном месте (стр. 5) они пишут об «экономической разрухе» у нас, но выражают надежду на то, что в близком будущем СССР опять может стать важным рынком для английского угля; в другом же месте (стр. 8) они пишут о возможной конкуренции со стороны СССР, уголь которого стал прокладывать себе путь в Италию, Грецию, Египет, но при этом прибавляют, что продукция СССР «далеко еще отстает от довоенного уровня». Это последнее утверждение не верно.

В нынешнем 1925—26 хозяйственном году наша программа добычи угля намечена в 1.558 млн. пуд., что составляет свыше 90% добычи 1913 г. (1.713 млн. пуд.). А что эта программа имеет все шансы быть выполненной говорит тот факт, что по сообщению из Харькова в «Правде» от 29 апреля с. г. за прошлое

полугодие на крупных шахтах Донугля добыто 434 млн. пуд. угля против 418 млн. п. согласно программе; эта добыча является рекордной за все время революции. Что же касается наших взаимоотношений с Англией в области угля, то действительное положение вещей таково: если через наши южные порты мы вывозили свой уголь, то, по мнению специалистов, нам может оказаться выгоднее через северные (Ленинград—Мурманск) ввозить английский уголь вместо того, чтобы перебрасывать уголь по железной дороге через всю огромную территорию СССР с Донбасса в северные области. На чьей стороне будет перевес— на стороне вывоза или ввоза—покажет будущее.

Южная Америка. На угольном рынке южно-американских государств, прилегающих к Атлантическому берегу, Англия до войны занимала монопольное положение, но после войны она там стала испытывать конкуренцию со стороны Соед. Штатов. Здесь английский ввоз упал с 7,1 млн. т. в среднем в 1909—1913 г.г. до 4,6 млн. т. в 1925 г. (следует, впрочем, отметить, что в последние годы Англии здесь удалось отвоевать часть позиций, захваченных Штатами во время и в первые годы после войны).

Другое обстоятельство, которое следует подчеркнуть—это политическое значение роста добычи угля в английских доминионах (Австралия, Южная Африка). Ю. Африка—читаем мы в отчете комиссии Сэмюэля—увеличила свою годовую добычу с 6¾ миллиона тонн в среднем в 1909—1913 г.г. до 11 милл. тонн в 1925 г. и конкурирует с углем метрополии не только в Суэце, но даже в Индии. На фоне общего роста сепаратистских устремлений в доминионах этот факт приобретает для английского империализма роковое значение.

Общая картина упадка английского угольного экспорта станет ясна из следующей таблицы:

	1909—1913 гг.	1924 г.	1925 г.
	(в миллионах тонн)		
Добыча угля	269,59	267,12	244,42
Экспорт »	88,37	81,75	68,97
Внутреннее потребление угля	181,22	185,37	175,45

Мы видим, таким образом, что внутреннее потребление угля в Англии в 1925 г. не особенно значительно отстает от довоенной нормы и что наиболее ярким выражением угольного кризиса является систематическое падение экспорта угля.

4) Постепенное исчерпание легкодоступного угля. Об этом мы в отчете читаем:

«Великобританская угольная промышленность эксплоатировала свои минеральные рессурсы из поколения в поколение дольше любой страны в мире... Легко-доступный уголь Великобритании давно уже исчерпан. Продукция поддерживается путем разработки глубоких все более и более тонких и труднодоступных пластов. Шахтовладельцы не должны упрекать углекопов, а углекопы шахтовладельцев; их общее счастье (? *М. Т.*) или несчастье—жить в старой стране с угольными шахтами уже пережившими свой расцвет».

Так и чувствуется в этих словах глубокий пессимизм постаревшего, одряхлевшего капитализма, который напрасно мечется в поисках секрета омоложения.

5) Анархия и отсталость индустрии. В этом отношении отчет королевской комиссии, помимо и вопреки воле его авторов, является самым беспощадным обвинительным актом против безобразной хаотичной капиталистической системы, точнее говоря—бессистемности, и прекрасной защитой идеи коммунизма.

Эта часть отчета является классическим документом, который с успехом может быть включен во все наши учебники политграмоты.

Отчет прямо говорит:

«Только в особых случаях можно трактовать угольную промышленность как нечто целое... Отличительной чертой индустрии является ее разнородность. Среди шахт имеется много оставшихся от старых времен и с точки зрения современных условий плохо распланированных. Недостатки отчасти об'ясняются устарелостью наших угольных копей, отчасти частной и раздробленной собственностью (курсив наш. *М. Т.*) в отношении минералов и связанным с этим распланированием копей, отчасти другими причинами. Многие из копей слишком малы по размерам, чтобы быть хорошими об'ектами эксплоатации. Многие страдают недостатками с точки зрения оборудования и управления. С другой стороны, имеется много и прекрасно распланированных, оборудованных, и управляемых копей».

«Методы утилизации угля ненаучны; ⅘ угля, потребляемого страной, сжигается в сыром состоянии; жидкое топливо и ценные производные продукты растрачиваются, а воздух от дыма портится. Изыскания в области методов добывания и потребления угля неудовлетворительны».

«Угольная промышленность во многих местах должна быть тесно связана с некоторыми другими отраслями: газом, электричеством, бездымным топливом, нефтью, химическими продуктами, доменными и коксовыми печами. В отношении этой комбинации начало было сделано, но это не больше, как начало».

«Методы продажи и методы транспорта слишком дороги и не дают удовлетворительных финансовых результатов для шахт и, следовательно, для занятых в них углекопов».

А разве мыслимы лучшие результаты, когда вместо одного центрального органа, который контролировал бы производство и распределение в этой сложнейшей жизненной индустрии, мы имеем целых 1.500 отдельных производственных центров с оравой отдельных правлений и директоров, получающих решеные оклады и целых 17 тысяч органов распределения?! Разве мыслимо радикальное разрешение кризиса при таком хаосе и вавилонском столпотворении?

Отметим еще отягчающие индустрию устарелые средневековые royalties, т.-е. ежегодные взносы промышленности в пользу сиятельных лордов, других титулованных особ и старинных церковных организаций, за которыми суд в XVI веке признал вечные права на недра земли (не на шахты, а абстрактно на недра). Соблюдение этой «славной традиции» обходится промышленности в 6 миллионов фунтов стерл., около 60 миллионов рублей.

6) Вытеснение угля электрической и гидро-электрической энергией. Очень интересные данные по этому вопросу, имеющему колоссальное значение для всей мировой экономики (и, следовательно,—политики) мы находим в статье видного эксперта Д. Броунли в «Фортнайтли Ревью» (март с.г.). Броунли считает, что только радикальная реорганизация всего теплотехнического хозяйства Англии может спасти ее от экономического упадка. Но, несмотря на указание возможности выхода, он так же, как и цитированный выше Лоутон, на будущее смотрит весьма мрачно.

«Больше столетия,—пишет он,—Англия исходила из того основного принципа, что единственным серьезным источником

энергии является сжигание сырого угля и что мы можем снабдить большую часть мира фабрикатами, а также углем, с приличной прибылью уплачивая из доходов за (привозные) пищевые продукты и фактически пренебрегая земледелием».

Но положение,—продолжает эксперт,—в корне изменилось: «Большинство крупных стран теперь выпускает товары своего собственного производства в значительно большей пропорции, и мысль о том, что *Великобритания может быть «мировой фабрикой» в настоящее время просто абсурдна* (курсив наш. *М. Т.*). Что касается угольной промышленности, следует полагать, что экспорт угля не может продолжаться в нынешних размерах и для осторожности мы должны строить наши планы, исходя из того расчета, что он вовсе прекратится».

Важнейшей причиной такого перелома является *начавшаяся революция в мировой технике* в результате все растущего применения гидро-электрической энергии, нефти и жидкого топлива из угля. Мировая добыча нефти за период с довоенного 1913 г. до 1925 г. почти *утроилась* (в 1913 г.—385 млн. баррелей [1]), в 1925 г.—1.055 млн. бар.). Но если запасы нефти постепенно истощаются, то все растущее применение пока еще мало использованной гидро-электрической энергии представляет собой еще более серьезную угрозу для угольной промышленности. В 1920 г. общая энергия, выработанная всеми гидро-электрическими станциями в мире, составляла около 23 миллионов лошадиных сил, в 1923 г.—29 мил. л. с., а к концу 1925 г. по приблизительной оценке—35 милл. л. с., итак—увеличение на $^1/_3$ в течение одного лишь пятилетия. За этот же период мировая добыча угля не двинулась вперед (1920 г.—1.319 млн. тонн; 1925 г.—1.320 млн. тонн).

Исходя из всего этого, эксперт приходит к выводу, что в близком будущем, в связи с переходом к более научным методам и сокращением экспорта, добыча угля в Англии *упадет с 250 млн. тонн до 150 млн. т., что потребует сокращения числа углекопов почти на половину.*

Мы видим, таким образом, что причины кризиса в угольной промышленности носят настолько глубокий и серьезный характер, что о быстром преодолении их не может быть и речи. И совершенно независимо от исхода нынешней борьбы кризис попрежнему останется важнейшим отрицательным фактором в английской экономике, исходной точкой обостренной социальной борьбы и революционизирования пролетариата.

Беспомощность в борьбе с кризисом.

Владельцы. Методы владельцев в борьбе с кризисом очень просты: нужно раньше всего разбить Федерацию углекопов путем переговоров непосредственно с районами. А там уже нетрудно будет сократить зарплату, удлинить рабочий день и выбросить на улицу, ставших излишними углекопов.

Что угольные короли твердо решили бросить углекопов в пропасть нищеты и голода, видно из следующих данных, заимствуемых нами из недавно вышедшей книжки «The Coal Crisis» («Угольный кризис»), изданной профсоюзным рабочим бюро экономических исследований в Лондоне:

[1]) Баррель нефти весить $8^1/_2$ пуд.

Средний дневной заработок углекопа в Южном Уэльсе составлял в августе 1925 г. 10 шиллингов 7,53 пенса (около 5 р. 25 к.). Если бы было проведено первоначальное требование шахтовладельцев, он был бы сокращен до 7 шилл. 8,05 пенса (около 3 р. 80 к.)—*больше чем на четверть.* По отношению же к довоенной зарплате сокращение получится еще более резкое, так как в августе 1925 г. реальная зарплата уже отставала от довоенной: в то время, как стоимость жизни в середине 1925 г. превышала довоенную на 76%, зарплата к этому времени поднялась лишь на 57%. Если еще при этом принять во внимание, что среднее количество дней в месяц, когда предприятие может дать углекопу работу уменьшилось за этот период времени, и что с зарплаты делаются различные вычеты (страховка, инструменты и т. д.), то нетрудно будет себе представить, на какую участь угольные магнаты обрекли своих рабочих. Во многих случаях *номинальная* зарплата, несмотря на быстрый рост дороговизны оказалась бы ниже довоенной. Это видно из следующего примера: в округе Дерхем крепильщик в октябре 1925 г. получал 9 шилл. 11,7 пенсов. Если бы было проведено снижение зарплаты согласно первоначальному плану шахтовладельцев, он стал бы получать всего лишь 6 шилл. 5,31 пенса против 6 шилл. 8,33 пенса в июле 1914 г., или же 11 шилл. 9,38 пенса при прибавке к этой довоенной зарплате 76% на дороговизну. Вот как зарвались вначале шахтовладельцы. И лишь 30 апреля накануне забастовки они «смилостивились», выставив требование: снижение зарплаты «лишь» на 10% в среднем, но увеличение рабочего дня с 7 часов до 8 ч. Это означало бы, *что средняя номинальная зарплата — независимо от удлинения рабочего дня—была бы лишь на 20% больше довоенной при росте дороговизны приблизительно на 70%.*

Неудивительно, что углекопы на это ответили решительным «нет!». Но шахтовладельцы твердо решили итти в бой, если углекопы не подчинятся. Это видно было из статьи о кризисе в органе «деловых кругов» «Экономист» (17 апр.), написанной еще накануне локаута. Указывая на возможность генеральной забастовки в случае выступления углекопов и. ссылаясь на «холодный прием», оказанный рабочими других стран требованию о помощи со стороны английских углекопов, и на неудавшуюся попытку генеральной забастовки в 1921 г., «Экономист», орган английских капиталистов пишет:

«Генеральная забастовка, без сомнения, имела бы серьезные последствия, хотя в свете опыта 1921 г. она весьма проблематична. Одна только угольная забастовка была бы событием серьезным, но не катастрофичным. Но если альтернативой являются дальнейшие взятки из карманов налогоплательщиков (правительственная субсидия промышленности), то *лучше встретиться лицом к лицу с осложнениями теперь*» (курсив наш. *М. Т.*).

И действительно, несмотря на готовность соглашательских лидеров итти на уступки, предприниматели обрушились на углекопов со всей брутальностью. Однако, и в случае неудачи всеобщей забастовки «кровопускание» все равно не разрешит кризиса, ибо владельцы не имеют никакого выдержанного общего конструктивного плана для внутренней реорганизации индустрии даже с их обще-предпринимательской точки зрения. Нет такой

положительной программы и в отношении, так сказать, внешней политики угля—угольного экспорта. Известный угольный магнат и финансист сэр Альфред Монд выступает с планом создания английского синдиката для продажи угля, который вошел бы в соглашение с конкурирующим германским синдикатом для поддержания цен на «соответствующем» уровне и, вероятно, раздела рынков. Вполне возможно, что это выступление является не индивидуальным мнением Монда, а косвенным подтверждением конкретных шагов уже предпринимаемых в этой области. Подготовка такого рода комбинаций, имеющих колоссальное значение для всей мировой экономики, обычно составляет «коммерческую тайну» архи-крупных капиталистов и сведения о ней проникают в печать весьма скупо. Но в весьма компетентной статье в «Франфуртер Цейтунг» (17 фев. с. г.) мы читаем, что вся нынешняя тактика английских шахтовладельцев должна быть рассматриваема как «подготовка англо-германского, европейского или даже мирового угольного картеля на основе контенгирования (установление количественных норм вывоза угля для каждой страны) и раздела рынков. И нынешняя тактика Англии является не чем иным, как борьбой за квоту (количественную норму) в таком международном картеле».

Все это весьма вероятно. Английские угольные бароны, очевидно, стремятся накануне окончательных переговоров с их заграничными коллегами дать толчок экспорту путем ухудшения условий труда горнорабочих и уменьшения издержек производства. Такое увеличение экспорта дало бы им возможность исходить в переговорах из более выгодных для Англии увеличенных норм и требовать оставления их в силе при контенгировании.

Но если даже такой картель и будет создан, то он не разрешит кризиса английского угля. Даже сравнительно выгодная квота не устранит кризиса сбыта, устарелости шахт, анархии, отсутствия смычки со все прогрессирующим применением электрической и гидро-электрической силы и т. д. Мы уже не говорим о том, что квота выгодная для Англии будет невыгодной для Германии, ибо то ничтожное облегчение, которое получит английская промышленность, автоматически повлечет за собой ухудшение в германской. Наконец, искусственное вздувание цен на уголь может вызвать осложнения в тяжелой индустрии. Вообще, даже охватывающий важнейшие страны картель, как уже показал исторический опыт, вряд-ли оказался бы долговечным и способным устранить конкуренцию на мировом рынке. И в этом отношении весьма показателен следующий любопытный факт: обсуждая вопрос о возможности англо-германского угольного картеля, лондонский корреспондент немецкой «Индустри унд Гандельсцейтунг» (23 апр.) язвительно замечает, что апостол англо-германского экономического мира Монд за короткое время до опубликования своего плана картелирования выступил в парламенте с речью, полной нападок на Германию; он же, желая получить у германского фабриканта химических красок некоторые патенты, шантажировал его ссылками на определенные статьи кабального Версальского договора. Таков капиталистический промышленный мир.

К о р о л е в с к а я к о м и с с и я. Политика правительства, накануне конфликта довольно ловко разыгрывавшего свою «трафаретную» роль «честного маклера» между капиталом и трудом, лучше всего отражается в докладе королевской у г о л ь н о й к о м и с с и и.

Несмотря на то, что комиссия сама признает необходимость внесения поправок в способ исчисления прибыли шахтовладельцев в связи с переуступкой ими угля подсобным предприятиям по нарочно сниженной цене, она заявляет, что за последнюю четверть 1925 г. 73% угля было добыто с убытком—цифра явно преувеличенная предпринимателями, разыгрывающими «казанских сирот» в виду переговоров с углекопами.

Исходя из этой цифры комиссия заявляет:

«Если нынешнее рабочее время остается без изменений, то необходим пересмотр «минимальной процентной надбавки к основным ставкам заработной платы, установленной в 1924 г. в период временного расцвета индустрии».

Перекладывая всю тяжесть кризиса, вызванного, по косвенному признанию самой комиссии, анархическим и неумелым хозяйничаньем угольных баронов, на плечи углекопов, комиссия далее возвещает:

«Индустрии угрожает катастрофа. И для того, чтобы спасти ее необходимо немедленное снижение издержек производства, что может быть выполнено таким путем и только таким путем» (т. е. пересмотром надбавок).

Другими словами в наиболее важном вопросе—вопросе зарплаты «беспристрастные эксперты» решительно становятся на сторону угольных королей против рабочих.

И после того, как комиссия в одном месте высказывается как-будто против увеличения рабочего дня, она в конце заключений оставляет лазейку для противоположной постановки вопроса:

«Если бы углекопы добровольно (!*М. Т.*) предпочли некоторое удлинение рабочего времени с меньшим сокращением зарплаты (заметьте, не при оставлении старой зарплаты, а при дальнейшем ее сокращении н а р я д у с удлинением рабочего времени *М. Т.*), то парламент, без сомнения, был бы готов разрешить это).

Еще бы, за этим дело не станет!

То же упорное стремление повредить углекопам, несмотря на жульническую двойственность и изворотливость, так и выпирает из формулировки заключения по другому основному вопросу—о масштабе соглашения. Как уже указывалось, предприниматели самым энергичным образом борются против соглашения с углекопами в общегосударственном масштабе, выдвигая формулу соглашений по районам. Цель этой тактики, о б о й т и Ф е д е р а ц и ю у г л е к о п о в и р а з б и т ь р а б о ч и х п о ч а с т я м, п о р а й о н а м. И вот как комиссия подходит к этому кардинальному вопросу:

«Мы считаем необходимым, чтобы остались в силе з н а ч и т е л ь н ы е (! *М. Т.*) колебания между нормами зарплаты в различных районах. Но мы твердо держимся того мнения, что практика соглашений о зарплате в общегосударственном масштабе, должна остаться в силе. Мы рекомендуем, чтобы представители работодателей и рабочих встретились раньше в общегосударственном масштабе, а п о т о м и п о р а й о н а м (курсив наш. *М. Т.*), чтобы притти к соглашению».

Итак, несмотря на всю кошачью гибкость почтенных «экспертов», ясно становится, что они гнут в сторону районных сделок, в сторону раздробления сил пролетариата угольной промышленности, этой тяжелой артиллерии всего английского рабочего движения.

Но что сказали советники его величества по существу, по вопросу о положении самой индустрии? Здесь мы во многих пунктах видим довольно правильный диагноз болезни, но полнейшую неспособность прописать требуемый рецепт. Как уже указывалось выше комиссия вскрывает всю бессистемность и анархию, царящую в индустрии (1.500 производственных предприятий, 17.000 распределительных, устарелость оборудования, отсутствие научных методов и т. д.). Она даже идет несколько дальше и признает, что «допущение перехода собственности на уголь в частные руки является ошибкой старого времени, которая должна быть исправлена». Это—весьма ценное признание. Но наивно было бы, конечно, верить в искренность этой комиссии банкиров, и чиновников. Единственный способ исправить эту ошибку—национализацию—комиссия решительно отвергает.

«Федерация углекопов предлагает национализацию копей... Мы не рекомендуем принятия такой политики... Мы не могли убедиться в том, что предлагаемая нам схема практична или же дает определенный выигрыш в социальном отношении. Мы видим в ней серьезные экономические опасности и не находим таких преимуществ, которые не могли бы быть достигнуты столь же легко или еще легче другими методами. Мы рекомендуем поэтому продолжение работы индустрии по линии частного предприятия, но делаем ряд предложений в целях его реорганизации».

Итак, «священная» частная собственность остается нерушимой. Пусть гибнет раскромсанная, распыленная индустрия! Пусть понижается и без того низкий жалкий «жизненный стандарт» рабочих. Лишь бы процветала частная собственность!

Далее следует ряд жалких полумер:

«Недра должны быть приобретены государством (очевидно, речь идет лишь о выкупе royalties. *М. Т.*) покупкой там, где они имеют рыночную цену об'явлением государственной собственностью неразработанного угля или же угля на глубоком уровне, который теперь не имеет рынчной цены... Слияние многих нынешних малых предприятий желательно и осуществимо... Следует поощрять более тесную связь угольной промышленности с родственными отраслями промышленности... Потребности страны в топливе, силовой энергии и свете должны находиться под постоянным и широким контролем особого органа, создаваемого для этой цели».

Но о каких-либо производственных, действенно-организующих функциях этого органа—ни слова!

«Существующие ассигновки на изыскательные работы должны быть значительно расширены индустрией при поддержке государства. Значительные финансовые выгоды могут быть достигнуты путем создания кооперативных агентств для продажи».

Далее отчет комиссии высказывается за закрытие истощенных шахт, добавляя в филантропическом стиле, что правительство должно будет заботиться о новом контингенте безработных, который создастся в результате такого сокращения производства. Это благочестивое пожелание тем более любопытно, что одним из первых мероприятий консервативного правительства было сокращение вспомоществования безработным под различными предлогами.

Затем шаблонные пожелания в духе классового сотрудничества:

«Всюду должны быть созданы об'единенные комитеты шахт.

Условия оплаты рабочих занятых не на поверхности должны быть пересмотрены где это возможно с тем, чтобы заинтересовать их в добыче. Система участия в прибылях с распределением среди рабочих акций предприятия должна быть всюду принята в промышленности и получить законную обязательную силу».

Заканчивается отчет в «высоком штиле»:

«Мы сделаем все, что в наших силах для исполнения возложенного на нас тяжкого долга... Все вышеизложенное мы покорно предлагаем благовозрению Вашего Величества».

Не знаем, какие таланты кроются в черепе под короной Великобританской империи, но всякий здравомыслящий человек должен быть поражен полнейшим убожеством мысли и отсутствием всяких перспектив у этих достойных представителей правящего класса старой, дряхлой капиталистической Англии перед лицом кризиса, угрожающего самому ее бытию. Поистине, кризис экономики английской буржуазии повлек за собой кризис в ее мозгу, паралич способностей, некогда одареной верхушки.

Рабочие лидеры. Увы, и присяжные лидеры английского рабочего движения не далеко ушли от этих королевских советников. Это и неудивительно: многие из этих лидеров тоже являются тайными советниками его величества, состоя в придворном совете, в Privy Council. Только компартия в борьбе вокруг угольного кризиса высоко держит революционное знамя, на котором начертаны ясные, выдержанные принципиальные лозунги и радикальные конкретные требования. И малочисленному коммунистическому авангарду английского пролетариата (компартия насчитывает всего лишь около 5 тыс. человек), благодаря правильной ленинской тактике, благодаря умению в специфических английских условиях найти язык, понятный самым широким массам, благодаря упорной усердной «мелкой», «черной» работе в профсоюзах удалось сорганизовать и возглавить движение революционного меньшинства (minority movement) в профсоюзах, насчитывающее в своих рядах около одного миллиона рабочих.

Английские соглашатели правые и «левые» показали себя во всей красе. Их «положительные» меры, предложенные королевской комиссии половинчаты и нерешительны. У них даже не хватило смелости заявить в комиссии дружный протест против безобразных паразитических royalties. В предложениях, представленных экспертам его величества об'единенным комитетом центральных органов профсоюзов, рабочей партии и Федерации углекопов указывается, что по этому вопросу мнения различных организаций, входящих в комитет, расходятся, и только робко отмечается, что Федерация противится принципу компенсации за royalties.

Какая беспринципность, какой позорнейший раскол и идейный разброд перед лицом «экспертов» правящего класса, с одной стороны, перед лицом всего английского пролетариата, с другой!

Еще хуже—в вопросе о национализации шахт. Тут комитет без всяких оговорок признает принцип выкупа, выкупа того, что в течение долгих лет было награблено кучкой паразитов у углекопов. Правда, «национализация» и государственное управление промышленностью, как они мыслятся этими «рабочими вождями», является несколько высшей ступенью с точки зрения организации хозяйства, чем нынешняя анархия. Но не приходится долго доказывать, что переход промышленности в руки нынешнего английского правительства, правительства буржуазии, в интересах буржуазии, все же никак не может принести спасение углекопам. И правы были отчасти угольные магнаты, которые, возражая против «национализации», предлагавшейся соглашательскими лидерами рабочих, доказывали, что на немногих шах-

тах, принадлежащих правительству, положение рабочих отнюдь не лучше, чем на частных. И в самом деле, разница только в том, что, вместо короля угля, углекоп будет иметь своим хозяином его величество короля Соединенного Королевства, приказчика тех же угольных экс-королей, которые за полученные огромные суммы в счет компенсации купят себе трон и корону в железном, нефтяном, банковом или каком-нибудь другом царстве. Английские углекопы в промышленности, «национализированной» по рецепту Макдональдов, Гендерсонов и Сноуденов окажутся в таком же, примерно, положении, как железнодорожники на принадлежащих государству железных дорогах в гинденбурговской Германии или в фашистской Италии—без права забастовок, без свободы классовой борьбы. Вот каковы великие блага макдональдовского «конструктивного социализма».

Но что можно ждать от этих рабочих «вождей», которые как раз в разгар конфликта вместе с епископами и прочими церковниками выпускают обращение, в котором призывают рабочих уповать на милость божию и действовать в духе христианской кротости и миролюбия?.. А мистер Франк Ходжес, секретарь интернационала углекопов, произнес в церкви Христа в Вестминстере речь, в которой слезно умолял шахтовладельцев допустить углекопов к сотрудничеству с ними в деле управления промышленностью, доказывая одновременно рабочим, что добрым поведением следует «рассеять опасения предпринимателей насчет покушения на их исполнительные функции». Далее мистер Ходжес, очевидно, проникнутый к сэру Герберту Сэмюэлю таким же безграничным доверием, как сам король, доказывает, что нужно предоставить угольной комиссии спокойно работать без всякого давления извне. А позже, в самый момент переговоров углекопов с шахтовладельцами, когда требовалась мобилизации всех сил рабочего класса Англии для поддержки углекопов, он выступал с речами, в которых доказывал, что углекопы должны итти на «жертвы»—самое явное предательство. Когда же, несмотря на всю эту трусливость «вождей» и на их готовность продать углекопов, шахтовладельцы все же об'явили локаут, Макдональды и Гендерсоны сделали все возможное, чтобы затормозить небывалое движение солидарности рабочих других отраслей промышленности. А потом, когда правительство пустило в ход против рабочих всю машину репрессий, когда Черчилль вызывающе угрожал совету тред-юнионов, эти джентльмены не нашли ничего лучшего, как проскользнуть в переднюю Черчилля и умолять его приступить к переговорам. И даже, получив неджентльменский пинок от этого достойного представителя английской буржуазии, они попрежнему продолжали ходить на задних лапках перед правительством—и это в момент, когда невиданная в истории Англии боевая социальная сила—пять миллионов рабочих—в дружном революционном порыве выступила на улицу!

Но немногим лучше «левые» лидеры независимой рабочей партии (I. L. P.), этой политической верхушки массовой рабочей партии. Они шумят о «социализме в наше время», национализации копей,—все это «демократическими», «конституционными» мерами,—высказываются даже за «сотрудничество» с Коминтерном в международном масштабе и т. д. Когда же английская компартия обращается к независимым с предложением о едином фронте на почве защиты углекопов и рабочих других индустрий, которые находятся под угрозой наступления предпринимателей, «левые» независимые отклоняют это предложение; в отношении отчета угольной комиссии—та же беспринципность; в отношении международного охвата угольной проблемы—не призыв к об'единенному международному выступлению углекопов, а благословление плана Монда насчет международного картеля угольных баронов. А ведь это пишет один из видных вождей «левых»—Брейлсфорд, в редактируемом им органе независимой рабочей партии «Нью Лидер» (23/IV—26).

Картина неутешительная. Но пятимиллионная стачка, такие исторические факты как движение меньшинства, отпор многочисленных местных организаций рабочей партии попыткам Гендерсонов исключить коммунистов, широкая волна симпатии к заключенным коммунистам, тираж органа молодой компартии «Воркерс Викли», в два раза превышающий тираж «Нью Лидер»,— все эти исторические симптомы с неопровержимостью доказывают, что Ходжесы и вкупе с ними «левые» Брейлсфорды постепенно теряют влияние на массы под напором новых революционных веяний, носительницей которых является молодая английская секция Коммунистического Интернационала.

Выводы.

Какие же выводы вытекают из создавшегося в угольной промышленности положения?

Угольная промышленность, фундамент всего огромного векового здания английской экономики, пришел в ветхость, угрожающую ему крушением. Весь фундамент должен быть перестроен — угольная промышленность должна быть радикально реорганизована. А для этого вся английская экономика должна проделать новую техническую революцию, подобную той, какую проделало английское хозяйство столетие тому назад в связи с изобретением паровой машины. Теперь этими могучими революционизирующими рычагами должна стать электрическая и гидроэлектрическая энергия и новые химические тепловые процессы.

Совершенно прав спец английской рабочей партии по вопросам экономики экс-министр финансов «рабочего правительства», пресловутый Филипп Сноудэн, который говорил в своей речи в Бромли 16 апреля о назревшей «новой технической революции» в Англии.

И вот встает вопрос, окажется ли в состоянии нынешний правящий класс Англии быть носителем этого нового прогрессивного технического переворота.

Мистер Сноудэн, конечно, твердо убежден в этом: «Некоторые из моих друзей социалистов (намек на левое крыло независимой рабочей партии. *М. Т.*) говорят, что капитализм отжил свой век. Я с этим не согласен... Мы вступаем теперь в новую эру электричества и химии; дальновидные капиталисты это видят, и они предпринимают новые шаги, чтобы сделать своей собственностью и эксплоатировать эти новые силы, и если это им удастся, то капиталистический строй получит новый, еще более сильный приток жизненных сил».

Эта вера в вечную жизнь своих добрых хозяев не мешает, однако, королевскому «рабочему» министру для очистки совести, тут же признать, что «не может быть прочного соглашения в угольной промышленности, пока она остается в частных руках» и что раньше или позже шахты должны быть приспособлены к выработке электрической энергии, при чем это должно итти на пользу всему обществу. «Вот что мы называем социализмом», говорит Сноуден. Но социализм тут лишь для красного словца; будучи министром финансов его величества, Сноудэн *на деле* показал, что питает самые благонамеренные чувства к капитализму—недаром от его бюджета буржуазная печать прямо-таки приходила в восторг.

И неудивительно, что в оценке перспектив дальнейшего развития английского капитализма точка зрения представителя II Интернационала Сноудена сходится с точкой зрения председателя центральной организации английских крупных капиталистов, Федерации Британской Индустрии, В. Виллей. Последний на годичной конференции Федерации в Лондоне 19 марта произнес речь, в которой так же, как Сноудэн, доказывал, что английский капитализм сможет справиться с задачей перевода промышленности на рельсы новой улучшенной техники и рационализации производства и распределения.

Однако, Сноудэн в своей горячей вере в творческие силы капитализма упустил из виду одну «мелочь», о которой не забыл тертый делец Виллей; он упустил из виду следующую «деталь»: *если даже английскому капитализму удастся кое-как приступить к реорганизации промышленности, то переходный период будет сопряжен с дальнейшим обострением и углублением нынешнего кризиса, что, в свою очередь, в небывалом масштабе обострит уже зашедшую довольно далеко классовую борьбу и введет буржуазную Англию в полосу революционных потрясений.*

«Переходный период,—вынужден признать упомянутый представитель английской буржуазии,—будет весьма критическим для страны, тем более критическим, что британская индустрия имеет ненормально жесткую и негибкую структуру и что традиционный индивидуализм британского характера (читай: британской буржуазии. *М. Т.*) идет вразрез с тенденцией коллективного решения».

Все это в общем верно. Но Виллей говорит только намеками и умалчивает о политических последствиях этого «весьма критического периода». Ведь это не просто вдобавок к нынешнему миллиону безработных выбросить на улицу еще миллион-другой. Ведь английской буржуазии, теряющей свои позиции в колониях, доминионах и на мировом рынке, все труднее и труднее становится расходовать из сокращающейся колониальной сверхприбыли десятки и сотни миллионов фунтов стерлингов на субсидии безработным: это—дорого стоящее средство против революции. Ведь правительство консерваторов уже оказалось вынужденным сократить эти субсидии—эту страховку против революции. А что же будет при дальнейшем ускоренном росте безработицы вследствие попытки рационализации индустрии?..

Грядущий кризис будет тем более глубоким и затяжным, что буржуазия не способна планомерно проводить рационализацию. Лучшим тому доказательством служит беспринципный и бесцветный доклад угольной комиссии, который упомянутый Лоутон называет «трафаретным документом, не дающим никакого решения наиболее серьезной проблемы в истории Англии». И любопытно—даже в речи Виллей мы наталкиваемся на такие заявления, которые свидетельствуют о «борьбе двух душ» в его груди: с одной стороны, он, как всякий капиталист,—узкий индивидуалист, враг коллективизма; с другой стороны, он в качестве председателя «генерального штаба» английских промышленников, не имеющего никакого отношения к управлению промышленностью, инстинктивно чувствует, что нельзя в нынешние времена управлять промышленностью без единого руководящего центра, что разнобою и хаосу должен быть положен конец. Вот почему он жалуется на то, что «не существует центрального общегосударственного органа, который мог бы исполнять функции экономического генерального штаба», и даже говорит о все растущей необходимости «коллективной организации индустрии». Но английский революционный пролетариат, умудренный опытом кризиса английского капитализма и великих успехов социалистического строительства в СССР, ответит почтенному председателю союза английских капиталистов:

— *Да, разумная, стройная коллективизация и централизация необходима, экономичеикий генеральный штаб необходим. Но вы, господа, показали себя никудышными «капитанами индустрии». Если нужен генеральный план, коллективизация, то при чем тут вы, вы с вашей конкуренцией, бессистемностью и полнейшей анархией? Прочь с дороги! Дорогу организатору нового, планового, гармоничного экономического и общественного строя! Дорогу коммунизму*[1])!

[1]) Статья написана до распоряжения Генерального Совета о прекращении забастовки.

И. Боговой.

Перевыборы советов в деревне и расширение демократии.

Предстоящие перевыборы советов должны закрепить достижения в деле оживления советов и послужить средством сплочения широких масс рабочих и крестьян вокруг партии—такова была основная директива ЦК нашей партии перед началом заканчивающейся ныне перевыборной кампании. Кампания перевыборов советов—кампания первостепенного политического значения—является в нашей советской стране ежегодной генеральной проверкой работы наших местных организаций, проверкой настроения широких масс трудящихся, отношения их к партии и советской власти. Перевыборы советов в деревне в основном подходят к концу, и хотя у нас нет еще полных (изученных и обобщенных) материалов кампании, но уже и теперь возможно и необходимо отметить некоторые, отчетливо выявившиеся моменты и обратить на них внимание партии.

Перевыборная кампания в деревне в этом году проходила в несколько иной обстановке, чем в прошлые годы. Бурный рост всего народного хозяйства за последний год, сильное движение вперед сельского хозяйства и мероприятия партии в области создания благоприятных условий для хозяйственной инициативы крестьянства—усилили темп роста хозяйственной и политической активности всех слоев деревни. Благодаря тому, что «решения партии (XIV партконференция и XIV партс'езд) о кооперативном строительстве в деревне не вполне еще восприняты и недостаточно проводятся в жизнь кооперативными и партийными организациями» [1])—кооперация все еще слаба и не занимает того места в деревне, которое она должна занимать. Это, естественно, отражается на темпе расслоения, на роли капиталистических элементов в крестьянском хозяйстве. Значительно оживившие свою работу местные советы начинают уже играть роль настоящего хозяина в деревне и отсюда стремление кулацкой части деревни, если не забраться в совет, то подчинить его своему влиянию с тем, чтобы «законным» способом обходить советские законы, мешающие развитию и укреплению капиталистических элементов в деревне. Повышенный платежеспособный спрос, явившийся результатом хорошего урожая прошлого года и высоких цен на продукты сельского хозяйства, с одной стороны, и острый недостаток промышленных товаров и высокие розничные цены на них—с другой, являются также новым моментом в деревне.

[1]) Резолюция пленума ЦК ВПК (б) «О хозяйственном положении и хозяйственной политике» (апрель 1926 года).

Вот в основном тот фон, на котором проходила перевыборная кампания.

К перевыборам советов в деревне в этом году мы подошли с большей организованностью, чем это было в прошлые годы. Предварительная широкая отчетная кампания, в которой наряду с отчетом о проделанной тем или иным советом или исполкомом работе освещались и предстоящие задачи в области советского строительства вообще и особенно предстоящие задачи в своем районе, в своей волости, несмотря на ряд недочетов, несомненно, оправдала себя. Предвыборная отчетная кампания, разбивка на мелкие избирательные участки, вызов на собрания именными персональными повестками,—все это способствовало привлечению большего количества избирателей. Правда, и в этом году процент избирателей, уклонившихся от участия в выборах, все еще очень большой, но если принять во внимание бытовые и иные условия, то следует признать, что значительный шаг вперед в этом отношении мы сделали. Перевыборы показали также несомненное укрепление деревенских партийных организаций. Той растерянности, которая наблюдалась в очень многих районах на весенних повторных выборах прошлого года, уже нет. Конечно, в отдельных случаях указание о необходимости отказа от командования, от нажима, от работы одним администрированием истолковывалось как отказ от партийного руководства кампанией, но эти случаи не типичны.

«Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах»,—писал в 1919 году В. И. Ленин (том XVII, стр. 240). Какие же формы имеет классовая борьба в деревне в настоящее время? Ответ на этот вопрос дает резолюция XIV партийного с'езда по отчету Центрального Комитета: «Одной из основных форм классовой борьбы в настоящее время является борьба между капиталистическими и социалистическими элементами хозяйства, борьба между буржуазией и пролетариатом за овладение основной массой крестьянства. Эта борьба находит и свое политическое выражение, главным образом, в попытках кулацких элементов деревни овладеть середняцкими слоями и подчинить таким образом советы своему влиянию». В кампании перевыборов советов эта основная форма классовой борьбы нашла свое наиболее яркое выражение. Борьба за середняка, борьба за центральную фигуру нашего земледелия, борьба за советы была ожесточенная. Именно борьба. Некоторые товарищи испугались этого слова. Когда в «Правде» начали появляться корреспонденции под заголовками «Борьба за советы», «Борьба за середняка»—один коммунист, работающий в очень высоком советском учреждении, прислал статью, в которой удивленно разводил руками—как это, дескать, у нас на девятом году революции и советской власти можно еще говорить о борьбе за советы; лозунг, мол, сей как-будто пахнет стариной. Да, была борьба и борьба упорная. На большинстве участков этого фронта победителем вышла партия. Но не везде. Имеются и такие участки, где победа досталась капиталистической кулацкой прослойке деревни. Интересно проследить формы этой борьбы и роль в ней отдельных прослоек деревни.

По общему единодушному признанию—центральной фигурой на выборах был середняк. За счет активности середняка необходимо отнести увеличение числа избирателей, явившихся на пере-

выборные и выборные собрания, деловое обсуждение работы советов и исполкомов, дельные наказы новым советам и т. д. Партия совершенно правильно все время подчеркивает необходимость тесного союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком. И именно благодаря работе партии эта основная сила в деревне в настоящее время в большинстве своем пошла на перевыборах за партией. А если бы партия не вела этой работы, если бы середняк был предоставлен сам себе, то ясное дело, что участков, на которых мы потерпели поражение, было бы значительно больше. Активность деревенской бедноты также значительно повысилась, но беднота все еще слаба и самостоятельной активной силы на перевыборах не представляла; среди бедноты до сих пор еще имеется значительная прослойка, живущая иждивенческими настроениями, не верящая в свои собственные силы, в возможность хозяйственно подняться на ноги. Об'ясняется это отчасти тем, что к практическому осуществлению решений октябрьского (1925 года) пленума Центрального Комитета и XIV партконференции по вопросу о работе среди бедноты мы более или менее вплотную подошли только теперь, во время перевыборной кампании. И, несмотря на ряд ошибок, мы имеем значительные достижения в этой области (по преимуществу пока по линии проведения в совет дельных работников из бедняцко-середняцкой среды). Обращает на себя внимание слабое участие в кампании батрачества. Несомненно, это говорит и о слабости нашей работы среди батраков. Эксплоататорские тенденции кулака, несомненно, усилились, а мы на организацию батраков, на защиту их прав обращаем недостаточное внимание. Вполне своевременным является постановление последнего пленума Центрального Комитета, говорящее, что «перед партией, в частности, стоит задача тщательного изучения опыта применения найма рабочей силы в деревне, развития арендных отношений и выработки мер по урегулированию практики труда и наемных отношений, в целях ограничения эксплоататорских стремлений кулачества и защиты интересов бедноты».

Кулак был активен, но борьба методами «прямого действия» происходила в небольшом количестве районов. Большей частью имели место случаи использования отдельных середняков и бедняков, подпаивание, угрозы и т. д.

Нельзя сказать, что во время этой борьбы за советы, даже руководящие органы занимали всегда правильные позиции. Дело в том, что избирательные права, а, следовательно, и вполне законная возможность активного участия на выборных собраниях была дана тем, кто этих прав, согласно нашей конституции, иметь не должен. Инструкция о выборах городских и сельских советов и о созыве с'ездов советов, утвержденная Президиумом ВЦИК 13 октября 1925 года, открывала возможность этого. В статье 69 нашей конституции (конституции РСФСР) говорится, что у нас не избирают и не могут быть избраны: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков, для которых это занятие является профессией; д) служащие и агенты бывшей полиции, отдельного корпуса жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, а также лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок». А в инструкции о перевыборах в статье 18 мы читаем, что нижеследующие категории лиц не лишаются избирательных прав: «а) лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в том случае, если применение наемного труда происходит в соответствии с правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах; б) владельцы и арендаторы мельниц, просорушек, маслобоен, кузниц и т. п. предприятий и вообще все кустари и ремесленники, имеющие не более одного постоянного взрослого рабочего или двух учеников, если они лично участвуют в работах; в) лица, получающие проценты с вкладов и облигаций государственных, коммунальных и кооперативных займов, если они не подпадают под действие других оснований, предусмотренных ст. 69 конституции РСФСР; г) лица, выбирающие патент 1-го разряда (торгующие в разнос), если они не подходят под действие других оснований, предусмотренных ст. 69 конституции РСФСР; д) члены семей лиц, лишенных избирательного права по пунктам а, б, в, г статьи 69 конституции РСФСР, если они материально не зависят от лиц, лишенных избирательных прав по своей профессии». И дальше, в ст. 19: «лица, принявшие по договору церковь или церковное имущество, состоящие членами церковно-приходских советов или общин и выполняющие другие по культу обязанности, как, например, председателя церковно-приходского совета или общины, регента, пономаря, органиста и т. д., не лишаются избирательного права. Псаломщики, канторы, муэдзины и т. п. вспомогательный персонал лишаются избирательных прав лишь в том случае, если основным источником их существования является доход от исполнения религиозных обрядов».

Получилось так, что инструкция пошла дальше конституции, расширила ее в части предоставления избирательных прав. Ленин не раз говорил о том, что мы будем в будущем распространять советскую конституцию на все население. Но вопрос заключается в том, в какое время, когда это надо делать. 9 июня 1925 года тов. И. Сталин в своей речи в Свердловском университете, говоря о том, что политика партии по отношению к крестьянству «некоторыми товарищами истолковывается, как расширение демократии для крестьянства и изменение характера власти в стране», заявлял, что, конечно, мы фактически демократию в деревне расширяем и это является уступкой крестьянству, но эта уступка ни в коей мере не меняет характера власти в стране, и «она ни на иоту не меняет нашу конституцию», что эти уступки не вносят изменения в систему диктатуры пролетариата в смысле ее ослабления. Указав на то, что уступки укладываются в рамки решений XIV партконференции и III с'езда советов Союза ССР, тов. Сталин говорит: «Но это еще не значит, что они (рамки. *И. Б.*) останутся незыблемыми навеки. Наоборот, они, несомненно, будут расширяться по мере роста нашего народного хозяйства, по мере укрепления хозяйственной и политической мощи пролетариата, по мере развития революционного движения на Западе и Востоке,

по мере усиления международных позиций советского государства. Ленин говорил в 1918 г. о необходимости «распространения советской конституции, по мере прекращения сопротивления эксплоататоров, на все население». Речь идет здесь, как видите, о распространении конституции на в с е население, в том числе и на буржуазию. Это было сказано в марте 1918 года. С того времени до смерти Ленина прошло больше пяти лет. Однако, Ленин ни разу не упомянул за этот период о своевременности проведения в жизнь этого положения. Почему? Потому, что не пришло еще время для такого расширения. Но что оно придет когда-либо, когда внутренние и международные позиции советского государства укрепятся окончательно, в этом не может быть никакого сомнения. Вот почему мы, предвидя дальнейшее расширение демократии в будущем, считаем, однако, необходимым ограничить в данный момент уступки по линии демократии рамками, очерченными XIV конференцией ВКП и III с'ездом советов СССР».

Это было сказано, повторяем, 9 июня 1925 года. Тов. Сталин говорил от имени партии. Никто не сказал о том, что у партии, у ее Центрального Комитета иная точка зрения на этот вопрос. Наоборот, постановления XIV партийного с'езда и ряда последних пленумов ЦК подтверждают правильность именно такой точки зрения. Инструкция же о выборах советов утверждена 13 октября 1925 года, т.-е. через четыре месяца и четыре дня— и эта инструкция несколько перешла грани партийных решений.

Что же произошло на местах? А вот что. В Вотской автономной области некоторые у е з д н ы е избирательные комиссии сами предоставляли избирательные права лицам, раньше этих прав не имевшим. Один из районных исполкомов Тульской губернии возбуждает перед губернской избирательной комиссией ходатайство о предоставлении избирательных прав 51 гражданину (всего по волости лишенных избирательного права 112 человек), при чем в число этих 51 входят: 29 быв. служащих полиции и 1 священник. По всему Тюменскому району лишено права голоса 0,4% общего числа населения избирательного возраста. Центральный Комитет по докладу Кубанской организации устанавливает, что «было допущено явно неправильное расширение избирательных прав (лишенных избирательных прав только 1,4%) на категории избирателей, не имеющих этого права по советской конституции (некоторая часть кулачества, торговцы, бывш. белогвардейские элементы не восстановленные в избирательных правах)». Интересную иллюстрацию к тому, что получилось в некоторых районах с проведением на практике «расширения демократии», приводит корреспондент «Правды» Тих. Холодный.

...В станице Черниговской получили право голоса крупные табачные плантаторы—Аведесьян, Чахорьян, Попандопуло и др. В станице Пшехской—тоже. В Ханской—тоже. Кто они эти «кустари», восстановленные в правах? Каждый из них, засевая от 10 до 18 десятин табаком и не работая на своих полях лично, имел от 30—40 до 80—120 длительно-сезонных рабочих.

— Но как же их лишать голоса, когда все они состоят в союзе?—оправдываются местные товарищи.

Какой же эффект произвела подобная «политика» на трудовое население и в первую очередь на бедноту? Эффект печальный. Беднота с'ежилась, беднота не рискнула даже пойти на выборы в тех участках, где живут табаководы, шедшие в списках. И оно понятно: если где беднота особенно зависит от кулака, так это в Майкопском округе, разводящем табаки. Тысячи паучьих нитей опутывают тут бедняка: кредит, авансы, займы и т. д. заставляют его «смотреть из рук» крупных плантаторов. Вот почему было политической ошибкой майкопских товарищей предоставить избирательные права явным эксплоататорам, и эту ошибку необходимо исправить.

Устанавливая право аренды, узаконивая наемный труд в крестьянском хозяйстве и проводя ряд других мероприятий, направленных к созданию условий для более быстрого поднятия производительных сил деревни, партия не намерена делать никаких уступок по линии политической, т. к. наша советская конституция полностью обслуживает и защищает права всех трудящихся. «Руководствуясь интересами трудящихся, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции»— записано у нас в статье 14 конституции. И записано не для того, чтобы только быть на бумаге, а для того, чтобы твердо и неуклонно проводить в жизнь. Могут на все это возразить, что, дескать, это места неверно поняли инструкцию, а она делает упор на предоставление избирательных прав категории лиц, которая пользуется наемным трудом в соответствии с правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах. А о чем говорят эти правила? В постановлении Совнаркома от 18 апреля 1925 года говорится: «Настоящие временные правила распространяются на крестьянские хозяйства, в которых наемный труд является подсобным». В инструкции к временным правилам, утвержденной 24 июля 1925 года, этот термин немного расшифровывается: «Действие «временных правил» распространяется на крестьянские хозяйства как на землях трудового пользования, так и на арендованных, ведение хозяйства которых основано на личном труде домохозяина и членов его семьи, а применение наемного труда носит лишь подсобный характер». Имея в виду, что в нашей практике почти никогда не лишался избирательных прав середняк, прибегающий к наемному труду в сезоны сельско-хозяйственных работ, очевидно, что инструкция о перевыборах советов идет по линии предоставления избирательных прав той группе, которая хотя и может с натяжкой быть подведена под рубрику пользующихся наемным трудом в качестве труда подсобного, но уже имеет немало и элементов эксплоатации.

В заключение несколько слов о деревенской интеллигенции. Вместе с общим ростом политической активности, несомненно, возросла политическая активность и деревенской интеллигенции, особенно учительства. Учительство и отчасти агрономические работники принимали активное участие как в предвыборной кампании, так и на самих выборах. Процент деревенской интеллигенции, избранной в советы, сильно возрос. Хорошо ли это? Конечно, хорошо. Хорошо то, что новые пласты культурных работников села приобщаются к активной советской работе. Но здесь необходимо видеть и обратную сторону. А обратная сторона заключается в следующем. Несомненно, что абсолютное большинство учительства в настоящее время идет за партией, за советской властью. Это факт, который никто, пожалуй, оспаривать не будет. Но, привлекая учительство, агрономических

работников и других деревенских интеллигентов на свою сторону, мы чрезвычайно мало делаем в деле политического воспитания этих групп. И поэтому сплошь и рядом они воспринимают наши лозунги, наши директивы внешне, не могут до конца осмыслить и переварить их, и так как окружающая среда этому мало способствует, то проведение в жизнь наших лозунгов и наших директив иногда идет совсем не по тому руслу, которое нам надо. Вот на эту-то сторону вопроса должно быть обращено соответствующее внимание наших партийных организаций. Необходимость усиления политического воспитания идущих за нами групп деревенской интеллигенции становится очевидной для всех.

А. Стецкий.

Выход из затруднений или обострение затруднений?

Переживаемые нами теперь хозяйственные затруднения носят особый характер: в основе их отчасти лежат причины общего и длительного порядка; они совпадают с окончанием восстановительного процесса и переходом к новому строительству; они встали перед нами в момент, когда партия поставила перед собой задачу осуществления индустриализации страны. Самое обсуждение вопросов преодоления хозяйственных затруднений связывается с обсуждением больших генеральных линий экономической политики.

Все это придает обсуждению этих вопросов особый, отнюдь не только злободневный, интерес. Мы находимся в сложной ситуации; мы переступаем некоторую межу в нашем движении к социализму; перед нами встают большие проблемы хозяйственной политики.

Необходимо дать себе ясный отчет в теперешней обстановке, в задачах, выдвигаемых обстановкой, в том, как методы преодоления хозяйственных затруднений сочетать с основными линиями нашей политики.

Это тем более необходимо сделать, что за последнее время имеется ряд выступлений, которые нельзя иначе рассматривать, как попытку в связи с хозяйственными затруднениями пересмотреть основные принципы нашей экономической политики и, под флагом ее выпрямления и исправления, фактически сломать основные линии этой политики.

К числу этих выступлений относятся и статьи т.т. Преображенского и Оссовского, помещенные в №№ 6 и 7—8 «Большевика». В них много общего. И т. Преображенский и т. Оссовский исходят из одних и тех же предпосылок, оба они отрицательно относятся к тому хозяйственному курсу партии, который был взят против оппозиционеров 1923 г.; оба они считают, что этот курс привел нас к теперешним хозяйственным затруднениям. По существу много общего содержится и в их предложениях относительно дальнейшей политики.

Разница лишь та, что т. Оссовский идет до конца там, где т. Преображенский останавливается на полдороге, что он договаривает то, что у т. Преображенского скрыто за «фигурой умолчания».

В общем же оба автора рассматривают вопрос о преодолении хозяйственных затруднений и осуществлении индустриализации, исходя из теории так называемого «первоначального социалистического накопления», изобретенной т. Преображенским и вызвавшей дружный отпор со стороны большинства партии.

* * *

Прежде всего относительно причин хозяйственных затруднений. В этом отношении у обоих авторов наблюдается стремление свести все дело целиком к диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

В том, что у нас имеется эта диспропорция, не может быть спору.

Несмотря на то, что и продукция сельского хозяйства и промышленности находятся на одинаковом уровне, что в настоящее время нам удалось достигнуть того же соотношения между продукцией сельского хозяйства и промышленности, что было до войны, спрос на промтовары значительно превышает их предложение. Причины этого нарушения равновесия лежат, как это правильно формулирует тов. Преображенский, в перераспределении доходов внутри страны в результате Октябрьской революции.

Налоговое бремя для крестьянства облегчено. Платежи помещикам ликвидированы вместе с ликвидацией помещечьего землевладения. Вследствие этого в Советском Союзе значительно меньшая, чем в дореволюционной России, часть товарной продукции в деревне идет на принудительные продажи без эквивалента. Эта часть товарной продукции деревни, служившая раньше источником доходов помещиков и бюрократии, доходов, тратившихся отчасти за границей, а отчасти уходивших на оплату импорта предметов личного потребления, шедшая на покрытие иностранных займов и процентов по ним, теперь является источником увеличения дохода крестьянства, источником дополнительного спроса со стороны крестьянства на промтовары.

«Меньше берет государство на непроизводительные цели, меньше идет непроизводительным классам, в той части, которая растрачивалась за границей или путем потребительского импорта из-за границы, ничего не идет на уплату по иностранной задолженности и ничего—в качестве прибыли на иностранный капитал, вложенный в нашу промышленность. Если сложить все перечисленные нами суммы, то они—минус возросшее потребление в натуральной форме, составят фонд увеличившегося в результате Октября дополнительного платежеспособного спроса»...

...«Этот добавочный спрос действует и будет действовать так же, как если бы, допустим, перед войной к царской России была присоединена новая обширная аграрная территория, пред'явившая дополнительный спрос на продукты тогдашней промышленности» [1].

В общем эта формулировка нарушения равновесия между сельским хозяйством и промышленностью правильна и не подлежит сомнению. Следует лишь заметить, что в этой формулировке т. Преображенский не выдерживает строго выставленного им самим положения о необходимости отличать перераспределение спроса внутри страны от повышения этого спроса.

В результате революции мы имеем перераспределение спроса внутри страны: тот спрос, который пред'являлся раньше помещиками, и часть спроса, пред'являвшаяся со стороны госаппарата, он теперь исходит со стороны крестьянства, становится

[1] Преображенский. «Экономические заметки». «Правда» 15 декабря 1925 года.

крестьянским спросом. Но спрос внутри страны увеличился, лишь, как устанавливает сам т. Преображенский, в мере «ликвидации той части этих доходов, которая затрачивалась за пределами страны, либо внутри страны, но за счет импорта предметов потребления из-за границы».

Поэтому неправильно выставлять в качестве условия увеличения спроса, как то, что «меньше берет государство на непроизводительные цели», так как на соответствующую сумму госаппарат пред'являл спрос как за границей, так и внутри страны,—так и то, что «ничего не идет на оплату иностранной задолженности», ибо этой оплате предшествовал импорт капиталов, создававший спрос внутри страны. Следовательно, эти два момента не влияют на увеличение внутреннего спроса, обращенного к нашей промышленности.

Но в общем повторяю, этот анализ причин нарушения равновесия между спросом на промтовары и их предложением не может вызывать возражений.

Никак нельзя однако согласиться с попытками «вывести» все наши хозяйственные затруднения из этой диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

В чем выражаются эти затруднения? Они выражаются в наблюдавшемся до последнего времени общем росте цен как сельско-хозяйственных, так и промышленных (особенно розничных), в колебаниях нашей валюты, в несоответствии импорта экспорту, в несоответствии развертывания промышленности, имевшимся в ее распоряжении рессурсам, в несоответствии между ростом зарплаты и ростом производительности труда, не говоря уже о несоответствии между продукцией топливной промышленности и потребностями других отраслей и недостаточном, по сравнению с потребностями народного хозяйства, развитии транспорта.

Беглый перечень этих хозяйственных затруднений показывает, каким недопустимым, грубым упрощенством, искажающим действительную картину нашей хозяйственной обстановки, является подобное «сведение» всех затруднений к диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

Разве диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью можно об'яснить, почему колеблется червонец, почему понизилась несколько его покупательная сила?

Если бы все дело было в диспропорции, то на ряду с повышением цен промтоваров должно было бы наблюдаться понижение цен сельхозпродуктов. Но покупательная сила денег по отношению ко всем товарам оставалась бы той же самой. А у нас наблюдался общий рост цен и колебания червонца.

Диспропорцией нельзя об'яснить и затруднений в области внешней торговли, вытекающих из того, что мы начали осуществлять раздутый импортный план в надежде на проблематичный, оказавшийся несоответствующим нашим рессурсам, экспортный план. Наконец, исходя из диспропорции, нельзя об'яснить и затруднений в области промышленности.

При анализе этих затруднений необходимо иметь в виду наш осенний «просчет». Без этого нельзя понять сложившейся обстановки и нельзя нащупать правильные методы преодоления хозяйственных затруднений.

На это обстоятельство я указывал в своей статье «Хозяйственные затруднения» («Правда» от 6/II—26 г.), которая подверглась

критике т. Оссовского и т. Преображенского. Это обстоятельство подчеркивается и в принятой апрельским пленумом ЦК резолюции о хозяйственном положении.

В чем сказался этот просчет? В том, что мы составили такие хозяйственные планы, дали такой размах хозяйственному строительству, которые не отвечали имевшимся в стране ресурсам. Был составлен на основе преувеличенной оценки хлебных излишков план хлебозаготовок на 800 милл. пудов. В соответствии с этим планом хлебозаготовок и преувеличенной оценкой развертывания товарооборота были определены эмиссионные возможности и составлен кредитный план; им соответствовал экспортный план свыше чем на миллиард рублей и импортный план, выражавшийся почти такой же цифрой; наконец, в тесной связи с этими планами, преувеличенной оценкой хлебозаготовок, возможной эмиссией и импортом составлялись промышленные планы и определены капитальные затраты.

Следует далее заметить, что большой план хлебозаготовок и хлебоэкспорта предполагалось на 60% выполнить к 1 января.

Но товарные излишки хлеба оказались значительно меньше того, что мы предполагали. Фактические хлебозаготовки также оказались ниже предположений. Форсирование их, притом исходившее из преувеличенных планов и базировавшееся на неограниченном кредитовании, привело к росту хлебных цен: осенью этого урожайного года цены оказались значительно выше, чем осенью прошлого неурожайного года [1]).

Совершенно очевидно, что это обстоятельство само по себе должно было обострить товарный голод, обострить диспропорцию, чего никак не хотят заметить ни тов. Преображенский, ни тов. Оссовский. Повышение хлебных цен и быстрый темп реализации хлеба дали возможность крестьянству в свою очередь пред'явить повышенный спрос на промтовары, повлекший за собой и скачок промышленных цен.

Таковы обстоятельства, которые вызвали общее повышение цен или, другими словами, повлекли за собой некоторое понижение внутреннего курса червонца. Вместо того, чтобы анализировать эти обстоятельства, поставить их в связь с нашим просчетом, со всей нашей установкой осенью, т. Преображенский ограничивается замечаниями насчет того, что «в частном хозяйстве начался рост цен» и насчет ошибки НКФ в размерах эмиссии.

О причинах этой «сдержанности» в суждении о нашем осеннем маневрировании поговорим дальше; уроков этого маневрирования т. Преображенский не хочет касаться потому, что они бьют прежде всего по его системе.

Итак, хлебозаготовки оказались ниже того, что предполагалось по плану. В соответствии с этим размеры товарооборота и экспорта точно так же оказались ниже предположенных.

Но эмиссия была произведена в расчете на большее развитие товарооборота: нами осуществлялся большой импортный план в расчете на большой экспортный план. Развертывание промышленности было начато в расчете на большие возможности импорта оборудования и сырья, расширения кредитования и пр. В результате осуществления преувеличенных планов и получился ряд своеобразных «диспропорций», которые на ряду с основной диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью характеризовали и характеризуют в значительной мере теперь наше положение; это—несоответствие между денежной массой и потребностями товарооборота, между импортом и экспортом, между развертыванием некоторых отраслей промышленности и сырьевыми и др. возможностями и т. д.

1) Средневзвешенные заготовительные цены «Хлебопродукта» за период август—ноябрь дают следующую картину:

	1924 г.	1925 г.
Рожь	66	83
Пшеница	94	124
Овес	68	74
Ячмень	64	67

* * *

Таким образом, причины хозяйственных затруднений могут быть формулированы следующим образом: на ряду с основной диспропорцией между сельским хозяйством и промышленностью, которая создалась вследствие увеличения внутреннего платежеспособного спроса в результате революции, здесь значительную роль сыграл осенний просчет—ошибка в темпе развертывания, которая нами была совершена при общем правильном курсе нашей политики.

У т.т. Преображенского и Оссовского, однако, дело выглядит иначе. Они сосредоточивают все внимание на анализе диспропорции, чтобы затем об'явить, что хозяйственные затруднения являются результатом именно основного экономического курса партии, курса на смычку промышленности с крестьянским хозяйством, на понижение промышленных цен, на ликвидацию ножниц, курса исходящего из того, что в интересах прежде всего самой промышленности необходимо обеспечение под'ема сельского хозяйства.

Делается это при помощи несложного фокуса. Сначала, как мы видим, тов. Преображенский устанавливает, что товарный голод, обусловливающий, по его мнению, и другие затруднения, является следствием повышения внутреннего платежеспособного и, прежде всего, крестьянского, спроса в результате революции. А затем предлагается ряд следующих «умозаключений»: если спрос превышает предложение, то это, с другой стороны, значит, что промышленность производит недостаточно для удовлетворения этого спроса. Следовательно, другим выражением превышения платежеспособного спроса над предложением является недопроизводство промышленности, недостаточно быстрый темп накопления в ней.

«Нашей промышленностью,—заключает далее тов. Преображенский,—руководим мы сами, и если мы не обеспечиваем в плановом порядке необходимых размеров накопления в ней, мы сами поддерживаем товарный голод».

Следовательно, партия виновата в том, что существует диспропорция и товарный голод, ибо она ведет политику «недостаточного производства» и «недостаточного накопления». Начав, таким образом, с анализа диспропорции, дав ей в общем правильную формулировку и обоснование, об'яснив ее, исходя из такого факта огромнейшего исторического значения, как Октябрьская революция, т. Преображенский, снова искушаемый, повидимому, «духом оппозиции» 1923 г.,

перескакивает с этой правильной плоскости анализа на обвинение партии в том, что она, якобы, своей политикой «недопроизводства», «недостаточного накопления» создает товарный голод и проч. затруднения.

Эта своеобразная «оппозиционная» логика, имеющая своей задачей оправдать прежнюю позицию т. Преображенского и доказать неправильность партийной линии, не связывает, таким образом, концы с концами и находится в резком противоречии с действительностью.

В самом деле. Как обосновывает это свое заявление тов. Преображенский?

«Товарный голод у нас был налицо еще до осеннего просчета, а, значит, перенести центр внимания на этот последний конкретный просчет, значит «укрыться от признания» какого-то другого просчета, который по времени предшествовал осеннему. А это приводит нас к необходимости вообще строго различать между кон'юнктурными просчетами и просчетом более основным, с более длительными и глубокими последствиями. Таким просчетом является недооценка роста платежеспособного спроса крестьянства и города. Эта недооценка была сделана уже в 1923—24 г.г. Она привела в области экономической политики к лозунгу: «промышленность, не забегай вперед», она повлекла за собой в области практической систематически-недостаточное накопление в промышленности. Следовательно, основной просчет, с которым, главным образом, связаны наши хозяйственные затруднения, был сделан не осенью 1925 г., а на протяжении еще 1924 г. В 1925 году мы лишь пожинаем плоды этого основного просчета, который остается в силе и теперь и за который, повидимому, нет охотников нести ответственность. А это значит, что в спорах 1923—24 г.г. и в дальнейших спорах на те же темы, которые велись внутри планирующих органов, правыми полностью и целиком оказались «индустриалисты», а не те, кто думал осуществлять смычку с крестьянством посредством промышленного недопроизводства» [1]).

Ему вторит т. Оссовский: «И тут-то, т.-е. в 1923—24 г.—наша экономическая политика совершила свое грехопадение»...

Смысл этих заявлений не оставляет никакого сомнения. Здесь мы наблюдаем попытку со стороны т. Преображенского, в связи с хозяйственными затруднениями, взять у партии «реванш» за свои «неудачи» в дискуссии 1923 г., представив дело так, что виною всему является «стратегический просчет», тот курс политики, который был взят партией против т. Преображенского и других.

Однако, кого же можно теперь убедить, что партия вела политику промышленного «недопроизводства» и «недостаточного накопления»?

Факты, цифры роста промышленной продукции, увеличения количества рабочих, капитальных затрат и проч. налицо! И они целиком говорят против «оппозиционных праведников», сокрушающихся о «грехопадении» партии.

Именно экономический курс партии, взятый против оппозиционеров 1923 г., курс на понижение

[1]) Преображенский, «Эконом. заметки», «Большевик» № 6 с. г. стр. 66—67.

промышленных цен, на ликвидацию ножниц, на смычку промышленности с крестьянским хозяйством, на облегчение развития сельского хозяйства, обусловил бурный под'ем промышленности. Нам удалось на основе этой политики преодолеть кризис сбыта 1923 г., который застопорил развитие промышленности. Результатом проведения этого курса было увеличение платежеспособного спроса крестьянства, ускорение оборота капиталов, рост накопления в промышленности и увеличение ее продукции. Стоит напомнить лишь, что за один прошлый год крупная промышленность дала прирост продукции свыше чем на 60 проц., что мы достигли теперь и в промышленности, и в транспорте, и в сельском хозяйстве уровня, который мы должны были, по прежним нашим расчетам, иметь несколькими годами позднее.

И после этого нам говорят о политике промышленного «недопроизводства», «недостаточного накопления». Действительно... «рассудку вопреки, наперекор стихиям».

Попытался ли т. Преображенский, возводящий на партию тяжелые обвинения в том, что она вела политику «недостаточного накопления», т.-е. сознательно задерживала движение к социализму, попытался ли он фактами и цифрами доказать, что партия действительно не использовала всех возможностей для развития промышленности?

Нет, этого т. Преображенский не сделал.

Вся его экономическая «премудрость», все его рассуждения в этом отношении, сводятся к формуле: «если бы, да кабы». Но на этом «древле-русском» принципе далеко не уедешь...

«Разве не ясно,—говорит т. Преображенский,—что если бы мы в 1924 г. подготовили элементы расширения производства товаров крестьянского спроса для 1925 г., хотя бы на 70 или 80 миллионов рублей больше теперешнего, мы могли бы в 1925 году купить у крестьян на 70 миллионов пудов больше хлеба и на 100 миллионов пудов могли бы больше этого хлеба вывезти за границу? Разве не ясно, что мы, быть может, не были бы вынуждены сокращать производство и рассчитывать рабочих в отраслях, связанных с закупками иностранного сырья?»

Конечно, «если бы, да кабы», то, как известно, много хорошего было бы на свете, и у нас не было бы товарного голода, не было бы затруднений, не было бы нищеты, отсталости и проч... и было бы все то, что может дать самый высокий взлет фантазии т. Ларина.

Но нам приходится, как известно т. Преображенскому, строить свою политику не на «если бы, да кабы», а на реальных рессурсах и в соответствии с реальными возможностями.

Возьмем небольшой пример в этом отношении.

Тов. Преображенский утверждает: если бы мы подготовили расширение производства предметов крестьянского спроса, то и т. д.

Как дело обстояло в действительности?

Ряд отраслей промышленности, работающих на удовлетворение крестьянского спроса, и прежде всего текстильная промышленность, пользуется импортным сырьем. Увеличение их производства возможно, далее, при замене изношенного оборудования новым, которое также в значительной мере мы можем получить лишь из-за границы.

Но размеры нашего импорта определяются размерами экспорта, а последний—уровнем продукции сельского хозяйства.

Прошлый год был неурожайным годом. Наш экспорт был ограничен. Естественно, что были ограничены и возможности импорта сырья и оборудования. Для того, чтобы все же не снижать темпа развертывания промышленности, и удовлетворить крестьянский спрос мы пошли на крайнюю меру: превысили в импорте уровень экспорта, пошли на пассивное сальдо по нашему торговому и расчетному балансу с заграницей, решились на шаг, результаты которого нам приходится теперь чувствовать.

Позволительно ли для экономиста, для политика «отвлекаться» от подобных обстоятельств, от реальных рессурсов и реальных возможностей при обсуждении вопросов развертывания промышленности?

Позволительно ли при таких условиях марксисту подходить к оценке нашей хозяйственной политики с принципом «если бы, да кабы»?

Пусть ответит на это сам т. Преображенский.

Нам остается лишь ограничиться замечанием, что при такого рода «предпосылках» т. Преображенский навряд ли добьется больших успехов в своей попытке «реванша», чем те, которые он имел в дискуссии 1923—24 г.г.

* * *

Что же предлагает т. Преображенский для выхода из теперешних затруднений?

Основной задачей он считает задачу восстановления равновесия между сельским хозяйством и промышленностью посредством соответствующего «перераспределения» рессурсов между ними.

«Нашей промышленностью руководим мы сами, и если мы не обеспечиваем в плановом порядке необходимых размеров накоплений в ней, мы сами поддерживаем товарный голод. С одной стороны, путем национализации промышленности мы ограничиваем действие закона ценности в советском хозяйстве, а с другой стороны, не замещаем действия этого закона необходимым темпом планового социалистического накопления, т.-е. не обеспечиваем на основе сознательной политики такого распределения рабочих сил и материальных рессурсов в нашей стране, которое обеспечивает хозяйственное равновесие».

«С социализацией промышленности и транспорта шутить нельзя,—так поучает т. Преображенский.—Если мы ограничиваем или ликвидируем действие закона ценности, этого стихийного регулятора капиталистических отношений, то мы должны заменить его плановым социалистическим накоплением в тех пропорциях, которые диктуются нам всей экономикой страны».

Итак, нарушенное равновесие должно быть восстановлено путем усиления «планового социалистического накопления». Против такой общей постановки задачи возразить ничего нельзя. Действительно, мы должны усиливать «плановое социалистическое накопление».

Однако, в эту общую правильную формулу т. Преображенский вкладывает свое особое специфическое содержание от теории так называемого «первоначального социалистического накопления».

И в самом деле, у т. Преображенского не найдешь ни намека, ни звука насчет размеров, возможностей увеличения и методов использования «нормального накопления» в государственном секторе нашего хозяйства.

Для него этого накопления в государственном секторе хозяйства не существует, хотя, как это видно из предварительных расчетов Госплана, необходимые новые инвестиции капиталов в государственном секторе хозяйства в размере 16 миллиардов на 10,5 миллиардов будут обеспечены за счет нормального накопления, и лишь на 6—потребуют пополнения за счет госбюджета, доходная часть которого также в значительной мере включает поступление из этого сектора.

Но т. Преображенский загипнотизирован своей теорией «первоначального социалистического накопления», краеугольным камнем которой является положение, что на данной стадии переходного периода социалистическое накопление неизбежно происходит, главным образом, путем «эксплоатации» несоциалистической среды, т.-е. прежде всего крестьянского хозяйства, путем «перекачки рессурсов» из крестьянского хозяйства в социалистический сектор нашей экономики.

И в данном случае, когда т. Преображенский говорит об усилении социалистического накопления, то это «усиление» означает у него «усиление» перекачки рессурсов из крестьянского хозяйства в промышленность.

В какой мере крестьянское хозяйство может выдержать такое «усиление» перекачки, не приостановит ли последнее роста крестьянского хозяйства—эти вопросы т. Преображенского не интересуют. Ведь тут дело идет о «частном хозяйстве», а последовательного т. Преображенского занимают лишь интересы «социалистического сектора»: то обстоятельство, что развертывание промышленности и ход социалистического накопления в наших условиях сами определяются ростом крестьянского хозяйства,—это «маленькое» обстоятельство упорно обходится т. Преображенским.

Ход его рассуждений по своему прост и схематичен.

У нас наблюдается превышение платежеспособного спроса со стороны крестьянства над предложением промтоваров; промышленность не в состоянии полностью удовлетворить этот спрос.

Следовательно, надо произвести такое «перераспределение рессурсов» между промышленностью и сельским хозяйством, которое обеспечило бы установление необходимого равновесия.

«Частное хозяйство» (под этим «целомудренным» термином т. Преображенский сваливает в одну кучу и капиталистические хозяйства в городе, и кулацкие в деревне, и середняцкие, прокламируя по отношению ко всем им по существу одну и ту же политику! Это называется по-ленински!) частное хозяйство «заработало» на повышении цен, следовательно,—заключает тов. Преображенский,—мы должны выправить расчетный баланс в интересах государственного хозяйства, вернуть ему его потери и гарантировать от потерь в будущем».

В качестве основных методов для выполнения этой задачи Преображенским предлагается: повышение отпускных цен трестов и увеличение налогов.

Такова суть программы т. Преображенского: при помощи повышения налогов и отпускных цен вернуть, во-первых, то, что «частное хозяйство», т.-е. прежде всего крестьянское, заработало на повышении цен; во-вторых, произвести такое перераспределение рессурсов между крестьянским хозяйством и промышленностью, которое обеспечило бы установление необходимого равновесия в нашей экономике.

Эта программа означает неслыханное увеличение налоговых и проч. тягот для крестьянства.

Она означает неслыханное усиление нажима на крестьянство.

И в самом деле. Что может означать выдвигаемая т. Преображенским формула обеспечения «социалистического накопления в тех пропорциях, которые диктуются нам всей экономикой страны», «накопления», которое по т. Преображенскому должно происходить, главным образом, за счет перекачки рессурсов из крестьянского хозяйства в промышленность?

Как мы видели, нарушение равновесия в нашем хозяйстве обусловлено в основном увеличением платежеспособного спроса крестьянства в результате ликвидации буржуазно-помещичьего строя, вследствие облегчения налогов, падающих на крестьянство, ликвидации арендных и других платежей.

При такой постановке предлагаемое т. Преображенским для восстановления равновесия «перераспределение рессурсов» между сельским хозяйством и промышленностью может означать следующее: мы должны брать теперь с крестьянства в целях установления равновесия не меньше, чем брало царское правительство и помещики.

И действительно, у «последовательного» т. Оссовского, который исходит по существу из тех же положений, что и т. Преображенский, мы находим законченную формулировку этого положения точно так же, как и развернутую аргументацию о необходимости осуществления индустриализации не в союзе с крестьянством, а против него и в борьбе с ним.

Послушаем, как напр., т. Оссовский характеризует наше положение: «Продолжающийся долгое время у нас хозяйственно-финансовый кризис (кризис, а не затруднения! *А. С.*) имеет свои корни в упорном сопротивлении со стороны частно-собственнического хозяйства (сельского хозяйства главным образом) нести пропорционально своему удельному весу в экономике страны издержки по созданию крупной государственной промышленности, хотя бы в размерах близких к тем, как это было сделано (!?) сельским хозяйством в дореволюционное время».

Далее. «И так как наша финансово-экономическая политика не способствовала до сих пор (главным образом за последние два года, когда произошло накопление в крестьянском хозяйстве) соответствующему переливанию крестьянских накоплений в нашу советскую промышленность, то эти накопления теперь напирают на нас, расшатывая наше плановое хозяйство, стремясь (!?) выбраться за пределы страны, где они могли бы реализовать свою покупательную силу, не неся расходов на построение собственной промышленности, отвоевать себе наиболее выгодные условия хозяйственного приложения внутри страны, сохраняя за собой свои собственнические интересы».

Итак! Все наши затруднения происходят от того, что крестьянское хозяйство «сопротивляется», что оно не хочет «нести издержки по созданию крупной государственной промышленности», что оно «напирает» на нас и «расшатывает» плановое хозяйство.

Чем является эта, с позволения сказать, аргументация, как не обоснованием необходимости борьбы с крестьянством, строительства социализма путем подавления крестьянства?

Нет, такой «индустриализм» ничего общего с ленинской политикой партии, с ее курсом на индустриализацию не имеет. И приходится лишь удивляться тому, как в нашей партии могут зарождаться подобные теории; но, видно, правда: «в семье не без урода».

Каковы же практические предложения т. Оссовского?

Исходя из своей «посылки», что причины кризиса заключаются в «недостаточном переливании» средств из сельского хозяйства в промышленность, из того, что «громадные суммы остаются в сельском хозяйстве и образуют в нем болезненное полнокровие» (таково феноменальное открытие т. Оссовского —наше нищее крестьянское хозяйство оказывается совсем не нищим, а страдающим, наоборот, «болезненным полнокровием»)—исходя из этих «посылок» т. Оссовский предлагает нам итти «по пути установления целой системы финансово-экономических мероприятий, увеличивающих из'ятие неэквивалентной товарной части сельского хозяйства в размерах, не отстающих от размеров соответствующих из'ятий до войны».

Другими словами, для благой цели осуществления индустриализации и восстановления равновесия в нашем хозяйстве т. Оссовский предлагает нам брать с мужика столько, сколько сдирали с него царь и помещики.

А по подсчетам т. Преображенского выходит, это значит добавить к тому, что мы берем теперь, еще около двух миллиардов рублей.

И это предлагается сделать теперь, когда сельское хозяйство лишь подходит к довоенному уровню.

Стоит ли разбирать всерьез такие предложения? Нам, кажется, не стоит! Для каждого ясно, что с такими предложениями можно выступать лишь в состоянии «нетвердой памяти» и «нетрезвого ума».

Но, выступление т. Оссовского является тревожным симптомом. Его «выводы и предложения» представляют собою результат последовательного применения теории «первоначального социалистического накопления» т. Преображенского, теории, считающей основным методом социалистического накопления в теперешний период перекачку рессурсов из крестьянского хозяйства в промышленность посредством тяжелых налогов и высоких цен,—теории, рассматривающей отношения между государственным и крестьянским хозяйством, как отношения эксплоатации крестьянского хозяйства, «пожирания» (до такого термина додумался последовательный т. Преображенский одной системы другой.

Т. Преображенский может быть доволен.

В лице т. Оссовского он получил «зрелый плод» своей антиленинской теории социалистического накопления!

* * *

Следующим характерным моментом в «программе» сверхиндустриалистов является то, что они становятся на позицию инфляции.

Послушаем т. Преображенского.

Он правильно указывает на связанные с нашим осенним просчетом ошибки в эмиссии червонцев, повлекшие за собой некоторое переполнение рынка деньгами и вызвавшие понижение покупательной силы нашей валюты.

Надо иметь в виду, что это понижение покупательной силы отнюдь не имеет «катастрофического» характера и не означает еще инфляции; на 1 марта текущего года по сравнению с 1 марта прошлого года покупательная сила червонца понизилась по оптовому индексу Госплана на 6% и по розничному индексу К. И. на 10%. Вместе с тем червонец продолжает сохранять свои функции мерила ценности и средства сбережения; таких, свойственных инфляционным периодам, явлений, как ускорение обращения денег у нас пока не наблюдается.

Таким образом, в результате наших ошибок, мы имеем колебание нашей валюты, некоторое понижение покупательной силы ее, но далеко еще не инфляцию. Дело идет, следовательно, о такого рода явлении, которое мы можем еще поправить, приняв меры, препятствующие дальнейшему падению червонца и укрепляющие его курс.

Мы можем сохранить червонец, как твердую валюту, приведя количество обращающихся на рынке денег в соответствие с потребностями товарооборота.

Что же предлагает т. Преображенский? Приходится констатировать, что он предлагает такого рода меры, которые не только не ведут к укреплению нашей валюты, но, наоборот, прямехонько подводят нас к инфляции.

«Допустим,—говорит т. Преображенский,—в результате всех вышеприведенных причин мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен всех товаров, на всех ступенях товарного обращения. Если товарооборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15%, как раз и приводит к достижению валютного равновесия... Но у нас весь этот процесс принимает своеобразные формы, весьма убыточные для государственного хозяйства. Отпускные цены трестов у нас остаются твердыми, следовательно, на территории государственного хозяйства не происходит достижения валютного равновесия стихийным путем... только частному хозяйству мы предоставляем монополию на это повышение».

Исходя из этого тов. Преображенский считает необходимым прежде всего «позаботиться о возмещении государственному хозяйству всех его потерь на падающей валюте» (подчеркнуто нами. *А. С.*) путем повышения отпускных цен трестов.

Мы оставляем в стороне то обстоятельство, что приведение денежного обращения в нормальное состояние т. Преображенский предлагает произвести путем повышения цен; других путей он не ищет. Будем говорить лишь о результатах подобной политики.

А что касается результатов, то нет сомнения, что подобной политикой, мы не поправим, а доканаем нашу валюту. В самом деле, «теоретически», на бумаге у т. Преображенского речь идет как-будто о весьма простой и несложной операции приведения товарных цен в соответствие с количеством обращающихся денег. Количество обращающихся червонцев превышает потребности товарооборота; чтобы устранить это несоответствие необходимо повышение отпускных цен. Если количество денег превышает на 15% необходимый минимум, значит на 15% необходимо повысить цены.

Но... «гладко» выходит у т. Преображенского на бумаге, «да забыл он про овраги, а через них итти»...

Обстановка на нашем внутреннем рынке—напряженная. В стране—товарный голод. В результате ошибок с эмиссией наша валюта колеблется, покупательная сила ее понизилась. Если до сих пор мы не наблюдаем развития инфляционных явлений, то это в значительной степени об'ясняется тем, что торговая политика трестов—сохранение прежнего уровня отпускных цен—и политика кооперации (последняя находится совершенно вне поля зрения т. Преображенского, и о ней он не обмолвился ни одним словом) оказывают сдерживающее влияние.

Если теперь, при этом напряженном состоянии рынка и денежного обращения, произвести повышение отпускных цен трестов можно ли гарантировать, что инфляционные явления не развернутся? Нет, гарантировать этого нельзя!

Пока население еще доверяет червонцу. Пока мы еще не наблюдаем ускорения обращения денег; пока еще червонец служит орудием сбережения.

Но повышение оптовых цен государственными трестами, признание самим государством, как это предлагает т. Преображенский, нашей валюты «падающей валютой», может в корне подорвать доверие к червонцу и изменить положение.

На рынок тогда хлынет поток тех червонцев, которые теперь отлагаются за пределами рынка, играя роль орудия сбережения и сохранения ценности.

Каждый, как это всегда бывает в период инфляции, будет стараться сбыть поскорее червонец с рук, превращая его в товары. Скорость обращения денег увеличится. И мы даже без новой эмиссии будем иметь инфляцию.

Пойдем дальше. Тов. Преображенский считает, что при теперешней кон'юнктуре повышение оптовых цен не отразится на повышении розничных. Допустим, что это положение правильно в отношении частной торговли, где цены взвинчены до крайнего предела, поставленного платежеспособным спросом, хотя и здесь оно маловероятно. Что касается кооперации, то по отношению к ней это положение явно не выдерживает критики. Розничные цены кооперации значительно ниже розничных цен

у частника: так по данным Кон'юнктурного Института НКФ индекс розничных цен промтоваров на 1/III—26 г. по Москве в кооперативной торговле составлял 1,95 и в частной 2,44. Основным элементом в кооперативную накидку входит не торговая сверхприбыль, а накладные расходы. При таких условиях повышение отпускных цен неизбежно повлечет за собой повышение розничных цен в кооперации.

А так как рабочий в настоящее время покупает не у частника, а главным образом в кооперации, то это повышение розничных цен поставит перед нами вопрос о необходимости повышения зарплаты. С другой стороны, мы будем иметь, несомненно, в этом случае увеличение государственных расходов.

Налоги быстрого эффекта не дают. Покрыть эти расходы при помощи налогов мы не сможем. Что же сможет предложить тогда т. Преображенский кроме новой эмиссии, ведущей к инфляции?

Наконец, надо дать себе отчет еще в одном чрезвычайно важном вопросе—курсе червонца по отношению к иностранной валюте. Об этом внешнем курсе т. Преображенский счел нужным умолчать, тогда как, разумеется, при разрешении проблемы денежного обращения, никак нельзя обойти этого важного вопроса.

В настоящее время, в результате понижения покупательной силы червонца внутри страны, уже обнаружилось расхождение между внутренним и внешним курсом червонца, расхождение, чрезвычайно болезненно отражающееся на нашем экспорте. Мы надеемся устранить это расхождение путем укрепления червонца и повышения его покупательной силы внутри страны.

С точки зрения т. Преображенского, который исходит из предпосылки, что наша валюта является «падающею» и руководствуется, повидимому, «мудрым» ницшеанским правилом «падающего—толкни», не может быть другого выхода из положения, как понижение внешнего курса червонца, его покупательной силы по отношению к доллару, фунту стерлингов и проч., чтобы таким путем устранить эту своеобразную «диспропорцию» в области денежного обращения.

Но если т. Преображенский этот вопрос обошел, то тов. В. Смирнов [1]), развертывающий в общем ту же программу, что и т. Преображенский, договаривает до конца и ставит открыто вопрос «о приведении в соответствие золотого паритета нашего рубля с его покупательной силой внутри страны», т.-е. о понижении внешнего курса червонца.

Но понижение внешнего курса в какой бы мере это понижение ни было произведено, несомненно, будет иметь «резонанс» внутри страны. При теперешнем напряженном состоянии товарооборота и колебании червонца, рынок наверняка ответит на это понижение повышением товарных цен.

Таким образом, и с этой стороны т. Преображенский и его сторонники толкают наше хозяйство в инфляционный поток.

Поправить дело в области денежного обращения и достигнуть «валютного равновесия» они предлагают, следовательно, при помощи таких методов, как повышение оптовых цен и понижение внешнего курса, которых сверхдостаточно для того, чтобы сломать позвоночник нашей валюте и привести к ее крушению.

[1]) См. его статью «К вопросу о наших хозяйственных затруднениях» в № 5 «Красной Нови» с. г.

Итак, что же получается у т. Преображенского?

Когда говорится о том, что необходимо взять курс на снижение цен и укрепление червонца, то т. Преображенский заявляет, что он согласен с этим. «Я совершенно согласен,—говорит он,—с такой линией экономической политики, поскольку дело идет о формулировке наших программных задач в области хозяйственной». Когда говорится о том, что необходимо усилить использование крестьянских накоплений путем развития кредитных операций, т. Преображенский точно так же заявляет: такая «линия использования крестьянского накопления совершенно бесспорна».

Таким образом, т. Преображенский «в принципе» согласен с тем, что необходимо укреплять червонец, понижать цены, развивать кредитные операции и проч. Однако, только «в принципе»!

Что же касается «практики», то тут т. Преображенский находит, что «в общем верная формулировка т. Стецкого, совершенно не отвечает на конкретный вопрос сегодняшнего дня».

Итак, одно дело «принцип», другое дело его «практическое применение». Одно дело «программные задачи», другое дело их осуществление на практике.

В принципе т. Преображенский «отстаивает» и необходимость твердой валюты и курс на понижение цен, и использование крестьянских накоплений не только путем завертывания налоговой гайки, но и методами кредита.

На «практике» он предлагает повышение цен, такие методы установления валютного равновесия, которые ведут к инфляции; практически он отрицает и возможность использования крестьянских накоплений путем кредита и не оставляет другого выхода, как использование этих накоплений при помощи «эмиссионного» налога.

Таков своеобразный «оппортунизм» т. Преображенского.

Исходя из правильной оценки задач текущего момента, тов. Преображенский выбрасывает за борт все те элементы, которые необходимы нам с точки зрения больших и длительных перспектив хозяйственного строительства и движения к социализму.

Могут ли, однако, эти «отчаянные» меры вывести нас из теперешних затруднений?

Ни в коей мере! Они могут привести лишь к обострению затруднений, способствовать развертыванию этих затруднений в общий хозяйственный кризис.

Предлагаемое т. Преображенским усиление нажима на крестьянство влечет за собой обострение отношений между рабочим классом и крестьянством. Методы установления «валютного равновесия» ведут нас к повторению инфляции, со всеми ее последствиями—прежде всего в виде нарушения товарооборота между городом и деревней. Развертывание промышленности

на инфляционных дрожжах и на основе усиленной «эксплоатации» крестьянского хозяйства может привести лишь к кризису самой промышленности.

Все это подтверждает накопившийся уже у нас опыт в области хозяйственного строительства.

Отчасти подтверждает это и опыт текущего года: мы просчитались в наших реальных рессурсах, дали нашему хозяйственному строительству размах, не соответствовавший нашим реальным возможностям, и в результате имеем теперь хозяйственные затруднения.

Политика тов. Преображенского, возводящего в систему, в принцип это «зарывание вперед» и форсирование во что бы то ни стало развертывания промышленности, будет неизбежно иметь своим результатом не отдельные затруднения, а общий хозяйственный кризис.

Есть ли у нас основания прибегать к тем «рискованным» мерам, которые предлагает т. Преображенский?

Нет! Наше положение тяжело, но ничего катастрофического в этом положении нет: рост хозяйства продолжается.

Незачем поэтому терять голову, хвататься за «катастрофические» меры.

В нашем распоряжении имеется теперь в области экономической политики достаточное количество рычагов, умело используя которые мы можем преодолеть стоящие перед нами хозяйственные затруднения. На эти рычаги партия теперь нажала. Нам удалось привести импорт в соответствие с экспортом, развертывание промышленности и капитальные затраты—в соответствие с реальными возможностями этого года, путем регулирования торговли—добиться стабилизации хлебных цен. Мы сокращаем непроизводительные расходы; боремся за режим экономии. Развертывание товарооборота и соответствующее ограничение эмиссии, несомненно, приведут к оздоровлению денежного обращения.

Конечно, быстро хозяйственные затруднения преодолеть нельзя. Товарный голод у нас будет еще продолжаться. «Ликвидировать» диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью в один—два года не удастся.

Но вся эта политика, осью которой является индустриализация, обеспечивает, может быть не такой быстрый, как нам бы хотелось, но верный выход из затруднений.

Политика же т. Преображенского «быстро и верно» может привести нас к глубокому хозяйственному кризису [1]).

[1]) Свою роль, как «общественно-полезную», т. Преображенский обосновывает довольно-таки оригинальным способом: оказывается, именно наличность его собственного уклона, точно так же, как уклона т. Шанина, позволяет большинству партии намечать свою линию, которая, якобы, только и может быть определена посредством «отграничения» от этих уклонов, как некая «средняя» между ними.

В этом оригинальном доказательстве т. Преображенский допустил весьма существенную «погрешность»: он упустил из виду то элементарное обстоятельство, что «отклонение», «уклон» от какой-либо линии может появиться лишь в том случае, если эта линия уже имеется налицо, а не наоборот.

Что касается уклона т. Преображенского, то он проявляется в виде отклонения от ленинской линии в одном из основных вопросов революции — в вопросе об отношении между пролетариатом и крестьянством.

Партия ничего бы не потеряла, если бы этот уклон перестал существовать.

М. Шефлер.

Задачи системы с.-х. кредита в связи с хозяйственными затруднениями.

Система с.-х. кредита для рабоче-крестьянского государства должна являться могучим средством влияния государства на развитие сельско-хозяйственного производства, на его улучшение и на кооперирование крестьянских масс.

Системе с.-х. кредита пока еще не уделяется достаточного внимания и не оказывается той поддержки, которая ей так необходима со стороны многих наших организаций.

Между тем без такой поддержки, без помощи ей всеми организациями система с.-хоз. кредита не в состоянии выполнять те задачи, которые на нее возложены.

Текущий год характеризуется некоторыми новыми устремлениями в дальнейшем строительстве народного хозяйства.

Отчасти эти устремления вызваны теми затруденями в финансовом и товарном хозяйстве, которые мы переживаем, отчасти же они зависят от желания быстрее наметить перспективы дальнейшего строительства нашего Союза.

Хозяйственные затруднения, переживаемые нами в текущем году, можно смело отнести к разряду «болезней роста» и считать их во всяком случае явлениями временного характера.

Эти затруднения выразились в падении покупательной силы червонца, в дефицитности нашего экспортно-импортного баланса, в необходимости сокращения годового бюджета, в недостаточности на некоторых фабриках сырья и в медленной сравнительно с предположением реализации урожая.

Причины этих затруднений могут быть оценены, как причины прежде всего вытекающие из переоценки рессурсов нашего народного хозяйства.

ЦСУ переоценило урожай прошлого года и размеры товарных излишков хлеба в нашем сельском хозяйстве. Этот всем известный факт переоценки, преувеличения расчетов, примерно, на 300 миллионов пуд. хлеба, сыграл решающую роль: он вызвал понятное стремление ускорить процесс восстановления и развития нашего народного хозяйства в начале и середине осени текущего года.

Именно это обстоятельство явилось причиною дальнейших затруднений.

на инфляционных дрожжах и на основе усиленной «эксплоатации» крестьянского хозяйства может привести лишь к кризису самой промышленности.

Все это подтверждает накопившийся уже у нас опыт в области хозяйственного строительства.

Отчасти подтверждает это и опыт текущего года: мы просчитались в наших реальных ресурсах, дали нашему хозяйственному строительству размах, не соответствовавший нашим реальным возможностям, и в результате имеем теперь хозяйственные затруднения.

Политика тов. Преображенского, возводящего в систему, в принцип это «зарывание вперед» и форсирование во что бы то ни стало развертывания промышленности, будет неизбежно иметь своим результатом не отдельные затруднения, а общий хозяйственный кризис.

Есть ли у нас основания прибегать к тем «рискованным» мерам, которые предлагает т. Преображенский?

Нет! Наше положение тяжело, но ничего катастрофического в этом положении нет: рост хозяйства продолжается.

Незачем поэтому терять голову, хвататься за «катастрофические» меры.

В нашем распоряжении имеется теперь в области экономической политики достаточное количество рычагов, умело используя которые мы можем преодолеть стоящие перед нами хозяйственные затруднения. На эти рычаги партия теперь нажала. Нам удалось привести импорт в соответствие с экспортом, развертывание промышленности и капитальные затраты—в соответствие с реальными возможностями этого года, путем регулирования торговли—добиться стабилизации хлебных цен. Мы сокращаем непроизводительные расходы; боремся за режим экономии. Развертывание товарооборота и соответствующее ограничение эмиссии, несомненно, приведут к оздоровлению денежного обращения.

Конечно, быстро хозяйственные затруднения преодолеть нельзя. Товарный голод у нас будет еще продолжаться. «Ликвидировать» диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью в один—два года не удастся.

Но вся эта политика, осью которой является индустриализация, обеспечивает, может быть не такой быстрый, как нам бы хотелось, но верный выход из затруднений.

Политика же т. Преображенского «быстро и верно» может привести нас к глубокому хозяйственному кризису [1]).

[1]) Свою роль, как «общественно-полезную», т. Преображенский обосновывает довольно-таки оригинальным способом: оказывается, именно наличность его собственного уклона, точно так же, как уклона т. Шанина, позволяет большинству партии намечать свою линию, которая, якобы, только и может быть определена посредством «отграничения» от этих уклонов, как некая «средняя» между ними.

В этом оригинальном доказательстве т. Преображенский допустил весьма существенную «погрешность»: он упустил из виду то элементарное обстоятельство, что «отклонение», «уклон» от какой-либо линии может появиться лишь в том случае, если эта линия уже имеется налицо, а не наоборот.

Что касается уклона т. Преображенского, то он проявляется в виде отклонения от ленинской линии в одном из основных вопросов революции — в вопросе об отношении между пролетариатом и крестьянством.

Партия ничего бы не потеряла, если бы этот уклон перестал существовать.

М. Шефлер.

Задачи системы с.-х. кредита в связи с хозяйственными затруднениями.

Система с.-х. кредита для рабоче-крестьянского государства должна являться могучим средством влияния государства на развитие сельско-хозяйственного производства, на его улучшение и на кооперирование крестьянских масс.

Системе с.-х. кредита пока еще не уделяется достаточного внимания и не оказывается той поддержки, которая ей так необходима со стороны многих наших организаций.

Между тем без такой поддержки, без помощи ей всеми организациями система с.-хоз. кредита не в состоянии выполнять те задачи, которые на нее возложены.

Текущий год характеризуется некоторыми новыми устремлениями в дальнейшем строительстве народного хозяйства.

Отчасти эти устремления вызваны теми затруднениями в финансовом и товарном хозяйстве, которые мы переживаем, отчасти же они зависят от желания быстрее наметить перспективы дальнейшего строительства нашего Союза.

Хозяйственные затруднения, переживаемые нами в текущем году, можно смело отнести к разряду «болезней роста» и считать их во всяком случае явлениями временного характера.

Эти затруднения выразились в падении покупательной силы червонца, в дефицитности нашего экспортно-импортного баланса, в необходимости сокращения годового бюджета, в недостаточности на некоторых фабриках сырья и в медленной сравнительно с предположением реализации урожая.

Причины этих затруднений могут быть оценены, как причины прежде всего вытекающие из переоценки рессурсов нашего народного хозяйства.

ЦСУ переоценило урожай прошлого года и размеры товарных излишков хлеба в нашем сельском хозяйстве. Этот всем известный факт переоценки, преувеличения расчетов, примерно, на 300 миллионов пуд. хлеба, сыграл решающую роль: он вызвал понятное стремление ускорить процесс восстановления и развития нашего народного хозяйства в начале и середине осени текущего года.

Именно это обстоятельство явилось причиною дальнейших затруднений.

С одной стороны, были составлены и частично стали проводиться в жизнь чрезвычайно радужные планы восстановления нашей промышленности и других секторов нашего народного хозяйства.

С другой стороны, была расширена эмиссия до пределов значительно больших, чем это можно было допустить в конце прошлого и в начале текущего бюджетного года.

В расчетах на общее оживление оборота была допущена переоценка перспектив роста текущих счетов в Государственном Банке; ошибка выразилась на 1 квартал текущего года почти в 200 милл. рублей. В связи с этим и кредитный план Госбанка был построен на сумму почти на 200 милл. рублей выше реальных рессурсов.

В том же порядке было намечено слишком быстрое развертывание нашего импорта, которое, вследствие все той же переоценки товарных излишков крестьянского хлеба, оказалось не соответствующим нашим экспортным возможностям и поэтому чрезмерно отяготило наш расчетный баланс.

Сумма этих ошибок и вызвала те хозяйственные затруднения, которые в настоящее время имеют место.

Некоторые экономисты выдвигают еще один фактор, который они считают основной причиной, создавшей нынешнюю хозяйственную обстановку с ее затруднениями—именно факт диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

Этот факт ни в коем случае не может считаться непосредственной причиной наших хозяйственных затруднений. Несомненно, этот факт должен стать побудительной причиной к дальнейшему направлению нашего хозяйства в сторону его индустриализации, в сторону дальнейшего развития промышленного его сектора, но совокупность расчетов и комплекс ошибок, которые были сделаны, несомненно, сыграли гораздо большую роль в возникновении хозяйственных затруднений текущего периода, чем указанная диспропорция.

Каковы же результаты создавшейся кон'юнктуры, и что она с собой принесла? Прежде всего она вызвала чрезвычайные колебания в нашем денежном хозяйстве. Эти колебания видны из следующих показателей. Если взять покупательную силу червонца—все равно по индексу ли кон'юнтурного института, или по индексу розничных цен, по бюджетному индексу, по набору ВЦСПС или по оптовому общесоюзному госплановскому индексу,—факт понижения покупательной силы червонца обнаруживается чрезвычайно наглядно.

За весь прошлый год, с 1/X—24 г. по 1/X—25 года, по розничному всесоюзному индексу Кон'юнктурного Института НКФина, падение составило от 4 руб. 85 коп. до 4 руб. 65 коп., т.-е. всего 20 коп. За период же с 1/X—25 г. по 1/III—26 года, т.-е. за 5 месяцев текущего года—падение это составило около 40 коп. (от 4 р. 65 коп. на 1/X—25 г. до 4 р. 27 коп. на 1/III с. г.).

Таким образом, за период времени вдвое меньший произошло вдвое большее падение покупательной силы червонца. По бюджетному индексу ВЦСПС разница еще резче и еще более бросается в глаза: от 5 руб. 21 коп. на 1/X—24 г. до 5 руб. 20 коп. на 1/X—25 г. (т.-е. почти без изменений), а на 1/III этого года индекс упал до 4 руб. 46 коп. Точно так же всесоюзный оптовый госплановский индекс: 6 руб. 09 коп. на 1/X—24 года, 5 р. 74 к. на 1/X—25 года и 5 руб. 16 коп. на 1/III—26 года. Таким образом, покупательная сила червонца за последние 5 месяцев понизилась больше, чем за весь предыдущий год. Это падение, несомненно, является отражением тех хозяйственных затруднений, которые мы переживаем, тех просчетов, которые были допущены осенью прошлого года при переоценке возможностей роста и восстановления нашего народного хозяйства, следствием неправильно подсчитанных цифр товарных излишков хлеба и того несоответствия наших импортных заказов и экспортных возможностей, которое за последнее время так резко обнаружилось.

Как отразились указанные неблагоприятные обстоятельства на системе с.-х. кредита и какие практические выводы мы должны сделать на дальнейший период?

В то время, как в 1924 году роль системы с.-хоз. кредита была еще очень небольшой, к концу 1925 года в сводном балансе всех кредитных систем, система с.-хоз. кредита уже занимает второе после Госбанка место. Это вполне понятно, ибо система с.-хоз. кредита в такой по преимуществу аграрной стране, какою является наш Союз, с громадной массой крестьянских хозяйств, конечно, должна занимать первое место в ряду специальных кредитных систем. Поэтому вполне понятно, что, хотя наша кредитная система является более молодой, чем системы торгово-промышленного кредита, тем не менее она перегнала рост этих систем и быстро выдвинулась на второе место в общей сумме балансов кредитных систем нашего Союза. Это произошло благодаря тому значению, которое она имеет для основного сектора народного хозяйства и для хозяйства многомиллионных крестьянских масс.

Дружный рост балансов всей системы с.-х. кредита с ЦСХБ во главе определил выдающееся ее значение, которое она в настоящее время имеет в ряду других кредитных систем нашего Союза.

Вполне естественно, что переживаемые в данный период хозяйственные и финансовые затруднения, болезненно отразившись на всех кредитных системах, с наибольшей силой ударили как раз по системе с.-хоз. кредита, которая, показав за эти 2 года самый быстрый рост и перегнав другие кредитные системы, вышла на второе после Госбанка место. Именно вследствие быстрого развития системы сел.-хоз. кредита указанные затруднения и заминки в общегосударственном финансовом хозяйстве должны были отразиться на ней сильнее, и она их переживает более болезненно, чем другие банковые системы.

Несомненно, что системе с.-хоз. кредита нанесен некоторый удар в смысле сжатия ее деятельности и замедления темпа ее роста. Ряд цифр определенно подтверждает это положение.

Я беру рост балансов среднего звена системы—обществ с.-х. кредита. В прошлом году с 1/X—24 года в %%-м отношении балансы обществ с.-хоз. кредита росли так: если взять за 100 сводный баланс об-в с.-хоз. кредита на 1/X—24 года, то на 1/XI сумма балансов составит 117, на 1/XII—130, на 1/I—145, на 1/II—167, и на 1/III—182. Таким образом, каждый месяц мы видим рост, примерно, на 15, 17 и 20%. За последние месяцы мы имеем такую картину. Если взять за 100—1/X—25 г., то на

1/XI—25 г. мы имеем 103, на 1/XII—106, 1/I—107, 1/II—110. Таким образом, за 4 месяца сводный баланс всех обществ проделал тот путь, который в прошлом году требовал только одного месяца. Такова сила финансовой депрессии и таково ее влияние на систему с.-хоз. кредита.

Если взять рост баланса ЦСХБанка и республиканских банков, то мы увидим здесь несколько другую картину—перемежающихся колебаний, которая об'ясняется тем, что в частности ЦСХБанку пришлось изымать из оборота некоторые суммы средств и вернуть их Госбанку, ибо Госбанк за I и II кварталы снизил задолженность ЦСХБанка на 10 милл. рублей. Точно так же республиканские банки за этот год росли очень медленно; рост их балансов определяется в 3% на 1/I с. г. по сравнению с началом операционного года.

Вполне понятно, что временные хозяйственные затруднения и общее финансовое состояние нашего народного хозяйства оказали столь значительное влияние на финансы нашей системы потому, что система с.-х. кредита переживает еще только организационный период и живет почти исключительно за счет поступлений государства, за счет государственных ассигнований в основные капиталы и за счет предоставления государством займов системе с.-хоз. кредита на общие и специальные с.-х. операции. Именно это обстоятельство—глубокая финансовая зависимость системы с.-хоз. кредита от притока государственных средств, явилось основной причиной того, что система с.-хоз. кредита острее других переживает нынешний депрессионный режим, острее чувствует на себе всю тяжесть общей неблагоприятной финансовой кон'юнктуры. Достаточно взять соотношение государственных средств, полученных из государственных источников и государственных займов, и средств привлеченных—в любом звене нашей системы, чтобы со всей очевидностью убедиться в том, что система с.-х. кредита жила и до сих пор еще живет преимущественно за счет поступлений из государственных источников. Своих средств и средств привлеченных из местных источников—от местных учреждений и от самого местного населения, от крестьянства—система с.-х. кредита пока имеет очень и очень мало; процентное отношение этих средств к балансам ничтожно (в среднем около 15%)[1]).

В этой зависимости от государственных финансов и заключается основная причина того, что наша система так остро испытывает тяжесть финансовой депрессии.

Однако, в этом сыграли роль не только сжатие новых поступлений от государства, но и значительно менее обоснованное прекращение кредитов Госбанка. Государство в плановом и срочном порядке должно охранить и восстановить колеблющуюся покупательную силу червонца, обеспечить здоровый баланс своему финансовому хозяйству и для этого вынуждено несколько сократить денежную массу в обращении, приведя ее в нормальное соотношение с товарной массой, обращающейся па рынке. Эта необходимость из'ять часть денег из различных секторов народного хозяйства вполне понятна. Однако, это не должно было вызвать полного прекращения кредитования Госбанком системы с.-х. кредита, как это было сделано.

[1]) Считая и паи и вклады.

Задолженность ЦСХБанка Госбанку была за этот квартал снижена на 10,7 милл. рублей; ЦСХБанк, не получая с 1/X—25 года новых кредитов от Госбанка, должен был снизить в то же время свою задолженность Госбанку на указанную сумму. Такие же цифры мы имеем и по республиканским с.-х. банкам. На 1/X—25 года они были должны Госбанку около 5 милл. рублей, на 1 февраля 1926 года только 2 милл. рублей. Общества с.-х. кредита на 1/X были должны 9,5 милл. рублей, на 1/II—26 года они должны только 8,6 милл. рублей. Общее снижение, таким образом, коснулось, как кредитов, предоставленных Госбанком ЦСХБанку, так и кредитов, предоставленных Госбанком и его филиалами периферии с.-х. кредита.

Создалось для системы с.-х. кредита вдвойне трудное положение: с одной стороны, сжатие новых ассигнований и сокращение притока государственных средств в системе с.-хоз. кредита, с другой стороны—сокращение кредитования системы с.-х. кредита со стороны Госбанка и его филиалов.

Эти обстоятельства, конечно, сильнейшим образом затруднили положение системы с.-х. кредита. Если в прошлом году, учитывая реальную возможность получения новых государственных средств,—система с.-х. кредита планировала свою работу в направлении расширения и продолжала развиваться неизменно ускоренным темпом, то с нынешнего операционного года факт финансовой депрессии и вызванное ею сжатие новых поступлений от государства и кредитов со стороны Госбанка заставляет систему с.-х. кредита перестроиться и замедлить темп своего развития.

Текущий период для всей системы с.-х. кредита является периодом перелома в работе, пересмотра методов работы нового подхода к работе, резкого изменения в соотношении средств государства и средств, которые необходимо привлечь от крестьянства и от организаций, которые финансируются по линии с.-х. кредита. Перелом этот в первую очередь надо провести, конечно, по низовой сети.

Если вся система наша молода, если верхние ее звенья еще только начинают строиться и переживают период постепенного внедрения в общую систему народного хозяйства, то о низовой сети системы с.-х. кредита можно смело сказать, что она в большинстве районов еще не вышла из младенческого возраста.

Действительно, если мы посмотрим, как живет сейчас первичная сеть нашей системы и что она собой представляет,—то почти невозможно будет дать анализ деятельности ее в общесоюзном масштабе, ибо почти в каждом районе она имеет свои особенности; она чрезвычайно разнородна и в каждом районе страдает рядом своих, часто очень существенных недостатков.

Основной недостаток низовой нашей сети—это отсутствие у нее сосредоточения на основных задачах, «универсализм», спутанность функций. В большинстве районов почти еще нет нормально работающих по кооперативным принципам работы с.-х. кредитных товариществ с посредническими функциями.

Две трети т-в—это универсальные с.-х. т-ва с функциями торговыми, кредитными и производственными, т-ва ведущие не только торговлю с.-х. товарами, но и торговлю потребительскими товарами, т-ва, далекие от кооперативных методов торговли и торгующие за свой счет и часто—на самых нездоровых началах.

Низовая сеть системы с.-х. кредита в большинстве районов далеко не так крепка и здорова, чтобы сохранить необходимое равновесие при финансовой депрессии и при прекращении притока займов со стороны обществ с.-х. кредита, и естественно, что низовая сеть больше других звеньев системы с.-х. кредита ощущала и ощущает последствия депрессии и сжатия кредитов. Относительно низовой сети следует еще заметить, что, если вся система с.-х. кредита до сих пор строилась в расчете на государственные средства, то низовая сеть особенно ярко отражает эту тенденцию. Вклады в низовой сети в сводном годичном ее балансе составляют в среднем 0,9%. Своих средств, паевых капиталов, у низовой сети очень мало, а именно около 15%, займы в обществах с.-х. кредита составляют в среднем в низовой сети до 40%, а в некоторых районах и выше.

Основная работа низовой сети до сих пор строилась почти исключительно на государственные средства. Правы те товарищи, которые говорят, что не построив настоящей кооперативной кредитной сети и кооперировав только отдельные крестьянские хозяйства, а не их средства, нельзя считать задачу кооперирования деревни разрешенной.

В этом отсутствии крестьянских средств в низовой сети заключается основная причина тех болезней, которые она испытывает. Точных цифр о том, что происходит в низовой сети в настоящий момент пока не имеется, но известно, что часть товариществ подвергается протестам векселей, что многие т-ва испытывают сейчас весьма тяжелый кризис, часть товариществ уже ликвидировалась за это время.

Общее положение с.-х. кооперации—не только нашей низовой сети, а всей с.-х. кооперации—чрезвычайно ярко характеризуется динамикой роста протеста векселей. Достаточно сказать, что количество протестованных векселей с.-х. кооперации занимает в настоящее время самое высокое место по сравнению со всеми другими отраслями народного хозяйства.

Таким образом, системе с.-х. кредита приходится опираться на переживающую пока ряд болезней систему с.-х. и кредитной кооперации. Если из низовой сети выбрать лучшую часть первичных товариществ, то все же необходимо признать, что даже эти лучшие товарищества нуждаются в очень большой работе над ними, чтобы создать из них ту твердую низовую сеть, без которой невозможно построить крепкую систему с.-х. кредита.

Кредитные т-ва наиболее подходят к работе и заданиям системы с.-х. кредита, универсальные же с.-х. кредитные товарищества не удовлетворяют задачам системы. Это доказывается целым рядом данных.

Районы с кредитными т-вами следующие: Архангельский, Карельский, Северный, С.-Двинский, С.-Западный, отчасти Сибирский, а также Грузии и Абхазии. В этих районах значительно выше в среднем процент вкладов и сумм привлеченных местных средств; значительно ниже процент просроченных ссуд, и значительно выше процент использования займов от обществ с.-х. кредита на кредитование крестьянства.

Возьмем теперь районы с универсальными с.-х. т-вами. Это Украина и большая часть южных и центральных районов РСФСР.

Тут мы видим обратную картину. Вклады составляют самое большее 0,4—0,9% в балансе (за исключением только двух

Данные на 1 октября 1925 года.

№№ п/п.	Районы.	Число.	Займы в о-вах с.-х. кред.	Ссуды.	Просроч. ссуд.	Товары.	Вклады.	Свои капиталы
1.	Архангельский	42	80,7	87,4	2,8	0,7	3,5	10,5
2.	Карельский	39	65,6	68,3	13,0	6,8	1,4	5,9
3.	Коми Область	40	72,0	59,4	21,0	11,7	0,3	7,7
4.	Северо-Двинск	63	65,9	56,2	15,0	5,3	0,7	7,5
5.	Северо-Зап.	256	76,8	80,6	15,0	2,9	1,5	8,8
6.	Северн. (Вол.)	105	59,3	55 0	13,0	7,3	1,6	16,3
7.	Сибирь	405	34,0	38,0	16,0	12,3	1,1	12,8
8.	Абхазия	12	77,9	83,4	12,0	—	0,1	7,4
9.	Грузия	122	73,2	71,3	—	6,5	0,7	10,9
10.	Армения	28	54,1	54,6	—	18,3	2,5	9,8
	Итого (в среднем)	1112 [1]	65,9	65,4	13,5	8,0	1,3	9,8

районов—Тверского и С.-Кавказского района). Наоборот, процент просроченных ссуд в этой второй группе районов значительно выше. Использование займов обществ с.-х. кредита на денежное кредитование деревни в этих районах с универсальными т-вами дело обстоит также значительно хуже, чем в районах с кредитными т-вами.

Соотношение займов и ссуд, выданных низовкой крестьянам, с займами, полученными низовкой от обществ с.-х. кредита, чрезвычайно характерно для всей массы кредитных т-в. По всем кредитным т-вам, в среднем, по сводному балансу на 1/X займов на 1 члена т-ва получено от общества с.-х. кредита 29 руб. 40 коп., использовано на денежное кредитование 28 руб. 60 коп., т.-е. почти та же сумма.

По универсальным т-вам, опять-таки по всем, по тому же сводному балансу, получено займов от обществ с.-х. кредита на 1 члена 34 руб. 60 коп., а использовано в виде ссуд для крестьян только 24 руб. 20 коп. Цифра эта чрезвычайно показательна. В среднем на одного члена универсальные т-ва получили от обществ с.-х. кредита займов на 5 рублей больше, дали крестьянству на 4 рубля меньше, чем кредитные т-ва.

Несомненно, значительная часть этих средств застревает в «универсалах в тех товарных и производственных их операциях, которые тормозят и затушевывают основную задачу кредитной сети и основное ее задание—поставить правильно денежное кредитование крестьянского хозяйства.

[1]) Это 40% всех кредитных т-в, входящих в систему с.-х. кредита.

Если мы рассмотрим возврат ссуд, то увидим точно так же, что низовая сеть, где главным типом т-в является кредитные т-ва, возвращает ссуды обществам с.-х. кредита лучше, чем крестьянство возвращает ей. Таким образом, просрочки со стороны крестьянства т-ва как бы переносят на самих себя.

Наоборот, универсальные т-ва, завязывая в своем обороте средства, получаемые в обществах, пускают в мало ликвидные операции и ту часть средств, которая притекает к ним в виде возврата ссуд от крестьянского хозяйства.

Подходя к вопросу относительно качества работы низовой сети с любой стороны и с любой точки зрения, анализируя вопрос о наилучшем для нас типе т-в, по всем этим данным можно с полной убежденностью сделать совершенно ясные выводы. Если год тому назад, на основании теоретических построений и предположений во время дискуссии и на всех наших с'ездах и совещаниях мы твердили и настаивали, что лучшим типом т-в для кредитования деревни являются кредитные с посредническими функциями, то сейчас сама жизнь, факты и цифры это вполне подтверждают.

В настоящий переломный момент, в период, когда изменяется самая методология нашей работы, и система с.-х. кредита предоставляется главным образом собственным силам и средствам — в этот момент необходимо еще раз и самым решительным образом закрепить необходимость перехода всей нашей низовой сети на устав и методы кредитных т-в с посредническими функциями. Необходимо теперь же во всех районах добиться равнения на этот нормальный тип товариществ; добиться действительного укрепления нашей низовой сети.

Необходимо в то же время в настоящий переломный период безусловно стабилизовать количественный состав нашей низовой сети. Нет никаких материальных предпосылок к дальнейшему расширению низовой сети, и поэтому надо прекратить дальнейшее расширение ее количественного состава. Мало того: в некоторых районах, где, быть может, слишком размахнулись в этом отношении, необходимо произвести пересмотр низовой сети, в смысле возможного сокращения ее за счет наименее устойчивых и больных т-в. Стабилизовав количественный состав низовой сети и превращая всю низовую сеть в сеть нормальных кредитных т-в с посредническими функциями, во всех районах необходимо следить за тем, чтобы работа в них действительно соответствовала тем заданиям, которые мы ставим низовой сети.

В связи с этим необходимо добиться перехода работы низовой сети в большей части на свои средства, а для этого максимально повысить долю участия местных и крестьянских средств в системе с.-х. кредита и прежде всего—в ее низовой сети. Это неизбежная необходимость сегодняшнего дня, а поэтому на эту сторону работы необходимо обратить главное внимание. Если до сих пор существовали районы, в которых отдельные т-ва даже и не слышали о кампании привлечения вкладов, если существовали районы, в которых председатели правлений т-в даже не знали о том, что нужно подумать о развитии вкладных операций, то это доказывает, только одно: на местах еще не прониклись достаточно сознанием огромного значения привлечения крестьянских вкладов.

Было бы ошибкой считать, что сейчас вообще в деревне денег много, что кампания по привлечению крестьянских средств может сулить сейчас уже какие-то большие суммы для системы с.-х. кредита. Можно, примерно, предполагать, что деревня сейчас имеет свободных средств около 200 млн. руб. Если выделить из этой суммы часть, приходящуюся на кооперированную деревню, т.-е. на крестьянские хозяйства, входящие в низовую сеть системы с.-х. кредита, то это составит от 30 до 50 млн. руб. Сейчас уже привлечено в виде крестьянских паев в т-вах, примерно, 10 млн. руб. и по вкладам около 3 млн. руб. и при большом напряжении можно было бы, очевидно, удвоить эту сумму.

Успех этого дела зависит прежде всего от качества работы низовой сети и от качества работы местных с.-х. банков и обществ с.-х. кредита.

Несколько районов с кредитными товариществами уже проделали за последние 3—4 месяца опыт усиленного привлечения средств в низовую сеть. Ими уже на опыте доказана возможность привлечения крестьянских средств при напряжении энергии, при большей затрате организационных сил. Эта задача привлечения местных средств и крестьянских вкладов в систему с.-х. кредита сейчас вышла поэтому уже из стадии благих пожеланий. Те районы, которые действительно проявят необходимую активность и, в которых низовая сеть вместе с обществами с.-х. кредита найдет ключ к крестьянскому кошельку, несомненно, не только удержатся в период затруднений и депрессии, но пойдут вперед.

В то же время необходимо усилить борьбу с просрочками ссуд и повести решительную борьбу за поднятие кредитной дисциплины. В районах, где расшатана кредитная дисциплина в самих товариществах,—а это в большинстве случаев районы с универсальной сетью,—там надо принять целый ряд экстренных мер по борьбе с просрочками и к поднятию кредитной дисциплины. Борьба с просрочками ссуд, борьба за кредитную дисциплину, точно так же тесно связана с основной задачей—задачей перехода всех т-в к типу кредитных с посредническими функциями.

Не менее важной задачей в этот переломный период является принятие мер к сжатию расходов, к наибольшей экономии средств и к правильному распределению и расходованию этих средств во всех звеньях системы с.-х. кредита.

Прежде всего, и главным образом, это касается работы низовой сети. Необходимо добиться, чтобы нормальная годовая смета среднего т-ва (нормального типа без торгово-производственных уклонов) была бы ограничена суммой в 600—800 рублей. Курс на эту нормальную смету надо взять самый твердый: выработать нормальную смету в каждом районе, в зависимости от местных особенностей низовой сети, и ввести низовые т-ва в рамки этой сметы. Сжатие расходов должно быть проведено неотложно, ибо только оно даст возможность выравнять соотношение кредитной работы в т-ве с его прочими операциями.

Проводя в настоящий период хозяйственных и финансовых затруднений эти меры, укрепляя низовую сеть, переводя ее на устав и методы работы кредитных товариществ с посредническими функциями, усиливая привлечение крестьянских средств

и настаивая на сжатии расходов,—необходимо во всей этой работе опираться на кооперативную самодеятельность крестьянства и на активность самих товариществ.

Трудность задач системы с.-х. кредита заключается в том, чтобы, несмотря на затруднения, продолжать укрепляться и развиваться.

От энергии и активности всей системы с.-х. кредита зависит суметь в этот переломный период устоять и добиться дальнейшего продвижения вперед по пути организации кредитной помощи крестьянским хозяйствам.

П. Китайгородский

Турция и агрессивный итальянский империализм[1]).

I.

10 августа 1920 г. Англия, Франция и Италия подписали в Севре пресловутое Тройственное соглашение о разделе Малой Азии между союзниками. На долю Италии выпал вилайэт (губерния) Адалии, то-есть территория, прилегающая к Средиземному морю. Адалия, вошедшая в зону итальянского влияния, должна была служить ареной для торгово-промышленных интересов итальянского капитала, центром иммиграции итальянцев и сферой политического влияния.

Италия, однако, недолго оставалась в Адалии. Премьер-министр Нитти, который возглавлял в это время итальянское правительство, категорически отказался поддержать планы союзников в отношении Малой Азии. Италия в то время переживала тяжелый внутренний социально экономический и социально-политический кризис, обострившийся революционной классовой борьбой и закончившийся захватом рабочим классом—увы, не надолго!—фабрик и заводов. Итальянской буржуазии было тогда, как говорится, не «до жиру—быть бы живу». Этим об'ясняется отчасти «миролюбие» политики Нитти, чуждой агрессивного характера. Итальянское правительство не чувствовало тогда себя в силах поддержать малоазиатскую авантюру и вскоре увело свои войска из Адалии.

Но времена меняются, а с ними характер буржуазной политики. Итальянская буржуазия преодолела острый внутренний социально-экономический кризис и укрепила с помощью фашизма свое внутреннее политическое положение. Вождь фашистской Италии Муссолини круто изменил курс «миролюбивой» внешней политики Италии и стал на путь колониальной экспансии. Весною 1924 г. он в своей речи заявил, что отныне Италия неизменно будет обращать свои взоры на Восток. Это был явный и недвусмысленный намек на Анатолию, южную часть которой итальянский империализм готов во всякую минуту проглотить.

Вот что писала недавно лондонская «Вестминстер Газет» по поводу свидания Чемберлена и Муссолини в Рапалло: «Все указывает на то, что фашистская политика обращена в сторону

---

[1]) От автора. В этой статье мы ограничиваемся исключительно взаимоотношениями Турции и Италии, оставляя в стороне весь сложный переплет на Балканах с намечающейся перегруппировкой сил. К этому вопросу мы надеемся еще вернуться.

Анатолии. Так как юго-славский флот находится еще в младенческом состоянии, а греческий флот ничтожен, Италия, таким образом, является наиболее крупной морской державой в восточной части Средиземного моря. Додеканез (12 островов Греческого архипелага, расположенных в соседстве с юго-западной Анатолией и отошедших по Лозанскому договору окончательно к Италии. *П. К.*) представляет идеальную стратегическую базу, откуда легко можно проникнуть в Малую Азию. «Италии,— говорит далее «Вестминстер Газет»—до Турции рукой подать. Итальянскому флоту ничего не стоит завладеть южной частью плодородной Анатолии». Так комментировал английский либеральный орган свидание Чемберлена с Муссолини, состоявшееся в Рапалло, свидание всем своим острием направленное против молодой республиканской Турции, дерзновенно отказавшейся склонить свою голову перед ангийским империализмом, насильственно отторгнувшим Муссул от турецкой территории.

Итальянский империализм всячески старается получить какую-нибудь колонию в Малой Азии, в Северной или Восточной Африке. Муссолини точит свои зубы на французский протектатор—Тунис, в котором итальянцев в два с половиной раза больше, чем французов (110.000 итальянцев против 45.000 французов). Но ведь вопрос о Тунисе может быть решен только мечом. Это, так сказать, «музыка будущего».

Итальянский империализм снедаем завистью. По Версальскому договору все союзники получили мандаты на разные территории, принадлежавшие Оттоманской империи, или на бывшие германские колонии. Даже Япония получила в Тихом океане Марианские, Каролинские и другие острова. А вот Италия была обойдена. Орган итальянской тяжелой индустрии «Курьер д'Италиа» от 5 марта писал: «Земледелие и коммерция ограничены в своих рессурсах внутри страны. Нам нужна страна, откуда мы могли бы ввозить в Италию сырьевые продукты, необходимые для нашей индустрии, и куда мы могли бы ввозить излишек наших фабрикатов. У нас не имеется империалистских замыслов (Еще бы! *П. К.*). Но что же нам делать, если мы так стеснены на нашем полуострове?—Италия—цивилизованная страна и весьма заинтересована содействовать развитию какой бы то ни было отсталой страны».

Что значит в устах капиталистов «содействовать развитию отсталой страны», для советского читателя комментариев не требуется. Фашистская Италия стремится к колониальному расширению, но она наталкивается на владения Франции в Северной Африке и в Сирии, на владения Англии в Палестине и Ираке и на Турцию, готовую ежеминутно ощетиниться для защиты неприкосновенности своих границ. И мечется итальянский фашизм, заключает союзы с Юго-Славией, чтобы при случае проглотить Грецию... Охотно идет на свидание с Чемберленом в надежде добиться его поддержки для захвата турецкой Адалии, оккупированной в 1920 г. итальянскими войсками и затем эвакуированной по вине итальянского Керенского премьер-министра Нитти.

Итальянский милитаризм и маринизм лихорадочно укрепляет остров Родос, возводит военные укрепления на островах Додеканеза. Остров Аерос превращен итальянцами в мощную морскую и авиационную базу. Все это, в первую очередь, направлено против Турции.

Итальянская экспансия имеет под собою экономические и социальные причины. Послевоенная Италия значительно расширила свою внешнюю торговлю, оборот которой увеличился в два с половиною раза по сравнению с довоенным уровнем. Кроме того, в Италии имеется значительный «избыток лишних ртов». Итальянская эмиграция до войны давала ежегодно 700.000 человек, из которых около 300 тысяч эмигрировали в европейские страны, остальные в С. Шт. Северной Америки и южно-американские латинские страны. После войны эмиграционный поток хотя и уменьшился в своем размере, но все-таки довольно значителен. По опубликованным в Риме официальным данным (см. «Times» от 9 марта 1926 г.), число эмигрантов-итальянцев в 1925 г. составляет 312,038 (в 1924 г. эмигрировало из Италии 408,606 человек). Эти эмигранты эмигрировали в следующие страны:

во Францию	174.445 чел.
» Швейцарию	14.670 »
» Аргентину	53.331 »
» С. Шт. Америки	32.400 »

Остальные переселились в Канаду, Тунис и Австралию.

До войны С.-Американские Соединенные Штаты поглощали ежегодно около 50.000 итальянских эмигрантов. Но в настоящее время республика янки резко ограничила для эмигрантов в'езд в страну. Главный поток итальянской эмиграции направлен во Францию и французские северо-африканские колонии, преимущественно в Тунис. Итальянское правительство имеет особые вожделения на южную Анатолию, куда оно не прочь направить итальянскую эмиграцию. Муссолини хочет в первую очередь колонизировать Адалию, чтоб иметь, таким образом, опору в своем агрессивном выступлении против турецкой республики...

Аппетиты Италии в отношении Турции растут прямо пропорционально экономическому могуществу и росту итальянской торговли на Ближнем Востоке и, в частности, на внутреннем рынке турецкой республики.

Характерно, что последние два года итальянская торговля обнаруживает явную тенденцию к вытеснению английской торговли из ее доминирующей позиции в Турции. До последнего времени Англии, как и до войны, принадлежало п е р в о е место в торговле с Турцией. Начиная с 1924—25 г.г. итальянцы постепенно шаг за шагом выдвигаются на первое место по общему товарообороту с Турцией. Из общей ценности всего турецкого импорта и экспорта в 202.121 тысячу турецких лир на долю Италии пришлось 47.971 тысяча или 23,7%, то-есть, около $^1/_4$ всей турецкой внешней торговли. На долю же Англии за тот же период падает всего $12^1/_2$% (25.308 тысяч турецких лир) [1].

В то время как товарооборот Англии с Турцией систематически понижается (в 1923 г.—15%, 1925 г.—$12^1/_2$%), итальянская торговля прогрессивно возрастает. Так, напр., по данным «Economiste d'Orient» за февраль 1926 г., за все первые три полугодия 1923, 1924 и 1925 г.г. ценность товарооборота с Ита-

[1]) По данным «Bulletin de la Chambre de Commerce de Constantinople» за январь 1926 г.

лией в тысячах турецких лир соответственно равнялась: 15.335, 81.477, 47.971.

В процентах ко всему турецкому товарообороту это соответственно выразилось в цифрах: 16,2, 22,3 и 23,7.

При громадном увеличении абсолютной ценности мы видим устойчивую тенденцию и к росту процентного отношения ко всему турецкому внешнему товарообороту. Италия занимает теперь первое место в турецкой внешней торговле: это бесспорно.

Тоже самое явление мы замечаем и в отношении каботажного плавания. В турецких водах итальянский тоннаж приближается к английскому и вдвое превышает французский. Пароходы об-ва «Lloyd Triestino» наиболее многочисленны и успешно конкурируют с английскими, французскими, греческими и пароходами других стран в портах Турции, Сирии и Палестины.

Следующая табличка крайне характерна и дает живое представление о конкурентоспособности итальянской навигации. В цитированном нами «Bulletin de la Chambre de Commerce de Constantinople» за февраль 1926 г. мы находим следующую статистическую сводку каботажного плавания в Турции с 1 декабря 1925 г. по 1 февраля 1926 г.

	Прибывш. корабли	Число пассажиров	Снявшиеся пароходы	Число пассажиров
Италия	55	1.265	43	770
Англия	15	519	16	680
Франция . . .	15	614	16	881

Цифры говорят сами за себя. Итальянские пароходные общества развивают лихорадочную деятельность, побивая английские и французские. Правда, пароходы итальянского об-ва уступают другим в водоизмещении, но тут качество замещается количеством.

Из всего этого видно, насколько агрессивная политика фашистской Италии зиждется на ее экономическом превосходстве, главным образом, прогрессивно возросшей внешней торговле с Турцией и другими странами Ближнего Востока.

II.

Ничего удивительного нет, что ангорское правительство тревожно следит за внешней политикой Муссолини, демонстративно кивающей в сторону Анатолии. Правительству молодой турецкой буржуазии приходится говорить с Италией, держа камень за пазухой. Конференция в Рапалло, комментарии английской и итальянской прессы, ее прозрачные намеки не оставляют сомнений насчет истинной подоплеки переговоров, имевших место в Рапалло. Молодой турецкой республике угрожает смертельная опасность со стороны империализма.

Итальянский империализм ищет колоний. Но всюду он натыкается на препятствия. Он поздно вышел на сцену. Все «места под солнцем» заняты. Вопрос идет, по меткому выражению Владимира Ильича, не о разделе, а о переделе колоний. Итальянская пресса осенью прошлого года недвусмысленно намекала на готовность Италии заручиться мандатом на Сирию, выпадающим из рук Франции. Но ведь французский империализм с большим напряжением борется за удержание своего мандата на Сирию и Ливан. Остается итти по линии наименьшего сопротивления. И итальянская дипломатия использует любой повод, чтоб усилить свои шансы в борьбе с Турцией. Она готова помочь Англии удержать Моссул ценою компенсации в Адалии. Она готова временно заключить «локарнский» союз с Грецией (теперь уж очень в моду вошло «Локарно»), чтоб содействовать ей в захвате Восточной Фракии, а самой аннексировать Адалию, если не Смирну. Генерал Пангалос, греческий диктатор, идет на сближение с Муссолини и готов заключить с ним соглашение, направленное на поддержание итальянских и греческих притязаний в Турции, при чем в случае надобности они не остановятся перед применением военной силы. Греция уже обращается к Италии за снабжением своих войск военной аммуницией и аэропланами и за присылкой инструкторов для своей жандармерии (см. «Дейли Телеграф» от 10 марта сего года).

Нынешняя дипломатическая работа Муссолини на Балканах направлена против Турции в первую очередь. Молодая национально-революционная Турция напряженно силится парализовать попытки империалистических держав, в первую очередь английской и итальянской, расчленить и закабалить страну, только что завоевавшую свою национальную независимость ценою кровавых жертв. Молодая республиканская Турция сумеет постоять за себя, опираясь на СССР и на восточные страны Ближней и Средней Азии, стремящиеся сбросить иго империализма.

Наконец, противоречия в лагере империалистов являются тоже выигрышным козырем в руках турецкой дипломатии. Мы это видели недавно на примере заключения предварительного соглашения в Ангоре между турецким министром иностранных дел Тевфик-Рушди-беем и французским верховным комиссаром в Сирии Де-Жувенелем.

Правда, Англия ведет интригу против этого соглашения, подбивая Францию не ратифицировать его. Так как по этому соглашению Турции предоставляется право перевозить свои войска по Багдадской железной дороге через Северную Сирию, а равно Франция обещает соблюдать нейтралитет на случай войны между Турцией и Англией из-за Моссула, то Чемберлену чрезвычайно важно аннулировать это франко-ангорское соглашение.

По последним сообщениям Совет Лиги Наций отказался утвердить франко-турецкий договор. Очевидно, Англия и Франция сторговались за счет Турции, иначе Совет Лиги Наций не мог бы без согласия Франции отказаться от утверждения этого франко-ангорского соглашения.

Но противоречия между Англией и Францией на Ближнем Востоке слишком велики и как бы стороны ни старались их замазать, всегда найдется щель, чрез которую турецкая дипломатия сможет проникнуть с целью использования одной империалистической державы против другой.

Кроме того, Турция при желании может во всякое время закрыть Дарданеллы, несмотря на «демилитаризованные» зоны». В специальной литературе по этому вопросу указано, что тяжелые передвижные батареи могут у Чанака запереть проливы, если установить их на расстоянии часа от запретной зоны. На-

конец, можно просто минировать проливы и Мраморное море в случае одновременной атаки соединенных итальянского и греческого флотов.

Современная Турция занята по горло лихорадочной деятельностью по очищению страны от остатков средневековья. Турция модернизируется. Мы наблюдаем в Турции оживленную реформаторскую деятельность. Национальная революция, словно циклон, пронеслась по стране. Выкорчевываются обветшалые корни феодализма, закладываются основы нового быта. Об'явлена беспощадная борьба чадре и феске. Идет интенсивное железное строительство. Создается национально-буржуазная экономика на руинах средневекового султанского режима. Вылупившееся из скорлупы феодализма «третье сословие» полно революционной инициативы и отваги. Молодая победившая буржуазия перестраивает турецкую «надстройку», приспособляя ее к новой буржуазной экономике. Прежнее исламское, основанное на шариате законодательство заменено европейским гражданским кодексом. Строится новая Турция.

Но эта Турция, охваченная порывом строительства и обновления, сумеет заставить врага уважать ее права и независимость.

Молодая «цивилизующаяся» (выражение т. Ленина) Турция уверена в своем тыле. Это — красный тыл, тыл СССР. В союзе с СССР кемалистская Турция непобедима. Она сумеет долго обороняться от нападения империалистов. Империализм также обожжет себе пальцы о новую Турцию, как это с ним уже случилось в 1919—1922 г.г.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Т. Берин.

Стоимость в хозяйственной системе СССР.

Вопрос о стоимости становится актуальной проблемой нашей экономической политики. Заслугой т. Преображенского является то, что он первый занялся анализом этой проблемы. Но его «закон первоначального социалистического накопления» внушает сомнение.

Аналогия с законом «первоначального капиталистического накопления», не удачна. Капиталистическое накопление есть процесс стихийный. Социалистическое же накопление уже сейчас есть по преимуществу результат сознательного регулирования и чем дальше, тем все больше будет таковым.

Суть дела, однако, не в аналогии. Теория т. Преображенского подкупает тем, что «законом социалистического накопления» разрешается противоречие между «прибавочной стоимостью» и «прибылью» на наших госпредприятиях. Посмотрим, однако, как это противоречие разрешается Марксом и Лениным:

«В «Критике Готской программы» Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещения «сношенных» машин и т. д., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.» [1]).

Кто внимательно изучит «Критику Готской программы» Маркса, тот увидит, что мысль Маркса приблизительно такова: после завоевания власти пролетариатом рабочий становится хозяином всей общественной жизни. У него, следовательно, будут двоякого рода потребности: личные и общественные. Ту долю продукта труда рабочего, которая идет на его личные потребности, рабочий получит на руки в форме трудовых свидетельств—при развернутом социалистическом строе; в форме заработной платы—теперь, у нас.

Доля продукта труда рабочего, которая идет на его общественные нужды, с самого начала остается в руках общественных органов. К общественным нуждам рабочего Маркс и Ленин относят и расходы по управлению, и расходы по народному образованию, и расходы по социальному обеспечению и, между прочим, расходы на общественные нужды в расширенном воспроизводстве. Таким образом, Маркс и Ленин разрешают противоречие между прибавочной стоимостью и «прибылью» на наших

[1]) Н. Ленин, Собр. соч. т., XIV, стр. 371—72.

госпредприятиях просто. Здесь, следовательно, можно обойтись и без «закона первоначального социалистического накопления».

Кстати о терминологическом споре. Тов. Мотылев употребляет термин «социалистическая прибавочная стоимость». Другие товарищи пользуются термином «прибавочный продукт». Между тем, Маркс и Ленин предпочитают говорить об «общественном фонде». Можно, пожалуй, еще пользоваться термином «общественная доля продукта рабочего».

Как же обстоит дело с крестьянством?

Крестьянство у нас призвано к сотрудничеству с рабочим классом в деле строительства социализма. Оно тоже, следовательно, должно внести свою долю на общественные расходы, в том числе и на расширенное воспроизводство промышленности, как базы социализма. Так как крестьянство связано с национализированной промышленностью только через обмен, то оно свою долю вносит, помимо налогов, в виде разницы между ценой на продукты промышленности и ценой на сельско-хозяйственные продукты. Государство, покупая у крестьян сельско-хозяйственные продукты по «справедливой цене» и продавая крестьянству продукты промышленности по «доступной цене», т.-е. когда рабочее правительство устанавливает цены не на основе эквивалентности, оно не эксплоатирует «отсталые хозяйственные формы», а только учитывает в цене, ту долю, которую крестьянство, как сотрудник пролетариата должно внести на все общественные нужды. Вся трудность здесь заключается в том, чтобы найти правильную пропорцию между личными и общественными потребностями как рабочего, так и крестьянина.

* * *

Единственным признаком категории стоимости т. Преображенский считает стихийность.

Во всей трактовке вопроса им игнорируется материальное ядро марксова закона—пропорциональность трудовых затрат, обмениваемых продуктов или товаров. Послушаем Маркса:

«Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы и на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно-определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно, само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное разделение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,—эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов» [1]).

Легко видеть, что стихийность не есть закон, а только форма проявления закона. Содержание же закона трудовой стоимости Маркс приравнивает к закону природы, который вообще

[1]) Маркс и Энгельс, «Письма», изд. «Моск. раб.», 1923, стр. 176—177.

не может быть отменен. У Ленина же мы находим: «В первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не совсем, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку и лишь постольку «буржуазное право» отпадает. Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора распределения продуктов и распределения труда между членами общества» [1]).

Какой же это такой «буржуазный закон», который при социализме будет служить регулятором распределения продуктов и труда? Конечно же, это есть Марксов закон эквивалентности, хотя проявление его будет видоизменено.

Если закон пропорциональности трудовых затрат остается регулятором распределения продуктов и труда и при социализме, то не может же этот закон заснуть летаргическим сном на весь переходный период от капитализма к социализму. При анализе нашей экономической системы главное наше внимание, следовательно, должно быть обращено на то, чтобы проследить, как у нас проявляется этот основной, открытый Марксом закон. Термин здесь не столь существенен. Если окажется, что проявление этого закона у нас никаких следов стихийности не носит, тогда можно будет заменить термин «закон стоимости», ну, хотя бы термином «закон пропорциональности трудовых затрат». Но этого еще нет. Возьмем самый показательный пример, «когда само государство является и монопольным производителем и единственным монопольным покупателем», как производство паровозов. Тов. Преображенский утверждает, что в этом случае мы имеем «минимальное действие закона ценности на цены». Что «здесь категория цены носит чисто формальный характер».

Но это потому, что т. Преображенский слишком формально подошел к вопросу.

Во-первых, совершенно прав т. Гольденберг, когда он указывает, что и «паровоз по частям продается частному потребителю».

Во-вторых, и самое важное—это анализ тех данных, из которых складываются все наши планы. «Цены,—говорит т. Преображенский,—строятся из определенного планового расчета, они подгоняются к уровню себестоимости производства на заводах главметалла». Правда, в конечном счете, цена на паровозы устанавливается сознательно, а не стихийно. Но разве калькуляция себестоимости содержит мало предметов, цена которых установлена стихийным порядком? Сознательно устанавливаемые нами цены, даже в наиболее обобществленном секторе нашего народного хозяйства, сами являются суммированием целого ряда цен, одним из факторов которых является стихия рынка. Важно, однако то, что именно по пути искания того, как в нашем хозяйстве проявляется закон эквивалентности,—должно пойти марксистское исследование. Именно этого мы у т. Преображенского не найдем.

Важно еще следующее обстоятельство. Одно замечание, высказанное Марксом мимоходом, дает нам основание думать, что Маркс представлял себе хозяйственный учет при социализме,

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, стр. 374.

не в натуральной форме, а в трудочасах. «При общественном производстве денежный капитал отпадает. Общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями труда. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных потребительных запасов то количество продукта, которое соответствует их рабочему времени. Эти удостоверения отнюдь не деньги. Они не совершают обращения» [1]).

Следовательно, при социализме, когда стихийности не будет, основой сознательного регулирования будут трудовые затраты, а единицей измерения—трудочас, или что-нибудь в этом роде. Ну, а чем должны руководствоваться наши регулирующие и планирующие органы? Нужно ли доказывать, что устойчивая валюта есть одно из необходимейших условий успеха нашей экономической политики? Без устойчивого мерила ценности почти невозможен правильный хозяйственный учет, колеблется зарплата, что выбивает рабочего из равновесия, колебание цен вызывает неудовольствие среди крестьянства и т. д.

У нас еще нет плановости, сознательного регулирования во всей хозяйственной системе страны. Трудовые деньги для наших условий не меньшая утопия, чем таковые у Оуэна и Грея. Единственным устойчивым мерилом ценности у нас может быть золото—этот всеобщий эквивалент, носитель абстрактного, общественного труда при товарном хозяйстве.

Но мы пока не можем иметь золотого обращения внутри страны. Как же быть? Дабы держать нашу валюту на паритете с золотом Наркомфин иногда предпринимает «золотую интервенцию».

Это не нравится т. Преображенскому. По его мнению, работники Наркомфина воскрешают денежный фетишизм в дегенеративной форме, «они систематически апеллируют к золотому разуму черной биржи и, в случае отклонения бумажного червонца от золотой десятирублевки, впадают в панический страх и делают ненужные и убыточные для государства золотые интервенции» [2]).

Что же нам предлагает т. Преображенский? Он нам предлагает нечто в роде теории «покупательной силы денег» Ирвинга Фишера. «Допустим, в результате всех вышеприведенных причин мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен всех товаров, на всех ступенях товарного обращения. Если товарооборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15%, как раз и приводит к достижению валютного равновесия» [3]).

Приблизительно такое же повышение цен он и нам предлагает сделать.

То что при чисто-бумажно-денежном обращении достигается стихийно, т. Преображенский нам предлагает провести сознательно при нашей денежной системе. Не будем здесь вдаваться в теоретические споры о существе нашей денежной системы. Но нетрудно видеть, что проблемы устойчивого мерила ценности, или устойчивой единицы измерения для т. Преображенского не существуют. «Достижение валютного равновесия» сводится к тому, что масса денег в обращении должна соответствовать массе товаров. Подобно Ирвингу Фишеру т. Преображенский здесь думает, что одними валютными манипуляциями можно лечить хозяйственные недуги. Ведь это азбучная истина, что за повышением цен на промтовары последует повышение цен и на сельско-хозяйственные товары, придется затем увеличивать соответственно и зарплату. Выигрывая на повышении цен своих товаров госпромышленность проигрывает при оплате за сырье и на зарплату, а устойчивого мерила ценности мы иметь не будем. Игнорировав эквивалентность в законе стоимости, т. Преображенский не учитывает и значения устойчивой валюты как мерила ценности, именно поэтому «такой плановый маневр, как снижение цен, для т. Преображенского, повидимому, не существует» [1]), ибо снижение цен, как плановый маневр, направлено раньше всего к тому, чтобы достигнуть не «валютного равновесия», а устойчивой валюты, с помощью которой только и возможно правильное планирование и регулирование.

Сам т. Преображенский констатирует, что наша валютная практика не оправдала его теории. В сравнении с 1924 г., говорит он, было «увеличение общей массы денежного обращения на 70% в то время, как за тот же промежуток времени продукция нашей государственной промышленности увеличилась едва на 40%, а весь товарооборот еще на меньшую сумму... и если за тот же промежуток времени курс червонца, беря средний по оптовому и розничному индексам, пал только на 8%, то это лишь доказывает, насколько вообще прочно держится наша валюта, как она еще слабо реагирует на проделанный над нею эксперимент» [2]).

Тов. Преображенский здесь удивляется устойчивости нашей валюты, он не знает этому об'яснения, а по нашему об'яснение лежит в нашей политике понижения цен, и не последнюю роль здесь сыграла и золотая интервенция.

* * *

Маркс делает различие между теорией стоимости и теорией прибавочной стоимости. Почему? Да потому, что при капитализме, где стимулом производства является не интерес производителя, а прибыль предпринимателя,—непосредственным регулятором является уже закон средней нормы прибыли. Закон ценности здесь модифицирован. Правда, закон стоимости в смысле эквивалентности трудовых затрат и здесь не может быть уничтожен. Движение товарных цен,—если отвлечься от кон'юнктурных колебаний,—и здесь управляется законом стоимости. При сокращении необходимого рабочего времени на производство товара, понижается и его цена, и наоборот. Правда также, что без марксовой теории стоимости нельзя было бы понять и теорию прибавочной стоимости. Но все это отнюдь не делает эти оба проявления закона тождественными. При анализе нашей эконо-

[1]) «Капитал», т. II, стр. 332.
[2]) «Вестн. Ком. Акад.» № 14, стр. 58.
[3]) «Большевик» № 6, с. г. стр. 62.

[1]) Э. Гольденберг, «Запоздалый рефлекс», «Большевик» № 7—8.
[2]) «Большевик» № 6, стр. 62.

мической системы особо важно различие между проявлением закона стоимости в его чистом виде и его модификацией при капитализме. В самом деле, в том секторе нашего хозяйства, который при современных условиях играет решающую роль—в городской промышленности, на 95% находящейся в руках пролетарского государства,—«прибыль» может быть еще руководством к рационализации хозяйства,—но закон средней нормы прибыли уже не является регулятором производства.

Тов. Преображенский, который совершенно игнорирует содержание марксовой теории стоимости—эквивалентность, считая стихийность единственным признаком категории стоимости, приходит к такого рода утверждению: «Для наиболее полного проявления закона ценности надо, чтобы существовала полная свобода товарооборота как внутри страны, так и между странами на мировом рынке. Надо, далее, чтобы рабочий был свободным продавцом, а капиталист ничем не стесняемым покупателем рабочей силы, как товара. Надо, чтобы вмешательство государства в производственный процесс и количество собственных предприятий государства свелось к минимуму, а также отсутствовала регламентация цен со стороны монопольных организаций самих предпринимателей и т. д.» [1]).

Это утверждение никак не согласуется с марксовой теорией. Оно находится в явном противоречии с тем, что по этому поводу высказывали Маркс и Энгельс. «Обмен товаров по их стоимости, или приблизительно по их стоимости, соответствует гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима известная высота капиталистического развития» [2]).

Полнее эта мысль была развита Энгельсом. После выхода III тома «Капитала», буржуазные экономисты усмотрели в марксовой теории средней нормы прибыли отказ Маркса от теории трудовой стоимости. Но и великолепный марксист Шмидт выразил «формальные сомнения по поводу закона ценности». Он называет его научной г и п о т е з о й, а «в одном частном письме Шмидт называет закон ценности в пределах капиталистической формы производства теоретически необходимой функцией».

Как же на это реагировал Энгельс? Вы думаете, что он стал доказывать, что только при чистом капитализме наиболее полно проявляется закон ценности? Ничего подобного.

«Закон ценности Маркса,—говорит он,—был в экономическом смысле всеобщим, начиная с развития обмена, превратившего продукты в товары, вплоть до XV столетия. Начало же обмена товаров относится ко времени, предшествующему писанной истории человечества, в Египте по меньшей мере за три, а может и за пять тысяч лет. В Вавилоне за четыре—шесть тысяч лет до нашего летоисчисления. Таким образом, закон ценности господствовал в течение периода в пять—семь тысяч лет...»

...«Словом, закон ценности Маркса всеобщ — поскольку вообще, проявляется влияние экономических законов,—д л я в с е г о п е р и о д а п р о с т о г о т о в а р н о г о п р о и з в о д с т в а, следовательно, д о в и д о и з м е н е н и я э т о г о з а к о н а с развитием

[1]) «Вестн. Ком. Акад.» № 14, стр. 6.
[2]) М а р к с, «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 155

капиталистической формы производства» (подчеркнуто мною. *Т. Б.*) [1]).

Таким образом, Маркс и Энгельс в довольно категорической форме высказали то положение, что наиболее полное свое проявление закон ценности имеет только до капитализма, да иначе это и быть не может. Ведь при капитализме переход капитала из одной отрасли производства в другую происходит из-за борьбы капиталистов за прибавочную стоимость. Следовательно, здесь закон ценности модифицируется в том смысле, что непосредственным регулятором является закон средней нормы прибыли.

В отношении экономики СССР такая сплошная постановка проблемы, какую мы находим у т. Преображенского, приводит не к выяснению, а к затушевыванию двойственности нашей экономики, к замазыванию линии, по которой у нас происходит классовая борьба. В самом деле, «закон первоначального социалистического накопления» у т. Преображенского есть псевдоним сознательного регулирования, в противоположность стихийности. Кто же в данное время является главной помехой при проведении наших планов? Наша советская действительность показала, что срывают нашу политику цен, а вместе с тем и наши планы,—нэпманы, которые ведут борьбу за прибавочную стоимость. В деревне же вся наша борьба направлена против кулака и опять же в основе этой борьбы лежит прибавочная ценность или стремление кулака эксплоатировать бедняков. Из всего изложенного следует, что у нас главная линия борьбы проходит между пролетариатом, ведущим крестьянство за собой, с одной стороны, и между нэпманами и кулаками, с другой стороны. Экономически выражаясь, это означает, что идет борьба между сознательным регулированием и законом прибавочной ценности. Только такая постановка вопроса соответствует марксистско-ленинскому духу. Социализм,—говорит Ленин,—означает: «Кто не работает, тот не должен есть»,—этот социалистический принцип уже осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта»,—и этот социалистический принцип уже осуществлен» [2]).

У нас же еще социализма нет—только идет борьба за социализм. И ведем мы борьбу именно за то, чтобы по возможности скорее осуществить лозунг: «кто не работает, тот не должен есть». Трудность борьбы заключается не только в том, что те, которые потребляют, не работая, делают это в ущерб социалистическому накоплению, а главным образом потому, что эти элементы, в погоне за прибавочной стоимостью мешают, затрудняют работу наших планирующих и регулирующих органов.

За плановость, за сознательное регулирование ведет борьбу пролетариат.

За закон прибавочной ценности, за эксплоатацию, следовательно, за стихийность ведут борьбу кулаки и нэпманы.

* * *

При трактовке проблемы регулирования у нас часто ставят знак равенства между капиталистическим монополизмом и социализмом. У т. Преображенского мы находим такое выражение: «Напор капиталистического монополизма может встретить

[1]) Э н г е л ь с, «Закон ценности и норма прибыли». Цитир. по Габриэль Девилль «Изложение I тома «Капитала», изд. «Пролетарий», 1924 г., стр. 294—295.
[2]) Л е н и н, Собр. соч., т. XIV, стр. 374.

преграду лишь в социалистическом монополизме». Такое безоговорочное сравнение теоретически неправильно. Неправильно оно уже потому, что социализм означает общественную собственность на орудия производства, в противоположность капиталистической собственности вообще и монополистической собственности в частности.

Устраняет ли капиталистический монополизм стихийность? При мелком товарном производстве экономическая результанта всего народно-хозяйственного комплекса есть следствие взаимосплетений и борьбы отдельных хозяйственных ячеек. Закономерности, проявляющиеся при этом, мы и называем стихийным регулятором общества. При капиталистическом производстве количество самостоятельно функционирующих хозяйственных ячеек относительно уменьшается, т. к. воля и сознание наемных рабочих подчинены капиталисту, внутри предприятия которого существует порядок и строгая планомерность. Но каждая хозяйственная ячейка здесь действует с большей силой. Результаты борьбы все сильнее и вреднее отражаются на всем общественном организме. Отсюда-то—все учащающиеся периодические промышленные кризисы.

Капиталистический монополизм, также действующий в интересах частных собственников, не уничтожает стихию, а только возводит ее на высшую ступень. «Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, оправдывающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом; несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше. Привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная так наз. тяжелая индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности к еще более острому отсутствию планомерности» [1].

Концентрация и централизация капитала, а затем капиталистическое картелирование и синдицирование есть количественное нарастание элементов сознательного регулирования, которое может притти только после насильственного уничтожения частного интереса в пользу общественного. В основе капиталистического монополизма лежит не стремление к сознательному регулированию, а насилие. Это с исчерпывающей полнотой доказано Лениным в его работе «Империализм, как новейший этап капитализма».

Как же обстоит дело у нас—в стране строящей социализм? Городская промышленность почти целиком находится в руках государства. При государственной монополии внешней торговли, пользуясь методами монополизма, государство могло бы, повышая налоги и поднимая цены на товары госпромышленности, исчерпать всю платежеспособную силу страны.

Но ведь сам т. Преображенский говорит, что «забастовка покупателей есть тот предел, который поставлен государственному планированию в том случае, если цены государства превышают известный уровень, приемлемый для частного рынка».

Как же понимать этот предел? Следует ли думать, что налоги и товарные цены все же должны дать возможность крестьянству,

[1] Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 256.

немного лучше жить, чем до революции, и обзаводиться лучшим инвентарем, дабы и сельское хозяйство двигалось вперед? Если так, то это правильный ленинский путь. Однако, тов. Преображенский считает, что мы можем игнорировать крестьянское хозяйство.

Больше того, смысл всех теоретических построений его таков, что надо воспользоваться принципами монополизма, дабы до известной степени даже задержать рост крестьянского хозяйства, и о теперь это последнее, мол, опережает городскую промышленность.

Так действовать, значит толкать партию на неправильный путь.

Такая политика поставила бы под сомнение союз пролетариата с крестьянством.

Не верен этот путь и экономически, ибо Ленин нас учил, что мы должны и можем строить социализм только совместно с крестьянством. На ряду с ростом крупной индустрии мы заинтересованы также и в росте сельского хозяйства, направляя, конечно, этот рост по рельсам коллективизации, по пути кооперирования. Здорового и бесперебойного роста крупной индустрии мы можем добиться только в том случае, если растущее производство государственной промышленности найдет расширяющийся рынок сбыта, с одной стороны, и увеличивающиеся массы сырья—с другой.

Рост крестьянского хозяйства нам обеспечивает и то и другое.

Рост государственной промышленности может и должен быть относительно быстрее. Может, ибо социалистическая организация более рациональна. Должен, ибо такова цель пролетариата, строящего социализм—крупная промышленность есть основная база этого строительства. Но с этой стороны никакой опасности нет. Партия это знает. Рост государственной промышленности и теперь обгоняет рост сельского хозяйства—это так будет и в дальнейшем. Директива XIV парт'езда об индустриализации страны остается основной задачей.

Партия этой задаче уделяет, и в ближайшее время будет уделять, максимальное внимание. Необходимо только соблюдать правильные пропорции и не создавать паники.

Г. Лелевич.

Классовая борьба в литературе и воинствующий эклектизм.

(По поводу статей т.т. П. Ионова и Леопольда Авербаха в №№ 3, 4 и 7—8 «Большевика»).

Интересный и заслуживающий всякого внимания спор между т.т. П. Ионовым и Л. Авербахом осложняется одним обстоятельством, придающим этому спору довольно странный оттенок. Это обстоятельство заключается в своеобразном положении одной из спорящих сторон, а именно—Авербаха.

Дело в том, что брошюра «За пролетарскую литературу», на которую обрушился Ионов, была написана Авербахом еще до его окончательного отхода от напостовства. Брошюра эта в рукописи была прочтена и вполне одобрена Вардиным и Лелевичем, повинными, если верить нынешнему Авербаху, во всех смертных грехах. Но с тех пор, действительно,—«как мало прожито, как много пережито!»—Леопольд Авербах совершил поворот, если не в 180, то в 120°, и превратился из твердокаменного напостовца в «барометрийнейшего из нео-напостовцев», как метко охарактеризовал его тов. Н. Чужак в «Жизни искусства». Этот поворот, происшедший в промежутке между выходом брошюры Авербаха и появлением статьи Ионова, ставит автора брошюры в достаточно двусмысленное положение.

* * *

Дискуссия по вопросам партполитики в литературе, как известно, разгорелась первоначально между двумя течениями: капитулянтами и напостовцами. Манифестом капитулянтов послужила известная книга тов. Троцкого «Литература и революция», с ее категорическим утверждением: «В корне неправильно противопоставление буржуазной культуре и буржуазному искусству пролетарской культуры и пролетарского искусства. Этих последних вообще не будет, так как пролетарский режим—временный и переходный» [1]) (стр. 9). С этой программой Троцкий, Воронский, Осинский и др. выступили на борьбу против организованной пролетарской литературы. Однако, программное, принципиальное банкротство последовательных капитулянтов с полной ясностью обнаружилось сравнительно скоро,—примерно, к периоду I Всесоюзной Конференции Пролетписателей (январь 1925 г.). Историческая резолюция ЦК, опубликованная 1 июля 1925 г., явилась суровым приговором над капитулянтскими принципами. Пункты резолюции, осуждающие уклон, «недооценивающий борьбу за гегемонию пролетписателей», весьма недвусмысленно осуждали именно

[1]) Неоговоренные курсивы мои. *Г. Л.*

взгляды Троцкого, Воронского и др. Но и резолюция не положила конца борьбе за пролетарскую литературу. Почему?

На это прекрасно ответил в предисловии к своей брошюре Авербах, тогда еще умевший по-большевистски ставить вопросы литературного фронта: «Резолюция ЦК подвела итог нашим принципиальным разногласиям, по-большевистски разрешив их. Но еще стоит на очереди, приобретающий исключительную важность, организационный вопрос, но уже выступил на сцену эклектизм, об'ективно осужденный лишь на прикрытие тех взглядов, которые в резолюции ЦК названы капитулянтскими» (стр. 3). Точная и правильная характеристика положения!

На смену осужденному партией последовательному капитулянтству теперь пришел развязный и воинствующий эклектизм. Было бы странно, если бы он не появился. Ведь еще прошлым летом т. Сталин в своей речи в Свердловском университете отметил, что капиталистические элементы «стараются перевести борьбу в область идеологии пролетариата» и что «нельзя сказать, чтобы их старания оставались абсолютно бесплодными». Капитулянтство не могло испариться, поскольку сохраняется буржуазное давление на пролетариат. Но после резолюции ЦК этот уклон принужден выступать менее отчетливо, более сбивчиво, замаскированно. Молчит Троцкий, неохотно говорит о программных вопросах литфронта Воронский, но зато витийствуют А. Слепков, П. Ионов, Колоколкин, задает тон В. П. Полонский. Этот воинствующий эклектизм находит себе опору в некоторых моментах литературных взглядов Н. И. Бухарина. Авербах писал в своей брошюре: «Если в вопросах пролетарской культуры у т. Бухарина с самого начала имелась продуманность, своя система, то в вопросах тактики в области литературы, всех тех вопросах, которые входят в круг того, что называется литературной политикой партии, мы имеем постоянную эволюцию у тов. Бухарина... Если есть два стула и на стульях сидят люди, а между ними находит место еще один человек, то все-таки остаются два стула, и в применении к нашему вопросу попытка создания другой точки, кроме двух, прежде боровшихся, неизбежно будет носить эклектический характер» (стр. 50).

То, что воинствующий эклектизм, в самом деле, «осужден лишь на прикрытие» капитулянтских взглядов, прекрасно подтверждается центральным местом статьи Ионова: «Мы бы очень хотели посмотреть, как это можно разжигать классовую борьбу в области идеологии, не разжигая ее в экономике и политике—и наоборот, тем более, что понятие «идеология» включает в себя не только науку и искусство и проч. безобидные штуки, но и политическую идеологию!» (стр. 42 «Больш.» № 4). Авербах совершенно прав, когда в последней своей статье («Большевик» № 7—8) характеризует эту вопиющую цитату следующим образом: «Перед нами стопроцентная меньшевистская логика, на которую так яростно обрушивался Ленин. Такая постановка вопроса представляет собой лейтмотив всех рассуждений «Социалистического Вестника» за годы после нэпа. У вас свобода торговли, у вас сотрудничество в области экономической—сделайте политические выводы отсюда» (стр. 108). Совершенно верно:

воинствующий эклектизм, в лице П. Ионова, обнажил свою капитулянтскую сущность.

Предисловие прежнего Авербаха к своей напостовской брошюре не только правильно наметило роль эклектизма в настоящий момент, но и справедливо подчеркнуло огромное значение организационных вопросов литературы, не решенных принципиальной резолюцией ЦК. Именно в этой области пытается взять реванш замаскированное капитулянтство, разбитое в программной плоскости.

Стремясь к этому реваншу, эклектическая разновидность капитулянтства развертывает демагогическую кампанию, обвиняя напостовцев в противодействии и расхождении с резолюцией ЦК. Этот вопрос был подробно освещен еще прошлой осенью в письме правления ВАПП к членам союза «Забой», написанном Ил. Вардиным. Сопоставив ряд основных выдержек из резолюции ЦК и постановления I Всесоюзной конференции пролетписателей, письмо делало правильный вывод: «О чем они (параллельные выписки) с несомненностью свидетельствуют? О чем угодно, только не о том, будто ЦК нашей партии «осудил» позицию Всесоюзной конференции пролетписателей. Совершенно наоборот: партия решила основные вопросы литературы в направлении, которое было намечено Всесоюзной конференцией в итоге двухлетней борьбы. Этот двухлетний период борьбы можно и должно рассматривать, как подготовление партийного общественного мнения к принятию той резолюции, которая была опубликована Центральным Комитетом 1 июля 1925 года. Партийцы, работающие в ВАПП'е, в данном случае выполнили свой элементарный партийный долг: задача всякого члена партии заключается в том, чтобы проявлять инициативу в поднятии новых вопросов, чтобы предлагать партии те или иные способы решения этих вопросов. Далеко не всегда партия принимает предложения различных групп или лиц. Нередко партии действительно приходится осуждать те или иные предложения, но в данном случае как раз партия пошла по тому пути, который намечался напостовцами и вапповцами» («Октябрь» № 12 за 1925 г., стр 169—170).

Это письмо было утверждено Авербахом и его союзниками. Тогда Авербах понимал, что противопоставление напостовства резолюции ЦК насквозь лживо и демагогично. Но замечательно: как только Авербах превратился из напостовца в «барометрийнейшего из нео-напостовцев», он моментально направил против подлинных напостовцев это самое гнилое оружие. Мало того, Авербах оказался коллегой Ионова и в области спекуляции на партдискуссии. Разумеется, в конечном счете споры о литературной политике имеют и общеполитическое значение. Но нельзя так топорно и элементарно увязывать литературно-идеологические направления с общепартийными политическими течениями. Тут связь значительно сложнее и тоньше. Вардин и Лелевич увязали свое напостовство с партийной оппозицией. Но, как известно, целый ряд крупных представителей оппозиции придерживается литературных взглядов, прямо противоположных взглядам Вардина и Лелевича по этому вопросу. И, наоборот, ряд определенных сторонников партийного большинства разделяет литературную позицию Вардина и Лелевича (Безыменский и др.). Поэтому, как нельзя делать оппозицию ответственной за напостовство, так невозможно обвинять в оппозиционности последовательное напостовство. И если Авербах соперничает в этом непривлекательном занятии с Ионовым, это об'ясняется лишь слабостью аргументов по существу и стремлением нажить литературный капитал на политической борьбе.

* * *

Барометрийный Авербах, однако, не хочет признать своей барометрийности. В своем ответе Ионову он горделиво заявляет: «Мне абсолютно нечего менять в моей книжке, как бы ни пытался Ионов превратить ее в оппозиционный документ» (стр. 104). И Авербах очень темпераментно атакует Ионова. Во всех своих обвинениях против трубача воинствующего эклектизма Авербах прав, но трагикомизм его положения заключается в том, что эта правота никак не вяжется с его общей теперешней позицией. Все дело в том, что порвав с основной напостовской группой и став «нео-напостовцем», Авербах, если он хочет быть минимально последовательным, должен торжественно отречься от своей брошюры и присоединиться ко взглядам Ионова. Авербаха очень возмущает, что Ионов из факта условного экономического сотрудничества с буржуазией делает вывод о необходимости идеологического сотрудничества с нею. Но ведь ту же самую точку зрения подробно развивал на фракции чрезвычайной конференции ВАПП в своем выступлении против моего содоклада единомышленник Авербаха и член президиума конференции Чумандрин. И после этого меньшевистски-ионовского выступления Чумандрин не был осужден или даже одернут, а, наоборот, стал секретарем нового правления Ленинградской Ассоциации Пролетписателей. Что доказывает этот факт? Что «нео-напостовцы», борясь с подлинным напостовством, должны неизбежно скатиться на точку зрения Ионова. Такова логика.

Конкретным вопросом, по которому разгорелась борьба между «нео-напостовцами» во главе с Авербахом и основной напостовской группой (Вардин, Безыменский, Родов, Доронин, Карпов, Горбачев и др.), был вопрос о принципах построения Федерации Советских Писателей. Авербах и его друзья настаивали на включении в Федерацию Всероссийского Союза Писателей, т.-е. на об'единении в рядах Федерации всех писателей, имеющихся на территории СССР, в том числе и явно буржуазных. Основная напостовская группа предлагала создать Федерацию из пролетарских, крестьянских и лево-попутнических писателей с тем, чтобы, в процессе органической работы и идеологической борьбы, перетянуть в ряды Федерации и отвоевать от буржуазии все, что есть мало-мальски живого и революционного в русской литературе. Я категорически утверждаю, что этот организационный план нынешнего меньшинства ВАПП непосредственно и прямо вытекает из основных положений брошюры Авербаха «За пролетарскую литературу».

Теперь Авербах предлагает создать фактически единую организацию всей русской литературы и внутри этой единой организации, включающей Замятиных и Булгаковых, «срабатываться» с попутчиками. А в своей брошюре он писал: «Чем мы можем завоевать и завоюем тех из попутчиков, которые действительно могут пойти вместе с рабочим классом? Только чет-

кой классовой постановкой вопроса, разоблачением истинного смысла замятинско-вересаевского блока, неустанной борьбой с правыми. Политика примирений, соглашений, разговоров о единой русской литературе, затушевывания классового подхода к нашим врагам в литературе,—эта политика только на руку правому флангу нашего писательства. Эта политика утверждает и сохраняет руководство внутри-эмигрантских и буржуазных писателей над значительной частью попутчиков» (стр. 18). Разве не ясно, что из этих принципов целиком вытекает план меньшинства—противопоставить буржуазному Союзу Писателей свой притягательный центр для промежуточного писательства в виде Федерации Советских Писателей?

В другом месте брошюры Авербах правильно отметил: «Вся беда в литературной практике кое-каких наших журналов и заключалась в том, что они никакой классовой дифференциации в среде писателей не проводили, что за попутчиков выдавались буржуазные писатели» (стр. 22). Вот именно! Злокозненные Вардин, Родов и Лелевич не хотели повторять «литературную практику кое-каких наших журналов», не хотели, чтобы в Федерацию Советских Писателей были приняты буржуазные писатели, т.-е. чтобы этих последних выдавали за советских писателей или иначе за попутчиков.

А страницей раньше Авербах высказал совсем уже «оппозиционную» и «лево-ликвидаторскую», по его нынешним воззрениям, мысль: «Нормальная литературная обстановка для нас не такая, при которой все кошки серы, хотя бы и в союзе писателей. Нормальная литературная обстановка, с нашей точки зрения, такая, при которой классовые линии четко проведены, писатели организованы по идеологическому или формальному признаку» (стр. 21). Прекрасно, но ведь это чуть ли не цитата из речи Вардина против Авербаха в период последних споров! Именно в противовес Авербаху мы настаивали, чтобы в Федерацию принимались либо идеологические (классовые), либо лево-попутнические формальные группировки. Пример первых—ВАПП, Союз Крестьянских Писателей, Союз Революционных Драматургов, пример вторых—ЛЕФ, Конструктивисты и т. д. И мы возражали против приема Союза Писателей, между прочим, и потому, что он не принадлежит ни к одной из этих категорий (формально не принадлежит, ибо об'ективно он является классовой буржуазной организацией). Да, барометрийнейший тов. Авербах, мы только развивали ваши вчерашние мысли!

В брошюре Авербаха мы находим удачный ответ еще на одно его сегодняшнее утверждение. Он потратил много темперамента на доказательства, что партии и пролетариату полезно даже чисто-бумажное присоединение правого писательства к резолюции ЦК. А в брошюре мы читаем: «Наша партия настолько сильна, что она вовсе не нуждается в том, чтобы подобно слабым радоваться, что с ней идут все писатели и т. д. Вреднее казенного оптимизма ничего не может быть» (стр. 21).

Образно формулируя наши разногласия с группой Авербаха, мы говорили, что мы—за «левый блок» в литературе, а Авербах—фактически за «национальный». Это историческая аналогия вызвала со стороны Авербаха и его друзей не мало насмешек и ругани. И что же? В брошюре Авербах утверждал: «Здесь

невольно напрашивается аналогия (мы приведем ее, несмотря на то, что не принадлежим к числу любителей пользоваться аналогиями)—с ленинской и меньшевистской тактикой по отношению к либералам в связи с борьбой за мелкую буржуазию» (стр. 18—19).

Нет, тов. Авербах, если вам, действительно, «абсолютно нечего менять в своей книжке»,—немедленно прекратите всякую борьбу с напостовским меньшинством ВАПП, ибо тогда нам не о чем спорить. Если же вы продолжаете эту борьбу, будьте последовательны и откажитесь от своей брошюры, полностью присоединившись ко взглядам Ионова.

* * *

Не будучи в состоянии отыскать противоречия между своей брошюрой и взглядами меньшинства ВАПП, Авербах пытается обвинить нас в каких-то добавочных грехах и перенести на нас некоторые обвинения, выдвинутые против него Ионовым. В своем ответе Ионову он пишет: «Никогда и нигде мы не предлагали нарочито разжигать классовую борьбу—в частности, по линии этого вопроса прошла линия нашего размежевания с группой Вардина—Лелевича. Но мы за классовую борьбу там, где она неизбежно будет происходить. Мы утверждаем, что процесс неслыханного приобщения масс ко всем областям «духовной» культуры, процесс культурной революции будет вести за собой острую классовую борьбу в области идеологии» (стр. 107). Позвольте! Как же «по линии этого вопроса» прошла линия вашего размежевания с группой Вардина—Лелевича? Во время спора в ВАПП'е мы говорили не о формах классовой борьбы в экономике, не о методах борьбы, к примеру, с растущей экономической мощью кулака, а только о классовой борьбе в идеологии. Если вы тоже признаете неизбежность обострения классовой борьбы в этой области, в чем же мы здесь расходимся? Нескладно, совсем нескладно! По существу же дело в том, что, выступая против нас, Авербах не может не притти к ионовской идее классового мира в идеологии, но стыдливость мешает ему в этом признаться.

В другом месте статьи Авербах заявляет: «Вопрос о политике по отношению к попутчикам был одной из главных причин раскола между напостовцами, между ВАПП'ом и группой Вардина—Родова—Лелевича—трех рыцарей печального образа без всякой армии» (стр. 112). Два слова о «трех рыцарях печального образа без всякой армии». Не слишком ли оптимистичен наш барометрийнейший оппонент? По крайней мере, весьма активный соратник Авербаха, А. Зонин, недавно должен был признаться: «Большинство ВАПП'а должно было выдержать большую борьбу. В Вардине и Лелевиче пролетарские писатели привыкли видет вождей; за ними стоял актив второй по значению организации ВАПП'а—ленинградской ассоциации П. П.» («Жизнь искусства» № 16, стр. 5). А затем «одной из главных причин раскола между напостовцами» был не вопрос о политике по отношению к попутчикам, а вопрос о политике по отношению к буржуазной литературе.

«В январских тезисах Вардина,—цицеронствует Авербах,—была дана совершенно неправильная характеристика литературных попутчиков» (стр. 112). Прежде всего, это были не «тезисы Вардина», а единогласно принятая резолюция I Всесоюзной конференции пролетписателей. Затем, в чем же ошибка Вардина? Авербах поясняет: «Ошибка Вардина, между прочим, заключается в фактическом отказе от политики дифференциации попутчиков. Он рассматривает их всех как одну реакционную массу—в то время, как Воронский их всех считает перлом создания. Методологически одна и та же ошибка!» (стр. 112).

Обратимся к подлинному тексту резолюции конференции, так неосторожно приведенному Авербахом в приложении к своей брошюре: «Попутчики не являются однородным целым. Среди них имеются элементы, которые по мере сил честно служат революции. Но преобладающим типом «попутчика» является писатель, который в литературе искажает революцию, зачастую клевещет на нее, который пропитан духом национализма, великодержавности, мистицизма. Поскольку этот преобладающий тип «попутчика» задавал тон в художественной литературе посленэповского периода, постольку с полным основанием можно сказать, что «попутническая» художественная литература—это в основе своей литература, направленная против пролетарской революции. С этим антиреволюционным элементом попутничества необходима самая решительная борьба. Что касается действительных литературных попутчиков революции, то их всемерное использование на литературном фронте является совершенно необходимым» (брошюра Авербаха, стр. 88). Можно говорить, что резолюция неправильно устанавливает количественное соотношение между подлинными и мнимыми попутчиками, хотя и это не совсем справедливо, ибо резолюция в этом месте говорит не о попутчиках вообще, а о тех «попутчиках», которые задавали тон в органах Воронского до напостовской борьбы. Но говорить, будто резолюция «фактически отказывается от дифференциации попутчиков»—значит забыть документ, приложенный к собственной книжке!

Выступив против основной напостовской группы, Авербах логически должен был открыто стать под знамя воинствующего эклектизма и отречься от своей брошюры, но он не решается это сделать. В результате—наш барометрийный «вождь» барахтается в бесчисленных и непреодолимых противоречиях.

Это, разумеется, не удовлетворяет открытых трубадуров воинствующего эклектизма. П. Ионов «ждет от тов. Авербаха и второго необходимого шага» («Большевик» № 4, стр. 48). Он призывает Авербаха и его друзей «полностью и целиком встать на общепартийные позиции не только в области общеполитической, но и в области литературных взглядов» (там же). Выше мы говорили, в какой мере П. Ионов и его соратники имеют право говорить от имени партии. Но, оставив в стороне эту фразеологию, нельзя не признать, что приглашения Ионова, адресованные к Авербаху, имеют под собою логическое основание.

Авербах мнется и задорно кукурекает, но целиком обойтись без покаяния уже не может. «Я считаю долгом отметить одну

мою тактическую ошибку. Я не учел того, что партия должна будет перенести удар налево. Не учел, правда, потому что и вся партия тогда не переносила удара налево. Моя дискуссия с т.т., делающими правые ошибки в вопросах художественной политики, об'ективно могла лить воду на мельницу становившихся более опасными левых уклонистов. И если бы т. Ионов так поставил вопрос, то я с ним согласился бы» (стр. 114). С каким, однако, скрипом совершает Авербах свой спуск на тормозах!

Только что извинился, и сейчас же опять храбрится: «Основной удар мы перенесли налево, но будем попрежнему отстаивать все наши позиции и против нападений справа» (там же). Попрежнему? Блажен, кто верует, тепло ему на свете! Но правильно замечает Чужак, что «куда без прежнего задора» полемизирует с Воронским наш «барометрийнейший из нео-напостовцев». Да иначе и быть не может: нельзя бороться с капитулянтством и воинствующим эклектизмом, находясь в эклектическом болоте. Недаром же более откровенный и простодушный соратник Авербаха, А. Зонин, провозгласил: «По существу правых опасностей нет». Ваше мнение по этому поводу, тов. Авербах? Или правые опасности существуют постольку, поскольку жертвой атак справа являетесь вы?

* * *

Не берусь судить, какова будет дальнейшая эволюция Авербаха: вернется ли он к напостовству (на что нет никаких надежд), найдет ли в себе мужество отречься от своего напостовского прошлого и солидаризоваться с П. Ионовым или будет продолжать путаться в противоречиях, пугаясь выводов из собственных посылок. Судьбы пролетарского литературного движения в конце концов зависят не от барометрийных свойств тех или иных «руководителей». Несмотря на все зигзаги литературного развития, полностью сохраняют свою силу слова, сказанные Авербахом в предисловии к своей брошюре: «Перед пролетарской литературой еще большие бои, но она выйдет из них победительницей, ибо она неудержимо растет творчески, ибо партия и дальше поддержит ее, по-ленински разрешая все вопросы, которые встанут перед партией в деле руководства художественной литературой» (стр. 3). Этими словами бывшего напостовца я и позволю себе закончить эту статью.

«В январских тезисах Вардина,—цицеронствует Авербах,—была дана совершенно неправильная характеристика литературных попутчиков» (стр. 112). Прежде всего, это были не «тезисы Вардина», а единогласно принятая резолюция I Всесоюзной конференции пролетписателей. Затем, в чем же ошибка Вардина? Авербах поясняет: «Ошибка Вардина, между прочим, заключается в фактическом отказе от политики дифференциации попутчиков. Он рассматривает их всех как одну реакционную массу—в то время, как Воронский их всех считает перлом создания. Методологически одна и та же ошибка!» (стр. 112).

Обратимся к подлинному тексту резолюции конференции, так неосторожно приведенному Авербахом в приложении к своей брошюре: «Попутчики не являются однородным целым. Среди них имеются элементы, которые по мере сил честно служат революции. Но преобладающим типом «попутчика» является писатель, который в литературе искажает революцию, зачастую клевещет на нее, который пропитан духом национализма, великодержавности, мистицизма. Поскольку этот преобладающий тип «попутчика» задавал тон в художественной литературе посленэповского периода, постольку с полным основанием можно сказать, что «попутническая» художественная литература—это в основе своей литература, направленная против пролетарской революции. С этим антиреволюционным элементом попутничества необходима самая решительная борьба. Что касается действительных литературных попутчиков революции, то их всемерное использование на литературном фронте является совершенно необходимым» (брошюра Авербаха, стр. 88). Можно говорить, что резолюция неправильно устанавливает количественное соотношение между подлинными и мнимыми попутчиками, хотя и это не совсем справедливо, ибо резолюция в этом месте говорит не о попутчиках вообще, а о тех «попутчиках», которые задавали тон в органах Воронского до напостовской борьбы. Но говорить, будто резолюция «фактически отказывается от дифференциации попутчиков»—значит забыть документ, приложенный к собственной книжке!

Выступив против основной напостовской группы, Авербах логически должен был открыто стать под знамя воинствующего эклектизма и отречься от своей брошюры, но он не решается это сделать. В результате—наш барометрийный «вождь» барахтается в бесчисленных и непреодолимых противоречиях.

Это, разумеется, не удовлетворяет открытых трубадуров воинствующего эклектизма. П. Ионов «ждет от тов. Авербаха и второго необходимого шага» («Большевик» № 4, стр. 48). Он призывает Авербаха и его друзей «полностью и целиком встать на общепартийные позиции не только в области общеполитической, но и в области литературных взглядов» (там же). Выше мы говорили, в какой мере П. Ионов и его соратники имеют право говорить от имени партии. Но, оставив в стороне эту фразеологию, нельзя не признать, что приглашения Ионова, адресованные к Авербаху, имеют под собою логическое основание.

Авербах мнется и задорно кукурекает, но целиком обойтись без покаяния уже не может. «Я считаю долгом отметить одну

мою тактическую ошибку. Я не учел того, что партия должна будет перенести удар налево. Не учел, правда, потому что и вся партия тогда не переносила удара налево. Моя дискуссия с т.т., делающими правые ошибки в вопросах художественной политики, об'ективно могла лить воду на мельницу становившихся более опасными левых уклонистов. И если бы т. Ионов так поставил вопрос, то я с ним согласился бы» (стр. 114). С каким, однако, скрипом совершает Авербах свой спуск на тормозах!

Только что извинился, и сейчас же опять храбрится: «Основной удар мы перенесли налево, но будем попрежнему отстаивать все наши позиции и против нападений справа» (там же). Попрежнему? Блажен, кто верует, тепло ему на свете! Но правильно замечает Чужак, что «куда без прежнего задора» полемизирует с Воронским наш «барометрийнейший из нео-напостовцев». Да иначе и быть не может: нельзя бороться с капитулянтством и воинствующим эклектизмом, находясь в эклектическом болоте. Недаром же более откровенный и простодушный соратник Авербаха, А. Зонин, провозгласил: «По существу правых опасностей нет». Ваше мнение по этому поводу, тов. Авербах? Или правые опасности существуют постольку, поскольку жертвой атак справа являетесь вы?

* * *

Не берусь судить, какова будет дальнейшая эволюция Авербаха: вернется ли он к напостовству (на что нет никаких надежд), найдет ли в себе мужество отречься от своего напостовского прошлого и солидаризоваться с П. Ионовым или будет продолжать путаться в противоречиях, пугаясь выводов из собственных посылок. Судьбы пролетарского литературного движения в конце концов зависят не от барометрийных свойств тех или иных «руководителей». Несмотря на все зигзаги литературного развития, полностью сохраняют свою силу слова, сказанные Авербахом в предисловии к своей брошюре: «Перед пролетарской литературой еще большие бои, но она выйдет из них победительницей, ибо она неудержимо растет творчески, ибо партия и дальше поддержит ее, по-ленински разрешая все вопросы, которые встанут перед партией в деле руководства художественной литературой» (стр. 3). Этими словами бывшего напостовца я и позволю себе закончить эту статью.

П. Ионов.

Еще раз о напостовской путанице и „большевиках в приложении к культуре“.

(*Ответ на два ответа*).

«Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Ленин.

Наша статья о пролетарской культуре явилась непосредственной причиной темпераментных полемических упражнений Авербаха и косвенным поводом к меланхолическим размышлениям со стороны его недавнего друга Лелевича.

— Враги... Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?

При этом развернувшаяся полемика лишний раз блестяще подтвердила старое, как мир, тактическое правило—если ты сидишь между двумя стульями, то это еще не значит, что ты сидишь на стуле. Авербах никак не может и не хочет понять, что он очутился именно в этой выигрышной позиции—надеемся, что статья Лелевича поможет ему, наконец, увидеть альтернативу там, где до сих пор нашему храброму оппоненту грезился «мир и в человецех благоволение».

1. Неудачный урок политграмоты или напрасно разбитые горшки.

Великолепный в своем воинствующем невежестве и преисполненный глубокого презрения к красным профессорам вообще и meinen Kleinigkeit в частности, Авербах соблаговолил дать нам урок политграмоты. «Культура не есть механическая смесь некоего количества элементов, — поучает нас Авербах, — а целостная, согласованная—кем?—классом согласованная система, в которую входят и общезначимые.... для всех культур элементы». «Но так ли резко разделимы эти две («духовная» и «материальная». *П. И.*) культуры?.. Они сливаются в одну культуру, которая не перестает быть целостной от того, что некоторые ее части перейдут и в систему другого класса».

Захлебнувшись от восторга, Авербах окончательно «кроет» своих противников развязной ссылкой на «старого» Каутского.

«Найдите важнейшее место в книге старого Каутского «Размножение и развитие в природе и в обществе», которое даст тов. Ионову урок марксистской грамоты: «Каждый класс разовьет свойственное ему миропонимание, которое определяется не только состоянием естественно-научных знаний его времени, но и—еще в большей степени — его положением в обществе. В этом смысле можно говорить о буржуазной и пролетарской науке. Существуют мудрецы, которые иронизируют по этому поводу и выдвигают абсурдность пролетарской химии или физики. Но вся их премудрость свидетельствует лишь об их ограниченности, с которой они часть науки принимают за всю науку, за совокупность проникнутой общим единством картины мира, в которой каждая часть находится в необходимой связи с другой. Отдельные части могут, конечно, быть одинаковы, как одинаковы отдельные кирпичи, из которых строится дом пролетария и княжеский дворец. Но общее построение в одном случае резко отличается от построения в другом, и как часть общей постройки один и тот же кирпич, из которого построен дом пролетария, выглядит совершенно иначе, чем кирпич, употребленный на постройку княжеского дворца».

Приведя эту выдержку и проплясав на радостях фокстрот, Авербах еще раз в противовес «эклектической путанице» Слепкова и Ионова формулирует свою точку зрения: «Буржуазная культура совершенно так же, как и наука—не куча кирпичей, а более или менее стройное здание».

Очень хорошо, тов. Авербах! Помните русскую пословицу: «Без промаха бьет ружье—с полки упало, семь горшков разбило»? Неблагодарная эта работа, а придется нам, видимо, склеивать ваши горшки!

Начнем со «старого» Каутского. Если бы Авербах перелистал еще несколько страниц цитируемой им книги, он бы, без сомнения, наткнулся на следующее место: «Не пролетариат создает новую эпоху в искусстве. Наоборот, она будет создана только с исчезновением пролетариата» [1]. Спешим оговориться—мы отнюдь не собираемся защищать этот тезис,—приводя его мы просто хотим напомнить Авербаху, что в ссылках даже на прежнего Каутского нужно быть очень осторожным—не только переписывать, но и понимать то, что переписываешь. Авербах, повидимому, пренебрегает этим мудрым правилом, предпочитая, очевидно, жить по Маяковскому.

— Много ль человеку нужно?
Небольшие штаны,
Да кое-что из хлеба!

Увы! К сожалению, с одними «небольшими штанами» далеко не уедешь, что лишний раз и подтвердила авербаховская ссылка на «старого» Каутского.

Проследим внимательно ход каутскианских рассуждений.

Само собой разумеется, нелепо говорить о буржуазной механике и о пролетарской гистологии,—рассуждает Каутский, а за ним и Авербах. Но ведь это только часть науки. Наука же есть целостное мировоззрение, в котором отдельные науки, как отдельные кирпичи, сцементированы в единое стройное здание.

Но кто же будет отрицать разницу между буржуазным и пролетарским мировоззрением?! А посему—да здравствует и пр.!

[1] Каутский, «Размножение и развитие в природе и обществе». ГИЗ 1921, стр. 109.

Однако, что же это такое?—спросим мы читателя—марксизм? Нет! Это не марксизм, а самая настоящая махистская путаница, уловившая на приманку формальной логики, приправленной авторитетом Каутского, нашего храброго «гимназиста на посту».

В самом деле, может ли быть в настоящее время буржуазное мировоззрение научным? Ни в коем случае! Есть лишь одно научное мировоззрение—это марксизм. Заявлять, что существует буржуазная и пролетарская наука в смысле двух равнозначных научных мировоззрений—значит подменять диалектику в лучшем случае «согласованным и гармонизированным опытом» богдановского релятивизма, отказавшись от единственного критерия истины—согласия мыслей о действительности с самой действительностью.

Ведь все дело в том и заключается, что мировоззрение современной буржуазии не примиримо с наукой, а потому эклектично в своем существе. Целостная, «согласованная» «духовная» культура буржуазии существует не в исторической реальности, а в путаной голове Авербаха, в своей теоретической невинности повторяющего махистские зады. В исторической же реальности «буржуазная» наука восстает против буржуазного способа мышления, против буржуазной философии, против буржуазного мировоззрения. Примером этого может служить хотя бы тот же «обезьяний процесс», на который ссылается «критически мыслящий» Авербах в целях нашего посрамления. «Обезьяний процесс»,—пишет Авербах,—демонстрирует настоящую уже необходимость анти-дарвиновской реакции для сохранения буржуазного господства». Если отбросить содержащееся здесь преувеличение, то остается здравая мысль—дарвинизм никак не может быть «согласован» с библией и адамовым ребром, услужливо подпирающим буржуазное государство.

«Правильность диалектического понимания,—писал Энгельс,—все более подтверждается накопляющимися фактами естествознания» [1]).

«Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм» [2]). Какая же эта физика? Конечно, буржуазная! Всю свою работу об эмпирио-критицизме Владимир Ильич в сущности говоря и посвятил доказательству единственной тезы—современная «буржуазная» наука, «буржуазное» естествознание ни в каком разе не примиримо с поповщиной и фидеизмом буржуазного мировоззрения. Буржуазные естествоиспытатели являются стихийными материалистами-диалектиками, ибо весь «ход развития естествознания... отбрасывает прочь все систимки и все ухищрения (идеалистов. *П. И.*), выдвигая снова и снова «метафизику» естественно-исторического материализма» [3]).

Таким образом, вопреки Авербаху, если не может быть буржуазной гистологии, то не может быть и буржуазной науки вообще в смысле цельного научного мировоззрения, ибо «буржуазная» наука вовсе не входит в качестве согласованного «кирпичика» в буржуазное мировоззрение, а порывая идеалистическую шелуху последнего уже в рамках буржуазного общества, стихийно рождает диалектический материализм—этот стержень единственно-научного пролетарского мировоззрения. Написав эти строки, мы заранее представляем себе, как Авербах злорадно хватает XII том В. И. Ленина и лихорадочно выписывает следующее место:

[1]) Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 375.
[2]) Ленин, т. X, стр. 264.
[3]) Там же, стр. 297.

«Учение Маркса вызывает к себе во всем цивилизованном мире величайшую вражду и ненависть всей буржуазной (и казенной и либеральной) науки, которая видит в марксизме нечто вроде «вредной секты»... вся казенная и либеральная наука защищает наемное рабство... Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства—такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала» [1]).

И далее представляем себе, как, сделав эту выписку, Авербах начинает со свойственным ему искусством распинать нас на бумаге: смотрите вот он какой, Ионов! Толкует, что не может быть буржуазной науки, а Ленин пишет, что ожидать беспристрастной науки—глупенькая наивность, ибо наука классова и партийна! Ату его, этого красного профессора, «правого уклониста», нового «Богушевского» и пр. и пр.!

Мы в панике и ничтожестве. Авербах, ликуя, справляет тризну на костях павшего врага. Читатель укоризненно поглядывает на нас и неодобрительно качает головой: как же это ты так, братец, с марксизмом расстался?!? А?.. Нехорошо...

Заранее трепещем, но... Но все дело в том, что мы настолько перевоплотились в нашего беспристрастного оппонента, что в вышеприведенных словах В. И. Ленина «случайно» выпустили следующие чрезвычайно важные две строки, в которых Владимир Ильич поясняет, какую именно науку он имеет в виду: «ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе». Итак, оказывается дело обстоит не так просто, тов. Авербах! Оказывается, есть две буржуазных науки—«буржуазная» наука и буржуазная «наука». «Буржуазная» наука—это главным образом область т. наз. точных наук и естествознания, «замечательно подтверждающего» диалектический материализм Маркса вопреки (вы слышите, тов. Авербах—вопреки!?) учению буржуазных философов» [2]).

Буржуазная же «наука»—это преимущественно буржуазное обществоведение и философия, ибо эти научные области никогда не будут доступны об'ективному анализу со стороны ученых индюков буржуазной профессуры, выдающих свое эклектическое кудахтанье за образцы внеклассовой научной мысли.

«Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя—такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология.

[1]) Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 54.
[2]) Там же, стр. 56.

В общем и целом, профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов» [1]).

Эта буржуазная «наука» по своим методам и по своему содержанию так же разительно отличается от «буржуазного» естествознания, как ньютонова механика от ньютоновских апокалиптических изысканий, в которых великий англичанин, как известно, с большим блеском доказывал, что одиннадцатый рог зверя в пророчестве Даниила предуказывает неминуемую гибель римского папы. И если эти две науки мирно ужились и уживаются рядышком в головах буржуазных ученых, «которые в пределах своей частной науки являются беспощадными материалистами, а вне ее—не только идеалистами, но даже благочестивыми, правоверными христианами» [2]), то отнюдь не благодаря их («наук») мнимой «согласованности», а «просто» в силу эклектичности буржуазной мысли вообще. Учение о «двойной истине» и откровенный дуализм по существу были и остались единственной гаванью спасения, к которой снова и снова причаливает буржуазный философ, крепко расквасив нос в безнадежной погоне за синей птицей монистического мировоззрения.

Но если все это верно, то тем самым падает каутскианская аргументация, выдвинутая против нас Авербахом, а вместе с ней и авербаховское понимание культуры. Мы потому так долго и задержались на разборе авербаховской «согласованной системы» буржуазного научного мировоззрения, что ошибка Авербаха здесь вполне аналогична авербаховской ошибке по вопросу о культуре вообще.

«Употребляющие термин «культура буржуазного общества»,— заявляет Авербах, становясь в позу общественного обвинителя,— замазывают классовую разорванность этого общества, отказываются от классового подхода к вопросам культуры, ставят знак равенства между господствующей классовой культурой и культурой всего общества, в котором идет классовая борьба—и по линии классовой культуры.

По отношению к социализму можно будет говорить о культуре соответствующего способа производства. Почему? Потому, что это будет бесклассовое общество равных людей. Там будет единая культура социалистического общества. А в приложении к любому обществу, разделенному на классы, нельзя говорить о всеоб'емлющей культуре данного общества, хотя господствующая классовая культура и накладывает свой отпечаток на жизнь всего общества».

Таким образом, Авербах ратует за понятие культуры, как единой и согласованной системы. У Слепкова и Ионова эклектические кирпичи, а вот у меня—целостное здание,—хвастает гордый Авербах.

Однако, давно сказано: хвались, идучи с рати...

В самом деле, если нет «согласованной» «духовной» буржуазной культуры, то еще менее можно найти эту согласованность между «духовной» и «материальной» культурой буржуазного общества. И когда Авербах, задавая вопрос—«так ли резко разделимы эти две культуры?»—отвечает: Они сливаются в одну целостную буржуазную культуру—то он вдвойне ошибается.

[1]) Ленин, т. X, стр. 290.

[2]) Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II, Энгельс, «Диалектика природы», стр. 381.

Да, т. Авербах! Эти две культуры настолько «резко разделимы», что именно в силу противоречия между техническим базисом (точнее,—производительными силами) и производственными отношениями (а тем самым—и определяемой последними надстроечной системой) и происходят роды нового общества! Ведь, если бы была в буржуазной культуре эта ваша пресловутая «согласованность», то тогда Октябрьская революция являлась бы абсолютно необ'яснимым феноменом, а все ваши разговоры о новом революционном «контексте» не стоили бы ломаного гроша, ибо «новому контексту» неоткуда было бы появиться.

Толкуя об этом «новом контексте», Авербах никак не может понять той несложной истины, что технический базис капитализма, вопреки всяким попыткам «согласования», именно и «выпирает» из прочего культурного облачения и что только социалистическая революция приводит в соответствие «материальный костяк» капиталистического общества, — и именно в данном его сочетании,—с производственными отношениями и всей многоэтажной культурной «надстройкой». Социалистическое общество лишь «просто» развивает далее производительные силы, «вызревшие в лоне старого общества», решая технические задачи, которые были поставлены еще капитализмом, не нашедшим, однако, в себе сил для их рационального решения.

Таким образом, гегелевский «хитрый» разум, повидимому, сыграл с нашим «гимназистом на посту» скверную шутку.

Покрывая одним понятием буржуазной классовой культуры такие вещи, как технику, взрывающую буржуазное общество и в своем данном сочетании образующую фундамент социализма, «буржуазную» науку, стихийно «рождающую диалектический материализм», шпенглеровские пророчества, американский электрический стул и чортиков г-на Мережковского с гладкими хвостами, как у английского дога, и утверждая, что все это представляет из себя единую целостную систему,— Авербах утверждает гармонию и мир там, где все поражено противоречием.

Отвергая нашу терминологию под флагом борьбы с «замазыванием классовой расколотости» и ратуя за определение буржуазной культуры, как целостной согласованной системы «духовных» и «материальных» элементов во имя «классового подхода к вопросам культуры», Авербах тем самым по существу становится на точку зрения апологии капитализма.

Вот что значит, т. Авербах, разбить горшки не подумав!

«Буржуазная культура есть не культура буржуазии, а культура капиталистического общества». И Ионов и Слепков, выдвигая это чудовищное положение, повторяют лишь... Тера-Ваганяна! Зрелище для богов, одинаково радующее как Слепкова и Ваганяна по отдельности, так и зрителя сей комбинации».

Рановато, рановато, вы начали отплясывать фокстрот, т. Авербах! Во всяком случае боги, оглядываясь на полемическое болото, в котором вы столь храбро завязли, зрят пока довольно грустную картину.

— Там все торчит лишь пара ног
И остов нежной Доротеи...

2. Бесплатный курс диалектики незадачливому учителю, или—куда выросла рогуля—туда и торчит.

На этом по вопросу о культуре можно было бы закончить. Однако, у Авербаха имеется против нас еще один аргумент. Повидимому, предчувствуя, что с цитатой из Каутского дело может обернуться и для Каутского и для Авербаха не совсем кругло, предусмотрительный критик на всякий случай нас добавочно «кроет» следующей выпиской из В. И. Ленина:

«В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплоатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная), притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры»... «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре» [1]).

«Занимательно будет посмотреть,—иронизирует наш жизнерадостный оппонент,—на всякого, кто попытается «комментировать» приведенные нами мысли Ленина».

Занимательно или незанимательно—это мы сейчас увидим. А вот нам, в свою очередь, очень «занимательно», почему это Авербах не попытался «комментировать» те строчки Владимира Ильича, которые мы приводили в нашей статье? «Нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.-е. культур чиновничьей или крепостнической и т. п. » [2]).

В виду не особенно блестящих перспектив на вразумительный ответ, попытаемся без помощи Авербаха разобраться в обоих мыслях Ильича. Только заранее предупреждаем—вряд ли наши «комментарии» покажутся Авербаху особенно «занимательными».

Как известно блестящий урок диалектического мышления Вл. Ильич дал в статье «Еще раз о профсоюзах». Представим себе, рассуждает Вл. Ильич, что где-нибудь в Китае, о котором я ничего не знаю, идут «споры между китайцем № 1, который говорит, что восстание есть продукт обостреннейшей и захватившей всю нацию классовой борьбы, и китайцем № 2, который говорит, что восстание есть искусство. Тезисы, подобно Бухарину, я могу написать ничего больше не зная: «С одной стороны... с другой стороны». Один недостаточно учел «момент» искусства, другой—«момент обострения» и т. д. Это будет мертвый и бессодержательный эклектизм, ибо нет конкретного изучения данного спора, данного вопроса, данного подхода к нему и т. д.» [3]). И вот теперь представим себе следующий гипотетический случай. Владимир Ильич, изучив данный конкретный спор в данной конкретной исторической обстановке, приходит к заключению, что прав китаец № 1, утверждающий, что восстание есть продукт классовой борьбы, ибо «гвоздь» данного спора не в том—нужно или нет технически готовить восстание, а в том, что в данных условиях требовать немедленного восстания—значит заниматься вспышкопускательством и быть «революционером до бесчувствия».

Предположим далее, что после этого спора прошло несколько лет. Историческая обстановка в Китае изменилась. Революция стучится в ворота—все дело только в том, чтобы ее не «прозевать». Пусть теперь китаец № 3, ссылкой на прежнюю статью Владимира Ильича начинает утверждать, что восстание есть продукт классовой борьбы против китайских революционеров, требующих немедленной технической подготовки и организации восстания. Что бы обнаружил тем самым «умный» китаец № 3? Теоретически—полное непонимание ленинской диалектики, в которой суть ленинизма, практически—предательство интересов китайской революции, «хвостизм», отказ от «гегемонии» и т. д.

Читатель наверное уже заметил, что как раз ошибку нашего гипотетического китайца № 3 и делает Авербах, ссылаясь против нас на работу Владимира Ильича, вырвав ее из исторического контекста и даже не пытаясь поставить вопрос о необходимости конкретного изучения условий тогдашнего спора тов. Ленина с Юркевичами и Либманами.

В той же самой статье «Критические заметки по национальному вопросу», несколько строк которой нам напомнил услужливый Авербах, мы читаем.

«Ставя лозунг интернациональной культуры, демократизма и всемирного рабочего движения, мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации» [1]).

Итак, как видит читатель, Владимир Ильич берет здесь элементы социалистической культуры, как безусловно противоположные буржуазной культуре, отравляющей сознание рабочего класса и расслабляющей его революционную волю.

«Чтобы победа была полная и окончательная, надо еще взять все то, что есть в капитализме ценного, взять себе всю науку и культуру». «Задача... соединить победоносную пролетарскую революцию с буржуазной культурой, с буржуазной наукой и техникой» [2]).

В этих цитатах, наоборот, Владимир Ильич трактует овладение именно буржуазной культурой, как необходимое условие окончательной победы пролетарской революции и социализма. Нетрудно видеть, что этот, на первый взгляд абсолютно противоречивый характер ленинских мыслей об'ясняется тем, что Владимир Ильич, в зависимости от конкретных условий спора, вкладывал в понятие культуры в обоих случаях различное содержание. «Мы видим,—заранее ликует Авербах,—как П. Ионов вопиет о неслыханной терминологической путанице у Ленина. Приносим наше соболезнование».

Успокойтесь, тов. Авербах! Примите валерианку и поставьте горчичник на расходившееся творческое воображение! У Ленина никакой терминологической путаницы не было и нет, а вот у вас она была и осталась—в этом нетрудно убедиться,

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 43—50.
[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 125.
[3]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 61.

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 43.
[2]) Ленин, т. XVI, стр. 75—76.

просмотрев хотя бы несколько страниц вашей печально-знаменитой брошюры.

В самом деле—когда говорят о терминологической путанице? Очевидно тогда, когда человек употребляет одно и то же понятие в различных смыслах, не оговаривая этого, а потому путая и себя и своих читателей. Но что мы видим в вышеприведенных цитатах Владимира Ильича?

Две последних выдержки нами взяты из речей Ленина, произнесенных им уже после Октябрьской революции. Размах последней был настолько силен, а ненависть к старому миру была так велика, что большая опасность угрожала диктатуре пролетариата именно в силу пренебрежительного отношения к «разным там Толстым и Рафаэлям» и возведения родного таракана в высший и последний принцип пролетарской культуры. Красноармеец, свертывающий цыгарки из Пушкина, и баба, разжигающая печку физикой Хвольсона,—все это не случайные факты, и притом выраставшие не только, или верней—не столько на основе великой нищеты, сколько благодаря ужасающей нашей дикости и некультурности.

На пролетариате те же настроения отражались хотя бы в форме хвастливой и вредной самоуверенности—сами, мол, свое дело на попа поставим! Гони их в шею, инженеров и техников, буржуазных прихвостней!..

Теоретическим рефлексом этих настроений были: почти безраздельно царившая богдановщина, с одной стороны, и левый коммунизм—с другой. Вот почему Владимир Ильич в этих условиях неустанно твердил о необходимости овладения буржуазной культурой, при чем он прямо указывал, как в одной из вышеприведенных цитат, что он подразумевает под буржуазной культурой—именно: науку и технику. Ибо вопрос теперь стоял уже не о том, что разрушать, а о том, что взять и из чего строить. А строить можно и должно было только из буржуазных кирпичей и притом руками буржуазных специалистов. «Если вы не построите коммунистического общества из этого материала, тогда вы пустые фразеры, болтуны» [1]).

Совершенно в иной обстановке писались «Критические заметки по национальному вопросу». Написанные за несколько месяцев до войны, т.-е. в эпоху бешеного разгула шовинизма и оппортунизма, «Критические заметки» были направлены против оппортунистического лозунга «национальной культуры», которым «прикрываются» буржуазная (и буржуазно-крепостническая) тенденция». «Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман» [2]). Ибо, пользуясь этим лозунгом, реакционеры всех стран разжигали шовинизм и, противопоставляя нацию нации, пытались притупить классовые противоречия внутри наций.

Само собой разумеется, в конкретных условиях этой борьбы всякие толки о необходимости соединения пролетарской революции с буржуазной культурой об'ективно были бы предательством и изменой делу рабочего класса, сыграв в руку черносотенной шайке.

Дело не в том, что у пролетариата и буржуазии данной нации общий язык, говорил Ленин. Вряд ли найдется такой марксист, который бы протестовал против «полемики» пролетариата с «родной» буржуазией на «родном» языке. Когда вы кричите о национальной культуре, имея в виду такие вещи, как национальный язык, то вы этими бесспорными истинами загораживаете то, откуда, собственно, и начинается вопрос, а именно—вопрос о необходимости борьбы пролетариата в союзе с международным пролетариатом, против «родной» и интернациональной буржуазии.

[1]) Ленин, т. XVI, стр. 72.
[2]) Ленин, т. XIX, стр. 42—43.

«Национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии» [1]). И Ленин прямо говорит, что он имеет в виду, говоря о национальной культуре. «Национальная культура» в обычном смысле этого слова, т.-е. школы и т. д. находится в настоящее время под преобладающим влиянием клерикалов и буржуазных шовинистов во всех странах мира» ([2]).

Таким образом, в той выдержке, которой нас хотел «покрыть» Авербах, Ленин употребляет термин «культура» отнюдь не в смысле единства «культуры духовной» и «культуры материальной» и даже не в смысле «духовной культуры» вообще—понятие культуры для него здесь равнозначно понятию буржуазной идеологии в узком смысле этого слова, т.-е. идеологии, связанной непосредственно с задачами укрепления классового господства.

«Есть две национальных культуры в каждой национальной культуре». Совершенно верно! И если «умный» Авербах воображает, что ссылкой на эти слова Владимира Ильича он в какой-либо мере способен поколебать наше понимание культуры, то он обнаруживает тем самым лишь свое воинствующее невежество, самодовольно плавающее в родимом корыте и нанизывающее цитаты, как шашлык на вертел.

3. Мы—про Тараса, а нам—полтораста.

Еще больший конфуз получился у Авербаха, когда он перешел к вопросу о несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской литературы.

О чем писали мы в нашей статье? Мы возражали против авербаховско-вардиновской «логики», как по существу, так и с точки зрения методологической, а именно—доказывали, что Авербах и Вардин, выводя из марксовой тезы—господствующие идеи эпохи есть идеи господствующего класса—свое положение о несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской литературы,—рассуждают не диалектически, а метафизически, подменяя диалектику мертвой силлогистикой.

Что нам возразил на это Авербах? Абсолютно ничего! Заявив, что «и здесь статья Ионова вызывает глубочайшее недоумение», Авербах предпочел... развести руками, блестяще доказав всеми своими дальнейшими рассуждениями, что его «глубочайшее недоумение» является довольно прозрачным псевдонимом глубочайшего и безнадежнейшего непонимания самых простых вещей.

«Мы не знали до сих пор,—пишет Авербах,—что в тезисах, претендующих на определение партийной литературной линии не должно быть места большевистским аксиомам... Что здесь шельмуются именно аксиомы доказывают эпитеты, употреблявшиеся Слепковым для характеристики этой

[1]) Ленин, т. XIX, стр. 54.
[2]) Там же.

аксиомы: «вредное фразерство», мертвые, постные, нежизненные «афоризмы» вроде «несовместимости господства пролетариата с господством непролетарской идеологии». Предлагаем т.т. между собой сговориться, что это—большевистская аксиома или мертвый, постный и нежизненный афоризм! Нет, это такая аксиома, которая ни в коей мере не носит теоретически-абстрактного характера. Это прямая директива нам».

Итак, глубокомысленный Авербах нашел противоречие в том, что мы, с одной стороны, согласились с квалификацией напостовских «аксиом», как «мертвых афоризмов», а с другой—вместе с Авербахом признали, что эти аксиомы—большевистские аксиомы.

«Предлагаем т.т. между собой сговориться!..». И никак невдомек догадливому Авербаху, что сговариваться «товарищам» не о чем, так как они утверждают одно и то же. Мы очень извиняемся перед читателем, но мы принуждены еще раз попытаться втолковать нашему критику, что если твердить большевистскую «аксиому», подобно ученому скворцу, то большевистская аксиома (увы!) из живой практической директивы превращается в «мертвый афоризм».

«Надо уметь приспособлять схемы к жизни»,—беспрестанно твердил Ильич. «Теория, друг мой, сера, но вечно зелено древо жизни» [1]). Споря в 1907 году с меньшевиками, которые подобно Авербаху умели только бессмысленно твердить зазубренные формулы, Ильич писал: «Революция в России неизбежно является, разумеется, буржуазной революцией. Это положение марксизма совершенно непреоборимо («большевистская аксиома», т. Авербах!)... Но его надо уметь применять» [2]),—и далее следует как раз цитированное в нашей статье место относительно подмены диалектики формальной логикой и превращения марксизма в пошлую догму («мертвый афоризм», т. Авербах!).

Поняли, наконец, тов. Авербах?! Или же вам вечно суждено, читая, удивляться, как это из букв получаются слова—и все разные?!

«Напостовцы выдвигают следующий потрясающий аргумент. Разве господство пролетариата совместимо с антидарвинской реакцией? Отсюда неизбежен логический вывод—дарвинизм есть не что иное, как «пролетарская идеология». Поздравляем Авербаха и иже с ним, с головокружительным открытием». Приведя эту выдержку из нашей статьи, Авербах пишет:

«Однако, иронические приветствия Ионова нисколько нас не смутили» (напрасно не смутили, т. Авербах! Если вы говорите—не смутили—это еще не значит, что вы нам ответили!)

«Зададим вопрос: а что же совместимо господство пролетариата с антидарвинской реакцией? Хотели бы мы посмотреть на такого Ионова, который даст положительный ответ!»

Но, во-первых, тов. Авербах, спор ведь у нас с вами шел не о том, совместима или нет диктатура пролетариата с **реакционным движением** в области идеологии, а о том,—совместимо ли господство пролетариата с непролетарской идеологией! А это две различные вещи! Во-вторых, даже если бы мы согласились с тем, что пролетарская диктатура не совместима с антидарвинизмом, то это еще совсем не означало бы, что Авербах может сделать отсюда какие-либо выводы относительно искусства. Ибо действовать таким образом—значит строить пустые силлогизмы. И наконец, в-третьих, к сведению т. Авербаха—у нас в Москве имеются видные коммунисты, совмещающие свой марксизм с эволюцией от дарвинизма к... идеализму Берга!

[1]) Ленин, т. XIV, стр. 30.
[2]) Ленин, т. III, стр. 10.

Мы не знаем, что нам будет отвечать т. Авербах. По всей вероятности, он снова прибегнет к своему испытанному полемическому приему—выразит «глубокое недоумение» и... «разведет руками»!

В одном из романов англичанина Хетчинсона некий мистер Флетчер, садовник, страдая сплином, имел обыкновение нырять туловищем в кусты, так что зрители созерцали лишь одно его сиденье, зловеще обращенное к небу.

Тов. Авербах! Не уподобляйтесь мистеру Флетчеру! Не прячьтесь в кусты и не поворачивайтесь к проблемам индифферентной частью вашего поэтического организма!

(Окончание следует).

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО». Ежемесячный политико-экономический журнал № 1 и 2, 1926 г. Изд. Госплана СССР. Стр. 432 и 435.

За год своего существования журнал «Плановое Хозяйство» по праву занял первое место среди наших периодических экономических изданий. Как совершенно правильно отмечается в заметке от редакции: «Журнал не просто отражал текущую социально-экономическую жизнь страны, но ставил вопросы, возникавшие в процессе хозяйственного строительства, и давал им освещение, направление и разрешение с общеплановой, народно-хозяйственной точки зрения, с точки зрения задач строительства социализма, ориентируя, таким образом, читателя и специфически вооружая его для текущей работы».

В сложной обстановке переходного периода,—борьбы пяти экономических укладов, борьба за социализм в значительной мере есть борьба за плановое хозяйство. В этой области неверие и скептицизм не только в реальную возможность, но и необходимость планового строительства, есть не что иное, как неверие в возможность социалистического строительства вообще, неверие в конечную победу социализма. И здесь, в этой борьбе за плановое строительство журнал стоит на непримиримых позициях ортодоксального большевизма, ведя «борьбу, не всегда заметную для «постороннего» глаза, не всегда развернутую полным фронтом и доведенную до надлежащих по прозрачности формулировок, но всегда напряженную, ибо мы имеем и будем еще, конечно, иметь дело с противоборствующими явлениями не случайного порядка, с явлениями, уходящими своими корнями во все прошлое досоциалистической экономики».

Первый номер за 1926 г. открывается статьей тов. Кржижановского—«К идеологии социалистического строительства». К сожалению, эта чрезвычайно интересная статья не закончена не только в первом, но и втором номерах журнала и ждет своего продолжения в третьем.

«Госкапитализм или социализм»?—пишет тов. Кржижановский,—это поистине вопрос вопросов, который и в прошлом, и в настоящем, и в ближайшем будущем должен явиться особенно законной целевой установкой целого ряда научных работ. Цель настоящей заметки—анализ основных моментов нашего хозяйственного строительства именно с этой точки зрения; сопоставление главнейших данных «за» и «против», могущих быть подытоженными в результате поучительных сдвигов в экономике в наши послереволюционные годы».

Какие доводы приводила «новая оппозиция» в своем обосновании системы нашего хозяйства? Наличие товарооборота и рынка, наличие капиталистической категориальной видимости в государственном секторе нашего хозяйства, внешне-капиталистических форм их проявления. «Новая оппозиция» не видела, не хотела видеть коренным образом отличных от капиталистических общественных отношений новых общественных отношений, лишь скрывающихся под обветшавшей, изношенной одеждой капиталистических категорий. И приняв «внешность» за «сущность», новая оппозиция пришла к глубоко-ошибочной «госкапиталистической» теории нашей хозяйственной системы, к теории перманентного отступления.

«Переход к свободе товарооборота и к более или менее чисто выраженной денежной системе для нас по целому ряду причин лишь в известном смысле является тактическим отступлением»,—пишет т. Кржижановский,—но «эти отступления мы проделываем прежде всего не в области производства, а распределения». А в этом суть. И ссылаясь на «Критику Готской программы», где Маркс характеризует как вульгарный социализм, наследующий в этом вопросе буржуазной экономии, попытку «рассматривать распределение, как нечто независимое от способа производства», тов. Кржижановский продолжает:

«Что сказал бы Маркс лицам, утверждающим, что поскольку в современной стране Советов все последовательнее и последовательнее развертывается власть денег, базирующаяся на денежно-товарном обороте вещественных благ, постольку же мы имеем здесь налицо явное преобладание капиталистических элементов над элементами социалистическими?—Он сказал бы, что такое понимание явным образом свидетельствует о вульгарной трактовке социалистической проблемы».

С этой точки зрения чрезвычайно интересны воспоминания тов. Кржижановского о беседе с Владимиром Ильичем на тему о «решающих командных высотах нашей экономики». «Когда намечалось сопоставить рядом с этими двумя командными высотами, т.-е. национализацией земли и национализацией промышленности, монополию внешней торговли, он присоединился к этому мнению не без некоторого колебания». И то «лишь тогда, когда для него выяснилось, что наша специфическая хозяйственно-политическая установка, со всех сторон сжимаемая вражеским кольцом, является наиболее эффективно вооруженной методом монополии внешней торговли».

Чрезвычайно интересны, данные тов. Кржижановского в главе «Новое в старом» о своеобразных ножницах между продукцией возможной и фактической, иллюстрируемые на примере Соед. Штатов. «Максимальная продукция промышленности в Соед. Шт. в 1921 г. могла бы быть доведена по своей стоимости до 74 мрд. долларов, а фактическая выработка была 42 мрд. долларов, т.-е. всего 57% максимума». «В настоящее время фактическая продукция С. Ш. составляет 75% максимальной». «Если представить на минуту,—продолжает дальше т. Кржижановский,—что в среднем уровень промышленной культуры поднялся до американского уровня, то окажется, что для выработки всей мировой продукции было бы достаточно при этом промышленном уровне использовать всего 15% трудовых рессурсов. Другими словами, сокращение рабочего дня с 10 ч. на 2 часа соответствовало бы, при равномерной «американизации» мира, не только получению той же суммы материальных благ, но и со значительными добавочными резервами».

Загнивание капитализма с его невозможностью использовать наличные производственные рессурсы, тупик, в который зашла техника в капиталистическом хозяйстве с несомненностью свидетельствует о такой степени противоречий между ростом производительных сил и производственных отношений, которая неминуемо должна взорвать на воздух всю капиталистическую систему.

Несомненный интерес представляет идущая в этом же первом номере статья тов. Струмилина—«На плановом фронте».

Статья тов. Струмилина является, по сути дела, ответом противникам планового хозяйства и в первую голову тов. Сокольникову. Точка зрения т. Сокольникова в области развертывания народного хозяйства хорошо известна. Это—«максимальное форсирование сельского хозяйства», отнюдь не страшась «той диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, на которую, жалуются сейчас», ибо «предпосылкой

развития нашей промышленности является именно возможность иметь такие излишки с.-х. продукции в стране, которые могли бы быть направлены на внешний рынок».

Отсюда тов. Сокольников логически и приходит к отрицанию «Госплана» и утверждению своеобразного «Крестплана». «Огромное количество элементов находится вне нашей плановой воли»,—замечает далее тов. Сокольников...—и так как мы «имеем такой порядок, где, с одной стороны, есть целый ряд мельчайших стихийных планов и рыночных конъюнктур, с другой стороны—наши планы, то это как раз и является само по себе об'ективной подготовкой для целого ряда кризисов». И вот для избежания этих кризисов тов. Сокольников предлагает приспособиться нашему государственному хозяйству, социалистическим элементам нашего хозяйства к стихии 22 миллионов крестьянских планов.

Взятая сама по себе эта формула обозначает не больше не меньше, как отказ от руководящей роли госпромышленности, признание невозможности планового социалистического строительства.

Но соглашаясь с критикой тов. Струмилина в этом вопросе теории тов. Сокольникова, мы, однако, никак не можем согласиться с конечными выводами тов. Струмилина с его формулировкой отношений в хозяйстве между нашей госпромышленностью и сельским хозяйством, между «Госпланом» и «Крестпланом». Если тов. Сокольников допускает одну ошибку, впадает в одну крайность, правда, несомненно, более опасную для дела строительства социализма, то тов. Струмилин впадает в крайность прямо-противоположную. «Нет,—пишет тов. Струмилин,—не приспособляться к ней (рыночной обстановке. *К. Р.*), а сознательно приспособлять ее самое к нашим плановым устремлениям, вот единственно надежный путь к наиболее безболезненному и бескризисному развертыванию нашего социалистического хозяйства».

Это положение тов. Струмилина, едва ли может быть принято как руководство к практическому действию. Недооценке значения, смысла и возможностей планирования нашего хозяйства со стороны тов. Сокольникова, здесь противопоставляется его переоценка, с явным недоучетом рыночной стихии и рыночной обстановки и их места в нашей экономической системе. Гибкой диалектической формуле «приспособляясь — приспособлять» здесь противопоставляется метафизические «или—или»: или приспособляться, или приспособлять, исключая наперед возможность единственно правильного третьего решения.

Не игнорировать «крестьянских планов», насильственно приспособляя их к нашим планам, а на учете, возможно более точном, возможно более близком к действительности, к реальной жизни этих планов, строить свои планы, планы развертывания госпромышленности, используя все наличные в руках госпромышленности и государства возможности, для направления крестьянского хозяйства по желательному для нас пути.

Приспособлять, не приспособляясь—это ходить по косогору с большим риском стоптать сапоги нашей госпромышленности, нашего госхозяйства.

И совершенно напрасно тов. Струмилин ищет поддержки своей точки зрения в постановлениях руководящих органов нашей партии, в речах и выступлениях наших авторитетнейших товарищей. «Эта линия (линия партии. *К. Р.*) требует максимального развертывания нашей промышленности,—приводит т. Струмилин слова т. Сталина,—в меру их соответствия тем рессурсам, которые у нас есть» [1]). (Курсив наш. *К. Р.*). Совершенно напрасно тов. Струмилин не привел тех мест

[1]) Из речи т. Сталина на XIV с'езде.

из речи тов. Сталина, в которых поясняется та «мера» и то «соответствие», которые должны соблюдаться нашим хозяйством и нашей промышленностью. «Мы должны строить наше хозяйство так,—говорит тов. Сталин,—чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны». И дальше: «В области промышленности очень многое зависит не только от нашего хозяйствования, но и от внутреннего рынка, которым мы еще не овладели» (курсив наш. *К. Р.*).

Приспособляться не приспособляя, как предлагает тов. Сокольников, это значит плестись в хвосте креестьянской экономики, итти на поводу у мужика, заранее отрезать путь к социалистическому строительству в нашей стране. Этот путь неверный, не наш и партия его осудила.

Приспособлять не приспособляясь,—положение выставляемое т. Струмилиным,—это значит сделать попытку «оседлать» мужика без гарантии, что мужик не скинет незадачливого седока, это значит строить без оглядки на сельское хозяйство нашу промышленность, без учета того «внутреннего рынка, которым мы еще не овладели».

Этот путь также неверен, этот путь грозит смычке города с деревней, индустрии—с сельским хозяйством, и партия не пойдет ни по первому, ни по второму из предлагаемых путей.

В значительной степени отвечает на этот вопрос о взаимоотношении плана и рыночной стихии статья тов. Смилги—«Наши хозяйственные затруднения»—во втором номере журнала. «Характер взаимодействия государственного хозяйства с хозяйством в целом на базе рынка,—пишет он,—особенности, связанные с восстановительным процессом, разработка черновых основ предстоящей реконструкции хозяйства,—все это крайне важные, но и очень трудные вопросы. В этой работе мы встречаемся с целым рядом опасностей. С одной стороны, недооценка об'ективных тенденций нашего хозяйственного развития приводит к трактовке хозяйственного плана, как усмотрения и произвола, и приводит к переоценке плановых возможностей государства. С другой стороны, отсутствие перспективы и целей ведет к преклонению перед стихией и к оппортунизму в практической политике» (курсив наш. *К. Р.*).

Вот этим-то, именно «преклонением перед стихией» и страдает т. Сокольников в противоположность тов. Струмилину, зараженному «переоценкой плановых возможностей».

Оценивая наши хозяйственные затруднения, тов. Смилга после некоторого предварительного анализа пишет: «Один из существенных выводов, которые мы можем сделать даже после этого беглого анализа—это вывод о наличии серьезной диспропорции между городом и деревней, в пользу последней». И только «длительная последовательная политика индустриализации страны является единственным методом лечения этой болезни». «Под индустриализацией мы понимаем,—пишет дальше т. Смилга,—такую эволюцию хозяйства Советского Союза, которая вела бы из года в год к увеличению относительной роли материальных ценностей промышленного значения в валовой продукции страны».

«Что касается нашей политики в области дальнейшего развития сельского хозяйства,—продолжает тов. Смилга,—то она мне рисуется на ближайшее будущее в следующих очертаниях. Я утверждаю, что центр

тяжести здесь—политика цен. Мы уже свыше двух лет ведем политику, вполне удовлетворяющую крестьян. Успех этой политики налицо. Очевидно, возможности государства в смысле бюджетных ассигнований на нужды сельского хозяйства не могут быть очень значительными. Придется ограничиться поддержкой производства отечественного сырья, ряда мероприятий, способствующих экспорту с.-х. продуктов, с.-х. кредита и др. совершенно неотложных нужд. Центр же проблемы, как уже сказано было выше, лежит в политике цен».

Такой план развертывания нашего народного хозяйства, нам представляется совершенно правильным. На основе разворачивающегося и развивающегося сельского хозяйства, «последовательная политика индустриализации страны», при сохранении смычки города и деревни, сельского хозяйства и индустрии— вот тот генеральный путь развития, по которому пойдет народное хозяйство в целом.

Разрешению вопроса наших хозяйственных затруднений посвящена в этом же номере и статья т. Репше—«Наши экономические проблемы», оговоренная редакцией как «сугубо дискуссионная».

Нельзя не признать, что эта статья представляет некоторый интерес не столько по существу изложения, сколько с точки зрения того, как не надо, как не следует, разрешать проблему наших хозяйственных затруднений. Как известно, внешнее проявление наших хозяйственных затруднений выразилось в бестоварье, в товарном голоде, который захватил не только деревню, но и в значительной степени город.

Где причина этого товарного голода? Тов. Репше дает такой ответ: «Думается, что дерзким парадоксом будет звучать утверждение, что бестоварье создано и все еще создается у нас искусственно, что оно создано нашей политикой цен, которая направлена, при прочих равных условиях не к восстановлению, а к перманентному нарушению равновесия между спросом и предложением на промтовары, к его всемерному углублению».

«Причины товарного голода лежат у нас не столько в неустранимых противоречиях экономической действительности, сколько в плоскости неправильной, с точки зрения данного отрезка развития, идеологической установки и вытекающих отсюда неверных организационных мероприятий».

Надо признаться, что если такого рода «искусственно» - «идеологическое» об'яснение товарного голода и не совсем умно, то во всяком случае не лишено некоторой оригинальности. Мы до сих пор полагали, что товарный голод и его ближайшая причина—несоответствие платежеспособного спроса промышленному предложению—имеют корни в экономике, а не в «неправильной идеологической установке». И диспропорцию мы выводили из несоответствия ценностного выражения товарной части продукции сельского хозяйства товарной части продукции города? Соответственно мы строили и нашу программу, намечали путь дальнейшего экономического развития: последовательную индустриализацию страны, подтягивание нашей промышленности до уровня удовлетворения платежеспособного спроса со стороны населения и в частности крестьянства.

Какими же методами производить это подтягивание промышленности? У хитроумного Репше и на это есть ответ.

«Необходимо усвоить ту простую истину, что в хозяйствах, построенных на производстве товаров и их продаже на рынке, в каждый данный момент должно существовать равновесие между стоимостью предложения и платежеспособностью спроса на промышленные товары».

И тов. Репше заключает: «Единственным методом утоления голода может быть повышение стоимости промышленной товарной массы».

Мысль тов. Репше ясна. Если ценностная масса товарной продукции деревни и города относятся, предположим как 2 к 1, то диспропорция, товарный голод будут изжиты, если мы, пользуясь своим монопольным положением на рынке, повысим цену на промышленные товары в два раза выше их действительной стоимости. Этим тов. Репше думает убить сразу нескольких зайцев: и товарный голод ликвидировать, и в промышленность необходимые средства перекачать. Вся беда только в том, что решал т. Репше без мужика. Ну, а что будет т. Репше, если мужик не захочет платить 60 пудов хлеба за пару сапог? Или вы полагаете, что этот вид экономической политики лучшее средство обеспечить смычку, союз, добрососедские, отношения с деревней?

Второе откровение тов. Репше идет по линии безусловного отказа от попытки принудительного планирования и признания хозрасчетного принципа, как альфы и омеги нашей экономической политики в отношении государственной промышленности.

«Мы вступаем в фазу, когда необходимо полностью развернуть проблему перехода от административного к экономическому планированию». «Необходимо, чтобы властное требование хозяйственной системы в целом преломлялось в хозрасчете отдельного предприятия. Необходимо, чтобы интересы народного хозяйства удовлетворялись сами собой, соблюдением интересов конкретной хозяйственной организации». «План должен быть обязательным в том смысле, что его невыполнение влечет за собой удар по коммерческому расчету предприятий». И, наконец, «мы продолжаем говорить об «абсолютно-жестком плане, о сочетании принудительности и хозрасчета. Это—соединение несоединимого, примирение непримиримого».

Стоит ли здесь говорить о решениях наших руководящих партийных органов по вопросу о необходимости планирования «гораздо более жесткого, чем до настоящего времени»? (Резолюция пленума ЦК от 6—9 апреля 1926 г.). Тов. Репше, очевидно, принадлежит к числу тех «критически мыслящих индивидов», безответственность выступлений которых дает им право высказывать самые, как скромно замечает о себе сам т. Репше, «дерзкие парадоксы» и поражать «оригинальностью» суждений.

В своей борьбе против того, что «мы» изготовляем и преподносим извне нашим коммерческим организациям принудительный план сбыта, пронизанный чуждыми для данной организации интересами», тов. Репше окончательно распоясывается в вопросе: «Взаимоотношения промышленности и кооперации».

Здесь начинается откровение № 3.

«Промышленные организации на коммерческой базе; методы подстегивания в форме премий, тантьем, толкающих руководителей к прибыльности своих предприятий; наибольшее проявление этих экономических сил в низовых промышленных ячейках, явственнее всего ощущающих (!) дыхание (!) рынка; наконец, вытекающая отсюда необходимость предоставления им свободы выбора своей клиентуры, свободы заключения тех сделок, которые данная хозяйственная организация считает для себя выгодными».

Вы чувствуете, читатель, это освежающее «дыхание рынка»? Послушайте дальше. Дальше дыханье рыночного букета делается буквально опьяняющим, дурманящим головы «хозрасчетных» радетелей нашей госпромышленности.

«Привилегировать кооперацию нельзя. Нельзя привилегировать ее через посредство своего непосредственного контрагента, при наличии для

последнего (промпредприятия) более выгодных контрагентов. Нельзя протежировать одну конкретную хозорганизацию за счет другой, стоящей на той же линии хозяйственного фронта, что и первая. Этого делать нельзя потому, что хозяйственная организация, поставленная на началах самоокупаемости, не может заниматься благотворительностью, а вынуждена бороться за свое существование путем выбора наиболее выгодных для нее сделок, путем отбора наиболее благоприятных контрагентов». Здесь «область холодных отношений чистогана. Элементам морали» здесь «не должно быть места».

Общая концепция тов. Репше ясна до очевидности. Повысить цены на продукты промышленности до полного удовлетворения платежеспособного спроса; затем отказаться от «абсолютно-жесткого» плана и сочетания принудительности и хозрасчета; и, наконец, об'явить, что в области денежных расчетов не до морали—«не до жиру, быть бы живу», что здесь основной закон: «гони монету», и потому привилегированное положение кооперации перед частным торговым капиталом—«наша основная ошибка».

Конечно, мы и в самой незначительной доле не затронули всего материала рецензируемых двух номеров журнала. Интересны статьи В. А. Базарова «О методах исчисления производительности труда» и С. П. Боброва «Проблема экономического барометра» в № 1 журнала и «Пересмотр контрольных цифр народного хозяйства на 1925—26 г.» и статьи Л. Шанина—«Экономические проблемы валютного паритета», О. Куперман—«Динамика обобществленной и необобществленной промышленности СССР в 1923—26 г.г.», во 2 номере журнала; интересен в обоих номерах журнала отдел «За советским рубежом». Прекрасно поставлен отдел «Критики и библиографии». Много ценного фактического материала содержит и заключительный IV отдел «Статистика».

К. Розенталь.

МОТЫЛЕВ, В. Е.—Курс политической экономии. Том первый. Госиздат, 1925 г. Москва—Ленинград, стр. 352, ц. 2 р., тираж 20.000.

ЕГО ЖЕ. Краткий курс политической экономии. Вып. I. Госиздат, 1926 г., М.—Л., стр. 100, ц. 60 к., т. 10.000.

Перед нами—два учебника В. Е. Мотылева: один полный и другой краткий курс политической экономии, выпущенные недавно Госиздатом. По собственному заявлению автора, они вносят нечто новое, «необычное» в построение курса политической экономии. «Необычное» этих курсов заключается прежде всего в том, что автор дает огромный конкретный материал, конкретизирует политическую экономию. Такое построение «необходимо,—говорит В. Е. Мотылев,—чтобы теория (политической экономии. *Д. Н.*)... не оставалась в сознании учащегося суммой абстрактных догматических законов, не связанных с конкретными явлениями» («Крат. курс», стр. 93). Едва ли можно что либо возразить против такого полезного начинания. Но конкретизация политической экономии будет достоинством курса только в том случае, если при этом не пострадает сама теория. Конкретное вводится для того, чтобы лучше уяснить, усвоить теорию и, с другой стороны, теоретически осмыслить конкретное. Надо уметь синтезировать конкретное с теоретическим. К сожалению, вот этого-то условия совершенно не выполнил В. Е. Мотылев. Увлечение «конкретизацией» отразилось на теоретической части курса самым нехорошим образом. Теоретические формулировки большей частью заменены статистическими цифрами. Методические соображения взяли верх над методологическими и попытка по-«необычному», по-«новому» построить курс политической экономии потерпела полнейший крах.

Особенностью марксовой теоретической экономии является тот факт, что в ее основу кладется трудовая теория стоимости. Последняя у Маркса становится своего рода «центральной теорией», откуда выводятся, берут свое начало все основные экономические категории. Этого В. Е. Мотылев не делает. То, что у Маркса получило законченное выражение, у В. Е. Мотылева превратилось в несвязанную, не систематизированную вещь. Пресловутые «ножницы» в курсе теоретической экономии занимают в несколько раз больше места, чем... теория стоимости Маркса [1]).

Теоретические проблемы в «Курсе» начинаются не со стоимости, а с категории цены. Против такого изменения порядка расположения проблем мы не стали бы возражать, если бы автор сумел логически связать все остальные категории, как это прекрасно сделано в марксовских экономических работах. У В. Е. Мотылева такой увязки основных экономических категорий—этого элементарного требования диалектики—не соблюдено. Диалектической связи, переходов одной формы в другую у В. Е. Мотылева нет. И это настолько серьезный недостаток, что пройти мимо него нельзя.

Надо заметить, что и самую-то теорию стоимости В. Мотылев в общем и целом понял неправильно: труд в товарном обществе у него сводится к физиологической затрате и только. Возьмем два не случайных, а итоговых определения стоимости: «Итак, стоимость товара представляет собою массу овеществленного в нем живого и мертвого труда» («Крат. курс», с. 29). В «Курсе» читаем то же самое: «Овеществленная масса общественного труда называется стоимостью, или ценностью» (с. 87).

Чтобы не осталось никаких сомнений на этот счет, приведем еще одно «итоговое» место из «Курса»:

«Стоимость отображает... общественное отношение производителей в процессе их борьбы с внешней природой» [2]) (стр. 112). Это определение подводит итог всей главе «Цена и стоимость в чистом капиталистическом хозяйстве». Такое неисторическое, чисто логическое понимание, такая принципиальная постановка теории стоимости, несомненно, расходятся с Марксом. Понимание «стоимости» Мотылевым глубоко ошибочно, и мы вынуждены на нем остановить внимание читателя.

Во всех приведенных нами определениях «стоимости» В. Е. Мотылевым отсутствует категория абстрактного труда, в то время, как только абстрактный труд, а не просто труд создает стоимость. Непонимание абстрактного труда имеет место и у А. А. Богданова. И в данном случае в одной компании с А. А. Богдановым оказался и В. Е. Мотылев. Маркс придавал огромное значение категории абстрактного труда. Без правильного понимания абстрактного труда нельзя понять об'ективную основу теории стоимости Маркса. Наконец, именно в этой связи, встает вопрос о двойственности труда. Но допустив ошибку в понимании стоимости, В. Е. Мотылев не мог не впасть в ошибку и здесь. Но непонимание двойственного характера труда, ошибка в этом пункте опрокидывает и всю марксову политическую экономию. Вот как Маркс оценивает эту двойственность труда: «Я первый критически раскрыл этот двойственный характер представленного в товаре труда. Так как этот пункт является решающим и от него зависит все в политической экономии, то мы рассмотрим его здесь более подробно» («Кап.» I). В письме к Ф. Энгельсу от 24 авг. 1867 г. Маркс

---

[1]) Из общего количества 344 стр. текста теории стоимости посвящено менее 1/12 части, в то время как в I т. автор разбирает только пять проблем: цену, стоимость, деньги, зарплату и прибавочную стоимость.

[2]) Всюду, где специально не оговорено, курсивы автора.

пишет след.: «Самое лучшее в моей книге (т.-е. «Капитале». *Д. Н.*) в первой же главе подчеркнутая особенность двойственного характера труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости. На этой теории о двойственном характере труда покоится все (курс. Маркса. *Д. Н.*) понимание фактов» («Письма», под ред. Адоратского «М. Р.», стр. 144. Другой курс. наш. *Д. Н.*). Как видно, у Маркса недвусмысленно, ясно и категорически говорится об абстрактном труде и о двойственности труда вообще. В одном месте только у В. Е. Мотылева мы встречаемся с трактовкой двойственного характера труда, где он просто утверждает, что «потребительная стоимость товаров создается конкретным характером труда. По стоимости все товары качественно равны, ибо в стоимости труд выступает лишь как затрата физической и психической энергии, измеряемая рабочим временем. Совершенно очевидно, поэтому, что стоимость представляет собою массу труда абстрактного, отвлеченного от внешней полезной формы» («Курс», стр. 89). Удовлетворит ли марксиста такая интерпретация Маркса? Абсолютно нет. Абстрактный труд в такой постановке превращается в энергетическую, физиологическую, над-историческую категорию. Абстрактный труд есть сумма психической и физической энергии (стр. 89). Особенностью марксовой теории стоимости является подчеркивание социальной формы стоимости. Абстрактный труд по Марксу (и в этом его огромное методологическое значение) есть категория социальная и историческая. И физиологическое понимание абстрактного труда означает непонимание диалектического, исторического характера познания Маркса, его методологии.

Нельзя, наконец, говоря о двойственной природе труда ограничиваться простым указанием на существование конкретного и абстрактного труда, потребительной стоимости и стоимости. В этой двойственности труда у Маркса заключается глубокая диалектическая мысль. Здесь у Маркса применяется закон единства противоположностей, единство в различии и различие в единстве. Здесь разрешается Марксом основное противоречие товарного хозяйства: двойственность труда. «Анализ вскрывает в этом простейшем явлении,—пишет Ленин (в этой «клеточке» буржуазного общества),—все противоречия (resp., зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его основных частей, от его начала до его конца» («К вопросу о диалектике» «П. З. М.» № 5—6, стр. 15). Именно так методологически ставил и разрешал вопрос Ленин. В. Е. Мотылев и не пытается связать абстрактный труд с конкретным. У него ни слова не говорится о форме и содержании стоимости, об их связи. Ни в «курсах» В. Е. Мотылева, ни в программах по политической экономии, приложенных к «курсам», мы ни одного слова не находим о категории производительного труда. Кто знаком хорошо с «Теориями» Маркса, тот знает какое внимание он уделял этому вопросу. Автор же «курсов» не счел нужным упомянуть о нем.

В об'яснении проблемы редукции В. Е. Мотылев становится на известную нам позицию в этом вопросе Дейча-Бауэра, методологически, несомненно, неверную. Не останавливаясь на частных ошибках этой «версии», мы обратимся к ее принципиальным ошибкам. В трактовке проблемы редукции у Бауэра-Дейча принципиально неверно освещается вопрос о стоимости рабочей силы (близко подходя к теории спроса и предложения и даже теории фонда зарплаты, которую сам В. Е. Мотылев критикует в «Курсе»). На этом шатком фундаменте они строят теорию редукции, доходя до полного абсурда,—превращения стоимости рабочей силы, зарплаты и др. частично в постоянный капитал.

Не менее знаменателен и вводный отдел, где автор на протяжении 66 страниц говорит об «основных этапах развития капиталистического хозяйства» и не менее подробно—об империализме. И как это ни странно и непонятно, в об'яснении теории империализма В. Е. Мотылев ни одним словечком не обмолвился о... паразитизме, загнивании капитализма, вообще о реакционности, консервативности капитализма в стадии империализма. Мы тщательно проверили и по приложенной к «Курсу» программе по полит. экономии (с. 348) и там, где он специально говорит об империализме, ничего абсолютно не нашли об этом самом «загнивании», «паразитизме» и т. д. Всем нам хорошо известно, как Ленин подчеркивал этот момент и с какой силой он обрушился на идеологов II Интернационала за замазывание его. Соображения автора «курсов» в игнорировании столь серьезного момента в ленинской теории империализма нам непонятны.

И дальше посвящая целых семь страниц теории акционерных обществ, автор ни единой мысли не привел об учредительской прибыли, без чего нельзя понять самую сущность акционерных обществ нашей эпохи.

Перейдем теперь к трактовке В. Е. Мотылевым экономических категорий переходного периода. Автор ставит себе в заслугу, что он дает «анализ (по его программе. *Д. Н.*) каждой проблемы не только в условиях капитализма, но и в условиях СССР» (предисловие к «Курсу»).

Попытка интересная, если бы автор сумел подойти здесь сугубо осторожно, прежде всего с методологической стороны, к столь сложным, неразработанным до сих пор проблемам переходного периода. Еще Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 1 июня 1891 г., имея в виду переходный период, писал: «Ваш план—переходные этапы к коммунистическому обществу—стоит того, чтобы над ним подумать. Но я вам посоветую выполнить его только (слушайте, т. Мотылев! *Д. Н.*) в результате продолжительной работы (nonum prematur in annum). Это труднейший материал из всех существующих, потому что условия постоянно меняются» («Письма», под ред. Адоратского, М. 1922, стр. 314—315). Энгельс предвидел особенную трудность, сложность проблем экономики переходного периода и советовал писать о них «только в результате продолжительной работы». Этого, последнего, нам кажется, В. Е. Мотылев не сделал, и поэтому его работа, особенно в части «советской экономики» носит характер спешки и несерьезного отношения к делу.

Самый метод постановки проблем экономики переходного периода ошибочен, так как автор говорит вообще о силе тех или других экономических категорий, не разбивая экономику на отдельные секторы, участки; он не мог установить, где действует закон стоимости, где он не действует, где он модифицируется, искажается под влиянием ограничивающих его силу тенденций. Общий, расплывчатый характер его рассуждений в этой части «Курса», вместо правильного, ясного освещения столь интересных проблем, привел к полнейшей путанице.

Приведем несколько характерных мест:

...«В развитом коммунистическом обществе производительные силы достигнут такой мощной ступени развития, что, несмотря на существование прибавочной стоимости...» и т. д. («Курс», стр. 340. Курс. наш. *Д. Н.*). Итак, в развитом коммунистическом обществе, по категорическому утверждению В. Е. Мотылева, будет существовать прибавочная стоимость (а не прибавочный продукт), а стало быть и суб'екты, создающие и присваивающие эту прибавочную стоимость! Нам думается, что эта «новая», «необычная» прибавочная стоимость, о которой еще в книгах не написано, существует разве только в фантазии автора «Курса».

Для социализма В. Мотылев вводит специальный термин... «социалистическая трудовая стоимость» (стр. 137). «Слово «стоимость», конечно,— пишет В. Е. Мотылев,—сохранится в социалистической экономической науке для обозначения трудовой затраты» (стр. 137, курсив наш. *Д. Н.*). Если даже В. Е. Мотылев оставляет не категорию, а слово «стоимость», то у него получается та же категория стоимости, что и в товарном хозяйстве. Во-первых, что это за слово без всякого содержания (ведь «стоимость» есть форма, которой должно соответствовать определенное содержание)? Во-вторых, «стоимость» у него выражает трудовую затрату при социализме, а абстрактный труд, создающий стоимость, по В. Мотылеву, есть не что иное, как «сумма психической и физической энергии», т.-е., что то же самое, «трудовая затрата». Таким образом, под стоимостью у нашего автора и в товарном хозяйстве и при социализме скрывается одно и то же содержание: трудовая затрата. В-третьих, зачем же отказываться от марксистской терминологии? Мы до сих пор, вопреки А. А. Богданову, считали стоимость не вечной, а исторической категорией. Теперь вслед за ним и В. Е. Мотылев в своей «новой», «необычной» политической экономии категорию стоимости (и др. вытекающие из нее) превращает в естественную, хотя бы и с «новым» назначением. Предоставим слово А. А. Богданову: «В обществе социалистическом, якобы, не может быть стоимости. Позвольте, но как же социалистическое общество может организовать, как оно может рассчитывать свои потребности и свое производство, как оно может координировать одно с другим? Я могу здесь взять ответ у Маркса. Он говорит, что при планомерной коллективной организации «рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями»... «Другими словами,—продолжает А. А. Богданов,—основа производства и распределения при коллективизме—рабочее время. Это значит, должен производиться расчет, сколько потребуется данного продукта для общества, сколько единица продукта стоит труда и, следовательно, сколько всего надо рабочего времени для его производства» («Вестн. Комм. Акад.» кн. XI, стр. 302). Одним словом, А. А. Богданов старается доказать наличие и необходимость «стоимости» при социализме для тех же целей, какие у В. Е. Мотылева. Мы видим, что в данном случае, об'ективно, может быть, против всякого желания, автор «Курса» стал на позицию такого «марксиста», как А. А. Богданов. Впрочем, как это мы указали выше, их еще связывает одинаковое не диалектическое, не историко-материалистическое, а натуралистическое понимание политической экономии, физиологическое понимание «стоимости» в частности. Наконец, что это: «социалистическая экономическая наука»? «Политическая экономия» социализма, или наука экономполитики при социализме, или же экономическая география?—мы никакого раз'яснения или ответа у В. Е. Мотылева не находим. Если бы он писал какой-нибудь «научный трактат», то можно было бы не обратить на это особенного внимания. Но ведь это «Курс»!?! Его будут читать молодые малоподготовленные, неискушенные экономисты, которые впервые встречаются с такой «необычной», «социалистической экономической наукой». Где же у Вас «примат методики»?

Дальше у В. Е. Мотылева встречаем оригинальную категорию... социалистическую прибавочную стоимость (стр. 339—342). Какое бы содержание в эту категорию он ни вкладывал, все же социалистическая (!) прибавочная стоимость—это горячий лед. Автор и тут верен своему натуралистическому пониманию экономических категорий. Стоимость, прибавочная стоимость—есть прежде всего выражение производственных отношений определенной общественно-экономической формации. Прибавочная стоимость предполагает классовую эксплоатацию, разных, противоположных классовых суб'ектов [1]). У нас же в СССР на основном участке хозяйства суб'ект один—пролетариат и производит и «присваивает» прибавочный труд. Это с принципиальной стороны. Если же у В. Е. Мотылева тут простая игра терминов, то и это не меньший грех. Во-первых, Маркс сконструировал категорию прибавочной стоимости только для капиталистического хозяйства, а для всех общественных формаций до и после капитализма он употреблял термин «прибавочный труд». Зачем Мотылеву употреблять в высшей степени «необычный» термин?

Не поддерживают автора и педагогические соображения. Кому неизвестно, что у нас десятки и сотни тысяч рабочих, рабочей молодежи изучают политграмоту, интересуются политической экономией, экономикой СССР, где особенное внимание они уделяют вопросу о социальной сущности нашей экономики, классовым отношениям, т. н. «эксплоатации» и т. д., и т. п.? Поэтому нужно было отнестись к этому вопросу сугубо осторожно, уметь подходить к рабочей массе, которая может, к несчастью, случайно взять книжки В. Е. Мотылева в руки. Автор отказался от марксовой терминологии и соригинальничал, этим самым он внес большую путаницу—и только.

За «социалистической прибавочной стоимостью» у В. Е. Мотылева следует дифференциальная рента в СССР. И тут он без всяких оговорок и раз'яснений говорит: «Дифференциальная... рента, вытекающая из разницы в плодородии и расположении участков земли, при умелом налоговом обложении должна поступать в распоряжение советской власти» (с. 340). Разве наличия одних естественных различий земли достаточно для получения дифференциальной ренты? Если стать на эту точку зрения, то невольно придешь к натуралистическому пониманию политической экономии.

Маркс рассматривает дифференциальную ренту с иной точки зрения. Она для него категория историческая и социальная, и в его постановке есть определенное выражение капиталистических производственных и распределительных отношений. При ее рассмотрении Маркс исходит «из того предположения, что земледелие... подчинено капиталистическим способам производства, т.-е. что сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отличаются от других капиталистов, в первую очередь, только тем элементом, к которому прилагается их капитал и приводимый в движение этим капиталом наемный труд» («Капитал», т. III [2], с. 154). Это место ясно интерпретируется Лениным и не оставляет никакого сомнения, что эта форма ренты есть капиталистическая категория (т. IX, с. 64—72). Что касается дифф. ренты в СССР, то это требует специального освещения, и дело тут обстоит гораздо сложнее, чем это получается у автора.

Приведем еще один пример. Подводя итог своим рассуждениям о категории заработной платы в СССР, В. Е. Мотылев пишет: «Мы пришли к выводу, что из законов заработной платы при капитализме в СССР продолжает действовать лишь закон стоимости рабочей силы, да и то в искаженном и превращенном виде» («Курс», с. 337—8). Обращаем внимание на то, что тут не только терминологическая ошибка. Утверждать, что у нас, в экономике СССР, опять без оговорок и раз'яснений, действует закон стоимости рабочей силы, хотя и в искаженном виде, логически приводит к следующей цепи мыслей: рабочая сила есть товар; она

[1]) Автор говорит не только о прибавочной стоимости вообще, но и на государ. предприятиях... «В целях первоначального социалистического накопления должна существовать и на государственных предприятиях СССР прибавочная стоимость» («Курс», с. 339. Курсив наш. *Д. Н.*).

продается персонифицированному капиталу, возникает отношение купли и продажи рабочей силы между двумя противоположными классами, отсюда прибавочная стоимость, эксплоатация и т. д., хотя бы даже в «превращенном» виде. Сущность же остается та же. Стало быть, это противоречит логике фактов. В государственном секторе, представляющем основной участок нашего хозяйства, этот закон действовать не может, так как владелец рабочей силы есть в то же время и «работодатель». Здесь рабочая сила перестает быть товаром. Рабочий сам свою рабочую силу покупать не может. Другое дело говорить о второстепенных участках нашей экономики: о частных предприятиях и др.

Приведенных примеров как будто бы достаточно для иллюстрации небрежности, неосторожности и неправильного толкования категорий переходного периода автором рецензируемых курсов.

Автор ошибается также в разграничении первоначального социалистического накопления и социалистического накопления. Первоначальное социалистическое накопление имеет место, по В. Е. Мотылеву, в «первой части переходной эпохи» (с. 38—39), а социалистическое накопление—только в развернутом социалистическом хозяйстве [1]). А что будет, какие отношения воспроизводства будут в отрезке времени от первой части переходного периода «до развернутого социалистического хозяйства» мы ничего не знаем. Остается пустое место, безвоздушное пространство, время «без» накопления. Если у автора есть первая часть переходного периода, так должны же быть вторая, третья... последняя часть его.

Вот еще один пример ошибочных утверждений автора. «Вообще, Россия была страной передового монополистического капитализма» («К.», с. 46). Довоенная Россия, утверждает дальше автор, была «страной величайшего (??) расцвета монополистических организаций» (с. 56). Приведенные места в особых комментариях не нуждаются. Скажем лишь одно, что автор перепутал степень **концентрации производства** с уровнем развития монополистического капитализма. Последнее понятие включает в себя первое, так что высокая концентрация производства не может служить основанием для определения России, как страны величайшего расцвета монополистического капитализма. Надо еще добавить, что только к годам мировой войны в России намечалось создание одного металлургического треста.

Мы уже указывали, что в обоих «курсах» имеется огромный статистический цифровой материал. После тщательной проверки цифр мы нашли целый ряд ошибочных данных. Вот несколько примеров:

«В Америке Стандарт-Ойль Компания концентрирует 80% всех нефтяных богатств, и влияние ее распространяется на весь мир». Утверждение вольное. Экономическая мощь «С. О. К⁰» заключается меньше всего в производственной основе, а больше всего в коммерческом, финансовом и транспортном могуществе. Открываем авторитетную книгу Джозефа Пога «Экономика нефти» и читаем: в 1919 году из общей добычи нефти в Соед. Штатах 21,3% приходится на долю девяти об-в «Ст. О. К⁰». В 1920 г. около 69% от общей длины магистральных нефтепроводов было в руках группы «С. О. К⁰». Из общей доли переработанной сырой нефти на «С. О. К⁰» приходится 43,8% (Изд. Сов. Нефт. Пром. ВСНХ. М.—Л. 1924, стр. 4—5). Где же тут 80%?

---

[1]) Социалистическим накоплением мы называем накопление, происходящее в условиях социалистического хозяйства для его расширенного воспроизводства. (В. Е. Мотылев. «Прибавочная стоимость и социалистическое накопление в СССР». Изд. «Буревестник», 1925, стр. 38—39). Между прочим автор, несмотря на его разграничение «сфер влияний», совершенно неразборчиво употребляет и то и другое «накопление».

Возьмем другую цифру. «Стальной трест контролирует 45% добычи железа и стали» («К.», с. 46. Имеется в виду известный стальной трест С. Ш. Моргана. *Д. Н*). Открываем другую, не менее авторитетную книгу проф. М. И. Назаревского «Очерки по истории и теории коллективно-капиталистического хозяйства», т. I, ч. 1, и на стр. 160 встречаемся с другими цифрами: в 1910 г. Стальной трест имел 32,7% всего производства кокса страны, 43%—чугуна, 61,6%—бессемер. стали, 50,8%—сименс-мартеновской стали, 60,7%—рельсов, 67,3%—проволоки, 55,4%—гвоздей и 45,7%—руды (изд. 1912, Москва). Это еще относится к 1910 году. Насколько поднялись все эти цифры во время и после войны, пусть судит всякий, кто следил за экономическим ростом С. Ш. С. А. за последние 10 лет. Мы можем точно указать 841 страницу известной нам книги, откуда на веру В. Е. Мотылевым взяты эти цифры.

У него «Продамета» в 1912 году об'единял продажу 83% сортового и листового железа» (с. 46). В «Финансовом Капитале» А. Кона есть тщательно разработанная статистическая сводка, в которой даются другие цифры: «Продамета» сосредоточил в своих руках 83,5% производства сортового железа, 76% листового железа, 95,4% балок и швеллеров, 75,8% рельс, 90% бандажей и осей» (изд. Сверд. у-та, М. 1925, с. 75).

Далее. У В. Е. Мотылева «В Германии накануне войны насчитывалось около 400 монополистических об'единений» («Курс», с. 46). Кстати, укажем здесь, что в «Кратком курсе» на стр. 17 для той же Германии дается совершенно другая цифра, намного отличная от первой. Ленин в «Империализме» число картелей в Германии определяет для 1896 г. в 250, для 1905 г.—385. Последняя цифрами подтверждается в специальных работах Лифмана, Риссера, Нахимсона и др. Роберт Лифман для 1913 г. указывает 600 картелей в круглых цифрах (см. Нахимсон, «Мировое хозяйство», изд. ЦУП ВСНХ, 1924 г., стр. 90). Цифра В. Е. Мотылева о Германии опровергается также Н. В. Первушиным, занимавшимся исследованием проблемы концентрации германской промышленности в новейшее время (см. его ст. в ж. «Социалист. Хозяйство» за 1924 г. кн. III, стр. 250).

Нельзя, наконец, не указать, что автор не всегда следует литературным правилам, обязывающим при пользовании чужими работами делать соответствующие ссылки. Так, например, в большой главе о деньгах В. Мотылев почти излагает Трахтенберга (см. его «Бумажные деньги»), не оговаривая этого. Более того, он целиком приводит формулировки по важным проблемам из книги Трахтенберга, чуть-чуть переставив отдельные фразы, без всяких ссылок и выдает их за свои. Приведем несколько примеров:

У Трахтенберга «Бумажные деньги»: Изд. «Мос. Раб.», 1922, стр. 154.	У В. Е. Мотылева в «Курсе» на стр. 211, в «Кратком курсе» на стр. 67.
«Бумажными деньгами называются: 1) орудия обращения, 2) выпускаемые государством, 3) в уплату причитающихся с него долгов, 4) имеющие целью извлечение доходов для государственной казны, 5) (обычно) неразменные и 6) снабженные силой законного платежного средства».	«**Бумажными деньгами являются:** 1) **орудия обращения,** 2) **выпускаемые государством,** 3) **для покрытия государственных расходов,** 4) **неразменные и** 5) **снабженные силой законного платежного средства**» (курсив автора. *Д. Н.*).

В таком же, приблизительно, положении находятся формулировки В. Е. Мотылевым банкнот (в «Курсе» на с. 209, в «Кр. Курсе» на с. 66, у Трахтенберга на с. 142), ликвидации бумажно-денежного обращения

(«К.»—247—8, «К. К.»—78—80, Трахт.—251 и т. д.), покупательной способности денег (212—67—169) и т. п.

Нужно все-таки соблюдать элементарные правила литературной этики.

Наконец, большое неудобство, что автор на протяжении обоих «курсов» употребляет оба термина: ценность и стоимость, подчас встречающиеся в одном и том же предложении, вместе. Нужно все-таки придерживаться «моногамии».

В заключение мы хотели бы остановиться на следующем.

Марксистский «курс» политической экономии пред'являет автору очень серьезные требования: основательное знание метода Маркса—материалистической диалектики—и уменье пользоваться ею; знание теоретической и конкретной экономики в достаточной степени; богатый педагогический и методический опыт и не менее важное добросовестное отношение к своей работе, т.-е., как советовал Энгельс, «выполнить его только в результате продолжительной работы». Наш автор не отвечает этим требованиям. Кроме путаницы (этим мы, разумеется, не отрицаем отдельных заслуг, достоинств автора по частным вопросам, но только по частным) и серьезных методологических промахов, мы ничего не получили. Перегруженность описательным материалом, небрежность, спешка и т. п., особенно усугубили эти недостатки «курсов».

Автор взял на себя трудно выполнимую задачу и понятно зашел в тупик. Впрочем, он сам это предвидел. «Настоящий курс,—говорит он в предисловии,—является первым опытом создания учебника для высшей школы на основе этих (т.-е. «новых», «необычных». *Д. Н.*) принципов. Один этот факт, сам по себе, делает неизбежным недочеты. Я ясно сознаю, что в моем курсе неизбежны промахи и недочеты». Хотя автор сам ясно сознавал, что он промахнется и действительно сильно промахнулся, все же не стоило свой эксперимент строить на молодых головах новых многочисленных учащихся, преимущественно из рабочих и крестьян. Надо все же иметь уважение к «старику» Марксу (т.-е. поменьше его вульгаризировать) и молодым читателям.

Дж. Нагиев.

В № 7—8 «Большевика» имеются следующие опечатки:

На стр. 72, начало первой сноски до слов: „Чтобы читатель“ и т. д., относится к основному тексту статьи после цитаты из Ленина.

На стр. 119 в стр. 14 снизу в цитате из Ленина надо читать: „Как ограничивать“ и т. д.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ИЮНЯ 11

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 60420 МОСКВА. Тираж 41.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

Партия и борьба за режим экономии.

Настоящий период хозяйственной политики нашей партии протекает под лозунгом борьбы за режим экономии. Партия руководит государственным хозяйством нашей страны через советские органы не первый год; не первый год она стремится обеспечить правильную линию советской власти в области переделки и направления в общественно-кооперативное русло широкой массы крестьянских хозяйств.

И Ленин и вся партия в целом неоднократно отмечали, что одним из принципов социалистического строительства в условиях, на которые положила печать хозяйственная разруха—периода империалистической и гражданской войн,—является экономия, бережливейшее отношение к государственным средствам. Но борьба за режим экономии становится лозунгом, центральной и острейшей проблемой исторического дня именно теперь, в переживаемый нами период социалистического строительства.

Какие же особенности текущего периода выдвигают борьбу за режим экономии как один из основных критериев хозяйственной политики советского государства?

Прежде всего, следует отметить, что мы вступили теперь в широко-развернутую строительную полосу; что главным содержанием текущего периода является строительство социалистической экономики.

Надо иметь в виду далее, что очередной задачей пролетарского государства является теперь индустриализация страны, т.-е. такой тип экономического развития, при котором темп развития социалистической промышленности был бы быстрее, чем темп развития сельского хозяйства, чего нельзя достигнуть без интенсивного развития производства средств производства, т.-е. без серьезных капитальных затрат.

Наконец, не надо забывать, что мы подошли вплотную к задаче индустриализации страны в обстановке ряда хозяйственных просчетов и обусловленных ими хозяйственных затруднений.

Если учесть, что сколько-нибудь значительных кредитов со стороны иностранного капитала мы в текущий период не получаем,—то надо признать, что особенности этого периода делают

борьбу за режим экономии необходимейшей и важнейшей директивой настоящей экономической политики советской власти.

Партия должна принять меры к тому, чтобы в государственном секторе советского хозяйства была начата напряженная, систематическая, упорная борьба за режим экономии.

Эта борьба требует, прежде всего, изживания непроизводительных расходов в различного рода государственных учреждениях.

Необходимо усилить борьбу с злоупотреблениями и незаконными—явными и скрытыми—тратами государственных средств на личные нужды использованием служебного положения в интересах личного обогащения там, где таковые еще имеют место.

Следует повести энергичную кампанию за сокращение раздутых штатов, ликвидацию лишних или мало-необходимых ответвлений и подсобных организаций государственных учреждений.

Надо всемерно уменьшить накладные расходы путем более экономного расходования государственных средств и в области производства и в области обращения.

Нужно осознать, что поднятие производительности труда, приобретающее сугубое значение в период борьбы за режим экономии, невозможно осуществить без рационализации всего производственного процесса, с одной стороны, и без интенсификации труда, без борьбы с прогулами, невыходами и т. д., и т. п.—с другой стороны. Партия обязана мобилизовать внимание партийной и советской общественности на задаче борьбы за режим экономии.

Она должна добиться того, чтобы сами государственные, и в первую голову хозяйственные, учреждения взяли твердый курс на режим экономии; чтобы они сами изыскивали и проводили мероприятия удешевления госаппарата, рационализации его, поднятия производительности труда.

Нет никакого сомнения, однако, в том, что без живого участия в борьбе за режим экономии самых широких масс пролетариата существеннейшие достижения в этой области невозможны. Поэтому необходимо поставить под знак борьбы за режим экономии массовые профсоюзные организации. Особое значение в этой связи приобретают производственные совещания, которые надо оживить, придав им более практический деловой характер, содействуя осуществлению всех сколько-нибудь полезных мероприятий по улучшению производства, намеченных этими совещаниями.

Нет необходимости доказывать, что мощным орудием борьбы за режим экономии уже становится и должна еще больше стать партийно-советская печать, особенно газеты. День за днем здесь будут вскрываться злоупотребления, бичеваться халатность, разгильдяйство, небрежное отношение к делу экономии как со стороны госучреждений, так и со стороны отдельных групп рабочих; с другой стороны, печать отметит и те достижения, которые будут иметь место на фронте борьбы за экономное строительство социализма. Рабкоры, уже сыгравшие значительную общественно-полезную роль, смогут оказать в этой области большую помощь пролетарскому государству путем вдумчивой работы над вскрытием и освещением язв бесхозяйственности в государственных предприятиях. Было бы неправильным полагать, что борьба за режим экономии ограничивается только сферой государственного хозяйства. Здесь, конечно, пролегает главная линия борьбы, главный пункт приложения сил партийной и советской общественности; но необходимо добиться того, чтобы режим экономии завоевал себе позиции и в организациях советской общественности в деревне.

Первостепенное значение в этом отношении будет иметь внедрение режима экономии в кооперативные организации. Вывести злоупотребления, бесхозяйственность, понизить накладные расходы в кооперации—это значит не только приблизить кооперацию к массе бедного и среднего крестьянства, но и обеспечить условия организованного планового экономического воздействия пролетарского города на мелко-буржуазную деревню, усилить успешное проведение индустриализации страны на почве экономнейшего хозяйствования.

В тесной связи с проблемой улучшения кооперации стоит проблема вовлечения в русло общественного хозяйствования частных индивидуальных сбережений. Мобилизация этих средств в государственные и кооперативные центры дает возможность прямо или косвенно использовать их в деле индустриализации страны.

Отмеченные выше задачи не могут быть осуществлены бюрократическим путем. Разрешение их должно протекать в условиях широкого развертывания советской и внутрипартийной демократии.

В своем обращении к партийным и советским организациям ЦК и ЦКК ВКП(б) подчеркнули, что партия «должна развернуть на этом фронте широкую общественную кампанию, вовлекая в это дело массы рабочих и крестьян».

«Она должна воспитывать в каждом члене партии, в каждом работнике, партийном и беспартийном, чувство величайшей ответственности за каждый советский рубль, за каждую советскую копейку.

Максимально сократить расходы на все то, что не абсолютно необходимо и без чего можно обойтись при наших скудных резервах, сберегать каждую копейку и систематически накапливать средства для нужд нашей индустрии,—вот на чем должно быть сосредоточено внимание всей партии и всего рабочего класса.

Вокруг этой основной задачи нужно сконцентрировать партийное и общественное внимание. Под этим углом зрения следует вести работу по выявлению всяких явных и скрытых ненужных расходов, по вскрытию прорех и щелей, через которые происходит разбазаривание средств, идущих в конечном счете в карман частного капитала. Расточительность и неэкономность в расходовании средств государственных, кооперативных и др. общественных организаций нужно рассматривать, как преступление перед рабочим классом.

Кампания может быть успешна только в том случае, если в нее будут втянуты широчайшие массы рабочих и крестьян и прежде всего вся наша партия».

Нужно принять все меры к тому, чтобы эти указания руководящих органов нашей партии были претворены в действительность. Нужно добиться того, чтобы на фронте борьбы за режим экономии партия одержала бы такие же победы, какие она имела на других фронтах борьбы за социализм.

Э. Гольденберг.

Вопросы экономического курса.

I. Возможна ли индустриализация с «ситцевого конца»?

Стало уже общим местом, что не всякое развертывание промышленности ведет к индустриализации. Индустриализация предполагает раньше всего развертывание промышленности определенного темпа, более быстрого, чем темп роста сельского хозяйства. В самом деле, очевидно, что если сельское хозяйство будет расти быстрее, чем промышленность, если, скажем, в течение определенного промежутка времени первое возрастет в два раза, а вторая только в полтора раза, то при абсолютном росте промышленности мы будем иметь падение ее удельного веса в общей системе народного хозяйства, или, иными словами, у нас получится аграризация страны вместо ее индустриализации.

Темп развертывания промышленности, однако, теснейшим образом связан с характером этого развертывания. Для того, чтобы промышленность росла быстрее, чем сельское хозяйство, необходимо, чтобы внутри промышленного круга производство средств производства (тяжелая индустрия) росло темпом более быстрым, чем производство средств потребления. Этого совершенно не понимают те товарищи, которые, становясь в позу индустриалистов, говорят: «и мы не лыком шиты, и мы за индустриализацию, но почему же, если индустриализация, так непременно с чугунного, а не с ситцевого конца, когда индустриализовывать страну с ситцевого и проще и дешевле, между тем как делать то же самое с чугунного конца и очень сложно, и очень дорого? Почему индустриализация страны требует развертывания именно металлической промышленности, когда легче и дешевле развертывать текстильную промышленность? Конечно, и для текстильной промышленности нужны станки, нужно оборудование. Но эти станки и это оборудование мы можем достать за границей в обмен на наш сельско-хозяйственный экспорт. А форсировать наш сельско-хозяйственный экспорт и легче и выгоднее, чем ставить собственную металлургию, собственное машиностроение и т. п.».

Возможна ли индустриализация с ситцевого конца? Мы не будем ссылаться на историю и практику мирового хозяйства, очень убедительно говорящих о том, что предпосылкой индустриализации является более быстрый рост производства средств производства, нежели производство средств потребления. Страны, в которых эта предпосылка отсутствовала, оставались и остаются аграрными, либо полуаграрными (довоенная Франция, современная Индия). Попробуем поставить и решить этот вопрос чисто-теоретически.

Для простоты начнем наш анализ с изолированной страны, не ведущей внешней торговли и не связанной с мировым рынком. В каком случае возможно в этой стране развертывание промышленности или, выражаясь термином Маркса, расширенное промышленное воспроизводство?

В том случае, если это расширенное промышленное воспроизводство происходит на базе повышающегося органического состава капитала, если количественный рост промышленности сопровождается ее качественным улучшением, ее техническим прогрессом, в этом случае очевидно, что рост промышленности в целом необходимо связан с более быстрым ростом производства средств производства, нежели производства средств потребления. В самом деле, что означает технический прогресс, повышение органического состава капитала? Это значит, что один рабочий приводит в движение все большее количество орудий производства, что значение постоянного капитала (средств производства) не только абсолютно, но и относительно растет, между тем как значение переменного капитала (рабочей силы) относительно падает, хотя абсолютно может и расти. Но если рост промышленности происходит при растущей роли постоянного капитала и падающей роли переменного, то ясно, что внутри самой промышленности производство элементов постоянного капитала, т.-е. производство средств производства должно расти темпом более быстрым, чем производство элементов переменного капитала, т.-е. производство средств потребления. Таким образом, в том случае, если развертывание промышленности (в изолированной стране) происходит на базе повышающегося органического состава капитала, производство средств производства будет развиваться быстрее, чем производство средств потребления.

Этот закон, однако, сохраняет свою силу и в том случае, если мы имеем развертывание промышленности на неизменной технической базе, при неменяющемся органическом составе капитала. Именно об этом случае Маркс во II томе «Капитала» говорит следующее:

> «При простом воспроизводстве предполагалось, что вся прибавочная стоимость I (т.-е. производство средств производства) расходуется как доход, следовательно, на товары II (т.-е. производство средств потребления), следовательно, она состояла лишь из таких средств производства, которые должны были возместить постоянный капитал II в его натуральной форме. Таким образом, для того, чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству, производство подразделения I (т.-е. производство средств производства) должно получить возможность создавать менее элементов постоянного капитала для II (производство средств потребления), но в той же мере более для I» [1]).

Мы не будем приводить цифровые расчеты, которыми Маркс обосновывает это свое положение [2]), вопрос достаточно ясен и так. В самом деле, чем отличается простое воспроизводство от расширенного? При простом воспроизводстве весь прибавочный продукт потребляется как доход, при расширенном воспроизводстве, потребляется только часть его, другая накопляется и идет на расширение производственного аппарата, основного и оборотного капитала. Как возможно потребление, как дохода, прибавочного продукта в первом подразделении? Там этот продукт существует в форме средств производства. Очевидно, что этот существующий в форме машин, угля, сырья и т. п. прибавочный продукт необходимо обменять на средства потребления, произведенные во II подразделении. Второе подразделение купит все эти машины, уголь, сырье для того, чтобы восстановить изношенную часть своего постоянного капитала! Таким образом, при простом воспроизводстве **весь** прибавочный продукт первого подразделения идет на восстановление постоянного капитала второго подразделения. Напротив, при расширенном воспроизводстве на восстановление постоянного капитала II идет только часть прибавочного продукта I. Или, говоря словами Маркса, «для того, чтобы произошел переход от простого к расширенному воспроизводству производство подразделения I должно получить возможность создавать менее элементов постоянного капитала для II, но в той же мере более для I».

Мы видим, таким образом, что в изолированной стране, которая сама, из собственных рессурсов снабжает себя всем необходимым для производства и потребления, необходимой предпосылкой **развертывания** промышленности, ее **расширенного** воспроизводства, как в том случае, когда оно происходит на базе повышающейся техники, так и в том случае, когда уровень техники остается неизменным, является более быстрый темп роста производства средств производства, чем производства средств потребления. Здесь, т. о., индустриализация с «ситцевого конца» во всяком случае невозможна.

Посмотрим теперь, как будет обстоять дело в такой стране как наша, в стране аграрной по преимуществу, только вступающей на путь индустриализации и связанной внешней торговлей с мировым рынком. Предположим, что мы приняли программу «ситцевых индустриалистов», отказываемся от развертывания собственного производства средств производства, а нужные нам машины и оборудование ввозим из-за границы, форсируя свой сельско-хозяйственный экспорт. Что получится? Очевидно, что тогда в нашем народном хозяйстве функция I подразделения—производство средств производства для нашего хозяйства—будет выполняться не на собственных заводах, а за границей через наш экспорт, и т. о., он, а не собственные заводы, будет служить поставщиком машин и оборудования. Но если так, то в такой же мере, в какой для рассмотренной выше изолированной страны развертывание промышленности предполагает рост I подразделения, производства средств производства, более быстрый, чем II подразделения, производства средств потребления, у нас развертывание промышленности будет предполагать рост сельско-хозяйственного экспорта более быстрый, чем промышленности, т. к. последняя в случае принятия «ситцевой» программы вся попадает во II подразделение. Рост сельско-хозяйственного экспорта неотделим от роста сельского хозяйства. «Ситцевая» программа, означая рост с.-х. экспорта более быстрый, чем промышленности, тем самым означает и рост сельского хозяйства в целом более быстрый, чем промышленности.

---

[1]) Маркс. «Капитал», том II, стр. 468. Пер. Базарова и Степанова. Изд. 1907 года.

[2]) Там же, стр. 478.

А ведь это и есть аграризация! Если наши ситцевые индустриализаторы не хотят на все сто процентов солидаризоваться с Шаниным, то они должны же признать, что индустриализация предполагает темп роста промышленности более быстрый, чем сельского хозяйства. Мы видим, однако, что темп развития промышленности неразрывно связан с его характером. Промышленность только в том случае может расти быстрее, чем сельское хозяйство, если внутри нее тяжелая промышленность растет темпом более быстрым, чем легкая. Конечно, поднять текстильную промышленность при помощи сельско-хозяйственного экспорта проще и дешевле, чем двинуть металлическую промышленность. Но это еще не есть индустриализация, а при исчерпании старых капитальных рессурсов легко может привести к аграризации. «Ситцевая индустриализация», индустриализация с ситцевого конца—это такая же бессмыслица, как деревянное железо. Пусть попробуют товарищи из числа «ситцевых индустриализаторов» доказать возможность этого деревянного железа!

II. Тов. Преображенский в новом издании, или новая экономика вверх ногами.

Индустриализация страны, развертывание тяжелой промышленности требует огромных затрат и огромного напряжения.

«Ситцевая программа» в известной степени является продуктом боязни этих затрат и напряжения, является выражением политики движения по линии наименьшего сопротивления. Однако, и в этом случае, как во многих других, политика движения по линии наименьшего сопротивления является далеко не лучшей политикой.

Если «ситцевые индустриализаторы» представляют собою одну разновидность политики движения по линии наименьшего сопротивления, то другую разновидность той же политики представляют собою наши ультра-индустриализаторы, и в первую очередь тов. Преображенский.

Основная трудность индустриализации заключается в том, что ее приходится проводить в аграрной стране—это обладает бесспорностью тавтологии. Но мало понимать трудность задачи: необходимо понять ее во всей ее сложности. Индустриализация потребует огромного напряжения и от рабочего класса и от крестьянства, но это напряжение не должно выходить за те пределы, за которыми оно становится политически опасным, начинает угрожать политическому союзу рабочего класса и крестьянства. Индустриализация означает рост промышленности более быстрый, чем сельского хозяйства. Но нелепо предполагать, что можно развертывать промышленность на базе разоряющегося, или топчущегося на месте сельского хозяйства. Известный темп роста сел. х-ва является необходимым условием для быстрого роста пром-сти. Строительство социализма невозможно без индустриализации. Но было бы чистейшим вздором утверждать, что социализм можно в нашей стране строить только с городского конца, без кооперативно-социалистической перестройки крестьянского хозяйства. Конечно, индустриализация потребует использования в известной мере и крестьянского накопления для нужд промышленности, транспорта и т д. Но нет ничегоо вреднее, как теория, утверждающая, что это использование должно быть доведено до пределов «технически возможного», ставящая это использование в центр партийного внимания и смазывающая задачи поднятия производительности в промышленности, смазывающая значение борьбы за режим экономии во всем нашем государственным хозяйстве, создающая иждивенческую психологию индустриализации только за счет крестьянства. Это—тоже движение по линии наименьшего сопротивления, продукт такой же вредной, упадочнической идеологии, как и программа ситцевой индустриализации.

Теоретиком этой программы является т. Преображенский. Он выступил с нею впервые в 1923 году, в статье «О законе первоначального социалистического накопления», получившей тогда же должную отповедь в статьях тов. Бухарина. Затем уже в 1926 г. он публикует являющуюся продолжением первой статью «О законе ценности в советском хозяйстве». Наконец, теперь, собрав обе статьи, дополнив их методологическим введением и ответом своим оппонентам, он их выпустил особой книгой под громким названием «Новая экономика».

Необходимо отметить, что в книге теория тов. Преображенского предстает перед нами в несколько причесанном виде. Так, например, он отказался от термина «эксплоатация» и заменил его менее одиозным словом «отчуждение». Существо дела от этого у тов. Преображенского, однако, очень мало меняется.

Тов. Преображенский начинает с того, что разграничивает понятия социалистического накопления просто, и первоначального социалистического накопления.

> «Социалистическим накоплением мы называем присоединение к функционирующим средствам производства прибавочного продукта, который создается внутри сложившегося социалистического хозяйства и который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства и служит для расширенного вопроизводства. Наоборот, первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных рессурсов, главным образом, либо одновременно, из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства»...

Вообще говоря, разграничение понятий вещь очень полезная. Можно было бы приветствовать его и в данном случае [1]). Беда только в том, что тов. Преображенский уже семью страницами ниже, на 64 стр. в подстрочном примечании оговаривает: «Ниже, где это ясно по контексту, я говорю для краткости вместо первоначального социалистического накопления о социалистическом накоплении». Очень жаль, скажем мы от себя. Потому что оговорка, как мы еще увидим, совсем не так невинна, как кажется.

---

[1]) Нам представляется, однако, что тов. Преображенский некритически проводит аналогию между первоначальным капиталистическим накоплением и первоначальным социалистическим накоплением. Переживаемую нами эпоху, пожалуй, вообще неправильно квалифицировать как эпоху «первоначального социалистического накопления». Но оставим пока это в стороне.

Продолжим, однако, прерванную цитату.

...«Основным законом нашего советского хозяйства, в настоящий момент пробегающего эту стадию, как раз является закон первоначального или предварительного социалистического накопления... Мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве закон первоначального социалистического накопления, который определяет в борьбе с законом ценности и распределение средств производства в хозяйстве, и распределение рабочей силы, и размеры отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического воспроизводства».

Итак, закон первоначального социалистического накопления играет у нас «центральную» роль, он является «основным» законом нашего хозяйства. Посмотрим теперь, что представляет этот закон в более развернутой формулировке. На стр. 101 тов. Преображенский пишет:

«Чем более экономически-отсталой, мелко-буржуазной является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции,—тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т.-е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности».

Вопрос, который здесь тов. Преображенский ставит и рецепт решения которого он дает—это вопрос о взаимоотношении социалистического и несоциалистического секторов нашего хозяйства, или, иными словами, вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства в переходный период. Накопление идет в обоих секторах: и в социалистическом и в несоциалистическом. Задача заключается в том, чтобы и накопление в несоциалистическом секторе направить в социалистическое русло, использовать его для строительства социализма. Как решает эту задачу т. Преображенский? Так как мы страна отсталая, аграрная, то «тем относительно больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на отчуждение части прибавочного продукта досоциалистических форм хозяйства». Тов. Преображенский отказался от слова эксплоатация и заменил его словом отчуждение. Но это ни грана не меняет в том, что теория т. Преображенского как была, так и осталась теорией вытеснения и разорения крестьянского хозяйства, находящейся в непримиримом противоречии с ленинской теорией его кооперативно-социалистической перестройки.

Потому что какой же другой смысл может иметь теория, утверждающая, что накопление в досоциалистических формах хозяйства лишь в такой мере «подпирает» социалистическое накопление, в какой его прибавочный продукт «отчуждается» в пользу социалистического сектора? Но если «отчуждение»

является основным методом социалистического строительства (а по т. Преображенскому оно является именно основным, потому что «закон первоначального социалистического накопления»—это «основной» закон, играющий «центральную» роль), то как же он мыслит себе дальнейшую судьбу крестьянского хозяйства? Оно служит социалистическому накоплению лишь постольку, поскольку из него «отчуждают». Развитие социализма, следовательно, должно итти за счет крестьянского хозяйства. По этой схеме, чем шире хозяйственная территория социализма, тем уже хозяйственная территория крестьянства. Рост социалистических элементов должен в то же время вытеснять крестьянское хозяйство.

Сколько бы тов. Преображенский, впадая в крайнюю и малопочтенную непоследовательность, ни открещивался от этих выводов, они с необходимостью вытекают из его «закона», из всей его точки зрения, которая видит строительство социализма только с промышленного, городского конца и совершенно не видит проблемы социалистической перестройки сельского хозяйства, для которой именно поэтому проблема социалистического накопления сводится к проблеме «отчуждения» из крестьянского хозяйства.

Смешно и глупо было бы, конечно, отрицать, что известное отчуждение прибавочного продукта для промышленности, транспорта, электрификации и т. д. имело, имеет и, вероятно, долго еще будет иметь место. Но это отчуждение отнюдь не играет «центральной» роли в строительстве социализма, и уж во всяком случае не является единственным методом использования досоциалистических форм для строительства социализма. Важнейшим методом здесь является кооперация. Крестьянское накопление постепенно направляется в социалистическое русло, трансформируется в социалистическое накопление не только и не столько через «отчуждение», но главным образом, через кооперацию, через социалистическую перестройку самого крестьянского хозяйства.

Относительно роли кооперации в переходный период тов. Преображенский на стр. 221 пишет следующее:

«Сущность моего взгляда в этом вопросе заключается в следующем: сейчас никто не знает и знать не может, как конкретно будет проходить трансформация крестьянского хозяйства в такой тип производственно-земледельческой кооперации, которая будет переходным этапом к социализации земледелия».

Это пустая отписка, абсолютно недопустимая там, где речь идет об одном из основных вопросов пролетарской диктатуры. Никто и не думает требовать от т. Преображенского, чтобы он рассказал, как «конкретно будет проходить процесс трансформации крестьянского хозяйства». Речь идет не о писании утопий, а о политике сегодняшнего дня. Согласен ли т. Преображенский с тем, что нам надо держать курс на кооперирование крестьянства, с тем, что мы должны строить социализм не только с городского, но и с деревенского конца, с тем, что мы должны не вытеснять крестьянское хозяйство, но поднимать его технически и организационно, всячески содействуя его кооперированию? Если согласен, то «отчуждение» не является ни един-

ственным, ни основным видом социалистического накопления в деревне. Если согласен, то накопление в середняцком хозяйстве является источником социалистического накопления не только как об'ект отчуждения, но и как база для кооперативно-социалистического накопления в самой деревне. Если согласен, то остается эмпирический факт известного отчуждения крестьянского накопления для целей индустриализации, но ничего не остается от закона первоначального социалистического накопления в таком виде, в каком его сформулировал т. Преображенский.

Для всего построения т. Преображенского чрезвычайно характерно, что говоря о «досоциалистических формах» или о «частном хозяйстве» он совершенно не дифференцирует его, не различает в нем различных элементов. В одну кучу мешаются и кулак и нэпман, и середняк и бедняк. Один и тот же закон у тов. Преображенского формулирует отношение социалистического накопления и к кулацко-нэпманскому накоплению и к накоплению середняка и бедняка. Одного этого достаточно, чтобы вскрыть глубокую фальшь позиции тов. Преображенского и полную неприемлемость его точки зрения. Метод «отчуждения», несомненно, является единственным методом использования для строительства социализма накопления нэпмана и кулака. Но если т. Преображенский «и впрямь и в самом деле, без риторических затей», «не знает», «как конкретно будет проходить трансформация крестьянского хозяйства», так откуда он почерпнул свою уверенность в том, что взаимоотношение социалистического накопления и середняцкого то же самое, что и соотношение социалистического накопления и кулацко-нэпманского? А между тем если отношение социалистического накопления к середняцкому то же, что и к кулацко-нэпманскому, то очевидно, что и динамика соотношения социалистических элементов и середняцких и кулацко-нэпманских—одна и та же: динамика вытеснения.

Все это, однако, только цветочки, ягодки впереди. Желая отгородиться от обвинения, что он предлагает немедленно «отчуждение» в фонд социалистического накопления всего частнохозяйственного накопления, и желая показать, что и сам понимает политические неприятности, которые могут быть связаны с такой программой, тов. Преображенский на стр. 27 своей книги пишет:

> «Пролетарское государство одновременно и руководит государственным хозяйством и руководит политикой внутренней и внешней, стремясь к сохранению данной системы, к ее укреплению, к победе в ней социалистических начал. Оно встречает при этом противодействие со стороны мирового капитализма извне, частного хозяйства внутри. В результате линия его экономической политики, реальные результаты, достигаемые в хозяйственной области, пролегают не по линии оптимума закона первоначального социалистического накопления, а по линии некоторой равнодействующей, складывающейся в результате данного соотношения сил между социалистическими тенденциями и встречаемыми на их пути противодействующими влияниями».

Это место—в своем роде перл, и лучше всего показывает, «куда растет» теория т. Преображенского. О том, насколько верно голое и безоговорочное противопоставление мирового хозяйства и частного хозяйства внутри страны, с одной стороны, и государственного хозяйства, с другой, мы говорили уж в другом месте [1]. В данной связи для нас, однако, важно другое.

Тов. Преображенский с огорчением констатирует, что сейчас линия экономической политики государства пролегает «не по линии оптимума закона первоначального социалистического накопления», или говоря менее кудряво, сейчас отчуждается меньше, чем можно и должно было бы, при меньшем сопротивлении частного хозяйства. Линия экономической политики пролегает где-то посредине между этим оптимумом и ценностным обменом. Что же определяет, по мнению тов. Преображенского, величину расстояния фактической линии экономической политики государства от оптимума первоначального социалистического накопления? Ответим его же словами: «некоторая равнодействующая, складывающаяся в результате данного соотношения сил между социалистическими тенденциями и встречаемыми на их пути противодействующими влияниями». Значит, чем сильнее будут социалистические тенденции, чем больше будет их удельный вес и чем слабее будут, с другой стороны, противодействующие влияния, тем ближе будет фактическая линия нашей экономической политики к оптимуму закона первоначального социалистического накопления. Или иными словами, чем сильнее будет развита социалистическая промышленность и чем ближе мы будем к социализму, тем менее эквивалентным будет наш обмен с сельским хозяйством, тем больше будет налог на деревню, тем дороже будут цены промышленных товаров! Потому что в чем же другом, кроме этого, может выразиться приближение к оптимуму первоначального социалистического накопления, которое должно явиться результатом изменения «соотношения сил» в нашу пользу.

Чем ближе к социализму, тем больше отчуждения, тем больше перекачки! Это явный абсурд, это сумасшедшие пустяки, но пусть попробует тов. Преображенский сделать другие выводы из своих собственных слов.

Теория, приводящая к абсурдным результатам—это абсурдная теория, терпящая банкротство в собственных выводах. Вряд ли можно сколько-нибудь серьезно оспаривать, что чем ближе мы будем к социализму, тем более эквивалентным будет наш обмен с сельским хозяйством, тем меньшую роль будут играть методы отчуждения. На деле мы будем иметь «отрицательно-расширенное воспроизводство» элементов «отчуждения». «Ни разверстки, ни налога,—писал т. Ленин,—а обмен продуктов крупной, социализированной промышленности на крестьянские продукты,—такова экономическая суть социализма, его база». Вот в чем видел суть «новой экономики» т. Ленин. «Закон» тов. Преображенского ставит «новую экономику» на голову: не убывание роли элементов отчуждения, но напротив их возрастание, приближение к «оптимуму» первоначального социалистического накопления по мере приближения к социализму.

И это, разумеется, не случайно. К другим результатам и невозможно притти, если эмпирический факт «отчуждения» в фонд индустриализации известной части частно-хозяйственного накопления, факт убывающего значения, возводить в основ-

---

[1] Статья «Запоздалый рефлекс» в № 7—8 «Большевика» за 1926 г.

ной закон эпохи, приписывать ему центральную роль. В самом деле, посмотрим, как обосновывает тов. Преображенский право на возведение эмпирического факта отчуждения в теоретический закон: в заключительном слове по докладу «О законе ценности в советском хозяйстве» в Ком. Академии, он говорил:

> «Закон ценности—это закон, который в условиях развития буржуазного производства стихийно воспроизводит в расширенном масштабе капиталистические отношения. Мы имеем у нас расширенное социалистическое воспроизводство. Я вас спрашиваю: если в основе одного процесса—процесса воспроизводства капиталистических отношений лежит закон ценности, то какая закономерность лежит в основе расширенного социалистического воспроизводства? Существует ли специфический закон расширенного социалистического воспроизводства?».

Таким «специфическим законом» расширенного социалистического воспроизводства, по т. Преображенскому, и является закон первоначального социалистического накопления. Именно **первоначального** социалистического накопления, потому что если бы речь шла о социалистическом накоплении в обычном понимании, то дело сводилось бы к простой тавтологии: в основе расширенного социалистического производства лежит социалистическое накопление.

Итак, закон первоначального социалистического накопления—это «специфический закон» расширенного социалистического воспроизводства. Действие этого закона, однако, как неоднократно повторяет и подчеркивает т. Преображенский, «ограничивается действием закона ценности».

Значит, чем шире воспроизводятся социалистические отношения, чем менее сфера действия закона ценности, тем сильнее, неограниченнее действует закон первоначального социалистического накопления, тем больше отчуждения и перекачки. Нелепо, конечно, но такова уж логика возведения эмпирического факта убывающего значения в «основной» и «центральный» закон теории переходного периода.

Нет надобности рассматривать в деталях теорию, столь очевидно проваливающуюся в основном. Единственный частный вопрос, который мы считаем нужным выделить—это вопрос о политике цен. Но к нему вернемся в другой раз и в несколько другой связи.

В. Ломинадзе.

От левой фразы к социал-фашизму.

I. Вырождение «ультра-левых».

В нашей партийной печати слишком мало освещается эволюция того направления в Коммунистическом Интернационале, которое известно под именем «левого» или «ультра-левого» уклона [1]). А между тем эта эволюция,—особенно в последние месяцы и недели,—принимает крайне интересный и во многих отношениях поучительный (и для нашей партии!) характер. Кстати, давно уже пора отказаться от слова «уклон» применительно к этому направлению. «Уклон не есть еще готовое течение,—говорил т. Ленин на X с'езде партии.—Уклон—это есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом «уклон». Это подчеркивание того, что тут еще нет чего-либо окончательного, подчеркивание того, что дело—легко поправимое». Взятое в этом смысле понятие «уклон» оказывается совершенно непригодным для характеристики современной «левой» или «ультра-левой» оппозиции в Коминтерне. Она давно уже оформилась, как законченное, готовое течение. Этим не сказано, что она неспособна или не будет дальше эволюционировать. Она эволюционирует и сегодня на наших глазах, но тенденция, направление ее развития определились уже окончательно в сторону от большевизма и против большевизма. Едва ли здесь можно «поправить»—и Коминтерн принимает все меры к тому, чтобы освободить из-под влияния «ультра-левых» тех рабочих, которые за ними еще идут. Отдельные вожаки «ультра-левой» будут отпадать от этого течения и переходить на партийные позиции — и им всячески надо в этом помогать. Но попытка вернуть на правильный путь все «ультра-левое» течение в целом была бы теперь нелепой и вредной затеей. Оно зашло слишком уж далеко. Оно давно вышло за рамки партийности. Единственное что остается с ним делать, это—вести борьбу за полное его уничтожение.

Всего год тому назад «ультра-левое» течение играло видную и значительную роль в Коминтерне. «Ультра-левым» принадлежало чуть не монопольное руководство в двух важнейших секциях Коминтерна—в германской и польской. В Италии за

---

[1]) Терминами «левая» или «ультра-левая» оппозиция обозначается, по сути, одно и то же направление в Коминтерне. В Германии, например, в настоящее время имеется не меньше шести «левых» и «ультра-левых» группировок, называющих себя «оппозицией в КПГ». Сколько-нибудь существенной «принципиальной» разницы между этими группировками нет. Они представляют собою одно и то же течение на разных этапах развития.

Бордигой стояло серьезное меньшинство и в партии и в комсомоле. Но это была не вина, а беда Коминтерна.

В Коминтерне никогда не было двух мнений насчет того, что из себя представляет «ультра-левое» направление. Оно всегда расценивалось, как проявление и выражение той «мелко-буржуазной революционности, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной классовой борьбы» (Ленин). Социальным источником этой мелко-буржуазной революционности является «взбесившийся мелкий буржуа», который, «испытывая при капитализме постоянное угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости» (Ленин).

В Коминтерне никогда не было сомнений насчет того, что «ультра-левые» являются мелко-буржуазными попутчиками пролетариата, приставшими к нему в период бурного под'ема революции. Ленин еще в 1909 г. говорил (по поводу тогдашних «ультра-левых» в нашей партии—отзовистов): «Это явление (т.-е. присоединение попутчиков к пролетарской партии. *В. Л.*) неизбежно даже в наиболее развитых капиталистических странах, ибо пролетариат всегда соприкасается с самыми разнообразными слоями мелкой буржуазии, всегда рекрутируется снова и снова из этих слоев». «В этом явлении,—раз'яснил Ленин,—нет ничего ненормального и ничего страшного, если только пролетарская партия умеет переварить инородные элементы, подчинить их себе, а не подчиниться им, умеет во-время сознать, что те или иные элементы—действительно инородные элементы и что от них необходимо при известных условиях ясно и открыто отмежеваться».

Коммунистический Интернационал все да руководствовался этими указаниями Ленина. Немало «инородных элементов» переварило за последние годы коммунистическое рабочее движение. И, тем не менее, в 24—25 г.г. дела сложились так, что в Германии и Польше не партии подчинили себе «левых» мелко-буржуазных попутчиков, а они встали на время во главе пролетарских партий.

Это было совершенно неизбежно для своего времени. Руководство К. П. Германии в 24 г. перешло к «ультра-левым» (Маслов, Рут Фишер, Шолем, Кау и др.) против воли Коминтерна. Но у Коминтерна тогда не было никакого другого выбора. Анархизм и мелко-буржуазная революционность являются расплатой за соглашательство, «своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняют друг друга» (Ленин). Оппортунистические ошибки прежней руководящей группы К. П. Германии (Брандлера, Тальгеймера, Радека), приведшие к поражению германского пролетариата в 23 году, были настолько велики, вызвали такую острую реакцию и возмущение в рядах рабочих-коммунистов, что партия оказалась на время в полном плену у «ультра-левых», щеголявших революционной фразой. Отталкивающая сила оппортунистических ошибок Брандлера и др. сплотила германскую партию вокруг «левых» попутчиков, на словах больше и яростнее всех воевавших против оппортунистической тактики ЦК КПГ. Здесь мелко-буржуазную революционность вызвал к жизни и укрепил оппортунизм. В общем и целом то же самое произо-

шло в свое время в Польше и в Италии. «Левые» попутчики поднялись к руководству в пролетарских партиях в тот период, когда внутри коммунистического движения шла бешеная, часто даже стихийная борьба против оппортунизма. Этот участок пути коммунистическое движение проделало вместе с полуанархическими, мелко-буржуазными революционными элементами. Коммунистический Интернационал, однако, никогда не прекращал и даже не ослаблял самой острой борьбы против ошибок «ультра-левой». Но пока на первом плане стояло полное преодоление правых уклонов; пока все силы компартии были направлены на борьбу с оппортунизмом; пока «ультра-левые» ошибки носили эпизодический характер и не развернулись в законченную политическую линию,—руководство «ультра-левых» в К. П. Германии и Польши было еще сравнительно терпимо. С ним приходилось, скрепя сердце, мириться и потому, что выращивание подлинно пролетарского руководства, свободного и от правых и от левых уклонов, шло в компартиях крайне медленно. Но коммунистическое движение не стояло на одном месте. И когда на первый план встали новые задачи, когда правая опасность оказалась в основном преодоленной, «ультра-левые из попутчиков превратились в т о р м о з коммунистического движения, чем дальше, тем больше расходилась линия развития компартий с той линией, на которую старалась перевести это движение «ультра-левая». На этой основе и возник в прошлом году, почти одновременно, кризис в трех партиях, где «ультра-левые» были особенно сильны: в германской, польской и итальянской. Этот кризис, один из наиболее острых и серьезных, какие только приходилось переживать Коминтерну, оказался для последнего кризисом роста и ликвидировал «ультра-левую», как руководящее и даже как сколько-нибудь влиятельное течение в основных коммунистических партиях.

В 1923 году, после поражения революции в Германии, история проделала тот поворот, который в основном начался еще в 21 году. Полосу гражданских войн и непосредственно-революционной ситуации сменила полоса относительной стабилизации капитализма. В основу всей деятельности компартии ложится теперь тактика, разработанная на III конгрессе Коминтерна. На время задача непосредственного революционного завоевания власти и прямой революционной борьбы оказалась отодвинутой вдаль. На очередь встали новые приемы борьбы, новые методы работы «тяжелой, медленной, серой, будничной» (Ленин), но такой работы, которая единственно обеспечивает коммунистам возможность идти во главе масс и толкать рабочее движение вперед. Ленин всегда учил, что «для настоящего революционера самой большой опасностью,—может быть, единственной опасностью,—является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного применения революционных приемов». Не всякая революционная задача и не всегда решается революционными приемами. Вот этого никогда не могло, да и не может усвоить «ультра-левое» направление, не может в силу своего мелко-буржуазного характера. Оно никак не может примириться с решениями III конгресса Коминтерна и той тактикой, которую К. П. проводит сегодня на базе этих решений. Маслов предпринял открытый поход против ленинизма как раз по поводу линии III конгресса. В основе всех ошибок «ультра-левой» лежит неправильное, не-

ленинское решение коренной проблемы: всегда ли, при всех ли условиях должна коммунистическая партия применять крайние, революционные методы. Отсюда уже вытекает ошибочная линия по всем остальным вопросам: о работе в профсоюзах, о борьбе за единство профдвижения, о завоевании масс, о тактике единого фронта, о борьбе за частичные требования, об отношении к русской революции и советскому государству, об организационных принципах строительства партии и т. д.

Во всех этих вопросах линия «ультра-левой» вступает в столкновение и противоречие с большевистской линией Коминтерна. Он от довольно продолжительного руководства «ультралевых» в таких партиях, как германская и польская, доказал убедительнейшим образом, что компартия, проводя «левую» политику, неизбежно изолирует себя от массового движения рабочих, теряет в них свое виляние, превращается в секту и неминуемо начинает распадаться и разлагаться. Если бы влияние «ультра-левых» в трех крупнейших компартиях не было почти полностью ликвидировано в результате прошлогоднего кризиса, дальнейшая судьба этих партий стояла бы под большим вопросом. Но к счастью для коммунистического движения «ультра-левая» оказалась разбитой на голову в той внутренней борьбе, которая развернулась с такой остротой в прошлом году.

К VI пленуму ИККИ «ультра-левая» предстала полным банкротом во всех отношениях. Она не имеет ни в одной партии не то, чтоб большинства, но даже и сколько-нибудь значительного меньшинства за собою. По самым преувеличенным подсчетам, все оттенки и направления, некогда единой германской «ультра-левой» ведут за собой 6—8% членов партии, не больше. Катастрофически пало влияние Бордиги в итальянской, Домского—в польской и Гансена—в норвежской партиях. Мало того, «ультра-левое» течение Германии, например, распалось, по крайней мере, на шесть мелких группировок, грызущихся между собою «как скорпионы в банке». Эта внутренняя неустойчивость и разложение «ультра-левого» течения свидетельствуют особенно наглядно об ее организационном банкротстве.

Идейно-политическое банкротство «ультра-левой» нашло свое выражение в том замечательном факте, что на пленуме ИККИ ни один из вождей «ультра-левой», кроме Бордиги, (по о нем речь особо!) не решился отстаивать свою политическую линию, и обосновать свои принципиальные расхождения с Коминтерпом. А этих вождей (без армии) было приглашено вполне достаточно на пленум ИККИ—по несколько делегатов от каждого оттенка. Их выступления представляли жалкое и одновременно комическое зрелище. Все речи «ультра-левых» (повторяем, за исключением Бордиги) сводились к покаянному признанию правильности политики Коминтерна (той политики, против которой они так страстно боролись, которая проводилась против них), к взаимной грызне и к продолжению фракционной борьбы против своих партий в форме мелкой, беспринципной «организационной склоки». На деле «ультра-левая» не отказалась полностью ни от одной из своих ошибок, ни от одного из своих фракционных притязаний. Формально же она капитулировала без боя по всем идейно-политическим вопросам. У нее не оказалось больше принципиальных позиций, за которые она могла бы открыто бороться. «Ультра-левое» течение вырождается идейно-политически и превращается все более в беспринципную группировку. На фоне этого идейно-политического вырождения и организационного распада становится понятным то глубокое падение некоторых вождей «ультра-левой», которое характеризует всю «ультра-левую», и имеет отнюдь не только личное значение.

Мы остановимся лишь на трех примерах из деятельности германских «ультра-левых», обходя многочисленный ряд мелких фактов (сотрудничество «ультра-левых» в буржуазной печати, их личные связи с врагами партии и т. д.).

1) Вождь интернациональной и германской «левой», Маслов, позорно и недопустимо (даже для рядового революционера, не только для руководителя партии!) вел свою защиту на судебном процессе, на котором он привлекался за «государственную измену». В интересах личной защиты перед буржуазным судом Маслов отказался от защиты революционной программы германской компартии и всячески старался уклониться от ответственности за ее революционную деятельность. Маслов отрекся на суде от революционной перспективы для Германии на целое десятилетие. Его поведение осуждено, как недостойное, и германской общепартийной конференцией (ноябрь 25 г.), а также (после двукратного обсуждения ИКК и ИККИ.

Резолюция германской партконференции констатирует, что ни один судебный политический процесс в Германии не проходил так бесцветно и недостойно для коммунистов, как процесс Маслова.

2) Рут Фишер, стоявшая одно время во главе германской компартии, перенесла в партийную деятельность все худшие приемы австрийской парламентской школы: двуличность, ложь и интриги, сплетни, «двойную бухгалтерию» и т. д. Эти приемы она возвела в целую систему политической деятельности. Именно потому, что эти методы характеризуют Рут Фишер, как политического деятеля, пленум ИККИ вынужден был их отметить и осудить в официальной резолюции.

3) Но Маслов и Рут Фишер—не самые типичные представители «ультра-левого» течения. Они принадлежат, если так можно выразиться, к умеренному крылу «ультра-левой». Но есть у «ультра-левых» и вполне последовательные люди. Наиболее последовательным из них был всегда Кац. Еще не так давно Кац принадлежал к числу «левых» руководителей К. П. Германии. Он был некоторое время представителем партии в ИККИ. Фракционная конференция «ультра-левых», собравшаяся в январе нынешнего года, обсуждала вопрос о расколе партии. Решили не раскалывать, так как откалывать-то было нечего: за «ультра-левыми» идет незначительное меньшинство в германской партии, но и оно никогда не пойдет на раскол. «Ортодоксальный» «ультра-левый» Кац не подчинился этому решению своей же фракции. Он устроил в январе хулиганское нападение на редакцию партийной газеты в Ганновере, решив с этого конца начать исправление линии партии. Будучи выкинут из партии, Кац немедленно начал гнуснейшую кампанию против партии,—кампанию, на которую способен только ренегат—и то не каждый. Но одновременно с этим Кац обращается в магистрат г. Ганновера с предложением обеспечить ему место и приличный оклад: в этом случае Кац отказывается от всякой политической деятельности. Вот что писал Кац в своем письме «господину го-

родскому голове» Ганновера: «Мое намерение уйти из партии еще в этом году остается непоколебимым. Я уже давно предполагал уйти после нескольких лет деятельности от партийной жизни, но я расчитывал это сделать, примерно, к 40 годам. Исключительное напряжение обстановки двух последних лет, которое значительно нарушило мое здоровье, вынуждает меня уж сейчас возвратиться на длительное время бол[illegible] койной деятельности. Соответственно этому прош[illegible] дыскать для меня такую службу, которая носит не полит[illegible]ий характер, например, финансовая работа, служба в школе, библиотеке, архиве и т. д. Я был бы очень рад быть полезным моему городу именно в этих областях работы» (цитируем по тексту, опубликованному в германской печати). Можно ли представить более глубокое падение революционера? Но, право же, Кац является символической фигурой для «ультра-левого» течения. Мелкий буржуа с ног до головы, пошлый мещанин, «взбесившийся» в свое время, но успевший перебеситься раньше, чем к 40 годам, желающий мирно почить от политических «трудов» в архиве городского самоуправления—и в то же время крайний, «nec plus ultra» левый «коммунист», спасающий Коминтерн от правой опасности,—таков траги-комический символ последовательной «ультра-левой»!

Когда сопоставляешь эти факты со всей политической деятельностью «ультра-левой», невольно приходишь к выводу, что падение «вождей» «ультра-левой»—явление не случайное. Оно коренится в мелко-буржуазной природе этих попутчиков, которых рабочее движение не сумело переварить и которые не сумели воспринять от пролетариата ни его стойкости и выдержки, ни его прямоты и искренности, ни его беззаветной преданности делу революции.

«Ультра-левая» явно вырождается. В последние недели, однако, мы замечаем лихорадочное оживление в рядах «ультра-левых» во всех странах. Оно связано с дискуссией на XIV с'езде ВКП и с политикой нашей партии вообще.

II. Пленум ИККИ. «Ультра-левые» о «русском вопросе».

Вопросы нашей внутрипартийной дискуссии не обсуждались на VI пленуме ИККИ. Еще за месяц до расширенного пленума президиум ИККИ принял постановление, в котором присоединяется к единодушному пожеланию ЦК ВКП о неперенесении в Коминтерн и его секции нашей дискуссии. ЦК ВКП, а вместе с ним и Коминтерн, вынося это решение, исходили из того, что дискуссия закончена на XIV с'езде партии. Вместе с тем ЦК указывал в своем письме ко всем компартиям на необходимость тщательного и серьезного изучения материалов дискуссии в ВКП. В этом письме так же, как и в постановлении президиума ИККИ, речь шла не о запрещении обсуждать «русский вопрос», как это пытаются теперь представить задним числом «ультра-левые», а о нецелесообразности перенесения в другие компартии той внутренней борьбы, которая развернулась у нас в период XIV с'езда.

В «Rote Fahne» от 8 мая Урбанс—один из вождей немецких «ультра-левых»—ставит теперь в упрек и в тяжелую вину Ко-

минтерну то, что расширенный пленум обошел вопросы дискуссии в ВКП. Урбанс заявляет: «Расширенный пленум обсудил в продолжение четырех недель все возможные вопросы, и только проблемы, которые касаются нашей русской братской партии и которые привели к острейшим столкновениям на XIV с'езде ВКП, не должны были дебатироваться, хотя с этими вопросами связаны как [illegible]основные проблемы ленинизма и Коминтерна».

[illegible]вной вопрос Коминтерна не был обсужден расширенным п[illegible]м, тем менее был дан на него недвусмысленный ответ. Мы [illegible]же указываем на то, что препятствование дискуссии по важнейшим вопросом, которые стоят перед Коминтерном, должно привести к дальнейшим неясностям и уклонам в Коминтерне».

В этих утверждениях Урбанса частью утаена, частью извращена правда о том, что происходило на VI пленуме ИККИ.

Урбанс принимал участие в работе пленума. Кроме Урбанса, на пленуме были представители всех направлений и оттенков интернациональной «ультра-левой». Но никто из «ультра-левых» даже не попытался поставить на обсуждение пленума вопрос о «русской» дискуссии. Мало этого. Бордига, подобно тому, как это делает теперь Урбанс, заявил на пленуме, что правая опасность для Коминтерна заключается не в ликвидаторской деятельности оппортунистического крыла в К. П. Франции[1]), а в том, что Коминтерн уклоняется от обсуждения вопроса о политике ВКП и о разногласиях, имеющих в ней место. В ответ на это выступление т. Бухарин заявил официально от имени нашей партии, что ВКП готова дать ответ по всем вопросам, связанным с прошедшей у нас дискуссией, если только кто-нибудь из делегатов пленума этого потребует. Никто из «ультра-левых», ни Бордига, ни Урбанс в том числе, не нашел, однако, нужным предложить обсудить на пленуме «русский вопрос». Достаточно было одного заявления со стороны Урбанса, и пленум остановился бы со всей необходимой подробностью на вопросах дискуссии в ВКП. Урбанс такого заявления не сделал. На это ни у него ни у других «ультра-левых» не хватило решимости, несмотря на то, что отношение «ультра-левой» к дискуссии в ВКП определилось достаточно полно еще до пленума. Фракционная конференция немецких «ультра-левых», собравшаяся в январе, т. е. за месяц с лишним до пленума ИККИ, заняла резко враждебную позицию по отношению к большинству ВКП и к решениям XIV парт'с'езда. Мнение этой конференции, как об этом свидетельствуют документы «ультра-левых», выразил Энгель, берлинский «ультра-левый», заявивший, что «III район берлинской организации КПГ поддерживает линию ленинградских рабочих: Саркиса (!), Сафарова (!) и Ларина(!)». Заявление Энгеля было опровергнуто. Он не имел права говорить от имени III района, т. к. этот район не принимал никаких решений по «русскому во-

---

[1]) Бордига говорил, между прочим, по поводу правого крыла во Франции: «Я не колеблюсь заявить, что в общем и целом я считаю его здоровым, а отнюдь не зараженным мелко-буржуазной идеологией». Крайности сходятся! В свое время — на V конгрессе — Бордига голосовал против исключениия Суварина из партии. Теперь он поддерживает от'явленных оппортунистов, полу-меньшевиков, группирующихся «в общем и целом» вокруг ренегата Суварина. Любопытный идейный блок между крайне-правыми оппортунистами и самым «левым революционером» в Коминтерне! Представитель французских правых на пленуме ИККИ заявлял, что он в свою очередь согласен «в общем и целом» с Бордигой!

просу» ко времени пленума [1]). Энгель выступал на деле от имени фракционной конференции «ультра-левых», но попытался скрыть это и спрятаться за спину районной парторганизации. Но, Энгель—не вождь, он—рядовой «ультра-левый» функционер. Насколько он компетентен в вопросах нашей дискуссии, свидетельствует вышеприведенная выдержка из его речи. Но и он даже не предлагал пленуму заняться обсуждением «русского вопроса».

Отношение группы Рут Фишер—Урбанс к нашей внутрипартийной дискуссии сложилось также задолго перед пленумом. На пленуме ИККИ делегация КПГ пред'явила фракционную переписку Рут Фишер. Рут Фишер, находившаяся во время XIV партс'езда в Москве, давала в своих письмах в Германию такую оценку нашей внутрипартийной борьбы:

«В Ленинграде царит террор, и как раз по этому (!) мы (т.-е. «левые».*В. Л.*) должны умереть... V конгресс разбит вдребезги—и я боюсь, что не он один... мечта о большевизации пошла прахом, мы должны ставить гораздо более определенные цели». Для усиления впечатления Рут Фишер передает своим друзьям по фракции слух, который ЦК ВКП в своем открытом письме квалифицировал, как «контр-революционную сплетню».

«Здесь раздаются голоса за немедленное безусловное вхождение в Амстердамский Интернационал (причем заодно уже затрагивают проблему о Лиге Наций)».

Заодно в переписке дается и фракционный совет: «Немецкий ЦК ни в коем случае, ни под какими угрозами не должен принимать участия в вынесении каких бы то ни было постановлений «против оппозиции», ибо здесь идет речь о решениях исторической важности. Что станется с Коминтерном—неизвестно».

Все это писалось в начале января. Но Рут Фишер так же, как и Урбанс, несмотря на то, что ее позиция в «русском вопросе» определилась совершенно недвусмысленно, не потребовала постановки его обсуждения на пленуме ИККИ. Далее Бордига который больше и откровеннее всех других «скакал и играл» по поводу дискуссии в ВКП, и тот уклонился от вопроса, поставленного в упор т. Бухариным. Он ограничился лишь косвенным выражением недоверия политике ВКП, потребовав неожиданно к концу пленума созыва внеочередного конгресса Коминтерна для обсуждения вопроса о том, насколько политика советского государства и нашей партии проводится в соответствии с интересами международного пролетариата.

Так обстояло дело на пленуме ИККИ. Урбанс фальшивит и недобросовестно перевирает, заявляя теперь, будто кто-то препятствовал обсуждению спорных проблем ВКП на VI пленуме ИККИ и будто их запрещено было касаться. Потерпев убийственное поражение по всей линии борьбы, растеряв все свои идейно-политические позиции, «ультра-левая» жадно ухватилась за разногласия в ВКП. На них она пытается построить свою новую платформу, которая позволила бы вновь собрать ее распыленные силы и восстановить ее былое единство. Такова сегодняшняя «линия» интернациональной «ультра-левой». Но разложение и деморализация в ее рядах зашли настолько далеко; что ни у одной из группировок «ультра-левой» не хватило мужества дать открытый бой на расширенном пленуме за свою платформу в «русском вопросе». Уклонившись трусливо от прямой борьбы, «ультра-левые» выбрали средством наступления мелкую, недостойную игру, в которой главная ставка ставилась на мнимые разногласия по вопросам международной политики внутри делегации ВКП. Почти все «ультра-левые» делегаты, выступая решительно против резолюции по немецкому вопросу, предложенной комиссией т. Бухарина, тут же заявляли о своем полном согласии с общими докладом и тезисами т. Зиновьева. Между тем, и резолюция по немецкому вопросу и общеполитические тезисы строго выдержаны в духе одной линии и одобрены единодушно делегацией ВКП. Само собою разумеется, эта мелкая игра получила достойный отпор со стороны всей делегации ВКП на пленуме.

[1]) Уже на днях, после дискуссии об итогах пленума ИККИ, большинство III района,—до последнего времени служившего цитаделью оппозиции,—высказалось за линию Коминтерна и против «ультра-левых».

Мы уже упоминали, что не в пример всем другим вождям «ультра-левой», Бордига на пленуме ИККИ отстаивал открыто свою политическую линию. Но даже Бордига не договаривал очень многого в своих выступлениях на пленуме, не договаривал в особенности в «русском вопросе». Если сравнить речи Бордиги на пленуме с его прежними выступлениями, в частности на с'езде К. П. Италии, состоявшемся за несколько недель до пленума, то окажется, что на трибуне Коминтерна мужество покинуло даже этого храброго рыцаря «ультра-левой». Бордига обошел молчанием ряд крайне существенных вопросов, по которым он расходится с Коминетрном. Тем не менее, его выступления представляют значительный интерес.

Бордига спорил на пленуме ИККИ против ориентировки Коминтерна на большевизацию компартий.

«Большевизация,—утверждал Бордига,—отнюдь не представляла собой шага вперед... Не подлежит сомнению, что исторический путь, пройденный русской партией, не может быть по всем своим особенностям тождественен с путями других партий. Русская партия боролась в совершенно особых условиях, т.-е. в стране, где феодальное самодержавие еще не было преодолено капиталистической буржуазией. Между падением феодального самодержавия и завоеванием власти пролетариатом лежит короткий период, и нет никакой аналогии между этим историческим развитием и той обстановкой, в которой произойдет революция в других странах... Весь ход исторического развития в России не способствовал созданию опыта в борьбе с капиталистическим, либеральным, современного типа государством... Даже в этих специальных условиях русская революция привела к политической диктатуре пролетариата, осуществленной компартией путем восстания, путем захвата власти— и это для теории, для учения революционного марксизма является одним из наиболее грандиозных исторических положений. С точки зрения идеологии это положение имеет решающий характер, но с точки зрения тактики—это еще не то. Для нас необходимо знать, как вести борьбу против современного демократического буржуазного государства... Вся эта проблема в целом чужда истории русской коммунистической партии, и если большевизация не

толковывается в таком смысле, что революция, осуществленная русской партией, содержит в себе решения всех стратегических проблем революционной борьбы,—то такое понимание большевизации недостаточно. Интернационал должен выработать более широкое понимание, он должен добиваться решения стратегических проблем, лежащих вне пределов русской революции».

Бордига не решается здесь прямо высказать свою мысль. Если судить по одним заключительным словам цитаты, то можно подумать, будто Бордига настаивает лишь на уточнении понимания слова «большевизация». Но на самом деле Бордига спорит против лозунга большевизации. Он только не решается в прямой форме сделать выводы, которые, однако, и без того ясны из его рассуждений.

Во-первых, Бордига очень уж настоятельно подчеркивает «не классический характер» русской революции. Конечно, общественные условия в Западной Европе иные, чем в России. Россия была наиболее отсталой из всех капиталистических стран Европы. Преобладание крестьянства, преимущественно мелкобуржуазный уклад страны, неразвитость буржуазной демократии,—все это наложило, конечно, специфический отпечаток на характер русской пролетарской революции и определило ряд ее особенностей. Но здесь все дело в мере, в какой оценивать эти особенности.

Отто Бауэр, например, тоже признает пролетарский характер русской революции и то, что в СССР осуществлена диктатура рабочего класса. Но из анализа особенностей отсталого уклада России Отто Бауэр приходит к выводу с полной неприемлемости русской революционной стратегии в Западной Европе. И вообще тот аргумент, что Октябрьский переворот в отсталой России не является классической рабочей революцией, очень уж излюблен меньшевиками. Бордига, конечно, не доходит до меньшевистских утверждений, но он все же явно не соблюдает меры и допускает огромную ошибку, недооценивая опыт русской революции и даже противопоставляя его опыту классовой борьбы и рабочего движения Западной Европы. Ленин иначе оценивал опыт революционного движения России. Вот что говорил Ленин в «Детской болезни левизны»:

«Возникший на этой гранитной теоретической базе (марксизма. *В. Л*). большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта **не имеет себе равной на свете**. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы **всех** классов современного общества, притом борьбы, которая в силу отсталости страны (!) и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «**последнее слово» американского и европейского политического опыта**».

В самом начале этой же брошюры Ленин говорит: «Первые месяцы... могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западно-европейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение...

В данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего».

Все это «звучит» несколько иначе, чем у Бордиги. А особенно интересно то, что Ленин делает из опыта русской революции ряд основных тактических выводов для западно-европейских компартий, т.-е. как раз то, против чего спорит Бордига.

Вторая ошибка Бордиги заключается в том, что, по его утверждению, опытом русской революции исчерпывается содержание большевизма. Но это заведомая неправда. Бордиге должно было быть известно, что опыт нашей большевистской партии шире опыта одного русского революционного движения, что большевизм, или, что то же, ленинизм являются обобщением всего опыта международного движения. Но Бордига как раз это и оспаривает. Когда он говорит: «Интернационал должен выработать более широкое понимание», здесь речь идет о расширении ленинизма, о том, что большевизм, как теория и обобщение опыта русской революции, **недостаточен** для коммунистического движения в Западной Европе. Совершенно так ставил вопрос в прошлом году и Маслов, начиная свой поход против ленинизма. «Ультра-левых» не удовлетворяет «русский» ленинизм. Они хотят и пытаются его «европеизировать». Здесь самый глубокий корень теории «ультра-левых». Но как раз здесь «оригинальная» теория «ультра-левых» смыкается с меньшевизмом, который также отвергает русскую революционную стратегию и тактику на том основании, что опыт «отсталой», «не классической» русской революции мало применим к Западной Европе. «Ультра-левая» теория еще не меньшевизм. Но там, где она расходится с ленинизмом—а расходится она в очень многом и существенном—она приближается к меньшевизму и смыкается с ним.

Мы находим нужным остановиться еще на одном месте из речи Бордиги на пленуме ИККИ. В Коминтерне руководство принадлежало и принадлежит ВКП. «И вот,—говорил Бордига,—после последних событий, последней дискуссии, эта точка опоры, уравновешивающая всю систему, уже не кажется нам устойчивой. Во время последней дискуссии русской партии мы видели, что товарищи, претендовавшие одинаково на глубокое знание ленинизма, имеющие одинаковое и неоспоримое право во имя большевистских революционных традиций, спорили меж собою, использовывали друг против друга тексты Ленина и каждый по-своему истолковывали русский опыт... Я констатирую этот неоспоримый факт.

Кто же при таком положении вещей будет последней инстанцией, которая разрешит международные проблемы. Мы уже

не можем ответить: «Старая большевистская гвардия», потому что на практике этот вопрос допускает противоположные решения... Отсюда вытекает, что нужно другое решение. Мы можем сравнить наш мировой организм (Коминтерн. *В. Л.*) с пирамидой. Эта пирамида должна иметь вершину и линии, восходящие к вершине. Это и олицетворяет единство, необходимую централизацию. Но при нашей тактике пирамида самым опасным образом опирается на вершину. Надо, следовательно, снова поставить ее на основание, снова придать ей устойчивое равновесие. Поэтому наш вывод относительно большевизации заключается в том, что недостаточно произвести лишь второстепенные изменения, надо глубоко преобразовать всю систему.

Бордига и здесь не договаривает, но смысл его речи ясен. XIV с'езд нашей партии принял решение о более близком привлечении к руководству Коминтерном на ряду с ВКП и других коммунистических партий. Не этот вопрос ставит Бордига. Он забирает глубже. Он говорит о крушении большевизма. Перевернуть пирамиду, глубоко преобразовать всю систему,— этими образными выражениями Бордига хочет завуалировать ту пробивающуюся через его рассуждения мысль, что большевистскому руководству Коминтерном надо положить конец. Почему это надо сделать? Потому, что единого ленинизма больше нет! Потому, что большевизм—об этом говорит последняя дискуссия в ВКП—потерпел крушение. Таков смысл выступления Бордиги. После этого становится понятным, почему Бордига внес авансом вотум недоверия ВКП. Ибо что же другое, кроме выражения недоверия, может означать требование созыва чрезвычайного конгресса Коминтерна для решения вопроса о том, насколько увязана политика нашей партии с интересами международной революции. Кто так ставит вопрос, тот заранее выдает свою точку зрения: очевидно, он считает, что политика ВКП перестала соответствовать интересам интернационального пролетариата. Эта точка зрения, неясно и уклончиво формулированная в речах Бордиги на пленуме, получила свое полное законченное выражение в выступлениях «ультра-левых» в Германии во время пленума ИККИ и непосредственно по его окончании.

(Окончание следует).

И. Д. Левин.

Всеобщая забастовка в Англии.

Величайшая в истории английского рабочего движения забастовка и величайшее предательство.

1 мая шахтовладельцы об'явили углекопам локаут. В ночь с 3 на 4 мая Генеральный Совет Конгресса об'явил всеобщую забастовку. По своим размерам, по своему размаху, по всей обстановке, в которой она происходила, забастовка явилась беспримерной в истории международного движения. Около $4^1/_2$ миллионов рабочих скрестили руки на груди. Вместе со своими семьями они составляли около 18 миллионов человек из общего населения в 43 миллиона. Бастовали важнейшие отрасли промышленности, являющиеся ключами экономической жизни страны. Остановились железные дороги, трамваи, автобусы, весь транспорт, закрылись шахты, омертвели порты и верфи, прекратилась электрическая энергия. Экономическая жизнь могущественной капиталистической Англии замерла.

Против рабочих выступила единым фронтом вся английская буржуазия с правительством во главе, мобилизовавшим для подавления забастовки полицию, армию, флот, авиацию, химию, танки, штрейкбрехерские организации и все другие силы своего государственного аппарата.

Локаут углекопов превратился в классовую борьбу английского пролетариата против всей английской буржуазии.

В разгоревшейся борьбе рабочие не вели наступления. Они лишь защищали свои позиции. Всеобщая забастовка была ответом на вызов буржуазии, открывшей огонь по углекопам, являющимся важнейшим отрядом английского рабочего движения. Всеобщая забастовка была актом солидарности всего английского пролетариата с углекопами, которым шахтовладельцы об'явили локаут. Никаких отдельных требований забастовавшие из солидарности союзы не выставляли. Вместе с организованными рабочими, живо откликнувшимися на призыв руководившего забастовкой Генерального Совета конгресса трэд-юнионов бастовали и примкнувшие к ним неорганизованные рабочие.

12 мая Генеральный Совет предал углекопов, предал дело всего английского пролетариата: он за спиной федерации горнорабочих, постановил прекратить забастовку, чем разбил пролетарский фронт, выдал углекопов с головой шахтовладельцам и открыл ворота классовому врагу, который сейчас быстрым натиском преследует деморализованные и разрозненные отряды пролетарской армии. Буржуазия требует снижения зарплаты, уничтожения коллективных договоров, оставления на службе штрейкбрехеров, с увольнением соответствующего числа бастовавших рабочих.

Эти 12 дней составляют целую эпоху. 12 дней, которые потрясли весь рабочий мир! С какой надеждой, с каким под'емом,

с какой радостной самоотверженной действенной готовностью помочь всем, чем только возможно, откликнулись рабочие массы всех стран на события в Англии! Международный пролетариат знает, что торжество буржуазии в Англии послужит сигналом к наступлению капитала во всем мире. Предательство правых вождей: Томаса, Макдональда, Гендерсона и К^о—это нож в спину не только английского, но всего международного пролетариата. Английский рабочий класс получил страшный урок, который должен, наконец, открыть ему глаза на то, что до тех пор, пока он будет терпеть в своем лагере и в своем генеральном штабе явных и тайных агентов и полуагентов буржуазии, ему не будет спасения от капиталистического рабства. Генеральная чистка рядов должна предшествовать генеральной забастовке.

Уроки всеобщей забастовки имеют огромное значение для международного пролетариата. Нам необходимо охватить и осмыслить то, что произошло и понять события в их взаимной связи и причинности.

Причины забастовки: кризис и денежная реформа.

Основной причиной, приведшей к всеобщей забастовке, является глубокий кризис, переживаемый английской экспортной промышленностью и в первую голову угольной промышленностью, потерпевшей полное банкротство. Этот кризис является прямым следствием войны и ее детища, плана Дауэса. На обнищавшем и сжавшемся мировом рынке Англии трудно тягаться со своими конкурентами. Америка побивает ее своей высокой техникой, Франция—своим падающим франком, т.-е. низкими ценами, а Германия своей высокой техникой плюс «Дауэс», обязывающий ее вывозить огромное количество товаров в расплату по репарациям. Этот кризис усугубляется дефляционной политикой английского правительства, завершившейся в прошлом году денежной реформой, стабилизовавшей английский бумажный фунт стерлингов. В результате этой политики, выразившейся в целом ряде финансовых мероприятий и банковских манипуляций, фунт стерлингов, стоивший в Нью-Йорке за год до проведения реформы, 4,30 амер. долларов, поднялся до 4,84, т.-е. фунт достиг своего довоенного золотого паритета. Английский фунт стерлингов таким образом поднялся на мировом денежном рынке на 10%. Это означало, что на заграничных рынках цена английских товаров, оставаясь номинально без изменения, фактически выросла на 10%, благодаря повышению курса фунта. Финансовая политика английского правительства была ударом по всей экспортной промышленности Англии. На этой почве разгорелась борьба между промышленным и финансовым капиталом. Но, как и следовало ожидать, Сити—финансовый центр Англии—вышло победителем. Целью денежной реформы было вернуть Сити его потерянное за время войны господство на мировом денежном рынке. Сити должно снова стать мировым банкиром, а фунт стерлингов мировой валютой. Черчиль спешил с своей реформой и по другим соображениям. Британской империи угрожал валютный распад. Некоторые доминионы и в особенности Австралия и Южная Америка, потерявши надежды на стабилизацию английского фунта, начали ориентироваться на Соед. Штаты и готовились провести у себя денежную реформу не-

зависимо от Англии. Валютный распад еще более усилил бы центробежные силы британской империи. И вот интересы английской экспортной промышленности были принесены в жертву на алтарь всемогущего Сити и британской империи. Следует отметить, что лондонское Сити в прошлом уделяло очень мало внимания отечественной промышленности. Оно с головой ушло в дело охвата огромной британской империи и мирового денежного рынка.

Проведение денежной реформы предвещало поход против заработной платы английского рабочего, против уровня жизни всего английского пролетариата. Счет за финансовую стабилизацию и за восстановление экспортной промышленности должен оплатить рабочий класс. На этой программе произошло примирение с Сити, и заключен единый фронт промышленного и финансового капитала.

Банкротство угольной промышленности в Англии.

Больше всего кризис ударил по угольной промышленности, занимающей центральное место в народном хозяйстве Англии и английском экспорте. Помимо общих причин, о которых мы говорили выше, здесь сказалось развитие техники, получившее небывалый размах в результате войны и приведшее к вытеснению угля более дешевым жидким топливом, водной силой и другими видами тепловой энергии. Угольная промышленность Англии не в состоянии конкурировать на сократившемся мировом угольном рынке и оказывается полным банкротом. Она работает в убыток и теряет на каждой тонне добываемого угля $1^{1}/_{2}$ шиллинга. Она не в состоянии дать углекопам, насчитывающим 1.156.000 человек, их насущный хлеб. Эта армия углекопов вместе с своими семьями составляет одну двенадцатую часть населения. И вот угольная промышленность обрекает эту армию на голод, медленное вымирание и переселение в дальние страны. Около 300.000 углекопов выброшены на улицу без работы.

Еще в 1919 году рабочие углекопы представили назначенной коалиционным правительством Лойд-Джорджа королевской комиссии Санки меморандум, явившийся обвинительным актом против капиталистического устройства угольной промышленности в Англии. Эта промышленность имеет двух хозяев. Во-первых, владельцы земли и их недр. Это большей частью лорды, графы, герцоги,- класс тунеядцев, получающих арендную плату за свои права собственности, и, во-вторых, предприниматели-шахтовладельцы. Эта арендная плата ложится тяжелым бременем на угольную промышленность в размере 6.000.000 фунт. стерл. в год или 6 пенсов на каждую тонну угля, что составляет одну треть дефицита. Угольная промышленность в Англии со своими 2.500 копей раздроблена, распылена и находится в руках 1.400 собственников. Почти половина из них являются мелкими собственниками, занимающими не более 100 рабочих. Из-за этой раздробленности происходит чересполосица, неэкономное использование шахт, расточительные траты на отдельные водоотливные и другие сооружения на смежных участках, принадлежащих разным шахтовладельцам и т. д., и т. д. В результате себестоимость добычи угля колеблется от 12 шилл. до 30 шилл.

с тонны. Чем больше предприятие, тем ниже себестоимость и наоборот. В то время, как одни предприятия терпят убытки даже в самые благоприятные годы, другие получают прибыль даже в самые критические годы. Такая организация угольной промышленности является огромным препятствием к развитию и улучшению технических методов разработки копей. Рабочие доказали, что только национализация шахт и конфискация арендных прав может спасти угольную промышленность, обеспечить углекопам приличное существование и дать более дешевый уголь потребителю. Даже представители буржуазии в королевской комиссии Санки вынуждены были признать, что «существующая система частной собственности в угольной промышленности осуждена и должна быть заменена какой-нибудь другой системой».

История борьбы английских углекопов.

Великобританская федерация горнорабочих, основанная в 1888 году, представляет собой об'единение разнородных по своему строению независимых местных союзов, которые в свою очередь являются об'единениями отчасти централизованного, а отчасти федеративного типа. До войны углекопы не знали коллективного договора с национальным минимумом зарплаты. Каждый местный союз нормировал заработную плату по своему, без всякого согласования с другими районами и союзами. Местные союзы ревниво оберегали свою «свободу» и «автономные права» от посягательств федерации, стремившейся об'единить борьбу углекопов в общенациональном масштабе. Такое положение было только на руку шахтовладельцам, которые разбивали силы углекопов в одиночку. Наконец, после ряда поражений и неудач, в 1912 г. разражается всеобщая забастовка углекопов, выдвинувшая требование общенационального коллективного договора с национальным минимумом для всей угольной промышленности. Углекопы, наконец, поняли ничтожность и вредность местнических «свобод» и «автономных прав». Всеобщая забастовка продолжалась свыше месяца и захватила около миллиона рабочих. Правительство вмешалось и предложило создание местных паритетных комиссий из представителей рабочих и шахтовладельцев под председательством «нейтрального» члена, которые должны были определить минимум зарплаты для данного района. Цель забастовки—национальный минимум—не была достигнута, но рабочие получили увеличение жалованья. Престиж, мощь и сила федерации неимоверно выросли. Забастовка рождает у углекопов идею создания более крепкого об'единения, которое охватило бы железнодорожников и транспортников. В 1913 году эта идея претворяется в жизнь, возникает Тройственное Согласие, члены которого обязуются поддерживать друг друга и выступать вместе во время конфликтов. Война, поставившая угольную промышленность под государственный контроль, перевернула вверх дном существовавшее положение. Искусственные перегородки, воздвигнутые между шахтами их владельцами, рухнули. Угольная промышленность об'единяется государственным контролем в интересах войны и работает, как одно колоссальное предприятие. Шахтовладельцы были отстранены от управления, получая лишь прибыль. Заработная плата регулировалась в общенациональном масштабе комитетом из представителей рабочих и правительства.

Рабочие получили наглядный урок превосходства коллективного хозяйства над частно-владельческим. Этот урок оставил неизгладимые следы в умах рабочих углекопов.

1919 год. Комиссия Санки.

Немедленно по окончании войны углекопы выставили требование устранения шахтовладельцев и национализации шахт, 6-часовой рабочий день и увеличение жалования. Правительство отвергло эти требования, и в феврале 1919 г. должна была быть об'явлена всеобщая забастовка с целью принудить правительство удовлетворить эти требования. Это было бурное время, когда вся Англия кипела, как котел. Из Франции возвращались демобилизованные рабочие, полные ненависти против господствующих классов, затеявших войну. Вместе с горняками должны были выступить, как члены Тройственного Согласия, железнодорожники и транспортники. Момент был как нельзя более благоприятный. В стране не было запасов угля. Английский капитализм еще не пришел в равновесие от ударов войны, а брожение в массах под влиянием общего кризиса, нашей революции и революционных переворотов на континенте достигло высокой точки напряжения. Симпатии всего английского рабочего класса были на стороне горнорабочих. Победа была обеспечена. Но во главе правительства стояла хитрая лиса, Ллойд-Джордж, которому буржуазия поручила дело спасения Англии от революционной волны. Во главе же выступающих на борьбу рабочих стояли такие «вожди»—как Томас от железнодорожников, Роберт Вильямс—от транспортников и Ходжес—от углекопов. Ллойд Джордж угрожал рабочим, обещая раздавить забастовку военной силой, но в то же время предложил создать королевскую комиссию «для обследования вопроса». Рабочие и слышать не хотели о комиссии, так как обычно назначение королевской комиссии означало похороны по первому разряду возбужденного вопроса. Такие комиссии обыкновенно заседали долго, тщательно изучая вопрос, пока не проходила острота момента и вопрос можно было положить под сукно. Единственная польза от этих комиссий была та, что библиотека британского музея обогащалась их ценными трудами, так называемым «синими книгами». После долгих усилий вождям удалось убедить рабочих согласиться на комиссию при условии, что рабочим будет предоставлена половина мест в комиссии (не считая председателя), что комиссия будет облечена широчайшими правами, что ей будет назначен срок в 3 недели для представления предварительного отчета и что правительство заранее обязуется выполнить решения комиссии. Наш Рейнеке-лис-Ллойд-Джордж, безоговорочно принял эти условия. Тогда рабочие отложили стачку на 3 недели. При таких обстоятельствах была назначена знаменитая королевская комиссия под председательством судьи Санки, которая к сроку представила свой отчет и предложения. Большинство комиссии, включая самого председателя, высказалось за национализацию шахт и самым решительным образом осудило существующую систему частной собственности в угольной промышленности. Разногласие произошло по вопросу о выкупе. Шесть представителей углекопов в комиссии стояли за безвозмездную национализацию, трое представителей правительства были за выкуп, а три представителя шахто-

владельцев были против всякой национализации. По вопросу о правах на недра вся комиссия единогласно решила конфисковать эти права в пользу государства. Вот какие сравнительно радикальные решения выносят представители капитала, когда они чувствуют, что почва горит под ногами. По другим вопросам единогласного решения не было. Рабочие представители настаивали на выставленных углекопами требованиях—6-часового дня и 30% надбавки к зарплате на дороговизну. Остальные члены согласились на немедленное введение 7-часового дня и 20% надбавки. Ллойд-Джордж заявил, что он принимает предложения Санки полностью, согласился на 7 час. день и 20% надбавки. Что же касается национализации, хитрый Ллойд-Джордж в принципе принял ее, но передал в комиссию для детальной разработки, другими словами, положил ее под сукно. Проканителив до конца 1919 г. Ллойд-Джордж, наконец, оффициально заявляет, что предложение комиссии о национализации не будет проведено в жизнь. Он самым наглым образом нарушил свое слово.

1921 г. «Черная Пятница».

В 1920 году разражается снова конфликт, углекопы требуют увеличения зарплаты и об'являют всеобщую забастовку. Она продолжается 19 дней и кончается временным соглашением. Вопрос о ставках должен быть снова пересмотрен 1 апреля 1921 г. комиссией из представителей рабочих и шахтовладельцев. Угольная промышленность все еще под государственным контролем, который автоматически должен прекратиться 31 августа 1921 г. Тут Ллойд-Джордж выкидывает трюк. Он спешно проводит в парламенте закон о досрочном упразднении государственного контроля в угольной промышленности с 1 апреля 1921 г. Государственный контроль остается однако на железных дорогах. Это делается для того, чтобы поставить углекопов лицом к лицу с шахтовладельцами, не дав первым времени опомниться, и в то же время лишить железнодорожников повода к совместному одновременному выступлению с углекопами. 1 апреля шахтовладельцы об'явили углекопам локаут. Они давно готовились к этому шагу; они были правительством заблаговременно извещены о готовящемся досрочном упразднении государственного контроля. Шахтовладельцы твердо решили выбить рабочих из всех завоеванных ими при госконтроле позиций. Они требовали снижения зарплаты и, главное, возвращения к порайонному договору. Рабочие приняли вызов и обратились к тройственному согласию за поддержкой. И вот тут началась предательская игра вождя железнодорожников Томаса и вождей рабочей партии Гендерсона и Клайнса. Томас сделал двусмысленное заявление, которое было принято в рабочих кругах, как обещание об'явить забастовку солидарности к определенному сроку. Но в решительный момент Томас вместе с Вильямсом при поддержке рабочей партии бросил углекопов на с'едение Ллойд-Джорджу и шахтовладельцам, отказавшись от об'явления всеобщей забастовки. Это произошло в пятницу 15 апреля, и этот день стал известен как «Черная Пятница». Углекопы мужественно держались одни целых три месяца до конца июня и, наконец, истощенные вынуждены были сдаться на милость врагу. В результате

все позиции, завоеванные при государственном контроле, были потеряны. Зарплата была сильно снижена. Поражение углекопов знаменует собой начало наступления буржуазии по всей линии. Одна отрасль промышленности за другой подвергается нападению: строительные рабочие, рабочие на верфях, текстильщики и т. д. должны согласиться на снижение зарплаты.

1925 г. «Красная Пятница».

В конце 1924 г. среди углекопов начинается сильное движение за расторжение старого кабального договора, наследства «Черной Пятницы». Рабочие не могут больше терпеть. Зарплата отстает на 30% от уровня цен. Срок договора истекает 31 июля 1925 г. Углекопы готовятся к борьбе за коллективный договор в общегосударственном масштабе, с общегосударственным минимумом, который должен поднять общий уровень зарплаты. Наступает 1925 год, отмеченный небывалым кризисом в Англии. Этот кризис принимает еще более острые формы после проведения в апреле денежной реформы. И в то время, как углекопы готовятся выступить за увеличение зарплаты, шахтовладельцы открывают контр-атаку и требуют дальнейшего снижения зарплаты и увеличения рабочего дня с 7 до 8 часов, угрожая локаутом, если рабочие не согласятся принять эти требования. Памятуя уроки «Черной Пятницы» углекопы, прежде чем выступить в бой, воссоздают рухнувшее в 1921 г. Тройственное Согласие, подписывая новое соглашение о взаимной поддержке во время конфликтов. Готовится грандиозная забастовка Тройственного Согласия, которая охватила бы три важнейших нерва страны и вовлекла бы в борьбу около двух миллионов рабочих. События застают правительство Болдуина врасплох. Болдуин пробует найти какой-нибудь компромисс, он устраивает совещания то с шахтовладельцами, то с углекопами. Но шахтовладельцы тверды как скала. Они уверены в победе. Они хотят войны и форсируют ее. У самого Болдуина руки чешутся. Он хотел бы разгромить рабочих. Еще 30 июля он заявляет углекопам, что «все английские рабочие должны принять снижение зарплаты, чтоб помочь поставить промышленность на ноги». Но Болдуин чувствует свою слабость. Правительство не готово. Тем временем союзы железнодорожников и транспортников рассылают циркулярно своим членам сообщение, что в ночь с 31 июля на 1 августа начинается локаут углекопов и что железнодорожникам и транспортникам воспрещается всякая перевозка, доставка, разгрузка и погрузка угля на железных дорогах, в портах и по всему морскому, речному и колесному транспорту. Это распоряжение производит впечатление взорвавшейся бомбы. До сих пор правительство Болдуина лелеяло надежду, что и на сей раз, как и в 1921 году, затея всеобщей забастовки Тройственного Согласия кончится крахом. Недаром же союз железнодорожников возглавляется таким любимцем буржуазии как Томас, сыгравшим свою роль в измене «Черной Пятницы». Но Томас оказался бессилен. Требование снижения зарплаты, незадолго перед этим пред'явленное железнодорожными обществами (в Англии железные дороги принадлежат частным обществам) к железнодорожникам, крепко связало последних с углекопами. Правительство заколебалось. И в самый последний момент Болдуин предлагает шахтовладельцам субсидию

на 9 месяцев, до 1 мая 1926 г. при условии, что они снимут свои требования и не произведут никаких изменений в зарплате и рабочем дне. Поздно ночью 31 июля шахтовладельцы приняли предложение правительства и забастовка была предотвращена. Углекопы отстояли свои позиции. Пятница 31 июля была названа «Красной Пятницей».

Значение «Красной Пятницы».

Правильная оценка «Красной Пятницы» дает ключ к пониманию последующих событий и разразившейся теперь катастрофы. «Великие события бросают свою тень заранее». «Красная Пятница» таила в себе черное 12 мая 1926 г. В самом деле, что означала «Красная Пятница»? Победу рабочих? Но разве было удовлетворено хоть одно требование углекопов? Разве был разрешен хоть один из жгучих вопросов, поставленных углекопами: национализация шахт, обще-английский колдоговор с общеанглийским минимумом? Конечно нет. Эти вопросы могли быть разрешены только силой. Каково же было соотношение сил в день «Красной Пятницы»? Правительство не было готово. Запасов угля в стране не было. Среди буржуазии было колебание и неуверенность. Рабочие же выказали замечательное единодушие. Этого и испугался Болдуин. Передышка была нужна и выгодна только Болдуину. Рабочим эта передышка не была нужна. Она была вредна. Первое правило стратегии—не дать врагу времени собраться с силами, а разбить его, когда он слаб. При известной смелости и решительности действий и при отсутствии внутренней измены Болдуин был бы разбит в прошлом году. Предоставление Болдуину нужной ему передышки было жестокой ошибкой рабочих, за которую они расплачиваются сейчас. Но рабочие этого еще не видели. Тем не менее углекопы и их вожди правильно указывали и тогда, что отбита лишь первая атака врага и что борьба впереди. Но вожди рабочей партии и ее орган «Дейли Геральд» трубили победу, усыпляя этим бдительность рабочих и ослабляя подготовку к предстоящим боям. Болдуин пользуется передышкой для того, чтобы, с одной стороны, организовать широкую сеть штрейкбрехерской организации ОМС, подготовить в стране запасы угля, а с другой стороны,—обработать «общественное мнение», т.-е. мелкую буржуазию и отсталые слои рабочих масс и разложить рабочее движение изнутри через посредство своих добровольных и наемных агентов среди верхушки рабочей партии и профессионального движения.

Комиссия Самуэля.

Болдуин назначает «беспристрастную» королевскую комиссию под председательством Самуэля, бывшего верховного комиссара английского правительства в Палестине, для обследования всего положения угольной промышленности. Назначение комиссий, как мы уже видели, старое и вечно новое средство английской буржуазии, которое до сих пор ее всегда вывозило. В комиссию назначаются исключительно банкиры и крупные деловые люди лондонского Сити. Задача, которую буржуазия ставит перед комиссией, ясна без слов. Уровень жизни английских рабочих должен быть снижен по меньшей мере на 10%, чтобы выправить вывих, который экономика Англии потерпела благодаря денежной реформе. Начало должно быть сделано с углекопами. Комиссия должна приготовить у себя в лаборатории яд снижения зарплаты в таком виде, который возбуждал бы как можно меньше подозрений. Комиссия Самуэля блестяще выполняет свою задачу. Правда, яда скрыть не удалось, но он растворен в трехтомном труде комиссии. Последняя нарисовала мрачную картину положения угольной промышленности, что соответствует действительности. Она осудила теперешнюю форму организации угольной промышленности, что уже сделала до нее комиссия Санки. Еще в 1919 г. углекопы указали выход из положения. Они представили подробно разработанный план национализации шахт и об'единения всей угольной промышленности во всех ее видах. Дело в том, что шахтовладельцы, в целях сокрытия от углекопов действительных размеров своей прибыли, искусственно выделили из угольной промышленности тесно связанные с ней и принадлежащие им предприятия побочных продуктов угля, а также свои предприятия по сбыту и транспорту угля. При об'единении всех этих предприятий с угольной промышленностью и при национализации последней получилась бы огромная экономия, которая более чем компенсировала бы теперешний дефицит угольной промышленности. К каким же заключениям пришла комиссия по основным вопросам спора? Прежде всего она рекомендует реорганизацию угольной промышленности на началах трестификации. Она решительно отвергает национализацию. Мы видели, что в 1919 году, когда перед английской буржуазией стал призрак революции, она готова была пойти на национализацию. Теперь же она отбросила всякие страхи. В вопросе о зарплате комиссия «с крайней неохотой, но без колебаний» высказывается за снижение зарплаты. Она не указывает размеров снижения, но из разных таблиц ясно видно, что предложения комиссии сводятся к снижению в среднем на 10%. Это значит, что снижение будет разное по разным районам—в одних районах не только не будет никакого снижения, но даже будет повышение, но в других снижение превысит 20 и 25%. Все это — тонко задуманный план расколоть ряды углекопов, восстанавливая район против района. Комиссия утешает, что снижение — мера временная, пока не будет проведена реорганизация и угольная промышленность не станет на ноги. По вопросу о всеанглийском или порайонном договоре комиссия выражается так туманно и сбивчиво, что каждая сторона может толковать это место по своему. По вопросу о рабочем дне комиссия делает красивый жест в сторону рабочих: она отвергает требование шахтовладельцев о замене 7-часового рабочего дня 8-часовым, исходя из того, что это увеличит добычу на 30.000.000 тонн, для которых нет никакого рынка; если же не увеличивать добычу, то придется уволить 130.000 рабочих. Но это лицемерное предложение. 8-часовой рабочий день прогоняется через одну дверь, чтоб ввести его через другую. Комиссия предлагает введение двойных смен, что более выгодно для предпринимателей, чем введение 8-часового дня. Общее количество часов в неделю останется то же, только вместо 7 будут работать 8 часов в день. В случае, если рабочие какого-либо района откажутся от этой схемы, комиссия рекомендует повысить законный предел рабочего дня (7 часов) властью министра труда. Комиссия зато

ухватилась за предложение рабочей партии о национализации арендных прав на недра с выкупом. Комиссия предлагает заплатить за эти права 100.000.000 ф. стер. Никакого облегчения угольной промышленности это не дает, ибо проценты по выкупу вряд ли составят меньше 6 милл. фунт. ст., которые угольная промышленность платит сейчас в виде арендной платы. Вот в основном заключения комиссии.

Болдуин, отчет комиссии и рабочие вожди.

Отчет комиссии опубликовывается в середине марта, приблизительно за 6 недель до окончания передышки. Задача Болдуина держать пациента, т.-е. рабочих углекопов в состоянии спокойствия до самого момента операции, когда с помощью «общественного мнения» и услужливых рабочих «вождей» можно будет заставить их проглотить отчет комиссии. Болдуин выступает с торжественным обращением ко всем партиям соблюдать полное спокойствие и не выносить никаких суждений, пока отчет не будет тщательно изучен и обсужден всеми заинтересованными сторонами. Слова Болдуина имеют магическое влияние на рабочих вождей. На совместном заседании индустриальной комиссии Генерального Совета с пленумом исполкома федерации углекопов, состоявшемся 11 марта, они налагают на себя в угоду Болдуину торжественный обет молчания. Они берут трехтомный труд «беспристрастной» комиссии Самуэля со всеми его хитросплетениями, как святыню, и благоговейно передают его без всяких раз'яснений и без всяких указаний рабочим на местах, рекомендуя им «тщательно его изучить и не спешить с вынесением каких-либо решений». Цель Болдуина достигнута. Вожди не раз'ясняют рабочим всю мерзость отчета. Мы уже не говорим о правых, которые готовы обеими руками подписаться под отчетом. Но даже «левые» молчат. Не молчит движение меньшинства и компартия, но их голос не может прорвать устроенный вождями заговор молчания.

Кстати, кто такой Болдуин, который так очаровал рабочих вождей. Это председатель крупнейшего концерна «Болдуин Лимитед» с капиталом в 9 миллионов фунтов стерлингов. Перед тем, как занять пост премьера, он по лицемерному парламентскому обычаю сложил с себя свои председательские полномочия в концерне и таким образом может выступать в качестве «незаинтересованного», «беспристрастного» главы правительства, возвышающегося над классами и над всякими классовыми интересами. Нечего и говорить, то теплое председательское кресло концерна, занимаемое теперь каким-нибудь из его ставленников, снова примет его в свое лоно, как только волею судеб ему придется покинуть свое председательское место в Доунинг стрит.

Буржуазная пресса конечно не молчала. Она то и делала, что превозносила до неба мудрость отчета комиссии. Томас, Вебб, Макдональд, Ходжес и иже с ними тоже рассыпались в похвалах отчету. Эти, с позволения сказать, рабочие вожди настаивали, что углекопы должны принять отчет, что предложения комиссии составляют громадное улучшение по сравнению с тем, что существует сейчас, и что углекопы должны согласиться на «временную жертву», если только предложения отчета будут проведены полностью. Уже печать предательства лежала на всех

этих выступлениях. Либеральный орган Манчестер Гардиан совершенно откровенно говорит в своей передовице от 12 марта: «Общепризнано, что комиссия с замечательным искусством вбила клин в ряды тред-юнионов, которые в июле прошлого года были тесно сомкнуты».

В конце марта Болдуин заявляет, что правительство «хотя и не согласно с некоторыми замечаниями комиссии, но в интересах внутреннего мира, оно принимает отчет и сделает все для проведения его в жизнь при условии, что шахтовладельцы и углекопы с своей стороны тоже его примут. Через некоторое время шахтовладельцы заявляют, что, «хотя они тоже не согласны с заключениями комиссии, но в интересах мира и т. д.» они принимают отчет. Пункт отчета, касающийся коллективного договора, они толкуют в смысле порайонного договора. На федерацию углекопов, повидимому, идет сильный нажим со стороны Генерального Совета и рабочей партии, находящихся в руках Томаса, Макдональца, Гендерсона и К°. Они требуют, чтоб углекопы приняли отчет. Между углекопами и Генеральным Советом идут сильные трения, но эти трения не выходят наружу. О них можно лишь догадываться по странным двусмысленным формулировкам официальных заявлений, по комментариям буржуазной прессы. Вожди бьются над трудной задачей найти, как удачно выразился «Экономист» формулу, которая на деле снизила бы зарплату в то время, как по форме она давала бы впечатление, что никакого снижения не произошло. Такой формулы найти, конечно, нельзя,—и вот федерация углекопов, не желая изолировать себя и рвать с Генеральным Советом и рабочей партией, тоже произносит в угоду последним сакраментальную фразу о принятии отчета. Федерация, однако, по поводу важнейшего пункта о зарплате делает оговорку, что она не пойдет ни на какое снижение. Пункт о коллективном договоре федерация толкует в духе общеанглийского договора.

Следует отметить, что рабочие-углекопы и без руководства и указания вождей раскусили действительную сущность отчета, ставшего новым евангелием для правых. Ланкаширская организация, числящая в своих годах 70.000 углекопов, первая с негодованием отвергла отчет комиссии со всеми его предложениями. Это взбесило верхушечную клику рабочей партии. Орган последней «Дейли Геральд» отказывается поместить даже в виде платного об'явления воззвание Движения Меньшинства, в котором углекопы призываются отклонить отчет комиссии.

Становится ясным, что никакими формулами не заставишь углекопов принять снижение зарплаты. Это значит—борьба стала неминуемой. Это значит—генеральная забастовка в размерах, невиданных до сих пор в Англии.

Генеральная забастовка.

«Вожди» Генерального Совета и рабочей партии не хотят забастовки, они боятся ее. Но они не могут ее остановить. Шахтовладельцы не идут ни на какие уступки. Все переговоры между углекопами и шахтовладельцами кончаются ничем. Шахтовладельцы об'явили локаут. Вожди мечутся. Дейли Геральд взывает к Болдуину, чтобы «он выполнил свой долг». Сможет ли он, т.-е. Болдуин, урезонить шахтовладельцев? вопрошает тот

же почтенный «Дейли Геральд». Об'явился новый спаситель рабочих—Болдуин!

Генеральный Совет созывает 29 апреля конференцию исполкомов всех тред-юнионов, которая заседает до 1 мая. Вопрос о всеобщей забастовке решен в принципе, и руководство передается Генеральному Совету. Наступает критический день 1 мая. Все углекопы бастуют. Генеральный Совет колеблется. Он об'являет всеобщую забастовку, которая должна начаться не сейчас, а через несколько дней, с 4 мая. Он надеется как-нибудь за это время договориться. Генеральный Совет не перестает взывать к Болдуину, чтоб он воздействовал на шахтовладельцев в смысле прекращения локаута и все время Генеральный Совет нажимает на федерацию углекопов, чтоб она согласилась на ведение переговоров и по вопросу о снижении зарплаты. Потерпев неудачу и у Болдуина и у углекопов, Генеральный Совет вынужден взяться за руководство забастовкой. Он идет в бой, как мученик на казнь. Следует читать описание корреспондентом «Манчестер Гардиан» заседаний Генерального Совета в эти исторические дни, чтобы понять жалкую, низкую роль этого учреждения, в руки которого попало руководство одним из величайших движений рабочего класса, которое Англия когда-либо видела. В этом заключалась величайшая трагедия английского рабочего движения,—страшная отсталость его сознания от бытия. Отсутствует генеральный штаб, достойный тех великих задач, которые стоят перед английским рабочим движением. Такое положение не могло не окончиться катастрофой. Генеральный Совет состоял из трех частей: из энергичной решительной, не останавливающейся ни перед чем группы правых с Томасом во главе, не раз предававших рабочих буржуазии, из старой тупой ограниченной, заскорузлой профбюрократии, идущей за сильными, в данном случае за Томасом, и из кучки горе-левых, которые понимают идею единства в том смысле, что раз Томасы в большинстве, то надо выступать с ними единым фронтом, даже когда они предают интересы рабочих...

Чем больше развертывалось движение, тем большее беспокойство, граничащее со страхом, охватывало наших «вождей»-мучеников. Их мучило присутствие масс на улицах. Они видели, как стихийно забастовка переросла свои экономические рамки и превратилась в грандиознейшее политическое выступление пролетариата. Генеральный Совет волей судеб получил в свои руки огромную власть, которая могла бы тягаться с властью правительства, но у Генсовета от такого положения только мурашки пробегали по коже. Генсовет страшился этой власти. Он всемерно успокаивает массы, он обращается к ним в такой момент острой борьбы с призывом сидеть дома, заниматься физкультурой и спортом... Генсовет старается держаться так, чтоб заслужить похвалу буржуазии. Но буржуазия беспощадна. Она требует полного, а не половинчатого предательства, полной, а не половинчатой капитуляции, в противном случае предпочитает войну до конца. Один за другим сыплются удары буржуазии на голову трусливого Генсовета. Когда правительство конфисковало бумагу, предназначенную для органа Генсовета «Бритиш Воркер», Генсовет не находит ничего лучшего, как увещевать правительство. «Правительство,—заявляет Генсовет,—рискует свести к нулю всю работу Генсовета, ежедневно призывающего бастующих к сохранению порядка и дисциплины». Этим Генсовет ясно подчеркивает свои верноподданнические чувства. Но, чтобы не оставить никакого сомнения на этот счет, Генсовет делает патриотический жест в сторону буржуазии. Он отказывается от братской помощи профсоюзов СССР. Чтобы сгладить этот позорный поступок, он лицемерно заявляет, что отказывается вообще от «иностранной» помощи. Гордый британский жест. Но разве может английский пролетариат, находящийся в смертельной схватке со своим врагом, отказаться от помощи заграничных рабочих? Что станет с забастовкой, если транспортники за границей не окажут поддержки и не откажутся грузить и перевозить уголь для Англии? Какая разница между этой помощью и денежной? Отказ от братской заграничной помощи это смертельный удар движению, начало конца всеобщей забастовки. Но Генсовет, уже предавший забастовку в сердце своем, не останавливается перед этим актом.

Предательство и разгром движения.

Наконец, правительственный удар обрушивается на самые основы профессионального движения. Верховный суд раз'ясняет, что об'явление забастовки солидарности является незаконным актом, так как закон знает только конфликты между предпринимателями и рабочими на почве определенных, возникших между ними, недоразумений. В данном случае, кроме углекопов, ни у кого из других союзов никаких недоразумений с предпринимателями не возникло. Решение Верховного суда—закон. Он свят для Томасов, Макдональдов и Гендерсонов. Они и мысли не могут допустить, чтобы они могли руководить или иметь какое-нибудь отношение к забастовке, которая властями признана незаконной. Это сразу решает вопрос, и предательство, уже давно задуманное и подготовляемое, немедленно претворяется в дело. Генсовет за спиной, без ведома и согласия федерации углекопов полностью капитулирует, об'являет о прекращении забастовки, не ставя никаких условий и не принимая никаких мер к охране интересов забастовщиков.

Английский пролетариат получил страшный удар. Преданы углекопы, брошенные на произвол судьбы, преданы все союзы, доверившиеся Генсовету. Единый пролетарский фронт разбит. Гигантская пролетарская армия разгромлена, разбита на отдельные части, преданная и проданная своим генеральным штабом. Каждая часть старается спастись на свой собственный страх и риск от окончательного уничтожения. Союз железнодорожников и другие подписывают позорнейшие условия, каясь в своих прегрешениях и обязываясь не выступать больше за забастовку солидарности. Грандиознейшее движение, так блестяще начатое, кончилось позорнейшим бесславным крахом. Из общего развала и разгрома следует выделить углекопов. Эта железная когорта английского рабочего движения не дрогнула. Покинутая своими союзниками она одна осталась на поле битвы, грудью встречая бешеную атаку буржуазии, опьяненной легко доставшейся ей победой, благодаря капитуляции Генер. Совета. Углекопы доказали в прошлом, с каким геройством, с какой непоколебимой твердостью они умеют бороться. Забастовки, которые тянутся 2—3 месяца, для углекопов обычное явление. Предстоит тяже-

лая, длительная и упорная борьба. Перед грандиозностью только что крахнувшей всеобщей забастовки, забастовка углекопов как-то стушевывается, а между тем забастовка углекопов, охватывающая около миллиона человек, сама по себе грандиозна и затрагивает жизненный нерв страны.

Тяжелый урок, полученный английским пролетариатом, не может пройти даром. Он, наконец, откроет глаза широким рабочим массам, на необходимость очистить свои ряды от внутренней измены и предательства. Движение меньшинства чрезвычайно усилится, а английская коммунистическая партия получает возможность стать массовой партией.

Самарин.

„Конституционный“ переворот Пилсудского.

I.

Три года сидел первый начальник польской республики Юзеф Пилсудский в своем имении Сулеювке вдали от открытой политической жизни Речи Посполитой и в подполье готовил «легальный переворот». Его имя все это время склонялось как в прессе, так и в сейме и на заседаниях совета министров. Сам же Пилсудский иногда появлялся перед журналистами, иногда на торжественных собраниях своих приверженцев, иногда даже в Бельведере у своего бывшего товарища по социалистической партии Войцеховского и всегда в позе Бонапарта говорил о том, как он, маршал Пилсудский, неоднократно спасал Польшу в прошлом и как он один спасет ее в будущем. Очередное «спасение» Пилсудский осуществил 12—15 мая. Во главе своей армии вдруг появился маршал Пилсудский у памятника «Круля Зигмунта» в Варшаве и на увещевания президента Войцеховского мирно разрешить вопрос о возглавлении польской армии разрешил его силою оружия, покрыв свой путь в Бельведер трупами и ранеными.

Что Пилсудский решил выйти из своего безделья и снова появиться в шумной столице во главе польской армии, стало известно еще в ноябре прошлого года. 12 ноября телеграф сообщил, что сторонники Пилсудского, среди них генералы Рыдз-Смыглы, Бербецкий, Дрешер и Нойгебауер, намереваются использовать катастрофическое экономическое состояние страны и затруднительное положение правительства и подготовляют государственный переворот. Во главе этого антиправительственного заговора стоит сам Пилсудский, который имеет поддержку части ППС, всей партии среднего и мелкого крестьянства «Вызволенье» и созданной им же польской военной организации ПОВ. Заговорщики намерены в удобный момент разогнать сейм и правительство, чтобы об'явить Пилсудского диктатором.

Таково было положение в конце прошлого года. Заговор ведет, однако, свое начало с момента ухода Пилсудского от фактической власти в 1923 году. В июне 1923 г. на митинге польской военной организации пилсудчиков в Варшаве выступил бывший начальник второго отделения пилсудчик Медзинский и угрожал походом рабочих предместий на центр Варшавы. Вслед за ним выступил второй пилсудчик Яворовский с предупреждением бывшему тогда правительству Витоса, что участь правительства

лая, длительная и упорная борьба. Перед грандиозностью только что крахнувшей всеобщей забастовки, забастовка углекопов както стушевывается, а между тем забастовка углекопов, охватывающая около миллиона человек, сама по себе грандиозна и затрагивает жизненный нерв страны.

Тяжелый урок, полученный английским пролетариатом, не может пройти даром. Он, наконец, откроет глаза широким рабочим массам, на необходимость очистить свои ряды от внутренней измены и предательства. Движение меньшинства чрезвычайно усилится, а английская коммунистическая партия получает возможность стать массовой партией.

Самарин.

„Конституционный" переворот Пилсудского.

I.

Три года сидел первый начальник польской республики Юзеф Пилсудский в своем имении Сулеювке вдали от открытой политической жизни Речи Посполитой и в подполье готовил «легальный переворот». Его имя все это время склонялось как в прессе, так и в сейме и на заседаниях совета министров. Сам же Пилсудский иногда появлялся перед журналистами, иногда на торжественных собраниях своих приверженцев, иногда даже в Бельведере у своего бывшего товарища по социалистической партии Войцеховского и всегда в позе Бонапарта говорил о том, как он, маршал Пилсудский, неоднократно спасал Польшу в прошлом и как он один спасет ее в будущем. Очередное «спасение» Пилсудский осуществил 12—15 мая. Во главе своей армии вдруг появился маршал Пилсудский у памятника «Круля Зигмунта» в Варшаве и на увещевания президента Войцеховского мирно разрешить вопрос о возглавлении польской армии разрешил его силою оружия, покрыв свой путь в Бельведер трупами и ранеными.

Что Пилсудский решил выйти из своего безделья и снова появиться в шумной столице во главе польской армии, стало известно еще в ноябре прошлого года. 12 ноября телеграф сообщил, что сторонники Пилсудского, среди них генералы Рыдз-Смыглы, Бербецкий, Дрешер и Нойгебауер, намереваются использовать катастрофическое экономическое состояние страны и затруднительное положение правительства и подготовляют государственный переворот. Во главе этого антиправительственного заговора стоит сам Пилсудский, который имеет поддержку части ППС, всей партии среднего и мелкого крестьянства «Вызволенье» и созданной им же польской военной организации ПОВ. Заговорщики намерены в удобный момент разогнать сейм и правительство, чтобы об'явить Пилсудского диктатором.

Таково было положение в конце прошлого года. Заговор ведет, однако, свое начало с момента ухода Пилсудского от фактической власти в 1923 году. В июне 1923 г. на митинге польской военной организации пилсудчиков в Варшаве выступил бывший начальник второго отделения пилсудчик Медзинский и угрожал походом рабочих предместий на центр Варшавы. Вслед за ним выступил второй пилсудчик Яворовский с предупреждением бывшему тогда правительству Витоса, что участь правительства

будет решена не большинством сейма, а улицей. После этих предупреждений началась подготовка переворота под руководством маршала из Сулеювки.

Теперь, как в 1920 году, Пилсудский маскировал подготовку военного выступления мирными переговорами. В то же время, когда в октябре 1920 г. польская делегация подписывала в Сувалках перемирие с Литвой по Виленскому вопросу, в поезде начальника польской республики Пилсудского, находившегося в Гродно, состоялось военное совещание об оккупации Вильно. В этом совещании приняли участие некоторые герои последнего выступления Пилсудского: сам маршал, генералы Рыдз-Смыглы, Бербецкий, Желиговский, Жадковский, полковник Котц и офицеры генерального штаба. Осуществление выработанного на том совещании плана было поручено генералу Желиговскому, войска которого были подготовлены к выступлению маршалом Пилсудским. 7 октября, как известно, в присутствии контрольной комиссии Лиги Наций было подписано соглашение между польской и литовской делегациями в Сувалках, 8 октября двинулись войска Желиговского и 9 октября была оккупирована ими Виленщина.

Как тогда, так и на этот раз, активную роль сыграл Желиговский. При его помощи в качестве военного министра удалось Пилсудскому сконцентрировать свои верные военные силы в столице и за казенный счет хорошо их вооружить. В этом деле Пилсудский получил соответствующую поддержку со стороны консервативного правительства Англии. В начале текущего года в английской прессе появились сообщения о том, что британское правительство настаивает, чтобы Польша содержала более крупную армию, чем этого желает само польское правительство. В связи с этим сообщением член рабочей партии Уолхэд, выступая в Палате Общин, поставил своему правительству вопрос, насколько правильны сообщения прессы о том, что, когда Польша содержала большую армию по требованию Франции, Англия выступала против усиленного вооружения Речи Посполитой; теперь же, когда Франция отказалась от своего требования, а польское государство, намереваясь наладить свои отношения с СССР, стремится к сокращению своей армии, теперь Англия настаивает на усиленном вооружении Польши. На этот вопрос Уолхэда ответа со стороны правительства не последовало.

Английскому правительству, очевидно, неудобно было подтвердить и нечего было отрицать. Не впервые Англии организовывать военные перевороты. В последние годы Англия организовала ряд таких переворотов. Перевороты в Болгарии, Албании и Греции находятся в тесной связи с переворотом в Польше. Все они имели одну цель—уничтожить влияние Франции в Европе и одновременно готовить плацдарм против Советского Союза.

Борьба между Англией и Францией за влияние в Польше имеет свою историю. Она началась еще в 1923 году, когда английский финансовый советник Хильтон Юнг обследовал финансовое положение Польши. В своем докладе Грабскому Юнг тогда предложил польскому правительству в целях сокращения дефицита бюджета увеличить косвенные налоги и по «экономическим соображениям» требовал от'езда из Варшавы французской военной миссии. А так как последнее немедленно не было осуществлено, Юнг оказал влияние на падение кабинета Витоса. Польша

внимательно прислушивалась к голосу из Лондона, хотя была еще весьма тесно связана с Парижем. Всем нам памятно еще, как волновалась официальная Польша при первых сообщениях об образовании кабинета Макдональда. Даже «Работник», предполагая более дружественную по отношении к СССР политику Макдональда, начал тогда открещиваться от воинственной политики Пилсудского. Это—тогда, когда Польша еще кормилась из рук французских казначеев и когда Юнг предупреждал, что Польша может рассчитывать на заем лишь в случае установления международного контроля над польскими финансами. Англия денег не давала. Ныне же в связи с Локарно, с чехардой в Совете Лиги Наций, когда некоторым польским кругам кажется, что Польша получит политическую и материальную помощь из рук консервативного правительства Англии, вполне понятно, что «искренним друзьям» Англии в Польше необходимо было на деле доказать свои верноподданнические чувства. Осуществление планов Чемберлена в связи с Локарно по отношению к СССР в части, касающейся роли Польши, взял на себя Пилсудский. Более верной опоры Англия в Польше не имела. Правые польские группировки, как известно, не очень дружелюбно встретили Локарнский договор. Еще 17 февраля «Газета Поранна Варшавска», орган христианских демократов, заявила, что «с точки зрения польских интересов это (стремление Германии через Лигу Наций при содействии Англии исправить свои восточные границы) означает подготовку новой войны. Так понимается вступление Германии в Лигу Наций всеми, имеющими глаза и уши, и то сознание, что Польша не пойдет на уступки в отношении Германии, так как она этого не хочет и не может сделать». Единственная группировка в Польше, готовая втянуть страну в новую военную авантюру, оказалась вокруг англофила маршала Пилсудского. На пилсудчиков ставила Англия свою ставку, и им она поэтому поручила взять власть в свои руки.

Пилсудский полагал, что это ему удастся осуществить путем простой военной демонстрации. Не вина Пилсудского, что переворот 12—15 мая вышел далеко из рамок «военной демонстрации» и принял совсем не конституционный характер. Пилсудский не понял, что он зажег спичку в пороховом погребе нужды, нищеты и отчаяния широких трудящихся масс.

II.

Польша—первая страна в Европе, в которой стабилизованная после войны валюта не удержалась и лихорадочно катится вниз. Польша лишена возможности дать своей экономике здоровую почву, Польша ходит на костылях и, как недавно выразился бывший министр финансов Здзеховский, находится над пропастью. Внешняя задолженность Польши с января 1923 года выросла с 1,5 млрд. до 2 млрд. к началу 1926 года при отсутствии возможности получить новые иностранные займы. Польскому правительству мировая банкократия не верит, считая его уже несостоятельным должником. Характерным доказательством может служить хотя бы последняя поездка Скшинского в Нью-Йорк и Париж за займом. Вернувшись из своей поездки, министр иностранных дел на особом заседании политического комитета пра-

вительства должен был подтвердить, что ему ничего не удалось добиться. Кассы закрыты. Не удалось их открыть и финансовому советнику Польши американцу Кеммереру, который получил от польского правительства «за труды» 10.000 долл. и написал оптимистический доклад. Беда, оказывается, в том, что даже единственные полусвободные от закладных—Польский Б[illegible] табачная и спиртовая монополии—уже не находят лю[illegible]й. Английские и американские финансисты, которым польск[illegible]ра вительство намеревается предоставить весьма солидное м[illegible] в Польском Банке, сомневаются в выгодности для них такого [illegible]редприятия. Они готовы отпустить средства только в том случае, если им будет предоставлено не 49% акций, как это предлагает польское правительство, а 51% и, помимо большинства в правлении, также место директора Польского Банка. Последнее означало бы, что важнейшее финансовое учреждение Польши не только фактически, но и формально перешло бы в иностранные руки. Последствия этого явления не нуждаются в комментариях. Что касается табачной монополии, то она уже не свободна, так как она заложена, правда, частично, в «Банко Коммерчиале» за заем в 400 милл. итальянских лир, которые Польша давно уже с'ела.

Но как бы ни закончились продолжающиеся попытки Польши получить новые иностранные займы, несомненно то, что основа польской экономики, ее каменноугольная и нефтяная промышленность, давно уже выскользнула из польских рук. Как в одной, так и в другой процент участия польского капитала не превышает 18%. Все остальное—в руках французских, германских, английских, австрийских, швейцарских и американских капиталистов. Даже коммунальное хозяйство многих городов Польши зависит от иностранных капиталов. Польша распродала все, что могла и даже чего не могла. Распродавалось иногда даже так, что депутаты сейма требовали предания суду ответственных руководителей правительства. В качестве характеристики такой «полезной» деятельности правительства для санирования («санации») страны можно было бы отметить хотя бы следующие факты: за вступление в коалиционное правительство Скшинского и за поддержку его правые партии получили от правительства Скшинского, как сообщил «Курьер Паранный», «взятку в размере 600 миллионов злотых», так как именно на эту сумму уменьшен поимущественный налог, причитающийся с помещиков и крупной промышленности. Другой факт, не менее характерный, относится к упомянутой выше поездке Скшинского в Нью-Йорк. Об этом рассказывает обычно хорошо осведомленная о польских делах румынская газета «Адеверул» от 14 августа 1925 года. Она писала: «Вслед за от'ездом Скшинского в Нью-Йорке произвела колоссальную сенсацию отставка польского полномочного министра в Вашингтоне Врублевского. Выяснилось, что указанный министр отстранен от должности вследствие того, что получил от консорциума американских банкиров крупную взятку, чтобы при составлении договора о польском займе в Америке допустить условия, выгодные американским банкирам в ущерб интересам Польши. Предварительные расследования по этому делу выяснили, что Врублевский, не располагая большими средствами и каким-либо недвижимым имуществом в Польше, немедленно после получения взятки купил в Биарице одну из роскошных вилл». И, наконец, третий факт, о котором весьма подробно писал «Роботник» 23 февраля 1926 года. Оказывается, что министр финансов Здзеховский в последнее время вывез в Лондон, помимо уже ранее отправленных в английский банк 52,5 млн. злотых золотом, еще 22 млн. в обеспечение инвестиционного кредита в 1[illegible] фунт. стерлингов, т.-е., примерно, на сумму, равную пол[illegible]му кредиту, сократив вместе с тем и без того минимальные [illegible]ые запасы Польского Банка, благодаря чему обеспечение нах[illegible]дихся в обращении банкнот не превышает уже 14%.

Такая «полезная» деятельность упомянутых и других государственных учреждений, вполне естественно, подрывает и без того сильно хромающую экономику страны. Уже в январе с. г. премьер Скшинский заявил совещанию представителей сеймовых фракций, что «бесплановость польского хозяйства довела Польшу до катастрофы». Эта «бесплановость» привела ряд крупных банков и старых торговых фирм к банкротству,—привела к тому, что из имеющихся в стране 4.000 фабрик 25% бездействуют, а остальные работают с перебоями. Рост дефицита государственного бюджета, рост дороговизны, неимоверный рост безработицы—по официальным данным с 165.080 на 3 января 1925 г. до 346.431 на 27 марта 1926 г., не считая «полубезработных», из общего числа промышленных рабочих в 800.000 человек,—отсутствие доступного кредита и неимоверное сокращение покупательной способности населения привели к тому, что лодзинские фабриканты, например, распродают за бесценок франко-итальянско-бельгийскому обществу машины и прочее оборудование своих фабрик или вывозят свои фабрики за границу, главным образом в Юго-Славию. Наконец, несмотря на хороший урожай 1925 г., сейм должен был заняться обсуждением проекта о запрещении вывоза пшеницы из Польши, чтобы предохранить страну от голода. Так выглядит безработный польский город с его бездействующей промышленностью на фоне белого террора и кровавых расправ с безработными.

Не в лучшем положении пребывает деревня с ее возрастающей безработицей. Только одних безработных членов классовых профсоюзов в бывш. Конгрессовой Польше на 28 февр. 1926 г. числилось 9.258 семейств. 23 июня 1925 г. сейм принял третью по счету аграрную «реформу», а деревня все еще остается безземельной. Впервые, как известно, «принципы аграрной реформы» были приняты сеймом в 1919 г. и оставались лежать под сукном до тех пор, пока Красная армия не появилась под Варшавой. Тогда сейм, 15 июля 1920 г., в спешном порядке принял законопроект об аграрной реформе, согласно которому вся земля подлежала парцелляции. Крестьянство поверило сейму. Но как только война кончилась, польское правительство снова сунуло под сукно принятый сеймом закон. Вспомнило польское правительство об этом законе лишь в прошлом году, когда всю страну охватили «крестьянские беспорядки». Принятая, наконец, в 1925 г. «новелла» к закону 15 июля 1920 г. исключила все леса из земельного фонда, подлежащего по упомянутому закону парцелляции. Леса—неприкосновенная собственность помещиков. Но и пахотная земля, согласно «новелле», не попадет в руки среднего и бедняцкого крестьянства. Парцелляции подлежат 2 млн. гектаров пахотной земли, которые должны быть отчуждены в течение 10 лет по 200 тыс. гектаров ежегодно. Выкупная цена отчуждаемой земли

определяется заявлениями помещиков для налогового обложения в 1924 году. Но для того, чтобы и здесь охранять интересы помещиков, «новелла» дает право правительству выкупную цену повысить. Наконец, проведение закона в жизнь в основном зависит от самих помещиков, которые могут оставить себе по 180 гектаров земли, а при наличии «культурного хозяйства» и больше. 50% выкупной цены помещики получают при отчуждении их земли, а остальные 50% превращаются в земельную ренту, выплачиваемую правительством.

Таковы обещания правительства 62% населению, владеющему 17 млн. гектаров земли при 13 млн. гектаров в руках немногочисленной группы помещиков. Крестьянство разоряется, негодует, волнуется и активно выражает свое недовольство путем батрацких забастовок и антиправительственных выступлений. «Новелла» батраков и середняков польской деревни не успокоила и еще вдвойне при этом нарушает интересы крестьянства национальных меньшинств. Согласно § 38 «новеллы», земля в пограничной полосе, т.-е. на территории в 30 тыс. кв. километров, должна быть распределена между польскими легионерами, принимавшими участие в войне с галичанами и Советской Россией.

Эта колонизаторская политика является лишь звеном в общей цепи мероприятий правительства в области организованного и планового угнетения проживающих в Польше неполноправных 11 миллионов украинцев, белоруссов, евреев, немцев и литовцев. Польша—не национальное государство, а государство национальностей, в котором все права сосредоточены в руках господствующего класса польской национальности, а все остальные национальности, помимо их классового неравноправия, ограничены в своих политических правах по линии национальной. Это положение в результате своем ставит национальные меньшинства в враждебный правительству лагерь и порождает партизанское движение во всех пограничных районах. Это, в свою очередь, влияет на боеспособность польской армии, единственной силы, помимо полиции и жандармерии, на которую опирается правительство для «успокоения и умиротворения» широких масс населения.

Эта сила, вдобавок, осталась без питания для своей мускулатуры. Несмотря на то, что военный бюджет Польши в 1925 г. достигал до 720 млн. злотых, т.-е. в ряде империалистических держав Польша непосредственно следовала за Англией и Францией по величине военных расходов, командный состав польской армии находится в крайне тяжелом материальном положении. Экономический кризис еще больше усугубил положение командного состава. Правительство погналось за «экономией» и довело командный состав до такого положения, что получаемое им содержание не покрывает потребных минимальных расходов на квартиру, отопление и освещение.

Это положение усугубляется еще борьбой между кадровым командным составом, на чьей стороне до переворота было правительство, и пилсудчиками. Последние, до прихода Желиговского, изгонялись из армии в то время, как правительство продолжало переговоры с маршалом о его возвращении в армию на пост, который, по словам Пилсудского, мог бы занять или идиот, или осел. Армия разбилась на две части: юнкера и кадровый командный состав—за правительство, а серый солдат и командир—бывший легионер—за маршала против правительства.

Экономическая катастрофа, черная реакция и политическая несамостоятельность, достигшие апогея в начале 1926 г., до того наэлектризировали настроение широких масс, что они готовы были по первому зову броситься в бой против господствующей реакции. Но здесь произошло то же, что почти одновременно имело место в Англии. Как там, так и здесь вожди испугались движения широких масс и поспешили их предать тем, против кого массы выступили. Пилсудский поступил так же, как Макдональд, Томас и К°. Когда польские трудовые массы вступили в бой, разумеется, не только для того, чтобы одну реакционную группу заменить другой ей подобной, а для того, чтобы передать власть рабочим и крестьянам, Пилсудский заговорил о конституции, о законе: подальше, мол, от революции, ближе к буржуазной законности!

III.

Куда пойдет Польша после «легального переворота» Пилсудского? Несомненно, что через кризисы, перевороты, фашистскую диктатуру и гражданскую войну к далеко не конституционной революции. Баланс происшедшего переворота уже предопределяет дальнейший ход событий. В пассиве этого баланса мы имеем: междоусобную борьбу, сотню убитых и раненых, ослабление военной дисциплины, ухудшение внешнего положения государства, громадные материальные убытки, обострение затруднения в области восстановления национальной экономики, антагонизм между отдельными провинциями, из которых некоторые, хотя и не говорят, но все же мечтают об автономии, и растерянность в политических партиях [1]). Актив же переворота сводится к тому, что вместо центро-правого правительства налицо теперь имеется временный чиновничий кабинет.

Ясно, что положение не может долго оставаться таковым, каким оно вышло из переворота. Не может остаться потому, что победитель Пилсудский не имеет и по сей день своей определенной программы. Он находится между правыми и левыми, но и не является даже центром. Помимо фраз о морали, он выдвинул только конкретный вопрос о легальности. Но и кабинет Витоса ведь был легальным, располагавшим абсолютным большинством голосов в сейме? И сколько бы ни старался Пилсудский притянуть за волосы конституцию, переворот все же остается актом, продырявившим сердце конституции. Несостоятелен и другой пункт «программы» Пилсудского, что не партия должна управлять страной, а кабинет «национального примирения». Кабинет Бартеля, хотя он имеет в своем составе профессоров высших учебных заведений, имеет так же, как самого Бартеля, так и Маковского,—руководителей левых партий, и наряду с ними Млодзяновского, бывшего воеводу Полесского воеводства, отличавшегося своей шовинистической политикой в отношении к территориальным национальным меньшинствам. Кабинет Бартеля только отражает шатания маршала слева направо и наоборот.

[1]) См. статью т. Виктора «Положение в Польше» в № 4 «Большевика», где эти вопросы автором детально рассмотрены.

Страной управляет не партия, а лево-центристско-правая бесформенная группа.

Пилсудский размахнулся мечом и, испугавшись его блеска, выпустил меч из своих рук. Враждующие стороны не успокоятся и, подняв брошенный меч, еще не раз попытаются использовать его в борьбе за власть.

Польской Вандеей остаются Познань, Померания и Верхняя Силезия. Версаль их сделал польскими. Они будут бороться и воспользуются каждым удобным случаем, чтобы ослабить узы насильного брака с Варшавой. Сам Пилсудский говорит, что Познань не успокоится в течение целого поколения. Трудно определить сроки, но ясно, однако, что этот период будет сопровождаться кровавыми столкновениями между враждующими сторонами.

Пилсудский, весьма возможно, не решился бы на свое выступление, если бы не поручение из Лондона и если бы правые не вздумали раз навсегда, как этого требовал председатель сейма Тромпчинский, «покончить с легендой Пилсудского» и если, наконец, об'ективные условия не толкали бы широкие массы на выступление против гнета реакции, нищеты и отчаяния.

Под давлением широких масс ЦК ППС 17 мая пред'явил Ратаю требование избрания Пилсудского президентом, создания правительства без участия партий, поддерживавших Витоса, изменения политики в отношении национальных меньшинств и предания суду бывших министров и правых депутатов «воров общественных денег»—Витоса, Керника, Корфанты, Мещерского, Здзеховского, Кухарского и Осецкого. ППС «забыла» только заступиться за крестьянство. Это сделало «Вызволенье», которое требует роспуска сейма и сената, оздоровления отношений в государственной администрации, реформы экономического характера и создания правительства, которое осуществило бы аграрную реформу. Одновременно произошел раскол в Народной Партии Роботничей, левая часть которой с депутатом Вашкевичем и бывшим органом партии газетой «Глос Цодзенны» стали на сторону Пилсудского. Неладно обстоит также и в среде военных пилсудчиков. Генералы Рыдз-Смыглы, Дрешер, Бургард-Букацкий и др. требуют немедленного очищения армии от правых офицеров, предупреждая, что промедление смерти подобно. Эти военные требуют установления военной диктатуры. Характерно, что в первый день неожиданного выступления Пилсудского инспектор польской армии в Вильно—генерал Рыдз-Смыглы, не дожидаясь дальнейшей информации из ставки маршала, на свой риск и страх опубликовал сообщение, что Пилсудский об'явил себя диктатором.

К диктатуре стремится сам Пилсудский. Пилсудский хочет держать вокруг себя левицу демократическими лозунгами, а приготовленным 12—15 мая для фашистской диктатуры кнутом он покупает доверие правицы. Уже то, что ген. Сикорский, бывший смертельный враг маршала, сложил перед ним свою шпагу, когда Познань еще посылала свои верные войска против «бунтовщика Пилсудского», говорит о молчаливом согласии более дальновидной части правицы иметь своим диктатором бывшего начальника государства, маршала Пилсудского.

Польша не будет излечена голосованиями национального собрания. Польша будет излечена хирургическими мероприятиями. Вспыхнувший вулкан негодования широких масс не успокоится до тех пор, пока раз навсегда не будет положен конец не только «легенде Пилсудского», но и легенде «национального примирения». Успокоение наступит тогда, когда власть очутится в руках трудящихся масс, которые отбросят французские или английские пути, а пойдут своим собственным путем к рабоче-крестьянской Польше.

Некоторые замечания по поводу „Экономических заметок" тов. Преображенского.

В последнем номере «Большевика» т. Преображенский рассматривает проблему равновесия в нашем хозяйстве, нарушенного в последнее время, и вносит ряд практических предложений, при помощи которых только и возможно, по его мнению, выйти из создавшихся хозяйственных затруднений.

Под скромным названием «Экономические заметки», вновь ставится давно решенный партией вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства. Пользуясь хозяйственными затруднениями, переживаемыми нашей страной, вновь воскрешаются осужденные партией предложения, так наз. индустриалистов.

Выдвигает ли переживаемый нами момент необходимость пересмотра решений XIII партийного с'езда по поводу экономической программы оппозиции?

Мы не сомневаемся, что политическую оценку «новых» предложений т. Преображенского дадут и помимо нас. Мы хотим лишь остановиться на одном практическом предложении т. Преображенского и доказать, что оно вовсе не практично.

Тов. Преображенский предлагает, как выход из создавшегося положения, немедленное и решительное повышение отпускных цен нашими трестами.

Это предложение вытекает из его оценки причин настоящего хозяйственного затруднения. Т. Преображенский, помимо его общих взглядов на наше хозяйственное строительство, беду видит в том, что наши тресты не идут в ногу с повышением цен на рынке. На этой почве образуется валютное неравновесие между государственным и частным хозяйством (читай: городом и селом), на этой почве усиленно накопляет частный капитал; на этой почве государство несет ряд материальных потерь. Вот формулировка его собственными словами:

> «В области частной торговли, т.-е. прежде всего, в области розничной и оптово-розничной торговли, цены на те товары, которых не хватает, резко поднимаются, но это повышение цен не приводит стихийным путем к перераспределению производительных сил страны в интересах ее индустриализации, а ведет лишь к быстрому накоплению в сфере частного капитала. Частный капитал повышает цены до пределов платежеспособного спроса и усердно зарабатывает на хозяйственной диспропорции» [1]).

[1]) «Большевик» № 6, стр. 63.

И еще:

> «Отпускные цены трестов у нас остаются твердыми, следовательно, на территории государственного хозяйства не происходит достижения валютного равновесия стихийным путем. Но тем самым весь этот процесс искусственно переносится в частное хозяйство, движение цен в котором остается вне нашего регулирования, либо эти цены регулируются нами в весьма незначительной степени. Таким образом, на частное хозяйство возлагается достижение валютного равновесия путем повышения цен, иными словами только частному хозяйству мы предоставляем монополию на это повышение» [1]).

Здесь совершенно ясна мысль т. Преображенского. Государственное хозяйство теряет. Необходимо повысить цены. От этого т. Преображенский ждет ряда благ: и валютное равновесие восстановится, а следовательно, и падение ценности червонца приостановится, и реальную зарплату можно будет повысить, и даже социалистическое накопление ускорить.

Разберем каждое из этих ожидающих нас «благ».

1) Повышение отпускных цен трестами должно нам дать, по мнению тов. Преображенского, восстановление валютного равновесия, так как излишне выпущенные червонцы рассосутся, благодаря повышению цен.

> «Допустим, в результате всех вышеприведенных причин, мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен всех товаров на всех ступенях товарного обращения. Если товарооборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15% как раз и приводит к достижению валютного равновесия. Вся денежная масса обесценивается в том самом размере, в каком она превышает необходимый минимум обращения. Но у нас весь этот процесс принимает своеобразные формы, весьма убыточные для государства [2]).

Отсюда следует, что повышение цен нашими трестами устранит убыток, который несет государственное хозяйство и восстановит валютное равновесие. Равновесие, таким образом, восстановится на основе падения покупательной силы червонца.

Допустим даже, что равновесие валютное и будет достигнуто. Но какой ценой? Если сейчас государство, удерживая через госторговлю и кооперацию рыночные цены на более или менее твердом уровне, тем самым укрепляет, или вернее удерживает от падения червонец (именно этим, т. Преображенский, об'ясняется то, что червонец упал только на 8%, а не на 30 или больше процентов), то повышая отпускные цены, государство санкционирует дальнейшее падение червонца и не на 8%, а значительно больше.

[1]) Там же, стр. 62.
[2]) Там же.

Некоторые замечания по поводу „Экономических заметок" тов. Преображенского.

В последнем номере «Большевика» т. Преображенский рассматривает проблему равновесия в нашем хозяйстве, нарушенного в последнее время, и вносит ряд практических предложений, при помощи которых только и возможно, по его мнению, выйти из создавшихся хозяйственных затруднений.

Под скромным названием «Экономические заметки», вновь ставится давно решенный партией вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства. Пользуясь хозяйственными затруднениями, переживаемыми нашей страной, вновь воскрешаются осужденные партией предложения, так наз. индустриалистов.

Выдвигает ли переживаемый нами момент необходимость пересмотра решений XIII партийного с'езда по поводу экономической программы оппозиции?

Мы не сомневаемся, что политическую оценку «новых» предложений т. Преображенского дадут и помимо нас. Мы хотим лишь остановиться на одном практическом предложении т. Преображенского и доказать, что оно вовсе не практично.

Тов. Преображенский предлагает, как выход из создавшегося положения, немедленное и решительное повышение отпускных цен нашими трестами.

Это предложение вытекает из его оценки причин настоящего хозяйственного затруднения. Т. Преображенский, помимо его общих взглядов на наше хозяйственное строительство, беду видит в том, что наши тресты не идут в ногу с повышением цен на рынке. На этой почве образуется валютное неравновесие между государственным и частным хозяйством (читай: городом и селом), на этой почве усиленно накопляет частный капитал; на этой почве государство несет ряд материальных потерь. Вот формулировка его собственными словами:

> «В области частной торговли, т.-е. прежде всего, в области розничной и оптово-розничной торговли, цены на те товары, которых не хватает, резко поднимаются, но это повышение цен не приводит стихийным путем к перераспределению производительных сил страны в интересах ее индустриализации, а ведет лишь к быстрому накоплению в сфере частного капитала. Частный капитал повышает цены до пределов платежеспособного спроса и усердно зарабатывает на хозяйственной диспропорции» [1]).

[1]) «Большевик» № 6, стр. 63.

И еще:

> «Отпускные цены трестов у нас остаются твердыми, следовательно, на территории государственного хозяйства не происходит достижения валютного равновесия стихийным путем. Но тем самым весь этот процесс искусственно переносится в частное хозяйство, движение цен в котором остается вне нашего регулирования, либо эти цены регулируются нами в весьма незначительной степени. Таким образом, на частное хозяйство возлагается достижение валютного равновесия путем повышения цен, иными словами только частному хозяйству мы предоставляем монополию на это повышение» [1]).

Здесь совершенно ясна мысль т. Преображенского. Государственное хозяйство теряет. Необходимо повысить цены. От этого т. Преображенский ждет ряда благ: и валютное равновесие восстановится, а следовательно, и падение ценности червонца приостановится, и реальную зарплату можно будет повысить, и даже социалистическое накопление ускорить.

Разберем каждое из этих ожидающих нас «благ».

1) Повышение отпускных цен трестами должно нам дать, по мнению тов. Преображенского, восстановление валютного равновесия, так как излишне выпущенные червонцы рассосутся, благодаря повышению цен.

> «Допустим, в результате всех вышеприведенных причин, мы имеем в обращении денег на 15% больше в сравнении с минимумом обращения. Как происходит в таком случае достижение валютного равновесия, если не предпринимается искусственных мер к уменьшению количества обращающихся в стране денег? Стихийным путем это достигается обыкновенно на основе повышения цен всех товаров на всех ступенях товарного обращения. Если товарооборот в стране остается тем же, то повышение всех цен на 15%, следовательно, падение покупательной способности всех обращающихся денег на 15% как раз и приводит к достижению валютного равновесия. Вся денежная масса обесценивается в том самом размере, в каком она превышает необходимый минимум обращения. Но у нас весь этот процесс принимает своеобразные формы, весьма убыточные для государства [2]).

Отсюда следует, что повышение цен нашими трестами устранит убыток, который несет государственное хозяйство и восстановит валютное равновесие. Равновесие, таким образом, восстановится на основе падения покупательной силы червонца.

Допустим даже, что равновесие валютное и будет достигнуто. Но какой ценой? Если сейчас государство, удерживая через госторговлю и кооперацию рыночные цены на более или менее твердом уровне, тем самым укрепляет, или вернее удерживает от падения червонец (именно этим, т. Преображенский, об'ясняется то, что червонец упал только на 8%, а не на 30 или больше процентов), то повышая отпускные цены, государство санкционирует дальнейшее падение червонца и не на 8%, а значительно больше.

[1]) Там же, стр. 62.
[2]) Там же.

Почему больше? Ведь частный капитал уже фактически повысил цены, и мы, повысив в свою очередь, лишь вырвем из рук частного капитала разницу между нынешними отпускными ценами трестов и рыночными?

Если уже сейчас, при повышении цен лишь частным торговцем, лишь меньшей частью нашей товаропроводящей сети, червонец заколебался и упал в отношении оптово-розничного индекса, то что же получится при массовом повышении цен нашими трестами, а следовательно, и всей госторговлей и кооперацией? Ведь это повышение придется производить не па десятки, а на сотни процентов. Вот конкретные данные обследования рыночных цен по Москве:

> «Недостаток промышленного товара в Москве, особенно мануфактуры, вызвал резкое повышение цен в частной торговле. Если принять кооперативные цены (универмаги МСПО и первичные кооперативы) за 100, то в частной торговле цена на ситец № 8 выражается 141,3%, сатин гладкий, серпухов. 185%, сатин темный, моск. 235%, бязь № 10, богородск. 183,5%, тик-ластик отбивной 237%, трувиль темный моск. 200%, бриоль темный, серпух. 184%, сатин Т. 5—173%, вольта 5, Красно-Пресн.—199%, диагональ Ореховск.—169,6%, бязь отбивная тверск.—154,4%.
>
> Что касается цен кооперации и госторговли на мануфактуру, то расхождения между ними нет. Товар продается по ценам прейс-куранта. К отпускным ценам треста кооперация накидывает 15—18% цен на мануфактуру [1]). В госторговле (Мосторг, ГУМ и др.) цены на мануфактуру одинаковы с кооперацией («Правда» № 82 от 10/IV—1926 г.).

Следовательно, придется подтягивать цены госторговли и кооперации к ценам в частной торговле. А это, без сомнения, приведет к значительному падению покупательной силы червонца. Это не преминет отразиться и на заграничном курсе червонца со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это немедленно отразится и на положении рабочих масс страны.

Но может быть, этой ценой будет все же достигнуто валютное равновесие, хотя бы на основе упавшего в своей ценности червонца? Может быть, достигнув такого равновесия, мы уже потом сумеем подлечивать червонец и повышать его ценность по мере роста товарооборота и соответствующей эмиссионной политикой? Однако, и этот, ожидаемый т. Преображенским, результат приходится ставить под очень большое сомнение.

Крестьянское хозяйство покупает не только у частного торговца, как получается у т. Преображенского, но у кооперации и госторговли, и у последних даже в большей части своего бюджета. Сейчас частное крестьянское хозяйство повысило цены на свою продукцию приблизительно соответственно потере, которую оно несет, покупая у частного торговца. Предположим, что повышение цен нашими трестами и дало бы ожидаемый эффект—рассосало бы излишек червонцев, выпущенных Госбанком. Но вытекающее отсюда повышение цен госторговлей и кооперацией ударило бы по бюджету крестьянского хозяйства, и оно, в целях

[1]) Подчеркнуто нами.

обеспечения от потери, немедленно повысило бы цены на свои продукты. Это вызвало бы новое нарушение равновесия, ибо, ведь, и т. Преображенский считает, что «в частном хозяйстве растут цены на хлеб, на те виды промышленного сырья, где возможности нашего регулирования не велики» (подчеркнуто нами).

Наши тресты, опять-таки в погоне за равновесием, должны были бы повысить снова цены и т. д., и т. д. А на основе неустойчивых цен, вакханалия спекуляции развивается, червонец катастрофически падает, и мы катимся по наклонной плоскости в лоно уже забытого совзнака.

Нет уж! Упаси нас ЦК от этаких экспериментов!

Вся ошибка т. Преображенского проистекает от того, что он не видит госторговли и кооперации. О них он ни разу в своих «заметках» не упоминает. По его схеме получается: с одной стороны—гострестьі, с другой—крестьянское хозяйство, а между ними—частный торговец. Госторговлю и кооперацию, эту главную часть нашей товаропроводящей сети, тов. Преображенский упустил.

Не повышением цен, не хвостизмом в отношении стихии рынка (рынок повысил—давай и я) надо создавать валютное равновесие, а самым решительным удержанием твердых цен, регулированием государством операций частного торговца и рядом других специально-финансовых мер надо изжить это временное колебание покупательной силы червонца.

2) Остановимся теперь на «втором» благе. В результате повышения цен государство, по мнению т. Преображенского, получит необходимые рессурсы для того, чтобы повысить зарплату, не только номинально, но и реально. Вот, что он говорит по этому поводу:

> «С другой стороны, только этим путем мы в состоянии будем получить необходимые рессурсы для возмещения рабочему классу того, что он потерял на повышении цен в частной торговле [1]), гарантировать ему на будущее время определенный реальный уровень зарплаты».

Что значит, возместить рабочему классу потерянное им на повышении цен в частной торговле? Это означает не что иное, как, во-первых, такое повышение зарплаты, которое привело бы ее реальный уровень в соответствие с повысившимися ценами и, во-вторых, которое к этой повысившейся номинальной зарплате прибавило бы еще и такую часть, которая возвращала бы рабочему потерянное им раньше на повышении цен в частной торговле.

Сможем ли мы так повысить зарплату, повысив цены? Нет. И вот почему: реальная заработная плата в госхозяйстве повышается в строгом соответствии с ростом нашего хозяйства, ростом действительного накопления ценностей. Это азбучная истина, и она не замедляет заявить о себе, как только пытаются неудачными искусственными манипуляциями с ценами достигнуть повышения реальной заработной платы. Именно такая неудача грозит нам, если принять рецепт т. Преображенского. Именно бу-

[1]) Там же, стр. 63. Подчеркнуто нами.

мажно-денежное наводнение будем наблюдать мы, а не рост реальных ценностей в госхозяйстве.

Ведь в самом деле, допустим государство повысит цены. Крестьянское хозяйство, которое покупает в большей степени не у частного торговца, а у госторговли и кооперации, про которые и здесь позабыл т. Преображенский, соответственно повысит цены на свои товары. По ком это ударит? Прежде всего, по рабочему потребителю, поскольку он покупает на вольном рынке, но это ударит его и с другой стороны, со стороны госторговли и кооперации, цены которых повысились, поскольку рабочий покупает главным образом у них. Итак, хотя повышение цен и увеличит в госхозяйстве количество бумажных денег, но реальные ценности от этого не увеличатся, поскольку вновь установится то же соотношение между государственным и частным хозяйством только на основе вновь упавшего в покупательной силе червонца. Ясно, что реальная заработная плата при таком положении не повысится.

Не по линии повышения цен, не по линии накопления бумажных денег, падающих в цене, надо сохранять и повышать реальную зарплату, а путем государственного регулирования через госторговлю и кооперацию розничных цен на частном рынке можно ее сохранить, путем роста реальных ценностей в госхозяйстве можно будет повысить ее уровень.

3) Рассмотрим, наконец, третье «благо». Тов. Преображенский считает, наконец, повышение отпускных цен трестами, в условиях падения валюты одним из средств социалистического накопления. Предоставим ему слово:

> «Что касается мер текущего характера, то прежде всего мы должны позаботиться о **возмещении государственному хозяйству всех его потерь** на падающей валюте. Мы должны выправить расчетный баланс в интересах государственного хозяйства, **вернуть ему его потери** и гарантировать его от потерь в будущем. Реально можно представить себе два основных метода в достижении этой цели: во-первых, увеличение налогов на частное хозяйство, что, разумеется, осуществить наиболее трудно, и, во-вторых, **повышение отпускных цен трестов** на те товары широкого потребления, по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод и на которых больше всего наживается частный капитал»[1]).

Здесь т. Преображенский ясно говорит о том, что повышение цен возместит государству потерянное им раньше, или, иными словами, увеличит накопление в нем в настоящий момент. Так думает т. Преображенский. Что же получится на самом деле?

Не приходится сомневаться, что сейчас частный торговец накопляет, благодаря повышению своих цен значительно выше отпускных. Крестьянское хозяйство повышает свои цены соответственно той части покупки, которую оно совершает у частного торговца. Государственное хозяйство, таким образом, теряет на этом. Что же произойдет, если повысятся отпускные цены трестов? Госхозяйство повысит цены, крестьянское хозяйство, как мы уже говорили, вынужденное платить повышенные цены, также повысит цены и на свои товары, в результате этого общего повышения цен, если даже предположить, что валюта падать не будет (а на самом деле она будет падать), установится равновесие (а на самом деле оно не установится) на основе до известной степени обесцененной валюты. Произойдет ли от этого усиление накопления? Нет. Оно действительно произошло бы в том случае, если бы гостресты продавали свои товары исключительно частному торговцу, если бы эти торговцы, пользуясь товарным голодом, вздули розничные цены и, таким образом, крестьянское хозяйство, покупая по повышенным ценам, тоже повысило цены и на свои товары.

¹) Там же, стр. 63. Подчеркнуто везде нами.

В таком случае, повышая отпускные цены трестов, государство действительно ослабило бы накопление частных торговцев и усилило бы свое накопление—и то в том только случае, если бы вслед за повышением отпускных цен трестов частный торговец розничных цен не повышал.

Но такое накопление возможно было бы, во всяком случае, только при отсутствии госторговли и кооперации. Как видим, и здесь т. Преображенский абстрагировался от них, делая в высшей степени конкретное практическое предложение.

И мы снова приходим все к тому же выводу: не повышение цен приведет нас к равновесию, а регулирование рынка, удержание цен от повышения с попутным разворачиванием товарооборота и финансовыми мероприятиями даст нам возможность укрепить валюту и этим создать естественную базу для нормального социалистического накопления.

Итак, мы доказали, что повышение отпускных цен трестов это «единственно возможное в наших условиях мероприятие» совсем не выводит нас из создавшихся затруднений. Наоборот, ставши на путь его, мы рискуем впасть в новые, еще более тяжелые условия. Мы также показали, что в основе ошибки т. Преображенского лежит его игнорирование госторговли и кооперации, о которых он ни словом не обмолвился на всем протяжении своих «экономических заметок» и без учета которых он и пришел к неверному выводу.

В. Попов-Дубовской.

Художественная литература и рабочий писатель.

За последнее время в нашей литературе наблюдается своеобразная диспропорция. Если, начиная с 18-го года, тощее, усохшее русло русской литературы заполнялось почти исключительно рабочими (правда, поверхностными) темами и образами, если там царили молоты, кузнецы и трансмиссии, а крестьянин был в отлучке,—то теперь мы наблюдаем обратное явление: быстрое вздувание крестьянской литературы с прогрессирующим ущерблением рабочей. Возьмите наши журналы и сборники за нынешнюю зиму; они почти сплошь крестьянские—и рассказы, и повести, и стихи. Не только спрятались куда-то молоты и кузнецы, но и вообще рабочая жизнь, можно сказать, выходит из моды.

Чем это об'ясняется? Разными причинами. Конечно, играет огромную роль обостренное общественное внимание к деревне, определяемое нашей общей внутренней политикой. Подтянулись молодые кадры писателей, так или иначе связанные с землей—среди них выходцы из крестьян, рабочие из крестьян, деревенская интеллигенция и пр. Но, пожалуй, сейчас одна из главнейших причин—та видимая легкость, с какой дается даже начинающим писателям крестьянский материал. Нет ничего проще, как писать на крестьянские темы. От старой, дореволюционной народнической литературы нам достались твердые шаблоны описания крестьянской жизни. Крестьянин, как известно, всегда в разговоре чешет за ухом или пониже спины, говорит «таперича» и «лезорюция», матюкается и мысли высказывает именно такие, какие требуются автору. Оттого-то, из-за этих общедоступных выкроек так серы, тягучи и скучны в очень большом числе теперешние крестьянские рассказы, а особенно романы и повести.

Кроме шаблонов соблазняет писателей, часто городских жителей, и общедоступность крестьянского материала. Шагни за город—и материал налицо, сколько угодно; знай лишь наблюдай, а потом «художественно» расписывай.

Совсем другое дело с литературой о рабочих. Старая литература здесь не оставила нам установленных образцов и приемов; лучше сказать, те, которые она нам оставила, забракованы начисто современными требованиями. Далее, «достать» рабочий материал писателю не так-то легко (если писатель сам не рабочий). Для этого надо проникнуть на завод, куда без пропуска не пускают. Точно так же нелегко проникнуть и в рабочий поселок. Если деревня для писателя легко доступна, а часто является и дачей для отдыха, местом командировки и т. д., то

жить в рабочем поселке и трудно, и неудобно, да и не попадешь туда по нынешним временам.

Именно эта трудность проникновения в рабочий быт, а также его специфичность (совсем не похож на крестьянский и обывательский) сделали то, что основным носителем в литературе *рабочего быта*, т.-е. художественного воспроизведения рабочей жизни, является рабочий писатель. Отсюда—важное и все возрастающее значение рабочего писательства в нашей общей художественной литературе. Отсюда—проблема рабочего писательства в нашей литературной политике.

Рабочий писатель.

Резолюция ЦК о литературной политике осудила напостовский уклон. Но на ряду с этим она осудила и другой уклон. Она говорит: «Равным образом заслуживает осуждения позиция, недооценивающая самую важность борьбы за идейную гегемонию пролетарских писателей». Такую точку зрения резолюция называет «капитулянтством».

Это капитулянтское направление, по сути дела, смотрит на современную литературу под старым, дореволюционным углом зрения. Выразил ее наиболее ярко и, по своему обыкновению, наиболее талантливо тов. Осинский в своих статьях о литературной политике, направленных против напостовцев. Для этого направления литературы есть писатели, писательский кадр и больше ничего.

По Осинскому, вся задача нашей литературной политики заключается в освоении и воспитании писателей, которые, по его мнению, состоят и долго еще будут состоять в подавляющем большинстве из выходцев из старого интеллигентского слоя. Вся задача состоит исключительно в том, чтобы укрепить шатающихся, отмести враждебных, словом, советизировать писательский кадр. Все это должно делаться исключительно путем литературной критики. Т. Осинский уверяет, что только таким путем можно «создать коммунистическую литературу чужими руками», чему будто бы учил Ленин.

Руководитель литературной политики в наши дни из такой постановки исходить не может. Для литературного политика писательский кадр был всегда, от века лишь одним из трех основных элементов литературы: писателя, читателя и технического аппарата. Наша революция прибавила еще одну основную величину—резервы кадрового состава литературы: в первую голову рабочих писателей, а затем крестьянских. Задача политического руководства нашей литературой заключается в планомерной организации и пропорциональной увязке этих четырех элементов на расширенной (рабочей и крестьянской массой) читательской базе. Говорить лишь о кадровых писателях и на этом строить литературную политику—значит терять революционную перспективу и из-за деревьев не видеть леса.

Не говоря о прочем,—как можно строить литературную политику, не установив, какую органическую роль играет в общей системе литературы рабочее писательство, не интересуясь, какие процессы происходят при выделении рабочего массового писателя, даже не заикаясь о том, как это массовое движение взять в

свои руки и наиболее целесообразно его направить? Ведь это же—важнейшие вопросы современной литературы.

В этом отношении напостовцы в общем держались более правильной линии—конечно, потому, что были вынуждены искать себе опоры в рабоче-писательской массе. Однако, при формальном признании огромной важности рабочего писательства, напостовцы трактовали этот вопрос весьма поверхностно. По большей части, их разглагольствования не выходили из рамок общих разговоров или крика о любви к рабочему писателю.

В самом деле, уделили ли напостовцы хоть сотую долю того жара и усилий, какие они потратили на борьбу с попутчиками,—постановке в общей и партийной литературе вопроса о том, как и где печататься рабочему писателю, т.-е., вопросу о постановке рабочего журнала для массового рабочего читателя? Выдвинут ли этот вопрос в порядок дня? Дали ли они хоть какое-нибудь подытоживание и разработку опыта рабочих литкружков? А вопрос об окружении рабочего писателя? А вопросы о рабочем быте? А вопросы о методах критики произведений рабочего писателя? Ничего, или почти ничего этого не дано. Напостовцы были слишком захлопотаны высокой политикой, чтобы возиться с таким «частным» вопросом. Они, конечно, ходили по литкружкам и работали там. Но ведь и тов. Воронский тоже ходил по литкружкам и тоже просвещал рабочих.

Цеховая точка зрения не дала возможности напостовцам установить партийный угол зрения на общую литературу. Точно так же она не дала им возможности понять важность рабоче-писательского вопроса, как общего, принципиального вопроса, и поставить его, как таковой, в полном об'еме в общей литературе.

И все же надо им поставить в заслугу, что они выдвинули и утвердили в партийном общественном мнении самое бытие рабочего писателя. В результате периода напостовщины у нас прочно установилось мнение, что рабочий писатель существует—это уже есть завоевание. У Осинского и Воронского здесь—пустое место. Почитать их, так нет никаких рабочих писателей, а есть просто начинающие писатели.

В дальнейшем мы остановимся на разборе тех постановок по линии рабочего писательства, какие делались напостовцами. Во-первых, на их ошибках мы кое-чему можем научиться. Как ни как, а известный опыт здесь уже дан. Во-вторых, так будет легче наметить линию необходимых практических мероприятий в этом важном и актуальном вопросе.

О рабочем журнале.

Когда речь идет о рабочих писателях, то здесь мы прежде всего видим многотысячную массу, находящуюся еще в процессе выделения из рабкоровской массы. Это, так сказать, нижний слой, те полурабкоры, которые только что приступают к преодолению первых трудностей художественного письма. Печатаются они в стенгазетах и в рабочих отделах газет—дают зарисовки, сценки, воспоминания и пр. Вопрос о том, где печататься, не имеет здесь особой остроты. Но остро поставлен вопрос об учебе, о расширении знаний, о культурных навыках, о политической установке.

Как у нас до сих пор ставилось дело обучения рабочих писателей? Самым схоластическим образом. Почтенные и непочтенные писатели, которые ходят по литкружкам, глубоко уверены, что вот такого сырого рабочего писателя нужно обучать только техническим приемам литературного искусства, и больше ничему. Дескать, политическое, общественное и всякое другое воспитание он получит еще где-то. В результате мы частенько видим «писателей», которые мнят себя спецами и смело пишут стихи и рассказы, не зная не только грамматики, географии и пр., но и не разбираясь в самых простых вопросах политики и марксизма. Их руководители, очевидно, не понимают, что художественное творчество есть производное всего миросозерцания писателя и его политической, общественной и культурной установки. Обучение художественной технике обязательно должно итти наравне с общим образованием, и, особенно, с политическим марксистским воспитанием. Это—важнейший вопрос воспитания рабочего писательства, а его практическая постановка не только не сделана, но даже не нащупана. Нащупать и сделать ее—наша первоочередная задача.

Эта полурабкорская «низовая» масса является резервом и питательной средой для следующего рабоче-писательского отряда, который беспрерывно пополняется из «низов». Здесь мы имеем более или менее оформленных, но все же массовых рабочих писателей, имеющих некоторое выяснившееся дарование и получивших уже необходимые технические навыки. Они сотрудничают уже в газетах, а иногда попадают и в журналы.

Наконец, из их рядов выделяются те немногие одиночки, которые входят в кадры нашей журнальной и книжной литературы на правах настоящих писателей. Они, собственно, перестали быть рабочими писателями, а стали просто писателями. Они идут обычно под названием «пролетарских писателей».

Когда напостовцы стремились к «захвату власти», в первую очередь к захвату журналов и технического аппарата литературы, они стремились опереться на эту вторую, массовую часть рабочих писателей. И эти последние поддержали напостовцев. Это—факт. А почему? Потому, что перед рабочими писателями этой категории остро стоит вопрос: где печататься? Напостовцы говорили им, что как только они возьмут в свои руки журналы, то не только будут сами заполнять в них, по выражению Лелевича, «главное место», но пустят туда и рабочих писателей. Как же было не поддержать? Ведь больше никто ничего не обещал, а печататься, действительно, негде. В общие журналы не пускают, а своих нет.

Напостовцы сулили, но это были демагогические посулы, потому что пустить рабочих писателей в существующие журналы при настоящих условиях в более или менее значительном количестве—невозможно. Надо прямо сказать, что качество художественной работы рабочих писателей в массе своей еще сравнительно низко. По своей технике они не могут итти в сравнение с опытными писателями, заполняющими журналы. Требования, пред'являемые журналами, в общем выше среднего уровня рабочего писательства. Поэтому в журналы т е п е р ь могут попадать только редкие одиночки из рабочих писателей. Мы много и убедительно говорим о примате в литературе содержания, которое, в конечном счете, определяет форму, и это неоспоримо

правильно. Но не надо вдаваться в крайность и держаться вульгарного убеждения, что содержание в художественной литературе—все, а форма ничего не значит. Форма значит очень много: без нее нельзя написать настоящее художественное произведение. Без нее нельзя попасть в журнал.

Поэтому надо ставить вопрос не о завоевании рабочими писателями теперешних журналов, а об организации массовых рабочих журналов. Мы уже не говорим о т.т. Осинском и Воронском, а вот напостовцы—ставили ли они этот вопрос в порядок дня? Нет, не ставили, потому что он выходил из рамок их цехового кругозора.

Здесь прежде всего важно выяснить необходимый т и п ж у р н а л а. Мы имели много рабочих журналов,—и все они, за единичными исключениями, не годны для своего прямого назначения и помирали, как мотыльки, не вызывая ничьей печали. Их основным пороком было то, что мы привыкли отмечать словом «пролеткультовщина». Это были (и имеются) цеховые писательские журналы, т.-е. журналы не для читателя, а для писателей. Если группа писателей находила деньжат, то и открывала журнальчик, где эти писатели могли тренироваться и поучиться и себя людям показать—пока деньги не иссякали. Получался либо журнал «для рабочих», наподобие «благотворительных» журналов доброго старого времени, журналов для народа, либо журнал-семинарий для усовершенствования литературных талантов.

Затем еще одно плохое качество. Эти журналы отличались безобразным неряшеством и низким качеством во всех отношениях. Бумага—дрянная, печать—скверная, рисунки—плохонькие, словом, все состряпано кое-как. Почему-то считается, что для рабочего читателя—сойдет, так и надо, и на большее он будто бы и не претендует. Тут мы, конечно, имеем дело со старым буржуазно-интеллигентским пережитком того времени, когда «народ» получал об'едки культуры и это считалось в порядке вещей.

Нам не нужны такие рабочие журналы. Нам нужны не такие журналы.

Рабочий массовый журнал прежде всего должен быть рассчитан, или, как говорят, должен ориентироваться н а р а б о ч е г о м а с с о в о г о ч и т а т е л я и должен и создаваться для того, чтобы этого читателя обслуживать. Будьте любезны заслужить доверие этого читателя, вызвать его интерес, организовать его вокруг журнала—вот тогда мы скажем, что журнал действительно массовый, рабочий. Для этого надо соответствующим образом организовать его изнутри, а это дело не легкое, вернее, очень трудное.

Смешно говорить, что можно создать журнал, который вэлся бы исключительно силами рабочих писателей. Такие попытки были и кончались всегда быстрой смертью журнала. Для журнала необходимы спецы и опытные литераторы и художники. И вот этот-то вопрос о том, как вовлечь спецов в коллективную работу и заинтересовать задачами, которые ставит для журнала рабочая масса, понимать ее настроения и вкусы и в то же время руководить ею,—вот это и является очень сложным и трудным вопросом, который не дается смаху, а решается в длительном процессе общей работы с ошибками, поправками и достижениями.

И вместе с тем роль рабочих писателей, а также и рабкоров в рабочем журнале очень велика. Рабкоры поднимают и разбирают в журнале выдвигаемые рабочей средой вопросы—семейно-бытовые, общественные и проч. Рабочие писатели дают, главным образом, художественный материал, а частью и публицистику, и их роль и влияние в журнале неизбежно будет возрастать по мере их писательского самозакрепления. Именно они и рабкоры сообщают рабочему журналу его особый характер, близкий рабочим массам, и создают массового рабочего читателя.

Вот такой нужен нам рабочий журнал, и вопрос о его организации должен быть выдвинут теперь же в партийном порядке.

Вопрос организации массовых рабочих журналов должен быть выдвинут в партийном порядке в первую очередь и поставлен практически.

Выдвиженство.

Точка зрения т.т. Осинского и Воронского на природу и роль рабочего писателя, как мы говорили, очень проста. Рабочий писатель находится за полем их зрения, где-то там в дальнем коридоре, а не в литературе. Из этого кутка от времени до времени появляются даровитые писатели, так что на куток следует обратить некоторое косвенное внимание. И, действительно, тов. Осинский одобрительно кивает этой разношерстной «массе» головой и советует ей заниматься самовоспитанием и самодисциплиной. Тов. Воронский идет еще дальше. Не столько критик, как организатор, он рекомендует вести литкружки и обучать рабочих литературной технике: это ускоряет процесс отбора писательских дарований из рабочей среды. Вот это и есть вся, круглым счетом, литературная политика в рабоче-писательском вопросе.

Какой позиции держались в этом отношении напостовцы, которые были так или иначе связаны с рабоче-писательской массой? Эта позиция определялась их цеховой установкой.

С писательско-цеховой точки зрения—когда она стремится установить политическую линию в литературе—высшим достижением для пишущего является—стать писателем-профессионалом. Поэтому напостовцы были больше всего озабочены тем, чтобы рабочих писателей выводить «в люди». Центр их внимания был направлен не на общие задачи под'ема рабоче-писательской массы, а на вылавливание из серой массы одиночек-писателей, на производство гениев. Отсюда—теория и практика выдвиженства. Эту теорию один из редакторов «Октября», тов. Зонин, сформулировал так («Октябрь» № 6, 1925 г.):

«Выдвижение писателя от станка на другую работу, не обязательно именно литературную, может быть, газетную, может быть, партийную, хозяйственную, а то и учебу, в зависимости от того, где легче писателю будет продолжать свой художественный рост, увеличивать накопление своего художественного опыта,—такое выдвижение безусловно необходимо н а о п р е д е л е н н о м у р о в н е р о с т а п р о л е т п и с а т е л я».

Такая принципиальная постановка выдвиженства, как системы, в корне извращает рабоче-писательский вопрос.

Напостовцы в данном случае наглядно показали, как они «обрабатывали» партийные директивы. Партия дала лозунг вы-

движения рабочих и крестьян в различные учреждения. Напостовцы эту директиву приспособили к своим целям, отразили ее, примерно, таким образом, как начищенный самовар отражает нормальное человеческое лицо. Партия посылает выдвиженцев в учреждения с чисто-практической целью—для того, чтобы они там работали, контролировали бы работу и стали бы спецами в будущей самостоятельной работе в том же направлении. А напостовцы собираются посылать туда рабочих исключительно для совершенствования литературных талантов в «подходящей» обстановке.

В этом есть что-то плохое, мещанское, вернее, узко-цеховое. Напостовцы слышали ходячее мнение, что писатель должен наблюдать различные стороны жизни, должен, что называется, все знать; поэтому они убеждены, что его надо таскать то в газету, то в Жиркость, то в канцелярию МОНО. Здесь он будет вращаться в изысканной среде и наблюдать всю главную механику жизни, начиная от птичьих разговоров накрашенных секретарш. Рабочая же среда, видите ли, слишком скудна и узка для высокого внимания настоящего писателя.

Надо удивляться, что целое литературное направление, имевшее связь с рабочим писательством, не выдвинуло ничего умнее этой вульгарной теории делания писателей посредством командировок.

Надо строго разделять политику массового «выдвижения» рабочих писателей, т.-е. политику делания механическим путем из рабочих писателей писателей-спецов,—от политики помощи рабочим писателям и писателям вообще.

Предположим, примерно, что на тысячу рабочих писателей приходится одно более или менее крупное художественное дарование. Так вот, когда это дарование внутренне сложится и закрепится в своей бытовой среде настолько, что может продолжать и расширять свою работу более или менее самостоятельно, то оно само начнет свое отпочкование. Вот тут-то и надо ему помочь. И лучше не торопить его в этом деле, а придержать, ибо это—критический, опасный период, на котором возможны вывихи на всю жизнь. Мы знаем и видим, как неопытная молодежь стремится во что бы то ни стало вылезть в «настоящие» писатели, и ее надо придерживать. И когда писатель отпочковался, надо внимательно за ним следить и всячески ему помогать, и не только материально, а и советом, а то и более жестким воздействием.

Это—одно дело. И совсем другое дело выдвиженство, как система.

Если бы мы занялись усиленным отсеиванием подающих надежды писателей от станка в «настоящие писатели», то мы в короткое время получили бы большее количество оторванных от производственной работы писателей, не имеющих ни достаточного опыта, ни достаточной техники, ни достаточной культуры, чтобы конкурировать со спецами-писателями,—получивших свое место писателя не в процессе борьбы на литературном поле, а путем «пожалования». Мы получили бы—да и сейчас уже имеем—кадры беспомощных писателей, брошенных на произвол судьбы, именно брошенных, потому что мы не в состоянии компенсировать им их заработка, а можем только благословить на добывание кустарным образом средств к существованию исключительно путем своих талантов, а затем вопиять в газетах о печальной судьбе наших молодых писателей.

Эта деятельность напостовских благодетелей по извлечению бедных рабочих писателей из «низов» на «верхи», в писательский рай, является одним из худших видов напостовской демагогии, делом особо вредным, вносящим в рабоче-писательские круги нездоровые устремления и разложение. Самородков мы видели что-то мало, а вот отрыв молодых рабочих писателей от их среды часто превращает их в беспомощных писателей, которые питаются не живыми соками старой культуры, а ее об'едками, а своего за душой у них нет. Разве об этом мало разговоров в рабочих литкружках?

А что же делать с той массой, от которой отпочковываются эти выдающиеся дарования? Ей нужно дать правильную, здоровую политику на поднятие ее культурного, политического и художественного уровня.

Рабоче-писательская масса находится в периоде первоначального накопления. Здесь создается тот запас методов, приемов, навыков, то критическое усвоение буржуазно-художественных достижений, то общее поднятие художественной культуры, без которых не может быть ни истинно-классовой литературы, ни больших законченных художников. Все это стоит, конечно, в непосредственной связи с общим поднятием рабочей культуры. Поэтому сейчас у нас и должно стоять в центре внимания не вылавливание отдельных даровитых рабочих писателей, а общее поднятие художественного уровня рабоче-писательской массы, поднятие ее творчества и идеологическое закрепление. И лишь тогда, когда массовое рабочее писательство окажется крепкой базой для литературного «верха», оно станет выделять нам крепких, серьезных, больших писателей и выдвинет их много—во много раз больше, чем давала их буржуазия. Но это—впереди, а сейчас нужна упорнейшая работа по формированию этой базы.

Рабочий быт.

Теперь обратимся к внутреннему содержанию, к самой работе рабочего писательства и его задачам.

Природная стихия рабочего писательства—рабочий быт. Прежде всего, он—колыбель рабочего писателя, его первичная среда. Он определяет, воспитывает, формирует его творчество, дает ему закалку и направление. Уже по одному этому рабочий быт достоин нашего напряженного внимания. Но этого мало.

При диктатуре пролетариата рабочий быт приобрел величайшую сложность и значение, не только как художественная категория, но и как политическая и общественная, ибо это есть быт класса-гегемона, который с возрастающей силой оказывает определяющее давление на всю жизнь страны. Поэтому познание этого быта приобретает первостепенное значение. Рабочее же писательство в настоящее время является тем основным инструментом, с помощью которого можно захватить этот быт во всей его ширине. Мы видим, как именно в рабочей литературе появляются все новые и новые черты рабочего быта, совершенно незнакомые дореволюционной литературе. За время после Октября мы узнали о рабочей жизни во много раз больше, чем

от всех писателей дореволюционной литературы. В этом—огромная историческая заслуга наших рабочих писателей, хотя никто из них не оказался Пушкиным.

И тем не менее мы знаем о рабочем быте еще очень мало. Углубление разработки рабочего быта, художественное вскрытие его сложности и значительности—вот над чем должны поработать наши рабочие писатели так же, как и писатели, и художники, идейно к ним близкие.

Каково же отношение к рабочему быту в наших руководящих литературных кругах? Мы уже говорили, что он выходит из моды и теоретически и практически.

У старой напостовщины мы видим два периода. В первом,—напористое устремление к рабочему быту, выдвигание его на первый план. Эта правильная по существу тенденция наталкивалась на недостаточно сильное свое воплощение в художественном творчестве, попросту—на недостаточную художественную зрелость «пролетарских писателей», а главное—на неправильную цеховую политику руководящей группы.

Когда стремление напостовцев захватить гегемонию в литературе механическим путем сорвалось, они круто повернули (весной прошлого года) в другую сторону, очевидно, считая, что виновата в крахе не цеховая политика, а рабочая «ограниченность», и начали торопливо вылезать из этой «ограниченности», чтобы доказать свою зрелость. Это можно наглядно проследить по их журналу «Октябрь» (последний год), где они выдвинули, между прочим, забавную теорию художественной смычки и где они повернули от рабочего быта.

Передовая статья «Октября» (№ 6) говорит, что рабочий писатель не должен заниматься такой низкой материей, как рабочий быт:

«Отображение» рабочего класса должно итти «не в порядке цехового описания быта, а через художественное преломление острых вопросов самовоспитания пролетариата».

Надо сказать, что автор передовой здесь прямо позаимствовался у тов. Осинского без ссылки на источник; но тов. Осинский, как человек умный, ограничился лишь общей рекомендацией «самовоспитания», а напостовцы превратили этот необ'ятно обширный термин в программную директиву.

В самом деле, что такое «художественное преломление острых вопросов самовоспитания пролетариата»? Не более и не менее, как требование, чтобы писатель давал высоко-художественные синтетические творения. Как звучит это для рабочего писателя? Почти насмешкой. Какое уж там «художественное преломление», когда требуется сначала разобраться, как приложить свои еще малые силы к тому, что знаешь.

Напостовцы быстро научились трактовать рабочий быт весьма пренебрежительно—почти так, как это было принято у дореволюционных радикальных писателей и у многих современных.

Зонин, напр., писал, что изображать рабочий быт значит писать о «фабричных порядках». Он даже приводит цитату из Ленина, который будто бы тоже был против рабочего быта. Ленин требовал, чтоб рабочих перестали кормить книжками исключительно «о фабричных порядках»: этим, как известно, занимались «плохие интеллигенты» старых времен, которые очень «любили» рабочего, но рабочий быт знали издали, только как «фабричные порядки», и о них писали свои скучные, никому ненужные книжки. Это было плохое занятие,—писать о рабочем быте, не зная его, но при чем тут наш рабочий быт?

Только куриным невниманием к рабочей жизни можно об'яснить это постыдное отношение напостовцев к жизни современной фабрики. Напостовским теоретикам надо бы знать, что теперь жизнь фабрики представляет собой сложную сеть организаций и взаимоотношений—завком, трест, управление, ячейка, клуб, кружки, кооперация, быт женщины, быт семьи и т. д. Выходит ли этот фабричный быт за ограду фабрики? Очень выходит, далеко выходит и многими концами—в губком, в совет, в профсоюз, в деревню, в хозяйственные, культурные и всевозможные другие организации. Фабрика является не только производственным, но и политическим и общественным звеном в общей системе нашего советского государства. Зачем же приучать рабочего писателя к пренебрежительному отношению к рабочему быту, этому важнейшему фактору общего советского быта? Это опасно прежде всего для самой художественной литературы, которая в рабочем быте имеет обильнейший источник питания.

О смычке.

Мы уже говорили, что старые напостовцы год тому назад сделали «поворот». Куда? Об этом говорит передовая «Октября» (№ 6, 1925 г.):

«Лицом к деревне, лицом к широким трудящимся массам! Идеями и содержанием пролетарской литературы укрепим в ней еще одного мощного проводника влияния пролетариата на промежуточные классы».

Обратившись лицом (а не задом) к широким трудящимся массам, напостовцы тотчас же открыли смычку и пришли в неописуемый восторг. Тов. Зонин в том же № 6 «Октября» дает пролетарским писателям следующую директиву:

«Художественное отображение даже одного только рабочего класса требует «загляда» вглубь, в корень социальной психологии (!), а значит, внимание пролетарского писателя должно устремляться на узлы классовых отношений, в нашем случае на связь рабочих масс с деревней».

Тут замечательно кратко и сильно сказано о «корне»: рабочий писатель, заглядывай в корень. Правда, весельчак Кузьма Прутков сказал еще короче: смотри в корень; но за то он и видел там гораздо меньше, чем напостовцы. А вот «узлы» Зонина должны очень обрадовать рабочего писателя: на узлах можно и отдохнуть и даже выспаться, например, в ожидании поезда на вокзале.

Эти наивные и забавные рассуждения показывают, как жидок был определяющий теоретический аппарат напостовцев в важнейшем деле: определении политической линии пролетарской литературы. Но линия есть линия, и поэтому попробуем в ней разобраться.

Если перевести это изречение на обыкновенный язык, то оно означает, что рабочий писатель должен писать не о том, что в его силах и в его кругозоре, а давать обязательно художественные обобщения («узлы классовых отношений») и обязательно поли-

вать и стихи и прозу напостовской смычкой. Широкое обоснование этой теории дает тот же Зонин:

«Пролетарские писатели... должны писать не только о «фабричных порядках», а брать своими темами все факты, все явления, отображения которых покажет и массе своего класса и членам других классов (!), что пролетариат, ведущий человечество к коммунизму, творит величайшее и прекраснейшее дело, что «все наследство», подвергающееся рабочим классом уничтожению, переделке и перестройке, реформе или революционному воссозданию,—гнило, мертво, никчемно, консервативно, лежит на человечестве тяжелым грузом прошлого; да, это так!»

В этом замечательном отрывке мы имеем исключительно удачное определение буржуазной культуры. Она есть то «наследство», которое пролетариат подвергает зверским истязаниям, както: «уничтожению», после этого «переделке» и «перестройке» и, наконец, «реформе» или «революционному воссозданию». И поделом ему, этому «наследству», потому что оно отличается очень дурными качествами: как уверяет Зонин, оно «гнило и мертво», и не только «никчемно», но даже—страшно сказать!—«консервативно».

О, учители рабочих писателей и «членов других классов»!

Далее за дело взялся главный напостовский теоретик, тов. Лелевич, и раз'яснил рабочим писателям, как они должны осуществлять эту самую смычку в своей художественной работе. Он втолковывает им, что «в области художественных образов необходимо своеобразная «смычка», тонкая и сложная комбинация образов городских и деревенских».

Как образец смычки он приводит такие стихи:

Полюбил я
Леса хмельно-кудрявые,
Полюбил я,—
Луга заливные.
Полюбил.—
Но люблю я и город,
И железо,
И сталь,
И гранит.
Я хотел бы
В лесах хмельнокудрых,
Я хотел бы
В лугах заливных
Видеть травы живые заводов(?)
Видеть
Тысячи солнц городских.
Ой ты, бор,
Ой ты, дол,
Ой ты, сталь,
И гранит,
И железо,
Перемешались вы в сердце моем,
Захлебнулся я вами.

Похваливая это плохое стихотворное упражнение, Лелевич рекомендуем его рабочим писателям, как образец стихов со смычкой. Но мы обращаем внимание их на то обстоятельство, что поэт в конце концов захлебнулся железом и гранитом и даже бором (так ему и надо. *В. Д.*) и предостерегаем наших рабочих писателей от такого опасного занятия, как стихи с напостовской смычкой.

Напостовский рецепт писания стихов и рассказов со «смычкой» очень прост. Надо взять рабочие и крестьянские предметы, например, избу и станок, сено и долото и т. д. и сомкнуть их на бумаге таким образом, чтобы получилось возвышенное настроение. Затем все это надо полить «красотой». И тогда получится отличное стихотворение, вполне смычковидное и весьма полезное

как пролетариату, так и крестьянству. Поэтому писателю совсем не требуется знать ни рабочего быта, ни крестьянского. Любой парень, который немножко наловчился у напостовцев по части «красоты», может взять фабричную комсомолку Машу, сосватать ей деревенского кудрявого Яшу и взбрызнуть их «красотой атласных трав и бархатных нив, чтобы в такой роскошной природе они могли смыкать железо города с деревенскими лугами, на которых крестьяне бодро смыкают свои ряды с рядами пролетариата.

Смычка имеет, между прочим, одно хорошее качество: не любит, чтобы ее опошляли. За это она мстит, но, к сожалению, не Лелевичам, а рабочим авторам подобных стихов, мстит тем, что опошляя ее, они становятся авторами пошлости. Если бы наши рабочие писатели пошли по этому напостовскому пути, то нашей рабочей литературе грозила бы опасность выродиться в ходульный обывательский романтизм. И мы обязаны энергично предостеречь от этого рабочих писателей, особенно писательский молодняк. Романтизма у них и темперамента и без того достаточно, и нечего натаскивать себя на планетарные выси; а смычка—слишком серьезная вещь, чтобы походя лапать ее и по будням и по праздникам только из-за того, чтобы написать стихи в пятнадцать строк.

Только наивные люди да те, кто желает использовать смычку для побочных цеховых целей,—могут представлять ее так, что она появляется в результате арифметического сложения рабочих и крестьянских возгласов. На самом же деле смычка много серьезнее и идет совсем в другом порядке.

Смычка в художественном творчестве есть общий политический установ художника, определенный угол зрения, под которым художник ищет, выбирает и творчески организует материал. Если такой установ имеется, если писатель ясно представляет себе природу смычки, ее роль в революции и в классовой борьбе и ее значение в нашем строительстве и в быту, если он умеет этот политический язык перевести на язык образов,—то смычка и будет определять его творчество, всякий раз в той мере, в какой это об'ективно требуется. Можно легко обойтись без сохи и шелковых лугов, без железа и гранита, а в особенности без «тонких и сложных комбинаций», а стихи будут пахнуть смычкой точно так же, как стихи писателя с революционным установом пахнут революцией, хотя там нет ни революционной номенклатуры, ни революционного визга.

Но для того, чтобы художественно овеществить смычку, необходимо еще одно непременное условие: нужно знание быта—рабочего и крестьянского. Поэтому если рабочий писатель не знает крестьянского быта, или крестьянский писатель не знает рабочего быта, то смычки в их произведениях не будет и быть не может. А между тем этим элементарным вопросом у нас до сих пор никто не интересуется.

Таковы основные вопросы проблемы рабочего писательства. И мне кажется, что их пора уже осветить в нашей общей и партийной печати. Пора ввести нашего рабочего писателя в общую систему нашей литературы.

Н. Попов.

По поводу „Ответа на ответ".

«Ответ ли это, полно?!»

I.

Прежде всего спешу категорически отвести новое «обвинение», выдвинутое против меня Эм. Газом в его «Ответе на ответ». Мое «неудовольствие» его рецензией на книгу «Очерк истории РКП» Эм. Газ об'ясняет тем, что рецензент не проявил стремления «понравиться» автору книги. «Неудовольствие» автора при этих условиях Эм. Газ считает «естественным». Не знаю, на чей аршин меряет он. Что касается меня, то я не претендовал и не претендую ни на какое особое расположение Эм. Газа.

Против чего я решительно протестовал в № 5 «Большевика»? П р о т и в о г у л ь н о г о и б е з д о к а з а т е л ь н о г о п р и ш и в а н и я м н е т а к и х в з г л я д о в, к о т о р ы х я н и к о г д а н е з а щ и щ а л и н е м о г з а щ и щ а т ь, к а к м а р к с и с т и к о м м у н и с т. Если помнит читатель, Эм. Газ в своей рецензии («Большевик» № 3) выдвинул (не касаясь пока частностей) два «обвинения».

«О б в и н е н и е» п е р в о е. (По вопросу об интеллигенции).

> «Вся беда тов. Попова... заключается в том, что он рассматривает интеллигенцию, как какую-то о с о б у ю с а м о д о в л е ю щ у ю с и л у, в б о р ь б е з а с в о и с о б с т в е н н ы е и н т е р е с ы (курсив мой. *Н. П.*) опирающуюся и использовывающую то тот, то другой класс».

И несколькими строками выше:

> «Это не марксизм, а какое то своеобразное воскрешение «блаженной памяти лавризма» («Большевик» № 3, стр. 27).

«О б в и н е н и е» в т о р о е. (По вопросу о крестьянстве).

> «Методологическая ошибка нашего автора (т.-е. меня. *Н. П.*) та же, что отмеченная нами (т.-е. Эм. Газом) по вопросу об интеллигенции: сплошная постановка вопроса о крестьянстве, как целом, приводит тов. Попова к неразличению цветов внутри этого, якобы единого, крестьянства. Между тем, различное отношение партии пролетариата к различным слоям крестьянства на различных этапах исторического развития всегда составляло характерную и отличительную черту большевизма» (там же).

Несколькими строками ниже автор рецензии (на этот раз справедливо) замечает, что взгляд, зачислявший крестьянство сплошь и во все времена в лагерь революции, т.-е. взгляд, приписываемый Эм. Газом мне, составляет неот'емлемую собственность партии эсеров. Мы к этому можем добавить, что и лавристская оценка интеллигенции, как самодовлеющей силы, отождествляемая Эм. Газом с моей, также составляла и составляет отличительную особенность мировоззрения той же самой партии социалистов-революционеров.

В № 7—8 «Большевика» Эм. Газ отвечает мне длиннейшей статьей, в которой пытается по всем пунктам доказать свою стопроцентную правоту. Посмотрим, как это у него получается.

Начнем с и н т е л л и г е н ц и и. Эм. Газ продолжает упорно утверждать («Большевик» № 7—8, стр. 70), что мне свойственно «лавристское представление об интеллигенции». С другой стороны, по его изложению у меня получается, что интеллигенция, как самодовлеющая сила борется за свои интересы, используя то тот, то другой класс. Где здесь логика у нашего почтенного критика, я не знаю? Лавров никогда не держался того мнения, что интеллигенция борется за свои интересы. Он считал ее внеклассовой силой, отстаивающей интересы всего общества в целом.

Может быть под особой самодовлеющей силой Эм. Газ понимает класс. Однако, он не укажет в моей книге ни одного места, где бы шла речь об интеллигенции, как об особом классе. Все время я говорю о мелко-буржуазной интеллигенции, о «мелко-буржуазной промежуточной группе» (см., например, стр. 26 книги). Насколько можно считать т а к у ю интеллигенцию «самодовлеющей»? [1]). Как может Эм. Газ приписывать мне, что я считаю мелко-буржуазную интеллигенцию независимой (иначе, что означает самодовлеющая?) от мелкой буржуазии?

Конкретно, если говорить о народнической интеллигенции 70-х годов, я привел уже в № 5 «Большевика» две цитаты (мог бы привести больше), говорящие о **н е р а з р ы в н о й о р г а н и ч е с к о й с в я з и м е л к о-б у р ж у а з н о й и н т е л л и г е н ц и и д а н н о г о п е р и о д а с м е щ а н с т в о м и к р е с т ь я н с т в о м**. Не значит ли это, что в результате указанной связи мелко-буржуазная народническая интеллигенция 70-х годов через призму своих групповых интересов о т р а ж а л а и в ы р а ж а л а и н т е р е с ы м е л к и х п р о и з в о д и т е л е й? В чем бы иначе могла заключаться, многократно констатированная мной, ее м е л к о б у р ж у а з н о с т ь? Ведь мелкая буржуазия состоит из мелких производителей.

Против приведенных мной в № 5 «Большевика» цитат из книги, устанавливающих абсолютно недопускающую сомнений связь мелко-буржуазной интеллигенции с мелкой буржуазией, Эм. Газ, обвинявший меня в отрицании этой связи, абсолютно ничего не может сказать. Ему остается только задать претендующий на иронию вопрос, почему в тексте книги у меня постоянно подчеркивается в изложении, относящемся к народничеству, слово «интеллигенция», а в ответе на рецензию слово «крестьянство».

По очень простой причине, мой почтеннейший критик. Мелко-буржуазная народническая интеллигенция выражала интересы ш и р о к и х м а с с м е л к о й б у р ж у а з и и (в первую голову—крестьянства) не непосредственно, а ч е р е з п р и з м у с в о и х г р у п п о в ы х и н т е р е с о в. Отсюда та известная о т о р в а н-

[1]) По отношению к интеллигенции это слово ни разу не употребляется у меня в книге.

ность революционного народничества 70-х годов от народа, которая представляет совершенно непререкаемый факт и главную трагедию революционного движения 70-х годов. Никто не говорит об этом более ясно, чем В. И. Ленин в своей речи по поводу 12-летия революции 1905 года к швейцарской рабочей молодежи.

«С того момента (с 1825 года) и до 1881 года, когда Александр II был убит террористами, во главе движения (революционного, *Н. П.*) стояли интеллигенты из среднего сословия... Своей непосредственной цели—пробуждения народной революции—они не достигли и не могли достигнуть»... (см. сочинения Ленина т. XIV).

«Поскольку «студент» (так крестьяне называли революционеров. *Н. П.*) принадлежал к среднему сословию, к ученым и господам, он был чужд народу» (там же).

Вот эту-то характерную и для нашего времени мало понятную черту революционного движения 70-х годов приходилось подчеркивать мне, подчеркивая слово «интеллигенция».

Связь революционного народничества 70-х годов с крестьянством представлялась для меня (и как мне казалось, для читателя) настолько очевидной, что ни в каком подчеркивании и курсиве не нуждалась.

Потребность опереться на крестьянство в борьбе с самодержавием не была единственной причиной крестьянского уклона народнического социализма 70-х годов, как хочет приписать мне Эм. Газ. Я уже указывал на другую причину, на то, что народники 70-х годов были «плоть от плоти, кость от кости тех общественных слоев, откуда они вышли: мелкого мещанства, крестьянства, чувствовавших на себе всю тяжесть полицейско-бюрократической машины». Это значит, что революционная интеллигенция 70-х годов выражала не только свое недовольство самодержавным строем, но и недовольство основных мелкобуржуазных масс (мещанства и крестьянства); это и есть то представительство мелких производителей (ведь само собой разумеется, мелко-буржуазная интеллигенция представляет мелкую буржуазию), о котором говорил В. И. Ленин в цитате, приводимой Эм. Газом. Мы должны констатировать, что в своем «Ответе на ответ», как и в своей рецензии, Эм. Газ не привел решительно никаких достойных внимания аргументов в пользу того, что я разделяю лавристское, т.-е. эсеровское представление об интеллигенции и считаю ее самодовлеющей силой.

Ему ничего больше не остается, как сделать новое открытие, которое он выдвигает теперь в качестве решающего козыря.

«В то время, как для всякого марксиста вопрос о классовой природе той или иной партии решается анализом всей суммы ее теоретических идей и, главное, практических действий, для Н. Попова этот вопрос без остатка (курсив наш. *Н. П.*) решается только анализом социального состава участников и деятелей этой партии («Большевик» № 7—8, стр. 71).

На протяжении всей моей книги, в чем легко убедиться каждому добросовестному читателю, я рассматриваю и анализирую идеи и действия политических партий, а не только их социальный состав.

Перехожу к моим разногласиям с Эм. Газом по вопросу о легальном марксизме. Одним из коренных недостатков нашего критика является пристрастие к схемам. По отношению к идейной борьбе 90-х годов Э. Газ выдвигает такую схему: революционный марксизм представляет интересы пролетариата, легальный марксизм—буржуазии, а народничество—мелкой буржуазии. Исходя из этой схемы, он видит в борьбе легального марксизма и народничества противоположность интересов капитала и труда (мелких производителей)...

Я считаю, что поставить голый знак равенства между идеологией легального марксизма и интересами капитала, хотя бы и под марксистской фразеологией, значит пойти по пути вульгарного упрощенства. Простые идеологи капитала, какими бы «учеными» или «идейными» они ни были, ни в какой марксистской фразеологии не нуждались бы. Ни среди купцов и промышленников, хотя бы и самых образованных, ни среди верхушки дипломированной интеллигенции не имели успеха легальные марксисты (здесь у них были лишь отдельные сторонники), а среди массы городской демократической интеллигенции, и в частности той ее части, которая стояла близко к развивающемуся капитализму. Она представляла собой своеобразную прослойку между пролетариатом и крупной буржуазией. В мировоззрении этой-то массы мы и видим смесь марксизма и буржуазной политической экономии, известную под именем легального марксизма.

Легальный марксизм, говорит тов. М. Н. Покровский, был попыткой приспособить учение Маркса к запросам и потребностям массы русской интеллигенции.

...«Промышленный под'ем конца XIX века дал огромный толчок развитию интеллигенции в России, а промышленный кризис должен был сильно отразиться на ее настроении.

Эта связь интеллигенции с промышленным капиталом была той основой, на которой развивался легальный марксизм. Массе будущих инженеров, техников и экономических работников, статистиков и финансистов нужна была идеология, которая бы осмысливала их общественную роль, оправдывала бы их существование в собственных глазах» (М. Покровский. «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, вып. I, стр. 65).

Эта масса не была принципиально враждебной социализму и поэтому-то легальный марксизм не поварачивался спиной к социализму, иначе не был бы возможен временный блок легальных марксистов с революционными. Отворачиваясь от «ортодоксии», от идей революционного преобразования капиталистического общества, легальный марксизм вовсе не высказывался против врастания социализма в капитализм.

Разумеется, я ни в коем случае не хочу отрицать, что при помощи легального марксизма буржуазия пыталась укрепить свое влияние также и на пролетариат. Такова судьба не

одного только легального марксизма. То же было впоследствии с экономизмом, меньшевизмом. То же происходит сейчас с европейскими социал-демократическими партиями.

Признание мелко-буржуазной (городской) интеллигенции основной социальной базой легального марксизма отнюдь не мешало мне писать на странице 28 своей книги:

> «Буржуазия в начале 90-х годов с появлением марксистских идей на русской почве, с широким распространением этих идей в легальной журналистике, чрезвычайно умело и ловко использует марксизм и превращает его из революционного учения рабочего класса в прикрытие для проведения собственной классовой точки зрения. Она берет у марксизма только одно—экономическое оправдание и обоснование развития капитализма в России».

Не подлежит никакому сомнению факт широкого использования в России 90-х годов марксизма в интересах капитала, в интересах выработки чисто капиталистической идеологии. И все же нельзя видеть в легальном марксизме только интересы капитала. Ставши на этот скользкий путь, мы придем вслед за Эм. Газом [1]), к превращению борьбы марксистов с народниками (как известно, легальные и революционные марксисты держали блок против народников) в борьбу капитала с трудом [2]). А это бросает совершенно ложный свет на позицию революционного марксизма в этой борьбе [3]).

II.

Перейдем к вопросу о крестьянстве. Как видно из приведенной выше цитаты, Эм. Газ еще в своей рецензии приписал мне точку зрения на крестьянство, как на сплошное целое.

---

[1]) В какое болото попадает Эм. Газ со своей трактовкой легального марксизма, как идеологии крупной буржуазии, видно из того, что он пишет о Струве:

«Конечно, между Струве 1894 года и Струве 1905 года — большая разница. В 1894 году Струве был буржуазным либералом в зародыше, но из этого еще не следует, что он не был буржуазным либералом еще и тогда» (?!!) («Большевик» № 7—8, стр. 75).

Разумеется, Струве 1894 — 98 года — автор доклада русских с.-д. Лондонскому международному социалистическому конгрессу по аграрному вопросу и автор манифеста I с'езда, не был еще либералом, идеологом крупной буржуазии. Он был нашим буржуазно-демократическим попутчиком, которого Ленин в статье «Экономическое содержание народничества» обвинял не в буржуазном либерализме, а в недостаточном отмежевании от него. Поэтому Ленин назвал Струве буржуазным демократом. Или Эм. Газ не понимает разницы между либералом и демократом?

[2]) Ленин в предисловии к сборнику «За 12 лет» отмечает, как в интересах общей борьбы с народниками он смягчал свою полемику с легальными марксистами.

[3]) В своем ответе на рецензию Э. Газа я изложил его схему, по которой выходит, что легальные марксисты исходили из интересов капитала, а народники из интересов труда (плохо понятых и еще хуже защищаемых). Эм. Газ находит, что я исказил его мысль, я не сказал, что легальный марксизм интересы капитала защищал под прикрытием марксистской фразеологии (под какой же еще фразеологией он мог защищать, если это был «марксизм»), а народники защищали интересы не просто труда, а труда мелких производителей. Но ведь это само собой ясно. Я же не приписываю Эм. Газу взгляда, что народники защищали интересы рабочих. Если бы наш почтенный критик так «искажал» меня, как бы было хорошо и как бы от этого выиграли читатели «Большевика».

Придется начать с революции 1905—6 года. Что являлось характерным для этой революции? Борьба всего крестьянства против царизма и помещичьего землевладения. Вот почему наша партия говорила о поддержке крестьянского движения в целом, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Я не касаюсь здесь вопроса о самостоятельной организации сельско-хозяйственного пролетариата, хотя бы по той причине, что наша партия никогда не считала сельско-хозяйственный пролетариат частью крестьянства, как социальной группы. В крестьянстве и прежде партия видела три основных слоя: кулацкую верхушку, середняка и бедняка (имеющего, однако, в отличие от пролетария средства производства) [1]). И против помещиков выступали все эти три слоя, при чем в частности очень активно выступало кулачество... Вот почему политическое расслоение крестьянства еще не получило актуального выражения в революцию 1905—6 годов. Партия считала, что пролетариат (в том числе и сельско-хозяйственный) должен итти вместе со всем крестьянством до определенного момента. Когда этот момент наступит, партия отчетливо видела. Она связывала его с перерастанием буржуазно-демократической революции в социалистическую. С наступлением этого момента пролетариат должен был итти дальше вместе с деревенской беднотой против городской и деревенской буржуазии.

Этот взгляд партии на крестьянство во время революции 1905—6 года я излагаю в своей книге.

По Эм. Газу выходит другое. По Эм. Газу я считаю, что крестьянство в целом должно остаться союзником пролетариата и после доведения буржуазно-демократической революции до конца и после превращения ее в революцию социалистическую.

На каком основании? В рецензии Эм. Газ привел в подтверждение одну цитату из моей книги, оказавшуюся на поверку, однако, произведенной «искусственно» [2]). Что же у него остается?

---

[1]) Известно, что политика расслоения деревни после Октябрьской революции проводилась не организациями с.-х. рабочих, а беднейших крестьян (комбеды и комнезамы на Украине).

[2]) Я писал: «В газете «Вперед» Ленин поместил ряд статей, в которых доказывал, что крестьянство в настоящей революции является самым надежным и верным союзником пролетариата в то время, как либеральная буржуазия, заинтересованная в соглашении с царизмом, имеет все основания бояться доведения революции до конца, потому что наша революция в случае своего успеха будет прологом революции социалистической».

Эм. Газ заменил набранное курсивом место (оно набрано курсивом и в книге) многоточием. Получилось, что крестьянство в целом является надежным и верным союзником пролетариата, потому что наша революция будет прологом революции социалистической, иными словами, что крестьянство в целом активно заинтересовано в социализме

В том, что я обратил внимание читателей на это, совершенно недопустимое искажение, в лучшем случае являющееся результатом преступной небрежности, Эм. Газ видит «фальшивый морализм» с моей стороны. Пожалуй, это было бы смешно, если бы не было так грустно. Остается только развести руками и сказать: о нравы! Впрочем и теперь Эм. Газ только допускает, что он меня неправильно понял (!?) Ему до сих пор неясно, что означает следующая за приведенной цитатой фраза: «крестьянская масса не имеет оснований бояться социализма».

Эта фраза означает возможность благожелательного или даже простого нейтралитета крестьянской массы к непосредственной борьбе про-

Не довольствуясь дезавуированием цитаты, выставленной главным аргументом в устах критика в пользу приписываемого им мне антиленинского взгляда на крестьянство, как на сплошное целое, являющееся союзником пролетариата и во время демократической и во время социалистической революции, я привел два места из книги (Ленинские цитаты), по которым видно, что я стою на совершенно другой точке зрения.

Как отвечает мне Эм. Газ? Не приводя этих мест, а только излагая их своими словами (насколько правильно, мы сейчас увидим), Эм. Газ авторитетно раз'ясняет, что приведенные мной цитаты не имеют никакого отношения к делу. «Первая цитата из Ленина. *Н. П.*), заявляет Эм. Газ,—относится к вопросу о необходимости участия социал-демократии во временном революционном правительстве» («Большевик», № 7—8, стр. 78). Оказывается нашему критику далеко не всегда можно верить на слово. Цитата говорит следующее:

> «При условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота».

Как видит читатель, цитата имеет самое прямое и непосредственное отношение к интересующему нас вопросу, т.-е. перерастанию демократического переворота в социалистический. Не сплошное крестьянство фигурирует здесь как союзник пролетариата в деле социалистического переворота, а деревенская беднота. Что говорит теперь вторая цитата?

> «Когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, тогда мы подменим лозунг демократической революции лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т.-е. полного социалистического переворота»[1].

Очевидно, что отношение пролетариата к крестьянству не останется неизменным после доведения до конца демократической революции, а изменится в корне, поскольку в результате осуществления демократической диктатуры пролетариата и крестьянства будет выставлен лозунг социалистической диктатуры пролетариата.

Если бы Эм. Газ действительно хотел проследить по моей книге на фактах различную тактику нашей партии по отношению к различным слоям крестьянства, ему бы лучше было взять не революцию 1905—6 г.г., а позднейший период.

В революционном крестьянском движении 1905—6 г.г. принимали участие все слои крестьянства до кулачества включительно. Только к концу 1906 года, когда неуспех массового движения более или менее обозначился, зажиточная верхушка деревни начинает отставать. Она бросается скупать помещичьи, казенные и удельные земли, которые до сих пор надеялась получить даром, пользуется законом о выделе из общины (9-е ноября 1906 года). Именно с того времени в деревне обостряется внутренняя классовая борьба, становится довольно массовым явлением поджог кулацких усадеб.

летариата за социализм после победы демократической революции, но во всяком случае не «социалистичность» крестьянской массы, которую (социалистичность) Эм. Газ во что бы то ни стало хочет мне приписать.

[1]) Курсив в обоих цитатах мой.-*Н. П.*

С этим связана столыпинская аграрная политика «ставка на сильных», являющаяся одним из характернейших моментов в истории нашей страны между двумя революциями. С точки зрения Эм. Газа я со своим взглядом на крестьянство, как на сплошное целое, конечно, должен был бы пройти мимо этого момента.

Между тем, на странице 138 книги я говорю о столыпинской аграрной политике, «ориентации на кулачество, политике предоставления кулачеству права выхода из общины, преимущественного права на получение лучших наделов из общинных земель, выхода на хутора с соответствующими льготами со стороны правительства. Эта политика твердо проводилась царским правительством при полной политической поддержке государственной думы. Этим путем правительство стремилось обеспечить за собой хотя бы незначительный верхний слой кулачества, что ему до известной степени удалось».

Дальше, на 140 стр. я говорю, что поворот кулацких слоев крестьянства к правительству до известной степени отразился на тактике партии социалистов-революционеров, явившись одной из причин появления в этой партии ликвидаторского течения. На той же странице я так характеризую политическое настроение крестьянства в первые годы контр-революции:

> «Кулацкие элементы до некоторой степени удовлетворяются политикой Столыпина—возможностью скупки государственной, удельной, части помещичьей земель и грабежа общинной земли. Масса среднего и беднейшего крестьянства после свирепой расправы с ней в 1906—7 г.г. продолжает находиться в состоянии политической апатии».

На стр. 149, излагая вкратце резолюцию декабрьской конференции 1908 года о политическом моменте, я отмечаю указанный в ней факт «привлечения царизмом на свою сторону кулацких верхушек крестьянства». Все это прошло мимо глаз Эм. Газа.

Возьмем Октябрьский и ближайший после Октября период. Эм. Газ продолжает утверждать, что я извратил природу комбедов, написавши, будто бы они занимались только экспроприацией хлеба. Я привел другую цитату из книги, в которой сказано, что комбеды были органами экспроприации кулацких излишков (стало быть не только хлеба). Но если бы даже Эм. Газ был целиком прав, если бы я действительно говорил, что комбеды решительно ничем не занимались, кроме выкачки хлеба, разве эта выкачка не являлась актом ожесточенной классовой борьбы внутри крестьянства и ярким доказательством различного отношения партии к различным слоям крестьянства.

А восстания в деревне, возглавлявшиеся кулачеством, о которых говорится на стр. 234 и 238 моей книги?

И далее ставка на середняка, о которой пространно рассказывается в конце 12 и начале 13 главы (я абсолютно лишен сейчас возможности списывать оттуда целые страницы). Наконец, возьмем последнюю страницу книги (293), где речь идет о XIV партконференции, о сплочении бедняка и середняка против растущего кулачества и т. д.

Меж тем Эм Газ пишет:

«Различное отношение партии к различным слоям крестьянства на различных этапах исторического развития осталось совершенно (курсив наш. *Н. П.*) не освещенным в книге Н. Попова».

В заключение этой части статьи позволю себе сказать несколько слов по возникшему у нас с Эм. Газом спору об отношении к крестьянству меньшевиков. Я уже указал выше на пристрастие нашего критика к абстрактным схемам. Принимаясь за составление этих схем, он каждый раз по какому-то фатальному сцеплению обстоятельств скатывается к упрощенчеству.

В рецензии на мою книгу Эм. Газ строит такую схему. Эсеры сплошь зачисляли крестьянство в лагерь революции, меньшевики «сплошь зачисляли крестьянство в лагерь реакции», большевики же в различное время различно относились к различным слоям крестьянства. Речь идет о революции 1905—6 г.г.

Эм. Газ выбросил против меня в качестве смертельного снаряда следующую цитату из В. И. Ленина:

> «Особенность русского оппортунизма в марксизме, т.-е. меньшевизма в наше время (курсив мой. *Н. П.*) состоит в том, что он связан с доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его. Воюя с народничеством, как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически-реальное и прогрессивное содержание народничества, как теории мелко-буржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерального, помещичьего, капитализма американского против капитализма прусского. Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «Общественное Движение»), что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что диктатура пролетариата и крестьянства противоречит всему ходу общественного развития».

Цитата на самом деле принадлежит Ленину и как-будто бы должна сразить меня на месте. Эм. Газ приводит выдержку из моей книги, в которой сказано:

> «Меньшевики заявляли: мы стоим за самостоятельную классовую линию пролетариата, мы против об'единения с крестьянством — крестьянство есть сила полуреакционная; крестьянство в конце концов выступит против нас» («Большевик» № 7—8, стр. 79).

Перед нами резолюция всероссийской меньшевистской конференции 1905 года о работе среди крестьян. Могли ли меньшевики зачислять крестьянство «сплошь» в лагерь реакции и в то же время работать среди него? [1]). Что говорится в резолюции? С одной стороны, говорится о необходимости «разоблачать реакционные иллюзии крестьянства», с другой стороны, заявляется, что «социал-демократия поддерживает всякие попытки крестьян к насильственному захвату земель».

[1]) А у меньшевиков как раз были довольно сильные организации среди крестьянства в Грузии и на Украине (Спілка).

На Стокгольмском (IV) с'езде резолюция об отношении к крестьянскому движению была принята единогласно. Большевики, стало быть, признали ее для себя в общем и целом приемлемой. Могло ли это быть, если бы меньшевики «сплошь зачисляли крестьянство в лагерь реакции». Мы знаем, что после разгона первой думы ЦК, избранный на Стокгольмском с'езде и состоявший в большинстве из меньшевиков, подписал обращение «ко всему российскому крестьянству» с призывом к восстанию. Считая крестьянство «сплошь» реакционной силой, он мог бы с одинаковым основанием обратиться с таким призывом и к помещикам?

«В царстве датском что-то гнило». Что-то у Эм. Газа неладно...

В то же время совершенно бесспорно, что меньшевики в 1905—6 г.г. ориентировались на либеральную буржуазию, как на главного союзника пролетариата, и очень много говорили о реакционных чертах крестьянского движения. Какой будет правильный, а не вульгарный вывод? Тот, что меньшевики недооценивали революционного значения крестьянского движения и переоценивали его реакционные черты (сами по себе не отрицавшиеся и большевиками).

Отношение меньшевиков к крестьянству в 1905—6 г.г. страдало двойственностью и половинчатостью [1]). Для них крестьянство было полуреволюционной, полуреакционной силой.

Сказать, что меньшевики считали крестьянство «полу-реакционной силой» и сказать, что меньшевики «сплошь» (курсив мой. *Н. П.*) зачисляли крестьянство в лагерь реакции», значит сказать две вещи абсолютно разные.

Ну, а как же обстоит дело с цитатой из Ленина? Успокойтесь, читатель, совсем не страшно.

Статья, из которой взята цитата, называет идею реакционности крестьянского движения, которая пропитывает весь сборник «Общественное Движение» «чудовищной, идиотской, ренегатской».

Ренегатством называется отступничество от прежних взглядов. «Общественное Движение» вышло в 1909 году (первый том), когда меньшевики решительно повернулись к прямому ликвидаторству, занявшись переоценкой всех ценностей и в том числе своего собственного прошлого...

Именно в сборнике «Общественное Движение», из-за которого порвал с меньшевиками Плеханов, меньшевики окончательно похоронили идею гегемонии пролетариата в революции. И само собой разумеется, отряхнув от своих ног остатки революционного праха, взявши курс на врастание в столыпинскую легальность, отказавшись от подпольной партии и подпольной работы, меньшевики должны были ренегатски осветить революционное крестьянское движение в прошлом, как движение реакционное. И это была

[1]) Как и вся их политика постоянных колебаний между линией рабочего класса и линией либеральной буржуазии.

одна из причин, которая сделала для них невозможным пребывание в одной партии с большевиками [1]).

У нас же с Эм. Газом, что я специально оговорил, речь шла о меньшевизме 1905—6 годов.

Закончу эту часть статьи цитатой:

«Теперешнее ликвидаторство, ушедшее из партии, отряхнувшее свой прах от подполья, сплотившееся в прочный антипартийный центр легальных журналистов, либеральных и ликвидаторских газет (одним из первых дел этого «центра» и был выпуск сборника «Общественное Движение». *Н. П.*), снятое с постов рабочими во всех и всякого рода рабочих организациях и обществах,—сравнивать это ликвидаторство с меньшевизмом 1903—7 г.г., значит давать себя оглушать и ослеплять старыми кличками и именами, звоном старых фраз, значит ровно ничего не понимать в 10-летней эволюции классовых и партийных отношений России» (курсив мой *Н. П.*).

Автор цитаты—Ленин (т. XII, стр. 483), она бьет не в бровь, а в глаз Эм. Газа, который ликвидаторски-ретроспективный взгляд на крестьянское движение, как на реакционное, приписал меньшевизму эпохи революции 1905—07 г.г., соблазнившись желанием построить хорошую схему.

III.

Обращаюсь теперь к последнему пункту наших разногласий с Эм. Газом: взглядам большевиков и меньшевиков на профессиональные союзы во время Стокгольмского (IV) с'езда. Здесь некоторый интерес представляет история разногласий. Она чрезвычайно ярко характеризует манеры нашего критика. Начнем с того, что он по этому вопросу написал в рецензии.

Он процитировал следующее место моей книги:

«По вопросу о профсоюзах на с'езде (IV) была принята меньшевистская резолюция. Меньшевики считали, что профессиональные союзы должны быть нейтральными и совершенно независимыми от партии».

И добавил к нему следующее:

«Как известно, на IV с'езде этой точки зрения (т.-е. нейтральности и совершенной независимости от партии. *Н. П.*) держались и большевики. Резолюция о профсоюзах, внесенная на с'езд комиссией, куда входили представители обоих фракций, была принята с'ездом единогласно. Только (курсив мой. *Н. П.*) на Лондонском с'езде наша партия становится на точку зрения «теснейшего сближения союзов с партией».

Итак запомним. Эм. Газ, автор рецензии в № 3 «Большевика», считал, что: 1) по вопросу о профсоюзах большевики на Стокгольмском с'езде стояли на одной позиции с меньшевиками, а именно на позиции нейтральности и независимости профсоюзов; 2) только на Лондонском с'езде (стало быть не раньше) партия стала на путь теснейшего сближения с союзами.

Что мне оставалось сказать после этого?

Я привел заключительный пункт резолюции, предложенной большевиками Стокгольмскому с'езду, который говорит не о нейтральности профсоюзов, а о партийном руководстве ими. Поскольку Эм. Газ в своем длиннейшем ответе по какой-то странной случайности ни словом не касается этого пункта, считаю необходимым привести его еще раз:

«Партия всеми мерами должна стремиться к тому, чтобы воспитывать участвующих в профсоюзах рабочих в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы завоевать в своей деятельности фактически руководящую роль в таких союзах, и, наконец, чтобы эти союзы могли при известных условиях прямо примыкать к партии, отнюдь однако не исключая из своего состава непартийных членов» (см. сочинения Ленина, т. VII, ч. 2-я, стр. 176).

В Стокгольмской резолюции этот пункт отсутствует. Там ничего не говорится о том, чтобы партия завоевала фактически руководящую роль в союзах, чтобы союзы при известных условиях могли прямо примыкать к партии. Этот пункт заменен «гораздо более туманной и расплывчатой формулировкой о том, чтобы органически в агитации и борьбе связать союзы с партией» (речь идет, т. е., только о контакте).

Приведем Лондонскую резолюцию о профсоюзах. Она коротка:

«Подтверждая резолюцию об'единительного (Стокгольмского. *Н. П.*) с'езда о работе в профсоюзах, с'езд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работающим в профсоюзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них—содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установлению организационной связи с ней и необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь» [1]).

Ленин призывал верить только фактам и документам. Я приглашаю читателей сличить эти два документа (Лондонскую резолюцию и последний пункт резолюции, предложенной большевиками в Стокгольме) и убедиться в том, что они говорят буквально об одном и том же: идейном руководстве партии союзами и об их организационной связи. Будучи меньшинством в Стокгольме, большевики не могли это провести, в Лондоне они это провели.

Теперь читатель видит, чего стоит утверждение Эм. Газа, что большевики в Стокгольме по вопросу о профсоюзах стояли на одной позиции с меньшевиками, отклонившими как раз пункт об идейном руководстве и организационной связи, который большевики предлагали в Стокгольме и провели в Лондоне. Послушаем Эм. Газа.

Во-первых, он приводит цитату из В. И. Ленина, в которой последний, говоря при этом лично о себе, заявляет, что

[1]) Ибо признание крестьянского движения реакционным означало отказ от всякого союза с крестьянством, а стало быть, фактический отказ от демократической революции и республики.

[1]) Курсив мой в обеих резолюциях. *Н. П.*

до Лондонского с'езда был сторонником нейтральности профсоюзов [1]). Но ведь известно, что В. И. Ленин расходился иногда с большинством своей фракции по вопросам гораздо более важным, чем вопрос о партийном руководстве профсоюзами в 1906 году, который тогда еще не имел серьезного значения (напомним хотя бы бойкот 3-й Думы). В. И. Ленин в 1905—6 году с огромной осторожностью относился к партийному оформлению широких пролетарских организаций. Главным образом, по его настоянию большевики осенью 1905 года отказались от пред'явленного Питерскому Совету Рабочих Депутатов требования признать руководство социал-демократической партии. Пожалуй, и в начале 1906 года было еще рано пред'являть такое же требование к профсоюзам. Это совершенно другой вопрос. Но факт тот, что вопреки мнению Эм. Газа, большевики, как фракция, уже во время Стокгольмского с'езда стояли на позиции партийного руководства союзами [2]).

Забыв о том, как он писал раньше, что и большевики и меньшевики в Стокгольме стояли на точке зрения нейтральности и что только в Лондоне партия перешла на точку зрения «теснейшего сближения с союзами», Эм. Газ под конец своего «Ответа на ответ» совершенно сбивается с толку и начинает доказывать, что между стокгольмской и лондонской резолюциями нет никакого или почти никакого различия, что в Стокгольме была отклонена нейтральность и что

> «только впоследствии, с поражением революции 1905 года (когда же именно? *Н. П.*) и резким поворотом меньшевиков вправо, последние стали интерпретировать стокгольмскую резолюцию в духе «нейтрализма». (Но ведь стокгольмская-то резолюция была принята тоже после поражения революции 1905 года, удивительно точно выражается наш придирчивый критик. *Н. П.*) [3]).

Совершенно верно, что в Лондоне стокгольмская резолюция была подтверждена, ибо главный недостаток ее, отсутствие пункта о партийном руководстве союзами, был теперь устранен [4]). С этим пунктом стокгольмская резолюция была вполне приемлема. А как встретили меньшевики лондонское «подтверждение» стокгольской резолюции, красноречиво говорит Л. Мартов:

> «Без дебатов, большинством с'езда (Лондонского. *Н. П.*) была принята резолюция, рекомендующая добиваться признания профессиональными союзами идейного руководства партии, а также установления организационной связи с ней. Меньшевистская делегация протестовала против принятия в спешном порядке такой резолюции, которая должна будет дезорганизовать профдвижение внесением раскола с другими социалистическими партиями. Против решения с'езда поднялись протесты руководящих органов профсоюзов («Общественное Движение», т. III. Статья Мартова).

[1]) Это, как мне кажется, и ввело в заблуждение нашего бедного автора и явилось источником всех его злоключений по вопросу о профсоюзах (кстати заметим, что мы никогда не ставили и не ставим знака равенства между нейтральностью Ленина и нейтральностью меньшевиков).

[2]) Хотя и не защищали этой точки зрения достаточно решительно.

[3]) Само собой разумеется, характеризуя меньшевистскую точку зрения на профсоюзы, как категорическое отрицание партийного руководства, я имел в виду определенный период, о котором шла речь (период, когда у нас сложились союзы), а не начало 1905 года, когда союзов еще не было и речь шла об их организации.

[4]) Без этого решающего пункта я имел право рассматривать стокгольмскую резолюцию, как меньшевистскую, несмотря на компромиссный характер некоторых ее формулировок.

Еще раз напоминаю, что большевики провели в Лондоне только то, чего им не позволило провести меньшевистское большинство Стокгольмского с'езда.

Именно эта ожесточенная кампания меньшевиков (сидевших очень крепко в профсоюзах) против решения Лондонского с'езда, о которой говорит Мартов, заставляла некоторых наших товарищей, работавших в профдвижении, как, например, В. П. Ногин, из чисто-политических соображений всячески смягчать значение лондонского решения, делать ударение на то, что оно подтвердило стокгольмское.

В свое время это было необходимо [1]).

Чтобы совсем покончить с вопросом, стояли ли большевики и меньшевики на одной позиции в вопросах профессионального движения во время Стокгольмского с'езда, я приведу еще Эм. Газу компетентное мнение тоже участника работы того же периода, тов. Невского. На стр. 294 своей «Истории РКП(б)», тов. Невский говорит как раз о начале 1906 года.

> «В области профессионального движения существовали разные взгляды у большевиков и меньшевиков: большевики стояли за создание профессиональных союзов, где было бы явное организационное партийное руководство партийных союзов; меньшевики отстаивали широкую беспартийную организацию союзов, но в общем повсюду возникающие профессиональные союзы признавали руководство социал-демократов».

Это из той книги, которая в качестве одного из основных пособий в нашей партийной учебе рекомендовалась не кем иным, как самим Эм. Газом («Большевик» № 23—24 за 1925 год).

На этом я, пожалуй, и кончу свой затянувшийся разговор с Эм. Газом. Я вынужден был вести его, разумеется, не по своей вине. У меня не было никакого другого желания, кроме желания предохранить себя от недопустимого искажения и хоть по мере сил способствовать тому, чтобы некоторые наши рецензенты с большим вниманием относились к своим читателям.

От редакции.

Заканчивая в настоящем номере „Большевика" полемику по поводу книги тов. Н. Попова „Очерк истории ВКП(б)", редакция отмечает, что, несмотря на наличие в книге некоторых ошибочных и неточных формулировок,—она считает настоящий учебник, в общем и целом, одним из наиболее удачных циркулирующих у нас пособий по истории ВКП(б).

---

[1]) Еще раз спрашиваю: если Эм. Газ согласен с В. П. Ногиным в том, что «дух стокгольмской резолюции... энергичная работа в союзах для установления связи между союзами и партией», то как он мог раньше писать, что «только в Лондоне партия стала на позицию теснейшего сближения союзов с партией».

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

И. СТАЛИН.—Вопросы ленинизма. Гос. Изд-во. Москва—Ленинград. 1926 г., стр. 432.

Эта книга представляет из себя «единый и целостный труд по вопросам ленинизма», дает ленинский ответ на все основные вопросы теории и практики, вставшие перед партией в течение последних лет. В нее входит вторым изданием брошюра т. Сталина «Об основах ленинизма», дополненная последующими брошюрами автора: «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «К итогам XIV партконференции», «Вопросы и ответы» и т. д., в которых освещаются как новые вопросы, возникшие во время последних дискуссий, так и ряд конкретных вопросов нашего строительства: о нэпе, госкапитализме, об отношении к среднему крестьянству и т. д. Так как «последняя дискуссия на XIV парт-с'езде подвела итог идеологической и строительной работе партии за последний период», то сюда включен, как необходимая составная часть книги, и доклад т. Сталина—«Политический отчет ЦК XIV с'езду ВКП(б)». Книга—сборник, каждая отдельная часть которого является по существу главой, органически связанной с остальными частями. В этом несомненная ценность книги.

Глава «К вопросам ленинизма» (вместо предисловия) подводит итог важнейшим вопросам ленинской теории, по которым имелось расхождение с вождями новой оппозиции, и вскрывает основные теоретические ошибки последней, начиная с вопроса определения ленинизма, вопроса о том, что является главным в ленинизме, вопроса о победе социализма в одной стране, о пролетарской революции и диктатуре пролетариата и кончая вопросом о соотношении партии и рабочего класса в эпоху пролетарской диктатуры. Особенный интерес представляет собою трактовка последней проблемы.

Тов. Сталин дает в разборе последней проблемы ответ на вопрос, можно ли ставить знак равенства между диктатурой пролетариата и руководящей ею партией, можно ли, как это делают некоторые товарищи, говорить о диктатуре партии по отношению к рабочему классу.

Диктатура пролетариата есть диктатура к л а с с а. Пролетариат осуществляет свою диктатуру через всю с и с т е м у таких рычагов, приводных ремней, как п а р т и я, п р о ф с о ю з ы, с о в е т ы, к о о п е р а ц и я, с о ю з м о л о д е ж и. Партия является в этой системе «направляющей силой». Ей принадлежит руководящая роль. Она направляет все действия других рычагов к определенной цели. Она есть «высшая форма классового об'единения пролетариата». Партия дает руководящие указания. Но партия не заменяет собою к л а с с а. Она есть ч а с т ь рабочего класса и осуществляет его диктатуру лишь ч е р е з п о с р е д с т в о всех остальных рычагов этой диктатуры. Без советов, профсоюзов и т. д. она не может руководить. Между ней и другими рычагами в системе пролетарской диктатуры существует определенное в з а и м о д е й с т в и е. «Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии, плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением». «Диктатура пролетариата по об'ему шире и богаче руководящей роли партии. Партия проводит диктатуру пролетариата, но она проводит диктатуру п р о л е т а р и а т а, а не какую-

либо иную. Кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, тот подменивает диктатуру пролетариата «диктатурой» партии». О т о ж д е с т в и т ь руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, поставить между ними знак равенства нельзя ни в коем случае. Равным образом нельзя п р о т и в о п о с т а в и т ь первую второй. Тут можно говорить не о тождестве этих величин, а о их е д и н с т в е.

Партия не управляет помимо государственной власти, помимо советов, а только ч е р е з советы. Она «не может не считаться с волей, с состоянием, с уровнем сознания руководимых, не может сбрасывать со счета волю, состояние и уровень сознания своего класса. Поэтому, тот, кто отождествляет руководящую роль партии с диктатурой пролетариата, подменивает волю и действия класса указаниями партии». Партия сильна доверием масс, сильна своей спайкой с массами. Если бы получился разрыв между нею и массами, партия умерла бы естественной смертью. Это не раз бывало в истории. Гарантией жизненности партии является правильность ее политики и тактики по отношению к массам. Она сама учится у масс и вносит известные поправки в свои действия на основании массового опыта.

Затем, «понятие диктатуры пролетариата есть понятие государственное. Диктатура пролетариата обязательно включает в себя понятие насилия. Без насилия не бывает диктатуры, если диктатуру понимать в точном смысле этого слова. Ленин определяет диктатуру пролетариата, как «власть, опирающуюся непосредственно на насилие» (см. т. XVII, стр. 124). Говорить, в виду этого, о диктатуре партии в о т н о ш е н и и к л а с с а п р о л е т а р и е в и отождествлять ее с диктатурой пролетариата,—это значит говорить о том, что партия должна быть в отношении своего класса не только руководителем, не только вождем и учителем, но и своего рода государственной властью, применяющей к нему насилие. Поэтому, кто отождествляет «диктатуру партии» с диктатурой пролетариата, тот молчаливо исходит из того, что можно строить авторитет партии на насилии, что абсурдно и что совершенно несовместимо с ленинизмом. Авторитет партии поддерживается доверием рабочего класса. Доверие же рабочего класса приобретается не насилием,—оно только убивается насилием,—а правильной теорией партии, правильной политикой партии, преданностью партии рабочему классу, ее связью с массами рабочего класса, ее готовностью, ее умением у б е ж д а т ь м а с с ы в правильности своих лозунгов» (стр. 31—32). Насилие осуществляет не партия непосредственно, а государственная власть в лице правящих органов. Партия не есть орган насилия. Кроме того, насилие применяется не к пролетариату, а к его врагам. Затем, «диктатура,—как говорит тов. Ленин,—означает не только насилие, хотя она и невозможна без насилия, она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация». «Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплоататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть» (см. т. XVI, стр. 222).

«Диктатура пролетариата есть: 1) неограниченное законом насилие в отношении капиталистов и помещиков (вообще в отношении всех врагов рабочего класса. *А. С.*), 2) руководство пролетариата в о т н о ш е н и и к р е с т ь я н с т в а и строительство социализма в о т н о ш е н и и в с е г о о б щ е с т в а» (И. С т а л и н, «Вопросы ленинизма», стр. 303).

Задача партии—н е насилие над широкими массами трудящихся, и тем более над рабочим классом, а убеждение б о л ь ш и н с т в а раб-

чего класса и всех трудящихся в правильности ее руководства. «Это не значит, конечно, что партия должна убедить всех рабочих, до последнего человека, что только после этого можно приступить к действиям, что только после этого можно открыть действия. Нисколько...». «Ну, а как же быть с меньшинством, если оно не хочет, если оно несогласно добровольно подчиниться воле большинства? Может ли партия, должна ли партия, имея за собой доверие большинства, принудить меньшинство к подчинению воле большинства. Да, может и должна. Руководство обеспечивается методом убеждения масс, как основным методом воздействия партии на массы. Но это не исключает, а предполагает принуждение, если это принуждение имеет своей базой доверие и поддержку партии со стороны большинства рабочего класса, если оно применяется к меньшинству после того, как сумели убедить большинство» (стр. 39—40). «Прежде всего,—говорит т. Ленин,—убедить, а потом принудить». Это единственная правильная ленинская постановка вопроса о принуждении. Это положение относится, конечно, в первую голову к членам самой партии, как руководящего авангарда, для которого необходимо обеспечение единства действий.

Партия правит только через посредство других основных приводных ремней пролетарской диктатуры. Она дает руководящие указания. Фактическими правителями государства являются сами широкие трудящиеся массы в лице своих представителей в советах. Одной из главнейших задач партии и является втягивание в управление государством широчайших народных масс. Если бы стать на точку зрения отождествления диктатуры пролетариата с руководящей ролью партии, то мы совершенно не могли бы понять такого явления, как политика оживления советов, привлечение громадной массы беспартийных в правящий государственный аппарат и даже замены в некоторых случаях не пользующегося доверием масс партийца беспартийным трудящимся. Мы направляем все усилия к тому, чтобы преодолеть в политике пережитки военного коммунизма, командования, дергания. Мы насаждаем широкую демократию в деревне—в советах, в кооперации, привлекая честных беспартийных работников в руководящие органы. Мы не руководимся политикой важима во что бы то ни стало, мы признаем, что диктатура в различные периоды существования пролетарского государства принимает различные формы, начиная от голого насилия до самых гибких форм воспитательного и экономического характера, особенно характерных для переживаемой нами исторической полосы.

Перед нашей партией встали важнейшие вопросы нашего социалистического строительства, которые требуют конкретного разрешения. Один из таких вопросов есть крупнейший вопрос о «превращении нашей страны из аграрно-промышленной в промышленно-аграрную». XIV с'езд ВКП(б) принял в этом отношении точку зрения ЦК нашей партии, изложенную на с'езде в докладе т. Сталина. Этот доклад безусловно является ценнейшим анализом самых основных вопросов, ставших перед партией в последнее время.

Центральным вопросом настоящего времени является проблема и н д у с т р и а л и з а ц и и нашей страны, выдвинутая на очередь самой жизнью в особенности после XIV с'езда партии, а также вопрос о с о ц и а л и с т и ч е с к о м н а к о п л е н и и и режиме экономии. Основные пути были намечены уже т. Лениным в его статье «Лучше меньше, да лучше». Тов. Ленин говорил: «Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств. Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии». «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то получим возможность ценой величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации». «Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно: с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» (см. т. XVIII, ч. 2, стр. 138).

Теперь встает вопрос о практическом проведении того, что говорил тов. Ленин. Индустриализация страны означает увеличение удельного веса крупной т я ж е л о й индустрии. Наши заводы и фабрики требуют переоборудования, кроме того, нужно строить новые на высшей технической основе. Для всего этого необходимы средства, нужны машины и т. д. Мы можем надеяться только на свои внутренние рессурсы. Вопрос заключается в том, к а к добыть необходимые средства, как сделать так, чтобы не попасть в зависимость от капиталистической заграницы, с одной стороны, и добыть максимальное количество средств внутри страны,—с другой, при сохранении отношений прочного союза пролетариата и крестьянства.

Тов. Сталин касается вопроса об индустриализации в своей речи «Вопросы и ответы», произнесенной в Свердловском университете в июле 1925 г. и составляющей одну из ценных частей книги «Вопросы ленинизма». «Сумеем ли мы действительно без иностранной помощи произвести переоборудование и значительное расширение основного капитала крупной промышленности?» Иначе «Возможно ли развитие крупной советской промышленности в условиях капиталистического окружения без кредитов извне?» На этот вопрос тов. Сталин отвечает: «Да, возможно. Дело это будет сопряжено с большими трудностями, придется при этом пережить тяжелые испытания, но индустриализацию нашей страны без кредитов извне мы все же можем провести, несмотря на все затруднения» (стр. 310). Тов. Сталин рассматривает различные пути развития капиталистических стран и доказывает, что ни один из этих путей не применим к нашей стране и нашему строю. У нас остается путь развития крупной промышленности без кредитов извне, без обязательного притока иностранного капитала. У нас имеются колоссальные преимущества перед капиталистическими странами. «Национализированная промышленность, национализированный транспорт и кредит, монополизированная внешняя торговля, регулируемая государством внутренняя торговля,—все это такие новые источники «добавочных капиталов», могущих быть использованными для развития индустрии нашей страны, которых не имело еще ни одно буржуазное государство» (312). Вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства есть основной вопрос проблемы построения социалистического хозяйства. «Некоторые товарищи,—говорит т. Сталин,—склонны отождествлять вопрос о «переоборудовании и расширении основного капитала крупной промышленности» с вопросом о построении социалистического хозяйства в нашей стране. Можно ли согласиться с таким отождествлением? Нет, нельзя. Почему? Потому, что первый вопрос о расширении основного капитала промышленности захватывает лишь ч а с т ь народного хозяйства индустрию, тогда как вопрос о построении социалистического хозяйства обнимает в с е народное хозяйство, т.-е. и индустрию и сельское хозяйство, потому что про-

блема построения социализма означает проблему организации народного хозяйства в целом, проблему правильного сочетания индустрии и сельского хозяйства, тогда как вопрос о расширении основного капитала промышленности не задевает даже, строго говоря, этой проблемы» (313). Это обстоятельство игнорируется некоторыми товарищами, которые при разрешении вопроса об индустриализации страны упускают из виду проблему правильного соотношения промышленности и сельского хозяйства, рабочего класса и крестьянства. Одни советуют бросить все на чашку весов сельского хозяйства, не заботясь о промышленности. Другие—все для промышленности, хотя бы во вред развитию сельского хозяйства, хотя бы ценой разорения массы середняцких хозяйств.

Недавно вышла в свет книжка тов. Преображенского «Новая экономика», представляющая собою «опыт теоретического анализа советского хозяйства». «Анализ» пытается доказать, что тов. Преображенский и представляемая им в данном случае оппозиция были правы в своих выводах относительно экономического развития нашей страны и что, следовательно, неверной была общепартийная позиция в этом вопросе.

Здесь, конечно, не место останавливаться на изложении аргументов тов. Преображенского, следует только отметить, что он со своим мнением выступает не впервые и существенно расходится с партией в вопросе об индустриализации. К тому же надо прибавить, что XIV с'езд отверг точку зрения т. Преображенского, равно как и другую точку зрения, защищаемую т. Сокольниковым. Книга т. Сталина будет далеко не бесполезной и в данной связи, ибо читатель найдет ленинскую оценку перспектив индустриализации в «Политическом отчете ЦК ВКП(б)», в «Вопросах и ответах» и отчасти в статье «К итогам XIV партконференции», которая освещает важнейшие вопросы политики нашей партии в деревне.

Статья «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», помещающаяся в сборнике, представляет собою предисловие к книге «На путях к Октябрю». Здесь освещены вопросы о внешней и внутренней обстановке Октябрьской революции, об ее особенностях, дана в этой связи критика теории перманентной революции т. Троцкого, а также освещены особенности тактики большевиков в период подготовки Октября и разработан вопрос об Октябрьской революции, как начале и предпосылке мировой революции.

Немалый интерес представляет собою также статьи «К национальному вопросу в Юго-Славии», «Еще раз к национальному вопросу», относящиеся к характеристике задач секций Коммун. Интернационала, а также небольшая статейка «О задачах комсомола» и речь на собрании студентов КУТВ «О политических задачах университета народов Востока», представляющая собою ценность с точки зрения постановки вопроса о национальной культуре и задач у-та в отношении как к сов. республикам Востока, так и к колониальным странам его. «Лозунг национальной культуры,—говорит т. Сталин,—был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти» (стр. 258).

Книга т. Сталина должна стать настольной книгой ленинца. Она поднимает все важнейшие вопросы ленинской теории в связи с партийными спорами последнего времени и в ясной, отчеканенной форме дает на них ответы.

Можно быть уверенным, что книга найдет себе самое широкое распространение.

А. Степанов.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ХАЛТУРЕ.

Б. Смушков. Хозяйственное строительство СССР. Учебное пособие для совпартшкол. Изд. «Пролетарий», 1926 г., стр. 188.

Рецензируемая работа Смушкова, посвященная сущности советской экономики и экономической политике, представляет из себя, по сути дела, обыкновенную компилятивную работу. Нужда в таком учебнике со стороны совпартшкол есть, несомненно, большая, но, к сожалению, автор в своей работе, особенно в ее вводной теоретической части, дает такую трактовку ряда вопросов, что мы считаем нужным предостеречь от этой книги ее возможных читателей, или, во всяком случае, отнестись к ней сугубо критически.

Теоретическая часть этого «учебного пособия» открывается следующим утверждением: «Из политической экономии мы знаем, что эта борьба (борьба между трудом и капиталом. *С. П.*) основана на том, что все орудия производства находятся в руках капиталистов и рабочие должны продавать свой труд, получая за него заработную плату, которой едва хватает на жизнь». Едва ли кто-либо из знающих политическую экономию может договориться до того, до чего договаривается Смушков. Нам думается, что теперь каждый совпартшколец знает, что Маркс всегда проводил резкую грань между рабочей силой и ее потребительной стоимостью—трудом [1]), что он неоднократно указывал на поверхностное представление вульгарных экономистов, рассматривавших заработную плату, как стоимость труда, и считавших, что рабочий продает свой труд. «Для того,—писал Маркс,—чтобы быть проданным на рынке в качестве товара, труд, конечно, должен существовать до этой продажи. Но если бы рабочий имел возможность дать своему труду самостоятельное существование, он продавал бы созданный трудом товар, а не сам труд». («К.», т. I, стр. 517).

Но смушковское «знание» марксовой политической экономии, которое он сообщает бедным совпартшкольцам, оказывается, впрочем, еще более «углубленным».

«В капиталистическом обществе цель капитал, труд—средство,—вещает Смушков,—в государстве трудящихся должно быть наоборот. Капитал, материальные блага должны быть средством для такой организации труда, когда все трудящиеся счастливы, когда труд не служит источником рабства, принуждения, а дает всем все необходимое».

Таким образом, усилиями тов. Смушкова капитал превращается в логическую категорию, присущую не только капиталистическому обществу, но и государству трудящихся и социалистическому обществу. Какое дело отважному Смушкову до того, что Маркс всегда подчеркивал значение капитала, как исторической категории и неоднократно предостерегал против фетишистического понимания капитала, как совокупности средств производства, материальных благ и т. д. «Если средства производства и существования являются собственностью непосредственного производителя, самого рабочего, то они не представляют капитала. Они становятся капиталом лишь при условиях, при которых они служат в то же время средствами эксплоатации и подчинения рабочего. Но эта их капиталистическая душа соединена столь тесными супружескими узами, в голове экономистов, с их материальной субстанцией, что они при всяких обстоятельствах называют их капиталом, даже при таких условиях, когда они являются прямой противоположностью капитала» («Капитал», т. I). «Капитал возникает лишь там, где владелец средств

[1]) Маркс, «Капитал», т. I. стр. 156, 519.

производства и средств существования находит на рынке свободного рабочего в роли продавца своей рабочей силы (а не труда, уважаемый тов. Смушков. *С. П*), и уж одна эта историческая предпосылка заключает в себе целый мир особого исторического развития» («К.», т. I, стр. 140). Так писал Маркс и так учил Маркс. Не так пишет и не этому учит «учебное пособие» тов. Смушкова. Впрочем, Н. И. Бухарин уже в своей книге «Империализм и накопление капитала» отмечал Смушкова, как «тоже» теоретика, руководствующегося принципом, «смелость города берет». Отвага, с которой Смушков излагает элементарные положения политической экономии, обратно пропорциональна его знаниям.

Впрочем, этим не ограничиваются откровения т. Смушкова. Он сообщает, например, тем же совпартшкольцам, что «выжимая прибавочную стоимость, буржуазия внутри разлагается борьбой, конкуренцией на рынке», что экономическая политика буржуазии «заключается в том, чтобы бороться с мелким капиталом, уничтожить конкуренцию», что буржуазия «стремится к созданию планового хозяйства» и т. д., и т. п.

Но все эти откровения меркнут перед характеристикой т. Смушкова дореволюционной и пореволюционной России.

В главе, посвященной «Экономике России», тов. Смушков приводит длинную выписку из ленинской брошюры «О продналоге» о пяти общественно-экономических укладах нашего хозяйства и сопровождает ее следующим глубокомысленным замечанием: «Эта пестрота от социалистических форм, т.-е. созревших для того, чтобы их можно было положить в основу социалистического хозяйства, и до самых отсталых должна лечь в основу всей хозяйственной жизни» [1]).

Это автор говорит на странице 19, а на странице 20 он же дарит читателя следующим заявлением: «Особенностью России было то, что в ней одновременно существовали и самые развитые хозяйственные формы, которые могли лечь в основу социалистического хозяйства». Таким образом, созревшие для того, чтобы их можно было положить в основу социалистического хозяйства, т.-е., по утверждению самого Смушкова, социалистические формы хозяйства существовали и в дореволюционной царской России! Нужно ли говорить, что надо обладать чувством величайшей безответственности и быть «универсально-безграмотным» тоже «теоретиком» для того, чтобы преподносить всю эту чепуху в виде учебного пособия нашим совпатршкольцам.

Касаясь, «с ученым видом знатока», истории развития капитализма в России, автор поучает: «Но это проникновение капитала не влечет за собою раскрепощения этой деревни, а лишь еще более закрепощает ее». Опять-таки здесь поражает беззаботное игнорирование качественной разницы между крепостнической кабалой и капиталистической эксплоатацией, неуменье разграничить одно от другого. Слов нет, проникновение капитала еще более ухудшало и без того безысходно-тяжелое положение подавляющей массы крестьянства, но это проникновение создавало в русской деревне «двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом» [2]).

«Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев,

[1]) Как пестрота может ложиться в основу хозяйственной политики, предоставляем судить читателю.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 27.

меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии [1]).

Чего стоит, наконец, такой перл: «Противоречие между промышленностью и крестьянством становилась все резче и резче» (курсив мой. *С. П.*). Тот же совпартшколец знает, очевидно, прекрасно о противоречии, «которое глубже всего об'ясняет русскую (бурж.-дем. *С. П.*) революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня—самый передовой промышленный и финансовый капитализм». Но зачем же его запутывать разговорами о противоречиях между промышленностью и крестьянством. Или автор не понимает разницы. Может быть, он подарит нас откровениями о противоречиях между рабочим классом и сельским хозяйством.

Но оставим в покое исторические изыскания «универсально-безграмотного» т. Смушкова и перейдем к тому, как он определяет новую экономическую политику. Здесь тов. Смушков берет реванш перед своим определением экономических форм дореволюционной России и всю экономическую систему СССР зачисляет по ведомству госкапиталистической. Прежде всего несколько слов о том, что понимает сам Смушков под госкапитализмом. «Такая организация хозяйства, которая основана на сращивании государственных органов с крупнейшими капиталистическими предприятиями, на об'единении и поддержке в борьбе с рабочим классом мелкой буржуазии и иностранным капиталом, называется государственным капитализмом». Так пишет Смушков на стр. 13, а на стр. 25, этот же самый Смушков, характеризуя хозяйственную систему нашего Союза, пишет следующее: «Эту новую политику (речь идет о нэпе. *С. П.*) сам Ленин называл условно государственным капитализмом, имея в виду буржуазный государственный капитализм, но внося в него те основные положения, которые вытекают из всего советского хозяйства». «Здесь, государство выступает как капиталист—борьба ведется на капиталистических основаниях, т.-е. восстанавливаются все капиталистические учреждения: рынок и свободная продажа товаров, наемный труд, банки, биржа и т. д.; предоставляется право каждому гражданину организовывать предприятия и выпускать товары на рынок». «Мы должны (были. *С. П.*) восстановить капиталистические отношения и одновременно непрерывно использовать их для борьбы с капиталом, для уничтожения частной промышленности и торговли».

«Нэп—это не просто (!) восстановление капиталистического хозяйства, а плановое использование его для перехода к социализму, для уничтожения анархии капитализма».

В отличие, очевидно, от дореволюционной экономики, в экономике СССР Смушков обнаруживает уже не пять, а только четыре уклада. «Все наше народное хозяйство,—пишет он,—мы можем разделить на 4 крупные части: 1) государственная крупная социалистическая промышленность, 2) кооперация, концессии и аренда и смешанные общества, 3) чисто-частные предприятия и 4) крестьянское хозяйство».

Едва ли нужно говорить, что «сам» Ленин никогда не говорил ничего подобного тому, что ему приписывает Смушков. Но мы считаем ненужным после XIV с'езда, после долгой раз'яснительной кампании антиленинских уклонов и ошибок оппозиции, когда сущность нэпа стала

[1]) Там же, стр. 26.

ясна каждому пионеру, утруждать читателя разбором этой кричащей безграмотности.

Но, может быть, автор «виновен, но заслуживает снисхождения»? Может быть, он является литературным новичком и слабо разобрался в этом сложном вопросе и т. д.? Нет, перу его принадлежит книжка об экономической политике, вышедшая еще в 1923 г., где он писал: «Новая экономическая политика заключается в том, что государство выступает, как крупнейший капиталист, и борется на рынке с частным капиталом теми же способами, какими борются капиталисты в буржуазных странах. Такая система называется государственным капитализмом»[1].

«Кажинный раз на эфтом самом месте!».

Попытка такого «вольного» толкования нэпа т. Смушковым была разоблачена в литературе еще в 1924 г., а Смушков в 1926 г., не сморгнув, опять переписывает старые заблуждения и одновременно рекомендует читателю политотчет ЦК XIV с'езду, где взгляды его подвергнуты уничтожающей критике. Поистине правая рука не знает, что пишет левая.

Конечно, нельзя особенно винить автора за то, что он никак не может понять своих прежних заблуждений, его можно лишь по-человечески пожалеть, но нельзя не протестовать против подобного бесцеремонного обращения с Лениным, когда автор, не утруждая себя чтением его приписывает ему свои собственные смушковские взгляды («сам Ленин»).

Печально оканчиваются также потуги Смушкова рассмотреть пути нашего дальнейшего развития, которые венчаются у него след. формулой: ...«Социализм или коммунизм, врастающий в капитализм», при чем все наше различие от меньшевиков заключается в том, что «они утверждают, что социализм вырастет из капитализма при власти буржуазии, а мы для этого считаем необходимым условием диктатуру рабочего класса» (стр. 29).

Разбор или просто перечисление всех ляпсусов в работе Смушкова заняло бы слишком много времени. Но уже и из сказанного можно проследить ту общую нить, на которую нанизываются все отдельные ошибки автора. Это неумение подойти к экономическим явлениям с точки зрения их общественного содержания, формально-фетишистский подход к ним—шаг назад к буржуазным экономистам. Отсюда отождествление капитала с материальными благами и превращение его в «вечную» категорию, разговоры о товарах в социалистическом обществе (30) и об эксплоатации на советских госпредприятиях, непонимание социального существа этих предприятий, приравнивание нэпа госкапитализму и т. д., и т. д. ряд удачных мест в книге отнюдь не может «оправдать» наличия перечисленных выше вопиющих недостатков.

Если прибавить к этому исключительно тяжелый язык, которым написан этот «труд», то следует еще и еще раз поднять вопрос о качестве продукции советских издательств.

С. Покровский.

В. ЗОМБАРТ. Строй хозяйственной жизни. Со вступительной статьей Авг. Тальгеймера. Изд-во «Эк. Жизнь», 1926 г.

Русскому читателю Вернер Зомбарт хорошо известен, как автор двухтомной фундаментальной работы «Современный капитализм», работы «Социализм и социальное движение», появившейся в результате ряда публичных лекций на эту тему, автор статьи о теории ценности Маркса, брошюры об Энгельсе и т. д. Ученик Шмоллера, Зомбарт в своих первых работах по капитализму выступил, как сторонник и последователь Маркса.

[1] Смушков, «Экономическая политика РСФСР».

В статье, написанной к третьему тому «Капитала», Зомбарт обнаруживал такое понимание Маркса, что заслужил самый лестный отзыв и похвалу со стороны Энгельса. «Вернер Зомбарт,—писал тогда Энгельс,— дает превосходные в своей совокупности очерки, излагающие марксову систему. Это первый случай, когда немецкий университетский профессор оказывается вообще способным видеть в произведениях Маркса именно то, что Маркс действительно сказал, в первый раз немецкий профессор учит, что критика марксовой системы не может заключаться в одном опровержении,—пусть этим занимаются политические карьеристы, — а лишь в дальнейшем развитии ее».

Но с тех пор прошел не один десяток лет. Зомбарт не только изменил Марксу, но и выступил яростным противником марксовой системы и апологетом и оформителем империалистических настроений немецкой буржуазии. Вступительная статья тов. Тальгеймера достаточно хорошо показывает, как шел Зомбарт через смягчение острых революционных углов марксовой системы к превращению «в последнем издании его книги «Социализм и социальное движение» «Маркса в карикатуру».

Настоящая работа Зомбарта, уже—не Зомбарта, революционного или даже «легального марксиста», а Зомбарта того последнего периода, когда он окончательно отказался от Маркса, когда Маркс был превращен им в карикатуру, а сам Зомбарт превратился в заурядного защитника капитализма и окончательно примкнул к «империалистическому и антисоциалистическому направлению» буржуазной экономической мысли.

Исследование о строе хозяйственной жизни Зомбарт начинает с поисков той «идеи», которая «связывает хозяйственные явления». «Задача всех наук о культуре,—пишет Зомбарт,—найти средства и пути к познанию изучаемых ими явлений культуры в их исторической особенности». Это достигается «с помощью идеи, внесенной в явление действительности, но в этом случае она призвана выполнять функцию не разграничительную, а ф о р м и р у ю щ у ю».

Экономическая наука также нуждается «в подобной ф о р м и р у ю щ е й и д е е, с помощью которой она могла бы располагать в системы свой материал». Такой идеей и является «идея стиля в экономической науке», «идея хозяйственной системы». «Я разумею,—пишет Зомбарт,— под хозяйственной системой вид хозяйствования, представляющегося по смыслу единством, в составе которого каждая из основных частей хозяйства обнаруживает определенное устройство».

«Мы помним, какие основные части входят в состав понятия хозяйство: 1. Дух. 2. Форма. 3. Техника.

«Согласно с этим мы можем определить понятие системы хозяйства точнее: это вид хозяйствования, понимаемого нами как д у х о в н о е (!) единство—1) подчинение определенному смыслу, 2) имеющее определенный строй и организацию и 3) применяющее определенную технику».

«Идея стиля», «идея хозяйственной системы», «дух», «хозяйственное воззрение» и кладутся Зомбартом в основу хозяйственной деятельности человеческого общества—формирующей его идеей. Таким образом, тот строй человеческой деятельности, который по Марксу представлялся в таком виде: производительные силы—производственные отношения—надстройка; у Зомбарта оказывается перевернутым, поставленным на голову, и «дух» является определяющим «строй хозяйственной жизни». Материализму Маркса Зомбарт противопоставляет идеализм в хозяйственной деятельности человеческого общества.

«Хозяйственная деятельность,—пишет Зомбарт во введении,—как всякая человеческая деятельность, относится к категории целесообразности. Мы понимаем хозяйственную деятельность, как выявление разумной воли; хозяйственные построения—как установления разумного отношения». «Содержание всей доказуемой осмысленности в хозяйственной деятельности я называю хозяйственным смыслом или духом хозяйственной жизни». «Но как только разумная деятельность протекает среди многих людей, то лежащий в ее основании (суб'ективный) план требует об'ективирования, благодаря которому только он и становится руководящим для многих. Об'ективированный же план мы называем порядком. Упорядоченность есть поэтому вторая составная часть хозяйствования».

Мы здесь уже не будем касаться того, что по Зомбарту капиталистическое хозяйство попало в число хозяйств упорядоченных. Какой логикой связывает Зомбарт свое утверждение «разумности» и «целесообразности» с требованием «об'ективирования» хозяйственных планов отдельных хозяйствующих суб'ектов? Действие рынка и его законов на отдельные хозяйственные единицы в капиталистическом обществе заставляет «разумную волю» не только им подчиняться, но и диктует им свою волю. И здесь от разумной воли хозяйствующих суб'ектов остается очень мало. Их «разумная воля» целиком и полностью подчиняется неразумной, стихийной, иррациональной воле рынка.

Значит ли это, что целесообразность совершенно отсутствует в человеческой деятельности? Конечно, нет. Но в неорганизованном обществе хозяйственная деятельность человека ограничена, обусловлена рыночными отношениями, рыночной стихией. Наконец, если даже стать на точку зрения Зомбарта и признать «разумную волю», целесообразность и «дух» формирующими и направляющими хозяйственную деятельность отдельного человека, отдельного хозяйствующего суб'екта, то как об'яснить тогда хозяйственную деятельность всего общества? Чем будет она определяться, кто ее будет формировать?

На это Зомбарт дает классический ответ: «В то время как «частное хозяйство» представляет собой эмпирическую реальность, «народное хозяйство» и мировое хозяйство «является научным сочетанием разрозненных элементов в фиктивные единства», т.-е., иначе говоря, «эмпирической реальности» не представляют.

Так во славу своей «идеи», «стиля» и «духа» ученый муж Зомбарт превратил народное и мировое хозяйство в фикцию, в спекулятивные упражнения досужих голов. Едва ли нужно говорить, что эти зомбартовские откровения не имеют ничего общего с марксизмом, который окончательно порастерял профессор в своей защите капитализма.

Особенное место в «строе хозяйственной жизни» Зомбарта занимает «капитализм». Согласно своему принципу определять хозяйственную систему по трем основным признакам: дух, форма и техника, Зомбарт следующим образом определяет капитализм:

«Дух, хозяйственный образ мыслей—обусловлены следующим образом»: а) «господствующий хозяйственный принцип—принцип доходности», б) «индивидуализм», в) «экономический рационализм».

Форма: а) «хозяйственный строй в принципе свободен», б) капиталистическое хозяйство «частное хозяйство», в) «аристократично», г) «покоится на высоко развитой специализации занятий и разделении функций» и д) «на основе хозяйственного обращения, т.-е. рыночной связи».

Техника—«научная, революционная, анархическая».

Весь этот сумбур дышит невероятным, типичнейшим профессорским самодовольством.

Что значит утверждение, что хозяйственное строение капитализма аристократично? Это значит, поясняет Зомбрат, что «число хозяйствующих суб'ектов незначительно по сравнению с общим числом вообще причастных к жизни хозяйства лиц; большая часть распорядительной власти принадлежит немногим хозяйствующим суб'ектам». «Исторической причиной аристократического расслоения в капиталистическом хозяйстве является обоснованная личными и материальными обстоятельствами способность немногих и тем же обоснованная неспособность многих руководить процессом производства, который, в силу пред'являемых им технических и организационных требований, исключает деятельность средне-одаренных средне-имущих посредственностей в качестве хозяйствующих суб'ектов».

Нечего и говорить, что во всей главе, посвященной капитализму, нет ни одного слова об эксплоатации. Капиталист по Зомбарту—это просто симпатичный, одаренный всеми способностями человек. А все остальные—тупые, невежественные, неспособные и неодаренные люди. У кого же после этого подымется рука бороться и свергать власть этих способных людей, этот цвет, эту соль человечества?

До такого безобразия, до такой возмутительной наглости не договорился, кажется, никто из буржуазных экономистов. В своем расхваливании «хороших» и «способных» г.г. капиталистов, в своей лакейской угодливости и лакейском подхалимстве, г. Зомбарт перещеголял своих собственных хозяев.

«Хозяйственный строй в принципе свободен». Рабочий, например, свободен в продаже своей рабочей силы, а капиталист также свободен в ее покупке. И ни одним словом г. Зомбарт не обмолвился насчет того, как этот «принцип свободы» проявляется в реальной капиталистической действительности. Впрочем, какое дело «высоко-одаренному» профессору до средне-одаренных, неспособных людей!

В своей апологетической хвале капитализму и его революционной технике Зомбарту некогда было заметить, что капитализм из революционной системы превратился в систему реакционную, накладывает путы на дальнейшее развитие техники, что капитализм загнивает.

Впрочем, это загнивание капитализма относится уже, собственно, к новейшему этапу капитализма—империализму. А империализм Зомбартом представляется весьма своеобразно. Империализм по Зомбарту отнюдь не этап капитализма.

«Неразумно,—пишет Зомбарт,—такое явление, как современный империализм,—который обусловлен множеством факторов: религиозной политикой, политикой народонаселения, государственной политикой, — рассматривать как политику, всецело предназначенную служить капиталистическим интересам и только им».

Империализм, обусловленный такими факторами, как религиозная политика, политика народонаселения—это открытие, достойное профессора Зомбарта. С помощью Зомбарта мы будем теперь знать, что, например, драка на очередном митинге между живой и мертвой церковью есть не что иное, как проявление их империалистической политики; что не чем иным, как проявлением империалистической их природы, являлась борьба враждующих племен дикарей за места охоты и т. под.

Неиссякаема изобретательность и премудрость профессорская!

Где уж после подобных утверждений ожидать, что наш мудрый профессор сумеет подметить за религиозной борьбой и религиозной политикой скрытые экономические пружины. Ведь сама «государственная политика» рассматривается г. Зомбартом, как нечто чуждое или, во всяком случае, не связанное с экономическими интересами капиталистов.

После всего сказанного совершенно ясно, чего можно ожидать от Зомбарта в его рассуждении и в его понимании социализма.

«Я понимаю,—пишет Зомбарт,—под социалистическими системами антикапиталистические или послекапиталистические хозяйственные системы, отличающиеся от рассмотренных до сих пор тем, что они еще не могли быть испытаны в действительности. Поэтому невозможно сказать, могут ли вообще, и, следовательно, в каком размере могут особенности хозяйственного устройства, соединенные в чисто абстрактных системах, сочетаться друг с другом, или же эти идеальные системы неосуществимы, т.-е. являются утопиями. Хозяйственная утопия—это хозяйственная система, содержащая несовместимые слагаемые. Что социалистические системы, как они измышлялись до сих пор, в основных пунктах утопичны, можно легко доказать».

Таким образом, величественно игнорируя Маркса, Зомбарт вместе с различного рода утопическими социалистическими системами зачисляет по ведомству утопических и систему Маркса.

«Хозяйственному социализму,—пишет Зомбарт дальше,—приходится разрешать трудную задачу—искусственно воссоздать сознание солидарности, которая в докапиталистических хозяйственных системах питается естественным чувством общности».

Буржуазному экономисту, очевидно, невдомек, что социализму не придется «искусственно воссоздавать чувство солидарности», что с перестройкой общественно-экономических отношений чувство солидарности будет таким же естественным, как «homo homini lupus est» для капиталистического общества. Но это уже выше профессорского разумения. И при обще-идеалистической системе взглядов Зомбарта от него понимания этих элементарных истин и требовать нельзя.

Едва ли что-либо даст русскому читателю эта новая книга Зомбарта. То, чего до сих пор не понимает немецкий профессор, у нас понимает и знает каждый совпартшколец. Эта книга—лишнее свидетельство окончательного разложения буржуазной экономической мысли. И только с этой точки зрения она может быть порекомендована читателю.

Соглашаясь в данном случае с оценкой А. Тальгеймера настоящей работы Зомбарта, мы, однако, не можем с ним согласиться, когда он пишет, что, «прочитав этот труд, русский читатель будет избавлен от необходимости читать много толстых книг, написанных господином Зомбартом за последние 30 лет». Конечно, книги Зомбарта надо читать, у Зомбарта можно еще много взять и из его книг можно почерпнуть богатейший фактический материал, с чисто немецкой аккуратностью им собранный и систематизированный.

Неверна и историческая справка, даваемая Тальгеймером о деятельности Зомбарта. «В середине XIX столетия,—пишет Тальгеймер,—Зомбарт стал выдвигаться как идеолог течения, которое русские читатели, вероятно, назвали бы легальным марксизмом». Зомбарт только родился в начале 70-х годов прошлого столетия и потому относить его деятельность, как идеолога «легального марксизма» к середине XIX столетия—несомненная ошибка. Деятельность же его как «легального марксиста» относится к 90-м годам, т.-е. приблизительно совпадает с этим движением в русской экономической мысли.

К. Р.

№ 12 № 12

30 ИЮНЯ

1926

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ИЮНЯ 12

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 64193. Тираж 39 000 экз.

Типография изд-ва «Правда» и «Беднота», Москва, Серебрянич. набер., д. 23/а.

Уроки и „уроки“ английского мая.

Огромно, неизмеримо значение майской всеобщей забастовки и продолжающейся стачки английских углекопов. Выдающуюся ценность будет иметь английский опыт для всего последующего развития международной классовой борьбы. Этот опыт должен быть впитан в сознание не только английских рабочих масс, но и в сознание всего международного пролетариата. Большевики всех стран должны немедленно, не откладывая, взяться за тщательное изучение английской борьбы. Большевики всех стран должны немедленно приняться за усвоение того всестороннего анализа и того наилучшего, с точки зрения ленинизма, обобщения английского опыта, которые даны в тезисах Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала об уроках английской забастовки.

Английские события с давно небывалой силой вытолкнули на первый план боевые вопросы ленинизма в международном масштабе. Такие первостепенной важности проблемы, как вопрос о стабилизации, как вопрос о соотношении «политики» и «экономики», как вопрос о формах классовой борьбы, как вопрос о способах завоевания пролетариатом власти, как вопросы о роли «вождей», о стратегии современного оппортунизма, о роли коммунистического авангарда,—под могучими ударами английской стачки вновь с самой жгучей остротой становятся перед международным пролетариатом. На все эти вопросы события в Англии проливают ослепительно-яркий и новый свет. Нельзя изображать английские события просто как «повторение пройденного». Нужно совершенно отчетливо уяснить, чем конкретно обогатила майская битва опыт рабочего класса, что нового дала английская борьба, каковы особые уроки, вытекающие из всеобщей стачки для революционной классовой борьбы.

Исполинский размах борьбы классов в нынешней Англии показывает воочию, насколько правильна основная характеристика переживаемой эпохи, даваемая международным большевизмом. Оценка стабилизации, сделанная Коминтерном получила, блистательную проверку на событиях в Англии. События в Англии чрезвычайно выразительно, с редкой силой наглядности продемонстрировали всю «условность», «относительность» и «непрочность» капиталистической стабилизации. События в Англии—это новая грозная историческая веха на пути стабилизировавшегося капитализма, это — предупреждение его о грозящей смертельной опасности, это—призывный сигнал к новым классовым схваткам, это—доподлинный «буревестник международной социалистической революции». Только классовое самообольщение идеологов буржуазии, только присущая им духовная близорукость не разрешает им понять, как безнадежен, как

«проблематичен» поступательный ход стабилизации, если на протяжении всего каких-нибудь трех лет международный капитализм выступает с такими «роковыми приметами» на челе, как германский Октябрь 1923 г., как Сирия—Марокко, как Шанхай и Кантон, как опустошительный угольный кризис в Англии, как генеральная стачка в самой сильной капиталистической державе Европы. И только окончательно продавшие свои души капиталистическому Маммоне дьяки международного оппортунизма могут теперь, несмотря ни на что, несмотря на столь участившееся чередование всемирно-исторических социальных потрясений, славословить эру «демократического пацифизма», выводить заунывные многолетия капитализму, тянущему теперь с таким трудом свою лямку.

Разумеется, было бы непростительным легкомыслием об'являть, что события в Англии свели стабилизацию на-нет. Декламаторским упрощенством является разговор о том, что английская всеобщая стачка означает крах стабилизации. Нельзя каждую социальную встряску, каждый прилив массового движения, хотя бы оно имело даже «всемирно-историческое значение», хотя бы в своей совокупности эти революционные встряски в чрезвычайной степени расшатывали капиталистический порядок вещей,—об'являть крахом стабилизации, нельзя каждый год повторять о «крахе» с тем, чтобы в период отлива каждый раз «признавать», что стабилизация «все-таки» существует. Скороспелая «отмена» стабилизации росчерком пера только усыпляет сознание и бдительность революционного авангарда, только сбивает его с толку, только отвлекает его от трудной и тяжелой ответственной массовой работы, от борьбы за повседневные требования масс. Разговоры о крахе стабилизации по случаю английской всеобщей стачки способны принести только вред, могут лишь питать собой сектантскую борзость ультра-левой «мысли».

На самом деле краха стабилизации, как результата английских событий, конечно, нет. Однако, совершенно несомненно, что английская генеральная забастовка и забастовка горнорабочих проливает яркий свет на конкретный облик нынешней стабилизации, что английские события в значительной мере проясняют собой реальную обстановку современных капиталистических отношений и противоречий и тем самым вносят новые, особые штрихи в характеристику стабилизации в данной фазе ее существования. Эти новые конкретные штрихи важно и обязательно уяснить.

События в Англии означают серьезную трещину стабилизации на одном из решающих участков международного капиталистического фронта. Майские события драматически резко обнаружили перед всем миром всю глубину уже достигнутого социально-экономического упадка послевоенной Англии. Внимательное изучение теперешней английской экономики и путей ее дальнейшего развития показывает, что хозяйственный упадок Англии вовсе не дошел до предела, с которого должен начаться спасительный поворот, но что, напротив, тенденции загнивания, упадка и вырождения английского капитализма имеют все предпосылки к дальнейшему обострению. Британский империализм подгнивает с двух концов. Он подгнивает изнутри, со стороны самой метрополии, со стороны собственной хиреющей про-

мышленности. Одновременно происходит расшатывание мощи великобританского «владычества» в доминионах (которые все более хозяйственно обособляются от метрополии), в колониях, в полуколониях, в зависимых странах (революционизирующийся Китай и т. д.). Оба процесса неразрывно между собой связаны, взаимно обусловлены. В итоге они дают форсированный упадок английского империализма.

Быть может, упадок Англии, знаменующий собой прорыв фронта стабилизации на одном из ее участков, можно компенсировать укреплением стабилизации на других участках, приливом сил в других странах, напр., в С.-А. Соединенных Штатах, так что в итоге, быть может, мы имеем прежнюю «крепость» стабилизации, «устойчивость» ее непоколебленной? В действительности это не так. Тот самый факт, что в обстановке экономического упадка Англии другие буржуазные страны могут щегольнуть кой-какими возможностями движения вперед, что американский капитализм переживает еще восходящую кривую своего развития, не только не смягчает, но даже усугубляет, обостряет противоречия стабилизации. Международный капитализм страдает не только из-за трудностей развития, он страдает также из-за неравномерности развития отдельных стран, из-за того, что «оздоровление» происходит не одинаковым темпом, неодинаковыми методами, из-за того, что движение вперед одних соответствует разложению других, из-за того, что не может наладиться нормальный мировой капиталистический оборот, из-за того, что увеличивается диспропорциональность в международном распределении производительных сил, из-за того, что в силу всего этого растут и не могут не расти междугосударственные антагонизмы в капиталистическом лагере. Если прибавить сюда одновременное общее укрепление Советского Союза, то мы пойдем, как неблагоприятно и отнюдь не «успокаивающе», должны отразиться английские события и упадок Англии на всей международной системе стабилизирующегося капитализма.

События в Англии сорвали защитные покровы стабилизации. Они обнажили таящиеся под этими покровами напряженные классовые конфликты. В резком обнажении классовых противоречий заключается самое характерное для стабилизации нынешнего периода. В максимальной мере обнажение классовых противоречий произошло в Англии. Это не случайно, это произошло потому, что в Англии теперь заметнее всего расползаются швы стабилизации. В выявлении наиболее уязвимого звена международной капиталистической цепи заключается особое значение английских событий. Последние обнаружили наименее защищенный участок стабилизации; они указали тем самым Коминтерну, то звено, за которое ему нужно с особой силой ухватиться, они с полным правом поставили Англию в центр внимания революционного пролетариата всех стран.

I. Особые пути британского Октября.

То обстоятельство, что хозяйство Англии вошло в стадию длительного упадка, то обстоятельство, что процессы загнивания капитализма приобрели за последнее время особую остроту именно в английской экономике; то обстоятельство, что Англия стала страной, стабилизационные возможности которой

являются минимальными, страной, которая превратилась в арену грозного масштаба классовых столкновений,—все это делает на предстоящий исторический период особенно важным, особенно политически-актуальным вопрос о перспективах и о путях английской революции.

Ленинский анализ этого вопроса должен быть анализом, который выявил бы особые пути рабочего движения в Англии, который дал бы особые уроки майской борьбы и длящейся по сие время борьбы горняков, который показал бы конкретное и специфическое в грядущем процессе революции, который обнаружил бы наиболее вероятные переходные моменты, переходные «звенья» предстоящего развертывания классовой борьбы.

Изучение условий английского рабочего движения и опыт всеобщей стачки вскрывают с достаточной определенностью это особое и характерное в способах и путях пролетарской борьбы. Этим особым и характерным является выдающаяся роль профсоюзов. Ни в какой другой стране профсоюзные организации не играют такой главенствующей роли в рабочем движении, как в Англии. Исключительное, выделяющее английское рабочее движение в особый тип, значение профсоюзов и профсоюзной борьбы, сказалось как в историческом прошлом Англии, так сказывается и теперь, так—имеются все основания это предполагать—скажется и в предстоящем будущем, на перевалах к британскому Октябрю.

Каковы были основные идейные черты старого «классического» английского трэд-юнионизма, черты, которые материально покоились на особо привилегированном положении английского пролетариата и которые вызывали резкий критический обстрел со стороны представителей революционного марксизма?

Старый трэд-юнионизм был прекрасно приспособлен к условиям капиталистического господства так же, как и обратно, условия капиталистической эксплоатации были великолепно приспособлены к методам старого трэд-юнионизма. Прежний английский капитализм и прежний английский трэд-юнионизм совершенно мирно уживались друг с другом. В трэд-юнионах английский капитал не мог, конечно, видеть непримиримого врага. Ведь трэд-юнионизм, вместо ставки на революционный взрыв капиталистического строя, держал всего только «тихий» курс на эволюционное, постепенческое развитие. Вместо полного развязывания классовой борьбы, он предпочитал «деловое» соглашательство с буржуазией. На место пролетарского интернационализма он ставил национальную ограниченность. Он суеверно чурался всякой политической борьбы, гордился своим аполитизмом, будучи одновременно по уши погруженным в мертвящую тину добродетельного «конституционализма».

Исход мировой войны сигнализировал собой начало артериосклероза всей британской экономики. Исход мировой войны сигнализировал одновременно и начало конца старого трэд-юнионизма, начало его безвозвратного разложения. Правда, старый трэд-юнионизм отступает с боями, правда, носители его, реформистские вожди, из всех сил тормозят процессы разложения, правда, «идеологи»-оппортунисты пытаются цементировать рассыпающиеся комки старого трэд-юнионизма гнилыми идейками «конструктивного» либо «гильдейского» социализма. Правда, старый трэд-юнионизм сумел еще прокричать о себе на весь

мир в беспримерной капитуляции Генерального Совета. И все-таки, только слепой может «не заметить» процессов разложения старого трэд-юнионизма. Только слепой может отрицать, что трэд-юнионизм шаг за шагом теряет свое былое массовое обаяние.

Разложение идет все нарастающим темпом. Всеобщая стачка, даже пронзенная в спину мечом «руководившего» ею Генсовета, явится в конечном счете фактором дальнейшего разложения старой «профсоюзнической» идеологии. Однако, было бы вреднейшей иллюзией думать о том, что разложение прежнего трэд-юнионизма и опыт всеобщей стачки отменяют или даже умаляют значение профсоюзного движения для современной и будущей Англии. Наоборот, те новые процессы, которые стали развиваться в сознании масс английского пролетариата, и опыт генеральной стачки только подчеркнули выдающуюся роль профсоюзного движения для Англии. Никакими софизмами нельзя отмахнуться от того факта, что левение масс английских рабочих шло прежде всего и больше всего именно по профсоюзному руслу. И нет решительно никаких оснований полагать, что процесс полевения профсоюзов должен после всеобщей стачки или прекратиться или замедлиться. Напротив, все говорит за то, что левение профсоюзов ускорится, что в результате всеобщей стачки в профсоюзах усилится внутренняя «очистительная» борьба, борьба за новое профсоюзное руководство.

Нельзя забывать того, что именно в профсоюзных организациях коммунистическая партия уже имеет массовую опору своего влияния. Так называемое «движение профсоюзного меньшинства», находящееся под влиянием английских коммунистов, непрерывно росло за последние годы, вобрав в свои ряды ко времени стачки свыше чем миллионную армию английских рабочих. Теперь после всеобщей забастовки, после измены Генерального Совета, после банкротства лево-центристских вождей, после того, как с достаточной рельефностью вырисовались перспективы грядущих больших боев, после этого еще более широко открываются перспективы для «движения меньшинства». Вербовочная сила движения меньшинства в массах имеет все шансы к возрастанию.

Значение для английских революционеров профсоюзной работы, как первостепенного рычага революционизирования масс, заключается не только в том, что английские профсоюзы являются наиболее широким каналом «полевения», и не только в том, что в так наз. «движении меньшинства» английский коммунизм уже пустил массовые корни. Опыт всеобщей стачки раскрыл большее. Опыт всеобщей стачки обнаружил, что именно с профсоюзной стороны английские рабочие начинают подходить к проблеме власти. На «профсоюзной» борьбе английские рабочие получили наглядный урок связи «политики» и «экономики». Правда, доказательство этой связи было своеобразным «доказательством от противного»: английский рабочий класс поплатился поражением за то, что «профсоюзная», «экономическая» борьба не была оформлена политически. «Политика» стихийно, всем ходом борьбы ломилась в профсоюзные двери. И если бы членами Генсовета эти двери не были захлопнуты, гегемония трэд-юнионов в стране могла бы перерасти в политическую гегемонию в ней рабочего класса. Руководство Ген-

совета «профсоюзной» борьбой в этом случае означало бы его фактическую власть и командование всей социально-экономической жизнью страны, означало бы необходимость разбить старую капиталистическую государственную машину и стало бы решающим этапом к диктатуре английского пролетариата. И ведь недаром местные профсоюзные организации в ходе борьбы стали в некоторых районах брать на себя функции власти, стали превращаться в организации, аналогичные нашим советам, стали сращиваться с советами действия, стали отпочковывать от себя органы власти на местах.

Из этого исторического факта, что именно через профсоюзную борьбу английские рабочие массы подошли к вопросу о завоевании власти, вытекает особое центральное внимание английских коммунистов к профсоюзной работе. Удесятерить энергию в деле коммунистической переработки профсоюзов на предстоящий исторический период—для английских товарищей самое важное. Измена Генсовета и провал стачки способны, правда, вызвать и вызывают в действительности, такие настроения в среде революционных рабочих Англии, которые ведут к «самоустранению» от профсоюзной работы, к выходу из профсоюзов, эти тенденции английские товарищи должны решительно парализовать. Если Генсовет «тонет», то это вовсе не значит, что «тонет» все английское профдвижение. Это значит лишь, что надо отсечь негодную головку, поставить новую, выдвинуть новых профсоюзных вождей, а для этого завоевать профсоюзы.

Настроения к выходу из профсоюзов питаются весьма распространенными в настоящее время разговорами о «новых формах» пролетарских классовых организаций. Из капитуляции профсоюзных лидеров делается тот вывод, что надо создавать другие, новые организации взамен профсоюзов и на них ориентировать теперь главное внимание. Этот вывод кажется чрезвычайно «революционным». Однако, в такой постановке он является абсолютно неверным. Возможно, разумеется, что появятся новые формы массовых рабочих организаций. Это особенно вероятно в том случае, если развитие революционных событий замедлится и затянется. Зачатки «новых форм» мы видели и во время стачки (советы действия). Однако, характерно то, что эти новые формы были связаны именно с профсоюзными организациями. Нет ничего более вредного, как бросать лозунг создания новых форм взамен профсоюзов. Бросать такой лозунг значит тащить английских коммунистов от масс, значит сбивать их в сторону от основного пути массового революционного движения в Англии, значит замыкать их в касту. Задача английских коммунистов состоит вовсе не в том, чтобы собирать массы там, где их нет, в несуществующих еще организациях, и для этого начать плодить «новые формы», а в том, чтобы находить массы там, где они уже собраны и организованы. Весьма характерно, что фантастикой по части «новых форм» с особенным усердием занимаются «левые» представители английской независимой рабочей партии. Звенящий сверхрадикализм этих людей, однако, прямо пропорционален той растерянности и апатии, тех «моральных трагедий», которые они «переживают» в результате провала всеобщей стачки.

Само собой понятно, что говорить о «новых формах», рисовать их пылким воображением неизмеримо легче, чем вести черную повседневную работу над «очищением» профсоюзов. Практическая работа в профсоюзах чрезвычайно тяжела, несмотря на то, что она имеет в Англии самые превосходные перспективы. Рассматриваемое с высоты исторического полета революционное вызревание английского пролетариата пойдет очень быстро. Но рассматриваемый в обстановке текущего дня, этот процесс революционизирования трэд-юнионов неизбежно будет медленным. Ибо достаточно еще мощна инерция старого трэд-юнионизма, ибо сложные пути его изживания, ибо организационные «командные высоты» еще в руках старых лидеров, ибо новых авторитетных вождей еще нет и т. д. Препоны в работе, однако, никогда не служили в глазах большевиков аргументом против ее неотложности.

Исключительному значению профсоюзов и профсоюзной работы в Англии соответствует исключительное значение всеобщей стачки, как формы классовой борьбы. Всеобщая стачка является первоклассным орудием пролетарской борьбы во всех странах с достаточно развитой индустрией. Но в Англии всеобщая стачка имеет вдобавок еще особые сверх-ординарные социальные, материальные и технические возможности реализации. Проигрыш майской стачки ни в какой, даже в самой ничтожной степени, не дискредитирует методов всеобщей стачки. Он дискредитировал лишь методы ее руководства. Поэтому всеобщая стачка в Англии не может уже «повторитъся» в майском издании. Сейчас как в английских рабочих массах, так и в среде вождей, происходит интенсивный процесс переоценки всеобщей стачки как метода борьбы. И сейчас там противостоят друг другу фактически лишь две точки зрения: либо отказ от всеобщей стачки, как орудия борьбы, либо «приятие» ее с «поправкой» на «политику». И было бы историческим чудом, если б Англия увидела вновь еще раз аполитичную «чисто профессиональную» всеобщую стачку. Будущая всеобщая стачка произойдет на существенно новой основе. Она явится предсмертной судорогой английского капитализма и станет прологом к английскому Октябрю.

II. Две измены: 4 августа 1914 г. и 12 мая 1926 г.

Кто больше виноват в бесславном окончании великой схватки классов? Кто виновник того, что гора родила мышь, что движение, державшее в трепете и в содрогании весь капиталистический мир, приковавшее к себе внимание всего международного пролетариата, зажегшее пламень страстной надежды в сердцах рабочих всех стран, кончилось водевильным меморандумом Самюэля, отвратительным плачем на коленях г.г. Томаса и Бевина в болдуиновской передней, беспримерной капитуляцией Генсовета, изоляцией борьбы горняков, хамскими «пересмотрами» профсоюзных договоров, радостными завываниями газеты-проститутки «Daily Mail»? На ком лежит главная ответственность за удушение разраставшейся стачки?

В Генсовете были правые и «левые», Томасы и Персели. Томасы были в меньшинстве, но они оказались хозяевами Генсовета. Они потащили Перселей на аркане с повинной к Болдуину. Кто же больше «виноват»: Томасы или Персели? Чье «грехопадение» совершено было 12 мая?

«Грехопадение» Томасов совершено было задолго до стачки. «Грехопадение» Перселей совершено было во время стачки. Томасам уже не доверяла основная масса членов трэд-юнионов. Перселям же эта масса доверяла. Томасы не смогли бы, не перетянув на свою сторону Перселей, сорвать стачку. Перселн могли бы продолжать борьбу наперекор Томасам. Но Перселн не захотели ее продолжать. Они испугались, они струсили не только правительства и предпринимателей. Они испугались роста массового движения, они испугались того, что движение стало приобретать политическую окраску, они испугались победы рабочего класса. Поэтому они, поставленные рабочим классом на руководящие посты профсоюзного движения во имя борьбы с буржуазией, перешли на сторону буржуазии. Они в самый критический момент борьбы перебежали в лагерь враждебного класса. Поэтому они являются главными виновниками майского предательства. Они оказались капитулянтами. И поэтому по ним, по «лево-центристам» решил Исполком Коммунистического Интернационала открыть главный огонь.

Таков ответ на вопрос о виновниках капитуляции 12 мая. Но вопрос может быть поставлен и о характере, об историческом значении этой капитуляции.

В нашей печати проводилась параллель между двумя историческими изменами: изменой, совершенной международной социал-демократией 4 августа 1914 г. и капитуляцией Генсовета 12 мая 1926 года.

В каком смысле и в какой степени эта историческая аналогия закономерна и правильна? Она закономерна и правильна, если сравнивать степени гнусности вождей в обоих случаях. В обоих случаях имел место открытый переход в лагерь буржуазии в самый ответственный, самый критический момент. Правда, тогда измена была событием интернационального масштаба (изменил весь II Интернационал) в то время, как теперь события измеряются масштабом одной страны (нужно не забывать только при этом, что английскому рабочему классу и английским горнякам в несчетный раз изменили Второй и Амстердамский Интернационалы: 12 мая было символом «об'ективного» блока Перселя, Ходжеса, Удегеста и К°). Зато измена Генсовета по сравнению с изменой интернациональной социал-демократии имеет привкус, так сказать, добавочной гнусности. И не только потому, что измена совершается во второй раз. Нельзя упускать из виду следующего обстоятельства:

В момент об'явления войны между буржуазией и пролетариатом не шел непосредственный классовый бой. Вопрос тогда стоял: начинать или не начинать такой бой, об'являть ли войну империалистической войне, или же послушно и активно принимать участие в защите империалистического «отечества»? Между тем в Англии 12 мая мы имели обстановку открытого столкновения классов, при чем силы пролетариата все время прибывали, и он имел много шансов на успех. И в такой момент ему был нанесен позорный удар в спину!

Необходимо также и сопоставление «исторической природы» обоих измен. Важно сравнить историческую обстановку обоих случаев, важно правильно охарактеризовать намечавшуюся тогда для II Интернационала и намечающиеся теперь для ны-

нешнего состава Генсовета перспективы, важно уяснить себе и сопоставить вытекающие из обоих фактов тактические и политические выводы для революционного авангарда. Тогда мы поймем не только то, что было общим в обеих капитуляциях, но также и то, что было особым, отличающим их друг от друга. И мы уразумеем тогда лучше, отчетливее смысл капитуляции Генсовета, чем ежели мы просто ограничимся положением, что Иуда-Томас ничем не привлекательнее, а, пожалуй, даже похуже, чем Иуда-Шейдеман.

Между обстановкой 1914 года и обстановкой 1926 г. имеется капитальное различие.

Тогда империалистический капитализм находился на зените расцвета, тогда капитализм был полнокровным капитализмом, ощущавшим прилив мощи и сил во всех членах. Теперь — капитализм проходит полосу худосочной стабилизации, теперь тенденция загнивания и упадка дают о себе знать с несравненной силой, при чем процессы упадка особенно интенсивно протекают именно в Англии, в стране капитуляции 12 мая. Из различия основных черт тогдашней и нынешней обстановки вытекает и различие в темпе изживания последствий обеих измен. Тогда, после 4 августа, несмотря на измену и как раз в силу измены, международная социал-демократия могла не за страх, а за совесть стать поставщиком пушечного мяса для империализма. После 4 августа II Интернационал, даже став «смердящим трупом», сумел сохранить значительные силы в своих рядах. Пядь за пядью с жестокими боями II Интернационал уступает Коминтерну насиженные участки своего влияния в массах.

Теперь, после 12 мая старый английский трэд-юнионизм будет разлагаться гораздо быстрее, чем разлагалась международная социал-демократия после 1914 года. Ибо старый трэд-юнионизм уже до капитуляции Генсовета подточен в своих основах всем ходом загнивания английской экономики, ибо уже до измены мы имели откристаллизовавшийся миллионный массив «движения меньшинства». И не только возможно, но даже вполне вероятно, что разложение старой профсоюзной верхушки в Англии придет к концу раньше, чем «смердящий труп» окончательно разложится во многих странах континента. Британские трэд-юнионы будут отвязаны от амстердамского кола, по всей вероятности, раньше, чем это станет с профсоюзами многих других стран. Об этом позаботится, конечно, Генсовет не нынешнего, а грядущего состава.

Самое существенное то, что из капитуляции 4 августа и из капитуляции 12 мая приходится делать совершенно отличные, даже прямо противоположные выводы в организационно-тактической области. В обоих исторических случаях мы имеем махровую, бьющую в глаза измену вождей. Но совершенно различными являлись суб'екты измен: тогда измену организационно воплощали прежде всего политические партии. Теперь «героем» измены является руководство профсоюзами[1]).

[1]) Не случайно, что историческая капитуляция явилась делом рук именно профсоюзной верхушки. Профсоюзы главная командная высота в английском рабочем движении. По профсоюзному каналу больше всего шел процесс полевения масс. На фоне этого массового полевения оказалось особенно разительным противоречие между руководством профсоюзами и профсоюз-

Из этого решающего различия вытекает различие тактики революционеров в обоих случаях. После 4 августа 1914 года, после краха партий II Интернационала, после того как международная социал-демократия оказалась «смердящим трупом», все честные революционеры повели линию на организационный разрыв с предательскими организациями. *Тогда* надо было действительно держать курс на *откол* от «смердящего трупа». Наоборот, *теперь* действие по аналогии с 1914 годом, *теперь* линия на *разрыв* со «смердящими» профсоюзами была бы самой непростительной ошибкой. Из измены 12 мая вытекает не необходимость *выхода* из профсоюзов, но необходимость *обратного* порядка: тактика форсированного *внедрения* в профсоюзные организации, всемерное укрепление влияния в профсоюзных массах, перетягивание трэд-юнионов на сторону коммунизма и революции [1]).

После 4 августа первостепенной, *центральной* политической задачей революционного пролетариата было строительство «*новых форм*», организация особой революционной партии, организация нового, III Интернационала. Наоборот, *после 12-го мая* сосредоточение главного внимания английских революционеров на «новых формах» явилось бы *опасностью* для английского рабочего класса, навело бы его на ложный след, отвлекло бы его от подлинно настоятельных, действительно первостепенных задач. Поиски новых форм во что бы то ни стало, создание новых форм *взамен* профсоюзных и выход из профсоюзов, предоставление монополии на массовую профсоюзную работу реформистским вождям,—теперь было бы для английской компартии самой ложной стратегией, «стратегией», политического *самоубийства*. Для английской компартии это было бы прямой дорогой к ее *сектантскому* мелко-буржуазному *вырождению*.

Вот почему следует с сугубой осторожностью относиться к таким аналогиям, как аналогия 4 августа 1914 года и 12 мая 1926 г. Мало, совершенно недостаточно, сказать: тогда была совершена неслыханная измена и теперь совершена неслыханная измена, тогда «засмердела» социал-демократия и теперь «засмердел» Генсовет, тогда восторжествовали Иуды и Каины пролетариата и теперь восторжествовали они же. Нельзя забывать о решающем различии обстановки тогдашней и нынешней, нельзя упускать из виду разницы вытекающих перспектив для классовой борьбы тогда и теперь, нельзя смазывать разницы между профсоюзами и партиями, нельзя *ставить в тень* самое главное. Тогда нужно было рвать со «смердящим трупом», тогда надо было выходить из социал-демократических организаций и строить новые организации. Теперь же главной ареной борьбы остаются, и остаются *надолго*, профсоюзы.

ными низами. Рабочая *партия* капитулировала с самого начала. Лидеры ее либо добровольно «самоустранялись» от борьбы либо ей мешали. (Макдональд и К⁰). Однако, «слава» предательства по достоинству принадлежит именно *профсоюзным* вождям, а не лидерам партии. Особое соотношение партии и профсоюзов и особая решающая роль последних в Англии логически повлекли за собой, особый специфически профсоюзный облик английского «четвертого августа».

[1]) Кстати. Не следует забывать, что и в 1914 г. изменила профсоюзная бюрократия. Характерно, что и *тогда* большевики не бросали лозунга *выхода* из профсоюзов: различия между *партией* и профсоюзами большевики никогда не забывали.

Таким образом, моментом, определяющим тактику, практическое действие революционного авангарда Англии, является вовсе *не то*, что было в обоих изменах *общего*, но как раз именно то, что в них было несходного, *различного*. В этом нет ничего удивительного. По-ленински осмыслить капитуляцию 12 мая значит понять ее особую конкретную природу, понять ее историческое *своеобразие*.

III. Права или неправа была английская компартия?

Молодая *английская* компартия несет исключительную ответственность перед всем интернациональным коммунизмом. Историческая судьба поставила английских коммунистов в особые условия. Пять тысяч британских большевиков действуют в «мировой империи», в государстве, держащем в империалистической кабале 400 миллионов человек, в самой развитой индустриальной стране Европы. Пятитысячная горсть английских коммунистов ставит своей исторической целью мобилизовать такие силы, которые смогли бы опрокинуть власть самой старой, самой опытной буржуазии, буржуазии, насчитывающей в своем активе столетия «мирового владычества». Такая цель не должна показаться химерой, если вспомнить, что именно в Англии мы имеем наихудшие условия и перспективы для стабилизации, что британский капитализм загнивает, идет навстречу своей гибели за последнее время быстрее, заметнее, чем капитализм других стран.

Майские события выдвинули английских коммунистов на самые *передовые позиции* международной классовой борьбы. Английские коммунисты продолжают оставаться на передовых позициях борьбы и теперь. Ведь даже и теперь, после окончания генеральной забастовки, после неслыханного поражения всеобщей стачки, Англия остается в фокусе событий мирового значения, так как исполинского масштаба борьба углекопов продолжается.

Вот почему вопрос о том, выдержала или не выдержала английская компартия свой первый боевой экзамен, вела она верную или неверную линию во время стачки,—есть вопрос выдающейся интернациональной важности. Ответ на него, должен быть ясным и определенным, тем более, что против тактики английских коммунистов велась и ведется атака из среды ультралевых группировок Коммунистического Интернационала.

Немецкие ультра-левые и такие люди, как профессор Корш, прокламировали политический провал английской компартии. Они доходили до утверждений, что английская компартия ничем себя не проявила, что она была в плену у лидеров Генсовета, что она даже «предала» стачку: Трудно решить, чего больше лежит в основе такой «ультра-левой» критики: чудовищное незнакомство с основными фактами английской борьбы, или самая низкопробная отвратительная клевета на английских революционеров. Заявлять такие, например, вещи, что английская компартия стояла на платформе Королевской Угольной Комиссии, в то время, как доклад Угольной Комиссии был заклеймен компартией как «об'явление войны всему рабочему классу Англии», значит поистине перейти всякий предел политического шулерства. По таким выходкам легко можно судить об уровне *всей* ультралевой критики. Она вся так и пестрит подтасовками фактов, она вся пропитана мелко-буржуазной взбешенностью, в ней нет ничего, кроме крикливой мнимо-революционной истерии.

К сожалению, ультра-левая критика отдалась «смягченным» эхом и в рядах ВКП. Ибо разве не созвучными немецкой «ультра-левой» были нотки в том ставшем широко известным утверждении, что весь совокупный надстроечный аппарат британского рабочего движения во всех без исключения его группировках и течениях явился фактором «революционного торможения». Английская компартия тоже, стало быть, явилась фактором «революционного торможения».

Это достаточно выразительное обвинение английских коммунистов в недостаточной революционности, более того, в «торможении» ими революционной борьбы, должно быть либо подтверждено либо снято. Недоговоренности здесь, в таком вопросе, не должны иметь место.

С самого начала следует отмести, как фантастическое, представление о существовании какого-то «всего надстроенного аппарата» всего рабочего движения Англии. Если говорить о надстроечном аппарате всего английского рабочего движения, то это предполагает определенную целостность, определенное организационное единство этого аппарата. Между тем никакой единой надстройки в британском рабочем движении на самом деле нет. Неправильно логически и неправильно политически включать английскую компартию в совокупный «весь аппарат» рабочего движения, говорить об аппарате, включающем в себя «все без исключения группировки» рабочего класса,—ставить английских коммунистов, независимую рабочую партию, движение меньшинства, Генсовет тред-юнионов и т. д. на одну и ту же «аппаратную» доску.

Но «тормозила» или не тормозила английская компартия ход классовой борьбы? Бросала или не бросала она в рабочие массы «тормозящие» лозунги? И вообще, в каком случае английская компартия была бы тормозом событий?

В двух случаях английскую компартию можно было бы зачислить в категорию «тормозов» революции. Или: если бы компартия действительно потеряла свое революционное лицо, скатилась в оппортунистическое болото. Или: если бы английская компартия вступила на путь ультра-левого лозунготворчества, если бы английская компартия бросила бы, напр., лозунг «своего» руководства стачкой вместо генсоветовского, если бы она выбросила лозунг создания новых форм движения взамен профсоюзных, если бы она бросила лозунг бегства из профсоюзов и т. п.

Ленин всегда предостерегал коммунистов против мнения, будто большевистская линия заключается в том, чтобы всегда и везде кричать непременно «левее» всех других, чтобы во всех случаях жизни, во всякой фазе борьбы бросить непременно предельно-левые лозунги. Ленин учил коммунистов высшей математике борьбы. Ленин всегда считал недопустимым игнорирование промежуточных «звеньев цепи», он требовал их непременного выявления, он считал величайшим революционным искусством умение во-время выбросить промежуточные лозунги, лозунги, от которых затем можно перейти к следующим высшим лозунгам движения.

Линия английских коммунистов была в общем и целом правильной. Английские коммунисты бросали такие лозунги, которые были рассчитаны на массы, которые могли быть понятными, могли зацепить с той или иной стороны сознание рабочих масс. Лозунги коммунистов толкали массы на высшие ступени борьбы, на переход от обороны к наступлению, на переход от «экономики» к «политике». Именно поэтому английская компартия не только не была фактором «торможения», но была, напротив, единственным сознательным фактором революционизирования английских рабочих масс. И именно поэтому она могла бы оказаться в состоянии, несмотря на свою малочисленность, при благоприятном революционном развертывании событий (которое, разумеется, зависело и зависит отнюдь не от одних только коммунистов!) превратиться в несокрушимую массовую «материальную силу» и перенять на себя руководство движением.

Английская компартия оказалась бы подлинным фактором торможения, если бы двинулась по пути, нравящемуся «ультралевым», если бы, насилуя об'ективные связи данной конкретной ситуации, игнорировала бы в своей тактике особенности промежуточных стадий движения, если бы она все время пребывала в величественном состоянии одной и той же неизменной «крайней левизны». Оторваться от промежуточных фаз борьбы значит оторваться от реальности, стало быть, и от особых условий английской реальности, стало быть, от особых условий массовой работы в английской обстановке. Ультра-левая линия привела бы—даже при наличии поступательного хода событий—к отрыву коммунистов от масс, к их сектантскому «самозамыканию» и дезориентировала бы, а следовательно, и затормозила бы революционную борьбу.

Не случайно, между прочим, то, что «философия» торможения тесно связана с фантастикой «новых форм». Раз весь совокупный аппарат рабочего движения дает осечку, раз «аппарат» также и компартии, также и «движения меньшинства» является аппаратом «торможения», раз, вдобавок к этому, самый мощный массовый профсоюзный аппарат уже оказался очагом чудовищной измены—то вполне понятным и резонным делается неумеренное подчеркивание значения «новых форм», ударение и основной курс именно на «новые формы». А мы уже знаем, к чему ведет этот новый курс, избираемый в качестве основного курса английских революционеров. Он ведет к забвению главных особенностей путей развития Англии, к ослаблению самой важной работы—работы в профсоюзах, к выходу из профсоюзов, к срыву тактики единого фронта, к тому, что для британского революционного пролетариата представляет теперь самую главную опасность.

IV. Англо-Русский Комитет и «стопроцентные» бойкотисты.

Капитуляция 12 мая поставила ребром вопрос о существовании Англо-Русского Комитета профсоюзов.

После того, как Генеральный Совет тред-юнионов стал сообщником английской буржуазии в деле расправы над бастующими рабочими, после того, как он проявил себя, как «достойная секция» Амстердама, после этого прямой обязанностью всех революционеров становится ничем неприкрытая, беспощадная критика членов Генсовета, разоблачение предательской его роли, разоблачение лево-центристских его вождей в первую голову. Этой точки зрения придерживаются—и не могут не придерживаться—революционные советские профсоюзы, как это известно из обращения ВЦСПС к рабочим всех стран.

К сожалению, ультра-левая критика отдалась «смягченным» эхом и в рядах ВКП. Ибо разве не созвучными немецкой «ультралевой» были нотки в том ставшем широко известным утверждении, что весь совокупный надстроечный аппарат британского рабочего движения во всех без исключения его группировках и течениях явился фактором «революционного торможения». Английская компартия тоже, стало быть, явилась фактором «революционного торможения».

Это достаточно выразительное обвинение английских коммунистов в недостаточной революционности, более того, в «торможении» ими революционной борьбы, должно быть либо подтверждено либо снято. Недоговоренности здесь, в таком вопросе, не должны иметь место.

С самого начала следует отмести, как фантастическое, представление о существовании какого-то «всего надстроенного аппарата» всего рабочего движения Англии. Если говорить о надстроечном аппарате всего английского рабочего движения, то это предполагает определенную целостность, определенное организационное единство этого аппарата. Между тем никакой единой надстройки в британском рабочем движении на самом деле нет. Неправильно логически и неправильно политически включать английскую компартию в совокупный «весь аппарат» рабочего движения, говорить об аппарате, включающем в себя «все без исключения группировки» рабочего класса,—ставить английских коммунистов, независимую рабочую партию, движение меньшинства, Генсовет тред-юнионов и т. д. на одну и ту же «аппаратную» доску.

Но «тормозила» или не тормозила английская компартия ход классовой борьбы? Бросала или не бросала она в рабочие массы «тормозящие» лозунги? И вообще, в каком случае английская компартия была бы тормозом событий?

В двух случаях английскую компартию можно было бы зачислить в категорию «тормозов» революции. Или: если бы компартия действительно потеряла свое революционное лицо, скатилась в оппортунистическое болото. Или: если бы английская компартия вступила на путь ультра-левого лозунготворчества, если бы английская компартия бросила бы, напр., лозунг «своего» руководства стачкой вместо генсоветовского, если бы она выбросила лозунг создания новых форм движения взамен профсоюзных, если бы она бросила лозунг бегства из профсоюзов и т. п.

Ленин всегда предостерегал коммунистов против мнения, будто большевистская линия заключается в том, чтобы всегда и везде кричать непременно «левее» всех других, чтобы во всех случаях жизни, во всякой фазе борьбы бросить непременно предельно-левые лозунги. Ленин учил коммунистов высшей математике борьбы. Ленин всегда считал недопустимым игнорирование промежуточных «звеньев цепи», он требовал их непременного выявления, он считал величайшим революционным искусством умение во-время выбросить промежуточные лозунги, лозунги, от которых затем можно перейти к следующим высшим лозунгам движения.

Линия английских коммунистов была в общем и целом правильной. Английские коммунисты бросали такие лозунги, которые были рассчитаны на массы, которые могли быть понятными, могли зацепить с той или иной стороны сознание рабочих

масс. Лозунги коммунистов толкали массы на высшие ступени борьбы, на переход от обороны к наступлению, на переход от «экономики» к «политике». Именно поэтому английская компартия не только не была фактором «торможения», но была, напротив, единственным сознательным фактором революционизирования английских рабочих масс. И именно поэтому она могла бы оказаться в состоянии, несмотря на свою малочисленность, при благоприятном революционном развертывании событий (которое, разумеется, зависело и зависит отнюдь не от одних только коммунистов!) превратиться в несокрушимую массовую «материальную силу» и перенять на себя руководство движением.

Английская компартия оказалась бы подлинным фактором торможения, если бы двинулась по пути, нравящемуся «ультралевым», если бы, насилуя об'ективные связи данной конкретной ситуации, игнорировала бы в своей тактике особенности промежуточных стадий движения, если бы она все время пребывала в величественном состоянии одной и той же неизменной «крайней левизны». Оторваться от промежуточных фаз борьбы значит оторваться от реальности, стало быть, и от особых условий английской реальности, стало быть, от особых условий массовой работы в английской обстановке. Ультра-левая линия привела бы—даже при наличии поступательного хода событий—к отрыву коммунистов от масс, к их сектантскому «самозамыканию» и дезориентировала бы, а следовательно, и затормозила бы революционную борьбу.

Не случайно, между прочим, то, что «философия» торможения тесно связана с фантастикой «новых форм». Раз весь совокупный аппарат рабочего движения дает осечку, раз «аппарат» также и компартии, также и «движения меньшинства» является аппаратом «торможения», раз, вдобавок к этому, самый мощный массовый профсоюзный аппарат уже оказался очагом чудовищной измены—то вполне понятным и резонным делается неумеренное подчеркивание значения «новых форм», ударение и основной курс именно на «новые формы». А мы уже знаем, к чему ведет этот новый курс, избираемый в качестве основного курса английских революционеров. Он ведет к забвению главных особенностей путей развития Англии, к ослаблению самой важной работы—работы в профсоюзах, к выходу из профсоюзов, к срыву тактики единого фронта, к тому, что для британского революционного пролетариата представляет теперь самую главную опасность.

IV. Англо-Русский Комитет и «стопроцентные» бойкотисты.

Капитуляция 12 мая поставила ребром вопрос о существовании Англо-Русского Комитета профсоюзов.

После того, как Генеральный Совет тред-юнионов стал сообщником английской буржуазии в деле расправы над бастующими рабочими, после того, как он проявил себя, как «достойная секция» Амстердама, после этого прямой обязанностью всех революционеров становится ничем неприкрытая, беспощадная критика членов Генсовета, разоблачение предательской его роли, разоблачение лево-центристских его вождей в первую голову. Этой точки зрения придерживаются—и не могут не придерживаться—революционные советские профсоюзы, как это известно из обращения ВЦСПС к рабочим всех стран.

Можно ли, однако, совместить такую оценку капитуляции 12 мая с представительством ВЦСПС в организации, в которой на тех же самых правах представительствует предательский Генеральный Совет? Не должен ли был наш ВЦСПС сделать организационные выводы от своей точки зрения? Не должен ли был ВЦСПС сразу заявить о своем выходе из Англо-Русского Комитета? Кое-кому может, действительно, показаться, что разрыв с английскими трэд-юнионами должен диктоваться простыми соображениями «здоровой» политической логики. Кое-кому может показаться странным и «непонятным» продолжение нашего пребывания в англо-русском комитете, наше воздержание от активного разрыва. Рассуждают, примерно, так: никто не поймет нашей политики, никто не поймет, как можно сидеть в одной общей кампании со «смердящим трупом». Ведь с банкротами не разговаривают! Ведь свершилось 4 августа! А с изменниками нового 4 августа надо поступать также, как поступали большевики с изменниками в 1914 году. С изменниками надо рвать. Нельзя им подавать ни одного пальца. Всей силой их международного революционного авторитета наши советские профсоюзы должны морально и политически обрушиться на Генеральный Совет, еще больше его дискредитировать в глазах всех честных пролетариев, а для этого об'явить Генсовету бойкот и немедленно выйти из Англо-Русского Комитета.

Однако, только на первый поверхностный взгляд такое рассуждение может подкупить своей «революционной» логичностью. В действительности же такая политическая линия была бы ошибочной линией наименьшего сопротивления, основанной на примитивной, формальной логике борьбы. Между тем ленинская стратегия борьбы должна оставаться тем, чем она всегда является, т.-е. быть насквозь диалектичной.

Неверен, прежде всего, и ничего общего с большевизмом не имеет тот «целомудренный» взгляд, будто с политическими банкротами и изменниками не разговаривают, что с банкротами нельзя сидеть «за одним общим столом», в одной и той же организации. Всякий, кто не забыл еще окончательно борьбу русских большевиков летом 1917 года, должен знать, что тогдашние меньшевистско-эсеровские советы оказались с точки зрения революции банкротами, оказались контр-революционными советами, помощниками кадетов и буржуазии. Однако, большевики, невзирая на это, невзирая на то, что от тогдашних советов «смердело» меньшевистско-эсеровской заразой, не только не принялись бойкотировать советы, но, наоборот, начали самую ожесточенную борьбу за советы, стали завоевывать советы. Большевики тогда не поддались добродетельной панике перед изменническими советами, не «самоустранились» из советов и были целиком правы. Тогда можно и нужно было сидеть с меньшевиками «за одним общим столом», ведя с ними самую непримиримую борьбу. Почему же нельзя теперь советским профсоюзам оставаться в Англо-Русском Комитете, ведя внутри него жестокую борьбу с лидерами трэд-юнионов, и помогать тем самым с «международной» стороны борьбе революционных элементов внутри английского профдвижения?

Нет решительно никакой необходимости, нет решительно никакой политической выгоды нам самим «добровольно» расторгать

официальные узы, связывающие советское и английское профессиональное движение. Политический профит от такого величественного и благородного жеста с нашей стороны извлек бы вовсе не английский рабочий класс, но его извлекли бы международная буржуазия и амстердамцы, которые днюют и ночуют с мыслью о том, как бы покончить с этим «неприятным» Англо-Русским Комитетом. И с нашей стороны было бы непростительным безрассудством торопиться оказать эту услугу амстердамцам на том лишь основании, что Генеральный Совет нынешнего состава кишмя кишит Иудами и предателями английского пролетариата. Не нервничать надо при мысли о возможных встречах с Иудами, но против Иуд надо повести жестокую разоблачительную борьбу, а для этого надо использовать всякую организационную возможность с тем, чтобы помочь английским рабочим сменить нынешний состав Генсовета, помочь им вышвырнуть вон «смердящих» вождей.

Наше «добровольное» отречение от общения с Генеральным Советом через Англо-Русский Комитет принесло бы огромный вред английскому рабочему движению тем, что он самым своим фактом форсировало бы нездоровую и самую опасную теперь тенденцию, тенденцию к выходу из профсоюзов. Наша инициатива выхода из профсоюзного комитета явилась бы сигналом к массовому выходу из профсоюзов английских революционных рабочих. Иначе, как подстрекательство к бегству из профсоюзов, английский рабочий нашего шага не поймет. Не поймет, ибо если советские революционные профсоюзы отказываются от какого бы то ни было организованного общения с английскими трэд-юнионами, то английский рабочий-революционер и подавно должен разрывать с прогнившими профсоюзами, должен выходить из профсоюзов, строить другие, новые массовые организации. Как сможет английский революционный рабочий оставаться в профсоюзах, принимая тем самым на себя определенные обязательства (профсоюзная дисциплина и пр.), если трэд-юнионы «засмердели» до такой степени, что советские профсоюзы, не принимая на себя никаких обязательств, отказываются с верховной инстанцией трэд-юнионов даже «разговаривать»?

Но не будет ли хуже, если инициатива разрыва Англо-Русского Комитета будет принадлежать английской стороне? Разрыв Генсовета с нашими профсоюзами не только возможен, но даже весьма вероятен. Ибо лидеры Генсовета зная нашу оценку 12 мая, великолепно понимают, что встречи в Англо-Русском Комитете не могут быть теперь «дружескими», что Англо-Русский Комитет явится ареной жестокой внутренней борьбы, что мы их не собираемся «прощать», что мы ни в малейшей степени не намерены ослаблять нашей ожесточенной кампании против Генсовета.

Лидеры Генсовета могут стать инициаторами роспуска комитета единства, но это будет в конечном счете хуже для них. В обстановке непрекращающегося промышленного упадка и продолжающегося левения масс, их разрыв с нами только усугубит разочарование английских профсоюзных масс профсоюзным руководством. Их разрыв с нами явится в глазах масс новым предательством, открытым циничным поцелуем Амстердама, громогласной изменой международному профсоюзному единству. Их шаг к расколу будет означать их полити-

ческое выступление против советских профсоюзов и против всей советской страны, будет означать их блок с теми, кто ведет сейчас травлю СССР: с Биркенхедами и Черчиллями, с теми, кто пытается говорить с нами языком керзоновского ультиматума. Их разрыв с нами будет демонстрировать их солидарность с теми, кто вел во время всеобщей стачки бешеную травлю забастовщиков. Никаким реформистским лидерам не удастся внушить массам, что советские профсоюзы чем-нибудь «провинились» перед английскими рабочими и что поэтому Генеральный Совет «вынужден» с советскими союзами разорвать. Нельзя будет спрятать от масс тот факт, что лидеры Генерального Совета порвали с профсоюзами СССР именно потому, что мы помогали и хотим помогать английским рабочим. Таким образом, в случае, если инициатором разрыва выступил Генеральный Совет, результатом этого будет обратное тому, на что реформистские лидеры рассчитывают: разрыв станет фактором роста симпатий к Советскому Союзу, углубит пропасть между «вождями» и массами, энергично подхлестнет собой процесс революционизирования английского пролетариата.

После сказанного должно быть ясным, насколько «обоснованной» выглядит попытка ультра-левых соорудить из вопроса об Англо-Русском Комитете целую платформу, направленную против руководства Коминтерна и специально против ВКП. Ультра-левые готовы теперь прожужжать все уши о том, как «цепляясь» за Англо-Русский Комитет, русские профсоюзы оппортунистически «склоняют голову» перед Амстердамом, как теперь «кулацкая струя» внутри ВКП перехлестывает за государственные границы СССР и переносится на интернациональную арену, как «мелко-буржуазное перерождение» ВКП находит себе естественное «дополнение» в «оппортунистическом перерождении» Коминтерна.

Нет ничего вреднее и глупее с точки зрения интересов английского и с точки зрения всего интернационального пролетариата, чем измышление подобных диковинных платформ. Надо понять, что вольным или невольным пособничеством Амстердаму была бы всякая другая политика в вопросе об Англо-Русском Комитете, кроме той, которую ведет ВКП и советские профсоюзы. Использовывать же «русскую линию» в английских событиях, как «иллюстрацию» «окулачивания ВКП» могут разве только сознательные клеветники или политически умалишенные. Любопытно, в самом деле, выглядит «окулачивающаяся ВКП(б)» в то самое время, когда английские стачечники получают от советских профсоюзов помощь, примеров которой история не знает! Сильна же действительно «кулацкая струя» в стране пролетарской диктатуры, если ради победы английских борцов ставятся на карту англо-советские отношения! Уж не выражает ли собой советская помощь английским рабочим «социальный блок» советского кулачества с британскими углекопами против Болдуина и шахтовладельцев? Уж не выступают ли теперь Чемберлены и Черчилли сокрушителями «кулацких замашек» ВКП? До этого только не хватает додуматься ультра-левым дурачкам!..

Но помощь английскому пролетариату имеет огромное историческое значение не только с материальной, но и с идейной стороны. Она многим должна подрезать не в меру путанные языки. Наша помощь—это конфузная оплеуха тем «развенчателям» Советского Союза, которые об'являли нашу внешнюю политику «историческим продолжением внешней политики царизма». Наша помощь английским товарищам—это уничтожающий удар по г.г. Каутским и К°, имевшим нахальство сравнивать советский режим с «режимом Хорти и Муссолини». Но эта же самая наша материальная поддержка борьбы британских углекопов звучит убийственным издевательством над теми, кто в наших собственных рядах любит вести смехотворные разговоры и разговорчики на темы о «кулацком термидоре».

С каждым годом СССР становится все крепче и крепче. Возрастающие на фоне хозяйственного под'ема возможности оказания реальной помощи иностранному пролетариату (наша помощь британским горнякам была первой крупной реализацией этих возможностей) показывают, как СССР делается все более несокрушимой опорной твердыней международного социализма. А руководящая строительством социализма в нашей стране ленинская партия шагала, шагает и будет шагать в самых первых рядах Коммунистического Интернационала.

К. Павлов.

Режим экономии и некоторые противоречия нашего развития.

I.

Было бы неправильно считать, что лозунг режима экономии явился только ответом на хозяйственные затруднения текущего года, как естественная здоровая реакция хозяйственного организма, регулируемого плановым началом. Разумеется, если бы у нас все было благополучно, этот лозунг возможно не был бы заострен в столь резкой и категорической, жесткой форме. Однако, этот лозунг обозначает собою длительный процесс, а не временную кампанию. За ним кроется нечто большее, чем призыв партии и пролетарского государства, призыв, обусловленный злободневными текущими нуждами,—сузить размах начатого хозяйственного под'ема, растянуть во времени темп восстановительно-реконструктивного процесса, уложиться в более тесные рамки, словом, «протянуть ножки по одежке».

В условиях хозяйственных затруднений режим экономии становится острым повелительным лозунгом. Собственно, проводить этот режим мы начали не со вчерашнего дня. Уже переход на принцип всеобщего хозяйственного расчета означал прекращение того широкого расточения народно-хозяйственных рессурсов, которое было вызвано издержками революции, революционной необходимости.

Уже Ленин ставил вопрос о проведении режима экономии очень резко и определенно и притом в двояком смысле.

С одной стороны—в плоскости конкретной, как задачу текущего строительства. «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую экономию в труде». Эти великолепные, меткие слова («Очередные задачи советской власти», соч., XV, 181) как-будто специально приурочены к марту—апрелю 1926 года, когда мы приступили к работе по осуществлению режима экономии. А какую бурю насмешек вызвали эти слова в 1918 году со стороны меньшевиков и эс-еров, увидевших здесь не что иное, как только проповедь мещанского скопидомства, отступление от «возвышенных идей» социализма и проч.! Или такая выдержка: «Черная доска отсталых фабрик, после национализации, оставшихся образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства, где она? Ее нет. А такие фабрики есть... Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранить интересы рабочего класса в целом от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма и продолжают смотреть на советское государство

попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже,—содрать с «него» денег побольше? Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, среди сормовских и путиловских рабочих и т. д.?» (Собр. соч. XV, 388). Во имя интересов всего рабочего класса Владимир Ильич не льстил рабочим, не замазывал темных сторон психологии отдельных рабочих групп и не жалел слов, чтобы заклеймить эгоистические групповые уклоны. Приведенные строки напечатаны были в «Правде» 20 сентября 1918 года в статье «О характере наших газет». Разверните нашу экономическую прессу за март—май 1926 года, и вы увидите, что гневная тирада Ильича полностью приложима к современности, к нынешнему расхождению заработной платы и производительности труда.

Но Ленин ставил лозунг экономии (выражая его в самых различных терминах) и в более широком смысле. Он ставил его в связь с общей перспективой социалистического строительства, с победой социализма над расточительной анархией капитализма. Таков его известный призыв к учету и контролю: «социализм это—учет».

«Социализм,—писал он,—требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом» (XV, 186). «Безотчетность в деле распределения продуктов... есть гибель зачатков социализма, есть казнокрадство—ибо все имущество принадлежит казне, а казна—это и есть советская власть, власть большинства трудящихся» (XV, 191). В. И. прямо ставит ребром вопрос о борьбе «социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности» (там же). «Учиться работать—эту задачу советская власть должна поставить перед народом во всем об'еме», положить «основы социалистической организации соревнования», ибо «бессмыслица... будто социалисты отрицают значение соревнования. На самом же деле только социализм... впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе» (XV, 195). И, наконец, через пять лет в статье «Лучше меньше, да лучше», Ленин дает уже решительную непререкаемую директиву всей партии, всем «рабочим, увлеченным борьбой за социализм»: «Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата»: мы должны «...ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя и проч.» (XVIII, ч. 2, с. 128).

Итак, необходимость режима экономии нельзя толковать иначе, как необходимое условие поднятия нашего хозяйства на более высшую ступень, чем капиталистическое хозяйство с его бесконечной и бесплодной растратой силы и средств, растратой, органически ему присущей, вытекающей из его антагонистического характера. Без такого поднятия историческая задача Октябрьской революции останется невыполненной. Если мы не превзойдем капиталистического хозяйства дешевизной, экономией, максимальным сбережением энергетических и социально-трудовых рессурсов, мы социализма не построим.

В условиях хозяйственных затруднений, сопровождающих наш народно-хозяйственный под'ем, лозунг режима экономии диктуется с исключительною решительностью и настойчивостью. Мы достигли уже такой стадии строительства, когда игнорировать его в качестве руководящего практического мерила абсолютно не приходится.

II.

Партия провозгласила режим экономии как практическую задачу ближайших лет. Это значит, что мы должны по-ленински, открыто, не замазывая вопроса, признать: мы были расточительны, небережливы, недисциплинированы в труде. Отчасти здесь мы имеем наследие царского режима, которое еще не преодолено окончательно. Отчасти—для нас сейчас это самое важное—это вызвано издержками пролетарской революции. Мы говорим об издержках небывало мучительной борьбы и разделки со старым, об издержках невиданного, совершаемого без опыта и примера строительства социализма в отсталой аграрно-промышленной стране. Тов. Бухарин еще в своей «Экономике переходного периода» дал характеристику прямых издержек революции, гражданской войны. Эти издержки были совершенно необходимы и неизбежны. Они себя оправдали сторицей. Разгром контр-революции расчистил дорогу к социалистическому строительству.

Мы имеем далее издержки нэпа, отметившего только что пятилетие своего существования. Проблема издержек нэпа еще ждет своего исследователя. Эти издержки не подсчитаны материально и количественно и не изучены с точки зрения их значения для судеб нашего социалистического строительства. Эта проблема вплотную приводит к тем противоречиям об'ективного хозяйственного развития, с которыми придется считаться, проводя в жизнь лозунг режима экономии.

Вспомним период воссоздания из наследия военного коммунизма рыночных связей в 1921—1922 г.г., период оформления товарного хозяйства, «разбазаривание» промышленных фондов, стихийное нарождение трестов и синдикатов, повлекшее за собой кампанию по их пересмотру, сокращению, организационному слиянию и т. д. Это была борьба реального планового начала против безудержных проявлений коммерческого и хозяйственного расчета наших хозорганов. Мы имели затем колоссальные потери на падавшей бумажно-денежной валюте. Издержки инфляции несло не только крестьянство в форме эмиссионного налога, но и государство в лице его транспортных, налоговых и иных касс. Издержки инфляции, огромные по своей величине, грозили нам не только экономическим кризисом, но и политическим—срывом смычки города и деревни.

А издержки по государственному регулированию промышленности и торговли? Издержки народно-хозяйственного планирования, включая прямые потери от плановых «просчетов»? А издержки контроля: пресловутый потоп бумажной отчетности? А издержки кооперирования со стороны бюджета и промышленности? Многие из этих издержек, разумеется, были совершенно неизбежны и рациональны. Это были затраты на социалистическое строительство. Они будут оправданы в будущем. Но во скольких случаях был перейден предел действительно необходимого? Сколько было затрачено зря, бесполезно, преждевременно, необдуманно? Наконец, мы имели и имеем и отрицательные издержки. Под ними мы разумеем прямые излишества, явные растраты уголовного и полууголовного характера, принявшие за последние два года массовый и социально-опасный характер, ибо они носят в себе элементы буржуазного разложения.

Переход нашего государственного и кооперативного хозяйства к методам капиталистического коммерческого расчета, в условиях окружения мелко-буржуазной стихией, неизбежно воспитывает и воспроизводит в неустойчивых элементах человеческого аппарата буржуазную психологию. И что хуже всего—эта буржуазная психология прикрывается «возвышенными принципами»: «...в учреждениях, в частности, в сел.-хоз. кооперации, нет достаточной бережливости. 100 рублей не считаются деньгами, бережливого человека не уважают, считают его ограниченным, не понимающим широких задач, стоящих перед советской властью» («Эк. Жизнь», 20 марта, ст. П. Садырина). Эта немного шаржированная формулировка очень характерна. Она намечает те и суб'ективно-групповые противоречия, и противоречия об'ективного социалистического развития, которые вскрывают лозунг режима экономии.

Не по-марксистски было бы думать, что решающие причины нашей расточительности, небережливости и проч. коренятся только в буржуазно-переродившейся психологии отдельных хозяйственников. Нет, они глубже. Наше государство управляет и хозяйствует не капиталистическими методами. Режим капиталистической экономии нам не пример. У нас есть расходы—политические, культурно-социальные, профессиональные, административные,—каких не знает капиталистический мир. Поэтому тот, кто об'являет огульно непроизводительным всякий расход, не идущий непосредственно на производство,—тот не понимает отличительной сути советского строя. В этом смысле издержки социалистического строительства, раскладываемые на всех трудящихся, несомненно, останутся. Интересы защиты труда, интересы вовлечения широких трудящихся масс в кооперативное и хозяйственное строительство, интересы политического и общего просвещения ни в коем случае не могут быть ущерблены во имя режима экономии.

Однако, с другой стороны, нельзя упускать из виду той обстановки, в которой нам приходится бороться за численное и материальное преобладание социалистических элементов над капиталистическими. Мы окружены мелко-крестьянской и мелко-буржуазной стихией. Мы не можем игнорировать конкуренции, идущей со стороны частного капитала, торгового, кустарного, ремесленного, который у нас допущен к хозяйственной деятельности. И мы не можем бороться с ним иначе, как методами крупно-капиталистической техники, удешевлением производства, понижением цен, повышением качества изделий,—словом, соединением принципов экономии и качества. Но не надо забывать, что это—только технические методы. Социальное содержание нашей промышленной политики—другое.

Наша госпромышленность существует не сама по себе, не ради голого извлечения голой прибыли во что бы то ни стало. Она существует прежде всего для обслуживания рабоче-крестьянского потребителя. Она является основною частью пролетарского хозяйства, активно идущего к социализму. И, в то же

время, она должна бороться конкурентными методами за свое развитие в нелегких условиях мелко-буржуазного окружения.

Мы можем сказать, даже, что социалистический характер нашей госпромышленности заключает в себе некоторое противоречие с методами коммерческого и даже просто хозяйственного расчета. Госпромышленность оказывается иногда вынужденной продавать товары даже по убыточным для себя ценам, раз это диктуется, в каждом данном случае, интересами потребителя. А продажа товаров по убыточным ценам, разумеется, не может не противоречить режиму экономии. С другой стороны, тот же последовательно-социалистический характер нашей госпромышленности приводит к отрицательным явлениям. Наша крупная госпромышленность монопольна. А там, где имеется монополия, особенно в условиях мелко-буржуазного окружения,—там заложены тенденции к буржуазному вырождению, к забвению прямых общественных задач, к увлечению торговлей ради торговли и т. д. Где монополия, где отсутствует «благодетельный» винт конкуренции, там зарождается склонность к бесконтрольности, безответственности, к излишествам,—словом, обычные тенденции к загниванию. И, к сожалению, эти тенденции весьма трудно парализуемы в порядке одних административных приказов.

Обычно, капиталистическая конкуренция на ряду с дорого стоящей народным массам растратой сил и средств, приносит и нечто положительное. Именно она наводит экономию внутри отдельных предприятий. Однако, можно ли считать целесообразным, плодотворным, введение принципа межхозяйственной конкуренции внутри нашей госпромышленной системы? Осуществим ли у нас принцип того социалистического «соревнования», о котором 8 лет назад писал Ленин?—Безусловно, да. Нужно оговориться, тем не менее, что тот опыт соревнования и конкуренции, который имела до последнего времени наша госпромышленность не дал ничего хорошего ничего принципиально отличного от расточительных методов капиталистической конкуренции. Достаточно сослаться на пример Московского и Ленинградского электротехнических трестов, которые конкурировали друг с другом вплоть до скрывания друг от друга своих технических достижений, и несмотря на это не смогли завоевать себе новых рынков сбыта по той простой причине, что продукции обоих трестов нехватало даже для основных первоочередных потребителей.

Мы не должны все же зарекаться вовсе от применения методов конкуренции. Будучи правильно понята и целесообразно направлена, она послужит отличным стимулом к тому, чтобы заинтересовать наших красных промышленников и красных купцов в проведении режима экономии, чтобы несоблюдение этого режима грозило бы им реальным хозяйственным ущербом. Если не будет этого стимула, неизбежны застойность, почивание на лаврах, пренебрежение к элементарным основам коммерческого расчета,—словом, все явления монопольности в худшем смысле слова.

Но практически госпромышленность является в руках пролетариата почти безраздельной командной высотой. Частный промышленный капитал почти не воздействует на политику госпромышленности. Длительная же кон'юнктура товарного голода еще больше укрепляет монопольные позиции последней. Между тем, конкуренция со стороны частного промышленного капитала была бы весьма полезна для внедрения режима экономии в нашу госпромышленность: для достижения той высшей производительности труда, той экономии в использовании рабочей силы, о которой говорил Ленин в «Очередных задачах советской власти». Но здесь мы наталкиваемся на некое противоречие. Курс нашей экономической политики направлен как раз на уменьшение роли частного капитала в народном хозяйстве вообще, в промышленности в частности. Наша экономическая политика преследует цели социалистического протекционизма. Значит, отсюда, мы должны это противоречие преодолевать не методами открытой и беспощадной капиталистической конкуренции, а другими средствами. Какими? В первую очередь плановым регулированием нашей промышленности со стороны органов пролетарского государства, с другой стороны—укреплением и воспитанием дисциплины жесткой экономии со стороны хозяйственников.

III.

Сюда—и главным образом сюда, должен быть сделан нажим. Именно в государственном хозяйственном аппарате, во всех его разветвлениях и филиалах, скрываются те материальные фонды, одно сбережение коих могло бы дать огромные осязательные результаты. Особенно это относится к оперативным промышленным и торговым организациям. Главное ударение должно быть сделано на непроизводительных, необдуманных, случайных и систематических расходах и тратах. Основной огонь партия и вся советская общественность должна направить на головотяпство, бесплановость, бездействие и на отсутствие инициативы руководящих управленческих организаций. Все сложившиеся за период нэпа «обычаи» торгового, промышленного, планово-регулирующего быта; вся система связей, сношений, отчетности, контроля, субординации и координации—именно в ней кроется большое неблагополучие с точки зрения режима экономии. Жесткой рукой, постепенно, не спеша, но решительно мы должны взяться за пересмотр всей «технической ткани» нашей хозяйственной системы.

Отметим главнейшие отрицательные моменты этой ткани, вскрытые нашею печатью за последние месяцы.

В целом ряде областей, у нас до сих пор отсутствует единаличие в работе, в смысле полномочного, самостоятельного распорядительства. Для «согласования» и «увязки» пустяковых вопросов созываются громоздкие совещания. Все эти командировки, с'езды и раз'езды и дорого стоящие комиссии ложатся немалым расходом на бюджет пролетарского государства. Неудачное построение учреждений. Параллелизм функций. Зачастую создается учреждение, а потом ему придумываются функции. Это, главным образом, относится к той хаотической, до сих пор неупорядоченной многоступенчатой отчетности, которую у нас разрабатывают, используют (а чаще всего и вовсе не используют!) десятки различных инстанций.

Бесхозяйственность проявляется не только в форме ревизионно-уловимых и инкриминируемых действий, но и в форме неумения предвидеть расходы, сберегать их (неумелое исполь-

зование транспорта всех видов), отсутствие элементарной коммерческой предприимчивости: одно ускорение оборота капитала предприятий сберегло бы реально многие миллионы рублей, как это подсчитано было т. Пятаковым еще полтора года тому назад. Мы не говорим уже о том, что аппараты трестов, синдикатов, представительств, уполномоченных поглощают огромную долю прибавочного продукта, создаваемого предприятиями—фабриками и заводами.

Во всех этих областях наши возможности наведения режима экономии должны быть использованы полностью и до конца. Наш государственный, регулирующий и администрирующий, аппарат должен подвергнуться сокращению, сжатию, внутренней рационализации. Борьба за сокращение штатов об'явлена систематически с 1922 года. Тем не менее численные размеры нашего аппарата, особенно центрального, не уменьшаются, а даже растут.

Однако, надо отдать себе ясный отчет в том, что одним централизованным нажимом, путем одних только механически-административных мер наш разбухший аппарат мы не сократим и не упорядочим. И здесь мы подходим к об'ективному противоречивому затруднению, которое стоит на пути проведения режима экономии. Это затруднение—проблема ведомственности. К сожалению, эта проблема у нас мало исследована теоретически.

Наше государство и хозяйство руководятся одною партией. Государство и хозяйство преследуют одни и те же классовые цели, четко выраженные. Но сложная суть противоречивой обстановки, в которой совершается наше строительство, обусловливает то, что у нас существуют ведомства и противоречия ведомств. Нельзя легко отмахиваться от проблемы этих противоречий и от трудности ее разрешения. Нельзя говорить просто, что разные люди посажены на функционально-разные места, и противоречия интересов между ними являются только кажущимися или формальными. Нет, эти противоречия вызываются и воспроизводятся определенными социальными влияниями. Поскольку есть противоречия между крестьянством и рабочим классом, противоречия между «чистыми производителями» (госпромышленность) и «чистыми потребителями» (напр., наша потребительская кооперация), между государственным капиталом и частным капиталом,—постольку эти противоречия неизбежно давят на работу наших ведомств. Разумеется, мы ни на йоту не преувеличиваем остроты и значения этих противоречий в общей перспективе социалистического развития нашей страны. Но мы не должны забывать, что наш госаппарат делится на ведомства не просто ради технического удобства, связанного с разделением труда. Это деление не узко функционального характера, а имеет более глубокую социальную подоплеку. Можем ли мы отрицать наличие трений и несогласий между Наркомземом и Наркомфином по линии сельско-хозяйственного налога; между Наркомфином и промышленностью по вопросу об из'ятии прибылей в доход государства; между нашими банками, как держателями кредитных фондов, и трестами, как потребителями кредита; между ВСНХ и потребительской кооперацией и т. д.? Разумеется, было бы ошибкой думать, что эти несогласия имеют глубоко принципиальный политический характер, что они

непримиримы в свете высших интересов советского рабоче-крестьянского государства, строящего социализм. Уже только плановый характер нашего хозяйственного строя обеспечивает безболезненное разрешение этих несогласий и противоречий в каждом данном случае.

Но пределы нашего планового воздействия на ведомства ограничены. Ведь наши ведомства и хозорганы имеют дело не только с пролетарской казной, интересы коей они призваны и обязаны блюсти, но и с частно-капиталистической стихией, где они часто бывают предоставлены самим себе. И вот в целях борьбы с этой мелко-буржуазной и буржуазной стихией, а также для использования сил этой стихии по социалистическому руслу,—оказываются неизбежными такие расходы, которые выходят за рамки чистой экономии. Использование буржуазных квалифицированных специалистов, применение рекламных методов, всякого рода комиссионерства и коммивояжерства, необходимость ради конкуренции быстрого охвата рынка сетью торговых отделений хозорганов, стоящих, конечно, дорого,—все это неизбежные накладные расходы нашего хозяйственного расчета. Можно и должно бороться за максимальное снижение, но устранить их полностью, или свести к какому-либо раз навсегда предустановленному, твердому, «бюджетному» минимуму—задача едва ли мыслимая в условиях нэпа. И здесь режим экономии наталкивается на препятствие, которое трудно предвидеть.

Обратимся далее к аппарату нашего государственного планирования и регулирования.

Мы гордимся нашими плановыми завоеваниями. И недаром. Пятилетие нэпа совпадает с пятилетием существования Государственной Плановой Комиссии при Совете Труда и Обороны (Госплана).

Мы смогли приостановить наше «отступление», закрепиться на твердых и выгодных позициях и продвинуться вперед на решающих участках против капиталистического врага—лишь благодаря действительно плановому характеру нашего хозяйства. Крайне показательно, что люди, политически отстоящие от нас далеко и не во всем согласные с хозяйственной политикой нашей партии, вынуждены, однако, признать, что лишь плановое хозяйство предохранило нас от превращения временных хозяйственных затруднений 1925—1926 г.г. в острый хозяйственный кризис с массовыми банкротствами и закрытиями предприятий, как это неминуемо случилось бы в капиталистической стране (проф. Л. Н. Юровский, в брошюре «Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики», Фин. Изд., Москва, 1926 г.).

Но мы опять-таки не должны переоценивать реальной эффективности методов планового хозяйственного воздействия. Гипертрофия плановости так же вредна и расточительна для народного хозяйства (опыт военного коммунизма), как и гипертрофия капиталистической конкуренции. Просчеты в нашем хозяйстве—если брать их со стороны суб'ективных факторов—являются не только результатом неудачных планов, но и плодом множественности, несогласованности, противоречивости планов, исходящих от разных ведомств. Не слишком ли много у нас планирующих аппаратов, явного и скрытого параллелизма в этой области? Если мы возьмем, для примера, только одну госу-

дарственную торговлю, то увидим, что ее регулируют и планируют: Народный Комиссариат внутренней и внешней торговли, Торговая Комиссия ВСНХ, Торговая Секция Госплана, торговая Секция НК РКИ, Совет Синдикатов; сюда надо присоединить банки, которые регулируют торговлю непосредственно методами кредитной политики. А если прибавить сюда планирующие и регулирующие органы Союзных республик, губерний и округов и нижестоящие соответственные инстанции, то получится такая внушительная организационная система воздействия, которой едва-ли соответствует действительная степень успехов госторговли. При всем том мы не приняли во внимание наличия еще одного органа, воздействующего на госторговлю: именно Наркомфина (налоги и акцизы).

А прохождение производственных програм佐 госпромышленности? А рассмотрение государственного бюджета СССР в ряде предварительных регулирующих инстанций (статья М. Ветошкина в «Эк. Жизни», 1 и 2 апреля)? Мы можем не увеличивать числа примеров. Каковы же наши выводы? Необходимо рационализировать государственный планово-регулирующий аппарат в полной мере соответственно правильно понятому режиму экономии. Надо поставить дело так, чтобы организационная структура госаппарата полностью себя оправдывала в народнохозяйственном производительном эффекте.

Нужно отказаться от таких учреждений (и проектов таких учреждений), которые работают на холостом ходу и не могут выполнить тех широких и часто необ'ятных задач, которые они себе ставят. Сюда относятся бесчисленные «комитеты» и «комиссии», «секции» и «бюро», которые создаются сплошь и рядом в угоду красоте и стройной замкнутости организационных схем, висящих на стенах кабинетов. Несмотря на то, что нередко эти учреждения с самого начала являются мертворожденными, они усиленно поглощают средства по «утвержденной смете». Вот сюда-то и должен быть направлен беспощадный и очистительный огонь режима экономии.

Мы слишком много тратим на служащих—и недостаточно, нерационально скупо, например, на воспитание и развитие выдвиженчества из рабочих и крестьянских масс.

IV.

Обращая основное острие борьбы за режим экономии на непроизводительные расходы и вредные излишества нашего государственного планирующего, регулирующего, хозяйственного, оперативного аппарата и отмечая неизбежные трудности осуществления этого режима, мы должны сейчас коснуться другой, менее важной, но все же существенной стороны дела.

Это—режим экономии в промышленном производстве.

Бесспорно, наши госпредприятия последовательно-социалистического типа, дающие государству прибавочный продукт, менее, чем другие участки хозяйственного фронта заслуживают упрека по линии экономии. Именно на счет этого прибавочного продукта существует в значительной своей части хозяйственный аппарат. Следовательно, не здесь должно быть сделано главное ударение.

Но это вовсе не освобождает нас от постановки на очередь вопроса о производственной экономии. Достаточно сослаться на известное расхождение кривых производительности труда и заработной платы, которое начало наблюдаться с последней четверти 1924—1925 г. Режим экономии на производстве повелительно выдвигает задачу максимального повышения производительности рабочего труда, беспощадного изгнания всех нарушений внутренней трудовой дисциплины, изжития всех «бытовых явлений», мешающих производству: прогулов, пьянства, симуляций, хищений, хулиганства и пр. Режим экономии возлагает на хозяйственников, красных директоров, инженеров, мастеров личную ответственность за действительное удешевление издержек производства. Необходимо внедрить и усилить сознание необходимости экономии в гущу профессиональных союзов и непосредственно широкие рабочие массы.

Здесь мы подходим к новому противоречию, которое затрудняет проведение в жизнь режима производственной экономии так быстро, как этого нам бы хотелось. Это противоречие трактовалось до сих пор как противоречие между интересами хозяйственников и профсоюзов. Партия на своих с'ездах дала политическую директиву о том, что интересы народного хозяйства и промышленности и интересы рабочего класса не противоположны и не должны противопоставляться. Ибо это—интересы единого совокупного хозяйства, строящего социализм. Хозяйственники должны итти навстречу профсоюзам, фабзавкомам, низовой профсоюзной общественности. С своей стороны профсоюзы—непосредственный выразитель и выполнитель настроений и воли рабочего класса—должны итти навстречу хозяйственникам, помогая им в работе, исправляя их недочеты и увлечения своевременной и доброжелательной критикой. Тем не менее, на практике внутри знаменитого «треугольника» едва ли все обстоит благополучно. И это недаром. Никакие директивы сами по себе, никакие добрые желания сами по себе не смогут устранить возможности возникновения в каждом отдельном случае разногласий или даже прямых конфликтов между хозяйственниками и профсоюзами. И на почве лозунга режима экономии такие разногласия могут только расти. На это нельзя закрывать глаза.

Спросим себя: во всем ли и всегда ли профсоюзы идут рука об руку с хозяйственниками, выполняя огромную задачу удешевления и рационализации производства? Просмотрите нашу экономическую прессу—«Экономическую Жизнь» и особенно «Торгово-Промышленную Газету», где пишут и хозяйственники и рабкоры,—и вы увидите, что это далеко не так. Проведение действительного режима экономии наталкивается на такие препятствия, которые отчасти коренятся в психологии низовых рабочих масс,—психологии, перепаханной и перевоспитанной десятью годами пролетарской революции.

В самом деле. Революция внедрила в сознание самых отсталых слоев рабочих права на защиту труда, на гарантию жизненного минимума (в форме заработной платы), на охрану труда, на разнообразные льготы и привилегии. В каждом конкретном случае рабочий и работница умеют сознавать и практически отстаивать свои законные материальные интересы. Но мы не должны замазывать отрицательных явлений, выросших на этой почве. Здоровое сознание своих прав, это неот'емлемое завоевание революции, искривляется, уродуется. Именно: иногда в рабочей среде начинают смотреть на уровень своей заработной платы, как на нечто заранее за ними обеспеченное, как на нерушимый экзистенц-минимум, зависящий только от 8 часов их ежедневного

труда и мало связанный с качеством и производительностью этого труда. Некоторые рабочие стали привыкать к тому, что уровень их жизни защищен и законом и целым рядом пролетарских организаций, и они могут на этой почве позволять себе безнаказанно понижать и нарушать дисциплину труда. Они считают, что пролетарское государство обязано защищать рабочего во всех случаях, при любых обстоятельствах. Весьма любопытная корреспонденция на эту тему была помещена в «Торгово-Промышленной Газете» от 25 марта 1926 года (т. Степанов из Кинешмы, Ив.-Вознесенской губ.).

Такие настроения становятся понятны в свете приведенной выше тирады Ленина против тех «горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма» и рвачески смотрят на советское государство.

Нет сомнения, что многие проявления такой кривой психологии уже изжиты или парализуются усилиями профсоюзов, коммунистических фракций в них и т. д. Разумеется, если бы такой цехово-эгоистический взгляд укоренился сколько-нибудь прочно в рабочей массе, то широкая борьба за режим экономии была бы крайне затруднена. К счастью, этого нет.

Но, спрашивается, можем ли мы, с другой стороны, встать на путь капиталистических методов регулирования заработной платы, провозгласить у нас действие «железного закона» заработной платы? Нет, не можем. В этом и состоит то противоречие, то затруднение на пути к проведению режима экономии в труде, которое существует и должно быть преодолено иными, советскими методами. Социалистическая сознательность, ясное понимание рабочим своего места и роли в поднятии народного хозяйства,—таковы моменты, упорная пропаганда коих является главной задачей профсоюзов, производственных совещаний, беспартийных рабочих конференций и т. д.

Но мы не должны и не можем отказываться от применения таких способов воспитательного воздействия, которые связаны с теми или иными материальными неудобствами или лишениями для рабочих. Этими способами, конечно, мы должны пользоваться (и уже пользуемся) крайне осторожно и осмотрительно. Деликатнейшая, тактическая задача партии и профсоюзов—так поставить дело, чтобы в сознании рабочих хозяйственник не являлся скрытым «эксплоататором», за которым нужно держать ухо востро, и чтобы, с другой стороны, профсоюзы не потакали и не прикрывали групповых, нездоровых инстинктов и интересов рабочих, интересов, противоречащих всему рабочему классу и советскому государству в целом. Трудность этой задачи чрезвычайно велика. Здесь скрывается об'ективное противоречие переходного строя. Переходный строй должен сочетать социалистический дух и содержание с капиталистическими методами и формами работы. Переходный строй вынужден существовать с живучими остатками товарно-капиталистической эпохи.

Отметим еще одну трудность. Наша партия и пролетарское государство в целом взяли курс на индустриализацию страны. Это означает повышение удельного веса крупной промышленности в нашей экономике не только путем увеличения материальных затрат на форсирование роста геспромышленности. Это означает численный рост занятого в промышленности рабочего населения. Чем большее число населения будет «выварено» в советском фабричном «котле», тем прочнее станет база советской власти, база социалистического строительства и накопления.

Вот почему, осенью 1925 года, едва только наметились признаки бурного экономического под'ема, мы приняли в ряды рабочего класса тысячи и десятки тысяч новых членов. Мы справедливо гордимся тем, что процесс распада и деклассирования рабочего класса давно и бесповоротно закончился. Рабочий класс множится и возрастает на здоровой основе восстановления и реконструкции советской экономики. Но мы не можем отрицать, что, преследуя цель «индустриализации населения», борясь всеми мерами против безработицы, мы в целом ряде случаев идем дальше тех материальных рессурсов и возможностей, которыми располагаем. Правда, очень часто мы не можем позволить себе роскоши экономить на живой рабочей силе (не на труде!). Мы идем на дополнительные расходы, лишь бы сохранить в данном предприятии живые рабочие кадры. У нас есть целый ряд убыточных производств, которые, по соображениям социальным и политическим, а не только по узкокоммерческим, мы должны поддерживать за счет бюджета, за счет доходных отраслей госпромышленности. Всякое сокращение штатов для нас болезненно и не может быть иным. Вот почему, в области регулирования количественного (а также качественного) состава промышленного пролетариата лозунг режима экономии не может пониматься прямолинейно, формально, под углом зрения одностороннего коммерческого расчета. «Резервная рабочая армия»—этот спутник капиталистического строя,—для нас неприемлема. Мы должны с нею бороться всеми теми рессурсами, коими располагает наше плановое хозяйство. Но преуменьшать значение этого об'ективного противоречия было бы неправильно.

Мы считали своим долгом наметить бегло основные задачи и трудности проведения режима экономии.

Мы ни минуты не сомневаемся, что эти трудности, как бы велики они ни были, будут побеждены. Осуществление режима экономии—длительный процесс. Сейчас он стал боевым, острым лозунгом. Это лозунг Владимира Ильича о поднятии производительности нашего народного хозяйства на высшую ступень, чем в капиталистическом мире. Иначе,—если мы не добьемся его осуществления,—мы обречем нашу социалистическую промышленность, отвоеванную революцией у капиталистов, на прозябание.

Наша партия, как средоточие неисчерпаемой энергии, бодрости и оптимизма, правильною политикою должна преодолеть те об'ективные противоречия, которые заложены в переходном к социализму строе. Отрицательно-монопольные тенденции наших хозорганов будут побеждены. Госаппарат будет упрощен и удешевлен. Издержки обращения, планирования, регулирования будут сведены к минимуму. Социалистически-сознательная трудовая дисциплина рабочего класса восторжествует над шкурническими, расточительными уклонами отдельных групп и горсток рабочих. И, как писал Ц. О. нашей партии еще в начале кампании 23 марта 1926 года, «нет никаких сомнений, что наша партия, опираясь на широчайшую поддержку трудящихся масс, осуществляя борьбу за экономию как длительную актуальную работу месяцев и годов, сумеет добиться ликвидации всех источников расточительности и направления народно-хозяйственных накоплений в русло социалистического строительства».

От левой фразы к социал-фашизму.

(Начало статьи см. в № 11).

III. Куда растет «ультра-левая».

Самым сильным и влиятельным и, во всяком случае, самым последовательным из всех направлений германской «ультра-левой» до последнего времени было направление Шолема—Каца—Корша—Вебера. Еще в январе оно заняло резко-отрицательную позицию по отношению к XIV с'езду ВКП. Но после январской конференции этой фракции от нее отошла группа видных руководителей: Шолем, Розенберг, Конрад, а Кац очутился вне партии. Новая конференция этой фракции привела к новому расколу. На этот раз от фракции откололся Вебер, образовавший вместе со своими сторонниками новую «ультра-левую» группировку. Разногласия, послужившие причиной раскола между Коршем и Вебером, сосредоточились вокруг четырех вопросов: 1) о лозунге рабоче-крестьянского правительства: Вебер считает его принципиально правильным; Корш решительно его отвергает; 2) об особых пролетарских организациях (союз красных фронтовиков; пролетарская красная помощь, Красный Профинтерн): Вебер отказался признать, что ЦК КПГ и ИККИ ведут курс на ликвидацию этих организаций; Корш на этом настаивал; 3) о ячейках: Вебер настаивал на принципиальном признании ячеечной системы, как основного типа партийной организации; Корш—решительно против и 4) о создании международной фракции «левых»: Вебер против об'единения с Бордигой, Гансеном, Домским; Корш настаивает на организации интернациональной «левой» фракции и солидаризуется во всех основных вопросах с Бордигой. Мартовская конференция приняла специальную резолюцию «О положении в ВКП и в Коминтерне». Эта резолюция была затем дополнена и расширена, третьей по счету, апрельской конференцией фракции Корша. Интересно отметить следующее обстоятельство. На апрельской фракционной конференции «ультра-левых» членов партии принимал активное участие Кац, исключенный из партии еще в январе. Доклады о положении в ВКП на обоих конференциях делал профессор Корш. На основе его доклада и была выработана упомянутая нами резолюция. Резолюция дает следующую оценку положения дел в нашей партии:

Вся линия ВКП «начиная с 1921 года заключается в заострении всей внутренней и внешней государственной политики все в большей и большей мере в сторону удовлетворения запросов и интересов крестьянства, в частности крестьянства имущего (середняков и кулаков)... Лозунг союза с середняцким крестьянством фактически подменил собою лозунг союза пролетариата с деревенской беднотой—на пользу кулакам и соответствующим городским элементам»...

«Под влиянием этого развития постепенно изменился весь характер советского государства—в экономическом, политическом и культурном положении. Нэп идеализируется, как мнимый путь к социализму, госпромышленность выдается за осуществление социализма, ленинское понимание госкапитализма подвергнуто ревизии... гегемония пролетариата в рабоче-крестьянском государстве постепенно ослабляется».

В комментариях к этой резолюции, составленных руководящим центром фракции Корша, дается исчерпывающее раз'яснение по вопросу о том, что значит ослабление гегемонии пролетариата в рабоче-крестьянском государстве.

«Совершенно ясно,—говорится в этих комментариях, что даже наилучшее рабоче-крестьянское правительство из бывших до сих пор—русское,—в конечном счете сводится не к диктатуре пролетариата, а к диктатуре кулака».

В другой резолюции апрельской конференции «ультра-левых» («О политике и тактике КПГ и Коминтерна») дается и общая характеристика нынешнего этапа развития СССР.

«Даже в странах подымающегося капитализма (С. Ш. С. А., Индия, Советский Союз) тенденции кризиса сильнее, чем тенденции благоприятной кон'юнктуры».

Итак, Советский Союз—страна подымающегося капитализма с диктатурой кулака! Какие отсюда следуют политические и практические выводы? Об этом мы узнаем от Каца, единомышленника Корша и активного участника его фракции. В издаваемом им «Информационном листке» Кац обрушивается градом упреков на оппозицию в ВКП и ее руководителей:

«Почему допускают Зиновьев, Каменев, Сафаров, вдова Ленина—Крупская, Александра Коллонтай и другие применение к ним мер дисциплинарного воздействия? Почему они не наплюют на запрещение выступлений... и другие подобные меры?

Почему они не говорят открыто? Почему они не призывают русский пролетариат к классовой борьбе?

Разве они не знают, что Сталин об'ективно играет роль Носке? Что благодаря политике Сталина не только приближается капиталистическая крестьянская демократия, но и царская реакция?... Почему они не соединятся открыто с нами и с Гансеном, Домским и Бордигой?..

Мы знаем, что открытое выступление будет для Зиновьева, Каменева и его друзей в конце концов гражданской войной и, может быть, бегством в Швейцарию. Но что еще может им дать капиталистическая Россия? Они должны решиться. В великой освободительной борьбе пролетариата имеется только одни или-или. Все средние группы распадаются...

Германские революционные рабочие должны решиться: со Сталиным или против него; с контр-революцией или против нее».

Совершенно ясно, что никого из наших товарищей, имена которых Кац упоминает: одних с бешеной ненавистью, других с наглой фамильярностью отпетого провокатора, эти грустные выпады не могут не только оскорбить, но и затронуть, задеть в какой-либо мере. Слишком уж для этого Кац мелкий мерзавец, слишком уж откровенно и цинично продает он себя буржуазии и выслуживается перед нею, слишком уж к избитым провокаторским приемам прибегает он, чтоб это могло кого-нибудь обидеть: ни тех, кому Кац нагло навязывается в «союзники», ни тех, кому он об'являет войну. Но не в этом дело, а в том, что позиция Каца есть в то же время позиция германских «ультра-левых» направления Корша—Шварца. Корш и Шварц уже исключены из партии вслед за Кацом и, правда, совсем недавно, в мае 1926 года. Но их фракция еще сохранилась, хоть и в крайне ослабленном виде, в КПГ. А самое главное то, что направление Корша—Шварца—Каца пользуется прямой или косвенной поддержкой со стороны всех других оттенков и направлений германской—и не только германской!—«ультра-левой». Но мы еще вернемся к этому вопросу.

В резолюции «О политике и тактике КПГ и Коминтерна», принятой фракционной конференцией группы Корша, дана подробная оценка деятельности Коминтерна.

Мы приведем лишь самые короткие извлечения из этой резолюции:

«В русской революции, начавшейся в 17—18 г.г.... пролетарский характер должен был оттесняться все более и более на задний план после того, как революционные восстания пролетариата в Центральной Европе были разбиты и изолированное русское государство должно было развиваться при условии относительного перевеса сил крестьянского класса над пролетариатом. Цитадель интернациональной пролетарской революции, советское государство превращается теперь все более и более—с точки зрения освободительного движения пролетарского класса—лишь в частичную организацию (?) пролетарской классовой борьбы, которая не должна больше рассматриваться как всеоб'емлющее целое революционного освободительного движения международного пролетариата. Делать из этой части самодовлеющее целое, ставить советское государство на место мировой партии, об'являть советское государство «осью интернациональной пролетарской революции», это теперь значит сдавать принципы революционного коммунизма Маркса, Ленина и Люксембург. Это значит в последнем счете: подготовлять 4 августа 1914 года для Коммунистического Интернационала».

«XIV партийный с'езд ВКП раскрыл всему миру, что внутри нашей братской русской партии оппортунизм уже добился перевеса. Постановления и резолюции расширенного пленума Исполкома от марта 1926 г. показывают, что этот оппортунизм распространяется на весь Коминтерн».

Коминтерн подготовляет 4 августа 1914 года, в ВКП уже победил оппортунизм, распространяющийся теперь на весь Коммунистический Интернационал! Казалось бы, комментарии к этим решительным заявлениям излишни! Тем не менее профессор

Корш находит нужным комментировать эти положения своей резолюции. В сопроводительном письме, с которым вместе рассылались резолюции конференции «ультра-левых», говорится прямо об «окулаченном Коминтерне» и о «контр-революционной политике ИККИ и ЦК КПГ». Сравнительно «осторожный» (?) тон резолюций об'ясняется тем, что Корш и К° остерегались в оффициальных своих решениях распоясываться слишком уж откровенно по примеру Каца. Они хотели во что бы то ни стало удержаться в партии с тем, чтоб иметь возможность взорвать ее изнутри, собрав предварительно для этого силы. Мы уже упоминали о том, что январская конференция «ультра-левых» отклонила тактику немедленного раскола именно потому, что раскол в настоящее время в КПГ невозможен. Слишком уж ничтожны для этого силы «ультра-левых». Характерно, между прочим, что Корш после того, как КПГ выкинула его из своих рядов, счел уместным апеллировать по поводу этого решения партии не к кому иному, как к... «окулаченному», «контр-революционному» Коминтерну.

Эволюция этого «ультра-левого» направления закончена. Закончена, поскольку речь идет об эволюции в рамках партийности, в границах коммунистического движения. Направление Корша—Каца—Шварца выродилось в явно фашистское течение. Но «его пример другим наука». Оно было самым последовательным из всех направлений «ультра-левой». И если оно последовательно пришло от революционной фразы к махровому социал-фашизму, то отнюдь не потому, что оно в чем-нибудь изменило «ультра-левым» принципам. Как раз наоборот! Фракция Корша—Каца смело делает все выводы, содержащиеся в принципах теории и тактики «ультра-левой». И если последовательность анти-большевистской политической линии привела Корша и Каца в лагерь самых непримиримых, самых от'явленных врагов пролетариата, то тут уж ничего не поделаешь. Такова логика развития «ультра-левой» и как бы неприятно ни было это признать—«факты упрямая вещь», они неопровержимо это доказывают. Эволюция группы Корша—Каца дает готовый ответ на вопрос: куда растет «ультра-левая»? И это—один из важнейших уроков для современного коммунистического движения.

Неуместно и даже неприлично было бы вступать с Коршем и Кацом в полемику по существу поставленных ими проблем. Иди и доказывай человеку, явно продавшемуся буржуазии, как Кац, что Коминтерн не «окулачен», что он проводит революционную политику, что он отнюдь не подготовляет 4 августа 1914 года и т. п. Слишком много чести для ренегатов Корша и Каца! Мы хотим, тем не менее, остановиться на одном вопросе, который затрагивает Корш. Верно ли, что СССР перестал быть цитаделью и осью международной пролетарской революции? Факты доказывают как раз обратное тому, что утверждает г-н Корш. Достаточно указать хотя бы на то, что все международное, в особенности европейское, рабочее движение проделывает теперь решающий поворот влево, к коммунизму под непосредственным влиянием успехов социалистического строительства в СССР.

Об этом свидетельствует могучий рост симпатий к СССР в массах не только беспартийных, но и социал-демократических рабочих. Об этом говорят бесчисленные де-

легации, избираемые рабочими Европы и приезжающие в СССР для непосредственного изучения опыта победоносной рабочей революции. Широчайшие массы пролетариата растут к коммунизму через симпатии к Советскому Социалистическому Союзу. Этого стихийного процесса полевения рабочего класса не в силах задержать даже международная социал-демократия, несмотря на все ее старания и усилия. Движение масс, непосредственно вызванное первыми пока еще очень скромными достижениями социалистического строительства в нашей стране, уже перекатывается через головы вождей социал-демократии; они вынуждены плестись в хвосте масс, чтоб не потерять связи с движением. Разве не об этом говорит хотя бы последнее «полевение» Отто Бауэра, вынужденного признать пролетарский и социалистический характер диктатуры в Советском Союзе? Уже одних этих фактов достаточно, чтоб признать, что международное революционное значение Советского Союза поднялось и неслыханно выросло как раз в последние годы. А национально-революционное движение в Китае и вообще на Востоке? Разве одним из основных его факторов не является СССР? А международная политика нашей партии, как бы ни сплетничали Рут Фишер, Корш и Кац о том, будто ликвидация Красного Профинтерна и вступление в Лигу Наций дело предрешенное, разве она не является крупнейшим революционным фактором мирового значения? А наша Красная армия? Нет! СССР сегодня больше, чем когда бы то ни было раньше, является плацдармом и цитаделью мировой революции. И центральная ось международной классовой борьбы пролегает по линии непримиримых противоречий между капиталистическим миром и первым рабочим государством. По этой линии происходит сегодня генеральное межевание классов и группировок различных политических направлений; здесь получает свое наиболее острое выражение противоположность общественных интересов. И как раз в Германии, на родине Корша, дифференциация общественных сил на основе и по признаку различного отношения к Советскому Союзу принимают в последнее время наиболее отчетливо и ясно выраженный классовый характер. В то время, как германская буржуазия совершенно определенно держит курс на сближение и союз с империалистами Западной Европы и Америки (Локарно, вступление Германии в Лигу Наций, не приходится доказывать, что это сближение направлено в первую очередь против СССР), в рабочем движении Германии окончательно берет верх ориентация «на Восток», на установление тесной и братской связи, классового союза с победоносным пролетариатом Советской Республики. Западная или восточная ориентация—вот две основные, противоречивые, потому что за ними стоят два антагонистических класса, линии, которые определяют сегодня все общественное движение в Германии. Ни одно политическое направление в Германии не может сегодня обойти «русской проблемы»: оно вынуждено всем ходом событий ясно определить к ней свое отношение.

Это обстоятельство, несомненно, ускорило процесс самоопределения германской «ультра-левой». В основе всей политической концепции «ультра-левой» всегда лежало недоверие к русской революции, ее недооценка и отрицательное отношение к советскому государству. Эта черта являлась общей для всех

оттенков «левой» и «ультра-левой» оппозиции в Коминтерне. Но до последнего времени она была как бы «секретной болезнью» оппозиции. Она проявлялась во всех решающих вопросах, по которым «ультра-левая» расходилась с Коминтерном (см. напр., выступления Бордиги на пленуме ИККИ), но ее все же стыдливо утаивали, не решались открыто выдать. И если теперь германские «ультра-левые» (Корш, Кац, Шварц) до конца обнажили свою позицию в «русском вопросе», то причины этого следует искать в характере современного общественного движения Германии, вынуждающего всякое политическое направление дать ясный ответ на вопрос об отношении к Советскому Союзу.

Марксизм и ленинизм требуют обязательного учета того, какой класс стоит за тем или иным политическим направлением, какие общественные интересы оно выражает. Анализ политической линии Корша и К° не оставляет ни малейшего сомнения в том, что это направление является прямой агентурой буржуазии в пролетарском движении. В своей необузданной ненависти к СССР в своей враждебности к ВКП и Коминтерну Корш и Кац перещеголяли даже реакционнейшую Американскую Федерацию Труда. Но вожди Американской Федерации Труда верой и правдой служат капиталу и отнюдь не прикрывают своей преданности буржуазии революционной фразой. А Корш и Кац делают свое предательское дело под маской «левого коммунизма». Что может быть выгоднее для буржуазии, чем антибольшевистская, антисоветская пропаганда, проводимая «левыми коммунистами» внутри революционного авангарда рабочего класса? Эта пропаганда ведется под видом «левой критики». Тем больше пользы для буржуазии! Это может оттолкнуть рабочих от коммунистической партии, от Коминтерна, от союза с российским пролетариатом? Социал-демократическая пропаганда в стиле Каутского или хотя бы Отто Бауэра? До известной степени, да! Но это средство действует все слабее и хуже. Оно часто приводит к обратным результатам: оппортунист социал-демократ вопит против терроризма большевиков, а рабочим, испытывающим на своей шкуре террор буржуазии, красный террор большевиков все более приходится по вкусу. Но если революционно-настроенному рабочему внушать, что в СССР диктатура не пролетариата, а кулака, что Коминтерн окулачен и проводит контр-революционную политику, что Советский Союз—страна подымающегося капитализма и т. д., и т. п.—это действительно может породить недоверие и к коммунизму и к первому пролетарскому государству. Только этого и надо буржуазии. И вот эту-то работу на буржуазию и проделывают г-да Корш, Кац, Шварц и те из «ультра-левых», кто их покрывает и поддерживает. Когда Советскому Союзу непосредственно угрожала военная интервенция со стороны империалистических государств, профессор Корш усиленно доказывал, что наша партия проводит политику «красного империализма» и что опасность войны провоцируется советским правительством. Это была лучшая помощь, какую только можно было оказать империалистической буржуазии. Теперь, когда непосредственной опасности войны нет, «ультра-левые» в официальной резолюции своей конференции говорят о политике мира, проводимой нашей партией, следующее:

«Имущее крестьянство может следовать брошенному Бухариным весной 1925 года и лишь формально взятому обратно лозунгу «обогащайтесь» лишь при условии обеспечения мира внешнего и мира внутреннего. Крестьяне вынуждают советское правительство и ВКП проводить серьезную и честную политику мира в отношении мировых капиталистических держав, политику, которая неизбежно завершится и формальным вступлением СССР в Лигу Наций».

В 1924 году Корш обвинял нашу партию в политике «красного империализма», в 1926 году нам ставится в вину политика мира, проводимая «в интересах кулаков». Едва ли ученый профессор видит сам противоречие между своими утверждениями в 1924 и 1926 гг. Да и какое значение может иметь это противоречие? Для Корша важно скомпрометировать ВКП в глазах рабочих Германии, а как это сделать, это зависит уж от обстоятельств времени и места. Такова нехитрая «диалектика» профессора Корша. В основе ее всегда лежит классовый интерес буржуазии.

Было бы в корне неправильно противопоставлять направление Корша другим направлениям «ультра-левой». Недавно руководитель норвежских «ульрта-левых» Гансен выступил (в «Инпрекоре») с резкой и очень хорошей статьей против Корша и Каца. Выступление т. Гансена можно лишь приветствовать. Но если Гансен, решительно отвергая контр-революционные выводы Корша, думает в то же время остаться верным принципам «ультра-левого» течения, это ему не удастся. Выводы, к которым пришли Корш и Кац, являются вполне последовательным развитием принципов «ультра-левой». Их можно отвергнуть лишь вместе с принципами, из которых они неизбежно вытекают. А это значит, признать полное и безоговорочное банкротство всей «ультра-левой» оппозиции. Решится ли на это т. Гансен? Посмотрим. Пока что, его выступление делает честь его искренней революционности, но не делает чести его последовательности.

Что вся «ультра-левая» растет к Коршу, об этом наглядно свидетельствует позиция группы Маслова—Урбанса — Рут Фишер. Недавно «Rote Fahne» поместила две программного характера статьи Урбанса. Урбанс протестует против отождествления его политической линии с линией Корша. Но как отмежевывается Урбанс от Корша?

> «Наше кардинальное преступление состоит в том,—пишет Урбанс,—что мы не одобряем организационных мер против Корша и его группы... Мы решительно выступаем против всякой попытки перенести политические разногласия с оппозиционной группой в организационную область, если даже мы не покрываем политических взглядов этой группы».

Германская партия потребовала от Корша сложения его депутатского мандата в рейхстаге. Корш не подчинился решению партии. Тогда его исключили из партии. Вот против этого-то и протестует Урбанс. Если в чем и можно упрекнуть германскую партию, то лишь в том, что она затянула дело с исключением Корша, что она не выкинула его из своих рядов немедленно после его контр-революционных выступлений. А Урбанс протестует даже против требования сложения депутатского мандата Коршем. Он спорит против перенесения в организационную область борьбы против предателя и буржуазного агента Корша. Это чудовищное покровительство можно об'яснить лишь тем, что Урбанс близко стоит к Коршу, что Корш является его почти полным единомышленником и союзником. Впрочем, сам Урбанс не оставляет на этот счет сомнений.

«Политически неправильными,—пишет Урбанс, в намерениях Корша являются преувеличения в вопросе о Советской России и Коминтерне. Корш делает из тенденций факты и потому его утверждения об'ективно являются антибольшевизмом». Этим все сказано! Корш заявляет, что Коминтерн подготовлять 4 августа 1914 года. Урбанс его исправляет: в Коминтерне имеется тенденция подготовить 4 августа 1914 года. Корш говорит о диктатуре кулака в СССР, как о факте. По Урбансу — диктатура кулака — тенденция развития советской власти. По Коршу Коминтерн уже «окулачен». По Урбансу он стоит на пути к «окулачиванию». По Коршу ИККИ и ЦК КПГ проводят, по Урбансу—будут проводить контр-революционную политику. По Коршу и Кацу революционерам ничего не остается в капиталистической России, кроме гражданской войны против большевистской власти, по Урбансу это правильно в тенденции. По Коршу оппортунизм уже победил в ВКП и распространяется во всем Коммунистическом Интернационале. По Урбансу дело обстоит так:

> «Мы во всяком случае не сомневаемся, что обсуждение по существу всех вопросов (русской дискуссии. *В. Л.*) откроет в Коминтерне сильное ликвидаторское крыло, преодоление которого возможно лишь вместе с Ленинградом и с немецкой оппозицией».

В кого метит здесь Урбанс? Даже ребенку ясно, что в нашу партию, в ее большинстве во всяком случае. Что же касается «немецкой оппозиции», то под нею понимаются, кроме группы Урбанса—Рут Фишер, направления Вебера и Корша во всяком случае, а по всей вероятности, и Кац. Недаром призывает Урбанс к об'единению всех «левых» элементов. Так складывается блок всех «ультра-левых» от Рут Фишер до Каца против ВКП, против германской партии и против Коминтерна.

Но из этого блока ничего серьезного и опасного получиться не может. Рабочее движение Европы проделывает сейчас исторический поворот в сторону сближения с пролетариатом СССР и тем самым—в сторону коммунизма. Коммунистические партии становятся во главе этого движения масс влево. Всякая попытка задержать этот исторический процесс со стороны мелко-буржуазных попутчиков пролетариата, служащих сегодня прямым орудием капитала, неизбежно потерпит жестокое крушение. Сколько бы ни кричали «ультра-левые» о кризисе в Коминтерне, кризис, разложение, распад царят в их собственных рядах. Ликвидация «ультра-левой» в ближайшее время совершенно неизбежна. Рабочие не идут и не могут итти за Коршем, Кацом и К°. В худшем случае по пути этих ренегатов пойдут еще десятки сочувствующих им мелко-буржуазных революционеров, которых не сумело переварить пролетарское движение. Коммунистический Интернационал от этого только выиграет.

Крестьянское движение в Гуандуне.

Теперь во время изобилия смут, когда банды разбойников собираются подобно тучам, мы знаем, что небеса подымут толпы храбрых освободить угнетенных и спасти нашу родину. Китай был некогда порабощен, но этому больше не бывать.

(Из оды Х у н-С и н-Ч и н а—вождя тайпинов).

Китай—по преимуществу страна земледельческая, страна крестьянская. 80—85% его населения занимается сельским хозяйством. Земельные отношения в Китае являются основной социально-экономической причиной недовольства крестьян, толкающей их на путь борьбы с их эксплоататорами.

По данным китайского министерства земледелия и торговли, число крестьянских семейств, занимающихся земледелием, в силу ряда политико-экономических причин, из года в год уменьшается, а число пустующих земель увеличивается. Об этом можно судить по следующим сводным данным [1]), не включающим данных, касающихся провинций: Сычуани, Хекани, Гуандуни, Гуанси, Юннани и Гуйчжоу:

Данные о числе крест. семейств и о площади обрабатываемой и пустующей земли по годам	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Число крестьянских семейств в миллионах .	54,9	46,8	59,3	48,9	43,3
Площадь обрабат. земли в миллионах мау [2]) .	1.578	1.447	1.503	1.365	1.314
Площадь земли под садами в миллион. мау .	184	123	125	107	97
Площадь пустующей государственной земли в миллион. мау	191	229	196	149	144
Площадь пустующей общинной земли в миллионах мау	—	—	—	23	18
Площадь пустующей частновладельческой земли в миллионах мау	167	175	195	733	687

Таким образом, число крестьянских семейств, занимающихся сельским хозяйством, уменьшилось за четыре года, с 1914 по 1918 г., с 59,4 до 43,9 или на 15,3 миллион., а площадь обрабатываемой ими земли с 1.578 до 1.314 или на 264 миллион. мау.

[1]) „Das kämpfende China. Zum 14 Iahrestage des Chinesischen Revolution". Herausgeber Hauptverband Chinesischer Studenten in Deutschland. Berlin, 10 Oktober 1925.

[2]) Одно мау равняется 667,12 кв. метра или что-то около $^1/_{16}$ десятины.

По данным того же министерства, не включающим данных, касающихся провинций: Сычуани (50 милл. жит.), Гуанси (12 милл. жит.), Юннани (10 милл. жит.) и Гуйчжоу (11 милл. жит.), общая площадь земли распределилась между отдельными хозяйствами следующим образом:

	Менее 10 мау		От 10 до 30 мау		От 30 до 50 мау		От 50 до 100 мау		100 и более мау		Всего владений	
		в %		в %		в %		в %		в %		в %
Число владений (в миллионах).	17,8	36	13,2	27	10,1	20	5,3	10	3	7	49,4	100

По признаку собственности, владения эти распределялись в тех же провинциях [1]):

	Обрабатывающих собствен. участки земли.		Имеющих собствен. участки и приарендов. землю.		Не- имеющих собствен. земли и арендующих землю		Всего.
		в %		в %		в %	
Число владений (в миллионах)	24,6	50	10,5	22	13,8	28	48,9

Те же данные в отношении одной лишь Гуандунской провинции дают следующую картину:

	Обрабатывающих собствен. участки земли	Имеющих собств. участки и приарендован. землю	Не имеющих собствен. земли и арендующ. землю	Всего
Число владений (в миллионах)	1,5	1,1	1,3	3,9

Таким образом, арендаторы и полуарендаторы в Гуандунской деревне составляли в 1917 году $^2/_3$ населения, занятого в земледелии.

По количеству обрабатываемой ими земли они делились:

	Менее 10 мау	От 10 до 30 мау	От 30 до 50 мау	От 50 до 100 мау	100 и свыше мау	Всего владений
Число владений (в миллион.)	2,08	0,96	0,55	0,24	0,08	3,9

Как бы критически ни подходить к китайской статистике, (а к ней иначе подходить никак нельзя), и как ни устарели все эти данные, относящиеся к 1917 году, надо все же признать, что все эти цифры крайне показательны.

По данным Гу, профессора сельско-хозяйственного института в Нанкине, прожиточный минимум одной китайской семьи, состоящей в среднем из 5 человек, составлял для 1912 года—274 мексиканских доллара [2]) в год.

[1]) Данные, касающиеся Хубейской и Хунаньской провинции, охватывают лишь часть этих провинций.

[2]) Один мексиканский доллар равен 1 р.—1 р. 05 к.

Указанный экзистенц-минимум составлялся из следующих бюджетно-потребительских статей:

(В мексиканских долларах).

Пища	Одежда	Наем и ремонт жилища	Налоги	Обучение детей	Расходы на случай болезни	Особые расходы, связанные с праздниками и торжествами	Карманные деньги	Все прочие расходы	Итого
180	20	12	6	6	10	10	10	20	**274**

Ежедневный общий расход на пищу, в свою очередь, составлялся из следующих статей: на муку и рис—30 центов[1]), на мясо и зелень—10 центов, топливо и всякие мелочи—10 центов.

В то же время доход рядового крестьянского хозяйства, пользующегося участком земли в 30 мау, равнялся—234 мексиканских долларов в год.

Доход этот складывался из следующих статей:

(В мексиканских долларах).

От посева риса и хлеба	Скотоводство или садоводство	Разведение шелковичных червей	Отхожие заработки	Итого
140	30	24	40	**234**

Таким образом, крестьянской семье, эксплоатирующей сравнительно большой, в китайских условиях, участок земли в 30 мау даже и в нормальных условиях нехватало 40 мексиканских долларов в год для удовлетворения своего нищенского, по существу, экзистенц-минимума существования. Что уж говорить про годы, когда их районы поражались стихийными бедствиями, как-то: наводнением, засухой и войной?.. Между тем, все эти катастрофы, как известно, вовсе не являются в Китае исключением. Там они обыкновенное явление. Ведь большие и малые войны многочисленных китайских милитаристов, вот уже в течение 14—15 лет, почти не прекращаются в стране. Наводнения, засухи и эпидемии доделывают там свое ужасное смертоносное дело... В эти годы крестьяне или вовсе погибают, или покидают массами землю...

Значительные массы крестьянского населения в Китае или вовсе не имеют собственной земли, или имеют ее в совершенно недостаточном количестве. Как мы видели, 54% всех крестьянских хозяйств в Гуандунской провинции обрабатывают совершенно незначительные участки или арендуемой ими земли, или собственные карликовые участки менее 10 мау.

За арендуемые участки им приходится уплачивать от 50 до 70% урожая. На основании даже этих данных, нетрудно составить себе представление об условиях их существования.

Международная комиссия помощи жертвам голода, имевшая подкомиссию кредита и экономического развития, предприняла в 1922 году массовое обследование экономического положения ки-

[1]) Один цент равен примерно одной копейке.

тайского населения. Часть этих материалов была обработана и опубликована в 1924 году. Результаты этого обследования дают следующую картину:

ПРОВИНЦИИ	Семьи без земли		Семьи с участк. меньше 3-х мау		Семьи с участк. от 3 до 5 мау		Семьи с участк. от 6 до 10 мау		Семьи с участк. от 11 до 25 мау		Семьи с участк. от 26 до 50 мау		Семьи с участк. более 50 мау	
	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах	Число семейств	Средняя сумма дохода в год в мекс. долларах
Чжецзян / Чингснен	105	63	42	96	35	110	54	151	75	219	43	383	14	924
Цзянсу / дер. в 3-х округ.	51	28	157	40	382	81	418	141	303	241	80	539	38	1.535
Анхуй / Сушоу	111	111	46	60	76	73	87	90	107	131	61	160	127	800
Чжили / дер. в 4-х округ.	664	18	424	14	646	24	697	38	685	71	380	185	476	831

Таким образом, средний заработок 931 семьи, не имеющих вовсе земли, колеблется между 18 и 111 мекс. долларами в год,—669 семейств, имеющих участки меньше 3 мау, колеблется между 14 и 96 мекс. дол.,—1089 семейств, имеющих участки от 3 до 5 мау, колеблется между 24 и 110 мекс. дол.,—1238 семейств, имеющих участки от 6 до 10 мау, колеблется между 38 и 151 мекс. дол.,—1170 семейств, имеющих участки от 11 до 25 мау, колеблется между 71 и 241 мекс. дол.,—564 семейств, имеющих участки от 26 до 50 мау, колеблется между 160 и 539 мекс. дол. и 655 семейств, имеющих участки более 50 мау, колеблется между 800 и 1535 мекс. долларами. Иначе говоря, 5097 из общего числа 6316 обследованных семейств имеют годовой доход, колеблющийся между 14 и 241 мекс. дол., т.-е. такой доход, который не удовлетворяет вышеуказанному экзистенц-минимуму существования.

Если распределить все обследованные семейства по группам дохода, то окажется, что в Чингснене 64,3%, в Цзянсу—52,4%, в Сушоу—52,1% и в Чжили—даже 82,5% всех семейств получают доход менее 150 мекс. долларов, а 2621 семейство, или 41% общего числа обследованных семейств, получают совершенно незначительный доход, меньше 40 мекс. долларов в год.

Председатель комиссии по кредиту и экономическому развитию, Тейлор, сделал подсчет относительно «линии нищеты для Северного Китая». Линией нищеты он определяет тот полуголодный минимум, дальше которого уровень жизни человека опускаться, казалось бы, не может. Тейлор пользуется данной ему

профессором физиологии, Ридом, схемой нормального питания бедной крестьянской семьи, состоящей из 5 душ. Продовольственный паек рассчитан на получение всей семьей—13.683 калорий. Паек этот не включает в себя ни мяса, ни рыбы, ни яиц. По подсчетам Тейлора, он должен обходиться в 150—160 мекс. долларов в год. Все прочие расходы семьи по подсчетам того же Тейлора должны составить 37 мекс. дол. в год. Таким образом, «линия нищеты» определяется потребительским бюджетом в 187 мекс. долларов в год. Но принимая во внимание, что средний состав семьи может быть, однако, и несколько меньше 5 человек и ряд других поправок, Тейлор устанавливает «линию нищеты» для Северного Китая при потребительском бюджете в 150 мекс. долларов.

Мы видели, однако, что 41% обследованных семейств имеет годовой доход, составляющий сумму менее 40 мекс. долларов, а некоторые семьи получают доход, равный лишь—14—18 долларам в год. Неудивительно, если Диттмер, обработавший материалы обследования 195 семейств в одном из крестьянских селений, в 5 милях от Пекина, произведенного Тсин-Хау, колледжем в Пекине, спрашивает [1]): «Что за картина борьбы за существование? Население, правда, еще продолжает существовать. Семьи могут чувствовать себя счастливыми и быть вполне довольными тем, что они живут в столь хороших условиях [2]). Какова, однако, уплачиваемая ими за это цена? Жизнь людей этого класса требует такого напряжения всех сил, что борьба за существование калечит зачатки интеллектуального и вообще духовного роста и вместе с ними даже и физического развития. Здесь, к сожалению, нет развлечений, которые известны западно-европейскому человеку. Физическая трудоспособность и смышленность являются здесь минимальными, а нервные реакции очень медленными. Здесь нет избытка энергии, потому что она целиком уходит на борьбу с тяжелыми условиями существования, ставящими постоянно трудный вопрос, как выжить. Перенаселение, невежество, приниженное положение женщины, отсутствие санитарии, эпидемии и ужасающая потеря потенциальных способностей—такова та цена, которую они платят за жизнь».

Значение этого ужасного свидетельства Диттмера, станет еще более понятным, если учесть еще и то нарастание дороговизны жизни, которое все время происходит в Китае. «Едва ли можно найти хотя бы один предмет из числа продуктов продовольствия, говорит Нельсон [3]), который в последнее десятилетие значительно не повысился бы в цене. Во многих случаях цены удвоились. В качестве примера укажем, что десять лет тому назад цена риса выражалась в 3,40 мекс. долл. за один пикуль, ныне она достигла 4 мекс. долл.; топливо, которое стоило в 1911 году 20 центов за пикуль, обходится ныне в 1 мекс. долл.; зелень повысилась в цене с 2 до 4 центов за кэтти, растительное масло с 20 до 30 центов, одежда также показывает соответствующий рост цен, а плата за наем квартиры и цены на землю почти что удвоились».

---

[1]) Dittmer «Readings in economics for China», стр. 262—263.

[2]) Большинство обследованных здесь семейств показывает свой расходный годовой бюджет в 70—110 мекс. долларов.

[3]) I. Nelson. Changing factors in the economic life of China, supplement to commerce reports, publ. by the Bureau of foreign and domestic. commerce. Jan. 1925.

В таких условиях живут, о ужас, живут громадные массы крестьянского населения Китая.

Угрожающие размеры аграрного перенаселения в Китае приводят к тому, что деревня «выплевывает» из года в год громадные массы избыточного населения, которые заполняют собой негостеприимные города, порты и поселения в поисках работы.

Отсутствие в стране сколько-нибудь развитой промышленности, которая поглощала бы это избыточное, прибывающее из деревень население, обрекает его на голод, холод и нищету.

Перемещаясь с места на место в поисках работы, оно, с одной стороны, все более и более деклассируется, превращаясь в конце концов в поставщика «пушечного мяса» для многочисленных наемных армий милитаристов и бандитских и пиратских шаек, а с другой—часто выделяет из себя элементы организации тайных крестьянских обществ и элементы организации крестьянских восстаний.

По некоторым подсчетам, всевозможные маршалы и генералы «мирного поднебесного Китая» имеют что-то около 1,5—2 милл. наемных солдат. Они продают себя за тарелку риса или за 3—5 мекс. долларов в месяц—не всегда к тому же аккуратно получаемых—китайскому милитаристу,—генералу или маршалу,—рыцарю первоначального капиталистического накопления, который смотрит на свою «армию», как на выгодное коммерческое предприятие, которое должно дать ему кое-что в фонд собственного накопления за счет «налогового» обложения, грабежа, поборов и контрибуций, взимаемых с населения.

Кроме «установленных» налогов, отдельные воинские части, «крестьянские дружины» и сильные бандитские шайки тоже взимают многочисленные «специальные налоги» в свою пользу. В Тунквоне крестьяне платят, например, сверх «установленных налогов» по 50 центов за каждую проданную свинью, 4 цента—с фунта свинины, 2 цента с каждой домашней птицы, 20 центов за каждый мау земли и т. д., и т. п.

Кроме наемных армий, в стране имеется еще, по тем же подсчетам, около 12—15 милл. человек, организованных в бандитские отряды и шайки, занимающиеся грабежом, разбоем и пиратством мирного, главным образом, крестьянского населения...

Кроме помещиков и джентри, бандитские шайки являются истинными хозяевами запуганной, неорганизованной и в большинстве безоружной китайской деревни. С бандитами вынуждены считаться не только отдельные группы населения, но и вся китайская деревня в целом.

В Китае нельзя пройти мимо бандитизма. Он вырос на почве экономических отношений в стране. Он требует к себе того или иного, но в равной мере, внимательного отношения. Бандитские шайки—это сила, которая имеет определенное влияние на ход жизни в современной китайской деревне. В Китае до сих пор не было сделано никаких попыток к ликвидации или, по крайней мере, ослаблению бандитизма. Если бы, однако, такие попытки и были сделаны, то они едва ли дали бы какие-нибудь результаты...

Бандитские шайки предпочитают грабить купцов и богатые джонки [1]). Но так как не всюду и не всегда можно грабить купцов и джонки, они не брезгуют обращаться и к постоянному и безотказному источнику получения «доходов»—к грабежу крестьянства.

От бандитизма страдают, конечно, и помещики. Но более крупные из них содержат или собственную охрану, или нанимают к себе на службу одну или несколько сильных бандитских шаек, которые в этом случае помогают им укреплять их экономическое положение... Мелкие помещики вынуждены постоянно откупаться от бандитов.

Грабеж крестьян носит здесь довольно организованный характер. Деревни, большей частью, облагаются в пользу той или иной шайки бандитов денежным или натуральным «налогом», который должен вноситься ими единовременно или регулярно специально уполномоченному на то бандитами лицу. На некоторые деревни бандиты производят налеты. Они уводят с собой женщин и детей, скот и другое имущество крестьян. Впоследствие они требуют за них выкупа. Все эти бесчинства производятся, обыкновенно, на глазах квартирующих в деревнях воинских частей, которые или недостаточно сильны для того, чтобы защитить население, или предпочитают не портить отношений с многочисленными бандитскими шайками, тем более, что последние не мешают и им обирать население.

«Рука руку моет»...

* * *

85 процентов всей земли в Гуандунской провинции, по долине рек: Западной, Восточной, Северной, а также реки Хань, впадающей в море около Сватоу, принадлежат крупным землевладельцам. Большей частью, земли эти сдаются в аренду или малоземельным или безземельным крестьянам. Пользуясь тяжелым экономическим положением последних и почти полным отсутствием у них средств защиты, землевладельцы сдают им в аренду эти земли на неслыханно кабальных условиях. По общему правилу крестьяне-арендаторы должны уплачивать помещику не менее 60—70% урожая, собираемого с арендуемого участка земли. В момент заключения договора об аренде они обязаны вносить ему наличными, в качестве залога, определенную сумму денег, и, кроме того, устраивать, согласно установившегося здесь обычая, маленькое пиршество, а в дальнейшем, время от времени, делать ему и некоторые подношения натурой сверх обусловленной в договоре арендной платы. Обыкновенно подношения эти определяются некоторым количеством кур и уток, риса и вина, фруктов и всякой всячины.

В годы неурожая помещики вынуждают крестьян уплачивать им полностью обусловленную в договоре арендную плату. Они не допускают при этом никаких сбавок. В то же время, во избежание каких бы то ни было недоразумений, помещики, обычно, выговаривают себе право досрочного получения арендной платы, при чем это право, большей частью, реализуется ими

[1]) Джонка—это небольшая парусная лодка, служащая для перевозки грузов, рыбной ловли в море или на реке, а также для переезда с места на место по многочисленным в Китае каналам и рекам.

сполна. Помимо того, помещики выговаривают себе право, если какой-нибудь из сданных ими в аренду участков земли станет более плодородным или, в случае, если разведение других сельско-хозяйственных культур может дать больше дохода—повышать арендную плату, не дожидаясь истечения срока договора. Но сверх всего он может также, в любое время заменить участок сданной им земли на худший по качеству.

Так называемые землевладельцы второй степени являются еще большими эксплоататорами крестьян-арендаторов. Представляя собой крупных арендаторов-предпринимателей, которые выступают за собственный счет и риск, или компании мелких капиталистов-спекулянтов,—землевладельцы второй степени снимают в аренду у помещиков большие площади земли, которые они сдают от себя в суб'аренду крестьянам мелкими участками, по значительно более высокой цене, нежели они сами платят за нее помещикам. В этом случае на шею крестьянина-арендатора сразу же садятся два паука—помещик и так называемый землевладелец второй степени.

При установившихся и доныне существующих в Гуандунской провинции земельных отношениях, каждый крестьянин поневоле вынужден обращаться в промежутках времени между сборами урожаев к ростовщикам и помещикам.

Между первым и вторым месяцем сельско-хозяйственного года и между восьмым и девятым месяцем того же года, крестьянину-арендатору приходится прибегать к кредиту или в форме пищи и семян, или в виде денег.. Условия кредита, оказываемого помещиками или ростовщиками крестьянскому населению, крайне тяжелы. Ссуды приходится, большей частью, возвращать натурой, главным образом, рисом. За каждые два мексиканских доллара кредитор вынужден уплачивать ростовщику один теч рису, что составляет от 30 до 50% в месяц на ссуженный капитал. Но, обычно, средний процент колеблется здесь между 3 и 5% в месяц.

В поисках кредита, арендатору нередко приходится закладывать все свое скудное имущество. В этом случае он платит не менее 3—5% в месяц, если кредит получен на срок не свыше 6 месяцев. Процент этот считается здесь нормальным. Даже в общественных ломбардах он составляет 3% в месяц, при закладах на срок от 6 месяцев до одного года.

Не меньшей, а пожалуй, большей тяжестью падает на крестьянское хозяйство бесчисленное количество существующих в этой провинции налогов и сборов. Они падают, главным образом, на сельское население и продукты его потребления.

В марте 1924 года Кантонское правительство послало в Общую Торговую Палату Китая список установленных им налогов. Список этот заключал 200 отдельных налоговых статей, которые охватывали почти все виды человеческой деятельности и потребления. Число одних только добавочных налогов, сборов и платежей, падавших на деревню в некоторых округах Гуандунской провинции, составляло, по некоторым данным, никак не меньше 30.

В виду неустойчивости, вследствие гражданской войны, власти на местах, налоги, как, впрочем, и арендная плата, взимались за последние годы на много времени вперед. В некото-

рых округах Гуандунской провинции земельный налог был, например, взыскан и за последующие годы, кончая 1928 годом.

В провинции бывали случаи, когда власти, сменяя друг друга, положительно «с'едали землю». Они взимали один и тот же налог дважды и трижды, чем вызывали стон и возмущение со стороны населения.

Анархия в деле обложения и «налоговый» грабеж населения затрагивал, конечно, не одну только деревню. Он затрагивал также и город. Но поскольку купечество довольно хорошо здесь организовано и поскольку, с другой стороны, оно имеет здесь свои особые методы борьбы (бойкот власти, сокрытие капиталов и т. п.) оно могло, конечно, переложить всю или почти всю тяжесть падавших на них налогов и поборов на потребителя, который в главной своей массе представляет то же крестьянство. Таким образом, город, в известной мере, освобождался от бремени налоговой анархии и перекладывал всю тяжесть ее на плечи того же обездоленного крестьянства.

Помимо «налоговых» поборов, крестьянское население Гуандунской провинции страдает также и от ничем не прикрытого грабежа и вымогательства всевозможных местных властей, «крестьянских дружин», отрядов, бандитских шаек, мародеров и пиратов.

Под предлогом содержания «союза крестьянских дружин», помещики и чиновники выколачивали, например, из крестьян одного только округа По-оп не менее 100.000 мексиканских долларов в год. Каждый крестьянин, независимо от состояния и возраста, должен был ежегодно уплачивать известную сумму на содержание этих «дружин». В деревне Ван-Тан это привело, например, к установлению особых чрезвычайных налогов, которые взимались не только с каждой земельной единицы, но и с известного количества риса, свиней, картофеля и домашней птицы. Помимо того, помещики расхищали еще и общественные фонды крестьян и общественную собственность деревни.

«Крестьянские дружины»—это организации туземной знати, земельных собственников и верхушечных слоев крестьянства. Организуя отряды вооруженных крестьян под флагом охраны их интересов, они фактически использовывали их для притеснения, вымогательства и грабежа местного населения. Все эти «дружины» не только не охраняли интересов крестьян, но, наоборот, они превращались в орудия эксплоатации, угнетения и порабощения туземного крестьянства. «Дружины» разрушали крестьянские организации и советы. Они грабили и сжигали дома членов всех этих организаций. Они убивали отдельных крестьян, насиловали женщин, и, пользуясь отсутствием власти в провинции и опираясь на материальную силу своего штыка, терроризировали вообще всех и вся. Путем об'единения или слияния они образовывали даже целые армии, которые доставляли нередко населению и правительству не мало хлопот. Однако, чаще всего они превращались или в милитаристические организации или же нанимались к какому-нибудь «генералу», ставшему «знаменитостью» в их районе, округе или даже провинции...

Только боязнь голодной смерти удерживает крестьянина на его ничтожном клочке арендуемой или собственной земли. Его удерживает на ней также и то обстоятельство, что здешняя природа дарит ему, при благоприятных условиях, три урожая,

а на наносных и новых землях, образовавшихся в дельте рек, куда воды нанесли слой илу,—три обильных урожая. Однако, и три этих урожая недостаточны для того, чтобы обеспечить ему его нищенское существование. Крестьянин из года в год попадает во все большую кабальную зависимость от помещика и ростовщика.

* * *

Как и во всем Китае, аграрное перенаселение в Гуандунской провинции очень велико. Если не считать Кантона и Сватоу, в этой провинции почти нет крупных городов, которые могли бы, хотя отчасти, поглотить избыточное население деревни. Но и Кантон, не говоря уже о Сватоу, не имеет почти никакой промышленности. Несколько более или менее крупных предприятий, пара десятков мелких заводов и механических мастерских, обслуживающих главным образом порт и город, масса карликовых, полудомашних, полукустарных, полумануфактурных мастерских, по обработке слоновой и черепаховой кости, волоса, серебра и других,—вот вся промышленность провинции. При таких условиях, города не могут, конечно, не только поглотить всего избыточного крестьянского населения провинции, но и разгрузить сколько-нибудь в этом отношении гуандунскую деревню. Выбрасываемое из деревни избыточное население вынуждено массами перекочевывать на ближайшие острова—Гонгконг, Макао, Филиппины и др. Поставляя туда массовый дешевый труд, оно подвергается там, как, впрочем, и в городах и в деревнях родного Китая, нечеловеческой эксплоатации. Но часть избыточного населения деревни, и притом довольно значительная часть его, все же остается в провинции. Оно бросает родные деревни и занимается здесь или бандитизмом, грабежом и разбоем на дорогах, или пиратством в водах дельты реки Жемчужной, образующейся от слияния рек Восточной, Северной и Западной.

Аграрное перенаселение Гуандуна, описанные условия землепользования, отсутствие мало-мальски развитой промышленности и каких бы то ни было заработков в городе приводит к ужасно тяжелым условиям наемного труда в южно-китайских городе и деревне. Заработная плата кули редко превышает в южно-китайском городе 100 мексиканских долларов в год. Что уж говорить про деревню?

На почве указанных земельных отношений в гуандунской деревне постоянно возникают конфликты между крестьянами и арендаторами, с одной стороны, и земельными собственниками и всякого рода эксплоататорами, с другой.

До образования в Кантоне национального правительства, крестьянское движение в Гуандунской провинции не могло, конечно, не только развиваться, но и организоваться как следует. Представляя довольно мощную, в социальном отношении группу населения, которая опирается на вооруженную силу «дружин» и военных отрядов, мобилизованных из деклассированных элементов города и деревни, не останавливаясь перед разгромом даже легальных общественных организаций деревни, терроризируя и закабаляя крестьян, расхищая общественную собственность и фонды, помещики, естественно, толкали крестьянство даже в деле организации самозащиты к нелегальным формам борьбы.

В Гуандуне, впрочем не в одном только Гуандуне, но и в других провинциях Китая, издавна существует масса тайных крестьянских организаций, союзов, обществ и дружин. Деятельность их принимала нередко крайне своеобразную и подчас довольно уродливую форму.

Местом наибольшего распространения тайных крестьянских организаций в Гуандунской провинции является Хай-Фын. Девизом одной из таких организаций, об'единяющей до 1500 человек, является: «кто не работает, тот не ест».

На ряду с этой организацией здесь имеется еще несколько крестьянских отрядов, об'единяющих что-то около 3000 человек, вооруженных 660 современными и 770 китайскими ружьями.

Один из этих отрядов возник следующим образом. Его вождь Шио-Тхе-Сиен был в свое время богатым человеком. Его дом был разграблен солдатами. Не ограничившись этим, милитаристы заставили его платить крайне тяжелый военный налог. Он об'явил себя смертельным врагом армии и огранизовал шайку бандитов. Около 5% об'единяемых им людей составляют ушедшие из армии солдаты. Остальные принадлежат к группе «трех точек», которые не признают никакой власти. Лозунгом их борьбы является: «отнимайте у богатых, чтобы помочь бедным». Шио-Тхе-Сиен и его люди не трогают бедных, они нападают только на богатых. Деревенские мироеды и ростовщики очень боятся этого отряда.

В том же Хай-Фыне существует еще «партия длинноволосых». Она присвоила себе это название потому, что вожди их носят длинные волосы. Эта «партия» об'единяет несколько тысяч человек. Все члены этой организации—вегетарианцы. Они борются под лозунгом: «делай добро во имя всемогущего». Они против всякого насильнического правительства и оказывают помощь беднякам.

Кроме этих организаций, в Хай-Фыне существует еще «партия бедноты». Если судить по положению об исполнительном комитете этой партии, то задачей ее является—«стать авангардом социальной революции во имя защиты интересов трудящегося населения». Партия эта имеет свой секретный знак, который не может быть открываем ни одним из ее членов, даже в случае угрозы смерти. Знак этот показывается всякому новому члену лишь после произнесения им следующей клятвы: «Я, такой-то, настоящим хочу присоединиться к партии бедноты. Я хочу помогать освобождению бедных и их борьбе за счастье всего человечества. Я буду повиноваться уставу партии. Я не открою ее секретов никому. Я не остановлюсь на полпути. Если я не буду верен партии, то пусть меня накажут смертью». Каждый новый член должен написать эту клятву на бумаге, которая тут же сжигается.

В состав комитета этой партии могут входить только такие лица, которые обладают способностью самопожертвования. В настоящее время в состав ее исполнительного комитета входят в качестве председателя какой-то интеллигент, вице-председателя—местный крестьянин, секретаря комитета и заведующего его организационным отделом—двое молодых китайцев и членов комитета—два крестьянина.

В каком направлении развертывается иной раз деятельность этих организаций, нетрудно усмотреть из следующих имевших место случаев. С 1919 года в Хоун-Сене существует две сельско-хозяйственных компании с капиталом в 160.000 мекс. долларов. Они эксплоатируют около 100 рабочих. Они имеют свои сельско-хозяйственные склады, свою вооруженную силу, 120 винтовок и даже собственную крепость. Сельско-хозяйственная компания силой отняла некоторые земли у крестьян окрестных деревень. Она в то же время стала платить землевладельцам пониженную арендную плату. Своим самоуправством компания восстановила против себя все окрестное население.

Крестьянская организация деревни Лун-Ко сделала попытку вступить в союз с крестьянскими организациями и крестьянской милицией некоторых близлежащих деревень для совместной борьбы против названной компании. Крестьянская организация Лун-Ко ставила перед ним вопрос о пересечении канала, о лишении, таким образом, имения воды и путей сообщения, о поджоге складов и об общей вооруженной атаке крепости.

Судя по некоторым данным, план этот не был осуществлен. Крестьянские организации других деревень, связанные уже с Кантоном, посоветовали крестьянам деревни Лун-Ко использовать вначале все мирные средства: принести жалобу губернатору, развернуть широкую агитацию среди крестьян окрестных деревень, обратиться к Гоминдану с просьбой о вмешательстве. Лишь в том случае, если бы все эти шаги не дали бы нужных результатов, они обещали им свою помощь.

В том же Хоун-Сене был еще и такой случай. Крестьян близлежащего района, приезжавших на базар, облагали каким-то «особым местным налогом». Крестьяне не пожелали платить этого налога. Они перенесли базар на другое место, под защиту собственной крестьянской организации, которой они и стали платить этот налог. Это «самоуправство» было встречено в штыки всеми заинтересованными местными чиновниками, помещиками и милитаристами. Поскольку, однако, крестьяне твердо отстаивали свое решение и поскольку они опирались на собственную свою организацию, местным «властям» пришлось посчитаться и примириться с этим неприятным для них фактом.

В другом месте помещик, некто Чу, пользуясь тем, что сын его служит кем-то в кантонской армии, стал притеснять крестьян. Организовавшись, крестьяне ответили на это стачкой-бойкотом; они отказались арендовывать у этого помещика землю. Испугавшись этой формы борьбы, помещики, как бы в ответ на это, в свою очередь сорганизовались под руководством Чу. Они добились у местного судьи ареста 6 крестьян. Узнав об этом, все местные крестьянские организации устроили демонстрацию протеста и в числе около 4.000 человек направились, несмотря на проливной дождь, в суд. Судья вынужден был освободить арестованных крестьян. Таким образом, на почве конфликта местного значения выросла крестьянская демонстрация против местной власти.

(Окончание в следующем номере).

М. Танин.

Методы американской политической интервенции в Европе.

(Соед. Штаты и трибунал при Лиге Наций).

27 января с. г. американский сенат большинством 76 голосов против 17 принял резолюцию за вступление в Гаагский трибунал при Лиге Наций с рядом оговорок к этой резолюции.

Совершенно независимо от его конкретных последствий этот акт имеет огромное симптоматическое значение. И в самом деле, 5 лет вопрос о трибунале горячо дебатировался, 5 лет он занимал центральное место как issue (основной лозунг) в избирательных платформах, 5 лет тому назад лозунг «Долой Лигу Наций!» был на выборах боевым кличем республиканской партии, лозунгом, принесшим ей победу огромным большинством в 7 миллионов голосов,—и после всего этого—вступление в трибунал, как-никак органически связанный с Лигой, и за вступление голосует большинство республиканцев, присоединяющихся к демократам. Потребовались, очевидно, глубокие сдвиги в Штатах, чтобы сделать возможным это решение сената.

Разбор этого вопроса представляет значительный интерес, так как ознакомит нас с политическими настроениями в Америке и с дальнейшими перспективами развития методов американской дипломатии и, в частности, методов американской политической интервенции в Европе.

Но раньше всего—несколько слов о том, что представляет собой этот Трибунал. «Постоянный трибунал международной справедливости», как себя гордо именует сей почтенный орган, является детищем Лиги Наций, устав которой (§ 14) предусматривает его создание в «миротворческих» целях. Окончательно оформлен Трибунал протоколом сессии Лиги Наций в Женеве 13 декабря 1920 г. Хотя Соединенные Штаты в Лигу не входят, известный американский «авторитет» по вопросам т. н. международного права (и не менее известный реакционер и ярый враг СССР) Элиу Рут принимал участие в разработке устава суда, а другой американский адвокат и одно время товарищ министра иностранных дел Мор в качестве неоффициального американского эксперта был избран советом и пленумом Лиги Наций в число 15 «независимых судей, избираемых независимо от национальной принадлежности из лиц возвышенного морального характера» (§ 2 протокола). За свой великий труд по охранению мира на земле и благоволения в человецех эти старцы, фигурирующие на снимках в черных длинных судейских мантиях, получают мзду от 6 до 14 тысяч долларов в год...

Сам по себе т. н. «Постоянный трибунал международной справедливости»—учреждение столь же дохлое и никому ненужное, как созданная по инициативе Николая Последнего на основании конвенций 1907 г. Гаагская постоянная палата третейского суда. Впрочем, случается, что этот монопольный трест справедливости кой-кому оказывается нужным. Как на примеры укажем лишь на домогательства Финляндии в Трибунале по вопросу о Карелии и возмутительное постановление по вопросу о Моссуле.

Решение американского сената о вступлении Штатов в Трибунал большого *практического* значения не имеет, тем более, что принятые 5 оговорок по существу сводят этот акт на-нет. Важнейшие оговорки эти следующие: «Присоединение не может быть истолковано в том духе, что оно влечет за собой юридические (legal) отношения Соед. Штатов к Лиге Наций или же взятие на себя Соед. Штатами обязательств согласно Версальского договора».

«Соединенные Штаты могут в любое время взять обратно свое присоединение к протоколу» (о Трибунале).

«Трибунал не должен без согласия Соед. Штатов обсуждать просьбу о вынесении своего мнения и совета касательно спора или вопроса, в которых Соед. Штаты заинтересованы».

Таким образом, весь акт присоединения носит довольно условный и проблематичный характер. Но при всем этом сделанное выше утверждение, что он носит характер серьезного переломного момента в истории американской дипломатии, отнюдь не является преувеличением. *В данном случае важно не решение сената само по себе, а те глубокие изменения в политической мысли американского «общественного» (буржуазного) мнения, сделавшие возможным принятие этого решения.*

Чтобы уяснить себе те политические сдвиги и настроения, в результате которых явилось решение сената, следует отметить те особые струи, из которых сложилось победившее течение:

1) *Демократическая партия.* Эта буржуазная партия ведет за собой значительные слои мелкой буржуазии и политически-отсталых рабочих. Этих избирателей по демагогическим соображениям полезно усыплять различными миротворческими затеями. Присоединение к Трибуналу демократы расценивают как первый шаг по пути к Лиге Наций и как торжество идей их «пророка» Вильсона, которым в свое время был нанесен сокрушительный удар республиканцам.

2) Вместе с демократами в этом вопросе идут различные *пацифистские общества*—женские, квакерские, церковные, интеллигентские и прочие богоугодные организации, состоящие из прожженных обманщиков и обманутых юродивых пацифистов. Эту публику в значительной степени воодушевляет своими субсидиями пресловутый Эдуард Бок, тот самый миллионер, который назначил премию в 100 тысяч долларов за лучшее патентованное средство по предотвращению войны.

3) *Большинство республиканской партии.* Выступление республиканцев, этих носителей американского империализма, за вхождение в Трибунал, имеет особое значение. *Оно означает дальнейшее развитие политики отказа от об'ективно изжившей себя традиции изо-*

ляции и усиление политики вмешательства в европейские и вообще мировые дела.

Эту позицию большинства республиканцев ярче всего выразил докладчик большинства и автор принятой резолюции, сенатор Свонсон, сам не республиканец, а лидер демократической фракции:

«Мы стали великим кредитором; нам должны огромные суммы; наши инвестиции рассеяны по всем странам мира. Мы имеем величайшую в мире внешнюю торговлю. 20% нашей многообразной продукции должны найти выход на внешний рынок, в противном случае нас ждет депрессия, убытки и банкротство. Как бы многие из нас ни желали национальной изоляции, эти времена уже прошли. Наше развитие пошло по такой линии, что все, задевающее остальной мир, задевает и нас. Это неизбежное следствие нашего выдвижения в передние ряды».

Исходя из всего этого, сенатор Свонсон делает тот вывод, что при таком переплете взаимоотношений Штаты могут больше всех пострадать в случае новой войны, а потому должны вступить в Трибунал, чтобы воспрепятствовать ее возникновению. Но дело, конечно, не в этом притворно-наивном пацифизме, а в стремлении использовать рычаги механизма Трибунала для оказывания давления на мировую политику.

Эта тенденция выступает еще более рельефно в речах тех сенаторов, которые требовали предоставления в распоряжение Трибунала международной вооруженной силы. Так, например, «эксперт» по вопросам Лиги сенатор Брюс (демократ), не скрывая, что Трибунал тесно связан с Лигой, заявил в сенате:

«Так же, как в интересах охраны порядка город должен иметь свою полицию, а государство свое войско, так и Лига Наций, чтобы оправдать свое существование, должна иметь свою международную полицейскую силу или армию. Без командования не может быть мира в мире».

Что кроется за этим «пацифизмом»? Устами Брюса здесь говорит та часть американской буржуазии, которая, стремясь стать мировым полисменом, расценивает Лигу с ее Трибуналом, как подручную дубинку.

Вот сущность новой политики большинства правящей республиканской партии. Но эта политика имеет против себя весьма сильную оппозицию. И по иронии судьбы оппозиция получила в руки сильнейший козырь как раз через несколько недель после победы об'единенного республиканско-демократического большинства—мы говорим о позорном провале сессии Лиги Наций, разбиравшей вопрос о приеме Германии и о последовавших событиях—«плане Хоутона» и пренеприятнейшей семейной сцене между новобрачными—Америкой и Трибуналом.

Что представляет собой оппозиция, и каковы мотивы ее выступления против Трибунала? Оппозиция также разнородна. Она включает не только пацифистов-«изоляционистов» старой школы, но и махрово-реакционные элементы. Последние не хотят присоединиться к Трибуналу не потому, что вступление в него связано с усилением американского империализма—этого они сами жаждут,—а потому, что считают Трибунал непригод-

ным инструментом империалистической политики. Так, например, воинственно-империалистическая «Чикаго Трибюн» (27/I) называет сторонников Трибунала интернационалистами (!), подчиняющими американские интересы интриге и фальшивому альтруизму». Та же газета писала (17/XII—25 г.):

«В легкие Америки накачивают газы морали и, одурманивая ее, хотят втянуть, как легковерного кролика, в псарню».

И выявляя далее свою позицию этот реакционный орган говорит: «Если мы хотим счастливого сочетания собственных интересов с моральными обязательствами, то оно уже дано нам в форме доктрины Монро».

Эту магическую формулу нужно расшифровать. Как известно, доктрина президента Монро, формулированная свыше столетия тому назад, сводилась к тому, что Соед. Штаты будут расценивать всякое вмешательство Европы в дела американских континентов, как угрозу своим жизненным интересам. По мере развития империализма Штатов эта доктрина наполнялась все более агрессивным содержанием, вылившись, наконец, в явное стремление подчинить себе всю Латинскую Америку и Канаду. Именно «Чикаго Трибюн» является ярким выразителем этих вожделений, и напоминая в цитируемой статье о доктрине Монро, она в скрытой форме указывает на то, что вступление Штатов в Трибунал может повлечь за собой вмешательство его европейских участников в возможные конфликты между Соед. Штатами и странами Латинской Америки (сторонники Трибунала из лагеря империалистов, учитывая перевес Штатов в соотношении сил с Европой, не боятся такого вмешательства).

Аналогичную позицию занимает широко разветвленная печать могущественного синдиката Херста. Социальную подоплеку этой позиции можно, пожалуй, выразить так: печать Херста отражает настроения американской мелкой буржуазии, шовинистический аппетит и кругозор которой пока ограничивается рамками американского континента в отличие от финансового капитала, мыслящего в мировом масштабе.

Для этого кругозора американского обывателя весьма показателен следующий любопытный факт: выступая в сенате против присоединения к Трибуналу, сенатор Блис из южного штата Южной Каролины упрекал большинство в том, что оно голосует за Трибунал, где американцу «придется сидеть рядом с чистокровным негром» из Гаити (маленькая негритянская республика к югу от Штатов в Караибском море, находящаяся под «протекторатом» Америки, но входящая в Лигу Наций). «Судьбы женщин и мужчин юга,—возмущался этот благородный стопроцентный янки,—будут брошены в руки черных людей!»

Вот из каких элементов составлена первая группа противников Трибунала. Вторую группу возглавляют прогрессивные сенаторы Бора, Брукгардт, Фрезир, Лафолетт (сын покойного вождя прогрессивного течения), Шипстед, лидер «рабоче-фермерской партии штата Минесота и др. Социальная основа этой группы—либеральная мелкая буржуазия в городе и на фермах. Она, конечно, тоже патриотична и готова грудью стать на защиту отечества в случае нужды, но она по старой традиции против всяких запутывающих соглашений» (entangling alliances), к чему, по ее мнению, ведет присоединение к Трибуналу, а тем более—дальнейший шаг—вступление в Лигу. Она боится,

что такой шаг лишь ограничит независимость внешней политики Штатов и подчинит их влиянию Англии.

В своем выступлении в сенате 18 декабря Бора на конкретных примерах доказывал, как тесно Трибунал связан с Лигой и задал представителям большинства республиканской партии вопрос: «Как мы можем сдержать включенное в нашу платформу обещание оставаться в стороне от европейской политики, если примем во внимание все те многочисленные сложные политические вопросы, по которым Трибуналу придется выносить свое суждение?»

В этих словах сказывается весь анахронизм позиции Бора с точки зрения об'ективных интересов той партии, с которой он, как типичный мелкий буржуа, никак не решается порвать. Республиканская партия уже освободилась от мелко-буржуазных влияний и стала плотью от плоти и костью от кости Big Buisness—крупного капитала. И разве может она оставаться в стороне от европейских дел после плана Дауэса, после всех тех старых и новых займов европейским правительствам и огромных частных инвестиций в Европе—после всего того, о чем с таким жаром говорил автор принятой резолюции сенатор Свонсон?

А потому и все дальнейшие аргументы Бора о неуважении прав малых народов в Лиге и в Трибунале, о несправедливостях последнего и т. д. чужды большинству республиканской фракции. И когда даже он вносит поправку в том духе, чтобы в будущем при выборах судей Трибунала Великобритания имела лишь один голос—теперь правом голоса пользуются и доминионы,—большинство эту поправку проваливает: настолько оно уверено в своем реальном перевесе над старой империей.

Такова печальная история последних могикан изоляции. Так же, как экспансия Соед. Штатов на заре их истории удалила со сцены старых могикан-индейцев, так и бешеная экспансия нынешнего империалистического периода Штатов фатально предопределяет судьбу могикан-«изоляционистов».

Чтобы покончить с вопросом о борьбе течений вокруг вопроса о Трибунале и Лиге, следует еще отметить позицию социалистов. Американская социалистическая партия, влачащая, кстати сказать, весьма жалкое существование, в этом отношении не единодушна: в то время как Хилквит, в полном согласии с его коллегами по II Интернационалу, горой стоит за Лигу, старик Дебс, в котором еще тлеют искры революционности, выступает против Лиги.

Что же касается коммунистической Воркерс Парти, то она заняла единственно правильную позицию, разоблачая как империалистические замыслы сторонников Трибунала, так и реакционные, а также беспринципно-пацифистские мотивы различных группировок в лагере буржуазных и мелко-буржуазных противников Трибунала.

Итак, кончился бой в сенате. Сторонники Трибунала, конечно, одержали решительную победу. Остается только в переговорах с Трибуналом оформить присоединение к этому великому международному судилищу такого почтенного авторитетного нового члена как Америка. 2 марта американский государственный департамент извещает Лигу о последовавшем, наконец, счастливом решении сената, о чем как бы я в о ч н ы м п о р я д к о м должны быть оповещены о т д е л ь н ы е государства, входящие в Трибунал. Но на заседании Совета Лиги от 18 марта в Женеве Чемберлен, выражая свое удовлетворение по поводу шага Америки, с невинным видом предлагает вопрос о ее вступлении в Трибунал и связанных с этим оговорках обсудить на пленуме Лиги 1 сентября, в присутствии представителя Штатов. И как бы по случайному совпадению в тот же день, 18 марта, в Вашингтоне представителям печати передают из Белого Дома содержание доклада прибывшего в Вашингтон американского посла в Лондоне Хоутона, в котором Лига Наций сравнивается со «Священным Союзом» и характеризуется как учреждение с возвышенными идеями мира и братства народов... Колоссальная сенсация в Штатах—шум и смятение во всем мире. Какой неожиданный и пренеприятнейший пассаж! А в довершение в начале апреля из кругов близких к государственному департаменту сообщают, что Штаты отказываются от посылки представителя на сессию Лиги Наций согласно предложению Чемберлена. Час от часу не легче!

Какой же смысл имеет все это пикантное запутанное и столь богатое сюрпризами политическое «ревью»?

Раньше всего то, что провал Женевы американский империализм расценивает как угрозу тому замирению в Европе, которое ему нужно для эксплоатации всей Европы в целом и для спокойного регулярного взимания с нее дани в виде взносов по займам и прибыли по частным инвестициям, как нежелание Европы разоружаться по приказу Штатов. (Эти пацифистские требования по отношению к Европе, конечно, ни в коей мере не говорят о желании разоружиться со стороны самой Америки: quod licet Jovi, non licet bovi, или в переводе на язык Уолл-стрит—что разрешается кредитору, то не разрешается должнику...). Далее, выступление Хоутона без сомнения означает новый сдвиг американской дипломатии. Но в какую сторону? Не в сторону изоляции и невмешательства в европейские дела, как пишут в некоторых буржуазных газетах. Это—чепуха. При тех миллиардах, которые Штаты вложили в предприятие называемое Европой, о невмешательстве американских кредиторов в европейские дела никакой речи быть не может. П л а н Х о у т о н а о з н а ч а е т с д в и г в с т о р о н у п р и м е н е н и я в ц е л я х п о л и т и ч е с к о й и н т е р в е н ц и и м е т о д а з а в и н ч и в а н и я э к о н о м и ч е с к о г о п р е с с а н а У о л л - с т р и т, м е т о д а р е г у л и р о в а н и я ф и н а н с и р о в а н и я Е в р о п ы в з а в и с и м о с т и о т е е п о к о р н о с т и, а н е к р о п о т л и в о г о, ч р е в а т о г о э т и м и о д и о з н ы м и «з а п у т ы в а ю щ и м и с о г л а ш е н и я м и» м е т о д а в с т у п л е н и я в Т р и б у н а л и в Л и г у Н а ц и й. И действительно, устами Хоутона американская дипломатия говорит: «Выявление того факта, что Европа все еще находится во власти вражды, явившейся причиной мировой войны, и на ряду с этим—отсрочка конференции по разоружению и глубокое неверие в возможности разоружения в результате этой конференции, задуманной Лигой,—все это вызвало (в официальных кругах Соед. Штатов) глубокий пессимизм относительно политических перспектив в Европе. Та Европа, с которой Соед. Штаты должны договариваться по вопросу о разоружении, не управляется государственными людьми, способными учесть урок мировой войны, и готовыми предупредить другую. Чем скорее мы откажемся от этой иллюзии, тем лучше. Народы Европы,

быть может, желают мира, но их правительства думают о национальном престиже и империалистических амбициях и готовят комбинации и союзы, которые могли бы быть противопоставлены комбинациям и союзам враждебной группы... Логическим завершением такой политики может быть только война» («Вашингтон Пост» 18 марта).

Исходя из всего этого, правительство Соед. Штатов, согласно все тем же ссылкам на доклад Хоутона, пришло к выводу, что «Штаты должны выжидать до тех пор, пока экономические факторы не вынудят Европу отказаться от нынешнего милитаризма; отсутствие финансовых возможностей сохранить вооружения принудит Европу изменить свою политику; тогда Соед. Штаты сумеют с успехом настоять на своей политической линии».

Итак—либо смиритесь, либо прощайтесь с займами—таков «план Хоутона».

Неудивительно, что после этой истории с «планом Хоутона» противники Трибунала в Штатах подняли головы и на заседании сената 21 марта Бора опять разоблачал интриги Лиги и бесплодность Трибунала. Сторонникам последнего из правительственного лагеря осталось только одно—как-нибудь замазать и «раз'яснить» этот новый план. Но все эти запоздавшие маневры никого не могли ввести в заблуждение, так как одновременно с ними последовало вышеупомянутое заявление, что правительство Штатов отказывается послать своего представителя на сессию Лиги 1 сентября для обсуждения американских оговорок, и конфуз, таким образом, получился полный.

Такой поворот об'ясняется, помимо доклада Хоутона, стремлением дать понять Чемберлену, инициатору предложения о необходимости подвергнуть обсуждению американские оговорки, что Штаты не нуждаются в признании поставленных ими условий и что они не хотят иметь против себя блок государств, членов Трибунала. В известном смысле этот шаг направлен не только против Англии, но и против Европы в целом.

После всего этого естественно возникает вопрос: что же это за дипломатия такая, которая годами колеблется, пока решается на определенный шаг, и не успев еще шагнуть уже тянется назад? На это можно дать только один ответ, ответ который многим быть может покажется парадоксальным: послевоенная американская дипломатия не имеет единой определенной политической линии. Она еще не успела войти в новую историческую роль. А потому ее линия—неуверенная, неустойчивая и зигзагообразная. И прав по своему сенатор Гаррисон, демократ, который, реагируя в сенате на «инцидент» с Хоутоном, воскликнул:

— «Как мы «ташимся» в международной политике! Какое мы выявили руководство? Где те способные выдающиеся люди, которые управляли бы делами нашей страны в международном масштабе? «Осторожный Кал», «нервная Нелли», «меланхоличный Гос»... [1]). Давайте же, наконец, карты на стол!».

Но карты в не особенно ловкой игре американской дипломатии смешались, и она пока не знает, чем именно козырнуть. И такой период колебаний, очевидно, будет продолжаться еще

[1]) Клички Кулиджа, Келлога и Хоутона.

не мало времени. Но как бы то ни было, можно установить, что в силу общеизвестных экономических факторов американская политическая интервенция в Европе все усиливается. Что же касается форм этой интервенции, то резолюция сената в пользу Трибунала при Лиге Наций, последовавшая после стольких лет упорной внутренней борьбы, свидетельствует о том, что американский финансовый капитал постепенно склоняется к сотрудничеству с Лигой Наций, с целью использовать ее как рычаг давления в различных областях внешней политики Штатов. Выступление Хоутона в связи с провалом последней женевской сессии Лиги Наций несколько усилило позицию противников Трибунала. Но было бы неправильно утверждать, что оно радикально изменило соотношение сил в борьбе вокруг Лиги. Во всяком случае европейские державы в Лиге Наций, Трибунале и различных международных конференциях все больше и больше будут сталкиваться с «наблюдателями» и оффициальными представителями американского империализма. Это неизбежно приведет к умножению и усилению противоречий между империалистическими державами и в частности между Штатами и Англией, претендующей на первую скрипку в т. н. «европейском концерте» или, скажем лучше, в европейском «джазбанде».

От этой роли старая Англия, как это показал маневр Чемберлена по поводу американских «оговорок», отказываться не намерена. Но и американский империализм, так тесно связавшийся с Европой узами миллиардных займов и инвестиций, с такой ролью Англии мириться не может, а потому обострение англо-американской борьбы в Европе неизбежно.

Е. Смиттен.

К итогам регулирования роста партии.

(По материалам Статистического Отдела ЦК ВКП).

Задача регулирования роста партийных организаций, как первоочередная и важнейшая задача партийного строительства, стояла и продолжает стоять в центре внимания и партии в целом и каждого партийного комитета в отдельности.

В настоящем обзоре сделана попытка подвести некоторые итоги работ парторганизаций над улучшением их состава, ответить на вопрос, куда росла и продолжает расти партия.

Прежде всего, однако, необходимо оговориться насчет качества использованных в обзоре статистических данных. Они не претендуют на 100%-ую достоверность и полноту. Весьма возможно, что приведенные ниже цифры по тому или иному вопросу не совсем точны. Но соотношения между ними и относительные величины, думается, правильно выявляют рассматриваемое явление и изучаемый процесс. А этого только и можно требовать от данных, получаемых в порядке текущей статистики, к тому же из весьма неокрепших еще статистических органов парткомов.

Социальный состав партии к началу 1926 г.

Среди трех основных категорий трудящихся имеет ВКП своих членов: среди рабочих, крестьян и интеллигентов, а также лиц конторско-канцелярского труда. Ядро партии составляют рабочие, числом около 582.300 человек. Крестьяне-коммунисты насчитываются в количестве 246.800. Группа служащих, интеллигентов и проч. самая малочисленная—173.400.

В миллионной армии коммунистов (точнее—1.002.500 без военных коммунистов, учитываемых ПУР'ом, и партийцев, работающих в советских учреждениях за границей) названные группы трудящихся на 1 января 1926 г. составляли: рабочие—58,1%, крестьяне—24,6%, служащие и проч. (кустари, ремесленники)—17,3%.

Однако, далеко не все партийцы-рабочие находятся в данное время на производственной работе так же, как не все коммунисты-крестьяне заняты сельским хозяйством.

В рабоче-крестьянской стране государственный аппарат, профессиональные и партийные организации, торговые, хозяйственные и проч. органы обслуживаются снизу доверху, в большей или меньшей степени, выходцами из рабочего класса и крестьянства. Ушла с фабрик и заводов, оторвалась от сельского хозяйства и часть коммунистов рабочих и крестьян и ныне работает на административной, профессиональной, партийной и иной работе. Вместе с интеллигентами и служащими по основной своей профессии, эти бывшие рабочие и крестьяне составляют довольно большую группу так называемых советских служащих и общественных работников 361.500 или 36,1% общего числа коммунистов). В распоряжении партстатистики нет точных данных о том, из каких социальных элементов слагается группа партийцев-служащих, как велик в ней процент рабочих, крестьян и интеллигентов. По приблизительному исчислению в общей массе коммунистов, обслуживающих госаппарат, проф. и парторганы, хоз. и пр. учреждения, должно быть около 50% крестьян и рабочих.

Удельный вес коммунистов-землепашцев и батраков, независимо от его роста за последний год, пока еще очень невелик. Сравнительно большая сеть деревенских коммунистических ячеек (16.000—53,4% всего числа ком'ячеек) охватывает около 114.600 (11,4%) коммунистов, исключительно занятых сельским хозяйством, и 11.700 (1,2%) батраков и с.-х. рабочих. Промежуточную группу между партийцами-землепашцами и служилым элементом в деревне составляют те коммунисты, которые, занимаясь индивидуальным—реже коллективным—сельским хозяйством, вместе с тем выполняют по выборам общественную работу в качестве председателей сельсоветов, виков и т. д. или работают по найму. Примерная численность таких коммунистов—32.000.

Что касается рабочих, то из общего числа их в партии (582.300) рабочие, непосредственно занятые в добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорте и в учреждениях (чернорабочие, ремонтные рабочие), сохранившие в массе живую связь с широкими кругами беспартийных рабочих, составляли к началу 1926 г. 409.400 человек, т.-е. 40,8% всего состава партии. В это число вошло 264.700 фабрично-заводских рабочих, около 100.300 транспортных и 44.400 прочих наемных рабочих в нецензовой промышленности, госаппарате и т. д. В дальнейшем, для сокращения, эти три категории коммунистов—наемных рабочих—будем условно называть производственными рабочими.

Так как главным источником, из которого до сих пор шли основные пополнения партии и откуда и впредь мы будем черпать свои силы, является фабрично-заводская промышленность, интересно проследить, во-первых, как распределяются коммунисты между отдельными отраслями промышленности и во-вторых, какова коммунистическая прослойка в промышленных предприятиях различных размеров.

По первому вопросу имеем такие данные:

Наибольший процент коммунистов, именно 28,0%, падает на металлообрабатывающую промышленность, пятая часть—на текстильную, 11,5% на пищевую и десятая часть на горную и горнозаводскую. Всего, следовательно, в четырех названных отраслях промышленности работает 69,4% общего числа коммунистов на производстве. Остальные 30,6% рассеяны между всеми другими отраслями промышленности таким образом, что на каждую из них в среднем приходится от 2 до 6 процентов всего числа коммунистов в индустрии.

Однако, из того обстоятельства, что в металлической, текстильной, пищевой и горнозаводской промышленности сосредоточено более двух третей всех коммунистов фабрично-заводских рабочих, вовсе не следует, что в этих отраслях промышленности коммунисты составляют высокий процент в общей массе рабочих. Следующая таблица дает сравнительные данные о плотности коммунистов в отдельных отраслях промышленности различной степени концентрации.

Наименование отраслей промышленности.	Число рабочих в среднем на одно предприят.	Число коммунистов в % к итогу.	Число коммунистов на 1000 рабоч.
Обработка металлов и машиностроен.	333	28,0	178
Горная и горнозаводская	850	10,0	156
Текстильная	1.024	19,9	87
Произв. пищевых продуктов, напитков и наркотиков	62	11,5	193
Химическая	289	6,9	137
Полиграфическая	116	5,6	234
Кожевенная	106	4,2	220
Обработка дерева	100	4,6	165
» бумаги	255	1,6	159
Швейная промышл.	193	2,1	221
Проч. отрасли промышл.	171	5,6	131
По всем отраслям промышл.	257	100,0	144

Есть определенная зависимость между плотностью коммунистов и степенью концентрации промышленности. В менее концентрированных отраслях промышленности, т.-е. там, где в среднем на одно предприятие приходится меньше рабочих, насыщенность коммунистами фаб.-зав. пролетариата большая, чем в высоко-концентрированных отраслях промышленности.

Весьма интересны цифры (на 1 июня 1925 года) о число коммунистов в промышленных предприятиях и жел.-дор. мастерских и депо с неодинаковым количеством занятых в них рабочих.

Размеры ф.-з. предприятия и ж.-д. депо (мастерск.).	До 200 рабоч.	201—500 рабоч.	501—2000 рабоч.	2001—5000 рабоч.	Свыше 5000 р.
Процент коммунистов в составе ф.-з. рабочих	27,2	19,4	13,1	8,8	8,7
Процент коммунистов в составе ж.-д. рабочих	39,7	27,3	19,5	13,9	

Чем меньше предприятие по числу занятых в нем рабочих, тем больший процент коммунистов имеется в общезаводской массе. И обратно—с ростом размера предприятия уменьшается коммунистическая ячейка.

В чем причина этого явления?

Возможно, что в крупных предприятиях парт'ячейкам труднее держать в поле своего зрения большую массу беспартийных рабочих, она недостаточно обслуживается школами политграмоты, не вся вовлекается в общественную работу и т. д. Ячейкам на небольших предприятиях, повидимому, легче удается охватить своим влиянием рабочих и в бо̀льшем числе вовлечь их в партию. Несомненно и то, что в партию идут преимущественно квалифицированные рабочие (подтверждение этому дал Ленинский призыв 1924 г.), чем об'ясняется высокий процент коммунистов в полиграфической промышленности, где преобладает высоко-квалифицированный труд, и низкий проценг—в текстильной промышленности, обслуживаемой рабочими более низкой квалификации. На малой насыщенности коммунистами рабочих текстильной промышленности сказывается преобладание женского труда в ней над мужским (на 100 мужчин, занятых в текстильной промышленности, приходится 144 женщины), приток в 1925 г. в текстильную промышленность рабочей силы из деревни, отдаленность многих текстильных фабрик, от культурных центров и т. д. Предстоящая партийная перепись должна дать достаточный материал для суждения о том, рабочие каких отраслей промышленности и какой квалификации обнаруживают наибольшее тяготение к коммунистической партии. Здесь же отметим только, что ставя себе задачу усилить рабочее ядро, парторганизации должны обратить особенно пристальное внимание на недостаточную прослойку коммунистов в средних и крупных предприятиях и в таких отраслях промышленности, как текстильная, горная и даже металлическая.

Прием в партию.

Основным фактором, определяющим изменения социального состава партии, является прием новых членов, их численность и состав.

Но самый прием, в свою очередь, в значительной мере определяется тягой в партию, т.-е. численностью и составом тех лиц, которые заявили о желании стать членами партии, хотя бы и не были приняты в кандидаты по тем или иным мотивам. К сожалению, далеко не все организации наладили регистрацию подаваемых заявлений о приеме в партию, и мы имеем данные по этому вопросу только по 70% всего числа ячеек. Согласно этому, как сказано, далеко не полному учету, в течение 1925 г. было около 529.000 заявлений о приеме в партию. В действительности же их было больше. В частности, от производственных рабочих поступило 46,6% всех заявлений, от крестьян-землепашцев и батраков—28,5% и, наконец, от остальных категорий трудящихся—24,9%. Принято же в кандидаты было 321.860 человек, т.-е. немногим больше (на 1,8%) числа принятых в 1924 г. Социальный состав вновь завербованных характеризует след. таблица:

Принято в кандидаты.	Всего.	В том числе:		
		Рабочих.	Крестьян.	Служ. и пр.
В I полугодии 1925 г. . .	190.200	62,4	22,5	15,1
Во II » 1925 г. . .	131.660	43,8	39,6	16,6
Итого в 1925 г. . .	321.860	54,8	29,5	15,7

Итак, больше половины (54,8%) всех принятых в партию в течение года составили рабочие, сравнительно большой процент—крестьяне. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что во II полугодии, т.-е. примерно, после XIV партийной конференции, процент принятых крестьян увеличился сравнительно с процентом I полугодия, а рабочих—снизился.

Однако, поскольку постановления высших партийных органов, говоря о необходимости увеличения рабочего ядра в партии и бо́льшего вовлечения крестьян (бедняков и середняков), имеют в виду не вообще рабочих и крестьян, а в частности индустриальных рабочих, непосредственно занятых в производстве, и крестьян, непосредственно занятых в сельском хозяйстве (землепашцев), интересно проследить, как шел прием в партию именно этих категорий трудящихся.

Прием производственных рабочих характеризуется следующими цифрами. Всего в партию было принято 176.400 рабочих, из них производственных рабочих—162.700. Следовательно, около 14.000 рабочих в момент приема работали в качестве служащих в советских и проч. учреждениях, состояли студентами высших школ и т. д. Прием рабочих во второй половине 1925 г. был слабее приема в первой половине. В то время, как в I полугодии было принято около 110.000 фабрично-заводских, транспортных и проч. наемных рабочих, во II полугодии—около 53.000, т.-е. на 51—52% меньше. В I полугодии производственные рабочие составили больше половины—57,8%—всего числа принятых, во II полугодии—их было только 40,1%.

Этот процент колеблется в больших пределах в организациях крупных промышленных центров и земледельческих губерний. В первых—рабочие составляли, как правило, больше половины общего числа принятых. Так, в организациях промышленных губ. центрального района, промышленных округов Урала и Сев. Кавказа—рабочих было принято: в I полугодии 1925 г.—70,3%, во II—53,1% всего числа принятых в кандидаты. В организациях земледельческих губ. и земледельческих округов Урала и Сев. Кавказа соответствующий для рабочих процент был: 41,0% и 25,1%.

Не означает ли это снижение абсолютного числа вовлеченных в партию рабочих и падение процента их в общей массе принятых в кандидаты того, что ставка на рабочих не была основной ставкой парторганизаций после XIV партконференции?

Судя по всем имеющимся материалам о регулировании роста организаций (директивным указаниям губкомов нижестоящим организациям, циркулярным письмам, постановлениям и т. п.), все или по крайней мере подавляющее большинство организаций всеми силами стремились увеличить число производственных рабочих в своем составе. И тем не менее достижения в этом отношении не было.

В чем же причина?

Есть некоторое основание предполагать, что Ленинский призыв 1924 г. в некоторой мере исчерпал кадры подготовленных ко вступлению в партию рабочих. Ленинский призыв, как указывал на XIII с'езде тов. Молотов, был подготовлен работой партии в течение ряда лет. Прошлый год, и II его полугодие в особенности, был годом, во-первых, усиленного воспитания в школах и на практической работе партийного молодняка, во-вторых—годом постепенного накапливания и подготовки новых сил из числа пока беспартийных рабочих активистов. В этих условиях могло ослабеть внимание парторганизаций к задаче массового вовлечения в партию рабочих.

Возможно и то, что ослабленный приток рабочих в партию есть результат не всюду хорошо налаженной массовой работы. Есть указания на то, что известную часть беспартийных рабочих до поры, до времени удерживает от вступления в партию боязнь партдисциплины, нагрузки общественной работой и учебой.

Не могла, наконец, не сказаться на общем составе партии и усиленная тяга к ней крестьян.

Если во II полугодии 1924 г. в общем числе принятых в кандидаты крестьяне, непосредственно и исключительно занятые сельским хозяйством, составляли 11,2%, и в I половине 1925 г.—11,5%, то в период с июля по декабрь процент крестьян-землепашцев в составе принятых повысился до 22,1%. Общее число принятых в партию во II полугодии крестьян-землепашцев—29.000 было на 33% больше числа принятых в I полугодии.

К сожалению, текущая статистика не может установить, какие, собственно, группы крестьянства (бедняк, середняк) пополняют деревенскую партийную организацию. Выявление этого чрезвычайно интересного и важного момента, установление процента бедняков и середняков среди деревенских коммунистов—следует поставить в задачу предстоящей партийной переписи. Что касается батраков и сельско-хозяйственных рабочих, численность которых в партии очень ничтожна, то и их приток понемногу усиливается. Так, в составе принятых в кандидаты в январе—июне 1925 г. батраков и сельско-хозяйственных рабочих было 1,3%, а в июле—декабре—2,0%.

Таков был прием в партию крестьян-землепашцев и батраков. Кроме крестьян, исключительно занятых сельским хозяйством, в партию вербовались и те крестьяне-активисты, которые совмещают сельское хозяйство с выборной и наемной работой в вик'ах, сельсоветах, комитетах крестьянской взаимопомощи и т. д. Партстатистика не располагает сведениями по вопросу о том, как шел прием в партию этих элементов крестьянства. Но общее представление о приросте их будет дано ниже.

Само собой разумеется, что в абсолютных цифрах приток в партию крестьян и батраков не мог иметь и не имел массового

характера. Но тенденция усиления его роста выявляется, как выше показано, совершенно отчетливо.

Остается рассмотреть прием в партию служащих. Прежде всего напомним, что мы будем иметь в виду прием всех категорий служащих, т.-е. как интеллигентов, лиц конторско-канцелярского труда и младших служащих, так и тех выходцев из рабочего класса и крестьянства, которые в настоящее время являются советскими служащими и общественными работниками. Общая численность принятых в 1925 г. служащих—72.000. Это—меньше числа принятых за тот же период рабочих, но больше числа вовлеченных в партию крестьян. Во II полугодии служащих было принято несколько меньше—на 11,4%—чем в первом, но так как общий прием в партию сократился, то удельный вес служащих повысился с 20% в составе принятых в I полугодии до 25,6% в составе принятых во II полугодии.

В приеме служащих чрезвычайно важно и еще одно обстоятельство. Именно, та большая легкость, с какой служащие проходят в партию сравнительно с другими категориями трудящихся.

Из общего числа служащих, подавших заявления о приеме в партию, было принято 78,3%. А из числа рабочих—66%. К заявлениям крестьян и батраков было проявлено еще больше осторожности: из всего числа крестьян и батраков вместе с с.-х. рабочими, обратившихся в ячейки с заявлениями о приеме их в партию, было принято: первых—39,5%, вторых—только 23,6%.

Эти данные свидетельствуют о том, как односторонне была воспринята и проведена в жизнь директива «улучшение качественного состава партии, повышение соответствующих требований ко всем вновь вступающим членам партии», формулированная в постановлении XIV партконференции.

Вторым, после приема, фактором, определяющим, конечно, в гораздо меньшей степени, динамику социального состава коммунистов, является убыль из партии.

Что касается рабочих, непосредственно занятых в производстве, то коэффициент исключений и выходов их из партии обнаруживает тенденцию к некоторому повышению. Для 1924 г. коэффициент выбытий (из среднего годового числа партийцев-рабочих) был равен 1,4%, а исключений—0,1%. Для 1925 г. соответствующие коэффициенты были: 2,2 и 1,2. По отношению к крестьянам-землепашцам у нас нет сравнительных погодных данных о числе случаев их выходов и исключений из партии. Установлено только, что во II полугодии 1925 г. убыль крестьян из партии была меньше убыли рабочих. Коэффициенты выбытий крестьян—1,0%, исключений—1,5%.

Но в общем убыль из партии настолько незначительна, что сколько-нибудь серьезных изменений в соотношениях между социальными прослойками партийцев она произвести не могла.

Динамика социального состава партии.

Общее представление об этом дает нижеследующая таблица (табл. на стр. 67).

Как видно из таблицы, все социальные группы коммунистов выросли в своей абсолютной величине, но рост этот шел неодинаковым для всех темпом. В то время, как группа крестьян выросла максимально—на 13,7%—рабочие и служащие отставали в своем росте от роста крестьян, и в результате удельный вес как рабочих, так и служащих снизился.

Даты.	Социальный состав партии:					
	Рабочих.		Крестьян.		Служащих и пр.	
	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%	Абс. ч.	%
На 1 июля 1925 г.	534.400	58,6	217.000	23,8	160.400	17,6
На 1 янв. 1926 г.	582.300	58,1	246.800	24,6	173.400	17,3
Рост (+) в абс. ч.	+ 47.900	—	+ 29.800	—	+ 13.000	—
Рост (+) в %	+ 9,0	—	+ 13,7		+ 8,1	—

Но интереснее те изменения, которые в итоге приема в кандидаты произошли в численности партийцев-рабочих «у станка», крестьян «у плуга» и служащих государственных и других учреждений.

Вот эти показатели (табл. на стр. 68).

Необходимо пояснить, что в этой таблице, в гр. служащих и общественных работников, включены и те крестьяне, которые совмещают работу в сельском хозяйстве с работой по выборам или по найму в госаппарате, кооперации и т. д. в деревне. Относительно снижения абсолютного и относительного числа группы «прочих» надо сказать, что оно об'ясняется, главным образом, снятием с учета парткомов коммунистов в Красной армии и флоте.

Что касается цифр по существу, то они показывают большой прирост в численности и в удельном весе крестьян, меньший—батраков и, наконец, служащих.

Темп же роста производственных рабочих отстал от темпа роста всех других категорий партийцев и, кроме того, удельный вес их снизился за полгода с 42,0% до 40,8%. Таким образом, к XIV партийному с'езду не только не удалось добиться увеличения процента производственных (и транспортных) рабочих в составе партии, но не удалось удержать, несмотря на абсолютный рост—рабочее ядро на ранее достигнутом уровне. Директива с'ездов о 50% коммунистов-рабочих, непосредственно занятых в производстве, не могла быть выполненной подавляющим большинством партийных организаций. Ибо в отдельных организациях, работающих в условиях, благоприятствующих вовлечению в партию рабочих, в организациях крупных промышленных центров процент партийцев-рабочих «у станка» перешагнул за установленный минимум. В группе организаций 10 промышленных губерний рабочие «у станка» составляют

больше половины всей организации и процент их вырос за второе полугодие 1925 г. с 51,6% до 53,6%. Во всех остальных организациях, за очень редким исключением, удельный вес партийцев-рабочих «у станка», при незначительном их абсолютном росте, снизился. Так, например, в 23 организациях земледельческих губерний с 33,4 до 31,4%, на Украине—с 49,2 до 46,1% и т. д.

Состав коммунистов по роду их занятий.

Даты.		Рабочие, непосредств. занятые в производ. и транспорте.	Крестьяне-землепашцы.	Батраки и с.-х. рабочие.	Служащие и общ. работники.	Прочие (кустари, ремеслен., учащиеся и др.).
На 1 июля 1925 г.						
В абс. ч.		383.300	85.400	10.100	319.300	113.700
В процентах		42,0	9,4	1,1	35,0	12,5
На 1 янв. 1926 г.						
В абс. ч.		409.400	114.600	11.700	361.500	105.300
В процентах		40,8	11,4	1,2	36,1	10,5
Рост (+) или убыль (—)	в абс.	+ 26.100	+29.200	+ 1.600	+42.200	— 8.400
	ч. в %	+ 6,8	+ 34,2	+ 15,8	+ 13,2	— 7,4

Еще более резкое снижение числа рабочих «у станка» наблюдается в кандидатском составе, как результат, с одной стороны, пониженного притока в партию, с другой—той линии, которой держались парткомы в отношении переводов кандидатов в действительные члены партии.

Переводились в первую очередь рабочие «у станка», их было около 70% от всего числа переведенных во втором полугодии 1925 г., в то время как служащие и крестьяне задерживались на положении кандидатов: процент служащих в общем числе переведенных в члены равнялся 18,9%, а процент крестьян-землепашцев—всего только 4,7%. Замедленный темп притока рабочих в партию, усиленный перевод рабочих из кандидатов в действительные члены и удержание большинства партийцев крестьян и служащих на положении кандидатов привело к снижению удельного веса производственных рабочих в кандидатском составе с 51,2% на 1 июля 1925 года до 41,6% на 1 января 1926 года и увеличению процента рабочих «у станка» в общем числе членов партии с 34,6% до 40,8%.

Что касается крестьян, исключительно занятых с. х., то небольшое число их, принятое в июле—декабре—29.000—легло на сравнительно небольшое же число ранее состоявших в партии—приблизительно 85.400 крестьян-землепашцев и в результате дало увеличение всей группы партийцев—крестьян-землепашцев на 34,2%. Рост этой группы наблюдается во всех, без

исключения, организациях. Меньший—там, где крестьяне и раньше составляли весьма компактную группу в организации. Больший—в тех организациях, где их раньше было мало.

Прирост крестьян-землепашцев в партийных организациях (в %).

Название организаций.	Число крестьян-землепаш. коммун.			Число крестьян-землепашцев-кандидатов.		
	На 1/VII 1925 г.	На 1/I 1926 г.	Прирост.	На 1/VII 1925 г.	На 1/I 1926 г.	Прирост.
ВКП (б).	9,4	11,4	34,1	10,7	16,5	54,8
В том числе в организациях:						
1. Промышлен. губ.	2,0	2,5	29,0	2,8	5,0	43,5
2. Промышлен. окр. Урала	5,1	5,4	10,7	5,6	8,2	29,5
3. Промышлен. окр. Сев. Кавказ.	3,5	4,4	39,6	4,8	7,6	47,5
4. Земл. губ. (23-х)	11,0	13,4	35,7	12,9	18,8	56,5
5. Земл. окр. Урала.	26,3	27,0	14,3	30,8	32,4	48,0
6. Земл. окр. Сев. Кавказа	21,6	21,9	12,1	26,2	31,0	32,8
7. Сибири.	24,2	26,5	18,8	25,1	31,0	31,0
8. Украины	4,2	6,9	101,4	6,5	12,8	121,4
9. Белоруссии.	3,8	8,2	180,1	6,4	15,3	252,2

Если учесть прирост не только группы крестьян-землепашцев в партии, но и тех коммунистов, которые являются одновременно и землепашцами и служилым элементом в деревне, то общий для всех коммунистов-землепашцев прирост выразится в 31,9%, а удельный вес всей группы повысится с 12,2% в середине 1925 г. до 14,6% в конце его.

Переходя к группе партийцев-служащих (по роду занятий в данное время), отметим, что ее рост отставал от роста крестьян в партии, но опередил, как это видно из вышеприведенной таблицы, рост рабочих, занятых в индустрии и на транспорте. Повысился несколько и процент служащих в общем числе коммунистов: с 32,2% до 32,9%.

В кандидатском составе, в виду того, что в числе принятых во II половине 1925 г. служащих было—и абсолютно, и относительно—больше, чем в числе принятых в I полугодии, мы имеем еще более резкое повышение процента служащих, именно с 22,1% до 24,4%.

Итоги и выводы.

Все сказанное выше, вместе с данными статистических материалов, в настоящем обзоре не затронутыми из-за недостатка места, позволяет подвести некоторые общие итоги.

1. Наиболее характерным в росте партии в рассматриваемый нами период нужно признать абсолютное и относительное увеличение, в результате растущей тяги и усиленного вовлечения в партию, группы крестьян-землепашцев и—в меньшей мере—

батраков. Та «зацепка в деревне», о необходимости которой говорил на XIV с'езде тов. Сталин, повсеместно росла и крепла.

2. Абсолютное число служащих, принятых в партию в июле—декабре 1925 г., было меньше числа принятых в январе—июне того же года, но удельный вес их в составе принятых повысился во II полугодии так же, как повысился, хотя и на весьма малую величину, процент служащих в общем числе коммунистов.

3. По-прежнему максимальное тяготение к коммунистической партии проявляют рабочие вообще и производственные в частности. Абсолютное число принятых в партию рабочих превышает число вступивших в партию служащих и крестьян. Но на фоне усиленного прилива в партию крестьян-землепашцев замечается относительное ослабление притока рабочих в партию и в итоге—снижение, правда, весьма незначительное, процента производственных рабочих в составе партии вообще и, в частности во всех организациях, исключая самые крупные в промышленных центрах.

Ни партия в целом, ни большинство ее губернских организаций, и, конечно, ни одна нац. коммунистическая партия, из числа входящих в ВКП, не имеют в своем составе того минимального числа (50%) рабочих, непосредственно занятых в производстве, о котором говорят наши с'езды и конференции.

Первый квартал 1926 г. дал несколько иное, более благоприятное, соотношение отдельных категорий трудящихся в составе принятых в кандидаты. Повысился сравнительно с II полугодием 1925 г. процент рабочих (до 41,8%), снизился процент служащих (до 20,9%). Крестьяне и батраки продолжают вовлекаться в возрастающем количестве, удельный вес их поднялся до 28,2% в составе всех принятых в январе—марте т. г. Однако, и этот набор не гарантирует основного: приближения к намеченному партией проценту производственных рабочих в партии в ближайшие годы. Более того, непрерывный рост крестьян-землепашцев угрожает снизить в ближайшие полгода—год процент рабочих в партии.

Спрашивается: каким же должен быть темп и состав приема, чтобы рабочие, непосредственно занятые в производстве, составляли не менее 50% всего числа коммунистов?

Если прием в партию в дальнейшем будет итти так же, как в 1925 г., т.-е. организации будут принимать ежегодно по 300.000 новых членов, в числе которых рабочие будут составлять 51,0%, а нерабочие—49,0%, то разница между абсолютным числом партийцев-рабочих и нерабочих—примерно в 184.000—будет покрыта в течение трех десятков лет. Очевидно, что рост партии должен итти иным темпом и с другим соотношением социальных групп в составе принимаемых в кандидаты. Допустим, что ежегодный прием останется по количеству тем же, но процент рабочих в составе принятых поднимется до 60% за счет снижения процента служащих и крестьян. Тогда равновесие между числом производственных рабочих в партии и всеми прочими будет достигнуто приблизительно через 3,5 года.

Само собой разумеется, что процент рабочих в составе принимаемых в партию должен быть выше указанной нормы в организациях крупных промышленных центров и неизбежно будет спускаться ниже нормы в районах земледельческих. Во всяком случае в обстановке развития промышленности и роста численности рабочего класса вполне мыслимо усиление притока рабочих.

Нам кажется, что самая большая трудность в деле регулирования роста партии лежит не там, где ее ищут враги коммунистической партии, не в отходе трудящихся от революции. Мы имеем достаточно выражений доверия трудящихся советской власти и коммунистической партии. В частности, свыше полумиллиона заявлений о желании стать членами партии говорят о неослабевающей тяге широких кругов трудящихся к коммунистической партии.

Трудности регулирования роста партии заключаются прежде всего в том, что СССР — страна аграрная, с громадным преобладанием крестьянства, что в целом ряде губерний и областей Союза нет развитой промышленности, а, следовательно, нет или очень мало фаб.-зав. рабочих, за счет которых должны в первую очередь расти партийные организации. Активность трудящихся—не только рабочих и крестьян, но и служащих—растет. Работа партийных организаций среди беспартийного актива дает результаты: вокруг ячеек появляются коммунистически-воспитанные, проверенные на общественной работе группы как рабочих, так и крестьян и служащих. Они стремятся организационно закрепить свою связь с партийной организацией, воспитавшей их в коммунистическом духе, а последняя заинтересована в том, чтобы «иметь зацепку в деревне» в лице крестьян и привлечь в свои ряды лучших из служащих и интеллигентов. Но в условиях устремления в организацию всех элементов трудящихся не всегда устанавливается необходимая пропорция между отдельными социальными группами принимаемых в кандидаты, а в итоге нарушается правильное соотношение их в общем составе организаций. Однако, вопросы планирования и организации дела регулирования роста партии выходят уже из пределов темы настоящего обзора.

М. Покровский.

Новая книга по новейшей истории.

(Н. Рожков.—«Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы социальной динамики). Том двенадцатый. Финансовый капитализм в Европе и революция в России»).

Разбираемая книга является последним томом большой работы, «составляющей венец и цель научных исканий» автора, продолжающихся «уже больше тридцати лет» (стр. 350---351). Было бы постыдно для критика отнестись к подобному труду с кондачка и, усвоив манеру, грешным делом не совсем чуждую автору разбираемой книги, раздавать направо и налево безапелляционные отзывы: «это не верно», «это неправильно», «с этим нельзя согласиться» и тому подобное. Какое дело читателю, кто с кем согласен или несогласен и что автор, суб'ективно, считает правильным или неправильным? Надо показать, что на самом деле об'ективно было.

Вот почему я намерен следовать другому правилу Н. А. Рожкова, с которым (правилом) я согласен вполне: «вести борьбу положительным методом: на основании источников и литературы, засвидетельствованных, проверенных и установленных в них фактов». При чем первым источником является здесь, конечно, сама лежащая перед нами книга.

К какому лагерю принадлежит она и ее автор? Казалось бы, на стр. 350 дается категорический и исчерпывающий ответ: «автор настоящего труда... считает себя марксистом». Но эта фраза является заключительным звеном изложения марксистской теории, как понимает ее наш автор (на месте нашего многоточия в оригинале стоят слова: «признает эту теорию»—изложенную выше), а, прочтя это изложение, я боюсь, всякий читатель начнет обуреваться теми же сомнениями, что и пишущий эти строки. Н. А. Рожков находит у теории Маркса три основные признака, из которых п е р в ы м является к л а с с о в а я б о р ь б а, а п о с л е д н и м—д и а л е к т и к а. Во-первых, как наш автор ухитряется отделить диалектику истории от классовой борьбы, когда последняя есть основное из противоречий, двигающих историческое развитие,—а наш автор правильно определяет диалектику, как «развитие путем противоречий». Во-вторых, почему диалектика—«еще третья черта» («наконец, есть еще третья черта...»), тогда как от Ленина нам приходилось слышать, что революционная диалектика—«решающее в марксизме», т.-е. как-будто не «еще третье», а самое первое. И, в-третьих, что же такое диалектика? Автор пишет: «Наконец, есть еще третья черта—то, что называется д и а л е к т и ч е с к и м м е т о д о м,—развитие путем противоречий, борьбы, скачков, общественных бурь,

революцией» (разр. моя. *М. П.*). Так, вот, что же это: метод исследования, или об'ективная особенность самого процесса? Возьмите, например, естественные науки: там есть экспериментальный метод, но эксперименты делает исследователь, а сама природа их не делает, разве случайно. А тут-то кто же «делает диалектику» (прошу не думать, что кавычки обозначают цитату из Рожкова—слова мои), исследователь или сам исторический процесс?

Такая нечеткость, спутанность в изложении учения, которым клянется автор, внушает сильнейшие опасения, что для самого автора «теория Маркса» недостаточно ясна. В самом деле, подумайте: сидел человек тридцать лет и с огромным популяризаторским талантом Н. А. Рожкова, чего у него никто не отнимет, с его уменьем изложить самый трудный вопрос так, что само в голову ложится, в самую простецкую голову,—не нашел четкой, ясной формулы для изложения своего credo. Невольно является сомнение: подлинно ли это credo, «исповедание веры»? Не заблуждается ли Н. А. Рожков, когда он, с глубочайшей, вне всякого сомнения, искренностью, об'являет себя марксистом? Не был ли он более прав в прошлом, когда он—по меткому наблюдению одного из его критиков—неохотно прибегал к этому термину? И не правы ли, в свою очередь, были те его критики, которые утверждали, что Рожков—вовсе не марксист, а нечто вроде «биологического материалиста», более близкого к Щапову и Боклю, чем к Марксу и Ленину?

Для сейчас изложенной точки зрения новая книжка Н. А. Рожкова дает массу иллюстраций. Возьмем ли мы крестьянское движение 1905 г. Наш автор решительно отвергает попытки классового анализа этого движения, которые давались другими авторами (при чем делает это по с т а р ы м и з д а н и я м книжек этих авторов, не замечая или не зная, что в новые издания внесены существенные поправки). «Голод — вот побудительная причина» (стр. 80). И, совершенно, естественно, как только голод был утолен, движение прекратилось. «Голодному был дан кусок хлеба, и он так этому обрадовался, что притих надолго» (стр. 82). Просто и ясно.

Возьмем теперь рабочее движение. Московские рабочие устроили торжественные похороны Бауману, петербургские не решились торжественно похоронить своих убитых товарищей. Вы думаете, почему это? «Петербург, руководивший движением до тех пор, обнаружил первый, пока легкий, признак революционной у с т а л о с т и, тогда как Москва только начинала раскачиваться» (стр. 84). Вы скажете: это просто образ, литературная метафора. Нет, это метод об'яснения. На стр. 86 обнаруживаются «в высшей степени опасные признаки у т о м л е н и я петербургских рабочих». И далее, на стр. 91, подводится итог: «Нет, конечно, сомнения, что неудачи борьбы в ноябре 1905 г. создали у п а д о к н а с т р о е н и я и активности». На стр. 139: «У т о м л е н и е п р о л е т а р и а т а и упадок его революционной энергии, выразившиеся, как мы видели, еще в конце 1905 года в разрозненности действий, сказались с особенной силой в неудачной всеобщей политической забастовке» (летом 1906 г.; стр. 139—140). Страницей дальше опять раз'ясняется, что «г о л о д н о м у крестьянству брошена была сухая корка хлеба, и этого оказалось достаточным для значительного его успокоения»

(стр. 141). Тень Леонида Андреева может утешиться: то, за что его так ругали в те дни большевики, повторяется теперь авторами, считающими себя чрезвычайно близкими к большевикам. «...Октябрьский переворот естественно вытекал из того положения дел, какое сложилось к осени 1917 года, он был совершенно назревшей необходимостью вследствие справедливого раздражения широких рабочих, крестьянских и солдатских масс против временного правительства и партий, руководивших до того времени рулем государственного корабля» (стр. 300). Наконец, психологизм становится из метода об'яснения исторического процесса методом руководства этим процессом. Оттяжка созыва учредительного собрания кадетами—Керенским в 1917 г. об'ясняется так: «Понятны мотивы такой тактики: надеялись путем оттяжки народного волеиз'явления достигнуть больших результатов для буржуазии в расчете на утомление масс» (стр. 275), (разрядка везде моя. *М. П.*).

Казалось бы, уже одной, на опыте доказанной, ошибочности этого расчета было достаточно, чтобы показать автору, как неосновательно строить в истории что бы то ни было на нервной системе участников исторического процесса. Слов нет, перемены настроения, как симптом, чрезвычайно характерны для поворотов истории—и в этом смысле всегда должны быть отмечаемы. Но когда, кроме этих перемен настроения, читатель ничего не находит в качестве об'яснения, когда эти перемены настроения оказываются ultima ratio (последней причиной), то получается тот самый «биологический материализм», в котором неоднократно упрекали Н. А. Рожкова и, кажется, не безосновательно. Придирчивые люди по этому случаю, пожалуй, заговорили бы об историческом идеализме: но мы, основываясь на том, что писал вообще Н. А. Рожков—и что написано на других страницах этой его книжки,—готовы в кредит принять, что самые-то настроения он об'ясняет материалистически, как результат воздействия материальных условий через нервную систему. «Голод» служит этому лишней порукой. Но все же марксист не остановился бы на настроениях, а стал бы искать об'яснения и им самим в об'ективной действительности.

Окончательно сомнения укрепляются у читателя, когда он переходит к последней, заключительной главе, претендующей всю историю человечества, от антропопитека до Ленина, разделить на пятнадцать периодов, по признакам, совершенно неопределимым. Отличительной чертой периода является то техническое изобретение (гарпун—отличие второго периода от первого), то пол суб'екта хозяйствования, мужчина или женщина (пятый и восьмой периоды), то, наконец, совсем ничего («ранний неолитический период», «который в социальном отношении ничем не отличался от предыдущего»—«не было существенных новшеств и в социальной организации и в разных отраслях духовной культуры», стр. 354), так что никак нельзя понять, почему же это все-таки новый «период». И вот тут-то, в этой главе, вы найдете и поповский термин «двоеверие»—по отношению к средневековому христианству: решительно всякий совпартшколец теперь знает, что это последнее было стопроцентным анимизмом, что «христианизация» свелась к замене одних имен другими,— и чрезвычайно материалистические раз'яснения, что в «период феодальной революции» существовало лишь «грубое понятие о преступлении, как о вреде исключительно лишь материальном»,

но не всюду: в капитуляриях Карла В. «уже встречается понятие о преступлении, как зле не только материальном, но и нравственном, чего в «Русской Правде» еще нет» (стр. 362), и такую, например, тираду: «Психологическая, идеологическая, вообще духовно-культурная подготовка революции носит в самых передовых странах религиозную окраску (Англия), в нормальных (Франция) вольнодумную, рационалистическую, только отчасти религиозную, но не вероисповедную (Руссо), в отсталых странах совершенно светскую—научную и философскую, с редкой и поверхностной примесью религиозности, а иногда и совершенно без этой примеси» (стр. 375). Бедные классы и классовая борьба, куда вы девались? И, совершенно естественно, русская революция стала социалистической не в силу чудовищно быстрого развития крупной промышленности, пролетаризации крестьянства и т. д., а «по запоздалости революции в России и по культурному преемству от Запада» (!) (стр. 379).

Все это не может посчитаться с Марксом даже самым отдаленным родством. Я очень боюсь, что одновременно не в близком родстве к этой главе окажется и буржуазная наука. Такая, например, тирада, как та, которую мы встречаем на стр. 355: «Те хронологические даты, которые выше приводились, относятся, собственно, к индо-европейской расе, отчасти также к семитической; но были еще расы тюркско-татарская, желтая, черная, красная. Их первобытная история шла, надо думать, теми же этапами, хотя, может быть, каждый из них имел иную продолжительность», способна повергнуть в панику любого студента 1 курса этнологического факультета,—ибо ему наверное поставили бы единицу за смешение «расы» по лингвистическому признаку, по языку, и по признаку физическому, по цвету кожи. Или взять стр. 364, где делается попытка исчерпать все типы феодализма по трем образчикам: Англия, Франция и Россия. А Япония, с вашего позволения? А мусульманские страны? Невольно вспомнишь фразу Ленина об одном авторе, который был «скоропалителен... до умилительности». Это качество оказывается одним из самых прочных.

И вот эта, тридцать лет не устающая, «скоропалительность» наводит на сомнения в другом порядке, не методологическом. Последняя сторона дела после приведенных цитат (их количество можно увеличить в 10 раз) достаточно ясна. Но и немарксистская книжка может быть ценна по своему фактическому содержанию, по разработке детальных вопросов. Кто бросил бы под стол Соловьева и Ключевского на том основании, что они не марксисты, тот обнаружил бы только, что он чрезвычайный дурак. Оставим в покое последнюю главу—она никаких фактов сообщить и не претендует, это своего рода «философия истории», высоко суб'ективная, но которую автор, конечно, имел все право опубликовать, раз он считает свои пятнадцать периодов важным открытием. Займемся предшествующими главами, где дается очерк развития России и Западной Европы, примерно, в промежутке 1905—1925 г.г. Очерк интересен уже потому, что ничего подобного в литературе пока нет,—Рожков выступает первым. Что же он здесь дает?

Прежде всего, нечто очень неполное и неровное. Некоторые моменты разработаны, как в большом курсе (Гапоновщина и 9 января, например); другие даны конспективно (социально-экономическая история Западной Европы, где стиль местами на-

поминает заметку энциклопедического словаря, см., напр., на стр. 256: «В 1917 году в Клермон-Ферране с'езд Всеобщей Конфедерации Труда высказался за мир без аннексий и контрибуций. Когда Мерргейм перешел на сторону Жуо,—видную роль в оппозиции стал играть Монмуссо»); третьи совсем отсутствуют (экономика войны и керенщины, без которых нельзя понять ни февральской, ни октябрьской революций 1917 г.). Полного, хотя бы и очень сжатого, изложения читатель не получает. Написано все это, не во гнев будь сказано автору триддатилетнего труда, чрезвычайно спешно. Я уже не говорю о прямых описках (комбеды были, будто бы, уничтожены 20 декабря 1920 г.—вм. 1918, стр. 312.—Колчак оказывается членом эс-эровской директории, которую он арестовал,—стр. 309 и т. п.)—в виду возможности, что книга будет использована, как руководство, не безразличны и они. Но встречаются утверждения, которые трудно принять, как простую описку. Так, на стр. 228 категорически утверждается, что немцам «подводной войной удалось потопить самое большее одну восьмую всего английского тоннажа». На основании очень почитаемого Н. А. Рожковым источника, Гранатовского словаря (т. 46, стр. 300), сообщаем ему, что германскими подводными лодками только за 1917 и 1918 г.г. было утоплено у англичан и их союзников 9.624.000 тонн. Весь же флот последних поставлял около 30 милл. тонн (в т. ч. Англия с колониями имела приблизительно 20 миллионов). Это дает не «одну восьмую», а, примерно, одну треть. Не даром главнокомандующий английским флотом, адм. Джеллико, признавал, что Англия никогда не бывала в большей опасности, чем в 1917 году.

Это неразборчивое пользование литературой оборончеокого периода совершенно испортило автору чрезвычайно важную главу, об империалистской войне (стр. 221 и сл.). Основываясь на данных, почерпнутых из оборонческих брошюр, автор все время ведет читателя к мысли, что Германия должна была воевать, что она готовила «превентивную», предупредительную войну. А затем—так как новейшую литературу автор все-таки немножко знает—на стр. 225 оказывается, что летом 1914 г. «в Германии почти вполне были уверены в мирном разрешении конфликта, не были готовы к войне». Вот те и здравствуй! Готовились, готовились,—а в нужную минуту не были готовы. Это почище Николая II, который к короткой войне все-таки был готов, как следует, его подшибла только длительная кампания, которой не предвидел никто, кроме англичан. На самом деле, всякому теперь известно, что война летом 1914 г. была спровоцирована Антантой, именно потому, что последняя знала, что Германия еще не готова. Но если война была начата Антантой, надо было привести цифры и факты, освещающие причины таких действий Антанты,—а не выписывать, по оборонческому трафарету, почему должна была воевать Германия.

Это пользование устаревшими или тенденциозно подобранными данными у нашего автора не всегда, к сожалению, случайно, как в данной главе. Иногда тенденциозно подобранные цифры пускаются в ход сознательно, чтобы доказать ту или другую любимую мысль автора. Одной из таких любимых мыслей является та, что столыпинщина была реакцией, так сказать, на все сто процентов,—реакцией не только по отношению к рабочему движению, не только по отношению к «буржуазной

демократии», но вообще беспросветной реакцией во всех отношениях, утверждением господства «хищнического капитализма» (капитализм у Н. А. Рожкова делится на «грубохищнический», «полухищнический» и «культурный»—последний гемий опытному читателю кое-что напоминает...). Но этому, как будто, противоречит бурный промышленный под'ем, наступивший с конца 1909 года. Нашего автора, однако, этим не смутишь. Он берет «для сравнения два десятилетия, с одной стороны, с 1891 по 1901 год, с другой—с 1905 по 1914» и получает, что нужно: «русская промышленность между первой революцией и войной развивалась несравненно медленнее, чем прежде» (стр. 160—161, разр. моя. *М. П.*).

Прием, нужно сказать, так наивен (кто его автор—сам Н. А. Рожков или цитируемый им проф. Ден, нам безразлично), что его можно ставить, как «задачу», на рабфаках. Конечно, если сравнивать годы под'ема и годы депрессии, то окажется, что в последние развитие шло «несравненно медленнее»: на то и депрессия. В первом периоде, 1891—1901 г. — почти сплошной под'ем, лишь последние два года суть годы, начинающие годы кризиса (1899 год по выплавке чугуна был рекордным для всего XIX столетия): тогда как во втором десятилетии пять первых лет являются годами депрессии (1905, 1906, 1907, 1908 и 1909). Сравнивать такие несравнимые вещи нельзя. А если взять то, что поддается сравнению, скажем, два шестилетия 1897—1902 и 1907—1912, где в обоих по три года кризиса и по три года под'ема, то мы получим, что в первое шестилетие выплавка чугуна, например, увеличилась на 39%, а во второе на 48%, т.-е. темп развития промышленности после революции был быстрее, чем до нее, а отнюдь не «несравненно медленнее».

Но вопрос о размерах промышленного под'ема после революции 1905—1907 г.г. подводит нас к более общему, и более интересному вопросу: чем была сама эта революция? Чистым ли разгромом, или, при всей своей формальной неудаче, по существу все же огромным «прыжком» вперед (Россия, по Н. А. Рожкову, всегда двигалась вперед «прыжками»—см. особ. стр. 372: автору настоящих строк не приходило в голову, что его теория—исключительно резкой революционности русского исторического процесса—может быть так удачно окарикатурена...) Н. А. Рожков, по всему судя, склоняется к первой версии: «русский капитализм и после революции 1905—07 годов остался некультурным, грубохищническим»... «Как всегда и везде, и в России после первого бурного момента буржуазно-демократической революции началась реакция» (стр. 152). «Со всем, что отличало русскую реакцию в экономическом и социальном отношениях, гармонировала политика правительства: в ней преобладало не новое творчество по пути создания основ культурного капитализма, а беспомощное топтание на месте, штопанье дыр, постановка заплат, преследование всего, что сколько-нибудь отражало потребности культурного капитализма» (стр. 191).

Нисколько не думая становиться апологетом правительства Столыпина—а тем паче Коковцова и Горемыкина: никто усерднее меня не доказывал, что самодержавие и после 1905 года осталось самодержавием—я не могу, однако, разделить иллюзий Н. А. Рожкова относительно «культурного капитализма». Я не могу забыть, что беспримерную в истории человечества

бойню 1914—1918 г.г.—ее Н. А. Рожков смело мог бы поставить шестнадцатым периодом в своей схеме — устроил именно культурнейший капитализм Англии и Франции. При чем во время этой бойни не было той гнусности и жестокости, на которую не пошли бы «культурные капиталисты» [1]). Неудача революции состояла в том, что не осуществилась диктатура рабочих и крестьян, а не в том, что власть не перешла в руки «культурных капиталистов». Капиталисты вообще от революции, несомненно, выиграли—столыпинщина была крупным шагом им навстречу.

Между тем, для Н. А. Рожкова именно отпадение от революции «культурных капиталистов» и означало ее неудачу. Кульминационным пунктом движения для нашего автора является октябрьская забастовка,—и именно потому, что «забастовке сочувствовали все: даже предприниматели, фабриканты и заводчики нередко оказывали ей содействие» (стр. 72). Вследствие, повидимому, этой поддержки «фабрикантов и заводчиков» правительство было «бессильно»: как это «бессильное» правительство на другой день после своего поражения организовало 110 погромов, на этом вопросе автор не останавливается. Но с октябрьской забастовкой бессилие правительства и кончилось: «Широкая социальная база, на которой происходила революция, несомненно, исчезла. За революцию продолжали стоять только (!) пролетариат и буржуазная демократия (?) в городах и крестьянство в деревнях» (стр. 75). Продолжали стоять только 99% всего населения—не больше: даже, если не считать «буржуазную демократию», классовый смысл которой не ясен. Отпали «фабриканты и заводчики»—и «широкая социальная база, несомненно, исчезла».

Гони природу в дверь...

Само собою разумеется, что для автора, у которого на одной чашке весов сидят «фабриканты и заводчики», а на другой—«пролетариат и крестьянство», при чем первая чашка,—в отношении шансов революции,—перетягивает, для такого автора массовая борьба должна рисоваться иначе, нежели она рисуется нам, грешным большевикам. Мы считаем, что массовая вооруженная борьба—это высшее достижение революции, и потому думаем, что с октября по декабрь 1905 г. революция шла по восходящей, несмотря на отпадение «фабрикантов и заводчиков». Причину неуспеха мы видим в том, что массы были недостаточно проникнуты сознанием неизбежности вооруженной борьбы—эту неизбежность отчетливо понимали только передовые слои масс и особенно молодежь [2]). Рабочие старших возрастов, воспитанные в «страхе божием», туго брались за оружие,—а рабочие полукрестьяне московских текстильных фабрик и просто раз'ехались, в начале декабрьской забастовки 1905 г., по деревням. На прохоровской мануфактуре дралось ядро ее постоянных рабочих, а не пришлое крестьянство: кому-кому, а уж присяжному историку прохоровской мануфактуры это следовало бы знать. Но для Н. А. Рожкова пресненское восстание вообще является загадкой. Поколебавшись сначала и попытавшись об'яснить загадку влиянием... зубатовцев (я не шучу, прочтите сами на стр. 96), он, наконец, принимает твердое решение: «Во всяком случае, восстание на Пресне показало, что к повстанческим [(!) терминология-то какова] настроению и тактике наиболее способными оказываются именно о т с т а л ы е р а б о ч и е, как только в них пробуждается политическое сознание. Это, конечно, понятно: им поистине нечего терять, кроме цепей».

[1]) Примером может служить провокаторское потопление «Лузитании»—она лишь механически была потоплена германской миной, а фактически английским адмиралтейством, которому нужна была гибель тысячи американских граждан от немецкой подводной лодки для «агитационных» целей.

[2]) Средний возраст тогдашнего московского совета рабочих депутатов был 22—23 года.

Известно, голытьба: она отчаянная... Бедный Бакунин, наш теперешний юбиляр: мог ли он думать, что его теория «революции голытьбы» будет использована п о д о б н ы м образом?

Это, разумеется, не случайная обмолвка—не будем скрывать от себя неприятной истины. Это коренное расхождение мировоззрений. Оно провожает нас через всю книжку и становится, понятное дело, тем острее, чем ближе к нашим дням. Страницы, посвященные в книжке 1905 году, в общем и целом все-таки наиболее приемлемы. Глава об империализме, резко косящая на Гильфердинга, где почти не чувствуется Ленин, приемлема уже менее. Глава об империалистской войне неприемлема вовсе—и то же приходится сказать о заключительных страницах, посвященных советской России, несмотря на трогательнейшие усилия автора говорить «совсем по-большевистски». «Новая экономическая политика» для него, конечно, «представляет собою государственный капитализм с некоторой примесью капитализма частного» (стр. 317—стр. 394: «это означало переход к новой экономической политике—к государственному капитализму при сохранении отчасти и капитализма частного», ср. еще стр. 345). А военный коммунизм для него равносилен «раздроблению страны на экономически изолированные области» (стр. 393). Все это вполне гармонирует с надеждами на «распространение избирательных прав и на ту новую буржуазию, которая на деле, при развитии практики концессионного права, явится силой, содействующей социалистическому строительству», и достойно завершается тирадой: «Перед социализмом рисуется в виду всего этого великая общественно-психологическая и культурная задача конечного синтеза, согласования, вернее органического слияния моральных, этических начал и общественной солидарности с индивидуализмом» (стр. 395).

Что перед социализмом, раньше всех этих лучезарных перспектив, рисуется суровая задача—отбиться от буржуазных хищников и построить с в о е хозяйство, а для разрешения этой задачи необходима столь мало совместимая с «индивидуализмом» вещь, как диктатура пролетариата, об этом наш добрый автор предпочитает не вспоминать. Чего доброго, опять «широкую социальную базу» потеряешь...

Подведем итог. Какое же значение имеет разбираемая книга? Разумеется, каким-либо шагом вперед в области н а у ч н о г о и с с л е д о в а н и я она никоим образом не является. С этим, вероятно, по зрелом размышлении согласится и сам автор. Даже в тех своих частях, где автор пытается произвести что-то в роде научного анализа фактического материала (почерпнутого, к сожалению, большею частью не из первоисточников, а из вторых и даже третьих рук), этот анализ страдает недочетами, лишающими его почти всякой цены. Нельзя, например, пускаться в 1926 году в какие бы то ни было домыслы о происхождении гапоновской петиции, не учитывая единственной документальной работы по

этому вопросу А. Шилова («Красная Летопись», № 2/13 за 1925 г.). Нельзя, далее, трактовать крестьянское движение 1905—06 годов, не считаясь с работами С. М. Дубровского и особенно с изданным Дубровским и Б. Граве сборником материалов, впервые дающих документальную картину крестьянского движения на местах. В результате, приходится сказать, что маленькая заметка Дубровского об этом сюжете (в Б. Сов. Энциклопедии) дает читателю больше, чем довольно длинные рассуждения Н. А. Рожкова. Словом, теперь нельзя уже писать о революции 1905 г., не считаясь с «литературой предмета»: ибо такая литература ныне уже существует.

Что касается дальнейших глав, то они уже ни на какой исторический анализ и не претендуют. Это отчасти конспект, отчасти общие рассуждения, отчасти, наконец, нечто вроде воспоминаний. Последние—они относятся к эпохе Керенского, когда автор входил некоторое время в состав временного правительства—представляют большой самостоятельный интерес, хотя, нужно сказать, автор не был посвящен в «последние секреты» Керенского и К°, почему Н. А. Рожкову и кажется, например, что наступление 18 июня было чуть ли не личной авантюрой двух-трех членов временного правительства: тогда как на самом деле правительство Керенского именно и создано было с тою целью, чтобы организовать это наступление; воспоминания Бьюкенена и Палеолога, письмо Керенского к Ллойд-Джорджу не оставляют на этот счет никакого сомнения. О последних главах, посвященных характеристике советской России и знаменитым 15-ти периодам, мы говорили выше достаточно. К исторической науке и эти главы имеют весьма мало отношения.

Но, может быть, книга годится в качестве **руководства**? С оговорками можно было бы признать эту цену за первой частью, посвященной революции 1905—07 г.г. Тут особенно ценно, что автор отводит много места нашей **партийной** истории,—хотя делает это, к сожалению, довольно трафаретно, ограничиваясь историей с'ездов и конференций: но это общая беда. Тем не менее, иметь историю партии хотя бы под одной обложкой с остальными отделами новейшей русской истории все-же некоторый выигрыш. Но для того, чтобы и эта первая часть была приемлема, как руководство, автору необходимо не только освежить свою эрудицию, но и отказаться от некоторых застоявшихся точек зрения, относящихся к последнему перед Октябрьской революцией периоду его политической биографии.

Вторую часть, об империализме и империалистской войне, никоим образом нельзя принять, как руководство, в ее теперешнем виде: тут придется многое переделывать, кое-что написать заново. Третью же часть, о советском периоде, Н. А. Рожков, несомненно, сам всю перепишет заново, когда он к нам окончательно придет. Он двигается в этом направлении, это не подлежит никакому сомнению,—но каждый шаг вперед достается ему с большим трудом,—с большим трудом, чем это казалось многим до появления его книжки. Но его желание дойти до конца, мне кажется, не подлежит сомнению, и я не теряю надежды, что он еще даст нам работу, которая будет, действительно, настоящим «увенчанием» его тридцатилетнего труда.

П. Ионов.

Еще раз о напостовской путанице и „большевиках в приложении к культуре“.

(Ответ на два ответа).

«Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Ленин.

4. Вардинский сапог или о вреде ноздревских приемов полемики.

Тов. Бухарин как-то раз в споре с напостовцами напоминал об обязанности каждого марксиста научиться ходить по острию бритвы. Подобное уменье, нужное всегда и везде, становится прямо-таки необходимым при разрешении таких больших и сложных вопросов, как вопрос о формах классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. Нелеп рубящий с плеча колуном там, где требуется тонкий диалектический инструмент. Однако, вдвойне нелеп тот, кто хитроумно балансирует на гладком полу так, как если бы он двигался по натянутой проволоке. Авербах—и в своей брошюре и в своем ответе на нашу статью—повидимому, искренне воображает себя владеющим в совершенстве трудным бухаринским искусством. Вся беда, однако заключается в том, что острие, на котором самодовольно балансирует наш храбрый оппонент, на поверку оказывается горной и широкой дорожкой, в свое время протоптанной ленинградскими делегатами XIV парт-с'езда в сторону от марксизма и ленинизма.

«Нас обвиняют,—патетически восклицает Авербах,—в непонимании форм классовой борьбы на данной стадии пролетарской революции. Нас обвиняют в непонимании политики гражданского мира и ленинских реформистских методов. «Да здравствует разжигание классовой борьбы»,—так несколько раз формулирует нашу точку зрения П. Ионов. Он цитирует мою фразу: «У нас не ослабляется, а обостряется классовая борьба в области идеологии» и комментирует: «Вот уж поистине, как любили говорить некоторые товарищи ленинградцы—мимо Сидора—в стенку! Ведь вот именно это-то и плохо, тов. Авербах!» Плохо или хорошо—это другой вопрос, это вопрос, на который ответ может дать только анализ современной действительности. Нами дается **констатирование факта**. Опровергните его, докажите, что положение иное! Никогда и нигде мы не предлагали **нарочито** разжигать классовую борьбу—в частности по линии этого вопроса прошла линия нашего размежевания с группой Вардина-Лелевича».

Таким образом, у Авербаха получается, что он в своей брошюре просто констатировал факт обострения классовой борьбы, а Ионов, приписав Авербаху несуществующее желание разжигать классовую борьбу, по-мещански похныкал над этим фактом—ах, как, мол, это нехорошо!

Для того, чтобы убедиться, о чем в действительности писал Авербах, мы предлагаем читателю просмотреть 11 и 12 стран. его брошюры. «Излишне говорить,—читаем мы там,—каково объективно политическое значение всех этих прилагательных—мертвый, постный, нежизненный (речь идет об «эпитетах», высказанных тов. Слепковым по адресу напостовских «аксиом». *П. И.*), когда у нас не ослабляется, а обостряется классовая борьба в области идеологии». Каждый грамотный человек поймет эту неграмотную фразу только лишь в одном смысле—напостовские аксиомы называют мертвыми и нежизненными, но это неверно, так как мы, напостовцы, требуем обострения классовой борьбы! Вот почему, когда мы указывали Авербаху, что это плохо, то наша оценка относилась не к ф а к т у обострения классовой борьбы, («в отдельные периоды при диктатуре пролетариата классовая борьба достигает наивысшего обострения» [1]),—писали мы в нашей статье, имея в виду как раз современную эпоху), а к напостовскому требованию р а з ж и г а т ь классовую борьбу. «Ведь вот именно это-то и плохо, тов. Авербах!» Авербах ставит здесь точку и поднимает шум, не потрудившись процитировать две строчки дальше. А дальше у нас написано: «Ведь вот именно за это-то требование разжигать классовую борьбу ваши формулы и были ославлены, как мертвые абстракции». И вот теперь в своем ответе Авербах представляет наш спор таким образом, что будто бы он, Авербах, указал на факт обострения, а Ионов поскулил над фактом!

Нам остается только поздравить Авербаха с тем, что он не носит ноздревских бакенбард, и что к его счастью на Руси давно вывелись штаб-ротмистры Поцелуевы!

Однако, если мы даже сложим оружие перед подобными полемическими фокусами и уступим вышеприведенное место нашему оппоненту, как спорное, то ведь остаются еще другие авербаховские высказывания, приводимые нами в нашей статье, но, к сожалению, стыдливо обойденные Авербахом в его ответе. Да, впрочем, что здесь говорить об Авербахе! Ведь существует еще так наз. «вардиновские тезисы», услужливо приложенные Авербахом к своей брошюре и представляющие из себя резолюцию 1-й Всесоюзной конференции пролетписателей, т.-е., другими словами, по признанию самого же Авербаха, чрезвычайно «ответственный напостовский документ». Вся брошюра Авербаха, в сущности говоря, является расширенным комментарием к этому «ответственному документу». Авербах никогда нигде ни одним звуком не оговаривал своего несогласия с вардиновскими тезисами [2]), ибо это было бы равносильно отречению от своей собственной брошюры, которая, по авторитетному свидетельству коварного Лелевича, была в рукописи «прочтена и вполне одобрена Вардиным и Лелевичем, повинными, если верить нынешнему Авербаху во всех смертных грехах», и в которой, согласно горделивому уверению Авербаха, ему «абсолютно нечего менять».

И вот в этих самых знаменитых вардиновских тезисах об'являются, во-первых, р е а к ц и о н н о й у т о п и е й в с я к и е р а з г о в о р ы о в о з м о ж н о с т и «м и р н о г о с о р е в н о в а н и я р а з н ы х л и т е р а т у р н ы х и д е о л о г и ч е с к и х н а п р а в л е н и й», и, в о - в т о р ы х, в о и м я б о л ь ш е в и с т с к о й н е т е р п и м о с т и и н е п р и м и р и м о с т и, ф о р м у л и р у е т с я к а т е г о р и ч е с к о е т р е б о в а н и е — п р о и з в е с т и в и д е о л о г и и т а к у ю ж е р е в о л ю ц и ю, к а к и в о б л а с т и э к о н о м и ч е с к о й и п о л и т и ч е с к о й н а п р е д м е т «п о г л о щ е н и я в с е х в и д о в и о т т е н к о в б у р ж у а з н о й и м е л к о - б у р ж у а з н о й л и т е р а т у р ы».

«Да,—пишет Авербах,—те ультра-левые теории, которые развивались Вардиным после отхода Вардина от всей основной массы напостовцев—они были порождены политическими теориями оппозиции». Но вот с этими вардиновскими высказываниями, зафиксированными в ВАПП'овской резолюции,—согласны вы с ними, тов. Авербах, или нет? Если не согласны, то заявите об этом прямо и открыто, назвав свою брошюру ошибкой и на деле разорвав с вардиновскими благоглупостями. Если же согласны,—тогда ваша размежовка с литературной вардиновщиной—сплошное недоразумение, которое никого не обманет, за исключением разве вас самих.

Я думала лебедь плывет,
А это милого сапог.

Неужели вы не видите, тов. Авербах, что сапог оказался самый настоящий вардиновский, и даже без фигового листа?!

5. О советских Митрофанушках.

После подобных полемических ухищрений, Авербах на всякий случай меняет фронт и пытается перейти от обороны к нападению. «Мы бы очень хотели посмотреть, как это можно разжигать классовую борьбу в области идеологии, не разжигая ее в экономике и политике—и наоборот,—тем более, что понятие «идеология» включает в себя не только науку и искусство и прочие безобидные штуки, но и политическую идеологию».

Приведя эту выдержку из нашей статьи и выбив барабанную дробь, Авербах мужественно бросается в контр-атаку.

«Эта цитата дает существо вопроса. Перед нами стопроцентная меньшевистская логика, на которую так яростно обрушивался Ленин. Такая постановка вопроса представляет собой лейтмотив всех рассуждений «Социал. Вестника» за годы после нэпа. У вас свобода торговли, у вас сотрудничество в области экономической—сделайте политические выводы отсюда». Вспомнив далее Мартова, XI партс'езд, «путаницу» Варейкиса, и напугав самого себя пушками и пулеметами, Авербах «наворачивает» кучи самых страшных слов, с заметным удовольствием расписывая «крупнейшую политическую ошибку» Ионова. «Нужно сказать прямо: эта «путаница» (путаница Варейкиса. *П. И.*). Ионовым

[1]) «Большевик» № 4, стр. 41.

[2]) В своем ответе Авербах, правда, указывает на свое несогласие с тезисами в том пункте, где дается характеристика попутчиков. «Именно в этом пункте,—заявляет Авербах,—моя брошюра разительно отличается от вардиновских тезисов». Различие впрочем и в этом пункте настолько «разительное», что мы его даже и не заметили! См. по этому поводу чрезвычайно поучительные размышления Лелевича.

формулирована не как путаница, а как крупнейшая политическая ошибка. Мы хотим ставить вопрос по-большевистски, памятуя, что говорил Ленин о пулеметах на XI с'езде. Припомните, тов. Ионов!» С авербаховским исступленным визгом сливается в едином дуэте и мрачное гявканье Лелевича, дружно поддерживающего своего экс-друга во всех наступательных операциях. «Ионов из факта условного экономического сотрудничества с буржуазией делает вывод о необходимости идеологического сотрудничества с ней». «Совершенно верно—воинствующий эклектизм в лице П. Ионова обнажил свою капитулянтскую сущность».

Контр-атака закончена. Неустрашимые бойцы лихо гарцуют на чернильных перьях, обтирая с чела градом катящийся пот. Воспользовавшись минутной передышкой, посмотрим, однако, что на деле «обнажили» наши храбрые рыцари, столь трогательно об'единившиеся на почве общей борьбы с ионовским «капитулянтством». Прежде всего, во избежание дальнейшего демагогического шума заявляем прямо, что данную нами формулировку о разжигании мы считаем не совсем удачной. Однако, сражаясь с «крупнейшей политической ошибкой» Ионова, Авербах вслед за Лелевичем протаскивает старую, абсолютно неправильную вардиновскую мысль.

Возьмем следующее положение Авербаха: «Непримиримая классовая борьба—это единственное, что имманентно присуще взаимоотношениям пролетариата с буржуазной идеологией». И Лелевич и Авербах считают это положение абсолютно бесспорным, называя наши возражения против него «чудовищными».

В самом деле, разве мыслимо, чтобы пролетариат «сотрудничал» и «соглашательствовал» ну, хотя бы, со сменоховской идеологией? Вопрос более, чем ясен, и Ионов, возражая против напостовского положения, ратует тем самым за идеологическое сотрудничество с господами Устряловыми и Лежневыми, скатываясь в меньшевистское болото.

Все дело, однако, заключается в том, какое содержание вкладывают наши прыткие «мыслители» в понятие буржуазной идеологии. Как мы уже видели, для Авербаха и Лелевича термин—«буржуазная идеология» покрывает собой не только сменовехизм, поповщину и проч., но и те «элементы» буржуазной мысли, которые войдут в «контекст» социалистического сознания. Но если это так, то «бесспорное положение Авербаха—Вардина—Лелевича «обнажает» лишь идеологическое «озорство» советских Митрофанушек, предпочитающих серьезной работе и учебе перманентное ковыряние в своем идеологическом носу.

Само собой разумеется, не может быть ни малейшего сомнения в том, что еще в течение очень долгого времени в связи с относительным ростом и консолидацией нэпмановских и кулацких элементов, напирающих на советскую власть по линии экономической, политической и идеологической, пролетариату придется вести самую ожесточенную классовую борьбу с буржуазией, не на живот, а на смерть,—переходя в наступление по всем фронтовым участкам.

Не даром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот—у пера.

И в этой борьбе, как мы это и подчеркивали в нашей статье, пушка временами будет снова выдвигаться на первый план и занимать подобающее ей место.

Но разве, во-первых, факт обостренной классовой борьбы и партийное руководство борьбой равносильны намеренному разжиганию классовой борьбы со стороны пролетариата?

Что означает лозунг разжигания классовой борьбы? «Разжигание борьбы означает не только организацию и руководство борьбой. Оно означает вместе с тем искусственное взвинчивание и намеренное раздувание классовой борьбы» [1]).

«Либо разжигание классовой борьбы,—рассуждают Авербах и Лелевич,—либо налаживание политического и идеологического сотрудничества с буржуазией». Ионов против разжигания, следовательно, за предоставление политических прав нэпманам, меньшевикам и эсерам. И нашим великолепным Авербахам никак невдомек, что лишение новой буржуазии политических прав, пулеметы, ГПУ, цензура, вся наша карательная политика вообще, означая факт ожесточенной классовой борьбы, преследует лишь одну задачу—не допустить разжигание классовой борьбы против рабочей власти со стороны внешней и внутренней эмиграции. Ибо советская власть карает не за отказ разжигать классовую борьбу, а за попытку ее разжигать. Это, во-первых. А, во-вторых, ожесточенная классовая борьба, в том числе и по линии идеологической, вопреки Авербаху и Лелевичу, далеко не покрывает наших взаимоотношений с буржуазной идеологией. Борясь и только борясь со сменовехизмом, мы не только боремся, но и сотрудничаем на таких, например, участках идеологического фронта, как фронт буржуазной науки. Возьмем хотя бы наши взаимоотношения с такими столпами буржуазной научной мысли, как академики Павлов и Бехтерев. Борясь с «энергетическим» идеализмом Бехтерева и физиологическими иллюзиями Павлова, чающего на путях исследования слюнного рефлекса разрешить проблему «истинного, полного и прочного человеческого счастья» [2])—разоблачая и критикуя их непоследовательность и эклектизм, вообще, мы ни на минуту не можем забыть о том, что на ряду с этим нам нужно учиться у них, сотрудничать с ними, унаследовать их колоссальный научный опыт.

То же самое нужно сказать и относительно буржуазной литературы. К великому несчастью Авербаха, художественная форма (тоже ведь идеология, тов. Авербах! Ни к технике, ни к экономике ее никак не причислишь!) никогда не существовала и не будет существовать вне и независимо от содержания, а последнее в классовом обществе всегда выражает мысли определенного класса. Другими словами, борясь с Пильняком, Авербах обязан учиться у Пильняка в области художественной формы и стиля [3]).

Шумом и криками о сменовеховской опасности Авербахи и Лелевичи сознательно или бессознательно смазывают задачи учебы и усвоения «элементов» буржуазной идеологии, покрывая ком-

---

[1]) Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 298.

[2]) Акад. Павлов, «20-летний опыт», 23 г. стр. 10.

[3]) Это, конечно, не значит, что художественная форма является «надклассовой» категорией. Все дело в том, что «распознавая безошибочно общественно-классовое содержание литературных течений партия в целом отнюдь не может связать себя приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы».

чванство и надутую самоуверенность невежд. Для того, чтобы раз'яснить напостовским «теоретикам», к каким практическим результатам может привести их лозунг разжигания классовой борьбы на культурном фронте, мы приведем следующий популярный пример.

— Я нарочно иду нечесанным,
С головой, как керосиновая лампа на плечах.

Человек весь обовшивел и вдобавок еще хвастает тем, что у него не волосы, а пакля. Хорошо это или плохо, тов. Авербах? Конечно, плохо! Нужно этого человека, предположим, комсомольца, учить ходить в баню, причесываться и обращаться с носовым платком? Конечно, нужно! Что же это будет—борьба с буржуазной культурой? Нет, это будет борьба за буржуазную культуру на данном участке культурного фронта. И эта борьба за буржуазную культуру будет своеобразной формой классовой борьбы. И вот предположим теперь, что на этом самом основании Авербах выбрасывает лозунг обострения классовой борьбы. К чему это приведет? К «обострению» усвоения элементов буржуазной культуры? Но ведь это же сумасшедшие пустяки! Об'ективно ваш призыв может означать лишь одно—ломайте гребешки, громите бани, осуществляйте вшивую интервенцию!

— «Tu l'as voulu, Georges Dandin?»
Если же не хотел—то тем хуже для тебя!

6. О Сорочинской ярмарке, антирелигиозной пропаганде и «морской тигре».

Мы уже видели, что вопреки сегодняшним попыткам стыдливо замести следы, Авербах, следуя постановлениям Всесоюзной конференции пролетписателей («вардиновские тезисы») выдвигал в своей брошюре лозунг разжигания классовой борьбы «с другими идеологическими течениями по отношению к пролетариату» (формулировка Авербаха) в целях поглощения всех непролетарских идеологий—«всех видов и оттенков буржуазной и мелко-буржуазной литературы» (формулировка Вардина). Мы еще раз категорически заявляем, что все эти вардиновские теории как в их авторском (ясном и отчетливом, свойственном опытному журналисту), так и авербаховском (путанном и сбивчивом) изложении, лежат в стороне от большой дороги ленинизма, являясь, по сути дела, не чем иным, как меньшевизмом на изнанку. Ибо, если понятие борьбы далеко не покрывает взаимоотношений пролетариата с буржуазной идеологией, то лозунг разжигания классовой борьбы, будучи перенесен в область идеологических взаимоотношений пролетариата и крестьянства, знаменует собой полный разрыв с одним из коренных пунктов ленинской теории. Авербах, правда, чрезвычайно возмущается нашим указанием на напостовское непонимание задач партии по отношению к крестьянскому писателю. «При желании он (Ионов. *П. И.*) мог бы подобрать из нее (брошюры—*П. И.*) не одну цитату, дающую выразительный ответ на его обвинения». В том, что в брошюре Авербаха можно найти самые разнообразные высказывания, мы в этом никогда не сомневались и не сомневаемся.

«Що боже, ты мій господе! Чого нема на тій ярмарці—колеса, скло, деготь, тютюн, ремінь, цыбуля, крамарі всякі!..».

Но ведь дело вовсе не в том, что в авербаховской брошюре на ряду с цыбулей имеется деготь и скло—дело в том, куда течет напостовское направление, какие выводы следуют из напостовских положений. А эти выводы могут быть только одни: Авербах собирается скушать не только буржуазного, но и крестьянского писателя, проводя вместо политики постепенной и тактической переработки, политику разжигания классовой борьбы на предмет немедленного поглощения крестьянской идеологии. Самое лучшее, что мог бы вообще пожелать Авербах нашей литературе—это полное и немедленное исчезновение всех непролетарских писателей и безраздельное господство напостовцев, пишущих о заводских котлах и трубах. Авербах не понимает, и не хочет понять, что глубочайший смысл реформистских методов социалистического строительства в том и заключается, чтобы не только в экономике, но и в идеологии постепенно переработать мужика, ухватившись за родное, понятное и близкое ему.

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Однако, вопреки поэту, эта возможность петь новые песни на бабушкин и дедушкин лад, правда, лишь при условии сознания нового «лада» «питомцами», сплошь да рядом является единственным путем усвоения новой песни старой замшелой жизнью, завязшей в прошлом на прадедовских полатях.

Плохо же понятная большевистская «нетерпимость» и «непримиримость» и вытекающее отсюда неумеренное стремление внедрить в современную деревню пролетарскую идеологию сплошь да рядом ведет за собой чрезвычайно печальные последствия, совершенно неожиданные для неумеренного «идеолога». «Наша задача,—писал В. И. Ленин,—сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата. Я сказал «коммунистических» и спешу оговориться, боясь вызвать недоразумения или быть слишком прямолинейно понятым. Никоим образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, гибельно для коммунизма» [1]).

С этими словами Владимира Ильича любопытно сравнить циркулярное письмо ЦК, за подписью тов. Коссиора, помещенное в «Правде» от 18 апреля 1926 г.

«В связи с совпадением первомайского праздника с капуном пасхи,—читаем мы там,—ЦК ВКП(б) предлагает обеспечить первомайским демонстрациям выдержанный политический характер, не заостряя антирелигиозных моментов. Должны быть приняты все меры к тому, чтобы совершенно избежать (что особенно важно в деревне) антирелигиозных эксцессов и всякого рода выступлений, способных обострить религиозный фанатизм верующих слоев населения».

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 108.

Таким образом, с точки зрения Авербаха, в силу нашей большевистской непримиримости, мы должны беспощадно «заострять» борьбу не только с буржуазной, но и мелко-буржуазной идеологией. А письмо ЦК даже по отношению к такой махровой идеологии, как религия, требует осторожного и умелого подхода, дабы не заострить борьбу и не подогреть религиозный фанатизм.

И вот представим теперь себе, что Авербах и Лелевич, к величайшему несчастью партии, попадают по мобилизации в деревенскую ячейку и, горя нетерпением немедленно же реализовать свою идеологическую непримиримость, начинают разжигать классовую борьбу с мелко-буржуазной идеологией, обмазывая дегтем поповские ворота и понося по Демьяну на всех перекрестках «гулящую девку» Марию. Какие бы последствия повлекли за собой столь воинственные и непримиримые действия наших друзей? Не может быть ни малейшего сомнения в том, что авербаховская «антирелигиозная пропаганда» поставила бы на дыбы всю округу—от кликушествующих старух до «центральной фигуры» нашей деревни—середняка—включительно. А этот религиозный фанатизм, разожженный пылкой агитацией ретивого Авербаха, был бы в свою очередь немедленно использован враждебными советской власти группировками п р о т и в советской власти, в целях посильного разрушения рабоче-крестьянской смычки. Другими словами, такое «обострение» классовой борьбы на фронте крестьянской идеологии, немедленно бы отразилось, на радость наших врагов, в экономической и политической областях.

Но в таком случае, воскликнет читатель, в чем же меньшевизм Ионова? Ведь меньшевиками оказываются как раз именно его противники?! Увы! Повидимому, ответ на этот вопрос читателю вслед за Гамсуном и Бухариным придется искать «у ветра в поле»...

У Ионова, продолжает цицеронствовать Авербах, «иное чем у нас (иное, иное, тов. Авербах! И мы этому очень рады!) понимание гражданского мира. С нашей точки зрения гражданский мир есть не что иное, как одна из форм классовой борьбы пролетариата. У Ионова же строительный период, очевидно, (?!) исключает классовую борьбу. И это вовсе не комично». Да, да, тов. Авербах! Это вовсе не комично, а трагично, а то, пожалуй, и хуже! Но только зачем догадываться (очевидно!) исключает или не исключает Ионов классовую борьбу, когда в нашей статье мы именно и доказывали в о п р е к и Авербаху, что гражданский мир и классовое сотрудничество есть особая форма классовой борьбы, и что как раз авербаховское понимание классовой борьбы исключает всякое классовое сотрудничество! И доказывали это не словом «очевидно», а документально—ссылками на авербаховскую брошюру. «Культурная революция,—читаем мы в брошюре Авербаха,—есть обострение классовой борьбы в области идеологии. Это не есть сотрудничество, содружество с другими идеологическими течениями по отношению к пролетариату, а это есть в первую голову классовая борьба... Можно ли в таком случае говорить о внеклассовом (?) сотрудничестве в области идеологии...?»

Злополучное авербаховское высказывание мы комментировали следующим образом: «Либо классовая борьба, либо внеклассовое сотрудничество,—рассуждает Авербах,—но так как в классовом обществе не может быть никакого внеклассового сотрудничества, то остается лишь классовая борьба. Но ведь речь идет не о внеклассовом сотрудничестве, а о классовом сотрудничестве,—сотрудничестве классов, в первую очередь пролетариата и крестьянства! При этом классовая борьба не исчезает—она ведется, но ведется на основе сотрудничества и в форме сотрудничества».

Итак, Ионов, доказавший, что классовая борьба в авербаховском понимании исключает всякое мирное сотрудничество, не понимает, что гражданский мир есть форма классовой борьбы, а Авербах, исключивший из классовой борьбы какой бы то ни было гражданский мир, доказал, что мирное сотрудничество есть классовая борьба в особой форме!

Словом:

Копна на попе,
Колпак на копне,
Поп под копной,
Копна под колпаком.

А сверху надпись—Авербах полемизирует...

Потерпев столь жестокое крушение по всем пунктам своей антикритики, Авербах пускается в заключение в самую дешевую демагогию. Приведя цитату из нашей статьи относительно того, что в эпоху диктатуры пролетариата единство мирных и насильственных методов классовой борьбы дано в форме мирного руководства, соревнования и сотрудничества, Авербах заключает: «Ионов должен мещански прятать ужасное насилие: диалектическое единство у него заключается в том, что мирные методы до конца и без остатка с'едают насильственные. Вопрос более чем ясен». Совершенно верно, тов. Авербах, вопрос более чем ясен! Ионов тянет к «обязательной мирности», а вот этот ужасный герой Авербах стреляет из пушки по Пильнякам и готов зарезать родного папашу.

. . . . его глаза
Сияют. Взор ужасен.
Движения быстры. Он прекрасен.
Он весь как божия гроза.

Не человек, а прямо «тигра морская»!

Однако, ужасный герой, Авербах, читал нашу статью. А в этой статье сказано, что «в условиях своей диктатуры пролетариат... не отказывается и от насильственных методов. Он их применяет и будет применять...» [1]).

«В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала, или может отпасть в период строительства».

«Мы еще раз оставим тов. Ионова наедине с собой,—скачет и пляшет Авербах, приводя эту выдержку из книги тов. И. Сталина,—авось он попытается найти единство в своих взглядах и в взглядах тов. И. Сталина».

Увы, тов. Авербах! С большим бы удовольствием последовали вашему совету остаться наедине с самим собой—к сожалению, нам еще придется продолжать приятный разговор с таким приятным собеседником, как вы.

У каждого — свой крест...

[1]) «Большевик» № 4, стр. 41.

7. О людоедах.

Ничего нам не ответил Авербах и по вопросу о литературной политике, предпочтя, самым явным образом, смазав суть спора, увильнуть от наших возражений. Приведя то место из нашей статьи, где мы говорили о необходимости дифференцировать попутчиков и держать курс на гегемонию пролетарской литературы, Авербах радостно осведомляет читателя, что как раз именно эти положения и защищались всегда напостовцами и что «недобросовестный» Ионов просто-на-просто «прячет историю». «Ионов излишне предлагает нам становиться на общепартийную позицию», ибо напостовцы, видите ли, всегда стояли на точке зрения руководства.

Особое возмущение вызывает у Авербаха наше указание на шулятиковское извращение марксизма напостовцами.

«Раскритиковав впух и прах досужего публициста из «Руля», утверждавшего внепартийность и внеполитичность литературы, Авербах приходит к заключению, что «политика является первенствующей над искусством, в частности,—над литературой». Отсюда для нашего автора с железной необходимостью следует, что при наличии партийной литературной политики мы создадим идеологически-четкую и выдержанную пролетарскую литературу. Таким образом, вопрос у Авербаха ставится так, что как-будто бы в обществе ничего, кроме политики и литературы, не существует, и что во-вторых, связь между ними аналогична, к примеру, связи между творчеством канцелярии и приказной деятельностью управделами пыльбухтреста. Само собой разумеется, если согласиться с обоими предпосылками Авербаха, то...».

Подчеркнув в этой выдержке из нашей статьи слова «отсюда» и «таким образом» и согласившись, что все наши дальнейшие рассуждения о связи искусства с экономикой и политикой являются поистине «азбучными», Авербах начинает горько сокрушаться, желая узнать, откуда же следуют наши загадочные—отсюда и таким образом,—когда отсюда ничего не следует. В подобный же транс впадает Авербах и по поводу нашего утверждения, что напостовцы, по-шулятиковски об'ясняя исторический процесс, претендуют на руководство историческим процессом и что вручение им этого руководства равносильно разгрому всей советской литературы. «Ведь подумаешь,—иронизирует Авербах,—нормально ли люди эти напостовцы? Желают руководить—небольшая группа ведь—историческим процессом?» Словом—я не я, лошадь не моя, отсюда ничего не следует, руководить никто ничем не собирался.

— Все было лишь ложь и обман.

А по сути дела? А по сути, дела ни на одно из наших обвинений Авербах даже и не попытался ответить! «В вопросе о формах партийного руководства,—мимоходом бросает Авербах,—у напостовцев не было ошибок». Но ведь как раз именно это и нужно было доказать Авербаху, ибо наш спор с Авербахом шел не по линии—нейтралитет, или руководство?—а по вопросу о формах партийного руководства, и мы именно в этом вопросе предлагали напостовцам становиться на общепартийные позиции, а вовсе не в вопросе о необходимости руководства литературой вообще, как это невинно «раз'ясняет» Авербах в своем ответе.

Но на чем основано напостовское понимание форм партийного руководства—знаменитое «разжигание», «такая же революция», «поглощение» и проч.?

«Нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает» [1]).

Вот эти-то теоретические корни напостовской путаницы мы и нашли в вульгарном, шулятиковском применении марксизма, а именно: в непонимании всей сложности процесса обрастания «экономической струны» живой идеологической «одеждой». Это и только это мы и имели в виду, утверждая, что «вопрос у Авербаха ставится так, как-будто бы в обществе ничего, кроме политики и литературы, не существует», и что шулятиковская практика была бы гибельна для нашего искусства.

Что же касается того, что «небольшая группа», то ничего, не робейте, тов. Авербах! Иной раз и «небольшая группа» так «густо» наруководит, что потом вся партия в целом с трудом расхлебает кашу!

Правильность наших обвинений в шулятиковщине, лишний раз подтверждают авербаховские размышления об анархической конкуренции.

«Одно дело—соревнование в области формы,—поучает нас Авербах.—В ВАПП, к примеру, в организацию довольно крепко сколоченную, входят формально (?!) самые различные товарищи (стиль-то, стиль-то—обратите внимание! Формально различные товарищи?!). Другое дело—классовые писательские группировки. Здесь не должно быть методов анархической конкуренции ни в каком случае, а должна быть твердая установка на классовую пролетлитературу». В нашей статье мы писали, что Авербах, под флагом борьбы с лозунгом анархической конкуренции, ограничивает область свободного соревнования ареной ВАПП, исключая всякие иные писательские группировки. Наш вывод Авербах еще раз подтверждает своим ответом.

«Формально различные товарищи» «соревнуют» в рамках ВАПП'овской организации, а по отношению, к остальным, не входящим в ВАПП, должна быть применена «твердая установка на классовую пролетлитературу». А что значит эта «твердая установка»—мы уже знаем. Возьмем, к примеру, Всероссийский союз крестьянских писателей. Это что—классовая писательская группировка или нет? Если да, то что же Авербах прикажет сделать с крестьянскими писателями? Совершить «такую же» революцию и «поглотить»?.. Мы слышим, как Авербах с негодованием кричит, что он сам же в своем ответе писал о необходимости союза с крестьянскими писателями и что Ионов произвольно «превращает» Авербаха «в заведомого олуха» (оговариваемся, «терминология» Авербаха), навязывая своему противнику свои собственные измышления.

Однако,—еще раз, т. Авербах,—дело не только в том, что вы говорите, но и в том, что логически следует из ваших рассуждений.

Впрочем, мы можем уступить Авербаху крестьянских писателей. Но тогда встает вопрос об «Орешиных и Наседкиных», о Бабеле, Леонове, Толстом и многих, многих других. Кре-

[1]) Ленин. Том XVIII, ч. 1, стр. 57.

стьянскими писателями они не являются. К пролетарским отнести их тоже трудновато. Спрашивается, что же с ними делать? Учиться у них, «соревновать» с ними? Или же отдать на с'едение кроткому Авербаху?

Мы заранее видим, как «кроткий» Авербах пускает слюну по закону условного рефлекса и производит глотательные движения по закону сочетательного.

Бедный капитан Кук!

8. Вольная интерпретация Кузьмы Пруткова или об опасности идеологического «озорства».

В нашей статье о пролетарской культуре мы доказывали два основных положения: во-первых, несовместимость напостовских позиций с резолюцией ЦК о политике партии в области художественной литературы, и, во-вторых, тождественность и общий источник напостовских теорий с основным идейным инвентарем новой оппозиции.

Обе эти мысли не получили опровержения ни в статье Авербаха, ни в статье Лелевича, несмотря на самое пылкое желание оппонентов подвергнуть нашу статью критическому ауто-да-фе. Больше того, весь «трагикомизм» положения обоих бывших друзей (а не только одного Авербаха, как это воображает Лелевич) заключается именно в том, что они, опровергая нас, опровергли друг друга, по очереди выдав себя с головой своему общему противнику.

«Хотя, может быть,—писали мы,—большинство т.т. напостовцев и не отдает себе в том отчета, но напостовство в основном об'ективно примыкает к той же сумме идей и порождено теми же настроениями, которые легли и в основу политической платформы сформировавшейся перед XIV партс'ездом новой оппозиции. Другими словами, напостовство есть не что иное, как отражение методов новой оппозиции в условиях работы на фронте искусства».

Авербах и Лелевич яростно обрушились на это положение, в один голос обвинив нас в «грубости» и «топорности», проявленной якобы нами при увязке их идеологии с общепартийными политическими течениями, заявляя, что «тут связь значительно сложнее и тоньше».

«Как нельзя делать оппозицию ответственной за напостовство,—уверяет Лелевич читателя,—так невозможно обвинить в оппозиционности последовательное напостовство».

Однако, если для Лелевича указание на индифферентность напостовства по отношению к основным политическим течениям нужно в качестве приманки—на предмет уловления отпавших напостовских душ, то для Авербаха проблема напостовской политической невинности совпадает с проблемой личного оправдания и «очищения». С таким же неумеренным усердием цитируя г. Сталина, с каким совсем недавно цитировал т. Зиновьева, а еще раньше т. Троцкого, и смиренно покаявшись в своей маленькой (ну совсем, совсем, малюсенькой!) тактической ошибке (не учел необходимости перенести удар налево!), Авербах всеми силами отгораживает себя от Вардина и Лелевича, благородно негодуя на нашу злокозненную «попытку» превратить его (Авербаха) брошюру в оппозиционный документ.

«Лучшим доказательством того,—старательно тред'ячит Авербах,—что мы являемся лишь большевиками в приложении (?!) и к вопросам культуры (?!)—не чем другим!—является тот факт, что когда в нашей среде наметился «левый» отход от большевизма, мы разорвали с ним еще до того, как обнаружились политические корни наших разногласий».

Словом, разве мыслимо

«Стрекочущу кузнецу,
В зленем блате сущу,
Ядовиту червецу,
По злакам ползущу»,

покрыть одним и тем же оппозиционным картузом, когда между Авербахом («стрекочущу кузнецу») и «ядовитым червецом»—Вардиным—разверзается целое Дарьяльское ущелье, как в области политических, так и в области литературных взглядов?!

Отгородившись на словах от Вардина и Лелевича, Авербах, к великому негодованию Лелевича, сваливает на своих бывших друзей добрую половину наших обвинений, оказавшись тем самым «коллегой Ионова и в области спекуляции на партдискуссии».

«Да, те ультра-левые теории, которые развивались Вардиным, после отхода Вардина от всей основной массы напостовцев,—пишет Авербах,—они были порождены политическими теориями новой оппозиции. Как только началась последняя партийная дискуссия, мы немедленно, до партс'езда, связали литературные и политические ошибки Вардина».

Мы с удовольствием обоими руками подписываемся под этим утверждением Авербаха. Но вся беда нашего неудачного критика в том, что по клятвенным уверениям Лелевича «ультра-левые» литературные «ошибки» Вардина—Лелевича—Родова идентичны по существу с литературными теориями Авербаха, ибо Вардин и Лелевич исповедуют целиком и полностью всего лишь... Авербаховскую брошюру! Всю свою статью Лелевич, в сущности говоря, и посвятил иллюстрации этой мысли, неопровержимо доказав, что Авербах «барахтается в бесчисленных и непреодолимых противоречиях», ибо будучи целиком **прав** в своих обвинениях **против** Ионова, Авербах на ряду с этим выступает против «основной напостовской группы», развивающей всего-на-всего «вчерашние мысли» Авербаха!

Нет, тов. Авербах, если вам действительно «абсолютно нечего менять в своей книжке,—немедленно прекратите всякую борьбу с напостовским меньшинством ВАПП, ибо тогда нам не о чем спорить. Если же вы продолжаете борьбу, будьте последовательны и откажитесь от своей брошюры, полностью присоединившись к взглядам Ионова».

Таким образом, Лелевич неопровержимо доказал, что «литературный» Авербах в лучшем случае—непоследовательный «литературный» Лелевич, а Авербах блестяще обнаружил логическую связь «литературного» Лелевича с Лелевичем-оппозиционером!

В результате—нам остается лишь выразить нашим друзьям свою почтительную благодарность за то, что своими блестящими спекуляциями они любезно освободили нас от скучной и неинтересной обязанности вторично доказывать уже раз доказанную теорему!

Что же касается лично т. Авербаха, то мы должны публично покаяться в одной допущенной нами ошибке, а именно: мы действительно приняли брошюру нашего «большевика в приложении к культуре» за сознательно-оппозиционный документ.

Сравнивая дважды подчеркнутую Авербахом мысль о том, что «борьба с опасностью перерождения, вопрос о перерождении... политический фон, на котором следует рассматривать полемику напостовцев с их противниками» [1])—сравнивая эту мысль с общей «системой» напостовских взглядов, мы не сомневались в том, что перед нами напостовец, подобно Вардину и Лелевичу, увязавший свою «панику перед кулаком» с «паникой» перед «литкулом». Каемся—ошиблись. Что ж поделаешь—и на старуху бывает проруха!

Но что, однако, доказывает наша ошибка? Она доказывает лишь то, что Авербах принадлежит к тому подавляющему большинству напостовцев, которые не понимают и не замечают реального социально-политического эквивалента своих литературных теорий. «Этикетка системы,—писал Маркс,—отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца» [2]). Вот почему, если напостовец искренно воображает, что его подмоченный и недоброкачественный товар и есть «стопроцентный» большевизм, то это лишь значит, что и в данном случае «этикетка системы» обманула (увы!) своего «критически мыслящего» хозяина.

И только. Другими словами, наш уважаемый оппонент оказался просто теоретически и политически безграмотным «большевиком в приложении к культуре».

Авербах очень любит цитировать Кузьму Пруткова.

Чтобы не остаться в долгу у Авербаха, мы в свою очередь процитируем в назидание читателю некий прутковский афоризм, правда, в несколько вольной интерпретации.

— Читатель! Если увидишь на лбу недоучившегося гимназиста надпись «пролетарский поэт», заткни уши и пройди мимо... И благо тебе будет и долголетен будеши...

С Авербахом и Лелевичем, вообще, не стоило бы так долго возиться, если бы их литературные «теории» не сигнализировали весьма опасные настроения, имеющие свой социальный смысл. «Революционной социал-демократии никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует»,—повторял Владимир Ильич. «Это изречение всегда приходится вспоминать и иметь в виду, когда то или иное важное теоретическое или практическое положение марксизма побеждает или хотя бы становится на очередь дня, и когда, кроме прямых и серьезных врагов, на него «набрасываются» такие друзья, которые безнадежно его компрометируют—по-русски—срамят, превращая его в карикатуру» [3]).

В процессе социалистического строительства перед русским пролетариатом всем ходом борьбы поставлена на очередь дня огромная задача культурной революции, в частности — задача создания пролетарской литературы. Такие «друзья», как Авербах, Вардин и Лелевич, пытаясь вульгарно, упростительски разрешить эту задачу, «безнадежно срамят» ленинизм и превращают его в неузнаваемый шарж [1]).

Идеологическое «озорство», столь характерное для психологии советских Митрофанушек, кажущих «дулю» литературному «спецу» и засучивающих рукава на искусство, в чаянии разрешения совершать в идеологии такую же революцию, как и в области социально-политической,—вот что «обнажили» Авербах и Лелевич своими поистине изумительными литературными «теориями».

— Землю в четверти делить без Эвклида смыслим,
Сколько копеек в рубле, без алгебры счислим.

«Румяный, трижды рыгающий» Лука имеет достаточно глубокие социальные корни в нашей крестьянской стране—вспомните, что писал т. Бухарин об опасностях «делячества», и «упростительства»,—для того, чтобы «румяному Луке» и его покрывающим была об'явлена самая беспощадная борьба.

Ибо «коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [2]).

---

[1]) Авербах. «За пролетарскую литературу» стр. 25, пред. ср. стр. 35.
[2]) Маркс. «Капитал», т. II, стр. 313.
[3]) Ленин. Том XIII. «О карикатуре на марксизм», стр. 349.

[1]) Подобную же вульгаризацию и извращение марксизма мы наблюдаем в настоящее время и на других участках культурного фронта, вплоть до «горних высот» философии. Открытая ревизия диалектического материализма, проводимая под знаком борьбы со «схоластикой» деборинской «школы» со стороны механистов и фрейдистов, ряды которых недавно открыто возглавила Л. И. Аксельрод, в частности такие явления, как воскрешение энчменизма Струминским, об'явившим психику «мифом» и излишней «гипотезой»,—все это говорит за то, что перед нами новая и притом значительная волна вульгаризации и теоретического ликвидаторства, борьба с которыми является священной обязанностью каждого ортодоксального марксиста.

[2]) Ленин, т. XVII, стр. 317.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

О НОВОЙ КНИГЕ П. МАСЛОВА.

(*«Основы экономической политики»*).

«В конце 80-х годов, еще юношей, сидя в одиночном заключении, я целыми днями и вечерами читал историческую, а потом экономическую литературу, пытаясь найти закономерность в истории развития человечества».

«В один из вечеров внезапно и совершенно неожиданно я как-будто сразу прозрел: передо мной раскрылась вся хозяйственная жизнь общества во всей ее сложности и закономерности. Как-будто я всю жизнь до тех пор сидел в камере со щитом перед окном и видел только эту камеру, но вдруг щит упал, стены раздвинулись, и передо мной сразу открылся весь мир во всем его величии, многообразии и красоте».

«Я, конечно, не могу передать того потрясающего впечатления, которое произвело на меня «откровение», но, повидимому, аналогичные чувства испытывает, по описанию Достоевского, эпилептик в течение одного момента перед припадком эпилепсии»[1]).

Так восторженно описывает Маслов зарождение в его голове тех идей, которые легли в основу всех его экономических работ.

Что же «прозрел», что же увидел Петр Маслов за окнами, с которых упали щиты, скрывавшие «мир во всем его величии многообразии и красоте»?

Перед прозревшим его взором вырисовывались апокрифические горы «производительных сил», рай производительного и непроизводительного потребления, «уплывающие из-под земли киты» и многое другое, о чем он неутомимо повествует слепому, не прозревшему, не постигшему чуда «откровения»—потомству.

* * *

Петр Маслов подарил читателям новую свою работу «Основы экономической политики». Надо, впрочем, сказать, что «новым» это произведение можно назвать лишь весьма условно и относительно. В значительной своей части «Основы» добросовестное переиздание знаменитой «Проблемы продукции», изданной автором еще в 1923 году.

Так как принципиальные теоретические положения в «Основах» по сравнению с «Проблемой продукции» остались неизменными, то нелишне будет познакомить читателя прежде всего с «подходом» «марксиста» Петра Маслова к разрешению политико-экономических проблем. Это знакомство тем более необходимо, что оно в значительной степени об'ясняет и само разрешение этих проблем.

«С моей точки зрения,—писал тогда Маслов,—партийно-политический подход к решению проблемы неизбежно внес бы элемент суб'ективизма, так как принадлежность к той или другой партии, главным образом, определяется личными интересами и, отчасти, индивидуальными настроениями

[1]) Петр Маслов.—«Проблема продукции» 1923 г.

и темпераментом. Поэтому к буржуазным партиям примыкают имущие классы, а к пролетарским—неимущие. При определении об'ективных условий, необходимых для решения социальной проблемы, руководствоваться партийными соображениями было бы нецелесообразно: правильному решению проблем часто мешает возможное противоречие между партийными интересами и требованиями об'ективной действительности».

Мы здесь обойдем это весьма «оригинальное» для марксиста определение личного состава партии по признакам «имущих» и «неимущих». Значительно интереснее другое: «Марксист» Маслов находит «нецелесообразным» при разрешении социальных проблем руководствоваться интересами классов и партий их представляющих! «Марксист» Маслов ищет не суб'ективных (какие-то классовые интересы!), а об'ективных критериев разрешения социальных проблем. «Основная идея об'ективной, а не суб'ективной оценки потребления была недоступна ни марксистской, ни буржуазной школе,—пишет Маслов,—потому что и тут и там **исходной точкой при анализе хозяйственных явлений было отношение к хозяйственным процессам самого хозяйствующего суб'екта, а не подход к ним с точки зрения развития народного хозяйства**» (курсив автора. *К. Р.*).

Отсюда и идея «производительных сил» и «производительного потребления» и народно-хозяйственного (в противовес частно-хозяйственному. *К. Р.*) интереса», как единственно «об'ективного», лишенного горького привкуса всякого суб'ективизма, критерия разрешения социальных проблем.

«Наиболее близко к идее о народном хозяйстве, после Кенэ, подошел, по моему мнению, Маркс»,—писал там же Маслов. Но исходя из приведенного выше, это заявление Маслова надо отнести за счет его ложной скромности. Мы видели уже, что в отсутствии «об'ективной» оценки потребления оказалась повинной и марксистская школа. Таким образом, новую теорию «**об'ективных**» оценок социальных проблем Петр Маслов, повторяем, лишь из ложной скромности не называет своей.

Итак, интересы **народного хозяйства**, интересы **развития производительных сил**, вот **об'ективный основной критерий** для разрешения социальных проблем и направления экономической политики. «Интересы развития народного хозяйства являются **основным критерием экономической политики** (курсив наш. *К. Р.*) и могут не совпадать ни с частно-хозяйственными интересами, ни с интересами государственного хозяйства»,—так пишет Петр Маслов уже в своих «Основах экономической политики».

Таково то «откровение», которое «прозрел» «надпартийный» и «надклассовый» Петр Маслов еще в конце 80-х годов и о котором с тех пор «тихо и мелодично курлыкая», он передает своим читателям.

Но какое же содержание вкладывает Маслов в понятие «экономическая политика»?

«Экономической политикой,—пишет наш автор,—называют мероприятия государственной власти, влияющие на хозяйственные отношения в желательном для нее направлении. Эти мероприятия могут влиять на хозяйственные отношения внутри страны между отдельными группами хозяйств, между отдельными классами, вступающими в хозяйственные отношения, и между государствами».

Какие же это «желательные направления», которыми руководствуются государства в направлении хозяйственных отношений? Развитие народного хозяйства и производительных сил, как это утверждает Маслов? Далеко и не всегда так. Ведь сам Маслов пишет, что «например, господствующие классы,—при крепостном праве дворянство,—ставят своей по-

стоянной задачей увеличение своего дохода и сохранение своих привилегий. Сообразно этому и экономическая политика всей соответствующей эпохи определяется этим «регулятивным» принципом, хотя и изменяется сообразно потребностям момента. Те же задачи ставит при капиталистическом строе буржуазия, но в основе ее экономической политики лежит задача увеличения прибыли предпринимателей» (курсив наш. *К. Р.*).

Ну, а интересы дворян и интересы буржуазии с соответствующей их интересам экономической политикой всегда совпадали с интересами развития народного хозяйства и производительных сил? Все это, конечно, пустяки! Интересы развития народного хозяйства, интересы развития производительных сил в классовом обществе совпадали с интересами господствующего класса, а следовательно, и с его экономической политикой лишь тогда, когда этот класс был революционным, когда он в огне революции разбивал оковы, сковывающие дальнейшее развитие народного хозяйства и производительных сил. Экономическая политика буржуазии была революционной, отвечала интересам развития производительных сил, когда уничтожала цеховые привилегии, когда лишала крупное землевладение земли и т. д., и т. п. Но с тех пор прошло достаточно времени для того, чтобы буржуазия из революционного класса превратилась в класс реакционный, когда дальнейшее развитие производительных сил не только не является основным критерием ее экономической политики, но когда капиталистические производственные отношения вступают в неразрешимые с производительными силами противоречия. Загнивание капитализма и есть отражение этого противоречия капиталистического хозяйства на его последней ступени развития, когда дальнейшему росту производительных сил препятствует вся экономическая политика капиталистического хозяйства.

Экономическая политика в классовом обществе служит интересам определенного класса и им определяется. Странно, что такие азбучные истины на 10 году Октябрьской революции приходится раз'яснять профессору нашего государственного университета!

Эта же «надклассовость» и «надпартийность» лежит в основе Масловского «откровения» о производительном и непроизводительном потреблении.

Поскольку «разумная» экономическая политика своей основной целью имеет развитие производительных сил, постольку и производительным потреблением будет только потребление, направленное к развитию этих производительных сил. И здесь Петр Маслов превращается в своеобразного пацифиста, громящего капитализм с его бешеными вооружениями и войнами. «Производство военного снаряжения, давая высокие прибыли капиталисту, эксплоатирующему труд, не ведет к накоплению в народном хозяйстве, так как предметы, производимые для военного снаряжения, не получают производительного назначения». Здесь все правильно за исключением одного... понимания производительного труда! С точки зрения капиталистов производство военного снаряжения самое производительное назначение для их капиталов. Потому что именно эти предприятия наиболее доходны, дают наибольшую прибыль. Понятие производительного и непроизводительного труда и потребления с точки зрения капиталистов и рабочих различно, поскольку они занимают различное положение в производстве. В своих «Теориях ценности» Маркс дал достаточно точное определение понятия «производительного труда», исходя не из какого-то «заоблачного» «надклассового» критерия, а из сущности и природы самого капиталистического общества.

«Производительный труд—в системе капиталистического производства,—писал Маркс, — есть такой труд, который производит для лица, дающего ему применение, прибавочную ценность, или, иначе, тот, который превращает об'ективные условия труда в капитал, а их владельца—в капиталиста; стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в виде капитала».

«Поэтому, когда мы говорим о производительном труде, то мы имеем в виду общественно-определенный труд, т.-е. труд, предполагающий совершенно определенные отношения между покупателем и продавцом труда».

«Значит,—пишет Маркс там же,—производительный труд есть тот труд, который для рабочего воспроизводит только заранее определенную ценность его рабочей силы, между тем, как, наоборот, он, в своем качестве деятельности, создающей ценность, вызывает возрастание капитала или противопоставляет рабочему, в виде капитала, те ценности, которые им создаются».

«Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными, а, следовательно, и вечными, естественными формами производства, способна вопрос о том, что такое производительный труд с точки зрения капитала, смешать с вопросом, какой труд вообще производителен или что такое производительный труд вообще; только она может считать чрезвычайно мудрым свой ответ, гласящий, что всякий труд, что-нибудь производящий, имеющий какой-либо результат, eo ipso есть производительный труд».

«Производителен только такой труд, который прямо превращается в капитал, стало быть только труд, который делает переменный капитал переменной величиной» [1]).

Таким образом, понятие «производительного труда», а следовательно, и производительного потребления не являлось по Марксу чем-то абсолютным и неизменным. И в классовом обществе для каждого класса понятие производительного труда и накопления будет различным. А этого-то Петр Маслов упорно не хочет или не может понять.

Наконец, «желательным направлением» для развития хозяйственных отношений является такая система мероприятий государства, которая обеспечивает господствующему классу расширенное его воспроизводство. И с этой точки зрения, с точки зрения этого господствующего класса, производительными затратами, производительным трудом будут такие затраты, такой труд, который обеспечивает это расширенное воспроизводство. И потому затраты на милитаризм и маринизм с точки зрения расширенного воспроизводства господствующего класса капиталистов являются затратами производительными.

Таким образом, критерием производительного и непроизводительного труда, критерием целесообразности экономической политики—является расширенное воспроизводство данного, господствующего класса.

Вот этого-то Петр Маслов не понял и упорно не понимает с «конца 80-х годов». Этим об'ясняется и его «об'ективная» постановка проблемы «производительного накопления» для нашего советского хозяйства. «Темп развития,—пишет Маслов,—капиталистического и советского хозяйства будет определяться темпом производительного накопления». «Кто—кого?» для различных секторов внутри советского хозяйства—этого вопроса для Маслова не существует. Он «выше» такой «узкопартийной» и «узко-классовой» точки зрения. Важен рост про-

[1]) Маркс. «Теории прибавочной ценности», т. I, стр. 268–270

стоянной задачей увеличение своего дохода и сохранение своих привилегий. Сообразно этому и экономическая политика всей соответствующей эпохи определяется этим «регулятивным» принципом, хотя и изменяется сообразно потребностям момента. Те же задачи ставит при капиталистическом строе буржуазия, но в основе ее экономической политики лежит задача увеличения прибыли предпринимателей» (курсив наш. *К. Р.*).

Ну, а интересы дворян и интересы буржуазии с соответствующей их интересам экономической политикой всегда совпадали с интересами развития народного хозяйства и производительных сил? Все это, конечно, пустяки! Интересы развития народного хозяйства, интересы развития производительных сил в классовом обществе совпадали с интересами господствующего класса, а следовательно, и с его экономической политикой лишь тогда, когда этот класс был революционным, когда он в огне революции разбивал оковы, сковывающие дальнейшее развитие народного хозяйства и производительных сил. Экономическая политика буржуазии была революционной, отвечала интересам развития производительных сил, когда уничтожала цеховые привилегии, когда лишала крупное землевладение земли и т. д., и т. п. Но с тех пор прошло достаточно времени для того, чтобы буржуазия из революционного класса превратилась в класс реакционный, когда дальнейшее развитие производительных сил не только не является основным критерием ее экономической политики, но когда капиталистические производственные отношения вступают в неразрешимые с производительными силами противоречия. Загнивание капитализма и есть отражение этого противоречия капиталистического хозяйства на его последней ступени развития, когда дальнейшему росту производительных сил препятствует вся экономическая политика капиталистического хозяйства.

Экономическая политика в классовом обществе служит интересам определенного класса и им определяется. Странно, что такие азбучные истины на 10 году Октябрьской революции приходится раз'яснять профессору нашего государственного университета!

Эта же «надклассовость» и «надпартийность» лежит в основе Масловского «откровения» о производительном и непроизводительном потреблении.

Поскольку «разумная» экономическая политика своей основной целью имеет развитие производительных сил, постольку и производительным потреблением будет только потребление, направленное к развитию этих производительных сил. И здесь Петр Маслов превращается в своеобразного пацифиста, громящего капитализм с его бешеными вооружениями и войнами. «Производство военного снаряжения, давая высокие прибыли капиталисту, эксплоатирующему труд, не ведет к накоплению в народном хозяйстве, так как предметы, производимые для военного снаряжения, не получают производительного назначения». Здесь все правильно за исключением одного... понимания производительного труда! С точки зрения капиталистов производство военного снаряжения самое производительное назначение для их капиталов. Потому что именно эти предприятия наиболее доходны, дают наибольшую прибыль. Понятие производительного и непроизводительного труда и потребления с точки зрения капиталистов и рабочих различно, поскольку они занимают различное положение в производстве. В своих «Теориях ценности» Маркс дал достаточно точное определение понятия «производительного труда», исходя не из какого-то «заоблачного» «надклассового» критерия, а из сущности и природы самого капиталистического общества.

«Производительный труд — в системе капиталистического

производства,—писал Маркс, — есть такой труд, который производит для лица, дающего ему применение, прибавочную ценность, или, иначе, тот, который превращает об'ективные условия труда в капитал, а их владельца—в капиталиста; стало быть, труд, создающий свой собственный продукт в виде капитала».

«Поэтому, когда мы говорим о производительном труде, то мы имеем в виду общественно-определенный труд, т.-е. труд, предполагающий совершенно определенные отношения между покупателем и продавцом труда».

«Значит,—пишет Маркс там же,—производительный труд есть тот труд, который для рабочего воспроизводит только заранее определенную ценность его рабочей силы, между тем, как, наоборот, он, в своем качестве деятельности, создающей ценность, вызывает возрастание капитала или противопоставляет рабочему, в виде капитала, те ценности, которые им создаются».

«Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными, а, следовательно, и вечными, естественными формами производства, способна вопрос о том, что такое производительный труд с точки зрения капитала, смешать с вопросом, какой труд вообще производителен или что такое производительный труд вообще; только она может считать чрезвычайно мудрым свой ответ, гласящий, что всякий труд, что-нибудь производящий, имеющий какой-либо результат, eo ipso есть производительный труд».

«Производителен только такой труд, который прямо превращается в капитал, стало быть только труд, который делает переменный капитал переменной величиной» [1]).

Таким образом, понятие «производительного труда», а следовательно, и производительного потребления не являлось по Марксу чем-то абсолютным и неизменным. И в классовом обществе для каждого класса понятие производительного труда и накопления будет различным. А этого-то Петр Маслов упорно не хочет или не может понять.

Наконец, «желательным направлением» для развития хозяйственных отношений является такая система мероприятий государства, которая обеспечивает господствующему классу расширенное его воспроизводство. И с этой точки зрения, с точки зрения этого господствующего класса, производительными затратами, производительным трудом будут такие затраты, такой труд, который обеспечивает это расширенное воспроизводство. И потому затраты на милитаризм и маринизм с точки зрения расширенного воспроизводства господствующего класса капиталистов являются затратами производительными.

Таким образом, критерием производительного и непроизводительного труда, критерием целесообразности экономической политики—является расширенное воспроизводство данного, господствующего класса.

Вот этого-то Петр Маслов не понял и упорно не понимает с «конца 80-х годов». Этим об'ясняется и его «об'ективная» постановка проблемы «производительного накопления» для нашего советского хозяйства. «Темп развития,—пишет Маслов,—капиталистического и советского хозяйства будет определяться темпом производительного накопления». «Кто—кого?» для различных секторов внутри советского хозяйства—этого вопроса для Маслова не существует. Он «выше» такой «узкопартийной» и «узко-классовой» точки зрения. Важен рост про-

[1]) Маркс. «Теории прибавочной ценности», т. I, стр. 268 – 270

изводительных сил, важен рост производительного накопления, а в каком секторе происходит этот рост в капиталистическом или социалистическом—для «марксиста» Петра Маслова безразлично. Ведь «целью хозяйственной деятельности и накопления является удовлетворение потребностей», утверждает Маслов. А если так, то, конечно, безразлично по какому—капиталистическому или социалистическому—пути идет производительное накопление. Все равно и в том и в другом случае целью хозяйственной деятельности является «удовлетворение потребностей».

До таких вещей договаривается наш почтенный профессор со своей «об'ективной» оценкой социальных и экономических проблем, со своей критикой «суб'ективного» Маркса. «В области марксистской теории,—писал Ленин,—Петр Маслов является беспардонным и тупым наездником, ибо трудно представить себе нечто более невежественное, чем самодовольная «критика» Маркса Масловым». Своими последними работами Маслов лишь подтверждает эту, данную ему Лениным, характеристику.

Выше мы уже приводили определение Маслова экономической политики, как «мероприятий государственной власти, влияющих на хозяйственные отношения в желательном для нее направлении». Как же должна строиться экономическая политика у нас, в СССР? Где-то «желательное направление», которым руководствовалось бы государство в своих экономических мероприятиях? «Развитие производительных сил страны в целях повышения уровня благосостояния рабочих и крестьян и осуществления социализма»—таков ответ Петра Маслова.

Здесь, в этом ответе, прежде всего—отказ от той «об'ективной» точки зрения, которую прозрел Маслов еще в «конце 80-х годов». В самом деле, здесь развитие производительных сил уже не является какой-то всеподчиняющей себе идеей, а, наоборот, ставится в зависимость, подчиняется само интересам рабочих и крестьян, интересам осуществления социализма. Но читатель не должен принимать всерьез этого отказа Маслова от его навязчивой идеи «развития производительных сил». «Основы» Масловской экономической политики не дают никаких указаний, не показывают пути, которым должно следовать государство рабочих и крестьян для действительного осуществления социализма. Да это и понятно. Маслов не понял существа нашей экономики, Маслов не видит противоречивого ее характера, не видит тех элементов, развитие которых должно означать наше движение к социализму. «Последовательно-социалистический» характер наших госпредприятий остался для Маслова за семью печатями. Не понял Маслов и роли и значения кооперации, как «столбовой дороги» к социализму, позволяющей переключить простое товарное крестьянское хозяйство на основе его кооперирования непосредственно в социалистическую систему. «Задачей кооперации,—заключает свои рассуждения Маслов в главе «Кооперативная политика»,—является не только содействие накоплению средств производства в мелких хозяйствах, не только накопление кооперативного капитала для дальнейшего своего развития и устранения эксплоатации мелкого хозяйства частным капиталом, но и содействие рационализации крестьянского хозяйства. Все эти три задачи находятся в тесной связи друг с другом, потому что развитие кооперации происходит на фоне развития крестьянского хозяйства, увеличения товарности его производства и увеличения его доходности». Вот все, что мог сказать Маслов о смысле и значении кооперации в системе диктатуры пролетариата.

Таким образом, идея «осуществления социализма» остается у Маслова только идеей, бесплотной и бестелесной идеей, которую он вставил как одну из целей нашей экономической политики, лишь отдавая дань своему

времени. Конечно, осуществление социализма предполагает известное развитие производительных сил, конечно, переходная к социализму эпоха дает возможность убыстренного их развития; конечно, социализм открывает безграничные возможности к развитию и росту производительных сил, но отождествлять производительные силы с социализмом—признак экономической неграмотности. Во-первых, с этой точки зрения какие-нибудь фордовские предприятия более «социалистичны», чем наши государственные предприятия, а во-вторых, в наших условиях, в условиях диктатуры пролетариата, не исключена возможность развития производительных сил не в сторону социализма, а капитализма. Это возможно в том случае, если пресловутое масловское производительное накопление в капиталистическом секторе нашего хозяйства будет итти и абсолютно и относительно быстрее, чем в социалистическом. Этого Маслов не понял и тогда, когда говорил о производительном накоплении, и тогда, когда говорит о роли нашей государственной промышленности и кооперации.

Рост госпромышленности и кооперации, как рост, тождественный росту социализма, Маслов подменяет ростом производительных сил вообще, вне зависимости, в каком секторе нашего хозяйства он происходит, и потому рекомендуемые им «основы экономической политики» являются глубоко неверными, ошибочными и реакционными. И с точки зрения интересов «благосостояния рабочих и крестьян» и с точки зрения «осуществления социализма» относительный (по сравнению с госпромышленностью) рост производительных сил в частно-капиталистическом секторе нашего хозяйства опасен и вреден, ибо грозит перерождением нашей экономики в экономику капиталистическую.

* * *

В какой мере это осталось Масловым непонятым, можно судить по его отношению к государственной промышленности и крестьянскому хозяйству. «Задача экономической политики,—пишет он,—заключается в том, чтобы повысить производительность мелких хозяйств, а это повышение происходит в отдельных хозяйствах». Это политика по существу совершенно верная, если с повышением производительности крестьянского хозяйства будет, с одной стороны, итти и процесс его кооперирования, а, с другой, еще более убыстренный темп развития производительности в государственном секторе нашего хозяйства. Но здесь, в части нашей промышленности, Петр Маслов рекомендует руководствоваться принципом «выше лба уши не растут» и «выше головы не прыгнешь». Этот принцип, к слову говоря, покоится у него на чрезвычайно «странной», чтобы не сказать более, теоретической предпосылке. «Для того, чтобы увеличить продукцию каждой отрасли вдвое, требуется в большинстве случаев увеличение накопленного капитала более, чем вдвое. Чем технически совершеннее предприятие, тем большая степень накопления капитала требуется для увеличения продукции, ибо при этом увеличении требуется не только соответственное увеличение сырья, орудий и средств для перевозки, но огромное возрастание основного капитала».

По Маслову, следовательно, получается, что технический прогресс, введение новых усовершенствованных машин прямо и явно невыгодно. В самом деле, кто станет вводить новую машину, если при большей, чем вдвое, затрате на нее, она приносит всего только вдвое большую продукцию. Как все-таки получается, что при явной экономической нерентабельности производительные силы и техника все же прогрессировали, остается неразрешимой загадкой. Во всяком случае «марксист» Маслов об этом читателю не говорит, этой явной «ненормальности» не об'ясняет. Надо думать, что и это его утверждение надо отнести за счет все тех

же божественных «откровений» и «прозрений», недоступных и непонятных для непосвященных. И «божественный» Маслов не устает бичевать тех «прожектёров», которые, «исходя из инженерно-технической точки зрения, проектируют очень широкое применение всяких технических возможностей в той или другой отрасли хозяйства, совершенно упуская из виду, что при ограниченных рессурсах страны, это может повести к расстройству всего народного хозяйства». Что же рекомендует Маслов? Создавать не технически совершенные предприятия с высоким органическим составом капитала, а предприятия с низким органическим составом капитала, с отсталой техникой, а следовательно, и малопроизводительные. Как это ни невероятно, как это ни чудовищно, но это так.

«Неурожай,—пишет Маслов,—заставил *правильно* поставить проблему о безработице, принудивши значительную часть народно-хозяйственного дохода *затратить на производство средств производства* для широкой массы населения при *низком органическом строении этой затраты*». «Накопляющийся капитал должен распределяться таким образом, чтобы повышение *среднего строения капитала в предприятиях не превышало процесса накопления даже при отсутствии прироста населения*» (курсив автора. *К. Р.*).

Таким образом, нашу беду, неурожай, Петр Маслов превращает в нашу заслугу. Надо было дать работу миллионам разоренных голодом крестьян, и государство вынуждено было итти на организацию общественных работ, где затрата на орудия производства была бы минимальной и где было бы обеспечено максимальное использование рабочей силы. И эту нашу беду, недостаточно производительное расходование и без того ничтожных средств, которыми располагает государство, Петр Маслов выставляет, как единственно правильную политику.

Каковы были бы практические последствия подобной экономической политики? Рост производительных сил в сельском хозяйстве, следовательно, параллельно с этим рост дифференциации, поскольку это хозяйство недостаточно интенсивно кооперируется; рост накопления в частно-капиталистическом секторе, поскольку он не волен руководствоваться экономической политикой, рекомендуемой Масловым, и будет повышать органический состав капитала, обеспечивающий ему наиболее благоприятные условия в конкурентной борьбе с предприятиями государственного сектора хозяйства и, неизбежное падение, если не абсолютное, то относительное, удельного веса производства сектора государственного хозяйства, т.-е. *не движение вперед к социализму, а назад к капитализму*.

Таковы основные выводы из масловских основ экономической политики. Невозможно в короткой заметке отметить все «откровения» и «прозрения» Петра Маслова, но принятие основных положений рекомендуемой им экономической политики с неизбежностью повело бы нас к полной реставрации капитализма.

Удручающее впечатление оставляют рассуждения Маслова по поводу политики цен и таможенной политики. Еще с отроческих лет ушибленный «производительным и непроизводительным потреблением», Маслов рекомендует политику цен построить таким образом, чтобы увеличить производительное и уменьшить непроизводительное личное потребление. «До настоящего времени,—пишет Маслов,—все внимание обрабатывающей промышленности сосредоточилось на том, чтобы увеличить производство предметов личного потребления крестьянского населения».

«Разумеется, крестьянству нужна одежда и обувь, но продукция крестьянского хозяйства не увеличится от увеличения производства ситца,

а увеличивается от изготовления хорошего масла, от переработки льна, пеньки, картофеля, свеклы и т. под.». Поэтому Маслов и рекомендует политику цен направить таким образом, чтобы крестьянское хозяйство шло не по линии непроизводительного потребления (ситец, сапоги, мыло и т. п.), а по линии производительного потребления (с.-х. машин и орудий и т. под.). Слов нет, хорошо, когда производительное потребление растет, но признавать за производительным потреблением какое-то самодовлеющее значение вне связи с теми людьми, которым это производительное потребление служит, это значит ставить на голову экономическое отношение, ибо не люди служат производству, а производство—людям, конечно, в тесной зависимости от соответствующего строения (классового) общества. Иначе говоря, в капиталистическом обществе производство служит классу капиталистов, в нашем же СССР—трудящимся: рабочим и крестьянам. Повышение цен на предметы личного потребления далеко еще не означает усиления производительного потребления. И, конечно, может иметь обратные результаты тому, что хочет Маслов. Распределение суммы дохода крестьянского хозяйства между производительным и личным потреблением, при повышении цен на последнее, может пойти и, как правило, пойдет не по линии увеличения, а по линии уменьшения производительного потребления.

* * *

Новая книга Петра Маслова, как мы уже и говорили, не является, по сути дела, новой. Старые мысли, старые «откровения», старые «презрения». Но когда Петр Маслов пытается указать советскому хозяйству «основы *его* экономической политики», нужно бить тревогу.

Под новой фирмой Маслов пытается протащить свои старенькие ревизионистские идейки и приложить их к нашей новой, советской экономике. Но и советской экономики Маслов не понял, да и «идейки»-то его уж больно затасканные и давно оцененные по достоинству. «Основы экономической политики» Маслова и в своих *основах* и «*деталях*» неверны и вредны и неизменно обнаруживают его ревизионистскую природу.

К. Розенталь.

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА, I. *Институт К. Маркса и Ф. Энгельса*, ГИЗ. Москва—Ленинград. 1926 г., стр. 157, цена 1 р. 50 к.

Институт Маркса и Энгельса предпринял издание второго журнала—«*Летописей Марксизма*». Первый журнал Института—«*Архив К. Маркса и Ф. Энгельса*» завоевал себе большое и прочное место своим солидным и интересным статейным материалом и, главным образом, теми замечательнейшими новыми документами из литературного наследства Маркса и Энгельса, которые в нем впервые публикуются. Можно смело утверждать, что «Архив» является сейчас единственным во всем мире журналом революционного марксизма, поставившим себе благодарную и важную задачу—осветить эпоху Маркса—Энгельса.

«Летописи Марксизма» будут издаваться на ряду с «Архивом», Выпуская «Летописи» Институт Маркса и Энгельса имеет в виду дать читателю более подвижный и легкий, более доступный широкому кругу журнал, который мог бы служить, по заявлению редакции, «спутником революционного и ученого марксиста». Насколько *эта* задача будет выполнена—покажет будущее, но несомненно, что журнал может найти сочувственный отклик в среде грамотного партийного актива, при условии, если читатель будет получать в нем интересный, помогающий изучению

марксизма материал и в виде статей, и в виде документов из литературного наследства. Необходимо только, чтобы документальный материал не носил характера отдельных кусочков и небольших заметочек, как это имеет место в первом номере «Летописей». Надо, по возможности, давать,—пусть небольшие,—но оставляющие целостное впечатление материалы, надо, чтобы эти материалы были полезны и интересны не только для узкого специалиста, но и для более широкой массы марксистски грамотного читателя.

После этих предварительных замечаний перейдем к содержанию первого номера «Летописей». Журнал открывается отделом: «Статьи и исследования». В нем мы находим статью (вернее—стенограмму доклада) тов. Рязанова—«Военное дело и марксизм», статью тов. Деборина—«Новый поход против марксизма», и, наконец, небольшую заметку Г. Штейна—«К. Маркс и мозельские крестьяне».

Статья тов. Рязанова ставит своей задачей осветить значение марксизма для военного дела. Дав общую характеристику учения Маркса, указав его значение для науки и практики, тов. Рязанов приходит к выводу, что марксизм, как общая теория, должен лежать в основе и военной науки и искусства военной стратегии и тактики.

Весьма интересна и актуальна статья А. М. Деборина о книге бельгийского «социалиста» Гендрика де-Мана «К психологии социализма».

Разложение социал-демократии, все более откровенное, циничное и, вместе с тем, заискивающее служение ее буржуазии, вынуждает «идеологов» социал-демократизма искать теоретических «путей-дорожек», менее «опасных» для пропаганды в массах, чем даже выхолощенный марксизм и, вместе с тем, более соответствующих теперешнему бытию «социалистических» лакеев капитализма. «Смена вех»—стоит поэтому в порядке дня их «теоретиков». От марксизма, от последних остатков его, надо поскорее отделаться, на место марксизма надо воздвигнуть новое здание «теории», новое «миропонимание». И эти «идеологи» все более и более начинают искать «живой», очищающей от «скверны» марксизма воды в источниках современных реакционно-буржуазных учений Фрейда, Бергсона, Шпенглера, и. друг.

Не все, правда, откровенно выбалтывают эту тайну полишинеля—социал-демократии: некоторые еще стыдливо продолжают прикрываться обрывочками марксизма. Но некоторые, наиболее откровенные и смелые «идеологи» социал-лакеев начинают уже ставить все точки над и.

К числу последних принадлежит Гендрик де-Ман. Этот, некогда левый, «социалист» был захвачен затем шовинистическим угаром, принимал активнейшее личное участие в мировой империалистической войне, а после войны, отдохнув от ее перипетий, взялся за перо для осмеяния и поругания всего того, чему он некогда, «на заре туманной юности», имел несчастие поклоняться: он решил ниспровергнуть марксизм, заменив его «новым» мировоззрением, составленным из пестрой ткани более ему созвучных теперь психолого-этических и религиозных мелодий.

Марксизм, по мнению де-Мана, потерпел крах; практика,—под которой Генрих де-Ман видит только грязную практику социал-реформизма и трэд-юнионизма и лицемерно упорно не замечает революционной практики большевизма,—показала-де, что теория Маркса, начиная от ее философских корней и кончая политико-революционными выводами, расходится с теперешним развитием рабочего движения. Коммунистическое же направление, утверждает де-Ман, построено на вульгарном марксизме, и его ни в какой мере нельзя принимать во внимание.

Итак, жизнь, говорит новый пророк социал-предательства, расходится с марксизмом, обрекая, следовательно, его на гибель. «Падающего

толкни»,—и де-Ман старательно добивается «окончательного» ниспровержения марксизма. Прежде всего, философские основы марксизма не выдерживают, по авторитетному заявлению де-Мана, научного суда. Де-Ман—«судья праведный»: он сперва извращает, потом опровергает. Он, удивительно сходясь с нашими «механистами» (во главе которых теперь стала бывшая не очень давно «Ортодоксом» Л. И. Аксельрод), нападает на диалектику, представляя ее перед читателем в виде «схоластики, априорных конструкций, пустой игры диалектических понятий», т.-е. в совершенно извращенном виде, не имеющем ничего общего с действительно революционной, материалистической диалектикой. Поэтому, и материализм Маркса де-Ман (тоже удивительно-трогательно напоминая наших «механистов») понимает только, как «механический».

Истолковав материализм Маркса, как механический, т.-е. опять-таки извратив его, де-Ман опровергает этот материализм [1]).

Что же ставит де-Ман на место материализма и диалектики? Эклектическую окрошку из Фрейда и Бергсона. Это чрезвычайно знаменательно: самая махровая реакция против марксизма ведется под флагом фрейдизма и бергсонианства! В последнее время и у нас фрейдизм становится той модой, по которой некоторые «марксисты», старающиеся сперва представить марксизм «голеньким», а потом его «приодеть», шьют модные костюмы для учения Маркса—Энгельса—Ленина.

С добрым желанием на устах заимствуют эти люди из фрейдизма самый реакционнейший вздор и, смешав его с марксовым учением, преподносят затем то, что получилось, в виде последних научных выводов, под названием «последнего слова» марксизма.

«Мудрым» эклектикам, конечно, закон не писан, но бесспорно правы те, кто ведет с ними непримиримую и решительную борьбу, заявляя, что попытки сочетать марксизм с фрейдизмом есть проявление теоретической реакции и ревизионизма. Пример де-Мана превосходно подтверждает это положение.

Итак, долой материализм, диалектику, долой мышление логическое, мышление в понятиях, провозглашает де-Ман. Вместо этого—да здравствует символизм, интуиция, «вчувствование», аффективно-этическое волеиз'явление, религиозное миропонимание! Соответственно новым «вехам» меняется и направление, меняется и отношение к капитализму, к буржуазии, к пролетариату: ведь это же голые логические понятия, которым реально, в действительном мире, в мире явлений, ничего не соответствует. Тем более мы ничего не знаем и не можем знать о будущем: оно «сокрыто от нас,—думает де-Ман,—мы знаем только настоящие, непосредственные переживания». «Разум, теория имеют только второстепенное значение поэтому, есть не что иное, как „душевное переживание“, как чувство, и всецело находятся на службе у «бессознательного» и воли. Социализм, он есть лишь другая сторона той же сущности, что и христианство. Следовательно, в рабочих необходимо, прежде всего, развивать чувство

[1]) Между прочим, нашим «механистам» не худо было бы вдуматься в этот факт. Де-Ман нарочно, чтобы разгромить материализм и диалектику, старается показать, что материализм Маркса—Энгельса есть механический, а диалектика есть «схоластика» и «игра понятиями», т.-е. в общем и целом утверждает, ради ниспровержения марксизма, то же самое, что и наши «механисты»; которые, прикрываясь высокими фразами и благородным негодованием против «увлечения Гегелем», хотят выдать механический материализм за истинный материализм Маркса и Ленина. Т. о., развивая свою «механическую» точку зрения, наши «механисты» невольно подготовляют почву для де-Манов. Этот факт многое говорит и, может быть, кое-кому из «механистов», не окончательно ослепленных рассуждениями своих «вождей», откроет глаза на опасности, которыми чревато «механическое» миропонимание.

и моральное сознание социализма. Место классовой борьбы должны соответственно занять: национальная идея, государственность и, наконец, «обуржуазивание пролетариата»—этот практический лозунг нового пророка социал-предательства и социал-лакейства.

Такова «теория» де-Мана, подвергнутая основательной критике в статье А. М. Деборина.

Мы остановились подробно на статье Деборина потому, что выступление де-Мана представляет сейчас чрезвычайно симптоматическое и весьма любопытное явление, и потому также, что статья А. М. Деборина—единственный вообще (и притом серьезный) критический источник, знакомящий нашего широкого читателя с этим новейшим откровением махрового ревизионизма.

За статьей Деборина в отделе «Статьи и исследования» идет, как мы выше упомянули, небольшая заметка В. Штейна «К. Маркс и мозельские крестьяне». Заметка представляет интерес разве лишь постольку, поскольку устанавливает, что «первой экономической темой Маркса была проблема из области аграрного вопроса западной Германии» и что Маркс, по словам Энгельса, «пришел к социализму, изучая вопрос о бедственном положении мозельских крестьян».

Вторым отделом журнала идет отдел: «Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса».

Самым значительным (и самым интересным) документом здесь является статья Энгельса—изложение «Капитала» Маркса, доведенное до абсолютной прибавочной стоимости. Это самое лучшее изложение «Капитала»: краткое, ясное и вместе с тем превосходное по силе диалектики изложение экономической теории Маркса; к сожалению, оно далеко не закончено. Ни один товарищ, желающий быть грамотным марксистом, не может пройти мимо этого замечательного документа.

Второй документ, помещенный в этом отделе,—конспект, составленный К. Марксом (1843—44 г.г.) на книжку Рене Левассера о якобинцах (1829 г.). Конспектируя книжку, Маркс не сопроводил конспект своими примечаниями; этот документ интересен лишь по изложению и группировке фактов. И справедливо замечает редактор, что «самая группировка фактов Марксом превращает этот конспект в обвинительный акт против жирондистов».

Третий отдел сборника: «Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса» содержит три документа. Первый—письмо Маркса Франкелю и Варлену—относится к эпохе Коммуны и помечено 13-м мая 1871 г. В нем Маркс сообщает, что написал по делу Коммуны «несколько сот писем во все концы света, где существуют наши организации». «Впрочем,— добавляет Маркс,—рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения». Далее, Маркс указывает, что «Коммуна тратит... слишком много времени на мелочи», что совершенно необходимо торопиться сделать нужное дело за пределами Парижа, в Англии и в других странах. Маркс заключает письмо предостережением: «будьте настороже!»

Вторым документом идут письма Энгельса (1893 г.) к некоему Лампле и, наконец, третьим—два письма Энгельса к болгарам, относящиеся тоже к 1893 году. Письма к болгарам—к редакции болгарского журнала «Социал-Демократ», выходившего тогда в Севлиеве,—представляют интерес, как показатель того, насколько Энгельс внимательно следил за малейшими проблесками рабочего движения, и как много работал этот великий вождь и учитель пролетариата. «Мне,—писал он во втором письме к болгарам,—на старости лет приходится изучать даже румынский и болгарский (языки. *П. С.*), если я не хочу отставать от движения социализма на восток и юго-восток».

В отделе: «Из истории марксизма в России» помещены: новый вариант знаменитой исторической речи Г. В. Плеханова на международном социалистическом конгрессе в Париже (14—21 июля 1889 г.), в которой он заявил: «революционное движение в России восторжествует только, как рабочее движение, или же никогда не восторжествует»; затем два маленьких письма Плеханова к Геду; заметки Б. Николаевского: «В. И. Ульянов-Ленин в Берлине в 1895 г.» и Е. Гурвич—«Из воспоминаний» о переводе (втором по счету) «Капитала».

Заметка Николаевского хорошо сработана и представляет большой интерес для биографии Ленина. Мы считали бы только необходимым подчеркнуть, что приписывание Николаевским заметки в «Форвертсе» (1895 г.) о письме Дурново Ленину вряд ли имеет основания: Ленин не мог писать и не писал тем, прямо-таки либеральным языком, каким написана эта заметка.

Сравнительно хорошо — в общем и целом — поставлен в журнале отдел «Критики и рецензий». Рецензируется как русская, так и иностранная литература по различным вопросам марксизма. При этом следует отметить боевой, ортодоксальный характер очень многих рецензий. Попадаются и ляпсусы: так, почему-то совершенно незаслуженно расхвалена книжка В. Ф. Асмуса «Диалектический материализм и логика», при чем ее подчас грубые промахи не отмечены вовсе.

Странными кажутся выражения: «Производственные отношения можно обозначить как распорядок (?!) производительных сил» и др. В заключение выразим желание, чтобы в дальнейшем рецензии не были анонимными.

Наконец, последним отделом идут «Сообщения кабинетов института», весьма любопытные и содержательные. В конце помещено чрезвычайно интересное сообщение о собрании рукописей, относящихся к Парижской Коммуне 1871 г., хранящихся в Институте.

Издан журнал хорошо, если не считать корректуры. Последняя небрежна, попадаются грубейшие опечатки; так, на стр. 101 вместо «солипсизм», напечатано «социализм», а на стр. 103 опечатка извратила всю фразу: напечатано—«для правильного понимания исторического материализма необходимо в наше время применение диалектики Маркса—Энгельса в ее неразумном (?!) виде»...

В заключение мы хотели бы пожелать этому интересному журналу поскорее преодолеть незначительные организационно-технические «болезни роста».

Рекомендуем журнал вниманию нашего читателя.

П. Сапожников.

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. Л. Каменев. А. Слепков. Е. Ярославский.**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ИЮЛЯ 13

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № 64468. Тираж 33 000 экз.
Типография изд-ва «Правда» и «Беднота», Москва, Серебрянич. набер., д. 23/а.

О право-оппортунистическом вырождении „левизны“ внутри партии.

«Уж с давних пор твердили миру, что ложь гнусна, вредна».

Политическая ложь со стороны «левых» уклонистов в рядах нашей партии,—безразлично, сознаются ли они в этой лжи перед самими собой или нет,—заключается в том, что под «левым» флагом, в сущности, ими провозится правый груз меньшевистских идей, так или иначе подкрашенных, «подчищенных», «обновленных» и завуалированных.

Вредоносность такой лжи с точки зрения партии и, напротив, ее выгоды, удобства для уклонистов состоят в том, что эта политическая ложь может сеять недоумения, порождать непонимание и вызывать вопросы у тех товарищей, которые не вполне отдали себе отчет в существе того или иного уклона: «Как! Партия обвиняет в принятии меньшевистских идей тех, кто только что говорил и говорит нам самые боевые революционные фразы? Правдоподобно ли это?..» Рассчитывая на такое легковерие, «левые уклонисты» получают возможность выступать в позе людей напрасно обиженных с тем, чтобы восклицать: «Как! Вы говорите, что я чуть ли не меньшевик, тогда как я только и делаю, что обвиняю партию в оппортунизме?! Кто вам поверит?»—и т. д., и т. п.

Однако, большевистская партия выросла из детских пеленок. Партийная масса научилась разбираться в существе идейных позиций. Простыми выкриками и софизмами ее не «возьмешь». К тому ж, у нашей партии есть богатейшая история ее революционной борьбы под руководством Ленина, дающая не один пример того, как «левый» уклон лил воду на мельницу «правого» или прямо выливался в «правое» русло. Примеры эти блестяще иллюстрируют условность формального деления уклонов на «правые» и «левые». Различие по форме ничуть не исключает, а, наоборот, предполагает известную общность социального содержания и политической идеологии как тех, так и других уклонов от ленинизма.

Примеры эти имеются еще в истории партии до захвата власти пролетариатом. Наиболее яркий пример этого периода—«большевики-отзовисты». Выделившись в 1909 году, под руко-

водством А. Богданова, в левую фракцию большевизма, они через несколько лет пришли к совместным выступлениям с правыми меньшевиками, с ренегатами-ликвидаторами (от которых тогда открещивался даже Плеханов)—против большевиков-ленинцев.

Примером того периода может служить также и троцкизм («перманентники»—т. Троцкий и Парвус), которому его «левый» лозунг: «рабочее правительство», нисколько не мешал в течение многих лет рука об руку с меньшевиками бороться против большевизма, против ленинского лозунга: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Из последних событий в Коминтерне необыкновенно ярок пример с исключенным из германской партии «сверхлевым» Коршем, который тут же «сиганул» в лагерь самых отпетых оппортунистов и социал-прохвостов.

Наконец, весьма яркий и выразительный пример право-оппортунистического вырождения левизны дает нам развитие так называемой «рабочей оппозиции» в нашей партии (1921—1926 год). «Рабочая оппозиция» заслуживает интереса сейчас уже не только как исторический пример, потому что вождями «новой оппозиции» был выдвинут лозунг оживления «всех бывших групп», а в их числе не последнее место занимает и «бывшая группа» т.т. Шляпникова—Медведева.

«Рабочая оппозиция» в дискуссии 1921 года выступала против Ленина и против возглавлявшегося им подавляющего большинства партии с рядом демагогически-«левых» лозунгов. В центре их стоял синдикалистский лозунг передачи промышленности «в руки с'ездов производителей». В обстановке Кронштадта, в условиях распыленности и деклассированности пролетариата, «рабочая оппозиция» выдвигала, кроме того, требование: «$^2/_3$ рабочих в составе партийных комитетов». Вместе с тем, «рабочая оппозиция» вопила против бюрократизма, против неравенства, против спецов, играя на несознательности масс, поддавшихся тогда в сильной степени влиянию мелко-буржуазной стихии.

В высшей степени важно сейчас вспомнить эту, начальную стадию формирования «рабочей оппозиции» в момент перехода к нэпу. Ленин тогда характеризовал ее, а за ним и X с'езд партии, как анархо-синдикалистский уклон. Ее требование «промышленность—с'езду производителей» было отрицанием руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата, отрицанием самостоятельности пролетариата по отношению к мелко-буржуазным «производителям» и, тем самым, отрицанием диктатуры пролетариата. Все это выливалось, однако, в форму «левых» лозунгов, хотя уже тогда слишком очевидно было, что этот «левый уклон» делает «правый поклон» в сторону меньшевизма. Не даром Ленин на XI с'езде партии, говоря

о «пулеметном огне» в сторону тех, кто стремится превратить временное «отступление» партии в паническое бегство, поставил Шляпникова в один ряд с меньшевиками, оговорив, конечно, различие в методах и формах партийного «пулеметного огня» для тех, кто стоит вне партии, и тех, кто в партии. Нельзя, однако, не вспомнить, что перед XI с'ездом не кто иной, как Ленин, ясно понимая, куда растет шляпниковщина, предлагал исключить Шляпникова из партии. По настоянию Ленина, еще XI с'езд принял, как известно, специальное решение о праве ЦК совместно с ЦКК, большинством двух третей голосов, исключить из своего состава и из партии членов ЦК за фракционный подрыв партийной дисциплины.

Эти факты из прошлого «рабочей оппозиции», из тех времен, когда она еще имела претензию числиться в «левых» уклонах,—чрезвычайно полезно сейчас напомнить.

Уже после этих фактов была исключена из ВКП(б) и из Коминтерна часть «рабочей оппозиции» («рабочая группа» во главе с Мясниковым), болтавшая об основании нового «четвертого (!) интернационала», а на деле околачивавшая передние у вождей все того же второго интернационала и амстердамцев. Другая часть «рабочей оппозиции», остававшаяся в партии, как неоднократно было установлено, поддерживала связь с мясниковцами. Из статьи в ЦО («Правая опасность в нашей партии»; «Правда», 10 июня с. г., № 156) читатели знают, до чего докатилась оставшаяся в партии часть «рабочей оппозиции».

Где же теперь ее «левизна»? В поклоне иностранным капиталистам, в призыве к концессионерам «притти и володеть» нами. В ликвидаторстве по отношению к социалистическому строительству в нашей стране. В разнузданном ликвидаторстве по отношению к Коминтерну (дальше предложения коммунистам входить в социал-демократические, «социалистические» партии, поистине, ехать уже некуда!).

Это есть не «левизна», это—наиправейшее ликвидаторство явно меньшевистского толка.

Внутри страны оно неизбежно ведет к политическим выводам о ликвидации диктатуры пролетариата, о подготовке сдачи власти буржуазии через введение политической демократии, свобод для меньшевиков, эсеров, а также для господ концессионеров и т. д. Внутри партии оно подготовляет ликвидацию этой партии через разложение ее на «свободно борющиеся «группки», «группы» и фракции (в числе коих не последнюю роль будут играть сторонники нашего об'единения... с меньшевиками!). Это есть неслыханное в рядах партии ликвидаторство, пробравшееся в нашу партию под маской «левого» уклона, под маской «рабочей» (!?) оппозиции!

Этому ликвидаторству партия обязана об'явить решительную и беспощадную борьбу.

В недавней дискуссии некоторые товарищи выступали, направляя свои в высшей степени резкие нападения по адресу «правого уклона» в нашей партии, всячески выискивая «правый уклон» (выискивая его даже и там, где его не было). Никто не может опровергнуть, что в виде медведевско-шляпниковской платформы перед нами действительно наиболее типичный и наиболее ярко-выраженный, несомненный правый уклон. Этот уклон к тому же не случаен, он имеет историческую давность, с ним решительно боролся Ленин; этот уклон дал «отпрыск» и во внепартийную среду (мясниковщина) и т. д.

Поэтому и всякие попытки, со стороны тех или иных сторонников «привлечения всех бывших групп к руководству», прикрыть вреднейший и очевидный, явный для всех оппортунизм платформы тов. Шляпникова—Медведева, попытки взять этот оппортунизм под свою идейную защиту, сблокироваться с ним внутри партии против партии (ибо на какой же еще блок годна псевдо-«рабочая» оппозиция?!),—все подобные попытки должны получить отпор партии.

Ленин не учил нас идейному укрывательству оппортунизма в партии. Ленин допускал оставление «инакомыслящих» уклонистов внутри партии,—но с целью их исправления под коллективным влиянием партии, с целью возвращения их на партийные идейные позиции, а не с целью прикрытия оппортунизма. Он никогда не рекомендовал идейного попустительства оппортунистическим ошибкам, тем более он не допускал мысли о солидаризации с оппортунизмом. Только тот, кто в высшей степени легко и легкомысленно обращается с ленинскими принципами, для кого принципиальная сторона дела в политике отодвинута на десятый план, только тот может «прощать» и замалчивать крупнейшие оппортунистические идейные ошибки во имя ближайших практических и организационных целей, блокироваться с оппортунистами на основе «взаимопрощения» ошибок. Это—не ленинские, не большевистские приемы внутрипартийной политики.

В 1921 г. Ленин знакомил нас с рассуждением Милюкова по поводу кронштадтских событий: «лишь бы передвижка власти от большевиков, все равно, немного вправо, или немного влево, а остальное приложится» (Ленин). Внутренняя жизнь нашей партии так тесно связана со всей политической жизнью страны, что в последнее время все белогвардейские группы, а в особенности меньшевики, усиленно и на разные лады разрабатывают этот милюковский мотив по отношению к нашим внутрипартийным делам, всячески похваливая нашу внутрипартийную оппозицию. Особых похвал, со стороны «Социалистического Вестника», как известно, всегда удостоивалась «рабочая оппозиция». Но хвалили меньшевики и троцкизм, и новую оппозицию.

Наши враги, несомненно, ставят свою ставку на внутреннее разложение нашей партии, связывая с этим надежды на развал советской власти. Это было доказано и показано сотни и тысячи раз. Этого мы не можем забывать.

Борьба за правильную ленинскую линию, как с правыми, так и с левыми уклонами внутри партии, была и остается нашей важнейшей задачей. В этой борьбе—залог охраны единства нашей партии и тем самым залог охраны диктатуры пролетариата.

Идейная борьба внутри партии только тогда достигает цели, если в партии соблюдается нерушимая дисциплина, если фракционная работа действительно прекращается после соответствующих решений партии, вынесенных в итоге той или иной дискуссии, того или иного обсуждения. Словом, если безоговорочно соблюдается дисциплина партии.

«Строжайшая, железная» внутрипартийная дисциплина, о которой так часто напоминал партии Ленин, является необходимейшим условием работы партии, тем цементом, который скрепляет партию не только в одно идейно монолитное целое, но и в одно организационное целое.

Только демагог может противопоставлять партийную дисциплину—партийной демократии.

Партийная дисциплина, как и строжайший централизм, вытекают из существа нашей партии, боровшейся за завоевание диктатуры пролетариата и теперь руководящей диктатурой пролетариата. Отрицать или расшатывать дисциплину в партии может только тот, кто пренебрегает интересами диктатуры, кто, таким образом, не понимает, что укрепление диктатуры пролетариата есть основная и главнейшая задача ленинской партии.

Партийная демократия точно так же вытекает из существа нашей партии, являющейся партией пролетарских масс. Партия, борющаяся за укрепление диктатуры пролетариата, партия, строящая социализм, может быть только массовой партией пролетариата. Отрицать, подрывать или саботировать проведение демократии в партии в наших условиях может только тот, кто не понимает массового характера партии пролетариата, кто забывает о величайшей исторической задаче партии—поднять рабочую массу (и крестьянскую трудящуюся массу) до осуществления ею, под руководством партии, задач социалистического строительства. Ибо вопрос о демократии в

партии есть часть общего вопроса о п р о л е т а р с к о й демократии в пролетарских организациях.

Не видеть органической связи между демократией и дисциплиной, взывать во имя демократии к ослаблению дисциплины может только тот, кто п о д м е н я е т п р о л е т а р с к о е понимание демократии—м е л к о-б у р ж у а з н ы м пониманием, кто вместо задачи поднятия активности и сознательности пролетарских м а с с выдвигает задачу «привлечения к руководству» обанкротившихся группок, групп и фракций, добиваясь превращения партии из монолитной, ленинской, пролетарской,— в пеструю, «многоликую», расхлябанную, «лоскутную» мелкобуржуазную партию. Разве не полезно припомнить, как много справедливого говорилось (и совсем недавно) по поводу вредоносности в партийной жизни принципа «живи и жить давай другим», об опасности превращения ВКП(б)—в «Labour Party» и пр. теми товарищами, которые на XIV с'езде партии, к сожалению, по фракционным соображениям переменили фронт, изменив своей прежней линии в этом вопросе и целиком оказавшись на позициях столь решительно ими атакованного троцкизма?

Всякое нарушение дисциплины, а тем более фракционное нарушение дисциплины с целью подорвать единство партии,— должно найти у партии решительный отпор. Единство партии— это такой завет Ленина, от которого наша партия отступить не может и не отступит, ибо отступить в этом вопросе для нас означало бы «отступить» в вопросе о диктатуре пролетариата, начать «потихоньку и полегоньку» двигаться по п у т и с п о л з а н и я с хребта пролетарской диктатуры в болото мелко-буржуазной стихии. А такого торжества ленинская партия никогда не доставит врагам пролетариата.

В. Астров.

Тов. Преображенский на путях „углубленного исследования".

Книга тов. Преображенского «Новая экономика» составляет «первую теоретическую часть первого тома», «предпринятой автором работы по теоретическому изучению советской системы хозяйства» (стр. 5). Автор неоднократно подчеркивает, что он ставил себе целью дать «теорию советского хозяйства» (стр. 10), что эта книга посвящена «не экономической политике государства, а теоретическому анализу основных закономерностей нашего хозяйства» (стр. 212) и т. д. За первой частью последует вторая часть I тома—«Обзор социалистических и коммунистических представлений о социализме», том II будет посвящен конкретному анализу советского хозяйства, а также культурной проблеме.

Что будет заключаться в невышедших томах, мы не знаем, но следует предположить (это видно из плана работы), что теория советского хозяйства так, как она рисуется т. Преображенскому, в 1-й части I тома им уже дана. Эта книга, таким образом, вполне может быть принята, как законченное изложение основ «теории советского хозяйства» в понимании ее автора.

I.

„Теория" т. Преображенского и проблема „двухклассового общества".

В книге бросается в глаза ее основной методологический пробел, дающий неправильную установку всему теоретическому анализу т. Преображенского и являющийся главным источником его ошибок. Автор берет социалистические элементы нашего хозяйства в противопоставлении их частному хозяйству вообще, заключает в одни скобки все «досоциалистические формы хозяйства», смешивая в одну кучу и капиталистические и не-капиталистические (мелко-товарные, натуральные) крестьянские хозяйства. Не то, чтобы автор совсем не видел разницы между ними: он ее видит и кое-где оговаривает. Но эта разница в его схеме не существенна, и на главных формулировках его «основного закона» она совершенно не отражается, из них она бесследно исчезает. «О с н о в н о й» закон развития социалистического сектора хозяйства, преодолевающего хозяйство частное, оказывается одним и тем же,—идет ли речь о взаимоотношениях социалистических элементов с мелкими крестьянскими хозяйствами, или с капиталистами, концессионерами и т. п.

Тов. Преображенский пошел на этот прием вполне сознательно, считая его правильным и закономерным. «Я перечисляю,— говорит он в ответе одному из своих оппонентов,—те пути и ме-

тоды, какими может осуществляться накопление в той его части, которая состоит в отчуждении прибавочного продукта частного хозяйства, при чем, кстати сказать, я говорю все время о всем частном хозяйстве, а не только о крестьянском хозяйстве» (стр. 258).

Автор книги повсюду говорит о росте социализма в период «первоначального социалистического накопления, за счет прибавочного продукта частного, в том числе крестьянского, в том числе и средне-крестьянского хозяйства» (стр. 212 и др.). Автор рассматривает все частное хозяйство, в том числе и крестьянское, «лишь как чужеродную среду» для социалистического хозяйства (стр. 117).

...«Первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных рессурсов, главным образом, либо одновременно (т.-е. одновременно с накоплением внутри социалистического хозяйства. *В. А.*) из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства» (стр. 58).

В «отчуждении рессурсов» из частного хозяйства, из «негосударственного круга», для автора состоит «основной закон нашего советского хозяйства», закон, которому «подчинены все основные процессы экономической жизни в круге государственного хозяйства», закон, играющий «центральную роль», который «определяет распределение средств производства в хозяйстве и распределение рабочих сил» и пр. и пр. (стр. 58).

Постановка вопроса у т. Преображенского слишком абстрактна, обща и недиалектична, а потому она и ведет к ошибкам. Конечно, все частные хозяйства отличаются тем, что они не социалистические. Конечно, можно найти известные общие принципы, с которыми социализм подходит ко всему частному хозяйству вообще. Но тот, кто на плоскости этих слишком общих принципов соблазняется построить очень простую и на взгляд стройную систему двух лагерей—на одной стороне социализм, на другой все прочее—и отыскать один «всеобщий» закон социалистического накопления за счет частного хозяйства для переходного периода [1], тот сам рискует впасть в излишнюю «простоту», а его схема останется грубым и политически вредным упрощенством.

Общая задача социалистического накопления (т.-е. задача расширенного воспроизводства социалистических отношений) по отношению к частному хозяйству во всех его видах состоит в том, чтобы преодолевать это частное хозяйство. Но, оставаясь в плоскости этого общего положения, «теоретик» советской экономики рискует остаться в сидячем положении на «плоскости». Ибо, как только встает вопрос о путях и методах преодоления частного хозяйства, оказывается, что социализм по разному преодолевает капиталистическое и мелко-крестьянское (и вообще мелкое) производство: 1) частью экспроприируя, частью вытесняя экономическими средствами капитализм (что не исключает частичного сотрудничества с капиталом в области экономики); 2) переделывая крестьянское хозяйство из индивидуального в общественное (что не исключает, а предполагает борьбу со стороны пролетариата за эту переделку).

[1]) Что т. Преображенский на деле относит свой «закон первоначального социалистического накопления» ко всему переходному периоду, это мы увидим из дальнейшего.

Теория переходного периода никак не может обойти факта различия в отношениях социалистической промышленности к частному капиталу и к крестьянству, а «основной закон» т. Преображенского это различие целиком игнорирует. Между тем, оно приобретает исключительно важное значение вследствие глубоких причин.

Диктатура пролетариата не только политически, но и экономически коренным образом подорвала буржуазию, посредством экспроприации крупных предприятий. Но капитализм и буржуазия сильны, после завоевания власти пролетариатом, уже не столько сами по себе. Главная их сила теперь состоит в том, что капитализм имеет корни в мелком производстве. После укрепления диктатуры пролетариата центральное звено борьбы за обеспечение окончательной победы над капитализмом, вся основная стратегическая линия строительства социализма переносится сюда—в область отношений между социалистической и мелко-крестьянской экономикой, между рабочим классом и крестьянством в политике.

Здесь, по линии взаимоотношений социализма и мелкого производства подводится основной баланс успехов или неуспехов социализма, здесь намечается и проводится главная линия экономической и иной политики пролетарского государства. А отношение диктатуры пролетариата и ее государственного хозяйства к частному капиталу, во всех его видах, в огромной степени становится производной, зависимой величиной, так сказать, «функцией», отношений между социализмом и мелким производством. Например, когда у диктатуры пролетариата недостаточно возможностей установить непосредственную смычку с крестьянством без посредника, без «промежуточного звена», тогда в экономической политике диктатуры пролетариата, на известный момент, приобретает особо важное значение вопрос о допущении капитала к торговле, промышленности и кооперации (госкапитализм в начале нэпа). Когда меняется соотношение сил, и государственная промышленность начинает сама устанавливать смычку с крестьянством, тогда госкапитализм в значительной степени теряет значение «звена», за которое надо было в свое время «ухватиться», и роль такого звена переходит к социалистической кооперации, как основному методу установления непосредственной (хотя бы и через торговую связь) смычки с крестьянством. Но как в тот, так и в другой период суть нэпа остается в смычке пролетариата с крестьянством, нашей промышленности с крестьянским хозяйством, а не с хозяйством капиталистов («гос»—или без «гос»).

«В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. «буржуазия» (Ленин, ст. «Как нам реорганизовать рабкрип?»). Как представляется нам, теория переходного периода должна быть в своей основе теорией двухклассового общества (рабочие и крестьяне). С этого конца она должна начинаться. «Социализм плюс мелкое производство» здесь должны быть исходной ступенью абстракции, после чего в сферу анализа должен быть введен,

в порядке конкретизации вопроса, капитализм. У тов. Преображенского анализ советской экономики идет по другому направлению, начинаясь совершенно с другого конца. Он даже не ставит отдельно, особо от капитализма, вопроса о мелком производстве и об отношениях между ним и социализмом.

А там, где этот вопрос т. Преображенским ставится, там автор либо заявляет, что ему по сему поводу ничего неизвестно (о «будущей» кооперации), либо он применяет к мелкому производству, на деле, ту же самую мерку, что и к капитализму (принцип «отчуждения»).

Между тем, вопрос о подходе к теории переходного периода со стороны анализа отношений «двухклассового» общества рабочих и крестьян диктуется нам не только опытом нашей революции. Мелкое крестьянство во всем мире составляет большинство населения. Так обстоит дело в современную нам эпоху краха империализма, в эпоху социалистических революций. Лишь в отдельных странах наиболее передового капитализма вопрос об отношении к мелкому производству, после победы пролетарской революции, может быть, будет модифицирован, видоизменен, как вопрос об отношении к мелкому капиталу (фермеры и т. п.). Но и там, несомненно, после экспроприации крупных капиталистов он будет основным вопросом для политики пролетариата по отношению к другим классам, потому что в порядок дня станет вопрос о преодолении мелкой собственности как базы для возрождения капитализма.

Мы не знаем, что тов. Преображенский напишет в следующей книге—«о социалистических и коммунистических представлениях о социализме». Но совершенно ясно, что он в своих представлениях о социализме не дорос до ленинского уровня. Он остается позади и тов. Бухарина, который, вслед за Лениным, в ряде своих теоретических произведений ставит вопрос об анализе двухклассового общества, как об основе основ теории переходного периода.

II.

„Теория“ т. Преображенского, как обоснование политики экспроприации крестьянства.

Крестьянство и буржуазия, по «закону» тов. Преображенского, «уравнены» перед диктатурой пролетариата, так сказать, в своих «экономических правах»: основная экономическая задача диктатуры пролетариата и в том и в другом случае—«отчуждать». Отчуждать—в каких пределах? «Конечно,—поясняет тов. Преображенский (это необыкновенно замечательное «конечно»! *В. А.*),—в пределах экономически возможного, целесообразного и технически досягаемого» (как будто бы можно брать и то, что экономически и технически «недосягаемо»!..) (стр. 109).

Автор этого «универсального закона», действительного, будто бы, для всех стран («вероятно (?), этот закон имеет универсальное значение»,—сказано на стр. 101), называет его законом «первоначального» социалистического накопления. Период этого первоначального накопления длится, по Преображенскому, до тех пор, пока социалистическое накопление за счет «чужеродной среды» не уступит первенствующую роль внутрисоциалистическому накоплению (не станем приводить уже известных читателю «Большевика» цитат из разбираемой книги).

Но перестает ли действовать закон «отчуждения досягаемого» из «чужеродной среды», т.-е. из крестьянского хозяйства, по Преображенскому, с переходом в полосу «чисто-социалистического» накопления, т.-е. скажем, после выполнения, в основном, задачи индустриализации страны? При ближайшем рассмотрении оказывается, что он нисколько не перестает действовать и определяет политику социалистического государства вплоть до осуществления полного социализма. По мере приближения к социализму, сужается лишь поле действия «закона», поскольку мелкое производство будет играть количественно меньшую роль по сравнению с обобществленным. Основная же линия взаимоотношений с крестьянством для нас в тот период остается та же, что и сейчас, т.-е. «отчуждение» прибавочного продукта крестьянского хозяйства, его «эксплоатация» [1]). Мало того: эта «эксплоатация» должна становиться тем интенсивнее, чем ближе мы будем подходить к построению социализма.

Ошибается тот, кто трактует Преображенского иначе. Стоит только продумать следующую цепочку цитат из его книги:

1. «Идут ли стихийные тенденции государственного хозяйства в его развитии за счет частного производства дальше того, что достижимо для экономической политики государства?—Разумеется, идут» (стр. 212).

2. «Пролетарское государство одновременно и руководит государственным хозяйством и руководит политикой внутренней и внешней, стремясь к сохранению данной системы, к ее укреплению, к победе в ней социалистических начал. Оно встречает при этом противодействие со стороны мирового капитализма извне, частного хозяйства—внутри. В результате линия его экономической политики, реальные результаты, достигаемые в хозяйственной области, пролегают не по линии оптимума закона первоначального накопления, а по линии некоторой равнодействующей, складывающейся в результате данного соотношения сил между социалистическими тенденциями и встречаемыми на их пути противодействующими влияниями» (стр. 27).

3. (На следующую цитату мы обращаем особое внимание читателя): «Чем страна, где начинает бороться за свое существование и развитие социалистический сектор хозяйства, является более крестьянской, менее пролетарской, тем реальная экономическая политика рабочего государства должна больше (курс. автора) отклоняться от теоретически мыслимой прямой (т.-е. от оптимума; как было сказано Преображенским во 2-й цитате. *В. А.*) закона социалистического накопления или, что одно и то же, закона

---

[1]) Тов. Преображенский, мягко выражаясь, втирает очки читателям, заявляя, что он отказался от термина «эксплоатация» в отношении крестьянства. Вычеркнув из прежнего текста статьи («О законе перв. соц. нак.») место, где говорилось об эксплоатации крестьянства, он всюду и везде говорит теперь об «эксплоатации остальных способов производства» (стр. 110), об «эксплоатации мелкого производства» (215),—словом, «тех же щей, но пожиже влей».

расширенного социалистического воспроизводства [1]). Чем более крестьянской является страна, тем более абстрактным должен быть метод исследования, потому что тем важней будет отделить в политике государства то, что диктуется (курс. автора) законом соцнакопления и что навязывается (курс. автора) крестьянским характером страны. Чем страна является более индустриальной, тем менее, при анализе ее социалистического воспроизводства, линия действия этого закона в чистом виде будет отклоняться от реальной экономической политики рабочего государства, тем меньше придется прибегать к абстракции» (стр. 273; последний курсив наш. *В. А.*).

Итак, что мы видим?

а) Социалистическое государство стихийно стремится «отчуждить» больше того, что возможно и «досягаемо»;

б) ему «противодействует» частное хозяйство; посему «оптимума» в деле отчуждения достичь не удается;

в) чем более отстала страна, тем больше противодействия со стороны крестьянства, которое «навязывает» государству «отклонение» от «прямой», от того, что «диктуется» законом;

г) чем более индустриально развита страна, тем меньше «реальная политика» отклоняется от мыслимой прямой закона, потому что тем менее сопротивление частного хозяйства,—иными словами, только здесь государство во-всю «развертывает» свои «стихийные», «эксплоататорские» (положительно, крестьянам нечего бояться этого слова, ведь речь идет об «эксплоатации» не их самих, а их... хозяйства!) наклонности и намерения.

Мы видим, таким образом, что эта теория «первоначального» социалистического накопления построена на явном внутреннем противоречии.

С одной стороны, ее автор утверждает, что «отчуждение ресурсов» из частного,—сиречь крестьянского,—хозяйства для нужд социалистического накопления будет иметь все меньшее и меньшее значение по мере индустриализации страны и нашего приближения к социализму. «Отчуждение» или «эксплоатация» рисуется нам, как-будто бы, фактом убывающего значения. Естественно поэтому ожидать и соответствующего вывода: чем ближе к социализму, тем «мягче» будет «отчужденческий» нажим на мелких крестьян, тем большее значение приобретут главные (по убеждению ленинцев, конечно) формы вовлечения крестьян в социализм, основанные на принципе добровольности и заинтересованности самих крестьян. Словом, период «после-первоначального» соцнакопления предстает перед тов. Преображенским, как период ослабления налогового пресса, снижения цен на промтовары и т. п. Так, по крайней мере, его может понять товарищ, желающий найти некоторое извинение его теории в том, что она «действительна»-де только для «начального» периода диктатуры пролетариата (или товарищ, делающий последние безнадежные попытки согласовать эту теорию с ленинизмом).

[1]) Нельзя не обратить внимания, что здесь т. Преображенский снова и снова приравнивает «закон первоначального социалистического накопления» «закону расширенного социалистического воспроизводства», т.-е. закону социалистического накопления вообще. И это после того, как он обвинял тов. Бухарина в «придирчивости», когда последний указывал Преображенскому на неясность его терминологии.

Но вот, оказывается, что все эти выводы совершенно чужды духу теории Преображенского. Оказывается, что читатель мог притти к ним только благодаря забавной (и хитроумной) тактической маскировке, к которой прибег автор разбираемой «теории».

Удельный вес внутрипромышленных накоплений в общей сумме накоплений страны, действительно, будет расти по мере индустриализации страны. Кто же этого не понимает? Но только в этом «трюизме» (по справедливому замечанию т. Бухарина), только в констатации этого самоочевидного факта и состоит та доля «обоснованности», которая в «теории» т. Преображенского заключена. Однако, признание этого факта еще не разрешает вопроса о том, как будет изменяться наше отношение к крестьянству в связи с успехами индустриализации страны? Будет ли в этом отношении элемент «отчуждения прибавочного продукта» играть все возрастающую или все убывающую роль?

И если т. Преображенский, вопреки Ленину, неоднократно говорившему о временном характере налога, о переходе к правильному продуктообмену с крестьянством и пр.,—считает неизбежными все возрастающую роль «отчуждения», все большее приближение «реальной политики» к «оптимуму» отчуждения и «эксплоатации», то это происходит потому, что т. Преображенский не понял,—или не принял,—ленинской теории кооперации. Его «основной закон» якобы-«первоначального» соцнакопления, по сути дела, является «основным законом» отношений между социализмом и мелким производством на весь период диктатуры пролетариата, законом, претендующим заменить собою ленинскую теорию кооперации.

Что такое «учение» Преображенского, если это «учение» не остановится на полуслове, если автор договорит его до конца?

Это есть теория экспроприации крестьянства, теория своеобразной «третьей революции», которую диктатура пролетариата должна проводить в деревне, как только это будет в пределах ее «экономической возможности», как только это будет «технически досягаемо»,—т.-е. как только в стране бесповоротно укрепятся командные экономические высоты социализма. Ибо «недосягаемость»—это единственная грань, которую автор «закона» ставит «стихийным тенденциям» к отчуждению со стороны государства. Другой грани, которая для марксиста и ленинца дана их принципиальным отношением к мелкому производству, которое должно быть методами экономической заинтересованности вовлечено в общественные формы хозяйства,—у тов. Преображенского нет.

Раз «основной закон» состоит лишь в том, чтобы «отчуждать» крестьянский прибавочный продукт, елико возможно и «досягаемо», то ясно, что при росте наших экономических и технических возможностей, раньше или позже, вопрос об отчуждении **прибавочного** продукта **перерастет, превратится** в вопрос об «отчуждении» мелкого производителя от его средств производства, об **экспроприации хозяйства** мелкого производителя.

Где будут мотивы, которые проводников закона т. Преображенского (надеемся, что диктатура в нашей стране никогда не

попадет в их руки) удержали бы от акта этой экспроприации, если единственное, что их удерживает сейчас от проведения в жизнь мыслимой прямой, это есть соображения экономической и технической (и политической, прибавим мы, хотя это весьма мало заботит «чистого» экономиста, т. Преображенского) *недосягаемости*?

В один прекрасный день покажется «досягаемым», и герои «первоначального социалистического накопления»—«рискнут»!

Спрашивается теперь, что есть *ленинского* в «законе первоначального социалистического накопления»? Ни более, ни менее, как ничего.

Ленинское отношение к крестьянству не допускает перспективы насильственной экспроприации мелкого крестьянства. Ленинский план перехода крестьянских хозяйств к социализму через кооперацию предполагает *добровольность* этого перехода на основах экономической *выгодности*, такого перехода для самих мелких производителей,—на основах их хозяйственной заинтересованности. Убеждение в *неизбежности* такого перехода базируется на научном познании действительного экономического *закона*, гласящего, что при современной технике город ведет за собой деревню, а, следовательно, социалистическая промышленность может повести—и неизбежно, при правильном руководстве ею, экономически, без экспроприации,—*поведет* за собой к социализму крестьян.

Характерно предложение т. Преображенского об изменении названия нашей экономической политики. Увлекшись «свеженькой», изобретенной им терминологией, которую он вдобавок скверно продумал, тов. Преображенский предлагает нам вывести из обихода наименования: «новая экономическая политика» и «эпоха нэпа» и заменить их: «политикой» и «периодом социалистического накопления» (стр. 108). И все это на том основании, что тов. Преображенский, по его словам, «рассчитывает на беспристрастную оценку со стороны нашей *учащейся* (такие надежды, во всяком случае, не новы. *В. А.*), а особенно рабочей (простите, но последнее уже прибавлено только для отвода глаз. *В. А.*) *молодежи*, а также на отзыв *всех тех, кому общие фразы о нэпе давно уже надоели своей бессодержательностью* и кто для ориентировки во все более усложняющейся обстановке *ищет выхода на путях более углубленного исследования* нашей обстановки» (стр. 274).

Итак «нэп»—это уже «бессодержательная фраза». Все, что говорил Ильич о нэпе,—будто бы суть нэпа в смычке пролетариата и его промышленности с крестьянством и с крестьянским хозяйством, что мы должны переходить к правильному социалистическому продуктообмену с крестьянством,—все это теперь уже не удовлетворяет «углубленного» исследователя. Вместо эпохи нэпа должно воссиять что-то в роде «ППС» («период первоначального соцнакопления»).

Это значит, что *суть* нашей экономической политики отныне, после прихода нового учителя социализма и коммунизма, для пролетариата состоит уже *не в союзе с крестьянством*, а в «отчуждении прибавочного продукта» «частного хозяйства вообще»,—в том числе и крестьянского продукта. Даже сохраняя самую высокую ступень теоретической деликатности, придется его

взгляды на нэп сформулировать так: «суть-то нэпа в союзе с крестьянством, но *суть-то союза* этого состоит в эксплоатации одним союзником «хозяйства» другого союзника и в пожирании этого «хозяйства» (термин «пожирание», как известно, принадлежит Преображенскому).

Неужели же все это и есть «углубление» нашей теории? Нет ли тут в слове «углубление» какой-нибудь «досадной опечатки»?

Что «первоначальное социалистическое накопление», в котором т. Преображенский видит суть нэпа, обозначало для крестьянства действительно эксплоатацию, ведущую к экспроприации, т. е. к разорению крестьянской массы, это видно, хотя бы, из откровения ярого сторонника теории т. Преображенского—тов. Оссовского, заявившего, как известно, что советская власть должна брать с крестьян *не меньше, чем брал царский режим, не меньше, чем русские помещики и капиталисты*. Если уж политика царизма не была политикой эксплоатации, пауперизации и экспроприации крестьянства, то что же тогда называть эксплоатацией, пауперизацией и экспроприацией?..

Этот замечательный «лозунг» «сверх-индустриализма» тов. Оссовский, в сущности, списал у т. Преображенского, который, например, говорит, что наша политика цен должна быть «*лишь* (!) формой *налогового обложения*» (стр. 87), и что с этой целью на цены продуктов промышленности мы должны *делать надбавки большие, чем это делает капитализм* (при чем речь идет о современном монополистическом капитализме, об *империализме*). Может ли такая политика *привлечь* к советской власти крестьян—пусть догадывается читатель:

«Неэквивалентность обмена, которой он (т. е. закон первоначального социалистического накопления. *В. А.*) требует и в сфере товарообмена, есть *не только воспроизведение той пропорции, в которой эта неэквивалентность существует в капиталистических странах, но и связана с известным плюсом сверх этого*» (стр. 249; курсив наш. *В. А.*) [1].

Говоря о монопольных ценах, как об орудии первоначального капиталистического накопления, т. Преображенский совершенно забывает, что они являются для капитализма не просто средством перекачки *прибавочного* продукта крестьян в капиталистические несгораемые шкафы, но именно орудием *экспроприации* (или же пауперизации) крестьянской *массы* [2].

---

[1]) В этом вопросе в особенности поражаешься экономистским (не экономическим, а именно *экономистским*) подходом к вопросу со стороны «углубленного исследователя» нашей эпохи. Презрение к *политике* здесь так ярко выражено, что сия теория «новой экономики» вполне заслуживает наименования новейшего *экономизма*.

[2]) Ратуя за использование «исторического наследства» монополистического капитализма в виде монопольных цен, тов. Преображенский хватается, опять-таки, фатальным образом, за паразитические черты империализма, вместо того, чтобы сосредоточить свое внимание на чертах, исторически прогрессивных по сравнению с ранним капитализмом. Система мобилизации общественного капитала в империалистических странах имеет в своем арсенале не только политику налогов и монопольных цен, но и такие орудия, как внутренние займы, кредитные учреждения, сберегательные кассы и пр. Внося в них сбережения, мелкий производитель не «отчуждает» их капиталистам, а *заин*-

Не случайно теоретические построения тов. Преображенского находят свое логическое увенчание, по сути дела, в перспективе экспроприации крестьянства. Происходит так потому, что осью этих построений является неправильно примененная аналогия «первоначального социалистического» накопления с первоначальным капиталистическим.

Неправильное применение этой аналогии дается уже тем, что т. Преображенский почти везде, во всяком случае в решающих пунктах своего анализа, неправильно трактует сущность процесса первоначального капиталистического накопления. Для него первоначальное капиталистическое накопление есть «накопление вне круга капиталистического производства», «систематический грабеж мелкого производства», «ограбление мелкого крестьянского производства» (стр. 59) и т. д. Все эти «определения» хороши для беллетристики, они очень «читабельны», они описывают процесс первоначального капиталистического накопления. Но они не являются теоретическими определениями, во всяком случае, они не соответствуют теории Маркса, а ходят лишь «вокруг да около» этой теории.

Тов. Преображенский удивительным образом пропустил мимо ушей ту цитату из Маркса, которую он же сам, в порядке «воспоминаний» о первоначальном капиталистическом накоплении, приводит (на стр. 89 своей книги):

«Следовательно,—пишет Маркс,—так называемое первоначальное накопление есть лишь (подчеркиваем мы. *В. А.*) исторический процесс отделения производителей от средств производства (курсив снова наш. *В. А.*). Он представляется «первоначальным», так как образует под'историю капитала и соответствующего ему способа производства» («Капитал», т. I, стр. 731).

Приведя эту цитату, тов. Преображенский здесь же перефразирует ее, говоря, что «отделение производителя от средств производства» есть «основная задача (не «задача»,—а основное содержание и сущность процесса. *В. А.*) первоначального накопления». Но дальше этой неудачной перефразировки дело у тов. Преображенского не идет. Ниоткуда не видно, чтобы он, рассуждая об аналогии между первыми шагами капитализма и социализма, учел такое «небольшое» обстоятельство, как сущность процесса первоначального капиталистического накопления.

Если бы он несколько задумался над этим, он волей-неволей подошел бы к тому важнейшему пункту теории переходного периода, мимо которого он с такой легкой душой прошел: к вопросу об отношении социализма к мелкому производству. Он должен был бы дать и прямой ответ, не заставляя читателей и критиков тратить время на распутывание далеко не диалектических противоречий его «теории»: «отделяет ли социализм крестьянина от средств производства», т.-е. пролетаризует ли его, экспроприирует ли,—или же социализм совершенно иными способами развивается «за счет круга» (по излюбленному выражению «новейшего экономиста») досоциалистических хозяйств в их крестьянской части?

Да, или нет? Стоило бы прямо ответить на этот вопрос—как сразу же тов. Преображенский перестал бы плутать в противоречиях своей теории. В одном случае он открыто пересмотрел бы теорию Ленина о кооперации. В другом случае он отказался бы от аналогии между первоначальным социалистическим и капиталистическим накоплением,—во всяком случае не основывал бы на этой аналогии своего «основного закона» советской экономики.

В соответствии с этим, автор был бы принужден, исследуя вопрос об использовании частных накоплений социалистическим сектором, провести грань между капиталистическим и крестьянским хозяйством. В первом случае «отчуждение» рассчитано на вытеснение, а в известные периоды (начало революции) на экспроприацию «частника». В отношении же крестьянина «отчуждение» может вестись только так и в таких размерах, чтобы исключать перерастание «перекачки» в экспроприацию и пауперизацию, не только не задерживать, но в конечном счете еще более **способствовать** (через развитие промышленности и пр.) росту середняцких хозяйств и их кооперированию. Все это осталось за семью печатями для «теории» тов. Преображенского.

тересовывается в оборотах капиталистов. Подобно этому и наши сберегательные кассы, банки, «крестьянский заем» и т. п. не укладываются в разряд средств «отчуждения». Между тем, они имеют, несомненно, огромное будущее в деле мобилизации крестьянских накоплений для социалистического строительства.

III.

Как «преображен» ленинизм в вопросе об укладах нашей экономики?

Схема «двух лагерей» (социализм и «частное хозяйство») не только ничего не уясняет в вопросе о путях дальнейшего развития социализма, не только не выполняет роли инструмента теоретического предвидения, но еще и безысходно запутывает автора, как только он пытается эту схему приложить к конкретным явлениям нынешней советской экономики.

Заключив в одни скобки капиталистическое и мелко-крестьянское хозяйство, т. Преображенский, понятно, ничего путного (и почти вообще ничего) не мог сказать о роли кооперации в процессе переделки крестьянского хозяйства. Его запоздалые оправдания перед тов. Бухариным по этому вопросу (в «Ответе», стр. 220 и др.) носят «вымученный» характер и пришиты к общей его теории, как это ясно каждому, белыми нитками.

Совершенно вне поля зрения тов. Преображенского остался вопрос о формах крестьянского накопления (кулацкое и середняцкое накопление, кооперативное накопление и т. д.). Проблема роста массы середняцких хозяйств, являющихся базой для кооперации, рассматривается автором исключительно с узкой точки зрения: «брать больше (по сравнению с капитализмом. *В. А.*) с еще большего дохода». Внутренние экономические процессы деревни не интересуют т. Преображенского, выпадают из его поля зрения. В отдельности о бедняцком, середняцком и кулацком хозяйствах наш автор ничего не говорит.

Словом, теория т. Преображенского, благодаря ее неправильной установке, игнорирует целый ряд явлений, призванных играть важнейшую роль как в современной переходной экономике, так

и в будущей. Вместе с тем, вот как «теоретически» трактует вопрос об обмене в СССР:

«Обратимся, — говорит он, — к внутренней торговле. Здесь мы должны различать: 1) обмен внутри круга самого государственного хозяйства; 2) обмен внутри частного хозяйства; 3) обмен веществ между кругом государственного хозяйства и частным хозяйством» (стр. 74).

И все. Если хочешь остаться верным и добросовестным приверженцем закона «первоначального» социалистического накопления, то ты ничего более не обязан «различать» во внутренней торговле.

Спрашивается, куда годна такая «теория» обмена в СССР? Разве мы не должны «различать»: 1) обмен между госпромышленностью и частным капиталом, 2) обмен между госпромышленностью и мелким крестьянским хозяйством, 3) обмен между крестьянским хозяйством и частным капиталом? Мы не говорим уже о капитализме государственном, роль которого у нас равнозначна роли частного капитала и обмен с которым следует, поэтому, «различать» от обмена с частным капиталом. Или все это нам не важно? Или это такая презренная практика, что она недостойна тончайшего «теоретико-экономического» ланцета тов. Преображенского?.. Но ведь от того, с кем будет торговать крестьянство, кажется, зависит: будет ли у нас расти капитализм или социализм!?

Нет, у тов. Преображенского не теория, а сплошной конфуз: как для нашего «будущего», так и для настоящего, ее познавательная ценность даже не ноль, а минус единица; потому что такая теория вовсе не бесплодна: она неизбежно должна повести и к практическим ошибкам.

Куда заводит тов. Преображенского его плоское представление о нынешней нашей экономике, как о «двух лагерях», видно из следующего. Совершенно позабыв о ленинском требовании «перечисления всех, обязательно всех» пяти укладов нашей экономики [1) социализм, 2) госкапитализм, 3) частный капитализм, 4) мелкое товарное и 5) натуральное хозяйство], вымазав одним сплошным желтым цветом («частное хозяйство») четыре из этих, указанных Лениным, пяти укладов, Преображенский этим не довольствуется. Он начинает искать даже одну хозяйственную форму, которая у нас, будто бы «господствует».

«Но анализ системы хозяйства, — пишет т. Преображенский, — где действуют два основных закона (т.-е. в данном случае, законы ценности и «соцнакопления». *В. А.*) крайне затрудняется в том случае, когда исторически прогрессивной формой (речь идет у автора об экономических формах. *В. А.*) является не та, которая уже господствует в экономике, а та, которая лишь превращается в господствующую. А так именно обстоит дело в нашей советской системе хозяйства. Затруднение, как это будет более подробно развито впоследствии, возникает здесь при анализе роли третьей экономической силы. В данном случае, дело идет о мелком производстве» (стр. 51 курсив наш. *В. А.*).

Итак, какая же «форма» «господствует» в «нашей советской экономике», по буквальному смыслу этих слов? Это, во-первых, не та, которая «исторически прогрессивна», т.-е. не

социализм. Во-вторых, это не та «третья экономическая сила», с которой, как совершенно справедливо сознается автор, у него возникли «затруднения» (а при проведении его теорий в жизнь возникли бы и недоразумения). Стало быть, это — капитализм? Так оно и явствует из всего смысла сказанного т. Преображенским.

Самая возможность подобной оговорки, противоречащей, казалось бы, ряду других положений автора, создается тем, что т. Преображенский на деле включает мелкое производство в рубрику капитализма, не делая различия между ними в вопросе об отчуждении продукта. Но нельзя не видеть в этой характерной «оговорке» стихийный продукт такой теории, которая пренебрегла вопросом о не-капиталистическом развитии деревни при диктатуре пролетариата, по поводу кооперации заявила, что здесь, в сущности, еще ничего определенного неизвестно, а весь анализ советской экономики ведет на основе размежевания двух лагерей: социализм и капитализм, испытывая хронические «затруднения» с мелким производством и включая его, фактически, в лагерь капитализма.

Настроившись на мрачный камертон по поводу печального факта «господства» капитализма в «новой экономике», т. Преображенский, в силу логики своей позиции, подвергает сомнению и подлинно-социалистический тип наших государственных предприятий. И с социалистическим элементом в нашей экономике у т. Преображенского «возникают затруднения». На стр. 102 у него фигурируют два «периода»: «период предварительного социалистического накопления» и «период подлинно-социалистической промышленности» (?). Получается вывод о «неподлинности» социалистического характера госпромышленности в настоящий период.

«Социалистическое накопление в подлинном (курсив наш. *В. А.*) смысле этого слова», по т. Преображенскому, у нас в госпредприятиях еще не происходит. Здесь накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинно-социалистического хозяйства» (стр. 55, 58). Остается тов. Преображенскому произвести еще одно переименование, отказавшись еще раз от ленинских «общих фраз»: назвать наши госпредприятия предприятиями «предварительно-социалистического типа»!

Это было бы достойным увенчанием «преображенного» тов. Преображенским ленинизма, являющегося ревизией ленинских взглядов на советскую экономику.

* * *

Мы поставим перед читателем такой вопрос: не является ли теория тов. Преображенского оборотной стороной неверия в социалистические пути нашего развития, оборотной стороной сухановщины?

Приглядевшись ко всей этой «теории» в целом, каждый увидит, что дело именно так и обстоит. Разница, по сравнению с сухановцами чистого типа лишь та, что те совсем не рекомендовали нам совершать Октябрьскую революцию в отсталой стране, а «сухановец-наизнанку» тов. Преображенский из факта отсталости нашей страны делает заключение о невозможности вовле-

чения крестьян в социализм иначе, как посредством усиленной «эксплоатации» (сводящейся, в конечном счете, к политике экспроприации) массы крестьянства, не веря ни на грош в возможность для нас привести крестьян к социализму, исходя из их собственных экономических интересов. Иными словами, первые, будучи более последовательны, предлагали диктатуре пролетариата не рождаться на свет, а тов. Преображенский подсказывает ей политику, сводящуюся в конце концов к самоубийству,—ибо разрыв с крестьянством, которым чревата политика «сверх-индустриализма», ничего иного для диктатуры пролетариата, кроме самоубийства, означать не может. Если автор закрывает на это глаза, то это не делает чести его «чисто-экономическому» анализу. Это говорит лишь о том, что игнорирование политических моментов, которое наш экономист ставит себе в заслугу, служит ему плохую службу.

У большевистской же партии нет никаких оснований сбиваться с ленинского шага, на чей-либо чужой шаг. Ни в сторону одной, ни в сторону другой разновидности «сухановщины» партия не сделает ни одного шага.

В. Карпинский.

Новое течение в нашей политике*).

(К вопросу о расширении круга избирателей).

Со времени новой экономической политики и в связи с ней возник целый ряд вопросов, относящихся к основам советской государственности и нашедших определенное разрешение в нашем законодательстве, но до сих пор не привлекших к себе достаточного внимания партии. Эти вопросы ближайшим образом касаются советской избирательной системы, но по существу их политическое и теоретическое значение гораздо шире и глубже.

Сначала мы изложим фактическую сторону дела, извиняясь перед читателем за сухие, но совершенно необходимые для дальнейшего подробности. Затем дадим мотивировку нового курса в советском избирательном праве со слов сторонников этого курса. И, наконец, сделаем критический анализ приводимых в защиту его теоретических и практических доводов.

I.

Первый вопрос—о наемном труде в сельском хозяйстве и, в связи с этим, об избирательных правах крестьянина. Как известно, первоначальный «основной закон о социализации земли», принятый ВЦИК 27 января 1918 года, предоставлял право на пользование землей «лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом», разрешал брать землю в пользование лишь в размере «потребительно-трудовой нормы данного пояса» (см. статьи 3, 13, 25). «Тайное применение наемного труда» в частных земледельческих хозяйствах закон карал отобранием земли (см. статью 53, «г»). Закон запрещал также куплю, аренду, дарение, наследование и вообще какие бы то ни было частные сделки на землю (см. статью 39, примечание 3).

Этот закон, разработанный эсэрами, исходил из наивного представления о социализации сельского хозяйства в виде уравнительной дележки земли и об установлении социалистических отношений в среде мелких производителей путем «запрещения» наемного труда. Но партия приняла этот декрет, с одной стороны, как несомненное отражение тогдашней воли крестьянских масс, стремившихся таким путем радикально покончить с помещичьим землевладением и выражавших в такой форме свои чаяния лучшей жизни, а с другой стороны—как меру, в определенной степени соответствовавшую целям партии. Принятием этого декрета партия получала возможность: 1) провести национализацию земли, представляющую при власти пролетариата безусловный шаг к социализму; 2) лишить политических прав все эксплоататорские слои, что послужило партии могучим орудием в острой борьбе с буржуазией, городской и деревенской.

*) Статья тов. Карпинского печатается в порядке обсуждения.

Конституция 1918 года предоставляла избирательные права лишь лицам, занимающимся производительным и общественно-полезным трудом, при чем в перечне этих лиц о крестьянах сказано так: «крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли» (статья 64). Конституция категорически лишала избирательных прав лиц, «прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли» (ст. 65, п. «а»).

Конечно, жизнь скоро обнаружила полную несостоятельность мелко-буржуазных представлений о социализме и потребовала отступлений от закона о «социализации земли». Партия на эти отступления пошла, ибо, если они чему противоречили, то лишь эсэровской фантастике, а никак не марксистскому представлению о путях мелкого крестьянства к социализму. 30 октября 1922 года ВЦИК принял земельный кодекс, взамен закона о «социализации земли». Новый декрет допустил для временно ослабленных по разным причинам крестьянских хозяйств «временную переуступку прав на землю трудового пользования» (т. е. аренду) на срок не свыше одного севооборота и разрешил применение «вспомогательного наемного труда» для хозяйств, не могущих «выполнить своевременно необходимые сельско-хозяйственные работы» (статьи 28, 29, 39). Правда, кодекс оговаривает, что «аренда допускается только трудовая: никто не может получить по договору аренды в свое пользование земли больше того количества, какое он в состоянии дополнительно к своему наделу обработать силами своего хозяйства» (ст. 31). И наемный труд разрешается «лишь при непременном сохранении применяющим его хозяйством своего трудового строя, т. е. при условии, если все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими принимают участие в работе хозяйства» (ст. 40). Изживание эсэровщины в декретах, регулирующих экономические отношения в деревне, происходит, как мы видим, с постепенностью. Но тем не менее наемный труд и аренда в сельском хозяйстве в известных пределах уже признается законом. Земельный кодекс содержит даже особую статью (41), требующую соблюдения, при найме рабочей силы крестьянином, законов об охране и нормировке труда.

Вслед за изданием земельного кодекса появляется, 24 октября 1923 года, циркуляр ВЦИК, раз'ясняющий в добавление к его инструкции о перевыборах 1922 года, что «лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в порядке статей 39, 40, 41 земельного кодекса РСФСР, избирательных прав не лишаются». В 1924 году подобный пункт вводится уже в избирательную инструкцию ВЦИК, а также в инструкции других ЦИК. 16 января следующего года такой же пункт, в общей формулировке, включается в инструкцию о выборах, изданную ЦИК СССР (примечание 1 к п. 20). Наконец, та же мысль проводилась в проекте измененной конституции РСФСР, опубликованном перед XII с'ездом советов 3 мая 1925 года. В этом проекте читаем: «69. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли вне порядка, установленного земельным законодательством СССР и земельным кодексом РСФСР...» Иначе сказать: по мысли составителей проекта, лица, извлекающие прибыль от применения наемного труда в *порядке земельного законодательства*, не лишались бы избирательных прав уже на точном основании самой конституции. Эта формулировка, по инициативе ЦК ВКП(б), была снята из проекта, и этот пункт был оставлен без изменения в старой редакции. Но дело на этом не кончилось.

В 1925 году партия признала необходимым, в целях скорейшего развития производительных сил деревни, пойти еще дальше в отмене ограничений для найма труда и для аренды в сельском хозяйстве. 18 апреля СНК СССР издал «временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах», а 24 июля СНК РСФСР выпустил инструкцию к этим правилам. Правила и инструкции подразделяют крестьянские хозяйства на два разряда: 1) «хозяйства как на землях трудового пользования, так и арендованных, ведение хозяйства в которых основано на личном труде домохозяина и членов его семьи, а применение наемного труда носит лишь подсобный характер»; 2) «хозяйства промышленного типа». Временные правила распространяются только на хозяйства первого разряда; для хозяйств же промышленного типа, категорию которых определяют местные органы власти, сохраняют силу постановления об условиях труда в совхозах. Из рассмотрения правил легко убедиться, что ими *допускается широкое применение в крестьянских хозяйствах наемного труда рабочих как временных, так сезонных и годовых, причем число рабочих точно не определяется, а ставится лишь в зависимость от личного участия в работах домохозяина и его семьи*. Кроме того, в правилах условия найма для нанимателя значительно облегчаются по сравнению с кодексом труда. Одновременно, в порядке циркуляра НКЗ РСФСР (от 21 мая) и НКЗ-ов других республик, была допущена беспрепятственная сдача земли в аренду крестьянами во всех случаях, кроме полного прекращения самостоятельного хозяйства и прекращения личного участия семьи в работах. Срок аренды был удлинен до 12 лет. Размеры арендуемой площади могут быть рассчитаны не только на семью с'емщика, но и на наемную силу со стороны, лишь бы при этом соблюдались «временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах». Этим возможность широкого применения наемного труда в крестьянских хозяйствах была еще более усилена.

Вслед за этими постановлениями в новую избирательную инструкцию ВЦИК (от 13 октября 1925 года) вносится прямая ссылка на только что упомянутые правила. В п. 18 этой инструкции говорится, что не лишаются избирательных прав «лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в том случае, если применение наемного труда происходит в соответствии с правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах». Такие же пункты появляются осенью 1925 года в избирательных инструкциях ЦИК УССР, БССР и других республик.

Мы видим, таким образом, что почти *все крестьянство получило законное право применения наемного труда в своих хозяйствах без всякого ущерба для своих избирательных прав*. Исключение составляет лишь совершенно ничтожное у нас число владельцев крупных хозяйств,

Конституция 1918 года предоставляла избирательные права лишь лицам, занимающимся производительным и общественно-полезным трудом, при чем в перечне этих лиц о крестьянах сказано так: «крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли» (статья 64). Конституция категорически лишала избирательных прав лиц, «прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли» (ст. 65, п. «а»).

Конечно, жизнь скоро обнаружила полную несостоятельность мелко-буржуазных представлений о социализме и потребовала отступлений от закона о «социализации земли». Партия на эти отступления пошла, ибо, если они чему противоречили, то лишь эсэровской фантастике, а никак не марксистскому представлению о путях мелкого крестьянства к социализму. 30 октября 1922 года ВЦИК принял земельный кодекс, взамен закона о «социализации земли». Новый декрет допустил для временно ослабленных по разным причинам крестьянских хозяйств «временную переуступку прав на землю трудового пользования» (т. е. аренду) на срок не свыше одного севооборота и разрешил применение «вспомогательного наемного труда» для хозяйств, не могущих «выполнить своевременно необходимые сельско-хозяйственные работы» (статьи 28, 29, 39). Правда, кодекс оговаривает, что «аренда допускается только трудовая: никто не может получить по договору аренды в свое пользование земли больше того количества, какое он в состоянии дополнительно к своему наделу обработать силами своего хозяйства» (ст. 31). И наемный труд разрешается «лишь при непременном сохранении применяющим его хозяйством своего трудового строя, т. е. при условии, если все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими принимают участие в работе хозяйства» (ст. 40). Изживание эсэровщины в декретах, регулирующих экономические отношения в деревне, происходит, как мы видим, с постепенностью. Но тем не менее наемный труд и аренда в сельском хозяйстве в известных пределах уже признается законом. Земельный кодекс содержит даже особую статью (41), требующую соблюдения, при найме рабочей силы крестьянином, законов об охране и нормировке труда.

Вслед за изданием земельного кодекса появляется, 24 октября 1923 года, циркуляр ВЦИК, раз'ясняющий в добавление к его инструкции о перевыборах 1922 года, что «лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в порядке статей 39, 40, 41 земельного кодекса РСФСР, избирательных прав не лишаются». В 1924 году подобный пункт вводится уже в избирательную инструкцию ВЦИК, а также в инструкции других ЦИК. 16 января следующего года такой же пункт, в общей формулировке, включается в инструкцию о выборах, изданную ЦИК СССР (примечание 1 к п. 20). Наконец, та же мысль проводилась в проекте измененной конституции РСФСР, опубликованном перед XII с'ездом советов 3 мая 1925 года. В этом проекте читаем: «69. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли вне порядка, установленного земельным законодательством СССР и земельным кодексом РСФСР...» Иначе сказать: по мысли составителей проекта, лица, извлекающие прибыль от применения наемного труда в *порядке земельного* *законодательства*, не лишались бы избирательных прав уже на точном основании самой конституции. Эта формулировка, по инициативе ЦК ВКП(б), была снята из проекта, и этот пункт был оставлен без изменения в старой редакции. Но дело на этом не кончилось.

В 1925 году партия признала необходимым, в целях скорейшего развития производительных сил деревни, пойти еще дальше в отмене ограничений для найма труда и для аренды в сельском хозяйстве. 18 апреля СНК СССР издал «временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах», а 24 июля СНК РСФСР выпустил инструкцию к этим правилам. Правила и инструкции подразделяют крестьянские хозяйства на два разряда: 1) «хозяйства как на землях трудового пользования, так и арендованных, ведение хозяйства в которых основано на личном труде домохозяина и членов его семьи, а применение наемного труда носит лишь подсобный характер»; 2) «хозяйства промышленного типа». Временные правила распространяются только на хозяйства первого разряда; для хозяйств же промышленного типа, категорию которых определяют местные органы власти, сохраняют силу постановления об условиях труда в совхозах. Из рассмотрения правил легко убедиться, что ими *допускается широкое применение в крестьянских хозяйствах наемного труда рабочих как временных, так сезонных и годовых, причем число рабочих точно не определяется, а ставится лишь в зависимость от личного участия в работах домохозяина и его семьи*. Кроме того, в правилах условия найма для нанимателя значительно облегчаются по сравнению с кодексом труда. Одновременно, в порядке циркуляра НКЗ РСФСР (от 21 мая) и НКЗ-ов других республик, была допущена беспрепятственная сдача земли в аренду крестьянами во всех случаях, кроме полного прекращения самостоятельного хозяйства и прекращения личного участия семьи в работах. Срок аренды был удлинен до 12 лет. Размеры арендуемой площади могут быть рассчитаны не только на семью с'емщика, но и на наемную силу со стороны, лишь бы при этом соблюдались «временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах». Этим возможность широкого применения наемного труда в крестьянских хозяйствах была еще более усилена.

Вслед за этими постановлениями в новую избирательную инструкцию ВЦИК (от 13 октября 1925 года) вносится прямая ссылка на только что упомянутые правила. В п. 18 этой инструкции говорится, что не лишаются избирательных прав «лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в том случае, если применение наемного труда происходит в соответствии с правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах». Такие же пункты появляются осенью 1925 года в избирательных инструкциях ЦИК УССР, БССР и других республик.

Мы видим, таким образом, что почти *все крестьянство получило законное право применения наемного труда в своих хозяйствах без всякого ущерба для своих избирательных прав*. Исключение составляет лишь совершенно ничтожное у нас число владельцев крупных хозяйств,

приравниваемых к совхозам. При этом есть несомненная хронологическая и, очевидно, иная связь между появлением ряда декретов, экономического характера и изменением в порядке избирательных инструкций политических прав крестьянина.

Такая же связь существует и по другой линии—между выходом ряда декретов, касающихся льгот по промысловому обложению для кустарей и ремесленников, и изменениями в тех же инструкциях, касающихся избирательных прав кустарей и ремесленников.

В сентябре 1924 года вышел декрет ЦИК и СНК СССР о некоторых льготах по промысловому налогу ремесленным и промышленным предприятиям, имеющим учеников, при чем речь шла о предприятиях без механического двигателя и специального оборудования с числом учеников не более 2, приравниваемых к 1 взрослому рабочему. Второй декрет ЦИК СССР (апрель 1925 года) освобождает от налога деревенских кустарей и ремесленников, не применяющих наемного труда, а кустарям-ремесленникам, нанимающим не более одного рабочего, дает льготу по обложению, и то и другое уже независимо от наличия механического двигателя и специального оборудования. Третий декрет ЦИК СССР (май 1925 года) освобождает от местных налогов за помещение, за транспорт и от розового сбора за торговлю собственными изделиями кустарей и ремесленников, нанимающих не более 1 рабочего или имеющих не более 2 учеников.

Параллельно с выходом этих декретов появляется сначала раз'яснение НКЮ (март 1925 года) о том, что кустари и ремесленники, имеющие не более 2 учеников, приравниваются к категориям лиц, не эксплоатирующих чужого труда. Затем в циркуляре президиума ЦИК СССР (апрель 1925 года) раз'ясняется, что наличие у кустарей таких «подсобных (?) предприятий»[1]), как мельница, просорушка, маслобойка и т. п., не может само по себе служить основанием для лишения их избирательных прав. Наконец, в избирательной инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 года мы читаем (статья 18, п. «б»): «Не лишаются избирательных прав... владельцы и арендаторы мельниц, просорушек, маслобоек, кузниц и т. п. предприятий и вообще все кустари и ремесленники, имеющие не более 1 постоянного взрослого рабочего или 2 учеников, если они лично участвуют в работах». Аналогичные статьи появляются осенью того же года и в избирательных инструкциях ЦИК других советских республик.

Таким образом, *преобладающее большинство мелко-промышленной буржуазии точно так же получило законное право применения в своих предприятиях наемного труда без всякого ущерба для своих избирательных прав*. Исключение составляют лишь более крупные предприниматели, нанимающие многих *постоянных* рабочих.

---

[1]) Характерен это термин «подсобные предприятия»,—характерен для стремления затушевать определенно-эксплоататорские черты того слоя, на который вновь распространяются избирательные права. Крестьянам разрешается применять «подсобный» наемный труд, кустарям—иметь «подсобные» предприятия. Речь идет, дескать, о трудовых элементах... Впоследствии товарищи пытались пояснять, что тут имеются в виду подсобные к сельскому хозяйству предприятия!

В результате такого курса на расширение круга избирателей в избирательных инструкциях ЦИК-ов оказался ряд отклонений от конституций Советских республик, существенно изменяющих наше избирательное право в отношении наиболее многочисленных у нас слоев населения. Конституции определенно указывают, что лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, не могут пользоваться избирательными правами. Эта статья конституций определенно *лишает* избирательных прав те слои самостоятельных мелких производителей (крестьян и кустарей-ремесленников), которые, работая сами, в то же время эксплоатируют наемную рабочую силу. В инструкциях же не менее определенно указывается как раз обратное: *не лишаются* избирательных прав крестьяне, пользующиеся наемным трудом при соблюдении временных правил о найме подсобной рабочей силы в крестьянских хозяйствах, и кустари, ремесленники, мелкие промышленники, имеющие не более 1 постоянного взрослого рабочего или 2 учеников при личном участии в работах. Эти пункты инструкций, наоборот, предоставляют избирательные права мелким предпринимателям, лично работающим, хотя бы они и эксплоатировали наемную рабочую силу. При этом число наемных рабочих, в сущности, не ограничивается никакими определенными пределами. Для крестьян требуется лишь, чтобы применение наемного труда носило «подсобный характер». Несомненно, такому неопределенному требованию будет удовлетворять даже хозяйство, нанимающее нескольких или многих постоянных батраков. Под это требование подойдет также хозяйство, нанимающее каждогодно хотя бы десятки сроковых рабочих («подсобный» сезонный труд). Для кустарей, ремесленников и мелких промышленников ограничение формулировано так, что оставляется возможность, без ущерба для избирательных прав, нанимать многих рабочих, лишь бы они не были постоянными. Единственное сколько-нибудь реальное ограничение сводится, таким образом, к условию личного участия в работах.

Иначе говоря, в порядке избирательных инструкций, в прямое нарушение конституций, *оказалось измененным в корне одно из основных положений советской государственности, касающееся политических прав населения*. По конституции политические права давались двумя условиями: 1) участием в производительном и общественно-полезном труде; 2) неучастием в эксплоатации чужой рабочей силы. Согласно инструкций политические права даются лишь одним условием: *участием в производительном и общественно-полезном труде*.

Что означает фактически это принципиальное изменение? В современном крестьянском хозяйстве лица, нанимающие рабочих и лично не участвующие в работах, представляют редкое исключение. В кустарно-ремесленном и мелко-промышленном производстве такие лица встречаются также редко. Так что фактически применение инструкций должно означать расширение круга избирателей вплоть до охвата почти целиком всего слоя мелких производителей. Из круга избирателей исключается лишь совершенно незначительный у нас слой более крупной буржуазии, продвинувшей накопление настолько далеко, что хозяин может устраниться от личного участия в работах.

Кроме расширения круга избирателей за счет мелких производителей, происходит такое же расширение за счет некоторых других элементов населения. Избирательные права предоставляются торговцам 1 разряда (торгующим вразнос), хотя конституции прямо лишают прав всех частных торговцев (статья 69, п. «г» в новой редакции конституции РСФСР); части духовенства, для которой религиозные отправления не являются профессией[1]; лицам, получающим проценты по вкладам в сберегательные кассы и по облигациям наших займов; лицам, пользующимся наемным трудом для «домашнего обслуживания» (УССР); лицам так называемых «свободных профессий» (УССР); бывшим эксплоататорским элементам на основании простого удостоверения администрации советского учреждения, что в данное время это лицо живет на средства, добываемые личным трудом и т. д.

Несомненно, в основе описанных расширительных тенденций лежит некритическое отношение некоторых товарищей к оказываемому на них мелко-буржуазной средой давлению. Масса мелких производителей, которую революция уравняла под одну гребенку, теперь снова подвергается классовому расслоению, часть ее все более переходит к применению наемного труда в своем хозяйстве и проявляет вполне понятное беспокойство за свои избирательные права. Под ее давлением низовые советские органы ставят тот или иной вопрос в центрах. Здесь этот вопрос проходит через аппарат, заполненный так называемой советской интеллигенцией и возглавляемый несколькими, загруженными до отказу коммунистами. Эта интеллигенция, в лице «спецов», насквозь пропитанных мелко-буржуазной идеологией, в очень многих случаях является как бы выразителем и систематизатором идущих с низов запросов, она составляет на них проекты раз'яснений в форме циркуляров, инструкций НКЮ, ЦИК, иногда даже в форме проекта изменений конституции. Этот материал, которым руководителю-коммунисту зачастую некогда, как следует, заняться, постепенно накопляется, мелкие практические пункты вырастают в крупные вопросы принципиального значения, находящие своих истолкователей и теоретиков. В конце концов партия оказывается поставленной перед фактом начала крупнейших изменений в основах советской государственности и фактом возникновения теоретического уклона в сторону буржуазной демократии среди некоторых товарищей.

На такие факты партия не может не обратить самого серьезного внимания. Под многими пунктами «расширительных» инструкций и циркуляров партия не может дать своей подписи. ЦК ВКП, как упомянуто выше, отверг попытку включить в конституцию огульное расширение круга избирателей. Это было определенной партийной директивой, которой, однако, советские органы не вняли. Теперь ЦК назначил особую комиссию для того, чтобы обстоятельнее разобрать дело. В ее задачи входит изучение итогов последних перевыборов советов, проведенных на основе «расширительных» инструкций, и приведение избирательных инструкций в соответствие с конституцией и директивами партии.

[1]) Расширение круга избирателей за счет духовенства, к сожалению, «проскочило» и в конституцию РСФСР при переработке ее в 1925 году. По нашему мнению, следует возбудить вопрос о восстановлении соответствующего пункта конституции в старой редакции, лишь стилистически улучшенной.

II.

Защита расширительных тенденций, допущенных в избирательных инструкциях, заставила некоторых товарищей развить целый ряд доводов, которые в сумме дают целую систему, обосновывающую теоретически и практически необходимость серьезной реформы советского избирательного права. Попробуем дать изложение этой системы.

Советская конституция 1918 года, лишившая избирательных прав господствовавшие в старом обществе эксплоататорские классы, в своей положительной части далеко не охватывала «всей социальной структуры», всех слоев и категорий нового советского общества. Конституция положила в основу советского избирательного права «классово-трудовой ценз», слишком строгий и вместе с тем слишком общий, неопределенный, оставляющий неясности в отношении многих реально существующих общественных прослоек. По конституции избирательные права имеют лица, «добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом»; избирательных прав не имеют лица, «пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли», лица, «живущие на нетрудовой доход» (статьи 64 и 65). Между тем в нашей стране при ее экономической отсталости, при огромном преобладании в ней мелкого производства, есть многочисленные слои населения, живущие производительным трудом и вместе с тем пользующиеся в той или иной степени наемной рабочей силой, занимающиеся в той или иной мере торговлей, при чем в массе случаев крайне затруднительно определить цель применения этого наемного труда и характер такого занятия, как торговля. Примером может служить крестьянин, нанимающий рабочую силу на короткий срок в страдную пору в виду необходимости срочной уборки урожая; крестьянин, берущий на время батрака по случаю отрыва от хозяйства вследствие выбора на общественную должность или ухода в Красную армию; кустарь, пользующийся трудом подростков, которых он обучает ремеслу; крестьянин, кустарь, ремесленник, продающие свои продукты и т. д. В первые годы революции, когда мы держали прямой курс на социализм и когда шла гражданская война, все эти затруднения с применением конституции в части избирательных прав не имели практического значения. По крайней мере вплоть до 1921 года не встретилось даже надобности в какой-либо избирательной инструкции со стороны центральной советской власти. Об'ясняется это тем, что в силу декретов о национализации земли, промышленности, о государственной монополии на торговлю, о комитетах бедноты и других произошло «поравнение» в области мелкого производства, применение наемного труда в частном земледелии и ремесленно-кустарном производстве почти вовсе прекратилось, частная торговля преследовалась, как преступление. Эксплоататорские элементы разного рода ставились вне закона уже в силу гражданской войны и т. д.

Но с переходом на мирные рельсы, когда советская власть упрочилась и ввела новую экономическую политику, дело приняло другой оборот. Мелко-буржуазные прослойки полуэксплоататорского, полутрудового характера стали увеличиваться. Частная торговая и производственная деятельность с целью извлечения прибыли была признана законом. Наемный труд был разрешен

в частно-промышленном производстве—без ограничений, в частном земледелии—частично. Крестьянин, кустарь, ремесленник, торгующие произведениями своего труда, перестали считаться «спекулянтами». Нельзя также ставить на одну доску с эксплоататорами владельцев мелких сельских заведений промышленного типа (мельницы, просорушки и т. п.), которые «эксплоатируют» разве лишь воду да ветер. Кустари и ремесленники получили целый ряд экономических льгот. Вместе с тем встал вопрос о лицах, занятых в «процессе неорганизованного распределения» и играющих, в сущности, ту же роль, как торгующий крестьянин или ремесленник (мелкие торговцы). Советская власть взяла широкий курс на развитие производительных сил Союза, она привлекла к сотрудничеству даже «нэпманов», т.-е. самую доподлинную буржуазию, и вместе с тем она должна была вообще перейти на более «широкую государственную точку зрения», создать известные правовые условия для всех граждан, проявить известную заботу об охране законных прав всего населения. Советская власть повела курс на «оживление советов», стремясь привлечь к участию в политической жизни возможно более широкие массы. А все это ставило вопрос о распространении также избирательных прав на новые и новые слои населения. С течением времени возникли и такие вопросы, как о восстановлении в правах некоторых «лишенцев», начавших заниматься полезным трудом и доказавших на деле свою преданность советской власти, о членах семей «лишенцев» (до какого же «колена» карать их лишением прав!), о некоторых разрядах служителей религии и т. д.

Все эти обстоятельства и соображения неизбежно приводят к выводу о необходимости изменить, смягчить и уточнить «классово-трудовой ценз», установленный первой Советской конституцией. В дополнение и развитие этой конституции надо разработать такие избирательные инструкции, которые учитывали бы все разнообразие общественно-экономических условий мелко-крестьянской страны и создали бы целый ряд новых цензовых категорий, включающих в круг правомочных граждан самые широкие слои населения, вплоть до охвата «всей социальной структуры» теперешнего советского общества. В основе этих цензовых категорий должны лежать наши декреты из экономической области, предоставляющие те или иные права известным слоям населения. Раз советская власть дала такие-то экономические права таким-то категориям граждан, то она должна дать им и политические права. Раз мы изменили пути продвижения к социализму в области экономики и пошли на экономические уступки, то должны изменить пути и в политике, пойти и на политические уступки. Нельзя же, в самом деле, стеснять политическими ограничениями развитие производительных сил, которое мы же признаем крайне необходимым. Нельзя «обманывать надежд», созданных расширением экономических прав, рискуя тем вызвать недовольство широких масс. Мы должны ввести новый курс в общей политике власти, который смягчил бы политический режим, расширил бы круги населения, могущие пользоваться избирательными правами. Кто сказал «а», тот должен сказать «б». Наше законодательство не может быть механической смесью отдельных, не увязанных друг с другом декретов. Оно должно представлять собою стройную, согласованную систему законоположений. Лишение избирательных прав буржуазии в этой системе является,

в сущности, таким же пережитком эпохи военного коммунизма, как эсэровское, ныне отмененное «запрещение» наемного труда. В сущности, у нас нет теперь никаких оснований отказывать в распространении избирательных прав, в конечном счете, на всех граждан советских республик, соблюдающих законы страны, чтобы таким образом осуществить в нашем социальном строе наибольшую свободу, равенство, справедливость. И теоретически, если вспомнить Ленина, изменение советской конституции в этом направлении вполне допустимо. Само собой разумеется, что власть и партия попрежнему принимают «все меры, обеспечивающие сохранение классового характера советской государственности». В этом смысле вполне достаточно того пункта конституции, который говорит о лишении избирательных прав отдельных лиц и групп, пользующихся этими правами в ущерб интересам социалистической революции (статья 14 по новой редакции конституции РСФСР).

Таково обоснование расширительных тенденций в вопросе об избирательных правах, со слов самих сторонников этих тенденций. Как видим, речь идет о вопросах первостепенной важности. При этом приводится ряд несомненных фактов, делается ссылка на ряд известных решений партии и власти, а также на мнение Ленина. Но этим фактам, решениям, мнениям, дается, на наш взгляд, совершенно неправильное истолкование и делаются из них выводы, совершенно не приемлемые. Это заставляет нас с особым вниманием отнестись к изложенным взглядам и подробно разобрать каждый из приводимых доводов.

III.

Возьмем сначала наиболее общий вопрос, к которому в конце концов теоретически сводится все дело: наше отношение к демократии вообще, к чистым или формальным принципам демократии, главным из которых является всеобщее избирательное право. Признаем мы или нет вообще всеобщее избирательное право?

Два крупнейших теоретика партии считали, что *абсолютного* ответа здесь быть не может. Первый из них—Г. В. Плеханов—еще в 1903 году, когда впервые разрабатывалась партийная программа, когда буржуазная демократия была для нас *еще желанным благом*, имел теоретическую смелость заявить, к немалому удивлению многих товарищей, что *всеобщее избирательное право, с революционно-марксистской точки зрения, вовсе не является абсолютным принципом*. Вполне мыслимо теоретически такое положение, когда революционная рабочая партия откажется от этого принципа. Единственно неизменный руководящий принцип для нас—*благо революции*, понимаемое с точки зрения интересов пролетариата [1]). Таким образом, Плеханов, ставший впоследствии противником большевистской революции, поставившей буржуазию вне закона, считал теоретически вполне допустимым лишение избирательных прав определенного слоя или класса *даже в эпоху буржуазных революций*. Иначе думать, конечно, и не мог марксист-революционер. Другой теоретик партии—большевик Ленин—наоборот, в разгар гражданской войны между буржуазией и пролетариатом, когда буржуазная демократия стала для нас

[1]) См. его речь на II с'езде партии.

уже превзойденной ступенью, считал нужным подчеркнуть, что даже в эпоху социалистических революций может и не встретиться абсолютной необходимости в лишении избирательных прав тех или иных слоев или классов. Вот что говорил на этот счет Владимир Ильич в докладе о работах комиссии по пересмотру партийной программы на VIII с'езде в 1919 году:

«Вопрос о лишении избирательных прав буржуазии мы отнюдь не рассматривали с абсолютной точки зрения, потому что теоретически представляется вполне допустимым, что диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каждом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав. Это теоретически вполне мыслимо, и нашу конституцию мы не выдвигаем, как образец для других стран. Мы говорим только: кто понимает переход к социализму без подавления буржуазии, тот не социалист» (том XVI, стр. 129).

Итак, вопрос совершенно ясен: всеобщее избирательное право при диктатуре пролетариата теоретически допустимо. Товарищи, защищающие расширение круга избирателей вплоть до охвата всех слоев населения, как-будто совершенно правы. Союз Советских Социалистических Республик с избирательными правами для буржуазии теоретически вовсе не является той нелепостью, какой может показаться с первого взгляда.

Но дело далеко не исчерпывается столь общей теоретической постановкой. Ведь речь идет у нас не только о теории, но и о самой конкретной практике. Возникает дальнейший вопрос: какое значение, какие цели будет иметь допущение к избирательным правам буржуазии при диктатуре пролетариата? При каких условиях оно возможно? А вот тут у нас с защитниками «расширительных тенденций» будет серьезный спор. Они, повидимому, склонны считать факт власти пролетариата, существующей столько-то лет в одной стране, условием вполне достаточным для отмены неравенства, ограничений в правах буржуазного меньшинства населения. Им кажется, что это меньшинство следует привлечь к участию в политической жизни, к решению в советах вопросов социалистического строительства, чтобы сделать таким образом развернутую демократию одним из способов дальнейшего перехода к социализму. Такой взгляд исходит, в сущности, из обычного социал-демократического представления о демократии, как о пути к социализму: наиболее развернутая демократия дает возможность введения социализма путем простого решения народных депутатов. Примерно, таким же представляется нашим «коммунист-демократам» значение всеобщего избирательного права в Советском государстве, с тою только разницей, что социал-демократ отвергает необходимость революционного свержения власти буржуазии, а «коммунист-демократ» признает ее, как неизбежный первый шаг для перехода к социализму.

Тов. Ленин был бесконечно далек от такого взгляда на значение всеобщего избирательного права при советской власти. Если он и допускал теоретически распространение избирательных прав в Советском государстве на буржуазные слои, то ни в коем случае не из соображений дальнейшего перехода таким способом к социализму. Он ставил этот вопрос исключительно в плоскость политической целесообраз-

ности. Он подчеркивал для марксиста безусловную необходимость исходить в решении такого вопроса из трезвого учета соотношения классовых сил внутри Советского Союза и в международном масштабе. Мы позволим себе привести здесь длинную выписку из его статьи «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», написанной 30 октября 1919 года, где Владимир Ильич как раз ставит вопрос об уничтожении неравенства в связи с переходом к социализму. Он исходит именно из анализа изменившегося после революции взаимоотношения классов:

«Классы остались, но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы.

...Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, господствующим классом... Класс эксплоататоров, помещиков и капиталистов, не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплоататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением которого они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи... Наконец, крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это—довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это—обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебание их между пролетариатом и буржуазией... По отношению к этому классу—или к этим общественным элементам—задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых—вот что должен делать пролетариат.

Если мы сопоставим вместе все основные силы или классы, и их видоизмененное диктатурой пролетариата взаимоотношение, мы видим, какой безграничной теоретической нелепостью, каким тупоумием является ходячее мелкобуржуазное представление о переходе к социализму «через демократию» вообще, которое мы видим у представителей II Интернационала. Унаследованный от буржуазии предрассудок насчет безусловного, внеклассового содержания «демократии»—вот основа этой ошибки. На самом же деле и демократия переходит в совершенно новую фазу при диктатуре пролетариата, и классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы.

Общие фразы о свободе, равенстве, демократии на деле равносильны слепому повторению понятий, являющихся слепком с отношений товарного производства. Посредством этих общих фраз решать конкретные задачи диктатуры пролетариата значит переходить по всей линии на теоретическую, принципиальную позицию буржуазии. С точки зрения пролетариата вопрос становится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия

на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности? и т. д.» (том XVI, стр. 354—355. Подчеркнуто везде мною. *В. К.*).

Эта, ленинская, постановка вопроса, как небо от земли, далека от кисло-сладких рассуждений наших «расширителей» о том, что установившаяся власть пролетариата, опирающаяся на поддержку трудящегося большинства населения может отменить ограничения прав буржуазного меньшинства в целях его окончательного умиротворения и вовлечения в социалистическое строительство. Во-первых, пролетариат победил пока только в одной стране, во всех остальных странах господствует международный капитал. Во-вторых, в этой одной стране буржуазия вовсе еще не уничтожена, а лишь разбита. А главное (как говорит Ленин в другом месте)—мы не создали еще «таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия» (том XV, 198). В-третьих, в этой стране—огромная масса мелких производителей, которая по экономическому своему положению занимает колеблющуюся между пролетариатом и буржуазией позицию, и по отношению к которой задача пролетариата состоит в руководстве. В-четвертых, классовая борьба после победы пролетариата вовсе не прекращается, а, наоборот, поднимается на более высокую ступень, ибо классы еще не исчезают и не могут исчезнуть сразу. И как вывод из всего этого,—резко отрицательное отношение к демократии, как способу перехода к социализму, признание демократии при диктатуре пролетариата лишь как совершенно особой фазы, подчиненной классовой борьбе в ее новых формах, именно: демократии на почве борьбы за отмену частной собственности, за уничтожение классов, за социализм.

Для полной ясности приведем еще одну короткую цитату из Ленина—то место нашей партийной программы, где говорится о временном характере таких мер, как лишение политических прав и вообще какие бы то ни было ограничения свободы, и где об отмене этих мер сказано: «По мере того как будет исчезать об'ективная возможность эксплоатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к их полной отмене».

Итак, необходимость отмены ограничений в правах должна быть доказана не одной только ссылкой на теорию—и уж никак не рассуждениями о демократии, как способе перехода к социализму,—а конкретными фактами, обнаруживающими, что в настоящее время уже исчезла хотя бы частично об'ективная возможность эксплоатации человека человеком и, таким образом, исчезла хотя бы в некоторой степени необходимость в ограничительных мерах. Но попробуем подойти к нашей современной действительности с этой, единственно правильной, точки зрения. Правда, развивающаяся социалистическая промышленность поглощает все большие массы работников, уходящих таким образом из области частно-хозяйственных отношений, а растущее кооперативное движение переводит все новые и новые хозяйствующие единицы из области частного, неорганизованного распределения и производства в область организованного на коллективных началах хозяйства, связанного с государственным социалистическим хозяйством. Благодаря этому возможность капиталистической эксплоатации, конечно, в известной мере понижается. Трудно было бы привести данные, показывающие, как велико теперь число граждан, вовлеченных в государственно-социалистическое и кооперативно-товарищеское производство и распределение, по сравнению с эпохой первой советской конституции. Но несомненно все-таки, что наши успехи здесь не зашли еще так далеко, чтобы «об'ективная возможность эксплоатации человека человеком» исчезла, если не полностью, то хотя бы в значительной мере. Вместе с тем в огромной у нас области частного земледелия и в области мелкого кустарно-ремесленного производства возможности эксплоатации чужого труда в известной степени увеличились благодаря нэпу и усилению классового расслоения в деревне. Сюда прибавилась эксплоатация на частнокапиталистических промышленных предприятиях (правда, немногочисленных). Таким образом, наша современная действительность не дает никаких оснований к огульному распространению политических прав на новые слои населения. И в международном масштабе соотношение классовых сил сейчас, конечно, отнюдь не таково, чтобы можно было ставить практически вопрос о политических правах для буржуазии.

IV.

Перейдем ко второй коренной ошибке в доводах «расширителей». Она состоит в совершенно неправильном понимании соотношения между экономикой и политикой вообще, в частности—в неправильных выводах из новой экономической политики и нового курса партии в деревне.

Общее марксистское положение о бытии и сознании, о базисе и надстройках толкуется здесь таким образом, что политика, так сказать, механически следует за экономикой, известные изменения в экономическом строении общества автоматически отражаются соответствующими изменениями в его политическом строении. По этому упрощенному, вульгарному представлению, которое ничего общего с революционным марксизмом не имеет, роль людей, организованных в политическую партию и в государственную власть, сводится к чему-то в роде аппарата, с одной стороны—механически регистрирующего давление на него экономики, а с другой стороны—выбрасывающего законодательные акты, меняющие политический строй общества. Борьба классов, отстаивающих в процессе этих изменений свои определенные классовые требования, выпадает целиком из этого представления, вследствие чего в корне искажается действительный процесс развития. В реальной действительности классы борются за господство. Господствующий, т.-е. организованный в государственную власть, класс может прекрасно учитывать требования экономики, он может сознательно итти на известные экономические уступки противному классу. Но он никогда не идет на сколько-нибудь существенные политические, затрагивающие его господство уступки, не будучи вынужден к тому крайней необходимостью. Вот что говорит вся история классовой борьбы. Нужно поистине «почить на лаврах», убаюкать себя сладкими иллюзиями «закончившейся борьбы», «замиренных» классов, нужно слепо уверовать в розовые перспективы дальнейшего безболезненного перехода к социализму, чтобы забыть про это

и колебнуться в сторону столь вульгарного, оменьшевиченного марксизма.

А такой уклон, несомненно, есть. В избирательных инструкциях предоставление избирательных, т.-е. политических, прав новым слоям населения прямо мотивируется тем, что этим самым слоям предоставлены ведь экономические права! Как мы видели, предоставление политических прав наши советские юристы поставили в прямую хронологическую и логическую связь с предоставлением экономических прав. Теоретически этого нельзя обосновать иначе, как перейдя с революционно-классовой марксистской позиции на меньшевистскую точку зрения. Практически, в нашей политике, это означает глубокое непонимание новой экономической политики вообще и, в частности нового курса партии, наметившего ряд новых экономических уступок в развитие основной линии 1921 года.

Новая экономическая политика вызвана необходимостью во что бы то ни стало поднять немедленно производительные силы страны, хотя бы на основе частно-хозяйственного производства, хотя бы методами товарного хозяйства. Экономические уступки преобладающему у нас мелкому производителю (свобода частнохозяйственной деятельности со всем вытекающим отсюда последующим законодательством) были абсолютно необходимы ради сохранения союза с основной массой мелких производителей. Партия обеспечивала, таким образом, возможность сохранения политической власти за пролетариатом и возможность укрепления экономической базы под этой властью путем развития государственной промышленности на основе хозяйственных связей с мелким производителем. Новая экономическая политика ни в коем случае и ни в какой мере не означала и не означает отказа от борьбы, отказа от диктатуры пролетариата и постепенного перехода к буржуазной демократии. Она есть тактический прием, означающий временное отступление с целью немедленного закрепления на новых позициях и перехода сейчас же в дальнейшее наступление новыми способами.

Нет никакой нужды доказывать теперь правильность такой политики. Но как раз кстати будет напомнить те два возражения с разной стороны, которые вызвала новая экономическая политика в самом начале. Первое исходило от меньшевиков (Мартов). Они находили, что новая экономическая политика это своеобразная «зубатовщина», т.-е. попытка обмануть определенный класс (крестьянство) экономическими уступками. Эта попытка не может удаться: за экономическими уступками неизбежно должны последовать политические уступки. Кое-кто из большевиков был смущен этими доводами, и на партийной конференции в мае 1921 года т. Варейкис также говорил об «этой зубатовщине». Тов. Ленин отвечал на это возражение таким образом:

«В чем состояла суть зубатовщины? В том, что мелкими экономическими уступками угнетенным классам поддерживали класс угнетателей. Вот почему тогда ответом было следующее: экономическими уступками вы не заставите пролетариат, класс, боровшийся за освобождение всех угнетенных, отказаться от идеи завоевания политической власти и разрушения системы угнетения. Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит—руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии коренной и основной сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсэров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата.

Если мы, как партия пролетариата, руководим крестьянством, то мы должны вести линию на укрепление крупной промышленности и поэтому должны итти на экономические уступки. Пролетариат руководил крестьянством и так руководил им, что во время гражданской войны крестьянство получило больше экономических выгод, чем тот же пролетариат. Если говорить на языке Мартова, то это выходит зубатовщина. Экономические уступки делались для крестьянства. Эти уступки были сделаны той части трудящихся, которая составляет большинство страны. Что, это неправильная политика? Нет, это единственно правильная политика! И как бы здесь ни говорили о мартовских словечках, что вы не обманете класс, я все же вас спрашиваю: чем же мы обманываем? Мы говорим, что есть две дорожки: за Мартовым и Черновым, а через них—к Милюкову, или за коммунистами. Что же касается нас, то мы боремся за уничтожение капитализма и за установление коммунизма; путь наш очень тяжелый, и во время этого пути есть много усталых и неверящих. Крестьянство не верит. Но разве мы обманываем? Смешно говорить, что мы обманываем класс, и что мы запутались в трех соснах, и даже тут не в трех, а в двух соснах, потому что пролетариат и крестьянство только два класса... Мы говорим, что нужно руководиться интересами пролетариата, т.-е. обеспечением от реставрации капитализма и обеспечением пути к коммунизму. Если крестьянство сейчас больше устало, больше замучилось, или вернее, больше себя считает усталым, то ему мы больше и уступаем для обеспечения от реставрации капитализма и облегчения путей к коммунизму. Это правильная политика, и мы руководствуемся только одним классовым расчетом. Мы открыто, честно, без всякого обмана, крестьянам заявляем: для того, чтобы удержать путь к социализму, мы вам, товарищи-крестьяне, сделаем целый ряд уступок, но только в таких-то пределах и в такой-то мере и, конечно, сами будем судить, какая это мера и какие пределы... Вот как стоит вопрос в отношениях между пролетариатом и крестьянством, т.-е. или крестьянство должно итти с нами на соглашение, и мы делаем ему экономические уступки, или—борьба. Вот почему всякие другие доводы представляют из себя ужаснейшую путаницу. На деле всякий другой путь есть путь к Милюкову, к восстановлению помещиков и капиталистов. А мы говорим, что мы на всякие уступки пойдем в пределах того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата, который неуклонно, несмотря на все трудности и препятствия, идет к уничтожению классов и к коммунизму» (том XVIII, ч. 1, стр. 270—272. Подчеркнуто везде мною. *В. К.*).

Мы привели почти без сокращений это длинное место из Ленина, ибо оно вносит полную ясность в вопрос. Ленин 1) резко разграничивает вопрос об экономических уступках от вопроса

о политических уступках, отвергая неизбежную обусловленность последних первыми. Ленин 2) отклоняет, как совершенно несостоятельное, соображение об «обмане» экономическими уступками. Ленин 3) предлагает в решении вопроса об уступках, «вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя», руководствоваться «только одним классовым расчетом», только интересами пролетариата, которые требуют «обеспечения от реставрации капитализма и обеспечения пути к коммунизму». Наконец, Ленин 4) допускает вообще всякие уступки (следовательно, и политические), но лишь «в пределах того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата». А наши «расширители» по всем этим пунктам занимают как раз противоположную позицию. Они прямо выводят политические уступки из экономических, они сбиваются на мотив об «обмане» экономическими уступками, когда доказывают, что нельзя «обижать» или «раздражать» дальнейшим лишением политических прав те слои населения, которым теперь предоставлены экономические права и даже льготы; они сбиваются на линию интересов мелкого производителя, забывая о классовых интересах пролетариата в социалистической революции. Такое сползание к меньшевизму, такая «отрыжка» давно переваренного грубого непонимания новой экономической политики, относящегося к первым месяцам после ее введения, несомненно, встретит в партии строгое осуждение.

Второй отзыв о новой экономической политике, дающий по существу ту же оценку, только в наиболее законченной форме, последовал тогда же со стороны «сменовеховцев» (Устрялов). Мы не станем на этом останавливаться подробно, так как поднятый им вопрос не раз обсуждался в нашей печати. Суть дела в следующем. Представитель культурной, приспосабливающейся к советскому строю буржуазии заявлял: вы, большевики, считаете ваш нэп тактическим приемом. Но вы ошибаетесь. Это не тактика, а э в о л ю ц и я. Через нэп вы, сохраняя ту же революционно-социалистическую идеологию, или вернее—фразеологию, постепенно превратитесь из партии пролетариата в партию радикальной мелкой буржуазии, а руководимое вами советское государство станет буржуазной демократией. Ленин открыто признал, что в этом мнении есть доля «классовой правды классового врага». Ленин теоретически допускал возможность такой эволюции и видел здесь в е л и ч а й ш у ю о п а с н о с т ь, от которой предостерегал партию. Опасность эта возникает 1) благодаря относительной слабости пролетариата в стране с огромным преобладанием крестьянства и относительной слабости передового слоя (партии) внутри этого пролетариата; 2) благодаря сильному давлению мелко-буржуазной среды, мелко-буржуазной стихии на пролетариат, на партию, на молодую социалистическую экономику; 3) благодаря чрезвычайной сложности общественно-экономических отношений и чрезвычайной трудности социалистического строительства в отсталой стране; 4) благодаря задержке пролетарской революции в других странах; и 5) в результате всего этого—благодаря особой трудности руководства вообще, в частности определения степени возможных и необходимых уступок. Едва ли кто будет отрицать, что за годы нэпа эта опасность увеличилась, несмотря на численный рост пролетариата и партии, несмотря на рост социалистических элементов

нашей экономики,—ибо в с е п е р е ч и с л е н н ы е о б с т о я т е л ь с т в а п р о д о л ж а ю т о к а з ы в а т ь с в о е д е й с т в и е, а н е к о т о р ы е и з н и х—в б о л е е с и л ь н о й с т е п е н и. Что опасность увеличилась, тому яркое, наглядное свидетельство эта история с расширением круга избирателей, особенно же мотивы и тенденции, связанные с этим расширением. Все эти меньшевики, кадеты, сменовеховцы увидят здесь прямое подтверждение своей критики. «Так,так! Со ступеньки на ступеньку! От экономических уступок—к предоставлению политических прав! От избирательных прав для мелких предпринимателей—к избирательным правам для более крупной буржуазии, которая ведь давно уже «признана» вами «экономически». И скоро вы скатитесь к самой обыкновенной буржуазной демократии, что мы вам и предсказывали».

На самом деле, взглянем поближе на мотивы и фактические тенденции «расширительного курса». Основной мотив: раз мелкий предприниматель в земледелии соблюдает специальное законодательство о труде, он получает избирательные права. Во что выливается это практически? Местная власть, согласно инструкции к «временным правилам об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах», обязана установить размеры тех хозяйств, для которых правила имеют силу. И вот, например, самарский отдел Всеработземлеса выработал проект обязательного постановления губисполкома, по которому временные правила распространяются на крестьянские хозяйства с валовым доходом не выше 1.000 рублей в год (такие хозяйства, по местным условиям, имеют от 14 до 20 десятин посевной площади, 4 десятины луга, несколько голов рогатого скота и т. д.—см. «Правду» от 8/VI с. г.). Следовательно, все крестьяне, владеющие такими хозяйствами, могут пользоваться избирательными правами. В Башкирии крестьянин, имеющий от 80 до 100 десятин пахотной земли, до 10 голов рогатого скота, содержащий зимою 2 батраков, а в летнее время, нанимающий до 20 сезонных рабочих, применяет указанную рабочую силу в своем хозяйстве согласно «временных правил» и, следовательно, пользуется избирательными правами. (Характерно, что у Башкирского ЦИК возникло сомнение в этом случае, так как норма земли у такого крестьянина превышает значительно обычную местную норму, и вообще население относит его к кулакам; центральный избирком, в ответ на запрос к нему, рассеял эти сомнения). Еще показательнее тот факт, что в Казакской автономной республике, согласно избирательной инструкции, избирательные права имеют вообще все к р у п н ы е с к о т о в о д ы[1]), если только они не занимаются скупкой скота и ростовщичеством. Картина совершенно ясная,—картина безудержной эволюции в сторону буржуазной демократии, начинающаяся предоставлением политических прав отдельным слоям, согласно земельному кодексу, и кончающаяся правами для всей прогрессивной аграрной буржуазии. Единственное руководящее начало,—весьма характерное для молодой демократической республики, только что освободившейся от пережитков феодализма,—это—п р о г р е с с и в н о с т ь б у р ж у а з и и. Прав лишаются, в конце концов, только те элементы аграрной буржуазии, которые при-

[1]) Крупные, разумеется, даже по местным условиям.

меняют отсталые, кабально-ростовщические формы эксплоатации и вообще не подчиняются законам республики[1]). От этой идеологии рукой подать до знаменитой теории о кулаке, как о необходимом элементе социалистического строительства, столь резко осужденной партией.

По линии промышленной буржуазии эволюция не зашла еще так далеко, и это вполне понятно, если принять во внимание ее несравненно меньший удельный вес. Но картина и здесь в общем та же как по мотивам, так и по фактам. Сначала отдельные раз'яснения, что кустари-ремесленники, имеющие 2 учеников, приравниваются к лицам, не эксплоатирующим чужого труда, затем предоставление прав кустарям-ремесленникам, эксплоатирующим одного постоянного взрослого рабочего (или, очевидно, неопределенное число «временных» рабочих), одновременно—предоставление прав также владельцам и арендаторам мелких промышленных предприятий с одним постоянным или многими временными рабочими. А мотив? Все тот же: предоставление прав на основе декретов в экономической области. И тут путь для наших юристов открыт. Вот, напр., ближайший неиспользованный еще декрет о налоговых льготах для деревенских кустарных и ремесленных предприятий от 12 июня 1925 г. Он предоставляет льготы для владельцев предприятий, имеющих 2 или 3 рабочих и какое угодно число учеников, при этом хотя бы и с механическим двигателем. Без всякого сомнения, в следующей избирательной инструкции мы имели бы ссылку на этот декрет. В круг избирателей по линии промышленной буржуазии остались бы не включенными лишь владельцы предприятий с большим числом наемных рабочих. Но разве они, если только соблюдают советское законодательство, не составляют необходимых элементов в нашей системе социалистического строительства? Конечно, составляют. Перспективы ясные.

По линии торговой буржуазии повторяется та же история, только в недостаточно еще развитом виде. Крестьянин и кустарь-ремесленник торгуют? Торгуют. А им предоставлены избирательные права? Предоставлены. Почему же не дать прав другим мелко-торговым элементам, работающим по советскому патенту «в процессе неорганизованного распределения»? Хотя бы тем, которые «зарабатывают» торговлей отнюдь не больше крестьянина или кустаря-ремесленника? И права даются торговцам 1 разряда. Примените далее те же руководящие принципы (вышеупомянутые) и вы придете к несомненному выводу о необходимости дать избирательные права всему слою торговцев (независимо от разряда патента), работающих в качестве хотя и частных распределителей, но на основе договора с госпромыш-

---

[1]) Эту своеобразную теорию «классовой дифференциации» буржуазии на «овец» и «козлищ» легко, конечно, «обосновать» тем или иным декретом. Рекомендуем нашим юристам для этой цели, напр., декрет о выселении помещиков. Он построен именно на этом принципе подразделения аграрной буржуазии на «прогрессивную» и «отсталую»: первая оставляется, вторая выселяется (см. нашу статью в ж. «На аграрном фронте», № 3, 1925 г.). Соответствующий пункт избирательной инструкции можно бы формулировать, примерно, так: не лишаются избирательных прав бывшие помещики, если они не подходят под действие декрета о выселении помещиков, и вообще все крупные сельские хозяева, если они не применяют в своих хозяйствах отсталых кабально-ростовщических форм эксплоатации.

ленностью, с соблюдением обусловленных продажных цен. Ясно ведь, что такой торговец является переходной ступенькой к социалистически организованному распределению и орудием социалистического накопления! Так мы постепенно продвинемся к охвату и почти всей торговой буржуазии, оставив без избирательных прав лишь торговых хищников и мародеров, не подчиняющихся государственному контролю.

Возможно ли было несколько лет тому назад такое толкование новой экономической политики, что раз мы допустили свободу торговли и предпринимательской деятельности, то нужно дать политические права торговцам и предпринимателям? Конечно, нет! Такая постановка вопроса показалась бы прямо дикой. А теперь находятся товарищи, которые так именно и ставят вопрос. Повидимому, они сбиты с толку новым курсом партии на развитие производительных сил деревни. Этот курс представляется им чем-то чуть ли не принципиально отличным от новой экономической политики. В роде того, что последняя была экономической уступкой *буржуазии вообще*, каковую уступку, дескать, нельзя дополнять политическими уступками. А новый курс означает экономическую уступку *трудовой крестьянской массе*, и эту уступку можно и должно дополнить соответствующей политической уступкой. Такое представление в корне неправильно в обоих своих частях. Нэп означал экономическую уступку именно трудовой массе крестьянства, и притом именно крестьянину, как мелкому собственнику, мелкому буржуа, который в старой экономичеекой политике видел препятствие для развития своего хозяйства. Нэп дал мелкому собственнику основное необходимое в его экономике условие: свободу оборота, свободу распоряжения излишками своего производства, что создавало побуждение для развития производительных сил крестьянского хозяйства. В тех же интересах дальнейшего под'ема производительных сил деревни был предпринят новый курс, создавший более свободные условия по найму рабочей силы и по аренде земли все для того же мелкого хозяина. Действие кодекса законов о труде было отменено для огромного большинства крестьянских хозяйств, и для них были выработаны особые «временные правила» с облегченными для крестьян, нанимающих труд, условиями. Только для крестьян, ведущих крупное сельское хозяйство, было сохранено действие нормального кодекса. Сделано это было исключительно в интересах экономической целесообразности, чтобы, с одной стороны, мелкий хозяин не встречал препятствия для развития своего хозяйства в чрезмерно обременительных условиях найма рабочей силы и не стремился применять эту силу тайно, в обход закона и в ущерб интересам батрака, а с другой стороны—чтобы сельский хозяин, достаточно мощный, обязан был нанимать рабочую силу на обычных условиях. Примерно те же цели преследовались при разрешении более свободной аренды земли. Никаких других намерений в основе нового курса партии не лежит. Но наши юристы ухитрились понять его так, что партия хочет подразделить мелкую буржуазию на, так сказать, доброкачественную и злокачественную с точки зрения интересов советского государства, из чего эти юристы заключили, что первой части следует предоставить избирательные права и лишь второй—не следует. Некоторый *экономический* «водораздел» по вопросу

о том, каким именно законам о труде подчинено данное крестьянское хозяйство, нанимающее труд, наши юристы приняли за некоторый политический «водораздел» по вопросу о том, владельцам каких именно хозяйств следует и не следует предоставить избирательные права. Но само собой разумеется, что эти «водоразделы» не совпадают и не могут совпадать по существу дела. Крестьянин, систематически применяющий наемный труд, не перестает быть эксплоататором от того, что он действует по тому, а не по иному закону, и нет ничего удивительного, что у наших юристов целые слои определенно эксплоататорской мелкой буржуазии оказались огульно включенными в круг избирателей.

В связи с курсом на развитие производительных сил деревни и с устранением пережитков эсеровщины в нашем законодательстве, находится еще одна попытка обосновать расширение круга избирателей. Примерно, такая. Почему в свое время широкие крестьянские массы пошли за лозунгами уравнительной дележки, запрещения наемного труда, аренды и проч., за лозунгом: вся власть трудящимся? Потому, в сущности, что массы видели в этих лозунгах наиболее радикальный способ ликвидации помещичьего землевладения. Но после этой ликвидации дело существенно изменилось. Мы могли совершенно безболезненно снять лозунг запрещения наемного труда и аренды. Можно пойти и дальше, в интересах развития производительных сил деревни. Будет ли крестьянство возражать, если мы снимем также лозунг: избирательные права только не эксплоатирующему чужого труда крестьянину? Не будет, ибо не только зажиточное, но и среднее крестьянство применяет, в той или иной мере, наемный труд. И чем больше восстанавливается крестьянское хозяйство, тем большее распространение получает наемный труд в деревне.

Это рассуждение содержит коренную неправильность. Крестьянские массы пошли за нами не только потому, что мы боролись против помещичьего землевладения, но и потому, что мы боролись и боремся против капитала. Первая борьба кончена, вторая далеко еще нет. В этой второй борьбе все маломощное, бедняцко-середняцкое крестьянство, т.-е. огромное большинство крестьянства было, есть и будет безусловно заинтересовано. На этой именно заинтересованности и построена крестьянская политика партии. Изменять ее в частном вопросе об избирательных правах значит, брать под сомнение всю эту политику. Ни для того, ни для другого у нас нет ни малейшего основания. Лишая избирательных прав эксплоататорский слой деревни, советская власть попрежнему остается целиком на платформе огромного большинства крестьянства и может быть вполне уверена в его поддержке как в этом, так и во всех других вопросах борьбы с буржуазией.

Правильное разрешение вопроса об экономических и политических уступках пролетарской власти требует учета следующих обстоятельств: 1) известные экономические уступки безусловно необходимы ради сохранения и упрочения союза с не эксплоатирующим чужого труда крестьянством; 2) известные экономические уступки безусловно необходимы ради экономического укрепления власти пролетариата; 3) политические уступки сколько-нибудь серьезного характера сейчас отнюдь не необходимы; 4) политические уступки укрепляют не пролетариат, а его

врагов, а от пролетариата требуют усиленного внимания и более упорной борьбы с врагом, который, конечно, постарается использовать уступку в целях своей борьбы с пролетариатом. Неучетом, недооценкой этих элементарных, в сущности, моментов слишком грешат наши «расширители».

Вопрос этот имеет и свою теоретическую сторону, поскольку «расширители» ссылаются на недопустимость «стеснения развития производительных сил». Одно из основных марксистских положений гласит, что развитие человеческого общества происходит на основе стихийного развития производительных сил, и что поэтому всякий политический строй, препятствующий развитию производительных сил, ломается ими, как лед вешними водами. Некоторые товарищи склонны, повидимому, толковать это положение, как некий абсолют, «его же не прейдеши» ни при каких условиях. Между тем это вовсе не так. При диктатуре пролетариата это положение теряет свой безусловный характер, какой имело ранее. Небольшой анализ покажет нам это с несомненностью. Пролетариат, организованный в государственную власть, получает в свое распоряжение не только политическую, но и экономическую силу в виде обобществленных главнейших средств производства и использует ту и другую силу для планового (а не стихийного) развития производительных сил. Это первое отличие. Второе: поскольку в экономике остаются, в переходный период, элементы стихийности (неорганизованное частно-собственническое производство), государственная власть пролетариата может (и даже должна), в известном смысле и в известной мере, препятствовать их стихийному развитию, не рискуя вызвать тем угрозу своему существованию, раз одновременно она имеет фактическую возможность двигать развитие основного ядра обобществленных производительных сил в плановом, социалистическом порядке. Это принципиальное соображение и лежит в основе нашей экономической политики. Мы «сдерживаем» или «отпускаем», в меру экономической целесообразности, «свободное» развитие частно-хозяйственной деятельности (напр., нажимая или ослабляя налоговый пресс). Конечно, лишение избирательных прав в этом отношении может также иметь некоторое, впрочем весьма скромное, значение. Но понимать переход от административного давления, «раскулачивания» и т. п. к борьбе с частным капиталом на экономической почве, как полный переход к принципам «свободной игры сил», можно, только отказавшись от планового регулирования народного хозяйства, а значит, по существу дела, и от диктатуры пролетариата. Опасаться «стеснения развития производительных сил» от лишения политических прав определенных эксплоататоров можно, только безмерно преувеличивая «кулацкую опасность» и вообще роль необобществленной части средств производства, только безвольно пасуя перед нажимом мелко-буржуазной стихии.

Или нужно тешить себя иллюзиями, что опасность со стороны буржуазии вообще миновала, чтобы столь беспечно относиться к расширению круга избирателей за счет буржуазных элементов. Похоже на то, что многим товарищам длительный период мирного строительства застит глаза на действительное положение Союза, внутреннее и международное. Они склонны забывать, что этот период лишь передышка, завоеванная нами в борьбе с непобежденным еще в международном масштабе классовым врагом.

Они не думают о том, как будут вести себя все эти, вновь допущенные к участию во власти, классово-враждебные пролетариату слои в случае новых осложнений. Они говорят: «Ведь места требуют! Мы впитываем опыт мест, к нам приходят, жалуются, доказывают, мы вносим соответствующие изменения в инструкции». А где же критическое отношение к этим требованиям? Где оценка их с точки зрения пролетариата в социалистической революции? Где понимание, что эти требования идут от местных органов, непосредственно отражающих давление мелко-буржуазной стихии? Этим товарищам надо встряхнуться, партия должна указать им, что всякая политическая реформа должна опираться не иначе как на трезвый учет классовых сил с точки зрения обеспечения от реставрации капитализма и продвижения к социализму. Иначе мы попадаем совсем не на ту дорогу, на которую нам надо.

(Окончание в следующем номере).

А. Столяров.

Современные задачи профсоюзов и „хозяйственный уклон“ в их работе.

Профсоюзы, как организации пролетариата особого рода, при всех условиях сохраняют в методах своей работы и в своих задачах некоторое своеобразие, отличающее их от других рабочих организаций. Но это нечто своеобразное в различных условиях и в различные периоды преломляется и применяется по-разному. Важно для каждого периода найти ту особую форму, в которой профсоюзы могли бы свои специфические методы осуществить, следуя за развитием «вечно-зеленого дерева жизни».

Диктатура пролетариата есть «особый период», но и эпоха нэпа—тоже «особый период», в котором имеются свои особые периоды. Профсоюзы не могут в своей работе не отражать их постоянную смену, потому что формы союзной работы связаны с общими условиями жизни рабочего класса. И при всем этом союзы должны сохранять своеобразие своих методов, не расплываться, не терять своего лица в этой смене форм и задач своей работы, иначе они перестали бы быть профсоюзами.

Если взять наши союзы в настоящее время, то окажется, что ряд значительных недочетов и уклонов в их работе сводится к недостаточному учету этого «своеобразия в своеобразии». При этом имелись и кое-какие попытки отдельные практические ошибки превратить в систему, в программу.

В частности, особое значение имеет в работе союзов так называемый «хозяйственный уклон». Как раз теперь на раз'яснение этого уклона партия должна обратить самое серьезное внимание. В связи с выдвинувшимися на первый план задачами индустриализации и установления режима экономии должно усилиться участие профсоюзов в организации хозяйства, в производственной жизни наших государственных предприятий.

Поэтому-то, именно теперь особенно важно сохранить четкую правильную линию по всей экономработе профессиональных организаций, чтобы совершенно необходимое усиление экономработы профсоюзов, их участия в организации хозяйства, не превратилось бы в усиление производственного, хозяйственного уклона в их работе.

1. Задачи союзов и недочеты в их современной работе.

В системе классовых организаций пролетариата профессиональные союзы представляют из себя, по выражению резолюции XI с'езда, «передаточный механизм от компартии к массам».

«Как самая лучшая фабрика с превосходным двигателем и первоклассными машинами окажется бездействующей, если попорчен передаточный механизм от двигателя к машинам, так

неизбежна катастрофа нашего социалистического строительства, если неправильно построен или неправильно работает передаточный механизм от компартии к массам—профсоюзы»[1]).

Вопрос о профсоюзах,—говорил Ленин во время знаменитой «профсоюзной» дискуссии,—это вопрос «о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой. В этом вся суть!»[2]).

Массовая работа, связь с массой—это и является для профсоюзов тем стержнем, вокруг которого концентрируется вся их деятельность. Именно с этой точки зрения и приходится прежде всего расценивать достижения и недостатки в работе союзов, при чем в этом отношении определяющее значение имеет работа низовых союзных организаций—фабзавкомов.

Достижения в работе наших союзов за последние годы очень и очень велики. Охват работы все увеличивался, нарождались новые формы, развертывались жизнеспособные старые формы, выросли клубы, красные уголки, производственные совещания, которых не было еще до 1924 года и которые в настоящее время охватывают около 10% рабочих фабрик и заводов. Работа значительно углубилась в цех, в мастерскую. Возник и окреп институт цеховых профуполномоченных, оформлена работа делегатского корпуса. В последнее время все большее распространение получают цеховые профбюро; делаются опыты с работой цеховых РКК и т. д.

Профсоюзы воспитали и выдвинули из числа рабочих тысячи работников на административную, хозяйственную и пр. работу. В частности многих свежих работников на административно-хозяйственные посты дали производственные совещания. По одному Ленинграду за 15 месяцев (с января 1925 г. по март 1926 г. включительно) производственные совещания дали 2.146 выдвиженцев, из которых 411 женщин.

Профсоюзы стояли у колыбели различных организаций советской и рабочей общественности, пока те не окрепли настолько, чтобы прочно стоять на своих собственных ногах. Сюда относятся различные добровольные общества (Шефское, «Долой неграмотность», «Друг детей» и др.), рабкоровские организации и стенгазеты, кассы взаимопомощи, спортивные организации и пр.

Вся жизнь рабочего на предприятии настолько сейчас охвачена влиянием профсоюза, что вполне естественно тяготение рабочих в союз. Естественно поэтому, что при добровольном членстве, к которому наши союзы перешли в 1922 году, число членов их растет значительно и сейчас уже достигает по СССР, примерно, 8 миллионов.

И все же XIV партс'езд должен был констатировать «относительное, хотя и весьма незначительное, падение процента организованных в профсоюзы членов». Это являлось выражением того, что наши профсоюзы, несмотря на свой значительнейший количественный и качественный рост, иногда не поспевают за жизнью, кой-где отстают, на ряду с достижениями в их работе встречаются недостатки, болезни и уклоны.

То же, например, перенесение работы в цех протекает довольно медлительно, с большими задержками. Особенно страдает

[1]) Постановление XI с'езда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов в условиях нэпа, § 1.

[2]) Ленин, Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 10.

культработа. Красные уголки в цехах частенько застывают в форме «иконостасов», и во всяком случае их общее число значительно больше числа тех из них, в коих та или иная работа ведется. Клубы—эта важнейшая отрасль культурно-просветительной работы фабзавкомов—до сих пор крайне страдают одной распространенной болезнью: плохо умеют заинтересовать и вовлечь взрослого рабочего.

Делегатские собрания работают весьма отчетливо и регулярно. Достижения в этой области несомненны. Но работа делегатов в мастерской во многих местах поставлена очень слабо, так что вся работа делегатского корпуса сплошь да рядом сводится к участию в делегатских собраниях. Комиссии по охране труда тоже еще далеко недостаточно внимания уделяют работе в мастерской и различным формам коллективной работы. Часто дело сводится к работе одного освобожденного члена комиссии по охране труда, который вертится вокруг вопросов о спецодежде, о дополнительном питании, о домах отдыха и т. п. Не остается времени, не уделяется сил на то, чтобы организовать массу, ее самодеятельность, инициативу вокруг санитарно-технического состояния предприятия, мастерской и пр. Слабо поставлена санитарная и санитарно-техническая пропаганда. Вообще, вслед за культработой, которая нередко в работе фабзавкома оказывается чуть не на последнем плане, отодвигается куда-то на второй план и работа по охране труда.

Наконец, что касается экономработы, то в этой области почти всюду констатируется ослабление ее массовых форм. Последний (июньский) пленум ВЦСПС в своей резолюции о работе производственных совещаний отмечает, что «работа последних в 1925 г. ослабляется». Характерно при этом, что одной из болезней производственных совещаний в последнее время часто оказывается их крайне редкий созыв, с фактической их подменой производственными комиссиями, в том числе и цеховыми производственными комиссиями. Это означает отлив интереса к их работе со стороны широких масс, принижение массового характера их работы.

В общем, все это означает наличие значительных недочетов в массовой работе союзов, в работе по воспитанию, по организации масс, по «овладению» массами, т.-е. той работы, которая и делает профсоюзы «приводным ремнем».

2. «Хозяйственный уклон» в работе союзных органов.

Профсоюзные центры, особенно после последнего всесоюзного с'езда профсоюзов, много раз указывали на необходимость придания всем видам профработы все более и более массового характера. Ослабление массовой работы союзов было бы равносильно созданию такого положения, когда отдельные профорганы станут перед угрожающим обюрокрачиванием их. На эту опасность отрыва отдельных союзных организаций от масс, на опасность бюрократического уклона в работе союзов, руководящие партийные и союзные работники также указывали давно и неоднократно.

Последний партийный с'езд дал сжатую характеристику тех основных уклонов и недочетов в работе профсоюзов, которые приводили к отрыву от масс, к ослаблению массовой работы союзов. «Перегруженные разнообразной хозяйственной, политической и об-

щественной деятельностью,—говорится в резолюции XIV с'езда,—профсоюзы часто не могли справиться со своей работой, проявляя односторонность, порой отодвигая на второй план свою важнейшую и главнейшую задачу—защиту экономических интересов об'единяемых ими масс и всемерную работу над поднятием их материального и духовного уровня»[1]).

Защита материальных и духовных интересов своих членов—это основное содержание работы союзов, основная база, на которой и вокруг которой союзы сплачивают, организуют, воспитывают пролетариат и постепенно поднимают его до понимания более общих задач, до понимания задач социалистического строительства и борьбы за коммунизм вообще. Именно на этой работе союзы выполняют свою роль «школы-коммунизма».

Но тут поперек дороги союзов стояла собственная деятельность их органов. С одной стороны, фабзавкомы тонули в различных «мелочах», которые они часто брались выполнять вместо администрации: выдача различных удостоверений, трамвайных талонов и пр. А с другой—рабочие переставали в фабзавкоме видеть своего защитника, когда этот фабзавком сам начинал выступать в роле хозяйственника-администратора.

ВЦСПС уже год назад определенно указал на существование в работе союзов «хозяйственного уклона» и на необходимость борьбы с ним. Тем не менее случаи вмешательства фабзавкомов в оперативную работу хозорганов, непосредственного проведения ими различных хозяйственных мероприятий и пр. продолжались и после и по сие время кой-где встречаются. Комиссии фабзавкомов и паритетные органы (РКК) иногда берут на себя чисто административные функции. Особенно это относится к расценочно-конфликтным комиссиям и производственным совещаниям. Расценочно-конфликтные комиссии иногда сами от своего имени об'являют выговоры, производят увольнения, переводят с разряда на разряд, с одной работы на другую, выносят постановления о приеме на работу распоряжаются заводским имуществом и пр. Множество таких случаях отмечалось в работе фабрично-заводских РКК, несмотря на неоднократные указания на этот счет от высших союзных инстанций.

Аналогичные явления встречаются в работе производственных совещаний. Занятые непосредственно вопросами производства, вопросами рационализации, упорядочения хозяйства, устранения дефектов и пр., производственные совещания и комиссии легче всего скатываются к администрированию. Это выражается: 1) в работе за хозяйственные органы—участие в хронометраже, составление норм выработки и пр., 2) в давлении на рабочих—выносят выговоры за прогулы, за неподчинение администрации, разбирают вопросы о повышениях или понижениях тарифного разряда отдельным работникам и пр.[2]), 3) в стремлении сделать свои предложения безусловно обязательными для администрации.

В вопросах выдвижения дело иногда доходит почти до выборности на производственных совещаниях мастеров, бригадиров и пр., что, конечно, идет в разрез с нашей современной

[1]) Резолюция XIV с'езда «О работе профсоюзов», § 7. Курсив наш.

[2]) См., например, журнал «Производственное Совещание», орган Ленинградского губпрофсовета, № 10 от 10 июня 1926 г., статья «Наша боевая задача».

системой хозяйственного управления. При этом, стремясь подчинить себе администрацию, иные бюро и комиссии производственных совещаний сами попадают в положение подсобных органов администрации.

Получается своего рода «сращивание» союзных органов с хозяйственными организациями. На пленуме ЦК союза совработников были однажды констатированы случаи построения экономкомиссий месткомов на началах представительства от администрации и месткома, так что получается некий новый тип смешанных органов.

Конечно, не все фабзавкомы страдают такими ошибками. Производственные совещания—молодые, новые организации, не имевшие прецедента в истории; ошибки в их работе неизбежны и постепенно изживаются ими, как это и отметил последний пленум ВЦСПС. Не следует только беду превращать в добродетель. А такие попытки делались перед XIV партс'ездом частью товарищей из числа профсоюзных работников Ленинграда (Глебов-Авилов, Гордон и др.), от которых фракция пленума ЛГСПС самым решительным образом отгородилась[1]). Перенося центр тяжести всей профсоюзной работы на работу производственных совещаний, они умаляли значение различных других форм массовой работы. Тем самым получалось вообще не «возвеличение», как может быть думали авторы этих планов, а умаление, подрыв общего значения профсоюзов, ибо союзы без связи с массами, без массовой работы—ничто. Хозяйственный уклон, поскольку он встречается в деятельности отдельных органов профсоюзов, должен быть ликвидирован прежде всего именно в интересах развития массовой работы самих союзов, их работы по охвату масс, по защите материальных интересов этих масс, по их воспитанию и пр.

Если наши профсоюзы в некотором отношении не успевают охватывать рабочих масс, то это не потому, что они вообще не развиваются, не улучшают своей работы. Наоборот, очень значительные достижения профсоюзной работы в разных областях стоят вне сомнения. Но дело в том, что, благодаря быстрому росту нашей промышленности, союзы иногда не поспевают, с одной стороны, за чисто количественным ростом рабочих масс, за притоком новых, сырых необработанных слоев из деревни и, с другой стороны, за ростом требовательности, запросов, активности всех рабочих прослоек вообще. Чтобы не отстать, чтобы итти в голове рабочей массы, профсоюзы должны устранить из своей работы последние остатки всего того, что мешает их движению, что гирей висит на их ногах—отдельные промахи и ошибки в своей практической работе, в том числе в первую голову административно-хозяйственный уклон.

3. Производственные задачи союзов и режим экономии.

Две характерные черты в современной обстановке определяют особые задачи, стоящие перед профсоюзами именно в настоящий момент. Сюда относится, во-первых, громадное количество еще не переварившихся в «фабричном котле» рабочих, влив-

[1]) В резолюции по докладу т. Андреева об итогах XIV с'езда, на заседании от 12 января. См. «Ленинградский Рабочий», № 3.

шихся в промышленность за последние годы. Даже в таких союзах, как союз металлистов, больше 50% членов вступили в союз за последние годы нэпа. Во-вторых, сюда относится тот решительный курс на индустриализацию, который взят в экономическом строительстве СССР.

С этой точки зрения перед профсоюзами в настоящее время стоит в качестве насущнейшей очередной задачи требование, во-первых, устранить противоречие об'ективной необходимости усиления массовой работы, с одной стороны, и наличия в их работе уклонов (хозяйственный и др.), мешающих этой массовой работе,—с другой. Во-вторых, союзам придется упорно поработать над устранением еще другого противоречия: противоречия между цеховыми настроениями части рабочего класса и задачей усиления работы союзов по участию в организации хозяйства.

Лозунг индустриализации и борьба за режим экономии, должны быть самым активным образом на деле поддержаны нашими профессиональными организациями. Без этого борьба не может увенчаться успехом. В этой борьбе союзы должны помочь нашим хозяйственникам. И здесь они столкнутся прежде всего с необходимостью преодоления цехового уклона в самой рабочей среде, преодоления производственной расхлябанности и пр.

За последний год констатировано некоторое ослабление производственной дисциплины и производительности труда. Оно связано в значительной мере с «разжижением» армии индустриальных рабочих притоком новых слоев, вышедших из деревни. Такие новые слои рабочих часто еще смотрят на фабрику, как на источник более или менее «побочного» заработка, как на дойную корову, которую надо использовать в своих частных интересах. Цеховая узость и близорукость здесь, естественно, налицо. Требование со стороны хозяйственников производственной дисциплины и твердого производственного режима расценивается такими группами рабочих, как «административный зажим», произвол и пр.

Конечно, профсоюзы не могут потакать таким настроениям на государственных предприятиях. Наоборот, борьба с цеховой узостью в рабочей среде является в наших условиях одной из важнейших задач профсоюзов.

Противоречит ли эта задача работе союзов, как «школы коммунизма»? Ясное дело, что не только не противоречит, а является необходимой частью этой работы. Нельзя преодолеть цеховые настроения, не овладев массой вообще. С другой стороны, овладение массой, ее воспитание предполагает участие в производственной работе, в работе по организации социалистического хозяйства.

Если бы профсоюзы «производственное воспитание» попробовали осуществлять при помощи «правил внутреннего распорядка» и «табели взысканий», т.-е. если бы они стали на путь административно-хозяйственной деятельности, то они вступили бы, действительно в непримиримое противоречие с задачей охвата и воспитания масс. Такого рода «экономическая работа» профсоюзов, действительно, не совместима с задачами союзов, как «школы коммунизма». **Хозяйственный уклон в работе союзов создает непримиримое противоречие между их экономработой и их задачами по воспитанию масс.**

Устранить это противоречие—значит открыть возможность действительного широкого участия профсоюзов в деле организации социалистического хозяйства советских республик.

Непримиримое в рамках одной организации—профсоюзов, это противоречие становится вполне примиримым и изживается при правильном разграничении функций между профсоюзами и хозорганами.

Принципиально вопрос о том, как должна строиться экономработа союзов в условиях нэпа, был уже давно решен партией (гл. обр. на XI с'езде) и союзами (на V всероссийском с'езде в 1922 году). Противоречие между массовой работой и экономработой, возникающее в случае хозяйственного уклона, разрешается сохранением своеобразия форм и методов участия союзов в производственной жизни, сохранением ими в этой работе своего «лица», отдачей административных функций хозорганам.

В чем, например, может выражаться участие профсоюзных организаций в борьбе за установление режима экономии в области производства?

Как массовые организации, союзы, повидимому, прежде всего должны подойти к вопросу с точки зрения мобилизации масс вокруг этого вопроса. Союзы должны провести большую раз'яснительную кампанию, в которой выяснить задачи индустриализации и борьбы за экономию. Рабочие должны поголовно проникнуться сознанием того, что в современных условиях увеличение заработной платы и улучшение экономических условий существования рабочего класса вообще, возможно не иначе, как через дальнейший под'ем нашей промышленности. Рабочие должны знать, что их экономическое благополучие теснейше связано, в частности, с режимом экономии, что этот режим не направлен против экономических завоеваний нашего рабочего класса.

Конечно, дело не должно ограничиваться словесными об'яснениями. Союзы должны на деле бороться с попытками отдельных хозяйственников экономить не там, где нужно. Союзы должны в этом случае сохранить самостоятельную позицию по отношению к отдельным хозяйственникам и бить их по рукам, когда они пробуют «экономить» на кипятке для рабочих, на ухудшении условий охраны труда и пр. Такая «экономия» нисколько не способствовала бы уяснению массами наших современных лозунгов, и не способствовала бы поднятию авторитета ни профсоюзов, ни хозяйственников.

Затем организации профсоюзов должны усилить массовый контроль над работой хозорганов вообще, давая последним конкретные, практические указания по докладам заводоуправлений, трестов и пр. на общих и делегатских собраниях рабочих, на производственных конференциях и совещаниях.

Работа производственных совещаний должна быть усилена. Для борьбы за экономию она имеет громадное значение. За последний год осуществление предложений производственных совещаний дало народному хозяйству многие сотни тысяч и миллионы

рублей [1]), без всякого превращения их в «законодательные» органы с административными функциями. В дальнейшем, в связи с усилением их деятельности, они дадут десятки и, может быть, сотни миллионов рублей экономии, способствуя устранению всяких тормозящих и удорожающих производство «мелочей» и общей рационализации всего производственного процесса. Часто ссылаются на «невнимательное отношение хозяйственников», как на причину того, что работа производственных совещаний за последний год ослабла. Но профсоюзы не должны успокаиваться на этой ссылке на хозяйственников, а прежде всего обратить внимание на свою собственную работу. Слабое руководство фабзавкомов, отсутствие плановости в работе производственных совещаний и другие недостатки являются довольно распространенными.

Очень много еще может дать и усиление работы профсоюзов по охране труда. Число несчастных случаев в нашей промышленности за последние полтора года весьма «планомерно» растет. Сверхурочные работы получили величайшее распространение. По РСФСР 16% работающих работают сверхурочно, по Украине—30% (считая за март), в металлургии этот процент достигает 70. Нет никакого сомнения, что улучшение гигиенических и санитарно-технических условий работы могло бы значительно способствовать и уменьшению числа несчастных случаев и повышению производительности труда. Низовые профсоюзные организации могли бы многое сделать для режима экономии, посредством таких «мелочей» (очень важных на самом деле), как борьба с грязью, с удушливым, спертым воздухом, плохим освещением и пр. Словом, работа по охране труда не только не отодвигается куда-нибудь на задний план в связи с задачей участия союзов в организации производства, но наоборот, приобретает важнейшее значение. Надо только ее соответственным образом поставить.

Конечно, участие профсоюзов в кампании по режиму экономии можно было бы свести к некоторым бюрократическим выдумкам и этим ограничиться. Практически такой оборот дела возможен и кое-где наблюдается. Например, некоторые заводоуправления организуют специальные оперативные комиссии по борьбе с накладными расходами и приглашают завкомы дать своих представителей в эти комиссии. Профсоюзы, в лице своих руководящих организаций, уже высказались против вхождения в такие комиссии. Кроме дублирования работы производственных совещаний и смешения административных и союзных органов, ничего от такого нового типа смешанных комиссий не получилось бы.

---

[1]) Вот для примера некоторые данные из доклада т. Владимирова о производственных совещаниях на последнем пленуме ВЦСПС:

«Подсчета практических результатов производственных совещаний, выраженных в рублях, мы еще не имеем. Но отдельные сведения этого рода имеются, например, в Туле, где производственная работа по об'ему не уступает ленинградской, были подведены итоги по инструментальному цеху. Осуществление предложений произв. совещаний с'экономило производству 64000 р. На Ленинградском заводе «Красный Треугольник» с'экономили для производства 148.000 рублей. На Харьковских заводах «Серп и Молот» и «ВЭК» также имеются значительные производственные достижения: улучшены качество формовочного материала и инвентарь формовщиков, найден способ использования обрезков, усовершенствован транспорт и проч.» («Труд» № 133).

Такой же бюрократической выдумкой надо считать и предложение предоставить производственным совещаниям на предприятии административные права, считать их предложения для хозорганов обязательными и т. п.

Если, как это указывалось, участие фабзавкомов в производственной жизни предприятия несколько суживалось за последнее время, то с этим, конечно, необходимо скорее покончить. Ограждая экономические интересы своих членов, профсоюзы должны в то же время не забывать о своем участии в хозяйственном строительстве, в деле организации государственного хозяйства советских республик. И когда советское государство ставит во главу угла всей своей работы задачу индустриализации, союзы не могут просто остаться в стороне, они должны усилить свою экономработу. Но это нисколько не значит, что они сами должны брать на себя хозяйственно-административные функции или пойти на «сращивание».

Это было бы нецелесообразно уже с точки зрения голого непосредственного хозяйственного эффекта, так как совершенно противоречило бы тому «прямому и жесткому курсу на единоличное решение, на ответственность», который необходим нашему хозяйству.

С другой же стороны, это имело бы то последствие, что рабочие стали бы смотреть на профсоюз не как на защитника своих интересов, а как на придаток административных органов.

4. Профорганы в заводском «треугольнике».

Вопрос о правильной постановке работы низовых профсоюзных ячеек—фабзавкомов—это в значительной мере вопрос о так называемом заводском «треугольнике».

«Треугольник»—это не три лица (как иногда это понимается), а три организации, поскольку дело касается их взаимных отношений. Задача заключается в том, чтобы, добиваясь дружной и согласованной работы, они не подменяли бы друг друга, не захватывали бы и не перепутывали специфических задач и методов друг друга. Вовсе не нужно, чтобы, скажем, завком и заводоуправление враждовали. Но необходимо, чтобы за единством они не забывали различия. Единство создается в условиях социалистических государственных предприятий общностью целей социалистического строительства, борьбы за коммунизм. Различие остается в виде различия непосредственных задач, форм и методов работы. Доля противоположности между профсоюзами и хозорганами в советских условиях остается, поскольку первые должны охранять интересы рабочих от бюрократических извращений хозорганов. «Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства» [1]).

«Союзы утратили такую основу, как классовую экономическую борьбу, но далеко не утратили и долгие годы еще, к со-

---

[1]) Ленин, «Сочинения», т. XVIII, ч. 1, стр. 12.

жалению, не смогут утратить, такую основу, как неклассовую «экономическую борьбу» в смысле борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов массы трудящихся путями и средствами, недоступными для этого аппарата и т. п.»[1]).

Отсюда вытекает и необходимость для профсоюзов сохранения самостоятельной позиции по отношению к административным органам государственной промышленности, несмотря на то, что это промышленность пролетарского государства. Перед лицом административных органов профсоюзы остаются защитниками интересов рабочих, иначе стирается их собственное лицо.

Тов. Томский очень хорошо сказал в одной речи об опасности слишком большой «дружбы» между завкомом и хозяйственниками, когда она устанавливается за счет связи завкома с массой. «Все живут в тесной спайке, друг друга похваливают, единство руководства обеспечено, но вот в чем горе—нет спайки с теми, которыми руководить нужно. Вот в чем самое слабое звено профсоюзной цепи!»

Получается иногда такое положение, что масса смотрит и говорит: «Вы уже такие хорошие взаимоотношения установили, что к кому ни обратись: обратись к Ивану, все равно, что к Степану»[2]).

Но работа фабзавкома зависит не только от установления внутри «треугольника» правильных отношений с администрацией предприятия. Не меньшее значение для завкома имеют отношения с «верхушкой» треугольника, с партийной ячейкой.

Парт'ячейка руководит фабзавкомом и его отношениями с заводоуправлением. Но она сама должна встать в определенные отношения к ФЗК и руководить определенным образом, иначе может получиться не усиление, а ослабление ФЗК. Такой плачевный результат получается в том случае, если ячейка подменяет завком и работает за него вместо того, чтобы добиваться его работы.

Ячейка не должна подавлять самодеятельности беспартийных рабочих в ФЗК и его органах, а направлять эту самодеятельность, не терять руководства. Также самодеятельности и ответственности должна требовать ячейка от фракции ФЗК, через которую она всей союзной работой руководит. Правильное руководство «верхушки треугольника» союзной работой предполагает, при действительном сохранении за партией решающего влияния, развитие максимума самодеятельности всех рабочих как партийных, так и беспартийных.

Сохранение «мелочной опеки», давно уже осужденной руководящими партийными инстанциями, очень отрицательно влияет на развитие союзных органов, подрывает их авторитет в глазах рабочих масс и тормозит выращивание беспартийного профсоюзного актива—этого резерва партии.

Одним из видов такого «чрезмерного» вмешательства парторганов в профработу являются «наблюдающиеся до последнего времени уклонения от нормального примирительного и третейского разбирательства конфликтов, путем перенесения их на

[1]) Там же, стр. 66.
[2]) М. Томский, «Вопросы практики проф. движения», стр. 15.

решение парторганизаций»[1]). В резолюции XIV парт'с'езда о работе профсоюзов имеется на этот счет следующее замечание:

«На ряду с мелочным вмешательством парторганов в повседневную работу профорганизаций выяснилось: несерьезный подбор руководящих работников профорганизаций, частая смена их, перенесение на решение парторганов большинства вопросов об условиях труда, зарплаты, колдоговоров и т. п., нарушая этим нормальные методы профсоюзной работы и принижая авторитет профсоюзов в глазах широких рабочих масс»[2]).

Но уже и после с'езда приходится встречаться с повторением старых песен на этот лад[3]).

Выступая на пленуме МК, тов. Угланов по поводу работы треугольника, между прочим, сказал: «Есть недостатки в работе хозяйственных органов и руководителей, есть недостатки в работе профсоюзных организаций и руководителей, есть недостатки в работе партийных организаций и руководителей. Поэтому мы и говорим: отстаивай сам порученное тебе дело».

Профсоюзы и, в частности, фабзавкомы должны отстаивать «порученное им дело». Партийная ячейка должна следить и за тем, чтобы свое дело «отстаивали» завком и заводоуправление, и за собой самою. «Верхушка треугольника» должна 1) руководить, 2) руководить определенным образом. Нарушая «нормальные методы профсоюзной работы», она нарушает нормальные методы своей собственной работы. Подменяя беспартийные рабочие организации там, где надо было бы развивать их самодеятельность, она сама подвергается опасности расплыться в беспартийности.

5. Защита «хозяйственного уклона» некоторыми представителями последней оппозиции.

В своем докладе на XIV партийном с'езде тов. Томский, между прочим, сказал:

«Я в газетах читал в кой-каких статьях отдельных видных партийных товарищей, что дело изображают так, что если самодеятельность рабочих пойдет в рамках партии, то это хорошая самодеятельность, если же она пойдет вне рамок партии,—а вне рамок партии самодеятельность рабочих проявляется только в профсоюзах,—то это уже нездоровая самодеятельность. Отсюда выводы о широком расширении партийных рядов».

Партийный с'езд осудил «политику, ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов», при чем, как известно, «идеологами» такого «разбухания» были некоторые представители тогдашней ленинградской оппозиции. Является совершенно «закономерным», что в рядах той же оппозиции группировались также «идеологи» «хозяйственного уклона» в профсоюзной работе. Одно цепляется за другое, хотя для самих «авторов» партийных уклонов эта связь могла остаться неясной. Она даже наверняка должна была для них остаться неясной.

[1]) Резолюция XIV с'езда ВКП (б) о работе профсоюзов, § 22.
[2]) § 38-й резолюции.
[3]) См., напр., постановление ЦК о работе Родниковского районного комитета. «Известия ЦК ВКП». 1926. № 8 (129).

В самом деле, если профсоюзы должны уйти «глубже в производство» и центр тяжести своей работы переместить в сторону организации хозяйства, то их массовая работа должна отойти на задний план. Тогда задача непосредственного охвата масс перелагается на партию. Союзы перестают быть «приводными ремнями»; а по партийной линии дается лозунг: 90% рабочих в ряды партии.

С другой стороны, такое непонимание роли профсоюзов связано с непониманием задач и условий нэпа, которым страдала последняя партийная оппозиция. Оппозиция, как известно, по существу отрицала значение нэпа и его методов, как пути к коммунизму. В области же профсоюзной политики представители той же оппозиции, в сущности, если не пытались целиком воскресить некоторые традиции донэповского периода, то кое-какие тенденции тогдашних идеологов «сращивания», они, безусловно, восприняли и пытались проповедывать.

На этот счет в партийных и профсоюзных кругах в течение нескольких месяцев до XIV с'езда кое-какая полемика велась. И хотя это принадлежит прошлому, но прошлое не исчезает бесследно, попытки возродить «идеологию хозяйственных уклонов» в профработе возможны, и с этим следует считаться.

На этот раз главным представителем «хозяйственного направления» в профсоюзном вопросе выступал тов. Глебов-Авилов, тогдашний (до января наст. года) председатель ленинградского губпрофсовета. Еще в сентябре в передовой органа ЛГСПС «Ленинградский Рабочий» [1]) он выступал с лозунгом: «Союзы—глубже в производство!» В статье под таким названием он писал, что «в ближайшее же время нужно экономработу союзов реорганизовать, выдвинуть ее, как основную работу... Нужно, чтобы профсоюзы по-новому приобрели вкус к своей роли в производстве!»

Тов. Глебову-Авилову казалось, что союзы у нас до сих пор слишком мало углублялись в производство и слишком много занимались вопросами защиты интересов рабочих. «Последние 3—4 года (т.-е. в эпоху нэпа. *А. С.*) профсоюзы не только главное, но и исключительное внимание уделяли вопросам материального положения рабочих, непосредственной защите их интересов». Эти слова т. Глебова являются прямой противоположностью того, что о профсоюзах сказал сначала октябрьский пленум ЦК, а затем и XIV с'езд, сказавший, что союзы «порой отодвигали на второй план» свою главную задачу—«защиту экономических интересов об'единяемых ими масс» и т. д. [2]). Эта противоположность характерна для различия в понимании положения и задач профсоюзов большинством партии и одним представителем «новой оппозиции».

Дальше тов. Глебов в той же статье писал, что «бюро цеха (профбюро. *А. С.*) так же, как и производственная комиссия завода, должно всерьез обсуждать и, если нужно, при участии вышестоящих профессиональных и хозяйственных органов исправлять производственные программы завода, цеха. Эти производственные программы должны также обсуждаться на производственных совещаниях как цеховых, так и общезаводских».

[1]) От 28 сентября 1925 г.
[2]) Резолюция о работе профсоюзов, § 7.

Тов. Глебова повторяли в Ленинграде некоторые другие. На XXII Ленинградской губпартконференции с критикой профсоюзной политики партии выступил тов. Гордон и говорил о существующих якобы попытках «трэд-юнионизировать» наши профсоюзы.

Точка зрения тогдашней оппозиции из ленинградского губпрофсовета нашла свое отражение даже в учебниках. Так, в конспекте лекций по истории, теории и практике проф. движения, выработанных ленинградским губпрофсоветом для профкружков и курсов, имеется следующее характерное положение:

«В пролетарском государстве, где союзы призваны к активному участию в хозяйственном строительстве республики, экономработа союзов является стержнем, вокруг которого и на основе которого строится вся политика и практика союзов» [1]).

Такая позиция вовсе не была принята всем ленинградским губпрофсоветом того времени. Большинство было против позиции тов. Глебова-Авилова и его сторонников и решительно от них отмежевалось в специальной резолюции фракции пленума ЛГСПС (по докладу об итогах XIV с'езда, 12 января наст. года). Орган того же ЛГСПС еще до этого выступил против позиции тогдашнего председателя ЛГСПС. В передовой статье («Об основной задаче профсоюзов и о «нашей» оппозиции») от 4/I «Ленинградский Рабочий» следующим образом резюмировал эту новейшую дискуссию о профсоюзах:

«XIV с'езд, идя по стопам XI с'езда ВКП (б), твердо и ясно подтвердил, что основной задачей профессиональных союзов является защита материальных интересов широких масс рабочих и их организация. Кто не понимает первостепенной важности этой задачи, кто пытается подменить ее другим лозунгом и хотя бы лозунгом: «Союзы—глубже в производство», тот конечно, не понимает окружающей действительности и назначения профсоюзов при нэпе. А именно этим чудовищным непониманием задач профсоюзов страдала с'ездовская оппозиция, поскольку о ее точке зрения можно судить по рассуждениям одного из ее лидеров».

Таким образом, по существу, позиция тов. Глебова и его сторонников была попыткой оформления, закрепления и узаконения хозяйственных уклонов в практической работе некоторых отдельных профсоюзных организаций. Это была попытка создать новую идеологию «сращивания». Позиция эта очень напоминает кое-какие синдикалистские формулы блаженной памяти рабочей оппозиции и «цектранистов» начала 1921 года.

В то время, еще до перехода к нэпу, тогдашняя оппозиция (тов. Троцкий в том числе) считала, что задачей наших союзов является «организовать производство». При этом т. Троцкий и другие ссылались на известный пункт в нашей партийной программе, который говорит, что «профсоюзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым».

Тов. Ленин в тогдашнем споре уже раз'яснял, что этот пункт вовсе нельзя толковать так, что задача союзов—организовать.

[1]) Цитирую по статье Б. Козелева в «Вестнике Труда» № 1 за 1926 г. стр. 7. Подчеркнуто мною.

производство. Программа партии ставит, по словам Ленина, «очень «строгие» и очень длительной работы требующие «условия» для дальнейшего». Заметьте, говорит Ленин, программа утверждает, что союзы «должны притти к фактическому сосредоточению управления не отраслями промышленности и не промышленностью, а всем народным хозяйством и притом, как единым хозяйственным целым: это условие, как экономическое условие, действительно выполнимым можно считать не раньше, чем тогда, когда за мелкими производителями и в промышленности, и в земледелии осталась меньшая, чем половина, доля в населении и в народном хозяйстве».

«Резюмировать все это таким образом, что наша партпрограмма «формулировала» задачу профсоюзов «организовать производство», явно неправильно» [1]).

Очень часто, опираясь на какое-нибудь общее положение, хотят дать конкретный лозунг дня, не изучая особой природы этого «дня». Так это бывает и в вопросе о задачах профсоюзов, когда люди вспомнят какое-нибудь общее, совершенно верное само по себе, положение и выкинут лозунг, очень мало подходящий в качестве практического руководящего лозунга момента.

Нельзя, например, судить о современных задачах наших профсоюзов только по тому, совершенно бесспорному, положению нашей партпрограммы, что союзы должны притти к сосредоточению в своих руках управления народным хозяйством, как единым хозяйственным целым. Надо еще знать, каким именно образом можно к этой цели приближаться в каждый данный момент, в особых, неповторяемых конкретных условиях этого момента. Нужно видеть в работе пути, переходы, очередные звенья. Нужно определять своеобразные переходные задачи в их конкретности. Словом, нужно уметь практически применять материалистическую диалектику марксизма.

Ленинградская оппозиция 1925 года в профсоюзных вопросах ошибалась, поскольку не понимала своеобразия положения союзов и не могла верно определить того центрального звена в их работе, которым определяется основное содержание их работы в настоящее время.

[1]) Ленин, Сочинения, т. XVIII, ч. 1 стр. 67.

М. Альский.

Крестьянское движение в Гуандуне.

(Начало статьи см. в № 12).

Бесправие и экономический гнет, произвол военщины, местных властей и «бумажных тигров», наконец, разгул бандитизма—были теми условиями, которые вызвали к жизни крестьянское движение в Гуандуне.

Движение крестьян в Гуандунской провинции давно обращало на себя внимание Гоминдана. Еще покойный основатель и вождь этой партии, Сун-Ят-Сен, признавал необходимым не только политическое оформление этого движения в провинции, но и приобщение его к революционному движению всего Китая.

В 1924 году, после реорганизации Гоминдана, при его центральном комитете был создан специальный отдел по работе среди крестьян. В одной из своих деклараций по крестьянскому вопросу Гоминдан заявил, что, согласно принятой им на I конгрессе политической программе партии, он будет добиваться в отношении крестьянства «фиксации налогов и арендной платы на земли, отмены всех чрезвычайных сборов, проведения переписи населения, реорганизации земельных отношений, такой стандартизации производства и потребления, чтобы народ мог иметь равную для всех и достаточную пищу, реформы сельско-хозяйственных деревенских организаций, улучшения жизни крестьян, урегулирования землепользования, снижения цен на землю, установления обязанности землевладельцев отчитываться перед правительством и права правительства покупать у помещиков их земли для предприятий общественного значения». Далее Гоминдан заявил в той же декларации, что «партия стремится к тому, чтобы земля была распределена между крестьянами, которые не имеют земли и вынуждены поэтому работать в качестве сельско-хозяйственных кули, что Гоминдан будет добиваться открытия сельскохозяйственного банка, чтобы помочь крестьянам, которые эксплоатируются ростовщиками, проведения мелиорации почвы и ирригационных работ, изменения методов обработки земли и привлечения капиталов к обработке пустующих земель».

Указав далее, «что количество обрабатываемой в Китае земли уменьшилось за 8 лет на 400 миллионов мау», что «количество пустующих земель все более и более увеличивается», что «производительность страны уменьшается, а число наемных солдат и бандитов из года в год увеличивается», что «база существования нации поставлена под угрозу», что «экономической причиной крестьянской бедноты является высокая арендная плата, тяжелые налоги, вымогательства милитаристов и жадность земельных собственников, а политической—бесконечные войны милитаристов, за которые расплачивается крестьянство, отсутствие у крестьян политических прав и притеснение их со стороны ман-

даринов, милитаристов и земельных собственников»,—Гоминдан призывал крестьян сплотиться вокруг партии и предостерегал помещиков, джентри и местные власти от бесчинств против крестьян.

Крестьяне живо откликнулись на зов Гоминдана. Влияние его стало быстро распространяться среди крестьян и мелких арендаторов. Оно стало мало-по-малу проникать и в «крестьянские дружины» и другие «крестьянские» организации, созданные помещиками для порабощения крестьян. Спустя короткое время Гуандунская провинция покрылась сетью крестьянских союзов, которые стали так или иначе увязывать свою работу с Гоминданом. Спустя лишь 6 месяцев крестьянский союз имел уже 50 местных организаций в 15 префектурах провинции.

Реакционные элементы южно-китайской деревни испугались новой формы движения крестьян. Они сделали было попытку запугать крестьян путем массового и индивидуального террора и тем самым помешать или, по крайней мере, затруднить им организацию крестьянских союзов на местах. Милитаристы, помещики и бандитские шайки выступили единым фронтом против крестьян. Они стали чинить над ними насилия и в Гуан-Нине, и в Хоачуйене, и в Тун-Хуане. Местные власти не только не стали в защиту крестьян и их организаций, но нередко выступали заодно с их гонителями и эксплоататорами-помещиками, ростовщиками, джентри, милитаристами и бандитами.

Политика Гоминдана в отношении развертывавшегося крестьянского движения не всегда, однако, отличалась достаточной устойчивостью. Этому в известной мере способствовало и состояние гражданской войны в Гуандунской провинции, и борьба за власть, и борьба внутри самого Гоминдана.

В тех случаях, когда крестьянство не так скоро приходило на помощь Гоминдану, в партии раздавались голоса, что крестьянам чужды интересы революции; наоборот, когда крестьянские организации быстро откликались на зов Гоминдана, в партии раздавались другие голоса.

В зависимости от хода политических и военных событий, Гоминдан уделял крестьянскому движению то большее, то меньшее внимание. Но на первых порах он ограничился одной лишь агитационной работой среди крестьянства. Он оперировал широковещательными программами и отвлеченными лозунгами, избегая в то же время говорить о том, что крестьянские союзы, в конце концов, должны стать классовой организацией беднейших слоев неселения китайской деревни.

Почувствовав угрозу со стороны новой организации крестьян, помещики, милитаристы и бандитские шайки Чана в Хай-Фыне об'единились для подавления молодого крестьянского движения. Местные крестьянские организации со своей стороны, поставили вопрос о выступлении с забастовкой-протеста против готовящегося против них выступления об'единенных сил их эксплоататоров. Но вождь их Пейн-Пан отклонил это предложение. Он считал, что военные силы Чана слишком велики, что крестьяне не имеют оружия и что они не могут пока рассчитывать на поддержку извне.

Желая мобилизовать на свою сторону одних и напугать других крестьян, Чан опубликовал аграрную программу ККП. Но Чан ошибся. Он добился обратных результатов. Крестьяне узнали

о существовании в городе рабочей партии. Они поручили своему вождю Пейн-Пану связаться с ней и постараться получить у нее оружие.

В том же Хай-Фыне 10-членная гоминдановская ячейка в целях пропаганды отправила одного из своих членов к Шио-Тхе-Сиен. Спустя некоторое время Шио-Тхе-Сиен послал двух своих делегатов в местный крестьянский союз для изучения программы его деятельности. Удовлетворившись результатами своего опроса, они вернулись обратно в свой отряд для пропаганды. С тех пор начался прилив людей из отряда Шио-Тхе-Сиен в местную крестьянскую организацию.

«Партия длинноволосых», студенты, дети крестьян и отдельные крестьяне стали мало-по-малу вступать в сношение с десятками и с организованными ими крестьянскими союзами и организациями.

Помещики и ростовщики, джентри и бандиты с самого начала поняли, что под руководством Гоминдана в деревне формируется новая сила, с которой им придется в дальнейшем вести жестокую борьбу. Они открыли «крестовый поход» против новых крестьянских организаций в деревне. «Крестьянские дружины» и наемные бандитские шайки стали громить крестьянские союзы. Они стали захватывать их помещения, арестовывать и убивать наиболее видных их работников. Таким образом, в Гуандунской деревне, у самой колыбели организованного крестьянского движения, началась упорная борьба за право существования крестьянских союзов. Борьба эта с самого начала стала принимать формы открытых вооруженных столкновений между беднейшими слоями крестьянства и мелкими арендаторами, с одной, и землевладельцами и джентри, с другой стороны. Слабые ячейки крестьянских союзов не выдерживали напора помещиков и деревенской знати,—они распадались, не успев, или почти не успев, пустить корней в население. Выживали лишь наиболее сильные из них. Они становились в дальнейшем опорными пунктами строительства крестьянских союзов в деревне.

После разгрома в Кантоне купеческого корпуса «бумажных тигров», крестьянские союзы несколько окрепли, а помещики и их организации несколько присмирели.

Крестьянский союз в районе Фасьена об'единял в своих рядах до 3000 членов, вернее семей, так как вступление главы семейства в члены союза сбозначает, в сущности, на юге Китая вступление в него и всей его семьи. Членами этого союза здесь являлись в большинстве случаев мелкие арендаторы-крестьяне, которые состояли одновременно и членами тайной полурелигиозной крестьянской организации «Союза Большого Меча».

Местный крестьянский союз организовал в этом районе несколько клубов для крестьянской молодежи. В четырех деревнях он открыл вечерние школы. В самом Фасьене им издавалась крестьянская газета «Фасьеновское Крестьянское Обозрение», которая имела тираж до 1000 экземпл. в день. Союз имел в своем распоряжении отряд, который был вооружен 100 единицами ручного огнестрельного оружия крайне устарелых образцов.

В противовес этой организации, помещики организовали в Фасьене свой союз—«Союз Помещиков». Он сразу же стал делать попытки к разгрому крестьянского союза.

В конце октября 1924 года в Гуандуне произошло первое большое столкновение между крестьянскими организациями и помещиками.

В районе Фасьена крестьянские организации пред'явили помещикам требования о снижении арендной платы на 40%. Помещики ответили на это мобилизацией всех своих сил. Они решили разгромить крестьянские союзы. Боясь, однако, что кантонское правительство окажет поддержку крестьянам, они отказались от открытого нападения и стали применять систему индивидуального террора против руководителей крестьянских организаций. Боясь, в свою очередь, новых осложнений в провинции, после только что закончившейся борьбы с «тиграми», кантонское правительство решило воздержаться от открытой поддержки крестьянских союзов. Конфликт затянулся. Крестьянские организации понесли ряд мелких поражений.

В апреле 1924 года по почину нескольких кантонских рабочих-маслоделов, связанных с местной организацией ККП в Гуан-Нине, в 200 километрах к северо-западу от Кантона, организовался крестьянский союз. Деятельность его быстро развернулась. В течение короткого времени он об'единил уже в своих рядах несколько тысяч членов. Он стал издавать газету «Гуаннинские Крестьянские Известия» и организовал вооруженный отряд в 300 человек. Помещики и джентри насторожились. Они мобилизовали свои отряды и разгромили две организации крестьянского союза в Циан-Тон и Там-Пу. Отношения между крестьянскими союзами и помещичьими организациями крайне обострились. В ноябре месяце гуан-нинский крестьянский союз вынес постановление о необходимости добиваться снижения на 40% арендной платы на земли.

Помещики ответили на это мобилизацией всех своих отрядов и наступлением на центр уездной крестьянской организации—местечко Тану. Они атаковали крестьянский отряд у деревни Шен-Хай. Между отрядами крестьян и помещиков произошло вооруженное столкновение. На помощь помещикам пришли некоторые отряды разбитого в Кантоне корпуса «бумажных тигров». Об'единенными силами они перешли к партизанским военным действиям, против крестьянских союзов. Они стали сжигать отдельные деревни, уводить скот, захватывать отдельных членов союзов и разорять крестьян.

И крестьяне и помещики одновременно обратились к правительству и Гоминдану, взывая о помощи. Печать открыла бешеную кампанию против крестьянских союзов, изображая их шайками бандитов.

Правые группировки Гоминдана, генерал Фан-Сын-Сан, командир 2-го юнанского корпуса, связавшийся с купечеством после разгрома в Кантоне «бумажных тигров», и генерал Ли-Фу-Лин, командир 3-го кантонского корпуса—любимец кантонских купцов и оффициальный руководитель деревенских отрядов в районе Кантона,—открыто стали на сторону помещиков. Они обратились к правительству с требованием о немедленном подавлении восстания крестьянских союзов. Левое крыло Гоминдана вместе с коммунистами стало на защиту крестьянских союзов. Вначале центр Гоминдана резко заколебался, но потом он перешел на сторону крестьянских союзов. Положение определилось. Кантонское

правительство выслало одну из своих дивизий на помощь крестьянским союзам.

Прибыв на место, дивизия перешла на сторону помещиков. Узнав об этом, правительство выслало на смену дивизии свой бронеотряд. Он пришел на место с плакатами: «По приказу генералиссимуса Сун-Ят-Сена, мы прибыли в Гуан-Нин для защиты крестьян». Его прибытие сразу же подняло настроение борющихся крестьян. Они выдвинули дополнительные требования об отмене натуральных налогов, об аресте руководителей помещичьих отрядов и конфискации их земель в пользу крестьянских союзов. Между отрядами крестьян и бронеотрядом, с одной стороны, и помещиками, с другой—произошло вооруженное столкновение. Первые потеряли в бою несколько десятков человек ранеными и убитыми и вынуждены были отступить.

Помещичьи организации, право-гоминдановские группировки и некоторые кантонские генералы, ободренные этим успехом, усилили свою кампанию в печати против крестьянских союзов. Помещики стали забрасывать народ листовками, в которых обвиняли правительство в пристрастии к одной части населения. Они заявляли, что «нацию составляет весь народ. Если, однако, правительство пристрастно к одной части его, то народ не может ему повиноваться»..., что «целью крестьянских организаций является свержение капитализма и помещиков, поэтому мы не можем не бороться против них, не можем не добиваться их полного уничтожения»...

Газета 72 гильдий кантонского купечества, в номере от 10 декабря 1924 года, поместила статью своего корреспондента, в которой описывались несчастия, причиненные помещикам организованной партией Гоминдан крестьянской лигой в Гуандуне. «Лига принудила землевладельцев, — писала газета,—взимать арендную плату на 40% меньше прежнего. Согласно китайским обычаям, землевладелец имеет абсолютные права над своими рисовыми полями. Он может сдавать их кому угодно на основе обычного договора. Арендатор за свой труд и землевладелец за право на свои земли, получают по одной половине урожая. Из своей доли землевладелец уплачивает налог и выполняет ряд других общественных повинностей. В случае наводнения он обычно помогает арендатору в покупке семян для посева. Вообще говоря, землевладельцы сдержаны в своих требованиях, но для советских руководителей и бюро гоминдановской пропаганды это положение как-будто даже неизвестно. В округе Гуан-Нине большевистское требование сокращения арендной платы на 40% имело своим последствием вооруженный конфликт между ассоциацией землевладельцев и гоминдановской крестьянской лигой. Красные гоминдановцы обвиняют землевладельцев в их симпатии к купеческим волонтерам и пытаются разоружить волонтеров на том основании, что последние являются противниками гоминдановского режима». Газета заканчивает свою статью заявлением, что, «несмотря на хорошие взаимоотношения между помещиками и арендаторами, гоминдановская большевистская агитация начинает приносить все больше и больше бед».

Другая купеческая газета поместила в тот же день сводку успехов помещиков. Она указывала на пять случаев столкновений между землевладельцами и арендаторами. «В районе Синь-Хуй крестьяне требуют сокращения арендной платы на половину,

указывая, что вторая половина пойдет на расходы вновь организованной крестьянской лиги. Так как землевладельцы отказались выполнить это требование, отряды крестьянской лиги стали отбирать скот у землевладельцев. Ныне землевладельцы организуются, готовясь к борьбе в защиту своих прав. Аналогичные конфликты происходят и в округе Бао-Ань. Землевладельцы, живущие вокруг «Бокка-Шайзис» не намерены исполнять требований гоминдановских красных. Несколько дней тому назад им удалось разрушить гоминдановский штаб крестьянских организаций. Из Тайкон-Марта сообщают, что волонтеры обыскали гоминдановский штаб крестьян, конфисковали оружие и убили одного и ранили другого гоминдановского красного». В то же время гонгконгская пресса, сообщая о столкновениях в Гуан-Нине, стала необычайно раздувать этот конфликт. Она призывала «все здоровые силы сплотиться и дружно выступить против большевиков Гоминдана и красной опасности».

В ответ на это крестьянские организации выпустили следующее воззвание: «Арендаторы в Шокинге составляют почти 90% населения Гуан-Нина. Однако, поля принадлежат здесь лишь нескольким фамилиям Конг, Фунт и Чен. Такое положение в высшей степени несправедливо. Землевладельцы требуют от 20 до 30 долларов арендной платы в год за каждое мау земли. Они взимают сверх того у арендаторов и другие сборы. Продукция каждого мау рисового поля составляет приблизительно 80 китайских бушелей. На уплату ренты должно уйти 60 бушелей. Таким образом, производителю на целый год остается лишь 20 бушелей, стоимостью в 6 мексиканских долларов. Возможна ли жизнь с семьей на такой маленький доход? Чтобы обработать одно мау рисового поля, арендатор должен израсходовать 2 доллара на семена, 2 дол. на удобрение, 1 дол. 20 центов на починку орудия, на оплату труда и ряд других непредвиденных расходов. Доход с земли не обеспечивает арендатору в Гуан-Нине возможности поддерживать существование своей семьи. Мы можем видеть в округе, как 80-летние старики работают иногда за плугом, а дети младше 9 лет, как вьючные волы. Землевладельцы не видят всего этого. Помимо высокой арендной платы землевладельцы вымогают у своих арендаторов домашнюю птицу и овощи, которыми они заполняют свои закрома. При помощи бюро защиты землевладельцы собирают ежегодно налоги с крестьян в размере 40 центов за каждую печку в доме, 20 центов за каждый дом, 80 центов за каждого буйвола и 40 центов за каждую голову скота. Несмотря на все несправедливости, которые терпят арендаторы, последние просят только об уменьшении арендной платы на 40% и человеческого обращения».

На почве конфликта в Гуан-Нине стали обостряться разногласия и в самой партии Гоминдан. Кантонское правительство и Гоминдан должны были выбирать между правой и левой политикой в крестьянском вопросе,—между крестьянскими союзами и феодально-помещичьими организациями,—но посылкой в Гуан-Нин своих отрядов на помощь крестьянским союзам они ввязались уже в борьбу. Отступление в этих условиях означало не более и не менее, как «потерю лица» со стороны кантонского правительства и Гоминдана.

Между тем борьба между крестьянскими и помещичьими организациями в Гуан-Нине стала затягиваться. Чтобы поддержать свой авторитет и чтобы ускорить ликвидацию конфликта, кантонскому правительству пришлось послать на помощь крестьянским организациям и своему бронеотряду надежную воинскую часть. На этот раз им был послан в Гуан-Нин бодигард[1]) Сун-Ят-Сена, численностью в 250 человек, при одном орудии и подрывной команде. Придя на место столкновения, начальник отряда, генерал Ли, признал, однако, требования крестьянских организаций невыполнимыми и перешел на сторону помещиков.

Положение кантонского правительства осложнилось до крайности.

Помещики подняли голову. Они выпустили новую прокламацию следующего содержания: «Восемь потребностей существует, и из них пища — главнейшая. Есть четыре занятия, и земледелие—важнейшее из них. Крестьяне обрабатывают землю, чтобы прокормить свою семью. Собственник участвует в дележе его продуктов, чтобы платить государственные налоги. В этом смысл земледельческой жизни. Недавно некоторые преступные люди потеряли свои сердца и, подобно воробьям, стали есть чужую пищу. Подобно акулам, поедающим все на своем пути, они организовали группы и отделения своего союза. Их злоба растет с каждым днем. Она хуже чумы. Их ужасное влияние увеличивается подобно волнам. Они забывают, что есть чужую пищу—не значит быть героем, а забирать чужое имущество—не значит быть храбрым. Отныне мы заявляем, что мы не согласны с требованием уменьшения арендной платы. Крестьяне ошибаются, идя против установленных правил. Мы просим крестьян быть поосторожнее. Это наше предупреждение».

Вслед за этой они вскоре выпустили и вторую прокламацию, в которой недвусмысленно заявляли, что они не пойдут на уменьшение арендной платы, что они не потерпят организации крестьянских союзов, что они не поступятся своими интересами, что «во время сбора урожая мы будем носить винтовки и ножи и скорее умрем, нежели отдадим хоть одно зерно крестьянскому союзу». Они обещали вернуть половину земельной ренты тем крестьянам, которые выступят против членов крестьянских союзов. Они брали на себя заботу о раненых, а в случае, если крестьянин погибнет в борьбе за их интересы, они обязывались выплатить его семье 600 мексиканских долларов. Крестьянские организации ответили на эту прокламацию следующим своим воззванием, обращенным ко «всем народам Китая»: «Когда мы напали на Дан-Бу и атаковали контр-революционные силы,—говорилось в этом воззвании,—два лидера помещиков, Дзянь-Хан-Ин и Дзяй Ван-Ин, установили контакт для того, чтобы разрушить крестьянские союзы в Гуан-Нине. Шайка бандитов, состоящая из 300 человек, которой мы не могли оказать сопротивления, арестовала 7 членов нашей организации. Она забрала 8 винтовок и ограбила крестьян деревни Лун-Ван-Хунь. Одновременно с этим помещики в деревне Дзянь-Дунь и У-Хуа собрали другую банду и напали на деревню Нан-Хай. Ими было сожжено 20 наших домов. В огне погибло 10 женщин и детей. Эти акты жестоки. Они хуже тех преступлений, которые совершили купеческие волонтеры в Кантоне, открыв огонь по невооруженной толпе. Наш союз, защищающий крестьян и выполняющий законы революцион-

[1]) Бодигард—личная охрана.

ного правительства, никогда не уживется рядом с помещиками, которые угнетают нас, превращая в своих рабов. Мы клянемся, что будем вести борьбу с контр-революционным движением. Мы надеемся, что кантонское правительство и все крестьянские союзы поддержат нас в этой борьбе».

Несмотря на давление кантонского правительства и Гоминдана, генерал Ли не изменил занятой им позиции в конфликте между крестьянскими и помещичьими организациями. Кантонское правительство оказалось вынужденным отозвать генерала Ли. Оно заменило единоличное—коллективным командованием. Лишь после этого об'единенные силы правительственного бронеотряда, бодигарда и крестьянских организаций перешли в наступление. Они начали громить отряды помещиков. Они загнали их в деревенские крепости. Но крепости не поддавались артиллерийскому огню. Их пришлось брать при помощи саперных работ и подрывных средств. В конце концов, помещичьи отряды были разбиты. Отобранное оружие и конфискованное имущество руководителей помещичьих организаций было передано крестьянским союзам. По этому случаю Гоминдан выпустил следующее воззвание: «Крестьяне Гуан-Нина! В течение последнего месяца вы много страдали от борьбы. Вы страдали от голода и жажды, но вы не щадили своей жизни, выступив в защиту своих крестьянских организаций, в борьбе против жестоких помещиков. Вы не только одержали победу над ними, но вы приобрели громадный опыт. Теперь вы знаете, кто ваши враги и кто ваши братья. Вы знаете, кто боролся против вас и кто защищал вас. Вы теперь знаете, что прежние правительства притесняли вас, а теперешнее гоминдановское правительство помогает вам. Раньше солдаты причиняли вам массу хлопот, а теперь гоминдановские солдаты помогают и любят вас. Победа вами достигнута с помощью гоминдановских солдат, но главной силой были вы сами. Вы этого не должны забывать. Все вы теперь знаете важность и необходимость организации. Братья, вы одержали победу, но вы должны знать, что помещики еще не подчинились. Они воспользуются всяким удобным случаем, чтобы снова восстать против нас. Мы должны быть готовы к этому. Мы не желаем угнетать других, но мы не желаем также, чтобы нас угнетали. Победа не доведена еще до конца. Имеется еще много уездов, где помещики угнетают наших братьев-крестьян. В настоящее время вы должны установить контакт со всеми крестьянскими союзами всех уездов для того, чтобы достигнуть окончательной победы в интересах крестьянства. Свобода крестьянства зависит только от силы самих крестьян. Братья крестьяне, гуан-нинского опыта вы не должны забывать. Отныне мы должны удвоить наши силы».

С тех пор помещичьи организации прекратили открытые вооруженные нападения на крестьянские союзы. Помещики вернулись к старой тактике индивидуального террора против наиболее активных и видных работников крестьянских союзов.

Правительство и партия вышли из этого конфликта с большим политическим багажем. Они привлекли на свою сторону малоимущие слои крестьянства. Крестьянские союзы стали быстро расти. Если в начале столкновения они об'единяли в Гуан-нинском уезде 3000, а после победы—25.000 членов, то к июню месяцу 1925 года они об'единяли уже 55.000 крестьян. Если во всей Гуандунской провинции крестьянские союзы об'единили, в начале конфликта в Гуан-Нине, 10.000, а после одержанной там победы—63.000, то к концу июля 1925 года они об'единяли уже до 200.000 членов.

В то же время конфликт этот еще резче выявил правое крыло Гоминдана. Оно открыто связалось с феодально-помещичьими и купеческими слоями города и деревни.

Впоследствии кантонское правительство издало декрет, коим арендная плата на земли в Гуандунской провинции устанавливалась не свыше 50% урожая. Половина арендной платы должна была поступать в пользу землевладельца, а другая половина, в виде налога, в доход гуандунской казны. Из своей части кантонское правительство должно было возвращать половину обратно крестьянину. Иначе говоря, арендная плата с земли была установлена кантонским правительством в размере 37,5% урожая, из коих 25% поступают в карман помещика и 12,5%—в доход казны. Несмотря на всю тяжесть такой арендной платы, крестьяне хорошо встретили этот декрет правительства, ибо он снизил, в сущности, существовавшую до того арендную плату на землю с 60—70% до 37,5%.

В последнее время крестьянское движение значительно развернулось и окрепло. Оно стало уже выдвигать требования: 1) об урегулировании вопроса об арендной плате; 2) о «запрещении системы землевладельцев второй степени»; 3) об упразднении обычая, по коему арендная плата должна уплачиваться авансом; 4) об упразднении обычая, по коему крестьяне должны делать подарки своему помещику; 5) об установлении, в виде общего правила, что крестьяне освобождаются от обязанности платить арендную плату в годы неурожая и голода; 6) о том, что издержки по обработке и улучшению качества земли должны возмещаться помещиком арендатору земли; 7) о лишении помещиков прав обмена заарендованных участков земли, если арендатор не дал на то своего согласия; 8) об улучшении системы мер и весов; 9) об уничтожении всех добавочных налогов, кроме поземельного; 10) о запрещении взимания земельного налога на несколько лет вперед; 11) об освобождении от поземельного налога пустующих и неудобных земель; 12) о предоставлении крестьянским советам права использования необработанных земель; 13) о наделе землей деревенской бедноты и безработных крестьян; 14) об улучшении системы орошения; 15) о защите крестьянской общественной собственности и фондов; 16) о снижении учетно-ссудного процента, взимаемого в ломбардах, и ростовщического процента на ссудный капитал; 17) об учреждении крестьянского банка и кооперативных организаций по покупке и продаже продуктов крестьянского производства; 18) об организации промышленности для обработки продуктов сельского хозяйства; 19) об упразднении обычая, по которому потомки должны платить долги своих предков.

В отношении сельско-хозяйственных рабочих крестьянское движение выдвинуло особые требования: 1) об увеличении заработной платы; 2) об уменьшении рабочих часов; 3) о лучшем обращении со стороны нанимателей и 4) об уравнении оплаты труда женщин и подростков с заработной платой взрослых рабочих.

Со стороны крестьянских союзов раздаются уже голоса в пользу борьбы с невежеством и темнотой крестьянских масс путем организации системы просвещения крестьян.

На первом крестьянском с'езде Гуандунской провинции, происходившем одновременно со II Всекитайским Рабочим Конгрессом в Кантоне, 1 мая 1925 года, 117 крестьянскими делегатами было представлено 210.000 организованных крестьян 22 округов Гуандунской провинции.

По некоторым более осторожным данным, на 1 мая 1925 года крестьянские союзы об'единяли в Гуандунской провинции 173.000 членов. Они имеют 10 районных об'единений, 88 волостных и 572 деревенских организаций. Это видно из следующей таблицы:

Названия уездов	Уезд. орг.	Волост. организ.	Дерев. орг.	Число членов	Агитаторов	Коммунистов
Гуан-Нин	есть	12	294	54.992	4	5
Сян-Шань	»	8	58	8.000	8	4
Сюн-Так	»	3	16	1.300	5	9
Дунгуан	»	8	13	4.000	3	4
Бао-Ань	»	4	27	2.210	2	—
Хуа-Сянь	»	4	17	1.900	5	10
Нань-Юй	»	3	11	1.500	1	—
Лу-Фынь	»	11	не установлено	12.500	1	2
Хай-Фын	»	9		70.000	1	5
Пу-Нин	»	6	24	12.400	1	3
Уинь-Юань	нет	2	18	781	2	2
Гао-Яо	»	1	10	2.800	—	—
Цюй-Цзян	»	3	10	1.500	2	1
Нань-Хай	»	1	2	2.120	1	—
Хуйчжоу	»	3	16	2.000	2	2
Чао-Ань	»	1	5	232	—	—
Цзян-Чен	»	1	3	1.570	—	—
Хо-Шань	»	1	4	365	—	3
Синь-Хуй	»	нет	3	60	—	1
Юнь-Фоу	»	»	1	23	—	—
Сюе-Цзин	»	3		850	1	—
У-Хуа	»	3	не установлено	2.000	—	—
Шен-Хай	»	1		370	—	—
Итого	10/13	88	532	173.100	39	52

Судя по некоторым данным, правда, не совсем точным, за истекшие пять месяцев, со времени II крестьянского с'езда в Кантоне, число крестьянских организаций увеличилось еще на 34, а все крестьянские союзы об'единяют уже около 500.000 членов в 12 округах провинции. В 18 округах этой провинции союзы еще не организованы, а в 3-х должны быть организованы в ближайшее время.

В момент выступления об'единенных сил южно-китайской контр-революции: Джен-Цзю-Мина, Сен-Ке-У, Ян-Кун-Чжу, Тин-Пин-Чена в союзе с Гонгконгом, против кантонского правительства, Центральный Комитет Крестьянского Союза Гуандунской провинции опубликовал следующий манифест:

«На протяжении тысячелетий крестьянство Китая жило в условиях худших, чем рабство. Крестьяне не имели ни возможности, ни подходящего случая, чтобы выразить свои жалобы. Впервые за нашу долгую историю мы имеем в настоящее время случай организоваться против наших эксплоататоров. Революционное правительство предоставило крестьянству легальную возможность организации. К несчастью, это не может быть нами использовано целиком. Пользуясь своей силой, милитаристы, бюрократы и деревенская знать не дают нам организоваться. Несмотря на страшные преследования, которым мы подвергаемся с их стороны, нам удалось за последние два года создать мощное крестьянское движение для защиты своих интересов. Враги народа боятся роста этого движения. Они пытаются всеми средствами сбросить революционное правительство и таким образом снова зажать нас в тиски рабства на много столетий. Мы об'являем, что всякое движение, направленное против революционного правительства, мы будем рассматривать, как движение, направленное против народа. Мы будем беспощадно с ним бороться.

Мы, крестьяне, страшно страдали до сих пор от войн, которые постоянно велись милитаристами для приобретения исключительной власти грабить нас. Мы больше всего ненавидим эти войны. Мы жаждем мира, чтобы улучшить условия своего существования. Революционное правительство выступает в своих декларациях в защиту мира во всей нашей провинции. Но реакционные силы стоят на пути достижения этой важной цели. Восстание Шен-Хун-Ина, нашествие Фан-Пен-Ена, затруднения, созданные постоянными интригами и войнами Чжен-Цзю-Мина и Лин-Фу, новая угроза выступления Тан-Ши-Яо и восстания беспокойных милитаристов внутри провинции, совсем почти разрушили хозяйство нашей провинции. Ныне они мешают революционному правительству проводить его созидательную политику. Более того, они хотят уничтожить само правительство. Единственная наша надежда—в проведении намеченных правительством реформ. Правительство неоднократно выражало готовность провести реформы, но оно, не имело до сих пор возможности это сделать. Оно не могло до сих пор создать гражданской администрации путем ликвидации власти милитаристов. Организованное крестьянство всегда приходило на помощь правительству, когда оно боролось с милитаристами за власть народа. В войне против Шен-Хун-Ина гоминдановское правительство получило полную поддержку со стороны крестьян. Во время войны против Чжен-Цзю-Мина крестьянские союзы оказывали всяческое содействие революционной армии. Мы добровольно снабжали армию всем, чем могли. Мы очень бедны. Все же мы постоянно готовы помогать правительству в его борьбе против врагов народа. Мы готовы жертвовать всем в надежде, что когда правительство победит врагов, оно осуществит реформы, которые оно декларировало в своих манифестах.

Мы согласны с тем, что до уничтожения или изгнания из провинции реакционных, милитаристических сил, все наши пламенные надежды на мир останутся праздной мечтой.

Каково же наше положение, и в чем заключаются наши требования?

Мы не можем здесь полностью их перечислить.

Мы страдаем от чрезмерно высокого налогового обложения. Мы никогда не знаем, какой будет действительный размер взимаемых с нас налогов. Мы требуем их уничтожения.

Земельные бюро в руках знати и бюрократов превратились

в средства нашего порабощения. Мы требуем упразднения этих бюро.

Несправедливый и нерегулярно взимаемый земельный налог разоряет наше хозяйство. Мы должны иметь систему справедливого и регулярного обложения.

В настоящее время почти невозможно установить границы, обозначающие владения крестьян. Необходимо, чтобы сведующие лица размежевали крестьянские земли.

Мы требуем, чтобы правительство установило допустимый максимум арендной платы за земли.

Ростовщичество должно быть запрещено.

Гражданское управление должно быть из'ято из рук знати. Мы требуем введения самоуправления в каждом округе.

Мы требуем отмены специальных сборов, взимаемых так называемой милицией, которая в большинстве случаев защищает не нас, а знать, или действует рука об руку с ненавистными нам милитаристами. Милиция, которая преследует крестьянские организации, должна быть распущена.

Пустующие земли должны стать собственностью казны. Правительство должно создать земельный фонд помощи бедным крестьянам.

Принудительный труд в деревне и военные налоги должны быть ликвидированы.

Чиновники, милитаристы и знать, которые угнетают нас, или мешают нашей организации, должны быть наказаны. Чиновники, не исполняющие приказов правительства, должны быть немедленно смещены.

Вопросы об орошении наших земель в целях предотвращения голода, о развитии кооперации и об учреждении крестьянского банка имеют для нас крайне важное значение. Правительство должно тщательно их рассмотреть в целях скорейшего их разрешения.

Значительная часть наших земель занята в настоящее время иностранными миссионерами и церквами. В то же время у нас не хватает собственных культурно-просветительных учреждений для воспитания наших детей. Мы нуждаемся в развитии китайской системы воспитания, а не в иностранных христианских миссиях и церковных школах. Только в китайских школах наши дети могут быть воспитаны в духе национализма, а не в духе иностранного империализма.

Таковы наши нужды и требования. Они не противоречат неоднократным заявлениям правительства. Они должны быть приняты и проведены в жизнь, как только мир и об'единенное управление в Гуандуне будут установлены».

Крестьянские организации в последние годы не раз помогали кантонскому правительству в его борьбе с внутренней и внешней контр-революцией,—с наймитами иностранного, главным образом, английского капитала,—с милитаристами, бандитами и пиратами. При последнем выступлении Чжен-Цзю-Мина, в союзе с Сен-Ке-У, двигавшимся с севера, и Ян-Кун-Чжу, запершимся в неприступной крепости Уайчжоу, и Тин-Пин-Ченом, командовавшим бандитами южнее Кантона,—крестьянские организации оказали неоценимые услуги южно-китайской революции. Они с боем отступали из района Сватоу. Они принимали на себя первые удары вновь возникшей гражданской схватки. Они сдерживали и затрудняли движение армий Чжен-Цзю-Мина. Тем самым они дали кантонскому правительству возможность развернуть в надлежащем месте все его вооруженные силы для решающего боя с коалицией всех контр-революционных сил в Гуандунской провинции.

* * *

Подводя итоги борьбы крестьянских союзов в Гуандунской провинции за два года их существования, Юен-Сиу-Син указывал, в своем докладе, сделанном 6 января 1926 года, на торжественном заседании в честь II конгресса Гоминдана, что крестьянское движение в Гуандуне пережило за указанный короткий срок шесть периодов. Первый из них охватывает время, когда оно развертывалось совершенно стихийно, не имело никакого руководства. В это время оно чаще всего выливалось в анархические формы. В конце этого периода, крестьяне узнали о существовании в городе Купеческих Торговых Палат, студенческих организаций и рабочих гильдий, союзов, клубов и обществ. В процессе борьбы крестьяне стали освобождаться от ограничений, налагаемых на них общиной и родовой семьей. Они вступили на путь организации крестьянских союзов. С этого времени начинается второй период. Он закончился вооруженными схватками между новыми крестьянскими организациями, с одной стороны, и помещиками, ростовщиками, милитаристами, джентри, бандитскими шайками и отрядами и так называемыми «крестьянскими дружинами», с другой. Все эти столкновения происходили на почве того, что об'единенные силы южно-китайской контр-революции хотели запугать крестьянство и помешать ему организоваться в самостоятельные крестьянские союзы, находящиеся под руководством Гоминдана. Третий период начался с того момента, когда крестьянские союзы повели борьбу за снижение арендной платы на землю. Южно-китайская контр-революция выступила единым фронтом против крестьян. В деревне началась гражданская война. Помещики громили крестьянские организации и стали применять террор в отношении наиболее активных членов крестьянских союзов. Кровавая борьба продолжалась в течение трех месяцев. Это было первое последовательно-революционное выступление крестьянства на юге Китая. Как раз в это время Гоминдан стал ориентироваться в деревне на крестьянские организации. Он активно выступил в защиту крестьян и послал им на помощь правительственные войска. В это время начальником полиции был убит председатель первой секции крестьянской организации в Кантоне—Ли-По-Сун (в декабре 1924 г.) за его сопротивление сбору налогов полицейским бюро Сун-Мина и вице-председатель Исполнительного Комитета крестьянской организации, Уен-Фук-Сан (в январе 1925 г.). Член ассоциации вспомоществования помещикам, Куон-Ю-Чун, не только убил Уен-Фук-Сана, но отрубил ему руки и отрезал уши... В это время помещики, буржуазия, продажное чиновничество, милитаристы и бандиты открыто заявили, что им терять нечего, что они могут всегда и легко найти убежище на иностранной концессии в Шамине и в Гонгконге...

В четвертый период, крестьяне стали уже принимать участие в политической борьбе в Гуандуне. Они активно выступили на стороне Гоминдана, при выборах мэра [1]) города Кантона. Кре-

[1]) Мэр—городской голова.

стьянские организации Хай-Фына, Лу-Фына и У-Хуа оказывали помощь кантонской армии во время Тункианской экспедиции. Они помогали армии не только переноской военного снаряжения и в разведывательных операциях, но иногда расстраивали даже расположение мятежных войск. Доходило до того, что до 10.000 крестьян выстраивались в разных районах, в мнимо-боевом порядке, чтобы обмануть бдительность противника. Этот период закончился об'единением на I крестьянском с'езде, собравшемся в Кантоне, 1 мая 1925 года, всех гуандунских крестьянских союзов и созданием всекитайского крестьянского центра в Кантоне. Разработав программу экономической, военной и просветительной работы и высказавшись за всемерную поддержку кантонского правительства и Гоминдана в его борьбе с южно-китайской контр-революцией, Конгресс Крестьянских Союзов вместе с рабочими трех кантонских железных дорог принял посильное участие в борьбе правительства с юнанскими и гуансийскими милитаристами. Пятый период ознаменовался тем, что после шанхай-шаминских расстрелов крестьянские союзы примкнули к общенациональному движению. Они оказывали поддержку гонгконг-кантонским стачечникам, они создали организации самозащиты в Сватоу, По-Оп'е, Чун-Шен'е и Уей-Еун'е и всячески помогали пикетам Гонгконг-Кантонского Стачечного Комитета, наблюдавшим за осуществлением стачки-бойкота против иностранцев и ведшим борьбу с контрабандным провозом товаров и продуктов в Гонгконг и из Гонгконга в Гуандун. Шестой период начался со времени убийства секретаря Центрального Комитета партии Гоминдана, Ляо-Чун-Кая.

Гуандунские крестьяне всячески поддерживали кантонское правительство в его борьбе с Чжен-Цзю-Мином, Сен-Ке-У, Ян-Кун-Чжу, Тин-Пин-Ченом и всевозможными исходящими из Гонгконга заговорами. Этот период продолжается еще и доныне.

В заключение докладчик заявил, что гуандунские крестьяне поддержат правительство во всем, что оно предпримет для консолидации власти в провинции и для осуществления программы Гоминдана в области государственного, культурного, хозяйственного и финансового строительства.

Ло-И-Юен дополнил этот доклад сообщением, что за два года существования крестьянских союзов в Гуандунской провинции, они потеряли около двухсот видных работников, которые пожертвовали своей жизнью во имя интересов обездоленных китайских крестьян. Он указывал, что гуандунские крестьяне уже осознали свои интересы, знают за что они борются, что они уже вышли из состояния рабства и сознательно примкнули к национальной революции.

В Гуандуне растет и ширится крестьянское движение. Несмотря на всю свою молодость, оно стало уже довольно значительной революционной силой на юге Китая. Оно стало опорой кантонского правительства в гуандунской деревне. В процессе революционной борьбы в Гуандуне вырос союз между кантонскими и гонгконгскими рабочими и гуандунскими крестьянами. На юге Китая организуются новые революционные силы. Южно-китайская революция вовлекает уже в борьбу могучие резервы гуандунской деревни. Южно-китайская революция крепнет. Она победит!

А. Митрофанов.

Об одной теоретической путанице и о вредных ее последствиях.

В процессе обследования состояния парторганизации в Киргизской Автономной Области (ныне Республике)[1] производившая обследование специальная комиссия ЦКК ВКП (б) обнаружила теоретическую путаницу в определении сущности пережитков докапиталистических общественных отношений у киргизского народа. Эта теоретическая путаница свойственна не только работникам Киргизии, но и работникам Казакстана, средне-азиатских республик и восточных окраин вообще. Поэтому будет целесообразно разобраться в этой путанице, обусловливающей целый ряд вредных последствий в партийном и советском строительстве на восточных окраинах СССР.

I.

Многие ответственные коммунисты Киргизии утверждают, что среди киргизского народа сохранился «патриархально-родовой уклад, на основе натурального хозяйства». На наличие этого уклада имеется совершенно ясное указание в резолюции 2-й Киргизской областной партконференции «о задачах партийного строительства». Одно из самых острых болезненных явлений в Киргизской областной организации—группировки и групповую борьбу—эта резолюция считает «об'ективным отражением родовой борьбы». Однако, в той же самой резолюции говорится о необходимости и способах изжития «иллюзии родовых отношений».

Такое внутреннее противоречие в резолюции нельзя об'яснить простым редакционным недосмотром. Это противоречие, вероятно, об'ясняется тем, что в одной и той же резолюции поместились рядом два различных теоретических взгляда на об'ективные условия партийного и советского строительства в Киргизии. Наличие этих двух взглядов среди работников Киргизии обнаружено Комиссией ЦКК. Оба эти взгляда-теории ссылаются на указанную резолюцию, но выводы, к которым они приходят, совершенно противоположны друг другу, и оба в одинаковой степени вредны.

Теории родового уклада общественных отношений в Киргизии приходят к следующему выводу: в родовом строе классов нет, следовательно, нет и предпосылок для выдержанной классовой политики вообще и в частности для классовой организации советов. Поэтому советы нужно строить по родовому признаку. По правде сказать, теория «родовых советов» ее сторонниками формулируется очень путанно, но и при наличии этой

---

[1]) Просьба не смешивать с Казакской Автономной Республикой, недавно называвшейся Киргизской.

путаницы все-таки ясно, что «родовые советы»—это организации формально неклассовые, но по сути дела это байско-монапские «советы без коммунистов».

Вторая киргизская областная конференция осудила теорию «родовых советов» и призвала коммунистов к противопоставлению родовым группировкам и родовой борьбе единства организации. Но, поскольку она не отвергла теорию родового уклада, ее выводы мало чем отличались от выводов сторонников «родовых советов». Меры изживания родового уклада (по другой вариации «иллюзии родовых отношений»), предложенные 2-й киргизской областной конференцией, сводятся приблизительно к следующим положениям:

Для того, чтобы иметь классы, как предпосылку классовой структуры советов и классовой политики вообще, нужно разрушить натуральное хозяйство путем усиления товарооборота в крае, насаждения промышленности, железно-дорожного строительства, широкого кредитования киргизских скотоводов и земледельцев и т. д.

Голая программа «капиталистического дозревания» Киргизии, теоретически правильная безотносительно к конкретным задачам в области организации руководства широкими массами трудящихся, будучи помещена в резолюции о текущих конкретных задачах партийного строительства, является вредной отпиской от необходимости преодоления чрезвычайных трудностей в осуществлении указанной задачи. Такая отписка, или, если хотите, подмена задачи «исторического сегодня» возможным положением «исторического завтра», вредна потому, что она сеет в рядах коммунистов и честных беспартийных работников Киргизии пессимизм и делает их пассивными сегодня в виду возможности преодоления об'ективных препятствий только в «историческом завтра». «Капиталистическое дозревание», даже при максимуме благоприятных условий, намеченных программой этого дозревания, затянется на долгие годы, а может быть, и десятилетия. За это время «роса» фактической диктатуры эксплоататорских элементов, под маркой «патриархов рода», основательно «выест очи» киргизской бедноте и среднему трудовому элементу аула.

Вторая теоретическая платформа, противоположная теории «родового уклада», трактует общественные отношения в Киргизии, как отношения классовые. В противоположность сторонникам «родового уклада» и «родовых советов», сторонники этой теории, худайкуловцы (это название группа получила по имени одного из ответственных работников Киргизии) полагают, что в Киргизии классовое расслоение киргизского аула настолько глубоко и отчетливо, что там уже сейчас можно и должно провозгласить «диктатуру батраков», каковая диктатура должна заняться решительно и неуклонно раскулачиванием местных богатеев-баев и ликвидацией местного дворянства — монапов. Для осуществления этих практических задач худайкуловцы организуют специальные дружины «Кедей-токмак», что в вольном переводе на русский язык значит «бедняцкая колотушка». Таким образом, худайкуловская группировка, или, вернее, течение, как бы на деле опровергает теорию «родового уклада». Раз есть мощная организация батраков, ведущая борьбу со своими классовыми врагами, то, ясное дело, никакого родового уклада в Киргизии нет. Но такой категорический вывод могут делать только

сами худайкуловцы, или недостаточно внимательно вглядевшиеся в киргизскую действительность «сторонние наблюдатели».

Стоит только дать несколько пояснений к слову «батрак» и к некоторым тактическим принципам худайкуловцев, чтобы стало ясно, что худайкуловщина, как теоретическое течение и практическая организационная группировка, во всяком случае не менее вредна, чем группировки, стоящие на платформе «родового уклада».

II.

Что же представляет собою худайкуловский «батрак»? Этим термином до революции обозначался бедняк-киргиз, работавший по найму у переселенцев. При проведении земельной реформы эти батраки обычно получили земельные наделы, иногда очень значительные, обзавелись скотом, иногда посевами, продолжают считать себя «батраками», «пролетариями» и опорой советской власти. Членами «Кедей-токмака» в большинстве и являются такие бывшие батраки, ныне собственники. Эти же «батраки» в большинстве составляют и союз Кошчи.

Во время проведения земельной реформы 1921 года, когда нынешние псевдобатраки были действительными батраками, худайкуловщина представляла из себя революционную силу, на которую опирались руководители земельной реформы. В настоящий же момент, когда батраки в большинстве своем стали собственниками, худайкуловщина представляет из себя старую оболочку, наполненную новым об'ективно антисоветским содержанием. Союз Кошчи и «Кедей-токмак» считает себя «классовой пролетарской организацией», призванной «проводить революцию в ауле», «раскулачивать» баев и ликвидировать монапов. На практике же эти организации считают возможным не только не нападать на своих «батрацких баев и монапов», но деятельно их защищать от «чужих» баев и монапов, или, вернее, от таких же «батраков», как они сами, которыми, в свою очередь, руководят эти «чужие» баи и монапы.

«Классовая борьба» худайкуловских батраков есть не что иное, как вопиющее нарушение революционной законности, от которой страдают в конечном счете бедняцко-середняцкие элементы. «Классовая борьба» худайкуловских батраков проявляется в следующих основных формах: 1) в обложении специальными поборами населения «на дело революции»—фактически в карман руководителей, т.-е. «своих батрацких» баев и монапов, 2) в возмутительном избиении «монапских прихвостней»—фактически трудового элемента чужих аулов, в большинстве случаев за «неподчинение» или «неуважение» к «батрацким» монапам. Драками же обычно решается и исход выборов в советы.

Трудно сказать, какая из только что кратко изложенных теорий более вредна для дела советского строительства в Киргизии, или, иначе выражаясь, более полезна для баев и монапов. Обе эти теории использовываются последними в своих интересах; обе эти теории толкают коммунистов и целые организации к об'ективно вредным организационным выводам и поступкам. И, весьма возможно, обе эти теории сознательно поддерживаются байско-монапскими элементами.

Теория «родового уклада» является определенным идеологическим багажом одной из группировок, называемой по имени

ее главаря садыковщиной. Эта группировка представляет из себя не что иное, как об'единение шовинистически настроенной байско-монапской интеллигенции, которой очень хочется снова занимать руководящее положение при системе «родовых советов» («советы без коммунистов» то-ж). Такое именно положение она занимала при царском правительстве в должностях всевозможных переводчиков, волостных управителей и т. д. При царском правительстве ведь существовала тоже «родовая система» управления, при которой на выборные должности пролезали. при помощи взяток чиновникам-колонизаторам, исключительно «патриархи родов»—монапы. Одним из важнейших легальных требований программы садыковцев является требование коренизации аппарата на 100%. Практически осуществление этого требования при почти поголовной технической неграмотности коренного населения приведет к тому, что все бывшие царские чиновники на 100% снова влезут в аппарат управления, и нелегальная ныне диктатура баев—монапов в аульных и волостных советах получит, таким образом, свою легализацию.

Вторая теория,—худайкуловская теория классового расслоения и классовой борьбы,—так же, как и первая используовывается в антисоветских целях байско-монапской националистической верхушкой аулов. «Революционность» союза Кошчи, засоренного байско-монапскими элементами, и «Кедей-токмака» в большинстве случаев не идет дальше «раскулачивания» русского переселенческого населения и защиты интересов «своих батрацких» монапов. И если мы в настоящий момент имеем в Киргизии некоторую обостренность отношений между киргизским и русским населением, то этим мы, в значительной степени, обязаны указанным выше «классовым организациям». Упором внимания киргизской бедноты на русских кулаков, в свое время уже раскулаченных, кулаки киргизские, т.-е. еще не раскулаченные баи и все еще господствующие монапы-феодалы, не безуспешно, уже пятый год, отвлекают ее внимание от самих себя. Но этот напор на раскулачивание у киргизской бедноты и указанных выше бывших батраков все больше и больше направляется и на киргизских кулаков и монапов. В виду этого руководящие «пролетарскими организациями» баи и монапы время от времени дают ему выход, организуя междоусобные потасовки киргизской бедноты и середняков под видом «классовой борьбы».

III.

В вопросах оценки общественных отношений в Киргизии путаются не только одни местные работники, но и некоторые центральные работники, приставленные к делу теоретического воспитания молодежи наших национальных окраин. Один из них сделал в конце прошлого года следующее заявление на одном весьма ответственном заседании: «У киргиз мы имеем родовую организацию, и отсутствие феодального строя и что поэтому там не может быть дворян. Что касается сущности монапа, то это родоначальник, патриарх рода, организатор родового общества».

Такое категорическое утверждение авторитетного в восточных вопросах работника, разумеется, будет воспринято киргизами-коммунистами, как марксистское освещение вопроса об общественных отношениях в Киргизии.

По правде сказать, и в цитированной речи упомянутого товарища имеется такое же противоречие, как и в резолюции 2-й киргизской областной конференции. После категорического определения сущности монапов как «патриархов родов», этот товарищ утверждает, что «товарные отношения и царская система управления подорвали родовой строй и что монапы при этой системе управления грабили население вместе с приставами и чинили подлоги при выборах волостных управителей и аульных старшин».

Таким образом, выходит, что монапы до революции были грабителями населения, а в настоящий момент они—«патриархи», «организаторы родового строя», эволюция совершенно невероятная.

Менее категорично, но столь же противоречиво утверждает существование родового строя в Киргизии профессор Кушнер, производивший в прошлом году специальное обследование в нескольких районах Киргизии. В своем предварительном докладе о результатах обследования на заседании Средне-аз. бюро ЦК ВКП(б) проф. Кушнер сообщил: «Я тщательно искал классовую борьбу и социальные кла сы, искал, с образуясь с точным понятием класса, но не нашел. Там есть «малаи»—наемные рабочие (из 10 обследованных аулов в 3-х имеются малаи). Этот слой можно было бы признать классом наемных рабочих, если бы при опросе они не отвечали таким образом: на вопрос, сколько ты получаешь от хозяина в год, они отвечали обидчиво: «я не работник—я его младший брат, я ем и пью все, что хочу». В действительности же он получает 4 барашка, кислое молоко и просо. Может быть, можно признать наемными рабочими «джигитов». Это—работники, которые ухаживают за лошадьми, никакой зарплаты не получают ни денежной, ни барашками, а получают одежду с хозяйского плеча, питаются вместе с хозяином. Вместе с джигитами живут и их жены, которые выполняют обязанности домашней прислуги и не получают никакой платы. «Джалкши»—домашняя прислуга—носят дрова, хворост, большей частью на кочевье ухаживают за скотом, но не за лошадьми (за лошадьми ухаживают мужчины). «Койчи»—это наемные рабочие-пастухи, они всегда получают баранами, а не деньгами. Часто койчи—сыновья хозяина, так что зародыша класса и в них признать нельзя».

С каким точным понятием классов сообразовался проф. Кушнер, нам неизвестно, но, очевидно, он считает, что эксплоатируемые это только те, кто получает зарплату в денежной форме.

Профессор Кушнер, очевидно, не замечает, что в нарисованной им картине строения общественных отношений вокруг центральной фигуры монапа, мы имеем эксплоататора и эксплоатируемых, т.-е. самые «точные» признаки классовых отношений. Существующие в Киргизии общественные отношения проф. Кушнер определяет как пережитки родового строя. «Монапы до сих пор пользуются авторитетом, судят и берут за это бийлык, определенный судебный налог, взимают налоги—аренду за пользование земельными угодиями. Выполняют те функции, какие выполняли монапы во время Кокандского ханства. Монапство—это вполне открытое социальное явление, с которым приходится считаться и от которого никуда никто уйти не может.

Пережиток родового строя—это монапство. Это самый худший вид родового строя—переход к феодальному строю. Если бы там была политическая свобода, то монапы выродились бы в настоящих феодалов».

Итак, в Киргизии, по мнению профессора Кушнера, существует «пережиток родового строя», выражением которого пусть и худшим, являются монапы. Эти монапы, по свидетельству самого же профессора Кушнера, имеют своих холопов (холопы, как известно, переходная форма от рабства к крепостной зависимости), называемых «малаями», и свою полукрепостную дворню, когда нужно выполняющую роль боевой силы, называемую «джигитами»; монапы фактически владеют всей землей в районе своего влияния; монапы администрируют и судят по всем самым «точным» понятиям о феодальной администрации и суде. Однако, несмотря на это, монапы... «пережиток родового строя». Любая форма общественных отношений включает ряд признаков предыдущих форм, но ведь не в этом дело. Важна не форма, а содержание этой формы, ее сущность. Формы общественных отношений в Киргизии, несомненно, имеют целый ряд признаков родового строя, но эти формы еще в эпоху Кокандского ханства наполнились совершенно отчетливым феодальным содержанием. Монапы Киргизии были вассалами ханов и в то же время своеобразными сеньерами в отношении к киргизскому населению. Одна из типичнейших черт феодала—грабежи—очень отчетливо обнаруживается и у киргизских монапов. Даже в настоящий момент в Киргизии скотокрады делятся на следующие категории: волостного, окружного и краевого масштаба. Скотокрад, оперирующий в районе только данной волости, считается преступником, анти-общественным элементом. Совершенно иное отношение к скотокраду большого масштаба. «Окружной» скотокрад никогда не крадет в районе своей волости и считается «батырем», т.-е. своеобразным рыцарем. Часто бывает, что такой скотокрад-«батырь» присваивает себе звание и права монапа, независимо от своего происхождения. Так, по крайней мере, утверждают киргизы, знатоки киргизских преданий и обычаев. Скотокрадство, как массовое организованное действие, имеет место и в настоящий момент; сохраняя свою феодальную сущность. Конечно, теперь при советской-то власти не сам монап, облеченный в рыцарские латы, нападает на табуны и стада других монапов и населения «чужих» волостей. Теперь это делают его «джигиты», а часто и батраки из «Уртокмака» или «Кедей-токмака».

Из-за наличия признаков родового уклада в формах общественных отношений в Киргизии проф. Кушнер и другие сторонники теории «родового уклада» не замечают сущности, содержания этих форм.

Проф. Кушнер приходит к выводу о несовместимости «родового быта» и советского строя.

«Совместима ли советская власть с родовым бытом? Я пришел к выводу, что несовместима. У нас, в Москве, есть сторонники взгляда, будто родовой быт можно приспособить к советской власти, но, по моему, поскольку родовой быт держится на натуральном хозяйстве,—а последнее совершенно исключает общественность и советскую власть—постольку это приспособление невозможно».

Выходом из тупика, в который заводит всех сторонников теории «родового уклада» указанное выше отождествление формы с содержанием, проф. Кушнер так же, как и цитированная выше резолюция, считает «дозревание». «Для того, чтобы кое-как наладить советскую власть,—говорит проф. Кушнер,—необходимо бороться за разложение натурального хозяйства». Но и этот выход не удовлетворяет профессора, ибо, по его мнению, от разложения натурального хозяйства пострадает беднота, находящаяся в экономической зависимости от монапов. Получается безвыходный заколдованный круг.

IV.

Прежде, чем перейти к определению того, какие формы общественных отношений застала революция в Киргизии, необходимо разобраться в основных аргументах, которые приводятся в защиту теории «родового уклада» ее последователями.

Первый и самый важный аргумент экономического характера, это ссылка на наличие в среде киргизского народа признаков таких потребительских отношений, которые будто бы свойственны только родовому укладу. Указывают на наличие общественных пиршеств, организуемых для окружающего населения «патриархами родов»—монапами. Эти общественные пиршества «Той» и «Аш» действительно существуют и по форме своей действительно напоминают потребительские отношения при родовом коммунизме, но это опять-таки только форма, наполненная таким содержанием, которое свойственно гораздо более поздним формам общественно-производственных отношений. Вот как описывает тот же проф. Кушнер одно из таких общественных пиршеств. «Был случай, когда Керим-Бай устроил «той», получил 500 баранов, одного верблюда, нагруженного коврами; зарезал 400 баранов. В результате же оказалось, что у него прибавилось 50 лошадей и 100 баранов. Такими празднествами из года в год они увеличивают свое богатство. Родовые отношения и натуральное хозяйство не мешают накоплять богатства. У Игаберде в запрошлый год было 28 баранов, а сейчас 200».

Эта картина очень похожа на «народные гулянья», устраивавшиеся западно-европейскими феодалами и нашими помещиками для своих крепостных, которые обязаны были приносить на барский двор или в замок для этого гулянья свои продукты в качестве натуральной повинности.

В Киргизии, при самодержавии, тем более при соввласти, юридическая формула этой натуральной повинности стала невозможной и эксплоататоры придали ей формулу «гостеприимства».

Не пойти к знатному человеку на званый пир нельзя—обидишь его, и он за это при случае «припомнит»; пойти же на пир с одним пустым желудком тоже нельзя—тоже обида для хозяина. В результате гостеприимный монап собирает по нескольку десятков лошадей и нескольку сот баранов. По форме—это патриарх рода, организующий потребление, а по сути дела—это феодал, увеличивающий таким путем свои стада и заодно создающий себе популярность и название «кормильца рода».

Второй аргумент в пользу наличия родового уклада так же, как и первый,—ссылка на форму, без анализа ее содержания.

Указывают на наличие драк между отдельными селениями в особенности во время выборов, когда все население аула борется против всего населения другого аула. Это и называется «родовой борьбой».

По форме это действительно похоже на борьбу двух родов сущность же этих драк и борьбы тоже феодальная, как и в первом примере.

Для того, чтобы иметь совершенно ясное представление о сущности этой так называемой «родовой борьбы», необходимо напомнить читателю основы царской политики в Киргизии.

Родовой строй в Киргизии начал разлагаться еще в эпоху государства Чингис-Хана, когда действительным патриархам родов пришлось из года в год выступать в роли военных организаторов рода, т.-е. проделывать обычную эволюцию от патриарха к феодалу. Феодальные отношения между монапом и родом окончательно сложились (в смысле своей экономической сущности, а не бытовой формы), как и указывалось выше, в эпоху Кокандского ханства.

Завоевание края царским правительством оказало на киргизский феодализм самое незначительное влияние. Система управления краем при царизме была не чем иным, как модернизацией кокандского феодализма. Иерархия этой системы была почти аналогична иерархии феодальной системы в Западной Европе. В самом низу первичный феодал-монап (сеньер) в роли аульного старшины и волостного управителя («болош»). Формально эти первичные феодалы избирались всем населением волости или аула. В действительности же вопрос о том, кому быть «болошем», решался подкупами и дракой. Монап, у которого было больше «джигитов» и больше возможностей делать «подарки» чиновникам-колонизаторам, пролезал к власти. Роль уездного начальника и губернатора сводилась к общему политическому надзору и получению от аульных волостных «болошей» податей для государства и «подарков» для себя. Словом, монап-«сеньер» состоял с высшей властью в чисто вассальных отношениях. В районе своего управления этот «сеньер» был фактически почти неограниченным владыкой. Он определял размер и характер податей и налогов, распределял угодья, заботился о дорогах и безопасности и т. д.

Царское правительство в свое время лицемерно обосновывало такую систему управления желанием «соблюсти в неприкосновенности национальный родовой уклад киргизского народа». Крепостническое царское правительство не считало монапа феодалом-крепостником; оно титуловало его «старейшиной рода» и деление на волости проводило по «родовому признаку». Это лицемерное определение сущности монапа и по сей день гуляет по белу свету и время от времени соскакивает с языка или пера коммунистов.

Почему же в Киргизии случается так, что там буквально осуществляется поговорка о панской драке и холопских чубах? Очевидно, потому, что в Киргизии налицо такие общественные отношения, при которых сложилась эта поговорка, т.-е. феодальные отношения. Возьмите междоусобные драки сеньеров европейского феодализма, или «наезды» наших бояр,—там ведь дело обстояло точь в точь так, как теперь в Киргизии—сеньеры воевали за возможность грабить население, но война-то эта велась

руками этого самого населения и за счет его «животов». Ведь никому из наших историков не приходит в голову квалифицировать эти драки как родовую борьбу.

Участие трудового населения в борьбе феодалов между собою и в средние века в Европе и теперь в Киргизии обусловливается следующими обстоятельствами: 1) экономической зависимостью от сеньера, в данном случае от монапа, 2) тем, что пришедший к власти монап, так же, как средневековый сеньер, с большей лютостью обирает сторонников своего побежденного противника. Этим и об'ясняется то обстоятельство, что в «избирательных» потасовках киргизская беднота и середняки активно помогают «своему» монапу одолеть монапа «чужого».

В средние века крестьяне, до поры, до времени, пока они не сорганизовались все против всех своих и чужих сеньеров, очень усердно тузили друг друга, чтобы избегнуть участи побежденных.

Царское правительство было заинтересовано в поддержании и культивировании междоусобных драк киргизского народа и по принципу «разделяй и властвуй» и потому, что оно само было крепостническим правительством, правительством погромов и провокации. Это проклятое прошлое киргизского народа прикрывалось вывеской «родового уклада». Теперь разговорами о «родовом укладе» тоже хотят прикрыться сохранившиеся после революции крепостники.

Можно было бы привести целый ряд других примеров, когда форма, сохранившаяся от предыдущих общественных отношений содержит в себе такую сущность, которая свидетельствует о наличии совершенно иных отношений, противоположных тем, из эпохи которых сохранилась эта форма, но мы считаем, что и приведенных примеров вполне достаточно.

Выводы.

1) В Киргизии, несомненно, нет родового уклада общественно-производственных отношений, но и классовая дифференциация там чрезвычайно затушевана пережитками форм родового быта, хотя эти формы и наполнены сущностью феодальных отношений. Октябрьская революция сравнительно быстро разрушает эти отношения, и поэтому нет оснований к переоценке их отрицательного значения. Навстречу этому процессу разрушения революцией феодально-родового уклада должна быть направлена твердая воля парторганизации к нормальному партийному и советскому строительству.

2) Всем теоретикам, считающим себя знатоками восточных вопросов нашей национальной политики, и практическим работникам восточных окраин, необходимо хорошенько усвоить, что «первым шагом политики классового расслоения на восточных окраинах должно быть отстранение всех туземных эксплоататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления, лишение их классовых привилегий путем самоорганизации туземных масс в советы трудящихся» (резолюция партийного с'езда по национальному вопросу).

3) Монапы в Киргизии вредны не только как крепостники-эксплоататоры; они вредны и как опора киргизского шовинизма для местной мелко-буржуазной интеллигенции, вздыхающей о своей дореволюционной роли. В этом отношении тоже нужно

быть на-чеку и помнить другое место из указанной выше резолюции с'езда ВКП(б): «Коммунисты-туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с так называемыми «общенациональными» интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу».

4) Хуйдакуловская «левая» группировка, как и всякая мелкобуржуазная левизна, об'ективно вредная вещь: ее нужно категорически осудить так же, как и «правую» группировку.

5) Необходимо проверить, как теоретически воспитывается в наших вузах молодежь восточных национальных республик и областей в смысле определения и анализа характера общественных отношений, бытовых форм и их содержания у отсталых народностей.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

В. САРАБЬЯНОВ.—Основные проблемы нэпа. Изд. «Московский Рабочий». 1926 г. Стр. 194. Цена 1 р. 50 к.

«Завершение первого восстановительного периода нэпа с большой выпуклостью поставило ряд экономических проблем.

«Некоторые из проблем, которым придается выдающееся значение, я пытаюсь в настоящей работе рассмотреть в перспективе дальнейшего развития нашего хозяйства, в перспективе строительства социализма в одной стране».

Так рисует, в предисловии, тов. В. Сарабьянов цель и задачи своей настоящей работы.

Имя тов. Сарабьянова, как одного из известных экономистов, заставляет с особенным вниманием отнестись к настоящей его работе, именно в силу спорности и неверности целого ряда выдвигаемых им положений.

Впрочем, это прекрасно чувствует и понимает и сам автор. «Нет никакого сомнения в том,—пишет он,—что все эти вопросы, поскольку мы их пытаемся углубить, могут получить спорное освещение».

Центральным положением «одной из основных проблем нэпа тов. Сарабьянов считает, как это он и пишет в предисловии: «вопрос связи стихии и единого государственного плана». «Ведь сама новая экономическая политика,—пишет он дальше,—по своему существу, была политикой признания права на существование стихии на ряду с планом» (стр. 50).

Здесь с тов. Сарабьяновым не согласиться, конечно, нельзя.

Но с чем нельзя согласиться, так это с его пониманием стихии. «Н а ш а стихия,—пишет он,—тоже противоречива».

«В этом гвоздь вопроса».

«П р и с о в е т с к о й в л а с т и, д е р ж а щ е й к у р с н а с м ы ч к у, и п р и х о з я й с т в е н н о м р о с т е, к р е с т ь я н с к а я с т и х и я т я н е т с е р е д н я к а и к к а п и т а л и з м у и к к о м м у н и з м у. Б у р ж у а з н о й с т и х и и п р о т и в о с т о и т с о ц и а л и с т и ч е с к а я с т и х и я в м е с т е с г о с п л а н о м, а н е о д и н т о л ь к о г о с п л а н» (курсив везде автора. *К. Р.*).

«Сама революция в большей степени стихия».

«Крестьянин стихийно стремится поднять культурный уровень своего бытия как бедняк, так и середняк».

«Как можно обойти вниманием изменения, происшедшие за время революции в том противоречии, которое известно под названием «стихия», нам это, признаться, непонятно».

«Ведь самое торжество революции есть торжество п л а н о в о й д е я т е л ь н о с т и н а ш е й п а р т и и в с м ы ч к е с р е в о л ю ц и о н н о й с т и х и е й».

Прежде всего здесь надо точно отграничить понятия «революционной стихии» и «социалистической стихии», как выражение, у тов. Сарабьянова, стихийной бессознательной тяги середняка к коммунизму. Игра слов, которую здесь допускает тов. Сарабьянов, на наш взгляд, только может запутать вопрос. Конечно, торжество революции—результат «плановой деятельности нашей партии в смычке с революционной

стихией». Но сама-то «революционная стихия» по своему содержанию не была единой, а таила в себе известное противоречие.

В то время как пролетариат боролся за социалистическое переустройство общества, за коммунизм, крестьянская стихия была направлена против помещичьего землевладения, против кабальной аренды за передачу помещичьей земли в руки крестьянства. И только затем эта стихия, но уже не всего крестьянства, а только бедняцкой его части, под руководством пролетариата и при его помощи и поддержке, была направлена против кулака. Крестьянство, в результате этой борьбы с кулаком, в известной степени нивелировалось, «осереднячилось». Но результатом этой «стихии» явилось не превращение крестьянства в социалистических производителей, а усиление, как это указывал Ленин, мелкособственнической, мелко-буржуазной стихии. И у нас, в условиях борьбы капитализма с социализмом, эта стихия питает капитализм, и к капитализму, а не к коммунизму она тянет середняка.

И потому неверно понимает тов. Сарабьянов Ленина, когда утверждает, что «по Ленину середняк под пролетарским руководством сам себя (курсив автора. *К. Р.*) будет переводить на эти (социалистические) пути», когда приписывает Ленину утверждение, «что социализм построят сами массы, причисляя к ним и середняка».

Здесь, прежде всего, имеется странное противоречие: с одной стороны, «пролетарское руководство» середняком, а с другой—середняк «сам себя» переводит к коммунизму. Если середняк «сам собой» переходит к коммунизму, то, очевидно, он не нуждается и в пролетарском руководстве для этого перехода, если же, наоборот, это руководство необходимо, то, очевидно, в крестьянстве, в условиях переходного периода, не заложены качества и условия перехода—«само собой»—к коммунизму.

Но отвергать необходимость пролетарского руководства крестьянством—значило бы ревизовать ленинизм в его основах. Как же в таком случае понимать утверждение тов. Сарабьянова о переводе середняком «самого себя» на социалистические пути? Как «стихийную» тягу середняка к кооперации и повышению культурного уровня «своего бытия»?

Но, во-первых, эта «стихия» в условиях борьбы социализма с капитализмом отнюдь не есть нечто такое, что присуще природе середняка как такового, а, во-вторых, эта же стихия может переводить и частично переводит середняка не на социалистические, а капиталистические пути. (Дальше мы увидим, что это, по сути дела, совершенно бесспорное положение о расслоении крестьянства, если и не отвергается тов. Сарабьяновым, то обставляется такими оговорками, что создается впечатление об отрицании тов. Сарабьяновым этого факта).

Но возьмем кооперацию, как один из элементов «стихийного» перевода середняка на социалистические пути. В чем здесь выражается руководство пролетарским государством и что здесь привносит середняк «сам от себя»? «В самом деле,—писал Ленин в статье «О кооперации»,—власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения».

Почему именно кооперацию выдвигал Ленин как условие перевода, при наличии собственности на орудия производства в руках государства, крестьянства на новые, социалистические пути? Потому, что именно этот кооперативный план был наиболее «простым, легким и доступным для крестьянина», потому что это означало бы «практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении».

В какие же, однако, условия должна быть поставлена кооперация, чтобы она была простым, легким и доступным для крестьянина «переводом к социализму», чтобы в построении его каждый крестьянин мог принимать участие? На этот вопрос Ленин дает исчерпывающе-полный ответ. «Надо поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела имущественную льготу, но чтобы эта льгота была чисто-имущественной льготой (высота банкового процента и т. п.). Надо ссужать кооперацию такими государственными средствами, которые хотя бы на немного, но превышали те средства, которые мы ссужаем частным предприятиям, вплоть хотя бы до тяжелой промышленности и т. д.».

«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного» капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т.-е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота,—под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения».

Здесь Ленин дает совершенно ясное, исключающее всякое двусмысленное толкование, понимание пролетарского государства. «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса». Таким классом, при финансовой поддержке которого возникает социализм, является пролетариат. Создание строя «цивилизованных кооператоров» требует известной поддержки, и эту поддержку дает ему пролетариат. Он дает имущественные льготы кооперации, он кредитует ее промышленными товарами, дает льготный банковый процент, облегчает, а иногда и совершенно освобождает от налогов и пр., и т. под.

Но делает это не в отношении к кооперации вообще, а только к той, которая осуществляет подлинно-социалистические задания, в которой «действительно участвуют действительные массы населения». Иными словами, пролетарское государство ставит кооперацию в такие условия, чтобы крестьянское население было экономически заинтересовано в этом об'единении, чтобы оно шло в кооперацию, движимое насущными экономическими интересами. Именно здесь, в кооперации достигается то сочетание частно-хозяйственных интересов крестьянства с историческими задачами пролетариата, которое позволяет наиболее легким и доступным для крестьянства способом и при его участии строить социализм. Не «сам себя» будет переводить середняк на социалистические пути, а под таким пролетарским руководством, при такой политике со стороны пролетариата, при такой его поддержке, когда сами частнохозяйственные интересы будут толкать середняка, на этот путь. Оставьте «пролетарское руководство» (без всякого содержания, как это делает тов. Сарабьянов) и откиньте его поддержку кооперации

(в том смысле, как это говорил Ленин), его экономическое руководство направлением развития этой кооперации—и кооперация будет источником не столько социалистических зерен, сколько капиталистической плевелы. Было бы, мягко выражаясь, наивным оптимизмом, ничего общего, конечно, с ленинизмом не имеющим, утверждать, что в условиях переходного периода, в условиях борьбы капитализма с социализмом, крестьянская стихия будет «сама себя», без экономической поддержки и экономического руководства со стороны пролетариата, переводить на «социалистические пути». Крестьянская стихия мелко-буржуазна по своему существу, и пролетариат, исходя из этой природы крестьянской стихии, противопоставил ей кооперацию, как генеральный план претворения этой мелко-буржуазной стихии в плановое организованное русло социалистического строительства.

Отсюда, возвращаясь к противоречивости крестьянской стихии, тянущей «середняка и к капитализму и к социализму» как к теории противоречия буржуазной и социалистической стихий, мы вынуждены категорически от нее (теории) отказаться. Противоречивость крестьянской стихии—совсем не там, где ее ищет тов. Сарабьянов, и никакой социалистической стихии природа ее не излучает. Противоречивость ее заключается в том, что при одних условиях,—ведущей роли капитализма,—середняцкий массив, дифференцируясь выделяет на одном полюсе огромные массы неимущих, обатраченных хозяйств, а на другом концентрирует ничтожное количество крупных кулацко-капиталистических хозяйств. Здесь, под влиянием буржуазно-капиталистической стихии середняк действительно, помимо своей воли «сам себя» переводит на капиталистические пути, в одном случае превращаясь в батрака-пролетария, а в другом—кулака-капиталиста.

Однако, этот путь развития крестьянской экономики, неизбежный в условиях капиталистического хозяйствования, совершенно необязателен в иных социальных условиях,—в условиях диктатуры пролетариата. Больше того, смысл и значение ленинского кооперативного плана и заключается в том, чтобы капиталистическому влиянию на крестьянские хозяйства противопоставить социалистическое в лице госпромышленности, кооперации, позволяющее переключить простое товарное крестьянское хозяйство непосредственно в социалистическую систему. И здесь противопоставляется не одна стихия (буржуазная) другой (социалистической), а социалистический сектор нашего хозяйства—госпромышленность вместе с кооперацией—частного и госкапиталистическому укладу за ведущую роль над крестьянством. И если середняк идет в социалистическую кооперацию, то не потому, что к этому его толкает мелкособственническая его природа как таковая, а потому, что «госпланом» кооперация поставлена в такие условия, что об'единение в нее для крестьянина выгоднее именно с его частнохозяйственной точки зрения. И эта «социалистическая стихия» с точки зрения «госплана» так же планово, как планово наше электростроительство.

Надо, впрочем, сказать, что эта «оптимистическая» переоценка «социалистичности» середняка и крестьянской стихии имеет у тов. Сарабьянова в корне неверную оценку процессов, происходящих в деревне. Если верить тов. Сарабьянову, то капиталистические тенденции крестьянской стихии вообще не сильны. «Мы считаем,—пишет он,—что советский режим при развивающейся промышленности и совершенствующемся государственном и кооперативном аппарате обеспечивает закрепление середняцкого хозяйства вопреки капиталистическим тенденциям». «Нам думается, что восстановительный процесс в сельском хозяйстве должен из рук кулаков вырвать не малую часть земли (арендной), так как середняки и даже бедняки свои посевы заметно увеличивают». «Массовых данных, которые бы говорили о преимущественной тенденции к расслоению крестьянства,—утверждает тов. Сарабьянов,—у нас нет». Но, с другой стороны, признается тов. Сарабьянов, хотя именно об этом говорят все его отвлеченные рассуждения, «с цифрами в руках доказать, осереднячивается ли крестьянство, мы пока не можем» также.

Нам, в свою очередь, думается, что зря валит тов. Сарабьянов невозможность доказать, особенно для восстановительного периода сельского хозяйства, осереднячения деревни, на отсутствие «массовых данных». Для первых годов этого восстановительного периода, этих «массовых данных» больше чем достаточно. В своей работе о расслоении крестьянского хозяйства Украины тов. Гуревич сообщает такие данные об изменении распределения посевных площадей за годы 1922—1924 г.

Годы.	Беспосевн.	С посевом: До 2 дес.	От 2—6 д.	От 6—15 д.	Свыше 15 дес.
1922	3,5	36,3	48,6	10,4	1,2
1924	4,4	33,7	47,6	12,9	1,4
1924 в % к 1922 г. .	126%	93%	98%	124%	117%

Здесь процесс вымывания середняцких групп совершенно несомненен.

Такая же картина несомненной дифференциации наблюдается и по обеспеченности хозяйств скотом. Процент хозяйств без рабочего скота увеличился с 19,2% в 1921 году до 46,4% в 1924 году, или почти в два с половиной раза. Количество безинвентарных хозяйств за тот же период времени увеличилось с 23,8% до 41,6% или на 75%!

Или тов. Сарабьянов не считает эти годы годами восстановительного периода? Или недостаточно массовыми данными (только Украина!)? Но тогда ему не следовало бы приводить и ссылок на работу Хрящевой с приведением данных о распределении посевных площадей между отдельными группами посевщиков! Наконец, тов. Сарабьянову следовало бы знать, что дифференциации крестьянства определяется не только и не столько распределением посевных площадей, сколько обеспеченностью скотом и инвентарем. То-есть как раз теми признаками данных распределения, которых тов. Сарабьянов совершенно не приводит.

В такой же мере не соответствует действительности утверждение тов. Сарабьянова, что «восстановительный процесс в сельском хозяйстве должен вырвать из рук кулаков не малую часть земли (арендной), так как середняки и даже бедняки свои посевы заметно увеличивают». Мы вынуждены будет опять сослаться на ту же работу тов. Гуревича. Расслоение украинской деревни нашло, по данным Украинского ЦСУ, свое отражение и в росте аренды земли. Процент арендующих хозяйств увеличился только за один год с 1923 по 1924 г. с 4,8 до 6%, т.-е. на 25%, а количество арендованной земли за тот же срок увеличилось с 13,4 десятин до 19,2 на 100 хозяйств или на 43%.

Как распределялась аренда и сдача земли между отдельными группами хозяйств, можно судить по следующей таблице:

Группы	Арендовано десятин	Сдано дес.	% хоз. арен.	% хоз. сдающ.	Превышение аренды (+) сдачи (—) (в дес.)
Беспосевн. . . .	219,10	11.654,35	0,9	18,9	— 11.435
С посевом до 2 дес.	1.539,70	15.842,19	1,7	4,7	— 14.302
От 2 до 6 дес. .	15.177,31	28.234,72	4,4	4,5	— 13.107
От 6 до 15 дес. .	40.915,15	9.711,67	16,9	4,2	+ 31.203
Свыше 15 дес. .	29.923,77	637	39,6	1,7	+ 29.285

Иными словами, группы беспосевных хозяйств и посевщиков до 6 дес. сдают в аренду землю, а посевщики свыше 6 дес. арендуют. При чем в группе беспосевных почти $^1/_5$ хозяйств сдает землю, а в группе посевщиков «свыше 15 десятин» почти $^2/_5$ хозяйств землю арендуют.

Таким образом, вопреки хорошим желаниям тов. Сарабьянова, восстановительный процесс не только не «вырвал» у кулака арендованную им землю, но кое-что ему дополнительно передал. Очевидно, тов. Сарабьянов сущее подменил должным, а реальные процессы—своими добрыми пожеланиями. Едва ли, однако, наша политика может руководствоваться иллюзорно-оптимистическими пожеланиями тов. Сарабьянова. Конечно, паника перед кулаком, паника перед растущей дифференциацией вещь очень нехорошая и XIV с'езд ее достаточно резко и категорически осудил. Но ведь такое замазывание дифференциации, такое признание «безпоказательности» процесса расслоения, если не в прямой форме, то в форме недооценки кулака было также осуждено!

В конечном счете система взглядов тов. Сарабьянова на основную проблему нэпа сводится к следующему: деревня «осереднячивается», и социалистической крестьянской стихией середняк «сам собой» переводится на социалистические пути. Такую концепцию мы должны признать в корне неверной, она не только не верно изображает весь предыдущий ход нашего развития, но указывает глубоко неверные и принципиально ошибочные пути нашего дальнейшего развития. Политика рабочего государства должна строиться не на оптимистически-благодетельных пожеланиях, а на трезвом и здоровом анализе реально протекающих процессов. А этого у тов. Сарабьянова и не оказалось. И жизнь, так как она протекает реально, а не в голове у того или другого экономиста, была и будет больно бить за нежелание с ней считаться.

Такими же оптимистическими настроениями, вопреки последним данным НКФ, проникнуты взгляды тов. Сарабьянова и на вопрос о роли и удельном весе в нашей экономике частного капитала. Хотя и здесь тов. Сарабьянов оговаривает: «как велик этот уклад в количественном отношении, сказать в данный момент невозможно за отсутствием прямых и косвенных более или менее значительных данных».

Книга тов. Сарабьянова, повторяем, несомненно интересна, но этот неумеренный «оптимизм» с его «гром победы раздавайся», не может быть принят партией как руководство для действия, как исходное положение для определения направления партийной политики.

К. Розенталь.

От редакции:

В № 12 на стр. 13 в 5 стр. сверху напечатано: «По-латински осмыслить»; следует читать: «По-ленински осмыслить» и т. д.

№ 14 № 14

30 ИЮЛЯ

1926
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 ИЮЛЯ 14

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 67376. Москва. Тираж 35.500 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

К итогам июльского пленума ЦК и ЦКК.

Внутрипартийная оппозиция не изжила своих разногласий с партией и не прекратила своей фракционной работы после XIV с'езда партии. Напротив, за истекшее со времени этого с'езда полугодие имел место целый ряд новых фактов, свидетельствующих о дальнейшем отходе оппозиции от ленинской линии партии, об обострении ее борьбы с партией.

Эти новые факты, вносящие изменения в положение и роль оппозиции по сравнению с периодом XIV с'езда, наблюдаются по четырем важнейшим направлениям.

Во-первых, так называемая новая оппозиция необычайно заострила организационную борьбу против партии, неслыханным образом нарушая дисциплину и устав, организуя нелегальные собрания с участием некоторых членов руководящих органов партии, сторонников оппозиции,—используя во фракционных целях аппарат Исполкома Коминтерна, прибегая к шифрам, к конспиративным квартирам, к явной лжи перед ЦК и ЦКК и т. п. Именно эти обстоятельства, именно это заострение организационной борьбы,—а не идейные разногласия сами по себе,—вынудили пленум ЦК и ЦКК ответить также организационными мерами воздействия по отношению к товарищам, нарушившим дисциплину и злоупотребившим доверием партии (исключение из ЦК тов. Лашевича, вывод из Политбюро т. Зиновьева и т. д.).

Во-вторых, вполне оформился намечавшийся политически уже на XIV с'езде партии (а идейно, уже в предс'ездовской дискуссии по вопросам строительства социализма в нашей стране) блок новой оппозиции с троцкизмом, блок на основе принятия новой оппозицией главнейших положений троцкизма. Разногласия, отведшие новую оппозицию от общепартийных позиций, выросли по сравнению с периодом XIV партс'езда. Но, вместе с тем, эта оппозиция в сильной степени дискредитирует себя политически фактом своего ската в идейное лоно троцкизма, уже не только в организационно-партийных, но и в экономических и других вопросах. Все знают, что она начала свою фракционную борьбу с партией под знаком обвинений ЦК в «полутроцкизме», с требования исключить тов. Троцкого из состава Политбюро, считая разногласие по данному вопросу чуть ли не менее круп-

ным, чем разногласие с меньшевиками по поводу § 1 «Устава» [1]). Начать таким образом, а меньше, чем через год переметнутся в лагерь троцкизма,—всякий понимает, как трудно в таком положении сохранить даже остатки своего политического капитала, политического доверия со стороны массы.

В-третьих, дальнейший отход от ленинских позиций обнаружился не только у новой оппозиции, до сих пор двигавшейся в направлении троцкизма: об'единенная оппозиция выступила с новыми ошибками по новым вопросам, а именно: по международным вопросам, по вопросу о характере советского государства и об оценке политических итогов кампании перевыборов советов.

В-четвертых, наконец, создавшийся блок двух оппозиций расширил свои ряды привлечением в них третьего оппозиционного течения—остатков так называемой «рабочей» оппозиции, чья идеология доросла до подлинного махрового оппортунизма (ее требования о ликвидации Коминтерна, о сдаче нашей промышленности иностранному капиталу и т. п. известны [2]). Этот оппортунизм прикрывается его союзниками, как «левое» течение в нашей партии (характеристика, данная устами тов. Зиновьева).

Весь этот ряд новых фактов, свидетельствующих о новой расстановке и консолидации внутри партии оппозиционных сил, заставляет наши партийные организации заострить внимание на задаче раз'яснения широким массам членов партии решений пленума ЦК, идейной и политической физиономии оппозиции и опасности, грозящей партии и диктатуре пролетариата от фракционных подкопов под партию.

Круг идейных разногласий отделяющих оппозицию от партии в настоящее время стал шире, чем он был в момент XIV с'езда и до с'езда. Чтобы видеть, насколько крупны и разнообразны вопросы, вызывающие разногласия, достаточно отметить четыре главных линии разногласий.

Во-первых, экономическая политика партии и советской власти в связи с задачей индустриализации страны. Здесь об'единенной оппозицией воскрешена отвергнутая партией

---

[1]) Тов. Зиновьев говорил 26 января 1925 года в докладе на XXI Ленинградской губпартконференции (доклад этот издан под заглавием «О необходимости трех перестраховок»): «Теперь решается вопрос, что такое РКП в 1925 году. В 1903 году он решался отношением к первому параграфу устава, а в 1925 году—отношением к Троцкому, к троцкизму. Кто хочет теперь строить партию в союзе с Троцким, в сотрудничестве с троцкизмом... тот отступает от основ ленинизма».

[2]) Кстати сказать, эти требования уже вызвали одобрение белых газет—«Дней» (№ 1055), «Возрождения» (№ 410) и др.

в 1923 году платформа «сверхиндустриализма», линия высоких цен на промышленные товары, высоких налогов на крестьянское хозяйство и т. д.

Глубокая ошибка полагать, что эта линия может привести к индустриализации страны, не говоря уже об ускорении темпа индустриализации. Она способна лишь сорвать дело индустриализации. В то время, как т.т. Сокольников, Шанин выдвигали перед партией перспективу прямого бегства с фронта индустриализации страны, другие, наиболее видные представители оппозиции, под видом «ура-наступления» на этом фронте преподносят партии политику срыва индустриализации. Политика высоких цен и высоких налогов на крестьянство повела бы неизбежно к сужению крестьянского рынка для нашей промышленности. От затруднений, связанных с промышленным бестоварьем, которые мы будем изживать медленным, но верным путем, она бросила бы нашу промышленность к кризисам перепроизводства, по типу кризиса 1923 года, вынудив нас, вместо расширения промышленности, на ее сокращения. Резко ударив по крестьянскому хозяйству, эта политика подорвала бы начавшийся его рост, выбила бы почву из-под развития кооперации в деревне и неизбежно политически отшатнула бы основную крестьянскую массу—середняка—от рабочего класса.

Кроме того, политика высоких монопольных цен на промтовары отрезала бы нам действительные пути к борьбе с бюрократизмом в наших хозорганах, усилила бы существующую в наших аппаратах тенденцию к монополистическому загниванию и затруднила бы наши успехи в деле рационализации производства. Только лозунг «производи лучше и продавай дешевле капиталиста» (а не «дороже капиталиста», что защищается и даже теоретически «обосновывается» идеологами оппозиции) может, с одной стороны, смахнуть налет рутины и бюрократизма с деятельности наших хозяйственников, а с другой—привлечь симпатии крестьян к нам, а не к капиталистам.

Наконец, следует также иметь в виду, что при настоящем положении дел, когда большая часть промышленной продукции (около 70%) потребляется не деревней, а городами, политика высоких промышленных цен бьет по рабочему, как потребителю, понижая реальный уровень зарплаты. Поэтому, в устах защитников высоких цен на промтовары всякие разговоры о сохранении, а тем более о поднятии уровня реальной заработной платы были и остаются голой демагогией, показывающей их несерьезное отношение к вопросу.

Таким образом, политика «сверхиндустриалистов» повела бы нашу индустрию по пути кризисного «развития» вспять, отрезав ее от крестьянского рынка, подорвала бы развитие крестьян-

ского хозяйства и сельской кооперации, способствовала бы б. рократизации хозорганов, ударила бы по реальной зарплате рабочих,—в итоге политически оттолкнула бы от нас середняка в деревне и частью городских рабочих. Поэтому, хозяйственная платформа оппозиции не могла быть и не может быть принята партией.

Кроме этого, оппозиция в своей критике экономической политики, проводящейся ЦК, выдвигала положение об угрожающем, якобы, темпе частно-капиталистического накопления. Но и этот аргумент был бит, так как цифры, которыми пользовались представители оппозиции, оказались явно неверными и совершенно искажающими подлинное соотношение государственного и частно-капиталистического накопления.

Второй круг вопросов, в разрешении которых оппозиция отошла от ленинизма,—**новый** круг вопросов, поднятых, главным образом, на пленуме ЦК и ЦКК и в связи с итогами перевыборов советов,—это **о советском государстве**, о его социальной сущности и перспективах дальнейшего развития советов.

Существует ли у нас диктатура пролетариата? Не переродились ли наши советы, не перестали ли они быть органами пролетарской диктатуры? Тот или иной ответ на это для ленинцев **предрешает** всю их тактику в нашей стране. Если у нас диктатура пролетариата, то тактика эта явится одной, будучи направлена к укреплению советов, к укреплению в их руководящей роли нашей партии и т. д. Если советы уже переродились и перестали быть органами пролетарской диктатуры, то тактика будет иная: борьба с советами, борьба с партией, которая ими руководит и ведет их по пути перерождения.

Всякий понимает огромное, центральное политическое значение вопроса о социально-классовой сущности советского государства, ибо в учении Ленина вопрос о диктатуре пролетариата является коренным. И вот, в среде оппозиции выявляется крайне опасная точка зрения, ведущая ее на крайне скользкий путь. Делаются заявления о «**далеко не-пролетарском характере**» нашего государства (тов. Троцкий), о том, что политика этого государства «расходится с интересами широких рабочих масс» (т. Каменев), что наше государство—«не рабочее, а рабоче-крестьянское» (т. Оссовский,—см. его статью и ответ ему в настоящем номере «Большевика»).

Чем же подкрепляют эти свои крайне ответственные утверждения товарищи из оппозиции?

Во-первых, ссылкой на «бюрократизм, имеющийся в советских органах». Но, прежде всего, разве это ново? Разве у нас не существует бюрократизма в советах еще со времен военного коммунизма?

Разве Ленин не определял наше государство, как «**рабочее, с бюрократическим извращением**»? До сих пор эта формула Ленина не вызывала споров в партии. Почему же **сейчас** ее решают ревизовать и пересматривать? Что нового, в этом отношении, произошло именно в июле 1926 года,—кроме того, что на этот год и месяц падает очередное обострение фракционной борьбы оппозиции с партией и с ее ЦК?

Нельзя оспаривать наличия бюрократизма в советском аппарате. Мы должны вести решительную и беспощадную борьбу с бюрократизмом. Но **как** ее вести?—Одной из важнейших мер партии по борьбе с бюрократизмом в советах является кампания по оживлению советов, по привлечению широких беспартийных трудящихся масс к активной работе в советах и к контролю над работой партийцев. И вот, говоря о «бюрократическом перерождении» советов, оппозиция обнаруживает явное непонимание кампании оживления советов, характеризуя даже лозунг «оживление советов» как «**не наш**» лозунг (т. Троцкий). Между тем, это есть целиком **наш**, **ленинский** лозунг. Вот что писал тов. Ленин соратнику т. Шляпникова по «рабочей» оппозиции—Мясникову (впоследствии исключенному из рядов ВКП и Коминтерна и возглавившему так называемую «Рабочую группу»).

«**Оживлять советы**, привлекать беспартийных, проверять беспартийными работу партийных **вот абсолютно верно**. Вот где работы тьма, непочатый угол работы» («Письмо Мясникову». Соч., т. XVIII, ч. I, стр. 341. Август, 1921 г.).

Вместо того, чтобы видеть в привлечении беспартийных рабочих и крестьян залог борьбы с бюрократизмом, оппозиция обнаруживает излишний страх перед беспартийной массой, видя в вовлечении беспартийных в советы **лишь** угрозу «диктатуре партии» (т.-е. руководству партии). В связи с этим, оппозиция указывает на «затопление» «крестьянской стихией» наших низовых советов, как, опять-таки, на симптом их передвижения наряду с бюрократизацией советов.

Этим оппозиция проявляет полнейшее непонимание вопроса о гегемонии пролетариата, непонимание тех методов и форм, в каких наш рабочий класс проводит свое руководство крестьянством в советском государстве. В стране с огромным большинством крестьянства органы диктатуры пролетариата — советы, являясь по своей классовой сущности формой диктатуры пролетариата, по своему **составу** не могут и быть иными, как **рабоче-крестьянскими**. Бороться против этого значит отступать от ленинизма и впадать в чистой воды троцкизм. По т. Троцкому, крестьянство будет поддерживать «режим пролетарской диктатуры» и «присоединится» к нему точно так же, как оно «присоединяется» к режиму буржуазии, и, «поддерживая» его ленинизм, в корне отрицает эту трактовку крестьянского

вопроса, считая для нас вполне возможным,—а при правильной политике неизбежным,—заинтересовать крестьян в «режиме пролетарской диктатуры» так, как абсолютно неспособна заинтересовать их буржуазия. Оттого пролетариат строит свое рабочее государство (оно рабочее потому, что в нем рабочие руководят, что командные высоты в нем занимает коммунистическая партия пролетариата), привлекая к делу управления им крестьянскую, бедняцкую и середняцкую массу.

Обеспечить руководство пролетариата по отношению к крестьянству в советах это значит обеспечить за пролетариатом последнее решающее слово во всей политике государства, внешней и внутренней, общей и экономической. Но одного этого недостаточно. Надо еще уметь повести за собой, по пути этой политики, крестьян. Применяя характерную ленинскую терминологию, пролетариат должен, во-первых, «отгородиться» от непролетарской трудящейся массы, а, во-вторых, «звать» ее за собой, «привлекать», «вовлекать» в социализм. Внимание оппозиции приковано исключительно к разрешению первой половины задачи. Оппозиция с усердием, достойным лучшей участи, стремится найти, «открыть» якобы существующее у партии нежелание «отгораживаться». Но в бесплодных поисках, не приводящих самое оппозицию ни к чему, кроме демагогии и теоретических плутаний,—оппозиция фатально упускает из виду вторую часть задачи пролетарского руководства—«звать» и «привлекать». А без этого какова бы «классово-выдержанная» и «классово-спаянная» партия у нас не была, мы дальше цеховщины никуда не пойдем и социализма не построим.

Третий раздел разногласий—вопросы построения партии. Здесь вся оппозиция сходится на требовании свободы фракций и группировок внутри партии. В партийной критике не раз отмечалась прямая связь этого требования с требованием политической демократии в стране: свобода фракций в партии, руководящей диктатурой пролетариата, означает шаг к свободе политических партий.

Связь эта настолько ясна, что ее оппозиция не может отрицать. Наоборот, в последнее время из рядов троцкистской оппозиции вышло произведение (статья т. Оссовского, см. ниже), которое совершенно недвусмысленно признает, что свобода фракций в партии, с точки зрения оппозиции, есть шаг к свободе партий, к «двум» партиям, и даже еще более определенно—к расколу нашей партии на «две» (или более).

Перспектива буржуазной политической демократии, таким образом, вполне явственно маячит перед оппозицией и она сознательно или полусознательно идет на эту перспективу, считая лишь «несвоевременным» и «преждевременным» (еще «не созрели» условия) ставить вопрос о свободе партий, ограничиваясь до

поры, до времени лозунгом свободы фракций в «единственной партии».

Нечего и говорить, что ленинцы самым решительным образом и до конца будут бороться против такого сползания партии с классовой линии и с рельс пролетарской диктатуры, какое предлагают Оссовские и их идейные укрыватели.

Четвертая область внутрипартийных организаций, это—вопросы международного рабочего движения и тактики Коммунистического Интернационала. Здесь оппозиция, по сути дела, пыталась подвергнуть ревизии тактику единого фронта, предложив нам, после поражения английской всеобщей стачки, демонстративно порвать с генеральным советом английских тред-юнионов, отозвав представителей ВЦСПС из англо-советского профсоюзного комитета единства.

Хотя некоторые из вождей оппозиции,—т. Троцкий, а за ним и другие,—очень любят обвинять своих противников в «аппаратной точке зрения»,—именно они сами подошли к вопросу об англо-советском комитете исключительно узко, «по-аппаратному». Они рассматривали этот комитет лишь как «политический блок» с вождями Генсовета, с которыми мы сидим за одним столом только до тех пор, пока они не предают рабочих, и с которыми мы должны порвать потому, что они совершили предательство. При этом совершенно не учитывалось, что речь идет о профсоюзных организациях, а не вообще о «блоке» с группой вождей центристов. В известной аналогии между предательством Генсовета и 4 августа 1914 года была допущена, во-первых, та ошибка, что профсоюзы приравнены были к с.-д. партиям, с которыми большевики-ленинцы порвали в 1914 году. Во-вторых, сверх того, была недоучтена специфическая особенность английских условий, где профсоюзы играют бо́льшую роль, чем в какой-либо другой стране, где тем вреднее всякая тенденция к выходу из профсоюзов и всякого рода «революционная жестикуляция», способная поощрить такую тенденцию, до известной степени неизбежную после поражений рабочего класса.

В особенности же недоучет роли профсоюзов и других исторически сложившихся организаций рабочего класса Англии оказался на выставленном тов. Троцким положении о необходимости создания в английском рабочем движении «новых организаций», поскольку «все» имеющиеся до сих пор организации (в том числе и английская компартия) являются «элементами торможения» революции.

Вся эта «левая» и «революционная» жестикуляция сопровождалась колебаниями в оценке положения мирового капитализма в текущую полосу времени. Из ряда заявлений т. Зиновьева явствовало, что оппозиция склоняется к признанию полосы стабилизации капитализма уже законченной. Такая оценка

положения капитализма диктовала оппозиции недооценку тактики единого фронта и ее методов постепенного и систематического отвоевания масс у вождей предателей. Отвергая точку зрения оппозиции, Коминтерн и ЦК нашей партии подтвердили правильность линии английской компартии, ведущей непримиримую идейную критику реформизма всех оттенков и организационную борьбу в профсоюзах за перевыборы старых вождей.

Итак, мы видим у об'единенной оппозиции оформленную платформу по вопросам экономической политики советской власти, особые взгляды на социальную сущность советской власти, свои воззрения на построение и судьбы нашей партии и, наконец, особую точку зрения в вопросах тактики международного рабочего движения. Приходится констатировать, что до сих пор внутрипартийная оппозиция ни разу не выступила с такой широкой, по захваченному в ней кругу вопросов, фракционной платформой.

Но куда же «растет» эта широкая платформа, если внимательнее вглядеться в ее основные положения?

Ответ нам дается живым примером, имеющимся в составе самого оппозиционного блока,—в лице осколков так называемой «рабочей» оппозиции. Куда она зашла, в какую сторону,—это ясно для каждого: в сторону оппортунизма, меньшевизма. Но стоит приглядеться к платформе «рабочей» оппозиции, и мы увидим, что она пришла к своим оппортунистическим выводам, идя, примерно, по тому же самому пути, на какой вступили остальные главные кадры оппозиции.

В самом деле. Разве в о с н о в е взглядов «рабочей оппозиции» не лежит точно так же н е в е р и е в возможность подлинного социалистического строительства и построения социализма в нашей стране, как и троцкистской, так и у «новой» оппозиции?

Если это неверие склоняет идеологов оппозиции к попыткам навязать партии политику резкого нажима на крестьянство (высокие промышленные цены, высокие налоги), то «рабочая» оппозиция в своем безверии еще более последовательна и делает более решительные выводы. Вот что пишет т. Медведев в своем письме-платформе:

«Думать, что мы можем... собрать необходимые массы капитала для разворачивания потушенной промышленности п у т е м н а л о г о в,—значит тешить себя н а п р а с н о й и л л ю з и е й. Думать же, что эти массы капитала мы сложим «из пятаков», только более длительно,—это значит дополнять прежнюю иллюзию и л л ю з и е й м е л к о-б у р ж у а з н ы х э п и г о н о в».

Медведев не верит и в высокие налоги, как в источник средств для индустриализации страны, но он еще более «едко» насмехается над политикой собирания средств по «пятакам» (имея

здесь в виду именно «мелкобуржуазную», по его мнению, политику партии). Поэтому он и приходит к выводу о «материальных жертвах» в пользу иностранного капитала.

Что идейный источник н е в е р и я в победу социалистического строительства в нашей стране у «рабочей» и всей иной оппозиции, в общем, один и тот же—это можно видеть из простого сопоставления речей Медведева о «деревенщине», которую удержать от разорения для нас невозможно; сопоставим их с рассуждениями тов. Преображенского, зачисляющего крестьян, фактически, по ведомству капитализма («частное хозяйство вообще», из которого наша задача лишь «отчуждать»), и с речами новой оппозиции о крестьянстве, как «капиталистическом классе» (слова Ленина об этом искажались самым вульгарным образом) и пр. Этот источник неверия—о т р и ц а н и е возможности для пролетариата повести за собой крестьянство, и, главным образом, с р е д н е е крестьянство, по кооперативному социалистическому пути. Это есть н е в е р и е в к о о п е р а т и в н ы й п л а н Л е н и н а.

Если на этом неверии построены предложения оппозиции в области экономической политики, то им же продиктованы и сомнения в социалистическом характере наших госпредприятий, и в пролетарском характере советской власти в отсталой крестьянской стране. Отсюда исходят и остальные ошибки оппозиции. При этом, нельзя не вспомнить, опять-таки, что «рабочая» оппозиция (и в особенности оказавшаяся вне партии мясниковская «Рабочая группа») и в этом отношении «опередила» современную оппозицию еще в 1921—22 годах, об'явив о бюрократическом и мелко-буржуазном «перерождении» советской власти и партии.

Наконец, поучительно напомнить, что и тактика единого фронта подвергалась наиболее резкому оспариванию со стороны тех элементов «рабочей» оппозиции, которые выделились в «Рабочую группу». И здесь новая и троцкистская оппозиция делает первый шажок все в ту же сторону.

Если же на первых порах эта оппозиция драпируется в тогу «левых» фраз, то и здесь она рискует повторить печальную историю право-оппортунистического вырождения «рабочей» оппозиции.

Партия обязана веско предупредить оппозиционных товарищей. Партия должна указать на всю скользкость и наклонность их идейного пути, способного вести их лишь в сторону меньшевизма и сухановщины. Партия должна, вместе с тем, предупредить их о всех последствиях, которые будут для них и для партии вытекать в случае продолжения фракционной борьбы, в случае дальнейших нарушений дисциплины и устава партии.

Ленинский ЦК нашей партии получит полную и безраздельную поддержку всех организаций партии в деле преодоления оппозиционных течений и в борьбе с фракционностью, угрожающей судьбам диктатуры пролетариата.

Партия знает, в каких трудных условиях приходится ЦК и его Политбюро без тов. Ленина и при отходе от основного ленинского ядра партии ряда крупных вождей, руководить партией, рабочим классом и всей страной. Но партия сделала за истекшие годы такие крупные шаги вперед в деле общего идейного роста партийных масс, в деле роста новых активных сил с низов партии, в деле выдвижения новых слоев активных работников и руководителей парторганизаций, что какие бы попытки ни предпринимали те или иные ослепленные фракционностью товарищи,—им не поколебать коллективной мощи и ленинского единства партии.

В. Карпинский.

Новое течение в нашей политике[1]).

(К вопросу о расширении круга избирателей).

V.

Переходим к следующему основному доводу «расширителей». Он касается понимания диктатуры пролетариата в новых условиях и формулируется, примерно, так. В период мирного строительства диктатура пролетариата не может остаться неизменною, такою же, как в эпоху гражданской войны. Ставший у власти пролетариат, перейдя к строительству, не может уже во всем исходить из одних только классовых своих интересов, он должен учитывать интересы других слоев населения, отражать их как-то в законодательстве, создать какую-то правовую обстановку для нормального течения общественно-экономической жизни, как-то смягчить, изменить характер, методы и формы своей диктатуры, допустить к участию во власти те слои населения, которые до сих пор лишены были этого права. Разве не говорил Ленин о смягчении пролетарской диктатуры? Разве не писал он о сотрудничестве двух классов, пролетариата и крестьянства, к которому допущены даже нэпманы?

Таково обоснование расширения круга избирателей под углом зрения диктатуры пролетариата. Оно вносит в вопрос величайшую путаницу опять-таки благодаря тому, что теоретически правильное отвлеченное положение толкуется и применяется на практике совершенно невозможным образом. Теоретически верно, что диктатура пролетариата, как и классовый характер советского государства вообще, не могут остаться неизменными, они будут изменяться, будут отмирать. Иначе ведь не было бы никакого движения к социализму, к коммунизму. Ленин поставил вопрос об изменении форм диктатуры еще в 1919 году, после первых успехов в деле военно-политического закрепления власти пролетариата (см. речь об отношении к среднему крестьянству на VIII с'езде партии). После окончания гражданской войны партия, как известно, провела возможное и необходимое изменение форм и методов диктатуры, кладя в основу учет классовых сил внутри и вне Союза. Может быть, в этом отношении нужно провести еще какие-нибудь меры, практически оправдываемые вновь выяснившимися обстоятельствами.

Но как Ленин ставил этот вопрос? Напомним в кратких извлечениях. Конечно, исходная точка у него, как всегда—учет классовых сил. «...Основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат... Наши меньшевики и эсеры, а также вожди старых социалистических партий эту истину забыли и принялись чисто механически

[1]) Начало статьи см. в № 13.

повторять филистерские фразы о демократизме вообще. У нас иногда пытаются придать этим словам нечто как-будто более «крепкое», когда говорят—«диктатура демократии». Это уже совершенная бессмыслица. Мы из истории прекрасно знаем, что диктатура демократической буржуазии обозначала не что иное, как расправу с рабочими... Только диктатура одного класса—пролетариата—может решить вопрос о борьбе с буржуазией за господство. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат».

Вот первое положение. Второе:

«Однако, отсюда ни в коем случае не следует,—это было бы глубочайшей ошибкой,—что и в дальнейшем строительстве коммунизма, когда буржуазия уже свергнута, когда политическая власть в руках пролетариата,—будто и дальше нам можно обойтись без участия средних промежуточных элементов».

Третье положение: «Мы прекрасно знаем, что в руках буржуазии до сих пор остаются преимущества, связанные с ее богатствами в других странах, или состоящие иногда даже у нас в денежном богатстве. Мы хорошо знаем, что буржуазия не оставила мысли о возвращении своей власти, не прекратила попыток к восстановлению своего господства... Сейчас, если учитывать материальные средства во всемирном масштабе, нельзя не признать, что материально буржуазия теперь сильнее нас».

Из этих основных положений выводы: «Мы должны поставить на очередь во всем его об'еме вопрос о среднем крестьянстве... По мере того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, центральное внимание наше должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьянстве». Нужно соглашение, союз со средним крестьянством. Вместе с тем необходимо сохранить диктатуру пролетариата для дальнейшей борьбы с буржуазией за господство. И специальное пояснение во избежание неправильного понимания: «Кто думает, что выдвигание этой задачи является чем-либо похожим на ослабление характера нашей власти, на ослабление диктатуры пролетариата, на изменение, хотя бы частичное изменение, нашей основной политики,—тот совершенно не понимает задач пролетариата, задач коммунистического переворота. Я уверен, что таких людей в нашей партии не найдется». (Том XVI, стр. 140, 141, 142, 144, 146. Подчеркнуто мною—*В. К.*).

Безусловно необходимо привлечь к социалистическому строительству средние элементы, но нельзя при этом ослаблять диктатуру пролетариата в смысле хотя бы частичного изменения нашей основной политики,—так ставит вопрос Ленин. Но так ли ставят его наши «расширители», когда они хотят навязать нам, в форме расширения круга избирателей, союз с элементами выше средних? Где анализ соотношения классовых сил? Где доказательства, что в дальнейшем социалистическом строительстве мы не можем обойтись без этих выше-средних элементов (скажем, крестьянина с посевом в сотню десятин, кустаря, мельника с несколькими наемными рабочими и т. д.)? Где открытое признание необходимости диктатуры пролетариата, неизменности в основном нашей политики вплоть до полного завершения нашей борьбы с буржуазией за господство? Ничего этого нет и в помине в доводах сторонников расширения круга избирателей, кроме голой ссылки на теорию. На практике же у них выходит нечто, поразительно напоминающее ту «диктатуру народа», которую хотели осуществить блаженной памяти меньшевики и эсеры: диктатурствует, дескать, «весь народ» за исключением крупной контр-революционной буржуазии. Разница только та, что теперь «диктатура демократии», с участием всем блюдущих советские законы граждан, должна по рецепту советских юристов мирным образом вырасти из диктатуры пролетариата. Крохотные бутончики такой «диктатуры демократии» можно видеть во образе тех отдельных советов в мелких мещанских городах, состав которых расширился согласно новой избирательной инструкции представителями мелкой буржуазии, уже успевшими проявить себя анти-рабочими, анти-советскими выступлениями. Тысячу раз прав был Ленин, назвав эту «диктатуру демократии», с точки зрения пролетариата, «совершенной бессмыслицей».

Не выдерживает ни малейшей критики и ссылка на Ленина по вопросу о сотрудничестве классов. Нельзя, конечно, отрицать, что прежнее наше безусловно-отрицательное отношение к сотрудничеству с буржуазией должно несколько измениться при диктатуре пролетариата. Ленин определенно писал: «В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия»... (Том XVIII, ч. 2, стр. 124). Но, во-первых, нельзя толковать эти слова в смысле какого-то полного сотрудничества с буржуазией, в роде как с союзницей пролетариата, преобразующего теперешний советский строй в социалистический. Это—вынужденное обстоятельствами «сотрудничество» двух врагов, из которых один слишком слаб, чтобы отбросить это сотрудничество к чорту, а другой недостаточно силен, чтобы... сделать то же самое. Во-вторых, нельзя понимать и сотрудничество с крестьянством в столь же «расширительном», безоговорочном смысле. У крестьянства есть своя «нэпманская» верхушка. Времена, когда было возможно и необходимо политическое сотрудничество со всем крестьянством в целом, миновали безвозвратно. Это—времена буржуазной революции. В эпоху социалистической революции возможно политическое сотрудничество лишь с середняцким крестьянством (бедняцкое на нашей позиции). С этим классом—союз, сотрудничество не только экономическое, но и политическое—полное сотрудничество в деле социалистического преобразования теперешнего строя, при условии, разумеется, сохранения руководства за пролетариатом. С буржуазной же верхушкой крестьянства такого сотрудничества быть не может. Давать политические права эксплоататорам (хотя бы пока еще «лично участвующим» в работах своего предприятия), оставляя при этом в стороне вопрос об обеспечении диктатуры пролетариата,—значит скатываться на платформу буржуазной демократии, значит, ставить на смарку все результаты нашей революции, как революции социалистической.

Нам, пожалуй, возразят: «Но вы ведь допускаете теоретически избирательные права для буржуазии. Вы в теории признаете возможным такое положение, что и пролетариат у власти

и буржуазия имеет политические права. А когда дело доходит до практического применения этой теории, вы резко возражаете». Да, возражаем, потому что обнаруживаем грубое непонимание тех условий, при которых это возможно. Одно дело, когда политические права даются в обстановке вполне укрепившейся экономически (т.-е. в корне) власти пролетариата, при сокращающейся области эксплоатации, при понижающейся экономической силе буржуазии, при падающем ее влиянии среди населения, при растущем во всех отношениях влиянии социалистических элементов, и тем более, когда пролетариат победил хотя бы еще в одной, промышленной, стране. Тогда дача прав буржуазии имела бы характер своевременной амнистии элементам, уже переставшим представлять социальную опасность. Совсем другое дело, когда политические права даются в обстановке ожесточенной экономической борьбы между социалистическими и частно-собственническими элементами, когда диктатуру пролетариата еще нельзя считать вполне укрепившейся экономически, когда область эксплоатации, если и сокращается, то еще незначительно, когда экономическая сила буржуазии увеличивается, если не во всем народном хозяйстве, то в такой громадной его отрасли, как сельское хозяйство, когда влияние буржуазии в деревне в некоторой степени растет, когда в целом ряде случаев за последнюю выборную кампанию буржуазные элементы, в лице кулаков, торговцев, церковников и некоторых интеллигентов, вели атаку на советы и против коммунистов, когда социалистические элементы далеко еще не добились решающего влияния во всех областях хозяйства и жизни, и тем более, когда пролетариат победил пока только в одной, отсталой стране. Тогда предоставление политических прав буржуазии носит характер преждевременной амнистии элементам, еще представляющим значительную социальную опасность. Тогда это означает существенное изменение основной нашей классовой политики, означает совершенно недопустимую добровольную сдачу позиций пролетарской диктатуры.

Здесь кстати будет остановиться на одном совершенно частном вопросе, заслуживающем, однако, особого рассмотрения в виду своего принципиального значения. Это—благосклонное внимание наших советских юристов к духовенству. По конституции 1918 г. избирательных прав лишались начисто «монахи и духовные служители церковных и религиозных культов» (ст. 65, п. «г»). Конституция РСФСР 1925 года, а за ней и избирательные инструкции лишают избирательных прав только «тех монахов и духовных служителей религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией» (ст. 69, п. «г»). Такое изменение сделано в связи с тем, что бывали случаи лишения избирательных прав таких лиц, которые, занимаясь полезным трудом, в то же время выполняют при религиозных общинах обязанности технического характера (члены церковного совета, певчие, сторожа, звонари и т. п.). Конечно, неправильно лишать прав таких лиц. Но по какому-то, не совсем ясному даже с точки зрения формально-юридической логики, умозаключению к этим лицам были приравнены и духовные служители (т.-е. попы, муллы и проч.), для которых это занятие не является «профессией». Таким образом, вопрос

о духовенстве вдруг получил принципиально иную постановку. Ранее духовные служители религиозных культов лишались прав, как таковые, т.-е., как лица, материально эксплоатирующие население путем одурманивания его религиозными предрассудками. Теперь эти два момента (эксплоатация и одурманивание) разделены. Теперь духовенство лишается избирательных прав только за материальную эксплоатацию верующих. Духовенство, занимающееся религиозным одурманиванием «бесплатно», получает политические права. (В некоторых избирательных инструкциях,— напр., в бурято-монгольской и в архангельской,—так прямо это и сказано). Очень «либерально», конечно, но совершенно недопустимо с точки зрения интересов трудящихся. Нечего говорить, какое осложнение вносит это неожиданное толкование во всю нашу антирелигиозную пропаганду (когда попы станут «козырять» тем, что они, дескать, такие же полноправные граждане, как любой рабочий-коммунист). Политически это ведет к тому, что весьма значительная, по современным условиям, часть духовенства, ссылаясь на занятие каким-нибудь полезным трудом (земледелие, счетоводство и т. п.), может получить избирательные права и, конечно, использует их во вред интересам пролетариата. Такие факты уже отмечены за последнюю избирательную кампанию. По нашему мнению, лица, одурманивающие население религией, хотя бы и «бесплатно», нам вовсе не нужны в качестве полноправных граждан Советского Союза [1]).

VI.

Наконец, последнее из основных недоразумений, составляющих сумму доводов в пользу «расширительного курса». Это—неправильное понимание лозунга оживления советов. Суть этого лозунга—борьба с пережитками эпохи «военного коммунизма», борьба с некоторым «омертвением» социальной ткани советской демократии, получившимся вследствие невозможности полного применения демократических методов в эпоху гражданской войны, борьба с командованием, назначенством, административным давлением и т. п. В этих целях партия требовала привлечения к активному участию в государственном строительстве всех правомочных граждан, в первую очередь рабочих, а также неэксплоатирующих чужого труда крестьян, и обеспечения действительных начал демократии в проявлении их активности. В частности партия требовала привлечения к выборам в городах так называемых «неорганизованных избирателей» (кустарей и ремесленников, неэксплоатирующих наемной силы, домашних хозяек и т. п.), а также решительного прекращения искусственного сужения кадров избирателей в деревнях путем зачисления в «кулаки» крестьян, поднявших свое хозяйство благодаря улучшенным способам, без применения наемного труда. Насколько правилен и необходим этот курс партии, показывают следующие цифры. За прошлую избирательную кампанию по РСФСР (не восходя к предыдущим, когда дело обстояло еще хуже) процент

[1]) Отметим здесь же резкое несоответствие между числом духовенства всех разрядов и мастей—461.535 человек (по всему Союзу) и числом «лишенцев» из духовенства—всего 114.426 человек (по РСФСР). При этом, по сравнению с выборами 1924/25 г., число «духовных лишенцев» уменьшилось на 12.172.

граждан, имеющих избирательные права, но не воспользовавшихся ими, в городах составлял 59,5%, при чем из числа женщин не участвовало в выборах 72,5%. Даже среди организованной части избирателей (членов профсоюзов) процент не участвовавших достигал 47,8. В деревнях процент правомочных граждан, не участвовавших в выборах, составлял 58,3% (для женщин—80,1%). Таким образом, даже в наших культурных центрах, не говоря уже о деревне, значительное большинство имеющих избирательные права граждан не принимало участия в политической жизни, при чем из женщин не участвовало подавляющее большинство и даже из членов профсоюзов—почти половина. Принятые партией меры несколько улучшили положение, но все еще не изменили его коренным образом. В только что закончившейся избирательной кампании в городах не участвовало 51,3% избирателей (женщин—61,9%, членов профсоюзов—43,3%); в деревнях не участвовало 52,7% избирателей (женщин—71,3%). Так что и теперь еще большинство правомочного населения стоит вне политической жизни (из женщин—подавляющее большинство). И даже наш основной социалистический кадр—профессионально-организованные городские рабочие—в весьма значительной своей части не участвуют еще в политической жизни даже в такой простой ее форме, как выборы. В абсолютных цифрах число правомочных граждан, которых мы должны еще привлечь к политической активности, составляет по РСФСР в деревнях 21.706.000 человек, в городах (без Москвы и Ленинграда) 2.902.000, а всего 24.608.000 человек, при общем числе избирателей 46.833.000 [1]).

Как же поняли наши «расширители» этот курс партии на оживление советов? Так, что к участию в выборах следует привлечь новые слои населения, до сих пор не обладающие избирательными правами! Нужно расширить круг избирателей новыми кадрами, которые дадут в советы депутатов, способных оживить их работу. Нужно дать избирательные права крестьянам, хотя бы и эксплоатирующим наемную силу, надо дать права кустарям-ремесленникам, хотя бы и прибегающим к наемному труду, надо привлечь часть торговцев, часть духовенства, лиц «свободных профессий» и т. д. Как ни чудовищно такое понимание лозунга оживления советов, особенно в свете вышеприведенных цифр, тем не менее оно—факт. Если брать всерьез эту ссылку на оживление советов как на мотив для расширения круга избирателей, то нельзя понять это иначе, как сомнение,

---

[1]) Сведения взяты из книги: «Выборы в советы РСФСР в 1925—1926 гг.». Часть 1-я. Стр. 7, 10, 12, 13, 42, 47, 49, 51, 52, 53. Изд. НКВД. М. 1926. Отметим дополнительно, что в ряде губерний: Ульяновская, Самарская, Костромская, Нижегородская, Северо-Двинская, Саратовская, Гомельская,—в АССР Немцев Поволжья, в Чувашской АССР и в Вотской автономной области процент участников в выборах понизился, иногда значительно—на 5, 6, 7 и даже 14%. Точно также понизился процент участвовавших в выборах членов профсоюза горнорабочих с 51,1 до 49,7, текстильщиков—с 52,4 до 51,7 и рабочих местного транспорта—с 75 до 56,8. Заметим еще, что слабо повышается активность таких индустриальных союзов, как металлисты: с 58,2% на 61,2%; в то же время сильно растет активность нерабочих союзов: медсантруд—с 40,6% на 53,7%; совторгслужащие—с 48,5% на 56,7%; рабпрос—с 48,1% на 55,1%.

неверие в творческие силы пролетариата и близких к нему трудовых слоев, как признание, что эти творческие силы ничего больше уже дать не могут, как необходимость призвать к активности другие «живые» силы и как необходимость, в соответствии с этим, изменить самый политический строй. Мы уверены, что партия отнюдь не заражена таким неверием и что она, отвергнув самоликвидаторские настроения некоторых товарищей, сосредоточит попрежнему свое внимание на дальнейшем пробуждении и привлечении к политической жизни основной массы нашей советской демократии—рабочих и неэксплоатирующих чужого труда мелких производителей.

VII.

Разобравшись в мотивах «расширительного курса», имеющих принципиальное значение, перейдем к доводам практического характера. Как мы видели выше, доводы эти сводятся к следующему: 1) чрезвычайная сложность социально-экономических отношений в мелко-крестьянской стране; 2) усложнение этих отношений и рост промежуточных прослоек с введением нэпа; 3) переход к полезному труду некоторых бывших эксплоататорских элементов и включение в число советских граждан бывших участников белых армий; 4) как результат всего этого—неохват конституций всех тех общественных элементов, которым можно бы предоставить избирательные права, неясность конституции в этом смысле.

Все эти указания, в общем, фактически верны. Действительно, государственная власть не может не учитывать, обязана учесть все эти обстоятельства. И если бы сторонники «расширительного курса» делали из этого тот вывод, что к нашей конституции нужны раз'яснения, инструкции, которые устраняли бы неясности, уточняли бы ее смысл и обеспечивали бы таким образом наиболее правильное ее применение в духе основной нашей политики и директив партии,—то решительно ничего нельзя было бы против этого возразить. Но в том-то ведь и дело, что наши «расширители» делают из перечисленных фактов выводы, идущие гораздо дальше. Факт отказа партии от прямого курса на социализм и переход к новой экономической политике представляется им основанием для введения нового курса в области общей политики, настолько отличающегося от прежнего, что в порядке инструкций изменяются и фактически отменяются целые пункты конституции. Рост промежуточных прослоек учитывается ими таким образом, что необходимо на эти прослойки распространить избирательные права. Неясность в отношении избирательных прав некоторых элементов приводит их к решению распространить права огульно на целые новые слои населения, ранее этих прав не имевшие. Сложность социально-экономических отношений толкает их к попытке выйти из затруднения путем «инструкционного» исправления «устаревшей» конституции, путем создания через инструкции, с нарушением конституции, целого ряда новых категорий избирателей, путем замены (частичной) старого «узкого», «строгого», «неопределенного» «классово-трудового ценза» широкой системой подробно разработанных категорий поимущественного ценза, параграфы которой механически

разрешали бы вопрос в любом случае и таким образом спасали бы из затруднения любой избирком. Как не вспомнить тут иронического замечания Ленина, сделанного им в 1919 году по адресу товарищей, желавших получить «такой безошибочный термометр, чтобы можно было поставить его крестьянину и сказать, середняк он или нет». (Том XVI, стр. 148). Теперь остроумные советские юристы ухитрились найти такой «градусник». Это—червонец. Сейчас мы поясним, как это у них получается. Избирательная инструкция обусловливает предоставление прав крестьянину-нанимателю применением к его хозяйству «временных правил». Инструкция к этим правилам требует, чтобы местная власть (республиканская, краевая, областная, губернская) установила категории крестьянских хозяйств, к которым «временные правила» применимы. Местная власть, напр., постановляет: хозяйства с доходом не выше 1000 рублей. Вот вам и «избирательный градусник»: натягивает выше 100 червонцев—лишай избирательных, ниже—давай. Решение вопроса об избирательных правах становится настолько простым, что его можно поручить сторожу при сельсовете, а избиркомы упразднить.

Резко отрицательное отношение наше к таким практическим решениям нам нет надобности особо мотивировать после развитой выше критики. Разумеется, не все сплошь в этих решениях заслуживает безусловного отклонения. В частности, напр., высота дохода может быть принята во внимание, как один (но далеко не единственный!) из элементов, подлежащих учету при решении вопроса об избирательных правах того или иного мелкого производителя. Но мы категорически настаиваем на пересмотре каждого детального решения с указанной выше точки зрения политической целесообразности. И в этом нашем требовании мы можем смело опереться на итоги последней избирательной кампании. Материалы об этих итогах требуют еще тщательного изучения, разработки, проверки и дополнительного исследования (это составляет задачу особой партийной комиссии). Но можно и сейчас уже сделать некоторые выводы.

Оказывается, что число лишенных избирательных прав составляет в деревне всего 1% (о д и н п р о ц е н т!). В прошлую избирательную кампанию процент «лишенцев» был 1,3, в 1923 и 1922 годах—1,4, т. е. он постепенно п а д а л. Даже в таких крупноземледельческих округах, как на Северном Кавказе, процент «лишенцев» составляет 1,6 (в прошлую кампанию—1,8), в Сибири—0,5 (без изменения). В некоторых районах процент «лишенцев» уменьшился о ч е н ь р е з к о. В Ойратской автономной области (Сибирь)—с 8,5% на 0,7% (в 12 с лишним раз), в Крымской республике—с 4,7% на 1,5% (в три с лишним раза), в Гомельской губернии—с 3,1% на 1,1% (почти в три раза), в Мурманской—с 2,0% на 0,8% (в два с половиной раза), в Сталинградской—2% на 1% и т. д.

Все, что мы знаем о современной деревне и о классовом ее расслоении, никак не вяжется с этими цифрами, особенно по крупно-земледельческим районам. По статистическим данным буржуазная верхушка деревни составляет никак не менее 3—4%, а по крупно-земледельческим районам—гораздо больше. А процент «лишенцев» всего 1! При этом внутри самой группы «лишенцев» лица, живущие от эксплоатации чужой рабочей силы, от торговли и т. п., составляют лишь 46,4% (остальное

приходится на долю бывших агентов полиции, жандармерии, духовенства, лишенных прав по суду, умалишенных и т. д.). Так что лишенная прав буржуазия в собственном смысле составляет н е б о л е е п о л-п р о ц е н т а! Иначе говоря, п р о ц е н т «л и ш е н ц е в» и з ч и с л а б у р ж у а з и и в 6—8 и б о л е е р а з м е н ь ш е, ч е м д о л ж е н б ы т ь с о г л а с н о к л а с с о в о м у с о с т а в у д е р е в н и и н а ш е й к о н с т и т у ц и и. Кроме того, буржуазная верхушка деревни, как мы знаем, р а с т е т, а процент «лишенцев», несмотря на это неизменно п а д а е т. Это противоречие резко подчеркивает всю несостоятельность описанных выше «расширительных» тенденций. Оно слишком бьет в глаза, чтобы партия оставила его без внимания [1].

К сожалению, в материалах нет данных, по которым можно было бы судить, как распределяется число избирателей по хозяйственным группам крестьянства, и какое участие каждая группа приняла в избирательной кампании. Но есть некоторые данные, характеризующие те социально-политические условия, в которых происходит расширение круга избирателей.

Оказывается, что п р о ц е н т к р е с т ь я н с к о й б е д н о т ы (безлошадных), избранной в сельские советские органы, уменьшился. Именно: председателей сельсоветов—с 16,4% на 14,3%; членов волисполкомов—с 25,6% на 23,9%; председателей волисполкомов—с 19,4% на 13,9% членов ревизионных комиссий сельсоветов—с 13,4% на 13,3%. Остался в общем без изменения процент бедноты среди членов сельсоветов (16%) и среди депутатов волс'ездов (18%). Однако, произведенный нами подсчет, показывает, что процент этот уменьшился для сельсоветов в 15 из 50 учтенных районов [1] (увеличился в 26), а для волс'ездов—в 19 из 48 (увеличился в 20). Есть губернии, где процент бедноты в сельсоветах п о н и з и л с я о ч е н ь з н а ч и т е л ь н о. Сталинградская—с 33,8% на 17,9%; Дальневосточный край—с 11,8% на 2,4%; Уральская область—с 15,3% на 9%; Татарская АССР—с 32,2% на 22,7%. АССР немцев Поволжья—с 25,1% на 18,4%; Кабардино-балкарская область—с 29,4% на 20,6%; Башкирская АССР — с 20,1% на 13,1%; Архангельская губерния—с 24,7% на 18,6%; Северо-Кавказский край—с 29,4% на 20,6%.

Для более точного учета данного явления нужно бы знать происшедшее изменение процента безлошадных среди населения. Сопоставление соответствующих цифр ежегодного статистического гнездового обследования одних и тех же районов показывает следующее. Из 21 губерний в 7 губерниях процент безлошадных членов сельсоветов уменьшился, при чем в 3 губерниях уменьшился даже значительно сильнее, чем сократился процент безлошадных среди населения; в 3 губерниях произошло увеличение процесса безлошадных членов сельсоветов на ряду с увеличением процента безлошадных дворов; в 8 губерниях процент безлошадных членов увеличился, несмотря на уменьшение процента безлошадных дворов. В 2 губерниях процент безлошадных членов сельсоветов остался неизменным, несмотря на

---

[1]) Сведения взяты из упомянутого выше издания НКВД РСФСР, стр. 6—8. В абсолютных цифрах число «лишенцев» за прошлую кампанию состояло 541.000, а за последнюю—416.000 (понижение на 25.000), при общем числе лиц избирательного возраста в деревне 41.604.000 человек (май 1926 г.).

уменьшение процента безлошадных дворов. В 1 губернии он увеличился, несмотря на оставшийся неизменным процент дворов [1]).

Во всяком случае нельзя не подчеркнуть того факта, что *процент безлошадной бедноты* среди крестьянства РСФСР составляет в среднем 34,7, т.-е. он *гораздо выше, чем процент представителей бедноты в сельских советских органах*. В составе этих органов беднота представлена *раза в два слабее*, чем в составе крестьянского населения. При этом разница эта обнаруживает тенденцию не к ослаблению, а *к усилению*.

Понизился также всюду процент рабочих и батраков, избранных в советы: в земледельческих губерниях для сельсоветов—с 3,1% на 1,7%, для волисполкомов—с 6,1% на 4,4%; в промышленных губерниях для сельсоветов—с 2,7% на 2,6; для волисполкомов—с 8,6% на 7,7%; только в национальных автономиях для сельсоветов этот процент повысился с 1,4% на 2,6%, но для волисполкомов и здесь понизился с 3,5% на 3,3%. Понизился кроме того процент председателей сельсоветов из бывших красноармейцев с 54,3% на 53,1%. Добавим сюда еще *понижение* процента *партийцев* среди председателей сельсоветов—с 20,1% на 18%; среди членов волисполкомов—с 51,6% на 50,%; среди председателей волисполкомов—с 87,1% на 86% [2]).

Таким образом, несмотря на неполноту и неточность, приведенные цифры все-таки свидетельствуют о том, что *расширение круга избирателей в деревне за счет буржуазной ее верхушки происходит при одновременном сужении роли в политической жизни полупролетарских и пролетарских элементов и уменьшении влияния партии в советах*. Это заставляет нас еще суровее осудить «расширительные тенденции».

В городе процент «лишенцев» составлял в кампанию 1923 года 8,2%, 1924—25 г.—5,1%, 1925—26 г.—4,8%: постепенное *снижение*. К сожалению, в материалах нет сведений по Москве и Ленинграду и не сделано сопоставления процента «лишенцев» с процентом городской буржуазии [2]). Тем не менее картина, в общем, та же, что и в деревне, и мы не станем повторять наших замечаний по поводу резкого противоречия между процентом «лишенцев» и процентом буржуазии, между снижением первого и ростом второго. Но еще больший интерес представляет в городе социально-политическая обстановка. Здесь статистика дает отдельно сведения об организованной (члены профсоюзов) и неорганизованной части избирателей. Первые составляли в 1923 г. 51,9%, в 1924—25 г.—51,3%, в 1925—26 г.—50,8%. Постепенное *падение*. Вторые составляли 42,5%; 44,2%; 44,4%. Постепенное *повышение*. Правда, происшедшие изменения сами по себе незначительны, но характерно их *направление*: в противоположные стороны.

[1]) В материалах приводятся еще данные об уменьшении процента членов сельсоветов из числа освобожденных от налога крестьян в земледельческих губерниях с 13,2% на 10,3%; в волисполкомах—с 14,3% на 12,1%. Но сравнения с изменением процента освобожденных от налога среди населения не делается, а известно, что этот процент очень значительно понизился сравнительно с 1924/25 г.

[2]) В абсолютных цифрах «лишенцы» составляют в городах (без столиц) для 1924/25 г.—302.400 человек, для 1925/26 г.—284.000 при общем числе лиц избирательного возраста—5.929.000. Выборов в столицах еще не было.

Участвовало в выборах из числа организованных: в 1924—25 г.—52,2%; в 1925—26 г.—56,7%. *Небольшое увеличение*. Из числа неорганизованных: 24,2% и 37,3%. *Резкое увеличение*. Для женщин организованных: в 1924—25 г.—42,4%; в 1925—26 г.—47,5%. *Небольшое увеличение*. Для женщин неорганизованных: 18,8% и 32,7%. *Резкое увеличение* чуть ли не вдвое. Таким образом, *расширение круга избирателей за счет городской мелкой буржуазии происходит одновременно с некоторым падением удельного веса пролетарской части избирателей в общей их массе и при их гораздо меньшей политической активности по сравнению с новыми кадрами избирателей из мелкой буржуазии*. Мы искусственно расширяем круг избирателей из мелкой буржуазии, *несмотря* на слабый рост их политической активности. «Расширительные тенденции» в городе повели к тому, что рост пролетариата и его политической активности стал отставать от искусственно стимулируемого роста мелко-буржуазной части избирателей и их активности. Необходимость внесения здесь определенных коррективов совершенно очевидна.

Сравним еще процент участия в выборах городских и сельских избирателей (см. цифры в начале статьи). Окажется, что за последнюю кампанию город в целом проявил большую активность (повышение на 8,2%), чем деревня (повышение на 6,2%). Но если выделить из массы избирателей членов профсоюзов, то обнаружится, что эта организованная часть избирателей, включающая в себя *руководящий слой промышленного пролетариата, отстает в своей активности от деревни* (повышение для членов профсоюзов на 4,5%, а для деревни—на 6,2%). Политическое значение этого факта не нуждается в комментариях.

Обратимся к составу городских советов. Здесь картина относительного *падения* влияния пролетарской части избирателей и относительного *роста* влияния мелко-буржуазной части подтверждается вполне отчетливо. Избрано членов профсоюзов: в 1924—25 г.—70,5%; в 1925—26 г.—59,1%. Неорганизованных: 23,3% и 36,4%. Кроме того, здесь выделен особо ряд категорий депутатов по их социальному положению, и мы можем подробнее проследить происходящие изменения. *Падение влияния* чисто-пролетарской части избирателей выражается в понижении процента *рабочих* депутатов с 46,0% на 36,4%; *рост* влияния *служащих* выражается в *повышении* процента их депутатов с 30,6% на 34,2%; то же для *интеллигенции* («лица свободных профессий»)—с 5,1% на 6,1%; то же для *кустарей*—с 2,6% на 4,4%; то же для «*прочих*» (домашние хозяйки, огородники, извозчики, мелкие торговцы и т. п.)—с 10,6% на 14,5%. Данные 1925—26 г., взятые отдельно для городов земледельческих губерний, рисуют еще более показательную картину. Рабочие депутаты составляют здесь лишь 25,9%; служащие 42,6%; интеллигенты 6,9%; кустари 4,9%; «прочие» 15,5%. Неорганизованная городская мелкая буржуазия дает 27,3% депутатов,—*больше*, чем рабочие. И даже в промышленных губерниях рабочие депутаты составляют *едва половину* (49,9%).

Приведем отдельные, крайне характерные факты. Оказывается, есть города, бывшие, оставшиеся и ставшие *совсем без рабочих депутатов*. Суздаль: 0 рабочих (не было и раньше), 33,8% служащих, 31% «прочих», 9,9% кустарей, 7% интеллигенции. Вельск: 0 рабочих (не было и раньше), 65,5% служащих, 18,2% интеллигенции, 10,9% «прочих», 1,8% кустарей. Каргополь: 0 рабочих (не было и раньше), 78,6% служащих, 12,8% «прочих», 4,3% интеллигенции. Нолинск: 0 рабочих (не было и раньше), 66% служащих, 22% интеллигенции, 6% «прочих», 2% кустарей. Мосальск: 0 рабочих (не было и раньше), 67,9% служащих, 20,8% интеллигенции, 11,3% кустарей. Козельск: 0 рабочих (раньше было **4,5%**), 56,3% служащих, 23,7% интеллигенции, 1,3% кустарей. Сухиничи: 0 рабочих (раньше было **18,5%**), 70% служащих (раньше было 26%), 15% «прочих» (раньше *не было*), 11,7% кустарей. Михайлов: 0 рабочих (раньше было **20%**), 71,4% служащих, 28,6% интеллигенции. Ряжск: 0 рабочих (раньше было 7,7%), 53,6% служащих, 23,2% интеллигенции, 7,1% «прочих» (раньше *не было*), 5,4% кустарей. Спас-Клепики: 0 рабочих (не было и раньше), 43% служащих, 34% «прочих», 13% кустарей, 9,4% интеллигенции. Есть много городских советов с ничтожным процентов рабочих депутатов и в то же время с весьма значительным, иногда даже преобладающим процентом «прочих» (не говоря уже о большом проценте служащих, что типично для мелких городов). Напр., Цивильск: 2% рабочих, 20% «прочих». Ветка: 12,9% рабочих, 45,2% «прочих». Баргузин: 4,2% рабочих, 56,3% «прочих»! Лаишев: 6,1% рабочих, 66,7% «прочих»! Новузенск: 8,7% рабочих, 55,1% «прочих»! Новохоперск: 7,5% рабочих, 41,8% «прочих»! Спасск: рабочих 6,5% (было 22%), «прочих» 43,5% (было 32%). Бутурлиновка: 10,2% рабочих, 44,9% «прочих»! И т. д.

Падение влияния пролетарской части избирателей и *повышение* влияния мелко-буржуазной резко характеризуется длинным рядом примеров. В одних местах происходит усиление «прочих», интеллигенция, кустари. Напр., Бутурлиновка: рабочих 10,2% (было 28%), «прочих» 44,9% (было 0!), интеллигенции 6% (было 2%). Кулебаки: рабочих 50,7% (было 70%), «прочих» 34,2% (было 0!), интеллигенции 2,1% (было 0). Шацк: рабочих 2,9% (22,7%), интеллигенции 26,5% (12%), «прочих» 10,3% (1,3%). Кузнецк: рабочих 19,4% (45,8%), «прочих» 23,7% (5%), кустарей 44,7% (1,1%). Севастополь: рабочих 52,9% (71,1%), «прочих» 23,9% (5,6%). И т. д. В других местах усиливаются одни «прочие». Напр., Сочи: рабочих 35,7% (40,9%), «прочих» 34,4% (9,1%), при снижении процента всех остальных. В третьих местах усиливаются все непролетарские категории. Например, Макарьев: рабочих 9% (было 78,6%!), «прочих» 13,4% (0!), кустарей 13,4% (0!), интеллигенции 10,4% (0!), с повышением процента служащих 53,8% (21,4%). Архангельск: рабочих 24% (было 57,5%), интеллигенции 4,1% (0), кустарей 2,2% (0), «прочих» 19,7% (3,1%), с повышением процента служащих 50,9% (37,3%). Владимир: рабочих 22,1% (42,1%), кустарей 2,6% (0,8%), интеллигенции 15,8% (5%), «прочих» 4,7% (1,7%): с повышением процента служащих 39,5% (33,6%). Тюмень: рабочих 33% (66,2%), «прочих» 10,2% (0,4%), интеллигенции 8,3% (0,7%): кустарей 8,7% (1,1%), при повышении процента служащих 39,3% (30,5%). Верхне-Уральск: рабочих 10% (18%), «прочих» 42% (было 0!), интеллигенции 2% (0), кустарей 2% (0), при понижении также и процента служащих 40% (было 82%!). Уржум: рабочих 6% (12%), «прочих» 12% (6%), — поменялись ролями! — интеллигенции 20% (6%), кустарей 10% (0), при понижении также и процента служащих 50% (74%). Приведем некоторые отдельные города из более крупных. Иваново-Вознесенск: рабочих 66,5% (73,9%), кустарей 1,2% (0), служащих 24,9% (11,7%), при снижении процента остальных. Сталинград: рабочих 58,9% (65,5%), кустарей 2% (0), «прочих» 15% (5,3%), при снижении процента остальных. Казань: рабочих 25,7% (51,5%), кустарей 4,3% (2%), служащих 26,7% (5,5%), «прочих» 34,2% (26,8%), интеллигенции 4,3% (5,9%). В лучших случаях *понижение* влияния рабочих сопровождается хотя бы *возрастанием* процента служащих. Напр., Черемхово (рабочий центр): рабочих 59,6% (74%), «прочих» 10,6% (6%), служащих 24,5% (8%). Чусовской: рабочих 61,6% (86,7%), «прочих» 20,3% (1%), служащих 15,2% (8,2%). Курган: рабочих 26,7% (66,9%), «прочих» 10% (1,9%), кустарей 4,7% (1,1%); служащих 44,6% (24,4%). Курск: рабочих 22% (30,4%), кустарей 5,8% (0), «прочих» 4,9% (0), служащих 61,3% (31,6%). И т. д.[1]).

Приведенные цифры рисуют практические результаты «расширительных тенденций» в столь ярком и недвусмысленном свете, что всякий партиец, не беззаботный на счет пролетарской диктатуры, сделает из них совершенно определенные выводы. Местные органы ударились в такой широкий «либерализм», что их безусловно надо «одернуть».

Прибавим еще, что из года в год происходит снижение процента партийцев среди депутатов городских советов: 69,2%; 57,0%; 45,5%. Укажем на такие отдельные факты, как в Северо-Двинской и Иваново-Вознесенской губерниях, где чуть ли не с восторгом приняли расширение круга избирателей, толкуя его так, что наши ряды пополняются новыми кадрами. А Пермский окружком выпустил по этому поводу прокламацию к деревенской бедноте, в которой раз'яснял, что теперь-де будет выбирать и мелкий торговец, и мельник, и кулак, соблюдающий советские законы о применении наемного труда и т. д. (Прокламация эта была впоследствии из'ята). В одном поволжском городе торговцев выделили даже в особую курию, проведшую своего депутата. В некоторых мелких городах началась в советах борьба против руководства коммунистической партии, против членов профсоюзов, за снижение расходов на клубы и на просвещение вообще, за возврат домов бывшим собственникам, за понижение налогов для мелко-буржуазных элементов и т. п. В таких случаях положение получает еще большую серьезность.

Нам кажется, что, независимо от вопроса об избирательном праве, следует пересмотреть также наш курс на повышение процента беспартийных членов городских советов, который проводится зачастую слишком огульно, без необходимого учета социально-классового состава населения в данном месте.

---

[1]) То же издание, стр. 40—42, 44, 53, 57, 64, 66. Само собой разумеется в материалах есть факты противоположного характера. Мы брали лишь те, которые иллюстрируют отмеченные нами общие тенденции.

Нам осталось подвести итоги изложению. В заключение нашей статьи мы противопоставим практическим выводам «расширителей» наши практические предложения. Они в основном сводятся к следующему:

1. Дать резкий отпор в области неправильной теоретической постановки вопросов, связанных с «расширительными тенденциями».

2. Решительно отвергнуть огульное распространение политических прав на новые слои населения, до сих пор ими не пользовавшиеся.

3. Отказаться от установления, дополнительно к конституции, новых категорий избирателей по системе имущественного ценза, построенного на основе декретов из экономической области.

4. В корне переработать центральную избирательную инструкцию, положив в ее основу тщательный учет всех экономических и социально-политических условий города и деревни, равно как и международное положение Советского Союза, с точки зрения интересов пролетариата в социалистической революции, обеспечения от реставрации капитализма и продвижения к социализму. Унифицировать в основном избирательные инструкции отдельных республик, оставляя известный простор для практического применения их сообразно местным условиям.

5. Реформировать тип избирательной инструкции в таком духе, чтобы на ряду с пунктами или параграфами она давала и те руководящие идеи, которые лежат в их основе, которые об'ясняют, как надо понимать и применять пункты. Такая избирательная инструкция должна быть настолько точной, чтобы не допускать огульного расширения круга избирателей за счет эксплоататорских элементов населения, и вместе с тем, настолько гибкой, чтобы давать возможность для местных избиркомов самостоятельно решать вопрос, сообразно местным условиям, как в тех случаях, когда частичное применение наемного труда не может служить основанием к лишению избирательных прав, так и в тех случаях, когда наоборот некоторые элементы трудового населения определенно отходят от занятия производительным и общественно-полезным трудом.

6. Принять меры к повышению политического уровня состава избиркомов, пополнив их сознательными пролетарскими и наиболее преданными партии трудовыми элементами.

Пост-скриптум.—Эта статья была уже набрана, когда, в ответ на такую же оценку выборов в «Правде», мне было сделано следующее возражение [1]). При изучении итогов выборов совершенно неправильно делать сравнение результатов последней избирательной кампании 1925/26 г. с результатами предыдущей кампании, так как в 1924/25 г. было собственно две кампании: 1) кампания конца 1924 г. до кассации части выборов, происходившая при старом избирательном режиме; 2) кампания начала 1925 г. (повторные выборы), происходившая уже при новом избирательном режиме (курс на оживление советов). Правильные выводы можно получить только путем сравнения всех трех кампаний: 1924 года, 1925 года и 1925/26 года.

[1]) Другие возражения разобраны в моей статье в «Правде» (№ 162 от 17 июля) и останавливаться на них здесь не стоит.

Ценность этого возражения весьма относительна. Во всяком случае мы должны обратить внимание читателя на то, что резолюция пленума ЦК ВКП оценивает итоги выборов *именно на основе сравнения последней кампании с кампанией 1924/25 г. в целом* (см. резолюцию). В виду чрезвычайной важности и актуальности вопроса мы считаем нужным дать дополнительный анализ, хоть нам и не хотелось бы еще раз утомлять внимание читателя цифрами.

Положение вопроса для научно-статистического изучения очень сложное. Цифры по первой кампании (до 1 января 1925 года) охватывают 49 губерний, областей и республик или 70% деревенской и 40% городской РСФСР. Цифры по второй кампании (до 15 апреля 1925 г.) охватывают 44 губернии, из них—5, где выборы еще не успели произойти, и 39, где выборы были кассированы, при чем в 12 из этих последних губерний повторные выборы происходили полностью, а в 27 губерниях—частично (количество кассированных выборов составляет приблизительно 40% от выборов 24 г.). Таким образом, первая кампания охватила только *часть* РСФСР; вторая кампания тоже только *часть* РСФСР (в некоторой доле—те же районы, а в некоторой—новые); третья же кампания (26 г.) охватила *всю* РСФСР. По этим причинам надо признать *неправильным* наоборот, сравнение цифр по названным трем кампаниям.

Такое элементарно-неправильное сравнение *разных* частей между собою и *части с целым* неправомерно еще и потому, что кампания 25 года происходила в *совершенно исключительных условиях* ударности и резкого изменения избирательного режима (в смысле привлечения самых широких масс и обеспечения действительной свободы выборов). Партия не успела, как следует, подготовиться к выборам, кампания прошла во многих местах без надлежащего руководства со стороны партийных органов, при некоторой растерянности части партийцев в деревне. При таких условиях можно было заранее предсказать в цифрах резкие скачки вверх и вниз,—напр., сильное повышение для слоев, доселе слабо участвовавших в выборах, резкое понижение процента избранных коммунистов и т. д. Едва ли кто станет утверждать, что отсутствие подготовки и растерянность будут или должны составлять нормальную обстановку дальнейших выборов при новом курсе. А между тем, столь же очевидно, что надлежащая подготовка выборов, исправление неизбежных при первом и спешном опыте ошибок, устранение элементов растерянности—все это должно было выравнять резко скачущие цифры. Можно, конечно, усиленно подчеркивать это выравнивание, можно даже кричать по этому поводу об отвоеванных обратно позициях и о новых победах. Но мы сильно сомневаемся, чтобы это подчеркивание и этот крик способствовали уяснению действительного положения дела.

После вышеизложенного понятно, что и сравнение последних выборов с кампанией 24/25 гг. в целом точно также страдает своими недостатками. Главный из них тот, что итоговые цифры по кампании 24/25 г. относятся к выборам, происходившим, примерно, наполовину при старом избирательном режиме, а наполовину—при новом. Тем не менее, эта *кампания в целом* дала ведь для всей республики *определенные результаты*, вовлекла в выборы такое-то число избирателей; та-

ких-то и таких-то категорий, поставила у власти советы такого-то состава, с таким-то процентом коммунистов и т. д. Знать эти результаты нужно. Сравнивать их с результатами предыдущих и последующих кампаний можно и должно (разумеется, принимая во внимание обстановку). Учитывать их в текущей политике партии безусловно необходимо.

Само собой разумеется, что такое сравнение не только не исключает, а наоборот, предполагает более углубленный и детальный анализ результатов только что закончившейся кампании по сравнению с предыдущими выборами. И если уж говорить о таком анализе, то, по нашему мнению, его надо произвести не путем сравнения разных частей друг с другом и части с целым, а путем выделения одних и тех же районов участвовавших во всех трех кампаниях и сравнения результатов выборов в этих районах за первую, вторую и третью кампании. Но для этого сейчас нет разработанного материала. Мы надеемся, что эту работу сделает НКВД и опубликует в следующих своих выпусках. При этом хорошо было бы по возможности учесть такие детали, как изменения в системе учета отдельных категорий избирателей, наличие пролетарских элементов в рубрике «прочие» (в городах), классовые деления деревенских избирателей, изменение в некоторых случаях избирательных участков и т. п.

Пока мы все-таки попробуем сделать сравнение частичных выборов 24 года, частичных выборов 25 года и общих выборов 26 г., обращая еще раз внимание читателя на весьма относительную закономерность такого сравнения.

«Лишенцы». В деревне: 24 г. 1,4%; 25 г. 1,1% (1,3%) [1]); 26 г. 1%. В городе: 6,1%; 6,2% (5,1%); 4,8%. Таким образом, известная нам картина снижения процента «лишенцев подтверждается, при чем в городе лишь с незначительным отступлением в сторону повышения в 25 г., но зато с более резким падением в 26 г.

Активность избирателей. В деревне: 24 г. 26,5%; 25 г. 44,7% (41,1%); 26 г. 47,3%. В городе: 18,4%, 47,5% (40,5%); 48,7%. И тут картина повышения активности как города, так и деревни подтверждается, разница только та, что детальные цифры указывают сначала резкое, а потом замедленное повышение.

Активность избирателей разных категорий. Члены профсоюзов: 24 г. 25,8%; 25 г. 53,9% (52,2%); 26 г. 56,7%. Неорганизованные избиратели: 5,7%; 37,9% (24,2%); 37,3%. Женщины члены профсоюзов: 16,2%; 49,5% (42,4%); 47,5%. Женщины неорганизованные: 3,2%; 31,2% (18,8%); 32,7%. Женщины в деревне: 9,1%; 21,5% (19,9%); 28,7%. Здесь вывод получается на первый взгляд как будто бы совершенно противоположный: активность неорганизованных избирателей в последнюю кампанию не только не возросла, но даже чуть понизилась, и нельзя поэтому заключать об отставании в росте активности организованных избирателей. Но обратим внимание, что в 25 году активность организованной части избирателей увеличилась только в 2 раза, а неорганизованной—в 6½ раз! Тогда, в общей форме,

[1]) В скобках мы ставим для сравнения общий процент по кампании 1924/25 гг. в целом.

вывод наш придется формулировать так: неорганизованные городские избиратели использовали курс на оживление советов в первую кампанию (25 г.) несравненно активнее, чем организованные избиратели; во вторую кампанию (26 г.) неорганизованные избиратели удержали свое положение, а активность организованных избирателей возросла лишь немного. Этот вывод не столь уже разнится от нашего прежнего вывода об отставании в росте активности членов профсоюзов по сравнению с неорганизованным избирателем. В него вносится лишь поправка, что это отставание начало уже изживаться. Для женщин же прежний вывод подтверждается целиком (активность организованных женщин снизилась, неорганизованных повысилась), с особо резким подчеркиванием этой разницы в активности в 25 году (активность организованных увеличилась только в 3 раза, а неорганизованных—почти в 10 раз).

Если сравнить активность города и деревни, то вывод получается несколько иной, чем раньше. Именно: раньше цифры показывали, что город в целом идет впереди деревни, но рост активности организованной части городских избирателей отстает от роста активности деревни. Теперь цифры показывают, что город в целом отстает в активности (прирост процента на 1,2) от деревни (прирост процента на 2,6), а активность организованной части городских избирателей идет почти в уровень с активностью деревни (прирост процента на 2,8). Заметим при этом, что в 25 году город в целом и организованные городские избиратели по росту активности были впереди деревни (рост в 2½ раза и в 2 раза, а для деревни в 1¾ раза). В конце концов, некоторое отставание в росте активности организованной пролетарской части города в общем подтверждается.

Состав избирателей в городе. Рабочие: 24 г. 46%; 25 г. 42,7% (46,2%); 26 г. 36,4%. Служащие: 34,2%; 31,5% (30,6%); 34,2%. «Прочие»: 8,5%; 10,9% (10,6%); 14,5%. Кустарей: 3,0%; 4,7% (2,6%); 4,4%. Интеллигенция: 5,5%; 7,7% (5,1%); 6,1%. Как видим, вывод о падении влияния пролетарской части избирателей и о росте влияния непролетарской в общем подтверждается; отличие составляют кустари и интеллигенция, процент которых не повысился, а несколько понизился (после резкого повышения в 25 году).

Состав избирателей в деревне. Безлошадные крестьяне: в сельсоветах 24 г. 21,6%; 25 г. 18,0% (16%); 26 г. 16%; в предсельсоветах 20,9%; 16,4% (16,4%); 14,3%; на волс'ездах 23,2%; 20,6% (18,6%); 18,6%; в волисполкомах 35,4%, 26,2% (25,6%); 23,9%; в предволисполкомах 30,2%; 20,0% (19,4%); 13,9%. Рабочие и батраки: в сельсоветах 2,6%; 2,0% (2,6%); 2,4%; в предсельсоветах 2,2%, 1,5% (2,6%); 1,8%; на волс'ездах 5,3%; 3,9% (4,8%); 3,9%; в волисполкомах 9,0%; 5,5% (8,3%); 6,6%; в предволисполкомах 13,3%; 10,8% (12,9%); 8,2%. Таким образом, картина уменьшения влияния бедняцкой и пролетарской части деревенских избирателей подтверждается для бедняков полностью, а для рабочих и батраков—частично (в предволисполкомах).

Партийцы. В городе: 24 г. 63,8%; 25 г. 40,7% (57,0%); 45,5%. В деревне сельсоветы: 7,1%; 3,6% (8,9%); 9,9%; предсельсоветов 21,9%; 11,4% (20,1%); 18,0%; волс'езды 19,5%;

13,4% (22,6%); 25,7%; волисполкомы 55,4%; 38,5%; (51,6%); 50,5%; предволисполкомов: 94,5%; 86,6% (87,1%); 86,0%. Таким образом, детальные цифры вносят некоторые поправки в прежнюю картину: в городе, а также в деревне для предсельсоветов и волисполкомов процент партийцев повышается, а не понижается (после резкого падения в 25 году); для предволисполкомов понижение процента подтверждается (для сельсоветов и волс'ездов остается повышение).

Общее заключение к нашему сравнительному изучению по двум методам. Выводы, вытекающие из сравнения последней избирательной кампании с кампанией 1924—25 г.г., в целом, подтверждаются в общем выводами из сравнения с частичными кампаниями 1924 и 1925 годов в отдельности. Второе сравнение лишь указывает на резкие колебания, происшедшие в 1925 году, но эти колебания в общем не меняют тех тенденций, которые обнаруживаются первым сравнением.

Г. Ломов.

Работа среди рабочих частных предприятий—задача дня.

Быстрым темпом восстанавливается хозяйство СССР. Хороший урожай текущего года еще больше будет способствовать этому хозяйственному росту. Нэп, как переходный период в строительстве новых форм нашего хозяйства, доказал на деле свою необходимость и жизненность.

Уже к 1925/26 г. в распоряжении рабочего государства находилось средств и орудий производства по примерной наметке Госплана на сумму 11,5 миллиардов червонных рублей, у кооперации на сумму 0,5 миллиардов руб., а у распыленного собственника, по преимуществу крестьянства, таких же распыленных средств и орудий производства было сосредоточено на 7,5 миллиардов руб. Все командные отрасли промышленности находятся в руках государства. Если в 1920/21 г.г. те же фабрики и заводы, находясь у рабочего государства, давали какие-нибудь 15—20% довоенной продукции, то к 1925 г. они перевалили за 70% и подходят к 100% довоенной продукции в 1925/26 г.

В 1923 г. при продукции заводов, равной, примерно, 30—35% от довоенной, в стране наблюдался кризис сбыта; промышленность держала цены сильно вздутыми, расхождение ножниц между ценами промтоваров и сел.-хоз. товаров, казалось, ставило непреодолимые препятствия для дальнейшего промышленного развития.

В 1925/26 г.г. мы при более чем удвоившейся продукции растем под знаком острого товарного голода. Промышленность напрягает все силы к увеличению продукции, темп восстановления нашей индустрии значительно обогнал восстановительный процесс Европы. Но тем не менее, крупная и средняя промышленность не в силах для ближайшего времени удовлетворить громадный спрос крестьянского и городского рынка. Помимо крупной и средней промышленности, необходимо напряжение сил мелкой и кустарной промышленности для обеспечения в первую очередь крестьянского рынка, а подчас и спроса самой крупной фабрики.

За последний год громадный неутоленный спрос на товары дал значительный толчок к развитию кустаря и мелкой промышленности, а политика совласти поддержки кустаря облегчила этот рост.

По данным Всекопромсоюза рост промысловой кооперации определяется следующим образом:

На 1924 г. в системе промысловой кооперации состояло 2.466 артелей с количеством членов около 105.000 чел.; на 1-е января 1925 г. число артелей возросло до 2.877 с количеством членов до 140.000 чел., а на 1-е июля 1925 г. количество артелей уже достигло 2.945 с количеством членов 187.000 чел. Обороты Всекомпромсоюза на 1925 г. выразились в общей сумме в 14 милл. рублей против 4,4 милл. руб. в 1924 г., а план работы на на 1925/26 г. предусматривает дальнейший рост этих оборотов до 22 милл. руб.

Эти цифры красноречиво говорят об улучшающейся работе нашей производственной кооперации. Обороты выросли с 4,4 до 14 милл. руб., т.-е., примерно, на 30%.

Это свидетельствует о большом количественном усилении промышленной кооперации и одновременно об еще очень слабой постановке дела, если можно итти такими скачками вперед.

О том, что растут артели, растет кустарь и пр. пр., свидетельствует значительный рост наших кустарных подмосковных районов. Все товарищи отмечают значительное развитие Ленинского (бывш. Талдом) кожевенного района; кустарная текстильная промышленность за последний год сделала по Московской, Калужской, Владимирской и пр. губерниям громадный шаг вперед. Мне пришлось наблюдать быстрый рост станков в «светелках» под Павловым посадом. Ожили артели, работающие кавказские ткани; уже снова налажены порванные за годы революции связи с этим далеким районом, появился снова «раздатчик» работы на дом. О темпе роста артелей можно судить по тому, что в одном из сел Калужской губернии (село Всехсвятское) мне пришлось наткнуться на артель, работающую деревенские женские платки и военную тесьму, за один только год вобравшую в себя свыше 200 членов (исключительно крестьяне села Всехсвятского). На текущем счету этой артели обычно лежит уже не меньше 10.000 руб.

Количество некооперированных кустарей гораздо более кооперированных.

До войны насчитывалось до 4 милл. кустарей. В настоящее время по весьма приблизительным подсчетам их насчитывается до 2 милл. человек. Кустарь, как и до войны, обслуживает по преимуществу крестьянский рынок, который в настоящее время не может быть удовлетворен товарами крупной промышленности.

Быстрый рост кооперирования на ряду со здоровыми моментами часто свидетельствует о «маскировке» частников кооперативной вывеской для того, чтобы укрыться от налогового обложения.

По подсчетам некоторых товарищей до 40% всех промысловых артелей являются лжекооперативами более или менее удачно скрывающими те формы работы участников, которые знала и предреволюционнная наша история.

При анализе некоторых промысловых кооперативов оказывается, что здесь часто скрыта работа на раздатчика из собственного (раздатчика) сырья, работа на скупщика с ярко выявленными моментами финансирования отдельных кустарей и т. д.

Среди некооперированных кустарей можно найти целый ряд подобных же форм, скрывающих целый ряд полукапиталистических и чисто капиталистических уже предприятий, где от кустаря осталась одна вывеска, а на деле кустарь превращается и превращен в полурабочего и рабочего капиталиста и капиталистика.

Растет кустарь, а с ним вместе и часто из его соков вырастает мелкая частная фабричка. Государство не в силах удовлетворить потребность абсолютно во всех видах товаров. Ряд производств, связанных с работой на крестьянский рынок или иногда требующих большого и пристального внимания или особенного навыка, государство рабочих не может пока еще полностью поднять само. В эти-то производства и идет «частник». В то время, когда все основные крупные и средние предприятия, то что мы привыкли именовать «командными промышленными высотами», находятся в руках рабочего государства, кустарная мелкая и частная промышленность, покрывая также неутоленный товарный голод, об'ективно способствует укреплению страны.

В 1920 году из 358.447 частных предприятий по переписи 20 года не пользовались наемным трудом 272.651. В госпредприятиях работали 71,5% всех работников промышленности. На частную промышленность приходилось 10% рабочих. Частник работал главным образом по переработке продуктов питания.

После об'явления перехода к нэпу в 1922 году число частных предприятий возросло на 135%, а количество занятых в них лиц на 78,8%, в то время как количество рабочих в них выросло всего на 36,6%.

Рост предприятий по отдельным отраслям промышленности происходил далеко не одинаково; так, частная строительная промышленность увеличилась более, чем в 5 раз, пишевая промышленность увеличилась почти в 4 раза и т. д. Процент наемных рабочих достиг в 22 году до 8,6% от всего числа наемных рабочих занятых в СССР.

Период новой экономической политики с осени 22-го до осени 23-го года (до кризиса сбыта) является эпохой расцвета частной промышленности. Количество не только мелких кустарей, ремесленных заведений, берущих патент 1-го разряда, но и более мощных частных предприятий, быстро растет. Так, с июля—декабря 22 года к осени 23 года патенты 1-го разряда увеличились на 63%, 2—4 разряда увеличились с 100% до 262%, 5—12 со 100% до 227%, по всем 12-ти разрядам со 100% до 199%.

Как видим из этих данных, наступило некоторое укрепление средних частных заведений и рост числа наемных рабочих в них.

Развитие частной промышленности продолжалось быстрым темпом до осеннего кризиса 23 года. Изживание осеннего кризиса 23 года привело к усилению налогового обложения частника. Переход к червонной валюте привел к сжатию кредита, от которого в первую очередь пострадал частник. Ставка на кооперацию очень сильно ударила как частного торговца, так и частного промышленника.

Картина свертывания частной промышленности после осеннего кризиса рисуется в следующих чертах:

По мелкой промышленности (исключая 1-й разр., давший увеличение на 7,6%) заведения со 2-го по 4-й разряд потеряли за год 20%. В средней частной промышленности с 5-го по 8-й разряд

число заведений уменьшилось на 21,3% и в крупной (остальные разряды) уменьшилось на 33,6%.

Эти изменения числа заведений и рабочих по цензовой частной промышленности (данные ЦСУ) видны из следующей таблицы:

I квартал 1923—24 г.		II квартал 1923—24 г.		III квартал 1923—24 г.		IV квартал 1923—24 г.		I квартал 1924—25 г.	
Заведен.	Рабоч. в тыс.	Заведен.	Рабоч. в тыс.	Заведен.	Рабоч. в тыс.	Заведен.	Рабоч. в тыс.	Заведен.	Рабоч. в тыс.
1476	37,7	1634	41,0	1493	38,9	1488	39,8	1462	36,9
100%	100%	110,7%	108,7%	101,1%	103,1%	100,3%	105,5%	99,7%	97,8%

Несмотря на уменьшения числа предприятий и количества рабочих частной цензовой промышленности, тем не менее, стоимость валовой продукции ее дает значительное увеличение. За 1923—24 год это увеличение выразилось в 62,2%: с 38.245 тыс. рублей до 62.033 тыс. рублей. Однако, в IV квартале 1924—25 года мы имеем уже некоторое снижение валовой продукции (на 1%).

Следует отметить, что среди частных предприятий в настоящее время имеются и теперь довольно крупные фабрики: в махорочном производстве имеется одна фабрика, принадлежащая частному предпринимателю с 600 рабоч.; в Н.-Новгороде имеется один металлический завод с количеством рабочих в несколько сот человек; есть целый ряд крупных пивоваренных заводов, находящихся в частных руках и т. д.

Интересно указать, что в некоторых отраслях промышленности, в которых частный капитал играет значительную роль, его работа довольно прочна. В качестве примера укажем на махорочную промышленность, где частный капитал вырабатывал в 1922—23 году 21%, в 1923—24 году 25%, в 1924—25 г. 23% всей годовой выработки махорки.

Если принять за 100 цифру выработки 1922—23 года государственной, кооперативной и частной торговли, то государственная промышленность увеличила свою выработку в 1924—25 году по сравнению с 1922—23 г. до 201%, а частник до 211%.

Проверить на цифрах, подсчитать для данного времени и определить общественно-политическую значимость этих процессов пока трудно. Статистика у нас вообще не блещет своей организованностью, а в области учета новых явлений да еще в жизни мелкого хозяйства, к тому же происходивших и происходящих теперь у нас на глазах, она не может пока дать вполне точного отражения жизни.

Мы не можем привести сейчас точных цифр о роли частной промышленности по всему Союзу. По последним данным на долю госпромышленности падает 82% всей продукции страны, а на долю всей частной и кустарной промышленности 18%. На будущий год это соотношение намечается, примерно, в тех же рамках: 82,5 и 17.5%. (Из последней речи т. Дзержинского на пленуме ЦК ВКП). Во всяком случае следует признать, что количественный рост частной промышленности продолжается. Так на Украине насчитывается до 24.000 различных частных предприятий, включая сюда и кустарные. В частной промышленности занято 48.500 наемных рабочих. В последнее время широкое развитие на Украине получили мукомольная, пищевкусовая и махорочная отрасли частной промышленности. Некоторые отрасли частной промышленности за последние годы значительно выросли (химическая увеличилась в 4 раза, полиграфическая вдвое и т. д.); кожевенная, маслодельная, пеньковая и деревообделочная отрасли частной промышленности моментами выступают на рынке в качестве серьезного конкурента государственной промышленности.

Интересны некоторые данные по Москве. С помощью статистики и сведений парт-и профорганизаций (далеко недостаточных и примитивных), мы получили возможность несколько осветить эти процессы. Я заранее должен оговориться, что статистика и цифры нижеприводимые, далеко неполны и не могут претендовать на абсолютную точность. Мне и моим товарищам приходилось проверять путем опроса и личного посещения цифры рабочих на некоторых предприятиях, группкомах и т. д. и иногда после этого нам приходилось или на сотню-другую увеличивать количество рабочих или один раз в Бауманском группкоме у нас пропала целая тысяча печатников. Но за всеми этими исправлениями цифры показательны, они дают верную картину и в общем правильно намечают основные тенденции развития мелких предприятий.

По данным Информ. Бюро наших партийных районов (в свою очередь Информ. Бюро частью получает свои данные от соответствующих профсоюзов) количество рабочих на частных предприятиях г. Москвы характеризуется к 1-му октября 1925 г. следующими цифрами.

По Бауманскому району их около 5—6 тысяч человек. Частные предприятия по преимуществу мелкого кустарного типа. Наибольшие количества этих предприятий—текстильные и связанные с ними. Район их наибольшего распространения—Черкизово и Благуша. Среди предприятий выделяются несколько более крупных предприятий с неуклонной тенденцией к росту. Среди них лако-красильная фабрика Фридлендера (152 челов. рабоч.), картонажная фабрика и проч. Одно предприятие переоборудуется, строится новое помещение на 250 человек.

По всем имеющимся сведениям это количество имеет определенную тенденцию к довольно быстрому росту. По сравнению с количеством рабочих, занятых в предприятиях государственных и кооперативных 40—50 тыс. челов., 5—6 тыс. рабочих частных предприятий составляют около 11—12% от всего количества рабочих в госпромышленности.

По другим материалам, представленным III пленуму районного комитета от 29-го марта 26 г. Информ. Бюро, охватывающим несколько более узкий состав рабочих частных предприятий, эта тенденция к росту подтверждается достаточно ярко. Движение числа частных предприятий

района и числа, занятых в них рабочих может характеризоваться следующей таблицей:

Название профсоюзов	Количество частных предприятий.			Количество рабочих в них.		
	На 1/I—25 г.	На 1/I—26 г.	% увел.	На 1/I—25 г.	На 1/I—26 г.	% увел.
Текстильщиков . . .	102	216	111,8	1.713	2.212	29
Металлистов	59	105	78	634	940	48
Проч. производств. союзы	66	270	309	1.054	1.477	40
Всего . . .	227	591	160	3.401	4.629	36

Бауманский район по сравнению с другими районами, повидимому, в Москве имеет значительное количество рабочих в частных предприятиях.

Но и по Сокольническому району ячейки частных предприятий об'единяют около 5½ тыс. рабочих частных предприятий; но кроме того имеется значительное число рабочих мелких неучтенных предприятий.

Все частные предприятия района крайне мелки. Предприятий, имеющих свыше 50 челов., имеется в районе 8, свыше 10 чел.—29; подавляющее количество предприятий насчитывает менее 10 рабочих.

Мелкие предприятия растут. Количество рабочих на некоторых предприятиях в 1924—25 г. по сравнению с прошлым годом удвоилось.

Из обследования 5 более крупных предприятий района можно сделать вывод, что частные предприятия района являются жизненными, расширяются и с каждым годом становятся прибыльнее.

В Замоскворецком районе на частных предприятиях занято 5.020 челов. рабочих. К этому следует прибавить строительных рабочих частников около 1.000 чел., имеющих большей частью лишь сезонную работу.

Собственно, производственных рабочих в районе по нашим данным насчитывалось около 3.500 чел. Среди них наибольшее количество падает на металлистов и затем уже идут текстильные рабочие. По району, примерно, до апреля 1925 г. наблюдался «упадок частного производства». Второй период в их жизни Райком отмечает, примерно, начиная с мая 25 г., когда частники в производстве обнаруживают «быстрый рост, устойчивость». Этот период продолжается и сейчас (материалы райкома).

С 1/III до 20/IX—1925 года произошел в районе следующий рост частных предприятий по району: произошло абсолютное увеличение только членов союза рабочих частных предприятий на 1.074 чел., или на 15,8%. Количество металлистов с 1.036 до 1.281 чел. или на +23,5%. Количество текстильщиков с 348 чел. увеличилось до 697 чел. или на +100%.

В Хамовническом районе рабочих в частных производственных предприятиях на 1/X—1925 г. насчитывалось 3.274 чел. Кроме того, сезонных рабочих у частников, главным образом строителей, насчитывалось 2.500 чел., всего производственных рабочих насчитывалось 5.774 чел.

Рабочие частных предприятий по группам делились следующим образом:

	Количество рабочих и предприятий по группам:		
	Колич. рабочих в предприятии	Количество предприятий	Всего рабочих
1. Штампов. ф-ка «Свет» . .	170	1	170 чел.
2. Предприятий с кол. раб. .	от 50 до 100 раб.	5	328 »
3. » » »	» 21 » 50 »	22	504 »
4. » » »	» 9 » 20 »	54	797 »
5. » » »	» 4 » 8 »	123	648 »
6. » » »	» 1 » 3 »	330	827 »
Всего . . .	—	535	3.274 чел.

Таким образом, по Хамовническому району 81 предприятие частников насчитывает около 1.629 чел. рабочих, т.-е половина всех рабочих частных предприятий сосредоточена на предприятиях, имеющих от 9 и больше рабочих.

Наибольшую производственную группу в районе составляют рабочие металлисты—635 чел.

В Пресненском районе количество производственных рабочих составляет 4.559 чел., сезонных (главным образом строителей) 534 челов.

Всего производственных 5.093 чел. или всего по району—7.096 чел.

Наиболее сильными группами рабочих частных предприятий района являются рабочие металлисты—939 чел. и печатники—785 чел.

В Рогожско-Симоновском районе, подсчет касается только рабочих, об'единенных в группкомы. По этим неполным данным в районе производственных рабочих на частных предприятиях 2.573 чел., а всего с непроизводственными—4.011 чел. Сезонных рабочих (строительных) не менее 500 чел. В районе наибольшее количество печатников—619 чел., химиков—359 и металлистов—312 чел. (настоящий материал сообщен мне зав. Агитпропом Рогожско-Симоновского района).

По другим материалам Рогожско-Симоновского районного комитета, охватывающим более узкий круг предприятий, мы име-

ем следующие данные о движении частных предприятий и количестве рабочих на них.

Группком	Количество предприятий			Количество рабочих в них			Из них женщин
	На 1/X 25 г.	На 1/III 26 г.	+ –	На 1/X 25 г.	На 1/III 26 г.	+ –	На 1/III 26 г.
Металлисты	35	47	+ 12	385	421	+ 36	41
Транспортники	137	165	+ 28	447	524	+ 77	5
Химики	34	40	+ 6	300	338	+ 38	67
Текстильщики	15	20	+ 5	258	244	— 14	83
Кожевники	11	28	+ 11	115	150	+ 35	17
Деревообделочн.	26	22	— 4	192	214	+ 22	29
Всего	258	316	+ 58	1.697	1.891	+ 194	242

Таким образом, налицо имеется рост предприятий и количества рабочих, при чем главным образом за счет транспортников и химиков, составляющих 60% общего роста, но замедленный. Следует отметить, что возникают главным образом мелкие предприятия с количеством рабочих до 5-ти. Одновременно с этим ликвидировались за этот период по разным причинам 12 предприятий.

В общем, по этим далеко неполным данным по одной Москве в настоящее время насчитывается всех рабочих частных предприятий, примерно, 45—46 тыс. чел., из них производственных рабочих около 24—25 тыс. рабочих.

Таким образом на общее количество рабочих по Москве в 200.000 чел. (вместе с жел.-дор. рабочими), приходится около 25.000 рабочих частных предприятий или 12,5% к рабочим госпредприятий.

Эти данные говорят за то, что уже теперь эта рабочая масса, по большей части только что пришедшая из деревни, нуждается в большем внимания к ней со стороны парт-и профорганизаций.

Рабочие частных предприятий—это далеко не всегда чистокровные пролетарии. Они тысячью переходных ступеней и ступенек связаны к кустарем. Частные предприятия—мелкие и мельчайшие из них мало чем отличаются от кустарных. Но они растут, растут непрерывно, выделяя на одном конце капиталистов с 100—200—300 рабочих, а на другом — уходя корнями в деревню, будучи тесно связанными с кустарем и сельским хозяйством.

Каково же положение этой вновь пришедшей в город рабочей массы, вчера еще связанной с деревней.

Данных для исчерпывающего ответа на этот вопрос у нас недостаточно. Однако, в целом ряде случаев мы можем установить эту картину. **Частные предприятия покрупнее обычно платят рабочим более высокую зарплату, чем в государственных предприятиях.**

В Бауманском районе в результате обследования выяснилось, что на лако-красочном заводе Фридлендера реальная зарплата на 40—50% выше. Зарплата на предприятиях, об'единяемых группкомом печатников, Бауманский район (всего 274 чел. рабочих), на частных предприятиях по номиналу коллективного договора на 12% выше, чем на госпредприятиях. Реальная зарплата по вычислению группкома выше на 18%.

Зарплата на предприятиях II об'единенного завкома союза металлистов Бауманского района выше довоенной и выше соответствующей зарплаты госпредприятий. Так, в соответствующих госпредприятиях по первому разряду платят 19 р. 20 к., средний разряд 6-й и средний заработок равен 60 руб. в месяц, у рабочих частных предприятий ставка 1-го разряда 27 р. 80 к., средний разряд 5-й и заработок равен 80 руб. в месяц, а высшие доходят до 200 руб. (Все эти сведения взяты из материалов по обследованию этих предприятий. *Г. Л.*).

Но подобное положение существует далеко не на всех частных предприятиях. Вот выводы товарищей обследователей частных предприятий по Сокольническому району: «Второй тип предприятий—эксплоатация, несоблюдение колдоговоров, конфликты более острого характера, чем переводы из разряда в разряд, когда споры доходят до третейского суда—имеют место в мельчайших предприятиях швейного, химического, текстильного производства. В подобных предприятиях (напр., вышивальная мастерская Геничке) колдоговор заключается в третейском суде, зарплата выдается несвоевременно».

Но все же обследователи по Сокольническому району в выводах пишут—на частных предприятиях «колдоговор за малыми исключениями выполняется аккуратно», «зарплата в частных предприятиях, как правило, выше, чем в государственных. В среднем зарплата рабочего на частном предприятии составляет 85 руб.».

Вот табличка, составленная по данным соответствующих Губотделов профсоюзов Информ. Бюро Сокольнического района.

	Номинальная		Реальная	
	Госпр.	Частн.	Госпр.	Частн.
	В процентах			
Текстильщики	100	135	100	121
Химики	100	141	100	105,7
Металлисты	100	155	100	134
Пищевики	100	114	100	107,4
Совработники	100	206	100	—
Кожевники	100	123	100	—

На большую высоту зарплаты по сравнению с госпредприятиями указывают и данные ВЦСПС. Средняя ставка в частных предприятиях по отношению к госпредприятиям по металлическим, начиная, примерно, с 1924 года, была выше процентов на 30, по деревообделочной промышленности даже доходила до 41%,

по кожевенной—25%, хлопчато-бумажной до 47%, швейной—37%. В среднем по обрабатывающей промышленности зарплата рабочих в частных предприятиях по данным ВЦСПС выше, примерно, на 30%, чем в госпредприятиях.

То же самое отмечают и последние данные по Рогожско-Симоновскому району. Зарплата по группкомам металлистов выше на 37%, чем в госпредприятиях, химиков на 28% и текстильщиков на 26%.

Товарищи из других районов, в общем, подтверждают эти выводы о более высокой зарплате на частных предприятиях с количеством рабочих выше 9 чел. В предприятиях мельчайших, еще не выкристаллизовавшихся из кустарных, зарплата часто ниже, а зависимость от хозяина чувствуется в резкой форме.

Вот отзыв обследователей о положении на предприятиях этого рода II завкома металлистов Бауманского района: «Чувствуется экономическая зависимость от хозяина, почему делегаты и профуполномоченные на предприятиях никакой общественной или профессиональной работы не ведут, боясь нагрубить хозяину». В результате начинает пышным цветом произрастать подхалимство. На этих предприятиях имеется 54 профделегата. «Отношения у большинства из них к предпринимателям мирные или дружественные, различные правонарушения предпринимателя укрывают: прием без Биржи Труда и без ведома завкома нечленов союза—такие имеются на большинстве предприятий. Один делегат настаивал на приеме в члены союза хозяйского сына, один делегат является в то же время и подгонялом рабочих (заведующий мастерской)».

Сокольнический райком об'ясняет слабость участия рабочих частных предприятий в общественной и профсоюзной жизни двояко: 1) безразличие, пассивность рабочих, как результат запуганности, сознание своей зависимости от хозяйчика и опасение быть выгнанным в случае неосторожных выступлений (ф-ка «Триумф»); 2) как результат благополучного материального состояния под надежным крылом «благодетеля», высокого уровня зарплаты, «хорошего» обхождения и пр. (Трансп. раб. арм. завод).

«Часто на заводе хозяин культивирует патриархальные нравы». «Характерно для частного предприятия угощения—подарки», пишет товарищ. «Так, хозяин Шабат устраивал угощения в сентябре 1925 г. по случаю дня рождения сына и еще несколько раз».

Почти на всех частных предприятиях строго соблюдаются религиозные праздники, не признаваемые нашим календарем.

Но некоторые капиталисты последней марки «советские хозяева» вносят новые методы и формы в свои отношения к рабочим. Как на пример таких новых форм укажем на завод Фридлендера с 152 чел. рабочих (лаки, краски).

На оборудование дома для рабочих хозяин отпускает 30 тыс. руб. Фридлендер вызвался содержать ясли и детский сад при доме. Зарплата у него на 40—50% выше, чем в госпредприятиях. Фридлендер очень «дорожит» «своими» рабочими и неохотно берет со стороны. Особенно не любит коммунистов со стороны. К вступлению же в партию своих рабочих относится благосклонно. Вообще к рабочим он старается быть «ласковым» и «уступчивым» и он достиг своего: «рабочие к нему чрезвычайно хорошо относятся, считают совершенно нормальным эксплоатацию их капиталистом и считают большим несчастьем быть рабочими госпредприятий». Фридлендер не только не препятствовал тому, чтобы у него в завком прошли коммунисты, но он даже убеждал в необходимости провести в завком большинство коммунистов и теперь из 5 человек завкома 4 члена ВКП. (Данные относятся к 1925 году). Хозяин так поставил себя на этом заводе, что «рабочие во всех недоразумениях готовы обвинять завком, но не хозяина». (Все взятое в кавычки приведено из материалов парт-обследования).

Эти частные и полукустарные предприятия вдвигают в политическую жизнь новые десятки и сотни тысяч людей со своей особой психологией, навыками, с чрезвычайно низкой политической грамотностью, подчас очень зависимых от «хозяйчиков», от «роздатчика», от «капиталистика».

Все это обязывает партийную организацию внимательно следить за этими слоями, впервые приходящими к политической и гражданской жизни.

Для партии при работе среди кустарей и рабочих частных предприятий основным вопросом является: за кем пойдет промысловая кооперация и за кем пойдет рабочий частного предприятия.

Будет ли кустарь связан с крупной промышленностью и государством через свои кооперативы, получая оттуда сырье, сбывая через потребкооперацию свою продукцию, кредитуясь в государственных кредитных учреждениях и т. д.? Или он будет связан с частником, который непосредственно обслуживает отдельных, необ'единенных в кооперацию потребителей, авансирует производство кустарей, достает для него сырье и проч. и проч.?

Будет ли кустарь входить в систему частного промышленно-торгового капитала или же он будет входить в систему кооперативных и государственных организаций страны?

Для нас чрезвычайно важно—войдут ли рабочие-частники в профсоюзы, будут ли они вести классовую линию по отношению к своим хозяевам, или же они, заинтересованные в поддержании частных предприятий, связанные тысячами кровных нитей с мелким хозяйчиком, боясь угроз о закрытии предприятия, понижения зарплаты или увольнения, будут «защищать» хозяина; будут ли они нажимать на профсоюз с тем, чтобы он защитил их вместе с хозяйчиком, нажимать на экономические и хозяйственные организации с той целью, чтобы предприятия хозяина были обеспечены сырьем, будут ли всячески отстаивать существование хозяина и его предприятия, который «по-божески» обходится с ними и который «кормит» их.

Эти вопросы имеют крупнейшее значение для нашей партии.

Нечего и говорить, что культурный и политический уровень рабочей массы частных предприятий чрезвычайно низкий, процент членов и кандидатов партии на частных предприятиях значительно ниже, чем на государственных. Так в Бауманском районе, данные относятся к 1925 году, на госпредприятиях он равняется 19% от количества рабочих, на частных в Бауманском и Пресненском районах—3%. В Сокольниках и Хамовниках этот процент поднимается до 5%. В Рогожско-Симоновском районе коммунистов на частных производственных предприятиях

3% или 4%, в то время как общий процент к рабочим и служащим госпредприятий в районе около 15%.

Культурная и политическая работа среди этой рабочей массы ведется до сих пор чрезвычайно слабо. Масса распыленных мелких предприятий, ничтожный процент (3—4%) коммунистов на предприятии, зависимость и боязнь хозяина, подчас благополучное материальное положение—все это способствует отрыву рабочих частных предприятий от партийной и профессиональной жизни.

13-я Московская партконференция рекомендовала как наиболее правильный подход к рабочим-частникам—через профсоюзы. Однако, последние еще недостаточно раскачались.

«Необходимо поставить перед Губпартконференцией вопрос о невыполнении профсоюзными организациями постановления 13-й партконференции об отпуске необходимых средств для ведения их работы». Пишут товарищи из Москворецкого р-на. Слабое внимание к постановке профработы—основная жалоба, идущая отовсюду.

Профсоюзы до сих пор слишком формально относятся к обслуживанию рабочих частных предприятий. Формализм профсоюзов может быть характеризован тем, что внимание к рабочим частных предприятий уделяется пропорционально количеству этих рабочих на данном предприятии. Сообразно с этим в строгой пропорции отчисляются средства на культнужды, на выписку прессы, на создание библиотеки и т. д. Все частные предприятия приписываются к клубам, часто находящимся на очень далеком расстоянии от этого частного предприятия и т. д.

Не лучше обстоит дело с партработой.

В Бауманском районе к частникам были прикреплены вузовцы, которые за лето все раз'ехались, а оставшиеся разбежались. (Это писалось в отношении лета 1925 года). В настоящее время (лето 1926 года) повторилось то же самое. В Бауманском районе к ячейкам частных предприятий вузовцы прикреплялись на 80—85%; с наступлением каникул они естественно раз'ехались и ячейки частных предприятий снова остались на произвол судьбы.

Но и помимо этого естественного перерыва, связанного с работой вузовцев, самый опыт работы их показывает, что к частникам надо направлять не вузовцев. Масса рабочих частных предприятий связана тесно с деревней, мало культурна, находится в большой зависимости от хозяйчиков. Вузовец, попадая в ячейку, пытается говорить книжным языком, не имеет того практического опыта рабочей борьбы, который имеет за собой рядовик рабочий—коммунист с госпредприятия. Требования, которые пред'являют рабочие частных предприятий — «поменьше книжности и попроще, дайте нам рабочих коммунистов из соседних ячеек госпредприятий».

Психология рабочего частного предприятия очень часто разнится от психологии рабочего государственного предприятия. На большом кустовом собрании партийцев и беспартийного актива частных предприятий и в прениях и в записках рабочие упорно обращались ко мне, как к докладчику: «Об'ясните мне, чем это об'ясняется, что фабрика берется у частного предпринимателя и сразу получает убыток, так что фабрика разрушается и рабочие остаются за бортом»; «Будьте добры, об'ясните, почему мы убиваем свой частный капитал, а иностранный капитал разрешаете?»; «Чем об'ясняется тот кризис, который переживают частные хозяева?»; «Чем об'ясняется неучет нашими банками в настоящее время векселей, чем многие частные предприятия обречены на гибель?»; «Предпринимается ли помощь со стороны наших банков в смысле улучшения финансового положения частной промышленности?».

Рабочие частных предприятий (пишущий неоднократно выступал на ряде собраний среди частников) часто упорно уверены, что госпромышленность неизбежно должна быть побита частным капиталом, если бы последнему «дали волю». Они думают, что только благодаря административному зажиму частник держится в определенных рамках. Многие из них не верят в то, что социалистическая форма производства выше, чем капиталистическая.

Обстановка работы среди рабочих частников при более высокой зарплате, при чрезвычайно тесной связи с деревней, с крестьянским хозяйством необычайно трудна и естественно, что вузовцам часто не под силу справиться с вопросами и потребностями, которые возникают у рабочих частных предприятий кустарей.

Опыт прикрепления товарищей из советских ячеек тоже пока не дал больших результатов в ряде районов.

Мы должны проблему работы среди рабочих частных предприятий продумать более серьезно и внимательно.

Два, три года тому назад мы могли проходить мимо этого вопроса. В настоящее время мы обязаны уделить этому вопросу серьезное внимание. Ведь частники-рабочие составляют около 12—13% от всех рабочих госпредприятий Москвы. Их заработок гораздо выше среднего, а политический уровень—ниже. Они связаны тесно с хозяином, с одной стороны, а с другой стороны, с деревней и с крестьянским хозяйством. Рабочие частники могут своей отсталостью давить на рабочих близлежащих заводов. При этом не надо забывать, что частные предприятия разбросаны по Москве далеко неравномерно.

Следует также отметить то, что рабочие частных предприятий редко созываются на собрания совместно с рабочими госпредприятий. Нет той постоянной связи, которая способствует взаимному пониманию рабочих госпромышленности и частников. Даже летом при организации загородных экскурсий и гуляний, очень часто наши районы забывают или обходят рабочих частных предприятий.

Больше внимания к частнику и кустарю в нашей повседневной парт-и профработе. Надо проверить, что сделано в осуществление решений 13-й Московской партконференции для постановки работы на частных предприятиях. Надо, на основании прошедшего времени, подытожить опыт проделанной работы и сделать вытекающие отсюда выводы. Наконец, по всему СССР мы обязаны поставить учет частника и кустаря, должны разработать методы агитационного и организационного подхода к нему. Кустарь и рабочий частник должны быть вовлечены в общественно-политическую жизнь страны.

А. Бернар.

Пути большевизации КПФ.

(Пятый с'езд КПФ.)

После того, как в течение долгого времени в центре внимания всех тех, кто следил за развитием западно-европейских компартий, стояла германская компартия, теперь внимание сосредоточилось на двух других партиях—английской и французской. Само собой напрашивается вопрос о том, как ведут себя компартии этих стран во время великих кризисов, переживаемых там господствующим классом. Представляется необходимым изучить более конкретно партии именно этих стран, отдать себе отчет в реальных этапах, которые они теперь проходят, в их слабых сторонах и в перспективах их развития. Слишком распространено представление о развитии Коммунистического Интернационала, как о прямой восходящей линии, и поэтому многие удивляются, когда постоянно слышат о трудностях, возникающих в секциях Коминтерна, и когда обнаруживается, насколько слабы во всех отношениях наши западно-европейские братские организации, если сравнить их, скажем, например, с русской партией. Мы попытаемся здесь, опираясь на данные пятого с'езда КПФ, дать картину действительного положения этой секции Коминтерна, имеющей в настоящее время столь важное значение.

Среди учеников Геда.

5-й с'езд КПФ состоялся в Лилле, главном городе северного промышленного района Франции. Север Франции—это та часть страны, в которой в последние десятилетия прошлого века образовалась под руководством учеников Маркса, Лафарга и Геда, первая марксистская рабочая организация во Франции. В настоящее время север Франции является той частью страны, в которой в наиболее поразительной форме произошла быстрая индустриализация Франции и модернизация ее производственного аппарата. В рядах могучего пролетариата северной Франции до сих пор пользуется наибольшим влиянием социалистическая партия. Это об'ясняется тем обстоятельством, что в этой лучшей части французского пролетариата еще живут традиции старой социалистической рабочей партии, не перенесенные на коммунистическую партию, и связанные в представлении рабочих севера с социалистической партией.

Мысль, побудившая ЦК компартии созвать пятый с'езд в северной Франции в тот момент, когда социалистическая партия переживает новое потрясение и когда доверие старых революционно настроенных членов к социалистической партии пошатнулось, была очень правильной. Публичная демонстрация, устроенная накануне открытия с'езда, была проведена всецело под знаком той идеи, что лишь одна коммунистическая партия

восприняла традиции революционного марксизма,—традиции Геда и Лафарга, и проводит их жизнь. В президиум массового митинга, состоявшего на историческом гиппodроме, который был ареной великого политического сражения между Гедом и Жоресом по вопросу о революционной и реформистской тактике в 1902 г., вошли трое старых рабочих, принадлежавших к числу основателей Социалистической Рабочей Партии Франции. Среди 3000, присутствовавших на митинге и внимательно слушавших речи коммунистических ораторов рабочих, большинство принадлежало к социалистической партии. И именно эти старые революционные социалисты аплодировали как тов. Кашену, своему старому знакомому по социалистической партии, так и молодым рабочим, т.т. Семару и Торезу, рисовавшим картину банкротства социалистической партии и излагавшим программу компартии. И не один из этих старых текстильщиков и горняков был вынужден скрыть выступившие на глазах слезы, вызванные глубоко прочувствованными словами старого борца Кашена и молодых мужественных коммунистов.

Демонстрация, прошедшая после этого митинга по улицам Лилля, была грандиозной манифестацией в пользу единого революционного пролетарского фронта и против коалиционной политики и колеблющейся позиции различных групп социалистической партии.

Но за этим первым многообещающим шагом, сделанным Компартией, в качестве наследницы славных традиций революционного пролетариата Северной Франции и передового борца за создание единого революционного фронта масс, не последовало правильного продолжения. Заседания с'езда происходили при закрытых дверях, и до сих пор массы революционно настроенных французских рабочих имеют представление о том, что на нем происходило и о принятых им резолюциях лишь из весьма неполных кратких сообщений в «Юманите» и из отпечатанного где-то в укромном уголке коммунистической партийной газеты манифеста к французскому пролетариату.

С'езд оставил в массах впечатление о партии, как о замкнутом, недоступном пропагандистском обществе.

Секта?

Это одна из величайших слабостей, которую мы должны установить относительно Коммунистической партии Франции. На каждом шагу она бросается в глаза. Жизнь партии разыгрывается где-то за кулисами. Рабочие массы почти ничего не знают о жизни партии, кроме проводимых ею кампаний. За весьма немногочисленными исключениями резолюции ее центрального комитета по важнейшим вопросам политической жизни остаются секретными. В то время, как резолюции и позиция центрального комитета социалистической партии, не имеющей своей собственной газеты, печатаются и комментируются везде, сама Коммунистическая партия часто не знает постановлений своего руководящего органа. Все это позволяет противникам коммунизма во Франции применять к компартии тактику молчания и представлять ее в виде секты. Партия, оказавшаяся в силах осенью 1924 г. по поводу перенесения останков Жореса в Пантеон собрать под своими знаменами в одном Париже 200.000 рабочих,

выведшая на улицу около миллиона для того, чтобы демонстрировать против марокканской войны,—эта партия должна терпеливо смотреть, как ее образ искажается в глазах масс и как в результате этого многие сочувствующие ей рабочие не решаются вступить в ее ряды.

Два факта, выяснившиеся на 5-м конгрессе, говорят как будто за то, что Коммунистическая партия Франции является не имеющей значения сектой:

1) В докладе ЦК сообщалось, что число членов партии, достигавшее в момент раскола социалистической партии в Туре (1921 г.) около 100.000, со времени последнего с'езда (январь 1925 г.) упало с 70.000 до 55.000. В то время, как занятое в производстве население Франции возросло с 12 до 14 миллионов, а число членов социалистической партии, в которой после раскола осталось лишь несколько десятков тысяч человек, увеличилось на 112.000, компартия обнаружила такой регресс. И это в такой период, когда недовольство трудящихся масс дороговизной, колониальной войной, становящейся все более реакционной политикой правительства, постоянно возрастало, когда сотни тысяч рабочих устраивали демонстрации против правительства, когда стачечная война с каждым месяцем поднималась. Правда, этому падению числа членов можно противопоставить постоянный рост в течение последних месяцев тиража центрального органа партии, «Юманите», распространяемого теперь в 230.000 экземпляров. Но этот рост тиража центрального органа является лишь отражением растущего идеологического влияния коммунизма на рабочие массы. В связи с этим регресс коммунистической организации представляется еще более странным явлением.

2) В течение длившихся восемь дней занятий с'езда делегаты компартии почти ни одним словом не коснулись великих политических проблем, волновавших как раз в тот момент всю страну. Ни одного почти слова не было сказано по поводу увеличившегося числа стачек (86 в мае, 360 в июне), ни одного почти слова о падении кабинета Бриана, о новом кабинете Бриана—Кайо и о его финансовой программе, о новом неслыханном падении франка, об усилении деятельности фашистов. Все эти явления нашли отклик лишь в академических реформах и составленных в весьма общей форме постановлениях. Весьма оживленные дискуссии, происходившие на с'езде, вертелись вокруг прошлого партии, вокруг тактических ошибок той или иной группы и вокруг внутренних течений, имеющихся в партии. Чуть ли не самая большая часть времени, посвященного дискуссии, была занята обсуждением международной проблемы, а именно, взаимоотношений между Европой и Америкой.

И все же мы считаем, что этот с'езд, не оправдавший тех надежд, которые возбудило его удачное открытие, является положительным событием в истории Коминтерна, и мы смотрим на будущее КПФ с непомраченной надеждой.

Плюс или минус?

Придерживаться этого оптимистического взгляда нас заставляют следующие обстоятельства. Партия имеет позади себя период своего развития, в течение которого ей угрожали величайшие опасности. Общая политическая ситуация в стране и быстро

совершившееся изменение ее экономической, политической и социальной структуры создало такое положение, при котором стали весьма возможными оппортунистические уклоны, поворот всей партии в сторону мелкобуржуазного лагеря и даже ликвидация партии. Партия избежала, однако, всех этих опасностей. Наоборот, она именно в это время организовалась как действительно рабочая партия, она во всех областях своей деятельности сделала решительные шаги к тому, чтобы стать политической массовой партией, она одержала идеологическую и организационную победу над мелкобуржуазными тенденциями, имевшимися внутри ее самой, и она достигла консолидации вокруг ядра молодых, способных пролетарских вождей всех истинно революционных элементов, обещающих стать настоящей большевистской гвардией. Получается впечатление, будто партия идет в хвосте событий, будто представляет собой совещательную, критикующую организацию, а не политически руководящую. И это не только кажется так. Можно действительно найти за последние два года подобные моменты в деятельности партии. И мы меньше, чем кто-либо, склонны недооценивать эти опасности.

Но тот отпор, который партия дала всем мелкобуржуазным опасностям, напиравшим на нее со всех сторон, тот переворот, который при этом совершился внутри партии как в идеологическом, так и в организационном отношении, должны при данных обстоятельствах быть ей зачтены как плюс. В течение того периода, когда совершалось это превращение, партия действительно отставала от политических событий и часто скорее пассивно реагировала на них, чем активно руководила ими. Но Франция вступает в настоящее время в новый период развития. Борьба за стабилизацию и проведение стабилизации об'единит происходящие теперь рассеянные и все вырастающие экономические битвы и превратит их в великие выступления, которые неизбежно приобретут политический характер. Вся эволюция партии за последнее время была не чем иным, как бесшумной подготовкой к этому периоду в французском рабочем движении. И мы полагаем, что если приходилось выбирать между отказом от активных выступлений в течение закончившегося периода и отказом от политического руководства в будущих битвах, то лучше было решиться на первое.

Опасность мелкобуржуазного вырождения и ее преодоление.

Мы дали в другом месте более или менее подробное описание особенностей кризиса, переживаемого французским империализмом [1]). Здесь нас больше всего интересует следующее. В закончившемся периоде вся тяжесть кризиса пала на плечи мелкобуржуазных масс. Поэтому и политическая реакция на кризис должна была особенно сильно обнаружиться в лагере мелкой буржуазии. Весь последний год прошел под знаком радикализации сельских и городских средних слоев. Все партии, представляющие интересы этих слоев, должны были пережить сильные потрясения. Ушедшие влево массы искали вождей. Социалистическая партия обанкротилась в этом отношении. В качестве

[1]) «Большевик», № 7—8, стр. 44.

партии левого крыла буржуазии и вследствие того, что часть ее руководителей идет рука об руку с определенными группами обрабатывающей промышленности и банковского капитала, она не смогла удовлетворить даже умеренные требования радикализирующейся мелкой буржуазии. Поэтому наиболее активные элементы мелкой буржуазии производили давление на компартию, пытались приспособить ее политику к своим целям и привлечь ее к участию в мелкобуржуазных выступлениях.

В то же время положение пролетарских масс оставалось более или менее прочным. Об'ективные последствия переворота, совершавшегося в экономической структуре, последствия финансового и политического кризиса, еще не дошли до сознания пролетариата. Рабочие чувствовали, что они находятся более или менее в хорошем положении. Не было вовсе безработицы, ставки заработной платы не понижались и обнаруживали даже постоянную повышательную тенденцию. Стачки, вспыхнувшие в течение этого периода, закончились большей частью победой (из 80 стачек в мае 61 была вполне успешной). В виду постоянно благоприятной кон'юнктуры, получившейся для тяжелой и обрабатывающей промышленности в результате медленной инфляции, предприниматели не оказывали особенно сильного сопротивления. Продолжение стачки причинило бы им больший убыток, чем относительно незначительные и быстро выравнивавшиеся, благодаря обесценению денег, повышения заработной платы. Правительство левого блока сумело посредством целого ряда «политических жестов» внушить пацифистски воспитанным рабочим массам мысль о постепенной победе его принципов.

Легко понять, какие огромные опасности создала для компартии эта политическая ситуация. К этому времени социалистическая партия превратилась окончательно в мелкобуржуазную радикальную партию, даже и по своему составу. Коммунистической партии угрожала такая же участь. Эта опасность проявилась весьма конкретно в виде образования внутри партии сильной правой оппозиции. Ее программа по существу явилась программой приспособления компартии к мелкобуржуазным стремлениям: отказ от революционной политики в отношении колониальных войн и ограничение деятельности партии в этой области выставлением пацифистских лозунгов; применение тактики единого фронта в «приемлемой для социалистической партии форме», т. е. установление единого фронта с мелкобуржуазными организациями, в роде франк-масонов, Лиги Прав человека и т. д.; отказ от принципа организации партии на основе фабрично-заводских ячеек и возврат к местным группам, в которых руководящую роль, как в старой социалистической партии, должен был играть городской мелкобуржуазный элемент.

Когда центральный комитет партии зимою прошлого года начал вести энергичную борьбу против этой правой оппозиции и когда ему удалось вогнать клин между следовавшими за ней рабочими элементами и мелкобуржуазными вожаками, образовалось новое примирительное течение, так наз. центристское, защищавшее по существу ту же программу с теми же, лишь несколько смягченными, лозунгами. На 6-м пленуме ИККИ, на котором правая оппозиция дала понять через своего представителя, что она начала отступление, во время дискуссии о тактических разногласиях внутри партии речь шла, главным образом, об этом центристском течении.

Мы еще раз повторяем, что опасность правых уклонов и мелкобуржуазного вырождения партии была чрезвычайно велика. ИККИ также ясно подчеркнул это в своей резолюции по французскому вопросу. После лилльского с'езда мы можем сказать с уверенностью, что эти опасности окончательно устранены. В период, предшествовавший с'езду, правая (за исключением своего синдикалистского крыла, еще и теперь продолжающего свою деятельность в прежних размерах) держала себя весьма молчаливо. Причину этого следует искать в полном разложении этой группы, которая уже сама по себе не отличается однородностью своего состава. Ясная позиция Коминтерна, исправление центральным комитетом сделанных им прежде ошибок и возвращение рабочих элементов в ряды партийного большинства—все это вместе разбило блок правой оппозиции. На с'езде она имела только одного представителя, присутствовавшего с совещательным голосом, тов. Готье, речь которого можно назвать лебединой песней оппозиции. Он повторял старые нападки правых, при чем на этот раз усилил их, бросив Коминтерну упрек в том, будто его политика направляется интересами политики СССР, как государства, и будто она фальсифицируется в результате русских внутрипартийных конфликтов. Говорил он это не от имени оппозиции, а от своего собственного имени, одновременно выдав тайну прежней деятельности фракции и назвав себя автором ее платформы, письма 250-ти. Его речь не произвела абсолютно никакого впечатления. Присутствовавшие на с'езде 254 делегата, из которых было 190 рабочих (из них 112 от станка) и 14 крестьян, и всего лишь 87 товарищей, принадлежащих к партийному аппарату, не удостоили его речь даже проявлениями своего возмущения, Готье бы и остался совершенно изолированным. А центристское течение, принимавшее более живое участие в дискуссии, и с которым полемизировали многие ораторы, заявило к концу с'езда устами своих лидеров—Эмбердо и Морено, что существование его потеряло всякий смысл и что оно распускается.

Французская секция Коминтерна благополучно прошла мимо Сциллы мелкобуржуазного вырождения, угрожавшей поглотить всю партию. Она осталась пролетарской и коммунистической партией и та страстная полемика, которую она вела с мелкобуржуазными элементами, на долгое время предохранит ее от этой опасности.

Этапы развития партии.

В чем же состоит по существу прогресс партии, который мы может установить, несмотря на все указанные выше недостатки? В каком положении находится партия? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы должны дать краткий обзор важнейших этапов развития партии в течение последних лет.

В последние годы партия пережила такое радикальное превращение, что по ее составу мы имеем в настоящее время перед собой почти совершенно новую партию. Фоном, на котором совершалось это превращение, было изменение экономической и социальной структуры страны. Быстро развивавшаяся индустриализация страны после войны, концентрация производства, чис-

ленное увеличение пролетариата, иммиграция сотен тысяч иностранных рабочих, приведшая к тому, что старые местные рабочие слои образовали некоторым образом верхний слой в общепролетарской массе, разложение слоя рантье, радикальное изменение положения, которое занимало среднее и бедное крестьянство в общем хозяйственном процессе и прежде всего в финансовой системе страны,—все это не могло не оказать глубочайшего влияния на рабочее движение Франции.

Старые активные элементы рабочего класса, попавшие еще до войны в качестве жоресистов или синдикалистов, несмотря на все свои революционные фразы, в об'ятия реформизма, теперь полностью перешли в лагерь буржуазии. Эти элементы, частью воспитанные государственным аппаратом, в качестве мэров, муниципальных советников, всякого рода чиновников, частью попавшие в ряды рабочей аристократии или ставшие мелкими предпринимателями,—эти элементы образовали реакционное ядро социалистической партии и амстердамских профессиональных об'единений. Часть из них, правда, при расколе французской партии осталась на стороне коммунистов, но они отхлынули опять назад, утонули в море беспартийных или снова возвратились в социалистическую партию, когда оказалось, что состоять членом компартии—дело серьезное.

Но из рядов того поколения, которое участвовало в войне, из рядов сконцентрировавшегося в крупных городах и промышленных центрах молодого пролетариата явилась новая смена действительно революционно-настроенных элементов. В то время, как на одной стороне бывшие члены старой социалистической партии целыми толпами оставляли ряды компартии, с другой стороны — в партию притекали эти молодые силы. Часть из последних сознательно оставалась прежде вне партии, так как она видела в ней лишь избирательный аппарат и лестницу для карьеры тщеславных политиканов. Другая часть их лишь во время войны и в послевоенные годы пробудилась к сознательной политической жизни и инстинктивно почувствовала влечение к коммунистической партии.

Это великое передвижение, в котором нашли свое отражение изменения, происшедшие в структуре французского пролетариата, характерно для всех последних лет эволюции партии. Доклад ЦК, отмечая падение числа членов партии, добавляет, что в течение отчетного периода (с января 1925 г.) состав членов обновился приблизительно на 73%.

Таков фон, на котором происходил постепенный переход партии от левого социализма к коммунизму. Три этапа, пройденных партией, очень сильно похожи на этапы в развитии германской партии. Мы здесь, кажется, действительно имеем дело с известными законами развития коммунистических партий в послевоенный период. Развитие компартии во Франции произошло лишь в менее насильственной форме и с меньшими фактическими потерями. Это об'ясняется тем обстоятельством, что французской партии в течение этого времени не пришлось вести таких крупных боев и потерпеть столь тяжелое поражение, как германской. Французской партии не пришлось еще увидеть революцию, в то время, как германская прошла через огонь уличных боев-сражений 1919 года, а также через бои за власть и через поражение 1923 г.

Первый этап развития был отмечен господством в ней оставшихся после раскола в Коминтерне левых социалистических вождей, от Фрассора до Жоржа Пиош. Против этого некоммунистического руководства восстали входящие в состав партии рабочие массы. Эти массы сами не были еще в состоянии в ясной форме изложить свое недовольство социал-демократическим руководством, а тем более не могли выдвинуть из своей собственной среды новых вождей. Но они были достаточно сильны для того, чтобы сделать невозможным для этих лидеров дальнейшее пребывание в партии.

Руководство перешло в течение второго этапа к радикальным мелкобуржуазным элементам, ведшим во главе «левой оппозиции» борьбу против прежнего поколения лидеров. Мы можем теперь, после того как эти радикальные мелкобуржуазные элементы, как Рут Фишер и Маслов в Германии, уже отхозяйничали или уже выбыли из руководящих мест партии, как Трен и Сусанна Жиро во Франции, определить их историческую роль в развитии коммунистической партии. Если мы теперь считаем их людьми, опасными для коммунистической партии, фактором мелкобуржуазного вырождения, то мы все-таки никогда не забудем той роли, которую они сыграли в борьбе против оппортунистического руководства, в самоопределении партии и в сохранении единства партии. Их сила состояла в том, что они явились выразителями того сопротивления, которое партийные рабочие массы оказывали в несовсем сознательной форме оппортунизму и, таким образом, сделали возможной борьбу с оппортунизмом и победу над ним. Они выступали везде в тесном единении с лучшими, появившимися из партийных пролетарских слоев будущими вождями. Но когда эти последние закончили свое политическое образование, когда они сами стали сознательными носителями революционных настроений пролетарской части партии, тогда обнаружился истинный политический смысл линии, проводившейся радикальными мелкобуржуазными левыми вождями. Они оказались ультра-левыми, сектантами, не понимавшими роли партии, как пролетарской массовой партии. Они толкали партию на путь изоляции, они проваливались каждый раз, когда в широких рабочих массах возникали новые стихийные движения, во главе которых должна была бы встать коммунистическая партия. Так случилось в Германии с движением, сопровождавшим президентские выборы, во Франции—с движением против марокканской войны. По вопросу о тактике, которую следовало применить в этих случаях, дело дошло до раскола между левыми мелкобуржуазными вождями и их союзниками, молодыми вождями из рабочей среды.

Победили последние, и в их руки не без более или менее тяжелой борьбы перешло теперь руководство партией. Ядро партийного руководства образуют теперь новые рабочие вожди типа Тельмана в Германии и Семара во Франции. Не подлежит сомнению, что эти элементы пока еще очень слабы в области теории. Они не раз уже терялись в первые моменты, когда возникали новые политические проблемы. Но это как раз те элементы, которые призваны в нынешний период, переживаемый коммунистическими партиями, ставшими действительно рабочими пар-

тиями, вести их по пути большевизации. Ибо они, в полнейшем смысле слова, являются представителями всей партии, а через партию и всего пролетариата страны.

Детские болезни и их лечение.

Лилльский с'езд отмечен окончательным переходом к этим элементам руководства компартией Франции и уничтожением тех ультра-левых уклонов, которые проявились и во французской партии под руководством мелкобуржуазных левых элементов. Аванпосты лучшей части французского пролетариата привлечен в генеральный штаб. Мы подчеркиваем слово «аванпосты», ибо мы уверены, что французский пролетариат вскоре выдвинет еще лучших, еще более способных вождей. Характерен в этом отношении ответ одного рабочего делегата представителю другой коммунистической партии. Когда последний спросил этого делегата, почему в дискуссии приняло участие столь малое количество делегатов-рабочих, он ответил ему следующее: «Еще не наступило наше время. Мы продиктовали партии свою волю. Но мы еще не заговорили. И на следующем с'езде мы еще не возьмем слова. Но на третьем или четвертом мы заговорим сами».

Вышеизложенная позиция нынешних руководителей партии об'ясняет нам их выступление на с'езде. Мы уже сказали, что самое значительное место в дискуссиях с'езда занял расчет с прошлым и что на нем почти ничего не было сказано о позиции партии в современных вопросах французской политики и о выяснении ближайших задач партии. Представители партии, молодые рабочие вожди, как Семар, Торез, Креме, Дорио, окончательно сформировались и выяснили себе свои позиции в борьбе против ультра-левых глупостей последнего года. В этих вопросах они были сильны. В этих вопросах они хотели прежде всего просветить партию и связаться со здоровыми пролетарскими элементами партии. Большая часть речей была посвящена критике совершонных в течение последнего периода ошибок, установлению правильной тактики единого фронта, выяснению политической перспективы, уничтожению последних следов бюрократического централизма и исправлению крупных ошибок, сделанных в профсоюзной тактике. Дискуссия превратилась в один великий расчет с прошлым. И в этом расчете с ошибками прошлого обнаружилось полное единство партии. Даже большая часть тех товарищей, которые принимали сознательное участие в проведении этой ложной тактики, признала свои ошибки и заявила о своем согласии с новой линией. При этом дискуссия обнаружила, как это признали все участники без исключения, политическую зрелость партии. Стало ясным, что долгая внутренняя борьба не только привела, в конце концов, к победе правильной тактики, но вместе с тем много содействовала политическому воспитанию всей партии. В то время как в течение ряда месяцев партия состояла из течений и группировок, каждая из которых как будто застыла в своем стремлении к проведению своей линии в партии, как едином целом,—лилльские дискуссии были, наоборот, проникнуты духом ответственности всех за всю партию.

Изображенная выше политическая ситуация приносит с собой не только опасность оппортунистического вырождения. В рядах французского пролетариата, в особенности в той части его, которая раньше поставляла активные элементы политическому движению, имеется также большая опасность вырождения в направлении ультра-левого фразерства. Рабочий, перебравшийся благодаря массовому притоку иностранных неквалифицированных рабочих в верхний лучше оплачиваемый слой, и в случае увольнения немедленно находящий себе работу в соседнем предприятии, мало интересуется частичными требованиями, мелкой повседневной борьбой. Он смотрит сверху вниз на неквалифицированного рабочего, отрицает наличность у него революционного сознания и считает себя, если он примыкает к революционному крылу рабочего движения, единственным истинным коммунистом, действительно понявшим идею коммунизма. Он любит употреблять громкие слова, короче говоря,—это лучший материал для выработки революционного болтуна.

Со стороны руководящих кругов партии оказывают влияние в направлении ультра-левого вырождения партии попытки слабых в области теории руководителей оказать сопротивление проникающим извне в партию оппортунистическим тенденциям. Боясь сделать оппортунистические ошибки, слишком уступить настроению масс, руководители впадают в противоположную крайность—они низвергают на партию и рабочие массы целый водопад в высшей степени «революционных» лозунгов, меняющихся со дня на день, становящихся все непонятнее для масс и, в конце-концов, совершенно изолирующих партию.

Если компартии Франции удалось, как мы уже сказали, пройти без всякого вреда мимо Сциллы оппортунистического вырождения, то Харибда ультра-левых глупостей вырвала из ее рядов несколько человек. Тактика КПФ обнаружила в прошлом году серьезные ультра-левые уклоны. Когда массовый протест против марокканской войны превратился в всеобщий политический кризис, явившийся следствием инфляции и дороговизны, компартия сама себя лишила возможности получить руководство движением в свои руки, промедлив стать во главе его. Она выставила в качестве предварительного условия для создания единого фронта признание ленинских тезисов о колониальной войне и этим отдала руководство оппозиционным движением в стране в руки социалистической партии.

В своей правильной борьбе против всех уклонов в рядах ответственного руководящего слоя партии ЦК зашел так далеко, что стал применять те же методы против всех членов партии, удушил всякую инициативу снизу, не вполне совпадавшую с установленной сверху линией и, таким образом, привел политическую жизнь партии к полному застою. В отношении профсоюзов, наконец, ультра-левые элементы ЦК обнаружили величайшее недоверие, полную неспособность понять исторические особенности профессионального движения и правильно определить задачи коммунистической партии в профсоюзном движении. Эта ошибка дорого обошлась партии. Раскол в среде до того единого левого руководства, скомпрометирование в глазах партийных масс таких все же ценных сил, как Трэн и Сусанна Жиро и многих их «комиссаров», прекращение приема в партию и вызванное этим уменьшение числа членов ее,—все это потери, которые следует записать на счет ультра-левых ошибок. Но, в конце-концов, партия прошла также и мимо этой опасности. Узкий пролив с обоими угрожавшими ей чудовищами лежит позади нее, и она выходит в открытое море.

Отступление мелкобуржуазных конфузионистов.

Как мы уже сказали, всеми было признано, что дискуссия по вопросам, которые были фактически поставлены в порядок дня, стояла на высоте положения. Не подлежит сомнению, что партия чрезвычайно многому научилась из споров о прошлогодних тактических ошибках.

Это нашло себе выражение также и в тех формах, в каких велась дискуссия о великой международной проблеме: Европа—Америка. На первый взгляд может показаться странным, что с'езд французской компартии в момент крайнего обострения финансового кризиса, в момент тяжелых политических кризисов большую часть своих дебатов по международным и внутренним вопросам посвятил вышеназванной теме. Это, конечно, нездоровый признак, что важнейшие внутренне-политические проблемы страны нашли лишь слабый отклик на с'езде, в то время как европейско-американская проблема привлекла к себе все внимание делегатов.

В действительности же речь идет здесь не об абстрактной теоретической проблеме, например о возобновлении дискуссии с Троцким во французской партии. Европейско-американская проблема является во Франции наиболее злободневным вопросом. Это не только один из важнейших вопросов иностранной политики Франции, но эта проблема привлекла к себе внимание широких масс, и притом в такой степени, что несколько дней спустя после лилльского с'езда на парижских больших бульварах были произведены нападения толпы на автомобили, в которых сидели американцы. Франция стоит в настоящий момент перед дилеммой, продолжать ли итти по пути инфляции или обратиться за помощью к Америке, приняв поставленные ею тяжелые условия. Мелкий рантье, крестьянин и рабочий, потерявшие свои сбережения вследствие инфляции и чувствующие, что они живут в «бедной стране», не могут понять, почему богатейшая Америка как раз теперь, когда дела их особенно плохи, требует уплаты колоссальных долгов, сделанных во время войны, и делает из этого условие предоставления займа. Настроение против Америки настолько сильно в стране, что парламентское большинство голосовало против Кайо в вопросе об американских долгах. В среде французской мелкой буржуазии возникла, таким образом, на ряду с сопротивлением попыткам Америки превратить Францию в свою колонию в связи с регулированием военных долгов, мысль об образовании тем или иным способом единого фронта дебиторов против Америки. Европа должна быть преобразована в Соединенные Штаты Европы и таким образом выйти из создавшегося тяжелого положения. Но это лишь мечты мелкого буржуа. Крупная буржуазия сумела, конечно, использовать это настроение масс, чтобы посредством него замаскировать свою империалистическую политику. Предложения Лушера, клонящиеся к созданию европейского таможенного союза, которые по существу являются не чем иным, как средством борьбы против некоторых европейских конкурентов с помощью Америки, выдаются в качестве шага к образованию единой Европы. Мелкий буржуа попадает на эту удочку и, таким образом, фактически поддерживает иностранную политику французской тяжелой индустрии.

Именно это настроение мелкой буржуазии нашло свое выражение в речи Трэна о европейско-американской проблеме. Этот товарищ, который в продолжение последнего времени в партии фактически был проводником мелкобуржуазной тенденции: то мелкобуржуазного радикализма, то наихудшего оппортунизма, затем опять-таки проводником преувеличенных революционных иллюзий или, наоборот, преувеличенного пессимизма,—этот товарищ стал теперь, по мере того, как он отходил от руководящих партийных постов, проводником новейших течений, возникающих в радикальном мелкобуржуазном лагере.

Вот тезис Трэна в кратком изложении.

В международном положении все более господствующим противоречием внутри капиталистического мира станет конфликт между интересами Америки, с одной стороны, и все более сближающимися между собой европейскими государствами, с другой. Это противоречие интересов уже теперь сильнее, чем существующее еще пока, но отодвинутое на второй план, противоречие интересов отдельных империалистических стран Европы. На базисе сопротивления регулированию военных долгов образуется блок европейских государств против Америки, к которому принадлежит также и Англия, несмотря на то, что она иногда выступает совместно с Америкой. Эти тенденции к созданию европейского блока против Америки находят себе выражение в Лиге Наций, которая все более становится направленным против Америки об'единением европейских государств, носящим, конечно, империалистический характер. Локарно и Генуя представляют собой этапы на пути к изменению задач Лиги Наций в этом направлении.

Трэн подкрепляет этот тезис огромным количеством цитат из всевозможных европейских газет, начиная с «Форвертса» до «Секоло». Он настолько убежден в правильности своего тезиса, что в конце своей речи заявляет: «Кто не согласен с этим, тот против ленинизма». Кроме того, он утверждает, что его тезис направлен прежде всего против Троцкого, настаивающего на том, что гегемония Америки над европейскими государствами уже свершившийся факт, в то время как он, Трэн, доказывает, наоборот, что европейские государства в состоянии оказать сопротивление осуществлению этой гегемонии и готовы для этого к совместному выступлению.

Этот мелкобуржуазный путаник в течение целого года был монопольным теоретиком партии и сводил ее с ума своей скользящей скалой лозунгов (каждый день—новый лозунг!). Ленинский тезис о необходимости гибкой тактики он понял так, что она должна ежедневно приспособляться ко все новейшим и наиболее интересным мыслям, высказанным в «Энформасьон», «Тан» или «Либертэ». Он в своей богатой фантазии предвидел превращение марокканской войны в революцию. Он затем после банкротства своего маневра с плохо им понятым единым фронтом захотел не исправления своих ошибок, а стать проводником нового правого курса. И вот этот товарищ счел необходимым после того, как он промолчал во время всей дискуссии об ошибках прошлого, ответственность за которые падала прежде всего на него, предложить партии политическую линию, которая заставила бы партию и весь Коминтерн итти в хвосте за европейской мелкой буржуазией.

Единогласное отклонение тезиса Трэна всем с'ездом явилось доказательством здорового состояния партии, а основательная и искусная аргументация, посредством которой один оратор за дру-

гим разрушал мелкобуржуазный карточный домик Трэна, лишний раз показал, какой политической зрелости достигла партия в течение последнего года. Против Трэна выступили все: его бывшая единомышленница Сусанна Жиро так же, как и его союзник в последнем бою за власть в партии, Дорио; старый скептик и противник большевизации, Раппорт так же, как и представитель Исполкома ИККИ. Представители крупных районов партии также приняли участие в этой интересной дискуссии и выступили с хорошо документированными речами.

Это последнее выступление Трэна в качестве глашатая мелкой буржуазии распадающейся Франции совершенно отняло у него почву из-под ног. Расчет с Трэном может быть рассматриваем, как заключительная черта под большим расчетом, произведенным французской партией с мелкобуржуазными правыми и левыми уклонами в ее рядах.

Руководство партией.

Мы несколько раз подчеркивали переходный характер нынешнего внутреннего положения французской компартии (и не только французской). Нельзя иметь правильного представления о развитии западно-европейских компартий, если не рассматривать их с точки зрения созревания нового поколения пролетариата, которое все более и более будет освобождаться от традиций социалистических партий и под руководством Коминтерна лишь постепенно и путем преодоления многих трудностей создает свое собственное, пригодное для выполнения своих задач, революционное руководство.

В важнейших секциях Коминтерна мы в настоящее время достигли решительного пункта этого процесса. Пролетарский фундамент партии в более или менее окончательной форме собран и укреплен. Расчет с различными характерными для переходного периода руководящими группами более или менее закончен. Все яснее выдвигаются новые руководящие элементы. Во французской партии это явление совпадает со вступлением партии в период великих боев, в течение которых пролетариат должен завоевать себе гегемонию в борьбе трудящихся масс и разорившейся мелкой буржуазии против господствующего класса.

Но нарождающаяся смена руководителей еще слаба. Она в состоянии выполнить свою задачу лишь при строгом соблюдении правил коллективного руководства партией. На пути к созданию этого коллективного руководства стоят препятствия, которые частью характерны для всех партий, находящихся в этом положении, частью же имеют свои корни в специальных условиях французской действительности.

История французского рабочего движения особенно богата случаями, когда лидеры пролетариата падали жертвой многообразных искушений. Индивидуализм, который в преимущественно мелкобуржуазной стране характерен для всех выдвинувшихся над средним уровнем личностей, является также выдающейся и характерной чертой у лидеров французского революционного рабочего движения. Тот, кто привык к методам коллективной работы, в русской и даже германской партии, наблюдал французских товарищей за работой, может впасть не раз в отчаяние, видя те трудности, которые создаются для всей партии в результате этих индивидуалистических прыжков в сторону лучших товарищей. И тут еще приходит то обстоятельство, что не всякий характер способен выдержать внезапный переход от скромной деятельности в течение нескольких лет в низах партии и несложной работы в средних партийных инстанциях к высшим постам в партии, а следовательно, и в Коминтерне. Личное стремление к власти, даже черты, которые часто можно охарактеризовать лишь грубым словом «карьеризм», также примешиваются к политической полемике. Французы называют эти методы образования группировок скорее на личной подкладке, чем на политической, с целью получения большинства для достижения руководящих постов, словом «кухня». Подобные кухонные методы, попытки изготовить всевозможные большинства для того, чтобы таким образом достигнуть власти, играли и продолжают еще, к сожалению, и теперь играть в партии известную роль. Один из корреспондентов с лилльского с'езда сообщает, что в первый же день на с'езде сильно чувствовался запах кухни. На лилльском с'езде в это предприятие вмешался еще и особый фактор: здесь пытались использовать русскую партийную дискуссию в целях образования персональных группировок. Это выразилось не только в том, что отдельные группы пытались, посредством сделанных им заявлений и своем согласии с цекистским большинством, прикрыть свои политические слабости и найти сторонников, прикрываясь этими лозунгами. Здесь проявились также признаки активной работы, руководимой из Москвы, целью которой было приобретение сторонников для меньшинства в международных вопросах (английская стачка, польский вопрос). Представитель Исполкома Коминтерна выступил в своей речи на с'езде с большой энергией против всех этих тенденций. Он заявил, что теперь, когда партия выдвинула из своих собственных рядов здоровое ядро руководящих сил, показавших свою способность прекрасно разбираться в вопросах французской политики и обнаруживших готовность взять на себя полную ответственность за руководство всей партией, теперь все попытки проводить личную политику и в особенности игра с разногласиями в русской партии должны быть отвергнуты самым энергичным образом. Секретарь нашей партии, т. Семар, которого, несомненно, пытались вовлечь в эту кухонную политику, отверг все подобные попытки и полностью стал на точку зрения, высказанную представителем Исполкома. Этим была предотвращена серьезно угрожавшая партии опасность, что обнаружилось уже на заседаниях французской комиссии 6-го пленума ИККИ. Конечно, эта опасность, препятствующая образованию сильной руководящей группы, не устранена еще окончательно. Мы думаем, однако, что лилльский с'езд сделал в этом направлении решительный шаг вперед.

Новоизбранный ЦК партии, из которой удалены все элементы, дискредитировавшие себя в глазах партии во время последних внутренних конфликтов, и в который, с другой стороны, вошли все элементы, честно заявившие, что они готовы вести положительную работу в руководящем партийном органе на основе принятой с'ездом линии, прекрасно сознает свои слабые стороны. Структура руководящего органа соответственно с этим подверглась изменению. ЦК настолько расширен, что в нем представлены теперь лучшие провинциальные работники, которых он намерен привлечь к постоянному сотрудничеству в деле руководства партией. При этом сохранен принцип, указывающий

на необходимость предоставить руководителям Унитарной Федерации Труда возможность сотрудничества в политике коммунистической партии. Исполком Унитарной Федерации Труда представлен в состоящем из 13 членов Политбюро четырьмя товарищами.

Многочисленность состава руководящих органов (83 члена ЦК и 13 членов Политбюро при общем числе членов партии в 55.000) создаст, несомненно, некоторые затруднения. Но такое привлечение возможно более широких партийных кругов к руководству партией было необходимо в виду всех вышеописанных обстоятельств.

После лилльского с'езда.

Политические бои, сопровождающие изменение экономической и социальной структуры Франции, вступают в новую решительную фазу. Крупная буржуазия, которая была вынуждена после провала рурской авантюры начать отступление и очистить поле блоку мелкобуржуазных партий и представителей некоторых банковских и промышленных групп, пытавшихся освободиться от ее гегемонии, перешла теперь в наступление. После того, как ей удалось в течение инфляционной сумятицы разбить блок мелкобуржуазных партий и отчасти самые эти партии и привлечь на свою сторону часть строптивых промышленных и банковских групп, она начала борьбу за власть, пустив в ход все свои силы. Кабинет Пуанкарэ, это уже ее правительство, хотя в нем заседает еще тот или другой представитель мелкобуржуазных партий. Это новое правительство возьмется за оздоровление франка путем применения драконовских средств и не откажется ни от каких демагогических и насильственных мероприятий против какого-либо сопротивления со стороны пролетариата или радикально настроенной мелкой буржуазии. Введение и проведение в жизнь стабилизации вызовет большие трудовые конфликты. Часть поворачивающей уже влево мелкой буржуазии возвратится назад под крылышко могущественного правительства Пуанкарэ. С другой стороны, усилится тяготение к нам других частей обедневшей мелкой буржуазии. Кризис в социалистической партии обострится, и не исключена даже возможность того, что дело дойдет до раскола в ее рядах.

Задача коммунистической партии во время этих великих боев будет состоять в том, чтобы сосредоточить в своих руках руководство пролетариатом. Не исключена возможность того, что в будущих боях перед французским пролетариатом станет вопрос о подготовке завоевания власти в такой форме, в какой он не стоял уже в течение ряда десятилетий.

Задачи, которые ставит перед компартией это обострение положения, огромны. Партия подготовлена к решению этих задач. Ее пролетарский базис здоров и прочен. Но в целом партия, а также и ее руководство еще слабы. Лучшее пожелание, которое мы можем теперь высказать, это то, чтобы в предстоящих боях совершилось быстрое укрепление партии, вполне возможное в подобной ситуации. Но для этого партия нуждается в твердом руководстве со стороны Коммунистического Интернационала, за которым должна стоять крепкая, единая и непоколебленная коммунистическая партия в СССР.

Помещая статью Оссовского, редакция считает необходимым подчеркнуть, что мысли и идеи, развиваемые в ней, не имеют ничего общего с большевизмом—ленинизмом. Помещая эту статью (ходившую по рукам среди членов партии задолго до представления ее для напечатания в редакцию „Большевика“) и ответ на нее, редакция ставила своей целью показать перед партией, куда ведут ошибки „новой оппозиции“, и к каким выводам она приходит в лице своих более откровенных и последовательных сторонников.

Редакция.

Я. Оссовский.

Партия к XIV с'езду[1]).

Перед XIV с'ездом, как и перед рядом других с'ездов ВКП(б), встал вопрос об абсолютном единстве коммунистической партии, которая одновременно является единственно легальной в Советском Союзе в то время, когда в экономике страны единство совершенно отсутствует. Хотя этот вопрос не новый, но в том свете, как он встал перед XIV с'ездом, он заслуживает особого внимания. Положительное разрешение этого вопроса не было бы затруднительным, если требовалось бы доказать возможность единства не-единственно легальной партии. В таком случае партия, группируя вокруг себя определенный сектор экономических интересов страны, может оставаться абсолютно единой, оставляя другим партиям или группам возможность группировать вокруг себя чуждые ей экономические интересы. Тогда мы были бы единой правящей страной партией, но не единственной в стране. Гораздо сложнее доказать возможность абсолютного единства единственно легальной партии в стране, где экономика самая разнообразная. О последнем никто никогда не спорит, т.-е. никто не спорил о том, что имеются в нашем хозяйстве секторы, где капиталистическая предприимчивость играла бы положительную роль. В таком случае партия, оставаясь формально абсолютно единой и единственной, должна фактически в своем лице защищать все наличные интересы страны, и в том числе и капиталистических предпринимателей.

Выходит, что весь спор идет о единственности нашей партии; только при ее отсутствии получается абсолютное единство партии. Оставляя единственность, приходится волей-неволей пожертвовать частично единством. Весь вопрос лишь

[1]) Настоящая статья писалась частью до XIV с'езда и частью незадолго после него. Ко времени 3-го пленума ЦК партии, июль 1926 г. некоторые положения, понятно, могут казаться устаревшими и требующими освещения в несколько ином свете. Но для этого требуется специальная работа, предназначенная для освещения вопросов внутрипартийных разногласий в том свете, в каком они продолжают развиваться после XIV с'езда по настоящее время.

в том, в каких формах может и должна жить и развиваться партия в таких условиях, когда абсолютного единства нет, ибо его нет в экономике и когда *единственность* ее, т.-е. диктатура пролетариата, во что бы то ни стало должна сохраняться.

Следовательно, спор может итти о следующих формах партийного строительства:

1) Совершенно единственная и абсолютно единая партия.

2) Совершенно единственная, единая, но не абсолютно единая партия.

3) Абсолютно единая, но не единственная партия.

До 1925 года официально в партии были известны два течения: а именно, первое и второе. По этому поводу в партии неоднократно были весьма оживленные споры. Официальная точка зрения считала, что партия может и должна жить при совершенном единстве и абсолютной единственности, независимо от того, что в экономике нет ни намека на такого рода единство. А оппозиция, считая единственность партии незыблемой, допускала некоторое отступление от *абсолютного единства*, которое, при полном своем отсутствии в экономике, может служить лишь средством для мнимого скрытия опасностей, для успокоения революционной совести некоторой части партии и этим нанести большой удар диктатуре пролетариата.

После же открытого выступления Троцкого в 1923 году в защиту второй точки зрения, на горизонте появилась третья точка зрения. Я говорю «на горизонте», можно было бы, пожалуй, добавить слово и сказать «на далеком горизонте», ибо только хорошо вооруженным глазом можно эту точку зрения увидеть. Я уверен, что эта точка зрения уже нашла своих выразителей среди части руководителей нашей партии, при чем из среды *основного ленинского ядра*.

Не безынтересно узнать, нова ли эта третья точка зрения в истории нашей партии. Не существовала ли до сих пор в большевистской партии точка зрения, считающая рабоче-крестьянскую революцию не исключенной даже при отсутствии единственности нашей партии. Мне кажется, что она не нова, она получила свое выражение в лозунге «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Этот лозунг был понят, как диктатура пролетариата и революционного крестьянства над буржуазией, которая, как предполагалось, продолжит после революции выполнение своих хозяйственных функций, несмотря на отстранение ее от руководящей политической власти, считая, что для этих функций в экономике нашей страны есть еще большое место. Идеальной для этой точки зрения в 1917 году была бы поддержка меньшевиками и эсерами захвата власти со стороны большевиков и нейтрализации либеральной буржуазии. Тогда этого не было потому, что все они претендовали на полноту власти, а в подчиненную роль, в роль оппозиции ставить своих противников. Но если это не удалось в 1917 году, то еще не доказано, что это самое не удастся в 1925 году, если в силу обстоятельств необходимо вернуться к такому положению. Наоборот, меньшевики или эсеры, или другие, с подобным старым содержанием, с другими названиями и другими вождями, были довольны хотя бы возможностью одного легального существования без всякой претензии, пока на значительную роль в руководящей и правящей власти. Если возврат

к такому идеальному положению возможен, то почему же партии, при создавшейся обстановке, активно не содействовать этому возврату. Ведь такой возврат освободил бы ВКП от роли защитника капиталистических элементов нашего хозяйства с их положительными и отрицательными сторонами, одинаково нам чуждыми и до сих пор плохо усвоенными. Если бы нашлись политические фигуры, прошлое которых может служить гарантией против ликвидации Октябрьской революции, то почему ВКП не толкнуть их на роль защитника буржуазных элементов нашей экономики, столь чуждых основам программы ВКП(б), но далеко не чуждых еще экономике страны, ею руководимой. ВКП(б) могла бы соблюсти полное и стальное единство своих революционных рядов, если чуждые ее программе экономические интересы были бы представлены в стране не ею же, а другой малочисленной группой. Эта малочисленная группа могла бы с успехом выполнить роль защитника капиталистических хозяйств нашей страны в пределах, допускаемых диктатурой пролетариата и революционного крестьянства, сохраняя эту диктатуру полностью и целиком для руководства остальным хозяйством страны, основные свойства которого не чужды программе ВКП.

Могут возражать: это дореволюционная характеристика порядка вещей давно устарела, ее издание 1925 года ничего нового фактически не добавляет. Но в основном, можно отвечать, и наше хозяйство-то не намного изменилось в 1925 году в сравнении с тем, что оно представляло собой в 1917 году. Сам Ленин это подтвердил неоднократно. Он говорил, что то, что было прогрессивно в 1917 году, при условии диктатуры пролетариата и революционного крестьянства, остается прогрессивным и в 1921 и 1922 годах. Почему же в политике прогрессивное в 1917 году должно являться регрессивным в 1925 году, если в экономике мы наблюдаем обратное?

Вот такова эта третья точка зрения, которая показывается на горизонте партии в период между XIII и XIV с'ездами.

Кто является представителями этой точки зрения и кого они хотели бы видеть во главе неоменьшевизма в качестве защитника неокапитализма? Ответ на этот вопрос постараемся дать на конкретных примерах, пользуясь ответами, данными на спорные вопросы по различным экономическим и политическим проблемам различными группировками нашей партии.

Что же касается организационного строительства партии, то каждая из упомянутых точек зрения отвечает на него по-своему.

Придерживаясь принципа абсолютного единства и единственности нашей партии, в организациях и парт. печати не допускается свободный обмен мнениями, несмотря на то, что в самой партии, в связи с разнообразием экономики страны, различие мнений фактически существует. Там же, где этого нет, мы являемся свидетелями самого низкого уровня развития и понимания особенностей момента с точки зрения классовых интересов пролетариата. Но там, где выявляется различие мнений и углубленный интерес к партии, то это происходит не на заседаниях и собраниях парт'ячеек, где масса могла бы чему-нибудь научиться от спокойного обмена мнениями между более развитыми частями партии, а последние это делают между собой за стаканом пива или за бутылкой вина у себя дома, вдали от партийной организации и пролетарской общественности. Кроме того, свободной

обмена мнениями при этой системе партийного строительства пользуются лишь члены высших партийных инстанций. Там споры доходят зачастую до геркулесовых размеров. Партии об этом обычно ничего неизвестно. Только за пару недель до с'ездов на голову широкой партийной массы, ни в чем не информированной и считающей, что все благополучно, вдруг сыплются бесконечные так называемые дискуссионные листки, где широкой партийной массе преподносятся в 2—3 дня наплодившееся и надуманное членами высших партийных инстанций месяцами и годами. Широкая партийная масса обязана в 2—3 дня решить, за «кого» она, а узнать, в чем спор, она, от установившейся у нас традиционной предс'ездовской шумихи, никак не может. Она в таком случае всегда голосует за аппарат.

Последнее получает убедительнейшую иллюстрацию на примере последней предс'ездовской подготовки в Ленинграде и Москве—за Сталина. Если голосование имело бы под собой хотя бы малейшее осознание положения со стороны широких партийных масс, то не могло бы быть такого случая, чтобы целая организация, особенно ленинградская, стала на точку зрения Зиновьева, позиция которого тащит партию механически назад к 17 году. В Москве же не могло иметь места такое презрительное отношение и игнорирование со стороны широких партийных масс позиции Зиновьева, которая содержит большую долю трезвости, которая предостерегает партию от чрезвычайного увлечения возможностью завершения (построения) социализма в нашей архикрестьянской стране.

Нельзя забыть, что в интересах капиталистических элементов нашей страны при данной исторической обстановке именовать все социализмом («пусть именуется», как говорит Устрялов) с тем, чтобы под этим прикрытием использовать рабочий класс, его партию, его вековой организационный опыт в пользу своего мелко-буржуазного хозяйства.

Почему же, однако, московская партийная организация настолько отличается от ленинградской? Ларчик просто открывается. Ведь массы-то ни в Москве, ни в Ленинграде не были осведомлены о сущности разногласий. Голосовал аппарат.

Следовательно, формальное соблюдение единства и единственности партии при существующем различии экономических интересов отдельных групп населения страны не гарантирует от раз'едания верхушки партии создаваемыми на этой экономической почве политическими разногласиями. Последние раз'едают и самостоятельно мыслящих членов партии. Отрицательные стороны налицо, их вдоволь. Нет только и в помине положительных сторон этого положения: широкая партийная масса не развивается на наличных, непрекращающих своего действия, экономических и политических противоречиях страны. Партийная масса отстает и от жизни, и от своих вождей, и от своего собственного актива, и от передовых элементов пролетариата вообще. Все происходит за ее глазами. Партийная масса не подготовлена к грядущему. Завтрашний день становится для нее роком.

К XIV с'езду ВКП(б) несостоятельность подобного принципа партийного строительства, покоящегося на абсолютном единстве и единственности партии, повидимому, осознано громаднейшим меньшинством широкой партийной массы, а также ее акти-

вом. Этот принцип критикуется теперь с двух сторон: 1) со стороны оппозиции 23 года и 2) со стороны оппозиции 25 года.

Оппозиция 23 года говорит: в партии нет спора об отсталости и противоречивости экономики нашей страны. Нет также спора о том, что никакие организационные принципы о формальном, абсолютном единстве партию не спасут от возникновения в партийной верхушке (высшей и средней) политических разногласий (не выходящих, конечно, за пределы общей единой программы и партии). Если же широкая партийная масса не будет воспитываться на экономических и политических противоречиях, вызванных самой жизнью, то эта жизнь пройдет помимо массы, а партия останется «генеральской». А поэтому крайне необходимо внести в массы политическое оживление путем привлечения ее к обсуждению и разбору экономических и политических проблем нашего времени.

В низах, правда, создадутся текущие группировки по различным вопросам по-разному. Но эти текущие группировки будут, как и у верхушки бывает, в пределах единой партийной программы и парторганизации. Как в фокусе, партия будет отражать происходящее в стране и будет готова к грядущему дню. Но предварительной предпосылкой оздоровления партийных организаций есть пожертвование установшимся в последние годы в партии абсолютным формальным единством. Оппозиция 23 года считала это единственным выходом из положения.

Совершенно иначе хочет решить этот вопрос оппозиция 25 г. Она говорит, что противоречия в нашей экономике настолько велики, что они начинают нас тянуть далеко за пределы единой программы. Представительство партии всей этой противоречивой экономики нашей страны означает опасность политического ее разбавления. Партия не может одновременно быть представителем и защитником разнообразнейших форм хозяйства: частно-капиталистических, гос-капиталистических и социалистических. Защиту чуждых программе ВКП экономических интересов надо передать кому-то другому. «Этот другой» предполагалось то в виде беспартийной фракции советов, то в виде «отсеченных» от партии по разным политическим и неполитическим разногласиям элементов, или же те и другие вместе, одни под руководством других. Главное только, чтобы эти «другие» были лояльны к советской власти, к завоеваниям Октябрьской революции. Если в силу обстоятельств приходится грешить против политической чистоты нашей партийной программы, то пусть это делается, или инициатива на это пусть исходит не от самой партии. Достаточно для этого широки возможности советов. Партия до полного охвата всех разновидностей нашей экономики расширяться не может, не должна. Оппозиция 25 года хочет поставить за скобки партии все то, что, по ее мнению, совершенно противоречит ее программе. Жертвуя единственностью, партия сохраняет абсолютное единство, не искусственное, не формальное, а фактическое. В спорах с этими непартийными группировками партия будет развивать широкую политическую деятельность среди своих членов, их воспитывать на жизненном опыте, а не на сухих учебниках.

Какой же путь выбрать партии? Второй путь на ближайший период во всяком случае вреден. Возможно, что роль беспартийных фракций советов через некоторое время будет положительной. Возможно также через некоторое время кое-какие группи-

ровочки необходимо будет отсечь от партии, оставляя их легально в стороне как представителей мелко-буржуазных форм нашего народного хозяйства. Теперь же это преждевременно, а следовательно, и вредно. Осталось еще много недоделанного и в самой нашей партии. Отсечение могло бы теперь произойти не там, где нужно. Предварительно необходимо проделать и доделать громадную воспитательную внутри самой партии работу. Эта работа должна быть проделана на конкретном материале, содержащем все оттенки фактических течений в экономике и политике СССР. Только на подобной работе может произойти правильный отбор лучших элементов нынешнего состава партии, которые готовы ко всяким боям пролетариата, а также таким образом только может произойти отсеивание тех элементов, которые могут быть полезными для советской власти только лишь при прочности основ пролетарской диктатуры, при чем вне рядов партии. Надо создать благоприятную обстановку для такой гигантской работы, долженствующей охватить широчайшие слои партии и пролетариата.

Само собой разумеется, что от такого напряжения партийной мысли не должен страдать государственный аппарат. Но нельзя себя питать иллюзиями, что партийная мысль может итти нога в ногу черепашьими шагами тяжеловесного и инертного, зараженного большой дозой бюрократизма государственного аппарата, даже советского. Ведь же до полной и действительной советизации нашего госаппарата еще очень и очень далеко. Поэтому обеспечивая необходимую относительную устойчивость госаппарата, партия должна и может создать обстановку и условия, позволяющие развивать до максимальных пределов критическую мысль своих членов.

Все это можно и нужно проделать, не прибегая к каким-либо особым организационным изменениям внутри и вне партии. О последнем возможно придется подумать лишь тогда, когда через продолжительное время не произойдет изменения в международном рабочем движении в нашу пользу.

Во всяком случае обе оппозиции последних двух лет своей критикой захватили очень и очень глубоко почву, на которой впервые в мире победила, живет и развивается в мучительных трудностях строительства нового социалистического общества наша пролетарская партия.

Но, как известно, попытка произвести неуместное преждевременное «отсечение» получила решительный отпор в партии. Поэтому возможно, что оппозиция 25 года по вопросу о внутрипартийном строительстве согласится в дальнейшем итти по пути с оппозицией 23 года. Это требует проверки временем и обстоятельствами [1]).

В зависимости от решения упомянутых споров определяется роль и место ВКП в Коминтерне, ее непосредственное влияние на организации его национальных секций.

Конечно, опыт ВКП незаменим для всех секций Коминтерна при всяких условиях. Заграничные партии долгие годы еще будут питаться опытом ВКП(б) дореволюционного подготовительного периода, периода гражданской войны, а также периода пореволюционного строительства социализма. Вопрос лишь о формах передачи этого опыта. Именно определение этих форм связано с положением внутри самой ВКП(б), с разрешением стоящих перед ней организационных вопросов внутри-партийного строительства при наличии в стране довольно сложных и острых экономических и политических противоречий, которые не могут не влиять на ее структуру и политику. Хотя все партии в пореволюционные свои эпохи будут находиться под давлением такого же рода затруднений и противоречий, подготовительная же их дореволюционная работа, само собой разумеется, желательно чтобы происходила в условиях, по возможности свободных от постороннего влияния, стесняющего их размах работы и развития. Ведь и наша партия, несмотря на давление на нее сейчас чуждых ей экономических факторов, в дореволюционную эпоху свою подготовительную работу провела при менее значительном ощущении в своей практической работе этого давления. Изолировать готовящиеся к боям коммунистические партии Запада от давления чуждых им факторов является задачей всего Коминтерна. Здесь возможны 2 варианта: 1) ВКП(б) изолирована от влияния чуждых ей экономических (и политических) факторов, тогда ее непосредственная руководящая роль в Коминтерне может быть еще на долгое время необходима и обеспечена, 2) ВКП(б) находится под влиянием чуждых ее программе хозяйственных форм, тогда непосредственно руководящая роль в Коминтерне должна быть обеспечена и за национальными секциями.

Поскольку различие мнений в партии покоится на различной с постоянно действующими противоречиями экономической базе, постольку для этих различных мнений вопрос о центральной линии в руководстве Советским Союзом принимает при всяких условиях внутри-партийного строительства все более острый характер. Пролетариат стремится к социализму, ускоряет темп развития промышленности, приглашает частные хозяйства в интересах всего народного хозяйства содействовать ему в этом деле [2]). Частные же хозяйства отвечают: строй промышленность за свой счет, а там видно будет. С такого рода ответом наша центральная линия в руководстве Советским Союзом долго еще будет встречаться. Уступки частному хозяйству при такой обстановке неминуемы. Весь вопрос лишь в том, чтобы за основой пролетарского хозяйства, за промышленностью и после уступок в последнем счете был обеспечен более быстрый темп развития, чем частному хозяйству.

Сложность обстановки выражается в том, что в нашей отсталой экономике есть еще большое поле деятельности для частной инициативы. Конечно, без покровительства со стороны государства призвать к жизни этой частной инициативы нельзя, во всяком случае это большого успеха не имело бы. Пролетарское государство становится организатором всего народного хозяйства, в том числе и частно-капиталистического. Пролетариат в некотором отношении (при нынешней обстановке довольно значительном) становится на службу интересам чуждых ему хозяйственных форм, культивирование и укрепление которых хотя имеет положительное значение для всего народного хозяйства, в том числе и для пролетарского, но не может не иметь опасных политических последствий.

[1]) Примечание в конце статьи.

[2]) Примечание в конце статьи.

В самом факте, что пролетариат становится организатором всего народного хозяйства, в том числе и частно-капиталистической его части, нет еще ничего страшного. Страшна здесь неизбежная под давлением об'ективных условий и возможная чрезмерная односторонность. Частное хозяйство находится пока почти совсем вне сферы нашего влияния. В своей борьбе против государственного хозяйства оно ничем не связано. Оно при нынешних политических условиях никак не хочет нести издержек по созданию крупной промышленности, зная, что этим, т. е. укреплением промышленности, руководимой пролетариатом, оно укрепляет своего классового врага. Оно этого ждет в будущем при другой политической обстановке. Свой спрос на промышленные изделия, значительно вырастающий выше обыкновенного, благодаря отказу своему от вложения своих сбережений в промышленное строительство, частное хозяйство стремится удовлетворить посредством установления широкой торговой связи с международным капиталистическим хозяйством. Таким образом, получается чреватая большими опасностями односторонность: пролетариат рассматривает все народное хозяйство в целом как свое, отдает ему своих лучших людей, жертвует многим в пользу интересов всего народного хозяйства в том числе и частно-капиталистического. Слои же населения, связанные с частно-капиталистическим хозяйством страны, пролетарскому хозяйству ничего подобного не дают. Мало того, они постоянно подкапываются под него, чтобы окончательно его разрушить и стать на его место.

Этой односторонности у нас особенно искать не надо. Она у всех на глазах. Она культивируется весьма упорно и настойчиво даже в среде пролетариата, его партии уже несколько лет. Эта односторонность страшна тем, что отворачивает пролетариат от его исторических классовых путей и с беспощадной об'ективностью постоянно и незаметно толкает его авангард все более и более на службу других классов.

Может ли кто-нибудь отрицать наличие у нас этой опасности?—За ответом сомневающихся отошлем к Ленину, который говорил, что лишь дураки могут думать, что партии, даже самые революционные, застрахованы от перерождения, если об'ективные условия их к этому доводят. Этих об'ективных условий у нас больше, чем достаточно. Для застрахования же пролетарского авангарда от возможного перерождения должны быть созданы в качестве противоядия соответствующие об'ективные условия. Здесь никакие хорошие качества даже самых лучших вождей не помогут. Нужно об'ективные условия, только и всего.

Здесь уместно вспомнить сказанное Лениным на фракции ВКП(б) VIII С'езда Советов о том, что у нас государство не рабочее, а рабоче-крестьянское. Оказывается, теперь, через 6 лет, стало только понятным, почему т. Бухарин никак не мог усвоить выводов, вытекающих из того, что наше государство не рабочее, а рабоче-крестьянское [3]).

Главное, что вытекает из сказанных Лениным слов, это то, что раз государство не рабочее, а рабоче-крестьянское, то нельзя взвалить всю тяжесть по строительству этого государства, его народного хозяйства на один лишь пролетариат; крестьянство в этом должно соответственно нести эти тяжести. В противном случае, значение этого государства для пролетариата в конце концов постепенно должно уменьшаться. Это надо понять не только экономически, но и политически: крестьянство, пользуясь предоставленной ему и развивающейся чем дальше, тем больше советской демократией, сохраняет за собой свободу критики политической и экономической (крестплан...) деятельности своего же государства в интересах частно капиталистического хозяйства. Такая же свобода критики деятельности рабоче-крестьянского государства должна быть предоставлена и пролетариату, особенно его авангарду—его партии.

Ленинское понятие «рабоче-крестьянское государство» предполагает неизбежное наличие определенной дистанции, на которой пролетариат, в известной мере и крестьянство, находится от этого государства. Попытки искусственно стереть неизбежно существующую дистанцию между рабоче-крестьянским государством и пролетариатом может иметь роковые последствия для пролетарской революции. Это могло бы быть только в интересах тех классов, которые, в силу об'ективных исторических условий, не могли быть наследниками старого обанкротившегося режима и хотят таковыми стать впоследствии, используя для этого накопленный вековой организационный опыт пролетариата. Этим классам выгодно до поры до времени замаскировать настоящее лицо нашего народного хозяйства и государства, именовать его на все 100% социалистическим, или весьма близко к этому («пусть именуется», говорит Устрялов) и, таким образом, ослабить бдительность пролетариата и тем временем подготовляться к новым историческим ролям...

Чтобы в наших тяжелых условиях строить социализм, пролетариату нужна не просто вера, а острая бдительность, переходящая зачастую в неверие. Сделать эту бдительность достоянием все более и более широких масс пролетариата—задача его авангарда, ВКП(б). Такая бдительность — единственное спасение от возможности перерождения.

Возвращаясь к вопросу о генеральной линии партии в государственном руководстве, надо сказать, что хотя она в нынешних условиях может считаться в той или другой степени правильной, с точки зрения тактики авангарда рабочего класса, все-таки она не может пользоваться беспредельной поддержкой пролетариата, так как в основе этой линии в силу об'ективных условий лежит компромисс между интересами пролетариата и интересами частно-капиталистического хозяйства. Поскольку это так, пролетариат, исходя из своих исторических классовых интересов, не может и не должен отказаться от критики этой покоящейся на компромиссе с частно-капиталистическим хозяйством государственной линии. Подобная критика должна ставить себе целью, во-первых, дать отпор атакам со стороны вкрапленных в генерально-руководящую линию Советского государства частно-капиталистических элементов, постоянно стремящихся смещать центр этой линии в свою сторону,—сторону частно-капиталистического хозяйства, а, во-вторых, для того, чтобы центр нашей руководящей линии медленно, но уверенно смещался в сторону пролетарского хозяйства—социализма. Такого рода критика есть здоровая пролетарская классовая критика своего же государства, являющегося пока не рабочим, а рабоче-крестьянским.

Только при наличии такой свободной критики, основанной на компромиссе с частно-капиталистическим хозяйством, генераль-

[3]) Примечание в конце статьи.

В самом факте, что пролетариат становится организатором всего народного хозяйства, в том числе и частно-капиталистической его части, нет еще ничего страшного. Страшна здесь неизбежная под давлением об'ективных условий и возможная чрезмерная односторонность. Частное хозяйство находится пока почти совсем вне сферы нашего влияния. В своей борьбе против государственного хозяйства оно ничем не связано. Оно при нынешних политических условиях никак не хочет нести издержек по созданию крупной промышленности, зная, что этим, т.-е. укреплением промышленности, руководимой пролетариатом, оно укрепляет своего классового врага. Оно этого ждет в будущем при другой политической обстановке. Свой спрос на промышленные изделия, значительно вырастающий выше обыкновенного, благодаря отказу своему от вложения своих сбережений в промышленное строительство, частное хозяйство стремится удовлетворить посредством установления широкой торговой связи с международным капиталистическим хозяйством. Таким образом, получается чреватая большими опасностями односторонность: пролетариат рассматривает все народное хозяйство в целом как свое, отдает ему своих лучших людей, жертвует многим в пользу интересов всего народного хозяйства в том числе и частно-капиталистического. Слои же населения, связанные с частно-капиталистическим хозяйством страны, пролетарскому хозяйству ничего подобного не дают. Мало того, они постоянно подкапываются под него, чтобы окончательно его разрушить и стать на его место.

Этой односторонности у нас особенно искать не надо. Она у всех на глазах. Она культивируется весьма упорно и настойчиво даже в среде пролетариата, его партии уже несколько лет. Эта односторонность страшна тем, что отворачивает пролетариат от его исторических классовых путей и с беспощадной об'ективностью постоянно и незаметно толкает его авангард все более и более на службу других классов.

Может ли кто-нибудь отрицать наличие у нас этой опасности?—За ответом сомневающихся отошлем к Ленину, который говорил, что лишь дураки могут думать, что партии, даже самые революционные, застрахованы от перерождения, если об'ективные условия их к этому доводят. Этих об'ективных условий у нас больше, чем достаточно. Для застрахования же пролетарского авангарда от возможного перерождения должны быть созданы в качестве противоядия соответствующие об'ективные условия. Здесь никакие хорошие качества даже самых лучших вождей не помогут. Нужно об'ективные условия, только и всего.

Здесь уместно вспомнить сказанное Лениным на фракции ВКП(б) VIII С'езда Советов о том, что у нас государство не рабочее, а рабоче-крестьянское. Оказывается, теперь, через 6 лет, стало только понятным, почему т. Бухарин никак не мог усвоить выводов, вытекающих из того, что наше государство не рабочее, а рабоче-крестьянское [3]).

Главное, что вытекает из сказанных Лениным слов, это то, что раз государство не рабочее, а рабоче-крестьянское, то нельзя взвалить всю тяжесть по строительству этого государства, его народного хозяйства на один лишь пролетариат; крестьянство в этом должно соответственно нести эти тяжести. В противном случае, значение этого государства для пролетариата в конце концов постепенно должно уменьшаться. Это надо понять не только экономически, но и политически: крестьянство, пользуясь предоставленной ему и развивающейся чем дальше, тем больше советской демократией, сохраняет за собой свободу критики политической и экономической (крестплан...) деятельности своего же государства в интересах частно капиталистического хозяйства. Такая же свобода критики деятельности рабоче-крестьянского государства должна быть предоставлена и пролетариату, особенно его авангарду—его партии.

[3]) Примечание в конце статьи.

Ленинское понятие «рабоче-крестьянское государство» предполагает неизбежное наличие определенной дистанции, на которой пролетариат, в известной мере и крестьянство, находится от этого государства. Попытки искусственно стереть неизбежно существующую дистанцию между рабоче-крестьянским государством и пролетариатом может иметь роковые последствия для пролетарской революции. Это могло бы быть только в интересах тех классов, которые, в силу об'ективных исторических условий, не могли быть наследниками старого обанкротившегося режима и хотят таковыми стать впоследствии, используя для этого накопленный вековой организационный опыт пролетариата. Этим классам выгодно до поры до времени замаскировать настоящее лицо нашего народного хозяйства и государства, именовать его на все 100% социалистическим, или весьма близко к этому («пусть именуется», говорит Устрялов) и, таким образом, ослабить бдительность пролетариата и тем временем подготовляться к новым историческим ролям...

Чтобы в наших тяжелых условиях строить социализм, пролетариату нужна не просто вера, а острая бдительность, переходящая зачастую в неверие. Сделать эту бдительность достоянием все более и более широких масс пролетариата—задача его авангарда, ВКП(б). Такая бдительность—единственное спасение от возможности перерождения.

Возвращаясь к вопросу о генеральной линии партии в государственном руководстве, надо сказать, что хотя она в нынешних условиях может считаться в той или другой степени правильной, с точки зрения тактики авангарда рабочего класса, все-таки она не может пользоваться беспредельной поддержкой пролетариата, так как в основе этой линии в силу об'ективных условий лежит компромисс между интересами пролетариата и интересами частно-капиталистического хозяйства. Поскольку это так, пролетариат, исходя из своих исторических классовых интересов, не может и не должен отказаться от критики этой покоящейся на компромиссе с частно-капиталистическим хозяйством государственной линии. Подобная критика должна ставить себе целью, во-первых, дать отпор атакам со стороны вкрапленных в генерально-руководящую линию Советского государства частно-капиталистических элементов, постоянно стремящихся смещать центр этой линии в свою сторону,—сторону частно-капиталистического хозяйства, а, во-вторых, для того, чтобы центр нашей руководящей линии медленно, но уверенно смещался в сторону пролетарского хозяйства—социализма. Такого рода критика есть здоровая пролетарская классовая критика своего же государства, являющегося пока не рабочим, а рабоче-крестьянским.

Только при наличии такой свободной критики, основанной на компромиссе с частно-капиталистическим хозяйством, генераль-

ной линии рабоче-крестьянского государства, великому маневру, сложнейшему обходному пути может быть обеспечен успех в строительстве социализма в нашей стране. В противном случае грозит нам опасность запутаться на извилинах и зигзагах этого обходного пути.

Конечно, авангард класса—его партия—может и не дать своему арьергарду такой свободы. Он, поскольку является авангардом, в праве требовать беспрекословного подчинения и следования ему на всяких тяжелых, извилистых путях. Это может быть, однако, оправдано только во время лобовой атаки, требующей от борцов больше энтузиазма, чем осознания своей роли. Условия же борьбы при маневренном и обходном пути с его кажущимися обыденными мелочами требуют от борцов глубокого осознания окружающего положения и всех его возможных перспектив. Отсутствие этого сознания у арьергарда неизбежно доводит до полного разрыва с авангардом, его изоляцией.

Но, как известно, бабушка-история сурова. Она одной изоляцией авангарда не ограничивается. Если авангарду сравнительно легко без крупных потрясений может удаваться временно умерщвлять в зародыше попытки со стороны своего же арьергарда добиваться свободной критики генеральной руководящей линии, устанавливаемой на основе компромисса с частно-капиталистическим хозяйством, и, таким образом, тормозить развитие активности арьергарда, то мероприятия такого рода по отношению к классам, с которыми нет органической связи, удаваться никогда не могут. Поскольку за этими классами признается прогрессивная роль в экономике страны, то их хозяйственная база, политическая и идеологическая надстройка, с неотвратимой неизбежностью должна укрепляться. О задержке в развитии этих классов, таким образом, не может быть и речи. Вот тут-то умерщвление в зародыше попытки арьергарда своего же класса добиваться свободы критики генеральной линии, покоящейся на компромиссе с другим классом, может воистину играть роковую роль для классовых интересов пролетариата. Пролетарский арьергард отстает в лучшем случае от своего же авангарда. В противном же лагере, у других классов подрастает более развитой и подготовленный для защиты своих классовых интересов арьергард. При таком положении (а это не сон...) авангард в лучшем случае может погибнуть в неравном бою, а в худшем:..—скажите, сдается в плен, нет—в социальной битве в плен не берут. В худшем случае авангард неизбежно предаст. Он становится обыкновенно авангардом подросшего у других классов арьергарда.

Иные со скромностью и стыдливостью Марии Магдалины отведут от греха глаза и возмутятся: зачем такое сгущение красок... Разве можно теперь конкретно указать на обстоятельства и лица в этом погрешные...

В том-то и дело, что история имеет для завершения своего мастерства более испытанные пути и средства, чем обязательно указать теперь же на обязательства и лица. Она действует медленно и незаметно, и, как это ни странно, почти всегда и действующие лица-то без вооруженного глаза не видишь. Защитный цвет тут здорово помогает.

Поэтому нам пора призадуматься о застраховании. Ведь застраховывают же люди себя от стихийных бедствий, даже от смерти, т.-е. на случай смерти. Тут естественна бдительность. Тем бо-

лее эта последняя нужна, когда дело касается не отдельных личностей, а классовых групп, живущих и действующих в сложнейших политических условиях. Мы будем застрахованы от перерождения, если сумеем обеспечить пролетариату более быстрый темп хозяйственного, политического и культурного развития, чем темп, которым себя обеспечивают частно-капиталистические классы. А последние, всем известно, очень любят о себе позаботиться.

Из сказанного ясно, что вся сложность положения нынешнего и ближайшего времени заключается в том, каковы должны быть отношения пролетариата к Советскому государству, которое, как говорил Ленин, является не рабочим, а рабоче-крестьянским, при чем государством, фактически движимым в значительной степени инерцией оставшегося нам от царского режима бюрократического аппарата.

Для того, чтобы себе ясно и конкретно представить эти отношения, необходимо основательно, всесторонне проанализировать все этапы, пройденные Советским государством с начала его возникновения до последних дней. Надо хронологически проанализировать даже самые незаметные оттенки изменений структуры Советского государства в классовом отношении при переходе с одного этапа на другой. Нужно выявить социальные силы, заставляющие Советское государство отойти от занятого им в первый этап своего осуществления положения. Наконец, нужно с неумолимой ясностью видеть, куда эти социальные силы инерцией об'ективного исторического развития устремляются. Попробуем сделать такой анализ.

В качестве форм изложения и изображения сложных понятий, или группы таковых будем пользоваться буквенными выражениями в виде алгебраических формул, значительно облегчающих быстрый охват одним взглядом всей сложности явлений в их статическом и в динамическом состоянии. Социальные группы обозначим в следующем виде:

Пролетариат	Крестьянство
A = неквалифицированные рабочие и батраки	B = беднота
A'' = квалифицирован. рабочие и советски настроен. интеллигенция.	B^n = середняки и зажит. крестьянство
	B^{n+1} = сильн. крестьян. хозяйства и нарастающая буржуазия

Для об'яснения происходящих изменений внутри государственных отношений обозначенных выше групп будем пользоваться скобками в следующих видах:

{ классы и группы, охваченные национальной экономикой государства; }

[классы и группы, охваченные советским конституционным блоком;]

(классы и группы, являющиеся основой при определении генеральной линии Советского государства.)

Пользуясь приведенными условными знаками, мы можем вывести в определенных буквенных выражениях происходившие с начала существования Советского государства изменения в отношениях социальных групп страны. Это мы сделаем по периодам, при чем первые 3 периода мы считаем ныне в 1926 г. уже пройденными, а следующие 3—мы считаем мечтой развивающихся в нашей стране враждебных пролетариату классов.

Периоды пройденные:

I период—1917—21 г. $\{[(A \times A'' \times B \times B^{\text{п}})] + B^{\text{п}} + 1\}$

II период—1921—25 г. $\{[A + (A'' \times B \times B^{\text{п}})] + B^{\text{п}} + 2\}$

III период—1925—26 г. $\{[A \times B + (A'' \times B^{\text{п}})] + B^{\text{п}} + 4\}$

Периоды, грозящие надвигаться:

IV период— $\{[A \times B + (A'' \times B^{\text{п}})] \times B^{\text{п}} + 8\}$

V период— $\{[A \times B + (A'' \times B^{\text{п}}) + B^{\text{п}} + 16]\}$

VI период— $\{[A \times B + (A'' \times B^{\text{п}} \times B^{\text{п}} + 32)]\}$

Первый период существования революционной власти отличается тем, что все классы и группы, охваченные Советской Конституцией, являются одновременно основой проводимой Советским государством генеральной линии в политике и экономике страны, за исключением, конечно, незначительной группы деревенской и городской буржуазии, которая находилась в бесправном положении не только политически, но и экономически. Преобладающая тогда в генеральной государственной линии политика уравнительности не предполагала в эту структуру внести какие-либо существенные изменения. Правда, уравнительность того времени выразилась больше в обязанностях и лишениях, чем в пользовании благами. Но так как это было время суровой борьбы в защиту революции, когда вся страна уподобилась военному лагерю, то это своеобразное положение не настолько бросалось в глаза. Наоборот, то время сплотило все указанные классы и группы в единую железную силу с надеждой после победы путем непосредственного строительства и осуществления социализма достигнуть действительной уравнительности в пользовании благами.

Капиталистические элементы в то время были почти совсем отодвинуты в сторону. Они находились под сильным давлением вооруженного революционным оружием и революционным энтузиазмом широкого блока всего рабочего класса и громаднейшего большинства крестьянства.

Второй период наступает в то время, когда дал о себе знать факт, что Советское государство, его генеральная линия не покрывают собой все классы и группы страны. С другой стороны, стало тогда популярным убеждение, что наличные в стране частно-капиталистические группы населения, хотя без политических прав, могут и должны еще сравнительно долгое время играть положительную роль в ее экономике. Допущение и благоприятствование частно-капиталистической инициативы, где уравнительность совершенно исключается, заставило отказаться от этой уравнительности и государственное хозяйство. Советское хозяйство в целом от этого выиграло. Проиграли только неквалифицированные рабочие. Абсолютно и они выиграли, относительно же они проиграли.

В этот период происходит значительное укрепление позиций сильных крестьянских хозяйств, а также средних, развивается и укрепляется городская буржуазия. Появляется некоторая отчужденность между Советским государством в целом и неквалифицированной, низко оплачиваемой частью рабочего класса. Эта последняя хотя ничего не теряет от полученных по Советской Конституции политических прав, все-таки фактически чувствует

себя обиженной так, что ее естественная органическая связь с советским конституционным блоком немного ослабевает, она становится механической. Прежняя ее органическая связь с конституционным блоком начинает заменяться простым приложением к нему. Вместо умножения на входящие в советский конституционный блок группы, как это имело место в I период, теперь во время II периода неквалифицированная часть городского деревенского пролетариата (А) связывается с ним только плюсом, приложением. При таком положении вещей неизбежно должен был вкрадываться в сердца неквалифицированной группы пролетариата червь сомнения в правильности проводимой авангардом своего же класса политики. Усилилась тревога за будущее. Вынужденное экономическое отступление поставило перед рабочим классом проблему установить, при вновь создавшихся обстоятельствах, свои новые отношения к Советскому государству, руководимому авангардом пролетариата, на компромиссных началах с крестьянством. Эти отношения должны были заключаться в том, чтобы 1) пролетариат всегда выступал единым фронтом против наступающего на него частно-капиталистического окружения и 2) против создания в партии и в рабочем классе идеологии так называемого гражданского мира и этим неизбежно атрофировать боеспособность рабочего класса на случай (весьма вероятный) неудачи, недолговечности абсолютного гражданского мира.

Разрешить эту проблему хотела имевшая тогда широкую связь с пролетариатом рабочая оппозиция. Но она, к сожалению, недостаточно поняла сущность проблемы и наделала поэтому массу ошибок. Правильно была тогда поставлена проблема группой (Д. Ц.) демократического централизма. Она говорила: поскольку партия взяла на себя руководство мелко-буржуазной страной с ее преобладающим частно-капиталистическим хозяйством, постольку партия вынуждена сделать частному хозяйству уступки, хотя бы для того, чтобы впоследствии таким образом укрепить социалистическое хозяйство. Это неизбежно. Поэтому не в этом вся опасность. Опасность в том, чтобы широкая партийная масса не стала индиферентной, видя наши уступки частно-капиталистическим элементам советского народного хозяйства. Такая опасность неминуема, если официальная точка зрения партии, руководя Советским государством, будет претендовать на абсолютную монополию партийного руководства, не допуская ни в коем случае в партии никакого различия мнений, не давая им естественно развиваться путем подавления их всеми суровыми наказаниями. Поскольку официальная точка зрения хочет быть органически связанной с широкими массами пролетариата и партии, постольку она должна дорожить, а не бояться свободы мнений в партии, связанной единой политической программой. Ведь партии долгое время придется работать в частно-капиталистическом окружении («всерьез и надолго»). Если даже вожди партии могут считать себя застрахованными от влияния окружающей частно-капиталистической среды, то армия партийно-советских чиновников в значительном ее числе от этого во всяком случае не застрахована.

Поэтому группа ДЦ предлагала ввести в практику партийного руководства широкий демократический принцип. Только таким образом можно создавать свободное, здоровое пролетарское общественное мнение в партии и профсоюзах. Это общественное

мнение определяло бы в каждом отдельном случае отношения рабочего класса к Советскому государству, которое является в силу обстоятельств и будет еще на долгое время являться не только рабочим, но рабоче-крестьянским. Свободное общественное мнение партии не отодвигает пролетариат от Советского государства, а делает возможным сохранение у рабоче-крестьянского государства максимально доступного, при создавшихся сложнейших условиях, характера пролетарской власти, т.-е. сближает пролетариат с Советским государством.

Действительно, X с'езд партии прошел под лозунгом необходимости введения внутрипартийной демократии, о чем свидетельствует принятая по этому вопросу тогда специальная резолюция. Ожидалось, что резолюция о внутрипартийной демократии впредь станет действующим законом—правилом по вопросам партийного строительства. Но, как говорят, нет правила без исключения. И тут «исключение» стало правилом, а о последнем (о правиле) совершенно забыли. Резолюция того же X с'езда о единстве партии была использована партийным аппаратом для полного аннулирования резолюции о внутрипартийной демократии, вопреки тому, что она далеко не для этой функции была предназначена. Наоборот, резолюция о внутрипартийной демократии должна была создать возможность, при допущении различия мнений в партии, сохранить фактически ее единство. Но это, к сожалению, не имело места. Причина—увлечение формальным единством.

Отсюда выросли следующие противоречия: 1) уступки частно-капиталистическому хозяйству начали давать свои плоды. Городская и сельская буржуазия оживает и обрастает жирком. Увеличивается благосостояние чиновничества. Лучше начинают жить и квалифицированные рабочие, хотя относительно отстают от первых групп населения. Весьма незаметно улучшается (относительно других групп населения, конечно) положение неквалифицированных рабочих. Все эти факты являлись тогда убедительнейшим доказательством тому, что происходившее уже в первый период нэпа укрепление частно-капиталистических элементов в нашем народном хозяйстве успело уже тогда внести значительные изменения (пока не политические, а экономические) в социальную физиономию советской страны. 2) Широкие массы партии и пролетариата, видя, что Советское государство находится под давлением происходящего со дня на день со стороны капиталистических элементов страны наступления, не могут быть удовлетворены таким положением, когда их мнение выслушивается авангардом своего же класса от случая к случаю, от с'езда к с'езду. Жизнь становится настолько изменчивой, что каждый день приносит новое и требует со всех точек зрения освещения. Скомканные и лихорадочные предс'ездовские дискуссионные листы широким партийным и пролетарским массам абсолютно ничего не дают. Эти дискуссионные листки входят просто в моду и становятся нужной (или ненужной) формальностью. Партийное руководство, признавая, бьющуюся ключом и выходящую за фактически дозволенные ей пределы, новую жизнь во враждебном нам лагере, упорно не желает признавать за широкими партийными массами права критики правильности и своевременности, размер необходимости в этих признаниях в то время, когда подобное право критики официальной государственной линии (на которую неминуемо должны влиять капиталистические элементы

страны) со стороны части пролетариата послужило бы противоядием против чрезмерных претензий враждебных пролетариату сил.

Налицо было острое прислушивание к тому, что творится во враждебном нам лагере, и беззаботное отношение, некоторое притупление слуха к тому, что тревожит нас самих. К тому времени относится об'явление, исходящее из среды руководителей партии о том, что партией овладел великий штиль (тишина).

К сожалению, очень многие не поняли, что корни этого весьма опасного явления, воистину грозного для пролетарской революции симптома, надо было искать в том, что партийное руководство, партийный аппарат методами принуждения хотел доказать недоказуемое, а именно: что рабоче-крестьянское государство есть рабочее государство.

Правда, круг сторонников действительно внутрипартийной демократии в то время значительно расширился в партии. Доказательством может послужить положение тогда московской организации. Вся оппозиция 1923 г. считала действительное проведение внутрипартийной демократии настоящим оружием пролетариата для борьбы против грозящих ему опасностей, об'ективно вытекающих из того сложного положения, когда государство, руководимое рабочим классом, в силу вещей не есть и не может быть рабочим, а рабоче-крестьянским, т.-е. когда в основе своей генеральной линии Советское государство вынуждено положить компромисс с частно-капиталистическим хозяйством.

Как известно, идея о внутрипартийной демократии, выдвинутая вторично оппозицией 1923 года вместе с декларацией Политбюро от 5 декабря 1923 г., была похоронена точно так же, как резолюция по этому же вопросу, вынесенная X с'ездом партии.

Такая судьба внутрипартийной демократии об'ясняется тем, что на основной вопрос нашего времени—установление отношений пролетариата к Советскому государству, являющемуся не рабочим, а рабоче-крестьянским, разными руководителями партии давались различные, зачастую исключающие друг друга ответы. Официальная же точка зрения, особенно партийный аппарат считали и продолжают считать подобную постановку вопроса совершенно анти-партийной, за что партийцы подвергались и подвергаются нередко суровым репрессиям, несмотря на то, что эта постановка вопроса является ленинской,—постановка вопроса, которой Ленин пользовался в качестве главного мотива против предложения Троцкого о возложении полной ответственности за хозяйственное строительство рабоче-советского государства на пролетариат путем сращивания профсоюзов с хозяйственными органами, их огосударствления. Профсоюзы, говорил Ленин, должны защищать интересы рабочих, как это ни странно, от руководимого его же авангардом Советского государства, которое в силу вещей есть не рабочее, а рабоче-крестьянское, при чем далеко еще не освобожденное от бюрократического аппарата старого режима, инерция которого хотя и с разными прикрашениями все еще не перестает тянуть нас назад.

Зато эту истину хорошо усвоили враждебные пролетариату силы, свобода экономического (отсюда и значительного идеологического и политического) действия которых нами допущена, именно исходя из этой предпосылки. Эти силы использовали первые наши уступки для того, чтобы, подпоясываясь, потребовать дальнейших уступок. Под прикрытием первого периода

нэпа зрели условия, заставляющие нас перейти к дальнейшему развертыванию нэпа. Допущение частной инициативы капиталистическо-хозяйственных форм исключает при нынешних условиях систему уравнительности и равенства. Допущение торговли хлебом фактически уже означало свободу сдачи в аренду земли безинвентарного крестьянина многоинвентарному, а также свобода найма первого последним. Дело совершенно не меняется от того, что мы признали это положение де-юре постфактум—с опозданием всего на 4 года.

«Лучше поздно, чем никогда» сказала себе новая сельская и городская буржуазия, прочитав постановление XIV партконференции, вводящее Советское государство в третий период существования.

А по поводу XIV с'езда, выразитель интересов и устремлений буржуазии, Устрялов с удовольствием отмечает: «Партия не пошла за паническими комнытиками. Партия полна неизменной верой в себя и в революцию. Зиновьев и Каменев фанатики... Зиновьев чрезвычайно обиделся за лодырей... Большинство, несомненно, лучше понимают дух ленинизма... Сталин и Бухарин достаточно испытанные ленинцы... Они обнаруживают реальное чутье...» Вот как раздает свои дары и удары идеолог буржуазии Устрялов [4]).

Третий период характерен значительным сдвигом в улучшении благосостояния городской и сельской буржуазии, чиновничества, особенно технически образованного. На ряду с этим положение широких рабочих масс заметно отстает от роста в стране общего благосостояния. Больше это дает себя, понятно, чувствовать у неквалифицированных рабочих. В то же самое время промышленность развивается относительно быстро. И невольно у широких рабочих масс получается впечатление, что рост благосостояния страны является следствием деятельности и напряжения сил не своих, пролетарских, а сил каких-то других, чуждых рабочему классу, видимых и невидимых. Получается впечатление, что инициатива постепенно переходит все более к частно-капиталистическому хозяйству, которое дает себя довольно слабо использовать для строительства социализма. В окружающей обстановке подобные впечатления получают более чем достаточную пищу и вызывают у широких пролетарских масс города и деревни, а также бедноты глухое недовольство, которое при отсутствии возможности своего законного проявления неминуемо ведет к ослаблению органической связи внутри групп, являющихся основой советского конституционного блока. Выходит, что неквалифицированная часть пролетариата и беднота деревни, формально равноправные члены советского конституционного блока, фактически подчинены остальным участникам блока (в лице квалифицированной части рабочих, середняцкой части деревни и советски настроенной интеллигенции), строящего государство на компромиссе (не политическом, а экономическом) с частно-капиталистическим хозяйством.

Правда, обо всем этом можно говорить лишь как о намечающейся тенденции развития, а не как о чем-то совершившемся. Но то, что мы можем уже теперь наблюдать в этом направлении, достаточно для того, чтобы пролетариат—его авангард—его партия весьма серьезно призадумались о предстоящей опасности и чтобы впредь принимали действительные меры для избежания разрыва сил, являющихся основой советского государства, как государства, строящего социализм.

[4]) Примечание в конце статьи.

Если же это не будет сделано, то вызванная рабоче-крестьянским государством в жизнь городская и сельская буржуазия не замедлят использовать ослабление внутренней спайки между группами советского конституционного блока для усиления своего давления на рабоче-крестьянское государство, с тем, чтобы у него добиваться дальнейших признаний. Конкретно эти признания могут заключаться в том, чтобы рабоче-крестьянское государство создавало для новой сельской и городской буржуазии благоприятные условия для вложения накопленных ею путем эксплоатации и спекуляции капиталов в промышленность, т. е. сделать первые шаги к денационализации промышленности. Это—не сон. Анализ кризиса советского народного хозяйства 1925 и 1926 годов показывает, насколько уже реальна эта опасность.

Новая буржуазия уже теперь добивается того положения нами в схеме обозначенного под «IV периодом». Накопленные, посредством эксплоатации рабочей силы города и деревни, а также путем спекуляции за счет социалистической промышленности, капиталы новая буржуазия хочет использовать для нажима на Советское государство, чтобы ей было предоставлено право их вложить непосредственно в промышленность, обходя при этом Советское государство. Другими словами, вместо вложения своих капиталов в советские кредитные учреждения, новая буржуазия теперь уже фактически ставит условием вложения «своих» капиталов в промышленность денационализацию последней. «Свои» капиталы она уже теперь хочет использовать для того, чтобы помаленьку сделать «своей» и промышленность. Вместо простого приложения к советскому хозяйству новая буржуазия уже делает попытки органически с ним связываться и соответственно на него влиять и воздействовать, исходя из своих частно-капиталистических интересов. При чем в качестве контр-агента она упорно не желает видеть ни Наркомфина, ни Госбанка, ни ВСНХ. Она хочет иметь дело с отдельными отраслями промышленности и, понятно, с самыми рентабельными. Политически это означает подготовку путем использования вновь приобретенных таким образом прав для дальнейшего нажима с целью завоевания себе впоследствии вхождения внутри советского конституционного блока (V период) и при первой возможности, в качестве средства преодоления создаваемых периодически этой же буржуазией Советскому государству и его народному хозяйству трудностей, предложить «свои услуги» в виде непосредственного участия в государственном блоке (VI период).

Вот план новой буржуазии. И чем больше у ее накапливается денег, тем об'ективно реальней становятся эти планы.

Если Советское государство не приступит немедленно к использованию частных накоплений страны для промышленного строительства и индустриализации сельского хозяйства и этим восстановит начинающие за первые периоды нэпа ослабевать его связи с неквалифицированными рабочими и деревенской беднотой, то опасность, что мы не выйдем из нынешних острых затруднений без серьезных уступок частному капиталу, весьма и весьма реальна.

Многим эта опасность может показаться не совсем, или же в незначительной степени реальной. В доказательство приводят данные о быстром развитии нашей промышленности за последние годы, а также о планах и расчетах такого же развития на будущее. Думающие так совершенно забывают, что успехи, легко нам удавшиеся за последние годы в промышленности, имеют свои причины в том, что мы по существу ограничились до сих пор лишь эксплоатацией, созданной буржуазией промышленности. Эта промышленность аккумулировала громадные накопления всех классов снизу доверху, начиная с сельской и кончая городской мелкой и средней буржуазией. Этому переливу капиталов до революции никакие социальные преграды не мешали. Ибо дореволюционное хозяйство представляло собой единый организм, действовавших в условиях частной собственности,—этого основного регулятора частного хозяйства.

Совершенно иное теперь. Советское народное хозяйство революцией разбито на два различных хозяйственных типа: 1) сельское хозяйство и кустарная промышленность и 2) средняя и крупная промышленность. Первая действует в условиях частной собственности, а во втором частная собственность отменена. Естественной, стихийной аккумуляцией капиталов всех секторов народного хозяйства, необходимой как предпосылки для развития крупной промышленности города и деревни, революция поставила непреодолимые преграды. Если такой аккумуляции суждено осуществиться у нас, то не как при буржуазном хозяйстве, стихийном, а под воздействием сознательного руководства. Практика же последних лет показывает, что такое сознательное руководство, ведущее к мобилизации частных накоплений для вложения их в промышленность, у нас весьма туго прививается. Наоборот, у нас культивируется в широких кругах мелко-буржуазного хозяйства мысль о том, что для развития в более или менее удовлетворительных размерах промышленности совсем излишним является значительное привлечение накопления частно-капиталистического хозяйства. А сторонников действительного привлечения этих накоплений в промышленность называют «сверх-индустриалистами» или «колонизаторами» и «эксплоататорами» частно-капиталистического хозяйства в пользу социалистического (звучит то этакое выраженьице уж очень комично). При этом совершенно забывают, что отказ от максимального привлечения частно-капиталистических накоплений в советскую промышленность означает абсолютную невозможность удовлетворения ею спроса, пред'явленного промышленности, главным образом, частно-капиталистическим хозяйством, особенно со стороны верхушечных групп сельского хозяйства. Удовлетворить же громадный спрос на промышленные изделия со стороны частного хозяйства путем расширения, в требуемом довольно значительном размере, промышленности за счет одного прибавочного продукта—пролетариата, означало бы решительное отступление далеко от того, что Ленин подразумевал, говоря, что наше государство не есть рабочее, а рабоче-крестьянское. Между тем силы, которые давят на пролетариат справа, имеют своей целью добиваться именно такого положения. Навряд ли может кто-либо сомневаться в том, что эти правые силы, поскольку они проявляются у нас, как постоянно действующие экономические (легально) факторы не пользуются широким

влиянием на наше государство и в известной мере на некоторые элементы пролетариата и партии.

И если озабоченная мыслью об этой грозящей нам правой опасности, левая часть пролетариата и партии встречается со стороны генерального руководства на Всесоюзном с'езде партии с командой «Огонь влево», то по меньшей мере это означает культивирование политической слепоты так называемого «штиля» среди пролетариата.

А что это означает, когда кругом бушует стихия частно-капиталистического хозяйства и бьет ключом жизнь новой буржуазии города и деревни. Об этом много говорить не приходится.

Только получив такой теплый (с огнем...) урок, главные противники внутри-партийной демократии начали понимать, что именно она, внутри-партийная демократия является пока единственным средством для установления правильных отношений пролетариата к Советскому государству, которое пока не рабочее, а рабоче-крестьянское. Главный мотив этой группы противников внутри-партийной демократии в 1923 г., а именно: желание удержать на левом фронте Советского государства все основные силы большевистской партии, а для выражения и защиты интересов частно-капиталистического хозяйства страны создавать не то беспартийную фракцию при советах, не то состряпать путем отсечения от ВКП(б) так называемых правых элементов, а также путем легализации успевших советизироваться меньшевиков и эсеров в новую партию,—этот мотив, повидимому, направленного на него «огня» не выдержал и начал таять. Оказалось, что для выражения и защиты интересов частно-капиталистического хозяйства (правда, с непременной целью впоследствии построить социализм окончательно), находится достаточно охотников и среди основных кадров большевистской партии.

Это хотя и зло, но естественное, возможно и наименее вредное, так как других путей нет. Но и из такого зла делать добродетель, заставить весь пролетариат и всю партию, как одного человека, только тем и заниматься, что петь дифирамбы подобной добродетели, довольно опасная штука. Надо создать внутри партии такой режим, который в общем хоре советской демократии обеспечивал бы пролетариату голос с несколькими октавами повыше обычного, конечно, не слишком, чтобы не надорваться. Такой режим с командой «Огонь влево» ничего общего не имеет. Надо не упускать из вида, что генеральная линия партии в руководстве Советским государством может считаться правильной не потому, что она сплошь пролетарская, а потому, что предполагается, что она в каждом данном случае должна быть наполнена максимально возможным при нынешних условиях пролетарским содержанием. Определить в каждом случае это пролетарское содержание генеральной линии Советского государства может исключительно свободно развивающееся общественное мнение партии. И до тех пор, когда не будет потеряно последней надежды строить и в нашей стране пролетарское хозяйство и социализм, генеральная линия партии в руководстве Советским государством у свободного общественного мнения партии и пролетариата всегда найдет необходимую поддержку. Вместе с этим только свободное общественное мнение партии может развивать и сохранить за рабочим классом его боевую способность, которая независимо от того, построим ли мы в одной нашей стране социализм или же только его будем строить, ему очень и очень нужна.

Поэтому практика «отсечения» в данное время к хорошему привести не может.

Но быть противником «отсечения» от партии нарушителей абсолютного единства и одновременно в основу партийного строительства положить принцип абсолютного единства—это значит не связывать концы с концами. Это совершенно беспринципно.

Но, с другой стороны, надо с определенной ясностью сказать, что быть за внутри-партийную демократию и одновременно считать исчерпанным все возможные шаги и мероприятия к действительному строительству пролетарского хозяйства и социализма, что значит быть одновременно за два друг друга исключающих понятия. Одно из двух: или не все еще возможности исчерпаны для строительства пролетарского хозяйства и социализма, в таком случае возложение ответственности на пролетариат за государство, неизбежные его жертвы, несмотря на вынужденное покровительство со стороны Советского государства частно-капиталистическому хозяйству, имеет свое историческое оправдание; тогда внутрипартийная демократия является единственным средством для сохранения боевой способности и чистоты идеологии пролетариата за весь период, когда рабоче-крестьянское правительство до поры до времени вынуждено с целью быстрого строительства пролетарского хозяйства и социализма культивировать занимающее еще значительное место во всем народном хозяйстве частно-капиталистическое хозяйство. Если же оставаться при мнении о том, что нам больше не предоставлена никакая возможность строительства пролетарского хозяйства и социализма в одной нашей стране, при задержке на долгое время международной революции, то в таком случае надо категорически заявить, что дальнейшие жертвы пролетариата, его ответственность за все государство, состоящего в большей мере из частно-капиталистических хозяйств, есть не что иное, как расхищение политических сил рабочего класса, его физическое и культурное вырождение. В таком случае, действительно, лучшим средством была бы система «отсечения», раскола партии на два лагеря: один—с фактическим преобладающим национальным содержанием, а другой—с интернациональным. Все революционное в русском рабочем классе и крестьянстве сохранилось бы и развивалось в борьбе против капиталистического хозяйства своей страны и всего мира. Менее революционные элементы рабочего класса вместе со средне-мощным крестьянством продолжали бы строить хозяйство в пределах ограниченных возможностей нашего государства.

Мне кажется, что для такой резкой постановки вопроса не все еще созрело, возможно, никогда не созреет, а поэтому нет надобности говорить о ней. Во-первых, еще не доказано, что исчерпаны все возможности действительного строительства у нас пролетарского хозяйства и социализма. Делать подобные выводы из неправильной экономической политики 1924—25 г.г. просто паника. Надо лишь бороться за ее исправление. А, во-вторых, политика «отсечения» об'ективно может быть полезной для пролетариата лишь в том случае, когда все вопросы сложнейшей проблемы нашей революционной действительности в истинном их свете без малейшего прикрытия, как это бывает у нас теперь, стали достоянием всех, даже мало-мальски сознательных сил пролетариата и партии. Только в таком случае можно было бы быть уверенным, что «отсечение» сохранило бы на левом фронте Советского государства абсолютно все действительно революционные элементы пролетариата.

Но такое, я бы сказал, «просвечивание» всех внутренностей партии рабочего класса возможно лишь только после того, когда партия в течение сравнительно длительного периода времени проводила бы широкую идеологическую отшлифовку умов пролетариата в условиях действительной внутри-партийной демократии.

Наблюдаемый в некоторых партийных кругах страх перед действительным развертыванием внутри-партийной демократии, опасаясь усиления на партию влияния мелко-буржуазного окружения, после всего сказанного не может быть ни при каких обстоятельствах оправдан [5]). Надо иметь смелость заявить, что партия в нынешних условиях неизбежно впитывает в себя настроение мелкой буржуазии, рост хозяйства которой в ближайшее время должен усилить ее политическое и культурное развитие. Вопрос только как бороться против раз'едания этим влиянием тех частей партии, которые более всего склонны поддаваться ему. Это влияние на партийных, профсоюзных, советских и кооперативных чиновников является безусловно развращающим с точки зрения пролетарских интересов. Мало того, чиновникам настоящая внутри-партийная демократия и не нужна. Действующая, главным образом, через чиновничество, партийное и близкое к партии, мелкая буржуазия напрягает все силы, чтобы истинный голос широких пролетарских масс в нашем общественном мнении был менее всего слышен, ибо из среды этих масс постоянно слышно недовольство развитием капиталистического хозяйства в стране.

Правда, широкое применение внутри-партийной демократии также может быть использовано мелкой буржуазией для усиления своего влияния на широкие партийные и рабочие массы. Но это влияние ни в коем случае нельзя рассматривать как влияние, производимое ею на вышеуказанную часть партии и чиновничество. Надо иметь в виду, что о материальном благосостоянии, следовательно, о падении революционности широких слоев пролетариата и партии еще рано говорить. Мелко-буржуазное влияние поэтому здесь не может выразиться в успокоении революционной совести, в перерождении, как это может иметь место у вышеупомянутой части партии, а наоборот, здесь это влияние выражается в подсказывании широким пролетарским массам в партии и вне ее о том, что их партия мало о них заботится, и, таким образом, вызвать требуемые мелкой буржуазией недовольства широких партийных и рабочих масс с их авангардом—партией. Такого рода влияние имеет скорее революционизирующее, чем развращающее, перерождающее значение для интересов партии пролетариата.

Поэтому корнем всех корней в решении судьбы партии в настоящее время является вопрос о действительном, безоговорочном проведении внутри-партийной демократии.

P. S. Вышеизложенное представляет собой наброски при желании выяснить то, что происходило в партии ко времени XIV с'езда, о чем происходят среди ее руководителей весьма острые споры при отсутствии в обще-партийной печати даже в самой незначительной степени подходящего раз'яснения.

---

[5]) Примечание в конце статьи.

В виду того, что примечания поступили в редакцию после верстки номера — они помещаются в конце статьи.

[1]) Теперь, ко времени 3-го пленума, июль 1926 г., общая линия найдена. Путь пролетариата для разрешения сложнейших современных проблем партийного и советского строительства проходит где-то по середине между путем, указанным оппозицией 1923 года, и путем, указанным оппозицией 1925 года. Оказывается, основное свойство этих обоих путей не было центробежным, ц е н т р о с т р е м и т е л ь н ы м. Достаточен был коротенький период столкновений (правда, весьма резких), чтобы найти свою общую орбиту.

[2]) Напрасно т. Бухарин в своем ленинградском докладе от 28 июля извращает мои мысли. Смысл, сказанного мною в статье, помещенной в № 7—8 «Большевика», следующий: городская буржуазия и сильное крестьянство чрезмерно увеличивают после революции свои потребности за счет полной ликвидации накоплений видимых капиталов, необходимых для обслуживания рынка с/х продуктов и для соответствующего вложения в промышленное строительство, как это имело место до революции, когда мелкие сбережения частного хозяйства города и деревни достигли суммы в 2 миллиарда дов. рублей, пошедших на нужды с/х и промышленного оборота, в то время, когда теперь эти слои населения накоплений никаких не показывают и пользуются госуд. оборотным капиталом (а в известной мере и основным капиталом—долгосрочн. кредит) для обслуживания своего частного хозяйства в ущерб соц. промышленности. Напоминая о «царе и помещиках», т. Бухарин следует недостойному примеру своего ученика т. Стецкого, изобретателя этого извращения (см. «Правду» 29/IV и «Большевик» № 9). Этому вопросу мною посвящена специальная статья. Здесь пользуюсь лишь случаем задержки выхода очередного «Большевика», а также появления доклада т. Бухарина для коротенького раз'яснения.

[3]) Впоследствии своему определению природы Советского государства, как не рабочее, а рабоче-крестьянское, Ленин дал следующую формулировку: «Рабочее государство есть абстракция», т.-е. с тех пор, когда будет существовать государственная власть (в классовом обществе) о чисто рабочем государстве вообще и говорить нечего—это абстракция, т. к. в стране преобладает крестьянское и мелкобуржуазное население. Как видно, Ленин остался верным первому своему даже в несколько более резкой формулировке определению. Ленин исправил лишь стилистическую ошибку для успокоения взволновавшегося тов. Бухарина. Тут Ленин с большим педагогическим искусством ч л е н о р а з д е л ь н о вторично раз'яснил т. Бухарину и другим, сделавшим испуганное лицо, слушав и не понимав ленинское первоначальное, и п р а в и л ь н о е определение природы Советского государства. Повидимому, и здесь, как и по вопросу о кооперации, т. Бухарину почему-то нужны два Ленина: один принципиально ошибавшийся, а другой исправленный... т. Б у х а р и н ы м (см. «Правда» от 3/VIII).

[4]) Большинство ЦК тут обыкновенно спрашивает: что же вы против постановлений XIV апрельской партконференции и декабрьского с'езда по существу?—Нет, отвечаем мы. Мы против оценки, данной большинством ЦК этим постановлениям. Мы против заявления большинства XIV с'езда о том, что разрешение найма безинвентарного бедняка зажиточным крестьянином и кулаком, а также допущение аренды кулаком земли этого же бедняка, есть уступка кулаку и зажиточному крестьянину, а... бедняку. Мы против названия, данного большинством ЦК ребенку, родившемуся в 9-месячном эмбриологическом периоде (знаменательный когда-то у истоков нашей истории период) между XIV апрельской партконференцией и декабрьским с'ездом. Заявляют, что тут ребенок родился от брака фактического,—согласны. Но большинство ЦК хочет добавить: от брака по любви и просит для ребеночка пряничек... Нет, тут уж позвольте не согласиться. До пряничков нашей стране вообще, особенно пролетариату, еще далеко, очень далеко.

[5]) Часто мы слышим со стороны большинства ЦК, что меньшинство, требуя свободы обмена мнениями в партии, является рупором мелкой буржуазии. Это не верно и противоречит логике. При диктатуре пролетариата мелкая буржуазия, наоборот, всячески избегает открытого выступления во имя своих интересов. Подкрашивая себя в модный и защитный цвет, мелкая буржуазия легализует себя достаточно для того, чтобы перерождающе воздействовать на наш государственный аппарат. Громкий и открытый голос мог бы ей тут лишь мешать. Следовательно, свой рупор в нашей единственной в стране легальной партии, мелкая буржуазия уже имеет и не может не иметь, ибо она в стране и преобладает. Вопрос лишь в том, выгодно ли пролетариату и до каких пор разрешить этому рупору пользоваться и прикрываться именем диктатуры пролетариата и социализма. Не выгоднее ли в интересах пролетариата заставить этот рупор скинуть маску и говорить от своего имени.

А. Слепков.

Платформа оппозиционного ликвидаторства.

(Ответ на статью Оссовского «Партия к XIV с'езду»).

При появлении различных внутрипартийных оппозиционных отклонений от ленинской линии почти всегда находится лицо, продолжающее и умножающее ошибки оппозиции и представляющее их в логически-развернутом виде.

Эта логически развернутая платформа дает возможность судить о том, куда «растет» оппозиция и что она представит собою на другой или на третий день, если она будет «настаивать на своих ошибках».

В течение последних лет партии пришлось вести серьезнейшую борьбу с различными внутри-партийными оппозиционными течениями. В 1923—24 г.г. она была вынуждена бороться с троцкизмом; в 1925—26 г.г.—с так называемой «новой оппозицией»; в последние месяцы она стала перед необходимостью преодоления об'единенной оппозиции, которая включила, кроме ее идейных гегемонов—троцкистов, представителей «новой оппозиции» и подтянула к себе даже осколки «рабочей» оппозиции. Об'единенная оппозиция тоже нашла идейного продолжателя и умножителя своих ошибок. Мы имеем в виду Оссовского, выступившего сначала нелегально, а затем легально со своей платформой «Партия к XIV с'езду», разбором которой мы и намереваемся заняться в настоящей статье.

Центральным пунктом платформы Оссовского является положение о н е в о з м о ж н о с т и е д и н с т в а к о м п а р т и и из-за непролетарского характера руководимого ею советского государства (смысл его центральной идеи именно таков) [1]).

> «Положительное разрешение этого вопроса (о единстве партии. *А. С.*) не было бы затруднительным,—изрекает Оссовский,—если требовалось бы доказать возможность единства не единственно легальной партии. В таком случае партия, группируя вокруг себя определенный сектор экономических интересов страны, может оставаться абсолютно единой, оставляя другим партиям или группам возможность группировать вокруг себя чуждые ей интересы. Тогда мы были бы единой правящей страной партии, но не единственной в стране. Гораздо сложнее доказать возможность абсолютного единства единственно легальной партии в стране, где э к о н о м и к а с а м а я р а з н о о б р а з н а я. О последнем никто никогда не спорит, т.-е. никто не спорил о том, что име-

---

[1]) Автор считает необходимым отметить: 1) что он цитирует статью по первоначальному ее тексту, 2) что курсив всюду наш.

ются в нашем хозяйстве секторы, где капиталистическая предприимчивость играла бы положительную роль. В таком случае партия, оставаясь формально абсолютно единой и единственной, должна фактически в своем лице защищать все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей».

Грехопадение нашей партии, т.-е. ее скат с классовых позиций пролетариата к представительству интересов разных классов у автора новой платформы, несомненно, логически связано с приходом партии к власти.

Ибо, во-первых, различие экономических структур имелось на территории теперешнего союза республик и до диктатуры пролетариата; однако, Оссовский из голого факта различия структур еще не выводит неизбежности перерождения; наоборот, он подчеркивает, что в дореволюционный период партия могла быть и была классово-выдержанным авангардом пролетариата; перерождение же, очевидно, обусловлено у него таким положением, при котором партия руководит—или пытается руководить—делом экономического строительства в нашей стране, т.-е. обусловлено диктатурой пролетариата.

Во-вторых, единственно-легальной коммунистическая партия, как известно каждому, стала в силу того, что она сделалась правящей партией, т.-е. партией, возглавляющей советское государство. Таким образом, инкриминируемое нашей партии перерождение обусловлено у Оссовского ее руководящей ролью в отношении советского государства, которое, в силу своего об'ективного положения, якобы вынуждено «представлять интересы всех социально-экономических сил советского общества».

Из приведенных выше цитат следует, что у Оссовского идет речь не просто о неизбежности мелко-буржуазных влияний на компартию, а о невозможности единства компартии в условиях, когда эта партия является единственной легальной партией, руководящей советским государством.

Общеизвестно, что в партийной среде неоднократно и многими виднейшими представителями нашей партии выдвигалось утверждение о неизбежности влияния мелкой буржуазии на наименее устойчивые слои партии, особенно в такой обстановке, когда компартия является единственной легальной партией; на страницах партийной печати нашли отражение и обще-теоретические постановки вопросов о возможностях раскола партии и отколов от нее,—все это вполне закономерно, понятно, естественно и не ново. Но никогда и ни один партиец, через горнило каких бы уклонов он не прошел, не говорил о неизбежности раскола, о невозможности существования единой и единственной компартии.

Только в обстановке того идейного маразма, который характерен для последних внутри-партийных оппозиций, вошедших ныне в единое русло анти-партийной фракционной деятельности, только в условиях систематической борьбы оппозиции против ленинских принципов партийной организации,—могла появиться

и обнаружить себя чудовищная, ликвидаторская идея Оссовского о том, что наша партия, «оставаясь формально абсолютно единой и единственной, должна фактически в своем лице защищать все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей».

Читатель напрасно будет искать у Оссовского серьезную аргументацию. У него есть лишь тень одного аргумента. Так как партия руководит государством и так как государство в своих управляющих и регулирующих функциях неизбежно вступает в теснейшую связь с различными экономическими структурами, вплоть до капиталистических, то и государство и правящая им партия вынуждены в своей политике отражать интересы различного социально-экономического порядка, вплоть до интересов капиталистических предпринимателей.

Из этой постановки вопроса вытекает, что пролетариат, организованный в государственную власть, не может вести классовой экономической политики в таких условиях, когда в народном хозяйстве имеются значительные элементы досоциалистических экономических формаций. С точки зрения Оссовского, социалистическое строительство и успешное продвижение к социализму со стороны пролетарского государства возможно и гарантировано только при условии, когда все хозяйство является монолитно обобществленным, т.-е. когда «куда ни плюнь—кругом социализм». Иными словами, пролетарское государство, ведущее классово-выдержанную экономическую политику, мыслимо только в такой исторической обстановке, когда пролетариат составляет все—или почти все—общественное целое и когда все—или почти все—хозяйство организовано как обобществленное социалистическое хозяйство.

В этой мысли заложена величайшая бессмыслица.

Если все хозяйство обобществлено и пролетариат составляет все—или почти все—общество, то тогда мы, по сути дела, не имеем уже ни пролетариата, ни классов, ни пролетарского государства (ибо, если нет классов, то нет и государства). Ни один здравомыслящий человек никогда еще не думал, что может существовать одноклассовое общество.

Таким образом, классово-выдержанное государство пролетариата, представляющее его исторические интересы — по Оссовскому—возможно только тогда, когда уничтожатся классы вообще и пролетариат в частности, а, стало быть, уничтожатся и условия для существования государства вообще и пролетарского в частности.

Успешное продвижение к социализму возможно только тогда, когда социализм уже осуществлен,—эта бессмыслица есть основной абстрактно-теоретический «перл» Оссовского, это есть центральная идея его «научной» системы.

Нужно ли доказывать, что Оссовский здесь неграмотно и плоско пропагандирует премудрости Каутского и всех теоретиков оппортунизма, считающих предпосылкой пролетарской революции полное—или почти полное—вытеснение капитализмом всех других докапиталистических экономических структур?

Однако, Оссовский может поступиться категоричностью своих суждений и соскользнуть на ту точку зрения, что пролетарское государство может вести выдержанную классовую политику и в условиях сосуществования различных социально-экономических

форм, но только при таком соотношении этих форм, когда социалистический сектор хозяйства по своим масштабам, продукции, роли в общей продукции народного хозяйства, стоит на много впереди других досоциалистических хозяйственных секторов. Иными словами, пролетарское государство может иметь место и может вести классово-выдержанную политику только в самых передовых странах, а не в отсталых, к числу которых (в технико-экономическом отношении) принадлежит и Советская страна.

Допустим, что Оссовский юркнет в эту теоретическую подворотню, и вытащим его оттуда «на божий свет». Укажем, прежде всего, что теоретические посылки Оссовского могут с полным правом быть отнесенными и к буржуазному государству. Буржуазия, организованная в государственную власть, ведет свою экономическую политику в обстановке сосуществования капиталистических хозяйственных форм с докапиталистическими (натуральное хозяйство, простое товарное хозяйство).

Вспомним хотя бы такую историческую эпоху, как эпоха, наступившая в ряде западно-европейских стран после буржуазных революций. Тогда буржуазия, ставшая у кормила государственной власти, вела классовую политику и укрепляла своей политикой капитализм, несмотря на то, что капиталистический сектор народного хозяйства был еще очень незначителен, что докапиталистические хозяйственные формы играли исключительно крупную роль даже в промышленности (вспомните Францию непосредственно после Великой Французской Революции).

Логика Оссовского обязывает его утверждать, что эти буржуазные государства вели не чисто классовую политику, а политику, представляющую и защищающую интересы всех хозяйственных форм (в том числе и интересы простого товарного производства). Но тогда что же остается у этого претенциозного «спасителя» партии и «хранителя» ленинских заветов от марксистско-ленинской теории государства? Не уместно ли еще раз вспомнить, как Каутский от критики теории диктатуры пролетариата пришел к развернутой ревизии Марксова учения о государстве?

При некотором напряжении своих умственных способностей Оссовский, конечно, мог бы придумать и еще один аргументик. Советская власть обнимает различные хозяйственные формы своим плановым воздействием, в то время, как буржуазные государства не ведут планового хозяйства и не подходят с непосредственно-регулирующими функциями к социально-чуждым хозяйственным элементам, как это может иметь место при советской власти, планирующей или имеющей тенденцию планировать и в частно хозяйственных секторах (напр., в отношении концессионных предприятий и даже крестьянских хозяйств). Поэтому, дескать, вышеприведенная нами аналогия недопустима. Но совершенно нетрудно сообразить, что привнесение в государственную экономическую политику буржуазии планово-регулирующего начала не меняет его классового характера.

Возьмем хотя бы государственно-капиталистические отношения, складывавшиеся в ряде европейских стран во время войны; буржуазное государство в этот период начинало регулировать в плановом порядке хозяйственное развитие и докапиталистических экономических форм,—тем не менее, оно ни на йоту не теряло своего классового характера. Таким образом, аргумент от плановости совершенно невесом.

Итак, мы видим, что от методологии Оссовского и не пахнет марксизмом. Если стать на его точку зрения, если принять всерьез его аргументацию, если анализировать государственную политику по Оссовскому,—то остается прийти к нелепому выводу, что никогда и нигде и никакое государство не вело классовой политики; все буржуазные государства, аккумулировавшие в течение веков методы и приемы классового эксплоататорского подавления эксплоатируемых,—с точки зрения Оссовского—вели не классовую, а межклассовую, надклассовую политику.

Поздравляем его с открытием, но напомним ему, что, вступив на этот путь, он теряет все, что случайно и поверхностно захватил от марксизма, и целиком и полностью становится на почву буржуазной идеологии.

Мы останавливаемся, прежде всего, на вопросе о государстве, потому что в немарксистском разрешении этого вопроса зарыт корень всех дальнейших злоключений Оссовского в его теоретическом путешествии к меньшевизму. Партия неизбежно перерождается—по Оссовскому—потому, что она завязла в госаппарате, который обязательно должен отражать интересы различных социально-экономических групп, вплоть до «капиталистических предпринимателей»; перерождение партии теснейшим образом связано у Оссовского с перерождением государства.

Собственно говоря, по Оссовскому, советская власть никогда не была формой пролетарского государства. Из этого явствует, что Оссовский не может говорить о перерождении рабочего государства: ибо не могло же перерождаться то, чего не было. Перерождается, по Оссовскому,—рабоче-крестьянское, а не рабочее государство, ибо советская власть является, согласно теории нового ревизиониста, формой рабоче-крестьянского государства.

> «Здесь уместно вспомнить,—пишет в статье Оссовский,—сказанное Лениным на фракции ВКП(б) VIII с'езда Советов о том, что у нас государство не рабочее, а рабоче-крестьянское. Оказывается теперь, через 6 лет стало только понятным, почему т. Бухарин никак не мог усвоить выводов, вытекающих из того, что наше государство не рабочее, а рабоче-крестьянское... Ленинское понятие «рабоче-крестьянское государство» предполагает неизбежное наличие определенной дистанции, на которой пролетариат, в известной мере и крестьянство, находится от этого государства. Попытки искусственно стереть неизбежно-существующую дистанцию между рабоче-крестьянским государством и пролетариатом может иметь роковые последствия для пролетарской революции. Это могло бы быть только в интересах тех классов, которые, в силу об'ективных исторических условий, не могли быть наследниками старого обанкротившегося режима и хотят такими стать впоследствии, используя для этого накопленный вековой организационный опыт пролетариата. Этим классам выгодно до поры, до времени замаскировать настоящее лицо нашего народного хозяйства и государства, именовать его

на все 100% социалистическим или весьма близко к этому («пусть именуется», говорит Устрялов) и таким образом ослабить бдительность пролетариата и тем временем подготовляться к новым историческим ролям».

Хлестаков-Оссовский владеет ключом к истине. Он—и, пожалуй, немножко Ленин—знает, что наше государство не рабочее и бесстрашно разоблачает тех, кто это оспаривает, называя их «наследниками старого обанкротившегося режима». Если все коммунисты запуганы и осмеливаются, по мнению Оссовского, высказать правду только «за стаканом пива или за бутылкой вина,—у себя дома, вдали от партийной организации и пролетарской общественности»,—то он-то за словом в карман не полезет и будет резать «правду матку» в глаза.

Однако, эта «смелость» (не лучше ли здесь употребить другое слово, которое вернее отразило бы основное качество этого развязного мещанина в политике?) отнюдь не основана на серьезном изучении и теоретически продуманных положениях. Хлестаков обронил словечко о Ленине, а Ленина-то, на поверку, он и не знает.

Ленин, действительно, сказал однажды, что у нас «рабоче-крестьянское государство», но почти тотчас же раз'яснил, что это оговорка, ошибка.

«Говоря о дискуссии 30-го декабря,—пишет Ленин в статье «Кризис партии» весною 1921 года —я должен исправить еще одну свою ошибку. Я сказал: «У нас государство на деле не рабочее, а рабоче-крестьянское».

Тов. Бухарин сразу же воскликнул: «какое?». А я в ответ ему сослался на только что закончившийся VIII с'езд Советов. Читая теперь отчет о дискуссии, я вижу, что я был неправ, а тов. Бухарин прав. Мне надо было сказать: «Рабочее государство есть абстракция. А на деле мы имеем рабочее государство, во-первых, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население, и, во-вторых, рабочее государство с бюрократическим извращением» (Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 33).

Ленин указывает на особенности среды, в которой действует пролетарское государство (преобладание крестьянского населения), он подчеркивает, далее, недостатки и болезни этого государства (бюрократические извращения), но он говорит ясно и недвусмысленно, что фраза о «рабоче-крестьянском» государстве у него случайна, что это оговорка, и что наше советское государство есть рабочее государство.

Не даром Ленин написал большую работу «Государство и революция»; не даром он дал блестящую контр-критику теории диктатуры пролетариата в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский»; не даром именно он обосновал тезис о советах, как форме пролетарского государства.

И после этого Оссовский так себе, походя, между прочим, бросает словечки о том, что Ленин... согласен с ним в вопросе о классовой сущности советского государства. Это—верх шарлатанства.

Но Оссовский последователен. Он не любит доказывать; он изрекает «пифически», он бросается серьезнейшими, ответственнейшими, ревизующими ленинизм утверждениями необычайно легко, без раздумья, без тревоги, без аргументации. Особенное

возмущение вызывает его псевдо-научная форма, которая прикрывает чудовищную безграмотность.

Он поставил себе задачу—доказать непролетарский характер советского государства. По сему поводу он, во-первых, об'явил, не давши никаких доказательств, кроме разоблаченной, безграмотной, неосновательной ссылки на Ленина,—что советское государство есть не рабочее, а рабоче-крестьянское государство. Во-вторых, он утверждает, что это государство, по мере своего развития, теряет пролетарские элементы, отрывается даже от крестьянства, и вступает на путь капиталистического перерождения.

«Доказал» он это следующим образом. Обозначил разные классы и социальные группы значками (как учено!), при чем в социально-экономических характеристиках щеголяет удивительной «точностью»; в подразделении «пролетариат» у него фигурирует «пролетарски настроенная интеллигенция»; [1]) в подразделении «крестьянство»—с величайшей аптекарской «точностью» разграничены: во-первых, «зажиточное крестьянство», во-вторых, «сильное крестьянство» и, в-третьих, «нарастающая буржуазия». Говорите после этого, что он не владеет ключом к науке!

Наделив значками эти «точно» классифицированные социальные слои, Оссовский разбивает пройденный советским государством путь на три части (1917—21 г.г., 1921—25 г.г., 1925—1926 г.г.); затем намечает в перспективе еще три периода (почему не десять, не двадцать, это абсолютно не понятно!) уже без хронологических граней,—и заявляет, что за истекший период влияние непролетарских и особенно частно-капиталистических элементов на государственную политику усилилось, а пролетарских элементов—ослабилось; в перспективе же это перерождение советского государства, по Оссовскому, будет происходить еще сильнее.

Замечательнее всего то, что этот вывод не доказан никакими фактами, цифрами, материалами, документами. Сказано—и все тут. И этакое шарлатанство выдается за подлинный ленинизм!

То, что пролетариат за последние годы собрался и окреп, что за этот период были изжиты явления деклассирования пролетариата, что социалистический сектор хозяйства СССР укрепился и абсолютно и относительно,—это Оссовскому нипочем; мимо него пробежали и факты политического укрепления пролетариата и его авангарда. Вопреки всем этим фактам Оссовский утверждает, что государство под руководством партии умерщвляет активность и инициативу пролетариата и, наоборот, не препятствует оживлению политической активности враждебных пролетариату сил.

Ибо какая же другая, как ни эта мысль заключена в нижеследующей выдержке из его статьи:

«Если авангарду сравнительно легко без крупных потрясений может удаваться временно умерщвлять в зародыше попытки, со стороны своего же арьер-

[1]) Во втором «исправленном» тексте Оссовский «уточняет» и заносит в «пролетариат» уже не «пролетарски-настроенную интеллигенцию», а «советски-настроенную интеллигенцию». «Широкая» натура!

гарда добиваться свободной *критики* генеральной руководящей линии, устанавливаемой на основе компромисса с частно-капиталистическим хозяйством и, таким образом, тормозить развитие активности арьергарда, то мероприятия такого рода по отношению к классам, с которыми нет органической связи, удаваться никогда не могут... *О задержке в развитии этих классов, таким образом, не может быть и речи.* Вот тут-то умерщвление в зародыше попытки арьергарда своего же класса добиваться свободы критики генеральной линии, покоящейся на компромиссе с другим классом, может воистину сыграть роковую роль для классовых интересов пролетариата. Пролетарский арьергард отстает в лучшем случае от своего же авангарда. В противном же лагере, у других классов, подрастает более развитой и подготовленный для защиты своих классовых интересов арьергард. При таком положении (*а это не сон...*) авангард в лучшем случае может погибнуть в неравном бою, а в худшем?—скажете: сдается в плен, нет—в социальной битве в плен не берут. В худшем случае авангард неизбежно предаст. Он становится обыкновенным авангардом подросшего у других классов арьергарда».

Или несколько ниже:

«Главное, что вытекает из сказанных Лениным слов, это то, что раз государство не рабочее, а рабоче-крестьянское, то нельзя взвалить всю тяжесть по строительству этого государства и его народного хозяйства на один лишь пролетариат... Это надо понять не только экономически, но и политически: крестьянство, пользуясь предоставленной ему и развивающейся чем дальше, тем больше советской демократией, *сохраняет за собой свободу критики своего же государства в интересах частно-капиталистического хозяйства.* Такая же свобода критики деятельности рабоче-крестьянского государства *должна быть предоставлена* и пролетариату, особенно его авангарду—*его партии*».

Какую же картину нарисовал Оссовский?

Он утверждает:

1) Что в условиях развития советской демократии крестьянство «сохраняет за собой критику своего же государства в *интересах частно-капиталистического хозяйства*»;

2) в этих же условиях, когда генеральная руководящая линия взята на «компромисс с частным капиталистическим хозяйством», «*о задержке в развитии этих классов* (т.-е. *капиталистических* классов. *А. С.*) *не может быть и речи*»;

3) *авангард рабочего класса*, управляющий государством и заключивший компромисс с частно-капиталистическими элементами, *затормозил* «*развитие своего арьергарда*».

В этой связи Оссовский говорит, что «такая же (т.-е. та, которую имеют элементы, представляющие интересы частно-капиталистического хозяйства. *А. С.*) свобода критики деятельности рабоче-крестьянского государства, должна быть предоставлена и пролетариату, особенно его авангарду».

Для того, чтобы подчеркнуть, что речь здесь идет не о тенденциях, а о далеко зашедших процессах, кликушествующий «спаситель» партии предупреждает, что *такое положение существует, что «это—не сон»*.

Поняли теперь в чем дело? У нас все социальные слои имеют свободу критики и возможность развернуть свою политическую активность, кроме рабочего класса и его авангарда, т.-е. партии!..

Читатель уже видит, что Оссовский сказал неправду, когда он заявил, будто бы, по его мнению, советское государство является «рабоче-крестьянским»: из только что изложенного абсолютно ясно, что советское государство—по Оссовскому—это извращенное буржуазное государство. Открыв в заключительной части своей статьи два течения в нашей партии («национальное» и «интернациональное»), рыцарь политической демократии, склоняющийся в своих симпатиях к «интернациональному» (?!) течению, заявляет, что, по мнению этого течения, «дальнейшие жертвы пролетариата, его ответственность за все *государство, состоящее из частно-капиталистических хозяйств* (неправда ли, как все точно и грамотно выражено? *А. С.*), есть не что иное, как расхищение сил рабочего класса, его физическое и культурное вырождение».

Перед нами законченный ликвидатор. При своей наглости он все же очень труслив (эти качества столь часто встречаются вместе!). Если он не бросает слова на ветер, а совершенно убежден в своей правоте, он должен был бы сделать из своего анализа такой вывод, адресованный пролетариям: свергай советскую власть, ибо она чуждая вам власть!

А новый герой ликвидаторской фразы вертит хвостом:

«Возвращаясь к вопросу о *генеральной линии партии* в государственном руководстве, надо сказать, что хотя она в нынешних условиях может считаться в той или иной степени правильной с точки зрения тактики авангарда рабочего класса, все-таки она *не может пользоваться беспредельной поддержкой пролетариата*, так как в основе этой линии в силу об'ективных условий лежит компромисс между интересами пролетариата и интересами частно-капиталистического хозяйства».

Сделайте же еще шаг, другой вперед, в согласии с вашей оценкой положения, и вы очутитесь, о, «спаситель» партии, в рядах правых меньшевиков!

* * *

Основой основ ошибок Оссовского является его утверждение, будто руководимое партией советское государство, ведущее определенную экономическую политику в условиях сосуществования различных социально-экономических форм,—обязательно, неизбежно, «должно представлять все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей».

Как же обстоит в действительности дело с представительством различных классовых интересов в советской стране? Чьи классовые интересы выражает советское государство?

Когда речь идет об экономической политике государства, то критерием классового характера этой политики является укрепление системы производственных отношений *определенного*

типа, укрепление этой политикой определенного способа производства, носителем которого является определенный класс.

Здесь необходимо сделать несколько предварительных замечаний о классах советского общества.

Общеизвестно, что Ильич считал основными классами советского общества пролетариат и крестьянство, при чем, несомненно, придавал этому положению вполне определенный, ограничительный смысл.

Из всех экономических формаций, определившихся в период новой экономической политики, существеннейшими и играющими наибольшую роль в хозяйстве СССР, вне всякого сомнения, являются: социалистическое хозяйство, представленное обобществленной промышленностью, транспортом и т. д., и масса крестьянских хозяйств, представляющих в подавляющем большинстве случаев простое товарное производство.

Эти последние хозяйства являются частно-собственническими и товаропроизводящими, но не эксплоатирующими чужого труда.

Если взять социальную сторону экономического соотношения социалистической промышленности и простого товарного производства, то это и будет соотношение носителя государственной власти—пролетариата и середняцко-бедняцких масс крестьянства (плюс большинство ремесленников и кустарей).

Когда Маркс приступал к анализу капиталистического общества, то он, на первой ступени анализа, исходил из абстракций капиталистического общества, состоящего из двух классов: буржуазии и пролетариата; и только на другой ступени более конкретного анализа вводил помещиков и крестьянство, т.-е. модифицированных—по своему экономическому облику,—капитализмом классам старого феодального общества.

Когда Ленин намечал основной социально-экономический рисунок советского общества, когда он нащупывал первую ступень анализа советского общества, то он исходил из абстрактного, так сказать, «чистого» советского общества, состоящего из двух классов: пролетариата и простых товаропроизводителей (основная масса крестьянства).

Все основные экономические и политические вопросы, все стратегические задачи партии и государства, Ильич разрешал, считая главным именно это решающее классовое соотношение в советской стране; достаточно прочитать написанное Ильичем о новой экономической политике, чтобы убедиться, что дело обстоит именно так.

С другой стороны, общеизвестно, что Ленин характеризовал нашу эпоху как эпоху решающей борьбы между социализмом и капитализмом («кто кого?»), т.-е. он видел антипода пролетариата в советском обществе в лице класса капиталистов (ибо капитализма без капиталистов не бывает). Здесь мы имеем дело со следующей ступенью анализа классовых соотношений советского общества, когда в сферу анализа вводится буржуазия. Прежняя «дробь» на этой ступени анализа выступает как единица.

Таким образом, в этой второй, более конкретной фазе анализа советского общества, Ильич представлял последнее как трехклассовое общество, состоящее из пролетариата, простых товаро-производителей и капиталистического класса (промышленная, торговая, финансовая буржуазия, сельская буржуазия и т. д.).

Эти три класса представляют три определенных способа производства, а именно: социалистическое производство, простое товарное производство и капиталистическое производство.

Когда мы ставим перед собой вопрос о том, каков классовый характер экономической политики советского государства, то этот вопрос может быть разрешен только путем разрешения вопроса: какой способ производства укрепляет своей политикой советское государство?

Необходимо не забывать, что Ленин рассматривал советское государство как «орудие классовой борьбы пролетариата»; в условиях строительного периода это и означает, что советское государство является орудием борьбы за социалистический способ производства.

Крикливый невежда Оссовский предлагает бороться «против создания в партии и в рабочем классе идеологии так называемого гражданского мира», безбожнейшим образом путая гражданскую войну и классовую борьбу вообще. Гражданская война есть такая форма классовой борьбы, когда классовые противники сражаются друг против друга с оружием в руках. Это у нас было. Сейчас гражданской войны внутри нашей страны уже нет: диктатура пролетариата может строить социализм, но классовая борьба не прекращается. При этом мощнейшим, важнейшим, величайшим орудием этой классовой борьбы в руках пролетариата является советское государство, обеспечивающее своей политикой конечную победу пролетариата, т.-е. торжество социалистического способа производства.

Политика советского государства—и по своей установке, сообщенной ему коммунистической партией, и по своим об'ективным результатам—обеспечивает победу социалистического способа производства над другими способами производства, т.-е. более быстрый рост социалистических элементов хозяйства СССР, чем рост других не социалистических элементов хозяйства.

Само собой разумеется, что здесь речь идет не о днях и месяцах (здесь могут отрицательно сказаться и временные неудачи и временные издержки наших хозяйственных маневров), а о годах. Пусть кто-нибудь докажет (а не сболтнет!), что политика советского государства не имеет своей целью торжество социалистического способа производства и не обеспечивает систематическое продвижение к этому торжеству,—тогда можно будет поставить под сомнение пролетарский характер нашего государства и его политику.

Пока же бесспорным является то, что политика советской власти привела к более быстрому росту социалистических элементов хозяйство СССР, чем рост враждебных социализму хозяйственных элементов. Это и есть выражение и доказательство классово-пролетарского характера советского государства и его политики.

Перейдем теперь к вопросу о простом товарном производстве. Заинтересовано ли советское государство в «уве-

ковечении» или конечном торжестве простого товарного производства? Отнюдь нет. Победа социализма означает уничтожение частного хозяйства вообще, в том числе и простого товарного производства. То обстоятельство, что мы видим в кооперации организационную форму для движения основной массы крестьянских хозяйств к социализму, означает, что партия и руководимое им государство ставят своей задачей, конечно, в длительный период, преодолеть простое товарное производство.

Однако, здесь речь идет, как выражался Ленин, о «переделке», а не о «пожирании», как выражаются некоторые другие товарищи.

Именно в интересах социализма мы должны переделывать простое товарное производство на основе смычки двух основных классов нашего общества—пролетариата и крестьянства. А эта смычка предполагает, что, во всякий данный момент, мы стремимся установить такое соотношение между социалистической промышленностью и простым товарным производством,—а, в переводе на язык социальных отношений,—между пролетариатом и основной массой крестьянства, которое обеспечивало бы абсолютный и относительный рост социалистических элементов нашего хозяйства без нарушения равновесия между правящим пролетариатом и основной массой крестьянства, без разрыва смычки.

Никто из ленинцев не будет оспаривать того, что интересы пролетариата требуют скорейшего и интенсивнейшего развития промышленности, максимально быстрого—при данных условиях—проведения индустриализации страны. Но если бы кто-нибудь предложил купить ускорение индустриализации ценой разрыва рабоче-крестьянского блока, тот об'ективно выступал бы не выразителем интересов пролетариата, а врагом этих интересов.

В самом деле. Предположим, что советская власть вступила бы на путь систематической постепенной экспроприации крестьянства (а не из'ятия прибавочного продукта в меру, что естественно и неизбежно) в целях обеспечения большого фонда для индустриализации. Такой фонд, несомненно, смягчил бы острый недостаток в капиталах, и, сам по себе взятый, теоретически рассуждая, мог бы ускорить процесс индустриализации нашей страны.

Но, во-первых, такая латентная экспроприация привела бы к восстанию против советской власти огромного большинства населения СССР и к свержению диктатуры пролетариата. Во-вторых, если даже предположить, что крестьянство с фаталистическим спокойствием отнеслось бы к своей экспроприации (что предполагать, вообще говоря, не очень умно), и рассмотреть вопрос с чисто экономической точки зрения, то, и в этом случае, перспектива будет весьма не утешительной. Экспроприация крестьянства лишила бы нас источников питания, сырья и рынка сбыта, нарушив все пропорции, поставив нас перед необходимостью изыскать новые, еще большие капиталы, для постановки сельско-хозяйственного производства, взвалив на нас задачи, под тяжестью которых мы бы задохнулись.

Вот почему быть «сверхиндустриалистом»—это не значит представлять интересы пролетариата: об'ективно это значит—делать обратное.

Итак, в интересах социализма, в интересах представляющего его пролетариата, мы должны обеспечивать рост социализма на основе рабоче-крестьянской смычки. Это означает, что наша политика, в известной мере, будет обеспечивать условия и для экономического под'ема основной массы середняцких и бедняцких крестьянских хозяйств, которые мы одновременно стремимся всемерно кооперировать.

Значит ли это, что советское государство изменяет интересам пролетариата, испытывает «крестьянское перерождение» и соскальзывает с пролетарских на мелко-буржуазные рельсы? Это может утверждать только совсем недалекий человек, ибо вся экономическая политика ведется советским государством под углом укрепления и бесперебойного роста социалистических элементов нашего хозяйства, хотя в результате этой политики выигрывает не только социалистический сектор нашего хозяйства, но выигрывает и простое товарное производство; хотя от этого могут частично выиграть и капиталистические элементы, растущие из крестьянской массы.

Задача решается при данных социально-экономических условиях, в определенном историческом контексте, а не при выдуманных и произвольно взятых условиях, а не в безвоздушном пространстве—эту «малость» забывать нельзя ни на одну минуту.

Процесс кооперирования основной массы крестьянских хозяйств за счет накоплений в простом товарном производстве будет, с одной стороны, предотвращать возможные отрицательные для пролетариата последствия роста простого товарного производства, а, с другой—обеспечивать—опять-таки очень длительным и противоречивым путем—постепенное превращение простого товаро-производителя в члена социалистического общества.

Особо следует отметить место—в этом социальном переплете — бедняка. Поскольку он является полупролетарием (в случае продажи своей рабочей силы), постольку он, в этом своем бытии, должен рассматриваться как элемент рабочего класса, со всеми вытекающими отсюда последствиями; поскольку он является простым товаро-производителем с хозяйством низкого экономического уровня, постольку он нуждается в помощи советского государства как наиболее близкий пролетарию элемент класса простых товаро-производителей.

Таким образом, вопрос о представительстве классовых интересов крестьянства советским государством стоит гораздо сложнее, чем кажется некоторым «исследователям» типа Оссовского, кстати сказать, сплошь и рядом валящего в одну кучу и выносящего за одни скобки и капиталиста и простого товаро-производителя.

Советское государство не выражает исторических интересов простых товаро-производителей, как таковых, поскольку оно не стремится обеспечить конечное торжество и «увековечение» простого товарного производства.

Оно выражает их интересы в том смысле, что, исходя из интересов пролетариата, своей политикой предохраняет их от «пожирания» капитализмом и переводит, в конечном счете, в социалистическое общество путем переделки, а не мучительным путем экспроприации.

Наконец, оно, исходя из интресов строящего социализм пролетариата, частично выражает и ее

сегодняшние интересы, обеспечивая условия для экономического под'ема и ускорения кооперирования основной массы крестьянских хозяйств.

Переходя к вопросу о частно-капиталистическом производстве, мы должны отметить, что в предыдущей части статьи уже, в основном, ответили и на этот вопрос. Ибо, если задачей и об'ективной результантой экономической политики советского государства является абсолютное и относительное укрепление социалистического способа производства, то это и означает, что экономическая политика направлена на вытеснение капиталистического способа производства.

Ильич квалифицировал специфический характер нашей экономической политики в отношении частного капитала в строительный период термином «вытеснение», в отличие от «переделки», о которой шла речь в отношении основной массы крестьянства, т. е. простых товаропроизводителей.

Однако, это вытеснение происходит противоречиво и с зигзагами. Если на первоначальной ступени строительства социализма государственные «капиталы» являются недостаточными для обслуживания производства и обращения в необходимых масштабах, то пролетарскому государству может быть выгодным частичное допущение капитала и в области обращения и даже в области производства, конечно, при условии соответствующего контроля, обложения и государственного воздействия на этот капитализм (в случае, когда налицо «государственный капитализм», этот контроль и воздействие более значительны, в случаях с частным капиталом—слабее).

Само собою разумеется, что капитал, использующий эту кон'юнктуру, проявляющий,—конечно, в ослабленных формах—и свою эксплоататорскую сущность, усиливается, но нельзя забывать, что, допуская его, ограничивая его, мы вместе с тем его используем. В этом и заключается историческое оправдание его допущения: мы допускаем, ограничивая, для использования.

Общеизвестно, что советская революционная законность включает в себя и известные правовые гарантии для допущенного в советской стране капитала, конечно в совершенно других размерах и по другому, чем в буржуазных странах. Но вся суть дела заключается в данном случае в том, что революционная законность охраняет здесь права допущенного капитала именно под углом зрения временного сохранения об'екта использования и источника государственного накопления. В наших условиях некоторое усиление капитала сопровождается еще большим усилением моментов использования этого капитала государством.

По мере нашего собственного укрепления, которое будет, между прочим, происходить и за счет частного капитала, мы все больше и энергичнее будем продвигаться по пути «вытеснения» частного капитала, вплоть до полной ликвидации капитализма.

Таким образом, советское государство, представляющее интересы пролетариата и обеспечивающее своей политикой торжество социалистического способа производства, ни в какой мере не выражает исторических интересов капитала, а, наоборот, является решающим фактором окончательного уничтожения капитализма. С другой стороны, советское государство и не трансформирует капиталистические хозяйственные формации, так как оно трансформирует простое товарное производство: оно не «переделывает», а «вытесняет» капитализм. Наконец, используя допущенный капитал, советское государство до поры, до времени допускает существование и даже абсолютное усиление капитала, что ни в коей мере не может быть квалифицировано, как представительство интересов частного капитала.

В данной связи необходимо осветить еще одну сторону рассматриваемого вопроса. Общая классово-пролетарская выдержанность политики советского государства в отношении допущенного капитала отнюдь не исключает временных просчетов и ошибок, способных частично усилить капитал и временно ослабить наши позиции. Борясь за большую точность наших расчетов, выводя уроки из прошлых ошибок, избегая новых ошибок, мы вместе с тем не можем не понимать и того, что рыночная стихия не поддается в наших условиях абсолютно точному учету и плановому воздействию, откуда проистекает, в известной мере, неизбежность подобного рода просчетов.

Если бы эти просчеты стали нормалью, определяющей политику советского государства, а не частичными и исправляемыми ошибками, то тогда можно было бы поставить вопрос об искривлении классовой линии советского государства.

Но этого нет, а потому отпадает и подобная постановка вопроса.

Критики типа Оссовского неимоверно упрощают свою задачу: вместо разрешения проблемы они ее просто снимают; вместо изыскания правильных путей экономической политики пролетарского государства в классовом обществе, каким является советское общество, они об'являют вообще невозможной правильную политику пролетарского государства в этом классовом обществе и тем самым уклоняются от вопроса. В этом, как и во многом другом, сказывается их полнейший и радикальный отход от ленинизма.

Ленин, между прочим, велик тем, что он сумел поставить и разрешить проблему гегемонии пролетариата в революции; он велик тем, что сумел эту проблему поставить и в основном разрешить и для периода социалистического строительства. Гегемония же предполагает не только суб'екта гегемонии, но и об'екта гегемонии; осуществление ее предполагает умение правильно оценить классовые взаимоотношения и инициативно воздействовать на них.

Еще в «Что делать?» Ильич подчеркивал, что суть политики заключается в правильной установке пролетариата и его авангарда по отношению к разным классам. И пролетариат, и пролетарское государство, и пролетарская партия, и экономическая политика советского государства существуют постольку, поскольку еще существуют классы, поскольку между этими классами существуют определенные взаимоотношения, поскольку существует проблема регулирования этих взаимоотношений, поскольку, конкретно, существует проблема гегемонии пролетариата.

А Оссовские в своем «анализе» «начинают» классово выдержанную политику пролетарского государства там, где она кон-

чается: они видят проблему в такой обстановке, в которой она уже снимается ходом исторического развития.

Политика вообще и политика пролетарского государства в частности имеют место только до социализма, при котором отомрут классы, отомрет политика и «снимется» проблема гегемонии пролетариата.

А Оссовские, в этот период движения к социализму, осуществления последнего, считают социализм неосуществимым, и надеются его получить когда-то и почему-то готовым без предшествующей исторической работы пролетарского государства, без осуществления гегемонии пролетариата в классовом обществе переходного периода.

Методологически здесь во всей своей красе обнаруживается меньшевистский *фатализм*, а политически такая постановка вопросов полностью и целиком есть скат к *оппортунизму*. Подождем еще сотни лет, пока капитализм сметет в своем развитии докапиталистические социально-экономические остатки, а тогда посмотрим,—«вот смысл философии сей».

Но эта философия так же чужда пролетариату и так же близка буржуазии, как чужда пролетариату и близка буржуазии идея увековечения политической демократии, за которую ратует Оссовский.

* * *

Обратимся теперь к вопросу о *партии*.

Оссовский утверждает, что в переживаемую нами эпоху партия не может быть единой, и намечает перспективу—сначала расщепления партии на *фракции*, а затем затвердения этих фракций в *политические партии*. Решающим аргументом в пользу положения о невозможности единства партии у Оссовского является соображение о непролетарском характере и перерождении советского государства, в котором завязла правящая, единственно-легальная компартия. Поскольку существует советское государство в классовом обществе, поскольку это государство неизбежно выражает интересы разных классов, постольку монопольно правящая государством *компартия неизбежно превращается в политическую организацию, теряющую классово-пролетарский характер и выражающую интересы разных классов*. Мы уже попытались показать в предшествующем изложении истинную цену этих теоретических посылок Оссовского.

Посмотрим же теперь, *куда гнет свою линию* Оссовский, *для чего он нагородил* столько вздору, *к чему он подбирается*, выставив положение о невозможности единства компартии? Наиболее близкой и безоговорочно приемлемой для себя Оссовский считает организационную платформу троцкистской оппозиции 1923 года.

Вот как он излагает эту платформу.

> «Оппозиция 1923 года говорит: в партии нет спора об отсталости и противоречивости экономики нашей страны. Нет также спора о том, что никакие организационные принципы о формальном абсолютном единстве партии не спасут от возникновения в партийной верхушке (высшей и средней) политических разногласий (не выходящих, конечно, за пределы *общей единой программы*). Если же широкая партийная масса не будет воспитываться на экономических и политических противоречиях, вызванных самой жизнью, то эта жизнь пройдет помимо массы, а партия останется «генеральской». А поэтому крайне необходимо внести в массы политическое оживление путем привлечения ее к обсуждению или разборке экономических и политических проблем нашего времени.
>
> В низах, правда, создадутся *текущие группировки* по различным вопросам по-разному. Но эти текущие группировки будут, как и у верхушки бывает, в пределах единой партийной программы. Как в фокусе, партия будет отражать происходящее в стране и будет готова к грядущему дню. Но *предварительной предпосылкой оздоровления партийных организаций есть: пожертвование установившимся в последние годы в партии абсолютным формальным единством*. Оппозиция 1923 года считала и *продолжает считать* это единственным выходом из положения»[1]).

Смысл этой платформы заключается в легализации группировок (тож фракций) «*в пределах единой партийной программы*». На счет единства программы — это сказано так, *для прикрытия*. Ибо разве теория перманентной революции Троцкого, возглавляющего оппозицию 1923 года, не ревизует основ ленинской партийной *программы*; разве фактическое отрицание ленинского плана кооперирования крестьянства не есть отрицание одного из важнейших *программных* положений нашей партии?

Но легализация фракций для Оссовского не законченная программа, а лишь «дверь», «ворота» к более широкой программе, лишь *первая ступень*. А вот и *вторая ступень*. Характеризуя тенденции новой оппозиции 1925—1926 г.г., Оссовский полагает, что, с точки зрения этой оппозиции, «действительно лучшим средством была бы система «отсечения», «раскола партии на два лагеря», и продолжает:

> «Оба лагеря, по крайней мере *на первое время*, коммунистические: один коммунистический с фактическим преобладающим национальным содержанием, а другой—с интернациональным. Все, что революционное в русском рабочем классе и крестьянстве, сохранилось бы и развивалось в борьбе против капиталистического хозяйства своей страны и всего мира. Менее революционные элементы рабочего класса вместе со средне-мощным крестьянством продолжали бы строить хозяйство в пределах ограниченных возможностей нашего государства».

Обратите внимание на то, что строящая социализм компартия, сочетающая это строительство с поддержкой мировой революции — изображается здесь как «национальная» партия, а долженствующая быть легализованной, борющаяся с компартией и скатив-

---

[1]) Цитируя Оссовского мы вынуждены воспроизводить целиком все стилистические несуразности и просто грамматические ошибки этого «сверхтеоретика».

шаяся к позициям буржуазной демократии, партия Оссовского,— именуется «интернационалистской».

Хорошее же чутье интернационального у автора этих замечательных теорий!

Как Оссовский относится к этой платформе, можно видеть из следующей цитаты.

> «Мне кажется, что *для такой резкой постановки вопроса не все еще созрело*, а поэтому нет о ней надобности говорить[1]). Во-первых, еще не доказано, что исчерпаны все возможности действительного строительства у нас пролетарского хозяйства и социализма. Делать подобные выводы из неправильной экономической политики 1924—1925 г.г. просто паника. Надо лишь бороться за ее исправление. А, во-вторых, политика «отсечения» об'ективно может быть полезным для пролетариата лишь в том случае, когда все вопросы, сложнейшие проблемы нашей революционной действительности в истинном их свете без малейшего прикрытия, как это бывает у нас теперь, стали достоянием всех даже мало-мальски сознательных сил пролетариата и партии. Только в таком случае можно было бы быть уверенным, что «отсечение» сохранило бы на левом фронте советского государства абсолютно все действительно революционные элементы пролетариата. Но такое я бы сказал, «просвечивание» всех внутренностей партии рабочего класса возможно лишь только после того, когда партия в течение сравнительно длинного периода времени проводила бы широкую идеологическую отшлифовку умов пролетариата в условиях действительной внутри-партийной демократии.

Итак, Оссовский *не отрицает* этой платформы *принципиально*. Он лишь находит, «*что для такой резкой постановки вопроса не все еще созрело*». Он лишь находит, что надо еще «доказать», а доказать без действительной внутри-партийной демократии (т.-е.—по Оссовскому—без свободы фракций) невозможно.

Не ясно ли теперь каждому, что Оссовский намечает перспективу перехода *от легализации фракций к легализации двух партий?*

Но это не последняя ступень. Не угодно ли ознакомиться с тем, как Оссовский представляет себе эту *третью ступень?*

Оссовский полагает, что в нашей партии, в ее руководящих кругах, имеется группа товарищей, до сих пор стоящая на оценках и позициях, обобщенных в лозунге «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» и предполагающих легальное существование мелко-буржуазных и даже буржуазных политических партий.

Констатируя, что ходом революции уже в октябре 1917 года эта позиция была преодолена, Оссовский продолжает:

[1]) Во втором тексте автор из стратегических соображений смягчил это утверждение, добавив, что, быть может, условия для такой постановки вопроса никогда не созреют. Однако, эта вставка находится в вопиющем логическом противоречии с ходом дальнейших рассуждений автора.

> «Но если это не удалось в 1917 году, то *еще не доказано, что это самое не удастся в 1925 году*, если в силу обстоятельств необходимо вернуться к такому положению. Наоборот, *меньшевики или эсеры*, или другие, с подобным старым содержанием, с другими названиями и другими вождями, *были бы довольны хотя бы возможностью одного легального существования без всякой претензии пока на значительную роль в руководящей и правящей власти*. Если возврат к такому идеальному положению возможен, то *почему же партии, при создавшейся обстановке, активно не содействовать этому возврату?* Ведь такой возврат освободил бы ВКП от роли защитника капиталистических элементов нашего хозяйства, с их положительными и отрицательными сторонами, одинаково нам чуждыми и до сих пор плохо усвоенными...»

Как же Оссовский реагирует на эту сконструированную и логически завершенную им теорию? Быть может, какой-нибудь наивный читатель подумает, что хоть здесь, *на границе с буржуазной демократией*, Оссовский решительно и резко осудит эту теорию? Вотще!

> «Возможно... *через некоторое время кое-какие группировочки необходимо будет отсечь от партии, оставляя их легально в стороне, как представителей мелко-буржуазных форм нашего народного хозяйства. Теперь же это преждевременно*, а следовательно, и вредно... *Предварительно* необходимо проделать и доделать громадную воспитательную внутри самой партии работу. Эта работа должна быть проделана *на конкретном материале, содержащем все оттенки фактических течений в экономике и политике* СССР. Только на подобной работе может произойти правильно как отбор лучших элементов нынешнего состава партии, которые готовы ко всяким боям пролетариата, а также таким образом только может произойти отсеивание тех элементов, которые могут быть полезными для советской власти только лишь при прочности основ пролетарской диктатуры, при чем *вне рядов партии. Надо создать благоприятную обстановку для такой гигантской работы, долженствующей охватить широчайшие слои партии и пролетариата*».

Таким образом, и здесь *нет принципиальных возражений*; наоборот, весь ход мысли упирается в необходимость подготовить обстановку для осуществления этой платформы, *которая* в данный момент еще не осуществима, еще «*преждевременна*», *но на которую нужно держать курс*, которую надо стремиться реализовать в будущем.

Перед нашими глазами теперь прошли все три ступени «перспективного плана» Оссовского.

Первая ступень: легализация *фракций* внутри партии.

Вторая ступень: легализация *двух политических партий*.

Третья ступень: легализация *различных политических партий*, представляющих интересы различных социально-экономических групп. В числе этих партий прямо указаны

меньшевики и эсеры, а из всего построения следует, что легализация должна распространиться и на буржуазные партии.

«Конец венчает дело!»

Ликвидатор скинул с себя псевдо-пролетарское облачение и предстал в виде готового и банального буржуазного демократа. Вот как дорого обходится последовательная ревизия ленинских принципов партийной организации! Нужно ли здесь что-нибудь критиковать? Нам кажется, что не нужно. Все это тысячи раз раскритиковано, буржуазный характер этой программы доказан еще очень давно Лениным и очевиден для всей нашей партии.

Здесь достаточно только показать. Мы сие и делаем.

Остается показать Оссовского еще с одной стороны. Наш «левый» политик и «истинный интернационалист» предлагает не более, не менее как отказ ВКП(б), этого опытнейшего и сильнейшего отряда международной пролетарской организации, от идейного руководства Коминтерном.

С точки зрения логики, такое «дополнение» к программе ликвидации ВКП(б) ничего удивительного не представляет, но кто же рискнет утверждать, что столь универсальный ликвидатор страдает «левым» уклоном?

Вот дилемма Оссовского:

«Изолировать готовящиеся к боям коммунистические партии Запада от давления чуждых им факторов является задачей всего Коминтерна. Здесь возможны два варианта: 1) ВКП(б) изолирована от влияния чуждых ей экономических (и политических) факторов, когда ее непосредственная руководящая роль в Коминтерне может быть еще на долгое время необходима и обеспечена;

2) ВКП(б) находится под влиянием чуждых ее программе хозяйственных форм, тогда непосредственно руководящая роль в Коминтерне должна быть обеспечена и за национальными секциями».

Или ликвидируй диктатуру пролетариата СССР, или отказывайся от идейно руководящих функций в Коминтерне! Всякому революционному рабочему известно, что роль ВКП(б) в Коминтерне обусловлена именно тем, что ВКП является наиболее ленинской, наиболее выдержанной, наиболее опытной секцией Коминтерна, умеющей укреплять пролетарскую диктатуру и строить социализм в труднейших условиях. Идейное руководство ВКП(б) есть один из решающих факторов большевизации международной пролетарской организации.

Что же предлагает Оссовский?

В случае, который он считает лучшим, в СССР будет несколько политических партий. В таких условиях Оссовский обязательно потребовал бы, чтобы пролетариат Союза Республик представлялся различными партиями (или даже только партией, не стоящей у власти, дезорганизующей ее и имеющей своим идеологом Оссовского). Но кто может всерьез предположить, что, в этом невозможном случае, Коминтерн допустил бы руководство, представленное ликвидаторствующими Оссовскими!

В худшем—по расчетам Оссовского—случае, ВКП(б) остается единственной правящей легальной партией, но зато отстраняется от активного участия в Коминтерне и идейного руководства им. В этом случае мы имели бы дезорганизацию Коминтерна. И эта

политика отхода от Коминтерна предлагается человеком, который претендует на настоящий, стопроцентный «интернационализм»! «Левый». Оссовский, протяните вашу руку «левому» Медведеву! Право же, вас разделяет очень немногое!

* * *

Читатель может посетовать на нас за то, что мы столь долго занимаемся неким Оссовским, который, ведь, не представляет мнения сколько-нибудь значительной группы членов партии. Не слишком ли много внимания?

По нашему мнению, это была бы неправильная постановка вопроса. Один из виднейших вождей об'единенной оппозиции уже взял Оссовского под свою защиту. Он заявил, что Оссовский не представляет никакой опасности, что последний, дескать, видит, как некий «башмак жмет ногу рабочего», и только «неумело» выражает стремление рабочего освободиться от давления этого башмака.

Когда перед XIV с'ездом партии и во время его развернулась дискуссия с «новой оппозицией», и партия уловила в речах представителей этой оппозиции ликвидаторские нотки, тогда некоторые товарищи—по простоте ли или по особой хитрости душевной—утверждали, что в лице наиболее типичных и откровенных представителей «новой оппозиции» мы имеем «сигнализаторов», а не «ликвидаторов», «сигнализаторов» опасностей, «сигнализаторов», указывающих партии правильный путь.

Теперь виднейший вождь об'единенной оппозиции склонен усмотреть в законченном ликвидаторе Оссовском не ликвидатора, а «сигнализатора».

Это уже слишком. У новой оппозиции были слышны лишь фальшивые нотки, напоминающие ликвидаторство. Здесь же под защиту берется человек, открыто развертывающий программу ликвидации нашей партии, диктатуры пролетариата и дезорганизации Коминтерна.

Эту защиту нельзя рассматривать, как случайное явление: это есть политический факт крупнейшего значения.

Симптоматичная картина! Оссовский осуждает партию и расхваливает на всем протяжении своей статьи оппозиционно-фракционные течения, включая сюда и демократический централизм, особенно троцкизм и «новую оппозицию», это ядро «будущей» якобы «интернационалистски» ориентированной, легализованной половинки компартии.

Исходя из ошибок этих оппозиционных течений, логически продолжая их ошибки, Оссовский дошел до программы буржуазной демократии.

И эта программа прикрывается об'единенной оппозицией, заставляющей таким поведением задуматься о путях ее дальнейшей эволюции. Оссовский наметил три ступени к буржуазной демократии в нашей стране, а оппозиция, уже ставшая на первую ступень, усматривает в Оссовском не ликвидатора, а «сигнализатора»!

Не должно ли это внушить серьезнейшее опасение нашей партии, которая жаждет того, чтобы оппозиция не поднималась на «оссовские» ступеньки, а спустилась бы и с первой ступеньки на обще-партийную платформу?

Оссовский считает, что XIV партс'езд сделал ошибку, когда, он, якобы, дал команду: огонь налево. Это же думают и вожди об'единенной оппозиции.

Но зачем так извращать факты? Партия и представляющий ее XIV партс'езд не говорили, что новая оппозиция есть «левый» уклон. Она утверждала и утверждает теперь с еще большим правом, что левая фраза оппозиции прикрывает правую политическую программу.

История с Оссовским еще раз доказывает правильность прогноза партии.

Правый фронт внутри партии выравнивается. Партия сумеет ликвидировать этот фронт.

* * *

И статья Оссовского и наш ответ на нее были уже набраны, когда на сцену появились дополнительные и раз'яснительные примечания автора ликвидаторской платформы.

Примечания эти совсем не новы по тону: развязность и безответственная нагловатость не покидают «спасителя» партии ни на минуту; они не новы и по той «грамотности» автора, которая в них проявляется: нельзя же, на самом деле, за короткое время, протекшее от написания статьи до написания примечаний, сделаться грамотным марксистом... Но они новы в том отношении, что автор пытается в них «достойно» реагировать на самые последние внутрипартийные события и, в частности, на тот круг идей, который обоснован тов. Бухариным в его докладе о Пленуме ЦК и ЦКК на собрании ленинградского актива.

На этом «новом» мы и считаем необходимым остановить на минутку внимание читателя.

Прежде всего, Оссовский, познакомившийся по докладу т. Бухарина с суждениями Ленина о классовой сущности советского государства, вынужден был каким-нибудь образом оправдать свою попытку фальсифицировать ленинские взгляды на советское государство.

Вместо того, чтобы признать свою безграмотность, он пытается доказать, что Ленин утверждал в своих выступлениях по этому вопросу прямо-противоположное тому, что он на самом деле думал. Так, дескать, из-за хитрости... Сложная механика—эта стратегия!

> «Впоследствии,—пишет Оссовский,—своему определению природы советского государства как не рабочее, а рабоче-крестьянское («стиль» автора, как и прежде, воспроизводим полностью. *А. С.*) Ленин дал следующую формулировку «рабочее государство есть абстракция», т.-е. до тех пор, когда будет существовать государственная власть (в классовом обществе) о чисто рабочем государстве и думать нечего,—это абстракция, так как в стране преобладает крестьянское и мелкобуржуазное население. Как видно, Ленин остался верным первому своему даже в несколько более резкой формулировке определению. Ленин исправил лишь стилистическую ошибку для успокоения взволновавшегося тов. Бухарина. Тут Ленин с большим педагогическим искусством членораздельно вторично раз'яснил т. Бухарину и другим, сделавшим испуганное лицо, слушав (!) и не понимав (!) ленинское первоначальное и правильное определение природы советского государства. Повидимому и здесь, как и по вопросу о кооперации, т. Бухарину почему-то нужны два Ленина: один принципиально ошибавшийся, а другой... исправленный т. Бухариным. (См. «Правда» от 3/VIII)».

Из этих «умозаключений» всякий непредубежденный читатель увидит, что «два Ленина» существуют именно в представлении Оссовского: один Ленин пишет и говорит определенные вещи, которые массы принимают всерьез, а другой Ленин про себя думает обратное и досягаем только для Оссовского.

Один Ленин заявляет, что наше государство рабочее, а другой убежден, что оно «далеко не пролетарское».

Мы знаем только одного Ленина—пламенного революционера и принципиальнейшего вождя пролетариата и в теории и в практической политической работе, умеющего просто, ясно, без выкрутас высказать массам свои мысли, просто и ясно устранить оговорку, если она вкралась в его речь.

Опошлять же Ленина и клеветать на него партия никому не позволит,—не позволит и Оссовскому, который такой «трактовкой» вопроса лишь еще раз доказал, что ленинизма он не знает и не понимает, что он еще не научился—и, повидимому, никогда не научится—относиться к Ленину так, как должен к нему относиться коммунист; что он является ликвидаторствующим извратителем ленинизма.

Ленин сказал, во-первых, что «рабочее государство есть абстракция» и, во-вторых, что «на деле мы имеем рабочее государство» с особенностями (преобладание крестьянского населения в стране, бюрократические извращения). Опошлитель же ленинизма, на основании (?!) этих положений Ленина заключает: раз рабочее государство есть абстракция, значит рабочее государство есть вещь конкретно неосуществимая.

Каков истинный и очевидный смысл приведенных выше утверждений Ленина?

Когда мы даем общую характеристику пролетарского государства, то мы принимаем во внимание лишь самые главные, существенные принципиальные черты этого государства, абстрагируя от ряда конкретных, обусловленных местной обстановкой и средой, особенностей различных пролетарских государств. В этом смысле рабочее государство, тип которого обрисован Лениным в его работе «Государство и революция», есть абстракция. В конкретной же политике и в данной стране, когда речь идет об СССР, нужно понимать не только классово-пролетарский характер государства, но и его особенности, что отнюдь не исключает, а непременно предполагает правильное представление о классовой сущности государства.

Ильич говорит о специфически российских особенностях. Но об особенностях чего?—Конкретного, реально-существующего рабочего государства, отвечает Ильич. Не пролетарского государства, а государства, выражающего интересы всех классов, находящихся в стране, вплоть до «капиталистических предпринимателей», полагает Оссовский. Что же касается «рабочего

государства», то так как оно, по Ленину, «есть абстракция», то—заключает Оссовский—о нем «вообще и говорить нечего», «до тех пор, когда (повидимому пока? *А. С.*) будет существовать государственная власть (в классовом обществе)».

Итак, еще раз: 1) в классовом обществе, каковым является и советское общество, в переходный от капитализма к коммунизму период, о рабочем государстве «вообще и говорить нечего», 2) при коммунизме, как известно всякому марксисту, государства не будет, ибо не будет классов. Значит, пролетарское государство не будет никогда; значит, Маркс и Ленин жестоко ошибались, когда говорили о диктатуре пролетариата, как необходимом условии осуществлении коммунизма.

Одно из двух: либо Маркс и Ленин не марксисты, либо Оссовский... каутскианец.

Так как первое предположение не возьмется защищать даже Оссовский, то остается принять второе.

Мы могли бы—в назидание Оссовскому—привести еще одну иллюстрацию, на которой можно видеть соотношение абстрактного и конкретного.

Общая характеристика ликвидатора предполагает абстракцию от ряда конкретных особенностей ликвидаторов разных мастей. Ликвидатор есть абстракция. Ликвидаторство выражалось в разных формах в разные этапы пролетарской революции. Но это не значит, что ликвидатор, имеющий ряд своих специфических особенностей, находящихся в определенной связи со специфическим характером исторического момента, не является ликвидатором: он только является ликвидатором с конкретными особенностями. Ликвидаторская же его суть не нарушается этими особенностями.

Эта суть видна в лице всякого ликвидатора.

> «Пролетарий,—писал Ленин, в 1911 г. против тогдашних ликвидаторов,—сознавший эту задачу (т.-е. задачу утверждения гегемонии пролетариата в отношении широких масс трудящихся, *А. С.*), есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий идеи гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это—раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, а не за свержение рабства...
>
> Проповедывать рабочим, что им нужна «не гегемония, а классовая партия», значит предавать либералам дело пролетариата, значит проповедывать замену социал-демократической рабочей политики либеральной рабочей политикой».

Это писал Ленин в 1911 г. против ликвидаторов эпохи буржуазно-демократической революции. Теперь—другая историческая полоса, иначе выглядят и ликвидаторы, но суть их, как нетрудно видеть сие хотя бы на примере Оссовского, та же.

Они отрицают возможность и необходимость осуществления гегемонии пролетариата в отношении широких масс трудящихся, они склонны «предать либералам дело пролетариата», они стоят на платформе «либеральной рабочей политики», хотя и имеют специфические, отличающие их от ликвидаторов эпохи буржуазно-демократической революции, особенности.

Поняли, наконец, Оссовский, в чем дело?

Из других примечаний надо указать далее на то, в котором Оссовский выявляет свое отношение к решениям XIV партконференции и XIV партс'езда.

> «Большинство ЦК тут обыкновенно спрашивает: что же вы против постановлений XIV апрельской партконференции и декабрьского с'езда по существу? Нет, отвечаем мы. Мы против оценки, данной большинством ЦК этим постановлениям. Мы против заявления большинства XIV с'езда о том, что разрешение найма безинвентарного бедняка зажиточным крестьянином и кулаком, а также допущение аренды кулаком земли этого же бедняка есть уступка не кулаку и зажиточному крестьянину».

Оссовский пытался в своих целях, оперировать «двумя Лениными», теперь он, поскольку считает сие выгодным, «раздваивает» себя.

Итак, он, по существу не против решений XIV партконференции и XIV партс'езда («Нет, отвечаем мы»). Но он же продолжает: «Мы против заявления большинства XIV с'езда»...

Мы за решения с'езда, но мы против решений его большинства. С каких это пор решениями партийного с'езда считаются «решения» его меньшинства.

К тому же Оссовский совсем, совсем не понял смысла решений XIV партконференции и одобрившего их XIV с'езда. Изречения Оссовского на эту тему имеют весьма определенный источник; из последнего Оссовский позаимствовал и в корне ошибочный подход к данному вопросу.

Под каким углом зрения рассматривали и решали конференция и с'езд проблемы партийной и советской политики в деревне. Под углом зрения укрепления диктатуры пролетариата. Это угол зрения обязывает, прежде всего, к изысканию таких мер, осуществление которых способно укрепить блок рабочего класса с основной, середняцкой массой крестьянства. Главное в решениях с'езда (снижение налогов, способствование дальнейшему росту товарооборота в деревне и развитию кооперации, осуществление революционной законности) идут именно по этой линии. Решения об аренде и найме рабочей силы—есть не главное, а производное, не основное, а частное в решениях партии по вопросам деревенской политики. Если, наконец, взять эти частные решения сами по себе, то и здесь «новая оппозиция» и новый ее пропагандист Оссовский не поняли смысла и об'ективной роли этих решений. Никто из большинства ЦК не утверждал, что осуществление решений об аренде и найме рабочей силы—в общем вполне целесообразных с точки зрения укрепления диктатуры пролетариата—не обеспечит условий для некоторого усиления кулака.

Но, во-первых, легализация аренды и найма рабочей силы; имеют целью защитить права бедняцких элементов деревни путем регулирования доселе подпольных и полукабальных сделок.

Во-вторых, осуществление этих решений помогает рассосать деревенскую безработицу, чем тоже облегчается положение бедноты.

В-третьих,—что самое главное,—**общий баланс** результатов этих мероприятий, с точки зрения партии, должен выразиться **с плюсом для диктатуры пролетариата.** Оссовский же, как и все представители «новой оппозиции», пытается разрешать вопросы деревенской политики не с точки зрения стоящего у власти пролетариата, а с точки зрения изолированно взятой, оторванной—и потому противопоставляемой пролетариату—деревенской бедноты.

Совершенно очевидно, что если пролетарское государство—в общем и целом—приходит в результате осуществления указанных мероприятий к положительному балансу, то это означает обеспечение условий для **действительной** помощи бедноте. Понять это—не дано Оссовскому.

В своей статье Оссовский еще разграничивает троцкизм и новую оппозицию. После об'единения этих оппозиционных течений, он должен выступить с корректирующим примечанием:

> «Теперь,—отмечает он,—ко времени 3-го пленума,—июль 1926 г.—общая линия найдена. Путь пролетариата для разрешения сложнейших современных проблем партийного и советского строительства проходит где-то посередине между путем, указанным оппозицией 1923 года, и путем, указанным оппозицией 1925 года. Оказывается, основное свойство этих обоих путей не было центробежным, а **центростремительным** (курсив автора. *А. С.*). Достаточно было коротенького периода столкновений (правда, весьма резких), чтобы найти свою общую орбиту».

Этот корректив Оссовского, в свою очередь нуждается в некоторых коррективах.

Во-первых, надо отметить, что центром притяжения и идейно-гегемоническим началом в новом блоке все же является «троцкизм».

Во-вторых, «центростремительные» тенденции прилепили к оппозиционному блоку и ликвидаторское теченьице, представленное Медведевым, и столь родственного последнему Оссовского.

Что-то еще наделает этот закон «центростремительного» движения внутрипартийных оппозиционных групп. Последнее примечание, на которое мы считаем необходимым реагировать, заслуживает особого внимания не столько по существу, сколько по тону.

Ликвидатор всегда претенциозен, он всегда мессианистски настроен. Ликвидатор, предающий дело пролетариата, всегда утверждает, что он спасает это дело, что только он представляет интересы рабочего класса.

Выступая развязно и расточая чудовищно-клеветнические обвинения, направленные против авангарда революционного пролетариата, он кичится своей наглостью и ставит ее себе в заслугу.

> «Часто мы слышим со стороны большинства ЦК,—небрежно бросает Оссовский,—что меньшинство, требуя свободы обмена мнениями в партии, является рупором мелкой буржуазии. Это неверно и противоречит логике. При диктатуре пролетариата (откуда она взялась у Оссовского эта диктатура пролетариата? *А. С.*), мелкая буржуазия, наоборот, всячески избегает открытого выступления во имя своих интересов. Подкрашивая себя в модный и защитный цвет, мелкая буржуазия легализует себя достаточно для того, чтобы перерождающе воздействовать на наш государственный аппарат. Громкий и открытый голос мог бы ей тут лишь мешать. Следовательно, свой рупор в нашей единственно в стране легальной партии, мелкая буржуазия имеет и не может не иметь, ибо она в стране и преобладает. Вопрос лишь в том, выгодно ли пролетариату и до каких пор разрешать этому рупору пользоваться и прикрываться именем диктатуры пролетариата и социализма. Не выгодно ли в интересах пролетариата заставить этот рупор скинуть маску и говорить от своего имени».

Все так просто и ясно. Мелкая буржуазия говорит устами сторонников громадного большинства партии (ибо мелкая буржуазия обязательно пользуется выгодным защитным цветом), а Оссовский—говорит «классовую правду пролетариата», потому что он-то под защитный цвет не прячется.

Мы стараемся изучить и разобрать всякую новую политическую платформу по косточкам, вскрываем ее политическое содержание, а Оссовский нашел ключ распознавать классовую значимость этой платформы с первого взгляда.

Если кто-нибудь кричит «**громко и открыто**» против коммунистической партии, то тут уж и речи не может итти о мелкобуржуазности,—тут «настоящая» пролетарская революционность.

Оссовскому остается только поучиться искусству кричать подобным образом у меньшевиков, эсеров и других заклятых врагов пролетариата—тогда он получит законченное «марксистское» образование.

Мы же, пользуясь принятым в нашей партии критерием, не можем охарактеризовать платформу Оссовского иначе, как мы ее охарактеризовали в заглавии: **платформа оппозиционного ликвидаторства.**

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Ленинский сборник, V, под редакцией Л. Б. Каменева, Институт Ленина при ЦК ВКП(б); Госиздат, 610 стр.

Публикуемые в настоящем сборнике материалы относятся к эпохе первой российской революции. Первым помещен в сборнике доклад тов. Ленина о революции 1905 года, сделанный им в день 12-летней годовщины 9 января в Цюрихском Народном Доме, на собрании рабочей молодежи. Последующий материал, состоящий почти исключительно из планов, статей и беглых заметок тов. Ленина, разделяется на семь отделов: 1) Планы, тезисы и наброски статей эпохи «Вперед» (до третьего с'езда партии), 2) Третий с'езд партии, 3) Планы, тезисы и наброски статей эпохи «Пролетария», 4) Характер и перспективы революции 1905 года, 5) Боевые организации и техника вооруженного восстания, 6) Письма Ленина (июнь—октябрь 1905 г.), 7) Varia (разное).

Сборнику предпослано «Введение» тов. Л. Б. Каменева, освещающее характер материала и метод работы Ильича.

Доклад тов. Ленина «О революции 1905 года», напечатанный на немецком языке, в начале текущего года уже был опубликован на русском языке в «Правде». Произнесенный по поводу годовщины 9 января доклад, по сути дела, является блестящим обобщением опыта всей революции 1905 года. Тов. Ленин дает в докладе анализ методов революционной борьбы гегемона революции—пролетариата.

Он подчеркивает, прежде всего, исключительно крупную роль всеобщей стачки в деле классового воспитания пролетариата.

«Русская революция является в мировой истории первой, но она будет, без сомнения, не последней,—великой революцией, в которой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль».

В последующем изложении хода революции т. Ленин показывает, как экономическая борьба неизбежно и быстро перерастает в забастовочном движении в политическую.

«В революционную эпоху,—заключает т. Ленин,—пролетариат может развить энергию борьбы в сто раз большую, чем в обычное спокойное время».

Переходя к вооруженному восстанию, тов. Ленин бичует тех буржуазных и социал-предательских политиков, которые пытаются изобразить декабрьское вооруженное восстание «путчем», крупнейшей политической ошибкой и плодом «анархистской» агитации большевиков.

Ленинскую оценку роли декабрьского восстания весьма не мешает вспомнить даже теперь, когда в исторической литературе сплошь и рядом можно встретить оценку восстания, как движения не массового или вовлекшего только отсталые слои пролетариата (см., напр., соответствующие места из XII тома «Русской истории» Н. Рожкова). Ленин рассматривал декабрьское восстание 1905 года в связи с массовой политической борьбой пролетариата.

«Буржуазия любит называть московское восстание чем-то искусственным и насмехаться над ним»—отмечает тов. Ленин...—Чтобы оценить по заслугам эту профессорскую мудрость трусливой буржуазии, достаточно только возобновить в памяти сухие цифры статистики стачек. В январе 1905 года в России было только 13 тысяч чисто политических стачечников, в октябре—330 тысяч, в декабре был достигнут максимум, именно 370 тысяч чисто политических стачечников в течение одного месяца!»

Весьма характерна, далее, та оценка, которую тов. Ленин дает крестьянскому движению, уничтожившему многие сотни и даже тысячи помещичьих усадеб. В то время, как меньшевики, предпочитавшие «мирные» методы борьбы, всемерно старались подчеркивать реакционный характер этого движения, тов. Ленин видел в захвате и разделе помещичьих усадеб показатель действительной революционности крестьянских масс.

«Крестьяне сожгли до 2 тысяч усадеб и распределили между собой жизненные средства, награбленные дворянскими хищниками у народа. К сожалению, эта работа была слишком мало основательна! К сожалению, крестьяне уничтожили тогда только пятнадцатую долю общего количества дворянских усадеб, только пятнадцатую часть того, что они должны были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения».

В заключительной части доклада тов. Ленин характеризует международное значение революции 1905 года.

В первом отделе, прежде всего, останавливают внимание тезисы предполагавшейся к написанию—и ненаписанной—статьи «Как они защищаются» (против Г. В. Плеханова). Задача намечаемой статьи заключалась в критике меньшевистского отношения к либералам, выразившегося в плане земской кампании «Искры». Тезисы отмечают, что Плеханов, более хитро, чем редакция новой «Искры», защищает по существу меньшевистский план «уловления» земцов. «Плеханов защищает неверную позицию чрезвычайно осторожно и умно», читаем мы в тезисах. «Редакция—неумно. Плеханов ни словечка не говорит 1) ни о резолюции Старовера (Потресова) и ее связи с «планом» «Искры», 2) ни о «высшем типе мобилизации»... Плеханов все время вертится около «противоречия» старого и нового Ленина, доказывая, что редакция «Искры» действовала согласно старому Ленину».

Интересен план реферата о меньшевизме Ольминского, намеченный тов. Лениным; наиболее любопытна здесь характеристика оппортунизма в пункте четвертом.

«Характеристика оппортунизма. Основная черта—смена принципов, беспринципность, неумение связать принципы с текущей работой. Метание, скачки, «применяются»... Погоня за ходкими фразами и словечком: тактика—процесс, организация—процесс. Оппортунизм готов подписаться под любым принципом. (Смотря по удобству). Все это—в пределах. За пределом оппортунизм = измене. Оппортунизм = маленькая измена. Измена = большой оппортунизм (Парвус)».

Говоря о соотношении бернштейнианства и оппортунизма вообще, Ильич отмечает:

«Что такое оппортунизм? Не = бернштейнианство. Не только внутри социал-демократии... Бернштейнианство есть лишь часть оппортунизма»...

Метод и тщательность партийно-литературной работы т. Ленина могут иллюстрировать наброски к статье «Новые задачи и новые силы» (март 1905 г.); читатель увидит из этих набросков, как автор «обсасывает» тему несколько раз, прежде чем берется за написание статьи.

Во втором отделе, посвященном третьему с'езду партии, следует отметить письма Ленина германским социал-демократам Бебелю и Грейлиху, предложившим организовать для разбора конфликта между «большинством» и «меньшинством» третейский суд. Тов. Ленин заявляет в этих письмах, что только партийный с'езд российских социал-демократов правомочен решить выдвинутый вождями германской социал-демократии вопрос. Такой ответ, несомненно, диктовался тем обстоятельством, что ни Бебель ни Грейлих не представляли себе принципиальной глубины разногласий, приведших к расколу на «большинство» и «меньшинство», и склонялись к поддержке меньшевиков.

«В заключение—пишет т. Ленин Бебелю—позволяю себе выразить глубокое сожаление по поводу того, что попытка вмешательства немецкой социал-демократии теперь, возможно, уже запоздала. Я говорю здесь о вмешательстве вообще, а не особых и особенно трудно осуществимых формах вмешательства, как, напр., обязательный третейский суд. Несколько месяцев тому назад, когда, может быть, это было еще не слишком поздно, когда еще существовал след надежды, что третий партийный с'езд может соединить обе фракции и восстановить е д и н у ю партию,—тогда немецкая социал-демократия сделала все для нее возможное, чтобы закрыть этот путь. Каутский пытался ослабить в «Искре» ценность ф о р м а л ь н о й организации (т.-е. организации вообще). Еженедельник немецкой социал-демократии превозносил дезорганизацию и вероломство (Роза Люксембург в «Neue Zeit») под тем остроумным и «диалектическим» предлогом, что организация—это лишь процесс, только тенденция... «Neue Zeit» (и не одно оно) желало познакомить немецкую социал-демократию только со взглядами меньшинства... После всего этого... меня не удивит, если (всякие) попытки вмешательства со стороны (официальных) представителей немецкой социал-демократии натолкнутся на (особые) затруднения в наших рядах».

В третьем отделе весьма любопытен план-конспект, замышляемой и невыполненной статьи тов. Ленина против Плеханова: «Плеханов и Новая Искра». Ряд замечаний, имеющихся в материалах к этой статье, свидетельствует о величайшем возмущении Ленина против изменников идеям и традициям старой «Искры», против «перебежчиков» вообще, против Плеханова в частности.

Вот, напр., какими эпитетами он награждает «перебежчиков».

«Политическая безэтичность. Мода. Тушинские перелеты. Перебежчики. «Душечка». Хвастливость. С в е р х ч е л о в е к о д и н о к и д у м а е т, ч т о э т о п о т о м у, ч т о о н в ы ш е в с е х. И н о г д а о н е щ е в д о б а в о к л и ц е м е р и т д л я п р и к р ы т и я п е р е б е ж е к».

Тип «социал-демократической душечки» Ильич усматривал в лице Старовера (Потресова), которому посвящена заметка, приложенная к плану и так и озаглавленная «Социал-демократическая душечка». Содержание ее следующее:

«Приветствуемый «Освобождением» (органом Струве, похвалившим Старовера. *А. С.*), тов. Старовер продолжает в новой «Искре» каяться в грехах, содеянных им (по неразумию) участием в старой «Искре». Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренером и говорила (всем): мы с Ванечкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васечкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Колечкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер—«Мы с Лениным» ругали Мартынова. «Мы с Мартыновым» ругали Ленина. Милая социал-демократическая душечка! В чьих-то об'ятиях очутишься ты завтра?»

Прекрасен набросок «Никакой фальши! Наша сила в заявлении правды!», относящийся к октябрю 1905 года и дающий критику меньшевистского фатализма. Ленинские оценки противопоставляются здесь бундовским рассуждениям об отсутствии сил для вооруженного восстания.

«Мы не в силах вызвать восстание,—излагает т. Ленин точку зрения бундовцев,—п о э т о м у лозунг не вооруженное восстание, а учредительное собрание. Это все равно, что сказать: мы нагие и сирые, голодные и истерзанные, не в силах подняться из нашего болота, где мы гибнем, на эту гору, где свет и солнце, воздух и все плоды земные. У нас нет лестницы, без которой под'ем невозможен. Мы не в силах достать лестницы. Поэтому не надо связывать своей борьбы за под'ем с лозунгом добычи... лестницы. Т а к к а к нет лестницы, без которой подняться нельзя,—п о э т о м у не надо брать лозунгом добычу лестницы и работать над ее изготовкой,—поэтому лозунг должен быть: «очутитесь на верху, на горе, на горе счастье и т. д.».

«Слабость всегда спасалась верой в чудеса»,—говорил Маркс.—Эта вера—вера сумасшедших. Без вооруженного восстания учредительное собрание—фантом, фраза, ложь, франкфуртская говорильня».

Впервые появляется в печати статья «Кровавые дни в Москве», написанная по поводу событий, связанных с октябрьской стачкой.

В материалах тезисного характера, об'единенных в четвертом отделе сборника («Характер и перспективы революции 1905 года»), останавливают внимание тезисы (6) под заголовком: «Этапы, направление и перспективы революции». Ильич намечает в тезисах тенденции классовой борьбы и перспективы демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Факт установления этой диктатуры (буде таковое осуществится), с точки зрения тов. Ленина, должен повести к тому, что «либеральная буржуазия... становится прямо контр-революционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. В крестьянстве вся его зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже «умнеет», успокаивается, поворачивает на сторону контр-революции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату. На почве (этих *А. С.*) отношений... растет и разгорается новый кризис и новая борьба, при чем пролетариат борется уже за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партии в 1849—50 г.г. или как поражение французского пролетариата в 1871 г., е с л и б ы на помощь российскому пролетариату не пришел е в р о п е й с к и й социалистический пролетариат».

Этот отрывок, относящийся, по всей вероятности, к концу 1905 года, характеризует ход мыслей тов. Ленина в отношении общих оценок развития революции. Политический смысл приведенных положений, несомненно, заключается в преодолении троцкистской трактовки теории перманентной революции Маркса и в правильном приложении этой теории к условиям первой российской, революции.

Тов. Ленин подчеркивает, что с точки зрения соотношения социальных сил в н у т р и России, нелепо говорить о социалистической революции, что последняя может стать фактом только в сочетании с социалистической революцией в других, более передовых европейских стран.

Но даже и это последнее условие, переводящее буржуазно-де кратическую революцию на социалистические рельсы (помощь европе ского социалистического пролетариата), отнюдь не мыслится т. Лениным так, как т. Троцким («государственная помощь победившего про тариата»).

Набросок статьи «К вопросу о задачах отрядов революционнс армии» (отдел пятый) дает представление о том, как Ильич уме сочетать вопросы военной организации с вопросами политики, как он «политицизировал» военно-организационное дело и «военизировал» революционную борьбу.

В письмах В. И. (июнь—октябрь 1905 г.), помещенных в шестом отделе, интересны письма в Ц. К., особенно в той их части, где Ильич пишет о представительстве российской социал-демократии в Международном социалистическом бюро и о необходимости особого представительства большевиков (Плеханов стал представлять в бюро только меньшевиков, а Ц. К. большевиков назначил своим представителем тов. Ленина).

В общем, следует отметить, что если пятый сборник и не дает особенно много принципиально-новых вещей из ленинского литературного наследства, то он все же включает очень интересный и ценный материал для суждения о политических позициях большевизма в период первой российской революции.

А. С.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 АВГУСТА 15—16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«ПРАВДА»

Главлит № 68079. Москва. Тираж 35.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Куда направлен огонь оппозиции?

«Так называемые ультра-левые тенденции порою служат лишь ширмой для социал-демократических, реформистских, «левистских» настроений, грозящих превратиться в открытое предательство интересов международного рабочего класса».

(Из открытого письма ИККИ к германской компартии).

«Левые фразы — правое дело».

В. И. Ленин.

Развертывающийся на наших глазах поход против ВКП(б), предпринятый новой оппозицией, не представляет ничего нового, если рассматривать его с точки зрения того, что ленинская партия, как левое крыло в международном рабочем движении, критикуется «слева». Даже откровенные меньшевики и те не раз принимались нас критиковать «слева». Не было недостатка в этих «левых» критиках ленинской позиции и при жизни Владимира Ильича. В особенности памятна такая критика «классово-спаянных» представителей «рабочей» оппозиции на X и на XI с'ездах. Теперь, в 1926 г. и слепому ясно, куда вела эта «левая» критика «рабочей» оппозиции, приведшая к право-меньшевистской постановке вопроса о ликвидации Профинтерна и других пролетарских организаций. Мелкобуржуазная природа «рабочей» оппозиции была ясна Ленину еще на X с'езде. Ленин сумел дать достаточно внушительный отпор «левому ребячеству» всех видов и показать, какие совсем не левые тенденции кроются за такого рода критикой.

Вскоре после смерти Ленина мы стали свидетелями форменного похода против ленинского учения со стороны троцкистов. Дискуссия 1923—24 гг. показала всей нашей партии, с чем мы имеем дело. XIII партконференция, XIII партс'езд и V конгресс Коминтерна осудили троцкизм, как мелкобуржуазный уклон. Никому в голову не приходило тогда,—конечно, не придет и сейчас,—утверждать, что это был левый уклон. Тов. Зиновьев, перечисляя в 1924 г. ошибки Троцкого, писал: «Во всех этих нагромождениях одной ошибки на другую у т. Троцкого есть своя «система». В целом это называется—правый

уклон» [1]). По мнению тов. Зиновьева, тов. Троцкий позволил себе тогда «не отход от большевизма «вообще», а отход от большевизма в переходный период нэпа». Он предупреждал тогда, что «кто вступает на дорогу борьбы с ленинским Центральным Комитетом (ясно видящим опасность и маневрирующим в сложной обстановке, как нас учил Ленин), те становятся врагами ленинизма». Он уверял партию, что «троцкизм в такой же мере годится быть составной частью ленинизма, как ложка дегтя «составной частью» бочки меда». И он делал вывод, что если есть опасность образования правого крыла в нашей партии,—а такая опасность есть,—то она идет именно со стороны т. Троцкого и троцкизма.

Почти то же самое, слово в слово, повторил т. Каменев; пожалуй, даже еще более определенно поставил вопрос о правой опасности со стороны троцкизма именно т. Каменев. В речи своей на собрании Московского Комитета с активными работниками 18 ноября 1924 г., повторенной на расширенном заседании фракции членов и кандидатов ВЦСПС и 21 ноября на всесоюзном совещании начпуокров, начпуфлотов и военкомбригов и т. д., тов. Каменев говорил: «Мы должны поставить вопрос ясно: или мы учим Ленину и ленинизму, или нам нужно свернуть знамя ленинизма и поставить в качестве идеолога большевистской партии в самый критический момент революции Троцкого. Тут нужно выбирать. Или—или. Или мы свертываем знамя ленинизма— и тогда мы выдвигаем в качестве идеолога большевистской партии т. Троцкого; или мы учим ленинизму—и тогда, само собой разумеется, в качестве идеолога большевистской партии мы т. Троцкого выдвигать не можем» (Л. Каменев, «Партия и троцкизм», ГИЗ, 1924 г.). Сделав беглый обзор всего исторического нашего прошлого, взаимоотношений большевизма с троцкизмом, т. Каменев приходил к выводу, что «как только партия наталкивается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, как только т. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, он всегда указывает неправильные пути, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма, в основных вопросах остался на точке зрения противопоставления троцкизма большевизму... Партия узнала и на опыте все больше и больше убеждается, что поступать по Троцкому значит подменять большевизм троцкизмом...» (там же, стр. 51—52). И, чтобы рассеять всякие сомнения в том, что мы имеем дело в лице т. Троцкого и троцкизма с проводником мелкобуржуазных влияний на ряды нашей партии, тов. Каменев предупреждал партию: «Неизбежно, что для мелкобуржуазной стихии, желающей найти для себя какое-нибудь знамя, эта политическая фигура, постоянно находящаяся в оппозиции в партии, систематически подрывающая авторитет большевизма, авторитет его руководящего центра, авторитет Ленина, становится мало-по-малу символом и надеждой» (там же, стр. 60). Другой представитель «новой оппозиции», т. Канатчиков, в свое время написал специальную брошюру «История одного уклона», в которой доказывал, что троцкистский уклон есть не что иное, как рецидив меньшевизма. Так ставил вопрос и т. Зиновьев; в троцкизме 1923—24 гг. мы имели ренессанс меньшевизма, рецидив меньшевизма. Тов. Канатчиков об'яснял тогда тов. Троцкому, почему он «шарит в прошлом»: эти поиски в прошлом приводили его к тому, что т. Троцкий в 1923—24 гг. повторяет почти слово в слово рассуждения меньшевиков: «Подобного же рода обвинения наше руководящее ядро партии могло слышать от ликвидаторов, примерно, лет 13 назад»,—писал тов. Канатчиков. А дальше он приводит выписку из писаний «небезызвестного лидера меньшевиков и ликвидаторов, П. Аксельрода, и восклицает:

«Да экономна мудрость бытия:
Все новое в ней шьется из старья».

Совершенно верно. Но и эта новая оппозиция сшита из троцкистского старья, да еще очень основательно потрепанного уже после смерти Ленина, когда оппозиция в это старье вновь облачилась.

Но какие же выводы делал из этого обзора прошлого т. Канатчиков? А вот какие:

«Читая эти рассуждения одного из вождей меньшевизма, невольно задаешь себе вопрос: а не является ли вся аргументация нашей «антиаппаратной» оппозиции, сходная, как две капли воды, с вышеприведенными рассуждениями П. Аксельрода, возрождением или отрыжкой старого ликвидаторства? Конечно, одной ссылкой на это разительное сходство нельзя ограничиваться. Очевидно, что в условиях нашей партийной современности имеются в наличии об'ективные причины, не только порождающие это сходство в аргументации, но также и делающие, вольно или невольно, незаметным это сходство для носителей этого рода аргументации и настроений. Вот над чем следует призадуматься.

Не случайность также и то, что оппозиция, вольно или невольно, в свою оценку положения нашей партии, в предвидение ее будущих судеб, в оценку нашего хозяйственного положения вносит значительную долю своих пессимистических настроений, сплошь и рядом не имеющих под собой никакой реальной почвы.

[1]) Г. Зиновьев, «Большевизм и троцкизм». ГИЗ 1924 г., стр. 37.

Невольно напрашивается вопрос: а не есть ли это следствие утраты веры в революцию, неверие в силу и способность рабочего класса двигать и развивать революцию дальше?

Следствием такого рода пессимистических настроений неизбежно являются или упадочничество или же ничем не обоснованное и не мотивированное вспышкопускательство, усиленная тяга к «переоценке ценностей» и т. п.

В такие моменты все то, что когда-то считалось необходимым и целесообразным, начинает казаться нелепым, обременительным, стесняющим и убивающим инициативу и т. п.».

Не правда ли, не в бровь, а прямо в глаз? Вся партия наша, все коммунистические братские партии, входящие в Коминтерн, все сознательные пролетарии во всем мире знают теперь оценку нашей партии, данную троцкизму. Партия была достаточно единодушна в этой оценке. Мы могли бы привести бесчисленные свидетельства, аналогичные только что приведенному и других членов новой оппозиции,—тт. Сокольникова, Залуцкого, Евдокимова, Сафарова и др. Но достаточно приведенных. Смысл всех этих заявлений совпадал с решениями ВКП(б), с решениями Коминтерна. В лице троцкизма мы имели правый уклон. ВКП(б) и Коминтерн боролись с троцкизмом и осудили его именно потому, что видели в нем рупор мелкобуржуазных настроений, как в нашей стране, так и в других странах. И оттого, что троцкизм рядился иногда в левые фразы, он не переставал быть правым течением. Еще Ленин отметил давным давно эту особенность троцкизма. Не раз он говорил о «герое фразы», который «обманывает рабочих», «извращает большевизм», «прикрывает ликвидаторство», «бросает песок в глаза рабочим». Новое в 1926 г. заключается в том, что это, осужденное всей нашей партией и Коминтерном течение,—антиленинское, антибольшевистское, — вытаскивается на свет, как новое евангелие; новое заключается в том, что люди, которые вчера божились и клялись, что они всегда будут враждебны антиленинскому учению, сегодня взяли его оружием против подавляющего большинства партии, взяли его знаменем. «Здесь на этой арене (на арене борьбы с троцкизмом) мы «долго и всерьез» будем бороться с оппортунизмом»,—заявлял тов. Сафаров в 1924 г. А ныне? «Всерьез и надолго» провозглашается новый оппозиционный блок с троцкизмом, защита троцкизма, измена решениям партии и Коминтерна.

Тов. Зиновьев указывал в 1924—25 гг. средства борьбы с этим правым уклоном:

«Лучшее средство удержать т. Троцкого от дальнейших ошибок, которые еще больше удаляют его от большевизма,—говорил и писал он,—это дать самый единодушный отпор его нынешним ошибкам». «Увидев всю гибельность этой тенденции, увидев все единодушие партии против громадной ошибки т. Троцкого, т. Троцкий, будем надеяться, сойдет с неправильного пути». «Чтобы удержать его от уже чрезмерного колебания вправо, нужен идейный отпор со стороны всей партии». Что же случилось? Тов. Троцкий не сошел с неправильного пути, а сошли с правильного пути на путь троцкизма тт. Зиновьев и Каменев. Вся партия и теперь, как в 1924 г., будет единодушна в борьбе с троцкизмом, который составляет главный идейный багаж сегодняшней новой оппозиции. Оттого, что эта новая оппозиция к троцкизму прибавила кое-что от медведевщины, кое-что от Оссовского, кое-что от всех бывших в нашей партии со времени Октябрьского переворота оппозиционных течений; оттого, что она возродила кое-какие свои доoктябрьские настроения,—партия не имеет поводов к смягчению этой борьбы. Конечно, если под партией разуметь ее преобладающее большинство, ее партийные массы, входящие в состав многочисленных ячеек, если иметь в виду коллективную волю партии, выразившуюся в резолюциях собраний ячеек, районных, губернских и областных активов,—словом, если партию понимать по-ленински, по-большевистски. Но ведь «роли партии в целом,—по словам т. Н. К. Крупской,—роли партийной спайки по всей линии, как раз и не понимает т. Троцкий. Для него партия равнозначна штабу» (Н. К. Крупская, «К вопросам об «Уроках Октября»). Добавим при этом: штабу довольно пестрому и довольно беспринципному—штабу нынешней оппозиции, штабу без армии.

* * *

В области организационного строительства огонь оппозиции направлен: 1) на партийный аппарат; 2) на завоевание свободы группировок; 3) на расшатывание большевистской дисциплины в партии. После дела Лашевича, после «лесных» собраний и создания всякого рода конспиративных организаций, которые создаются сторонниками оппозиции, должны отпасть всякие сомнения в этом. Оппозиция в организационных вопросах стала на точку зрения троцкизма целиком. А еще недавно эти сторонники новой оппозиции признавали, что «так представляет себе организационную структуру партии т. Троцкий, как представлял ее себе Аксельрод и другие» (Л. Б. Каменев). А если это так,—а это действительно так,—то ведь совершенно ясно, что новая оппозиция в области организационной защищает аксельродовский принцип построения нашей партии, но отнюдь не большевистский. В области организационных взглядов наша оппозиция воспринимает от троцкизма больше всего, потому что именно в этой области новая оппозиция получила наиболее ощутительный удар и урон. Восстановить потерянное влияние представители новой оппозиции могут только в том

случае, если будет разрушена ныне существующая система партийного строительства, если будет разрушена ленинская партия. Чрезвычайно характерным является то обстоятельство, что на XIV с'езде очень много велось разговоров по поводу неправильных взаимоотношений между различными органами Центрального Комитета,—Секретариатом, Оргбюро и Политбюро. И нетрудно убедиться в том, что эти споры возрождают как раз те упреки, которые были сделаны в свое время тов. Ленину. Стоит прочесть прения на X и XI с'ездах нашей партии, чтобы убедиться в этом. В упреках новой оппозиции по адресу Центрального Комитета, по адресу наших партийных аппаратов, нет абсолютно ничего нового, чего мы не слышали бы от всех осужденных партией оппозиционных группировок. Какими бы новыми словечками ни прикрывалась новая оппозиция, по отношению к ней остается совершенно правильным утверждение насчет того, сколь «экономна мудрость бытия: все новое в ней шьется из старья».

Если бы одержали победу принципы новой оппозиции, это означало бы такое расшатывание партийной дисциплины, при котором партия не могла бы не только управлять страной, но не могла бы выполнить ни одной из стоящих перед ней задач, как перед коммунистической партией. В. И. Ленин предупреждал партию в 1920 г.: «Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (т. XVII, стр. 136).

Взять хотя бы Шляпниковско-Медведевскую платформу. Ведь это факт, что ее меньшевистско-ликвидаторские взляды не встретили осуждения со стороны оппозиции. Точно так же не встретили осуждения и взгляды Оссовского. Были разговоры насчет того, что Оссовского надо «поправить», что он дает ошибочные по форме обобщения. Разве это не есть прикрывание правых ликвидаторских взглядов, которые несовместимы с принадлежностью к партии? Какими бы, поэтому, левыми словами ни прикрывалась новая оппозиция, сколько бы ни клялись в верности ленинизму ее представители, для партии должно быть совершенно ясно: огонь новой оппозиции в области организационно-партийной направлен на защиту правого уклона, осужденного всей партией, осужденного Коминтерном. Огонь новой оппозиции направлен на поддержку всех правых течений нашей партии, на попытку превратить их в «законные оттенки» внутри большевизма.

Отсюда и обвинения против ЦКК. От представителей оппозиции нередко можно слышать, что ЦКК слишком пристрастна, что она в гораздо большей степени выполняет карательные функции, чем следует и т. п.

Какой хотели бы видеть представители оппозиции ЦКК? Вероятно, оппозиция была бы очень довольна, если бы ЦКК превратилась в дискуссионный клуб, где представители оппозиции могли бы произносить речи в защиту своих, осужденных с'ездами, пленумами ЦК и ЦКК и другими авторитетными учреждениями партии, взглядов и положений; если бы она не применяла партийных репрессий по отношению к таким нарушителям партийной дисциплины и партийной линии, как тт. Лашевич, Беленький и другие; если бы она оставляла в рядах партии таких ликвидаторов-меньшевиков, как Оссовский. Нам нередко приходилось слышать от представителей оппозиции такого рода взгляд, что ЦКК должна быть вне той борьбы, которая происходит внутри ЦК, т. е. не принимать участия на чьей бы то ни было стороне. Другими словами, ЦКК не должна присоединяться ни к меньшинству, ни к большинству. Конечно, это совершенно не большевистский принцип. В той борьбе, которая происходит в настоящее время внутри партии, ЦКК защищает партийную линию, как она ее понимает, а эта партийная линия совпадает с линией большинства Центрального Комитета. Эта партийная линия и есть линия подавляющего большинства Центрального Комитета, подавляющего большинства партии.

Само собой разумеется, что ЦКК в своей работе применяет не только репрессии. Оппозиция хотела бы просто видеть в ЦКК орган, способствующий расшатыванию партии со стороны оппозиции; а так как она эту роль выполнять не может и никогда не будет, то отсюда и огонь оппозиции против ЦКК. Нетрудно видеть, что и в этом случае оппозиция нападает на ленинизм, на ленинское понимание роли ЦКК. Вместо созданной по мысли Ленина ЦКК, которая беспощадно борется со всякими уклонами в нашей партии, проповедуется какой-то размагниченный, размягченный орган ЦКК. Эта попытка заранее осуждена на поражение. Контрольные Комиссии во всей партии стали органами, которые помогают партии очищаться от всего идеологически чуждого, наносного, которые не позволяют разлагать, расшатывать дисциплину ВКП(б).

В области хозяйства огонь оппозиции, направленный против верной и правильной линии социалистического строительства, прикрывается также иногда вылазками «слева», и эти вылазки «слева», порой очень демагогические, как например, по вопросу о зарплате, специально применяются для того, чтобы скрыть, замаскировать правую сущность новой оппозиции. Правда, в этой области, как и в ряде других областей, оппозиция не представляет собой чего-либо вполне цельного, и именно в этой области беспринципность ее особенно велика. В настоящем номере «Большевика» всякий может убедиться на одном примере, с какой легкостью подходит новая оппозиция к разрешению таких важ-

нейших вопросов, как вопрос о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством. Тов. Преображенский в своей статье говорит, как о каком-то пустяке, о том, чтоб взять лишнюю «пару сотен миллионов рублей» с крестьянства, взять у него из закромов хлеб, «который едят мыши» на индустриализацию,—не замечая, что такая проповедь неизбежно должна привести к разрыву между рабочим классом и крестьянством, к новым, может быть, вспышкам гражданской войны и т. п. А чего стоит, напр., у того же т. Преображенского его «ехидный» вопрос насчет того, противоречит ли марксизм «непрерывному росту зарплаты» в наших условиях? Или чего стоит, например, утверждение, что для сбережения средств на индустриализацию мы ни в коем случае не должны сокращать разбухший государственный аппарат, что это недопустимо?! Повторяем, здесь нет полной устойчивости взглядов,—отдельные предложения противоречат общей линии новой оппозиции. Проведение в жизнь общей линии новой оппозиции означало бы срыв с огромным трудом достигнутых успехов в области хозяйственной, означало бы авантюристический прыжок навстречу неизвестности, навстречу величайшим опасностям, и с этой точки зрения линия эта означает об'ективно в общем и целом—крен направо. Неудивительно, что такой «сверх-индустриалист», как Медведев, приходит к выводам, что мы должны сделать гораздо большие уступки международному капиталу, который готов, будто бы, оживить нашу промышленность, что мы должны пойти на величайшие жертвы в этом отношении. Неудивительно, что ликвидатор-Оссовский ставит вопрос о том, что пролетариат жертвует всем, а другие классы ничем не хотят жертвовать для социалистического строительства; такие горе-индустриалисты, если бы мы их послушались, очень скоро привели бы к тому, что всякая возможность двигать вперед индустрию была бы сорвана надолго фактом раскола между рабочим классом и крестьянством.

Не иначе, не лучше обстоит дело и в области международных отношений. Лучшим, наиболее ярким свидетельством этому служит вопрос об англо-русском комитете. Вся лево-радикальная фразеология, которая была пущена в ход в пользу разрыва англо-русского комитета, весь огонь оппозиции, направленный «слева» против сторонников сохранения англо-русского комитета,—целиком на руку врагам Коминтерна. Кто же не знает, что для правительства Болдуина, для Черчиллей, для шахтовладельцев, для всей английской и мировой буржуазии взрыв англо-русского комитета, выход из него ВЦСПС, означал бы действительный разрыв между профессиональным движением, широкими рабочими массами Великобритании и СССР? Кто же не понимает, что это было бы подарком Томасам и Гендерсонам. Не дальше, как в эти дни, когда происходят новые заседания англо-русского комитета в Берлине, «Форвертс» из кожи вон

лезет, силясь доказать необходимость этого взрыва, этого разрыва англо-русского комитета. В 1920 г. Ленин писал по поводу таких предложений, что «надо уметь противостоять всему этому, пойти на все и всякие жертвы, даже—в случае надобности—пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу» («Детская болезнь «левизны» в коммунизме»). Весь «левый» огонь новой оппозиции в области международной политики означает: «левые фразы—правое дело». И если нужно найти правильную и ясную формулу сущности новой оппозиции, то ее лучше не выразишь, как этими словами Ленина: «левые фразы—правое дело». Именно левая фраза толкает оппозицию на то, чтобы упрекать партию в компромиссах в области международной политики. И тут она также забывает В. И. Ленина, который нас предупреждал: «Стоит сказать... что мы признаем только один, только прямой путь, что мы не допускаем лавирования, соглашательства, компромиссов,—и это уже будет ошибкой, которая способна принести, частью уже принесла и приносит серьезнейший вред коммунизму» (В. И. Ленин, там же).

В 1924 г. тов. Зиновьев пришел к мысли, что «партия-то у нас ленинская и что она выросла уже настолько, что умеет, представьте себе, отличить ленинизм от троцкизма». Совершенно верно. К этому только надо добавить, что с тех пор—с 1923—24 гг.—партия еще больше выросла, что дискуссия 1923—24 гг. имела не только одни дурные стороны, но и хорошие, что дискуссия в 1926 г. (в связи с выступлением новой оппозиции), та огромная раз'яснительная работа, которую провела партия после XIV с'езда, после апрельского, июньского пленумов ЦК, те колоссальной важности вопросы, которые были поставлены этим с'ездом и пленумами перед самыми широкими партийными массами,—подняли партию на большую высоту. И если в 1924 г. партия, по мнению т. Зиновьева, настолько выросла, что умела отличить троцкизм от ленинизма (заслуга тт. Зиновьева и Каменева в прошлом заключается в том, что они помогали партии в этом),—то теперь нашу коммунистическую партию не собьешь тем обстоятельством, что знаменосцами троцкизма выступают тт. Зиновьев и Каменев, которые вчера против него боролись. Это может смутить отдельных товарищей, но это не может сбить нашу партию с ее твердого и правильного ленинского пути,—ни нашу партию, ни другие партии Коминтерна. Единодушное отрицательное отношение, которое встретило выступление новой оппозиции и в рядах ВКП(б) и в партиях Коминтерна, свидетельствует о том, что мы сумеем справиться и с этой «новой» оппозицией, скроенной, в основном, из довольно ветхого троцкистского старья.

А. Тальгеймер.

Крестьянский вопрос в Австрии и аграрная программа австрийской соц.-дем.

1. Западно-европейское решение аграрного вопроса.

Аграрная программа немецко-австрийской социал-демократии, принятая партейтагом в Вене 16 ноября 1925 г., требует особенно внимательного отношения от нас коммунистов. Эта программа выдает себя за принципиально новое решение аграрного вопроса, новое в двух направлениях. С одной стороны, она пересматривает социал-демократические взгляды на решение аграрного вопроса, с целью очищения этих взглядов от того, что в них устарело, а с другой—подвергает ревизии «большевистское» решение, учитывая условия и потребности Западной Европы. Нам обещают, таким образом, средний путь между Лениным и Каутским (прежним). Значение такой попытки далеко выходит за пределы маленькой Австрии, и так или иначе она окажет влияние на все партии II Интернационала. Мы должны поэтому тщательно разобрать ее.

Автор программы—Отто Бауэр. При ее составлении он пользовался сотрудничеством аграрной комиссии, назначенной зальцбургским партейтагом 1924 года. В обоснование своей программы Бауэр написал очерк аграрной истории и аграрной политики Австрии [1]), на партейтаге он выступил с докладом по аграрной программе [2]) и он же написал комментарий к ней [3]).

Соображения о мотивах и целях новой аграрной программы, изложенные О. Бауэром в его с'ездовском докладе, настолько характерны, что мы приведем их дословно.

В начале своего доклада Бауэр говорит: «Уже во время революции 1848 г. и на другой день после нее у Маркса возникает мысль, что пролетариат сможет победить только в том случае, если он сумеет стать руководителем, гегемоном всего трудового народа, если в качестве класса, находящегося в самом решительном, самом непримиримом антагонизме с капиталистическим миром, он сплотит вокруг себя, подчинит своему руководству все остальные классы, враждебные капитализму, и прэжде всего широкие крестьянские массы. Бесспорная заслуга большевизма, то, чему мы должны учиться у него, заключается в необычайно энергичной рецепции этой мысли. Но поучительна тут для нас именно только *энергия, с какою ставится проблема*, а не способ ее *решения*. Русский большевизм решил проблему так: пролетариат устанавливает свою диктатуру и добивается *пассивной покорности крестьян* ценою передачи им помещичьей земли и минимального вмешательства в дела деревни. То, что большевизм называет диктатурой пролетариата и крестьянства и гегемонией пролетариата над крестьянством, сводится в общих чертах к тому, что он предоставляет крестьянам жить в деревнях своей нетронутой местной жизнью, а уж дальнейший вопрос о том, кто и как управляет государством, не интересует крестьян, пока государство оставляет их в покое. У нас положение совсем другое. Сельское население у нас далеко не так индифферентно, бессознательно и незаинтересовано, как было русское крестьянство в 1917 г. Наше *крестьянство уже имеет за собой политическое прошлое*; с восьмидесятых годов, с начала борьбы христианских социалистов против старо-консерваторов, оно вовлечено в политические битвы—печатью, агитацией, своими организациями; оно давным-давно проснулось политически и вышло на определенный политический путь... Проблема гегемонии пролетариата над крестьянством может быть у нас решена *только путем, совсем отличным от того*, каким попытался пойти большевизм. Она не может быть решена у нас на основе индифферентизма сельского населения, в том расчете, что оно спокойно предоставит нам бразды правления, лишь бы мы не трогали его,—нет, мы сможем решить ее только в том случае, если нам удастся оторвать пролетарские элементы деревни от буржуазных партий и привлечь их на сторону нашей партии. В известном смысле это будет, конечно, означать установление гегемонии промышленного пролетариата над сельско-хозяйственными рабочими и бедными крестьянами,—именно в том смысле, что промышленный пролетариат составляет и будет составлять ядро, *головной отряд* нашей партии, и что какой бы слой ни примкнул к нашей партии, он тем самым должен будет перейти на сторону промышленного пролетариата, стать союзником промышленного пролетариата и в известном смысле, именно, поскольку этот пролетариат является самым многочисленным и самым активным и боеспособным нашим отрядом, подчиниться руководству промышленного пролетариата. Но только в этом смысле, а *не в смысле диктатуры* промышленного пролетариата над сельским населением, может быть осуществлена мысль о гегемонии пролетариата в стране, крестьянство которой имеет за собой десятилетия политического развития». Социал-демократия должна привлечь на свою сторону «широкие массы трудовых элементов деревни, совсем неимущих и малоимущих крестьян, т.-е. батраков, крестьянскую бедноту и мелких земельных арендаторов».

Еще яснее говорит О. Бауэр о причинах необходимости нового подхода к аграрному вопросу в одном месте своей книги «о лесе и выгоне». Здесь мы читаем (стр. 336):

«Вместе с тем победа большевизма в России и поражение социализма в Средней Европе доказывают, что промышленный рабочий класс не сможет завоевать и удержать в своих руках

[1]) *Der Kampf um Wald und Weide*. Studien zur österreichischen Agrargeschichte und Agrarpolitik, 1925. (Первый выпуск аграрно-социалистической библиотеки, издаваемой аграрно-политической комиссией немецко-австрийской социал-демократии).

[2]) См. *Protokoll des sozialdemokratischen Parteitages*, 1925, abgehalten in Wien vom 13—16 November, 1925, стр. 249.

[3]) *Sozialdemokratische Agrarpolitik*. Erläuterung des Agrarprogramm der Deutsch-österreichischen sozialdemokratie, 1926. (Шестой выпуск аграрно-социалистической библиотеки).

власть, пока он не сумеет подчинить своему руководству широкие массы сельского населения.

Социал-демократия должна поэтому подходить к аграрным вопросам совсем иначе, чем она подходила к ним во время аграрных дебатов девяностых годов».

Стало быть, испытанные на собственной шкуре невзгоды «социализма в Средней Европе», в противоположность победам большевизма в России,—вот что заставило поставить заново аграрный вопрос. Революционная аграрная программа, выставляемая от имени рабочего класса Австрии, должна была об'яснить причины ударов, нанесенных австрийскому пролетариату именно сельским населением, и должна была извлечь отсюда соответствующие уроки. Ниже мы укажем главные моменты политики австрийской социал-демократии по отношению к крестьянству в 1918—1920 годах и посмотрим, какие революционные выводы отсюда следуют и сделаны ли эти выводы в новой аграрной программе.

А пока заметим, что приведенные выше принципиальные соображения О. Бауэра по поводу аграрной программы, поскольку он в них излагает и критикует решение аграрного вопроса русскими большевиками, создают не очень выгодное впечатление о его революционной основательности и добросовестности в подходе к аграрному вопросу. В самом деле, в этом пункте его изложение отличается непростительным легкомыслием и филистерской ограниченностью.

Конечно, нельзя просто подгонять под один общий шаблон русские, средне-европейские и западно-европейские аграрные условия. Но что коммунисты вовсе этого и не делали, это доказывают принятые II конгрессом Коммунистического Интернационала тезисы Ленина об аграрном вопросе. В них дается международное обобщение опыта русской революции в области аграрного вопроса, основанное на остром и глубоком марксистском анализе классового расчленения и классового положения крестьянства в целом. А к чему сводит О. Бауэр различия в положении крестьянства России и «Средней Европы»? Русское крестьянство не прошло политической школы и лишено политических интересов—в противоположность западному. Пролетарская диктатура в России основана на пассивности крестьян. Русская деревня терпит пролетарскую диктатуру потому и поскольку та «оставляет ее в покое». На Западе деревня должна активно поддерживать рабочий класс, чтобы он смог захватить власть и удержать ее в своих руках.

Не требуется, конечно, особенной проницательности, чтобы открыть, что при царизме (точнее до 1905—06 гг.) русский крестьянин был далек от политической жизни, что у него не было своей политической организации, своей печати и т. д., что он был культурно отсталым, не умел читать и писать. Но уже бесчисленными восстаниями 1905—06 гг. и затем гигантской волной восстаний, затопившей в 1917 г. всю русскую территорию, тот же самый крестьянин доказал, что он вовсе не был в то время политически «индифферентным», «бессознательным», «незаинтересованным». Он насильственно захватил помещичьи земли,—на наш взгляд признак довольно живой заинтересованности! О. Бауэр забывает о действии двух революций — 1905—6 гг. и февральской революции 1917 г. Он забывает, что в периоды революционных бурь дни, недели и месяцы дают больше в смысле политического пробуждения спавших доселе масс, чем годы и десятилетия демократически-парламентской рутины. Хорош политический сон, в котором совершается грандиознейший со времен французской революции аграрный переворот! И даже не один, а два аграрных переворота, непосредственно переходящих друг в друга: один об'единяет все крестьянское население, всю деревню, поднявшуюся для захвата помещичьих земель, а второй раскалывает эту деревню и поднимает деревенскую бедноту, т.-е. батраков и беднейших крестьян, против кулаков. Горсть крупных помещиков была просто затоплена крестьянским морем в первой из этих двух революций. Вторая же вылилась в форму ожесточенной, свирепой, длительной гражданской войны, на пространстве от Невы до морских побережий Сибири,—гражданской войны, в которой шла борьба не только между русским рабочим классом и старым обществом, но дрались также не на жизнь, а на смерть оба классовых лагеря деревни, вошедшие в ряды красной и белой армии и в партизанские отряды. Такова «пассивная покорность крестьян», поскольку дело касается завоевания и удержания власти.

Но и прокормление красной армии и городских рабочих было бы невозможно при одной лишь «пассивной покорности» беднейшего крестьянства. Если бы оно оставалось «пассивным», революция была бы задушена голодом.

Но после гражданской войны? Даже при незнании фактов простое рассуждение должно было бы убедить марксиста, что отношение деревни к городскому пролетариату не могло заключаться в простой самоизоляции и пассивности. Гражданская война нанесла деревне тяжелые удары. Без самого энергичного, активного вмешательства пролетарского города, без его активной помощи, деревня не могла и не может оправиться. Взаимоотношения между городом и деревней, между крестьянством и пролетариатом, после окончания гражданской войны представляют собою сложный и разнообразный процесс, в котором активно участвуют обе стороны. Этот процесс, конечно, не существует для того, кто воображает, что русский крестьянин мог пережить и проделать революцию, оставаясь все тем же старым мужиком, о котором «образованный» европеец составил себе представление по старым романам. Какая поистине филистерская фантазия требуется для того, чтобы воображать подобные вещи!

Более высокое культурное развитие европейского крестьянина, как и его более или менее давняя вовлеченность в парламентско-политическую злобу дня, бесспорно являются факторами, с которыми должна считаться политика рабочего класса, поскольку дело касается форм и средств агитации и пропаганды, организационных вопросов и т. д.,—но все это отнюдь не способствует большей политической зрелости сельского населения Средней и Западной Европы по сравнению с русским крестьянством[1]).

[1]) Маркс, между прочим, был не слишком высокого мнения о культурности средне- и западно-европейского крестьянства, особенно его наиболее угнетенных классов.

Что касается специально немецкой Австрии, то интересны следующие заявления делегатов партейтага:

Только после пролетарской революции и в Средней и Западной Европе сравнительно высокий культурный уровень европейского крестьянства даст политические плоды,—в условиях капиталистического или помещичьего гнета и всестороннего буржуазного влияния об этом не может быть и речи.

Не менее поверхностны и ошибочны рассуждения О. Бауэра об отношении пролетариата к крестьянству при пролетарской диктатуре в России. Он представляет дело так, будто в деревне большевики не нашли и не использовали классовых противоположностей, будто они там не приобрели себе активных сторонников. Пролетарская диктатура превращается у него в диктатуру пролетариата над крестьянством. В то же время для него ясна вся важность мысли о классовом союзе между пролетариатом и крестьянством. Но он требует, чтобы, в противоположность большевикам, партия привлекла к себе, т.-е. вобрала в себя, пролетарские элементы деревни. Однако, из вышеприведенных рассуждений Бауэра читатель видит, что он хочет открыть доступ в партию не только деревенскому батраку, но и мелкому крестьянскому собственнику,—и притом не индивидуально, а как представителю определенного социального слоя. (А между допущением в партию мелкого крестьянина и допущением в нее среднего едва ли можно провести строгую границу). Таков должен быть, по Бауэру, истинный классовый союз без «диктатуры»; гегемония пролетариата заключается в том, что он является головным отрядом партии. Кратко выражаясь, можно сказать, что вместо союза двух классов, пролетариата и крестьянства, у О. Бауэра получается отказ от классового характера пролетарской партии, ее превращение в мешанину пролетарских и мелкобуржуазных элементов. Но это значит перевернуть вверх ногами понятие классового союза, ибо понятие это как раз предполагает существование двух партнеров, как вполне отличных друг от друга факторов, что неизбежно должно найти себе и организационное выражение. «Новостью» в этом гениальном исправлении большевизма является только этикетка. Социалистическая народная партия, в которой пролетариат и мелкобуржуазные элементы смешаны в общую кашу,—довольно старая выдумка.

Что отказ от чистоты пролетарского состава партии и союз между классами не одно и то же, что, наоборот, сохранение классового характера партии является предпосылкой такого союза, эта истина открыта, впрочем, не большевиками.

В известной статье Ф. Энгельса о крестьянском вопросе во Франции и Германии [1]) ясно и определенно говорится: «Я решительно отрицаю, чтобы в задачу социалистической партии какой-либо страны входило принимать в свою среду, кроме деревенских пролетариев и мелких крестьян, также средних и

Гоффенрейх (Бургенланд): «Люди (в деревне) не читают газет, собраний, особенно социал-демократических, не бывает годами» (Протокол, стр. 274).

Видмайер (Варграм): «Можно только приветствовать речи о том, что у нас в деревнях должны быть школы. Но школы ничему не помогут, когда ребенок с раннего детства остается без матери. В Маршфельде в нынешнем году сгорело трое детей, которые были заперты на целый день, потому что мать весь день проводила в хлеве, а отец в поле» (Протокол, стр. 284).

[1]) Neue Zeit, XII, 1, стр. 292 (1894 г.).

крупных крестьянских собственников, не говоря уже об арендаторах больших имений, капиталистических скотоводах и прочих капиталистических представителях национального землевладения... Мы можем в некоторых вопросах итти вместе с ними, можем до поры до времени бороться на их стороне за определенные цели. Но в нашей партии может быть, правда, место лицам из любого общественного слоя, но отнюдь не капиталистическим, не среднебуржуазным или среднекрестьянским группам» (стр. 299).

Но где же—могут мне возразить—говорит О. Бауэр о принятии в партию представителей среднего и крупного крестьянства? Определенно он этого не говорит нигде. Но из того, что он противопоставляет классовый союз с крестьянством, основанный на его включении в партию, такому союзу с ним, при котором оно в массе своей остается вне партии,—отсюда этот вывод уже вытекает сам собою. И, действительно, именно в этом пункте проявляется внутреннее перерождение всех социал-демократических партий, ибо все они широко открывают доступ в партию мелкобуржуазным элементам [1]).

Когда Энгельс писал слова предостережения против допущения в партию средних и крупных крестьянских собственников, он имел, между прочим, в виду, как это явствует из некоторых его писем, альпийских крестьян, эксплоатирующих свою домашнюю челядь и батраков.

Перейдем теперь к описанию перипетий в развитии отношений между промышленным пролетариатом и крестьянством в Австрии за время от 1918 до 1920 г. и к рассмотрению той роли, которую играла при этом австрийская социал-демократия. Из нашего изложения выяснится, какие задачи должна была ставить себе революционная рабочая партия в деревне, чтобы победить. Но для понимания событий, о которых у нас пойдет речь, нужно дать сначала краткий обзор классового расчленения, имущественных отношений и хозяйственных форм в австрийском сельском хозяйстве. Различия в облике, какой принял аграрный вопрос в России и в капиталистически развитых странах Средней и Западной Европы, коренятся гораздо глубже, чем в таких фактах культурного порядка, как грамотность, участие в парламентской партийной жизни и т. д. Они в первую голову обусловлены историческим моментом и классовыми отношениями, при каких происходит в данной стране ликвидация феодализма или его остатков. В Англии, например, этот момент отделен от нас столетиями, во Франции он приходится на 1789 год, в Германии—на 1848 г. и т. д. В своем первом периоде русская аграрная революция еще имела перед собой некоторые из тех задач, которые уже давно были разрешены в Средней и Западной Европе. Но если в Европе помещичий феодализм был ликвидирован буржуазией (активной боевой силой являлась при этом демократическая мелкая буржуазия вместе с зачаточным пролетариатом), то в Рос-

[1]) Прием в ВКП (б) середняков-крестьян, конечно, не может рассматриваться как мера, ведущая к перерождению этой партии, ибо ВКП (б) принимает в свои ряды лишь очень ограниченное число прочно перешедших на сторону и точку зрения пролетариата середняков. Основным принципом регулирования состава ВКП (б) является обеспечение в ней громадного пролетарского большинства.

сии **руководство этой революцией** выпало на долю **рабочего класса**. При таких условиях буржуазная революция против феодализма слилась и об'единилась с социалистической революцией против капиталистического строя.

Эти две исторические задачи, отделенные друг от друга в Средней и Западной Европе рядом поколений, оказались в России втиснутыми в промежуток нескольких лет. Считаться **только** с исторической отсталостью русского крестьянина по сравнению с европейским значит решительно ничего не понимать. Отсталый сравнительно с Западом русский крестьянский класс об'единяется с исторически настолько передовым и развитым классом, как этого никогда еще не было на Западе,—с пролетариатом. Отсюда та необычайная быстрота, с какой русский крестьянин без передышки пробегает целый ряд революционных этапов.

Крестьянству Западной и Средней Европы уже не приходится, за немногими исключениями, добиваться ликвидации феодально-помещичьего землевладения. Его главным антагонистом является капиталистически хозяйствующий крупный землевладелец и более или менее монополистический промышленный, торговый и банковский капитал. В конечном счете это только означает, что по сравнению с Россией на Западе отпадает первый, антифеодалистический, акт революционной драмы, и последняя прямо начинается со второго.

2. Крестьянство и рабочий класс в Австрии от 1918 до 1920 г. и роль социал-демократии.

Крупные сельскохозяйственные предприятия имеются в большом количестве только в **Бергенланде** и **Нижней Австрии**; остальные «области» (провинции) являются **крестьянскими**, и для них характерна средне- и крупно-крестьянская форма хозяйства, работающая с домашней прислугой, поденщиками и полупролетариями разных оттенков («Häusler, Keuschler»).

Существующая сельскохозяйственная и промысловая статистика, к сожалению, весьма неудовлетворительна. За 1902 год мы имеем следующие цифры:

Число хозяйств.

Провинции.	Ниже 2 гектар	%	2—5 гектар	%	5—20 гектар	%	20—100 гектар	%	Свыше 100 гектар	%	Общее количество.
Нижняя Австрия	59.958	38,5	27.868	17,9	48.416	31,1	18.515	11,9	968	0,6	155.725
Верхняя Австрия	25.642	31,5	14.574	11,9	25.360	31,2	15.454	19,0	278	0,9	81.308
Зальцбург	3.573	22,5	2.243	14,2	5.704	36,01	3.602	22,08	703	4,4	15.825
Штирия	21.040	26,0	19.230	23,7	27.405	33,8	12.183	15,1	1.356	1,4	81.214
Каринтия	7.305	21,9	5.618	16,9	10.891	32,7	8.385	25,2	1.095	3,3	33.294
Тироль	7.520	24,3	7.970	25,8	10.610	34,3	3.929	12,7	922	2,9	30.951
Форарльберг . .	7.559	42,0	4.769	26,2	4.600	25,6	788	4,4	318	1,8	18.034

Крупной крестьянской собственностью считается в Австрии участок, превышающий 20 гектар, хозяйства в 5—20 гектар относятся обыкновенно к средне-крестьянским. Участки меньше,

чем в 5 гектар, принадлежат большей частью мелким крестьянам и полупролетариям, а иногда (всегда это так в окрестностях Вены) просто фабричным рабочим, владеющим небольшим клочком земли (огородом, виноградником и т. д.).

Если взять средние и крупные крестьянские хозяйства вместе, то получается следующая таблица (в процентах):

Процент средних и крупных крестьянских хозяйств (5—100 гектар).

Нижняя Австрия и Вена	43,0
Верхняя Австрия	56,1
Зальцбург	58,1
Штирия	48,9
Каринтия	57,9
Тироль	47,0
Форарльберг	30,0

О распределении земельной площади между различными категориями хозяйств сельскохозяйственная статистика дает мало пригодного для нас материала, потому что она берет все хозяйства ниже 100 гектар за одну скобку. В хозяйственной переписи 1896 г. для девяти областей (Верхней и Нижней Австрии, Штирии, Зальцбурга, Тироля и Форарльберга, Богемии, Моравии, Силезии) мы тоже находим слишком суммарные для наших целей данные, потому что охваченная ею территория отличается большим разнообразием, да к тому же в ней учтены и городские строительные участки. По данным этой переписи, на средние и крупные хозяйства от 5 до 100 гектар приходится 47,3% всей земельной площади девяти названных областей. Во всяком случае, из всех имеющихся данных вытекает заключение о **сильных позициях среднего и крупного крестьянского хозяйства** на территории нынешней Австрии.

Если же, с другой стороны, подсчитать хозяйства размерами ниже 5 гектар, то получается следующая картина:

Число хозяйств ниже 5 гектар в % (1902 г.)

Нижняя Австрия и Вена	56,4
Верхняя Австрия	43,4
Зальцбург	36,7
Штирия	49,7
Каринтия	38,8
Тироль	50,1
Форарльберг	68,2

О числе **сельскохозяйственных рабочих** дает представление следующая таблица (от 1910 г.), относящаяся к земледелию и лесному хозяйству:

	Самостоят. хозяева	Служащие	Рабочие	Работающие чл. семей
	(в процентах)			
Нижняя Австрия . . .	30,43	0,49	32,39	36,69
Верхняя Австрия . . .	27,96	0,23	47,66	24,15
Зальцбург	22,12	0,46	51,30	26,12
Штирия	27,77	0,16	34,00	38,07
Каринтия	20,09	0,30	47,10	32,51
Тироль	32,39	0,12	22,67	44,82
Форарльберг	40,96	0,15	13,68	45,21

Таким образом, в Каринтии, Зальцбурге и Верхней Австрии сельскохозяйственные рабочие составляют **почти половину**

всего населения, занятого в сельском хозяйстве, а в Нижней Австрии и Штирии—около одной трети, при чем здесь в рубрику «самостоятельных хозяев», наверное, включены и многочисленные полупролетарские элементы.

Теперь мы можем перейти к истории отношений между городским рабочим классом и деревенским населением и к той роли, которую играла при этом социал-демократия в период от 1918 до 1920 года. В основу нашего изложения мы положим книгу самого О. Бауэра «Австрийская революция» [1]).

О течениях среди крестьянства в начале революции О. Бауэр говорит в своем «Wald und Weide»:

«К концу войны сильное брожение охватило и крестьянство... И крестьянин стал надеяться, когда революция прогнала императора, на великий переворот в области имущественных отношений. Теперь, думал он, настала пора вернуть похищенную господами крестьянскую землю потомкам «Якова Последнего» [2]) (курсив мой. *А. Т.*), настала пора разделить помещичьи земли среди крестьянских сыновей, установить новые правила для пользования лесом и выгоном, преобразовать охотничье право» (стр. 152—153).

«...Деревенский пролетариат начал об'единяться с промышленным пролетариатом. Он примкнул к социал-демократии. Но крестьянский собственник, недовольный режимом «хозяйства центров» [3]) и напуганный движением деревенской бедноты, стал относиться к социал-демократии со все возрастающей враждебностью. Социал-демократия была поэтому (!! *А. Т.*) не в состоянии захватить руководство тем демократическим движением, требовавшим переворота в имущественных отношениях, которое к концу войны охватило и крестьянство. Это движение стало развертываться под сенью христианско-социалистической партии» (стр. 153—154).

Подчеркнутое нами в этой цитате «поэтому» поистине великолепно! Мы увидим сейчас, как христианско-социалистическая партия удовлетворила требование крестьян о перевороте в области имущественных отношений. «Хозяйство центров» мы имели, как известно, и в России, пережившей реквизиции и военный коммунизм. Русскому крестьянину реквизиции были тоже не очень-то по душе. Но он помирился с ними ради «переворота в области имущественных отношений», ради передачи помещичьей и кулацкой земли бедным и средним крестьянам. Поэтому бедный крестьянин и середняк отвернулись от эсеров (которые, с некоторыми оговорками, соответствуют австрийским христианским социалистам) и перешли через левое эсерство к большевикам. Богатый же крестьянин, бывший против имущественного переворота (потому что ему-то пришлось бы не получить землю от помещиков, а отдать ее беднякам и середнякам), составил ядро белых армий и сдался только после поражения в длительной гражданской войне. Ключ к положению в

[1]) Otto Bauer. «Die österreichische Revolution» Вена, 1923 г.

[2]) «Яков Последний» – заглавие крестьянского романа тирольского народного писателя Розеггера. В романе описывается отчаянная борьба одного мелкого крестьянина за землю, оканчивающаяся его поражением.

[3]) Имеются в виду государственные центральные органы по закупке и распределению продовольствия.

Австрии именно в том и заключался, чтобы удовлетворить земельный голод бедного крестьянина, а также деревенского пролетария и полупролетария. Социал-демократия не решилась стать во главе революционного движения мелких крестьян и деревенских батраков, и вот поэтому «крестьянин» повернулся к ней спиной, образовал левое крыло в партии христианских социалистов и в конце концов снова подчинился руководству деревенской и городской буржуазии.

Но послушаем О. Бауэра:

«Крестьянство,—уверяет он,—было в начале революции далеко от контрреволюционных настроений. Ожесточенное войной, оно было за республику, против милитаризма и плутократии, и даже рвалось к перевороту в области деревенских имущественных отношений. Весной 1919 года представители крестьянства в рядах христианско-социалистической партии освободились от своих буржуазных руководителей и об'единились с социал-демократией. Из этой коалиции родилось движение Реннера-Финка. Но такое положение длилось очень недолго. Чем больше обострялся в ходе революции антагонизм между крестьянством и пролетариатом, тем быстрее и основательнее сумели городские христианские социалисты снова подчинить своему руководству христианско-социалистических крестьянских представителей».

Вот где решающий пункт, который, впрочем, Бауэр всячески старается замазать: чтобы оторвать средних и бедных крестьян и деревенских пролетариев от богатых крестьян и от городской христианско-социалистической буржуазии, требовался со стороны рабочего класса переход к революционной борьбе за землю. Но революционная борьба за землю могла и может вестись только в соединении с борьбой за фабрику в городе, т.-е. за полное низвержение и экспроприацию буржуазии. А это уже означает прорыв рамок буржуазной демократии, борьбу за пролетарскую диктатуру, переход от буржуазной революции к социалистической. От этого шага австрийская социал-демократия была так же далека, как германская. И вот это предательство революционных интересов не только рабочего класса, но и деревенской бедноты, отбросило эту последнюю в об'ятия буржуазии, т.-е. христианских социалистов, и со стихийной необходимостью предопределило перелом революции. Бауэр излагает дело так, будто «крестьянин» отвернулся от социал-демократии потому, что она была для него слишком революционна. Это значит ставить вещи вверх ногами. В действительности все дело в том, что для революционных элементов деревни, для батраков, полупролетариев и бедных крестьян, социал-демократия шла недостаточно далеко и только для деревенской буржуазии она шла слишком далеко.

Разумеется, у австрийской социал-демократии был полон короб «веских оснований», заставивших ее остаться в рамках буржуазной революции и пожертвовать буржуазии революционными интересами деревенской бедноты. Вся деятельность австро-марксистов во время и после революции сводилась и сводится к изысканию «веских» и достаточных оснований для этого предательства. В его об'яснение и оправдание ссылаются на исторические, географические и еще всякие другие основания. Как тут не вспомнить слова старика Гегеля: «В наше исполненное рефлексии и резонирующее время не далеко пошел тот, кто

не умеет подкрепить все, даже самое дурное и несуразное, какимнибудь веским основанием. Все, что есть испорченного в мире, испорчено в силу веских оснований. Когда слышишь ссылку на основания, вначале бываешь склонен отступить перед ними; но когда потом убедишься, в чем тут дело, становишься туг на ухо по отношению к ним, и они уже перестают импонировать» (Энциклопедия, § 121, добавление).

Единственного, действительно веского основания, которое могло бы заключаться в том, что деревенская беднота была еще недостаточно развита для сочувствия революции в области деревенских имущественных отношений,—этого-то основания как раз и не было, как определенно заявляет сам О. Бауэр. Деревенская беднота желала аграрной революции, надеялась на нее, требовала ее, и, стало быть, была готова ради нее на борьбу и на жертвы.

Покинутая социал-демократией, она была вынуждена вернуться под опеку буржуазии. В этом пункте, который предопределил крушение революции не только в деревне, но и в городе, австрийские рабочие должны отдать себе ясный отчет, если они не хотят еще раз потерпеть поражение. Фактический материал в пользу этого утверждения приводится самим Бауэром и другими австрийскими лидерами.

Законодательная работа революционных лет, в той ее части, которая касается деревни, держалась строго в рамках буржуазных имущественных отношений. Бауэр сам говорит: «В законодательстве, направленном на преобразование крестьянских имущественных отношений, руководство осталось за христианско-социалистической партией».

Был издан декрет об охране арендаторов, закон о выкупе арендных участков, правила о труде сельскохозяйственных рабочих и закон о возвращении крестьян на землю (от 31 мая 1919 г.). Этот последний интересует нас здесь больше всего, ибо он относится как раз к «Якову Последнему», к вопросу об аграрной собственности. Закон этот об'являет допустимым отчуждение земли в небольших размерах за выкуп. И даже этот закон, представлявший собою только жалкую буржуазную реформу, подвергся саботажу со стороны правительственных органов, на которые было возложено проведение экспроприации. Не удивительно, что результаты (до 30 июня 1924 г.) получились самые плачевные: в силу названного закона было отчуждено 4.190 гк. земли для крестьянских участков и дворов и 9.764 гк. земельных угодий. Чтобы составить себе представление о смехотворной незначительности этого результата, достаточно вспомнить, что в одной только Верхней и Средней Штирии, за время от 1903 до 1912 г., крестьянами было потеряно 48.755 гк. земли.

Бауэр все время говорит о христианско-социалистическом аграрном законодательстве. Социал-демократы действительно «требовали» (в парламенте) отчуждения господской земли в пользу сельских общин и сельскохозяйственных коллективов, против чего возражали христианские социалисты.

Но что же заставило социал-демократию подчиниться требованиям христианских социалистов? Здесь необходимо дать краткий очерк развития классовых отношений в ходе австрийской революции. Как и выше, мы будем придерживаться изложения самого О. Бауэра.

И австрийская монархия сделала накануне своего крушения последнюю попытку спасти себя с помощью социал-демократии. Средством для этой цели должен был послужить государственный совет, выбранный «временным национальным собранием» (т.-е. попросту старыми депутатами немецко-австрийских избирательных округов). Этот государственный совет, составленный на пропорциональных началах из представителей всех партий, назначил статс-секретарей. Из социал-демократов эти посты заняли Виктор Адлер (иностр. дел) и Фердинанд Ганущ (соц. обеспечения), остальные статс-секретари были из буржуазных партий. Кроме того, в это правительство вошли следующие социал-демократы: Реннер—управляющим концелярией государственного совета, Глеккель—товарищем статс-секретаря по внутренним делам, при христианско-социалистическом статс-секретаре, и Юлиус Дейч—товарищем статс-секретаря по военным делам, тоже при христ.-соц. статс-секретаре. 3 ноября было заключено перемирие с Антантой. Социал-демократия, уступая давлению снизу, стала формировать батальоны народной обороны из рабочих; регулярная армия к этому времени окончательно разложилась. Император еще на троне, но уже функционируют «министерства ликвидации». Во всех центральных органах императорские министры сидят бок о бок с республиканскими статс-секретарями. На другой день после падения гогенцоллернской монархии в Берлине, 10 ноября австрийская социал-демократия решается, наконец, выступить с требованием республики. 12 ноября рабочий класс внушительно подкрепил это требование всеобщей стачкой.

В тот же день Австрия была провозглашена демократической республикой, и были об'явлены новые выборы во все политические органы на основе всеобщего и равного избирательного права. Одновременно происходила демократическая революция в альпийских областях. Здесь повсюду образовались демократические областные правительства из членов всех партий. Прекраснодушные мечты о гармонии классов овладели умами. Решающим фактором явилось в этих областях крестьянство, и при этом—о чем забывает напомнить Бауэр, но что самое главное—руководящая роль принадлежала богатым крестьянам. Они тотчас повернулись против пролетарской Вены. Уже 21 ноября Тироль принимает решение об официальном об'явлении своей независимости. Было ясно, что сломить гегемонию богатых крестьян и об'единить бедное и среднее крестьянство и деревенский пролетариат с городским рабочим классом удастся только в том случае, если социал-демократия решительно возьмет на себя руководство аграрной революцией. Роль руководителя явно выпадала, таким образом, на долю пролетариата.

И здесь изложение самого Бауэра подтверждает, что среди малоимущего крестьянства были даны для этого все предпосылки:

«Подобно рабочему и крестьянин считал, что политическая революция должна принести с собой народным массам переворот в области имущественных отношений. С семидесятых годов помещики и капиталисты в альпийских провинциях сгоняли крестьян с их участков, создавая из крестьянских земель большие поместья, и там, где некогда паслись коровы крестьян, бродили теперь господские олени. Теперь, думал крестьянин, настало время вернуть похищенную крестьянскую землю потомкам «Якова Последнего». В годы войны военные спекулянты тра-

тили свои свеже-нажитые деньги на покупку больших имений, но теперь настала пора разделить среди крестьян эти богатства, добытые народной кровью...» (Отто Бауэр, Die österreichische Revolution, стр. 122).

Крестьянская беднота была готова к бою, но этой готовности не было у социал-демократии. Все крестьяне были равно ожесточены против хозяйства военного времени, против военных реквизиций продовольствия в деревне. Рабочие советы, которые и в Австрии внезапно появились на свет в ноябрьские дни, были вынуждены в свою очередь немедленно приступить к реквизиции продовольствия у крестьян. Этим уже была предрешена судьба революции. Реквизиции в пользу городского рабочего класса могли бы быть проведены только в том случае, если бы одновременно малоимущему крестьянину и деревенскому пролетарию была передана помещичья и кулацкая земля. Только получение земли, и притом немедленное, могло бы примирить мелкого крестьянина с режимом реквизиций, отколоть его от богатых крестьян и городской буржуазии, парализовать тенденции к отрыву от Вены, сплотить деревню и город в единый боевой фронт. Это, несомненно, привело бы к ожесточеннейшей гражданской войне в самой деревне и к полному разрыву с буржуазией в городе. Правительствам классовой гармонии и классовой коалиции такая задача была не по плечу. И как могла бы австрийская социал-демократия, которая тоже помогала правительству держаться во время войны и которая еще в октябре участвовала в попытке спасти габсбургскую монархию, написать на своем знамени полный разрыв с буржуазией? Но во всяком случае отказом от этого разрыва был решен вопрос о дальнейшем ходе революции или, вернее, контрреволюции. Кулаки постепенно завоевали деревенские массы, взяв на себя руководство борьбой против реквизиций. Под их руководством крестьяне стали саботировать поставку продовольствия, опираясь на поддержку крестьянских советов. Во многих местах крестьяне вооружились. Провинциальные правительства («области») отрезали от подвоза продовольствия не только Вену, но и друг друга. «Автономные» областные правительства грозили отложиться от Вены.

И тем не менее выборы в учредительное собрание от 16 февр. 1919 г. еще дали социал-демократии большинство голосов. Социалистическая партия Австрии получила 1.211.814 голосов, христианские социалисты—1.068.822, национальные немецкие партии—545.938. Из общего количества в 159 мандатов С.П.А. получила 69, христианские социалисты—63, пангерманцы—24. При этом надо еще заметить, что от христианских социалистов откололось левое крыло, освободившееся от влияния городских христианских социалистов (т.-е. мелкой городской буржуазии). Социал-демократия еще имела возможность привлечь на свою сторону малоимущее крестьянство. Конституционным законом 14 марта государственный совет был распущен. Правительство было образовано из социал-демократии и левого крестьянского крыла христианских социалистов, при чем руководящее место принадлежало социал-демократам. В правительство 15 марта вошли следующие социал-демократы: Реннер (канцлер), Дейч (военное ведомство), О. Бауэр (иностр. дел), Ганупп (соц. обеспечение), Глеккель (просвещение). От крестьянского крыла христ. социалистов в правительство вошли форарльбергский крестьянин Финк (вице-канцлер), нижне-австрийский крестьянский лидер

Штеклер (сельское хозяйство), Цердик (торговля) и Никлас (ведомство вероисповеданий).

Это левое крестьянское крыло христианско-социалистической партии еще далеко не выражало собою всех чаяний бедного крестьянства. Как показывает закон о заселении земель, в нем преобладало влияние богатых крестьян, которые ничего и слышать не хотели о революционном изменении имущественных отношений в деревне. Поставив свою аграрную политику в зависимость от этих элементов, социал-демократия сама задержала дальнейшее революционизирование бедного крестьянства и тем самым выбила у себя почву из-под ног. Правда, в рамках буржуазной демократии проведение аграрной революции было невозможно и в тот момент. Но такая возможность вообще никогда не наступит. И русская учредилка отвергла, как известно, декреты о конфискации земли, хотя бедное крестьянство, как показали дальнейшие события, было за них, а бедное крестьянство составляло громадное большинство в деревне.

Тем временем возникла венгерская советская республика, предоставленная австрийской социал-демократией собственной судьбе и вскоре низвергнутая контрреволюцией. Баварская советская республика пала под ударами германской социал-демократии.

Уже осенью 1919 года отказ социал-демократии от аграрной революции привел к тому, что трещина внутри христианско-социалистической партии замкнулась снова. Образовалось второе коалиционное правительство от 17 октября 1919 г. Для характеристики этого правительства предоставим слово самому О. Бауэру:

«Таким образом, во вторую коалицию христианско-социалистическая партия вступила гораздо более крепкой, чем в первую. Первая коалиция была союзом классов (но не союзом с бедным крестьянством! *А. Т.*). Вторая коалиция была банальным партийным блоком социал-демократии с христианскими социалистами.

Социал-демократия делила теперь господство уже не с представителями крестьянства, а с представляемой городскими христ. социалистами частью буржуазии, которая теперь снова командовала крестьянскими голосами».

Прошел еще год, и социал-демократия окончательно села на мель и была вынуждена отдать бразды правления в руки одной буржуазии.

Выборы в национальный совет от 17 октября 1920 г. дали большинство голосов христианским социалистам (1.205.000 голосов против 1.023.000, полученных С.П.А.). 22 октября социал-демократические статс-секретари вышли из правительства. 20 ноября образуется первое чисто-буржуазное правительство республики.

Последним этапом на пути буржуазной реставрации является женевский договор от 4 октября 1922 г., превративший Австрию в маленькую колонию Антанты с отечественной буржуазией в качестве барских приказчиков, за которыми стоит буржуазия Антанты с шейлоковским векселем в руках и с повелительным требованием навести капиталистический «порядок».

(*Продолжение следует*).

Отчет Генерального совета о всеобщей забастовке.

«Вы можете не верить моему слову, но неужели вы не примете слов британского джентльмена, который был губернатором Палестины».

(Из заявления Томаса Куку).

На 25 июня с. г. Генеральный совет конгресса профсоюзов Великобритании созвал конференцию исполкомов, чтобы представить отчет о своей деятельности с момента об'явления всеобщей забастовки, вплоть до момента ее окончания. Отчет был составлен и разослан, как конфиденциальный документ, всем членам Ген. совета. Он впоследствии был утвержден единогласно всем составом высшего органа английских профсоюзов.

Все с нетерпением ждали этого отчета. Но накануне 25 июня мы узнали, что состоялось соглашение между Генеральным советом и исполкомом федерации горняков, чтобы отложить конференцию впредь до окончания забастовки горняков.

Почему конференция была отложена? На этот вопрос имеется официальный ответ, подписанный Генеральным советом и исполкомом федерации горняков, согласно коему конференция отложена для того, чтобы сосредоточить все внимание и всю энергию рабочего движения на помощи горнякам. Но этот ответ является только официальной версией, призванной скрыть правду от широких масс рабочего класса как Англии, так и всего мира.

В действительности Генеральный совет в самые последние дни перед моментом созыва конференции почувствовал, что его отчет вряд ли встретит сочувствие английского рабочего движения. Он предпочел попытаться либо вовсе уклониться от ответа, либо, по крайней мере, отложить отчет до такого момента, когда страсти улягутся и когда грехи и преступления, им содеянные, будут преданы забвению.

Тактику Генерального совета легко понять. Оправдаться ему более чем трудно, и он кровно заинтересован в том, чтобы выиграть время. Менее понятно, почему горняки не только согласились на отсрочку конференции, но обязались при этом воздержаться от критики Генерального совета, при чем Кук взял обратно свою маленькую книжку «Девять дней», в которой он опубликовал много интересных данных о том, как черная измена была совершена. Из данных, опубликованных в английской прессе, явствует, что горняки продали свое святое право критики действий Генерального совета за обещание со стороны последнего мобилизовать все силы и все средства для обеспечения победы забастовки.

Теперь уже все знают, что Ген. совет своего обещания не сдержал. Он не только не оказывает активной помощи горнякам, но он эту помощь сознательно и планомерно саботирует. Хуже того, через своих активных членов—Бромлея, Бэвина и других—он пустил в прессу те ядовитые обвинения, которые легли в основу его отчета.

Думаем, что в этих условиях мы не только имеем право, но даже обязаны подвергнуть анализу этот секретный документ, большие части коего уже фактически были опубликованы.

Секретный отчет Ген. совета состоит из двух частей. Он содержит в себе часть первую—отчет индустриальной комиссии, в котором мы находим подробное описание всех переговоров, связанных с конфликтом в горной промышленности, вплоть до рокового дня, когда забастовка была свергнута постановлением Ген. совета; вторую часть составляет отчет комиссии по организации забастовки (strike organisation committee).

Обратимся к первой и основной части отчета. Она начинается описанием событий, имевших место в июле 1925 года и закончившихся победой горняков в день 31 июля, который вошел в анналы истории английского рабочего движения под названием Красной Пятницы. Отчет ограничивается простым констатированием того факта, что правительство Болдуина в самую последнюю минуту в день 31 июля 1925 г. пошло на уступки, и поэтому мероприятия, намеченные Ген. советом—организация эмбарго—оказались ненужными. Ген. совет при этом умалчивает, что правительство точно об'яснило цели и задачи своей уступки. Оно предупредило рабочий класс Англии, что свою временную уступку оно рассматривает, как передышку, нужную и необходимую для того, чтобы лучше подготовиться к предстоящим боям.

Умалчивая об этом важном моменте, Генеральный совет в своем отчете пытается создать впечатление, что с момента заключения перемирия, т.-е. с 31 июля 1925 года, он серьезно занимался подготовлениями к тому времени, когда срок перемирия будет закончен.

В доказательство этого тезиса, отчет приводит следующие факты:

1. В сотрудничестве с федерацией горняков и с исполкомом рабочей партии, он представил королевской комиссии «конструктивные предложения полной реорганизации и пересоздания всей промышленности». И к этому отчет прибавляет: «Если бы эти предложения были приняты, то не только удалось бы предотвратить последующие конфликты, но промышленность уже была бы на пути к полному восстановлению». Ген. совет при этом не дерзает даже сказать, что речь идет о национализации угольной промышленности, которую больше всего отстаивали горняки.

2. Индустриальная комиссия, существовавшая с июля месяца 1925 года, продолжала поддерживать контакт с горняками, и 30 января состоялось совместное заседание индустриальной комиссии с исполкомом федерации горняков, где была намечена общая линия поведения.

Ген. совет также отмечает, что состав индустриальной комиссии был несколько изменен. Председательское место в ней

было занято Пью (председателем июльской комиссии был Свейльс), а в состав комиссии был включен темных дел мастер Джимми Томас.

3. Индустриальная комиссия вела переговоры с кооперативами об организации кредита для забастовщиков на случай, если забастовка станет необходимой. Кооператоры, однако, заявили, что они могут взять на себя организацию кредита лишь в том случае, если этот кредит будет в достаточной мере гарантирован. Иными словами, еще задолго до начала забастовки английские кооператоры обнаружили такое же понимание принципов пролетарской солидарности, с каким мы впоследствии столкнулись, когда Ген. совет вел переговоры с секциями Амстердамского Интернационала о займе для помощи бастующим горнякам.

Этими коротенькими сообщениями исчерпываются все «приготовления», которые Генеральный совет сделал перед лицом конфликта между трудом и капиталом. Но это отнюдь не мешает гражданину Бромлею с презрением отвергнуть обвинение в неподготовленности, выдвинутое против Генерального совета (см. журнал «Локомотив», статья Бромлея «Великая забастовка», июль 1926 г., стр. 303).

Вопрос о подготовленности имеет огромнейшее значение. Мы хорошо знаем, что не только союз хозяев горной промышленности, но и правительство открыто готовились к первомайской забастовке. Программа приготовлений правительства была изложена не только в отдельных заявлениях членов правительства, но и в программной речи, произнесенной Черчиллем 10 декабря 1925 года, когда он просил палату общин утвердить дополнительную ассигновку на выплату субсидии хозяевам горной промышленности.

Мы позволим себе привести следующую выдержку из этой программной речи:

> «С того момента, как перестало сказываться искусственное преимущество оккупации Рура французами, т.-е. с начала нынешнего года, угольная торговля стала переживать неуклонно обостряющуюся депрессию. Все цены упали этим летом до уровня, который низвел установленную зарплату [1]) настолько ниже минимума, что шахтовладельцы все время несли весьма тяжелые убытки. Предприниматели требовали пересмотра минимума, а также дальнейшего снижения заработной платы в соответствии с усугублением депрессии. Горнорабочие ответили отказом даже обсуждать вопрос о снижении зарплаты или об удлинении рабочего дня, и они дали понять—это вытекало из позиции, которую они занимали, хотя они этого не говорили,—что если шахты не дают достаточной прибыли для сохранения существующей зарплаты и условий труда в промышленности, а также для сохранения повышенного количественного состава рабочих, влившегося в промышленность за последние несколько лет, то разницу, в чем бы она ни выражалась, убыток должны нести налогоплательщики. В этой их позиции горняков поддерживали

[1]) Под «установленной зарплатой» следует понимать ту зарплату, которую хозяева считали возможным платить в противовес тому минимуму, который они действительно платили. *Автор.*

> другие профсоюзы, и поэтому население должно было либо платить разницу между установленной зарплатой и минимумом, либо же считаться с возможностью всеобщей забастовки или того, что весьма походило на всеобщую забастовку организованного рабочего класса.
>
> О всеобщей забастовке организованного рабочего класса надо сказать следующее: кто бы ни выиграл, каждый класс, особенно же класс беднейший, неминуемо теряет; вся торговля и финансы страны расстраиваются; весьма тяжелые издержки возлагаются на правительство; приходится вводить новые тяжелые налоги; рынки, на которые работает наша экспортная торговля, быстро захватываются нашими алчными соперниками, шансы на восстановление благосостояния утрачиваются, возможно, на несколько лет, безработица продолжается в значительно увеличенном масштабе. Перед лицом всех этих зол все мыслящие люди должны согласиться, что в такую борьбу надо вступать, только если с абсолютной достоверностью выяснено, что все иные пути, все иные средства использованы и что нет другой возможности избавить общество от катастрофы.
>
> Кроме того, правительство в то время, в конце июля, усматривало возможности фактического оживления торговли. Мы не считали себя в праве их предсказывать, но, основываясь на полученных нами из разных источников доказательствах, мы рассчитывали на возможность улучшения положения, на сокращение безработицы, на улучшение цен мирового рынка в нашу пользу и, следовательно, на возможность заполнить брешь между установленной зарплатой и ее минимумом. Кроме того, мы действовали под впечатлением того факта, что *страна в целом недостаточно информирована насчет характера и колоссальных последствий такой борьбы, как та, которая перед ней вставала* (курсив мой). Совершенно очевидно, что, будучи вызовом такого рода, конфликт мог легко выйти за пределы простого экономического конфликта из-за заработной платы и условий труда и мог бы принять характер, совершенно отличный от характера подобных экономических столкновений. Если это могло воспоследовать, то совершенно ясно, что такой конфликт между обществом, во главе с правительством, с одной стороны, и многими крупными профсоюзами—с другой, должен был закончиться только одним образом, а именно, достигнутой любой ценой победой общества над организованной группой граждан, как бы эта группа ни была ценна, важна и многочисленна. Поэтому мы считали, что если такая борьба будет в самый последний момент признана неизбежной, то в высшей степени важно, чтобы она была предпринята только в таких условиях, которые без надобности не подвергли бы нацию опасностям, которых даже невозможно преувеличить. *Поэтому мы решили оттянуть кризис в надежде его предотвратить или если не предотвратить, то успешно с ним справиться, когда он наступит* (курсив мой). В виду этого, мы вступили с предпринимателями в соглашение уплачивать им в течение 9 месяцев разницу между установленной зарплатой и ее минимумом.

если таковая выразится не в пользу предпринимателя и независимо от ее размеров» (см. официальный отчет заседания палаты общин за 10 декабря 1925 г., стр. 730 и 731).

С места в карьер Черчилль переходит к королевской комиссии, которая, по всем видимостям, должна была подготовить благоприятную почву для победы правительства.

«Мы назначили,—заявляет Черчилль,—королевскую комиссию для изучения общего положения этой некогда процветавшей и благоденствовавшей отрасли промышленности и низведенной теперь до того, что она вынуждена просить у нации милостыню и исторгнуть выкуп у массы граждан всех классов, угрожая приостановить всю торговлю страны».

Ясно, что комиссия должна была покончить с этими милостынями и выкупами и уничтожить разницу между зарплатой, получаемой горняками, и той, которую хозяева хотели бы платить, за счет горняков.

Программа правительства проводилась открыто и нагло. Вся деятельность правительства проходила под знаком мобилизации штрейкбрехерских сил.

Можно ли серьезно утверждать, что Генеральный совет имел свою контрпрограмму? Мы думаем, что первые две страницы отчета, основной смысл которых мы привели выше, дают нам полное право ответить на поставленный вопрос резко отрицательно.

Попробуем, однако, проверить этот вывод на основании других данных официального и официозного характера.

В отчете комиссии по организации забастовки на первой странице мы читаем:

«29 апреля индустриальная комиссия (ныне называется комиссия по переговорам) представила свой отчет конференции исполкомов; этот меморандум, однако, не был опубликован и не был разослан до того момента, когда переговоры окончательно оборвались к концу дня 30 апреля с. г., так как *существовало мнение, что не следует делать ничего, что могло в какой бы то ни было мере подсказать предположение, что забастовка действительно состоится, до того момента, пока не будут исчерпаны все меры и все надежды ее предотвращения* (курсив мой).

В том же отчете на стр. 4 мы читаем:

«Комиссия по организации забастовки желает подчеркнуть, что организация была по необходимости импровизированной. 27 апреля был *первый день* (курсив мой), когда нас просили, как комиссию «путей и средств», рассмотреть вопрос на случай об'явления всеобщей забастовки, *до этого дня никто не рассматривал возможности такого события*» (курсив мой).

Этих двух цитат достаточно, чтобы опровергнуть попытку Ген. совета задним числом ответить на выдвинутые против него обвинения, что он не предвидел событий, которые развернулись 1 мая, и что он не принял никаких мер, чтобы должным образом к ним подготовиться. К сказанному прибавим, что Ген. совет, второпях утверждая отчеты индустриальной комиссии и стачечного комитета, не позаботился о том, чтобы согласовать данные и показания этих своих двух органов, которые ведали всей работой по руководству забастовкой. Чтобы не оставить у читателя никаких сомнений, мы еще обратимся к статье Бэвина, который играл активную роль в обеих комиссиях, к статье, напечатанной в журнале «Рекорд».

Бэвин пишет о всеобщей забастовке:

«*Оно (движение) было первым в своем роде в этой стране; никаких приготовлений к нему не было сделано; организация была импровизированной*» («Рекорд», май—июнь, стр. 243).

Вернемся теперь к отчету. Отчет сообщает о том, что 26 февраля совместное собрание индустриальной комиссии с исполкомом федерации горняков решило обратиться с циркулярным письмом ко всем союзам о положении в горной промышленности. Отчет приводит небольшую выдержку из циркулярного письма, которая заканчивается следующими словами:

«*Не должно быть ни сокращения заработной платы, ни увеличения рабочего времени, ни посягательства на принцип национальных договоров*».

Заявление ясное и отчетливое. Это заявление надо помнить, ибо весь отчет имеет своей целью доказать, что разумнее и правильнее всего было бы для горняков согласиться на сокращение заработной платы.

Итак, запишем: 26 февраля 1926 года Ген. совет в указанном выше письме сформулировал программу, которая содержит в себе все три лозунга горняков. Отчет называет этот циркуляр выражением политики Ген. совета (см. стр. 3 отчета индустриальной комиссии).

10 марта,—повествует далее отчет,—королевская комиссия опубликовала свое заключение и «сейчас же было признано, что это должно иметь большое влияние на все положение». Кем и почему это признание было сделано, мы не знаем. Отчет только сообщает о том, что 11 марта индустриальная комиссия, совместно с исполкомом горняков, выпустила воззвание, в котором сказано, что «в лучших интересах всех частей, заинтересованным сторонам должно быть предоставлено необходимое время, раньше чем притти к какому-нибудь заключению». Иными словами, Ген. совет в своем отчете рассказывает нам о том, как ему удалось на следующий день после опубликования отчета королевской комиссии,—той самой королевской комиссии, которая, как мы знаем из речи Черчилля, была частью общего стратегического плана правительства Болдуина,—навязать исполкому горняков предположение, что этот отчет вносит изменение в создавшееся положение.

Горняки, однако, не только оставались под обаянием сэра Герберта. Обсудив отчет королевской комиссии, горняки явились к индустриальной комиссии с предложением повторить те три лозунга, которые были сформулированы в циркулярном письме от 26 февраля. В ответ на это предложение, индустриальная комиссия приняла резолюцию, основную часть которой мы приводим дословно, ибо, согласно отчету, сия резолюция означает начало новой политики со стороны Генерального совета. Резолюция гласит:

«Обсудив, совместно с представителями федерации горняков, нынешнее положение в горной промышленности, в связи со взглядами горняков на заявление хозяев горной промышлен-

ности и с позицией, занятой ими по отношению к отчету королевской комиссии, эта комиссия (т.-е. индустриальная комиссия) подтверждает свои предыдущие декларации о поддержке усилий горняков добиться справедливого разрешения существующих трудностей» (курсив мой).

Предыдущие декларации [1]) индустриальной комиссии нам известны. Они содержали в себе основные лозунги горняков. Если индустриальная комиссия отчетливо заявляет, что она подтверждает эти декларации, то мы в праве понимать и толковать, что и 8 апреля комиссия осталась верной своим предыдущим обязательствам. Отчет, однако, толкует свою резолюцию в том смысле, что сия резолюция означала отказ от пункта, касающегося заработной платы. Иными словами, авторы отчета пытаются нас заверить, что уже 8 апреля они начали подготовлять свою измену, при чем они подготовляли ее таким образом, чтобы рабочее движение не имело никакого представления о том, что измена подготовляется. Нельзя не согласиться с Сеймуром Коксом, что если не обладать способностью читать в сердцах, если не знать мыслей, которые в то время шевелились в мозгах Бромлея и Томаса, то нельзя было вложить в простые слова резолюции как раз обратный смысл (см. «Сондэй Уоркер», 25 июля, стр. 2). Мы здесь пока ограничимся тем, что отметим следующие два момента:

Первый—резолюция подтверждает предыдущую декларацию, а Ген. совет толкует, что эта резолюция есть отказ от принятой программы. Второй—об этом отказе рабочее движение ничего не ведало до того момента, когда Бромлей опубликовал в цитированной выше статье отдельные части секретного отчета Генерального совета. У Ген. совета хватает, однако, наглости упрекать конференцию горняков за то, что она после опубликования резолюции от 8 апреля дерзнула остаться верной основным лозунгам своей борьбы. И авторы отчета великодушно прибавляют:

«Тем не менее, индустриальная комиссия и представители горняков продолжали встречаться, работая совместно, чтобы добиться почетного разрешения конфликта».

Рабочее движение не знало смысла резолюции 8 апреля. Но Болдуин был лучше информирован. Факт тот, что 26 апреля он (Болдуин) предложил, чтобы «представители комиссии (индустриальной) принимали участие в дальнейших переговорах между горняками и хозяевами» (см. стр. 5). Авторы этого отчета даже не замечают, что они фактически выдают себя с головой, показывая, что Болдуин хотел их участия в переговорах, очевидно, не как защитников горняков, а как своих пособников.

Эти два «маленькие» факта,—толкование резолюции от 8 апреля и милостивое предложение «честного» Болдуина,—бросают яркий свет на те роковые события, к анализу которых мы и подходим.

29 апреля состоялась конференция исполкомов профсоюзов, созванная Ген. советом для обсуждения вопроса о кризисе в угольной промышленности. Разбираемый нами отчет упоминает об этой конференции на первой странице и на 5-й; но отчет умалчивает об одной существенной «мелочи». От имени Ген. совета

[1]) Основную декларацию от 26 февраля отчет воспроизводит.

на этом заседании с общим заявлением выступил председатель Ген. совета, гражданин Пью. Он сказал:

«По нашему мнению, заработная плата, а равно условия труда горных рабочих пали так низко, что абсолютно необходимо искать другие средства, а не дальнейшее ухудшение их уровня жизни или изменение нынешнего рабочего дня. Сокращение заработной платы не представляет собой разрешения проблемы, а, наоборот, повлекло бы за собой интенсификацию нынешних затруднений. Статистические данные, находящиеся в отчете комиссии (королевской), показывают достаточно ясно, что невозможно согласиться на дальнейшую деградацию этого уровня».

Об этой речи Пью отчет умалчивает. Умалчивает, очевидно, сознательно. Цель отчета—заверить рабочие массы, что уже с 8 апреля Ген. совет открыто стал на точку зрения понижения зарплаты горняков. Он хочет также убедить профсоюзное движение, что забастовка была организована с точным знанием согласия Ген. совета на сокращение заработной платы. Если бы отчет восстановил также речь Пью, то для всякого было бы ясно, что либо Пью сознательно ввел в заблуждение конференцию исполкомов, либо же что теперь Ген. совет, возглавляемый тем же Пью, сознательно обманывает профсоюзное движение. Поскольку эта речь опущена, то авторы отчета могут спокойно продолжать изложение хода событий в таком виде, что борьба якобы велась не за программу горняков, а за отчет королевской комиссии.

Одного умолчания речи Пью оказалось, однако, недостаточно. Необходимо было прибегнуть к простым подтасовкам. Авторы отчета пишут:

«Представители горняков были правы, когда они отказались рассматривать сокращение заработной платы, как предварительное условие (курсив мой). И индустриальная комиссия, защищая дело горняков, придерживалась того же самого взгляда и настаивала, что принцип, который должен быть принят, как основа переговоров, был сформулирован королевской комиссией в следующих выражениях:

«Раньше, чем требовать жертв от тех, которые заняты в промышленности, необходимо окончательное соглашение между ними, что все необходимые меры для улучшения ее организации и для увеличения ее производительности будут приняты с такой быстротой, какую обстоятельства позволят». На основании этого принципа, комиссия согласилась поддерживать горняков в их отказе принять сокращение заработной платы, как предварительное условие до того, как необходимые мероприятия будут приняты, для применения общих рекомендаций отчета королевской комиссии» (см. стр. 6).

Приведенная цитата заслуживает сугубого внимания. Авторы отчета навязывают горнякам мысли, которых они никогда и нигде не высказывали, так как горняки сопротивлялись и сопротивляются понижению зарплаты, независимо от того, последует ли это понижение зарплаты одной неделей раньше или одной неделей позже. Наконец, сам Ген. совет только задним числом об'являет рабочему движению, что всеобщая забастовка и вся

борьба была затеяна только для того, чтобы провести в жизнь предложения комиссии, назначенной правительством Болдуина.

Авторы отчета понимают, что это их заявление вызовет серьезные сомнения и недоумения. Они знают, что горняки смогут ответить им целым рядом постановлений своего исполкома и своих делегатских конференций. Следуя по стопам Макдональда, авторы отчета хватаются за фразу Герберта Смита, что он готов заняться рассмотрением всего отчета королевской комиссии от первой страницы до последней. Верно, что Герберт Смит такое замечание сделал. Но авторы отчета Ген. совета знают и они сами воспроизводят (см. стр. 8) дополнительное раз'яснение, сделанное Смитом на прямой вопрос Кука: что сия фраза означает? Смит, раз'ясняя свою фразу, прибавил: «Я хочу пояснить, что я не думал сказать в своей речи, что я согласен принять отчет (речь идет об отчете королевской комиссии). Я имел в виду только сказать, что я готов проанализировать этот отчет от первой страницы до последней и принять результаты исследования». Но если даже допустить, что Герберт Смит действительно дал согласие на сокращение заработной платы, то вряд ли это его заявление, явно идущее вразрез со всеми резолюциями и постановлениями ответственных органов союза горняков, может быть принято за выражение воли горняков. Мы поэтому позволим себе умозаключить, что попытка представить политику, рассчитанную на сокращение заработной платы, как политику горняков, является простым и откровенным шарлатанством.

Авторы отчета остаются верными себе и в изложении хода переговоров индустриальной комиссии с правительством Болдуина. Отчет сообщает о том, как в 1 ч. утра в воскресенье 2 мая Болдуин предложил комиссии Ген. совета следующую формулу:

«Премьер-министр, в результате переговоров, которые он вел с представителями профсоюзного конгресса, пришел к заключению, что при продолжении дальнейших переговоров (при этом подразумевается, что предупреждение [1]) утратит силу), представители конгресса профсоюзов надеются, что согласие может быть достигнуто в духе отчета (речь идет об отчете королевской комиссии) в течение двух недель».

Авторы отчета прибавляют:

«Представители Генерального совета поняли, что если формула будет принята, то премьер-министр будет рассматривать это, как оправдывающее возвращение к условиям, существовавшим до 30 апреля, и продолжение переговоров с целью соглашения» (см. стр. 9).

Это прибавление авторов отчета является сознательной ложью. Генеральный совет совершенно умалчивает о том обязательстве, которое его индустриальная комиссия дала Болдуину до того момента, когда Болдуин предложил им вышеприведенную формулу. Это обязательство гласит:

«Мы будем уговаривать горняков уполномочить нас вступить в переговоры, имея в виду, что они и мы принимаем отчет (королевской комиссии) как базу соглашения и что мы приступаем к этому делу, зная, что оно может повлечь за собой определенное сокращение заработной платы» (Кук—«Девять дней», стр. 11).

---

1) Локаут.

Да и сам Болдуин день спустя в этом же смысле истолковывал свою формулу. В своем письме к Генеральному совету от 3 мая Болдуин пишет:

«Правительство его величества верит, что практическое и почетное для всех заинтересованных сторон разрешение конфликта в угольной промышленности может быть достигнуто только искренним принятием отчета комиссии.

В выражение «принятие отчета» включается как реорганизация промышленности, которая должна быть начата немедленно, так и приспособление заработной платы или рабочего дня, которое сделало бы экономически возможным продолжать ведение промышленности до того момента, когда результаты реорганизации будут достигнуты» (см. отчет, стр. 10).

Стало быть, правительство Болдуина и представители Ген. совета прекрасно понимали, что, принимая формулу Болдуина, они заранее соглашаются либо на сокращение заработной платы, либо на увеличение рабочего дня. Сказанное вытекает из тех документов, которые уже опубликованы и которые никем не были опровергнуты. Но мы отнюдь не будем удивлены, если впоследствии окажется, что соглашение состоялось не только па «или-или» (или сокращение зарплаты, или увеличение рабочего дня), но и на «и-и». Но в данном случае мы занимаемся только анализом отчета. Страница 10-я, на которой приведено раз'яснение Болдуином своей формулы, разоблачает ложь толкования, которое Ген. совет дает на 9 странице своего отчета.

Перейдем теперь к началу всеобщей забастовки. Отчет ограничивается простым сообщением всем известных фактов. Он приводит последнее письмо Болдуина, в котором премьер, тот самый премьер, который так усиленно добивался участия Ген. совета во всех переговорах, тот самый премьер, который сошелся с представителями Ген. совета на общей формуле разрешения конфликта, сообщает им, что переговоры прерваны. Генеральный совет даже не пытается об'яснить, какие были дополнительные причины этого разрыва. Из ответа Ген. совета Болдуину на его сообщение о разрыве переговоров явствует, что Ген. совет не мог согласиться с Болдуином, что стачка наборщиков в типографии газеты «Дейли Мейль» является достаточным поводом к тому, чтобы навязать стране такую гигантскую борьбу. Но авторы отчета, очевидно, над этим и не призадумываются. Их изложение хода событий дает, однако, основание полагать, что Болдуин мог уверенно провоцировать забастовку, зная, что ею будут руководить те люди, которые обещали ему уговорить горняков согласиться на сокращение заработной платы.

Ген. совет остался верен себе и после ультиматума Болдуина. Отчет сообщает нам, что Ген. совет уже после ультиматума поручил индустриальной комиссии продолжать переговоры с представителями горняков и попытаться выработать условия, которые могли бы послужить базой дальнейших переговоров с хозяевами и с правительством. Переговоры между представителями Ген. совета и горняков возобновились. Представители Ген. совета опять пытались навязать горнякам согласие на сокращение заработной платы. Они выработали очень сложную схему, которая содержит в себе 14 пунктов. В этой боль-

шой програме, составленной уже после того, как правительство бросило вызов всему рабочему движению Англии, имеется скромненький пункт (пункт 5), который говорит о необходимости сохранения 7-часового рабочего дня и «национального минимума заработной платы». Горняки внесли маленькую поправку. Они хотели, чтобы в проекте точно было сказано, что речь идет не о минимуме заработной платы вообще, а о ныне существующем минимуме зарплаты. Горняки к этому времени уже очень хорошо знали, с кем они имеют дело. И действительно, Генеральный совет этой поправки не принял (см. стр. 13). Иными словами, в промежутке между ультиматумом и началом всеобщей забастовки Ген. совет частично выполнил задание Болдуина, чтобы оправдать правильность его решений, когда он еще 26 апреля выразил желание иметь дело не с федерацией горняков, а с Генеральным советом.

Мы совершенно опускаем рассуждения Ген. совета о роли правительства, изложенное на стр. 14. Назвать это рассуждение просто путаницей было бы слишком деликатно. Правильнее будет сказать, что даже в своем отчете перед исполкомами профсоюзов, много недель спустя после того, как всеобщая забастовка была предана, Генеральный совет скорее старается выгородить правительство, чем открыто выступать против него.

Об'яснению начала переговоров с сэром Гербертом Самюэлем отчет посвящает только несколько строк, смысл коих сводится к тому: что забастовка могла закончиться только постепенным выдыханием, что вредно отразилось бы на дальнейшей судьбе рабочего движения. Поэтому Ген. совет предпочел стать на путь переговоров для того, чтобы закончить забастовку организованным путем. Характернее всего в этом коротеньком об'яснении категорическое заявление, что забастовка ни в коем случае не могла бы привести к победному концу.

«Было ясно,—пишут они,—что правительство будет пользоваться своим большинством в палате и всеми ресурсами, имеющимися в его распоряжении для того, чтобы защищать позицию (см. стр. 14), занятую им». О победе, стало быть, не могло быть и речи. И Ген. совет занялся делом более легким и более доступным ему: организацией поражения.

Переговорам с добрым гением, сэром Гербертом, авторы отчета посвящают целых пять страниц. Приводится и первое заявление Самюэля и последующее его заявление, вплоть до последнего меморандума. Видать, что не только один Томас был восхищен этим английским джентльменом, который был губернатором Палестины, но что и авторы отчета в буквальном смысле слова гипнотизированы этим благодетельным лордом. Восстанавливать эти заявления в этой статье вряд ли имеет смысл, они широко известны. Известен также и смысл меморандума. Герберт Самюэль сумел дважды сыграть одну и ту же роль. Как председатель королевской комиссии, он прикрывал подготовления правительства Болдуина к наступлению на английских пролетариев. Эту свою работу он закончил за 40 дней до начала конфликта. После начала конфликта он продолжал играть свою роль в соответствии с новой обстановкой. Прикрывать правительство Болдуина более не приходилось,—оно действовало открыто и нагло. Прикрывать надо было только тех его пособников, которые утратили бы свой вес и свое влияние, если бы они были

своевременно разоблачены. И тот самый Герберт Самюэль, который сперва прикрывал организацию наступления на рабочих, впоследствии прикрывал своим авторитетом английского джентльмена предательскую организацию поражения рабочих.

Раньше, чем перейти к основным причинам окончания забастовки в освещении отчета, мы здесь же отметим, что Ген. совет забыл об'яснить нам, почему он всеобщую забастовку об'явил. Этот вопрос должен естественно родиться у всякого непредубежденного и беспристрастного читателя отчета. Отчет ясно говорит о том, что никакой надежды, никаких шансов на победу не было и быть не могло. Этот же отчет доказывает, что горняки должны были согласиться на сокращение заработной платы и что они должны были исходить из реальной обстановки. Авторы отчета упорно обвиняют горняков за то, что они были слишком упрямыми в отстаивании своей программы из 3-х пунктов. В этой обстановке не поймешь, почему Ген. совет забастовку об'явил. Но Генеральный совет хранит молчание. Вопрос приобретает особую жгучесть, если вспомнить, что Болдуин сознательно добивался того, чтобы заставить Ген. совет выполнить свою угрозу. Мы знаем, что на конференции 29 апреля раздавались отдельные голоса в пользу всеобщей забастовки. Авторы этих предложений были об'явлены безумцами как лидерами Ген. совета, так и прессой, которая честно и лойяльно обрабатывала общественное мнение в духе идей Томаса и Бромлея. А, между тем, 4 мая всеобщая забастовка стала фактом!

Еще раз подчеркиваем, что Генеральный совет в своих официальных отчетах хранит об этом сугубое молчание. Только один член Ген. совета, а именно Бэвин, пытается об'яснить, почему Генеральный совет вынужден был взяться за оружие всеобщей забастовки. В уже цитируемой выше статье в журнале «Рекорд» (см. стр. 243) он пишет:

«Отвлекаясь от хороших и дурных сторон об'явления всеобщей забастовки, не следует забывать, что при всех условиях, при наличии локаута горняков, неофициальная борьба происходила бы во всей стране, что вызвало бы анархию во всем движении».

Ларчик, стало быть, просто открывается. Ген. совет знал и сознавал, что боевое настроение в массах существует и что он не сумеет заставить горняков подчиниться воле Болдуина без боя. Он понимал, что в этих условиях горняцкая забастовка становится неизбежностью и что она, естественно, будет разрастаться. Он поэтому был кровно заинтересован в том, чтобы сохранить руководство забастовкой в своих руках, по той же причине, по какой Болдуин хотел, чтобы Ген. совет руководил переговорами по вопросу о положении горной промышленности. Если бы у Ген. совета были какие-нибудь другие причины, кроме вышеназванных, то вряд ли он стал бы их скрывать в своем отчете.

Перейдем теперь к об'яснению причин прекращения забастовки. Предоставим слово авторам отчета. На стр. 20 они пишут:

«Принимая во внимание невозможность избегнуть обсуждения вопроса о заработной плате при рассмотрении отчета комиссии и учитывая громадную опасность, связанную с

продолжением забастовки, совет пришел к выводу, что положение слишком опасно, чтобы можно было связывать себя одним только лозунгом. Исходя из всех известных ему фактов, совет решил, что для прекращения забастовки соответственно инструкциям, данным конференцией исполкомов профсоюзов, т.-е. с максимумом выгоды как для горнорабочих, так и для других профсоюзов, постановление о прекращении стачки должно быть принято, пока профсоюзы еще остаются сильными и дисциплинированными (отчет умалчивает о том, что сила рабочих р о с л а по мере развития забастовки).

Совет считал, что задачи забастовки будут достигнуты и что будет обеспечена практическая база возобновления переговоров на основе отчета королевской комиссии, если горняки, сообща с Генеральным советом, выдвинут разумные и целесообразные предложения. Горняки же, повидимому, не были склонны ни самостоятельно выдвинуть конструктивные предложения, ни присоединиться к предложениям, сформулированным советом, и совет должен был взять на себя ответственность перед всем профсоюзным движением, которое столь многим пожертвовало для достижения справедливого соглашения. Поэтому индустриальной комиссии было поручено раздобыть полный проект предложений сэра Герберта Самюэля, которые и были подвергнуты совместному обсуждению, в результате чего комиссия имела еще одно совещание, предложила некоторые пункты из меморандума, принятого советом в палате общин, с тем, чтобы упрочить позицию горняков при переговорах» (см. стр. 20 и 21).

Эти строки относятся к описанию событий, имевших место 10 мая.

Рассказав о том, как они удачно и успешно добивались уступок от сэра Герберта и как, наоборот, горняки проявляли поразительное упрямство и не желали итти ни на какие уступки, авторы отчета Ген. совета продолжают:

«Генеральный совет не мог не учитывать ответственности, возложенной на него первомайской конференцией, и последовать за исполкомом федерации горняков на путь политики огульного отрицания. Такого рода политика свела бы на-нет дружную симпатию рабочих, выразившуюся в забастовке сочувствия, что привело бы профсоюзы к банкротству, поколебало бы дух членов профсоюзов и таким образом лишило бы их способности сопротивляться попыткам предпринимателей навязать им тяжелые условия работы и прибегнуть к общим ограничениям по отношению к активным членам профсоюзов, когда отрасли промышленности, вовлеченные в забастовку, возобновят работу. На такие жертвы не может заявлять претензии ни одна примыкающая к конгрессу трэд-юнионов организация, как бы ни была велика численность ее членов и ее экономическая мощь. Если же она на это претендует, то она должна принять в качестве предварительного условия следующее: она должна подчинить свои силы и свои частные интересы интересам профессионального движения, от которого она требует жертв.

Совет убедился в том, что, как бы долго он ни продолжал забастовку, позиция исполкома горняков не изменится, и, следовательно, совет был не в праве разрешить союзам нести жертвы, хотя бы еще один день» (стр. 23 и 24).

В заключение авторы отчета Генерального совета принимают очень гордую позу и «решительно» протестуют против клеветы, которая распространена была против них, что они ликвидировали забастовку, испугавшись угроз со стороны правительства Болдуина. И они прибавляют:

«Забастовка была закончена только по одной причине, а именно, что позиция, занятая горняками, сделала продолжение забастовки бесполезным» (стр. 24).

Выходит, что если бы горняки приняли все то, что предлагал им сэр Герберт, тогда забастовка была бы полезна и практична.

Вместе с этим, я полагаю, что слухи о том, что лидеры Ген. совета испугались угроз со стороны правительства Болдуина, действительно являются необоснованными. Истинные лидеры Ген. совета поддерживали тесный контакт с Болдуином, и между ними существовало вполне организованное разделение труда. Возможно лишь, что для получения полного единогласия в Ген. совете Томасу и его сподвижникам пришлось коекого из трусливых краснобаев пугнуть репрессиями.

Доподлинное об'яснение начала и конца забастовки напрашивается само собой. Ген. совет взял на себя руководство всеобщей забастовкой для того, чтобы не допустить постепенного нарастания горняцкой забастовки и перерастания ее во всеобщий бунт английских пролетариев. Он прекратил забастовку в тот момент, когда грандиозное движение, стихийно развиваясь, стало серьезным вызовом всей капиталистической системе и всем ее пособникам. В обоих случаях—в начале и в конце—Генеральный совет вполне заслужил доверие правительства Болдуина. Недаром и неслучайно английский суд карает забастовщиков за оскорбление лидеров Ген. совета, как за оскорбление существующей власти.

Но и сам Ген. совет прекрасно понимает, что трудно ему представить отчет, который мог бы его оправдать. Именно поэтому он уклоняется от всякого отчета, а отчет, который мы только что цитировали, рассматривается, как архисекретный документ.

Мы в начале отмечили, что отчет состоит из двух частей. Мы преимущественно останавливались на первой. Из второй мы взяли только две отдельные цитаты. Больше останавливаться на второй части отчета не приходится. В лучшем случае, она является конторской справкой о том, какие люди в какую комиссию входили и как они великолепно выполняли возложенные на них обязанности. Характерно, однако, для обоих отчетов, что они не желают говорить о величине и о размерах всеобщей забастовки, которая развернулась и стала грандиозным событием в истории английского рабочего класса, помимо их воли и невзирая на их предательство.

Г. С. Гордеев.

Фермерское движение в Соединенных Штатах.

Фермерское движение в Соединенных Штатах представляет собою большой интерес, т. к. оно разбивает обычные представления о благополучии и процветании фермера. Американский фермер мало похож на европейского крестьянина. Фермерство составилось из европейских переселенцев, представляющих наиболее активные слои крестьянства, а еще чаще городского рабочего. Затем подавляющая масса переселенцев обладала некоторыми сбережениями, которые они пускали в дело по приезде в Америку. Самый континент Сев. Америки оказался весьма благоприятным для занятия сельским хозяйством.

Раздача гомстедов в 160 акров обеспечила образование крупного фермерства. В течение десятилетий создался такой прожиточный минимум, ниже которого опускаться фермеру об'ективно невозможно без потери фермы. При кон'юнктурных колебаниях группы фермеров, оказавшиеся с доходом ниже среднего уровня, банкротятся и оказываются или в положении арендаторов или рабочих. К 1920 году фактическое распределение групп фермеров по размерам владения представлено в следующей таблице:

Размеры ферм в акрах.	Число ферм в тыс.	В %	Всей земли на фермах в милл. акр.	В %	Улучшение земли на фермах в акрах.	В %	Ценность всей собственности на фермах в милл. д.	В %
До 20 акр. . . .	796	12,4	8	0,9	7	1,6	2.452	3,1
20— 49	1.503	23,3	48	5,1	38	7,7	5.864	7,5
50— 99	1.447	22,9	105	11,1	72	14,4	11.183	14,4
100—174	1.449	22,5	194	20.4	128	25,5	20.901	26,8
175—499	1.006	15,6	276	29.0	170	33,8	26.389	33,9
500—999	149	2,3	100	10,6	48	9,6	5.533	7,1
Свыше 1000 . . .	67	1,0	220	23,1	37	7,5	5.598	7,2
Всех ферм .	6.448	100	955	100	503	100	77.924	100[1])

Подавляющее большинство фермеров имеет свыше 20 акров. Свыше 60% фермеров имеют от 50 до 500 акров. Да и группа фермеров от 20 до 49 акров и особенно группа ниже

[1]) Fourteenth Census of the United States... 1920. Vol. V. Agriculture. Page 65—69.

20 акров оказываются вовсе не так малы, как они могут показаться на фоне крупного землевладельческого фермерства Соед. Штатов. Из сравнения различных стран становится очевидным, что величина предприятия определяется не только величиной площади, но и величиной вложенного капитала, иначе говоря, степенью интенсивности, т. е. величина землевладения не всегда совпадает с величиной хозяйства, первая не определяет второго. К этому приводит нас и рассмотрение следующей таблицы:

Средняя ценность фермерской собственности на акр соответственно размерам ферм в 1920 г. в долларах.

Размеры ферм в акр.	Вся фермерская собственность.	В том числе земля.	Строения.	Машины и орудия.	Скот.
До 20	282	152	88	13	28
20— 49 . .	121	75	25	6	13
50— 99 . .	105	67	20	5	11
105—174 . .	107	74	16	5	10
175—499 . .	95	71	11	4	8
500—999 . .	54	41	5	2	5
1000 и св. . .	25	18	1	0,7	4[1])

Что же мы видим в этой таблице? Вся собственность на акр расценивается в хозяйствах ниже 20 акров в 11¼ раз больше, чем в хозяйствах с площадью в 1000 и больше акров. При сопоставлении размера ферм с ценностью собственности на акр, мы получаем противоположные движения отмеченных рядов: чем крупнее ферма, тем меньше ценность собственности на акр, и обратно.

Но в разряд мелкоземельных хозяйств входят как мелкие фермы, расположенные вблизи города, так и скотоводные—молочные и мясные фермы, обеспечивающие большую доходность на акр, чем чисто земледельческие фермы [2]).

Таким образом, и крупные и мелкие фермы обеспечивают сравнительно высокий прожиточный уровень американского фермера, что свидетельствуется большим количеством автомобилей—грузовых и легковых,—тракторов, распространением электрического освещения, телефонов и водопроводов в домах фермеров.

Наконец, экономическое благосостояние фермеров поддерживалось наличием огромного количества свободных земель; до 1880—90 годов было роздано и распродано около 1.400 милл. акров. С другой стороны, шло весьма быстрым темпом развитие промышленности и рост городов. С 1850 г. национальное богатство возросло с 7.136 милл. долларов до 320.804 милл. долларов к 1922 году [3]).

Растущие города нуждались в большом количестве рабочих рук и, несмотря на сильную иммиграцию, нужда в рабочих руках наблюдалась во многих отраслях народного хозяйства Америки. В периоды промышленного под'ема в городах сравнительно легко можно было найти заработок.

[1]) Ibidem. Page 71.

[2]) Уоррен сравнением различных по размерам и по типу ферм доказал, что они получают равный доход. См. Warren, «Farm Management».

[3]) «Statistical Abstract of the United States», 1923. Page 735.

Казалось бы, что при таких условиях фермерство должно было безмятежно процветать без гибельных процессов расслоения, без проявления недовольства.

История же фермерского движения показывает периодическое повторение бурных возмущений фермерства, как следствия значительных сдвигов фермерского землевладения. Наиболее серьезными движениями фермеров можно считать движение популистов в 90-х годах [1]), движение Non Partisan League [2]), связанное с движением Farmer-Labour Party [3]).

При внимательном рассмотрении единая масса богатых фермеров распадается на целый ряд групп, резко различающихся друг от друга по экономической мощности. Затем вся масса находится в полной зависимости от крупного капитала. Эта зависимость проявлялась с первого момента получения гомстеда. Как это ни странно, широковещательная раздача земель под гомстеды свелась к передаче фермерам непосредственно за период с 1862 по 1924 г. только 248 милл. акров, т.-е. 18,8% площади всей розданной и распроданной земли [4]). Остальная же земля была распродана и роздана в значительной части крупными участками, в результате чего составились крупные землевладения, нажившие на спекуляции землей миллионные состояния. Не малая часть современных миллиардных состояний американских богачей составилась путем беззастенчивого ограбления нескольких поколений переселенцев в Америку. Делалось это весьма упрощенно. Земли крупными владениями распродавались правительствами федеральным и штатными за несколько центов или немного долларов за акр. Впоследствии те же земли распродавались участками-фермами, но уже по несколько десятков долларов за акр. Кроме того, при продаже было очень много обмана. Так называемые land sharks—земельные акулы—продавали совершенно негодные земли незнакомым со страной переселенцам. При этом договоры составлялись таким образом, что невыплата обязательств влекла за собой прекращение права на землю. Немало переселенцев пострадало от вселения на участки, не очищенные от срубленного леса. В таких случаях фермер терял не только все свои задатки, но и тяжелый труд по выкорчевке купленной земли [5]), потом, не будучи в состоянии выплатить обязательства, переселенец оказывался без денег, без земли и без имущества.

Второй путь воздействия капитала на фермеров состоял в организации кредита. До 1916 года фермеры снабжались кредитом только частными банками. С 1916 года была организована правительственная система с.-х. кредита [6]).

Условия снабжения с.-х. кредитом различных районов Соед. Штатов резко различались друг от друга. Так, напр., в 1910—1920 гг., при среднем в 6¼%, колебания достигали от 5½ до

[1]) L. B. Shippee, «Recent American History» Robinson E. E., «The Evolution of american political parties», Rice Stewart, «Farmers and Workers in american Politics».
[2]) The Non Partisan League, Bruce A.
[3]) The American Labour Yearbook. 1920—25.
[4]) На «Аграрном фронте» № 1, 1926 г., стр. 108.
[5]) A stake in the land by P. Speek. 1921.
[6]) См. на «Агр. фронте» № 5—6, 1925 г., стр. 144—164.

26,6% [1]) на ссужаемый капитал. Для фермера не всегда было возможно выплачивать такие большие проценты. Однако, самое главное заключалось не в величине процентов, а в условиях выплаты обязательств. Фермер не всегда мог точно предвидеть сумму дохода. Засуха, вредители, понижение цен были обычными явлениями для хозяйства фермеров Среднего Запада и Юга. Такими случаями банки пользовались, чтобы довести фермера до банкротства.

Следующий способ воздействия на фермеров со стороны крупного капитала заключался в маневрировании железнодорожными тарифами. Железнодорожные тарифы для фермера Соед. Штатов имели огромное значение. Фермер, поселившись на крупном участке, большую часть своих продуктов продавал на рынке. Такие штаты, как Канзас, Северная Дакота и остальные штаты на запад, не имели достаточной емкости местных рынков. Фермеры отправляли все свои продукты в Сэнт-Поль, Чикаго, Мильуоки и др.

И это обстоятельство в полной мере использовывалось железнодорожными компаниями. Путем повышения тарифов у фермера оставлялись крохи из его большого заработка, нередко приводя его к банкротству, т. к. из-за уменьшения доходности он оказывался не в состоянии выполнять свои обязательства.

Не меньшее значение имела организация торговли. Трестирование и монополизация достигли в Соединенных Штатах огромного развития. Были монополизированы также и хлебная и мясная торговля. В Северной Дакоте, напр., существовали элеваторы монопольной организации, выступавшие против фермеров единым фронтом, тогда как фермеры представляли собой распыленных продавцев. Благодаря такому соотношению сил фермеры, с одной стороны, теряли в цене хлеба, а с другой—качество привозимого хлеба искусственно понижалось приемщиками элеваторных компаний [2]).

Еще более грабительской может считаться практика продажи фруктов. По свидетельству Национального союза фермеров, ящик

[1]) United States Department of Agriculture, Bulletin Farm mortgage Financing by Wright, 1923, №№ 384, 409, 1047.
[2]) Как доказательство мы имеем опубликованные ассоциацией банкиров Северной Дакоты следующие сведения:

Сорта пшеницы.	Количество купленных бушелей в тыс.	Количество отправленных бушелей в тыс.
№ 1 Северная	99,7	196,2
№ 2 »	141,4	467,7
№ 3 »	272,0	213,5
№ 4 »	201,2	Ничего
Без указания сорта	116,0	Ничего
Отказано в приеме	59,7	Ничего
Всего	890,2	877,5
Остат. в элеваторе	—	12,7

Элеваторные компании расценивали качество привозимого хлеба сознательно ниже, чем он был в самом деле. В результате только на этой операции элеваторные компании зарабатывали за счет фермеров грандиозные суммы. Подобная практика наблюдалась не только в Северной Дакоте и не только при продаже пшеницы, но и других с.-х. продуктов.

(The Non Partisan League, by Bruce, 1921. Page 39. Смотри также Readings in Rural Sociology by J. Phelon, 1922. Page 558).

яблок продавался потребителю за 5 долларов, а фермер получал за него только 1 доллар 18 цент., из которых одна упаковка обходилась фермеру в 40 центов. Следовательно, издержки производства, налоги, проценты на капитал и проч. покрывались только 78 центами.

Наконец, большое значение получает вопрос о пошлинах. Покровительствуя развитию промышленности, правительство беспрерывно придерживалось протекционистской политики. В среднем пошлина доходит в наше время до 40% ценности всех импортируемых товаров. В то же время промышленное сырье ввозилось без пошлины, хотя бы оно и конкурировало с туземным сырьем.

Между тем фермеры имеют в Соед. Штатах целый ряд своих организаций, как масонские ложи, Grange, Equity, Ku Klux Klan, клубы и т. п. Казалось бы, что при таких условиях влияние фермеров на повседневную политическую жизнь должно быть значительным. Тем не менее, фермерские интересы лишь в моменты больших возмущений влияют на политику правительства. В остальное время в политике Соед. Штатов безраздельно господствует власть крупного капитала, и Сенат оказывается послушным орудием в руках монополистов. И, например, в 1919 г. в Конгрессе имелось фермеров всего 18 членов, 3 железнодорожника и 454 юриста и проч. лиц свободных профессий [1].

Результатом столь незначительного влияния на политику и являлось обложение налогами фермерской собственности пропорционально значительно большее, чем обложение торговли и промышленности и банковской собственности.

Чем можно об'яснить отсутствие резкой индивидуальности фермеров в области политической деятельности, их слабую активность?

Прежде всего тем мелкобуржуазным характером, который носило фермерское движение вплоть до XX столетия. Фермеры были против политики монополий и трестов, но защищали частную собственность, порождающую эти тресты и монополии. Они требовали запрещения спекуляции землей, но ни одна из фермерских организаций не выдвигала в своей программе национализации земли. Да и само оживление фермерских организаций происходило, главным образом, в периоды кризисов, когда крупный капитал стремился переложить большую тяжесть на фермеров, повышая процент по занятому кредиту, увеличивая железнодор. тариф, понижая цену с.-х. продуктов, повышая цену промышленных товаров и т. п.

И только в XX столетии стали нарастать новые силы среди фермеров, которые внесли в концерт обычных требований фермеров некоторый диссонанс. Новые силы нашли себе выражение, главным образом, в требованиях в период послевоенного кризиса.

На основании исследования изменений в экономике с. х. мы можем считать, что послевоенный кризис датирует собой новую полосу фермерского движения, когда на сцену начинают выступать все более активно, радикально настроенные арендаторы и с.-х. рабочие. При чем эти выступления облегчаются и

[1]) Agricultural Organization in the U. S. by E. Wiest, 1923. Page 489.

будут облегчаться наличием коммунистической партии, возникшей в 20-х годах нашего столетия.

Что же дает нам право приходить к таким заключениям?

Здесь, прежде всего мы считаем нужным упомянуть факт исчерпания земельных запасов [1]) Соединенных Штатов. Всякий желающий стать фермером должен купить землю у частного лица, а не получить ее от правительства. Таким образом, закрылась отдушина, в которую выходили излишние фермерские силы. Тенденция к концентрации землевладения была другим важнейшим явлением, повлекшим за собой образование арендаторов. В следующей таблице дана динамика различных групп фермеров [2]).

ГОДЫ	Число ферм в тыс.	Число собственников-фермеров и управляющих в тыс.	Число собственников фермеров, в %%.	Число фермеров, приарендовывающих в %%.	Число арендаторов в тыс.	Число арендаторов в %%.
1880	4.008	2.984	—	74,4	1.024	25,6
1890	4.564	3.269	—	71,6	1.294	28,4
1900	5.737	3.712	56,8	7,9	2.024	35,3
1910	6.361	4.006	53,7	9,3	2.354	37,0
1920	6.448	3.993	53,2	8,7	2.454	38,1
1925	6.371	3.909	—	61,3	2.462	38,7

Из десятилетия в десятилетие число арендаторов росло как абсолютно, так и относительно. Последнее особенно важно, т. к. общее число ферм повысилось с 4.0 до 6.4 миллионов. Факт роста арендаторов совершенно бесспорный. Была попытка опровергнуть его построением специальной теории «лестницы», но она не помогла. Сущность такой «лестницы» заключалась в том, что растет число молодых фермеров, а с ними и число арендаторов. Растут же они потому, что молодые фермеры не имеют ни капитала, ни навыков для ведения фермы. Однако, нижеследующая таблица доказывает, что происходит рост фермеров по всем возрастным группам, при этом темп, обнаруживаемый в старших, обгоняет темп роста молодых арендаторов.

Возрастные группы арендаторов.	Число арендаторов на каждую тысячу всех ферм.			
	в 1920 г.	в 1910 г.	в 1900 г.	в 1890 г.
Ниже 25 лет	758	756	718	562
От 25 до 34	565	550	543	421
От 35 до 44	397	373	353	301
От 45 до 54	302	268	290	230
От 55 до 64	207	211	207	} 147[3])
Свыше 65 лет	165	151	149	
В среднем	381	370	353	284

[1]) Agricultural Yearbook. 1923. Page 522, 415.
[2]) Farm Tenancy by E. A. Goldenweiser and Fruesdell, 1914. Page 21.
[3]) Ibidem. Page 89.

Таким образом, общий рост арендаторов несомненен. Он происходил при сокращении, напр., фермеров-собственников между 1910—20—25 гг.

Рост арендаторов дополняется увеличением потенциальных арендаторов—задолжавших собственников. А число таких фермеров-собственников увеличилось с 27,8% до 33,2% в 1920 г. [1]).

Из общего же числа арендованных ферм было заложено за долги в 1910 г. 21%, а в 1920 г. 24% [2]).

Сумма задолженности возросла с 3.599 млн. дол. в 1910 г. до 8.555 млн. дол. в 1920 г. и до 10.000 млн. дол. в 1924 г. [3]).

Наблюдается некоторое равновесие в росте аренды и задолженности, когда первая замедляет темп, вторая усиливается, особенно наглядно это сказалось в период 1910—1920 гг. Говоря об арендаторах и задолжавших собственниках, я далек от намерения утверждать, что арендаторы являются пролетариями. Вместе с тем несомненно, что потеря фермерами земли принесет новое обострение борьбы за существование, но уже в новом идеологическом окружении. Фермер попадает в положение арендатора, у которого нет надежды стать собственником. Американский экономист Стюарт, утверждает, что приобретать фермы становится все труднее и что даже 30-летний срок обычно оказывается недостаточным для оплаты фермы из ее доходности [4]).

Группе фермеров противостоят с.-х. рабочие, число которых тоже достигает значительных размеров. Движение этой последней категории с.-х. населения представлено в следующей таблице:

ГОДЫ.	Всех занятых в сельском хозяйстве и лесоводстве.	Число сел.-хоз. рабочих.	В том числе. Работающих на своей ферме.	В том числе. Работающих не на своей ферме.
1880	7.713	3.323	—	—
1890	9.148	3.586	—	—
1900	10.381	4.410	—	—
1910	12.659	6.069	3.310	2.637
1920	10.953	4.041	1.950	2.055[5])

При этом 1920 г. дает недостаточно правильное представление о количестве с.-х. рабочих, так как срок переписи был перенесен на период, когда на фермах оставалось наименьшее число рабочих (январь). До сих пор с.-х. рабочие были очень малоактивны, и их состав был очень текучим. Но арендаторы уже в 1909 году образовали Renter's Union—союз арендаторов в Техасе и Оклагоме [6]), требования которого существенно отличались от требований фермерских организаций вообще. Одним из требований было объявление национализации земель, оставшихся

[1]) Fourteenth Census. Vol. V. Agriculture. 484.
[2]) На «Аграрном фронте» № 2, 1926. Стр. 70.
[3]) Our debt and duty to the Farmer by H. C. Wallace. Page 16.
[4]) Journal of Farm Economics. II № 4. Page 177—93. III № 3. Page 122—27.
[5]) Fourteenth Census. Vol. IV, 35; 21 and Thirteenth Census Vol. IV page 54, 302.
[6]) The Quarterly Journal of Economics, May, 1913, № 3. Page 494.

у штатов нераспроданными, и передача их на правах аренды работающим фермерам.

Однако, надо ожидать, что с общим оживлением американского рабочего движения и повышением политической активности среди арендаторов увеличится деятельность и организованность с.-х. рабочих.

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению с.-х. кризиса в Соед. Штатах, разразившегося в 1921 году. В чем этот кризис выразился и к каким осложнениям он привел в области фермерского движения?

Прежде всего надо остановиться на факте быстрого понижения удельного веса с. х., происходившего, несмотря на рост с.-х. цен с 90-х гг. [1]). Факт этот означал, с одной стороны, более быстрое улучшение условий городской жизни, а с другой — более быстрый рост заработной платы по сравнению с ростом фермерских доходов.

По вычислениям проф. Фогта, рост национального богатства в городе и деревне Соед. Штатов был следующим:

ГОДЫ.	Национальное богатство в городе.	В %%	Национальное богатство в деревне.	В %%
	В миллионах дол.			
1850	3.169	44	3.967	56
1870	21.123	70	8.944	30
1890	49.954	75	16.082	25
1910	80.000	67	40.991	33
1912	136.500	74	49.800	26
1922	256.500	80	64.300	20

Движение рядов национального богатства Америки весьма показательно, как тип индустриального развития хозяйства страны. Но понижение удельного веса национального богатства фермеров еще не означает падения доходности ферм. Доходы от ферм в связи с предвоенным ростом с.-х. цен, повышением интенсивности и сокращением издержек производства неуклонно росли [2]). Так, по вычислениям Бина и Штайна прибыль, получаемая фермерами составляла в 1909 г.—3,6% по отношению ко всему капиталу фермы; в 1910 г.—5,9%; в 1911 г.—4,6%, в 1912 г.—4,1%; в 1913 г.—5,0%, в 1914 г.—5,8% [3]).

Но одновременно с ростом фермерских доходов, развитие индустрии и улучшение ее техники позволяло расти доходам от несельскохозяйственного производство значительно быстрее, чем росли доходы фермеров. В результате с.-х. население зарабатывало почти в два раза меньше, чем все прочие профессии.

[1]) Introduction to rural Sociology by P. L. Vogt. 1919. 103. The Annals. January 1925; 27—8.
[2]) The Annals, January 1925; 29.
[3]) Agricultural Yearbook, 1923. Page 1163.

Это обстоятельство составляло и составляет одно из оснований недовольства фермеров. Это недовольство тем сильнее, чем большая доля национального дохода получается торговлей и банками, так как монопольный характер этих организаций больше всего проявляется в перераспределении национального дохода в ущерб менее организованным фермерам.

Распределение национального дохода в момент послевоенного кризиса было еще менее благоприятно для фермеров. Профессор Бляк на годовой конференции американских экономистов после весьма содержательного доклада пришел к выводу что экономическая национальная политика больше благоприятствовала городу, чем деревне [1]).

Америка представляет классическую страну господства монополистического капитала. Промышленность, банки, жел. дороги и торговля организованы в огромные спруты—тресты. Всему этому противостоит распыленный и разрозненный фермер. Всякий агент каждой профессии имеет большую возможность тяжесть кризиса переложить на плечи фермера. Банкир повышает учетный процент, жел. дороги—тарифы и т. д. Фактически влияние депрессии послевоенного кризиса было сильно смягчено для других профессий из-за их организованности, фермеры же десятками тысяч обанкротились, потеряв свои фермы. Особенно замечательно в послевоенном кризисе то, что банки и промышленность с жел. дорогами политикой инфляции и дефляции нажили большой капитал. Произошло это весьма просто. Все банковское дело централизовано в Федеральном резервном управлении. После вступления Америки в войну выяснилось, что невозможно покрыть все расходы налоговыми поступлениями. Решено было увеличить выпуски бумажных денег. Но правительство секретно собрало главнейших банкиров с целью информировать их о своих намерениях. В результате, как описывает сенатор Брукхарт, банки и промышленные предприятия выпустили на сотни миллионов акций, реализовав их по доинфляционным ценам. С последующими выпусками долларов осведомленные тресты продолжали политику обирания покупателей.

В целом, по расчетам сенатора Брукхарта, только фермеры потеряли в период инфляции и дефляции около 32.000.000.000 долларов, т. е. на 8 миллиардов больше, чем стоила вся война [2]). Если расчеты сенатора несколько и преувеличены, то все же они соответствуют действительному ходу событий. Огромные доходы, получаемые американскими фермерами за счет европейского потребления, путем сложных политико-экономических комбинаций уплыли в кассы банков и промышленников. В результате число арендаторов и банкротств среди фермеров увеличилось.

На примере послевоенного кризиса особенно рельефно проявилась слабость распыленного фермера и сила монополистических об'единений. Недаром лидеры обобранных фермеров добиваются организации Grain Corporation (Зернового синдиката), который был бы так же силен, как и U. S. Steel Corporation (Стальной синдикат) [3]).

[1]) The American Economic Review, 1926. March № 1. Supplement. Page 145.

[2]) Proceedings of the Academy of Political Science in the city, N. Y. Vol. 1922—24. Page 33 - 44.

[3]) Wallaces Farmer Des Moiuls, January 8, 1925.

Перейдем теперь к обзору течения с.-х. кризиса, как он отражался на различных сторонах фермерской жизни. За время войны американский фермер увеличил производство пшеницы. Так, за десятилетие с 1902 г. до 1911 г. в Соед. Штатах и Канаде в среднем производилось 797 милл. бушелей, а за 1912—21 гг.—1.067 милл. бушелей. Из всей произведенной пшеницы экспортировалось в виде зерна и муки за 1910—14 гг. в среднем 105 милл. бушелей, за 1920 г.—220, 1921 г.—366, 1922 г.—279, 1923 г.—222 и 1924 г.—156 [1]).

Фермер, расширив производство хлеба, столкнулся вначале только с понизившейся покупательной способностью европейского потребителя, а затем и с восстановлением производства хлеба в самой Европе [2]). В результате цены на все продукты сельского хозяйства начали стремительно падать.

Начиная с 1916 г., фермер за все продукты получал большую цену, чем в прошлые годы. С 1916 г. по 1917 г. произошел быстрый скачок цен всех продуктов и особенно пшеницы и кукурузы. Армии воюющей Европы требовали хлеба. Затем в 1917 г. сама Америка вошла в войну. В следующие годы рост цен продолжался, фермер расширял запашки, стремясь повысить свои доходы. Однако, в июле и особенно в августе 1920 г. началось невиданно быстрое падение цен [3]), приведшее к разорению массу фермерских хозяйств.

На ряду с фермерскими продуктами росли цены и нефермерских продуктов. Поэтому покупательная сила с.-х. товаров росла медленно и только за некоторые годы. Так, например, пшеница только за годы 1916—19 дала превышение покупательной силы по сравнению с уровнем 1910—14 гг., равным 100. После 1919 г. ее покупательная сила пала до 70%. То же самое наблюдалось со свининой и мясом. При сравнении индексов с.-х. и промышленных товаров особенно ярко сказывается значение организованности капитала в моменты кризисных взрывов. Послевоенный кризис захватил все народное хозяйство Америки, но тяжесть этого кризиса не все перенесли одинаково.

Падение промышленных цен в 1920—21 гг. тоже имело место, но оно было значительно меньше, чем это имело место в области с.-х. продуктов. Для фермера раздвинулись ножницы, сводившие на-нет его доходы. При некотором повышении с.-х. цен с 1922 года сближения лезвий ножниц не замечается, т. к. и промышленные цены за это время повышаются, хотя и несколько медленнее.

Индексы цен на с.-х. товары интересны еще и потому, что они обнажают связь экономики с политикой. В то время, как в пшеничной и кукурузной полосе кризис принял затяжные формы, в хлопковой он сравнительно быстро сменился под'емом. При 70 для пшеницы, 77 для свинины и 68 для мясного скота индекс покупательной силы хлопка равнялся 186 в 1923 г. Правда, хлопковые районы перенесли большие лишения из-за долгоносика, тем не менее их положение было благоприятное. Фермеры же пшеничной и кукурузной полосы оказались в сильнейшем затруднении. Не будучи в состоянии устранить стоящие

[1]) The Agricultural Situation by G. F. Warren and F. H. Pearson, 1924. Page 19, 21.

[2]) American Agriculture and European Market, by E. G. Nourse, 82.

[3]) Ibidem. Page 65.

пред ними затруднения, они искали помощи со стороны, и политическая активность их поднялась на высокую ступень.

Но и движение одних цен не может считаться достаточным, если мы хотим составить представление о доходности фермера. Если вместе с падением цен падут издержки производства, то, очевидно, что фермер при прочих равных условиях мог бы чувствовать себя нормально. Но с.-х. производство менее подвижно, чем многие отрасли промышленности. Осенью 1919 года посеянный злак продается по ценам в 2—3 раза меньшим, чем год назад. Злак, посеянный осенью в 1920 году, оказывается в менее плохом, но все же в худшем положении, по сравнению с предшествовавшими годами. А так как фермер употребляет удобрения, машины, корм для скота, то для него не безразлично, продает ли он купленное за 2 доллара,—за 2,20 доллара или за 1 доллар.

Для сравнения условий производства мы имеем средние данные для 6 пшеничных штатов за несколько лет. Постараемся разобраться в них.

Стоимость производства яровой пшеницы в Сев. и Южн. Дакотах и в Миннесоте и озимой пшеницы в Канзасе, Небраске и Миссури[1]):

Годы.	Яровая пшеница.			Озимая пшеница.		
	Чистые издержки производства без зем. ренты.	Ценность производства пшеницы на 1 акр в долларах.	Различие между издержками и ценностью пшеницы.	Чистые издержки производства на 1 акр без зем. ренты.	Ценность произв. пшеницы на 1 акр.	Различие между издержками и ценностью пшеницы.
1913	8,4	8,8	0,4	9,6	11,7	2,1
1915	10,4	16,5	6,1	9,9	13,3	3,4
1917	13,2	23,6	10,4	13,5	27,7	14,2
1919	17,1	17,9	0,8	19,4	28,7	9,3
1920	18,9	15,6	—3,2	20,4	26,9	6,5
1921	12,3	8,9	—3,4	15,0	12,8	—2,2
1923	10,7	8,1	—2,6	12,0	9,4	—2,6

За годы войны фермер получал беспримерные барыши, сменившиеся в 1920—21 гг. убытками. Фермер не мог не продавать произведенных продуктов, а продавая он приплачивал к каждому акру по несколько долларов. На всю ферму это обходилось в сотни и тысячи долларов. Сюда нами не прибавлялись еще земельная рента, которую платили 381 фермер из каждой 1000. Положение арендаторов было значительно хуже. Фермеру старались изо всех сил втолковать, что виной депрессии оказывается Европа. Европа была далеко, а свои акулы близко. Фермер постарался по мере сил разобраться в своих «друзьях», услуги которых обанкротили тысячи фермеров. Фермеру, прежде всего, пришлось столкнуться с ж.-д. тарифами.

В данной связи нужно отметить различие в политике республиканской и демократической партий. При Вильсоне жел. дороги были под государственным управлением, почему до июня 1918 года не было никаких повышений в жел.-дор. тарифах. После возвращения жел. дорог владельцам и с приходом рес-

[1]) Agricultural Yearbook, 1923. Page 648—49.

публиканцев к власти было сделано сильнейшее повышение тарифов.

При поддержке государственной комиссии, железнодорожные компании шли наперекор хозяйственной динамике. В момент, когда страна вступила в кризис, жел.-дор. компании сделали самое значительное повышение тарифов. По подсчетам департамента земледелия, фермер, продавая кукурузу, получал 77% цены, на жел.-дор. тариф падало 13% и 10% на элеваторы. В 1919 г. фермер получал уже 80%, жел.-дор. компании — 8% и элеваторы—12%, но в 1921 г. фермер получал только 56% цены кукурузы, жел. дороги—34% и элеваторы—10% [1]). Газетные известия о том, что фермер топил кукурузой печки вместо угля, соответствовали фактическому положению дел.

В какой мере сказалось влияние монополистского капитала на повышение тарифов мы можем заключить из сравнения жел.-дор. тарифов Канады и Соед. Штатов. Оказывается при равных расстояниях американцы переплачивали от 7 до 10,5 центов за бушель по сравнению с канадскими фермерами [2]).

В отношении элеваторов наблюдалась та же тенденция. Так прибыль кооперативных элеваторов равнялась в 1913—14 г.—2,04 центам на бушель, в 1919—20 г.—7,11, в независимых элеваторах в 1913—14 г.—2,66, в 1919—20 г.—6,61, в линейных элеваторах в 1913—14 г.—4,20, в 1919—20 г.—13,79. [3]).

Особенно велики были надбавки элеваторов в районах, где не было конкурирующих кооперативов, хотя в отдельных районах сама кооперация, вырождаясь в форму акционерного общества, не стеснялась надбавлять за счет фермера.

От элеватора хлеб поступал на жел. дороги, затем через оптовиков на мельницы и к розничнику. Роль розничника в распределении товаров была также весьма значительной, он не отставал от организованных капиталистов. Так, в цене 1 фунта хлеба в Вашингтоне—доля фермера равнялась в 1913 г. 21,41%, а в 1923 г.—16,37%. Доля же розничника поднялась за те же сроки с 20,55 до 22,22% [4]). Еще сильнее понизилась доля фермера при продаже мяса. Так, в цене свежего мяса доля фермера в 1913 г. равнялась 90,1%, а в 1921 году—67,7% [5]).

Предпринятые многочисленные обследования единодушно свидетельствовали, что при резком падении цен на с.-х. продукты, цены несельскохозяйственных товаров понижались весьма медленно, а доходы посредников—жел.-дор., элеваторных компаний, оптовиков и розничников, некоторое время продолжали повышаться.

В течение столетия в Америке создались общие каналы обращения, состоящие из многочисленных разветвлений [6]). Каждый с.-х. товар, проходя разветвления, должен оставить долю цены за услуги. Система каналов обращения находится в руках монопольно-организованных групп капитала. Фермеру некуда податься, т. к. вне этой системы не существует путей распределе-

[1]) Yearbook of the D. of Agr. 1921. Page 8.
[2]) Agricultural Yearbook. 1923. Page 111.
[3]) Report of the Federal Trade Commission on the Grain Trade. IV. 1924. Page XI—XII.
[4]) Agricultural Yearbook, 1923. Page 127.
[5]) Marketing and Distribution Report of the Joint Commission of Agricultural Inquiry, 1922. Page 217.
[6]) Ibidem. Page 14, 74.

ния. Поэтому все накидки, взимаемые монополистами, могут возбуждать недовольство, но они все же будут заплачены, так как фермер вынужден свою продукцию сбывать через них. В депрессивный период все агенты распределения не без успеха пытались переложить могущие произойти убытки на фермера. Против фермера стояла стена крупного капитала, который узаконенно грабил у фермера не только его заработок текущего года, но и его сбережения. Как мы уже приводили, ограблению подвергался, главным образом, фермер пшеничной и кукурузной полосы, а также дальний запад. Поэтому в упомянутых районах мы находим наиболее радикальное движение фермеров. Здесь развилась «непартийная лига фермеров», отсюда возник фермерский блок, там же коренится фермерско-рабочая партия и т. д.

Во время войны требовалось продовольствие, и на фермера изливались потоки патриотических воззваний, призывающих умножать производство хлеба и мяса. Благоприятная кон'юнктура подгоняла фермера, конечно, больше, чем все прокламации. Он расширил посевы. На это потребовался кредит, так как на расширение посевов нужны были машины, скот и удобрения и рабочие руки. Растущая доходность во время войны создала ажиотаж вокруг земли. Фермы продавались и покупались и снова перекупались в надежде на большие барыши. Горячка (boom), сопровождавшая все военное время фермера, разразилась особенно резко в 1920 г.

Произведенным обследованием было выяснено, что от 10 до 15% всех фермеров переменили свои фермы между 1916 и 1920 гг. Покупка земель в 1920 г. производилась по такой вздутой цене, что с наступлением кризиса купившие землю обанкротились, не будучи в состоянии оплатить лежавших на них обязательств [1]).

Как с.-х. производство, так и земельная спекуляция проводились в надежде на высокие цены. Грянул кризис и цены пали в 2—3 раза, обязательства же остались те же. Фермеры были должны, как мы уже писали, 10.000 милл. долларов, из которых около 5.000 милл. долларов занято было разводненным долларом, оплата же должна была производиться стабилизованным долларом. К тому же, как только раздались громовые раскаты кризиса, Федеральное резервное управление повысило учетный процент, особенно в с.-х. районах, затруднив маневрирование фермеров [2]). Да и вообще выяснилось специальным обследованием с.-х. кредита, что «существующая система не была достаточна для того, чтобы обеспечить фермеру все, что законно может требоваться для его целей» [3]). Поэтому комиссия рекомендовала улучшить и усилить современную исследованную систему с.-х. кредита.

---

[1]) The Wheat Situation by. H. C. Wallace. 1923. Page 23.
[2]) Credit. Report of the Joint Commission. Part II, 1922. Page 159.
[3]) Ibidem. Page 148.

Г. Белкин.

К характеристике современного „кустаря".

В нашей экономической литературе установилось неправильное определение «кустаря». Кустаря принято всегда считать мелким самостоятельным производителем. Это представление об однородности кустарной массы не соответствует действительности.

В. И. Ленин еще в дореволюционное время указывал на абсолютно непригодное для научного исследования понятие «кустаря» и «кустарной промышленности», под которое обыкновенно подводят все формы промышленности, начиная от домашних промыслов, ремесленных и кончая наемной рабочей силой на очень крупных мануфактурах.

Если в дореволюционной России кустарная масса была уже крайне неоднородна, то еще более разнородна она в настоящее время. Самое поверхностное наблюдение обнаруживает в ней три наиболее характерных основных подразделения: а) владельцев мелких предприятий с небольшим числом наемных рабочих от 1 до 3; б) самостоятельных производителей-одиночек, ведущих производство на собственные средства, работающих в одиночку или при помощи членов семьи, иногда и учеников, и сбывающих непосредственно изделия своего производства на местном и ближайшем рынках, потребителю или скупщику; в) работников, не имеющих своих средств производства и владеющих лишь своей рабочей силой.

Нужно ли доказывать, что при такой пестроте социально-экономического состава кустарной массы не существует и не может существовать единой «кустарной проблемы». Различные пути хозяйственного развития отдельных типов кустарной промышленности, неодинаковые, а иногда и противоположные интересы разношерстных социальных групп, именуемых у нас «кустарями», требуют от советской власти применения целого ряда разнообразных экономических мероприятий для разрешения стоящих перед ней в этой области задач.

До сих пор мероприятия советской власти по отношению к первой категории кустарей сводились, с одной стороны, к содействию возрождению и развитию мелкой кустарной промышленности (предоставление им налоговых льгот по применению ученичества, предоставление им дешевого кредита через систему кредитной кооперации и т. д.), с другой—к ограждению занятых в ней рабочих и учеников от чрезмерной эксплоатации их труда.

По отношению ко второй категории кустарей перечисленные нами мероприятия по содействию кустарной промышленности (налоговые и иные льготы) оказались недостаточными. При суще-

ствовании индивидуального хозяйства кустарь не может долгое время сохранить свою самостоятельность: по мере насыщения местного и ближайшего рынков изделиями промышленности, ему приходится искать новые, отдаленные от места производства, рынки. Кроме того, безостановочный рост цен на сырье и материалы производства, постепенно увеличивают сумму капитала, необходимую для ведения производства. Вследствие этого, чем дальше, тем больше усиливается зависимость кустаря от скупщиков и предпринимателей, финансирующих его производство и организующих сбыт его изделий.

Освободить кустаря от зависимости от частного капитала может только промысловая кооперация, организующая производство и сбыт кустарных изделий и облегчающая ему получение товарного и денежного кредита.

В эпоху диктатуры пролетариата развитие кооперации среди этой категории кустарей приобретает особое значение, она является не только средством поднятия их материального благосостояния. Освобождая мелких производителей от экономической зависимости от скупщика и предпринимателя, предоставляя им материальные выгоды от организованного выступления на рынке заготовок сырья и материалов производства и сбыта их изделий, она на опыте убеждает их в пользе и преимуществе кооперативного хозяйства перед распыленным индивидуальным и развивает в них потребность в дальнейшем обобществлении своего хозяйства—к организации кооперативной мастерской. Поэтому основной нашей задачей являлось кооперирование одиночек-кустарей. За последние годы советская власть в соответствии с директивам нашей партии провела целый ряд мероприятий, направленных к развитию и укреплению промысловой кооперации.

Опыт последних лет убеждает нас в том, что в области содействия развитию этих двух типов кустарной промышленности наша политика правильна и не нуждается в сколько-нибудь существенных коррективах на ближайший период.

Гораздо сложнее и многограннее вопрос о третьей категории кустарей.

Третья категория кустарей вовлекается в производство различными путями:

1) промысловой кооперацией;

2) госпромышленностью и госторговлей и потребительской кооперацией;

3) частным капиталом.

Насколько вообще интенсивен у нас процесс кооперирования второй и третьей категорий кустарей, показывает рост числа артелей и количества об'единяемых ими физических лиц.

Количество артелей и физических лиц, входящих через систему промсоюзов во Всекопромсоюз.

Д А Т Ы	Артели	Физические лица
На 1/X—1924 г.	2.799	123.305
» » —1925 г.	3.729	202.545
» 1/IV—1926 г.	3.903	224.260
» » —1926—27 г. (по контр. цифрам ВСНХ)	4.878	280.260

Не меньшую роль, чем промысловая кооперация, играет в деле организации производства и сбыта кустарных изделий госпромышленность, госторговля и потребкооперация. С кустарями в последние два года работало значительное количество гострестов (Тверской и Сарапульский кожтресты, «ПРУМП»—в Павлове, Сарпинтрест в Немреспублике, Валтрест, «Сетеснасть»—в Нижегородской губ. и многие другие), а также целый ряд гумов, торгов и, наконец, Центросоюз и губсоюзы. Вопрос о перспективах развития промысловой кооперации и увязки кустарных промыслов с госпромышленностью, госторговлей и потребкооперацией, заслуживает чрезвычайно серьезного внимания. В ближайшее время мы осветим его на страницах нашего журнала. В настоящей же статье мы рассмотрим вопрос, касающийся той части кустарей, которые вовлечены в орбиту частного капитала.

Когда производство организовывает частный предприниматель, он превращает работающего на него «кустаря» в наемного рабочего. К этой категории рабочих термин «кустарь» неприменим, это рабочие квартирники, которые по своему социально-экономическому положению ничем не отличаются от городского квартирника.

В настоящее время, когда проникновение частного капитала в кустарную промышленность носит иной характер, чем в дореволюционной России, тем более необходимо установить признаки, отличающие кустаря от квартирника.

Однако, частный капитал не только превратил деревенского «кустаря» в наемного рабочего квартирника, но и ухитрился превратить наемного городского рабочего в кустаря.

В кустарных районах, где отсутствуют мощные профсоюзы, где слабы инспекция труда и налоговый аппарат, там частный капитал имеет возможность неограниченно эксплоатировать кустаря-квартирника; кроме того, формы экономического закабаления кустаря-квартирника скупщиком и предпринимателем многообразны, и не каждый зачастую обнаруживает трудовое отношение, существующее между первым и последним.

Многие и теперь думают, что на каких бы условиях ни работал кустарь-квартирник на частного скупщика и предпринимателя, никакое вмешательство со стороны органов охраны труда и профсоюзов здесь не целесообразно и не возможно. Единственной мерой борьбы в данном случае считают развитие промысловой кооперации, а до тех пор, пока кустарь-квартирник не будет кооперирован, он должен терпеливо, безропотно покориться тяжелой участи раба частного капитала.

В дореволюционной России, правда, медленно, но неуклонно совершался процесс перехода от раздачи работы на дом (кустарничество-квартирничество) к концентрации производства в мастерских предпринимателей. Иное дело сейчас.

Возродившийся в нашей республике частный капитал еще до сих пор не вышел из периода «первоначального накопления». Лейтмотив его хозяйственной деятельности — получение максимальной прибыли при минимальных затратах капитала. Этим целям как нельзя лучше соответствует система работ на дому. Таким образом, в нашей республике происходит процесс, обратный тому, который совершался в дореволюционной России—процесс перехода от применения предпринимателями рабочей силы в своих заведениях к раздаче работ на дом.

Чем меньше возможностей было для частного предпринимателя практиковать систему раздачи работы на дом в городах, тем больше они устремлялись в кустарные районы, превращая одиночек-кустарей, а иногда об'единенных в промысловые кооперативы в кабальных рабочих, эксплоатация которых до сих пор ни чем не была ограничена.

В 1922 г. и в первой половине 1923 г. частный капитал хотя и проникал в кустарную промышленность, но сфера распространения его была невелика. Начиная со второй половины 1923 г., частный капитал охватывает больше кустарных районов и более значительное количество кустарей в каждом районе.

Во второй половине 1923 г. скупщик «прочно осел в кружевном промысле Вологодской, Орловской губ.; вытеснил промысловую кооперацию в производстве пуховых платков в Пензенской губ.».

«Широко и интенсивно работает частный капитал в таких уплотненных сапожных районах, как Кимрский, Талдомский, Кара-Булакский и Тейковский, забрав в сферу своего влияния до 80% имеющихся там кустарей».

В Павловско-Муромской металлической промышленности, а также в Тульской, частный капитал захватил до 80% мелких производителей (см. «Вестник Промысловой Кооперации» № 3 за 1924 г.).

В Московской губ. в производствах: кожевенном, обувном, металлическом, деревообделочном, игрушечном и др. «кустарь принужден отдавать свою продукцию скупщикам, которые покупают все изделия кустаря за весь год в счет выданной кустарю ссуды».

В Ярославской губ., в конце 1923 г. кустари-шубники работают на своих «исконных благодетелей», скупщиков, и получают 60—70 коп. за 14—16-часовой рабочий день. Благодателям кустаря не страшны ни кодекс законов о труде, ни инспекция. У них свои законы, старые, испытанные приемы (см. «Вестник Промысловой Кооперации» за декабрь 1923 г.).

В 1923 г. на Нижегородской ярмарке был произведен опрос 19 частных лиц, торговавших кустарными изделиями, который установил, что 5 скупщиков отдавали сырье на обработку, 6 частью покупали, частью получали кустарные изделия от собственного производства, 1 имел собственное производство, 7 скупали готовые изделия,—при чем не сказано, в какой степени от этих лиц зависели те кустари, у которых изделия покупались: работали ли кустари на собственные средства или на средства скупщиков (см. «Вестник Пром. Коопер.» № 3, стр. 6 и 7 от 1924 г.).

Еще больше частный капитал захватывает кустарные промыслы в 1924—1925 гг.

В Павловском районе частный рынок, питаемый частным предпринимателем и скупщиком, растет непрерывно, стихийно и неудержимо. Безработица в районе дает ему дешевую рабочую силу, особый характер кустарного строя дает ему возможность избежать отчета и улавливания. На каждого предпринимателя «легально работает несколько кустарей, на самом деле у него работает гораздо больше» (см. «Эконом. Жизнь» № 144 за 1924 г., а также «Эконом. Жизнь» № 157 от 10 апреля 1924 г.).

В Чувашской области кустарное кулеткацкое производство в 1924 г. захвачено частным капиталом, «скупщик эксплоатирует кустарей, выплачивает им ничтожную зарплату, задерживает платежи, или же давая вперед в счет платы за работу, еще больше снижает заработок кустаря». Работа ведется почти беспрерывно в течение 16—18 часов. Особого помещения для ткачества нет, работают там же, где и живет вся семья, что очень отражается на здоровье, так как от мочалы происходит испарение или летит едкая пыль.

Несмотря на такую каторжную обстановку работы кустаря, заработок его чрезвычайно мал, составляя в день 23 коп. для взрослого рабочего, 18 коп. для помощника и 12 коп. для подростка. «Указанные размеры заработка при работе на частного предпринимателя нередко еще сильнее понижаются. Вообще, заработок кустаря в рогожном производстве настолько незначителен, что занятие этим промыслом может быть об'яснено безвыходным положением кустаря-бедняка, который лишь при таком добавочном заработке может спасти жизнь своей семьи».

«Даже самый забитый китайский кули, несмотря на всяческие ухищрения в деле эксплоатации его труда белых цивилизаторов и давления колониального капитала, зарабатывает больше одной копейки в час».

«В истории прошлой России, примерно, столько же, сколько чуваши кустари-рогожники, зарабатывали, лишь мастеровые в Петровскую эпоху и в конце XVIII века (см. доклад инструктора Всекопромсоюза Дубового за 1924 г. и «Вестник Пром. Коопер.» № 5 за май 1925 г.).

В Загорском медно-литейном кустарном районе Богородского уезда из 998 кустарей кооперировано только 12. Вся остальная масса работает исключительно на пять десятков предпринимателей.

В Московской губ. из 18.000 кустарей-металлистов на государство работало всего 2—3%, остальные работали либо на посредника-скупщика, либо эксплоатируются «хозяйчиками». «В Тульском районе в производстве самоваров, охотничьих ружей и скобяных изделий, чувствуется определенная монополия частного капитала. Преимущество частного капитала в металлургической промышленности было то, что он, давая заказы кустарям, одновременно снабжал их сырьем, часто деньгами» (см. «Торгово-Промышленную Газету» № 56 за 1924 г.).

В Костромской губ. в 1924 г. скупщик внедрился почти во *все* кустарные промысловые районы: ювелирное, обработка шерсти, обработка кожи, дерева, металла и др.

В Ленинграде кустари-туфельщики почти исключительно работают на частных торговцев и магазинеров (см. «Вестник Пром. Кооперации» № 7—8 за 1924 г.).

В Нижегородском районе растет кулак-скупщик, бедняк-кустарь попадает к нему в зависимость и эксплоатируется (см. «Правда» от 11 сентября 1924 г.).

В Елецком кружевном районе кружевницы работают большей частью на частных скупщиков. Скупщики снабжают нитками и булавками кружевниц, при чем цены на товар, отпускаемый кустаркам, скупщики взвинчивают, а кружева покупаются у них по ценам крайне низким по сравнению с теми, по которым они сами продают.

«Скупщик в деревне не только захватил в свои руки сбыт кустарных товаров и снабжение сырьем, он указывает кустарю, какие сорта нужно приобрести, из каких ниток. Дальше этого скупщик в кружевном промысле не идет, довольствуясь эксплоатацией на дому».

Чем дальше деревня от города, тем эксплоатация сильнее, тем выше прибыль предпринимателя.

Напр., в Маручках имеется 9 скупщиц, из них 2 «настоящие женщины-кулаки». Каждая из скупщиц держит в своих руках около тысячи кружевниц. Район верст на 8 вокруг Маручков охвачен ими. Работают скупщицы без всякого патента, финагентам их трудно обнаружить (см. «Правда» № 236, 16 апреля 1924 г.).

В Вологодском районе в роговом промысле «частный скупщик закрепостил экономически значительное количество кустарей». В особенно сильной зависимости находятся кустари отдельных крупных деревень (см. «Торгово-Промышлен. Газету» № 59 от 12 марта 1925 г.).

В селе «Никольский Поим» цены скупщиков разорительны для кустарей. Сверх себестоимости пары сапог, кустарь-сапожник едва получает от купца 25—50 коп. От таких заработков, естественно, часть кустарей разбежалась, но большая часть живет и продолжает работать, так как не знает других промыслов.

В таком же положении другие кустари: кузнецы, шапочники (см. «Торгово-Промышл. Газету» от 24 марта 1925 г.).

В Москве в трикотажном промысле большинство чулочниц работает на частных скупщиков и магазинеров. В среднем заработок высококвалифицированной чулочницы, работающей на хорошей плоской машине, составляет около 50 р. в месяц.

Скупщик широко развил свою деятельность в текстильно-ткацкой кустарной промышленности. Скупщик, выбирая личное промысловое свидетельство для рабочих одиночек и раздавая им работу, отпускает им в переработку пряжу на кабальных условиях («Вестник Пром. Коопер.» № 11—12 за ноябрь—декабрь 1925 г.).

В Черкизове кустари-вязальщики, главным образом, работают на скупщика. Заработок черкизовских кустарей в среднем 35—40 руб. в месяц. Рабочий день достигает 12—16 часов (см. «Торгово-Промышленную Газету» № 95 от 28 апреля 1925 г.).

В Вологодской губ., напр., в селе Устье Кадипковском, кружевницы-плетеи работают на частных скупщиков, раздающих кустаркам нитки и берущих обратно сработанный товар и даже кредитующих кустарок и деньгами и товаром. Работают по-разному, применяя весь ассортимент приемов, испытанных и типичных для кустарных районов.

В Нижегородской губ. женские кустарные промыслы: рогожный, лошкарный, скорняжный, Балахонский кружевной и вышивальный (всего по Нижегородской губ. насчитывается до 40.000 женщин, работающих в кустарных промыслах) — за последнее время значительно оживают и развиваются. На базе кустарной промышленности быстро растет и укрепляется кулак-скупщик. В районе появились женщины-кулаки, торговки, скупщицы. Они доставляют кустаркам материал, раздают работу, забирают готовые изделия и торгуют в Москве и по ярмаркам. Число кооперированных кустарей крайне незначительно («Правда» 28 апреля 1925 г.).

В Муромском районе $^5/_6$ всего количества кустарей работают одиночками, предпочитая работать на предпринимателя. Количество мелких и крупных предпринимателей в этом районе даже приблизительно трудно определить. Числится по учету инспектора труда 49 чел., но сам инспектор предупреждает, что цифра абсолютно не точна. Предприниматель, спасаясь от налогов, от уплаты соцстраха, всеми силами скрывает свое занятие.

Насколько не точно указанное количество предпринимателей можно судить по тому, что в селе Горах их по учету числится 4, по частным сведениям и на самом деле их—16. Но предприниматель не только скрывается, ему в этом всячески помогает и кустарь.

Не имея своих средств, не находя источника заработка в тресте, видя печальное положение артелей, из которых некоторые, как, напр., Медоварцевская, сами работают на предпринимателя, кустарь видит в нем единственный источник существования («Вестник Пром. Кооперации» № 8—9 за август—сентябрь 1925 г.).

В Дагестанской республике в кустарной промышленности в силу того, что кустарь в огромном большинстве своими средствами не в состоянии обеспечить себе необходимое сырье, он попадает всецело в руки посредника, который, снабжая его сырьем на кабальных условиях, становится потом хозяином всей его продукции.

Особенно сильно участие частного капитала в шерстообрабатывающей кустарной промышленности, в суконном и ковровом производствах, доминирующих над всеми остальными видами кустарного производства Дагестана. Заработок кустаря крайне мал, в некоторых случаях доходит до 9—10 коп. в день. Частный капитал, сбитый с толку госторговлей и потреб. кооперацией, устремился, главным образом, на кустарей. Почти 99% сбыта кустарных изделий и снабжения сырьем находится в руках частного капитала («Вестник Промысловой Кооперации», ноябрь—декабрь 1925 г.).

В Калязинском районе в сапого-валяльном промысле эксплоатация беднейших кустарей частным капиталом чрезвычайно сильна. Весной, в мертвый сезон, доходит до того, что при 14—16-часовом рабочем дне в невероятно тяжелой обстановке: в сырости и грязи, стиральщик получает в день около одного рубля, да и за эту работу благодарит работодателя (там же).

«В Нижегородском районе общая кон'юнктура кустарной промышленности к началу производственного сезона 1925 г. складывалась более чем благоприятно. Небывалый спрос на кустарные изделия, налоговые льготы, ряд поощрительных мероприятий,—все это делало кустарную промышленность в роде именинницы. Однако, именины кустаря пока-что довольно черствые».

«В Нижнем-Новгороде, в старом Гостином дворе и на Нижнем базаре, появились торгово-промышленные фирмы с солидным оборотом. В одиночку, компаниями, товариществами, они заготовляют валеную обувь и торгуют шерстью, они имеют в районах производства свои раздаточные конторы, шерсто-чесальные заводы, стиральные мастерские, катальные заведения, склады шерсти и пр.».

«Из общего количества кустарей-валяльщиков в Нижегородском районе работает на кооперацию тысяча человек, на Валтрест МГСНХ—2.500 чел., на частных промышленников—5.000 чел., но и эти цифры приходится трактовать в пользу частного скупщика, так как ни кооперация, ни Валтрест, числящихся за ними кустарей полностью не загружают» (см. «Торгово-Промышленную Газету» № 243 от 23 октября 1925 г.).

В Кимрском районе (Тверской губ.) часть одиночек-кустарей получает весь материал комплектами от частных посредников, на которых шьет обувь. Из общего количества выработанной в 1924 г. (полтора миллиона) обуви около 1.200.000 п. падает на кустарей-одиночек, работающих на частных лиц. Между прочим, Кимрский кожтрест ведет свои операции через частных раздатчиков, которые закабаляют кустаря (см. «Вестник Пром. Кооп.». № 4 за апрель 1925 г.).

В Семеновском уезде (Нижегородской губ.) сапожно-валяльный промысел охвачен частным капиталом в большей мере, чем кооперацией и госорганами. В частной промышленности занято кустарей 5.800 чел. (96,5%), в кооперации—200 чел. (3,5%).

«Чтобы избежать лишних налогов и расходов, они сокращают официальное количество, числящихся за ними эксплоатируемых кустарей-рабочих. В катальной у предпринимателя работает 5 человек, а на стороне—50 чел.».

«Кустарь-рабочий предпочитает работу на фабрике работе на хозяина. На госфабрике условия труда упорядочены, здоровье рабочих охраняется, рабочее время ограничено, все это рабочий-кустарь ценит, особенно молодежь. В том же Семеновском уезде Нижегородской губ., который славится производством деревянных ложек, кустарь-ложкарь зарабатывает в неделю иногда меньше рубля».

«В Пензенском районе, несмотря на установившийся спрос на продукцию господствующего там рогожно-кулевого промысла для текстильных и табачных предприятий, а также для перевозки сельских продуктов, благодаря дороговизне сырья и незначительности продажной цены, дневной заработок кустаря не превышает 25—30 коп. в день при рабочем дне кустаря-рогожника в 16 часов в сутки».

Предпринятое Экономпромсоветом ВСНХ выборочное обследование кустарных промыслов констатирует усиление к 1926 г. позиций частного капитала почти во всех кустарных районах. Так, напр., «в кожевенно-обувном районе Тверской губ., Кашинского уезда имеются (по показаниям Акуловской промысловой артели) частные предприниматели, которые работают большей частью нелегально, пользуясь слабостью фининспектуры и страховых касс. Есть предприниматели, раздающие «домашникам» до 1.000 пар в месяц. Наблюдается выход отдельных кустарей из артелей».

В Иваново-Вознесенской губ., в Шуйском уезде частный скупщик в сезонное время отрывает до 50% членов артелей. Такое же положение в Самарском и Ленинградском кожевенно-обувных районах, лесохимических районах Вятской г., валено-сапожном промысле Иваново-Вознесенской губ. и др.

В деревообрабатывающем промысле (выработка ободов, спиц, дуг, ложек, чашек) позиции частного капитала особенно сильны (см. «Торгово-Пром. Газету» № 30 от 6 февраля 1926 г.).

Сведения об усилении роли частного капитала в кустарных промыслах поступают в начале 1926 г. из целого ряда других районов. Смоленский корреспондент «Торгово-Промышленной Газеты» пишет: частично свободные средства деревни вкладываются в предприятия кустарной промышленности, которая развертывается интенсивным темпом в большинстве районов (см. «Торг.-Промышл. Газету» от 14 марта 1926 г.).

Обследование частного капитала в Ленинграде выявило, что «особенно велика его роль в кустарной промышленности» («Эконом. Жизнь» от 10 марта 1926 г.).

То же самое мелитопольский корреспондент «Торг.-Пром. Газ.» сообщает, что частным капиталом оказывается скрытая от посторонних взглядов помощь начинающему возрождаться крупному и мелкому кустарничеству. Помощь эта разнообразна, но всегда секретна («Торг.-Пром. Газ.» от 2 марта 1926 г.).

В Сибири кожевенный кустарный промысел восстанавливается также частным капиталом. Частный капитал, приняв энергичное участие в закупке кожевенного сырья, передавая последнее на выделку кустарю, стал таким образом для него неофициальным синдикатом («Эконом. Жизнь» от 2 февраля 1926 г.).

Иное дело в городе. После издания декрета от 2 июля 1923 г. квартирники не только были признаны наемными рабочими, но была найдена практическая форма приспособления нашего кодекса законов о труде к условиям работ на дому.

Предприниматели сначала пытались уклониться от исполнения декрета, но они встретили упорное сопротивление со стороны профсоюзов и организованных квартирников, сломать которое они не были в состоянии. Поэтому в городах предприниматели прибегают к новому виду использования квартирников. Квартирники, набранные из числа безработных или из рабочих ликвидированных предприятий, принуждаются хозяевами выбирать за счет последних патент, свидетельствующий якобы о том, что данное лицо является не работником, а самостоятельным хозяйчиком (кустарем).

Искусственное превращение наемных рабочих в кустарей приняло колоссальные размеры почти во всех отраслях промышленности (кожевенной, обувной, швейной, металлической, текстильной, строительной, местного транспорта, лесозаготовительной и др.).

В кожевенно-обувной промышленности патентщики появляются уже в конце 1923 г. Так, напр., в Ростове-на-Дону предприниматели один за другим закрывают свои мастерские, раздавая работу на дом рабочим, под прикрытием патентов (см. «Голос Кожевника» № 16 от 5 ноября 1923 г.).

В Воронеже после издания декрета о квартирниках усилилась подпольная раздача магазинерами работы и увольнения легальных квартирников (см. «Голос Кожевника», № 18—19 от 20 декабря 1923 г.).

В Баку в начале 1925 г. наблюдается массовое увольнение рабочих частных предприятий. Обследование губотдела союза установило, что владельцы ликвидированных предприятий работают нелегально с квартирниками-«патентщиками» (см. «Голос Кожевника», № 4—5 от 1 марта 1925 г.).

В Харькове в 1924 г. борьба профсоюзов против эксплоатации труда квартирников осложняется вследствие распространения патентщиков, затрудняющих борьбу с предпринимателями и создающих неразбериху при разборе конфликтов в судебных органах (отчет харьковск. губотдела с 1 апреля 1923 г. по апрель 1924 г.).

В конце 1924 г., количество легальных квартирников еще больше уменьшилось за счет роста числа «патентщиков». «Так, например, на заседании правления губотдела 8 марта 1925 г. докладчик о «квартирничестве» указывает, что работе по выявлению квартирников и прикреплению их к магазинерам в настоящее время грозит опасность быть сорванной. Работодатели закрывают предприятия, сокращают прикрепленных квартирников, а некоторые предприниматели всех увольняли. Причины ликвидации предприятий и сокращения легальных квартирников—это переход на раздачу работ на дом патентщикам и нелегальным квартирникам».

На состоявшемся в июне 1925 г. совещании делегатов 2 пленума ЦК кожевников по вопросу—«Работа союза в частной промышленности»—представители с мест (Украина, Грузия, Белоруссия, Узбекистан, Саратов, Самара, Ленинград, Москва и др.) указывали на массовую ликвидацию предприятий и увольнение прикрепленных колдоговорами к магазинерам квартирников и переход на подпольную работу, или раздачу работ патентщикам, на которых не распространяется кодекс законов о труде (см. «Голос Кожевника», № 13 от 22 июля 1925 г.).

В Белоруссии в 1925 г. ликвидация мастерских и раздача работы патентщикам приняла широкие размеры (№ 13 «Голос Кожевника» от 22 июля 1925 г.).

В Астрахани в конце 1924 г. предприниматели сокращают легальных квартирников и раздают работу патентщикам. В Азове нелегальное квартирничество, растущее с каждым днем, приводит не только к бешеной эксплоатации труда рабочих, но и вызывает массовое закрытие частных мастерских, не выдерживающих конкуренции с магазинерами, работающими патентщиками и нелегальными квартирниками (Протокол губотдела за февраль 1925 г.).

В Одессе во второй половине 1924 г. предприниматели ликвидируют свои мастерские, открытые по настоянию профсоюза и организованных квартирников, раздают работу патентщикам (см. Протокол губотдела 27 августа 1924 г.).

В Саратове нелегальное квартирничество и патентщики сильно распространяются во второй половине 1924 г. (8/IX 1924 г.).

В Воронеже в конце 1923 г. усиливается увольнение квартирников, легально работающих на магазинеров, вследствие подпольной раздачи работ патентщикам (протокол от 29 ноября 1923 г.).

В Москве уже в конце 1923 г. предприниматели, имеющие квартирников, выбирают для последних патенты, этим самым отрывая их от профсоюза (см. «Отчет о работе среди московских квартирников за время июль—декабрь 1923 г.»).

В тех случаях, когда предприниматели не сумели навербовать среди местных безработных необходимое количество квартирников, которые согласились бы порвать с профсоюзами и прикрывать трудовые отношения фиктивными патентами, они передавали работу в деревни и другие местности, где квартирники еще не были организованы и потому легче поддавались усиленной эксплоатации.

В Москве, например, в первой половине 1924 г. закрытие раздаточных пунктов становится массовым явлением. «Многие раздаточные пункты переходят на нелегальное положение, передавая работу в уезды» (см. протоколы от 22 мая и от 15 апреля 1924 г.).

Во Владимире после того, как губотдел кожевников организовал квартирников-сапожников, заключил от имени их тарифное соглашение с работодателями, предприниматели начали производить пошивку в других губерниях: Рязанской, Тверской и т. д., где рабочие руки значительно дешевле. Это привело к тому, что в самом Владимире количество квартирников, работающих легально на магазинеров сократилось на 60% (см. отношение губотдела в ЦК от 5/IV—1925 г.).

В витебском кожевенном производстве еще в конце 1923 г. начинается массовая ликвидация частных предприятий. Хозяева передают работу по деревням. В начале 1924 г. процесс ликвидации частных мастерских и передача работы в деревню усиливается. Вследствие этого в самом Витебске значительное количество рабочих-квартирников, опасаясь безработицы, оторвалось от профсоюза и бюро квартирников и начало нелегально работать на своих работодателей, на более худших условиях, чем было установлено колдоговором (см. протоколы витебского губотдела кожевников от 14 декабря 1923 г. и 4 января 1924 г.).

Приморский губотдел кожевников в своем протоколе от 2 сентября 1924 года указывает, что меры борьбы против чрезмерной эксплоатации квартирников «ничего положительного не дали и рабочие-квартирники остаются незащищенными». Чтобы избежать оплаты налогов и заключения коллективного договора, предприниматели ликвидировали свои мастерские. В силу этого рабочий, оставаясь безработным, принужден был искать работу. Не находя других средств, он кинулся в об'ятия торговцев, продавая свой труд как попало, чего, конечно, при закрытии своих мастерских торговцы ожидали.

Предприниматели практикуют следующую форму обхода. Они выдают рабочим товар, якобы в кредит, а затем готовую обувь принимают от квартирников под видом закупки у него готовых изделий. В действительности же за вычетом «кредита», предоставленного рабочему в виде товара, рабочий получает лишь мизерную зарплату.

В Самарском кожевенном производстве «магазинеры раньше пользовались рабочей силой квартирников, а некоторые, напр., имели мелкие мастерские. Сейчас они квартирников уволили. Часть мастерских совершенно ликвидирована. При этом торговля обуви не сокращается, а, наоборот, увеличивается за счет расширения местного производства. Но местное производство «выражается большей частью в нелегальном квартирничестве, работающем под видом патентщиков, борьбу с которым вести чрезвычайно трудно».

«При имеющейся безработице, воздействовать на члена союза трудно, когда вопрос ставится о его существовании».

Угроза потерять работу заставляет во многих случаях рабочих, занятых в городской частной промышленности, не только отказаться от продолжения борьбы за улучшение условий труда, но и уступить и те позиции, которые уже были завоеваны. Ярким примером в этом отношении нам может служить печальный исход двухлетней борьбы ленинградских квартирников-сапожников со своими магазинерами.

Два раза ленинградские квартирники-сапожники об'являли своим работодателям стачки-бойкот и оба раза вышли из борьбы победителями. Основное требование стачечников — открытие мастерских—было удовлетворено предпринимателями. 600 рабочих квартирников были сконцентрированы в открытых мастерских. Остальные квартирники были прикреплены к магазинам, владельцы которых обязались через непродолжительный срок открыть мастерские. Напр., на 1 октября 1924 г. 85% всех зарегистрированных ленинградским губотделом союза кожевников рабочих частных предприятий работало на дому и лишь 15%—в мастерских в то время, как после победоносной стачки квартирников (июль 1924 г.) 87% всех рабочих частной промышленности работало в мастерских предпринимателей, а на дому—только 13%.

Но ленинградские квартирники-сапожники недолго пользовались плодами своей победы. С июля 1924 г. частные мастерские закрываются одна за другой, рабочие увольняются, а работа раздается кустарям как городским, так и живущим вне города.

Чтобы спасти положение, ленинградский губотдел кожевников с разрешения ЦК союза, временно отказывается от основного требования, которое в течение 2-х лет воодушевляло борьбу организованных квартирников—«работы в мастерских предпринимателей». Рабочие снова перешли на положение квартирников.

Однако, ленинградские магазинеры на этом не остановились. Они начинают постепенно сокращать легальных квартирников, передавая работу деревенским квартирникам и кустарям (патентщикам). В самом Ленинграде из 700—800 квартирников к концу 1925 г. осталось всего лишь 300—400 легально работающих квартирников, хорошо сплоченных и организованных, которых предприниматели до сих пор не сумели превратить в патентщиков.

В начале 1926 г. предприниматели делают отчаянные попытки освободиться и от горсточки легальных квартирников. Но, предвидя сильное сопротивление ленинградского губотдела союза кожевников, магазинеры обращаются в ВЦСПС с докладной запиской, в которой указывают на невыгодность производства обуви путем применения труда организованных квартирников, которые якобы разоряют магазинеров, и просят разрешить им уволить квартирников, прикрепленных к ним колдоговорами.

Аналогичная записка была подана председателю ЦИК СССР тов. Калинину, Наркомвнуторгу и другим. Этот маневр является подготовительным к открытой борьбе, которая началась между ленинградским губотделом кожевников и магазинерами-обувниками в апреле сего года, когда истек срок заключенного союзом с частными предпринимателями коллективного договора. Ленинградский губотдел кожевников и организованные квартирники на этот раз отбили атаку предпринимателей, заставив их перезаключить с союзом колдоговор на работающих на них квартирников.

В строительной промышленности распространение патентщиков» приняло широкие размеры в 1924—25 гг. Так, например, Татарский областной отдел союза строительных рабочих сообщает, «что в число патентщиков попадают исключительно рабочие-строители» и что выборка патентов чревата для рабочих тяжелыми последствиями, благодаря лишению экономической защиты их труда со стороны союза (см. прот. Тат. облотдела в СССР от 18 июня 1924 г.).

Курский губотдел союза строительных рабочих в своем информационном докладе в ЦК за апрель—июнь 1924 г. сообщает, что патентщики под руководством подрядчиков и других спекулянтов конкурируют с членами союза. Борьба с патентщиками затруднена.

Владимирский губотдел строителей в своем докладе в ЦК от 8 октября 1924 г. сообщает, что «патентщина» развивается по инициативе подрядчиков и всевозможных дельцов. Патентщики в действительности являются обыкновенными рабочими. Рабочих вынуждают выбирать патенты подрядчики, которые не имеют возможности открыто эксплоатировать наемную рабочую силу.

На междуведомственном заседании при вологодском губотделе труда от 27 мая 1924 г. представитель губотдела рабочих-строителей указывает, что одиночки-строители, выбирающие личные патенты, в действительности продают свой труд нанимателям, и их ни в коем случае нельзя приравнивать к кустарям-одиночкам, продающим изделия своего производства на рынке, и что частные предприниматели, пользуясь тем, что имеющие патенты регистрации на бирже труда не подлежат, нанимают их на работу, не платят за них в страхкассу и уклоняются от уплаты налогов.

Таково положение в 1924—25 гг. почти во всех остальных отраслях промышленности, в коих получило более или менее широкое развитие квартирничество.

Аналогичное положение в текстильной промышленности: в Ленинграде, Республике Немцев Поволжья, Москве и других городах.

Заведующий тульским губотделом труда в своем письме заворготделу НКТ, тов. Нефедову, сообщает, что в тульском районе, где имеется значительное количество квартирников кожевенного, металлического, текстильного производств, «создаются компании трех-четырех бывших заводчиков, раздающих сырье на обработку кустарям-квартирникам, но не как рабочим, ими занятым, а как «подрядчикам», так как прежде, чем сдать работу тому или иному кустарю, они вынуждают его выбирать патент».

«Описать вам обстановку такой кустарной мастерской на дому очень трудно. Скажу только одно, что в таких местах самый большой срок жизни—40 лет, так как в производственной пыли травится не только тот, кто непосредственно работает, но и все домашние, живущие с ним».

Заведующий губотделом труда жалуется на то, что инспекция труда бессильна бороться с эксплоатацией труда квартирников, так как юридически они являются самостоятельными ку-

старями, т. е. имеют патент (из письма заведующего тульского ГОТ и МКТ, см. также «Правду» от 9 августа 1924 г.).

В швейной промышленности распространение патентщиков относится к 1924—25 гг. Например, в Москве в 1925 г. выявилась официально существующая форма производственной деятельности в частной промышленности—это использование труда патентованных рабочих» (отчет моск. губотдела швейников с 1/I по 1/XI—25 г.).

То же самое сообщают отчеты харьковского, ленинградского и др. губотделов союза швейников.

До сих пор борьба с частным капиталом в «кустарных» районах велась исключительно промысловой кооперацией. Несомненно, что промысловая кооперация является одной из радикальных мер освобождения кустарного населения от влияния частного капитала.

Однако, было бы роковой ошибкой, если бы мы не учли тех об'ективных условий, которые сильно ограничивают размах промысловой кооперации в нашей республике.

Общеизвестно, что промысловая кооперация об'единяет небольшое количество кустарей, приблизительно процентов 8 — 10 (мы, понятно, говорим о промысловых кооперативах, входящих в систему промсоюзов по линии Всекопромсоюза и Всеколеса, «диких» же артелей мы в подсчет не включаем, так как их лжекооперативный характер, за редким исключением, не подлежит никакому сомнению). Главная же масса их работает на частного предпринимателя, который под тем или иным видом эксплоатирует работника.

Это об'ясняется, тем обстоятельством, что промысловая кооперация не располагает достаточными финансовыми ресурсами, необходимыми для кооперирования значительного количества кустарей.

Более того, промсоюзы и артели, благодаря отсутствию у них средств, не заглужают полностью сырьем и материалами производства и того незначительного количества кустарей-членов, входящих в их состав. Нередко и кооперированный кустарь вынужден частично работать на частного предпринимателя и скупщика. Бывают случаи; когда и целые артели, не получая товарных и денежных кредитов от своих промсоюзов, вынуждены работать на частного предпринимателя.

Отсюда ясно, что перед промкооперацией в настоящее время стоит задача не расширять сферу своего влияния в кустарной промышленности, а углублять ее.

При таком положении вещей говорить о вытеснении частного капитала кооперацией из кустарной промышленности является вредной иллюзией.

Частному капиталу, конечно, выгодна эта иллюзия. Промысловая кооперация ему пока-что не страшна. Существующая же в некоторых кругах точка зрения, что с частным капиталом можно бороться единственно путем кооперирования работников, ему на руку, так как отвлекает наше внимание от тех реальных мер, которые могут в настоящее время хотя бы в некоторой степени действительно обуздать скупщиков и предпринимателей в кустарной промышленности.

Такой реальной мерой борьбы с неограниченной эксплоатацией внегородских квартирников является законодательная защита их труда, (распространение декрета от 2 июля 1923 г.) и организованная борьба их со своими предпринимателями.

Необходимо также пополнить декрет о квартирниках от 2 июля 1923 г. новой статьей, устанавливающей, что при условии существования между квартирником и работодателем трудового отношения, наличие патента у квартирника не освобождает нанимателя от обязательства по кодексу законов о труде и действующему специальному законодательству о труде квартирников.

Экономические заметки *).

III.

О пользе теоретического изучения советского хозяйства.

Опубликованные главы из моей работы [1]) «Новая экономика», работы, посвященной теоретическому анализу советского хозяйства, подверглись ожесточенной критике. Оппоненты особенно нападали на главу о законе социалистического накопления. Глава «О законе ценности в советском хозяйстве» встретила сначала гораздо более мягкий прием во время трехдневных прений в Коммунистической Академии. Некоторые оппоненты делали даже комплименты автору. Но уже в статье т. Э. Гольденберга, помещенной в «Большевике» от 30 апреля [2]), новая глава атакуется с такою же резкостью, как и предыдущая. Я не знаю, быть может, такой тон является личной особенностью тов. Гольденберга—бывшие оппозиционеры проявляют часто усердие выше среднего; во всяком случае, если все другие оппоненты будут об'ективнее, дело от этого только выиграет. И я со своей стороны хотел бы сохранить хладнокровье и об'ективность. Разногласия есть, к чему еще их раздувать, либо выдумывать не существующие пункты расхождения. Тот, кто занимается этим делом, будь то в теории, будь то в политике, позволяет себе эту роскошь только потому, что недостаточно продумал наш завтрашний день.

Ценность или, наоборот, непригодность того, или иного теоретического построения, которое делаем мы, марксисты и ленинцы, в области общественной науки, определяется, во-первых, тем, в какой мере оно логически согласуется с методологическими основами и основными положениями марксизма и ленинизма; во-вторых, в какой степени оно способствует правильному предвидению в области социально-экономических явлений и тем служит непосредственным практическим целям нашего класса. Последняя проверка является решающей и окончательной, потому что и марксизм и ленинизм служат предварительной логической проверкой каждого нового построения лишь потому, что сами они уже проверены на опыте практической борьбы рабочего класса. Когда возникает спор о том, согласуется ли логически данное построение с марксизмом или ленинизмом, спор в сфере логики можно продолжать сколько угодно, но решает этот спор окончательно и бесповоротно опять-таки лишь практика.

---

*) От редакции. Статья дискуссионная.

[1]) Глава 2-я: «Основной закон социалистического накопления» и глава 3-я: «О законе ценности в советском хозяйстве». Вся книга вышла недавно в изд. Коммунистической Академии.

[2]) «Большевик» №№ 7—8, Э. Гольденберг, „Запоздалый рефлекс".

Под этим углом зрения логической, а где можно, практической проверки моей теории советского хозяйства я намерен рассмотреть здесь важнейшие возражения тов. Гольденберга и некоторых других моих оппонентов, направленные против наиболее существенных положений моей работы. А затем я постараюсь показать, что мои оппоненты не только не дали, но, оставаясь на своих теперешних позициях, никогда не смогут дать чего-либо похожего на марксистско-ленинскую теорию нашего хозяйства, со всеми вытекающими отсюда практическими последствиями.

Начну с вопроса о методе.

Тов. Гольденберг упрекает меня «в вульгарно механистическом подходе к вопросу», в том, что я не улавливаю «диалектической связи противоречивых и борющихся начал», в том, что я занимаюсь «схоластической игрой в формально-логические определения» и т. д. А где же доказательства?

Доказательство первое: приступая к анализу проявления капиталистических категорий в нашей экономике, я напоминаю читателям, что именно противостоит этим категориям в плановом социалистическом хозяйстве. Тов. Гольденберг прикидывается, что он не понимает методологического значения этого противопоставления и его места во всем моем изложении. По его мнению «в этом голом противопоставлении... и обнаруживается полное непонимание т. Преображенским действительной роли закона ценности в нашей экономике». «В конечном счете социализм, разумеется, приводит к полной ликвидации рынка и рыночных отношений. Но не может быть ошибки более грубой и более вредной, чем смешение результата процесса с самим процессом».

Не для тов. Гольденберга, который, конечно, знает, о чем у меня идет речь и занят сочинением своего опровержения, а для читателей, которые могут принять всерьез эту его «аргументацию», я замечу следующее:

1) Никакой действительно научный анализ переходной товарно-социалистической системы хозяйства не мыслим без понимания того, во что переходит эта экономическая формация.

2) Только имея постоянно перед своим сознанием два полюса всего процесса—исходный и конечный, мы в состоянии будем понять историческое место каждой переходной формы, не теряясь в деталях и не скатываясь к вульгарной экономии, которая поверхностное описание кон'юнктуры сегодняшнего дня выдает за научный анализ данной экономической системы.

3) Противопоставление, о котором идет речь, принадлежит Марксу, Энгельсу, Ленину. Без принципиального противопоставления капитализма социализму не мыслим законченный анализ даже самого капитализма. Доказательство этого читатель найдет в «Капитале», «Антидюринге», в переписке Маркса и Энгельса и т. д. Только противопоставление социализма капитализму позволило Ленину дать теорию монополистического капитализма.

4) Изучение капитализма Маркс построил на анализе капитализма абстрактного, т. е. по Гольденбергу смешал результат процесса с самим процессом, за что, как известно, подвергался ожесточенным нападкам всего интернационала вульгарных экономистов и обывателей.

5) Принципиальное противопоставление социализма капитализму является методологически обязательным и для анализа каждого периода в развитии товарно-социалистической формы хозяйства. Так как весь процесс движения к социализму есть процесс борьбы одной экономической формации с другой, то ни удельного веса борющихся сторон, ни своеобразия каждого периода и его закономерностей, ни причудливого переплетения процесса борьбы с его непосредственными результатами мы не в состоянии будем понять, не имея постоянно перед собой представления о том, во что превращается, куда растет переходная экономика. Забывать об этом, значит в области теории скатываться к Бернштейну с его знаменитым положением: движение все, цель ничего.

«Нелепость придирки тов. Гольденберга слишком очевидна, чтобы на ней долго останавливаться. Однако, отнюдь не случайно что противопоставление социализма капитализму при исследовании определенного этапа переходной экономики раздражает тов. Гольденберга и некоторых других оппонентов. Ведь уметь соединить это противопоставление с конкретным анализом определенного периода развития товарно-социалистической системы хозяйства, значит приступить к анализу борьбы двух начал в нашей экономике, значит искать закономерности в этой борьбе, значит, хочешь не хочешь, подойти при анализе закономерности развития государственного хозяйства к закону первоначального социалистического накопления. Но моим оппонентам не улыбается эта перспектива. И потому они осуждены, с одной стороны, повторять, меняя лишь слова и выражения, одну и ту же фразу о борьбе планового начала с рынком, а с другой стороны, выдавать за «анализ» нашего хозяйства соединение некоторого количества марксистской терминологии с описанием фактической экономической политики государства в каждый данный момент. А это и есть тот хвостизм в теории, который является лишь идеологическим выражением хвостизма в области практической деятельности и его оправданием.

Достаточно прочитать статью тов. Гольденберга, чтобы убедиться, как он топтание на одном месте, сопровождаемое полемическими наскоками на меня, часто с моими же собственными мыслями, преподносит читателям в качестве «анализа» советского хозяйства. Подумать только, как мы стали богаты сразу прочтя эту статью! До тов. Гольденберга мы ведь и не подозревали, что «рост рыночности крестьянского хозяйства является предпосылкой... его увязки с социалистической промышленностью», что «рост плановых начал предполагает овладение рыночными отношениями», что «такой путь движения к социализму имеет свои опасности и свои трудности», что накопляем мы не только из прибавочного продукта деревни, но и в самой промышленности. И вот этой-то водой глубоких и новых мыслей поливает меня тов. Гольденберг в своей полемической статье.

Представьте себе, читатель, что мы с вами едем из Москвы в Ленинград и проехали уже Тверь. Является к нам тов. Гольденберг и начинает доказывать, что по пути из Москвы в Ленинград надо непременно проехать город Клин.

Тов. Гольденберг, вы вполне правы, Клин надо проехать, и мы его проехали. А что же дальше, чем предполагаете вы обогатить наши знания дальше. Но только просим вас об одном: когда мы будем под'езжать к Ленинграду, не убивайте нас истиной о том, что по пути к нему надо проехать и Тверь, а также миновать Волгу, впадающую в Каспийское море.

Тов. Гольденберг упрекает меня в том, что я ничего не говорю о «перерастании отношений товарного хозяйства в социалистические, а только о вытеснении одной формации другой». Этот упрек явно рассчитан на то, что не все читатели «Большевика» знакомы с моими работами, которые взялся «разносить» тов. Гольденберг. И в брошюре «От нэпа к социализму» и в двух главах моей работы по теории советского хозяйства и во всей книге «Новая экономика» я много раз говорю не только о вытеснении одних форм другими, но и о подчинении и трансформации исторически отсталых форм под действием ведущего начала социалистического сектора хозяйства. Возражение т. Гольденберга с формальной стороны является поэтому неправдой. Но оно, как и другие его возражения, имеет свой логический и социальный смысл. Тов. Гольденберг недоволен в моем анализе «резким расщеплением всего хозяйства нашей страны на две половинки, из которых в одной господствует план, а в другой стихия».... Я нигде не говорю, что план уже господствует полностью в государственном хозяйстве: стихии здесь более чем достаточно. Но я утверждаю, что исходной хозяйственной базой плана, социалистического начала, развертывания расширенного социалистического воспроизводства, а значит базой для проявления закона первоначального социалистического накопления является наше государственное хозяйство, которое находится в борьбе с частным хозяйством, совершенно независимо от того, какие формы принимает эта борьба. Сожительство с частным хозяйством отнюдь не исключает борьбы, как сожительство советского государства с капиталистическими странами есть лишь другое выражение классовой борьбы пролетариата с буржуазным обществом. Неужели же не ясно, что перерождение низших экономических форм в высшие, например, производственное кооперирование крестьянского хозяйства при поддержке государственной промышленности, есть продукт борьбы социалистического города со средневековой экономикой деревни. Сожительство двух экономических формаций в нашем хозяйстве создает известное единство всей системы, но равновесие в этой системе достигается на основе борьбы по всему фронту. Эта борьба социалистического начала с частным хозяйством ведется вовне, поскольку наши связи с мировым хозяйством не сокращаются, а растут и будут расти. Эта борьба идет внутри, поскольку связь государственного хозяйства с частным через рынок не сокращается, а растет. Борьба включает в себя целую гамму отношений: и вытеснение одних форм другими, и подчинение одних форм другим и перерождение низших форм в высшие—все это есть продукт борьбы, а не «мирного обновления». А потому без того «расщепления» при теоретическом анализе, которое не нравится тов. Гольденбергу, никакой научный анализ нашей системы не возможен. И наоборот. Затушевывание всех элементов борьбы двух экономических формаций, если оно не является плодом недоразумения, в лучшем случае есть результат прогулок по поверхности социально-экономических явлений советской системы, и с точки зрения предвидения завтрашнего дня сулит нам самые жестокие разочарования; в худшем же

случае все это может повести к репродукции в новой обстановке бернштейновской теории притупления социально-экономических и классовых противоречий. Такая концепция сама по себе никаких противоречий, исторически заложенных в нашу систэму, не притупляет в интересах диктатуры пролетариата, а лишь дезориентирует правящий рабочий класс и его партию, и мешает ему выработать правильный взгляд на то общество, в котором он должен выполнить свою историческую миссию.

Нужно вообще заметить, что в затронутом вопросе у нас царит порядочная путаница взглядов, и не по вине т. Гольденберга. Анализ нашей системы, как такой общественной формации, где движение вперед протекает в форме антагонистического развертывания противоречий и борьбы между законом первоначального социалистического накопления и законом ценности, безбожно смешивают с вопросом о том, выгодно или невыгодно для нас притупление классовых противоречий. Что касается первого противоречия, то научно-марксистский анализ вскрывает здесь только то, что есть на деле. Упрекать мою концепцию в том, что она раздражает мелкую буржуазию страны, значит теоретически капитулировать перед ней, значит отдавать всю умственную жизнь нашей паргии, а также подготовку новых кадров под предварительную моральную цензуру деревни.

Вопрос же о притуплении классовых противоречий внутри нашей страны методологически правильно может быть поставлен лишь так. Нам, правящему рабочему классу, выгодно притупление всех тех противоречий, которые могли бы развертываться против нас и выгодно обострение противоречий всюду, где этот процесс поворачивается против капитализма. Формула рабоче-крестьянского блока есть, во-первых, формула об'единения интересов рабочего и крестьянина против буржуазии и, во-вторых, формула притупления противоречий интересов между этими двумя классами, также в интерэсах борьбы с буржуазией.

Притупление противоречий на этой б а з е в переживаемый нами период достигается прежде всего, больше всего и вернее всего индустриализацией страны, т.-е. со стороны удешевления продукции городской промышленности, со стороны интенсификации земледелия, рассасывания избыточной рабочей силы в деревне, со стороны долгосрочного кредита деревне (который слабая промышленность дать не может) и со стороны производственного кооперирования бедноты. Этот процесс означает одновременно создание условий для большей слаженности и организованности всего хозяйства страны вокруг государственного хозяйства, большую связь мелкобуржуазного окружения с руководящими центрами нашей экономики, большее подтягивание деревни к городу, а с точки зрения социологической, этот процесс означает общую консолидацию советского общества, его большую внутреннюю связность и сопротивляемость внешнему давлению и, наконец, замену рыхлого мелкобуржуазного крестьянского патриотизма, весьма ненадежного при внешней войне, социалистическим патриотизмом индустриализированной страны с диктатурой пролетариата.

Но этот спасительный для нашего класса, для советской системы, для социализма и для социально прогрессивных элементов деревни процесс есть в то же время процесс мучительный, длительный, опасный и тем более опасный, чем более длительный, потому что главный наш враг неизбежно должен стараться прервать его как можно раньше.

С другой стороны, давление закона ценности мирового капитализма на нашу экономику, сравнительно слабое тогда, когда мы связаны с океаном мирового рынка узкими Дарданеллами нашего теперешнего ввоза и вывоза, должно неизбежно расти. А тем самым вопрос о быстроте темпа индустриализации превращается в вопрос не только внутреннего экономического и политического равновесия, но и в вопрос нашего существования перед лицом нашего о с н о в н о г о противника.

Но, при ничтожности притока иностранного капитала в страну в виде долгосрочных кредитов, проблема индустриализации упирается в проблему такого использования внутренних ресурсов, которое обеспечивает хотя бы приблизительную пропорциональность в распределении производительных сил между городом и деревней. Отсюда—проблема первоначального социалистического накопления с ее уравнениями пропорциональности расширенного социалистического воспроизводства, которые диктуются нам с внешне принудительной силой. Отсюда—закон первоначального социалистического накопления, который не выдуман Преображенским для полемики со своими оппонентами, а который об'ективно вытекает из обстановки борьбы нашего государственного хозяйства, созданного Октябрьской революцией, с капиталистическим миром. Этот закон диктует нам, на ряду с прочим, и определенные пропорции отчуждения прибавочного продукта деревни для целей расширенного социалистического воспроизводства. Возражая против этой постановки вопроса, мои оппоненты полемизируют здесь не со мною лично и не со всеми нами индустриалистами, а в сущности ворчат против тех об'ективных условий, в которых протекает строительство социализма в одной и притом крестьянской стране. Их нападки являются, как это не трудно будет показать в другой раз, лишь идеологическим и политическим отражением отсталых тенденций нашего экономического развития. Соображение о том, что оппоненты защищают осторожную политику, более отвечающую нашим условиям, более способную поддержать блок рабочих с большинством крестьянства, опровергается фактами полностью и целиком.

Когда при товарном голоде, т.-е. в наших условиях, при недостаточном социалистическом накоплении в промышленности, крестьяне переплачивают на разнице оптовых и розничных цен сотни миллионов ежегодно частному капиталу или спекулирующей, нередко, кооперации, когда они имеют нереализуемые денежные излишки, непроданный и с'едаемый мышами хлеб, отчуждение пары сотен миллионов крестьянского накопления для развития промышленности будет возбуждать, конечно, известное недовольство. Но такая политика одновременно начинает создавать предпосылки д л я р а с с а с ы в а н и я э т о г о н е д о в о л ь с т в а благодаря расширению производства, привлечению новых рабочих из деревни, увеличению товаров на рынке, благодаря сокращению эксплоатации крестьянства торговым капиталом. Наоборот, политика систематического недонакопления, товарного голода и неизбежно с ними связанных высоких розничных цен, постепенно накопляет крестьянское недовольство, которое не рассасывается, а все растет, угрожая таким напором

деревни на нашу систему протекционизма и монополии внешней торговли, который может иметь очень серьезные последствия для всего дела строительства социализма в нашей стране. Эта политика есть уступка хозяйственной отсталости, при чем осторожная только по видимости: на определенной стадии развития нашего хозяйства она превращается в свою противоположность.

Тов. Гольденберг ходит возле да около вопроса о неэквивалентном обмене социалистической промышленности с мелким производством и, критикуя в этом пункте мою постановку вопроса, как будто высказывается за эквивалентный обмен. В этом важном пункте нам нужна полная теоретическая ясность, а не увиливание от прямой и отчетливой постановки всей проблемы. Я предлагаю тов. Гольденбергу и другим моим критикам сказать определенно, что, собственно, они защищают в этом пункте. При чем, если они выскажутся за эквивалентный обмен, к чему они в той или иной мере склоняются, то я обязуюсь показать, что они либо проявляют экономическую неграмотность, либо в разбираемом пункте разрывают с марксизмом, переходя на позицию мелкобуржуазного народничества. Я берусь доказать, что они защищают, по сути дела, налог на социализм в пользу мелкого производства.

Насколько тов. Гольденберг не понимает моей основной точки зрения в вопросе о законе первоначального социалистического накопления, хотя и очень развязно ее излагает и критикует, видно из следующего направленного против меня победоносного примечания. Он пишет: «Согласно перспективному пятилетнему плану Госплана в ближайшее пятилетие мы вложим в наш основной капитал до пяти миллиардов рублей, из которых 4,4 миллиарда даст сама промышленность, т.-е. «перекачка», которая у тов. Преображенского является основным, главным и т. п., даст лишь немногим больше 0,1 общей суммы, в которую по этому плану выльется в ближайшее пятилетие основной вид действительного социалистического накопления».

Тов. Гольденберг, формулируя это поистине убийственное для него возражение, «забыл» сказать читателям, при каких отпускных ценах может осуществиться все это накопление.

Он «забыл» сказать, что все это будет осуществлено при ценах гораздо более высоких, чем цены мирового рынка, т.-е. на основе из'ятия из закона ценности мирового хозяйства, т.-е. при гораздо большей неэквивалентности обмена крупного производства с мелким, чем это мы видим в мировом хозяйстве [1]), при сохранении монополии внешней торговли, социалистического протекционизма и т. д., следовательно *на основе закона первоначального социалистического накопления*. При действии мирового закона ценности и при соответствующей конституции внутренних цен мы не только не получим этих пяти миллиардов, а растратим добрую половину всего нашего основного капитала.

Читатель может видеть из этого примера, какое веселое занятие полемизировать с такими оппонентами, как т. Гольденберг, как хорошо понимают они то, что критикуют.

[1]) В мировом хозяйстве также нет эквивалентного обмена между этими отраслями, потому что цены на продукты земледелия складываются на основе конкуренции мелкого крестьянского производства с крупным и средним капиталистическим земледелием.

Однако, так хорошо все понимающий тов. Гольденберг сознается, что одного пункта он как будто не понял в моем изложении, что не мешает ему упражняться в остроумии отнюдь не по поводу своего непонимания. Он не понимает, «почему, собственно, тов. Преображенский говорит, что закон первоначального социалистического накопления есть та форма, в которой происходит диалектическое перерождение стихийных закономерностей неорганизованного хозяйства в новый тип достижения равновесия». Почему диалектическое? При чем тут диалектика?

Прежде чем об'яснить читателю, при чем тут диалектика, я хотел бы заметить, что тов. Гольденберг, упрекающий меня в «вульгарно-механистическом подходе к вопросу», явно выдает себе диплом на умение диалектически подходить к исследованию нашего хозяйства. Вообще слову «диалектика» у нас повезло невероятно. Люди, никогда не читавшие Гегеля, не говоря уже о тех, которые его читали, но не поняли, склоняют это слово на все лады. Непрестанным повторением этого слова они терроризируют читателей, которые начинают стыдиться своего невежества и принимают разносчиков слова «диалектика» за людей, в совершенстве овладевших методом Гегеля и Маркса.

Тов. Гольденберг должен был бы знать, что применяя те методы полемики, которыми он пользуется против меня, можно «разнести» самое совершенное, самое классическое исследование, научно воспроизводящее диалектический процесс общественного развития, начиная с «Капитала» Маркса. Ведь диалектический процесс есть прежде всего единство. Описание той или другой отдельной стороны этого единого процесса всегда можно «с успехом» противопоставить целому, если покинуть почву диалектической логики и плавать в сфере того, что Гегель называет «простыми и раздельными определениями».

Это тем легче сделать, что диалектическое движение есть движение, развертывающееся на основе внутреннего противоречия. Пример подобного сорта критики у нас как раз перед глазами. Усвоив из моего изложения, что закон первоначального социалистического накопления в той его части, которая касается распределения материальных ресурсов страны, есть закон перекачки ценностей из досоциалистических форм производства в государственное хозяйство пролетариата, мой критик говорит:

«При таком «понимании» основного закона социалистического накопления естественно и утверждение, что закон ценности ограничивает накопление». Мой оппонент не считает только для себя выгодным понять, что дело не ограничивается только этой стороной закона. Закон первоначального социалистического накопления конкурирует с законом ценности не только в сфере распределения прибавочного продукта страны, но и по всей линии регулирования хозяйственной жизни, прежде всего по линии распределения рабочих сил. Об этом у меня говорится на протяжении всей книги «Новая экономика», а также, в частности, в критикуемой Гольденбергом статье «Закон ценности в советском хозяйстве». Цитированная выше фраза, в которой слова «диалектическое перерождение» кажутся непонятными тов. Гольденбергу, относится к борьбе закона первоначального социалистического накопления с законом ценности *во всей сфере экономических отношений*, следовательно, и в сфере борьбы за единство регулирования хозяйственной системы. Мой критик обнаружил

здесь себя в полной мере в качестве одного из тех разносчиков слова диалектика, о которых я говорил выше.

Теперь для тов. Гольденберга, если он всерьез не понимает моей концепции, а прежде всего для читателей, я поясню в немногих словах и самым популярным образом, что я имел в виду сказать в цитируемой тов. Гольденбергом фразе.

Если бы теперь в нашей стране экономические отношения складывались на основе свободного действия закона ценности мирового хозяйства, то это привело бы к тому, что при теперешних ценах на мировом рынке и при теперешней переиндустриализации Европы две трети нашей крупной промышленности были бы ликвидированы вследствие убыточности и ненужности ее с капиталистической точки зрения, с точки зрения мирового разделения труда на капиталистической основе. Наоборот, наше сельское хозяйство сильнейшим образом пострадало бы от превращения всей страны в аграрную полуколонию мирового капитала в дальнейшем, но в первые годы, несомненно, выиграло бы вследствие гораздо более дешевых цен на промышленные изделия, вследствие гораздо более эквивалентного обмена на мировом рынке. Так как нет ни германского, ни американского, ни русского закона ценности, а есть лишь закон ценности мирового хозяйства, который проявляется лишь с известными вариациями и отклонениями на территории той или иной страны или группы стран, то непрерывное расширение действия этого закона на нашей территории под давлением мирового рынка извне и благодаря развертыванию товарных отношений внутри может переопрокинуть всю нашу систему, после чего распределение производительных сил сложилось бы у нас тогда так, как это необходимо для воспроизводства капиталистических отношений во всем мировом хозяйстве (а не в интересах индустриально-капиталистического развития в нашей стране, как мечтают меньшевики, которые в этом пункте проявляют, кроме всего прочего, простую экономическую безграмотность и непонимание общих тенденций современного мирового хозяйства)[1]). Единственным регулятором в нашем хозяйстве будет тогда, следовательно, закон ценности.

Что же противостоит у нас закону ценности, усиление действия которого означает усиление тенденций к переопрокидыванию всей нашей системы.

Каждый читатель может по пальцам сосчитать, что противодействует у нас закону ценности: монополия внешней торговли, социалистический протекционизм, жесткий план импорта, строящийся в интересах индустриализации страны, неэквивалентный обмен с частным хозяйством, обеспечивающий накопление для государственного хозяйства в архинеблагоприятных условиях низкой техники государственного хозяйства. Но все это в целом, на базе единого государственного хозяйства пролетариата, и есть внешние инструменты, внешние проявления закона первоначального социалистического накопления. В борьбе этого последнего закона с законом ценности мы достигаем каждый данный год

[1]) Кстати сказать: в борьбе с меньшевиками у нас почти не используется тот аргумент, что ликвидация советской власти и осуществление меньшевистского лозунга «назад к капитализму», означает практически безработицу для двух третей нашего рабочего класса и притом для его наиболее квалифицированной части.

(с большим или меньшим успехом) такого распределения прибавочного продукта страны и такого распределения производительных сил в целом, которое, с одной стороны, обеспечивает известное удовлетворение общественных потребностей, а с другой стороны, создает предпосылки расширенного социалистического воспроизводства для следующего года и отчасти для ряда лет вперед. Равновесие всей системы хозяйства достигается на базе антагонистического развертывания действия обоих законов, при чем пропорции развертывания государственной промышленности, а тем самым пропорции отчуждения в интересах этого развертывания некоторой части прибавочного продукта сельского хозяйства (безразлично, идет ли дело о налогах или о политике цен), диктуются нам с внешне принудительной силой. Вытеснение действия закона ценности, как регулятора хозяйства, происходит за счет замещения его функций регулирующими функциями закона социалистического накопления. Здесь меняется не только метод регулирования, т. е. не только плановость заменяет стихийность, но и меняется материальное содержание всего процесса в том смысле, что распределение производительных сил страны каждый год получается иное в сравнении с тем, что мы имели бы при свободном действии закона ценности. Наше плановое распределение производительных сил подчинено другой об'ективной цели, цели сохранения и развертывания социалистического сектора хозяйства, который, с одной стороны, должен удовлетворить в определенной пропорции продуктами своего производства известную часть общественных потребностей страны, а с другой стороны, должен обеспечить движение вперед, т. е. обеспечить определенный уровень накопления. При такой системе, конечно, и размеры общественного потребления страны, чем дальше, тем больше, подпадают под действие этого закона. Совершенно очевидно при этом, что постепенное подчинение системы обмена страны плановому регулированию, имеющему своей базой государственное хозяйство, означает постепенное перерождение на основе борьбы закона ценности в исторически более высокий тип регулирования: мы имеем здесь не только вытеснение этого закона, но и перерождение его в закон первоначального социалистического накопления. Все это происходит на основе рыночного обмена, при чем закон социалистического накопления постепенно вышелушивает содержание рыночных отношений, не затрагивая пока их формы, и в то же время этот процесс гораздо быстрее протекает внутри государственного хозяйства и гораздо медленнее и мучительнее развертывается на стыке государственного хозяйства с частным. По мере своего развертывания закон первоначального социалистического накопления одновременно начинает разрешать и проблему пропорциональности в распределении наличных производительных сил, стоящую перед каждым общественным производством, и одновременно проблему расширенного воспроизводства, но не в капиталистических, а в социалистических формах. В настоящий момент мы еще не знаем, какие закономерности будут лежать в основе нашего государственного хозяйства, когда оно технически догонит и перегонит капитализм, т. е. когда начнется настоящее социалистическое накопление. Это будет зависеть и от того, как будет обстоять дело с борьбой за социализм и со строительством социализма в других странах. Мы не можем

также предвидеть, чем будет ускорен или, наоборот, задержан или перерезан процесс нашего социалистического строительства вследствие наших отношений с капиталистическим миром. Но для теперешнего периода, когда мы развиваемся в условиях более низкой, чем при капитализме, техники и в условиях нашего социалистического одиночества в мировом хозяйстве, законом нашего развития и самосохранения является закон первоначального социалистического накопления. Этот закон откроет каждый серьезный марксистский исследователь нашего хозяйства, как бы он его ни сформулировал по-своему, и прежде всего тот исследователь, который займется проблемой хозяйственного равновесия в нашей системе в условиях связи с современным мировым рынком [1]).

Из сказанного читатель может видеть, насколько недобросовестными являются все обвинения автора этих строк в стремлении подкопаться под блок рабочих и крестьян, в лозунгах «превращения крестьянского хозяйства в колонию для социалистической промышленности» и т. д. Я прошу моих критиков, считающих себя марксистами и ленинцами и выдвигающих все эти обвинения, ответить на следующие вопросы:

1) Верно ли, что расширенное капиталистическое воспроизводство требует определенной пропорциональности между размерами накопления и размерами общественного потребления?

2) Верно ли, что при конкретном капитализме индустриализация экономически отсталых стран облегчается и ускоряется импортом капитала из передовых промышленных стран?

3) Верно ли, что прогресс техники и повышение органического состава капитала, означающее рост постоянного капитала и в отраслях производства средств производства и в отраслях производства предметов потребления, требуют все более быстрого роста производства средств производства, а следовательно, более быстрого роста применяемого в этом подразделении общественного капитала, т.-е., прежде всего, более быстрого накопления в сфере тяжелой промышленности за счет всего хозяйства страны?

4) Верно ли, что мы уже используем весь наш основной капитал и вынуждены теперь решать одновременно две задачи: задачу более быстрого удовлетворения общественных потребностей и создания нового основного капитала, функционирование которого даст результаты в смысле расширения товарного предложения лишь через несколько лет?

5) Верно ли, что в экономически отсталой стране с социалистическим режимом, не знающей пока импорта капитала и вынужденной бороться со всем буржуазным миром, темп внутреннего накопления неизбежно должен итти несравненно быстрее, чем в любой капиталистической стране при данном уровне развития производительных сил?

6) Верно ли, что быстро растущая товарность крестьянского хозяйства в такой стране требует для поддержания хозяйственного равновесия *добавочного* роста промышленности, а следовательно, *добавочного* промышленного накопления.

---

[1]) В главе моей работы, посвященной этой последней теме, я постараюсь дать закону первоначального социалистического накопления совершенно наглядное выражение в виде, с одной стороны, абстрактных, с другой стороны, конкретных схем распределения производительных сил при товарно-социалистической системе хозяйства.

7) Верно ли, что индустриализация всякой страны, а индустриализация страны с социалистическим режимом тем более, требует роста культурности и квалифицированности рабочего класса, а значит систематического роста заработной платы?

8) Верно ли, что за вычетом накопления на собственной базе государственного хозяйства, остальная часть, подлежащая накоплению за счет мелкого производства, не может спускаться ниже известного минимума, ибо диктуется советскому государству в порядке железной экономической необходимости?

9) Верно ли, наконец, что недонакопление в государственной промышленности ведет к товарному голоду, росту розничных цен, накоплению частного капитала и к усилению разрыва между городом и деревней?

Ни один марксист не сможет сказать, что все это неверно. А если все это верно, то надо уметь от этого научного анализа перейти к правильным арифметическим величинам в области экономической политики, в деле построения хозяйственного плана страны.

И в то же время совершенно очевидно, что если мы имеем в стране систематический товарный голод и неудовлетворение платежеспособного спроса, если мы имеем скопление в деревне денег, на которые нельзя купить товаров и скопление хлебных излишков, поедаемых мышами и крысами и лежащих 8—9 месяцев без движения, а также ненормально высокие хлебные цены при урожае, то перед нами *чисто экспериментальное доказательство какой-то ошибки в сфере распределения прибавочного продукта страны.* В настоящее время не перенакопление, а недонакопление в промышленности может стать источником подрыва рабоче-крестьянского блока, поскольку при длительности такой ситуации крестьянство неизбежно будет искать смычки не с нашей, а с иностранной капиталистической промышленностью.

В разные периоды проблема рабоче-крестьянского блока имеет разное содержание. Повторение голой фразы насчет этого блока ничего партии не дает, ни от каких опасностей нас не спасает, и само крестьянство раздражает своей бессодержательностью. Ленинизм заключается здесь в том, чтобы на каждом новом этапе наполнить этот лозунг новым содержанием, вытекающим из экономической и политической, из внутренней и международной обстановки. На данном этапе материальным выражением лозунга блока и смычки является линия на индустриализацию страны, линия все более быстрого социалистического накопления. Ибо поскольку сейчас мы имеем здесь зияющий дефицит, поскольку мы живем под Дамокловым мечом растущего давления на нас мирового рынка, промышленное недопроизводство и наша техническая отсталость являются самой серьезной угрозой для дела сохранения рабоче-крестьянского блока.

И когда при такой обстановке попытка добросовестно продумать условия сохранения и развития нашего государственного хозяйства снова и снова встречается повторением вздорных обвинений насчет «колоний», то не в праве ли мы опасаться, что такой метод полемики может при соответствующих условиях стать исходным пунктом мобилизации мелкобуржуазной отсталости страны против социализма? Если тов. Гольденбергу и другим из наших молодых приват-доцентов, не прошедшим с нашей

партией долгой школы упорной борьбы с народничеством и меньшевизмом, естественно поддаваться моральному давлению 100 миллионной мелкобуржуазной массы страны и по политической неопытности более простительно делать те или иные зигзаги в сторону Кубанской, Пензенской или Курской «магнитной аномалии», то что же сказать про старших товарищей, про старых большевиков, которые поощряют эти зигзаги, и сами нередко не соразмеряют свои аргументы с их возможными политическими последствиями. Разве допустимо в полемическом азарте внутрипартийной дискуссии забывать о коренных социальных и историческиx связях, нас об'единяющих.

В заключение я хочу сказать два слова о практической проверке тех общетеоретических положений, из которых исходил автор этих строк, начиная с 1923 г., и за которые подвергся ожесточенным нападкам.

В 1924 г., когда написана была моя статья о законе социалистического накопления, мои оппоненты больше всего боялись промышленного перенакопления и промышленного перепроизводства. Они механически переносили на 1924 г. и следующие годы опыт неправильно ими понятого и безмерно преувеличенного кризиса сбыта конца 1923 г. Их лозунгом было: осторожнее с развертыванием промышленности, осторожнее с накоплением, снижение оптовых цен во что бы то ни стало, не считаясь с проблемой накопления. Они договаривались в качестве общей директивы на будущее время до совершенно неверного экономического положения: сначала снижение цен, потом накопление, вместо единственно верного лозунга—сначала накопление, на основе его снижение себестоимости, а потом снижение цен. Самый лозунг социалистического накопления был поставлен тогда под сомнение, и в нем видели угрозу сохранению рабоче-крестьянского блока. Пришли 1925—26 годы с их острым товарным голодом, с нарушением расчетного баланса между городом и деревней—естественным следствием недонакопления,—и с полной очевидностью обнаружилось, что поднятая мною проблема социалистического накопления *была научным прогнозом товарного голода*, во-время сделанным предупреждением, попыткой обратить внимание партии на грозящую опасность недонакопления, тогда как мои оппоненты ориентировали партию *как раз в обратном направлении*. Теперь уже никак нельзя скрыть или замазать этот факт. Общие теоретические предпосылки моих оппонентов, связанные с неумением применить метод ленинизма к новой обстановке, вели к практическим ошибкам в области экономической политики. А об'явленная антиленинской теория социалистического накопления каким-то чудом давала правильный прогноз назревавших трудностей, которые для всех стали ясными через полтора—два года.

Эту правильность прогноза индустриалистов можно проследить и на других пунктах наших разногласий. Доклад т. Троцкого на XII партийном с'езде некоторые рассматривали как чрезмерно индустриалистский, между тем как намечавшаяся в нем на ряд лет общая линия нашей экономической политики оказалась вполне правильной.

На XIII партийной конференции тов. Пятаков защищал положение о наибольшей прибыли трестов при условии данного уровня отпускных цен и данного уровня заработной платы, т.-е. защищал режим наибольшей экономии в интересах накопления, в то время как возражавшие ему товарищи выбрасывали лозунг наименьшей прибыли. Они безбожно смешивали при этом лозунг наибольшей прибыли *при прочих равных условиях*, с лозунгом максимальных цен и справляли по этому поводу дешевенькую и весьма кратковременную победу. Ныне вряд ли кто-нибудь станет всерьез защищать так называемый принцип «наименьшей прибыли». Наоборот, все усилия по рационализации промышленности,—усилия, принимающие нередко явно неправильный, подчас даже вредный уклон, являются ничем иным, как стремлением обеспечить государственной промышленности при данных или даже сниженных ценах большую прибыль, т.-е. именно осуществить столь охаянный лозунг 1923 года.

Почему тов. Пятаков оказался прав, а его оппоненты оказались неправы? Потому что он, как все индустриалисты, стоял на верной позиции наиболее быстрого промышленного накопления, каковая позиция, будучи прогнозом товарного голода и хозяйственных затруднений при переходе от использования старого основного капитала к созданию нового, предполагала в то же время более правильную, чем у оппонентов, концепцию всего нашего хозяйства в целом и путей его развития. Эта же правильная обще-теоретическая установка заставила тов. Пятакова выдвинуть проблему управления всем государственным хозяйством, как единым целым, со всеми вытекающими отсюда организационными выводами. Теперь все это кажется азбучной истиной, а на XIII партконференции над тов. Пятаковым «реальные политики» потешались, как над безнадежным утопистом.

В дальнейшем тов. Троцкий выступил со статьями «К капитализму или социализму», в которых выдвинул плодотворнейшую постановку вопроса о сравнительных динамических коэффициентах нашего хозяйства с мировой капиталистической экономикой. Эта постановка вопроса, важность которой еще недостаточно оценена нашей партией, точно так же могла быть сделана только на основе принципиально правильной теоретической концепции нашего хозяйства.

Правильный теоретический анализ нашей системы хозяйства имеет первостепенное значение для нашей политики, для нашей практики вообще. С особой силой я хотел бы подчеркнуть в этом пункте разницу между буржуазной и социалистической экономикой. В капиталистическом обществе для агентов капиталистического производства экономическая наука играет весьма скромную роль. Поддержание равновесия в хозяйстве, если можно так выразиться, лежит на законе ценности. Этот закон умней и надежней буржуазной науки, буржуазных профессоров и буржуазных правительств поддерживает стихийным путем равновесие во всей системе. Хотя этот метод регулирования обходится дорого для общества, потому что лишь post factum извещает о допущенных ошибках в распределении производительных сил, он ничем другим в буржуазном обществе заменен быть не может. И если монополистический капитализм достигает большой организованности в той или другой отрасли хозяйства внутри страны, он не в состоянии уничтожить бесплановости ни во всем национальном хозяйстве в целом, ни, тем более, на мировом рынке. Наоборот, советское государство, опирающееся на национализированную крупную промышленность, транспорт, кредит и

внешнюю торговлю, вынуждено самим фактом национализации защищаться и наступать в плановом порядке, открывая тем новую страницу в деле использования экономической науки для производства. Мы вынуждены чем дальше, тем все больше регулировать хозяйство плановым образом на основе развертывания действия закона социалистического накопления. Но чтобы планировать, надо предвидеть. А чтобы предвидеть, надо непрерывно, во все растущем масштабе и со все большей и большей тщательностью исследовать научными прожекторами всю обозримую область причин и следствий на экономическом поле. Наше хозяйство усложняется, регулирование делается все более и более трудным и ответственным, оно охватывает все большую и большую область экономических отношений, двигает все большими и большими массами людей и материальных ценностей. Крупные ошибки, при централизации всего механизма управления, делаются все более и более опасными. Роль планирующих органов непрерывно растет. Быть хорошим политиком вообще делается все более и более недостаточным, чтобы быть хорошим экономическим политиком, быть руководителем хозяйства нашего типа, т.-е. в головных звеньях социалистического типа. Импровизация и дилетантство делаются чем дальше, тем все более убыточными для нашей экономики. Режим экономии требует, если говорить не о частностях только, большей экономии в ошибках руководства. А последнее достижимо с наименьшей тратой силы как раз благодаря правильной теории нашего хозяйства, т.-е. путем наиболее демократическим, наиболее доступным для каждого, кто действительно желает учиться и итти вперед.

А что мы видим в этой области у нас? После смерти Ленина мы не имеем широких обобщающих, постоянно проверяемых новыми фактами построений, создающих базу для научной теории нашего хозяйства. А все, что было сделано в этом отношении так называемыми индустриалистами, встречалось градом возражений, обвинений в антиленинизме, в троцкизме, в мелкобуржуазном уклоне и т. д.

Правда, последнему обвинению теперь уже никто больше не верит, перестанут верить скоро и другим. Однако, это нисколько не подвигает дела вперед в смысле положительного участия наших критиков в деле разработки теории советского хозяйства. Мои оппоненты очень напористы в полемике и в придумывании всяких формул обвинения, а что же они, спрашивается, противопоставили в положительной форме моей концепции? Годы проходят, накопляются новые факты, обновляется наш опыт: что же они дали партии положительного в смысле обобщающего понимания этого опыта? Ведь мы, большевики, в области теории очень требовательный народ: мы имеем в прошлом монументальные труды Маркса и Энгельса, мы имеем Ленина. С таким наследством за плечами мы не согласимся плавать по поверхности вульгарной советской экономики.

В области теории мои оппоненты не дали почти ничего. И я берусь предсказать, что, оставаясь на теперешних позициях теоретической трусости и эклектизма, они и не дадут ничего такого, что, не впадая в смешное самодовольство, они могли бы выдавать за теорию советского хозяйства. Т.-е. статей, брошюр и даже, может быть, книг они могут написать порядочно. Но это все будет не то, что нужно нашему хозяйству и нашей партии

в области теории. Своей позицией отрицания закона социалистического накопления, т.-е. попытки построения пролетарской, марксистско-ленинской концепции нашего хозяйства, взятого в его динамике, они осудили себя на теоретическое бесплодие. Ибо из прибавления слюны при пережевывании общих, бесспорных и всем давно известных положений никакой теории советского хозяйства получиться не может.

Э. Гольденберг.

Ответ т. Преображенскому.

Тов. Преображенский снабдил статью язвительным и многозначительным подзаголовком: «О пользе теоретического изучения советского хозяйства». Он, повидимому, намекает на пользу изучения его собственных творений в этой области. Весь тон статьи, да и не только тон, но и прямые признания в конце ее, говорят о том, что в теории советского хозяйства он считает себя монополистом. «После смерти Ленина,—читаем мы там,—мы не имеем широких, обобщающих, постоянно проверяемых новыми фактами построений, создающих базу для научной теории нашего хозяйства». Исключением из этого грустного правила являются лишь писания т. Преображенского и его единомышленников. Сколь ни категорично звучит это у т. Преображенского, мы все же думаем, что он сильно сгустил краски и в отрицательной, и в положительной части своих утверждений. В частности, и в особенности, в последней, т.-е. положительной части. Здесь, нам кажется, он впал в заблуждение, от которого предостерегал еще Козьма Прутков, когда поучал, что:

> Антонов есть огонь, но нет того закону,
> Чтобы огонь всегда принадлежал Антону,

и, следовательно, не всякий литературно написавший книгу по теории советского хозяйства, тем самым уже становится теоретиком оного,—обстоятельство, которое т. Преображенский, на наш взгляд, недоучел.

I. Тов. Преображенский абстрагирует.

В статье «Запоздалый рефлекс» мы указывали, что т. Преображенский действительный анализ советской экономики подменяет схоластическими и бесплодными противопоставлениями государственного хозяйства — частному, плана — рынку, цены— трудовым издержкам производства и т. п. Тов. Преображенский на это отвечает, что «никакой действительно-научный анализ переходной товарно-социалистической системы немыслим без понимания того, во что переходит эта экономическая формация», что, «только имея постоянно перед своим сознанием (!) два полюса всего процесса—исходный и конечный, мы в состоянии будем понять историческое место каждой», и, наконец, что «принципиальное противопоставление социализма капитализму является методологически обязательным и для анализа каждого периода в развитии товарно-социалистической формы хозяйства». Выложив все это, т. Преображенский принимает победоносный вид и идет дальше, считая, что «нелепость придирки т. Гольденберга» им достаточно разоблачена.

Очень ошибаетесь, т. Преображенский! Все Ваши шесть пунктов, в которых Вы разоблачаете «нелепость моей придирки», абсо-

лютно никакого отношения к тому, о чем я писал, и по поводу чего к вам придирался, не имеют. Когда Вы говорите, что нужно помнить, что капитализм не есть социализм, а социализм не есть капитализм, то это, конечно, святая истина, и я клятвенно заверяю т. Преображенского, что даже в самых сумасшедших снах мне не пришло бы в голову ее оспаривать. Я ее отнюдь не оспариваю и в статье «Запоздалый рефлекс». Что, говоря о переходном периоде, надо помнить, от чего к чему он ведет, т.-е. надо помнить, что мы вышли из капитализма и идем к социализму—это тоже святая истина. Настолько святая, что даже немножко смешно становится, когда ее разжевывают по всем правилам диалектического искусства, по пунктам, со ссылками на Маркса и Ленина и т. п. И если бы все дело заключалось в том, чтобы указать, что мы идем от капитализма к социализму, тогда всю теорию советского хозяйства можно было бы легко уместить на одном плакате. Открывать Америки в роде того, что капитализм, социализм—вещи очень разные,—это очень дешево по нынешним временам. Трудность настоящая и настоящий анализ начинается там, где показывается, **как** мы идем от капитализма к социализму, **как** происходит трансформация одной системы производственных отношений в другую. И мы утверждаем, что здесь у т. Преображенского ничего, кроме бесплодной схоластики и прямого непонимания действительных отношений, нет.

Когда т. Преображенский «товарное производство противопоставляет социалистическому плановому хозяйству», то это может быть верно в том смысле, что в законченном социализме господствует план, который представляет собою другой способ регулирования хозяйства и выражает собою другую систему производственных отношений, нежели товарное производство. Истины неоспоримые, но достаточно тощие. У тов. Преображенского, однако, речь идет вовсе не об этом. Речь у него идет вовсе не о противопоставлении двух хозяйственных систем, из которых одна исторически сменяет другую. Речь у него вовсе не идет также о противопоставлении абстрактных категорий. **На самом деле тов. Преображенский сталкивает лбами реально существующие в нашем хозяйстве элементы плана и рынка**, делая стержнем всего анализа борьбу планового начала с товарно-ценностными отношениями, видя в последних ограничение и **только** ограничение для первого. И в этом—грубая ошибка т. Преображенского, так как на данной стадии развития, укрепление планового начала идет не в борьбе **с рынком**, но в борьбе **за рынок**, и сейчас для нас задача не **в ликвидации** рыночных отношений,—это как раз и значит безнадежно спутать результат процесса с самим процессом—но **в овладении** ими. Не говоря уже о том, что сплошь и рядом укрепление планового начала требует даже **развития** рыночных отношений, потому что планово овладеть крестьянским, скажем, хозяйством невозможно, не поднимая его товарность, не втягивая его в растущей мере в сферу рыночных связей. Именно в этом и заключалось существо сделанного нами т. Преображенскому возражения. Он же, вместо того, чтобы либо признать свою ошибку, либо ответить по существу, отделывается замечаниями о том, что противопоставлять in Begriff (в понятии) рынка—плану, товара—продукту и т. д.—занятие вполне благочестивое и невинное!

Среди пунктов, посвященных т. Преображенским моей «нелепой придирке», имеется и такой: «Изучение капитализма Маркс построил на анализе капитализма абстрактного, т.-е. по Гольденбергу смешал результат процесса с самим процессом, за что, как известно, подвергался ожесточенным нападкам всего интернационала вульгарных экономистов и обывателей». Читатель, вероятно, с нами согласится, что единственное, что можно понять во всей этой тираде, это уподобление т. Преображенским себя Марксу, а нас—вульгарным экономистам и обывателям, что, разумеется, очень лестно для т. Преображенского, очень нелестно для нас, но уразумению теории переходного периода отнюдь не способствует.

Мы тоже наслышаны о том, что Маркс построил изучение капитализма на анализе капитализма абстрактного. Тов. Преображенский делает вывод, что и изучение переходного периода надо строить на анализе переходного периода абстрактного. Но что это значит—абстрактный переходный период?

В понятие абстрактного капитализма мы влагаем совершенно определенное содержание. Под абстрактным капитализмом мы понимаем такой, в котором все тенденции действительного, эмпирически существующего капитализма берутся как осуществленные. Так, например, в эмпирическом капитализме мы имеем только тенденцию к вымыванию всех промежуточных классов и к распадению всего общества на два класса—буржуазию и пролетариат (плюс землевладельцы). В абстрактном же капитализме, являющемся об'ектом теоретического анализа Маркса, эта тенденция принимается как осуществившаяся. Маркс таким образом абстрагируется от крестьянства, от мелкого производства и т. д. В эмпирическом капитализме существует только тенденция к средней норме прибыли. В абстрактном капитализме эта тенденция берется как реальный факт. И т. д., и т. п.

Если т. Преображенский вкладывает такое содержание в понятие абстрактного переходного периода, то мы можем его поздравить: он «доабстрагировался» до того, что вместе с водой выплеснул из ванны и ребенка. Потому что тенденция развития переходного периода—это социализм. Но если брать эту тенденцию как осуществившуюся, то придется анализировать не переходный период, а самый социализм. Проблема переходного периода, как такового, тогда выпадает совсем.

Нам могут возразить, что это рассуждение приложимо и к капитализму. Ведь основная тенденция капитализма есть его крах. Значит, «абстрактный капитализм» есть такое же выхолащивание проблемы капитализма как такового, как и в случае с «абстрактным переходным периодом». Аналогия здесь, однако, только видимая, и покоится она на очень элементарном недоразумении.

В самом деле, очевидно, что, говоря об абстрактном капитализме, мы доводим до конца такие тенденции его развития, от осуществления которых капитализм не перестает быть капитализмом. Это дает нам в руки в качестве об'екта анализа законченную модель определенной системы производственных отношений, освобожденную от всех и всяких пережитков прошлых общественных формаций. Ясно, что, абстрагируясь от остатков феодализма, цеховщины, мелкого производства и т. д., вы тем самым не выхолащиваете проблему капитализма как такового, но, напротив, освобождаете ее от всякого рода привходящих, и, с точки зрения теоретического анализа капиталистической системы, второстепенных вопросов. Возможно ли, по самому существу дела, проделать такую же операцию над переходным периодом? Достаточно поставить так вопрос, чтобы стала очевидной невозможность другого ответа на него, кроме отрицательного.

Капитализм отделяет от новой системы общественных отношений, которая ему наследует, революционный катаклизм. Экономика переходного периода трансформируется в социалистическую экономику эволюционным путем. Абстрагирование от остатков феодализма, натуральщины, цеховщины, продолжающих существовать в эмпирическом капитализме, отнюдь не упраздняет самой проблемы капитализма как такового. Абстрагирование же от остатков капитализма, мелкого товарного производства, феодализма, натуральщины, как это ясно для всякого, даже не обучавшегося в семинарии, есть абстрагирование от самой переходной экономики, потому что освобожденная от всего этого наследия прошлого переходная экономика есть социализм.

Читатель видит, что звонкая фраза т. Преображенского о том, что «изучение капитализма Маркс построил на анализе капитализма абстрактного, т.-е., по Гольденбергу, смешал результат процесса с самим процессом» есть фраза совершенно бессмысленная,—фраза, значение которой т. Преображенский в лучшем для него случае сам не додумал.

II. Тов. Преображенский теоретизирует.

Однако, всякая теория необходимо включает в себя элементы некоторой абстракции. Известны слова Маркса, что там, где неприменимы микроскоп и химический реактив, приходится пользоваться орудием абстрактного анализа. Без этого орудия невозможно, конечно, и построение теории переходного периода. Посмотрим, как «теоретизирует» при помощи этого орудия тов. Преображенский.

Поставим раньше всего общий вопрос: что значит дать теорию какой-либо общественной формации? Для марксиста это в первую очередь значит следующее: за пестрой мешаниной фактов и процессов, разыгрывающихся на поверхности данного общества, вскрыть то основное производственное отношение, которое является его движущей пружиной. Так, Маркс под фетишистской оболочкой денежного обмена вскрыл основное производственное отношение мелких производителей в обществе, «распавшемся на атомы». За конкуренцией, движением и колебанием цен, перераспределением прибылей он вскрыл основное производственное отношение капиталистического общества: отношение эксплоатации рабочего капиталистом. Точно так же и Ленин не уставал повторять и подчеркивать, что основное производственное отношение переходного периода есть отношение рабочего и крестьянина, двух центральных фигур советского общества.

Вот это основное производственное отношение, классовое отношение пролетариата и крестьянства в переходный период и должна в первую очередь вскрыть теория переходного периода. И мы утверждаем, что в этом основном вопросе теория т. Преображенского обанкротилась полностью.

Начать с того, что классы в анализе т. Преображенского вообще отсутствуют. Вместо них у него выступают бестелесные и бессуб'ектные экономические ипостаси: государственное хозяйство и частное хозяйство. Здесь возможно одно из двух:

1) Либо он считает возможным рассматривать отношения хозяйственных форм независимо от классовых отношений. Но тогда он совершенно рвет с марксизмом и становится на точку зрения П. Б. Струве, который, как известно, считал необходимым совершенно раздельно рассматривать: а) суб'ективно-хозяйственные явления, б) междухозяйственные отношения и в) социальные отношения [1]). Но в этом случае с т. Преображенским пришлось бы вести спор уж совершенно в другой плоскости; в другой совсем плоскости, потому что он сам же в 1923 году писал, что в области обществоведения все, что не есть марксизм,—не есть наука.

2) Либо т. Преображенский хозяйственные формы рассматривает как представителей отдельных классов, и тогда отношения первых выражают классовые отношения. Но тогда позволительно спросить: какой-такой класс имеет в виду т. Преображенский, когда говорит о «частном хозяйстве»?

Все оппоненты т. Преображенского указывали ему, что термин «частное хозяйство» обнимает совершенно различные классовые группировки: сюда относятся и концессионер, и нэпман, и кулак, и середняк, и бедняк. Станет ли отрицать т. Преображенский, что классовые отношения господствующего пролетариата с нэпманом или кулаком в корне другие, нежели его классовые отношения с середняком или бедняком? Между тем стержнем всего анализа т. Преображенского является противопоставление социалистическому хозяйству частного хозяйства, частного хозяйства, целиком вынесенного за одни скобки, в котором погашены все различия между входящими в него элементами. Что это значит? Содержание «теории» т. Преображенского сводится к тому, что она смазывает, топит в безразличной мгле некоей бессуб'ективной или многосуб'ективной, что одно и то же, экономической ипостаси как раз то производственное отношение, которое должно быть основным, центральным об'ектом теории переходного периода: специфическое, классовое отношение пролетариата и крестьянства в переходный период. Оно, правда, очень диалектично получается: «теория», которая заключается в отрицании основной задачи теории; но все же поздравлять т. Преображенского с таким теоретическим достижением не приходится.

Не вскрыв специфическое классовое отношение пролетариата и крестьянства в переходный период, смешав последнее в одну кучу с частным капиталом, т. Преображенский тем самым отрезал себе путь к тому, чтобы дать правильный анализ динамики соотношения социалистического и крестьянского хозяйства. Тов. Преображенский изображает динамику соотношения социалистического хозяйства и крестьянского по образу и подобию динамики соотношения социалистического хозяйства и частнокапиталистического. А эта последняя есть динамика вытеснения.

[1]) См. Струве, «Хозяйство и цена». М. Издание Рябушинского.

ния. Между тем, очевидно, что если это верно по отношению к частнокапиталистическому хозяйству, то абсолютно не правильно по отношению к хозяйству крестьянскому. «Закон первоначального социалистического накопления» т. Преображенского формулирует отношение социалистического хозяйства ко всем без исключения элементам частного хозяйства как отношения вытеснения, отчуждения. Тем самым он коренным образом искажает основное классовое отношение переходного периода, отношение пролетариата и крестьянства, которое заключается не в вытеснении, а в руководстве и в перестройке.

Т. Преображенского очень раздражает, что его «попытка добросовестно продумать условия сохранения и развития нашего государственного хозяйства, снова и снова встречается повторением вздорных обвинений насчет колоний». Que faire, т. Преображенский, faire mo que! как говаривал Салтыков-Щедрин. Марксизм обязывает. Обязывает заниматься не только арифметикой того, что, где и сколько «технически возможно» взять, но и учитывать соотношение классовых сил, анализировать характер и динамику классовых отношений. И если вы не можете отрицать, не можете опровергнуть, что крестьянство у вас смешано в одну кучу с частным капиталом, если вы не можете опровергнуть, что по отношению к крестьянству ваш «язык» устанавливает такую же динамику классового отношения пролетариата, как и по отношению к частному капиталу, то как же вы можете называть обвинения насчет «колоний» вздорными? Кто вам поверит?

С таким же успехом т. Преображенский пытается отвести от себя и обвинение в том, что у него все построено на вытеснении крестьянского хозяйства, и нет ничего об его перерастании в кооперативно-социалистические формы. «Неужели же неясно,— восклицает он,—что перерождение низших экономических форм в высшие, например, производственное кооперирование крестьянского хозяйства при поддержке государственной промышленности, есть продукт борьбы социалистического города со средневековой экономикой деревни». Вообще-то говоря, это очень ясно, но в устах т. Преображенского это является простым терминологическим трюком. «Борьба,—говорит он дальше,—включает в себя целую гамму отношений: и вытеснение одних форм другими, и подчинение одних форм другим, и перерождение низших форм в высшие». Вот в том-то и дело, вот здесь-то, т. Преображенский, и зарыта собака! В том-то и дело, что борьба включает в себя целую гамму отношений, между тем как ваш «закон» первоначального социалистического накопления из этой гаммы выхватывает только одну ноту, ногу вытеснения, и ее, именно ее, об'являет «основным» и «центральным» для всей нашей экономики.

Мы думаем, что нет надобности в тысячу и первый раз цитировать формулировку т. Преображенским своего закона «первоначального социалистического накопления». Он и без того набил уже всем оскомину. Читатель помнит, конечно, что он заключается в центральной роли, которую в переходный период играет отчуждение [1]), перекачка из «частного хозяйства в социали-

[1]) В первоначальном варианте «эксплоатация».

стическое». Существо закона, следовательно, заключается в том, что частнохозяйственное накопление—и нэпманское, и крестьянское в равной мере—расценивается как об'екты отчуждения, как источники перекачки и только. Между тем, если бы т. Преображенский всерьез говорил о «перерождении низших форм в высшие», то он должен бы признать, что крестьянское накопление, в отличие от нэпманского—отличие которое т. Преображенский даже не пытается установить—является не только и не столько об'ектом отчуждения, но и базой для «перерождения низших форм в высшие» на кооперативном пути. Но что осталось бы тогда от основного «закона» т. Преображенского? Если же т. Преображенский, не отказываясь от своего «закона», пытается отделаться от критики ссылкою на то, что «борьба включает в себя целую гамму отношений», то мы утверждаем, что это простой терминологический трюк, и ничего больше.

III. Тов. Преображенский уличает.

«Тов. Гольденберг ходит возле да около вопроса о неэквивалентном обмене социалистической промышленности с мелким производством и, критикуя в этом пункте мою постановку вопроса, как будто (!) высказывается за эквивалентный обмен... Я предлагаю т. Гольденбергу и другим моим критикам сказать определенно, что собственно они защищают в этом пункте. При чем, если они выскажутся за эквивалентный обмен, к чему они в той или иной мере склоняются, то я обязуюсь показать, что они либо проявляют экономическую неграмотность, либо в данном пункте разрывают с марксизмом, переходя на позицию мелкобуржуазного народничества».

Итак, мы склоняемся к эквивалентному обмену, по каковому поводу т. Преображенский нас уличает «либо в экономической неграмотности», «либо в разрыве с марксизмом». Как же обстоит дело в действительности?

А в действительности такая постановка вопроса об эквивалентном обмене, какую дает т. Преображенский, есть постановка совершенно метафизическая. Элементарно, что капитализм не знает эквивалентного обмена между промышленностью и сельским хозяйствам. Основная тому причина—несравненно более низкий органический состав капитала в сельском хозяйстве, нежели в промышленности. Сюда необходимо еще присоединить влияние целого ряда привходящих, исторически-обусловленных факторов: чудовищная самоэксплоатация крестьянства, к которой его толкает борьба за место под луной с крупным землевладением, «неслыханная дешевка» [1]), по которой продавала свой хлеб Америка и т. п. У нас, в России, все это усугубляется крайней отсталостью нашего сельского хозяйства, недостаточным развитием нашей промышленности, острым аграрным перенаселением. Думать, что одним махом можно уничтожать все это наследие прошлого, думать, что одним ударом можно устранить все те причины, которые делали неизбежным неэквивалентный обмен между городом и деревней,—думать это было бы такой же чудовищной глупостью, как, скажем, думать, что можно одним

[1]) Выражение Норса, автора книги «Американское сельское хозяйство и европейский рынок».

махом упразднить унаследованную нами от царского режима диспропорцию промышленности и сельского хозяйства. В этой глупости мы отнюдь не повинны, и если т. Преображенскому кажется обратное, то мы должны поспешить его разочаровать: это очень, может быть, приятный, но все же не более как самообман.

Неэквивалентность налицо, и в один год, или в пять лет, ее, конечно, не устранить. Основная предпосылка ее устранения—это укрепление и технический прогресс сельского хозяйства. Но не в этом суть спора с т. Преображенским. Спор идет о динамике отношений, о тенденции развития. Спор идет о том, имеем ли мы тенденцию усугубления и увеличения неэквивалентности обмена города и деревни, на чем настаивает т. Преображенский, или, напротив, постепенного ее сглаживания и устранения, о чем писал и на чем всегда настаивал т. Ленин. Hic Rhodus, hic salta!

Тов. Преображенский «уличает» нас в том, что, ссылаясь на пятилетний перспективный план Госплана, который предусматривает вложение в основной капитал нашей промышленности в ближайшее пятилетие 4.950 миллионов рублей, из которых 4,4 миллиарда даст сама промышленность, мы «забыли сказать, что все это будет осуществлено при ценах более высоких, чем цены мирового рынка». Обличительный азарт, однако, сыграл здесь с т. Преображенским поистине скверную шутку. Цены у нас, действительно, будут выше, чем на мировом рынке, но с точки зрения тенденции развития,—а только о ней и идет речь—важно другое: важно то, что этот же пятилетний план предвидит снижение промышленных цен, приблизительно на 20%, а сельско-хозяйственных только на 6%. И точно так же, как нельзя доказать, что 20 меньше 6, точно так же нельзя доказать и того, что мы имеем усугубление неэквивалетности обмена, а не ее постепенное сглаживание.

Вопрос о характере обмена между городом и деревней есть лишь часть общего вопроса о распределении между ними материальных ресурсов всего народного хозяйства в целом. И здесь опять-таки спор не идет, и не может идти о том, что мы берем, и долго еще будем брать у крестьянства часть его накопления на нужды промышленности, транспорта. Спор о другом: во-первых, о мере этого из'ятия и, во-вторых, об его динамике.

Что касается первого, то совершенно ясно, что если у т. Преображенского по отношению к крестьянскому накоплению такая же установка, что и по отношению к накоплению нэпманскому, если он в нем видит только об'ект отчуждения и ничего больше—то у него будет своя мера этого из'ятия. Но это не будет наша мера, поскольку для нас крестьянское накопление и накопление нэпманско-кулацкое—вещи разные, поскольку мы рассматриваем крестьянское накопление не только и не столько как об'ект отчуждения, но и как базу кооперативно-социалистической перестройки деревни.

Другой вопрос, вопрос о динамике из'ятия, есть вопрос о том, будет ли мера из'ятия становиться в дальнейшем относительно больше или меньше? И здесь мы вынуждены повторить то, что писали уже в прошлой статье [1]). Мы считаем,

[1]) «Большевик» № 11, „Вопросы экономического курса".

что чем ближе мы будем к социализму, чем сильнее будет наша промышленность, чем насыщеннее будут наши командные высоты, с одной стороны, и чем шире будет кооперировано крестьянство, чем выше будет технический и организационный уровень его хозяйства, тем меньше относительно будет и т. н. «перекачка».

Точка зрения т. Преображенского в этом вопросе диаметрально противоположна, и не может быть другой. Мы видели уже, что закон первоначального социалистического накопления формулирует отношение социалистического хозяйства к несоциалистическим формам, как отношение вытеснения, и только (каковы бы ни были словесные увертки т. Преображенского). Ясно, с этой точки зрения, чем ближе к социализму, тем интенсивнее должен итти процесс вытеснения, т.-е. процесс перекачки, из'ятия крестьянского накопления в пользу социалистического сектора. Ведь с этой же точки зрения, стопроцентный социализм есть не стопроцентная перестройка крестьянского хозяйства, но его стопроцентное вытеснение, т.-е. перекачка, доведенная до той грани, дальше которой ее продолжать нельзя, потому что неоткуда и не из чего.

Тов. Преображенский сам пишет в своей «Новой экономике»: «Линия экономической политики (пролетарского государства), реальные результаты, достигаемые в хозяйственной области, пролегают не по линии оптимума закона первоначального социалистического накопления, а по линии некоторой равнодействующей, складывающейся в результате данного соотношения сил между социалистическими тенденциями и встречаемыми на их пути противодействующими влияниями».

Что это значит? Это значит, что чем больше соотношение сил будет меняться в нашу пользу, тем ближе будет равнодействующая экономической политики к «оптимуму закона первоначального социалистического накопления», или иными словами, чем ближе мы будем к социализму, тем больше и сильнее будет перекачка!

Такой вывод может хоть кого ошарашить, но мы утверждаем, что он является совершенно необходимым звеном в общей цепи рассуждений т. Преображенского, что он является естественным и неизбежным увенчанием всей его теории переходного периода, которая основное классовое отношение советского хозяйства изображает как отношение вытеснения. Пусть т. Преображенский попробует дать какое-либо другое толкование приведенной цитате из его книги. Здесь не могут уже помочь никакие словесные увертки и словесные признания, потому что, если слово «борьба» и «включает в себя целую гамму отношений», то уж «закон» да еще «оптимум закона первоначального социалистического накопления» никаким спектроскопом не разложишь: он достаточно однозначен, и эта его однозначная идея есть идея вытеснения.

Быть может, т. Преображенский нам возразит, что приближение к оптимуму закона первоначального социалистического накопления, т.-е. относительный рост перекачки, будет иметь место только в эпоху первоначального социалистического накопления, и прекратится в эпоху «нормального» социалистического накопления? Но как найти конец начала конца? Где кончается одна эпоха, и где начинается другая? К тому же, вопрос о том, как будет обстоять дело в эпоху собственно-социалистического накопления, нас в настоящий момент и в данной связи не интересует. Ведь согласно терминологии т. Преображенского, социалистическое накопление тем отличается от первоначального социалистического накопления, что первое идет за счет прибавочного продукта, произведенного в самом социалистическом секторе, между тем как первоначальное социалистическое накопление идет за счет перекачки из частнохозяйственного сектора. Согласно этой терминологии, эпоха первоначального социалистического накопления есть эпоха, когда центральную роль играет второй метод, метод перекачки. Очевидно, что переход из одной эпохи в другую, по т. Преображенскому, возможен лишь тогда, когда преобладающая часть народного хозяйства уже переведена тем или иным способом—мы все-таки надеемся, что это будет делаться не по способу т. Преображенского—на социалистические рельсы. Иными словами тогда, когда крестьянство в своей преобладающей части уже будет включено в систему социалистического хозяйства, и как самостоятельный, особый класс перестанет играть серьезную роль. Но ведь эта эпоха вообще уже выходит за те временные рамки, которые должна охватить теория переходной экономики, потому что задача последней как раз в том и заключается, чтобы показать, как произойдет включение в социалистическую систему крестьянства в его преобладающей части.

Таким образом, собственно переходный период у т. Преображенского соответствует именно эпохе первоначального социалистического накопления. И значит в рамках собственно-переходного периода, пока мы не совершим «скачок из царства необходимости в царство свободы», мы с неуклонностью магнита будем приближаться к оптимуму первоначального накопления, в непрестанно растущей мере будем «отчуждать» крестьянское накопление, в арифметической,—если судьба будет к нам благосклонна—и в геометрической прогрессии будем усиливать перекачку из деревни в город. Такова «теория» и таков «прогноз» т. Преображенского!

IV. Тов. Преображенский обосновывает «экспериментально».

Тов. Преображенский предлагает своим критикам ответить на девять вопросов, заключающих в себе вполне общеизвестные и общепринятые положения. На все девять «верно ли?» т. Преображенского мы охотно ответим девять раз: «верно». Но все эти девять «верно ли?» т. Преображенского, как в этом легко убедится читатель, прочитавший соответственные страницы его статьи, не дают ни одного «верно» для его теории новой экономики. Но из девяти поставленных им вопросов, нам в данной связи необходимо несколько подробнее остановиться на одном.

«Верно ли,—спрашивает тов. Преображенский,—что в экономически отсталой стране с социалистическим режимом, не знающей пока импорта капитала и вынужденной бороться со всем буржуазным миром, темп внутреннего накопления неизбежно должен итти несравненно быстрее, чем в любой капиталистической стране при данном уровне развития производительных сил?»

Совершенно верно, т. Преображенский! И не только должен итти несравненно быстрее, но и фактически идет несравненно

быстрее. Но почему он идет и будет итти таким исключительным темпом, этого вы не понимаете, и не можете понять, пока действительные отношения будут для вас закрываться вашим «законом первоначального накопления».

Прирост основного капитала нашей промышленности за 1925—26 год составит 9,5%. В среднем, за ближайшее пятилетие, по отнюдь не преувеличенным подсчетам Госплана он будет составлять 10,5% в год. Между тем в довоенной России годовой прирост основного капитала промышленности составлял 6,4%, в Соед. Штатах С. А.—перед войной 6,5%, а годовой прирост основного капитала высокоиндустриальных западно-европейских стран перед войной Кассель исчисляет в 3—3,5 процента. Темп промышленного роста у нас, таким образом, такой, какого не знала ни одна капиталистическая страна. Почему это возможно?

Тов. Преображенский начинает считать «по пальцам»: «монополия внешней торговли, социалистический протекционизм, жесткий план импорта, неэквивалентный обмен с частным хозяйством». «Все это,—говорит он дальше,—на базе единого государственного хозяйства пролетариата и есть внешние инструменты, внешние проявления закона первоначального социалистического накопления. В борьбе этого последнего закона с законом ценности мы достигаем такого распределения прибавочного продукта страны..., которое создает предпосылки расширенного социалистического воспроизводства». Читатель, однако, легко заметит, что во всем том, что «по пальцам» перечислил т. Преображенский, нет ничего специфически свойственного советскому хозяйству, что могло бы об'яснить специфический темп его роста. Если у нас социалистический протекционизм, то капиталистические страны умели очень не плохо пользоваться орудием капиталистического протекционизма. Что касается «неэквивалентного обмена», то лишь злейший, и к тому же совершенно недобросовестный, враг Советской России скажет, что мы берем у деревни больше, чем брали капиталист и помещик. Значит, специфический темп роста нашей социалистической промышленности об'яснить действием «инструментов, закона первоначального социалистического накопления», которые «в борьбе с законом ценности... и пр. и пр.»—нельзя. Дело не в этом.

В работе тов. Струмилина «К проблеме капиталов в СССР» мы читаем: «Даже без прилива капиталов из-за границы русская промышленность могла бы умножать свои фонды ежегодно не на 7,2% в год, а даже по полуторной или даже вдвое более высокой норме. И это вполне понятно, ибо буржуазия никогда не отличалась монашеским аскетизмом... Она едва ли много более половины своих прибылей посвящала производственному накоплению, все же остальное проедала, пропивала и вообще обращала на обслуживание своего класса и его прихлебателей» [1]).

Полная ликвидация непроизводительного потребления основной группы буржуазии—вот главная причина, об'ясняющая специфические возможности быстрого темпа роста нашей промышленности. «Инструменты» перекачки, которые по т. Преображенскому должны играть «основную» и «центральную» роль, оказывается, в решении основного вопроса, вопроса о темпе, играют вовсе не «основную» и вовсе не

[1]) «Плановое Хозяйство», 1925 г., № 2, стр. 44.

«центральную» роль. Тов. Преображенский! Слона-то Вы и не приметили!

Тов. Преображенский ссылается как на экспериментальное доказательство того, что мы сейчас недостаточно «перекачиваем», на товарный голод. Что собственно должен означать сей аргумент? Хочет ли тов. Преображенский этим сказать, что товарный голод есть результат отставания нашей промышленности от сельского хозяйства? Это будет заведомая неправда. С 1922—1923 года валовая продукция сельского хозяйства возросла на 32—35%, а валовая продукция промышленности более чем на 270%. Если же, несмотря на этот чрезвычайно быстрый рост промышленности, рост несравненно более быстрый, чем сельского хозяйства, мы имеем усиление товарного голода, то это—как ни парадоксально это звучит для поверхностного наблюдателя—является оборотной и на определенный период неизбежной стороной индустриализации. Рост промышленности идет теперь не только и не столько за счет производства средств потребления, могущих обслужить крестьянский рынок, сколько за счет производства средств производства, которые свой эффект в сфере оборота между городом и деревней дадут лишь через несколько лет. В настоящем году прирост производства средств производства относится к приросту средств потребления приблизительно, как 43 и 32, в будущем году—как 24 и 12. Естественно поэтому, что насыщение крестьянского рынка по самому существу дела не может итти тем же темпом, что и развертывание промышленности, и никакая, даже самая чудовищная, перекачка этого обстоятельства устранить не может. От неизбежного на известный период недонасыщения крестьянского рынка непосредственно умозаключать к недостаточному темпу развития промышленности, или к ее отставанию от сельского хозяйства нельзя. Это очень грубая и очень элементарная ошибка.

Надо помнить, что в конечном счете причина товарного голода коренится в унаследованной нами от царской России диспропорции промышленности и сельского хозяйства. Конечно, если бы мы унаследовали другое соотношение продукции города и деревни, у нас бы не было товарного голода. Но разве не смешно, когда тов. Преображенский товарный голод, причина которого коренится в веками складывавшихся отношениях русской промышленности и русской деревни, с одной стороны, и в самых основных, неустранимых особенностях новой, теперь наступившей полосы промышленного строительства, в необходимости расширять и создавать новый основной капитал,—когда отсюда возникший товарный голод т. Преображенский об'ясняет недостаточной перекачкой в последние два-три года!

Тов. Преображенский! Позвольте нам кончить словами, с которыми, надеемся, согласитесь и Вы: думать, что в 2—3 года самой бешеной перекачкой можно ликвидировать диспропорцию и предупредить товарный голод, это глупость такая же чудовищная, как думать, что в 2—3 года при самых лучших намерениях можно ликвидировать неэквивалентность в обмене города и деревни. Но если это так, то не ссылайтесь, пожалуйста, на товарный голод, как на «экспериментальное» доказательство Вашей правоты с таким видом, как будто Вы располагали рецептом предупредить его наступление или ослабить его остроту!

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ПО СТРАНИЦАМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ.

(«Die Gesellschaft» и «Socialistische Monatshefte»).

Журнал «Die Gesellschaft» призван, очевидно, играть ту же роль, что и покойный журнал «Neue Zeit», редактировавшийся Каутским. Этот журнал, по сути дела, является центральным теоретическим органом немецкой социал-демократии, долженствующим, как кажется ее вождям, неуклонно блюсти заветы марксизма. Однако, влияние этого журнала выходит далеко за рамки германской социал-демократии. Поистине каждая книжка «Die Gesellschaft» больше, чем какой-либо иной оппортунистический журнал, является настольным пособием социал-реформистов самых различных национальностей.

Поскольку рецензируемый журнал пользуется несомненным влиянием, постольку на страницах нашего журнала небезынтересно разобрать парочку последних его номеров с тем, чтобы дать читателю представление об этом, чуть ли не самом влиятельном, социал-демократическом журнале, редактируемом виднейшим лидером международного реформизма—Рудольфом Гильфердингом.

Останавливаться на всех статьях, напечатанных в лежащих перед нами двух книжках «Die Gesellschaft», в рамках журнальной рецензии не придется. Остановимся лишь на некоторых из них.

Несомненно, особый интерес вызывает отношение журнала к всеобщей забастовке в Англии и к стачке горнорабочих.

Обратимся к статье В. Брелсфорда «Всеобщая забастовка в Англии».

Брелсфорд приемлет предложения комиссии Самуэля. Стоит привести сравнительно длинную выдержку, чтобы показать как сей левый социалист защищает интересы английских горняков. «При холодном расчете, если страсть к борьбе у рабочих невелика, умный вождь мог бы на этой основе (т.-е. на основе предложения комиссии Самуэля. *Д. В.*) достигнуть соглашения. В Англии трудно, если королевская комиссия опубликовала свой отчет, выхватывать своевольно (willkürlich) из ее предложений отдельные пункты.

У горнорабочих была бы несколько понижена зарплата, но со временем реформа принесла бы выгоды. В конце концов нельзя же оспаривать, что угольная промышленность стояла перед банкротством. Действительное мнение Генерального совета также склонялось к тому, что горняки должны принять доклад комиссии в целом, если бы им было гарантировано скорое и честное проведение реформы, даже если бы принятие отчета Самуэля повлекло незначительное понижение зарплаты... Генеральный совет весьма старался склонить горнорабочих к согласию на некоторое понижение заработной платы»...

Брелсфорд целиком и полностью согласен с предложениями Самуэля, ибо-де не согласиться никак нельзя. В Англии с отчетом королевской комиссии надо обязательно согласиться. Такая уж это верноподданная страна. А если горнорабочие не согласились, то это, очевидно, мелочь, о которой и говорить не стоит. Мы не будем следовать за

рассказом Брелсфорда о ходе стачки. Автор в этом отношении нам не даст ничего интересного: мы и без него знаем, что массы вели себя великолепно, а Генеральный совет, состоя сплошь из оппортунистов, оказался далеко не на высоте положения, и сыграл об'ективно предательскую роль.

Посмотрим лучше, что думает Брелсфорд об у р о к а х великой стачки. По мнению Брелсфорда, несомненной ошибкой была забастовка в типографиях газет. Он пишет по этому поводу следующее: «Я очень сомневаюсь, было ли умно привести к молчанию печать. Стачка была экономической стачкой (wirtschaftstreit) в большом масштабе, и при каждой индустриальной стачке в Англии общественное мнение является важным, а часто и решающим фактором».

Поэтому революционные рабочие допустили, по мнению Брелсфорда, ошибку, прекратив печатание буржуазных газет. Да и не к чему их было прекращать печатать, когда, по мнению Брелсфорда, либеральная пресса была настроена сочувственно по отношению к горнякам «и даже консервативная печать была далека от поддержки шахтовладельцев». Бедные невинно пострадавшие консерваторы! Ведь консерваторы Нью-Кестля были за соглашение с горнорабочими, а тут прекратили выход их газет. И какое дело Брелсфорду до того, что консервативная партия в целом и ее правительство п р о в о ц и р о в а л о стачку, когда нью-кестльские консерваторы были склонны итти на компромисс. Брелсфорд ни слова не говорит о провокационном поведении правительства и изображает консерваторов «порядочными людьми». Поистине позиция, достойная «левого» социалиста!

Какие же еще уроки дала стачка, по мнению Брелсфорда, английскому пролетариату? Вот какие: «Нельзя ввязываться в борьбу под руководством вождей, которые не верят в цель, которая должна быть достигнута». В этом утверждении Брелсфорд, понятно, совершенно прав. Можно полагать, что английский пролетариат в результате неудачной стачки выдвинет вождей, более соответствующих запросам эпохи. Но мистер Брелсфорд в числе вождей английского пролетариата в момент решающей борьбы не будет. Это можно утверждать определенно, ибо он сам заявляет, что он «лично никогда не высказывался в пользу всеобщей стачки»... ибо он считает, что всеобщая стачка «в качестве орудия защиты полезнее, чем в качестве орудия нападения».

Он совершенно не понимает, что в известных условиях всеобщая стачка есть именно орудие нападения, как то показали гигантские стачки в России в 1905 г., перед 1917 г., и в Германии в 1918 г. Он не понимает, что залогом успеха всеобщей забастовки является п о л и т и ч е с к а я з р е л о с т ь пролетариата, чего в данном случае, в чем не мало виноваты Брелсфорды и комп., не было.

Итак, мистер Брелсфорд, исходя из учета опыта английской всеобщей стачки, дает такой урок пролетариату: всеобщая стачка вообще очень опасная штука и, боже упаси, пользоваться ею в качестве орудия нападения—никак нельзя! Этим самым сей «левый» социалист показал, что он в уроках стачки вообще ничего не понял.

* * *

Читатель видел, какие глубокомысленные статьи печатаются в органе Гильфердинга об английской стачке, о кризисе угля. Посмотрим теперь, что печатается в сем журнале, ну хотя бы, о современной колониальной политике.

В июльской книжке журнала напечатана статья Морица Билески «Колониальная политика Лиги Наций». К ней мы и обратимся. Автор является

апологетом Лиги Наций в целом и в частности ее мандатной комиссии, т.-е. органа, ведающего распределением мандатов на колонии. По мнению автора, колониальная политика под влиянием мандатной комиссии модернизируется. «Модернизация заключается в утверждении прогрессивного, цивилизаторского духа в практике колониальной политики». Правда, читатель не много знает фактов из области прогрессивного, цивилизаторского отношения «великих держав» к колониям. Но он, очевидно, не знает и того, что в основу современной колониальной политики положена «мысль о заботе страны, владеющей мандатом, над страной, на которую ей дан мандат».

Автор считает, что «в понятии заботы о мандатной стране (попросту говоря—колонии) особое значение имеет забота о туземцах». Однако, по мнению М. Билески, нельзя ограничиться только заботами о туземцах. Нужно отечески заботиться обо всех жителях колонии, а значит и об европейцах. Отсюда читатель видит, сколь велико любвеобилие мандатной комиссии Лиги Наций и ее апологета Морица Билески.

У неискушенного в международном праве читателя естественно возникает вопрос: но какая же по существу разница между угнетаемыми колониями и мандатными странами? Мориц Билески сейчас нам раз'яснит сию разницу.

Оказывается, что «на поприще колониальной политики Лига Наций проделала большую работу. Мандаты отчетливо разнятся от старых форм колониальных предприятий, они не представляют собой замаскированных аннексий! «Мандатная комиссия придерживается реальной политики. Ее члены не утописты. Они великолепно понимают, что мандатной комиссии не подобает разыгрывать по отношению к великим державам роль учителя, ибо «это было бы, особенно при господстве принципа суверинитета, политически трудной позицией».

Итак, картина ясна: комиссия проводит в своей политике принципы морали и нравственности, опекая одинаково и европейцев и негров, и краснокожих. Однако, комиссия не настолько глупа, чтобы не считаться с мнением держав, которые понятно не пожертвуют своим суверенитетом.

М. Билески—апологет Лиги Наций. Отображая мнение II Интернационала, он видит в Лиге Наций мощное орудие мира. Более того: он прикрывает ученой фразеологией величайшие мерзости, происходящие под «мирным» стягом мандатной комиссии, и тем самым играет на руку империалистам.

Не уступает в апологетике империализма Билески и Войтинский, суждения которого имеют несомненный интерес, ибо Войтинский, очевидно, является присяжным экономистом II Интернационала.

Войтинский в статье «Угольный или мировой хозяйственный кризис» заявляет, что «социализация английской угольной промышленности будет не только шагом к высшим экономическим формам, но и мостом через канал», ибо тогда-де Англия будет вынуждена активно заняться европейскими делами, т. к. основные рынки сбыта английского угля находятся в Европе. Однако автор ни слова не говорит о том, *какая* это Англия должна будет заняться европейскими делами. Консервативная Англия ведь и так достаточно ими занимается, и пока-что ничего путного из сего занятия не выходит.

Европа больна. Нужно ее лечить. Войтинский выступает в роли врача и рекомендует следующий рецепт лечения Европы, который вместе с тем радикально вылечит угольную промышленность Англии и осчастливит горнорабочих. Он пишет: «Европа должна, когда она изживет свою разобщенность и проникнется демократическим духом по отношению к народам другой культуры, перейти к культурно-хозяйственной работе

в странах с цветным народонаселением—эта работа потребует не пороха и крови, а много угля, железа и стали».

Вот вам и рецепт излечения Европы. Очевидно, бедной Европе нужно взяться за культуртрегерство в колониях—и все раны заживут.

Политически мнение Войтинского просто смешно, ибо капиталистическая Европа на мирную культурную работу в колониях неспособна. Между тем, Войтинский ни словом не обмолвливается о том, что действительно культурной работы в колониях можно ожидать не прежде, чем в Европе восторжествует социализм. Политический смысл надежд Войтинского сводится не к чему иному, как к поддержке современной колониальной политики. Экономически же программа Войтинского реакционна с начала до конца.

В своих статьях, помещенных в прошлых номерах «Die Gesellschaft» он развивал мысль о необходимости организации Соединенных Штатов буржуазно-демократической Европы в целях борьбы с внедрением капитала Соедин. Штатов в Европу. Не говоря о том, что подобного рода план является утопическим, он просто-напросто реакционен, ибо игнорирует основную задачу пролетариата—организовать социалистическое хозяйство у себя в стране. Войтинский абсолютно не понимает, что единственно реальным лозунгом является лозунг Соединенных Штатов социалистической Европы, а отнюдь не буржуазно-демократической.

Говоря же о необходимости культуртрегерства буржуазной Европы в колониях, видя в этом спасение Европы, Войтинский играет на руку империалистам и больше никому.

Позицию Билески, Войтинского и всего журнала иначе как откровенно-империалистической назвать нельзя.

* * *

Для дополнительной характеристики марксистской чистоты рецензируемого журнала остановимся несколько на статье Карла Мюллера «Цель воспитания в Англии после войны» (июльский номер).

По мнению автора, «цель воспитания в данной стране обусловливается различными характерами и общими условиями жизни народов». Не правда ли от этой фразы дышит марксизмом? Мы до сих пор думаем, что характер воспитания, характер учебных заведений прежде всего определяется фактом господства определенного класса, а оказывается определяющим в этом отношении фактором является национальный характер». Какой стариной веет от этого термина! Ведь в былые времена, в 40-х годах прошлого века, мудрецы исторической школы политической экономии, Решер и Гильдебрандт, апеллировали к национальному характеру немцев, доказывая, что законы классической политической экономии применимы могут быть для Англии, но никак не для такой самобытной страны, как Германия. И как жестоко смеялся Маркс по поводу никчемных разглагольствований о «национальном характере»! А в 1926 г. в «марксистском» журнале «Die Gesellschaft» печатается глубокомысленная статья, в основу коей именно и положено совершенно пустое понятие национального характера.

Автор в восторге от системы воспитания в Англии. По его мнению, в Англии воспитываются люди, проникнутые величайшим уважением к своей родине и своему народу. Эти люди, как пишет автор, понимают международное положение Англии, они понимают, что «Англия вступит в близкие отношения с другими народами путем связи с более отсталыми нациями, путем утверждения международного сотрудничества в области естественных наук, медицины, законодательства, торговли, искусств и, прежде всего, путем гарантии мира от войны».

Сам автор, однако, не понимает, что воспитание молодежи в духе национализма на руку буржуазии, ибо этим самым буржуазия по мере сил пытается нейтрализовать все растущий интернационализм пролетариата. Таков социальный смысл воспитания в духе «национального характера», апологетом чего является автор.

Мы видим, что и в этом случае автор не менее далек от марксизма, чем авторы статей, на которых мы уже останавливались.

* * *

Ограничимся в нашей рецензии оценкой лишь выше поименованных статей.

Мы не можем в рамках журнальной рецензии останавливаться на всех статьях, помещенных в июньском и июльском номерах «Die Gesellschaft»; да это было бы и бесполезно для наших целей.

Мы выхватили из этих номеров «Die Gesellschaft» несколько статей, относящихся к различным областям действительности, и постарались выяснить политическую тенденцию их с целью дать общую политическую характеристику журнала.

«Die Gesellschaft», один из влиятельнейших социал-демократических журналов, редактируемый самим Гильфердингом, ничего общего с марксизмом не имеет, и об'ективная функция его заключается в проведении в среду пролетариата идей, глубоко враждебных рабочему движению. Журнал «Die Gesellschaft»—по мысли Гильфердинга—должен быть международным обозрением социализма. На самом деле этот журнал—международное обозрение оппортунизма и социал-шовинизма.

* * *

Расстанемся теперь с «Die Gesellschaft» и обратимся к другому, весьма влиятельному органу германской социал-демократии «Socialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). Если гильфердинговский журнал «Die Gesellschaft» претендует на марксистскую ортодоксию, что, между прочим, как мы видели выше, никоим образом к числу обоснованных претензий не относится, то журнал «Socialistische Monatshefte» является откровеннейшим органом социал-шовинизма и оппортунизма.

Однако, было бы ошибочно усматривать какую-либо принципиальную разницу между этими двумя журналами: «Social. Monatshefte» только с большей логичностью развивает те самые положения, которые, правда, подчас с некоторой стыдливостью, преподносятся в «Die Gesellschaft». В этом нетрудно убедиться на примере статьи Макса Шиппеля «Трагедия английской всеобщей стачки», помещенной в июньском номере «Social. Monatshefte».

Макс Шиппель, подобно Брелсфорду, относится отрицательно к всеобщей забастовке. Он называет ее «величайшей катастрофой, постигшей английское рабочее движение». Катастрофой же всеобщая забастовка была потому, что самим «английским рабочим кругам было весьма сомнительно—возможно ли вылечить угольную промышленность без жертв со стороны занятых в этой промышленности рабочих». По мнению М. Шиппеля, ошибочно полагать, что жертвы несли только рабочие. Ведь несчастные капиталисты тоже несли жертвы. Значит, стоило лишь горнорабочим совместно с бедняками-шахтовладельцами смиренно нести крест свой—и никакой забастовки не было бы, угольная промышленность излечилась бы от всех своих «болестей». А раз жертвы нужны, так к чему было бастовать? В такой обстановке забастовка является-де бессмысленной, ибо ни к каким положительным результатам привести не может тем более, что мудрому Максу Шиппелю это было ясно с первого же дня забастовки.

Борьба шла бессмысленно. И при всем этом бастующие допустили серьезнейшую ошибку, закрыв буржуазные газеты, ибо этим самым «враги получили в свои руки опаснейшее оружие» против забастовки. Читатель видит, что правый социал-демократ Шиппель как будто сговорился с «левым» социалистом Брелсфордом! Но Макс Шиппель циничен, чего нельзя все же сказать о Брэлсфорде. Оказывается, что социальные конфликты в Англии не дошли бы до такой остроты, если бы... (вы догадываетесь, читатель, в чем дело?) если бы не пагубное влияние Москвы.

В былые времена Щедрин вкладывал в уста какому-то бюрократу фразу: «Во всем интернационалка виновата!» А Макс Шиппель вопит: «Во всем Москва виновата».

Посудите сами: «чем сдержаннее до последнего момента оставались эти спокойные и проницательные элементы (т.-е. Томас и комп. *Д. В.*), тем более нравилась подготовка невообразимой и неожиданной борьбы тем членам Генерального совета, которые, подобно Бен-Тиллету и Бромлею, после московской поездки трэд-юнионов не могли удовлетвориться мягкой, тихой классовой борьбой, свойственной английской действительности».

Макс Шиппель напрасно взваливает вину на Бен-Тиллета и Бромлея; напрасно он их изображает любителями «широких жестов». Ни тот, ни другой совершенно не использовал в своей борьбе опыт российского профдвижения. В этом отношении их ругать нечего. Они чисты, как агнцы, по части классовой борьбы. Они хотели ее вести «мягко и тихо», а рабочая масса совсем не хотела вести ее такими нежными методами. Стачка провалилась именно благодаря устарелости взглядов вождей тред-юнионов по меньшей мере на столетие. Мы берем под свою защиту Бен-Тиллета и Бромлея, не сердитесь, г-н Макс Шиппель:—они в Москве, к нашему прискорбию, ничему не научились.

Теперь, надеемся, читатель видит позицию г-д Шиппелей: они боятся борьбы пролетариата с буржуазией, они оплевывают героических шахтеров; наконец, они повторяют басни Биркенхедов и Хиксов о тайных интригах Москвы в Лондоне. Позиция на редкость ясная, но только не новая.

* * *

Теперь несколько слов о статье «Немецко-французское сотрудничество» другого присяжного журналиста этого журнала—Людвига Квесселя.

Автор глубоко убежден, что ни Америка, ни Англия ни капельки не заинтересованы в восстановлении экономической мощи европейского континента. Опыт показывает, что «ни Великобритания, ни Америка не желают оздоровления континента».

Коварный Альбион плюс Россия—вот силы, не дающие покоя Европе. И Квессель с восторгом цитирует статью из «Temps» об'ясняющую выступление Абд-Эль-Керима происками «большевистских агитаторов».

Спасение Европы в сближении Германии и Франции. Тогда Европе будет обеспечен мир и хозяйственное процветание, ибо тогда-де ни Америка, ни Англия не будут страшны. Квессель полагает, что разговоры о сотрудничестве с Россией ни к каким реальным результатам привести не могут. Представителем совершенно реальных и плодотворных воззрений, по его мнению, является «способнейший генерал» Гофман, который во время войны находился тоже в оппозиции к Людендорфу, являющийся теперь сторонником германо-французского сближения.

Русскому читателю сия фамилия знакома. Уж не тот ли это генерал Гофман, который заключал с нами от имени правительства Вильгельма

Гогенцоллерна Брестский мир? Не тот ли это чистейшей воды солдафон, зоологически ненавидевший революцию?

Вот кто служит примером для господ Квесселей. Это и понятно: лакей любит подражать своему господину.

* * *

Журнал «Socialistische Monatshefte» занят не только проблемами политики. Он занят также и вопросами культуры, примером чего может служить статья Рафаэля Зеликмана «О религии будущего», напечатанная в майском номере журнала. Скажем по совести: большую галиматью разыскать трудно. Добрые две трети своей статьи автор посвящает истории религиозного сознания, при чем с особым восторгом подчеркивает полную негодность принципов эпохи просвещения. Рационализм, по его мнению, потерпел настолько сильный удар от Шопенгауэра, что о нем всерьез вообще говорить не приходится. Человечество, очевидно, нуждается в религии. Религия нужна человечеству, чтобы преодолеть противоположность между индивидуумом и обществом, ибо сущностью религии, по мнению Зеликмана, является принцип некоего высшего регулятора, примиряющего интересы общества и личности. Какая же религия будет религией будущего? Заложены ли в какой-либо из религий современности данные для религии будущего? Или может быть будущему человечеству религия вообще не будет нужна?

Как явствует из всей статьи Зеликмана, и будущее общество без религии никак не обойдется. И будущая религия будет (не смейтесь, читатель!) усовершенствованным иудейством. Христианство для сей цели не годится, ибо «христианство есть религия души», религия, ничем не связанная с конкретной действительностью, с человеческой деятельностью. Буддизм не может быть религией будущего, ибо признает грешным вообще всякую волю к жизни. Ислам слишком неоригинален и несовершенен для этой цели. Юдаизм же для сей прекрасной роли подходит целиком и полностью, ибо в процессе своего развития юдаизм выработал следующие три принципа: 1) религия есть не только потребность души, но и регулятор человеческой практики; 2) общество есть об'ект проявления божьей воли; наконец, 3) религия означает свободу личности принимать участие в определенной культурной деятельности, в которой решающее место занимает определенная этическая цель.

«В этом заключается,—заявляет Зеликман,—почва для будущей религии, которая придет, если жизненный инстинкт западного человека проявит достаточно силы для преодоления хаоса». Вы что-нибудь поняли в этой галиматье, читатель? Надеемся, что ничего не поняли. Ясно лишь одно: журнал «Social. Monatshefte» есть, очевидно, не только орган оппортунизма, но и поповщины.

На этом мы кончаем нашу заметку.

Сравнивая «Die Gesellschaft» с «Social. Monatshefte», мы видим, что, по сути дела, и тот и другой придерживаются одной и той же политической ориентации: первый изнывает от восторга перед Лигой Наций, второй пресмыкается перед генералом Гофманом. Но суть-то одна и та же: лакейство перед буржуазией, преклонение перед империализмом.

В отношении же марксистской ортодоксии и тот и другой журналы стоят на одинаковой высоте. И тот и другой, по сути дела, целиком и полностью отказались от марксизма.

Мы надеемся, что читатель, пробежав эти страницы, по заслугам оценил глубину предательства и убожество мысли идеологов социал-демократии.

Дм. Вержбловский.

О СТОКГОЛЬМСКОМ С'ЕЗДЕ Р.С.-Д.Р.П.

Протоколы об'единительного с'езда Российской социал-демократической рабочей партии, состоявшегося в Стокгольме в 1906 г. Со вступительной статьей О. А. Варенцовой. Истпарт ЦК ВКП(б). ГИЗ, стр. 404, тираж 5.000, цена 4 р.

В этом году исполнилось двадцать лет с тех пор, как в Стокгольме произошел четвертый с'езд РСДРП, получивший название об'единительного, потому что в его заседаниях принимали участие и большевики и меньшевики, потому что на нем было оформлено организационное об'единение большевиков и меньшевиков.

Переиздание протоколов этого с'езда надо приветствовать, несмотря на то, что Истпарт не смог дополнить и выправить речи участников с'езда. Трудность последнего, впрочем, мы вполне понимаем.

В своем письменном докладе об об'единительном с'езде, адресованном петербургским рабочим, тов. Ленин, между прочим, писал: «Кстати, чтобы исчерпать все формальные вопросы и перейти скорее к более интересным, принципиальным, скажу и о протоколах. Боюсь, что и в этом отношении с'езд наш окажется хуже и второго и третьего. На обоих этих с'ездах протоколы были целиком утверждены с'ездом. На об'единительном с'езде впервые оказалась такая неисполнительность секретарей, такая спешка закончить с'езд (несмотря на снятие целого ряда вопросов громадной важности с порядка дня с'езда), что на с'езде не были утверждены все протоколы. Протокольная комиссия (2 меньшевика и 2 большевика) выходит с этого с'езда с невиданно-широкими и расплывчатыми полномочиями: утвердить незаконченные протоколы. В случае разногласий она должна апеллировать к находящимся в Питере делегатам с'езда. Все это весьма печально. Боюсь, что таких хороших протоколов, как II и III с'ездов, мы не получим. Правда, было у нас двое стенографистов, и некоторые речи получатся почти в полном виде, а не в виде конспектов, как раньше,—но о полной стенограмме прений на с'езде не может быть и речи, ибо двоим стенографистам такая работа была абсолютно не под силу, как они неоднократно и заявляли с'езду» [1]).

При тех технических предпосылках, которые характеризует здесь тов. Ленин, Истпарт, конечно, не мог значительно улучшить протоколы с'езда и, естественно, решил просто перепечатать старое издание протоколов, предпослав ему вводную статью тов. О. А. Варенцовой и приложив к нему кое-какие документы.

Переиздание протоколов Стокгольмского с'езда следует признать весьма своевременным не только из-за формальных соображений (20-летняя годовщина), но, главным образом, потому, что в последней дискуссии из оппозиционного лагеря были пущены во внутрипартийное (и даже шире) обращение идеи о том, что положение внутри нашей партии сейчас весьма напоминает положение внутри российской социал-демократии времени Стокгольмского с'езда.

Так, тов. Н. К. Крупская заявила на XIV с'езде ВКП(б):

«Для нас, марксистов, истина то, что соответствует действительности. Владимир Ильич говорил: учение Маркса непобедимо потому, что оно верно. И наш с'езд должен озаботиться тем, чтобы искать и найти правильную линию. В этом его задача. Нельзя успокаивать себя тем, что большинство всегда право. В истории нашей партии бывали с'езды, где большинство было неправо. Вспомним, например, Стокгольмский с'езд (шум, голоса: «Это тонкий намек на толстые обстоятельства»). Большинство не должно упиваться тем, что оно большинство, а беспристрастно

---

[1]) Ленин. Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 180—181.

искать верное решение. Если оно будет верным (голос: «Лев Давидович, у вас новый соратник!»), оно направит нашу партию на верный путь»... [1]). Ряд протестов, имевших место в выступлениях делегатов XIV с'езда, вынудил тов. Н. К. Крупскую сделать некоторые оговорки, суть которых, однако, заключается не в отказе от первой постановки вопроса, а в оправдании ее.

«Ряд товарищей,—«раз'яснила» тов. Крупская,—просил меня выступить и выяснить, что я хотела сказать своим примером Стокгольмского с'езда. Тут целый ряд ораторов указывал на то, что я, якобы, проводила сравнение теперешнего с'езда со Стокгольмским, что я чуть ли не бросила обвинение теперешнему большинству в меньшевизме, что я этим хотела сказать, что в дальнейшем будет такая же борьба, как после Стокгольмского с'езда. Товарищи, если бы я хотела проводить какие-нибудь сравнения, сравнения с меньшевиками, я бы сказала это прямо. То, что я сказала,—пример, который, думается мне, я в праве была привести. Стокгольмский с'езд числится среди партийных с'ездов нашей партии. Стокгольмский с'езд созывался после Таммерфорсской конференции, на которой единогласно была постановлена необходимость об'единения с меньшевиками. Я не знаю, как другие, но я знаю, что Владимир Ильич смотрел самым серьезным образом на вопрос об'единения, и не один он, а целый ряд товарищей находили, что надо итти работать в одной партии. Мы переносим наши представления о меньшевиках теперь, двадцать лет спустя, на тогдашние отношения и забываем, как мы смотрели на меньшевиков тогда. С тех пор прошел большой промежуток времени, который положил пропасть между большевиками и меньшевиками, но в те времена вопросы решались с ними совместно на общем партс'езде. Никаких сравнений, никаких аналогий я проводить не хотела. Надо было брать сказанное в общей связи»... [2]).

Хотя тов. Н. К. Крупская и подчеркнула, что «никаких» сравнений и аналогий она «проводить не хотела», тем не менее она в своем втором выступлении, по сути дела, отстаивала проведенную в первом выступлении аналогию, отметив лишь, что меньшевики прежние, это не теперешние; что прежних меньшевиков не отделяла от тогдашних большевиков такая пропасть, которая разделяет теперешних большевиков и теперешних меньшевиков.

Логика рассуждений тов. Н. К. Крупской по поводу этой аналогии проста и прямо-таки прозрачна.

Первое. Большинство XIV с'езда, с точки зрения т. Н. К. Крупской, ошибается. Новая оппозиция, собравшая совсем небольшое количество голосов, права.

Второе. Большинство не должно торжествовать и «упиваться тем, что оно большинство», а осмыслить, что большинство не всегда право и не всегда стоит на ленинских позициях.

Третье. Примером такого положения, когда большинство партии стало на неправильную точку зрения, является Стокгольмский об'единительный с'езд 1906 года, на котором меньшевики имели большинство, а большевики были в меньшинстве.

Четвертое. Большинство не должно «обижаться» на это сравнение, так как меньшевистское большинство на Стокгольмском с'езде (соответствующее, с оговорками, большинству XIV партс'езда) не было так далеко от тогдашних большевиков, как теперешние меньшевики от теперешних большевиков. «Ильич—подчеркивает тов. Н. К. Крупская—в ту пору «смотрел самым серьезным образом на вопрос об'единения, и не один он, а целый ряд товарищей находили, что надо итти работать в одной партии».

Для того, чтобы понять всю рискованность и антипартийный характер аналогии, проведенной тов. Н. К. Крупской, необходимо внимательно присмотреться к той обстановке, которая сложилась на Стокгольмском с'езде, и тем соотношениям, которые установились между меньшевистским большинством и большевистским меньшинством Стокгольмского об'единительного с'езда. Прежде всего надо решительно отвергнуть тенденцию преуменьшения глубины разногласий между большевиками и меньшевиками в период Стокгольмского с'езда.

Большевики, во главе с Лениным, действительно стояли за об'единение, но, об'единяясь, они подчеркивали оппортунизм меньшевиков и призывали всех революционных социал-демократов разоблачать этот оппортунизм и бороться за привлечение партийных масс на сторону большевизма. В докладе об об'единительном с'езде, напечатанном тотчас же после с'езда, для петербургских рабочих, тов. Ленин, подводя итоги с'езда, отмечает:

«Крупным идейным делом с'езда мы считаем более определенную размежевку правого и левого крыла социал-демократии. То и другое крыло есть во всех с.-д. партиях Европы,—они намечались давно уже и у нас. Более отчетливая размежевка их, более ясное определение того, из-за чего идут споры, необходимо в интересах здорового развития партии, в интересах отсекания от с.-д. партии всяких чрезмерных уклонений от правильного пути»... [1]).

Таким образом, одним из крупнейших положительных результатов об'единительного с'езда, с точки зрения т. Ленина, является «более ясная и определенная размежевка [2]) правого и левого крыла социал-демократии». Об'единительная попытка понималась т. Лениным не как политика идейного компромисса, а как политика более четкого идейного размежевания, при чем, характеризуя меньшевиков, т. Ленин не скупится на самые резкие клеймящие определения их политики.

«Наше правое крыло,—пишет т. Ленин в том же докладе,—не верит в полную победу настоящей, т.-е. буржуазно-демократической революции в России, боится этой победы, не выставляет перед народом решительного и определенного лозунга этой победы. Оно всегда сбивается на ту в корне ошибочную и опошляющую марксизм мысль, будто буржуазную революцию может «делать» самостоятельно только буржуазия или что буржуазную революцию надлежит вести только буржуазии. Роль пролетариата, как передового борца за полную и решительную победу буржуазной революции, не ясна правому крылу с.-д.... Оно пугает пролетариат призраком реставрации, не замечая того, что оно хватается за политическое оружие буржуазии против пролетариата, что оно льет воду на мельницу монархической буржуазии» [3]).

Неизбежным логическим выводом из такой оценки «правого крыла социал-демократии» является следующее заключение т. Ленина: «С этими тенденциями правого крыла мы должны вести самую решительную, открытую и беспощадную идейную борьбу» [4]).

Идя на об'единение, призывая большевиков об'единиться с меньшевиками, Ильич, вместе с тем, призывал большевиков «вести самую реши-

[1]) Бюллетень XIV с'езда партии, № 4, стр. 17.
[2]) Бюллетень XIV с'езда партии, № 9, стр. 3—4.

[1]) Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 222.
[2]) Курсив всюду мой. *А. С.*
[3]) Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 223.
[4]) Там же, стр. 225.

тельную, открытую и беспощадную идейную борьбу» с меньшевиками внутри об'единенной партии.

Всякому непредубежденному читателю должно быть ясным, что все эти положения Ильича звучат совсем иначе, чем рассуждения тов. Н. К. Крупской об отношении большевиков к «прежним» меньшевикам.

На самом об'единительном с'езде большевики сговаривались предварительно на своем фракционном собрании, при чем тов. Ленин, учитывающий принципиальность и остроту разногласий, считал это вполне естественным и неизбежным. «Не стану оценивать этого явления,—писал т. Ленин, но тут же добавлял:—оплакивать его, по моему, бесполезно, ибо оно было совершенно неизбежно, пока не изжиты еще старые фракционные деления» [1]).

Самый беглый просмотр протоколов с'езда убедит читателя в том, что, по своему идейно-политическому содержанию, большевизм и меньшивизм выступали на с'езде как совершенно различные враждебные социально-политические течения, как различные классовые организации. Это подчеркивал и Ленин почти в каждом своем выступлении.

При обсуждении аграрной программы он отмечал, что лозунг национализации земли связан у него с борьбой за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства; меньшевики же не разделяют этой перспективы революционной борьбы за власть, скатываясь к кадетским постановкам основных вопросов революции. «Плеханов усмотрел у меня в проекте моей аграрной программы захват власти, и я должен сказать, что идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моем проекте аграрной программы, но сводить эту идею к народовольческой идее захвата власти есть величайшая ошибка... Плеханов говорил: не нужно бояться аграрной революции. Именно эта боязнь завоевания власти революционным крестьянством и есть боязнь аграрной революции. Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом. Без этого последнего условия это будет не аграрная революция, а крестьянский бунт или кадетские аграрные реформы» [2]).

В другом месте Ильич прямо утверждает, что аграрная программа меньшевиков прямо рассчитана на «кадетский исход революции».

При обсуждении текущего момента, т. Ленин ставит вождя меньшевиков Плеханова на одну доску с Бернштейном.

«Плеханов говорил: Бернштейна хвалили за теорию, за то, что он отказался от теоретического марксизма, а меня за тактику. Ситуация не та,—говорил т. Плеханов. На это ему справедливо ответил т. Варшавский, что Бернштейна хвалили за тактику. За стремление притушить противоречия, как это делают кадеты. Бернштейн притуплял социальные противоречия накануне социалистической революции. Плеханов притупляет политические противоречия в разгар буржуазно-демократической революции. За это кадеты хвалят Плеханова и меньшевиков» [3]).

Критикуя конституционные иллюзии меньшевиков, т. Ленин в выступлении о тактике по отношению к государственной думе, еще раз приравнивает меньшевиков к кадетам.

«Сначала он (Аксельрод, докладчик меньшевиков об отношении к государственной думе. *А. С.*) отозвался о блоках с кадетами вообще

[1]) Там же, стр. 179.
[2]) Протоколы об'единительного с'езда, стр. 90.
[3]) Протоколы, стр. 167.

в самых пренебрежительных выражениях. Потом он сказал, что ничего бы не имел против таких блоков, но, конечно, не в виде старого и мелкого «шушукания» и соглашений впотьмах, а в виде открытых и прямых шагов, видных всему пролетариату. Это последнее «положение» Аксельрода—великолепный образчик «кадетских» мечтаний, настоящих «невинных пожеланий», порожденных конституционными иллюзиями» [1]).

В речи по вопросу о вооруженном восстании Ильич вновь дает ту же самую характеристику позиции меньшевиков, представленной Плехановым:

«Предложение Плеханова сказать вместо «вырвать власть» «вырвать свои права» особенно неудачно, ибо дает уже чисто кадетскую формулировку» [2]).

Итак, в момент об'единения с меньшевиками Ильич не питал никаких иллюзий насчет меньшевиков: он видел в них кадетских лазутчиков в лагерь пролетариата. Тем не менее, большевики пошли на об'единение с меньшевиками. Чем это об'ясняется? Во-первых, тем, что среди меньшевистской партийной массы, особенно в рабочей ее части, во время революции наметилось полевение, обещающее переход этих слоев в ряды большевиков.

Во-вторых, тем, что на данной стадии политической борьбы—до непосредственной вооруженной борьбы—меньшевики в целом ряде направлений пока могли итти вместе с большевиками. Так, по частному вопросу об аграрной программе, Ильич заявил в докладе о с'езде:

«Свобода обсуждения, единство действия,—вот чего мы должны добиться. И решения об'единительного с'езда оставляют достаточно простора всем с.-д. в этом отношении. До практических действий в духе «муниципализации» еще не очень близко, а в поддержках революционных выступлений крестьянства, в критике мелкобуржуазных утопий все с.-д. согласны между собой. Мы должны, следовательно, обсуждать муниципализацию и осуждать ее, не боясь нарушить единство действий пролетариата» [3]).

В-третьих, об'единения требовали рабочие массы, сплошь и рядом не понимавшие еще принципиальных корней раскола и обвинявшие большевиков в склочничестве, дезорганизации сил пролетариата и т. д.

В-четвертых, к об'единению толкала и обстановка жесточайшего полицейского нажима со стороны самодержавия, которое пользовалось борьбой между большевиками и меньшевиками для разгрома социал-демократии.

Однако, это об'единение отнюдь нельзя понимать как слияние. Большевики не прекращали свою фракционную работу; они ее продолжали и развертывали, учитывая, что обострение классовой борьбы решительно раз'единит большевиков и меньшевиков и поставит их по разные стороны баррикад.

Большевики шли на время об'единения не на слияние, а на такие формы временного контакта, которые помогли бы большевикам к следующему об'единительному с'езду завоевать большинство социал-демократов на сторону большевизма, что и было достигнуто к Лондонскому об'единительному с'езду.

Несмотря на состоявшееся об'единение, большевики и меньшевики представляли собой два различных по своему социально-политическому

[1]) Там же, стр. 195.
[2]) Там же, стр. 264.
[3]) Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 225.

содержанию, по своей программе и тактике, борющихся между собою, самостоятельных течения.

Различие характера разногласий, разделяющих меньшевиков и большевиков в революции 1905—1907 гг. и в революции 1917 г., об'ясняется прежде всего различием исторической обстановки. В первом случае речь шла о первом этапе буржуазно-демократической революции, во втором—о буржуазно-демократической революции, перерастающей в социалистическую.

Но и в революции 1905—1907 гг. и в революции 1917 г.—большевики по основным вопросам революции были антиподами меньшевиков; поэтому следует всемерно бороться с попыткой задним числом «смягчить» остроту разногласий между большевиками и меньшевиками в первой российской революции.

Всемерно следует бороться и против тенденции путем такого «смягчения» оправдать аналогию между XIV с'ездом партии и Стокгольмским об'единительным с'ездом. Надо понимать, что такая аналогия означает курс на раскол, вернее, на откол.

При этом не следует забывать, что правое течение на Стокгольмском с'езде, по определению т. Ленина, страдало безверием в силы пролетариата.

Учитывая это, представители оппозиции должны были бы осторожнее оперировать с такими аналогиями.

Мы рекомендуем читателю внимательно изучить протоколы Стокгольмского с'езда, между прочим, и для того, чтобы преодолеть некоторые вредные идейки и аналогии, выходящие из рядов оппозиции.

А. Слепков.

КАНТОР, М.—Основы кооперативной политики ВКП(б). Госиздат, 1926 г. 84 стр., цена 35 к., тираж 20.000.

Одним из необходимых условий нашей борьбы за социализм является правильное представление со стороны широких партийных и рабочих масс о роли и значении кооперации, в первую голову сельскохозяйственной, об эволюции кооперативных форм в условиях борьбы капиталистических и социалистических сил нашего хозяйства. Это становится тем более настоятельным, что мы имеем сейчас ряд попыток ревизовать учение Ленина в вопросе о методах и формах привлечения крестьянства к строительству социализма, а в связи с этим запутать широкие круги партии открытием всевозможных, по сути дела, мнимых противоречий в положениях Ленина о кооперации.

Дать правильное представление о линии нашей партии в кооперативном вопросе и ставит своей задачей рецензируемая брош. т. Кантора.

Автор удачно справился со своей задачей. В небольшой, весьма содержательной брошюре языком, доступным широким кругам партии и сознательных рабочих, тов. Кантор достаточно полно сумел осветить три основных вопроса: 1) Развитие марксистских взглядов на кооперацию. 2) Ленин о кооперации. 3) Кооперация в свете новейших решений партии. Особенно интересным, для широких кругов неизвестным и новым, в брошюре т. Кантора является опубликование цитат из сочинений Маркса и Энгельса, характеризующих их отношение к кооперации и представляющих собою, по сути дела, предвосхищение той постановки вопроса о кооперации, которую впоследствии дал Ильич. В резолюции, составленной Марксом для Женевского конгресса Интернационала (1886 г.), читаем:

«Кооперативное движение, ограниченное в своей эволюции теми карликовыми формами, которые могут ему придать несколько предоставленных своим личным силам наемных рабочих, никогда не будет в состоянии преобразовать капиталистическое общество. Чтобы создать из общественного производства крупную и гармоничную систему свободного и кооперативного труда, необходимы изменения в общих условиях общества,—изменения, которые никогда не будут осуществлены, если организационная власть общества, другими словами, государственная власть, не перейдет из рук капиталистов и земельных собственников в руки рабочих» (курсив наш).

Надо отметить, правда, что Маркс, как это явствует из цитаты, говорит о кооперативной фабрике. Но, как правильно отмечает т. Кантор, по существу дела, его взгляд верен также в отношении всякого кооперативного предприятия, работающего в условиях буржуазного общества.

Таким образом, еще Маркс больше полвека назад дал схематический рисунок того кооперативного плана, который впоследствии развернул т. Ленин.

Не менее четкая формулировка марксистских взглядов на роль кооперации и не только пролетарской, но и с.-х. была дана Энгельсом в его работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», в письме 1886 г.

В письме Энгельс пишет: ...«И Маркс и я никогда не сомневались, что при переходе к коммунистическому хозяйству нам необходимо будет в широком масштабе использовать кооперативное производство, как переходную стадию. Только надо так устроиться, чтобы общество, т.-е. прежде всего государство, сохранило за собой собственность на средства производства, и чтобы таким образом частные интересы отдельных кооперативов не противоречили интересам всего общества в целом». Эта цитата—пример гениального предвидения!

Прибавьте к этому взгляд Энгельса, высказанный им в статье «Крестьянский вопрос во Франции и Англии».

«Обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели».

Прибавьте, наконец, к этому, что Энгельса, который говорит о мелком крестьянстве, совсем нет поводов «заподозрить» в недооценке середняка. Тов. Кантор приводит цитаты, которые свидетельствуют, что Энгельс допускает привлечение в кооперацию и середняков. Мало этого. По его мнению, «в тех местах, где средний крестьянин живет среди мелких, он не отличается от них существенно своими интересами и воззрениями». Продумайте эти цитаты, и вы убедитесь, какие крепкие нити протягиваются от теперешней политики нашей партии через Ленина к Марксу—Энгельсу.

Напрасно поэтому некоторые товарищи, открывая закон «первоначального социалистического накопления» по аналогии с законом первоначального капиталистического накопления, полагают, что они продолжают традиции автора «Капитала».

Вновь открытый закон, поскольку им обосновывается необходимость экспроприации мелкого и среднего крестьянства, в противовес ленинскому плану социалистической переделки сельского хозяйства через кооператив-

ную систему, означает удар не только по теперешней политике партии, но и в корне противоречит взглядам великих классиков коммунизма.

Брошюра т. Кантора вносит ясность и в другой вопрос—относительно развития ленинских взглядов на кооперацию.

Вокруг взглядов Ленина на кооперацию посеяно прежде всего сеятелями оппозиционности достаточно много всяких нелепых версий. Открыты противоречия, пущена в оборот легенда, что статья о «кооперации» является чем-то случайным, неорганическим в системе ленинизма, не имеющим корней в прошлом и т. д.

Тов. Кантор правильно и последовательно рисует картину развития ленинских воззрений на кооперативный вопрос.

Еще в 1894 г. в статье «Что такое друзья народа», далее в статье «Кустарная перепись 1894—95 гг. в Пермской губ.», в работах, написанных накануне 1905 г. («Революционный авантюризм»), в проекте резолюции об отношении к потребительской кооперации, предложенной Лениным от имени делегации российской соц.-демократии на международном социалистическом конгрессе в Копенгагене, и в ряде других работ, характеризующих отношение Ильича к кооперации в период до революции 1917 г., Ильич (как и после нее, разумеется) целиком и полностью разделял воззрения Маркса—Энгельса. Он считал, что в условиях буржуазного общества возможности развития кооперации очень ограничены. В потребительской рабочей кооперации Ленин видел известное условие для улучшения экономического положения рабочего класса, что, впрочем, совсем не исключает того, что **главная** роль потребительской кооперации состоит в организации масс и активном содействии выполнению революционных задач. Однако, к крестьянской кооперации он относится совсем иначе.

Он писал в статье «Революционный авантюризм»: «Это обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии».

Надо понимать, что тогда, до революции, Ильич главный огонь направлял и не мог не направлять в сторону критики народнических идиллий о революционной, преобразующей роли кооперации **в условиях царизма и капиталистического хозяйства**.

Это не означает, что Ленин тогда не видел огромной роли кооперации в условиях диктатуры пролетариата и господства промышленности.

Новую роль кооперации он особенно подчеркивает после революции, когда сложились материальные и политические возможности для этой новой роли.

При чем эта новая роль не совпадает сразу с той ролью, какую Ленин приписывает кооперации в своей известной статье «О кооперации». Ленинские воззрения на этот вопрос, разумеется, эволюционировали. Эта эволюция есть эволюция методов, способов решения кооперативной проблемы (а не самой проблемы), в соответствии с конкретными условиями социалистической борьбы и строительства. Кантор намечает три периода в развитии ленинских взглядов на кооперацию.

Дореволюционный, который охарактеризован уже выше.

Второй период—«сейчас же после завоевания власти, когда система пролетарского хозяйства только начала зарождаться и, следовательно, в борьбе сил перевес был на стороне мелкой буржуазии. В тот момент не могло быть речи об эволюционном подчинении крестьянского хозяйства пролетарской хозяйственной системе. Наоборот, были все основания опасаться, что мелкобуржуазная стихия разнесет пролетарское хозяйство».

...«О крестьянской кооперации Ленин в то время не писал. Не потому, что не понимал ее значения. В тот момент крестьянская кооперация была опаснее культурного капиталиста (как известно, Ленин в то время ставил вопрос о компромиссе или выкупе «по отношению к культурным капиталистам, идущим на государственный капитализм». *В. К.*). Для отдельного капиталиста в случае нарушения им законов могли быть применены все «приемы беспощадной расправы», ибо при нарушении правил об учете и контроле он переставал быть «культурным капиталистом», т.-е. выполнять полезную миссию «государственного капитализма». Против крестьянской кооперации, допущенной в широких размерах, такие меры принять было бы значительно труднее.

Третий период относится к моменту перехода на новую экономическую политику... Крестьянские кооперативы были уже здесь как нельзя более уместны... Но соотношение сил все еще складывалось не в пользу пролетарской системы. В этот период Ленин снова стал помышлять «о государственном капитализме»... В отношении будущего, при укреплении государственного хозяйства, Ленин уже брал расчет на кооперацию и потому писал, что «в случае успеха» она даст переход к крупному сельскому производству. Но пока кооперация оставалась еще «кооперативным капиталистом», похожим на «государственный капитализм» в смысле облегчения для государства учета, контроля и договорных отношений.

Вопрос о курсе на кооперацию, как на основное орудие регулирования крестьянского хозяйства и его социалистического преобразования, был решен Лениным только по истечении двух лет нэпа, когда укрепление командных пролетарских высот стало вполне реальным».

В заключение т. Кантор дает следующую вполне четкую и правильную формулировку эволюции кооперативных форм.

«В результате всех превращений кооперация теряет капиталистический характер. Кооперация была капиталистической только до того момента, пока она содействовала развитию частнокапиталистических отношений. Но после того, как кооперация начинает работать на социалистическое хозяйство, ее ни в коем случае нельзя назвать капиталистической организацией. Она не является еще «предприятием последовательно-социалистического типа», поскольку средства производства принадлежат мелким частным владельцам. Но кооперация станет также последовательно-социалистической организацией, когда после ряда этапов перейдет к общественному производству».

Таким путем выясняется то кажущееся недоразумение, что в «Продналоге» Ильич рассматривает кооперацию, как госкапитализм, а в статье «О кооперации» решительно без всяких оговорок отождествляет рост кооперации с ростом социализма. Госкапитализм нам нужен как «посредствующее звено» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 222) на тех участках хозяйственного фронта, где мы не имеем возможности, не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого крестьянского производства к социализму. В 1921 г., когда Ильич писал свою брошюру «О продналоге», мы не имели возможности осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму: социалистическая промышленность—этот основной фактор, делающий из кооперации способ социалистической переделки крестьянского хозяйства, была очень слаба, рабочий класс был деклассирован. Кооперация поэтому, как организация мелких товаропроизводителей, в условиях рыночной стихии представляла собою «вид государственного капитализма, но менее простой (чем концессии. *В. К.*), менее отчетливо очерченный, более запутанный и потому ставящий перед нашей властью на практике большие трудности».

Другое дело в 1923 г., когда наши командные высоты укрепились. Факт их укрепления создал реальную возможность превращения кооперации из посредствующего госкапиталистического звена в рычаг непо-

средственного социалистического воздействия на основную массу мелких товаропроизводителей.

«Входя в кооперацию,—пишет т. Кантор,—крестьянин не помышляет о социализме, но, пройдя через ряд этапов восстановления и развития своего хозяйства путем кооперации и смычки ее с госпромышленностью, он подводится к социализму. В экономическом смысле слова «смычка рабочего класса с крестьянством» в условиях советского строя—это процесс товарного обращения и вместе с тем об'ективный процесс коллективизации крестьянского хозяйства».

Третья глава брошюры т. Кантора посвящена раз'яснению новейших решений партии о кооперации. Здесь т. Кантор очень хорошо и четко популяризует решения XIV партконференции и XIV партс'езда. Соблюдая все время общую перспективу постепенной концентрации с помощью кооперации, руководимой социалистическим городом, капиталов крестьянского хозяйства в общественной форме и постепенного уменьшения классовых противоречий в деревне, т. Кантор звено за звеном разбирает цепочку практических мероприятий, ведущих к этой перспективе.

Им подробно выясняется вопрос о взаимоотношениях кооперации с госпромышленностью, принципы организации кооперации, социальный состав кооперации, политика уменьшения накладных расходов и т. д.

В частности, очень четко выявлен курс кооперации на середняка—центральную фигуру деревни. «Теперь курс на середняка,—пишет т. Кантор,—это также курс на постепенное устранение классовых противоречий в деревне. Вопреки измышлениям, идущим со стороны тех, кто не понял смысла курса на середняка в новейших условиях, мы намерены активнейшим образом ввязаться в классовую борьбу деревни. Наше участие в классовой борьбе должно сказаться, главным образом, в помощи бедноте и в экономическом вытеснении кулака.

Курс на середняка... позволяет нам ставить в самом широком масштабе вопросы развертывания производительных сил.

Роль кооперации заключается в том, чтобы дать организационную форму для развития производительных сил и направить их по руслу социалистического строительства».

Надо отметить, однако, что при всех своих положительных качествах брошюра т. Кантора в той ее части, где идет речь о кооперации в свете новейших решений партии, страдает одним существенным недостатком, который надо в последующих изданиях устранить. Автором слабо освещены недостатки и болезни кооперации, а также опасности перерождения кооперативной ткани.

В условиях нэпа, когда на ряду с ростом социализма идет и известный рост капитализма, частный капитал может подчинить и кое-где уже подчиняет себе отдельные звенья кооперативной цепи. В этом случае нарушения непосредственной смычки между предприятиями послед.-социалистич. типа и мелким производством, отдельные части кооперативного организма перерождаются в госкапиталистические части.

Наша задача заключается в том, чтобы противостоять этим процессам, в том, чтобы обойтись без капиталистического посредничества.

Тов. Кантор исчерпывает все эти вопросы несколькими цитатами из решений парт. конференции и с'езда, проходя мимо их подробной разработки.

Несмотря на указанный недостаток, книжка т. Кантора, написанная общедоступным языком, является весьма полезным пособием и, несомненно, должна быть рекомендована партийному читателю.

Вл. Кузьмин.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 СЕНТЯБРЯ 17

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит № 69632. Москва. Тираж 60.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Борьба с бюрократизмом и оппозиция.

Последняя дискуссия с новой оппозицией подняла ряд крупнейших политических вопросов громадной принципиальной важности. Тот особый политический оттенок, те особые политические выводы, к которым склонялась новая оппозиция, имели своей предпосылкой отличные от общепартийных оценки ряда современных экономических явлений в СССР. Общеизвестно, что крупнейшие разногласия, отдалившие новую оппозицию от партии в целом, шли по линии оценок социально-экономических соотношений внутри нашей страны, характеристики различных хозяйственных формаций, их социального содержания и взаимного соотношения этих формаций.

Об'единенная оппозиция прибавила к прежним отклонениям от общепартийных оценок ряда экономических явлений еще некоторые новые отклонения. Так, если в предыдущей дискуссии оппозиция поставила под сомнение социалистический характер государственной промышленности, то об'единенная оппозиция ставит теперь под сомнение и пролетарский характер советского государства.

Подобного рода оценки классовой сущности нашего государства обязывают к очень многому и, несомненно, отводят в сторону от большевистской политики. Во всяком случае, в утверждениях о том, что наше государство «далеко не пролетарское», идеологи оппозиции не имеют никаких оснований опираться на тов. Ленина. Ленин считал советское государство формой пролетарского государства даже в таких условиях, когда хозяйство СССР было дезорганизовано, когда роль социалистических элементов в экономической жизни СССР была гораздо слабее, чем теперь; когда сам пролетариат в значительной мере был деклассирован. Нет никаких сомнений в том, что в общем и целом к настоящему времени обстановка изменилась к лучшему для пролетариата: социалистическая промышленность окрепла, пролетариат вырос и количественно и качественно, мы подошли вплотную к задаче индустриализации страны. В таких же условиях, когда соотношение социальных сил в СССР изменилось не в сторону ослабления силы и классовой сплоченности про-

летариата, а в сторону обратную, когда советское государство своей политикой укрепило социалистический сектор хозяйства,— говорить о «непролетарском» характере советского государства— еще меньше оснований, чем прежде.

Но Ленин недаром указывал на то, что наше государство является рабочим с некоторыми особенностями, в частности с той особенностью, что оно имеет «бюрократические извращения». Это очень серьезная и опасная язва в пролетарском государственном организме. На протяжении всего периода существования диктатуры пролетариата Ильич неустанно подчеркивал необходимость борьбы с этой болезнью и особенно энергично напирал на эту задачу со времени перехода к «мирному» хозяйственному строительству. Одна из его последних статей о Рабкрине целиком посвящена вопросу улучшения, упрощения нашего государственного аппарата, освобождения его от бюрократических наростов, традиций и навыков.

Было бы нелепо утверждать, что бюрократизм отсутствует в наших государственных учреждениях. Трудно даже оспаривать тот факт, что бюрократические тенденции кое-где развиваются в недрах советских учреждений. Можно лишь спорить относительно степени этих бюрократических извращений, можно оспаривать тот взгляд, что бюрократические извращения ставят наше государство на грань перерождения, изменения его классовой сущности. Для подобных утверждений нет достаточных оснований. Но эти бюрократические извращения будут тем быстрее и радикальнее изжиты, чем лучше мы будем обеспечивать нашей политикой такое направление государственного аппарата, такие пути его развития, которые обязывали бы его освобождаться от бюрократических наростов, которые стимулировали бы борьбу государственных учреждений с раз'едающим их бюрократизмом.

Почти все внутрипартийные оппозиции всегда делали особое ударение на необходимости борьбы с бюрократизмом. Особенно много на эту тему говорят представители современной об'единенной оппозиции. Однако, те политические тенденции, которые представлены оппозицией, вне всякого сомнения, идут не по линии преодоления бюрократизма, не по линии его изживания, а, наоборот, мешают борьбе с бюрократизмом, стремятся исключить благоприятные условия преодоления бюрократизма.

На самом деле. В городе бюрократические извращения особенно характерны для наших хозяйственных организаций. Бюрократические методы работы, бюрократические традиции, бюрократическая застойность, бюрократическая рутина—эти язвы наших хозяйственных государственных организаций бесспорны. Они являются значительным препятствием улучшения нашей промышленности, наших государственных хозяйственных предприятий. Эти бюрократические тенденции и методы влекут к такой политике, которая не обязывала бы к оживленной перестройке наших предприятий, к интенсивнейшей борьбе за улучшение организации производства, к борьбе за уменьшение непроизводительных расходов и т. д. Эти тенденции встречают благоприятную почву в монопольном положении наших государственных хозяйственных предприятий.

Если бросить взгляд на капиталистические страны, то нетрудно установить, что монопольное положение различных трестов и синдикатов сопровождается их загниванием, их нежеланием приспособляться к потребностям широких трудящихся масс. Пользуясь монопольным положением, эти капиталистические хозяйственные организации систематическим повышением цен проводят курс на разорение потребителей вообще, особенно сельских производителей. Устранение конкурентного начала и установление монополистического всевластия этих хозяйственных организаций ведет к тому, что они «снимают» проблему улучшения своего производства, удешевления своей продукции и т. д. Таким образом, эксплоататорские тенденции получают здесь наиболее голое выражение, конкурентный стимул устраняется, и капиталистические тресты и синдикаты вступают на путь монополистического загнивания.

Бюрократические тенденции в наших советских хозяйственных организациях, конечно, совершенно отличных по своему классовому содержанию от капиталистических, в наших советских трестах и синдикатах, несомненно, влекут нас двигаться по этой же линии наименьшего сопротивления: пользуясь монопольным положением, повышать цены, усиливать «перекачку» и таким образом увеличивать накопление. Двигаясь по такому пути, мы способствовали бы не преодолению бюрократизма, а его пышному расцвету в наших хозяйственных учреждениях. Становясь на рельсы повышения цен, мы отняли бы у наших производственных организаций стимул к улучшению производства, к удешевлению продукции, к устранению значительных непроизводительных расходов и т. д. Вот почему платформа оппозиции в области политики цен является бюрократической платформой, а позиция партии в целом является такой позицией, которая стимулирует борьбу с бюрократизмом, которая обязывает к борьбе с бюрократизмом, которая создает условия для борьбы с бюрократизмом, которая является фактором устранения из государственного аппарата бюрократических извращений.

Обратимся теперь к другому участку нашего государственного аппарата—к сельским ответвлениям его. Нет необходимости доказывать, что на этом участке бюрократизм имеет свою особую почву, свои особые благоприятные условия. Бюрократические тенденции в этих отраслях государственного аппарата,

несомненно, усиливаются благодаря тому, что в нашей советской политике в деревне еще не изжиты военно-коммунистические методы строительства. Военно-коммунистические пережитки политики в наших условиях являются бюрократическими пережитками. Командование, прямой нажим, отсутствие широкого обсуждения вопросов, «обязательные списки» при выборах и т. д.,—все это в наших условиях—проявления бюрократизма в сельсоветах, волисполкомах и т. д. Учитывая это, учитывая необходимость демократизации советского аппарата, учитывая необходимость приближения государственного аппарата к массам; учитывая необходимость укрепления связи между советским государством и бедняцко-середняцкими массами крестьянства,—партия выбросила лозунг «оживления советов».

Проведение в жизнь этого лозунга, с точки зрения партии, должно привести к изживанию военно-коммунистических методов советского строительства, к укреплению связи низовых ответвлений советского государственного аппарата с бедняцко-середняцкими массами, к вовлечению в непосредственное советское строительство доверенных представителей бедняцко-середняцких масс. Оживление советов может и должно явиться сильнейшим орудием борьбы с бюрократизмом. Оппозиция, относящаяся к этому лозунгу отрицательно, проявившая боязнь перед растущей политической активностью бедняцко-середняцких масс, цепляющаяся по существу дела за военно-коммунистические пережитки в советской политике,—мешает борьбе с бюрократизмом. Таким образом, в отношении борьбы с бюрократизмом оппозиция стоит на почве фразы и только фразы; суть же ее политической линии бюрократична, ибо она не предполагает создания благоприятных условий для борьбы с бюрократизмом, а, наоборот, мешает созданию этих условий.

Оппозиция, далее, много говорит о партийном бюрократизме и необходимости проведения в жизнь внутрипартийной демократии. Но и в этой области ее позиция является по существу бюрократической. Утверждая, что руководящие органы нашей партии отклоняются от правильной ленинской линии, оппозиция склонна изображать дело таким образом, что эта политическая линия ведется ЦК без санкции партийных масс, без ведома последних, вопреки воле последних. Это есть бюрократический подход к оценке внутрипартийных отношений, это есть непонимание роли партийных масс в выработке политической линии партии, в проверке этой линии на практике, в конкретном повседневном проведении в жизнь этой политической линии.

С другой стороны, оппозиция, так много говорящая о внутрипартийной демократии, ставит волю своей небольшой фракционной группы «избранных»—выше воли партийных масс, выше воли партии в целом. Главный принцип внутрипартийной демократии—это подчинение решениям партии в целом, а так как партию в целом представляет партийный с'езд, то неподчинение решениям этого с'езда нужно рассматривать как проявление величайшего антидемократизма, как результат бюрократического понимания внутрипартийной демократии.

Вот почему, характеризуя существо об'единенной оппозиции, мы имеем право рассматривать ее, как бюрократическое течение внутри нашей партии.

П. Лапинский.

Расслоение реформизма[1]).

Нет сомнения в том, что экономический процесс приводит к политической перегруппировке в лагере буржуазии с тенденцией к усилению в нем боевых, агрессивных, классово ярче выраженных элементов. В результате тех же причин аналогичного развития мы должны ожидать — а отчасти уже можем его наблюдать—и на противоположном полюсе современной капиталистической общественности, т.-е. в массах рабочего класса. Мы думаем в частности, что реформистское, социал-демократическое движение вступает в полосу ускоренного и более полного, чем до сих пор, расслоения.

На самом деле, чему следует приписать то еще громадное влияние, которое удалось сохранить реформизму в рядах рабочего класса в послевоенный период, несмотря на пережитый рабочими массами исторический опыт и связанные с ним величайшие разочарования? Нам думается, что до сих пор этот вопрос еще не ставился достаточно серьезно. А между тем без серьезного ответа на этот вопрос труднее уловить и те тенденции развития, которые должны привести к преодолению существующего в этой области положения вещей. Поэтому начнем с попытки установления и хотя бы беглого анализа тех основных об'ективно-исторических причин, которые обеспечили реформизму его влияние и силу еще на целую историческую полосу (ибо минувшие со времени прекращения мировой бойни годы представляют собой, без сомнения, уже целую историческую полосу).

Всем известны основные черты послевоенного реформизма. Это осознанная и признанная приверженность к современному (т.-е. капиталистическому) государству в его двояких качестве и форме, т.-е. как к демократическому государству и как к национальному государству, отказ от всех традиционных представлений о преодолении этого государства путем революционного насильственного переворота и о необходимом подчинении всей классовой борьбы, всей тактики пролетариата этой конечной цели. «Бургфриден», стремление к мирному сожительству и сотрудничеству классов, пережил мировую войну, превратившись в подлинную, длительную основу новейшего сверхреформизма, далеко превзошедшего даже и старые бернштейновские представления о мирном и постепенном перерастании капитализма в социализм. Без сомнения, можно утверждать, что подобной регрессивной эволюции доктрины, когда-то владевшей умами мил-

[1]) В порядке постановки вопроса.

лионов, не знает вся современная история. Только своеобразный ложный стыд затрудняет большинству европейских реформистских вождей и совершенно формально и официально, с соответствующим церемониалом, отбросить, как неоправдавшееся, ложное учение, всю марксистскую революционную традицию. (В отдельные моменты, впрочем, как на гёрлицком партейтаге германской социал-демократии учение о борьбе классов оказывалось устраненным из официального «кредо»).

Каким образом подобная теория и практика после всего пережитого могли привлекать к себе широкие массы, которые подчинялись этого типа руководству, пусть и без прежней веры, убеждения и воодушевления (в отсутствии этих прежних чувств нельзя сомневаться), пусть и с несомненной внутренней раздвоенностью, со скрытою горечью, а иногда и с явным возмущением, но все же без достаточной решимости высвободиться от этого ига?

Общность с современным капиталистическим государством (то, что в Германии называется отвратительно-филистерским термином «Staatsbejahung»), национализм, сверхреформизм, примиренчество могли не только не отталкивать последние остатки рабочей массы, но даже до некоторой степени стать источником влияния в этих массах, только в специфических условиях смутной, переходной эпохи, характеризуемой всесторонним и небывалым развалом и разбродом в экономической и политической областях. Характернейшие свойства этого смутного периода—это некоторое внутреннее бессилие, незаконченность, половинчатость всех скрещивающихся в нем, об'ективно-исторически созрелых и перезрелых тенденций; это хронически колеблющееся равновесие, создаваемое не безусловным перевесом определенных исторически господствующих факторов, а временным обессилением, неполнокровием всех основных борющихся сил. Это неустойчивое, шаткое равновесие создано не только системою сил, но и системою бессилий.

Это, конечно, не значит, что все эти антагонистические величины представляют собою все сплошь и во всякий момент те же градусы силы (или бессилия). Нет, тут, конечно, целая и постоянно колеблющаяся градация, при которой в общем и целом один фактор — капиталистическая буржуазия — остается пока наверху над пролетарским фактором; и вся система не является застойной, а наоборот, пребывает в состоянии движения, т.-е. борьбы, при которой нет недостатка в ударах от класса классу. Но только это не окончательные, не сокрушительные удары, не удары, наносимые всей силой и со всей исторической решимостью, не те, которые обозначают собою последние, великие решения в великой исторической борьбе. Эта борьба явно задержалась, замедлилась в своем развитии, остановилась на полпути, измельчала, запуталась, свихнулась, создав то явно временное, непрочное, непрозрачное, двусмысленное состояние, полуволчье и полупесье—«entre chien et loup», как выражаются французы, в котором выражается неполная задержка исторического процесса.

Этой задержки ни в коем случае и ни в какой степени нельзя сравнить с состоянием, образовавшимся в Европе после поражения революции в 1848—1849 гг. или после поражения Парижской Коммуны, ни даже после поражения первой Рос-

сийской революции 1905 года. Все эти поражения привели к несравненно более однородному состоянию более или менее безраздельного господства чистой реакции и контрреволюции, сопровождаемой прострацией и бессилием — по меньшей мере в локальном масштабе—рабочего класса. Но ничего подобного нет в настоящий момент, и притом в наше время уже не существует «локального масштаба» в прежнем смысле! О спокойно-невозмутимом господстве контрреволюции не может быть и речи. Наоборот, везде даже в Италии при всем мишурном блеске фашистских триумфов в этой стране, и точно так же в Болгарии и Венгрии—чувствуется, как режиму реакции приходится буквально каждый день, как поденщику, зарабатывать на жизнь, и живой призрак пролетарской революции уже не покидает капиталистических стран. Эпоха безмятежного обладания и пользования властью прошла безвозвратно. Борьба пролетариата за власть буквально носится в воздухе. Но только повсеместно заметно наступление того своеобразного промежуточного периода, о котором шла речь выше.

Основным источником обрисованного положения был тот совершенно необычный экономический развал, тот сверх'естественный хаос и неразбериха и связанное с ними истощение и беспросветность, которые явились прямым наследием войны. Такое именно развитие событий, как непосредственный результат хаоса, неразберихи и разорения, порожденных мировою войной, с поразительной точностью предвидел Энгельс, когда он писал в начале 90-х годов: «Эта война, в которой 15—20 миллионов вооруженных людей будут вырезывать друг друга и разрушать Европу, как никогда раньше, — эта война либо приведет к немедленной победе социализма, либо уже в такой степени опрокинет весь старый порядок вещей с ног до головы, оставит после себя такую кучу развалин, что старое капиталистическое общество станет более невозможным, чем когда бы то ни было, и что социальная революция будет отсроченной на 10 или 15 лет; но в этом случае и должна будет победить после ее тем более быстрого и основательного хода» [1].

Эти слова Энгельса звучат величайшим парадоксом: ведь, как так? В результате созданного войной хаоса и разорения, «старый порядок вещей» окажется «опрокинутым с ног до головы», «более невозможным, чем когда бы то ни было», и все же—«социальная революция будет отсрочена на 10 или 15 лет»?! Разве это не величайшее противоречие, не логический абсурд? Но в том-то и дело—и в этом и заключается гениальность энгельсовского предсказания, что одни и те же причины: неслыханный развал, хаос и беспросветность могут привести к двум только на вид противоположным последствиям: могут окончательно разрушить капитализм — обнаружить всю его историческую «невозможность»—и в то же время способствовать «отсрочке» социальной революции. В этом предвосхищенном Энгельсом внутреннем противоречии весь секрет той глубочайшей двойственности, противоречивости, иррациональности, нелепости, безнадежной неуравновешенности и неоднородности, которые являются самым неот'емлемым и характернейшим свойством переживаемой нами послевоенной эпохи и которые столь часто поражают нас и даже подчас и сбивают с толку! История не знает более «диалектического» состояния капиталистического общества. Временная задержка исторического процесса создала условия своеобразного сожительства двух глубочайше противоречивых, непримиримо антагонистических социально-экономических сил и тенденций, двух исторических эпох и порядков. Историческая бессмысленность, нежизненность, переходность подобного положения вещей бросается в глаза.

[1]) Статья для «Almanach du Partie Ouvrier». «Neue Zeit». 1892 г., стр. 587—88.

Другой, неразрывно связанной с предыдущей, причиной задержки и спутанности революционно-исторического процесса явилось беспримерное неравенство всего хозяйственного положения руководящих капиталистических стран. Неравномерность капиталистического развития считал В. И. Ленин — и с величайшим основанием — одним из факторов революционного развития. Но это уже не неравномерность «развития», ибо о развитии в течение целых лет не было и речи, а беспримерное несходство всего хозяйственного положения, выразившееся в совершенно небывалой зависимости одних стран от других, послужило на сей раз задержкой революционного развития. В таких странах, как Германия или Австрия, поставленных буквально «на паек»—на голодный паек—другими капиталистическими странами, сознание национального своего хозяйственного и политического бессилия, тщательно культивируемое всей сплошь социал-демократией (в том числе и так называемыми «независимыми», что и явилось тем их первородным грехом, под тяжестью которого они должны были фатально, как по наклонной плоскости, скатиться к Шейдеманам и Эбертам), обрезывало крылья пролетариату, убивая в нем веру в его собственные силы и в возможность социальной революции.

Каутский и его единомышленники были только выразителями этих упадочных настроений крупных частей рабочего класса и обнищалого мещанства, когда они выступали со своей критикой «социализации нищеты и развалин». Основным стержнем этой критической «теории» была мысль, что пролетариат неспособен обеспечить себе и голого существования, иначе как через национальную и международную буржуазию и в союзе с ней. Возражая против «социализации нищеты», Каутский по сути становился проводником социализма пауперов, люмпен-пролетарского социализма в странах, в которых весь рабочий класс сплошь (и с ним добрая часть мещанских масс) оказался превращенным международной буржуазией в пауперов. И только неистребимой силе об'ективно созревшего революционно-исторического процесса следует приписать, что этой новой «философии нищеты» (с которой неразрывно связана идея добровольного отказа пролетариата от власти, «коалиции» с буржуазией) не удалось низвести рабочий класс до последних степеней классовой инвалидности и самоискалечения.

Но неизбежным проявлением такого промежуточного, смутного и двусмысленного исторического состояния, при котором

ни одна из двух основных исторических сил современности—ни революционный пролетариат, ни капиталистическая буржуазия—не оказывается способною взять решительно и прочно верх одна над другой, неизбежным проявлением такой системы шаткого классового равновесия должно было стать выступление на историческую авансцену в первых, во всяком случае видных, ролях промежуточных элементов.

В этих ролях мы и наблюдаем прежде всего современные социалистические и родственные им партии. Это промежуточное «центральное» положение делает эти партии носителями своеобразного «равновесия» и стабильности, и неизбежно роднит их со всеми другими промежуточными элементами, прежде всего с мелкомещанскими массами и партиями. Вся современная социал-демократия в ее новейшем, послевоенном виде, в ее исторически новой роли и с ее новым и еще крупным удельным весом *является классическим продуктом этого послевоенного смутного переходного периода, каким он рисовался воображению Энгельса. Она является паразитическим плодом недовершенного, задержавшегося, завязшего исторического процесса.*

Одним из тех указаний, к которым Энгельс возвращался в последние годы своей жизни с особенной настойчивостью [1]), было указание на то, что в случае революции партия пролетариата очутится у власти не сразу, но только после того, как другие партии, завоевав власть, окончательно изживут и скомпрометируют себя. Энгельс, видимо, считал, что колоссальный процесс капиталистического развития, характеризовавший собою всю вторую половину минувшего столетия, в этом отношении ничего не изменил коренным образом в *механизме* революции по сравнению с тем, как этот механизм рисовался Марксу, когда он еще в самом начале 50-х годов в своем «Обращении к немецким коммунистам», можно сказать, кодифицировал тактику пролетарского авангарда по отношению к промежуточным революционным партиям, овладевшим государственной властью.

Но как в половине столетия, так и многими десятилетиями позже и Маркс и Энгельс явно представляли себе этот процесс изживания и «компрометации» промежуточных партий весьма быстро протекающим. Их воображению, без сомнения, рисовался при этом прообраз Великой французской или английской революций с их классическим развитием «по восходящей линии», в течение немногих лет и в процессе быстрой смены революционных партий доводящим революцию до апогея. Но неслыханный всеобщий развал и хаос, порожденный мировой войной в связи с беспримерным обессилением отдельных стран, как это предвидел тот же Энгельс—*внес элементы*

[1]) В частности в переписке с Бернштейном (опубликованной Д. Б. Рязановым) 12-го июня 1883 года Энгельс пишет Бернштейну: «Революция есть продолжительный процесс (ср. 1642—46 г.г. и 1789—1793 гг.); и чтобы условия созрели для нас, а мы для них, все промежуточные партии поочередно должны притти к власти и оскандалиться. И тогда придем мы и, может быть, тоже временно будем разбиты. Хотя я не считаю это возможным при нормальном ходе вещей». Те же мысли в письме от 27-го августа 1883 года и в еще более раннем письме по поводу известных статей Фольмара («Архив Маркса и Энгельса», т. I; стр. 347, 349, 329).

хаоса, сумятицы, задержки и в самый процесс неизбежного в результате той же войны зарождения и развития революции! В связи с этим и роль промежуточных элементов должна была неизбежно оказаться и во времени более длительной, и по своему социально-политическому характеру и содержанию более разнородной и сложной. Шатания, колебания и метаморфозы промежуточных элементов оказались более сложным и разнородным процессом уже в силу большей продолжительности переходного периода, необычной разношерстности национальной обстановки в разных странах и прежде всего в силу той послевоенной всеобщей разрухи и хаоса, которые необычно осложнили весь исторический процесс. В результате развитие получилось далеко не прямолинейное и однородное, но с зигзагами и даже рецидивами.

Самые активные слои (преимущественно деклассированной) мелкой буржуазии проявили совершенно необычный темп и амплитуду колебаний от пассивной поддержки революционных элементов до фашизма, т.-е. до спасения и укрепления капитализма силою мелкобуржуазных кадров, получающих за этот подвиг в качестве компенсации расширенный доступ к государственному стойлу с частичной перспективой возвышения в социальной иерархии и слияния с экономически более сильными слоями буржуазии.

Колебания, метаморфозы реформистско-социалистических партий—основного промежуточного фактора нашего времени—точно так же представляют собою целую гамму. Маркс и Энгельс представляли себе, что промежуточные, мелкобуржуазные партии из фактора революции (в первоначальный период борьбы за власть) быстро превратятся (с захватом власти) в фактор контрреволюции, в некотором же смысле с первого момента выступят в качестве «спасителей (буржуазного) общества», защищая его в роли средних, буферных элементов против непосредственного натиска крайнего, пролетарского фактора. Общий прогноз оказался как нельзя более правильным, но в силу уже указанных *своеобразностей мировой исторической обстановки* (длительности процесса, разрухи и хаоса, неравномерности условий как экономических, так и общеполитических) конкретная картина в ее мировом масштабе получилась менее однородной, более зигзагообразной и даже не лишенной элементов обратного развития.

В странах, в которых революционное развитие еще только наметилось, в которых борьба рабочего класса за власть еще только начинается, мы с запозданием на целые годы можем наблюдать явления того быстро протекающего расслоения на левое и правое крыло, которое было столь характерным знамением *первого* послевоенного революционного периода.

Но всего характернее развитие в тех странах, в которых задержка революционного процесса произошла на более высокой ступени. В этих странах, переживших революцию, мелкобуржуазно переродженная социал-демократия выступает в несомненной роли «спасительницы общества», оттесняя с оружием в руках, в прямом союзе со старым офицерством самые боевые, самые революционные элементы пролетариата, ставящие себе непосредственной целью реализацию социализма. Впоследствии в течение це-

лой исторической полосы (более продолжительной, чем она представлялась Марксу и Энгельсу), в условиях несравненной разрухи и хаоса и в обстановке глубочайших, но не доводимых до взрыва классовых противоречий (хотя и прерываемой отдельными, частичными попытками довести дело до решающей борьбы), социал-демократия играет неизменно роль своего рода «золотой середины», являясь, можно сказать, основным фактором относительной стабильности, прочности отношений. Политически она, как в свое время мелкобуржуазный герой Гамбетта и его сподвижники после военного разгрома Франции и поражения Коммуны—аналогия тут полная,—ставит себе своей исторической задачей примирение старых общественных классов с республикой путем внедрения в них убеждения, что республика уже более не тождественна с революцией. Во всех смыслах и во всех направлениях реформистская партия стала так называемым (в немецкой терминологии) фактором «приятия и укрепления государства», т.-е. современного, капиталистического государства в его буржуазно-республиканской форме. В области экономических отношений параллельной программой должна была стать реформистски прикрашенная реставрация капитализма. В условиях всеобщей разрухи, неуверенности в ближайшем будущем и усталости, социал-демократия именно этой своей программой привлекла к себе как широкие слои мелкого мещанства, а косвенно и просто мещанства, так и упадочно настроенную часть рабочего класса.

Но задержка революционного процесса должна была иметь своим дальнейшим последствием наступление регрессивного развития: спасенный от разгрома капитализм возвращает себе постепенно свою политическую надстройку, оттесняя промежуточную партию полностью или частично от власти и ее аппарата.

Но неполный характер задержки революционного развития (решающая отличительная черта современного периода по сравнению с периодом реакции после 1848—49, 1871 и даже в некоторой степени после 1905 и 1906 гг.) имеет своим результатом то, что в той или иной форме брожение среди рабочих масс и вспышки острой классовой борьбы не прекращаются. И так как к тому же в силу уже указанного регрессивного развития капиталистические классы переходят в нападение, оттесняя промежуточную партию, то эти соединенные условия создают возможность повторных процессов разложения реформистских рядов, повторных расслоений на правое и левое крыло, но уже при наличии гораздо дальше зашедшей вперед развращенности партийно-политической верхушки. Это расслоение шло бы гораздо более стремительным, катастрофическим темпом, если бы не то, что капиталистическая буржуазия не решается пока доводить свое возобновившееся наступление до конца и в своем еще не окончательно изжитом страхе перед революцией и разрухой то и дело оставляет те или иные лазейки для социал-демократии, которая, и оттесненная в оппозицию, продолжает держать себя наготове для участия в том или ином буржуазном правительстве. Ее тактика и политика становятся функцией уже не только непрекращающегося, но растущего брожения масс и степени агрессивности буржуазии. Стремясь примирить непримиримое, эта тактика становится все более шаткой, беспринципной и подвижной. Но пока в общем и целом еще продолжается переходный период с характеризующим его недоразвитием боевой энергии решающих классов, она еще—хотя уже в ослабленной степени—продолжает служить в силу всей своей «промежуточности» фактором относительной стабильности и равновесия переходной эпохи. Это меняющееся положение только вносит в ее маневровочную тактику больше беспокойства и нервности, отбивает у нее часть ее попутчиков и приверженцев и в особенности ослабляет, осложняет ту внутреннюю связь, которая соединяет ее с еще весьма крупными частями рабочего класса, сохраняющими верность старому, привычному знамени, но постепенно все сильнее пресыщающимися скрытым недоверием и недовольством.

После этих общих замечаний присмотримся поближе, конкретнее к тем об'ективно-историческим, материальным и в частности экономическим факторам, которые в течение всей минувшей послевоенной эпохи обеспечивали послевоенному выродившемуся реформистскому социализму значительное влияние на рабочие массы. Мы будем иметь при этом в виду ради конкретности анализа прежде всего германскую социал-демократию. Но многое основное, что применимо к этой старейшей и сильнейшей реформистской партии, применимо к реформизму и в других странах.

Начнем сразу с центрального момента, центрального фактора, который, как нам кажется, проходил до сих пор недостаточно замеченным. Всю послевоенную эпоху, в особенности до создания дауэсовско-локарнской системы, обозначившей собою в этой области некоторый поворот,—всю политику буржуазии (за частичным исключением финансового капитала, о чем подробнее ниже) характеризовало несомненное превалирование групповых интересов и центробежных тенденций. В условиях небывалой и всеобщей разрухи, разрыва или расшатанности всех международных связей, расстройства всей мировой капиталистической системы, ослабления всей ее внутренней спайки—такое превалирование непосредственнейших групповых интересов и центробежных тенденций было совершенно естественно и неизбежно. Лозунгом буржуазного мира стало: спасайся (и обогащайся), кто может. Этот триумф центробежности выразился в самоизоляции Америки, в оргиях воинствующего национализма, в новых военных и полувоенных вспышках, в безудержном протекционизме, в прекращении международной кредитной помощи, в разгуле инфляции, обогащавшей одних и разорявшей других, в ослаблении некоторых выравнивающих и посреднических функций буржуазного государства, в бесшабашной эксплоатации потребителя, в хаотическом накапливании «вещественных» богатств (под видом хаотической «концентрации», персонифицированной в лицах Стиннесов, Кастильони и т. п.), в триумфах безудержно спекулятивного духа над промышленной и коммерческой калькуляцией,—во всей этой картине своеобразного пира во время чумы, прерываемого глухими раскатами социальной бури.

В этой обстановке (отчасти ликвидированной дауэсовско-локарнской политикой), выйдя из своей пассивной цеховой замкнутости и выступая впервые в истории в роли вождя народов именно социал-демократия по величайшей иро-

нии судьбы, приняла на себя рядом с финансовым капиталом активное представительство более общих, исторических интересов капитализма, как национального и международного целого.

Разгул групповых интересов расслоившейся больше, чем когда бы то ни было, буржуазии, грозивший самому существованию капиталистической системы и увеличивавший нагромежденный войною хаос и нищету, нашел себе самых непримиримых и последовательных врагов в мировом (прежде всего англо-саксонском) финансовом капитале и в «международной» социал-демократии. Реставрация капитализма, как спаянной и цельной исторической формации, как национального и интернационального целого, не разрываемого безудержно-анархически на куски, стала историческим лозунгом этих обоих факторов (у социал-демократов—в реформистки приукрашенном идеале).

Это представительство более общих интересов капитализма отмечает собою всю политику социалистических партий как в сфере национальных, так и интернациональных отношений. В самом деле:

I. На национальной арене социал-демократия выступает враждебно по отношению ко всяким преувеличенно центробежным тенденциям как в политической, так и в хозяйственной области.

А. В сфере политических отношений она, как уже было указано выше, представляет интересы стабильности, прочности отношений, т.-е. по сути консервативные интересы: против последних революционных вспышек пролетариата в этом периоде, против авантюристов справа, выступающих под знаменем монархической реставрации, сепаратистских тенденций или открыто фашистской диктатуры. Во имя спасения буржуазно-республиканской формы правления социал-демократия сама берет на себя некоторые функции исторической реакции, поскольку она своими собственными руками приводит рабочий класс обратно к «порядку» и к «трудовой дисциплине».

Б. В сфере хозяйственных отношений социал-демократия тоже по-своему борется с худшими проявлениями центробежных тенденций, выступающих особенно резко в первую послевоенную анархическую эпоху под видом диктатуры отдельных групповых интересов, не желающих считаться с более общими интересами капиталистического хозяйства и подчас даже и элементарнейшими потребностями капиталистического государства. Итак в частности:

а) Социал-демократия борется с безудержностью инфляционистского хозяйства (стало быть, принимая под свою защиту и средние слои).

б) Она стремится брать под свою защиту интересы перерабатывающей промышленности против тяжелой промышленности.

в) Она отстаивает целую и по своему последовательную национально-хозяйственную концепцию, которая в своих основных линиях находит себе обоснование и в некоторых об'ективно-исторических тенденциях послевоенного времени (тенденция к усиленному развитию высших категорий перерабатывающей индустрии, поглощающих крупные доли труда, за счет производства сырья и полупродуктов).

г) Она в частности—и это представляет собою в специфических условиях важнейшее, характернейшее обстоятельство—отстаивает интересы внутреннего, национального рынка с готовностью ради этого оказать даже прямую или косвенную поддержку и некоторому протекционизму, хотя и борясь с крайними протекционистскими тенденциями, в особенности тяжелой индустрии и крупных аграриев (одним из проявлений крайних групповых интересов).

И в этой области она находит отдельные точки соприкосновения и общий язык с широкими заинтересованными кругами не только рабочих потребителей, но отчасти и перерабатывающей индустрии.

д) С началом стабилизационного периода она начинает вступать в конфликт с финансовым капиталом, поскольку и он в свою очередь стремится при помощи грубого ростовщичества наверстать потерянное время и обложить промышленность тяжелой рентой, замедляя этим ее восстановление. Социал-демократия выступает с защитою дешевого кредита и «дешевых денег». Промышленность находит в ней некоторого союзника против крупных банков.

е) Социал-демократия не только активно помогает при восстановлении разрушенного денежно-кредитного механизма капиталистического общества, но и налогового механизма капиталистического государства; не только в первом, но и во втором случае в некоторой борьбе с групповыми интересами могущественнейших капиталистических слоев, в отдельные моменты готовых перешагнуть через свое собственное государство, сводя его средства и силы до минимума или же паразитически эксплоатируя его.

ж) В процессе необходимейшей защиты повседневных интересов рабочей массы социал-демократия стремится никоим образом не перешагнуть пределов «ответственной» политики, т.-е. все время строго считаясь с непосредственными «возможностями» промышленности, избегая всего, что могло бы потрясти экономические и политические основы национального капиталистического государства, сплошь и рядом оперируя несравненно более «ответственным» образом (т.-е. больше считаясь с экономическими возможностями и интересами буржуазного национального хозяйства в целом), нежели влиятельнейшие предпринимательские круги, готовые в отдельные моменты ко всему ради обеспечения своих интересов—за счет всего национального хозяйства, взятого в целом, за счет своего собственного государства, и даже за счет его единства. Классовые, антаготистические тенденции выступают в этот момент в гораздо более резкой и решительной форме на стороне решающих слоев буржуазии, нежели на стороне социал-демократии. В эти критические моменты социал-демократия в некотором смысле и степени защищает и спасает буржуазный строй и буржуазное государство от самой же буржуазии (т.-е. от ее анархической невоздержанности и растерянности): подобно тому, как и мелкобуржуазному фашизму приходится путем целого переворота, сопряженного с ломкой традиционной политической надстройки, спасать в отдельных стра-

нах буржуазную систему и буржуазию от ее собственной беспомощности и растерянности.

II. Точно так же и в сфере международных отношений ясно выступает роль социал-демократии, как «передового бойца» за интересы мирового капиталистического целого—в противовес разрывающим это относительное «целое» безудержно-центробежным тенденциям.

А. Это качество социал-демократии выступает прежде всего в сфере международных политических отношений в узком смысле. Социал-демократия более или менее повсеместно выступает в качестве одного из основных столпов политики «пацифизма», тенденции к сглажению и «примирению» противоречий.

Она активнейшим образом поддерживает все направленные к этому попытки и стремления, начиная от Генуэзской конференции и кончая дауэсовско-локарнскими соглашениями, выступая систематической поборницей Лиги Наций.

В Англии рабочая партия превращается очень скоро (рядом с либералами) в своеобразно «германофильский» фактор; правительство Макдональда в борьбе со специфической франкофобией Ллойд-Джорджа и его бывших коалиционных друзей становится еще дополнительно и параллельно «франкофильским» (без особых усилий продумать и примирить эти противоречия до конца).

Во Франции социалисты выступают противниками Пуанкаре, его рейнской политики и вобще репарационистских сверх'иллюзий и увлечений.

В Германии социал-демократия рядом с католической партией центра, но в еще более последовательной форме, становится после первоначальных непродолжительных колебаний, классическим носителем и вернейшим оплотом политики «выполнения» Версальского договора (т.-е. по сути политики мирной частичной ревизии этого договора).

Б. Точно так же и в сфере международно-хозяйственных отношений социал-демократия выступает поборницей договорного начала, относительной свободы торговли (или умеренного протекционизма), сближения и соглашения решающих отраслей промышленности—вплоть до создания международных монополистических трестов (сюда же необходимо отнести ее сочувственный интерес к «экономической конференции» Лиги Наций, к идеям «хозяйственного Локарно», Всеевропейского таможенного союза и т. п.)

В. В общем и целом в сфере международных отношений социал-демократия решительнее, чем когда бы то ни было раньше—только в еще несравненно более оппортунистической форме и, конечно, более действенным образом, на практике, а не только в теории—отстаивает старые каутскианские представления о реформированном, внутренно-замиренном сверхимпериализме (или сверхкапитализме) руководящих держав, выступающих как блок,—представления, которые кое-как подходят к картине послевоенного, обескровленного, истощенного империализма, который в своем временном бессилии вынужден стремиться к временному сглажению противоречий, совпадающему притом с происходящей перегруппировкой держав.

III. При этом отстаивании как в области политики, так и экономики, как в сфере национальных, так и международных отношений, более общих исторических интересов капитализма,

как национальной и мировой системы, социал-демократия отчасти впадает в нереальную, сверхреформистскую утопию, поскольку она рассчитывает на прочность некоторых специфических явлений послевоенного развития и надеется гармонически примирить с ним хотя бы самые элементарные интересы пролетариата. (В этом смысле характерно, что с.-д. грешили больше всех оптимистической оценкой результатов «урегулирования» репарационной проблемы, как и впоследствии не менее оптимистической оценкой глубины и длительности наступившего колоссального хозяйственного кризиса).

Но если отвлечься от противоестественной социалистической прикрасы этой политики, если ее принимать за то, что она есть, то-есть за буржуазно-капиталистическую политику (с примесью мелкобуржуазного реформаторства), то в рамках и пределах определенной исторической полосы (ныне уже подходящей к своему концу), эта политика представится менее утопичной, т.-е. менее нереальной. В течение определенного периода эта политика реформистов находит себе поддержку в некоторых об'ективных фактах и тенденциях, находит себе также некоторых весьма реальных союзников, что придает этой ее политике некоторый оттенок реализма и обеспечивает ей широкий круг влияния как внутри, так и вне рабочего класса.

Укажем основные из этих об'ективных фактов, тенденций и союзных сил:

А. Укажем, прежде всего, на социальный состав реформистских партий и их ближайшей периферии. Если вообще одним из результатов военного хозяйства явилась серьезная нивелляция (выравнение) в условиях жизни отдельных слоев рабочих, то все же это развитие наталкивается и на противоположные тенденции и даже на явления обратного развития. Вместо отчасти изжитых старых перегородок внутри рабочего класса, выступают некоторые новые; в международном же масштабе различия в условиях положения рабочего класса не только не уменьшились, но скорее увеличились [1]).

В Англии в силу наступившего резкого поворота в отношениях позицию привилегированных слоев пролетариата заняли рабочие так называемых «защищенных отраслей» («sheltered trades»), т.-е. отраслей, преимущественно работающих на внутренний рынок и менее всего затрагиваемых иностранной конкуренцией (железнодорожники, строительные рабочие и др.).

---

[1]) Согласно очень осторожному подсчету германских профсоюзников, средний реальный заработок рабочего в Филадельфии с лишним в $3\frac{1}{3}$ раза, а заработок лондонского рабочего приблизительно на 70%, выше средней реальной заработной платы берлинского рабочего («Amerikareise deutscher Geverkschaftsführer». Berlin. 1926. Стр. 184). Аналогичные данные сообщает и известное британское анкетное исследование Комитета по Промышленности и Торговле. Если принять среднюю реальную заработную плату за 1-е полугодие 1924 года рабочего в Лондоне за 100, то такая же средняя плата будет для Берлина—55, для Нью-Иорка—224, для Парижа—80. Сравнение с соответствующими цифрами для 1914 г. (за июль), — 100 — 83 — 187 — 73 — покажет, что за последнее десятилетие различия между уровнем жизни рабочих в разных странах не уменьшились, а наоборот, существенно увеличились. («Survey of industrial relations». 1926. Стр. 109).

Во Франции в силу развития ее промышленности и быстро растущей иммиграции иностранной рабочей силы значительные части французского рабочего класса занимают по отношению к иммигрантам привилегированные позиции (некоторая аналогия с американскими отношениями, хотя в очень уменьшенном масштабе).

В Германии наблюдается систематическое планомерное стремление предпринимателей (при фактической поддержке профсоюзов и социал-демократии) восстановить и укрепить старые деления на квалифицированных и неквалифицированных рабочих.

В Соединенных Штатах развитие военного периода в отличие от Европы привело не к интеграции отдельных слоев рабочих, а наоборот, к еще большему их расслоению[1]).

Во всех странах эти новые или старые относительно привилегированные слои рабочих составляют основное, прочнейшее ядро реформистских партий и прочнейшую базу консервативно-цеховых настроений в рабочем классе. Наконец, не следует забывать, что массовая безработица стала прочным явлением, что она проводит глубокий водораздел внутри рабочего класса, и что социалистические партии и профессиональные союзы менее всего связаны с безработной массой.

Б. Помимо указанных фактов, как революционное развитие, так и процесс пролетаризации широких промежуточных слоев, так и, наконец, вовлечение еще в период войны новых слоев в производственный процесс привлекло в ряды реформистских партий и профессиональных организаций и в их ближайшую периферию значительное количество женщин, интеллигенции, полуинтеллигенции (прежде всего чиновничьей и приказчичьей), а также целые новые слои продавцов своей рабочей силы, пришедших из рядов деклассированной мелкой буржуазии. Этот приток новых элементов не мог не усилить тенденции социал-демократии к выдвижению во всей политике в первую очередь более общих, а не чисто пролетарских интересов (как-то, жилищный вопрос, потребительские интересы и т. п.), что Энгельсом считалось классическим признаком мелкобуржуазного социализма, но что, разводняя, одновременно расширяло социальную базу реформистских партий.

В. В рамках национального хозяйства политика социал-демократии находит ряд точек соприкосновения со всей перерабатывающей промышленностью, удельный вес которой в послевоенный период сильно вырастает и в силу первоначального небывалого недостатка в потребительских товарах, и в силу возникновения целых новых отраслей в этой области производства, и в силу того, что так называемая тяжелая промышленность пострадала сильнее всех отраслей перерабатывающей, потребительской промышленности от послевоенного кризиса.

Социал-демократия стремится прислониться к этой в известном смысле обновляющейся и растущей силе, которая в свою очередь стремится найти у социал-демократии поддержку против революционных вспышек и вожделений пролетариата, а также и против чрезмерных аппетитов тяжелой промышленности и аграриев, и которая поэтому в целом ряде стран является носительницей относительно компромиссных соглашательских тенденций.

Точно так же, как до войны социал-демократия была склонна идеологически переоценивать удельный вес перерабатывающей индустрии (связывая с этой оценкой надежды на мирное преодоление империализма), так в еще большей степени теперь она рассчитывает на прочный исторический перевес этого хозяйственного фактора, с которым связано меньшее напряжение классовых и международных антагонизмов, чем с неоспоримым господством тяжелой промышленности. И здесь утопия перемешана с некоторыми об'ективными, исторически реальными тенденциями эпохи: выше уже были указаны предпосылки своеобразного усиления удельного веса перерабатывающей промышленности. В этих пределах соглашательская политика социал-демократии находила опять-таки некоторую временную реальную базу. Ее значение и пределы станут для нас более ясными, когда мы ниже подойдем к вопросу о роли внутреннего рынка.

Г. При всей ориентации реформистов на перерабатывающую промышленность и их антагонизме к тяжелой промышленности, все же в отдельные моменты—в особенности в первоначальные периоды инфляции—реформистские профсоюзы находят себе своеобразного временного союзника и в этой отрасли промышленности. Инфляция приносит ближайшую пользу угольно-металлургической промышленности, создавая для нее возможность даже и расширения ее производственной базы и сохранения ее человеческого «материала». В этих условиях создаются специфические формы кооперации на основе некоторой обоюдной цеховой солидарности: профсоюзы сплошь и рядом поддерживают старания промышленников в деле получения субвенций, кредитов, политику промышленников в области цен, железнодорожных тарифов и т. п.

Д. Но основным союзником реформистских партий— в особенности в сфере международных отношений, выступает финансовый капитал. Мы уже указывали выше на роль финансового капитала, как основного носителя идей международного «примирения», сближения Америки с Европой, сокращения милитаристско-националистских аппетитов Франции, частичной ревизии Версальского договора, Дауэсовской системы и т. п.

В эпоху послевоенного хаоса и распада финансовый капитал из всех категорий капитала всего более представляет общие, исторические интересы капитализма, как национального и в особенности мирового целого. Восстановление мировой и в частности европейской капиталистической системы—это прежде всего его программа и его политика. Эта историческая «миссия» финансового капитала находит свое очевидное об'яснение в международной природе финансового капитала, насквозь международном характере тех источников, которыми он питался и питается в руководящей европейской стране—Англии (мировое торговое и кредитное посредничество, судоходство, страхование, колонизаторский экспорт капитала и т. д.), так и в полном превращении Соединенных Штатов из страны импорта капитала в крупнейшую страну экспорта капитала.

1) «So ist seit 1914 in den Vereinigten Staaten nicht eine Zusammenschiebung der eingelnen Arbeiterschichten — wie sie in Deutschland stattgefunden hat — sondern eine auseinanderziehung eingetreten» («Americarelse». Стр. 34—6).

По всем вышеуказанным линиям (возрождение мирового капитализма, «пацифизм», Дауэсовско-Локарнские тенденции и т. д.) политика финансового капитала соприкасается как нельзя ближе с политикой социал-демократии. И поскольку эта политика в очень большой степени совпадала с непосредственными интересами монополистически господствующего англо-американского капитала, и всего более американского финансового капитала, партия реформистского социализма становилась в большой мере органом и союзником этого сильнейшего и относительно самого прогрессивного фактора всей капиталистической современности.

В такой стране, как Англия, где финансовый капитал всего более оторвался от интересов национальной промышленности, к вышеуказанным побуждениям должно было еще присоединиться рутинное преклонение перед финансовыми интересами «отечественного» капитализма, перед фунтом стерлингов, как незыблемой основой этого капитализма, чтобы заставить рабочую партию, когда она очутилась временно у власти, по сути, больше заботиться об интересах финансового капитала, чем об интересах промышленности, с которой интересы рабочей массы непосредственнее связаны. В этом смысле эпизод с рабочим правительством не обозначил собою перерыва в установившейся традиции всех послевоенных правительств Великобритании, на политику которых банки бессменно оказывали более непосредственное влияние, чем чисто промышленный капитал.

Е. Но доподлиннейшей и ближайшей материальной, хозяйственной базой всей политики реформистских партий в послевоенную эпоху послужило нормально для современного капитализма выросшее значение внутреннего, национального рынка для промышленного производства каждой страны; факт, явившийся временным последствием послевоенного распада мирового рынка, сокращения его емкости, а стало быть и значения, как и триумфа протекционистской политики, в ту пору ставившей себе своей прямейшей целью—плотное забронирование оставшихся от разгрома рынков от иностранной конкуренции.

Совершенно очевидно, что в странах, в которых рабочий класс представляет собою основную потребительскую массу—сохранение некоторого жизненного уровня и некоторого уровня ее покупательской способности—при таком положении вещей—должно было отвечать интересам предпринимателей, удерживая в некоторых пределах их натиск на условия труда. Это касается в частности основных отраслей перерабатывающей индустрии, производящей потребительские товары, и это вполне отвечало эпохе, в которой временно уменьшился удельный вес тяжелой индустрии.

Ясно, что такое положение вещей создавало благоприятнейшую почву для политики компромиссов, поссибилизма и т. п.

Укажем только, что и тут элементы реальной исторической (хотя и преходящей) действительности сочетаются с элементами обычной реформистской утопии, поскольку реформистская идеология игнорирует временный характер явления превалирования внутреннего рынка,—явления, противоречащего

всей логике развития и жизненнейшим интересам капитализма, неизбежно и неудержимо рвущегося из тесноты национального рынка на мировой рынок. Распространяемая социалистами ad captandam benevolentiam предпринимателей (ради уловления благожелательности предпринимателей) «теория», согласно которой единственно возможной и прочной основой экспансии вовне является сильный национальный рынок на основе высокой заработной платы—является упрощенной реформистской утопией, пытающейся механически пересаживать на европейскую почву американские прообразы (к тому же также имеющие только временный характер) [1].

Ж. Резюмируя, можно сказать:

«Политика и теория реформизма имела в послевоенную эпоху три стержня:

1. В политической области послевоенная социал-демократия явилась продуктом и паразитом задержки бурного исторического процесса и в этом смысле абортивного революционного развития. Эта задержка, вызванная прежде всего порожденным войной беспримерным хозяйственным и международно-политическим хаосом (согласно предсказанию Энгельса) и нашедшая свое выражение в относительном и временном равновешении обеих основных исторических сил, из которых ни одна не одержала решающей победы (в отличие от положения после 1848 и 1849 гг., 1871 г. и даже отчасти 1905—06 гг.) и еще не решается возобновить решающих битв. Такое промежуточное положение вещей—положение некоторого «перемирия» при относительном перевесе одной из борющихся сил над другой (буржуазии над пролетариатом) не могло не обеспечить промежуточным элементам, а стало быть, прежде всего послевоенной социал-демократии, большого влияния, как основному фактору относительной стабильности, прочности отношений.

---

[1]) Не лишено интереса констатировать, что некоторые отголоски этих утопических представлений можно найти уже и в «Финансовом капитале» Гильфердинга, хотя сознание непримиримой противоречивости интересов рабочего класса и предпринимателей выступает здесь гораздо ярче, чем в послевоенной «теории» с.-д. В последней главе своего исследования Гильфердинг пишет: «Что касается торговой политики, здесь интересы рабочих требуют прежде всего расширения внутреннего рынка. Чем выше заработная плата, тем больше та доля вновь созданной стоимости, которая представляет непосредственно спрос на товары, именно, спрос на предметы потребления. Но расширение отраслей промышленности, производящих средства потребления, готовые фабрикаты вообще, равносильно расширению сфер, вообще говоря, с относительно низким органическим составом капитала, т.-е. промышленных отраслей, способных поглощать большое количество труда. Это вызывает быстрое повышение спроса на труд, а потому создает для рабочих более благоприятное положение на рынке труда, усиливает профессиональные организации и увеличивает шансы победы в новых столкновениях из-за условий найма. Интересы предпринимателей обратные. Расширение внутреннего рынка, вследствие повышения заработной платы, знаменует для них понижение нормы прибыли и открывает перспективу повторного понижения, что в свою очередь приводит к замедленному темпу накопления. В то же время их капитал оттесняется в отрасли, производящие готовые фабрикаты, где конкуренция—наибольшая, способность к картелированию—наименьшая. Конечно, они заинтересованы в расширении рынка, но не за счет нормы прибыли. Это достигается, если при неизменности внутреннего рынка им удастся расширить внешний рынок» («Финансовый капитал», Госиздат, Москва, 1922 г., стр. 439). Сколь непохожи эти утверждения на теперешние учения того же Гильфердинга и его друзей!

2. В сфере международно-политических отношений социалистические партии ориентируются прежде всего на «пацифистский» международный (прежде всего англо-саксонский) финансовый капитал, являющийся в этой эпохе основным носителем и проводником политики восстановления мирового капитализма в борьбе с анархически-центробежными тенденциями послевоенного периода.

3. В основной решающей сфере хозяйственных отношений (в сфере непосредственнейших интересов рабочих масс и сфере деятельности основных массовых организаций пролетариата—профессиональных союзов) реформистский социализм черпает свои силы из усиленного удельного веса внутреннего, национального рынка, опираясь на перерабатывающую индустрию, значение которой временно вырастает по сравнению с тяжелой промышленностью, всего более пострадавшей от послевоенного кризиса.

Черпая свои силы из этих трех источников и выдвигая в общем программу восстановления капитализма (с неизбежной реформистской прикрасой), послевоенный реформизм в общем и целом представляет в эту эпоху расстройства и упадка капиталистического хозяйства более общие и более прогрессивные интересы капитализма, как национальной и как мировой экономической системы.

При всем ее отказе от марксистской диалектики, от понимания капиталистического развития в противоречиях, в процессе классовой борьбы (отказе далее идущем, чем во время войны, ибо более принципиальном, систематизированном, программном)—эта политика должна была обеспечить социалистическим партиям и профсоюзам в специфических условиях послевоенной современности еще значительные силы и влияние внутри и вне рабочего класса.

3. Но весь смысл новейшего развития и новейших событий, наблюдаемых в целом ряде стран—тот, что в этом положении вещей созревает неизбежный поворот.

Кто не видел бы элементов этого поворота, его основных источников во всем новейшем хозяйственном и, во вторую очередь, политическом развитии мировой капиталистической современности, тот не был бы в состоянии подойти достаточно полно и, главное, конкретно к определению основных боевых задач пролетарского, коммунистического авангарда в нашу во всех отношениях переходную эпоху, беспримерно подвижную в своем развитии и все же развивающуюся с глубочайшей внутренней логикой и последовательностью. Схватить, выявить эти законы развития—основная задача марксиста.

При всем еще относительно громадном значении и влиянии правореформистских партий все их теперешнее положение носит явное клеймо промежуточности, непрочности, временности, искусственности и, можно сказать (не боясь впасть в литературщину), парадоксальности. После продолжительного периода величайших международных и социальных потрясений международная социал-демократия, когда-то именовавшая себя «революционной», буквально воплотила в себе тенденцию к сглаживанию, к замазыванию всех существующих противоречий, к порядку и стабильности, к шаткой «золотой середине», политическому и социальному полумраку, к всякого рода явному и скрытому посредничеству, к умножению явных и скрытых точек соприкосновения между классами, партиями и империалистскими буржуазиями, к фактической поддержке финансового и биржевого капитализма, к совокуплению самой развернутой демократии с самой определенной плутократией, к реставрации капитализма в какой-то новой, еще неиспытанной форме, долженствующей сочетать высшие виды гегемонии финансового капитала со смягчением капиталистической эксплоатации. Призрачность, двусмысленность этого политического положения вещей с его даже и своеобразно бонапартистским душком бросается в глаза. Мы уже говорили о том, что это господство и влияние социал-демократии является выражением застоявшейся промежуточной, переходной эпохи, когда ни один из решающих исторических факторов (ни капиталистическая буржуазия, ни пролетариат) не оказывается способным проявить достаточно сил, боевой энергии и самосознания для того, чтобы окончательно сбросить и раздавить другого. Только состоянием этой весьма своеобразной передышки можно об'яснить тот исторический парадокс, ту историческую нелепость, что величайшим натугам в направлении реставрации капитализма может в политической области соответствовать ближайшее участие во власти партий, выступающих под знаменем социализма и опирающихся на широкие рабочие массы. В этом же источник того другого парадокса, той другой нелепости, что как раз в эпоху величайшего и стремительнейшего экономического упадка мелкобуржуазных слоев, вырастает политическая роль мелкобуржуазных партий. Она вырастает настолько (и в этом третий парадокс), что в отдельных случаях экономически слабейшие, деклассированные мелкобуржуазные группы выступают орудием и органом укрепления и спайки всей буржуазной капиталистической системы за цену ломки выработанной историей политической надстройки капиталистического режима (фашистское развитие).

Расхождение политической надстройки и экономической базы в пределах одного и того же капиталистического режима во всех этих случаях и разновидностях—очевидное, бросающееся в глаза. Получается картина политического маскарада (одно из свойств бонапартистского развития в его более широком смысле). Это расхождение надстройки и базы в пределах того же исторического режима и все порождаемые им нелепые положения, в том числе прежде всего современная «миссия» и весь удельный вес переродившейся социал-демократии,—уже сами по себе являются одним из самых ярких признаков величайшей анархии всей послевоенной эпохи и распада капиталистического общества.

Но резкое расхождение надстройки и базы—политико-экономические ножницы—не может стать хроническим, историческим состоянием. Положение, при котором «старый порядок вещей»—говоря словами Энгельса—оказывается «опрокинутым с ног до головы» и «старое капиталистическое общество более невозможным, чем когда бы то ни было», и при котором все же буржуазия в той или иной форме остается у власти, пользуясь при этом прямой или косвенной поддержкой «социалистических» партий,—

такое положение вещей, как и предвидел Энгельс, может продолжаться «десять или пятнадцать лет» (оно уже продолжается немногим меньше десяти лет), но оно по существу представляет собою величайшую историческую небылицу, и оно, несмотря на задержку бурного исторического процесса, никогда не сможет быть состоянием полного спокойствия и классового затишья. Эта промежуточная эпоха в согласии со всей противоречивостью и двусмысленностью ее исторического существа—если можно так выразиться—есть эпоха беспокойной стагнации. Задержка революционного развития не обозначала здесь никогда полного прекращения борьбы классов точно так же, как и экономическая стагнация не обозначала собою отнюдь исчезновения экономической инициативы и активности буржуазии.

Одно и другое—экономическая и социальная борьба—вступают в настоящее время в новую стадию с усиленным темпом развития—и это усиление темпа должно неизбежно принести с собою ускорение процесса радикализации масс и параллельно—расслоения и разложения реформистских партий. Мы вступаем — или точнее говоря — мы уже вступили во вторую, новую полосу вышеохарактеризованной (лучше всего словами Энгельса) промежуточной исторической эпохи.

Вот те основные факты и тенденции, которые согласно со всем, что было выше сказано, должны ускорить процесс расслоения и упадка послевоенного реформизма:

А. Говоря в общих терминах: ясно, что чем значительнее успехи, которых удается добиться социал-демократии (в содружничестве с ее прямыми и косвенными союзниками) в области восстановления национального и мирового капитализма, тем глубже она сама подкапывается под свои собственные укрепленные позиции, которые являются плодом экономического распада, задержки революционного процесса и временного своеобразного состояния «равновесия» между борющимися классами. Частичное восстановление «опрокинутой с ног до головы» капиталистической системы («частичная стабилизация») обозначает собою неизбежный приток сил, уверенности в себе и боевой энергии к обоим полюсам капиталистического общества (к капиталистической буржуазии и к пролетариату), и в первую очередь к переходящей опять в наступление буржуазии, угрожая той установившейся системе относительного равновесия, паразитическим плодом которой является вся теперешняя позиция социал-демократии. Так диалектика истории делает социал-демократию в ее теперешнем виде своим собственным гробовщиком.

Только дальнейшее продолжение процесса исторической стагнации и в хозяйственном отношении болотного состояния было бы в состоянии обеспечить современным реформистским партиям их нынешние силы и влияние. Но такое болотное состояние не может бессрочно продолжаться. Оно слишком резко непримиримо противоречит всей жизненной тенденции, всем природным законам развития капиталистической системы, всей ее—говоря словами Маркса—«исторической миссии», существо которой—неудержимое развитие производительных сил и обретение для них «соответствующего мирового рынка». И, на самом деле, мы наблюдаем, как самые жизненные слои современного капиталистического общества проделывают буквально отчаянные усилия, чтобы выбраться из засасывающей их трясины на твердые исторические пути развития, что во всяком случае доказывает, что у отжившей исторической системы имеется еще достаточно сил и жизненной энергии, чтобы сходить со сцены не без героических усилий, направленных на спасение своего существования, не без борьбы, и еще достаточно драматических движений, мало похожих на постепенное, пассивное и автоматическое исчезновение в болоте. И чем меньше имеется в распоряжении капитализма средств чисто-экономического характера, для того, чтобы выбраться на дорогу, тем неизбежнее он должен, собравшись с силами, искать спасения на путях социального натиска по линии усиления эксплоатации труда, т.-е. путем обострения классовой борьбы, как и путем усугубления империалистического нажима и вымогательства по отношению к более слабым народам, их буржуазным и небуржуазным классам. Надежды и расчеты на мирное преодоление всех связанных с этой пробуждающейся борьбой противоречий при помощи демократического аппарата государства и его своеобразного продолжения в форме Лиги Наций (и тому подобных учреждений) является также только эфемерным и беспочвенным болотным цветом, безжизненным плодом переходной болотной эпохи.

Б. Говоря конкретнее: реформистские партии стоят перед угрозой потерять опору в тех вышеперечисленных фактических тенденциях и союзных силах, которые были важнейшей об'ективно-исторической предпосылкой их преобладающей роли и влияния в течение всей минувшей послевоенной эпохи.

Только послевоенное малокровие и расслабленность могли придать послевоенному империализму «пацифистскую» окраску и породить явления того, рисовавшегося воображению Каутского, сверхкапитализма, который, избегая по возможности конфликтов и сглаживая противоречия, вырастает в ту «мирную» многогосударственную пирамиду с ее англо-саксонской верхушкой, которой мы можем удивляться в настоящий момент. Старческие мечты оппортунизма воплощаются в плоть и в кровь в атмосфере болотных исторических эпох, и всякое живое дуновение бурного исторического развития должно рассеять эти призраки. Чем успешнее будут (с помощью социал-демократии) преодолены некоторые отчасти уже анахронистические противоречия, тем скорее и вернее назревшие новые или обновленные империалистско-национальные противоречия прорвут свою теперешнюю оболочку. Ибо для борьбы необходима сила и перегруппировка сил. И весь прославленный пацифистский период является не чем иным, как периодом собирания и перегруппировки сил. И в этой области социал-демократия со своей пацифистской пропагандой, совпадающей на 100% с усилиями решающих капиталистических факторов современности, выступает своим собственным гробовщиком.

В. В европейской тяжелой индустрии инвестированы слишком громадные капиталы, чтобы можно было предпо-

лагать, что она без боя уступит прочно свои старые позиции, свое преобладающее значение перерабатывающей промышленности (или американской тяжелой промышленности). Одним из ее основных средств обороны и борьбы за существование будет образование колоссальных и в этом масштабе еще небывалых национальных и международных монополистических об'единений, которые с их более всего угрожаемых позиций должны будут дать рабочему классу буквально отчаянный бой. Но это означает и исчезновение существовавших в свое время своеобразных предпосылок для иллюзий и кон'юнктур цеховой «трудовой общности» («Arbeitsgemeinschaft») между рабочими и предпринимателями.

Г. Финансовый капитал, который в первый послевоенный период потерял некоторую долю своей гегемонии и в международном масштабе выступал в качестве примиряющего фактора, в роли ближайшего фактического союзника «мирящей народы» социал-демократии—в настоящее время благодаря дефляции и более интенсивному, в отдельных странах колоссальному процессу накопления, уже отчасти отвоевал свои старые позиции и использовывает их против еще жестоко ослабленного и дезорганизованного производственного хозяйства в формах чисто монополитической и ростовщической денежной политики. Накопление банковского капитала приобрело совершенно небывалый темп по сравнению с промышленным капиталом,—еще одна категория современных «ножниц» — обеспечивая финансовому капиталу еще невиданную власть и контроль над всей хозяйственной жизнью капиталистических стран. Одновременно финансовый капитал восстанавливает некоторые утраченные связи с «тяжелой» промышленностью и вынужден будет поддержать неизбежные стремления этой индустрии, безудержнее всех других расширившей свой производственный аппарат, к восстановлению своих старых позиций путем обеспечения себе соответствующих рынков. Эти нарастающие новые монополистические тенденции в развитии финансового капитала внесут новые моменты в его послевоенную миротворческую «миссию». Социал-демократия уже вынуждена обозначать—пока еще только в национальных рамках—некоторую «оппозицию» против ростовщических аппетитов финансового капитала и его политики дефляции, проводимой повсеместно с абсолютной беззастенчивостью за счет народных масс. Социал-демократии угрожает потеря и этого союзника.

Д. Но ни в какой другой области не наступает столь резкий поворот, как в самом динамическом вопросе послевоенного капиталистического хозяйства: в соотношении между внутренним (т.-е. национальным) рынком и внешними рынками (т.-е. мировым рынком). Выше было указано на то, что исследование изменений, происшедших в этом соотношении, составляет одну из важнейших задач для оценки всей минувшей роли послевоенной социал-демократии и ближайших перспектив ее развития. Мы уже подробно останавливались в другом месте на том факте, что прочищение доступов к мировому рынку (основной результат первого «стабилизационного» периода) при одновременно обнаружившемся исчерпании или во всяком случае недостаточности сбыта в национальных рамках—открыло собою новую полосу усиленной борьбы за мировой рынок, и необыкновенно обостряющегося международного соперничества. И поскольку минувшая послевоенная эпоха экономической истории, основанная прежде всего на возможностях национального сбыта, должна была действовать в некоторой степени смягчающе на отношения труда и капитала, то наоборот, это передвижение центра тяжести в сторону расширения вывоза на мировой рынок должно неизбежно сопровождаться наступлением капитала на все завоеванные раньше позиции пролетариата и прежде всего на условия труда.

Это наступление уже началось широким фронтом. Британский локаут—забастовка является его самым ярким проявлением. Оно приносит с собой глубокое изменение всей классовой обстановки. В условиях, в которых международный (прежде всего европейский, и более всего английский) промышленный капитал борется буквально за свое голое существование, это наступление необыкновенно суживает пределы возможных достижений поссибилистской тактики реформистских профсоюзов и реформистских партий. Когда промышленности уже не ради использования кон'юнктуры или преодоления кризиса обычного предвоенного типа, но ради самосохранения приходится удлинять рабочий день и сокращать заработную плату, то тактика поссибилизма превращается в тактику голого подчинения, сдачи ранее завоеванных позиций, капитуляции.

Обостряющаяся борьба за восстановление, за новое завоевание мирового рынка ослабляет и расстраивает связь социал-демократии и с основным ее национальным капиталистическим союзником—с перерабатывающей индустрией.

* * *

Таким образом, все три стержня, все те три «кита», на которых держался правореформистский социализм послевоенной эпохи, находятся—хотя и в разных степенях—под угрозой. И всего более тот третий стержень, каким являлось нормально возросшее значение национального рынка в условиях расстройства (а отчасти и распада) мирового рынка. Международной социал-демократии будет все труднее играть ту, ставшую для нее уже привычной, посредническую, буферную роль фактора относительной прочности и «стабильности» отношений, фактора равновесия и «примирения» в национальном и международном масштабе, все труднее будет ей даваться политика возглавления «национального целого», тем более политика главенства в международном масштабе. Наоборот, растущие и множащиеся противоречия внесут новые элементы разложения в ее широкий и еще живучий организм.

Чем быстрее и острее будет протекать очерченный выше процесс обострения противоречий, чем ближе сумеют коммунистические партии подойти к массам, к подлинной пролетарской народной гуще, ничего не роняя при этом из своей революцион-

ности и своих основных конечных лозунгов, более, чем когда бы то ни было остающихся лозунгами всей эпохи,—тем более выразится весь этот процесс в простом и бурном отходе от социалистических партий целых крупных частей их массового состава, в завоевании пролетарским авангардом массовых профсоюзных организаций. Но следует предвидеть и более сложный и постепенный процесс расслоения и в лоне самих социалистических партий, поляризации в низах и в некоторой, хотя и несравненно меньшей, степени и у верхушки.

Социал-демократия в течение целого исторического периода (за время которого успело вырасти целое новое поколение рабочих) настолько связала себя с политикой, рассчитанной на мельчайшие поссибилистские завоевания и неизменно строго учитывающей интересы «национального целого», что и при изменяющихся отношениях, подавляющая часть ее верхушки,—а с ней, вероятнее всего, и некоторые прослойки рабочего класса—должны будут неизбежно продолжать и возобновлять попытки приспособления всей своей тактики и к этим выступающим в новом виде интересам национального капитализма. Эта часть проделает еще дальнейшую эволюцию вправо, еще теснее отождествит себя с интересами капитализма, во всяком случае еще решительнее и смелее отбросит еще оставшиеся висеть на ней в виде обветшалого и продырявленного исторического тряпья, лохмотья старосоциалистической идеологии. Попутно она, без сомнения, освободится и от того своего новейшего весьма специфического «интернационализма» и «пацифизма», которые она присвоила себе—отчасти в контакте и в союзе с мировым финансовым капиталом в условиях послевоенного развала,—отчасти как вынужденную доблесть побежденных; она освободится и от этого наследия в пользу ярче выраженного и более боевого «патриотизма».

Наоборот, на другом полюсе старых партий по мере обострения противоречий будет протекать противоположный процесс более или менее быстрой эволюции «влево», при котором левеющей массе вряд ли удастся прочно увлечь с собой значительные части своей организационной верхушки.

Колебания промежуточных элементов между этими двумя кристаллизующимися полюсами, приобретут более усиленный темп и более широкую амплитуду.

Можно ожидать, что поскольку весь этот процесс радикализации масс и расслоения реформизма явится последствием наступления капитала, то и этот процесс, как и само наступление капитала, будет протекать в разных странах далеко не равномерно, но приобретая, сообразно обстоятельствам, разные скорости и степени напряжения. Совершенно очевидно, что эта скорость и напряжение будут в большей мере зависеть и от нашей тактики.

А. Тальгеймер.

Крестьянский вопрос в Австрии и аграрная программа австрийской соц.-дем.

(*Начало статьи см. в № 15—16*).

3. Аграрная программа.

Уроки, преподанные революцией 1918—20 гг. австрийскому рабочему классу, дают, как видно из предыдущего, достаточный материал для самокритики и для отчетливой формулировки решающих пунктов революционной аграрной программы.

Такими решающими пунктами, на которые не было обращено должного внимания, оказались:

1) Революционная постановка вопроса о собственности в деревне, дающая возможность рабочему классу образовать блок с пролетарскими, полупролетарскими и мелкокрестьянскими элементами деревни против богатых крестьян и помещиков.

Только таким путем возможно предупредить переход «крестьянства», руководимого сначала богатыми крестьянами, а затем неизбежно и городской буржуазией, в оппозицию против промышленного пролетариата.

2) Полнейший отказ от политики коалиции с городской буржуазией. Этот отказ является основной предпосылкой для разрыва с капиталистическими элементами деревни. Нельзя сломить капиталистический строй в деревне, если поддерживать его в городе. Компромисс с фабрикантами влечет за собой компромисс с богатыми крестьянами и крупными землевладельцами.

3) Полный разрыв с буржуазной демократией, взятие курса на пролетарскую диктатуру. Аграрная революция есть революция, гражданская война, или ее нет вовсе. Отказ от революционного натиска неминуемо влечет за собою натиск и победу контрреволюции.

Таковы положения, доказанные на конкретном опыте австрийской (да и не только австрийской) революции. Они находятся в полнейшем согласии с выводами, вытекающими из общих начал революционной классовой стратегии.

Ясно в то же время, что эти выводы не могут быть сделаны, пока остаешься на почве реформизма, основным устоем которого является классовый союз с буржуазией. Эти выводы вынуждают покинуть почву реформизма и перейти на почву коммунизма. Мы не сомневаемся, что австрийский рабочий класс рано или поздно эти выводы сделает, ибо он должен их сделать, чтобы победить. Но они не сделаны в аграрной программе австрийской социал-демократии, да она и не могла их сделать, не отказавшись от своей реформистской позиции и тем самым от

самой себя. К доказательству этого положения мы теперь и перейдем.

Но сначала будет полезно напомнить основные взгляды, изложенные Ф. Энгельсом в его известной статье о «Крестьянском вопросе во Франции и Германии» («Neue Zeit», XIII, 1, стр. 292, 1894 г.). Это необходимо потому, что аграрная программа австрийской социал-демократии желает быть критическим пересмотром не только коммунистической или большевистской позиции в аграрном вопросе, но точно так же и прежней социал-демократической точки зрения,—она желает быть, так сказать, разумной серединой между обеими крайностями, учитывающей уроки военного и послевоенного времени.

Энгельс писал свою статью в такое время, когда европейское сельское хозяйство, и в особенности мелкое крестьянское хозяйство, задыхалось под гнетом конкуренции заокеанского, главным образом, северо-американского хлеба и, казалось, быстро шло навстречу своей гибели. Мелкое крестьянское хозяйство, пишет он в начале названной статьи, «разоряется и гибнет безвозвратно» (стр. 293). Не требуется особенной сообразительности, чтобы констатировать, что эта быстрая гибель мелкого крестьянского хозяйства не наступила, что в целом ряде стран оно еще удержалось и держится до сих пор и что, стало быть, в оценке темпа Энгельс во всяком случае ошибся. Уже не так легко и просто решить вопрос о том, ошибся ли он также насчет основной линии развития и в принципиальной оценке мелкого крестьянского хозяйства. Мы думаем, что нет. От быстрой гибели вследствие конкуренции американского хлеба мелкое крестьянское хозяйство спаслось в ряде европейских стран не в силу собственной жизнеспособности, собственных экономических или технических преимуществ, а, как известно, благодаря протекционным хлебным пошлинам; оно было, следовательно, сохранено искусственно, ценою экономических жертв, легших в первую очередь на плечи рабочего класса. Покровительственные хлебные пошлины были, напр., в Германии, с одной стороны, экономическим выражением политической гегемонии ост-эльбского юнкерства, тою ценою, которую германская буржуазия заплатила, или заставила заплатить других, за сохранение господства этой реакционной касты. Достаточно сравнить историю хлебных пошлин в Германии и Англии, чтобы убедиться во влиянии политического соотношения сил буржуазии и землевладельческого класса на историю этих пошлин в обеих странах. А, кроме того, часть германской буржуазии сделала на хлебных пошлинах «хорошее дело»,—и именно наиболее сильная ее часть, представительница тяжелой индустрии, добившаяся в обмен введения пошлин на железо и т. д. Таким образом, существование мелкого крестьянского хозяйства, которому свободная игра капиталистической конкуренции угрожала гибелью, было *искусственно сохранено*, несмотря на его экономическую и техническую отсталость. Но это искусственное сохранение мелкого крестьянского хозяйства было куплено не только ценою общественной жертвы, в виде хлебных пошлин, но и ценою отрыва мелкого крестьянина от культурного существования, ценою неслыханной эксплоатации его самого и его домашних. Если аграрный теоретик немецкого ревизионизма, Эдуард Давид, усмотрел в этом забитом трудом и темнотою крестьянине носителя социалистического идеала и экономически прогрессивной силы, то в ответ на это Карл Каутский, в своем «Аграрном вопросе», дал исчерпывающее доказательство экономического, технического и культурного бессилия мелкого крестьянского хозяйства. С тех пор это бессилие перед лицом крупных сельскохозяйственных предприятий не уменьшилось, а еще увеличилось. Война дала крестьянскому хозяйству в целом ряде стран новые шансы, в связи с военными и политическими потребностями буржуазии. Но через несколько лет аграрный кризис был уже снова международным явлением, только теперь это был кризис совсем другого рода, чем в девяностых годах прошлого века. Решающим моментом, несомненно, является теперь давление крупной, промышленной и торговой, капиталистической монополии. Стало быть, если Энгельс и ошибся в оценке срока гибели мелкого крестьянского хозяйства (главной причиной этой ошибки было его представление о темпе развития европейского рабочего движения и о сроке его победы); если он не мог предвидеть, что рабочие во многих европейских странах будут еще десятилетиями спокойно терпеть разоряющие их хлебные пошлины и что буржуазия будет готова платить такой дорогой ценой за саблю юнкера и за крестьянские кулаки,—то все же в принципе он вполне правильно оценил взаимоотношение между мелким крестьянским хозяйством и крупным сельскохозяйственным предприятием. Допустить свободное выявление экономических и технических преимуществ последнего не позволяли в последние десятилетия классовые интересы буржуазии, и это только показывает лишний раз, до какой степени господство буржуазии уже сделалось тормозом общественного прогресса. Это, разумеется, не значит, что рабочий класс должен был бы поддерживать капиталистическую тенденцию разорения мелкого крестьянского хозяйства и его замены крупным сельским хозяйством, если бы таковая стала свободно проявляться (а противоположная тенденция, стремящаяся сохранить мелкое крестьянское хозяйство за счет потребляющего хлеб трудового населения городов, должна считаться лишь исторически обусловленной и поэтому преходящей фазой в развитии капиталистического класса). Наоборот, капиталистическому пути создания крупного сельского хозяйства, тернистому и кровавому пути, рабочий класс противопоставляет социалистический путь развития крупных сельскохозяйственных предприятий, состоящий — поскольку речь идет о крестьянском хозяйстве—в добровольном и органическом, товарищеском об'единении при поддержке пролетарского государства. Чем теснее становятся границы внешнего рынка по сравнению с колоссально возросшими производительными силами внутри капитализма, тем беспощаднее становится их давление не только на рабочий класс, но и на мелких и средних крестьян. Борьба против капиталистических монополий является на этой стадии естественным соединительным звеном между рабочим классом и крестьянством, при чем не только помещик, но и деревенский кулак оказывается естественным союзником крупного капитала. Едва ли можно представлять себе этот процесс, как простое, прямолинейное движение. Две отмеченные нами противоположные тенденции капитализма в отношении крестьянства будут проявляться разно в различных странах и в различные периоды классовой борьбы.

Но в конце концов одержат верх пригнетающие и разрушительные тенденции капитализма в деревне, между прочим и в главных странах капитализма. Сейчас мы, повидимому, вступаем в такой период. Конкретному исследованию этого вопроса мы думаем посвятить нашу ближайшую работу.

Присмотримся теперь ближе в позиции Энгельса в крестьянском вопросе.

Чтобы определить свое отношение к этому вопросу, необходимо прежде всего произвести классовый анализ крестьянского населения. Одна из специфических черт реформизма заключается в том, что по отношению к сельскому населению он стушевывает характерные классовые границы, смешивая в одну кучу, под общим названием «крестьянин», пролетарские и полупролетарские элементы, простых товаропроизводителей и настоящих капиталистических предпринимателей.

Энгельс определяет следующим образом понятие мелкого крестьянина:

«Под мелким крестьянином мы здесь понимаем владельца или арендатора, особенно владельца, такого клочка земли, который не больше, чем сколько он может нормально обработать сам со своей семьей, и не меньше, чем сколько ему нужно для прокормления семьи».

По русской терминологии это средний крестьянин (середняк). Это необходимо отметить во избежание путаницы. Середняк или, по словоупотреблению Энгельса, повидимому общепринятому в Европе, мелкий крестьянин характеризуется следующими двумя признаками: 1) он, как правило, не пользуется чужой рабочей силой, прибегая к ней только в виде исключения; 2) у него достаточно земли для прокормления своей семьи. Для размеров участка, потребного для такого мелкокрестьянского хозяйства, нельзя, конечно, указать общих масштабов, они меняются в зависимости от естественных условий (свойства почвы, климата) и от технической ступени хозяйства. Это признак социальный. В экономическом, общественном смысле наш мелкий крестьянин есть простой товаропроизводитель, подобно ремесленнику, который производит товары собственными орудиями и с собственным сырьем и притом без помощи чужого труда.

Над этим мелким крестьянином стоит средний и крупный крестьянин. Для обоих характерно то, что они постоянно, регулярно пользуются чужим трудом, но в то же время еще работают в своем хозяйстве сами со своими домашними. При таком определении главное различие между средним и крупным крестьянином заключается в размерах хозяйства, в числе чужих рабочих рук, в количестве хозяйственных излишков. Граница между ними более или менее произвольна, конвенциональна.

И здесь, во избежание недоразумений, необходимо помнить, что по русской терминологии такой средний крестьянин называется кулаком, деревенским богатеем. По конституции Советского Союза крестьянин, регулярно пользующий чужим трудом, лишен, как известно, избирательных прав. Поэтому, когда Ленин говорит о русском среднем крестьянине, он имеет в виду не среднего, а мелкого крестьянина в смысле Энгельса.

Ниже мелкого крестьянина располагается обширный слой полупролетариата: это крестьяне, которые доходом от своего клочка земли не могут прокормить свою семью и поэтому вынуждены прирабатывать наемным трудом в сельском хозяйстве или промышленности. И в этом слое существуют многочисленные оттенки, в зависимости от степени преобладания наемного труда или труда на собственном участке. В России этому слою соответствует беднейшее крестьянство, бедняки.

И, наконец, идут сельскохозяйственные рабочие в точном смысле слова, вовсе не имеющие собственной земли, и деревенская челядь, мужская и женская, живущая в домах средних и крупных крестьян. Сельскохозяйственный рабочий называется по-русски «батрак».

В Германии среднее крестьянство преобладает на северо-западе (Вестфалия, Ганновер и т. д.) и на юге, а мелкое—в западных частях. Энгельс особенно подчеркивает преобладание среднего и крупного крестьянства в Баварии и в альпийских провинциях.

Энгельс строго различает между средним и крупным крестьянином, с одной стороны, и мелким крестьянином и сельскохозяйственным рабочим—с другой. (В дальнейшем мы всегда употребляем выражения «средний» и «мелкий» крестьянин в смысле Энгельса, как общепринятом в Средней и Западной Европе).

По этому поводу он говорит:

«Я решительно отрицаю, чтобы в задачу социалистической партии какой-либо страны входило принимать в свою среду, кроме деревенских пролетариев и мелких крестьян, также средних и крупных крестьянских собственников, не говоря уже об арендаторах больших имений, капиталистических скотоводах и прочих капиталистических представителях национального землевладения... Мы можем в некоторых вопросах итти вместе с ними, можем до поры, до времени бороться на их стороне за определенные цели. Но в нашей партии может быть, правда, место лицам из любого общественного слоя, но отнюдь не капиталистическим, не среднебуржуазным или среднекрестьянским группам» (стр. 299).

И далее: «Крестьянин, ждущий от нас увековечения его мелкой земельной собственности, не годится нам в партийные товарищи, как не годится и мелкий ремесленник-хозяин, желающий навеки оставаться хозяином. Пусть эти люди идут к антисемитам». Полемическое острие этих соображений открыто обращено против оппортунистических течений, которые появились в то время во французской социал-демократии в области крестьянского вопроса и были готовы сделать принципиальные уступки среднему крестьянину.

Яснее и резче всего Энгельс высказывается против уступок среднему и крупному крестьянину за счет пролетарских и полупролетарских элементов деревни, поденщиков и деревенской челяди:

«Рабочая партия, — говорит он,—должна прежде всего защищать интересы наемных рабочих и, значит, интересы домашних работников и поденщиков; поэтому сама собою ясна невозможность давать крестьянам какие-либо обещания, которые предполагают сохранение наем-

ного подневольного труда рабочих. Но пока крупные и средние крестьяне продолжают существовать как таковые, они не могут обойтись без наемного труда. И поэтому если бы с нашей стороны было просто глупостью говорить мелким крестьянским собственникам об их сохранения навсегда (! *А. Т.*) в качестве таковых, то уже прямо граничило бы с предательством такое обещание с нашей стороны по адресу крупных и средних крестьян» (стр. 304. Курсив везде мой. *А. Т.*).

Ниже мы увидим, какую позицию занимает австрийская аграрная программа в этом пункте, имеющем решающее значение для пролетарско-революционной точки зрения в аграрном вопросе. Важно еще отметить, что приведенное только-что крайне резкое заявление Энгельса направлено по вполне определенному адресу (именно по адресу тех южно-германских (баварских) социал-демократов того времени (Фольмар и др.), которые обнаружили тенденцию пожертвовать ради баварских и альпийских средних крестьян интересами их домашних работников и поденщиков.

Энгельс ясно сознавал при этом, что принудительным, декретным путем нельзя будет заставить мелкого крестьянина перейти к крупному коллективному хозяйству.

«Мы можем только обещать им (мелким крестьянам), что мы не будем против их воли насильственно вторгаться в их имущественные отношения».

Между этим обещанием (продиктованным в такой же мере экономической необходимостью, как и элементарными потребностями пролетарской классовой борьбы) и гарантией сохранения мелкой крестьянской собственности навсегда зияет непроходимая пропасть,—пропасть, отделяющая социализм от капитализма.

Наша цель в отношении мелких крестьян социалистична. Прежде всего мы стремимся к об'единению мелких участков в коллективные хозяйства. При этом об'единении освобождаются рабочие силы. Для них мы должны либо отрезать землю от соседних больших имений (как читатель видит, абсолютная неприкосновенность больших сельскохозяйственных имений не была для Энгельса каким-то догматом); либо мы должны обеспечить им добавочную промышленную работу, преимущественно для их собственного потребления. В качестве дальнейших мер Энгельс предлагает принятие на себя их ипотечной задолженности и выдачу пособий из общественных средств, отчасти натурой, для перехода к крупному хозяйству.

Крупный и средний крестьянин тоже разоряются, по наблюдению Энгельса, вследствие конкуренции крупного сельского хозяйства.

«Против этого разорения,—говорит он,—мы можем и здесь только рекомендовать об'единение участков и коллективные хозяйства, при которых будет возможно все больше и больше устранять эксплоатацию наемного труда и приступить к постепенному образованию равноправных и равнозначных отраслей национального производственного коллектива» (стр. 309).

Если в 1894 г. Энгельс еще думал, что мы и здесь сможем, вероятно (!) обойтись без насильственного отчуждения, то не только опыт русской гражданской войны и аграрной революции, но и позиция крупных крестьян в средне- и восточно-европейских революционных движениях 1918—1920 гг. (в Германии, Польше и т. д.) показали, что насильственная экспроприация, по крайней мере, крупных крестьян будет совершенно неизбежна, потому что их оппозиция против деревенского пролетариата и деревенских домашних работников всегда толкает их в об'ятия контрреволюции, перевешивая их оппозицию против помещика и городского капитала. Отметим еще, что и здесь Энгельс предвидел, что переход к крупному коллективному хозяйству после победы пролетарской революции хоть и не сможет произойти сразу, но что приступить к нему будет необходимо тотчас же.

В заключение обратим внимание на слова Энгельса, что в Германии «несравненно важнее привлечь на свою сторону ост-эльбских сельских пролетариев, чем западно-германских мелких крестьян или, тем более, южно-германских средних» (306).

Мы остановились так подробно на взглядах Энгельса в аграрном вопросе потому, что один из обычнейших приемов средне- и западно-европейского реформизма заключается в выдвигании искаженного Энгельса против аграрной политики русской революции и в оправдывании своего собственного оппортунистического предательства при помощи этого искажения. Подлинный Энгельс не может быть использован, как аргумент против русской аграрной революции, но зато он является самым жестоким обличением реформистской аграрной политики нынешних социал-демократических партий.

Рассмотрим теперь аграрную программу австрийской социал-демократии с изложенной точки зрения после того, как выше мы разобрали ее аграрную политику на конкретном ходе революционной классовой борьбы в Австрии в 1918—20 гг.

Центральной фигурой, служащей в альпийских землях Австрии оселком для определения революционной или реформистской, социалистической или буржуазно-радикальной установки в аграрном вопросе, является фигура среднего и крупного крестьянина, регулярно пользующего трудом домашних работников и поденщиков или только первых. Это по большей части крестьяне-скотоводы. Не следует забывать, что требование экспроприации крупного землевладения вполне укладывается в рамки буржуазного радикализма, в истории которого оно сыграло когда-то большую роль, как бы мало он ни думал об этом требовании сейчас. Деревенский пролетариат и деревенская челядь, эксплоатируемые средними и крупными крестьянами, обнаруживают в Австрии характерную дифференциацию. Есть так называемые «Häusler» и «Keuschler»—крестьяне, имеющие крохотный клочок собственной земли и собственную избу, но допускаемые к крайне ограниченному пользованию лесом и выгоном и поэтому вынужденные наниматься на работу к средним и крупным крестьянам. Затем идут «жильцы»; тоже имеющие небольшой клочок земли, но без собственного дома, они живут у крестьян, платя за постой либо деньгами, либо (гораздо чаще) непомерно тяжелой работой на своих хозяев. И, наконец, домашние работники и работницы, беземельные, обыкновенно влачащие жалкое существование в домах крестьян или помещиков в условиях такой эксплоатации, какая в промышленности встречается теперь уже редко.

И вот этот сельский пролетариат, самый революционный элемент в деревне, естественный союзник городского промышленного рабочего, принципиально приносится в жертву средним и крупным крестьянам аграрной программой австрийской социал-демократии, после того, как в 1918—1920 гг. он был фактически ею предан.

Правда, она требует для него некоторых облегчений: он должен быть поселен, на условиях долгосрочной аренды, на общинной земле, полученной за счет землевладения или бывшего общественного выгона (allmende); он должен иметь привилегии в пользовании лесом и выгоном, но:

«Не следует наделять сельскохозяйственного рабочего слишком большим количеством земли, чтобы он мог использовать свою рабочую силу в работе по найму. С другой же стороны, мы все-таки должны дать ему возможность жить в те месяцы, когда спрос на труд мал, выручкой от своего собственного хозяйства. Примирить эти два противоречивые требования можно будет только в том случае, если наделенный землей сельскохозяйственный рабочий получит возможность держать как можно больше скота. А для этого нужно, чтобы небольшой участок пахотной земли был восполнен возможно более широкими правами на пользование общественным выгоном» (О. Бауэр. Der Kampf um Wald und Weide, стр. 211. Курсив мой. *А. Т.*). В своем комментарии к аграрной программе Бауэр раз'ясняет [1]):

«Создание колоний для неимущих сельскохозяйственных рабочих есть предпосылка для образования действительно свободного сословия сельскохозяйственных рабочих» (стр. 129).

Средства для возведения в колониях построек и т. д.—раз'ясняется дальше—должны вноситься союзным и областными (провинциальными) правительствами. Так должно ежегодно создаваться по нескольку тысяч колоний. Колонист должен иметь право собственности на свое жилище—земля остается за общиной, но дома могут быть отчуждаемы (стр. 129).

В самой аграрной программе по поводу этих наделенных землей сельскохозяйственных рабочих имеется еще следующий благожелательно-лицемерный пункт: «Никто не обязан работать по найму на какого-либо определенного сельского хозяина или на определенный круг сельских хозяев».

Как будто такого рода формальное узаконение может быть чем-то большим, чем клочком бумаги, как будто экономическое положение, в которое они поставлены аграрной программой, не вынуждает деревенских пролетариев наниматься на работу к ближайшим по соседству крестьянам!

Этот пункт программы есть как раз то, о чем Энгельс говорит, что невозможность этого «сама собою ясна» для рабочей партии, что это «прямо граничит с предательством»,—это есть обещание «сохранить наемный подневольный труд рабочих», что равносильно сохранению существования средних и крупных крестьян в качестве таковых.

Можно было бы возразить: в самой программе ведь определенно не указаны размеры земельных наделов сельскохозяйственных рабочих,—размеры, которые вынуждали бы их, кроме работы на собственной земле, заниматься еще наемным трудом,—

[1]) Socialdemokratische Agrarpolitik.

ведь это только комментарий господина Отто Бауэра. Но, во-первых, в платоническом, практически совершенно бессодержательном положении программы, что наделенные землей сельскохозяйственные рабочие «не обязаны работать по найму на какого-либо определенного сельского хозяина или на определенный круг сельских хозяев», уже заключается общее положение, что они должны оставаться наемными рабочими. Взгляд, прямо и положительно выраженный в комментарии и мотивировке Бауэра, выражен в самой программе в косвенной и отрицательной форме. А, во-вторых, устранение наемного труда в деревне предполагает дальнейшие программные требования, отсутствие которых как раз и подтверждает нашу точку зрения. Если ставить себе целью уничтожение необходимых условий для наемного труда в деревне, то в отношении средних и крупных крестьян возможны только два пути. Во-первых, сокращение средних и крупных крестьянских хозяйств до таких размеров, при которых для их ведения достаточно труда самого крестьянина и его семьи. Но для этого пришлось бы экспроприировать не только крупное землевладение, но отчасти также средних и крупных крестьян в пользу деревенских пролетариев и полупролетариев. А это предполагает, в свою очередь, национализацию всей сельскохозяйственной площади и ее перераспределение между общинами всех округов. Этим путем пошла, как известно, русская революция. Это и есть необходимый второй этап аграрной революции—полнейшее упразднение капиталистической собственности в деревне, т.-е. собственности, обусловливающей постоянное применение чужой рабочей силы. Это еще не социализм, но это исходный пункт для движения к социализму в условиях крестьянского сельского хозяйства. Не только русская, но и сама австрийская революция ясно доказывает, что без перехода к этому второму этапу не может быть пройден и первый, не может быть проведена экспроприация помещичьего землевладения. Австрийские крупные и средние крестьяне угадали верным классовым чутьем, что за экспроприацией помещиков неизбежно последует и их собственная частичная экспроприация—указанным ли только что путем, или во второй форме, к которой мы сейчас обратимся.

«Тогда (в ноябре 1918 г.),—говорит сам Бауэр в своей книге об австрийской революции,—крестьянин тоже мечтал об изменении имущественных отношений. Это движение осталось не вовсе (!) без всякого (!!) результата. Закон о возвращении крестьян на землю (май 1919 г.) требовал отчуждения крестьянских земель, захваченных помещиками с семидесятых годов, и обращения их в фонд для образования новых крестьянских участков. Были изданы законы о пересмотре сервитутов и охотничьего кодекса. Но очень скоро крепкие крестьяне (!) поняли, что пересмотр вопроса о земельной собственности чреват опасностями для них самих. Революция разбудила деревенскую бедноту... Богатые крестьяне стали высказываться против пересмотра существующих имущественных отношений» (стр. 211).

Социал-демократия капитулировала перед «крепкими крестьянами»—и затем капитулировала перед ними еще раз в своей аграрной программе, хотя эта капитуляция перебила позвоночник и пролетарской революции в городе.

Программа предусматривает отчуждение и передачу общинам: 1) отрезков от помещичьих земель, 2) всех земель, бывших общинными до 1898 г. и 3) предоставляет общинам преимущественное право на покупку всех поступающих в продажу земель. В пользу государства должны быть, по требованию программы, отчуждены и переданы в его управление лес и недоимочные имения крупных сельскохозяйственных предприятий.

О вмешательстве в право собственности крупных и средних крестьян в программе нет ни слова. «Но пока крупные и средние крестьяне продолжают существовать, как таковые,—замечает Энгельс,—они не могут обойтись без наемного труда». И поэтому социалдемократической аграрной программе пришлось позаботиться о сохранении наемного труда в деревне. Энгельс предугадал даже ту косвенную и отрицательную форму, в какой это должно будет произойти. Да и в самом деле было бы несколько неловко, если бы аграрная программа рабочей партии, называющей себя социалистической, прямо и категорически потребовала утверждения наемного труда в деревне для сохранения существования «крепких крестьян» в качестве таковых!

Второй формой ликвидации крупных и средних крестьян является то, о чем говорит Энгельс: об'единение и перевод на коллективное хозяйство их земельных участков. Это, разумеется, только другая форма частичной экспроприации крупного и среднего крестьянства,—форма, являющаяся уже не только исходным пунктом для создания социалистического сельского хозяйства подобно первой, но и шагом вперед по этому пути. Будет полезно особенно иметь в виду и эту форму, хотя она и не сыграла в России заметной роли. Быть может, ей предстоит более важная роль в Средней и Западной Европе. В какой мере—это будет зависеть от конкретного хода социальной революции и не в последнюю очередь от той позиции, которую займут в ней крупные и средние крестьяне.

Характерной чертой австрийской аграрной программы является, далее, ограниченная форма предполагаемой ею «социализации», носительницей которой остается община. И это программа тех самых людей, которые так охотно разыгрывают из себя марксистских централистов в противовес «русским», которые здесь почтительно считаются с деревенской местной ограниченностью. Но ведь русская революция национализировала всю землю, т.-е. передала верховное распоряжение ею в руки рабочего государства. Контроль, инструкции и т. д. по распределению земли на местах перешли таким образом к центральным государственным органам. Ясно, что государство пролетарской диктатуры не может оставить в руках деревенской общины право верховного распоряжения землею, но должно сохранить его за собой и само практически осуществлять его. Достаточно напомнить, какая колоссальная неравномерность в распределении земли между отдельными общинами получилась бы в противном случае. Хотя бы для того, чтобы сгладить эту неравномерность, для организации переселений из общины в общину, из округа в округ и т. д., совершенно необходима верховная центральная инстанция. Кругозор общины слишком узок для этого.

Но увековечение наемного труда в деревне на благо средних и крупных крестьян влечет за собой и другие последствия. Раз

допустив эту эксплоатацию, приходится закрыть глаза и на ее крайне отсталые, патриархальные формы.

В этом отношении особенно интересны прения на партейтаге об аграрной программе. Они вращаются, главным образом, вокруг этого вопроса.

Прежде, чем перейти к нему, отметим из дискуссионной речи Реннера то место, где он говорит, что «сельскими депутатами» бывают большей частью не крестьяне, а «торговцы лесом, скотом или вином», т.-е. «кулаки»—слово, которое в последнее время начинает все чаще употребляться и в Западной и Средней Европе.

Названный больной вопрос первым определенно поставил делегат Видмайер (Ваграм). Он сказал между прочим:

«Занятая в сельском хозяйстве наемная работница должна быть в три часа утра в хлеве и работать до половины десятого ночи. Для этой женщины (большей частью это жена кучера) свободные минуты отмерены крайне скупо; на ведение собственного хозяйства и на воспитание своих детей у нее совсем нет времени. Если вы примете во внимание, что такая женщина весь день кормит скотину и выдаивает 150—190 литров молока, то вам будет ясно, что, поднимаясь в половине третьего утра, она едва может шевельнуть пальцем. То, что десятки лет тому назад было сделано нами для освобождения женщины в текстильной промышленности, то же самое мы должны теперь сделать в сельском хозяйстве. Можно только приветствовать наши речи о том, что нам нужны школы в деревне. Но школы ничему не помогут, когда у ребенка с раннего детства нет матери. В Маршфельде в нынешнем году сгорело трое детей, которые были заперты на целый день, потому что их мать проводила весь день в хлеве, а отец в поле».

Оратор предлагает поэтому дополнить требования программы пунктами о выработке правил охраны сельскохозяйственных работниц и о возможно большем ограничении женского труда. «Я говорю об ограничении, потому что я знаю, что и женщины фабричных рабочих должны работать. Но женщине должно быть предоставлено право заниматься прежде всего своими домашними делами и смотреть за детьми, чтобы хорошо воспитать новое поколение сельскохозяйственных рабочих».

Он предлагает, далее, «запретить работу в хлеве девушкам моложе 20 лет»—со следующей мотивировкой: «Шестьдесят процентов всех женщин, работающих в хлевах, страдают уже после первых родов родильной горячкой, от которой и погибают. Кроме того, насыщенная аммиаком атмосфера хлева благоприятствует развитию туберкулеза» [1]).

Ментасти (по его собственному заявлению—мелкий крестьянин) возражает против предложения Видмайера, которое он называет демагогией. «Я вынужден назвать такое предложение демагогией, потому что я знаю, что наших женщин, которые самостоятельны, нельзя будет ни сегодня, ни после поставить под стеклянный колпак, что они все равно будут доить день и ночь (!). Мы не можем принять такие пункты, которые могут нам только повредить при агитации и которых нельзя осуществить ни при каком общественном порядке».

[1]) Protokoll des Soc. Parteitages. 1925, стр. 284.

За предложение Видмайера высказывается Габриэля Прост (Вена), которую и Ментасти не сумел убедить в невозможности такого общественного порядка, при котором женщина не должна будет «доит день и ночь».

После этого Видмайер, по его собственным словам, уже десять лет работающий в деревне, заявил:

«Если я сказал, что я требую охраны женщины в сельском хозяйстве, то я имел при этом в виду не жен трудовых крестьян».

Далее, он отметил, что в результате существующих условий сельскохозяйственные рабочие наполовину безграмотны, а из остальных 25% читают с таким трудом, что не берут газету в руки (стр. 295).

В своем заключительном слове Отто Бауэр по поводу предложения Видмайера сказал:

«Ограничение женского труда и запрещение работать в хлеве женщинам моложе 20 лет—это такие требования, которых нельзя поставить не только для крестьянских семей, но их нельзя поставить и для крестьян-батраков. Ведь невозможно в самом деле запретить работать в хлеве девушкам моложе 20 лет, потому что это было бы равносильно запрещению женского труда в крестьянском хозяйстве вообще...» «Но и в области крупного хозяйства нельзя поддержать это требование в той застывшей форме, в какой оно было здесь выставлено». Взамен этого необходимо урегулирование рабочего времени и действительное проведение в жизнь соответствующих правил, «которые в деле ухода за скотом не могут быть, конечно, механически сведены к 8-часовому рабочему дню, потому что коровы с этим не считаются». Бауэр предлагает следующую формулировку: «Ограничение женского труда в хозяйстве до размеров, совместимых с охраной женщины и ее потомства».

Тем самым вопрос переносится в область неопределенных и ни к чему не обязывающих отвлеченностей.

Бауэр обращает внимание на 5-й пункт программы, требующий общего урегулирования рабочего времени (в этом пункте говорится о среднем годовом 8-часовом рабочем дне, который соответственно удлиняется летом и сокращается зимой; для работающих в мелких крестьянских хозяйствах требуется установленный законом минимальный ежедневный отдых и такие же «минимальные перерывы в работе»).

Предложение Видмайера было в конце концов отклонено и принято предложение Бауэра. Не случайно, что предметом прений был как раз женский труд. Как в среднем и крупном, так и в мелком крестьянском хозяйстве женщина—самое забитое, самое эксплоатируемое и угнетенное существо. Эксплоатация женщины, особенно наемной работницы, есть самая крайняя форма эксплоатации в крестьянском хозяйстве вообще, самое больное место этого больного вопроса. Естественно поэтому, что эксплоатирующий чужую рабочую силу крестьянин чувствительнее всего реагирует именно на этот пункт. Но содержащееся в аграрной программе австрийской социал-демократии предательство сельского пролетариата и полупролетариата, равно как и мелкого крестьянства, отнюдь не привлечет на ее сторону средних и крупных крестьян, которых отталкивают даже ее реформистские требования в пользу деревенской бедноты.

Тем более, что в социал-демократической программе имеется еще одно особенно хитрое предложение—о снижении цен на землю. Последнее должно произойти автоматически в результате следующих мер: 1) удовлетворения спроса на мелкие земельные участки, 2) улучшения условий жизни сельскохозяйственных рабочих и 3) такого поднятия и обеспечения положения промышленных рабочих, что у них уже не будет потребности обзаводиться «самостоятельным» хозяйством на земле, купленной или арендованной по ростовщическим ценам. Не говоря уже о том, что земельный голод пролетарских и полупролетарских элементов есть только один из факторов, определяющих цены на землю, но отнюдь не решающий, и что, следовательно, этим путем поставленная цель все равно не будет достигнута,—не говоря об этом, ясно само собой, что средние и крупные крестьяне будут самыми ярыми противниками всякой попытки обесценить их землю.

Рабочий класс, который стал бы на путь подобной политики, неминуемо должен был бы проделать еще раз опыт 1918—20 гг.: он неизбежно оказался бы снова между двух стульев, оттолкнув от себя как мелких крестьян и деревенских пролетариев, так и средних и крупных крестьян. Как в конце концов политически невозможна никакая межеумочная позиция между промышленным пролетариатом и капиталом, так же невозможна она и между сельским пролетариатом и мелким крестьянством, с одной стороны, и деревенскими богатеями—с другой. Нужно выбирать между революцией и контрреволюцией. И линия раздела проходит между деревенскими пролетариями и мелкими крестьянами, с одной стороны, и средними и крупными крестьянами, помещиками и городской буржуазией—с другой. Австрийский опыт подтверждает это в такой же мере, как опыт всех других революций, в которых был поставлен «вопрос о собственности». Но выбирать нужно не в самый момент революции, а еще до того—при подготовке к революции, при подготовительной работе по текущим вопросам агитации, пропаганды и организации в эпоху «между двумя революциями». Последовательное проведение аграрной политики, намеченной в аграрной программе австрийской социал-демократии, так же неизбежно приведет в момент революционного взрыва в лагерь контрреволюции, как привела туда родственная позиция русских эсеров и меньшевиков.

Мы ограничимся критическим разбором этого наиболее характерного в классовом отношении пункта аграрной программы австрийской социал-демократии и не будем останавливаться на ряде других пунктов, дающих материал для критики, в роде, напр., пункта о передаче управления организуемыми колхозами бывшим владельцам, поскольку они окажутся дельными хозяевами, на условиях государственной аренды и т. д. Резюмирующая характеристика этих пунктов уже дана в приведенных выше соображениях Фр. Энгельса.

Мы надеемся, что предшествующие критические соображения помогут не только австрийским рабочим, но и рабочим других средне-европейских стран легче ориентироваться в крестьянском вопросе и преодолеть реформистскую точку зрения, которая в противном случае неизбежно приведет их к новым поражениям.

В. Беленко.

О товарном голоде[1]).

Товарный голод, под знаком которого прошел весь 1925/26 хозяйственный год, долгое время приковывал к себе внимание всей нашей партии. И теперь еще проблема товарного голода продолжает оставаться актуальной, т. к. относительная устойчивость рыночной кон'юнктуры в последние месяцы отнюдь не гарантирует нас от возможности повторения—в той или иной форме—прошлогодних затруднений. Между тем, как показал июльский пленум ЦК, в партии на этот счет до сих пор нет единодушия. Оппозиция, опираясь на то понимание природы товарного голода, которое было развито в статьях т. Преображенского, вновь выступила с критикой проводимой партией линии и противопоставила ей свою собственную систему мероприятий. Нам кажется поэтому вполне своевременным и целесообразным еще раз подвергнуть критическому разбору концепцию т. Преображенского, тем более, что за истекший год накопилось немало фактического материала, позволяющего проверить правильность той или иной установки экономической политики.

«Наш теперешний товарный голод—это итог тех положительных изменений в строении крестьянского бюджета, которые принесла с собой Октябрьская революция»—так думает тов. Преображенский [2]).

В чем же суть этих «положительных изменений»?

В 1912—13 г. крестьянство платило разных налогов по 10 руб. 54 к. на душу, а в 1924—25 г.—3 руб. 56 к.; разность между этими цифрами, помноженная на количество сельского населения дает 815 миллионов довоенных или 1.400 милл. червонных рублей. Сюда нужно прибавить 200 милл. довоенных руб., которые крестьянство платило помещикам за аренду вненадельной земли и которых теперь, по случаю ликвидации помещиков, платить не приходится. Получается круглая цифра в 1.000 милл. довоенных руб. (1.750 милл. червонных руб.), показывающая, насколько больше крестьянство до войны отчуждало продуктов своего производства без соответствующего товарного эквивалента, и, следовательно, показывающая также, насколько мог бы, при прочих равных условиях, возрасти платежеспособный крестьянский спрос.

Путем какого колдовства т. Преображенский получил сообщаемую им цифру довоенного обложения крестьянства, мы не знаем, т. к. в статье нет указания на источник; приходится поэтому проверять ее косвенным путем.

Если крестьянство платило по 10 р. 54 к. на душу, то сколько же платило городское население. Произведя соответствующие

1) Статья дискуссионная.

2) «Правда» от 15/XII—25 г.

подсчеты, получаем—22 р. 81 к., т.-е., примерно, в 2 раза больше, чем на душу крестьянства [1]), всего же деревня заплатила 1.507 млн. руб., город—730 млн. руб. Сопоставим полученные цифры с обложением в наше время. По данным «Института Экономических Исследований НКФ» в 1924—25 г. было уплачено налогов (прямых, косвенных, местных, пошлин и пр.) в миллионах червонных рублей [2]):

	Сельск. населением	Городск. населением
Всего	631,6 млн. р.	937,6 млн. р.
На душу	5 р. 45 к.	38 р. 80 к.

Итак, в 1924—25 г. город заплатил, примерно, в полтора раза больше деревни, а на душу населения—в 7 раз больше. Наоборот, если верить т. Преображенскому, в 1913 г. деревня заплатила вдвое больше города, а по расчету на душу городское население платило лишь в два раза больше сельского. Слов нет, до войны деревня была переобложена и наша налоговая политика стремится это упразднить, но совершенно наивно было бы полагать, что перемены, происшедшие в этом отношении, поставили деревню на место города, а город на место деревни. Все окажется на своем месте, если мы предположим другое, а именно то, что т. Преображенский хватил через край. Действительно, в известном исследовании А. Вайнштейна о довоенном обложении крестьянства дается значительно меньшая цифра душевого обложения крестьянства—6 р. 36 к., полученная на основании проработки как массовых, так и бюджетных данных [3]).

Попытаемся проверить цифру, даваемую т. Преображенским с другого конца, путем составления денежного бюджета довоенного крестьянства.

Денежные доходы крестьянства по 50 губ. Европейской России в 1913 г. составляли:

1. От продажи продуктов сельского хозяйства (по Прокоповичу, без внутрикрестьянского оборота и без помещичьей доли товарного хлеба) . . . . 1.350 млн. р.
2. Денежные доходы от промыслов (по бюджетам—12,2% валового дохода) . . . . 1.030 млн. р.

Всего . . . 2.380 млн. р.

1) В 1913 г. 175 млн. населения платило, по Преображенскому, 12 р. 75 к. на душу, значит, всего было уплачено налогов 2.237 млн. руб. Городское население составляло до войны 18,3%, или 32 млн. человек, а сельское—143 млн. Исходя из этих цифр, получаем: налоги, уплаченные крестьянством, равняются 1.507 млн. руб. (143 млн. душ по 10 р. 50 к.). Налоги, уплаченные городом—730 млн. руб (2.237 млн.—1.507 млн. р. = 730 млн.), а на душу 22 р. 81 к. (730 млн. р. : 32 млн. = 22 р. 81 к.).

2) Ср. проф. П. Гензель «Налоги Союза ССР», М. 1926, стр. 107.

3) А. Вайнштейн, «Обложение и платежи крестьянства». М. 1924 г., стр. 116.

Денежные расходы:

1. Налоги (10 р. 54 к. на душу из расчета на 105 млн. душ)	1.100	млн. р.
2. Аренда вненадельной земли	200	» »
3. Платежи в крестьянский и в др. банки за купленную землю (по Вайнштейну)	85	» »
4. Прочие денежные расходы и денежное накопление (приблизительно)	100	» »
5. Покупка пром. товаров (13 р. на душу) [1]	1.360	» »
Всего	2.845	млн. р.
Дефицит	465	» »

Таким образом, если исходить из величины налога, указываемого т. Преображенским, то в крестьянском денежном бюджете получается дефицит около 500 млн. руб.

Если же заменить цифру т. Преображенского другой более вероятной цифрой А. Вайнштейна (6.36 на душу), то денежные расходы крестьянства уменьшатся на 430 млн. руб. и баланс, в общем, сойдется [2].

Итак, склонность т. Преображенского преувеличивать роль факторов, влияющих на увеличение платежеспособного крестьянского спроса, привела к тому, что он переоценил более чем на 400 млн. довоенных рублей тяжесть довоенного налогового обложения крестьянства.

Но как бы то ни было, а значительное облегчение налогового бремени, национализация земли и связанная с нею ликвидация арендных плат и платежей за землю, безусловно должны были, при прочих равных условиях, сделать наше крестьянство более сильным покупателем. Это бесспорно.

Мы сказали: при прочих равных условиях, и эта оговорка абсолютно необходима, т. к. на ряду с изменениями, действовавшими в направлении увеличения платежеспособного спроса крестьянства, имели место изменения и противоположного порядка, о которых нельзя забывать, если стремиться оставаться об'ективным в исследовании.

Е. Преображенский указывает только на один фактор такого порядка: «...Уменьшение количества принудительных продаж должно при том же доходе от земледелия, что и до войны, привести к увеличению деревенского потребления продуктов пита-

[1]) Эта цифра есть наименьшая из всех нам известных; она вытекает из расчетов Гриневецкого. Ср. его «Послевоенные перспективы русской промышленности». В кн. С. Зака «Опыт изучения товарности СССР», М. 1926 г., расходы крестьянства в 1918 г. в пределах СССР на покупку пром. товаров приведены в сумме 1.720 млн. р., что составляет более 15 руб. на душу. По «Балансу народного хозяйства СССР в 1923—24 г.», в этом году крестьянство купило промышленных товаров на 3.565 млн. руб, что дает, примерно, 31,5 червон. руб. на душу крестьянского населения.

[2]) В предупреждение возможных придирок, нужно указать на следующее: почти по каждой статье «баланса» можно привести параллельные цифры, более или менее отличающиеся от помещаемых в тексте. Поэтому приведенные цифры нужно рассматривать как очень условные и страдающие всеми недостатками, свойственными источникам, из которых они позаимствованы. Но сколь бы приблизительным ни был «баланс», он все же дает известное представление о денежности крестьянского хозяйства и, во всяком случае, не заключает в себе такой грубой ошибки, сославшись на которую можно было бы оправдать небеспристрастные расчеты т. Преображенского.

ния». Другого момента, такого же самого свойства, т. Преображенский не заметил. Как известно, наибольший процент денежности имели до войны верхние и нижние слои деревни. Нижние слои, главным образом, потому, что у них большую роль играли доходы от промыслов, верхние же—благодаря обладанию относительно большими излишками хлеба, шедшего на продажу. Частичная ликвидация деревенской буржуазии, «осереднячивание» деревни, явившееся продуктом аграрной революции, автоматически повлекло за собой и сокращение товарности земледелия. В этом же направлении действовала и ликвидация помещичьих латифундий, имевших высокий процент товарности и поставлявших на рынок более 20% товарного хлеба.

Наконец, самое главное, о чем т. Преображенский не обмолвился ни единым словечком—это промысловые заработки крестьянства. В бюджете крестьянского хозяйства, доходы от промыслов играют громадную роль, составляя, по приведенным выше данным, более 12% валового и более 40% денежного дохода крестьянства. Для 50 губ. Европейской России мы определили денежные доходы от промыслов в миллиард с лишним рублей, а для довоенной России в пределах СССР эта цифра должна быть повышена, примерно, до 1.200 млн. руб. [1]).

Как же выглядит эта важнейшая доходная денежная статья крестьянства теперь. «Баланс покупательных ресурсов сельскохозяйственного населения в 1925—26 г.», вышедший из недр нашего Наркомторга и помещенный в статье А. Кактыня, определяет доходы от промыслов и проч. в 993 млн. черв. руб. (978 промыслы и 15 проч. доходы) [2]). Мы не можем судить, насколько эти цифры верны или не верны, т. к. учесть промысловые заработки крестьянства—дело исключительной трудности и всякая цифра здесь будет гадательной. Но если упомянутая цифра хоть в какой-нибудь мере приближается к действительности, то это означает, что доходы крестьянства от промыслов сократились, по сравнению с довоенным временем, в пределах от 300 до 500 млн. довоенных рублей. Как т. Преображенский, анализируя изменения, происшедшие в крестьянском бюджете, проглядел этот первостепенной важности факт—остается загадкой.

Итак, возможность увеличения платежеспособного спроса деревни, обусловленная ликвидацией значительной части принудительных платежей, в значительной мере парализуется факторами, действующими в сторону уменьшения денежности и, следовательно, платежеспособного спроса крестьянства—повышением собственного потребления, процессом осереднячивания деревни, понижающим процент товарности, и, самое главное, резким сокращением доходов от промыслов, дававших довоенному крестьянству более 40% всех денежных поступлений. Величина, на которую изменился платежеспо-

[1]) С. Зак (см. указанное сочинечие, стр. 61) определяет денежные «несельскохозяйственные» доходы деревни в довоенное время в 1.800 млн. руб., т.-е. на 50% больше, чем указано в тексте. Но мы не могли пользоваться этой цифрой, так как совершенно не знаем методов, которыми автор пользовался, определяя «несельскохозяйственные» доходы деревни.

[2]) См. «Эконом. Жизнь», № 290 от 19/XII—25 г. «Проблемы внутренней торговли перед XIV с'ездом партии».

собный крестьянский спрос, по сравнению с довоенным временем, есть, таким образом, алгебраическая сумма, в которую входит множество слагаемых как с положительными, так и отрицательными знаками, и мы не рискуем браться за определение абсолютной величины ее. Такая работа требует специального статистического подсчета, который не может быть выполнен усилиями отдельного лица. Но во всяком случае здесь не может быть речи о сколько-нибудь крупных изменениях. Мы считаем поэтому категорическое заявление т. Преображенского о значительном увеличении платежеспособного спроса крестьянства совершенно необоснованным, покоящимся на одностороннем, неверном анализе.

Не будем, однако, торопиться с выводами. Величина платежеспособного крестьянского спроса, взятая сама по себе, еще ничего не говорит нам о взаимоотношениях между городом и деревней, т. к. последние определяются соотношением между крестьянским спросом и промышленным предложением. В какую сторону изменился коэффициент этого соотношения.

Промышленность, как известно, восстанавливается быстрее сельского хозяйства. Если верить исправленному изданию «Контрольных цифр», то в 1925—26 году промышленность достигает 95%, а сельское хозяйство — 91% от довоенного уровня, по довоенным и соответственно 100% и 87% по современным ценам, при чем товарная масса составляет:

Товарная масса (в миллионах рублей по ценам соответствующих лет).

	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Вся внутренняя товарная масса . . .	11.614	13.552	16.744
Товарная масса с.-х.	4.603	4.990	6.143
Товарная масса промышленности . .	7.011	8.562	10.601
Отношение товарной массы промышленности к товарной массе сельского хозяйства, принятой за 100 .	152	173,5	172,6

Как видим, и эта группа цифр не дает оснований заключать о неблагоприятных изменениях во взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства. Наоборот, товарная масса промышленности восстанавливается быстрее товарности сельского хозяйства, следствием чего является повышение удельного веса промышленных товаров в общей товарной массе. На единицу сельскохозяйственных товаров в 1924—26 гг. приходится промтоваров больше (по ценности, разумеется), чем это было до войны. Значит, если даже допустить некоторое возрастание платежеспособного крестьянского спроса, то оно компенсируется повышением удельного веса промышленности и в силу этого отношение между крестьянским спросом и промышленным предложением продолжает оставаться, примерно, таким же, как и до войны.

* * *

Здесь мы вплотную подошли к проблеме диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

Система хозяйственного равновесия предполагает, как известно, некоторые соотношения между основными хозяйственными

величинами и, в первую голову, между сельск. хоз. и промышленностью. До войны стихийно сложились такие взаимоотношения, которые в общем обеспечивали известную устойчивость народного хозяйства в целом. Имеется ли, с этой точки зрения, что либо новое в современной экономике. Количественные отношения между сельским хозяйством и промышленностью и их товарными массами остались в общем такими же, как и до войны; удельный вес промышленности даже несколько повысился. Значит о диспропорции в этой плоскости не может быть речи. Поэтому, когда говорят о диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, то обычно понимают под этим изменения в соотношениях между платежеспособным крестьянским спросом и промышленным предложением.

Так именно ставит вопрос тов. Преображенский, когда он хочет об'яснить, почему при известных соотношениях между сельским хозяйством и промышленностью в 1913 году хозяйственная жизнь протекала нормально, а в последние годы, при тех же, примерно, соотношениях, появился товарный голод.

В этом понимании «диспропорция» рассматривается, как следствие увеличения платежеспособного спроса крестьянства, обусловленного не увеличением общей производительности сельского хозяйства, а лишь иным, чем до войны, строением расходного бюджета крестьянства. Такому пониманию диспропорции соответствует и метод ее преодоления, который с грубоватой ясностью, без всяких «с одной стороны и с другой стороны» формулирован у Оссовского [1]):

«По какому же, однако, пути надо итти, чтобы хозяйственный кризис был устранен в корне. По пути установления целой системы финансово-экономических мероприятий, увеличивающих из'ятие неэквивалентной товарной части сельского хозяйства в размерах, не отстающих от сответствующих из'ятий до войны».

Нет решительно никаких оснований считать правильной такую постановку вопроса. Расходный бюджет крестьянина строится теперь иначе, чем до войны. Это правда, как правда и то, что цифры, которыми тов. Преображенский в этой связи пользуется, являются тенденциозно-преувеличенными. Однако, здесь еще не вся правда, так как дело не только в расходном, но и в доходном бюджете крестьянства, а последний, как мы видели, значительно сократился благодаря уменьшению промысловых заработков. Если теперь крестьянин отдает меньше, чем раньше, без эквивалента, то он меньше и зарабатывает на стороне, так что его современный платежеспособный спрос немногим отличается от довоенного.

Мы утверждаем поэтому, что диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью нельзя рассматривать как законное дитя Октябрьской революции. Это подкидыш, которого оставила история в нашем советском доме. Диспропорция существовала до войны, существует и теперь, она есть—«исторически-сложившееся» явление [2]). В чем она выражалась до войны. В том, что сельское хозяйство давало около $^2/_3$ всей продукции народного хозяйства, что значительную часть хлеба приходилось вывозить за границу и ввозить оттуда значительную часть про-

---

[1]) «Большевик», № 7—8 за 1926 г., стр. 95.

[2]) Сравн. резолюцию пленума ЦК ВКП от 6—9 апреля 1926 г.

мышленных товаров,—словом, в том, что царская Россия была аграрно-промышленным придатком промышленно-капиталистической Европы.

С этой точки зрения и проблема преодоления диспропорции отнюдь не сводится к тому, чтобы добиться известного хозяйственного равновесия между городом и деревней, которое в той или иной мере покоилось бы на довоенных нормах.

Наоборот, задача состоит в решительном разрыве с довоенными шаблонами, в насильственном преодолении прежних норм и установлении нового, неизвестного старой России динамического равновесия не на аграрно-промышленном, а на промышленно-аграрном базисе. Беда наша не в том, что мы не имеем довоенных отношений, а как раз в том, что мы их имеем; задача не в том, чтобы еще больше к ним приблизиться, а в том, чтобы уйти от них как можно дальше.

Понимаемая таким образом «диспропорция» не может служить инструментом, пользуясь которым можно было бы решить проблему товарного голода. Ведь не находилась же довоенная Россия в состоянии перманентного товарного голода в той форме, в какой мы его переживаем в 1925—1926 гг. Диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью просто учитывалась рыночным механизмом, и «равновесие» достигалось путем такого соотношения цен, когда «в России был самый дорогой ситец и самый дешевый хлеб» (Рыков). Таким же путем в основном достигается равновесие и теперь, так как и наше товарное хозяйство в значительной мере подчинено своим общим законам. Во всяком случае соотношение цен промышленных и сельскохозяйственных товаров, которое мы имеем за последние 1½—2 года, не очень резко отличается от довоенного и не заключает в себе таких элементов, которые могли бы дезорганизовать нашу народно-хозяйственную систему.

Таким образом, вопрос о товарном голоде отнюдь не решается одним указанием на наличность диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью. «Диспропорция» это лишь общий фон, сообщающий народно-хозяйственной системе своеобразный отпечаток.

Диспропорция—это хроническая болезнь, которой страдал народно-хозяйственный организм до войны и которая по наследству досталась нам. Болезнь запущенная и поэтому трудно излечимая. Но плох будет тот врач, который всякое недомогание организма будет об'яснять хронической болезнью: «От нее-де все качества». Ведь недомогание может быть следствием особых причин, а наличие хронической болезни, быть может, только усилит его остроту; в чем тут дело, можно узнать лишь после тщательного анализа.

* * *

Рассматривая вопрос о покупательной силе деревни, мы старались выяснить изменения, происшедшие в строении крестьянского бюджета по сравнению с довоенным временем. Однако, для решения узкого вопроса о природе товарного голода, этого можно было бы и не делать; если мы все же занимались 1913 годом, то исключительно для того, чтобы показать односторонность и тенденциозность обобщений тов. Преображенского.

Нет никаких сколько-нибудь серьезных оснований рассматривать довоенные количественные отношения экономических величин как какой-то категорический императив нашей хозяйственной деятельности и в нарушении этих отношений видеть угрозу системе хозяйственного равновесия в наших условиях, в частности, выводить отсюда переживаемый нами товарный голод.

Такая точка зрения была бы правильна лишь в том случае, если бы спрос и предложение нашего времени отличались от довоенных только количественно. Но в том-то и дело, что война и революция вызвали не только количественные сдвиги; они глубочайшим образом изменили самую структуру как спроса, так и предложения. И было бы никчемным, пустым занятием оперировать с известными числовыми величинами, игнорируя эти, так сказать, качественные изменения.

В чем выразились эти последние? Начнем со спроса.

Спрос, пред'являвшийся рынку раньше господствующими классами, теперь в большей своей части не имеет места, так как нет помещиков, крупной чиновной и военной аристократии и пр. привилегированных групп и слоев населения. Капиталистический слой довоенной России сменился сравнительно небольшим по своей покупательной способности нэпмановским слоем населения, словом, паразитическая верхушка довоенной России на $^3/_4$ свалена в мусорную яму истории, а вместе с нею исчез и тот специфический спрос, который был обусловлен специфическим образом жизни «высшего общества». За счет этих вымерших групп частично возросла покупательная способность трудовых слоев общества, но эти слои теперь, в большинстве случаев, покупают товары совсем другого свойства: «числом побольше, ценою подешевле». В силу этого одинаковая общая сумма спроса прежде и теперь означает далеко не одинаковую его структуру. Удельный вес спроса на предметы «широкого потребления» (дешевые сорта тканей, одежды, табака, обуви и пр. и пр.) в общей сумме спроса теперь должен быть значительно выше, чем раньше.

С другой стороны, изменилась структура потребительного бюджета трудовых слоев общества. Значительно развились одни потребности, сократились другие, появились, наконец, новые. В этом отношении революция проделала немалую работу; укажем для примера на расходы на культурно-просветительные цели, на электрификацию в деревне, радиолюбительство и пр. Появился, наконец, совершенно новый слой потребителей, спрос которых также имеет свои особенности: всевозможные общественные организации, профсоюзы, партия и пр. Словом, внутренняя структура спроса изменилась в такой же мере, как изменился классовый состав и культурно-психологический облик общества. Таким образом, современный и довоенный спрос суть величины с различной качественной характеристикой и, поскольку это так—величины несоизмеримые.

Также и с предложением. За время войны и революции сильно развились некоторые отрасли промышленности (химическая, электротехническая и др.). Вне границ Советского Союза остались некоторые крупнейшие промышленные районы (Польша и др.), обслуживавшие всю довоенную Россию. Наконец, в пределах СССР отдельные отрасли промышленности по разным причинам восстанавливались далеко не одинаковым

темпом [1]. Меняется поэтому облик производимой товарной массы, устанавливаются новые количественные отношения как между отдельными отраслями, так и группами отраслей промышленности, меняются ценностные величины и отношения. Все это приводит к значительным сдвигам в структуре совокупной продукции промышленности, к изменению *качественной* характеристики промышленного предложения, так что довоенное и современное предложение так же, как и спрос, мало похожи друг на друга и так же несоизмеримы.

Можно ли, при наличии столь больших сдвигов в экономике страны, *рассматривать довоенные пропорции*, как условие равновесия в советской экономике? Ни в какой мере.

Напротив, довоенные пропорции в наших условиях совершенно неизбежно окажутся в диспропорции с действительностью, размеры которой будут в точности соответствовать всей сумме изменений, о которых мы говорили выше. Но если это так, то нет решительно никаких оснований, например, предполагать, что система экономического равновесия требует такого же расчетного баланса между сельским хозяйством и промышленностью, каким он был до войны, и видеть в нарушении этого баланса основную причину, «ключ» товарного голода.

Довоенные соотношения между сельским хозяйством и промышленностью точно так же, как и многие другие экономические нормы феодально-капиталистической России, для нашей экономики имеют не большую обязательную силу, чем «свод законов государства Российского»—для Наркомюста.

Советская экономика вырабатывает новую систему динамического равновесия, в которой будет учтено все новое, что принесла с собою революционная эпоха. Резкие ценностные сдвиги и др. колебания, которыми так пестрят последние годы, с этой точки зрения очень показательны. С окончанием восстановительного процесса, когда кривая развития станет более плавной, мы увидим, каковы будут коэффициенты этого нового равновесия.

Советская экономика строится не помимо нас, а нашими же руками; здесь мы выступаем как бы в роли экономического архитектора, и это обязывает нас тщательно изучать все особенности, которые принесла с собою революционная эпоха, учитывать их в нашей экономической работе, а не заменять всю эту трудную работу одним окриком городового: «осади назад!», «равняйся на 1913 год»!

Отцвела, не успевши расцвесть, «сезонная теория» товарного голода. Но уже самый факт появления такого рода теорий, есть симптом благоприятный. Если есть еще возможность строить такие теории, то наши дела не так плохи, как кажется некоторым особенно мрачно настроенным товарищам, склонным рассматривать товарный голод, как неотлучную зловещую тень нашего хозяйства. Действительно, для такого пессимизма нет достаточных оснований, так как в сущности напряжение на рынке промтоваров стало чувствоваться болезненно лишь с лета 1925 г., а до этого времени, в течение довольно продолжительного промежутка времени—от денежной реформы 1924 г. и до лета 1925 г.—рыночная кон'юнктура в общем и целом была благополучной. Тот факт, что на протяжении почти полутора лет имелась возможность успешно вести политику снижения цен на промтовары, не вызывая больших осложнений, является лучшим доказательством того, что в этот период наше хозяйство находилось в состоянии относительного равновесия [1]). Факт этот имеет очень большое значение для понимания природы товарного голода. Ведь если хозяйственное равновесие, включающее в себя, разумеется, и равновесие между сельским хозяйством и промышленностью, было известно советской экономике, тогда не зачем делать очную ставку между 1913 и 1925 годами на предмет получения показаний, почему «пропорциональность» 1913 года сменилась диспропорциональностью 1925 года. Такая очная ставка мало помогает делу. Не в 1925 году только наша хозяйственная система стала отличаться от довоенной. *Коренные* изменения в ней произошли много раньше. Налоговое обложение крестьянства, на которое так часто указывают как на одно из наших главных зол, в 1924 году неизмеримо более отличалось от обложения 1913 года, чем обложение 1925 г. отличается от обложения 1924 года. Ряд денежных повинностей, лежавших на крестьянстве до войны (аренда и пр.), крестьянство не несло не только в 1925 году, а не несет их со времени Октябрьской революции. Точно так же обстоит дело почти со всеми важнейшими экономическими изменениями, происшедшими как в городе, так и в деревне.

И тем не менее 1924 год был в общем благополучным, а 1925 год со второй половины стал неблагополучным. При таких условиях кивками в сторону 1913 года делу не поможешь. Особенности, отличающие нашу экономику от довоенной, нужно, конечно, иметь в виду, но нельзя указанием на них и ограничиваться. Для понимания товарного голода этого мало. Его мы вовсе не поймем, если будем игнорировать процессы, происходящие внутри нашей революционно-перестроенной экономики.

* * *

Каковы же *ближайшие причины* того, что относительная устойчивость основных хозяйственных элементов в 1924 г. к середине 1925 года оказалась нарушенной. Мы легче в этом разберемся, если предварительно познакомимся с следующими показателями, характеризующими нарастание товарного голода (см. табл. на стр. 54) [2]).

Как показывает табличка, хозяйственные затруднения обнаружились и стали быстро нарастать уже к началу последнего квартала 1924/25 года, т.-е. тогда, когда продажи старых запасов хлеба были незначительными, а давление *нового урожая еще не успело сказаться*, следовательно, тогда, когда платежеспособный крестьянский спрос не мог быть значительным.

---

[1]) Следующий ряд цифр показывает валовую продукцию 12 важнейших отраслей промышленности в 1924/25 г. в % к 1913 году: 54,9. 71,7. 15,3. 71,5 55,2. 194,9. 65,1. 83,7. 76,5. 35,9. 75,0.

---

[1]) Если Я. Репше, в феврале 1926 г., пишет: «У нас хроническое бестоварье, длящееся вот уже $1^1/_2$ года», т.-е. пытается вести летосчисление товарного голода с осени 1924 года, то здесь скорее сказывается желание перепутать хронологию, чтобы затем удобнее было об'явить всю политику «неправильной» и «направленной к перманентному нарушению равновесия между спросом и предложением», чем искреннее стремления об'ективно констатировать всем известные факты (см. его статью в «Плановом Хозяйстве», 1926 г., № 2).

[2]) Таблица составлена по данным, помещенным в сборнике Кон'юнкт. Института НКФ. «Кон'юнктура народного хозяйства СССР в 1924/25 г.» М. 1926 г.

	1925 год									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Общесоюзный розничн. индекс промтоваров Кон'юнкт. института НКФ	235	232	22.	227	225	222	219	221	227	239
%. надбавки в розничн. торговле в Москве:										
а) По промтоварам .	—	—	—	32,7	33,6	36,2	35,3	38,2	45,2	56,3
б) По мануфактуре .	—	—	—	27	29	32	32	35	42	59
Рыночная цена мануфактуры в % к кооперативной цене . .		118,2		—	—	118,6	121,5	124,3	124,5	138,9

Это означает, что товарный голод возник под влиянием городского спроса. Вмешательство крестьянина сказалось к концу 1924/25 г., с появлением на рынке нового урожая, и это обстоятельство сразу же придало товарному голоду острую форму.

Что город повинен в происхождении товарного голода—не ново; говорилось и писалось об этом не раз. Характерно, однако, что большинство авторов, пользующихся концепцией «диспропорции», или совсем об этом не говорит, или же рассматривает этот фактор как побочный и несущественный. Между тем спрос города в общей сумме спроса имеет решающее значение, так как городом потребляется около ¾ всей промышленной продукции [1]). Одного этого достаточно, чтобы обратить сугубое внимание на динамику городского спроса.

Под городским спросом нужно понимать как спрос на средства потребления, так и на средства производства. Как известно, у нас неблагополучно и с первой и со второй группой. Индексы цен на некоторые элементы основного капитала (строительные материалы, цемент, металл и пр.) подымаются вверх так же, как и индекс текстильной группы, а иногда даже быстрее.

Ниже, однако, будет итти речь лишь о причинах, обусловивших увеличение потребительского спроса города, так как товарный голод интересует нас только в этом (потребительском) разрезе.

Среди причин, обусловивших повышение потребительского спроса города, первое место занимает быстрое увеличение числа рабочих и служащих, занятых как производительным, так и непроизводительным трудом, и интенсивный рост их заработной платы.

[1]) Если принимать в расчет как индивидуальное, так и производительное потребление.

Соответственные данные здесь таковы:

Движение числа работников в главных отраслях народного хозяйства, кроме сельского (включая сезонных, работающих в эту дату) [1]).

Отрасли хозяйства	Численность персонала (в тысячах)		Прирост за год	
	На 1/X 24 г.	На 1/X 25 г.	В тыс.	В %
Фаб.-зав. промышленность:				
а) рабочие	1.670	2.056	380	22,7
б) служащие	300	347	47	15,6
Транспорт (ж.-д., водный, местный)	1.130	1.282	152	13,4
Строит. дело	270	489	219	81,0
Госуд. учрежд	1.660	1.880	220	13,2
Кооперат. торг.	233	286	53	22,8
Итого . . .	5.269	6.340	1.071	20,3

Для характеристики роста заработной платы достаточны следующие данные:

	Октябрь 1924 г.	Апрель 1925 г.	Октябрь 1925 г.	Увелич. за год в %.
Зар. плата пром. рабочих (месячная в черв. руб.) .	42,25	41,53	53,02	25,5

В докладной записке Госплана Совету Труда и Обороны, откуда взяты приведенные цифры, говорится: «В настоящее время заработная плата достигла уровня контрольных цифр и в среднем на 2—3% выше довоенной».

Заработная плата работников ж.-д. транспорта за тот же промежуток времени возросла с 40,98 до 58,16 черв. рублей, т.-е. на 41,7%. («Планов. Хоз-во», № 3, за 1926 г., стр. 294—295).

Заработная плата служащих учреждений и торговых предприятий в РСФСР по данным «Статистики труда» возросла по различным группам учреждений на 10—30%.

Таким образом, за год мы имели увеличение числа рабочих и служащих на 20% и рост их заработной платы на 25—30% в среднем.

Факт повышения заработной платы, как известно, не заключает в себе ничего дезорганизующего. Но это в одном случае: если одновременно с этим происходит повышение производительности труда. Однако, в силу ряда причин, о которых нет нужды здесь говорить, как раз в летние месяцы 1925 года, когда заработная плата стала повышаться особенно быстро, производительность труда поползла вниз, и это сползание удалось приостановить лишь к началу 1926 года. При таких обстоятельствах повышение заработной платы означало форсирование потребитель-

[1]) «Экономическое Обозрение», № 3, 1926, стр. 100.

ского спроса без соответственно-быстрого увеличения предложения, т. е. действовало в направлении нарушения устойчивости на рынке.

Следующая причина повышения потребительского спроса города—рост доходов нетрудовых слоев городского населения. Здесь трудно дать более или менее достоверный цифровой материал, так как учесть работу частного предпринимательства—дело исключительной трудности. Тем не менее можно считать бесспорным, что «работа» частника отличается высокой рентабельностью. Так, со слов самих нэпманов [1]) дисконтная ставка в 15—30% месячных на частном денежном рынке не является редкостью. Такая высокая дисконтная ставка, свидетельствуя о большом риске помещения средств в учетные операции, говорит вместе с тем и о ненормально высоких барышах частника.

Имеющиеся данные о частной торговле говорят об интенсивном росте ее, начиная со второй половины 1924/25 г., т. е. в период начала хозяйственных затруднений.

Л. Б. Залкинд [2]), например, пишет: «Со II же квартала 1924—25 г. наступает период роста товарооборота частной торговли, который продолжается с возрастающим темпом и в дальнейших кварталах. Так что второе полугодие 1924—25 г. дает увеличение частных оборотов на целых 44,6 проц. против первого полугодия 1924—25 года». Конечно, интенсивный рост частной торговли сам является производной величиной от товарного голода, однако же, вместе с этим он является и фактором, обостряющим последний, поскольку капиталист не только «наслаждается накоплением», но и не отказывает себе в наслаждениях другого порядка. Усиление давления спроса на потребительский рынок со стороны нетрудовых слоев города, обусловленное интенсивным ростом их доходов, должно быть больше обычного еще и потому, что «наличие капиталов, не находящих себе применения» в частных руках [3]), неизбежно приводит к увеличению размеров личного потребления.

На ряду с ростом доходов городского населения, важной причиной товарного голода является динамика нашей промышленности. Начиная опять-таки со второй половины 1924—25 года, отрасли, производящие средства производства, растут быстрее производства предметов потребления.

Следующие показатели довольно отчетливо характеризуют этот процесс:

Индексы физического об'ема производства [4]).
(Относительные числа. Средне-месячная за 1924/25 г. = 100).

Отрасли промышленности	Янв. 25 г.	Апр. 25 г.	Июль 25 г.	Окт. 25 г.	Янв. 26 г.
I. Вся промышленность . . .	94	98	97	142	138
II. Тяжелая промышленность	85	99	107	151	151
III. Горная промышленность .	96	86	102	140	143
IV. Легкая промышленность .	101	106	90	135	127

[1]) Ср. «Анкету» в «Торгово-Промышленной Газете» за 25/II—1926 г.
[2]) «Экономическая Жизнь», № 90 за 20/IV—1926 г. Курсив наш.
[3]) Из доклада Госплана Совнаркому СССР. «Правда», № 124 за 1926 г.
[4]) По данным «Экономич. бюллетеня Кон'юнкт. Института», № 2 за 1926 г.

Как видим, показатели тяжелой и горной промышленности растут значительно быстрее, чем показатели легкой индустрии. Значение этих процессов в интересующем нас вопросе состоит в том, что отставание развертывания легкой промышленности от темпа развертывания промышленности в целом означает недопроизводство предметов потребления и, следовательно, является фактором, также ведущим к нарушению равновесия между спросом и предложением [1]).

Итак, за товарный голод город и деревня несут, так сказать, «коллективную» ответственность. К чему сводится их «персональная» ответственность, мы увидим из следующих цифр, вносящих некоторую ясность в эту туманную сферу экономики.

Доходы населения и расходы на покупку промтоваров [2])
(в милл. черв. руб.).
А. Земледельческое население.

Статьи дохода и расхода	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Весь доход (натуральный и денежн.)	6.910	8.750	10.500
Возрастание за год в % . . .	—	+ 26,6	+ 20,0
Денежный доход	4.258	5.722	6.977
Возрастание за год в % . . .	—	+ 34,4	+ 21,9
Расход на покупку промтоваров . .	1.978	2.660	3.325
Возрастание за год в % . . .	—	+ 34,5	+ 25,0

Б. Неземледельческое население.

Статьи дохода и расхода	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Доходы лиц наемн. труда	2.450	3.689	5.407
Доходы проч. неземл. насел.	1.890	2.080	2.600
Доходы всего неземл. насел.	4.340	5.769	8.007
Возрастание за год в % . . .	—	+ 32,9	+ 38,8
Расход на покупку промтоваров . .	1.792	2.245	3.101
Возрастание за год в % . . .	—	+ 30,8	+ 38,1

[1]) Констатируя этот факт, мы совершенно не вдаемся в анализ того, почему так произошло и в какой мере и почему это необходимо было делать. Изучение этой стороны дела неизбежно заставило бы нас поставить вопрос о планировании, о кредитной политике, о кон'юнктурном цикле и пр. Нам пришлось бы, в частности, полемизировать с проф. Кондратьевым, который, несмотря на все оговорки, не делать которых было бы неприлично, рассматривает последний период нашего развития, как фазу под'ема капиталистического промышленного цикла, и видит основное зло в инфляционистской кредитной политике (ср. его статью в № 6 «Социалист. Хозяйства»). Эту группу вопросов мы оставляем в стороне, так как изучение их требует большой специальной работы.
[2]) Таблица составлена по данным «Контрольных цифр на 1926/27 год» стр. 128—131.

Теперь, если оставить в покое пресловутый 1913 год, справки и аналогии с которым, как мы видели, имеют не очень большую познавательную ценность, и поставить вопрос проще: 1924/25 г. характеризовался относительной устойчивостью на рынке промтоваров; почему же 1925/26 г., несмотря на интенсивное развертывание промышленности, принес с собою острый недостаток товаров?—то приведенная таблица скажет, почему так случилось. В 1925/26 году сильно возросла покупательная сила деревни: денежный доход крестьянства увеличился с 5.722 м. до 6.977 м. р., т.-е. на 22%, а расходы на покупку промтоваров увеличились с 2.660 м. до 3.325 м. р. или на 25%. Но еще сильнее возросла покупательная сила городского населения [1]): денежные доходы—с 5.769 м. до 8.007 м. р. или на 39%, а расходы на покупку промтоваров—с 2.245 м. до 3.101 м. р. или на 38%. При этом городской спрос (потребительский) поглощает почти такую же массу товаров, как и деревенский.

Дело, таким образом, не только в диспропорции и увеличении покупательной силы крестьянства, но на ряду с этим и в другом—в росте покупательной силы городского потребителя. Это нужно подчеркнуть со всею решительностью. Игнорировать это означало бы попытку укрыться за широкой спиной мужика, от признания своих собственных ошибок, уклониться от ответственности тогда, когда нет никаких оснований и смысла так поступать: «Нельзя из кулака сделать единственную фигуру, которая отвечает решительно за все, в том числе и за наши ошибки. И мы с вами отвечаем!» (А. Рыков).

Теперь необходимо сделать некоторые практические выводы. Группа товарищей, видящих *основную причину* товарного голода в положительных изменениях в крестьянском бюджете, происшедших благодаря Октябрьской революции, предлагает добиваться хозяйственного равновесия путем повышения цен на промтовары и нажима на крестьянство. Свое теоретическое обоснование эта линия находит в пресловутом «законе» социалистического накопления, а возможность ее практического осуществления аргументируется наличием у крестьянства денежных излишков в силу уменьшения принудительных платежей.

Бесспорно, конечно, можно бороться с хозяйственными затруднениями и таким путем. Повышение цен на промтовары, с одной стороны, сжатие платежеспособного спроса на них, путем усиления давления на крестьянство—с другой, несомненно, привели бы нас к состоянию «равновесия». Но *«равновесие», достигнутое таким методом было бы злом не меньшим, чем сам товарный голод, так как оно сопровождалось бы увеличением раствора ножниц цен.* А ножницы цен плюс довоенный финансовый зажим деревни (ср. рассуждения Оссовского) суть вещи, из соединения которых получается динамит, достаточно сильный для того, чтобы экономический фундамент союза с крестьянством был взорван. Такой путь экономически никуда не годен, политически же нежела-

[1]) По данным, опубликованным в статье Г. Крумина («Эконом. Жизнь» № 140 за 20/VI 1926 г.), в первом полугодии 1925/26 г. по сравнению с первым полугодием 1924/25 г. платежеспособный спрос населения на промтовары возрос на 1.240 милл. руб., из которых 530 милл. падают на деревню, остальные—на город.

телен и опасен. Поступать так значит действительно прятаться от дождя да в воду.

Необходимо добиться хозяйственного равновесия без повышения цен на промтовары, *ибо только при этом условии равновесие будет покоиться на экономически здоровой основе.* В этом вся суть. В этом *принципиальное* отличие линии проводимой партией от только-что рассмотренной. Кроме того, система мероприятий для преодоления товарного голода должна распространяться *не только на деревню, но и на город.*

Подробно говорить о мерах для преодоления товарного голода мы не будем, так как система мероприятий, проводимая партией в данное время, уже оправдала себя: на рынке промтоваров мы имеем в последнее время некоторую устойчивость. Перечислим лишь основные мероприятия:

Борьба за здоровые хлебные цены; пересмотр системы с.-х. налога в сторону усиления обложения платежеспособных слоев деревни; привлечение крестьянских денежных излишков через кредитную систему в распоряжение промышленности.

Гибкая политика заработной платы, о чем подробнее ниже; максимальное сокращение всяческих скрытых видов заработной платы: борьба с раздутыми штатами и в промышленности и в учреждениях; ряд других мероприятий по борьбе за экономию и ограничение размеров городского непроизводительного потребления.

Увеличение акцизов на некоторые товары; мероприятия для пропорционального развертывания тяжелой и мелкой промышленности, в частности, создание благоприятных условий для развития текстильной и кожевенной промышленности; борьба за удешевление и оздоровление товаропроводящего аппарата; решительный нажим (в частности при помощи налогового аппарата) на частнокапиталистическую сферу деятельности.

В обострении товарного голода рост заработной платы играл, как мы видели, не последнюю роль. Тем не менее было бы большой ошибкой начинать борьбу с товарным голодом с этого конца. *Не только итти на понижение заработной платы, но и оставаться в течение более или менее продолжительного времени на достигнутом довоенном уровне мы не можем.* Довоенные капиталистические нормы в этой области для нас недостаточны более чем в какой бы то ни было другой области хозяйства. Индустриализация страны немыслима без под'ема культурного уровня, а последнее невозможно без улучшения материального положения трудящихся. Неуклонное повышение заработной платы диктуется, таким образом, коренными интересами нашей экономики. Но нет, как известно, правил без исключений. Когда, напр., масса предметов потребления не увеличивается или увеличивается недостаточно быстро, бессмысленно повышать денежную заработную плату: такое повышение будет быстро сведено на-нет ростом товарных цен. С другой стороны, политика заработной платы *обязательно должна быть увязана с проблемой производительности труда,* ибо, как совершенно правильно заметил Г. Крумин, «вне этой связи немыслим прочный под'ем материального положения рабочего класса, такого чуда никто еще не придумал».

Что касается ближайшего времени, то если перелом, наметившийся на рынке промтоваров, будет устойчивым и будет благополучно с производительностью труда, некоторое повышение заработной платы станет возможным. Пока же нужно выжидать и проявлять необходимую осторожность.

Другое дело—сокращение общего фонда заработной платы. Здесь можно сделать многое. Не редки, напр., случаи, когда крупнейшие учреждения безболезненно проводят сокращение штатов на 20 и более процентов. Не редки случаи, когда сокращение расходов на командировки и др. «подсобные заработки» дает экономию в миллионы рублей. Не сокращая размеров индивидуальной заработной платы, даже повышая ее в отдельных случаях, мы можем добиться значительного сокращения расходов на зарплату и тем самым ослабить напряжение на потребительском рынке.

Тов. Преображенский очень не любит «вульгарного советского экономиста, являющегося пока, за известными исключениями, героем дня в нашей экономической печати» («Новая экономика», предисловие). Тем более достойна внимания «глубина мысли», обнаруженная самим тов. Преображенским в его рассуждениях о заработной плате. Защищая необходимость повышения отпускных цен трестов на товары, «по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод», автор высказывает следующую мудрую гипотезу: «С другой стороны, только этим путем мы в состоянии будем получить необходимые ресурсы для возмещения рабочему классу того, что он потерял на повышении цен в частной торговле, и гарантировать ему на будущее время определенный реальный уровень заработной платы» [1]). Это означает, что тов. Преображенский предлагает бороться с понижением реальной заработной платы, вытекающим из повышения товарных цен, путем повышения денежной заработной платы и указывает источник, откуда могут быть взяты средства, для этой цели необходимые.

А теперь посмотрите, в какое болото хочет затащить нас тов. Преображенский. Увеличение денежных покупательных ресурсов, в условиях недостатка товаров, неизбежно погонит товарные цены вверх. Тогда, чтобы сохранить реальный уровень зарплаты, придется вновь повышать денежную заработную плату, а это, в свою очередь, опять вызовет новое повышение товарных цен и т. д., до бесконечности.

Ну, как тут не вспомнить об одном анекдотическом персонаже, который на вопрос пьяниц о том, как избавиться от красного носа, отвечал: «Пейте до тех пор, пока ваш нос не посинеет»?

* * *

Теоретическая установка группы товарищей, считающих диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью «ключем» товарного голода, такова, что они рассматривают всю проблему хозяйственного равновесия под углом зрения равновесия между сельским хозяйством и промышленностью. Других факторов, играющих в хозяйственном равновесии далеко не второстепенную роль, они или совсем не желают замечать, или, если и говорят о них, то не придают им сколько-нибудь серьезного значения. Отсюда и общее направление, которое они хотели бы придать всей экономической политике: необходимо взять наибольший темп развертывания промышленности и подчинить этой задаче все остальное (экспорто-импортную политику, политику цен, налоговую политику и проч.). И когда им указывают на то, что и в развертывании промышленности нужно соблюдать меру, что и здесь нужна сугубая осторожность, чтобы не попасть вновь в какой-нибудь сложный переплет, то сейчас же начинается истерика: «А, так вы отступаете от решения XIV с'езда», «вы сидите между двух стульев»! и проч. в том же духе.

С такой постановкой проблемы индустриализации необходима решительная борьба. Развертывание промышленности должно опираться на хозяйственные реальности, а не на суб'ективные желания. Политик должен исходить не только из необходимости достижения в кратчайший срок желательных пропорций между сельским хозяйством и промышленностью; на ряду с этим, он должен видеть опасности, заложенные в самом развертывании промышленности. В этом отношении проблема капитального строительства, темп накопления в целом, проблема заработной платы, экспортно-импортная политика и проч. имеют сугубо важное значение. Грош цена такому политику, который, подобно тов. Преображенскому, будет все время кричать: усиливай капитальное строительство, строй импортный план так, чтобы все потребности промышленности были «полностью удовлетворены», повышай заработную плату и т. д. В различные отрезки времени все эти вопросы вместе и каждый в отдельности могут и будут решаться по-разному. Вполне возможно, напр., что как раз интенсивное развертывание тяжелой промышленности поставит нас перед необходимостью ввозить не только средства производства, но и значительную часть предметов потребления, если мы при этом будем исходить из необходимости избежать повторения осложнений 1925 года.

Сохранение хозяйственного равновесия есть высший закон, которому при всяких условиях должна подчиняться вся наша экономическая политика, в том числе и проблема индустриализации. За эту науку мы достаточно заплатили в 1925 году. Нет нужды платить за нее и впредь.

---

[1]) «Большевик», № 6 за 1926 г., стр. 63. Курсив наш.

А. Шляпников.

О демонстративной атаке и правой опасности в партии.

I.

В «Правде» от 10 июля с. г. в статье «Правая опасность в нашей партии» помещен разбор личного письма тов. Медведева бакинскому партийному пролетарию. Это письмо относится к периоду внутрипартийной дискуссии 1923—24 гг. и имело исключительно личный характер, но уже в том же 1924 году, со времени начала, по провокации, дела против рабочих членов партии в Баку, получило партийно-общественное значение, и стало известно членам политбюро ЦК партии. Однако, лишь спустя два года после получения его членами ЦК редакция нашего центрального органа внезапно увидала в нем выражение «правой опасности» в нашей партии и решила уделить внимание поставленным в нем вопросам. Еще недавно мы добивались опубликования письма т. Медведева и особенно настойчиво в связи с нашими протестами против приговора над бакинскими рабочими-партийцами, обвиненными в организации группы «Бакинской оппозиции». Но в публикации его нам было отказано.

Мы были бы весьма благодарны редакции «Правды» даже за запоздалое внимание к поставленным в нем вопросам, даже в форме отдельных цитат из него и частичное опубликование письма тов. Медведева, если бы они делались без сознательных извращений, чего мы вправе требовать от редакции «Правды». Сама редакция считает личное письмо т. Медведева, написанное на запрос партийного товарища из Баку еще в январе 1924 года, «важным политическим документом», и притом не только не утерявшим интерес за истекшие два с половиной года, но, по мнению самой редакции, это письмо «даже приобрело ударную политическую свежесть». Такое определение письма, казалось, обязывает редакцию отнестись к нему, действительно, как к важному политическому документу и опубликовать его полностью. Но редакция «Правды» этого не сделала. Редакция не сделала этого потому, что опубликование подлинного содержания письма не дало бы ей возможности нанести задуманный руководителями ЦК очередной политический удар по т. Медведеву и по пишущему эти строки, а через нас и по тем товарищам, которые не разделяют политики большинства ЦК. Таким образом, столь внезапное просветление редакции «Правды» и постановка вопроса о письме т. Медведева понадобились руководителям большинства ЦК отнюдь не в целях разбора и освещения поставленных в письме т. Медведева вопросов и информации партии о правой опасности в ее рядах и не для раз'яснения ошибочности изложенных в нем взглядов, а для политического шельмования нас и в целях запугивания тех, кто не разделяет политики ны-

нешнего большинства ЦК партии и, усматривая в ней наличие подлинно правой опасности, боится ее признать.

Политическая клевета на «рабочую оппозицию» и на оппозицию вообще давно уже стала орудием партийной борьбы и средством быстрых достижений для примазавшихся к партии карьеристов.

На ряду с ними невежественные историки и заинтересованные в групповой борьбе политиканы пытаются дискредитировать нас ссылкой на идейную борьбу с нами В. И. Ленина, не понимая ни подлинных мотивов ее, ни политического значения. Мы расскажем партии в свое время об этой борьбе. Однако, ведя с нами борьбу, В. И. Ленин чутко прислушивался к нашим тревогам за судьбы нашей революции. Нынешние же руководители ВКП(б) в своем отношении к оппозиции кричащим образом отличаются от Владимира Ильича тем, что давно потеряли подлинное чувство тревоги за судьбу нашей революции.

Очень часто в такой нечестной политической борьбе клеветники пытаются опереться на В. И. Ленина. Но их попытки должны быть решительно разоблачены: В. И. Ленин не прибегал к нечестным приемам, и ссылки на него являются грязной клеветой.

Наша внутрипартийная идейная борьба 1920—22 гг. отличается от нынешней глубиной содержания и поучительностью. Уроки того времени не пропали даром ни для партии, ни для нас. Но ныне не те времена, 1926 г. не 1921 и по разногласиям нашего времени, мы глубоко убеждены, что были бы вместе с В. И. Лениным против руководителей нынешнего большинства ЦК, как были с ним в самые первые дни февральской революции против вождей нынешнего большинства ЦК.

Очевидно, желание автора выслужиться перед руководителями большинства ЦК побудило его прибегнуть к подлогам, фальшивым цитатам и шуллерским приемам, а партийная редакция, видимо, по тем же мотивам, не устранила приемов намеренного извращения документа и собственные измышления автора о «платформе» т. Медведева и моей.

II.

Уже первые строки статьи о «Правой опасности в нашей партии» бьют фонтаном неправды. Статья начинается со ссылки на дело о «Бакинской оппозиции», и при этом редакция не остановилась перед извращением фактов и даже постановлений ЦКК и Политбюро по этому делу. Опубликованное по делу «Бакинской оппозиции» решение ЦКК ВКП(б) и статья т. Сольца, говорит прямо, что «никаких данных действительного оформления в группу не было, а посему оценка работы этих товарищей, как оформленной группы необоснована, а шельмование их конгрреволюционерами и предупреждение беспартийных рабочих, что в случае повторения участия в подобных подпольных организациях дело на них будет передано в соответствующие советские органы, «свидетельствуют о недопустимой горячности в этом деле». Так писал т. Сольц, которого мы открыто считаем крайне пристрастным ко всякому делу, где имеются наши имена. Но иное сообщает партийная редакция.

Редакции «Правды» должно быть известно то решение ЦКК, в котором значится выговор секретарю ЦК и председателю ЦКК азербайджанской КП(б) за создание этого дела. Даже президиум ЦКК, рассматривавший по нашему протесту это дело, вынужден был отменить приговор, а не смягчить его как говорится в статье. Так говорят официальные документы, но редакция шагает через них и много раз в одном лишь столбце повторяет, что письмо тов. Медведева было «адресовано членам Бакинской группы» и т. д., явно извращая факты.

В первом разделе статьи «Правая опасность в нашей партии», говоря об отношениях т. Медведева к хозяйственной политике партии, автор пытается поднять спор с нами на принципиальную высоту, но быстро скатывается на излюбленный и выгодный путь извращений, цитируемого документа.

Высказанная в письме тревога за судьбу нашей государственной крупной промышленности, превращена редакцией «Правды» в нежелание т. Медведева «согласовать» развитие крупной промышленности с развитием крестьянского хозяйства. Указания т. Медведева на ограниченность непосредственного крестьянского рынка для продуктов тяжелой индустрии (металлургии, машиностроения, угольной и т. п.), выдается редакцией за стремление разрушить хозяйственную смычку города с деревней.

Только злостное намерение редакции позволило ей толковать тревогу т. Медведева за состояние крупной промышленности, как отрицание важности смычки. Нам достаточно указать редакции «Правды», хотя бы лишь на то, что в тот год, когда писалось письмо, положение крупной промышленности было крайне тяжелое, а «ведомственная» борьба против заказов для нее, угрожала самому ее существованию. Мы напомним только несколько моментов из этой борьбы, особенно ярко выявившейся в споре между Наркомпути и ВСНХ по вопросу о железнодорожных заказах. Кто не знает, что НКПС добивался полного «освобождения» себя от заказов на паровозы, вагоны, рельсы и т. п. материал и требовал, чтобы ВСНХ перевел металлургические и машиностроительные заводы на обслуживание непосредственных нужд деревенского хозяйства? А спор о нужности заводов Ленинграда, разве не угрожал он существованию крупнейших заводов? Истекшие со времени последней дискуссии годы только подтвердили тревогу т. Медведева. Дальнейшие события показали всей партии необходимость постановки вопроса об индустриализации всего хозяйства страны, и XIV с'езд открыто поставил в порядок дня задачу проведения индустриализации в жизнь. Промышленная отсталость нашей страны становится очевидной угрозой всем завоеваниям Октябрьской революции.

Рассуждение т. Медведева о неустойчивости мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства в условиях существующей капиталистической конкуренции, общее всем марксистам, ленинцам-большевикам, оспаривается редакцией нашего ЦО. На признании неустойчивости таких хозяйств зиждется вся наша программа практических мероприятий в деревне, в том числе и различные виды кооперации. Но редакция зачарована «смычкой с крестьянским хозяйством» вообще, а не с беднотой и вместе с ней с середняками и не видит, как смычка превращается у нее в смычку с кулаком.

Мы хорошо помним нашу старую борьбу с реакционными эсэровскими теориями о жизненности мелкого хозяйства, и, поскольку в сельском хозяйстве у нас существуют капиталистические отношения, мы не намерены обманывать бедноту обещаниями спасти ее карликовое «самостоятельное» собственническое хозяйство в условиях нэпа и жестокой рыночной борьбы. Редакция не опровергает т. Медведева фактами, доказывающими, что развитие нашего мелкособственнического сельского хозяйства идет по иному пути. Почему не пишет она, что бедняцкие хозяйства идут по иному пути? Почему не пишет она, что бедняцкие хозяйства в деревне укрепились на основе частной собственности? Нет, этого сделать она не может, ибо слишком хорошо известно ныне каждому, что за два года, истекшие со времени написания т. Медведевым письма, расслоение в деревне сделало огромный шаг вперед. О судьбе этого мелкого и мельчайшего хозяйства и писал т. Медведев, его судьбой интересовался он прежде всего, а не развитием «крестьянского хозяйства» вообще, как пишет редакция. Да, крупное (кулацкое и по современному «мощно-середняцкое») хозяйство в деревне имеет богатые перспективы, о смычке с ним хлопочет «Правда», когда упрекает нас в желании размычки. Ведь капиталистические отношения в деревне нами не изжиты, а поскольку они есть, законы капиталистической конкуренции продолжают действовать. Забывать об этом не следует.

Редакция указывает на кооперацию, как на путь развития для мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, но явно не понимает, что этот путь развития означает отказ от перспективы развития собственнического самостоятельного мелкого хозяйства и лишь подтверждает высказанное т. Медведевым положение о неизбежности гибели самостоятельного мелкого крестьянского хозяйства. Только эпигоны кулацкой буржуазии могут говорить о радужных перспективах, о розовом будущем для бедняцких хозяйств. Но все эти уверения способны укрывать лишь капиталистическую действительность в угоду эксплоататорской части деревни, нуждающейся в сохранении таких иллюзий у бедноты.

Тов. Медведев поставил в своем личном письме лишь общую задачу партии в сельском хозяйстве и отметил ошибочность такой политики, которая стремится обеспечить самостоятельное развитие мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства и тем увековечить ныне сложившиеся в деревне отношения. Этот путь давно изведан и осужден историей. Можно и нужно все сделать для того, чтобы экономический процесс вытеснения маломощных хозяйств в деревне носил менее болезненные формы, чтобы им был облегчен выход на путь кооперативного, товарищеского об'единения, но обещать бедноте сохранить и еще поднять ее самостоятельное хозяйство на почве сохранения частной собственности будет обманом. Привлечь эти элементы крестьянства через товарищества, кооперацию и т. п. путями к переходу от индивидуальных и мелких форм хозяйства к крупному, задача важная, насущная, и мы нигде не отклоняем ее. В письме т. Медведева многого нет, но по вопросу о «смычке с деревней» сказано достаточно—и именно о смычке с той частью деревни, о которой большевики, наперекор всем эсеро-меньшевистским благожелателям «крестьянства», твердили всегда особенно упорно. Мы

имеем прежде всего смычку с деревенской беднотой. Смычка с середняком решается проще—возможностью и способностью нашей госпромышленности удовлетворить товарный голод. Для деревенской бедноты вопрос о смычке гораздо острее и сложнее. В отношении огромной массы бедноты даже кооперация существенно помочь бессильна. И на этот вопрос т. Медведев дает ответ: смычка такой деревенской бедноты с городом зависит от степени развития нашей промышленности, от об'ема госстроительства и прочих крупных работ.

III.

Тревога за положение и будущность рабочего класса и бедноты, связанная с медлительностью развития производительных сил нашей страны, которая сквозит во всех строках письма т. Медведева, истолковывается редакцией как приглашение на поклон к международному капиталу. Автор статьи «о правой опасности» не останавливается перед прямым измышлением и в доказательство нашей неправоты приводит свои собственные мысли в виде цитаты из письма, по которой выходит, будто «мы требуем, чтобы правительство сделало более энергичные поиски этих средств путем иностранных и внутренних госзаймов и допущения концессий с большими потерями, материальными жертвами, чем те, что готово было предоставить наше государство за предоставление ему таких кредитов».

Мы категорически заявляем, что такого места в письме т. Медведева нет. Всякий партийный товарищ может проверить наше утверждение на лживость редакции по подлиннику письма т. Медведева, находящемуся в ЦК и ЦКК. Откуда взяла редакция эту фразу? Около не существующей в письме цитаты построена добрая половина всего обвинения нас. Вот какими средствами борется редакция с нами. Зачем понадобился редакции такой подлог? Этот подлог и измышление понадобились редакции лишь для того, чтобы изобразить нас сторонниками «концессионной политики без всяких границ». Так правдиво передает документ редакция нашего Центрального Органа.

Отбросив в сторону нечестный прием борьбы, ложь и клевету, мы смеем спросить редакцию, пересмотрела ли она свое отношение к предложениям т. В. И. Ленина о концессиях? Мы разделяем их целиком и не боимся проведения в намеченных им пределах концессионной политики в жизнь. Нас не смущает крикливость автора и его отрицательное отношение к концессиям. Фразерам и болтунам мы можем напомнить слова В. И. Ленина, что, «насаждая государственный капитализм, в виде концессий, советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственные экономические отношения в противовес мелкобуржуазно-анархическим. В меру и осторожно проведенная концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной небольшой степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян, конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов.

Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика». Мы разделяем полностью эти мысли В. И. Ленина и иного от партии не требуем.

В измышлении редакции, однако, есть доля правды: сторонники расширения концессионной политики за намеченные В. И. Лениным пределы есть, но они находятся в Политбюро. Еще весной прошлого года т. Рыков провел через него решение о расширении концессионной политики. Не разделяя ныне во многом взглядов и действий т. Рыкова, тем не менее мы не можем еще бросить ему обвинения, что он является сторонником «концессионной политики без всяких границ». Мы надеемся, что, проводя решение о расширении концессионной политики, он не забыл сказанного В. И. Лениным—«в меру и осторожно» [1]).

Редакция извратила весь смысл части письма, в которой говорится о промышленности и концессиях. Обвиняя т. Медведева в том, что он хочет «ликвидировать самостоятельную советскую госпромышленность», редакция просто клевещет, и дальше через два столбца после такого обвинения сама же опровергает его, упрекая т. Медведева уже в том, что он хочет слишком быстрого развития нашей госпромышленности. Разбирая вопрос о судьбе мелкого хозяйства и бедноты, редакция говорит, что т. Медведев «выходом для неизбежно разоряемых миллионных масс крестьянских хозяйств считает только одно: максимально быстрое развитие крупной госпромышленности». Так и сказано—крупной госпромышленности, а не какой-либо другой.

Развивая правильно взятую из письма т. Медведева мысль, далее редакция пишет, что по нему «развертывание госпромышленности должно итти таким темпом, чтобы могла быть в ней занята вся роковым образом разоряемая масса деревенщины». Можно ли толковать эти мысли как желание тов. Медведева сдать Уркватрам нашу крупную промышленность? Нет, только злостное намерение опельмовать нас толкнуло редакцию на такое явно ложное использование письма. Не сдача нашей государственной промышленности является нашей «платформой», а максимальное ее развитие и привлечение к делу создания новых отраслей промышленности и усиления уже существующей внутренних средств и иностранных капиталов, но «в меру и осторожно».

Вторая часть той же статьи посвящена разбору, по выражению автора, «международного политического курса» т. Медведева. И здесь редакция пользуется излюбленным способом—подлогом, и об'являет тов. Медведева «принципиальным врагом политики Коминтерна». Для этой цели она приводит в качестве довода поддельную выписку, гласящую, что «та почва, на которой Коминтерн питается,—европейские рабочие массы—явно безнадежна», об'являет ее взятой из письма тов. Медведева и на протяжении ряда

[1]) Никаких решений о «расширении концессионной политики за намеченные В. И. Лениным пределы» ни т. Рыков, ни ЦК никогда не принимали. Наоборот, всякие такие попытки встречали отпор ЦК ВКП(б). Все решения, которые принимались партией, были лишь оформлением и практическим применением тех принципиальных предложений, какие были высказаны по вопросу о концессиях В. И. Лениным в статьях и речах. Они были направлены к тому, чтобы устранить неправильности и недочеты, которые обнаружились на практике при проведении концессионной политики. *Примечание редакции.*

столбцов размазывает это лживое измышление. Мы заявляем, что данная фраза целиком и полностью выдумана, подложна. В письме тов. Медведева такого места нет.

Характер измышления и направление фальшивой цитаты будут особенно ясны, когда мы обратимся к подлиннику. В письме тов. Медведева на этом же месте говорится, что «те методы, которыми Коминтерн пытается завоевать западно-европейские рабочие массы—явно безнадежны. Они не только не сближают нас с массами организованного международного пролетариата, но, наоборот, разобщают». Стоит только сравнить это место с той выдержкой, которую преподносит «Правда», чтобы понять разницу.

Вся часть статьи о якобы «международном политическом курсе» тов. Медведева полна намеренными искажениями содержания письма: сказанное в письме о положении дела в Норвегии после раскола умышленно распространяется на все партии, входящие в Коминтерн. Под «оравой мелкобуржуазной челяди», использующей средства Коминтерна, тов. Медведев имел в виду только «челядь», в роде Руднянских и К°, присасывающихся к коммунистическому движению. Совершенно не соответствует ни духу, ни содержанию письма характеристика его, как «бешеной атаки на Коминтерн». Если это письмо действительно являлось «бешеной атакой на Коминтерн», то почему ЦК хранил два года молчание о нем? Почему он молчал о нем на XIV партконференции и даже на XIV партс'езде? Нет, такое изображение письма редакцией «Правды» понадобилось только теперь и только для запугивания недовольных существующей политикой, осуществляемой руководящим большинством ЦК партии.

Тем же путем подделки достигается обвинение тов. Медведева в «неприкрытой защите Второго Интернационала». Редакция взяла несколько слов из письма тов. Медведева, разбавила их своими измышлениями и еще добавила к ним по тому же способу измышление о том, будто тов. Медведев протестовал против дискредитации «социал-демократического правительства вообще», например, макдональдовского «рабочего правительства в Англии». Мы заявляем, что подобного протеста, а равно упоминания с.-д. правительств и макдональдовского в частности в письме тов. Медведева нет и не могло быть. Когда писалось письмо т. Медведева, макдональдовского правительства еще не было на свете. Все, что говорит автор по этому случаю, чистейшая выдумка, основанная на подлоге и сознательном извращении текста письма [1]).

Идя по излюбленному способу передержек, редакция доказывает далее, что тов. Медведев «рекомендует ликвидировать самостоятельные коммунистические партии и закрыть Красный Интернационал Профсоюзов» и даже зовет «назад в ряды социал-демократии». Достигается это очень просто и легко. В ту часть письма, где говорится о том, что «мы стояли и стоим за то, чтобы коммунистические рабочие массы оставались составной частью рабочих масс, организованных в профсоюзах, кооперации», автор подлогов вставил еще два слова «и социалистических партиях». Эти словечки набраны жирным шрифтом и служат основанием для обвинения тов. Медведева в «ликвидаторстве Коминтерна».

[1]) Первое газетное сообщение об образовании правительства Макдональда появилось в нашей прессе только 24/I—1924 г.

Крик о нашем намерении «ликвидировать Профинтерн» принадлежит все к тому же арсеналу средств, которыми хотят прикрыть действительную ликвидацию. Нет, не мы ликвидируем Профинтерн. Эта ликвидация происходит давно. Редакция должна знать, что политика «единого фронта», стремление достигнуть некоторой связи с профессиональными рабочими союзами и их об'единениями, вынудили ВЦСПС действовать помимо и через голову Профинтерна. Эти действия в обход Профинтерна уже давно подорвали и не могли не подорвать его авторитет и значение. Маневры с англо-русским комитетом и стремление превратить его в новый международный центр фактически свели на-нет как деятельность, так и международное значение Профинтерна. Этот «обход» Профинтерна зашел столь далеко, что из уставов наших всесоюзных профессиональных об'единений давно уже вытравлены и самые слова «Красный Профинтерн».

Наши разногласия по вопросу о Профинтерне лежат не в той плоскости, в которую пытается перенести спор автор статьи. Наши разногласия по вопросу о Профинтерне и Амстердаме вызываются тем беспринципным делячеством, которое руководители большинства ЦК положили в основу своих отношений к Амстердаму. Мы против такой политики.

Мы совершенно не разделяем и той идейной капитуляции, под знаменем которой подготовляется ликвидация Профинтерна и которая особенно ярко выражена тов. Сталиным еще на XIV партконференции, когда он от имени «среднего массового рабочего» упрекал европейских коммунистов: «Вы хотите разрушить то дело, которое я создавал десятилетиями, доказывая мне, что коммунизм лучше тред-юнионизма. Я не знаю, может быть, вы правы в своих теоретических выкладках насчет коммунизма,—где же мне простому рабочему, разобраться в ваших теориях,—но я знаю одно, что у меня есть свои профсоюзные крепости, они вели меня на борьбу, они отстаивали меня плохо ли, хорошо ли—от нападок капиталистов, и всякий, кто думает разрушить эти крепости, тот разрушает мое собственное рабочее дело, перестаньте атаковывать мои крепости, войдите в профсоюзы, поработайте там лет пять, а то и больше, помогите их улучшить и укрепить, а я погляжу на вас, какие вы есть ребята, и если окажетесь действительно подходящими ребятами, я, конечно, не откажусь поддержать вас» [1]).

Нет, совершенно иначе работали мы в наших профсоюзах и не такими путями завоевывали их. Мы не шли на выучку к меньшевистским рабочим политикам и не тащились у них на поводу. Мы не просто «улучшали и укрепляли» союзы, а вели в них борьбу не только за улучшение положения рабочих, но и вели в них политическую борьбу, не гнушаясь мелочами и связывали эти мелочи с основными задачами и конечными целями рабочего класса. В этой борьбе мы были не просто «подходящими ребятами», а деятелями нашей партии, проводившими ее политику, связывая ее с повседневной работой союза. Мы не входили в блок с с.-д. меньшевиками, а переизбирали их, смещали с руководящих мест профессионального движения.

IV.

Все попытки редакции доказать «ликвидаторство» тов. Медведева, как мы уже указали, покоятся на извращениях и лож-

[1]) И. Сталин. «К итогам XIV конференции РКП (б)», стр. 23—24.

ных цитатах. Все эти извращения положены в основание третьей части статьи, говорящей об «эволюции рабочей оппозиции». Но неудачны все потуги автора изобразить меня и т. Медведева меньшевиками, как фальшиво и само основание обвинений.

Меньшевистские суждения о нас очень хорошо известны руководителям большинства нашего ЦК. Если бы меньшевики оценивали нас так, как это делает за них «Правда», то эти оценки были бы уже давно использованы против нас. Ссылки редакции «Правды» на меньшевиков ошибочны. Как и что думают о нас меньшевики, редакция может узнать в их «центральном органе» «Социалистическом Вестнике». «Соц. Вестник» давно считает нас «реакционно-коммунистическими утопистами», а подводя итоги нашему XIV партс'езду, он оценил руководящее его большинство, как реальных политиков. Мы знаем, что меньшевики всегда считали себя и себе подобных «реальными» политиками, а нас, большевиков—«утопистами».

Упрекая нас «в неверии» в социалистическое строительство в «одной стране», редакция высказывается по существу против государственной подконтрольной крупной промышленности, скрывая это свое отношение под заявлением, что «не всякое развитие у нас крупной промышленности следует расценивать, как успех социалистического строительства». Редакция забыла то, о чем часто напоминал В. И. Ленин всем фразерам и написал в известной брошюре «О продналоге», что в наших условиях «не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борется вместе, заодно и против государственного капитализма и против социализма».

В. И. Ленин предпочитал крупные предприятия «подконтрольных предпринимателей» предприятиям мелкой буржуазии. Он особенно подчеркивал угрозу мелкобуржуазной хозяйственной стихии и полагал, что «кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелкобуржуазными предрассудками» [1]).

Мы не боимся сказать, что всякое подконтрольное нашему государству крупное предприятие мы рассматриваем по существу как шаг, более приближающий нас к социализму, по сравнению с окружающей нас патриархальщиной и кустарничеством.

Эпигоны мелкобуржуазного порядка предпочитают миллионы мелких хозяйчиков крупному капиталу, так как считают последний политически более опасным. Мы же вместе с В. И. Лениным продолжаем видеть опасность там, где она действительно налицо, а именно в мелкобуржуазной стихии. Вместе с ним мы полагаем, что «либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если сорганизуем бедноту, т. е. большинство населения, или полупролетариев вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос», говорил и писал В. И. Ленин [2]), и это ценное указание мы не забываем и не забудем.

[1]) Н. Ленин. «О продовольственном налоге», стр. 5—6.
[2]) Там же.

На передержках из письма, ложных цитатах построены и последующие обвинения тов. Медведева и меня в ликвидации «рабоче-крестьянского союза». Мы продолжаем стоять за тесный союз с деревенской беднотой и вместе с ней и через нее со средним крестьянством.

На той же основе измышлений зиждется и обвинение в ликвидации «пролетарского интернационализма». Клевета, лживая цитата, извращенная мысль—вот что служит автору для построения своего обвинения.

Особенно много чернильного возмущения потратила редакция в защиту «мелкобуржуазной челяди», использовавшей деньги Коминтерна. Не тов. Медведев «танцует вокруг золота», а редакция клеветнически распространяет его выражение, относящееся к определенному типу использователей, подхалимов и карьеристов.

Не менее чудовищным измышлением является и все построение обвинения нас в «ликвидации большевистской партии и курсе на политическую демократию в стране»; создавая шум вокруг будто бы нами проповедуемого «курса на политическую демократию в стране», редакция на деле отвлекает внимание партии от действительных проводников и идейных защитников его.

Указания редакции о том, что «нельзя брататься с амстердамскими ренегатами» мы принимаем к сведению, но не можем не указать ей, что этот упрек надо направить не нам, а тем, кто действительно братается с амстердамскими ренегатами. Это обвинение заслано к нам явно по ошибке, и мы возвращаем его редакции.

Что же касается обвинения нас в держании «курса на политическую демократию», то и в этом случае редакция поступает неправильно и сваливает вину с больной головы на здоровую. В газете, редактируемой той же партийной группой, мы читали на днях [1]) справки о «некоторых итогах перевыборов советов», которые красноречиво иллюстрируют, что подлинная буржуазная демократия уже празднует свои победы ныне. Редакция напрасно сваливает на нас вину за чужой курс и нападками на нас прикрывает их лицо. Не тов. Медведев и не пишущий эти строки определяют политику в нашей стране. Господство буржуазной демократии подготовляется теми, кто особенно рьяно ведет борьбу с оппозицией.

В то время, когда редакция скосила глаза на «медведевско-шляпниковскую опасность», справа растет и двигается прямая буржуазная опасность. 10 июля редакция громит нас за курс на «политическую демократию», а 8 и 9 июля мы читаем в той же «Правде», что опасность воплощения этого курса уже налицо, существует в политической действительности, и этот курс воплощается за счет рабочих и деревенской бедноты.

Статья т. В. Карпинского в той же «Правде» от 8/VII, приводит к выводу, что «расширение круга избирателей в деревне за счет ее эксплоататорских элементов происходит при одновременном сужении участия в политической жизни полупролетарских и пролетарских элементов и уменьшении влияния партии в советах». Таковы итоги политики большинства ЦК в деревне.

[1]) См. «Правду» от 8/VII с. г.

Не лучше обстоит дело в городах. В статье того же автора в «Правде» 9/VII значится, что «расширение круга избирателей за счет городской мелкой буржуазии происходит одновременно с некоторым падением удельного веса пролетарской части избирателей в общей их массе и при гораздо меньшей политической активности их по сравнению с новыми кадрами избирателей из мелкой буржуазии».

А в то же самое время редакция громит нас за существующий, якобы, у нас «курс на политическую демократию», когда этот курс проводится в жизнь теми самыми кругами, поручения которых выполняет центральный орган. Призывая партию дать «решительный отпор» тов. Медведеву и мне, а также пособникам и укрывателям, редакция направляет ее на ложный след.

Автор фельетона совершает ныне ту же ошибку, как и большинство соглашателей и «тоже социалистов» национально-ограниченного типа в 1917 г., когда они видели опасность в левом секторе революции и не замечали ее в лагере буржуазной контрреволюции. Опровергая возводимые на нас обвинения, построенные на основании вымышленных данных, ложных цитат и извращений, мы считаем своей партийной обязанностью протестовать не только против подобных методов борьбы, но и против той политики, интересами которой диктуется борьба нынешнего большинства ЦК против нас.

За последний год партия становится ареной чудовищных явлений. Господствующая ныне в ЦК фракция разгромила ленинградскую организацию за выражение ею опасений по поводу растущей кулацкой опасности в стране. В бакинской организации, среди подлинно пролетарской части ее открыли «контрреволюцию», подвергли гонениям 14 рабочих и троих служащих, из них ряд старых партийцев с 1904 и 1905 гг. исключили из партии. Вся жизнь партии за время после XIV партс'езда приспособлена для «выявления» инакомыслящих, для борьбы со всеми партийцами, которые выражают недовольство современной политикой партии.

Как будто в прямое дополнение к этому в экономике идет буквально наступление на рабочий класс. На девятом году после Октябрьской революции рабочие наших основных отраслей промышленности еще не смеют и мечтать о довоенной заработной плате [1]). На деле и под различными предлогами (снижение расценок, повышение норм выработки и т. д.) происходит понижение уже достигнутого рабочими реального заработка. Режим экономии извращается и направляется по линии усиления эксплоатации рабочих. Во всем этом таится для партии огромная опасность, и обстрел нас имеет цель отвлечь внимание партии от действительных опасностей, стоящих перед ней.

ЦК нашей партии уже два года известно содержание письма тов. Медведева. На XIV с'езде партии о нем никто не обмолвился

[1]) Это—перепев обычных статей из меньшевистского «Социалистического Вестника», повторяющий ложь насчет того, что рабочие не смеют и мечтать о довоенной заработной плате. Уже сейчас заработная плата в некоторых отраслях перешагнула довоенную норму, а в других неуклонно растет. То же самое—о режиме экономии. Какова в этом вопросе точка зрения партии, все знают из недавно опубликованного обращения, подписанного тт. Сталиным, Куйбышевым и Рыковым. *Примечание редакции.*

ни одним словом. За последние полтора года тов. Медведев и пишущий эти строки неоднократно виделись и обменивались мнениями почти со всеми членами Политбюро нынешнего состава. Никто из них не рассматривал письмо «как бешеную атаку на Коминтерн». Наоборот, генеральный секретарь ЦК, тов. Сталин, своими суждениями подтверждал изложенную в письме критику методов работы Коминтерна [1]).

За последний год те же руководители ЦК, неоднократно предлагая нам работать, не требовали от нас признания их линии и борьбы с ленинградской оппозицией. Как дисциплинированные члены партии мы соглашались работать, но борьбу с оппозицией, которая указывает партии на кулацкую опасность, об'явили гибельной. Нас пытались вызвать на эту борьбу, бередя наши чувства обиды на тех, кто особенно яро боролся с нами на XI с'езде партии. Нам прямо и косвенно говорили о том, кто являлся вдохновителем и водителем избиения «рабочей оппозиции». Из тех же кругов нам стало известно, что В. И. Ленин не пошел на призывы части членов ЦК, требовавших от него выступления на XI с'езде за наше исключение из партии. Но, как бы иногда ни были горьки личные обиды и воспоминания, мы не сочли возможным подчиниться мотивам политической и личной мести. Всю свою жизнь мы руководились только интересами нашей пролетарской партии и ее конечной победой.

Нет, не наличие «правой опасности в нашей партии» заставило редакцию опубликовать статью о письме т. Медведева через два года. Эта опасность угрожает партии не с нашей стороны. Тон статьи, подбор цитат и, наконец, пользование подложными выписками, говорит об ином. Выбрав нас мишенью для атаки, руководители ЦК решили произвести расправу с растущими в партии оппозиционными настроениями. Все оппозиционные настроения партийно-пролетарской и родственной ей среды направлены ныне против душащего партию бюрократизма и формализма, против бюрократического принижения инициативы, внутрипартийной критики и против подавления независимой от чиновников партийной мысли [2]). Партийная бюрократия защищается и с этой целью не гнушается никакими средствами. Но такими методами побороть оппозиционных явлений нельзя. Шельмованием нас (или других отдельных товарищей) можно смутить и запугать только политических трусов, но всякий пролетарий, работавший с нами или слышавший нас, не верит и не поверит клевете на нас.

Над нами вновь повисла «июльская угроза». Но мы безбоязненно пережили июльскую угрозу в 1917 году, и нас не устрашат июльские угрозы автора. Мы уверены в конечной победе революционного пролетариата нашей страны над всеми мелкобуржуазными стихиями и сделаем все, чтобы «рабочая демократия» восторжествовала внутри нашей партии и чтобы в интересах подлинного единства исчезла разлагающая наши ряды система внутрипартийного сыска, доносов, шельмования и угроз.

[1]) Именно тов. Сталин в особом письме, разосланном членам Политбюро, отмечал откровенную меньшевистско-ликвидаторскую линию медведевского письма и требовал отпора таким «платформам». Тов. А. Шляпников и здесь говорит прямую неправду. *Примечание редакции.*

[2]) Точь в точь этими словами пишут «Последние Новости» в номере от 3/IX—26 г. в статье «Кто хуже и кто лучше». *Примечание редакции.*

Еще раз о правой опасности в нашей партии.

(*Ответ т. А. Шляпникову*).

... „Нельзя относиться к этой группе, как к здоровой группе".

„Не надо теперь оппозиции, товарищи. И я думаю, что партийному с'езду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций" (аплодисменты).

В. И. Ленин. Речь на X с'езде ВКП(б).

„Я утверждаю, что от демократизма нашей оппозиции до социал-демократизма—один шаг".

Речь т. Смилги на X с'езде ВКП(б).

... „Всякий рабочий поймет, что „рабочая оппозиция" открывает двери для врага".

Речь т. Радека на X с'езде ВКП(б).

... „По существу вы находились на позиции, которая грозит вас поставить вне Интернационала, тем самым вне партии".

Речь т. Троцкого на X с'езде ВКП(б).

Статья в «Правде» (№ 156 от 10/VII—26 г.) «Правая опасность в нашей партии» нашла живейший отклик, встретила самый глубокий интерес в нашей партии. Правда, для многих, привыкших судить о представителях «рабочей оппозиции» по их былым «левым» выступлениям, страшно-левым анархо-синдикалистским платформам и речам перед X с'ездом партии и на самом с'езде, по их знаменитому заявлению 22-х в ИККИ, по их брошюре-манифесту т. А. Коллонтай «Рабочая оппозиция», охотно и сочувственно изданной IV Интернационалом,—показалось новым и даже неожиданным это замечательное произведение ума и пера т. С. Медведева, с которым вполне солидарен и тов. А. Шляпников.

Что же так поразило читателя «Правды»? Что вызвало такое ликование в зарубежной—белогвардейской и меньшевистско-эсэровской—прессе? Поразили и вызвали возмущение членов партии именно эти правые выводы «рабочей оппозиции», пахнущие ренегатством, ликвидаторством,—выводы, которые заставляют ликовать злорадно наших классовых врагов. Тут не отвертишься от ответа ни гнилыми ссылками на то, что это письмо написано в начале 1924 г., ни жалкими попытками уверить читателя, что письмо это имеет «исключительно личный характер». Всякому ясно, что оценки нашей хозяйственной политики, данные «рабочей оппозицией» в этом документе в январе 1924 г., имеют значение и для сегодняшнего дня,—это особенно ясно после «ответа» т. Шляпникова, защищающего их правильность. Всякому ясно, что если в таком «личном письме» т. С. Медведев в начале 1924 г. дает оценку всей нашей международной политики Коминтерна, Профинтерна, социал-демократии и намечает особую линию международной политики «рабочей оппозиции», то эту оценку можно было бы только в том случае не принимать всерьез, если бы сегодня, осенью 1926 г., «рабочая оппозиция» от этой оценки отказывалась. Но так как эту оценку тов. А. Шляпников *сегодня* берет под защиту, то незачем ссылаться на то, что это письмо т. С. Медведева относится к прошлому.

Да к тому же *в начале 1926 года* г. Шляпников требовал опубликования этого документа, ни словом не говоря о том, что он не согласен с меньшевистской платформой г. Медведева, которую он и теперь защищает.

Члены Центрального Комитета еще в прошлом году, *вскоре после получения этого документа из Баку*, поручили одному из членов Политбюро (т. Зиновьеву) ответить на этот меньшевистский документ. К сожалению, это поручение, которое он принял на себя тогда, не было этим товарищем выполнено, хотя он *тогда*, вместе с другими, возмущался реакционными, ликвидаторскими мыслями автора или авторов этого письма. Но когда, после XIV с'езда партии, стало ясно, что новая оппозиция в своем «центростремительном» движении готова включить в свой круг и жалкие обломки «рабочей оппозиции», руководствуясь правилом—«в добром хозяйстве всякая дрянная веревочка пригодится»,—тогда «Правда» показала партии лицо одного из союзников «новой оппозиции». «Лицо» это, конечно, не в состоянии привлечь на сторону «рабочей оппозиции» ни одного честного, революционно настроенного и коммунистически-сознательного пролетария.

Страничка прошлого «рабочей оппозиции».

Напрасно т. А. Шляпников, однако, прибегает к приемам, которые он без всякой славы для себя и своей фракции испробовал в полной мере в 1920—21 гг., раз'ясняя попытку «Правды» вскрыть правую опасность существующей будто бы необходимостью во что бы то ни стало политически «ошельмовать» обломки «рабочей оппозиции» «*в целях запугивания тех, кто не разделяет* политики нынешнего большинства Центрального Комитета партии».

Нетрудно убедиться, что *в эти же самые* 1920—21 гг. *Шляпников и Медведев упрекали В. И. Ленина.*

«Некоторые товарищи,—говорил Ленин на X с'езде партии,—с которыми мне приходилось встречаться и спорить на дискуссии, когда я несколько месяцев тому назад говорил: «Смотрите, тут

есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса», говорили: «Это способ запугивания, вы нас терроризируете». Я несколько раз должен был выслушивать эту приклейку к своим замечаниям,—что я кого-то терроризирую»... (Протоколы X с'езда ВКП(б).

Именно В. И. Ленина и руководимый В. И. Лениным ЦК обвиняла «рабочая оппозиция» во всех тех смертных грехах и уклонах, в каких она обвиняет теперь ЦК и ЦКК ВКП(б): и в политической клевете, и в расправах, как средствах борьбы с «рабочей оппозицией», и в антирабочей, крестьянской политике, и в невнимании к промышленности и т. д., и т. п. Новое в «рабочей оппозиции» заключается в том, что в 1920—21 гг. «рабочая оппозиция» не смела говорить в таком неприлично-меньшевистском тоне о Коминтерне, в каком она говорит в 1924—1926 гг. Новое сегодня заключается в ее откровенных правых выводах, тогда как в 1920—21 гг., как это видно из неопубликованной части стенограммы речи В. И. Ленина на X с'езде, т. Ленин предупреждал партию, что «если же они будут продолжать играть в оппозицию, тогда партия должна будет их исключить»; никто другой, как В. И. Ленин, характеризовал это течение, как отражение мелкобуржуазной стихии; никто другой, как В. И. Ленин, предлагал в 1921 г. меру по отношению к т. Шляпникову, которую июльский пленум ЦК и ЦКК применил, на основании предложения, внесенного тогда на X с'езде Лениным, к т. Лашевичу—исключение из состава ЦК.

А теперь, в 1926 г., т. Шляпников с ясным лбом говорит о «невежественных историках и заинтересованных в групповой борьбе политиканах», которые-де пытаются дискредитировать «рабочую оппозицию» ссылкой на идейную борьбу Ленина с этой некогда анархо-синдикалистской, ныне меньшевистско-ликвидаторской группировкой. Теперь, копируя другого неудачного лидера новой оппозиции, т. Шляпников умничает насчет того, что «1926 г. не 1921 год», и уверяет, что «по разногласиям нашего времени» они, представители бывшей «рабочей оппозиции», были бы «вместе с В. И. Лениным против руководителей нынешнего большинства ЦК». Тов. Шляпников даже грозится: «И мы расскажем партии в свое время об этой борьбе». Мало ли что вы расскажете,—кто вам поверит? У партии есть источник более надежный, чем «рассказы» т. Шляпникова—протоколы наших с'ездов, такие великолепные документы «классово-спаянных» представителей «рабочей оппозиции», как, например, брошюра тов. А. Коллонтай 1920 года. А если мы обратимся к этим бесспорным документам, то увидим: 1) что по всем тем вопросам, по каким В. И. Ленин был против «рабочей оппозицией», тт. Шляпников и Медведев расходятся и с нынешним ЦК и с партией; 2) что с тех пор «рабочая оппозиция» так далеко шакнула вправо, что растеряла почти всех своих сторонников; 3) что нынешнее большинство ЦК—это и есть, в основном, то большинство, которое поддерживало В. И. Ленина в его борьбе с «рабочей оппозицией». То обстоятельство, что против этого большинства, рука об руку с т. Медведевым и Шляпниковым, подвизается кое-кто из тогдашних соратников Ленина говорит только против этих товарищей, но не говорит ничего в пользу «рабочей оппозиции»: вот уж где—употребляя любимое

слово этих товарищей—подлинное политиканство—это поймет всякий!

Но обратимся к документам. В чем обвиняла тогда в 1920—1921 гг. рабочая оппозиция Ленина и руководимый им ЦК? То обстоятельство, что Ленин обвинил «рабочую оппозицию» в анархо-синдикализме, т. Милонов, один из тогдашних соратников т. Шляпникова, об'яснял «психологически» тем, что «Ленин—председатель Совнаркома, он руководит советской политикой. Очевидно, что всякое движение, откуда бы оно ни исходило, мешающее управлению, и воспринимается как движение мелкобуржуазное и как движение чрезвычайно вредное». Значит, Ленин-де просто поддался настроениям советского «аппарата», просто был враждебен «всякому движению». Тов. Коллонтай обвиняла в «закулисных интригах, в закулисной расправе посредством оргвыводов: «Мы знаем,—говорила она, что закулисно ведется определенная оценка товарищей, расценка их, кого оставить, а кого убрать подальше от тех масс, на которые они оказывают влияние» [1]). Тов. С. Медведев уверял, что ЦК не проводил мер по оздоровлению партии, «не охранял и не проводил в рядах партии на деле принципов рабочей демократии», не боролся с бюрократизмом, не орабочивал советские руководящие органы. Он обвинял ленинский ЦК в том, что «политика ЦК в важнейших областях и по важнейшим вопросам коммунистического строительства имела ряд уклонов в сторону недоверия к творческим силам рабочего класса и уступок мелкой буржуазии и буржуазно-чиновничьим кастам». Внесенную В. И. Лениным резолюцию на X с'езде т. Медведев об'являл «недостойной», «явно демагогической», «недопустимой», он заявил: «Ничего более демагогического и извращающего факты, чем эта резолюция, я не видел и не слышал в своей жизни за 20 лет пребывания в партии». Не ясно ли, что «демагогом», «извращающим факты», об'являлся здесь В. И. Ленин,—он обвинялся рабочей оппозицией в том, что «вводит в среду нашей партии раскол и натравливает мелкобуржуазные чиновные элементы партии на рабочую часть». Так было на X с'езде партии. Между X и XI с'ездами В. И. Ленин предложил исключить тов. Шляпникова из рядов ЦК ВКП(б) [2]). Перед XI с'ездом значительно поредевшая «рабочая оппозиция», от которой отсеялось, с одной стороны, все наиболее здоровое, а с другой—начало отпочковываться уже тогда более «левое» крыло (впоследствии «рабочая группа»),—обратилась в Коминтерн с «заявлением 22-х», под которым подписался в числе прочих—также в качестве партийца—исключенный уже из партии Г. Мясников. Раз уж т. Шляпников собирается «рассказывать» нам сказки о том, что было, не лишне воспроизвести хотя бы частью этот документ. В чем тогда, в конце 1921 года, обвиняла «рабочая оппозиция» тов. Ленина и руководимый им ЦК и всю нашу партию? Как раз в том же самом, в чем обвиняет вся об'единенная новая оппозиция нынешний состав

[1]) Вот из какого арсенала—если еще не «древнее»—и сегодняшние упреки новой оппозиции в „расправах“ и „ссылках“. Как все это старо и потрепано!

[2]) Смотри об этом документы в докладе тов. Рыкова. А. И. Рыков и Н. И. Бухарин, «Партия и оппозиционный блок». ГИЗ 1926 г. Стр. 4—6.

ЦК и, конечно,—как это тогда сказал и теперь говорит Коминтерн,—с такой же необоснованностью, как и сегодня.

...«Наши руководящие центры,—писали они,—ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за это высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры».

Впоследствии из этого арсенала берут свое оружие все оппозиционные группировки, начиная от чистых троцкистов и кончая той помесью, которая выступает сегодня под именем НОП'а: стоит только вспомнить рассказы и писания о «разгроме ленинградской организации», которая, между тем, живет и развивается самым здоровым темпом.

«Стремление приблизить пролетарские массы к государству (вот еще когда и кто начал заниматься этим „приближением". *В. Л.*) об'является „анархо-синдикализмом", а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитированию.

В области профессионального движения та же картина подавления рабочей самодеятельности, инициативы, борьба с инакомыслием всеми средствами. Об'единенные силы партийной и профессиональной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших с'ездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии. Наши фракции союзов, даже фракции целых с'ездов лишаются права выявить свою волю в деле избрания своих центров. Опека и давление бюрократии доходят до того, что членам партии предписывается под угрозой исключения и других репрессивных мер избирать не тех, кого хотят сами коммунисты, а кого хотят интригующие верхушки»...

«Положение дела в нашей партии настолько тяжелое, что побуждает нас обратиться за помощью к вам и этим путем устранить нависшую угрозу раскола нашей партии».

В таком виде изображает «рабочая оппозиция» нашу партию перед лицом Коминтерна. Комиссия Коминтерна осудила выступление 22-х, и XI с'езд избрал специальную комиссию из 19 товарищей, резолюция которой была принята на этом с'езде, при чем с'езд констатировал, что «рабочая оппозиция» сообщила Коминтерну сведения, «ложность которых установлена специальной комиссией, выделенной Коминтерном». С'езд самым решительным образом клеймит поведение отдельных членов этой группы, сообщивших в своих об'яснениях комиссии Коминтерна ложные сведения о партии, извращающие действительную картину взаимоотношений между РКП и всем рабочим классом в целом».

Все знают, что одним из товарищей, сообщивших эти ложные сведения Коминтерну о партии, был тов. Шляпников.

Говоря о «нависшей угрозе раскола нашей партии», «рабочая оппозиция» считает при известных условиях возможным расколоть нашу партию, «находя лишь недостаточно созревшим момент для этого раскола».

XI с'езд постановил: «В случае проявления со стороны этих товарищей (речь шла о тт. Шляпникове и Медведеве в первую очередь) в дальнейшем подобного антипартийного отношения исключить упомянутых товарищей из партии» (резолюция XI с'езда «о некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции»).

Что же может нам еще «рассказать» т. Шляпников после этого об отношении В. И. Ленина к этой группе товарищей? Теперь он заявляет, что В. И. Ленин не прибегал к нечестным приемам, а тогда он его обвинял именно в нечестных приемах борьбы, обвинял перед лицом Коминтерна, бросался этими обвинениями по адресу В. И. Ленина и руководимого им Центрального Комитета. Именно это на ряду с явно неленинской, явно непартийной платформой «рабочей оппозиции» и неоднократными нарушениями партдисциплины со стороны т. Шляпникова заставило Ленина так резко осудить тов. Шляпникова. Попытка тов. Шляпникова уверить партию, что он «был бы вместе с Лениным против руководителей нынешнего большинства ЦК», является явно негодной попыткой доказать, что Ленин стал бы шляпниковцем в 1926 году, отказавшись от своих позиций. Другое дело, если бы г. Шляпников заявил, что он отказывается от тех позиций, которые он защищал за все эти годы,—позиций, осужденных партией при Ленине. Тогда, может быть, ему не пришлось бы выступать против партии так, как он выступает против нее сегодня.

* * *

Антипартийная позиция Шляпникова и его друзей была в то время понятна и т. Троцкому, и т. Зиновьеву, и т. Каменеву, и т. Смилге, и многим другим товарищам, с которыми пытается сегодня нападать вместе на руководящее большинство ЦК т. А. Шляпников. Так, т. Смилга на X с'езде приводил в пример самарскую организацию и указывал, как в очень краткий период самарская организация от лозунга «рабочей оппозиции» перешла к лозунгу учредительного собрания. Он указывал, что

«лозунг большего демократизма, смягчения режима и партийного и советского в новом самарском губкоме (состоявшем тогда из оппозиции. *В. Л.*), конечно, не мог не отразиться на общем размягчении всеобщей обстановки, и это смягчение партийного режима сказалось по заводам и фабрикам; в результате наши товарищи отступили только на одну позицию, и сейчас же в этот окоп ворвались наши враги и использовали эту позицию в своей борьбе против власти».

Тов. Троцкий нашел настоящие слова для того, чтобы заклеймить эту негодную антипартийную линию «рабочей оппозиции». Он указал, что «в этой позиции—«мы» и «они» есть основной грех и основное преступление политической позиции Шляпникова».

Он говорил т. Шляпникову: «Вы ставите себя по отношению к партии в положение «мы» и «они», как если бы у вас была какая-нибудь другая партия в запасе» (не так ли держит сейчас себя новая оппозиция, как если бы у нее была уже теперь какая-либо другая партия в запасе? *В. Л.*). «Это есть политика, которая в своем логическом развитии угрожает, говоря словами резолюции Коминтерна, поставить вас вне партии, вне Коминтерна» (совершенно правильно, дорогие товарищи из новой оппозиции! *В. Л.*)... «Всякие заявления в таком роде,— так говорил т. Троцкий,—«мы» и «они»,—где заявляющий выступает перед лицом широких партийных и беспартийных рабочих масс, придает критике характер и тон такого свойства,— что она неизбежно и немедленно становится материалом в руках наших прямых классовых врагов»... «Поставить себя в положение «мы» и «они»,—говорил т. Троцкий,— с одной стороны—Центральный Комитет, а с другой стороны—вот

такие факты поставить,—это уже будет значить—бедственное положение страны эксплоатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта, только Кронштадта (аплодисменты) (речь т. Троцкого на XI с'езде ВКП (б).

Надо ли доказывать, что эта речь т. Троцкого целиком оборачивается сегодня против тех, кто ведет политику противопоставления по отношению ЦК и по отношению к нашей партии так, как будто бы у них в действительности «была в запасе другая партия» и как если бы они говорили от имени этой другой партии, кто так же ставит себя в положение «мы» и «они».

1926 г. не 1924 г.: Медведев «исправляет» свое письмо.

Значительная доля в статье т. Шляпникова уделяется разговорам о «фонтанах неправды», о «лжи» и «клевете», об «извращении фактов» и т. п. грехах, которые приписываются автору статьи «Правая опасность в нашей партии» и самой редакции «Правды», поместившей эту статью. Главное, чего добивается тов. Шляпников,—чтобы этот антипартийный документ был опубликован целиком в печати. Такого правила у нас нет в партии и не может быть такого правила, чтобы всякий антипартийный документ обязательно публиковался. На этом же основании партия не публиковала манифеста «Рабочей группы» Мясникова, хотя он является ничуть не более антипартийным документом, чем произведения тт. Шляпникова—Медведева. Но, чтобы членам партии было ясно, посредством каких «орудий» действует сейчас т. Шляпников, мы вынуждены рассказать, каким образом т. Шляпников располагает иным текстом письма к бакинским рабочим, чем цитируемый на страницах «Правды».

В начале 1924 г. т. Медведев составил свое «частное письмо», которое он переслал бакинскому товарищу с такого рода припиской:

> «Я выражаю свое горячее пожелание (совершенно очевидно, что это было пожелание не одного т. Медведева), чтобы вы попрочнее связались с теми низовыми рабочими кадрами, которые, несомненно, в вашем районе отзываются на всероссийское явление—на вступление рабочих в партию. Если бы не все было выяснено и после этого письма, не упускайте удобного случая, снеситесь,—тогда можно будет сообщить что-либо и дополнительно.
>
> Еще последняя просьба, настоятельная и горячая: если это письмо Вам будет нужно хотя бы в течение некоторого времени сохранить, сделайте, пожалуйста, все возможное, чтобы перепечатать для себя на машинке, а подлинник этот верните мне во что бы то ни стало».

Ну, не ясно ли, что это—«частный» документ и что он посылался в порядке частной переписки, а вовсе не имел характера фракционных директив?! Что же сделал т. Колосов, друг т. Медведева, с этим письмом? Он перепечатал его в нескольких экземплярах и роздал его тем товарищам, с которыми он надеялся сколотить группу «рабочей оппозиции». «Расследование выяснило, что со стороны т. Колосова и Разина была попытка организовать и оформить группу, но она не увенчалась успехом вследствие об'ективных причин, идеологической и полити-

ческой беспомощности выдвигавшейся платформы и равнодушия к ней со стороны привлекавшихся рабочих» (Постановление ЦКК ВКП (б) о так называемой бакинской рабочей оппозиции). Значит, попытка организовать группу на основании медведевско-шляпниковской платформы была, но она не увенчалась успехом. Один из экземпляров документа—переписанная бакинскими рабочими платформа, попавшая в руки Бакинского Комитета ВКП (б),—был переслан в ЦК и ЦКК. Допустим, что при переписке друзья т. Медведева пропустили что-нибудь,—пропуски при переписке бывают,—но чтобы при переписке вставить целые новые абзацы,—этого не бывает никогда. Когда дело дошло до разбирательства в ЦКК, в начале 1926 г., тов. Медведев прислал в ЦК «исправленный» им текст. Эти «исправления» были очень значительными,—в некоторых местах они обозначали просто-напросто частичный пересмотр того, что писал т. Медведев в 1924 г. Однако, и после этого пересмотра и «исправления» сущность документа осталась той же самой. Однако, кое-что настолько было изменено, что обойти это молчанием никак нельзя. Вот несколько примеров:

Бакинский экземпляр.	Экземпляр Медведева.
1) При внесении таких предложений обыкновенно пугают, а где взять на это средства? У нас их нет. Мы отвечаем на это так: если у нас на это средств в достаточной мере нет, то все же у нас есть такие средства даже в современном госбюджете, которые идут на развитие указанной нами политики, а в части своей и на поддержку тех утопических иллюзий мелкого крестьянского хозяйства, которые наша партия в лице ее подавляющего большинства поддерживает *в этом слое* крестьянства.	1) При внесении таких предложений обыкновенно пугают вопросами: а где взять на это средства? У нас их нет. Мы отвечаем на это так: если у нас нет на это средств в достаточной мере, то все же у нас есть такие средства даже в современном госбюджете, которые идут не на развитие крупного государственного хозяйства, а на поддержку мелкобуржуазного хозяйства состоятельной части крестьянства и на поддержку указанных утопических иллюзий мелкого крестьянства, которые наша партия сама упрочивает у этого слоя крестьянства.
Мы знаем, что, однако, этих средств недостаточно. И мы требуем, чтобы правительство сделало более энергичные поиски этих средств путем иностранных и внутренних госзаймов и допущения концессий и с большими материальными жертвами, чем те, что готово было предоставить наше государство за предоставление ему таких кредитов.	Мы считаем, что при современном хозяйственном состоянии нашей страны с теми перспективами для него, о которых я говорил выше, большие материальные жертвы международному капиталу, готовому пойти на оживление наших потушенных промышленных районов,—есть меньшее из зол, чем то состояние, в котором мы находимся и можем оказаться в ближайшие годы в области нашего промышленного и сельского хозяйства,—состояние, которое может оказаться для нас гибельным.
Мы считаем, что при современном хозяйственном состоянии нашей страны с теми перспективами (о которых я говорил выше), которые ожидают нас, большие материальные жертвы международному капиталу, готовому пойти на оживление наших нарушенных промышленных районов, есть меньшее зло, чем то состояние, в котором мы можем оказаться в ближайшие годы в области нашего промышленного и сельского хозяйства, и которое может оказаться для нас гибельным.	

2) Та почва, на которой Коминтерн питается,—зап.-евр. рабочие массы,—явно безнадежна.	2) Те методы, которыми Коминтерн пытается завоевать зап.-евр. рабочие массы, явно безнадежны.
3) ...еще не идущего за коммунистическими лозунгами. Им же об'ясняется и такая же дискредитация всякого с.-д. правительства вообще, как и современного рабочего правительства в Англии. Это последнее сплошь и рядом изображается, как правительство буржуазии. Мы не можем ни на одну иоту согласиться с такой политикой и тактикой. Она губительна...	3) ...еще не идущего за коммунистическими лозунгами. Она губительна...

По поводу последнего примера т. Шляпников уверяет нас, что об этом они и писать не могли, потому что в то время, когда писалось это письмо, не было еще рабочего правительства в Англии. Однако, все мы знаем, что рабочее правительство в Англии было именно в начале 1924 г., что оно окончательно сконструировалось 12/II—1924 г. и что в январе было уже совершенно ясно, что мы стоим перед лицом образования рабочего правительства. Наша печать оживленно обсуждала эту возможность.

Видите, какие «исправления» получились у т. Медведева и Шляпникова. А после этой грубейшей операции тт. Шляпников—Медведев позволяют себе упрекать центральный орган партии в подлоге и извращении фактов. Мы не обязаны верить больше «исправленному» таким образом тексту, чем тому, который был прислан нам из рук бакинских рабочих. Однако, мы покажем, что и на основании «исправленного» т. Медведевым текста документ этот заслуживает вполне оценки, данной ему «Правдой», и что точка зрения Шляпникова—Медведева ничего общего не имеет с линией ВКП(б).

Рабочая оппозиция и нэп.

Статья в «Правде» обвиняет тов. Медведева в том, что в его письме к бакинским рабочим содержится ликвидаторская платформа, которая в области хозяйственной сводится к тому, что обломки рабочей оппозиции совершенно отрицательно относятся: 1) к политике ВКП(б) по отношению к различным слоям крестьянства; другими словами, что рабочая оппозиция отрицает ту политику взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством, которую проводит по указаниям В. И. Ленина наша партия,—стремится ликвидировать эту политику. 2) Рабочая оппозиция совершенно не согласна с нашей политикой по отношению к международному капиталу, требуя, чтобы рабочий класс СССР пошел на гораздо большие жертвы международному капиталу.

Далее «Правда» констатирует, что в письме Медведева бакинским рабочим заключается предложение 1) ликвидации компартий, как «оравы мелкобуржуазной челяди», 2) обратного вхождения в социал-демократические партии, 3) ликвидации Профинтерна, 4) вхождения в Амстердам.

Тов. Шляпников довольно безуспешно и совершенно негодными средствами пытается доказать, что эти обвинения неправильны.

Начнем по порядку с вопроса о взаимоотношении между пролетариатом и крестьянством так, как ставил его Ленин, и так, как ставят его Шляпников и Медведев. Мы все помним, каким бешеным нападкам подвергался Ленин со стороны «рабочей оппозиции» за его «крестьянскую» политику.

Так как тов. Шляпников делает теперь вид, что он «был бы с Лениным», и в то же самое время защищает антиленинские взгляды, то не лишне кое-что напомнить из недавнего прошлого. Вот манифест «рабочей оппозиции», брошюра А. Коллонтай «Рабочая оппозиция», где тов. Коллонтай об'являла «рабочую оппозицию» «классово-спаянной, классово-сознательной и классово-выдержанной частью нашего промышленного пролетариата». Конечно, партия прежде всего обвинялась этими «классово-спаянными» личностями в том, что она ведет компромиссную политику, а, по мнению этих личностей, «пролетариат требует наибольшей чистоты и бескомпромиссности политики, успешного, форсированного марша на коммунизм». И говорили эти «классово-спаянные» личности языком... Оссовского. Вот, например, мы читаем в этой брошюре тов. Коллонтай:

> «Отчетливая классовая политика нашей партии в процессе отождествления себя с советским государственным аппаратом превращается все более и более в ту надклассовую политику, которая есть не что иное, как «приспособление» руководящих органов к разнородным и противоречивым интересам социально разнородного, мешанного состава населения. Это приспособление ведет к неизбежным шатаниям, к неустойчивости, к уклонам и ошибкам. Достаточно припомнить зигзагообразный путь нашей политики по отношению к крестьянству, приведший нас от «курса на бедняка» к курсу на «хозяйственного трудолюбивого мужика-собственника».

«Ваша политика,—поучала А. М. Коллонтай тов. Ленина,—выбирающая равнодействующую между тремя группами населения, весьма мудрая политика, но она пахнет старо-знакомым приспособленчеством, оппортунизмом».

Итак, Ленин—оппортунист, скатывающийся к защите мелких собственников от классово-выдержанной линии, которую защищал всегда, с первых дней рождения, такой выдержанный пролетарий, как тов. Шляпников.

Тов. Шляпников нападал на Ленина на XI с'езде партии за то, что наша партия требовала создания наиболее дешевого правительства. Он доказывал, что «дешевое правительство очень дорого стоит пролетариату».

Тов. Медведев упрекал нашу партию за наказ по вопросам хозяйственной работы, в котором говорится, «что главной и неотложной задачей хозяйственной деятельности всех хозяйственных органов с'езд приказывает считать достижение в кратчайший срок, во что бы то ни стало, прочного успеха в деле снабжения крестьянства большим количеством товаров, необходимых для под'ема земледелия и улучшения жизни трудящегося крестьянства». «Эту цель, как главнейшую, не должны упускать из виду все органы по управлению промышленностью». «Этой же цели должно быть подчинено улучшение положения рабочих в том смысле, что на все рабочие организации, в первую голову на профсоюзы, возлагается обязанность заботиться о таком восстановлении промышленности, которое бы быстро и полно удовлетворяло потребности крестьянства, при чем от степени достигнутых в этом отношении успехов должно непосред-

ственно зависеть увеличение заработка и улучшение жизни промышленных рабочих». «Этой же цели должна быть подчинена деятельность Наркомфина».

Надо ли доказывать, что взгляды и настроения «рабочей оппозиции» того времени ничего общего не имели со взглядами нашей партии на крестьянство! [1]). Это понимал даже т. Троцкий на XI с'езде, когда указывал «рабочей оппозиции»: «Вспомним, — читаем мы в его речи, — что говорили здесь тт. Шляпников и Медведев: равняются по крестьянству, ЦК ищет опоры в крестьянстве. На самом деле ЦК говорит рабочим: «Для того, чтобы не сорвалась твоя диктатура, ты должен равнять себя по крестьянству». Ленин и пределы развития капитализма при нэпе определял потребностями крестьянства. Он говорил: «Капитализм мы допускаем, но в тех пределах, какие необходимы крестьянству» (речь Ленина на XI с'езде).

А что же говорит бакинская платформа тов. Медведева? Во-первых, тов. Медведев нападает на партию за то, что она устанавливает возможность социалистического наступления на рельсах нэпа. Мы все знаем, что на XI с'езде Ленин определял этот момент, как конец отступления. Расходятся ли в этом вопросе Медведев и Шляпников с нынешним большинством ЦК или с Лениным? Ясное дело, что расходятся с Лениным и ленинской партией; а если кое-кто не только из «рабочей оппозиции», но и из прежних соратников Ленина, попавших ныне в оппозицию, по сути дела защищает шляпниковско-медведевскую точку зрения на нэп, как на политику отступления и до сегодняшний день, то об этом можно только искренно сожалеть, что они «дошли до жизни такой». Шляпников и Медведев заявляет, что новая экономическая политика «на деле является прямым непосредственным выражением интересов мелкобуржуазных крестьянских и городских масс» (цитирую по «исправленному» т. Медведевым экземпляру).

Для тт. Медведева и Шляпникова даром прозвучала речь Владимира Ильича, когда он говорил в 1922 году: «Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильней прыгнуть вперед. Только под этим условием мы отступаем назад в проведении нашей новой экономической политики» (речь на пленуме Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, т. XVIII, ч. 2, стр. 103). А сумели ли мы после этого двинуться вперед, — это может отрицать только злейший враг рабочего класса нашей страны, так как всем известно, что рабочий класс достиг за это время огромных успехов в деле социалистического строительства, в деле наступления при нэпе.

Для тов. Медведева не существует решений Коминтерна по этому вопросу. У него своя точка зрения, и он считает, что он в праве эту точку зрения проповедывать в нашей партии, хотя она была отвергнута всеми решениями наших с'ездов, хотя она в корне противоречит ленинизму.

[1]) „Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которого мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем" (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 146).

Среднее крестьянство и беднота.

А вот образчик отношения т. Медведева и т. Шляпникова к среднему крестьянству. Между прочим, во всей бакинской платформе середняк, кажется, встречается только один раз и вот в какой связи:

> «Дальнейшее ускоренное развитие сельского хозяйства, в первую очередь кулацкого, или более или менее состоятельных, так называемых середняцких масс крестьянства, являясь глубоко прогрессивным явлением для нашей упавшей экономики, неизбежно, однако, поведет к вытеснению наименее хозяйственно обеспеченных масс крестьянства и прежде всего бывших рабочих и заполнит ими все города».

Здесь, как вы видите, кулацкие элементы крестьянства берутся за одну скобку с середняками. А после этого тов. Шляпников пытается нас уверить, будто бы они стоят в этом вопросе на ленинской точке зрения.

В резолюции VIII с'езда ВКП(б) об отношении к среднему крестьянству Ленин писал — и это было принято партией:

«Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата с средним крестьянством в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплоатации» (Рос. Ком. Партия (большевиков) в резолюциях ее с'ездов и конф. ГИЗ 1923 г., стр. 256—258).

Тов. Шляпников раз'ясняет нам, что в отношении крестьянства они решительно отрицают такие меры помощи, которые обещают бедноте сохранить и еще поднять ее самостоятельное хозяйство. О кооперации, о которой тов. Шляпников расписывает теперь в своем «ответе», в письме Медведева к бакинским рабочим, нет ни слова. Странное совпадение! Мы уже видели в вопросе о нэпе наличие огромного сходства между постановкой т. Шляпникова и т. Медведева, с одной стороны, и постановкой вопроса у новой оппозиции перед XIV с'ездом и на XIV с'езде. Тт. Шляпников и Медведев об'единили в своей платформе середняка с кулаком, а кооперация у них исчезла совершенно. Что сей сон означает? Не значит ли это, что эта платформа означает некоторую идейную близость рабочей оппозиции с новой оппозицией? Вот что написано у тов. Медведева в его платформе:

> «Таким образом, мы не разделяем хозяйственной политики ЦК, которая в основном в ближайший период будет направлена по своему содержанию к сохранению, укреплению и даже будто бы развитию мелкого крестьянского хозяйства, которая всю промышленную политику базирует на его лишь современных потребностях (конечно, такой политики никогда у партии не было, это выдумка тов. Медведева. *В. Л.*). Мы считаем, что мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство в обстановке нэпа внутри страны и в зависимости от международного рынка обречено на прозябание в варварских условиях и неминуемую погибель. Все попытки спасти его, помочь ему удержаться и даже развиваться в его современном виде есть реакционно-утопические попытки. Выходом из такого положения этих

разоряемых крестьянских масс может быть только развивающаяся, растущая госпромышленность, на арене которой эти массы могли бы найти приложение своих рук и сил» (цитирую по «исправленному» тов. Медведевым экземпляру, в бакинском экземпляре слов «развиваться в его современном виде» не было).

Что же говорит тов. Медведев о той массе крестьянства, которая стоит вне бедноты?

«Та же часть деревенщины, которая остается, за исключением указанной массы, есть деревенская мужицко-кулацкая буржуазия, враждебная нам не меньше буржуазии старой формации. С ней у нас ничего, кроме жестокой политической борьбы, быть не может. Вот основная суть наших разногласий в вопросах хозполитики партии».

Неужели кто-нибудь может в этих взглядах видеть что-нибудь ленинское? Если принять эти взгляды, тогда надо совершенно отбросить все то, что мы делаем для помощи бедноте. Так, например, мы знаем, что в 1925 году был образован особый фонд в 77 миллионов рублей для коренной реорганизации крестьянского хозяйства в трех засушливых районах: Нижнего Поволжья, Среднего Поволжья и Северного Кавказа, для создания там засухо-устойчивого хозяйства. Куда же тратятся эти деньги? Прежде всего на землеустройство 132 тысяч крестьянских хозяйств, на их реорганизацию, на закупку рабочего скота, на сельскохозяйственные машины и орудия, на сортовые семена, на развитие садоводства и т. д. Конечно, мы стремимся, чтобы вся эта помощь шла, главным образом, через кооперацию (о которой ни слова нет у тов. Медведева в его платформе), но не обязательно через кооперацию и не только через кооперацию. По схеме тов. Медведева выходит так, что незачем помогать бедноте,—она все равно осуждена на разорение; поэтому нужно только позаботиться о том, чтобы разоряемая масса быстро нашла приложение своих рабочих рук на фабриках и заводах. А мы вовсе не думаем, что вся беднота должна разориться. Мы уверены, что мы можем поднять значительную часть бедноты, чтобы она не была беднотой. Мы стремимся это сделать через кооперативы, через кооперативные об'единения—всякого рода машинные, семенные товарищества, сельскохозяйственные артели и коммуны, через поддержку кустарной промышленности, кустарно-промысловой кооперации, посредством лучшей организации сбыта с.-х. продуктов. А у тт. Шляпникова и Медведева выходит так, что все это—ни к чему, что все это—одна реакционная утопия. И рассуждают они так, как если бы у нас не было советской власти. Если бы у нас не было советской власти или не была бы национализирована земля, то все было бы, конечно, иначе, тогда другое значение имела бы и кооперация. А тов. Медведев предлагает

«найти такие средства в современном госбюджете, которые идут не на развитие крупного государственного хозяйства, а на поддержку мелкобуржуазного хозяйства состоятельной части крестьянства и на поддержку указанных утопических иллюзий у мелкого крестьянства, которые наша партия сама упрочивает у этого слоя крестьянства».

Другими словами, тов. Медведев предлагает нам в корне пересмотреть нашу политику по отношению к основной массе крестьянства, в том числе к крестьянской бедноте, отобрать все те ассигнования, которые направлены на материальную поддержку этой основной массы крестьянства, потому что из этого все равно ничего не выйдет. Поэтому центр тяжести шляпниковско-медведевской линии направлен острием не против кулака, так как против кулака у них одни только слова, громкие фразы и кичливость своим пролетарским происхождением,— а по отношению к основной массе крестьянства и в том числе к бедняку они предлагают ряд экономических мер, которые означают ухудшение, ослабление той материальной помощи, которую оказывает ему советская власть. Эта линия и есть правая опасность в нашей партии. Это и есть фактически ликвидация союза пролетариата и беднейшего и среднего крестьянства. И прав автор статьи в «Правде», что «ликвидация рабоче-крестьянского союза» является одной из самых важных составных частей политической платформы Шляпникова и Медведева.

Такая политика, если бы на ее путь стала наша партия, повела бы неизбежно к тому, что огромная масса крестьянства попала бы в об'ятия кулака. Рабочий класс поставлен был бы в условия величайших трудностей, в условия войны с значительной частью крестьянства. Мы знаем, откуда эти схемы насчет неизбежности войны рабочего класса с крестьянством. Их в свое время проповедывал и тов. Троцкий. Они ничего общего не имеют с ленинизмом.

Именно постановка вопроса о крестьянстве в шляпниковско-медведевской платформе бьет в глаза своими чисто меньшевистскими чертами и полным отрицанием ленинской линии. Мы уже видели, что путь кооперации в платформе т. Медведева совершенно исчез. Теперь, задним числом, т. Шляпников пытается «поправиться». Но всякий видит, что рассуждения Шляпникова о том, что «в письме т. Медведева многого нет», а потому нет ни слова о кооперации, что надо говорить только о смычке с бедняком, что «смычка с середняком решается проще— возможностью и способностью нашей госпромышленности удовлетворить товарный голод»—что все это, как небо от земли, далеко от ленинизма. Для Ленина кооперация при диктатуре пролетариата, при власти государства на все крупные средства производства, при наличии союза пролетариата «с многими миллионами мелких и мельчайших крестьян», при «обеспечении руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации...—разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?» Как же это вы такого слона не приметили, дорогие товарищи, претендующие на то, чтобы на особой платформе сколачивать единомышленников? Верно ли Ленин писал весной 1923 г., что «это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»? Согласны ли вы с тем, что «если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает

с социализмом»? (Ленин. «О кооперации». Собр. соч., том XVIII, ч. 2).

Конечно, взгляды шляпниковско-медведевской платформы ничего общего с этой линией не имеют. У т. Медведева дело обстоит так, что миллионы мелких и мельчайших хозяйств так же, как и середняцких, должны погибнуть, крестьяне должны пролетаризироваться, и эти десятки миллионов пролетариев должна поглотить промышленность. А так как у нас такой промышленности нет, то надо итти в кабалу к международному капиталу, «готовому пойти на оживление наших потушенных промышленных районов».

Таким образом, под покровом крайне «левых» фраз и рассуждений т. Шляпникова по поводу того, что «редакция («Правды») зачарована «смычкой с крестьянским хозяйством», скрывается замазывание того факта, что шляпниковско-медведевская платформа проповедует:

1) Ликвидацию союза пролетариата с основной массой крестьянства—бедняков и середняков, союза политического, а не только основанного на товарообмене.

2) Такую политику, которая толкает середняка на союз с кулаком.

3) Лишение основной массы крестьянства той помощи, которая экономически освобождает эту массу из-под влияния кулачества.

4) Об'явление этой помощи мелкобуржуазной и реакционной утопией.

5) Отрицание взгляда Ленина на кооперацию, как на путь к социализму для основной массы крестьянства, в том числе и деревенской бедноты: по т. Шляпникову «в отношении огромной массы бедноты даже кооперация существенно помочь бессильна».

Медведев и Шляпников о социалистическом строительстве.

Вопрос о крестьянстве решается Медведевым и Шляпниковым в связи с нашей концессионной политикой. Мы уже видели, что этот вопрос ставится и решается «рабочей оппозицией» совершенно противоположно тому, как ставил его В. И. Ленин, которого больше всего Медведев и Шляпников упрекали в «крестьянском» уклоне.

Теперь тов. А. Шляпников говорит о «нечестном приеме борьбы, лжи и клевете» на том основании, что автор статьи в «Правде» позволил себе цитировать бакинский экземпляр письма, из которого тов. Медведев не успел еще тогда вычеркнуть чрезвычайно скандальное приглашение итти «на большие материальные жертвы» иностранному капиталу, который будто бы готов пойти на восстановление разрушенных и потушенных промышленных районов СССР. «Рабочая оппозиция» явно не верит в то, что мы можем своими силами строить и построить социалистическое хозяйство, — и в этом ее основное сходство с новой оппозицией. В то время, однако, как новая оппозиция еще путается в вопросе о том, какую линию занять по отношению к среднему крестьянству (одни за то, как тов. Преображенский, чтобы дополнительно отобрать у крестьян 200—300 миллионов пудов хлеба на индустриализацию; другие за то, чтобы отобрать на индустриализацию специальный фонд бедноты; третьи за то, чтобы обложить дополнительными налогами зажиточное крестьянство (не отделяя середняка от кулака), за повышение отпускных цен на промтовары),—Медведев, как мы видели, берет середняка за одну скобку с кулацким слоем. Это может показаться кой-кому, кто сейчас не умеет различать «правая—левая где сторона»—и очень радикальным взглядом. Однако, нетрудно видеть, что он приводит к самым правым выводам, упирается вплотную в капитуляцию перед международным капиталом. Чтобы убедить рабочих в необходимости такой капитуляции, тов. Медведев прибег в своем письме даже к прямой неправде,—в начале 1925 г. запугивал бакинских рабочих перспективой неизбежного свертывания нефтяной промышленности в ближайшее время и связанного с этим неизбежного усиления безработицы для бакинских рабочих.

Ленин писал в марте 1923 г.:

«Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность путем величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя и проч.

В этом и только в этом наша надежда. Только тогда мы будем в состоянии пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.».

А тт. Шляпников и Медведев?

Налогами, экономией, большей рационализацией промышленности и всего нашего хозяйства, сокращением управленческого аппарата, социалистическим накоплением мы ничего, по мнению т. Медведева, не сделаем. «Из пятаков» сложить средства на индустриализацию нельзя, налоги ничего не дадут,—все расчеты на это—иллюзия, самообман и обман рабочих. Ничего не остается, кроме капитуляции перед международным капиталом.

В 1921 г. В. И. Ленин предупреждал партию против таких паникеров, как Медведев и Шляпников. Теперь они пытаются сеять панику в рабочем классе, распространяя неверие в социалистические пути развития нашей промышленности и нашего сельского хозяйства, чудовищно замалчивая такой фактор, как кооперативное строительство,—в письме-платформе Медведева, как мы видели, ни одной строчки, ни одного слова нет о кооперации, которой В. И. Ленин и вся наша партия придают исключительное значение.

Разве же это не паникерство, не бегство от пролетарских, социалистических путей развития,—это провозглашение напрасной иллюзией нашу попытку без помощи иностранного капитала строить социализм?

«Думать, что мы можем—при том удельном весе рабочего класса, который он имеет в государственной политике,—собрать необходимые массы капитала для разворачивания потушенной

промышленности путем подоходно-имущественной системы налогов,—значит тешить себя напрасной иллюзией».

«Думать же, что эти массы капитала мы сложим, только более длительно «из копейки к копейке, из патрона к патрону» от самой промышленности, это значит дополнить иллюзию мелкого крестьянства иллюзией мелкобуржуазных эпигонов городов».

Медведев уверяет, что нельзя еще и примерно назвать срок, когда мы «выберемся из дефицитности нащего бюджета; говорить же при наличии этого обстоятельства о накоплении могут только пустые болтуны».

Ленин видел в режиме экономии спасение. «В этом и только в этом наша надежда»,—писал он. Медведев уверяет, что об этом накоплении могут говорить «только пустые болтуны».

Медведев не видит просвета. Он уверяет, что и сейчас «как гири» давит на рабочие массы экономика нашей страны, а в дальнейшем будет еще хуже. Эти речи, впрочем, не новы: они являются лишь желчным перепевом прежних речей и статей «рабочей оппозиции», когда «рабочая оппозиция» уверяла, что «один только основной класс советской республики, выносящий на своих плечах всю тяжесть ответственности периода диктатуры, в массе своей влачит позорно жалкое существование» (А. Коллонтай. «Рабочая оппозиция»).

Когда В. И. Ленин на X с'езде сказал, что паникеров на войне расстреливают из пулеметов, тов. Шляпников сделал вид, будто Ленин грозит буквально расстрелом Шляпникову.

Однако, тогда паника «рабочей оппозиции» не доходила до таких пределов, до каких она дошла теперь.

> «Или гибель», или концессионная политика без всяких границ. Такова безотрадная дилемма, которую ставит группа Шляпникова—Медведева перед рабочим классом СССР».

Такой вывод делала статья в «Правде» из знакомства с платформой Медведева по хозяйственным вопросам. Все попытки тов. А. Шляпникова доказать, что в ней содержится что-либо другое, не выдерживают ни малейшей критики. Никакого другого вывода нельзя сделать из добросовестного изучения этого документа. Это и есть капитуляция перед капиталистами; это и есть меньшевизм; это и есть безверие в социалистические пути развития СССР.

На примере других оппозиционных групп мы видели, что их критика линии ЦК, их попытки ревизии, пересмотра нашей ленинской линии в вопросах о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством, в вопросах нашей хозяйственной политики,—приводила их неизменно на путь того же пессимизма, неверия в социалистическое строительство, на путь панических настроений: пророчили стране «гибель», пророчили путь Термидора, метались и мечутся от лозунгов «лицом к деревне» к крикам о «затоплении нижних этажей» советского аппарата крестьянством и т. д.

Напрасно тов. Медведев уверяет нас, что нужна концессионная политика. Мы никогда не отказывались и не отказываемся от концессионной политики. Вопрос о сдаче концессии Уркварту поднят был еще при В. И. Ленине. То обстоятельство, что

он так тщательно взвешивается, свидетельствует только об одном: наша партия, ее ЦК и ЦКК чрезвычайно вдумчиво, осторожно подходят ко всякому шагу, когда речь идет о международном капитале.

В 1920 г. тов. А. Коллонтай в брошюре «Рабочая оппозиция» уверяла, что

> «в отчаяние могут приходить капиталистические правительства, действительно стоящие с иссякнувшим творчеством в тупике, но не мы, трудовая Россия, перед которой с Октябрьской революции открываются небывалые широкие возможности хозяйственного творчества, образование невиданных еще форм производства с неслыханно высокой продуктивностью труда. Но надо научиться брать не из прошлого, а давать простор творчеству будущего».

А теперь? Теперь разговоры о тупиках для социалистического строительства, упадочный пессимизм, крики о гибели, паникерство. Теперь заявления, что мы погибнем, если не пойдем на большие материальные жертвы международному капиталу. Жалкое зрелище! От капиталистического мира ждут избавления Медведев и Шляпников. К нему простирают руки:

> „Стонет и тяжко вздыхает
> Бедный наш русский народ,
> Руки он к вам простирает,
> Вас он на помощь зовет“.

Вот вам и архилевая «рабочая оппозиция»!

Международный курс Медведева—Шляпникова.

«Правда» писала:

> «Итак, «рабочая оппозиция» требует: 1) ликвидации компартий, как «орав мелкобуржуазной челяди»; 2) обратного вхождения в социал-демократические партии; 3) ликвидации Профинтерна; 4) вхождения в Амстердам; таков символ веры «группы Шляпникова и Медведева».

Несмотря на то, что тов. Медведев «исправил» и в этой части бакинское послание, никакие «исправления» не помогли вытравить меньшевистский его дух. И эти «исправления», сделанные т. Медведевым, меньше всего дают права т. Шляпникову говорить в сотый раз о подлоге. Всякому ясно, что само «исправление» т. Медведевым бакинского послания может быть истолковано, как подлог. Мы уже привели образчики этих «исправлений». Возвращаться к этому не будем.

Что же говорит «исправленный» источник?

> «Международная политика нашей партии, как такая же политика и всякой другой партии, есть продолжение нашей внутренней политики на международной арене».

Истина совершенно бесспорная. Например: так как группа Медведева—Шляпникова капитулирует в области внутренней политики перед трудностями самостоятельного социалистического строительства в СССР, то эта же группа, как мы сейчас увидим, капитулирует целиком и полностью и перед самостоятельной коммунистической международной политикой и проповедует ликвидаторство и в этой области.

В самом деле: в чем, по мнению **Медведева—Шляпникова, основной порок нашей международной политики?**

> «Ее основной порок,—заявляет Медведев,—состоит в том, что она все хочет видеть в цвете нашей страны».
>
> «Так называемое рабоче-крестьянское правительство, пришедшее на смену «рабочему правительству», есть выражение безнадежной попытки разрешить основные вопросы западно-европейского рабочего движения средствами и методами нашей страны».

А разве злейшие наши враги из 2 и $2\frac{1}{2}$ Интернационала говорили когда-либо что-нибудь другое? Разве это не есть полная солидаризация с самыми подлыми меньшевиками, которые кричат, что революция делается по указке из Москвы, что русские большевики навязывают всем 21 условие, что они переносят всюду свои методы борьбы, не пригодные в других странах? Нет ли здесь той музыки, которая звучит в утверждениях некоторых «100%-ных ленинцев», будто ленинизм есть учение о том, как строить диктатуру пролетариата только в таких условиях, как наши.

Нетрудно убедиться, что в этом вопросе шляпниковско-медведевская оппозиция решительнейшим образом расходится с отношением Ленина к вопросу о рабоче-крестьянском правительстве и к роли крестьянства в Западной Европе. Нетрудно также видеть, что в этом вопросе шляпниковско-медведевская оппозиция расходится со всеми решениями конгрессов Коминтерна по крестьянскому вопросу. Весной 1925 г. расширенный пленум Коминтерна принял тезисы по крестьянскому вопросу, в которых говорится (пункт 58):

> «Во всей работе своей среди крестьянства коммунисты должны всячески избегать социал-демократического уклона (пассивность в крестьянском вопросе, с одной стороны, беспринципная ловля крестьянских интересов, со сдачей всех марксистских позиций, с другой), а равно и народнического уклона (стирание граней между пролетариатом и крестьянством, смазывание вопроса о расслоении крестьянства, отсутствие идеи пролетарской гегемонии). Коммунисты всюду и везде должны раз'яснять крестьянству, что, как показал опыт всех резолюций, крестьянство неизбежно бывало разбито, обмануто, если оно пыталось выступить, как самостоятельная третья сила, вне союза и руководства со стороны пролетариата. Опыт так называемых крестьянских правительств (стамболийское) точно так же показал, что крестьянство не может удержать власти. Поэтому лишь диктатура пролетариата, поддерживаемая крестьянством, способна на деле обеспечить победоносную борьбу обоих классов против эксплоататоров. Коммунисты только тогда выполнят свою задачу, если будут руководствоваться тем учением о соотношении между рабочим классом и крестьянством, которое было разработано тов. Лениным».

Не ясно ли, что шляпниковско-медведевская оппозиция борется против этих решений Коминтерна?

Медведев уверяет, что такого крестьянства, которое могло бы помогать рабочему классу в борьбе, в Западной Европе нет, что оно существует только на Ближнем и Дальнем Востоке. Он уверяет, будто бы мы сделали в Болгарии попытку опереться на крестьянство и что эта попытка, навязанная Коминтерном, привела к крушению болгарской компартии. Можно ли так извращать факты, когда всем известно и ясно, что болгарская компартия потерпела поражение именно потому, что она недостаточно связалась с крестьянством, что она недостаточно в свое время усвоила необходимость союза рабочих и крестьян в этой стране.

Тов. Шляпников возмущается тем, будто бы «Правда» извращает позицию Медведева, когда характеризует его линию, как бешеную атаку на Коминтерн, и уверяет, что это понадобилось «для запугивания недовольных существующей политикой, осуществляемой руководящим большинством ЦК партии». Ничего более бессовестно-демагогического нельзя себе представить, как это утверждение тов. Шляпникова. В самом деле (цитирую по «исправленному» документу):

> «Во всех этих средне-европейских странах (в Германии, Италии и Франции), имеющих решающее значение для международной революции, эта тактика привела к тому, что из общей массы организованных сил пролетариата были вырваны силы коммунистической части его и противопоставлены всей остальной массе пролетариата, как наиболее революционные части, против неспособной будто бы на сознательное участие в революционных выступлениях рабочей массы, чем дезорганизовали и общее движение рабочего класса и эту коммунистическую часть, изолировав ее от общей массы организованного пролетариата, и тем лишили возможности постоянного воздействия на эти массы изнутри его рядов. Мы злейшие противники этой политики».

Итак, организация Коммунистического Интернационала, в создании которого Ленин принимал наиболее активное участие, в деятельности которого не было ни одного сколько-нибудь серьезного шага сделано без одобрения Ленина,—создание этой организации было сплошной ошибкой. Не надо было, стало быть, «из общей массы организованных сил пролетариата» вырывать «силы коммунистической частицы его», т.-е. не нужно было организовывать коммунистических партий в Германии, Италии и во Франции. Шляпников и Медведев являются «злейшими врагами» той политики, которая вела к созданию коммунистических партий в Германии, Италии и Франции. Этого не надо было делать. Только такой вывод можно сделать из писаний Шляпникова и Медведева.

За что же стоят Шляпников и Медведев? (Опять-таки цитирую «исправленный» Медведевым документ).

> «Мы стоим за то, чтобы коммунистические рабочие массы оставались составной частью рабочих масс, организованных в профсоюзах, кооперации, советах, фабзавкомах и т. д.; чтобы всякие попытки захватить власть в этих организациях, помимо воли подавляющей массы их членов, или организовать свою обособленную от этих масс организацию того же порядка, были решительно отброшены, как авантюры, дезорганизующие рабочее движение».

Всем известно, что мы являемся злейшими врагами выхода из профсоюзов. Мы даже, считаясь с особыми условиями борьбы рабочего класса в Англии, рекомендуем коммунистам оставаться в составе рабочей партии. Кое-кто из новой оппозиции, правда, настаивает на том, чтобы мы проводили отзовистскую политику, разрушили кое-какие организации, созданные для международного об'единения рабочего профессионального движения в различных странах. Но ленинцы никогда не стояли за то, чтобы коммунисты выходили из профсоюзов, из кооперации, из фабрично-заводских комитетов и советов. За это, как известно, стояли «левые» друзья Шляпниковых и Медведевых из коммунистической рабочей партии в Германии.

организации IV Интернационала, да еще люди типа Рут Фишер—Маслова. Но ведь само собой разумеется, что если дело обстояло так, что ошибкой было создавать самостоятельные коммунистические партии и что это привело нас «к полной изоляции рабочих масс нашей страны от пролетариата западно-европейских стран и к такой же изоляции коммунистической части последнего от его основных масс в Западной Европе», то отсюда только один вывод может быть: Долой Коминтерн! Долой Профинтерн! Да здравствует II Интернационал и Амстердамское об'единение профсоюзов! Никакого другого вывода здесь нельзя сделать, как бы ни пытался тов. Медведев исправить сейчас свою платформу, как бы ни старался тов. Шляпников уверять всех, что они за Профинтерн.

Теперь об «оравах мелкобуржуазной челяди», которые питаются русским золотом. Как изворачивается здесь т. Шляпников, лучше будет видно, если мы приведем целиком выписку из «исправленного» Медведевым документа:

> «Попытки механически насадить наши методы работы во всех западно-европейских странах приводят только к тому, что мы видим, например, в Норвегии. На этом примере особенно наглядно видно, как эти попытки приводят буквально к дезорганизации рабочего движения этой страны; к насаждению материально немощных коммунистических секций; их содержание за счет того состояния российских рабочих масс, за которое они заплатили своею кровью и жертвами, и которое для себя они использовать не могут при современных условиях; что на деле создаются оравы мелкобуржуазной челяди, поддерживаемые русским золотом, изображающие себя самих пролетариатом и представительствующие в Коминтерне, как более «революционные рабочие».

Нужны ли, как говорится, комментарии к этому месту из медведевского письма? Мы утверждаем, что никогда ничего более гнусного по адресу Коминтерна не писалось злейшими нашими врагами, и никакая уважающая себя коммунистическая партия не может терпеть, чтобы члены ее так отзывались хотя бы об одной норвежской компартии, если бы даже принять толкование тов. А. Шляпникова. Какое право имеют тт. Шляпников и Медведев так третировать норвежскую коммунистическую партию, члены которой заслуживают такого же уважения, как члены всех остальных братских партий, входящих в Коминтерн?

Но дело не только в моральном возмущении. Такую оценку Коминтерна может дать только реакционер, который относится к Коминтерну с нескрываемой ненавистью, и только в этом смысле можно принять об'яснение тов. Шляпникова, что это есть «частное письмо», что тов. Медведев не рассчитывал на то, что оно станет широко известным, когда писал его. Оно рассчитано еще на то, что в такой стране, как наша, найдутся, конечно, отсталые слои рабочих и в особенности крестьян, которые этот мотив насчет русского золота воспримут очень сочувственно, как воспринимают его меньшевистские белогвардейские организации.

Мы имеем ряд успехов коммунистической партии на Западе. Только слепой не видит, какие успехи сделала, например, за последнее время германская компартия. Только слепой не видит, что лучшие элементы рабочего движения в Италии втянуты теперь в итальянскую компартию. Только злейший враг Коминтерна может утверждать, что в Англии нет сейчас сочувствия британской компартии. А Шляпников и Медведев уверяют рабочих, что мы не только не сближаемся «с массами организованного международного пролетариата», но что Коминтерн наоборот разобщает эти массы.

Грубейшим извращением, клеветой является сообщение тов. Медведева бакинским рабочим, будто бы «руководители Коминтерна в лице наших партруководителей ищут поддержки своей политики вне этих (рабочих) масс и проповедуют, например, что американские фермеры-арендаторы более революционны, чем американские организованные рабочие массы».

Конечно, все это чистейший вздор, и решения конгрессов Коминтерна по вопросу об американских фермерах имеют совершенно иное значение, чем то, о котором пишут Медведев и Шляпников. Кто следил за меньшевистской печатью, тот должен признать, что заявление Медведева и Шляпникова, будто бы «политика Коминтерна под руководством наших партруководителей вследствие неудачи в пролетарских массах пропитана устремлением в сторону мелкобуржуазных частнособственнических классов», есть утверждение меньшевистское.

Отсюда и прямая защита Шляпниковым и Медведевым социал-демократических партий Западной Европы. Они выступают, поэтому, защитниками социал-демократических партий. Они «против той систематической травли и дескредитации классовых об'единений западно-европейского пролетариата, еще не идущих за коммунистическими лозунгами».

> «Наши оценки, т.-е. социал-демократических партий,—заявляют тт. Медведев и Шляпников,—глубоко расходятся с теми оценками, которые даются нашими руководителями».

Какие оценки давал Владимир Ильич организации II Интернационала, мы все прекрасно знаем, и мы никогда не расходились с этими оценками. А тов. Медведев возмущается, что «руководящие кадры этих партий они («они»—это большевики-коммунисты, члены ВКП, а «мы»—это «рабочая оппозиция», Шляпников и Медведев, да еще несколько «классово-спаянных» личностей) рассматривают, как предателей, изменников, прислужников буржуазии и т. д. и т. п.». Но само собой разумеется, что Шляпников и Медведев глубоко расходятся с этими оценками. Наоборот, оказывается, что

> «вся крепость их (социал-демократических вождей), связь с рабочими массами, все глубокое доверие последних к ним об'ясняется тем, что эти вожди с.-д. партий никогда не противопоставляют повседневных нужд рабочих масс вообще и частных требований отдельных категорий их интересам революции» (сногсшибательное открытие!). «Наоборот (??), она эти интересы и видит главным образом в удовлетворении повседневных нужд рабочих масс».

Для примера можно было бы привести еще незаконченную стачку английских горняков; но, само собою разумеется, что Носке и Шейдеманы, Томасы и Гендерсоны никогда не противопоставляли частных требований горняков интересам революции». Можно ли так извращать действительность? Можно ли так обманывать рабочих, так издеваться над фактами, как это делают Шляпников и Медведев? Они уверяют, что

«нет ничего противоестественного в том, что он (западно-европейский рабочий) доверяет все руководство своей борьбой именно тем, кто преподносит ему не красные вымыслы в виде перспектив, а умело защищают его от повседневных невзгод».

Так вот видите, что получается: тт. Томский и Догадов, Лепсе и Мельничанский и другие члены нашей партии, которые выступали за все время английской стачки с указаниями на то, что необходимо иметь в виду перспективы движения—они «преподносили красные вымыслы», а Томасы и Гендерсоны «умело защищали английский пролетариат от повседневных невзгод». Вот ведь что получается от такого извращения действительности, которое проделывают тт. Шляпников и Медведев!

Тов. Шляпников обижен был тем, что редакция «Правды» взяла несколько слов из письма т. Медведева, «разбавила их своими измышлениями». Мы вынуждены были взять не несколько слов, а выписать дословно почти все, что тт. Медведев и Шляпников рассказывают бакинским рабочим о тактике по отношению к социал-демократии. Полюбуйтесь, какие красавчики!

А теперь обратимся к Профинтерну. Что об этом говорит тов. Медведев?

«Мы считаем в соответствии с фактическим положением дел, что такие об'единения наши, как Профинтерн, фактически являются, вольно или невольно, орудием разобщения и российских рабочих масс и западно-европейских коммунистических масс от рабочих масс всего пролетариата. Он является прямым препятствием, ничем фактически не оправдываемым, на пути к образованию действительно единого фронта рабочего класса каждой страны и в международном масштабе. Вот то основное, что нас разделяет с партруководством настоящего момента в вопросах международной политики».

Как же после этого смеет тов. А. Шляпников писать:

«Крик о нашем намерении ликвидировать Профинтерн принадлежит к тому же арсеналу средств, которыми хотят прикрыть действительную ликвидацию. Нет, не мы ликвидируем Профинтерн».

Если Профинтерн есть «орудие разобщения», если он является «прямым препятствием», да еще «ничем фактически не оправдываемым», так, ведь, выход может быть только в одном: отбросить это «орудие разобщения», ликвидировать это «прямое препятствие», устранить его; и если на пути к образованию «действительно единого фронта рабочего класса» стоит ничем фактически не оправдываемое «препятствие» в лице Профинтерна», то всякий дурак поймет, что Профинтерн надо ликвидировать. Поэтому медвежьи попытки, которые сейчас делает т. Шляпников,—свалить с больной головы на здоровую, сказать, что «не мы ликвидируем Профинтерн»,—это есть попытка подладиться, примазаться к новой оппозиции, пойти на службу к хозяину, который обещает в этом смысле поддержку.

Все песенки тов. Шляпникова насчет «беспринципного делячества», которым, будто бы, руководится большинство ЦК по отношению к Амстердаму, это не из репертуара шляпниковско-медведевской оппозиции; это—из другой оперы, сочиненной троцкистами и новой оппозицией. Тов. Шляпников и Медведев подпевают и очень неудачно, так как они сами

заявили в письме в ЦК и ЦКК, что солидарны с ЦК в вопросе об Амстердаме. Настолько неудачно подпевают, что каждый слышит фальшь. Не надо иметь очень тонкий слух, чтобы слышать это, потому что именно с точки зрения сохранения связи с массами нельзя так относиться к англо-русскому комитету, как относятся сейчас и тт. Шляпников и Медведев и вся новая оппозиция.

Совершенно ясно теперь, что своей политикой по отношению к стачке горняков и по отношению к международному движению вообще, мы создали довольно прочные связи с пролетариатом всего мира. Поэтому просто-напросто бахвальством звучат заявления тов. Шляпникова о том, «как мы работали» в профсоюзах. Об этом—«как мы работали», можно прочитать в резолюции XI с'езда партии «о некоторых членах бывшей рабочей оппозиции», о тех методах, какими работала шляпниковско-медведевская оппозиция в профсоюзах. Или в письме Митина, которое было предметом суждения комиссии XI с'езда по делу «рабочей оппозиции». Не даром от шляпниковско-медведевской оппозиции сейчас остались одни только рожки да ножки, и все, что было жизненного в этой группе когда-то, давно от нее ушло.

О Ленинском наборе.

«Теперь относительно смерти тов. Ленина»,—так начинает четвертую часть своего письма тов. Медведев. Немножко философии насчет того, что «на свете все относительно». Главное внимание тов. Медведева привлекает факт вступления рабочих в партию. Этот факт он приравнивает—к чему бы вы думали?—«к массовым стачкам в августе и сентябре 1923 года за улучшение своего отчаянного положения». В этих стачках он видит такие же признаки оживления в рабочем классе, как и в факте массового вступления рабочих в партию: точь в точь так же истолковывали это меньшевики. Главное, что радует тов. Медведева (хоть это хорошо), что партия становится по классовому своему составу все более пролетарской. По этому вопросу тов. Медведев наговорил столько неправды в своем письме—по поводу непролетарского состава партии. Так, он уверяет, что будто бы в 1924 году в нашей партии была одна седьмая часть пролетарского состава, тогда как в заявлении «22-х» в 1921 году сам же тов. Медведев сообщил Коминтерну, что в нашей партии 40% рабочих, тогда как по данным XIV партийной конференции, которые были известны т. Медведеву, в нашей партии к тому времени, когда т. Медведев писал свое письмо было не менее 45% рабочих. Что же он советует по этому поводу своим бакинским друзьям?

«Нужно только, конечно, не дать сбить себя на ту пошлость, которую в связи с этим явлением выдвигают вперед, что вся эта масса рабочих ринулась в партию, чтобы учиться ленинизму, и что для нее нужно немедленно поставить как можно больше партлекций, курсов, школ и т. д., и т. п. В этой встрече нужно видеть прямую опасность, могущую потянуть немедленно из партии не только вступающих ныне, но чего доброго и тех, кто был в партии и раньше».

Что тут марксистского, что тут ленинского, в этом презрении к учебе, к ленинизму, к партлекциям, к курсам, школам

и т. д.? Мы не удивились, что еще в 1924 году тов. Медведев уверяет бакинских рабочих, что «единственная фракция, которая имела будущность в рабочем классе, это была фракция рабочей оппозиции». Ведь еще тов. Коллонтай в 1920 году говорила о 30 тысячах курьеров, которые повсюду приглашают рабочую оппозицию. Она говорила:

> «Оппозиция эта, не имея ни одного крупного теоретика-лидера, встречая самый резкий отпор со стороны наипопулярнейших вождей партии, растет и крепнет, а главное стелется и стелется по трудовой России».

«Пролетарское происхождение» играло не последнюю роль во всех выступлениях «рабочей оппозиции». Это отмечал и тов. Ленин на X с'езде. Как всегда, Ленин смеялся: «Тов. Шляпников говорит о своем истинно-пролетарском характере». Отсюда заявления товарищей из «рабочей оппозиции» и на X и на XI с'ездах, что наша политика определяется мелкобуржуазным составом нашей партии, по поводу чего особенно скачут и играют такие «левые революционеры», как Леви, как Корш, как Кац и все предатели Коминтерна. Отсюда заявление, что «подавляющий мелкобуржуазный состав самой партии, которая может быть активным сторонником буржуазной демократии, но не рабочей демократии».

Уже одно сопоставление факта вступления нескольких сот тысяч новых членов партии из пролетарской среды с фактом стачки осенью 1923 года показывает, какой «уклон» имеют тт. Шляпников и Медведев и для чего намерены они были бы использовать связи с этим новым ленинским призывом. Но ежели вы так думаете «оживлять», то это действительно опасность необычайно серьезная, и на эту опасность закрывать глаза никак нельзя. Как тут не вспомнить предупредительных слов тов. Троцкого по вашему адресу, что такие противопоставления ведут к Кронштадту! Как тут не вспомнить тех предупреждений, которые делал неоднократно Владимир Ильич по вашему адресу и на X и XI с'ездах! Как не бить тревогу по поводу правой опасности в нашей партии, когда имеешь такие откровенные попытки ликвидировать союз рабочего класса и крестьянства,—пойти на гораздо большие жертвы международному капиталу, ликвидировать линию Коминтерна и Профинтерна и сами эти организации! Как не тревожиться по поводу того, что могла бы сделать «рабочая оппозиция», если бы она пользовалась хотя бы малейшим успехом в рабочем классе! К счастью, она им не пользуется. К счастью, даже шляпниковско-медведевское письмо к бакинским рабочим, как это установила специальная комиссия, (в которой участвовали тт. Сольц и М. И. Ульянова), не встретило ни малейшего сочувствия среди бакинских рабочих, несмотря на попытку других товарищей Медведева—тт. Колосова и Разина—сколотить группу «рабочей оппозиции».

В чем особенная опасность таких выступлений, помимо беззастенчивой, безответственной демагогии, которая сквозит в каждой строке ответа тов. Шляпникова и письма тов. Медведева? В том, что огромные трудности нашего строительства используовываются для борьбы с партией.

Партия эта насчитывает более миллиона членов и кандидатов. Она руководит первым в мире опытом социалистического строительства. Она испытывает на каждом шагу величайшие трудности. И эти трудности заостряются против партии. Так могут действовать и так действуют враги. Хотят они этого или не хотят,—партия в праве от них требовать прекращения такой разлагающей работы.

Последнее (по счету, но не по важности) условие пребывания в Коминтерне заключается в том, что «члены партии, принципиально отвергающие обязательства и тезисы, выставленные Коминтерном, должны исключаться из партии».

Не ясно ли, что тт. Шляпников и Медведев принципиально отвергают обязательства и тезисы, выставленные Коминтерном по целому ряду важнейших вопросов? Партия должна бесповоротно осудить такого рода платформы, как шляпниковско-медведевское письмо к бакинским рабочим, так как ликвидаторско-меньшевистские взгляды, высказываемые в этом письме, ничего общего не имеют с ленинизмом, с ВКП, с Коминтерном.

Оценка врага.

Как оценивают меньшевики, эсэры и белогвардейцы нынешнюю позицию Шляпникова и Медведева? Послушаем сначала т. А. Шляпникова:

> «Меньшевистские суждения о нас хорошо известны руководителям большинства нашего ЦК. Если бы меньшевики оценивали нас так, как это делает за них «Правда», то эти оценки давно были бы использованы против нас. Ссылки редакции «Правды» на меньшевиков ошибочны. Как и что думают о нас меньшевики, редакция может узнать в их «центральном органе»,—«Социалистическом Вестнике».

Обратимся к этому «нелицемерному судье», к которому апеллирует тов. Шляпников. Перед нами № 14 «С. В.» от 26 июля 1926 года с передовой статьей «Враг внутренний». «Социалистический Вестник» решительно берет в этой статье под защиту тов. С. Медведева против редакции «Правды». «О Коминтерне Медведев нашел мужественные и решительные слова (дальше идет насчет «орав мелкобуржуазной челяди», работающих из-за «русского золота»).

«Социалистический Вестник» хвалит группу Медведева за то, что она протестует против «систематической травли и дискредитации пролетарско-классовых об'единений западно-европейского пролетариата», т.-е. II Интернационала. «С. В.» хвалит Медведева за его взгляд на Профинтерн. Правда, по мнению меньшевиков, «по части внутриполитических вопросов у медведевской группы царит немалая путаница». Но зато взгляды т. Медведева на средства индустриализации встречают решительное одобрение меньшевиков. Здесь «сущность медведевской программы проявляется отчетливо и положительно». Напрасно тов. Шляпников старается доказать, что он в этом вопросе солидарен с Лениным. Меньшевики никогда не говорили о Ленине в таком тоне.

> «Повидимому,—пишет «Соц. Вест.»,—и у Медведева много неясности и путаницы в вопросе о власти о диктатуре большевизма. Не может он расстаться с этим ветхим наследием. Но при всем том, его программа — программа «укрывателей, союзников и покровителей» представляет громадный шаг вперед, по срав-

нению с программой прежних фракционных образований и по сравнению с зиновьевской оппозицией этого года. У всех их общей была тяга назад, от нэпа к военному коммунизму. Дельцам нэпо-коммунизма они умели противопоставить лишь чистый утопизм. Медведевская платформа ценна тем, что она указывает на возможности другого развития, на синтез принципиальной, решительной оппозиционности с экономическим реализмом. Не вполне продуманная, не всегда решительная, она все же знаменует громадный идейный прогресс в среде пролетарских элементов коммунизма».

С чем вас и поздравляем, «классово-спаянные» вожди рабочей оппозиции. Но только не морочьте головы членам коммунистической партии вашей принципиальной «чистотой», которая вызывает такие похвалы «Социалистического Вестника» и не вынуждайте нас давать такие справки, которые каждому слепому дают возможность ощупать вашу сущность.

Не плохие похвалы можно встретить и в эсэровских «Днях». Две передовые статьи посвятили «Дни» тов. Медведеву (№№ 1055 и 1064) с очень сочувственными цитатами, которые, между прочим, целиком совпадают с «исправленным» текстом тов. Медведева. В особенности приводит в восхищение всех белогвардейцев то, что тов. Медведев изображает деятельность Коминтерна, как ряд авантюр, где роль революционных рабочих изображают из себя «оравы мелкобуржуазной челяди», пожирающей русское золото. «Дни» хвалят Медведева и Шляпникова за последовательность и особенно радуются тому, что «обе оппозиции—обе левые, а если хотите, то и обе правые,— фактически ведут к ликвидации большевистской диктатуры в России».

«Последние Новости» очень сочувственно относятся к тому, что «противник «деревенщины» Медведев противопоставляет красному протекционизму план самого широкого международного финансирования в советской промышленности» (№ 1954, 29/VII—1926 г.). И, конечно, ничего, кроме злорадства, кроме свистопляски не вызывают возмутительнейшие строки в письме Медведева к бакинским рабочим, направленные против политики Коминтерна и Профинтерна.

Приблизительно эту же оценку находим мы в «Руле», и в «Возрождении», и в других белогвардейских органах. После этого какими жалкими являются попытки оппозиции указывать на то, что профессор Устрялов с похвалой отзывается о решениях XIV с'езда!

* * *

Наконец, об июльской угрозе. Как далеко зашли тт. Шляпников и Медведев в своей враждебности к ВКП(б), лучше всего свидетельствует это место «ответа» т. Шляпникова. Кто еще мог так противопоставить себя советскому государству и компартии, как это делает т. Шляпников. Он пишет:

«Над нами вновь нависла «июльская угроза», но мы безбоязненно (кто сомневается в вашей «храбрости»!) пережили июльскую угрозу в 1917 году, и нас не устрашат июльские угрозы автора».

Мы не забыли значения, социального и политического смысла июльской угрозы. Тогда в газете «Живое Слово» явно черносотенного характера напечатана была низкая клевета на Ленина. «Правда» в ночь на 5 июля была разгромлена юнкерами. Правительство Керенского, в котором меньшевики и эсэры творили волю буржуазии, обрушились с преследованиями на партию большевиков. Отдельные товарищи, особенно руководители нашей партии, подверглись аресту. Буржуазия об'явила войну рабочему классу, его передовому авангарду. Как всем известно, ни т. Шляпников, ни т. Медведев в то время никаким особым преследованиям и испытаниям не подвергались, так что нет у них ровно никаких оснований сейчас вспоминать о своей «безбоязненности». Сейчас же после октябрьского переворота, однако, т. А. Шляпников, назначенный Нар. Ком. Труда, вместе с несколькими другими большевиками-наркомами, подал заявление в ЦИК СР и СД и СНК, в котором писал:

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства посредством политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звание Народных Комиссаров» (Л. Троцкий. Соч. т. III, 1917 г., стр. 2, приложение 13, смотри также примечание 233 на стр. 437).

Какое же право имеет тов. А. Шляпников в таком тоне вспоминать об июльской угрозе? Не думает ли он, что он имеет какое-нибудь право отождествлять свою жалкую ликвидаторскую группку с партией рабочего класса, противопоставлять себя компартии, сравнивать компартию и советское государство с правительством Керенского, а «Правду»—с «Живым Словом». До такой наглости еще не доходила ни одна антипартийная группа, даже из тех, что подпольно организовывались внутри ВКП(б), как «Рабочая Правда» и «Рабочая Группа».

А между тем только такой смысл и могут иметь эти его слова о «нависшей над нами» (Шляпниковым и Медведевым) июльской угрозе. «Июльская угроза» означала об'явление гражданской войны. Вот до чего договаривается сейчас рабочая оппозиция. Она становится на путь, от которого их предостерегала партия за все эти годы. Можно только пожалеть, что у людей такая короткая память. Но партия не может терпеть, допускать такие сравнения по отношению к ВКП(б), по отношению к центральному органу партии, заставит отвечать, «невзирая на лица», тех, кто позволяет себе подобное отношение к партии.

* * *

Мы вынуждены были в «Большевике» вновь подвергнуть разбору шляпниковско-медведевскую платформу по «исправленному» самим автором экземпляру. Мы привели из этого замечательного документа гораздо более обширные, чем приведенные в статье «Правды», выписки. Мы постарались осветить все существенные вопросы, затронутые в этой платформе. Выводы наши—те же, что и у автора статьи в Ц. О., даже еще более

печальные, так как т. Шляпников выступил не только с негодными и жалкими попытками дискредитировать «Правду», но и с защитой явно ликвидаторской, меньшевистской платформы тов. Медведева. Эта платформа бьет в глаза своей правизной, отказом от ленинизма, от большевизма, пропитана паническим настроением от начала до конца; от начала до конца она является попыткой дать по всем вопросам политики ВКП(б) платформу для новой партии. Она является поучительным примером, как «архи-левые» лидеры «рабочей оппозиции» 1920—21 годов на деле пришли к защите правых меньшевистских взглядов.

Ибо меньшевизм—безверие в социалистические пути развития нашего хозяйства.

Меньшевизм—паника перед трудностями этого строительства и призыв к рабочему классу искать спасения только на пути больших жертв международному капиталу.

Меньшевизм—постановка вопроса о союзе пролетариата и основной массы крестьянства в этой платформе, ведущая к ликвидации этого союза.

Меньшевизм—и самый худший—та характеристика, какая дана в платформе международной политики ВКП(б) и Коминтерна.

Меньшевизм—та защита партий II Интернационала и их вождей, какую мы находим в письме т. Медведева.

Меньшевизм—требование ликвидации Профинтерна и линии Коминтерна в этой платформе.

Партия в праве и должна потребовать от тт., называющих себя членами ВКП(б), чтобы они отказались от защиты такой меньшевистской, ликвидаторской платформы.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ФОРТУНАТОВА, Е.—Крестьянство, как союзник рабочего класса. «Прибой». Ленинград. Стр. 152. Цена 1 р. 10 к.

Только в союзе с крестьянством в целом рабочий класс мог свергнуть самодержавие, только в союзе с бедняцко-батрацкой частью деревни—пролетариат сумел победить буржуазию города и деревни, и только в союзе с бедняцко-середняцкими ее слоями он смог успешно вести социалистическое строительство, вести страну в целом к социализму.

Таким образом, проблема крестьянства, как союзника рабочего класса в революции, никогда не теряла своего актуального значения; наоборот, при всех условиях и при всякой обстановке она требовала к себе исключительного внимания. Но каждый раз она ставилась поиному и каждый раз она требовала нового решения. Проследить этапы развития отношения рабочего класса с крестьянством, проследить, как разрешалась большевизмом проблема крестьянства в различных исторических условиях—задача исключительно сложная и трудная, но, вместе с тем, и интересная.

Этой-то задаче—проследить, какова социально-революционная роль крестьянства; какую позицию может и должно оно занять в классовой революционной борьбе пролетариата за власть, а позже—в организационной его работе по социалистическому строительству,—и посвящена рецензируемая работа т. Фортунатовой.

Надо, однако, сказать, что в целом работа т. Фортунатовой не удалась, а в отдельных своих положениях она просто неверна и явно вульгаризирует взгляды большевизма на крестьянство.

Особенно неудачным надо признать «Очерк первый»,—«Об исторических корнях рабоче-крестьянского союза». Этот очерк начинается с анализа дореволюционных (начало XX века) условий крестьянского землепользования. Здесь, указав, что еще в дореформенной России неоднородность крестьянского землепользования была чрезвычайно высока, что за отменой крепостного права последовала еще «целая серия дифференцирующих обстоятельств», автор пишет, что «все это, параллельно с ростом населения и обострением общего малоземелья, довело неоднородность крестьянской массы между отдельными обществами, а также от двора к двору, до последних пределов» (?)

Все это более или менее справедливо. Неоднородное уже в условиях крепостнического хозяйства, крестьянство дифференцировалось в условиях развивающегося капитализма, выделяя на одном полюсе ничтожное количество кулацких хозяйств, а на другом—многомиллионную массу с.-х. пролетариев и полупролетариев. Вот это-то обстоятельство—наличие в российской деревне многомиллионных кадров сел.-хоз. пролетариата—имело громадное значение в определении тактики большевизма в отношении крестьянского населения страны. Однако, как это ни странно, наличие этого условия, сыгравшего большую роль в определении тактики большевизма, отрицается автором рецензируемой работы.

«По преуменьшенным таким образом данным,—пишет т. Фортунатова,—по всей бывшей империи наемных рабочих в сельском хозяйстве зарегистрировано 2,5 милл. Как видим, даже с известной поправкой, *капля в море крестьянской стомиллионной стихии*». «В целых районах сельскохозяйственные наемные рабочие составляют *совершенно не ощутимый % сельского населения*» (курсив наш. *К. Р.*).

Итак, если верить т. Фортунатовой, сельскохозяйственный пролетариат составлял ничтожную, совершенно не ощутимую часть всего сел.-хоз. населения. Это, конечно, явно неверно. Прежде всего, в этом определении «ощутимости» с.-х. пролетариата бросается в глаза сравнение количества *зарегистрированных с.-х. рабочих со всей «стомиллионной стихией»*, как будто последняя в целом представляет собой полных, взрослых работников. Автор, очевидно, позабыл, что эта «стомиллионная стихия» включает в себя и детей и стариков и различного рода инвалидов и известный процент незанятых непосредственно в с.-х. производстве женщин и т. п. Если бы автор отбросил эту часть с.-х. населения, то процент с.-х. рабочих ко всему *рабочему* населению в деревне принял бы весьма *ощутимые* размеры.

Здесь, несмотря на чрезмерное обилие вообще приводимых автором цитат и ссылок, нельзя не отметить, однако, недостаточное использование автором работ Ленина. Степень «ощутимости» с.-х. пролетариата у Ленина значительно разнится от того, что утверждает тов. Фортунатова. Вопреки исследованиям тов. Фортунатовой, Ленин говорил о «гигантском процессе превращения мелких земледельцев в сельских пролетариев» [1]). Анализируя работу Руднева «Промыслы крестьян Европейской России», Ленин писал: «Эта, чрезвычайно ценная, работа дает сводку данных земской статистики по 148 уездам в 19 губ. Европейской России. Все число «промышленников» определилось в 2.798.122 чел. из 5.129.863 работников м. п. (18—60 лет), т.-е. в 55% *всего числа крестьянских работников*» [2]) (курсив наш. *К. Р.*). Принимая цифру Руднева—$3^1/_2$ милл. человек с.-х. рабочих (а не $2^1/_2$ милл., как это делает т. Фортунатова), что «составляет около 20% всего числа мужчин рабочего возраста», Ленин, однако, считает эту цифру *минимальной*, так как, во-первых, данные Руднева относились к 80, иногда даже к 70 годам, а с тех пор расслоение шагнуло далеко вперед, во-вторых, не были приняты «во внимание районы высокоразвитого земледельческого капитализма», и, в-третьих, потому, что в группу с.-х. рабочих были отнесены только те лица, для которых поденщина и сдельные земледельческие работы составляли *главнейшее* занятие, т.-е. устранялся значительный % с.-х. пролетариев.

Таким образом, по Ленину для Европейской России, *одна пятая* (это самая минимальная цифра) сел.-хоз. населения представляла собой с.-х. рабочих (по 19 губ. этот процент поднимался до 55!), а по тов. Фортунатовой с.-х. пролетарии составляли *каплю в море* крестьянской стихии! Здесь, в вопросе социальной дифференциации деревни тов. Фортунатова не только оказывается в явном противоречии с тем, что говорил Ленин, но и совершенно неизбежно скатывается *к народническому воззрению* о незатронутости деревни капиталистическим влиянием, об устойчивости крестьянского хозяйства перед этим разлагающим влиянием.

---

[1]) Ленин, т. III, стр. 185.
[2]) Там же.

Чрезвычайно «странное» впечатление производят рассуждения автора о середняке. «Середняк,—пишет она,—это трудовик по преимуществу. Для него собственное хозяйство и собственный труд—два нераздельных момента, которыми, главным образом, и определяются его интересы и идеалы». «Но,—продолжает она,—положенный нами в основу нивелирующий признак—собственное самодовлеющее хозяйство с гармоническим сочетанием в нем трудовых и потребительских ресурсов и запросов без продажи труда и без его найма есть только отвлеченная (!)—логическая (!) материя».

Нельзя сказать, чтобы «отвлеченная логическая материя» блистала здесь особой точностью и марксистской точностью. И не больше ли здесь пахнет народничеством, чем марксизмом?

Частью, как мы видели, прямо неверный, частью недостаточно точный анализ социальной дифференциации деревни привел автора и к неверному разрешению крестьянской проблемы в условиях дореволюционной, царской России. «Таким образом,—пишет т. Фортунатова,—союз с беднотой против крестьянской буржуазии в интересах подавляющей массы крестьянства, таковы были перспективы, вытекавшие из классового расслоения дореволюционной России». И отсюда автор делает такие выводы: «Хозяйственные интересы и социально-политическая идеология широких слоев деревни в *общих чертах* развертывалась в том же направлении, как и революционное рабочее движение». «Яркий пример растущего идейного родства и экономической солидарности городских рабочих с крестьянской массой дали события «кровавого воскресенья» 9-го января 1905 года. Выстрел по рабочим загремел через головы петербургского пролетариата по всей крестьянской России. Отвечая террором на мирную петицию рабочих, царское правительство давало наглядный урок трудовому крестьянству, которое ответило на него взрывом аграрного движения».

Такое изображение взаимоотношений пролетариата с крестьянством в корне неверно. Ведь по словам т. Фортунатовой получается, что развитие революционного движения рабочего класса и крестьянства было *тождественным*, как в смысле экономическом, так и социально политическом! Воистину надо было потерять всякую способность не только к самостоятельному анализу, но и простому осмысливанию имеющейся по этим вопросам большевистской литературы! Оказывается, что аграрное движение 1905—06 гг. было *только актом экономической солидарности* крестьянства с рабочим классом! Оказывается, что не будь «кровавого воскресенья» не было бы и «взрыва аграрного движения». Надо рассчитывать на, мягко выражаясь, большую наивность читателя, чтобы причины аграрного движения свести к «идейному родству и экономической солидарности городских рабочих с крестьянской массой».

Нельзя попутно не остановиться,—тем более, что это идет все в том же первом очерке,—на отрицании автором империалистического характера для России войны 1914 г. Война,—пишет т. Фортунатова, не выросла «из самых глубоких недр наших российских аграрно-экономических порядков, а *привнесена* до известной *степени «извне»*, из *сферы мировой экономики и международной политики*».

Немногим лучше обстоит дело и со следующими очерками работы т. Фортунатовой. Остановимся на наиболее важном и существенном. И прежде всего на характеристике новых, созданных нэпом отношений рабочего класса и крестьянства.

«Каковы же особенности смычки с деревней за первые три года новой экономической политики?—задает вопрос т. Фортунатова и дальше отвечает:

«Смычка—в этот период истории—есть длительный экономический, по преимуществу, союз между пролетариатом и крестьянством». Но через несколько страниц дальше автор раз'ясняет сущность этого союза несколько иначе. «В области хозяйственно-экономической—это смычка между национализированной промышленностью и крестьянским хозяйством, а по линии социально-политической—рабоче-крестьянское правительство».

Если мы вспомним указание т. Фортунатовой об идейном родстве и экономической солидарности рабочего класса и крестьянства, указание, что «хозяйственные интересы и социально-политическая идеология» их развертывались в одном направлении, то идея «рабоче-крестьянского правительства» приобретает специфический смысл и значение.

Нельзя согласиться и с итогами первых трех лет экономической политики, которые дает тов. Фортунатова. «Итак,—пишет она,—экономический сдвиг крестьянского хозяйства на основе его товаризации, классовое расслоение деревни и рост политической активности крестьянства, идущие, с одной стороны, в направлении антисоветском, кулацком, политическом, а с другой—по руслу советскому, трудовому, социалистическому—таковы итоги первых трех лет новой экономической политики».

Это, конечно, не итоги, а какая-то пародия на итоги нэпа. Итог должен заключаться не в том, чтобы указать на наличие двух течений, двух направлений развития крестьянского хозяйства, а в том, чтобы проанализировать характер и темп каждого из трех течений. Наконец, сущей бессмыслицей является подведение итогов нэпа для сельского хозяйства вне всякой связи с промышленностью. Пусть автор попробует подвести действительные итоги нэпа только для сельского хозяйства, совершенно изолировавшись от промышленности, и он неизбежно придет к самым нелепым, искажающим действительные итоги нэпа, выводам.

Если нэп в результате трех лет своего существования усилил капиталистические элементы за счет и в ущерб социалистическим элементам страны, если с нэпом строительство социализма не только не подвинулось вперед, но и пошло на убыль, вывод должен быть один; если же, наоборот, введение нэпа открыло возможность широкого социалистического строительства, если результаты нэпа оказались положительными именно для социалистического сектора—выводы должны быть диаметрально противоположные. Метод же подведения итогов, который применяет т. Фортунатова, совершенно недопустим.

Мы не собираемся продолжать перечисление нелепостей, которые в достаточном изобилии рассыпаны по книге т. Фортунатовой. Приведенного нами вполне достаточно для того, чтобы сделать вполне определенный вывод. В настоящем своем виде, работа т. Фортунатовой не только не дает, вопреки обещанию автора, истории взаимоотношений рабочего класса с крестьянством и эволюции крестьянства, как союзника рабочего класса,—но дала так много неверного, неточного и противоречивого, что книга может сыграть только отрицательную роль.

К. Розенталь.

РОЗЕНФЕЛЬД, Я. С.—Промышленная политика СССР. Предисловие А. М. Гинзбурга. Изд. «Плановое Хозяйство». М. 1926 г., стр. 548.

По вопросам экономической политики существует обширная и весьма разнородная литература. Но в большинстве она не идет дальше узковедомственного интереса текущего дня, а подчас ее значение и того меньше. Отдельные курсы экономической политики, их научная ценность, немногим выше этой литературы, из которой они составлены посредством ножниц или простого пересказа. Работа т. Розенфельда отличается прежде всего добросовестной и тщательной систематизацией материала и дает в общем прекрасный исторический очерк промышленной политики за годы революции. Однако, и эта работа представляет лишь первый этап по пути научной разработки проблем экономической политики. Книга т. Розенфельда носит более хрестоматийный характер, нежели оригинальной работы.

Тов. Розенфельд правильно наметил задачу—дать в своей «Промышленной политике» не «те или иные особые мнения», которые могут иметь место в связи с отдельными мероприятиями, «...а выкристаллизовавшуюся точку зрения советской власти». Рассмотрим, насколько автор «в своем об'ективно-историческом очерке» выполнил это условие.

Прежде всего несколько замечаний по поводу «науки» промышленной политики. «Подобно тому,—пишет т. Розенфельд,—как теория политической экономии подразделилась и выделила от себя экономию отдельных отраслей народного хозяйства, так и экономическая политика имеет свои разделы: промышленная, сельскохозяйственная, торговая, кредитная политика. Каждая отрасль народного хозяйства является сферой применения экономических мер, которые при всей связи с общей экономической политикой имеют свои специфические особенности, требующие особого углубленного изучения» (стр. 15—16). Необходимость создания «науки» промышленной политики автор подкрепляет еще ссылкой на общую тенденцию дифференциации научного знания.

В обосновании своей «науки» т. Розенфельд исходит из того вульгарного представления (заимствованного у автора предисловия) о теоретической экономии, будто она—сумма самостоятельных кусочков. Если экономии отдельных отраслей—части политической экономии, то нечего говорить о них как о самостоятельных научных дисциплинах. Нелепо отдельный вопрос или часть единой науки рассматривать в качестве самостоятельной научной дисциплины. И, наоборот, если существуют экономии отдельных отраслей, то, при таком взгляде, теоретическая экономия не должна существовать: ей нечего делать. В действительности же политическая экономия и экономии отдельных отраслей—качественно различные науки, как по об'екту, так и методу изучения. Таким образом, там, где необходима дифференциация научного знания и где она реально существует, т. Розенфельд ее уничтожает, а где ее нет и не требуется—как в отношении экономической политики,—он стремится ее произвести.

Экономическая политика—конкретная дисциплина, основной задачей которой является изучение мероприятий государственной власти в различных отраслях народного хозяйства. Конкретно существует промышленная, сельскохозяйственная, и т. д. политика; в совокупности они составляют экономическую политику. Промышленная политика лишь отдельная глава экономической политики. Попытка создания «науки» промышленной политики логически должна привести к обособлению экономической политики вообще, состоящей из общих принципов, от конкретной политики государства. А это неизбежно приведет к разрыву связи между политикой в различных отраслях хозяйства, к противопоставлению одной

другой, к ведомственному, бюрократическому ее извращению. На практике, в изложении промышленной политики у т. Розенфельда не получилось разрыва и противопоставлений, однако, не следовало возводить их и в теорию.

Экономическая политика имеет двоякое значение в хозяйственной жизни в зависимости от того, является ли она элементом социально-политической надстройки или экономической структуры. В первом случае она оказывает по преимуществу регулирующее воздействие на народно-хозяйственные процессы. «Регулирование совершается путем законодательства, изданием обязательных постановлений, выполнением функций государственного надзора,.., разработки конкретных вопросов экономической политики, в том числе вопросов таможенных, налогового обложения, правовых вопросов и т. д.» (стр. 283). Для буржуазного государства характерна преимущественно эта роль экономической политики.

В советском хозяйстве регулирующее значение экономической политики сохраняется в отношении товарных и товарно-капиталистических элементов. Но по степени влияния и охвату хозяйственной жизни и здесь советская экономическая политика в значительной мере отличается от политики буржуазного государства, не говоря уже о различии в ее классовом содержании и целях.

Совершенно иное значение экономической политики в отношении государственного хозяйства, в частности промышленности. В промышленной политике сочетается принцип руководства (измененная форма регулирования) и управления. Руководство (путем промышленного законодательства, разработкой промплана и т. д.) намечает общие рамки управления, оперативной деятельности промышленности. Управлением же (назначением личного состава, ревизией, отчетностью и т. д.) обеспечивается выполнение общих директив, данных в порядке руководства. Конкретно руководство и управление перекрещиваются между собой, переходят одно в другое.

В капиталистическом хозяйстве функции регулирования выполняет государственная власть, а управлением занимается хозяйствующий суб'ект. В託 госпромышленности руководство и управление—это две стороны планирования, хозяйствующий суб'ект (ВСНХ, соответственно Госплан и СТО) является носителем правовых и экономических функций. На промышленной периферии руководство и управление слагается в систему отношений товарно-социалистического характера. Промышленная политика стоит на верхней ступени этой системы отношений, представляет исходный момент товарно-социалистических отношений. Последние имеют такое же значение для государственного хозяйства, какое капитал, прибавочная стоимость и т. д. для буржуазного способа производства. Поэтому неправильно говорить о плановом начале только как об одном из признаков советской промышленности.

У тов. Розенфельда различие советской промышленной политики от политики буржуазных государств состоит только в классовом содержании, методах и целях. Правда, он указывает, что «экономическая политика советского союза в гораздо большей мере, чем экономическая политика буржуазных государств, охватывает все отрасли народного хозяйства страны, пропитывая все ткани его своим планово-регулирующим воздействием» (стр. 14). Но этот больший охват хозяйственной жизни он понимает чисто количественно. Автор не понял, что у нас хозяйствующий суб'ект является носителем функций руководства и управления, правовых и экономических функций. В его работе это отразилось в том, что основные проблемы промышленной политики он трактует больше

с юридической стороны, а там, где касается социально-экономической природы советской промышленности, делает существенные ошибки. Так, например, в абзаце «Крупная промышленность—единственная база социалистического общества» он пишет: «Задача экономической политики сводится теперь не к тому, чтобы запретить, стеснить развитие товарных отношений, а к тому, чтобы эти товарные отношения использовать для развития производительных сил страны и подчинить эти отношения государству, т.-е. направить их в сторону «государственного капитализма» (стр. 191).

В других местах тов. Розенфельд еще более решительно утверждает, что система нашего государственного хозяйства является «госкапиталистической» (стр. 236, 469—70). Правда, термин «госкапитализм» ставится им в кавычки, но по существу это мало меняет дело. «В буржуазном обществе,—по мнению автора,—государственный капитализм, т.-е. вмешательство государства в экономическую жизнь, заключается не только в регулировании, но отчасти даже в непосредственном управлении капиталистическим хозяйством, представляет собой высшую форму могущества буржуазии и ее государства; в государстве рабочего класса государственный капитализм представляет собою одну из вех диктатуры пролетариата» (стр. 192—3). Различие, таким образом, лишь в классовом содержании государственной власти, между тем, как экономическая структура у нас госкапиталистическая. Тов. Розенфельд оговаривается, что категории капитализма в отношении государственного хозяйства могут иметь лишь условное значение (стр. 354), но это «отступление» у него чисто формального свойства.

В конечном счете вопрос о социальном существе гос. хозяйства сводится к вопросу о национализации основных средств производства. Последнее обстоятельство отрицает существование классового антагонизма в этом хозяйстве. Госкапитализм же и при пролетарской диктатуре не означает уничтожения отношений эксплоатации, а только их ограничение. Впрочем, эта сторона вопроса достаточно ясна, чтобы на ней подробнее останавливаться; только человек, ослепленный фракционной борьбой, может усумниться «в последовательно-социалистическом типе» наших госпредприятий. Отметим в этой связи еще пару извращений. В советской экономике т. Розенфельд различает иногда только государственное хозяйство и частное (стр. 199), об'единяя последним совершенно различные общественно-экономические уклады. Неправильно также делает т. Розенфельд, ставя знак равенства между государственной и кооперативной промышленностью (стр. 531).

В анализе отдельных этапов развития промышленной и вообще экономической политики мы у т. Розенфельда встречаем по существу те же предыдущие ошибки—непонимание основных особенностей советского хозяйства. Появление нэпа в 1921 г. для т. Розенфельда довольно-таки неожиданное событие. Первый период после Октябрьской революции—прообраз нынешнего нэпа, у него совершенно пропал. Между тем для понимания основных периодов революции—«военного коммунизма» и нэпа—этот первый этап экономической политики имеет весьма существенное значение. Именно этот кратковременный период еще ярче подчеркивает, что экономическая политика «военного коммунизма» была вынужденной политикой хозяйственного строительства, поправкой правильной политики пролетариата в переходный период. Для об'яснения закономерности «военного коммунизма» и нэпа, их взаимоотношений и места в переходном хозяйстве вообще, этот первый этап экономической политики дает очень много.

Об этом первом этапе тов. Розенфельд упоминает только мельком. Он указывает, что в этот период была «тенденция к более осторожной политике», что существовало стремление «возможно скорее восстановить производительность заводов» (стр. 98), что трестовая форма об'единения предприятий «намечена еще в 1918 г.» (стр. 134), что этот период характеризуется «попыткою демобилизации промышленности» (стр. 141). Эти замечания, конечно, не могут дать представления об экономической политике за этот период.

Общая оценка «военного коммунизма» страдает туманностью и скрывает грубые ошибки. Он указывает, что промышленность могла кое-как справиться с военными нуждами, но «все же жить полной жизнью, работать полным темпом русская промышленность не могла, в виду крайнего обострения сырьевого, топливного» и т. д. кризиса (стр. 105). Это утверждение заставляет думать, что будто темп промышленной жизни был достаточно высок и мог иметь место. В этом скрывается неправильность, извращающая отношения «военного коммунизма» и нэпа и самый переход к последнему.

Период между VIII с'ездом советов и X с'ездом партии характеризуется противоречивыми тенденциями в экономической политике, борьбой военно-коммунистических тенденций с первыми проблесками осознания необходимости перехода к нэпу. Этот переход тов. Розенфельд изображает весьма упрощенно: «Когда победа,—пишет он,—на военных фронтах определилась, и Советская Россия получила возможность перейти к мирному строительству, перед ней встал вопрос о пересмотре некоторых сторон экономической политики» (стр. 146). «Советская Россия,—говорит он несколько ниже,—констатировав медленный темп развития революции в Западной Европе и необходимость опираться пока только на свои силы, приступает к ломке всего сложившегося в период военного коммунизма хозяйственного уклада, открывая новую эру экономической политики пролетариата, рассчитанную на переходный период» (стр. 170).

Помимо того, что процесс перехода или, вернее, осознание необходимости нэпа изображено неправильно, неправильна здесь оценка самого нэпа и причин, вызвавших его появление. Конечно, нельзя преуменьшать значение изменившейся международной обстановки, замедление темпа революционного движения на Западе, но нельзя только этим об'яснить появление нэпа. Причины нэпа в основном скрываются в российской экономике, в частности в русской промышленности, в невозможности недиалектического скачка к натурально-хозяйственной системе отношений. Благодаря изменившейся революционной ситуации, мы, по мнению т. Розенфельда, лишились поддержки развитой западно-европейской промышленности, а так как развитие собственной промышленности было слабо и находилось в упадочном состоянии, то необходим был переход к нэпу. Все дело, таким образом, в наличии развитой крупной промышленности. «Поскольку цветущая крупная промышленность есть налицо,—пишет т. Розенфельд,—постольку бесспорно возможен непосредственный переход к социализму» (стр. 186). Но так как у нас ее не было, необходима была легализация рыночных отношений для развития крестьянского хозяйства и установление смычки между рабочим классом и крестьянством. Но «было бы, однако,—продолжает автор,—неправильно отсюда заключать, что мелкокрестьянское хозяйство вообще не может развиваться иначе, как в условиях рыночного оборота» (стр. 189). «Дело, следовательно,—заключает он,—не в неизбежности для мелкого сельско-хозяйственного производства рыночных отношений, основанных на денежном обращении, а в том, получает ли крестьянин за отчуждаемые

у него продукты соответствующий эквивалент в промышленных продуктах, т.-е. удовлетворяющий его обычным потребностям и стимулирующий его к развитию хозяйства... Для этого требуется соответствующее развитие промышленности, которого у нас не было, и в наших условиях крайнего разорения другого пути, кроме рынка, пока нет» (стр. 190).

Ошибки тов. Розенфельда в этом пункте вкратце сводятся к следующему.

На данной ступени экономического развития крестьянское хозяйство может развиваться только в условиях рыночного оборота. Только рыночные отношения дают этому хозяйству стимул для дальнейшего развития. При натуральном обмене это хозяйство будет находиться в состоянии упадка и деградации.

Развитая промышленность, даже самой развитой капиталистической страны, не может в переходном хозяйстве, при натуральной системе отношений, дать достаточное количество продуктов. Натуральный тип хозяйственных отношений после капитализма может возникнуть на основе гигантского роста производительных сил, невиданного при капитализме.

Развитие хозяйства может происходить при строгом учете элементов производства. Этот учет и элементов самой промышленности, которому Ленин придавал такое громадное значение, в переходном периоде может происходить не иначе, как в ценностной форме.

Эти обстоятельства делают нэп, товарные отношения неизбежными при переходе от капитализма к социализму. Нэп в изображении т. Розенфельда вообще не является необходимым этапом переходного периода, а только в наших условиях и то при известных обстоятельствах. Автор превращает нэп из закономерного явления переходного периода в случайное, не вытекающее из самой природы этого этапа исторического развития.

Общественной формой переходного хозяйства, формой, через которую возможно движение к социализму, являются товарные отношения в сочетании с плановыми отношениями производства. Рост плановых отношений означает обобществление хозяйства мелкого товаропроизводителя, постепенную трансформацию товарных отношений, после которой возможна их окончательная ликвидация. Рассуждения тов. Розенфельда о нэпе показывают, что он мало уяснил себе сущность этого явления.

В заключение укажем на ряд менее существенных недостатков работы тов. Розенфельда: встречаются и такие ляпсусы, как смешение производительности труда с валовой продукцией (стр. 22), утверждение, будто только войной создана диспропорциональность частей народного хозяйства, что будто «до войны промышленность давала сельскому хозяйству больше, чем сельское хозяйство промышленности» (стр. 168), что будто бы при нэпе возникает необходимость профессиональных союзов бороться за повышение материального и культурного уровня «партийных и беспартийных рабочих» (стр. 222—3) и т. д.

Изложение промышленной политики автор, собственно, заканчивает 1923—24 хоз. годом. Проблемы промышленной политики за последние два года освещены весьма бегло. Так, проблема индустриализации, проблема основного капитала промышленности, проблема реконструкции промышленности, автором не затронуты или затронуты весьма поверхностно.

«Промышленная политика» предназначена «для широких читательских кругов, нуждающихся в сводном систематическом изложении промышленной политики Советской России за все годы революции» (стр. 7).

Напрасно только автор избрал цитатную форму изложения. Последнее обстоятельство делает книгу несколько громоздкой для широкого круга читателей. Все же, однако, книга т. Розенфельда, принадлежит к числу лучших работ по экономической политике.

Н. С.

«БОЛЬШЕВИК УКРАИНЫ». Политико-экономический журнал ЦК КП(б) У. № 1, за 1926 г. Изд. «Пролетарий», стр. 123. Цена 50 к.

Потребность для такой союзной республики, как Украина, в теоретико-практическом органе, который освещал бы основные вопросы политики и экономики вообще, теории и практики партии в частности, затрагивал бы волнующие вопросы текущего дня, суммировал бы опыт работы партии—не подлежит никакому сомнению. Удовлетворяет ли такой потребности вышедший № 1 «Большевика Украины»?

Журнал построен по типу центрального теоретического органа партии—«Большевика» и ставит себе, примерно, те же задачи, что и этот последний.

Первое, что нужно отметить в первом номере—это его выдержанность. Второе—то, что журнал сразу же, с момента своего появления, сумел откликнуться на самые животрепещущие вопросы, стоящие в центре внимания коммунистических партий всего Советского Союза. И, наконец, третье—то, что журнал откликнулся сразу на некоторые вопросы чисто украинского порядка дня. Все три указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что журнал с первых дней своего существования стал на верный и правильный путь.

Номер открывается передовицей, посвященной очередным задачам партии. В статье нашли свое отражение многие из тех вопросов, по которым партия в настоящее время дает отпор ревизионистским уклонам современной оппозиции. Сюда, в частности, относится вопрос об оценке мирового положения капитализма и связанный с ним вопрос о тактике Коминтерна. Констатировав наличие временной относительной стабилизации капитализма, статья подчеркивает важность тактики единого фронта. Поскольку мировое положение таково, что Коминтерн в данный отрезок времени не стоит перед задачей прямого штурма твердынь капитализма и мобилизации для этой цели рабочих масс,—а признание этой задачи задачей текущего дня неизбежно вытекает из отрицания оппозицией капиталистической стабилизации,—проблема завоевания масс на свою сторону продолжает сохранять для Коминтерна первостепенное значение.

Переходя к вопросам внутреннего строительства, статья выясняет сущность взятого партией курса на индустриализацию страны, подвергая попутно критике позицию сверх-индустриалистов.

Большое внимание статья уделила письму Медведева. На примере считающей себя «левой» платформы Шляпникова—Медведева статья показывает куда растет антибольшевистский уклон вообще. Правое существо указанной платформы вряд ли будет оспариваться теперь всяким, кто пытается честно и по-партийному решать спорные вопросы в партии. Все указанные вопросы передовицей освещены, однако, не с той резкостью очертаний и логической законченностью, какую они приобрели на июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) и после него. Причина ясна: журнал написан до пленума, партия еще не стояла перед фактом существования многоцветного оппозиционного блока.

Со времени XIV партс'езда большую и решающую важность приобрел вопрос об единстве партии. Выяснению вопроса об единстве по-

священа статья тов. Корнюшина. Поставив правильно проблему единства партии, автор показывает, что расщепление партии на фракции и группировки неминуемо влечет к почкованию различных политических партий, толкая нас, в конечном счете, на рельсы буржуазного демократизма.

Но трактуя в общем правильно вопрос о единстве, автор поставил его несколько абстрактно, формально, вне связи с текущей борьбой, которую ведет современная оппозиция против единства партии. В частности, т. Корнюшин недостаточно подчеркнул тот момент, что единство партии достигается не только формальной необходимостью подчинения меньшинства большинству, но и, как добавлял Ленин, правильностью политической линии. Например, теперешняя борьба партии против раскольнической линии оппозиционного блока основана не только на требовании подчинения меньшинства решениям большинства, но и на том, что защищаемая и проводимая партией политическая линия есть единственно правильная линия, подтвержденная всем опытом нашей революции. С этой точки зрения применяемые оппозицией сравнения положения в нашей партии теперь с положением РСДРП на Стокгольмском с'езде и после него теряют под собою всякую почву и всякий смысл и свидетельствуют лишь о бедности аргументов, к которым вынуждена прибегать оппозиция.

Вопрос о партии в настоящее время тесно связан с вопросом об общем политическом положении в стране. Показателем этого положения является минувшая кампания по перевыборам советов. Чрезвычайный интерес приобретают итоги перевыборов на Украине, как районе, с наиболее выпукло проявляющимся расслоением крестьянства. Выяснению итогов перевыборов сельсоветов на Украине и посвящена статья тов. Н. К.

Перевыборы обнаружили ряд недочетов, отрицательных результатов. Сюда относятся организационная слабость многих сельских парторганизаций, неумение их «руководить беспартийными массами в условиях возрастающей общественно-политической активности крестьянства» (стр. 109); слабая организация бедноты, частично вызванная совпадением с перевыборами реорганизации комнезамов, внесшей расстройство в ряды бедноты; снижение % лишенных избирательных прав, об'ясняемое отчасти расширением избирательных прав нетрудовым элементам, нашедшим себе место в избирательных инструкциях (это извращение партлинии своевременно партией замечено и исправлено), отчасти приспособляемостью кулака к новым условиям. Статья вполне правильно ставит вопрос об использовании богатых уроков минувшей кампании с целью предотвращения ошибок и недочетов в будущем.

Тем не менее, эти теневые стороны не могут и не должны заслонить громадных положительных ее результатов. Каковы эти результаты, каковы политические итоги перевыборов сельсоветов на Украине?

1) Партийные организации подошли к перевыборам значительно организованнее и с кампанией в общем и целом справились.

2) Активность деревенской массы, в особенности середняка, повысилась (% участия—48—81 по отношению к общему числу избирателей деревни), при чем попыткам кулака подчинить своему влиянию советы был дан решительный отпор бедняцко-середняцкого фронта: «в большинстве случаев напряженная, организационная работа кулаков проводилась зря: выставленные ими списки дружными усилиями бедноты и середняков проваливались» (стр. 104). Следует отметить, что руководящую роль в бедняцко-середняцком блоке играет середняк. Автор правильно ставит задачу усиления руководящей роли бедноты.

3) Мы имеем не просто повышение активности деревни, но «возрастающая активность основных масс крестьянства сосредоточилась вокруг оживления советов» (стр. 105).

4) Что касается вопроса о политической линии партии, то «перевыборы сельсоветов этого года сделались генеральной проверкой линии партии в отношении села». «Эта проверка подтвердила линию партии не резолюциями, не теоретическими рассуждениями, а живыми, жизненными фактами, оценка которых не может иметь двух мнений» (109).

Таковы итоги, подтверждаемые автором рядом фактов и цифр.

Из статей, посвященных экономическим вопросам, в номере имеются: статья т. Демченко «Экспорт, импорт и организация хлебозаготовок», статья т. Гринько, посвященная вопросам текущей экономической политики, и статья т. Коломойцева «Об одной ревизии ленинизма». На последней следует несколько остановиться.

Тов. Коломойцев, очевидно, поставил себе задачей разобрать теоретические основы экономической политики троцкизма (Преображенский), а также ряд предложений в области практической политики, исходящих из лагеря троцкистов (политика цен, налоговая политика и др.). Критика, развиваемая автором, в общем правильна, но поставленная им перед собой задача оказалась в рамках небольшой журнальной статьи, выполненной слабо.

Нужно было разобрать, но уже полнее и обоснованнее или «закон первоначального социалистического накопления» или практические предложения Преображенского и Оссовского. Автор этого не сделал и потому в своей критике расплылся. Ряд методологических и теоретических ошибок Преображенского от внимания автора ускользнул, а критика практических предложений оказалась несколько легковесной. Говоря о политике цен, о налоговой политике оппозиции, т. Коломойцев мог бы подкрепить свои аргументы цифрами.

Некоторые вопросы международной жизни также нашли освещение на страницах первого номера. Помимо характеристики мирового положения, данной в упоминавшейся выше передовице, в журнале помещены статья т. Броуна, анализирующая кризис английского капитализма, лежащий в основе происходящих в Англии социальных конфликтов, и статья т. В. Юринец о пилсудчине.

Специальному украинскому дню посвящена статья т. Скрыпника «Итоги литературной дискуссии». Эти итоги отражают любопытные и интересные процессы в строительстве Украины как самостоятельного государства, связанного братскими узами с остальными государствами СССР. Тов. Скрыпник подводит итоги дискуссии об украинизации, происходившей недавно в КП(б)У. Итоги обсуждались на пленуме ЦК КП(б)У и зафиксированы в специальном постановлении пленума. В чем суть этой дискуссии?

«Когда КП(б)У признала задачу строительства Украины как отдельного советского государства, признала наличие украинской культуры, существование украинского языка (а не «наречия»), тогда-то на сцену появилась неправильная, немарксистская и неленинская теория борьбы двух культур—украинской и русской—при нейтралитете партии и советской власти (или же при содействии признаваемому ею неизбежному процессу «руссификации») (стр. 20). Отметив буржуазно-шовинистическое происхождение этой теории, признав, что она льет воду на мельницу шовинистов обоих лагерей и при своем осуществлении неминуемо привела бы к обострению национальных противоречий, пленум говорит: «Не путь противопоставления украинской культуры культурам других народов, а путь братского сотрудничества рабочих и трудящихся масс всех национальностей в деле строительства международной пролетарской культуры, куда и украинский рабочий класс сумеет вложить свою долю» (стр. 20). Далее постановление намечает конкретные пути, по которым должно пойти развитие украинской культуры.

Обосновывая постановление пленума, подвергая критике обнаружившиеся в дискуссии неправильные уклоны (Хвыльовый, Романовский), т. Скрыпник попутно выясняет сущность национальной политики советской власти, непонимание которой и лежит в основе неправильных позиций некоторых товарищей.

Следует в заключение отметить хорошо поставленный отдел критики и библиографии как по количеству рецензий, так и по их качеству. Хорошее содержание, партийная выдержанность, живой и бойкий язык делают отдел интересным.

Как положительный факт, надо отметить то обстоятельство, что некоторые статьи помещены на украинском языке. Журналу необходимо пойти по пути большей украинизации в отношении языка.

Достоинства журнала ясны. О недостатках журнала мы не хотели бы говорить, имея перед собою всего лишь один первый номер. Поэтому ограничиваемся приведенными замечаниями по существу отдельных статей.

Посмотрим, что покажет недалекое будущее журнала. Важно, что с самого начала он стал на верный путь.

Г. Стрельцов.

ОПЕЧАТКИ.

В № 13 „Большевика“.

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
5	9 сверху	„XI с'езд принял“	„X с'езд принял“
13	3 снизу	„Остальных способов производства“	„Отсталых способов производства“.
18	28 сверху	„под'историю капитала“	„пред'историю капитала“
20	18 „	„равнозначна роли частного капитала“	„не равнозначна роли частного капитала“

В № 14 „Большевика“.

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
5	10 снизу	(около 70%)	(около 60%)
7	15 „	„симптом их передвижения“	„симптом их перерождения“
7	1 и 2 снизу	„Как оно „присоединяется“ к режиму буржуазии, и, поддерживая его ленинизм, в корне отрицает эту трактовку“.	„Как оно „присоединяется“ к режиму буржуазии и поддерживает его. Ленинизм в корне отрицает эту трактовку“.
9	7 сверху	„Четвертая область партийных организаций“.	„Четвертая область партийных разногласий“.
10	16 снизу	„как и троцкистской, так и у „новой“ оппозиции“.	„как и у троцкистской, как у „новой“ оппозиции“.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

№ 18 № 18

30 СЕНТЯБРЯ

1 9 2 6

МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 18 30 СЕНТЯБРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № 70118. Москва. Тираж 70.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Дж. Т. Мерфи.

Английская стачка и трэд-юнионы.

(К итогам Борнемутского конгресса).

Либерально-буржуазный журналист удачно сравнивает на страницах еженедельника «Nation» Борнемутский конгресс с попыткой поставить «Гамлета» без появления на сцене принца датского. Он заявляет, что как для присутствовавших на конгрессе, так и для тех, которые не были на нем, но интересовались ходом политических событий, лишь один вопрос представлял действительный интерес, и как раз этот вопрос не обсуждался на конгрессе, несмотря на то, что его присутствие на заседаниях чувствовалось постоянно. Поэтому он пишет, что конгресс разочаровал всех бессмысленностью своей работы. Совершенно другого мнения придерживаются лидеры профсоюзов. Ситрин, переизбранный на пост генерального секретаря конгресса трэд-юнионов, заявляет, что результаты этого конгресса весьма удовлетворительны и успешны. Пью также, несомненно, весьма удовлетворен «здравым смыслом и рассудком», проявленным делегатами конгресса. Обе эти оценки конгресса ничего не стоят, и обе они по-своему весьма характерны. И действительно очень интересно отметить, что в то время, как либеральный журналист дал отрицательную оценку конгресса, последний является источником величайшего удовлетворения для трэд-юнионистских бюрократов и для «Таймса».

Еще до начала конгресса существовали сильные опасения относительно его результатов. Профсоюзные лидеры не были уверены в том, что они смогут предупредить дискуссию о всеобщей стачке и об их ответственности за ее исход. За неделю до того 800 делегатов, представлявших приблизительно миллион рабочих, откликнулись на призыв движения меньшинства и единодушно сделали смелое заявление по поводу политической линии, которой придерживались трэд-юнионистские лидеры. Они возлагали ответственность за обман рабочих, участвовавших во всеобщей стачке и стачке горнорабочих, на тех лидеров, которые руководили Борнемутским конгрессом. Даже «Таймс» был смущен и задал следующий вопрос: «Окажется ли, что всеобщая стачка была конечным пунктом воинствующего трэд-юнионизма или что она была началом новой фазы, которая в дальнейшем своем развитии в конечном счете приведет к постановке определенных революционных целей?» После конгресса трэд-юнионов «Таймс» дает оценку усилий, сделанных лидерами в смысле урезывания тенденций, проявившихся в Скарборо в прошлом году.

«В Скарборо,—говорит газета,—они заявили, что свержение капитализма является целью трэд-юнионистского движения. В Борнемуте господствовало разочарование, а вместе с ним и прак-

тический здравый смысл. Если лидеры могут сделать еще один шаг вперед и освободить движение от лозунгов, направивших его энергию на путь «классовой войны», то этим они очень много сделают для благосостояния промышленности, от которого зависит также и благосостояние рабочих». Но при всем восхищении перед «здравым смыслом» конгресса газета чувствует, что не все здесь обстоит благополучно, и в дальнейших строках она проявляет более глубокое классовое чутье в отношении реальной ситуации, чем трэд-юнионистские лидеры: «Как в конце конгресса трэд-юнионов,—пишет «Таймс»,—так и в начале его один вопрос остался без ответа. Вопрос о всеобщей стачке и о политике расширенной экономической войны, выражением которой явилась стачка, не подвергался обсуждению, и поэтому нет возможности с уверенностью сказать, какие уроки были извлечены из опыта, целью которого было улучшение континентальной формы массового выступления».

Мы можем понять причину смущения, проявленного «Таймсом» так же, как и причину того, почему исход конгресса в такой степени удовлетворил трэд-юнионистских бюрократов. Оба эти явления, рассматриваемые в связи с опытом самого конгресса трэд-юнионов, дают нам возможность еще лучше оценить по достоинству Борнемутский конгресс. «Таймс» и упомянутый либеральный наблюдатель огорчены тем, что вопрос о всеобщей стачке не обсуждался и что профсоюзы не осудили всеобщую стачку на конгрессе столь же решительно, как лидеры—Крэмп, Бевин и К⁰. Генеральный совет чувствует себя счастливым, потому что в течение пяти дней, в разгар величайшего конфликта в истории английского рабочего движения, ему удалось избежать как обсуждения вопроса о всеобщей стачке, так и обсуждения вопроса об оказании действительной помощи углекопам. Это был конгресс замалчивания, но такого замалчивания, которое более красноречиво, чем какие бы то ни было речи.

Председатель конгресса Пью открыл заседание речью, целью которой было вернуть профсоюзы назад к середине XIX столетия, стремясь, очевидно, к тому, чтобы превратить профсоюзы в памятник прошлого, а не в живое движение вперед. Он отнес профсоюзы в один разряд с капиталистическими судами и парламентскими учреждениями и пытался возвести принцип коллективного договора в святыню. Указав на тот факт, что трэд-юнионы играли значительную роль в поднятии уровня жизни своих членов, он провозгласил такой принцип определения ставок заработной платы и условий труда, с которым вполне согласилась федерация британских промышленников и против которой не будут возражать ни Винстон Черчилль, ни Болдуин. Это именно тот принцип, который они кладут в основу своей политики по отношению к углекопам. Пью заявил: «Трэд-юнионам пришлось ответить на вопрос о том, не наступило ли время для них пересмотреть в свете новых теорий все основы и методы применения традиционной тарифной политики, методы определения тарифных ставок, которых придерживались трэд-юнионы. Не пришло ли время,—спросил он,—рассмотреть, как следует применять принцип прожиточного минимума или основной ставки в связи с индексом национального производства».

Не попытавшись даже детально остановиться на этой политике и рассмотреть, к каким последствиям для рабочего класса

она привела бы в нынешнюю эпоху, совершенно отличную от той, когда собрался первый конгресс трэд-юнионов, он начал читать диссертацию о необходимости организовать рабочих Востока и наложить эмбарго на ввоз продуктов, вырабатываемых при применении системы «выжимания пота». Он, конечно, не употребил слова «эмбарго». Это привело бы его слишком близко к требованиям, выставляемым ныне горнорабочими в их борьбе. Он также не пытался показать, каковы были бы последствия международного выступления по вопросу о товарах, вырабатываемых при системе «выжимания пота». Он забыл сообщить конгрессу, что это означало бы «вмешательство в дела других стран», хотя мы все знакомы с отношением г. Пью к вопросу о «вмешательстве». Он не допустил дебатов по вопросу о «предоставлении более широких полномочий Генеральному совету», заявив, что совет обладает достаточными полномочиями. Это не помешало ему позже заявить, что Генеральный совет не имеет права жертвовать в чью бы то ни было пользу ресурсы профсоюзов, а еще позднее сказать, что когда-нибудь Генеральный совет потребует предоставления ему более широких полномочий. Пью сказал, что всеобщая стачка не была всеобщей стачкой, а «национальной» стачкой, носившей экономический характер, и что лишь враги Генерального совета усматривают в его действиях политическое выступление. Одним словом, от произнес речь, содержание которой можно было бы изложить хладнокровно, если бы она была произнесена на первом конгрессе трэд-юнионов, а не на 58-м. Но чего же достиг конгресс в целом под этим руководством?

Во-первых, ему удалось отложить дискуссию вопроса о всеобщей стачки до конференции исполкомов трэд-юнионов и таким образом установить преобладание трэд-юнионистской бюрократии над конгрессом трэд-юнионов. Несмотря на то, что конгресс трэд-юнионов поручил Генеральному совету созвать в первую очередь конгресс исполкомов, Генеральный совет отказался дать отчет конгрессу о том, каким образом он выполнил это поручение. С этого времени, поскольку это будет касаться Генерального совета, конгресс трэд-юнионов будет лишен всякого значения. Он наложил на членов профсоюзов узы, которые им будет трудно разорвать. Нужно иметь в виду момент, что конгресс и раньше состоял приблизительно на 70% из должностных лиц профсоюзов. А между тем большинство вопросов решается до конгресса—даже вопрос о составе нового Генерального совета. Каждая секция Генерального совета составляется из представителей союзов отдельной отрасли промышленности, и лишь эти союзы имеют право выставлять кандидатов в эту отдельную секцию. В настоящее время исполкомы профсоюзов все в большей степени устраивают разные комбинации, чтобы иметь возможность решать вопрос об избрании лидеров без голосования, и не менее дюжины членов нового Генерального совета были переизбраны как раз посредством такой комбинации. Значение этого изменения становится ясным, если принять во внимание связь его с политическими взглядами трэд-юнионистской бюрократии, рассмотрением которых мы займемся ниже.

Прежде всего, однако, необходимо отметить, что лидеры горнорабочих, несмотря на беспримерно предательское поведение Генерального совета по отношению к ним и вообще к горнорабочим и несмотря на шум, которым они встретили Бромлея, со

своей стороны оказали значительную помощь Генеральному совету в проведении им этой политики. Под предлогом получения обещанной Генеральным советом финансовой помощи они высказались за перенесение доклада о всеобщей стачке на конференцию исполкомов. На Борнемутском конгрессе они под подобным же предлогом опять стали на сторону Генерального совета, несмотря на то, что члены Генсовета непрестанно нападали на горнорабочих. Кук заявил, что он сожалеет о заключенном с Генсоветом соглашении, но между тем делегация горняков не внесла никаких поправок, когда на конгрессе обсуждался вопрос об ответе на телеграмму Томского. Они допустили, чтобы ответ Генерального совета был принят без голосования, в то время как голосование посредством записок дало бы совершенно другой результат. Меньшинство, насчитывавшее 700.000 голосов, постоянно голосовало против Генерального совета, и если бы углекопы к этой цифре добавили бы свои голоса, то Генеральный совет не оказался бы в столь счастливом положении.

Вдобавок к этому, Генсовету удалось предупредить попытки расширить его полномочия, при чем он не высказал откровенно действительного мотива своего отрицательного отношения к этому предложению. И никто не выступил на конгрессе с тем, чтобы разоблачить поведение Генсовета в этом вопросе, несмотря на то, что ясно, как день, в чем тут дело. Он отказывается от более широких полномочий по той простой причине, что если бы он согласился на это требование, то тем самым конгресс трэд-юнионов сразу очутился бы на большей высоте, чем новая инстанция—конференция исполкомов. А это пошло бы вразрез с проводимой Генсоветом политикой отступления и укрепления бюрократии против растущей активности масс. Они еще год назад с тревогой отнеслись к этому предложению и дипломатически отложили решение этого вопроса до более удобного времени. На этот же раз, после разительного опыта генеральной стачки, они оказали более решительное сопротивление и увеличили количество своих лавровых венков, предприняв наступление против движения меньшинства. Позицию Генсовета в вопросе о международном единстве также нельзя назвать иначе, как реакционной. По этому вопросу Пью говорил о «сердечном» и «дружественном» единении, но при этом выяснилось, что, по его мнению, международное единство означает в действительности согласие с ним в том, что каждая национальная секция должна поступать как ей угодно и придерживаться всех форм буржуазной вежливости в международных сношениях. Трудно иначе истолковать его речь, так как он категорически отрицал за русскими профсоюзами право критической оценки поведения английских лидеров в Генеральном совете или в угольном конфликте, несмотря на то, что они связали себя узами международной солидарности и обещали оказывать друг другу поддержку в борьбе английских и русских рабочих против международного капитала. Эту позицию поддержал также и Персель, присоединившись к нападкам на русские профсоюзы.

Таким образом, мы на Борнемутском конгрессе имели перед собой единый фронт трэд-юнионистской бюрократии. Теперь нет разницы между прежними «левыми» и «правыми» членами Генсовета. Оппозиция на конгрессе трэд-юнионов исходила из совершенно новых рядов, помимо тех делегатов, которые открыто заявили о своей принадлежности к движению меньшинства и к коммунистической партии. В то время как эти элементы требуют отставки правительства, трэд-юнионистская бюрократия откладывает вынесение постановления по этому и по всем другим вопросам, связанным с немедленным выступлением, до следующих выборов, когда эти вопросы, по их расчетам, автоматически отпадут. Даже Суэльс заполняет столбцы «Сондэй Уоркер» изложением этой политической линии.

Подобное же положение господствует и в рядах рабочей партии. Все эти стремления к укреплению контрреволюционных сил, столь открыто развивающиеся в трэд-юнионах, еще более резко проявляются в рабочей партии, где трэд-юнионистская бюрократия получает подкрепление со стороны политиков, выражающих интересы мелкой буржуазии. Ливерпульская конференция рабочей партии проложила путь в этом направлении в прошлом году, выступив против массовой борьбы задолго до всеобщей стачки, и подготовив, таким образом, откол революционных элементов от рабочей партии. Исполком рабочей партии собрался в Борнемуте во время конгресса трэд-юнионов. Наиболее интересным актом его было исключение еще четырех местных организаций рабочей партии, отказавшихся выполнить ливерпульские постановления об исключении коммунистов. Таким образом четыре организации из пятнадцати организаций рабочей партии в Глазго исключены. В общем, со времени последней конференции рабочей партии, на которой коммунистическая делегация в полной изоляции вела борьбу против об'единенных реакционных элементов рабочей партии, было исключено более дюжины местных организаций рабочей партии, и ни одно светило из «левого крыла» не протестовало против этого.

Постановления об исключении, принятые на Борнемутском конгрессе, служат ясным указанием того, что на приближающейся конференции рабочей партии будут приложены все усилия к тому, чтобы толкнуть рабочий класс вправо. Весьма возможно что это не так легко будет сделать, как в Ливерпуле. Так как сторонники «левого крыла» поняли, наконец, что они беспомощны, оставаясь неорганизованными, они последовали призыву коммунистической партии об организации блока левого крыла в национальном масштабе. Конференция 125 делегатов, состоявшаяся в Попларе, представляет собой начало этого движения. Джордж Ленсбери стал ближе к коммунистической партии со времени своей поездки в СССР, как будто более открыто примыкает к этому движению, чем это делают левые трэд-юнионистские лидеры Генерального совета в отношении движения меньшинства. Но в прошлом году он на Ливерпульской конференции молчал. Окажется ли он настолько смелым, чтобы выступить на Маргетской конференции в текущем году против делегатов этого левого крыла? Его позиция на Маргетской конференции покажет, пойдет ли он по стопам Хикса и Перселя. Лоутер, являющийся лидером дюрхемских горняков, а также членов исполкома рабочей партии, также примкнул к этому движению, взявшему под свою защиту местные организации, исключенные из рабочей партии. Каковы бы ни были результаты Маргетской конференции,— а надо полагать, что на ней макдональдовская фракция укрепит свои позиции сильнее, чем когда-либо раньше—фундамент для создания левого массового движения прочно заложен, и можно

быть уверенным в том, что предстоит создание новой рабочей партии, которая будет иметь классовый характер, ибо рабочая партия продолжает свою политику раскола путем исключения всех своих членов, сочувствующих коммунистической партии.

Движение пошло по правильному пути, начавшись с организации борьбы против исключения и направления своих сил для борьбы в рядах самой рабочей партии против лидеров, быстрым темпом приближающихся к заключению блока с либеральной партией. Программа этого движения очень сильно приближается к той, которая была выставлена коммунистической партией на Ливерпульской конференции в противовес принятой на ней новой формулировке империализма рабочей партии. Но это движение совершило также ошибку, которая сильно замедлит его развитие, если оно быстро не исправит ее. Приняв руководство коммунистических делегатов, оно повторило требование конференции движения меньшинства об уходе из парламента депутатов рабочей партии с целью ведения ими кампании вне парламента. Это не было особенно значительной ошибкой со стороны движения меньшинства, и она не представляет большой опасности, поскольку в настоящее время нет заседаний парламента и поскольку это предложение не носит поэтому практического характера. Но со стороны конференции левого крыла вступление на путь синдикалистского бунта, в то время как она призывает к себе на помощь организации, связанные с ведением кампаний при выборах в парламент, все же представляет собой ошибку, имеющую некоторое значение.

Но это не единственная ошибка. Даже в самой английской коммунистической партии имеется определенная тенденция проводить свои кампании и свою критическую деятельность, скорее исходя из точки зрения левого трэд-юнионизма, чем в соответствии с революционно-политической тактикой компартии. Это обнаружилось в недостаточно критическом отношении к англо-русскому комитету, когда наша партия отстала от русских профсоюзов в своей критике тактики Генерального совета. Это обнаружилось в ее поведении во время кампании за наложение эмбарго на перевозку угля. Нужно было, конечно, бороться за это требование, но когда партия в своей критике трэд-юнионистских лидеров, отказавшихся поддерживать это требование, указывает лишь на отсутствие у них чувства классовой пролетарской солидарности, то этого недостаточно. Как бы ясно партия ни видела политические последствия эмбарго, и как бы она ни сознавала, что применение его неизбежно ведет к возобновлению всеобщей стачки, она не должна говорить о том, что трэд-юнионистские лидеры именно по этим причинам отказываются прибегнуть к эмбарго. Заявляя, что каждая массовая стачка в настоящее время неизбежно должна натолкнуться на враждебные силы государства, она не об'ясняет, что это означает и по какому пути следует вести борьбу для того, чтобы обеспечить победу.

Это видно из тех выводов, которые сделаны партией из уроков Борнемутского конгресса. Она делает в «Воркерс Викли» от 17 сентября следующие выводы. Во-первых, что старые руководители образовали единый фронт предательства рабочих интересов. Во-вторых, что бывшие «левые» из Генерального совета окончательно сдались правым. В-третьих, что Кук сделал второй шаг по пути к установлению единого фронта с Генеральным

советом. В-четвертых, что даже этот конгресс, состоявший более чем наполовину из должностных лиц, обнаружил сдвиг рабочего класса влево. В-пятых, что нет надежды на то, чтобы в рядах трэд-юнионистского движения, могли, кроме как из рядов коммунистической партии и движения меньшинства, появиться новые лидеры, готовые вести действительную борьбу с хозяевами. В-шестых, лидеры, сдавшиеся капиталистическому правительству 12 мая, говорили очень много на конгрессе трэд-юнионов об отказе правительства от применении 48-часовой недели, о введении им закона о восьмичасовом рабочем дне в угольной промышленности, о его выступлении против горнорабочих и т. д., но они избегали всяких указаний относительно того, как можно все это изменить.

Все эти замечания совершенно правильны. Но ни слова не сказано о том, почему они выставили требование о роспуске правительства, а также не об'яснено рабочим, что все эти выводы основаны на том факте, что с нынешнего момента классовое пролетарское движение постоянно будет наталкиваться на вопрос о классовой власти, что диктатура буржуазии может быть свергнута лишь путем решительной борьбы за диктатуру пролетариата: что именно это основное противоречие классовых сил заставило Генеральный совет решиться пойти по пути предательства; что именно это обострение противоречий толкнуло левых в об'ятия правых; что именно это обострение противоречий лежит в основе перегруппировки социальных сил, совершающейся на наших глазах и находящей свое подтверждение на самом конгрессе трэд-юнионов. Никогда еще в истории Великобритании не было периода, когда было бы столь необходимо раз'яснить рабочим массам основные политические вопросы, как теперь.

Каково же нынешнее положение дела в Англии? Вкратце оно сводится к следующему: английский капитализм находится в состоянии хронического кризиса и обнаруживает все симптомы государства, находящегося в состоянии разложения. Консервативное правительство, представляющее собою наиболее реакционно выраженные буржуазные элементы, борется с напряжением всех своих сил. Оно стало слабее со времени всеобщей стачки, когда ему удалось собрать около себя часть либеральных и мелкобуржуазных элементов. Каждые частичные выборы обнаруживают изменения в отношении общественного мнения к правительству. Последнее не может сделать ничего другого, как только выступить с классовой войной против рабочих масс. Рабочий класс под влиянием все ухудшающихся условий труда все более стремится повести борьбу против угнетателей. Он проникается все в большей степени классовым сознанием и обнаруживает явное желание вести борьбу. Весь состав лидеров был напуган угрозой гражданской войны и той ответственностью, которую па них возложила бы подобная ситуация. С этого момента лидеры выступили против массовой борьбы. Массы двинулись влево, в то время как лидеры двинулись вправо, и лишь коммунистическая партия и движение меньшинства выделили из своей среды настоящих классовых руководителей рабочего движения. Поворот лидеров вправо, а также явное недовольство средних слоев неспособностью консервативного правительства создать «мирную» ситуацию, о которой они тоскуют, сблизило руководителей рабочей партии и либеральной партии и заставляет их думать о созда-

нии блока, направленного против правительства и в то же время против массовых выступлений пролетариата.

Здесь я напомню об одной речи Ллойд-Джорджа, произнесенной им в марте 1920 года и цитированной Лениным в его книге «Детская болезнь «левизны». В то время Ллойд-Джордж призывал,—что очень знаменательно,—к созданию блока либералов и консерваторов против рабочих. По тем же основным мотивам он трудится теперь над созданием блока с бюрократией рабочей партии против консерваторов. Он заявил, что «цивилизация находится в опасности», но этот процесс сделал шаг вперед, большой шаг вперед с 1920 года. Заметьте: «Четыре пятых населения страны заняты в промышленности и торговле, едва одна пятая занята сельским хозяйством. Это одно из тех явлений, о которых я постоянно думаю, когда размышляю об опасностях, предстоящих нам в будущем. Во Франции преобладает земледельческое, население, и вы имеете там наличие солидного общественного мнения, не подвергающегося быстрым изменениям и не поддающегося столь легко влияниям революционного движения. Не таково положение в Англии. Эта страна более тяжеловесна, чем какая-либо другая страна в мире и, если она начнет раскачиваться, то здесь произойдет больший крах, чем в какой бы то ни было другой стране».

Этот диагноз положения дел в Англии, сделанный Ллойд-Джорджем, правилен. Он призывал либералов и консерваторов об'единиться для того, чтобы противостоять движению рабочего класса, но Англия уже начала раскачиваться. Коалиции потерпели крушение. Массы находятся в движении, и создаются новые коалиции для удержания лавины, надвигающейся со все возрастающей скоростью. Таков смысл братских отношений, установившихся между Ллойд-Джорджем и руководителями рабочей партии. Таков смысл свирепых выступлений консервативного правительства и тяготения рабочих к коммунистической партии. Борнемут—это барометр, трэд-юнионистского движения, и он показывает, что «левые» фразеры вылупились в настоящих защитников буржуазии. Он показывает, что процесс изживания иллюзий в массах все более развивается и что для английской коммунистической партии наступило время, когда она должна во все более ясной форме раскрывать перед массами основные проблемы сегодняшнего дня и значение нового соотношения социальных сил. Только сделав это, она станет действительным вождем масс, который поведет их по-ленински «по пути к восстанию».

А. Слепков.

Путь „рабочей" оппозиции.

«Думаю, что они неправильно это название носили»...

(Ленин. «Доклад о деятельности ЦКРКП на XI с'езде партии». Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 33).

I. Ленинская постановка вопроса о гегемонии пролетариата и синдикализм.

В нашей партии неоднократно появлялись течения, которые критиковали партию в целом с так называемого «левого» конца. Правда, этот метод критики не является монопольным в руках внутрипартийных оппозиционных течений. Бывало так, что в мелкобуржуазности «уличали» коммунистическую партию даже типичные представители мелкобуржуазной партии. Вспомним, хотя бы, что писал о социальном характере Октябрьской революции и большевистской политики вождь меньшевиков Л. Мартов. Это он утверждал, что социально-определяющим фактором большевистской политики в революции был мелкобуржуазный солдат [1]).

Другой меньшевик, Далин, автор наиболее «фундаментального» литературного клеветнического поклепа на нашу партию, в своей книге «После войн и революций», «доказывал», что советская власть имела и имеет успехи лишь постольку, поскольку она встает на путь *не* пролетарской, *а* мелкобуржуазной политики.

Подобного же рода «критическую» тенденцию проявили и западно-европейские идеологи оппортунизма (Каутский, Бауэр и др.).

Однако, политическая программа этих «критиков» была настолько явно оппортунистической, что их «левизна» могла возбуждать только смех.

Гораздо труднее разоблачить об'ективно-антипролетарские тенденции в прикрывающихся «левой» фразой внутрипартийных оппозиционных течениях. Всем памятно, что представитель некоего антиленинского течения внутри партии в ответ на характеристику его платформы как мелкобуржуазной с «эхидством» указывал на вопиющее «противоречие»: с одной стороны, дескать, представленный им уклон отличается недооценкой роли крестьянства в нашей революции, а, с другой стороны, он мелкобуржуазен; не очевидно ли, что здесь не связаны концы с концами?

---

[1]) А. А. Богданов, проводящий эту же идею в «Курсе политической экономии», здесь совсем не оригинален.

Не может быть никакого сомнения в том, что с точки зрения формально-логической, еще большее право на этот аргумент имеет «рабочая» оппозиция. Но столь же несомненно и то, что право на этот аргумент можно обосновывать *не* диалектически, *а* лишь формально-логически.

Меньшевики тоже недоучитывали роль крестьянства в революции, и тем не менее они представляли в революции не пролетарское, а мелкобуржуазное начало.

Политическая зрелость пролетариата и, прежде всего, его передовых отрядов определяется способностью выполнять функции гегемона трудящихся масс. Если пролетариат еще не дорос до понимания своей роли как гегемона, если он не сделал и не делает повседневно в этом направлении практических выводов,—то он еще не является «классом для себя», осознавшим свои исторические задачи.

> «Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же,—писал тов. Ленин еще в «Что делать?»,—тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее, даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношениях всех классов современного общества» [1]).

«Современным» обществом для пролетариата СССР является советское общество. Быть марксистом в условиях СССР (ибо в 1902 г., когда Ильич писал «Что делать?» «социал-демократ» еще было равнозначно «марксисту») это значит, прежде всего, понимать неразрывную связь «самопознания рабочего класса», стоящего у власти, с правильными, «на опыте политической жизни выработанными представлениями о взаимоотношениях всех классов» советского общества. Другими словами и более конкретно выражаясь,—это значит: правильно понимать роль и назначение диктатуры пролетариата, ее соотношения с разными классами советского общества.

Характеризуя диктатуру пролетариата, как «новую форму классовой борьбы», т. Ленин в плане невыполненной брошюры «О диктатуре пролетариата» (относящемся ко второй половине 1919 г.—началу 1920 г.) намечал, между прочим, для разработки и обоснования, следующие мысли:

> «Диктатура пролетариата как руководство трудящимися массами (и всем обществом) со стороны пролетариата. Две основные задачи (и соответственно, две новые формы) классовой борьбы при диктатуре пролетариата:
>
> (1) подавление сопротивления эксплоататоров (и всякого рецидива, возврата к капитализму и к капиталистическим традициям).
>
> (2) систематическое руководящее воздействие (тоже—борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на всех трудящихся, кроме пролетариев».

[1]) Курсив во всех случаях, где нет специальной оговорки, принадлежит автору настоящей статьи.

Или несколько ниже:

> «Диктатура пролетариата есть обучение одним классом, пролетариатом, всех трудящихся, idem руководство. Вести. Господствующий класс—пролетариат, один... ...Советы—пролетарская демократия—диктатура пролетариата. ...Опыт революции. Увлечь и направлять. Авторитет революционного пролетариата среди трудящихся». (Ленинский Сборник, III, стр. 494, 497).

В этом отрывке из полуплана-полуконспекта заключена, таким образом, следующая цепь положений:

1. «Советская власть является формой диктатуры пролетариата, одного класса.
2. Эта диктатура есть особая форма классовой борьбы.
3. Последняя осуществляется по-разному в отношении эксплоататоров (капитал) и трудящихся мелкобуржуазных масс (подавляющие массы крестьянства).
4. В отношении последних необходимо «руководящее воздействие», в котором бы моменты борьбы (но «особого рода», другой, чем с капиталом) сочетались с «руководством» «увлечением и направлением», «ведением», «обучением» и т. д., ибо диктатура пролетариата есть обучение одним классом, пролетариатом, всех трудящихся».

После перехода к нэпу тов. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость осуществления гегемонии пролетариата, организованного в государство, по отношению к крестьянству в экономической области, необходимость длительной работы по перестройке, переделке основной массы бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств на социалистический лад.

Таким образом, «особого рода» «преодоление» крестьянского частного хозяйства тов. Ленин мыслил методами переделки в условиях «прочного союза» между пролетариатом и основной массой крестьянства (простых товаропроизводителей).

Наконец, в самой последней своей статье «О кооперации» он наметил и главные пути этой переделки.

Итак, Ильич исходил при выработке политической линии диктатуры пролетариата из представления о властвующем пролетариате, как гегемоне трудящихся непролетарских масс, прежде всего, бедняцко-середняцких масс простых товаропроизводителей.

Тот, кто исходит из другого представления о пролетариате,—тот не дорос до марксизма и ленинизма. Когда некоторые «леваки», забывая о необходимости рабоче-крестьянского блока и осуществления пролетарской гегемонии—в отношении широких масс крестьянства—ставят сие себе в заслугу и, во всяком случае, считают это «забвение» гарантией от мелкобуржуазного уклона,—то они выступают как опошлители марксизма, как политики, молящиеся на «заднюю пролетариата».

Рабочий класс в своей массе вышел из деревни. Приходящий из деревни новый, «сырой» рабочий приносит с собою на завод и мелкобуржуазный подход к явлениям, ограниченность, индивидуализм. Школа индустриального производства, воздействие передовых кадровых пролетариев, воздействие компартии преодолевают эту ограниченность, этот индивидуализм новых рабочих. Но у многих из них повышение сознательности, так

сказать, «застревает» на цеховом самосознании, противостоящем сознательно-классовому подходу пролетариата, как гегемона всех трудящихся.

Таким образом, «цеховщина» в политике—с социально-психологической точки зрения—имеет мелкобуржуазные корни. Она не выражает взглядов и устремлений пролетариата вперед, к социализму, к освобождению всех эксплоатируемых, а культивирует мелкобуржуазные пережитки в психологии рабочих масс. Само собой разумеется, что имеющие подобный источник «цеховые» тенденции в пролетарской партии в своем развитии могут привести только к оформлению резко-враждебного пролетариату течения.

История «рабочей» оппозиции—тому яркое доказательство.

II. «Рабочая» оппозиция в период дискуссии о профсоюзах.

«Рабочая» оппозиция оформилась как особое фракционное течение в нашей партии в конце 1920 года—в начале 1921 года во время дискуссии о роли профессиональных союзов. В данном случае нас интересует не состав фракции (включавшей в свои ряды, несомненно, и весьма видных большевиков-рабочих) и не организационная сторона дела, а существо идейно-политической платформы «рабочей» оппозиции. Наибольший интерес, с этой точки зрения, для первого периода развития оппозиции, представляет дискуссионная статья тов. А. Шляпникова «О задачах рабочих союзов», написанная в декабре 1920 г. и обосновывающая платформу «рабочей» оппозиции [1]).

Как известно, важнейший пункт тезисов «рабочей» оппозиции гласил:

> «Организация управления всем народным хозяйством принадлежит всероссийскому с'езду производителей, об'единенных в профессиональные производственные союзы, который избирает центральный орган, управляющий всем народным хозяйством республики».

Каким же образом тов. А. Шляпников обосновывал необходимость подобной «реформы» в области управления производством и радикального изменения в соотношениях различных организаций пролетариата?

В статье имеются два основных аргумента: один—от истории, другой—от программы партии.

Тов. Шляпников, прежде всего, указывает на то, что существующее к началу 1921 года положение дел является громадным отступлением в сравнении с непосредственно послеоктябрьским периодом, когда профсоюзы, по сути дела, руководили производством.

> «Октябрьский переворот открыл новую страницу в истории не только российского профессионального движения. В то время, когда власть во всей стране завоевывалась советами рабочих, солдат и крестьян, профессиональные союзы вели борьбу за диктатуру рабочего класса в хозяйственной области... Вместо «защиты экономических, правовых и моральных интересов рабочего класса», путем стачек и др. средств, профессиональным союзам пришлось стать, при самых труднейших условиях, во главе отдельных производств, целых отраслей промышленности и транспорта.
>
> Задачи профессионального движения новой эпохи впервые были определены на первом всероссийском с'езде профсоюзов, в январе 1918 года. В принятой по докладу тов. Зиновьева резолюции, в пункте шестом, говорится отчетливо, что «центр тяжести работы профессиональных союзов в настоящий момент должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профессиональные союзы, как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил...»

[1]) См. сборник «Партия и союзы» под ред. Г. Зиновьева. Госиздат, Петроград, 1921 г., стр. 287—304.

Так обстояло дело в начале революции. Какие же изменения внесла вся полоса гражданской войны?

> «Но с того времени, времени весны пролетарской власти, прошли три года, работа которых и должна быть теперь учтена... Былой размах в союзной деятельности конца семнадцатого и начала восемнадцатого года через три года приводит нас к погребальному звону... В резолюции о задачах профсоюзов, принятой на III с'езде, очень много говорится о правильности положений, принятых на обоих предыдущих с'ездах, но отсутствуют былые отчетливость, ясность и перспективы. Вместо выпуклых задач, резолюция содержит ряд скромных пожеланий и рекомендаций союзам, как им держать себя по отношению к органам государственной власти».

Итак, «рабочая» оппозиция настаивала на возвращении к тем соотношениям профсоюзов и промышленности, которые установились непосредственно после Октябрьского переворота. Ошибочность аргумента от истории заключается в том, что он не учитывает того радикального изменения в соотношениях общественных организаций пролетариата, которое произошло со времени Октябрьской революции к 1921 году.

Во время Октябрьского переворота и непосредственно после него профсоюзы были теми массовыми революционными организациями пролетариата, которые, по призыву большевистской партии, боролись за захват государственной власти в руки пролетариата и за укрепление этой власти. При этом не следует забывать, что строящееся при непосредственном и инициативном участии руководимых партией профсоюзов советское пролетарское государство оформило, прежде всего, те свои организации, которые имели целью непосредственное подавление классового врага в гражданской войне. Экономические командные высоты пролетарского государства окрепли значительно позднее. Естественно, что в этих условиях революционный захват промышленных предприятий и руководство ими на первых порах осуществлялись профсоюзами.

По мере же укрепления пролетарского государства и оформления его экономических органов, эти функции перешли к ВСНХ, а профсоюзы стали играть роль «резервуара», непрерывно обновляющего и пополняющего рабочими организаторами хозяйственные органы государства и помогающего госорганам преодолевать хозяйственные трудности.

Именно на это и указывает пункт третий резолюции т. Рудзутака о роли профсоюзов, поддержанный т. Лениным и принятый ЦК:

> «Управление государственных экономических органов, постепенное овладение ими аппаратом производства и управления, согласование отдельных частей этого аппарата—все это перенесло центр тяжести работы по управлению промышленностью и выработке производственной программы в эти органы. В связи с этим, работа профсоюзов в области организации производства свелась к участию в формировании коллегий главков, центров и заводоуправлений».

Отмечая необходимость более тесного сближения профсоюзов и хозорганов в области промышленного строительства, подчеркивая необходимость участия профсоюзов в составлении общей производственной программы, резолюция, тем не менее, отнюдь не предлагает возвращения к тем беспорядочным и хаотическим отношениям, которые были характерны для начала гражданской войны, и построена в духе сохранения государственного руководства производством.

Таким образом, историческая ссылка тов. Шляпникова не могла рассматриваться, как аргумент.

В октябре и в непосредственно послеоктябрьский период промышленность находилась в руках профсоюзов (вернее, ими захватывалась) потому, что не было окрепших государственных экономических органов: в 1921 году последние имелись, хотя и с «бюрократическими извращениями».

Еще более неудачен был аргумент от программы.

> «Если мы обратимся к нашей программе, принятой VIII с'ездом РКП, являющейся руководством для всей политики, то там, в главе «В области экономической», в пункте пятом имеется достаточно рельефное указание целей профдвижения: «Будучи уже, согласно законов Советской Республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, профессиональные союзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым...»
>
> И если теперь снова подымается вопрос о «задачах профсоюзов», то это происходит не по причине «неясности» стоящих перед союзами задач. Некоторые критически мыслящие товарищи просто несогласны с резолюциями и программными положениями о задачах профсоюзов. Их пугает предоставление союзам проведения в жизнь этих задач, так как они не верят в силу, сознательность и способность рабочих организаций выполнить программные задачи...»

Нетрудно понять, что между программными положениями и политическими задачами дня существует большая дистанция; не трудно понять, что развернутый социализм, предполагающий «растворение» государства, предполагает и иное разрешение проблемы хозяйственного руководства, чем то разрешение, которое дается в исходный момент движения к социализму, в момент возникновения и укрепления пролетарской диктатуры.

«Рабочая» же оппозиция в момент укрепления и оформления пролетарской диктатуры настаивала на осуществлении таких экономических мероприятий, которые могут быть осуществлены лишь в результате длительной полосы развития, подводящей вплотную к безгосударственному обществу.

Критикуя аргумент оппозиции от программы, тов. Ленин делает следующие замечания к отдельным местам программы:

1) «профсоюзы должны притти» (значит, не пришли и даже еще не приходят)»;

2) «к фактическому сосредоточению в своих руках» (в своих, т.-е. в руках профсоюзов, т.-е. в руках масс, об'единенных поголовно; всякий видит, как далеки еще мы даже от первого приближения к такому фактическому сосредоточению)»;

3) «сосредоточению... всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым» (значит, не отраслями промышленности и не промышленностью, а промышленностью плюс земледелие и т. д. Близки ли мы к тому, что фактически сосредоточено в руках профсоюзов управление земледелием?)».

Нетрудно заметить, что Ильич особенно налегает в критике на то обстоятельство, что рабочая оппозиция не видит задачи руководства народным хозяйством в целом; что она разрешает вопрос о руководстве промышленностью так, как будто бы у нас и существует только эта промышленность, а состав советского общества исчерпывается пролетариатом.

> «Синдикализм передает массе беспартийных рабочих, разбитых по производствам, управление отраслями промышленности («главки и центры»),—утверждает т. Ленин,—уничтожая тем самым необходимость в партии, не ведя длительной работы ни по воспитанию масс, ни по сосредоточению на деле управления в их руках всем народным хозяйством» (курсив т. Ленина).

В дискуссии о роли профессиональных союзов, на пороге к «мирному» хозяйственному строительству, в своеобразной форме был поставлен вопрос о гегемонии пролетариата в революции, о руководящей роли пролетариата в экономической жизни Советской Республики.

При этом «рабочая» оппозиция отвечала на этот вопрос отрицательно; вернее, она даже не видела проблемы гегемонии пролетариата в «строительный» период.

Как «текла» мысль идеологов «рабочей» оппозиции?

Их установку можно характеризовать следующим образом. В экономической системе Советской Республики имеется промышленный сектор: он-то—и только он— и интересует пролетариат; задача экономической политики пролетариата ограничивается задачами организации и руководства промышленностью: эти задачи лучше разрешат массовые профсоюзные организации пролетариата, чем обюрокраченные экономические органы советского государства; посему—да здравствуют с'езды производителей и властвующие над промышленностью профсоюзы—и долой ВСНХ!

Именно к таким выводам и приходит тов. Шляпников:

> «Наша партия практически должна вырешить вопрос о том, какими путями она будет проводить свою политику экономического строительства, через рабочие организации или

по старому методу, усвоенному от буржуазной эпохи через бюрократически построенные аппараты... Самая опасная сторона бюрократизма заключается в фетишизме аппаратов государственной власти, в их стремлении рассматривать себя в качестве пупа земли, вокруг которого вращаются солнце, луна и прочие советские планеты...

В настоящее время все участие рабочих организаций в деле организации и управления нашей промышленностью сводится к тому, что союзы служат поставщиками работников для ВСНХ. В остальных областях при практической работе мы имеем сплошные трения и конфликты, тяжело отражающиеся на больном теле нашего хозяйства. Это возможно избежать только путем или уничтожения профессиональных производственных рабочих союзов или уничтожения самодовления ВСНХ и подчинения его работы производственным рабочим организациям. Дело идет не о простом подчинении головок, персональной перетряске или пересадке, а о проведении в жизнь двух исключающих друг друга начал...»

Тов. Шляпников утверждает, что «проводить свою политику экономического строительства» через государство—это значит только пользоваться «старым» буржуазным методом; он же высказывается за «новый» метод, т.-е. за непосредственное руководство производством со стороны профсоюзов.

Какую политическую установку, по сути дела, противопоставлял «рабочей» оппозиции тов. Ленин?

Господствующий в Советской Республике пролетариат должен, опираясь на свои командные высоты, стремиться к руководству «всем народным хозяйством», что, прежде всего, означает стремление к руководству и промышленностью и сельским хозяйством; социально это означает, прежде всего, что пролетариат должен обеспечить в экономическом строительстве свою гегемонию в отношении широких бедняцко-середняцких масс крестьянства и отвоевание этих масс из-под влияния капитала. Советское государство и является таким орудием классовой борьбы пролетариата, которое обеспечивает разрешение этой задачи.

Почему функции руководства «народным хозяйством в целом» взяло на себя пролетарское государство и не могут взять «с'езды производителей»?

Во-первых, потому, что пролетарская государственная власть может сочетать методы насилия (в отношении эксплоататоров) с методами руководства, воздействия, переделки (в отношении непролетарских масс трудящихся), что является условием относительного роста социалистических элементов.

Во-вторых, государственная власть обнимает своим, частью непосредственно управленческим, частью регулирующим, воздействием все народное хозяйство в целом (и промышленность и сельское хозяйство), чем обеспечивается постепенная переделка на социалистический лад всей хозяйственной системы СССР, постепенное уничтожение противоречий между городом и деревней.

В-третьих, являясь пролетарским по своему классовому существу, советское государство является рабоче-крестьянским по составу и включает в свои низовые звенья представителей бедняцко-середняцких крестьянских масс, перевоспитываемых в процессе советского строительства.

Именно благодаря всем этим особенностям, наличие и функционирование пролетарского государства есть непременное условие успешного социалистического строительства, есть главнейший, основной фактор этого строительства; и именно благодаря этому лучшие и главные силы коммунистической партии были брошены для руководства государством пролетариата.

«Рабочая» оппозиция не поняла этой роли диктатуры пролетариата. Она не доросла до марксистско-ленинской постановки вопроса о диктатуре пролетариата и ее роли в строительстве социализма. В более общей формулировке,—ее ошибка заключалась в том, что она разрешала основные вопросы политики, в переходный от капитализма к коммунизму период, не под углом осуществления и укрепления гегемонии пролетариата, а под углом—цехово-синдикалистским. Эта ошибка являлась тем более опасной, что она делалась в обстановке перехода к «мирному» строительному периоду, когда вопрос о смычке с крестьянством и о гегемонии пролетариата в отношении крестьянства—стал особенно остро, когда речь шла о «переходном периоде в переходном периоде».

«Анализируя текущий политический момент,—заявлял т. Ленин во время профсоюзной дискуссии, еще до перехода к нэпу,—мы могли бы сказать, что переживаем переходный период в переходном периоде.

Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так сказать, целую кучу новых переходных периодов. Демобилизация армии, конец войны, возможность гораздо более длительной передышки, чем прежде, более прочного перехода с военного фронта на трудовой фронт. От одного этого, только от этого уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства. Как изменяется? К этому надо внимательно присмотреться, а из ваших тезисов этого не выходит. Пока мы не присмотрелись, до тех пор надо уметь выжидать»...

К X с'езду и Ленин и партия в целом уже присмотрелись к новой обстановке и сделали политический вывод из оценки изменений, перейдя к новой экономической политике.

III. «Рабочая» оппозиция во время перехода к нэпу.

Следующим этапом в развитии «рабочей» оппозиции являются: 1) выступление ее идеологов в период X с'езда, когда партия решила повернуть советское государство на рельсы новой экономической политики, и 2) апелляция «рабочей» оппозиции к Коминтерну.

Типичным документом этого периода развития «рабочей» оппозиции является брошюра тов. А. Коллонтай («Рабочая оппозиция». На правах рукописи. Только для членов партии. Москва.

1921 год) [1]). В этой программной брошюре дана общая политическая оценка партийной политики и поднят большой круг партийных проблем, выходящий далеко за пределы вопроса о роли профсоюзов в хозяйственном строительстве.

Несмотря на то, что партия намечала к X с'езду поворот к новой экономической политике, поворот, который ни в коей мере не вязался с военно-коммунистическими тенденциями платформы «рабочей» оппозиции о роли профсоюзов, тов. А. Коллонтай в своей брошюре в вопросе о профсоюзах стоит на той же позиции, на которой «рабочая» оппозиция оформилась в конце 1920 года.

«*Кому осуществлять творчество диктатуры пролетариата в области хозяйственного строительства?* Органам ли классовым по составу, непосредственно, жизненными нитями связанным с производством, т.-е. *производственным союзам или же советским аппаратам*, оторванным от непосредственной живой, хозяйственно-производительной деятельности, к тому же смешанным по своему социальному составу? В этом корень расхождения. Рабочая оппозиция стоит *за первое*».

Так ставит и разрешает вопрос тов. Коллонтай. Синдикалистская установка сохранена здесь полностью. Промышленное строительство должно вестись профсоюзами, а *не* советским государством.

При этом тов. Коллонтай пытается доказать, что советская власть перестала быть орудием классовой борьбы пролетариата, что она, в значительной мере, переродилась и продолжает перерождаться. Внутренняя логика в рассуждениях тов. Коллонтай несомненна: социалистической промышленностью должны руководить профсоюзы, а не советское государство, потому что последнее перестает быть по своему существу классово-пролетарской организацией, а профсоюзная организация является таковой.

Вот что пишет тов. Коллонтай о советском государстве:

«Задачи общегосударственного характера заставляют как местные, так и центральные советские органы, комиссариаты и даже Совнарком и ВЦИК прислушиваться, приноравливаться к этим трем разнородным группам населения трудреспублики (рабочий класс, крестьянство и мещанство и остатки прежней буржуазии—спецы, техники, дельцы,—как писала тов. Коллонтай выше. *А. С.*), отчего *теряется устойчивость и чистота классовой линии*, носителем которой в интересах революции, должна остаться наша партия. *Соображения «общегосударственные» начинают перевешивать интересы класса рабочего*».

Совершенно очевидно, что выставляя тезис об отклонении государственно-советской линии от классово-пролетарской линии, «рабочая» оппозиция считала непролетарской и линию партии, руководящей советским государством.

---

[1]) Само собою разумеется, что эту брошюру тов. Коллонтай мы рассматриваем лишь как исторический документ, помогающий выяснить эволюцию «рабочей» оппозиции в целом, и. во всяком случае, не имеем оснований приписывать тов. Коллонтай *теперь* те взгляды, которые она, в качестве представителя «рабочей» оппозиции, высказала в 1921 году.

Это можно иллюстрировать следующей цитатой из платформы тов. Коллонтай:

«*Отчетливая классовая политика нашей партии*, в процессе отождествления себя с советским государственным аппаратом, *превращается все более и более в ту надклассовую политику*, которая есть не что иное, как «*приспособление*» руководящих органов к *разнородным и противоречивым интересам* социально разнородного, мешанного состава населения».

«Корень зла» тов. Коллонтай усматривает в неправильной политике в отношении крестьянства, в искривлении классовой линии советского государства под напором мелкой буржуазии, в иллюзиях, будто пролетариат может вести советское строительство на основе рабоче-крестьянского блока.

«*А мы в Советской России принуждены убеждать* и себя, весь рабочий класс, что *мелкая буржуазия*, мещанство (не говоря уже о крестьянстве во образе хозяйственного и трудолюбивого среднего) *великолепно могут ужиться под общей вывеской: «вся власть советам»*, забывая, что именно в ежедневной практике жизни интересы рабочих и пропитанного мелкобуржуазной психологией мещанства и крестьян неизбежно сталкиваются, дергая советскую политику в разные стороны и *искажая ее классовую четкость*».

Особой критике подвергается стремление т. Ленина обратить внимание партии и рабочего класса на необходимость прочного экономического союза с середняком. «Рабочая» оппозиция усмотрела в этом стремлении соглашательские тенденции, антипролетарскую политическую линию.

Да и весь намечающийся партией маневр перехода к новой экономической политике рассматривался тов. А. Коллонтай, как проявление соглашательства.

«Пролетариат,—писала тов. Коллонтай,—требует наибольшей чистоты и бескомпромиссности политики, спешного, форсированного марша на коммунизм... Ваша *политика*,—обвиняла она Ленина,—выбирающая равнодействующую между тремя социальными группами населения, весьма мудрая политика. Но она *пахнет старо-знакомым, приспособленчеством, оппортунизмом*».

«Рабочая» оппозиция, в лице тов. А. Коллонтай, стала при переходе к новой экономической политике на ту точку зрения, что пролетариату дело только до промышленности, что всякие разговоры о союзе с середняком—это оппортунизм, что советское государство, становящееся в своей политике на почву этого союза, изменяет классовым интересам пролетариата. При этом, *во-первых*, «рабочая» оппозиция даже не поставила вопроса о том, что само развитие промышленности немыслимо без экономического под'ема основной бедняцко-середняцкой массы крестьянских хозяйств и смычки промышленности с этими хозяйствами, *во-вторых*, она не поняла роли пролетариата, как гегемона трудящихся масс, роли советского государства, как орудия переделки широкой массы крестьянских хозяйств на социалистический лад.

Ильич подчеркивал эту роль на X с'езде, в выступлении по поводу перехода к новой экономической политике.

«Что значит этот лозунг свободы торговли, выдвигаемый мелкобуржуазной стихией? Он показывает, что в отношениях пролетариата и мелких земледельцев есть такие трудные проблемы, есть такие задачи, которых мы еще не решили. Я говорю об отношениях победоносного пролетариата к мелким хозяевам, когда пролетарская революция развертывается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где большинство мелкобуржуазное. Роль пролетариата в такой стране заключается в руководстве переходом этих мелких хозяев к обобществленному, коллективному, общинному труду».

Не понимая роли диктатуры пролетариата, как важнейшего фактора социалистического строительства, «рабочая» оппозиция в корне неверно ставила и вопрос о партийном руководстве советами. Если в деятельности советских организаций давали себя чувствовать бюрократические тенденции, если кое-где инициативно-руководящие функции «уплывали» из рук партийцев и переходили к представителям мелкой буржуазии,—то надо было подчеркнуть необходимость усиления повседневного систематического партийного руководства советами. А тов. А. Коллонтай предлагала как раз обратное. Она писала

«о превращении всех наших партийных центров, начиная от ЦК партии и кончая уездкомами, из органов, руководящих мелочами повседневной советской политики, вмешивающихся в назначения, перемещения и переброску сил с чисто ведомственной точки зрения, — в орган контроля над политикой советских аппаратов».

Это не логика, а логика «дыбом». Советы перерождаются, они перестают быть классово-пролетарскими организациями, а потому... не надо «руководить мелочами повседневной советской политики», а потому... необходимо выступать против «назначений, перемещений и переброски сил» со стороны партии.

Наконец, следует отметить, что «рабочая» оппозиция совершенно неправильно разрешала вопрос о внутрипартийных отношениях, ибо она стала на почву поощрения и «нормализации» таких внутрипартийных порядков, при которых партия представляла бы собой не единую монолитную организацию, а сумму различных течений.

Исходя из абстрактной постановки вопроса о «свободе мнений», «рабочая» оппозиция требовала легализации в партии различных течений и даже поощрительной политики в отношении этих течений.

В практически-резюмирующей части своей платформы рабочая оппозиция требовала «права не только свободных дискуссий, но и права на материальную субсидию для издания литературы внутрипартийных течений».

С другой стороны, оппозиционеры по существу дела выступали против принципа партийного централизма. Они обнаружили непонимание руководящей роли партийных центральных организаций. Руководство предполагает, что ЦК намечает партийную

политику, что он раньше, чем вся партийная масса, учитывает изменения в политической обстановке, что он воздействует на партийную массу, предлагая ее вниманию определенные линии, позиции, способы решения проблем партийной политики. А тов. Коллонтай писала о необходимости «вернуться (?) к тому положению вещей, когда все основные вопросы партийной жизни и советской политики раньше обсуждаются низами, а затем уже суммируются верхами». ЦК «суммирует», а не руководит под контролем партийных масс; ЦК—это что-то в роде «почтового ящика».

Вопрос о внутрипартийной демократии ставится у идеолога «рабочей» оппозиции несерьезно и наивно. Чего стоит, например, требование права «присутствия любого члена партии на заседаниях партийных центров, за исключением особо-секретных дел».

Подведем итоги. Не может быть сомнения в том, что в экономической и политической обстановке Советской Республики 1920—21 гг. имелось налицо достаточно оснований для тревоги за дело пролетариата, для критики существеннейших недостатков советского аппарата и т. д.

Несомненно, далее, что в предложениях «рабочей» оппозиции было и кое-что правильное (постановка проблемы «орабочения» партии и т. д.).

Но так же несомненно, что в платформе «рабочей» оппозиции 1921 года были заложены все те ошибки, развитие которых привело т. Медведева в 1924 году к его антипартийной платформе. Выступление «рабочей» оппозиции в 1921 году обнаружило:

1) что ее идеологи не понимали и не принимали политики союза пролетариата и крестьянства, не понимали и не принимали ленинской постановки вопроса о пролетариате как гегемоне широких масс трудящихся вообще, бедняцких и середняцких крестьянских масс в частности;

2) что в соответствии с этим, они не понимали роли советского государства, как орудия социалистического строительства, орудия приобщения крестьянских масс к социализму и усмотрели в осуществлении советским государством рабоче-крестьянского блока показатель его социального перерождения;

3) что они неправильно ставили вопрос о партийном руководстве советами, выступая против осуществления систематического повседневного партийного руководства советскими организациями;

4) что они рассматривали пролетарскую партию не как единую монолитную организацию, а как некую «сумму течений», что они не понимали проблемы руководства партией, несерьезно и неверно ставили вопрос о внутрипартийной демократии.

IV. «Рабочая» оппозиция в 1924 году («медведевщина»).

По истечении почти трех лет со времени перехода к новой экономической политике «рабочая» оппозиция провела новую веху, отделяющую ее от общепартийных позиций. Мы имеем в виду платформу тов. Медведева, в его письме бакинским товарищам.

В течение этих трех лет неуклонно укреплялась экономическая основа диктатуры пролетариата; в течение этих лет социалистическая промышленность вышла из состояния чудовищной разрухи и невиданного хаоса и вступила на линию под'ема; за этот период пролетариат научился наступать на рельсах новой экономической политики, усиливая, по мере укрепления своих экономических командных высот воздействие социалистических элементов хозяйства на все хозяйство в целом.

Но новые достижения сопровождались и новыми трудностями. В 1923 году с большой остротой стал вопрос о согласовании промышленного строительства с развитием сельского хозяйства, о сжатии так называемых «ножниц» и т. д.

Правильная экономическая политика потребовала учета сложных взаимоотношений всех частей народного хозяйства и, прежде всего, обязывала к разрешению основных вопросов экономической политики под углом сохранения и укрепления рабоче-крестьянского блока. Большие теоретические и практические трудности встали перед партией в связи с разрешением вопроса о том темпе, в котором должна развертываться промышленность.

Стала совершенно очевидной глубокая правота следующих утверждений тов. Ленина:

> «Надо помнить, что основная, решающая, все себе подчиняющая задача новой экономической политики, это — установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить, очень плохо, очень неумело, но все же начали строить, и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки этой не было, и ее нам надо прежде всего создать. Этому соображению надо все подчинить» (28 стр.).

Или несколько ниже:

> «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основной политический урок новой экономической политики» (т. XIV, ч. 2, 29—30 стр.).

И именно эти трудности, эта необходимость повседневно учитывать, согласовывать, экономить; двигаться вперед, не зарываясь; определять темп развития промышленности в соответствии с материальными ресурсами, которыми располагает пролетарское государство, с учетом процессов, происходящих в деревне,— оказались не по душе тем партийным товарищам, которые хотели бы достичь социализма несколькими ударами, несколькими напряженными усилиями, а не длительной борьбой, а не путем систематического преодоления трудностей, встающих на пути строящего социализм пролетарского государства.

«Рабочая» оппозиция, в лице тов. Медведева, исходя из этих настроений нетерпения и боязни трудностей, договорилась до

таких вещей, которые не имеют ничего общего с ленинской политикой партии.

Тов. Ленин, как мы видели, говорил о необходимости «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса». Только такая политика, с точки зрения т. Ленина и всей партии, сможет обеспечить небывалое «ускорение этого движения» в дальнейшем. А тов. Медведев усматривает в этой политике «курс на превращение крупной госпромышленности лишь в придаток потребностям крестьянского двора».

Однако, подобное утверждение кое к чему обязывает. Оно по своему существу направлено против основ новой экономической политики, против рабоче-крестьянского блока, продиктовавшего, при переходе к хозяйственному строительству, новую экономическую политику. И тов. Медведев последователен. Он прямо и недвусмысленно выступает против новой экономической политики. Как оценивает он нэп?

> «Путем этого маневра имели в виду лишь на время, под давлением к этому жестокой необходимости, дать некоторый простор мелкобуржуазному капиталистическому напору крестьянства и неразрывно связанной с ним торговой буржуазии, чтобы вместе с тем с максимальной энергией за этот же период восстановить, упрочить материальную базу нашего господства и начать с помощью укрепленной госпромышленности борьбу с неизбежным ростом нэпа и с частным капиталом на свободном рынке купли-продажи».

Если бы здесь шла речь о необходимости борьбы с частным капиталом и сельской буржуазией, то ничего неверного в этих утверждениях не было бы. Но из всего контекста следует, что тов. Медведев говорит о необходимости отступления от принципов новой экономической политики. Он возмущается тем, что партия и представляющий ее ЦК рассматривают нэп, вслед за т. Лениным, как единственно «правильную хозяйственную политику пролетариата».

> «Теперь почти никто уже так вопроса не освещает,— негодует тов. Медведев.—Наоборот, теперь мы слышим почти сплошь чуть ли не... что «из нужды эта политика претворяется теперь в высшую политическую добродетельность. Вот, если вы примете во внимание,—продолжает тов. Медведев,—этот момент отношения к так наз. «новой экономической политике» вообще,—отношения, которое служит прямым непосредственным выражением интересов мелкобуржуазных городских и крестьянских масс, в целях удовлетворения интересов которых она и была провозглашена,—то курс на превращение крупной госпромышленности лишь в придаток потребностям крестьянского двора, домашнего обихода и личных потребностей этих масс становится еще более угрожающим основным завоеваниям рабочего класса».

Итак, новая экономическая политика провозглашена не в интересах пролетариата, а только в интересах «мелкобуржуазных городских и крестьянских масс». Тов. Медведев не понял того.

что тов. Ленин разрешал вопрос о переходе к новой экономической политике под углом укрепления диктатуры пролетариата, ибо глубоко прав тов. Сталин, когда он говорит:

«Иные думают, что основное в ленинизме—крестьянский вопрос, что исходным пунктом ленинизма является вопрос о крестьянстве, его роли, его удельном весе. Основным вопросом в ленинизме, его отправным пунктом является не крестьянский вопрос, а вопрос о диктатуре пролетариата, об условиях ее завоевания, об условиях ее укрепления. Крестьянский вопрос, как вопрос о союзнике пролетариата в его борьбе за власть, является вопросом производным».

Ильич доказывал при переходе к нэпу, что этот переход диктуется интересами пролетариата. Он исходил прежде всего из необходимости создания таких условий, при которых могла бы развиваться национализированная социалистическая промышленность. Да и сам вопрос о переделке крестьянских хозяйств разбирался т. Лениным как составная часть общего вопроса о гегемонии социалистического пролетариата в экономическом развитии СССР в переходный период. Именно об этом говорят приведенные нами выше цитаты из выступлений тов. Ленина. Но тов. Медведев вообще не стоит на точке зрения гегемонии пролетариата. Продолжая традиции «рабочей» оппозиции, углубляя уже сделанные ею ошибки, он считает невозможным руководство бедняцко-середняцкими массами со стороны пролетариата; он считает невозможной некапиталистическую эволюцию значительной массы сельских простых товаропроизводителей в условиях укрепившейся диктатуры пролетариата.

«Мы считаем,—пишет тов. Медведев,—что мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство в обстановке нэпа внутри страны и зависимости от международного рынка обречено на гибель. Все попытки спасти его, помочь ему удержаться и даже развиваться—есть реакционные утопические попытки.

Выходом из такого положения этих разоряемых крестьянских масс может быть только развивающаяся, растущая госпромышленность, на арене которой эти массы могли бы найти приложение своих рук и сил. Та же часть деревенщины, которая остается за исключением указанной массы, есть деревенская мужицко-кулацкая буржуазия, враждебная нам не меньше буржуазии старой формации».

Итак, бедняк и середняк, которые не заняты в промышленности, а ведут свое простое товарное производство в деревне, попадают у тов. Медведева в разряд «мужицко-кулацкой буржуазии» вместе с собственно кулаком, при чем из посылок тов. Медведева следует, что простые товаропроизводители враждебны нам «не меньше буржуазии старой формации».

Это чудовищное извращение ленинских оценок и взглядов партии лежит в основе того поистине ликвидаторского пессимизма, которым дышит все письмо тов. Медведева.

Если социализма нельзя строить, опираясь на бедноту и на основе союза со середняком; если капитализм безраздельно властвует в деревне и ему не противостоят и не могут противостоять никакие силы; если утверждение о возможности некапиталистической эволюции сельских простых товаропроизводителей

в условиях диктатуры пролетариата—иллюзия,—то нужно искать каких-то отчаянных попыток спасти положение вещей, то нужен какой-то радикальный поворот на рельсы совсем новой политики. Та политика, которую ведет партия, питается иллюзиями о возможности строить социализм на основе смычки с бедняцко-середняцкими массами крестьянства; с этими иллюзиями надо бороться.

«Думать, что мы можем при той роли и удельном весе рабочего класса нашей страны, которую он играет в государственной политике, собрать необходимые массы капитала для разворачивания потушенной промышленности путем налогов—значит тешить себя напрасной иллюзией.

Думать же, что эти массы капитала мы сложим «из пятаков» только более бдительно,—это значит дополнить прежнюю иллюзию иллюзией мелкобуржуазных эпигонов. Для такого способа накопления нам потребовалось бы полста лет. Мы не знаем еще и примерно того, когда выберемся из дефицитности нашего госбюджета—говорить же при наличии этого обстоятельства о накоплении могут только пустые болтуны»...

В этой цитате из письма тов. Медведева постановка вопроса «рабочей» оппозиции становится замечательно ясной. «Из пятаков» (о необходимости сбережения которых для социалистического строительства говорил не кто иной, как т. Ленин) не может вырасти социалистическая промышленность, налоговый нажим со значительными материальными последствиями, пожалуй, произвести не удастся, ибо этого может не позволить крестьянство, — какой уж тут социализм! «Пустые болтуны» через год после этих ламентаций тов. Медведева добились бездефицитного бюджета; они провозгласили, далее, необходимость борьбы за режим экономии, за собирание и урывание «пятаков» на дело индустриализации страны, которая проводится и будет проводиться,—но этого они достигли только потому, что не слушали нытиков и действительных болтунов, твердящих в течение ряда лет во время борьбы нашей партии с величайшими трудностями о невозможности построить социализм в нашей отсталой стране.

Этого они достигли потому, что строительство социализма проводили на основе смычки пролетариата с крестьянством; потому, что правильно смотрели на пролетариат, обладающий государственной властью, как на гегемона широких масс трудящихся.

То, что тов. Медведев капитулировал перед капиталом в своих концессионных планах; то, что он говорит о Коминтерне не как пролетарский революционер, а как социал-демократ; то, что он так обеляет социал-реформистов—это является неизбежным следствием его «ликвидаторского безверия в социалистические пути развития» внутри нашей страны, это вытекает из непонимания им роли пролетариата как гегемона трудящихся.

V. «Рабочая» оппозиция в наши дни.

То, что тов. Медведев решился сказать против партии и ее политики в нелегальном документе, то представители «рабочей» оппозиции не решаются сказать прямо, открыто, недвусмысленно, без замазывания, перед лицом всей партии.

Тов. **Шляпников**, выступивший на-днях на страницах «Большевика» [1]) в защиту тов. Медведева, пытается, **во-первых**, доказать, что письмо тов. Медведева извращено, **во-вторых**, дать ряд «раз'яснений», долженствующих смягчить положения тов. Медведева. Мы не считаем необходимым отвечать здесь на обвинения в подлоге, пред'явленные со стороны т. Шляпникова ЦО, ибо эта сторона дела уже нашла свое освещение [2]).

Подчеркнем только тот факт, что даже при из'ятии из письма тов. Медведева тех мест, которых, по утверждению тов. Шляпникова, в письме якобы не было,—**основные**, бесспорно **ликвидаторские тенденции**, проявившиеся в письме тов. Медведева, остаются представленными.

И что бы потом ни писал тов. Шляпников, как бы он ни «раз'яснял» письма тов. Медведева, но солидарность с платформой тов. Медведева является солидарностью с **полуменьшевистской** платформой. А тов. Шляпников на всем протяжении своей статьи **солидаризируется** с положениями тов. Медведева, стремясь лишь смягчить эти положения, причесать их, сделать менее явной их антипартийность.

Обратитесь хотя бы к рассуждениям тов. Шляпникова по центральному вопросу о рабоче-крестьянской смычке.

Тов. Шляпников пытается убедить читателя, что он тоже за «смычку».

Но после такого утверждения он бесцеремонно на глазах читателя ревизует ленинизм в этом вопросе: он солидаризируется с утверждением тов. Медведева о невозможности некапиталистической эволюции крестьянских хозяйств в условиях диктатуры пролетариата.

> «Мы хорошо помним нашу старую борьбу с реакционными эсэровскими теориями о жизненности мелкого хозяйства, и, **поскольку в сельском хозяйстве у нас существуют капиталистические отношения, мы не намерены обманывать бедноту обещаниями спасти ее карликовое «самостоятельное» собственническое хозяйство в условиях нэпа и жестокой рыночной борьбы**. Редакция не опровергает т. Медведева фактами, доказывающими, что развитие нашего **мелкособственнического сельского хозяйства** идет по иному пути. Почему не пишет она, что бедняцкие хозяйства в деревне укрепились на основе частной собственности? Нет, этого сделать она не может, ибо слишком хорошо известно ныне каждому, что за два года, истекшие со времени написания т. Медведевым письма, расслоение в деревне сделало огромный шаг вперед. О судьбе этого мелкого и мельчайшего хозяйства и писал т. Медведев, его судьбой интересовался он прежде всего, а не развитием «крестьянского хозяйства» вообще, как пишет редакция. Да, крупное (кулацкое и по-современному «мощно-середняцкое») хозяйство в деревне имеет богатые перспективы, о смычке с ним хлопочет «Правда», когда упрекает нас в желании размычки. Ведь капиталистические отношения в деревне не изжиты, а поскольку они есть, законы капиталистической конкуренции продолжают действовать. Забывать об этом не следует».

[1]) См. «Большевик», № 17. 1926 г.

[2]) Смотри там же статью тов. В. Л. «Еще раз о правой опасности в нашей партии».

Разве в этом отрывке не заключается отрицание возможности **некапиталистической** эволюции крестьянских хозяйств на ряду с капиталистической и против нее?

Разве здесь перспективы развития крестьянских хозяйств при господстве **буржуазии** и при господстве **пролетариата** не изображаются **идентичными**?

Разве эти рассуждения не направлены полностью и целиком против положений тов. Ленина, особенно рельефно выраженных в статье «**О кооперации**»?

Разве не является центральной посылкой этих рассуждений утверждение о **невозможности переделки бедняцко-середняцких хозяйств**?

Разве здесь не снята крупнейшая проблема **середняка**, стоящая сейчас перед диктатурой пролетариата как одна из важнейших проблем нашего времени?

Нет, тов. Шляпников, при решении принципиальных вопросов нашей программы и тактики нельзя играть в прятки. Вы стоите на платформе тов. Медведева, выражая только его мысли более «деликатно».

Правда, тов. Шляпников соизволил сказать несколько слов и о кооперации, но **что** он сказал?

> «Редакция указывает на **кооперацию**, как на путь развития для мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, но явно не понимает, что этот **путь развития** означает **отказ от перспективы развития собственнического самостоятельного мелкого хозяйства** и лишь подтверждает высказанное тов. Медведевым положение о неизбежности **гибели** самостоятельного мелкого крестьянского хозяйства».

Значение кооперации, согласно воззрениям тов. Ленина и нашей партии, заключается в том, что кооперирование дает возможность постепенно обобществлять **развивающуюся** массу бедняцких и середняцких крестьянских **индивидуальных** хозяйств.

Экономический рост, «перспектива развития собственнического самостоятельного мелкого хозяйства» становятся нестрашными постольку, поскольку эта перспектива связывается с перспективой роста кооперирования этого хозяйства и усиления на него через кооперацию воздействия пролетарского государства и его экономических командных высот.

Исторически кооперация может привести и должна привести, при благоприятных условиях, к **преодолению** мелкого производства: это редакция ЦО понимает лучше тов. Шляпникова.

Но суть дела в том, что тов. Шляпников, вслед за тов. Медведевым, проморгавшим кооперацию, не понимает путей кооперативного развития и соотношения роста кооперации с «развитием собственнического самостоятельного мелкого хозяйства»; суть дела в том, что **вместо** «**переделки**» **у него** «**гибель**».

С точки зрения тов. Шляпникова непременным условием развития кооперации является «**обеднячение**» охватываемых кооперацией крестьянских хозяйств («развиваться» бедняцкие и середняцкие хозяйства не смеют!), а с точки зрения партии, кооперация будет расти тем быстрее, чем интенсивнее она будет вовлекать в сферу своего воздействия экономически **подымаю-**

щиеся слои бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств, хозяйств простых товаропроизводителей. Партия подчеркивает далее и тот факт, что кооперирование, успевающее вначале преимущественно в области обращения, только постепенно будет переводить широкие массы крестьянства на путь обобществления производства, только постепенно переделывая растущее хозяйство простого товаропроизводителя.

Середняцкое хозяйство, как таковое, вообще вне поля внимания автора.

Когда он говорит «о смычке с деревней» через кооперацию и т. д., то он говорит только о смычке с бедняком.

«Смычка с середняком решается проще,—пишет он,—возможностью и способностью нашей госпромышленности удовлетворить товарный голод».

Пахнет ли от подобных рассуждений хоть чуть-чуть ленинской постановкой вопроса о «переделке» основной массы крестьянских хозяйств?

Существуют пролетарский город и мелкобуржуазная деревня. Пролетарский город развивается сам по себе; деревня — сама по себе. Чтобы середняки, представляющие основные массы деревенского населения, не «рыпались» против пролетарского государства, чтобы осуществлялась «смычка»,—надо «удовлетворить товарный голод» (как это сделать, при какой политике цен и т. д.— об этом тов. Шляпников не говорит).

Никаких других проблем «смычки» перед тов. Шляпниковым не встает, ибо для него ясно, что неотвратимые «законы капиталистической конкуренции» безраздельно господствуют в деревне; ибо для него очевидно, что сопротивляться этому закону невозможно; ибо, что может сделать пролетариат, по выражению тов. Медведева, «при той роли и удельном весе рабочего класса нашей страны, которую он играет в государственной политике»?

Где уж тут думать о «переделке»!

Таким образом, тов. Шляпников, солидаризующийся с тов. Медведевым, более прикрыто, более лицемерно, но представляет ту же тенденцию неприятия рабоче-крестьянского блока, тот же курс на разрыв рабоче-крестьянского блока, которые более оголенно представил тов. Медведев. А отказаться от рабоче-крестьянского блока значит, между прочим, отдать деревню на с'едение частному капиталу; значит укрепить капитализм и ослабить социализм, значит подготовить крушение пролетарской диктатуры. Куда же еще «левее»?

Оправдывая и подправляя тов. Медведева в его программе крупных уступок концессионному капиталу, тов. Шляпников вертится, как белка в колесе. Он не отмежевывается от тов. Медведева, а смягчает его: он—за «малую» программу концессионных сделок. Но он же пытается оспорить положение редакции ЦО о том, что «не всякое развитие у нас крупной промышленности следует расценивать, как успех социалистического строительства».

Он усматривает в этой формуле поход против «государственно-подконтрольной крупной промышленности»; он тем самым в противоположность ЦО склоняется к тому, что «всякое развитие у нас крупной промышленности» есть «успех социалистического строительства».

Эта тенденция станет более ясной, если взять ее в связи со следующим местом из статьи тов. Шляпникова:

«...В экономике идет буквально наступление на рабочий класс. На девятом году после Октябрьской революции рабочие наших основных отраслей промышленности еще не смеют и мечтать о довоенной заработной плате».

Клеветнический характер этих писаний невольно напоминает «Социалистический Вестник», на страницах которого так долго и неудачно доказывается «превосходство» капиталистических условий труда над таковыми в «закрепощенной» советской промышленности.

Итак, «наступление на рабочий класс» ведет советское государство, одновременно пекущееся о мелкой буржуазии, исходящее в своей политике из иллюзий «мелкобуржуазных эпигонов». Но так как перерождающимся советским государством руководит коммунистическая партия, то линия партии отнюдь не является линией пролетарской революции.

«Бичуя» партийное руководство и изображая себя гонимым «левым», истинным представителем «рабочих» интересов, тов. Шляпников намекает на то, что руководящие организации партии, не позволяющие «рабочей» оппозиции развертывать ее разлагающую «работу», ведут «июльскую» политику, аналогичную той, которую вели в июльские дни 1917 г. мелкобуржуазные контрреволюционеры против пролетарских революционеров.

А в отношении редакционного фельетона «Правды» тов. Шляпников дает следующую обобщенную оценку:

«Автор фельетона совершает ныне ту же ошибку, как и большинство соглашателей и «тоже социалистов» национально-ограниченного типа в 1917 г., когда они видели опасность в левом секторе революции и не замечали ее в лагере буржуазной контрреволюции».

Если «левизна» характеризуется такой бесцеремонной клеветой на нашу партию, то не увидит ли эту «левизну» тов. Шляпников в критике нашей партии и советского государства на страницах «Социалистического Вестника», так одобрительно относящегося к выступлениям «рабочей» оппозиции? Не придется ли тов. Шляпникову, при углублении своих ошибок, зачислить в «левый сектор революции» и меньшевистских критиков нашей партии?

Тов. Шляпников солидаризировался с тов. Медведевым. Его попытки «раз'яснить» позиции тов. Медведева, причесать и пр.— не могут изменить существа дела.

«Левая» «рабочая» оппозиция, выступавшая при своем возникновении «левее» т. Ленина, умножив и уплотнив свои ошибки, приобретает на наших глазах черты правого, полуменьшевистского течения в ВКП(б).

Эволюция «рабочей» оппозиции—это яркая иллюстрация того, как «цеховое» течение в нашей партии, считающее себя застрахованным от мелкобуржуазного влияния, выступающее против всяких блоков пролетариата с мелкой буржуазией, требующее «чистоты и бескомпромиссности политики, спешного, форсированного марша на коммунизм»—приходит к почти меньшевистским оценкам нашего положения,—оценкам, из которых, при последовательности, будут сделаны и практические меньшевистские выводы.

Мы пытались проследить путь «рабочей» оппозиции, разобрав четыре характернейших документа, дающих представление об эволюции взглядов идеологов «рабочей» оппозиции (1920 год, 1921 год, 1924 год, 1926 год). Из этого сравнительно-исторического обзора можно видеть, как углублялись ошибки «рабочей» оппозиции, как по мере углубления этих ошибок с платформы «рабочей» оппозиции сползала ее марксистская оболочка, и в основных установках ее платформы проявлялись меньшевистские тенденции.

Если в 1920 году—во время дискуссии о профсоюзах—неправильные неленинские оценки классовых взаимоотношений в Стране Советов еще скрывались под рассуждениями по важному, но частному вопросу о роли профсоюзов в хозяйственном строительстве, то уже при переходе к нэпу эти оценки были даны «рабочей» оппозицией в более отчетливой форме по более общему политическому вопросу—вопросу о нэпе.

В этих выступлениях идеологи «рабочей» оппозиции обнаружили: 1) непонимание ленинской постановки вопроса о диктатуре пролетариата, как орудия привлечения непролетарских трудящихся масс на сторону рабочего класса; 2) непонимание политики рабоче-крестьянского блока; 3) непонимание большевистских принципов внутрипартийной организации.

Поскольку коммунистическая партия в последующий период своей политики исходила из ленинских постановок всех этих вопросов, а не из постановок «рабоче»-оппозиционных, постольку «рабочая» оппозиция через несколько лет нэпа должна была или признать свои ошибки, которые она делала в 1920—21 гг., или «констатировать» перерождение партии и советского государства.

«Рабочая» оппозиция вступила на второй путь.

И тов. Медведев и тов. Шляпников, выступившие в 1924 г. и в 1926 г., по сути дела, считают, что перерождаются и коммунистическая партия и советское государство; при этом в своих критических оценках они начинают сбиваться на меньшевистский тон.

С другой стороны, те посылки, на основании которых они приходят к таким критическим оценкам, толкают их в сторону меньшевизма и в положительной программе. Если революция в СССР не имеет внутренних сил для строительства социализма, если невозможно осуществление рабоче-крестьянской смычки, если невозможно на основе этой смычки проводить индустриализацию на «пятаки», если, благодаря этим невозможностям, и происходит перерождение,—то не лучше ли пойти на широкое привлечение концессионного капитала с большими жертвами, то не пора ли «потрезветь» и в области международной политики?

Таков путь «рабочей» оппозиции. Обозревая этот путь, всякий коммунист должен согласиться с тов. Лениным, считавшим неосновательными претензии тт. Медведева и Шляпникова на представительство интересов рабочих и выразившим это в фразе:

«Думаю, что они неправильно это название носили».

А. Зайцев.

Международная социал-демократия и оппозиция в ВКП(б).

Появление в рядах нашей партии новой оппозиции, об'единение ее с прочими, осужденными партией, оппозиционными группами, образование оппозиционного блока под общей идейно-политической гегемонией троцкизма вызвали многочисленные торжествующие отклики в стане врагов пролетариата, в частности и в особенности—в лагере международной социал-демократии.

Мы должны внимательнейшим образом следить за этими выступлениями и тщательно их анализировать. Не для того, конечно, чтобы убеждать меньшевиков. Это нужно в интересах нашей партии, для наиболее успешного и наиболее безболезненного преодоления указанных оппозиционных течений. Для того, чтобы иметь лишний, косвенный способ проверки своих оценок и перспектив. Для того, чтобы лишний раз, окольным путем, проверить ошибочность оценок, даваемых оппозицией. Для того, чтобы еще и еще раз посмотреть—куда и во что растет ее идеология.

Событиями в ВКП(б) подняты важнейшие вопросы нашей революции. В самом деле, разве это не коренные вопросы нашей революции, когда нам говорят о природе нашего государства, о характере нашего строительства, о перспективах строительства социализма, о природе нашей партии? Конечно, коренные.

На эти вопросы свой старый, т.-е. ленинский, ответ дает наша партия и Коммунистический Интернационал. Оппозиция, вместе с ничтожным меньшинством Коминтерна, т.-е. с различными группами и группочками ультра-левых и правых, пытается давать на них «свой ответ» (мы берем эти слова в кавычки; их смысл будет раз'яснен во всей этой статье в целом). И, наконец, свой ответ дает международная социал-демократия вкупе и в полной солидарности с международной буржуазией.

Ответ социал-демократии нам как раз и нужно рассмотреть, прежде чем перейти к выяснению ее отношения к оппозиционным группочкам в ВКП(б), ибо это последнее определяется оценкой смысла и задач «текущего момента».

Предварительно необходимо припомнить основные черты самой политической методологии меньшевизма, которая окрашивает социал-демократические оценки «текущего момента» в специфический цвет. Выяснение теоретических корней этих оценок поможет партии увидеть, где и как может иметь место переход от большевистского понимания социализма в нашей стране к меньшевистскому.

I. Социал-демократическая оценка нашего развития.

Легко видеть, что все перечисленные выше проблемы, поставленные перед международным пролетариатом событиями в ВКП(б), увязываются в один старый и давно знакомый нам узел.

Вопросы о характере нашего строительства, о перспективах и возможностях строительства социализма в нашей стране, о сущности нашего государства, о «перерождении» нашей партии упираются в один коренной вопрос—о природе нашей революции. Не нужно об'яснять того, что ответы на перечисленные вопросы будут совершенно различны в зависимости от того, как мы будем отвечать на основной вопрос о характере Октябрьской революции. И обратно: различные системы оценок нашего развития могут быть об'яснены только через различие в понимании природы Октябрьской революции.

Собственно говоря, у нас нет никаких сомнений в правильности ответов, которые уже неоднократно давались на эти вопросы нашей партией вообще и Лениным в частности. Но мы должны снова припомнить эти ответы, чтобы полностью и до конца уяснить себе характер тех ошибок, которые делаются оппозиционными группами в ВКП(б).

Итак, вопрос о природе нашей революции.

Как «решили» его теоретики меньшевизма?

«Всем известно»,—и об этом «сам Маркс писал»,—что для социализма требуется высокий уровень производительных сил. Россия же, как известно всем, страна технически и экономически отсталая. «Об'ективные предпосылки» для социализма в ней отсутствуют. Поэтому революция в России может носить только буржуазно-демократический характер. Ставить же задачи организации пролетарского государства и социалистического производства в стране, где пролетариат составляет ничтожное меньшинство населения, это — безумие. Враждебные столкновения пролетариата с широкими массами крестьянства неизбежно покажут всю утопичность этих попыток. Партия, возглавляющая эти попытки, подвержена или гибели или—что по сути то же—неизбежному «термидорианскому перерождению».

И... все!

Уровень производительных сил и больше ничего!

Как ни гнусен, как ни похабен этот меньшевистский «марксизм», специально приготовленный на потребу империалистической буржуазии, им пробавляются и пробавлялись все так называемые «социалисты», отравляя ядом этой лакейской идеологии классовое сознание пролетариата. И большевики, как подлинные марксисты, как ленинцы, вынуждены были реагировать на него, противопоставив ему понимание действительного смысла диалектики социалистического переворота.

Приведем основные положения большевистской концепции пролетарской революции вообще, Октябрьской революции в частности.

Первое. Уровень производительных сил в мировом масштабе вполне позволяет ставить задачи социалистической революции, как непосредственно практические задачи. Доказательство: империалистическая стадия капитализма, империалистические войны, которые к тому же сами неслыханно ускоряют зрелость капитализма для пролетарской революции.

Второе. Закон неравномерного развития капитализма. «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (Ленин, т. XIII, стр. 133; курсив наш. *А. З.*).

Третье. Какая именно «отдельно взятая» страна окажется первой страной победоносной социалистической революции—зависит от многих и многих конкретных условий, которых невозможно предвидеть заранее и которые нужно уметь анализировать каждый раз особо. Имеется одно единственное общее и обязательное ограничивающее условие. Оно носит практически-действенный характер. Это—степень подготовки самого пролетариата, его уменье об'единиться с деревенской беднотой, уменье его нейтрализовать и затем привлечь на свою сторону трудящиеся слои мелкой буржуазии и, в частности, трудящихся угнетенных национальностей.

При этом только опыт самой революционной борьбы может показать, имеются эти условия или нет; и здесь, как и везде, практика является критерием истины. Уровень производительных сил играет здесь роль постольку, поскольку от него зависит величина рабочего класса и его вышколенность механизмом капиталистического производства.

Четвертое. При наличии такого условия,—а оно у нас, в России, было и есть, не говоря уже о всей совокупности подходящих конкретных условий (империалистическая война, безвыходность положения рабочих и крестьян, начавшееся освободительное движение на Востоке),—при таких условиях предательством является отказ от революции под тем предлогом, что перед страной стоят еще задачи буржуазно-демократической революции. Эти последние могут решаться «походя, мимоходом, как «побочный продукт»... пролетарско-революционной, социалистической работы». Умение пролетариата об'единиться с деревенской беднотой и привлечь на свою сторону трудящееся крестьянство служит гарантией (внутренней!) «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую».

Пятое. При наличии указанного условия предательством является отказ от революции под тем предлогом, что страна не принадлежит к числу самых передовых. Ибо, «если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный уровень культуры), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?» (Ленин, «О нашей революции», том XVIII, ч. 2).

Шестое. При наличии достаточно мощного и закаленного рабочего класса отсталость страны сама по себе не может ограничить революцию пределами одних только буржуазно-демократических задач. Она может определить лишь темп и формы строительства социализма после захвата власти. При этом только опыт практической борьбы может показать, удастся ли более быстрый путь к социализму, или же придется избрать более замедленный.

Седьмое. Всем опытом революционной борьбы нашего пролетариата подтверждено, что Октябрьская революция представляет один из образцов перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Рабочий класс показал политическую зрелость, свое умение об'единиться с деревенской беднотой, умение сначала нейтрализовать, затем сплотить вокруг себя трудящиеся массы мелкой буржуазии (чего стоит один опыт создания Красной армии!). Буржуазно-демократические задачи мы решили и продвинулись вперед за их пределы, за их границы. Проделана громадная, уже чисто пролетарско-социалистическая работа, которая сводится к следующему: во-первых, революционный выход из империалистической войны, срыв империалистической бойни; во-вторых, создание нового типа государства, советского государства типа Парижской Коммуны, с максимумом демократизма для трудящихся масс, невиданного ни в одной из самых «передовых» и самых «демократических» буржуазных стран. В-третьих, удалось гигантски продвинуть дело экономического строительства социализма.

«Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-нибудь отвлеченной картины, или какой-нибудь иконы... Мы социализм протащили в повседневную жизнь» (Ленин, том XVIII, ч. 2, стр. 108).

Таково большевистское понимание пролетарской революции и, в частности, природы Октябрьской революции. Всякому свежему человеку бросается в глаза, как далеко отстоит одно от другого. Там, в меньшевистском—мертвечина, здесь, в большевистском—подлинная диалектика. Здесь чувствуется биение пульса истории, там—фатализм, пассивность, отговорка от революции. Здесь—анализ всех конкретных условий, учет всех особенностей пролетарской борьбы, там—общие лакейские фразы. Здесь—подлинный марксизм Маркса и Энгельса, там—«марксизм» социал-демократов, «марксизм» меньшевистский, фаталистический, тот самый «марксизм», который, под видом настоящего марксизма, критиковал когда-то немецкий проф. Штаммлер.

Эти две концепции Октябрьской революции выступили перед международным пролетариатом, в частности и в особенности, в виде двух конкретных вопросов, связанных друг с другом теснейшей внутренней связью.

Первый вопрос: возможна ли в отсталой крестьянской России диктатура пролетариата? Можно ли в России, в конкретной обстановке 1917 года брать курс на социалистическую революцию?

Этот первый вопрос служил в тогдашней обстановке инструментом, который безошибочно указывал, кто является подлинным пролетарским революционером и кто им не является. Ответ на этот вопрос прокладывал водораздел между социалистами и «социалистами». Большевизм давал на него положительный ответ, меньшевизм—отрицательный. Ответ проверялся практикой гражданской войны и советского строительства.

Большевизм победил. Меньшевизм был побежден, его софизмы—разоблачены.

Второй вопрос, выступающий перед международным пролетариатом сейчас, в настоящую полосу развития СССР. Он гласит так: возможна ли в условиях затяжки мировой революции победа социализма в СССР? Нетрудно видеть, что второй вопрос есть первый вопрос, только примененный к теперешней полосе развития диктатуры нашего пролетариата. Положительный ответ на первый вопрос влечет за собой положительный ответ на второй. Эту связь понимают не все. Ее не понимает оппозиция, и ее не понимает меньшевизм. Меньшевизм, оскандалившийся на первом вопросе, доказывает сейчас, что диктатура пролетариата у нас может быть, и была, но что теперь она перерождается и победа социализма в СССР без государственной поддержки западно-европейского пролетариата ни при каких условиях невозможна.

Как бы то ни было, теперь как раз этот второй вопрос является той лакмусовой бумагой, которая показывает, где кончается пролетарская революционность и где начинается мелкобуржуазная контрреволюционность. Ибо только два ответа возможны на этот вопрос точно так же, как и на первый. Большевистский и меньшевистский. Третьего понимания не дано. Или—или. Между ними нужно выбирать. Всякое третье понимание есть лишь одна из промежуточных станций по пути от марксизма-ленинизма к меньшевистскому «марксизму».

Водораздел между большевизмом и меньшевизмом в оценке СССР прокладывается сейчас именно этим вопросом.

Бесспорно, оба эти вопроса относятся к числу труднейших. Не даром по обоим этим вопросам даже в нашей партии обнаружились оппортунистические течения, пытавшиеся давать на них ответ в духе мелкобуржуазного реформизма. В 1917 году—по вопросу о власти, в 1925—26 году—по вопросу о победе социализма в одной стране. («Далеко не случайно» и то, что в обоих случаях эти течения возглавляются почти одними и теми же лицами).

Однако, трудно или нетрудно, но международный пролетариат поставлен сейчас перед необходимостью дать точный ответ на вопрос о построении социализма в СССР точно так же, как раньше он должен был давать ответ на первый вопрос. И международная социал-демократия напрягает все силы к тому, чтобы ответы давались в ее духе. Ей усиленно помогают связанные с оппозицией в ВКП(б) ультра-левые, которые этим самым оказались на деле ультра-правыми.

Какие же пускаются в ход «аргументы»?

Оскандалившись с вопросом о возможности диктатуры пролетариата в СССР, меньшевизм волей-неволей должен был отступить на следующую позицию. Он начал пророчествовать о провале большевизма—и об окончательном провале—на фронте хозяйственном.

Но случилось непредвиденное. Новая экономическая политика. Сначала легкое оживление хозяйственной жизни, а затем—бурный, невиданный, экономический под'ем. Пришлось меньшевизму отступать на третью линию окопов. Пришлось наскоро, на ходу выдумывать об'яснение новым фактам. «Об'яснение» было придумано такое, что хозяйственный под'ем происходит не благодаря руководству советского государства и большевистской партии, а помимо этого руководства, вопреки большевистской политике. Растет и укрепляется не социализм, а капиталистическое и крестьянское хозяйство. Рост самой государственной промышленности означает вовсе не укрепление со-

циализма, а скорее рост государственного капитализма, ибо госпромышленность представляет, дескать, лишь своеобразный капитализм, находящийся под эгидой советского государства.

Понимание же общественно-классовых соотношений в СССР у меньшевиков такое:

Октябрьская революция произвела сдвиги в соотношении классов в России, уничтожив или оттеснив исторически отжившие классы и тем самым создав экономические предпосылки для буржуазного развития, движущей силой которого является, конечно, буржуазия, рождающаяся в частности из крестьянства. Однако, реализация этих экономических предпосылок тормозится диктаторским политическим строем. Буржуазия и крестьяне оказывают поэтому давление на советское государство и коммунистическую партию, вырывая у них одну уступку за другой, в результате чего происходит превращение крестьянства в господствующий класс современной России, а пролетариат оттесняется на позиции, которые, по мнению меньшевиков, соответствуют действительному удельному весу рабочего класса в экономике страны, ее населении.

Вот, например, типичное рассуждение в этом духе газеты непременного участника Лиги Наций, Эмиля Вандервельде:

> «Развитие СССР за последние годы характеризуется следующим фактом: крестьянство, притом не только бедняцкое, но и в первую голову кулацкое, стало господствующим классом. Правда, проектировали и совершали революцию рабочие и их вожди, интеллигенты. Но плоды революции пожинает крестьянство. Революция освободила их от помещиков и дала им землю. Крестьянство приняло политический, советский строй, но отказалось принять социалистический хозяйственный строй... Оно вынудило руководящих большевиков вернуться к строю полукапиталистическому... Большевистские вожди по всей линии вынуждены были уступить давлению его (крестьянства. *А. З.*), даже в тех случаях, когда интересы крестьянства явно противоречили интересам пролетариата, как класса. При так называемой диктатуре пролетариата единственным более или менее свободным классом является крестьянство. В действительности Россия отошла от «диктатуры пролетариата», и в ней развивается крестьянская демократия, где рабочему классу отводится все более и более скромное место. Рабочий класс фактически начинает играть роль оппозиции, более соответствующую его численному и экономическому значению» («Ле Пепль», 3/VIII—26 г.).

Полемизировать с этой брехней желтой содержанки Лиги Наций нет необходимости. Но посмотрите, как под оболочкой разглагольствований о «перерождении» сочится признание банкротства всей меньшевистской концепции Октябрьской революции.

Прислушайтесь к этому отрывку внимательней, и от вандервельдевского писателя, доказывавшего 8—9 лет назад, что октябрьская революция не есть пролетарская революция и что режим, рожденный в ее буре, не есть диктатура пролетариата, — вы услышите теперь, что «совершили революцию рабочие», чтобы в России была диктатура пролетариата, от

которой уже «Россия отошла» (ну, конечно, отошла; не хватало еще того, чтобы Вандервельде написал, что «в России и сейчас существует диктатура пролетариата»). Вы услышите, что рабочий класс занимал у нас господствующее положение, от которого он теперь оттесняется на «роль оппозиции» (ну, конечно, оттесняется; не хватало еще того, чтобы Вандервельде написал, что пролетариат у нас и сейчас занимает командующие посты). Вы услышите, что в России был «социалистический хозяйственный строй», от которого большевики возвращаются к «строю полукапиталистическому» (ну, конечно, возвращаются, конечно—к капитализму. Еще бы Вандервельде написал, что большевики сейчас руководят строительством социализма). Вы можете узнать также, что пролетариат СССР сумел привлечь на свою сторону крестьянство, которое в результате «приняло политический, советский строй». Крестьянство «отказалось принять социалистический хозяйственный строй»,—добавляет писатель, нанятый Вандервельде. Ну, конечно, отказалось. Еще бы он написал, что при диктатуре пролетариата перед мелким крестьянским хозяйством открываются несколько иные перспективы, чем при диктатуре буржуазии.

Больше того. В навозной куче меньшевистских рассуждений вы можете разрыть даже такую «жемчужину», что большевики защищали интересы пролетариата; теперь они, большевики, уступают «по всей линии» эту позицию. Конечно, уступают; еще бы меньшевик сказал, что большевики и сейчас осуществляют пролетарское руководство крестьянством. Что бы тогда осталось от меньшевистской теории о неизбежных враждебных столкновениях пролетариата с широкими массами крестьянства.

Мы помним, что в прошлом году т. Бухарин поймал как раз «на «ефтом самом месте» даже такого социал-черносотенца, как К. Каутский (см. «Международн. бурж. и К. Каутский, ее апостол», изд. «Правда», 1925 г., стр. 29—32).

Так могучий исторический процесс, совершающийся в СССР, пробивает себе путь к признанию даже в затхлых ренегатских мозгах.

Но что же остается после этого от меньшевистской концепции Октябрьской революции?

Обратимся теперь к «Форвертсу», который по существу пишет то же самое, что и «Ле Пепль»:

> «Ныне все явственнее и явственнее выявляется тот факт, что от русской революции выиграл главным образом русский крестьянин, который хотя и оставляет еще коммунистическую партию у власти, но по мере роста своей экономической силы толкает советскую власть на путь явно частно-капиталистической крестьянской политики, в политическом отношении резко враждебной рабочему классу» («Форвертс», 27 июля).

Не менее четко выражается бывший коммунист, шведский ренегат—Хеглунд.

> «Русская компартия,—говорит он,—ведет сейчас в своей стране капиталистическую и буржуазную политику».

Если в СССР господствующим классом является уже не пролетариат, если политика советского государства и коммунистической партии ведет к усилению **не социалистических, а буржуазных и мелкобуржуазных** секторов хозяйства, тогда, конечно, неизбежен вывод о неотвратимом термидорианском, или буржуазном и мелкобуржуазном перерождении советского государства и коммунистической партии, о превращении большевизма в своеобразный «середняцкий большевизм»..., то бишь, в «крестьянский коммунизм». Меньшевики так и говорят. Например, орган так называемых «левых» германских социал-демократов «Лейпцигер Фольксцейтунг» пишет, что оппозиционеры

> «об'единяются для общей борьбы против диктатуры крестьянского коммунизма, возглавляемого Сталиным и Бухариным» («Лейпцигер Фольксцейтунг», 4/VIII).

Неделей раньше (28/VII) тот же «Лейпцигер Фольксцейтунг» раз'яснял свою идею о «середняцком большевизме», или, что то же,—о «крестьянском коммунизме» следующим образом:

> «Бухарин и Сталин,—писал он,—ныне стремятся приспособиться к существующим историческим и экономическим условиям и режим диктатуры в России заменить постепенно господством тех слоев, которые политически и экономически призваны задавать в России тон в течение целого ряда десятилетий. Мы имеем в виду крестьянство. Отсюда борьба за влияние на середняцкие слои крестьянства и возврат к мелкобуржуазной политике, наподобие той, которая проводилась во Франции в начале прошлого столетия». (Автор намекает на события после 9 термидора. Кому пошла на затычку «теория» тов. Залуцкого о термидоре! *А. З.*).

Отметим здесь кстати «высокую» политическую «грамотность» социал-демократического писаки, согласно которому «борьба за влияние на середняцкие слои крестьянства» означает «возврат к мелкобуржуазной политике». По этому методу можно, пожалуй, договориться и до того, что и Ллойд-Джордж проводил пролетарскую политику! Кто не знает, сколько сил потратила эта старая лиса на то, чтобы завоевать «влияние» на английский пролетариат? Можно договориться до того, что и социал-демократы—вместе с Шейдеманом и Носке—пролетарские борцы! Кому неизвестно, что они «боролись за влияние» на германский пролетариат, пускаясь на все, вплоть до убийства вождей рабочего класса?

В утешение «Лейпцигер Фольксцейтунг» можно, впрочем, сказать, что теоретический уровень рассуждений о перерождении советского государства и ВКП(б) до сих пор **никем еще в мире** не был поднимаем выше указанных фокус-покусов меньшевистского грамотея.

О том, что же, по мнению меньшевиков, представляет собой «крестьянский коммунизм» и «коммунизм 100-процентный», рассказывают нам также русские меньшевики: Далин и С. Шварц.

> «Зиновьев,—пишет Далин,—хочет вернуться к 100-процентному коммунизму, он решительный противник «нэпа» и множащихся уступок буржуазии (под множащимися уступками буржуазии» Далин, очевидно, понимает решения XIV партконференции. *А. З.*). Зиновьев стоит за разрыв отношений с английскими трэд-юнионами» («Социал-демократ». 6/VIII—26 г., Чехо-Словакия).

По Далину, т. о., быть 100-процентным коммунистом означает быть «решительным противником нэпа». Стоять же за нэп означает, очевидно, «крестьянский коммунизм». Это вносит известную ясность в вопрос о «крестьянском коммунизме». Послушаем теперь С. Шварца:

> «По существу,—пишет он,—коммунистическое движение есть движение крайнее... Коммунизм абстрактно революционен. В принципе он не знает компромиссов. В принципе он глумится над всякой «реальной политикой», как предательством интересов пролетариата» («Форвертс», 14/VIII).

По С. Шварцу, быть 100-процентным коммунистом значит «не знать компромиссов». С этой стороны настоящими 100-процентными коммунистами являлись, конечно, всякие «отзовисты», «ультиматисты», «левые коммунисты» и им подобные. Но каждый комсомолец знает, что все эти «левые» лишь постольку являлись «левыми» («никаких компромиссов»), поскольку они **отходили** от большевизма (т. е. подлинного (без кавычек) 100-процентного коммунизма). Что же касается допущения компромиссов, то Шварц не может не знать (в кабинете Шварца в редакции «Форвертса», конечно, имеются сочинения Ленина, которые сам же он в той же статье цитирует)—Шварц не может не знать хотя бы «Детской болезни «левизны» в коммунизме», в которой весьма популярно (и доступно даже для его понимания) об'ясняется, что большевизм—против компромиссов, **предающих** пролетариат, но что он за компромиссы, допускаемые **в интересах** рабочего класса (например, Брест, нэп). И, конечно, только в устах меньшевиков, у которых нет иных компромиссов, кроме предательских, понятны разглагольствования о превращении большевизма (в результате компромиссов, идущих по линии интересов рабочего класса) в крестьянский коммунизм.

Первые крики в указанном выше духе мы услышали от меньшевиков в начале нашего перехода к новой экономической политике. Переход к нэпу меньшевики оценили следующим образом: большевики повернули назад к капитализму; Октябрьская революция оказалась все-таки буржуазной и только буржуазной; Ленин теперь сам проповедует реформистские способы действия вместо революционных. Наконец-то, Ленин почувствовал экономические реальности, наконец-то, он начинает проявлять экономический реализм.

Впрочем, обнаружилось сразу, что все это было сплошным шарлатанством. Обнаружилось по их тактике по отношению к нашей партии («экономический реализм») и группочкам, существовавшим среди большевиков, в частности «рабочей» оппозиции («экономический утопизм»), которая, как известно, сеяла панику, дезорганизуя крупнейший маневр коммунистической партии — переход к нэпу. Из вышеприведенных криков меньшевиков о повороте большевиков к капитализму можно было бы вывести, рассуждая по-человечески, что меньшевики взяли курс на поддержку «экономического реализма» Ленина. Можно было бы подумать, что они повели ожесточенную борьбу против «утопистов» из рабочей оппозиции. Но они взяли как раз обратный курс. Они повели ожесточенную борьбу против большевизма и всячески пытались подать руку «рабочей» оппозиции, подталкивая их ближе к себе.

Сейчас повторяется та же картина. Те же самые слова об «экономическом реализме», о победе «экономического реализма» Сталина и Бухарина над «утопизмом Зиновьева», крики о торжестве «национально ограниченной политики» над интернационализмом, о победе советского государства над Коммунистическим Интернационалом. («Торжествовать начинает,—«Гамбургер Эхо»,—национальная русская действительность. Старая мечта о мировой революции, возглавляемая Россией, тает». № от 10/VIII).

Проверка подлинного смысла этих инсинуаций чрезвычайно проста. Нужно приглядеться лишь к тому, как расшифровываются эти слова, и сразу выясняется политическое мошенничество меньшевиков. Вот Ф. Дан раскрывает содержание всех этих «реализмов», «национализмов» и пр. По его мнению, «за рассуждениями о победе социализма в одной стране скрывается экономический реализм, а за экономическим реализмом скрывается «стопроцентное» отстаивание диктаторских форм властвования внутри страны, превращающее самый реализм в нелепейшую утопию («Соц. Вестник», № 17—18, стр. 4). Под утопией скрывается реализм, а под реализмом—снова утопия.

А если подойти к вопросу иначе, то нужно поставить вопрос, один только единственный вопрос: кому же меньшевики пытаются подать свою руку: утопически-реалистически-утопическому большевизму или просто—утопической оппозиции; «крестьянскому коммунизму» «Сталина и Бухарина» или «100-процентному коммунизму» оппозиции? Ответ ясен. Международная социал-демократия ведет бешеную кампанию как раз против большевистской партии точно так же, как и при переходе к нэпу вела жесткую борьбу именно против Ленина, несмотря на его «экономический реализм», несмотря на «поворот Ленина к капитализму». Руку же свою она пытается подать как раз «100-процентному коммунизму», как раз «утопическому» оппозиционному меньшинству, точь в точь, как в 1921 г.—«утопической» «рабочей» оппозиции.

Таково отношение социал-демократии к СССР, к ВКП(б), если говорить о доминирующем, типичном, задающем тон в с.-д. печати.

Не следует только думать, что это сопровождается анализом фактов, цифр, мероприятий партии и советского государства. Меньшевики не любят фактов. Ибо фактами невозможно доказать того, чего невозможно доказать. Между фактами и социал-демократической оценкой—вопиющая разноголосица. Оценки их об'яснимы не с точки зрения фактов действительности. Они об'яснимы только с одной точки зрения, а именно: обанкротившейся меньшевистской концепции Октябрьской революции («буржуазная революция»).

Тем грустнее констатировать,—а это приходится констатировать,—что оппозиция ВКП(б) в своем анализе «текущего момента» берет такие ноты, которые явно созвучны меньшевистской музыке («термидор» тов. Залуцкого, «середняцкий большевизм—тов. Зиновьева, тезис тов. Троцкого о «государственной поддержке западно-европейского пролетариата», тезис о «далеко не пролетарском характере советского государства», о «сходе партии с пролетарских рельс, о невозможности победы социализма в СССР при затяжке мировой революции даже при отсутствии интервенции, о роли крестьянства сейчас в развитии СССР» и пр. и пр.).

Приходится ставить вопрос: что же, выходит, что нужно свертывать знамя Ленина? Сдать в архив ленинское понимание Октябрьской революции? Вытащить из мусорной ямы истории старое меньшевистское барахло? Так или нет? А если нет, то как же вы связываете концы с концами? Ведь, даже ребенку ясно, что речь идет о ревизии ленинской концепции Октябрьской революции.

Перейдем к более подробному выяснению отношения с.-д. к оппозиционному блоку. Характерно здесь то, что это отношение наиболее ясно и откровенно формулируется бывшими коммунистами, ныне ренегатами. Пожалуй, понятно, почему. У «этих» имеется свой собственный, ими самими лично проделанный, опыт по части перехода от ленинизма к социал-демократизму. Они знают, как «это» делается. Они знают, куда «это» приводит. И они ликуют, видя в поведении оппозиции оправдание своего ренегатства.

II. За что социал-демократия хвалит оппозицию?

«Для нас, наблюдающих происходящее издалека, из Западной Европы, совершенно ясно одно: мы на стороне оппозиции («Unsere Stellung ist bei der Opposition», «Лейпцигер Фольксцейтунг» 30/VII. Курсив наш. *А. З.*).

Это слова Пауля Леви.

Ренегат коммунизма и социал-демократ Леви «на стороне оппозиции».

То же самое другой ренегат—Транмель. Этот еще после XIV с'езда писал, что (с точки зрения классовой — наши симпатии на стороне ленинградской (?!) оппозиции». Понятно, почему это так. Поскребите, как следует, иного оппозиционера — и вы получите Пауля Леви. Впрочем, к чему скребок? Зачем заниматься срыванием мантий, когда имеются живые люди, уже готовенькие и в совершенно прозрачных облачениях? Возьмите выкинутых из наших рядов—профессора Корша, Рут Фишера и К°, Оссовского. Эти люди оказались более бесстрашными и попытались быть совершенно последовательными, делая все выводы. Тем интереснее сопоставить их взгляд с приведенными выше и приводимыми ниже схемами социал-демократов. Природа какой-либо тенденции уясняется всего лучше, когда берешь ее в завершенном виде.

Вот, например, платформа группы Корша, помещенная в № 13—14 «Коммунистише Политик» (орган коршевцев) по поводу «кризиса в ВКП и Коминтерне». Прочтите следующий отрывок:

> «Ныне, когда революционное движение международного пролетариата временно отброшено назад, все отчетливее и отчетливее вырисовывается радикально-буржуазный характер русской революции, оставшейся изолированной в окружении мирового капиталистического хозяйства.
>
> Беспощадное отметание всех тормозящих капиталистическое развитие деревни помещичьих и феодальных рамок, национализации земли и крупной промышленности—в виду невозможности строительства социализма вследствие задержки мировой революции—и реставрация капиталистического способа производства и товарообмена—открывают широчайшие возможности не строительству социализ-

ма, а быстрому и основательному развитию капитализма в СССР. Это развитие идет ускоренным темпом».

И далее:

> Ей (большевистской партии. *А. З.*) суждено заботиться о возможно более быстром и основательном развитии производительных сил, что при изолированности России равно капиталистическому их развитию и росту государственного и частного капиталов, коротко говоря, капиталистическому развитию России» (курсив наш. *А. З.*).

Не ясно ли, что ультра-левый Корш равен ультра-правому социал-демократу?

А, ведь помнится, Корш начал с гораздо более умеренных заявлений. Заслуга Корша состоит лишь в том, что он не боится быть последовательным. Конечно, как и подобает ренегату, Корш пытается прикрыть свою меньшевистскую философию Октябрьской революции «ужасно революционными» фразами относительно интересов рабочего класса, неверия большевиков в его силы (точь в точь, ну слово в слово, как бывший коммунист, а теперь социал-демократ Пауль Леви в первые дни своего предательства). Для этого ренегата коммунизма, Корша, наша партия представляет собой сборище «ликвидаторов коммунизма». Оппозиции же он советует поэтому итти прямо на раскол с большинством:

> «Она (новая оппозиция. *А. З.*),—пишет Корш,—не должна отступить и перед навязываемым (!!!) ей расколом, если ликвидаторы (!) коммунизма захотят (!) увенчать свое дело этим преступлением».

Прибавьте к этому еще «оравы мелкобуржуазной челяди» Медведева и спросите себя: что, собственно, может Леви требовать от Корша еще, дополнительно? Теория меньшевизма принята, практические лозунги—тоже; ставка—что у Леви, что у Корша,—два сапога—пара (раскол партии). Что еще можно уступить меньшевизму; что?

Возьмите Якова Оссовского с его статьей «Партия к XIV с'езду» (см. «Большевик» № 14).

Что писал Оссовский? «Партия,—писал он,—оставаясь формально единой и единственной, должна фактически в своем лице защищать все наличные интересы страны и в том числе и капиталистических предпринимателей». Прочтите следующий отрывок, и станет яснее ясного, что Оссовский оказался переодетым Р. Абрамовичем:

> «ВКП,—пишет Р. Абрамович,—превратилась в механический конгломерат самых различных групп и течений, отражающих в себе не только все оттенки социалистической мысли—от самых левых вплоть до самых правых, но и идеологию и воззрения, а главное, интересы самых различных социальных сил и классов вплоть до капиталистических» («Социалистический Вестник», № 15—16, стр. 2. Курсив наш. *А. З.*).

Да что там Абрамович! Даже Николай Бассехес, этот корреспондент буржуазной «Фоссише Цейтунг», говорит языком Оссовского:

> «Новая экономическая политика,—говорит он, — создает групповые (Бассехес хочет, очевидно, сказать: классовые) интересы,—и эти групповые интересы естественным образом должны найти свое выражение также и в политике. На узком базисе одной единственной партии обнаруживаются идеологии различных групповых интересов. Промышленность и сельское хозяйство, вновь возникающий частный капитал, интеллигенция и государственные чиновники—все они имеют в руководящих слоях партии совершенно естественным образом своих глашатаев» («Фоссише Цейтунг» 1/VIII. Курсив наш. *А. З.*).

Н. Бассехес... Р. Абрамович, Пауль Леви... Корш... Яков Оссовский...

Где же кончается эта цепочка?..

«Мы на стороне оппозиции»—изрекает Пауль Леви. Как же ему не говорить этого после Оссовского, после Корша, после Медведева и других, им подобных?..

В чем же он, Пауль Леви, сам видит пункты, сближающие его с платформой оппозиции?

Леви смотрит в корень вещей. Он берет основные вопросы нашей революции и по ним прослеживает те пункты, где начинается отход оппозиционного блока от ленинизма по направлению к социал-демократизму.

> «Победа пролетариата,—пишет он,—не может быть одержана в одной России... Поскольку западно-европейские рабочие не последовали дерзкому прыжку русских, Россия лишена была возможности осуществить социализм».

Итак, Леви выражает свою солидарность с тем положением, что победа социализма в одной стране невозможна, ибо западно-европейские рабочие не последовали нашему примеру и не совершили пролетарской революции. Последняя мысль является, конечно, лишь более картинной, хотя и более туманной, перефразировкой известного нашей партии тезиса о «государственной поддержке западно-европейского пролетариата».

Что же касается внутренних сил, пробужденных нашей революцией, то Леви называет их «сплошной видимостью». Идея рабоче-крестьянского блока является для него лишь «коалиционной идеей».

> «Идею солидарности интересов (рабочего класса и крестьянства. *А. З.*),—пишет он,—мы считали той же коалиционной идеей, принявшей лишь иную форму. Если марксизм вообще сколько-нибудь прав в своих положениях, если история развивается диалектически, то это противоречие (интересов пролетариата и крестьянства. *А. З.*) должно было опрокинуть идею коалиции в России, как уже опрокинуло ее в Германии».

Последнее положение Леви, конечно, является прямой фальсификацией истории. Но для нас сейчас важно не это. Важно то, что Пуаль Леви ополчается (и в этом ополчении находит общие пункты с нашей оппозицией) против двух основных положений революционного марксизма в области законов пролетарской революции против возможности привлечения трудящихся масс из мелкой буржуазии к борьбе пролетариата, в частности к строи-

тельству социализма, и против возможности построения социализма в одной стране. Он чует нюхом, что как раз в этих пунктах налицо отход оппозиционного блока от позиций ленинизма:

«Часть старой большевистской гвардии,—пишет он,—и, несомненно, русский пролетариат постепенно стряхивает с себя коалиционные заблуждения и **возвращается к основной идее марксизма**» (Курсив наш. О каком «марксизме» может говорить ренегат коммунизма—не нужно об'яснять).

Леви усматривает—и правильно усматривает—в вопросе о рабоче-крестьянском блоке один из кардинальнейших пунктов расхождения большевизма и меньшевизма. Такой блок невозможен,—говорит меньшевик и кивает при этом головой на свой меньшевистский, в угоду буржуазии изготовленный, «марксизм». Такой блок возможен в пролетарской революции и при строительстве социализма,—отвечает на этот вопрос Ленин. Но это, по мнению Леви, означает смешение социализма с крестьянской демократией (тот самый «крестьянский коммунизм Сталина и Бухарина», о котором писал «Лейпцигер Фольксцейтунг»):

«Надо было различать две вещи,—пишет Леви,—1) возможное в данный момент; год тому назад мы писали: развертывание демократии с созданием демократической крестьянской партии; такую партию,—писали мы тогда,—пожалуй, необходимо создать, пожертвовав для этого лучшим из людей—Лениным; 2) на будущее: сохранить в рабочих массах идею социализма, как экономического строя, превосходящего ныне существующие в России возможности. Ошибкой большевиков было смешать все это в одной партии».

Леви даже думает, что «гениальный оппортунизм (!) Ленина отсрочил бы момент разрушения партийного организма замаскированным противоречием» интересов рабочих и крестьян. Он полагает, что это «замаскированное» противоречие сейчас, после смерти Ленина выступило уже наружу. Нашлась «часть старой большевистской гвардии», которая «**отстаивает социализм перед натиском со стороны крестьянства**». (О каком «социализме» может говорить Леви—ясно). И за такую «заслугу» Леви готов простить этой «части старой большевистской гвардии» даже те «грехи», которые резюмируются во введении нэпа, что, конечно, для Леви представляет крупнейшее грехопадение большевизма «перед натиском со стороны крестьянства».

«Пусть,—вещает Леви,—все они долгое время грешили при нэпе: мировой трибунал (при Лиге Наций? *А. З.*) не доискивается причин,—несомненен факт, что в России вновь возникает сомнительное антикапиталистическое, идущее путем классовой борьбы рабочее движение».

Предатель коммунизма восходит до пафоса. Изменник рабочего класса бьет в литавры: наконец-то в ВКП появилась группа, возглавляющая такое «рабочее движение», которое так нужно, которое так близко, которое так сродни ренегатскому сердцу!

«**Возвращается к основной идее марксизма**», «**отстаивает социализм**», «**вновь возникает рабочее движение**». В таких словах Пауль Леви передает содержание

того перехода, который проделывается и олицетворяется нашей оппозицией.

Социал-демократия редко удостаивает большевиков таких «комплиментов». Обычно это происходит тогда, когда кто-нибудь из большевиков начинает «сдавать». Мы помним, например, как тот же самый (помнится) Пауль Леви писал (в 1924—25 г.), что в «**Уроках Октября**» олицетворяется настоящий «западно-европейский марксизм». Такой же отзыв дает теперь «Нью-Йоркер Фольксцейтунг», орган другого ренегата коммунизма—Лоре, который пишет, что оппозиция Троцкого группе Сталина—Бухарина—Зиновьева в 1924—25 г. **уходила корнями в марксизм. Троцкий**, — думает эта меньшевистская газета,—**первым делом марксист. Быть может, он—виднейший марксист среди нынешних лидеров СССР**» (№ от 4/VIII).

До сих пор тов. Троцкий был в нашей партии монополистом на эти «комплименты». Теперь его монополия устранена. Теперь какой-нибудь Пауль Леви говорит уже о «части старой большевистской гвардии»... Трудные времена...

Обратимся к Р. Абрамовичу.

Этот изворотливый, как угорь, меньшевистский политик старается показать себя об'ективистом: он ни за, ни против, он против тех, и он против других, он вещает, как Моисей с горы Синая.

«Ни одна из борющихся сторон,—пишет он,—сейчас не является фактором исторического прогресса, способным спокойно вывести страну из того тупика, в который она зашла... бесплодны и исторически обречены все положительные проекты и планы как сталинского толка, так и троцкистского направления».

Но немного нужно усилий для того, чтобы обнаружить, что в крупнейших вопросах нашей революции он выражает свою солидарность с тенденциями оппозиционного блока (в вопросе о перерождении нашей партии, о перерождении советского государства, о социальной природе нашего строительства), обвиняя одновременно нашу партию в слепоте.

Вот, например, Абрамович бичует «**сталинское отсутствие перспектив**». Конечно, он не может бичевать этого «отсутствия перспектив». Давно известно и доказано, что для Абрамовичей **перспектива строительства социализма** означает отсутствие перспектив. Правда, этой критикой разоблачается тезис «Соц. Вестника» об экономическом реализме, но, ведь, шарлатанский характер тезиса был и до того известен. (Вспомните цепь: за утопизмом—реализм, за реализмом—утопизм). Послушайте вслед за этим комплименты Абрамовича нашей оппозиции:

«С какой остротой,—пишет он,—оппозиция подмечает все признаки прогрессирующего мелкобуржуазного перерождения как государственного аппарата, так и правящей партии. С какой силой разоблачает близорукость правящей группы, зарывающей голову в песок и стремящейся обмануть себя и других уверениями о том, что все «обстоит благополучно». Как справедливы нападки оппозиции, обличающие ту систему подавления всякого проблеска критики и свободы мыслей, ту духовную мертвечину, которая господствует вну-

три коммунистической партии, и ее указание на то, что при такого рода внутреннем строе революционная партия никогда не сможет выполнить тех исторических задач, которые перед ней стоят. И, наконец, как правильны ее указания на все усиливающееся влияние непролетарских элементов в советском государстве, которое благодаря этому все более и более поворачивается спиной к рабочему классу, как продавцу своей рабочей силы, и взваливает на его плечи все издержки нэпа.

Что может правящее большинство ответить на эту уничтожающую критику оппозиции, разоблачающую печальную действительность нынешней России? Ровным счетом ничего» («Социалистический Вестник», № 15, стр. 4).

Р. Абрамович учуял свое родство с Оссовским, который пишет как раз на эти самые темы и тем же в точности языком. В самом деле, неопровержим тот факт, что в статье Оссовского («Партия к XIV с'езду», см. «Большевик» № 14) содержится все то, за что Р. Абрамович хвалит оппозицию.

Но одновременно выясняется и смысл придуманной в оправдание Оссовского теории «башмака». Теперь уже ясно, теперь уже не нужно об'яснять, какой именно «башмак», какому именно «пролетариату» жмет ногу! Большевистский башмак зажал меньшевистскую лапу, и она судорожно пытается высвободиться из него,—в этом суть.

Оправдание Абрамовича—вот что получилось на деле у оппозиции в результате фракционной борьбы. И с другой стороны: трогательная благодарность идет оппозиции из меньшевистского лагеря. Меньшевизм полагает, что есть за что благодарить. Вот Ф. Дан пишет, что оппозиция:

«взращивает не только в рабочих, но и в среде рабочих-коммунистов ростки таких идей и настроений, которые при умелом уходе легко могут дать социал-демократические плоды». («Соц. Вестник», № 17/18, стр. 6).

Мы не будем останавливаться на выступлениях других представителей международной социал-демократии. Достаточно и этих, наиболее характерных. Если же свести преобладающие ноты в криках международной социал-демократической печати воедино, то получится следующее:

Оппозиция права, утверждая, что построение социализма в СССР из-за затяжки мировой революции невозможно.

Оппозиция права, выставляя условием победы социализма государственную поддержку западно-европейского пролетариата.

Оппозиция права, утверждая, что строй общественной экономической жизни СССР есть строй государственно-капиталистический.

Оппозиция права, когда начинает понимать, что пролетарское руководство крестьянством невозможно и что ВКП(б) держится антимарксистской «коалиционной идеи» (рабоче-крестьянского блока), которую пустил в оборот оппортунист Ленин.

Оппозиция права, утверждая, что ВКП(б) сходит с пролетарских рельс.

Оппозиция права, утверждая, что в ВКП(б) происходит процесс термидорианского перерождения.

Оппозиция права, утверждая, что политика большинства ВКП(б) означает отказ от интернационализма и переход к национал-большевизму.

Оппозиция права, утверждая, что большевизм есть (или превращается) в «крестьянский коммунизм».

Оппозиция права, утверждая, что советское государство перерождается в форму крестьянской демократии.

Оппозиция права в своем понимании нэпа как «отхода от социализма» (Далин, отчасти Транмель).

Оппозиция права в критике партийного аппарата и внутрипартийного режима.

Оппозиция возвращается к марксизму (о каком «марксизме» может говорить меньшевик—ясно).

Оппозиция несет в себе элементы исторического прогресса, поскольку борьба ее ставит вопрос о ликвидации большевистской диктатуры.

Оппозиция защищает от напора крестьянства социализм (о каком «социализме» может говорить социал-демократия—понятно).

Оппозиция представляет собой пролетарские интересы («Соц. Вестник», Транмель).

Оппозиция дословно повторяет социал-демократическую критику большевизма (Ф. Дан).

Оппозиция подготовляет умы к восприятию меньшевистской положительной программы.

Оппозиция взращивает ростки таких идей, которые при умелом уходе легко могут дать социал-демократические плоды (Ф. Дан).

И так далее и так далее.

Конечно, здесь, у меньшевиков, много преувеличений. Многие зародыши и тенденции в оппозиционном блоке здесь представлены, как уже готовый результат. Но не подлежит сомнению то, что меньшевизм, при всей своей тупости, правильно схватил суть самих зародышей, и тенденций оппозиции.

Оппозиция стала рупором даже меньшевистских настроений. Это—основное. Это—решающее.

За это по адресу оппозиции со страниц «Соц. Вестника» несется горячая признательность: «Своей критикой «существующего строя»,—пишет Ф. Дан,—почти дословно повторяющей критику социал-демократии, большевистская «оппозиция» подготовляет умы... к восприятию и положительной платформы социал-демократии».

Если это неубедительно, последите за поведением меньшевиков, которые имеются, правда, в ничтожных количествах, у нас в СССР. Не наблюдается ли, что эти меньшевики, действующие, несомненно, по директивам своих центров, перекрашиваются в цвет оппозиции, благо, для этого требуется немного краски. Разве они сейчас меньшевики? Упаси, боже. Они—просто оппозиционеры (вне партии). Они идут не за какими-то там заграничными «Соц. Вестниками», а за течением, существующим в самой ВКП(б).

Вы думаете, что это—случайно?

III. «Новые времена, старые ошибки в новом виде».

Большевизм «вырос, окреп и закалился», на ряду с прочим, в борьбе с мелкобуржуазным реформизмом и мелкобуржуазной революционностью. Основные черты этой последней обрисованы Лениным в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» следующим образом: «неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику», отсутствие «выдержки, организованности, дисциплины, стойкости» (том XVII, стр. 125).

Несмотря на общеизвестность этих истин, несмотря на богатейший опыт большевизма в борьбе с этими уклонами, эти последние, время от времени, снова всплывают наверх.

«Теоретическое, абстрактное признание этих истин,—говорит Ленин,—нисколько еще не избавляет революционных партий от старых ошибок, которые выступают всегда по неожиданному поводу, в немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной—более или менее оригинальной—обстановке» (там же; подчеркнуто нами).

Это было написано в 1920 году.

Следующий, 1921 год обогатил нашу партию новым опытом, целиком подтвердившим сказанное Лениным раньше. Статья Ленина «Новые времена, старые ошибки в новом виде» как раз и подытоживает уроки партийной борьбы с указанными мелкобуржуазными влияниями в новой, оригинальной обстановке, в обстановке перехода к нэпу.

Эта статья дает очень много и для понимания теперешнего положения партии и теперешних ее задач. Ибо вопросы нэпа представляют один из важнейших предметов спора современной оппозиции с большинством партии. В известном смысле можно даже сказать, что ни одна из «спорных» в настоящее время проблем не может быть решена вне ее связи с проблемами нэпа. Отсюда понятно, что современная оппозиция, спорящая с нами по вопросам нэпа, не может не иметь родственных черт с оппозиционными группами 1921 года. Вхождение остатков бывшей «рабочей» оппозиции в оппозиционный блок 1926 года дает одну из ярких иллюстраций преемственности в идеологии оппозиций в ВКП(б). Выясненное выше отношение социал-демократов к оппозиции дает такую же иллюстрацию, с другой стороны. И если мы не хотим быть Иванами—непомнящими родства, если мы хотим иметь перспективно правильную оценку оппозиционного блока и его места в исторической цепи мелкобуржуазных шатаний внутри нашей партии,—нам нужно вновь и вновь вспомнить ленинский, 1921 года, анализ, хотя, конечно, нужно заранее быть готовым к тому, что самые формы и «облачения» этих шатаний могут быть—и не могут не быть—несколько иными, в связи с новой обстановкой, несмотря на старую-престарую, партии давно знакомую, сущность.

«Каждый своеобразный поворот истории,—пишет Ленин в этой статье,—вызывает некоторые изменения в форме мелкобуржуазных шатаний, всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата... Форма их видоизменяется теперь в связи с известным поворотом экономической политики советской власти» (т. XVIII, ч. 1, стр. 302—303).

Как же характеризуются Лениным основные черты указанных «потоков» мелкобуржуазных шатаний в связи с коренными проблемами нэпа? Следующим образом:

«Основной мотив у меньшевиствующих: «большевики повернули назад, к капитализму, тут им и смерть. Революция все же оказывается буржуазной и Октябрьская в том числе!»..

«Основной мотив у полуанархистов, в роде немецкой «ком. раб. партии», или той части нашей бывшей «рабочей» оппозиции, которая ушла из партии или отходит от нас: «не верят теперь большевики в рабочий класс!..» (стр. 353).

Следует обратить внимание, во-первых, на то обстоятельство, что речь идет не только о явных меньшевиках, но и о «меньшевиствующих». Речь идет не только об элементах, пребывающих вне нашей партии и изо всех сил старающихся навести панику на партию извне. Речь идет также о «паникерах и крикунах» внутри нашей партии, как это явствует из прямой ссылки Ленина на неисправившуюся часть «бывшей рабочей оппозиции». Это именно к внутрипартийным «паникерам и крикунам» обращены следующие слова Ленина: «Где ваша работа, любезные, где ваши дела по реальному выдвиганию беспартийных на главный современный «фронт», на фронт экономический, на дело хозяйственного строительства?» Вот какой вопрос должны сознательные рабочие ставить крикунам. Вот как всегда можно и должно разоблачить крикунов, доказать, что на деле они не помогают, а мешают строительству хозяйства, не помогают, а мешают пролетарской революции, проводят не пролетарские, а мелкобуржуазные стремления, служат службу чужому классу.

Наш лозунг: долой крикунов!» (Там же).

По отношению же к настоящим меньшевикам у Ленина, как известно, был в это время другой «лозунг».

Во-вторых, простого сопоставления этих «меньшевиствующих» «паникеров» и «крикунов» с теперешними меньшевиствующими паникерами и крикунами достаточно, чтобы видеть идейную преемственность указанных оппозиционных течений, точно так же, как эти Корши и Урбансы в свою очередь недвусмысленно показывают свою рабскую зависимость от идеологии международной социал-демократии.

Новое в теперешней обстановке состоит лишь в том, что оба потока мелкобуржуазных шатаний выступают против большевизма об'единенным фронтом. Существует определенно выраженная тенденция к их идейному и организационному слиянию, блоку. Новая обстановка в нашем развитии (перевал от задач восстановления к грандиозным, необ'ятным задачам по реконструкции нашего хозяйства, огромные трудности, возникающие при этом, перевал в международном рабочем движении) вызывает необходимость решительной размежевки, и отсюда—тенденция к об'единенному натиску мелкобуржуазного реформизма и мелкобуржуазной революционности против большевистской тактики и идеологии. Об'единение в одном блоке троцкизма (который представляет собой лишь одну из разновидностей «западно-евро-

пейского марксизма», что в русском переводе тт. Каменева и Зиновьева в 1923—24 гг. означало попросту меньшевизм), далее рабочей оппозиции и так называемой новой оппозиции (начавшей с страшно революционных фраз и кончившей полной капитуляцией перед троцкизмом)—заставляет предполагать далеко не случайный характер указанной тенденции к «слиянию» ответвлений мелкобуржуазного давления в одно. Не случайно и то, что в этом блоке меньшевистские тенденции имеют явную гегемонию и задают тон.

Характерно то, что Ленин уже в 1921 году дает нам один (из симптоматичных, хотя и единичных тогда) примеров такого слияния или, как он выражается, «совпадения». Эту тенденцию олицетворял тогда Леви, тот самый Пауль Леви, которого мы цитировали выше и который, как мы видели, в настоящее время в ряде пунктов выражает свою солидарность с современной оппозицией.

Тогда, в 1921 году, он только еще отходил, или, вернее, только-что еще отошел от большевизма к меньшевизму.

Меньшевики тогда, как и сейчас, кричали о крахе коммунизма. «К этим меньшевикам,—говорит Ленин,—прибавился за границей бывший коммунист Леви», который «докатывается до меньшевизма по всей линии... Докатившийся до меньшевизма Леви советует большевикам... обратиться за помощью ко всему рабочему классу... Здесь Леви совпадает замечательным образом с теми полуанархистами и крикунами, отчасти с некоторыми из бывшей «рабочей оппозиции», которые любят говорить громкие фразы на тему о том, что большевики теперь «не верят в силы рабочего класса...» (стр. 356). «Под лозунгом «побольше доверия к силе рабочего класса»,—добавляет Ленин,—проводится сейчас на деле усиление меньшевистских и анархистских влияний» (357. Подчеркнуто нами).

Как показывает опыт, такое «совпадение» меньшевистских и ультра-левых элементов отнюдь не было случайным.

Все дальнейшее развитие подтвердило полную закономерность этой, подмеченной Лениным, тенденции к «совпадению» меньшевистских и «левых» нападок на большевистскую партию. И в настоящее время мы внутри нашей партии—в лице оппозиционного блока—имеем олицетворение этой тенденции, хотя и в неполном виде. Кое в ком она нашла уже вполне завершенное и законченное выражение. Например, в Медведеве, из той самой «рабочей оппозиции», которая уже в 1921 году—как это установлено Лениным—показывала тенденцию перенимать меньшевистские лозунги. Этот ультра-левый Медведев говорит сейчас таким языком и выбрасывает такие лозунги, которым мог бы позавидовать любой ультра-правый меньшевик (сдача промышленности в концессию, неотвратимые конфликты между пролетариатом и крестьянством, ликвидация Коминтерна, Профинтерна, линия на слияние с социал-демократами и проч.). Не даром «Соц. «Вестник» так восторженно целуется с Медведевым! Не даром орган норвежского ренегата—Транмеля—утверждает, что «рабочая оппозиция режет правду-матку в глаза, что в России нет предпосылок для строительства социализма».

Другой живой, человеческий пример—Корш, который еще «пущает» в воздух несколько заученных им наизусть революционных фраз, но в обосновании своих взглядов, в своей теоретической концепции стоит уже целиком и полностью на позициях меньшевизма. Революционные фразы для него служат пока-что некоторым прикрытием ренегатства (как и для Леви в 1921 г.), но недалек тот день, когда революционная оболочка, не соответствующая меньшевистскому содержанию, будет разорвана последним и выкинута в помойную яму.

Считаем лишним упоминать здесь об Урбансе, Рут Фишер, Я. Оссовском. Все они, вместе с перечисленными выше, представляют лишь воплощение различных стадий одной и той же тенденции—слияния воедино потоков мелкобуржуазных влияний на пролетариат.

Было бы кретинизмом и непозволительной близорукостью не разглядеть за этой новой формой — старой мелкобуржуазной сущности. Таков основной урок, который мы должны вывести из изучения современной обстановки на основе ленинских выводов о мелкобуржуазных шатаниях в истории нашей партии и, в частности, в период новой экономической политики. И именно такой вывод подтверждается целиком и полностью анализом социал-демократического отношения к идеологии и тактике оппозиции.

Оппозиция есть выражение мелкобуржуазного давления на партию и пролетариат. Это давление сейчас является для нас основной опасностью, особенно, если иметь в виду, что опасность интервенции находится с ней в отношении прямой зависимости и пропорциональности. Борьба с оппозицией есть поэтому в известном смысле борьба с опасностью интервенции извне и с опасностью консолидации элементов буржуазной реставрации внутри,—короче: это есть борьба против возможных попыток к взрыву диктатуры пролетариата. Поэтому меньшевизм и поддерживает оппозицию, несмотря на ее «утопичность», что оппозиция должна, исходя из меньшевистских оценок нашего развития, притти неизбежно к лозунгу политической демократии.

> «Историческая реальность в том и состоит,—пишет «Соц. Вестник»,—что не только притти к власти, но и бороться за нее никакая большевистская «оппозиция» не может, не поднимая на деле знамени восстания против диктатуры и не втягивая тем самым в свою борьбу силы, ее утопиям глубоко враждебные...
>
> В этом, а не в чем другом, заключается историческое значение «оппозиции». Социальные силы, развязываемые ею, весят на весах истории больше, чем ее суб'ективные намерения, утопии и иллюзии» («Соц. Вестник», стр. 5).

Преодоление диктатуры пролетариата и скат к буржуазно-капиталистической России («спуск на тормозах» Р. Абрамовича, см. «Соц. Вестник» № 15—16, стр. 6),—такова та программа, которая, вытекая из меньшевистской схемы, дает тон отношению меньшевиков к оппозиции. Интересно то, что и печать империалистической буржуазии оценивает оппозицию в ВКП(б) как раз под этим углом зрения.

Основная ставка меньшевиков и империалистической буржуазии—раскол нашей партии. Они чувствуют—и пра-

вильно чувствуют, и тов. Зиновьев в 1923 году умел показывать это партии,—что раскол партии приведет не к победе той или иной части, выросшей из раскола, а к победе третьей силы. И этой третьей силой, зорко стерегущей нас, является международный империализм. Мы помним, как вела себя буржуазия в дни Кронштадта, и мы знаем, как она будет себя вести при угрозе раскола партии...

Из всего сказанного следуют ясные и понятные всякому выводы.

Тот, кто поддерживает оппозицию, тот, кто ведет линию на раскол партии, организуя нелегальную централизованную организацию с ячейками и центрами, на ряду с нашей партией и внутри нашей партии,—тот действует в прямых интересах международного империализма.

Кто поддерживает оппозицию, тот дезорганизует наш пролетариат, строящий в труднейших условиях социализм и находящийся в настоящее время в полосе перехода к труднейшим задачам реконструкции хозяйства от задач простого восстановления.

Кто поддерживает оппозицию, тот дезорганизует борьбу международного пролетариата за пролетарскую революцию, против диктатуры буржуазии, внося в его ряды деморализацию, неверие в силы рабочего класса.

Кто поддерживает оппозицию, тот ведет к распаду ВКП(б), к распаду Коминтерна, тот действует в интересах меньшевиков, уже старающихся «уготовить местечко» (слова Пауля Леви) для рабочих-коммунистов в рядах социал-демократической партии.

Представители оппозиции «забывают» эти обстоятельства с легкомысленностью, граничащей прямо с преступностью.

Они должны быть призваны к порядку! Нельзя допускать и запускать игры оппозиции с единством партии и диктатурой пролетариата! Мы должны вспомнить лозунг Ильича: «Опасность велика—больше сплоченности, выдержки, хладнокровия, выкидывайте с презрением вон меньшевиствующих, эсэрствующих паникеров и крикунов» («Новые времена, старые ошибки в новом виде», т. XVIII, ч. 1, стр. 359).

От редакции.

Переживаемый нами момент, когда из среды внутрипартийной оппозиции начали раздаваться голоса с нотками ликвидаторского характера, в массе членов партии пробуждается весьма естественный и закономерный интерес к той эпохе из партийного прошлого, когда партии приходилось бороться с ликвидаторством в 1908—1914 годах.

Интерес к этому периоду вызывается также тем обстоятельством, что во главе современного оппозиционного блока стоит тов. Троцкий, который во времена борьбы большевизма с ликвидаторством являлся одним из крупнейших и активнейших вождей антиленинских, антибольшевистских группировок в социал-демократическом движении России.

Вместе с тем, оппозиционный блок внутри нашей партии в настоящий момент выявляет ряд специфических черт, которые, в известной мере и в известных пределах, повторяют черты так называемого „августовского блока" в 1912—14 годах, когда вне нашей партии создалось для борьбы с ней об'единение всех антибольшевистских и антиленинских социал-демократических групп.

Из таких общих черт достаточно указать на некоторые: отсутствие полного идейного единства в блоке, построение его на основе принципа суммы течений („живи и жить давай другим"), выступление всех групп, несмотря на их разнородность, единым фронтом против ленинизма, беспринципное прикрывание центристскими элементами блока его ликвидаторских элементов и, наконец, самые тенденции ликвидаторства.

Говоря о тенденциях ликвидаторства, имеющихся в современном оппозиционном блоке, мы отнюдь не хотим грубо упростить вопрос и поставить знак равенства между этими тенденциями и законченным, зрелым ликвидаторством меньшевиков. Но в традициях нашей партии всегда было предупреждать ошибающихся товарищей, разоблачая в зародыше опасные тенденции к оппортунизму, могущие развиться, если они не получат достаточного отпора, в законченный оппортунизм. Точно так же было бы огромной ошибкой позабывать о различии эпох, а стало быть, и о различии форм проявления оппортунизма или его тенденций в современной обстановке и в 1908—1914 годах.

Исходя из вышеизложенных соображений, редакция считает необходимым освещение в журнале того периода партийной истории, когда большевики во главе с Лениным вели борьбу с ликвидаторством меньшевиков. В настоящем номере мы печатаем: 1) статью тов. Сорина об „августовском блоке" и 2) выдержки из произведений В. И. Ленина, характеризующие отношение В. И. к „августовскому блоку".

Вл. Сорин.

Августовский блок.

Проводя аналогию между последним (XIV) и Стокгольмским с'ездами нашей партии, новая оппозиция пыталась в борьбе большевиков с меньшевиками в Стокгольме найти историческую и моральную поддержку своим фракционным притязаниям и оправдание своей кампании против ленинского ЦК и проводимой им политики. Разногласия между большевиками и меньшевиками, формально входившими в единую социал-демократическую партию, привели, как известно, в конце концов к расколу и образованию двух партий. Своей апелляцией к Стокгольмскому с'езду оставшаяся в меньшинстве оппозиция хотела сказать, что она не прекратит борьбы с большинством партии и будет бороться с ним так же, как боролись в Стокгольме и после него большевики против меньшевиков. Как потом ни пыталась оппозиция ослабить впечатление, вызванное напоминанием о Стокгольмском с'езде, и «истолковать» значение своей «исторической» аналогии, партия сумела понять подлинный смысл этого «случая со Стокгольмом».

Тактика, усвоенная оппозицией в период последнего—июльского—пленума ЦК, совместное выступление с Троцким потерпевшей на XIV с'езде поражение группы Зиновьева и Каменева, известных до того своей крайней враждебностью к «троцкистской» оппозиции, об'единение прежних оппозиционных группировок на почве общей борьбы с ЦК,—все это заставило партию вспомнить о другом историческом факте из прошлого нашей партии—именно об **августовском блоке** (1912 г.).

Что такое «августовский блок»? Союз оппозиционных и враждебных нашей партии групп и течений, созданный Троцким в августе 1912 г. для борьбы с Лениным и большевиками и просуществовавший до начала 1914 г., когда блок распался—незадолго перед войной. Почему уместно сейчас напомнить факты и идеи, связанные с августовским блоком? Потому, что история повторяется, потому, что есть известное сходство между тогдашним и теперешним положением партии, отстаивающей ленинизм против натиска об'единенной оппозиции.

Попробуем восстановить в сознании читателя некоторые моменты из истории этого пресловутого блока.

Известно, что в эпоху реакции, наступившей после поражения революции 1905 года, русская социал-демократия делилась на множество фракций и группировок, ведших между собою ожесточенную внутрипартийную борьбу. Партия, как единое организованное целое, не существовала. Не было также общепризнанного авторитетного руководящего центра. Между тем, начавшийся в России с 1910 г. под'ем рабочего движения настоятельно требовал сплочения и об'единения всех революционных элементов рабочего класса. В конце 1911 года задачу восстано-

вления партии взяли на себя большевики-ленинцы, поддержанные частью «плехановцев» или меньшевиков-партийцев,—и эту задачу выполнили: в январе 1912 г. в Праге состоялась всероссийская партийная конференция, на которой были представлены почти все действовавшие в России организации. На этой конференции большевизм окончательно оформился как **партия**: конференция провозгласила себя верховным органом, избрала ЦК и исключила из партии ликвидаторов, проповедывавших разрушение старой, подпольной революционной партии и создание новой, «открытой», легальной, приемлемой для царизма, «столыпинской рабочей партии»—как называл ее Ленин. Ликвидаторы—эта распространеннейшая и гнуснейшая разновидность меньшевизма в 1910—1914 гг.—представляли собой глубоко антипартийный элемент внутри социал-демократии, и потому они были поставлены вне рядов партии.

Пражская конференция, знаменовавшая укрепление большевизма в русском рабочем движении и прошедшая под знаком безраздельного господства принципов революционного марксизма, вызвала бурю негодования со стороны ликвидаторов, «националов» (польские, латышские и еврейские социал-демократы) и остальных социал-демократических направлений и течений: «Голос социал-демократа» (заграничные ликвидаторы), «Вперед» (отколовшиеся от большевиков «левые»), «За партию» («большевики»-примиренцы), «Правда» Троцкого, издававшаяся в Вене (не смешивать с той, основанной Лениным «Правдой», которую читатель держит сейчас у себя на руках), плехановский «Дневник социал-демократа» и др. Все эти заграничные группки в один голос проклинали «узурпаторов» и заявляли о своем «непризнании» ленинской конференции.

На почве общей ненависти к большевизму в ликвидаторской и близкой к ней среде возникла мысль о создании, путем созыва особой конференции, нового об'единения, новой партии в противовес ленинской конференции и избранному на ней ленинскому ЦК. Хотя формально инициатива по созданию блока непартийных и оппозиционных большевизму группировок принадлежала латышским ликвидаторствующим социал-демократам, но душою блока, его главным организатором и вдохновителем, наконец, его главной литературной силой был Троцкий и его кружок, принадлежавший к числу тех заграничных кружков, о которых Ленин писал, что они «колеблются то туда, то сюда, занимаются торгашеством, но не представляют никакого направления, и их деятельность проявляется прежде всего в пустом интриганстве; к этим группам принадлежит также и «Правда» Троцкого» (т. XII, ч. 1, стр. 84—85). Все, что накопилось в социал-демократии реформистского и оппортунистического или «левого», «обиженного» большевиками, все это теперь заговорило о необходимости об'единения и борьбы с большевиками-ленинцами. «Удастся ли ликвидаторам создать «открытую» партию,—писал Ленин в апреле 1912 г., наблюдая деятельность различных группировок,—или они состряпают фиктивную партию на основе какого-нибудь лживого компромисса,—даст ответ будущее» (XII, ч. 1, стр. 87).

Все первое полугодие 1912 г., до августа месяца, заполнено небывалой суетней и возней заграничных группок по сколачиванию антибольшевистского блока: ведутся переговоры,

устраиваются совещания, вырабатываются платформы и резолюции, рассылаются агенты по русским организациям. Несмотря, однако, на «героические» усилия блока, сплотить всех и вся для борьбы с ленинцами не удалось: блок оказался неполным. Чтобы не возвращаться позже к вопросу о составе августовского блока, перечислим здесь те направления, из которых этот блок составился. Это, прежде всего, ликвидаторы, которым принадлежала, как это показал Ленин, гегемония в блоке; затем еврейские (Бунд) и латышские социал-демократы, поддерживавшие ликвидаторов; ликвидаторский «Голос социал-демократа» (Мартов, Аксельрод, Дан); группа Троцкого; грузинские меньшевики. Стремясь расширить единый фронт против ленинцев, оппозиция не остановилась даже перед тем, чтобы втянуть в блок «Польскую партию социалистов», которая не входила в социал-демократию и по своим воззрениям стояла гораздо ближе к русским эсэрам, чем к соц.-демократам, но, конечно, для борьбы с большевиками являлась желанным союзником. Об'единиться с «пепеэсовцами», впрочем, не успели, и те сидели на августовской конференции только в качестве гостей, с «правом участия в дебатах». Польская социал-демократия сначала обнаружила намерение принять участие в блоке, но увидя, что дело идет об организации и сплочении правых элементов социал-демократии и что конференция будет носить ликвидаторский характер, отказалась войти в созданный участниками блока Организационный Комитет (О. К.) по созыву новой конференции. Группа «Вперед» ревностно поддерживала кампанию по созданию блока и даже послала на августовскую конференцию своего представителя—небезызвестного Г. Алексинского. Однако, на конференции царила такая атмосфера ненависти и злобы к большевикам, что даже Г. Алексинского—как-никак считавшего себя «левым»,—стошнило после одной речи Мартова, и он сбежал с конференции. Наконец, группа «За партию», после некоторого колебания и Плеханов—вообще отказались участвовать в августовской конференции. Позиция Плеханова чрезвычайно важна и показательна: Плеханов прямо заявил, что на конференции будут представлены «непартийные» и «антипартийные» элементы, собирающиеся учредить новую партию, а он, Плеханов, стоит за старую партию и потому на ликвидаторскую конференцию не пойдет. Ленин полностью солидаризировался с плехановской оценкой блока. «Плеханов,—писал Ленин,—выяснил: 1) что конференция предполагается «учредительной», т.-е. конференция не РСДРП, а некоей новой партии; 2) что в основу ее созыва положен «анархический» принцип; 3) что конференция созывается ликвидаторами» (XII, ч. 1, стр. 94).

Таким образом, в блок не вошли или из блока отпали польские социал-демократы, плехановцы, впередовцы и «большевики»-примиренцы, то-есть группы и течения, в которых соображения партийности взяли в конце концов верх над враждебностью к ленинцам и которые, при всем своем расхождении с большевиками, не сочли все же возможным для себя принимать участие в организации правого крыла. В блоке, в конечном итоге, оказались троцкисты и ликвидаторы разных оттенков.

На ряду с практическими шагами по подготовке августовского блока и созыву ликвидаторско-троцкистской конференции (в Брюсселе) на страницах меньшевистской, троцкистской, «впередовской» и иной, враждебной большевизму, прессы, организуется бешеная травля Ленина и ленинского ЦК вплоть до обвинения в «расхищении» и «захвате общепартийных средств». Центром этой литературно-агитационной кампании являлась «Правда» Троцкого.

Большевики исключили из партии ликвидаторов; горячо поддерживавшие ликвидаторов троцкисты об'явили эту абсолютно необходимую со стороны революционеров меру—«расколом», ленинскую политику по отношению к ликвидаторам—«раскольнической». Ликвидаторам, проводникам буржуазного влияния в рабочем движении, только того и надо было, чтобы их оставили в партии, как «одно из течений», и дали свободу разлагать партию изнутри. Практически агитация троцкистов в период августовского блока сводилась к двум пунктам: расписывание большевиков в самом черном свете, как раскольников и злостных фракционеров, как врагов «единства», и защита изгнанных из партии ликвидаторов, доказывание необходимости об'единения с ними.

Непримиримую борьбу ленинского ядра против оппортунистов и реформистов во имя создания и сохранения крепкой революционной партии венская «Правда» об'явила «пристрастно-кружковой, раскольнической, уродливо-сектантской» политикой, которая «ведет в ужасающий тупик» (венская «Правда» № 25). Нежелание большевиков входить в одну партию с ликвидаторами выводилось из побуждений «фракционно-кружкового самосохранения». Что такое ленинская партия? «Кружок, интересы которого противоречат интересам развития партии», кружок, который «только смутой и хаосом может жить и питаться». «Литературная группа т. Ленина,—писала венская «Правда»,—всеми средствами отстаивает, оправдывает и углубляет раскол в партии» (№ 24). Зато свою многостороннюю «нефракционную» деятельность по созданию блока с ликвидаторами против ленинцев троцкисты именовали—совсем скромно и отнюдь не рекламно—борьбой «за единство»... единство с антипартийными элементами.

Венская «Правда» излагала дело так, будто «все» хотят единства и «только группа ленинцев, недавно созвавшая свою фракционную конференцию, пытается стать поперек дороги партийному об'единению» (венская «Правда» № 24). Венская «Правда» фальшивила. «Нечего играть в прятки,—писал Ленин,—и говорить об «об'единении» вообще, когда речь идет, по сути, только об об'единении с ликвидаторами» (XII, ч. 1, стр. 45). Для партии пролетариата пойти на об'единение с ликвидаторами—значило отказаться от своей революционной программы, сойти с почвы марксизма, стать на путь беспринципных идейных сделок. Ленин и большевики не испугались единого оппозиционного фронта и угроз «изоляции». Соглашению «верхушек» они противопоставили единство «низов». Во все время существования августовского блока и борьбы с ним большевиков, большевики боролись за единство рабочего класса, рабочих масс на основе революционных лозунгов и революционной политики, и они добились сплочения вокруг нашей партии громадного большинства рабочих. Ни малейших принципиальных уступок Ленин не допускал—и потому наша партия победила в борьбе с августовским блоком.

«Попытки создать «единство» «соглашением» или «союзом» таких интеллигентских группок,—писал Ленин,—которые на деле проводят тенденции, вредные рабочему движению (народничество, ликвидаторство и т. п.),—такие попытки ведут лишь к полному разложению и бессилию. Только против этих групп, группок и групночек складывается (в тяжелой борьбе, неизбежной при буржуазной обстановке и тьмы мелкобуржуазных шатаний) действительное единство рабочих масс, руководимых большинством сознательных пролетариев» (XII, ч. 2, стр. 303).

«Никаких заигрываний с ликвидаторами, никаких дипломатических переговоров с кружками разрушителей целого [1]),—и все силы на сплочение рабочих-марксистов вокруг марксистских лозунгов, вокруг марксистского целого» (XII, ч. 2, стр. 433).

«Мы утверждаем,—писал Сталин спустя некоторое время после возникновения августовского блока, — что прочным будет только то единство, которое создадут сами рабочие на фабриках и заводах. Лозунгом тех, кто хочет действительно единства, должно быть: единство снизу. Начать с другого конца—с дипломатических «переговоров» с руководящей группой ликвидаторов—значило бы отдалить, а не приблизить единство» («Правда»—петербургская, большевистская—№ 31, 1913 г.). Вместо сговора группок на основе гнилых компромиссов—реальное единство рабочих масс на почве революционной программы,—такова была политика партии в отличие от дипломатии «об'единителей».

Насколько враждебно относилась венская «Правда» к большевикам, настолько же благожелательно — к ликвидаторам. Вокруг О. К.,—писала «Правда» Троцкого,—об'единяется теперь все, что есть живого и жизнеспособного в рядах социал-демократии» (№ 24). В числе этих «живых» и «жизнеспособных» были ликвидаторы, но не было Ленина. Без ликвидаторов троцкизм вообще не мыслил себе новой партии и созываемой для ее учреждения конференции. Участие ликвидаторов в конференции, — заявила венская «Правда» в одной из своих резолюций,—является одним из необходимых условий ее полноты и жизнеспособности ее решений» («Листок О. К.» № 1).

Агитируя за созыв конференции, долженствующей противостать ленинской конференции в Праге, троцкисты и ликвидаторы попутно сформулировали те организационные принципы, на основе которых должна быть построена новая, «широкая» партия. Кампания по подготовке конференции шла под лозунгом «равноправия» всех течений и направлений в социал-демократии, ликвидаторов—в первую очередь. Троцкистско-ликвидаторский Организационный Комитет провозгласил «единство всех течений и организаций, единство всей социал-демократии на почве общего и равного для всех партийного права» («Листок О. К.» № 1). Итак, широчайшая и идеальнейшая «демократия» антипартийные элементы, «изменники» революции, как называл ликвидаторов Ленин, получали «право», совместно с враждебными большевизму группами, определять и решать судьбы революционного пролетариата на том только основании, что ликвидаторы сами себя называют «социал-демократами»—членами партии. Ликвидатор «равноправен» ленинцу, революционер—реформисту,—таков принцип, которым хотели руководствоваться при построении новой партии. А поскольку большевики не пошли и не могли пойти на поклон ликвидаторам, поскольку инициаторы и организаторы августовского блока нашли возможным и допустимым строить новую партию совместно с ликвидаторами против большевиков, постольку теория «равноправия» ликвидаторов с революционерами весьма быстро уступила место другому принципу, больше отвечавшему действительным воззрениям и настроениям троцкистов: ликвидатор дороже и ценнее ленинца; без ликвидаторов обойтись нельзя («жизнеспособны»!), без большевиков-ленинцев («воплощение фракционной реакции и раскольнического своеволия»—резолюция венской «Правды» в «Листке О. К.» № 1)—можно.

[1]) «Целое»—название нелегальной партии на языке подцензурной печати.

Венская «Правда» уверяла публику, что партия не может доверять такому центру (О. К.), который состоял бы из единомышленников, например, ленинцев: это будет «фракционный» О. К. А вот, если в такой О. К. войдет «латыш, бундист, поляк, кавказец (т.-е. грузинский меньшевик), большевик (т.-е. большевик—«примиренец»), плехановец, ленинец, впередовец и проч». [1]) (№ 25)—тогда другое дело: это будет «нефракционное» учреждение. Венская «Правда» не против ввода большевиков в центр, но только с условием, чтобы они составляли в нем не больше $^1/_{10}$.

На опасливый вопрос колеблющихся: не откроет ли такой замечательный центр двери врагам партии—ликвидаторам, венская «Правда» отвечала следующей, одновременно возвышенной и патетической речью, которую стоит привести целиком: «На это мы отвечаем: кто поручил вам верховный контроль над всеми остальными течениями партии? Кто вручил вам ключ от ворот партии, точно победителю от ворот побежденного города? Кто дал вам право допускать одних и исключать других? Откуда у вас это помазание? На каком основании вы осмеливаетесь требовать, чтобы все остальные течения отказались от своего права отличать врагов партии от ее друзей и раз навсегда переуступили эту заботу вам, на каком основании? по какому праву?» (№ 25).

Таково обоснование троцкизмом «естественного права» ликвидаторов и прочих «элементов» сидеть внутри партии и безнаказанно разлагать ее. Стоит ли говорить, насколько это понимание партии, как суммы «равноправных» течений, как федерации разнородных групп и группок—безконечно далеко от ленинского учения о партии, требующего единства партии на определенной идейной основе.

Созванная с такой помпой августовская конференция должна была, по мысли ее вдохновителей, доказать «фракционерам» из ленинского ЦК, что ликвидаторы такие же социал-демократы, как и все другие (это только «фракционное ослепление» побуждает незаслуженно клепать на невинных ликвидаторов!) и что совместно с ними вполне можно проводить «революционную» политику не хуже большевиков. Однако, выработанная августовским блоком якобы «нефракционная» платформа оказалась, как это доказано Лениным, насквозь реформистской, оппортунистической. Ликвидаторы вели свою линию и вели за собой троцкистов. Об'ективно служебная функция троцкизма внутри блока заключалась в прикрытии и маскировке реформистской, ликвидатор-

[1] «Прочие»—т.-е. не названный по дипломатическим соображениям ликвидатор и по вполне понятной авторской скромности—троцкист.

ской сути платформы революционной фразеологией и терминологией. Потребная ликвидаторам реформистская либеральная тактика в своей грубой, обнаженной форме не могла рассчитывать на успех среди рабочих; поэтому надо было ее так расписать и разукрасить, чтобы «реформизм» имел «революционную» внешность, чтобы принявший сию тактику рабочий, действуя как реформист, чувствовал бы себя, однако, революционером. Прикрашивание реформизма выполнял внутри блока троцкизм.

История августовского блока лишний раз доказывает, что об'ективная логика развития сильнее суб'ективных намерений и пожеланий. Троцкисты, как таковые, мечтали позвыситься над «односторонностью» и «крайностями» большевиков и ликвидаторов, выступив в роли «нефракционных» об'единителей и примирителей. Поскольку, однако, троцкисты заняли враждебную большевизму позицию, они ходом развития должны были скатиться и скатились к ликвидаторам—антиподу большевиков, приняв их программу и превратившись в «подголоска» ликвидаторов—по определению Ленина.

И действительно, у троцкистов выбора не было: поскольку боролись две главных основных силы—большевики и ликвидаторы, постольку всякая промежуточная группа, повернувшая против большевиков, как троцкисты, неизбежно оказывалась в лагере ликвидаторов, неизбежно должна была служить службу ликвидаторам, крайнему правому крылу в рабочем движении.

Меньшевики прекрасно понимали «об'ективную логику» борьбы. «Ему (Троцкому) уйти от ликвидаторов и нас некуда»,—писал меньшевик Мартов меньшевику Аксельроду (16 мая). Тот же Мартов в письме к меньшевику Чацкому того же числа вполне правильно охарактеризовал об'ективно неизбежную капитуляцию троцкизма перед ликвидаторством: «Сила вещей заставляет Троцкого итти меньшевистским путем вопреки его надуманным планам о каком-то «синтезе» между историческими меньшевиками и историческими большевиками. Благодаря этому и благодаря противоречию его движения намеченной им схеме он не только попал в лагерь «ликвидаторского блока», но и вынужден занимать в нем самую «драчливую» позицию по отношению к Ленину». Мартов был прав.

Августовская конференция оказалась не «нефракционной», а ликвидаторской, это была «лживая вывеска, прикрывающая новым нарядом тех же обанкротившихся ликвидаторов» (XII, ч. 2, стр. 410). Ликвидаторы торжествовали на конференции полную победу. «Дипломатическое «примирение» ликвидаторских взглядов с партийными, разыгранное Троцким на ликвидаторской конференции, ровно ничего на самом деле не «примиряет» (XII, ч. 1, стр. 318). Ликвидаторы, как были, так и остались ликвидаторами, несмотря на весь блеск и позолоту троцкизма.

Посмотрим теперь, как осуществлял августовский блок соединение практической политики ликвидаторства «с революционными» виньетками и завитушками троцкизма. Берем несколько пунктов.

1. Революция и республика. Большевики ближайшую задачу пролетариата видели в низвержении самодержавия и замене его демократической республикой. В этом именно направлении велась вся агитация и пропаганда нашей партией. Ликвидаторы же в революцию не верили и пролетариат к ней не готовили, воспитывая рабочих в духе борьбы за реформы,

за «права», за улучшение третье-июньского режима, за сохранение обновленной монархии. Поэтому на августовской конференции меньшевики попроще без дальних околичностей внесли предложение вообще снять лозунг республики, как непрактичный, но более опытные лидеры признали невыгодным не упомянуть республику в платформе. Республику оставили, но в виде фразы, в виде «уходящей в даль перспективы», безразличной для текущей практической политики, а ближайшей задачей пролетариата, на которой он должен был сосредоточить все свое внимание и все силы, выставлена борьба за конституционные реформы, т.-е. как раз то, что требовалось ликвидаторам.

2. «Свобода коалиции» и «петиционная кампания». Грандиозное стачечное движение, возникшее после ленских расстрелов и носившее ярко выраженный революционный характер, означало, по сути дела, новый (после 1905 г.) революционный под'ем, направленный к низвержению самодержавия. Такова была вполне правильная оценка положения большевиками. Троцкисты и ликвидаторы не понимали революционного значения апрельско-майского стачечного движения. В полном согласии с ликвидаторами Троцкий заявил, что «основой» ленских событий и последовавших затем бурных событий, является борьба рабочих всего-навсего за право союзов и стачек (свобода коалиций) и что это требование (а не требование низвержения самодержавия) «стоит и будет стоять в центре революционной мобилизации пролетариата». Ленин безжалостно разоблачил насквозь либерально-реформистский характер этой оценки.

По той же линии идет и пресловутая «петиционная» кампания ликвидаторов, противопоставленная борьбе за революционные лозунги и поддержанная Троцким.

3. Аграрный вопрос. В то время, как наша партия одним из «главных избирательных лозунгов» провозгласила конфискацию всей помещичьей земли, августовский блок конфискацию сослал «в перспективу», а в «очередное» требование включил лишь «пересмотр аграрного законодательства III думы»—требование вполне приемлемое для либералов.

4. Строение партии. Августовская конференция приняла решение о «преобразовании социал-демократии в самоуправляющуюся (!) организацию». После раз'яснений венской «Правды» мы уже знаем, что это «самоуправление» сводится к федерации «равноправных» течений, к раздроблению партий на ряд групп и группочек.

Составленный из разнородных элементов, об'единившихся на почве общей ненависти к большевикам, августовский блок после полуторагодичного существования начал распадаться на свои составные части. Из блока сначала вышли представители полевевшей латышской социал-демократии, заявившие о том, что «примирители (участники августовского блока) сами попали в идейно-политическую зависимость от ликвидаторов», затем выделилась и группа Троцкого. Августовский блок не смог, как предполагал, парализовать деятельность нашей партии, но он затруднил ее работу, создав прикрытие для ликвидаторов, облегчив проникновение ликвидаторских идей в рабочее движение под маской «ррреволюционности» и задержав тем самым на некоторый срок конечную победу большевизма. Об'единение враждебных большевизму элементов, оформившихся в виде августов-

ского блока, создало в свое время громадную опасность справа для нашей партии. Партия эту опасность преодолела. Ни у Ленина, ни у большевиков ни на одну секунду не возникло колебания насчет необходимости и обязательности непримиримой идейной и организационной борьбы с «блоком». Ленин не убоялся союза «всех групп и течений», противопоставив ему сплоченность большевиков и последовательно выдержанную революционную политику партии. Неверие в революцию и дешевенький скептицизм насчет ее необходимости и неизбежности; оплевывание революционных стачек, как «стачечного азарта»; сосредоточение внимания рабочего класса на реформах и частичных правах, вместо низвержения самодержавия; стремление к созданию новой партии, взамен старой, революционной; теория «равноправия» течений,—все эти идеи и идейки августовского блока были безжалостно вскрыты и разоблачены большевиками. Рабочий класс пошел не за блоком, а за партией.

В новой исторической обстановке, на новом этапе движения партия в борьбе с об'единенной оппозицией сумеет учесть опыт своего прошлого, в том числе и уроки троцкистско-ликвидаторского августовского блока.

Ленин об августовском блоке.

(*Отрывки из статей*).

Об избирательной платформе «августовского блока».

Взгляните на платформу ликвидаторов. Ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого. Наивных и совсем неопытных людей это прикрытие может иногда ослепить и показаться даже «примирением» ликвидаторов с партией. Но самое небольшое внимание быстро рассеет такой самообман.

Платформа ликвидаторов писана после майских стачек и летних попыток восстания. И мы прежде всего спрашиваем, ища делового реального ответа на вопрос о сути этой платформы: как оценила она эти стачки и эти попытки?

«Экономический под'ем»..., «ростом своего стачечного движения пролетариат отметил грядущее наступление нового общественного под'ема...», «могущественное апрельское движение пролетариата с требованием свободы коалиций»,—вот все, сказанное ликвидаторами в платформе об апрельско-майских стачках.

Но ведь это же неправда! Это—вопиющее извращение дела! Здесь опущено главное, именно, революционный характер политической стачки, направленной как раз не к завоеванию одной из конституционных реформ, а к свержению правительства, т.-е. к революции.

Как могло быть, что в нелегальной, революционной, полной «красных» фраз прокламации сказана такая неправда? Это должно было быть так, потому что так смотрят либералы и ликвидаторы. Они видят в стачках то, что им хочется видеть,— борьбу за конституционные реформы. Они не видят того, чего не хотят видеть, т.-е. революционного под'ема. За реформу мы, либералы, хотим бороться, за революцию нет,—вот та правда классовой позиции, которая нашла себе выражение в неправде ликвидаторов.

Про попытки восстания мы читаем: «...солдат в казарме насилием, унижениями, голодом доводят до вспышек отчаянного протеста, а затем усмиряют свинцом, веревкой» и г. д....

Это—либеральная оценка. Мы, революционные социал-демократы, в попытках восстания видим начало восстания масс, начало неудачное, несвоевременное, неправильное, но мы знаем, что масса учится успешному восстанию лишь на опыте неуспешных,—подобно тому, как русские рабочие рядом неуспешных и иногда особенно неудачных политических стачек 1901—1904 годов научились удачной стачке октября 1905 года. Рабочие и крестьяне, наиболее забитые казармой, начали восставать, говорим мы. Отсюда ясный и прямой вывод: им надо раз'яснить, во имя чего и как следует готовить успешное восстание.

Либералы судят иначе: солдат «доводят» до «вспышек отчаянного протеста», говорят они. Для либерала повстанец-солдат—не суб'ект революции, не первый вестник восстающей массы, а об'ект правительственного зла («доводят до отчаяния»), служащий для демонстрации этого зла.

Посмотрите, как плохо наше правительство, когда оно доводит солдат до отчаяния и потом усмиряет свинцом, говорит либерал (вывод: вот ежели бы мы, либералы, были у власти, у нас бы не было солдатских восстаний)...

...Они (т.-е. ликвидаторы, авторы платформы. *Ред.*) «раз'ясняют» вслед за этим программу нашей партии.

В программе РСДРП стоит:

«...РСДРП ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечила бы: 1) самодержавие народа...» и т. д.,—следует перечень «свобод» и «прав».

Казалось бы, этого нельзя не понять. «Ближайшая» задача низвержения самодержавия и замена его республикой обеспечивает свободы.

Ликвидаторы все это переделали.

«...Социал-демократия,—читаем мы в их платформе,—призывает народ бороться за демократическую республику»...

«...Стремясь к этой цели, осуществить которую народ сможет лишь в результате революции, социал-демократия в настоящей избирательной кампании (слушайте!) зовет трудящиеся массы сплотиться вокруг следующих очередных требований: 1) всеобщее и т. д. избирательное право... при выборах в государственную думу» и т. д...

...Они не отказываются от лозунга республики,—какая клевета! Они только «раз'ясняют» его надлежащим образом, руководясь очевидными для всякого обывателя соображениями. Будет революция или не будет, это еще вопрос,—говорит обыватель попросту, и повторяет Троцкий по-ученому в «Нашей Заре» (№ 5, стр. 21) [1]. Республика «лишь в результате революции», а «в настоящей избирательной кампании» «очередными» являются конституционные реформы!

«Все вышло так гладко: республика и признана—и отодвинута вдаль. Ррреволюционных слов наговорено с три короба,—а на деле «в настоящей избирательной кампании» (платформа вся пишется только для этой настоящей кампании!) «очередными» выставлены [2]) требования реформ.

Да, да, большие «дипломатических дел мастера» сидели на ликвидаторской конференции... И лицемерные же эти мастера...

Те же, кто массам проповедует свой пошлый, интеллигентский, бундистско-троцкистский скептицизм: «будет ли революция или нет, неизвестно, а на «очереди»—реформы,—те сейчас уже развращают массы, проповедуют массам либеральные утопии (статья «Платформа реформистов и платформа революционных с.-д.», т. XII, ч. 1, стр. 313—317).

[1]) «Наша Заря»—главный орган ликвидаторов (*Ред.*).

[2]) Здесь опечатка: в тексте вместо «выставлены» напечатано «вытравлены». (*Ред.*).

О лозунге «борьба за свободу коалиций».

23 апреля (6 мая) в Вене Троцкий, божась и клянясь, что он «об'единяет», проклиная на все лады конференцию, уверял добряков, что «борьба за свободу коалиций является основой» (!!) ленских событий и их отголосков, что «это требование стоит и будет стоять в центре (!!) революционной мобилизации пролетариата». Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль,—«представителями всех организованных рабочих С.-Петербурга, социал-демократической группой «Об'единение», «Центральной социал-демократической городской группой», «группой рабочих с.-р.», «группой рабочих с.-д.» и «представителями майских комитетов» [1]).

Социал-демократический пролетариат Петербурга понял, что не во имя одного из прав, хотя бы самого существенного, самого важного для рабочего класса, а во имя свободы всего народа должна быть начата новая революционная борьба (ср. «Лозунги Всер. Конф. РСДРП в январе 1912 г. и майское движение». Том XII, ч. 1, стр. 183).

Роль Троцкого в «августовском блоке».

До выхода «Борьбы», редакция «Северной Рабочей Газеты» [2]) напечатала злую заметку: «Действительная физиономия этого журнала, о котором в последнее время довольно много говорили в марксистских кругах, для нас остается пока еще невыясненной».

Подумайте только, читатель: с августа 1912 года Троцкий числится в главарях августовского об'единительного блока, но уже весь 1913 год показывает его отстранение от «Луча» и «лучистов». В 1914 году этот Троцкий основывает свой журнал, продолжая фиктивно числиться и в «Северной Рабочей Газете», и в «Нашей Заре». «В кругах довольно много говорят» о скрываемой ликвидаторами секретной «записке» Троцкого против лучистов, господ Ф. Дана, Л. Мартова и тому подобных «незнакомцев».

А правдивая нефракционная и об'единительная редакция «Северной Рабочей Газеты» печатает: «Для нас физиономия еще не выяснена!»

Для них еще не выяснено, что августовский блок распался!!

Нет, господа Ф. Дан, Л. Мартов и прочие лучисты, для вас это превосходно «выяснено», и вы просто обманываете рабочих.

Августовский блок оказался, — как мы говорили тогда же, в августе 1912 года, — пустым прикрытием ликвидаторов. Он разорван. Не удержались вместе даже русские его друзья. Пресловутые об'единители не сумели даже об'единиться между собой, и получилось два «августовских» направления: лучистское («Наша Заря» и «Северная Рабочая Газета») и троцкистское («Борьба»). Оба держат по кусочку разорванного ими «общего

[1]) Ленин имеет в виду здесь прокламацию, изданную собранием представителей всех организованных рабочих Петербурга перед 1 мая. Прокламация содержала все главнейшие революционные лозунги (*Ред.*).

[2]) Газета ликвидаторов (*Ред.*).

об'единенного» августовского знамени—и оба охрипшим голосом кричат: «единство»!

Каково направление «Борьбы»? Об этом Троцкий написал громадный фельетон в № 11 «Северной Рабочей Газеты», но редакция ликвидаторской газеты очень мягко ответила ему, что «физиономия попрежнему не выяснена».

Действительно, у ликвидаторов есть своя физиономия, либеральная, а не марксистская. Всякий, знакомый с писаниями Ф. Дана, Л. Седова, Л. Мартова, Ежова, Потресова и К°, знает эту физиономию.

У Троцкого же никогда никакой «физиономии» не было и нет, а есть только перелеты, переметывания от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда.

Ни по единому спорному вопросу нет в «Борьбе» ни одного живого слова.

Это невероятно, но это факт.

Вопрос о «подполье». Ни словечка.

Разделяет ли Троцкий идеи Аксельрода, Засулич, Ф. Дана. Л. Седова (№ 101 «Луча») и т. д.?—Ни звука.

Лозунг борьбы за открытую партию?—Ни единого слова.

Либеральные речи Ежовых и др. лучистов о стачках?

Отмена программы по национальному вопросу?—Ни звука.

Выступления Л. Седова и др. лучистов против двух «китов»? [1])—Ни звука. Троцкий уверяет, что он за соединение частичных требований и конечной цели, но как он относится к ликвидаторскому осуществлению сего «соединения», об этом молчок!

На деле, под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая несознательных рабочих, защиту ликвидаторов своим замалчиванием вопроса о подполье, уверениями, что у нас нет либеральной рабочей политики и т. д.

К семерке депутатов с Чхеидзе во главе Троцкий обращается со специальными длинными поучениями о том, как похитрее надо проводить отрицание подполья и партии. Эти забавные поучения ясно говорят о дальнейшем распаде семерки. От нее ушел Бурьянов. Они не могли спеться об ответе Плеханову. Они теперь колеблются между Даном и Троцким, при чем Чхеидзе, видимо, напрягает свои дипломатические таланты для замазывания новой трещины.

И эти околопартийные люди, не умеющие об'единиться на своей «августовской» платформе, обманывают рабочих криками о «единстве»! Напрасные усилия! (ст. «Распад августовского блока». Том XII, ч. 2, стр. 411—413).

Ликвидаторские взгляды Троцкого.

О своих взглядах по существу Троцкий постарался как можно меньше сказать в своем новом журнале. «Путь Правды»

[1]) Т.-е. против лозунгов демокр. республики и конфискации помещичьих земель.

(№ 37) уже отметил, что ни по вопросу о подполье, ни о лозунге борьбы за открытую партию и т. д. Троцкий не сказал ни звука. Вот почему, между прочим, мы говорим о худшей фракционности в этом случае, когда обособленная организация хочет возникнуть без всякой идейно-политической физиономии.

Но если Троцкий не пожелал изложить своих взглядов прямо, то целый ряд мест его журнала показывает, какие идеи он проводит тайком и пряча их.

В первой же редакционной статье первого номера мы читаем:

«Дореволюционная социал-демократия была у нас только по своей идее, по своим целям рабочей партией. В действительности она представляла собой организацию марксистской интеллигенции, которая вела за собой пробуждавшийся рабочий класс...» (5).

Это—давно известная либеральная и ликвидаторская песенка, служащая на деле введением к отрицанию партии. Песенка эта основана на извращении исторических фактов. Уже стачки 1895—1896 годов создали массовое рабочее движение, связанное и идейно и организационно с социал-демократией. И на эти стачки, на экономическую и неэкономическую агитацию «интеллигенция вела за собой рабочий класс»!!?

Или вот точные данные о государственных преступлениях за 1901—1903 годы сравнительно с предыдущей эпохой.

На 100 участников освободительного движения (привлеченных за государственные преступления) было лиц, занимающихся:

Эпохи	Сельским х-вом	Промышл. и торговлей	Либеральн. профес и учащихся	Неопред. занятий и без занятий
1884—1890	7,1	15,1	53,3	19,9
1901—1903	9,0	46,1	28,7	8,0

Мы видим, что в 80-е годы, когда не было еще социал-демократической партии в России, когда движение было «народническим», преобладала интеллигенция: она дает больше половины участников.

Полное изменение этой картины в 1901—1903 годах, когда уже была социал-демократическая партия, когда вела свою работу старая «Искра». Интеллигенция уже составляет меньшинство среди участников движения, рабочих («промышленность и торговля») уже гораздо больше, чем интеллигенции, а рабочих и крестьян вместе больше половины всего числа.

Именно в борьбе течений внутри марксизма сказалось мелкобуржуазно-интеллигентское крыло социал-демократии, начиная с «экономизма» (1895—1903), продолжая «меньшевизмом» (1903 — 1908) и «ликвидаторством» (1908—1914). Троцкий повторяет ликвидаторские клеветы на партию, боясь прикоснуться к истории двадцатилетней борьбы течений внутри партии.

Вот другой пример.

«Русская социал-демократия в своем отношении к парламентаризму прошла те же три стадии... (что и в других странах) сперва «бойкотизм»... далее принципиальное признание парламентарной тактики, но... (великолепное «но», то самое «но», которое Щедрин переводил фразой: не растут уши выше лба, не растут!)... с чисто агитационными це-

лями... и, наконец, перенесение на думскую трибуну... очередных требований...» (№ 1, стр. 34).

Опять ликвидаторское искажение истории. Различие второй и третьей стадии придумано для того, чтобы тайком провести защиту реформизма и оппортунизма. Бойкотизма, как стадии в «отношении к парламентаризму социал-демократии», не было ни в Европе (там был и остался анархизм), ни в России, где бойкот, например, Булыгинской думы относился только к определенному учреждению, никогда не связывался с «парламентаризмом» и был поражен своеобразной борьбой либерализма и марксизма за продолжение натиска. Как эта борьба отразилась на борьбе двух течений внутри марксизма Троцкий и не заикается!

Если касаться истории, надо раз'яснить конкретные вопросы и классовые корни разных течений: кто пожелает по-марксистски изучить борьбу классов и борьбу течений из-за участия в Булыгинской думе, тот увидит там корни либеральной рабочей политики. Но Троцкий «касается» истории, чтобы обойти конкретные вопросы и сочинить оправдание или подобие оправдания для современных оппортунистов!

> «...Фактически всеми течениями,—пишет он,—применяются одни и те же методы борьбы и строительства». «Крики о либеральной опасности в нашем рабочем движении являются просто грубой сектантской карикатурой на действительность» (№ 1, стр. 5 и 35).

Это очень ясная защита ликвидаторов и очень сердитая. Но мы позволим себе все же взять хоть один маленький факт из тех, что поновее—Троцкий бросает только фразы, мы бы желали, чтобы рабочие сами обдумывали факт.

Факт—что «С. Р. Газета», в № от 13 марта писала:

> «Вместо подчеркивания определенной, конкретной задачи, стоящей перед рабочим классом,—заставить думу отклонить законопроект (о печати), выдвигается расплывчатая формула борьбы за «неурезанные лозунги», на ряду с рекламированием нелегальной печати, которое способно только ослабить борьбу рабочих за свою легальную прессу».

Вот документальная, ясная, точная защита ликвидаторской политики и критика правдистской. Что же? Найдется ли грамотный человек, который скажет, что оба течения применяют в данном вопросе «одни и те же методы борьбы и строительства»? Найдется ли грамотный человек, который скажет, что ликвидаторы не проводят здесь либеральной рабочей политики, что либеральная опасность в рабочем движении здесь выдумана?

Троцкий потому и избегает фактов и конкретных указаний, что они беспощадно опровергают все его сердитые возгласы и напыщенные фразы. Конечно, встать в позу и сказать: «грубая сектанская карикатура»—очень легко. Подбавить еще похлеще, еще понапыщеннее словечек о «раскрепощении от консервативной фракционности» тоже не трудно.

Только не очень ли уж это дешево? Не взято ли это оружие из арсенала той эпохи, когда Троцкий блистал перед гимназистами?

«Передовые рабочие», на которых сердит Троцкий, пожелают все же, чтобы им сказали прямо и ясно: одобряете ли вы тот

«метод борьбы и строительства», который точно выражен в приведенной оценке конкретной политической кампании? Да или нет? Если да, то это есть либеральная рабочая политика, это есть измена марксизму и партии, и говорить о «мире» или «единстве» с такой политикой, с группами, ее проводящими, значит обманывать себя и других.

Нет?—так скажите прямо. А фразами нынешнего рабочего не удивишь, не удовлетворишь и не запугаешь.

Кстати сказать: политика, проповедуемая ликвидаторами в приведенной цитате, даже с либеральной точки зрения глупа, ибо проведение закона в думе зависит от «земцев-октябристов» типа Беннигсена, уже раскрывшего свои карты в комиссии.

* * *

Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это—типичная фигура для всех тех пяти заграничных групп, которые фактически также колеблются между ликвидаторами и партией.

Во времена старой «Искры» (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебегавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выраставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней истории марксизма, связанной с политикой и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

«Тушинские перелеты» об'являют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 гг., и Рязанов назвал его роль на с'езде 1903 года ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий—ярый меньшевик, т.-е. от искровцев перебежавший к «экономистам», он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904—1905 годах он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно левую «перманентную революцию». В 1906—1907 гг. он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, по сути дела их же идейки.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало, и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию,—одним словом, «державу», толкующую об об'единении с другими.

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными пре-

тензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться ни с партийными решениями, которые с 1908 года определили и установили отношение к ликвидаторству, ни с опытом современного рабочего движения в России, создавшего на деле единство большинства на почве полного признания указанных решений (ст. «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве». Том XII, ч. 2, стр. 459—463).

Ликвидаторы давали лозунги, Троцкий «об'единял», а движение шло помимо них.

Хороший урок тем, кто, поддаваясь болтовне либералов из Бунда и Троцких из Вены, способен еще верить в «об'единение»... с ликвидаторами. Пресловутая «Организационная Комиссия» Либера, Троцкого и ликвидатора кричала на весь мир об «об'единении», но на деле не могла дать и не дала ни единого фактически об'единяющего революционную борьбу рабочих лозунга. Ликвидаторы давали свои, нереволюционные, лозунги,—лозунги либеральной рабочей политики,—а движение шло помимо них. Вот что лежит в основе троцкистских басен об «об'единении»! (ст. «Лозунги Всер. Конф. РСДРП в январе 1912 г. и майское движение». Соч., т. XII, ч. 1, стр. 182).

Троцкий прикрывает ликвидаторов.

Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести «попрежнему» свою линию в «Живом Деле» и «Нашей Заре», а Троцкий—из-за границы—прикрывает их революционной фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает (статья «Ликвидаторы против партии», т. XII, ч. 1, стр. 94).

Уклонение от принципиального ответа.

Если наше отношение к ликвидаторству теоретически, принципиально неправильно, то об этом следовало бы Троцкому прямо сказать, определенно заявить, без обиняков указать, в чем он видит эту неправильность. Троцкий годами избегает, однако, этот существенный пункт («О нарушении единства» и т. д., т. XII, ч. 2, стр. 450).

Капитуляция перед ликвидаторством.

Принимайте наши условия, зато мы (т.-е. Левицкий и К°) охотно соглашаемся вот на что: «в утешение себе» вы (т.-е. Троцкий и иже с ним) можете говорить, что не вы «подвинулись к ликвидаторам,—а ликвидаторы к вам (статья «Об'единители», т. XII, ч. 1, стр. 176).

«Политические ноли».

Обеспечить ликвидаторам полную возможность борьбы против подполья—вот к чему сводится «платформа» г. Ф. Дана, ибо всякий прекрасно понимает, что под фиговым листком «борьбы за открытое существование» хотят спрятать давно всем рабочим известную борьбу против «подполья».

Вот в чем суть дела, а все эти Троцкие, Аны, бундисты, примиренцы, «семерочники» и пр., все это—добрые люди, но политические ноли. Суть дела в группе г-на Ф. Дана, в «старой» ликвидаторской группе (ст. «Вождь ликвидаторов о ликвидаторских условиях «единства». Т. XII, ч. 2, стр. 356).

О прочности мнений Л. Д. Троцкого.

Никогда еще, ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся («О праве наций на самоопределение». Т. XII, ч. 2, стр. 537).

Кто кричит громче всех?

На базаре часто бывает, что больше всего кричит и божится тот, кто хочет сбыть особенно гнилой товар.

На базаре интеллигентской суеты часто бывает, что против командования над рабочими громче всего кричат как раз интеллигенты, командующие над рабочими, об'являющие великое множество антимарксистских и антипролетарских «течений» (ст. «Единство рабочих и «течения» интеллигентов». Т. XII, ч. 2, стр. 474).

«Об'единение»—без единой линии.

Кричат люди о пользе «об'единения», о вреде «кружковщины», а не могут выработать об'единенного мнения даже «своего» кружка ни по принципиальным, ни по практическим вопросам всей нашей работы! Зато фразе раздолье. «Социал-демократия, — пишет Троцкий, — свои великие задачи умеет не только в виде формулы начертать на внутренней поверхности черепной коробки». Красиво пишет Троцкий, не хуже Потресова и Неведомского! (ст. «Против об'единения с ликвидаторами». Собр. соч., т. XII, ч. 1, стр. 49).

«Блок» построен на беспринципности.

Для того, чтобы строить партию, мало уметь кричать: «единство», надо еще иметь какую-нибудь политическую программу, программу политических действий. Блок ликвидаторов, Троцкого, впередовцев, поляков, большевиков (?)-партийцев, парижских меньшевиков и пр. и пр. и пр. был заранее обречен на скандальный провал, ибо он был построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе (ст. «Ликвидаторы против партии», т. XII, ч. 1, стр. 95).

Почему не полное об'единение?

Если вы — об'единитель, любезный Троцкий, если вы об'являете возможным единство с ликвидаторами, если вы вместе с ними стоите на позиции «основных идей, формулиро-

ванных в августе 1912 года» («Борьба» № 1, стр. 6 «От редакции»), то отчего же вы сами не об'единились с ликвидаторами в «Нашей Заре» и в «Луче»? (ст. «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве». Т. XII, ч. 2, стр. 455).

Что понимать под «соглашением»?

Не надо забывать только, что с точки зрения внепартийной группы под соглашением разумеется совсем не то, что понимают под этим обычно партийные люди. Для непартийных людей «соглашение» в думе есть «выработка тактической резолюции для линии». Для партийных людей соглашение есть попытка привлечь других к осуществлению партийной линии (ст. «О нарушении единства»... и т. д. Т. XII, ч. 2, стр. 457).

Два взгляда на партийное об'единение.

Что нам дано в самом деле, как задача партии?

«Даны» ли «данные лица, группы и учреждения», которые надо «примирить» независимо от их линии, независимо от содержания их работы, независимо от их отношения к ликвидаторству и отзовизму?

Или нам дана партийная линия, дано идейно-политическое направление и содержание всей нашей работы, дана задача очищения этой работы от ликвидаторства и отзовизма,—задача, которая должна осуществляться независимо от «лиц, групп и учреждений», вопреки противодействию несогласных с этой линией или не проводящих ее «лиц, учреждений и групп»?

Возможны два взгляда на значение и условия осуществления какого бы то ни было партийного об'единения. Понять различие этих взглядов крайне важно, ибо они перепутываются и смешиваются в ходе развития нашего «об'единительного кризиса» и без отмежевки одного взгляда от другого невозможно разобраться в этом кризисе.

Один взгляд на об'единение может ставить на первый план «примирение» «данных лиц, групп и учреждений». Единство их взглядов на партийную работу, на линию этой работы—дело второстепенное. Разногласия надо стараться замалчивать, а не выяснять их корней, их значения, их об'ективных условий— «примирить» лица и группы—в этом главное. Если они не сходятся на проведении общей линии, надо истолковать эту линию так, чтобы она была приемлема для всех. Живи и жить давай другим. Это—«примиренчество» обывательское, неизбежно приводящее к кружковой дипломатии. «Заткнуть» источники разногласий, замолчать их, «уладить» во что бы то ни стало «конфликты», нейтрализовать враждующие направления—вот на что направлено главное внимание подобного «примиренчества».

Понятно, что в условиях заграничной базы для операций нелегальной партии эта кружковая дипломатия открывает настежь двери для «лиц, групп и учреждений», играющих роль «честных маклеров» при всяческих попытках «примирения» и «нейтрализации».

Вот как рассказывает об одной такой попытке на пленуме Мартов в № 19—20 «Голоса»:

«Меньшевики, «правдисты» и бундовцы предлагали такой состав Ц. О., который обеспечил бы «нейтрализацию» двух противоположных течений партийной мысли, не дал бы определенного большинства ни одному из них и тем самым вынуждал бы партийный орган вырабатывать по каждому существенному вопросу ту среднюю линию, которая может об'единить большинство партийных работников».

Предложение меньшевиков, как известно, не прошло. Троцкий, поставивший свою кандидатуру в Ц. О. в качестве нейтрализатора, провалился. Кандидатура же на должность бундовца—эту кандидатуру в своих речах предлагали меньшевики—не ставилась и на голосование.

Вот вам фактическая роль тех «примиренцев», в худом смысле слова, которые писали венскую резолюцию и взгляды которых выражены сейчас в только полученной мною статье Ионова в № 4 «Откликов Бунда». Меньшевики не решались предлагать Ц. О. с большинством их направления. Они даже не покушались добиваться центрального органа с определенным направлением (до такой степени ясно было в пленуме отсутствие направления у меньшевиков, от которых только еще требовалось, только еще ожидалось искреннее и последнее отречение от ликвидаторства). Меньшевики добивались в Ц. О. «нейтрализации» и в качестве нейтрализаторов выдвигали бундовца или Троцкого. Бундовец и Троцкий должны были играть роль свахи, которая взяла бы на себя «сочетание браком» «данных лиц, групп и учреждений», независимо от того, отреклась ли бы одна сторона от ликвидаторства или нет.

Эта точка зрения свахи и составляет всю «идейную основу» примиренчества Троцкого и Ионова. Когда они жалуются и плачут по поводу того, что об'единения не вышло, то это следует понимать cum grano salio. Это надо понимать так, что сватовства не вышло. «Неудача» тех надежд на об'единение, которые питали Троцкий и Ионов, надежд на об'единение с «данными лицами, группами и учреждениями» независимо от их отношения к ликвидаторству, означает только неудачу свах, означает неверность, безнадежность, мизерность точки зрения свахи, но вовсе еще не означает неудачи партийного об'единения.

Есть другой взгляд на это об'единение. Этот другой взгляд состоит в том, что целый ряд глубоких об'ективных причин, независимых от того или иного состава «данных (пленуму и на пленуме) лиц, групп и учреждений», давно уже начал вызывать и продолжает неуклонно вызывать в двух старых, двух главных русских фракциях с.-д. такие изменения, которые создают— иногда вопреки воле и даже сознанию кое-кого из «данных лиц, групп и учреждений», создают идейные и организационные основы об'единения. Эти об'ективные условия коренятся в особенностях переживаемой нами эпохи буржуазного развития России, эпохи буржуазной контрреволюции и попыток самодержавия реорганизоваться по типу буржуазной монархии. Эти об'ективные условия создают в одно и то же время и в неразрывной связи одно с другим изменения в характере рабочего движения, составе, типе, облике рабочего с.-д. авангарда и изменения в идейно-политических задачах социал-демократического движения. Поэтому не случайностью, не какой-нибудь индувидуальной злонамеренностью, глупостью или ошибкой, а неизбежным резуль-

татом действия этих об'ективных причин—и неотделимой от «базиса» надстройкой над всем рабочим движением современной России—является то буржуазное влияние на пролетариат, которое создает ликвидаторство (=полулиберализм, желающий причислять себя к с.-д.) и отзовизм (=полуанархизм, желающий причислять себя к с.-д.). Сознание опасности, несоциал-демократичности, вреда для рабочего движения обоих уклонений вызывает сближение элементов различных фракций и пролагает дорогу к партийному об'единению «через все препятствия».

С этой точки зрения об'единение может итти медленно, трудно, с колебаниями, шатаниями, рецидивами, но оно не может не итти. С этой точки зрения об'единение идет вовсе не обязательно между «данными лицами, группами и учреждениями», а независимо от данных лиц, подчиняя их себе, отбрасывая из «данных» тех, кто не сознает, или не хочет сознать требований об'ективного развития, выдвигая и привлекая новых лиц, к составу «данных», не принадлежащих, производя изменения, перетасовки, перегруппировки внутри старых фракций, течений, делений. С этой точки зрения об'единение неотделимо от его идейной основы, оно только на основе идейного сближения и вырастает, оно связано с появлением, развитием, ростом таких уклонений, как ликвидаторство и отзовизм, не случайной связью тех или иных полемических выступлений, той или иной литературной борьбы, а внутренней, неразрывной связью, как связаны причина и следствие. (Т. XI, ч. 2, стр. 51—54).

Что означает призыв «об'единить все течения».

Помощь «поровну» или желание слить или об'единить все течения» (о чем говорят, между прочим, депутаты думы, сочувствующие ликвидаторству) означает на деле не что иное, как стремление со стороны командовать рабочими в надежде, что сами рабочие, будто бы, не в состоянии разобраться». Каждая группка интеллигентов может издать брошюрку или журнальчик, об'явив себя «течением», как, например, группка антимарксистского философа Богданова или группка Троцкого, или группка колеблющихся между народниками и марксистами Н. Н. Гиммера и т. п.

«Течений» сколько угодно, а рабочих зовут: помогайте «поровну», признавайте «все течения»!!!

Разумеется, всякий рабочий, хоть сколько-нибудь сознательный, скажет: о чем спор идет? о моей борьбе? о моей политике и тактике? о моей партии?

Так я разберусь сам, господа любезные, и только ту тактику об'явлю своей, которую я одобряю и разделяю (ст. «Единство рабочих и «течения» интеллигентов». (Т. XII, ч. 2, стр. 473—474).

С кем «об'единяться»?..

«От хорошей жизни не полетишь»... Не пора ли, господа ликвидаторы, начать вам об'единяться и с социал--революционерами (эсэровскими ликвидаторами?). Эти господа тоже ведь рвутся к «об'единению». То-то «широкая» партия у вас будет тогда. Сам Ларин останется доволен... (ст. «Об'единители», т. XII, ч. 1, стр. 175).

Не об'единение, а раз'единение.

А наши об'единители»?

О, они так успешно, так успешно «об'единялись», что вместо одной группы «Вперед» оказалось две группы «Вперед» (не считая Богданова, эмпириомониста, которого некоторые принимают за третью группу «Вперед»),—что, вместо единого органа Троцкого и ликвидаторов («Луча»), оказался особый орган Троцкого «Борьба», сулящий на этот раз истинную «нефракционность». А кроме боязливого отпадения от ликвидаторов Троцкого, произошло еще вполне решительное отпадение от них всех организованных латышских марксистов, которые, несмотря на свою строгую нейтральность и нефракционность, на их конгрессе в 1914 году заявили прямо:

«**Примирители (участники августовского блока) сами попали в идейно-политическую зависимость от ликвидаторов**»!!

С марта 1912 года, когда все об'единились с ликвидаторами против злых «раскольников»-«ленинцев», до марта 1914 года, когда окончательно распался фиктивный «августовский блок», обнаружилось яснее ясного, что действительное об'единение марксистских рабочих (в России, а не в Париже, не в Вене) идет и пойдет только против группы ликвидаторов и мимо пустых речей о «единстве» с поклонниками «открытой рабочей партии».

Тысячи рабочих групп, открыто перед всеми сплачивающиеся вокруг марксистской газеты,—вот живое доказательство действительного единства и его роста («Заключение к сб. «Марксизм и ликвидаторство». Т. XII, ч. 2, стр. 485—486).

Рабочая масса и интеллигентские группки.

Если практически в опыте движения, опровергается наше отношение к ликвидаторству, надо разобрать этот опыт, чего Троцкий опять-таки не делает. «Многочисленные передовые рабочие, — признает он, — становятся деятельными агентами раскола» (читай: деятельными агентами правдистской линии, тактики, системы организации).

Почему же это происходит такое печальное явление, подтверждаемое, по признанию Троцкого, опытом, что передовые рабочие, и притом многочисленные, стоят за «Правду»?

Вследствие «полной политической растерянности» этих передовых рабочих, отвечает Троцкий.

Об'яснение, слов нет, чрезвычайно лестное для Троцкого, для всех пяти заграничных фракций и для ликвидаторов. Троцкий очень любит давать, «с ученым видом знатока», с напыщенными и звонкими фразами, лестные для Троцкого об'яснения исторических явлений. Если «многочисленные трудовые рабочие» становятся «деятельными агентами» политической и партийной линии, не согласующейся с линией Троцкого, то Троцкий решает вопрос не стесняясь, сразу и прямиком: эти передовые рабочие находятся «в состоянии полной политической растерянности», а он, Троцкий, очевидно,

«в состоянии» политической твердости, ясности и правильности линии!.. И тот же самый Троцкий, бия себя в грудь, громит фракционность, кружковщину, интеллигентское навязывание своей воли рабочим!..

Право, читая такие вещи, невольно спрашиваешь себя, не из сумасшедшего ли дома раздаются подобные голоса?

Перед «передовыми рабочими» вопрос о ликвидаторстве и его осуждении поставлен партией с 1908 года, а вопрос о расколе с точно определенной группой ликвидаторов (именно группой «Нашей Зари»), т.-е. о невозможности строить партию иначе как без этой группы и против нее, этот последний вопрос поставлен в январе 1912 года, более двух лет тому назад. Передовые рабочие в огромном большинстве высказались именно за поддержку «январской (1912 г.) линии». Троцкий сам признает этот факт словами о «завоеваниях» и о «многочисленных передовых рабочих». И Троцкий отделывается тем, что просто бранит этих передовых рабочих «раскольниками» и «политически-растерянными»!

Люди, не сошедшие с ума, сделают из этих фактов иной вывод. Там, где сплотилось большинство сознательных рабочих вокруг точных и определенных решений, там есть единство мнений и действий, там есть партийность и партия.

Там, где мы видели ликвидаторов, «снятых с постов» рабочими, или с полдюжины заграничных групп, за два года ничем не доказавших своей связи с массовым рабочим движением России, там именно царит растерянность и раскольничество. Пытаясь теперь убедить рабочих не исполнять решений того «целого»[1]), которое признают марксисты-правдисты, Троцкий пытается дезорганизовать движение и вызвать раскол.

Эти попытки бессильны, но надо же разоблачить зарвавшихся в своем самомнении вождей интеллигентских группок, которые, производя раскол, кричат о расколе, которые, потерпев за два и более года полное поражение перед «передовыми рабочими», с невероятною наглостью плюют на решения и на волю этих передовых рабочих, называя их «политически растерянными». Ведь это же целиком приемы Ноздрева или Иудушки Головлева («О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве». Т. XII, ч. 2, стр. 451—452).

Рабочие снимают с постов ликвидаторов.

Вполне естественно, что в ссылке и в эмиграции, где люди так оторваны от живой жизни, так замурованы в воспоминаниях о том, что было 7—10 лет тому назад, можно встретить десятки и десятки «бывших людей» (очень многочисленных также, только в гораздо более печальном, в нравственнохудом смысле слова, среди интеллигентских участников рабочей партии 1904—1907 годов, теперь засевших по разным легальным «доходным местечкам»), которые мечтают о «единстве» рабочей партии с группой гг. Л. Мартовых, Ф. Данов, Потресовых, Ежовых, Седовых и К°.

[1]) Т.-е. решений партии. *Ред.*

Не менее естественно, однако, что среди современной русской рабочей молодежи, которая видела уход из партии ликвидаторов, их бегство из «омертвелых ячеек»,—которая слышала их ренегатские речи о подполье и о вреде «рекламирования нелегальной печати» (см. выше цитату из «Северной Рабочей Газеты» от 13 марта 1914 г.),—которая вынуждена была бороться против блока этих господ и с народниками и с беспартийными на целом ряде с'ездов, на выборах в IV думу, на ряде собраний рабочих обществ, на выборах в Страховой Совет,—которая вынуждена была снять с постов во всех и всякого рода рабочих обществах подобную публику,—совершенно естественно, что среди современной рабочей молодежи мечтания и фразы добродушных людей о «единстве» ликвидаторов с рабочей партией вызывают только, смотря по настроению, или гомерический, совсем не вежливый, хохот или взгляд недоумения и сострадания по адресу интеллигентских Маниловых.

Пусть Троцкий в «Борьбе», кидая молящие взгляды на Скобелева и Чхеидзе, или сотрудники парижской газеты «За партию» [1]) с надеждой и упованием взирающие на Бурьянова, твердят эти фразы о «единстве»,—их слова звучат уже как-то грустно и некстати (Заключение к сб. «Марксизм и ликвидаторство». Т. XII, ч. 2, стр. 483—484).

---

[1]) Плеханов.

Ем. Ярославский.

Ответ тов. Ваганяну.

«Придут страсти-мордасти,
Принесут с собой напасти,
Принесут они напасти,
Разорвут сердца на части.
Ой беда, ой беда,
Где мы спрячемся тогда?»

М. Горький. «Страсти-Мордасти».

В последнее время в печати появился ряд отзывов о первом томе составляемой нами «Истории ВКП». Критика отметила как достоинства, так и недостатки этого опыта истории партии. Мы считаем своей обязанностью дать ответ на товарищескую критику. К сожалению, наша задача усложняется тем фактом, что, на ряду с товарищескими откликами на нашу книгу, мы встретили один отзыв, резко отличающийся по своему тону и содержанию от остальных. Мы имеем в виду брошюру уже прославившегося «историческими» выступлениями В. Ваганяна. Брошюра эта представляет собой во всех отношениях редкое явление в нашей литературе. Трудно встретить более яркий пример безудержной претенциозной развязности. Стиль брошюры обнаруживает бешеное стремление Ваганяна «разгромить», «уничтожить» авторов ненавистной ему книги. Чего стоит один заголовок брошюры «Сеятели безграмотности и невежества». Каждая страница—поток безудержной изощренной ругани. Это не критика, это не литературное произведение. Это—какой-то истерический припадок. И безусловно только в своем собственном издании и мог автор выпустить в свет подобное «творение» [1].

В свое время покойный Меринг разоблачил манеру подобных критиков. Этим людям,—писал он,—обязательно нужно выставить вас человеком, у которого нет ни надлежащих познаний, ни способностей суждения, ни даже доброй воли к тому, чтобы иметь право высказать по существу свое мнение. В изображении таких критиков вы обязательно напоминаете вымазанные киноварью рожи, которые вывешиваются на балаганах, а зазыватель стоит перед ними и кричит: посмотрите, что за уродины! И, разумеется, делается это подобными критиками только потому, что,

[1] Свое произведение т. Ваганян не присылал в редакцию «Большевика»; он лишь запросил, поместит ли «Большевик» резкую статью против т. Ярославского. Конечно, такого обещания редакция ему дать не могла авансом, даже не имея статьи.

не имея ничего сказать по существу, они пытаются аргументы подменить бешеной, но—увы—бессильной злобой.

Лучше всего было бы не обращать никакого внимания на подобные истерические выпады Ваганяна, но некоторые соображения заставляют нас все же заняться разбором его критики: во-первых, известный круг читателей, не знающих Ваганяна, может принять на веру некоторые его обвинения; во-вторых,—и это самое главное,—за выступлением Ваганяна скрывается вредная тенденция пересмотреть, ревизовать взгляды Ленина по ряду важнейших вопросов.

Мы имеем в виду ту полемику, которая велась на страницах наших журналов, начиная с 1923 г. и в особенности «знаменитый труд» о Плеханове т. В. Ваганяна.

Ваганян еще в 1923 г. заявлял совершенно недвусмысленно, что никакого ленинизма, как мы его понимаем, нет и быть не может. «Что значит Маркс плюс Ленин?»—вопрошал Ваганян.—«До сих пор мы считали и я, грешный человек, по сей день продолжаю считать, что Ленин—это не есть некая «новая сущность», которую надлежит прибавить к марксизму, чтобы получить подлинную революционную практику...» («Под Знаменем Марксизма», №№ 4—5, 1923 г. Подчеркнуто нами. *Е. Я.*).

Роль Ленина, по мнению Ваганяна, сводится лишь к тому, что это был хороший практик, сумевший хорошо понять и усвоить как Маркса, так и... Плеханова. Такую линию Ваганян наиболее полно обрисовал в солидном (только по об'ему) труде о Плеханове, вышедшем в 1924 г. Здесь Ваганян высказался со всей полнотой. Суть этой линии заключается в чудовищном искажении роли Плеханова и Ленина в истории нашей партии, в искажении того революционного наследства, которое мы получили от славной эпохи 60—70-х годов. В изложении Ваганяна, фигура Плеханова вышла чрезмерно приукрашенной и возвеличенной, а фигура Ленина—умаленной и затушеванной («большой» учитель и «примерный» ученик). Истинным творцом теории большевизма по Ваганяну, оказался... Плеханов. Ленина же Ваганян представил теоретически несамостоятельным, выросшим всецело на идеях Плеханова и имеющим лишь заслуги человека, который практически осуществил эти идеи [1].

Ваганян избрал «схему», которая резко расходится с исторической истиной и в корне противоречит принятому всей партией взгляду.

Само собой разумеется, что выступления Ваганяна не остались незамеченными и получили должный отпор (тт. Бубнов, Ангарский, Колоколкин), но Ваганян в короткий период засыпал читателей рядом статей и брошюрок (все в собственном издании), в которых с утомительным однообразием повторял одни и те же доводы, подправляя их неимоверной порцией площадной ругани. Правда, под этакий шумок (а вообще «шумим, братцы, шумим»—это и есть стиль нашего критика) Ваганян начал сдавать и в

[1] См. В. Ваганян. «Г. В. Плеханов», стр. 19.
То же самое повторяет Ваганян в своей последней брошюре против нас. (Ваганян. «Два слова доктору Вольфсону», стр. 39).

сущности сдал все свои основные позиции. Но внешне, однако, он делал вид, что он прав, что он уничтожил своих противников, при чем это внешнее было тем бесподобным стилем, который должен был взять читателя «на ура». В этом отношении Ваганян до сих пор верен себе, и критика нашей книги не является, как заметил читатель, исключением.

Нападение Ваганяна на нашу «Историю ВКП» об'ясняется именно нашей постановкой вопроса об исторической роли Плеханова и Ленина, о зарождении «двух тактик» российской социал-демократии и тесно связанного с ним вопроса о революционном наследстве. Выше мы уже подчеркнули, что не только роль Ленина искажена Ваганяном, но искажено великое революционное наследство 60-х и в особенности 70-х годов,—наследство, о котором Владимир Ильич отзывался с глубочайшим уважением и над которым Плеханов-меньшевик так любил подтрунивать и поругивать большевиков за воскрешение славных революционных традиций этого наследства.

* * *

Все «благородное негодование» Ваганяна, вся его героическая поза об'ясняется только тем, что мы признали «очень неловкой» его защиту в полемике с Бубновым и другими товарищами (см. «Историю ВКП», стр. 191), а также неверною его трактовку вопроса о наследстве 70-х годов (там же, стр. 62). Что это так, а не иначе—свидетельствует сам Ваганян. Наговорив много резкостей, признав авторов «Истории ВКП» виновными в невежестве и в эклектизме, он неожиданно проговаривается: «Нельзя не отметить одно удивительное обстоятельство, которое бросается в глаза с первой же главы. История Ярославского—полемическая история. Вся ее полемика построена на противопоставлении Ленина Плеханову». Здесь тот гвоздь, который не дает покоя Ваганяну.

Вполне естественно, что мы вынуждены вопрос о Плеханове и «двух тактиках», и вопрос о наследстве выдвинуть и поставить на первый план. Первый из этих вопросов в главном достаточно уже исчерпан в полемике тов. Ваганяна с Бубновым, Ангарским и другими товарищами. Сам Ваганян в своей брошюре отсылает читателя к этой полемике. Мы намерены коснуться лишь тех доводов и тех уловок, которые применяет Ваганян в своем нападении на нас.

Ваганян оспаривает тот факт, что зародыши плехановского меньшевизма обнаруживаются в его произведениях, предшествовавших эпохе 1905 г. Но кому же, кроме Ваганяна, теперь не ясно, что Плеханов не понимал, не сумел правильно даже поставить вопрос о гегемонии пролетариата в буржуазной революции в России,—и именно отсюда его неправильный подход как к народничеству, так и к легальному марксизму. Вот что, например, мы читали недавно по этому поводу в одном из последних номеров «Большевика»:

> «Строго говоря, Плеханов никогда по-настоящему не понимал руководящей роли пролетариата в буржуазно-демократической революции, как ее не понимали экономисты и меньшевики» («Большевик», № 4, 1926 г., стр. 93).

А между тем именно Ленин сумел в «Друзьях Народа» сформулировать и поставить правильно этот вопрос (т.-е. вопрос о «гегемонии»), и затем в момент формирования программы, тактики и стратегии партии—обосновать и развить его.

В «Друзьях народа» мы имеем, определенно выдержанную, исторически сложившуюся концепцию: во-первых, вопрос о гегемонии пролетариата в буржуазной революции; во-вторых, вопрос о перерастании буржуазной революции в социалистическую; в-третьих, учение о диктатуре пролетариата. В этом отношении, начиная от «Друзей народа» и до последних произведений Владимира Ильича—мы имеем одно стройное целое. Другое дело у Плеханова. Как бы ни кричал т. Ваганян о «большевике» Плеханове [1]), о том, что Ярославский «отрекается» от идеи гегемонии пролетариата в буржуазной революции (есть у т. Ваганяна и такой «аргумент» против Ярославского!)—одной из самых плодотворных идей, оставленных нам Плехановым (подчеркнуто нами, стр. 29 брошюры),—факт остается фактом: Ваганян не смог буквально ни одним словом опровергнуть написанное нами по этому поводу.

Приведя цитату, где мы говорим, почему мы приводим послесловие Плеханова, написанное в 1917 г. к его брошюре «Социализм и политическая борьба», Ваганян восклицает:

> «Плеханов в 1917 г.... Да ведь он в этом году был вождем организации «Единство». Как же можно опираться на интерпретацию позиции большевика (?!?!) Плеханова, даваемую членом организации «Единство»? Как можно не заметить, что все это Плеханов говорил лишь с одной целью оправдать себя и свой отход от марксизма, что психологически такая ревизия своего собственного прошлого весьма понятна, и историк должен ее об'яснить, а не аргументировать ею. Но это должен историк, а какой же Ярославский историк?»

И дальше, критикуя Вольфсона, т. Ваганян запускает в наш огород «камешек»: «Умудряются же люди усмотреть зачатки тактики «Единства» в... «Социализм и политическая борьба».

Да, может, действительно, показаться странным, зачем понадобилось брать документы, относящиеся к 1917 г., чтобы аргументировать против Плеханова 80-х и 90-х годов? Кто же не знает, кем был Плеханов в 1917 г.? И если только этим можно посрамить его прошлое, тогда, конечно, такая аргументация была бы в высокой степени слабой. Если бы мы, скажем, взяв известную ренегатскую книгу Плеханова «О войне», на основании того, что там написано, доказывали бы, что у Плеханова были уже в начале 900-х годов следы этого ренегатства,—это было бы бессмысленно.

Но разве так мы поступаем? Разве мы просто берем взгляды Плеханова из «Единства» и ими доказываем зародыши плехановского меньшевизма 80-х и 90-х годов? Конечно, нет: конечно, все это выдумал т. Ваганян. Мы приводим, как уже видел читатель, известное послесловие Плеханова к первой марксистской

[1]) «Оригинальность» т. Ваганяна заключается в том, что он считает Плеханова большевиком. Судите после этого сами о «большевизме» т. Ваганяна.

книге в России—«Социализм и политическая борьба». В этом послесловии замечательно то, что Плеханов, независимо от «Единства», цельно, стройно, сжато излагает то, что раньше частично, урывками, отдельными местами, общими замечаниями, иногда даже по случайному поводу высказывал, начиная с этого первого произведения. И можно ли отрицать значение этого документа только потому, что он написан Плехановым в период «Единства»? Разве «качественно» это отличается от тех замечаний, которые мы имеем у Плеханова в 80-х и 90-х годах, от его критики Ленина в период программных разногласий, от его тактики в 1905 г. и последующие годы? В этом смысле «Единство» является только логическим завершением того, что имело корни гораздо раньше. И Ваганян был бы, конечно, прав, если бы он доказал, что этот документ не имеет корней в прошлом Плеханова, что он ничего общего с тем, что имело место во время споров о народничестве, легальном марксизме, программных разногласиях, тактике 1905 г. и последующего периода—не имеет. Но наш почтеннейший критик не сумел и не сможет этого доказать.

И для того, чтобы лишить это послесловие значения аргумента, для того, чтобы доказать, что Плеханов «пал» лишь в 1914 г., Ваганяну понадобилось исказить историю, доказывать безнадежно, что «послесловие»—исключительный продукт взглядов Плеханова «1917 года» и утверждать, что Ленин, в сущности, ученик Плеханова, и, конечно, т. Ваганян лишь «скромно» допускает, что иногда, правда... учитель «ошибался», а ученик его «поправлял» и «призывал к порядку».

Мы нигде не отрицаем, что на ряду с тем, что в полной мере обнаружилось лишь в 1917 г., у Плеханова имеются неоспоримые, большие революционные заслуги по части популяризации идей марксизма на русской почве, борьбы с народничеством и т. д. И какой ленинец может и мог бы отрицать подобные вещи? Да и зачем это нужно? Ведь если стать на такую точку зрения, на какую стал Ваганян, т.-е. доказывать, что, дескать, нечего искать корней тому, что написано Плехановым в 1917 г., что это случилось нечаянно,—можно было бы, например, сказать, что то, что пишет Плеханов об особенностях исторического процесса в своей «Истории русской общественной мысли», тоже обязано его оборонческому периоду 1914 г.—и только. Но кто же теперь, после выхода в свет X тома сочинений Плеханова, не знает, что уже тогда Плеханов развивал свои взгляды на особенности исторического процесса, легшие впоследствии в основу всей меньшевистской философии. А ведь это было в 1889 г. [1]).

[1]) Мы имеем в виду статью Плеханова о Каронине, помещенную в X томе собрания сочинений. Об этой статье т. Рязанов пишет в своем предисловии к сочинениям Плеханова, что она имеет «огромное значение» для определения взглядов Плеханова «на происхождение и роль русского самодержавия». Жаль только, что т. Рязанов не добавил: «оппортунистических, меньшевистских взглядов»—это было бы тем более важно, что ведь Ваганян как это явствует из предисловия к I тому собрания сочинений Плеханова, состоит при Д. Б. Рязанове в главных сотрудниках по редактированию сочинений Плеханова. Надо надеяться, что Ваганян знает, что плехановская теория происхождения самодержавия, (в полном виде изложенная в «Истории русской общественной мысли»,

Теперь читателю станет понятно, почему Ваганян так жестоко обрушивается на нас за это послесловие. Понятно, почему т. Ваганян умалчивает о ряде документальных данных, приведенных нами в свидетельство о раннем плехановском меньшевизме. Вовсе не случайно, что это свое послесловие он написал именно в книжке «Социализм и политическая борьба». И после этого т. Ваганян позволяет себе давать нам советы, как историк должен подходить к изучению того или иного документа. Кстати сказать, добросовестная товарищеская критика, на ряду с недостатками, отметила, что одним из лучших мест в книге, заслугой книжки является то, что она впервые сумела правильно изложить вопрос о гегемонии пролетариата в буржуазной революции в России.

Не более убедительны «доводы» Ваганяна против нас по части трактовки легального марксизма. По вопросу об отношении Плеханова к Струве, и к либерализму вообще, арсенал Ваганяна оказывается особенно убогим. Вот, что он пишет:

> «Единственный аргумент в руках «историков»—тот, которым только и козырял Ангарский,—эти несколько строк предельно нейтральных, высказанных Плехановым в статьях, направленных против народников. На их основании об'явить Плеханова меньшевиком? На это нужно быть воистину учеником Ангарского». «Убедительными были бы обвинения Ангарского и его учеников, Каменева и Ярославского, если бы они доказали нам, что Плеханов был не согласен с Лениным насчет его критики Струве».

Здесь нельзя не отметить, конечно, опять попытку оглушить читателя. Никто, разумеется, о Плеханове 90-х годов, как меньшевике, не говорит. Речь идет только о выяснении корней, о зародыше меньшевизма. Это, разумеется, не одно и то же.

А теперь к делу. Читая эти строки, поневоле разводишь руками. Существует ли пример большей беззастенчивости? Неужели т. Ваганян всерьез не знает, что Плеханов не был согласен с ленинским отношением к Струве и к либерализму, и что имеется далеко не один аргумент, которым это можно доказать? Всего курьезнее, что т. Ваганян усиленно ссылается на «Ленинские Сборники», а последние явно свидетельствуют против Ваганяна. В свое время это было доказано Ваганяну рядом товарищей. Придется несколько возвратиться к этому вопросу. Возьмем самое основное. На стр. 407—411 III «Ленинского Сборника» помещено письмо Мартова Ленину от 21/IV—1902 г.

> «Он (Плеханов),—пишет Мартов,—все более приходит к убеждению, что между ним и нами есть различие и очень важное в оттенках мировоззрения. Он надеялся, что это различие сотрется при тесной совместной работе и терпеливо ждал, пока мы переедем в Женеву, против чего никто из нас не восставал в бытность его у нас зимой. Теперь же

в зародышевом виде—в статье о Каронине), никоим образом не может быть названа, даже у Ваганяна, большевистской.

Здесь же заметим, что «Друзья народа», с которыми Ваганян так бесцеремонно разделался, содержат другую действительно большевистскую марксистскую теорию происхождения самодержавия.

«вы не захотели этой тесной совместной работы», и он должен ожидать, что эти наличные оттенки разовьются в сторону еще большего обострения. Различие этих оттенков—в отношении к тебе—он определил, как различие между Бельтовым, с одной стороны, и Тулиным—с другой. На мое возражение, что различие между Бельтовым и Тулиным (в отношении к либералам, что он подчеркнул) касается вопросов тактики, я получил ответ: но, ведь, и Кричевский утверждает, что мы с ним расходимся только по вопросам тактики. Осталось засмеяться, что я и сделал. При таких условиях и лишенный возможности участвовать в ведении «Искры» он не может брать на себя ответственность за общее ведение дела: так, он не может отвечать за брошюру Ленина («Что делать?»), который не обратил внимания на сделанные им и П. Б. (Аксельродом) возражения против некоторых мест, вызывающих или способных вызвать смуту».

Наш «ученый критик» в ответ на эту выдержку заявляет:

> «Ссылаются при этом обычно на слова Плеханова, переданные в письме Мартова. Но, во-первых, это слова Плеханова (Мартова?) [1]), а, во-вторых, не нужно забывать, при каких условиях они были сказаны. В пылу дискуссии, резко раздраженный против Ленина, он мог, разумеется, провести знак равенства между Тулиным и «Аннибалами», но каковы историки, которые приводят запальчивые суждения спорящих, как аргумент за свои построения» (журнал «Воинствующий Материалист», ст. В. Ваганяна, стр. 97).

Не правда ли, «научная» аргументация? Все-де, об'ясняется запальчивостью. И откуда Ваганян это знает?

На самом же деле неодинаковый подход Плеханова и Ленина к либералам еще в 90-х годах устанавливается здесь со всей точностью на основании слов самого Плеханова. Отличие между Бельтовым и Тулиным означает отличие между авторами «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»,—г.-е. это как раз то, что мы утверждаем.

Однако мы имеем не только косвенное свидетельство о позиции Плеханова. Нам известна его критика статьи Ленина, направленной против Струве—«Гонители земства и Аннибалы либерализма», о которой и говорит выше т. Ваганян, что она вызвала раздражение и «запальчивость» Плеханова. То, что пишет Плеханов Ленину, ничуть не расходится с тем, что он говорит Мартову.

> «Не следует теперь ругать либерала вообще. Это не тактично, надо от плохого либерала апеллировать к хорошему, хотя бы существование такого и было для нас сомнительно...». «Вы говорите, как враг, а надо говорить, как союзник (хотя бы только в возможности)». «Итак, смягчайте, голубчик. Либерализм не надо гладить теперь против шерсти. Это большая ошибка» («Ленинский Сборник», III, стр. 205).

[1]) В тексте, очевидно, опечатка. *Е. Я.*

Ну, т. Ваганян, как вы думаете, не советами ли Плеханова воспользовались меньшевики в 1917 году? Когда в своем отношении к временному правительству переходили от «плохого либерала» к «хорошему»? Кто же не понимает, что в этой меньшевистской тактике периода 1917 г. есть «доля» плехановского меду начала 900-х годов. Неистовый т. Ваганян, попробуйте доказать противное. Не ясно ли теперь, что забота Плеханова «о тактике и бестактности» вовсе не случайна и на одной «запальчивости» далеко не уедешь? Мы не будем касаться здесь расхождения Плеханова с Лениным по существу. Об этом уже достаточно говорилось. Об этом читатели могут прочесть и в нашем учебнике. Для нас достаточно установить это расхождение, тогда как Ваганян его оспаривает.

Что же г. Ваганян теперь сказал «нового»?

В своей книге «Г. В. Плеханов» Ваганян доказывал, что не Ленину, а Плеханову обязаны мы разоблачением Струве. Когда т. Бубнов указал на вздорность такого положения, Ваганян ответил, что хотя верно, что Ленин выступил первым, но выступил он против Струве не как либерала,—это дано было открыть Плеханову,—а просто как представителя «механического» (профессорского) марксизма, какой имел у нас распространение в 90-х годах. Ваганяну опять доказали, что Ленин критикует Струве именно как «либерала в потенции». В самом деле, что открывает Ленин у Струве?

> «Абстрактный и идеалистический подход к народничеству, расположение к точке зрения апологета капитализма; Струве чересчур стремительно защищает «разумность», «прогрессивность», «рациональность» либеральной политики; ревизует марксову теорию государства, подменяя ее донельзя плоскими, либеральными разговорами насчет того, что «государство прежде всего есть организация порядка». Считает недостаточным чисто философское обоснование марксизма. Отказывается от материализма, по крайней мере говорит языком об'ективиста, а не материалиста. Проповедует мальтузианство; наконец, игнорирует классовые противоречия и опускается, стало быть, до уровня самого обыкновенного либерала» («Большевик», № 11—12, 1925 г., стр. 99).

И дальше. Ведь все, что Ленин осторожно, иногда намеками высказывал, подтверждалось буквально через пару-другую лет. Ведь, с другой стороны, Плеханов считал революционной, марксистски выдержанной эту критику народничества у Струве [1]), очень и очень косясь на Ленина за разоблачение Струве. Как же можно так искажать факты? А Ваганян отвечает буквально: «Да, конечно, все это правильно, но... но Ленин мог это сделать только потому, что он, хорошо проштудировав Плеханова, сумел применить его на практике».

Так, так. Значит, сначала не Ленин, а Плеханов. Затем Ленин, но как ученик Плеханова. И когда выбитому из последней позиции Ваганяну максимально популярно об'яснили, как вел себя «учитель»,—Ваганян и тут не растерялся.

[1]) Кстати сказать, даже сейчас Ваганян, как «истинный» ученик Плеханова, считает критику народничества у Струве марксистски выдержанной. Он пишет: «В споре с народниками Струве действительно за себя очень и очень мог постоять» (стр. 92 цитированной статьи).

Как же не вспомнить здесь характеристику, которую давал К. Маркс подобного рода «критикам»:

> «Горе, если ему попадается перо. Он лишен такта и вкуса. Кроме того, у него нет необходимого предварительного образования. Он напоминает дикаря, который думает украсить свое лицо, размазав его всевозможными кричащими красками. Он всегда впадает в банальность и шутовство. Почти каждая фраза у него инстинктивно накрывается дурацким колпаком».

* * *

По вопросу о программных разногласиях у Ваганяна очень много иронии, слишком много, но все же недостаточно для того, чтобы прикрыть отсутствие каких бы то ни было серьезных аргументов. «Вся «история» создания программы — история мистическая»—провозглашает Ваганян. Почему мистическая? Что в ней неверного? Этого Ваганян не говорит. Он не оспаривает ни одного факта. Он продолжает упражняться в остроумии, избрав сюжетом предисловие т. Каменева к «Ленинскому Сборнику», которое цитируется в «Истории ВКП». Ваганян всячески старается дискредитировать это предисловие.

Если Ваганян не согласен с Лениным, пусть заявляет открыто. Такой «смелости» у него достаточно. Но вводить в заблуждение читателя, утверждая, что между Плехановым и Лениным не было разногласий—редкая недобросовестность. «Можно ли допустить, зная хорошо Ленина, чтобы он при первой возможности не пересмотрел программу, с которой не согласен?»—вопрошает Ваганян. Что это, если не лицемерие крайне демагогического характера? Как будто материалы «Ленинского Сборника» не дают ясного ответа на этот вопрос! Во-первых, в пользу Ленина в окончательном проекте были сделаны некоторые уступки. Во-вторых, обстановка требовала единства действия со стороны искровского ядра. Все это, повторяем, как нельзя более подробно об'яснено на страницах «Ленинских Сборников». Во всяком случае, отрицать наличие серьезных разногласий между Плехановым и Лениным в процессе выработки программы теперь никак нельзя, а об этом только у нас и идет речь. И, наконец, в-третьих, Ленин один раз попытку осветить эти разногласия сделал. Вот что мы читаем по этому поводу в только-что вышедшем V «Ленинском Сборнике». В одном из примечаний редакции сборника к неопубликованному плану статьи Ленина «Плеханов и «Новая Искра», где речь идет об одной предполагавшейся полемике Ленина с Плехановым, читаем:

> «Владимир Ильич имел намерение воспользоваться данной полемикой, чтобы рассказать действительную историю выработки программы партии, принятой на II с'езде. История эта и роль в ней Плеханова оставались в то время совершенно неизвестной широким кругам партии. Так как статья о Плеханове осталось ненаписанной, то неосуществленным осталось и намерение Владимира Ильича рассказать историю программы. Она стала известной только в связи с напечатанием в «Ленинских Сборниках» III и IV соответствующих документов из архива Владимира Ильича. Бегло вопроса об истории споров о программе Ленин коснулся в примечании к статье Воровского «Плоды демагогии», напечатанной в № 11 «Вперед» от 23/10 марта 1905 г. В этом примечании содержится то «обещание», о котором Ленин говорит в тексте под цифрой 4.

> Приводим это примечание целиком: «Этим подчеркиванием того, что проект программы писан не мною, Плеханов первый выносит *на публику* в виде намека, попрека и упрека наши споры о проекте программы. К сожалению, он не рассказывает об этих спорах, а ограничивается сплетней, т.-е. утверждением пикантным, но неясным и непроверенным. Я должен поэтому добавить к статье моего коллеги против Плеханова, что *у меня есть документальные данные о спорах наших при обсуждении проекта программы, и эти данные я при случае опубликую. Читатели увидят тогда: 1) что совершенная неправда—утверждение Плеханова, будто охлаждение отношений у нас было из-за «Что делать?» Оно было из-за деления шестерки пополам при спорах о программе; 2) что я отстаивал и отстоял включение в программу тезиса о вытеснении мелкого производства крупным. Плеханов хотел ограничиться расплывчатым выражением в духе знаменитого «более или менее»; 3) что я отстаивал и отстоял замену термина «трудящаяся и эксплоатируемая масса» термином «пролетариат» в том месте, где речь шла о классовом характере нашей партии; 4) что Плеханов, когда я и мои сторонники шестерки упрекали его за недостаточно выраженный пролетарский характер партии в его проекте программы, защищался контр-обвинением, что я «понимаю пролетарский характер партии по-мартыновски»* (подчеркнуто нами).

Предоставляем теперь Ваганяну после этой выдержки уверять читателя, что мы пишем неправду, когда говорим, что Плеханов выражение «диктатура пролетариата» пытался заменить выражением «трудящихся и эксплоатируемых» и т. д. Цитируемой выдержки *не может не знать* Ваганян, если он не хочет прослыть «невежественным» и «безграмотным» человеком. Она давным-давно опубликована в нетеиздаином «Вперед».

Особенное внимание следует обратить на обсуждение аграрной программы в редакции «Искры». Ленинские тезисы о допустимости выставления лозунга национализации земли в момент революции вызвали горячий отпор со стороны Плеханова. В этом вопросе Аксельрод и другие были целиком солидарны с Плехановым, выступавшим *уже тогда* застрельщиком *против* национализации. Что же,—*не предвосхитило ли обсуждение ленинской статьи все споры, которые развернулись на Стокгольмском с'езде?* Почему Ваганян обходит все это? Почему он упрямо твердит одно и то же, без всякого обоснования. Вот пример, который должен вызвать горячее возмущение всякого, кто привык уважать дело литературной и научной критики. Ваганян пишет:

«Попытка доказать, что в вопросах программы Ленин один был против всех,—показывает, насколько Ярославский не уважает своих читателей.

«В этих разногласиях, как и в разногласиях по теоретической части программы, стояло тогда по одну сторону большинство редакции, по другую сторону... один т. Ленин». Так может писать человек, который гарантирован от того, что его читатель вздумает его проверять.

«Нужно ли отметить, что сказания Ярославского суть сплошные... несоответствия истине? Читатель может проверить по книге «Ленинских Сборников» (стр. 35) [1]).

Тут, действительно, ничего не скажешь.

Пусть читатель обратится к «Ленинским Сборникам». Что же он увидит? Что только в единичных, частных случаях с Лениным бывает согласен тот или другой член редакции. В подавляющем большинстве принципиальных вопросов Ленин был один против всех остальных редакторов. Мартов и Потресов поддерживали Ленина, как члена своей молодой группы, лишь во внутренних организационных вопросах и в тех вообще случаях, когда нужно было несколько одернуть горячего Плеханова. Но в основных принципиальных вопросах они шли не за Лениным, а за Плехановым. Это неоспоримый факт, и это черным по белому написано в «Ленинских Сборниках».

* * *

Ваганян предпринял безнадежное наступление на бесспорные исторические факты. При этом он упорно отворачивается от них, криком заменяя доводы. В полемическом азарте он готов пойти на какое угодно ухищрение, лишь бы создать видимость своей правоты. К числу таких ухищрений принадлежит невинно ханжеский тон, когда он неожиданно восклицает:

«С некоторых пор некоторая категория историков считает, что признание заслуг Ленина обязательно зависит от того, насколько будут умалены роль и значение Плеханова. Какое святотатственное неуважение к памяти нашего великого учителя!» (стр. 31—32).

Самое интересное—это то, что великолепная тирада Ваганяна помещена на той же самой странице, где он—несколькими строками выше—разделывается с «Друзьями народа». Со своей «убийственной» иронией Ваганян замечает по нашему адресу:

«Они (и только они) способны писать о произведении, которое не выходило за пределы одного кружка, такие строки: «Что такое друзья народа» было первым лучшим произведением, которое правильно поставило вопрос о борьбе с народничеством, освобождало мировоззрение от народнических утопий, срывало покров социалистичности с мелкобуржуазной сущности народничества и помогло оформиться, с одной стороны, революционным марксистам, а с другой—буржуазным демократам».

---

[1]) Ваганян даже позволяет себе прямое передергивание: у нас сказано: один против всей остальной редакции; Ваганян нам приписывает мысль: Ленин один против всей партии. Неужели я должен доказывать, что редакция «Искры» не одно и то же, что «вся партия»?! *Е. Я.*

Мы и сейчас, конечно, не отказываемся от своих слов. Приведенную выдержку мы готовы повторять и отстаивать. И, безусловно, не только мы, как это прокламирует Ваганян,—каждый добросовестный член партии подпишется под нашими словами.

Жаль, что такой многоречивый обычно Ваганян не высказался подробнее о «Друзьях народа». Как он—непогрешимый от истории—оценивает это раннее произведение Ленина? Ваганян только успел небрежно заметить:

«Конечно, «Друзья»—примечательная (!) книга, в ней заложено много чрезвычайно ценных элементов будущего большевизма, в ней в зачатке все элементы мировоззрения Ленина, но ведь она же появилась лишь в одном—двух десятках гектографированных экземпляров. Историки!»

Разве это допустимо—определять значение того или иного произведения для истории партии количеством изданных экземпляров?! По существу—ни малейшей попытки оспорить нашу характеристику, нашу оценку «Друзей народа». Ни малейшей попытки проверить, узнать, какое влияние оказали «Друзья народа» на развитие социал-демократического движения! И своей «иронией» Ваганян бьет самого себя. Ниже мы еще вернемся к этой ваганяновской оценке «Друзей народа».

Зато свою песенку об «умалении» роли Плеханова Ваганян поет очень упорно. Он повторяет ее в нескольких вариантах. Вот другой вариант:

«На всем протяжении книги ни единым словом авторы не говорят об Аксельроде. Они искажают революционное наследие Плеханова, чтобы не трогать подлинный оппортунизм Аксельрода».

Ярославский, видите ли, боится, что большая фигура Плеханова заслонит Ленина, и поэтому он сознательно умаляет заслуги отца русского марксизма. Ваганян уверяет, кроме того, что «умалением» Плеханова Ярославский не только хочет возвеличить Ленина, но одновременно с этим и спасти репутацию... Аксельрода. А чтобы читатель не сомневался в том, что критика Плеханова обязательно исходит из тайного желания возвеличить одновременно Ленина и Аксельрода,—Ваганян делает опять-таки наглядную операцию, сущность которой сводится к тому, чтобы показать читателю, как важно взять на учет распространение классических вещей Плеханова. Ваганян не находит ничего лучшего, как снять с пьедестала ленинское «Что такое друзья народа». Теперь судите, читатель, кто и как занимается возвеличением и умалением.

Нетрудно, конечно, убедиться, что совершенно не верно, будто «авторы ни единым словом не говорят об Аксельроде», что оппортунизм Аксельрода замазывается. В последнем Ваганян мог бы с большим основанием упрекнуть себя самого, что следует из его признания Вольфсону:

«Я дал недостаточно ясную картину отношения между двумя крылами группы «Освобождение Труда»—между Плехановым (якобинское крыло) и Аксельродом (перманентно оппор-

тунистическое крыло). У меня весьма глухо отмечено разногласие»[1]) (стр. 44).

Верно, что в нашей «Истории ВКП» Плеханову уделено неизмеримо большее внимание, чем Аксельроду; но, во-первых, значение Плеханова неизмеримо больше; а, во-вторых, никто не пытается изображать Аксельрода большевиком, как это делает облыжно Ваганян.

Мы тем более обязаны были это сделать, что подчеркивали необходимость учета по возможности всего нового материала. Если Ваганян выполнит свое обещание и по части Аксельрода даст нам что-либо новое, кроме того, что уже известно, мы охотно обещаем ему во второе издание включить и этот материал. Обвинения в «умалении» нами роли Плеханова, в каких бы вариантах они ни высказывались, ни на чем не основаны. Мы не изображали Плеханова стопроцентным меньшевиком,—разумеется, для эпохи 90-х годов[2]). Такую вещь может нам приписывать только Ваганян.

Мы осветили достаточно ясно и недвусмысленно те стороны деятельности Плеханова, которые навсегда вписали его имя в список немногих славных и неповторимых вождей революционного пролетариата. Не наша вина, что личность Плеханова не была цельной, монолитной. Не наша вина, что в Плеханове элементы революционные сожительствовали с элементами оппортунистическими. Вычеркнуть этого нельзя. Нельзя также делить жизнь Плеханова на две, не связанные одна с другой, половинки. Вот, мол, человек, хороший во всех отношениях, и вот он вдруг (когда началась империалистическая война) испортился и погиб. Так мог бы писать только разве Л. Г. Дейч о Плеханове, но он этого не напишет, потому что восхищен даже ренегатством Плеханова. Надо проследить зародыши тех воззрений, которые привели Плеханова к политическому ренегатству. Эти зародыши были в Плеханове в самую блестящую пору его деятельности. Об этом свидетельствуют неоспоримые исторические материалы.

Отчего же сердится Ваганян на нас? Пусть он сердится на некоторые особенности своей головы, которая предпочитает нереальные фантазии фактам. Ваганян обвиняет нас в «умалении» роли Плеханова только потому, что в его представлении фигура Плеханова вырисовывается в неестественном преувеличении. Если что уже достойно осуждения, так это ваганяновское стремление преувеличить значение Плеханова, в котором, право, такой человек, как Плеханов, не нуждается.

Мы не говорим уже об основной исторической «схеме» Ваганяна, которой касались в начале статьи. Нет почти ни одного исторического момента, который Ваганян не пытался бы подкрасить по-своему. Еще более, чем по вопросу о гегемонии проле-

[1]) Мы не знаем, каким еще очередным открытием подарит мир ученый критик Ваганян; но чрезвычайно характерно, что Ваганян пытается это проделать после того, как ему не удалось навязать читательской массе свои неправильные взгляды. Теперь, чувствуя, что нельзя это проделать мытьем, он, очевидно, пытается сделать это катаньем,—сразить нас делением группы «Освобождение Труда» на два крыла. Доля правды доля истины в этом делении, разумеется, есть. Но мы посмотрим, как Ваганян попытается эту долю возвести в целое. Поживем—увидим, а пока нельзя не отметить и этого обстоятельства.

[2]) Да и о каком стопроцентном меньшевизме могла быть речь в 90-х годах.

тариата в буржуазной революции и программных разногласиях, это сказывается у Ваганяна в вопросе о народническом наследстве. Как подходит Ваганян к нашему освещению вопроса о «Земле и Воле»? Здесь лучший пример передергивания у Ваганяна.

Ваганян пытается доказать, что у нас слишком слаба фактическая сторона истории. Подходя к освещению у нас вопроса об истории «Земли и Воли», Ваганян пишет: «О борьбе течений в «Земле и Воле» и расколе этого общества сказано буквально четыре строчки». Почему сказано четыре строчки, читателю, конечно, ясно, потому что, собственно, истории революционного движения у нас нет. Мы характеризуем, главным образом, идеологическую сущность. В этом отношении, что и отмечала критика, учебник строго выдержан.

Но уже на второй странице Ваганян призывает читателя не верить тому, что у нас нет фактов и доказывает, что у нас факты преобладают, а на стр. 13 опровергает сам себя, написав, что фактов-то у нас четыре строчки. Зачем ему это? Да потому лишь, что «Земля и Воля» была создана... Плехановым, «который стал одним из самых авторитетных идеологов землевольчества».

* * *

Как же он нас критикует? Ваганян пишет: «Пытаясь выяснить различие между лавристами и народниками, Ярославский пугает своих читателей»,—а дальше следует такая цитата из нашей книги:

> «Народовольцы в вопросе о терроре и цареубийстве тем отличаются от землевольцев, что первые этим приемом ограничивали всю тактику политической борьбы, между тем, как последние, принципиально не отвергая этих приемов, пытались вызвать крестьянское движение, которое единственно в силах осуществить, как полагали землевольцы, общинный коммунизм».

Процитировав, Ваганян, конечно, с ученым видом знатока, да еще такого знатока, который должен угробить своего противника, заключает: «Выходит так, что в вопросе о политической борьбе между ними не было разногласий. Выходит, что спор между ними шел лишь о месте террора в арсенале средств политической борьбы. На самом же деле дело не в этом, а в том, что первые были за политическую борьбу, вторые ее отвергали принципиально» (стр. 13). Так победоносно заявляет Ваганян. Он убил своего противника. Рановато и без всякого основания он торжествует. Ваганян берет эту цитату из раздела, который называется «Террористическая деятельность народовольцев». Здесь речь шла только о постановке вопроса о терроре в «Земле и Воле». Что же касается общих разногласий по вопросу о политической борьбе, то выше в разделе «Земля и Воля» он выясняется, при чем строк на десять выше той страницы, какую цитирует наш мудрец, так буквально и сказано о «новом течении народников» (сторонники политической борьбы...) («История ВКП», стр. 39).

Пусть же Ваганян докажет нам, что террор в сущности не был вопросом решающим до поры до времени в «Земле и Воле», разбившим ее на две группы. Повторяем, пусть докажет, ибо некий Ваганян в своем знаменитом «труде» о Плеханове (стр. 41) нам сам рассказывает:

«Разногласия между двумя группами начались именно как разногласия о целесообразности политического террора (подчеркнуто нами); перед революционерами встал вопрос об отношении социализма к политической борьбе несколько позже».

Мы советуем автору брошюры «Сеятели безграмотности и невежества» в своих последующих выступлениях против «ученых мужей» заодно раскритиковать и это место автора книги о Плеханове. Но так как автор книги о Плеханове В. Ваганян является одним из р-р-ревностнейших учеников Плеханова, то ему следует об'яснить и следующую выписку из своего учителя:

«В конце Воронежского с'езда, состоявшегося летом 1879 г. я вышел из организации «Земля и Воля», убедившись в том, что она не может и не хочет отказаться от тех приемов борьбы, которые впоследствии получили общее и, в сущности, очень неудачное название терроризма и которые я со всей силой твердого убеждения считал вредными для нашего прямого и самого важного дела: агитации «в народе» на почве его ближайших нужд и его непосредственных требований» (Плеханов, «Почему и как мы разошлись с редакцией «В. Н. В.», т. XIII, стр. 23).

Не ясно ли после этого, что к числу основных фактических разногласий принадлежит именно не «Социализм и политическая борьба» в своей общей постановке, а вопрос о терроре?

Переходим к вопросу о «Народной Воле» и «Черном Переделе». И здесь бездна самоуверенности и развязности и минимум аргументов. Апологетика—очень, очень плохой компас для исторической критики. Именно апологетика толкает Ваганяна к заявлениям, что близость А. Ульянова к марксизму означает вырождение народовольчества в то время, как близость к марксизму «Черного Передела»—законная эволюция землевольчества к научному социализму.

Смехотворно и чудовищно нарушены все перспективы, когда Ваганян говорит о практических связях, непосредственном охвате практической работы «чернопередельцами», ни словом не обмолвясь о тысячах нитей, связывавших народовольцев с рабочими. Независимо от того, даже вопреки тому, как оценивали народовольцы свою собственную борьбу,—эта их борьба—ценнейшее звено и этап в революционном развитии рабочего класса. Более того. Мы не поймем и самой трагедии Плеханова, если не учтем того факта, что он, якобинец по натуре, должен был ковать революционную марксистскую тактику в значительной мере не на основе принятия народовольческого наследия, а в общем и целом борясь с «Народной Волей», в противовес ей. И недаром большевистскую веру в массы Плеханов любил трактовать, как возрождение старого народовольчества. Читатель знает, как смотрел он на крестьянское восстание на IV с'езде.

Можно привести еще одну чрезвычайно характерную деталь. После V с'езда Плеханов выпустил брошюру «Мы и они», т.-е., «мы»—меньшевики и «они»—большевики, где он большевиков изображал, как отпрыск старого бакунизма и анархизма 70-х годов. Вот, говорил Плеханов, когда я выступал на европейских конгрессах II Интернационала, меня хвалили всегда за то, что я-

де единственный революционер, который говорил, что в России не предстоит на следующий день революция. А то, бывало, любили повторять Либкнехт и др.: ваш Бакунин и другие выступали и указывали, что вот-де завтра у вас будет революция, а Россия все продолжала оставаться очагом реакции.

Конечно, Бакунин был неправ, но чрезвычайно характерно, что Плеханов гордился, что ему на первый план выдвигали эту его умеренность и противопоставляли ее большевистской, якобы бакунинской, революционности. Что здесь сквозило? Здесь сквозило то пренебрежительное отношение к массам, которое так характерно для всей истории меньшевизма. И после этого говорить, что «Черный Передел» является основным необходимым звеном, которого не мог миновать всякий эволюционировавший к марксизму в то время,—это уж просто смешно—это от Л. Г. Дейча. Сам Ваганян в своей книге, в угоду апологетике, пытаясь «Черный Передел» все время возвеличить,—а почему, читателю должно быть понятно: ведь в «Черном Переделе» был... Плеханов,—все время поставить его выше «Народной Воли», вынужден, в конце концов, запутавшись окончательно, признать, что, в сущности, «Черный Передел» вливается, в конце концов, в «Народную Волю», что Плеханов, в сущности, уходит от «Черного Передела» задолго до того, как он становится марксистом. Что мы не голословны, в этом убедится всякий, кто даст себе труд (не очень производительный, правда) прочесть первые 60 страниц ваганяновских писаний о Плеханове.

Мы не станем останавливаться на трескучих фразах Ваганяна по поводу того, что нас не интересует вопрос, почему марксизм вышел из земледельческого народничества «Черного Передела».

Нельзя не отметить следующей прямо-таки сверх-абсурдности, до которой доходит наш критик. Обвиняя составителей «Истории ВКП (б)» в выдвигании на первый план борьбы лавристов с бакунистами, Ваганян сам («своим собственным умом») доходит до такого вопроса: «Почему бакунизм из своей среды выдвинул «человеческий материал» будущего марксизма, а не лавризм?» По-ваганяновски рассуждение, следовательно, такое: не через «Народную Волю», а через «Черный Передел» идет развитие марксизма. Не лавризм, а бакунизм. Другими словами, борьба между «Черным Переделом» и «Народной Волей», по Ваганяну, есть лишь завершение борьбы между лавризмом и бакунизмом. И это пишет «ученик Плеханова»!

Так обстоит дело с ваганяновской критикой наследства, и тут, разумеется,—ничего серьезного, ни одного аргумента, попытки оправдать собственную путаницу, собственную апологетику, которая, в конце концов, доводит суждения Ваганяна до абсурдности. А между тем учебник освещает роль, как «Черного Передела», так и «Народной Воли», как предтеч марксизма.

* * *

Почему, наконец, так настойчиво придирается Ваганян к нашему освещению роли группы «Освобождение Труда» и других марксистских групп в создании коммунистической партии? Чтобы приписать Плеханову исключительную монополию заслуги в деле создания первых кадров нашей партии.

Остановимся на этом вопросе несколько подробнее. Пресловутое обвинение в «умалении» опять выплывает на сцену. Ваганян пишет:

> «Группу «Освобождение Труда» он (Ярославский) обрисовывает в трех строчках, с брошюрой «Социализм и политическая борьба» и «Нашими разногласиями» разделывается на четырех строчках. Далее Ярославский переходит к программе «Группы 1884 года». Почему Ярославский так упорно обходит молчанием эти два гениальных памфлета Плеханова, в которых блестяще изложена вся тактика с.-д. и при этом в последовательно большевистском духе? Из желания умалить значение *этого источника большевизма*».

Все сказанное здесь Ваганяном, чистая неправда. Разве дело *в количестве* строк (их на самом деле во много раз больше), а не в том, *что* в этих строках сказано? Кто это выучил нашего «образованнейшего» критика так подходить к вопросу? Напомним читателю, что именно пишем мы *по существу* о Плеханове и о группе «Освобождение Труда»:

> «Главнейшая заслуга в этой области, в деле перенесения марксизма на русскую почву, принадлежит Плеханову».
>
> «Группа «Освобождение Труда» сыграла большую роль в деле развития марксизма в России и тем самым в деле создания рабочей партии. Иногда первоначальной датой организации нашей партии считают поэтому именно 1883 г.».
>
> «Работы Плеханова имели особо выдающееся значение. Статья «Социализм и политическая борьба» разрешала видимое противоречие между социалистическим учением и политической борьбой, долго мучившее народников. «Наши разногласия» представляют собой дальнейшее развитие идей первой статьи. Здесь еще более обстоятельно в яркой форме разбиваются народнические предрассудки и устанавливается правильный марксистский подход к русской действительности. Знакомство с работами Плеханова необходимо всякому, кто желает подробно ознакомиться с первыми шагами русского марксизма и его борьбой с народничеством в 80-х годах».

Мы могли бы привести еще большее количество выдержек, которые без всяких оговорок говорят о гениальности Плеханова, его колоссальном значении и т. д. Читатель может проверить нас по «Истории ВКП».

Мы не признаем, как это делает Ваганян, в лице Плеханова *основоположника и родоначальника большевизма*. Но значит ли это умалять роль Плеханова и искажать историческую истину?

Весь процесс зарождения и развития марксизма в России Ваганян чуть ли не целиком об'ясняет влиянием группы «Освобождение Труда». Мы же, признавая колоссальную роль группы, конечно, далеки от такого чудовищного преувеличения и предостерегаем от него всякого, кто изучает историю нашей партии.

Прочитав у нас, что марксистские группы в России *возникали* «не только параллельно, но и совершенно независимо» от группы «Осв. Тр.», Ваганян особенно нервно засуетился.

> «За исключением группы «Осв. Тр.», *ни одна группа не доходила до марксизма самостоятельно*. Процесс отхода от народничества завершался тем, что они—эти группы—неизменно обращались к Плеханову при выработке нового научного воззрения, к его двум гениальным памфлетам. Благоевская группа обычно служила якобы доказательством того положения, что самостоятельные группы возникали. Но тут жестокая ошибка» и т. д., и т. д....

Ваганян высокомерно советует нам прочитать Невского, чтобы убедиться и т. д.

Но Невский, увы, свидетельствует *против* Ваганяна. Громадной заслугой Невского, если бы даже у него были здесь невольные ошибки, как раз и является то, что он показал *самостоятельность* процесса возникновения марксистских групп в России.

Именно В. И. Невский доказывает, что

> «в дальнейшем необходимо изучить работу группы «Осв. Тр.» параллельно самостоятельному социал-демократическому движению на фоне стихийного рабочего движения 80-х и 90-х годов» (Невский, стр. 192).

Именно В. И. Невский приводит ряд примеров:

> См. о Павле Точисском (стр. 272); о Н. Г. Федосееве, который «*совершенно самостоятельно* пришел к выводу, что учение Маркса—единственно правильная, научная теория социализма и что, исходя из нее, только и можно выработать практический и правильный революционный метод борьбы и для России»; Невский приходит к заключению, что «мысль о создании *боевой социалистической партии пролетариата* таким образом была не только достоянием одного Плеханова, но родилась у нас дома, *совершенно самостоятельно* (курсив наш) в головах таких теоретиков, как Федосеев, и особенно, как это будет показано ниже, Ленина задолго до того времени, как действительно такая партия была создана» (стр. 260) [1]).

Правы ли мы, говоря о *самостоятельном* возникновении российских марксистских групп? Но что возьмешь с Ваганяна, когда он через год забыл, что сам писал? [1]).

И дальше. Не пустая разве придирка—наскок Ваганяна по вопросу об эволюции Плеханова к марксизму?

Уместно вспомнить, что говорил сам Плеханов о рассматриваемом периоде:

> «*Я уже тогда был твердо убежден в том, что именно историческая теория Маркса должна дать нам ключ к пониманию тех задач, которые мы должны решить в своей практической деятельности*. Читатель легко убедится в том, прочитав мою статью «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», напечатанную в № 3 «Земли и Воли», а также мои статьи, появившиеся первоначально в №№ 1—2 «Черного Передела».

Яснее ясного. На статьи, отмеченные Плехановым, мы и ссылаемся. В чем же тогда дело?

В «Истории ВКП», после приведенного Ваганяном предложения, довольно подробно рисуется картина дальнейшего движения Плеханова в сторону марксизма и в заключение дается следующее резюме:

> «Итак, еще в России Плеханов под влиянием практики рабочего движения значительно ушел от народнической теории в сторону марксизма. За границей этот перелом завершился».

Вот основание. Где же тут утверждение, что Плеханов, «еще будучи землевольцем, был марксистом»? Как бы пространно ни толковать выражение «становится на общетеоретическую платформу марксизма», нельзя уйти от его расшифровки, нельзя не заметить заключительного резюме. А Ваганян не заметил. Не потому ли, что ему во что бы то ни стало нужно обвинить авторов «Истории ВКП» во всех смертных грехах.

В основе рассуждений Ваганяна о Плеханове и группе «Освобождение Труда», лежит одна принципиальная ошибка, которая его губит. Ваганян не понимает, какое значение в деле создания нашей партии имел повсеместный рост рабочего и марксистского движения и та колоссальная работа, которую проделали марксистские группы в России, в том числе питерский «Союз борьбы». Ваганяновская оценка значения «Друзей народа» в особенности ярко обнаруживает это непонимание.

Мы остановились на основных моментах ваганяновской критики. И вот, подводя итоги, нельзя еще раз не отметить, что в себе таит ваганяновская критика. Это—абсолютное непонимание задач партийной истории и, если хотите, задач партии. Стоит остановиться для этого хотя бы на оценке Ваганяном роли группы «Освобождение Труда», первых плехановских произведений и ленинских «Друзей народа». Ведь как подходит Ваганян к истории партии? Люди писали книги, книги распространялись, читались; от того, что читали—«умнели», «шли в ряды партии». Ведь это неслыханное издевательство над марксистской трактовкой партии. Ведь Ваганян представить себе не может, например, как «Друзья народа», несмотря на то, что они вышли вначале в нескольких десятках экземпляров (кстати, Ваганян, очевидно, думает, что «Наши разногласия» печатал в 80-х годах Госиздат в 100 тысячах экземпляров; очевидно, ибо он нигде не приводит подсчета, где и как распространялись в 80-х и 90-х годах «Наши разногласия», а у Невского он мог бы прочесть кое-что полезное и на сей счет),—могли пробивать дорогу, если так позволено выразиться, «Нашим разногласиям» гораздо больше, чем наоборот. Дело не в том, что тот или иной прочитал или не прочитал «Наши разногласия», а в том, что «Друзьями народа», переходом к массовой агитации (а этого Ваганян не станет отрицать,—в этом заключается грандиознейшая заслуга «Союза борьбы»), пробивалась дорога «Нашим разногласиям». Ваганяну

---

[1]) Крайне характерно, что в своей книге о Плеханове Ваганян о группе Благоева писал нечто не похожее на то, что он пишет сейчас. Тогда он писал: «... У меня нет основания оспаривать установившееся воззрение, что Благоевская эволюция к учению Маркса началась независимо от литературы группы «Осв. Тр.»... (стр. 101).

не дано понять, ибо он не ленинец,—какое громадное значение имеет свидетельство Мартова (обрати внимание, читатель, Мартова, злейшего врага Ленина), которому врезалось в память и он считал долгом отметить это в своих последних воспоминаниях, что именно «Друзьям народа» в петербургских партийных кругах обязаны холодным отношением к марксистским выступлениям Струве, в то время как Мартов и все те марксисты того времени, которые были воспитаны на плехановских произведениях, встретили струвистскую критику народничества с восторгом. Об этом также свидетельствует Мартов. И когда мы это приводим в нашей «Истории ВКП», чтобы показать, какое значение имели «Друзья народа», чтобы показать, насколько, как партийный документ, они стоят выше, если хотите, и «Наших разногласий» и «Социализма и политической борьбы». Ваганян, как истый книжник, доктринер, возводит на нас всякую хулу. Пусть это его выступление будет наукой для всех тех, кто считает, что история партии измеряется только количеством блестящих и талантливых книг и количеством блестящих и талантливых теоретиков.

Мы уже видели, как бесцеремонно обращается Ваганян с такими произведениями В. И. Ленина, как «Друзья народа», пренебрежительно: влияние этого произведения не выходило-де за пределы одного кружка, напечатано было в двух—трех десятках экземпляров. А факты? А детали, которые составляют самую картину? Так как факты—упрямая вещь—говорят против Ваганяна, он, вероятно, думает: тем хуже для фактов.

В самом деле. А. А. Ганшин («Прол. Рев.», № 2 (14), ГИЗ, 23, стр. 73—75) сообщает, что он напечатал 100 экземпляров. Могилянский рассказывает, как он на юге переиздал «Друзья народа» на гектографе, и книга была распространена в Чернигове и Киеве. Об этом рассказывает г. К. А. Попов относительно Дерптского университета. С. И. Мицкевич говорит (см. «Прол. Рев.», № 2 (14), ГИЗ, 23, стр. 61—72), что произведение это было известно, кроме Петербурга и Москвы, в Вильне и Пензе. Евг. Колосов («Былое», 827—828, стр. 334) описывает, как в Томске зимой 1895—1896 г. эта работа вызывала восторженное отношение. О таком же отношении свидетельствуют: Н. А. Семашко, Н. К. Крупская, З. Кржижановская, Л. Мартов, Б. Горев, К. Тахтарев. Н. К. Крупская сообщает о распространении «Друзей народа» в Полтаве.

Пусть назовут нам другое нелегальное произведение того времени, которое имело бы такое распространение и такое влияние. И пусть судит читатель, как можно с такой развязностью, как у Ваганяна, критиковать работу по истории ВКП(б).

* * *

На этом можно было бы закончить разговоры с Ваганяном. Но стоит еще особенно остановиться на вопросе о просветительстве—народничестве 60-х, 70-х годов. Ваганян обвиняет нас в непонимании природы народничества и приводит ленинскую оценку его.

Если читатель поверит Ваганяну, не проверив его, он, пожалуй, подумает, что нам неизвестна ленинская оценка, что мы, действительно, думаем, что народничество было оформленной

идеологией буржуазии. Разумеется,—глупейший вздор. О народниках, как идеологах крестьянства, достаточно говорится и в специальной главе, посвященной народничеству, и в главе о легальном марксизме, где критикуется струвистский подход к народничеству.

В самом деле, как поставлен у нас вопрос? Где и как мы говорим о народниках 70-х годов, как идеологах буржуазии? В разделе «Русские просветители шестидесятых годов» мы излагаем сущность просветительства и показываем, в какой связи соответствовала она нашей характеристике шестидесятников.

«В этом смысле,—писали мы,—можно говорить о народничестве 70-х годов, как идеологии нарождающейся буржуазии».

У самого Ваганяна мы читаем по этому поводу:

«Разумеется, об «идеалах» и воззрениях просветителей-народников нельзя судить по тому, как они сами себя аттестовывали. Их воззрения были гораздо ближе к буржуазному, чем они представляли, но тем не менее они не были «идеологами буржуазии». И Ленин и Плеханов справедливо настаивают на крестьянском происхождении их идеологии. Плеханов прямо называет народничество «особым сельским изданием мелкобуржуазного социализма». Ниже увидим, что и Ленин оценивал его точно так же. Не ясно ли, читатель, и здесь, как и всюду, у Ваганяна: Плеханов сказал, Ленин согласился.

Ваганян, к сожалению, не говорит, где и в чем их воззрение было гораздо ближе к буржуазному, чем они представляли. А между тем, если бы он добросовестно подошел к тому, что написано, он бы понял, что никакого противоречия тут нет. В самом деле. Вот что Ваганян мог бы прочесть по этому поводу у Плеханова:

> «Мировоззрение Добролюбова ничем существенным не отличалось от мировоззрения Н. Г. Чернышевского. Поэтому мы имеем полное право сказать, что этот отзыв Маркса о Добролюбове относится также—в смысле общей характеристики мировоззрения—и к Чернышевскому. В чем же состоит существенное содержание этого отзыва? В том, что сочинения Добролюбова заставили Маркса вспомнить о великом французском «просветителе» Дидро и о великом немецком «просветителе» Лессинге (подчеркнуто нами). Но если читатель даст себе труд ознакомиться с содержанием предлагаемой книги, то он увидит, что я именно называю Чернышевского «просветителем» и утверждаю, что его точка зрения была чрезвычайно близка к точке зрения французских «просветителей» XVIII столетия. Это очень похоже на отзыв Маркса о сочинениях Добролюбова. Правда, французские просветители не были социалистами. Но это частность, не имеющая значения там, где речь идет об общем миросозерцании данного автора. Ни один понимающий дело человек не откажется признать, что все французские социалисты утопического периода в своем основном взгляде на движущие силы общественного развития целиком стояли на точке зрения «просветителей» XVIII века. Теперь спрашивается: стоял ли Маркс на этой точке зрения? Неизбежный ответ: он покинул ее, чем и совершил переворот в будущей науке» (Плеханов, собрание сочинений, том V, стр. 129).

Впадает ли здесь Плеханов в противоречие с самим собой? Конечно, нет, ибо здесь речь идет не о социально-политической характеристике.

Ваганян упрекает Ярославского в том, что он, якобы, валит всех просветителей в одну кучу. Ваганян пишет: «Герцен, Белинский, Грановский, Добролюбов, Писарев—какая должна быть путаница в головах у наших авторов». Но в смысле характеристики общих черт просветительства можно было это делать? Мы отвечаем: да, можно. Никакой ошибки здесь нет. Вот у нашего критика, который, как ему кажется, путаницей в голове совсем не страдает, на странице 15 написано следующее:

> «Таков просветитель,—тот самый, который в 60-х годах был в России властителем дум; лучшими и крупнейшими представителями русского просветительства являются Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др.; крайним крылом—настоящим enfant terrible нашего просветительства был Д. И. Писарев, но этот гениальный юноша, приводивший в ужас многих и многих либеральных людей и умеренных «подданых благословенного царя», не без большого основания считал себя учеником школы Белинского».

В чем основная ошибка Ваганяна? Основная ошибка Ваганяна заключается в том, что он не понимает просветительства, как нарождающейся идеологии буржуазного строя и не видит разницы между общей характеристикой просветительства и и социально-политическими характеристиками различных классов и группировок, которые представляются в этот период в зародышевом состоянии.

Мы считаем не совсем правильной ту характеристику просветительства и революционного народничества, которую мы даем в первой главе. Но ошибка наша, как это и отмечала добросовестная критика,—ошибка незначительная; именно недоразумение.

Если взять связь со всем тем, что у нас написано о народничестве, либеральном и революционном, то природа просветительства и природа народничества поняты нами правильно. Мы допустили ошибку лишь в том, что недостаточно уточнили разницу между просветительством, как идеологией нарастающего буржуазного строя с социально-политическими характеристиками классов и групп, которые затушевали обще-просветительную идеологию в 60-х годах. Это легко исправимая ошибка. И мы ее исправим.

Мы особо остановились на вопросе о просветительстве, считая, что в оценке русского просветительства—народничества 70-х годов, к сожалению, договоренности в общем еще нет, что по этому поводу происходит одно чрезвычайно интересное и характерное недоразумение, что слишком обобщают и народничество 60-х и 70-х годов и народничество последующего периода, а между тем первое примыкает больше к революционному просветительству, чем к последующему эпигонскому народничеству. И не случайно Владимир Ильич подразделяет народничество 70—90-х годов на крестьянский и мещанский социализм, т.-е. на буржуазно-революционный и мелкобуржуазно-реакционный социализм, хотя, разумеется, и у того и у другого есть сходство—мелкобуржуазная критика капитализма.

В заключение мы хотели бы еще остановиться на типе построения нашего учебника. И по этому поводу у Ваганяна шуму сколько хочешь, а по существу ни одного слова. «Дикое непонимание задач учебника. Рекомендация его ГУС'ом топит репутацию ГУС'а, вызывает недоумение, что «Правда» рекомендует его комвузам и партвузам» и т. д., и т. д., — всего не перечесть. Лучше было бы, если бы Ваганян, хотя бы коротенько написал, как он понимает задачи учебника. Мы же, судя по отзывам критики, считаем, что тип учебника для наших парткомвузов совершенно правилен. Конечно, мы не думаем отрицать целого ряда недостатков в построении; кое-что можно будет сократить, кое-что, может быть, удалить, но тип в общем и целом единственно правильный и целиком оправдавший себя.

Приведя то место, где мы пишем, что главное внимание в учебнике уделяется вопросам организации, тактики и стратегии ВКП, вопросам партийного строительства, и поэтому, собственно, истории революционного движения в этом учебнике почти нет,—Ваганян пишет: «Поверить Ярославскому, значит принять «Историю ВКП» за историю развития организационных идей». Разве история тактики партии есть история организационных идей? Откуда же вытекает это «значит»? Это, разумеется, так и остается секретом т. Ваганяна.

Мы, к сожалению, очень мало останавливались на указаниях товарищеской критики. Само собою разумеется, мы сделали это только потому, что размер статьи не позволяет нам более подробно остановиться на этих указаниях. Мы сделаем это в самое ближайшее время, а сейчас заметим: кое-какие из этих замечаний мы намерены использовать в следующем издании книжки; кое-какие указания нам остались непонятными; кое с чем и не согласны. Во всяком случае мы еще раз пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность тем из товарищей, которые нам эти указания сделали.

Статья эта является коллективным ответом участников, составителей первого тома «Истории ВКП(б)». Мы сожалеем, что вынуждены тратить время для ответа на брошюру Ваганяна. Мы делаем это, конечно, не для того, чтобы убедить в чем-либо Ваганяна, а потому, что вынуждены защищать читателя от подобных нападений на большевистскую историю партии, каким является брошюра Ваганяна, позволяющая себе прямо третировать такие величайшие произведения ленинской мысли, как «Что такое друзья народа».

Майзлин.

Тов. Бухарин в борьбе против „оппозиционного" блока.

28 июля 1926 года тов. Бухарин делал доклад на собрании актива ленинградской организации, напечатанный в «Правде» под названием «Партия и оппозиционный блок». В этом докладе, произнесенном на активе крупнейшей пролетарской организации, допущены настолько неверные постановки серьезнейших вопросов нашей экономики и политики, настолько неверные толкования фактов нашей действительности, и такие искажения позиции тех товарищей, которые причисляются им к «оппозиционному блоку», что оставить их без ответа ни в коем случае нельзя.

I. Индустриализация.

Идем ли мы по пути индустриализации или нет? Достаточен ли темп этой индустриализации? С этим важнейшим вопросом тов. Бухарин разделывается с поистине гениальной простотой.

Он берет следующие данные: 1) с 1922—23 года по 1925—26 год валовая продукция сельского хозяйства выросла на 32%, валовая продукция промышленности—на 274% [1]). По намечаемому пятилетнему плану (с 1925—26 по 1929—30) предполагается увеличение валовой с.-хоз. продукции на 20,8% (товарной—на 43%), в то время, как увеличение промышленной продукции предположено на 110%. 2) Число промышленных рабочих с 1/VI 1925 по 1/VI 1926 года возросло больше, чем на 300 тыс. человек, т.-е. на 19 с лишком процентов—несравненно больше естественного прироста населения. 3) Сумма заработных плат в 1922—23 году составляла 20% всего национального дохода, в 1924—25 году—28% нац. дохода. Все эти цифры приводят тов. Бухарина в такой раж, что соответствующую часть своего доклада он озаглавливает уже: «О так называемой «диспропорции» в развитии сельского хозяйства и промышленности». О чем в самом деле беспокоиться? Кругом индустриализация—и в прошлом и в будущем, и в отношении продукции, и в отношении числа рабочих, и в отношении доли дохода последних. Не ясно ли, что всякие разговоры о росте диспропорции есть недопустимое сгущение красок и «неверие», в лучшем случае скептицизм в отношении социалистического строительства в нашей стране. Так ли это?

[1]) Тут, вероятно, впопыхах, Бухарин сделал «маленькую» ошибку. Продукция 1925/26 года составляет 274% продукции 1922/23 года. Значит, она увеличилась на 174, а не на 274%.

Мы не будем оспаривать цифр Бухарина—они общеизвестны. Отметим только, что, говоря о росте доли доходов рабочего класса в национальном доходе Союза, Бухарин забыл сказать, что сумма заработных плат, из которой он исходит, является суммой заработных плат не рабочих, а всех лиц наемного труда, т.-е. и торговых служащих и советских служащих. Не считает нужным он отметить и того, что в той же самой статье Гухмана в «Плановом Хозяйстве», из которой он берет свои данные, черным по белому написано, что в то время, как сумма заработных плат сов. служащих за 1923—24 год возросла на 94,8%, а торговых служащих—на 108,3%, сумма зар. плат рабочих крупной промышленности возросла только на 52%. Но это между прочим: возможно, что тов. Бухарину такими мелочами заниматься некогда.

Мы остановимся только на двух крупнейших вопросах. Казалось бы, что при таком «бешеном» развитии индустриализации товарный голод должен был бы, если не исчезнуть, то, по крайней мере, непрерывно ослабевать, а безработица, если не изживаться, то по крайней мере не увеличиваться. А на самом деле дело обстоит не так.

Самым надежным показателем роста или ослабления товарного голода является увеличение или уменьшение разницы между отпускными и розничными ценами. Совсем недавно (см. «Торг.-Пром. Газету» от 10/VI тек. года, № 131 «Движение оптового и розничного индекса» и от 29/VII 1926 г. № 170—«Оптово-розничные ножницы») индексная комиссия ВСНХ опубликовала подробный материал по этому поводу. Оказывается 1-го октября 1923 года розничная накидка на отпускные цены промышленных товаров широкого потребления составляла 8%, в 1923—24 году она составляет в среднем уже 27,4%, в 1924—25 году—43,4%, в первом полугодии 1925—26 года—55,3%, а в первые четыре месяца второго полугодия этого года—65%. Вместо изживания товарного голода мы имеем бешеный его рост.

За последний год (по 1 июня) мы втянули в производство, по Бухарину, целых 300 тыс. рабочих (на самом деле даже больше—около 400 тыс.). Но на ряду с этим в течение первого полугодия 1925—26 года—с октября по март (к сожалению, за предыдущее время сравнимых цифр, в связи с новой системой учета безработных, нет) число зарегистрированных на биржах труда безработных выросло с 952.300 чел. до 1.057.600, т.-е. увеличилось на 105 тысяч, или на 11% в полугодие. Безработица не убывает, а быстро растет.

Как об'ясняет Бухарин эти факты? Он молчит о них. А между тем, в них вся суть. Ведь нельзя же сводить вопрос к тому, как изменяется отношение между вещами—между сельскохозяйственной продукцией и продукцией промышленности: основной и решающий вопрос состоит в том, как эти изменения отражаются на людях и в первую очередь—на трудящихся массах—рабочем и крестьянине. А факт таков, что рост потребности в промышленных продуктах обгоняет производство их, а рост числа занятых в промышленности и транспорте рабочих отстает от количества рабочих рук, выбрасываемых из деревни. Изживание это диспропорции или рост?

Всякий разумный человек скажет, что рост, и бухаринской арифметикой от этого не отделаешься.

Так обстояло дело до сих пор. Какие же виды на будущее? Мы уже имеем разработанные ВСНХ предположения о развитии промышленности с 1925—26 г. по 1929—30 г. В рамках нашей экономической политики эти предположения никак не могут считаться преуменьшенными, наоборот: в то время, напр., как по этим предположениям в 1926—27 г. нужен ввоз оборудования для нашей промышленности на 200 миллионов рублей, сам ВСНХ не решается пред'явить такие требования, и настаивает на включении в импортный план предстоящего года ввоза оборудования только на 130 милл. руб. Таким образом, выполнение этих пятилетних предположений наталкивается на серьезнейшие препятствия уже в предстоящем году.

К чему сводятся эти предположения?

В 1913 году потребление предметов широкого потребления на душу населения составляло в современных червонных рублях (не считая водки) 30 руб. 42 коп. В текущем году оно составляет 21 р. 83 к., т.-е. 71,7%—меньше $^3/_4$ довоенного потребления, а в 1930 г. дойдет до 33 р. 22 коп., т.-е. составит 109,2% довоенного. Иначе говоря, средний уровень жизни населения за 17 лет (с 1913—1930) вырастет только на 9%. При этом такие предметы широкого потребления, как соль, керосин, не доходят до довоенного уровня (81% и 93%), а ткани—только-только доходят до него (бумажные—105%, а шерстяные—90%). Много это или мало? Думается, что после пролетарской революции, которая должна сопровождаться улучшением положения широких масс трудящихся—безусловно мало.

Но это среднее увеличение. А что оно будет означать для трудящихся? Косвенный ответ на этот вопрос дают следующие цифры пятилетних предположений.

По промышленности ВСНХ увеличение числа рабочих намечено с 1.454.000 человек в 1925—26 г. до 1.933.000 чел. в 1930 г., т.-е. за пять лет на 479.000 человек. Для всей промышленности это означает прирост, примерно, на 650 тысяч человек. Если считать, что прирост пойдет таким же темпом (33% в пятилетие) в транспорте и связи (где до сих пор он шел очень медленно), то и тогда прирост рабочих определится в размерах не более 1 миллиона человек в пятилетие, т.-е. около 200 тыс. человек в год. Между тем, по подсчетам проф. Огановского, отход рабочих рук из деревни в город в течение предстоящего пятилетия будет составлять от 450 до 600 тыс. человек в год. Цифры эти в отношении текущего года подтверждаются полностью, так как, увеличив в этом году число промышленных рабочих на 400 тыс., мы получили уже за полгода прирост безработных на 100 тысяч человек. Таким образом, если исходить из минимальных цифр отхода в города 450 тыс. человек, то и тогда промышленность и транспорт далеко не поглотят и половины той рабочей силы, которую будет выбрасывать деревня. Безработица будет расти. А эти незанятые рабочие руки будут всей силой давить в деревне на батрака и бедняка, усиливая их эксплоатацию кулаком. В городе же эти избыточные рабочие руки в лучшем случае будут делать крайне неустойчивым положение рабочего на фабрике. Таким образом, все говорит за то, что жизненный уровень деревенских низов и рабочих,

будет при этом плане, которым так доволен Бухарин, значительно ниже и так уже незначительного среднего уровня.

Будет ли изжит по крайней мере, товарный голод? Как ни преувеличивают у нас подчас значение крестьянского рынка, однако, несомненно, что в области спроса на продукты широкого потребления крестьянство в целом играет и будет играть первенствующую роль. А здесь, согласно тем же пятилетним предположениям ВСНХ, которые берет в основу своих построений тов. Бухарин, дело обстоит так: в 1913 году крестьянин потреблял промышленных продуктов вместе с водкой на 34 р. 22 к. (в современ. червон. рублях). В настоящем году он потребляет на 16 р. 50 коп. (по отпускным ценам, на деле он платит гораздо выше. Иначе говоря, его платежеспособный спрос гораздо выше того, что мы ему можем дать; отсюда и чудовищные накидки на промышленные товары в деревне, достигающие сплошь и рядом 100 и более процентов). В 1930 году мы сумеем предоставить ему промышленных товаров (с водкой, по отпускным ценам) только на 30 руб. 17 коп., т.-е. около 90% довоенной нормы. К этому времени продукция сельского хозяйства, как предполагает и тов. Бухарин, дойдет до 106% довоенной. А это значит, что платежеспособный спрос крестьянина будет значительно выше довоенного, ибо платежи крестьянства по аренде, налогам и проч. в результате ликвидации помещичьего землевладения, значительно ниже довоенных. (Ср. по этому поводу исчисления тов. Преображенского в его «Экономических заметках», напечатанных в свое время в «Правде»). Следовательно, платежеспособный спрос крестьянства покрыт не будет, и он вновь и вновь будет вздувать розничные цены на продукты промышленности, вновь и вновь создавать товарный голод.

Итак, намечаемые предположения развертывания промышленности, которые приводят в восторг тов. Бухарина, не дают возможности ни значительно увеличить благосостояние трудящихся—рабочих и крестьян,—ни сократить безработицу, ни изжить товарный голод. Можно ли это назвать изживанием диспропорции? Разумеется, нет.

Каким же образом тов. Бухарин сумел в своем докладе уклониться от этих само собой напрашивающихся выводов и «уничтожить» диспропорцию? На три четверти это сделано путем очень простых, но не очень ловких фокусов. Вот эти фокусы.

Фокус № 1. Мы дошли в производстве промышленных товаров почти до довоенного уровня (95%). Но т. Бухарин предпочитает умолчать о том, что население выросло с 1913 года не менее, чем на 20%. По этому одному нехватка промышленных продуктов неизбежно должна была оказаться гораздо больше, чем это получается, если обращать внимание только на отношение современной продукции к довоенной. Бухарин предпочитает также забыть и о том, что от нас отошли западные области—Польша, Литва, Латвия и Эстония с более развитой промышленностью, чем в среднем по СССР, и что это усилило диспропорцию внутри последнего. Таким образом, если бы промышленность даже достигла по СССР довоенного уровня, то нехватка продуктов промышленности была бы больше, чем в довоенное время. Именно поэтому-то, когда промышленность не дошла до довоенного уровня только на 5%, душевое потребление продуктов промышленности (широкого потребления) не дошло до довоенного на 28%.

Фокус № 2. Тов. Бухарин начинает счет роста промышленности и сельского хозяйства с 1922—1923 года, когда продукция промышленности составляла только 35% довоенной, а сельское хозяйство—67%. Ясно, что восстановление промышленности (при огромных резервах неиспользованного оборудования) не могло не итти несравненно быстрее сельского хозяйства, и приходить здесь в восторг нет оснований. Ведь при «бешеном» темпе роста за эти годы—на 174%—она должна только до 95% довоенной. Если бы с 1922—1923 г. промышленность и сельское хозяйство развивались одинаковым темпом, то мы имели бы не хозяйственные затруднения и даже не кризис, а хозяйственную и политическую катастрофу.

Фокус № 3. Тов. Бухарин «забывает», что увеличение продукции промышленности и развитие промышленности далеко не одно и то же. До сих пор наша промышленность развивалась в общем и целом не за счет создания нового оборудования, а за счет более полной загрузки работавших и пуска в ход стоявших заводов. Только поэтому при ограниченных средствах, бывших в распоряжении промышленности она могла дать тот темп развертывания (все же недостаточный), который мы имели до сих пор. Мы усиливали продукцию на основе старого оборудования, доставшегося нам в наследство от буржуазии. Серьезным экзаменом для нашей экономической политики с точки зрения способности ее осуществить индустриализацию страны, будет как раз тот период, когда увеличивать продукцию промышленности мы сможем только путем расширения старых и постройки новых заводов. Этот период только еще начался в 1925—26 году, еще подавляющую часть увеличения продукции мы производим за счет старого оборудования, а уже натолкнулись на серьезные затруднения: и резкий рост товарного голода, и снижение покупательной способности рубля, и связанные с этим заминки в экспорте, и снижение реальной заработной платы. Наша экономическая политика не выдержала первого же года серьезной проверки и чем дальше, тем несостоятельность ее будет становиться яснее.

Таковы фокусы тов. Бухарина. Но на ряду с этим он, очевидно, до сих пор не может понять самого смысла нашей политики индустриализации.

В самом деле, индустриализация является общим законом и общим условием развития производительных сил во всякой стране и во всяком обществе. Начинается она, как ему должно быть хорошо известно, еще с того времени, когда ремесло обособляется от земледелия в качестве самостоятельной профессии, т.-е. задолго до отделения города от деревни. Если бы дело шло только о том, чтобы промышленность развивалась быстрее сельского хозяйства, то и спорить было бы не о чем. Эта задача разрешалась даже при крепостном праве. Речь идет о том, чтобы мы, как пролетарское государство, осуществившие национализацию промышленности (и национализацию земли), использовали это завоевание революции для более быстрого темпа развития, для большего темпа инду-

стриализации, чем это могло бы сделать капиталистическое общество. Поэтому говорить, что «индустриализация нашей страны это есть в первую очередь повышение удельного веса нашей промышленности во всей совокупной экономике страны», как это делает Бухарин, и только—значит показывать полное непонимание сути дела. Вопрос как раз в темпе этого повышения.

Даже в капиталистическом обществе этот темп должен быть достаточен для того, чтобы 1) обеспечить известный рост душевого потребления; 2) обеспечить рост производства средств производства в таком размере, чтобы и промышленность и сельское хозяйство поднимались на все более высокую техническую ступень, т.-е. увеличивали производительность труда за счет технических улучшений процесса производства, и 3) обеспечить поглощение освобождающихся в результате технического прогресса рабочих рук. Мы видели, что даже эти задачи тем темпом развития, который мы имели до сих пор, и тем, который намечается в будущем, далеко не обеспечены.

А между тем, на нас, как на пролетарском государстве, лежат и более серьезные задачи. Прежде всего не только увеличение среднего душевого потребления, но и рост благосостояния трудящихся вообще и пролетариата в частности,—и притом более быстрый, чем в передовых капиталистических странах, и притом—без колониальной эксплоатации. А, кроме того, развитие производительных сил должно у нас сопровождаться ослаблением классовых противоречий, а не усилением их. Здесь мы подходим к вопросу о крестьянстве.

II. Крестьянский вопрос.

В корне неправильным является взгляд, довольно широко распространяющийся в последние годы в нашей партии и сквозящий у тов. Бухарина, будто бы индустриализация является процессом, враждебным сельскому хозяйству, в корне неправильная боязнь «обидеть» крестьянина индустриализацией. Поневоле приходится напоминать азбучные истины, что самое развитие сельского хозяйства возможно только на базе индустриализации, что только при замене сохи плугом, плуга—трактором, только при развитии так называемой сельскохозяйственной промышленности (сахарных заводов, заводов по первичной обработке сельскохозяйственного сырья и т. п.), только при развитии электрификации сельское хозяйство может повышать свою технику, повышать производительность труда, степень урожайности, переходить на новые культуры и пр. Только индустриализация одновременно создает и более высокую технику сельского хозяйства, вызывающую усиленный спрос со стороны его на продукты промышленности, и новые рынки сбыта для сельскохозяйственной продукции, т.-е. усиление его товарности. Одностороннее усиление этой товарности без индустриализации и изменения техники сельского хозяйства характерно как раз для колониальной политики капиталистических стран, ведущей неизбежно к пауперизации (обнищанию) крестьянства. Испытанными средствами такого усиления товар-

ности является сбыт в колонии всякой промышленной дряни—дешевых и негодных предметов потребления, опиума, водки и т. п. Разорение крестьянства, с одной стороны, развитие эксплоататорских отношений внутри деревни—кулачества и ростовщичества—таков неизбежный результат такой политики. Это, конечно, не наша политика.

Борьба против классового расслоения деревни далеко не простое дело. Наивно было бы считать, что это расслоение является результатом злой воли кулака, поставившего своей задачей эксплоатировать своего ближнего. При крайней неустойчивости мелкого хозяйства, когда всякая случайность (падеж скота, градобитие, неурожай)[1]) выбивает его из колеи, более зажиточная часть деревни сосредоточивает в своих руках резервы крестьянского хозяйства, за счет которых «помогает» своим односельчанам, когда те попадают в беду. Эта «помощь» в условиях частного хозяйства неизбежно превращается в эксплоатацию того, кому «помогают». Уничтожить эту эксплоатацию можно только в том случае, если «помощь» в частнособственнических формах будет уничтожена и заменена действительной помощью со стороны обобществленной части народного хозяйства. Чем больше мощь государственной промышленности, с одной стороны, государственных финансов и кредита—с другой, чем больше эти последние опираются на национализированную промышленность, тем легче будет переход мелкого собственника к социалистическому производству через промежуточную форму кооперации. Наоборот, чем слабее государственная промышленность, чем неустойчивее ее финансовое положение, чем более государственные финансы и особенно кредит опираются на частное хозяйство, тем легче развиваются в мелком хозяйстве капиталистические тенденции. Если промышленность не в состоянии продавать свои товары (особенно сельскохозяйственное оборудование) в кредит, то они неизбежно попадают в руки более богатого крестьянина, который в состоянии заплатить наличными, и служат в его руках орудием закабаления бедноты. Сама кооперация вне материальной поддержки и контроля со стороны пролетарского государства, или при недостаточности этой поддержки, стихийно стремится развиваться как кооперация зажиточной части деревни, т.-е. как элемент капиталистического, а не социалистического развития. Яркой иллюстрацией этого является уже неоднократно отмеченное стремление нашей кооперации кредитовать «мощного» середняка (при небольших средствах—безопасней и выгодней), у которого и ссуда не пропадет и от которого можно ожидать и вклада. Еще более показательно выдвинутое недавно предложение разрешить продажу за долги у неаккуратного заемщика даже необходимого инвентаря. Осторожность в развитии индустриализации из боязни обидеть крестьянина и вытекающая из этой осторожности слабость государственного хозяйства на деле ведут к тому, что в нашей деревенской политике мы все более должны опираться на зажиточные слои

[1]) Кстати, нельзя не отметить, что происходившее в последние годы чередование неурожайных и урожайных годов было самой благоприятной почвой для расслоения деревни. Закабаляя своего соседа в годы неурожая, более зажиточный крестьянин в урожайный год реализовал свои кабальные сделки и превращался в кулака.

крестьянства. При слабом темпе индустриализации смычка с крестьянством неизбежно превращается в смычку с кулаком. Бедняк поворачивается спиной к пролетарскому государству, которое не может ему помочь. А так как именно бедняцкие слои деревни являются тем резервуаром, откуда пополняется рабочий класс, то бедняк, попадая в город, становится проводником мелкобуржуазных влияний на рабочий класс вместо того, чтобы быть проводником пролетарского влияния на крестьянство.

Всего этого тов. Бухарин совершенно не понимает. Самый факт расслоения крестьянства для него не существует, несмотря на то, что крестьянство задержало в этом году значительные запасы хлеба до весны (не бедняки же это сделали!), несмотря на рост числа бедняцких хозяйств, на усиление кулака в кооперации и советах. Со своей обычной приверженностью к теоретическим построениям и нелюбовью к изучению фактов, он старается «доказать теоретически», что степень расслоения крестьянства преувеличивается «оппозицией»: «У нас при национализации земли,—говорит он,—такого быстрого темпа расслоения *быть не может*» (курсив наш). И затем сославшись на одну из речей Ленина, но благоразумно не цитируя ее, он продолжает: «Поэтому, чтобы вам ни говорили (!), мы никак не можем притти к выводу, что за последние два года у нас картина могла резко перемениться в смысле дифференциации крестьянства. Этого быть не может!» Когда теоретик начинает опровергать факты теорией вместо того, чтобы строить теорию на фактах,—это означает последнюю степень теоретического падения!

Закрывая глаза на факты, истерически крича «не может быть!» тов. Бухарин не желает знать ни бедняка ни кулака. Для него существует только крестьянство вообще, союз с *крестьянством*. Говоря о политическом положении страны, он лишь для порядка поминает разок «бедняцкие массы» [1]), главное же для него «успокоение крестьянства и успокоение крестьянской середняцкой массы». «Для крепости пролетарской диктатуры,—пишет он жирным шрифтом,—политическое состояние крестьянства является одним из самых решающих факторов». Точно так же и по отношению к кооперации: посвятив ей всего два десятка газетных строк, он констатирует только ее количественный рост. Что за этим ростом скрывается, его не интересует. Что общего здесь с Лениным, который всегда подчеркивал, что союз с середняком только тогда обеспечивает диктатуру пролетариата, когда он *осуществляется через бедняка*, когда он является союзом рабочего и бедняка с середняком. Упрекая тов. Преображенского в упрощенной постановке вопроса, он сам делает недопустимейшее упрощение—упрощение классовых отношений внутри крестьянства. Для него существуют три разгороженные друг от друга глухой стеной класса: пролетариат, крестьянство, буржуазия. Он не понимает и не хочет понимать, что нет этой глухой стены ни между низшими слоями крестьянства и пролетариатом (именно поэтому через

[1]) Во всем докладе Бухарина, направленном на защиту крестьянства от «сверх-индустриализаторов», самые слова «бедняк» и «кулак» употребляются только по два раза.

бедняка идет смычка) ни между верхушкой крестьянства и буржуазией (именно поэтому опасность разрыва союза пролетариата и крестьянства сразу усиливается, как только эта буржуазия появляется). Вместо диалектической постановки вопроса—сплошная метафизика.

III. Частный капитал.

Так или иначе, тов. Бухарин теоретически «доказал», что если кулак и есть, то самый пустяковый (всего два года от роду, откуда же ему большим быть). Наличие частного капитала отрицать труднее,—статистика, которая так и не могла подсчитать, сколько у нас кулаков, частных торговцев подсчитала весьма точно—323.855 человек. Менее точно (устами Кутлера), она подсчитала и прибыли частного капитала в 1924—25 г. от 319 до 585 миллионов рублей—сумма почтенная. Но тут Бухарину приходит опять на помощь его арифметика.

Основной вывод тов. Бухарина: доходишки у частного капитала есть, но накопление самое пустячное. Доказательство: частные торговцы подобно всем людям имеют семьи. Если положить расхода на каждую семью по 1.000 руб. в год (еле-еле прожить!), то это будет уже 323 миллиона рублей. Если взять за действительную сумму доходов частного капитала цифру среднюю между крайними цифрами Кутлера — 319 и 585 млн. рублей, то получим 400 миллионов рублей. (Кстати: средняя между 319 и 585 будет не 400, а 452, но это по секрету). Тогда на накопление останется только 73 миллиона рублей. А если—прибавим от себя—взять не по 1.000 руб., а по 1.500 рублей в год,—тоже при нынешней дороговизне и большой семье не так много,—то, даже при правильном подсчете средней, ничего не останется. Какое же тут накопление?

Теперь понятно, почему Бухарин никак не может поверить, что существует кулак. По самым оптимистическим подсчетам (см. ту же статью Гухмана в № 12 «Планового Хозяйства») доход крестьянского хозяйства определялся в 1923—24 году в 363 черв. руб. в год. Это почти втрое меньше тысячи. Откуда же тут взяться накоплению? Даже на Ленина и национализацию земли ссылаться не стоит! Лишь бы с голоду не помереть.

Приходится открыть тов. Бухарину еще один секрет: хотя крестьянских семейств больше 20 миллионов, а семей торговцев, вероятно, все-таки немножко больше 323 тысяч (не все попадают на учет), тем не менее они не об'единились еще в две больших семьи и не делят доходов поровну. А поэтому: мелкие торговцы, если даже цифры Кутлера и не преуменьшены [1]), могут проживать и меньше тысячи, а крупные загребать барыши, которых хватит и на накопление. Что ежели, например, половина торговцев (из

[1]) А они, конечно, преуменьшены: Кутлер дает подсчет доходов только тех частных капиталистов, которые зарегистрированы (т.-е. платят налог, берут патенты) и т. п. Между тем у нас есть немалая и больше всех наживающаяся группа буржуазии, которая не регистрируется, которая не имеет торговых помещений, а занимается только спекуляцией, т.-е. перепродажей и переотправкой товара, или ростовщичеством. Подсчитать доходы этой группы даже теми косвенными методами, которыми пользовался Кутлер, нельзя. Но что эти доходы весьма велики, видно из того, что на частном денежном рынке за занятые деньги платят от 7 до 10% в месяц—и это по таким сделкам, платеж по которым вполне обеспечен.

малосемейных) получает дохода и расходует только по 800 руб. Это составит на всех них только около 130 миллионов рублей. Тогда остальной половине останется уже 320 миллионов рублей, т.-е. уже по две тысячи рублей на брата. А что ежели из этой половины одна половина получит дохода, ну, скажем, по 1.500 рублей, сколько тогда останется другой половине и сколько она накопить сможет. Можно такое вычисление продолжить и дальше. Но пусть это сделает сам тов. Бухарин. Он в теоретических выкладках, то-бишь, в арифметических упражнениях, мастак[1]). Моя же скромная задача заключалась только в том, чтобы показать, что такими приемами, какими действует Бухарин, экономисту действовать негоже. Ведь ежели все доходы делить поровну, то можно притти к выводу, что не только у нас кулака, но и в капиталистических странах капиталистов быть не может.

Предположим, впрочем, на время, что наши частные торговцы к радости тов. Бухарина все с'едают (курсив заимствован у т. Бухарина). Хорошо это или плохо?

Частные торговцы получают свои доходы, главным образом, от продажи по высоким ценам продуктов промышленности. В этой промышленности в 1924—25 году было занято 1.890.000 рабоч. [2]). По данным Центрального бюро статистики труда, они получали в среднем 43,5 руб. в месяц, т.-е. 522 руб. в год (хотя также имеют привычку обзаводиться семьями). Это составит на всех около 987 м. р. в год. Правильна ли та политика, при которой одни только частные торговцы (не считая кооперации, где одни только служащие получили в том же году 143 м. р.) получают больше половины того дохода, который зарабатывают рабочие, производящие ту продукцию, которой эти торговцы торгуют? Как будто неправильна.

В 1924—25 г. промышленность получила прибыли около 400 милл. руб. Правильна ли та политика, при которой частные торговцы получают прибыли больше, чем крупная национализированная промышленность, нуждающаяся в крупных капитальных затратах для удовлетворения товарного голода? Неправильна!

И еще одно: в текущем году прибыли частного торговца будут значительно больше—за миллиард перевалят. Но что если и число их увеличится до 1 миллиона—опять по 1.000 на брата придется. В чем тут дело?

А дело в том, что не только доходы частных торговцев чересчур велики, но и их самих чересчур много. В самом деле, в 1924—25 году всех служащих государственной и кооперативной торговли было 370 тыс. человек. А тут одних торговцев, не считая их служащих (по статистике—120 тыс. человек), 323 тыс. А ведь, по Бухарину, через них проходит только 40% всей продукции. А штаты кооперации, как всем известно, значительно раздуты—частник, по всем отзывам работает с меньшим людским аппаратом. Для чего же нужна такая масса торговцев? Что-то неладно!

А дело просто. Именно потому так и раздут торговый аппарат,—и кооперативный и частный,—что на перепродаже товара можно заработать при нашей политике цен очень много. Товар переходит через десятки рук—от кооперации к частнику, от частника к кооперации и т. д. Торговля переходит в спекуляцию. Торговцев потому так и много, что там много просто спекулянтов, которые для правильного продвижения товаров к потребителю не только не нужны, но и вредны. И если эта вредная для хозяйства орава даже только кормится, не накопляя, то уже это одно—огромный вред для народного хозяйства, когда заработная плата низка, когда нужно не кормить спекулянтов, а производить побольше оборудования, сырых материалов, вывозить наши товары за границу, чтобы получать оттуда оборудование и т. д. Именно в этой-то области никакого «режима экономии» нет. А завести его необходимо.

[1]) Только для того, чтобы помочь т. Бухарину в этих выкладках, укажем ему на ст. Гухмана в № 5 «Планового Хозяйства», стр. 270. Там он увидит, что число служащих частной торговли составляет 120 тысяч человек. Таким образом, число хозяев превышает число служащих на 203 тыс. человек, т.-е. больше чем в 2½ раза. Пусть теперь Бухарин решит, сколько из этих предпринимателей таких, которые работают без служащих, каков размер их семейств, сколько доходу надо положить на каждого и сколько останется тогда тем, которые занимаются более или менее крупной торговлей и спекуляцией.

[2]) См. «Плановое Хозяйство» 1926 г. № 7, стр. 254. Нам не совсем ясно, откуда тов. Бухарин взял цифру 1.550 тыс. человек.

IV. Политика цен.

Мы упираемся здесь в вопрос о политике цен. И тут негодование тов. Бухарина доходит до высшей точки: нарушение «ленинского завета, который гласит, что наша промышленность должна давать деревенскому хозяйству продукты дешевле, чем давал капиталист». Отказ от политики «постоянного снижения цен на основе понижения себестоимости, на основе упорядочения нашего государственного хозяйственного аппарата». Забвение того, «что всякая монополия (и монополия внешней торговли) таит в себе известного червячка, известную опасность некоторого загнивания», что «у нас государственная свермонополия» (значит, она, чего доброго, таит в себе не «известного червячка», а сверх-червя—прямо жутко!), что если мы не будем давить на кадровый состав, толкать на то, чтобы они удешевляли производство, чтобы они вели его лучше, тогда совершенно естественно (курсив наш) мы будем иметь все данные для монопольного загнивания». (Ну, и хлопот же с этой сверхмонополией, которая совершенно естественно стремится к загниванию—только и думай о том, чтобы покрепче давить!). Таковы тяжкие обвинения, выдвигаемые Бухариным.

Вопрос о политике цен поднимается не в первый раз. Еще недавно в «Красной Нови» была помещена статья тов. Смирнова, направленная против нашей политики цен. Ответа до сих пор на нее не последовало. Напротив того, опубликованная ВСНХ работа о движении отпускных и розничных цен показывает, что если там и были ошибки, то совсем не в ту сторону, чтобы можно было признать правоту тов. Бухарина. В самом деле, там подсчитано, что за 1923—24 г. розничные накидки выросли на 14,5% оптовой цены, а оказалось, что они увеличились на 17,8%. За 1924—25 г. по подсчетам т. Смирнова они были выше 1 октября 1923 г. на 20,3%, а на деле вышло на 32,7%. За 1-е полугодие текущего года статья скромно определяла тоже превышение в 25,7%, а по данным ВСНХ выходит 43,6%. Единственно, в чем подсчеты ВСНХ расходятся с подсчетами Смир-

нова в обратную сторону,—это в том, что ВСНХ считает накидки 1 октября 1923 года ненормально низкими. Можно согласиться с этим; но и тогда накидки сверх нормы составляют по собственным подсчетам ВСНХ в 1923—24 году—7,4% отпускной цены, в 1924—25 г.—23,4%, в 1 полугодии 1925—26 г.—35%, а в первые четыре месяца второго полугодия—целых 45% (см. №№ 131 и 170 «Торг.-Пром. Газеты»). Таким образом, если и согласиться на поправку ВСНХ, то подсчеты т. Смирнова оказываются преувеличенными лишь для 1923—24 года, для остальных же двух годов они страшно преуменьшены.

Считает ли т. Бухарин нормальными такие накидки, которые в этом году превышают довоенные втрое. Попытался ли он об'яснить, почему наша политика понижения розничных цен в течение почти трех лет терпит неудачу? Не попытался. Как же может он требовать, чтобы ему поверили на слово?

И пусть не думают, что такие накидки существуют только у частника: стоит только посмотреть систематически отдел «Торг.-Пром. Газеты» под названием «Борьба за снижение розничных цен». Там вы найдете массу корреспонденций о том, что такой-то и такой-то губторг постановил снизить розничные цены, но все сообщения о фактической высоте розничных цен даже в кооперации пестрят накидками в 50, 60, 90, 100 и даже 125% (см., напр., № 128 от 6/VI). Что-то здесь опять неладно!

А неладно то, что я указал уже в начале статьи: потребление крестьянством пром. товаров (широкого потребления) составляет по отпускным ценам 16 р. 51 к., в то время как в довоенное время оно составляло больше 34 рублей. А нет никаких оснований полагать, что покупательная способность крестьянства сейчас значительно ниже довоенной: если продукция сельского хозяйства и не дошла еще до довоенной, зато крестьянство и обязательных платежей имеет гораздо меньше, да и водка, потребление которой из всех промышленных товаров стояло в бюджете крестьянина на первом месте, теперь играет в нем гораздо меньшую роль. От этого и вздуваются цены, и пока мы не увеличим количества товаров, до тех пор низких цен установить не удастся. Опыт 2 годов 10 месяцев показывает это неоспоримо. Впрочем, Бухарин, как мы уже видели, не признает опыта—теоретические измышления, виноват, построения ему больше нравятся.

Верно ли, что розничные цены, т. е. те цены, по которым действительно покупает крестьянин, только на 2½% сейчас (на 1 июля) ниже тех цен, которые были у нас в начале октября 1923 года—перед знаменитым «кризисом»? Верно ли, что с этого времени они ни разу не спускались больше чем на 20%, в то время как наши отпускные цены уже к 1 ноября 1924 г. снизились на целых 37% и с тех пор стоят на этом уровне? Верно ли, что сверх тех накидок на товары, которые были в довоенное время, и которые оплачивали и торговые расходы и прибыль капиталиста, мы в прошлом году дали торговле (и государственной, и кооперативной, и частной) по самым скромным исчислениям около 500 м. р., а в текущем даем во всяком случае порядком больше миллиарда, в то время как «давление» на промышленность (чтобы не загнивала!) доходит до того, что она не всегда имеет возможность во-время выплачивать заработную плату рабочим? К сожалению, все это верно. Слыхано ли в какой-нибудь даже капиталистической стране, чтобы торговый капитал в течение двух лет имел такие накидки на товары, которые вот уже больше двух лет имеются налицо у нас? Не слыхано. Единственным оправданием этого может служить лишь расчет на то, что частный капитал, развращенный высокими прибылями, в конце концов, несмотря на спасительную конкуренцию, «загниет». Блажен, кто верует!

А верно ли, что кто-то проповедует политику постоянного повышения цен? Не верно. Верно только то, что нелепо держать низкие отпускные цены в то время, как розничные остаются непомерно высокими, верно то, что, желая помочь крестьянину, не следует давать средства спекулянту даже в том случае, если бы он дал подписку ничего не накоплять, а все проедать. Гораздо лучше, повысив сейчас отпускные цены и тем сократив прибыли торговца, не дать ему проедать продукцию сельского хозяйства и промышленности и обратить эти средства на то, чтобы повысить заработную плату рабочему, усилить кредит бедняку и дать более быстрый темп развитию промышленности,—такой темп, который не отставал бы от роста потребностей народного хозяйства в ее продуктах. Только тогда мы добьемся, как действительного снижения цен на товары—благодаря насыщению ими рынка—так и возможности для промышленности выдержать низкие цены—благодаря постройке новых фабрик и заводов с улучшенной техникой, с меньшими затратами труда на единицу продукции. Только тогда мы достигнем действительного, а не фиктивного понижения цен, только тогда мы выполним завет ленинизма, что мы должны давать крестьянину товары лучше и дешевле, чем капиталист. Кричать на словах о заветах ленинизма, а на деле иметь в июле 1926 г. такие же цены на пром. товары, как в октябре 1923 г.—это не ленинская политика.

Разумеется, это временное повышение цен надо производить не сразу, а осторожно, прощупывая рынок. Разумеется, всякие признаки затоваривания, залежи товаров на складах, должны означать, что это повышение цен необходимо прекратить. Но при всей осторожности эта операция должна быть проведена твердо и неуклонно. А провести ее необходимо, потому что даже на то совершенно недостаточное развертывание промышленности, которое намечено планами ВСНХ, средств может не хватить. Если использовать для развертывания промышленности все те прибыли, которых можно ожидать при существующей политике цен, и все амортизационные отчисления в том размере, в каком они установлены, да еще увеличить задолженность промышленности банкам на 500 милл. руб., то и тогда на пять лет остается дефицит в 1.300 мил. руб.[1]). В год это составляет 260 мил. руб. В текущем году разница между дотацией промышленности из бюджета и отчислениями прибылей промышленности в бюджет составила только 30 милл. р. Следовательно, уже эта сумма в 260 милл. руб. означает усиление поддержки промышленности со стороны бюджета почти в 9 раз. А ведь самая программа, для которой требуется такое напряжение

[1]) При этом здесь серьезные основания думать, что исчисление средств, необходимых для намеченного ВСНХ развертывания, значительно преуменьшено.

средств, недопустимо мала и должна быть значительно расширена, если мы хотим провести действительную индустриализацию, действительно строить социализм, а не успокаиваться на бухаринской арифметике. Тот миллиард с лишком, который попадает в этом году за-зря нашему торговому аппарату—государственному, кооперативному и частному,—аппарату, страдающему непомерно разбуханием, здесь бы весьма пригодился. И будет преступлением, если мы при этой обстановке, ради фиктивного понижения цен будем продолжать давать неслыханно наживаться частному капиталу, как это делали до сих пор, будем своими руками задерживать развитие промышленности и создавать ту буржуазию, уже не мелкую, рост которой представляет величайшую опасность для союза рабочего класса с крестьянством.

Очень часто приходится слышать, что повышение цен ударит по рабочему, который покупает товар в кооперативах, торгующих с нормальными накидками. Если повысить отпускные цены, то частника-то это зажмет, он сможет сократить свои непомерные прибыли, а вот кооперация-то вынуждена будет повысить цены. Верно ли это?

Во-первых, кооперация продает по более или менее «божеским» ценам только в городах, да еще преимущественно крупных. В деревне и глухих местах, как мы уже говорили, она дерет немного меньше частника. Во-вторых, далеко не все рабочие покупают в кооперативах—там сплошь и рядом товаров нет, потому что товар уходит к частнику, который может купить его дороже, чем кооператив, и потом покрыть эту разницу за счет потребителя. В-третьих, если частник имеет слишком высокие прибыли, то кооперация имеет слишком раздутые штаты: где частник имеет одного служащего, кооперация сплошь и рядом имеет 4 или 5 и, кроме того, работает с слишком большими накладными расходами. Следовательно, она может и должна пожаться за этот счет. Но предположим даже, что рабочий все покупает в кооперативе, предположим, что кооперация повысит цены на товары настолько же, насколько мы повысим отпускные цены. Тогда, разумеется, рабочим надо возместить эту потерю путем повышения зарплаты. Во что это обойдется?

Мы имеем сейчас рабочих в промышленности (и крупной и мелкой) несколько меньше $2\frac{1}{2}$ миллионов человек (См. «Плановое Хозяйство», №7, стр. 254). Заработная плата в червонных рублях составляет в среднем около 50 руб. в месяц, т.-е. 600 руб. в год. На всех рабочих это составит полтора миллиарда рублей. На продукты промышленности рабочий тратит не более $^2/_5$ своего заработка. Следовательно, все рабочие тратят на покупку продуктов промышленности не более 600 млн. руб. в год.

Накидки на товары широкого потребления составляют по тем же подсчетам ВСНХ в среднем за 10 месяцев этого года 40% сверх нормы. Предположим, что мы повысим наши отпускные цены на 30% (разумеется, как мы уже говорили, это можно произвести не сразу, а постепенно, с осторожностью), тогда всем рабочим придется заплатить за то же количество продуктов промышленности не 600, а 780 мил. руб., т.-е. им нужно будет для этого увеличить зарплату на 180 миллионов рублей. Это самое большее, что мы потеряем на повышении цен. А что мы выиграем?

Мы производим в этом году предметов широкого потребления на 4 миллиарда руб. по отпускным ценам, на которых торговцы

получают сверх нормальной прибыли по 40 коп. на рубль. Если мы повысим цены на эту продукцию на 30%, то выиграем на этом же 1.200 милл. руб. Если даже окажется, что рабочие действительно потеряют на повышении отпускных цен все 180 милл. руб. (что мало вероятно) и, следовательно, на эту же сумму мы увеличим им заработную плату, то и тогда у нас останется 1 миллиард рублей, который мы можем направить и на дальнейшее улучшение жизни рабочего и на усиление капитальных затрат[1]). Это гораздо лучше, чем предлагать рабочему, у которого зарплата за полгода понизилась на 12,5%, потерпеть, пока снизятся розничные цены. Беспокоиться о 180 милл. руб. для рабочих и терять из-за этого 1.200 милл. руб. не очень-то разумно. Повышение отпускных цен ударит не по рабочему, а по спекулянту и по нашему раздутому торговому аппарату.

Итоги.

Таковы взгляды тов. Бухарина, такова та политика, которую он рекомендует партии пролетариата. Сделаем им краткую сводку.

1) В области индустриализации—полное непонимание тех задач, которые стоят в этой области перед нами, как перед пролетарским государством.

2) В области крестьянского вопроса—отказ от ленинской формулы союза рабочих и беднейшего крестьянства с середняком, и переход на формулу союза с крестьянством вообще. Трусливое закрывание глаз на происходящее расслоение крестьянства («что бы нам ни говорили... этого быть не может»). Фактически это означает курс на смычку с кулаком.

3) По отношению к частному капиталу—попытки оправдать огромные (даже по цифрам Кутлера) доходы частного капитала тем, что этих капиталистов много и на каждого приходится пустяки, и фактическое покровительство ему путем сохранения низких отпускных цен, несмотря на рост розничных.

4) По отношению к национализированной промышленности своеобразная теория, что национализированная промышленность из-за отсутствия свободной конкуренции, без нажима на нее сверху «совершенно естественно» стремится к загниванию.

5) По вопросу о положении рабочих неопределенные фразы о том, что нужно «подработать» (!) вопрос о возможности повышения реальной заработной платы и вести борьбу «за оздоровление режима экономии». Во всем докладе он счел возможным ни разу не упомянуть о том, что реальная заработная плата с октября 1925 года снизилась во втором квартале на 12,5% (в октябре по данным Центр. бюро статистики труда уровень ее составлял 101% довоенного, теперь 88,4%). А на ряду с этим в ряде своих выступлений тот же Бухарин требование повышения зарплаты называл демагогией.

Как же это можно связать с ленинизмом?

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция отмечает, что настоящая статья до присылки ее в редакцию являлась нелегальным документом оппозиции, распространявшимся среди членов московской организации.

---

[1]) Все капитальные затраты составят в этом году не более 800 миллионов рублей.

Дм. Марецкий.

Хозяйственная платформа об'единенной оппозиции.

Статья тов. Майзлина—или того, кто под псевдонимом Майзлина скрывается—формально направлена против одной из речей тов. Бухарина.

По существу же, как это должно быть ясно всякому, кто со статьей тов. Майзлина ознакомится, она направлена целиком против политики Центрального Комитета нашей партии. Заголовок произведения Майзлина «Тов. Бухарин в борьбе против оппозиционного блока» дан умышленно «скромнее», нежели действительное содержание статьи. Не против ЦК, мол, но против тов. Бухарина направлены ядовитые стрелы майзлинской критики—таков незамысловатый стратегический прием автора.

Между тем в статье Майзлина поднят—удачно или неудачно, это мы увидим ниже—целый ряд животрепещущих вопросов нашей партии, касающихся основных путей нашей политики.

Такие вопросы, как вопрос о строительстве социализма в нашей стране, как вопрос об индустриализации и ее темпе, как вопрос о нашем отношении к крестьянству и его различным слоям, как вопрос о частном и социалистическом накоплении, как, наконец, вопрос «о единстве и расколе» в наших рядах—получают в статье Майзлина совершенно определенное освещение.

Тов. Майзлин об'являет хозяйственную политику партии (а хозяйственная политика есть, как известно, решающая политика) «несостоятельной». «Наша экономическая политика не выдержала первого же серьезного года проверки (имеется в виду 1925—26 год, предыдущие годы автор, очевидно, считает «несерьезными». *Д. М.*), и чем дальше, тем несостоятельность ее будет становиться яснее».

Но этого мало для сурового ниспровергателя Бухарина и «нашей экономической политики» в ее настоящем и даже будущем. «Наша экономическая политика» не просто «несостоятельна», ошибочна, но она имеет весьма одиозную классовую подкладку. Наша политика, по мнению Майзлина, «не ленинская», не пролетарская политика, но такая политика, которая ведется об'ективно в интересах частнокапиталистических элементов нашего хозяйства (как в городе, так и в деревне). Благодаря той политике, которая фактически ведется, мы, по словам Майзлина, «своими руками создаем» враждебную нам буржуазию, способствуем ее быстрому обога-

щению, одновременно держа курс, при котором «мы все более должны опираться на зажиточные слои крестьянства».

«Несостоятельность» нашей экономической политики, которая означает «фактический курс на смычку с кулаком» и политику «собственноручного» выращивания нэпманской буржуазии—таков приговор Майзлина над политикой нашей партии.

Сам Майзлин предлагает вести другую политику. Он предлагает партии взять принципиально иной хозяйственный курс. Отвергая хозяйственную линию партии, Майзлин выдвигает определенную положительную контрплатформу, программу экономических мероприятий. С этой именно стороны нас больше всего статья т. Майзлина интересует. Все то, что отдельными оппозиционными лидерами высказывалось или писалось по отдельным проблемам нашей хозяйственной жизни: об индустриализации, о расслоении, о частном капитале—в статье т. Майзлина суммировано в одно целое, завязано в один узелок, представлено как законченная хозяйственная платформа об'единенной оппозиции.

Идейные нити от статьи Майзлина тянутся к «Ленинизму» тов. Зиновьева, к «Новой экономике» тов. Преображенского, к платформе Шляпникова—Медведева, к геростратовски-знаменитой статье Оссовского, и, наконец, к «забытым» многими осенним спорам 1923 года. Статья Майзлина по праву может считаться хозяйственно-политическим «credo» оппозиционного блока в целом. В этом ее политическая значительность. И именно поэтому ее следует подвергнуть критическому разбору.

* * *

Прежде чем перейти к рассмотрению положений т. Майзлина по существу, следует сделать несколько предварительных замечаний о тех полемических приемах, к которым прибегает т. Майзлин в своем уничтожающем «разносе» т. Бухарина. Вообще говоря, полезно цитировать точно того, кого критикуешь. Или же нужно точно передавать смысл того или другого положения критикуемого автора. Особенно это необходимо бывает тогда, когда, как в рассматриваемом случае, работа критикуемого автора опубликована и когда каждый может сравнить действительный об'ект критики с тем, что в качестве об'екта критики преподносится в кривом зеркале чересчур рьяного критика.

Между тем это элементарное обстоятельство тов. Майзлин довольно старательно «упускает из виду». Благодаря этому в статье т. Майзлина у Бухарина получаются сверх'естественные «фокусы» (энергично занумерованные т. Майзлиным), фальшивая «арифметика», «непонимание» азов, доступных пониманию приготовишек, «искажения», «извращения», «замалчивания» и тому подобные преступные деяния.

Приведем несколько «образцов» такого рода полемики т. Майзлина.

Тов. Майзлин утверждает:

1) что у Бухарина «кругом индустриализация—и в прошлом и в будущем», хотя т. Бухарин этого нигде и никогда не говорил и хотя этот «аргумент», как две капли воды, похож на тот, что у Бухарина «кругом социализм»;

2) что у Бухарина «сплошная» постановка вопроса о крестьянстве, что для Бухарина существует лишь крестьянство вообще—хотя «доказывается» это тем, что в докладе Бухарина «самые слова» «бедняк», «кулак» употребляются по два раза;

3) что Бухарин даже «отрицает» расслоение. «Самый факт расслоения для Бухарина не существует»—хотя вопросам расслоения в докладе Бухарина посвящена целая главка;

4) что Бухарин индустриализацию нашей страны понимает как «повышение удельного веса нашей промышленности во всей совокупной экономике страны»—и только, хотя слова «и только» принадлежат не Бухарину, а Майзлину;

5) что «по мнению» Бухарина весь совокупный потребляемый доход частнокапиталистических хозяйств «делится поровну между всеми частниками», хотя Бухарин этого не говорил и хотя это «мнение» любезно «присочинено» Бухарину самим Майзлиным;

6) что Бухарин «не понимает» того, что «до сих пор наша промышленность развивалась не за счет создания нового оборудования, а за счет более полной загрузки работавших и пуска в ход стоявших заводов»—хотя эта почтенная истина известна довольно широкому кругу лиц, и хотя на этот счет в докладе Бухарина имеются прямые раз'яснения;

7) что Бухарин «скрывает» факт безработицы и аграрного перенаселения, хотя т. Бухарин говорил об этом десятки и сотни раз, хотя проблема аграрного перенаселения у нас впервые выдвинута именно т. Бухариным, и хотя, вообще говоря, «скрыть» такие факты мудрено;

8) что Бухарин «молчит» о том, что Польша и Эстония не входят в состав СССР, хотя это известно даже престарелой бабушке самого Майзлина;

9) что Бухарин «молчит» о том, что население территории СССР возросло с 1913 года на 20%, хотя «помолчать» об этом следовало, ибо население за это время возросло всего, примерно, на 1% [1]), так что лишь умственным, арифметическим путем т. Майзлин наплодил миллионов 25 «избыточного» населения.

Мы привели несколько образчиков высокого полемического искусства т. Майзлина. Как видим, приемы т. Майзлина довольно просты. Они сводятся либо к тому, что т. Бухарину навязывается ряд диких взглядов («нет расслоения», «индустриализация кругом в прошлом»), либо к тому, что т. Бухарин изобличается в том, о чем и «не говорит», о чем он «молчит», что «скрывает», «забывает». Все не содержащееся в тех нескольких абзацах доклада Бухарина, которые посвящены развитию нашей промышленности, тов. Майзлин об'являет либо неизвестным самому Бухарину, либо известным, но таким, что т. Бухарин предпочитает от партии и страны, как тать, утаить и что самим Майзлиным с торжествующей миной преподносится читателям как новое откровение. С таким же самым правом Майзлин мог бы, разумеется, упрекать Бухарина и в том, что Бухарин «молчит» о

[1]) См. «Контрольные цифры Госплана». По данным «контрольных цифр Госплана» население территории СССР возросло с 139,7 млн. душ в 1913 г. до 141,4 млн. в 1925—26 г., т. е. на 1%; при этом в городах численность населения составляет только 91,0% довоенной, в деревне—102,3%.

массе беспризорных, о спекуляции на черной бирже, о вексельном курсе, об экспорте яиц, о сифилисе в деревнях, о том, что с севера СССР омывается Ледовитым океаном, а потом этими фактами поливать, как из пожарной кишки, ошеломленного читателя. Поведение слона в посудном магазине отличается ничуть не меньшей грацией, чем такого рода полемические приемы.

Всякий, кто даст себе труд перечитать соответствующую часть доклада Бухарина на активе ленинградской организации, легко убедится в основательности нападок Майзлина.

О чем шла речь у т. Бухарина?

«О соотношении роста промышленности и сельского хозяйства». Тов. Бухарин ставил вопрос так: отстает ли продукция промышленности от продукции сельского хозяйства в общей системе роста производительных сил или нет? Ясно, что основным, решающим показателем здесь является сопоставление динамики продукции промышленности, с одной стороны, и продукции сельского хозяйства [1])—с другой. Товарищ Бухарин привел соответствующие цифровые данные. Эти данные, подтверждаемые теперь и данными недавно опубликованных «контрольных цифр Госплана», решают баланс в пользу города, а не деревни, как полагали некоторые оппозиционные товарищи.

Несмотря на свои заявления, пересыпанные самым «ехидным» перцем относительно бухаринских «фокусов» и «арифметики», тов. Майзлин не смог и даже не попытался опровергнуть этих данных. «Мы не будем оспаривать этих цифр Бухарина—они общеизвестны»,—деликатно отмахивается Майзлин и тут же перескакивает на другие вопросы и соответственно на другие данные, о которых преступно «молчит», которые «скрывает», «забывает», «не понимает» т. Бухарин.

Не «оспаривает» по существу т. Майзлин и приведенных в докладе Бухарина данных о росте суммы всех заработных плат, достигшем в 1924—25 году 28% всего национального дохода. Однако, т. Майзлин полагает, что этими данными оперировать не гоже, поскольку в сумму заработных плат входят суммы заработных плат и рабочих и служащих.

Между тем совершенно очевидно, что для определения общего баланса развития города и деревни, индустрии и сельского хозяйства, для решения вопроса о динамике распределения национального дохода между рабочим классом и крестьянством следует брать фонд зарплаты не только индустриальных рабочих, занятых в крупной фабрично-заводской промышленности, но весь доход всех лиц наемного труда. Это — старая марксистская истина. Напомним т. Майзлину, что в былые времена, когда марксисты спорили с ревизионистами об удельном весе пролетариата в стране (шел спор о темпе капиталистической индустриализации—аналогично спорам о темпе нашей индустриализации) обычной манерой именно ревизионистского лагеря было преуменьшение удельного веса пролетариата посредством «исключения» из состава пролетариата служащих. До всего этого т. Майзлину нет дела. Если т. Бухарин оперирует всей суммой заработных плат, то он, по Майзлину, стало быть, опять-таки «забыл» о том,

[1]) Вопрос о том, в какой степени критерием индустриализации можно взять рост душевого потребления, мы разберем несколько ниже.

что эта вся сумма заработных плат делится на фонд зарплаты служащих и фонд зарплаты рабочих. Дальше т. Майзлин опять делает «антраша» и попрекает Бухарина за то, что тот «забыл», видите ли, сделать сообщение о том, что «в то время, как сумма заработных плат совслужащих за 1923—24 г. возросла на 94,8%, а торговых—на 108,3%, сумма заработных плат рабочих крупной промышленности возросла только на 52%».

Почему т. Бухарин об этом должен сообщить на докладе ленинградскому парт'активу—одному Майзлину известно. Воспользуемся здесь «методом» самого Майзлина и спросим его самого: почему он, поднявший целый новый вопрос о распределении всего фонда зарплаты между отдельными слоями пролетариата,—почему он сам «забыл» упомянуть о том, что в то время, как сумма зарплаты рабочих крупной промышленности в 1924—25 г. поднялась на 119% против суммы зарплат 1922—1923 г.—сумма зарплат служащих крупной промышленности возросла в 1924—25 г. против суммы зарплат 1922—23 года на 86%? Почему, кстати, т. Майзлин «смолчал» о том, что сумма зарплат железнодорожников за тот же период поднялась на 137%? Почему тов. Майзлин ни единым словом не обмолвился, что сумма зарплат строительных рабочих за то же время поднялась на целых 250%? [1]).

До сих пор нам приходилось возиться с третьесортными аргументами, которыми Майзлин не брезговал пользоваться для низвержения «дошедшего до глубины теоретического падения» Бухарина. Аргументами «посолиднее» мы займемся ниже попутно с принципиальным положительным освещением ряда проблем, являющихся основной областью «наших разногласий» с об'единенной оппозицией. Теперь, освободившись от груды полемического мусора, мы обратимся к центральному вопросу статьи Майзлина, к вопросу об индустриализации нашей страны.

I. ПРОЦЕСС ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ, ЕГО СУЩНОСТЬ И ТЕМП.

1. Что такое индустриализация нашей страны?

Проблема индустриализации вытекает из самого существа того периода, который мы переживаем, переходного периода от капитализма к социализму. Переходная экономика дана, раз социалистический способ производства не господствует повсеместно, раз он не охватил собой все отрасли народного хозяйства, раз юный социалистический хозяйственный уклад сожительствует и борется со старыми досоциалистическими укладами. Основная хозяйственно-политическая задача пролетариата, взявшего власть в свои руки, экспроприировавшего буржуазию и принявшего на себя бразды руководства народным хозяйством, есть задача развертывания социалистических производственных отношений вплоть до того момента, когда они укрепятся безраздельно и

[1]) Вообще по части данных о зарплате т. Майзлин подозрительно разборчив. Тов. Майзлин, напр., несколько раз на протяжении статьи «не забывает» упомянуть о том, что реальная зарплата в одном из кварталов минувшего хозяйственного года составляла 88% довоенного уровня. На ряду с этим т. Майзлин «забывает» сказать о том, что в общем реальная зарплата за год поднялась и что она теперь подошла к довоенной норме. Как мы увидим ниже, подкрашивание и подслащивание довоенных времен составляет своеобразную манеру т. Майзлина.

полностью и когда тем самым «отомрет» переходная эпоха как таковая. Основным рычагом развертывания социалистических производственных отношений является растущая по об'ему и по своему качеству крупная промышленность. Развитие крупной национализированной промышленности есть, таким образом, подведение технической базы под строительство социализма.

Этот процесс и составляет содержание индустриализации. Ясно, что индустриализация—задача эпохи, а вовсе не того или иного отрезка переходного периода, что индустриализация—длительный исторический процесс, что она есть—в подлинном исторически-гигантском значении этих слов—«генеральная линия нашего развития».

И, разумеется, индустриализация—не «просто» развитие крупной промышленности, хотя бы даже и опережающее по темпу развитие прочих отраслей хозяйства. Индустриализация есть развитие производства средств производства в первую голову, более быстрый темп развития производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления. Говоря вообще, немыслимо развитие крупной промышленности без того, чтобы быстрее не развивались те ее сферы, которые производят средства производства, самым фактом развития промышленности это подразумевается. Однако, в конкретных условиях мирового хозяйства, в которых отдельные отрасли производства разбросаны по отдельным национальным хозяйствам, производство средств потребления сплошь и рядом отрезывается от производства средств производства государственными границами. Сплошь и рядом происходит так, что внутри страны развивается легкая индустрия, производство средств потребления, при чем средства производства ввозятся из-за границы. Таков колониальный индусский или китайский тип индустриализации (конечно, индустриализации с капиталистическим знаменателем).

Индустриализация для СССР имеет особое конкретно-историческое значение. Необходимость индустриализации, необходимость «самостоятельного» производства средств производства у нас диктуется не только общей необходимостью строительства социализма. Находясь в «капиталистическом окружении», мы ставим ставку на индустриализацию, как на метод обеспечения и упрочения нашей хозяйственной независимости, как на гарантию против превращения нас в экономический «придаток» капиталистического окружения. Здесь индустриализация выступает как противоположность «дауэсизации» и «аграризации».

Другим моментом, который десятью штрихами должен быть подчеркнут для СССР, как для страны с огромным преобладанием крестьянского населения, является то, что индустриализация должна стать первостепенным инструментом хозяйственной смычки между городом и деревней. Индустриализируя нашу страну, развивая в ней крупную промышленность, мы должны непременно сочетать это развитие с интересами основной массы нашего крестьянства: возможно дешево и в достаточном количестве поставлять ему необходимый товар, повышать технический уровень сельско-хозяйственного производства и в конечном счете индустриализировать самое сельское хозяйство. Индустриализация при капитализме протекала в антагонистических формах: она была движением и обострением «противоположности» между городом и де-

ревней. Индустриализирующийся капиталистический город подавлял, разлагал и «пожирал» деревню, выжимал из нее живые соки, тем самым в противоречивых формах толкал ее вперед замедленным темпом. Здесь одно из капитальнейших отличий между индустриализацией капиталистической и индустриализацией социалистической: при капитализме индустриализация была орудием подавления деревни; у нас индустриализация должна быть орудием союза с крестьянством, приемлемым для последнего способом пролетарского хозяйственного руководства, образующим предпосылку для руководства политического. Здесь, в этом пункте уже начинаются теоретические истоки разногласий большинства партии с оппозицией. Да это и вполне понятно. Вопрос об отношении к крестьянству и вопрос об индустриализации суть два неразрывно друг с другом связанные вопроса. Если оппозиция спотыкается на вопросе о крестьянстве, то она неизбежно должна споткнуться и на вопросе об индустриализации. Статья т. Майзлина продемонстрирует нам это лучше всего.

Резюмируя нашу теоретическую характеристику индустриализации, мы определим индустриализацию, как метод строительства социализма, как метод обеспечения нашей экономической самостоятельности и, наконец, как метод смычки с основной массой нашего крестьянства.

Прежде чем перейти от общей теоретической постановки к анализу конкретных путей индустриализации СССР после завершения «восстановительного процесса» и сумме всех тех вопросов, которые составляют уже теперь область практической хозяйственной политики, остановимся вкратце на том общем толковании процесса индустриализации, какое дано в статье т. Майзлина.

Сообщив читателю о том, что Бухарин обнаруживает в вопросах индустриализации «непонимание сути дела», пристегнув Бухарину на глазах у всей публики «взгляд», будто Бухарин видит в индустриализации лишь повышение «удельного веса промышленности», и только,—т. Майзлин развил мимоходом свое «понимание сути дела».

Вот как Майзлин «оттеняет» недостатки нашей индустриализации «преимуществами» индустриализации при капитализме.

«Темп индустриализации в капиталистическом обществе... должен быть достаточным для того, чтобы: 1) обеспечить известный рост душевого потребления; 2) обеспечить рост производства средств производства в таком размере, чтобы и промышленность и сельское хозяйство поднимались на все более высокую техническую ступень, т.-е. увеличивали производительность труда за счет технических улучшений процесса производства, и 3) обеспечить поглощение высвобождающихся в результате технического прогресса рабочих рук». Между тем, продолжает с победоносным видом т. Майзлин, «даже эти задачи тем темпом, который мы имеем до сих пор, и тем, который намечается в будущем, далеко не обеспечены».

К этим словам т. Майзлина мы должны сделать три замечания:

1) Тов. Майзлин «забыл» сделать тот вывод, который напрашивается из его слов сам собой, что при капитализме было бы лучше, чем при советской власти, ибо был бы «обеспечен» более быстрый темп развития, чем мы имели до сих пор и который намечается в будущем.

2) Тов. Майзлин «забывает» о том, что несколько неудобно требовать от народного хозяйства страны, которое только-что поднялось из праха ужасающей нищеты, чтобы оно немедленно, в пару лет существенно изменило технический уровень промышленности и сельского хозяйства.

3) В пункте третьем т. Майзлин договорился до вещей похуже, чем ревизионизм. Не только ни один большевик, но даже ни один сколько-нибудь уважающий себя буржуазный экономист никогда не утверждал, что капитализм «обеспечивает поглощение высвобождающихся в результате технического прогресса рабочих рук». Трубящий в оппозиционный рог о «теоретическом падении Бухарина», Майзлин забыл, повидимому, о «Капитале» Маркса и о тех крепких словах, которыми Маркс бичевал «заносчивых кретинов» в роде гг. Мак Куллохов и Сениоров, доказывавших на манер Майзлина, что капитализм «обеспечивает» поглощение рабочих сил, «освобождаемых» техническим прогрессом [1]). «Понимающий суть дела» т. Майзлин добрался до недурненьких «теоретических высот». Он додумался до капитализма без промышленной резервной армии! Вся беда в том, что его «теоретизирование» имеет свою реакционную политическую сторону. Подумал ли т. Майзлин о том, кому на руку он играет, когда доказывает неразрешимость проблемы безработицы у нас, одновременно возвещая миру о том, что капитализм решение этой проблемы «обеспечивает»? Расшаркивающийся перед капитализмом Майзлин выступает здесь прямым его апологетом.

2. Вопрос о темпе. Три плана экономического развития.

Отличается ли и должна ли отличаться наша индустриализация от индустриализации при капитализме в отношении темпа? Общее решение этого вопроса очевидно. Раз в социалистическом государстве отсутствует частнокапиталистическое присвоение в крупной промышленности, и раз движение крупной промышленности подчинено сознательной воле и плану господствующего пролетариата, то поскольку отпадают огромные непроизводительные расходы на содержание паразитических классов и значительная часть издержек так наз. «анархии производства», социалистическая промышленность может сберечь больше средств для накопления, а следовательно, реализовать больший темп развития, нежели при том же самом уровне производительных сил страны мог бы реализовать капитализм.

Спор сейчас идет не об этом. Спор идет о том, как конкретно обеспечить этот более быстрый темп, как распределять или перераспределять имеющиеся в распоряжении государства ресурсы, в каком соотношении друг с другом держать составные части народного хозяйства, в какие отрасли производства пустить большую массу средств так, чтобы в конечном счете получить самое быстрое продвижение вперед.

[1]) См. Маркс, «Капитал», I, гл. XIII, 6. Теория компенсации относительно рабочих, вытесняемых машинами.

Теперь, когда мы прошли уже «восстановительную» фазу, перед нами открываются три возможности развития, каждую из которых мы до известной степени вольны выбирать. Перед нами три пути развития и соответственно три системы хозяйственной политики.

Вариант первый, подробно развитый в свое время т. Шаниным и т. Сокольниковым. Сущность этого варианта вкратце такова. Мы—страна технически отсталая. Промышленность наша слабая. Собственные ресурсы развития у нее минимальные. Обслужить трудящееся население города и деревни производством достаточной массы товаров она на первых порах все равно не может. Гораздо большими возможностями роста в нашей, по преимуществу аграрной, стране обладает сельское хозяйство. Поэтому на ближайший период следует минимальным темпом двигать нашу промышленность и, наоборот, дать максимальный толчок развитию сельского хозяйства. Энергично поднимая сельскохозяйственное производство, форсируя экспорт сельскохозяйственных продуктов и ввозя из-за границы готовые товары и сельскохозяйственные машины, пролетарское государство добивается максимально быстрой оборачиваемости «народно-хозяйственного капитала», в течение ряда ближайших лет накопляет в своих руках соответствующие фонды и резервы, затем бросает их в нашу крупную промышленность и тогда уже начинает осуществлять индустриализацию. Вначале мы аграризуем нашу страну, а потом, поднакопив силы, будем ее индустриализировать—такова суть плана Шанина—Сокольникова.

Кроме этого варианта развития, имеются два других: вариант индустриалистский, которого придерживается партия, и так называемый «сверхиндустриалистский» вариант, которого придерживается оппозиция.

Наша крупная промышленность подразделяется на два основных слагаемых: производство средств производства и производство средств потребления. При прочих равных условиях темп индустриализации должен быть тем выше, чем быстрее пойдет развитие производства средств производства по сравнению с производством средств потребления. Тем скорее мы «индустриализируемся», чем больше мы построим новых заводов, чем больше мы произведем новых машин, паровозов, чем быстрее заменим оборудование наших фабрик оборудованием высшего технического порядка.

Однако, в процессе развертывания промышленности мы ограничены имеющимися в нашем распоряжении средствами[1]. Нам сплошь и рядом приходится выбирать между постройкой нового завода и увеличением нагрузки текстильных предприятий, между переоборудованием фабрики и закупкой сырья, между капитальными вложениями и затратами на оборотный капитал. Ясно, конечно, что чем большая сумма средств нами будет ухлопана на капитальные затраты, чем больше наших свободных ресурсов, мы «иммобилизуем» в тяжелой индустрии, тем пропорционально меньшая доля средств у нас останется на легкую индустрию, на расширение производства средств потребления.

[1]) Вопрос о добавочных средствах на индустриализацию мы пока оставляем в стороне. Пока мы рассматриваем вопрос о двух темпах индустриализации при данном количестве средств.

Линия, которой придерживается в своей промышленной политике партия, состоит в том, чтобы планомерно и систематически развертывать и тяжелую и легкую промышленность, чтобы все растущую долю средств обращать на производство капитальных затрат, нужных для ускорения темпа индустриализации, но так, чтобы при этом происходило одновременно самое необходимое расширение производства предметов потребления. Расширять капитальное строительство за счет снижения производства средств потребления мы в нашей хозяйственной политике не можем. Это означало бы для нас «ускорение» темпа индустриализации ценою снижения жизненного уровня трудящихся масс[1]).

Между тем, сверхиндустриалисты не приемлют такой постановки вопроса. Они ее об'являют покушением на самую индустриализацию, недопустимым «осторожничаньем», искусственным снижением ее темпа, «сползанием» на позиции Шанина и т. д., и т. п. Ту индустриализацию, которую начинает проводить партия, они презрительно кличут «ситцевой» индустриализацией. Они ратуют за коренное изменение пропорции между производством средств производства и производством средств потребления, требуют радикального перераспределения средств в пользу капитальных затрат («позорный минимум капитальных затрат», «голодная норма», «безусловно мало»).

Теперь уже нам должно быть понятно, как тесно должен быть увязан вопрос о темпе индустриализации (и об ускорении этого темпа) с вопросом о потреблении масс. Попытаемся определить эту связь несколько ближе. В каком соотношении стоит процесс индустриализации с динамикой потребления? На этот вопрос придется дать различные ответы в зависимости от того, какой отрезок времени мы будем принимать в расчет. Вопрос времени здесь играет огромное, если не решающее значение.

Если мы возьмем индустриализацию как длительный исторический процессс, то, конечно, всякое ускорение темпа индустриализации (хотя бы на первых порах оно сопровождалось даже снижением производства средств потребления и, следовательно, сужением потребления) должно привести в конечном счете к очень большому расширению потребления. Это вполне понятно: чем больше мы будем в первые годы накоплять, сберегать, тем больше мы сможем впоследствии потреблять, тем больше и разностороннее смогут быть потом удовлетворены наши потребности.

Если же мы рассмотрим индустриализацию за более короткий промежуток времени (скажем, ближайшие 5—6 лет после завершения восстановительного процесса), то при слишком большом «ускорении» темпа можно получить относительное и даже абсолютное сокращение потребления. Между ускорением темпа индустриализации и ростом потребления существует, в известном смысле, на известный период обратная пропорциональ-

[1]) Само собой понятно, что при таком ограничительном условии неизбежен на первые годы недостаток нужного количества средств производства для расширения самой нашей легкой индустрии.

Этот временный дефицит в средствах производства мы вынуждены будем покрывать импортом заграничных машин и таким путем устранять диспропорцию между производством средств потребления и производством средств производства,

ность: чем выше «норма накопления», тем ниже «норма потребления»; и обратно: чем относительно больше мы будем потреблять (и соответственно производить готовые изделия), тем меньше нам удастся накопить, сберечь, построить новых фабрик, сооружений, провести железных дорог и пр.

Приведенные соображения, несмотря на всю их элементарность, оказываются совершенно недоступными сознанию оппозиционных сверхиндустриалистов. И именно поэтому печать теоретической и политической двусмысленности отмечает всю их хозяйственную платформу.

В самом деле. Что делают представители оппозиции?

С одной стороны, ЦК атакуют за то, что он ведет политику «позорно малых» капитальных затрат.

С другой стороны, ЦК хотят подставить ножку за то, что он слишком медленно повышает жизненный уровень масс, производит мало предметов потребления.

С одной стороны, кричат о том, что мало, мол, накопляете, черепашьим шагом индустриализируете и пр.

С другой стороны, вопят о том, что мало даете потреблять.

С одной стороны беспрестанные упреки за техническую отсталость (мало, мол, у вас Днепростроев, мало новых заводов).

С другой стороны, торжествующий танец вокруг товарного голода (мало производите ситцу, керосину).

С одной стороны, суровый пуританский «сверхиндустриализм», священный гимн «социалистическому накоплению».

С другой—самая низкопробная потребительская демагогия.

Противоречие между сверхиндустриализмом и вульгарно-потребительской точкой зрения — этот органический порок пронизывает всю хозяйственно-политическую платформу оппозиции. Тов. Майзлин демонстрирует эту двойную бухгалтерию оппозиции буквально во всех сколько-нибудь существенных пунктах своей статьи.

«Рост потребности в промышленных продуктах опережает производство их»,—говорит Майзлин. «Товарный голод не изжит», «душевое потребление продуктов промышленности (широкого потребления) не дошло до довоенного уровня на 28%», довоенной нормы потребления промтоваров крестьянство не достигнет даже в 1930 году, в то время как даже капитализм «обеспечивает известный рост душевого потребления—какая же тут индустриализация, где же тут рост промышленности?»—вопрошает т. Майзлин.

Попробуем поставить вопрос о росте душевого потребления в связь с вопросом об индустриализации и сверхиндустриализации.

Раньше всего только два слова об анализе душевого потребления т. Майзлина.

Верно, что при довоенной почти промпродукции, душевое потребление промтоваров у нас не достигло довоенного уровня [1]).

[1]) Только об'ясняет это т. Майзлин неправильно. Дело не в том, что за это время население выросло «на 20%», оно выросло, как мы знаем, всего на 1%. И не в том суть дела, что отпали западные промышленные районы (с их чрезвычайно густым населением), а в том, что наш внешнеторговый оборот далеко отстал от общего под'ема нашего народного хозяйства (в 1925—26 г. внешняя торговля составит всего лишь 37,3% довоенного уровня). Что сулит нашей внешней торговле программа самого Майзлина, мы ниже увидим.

Но неверна «идея» Майзлина, будто наша промышленность не обеспечивает роста душевого потребления трудящихся, «обеспечиваемого» даже капитализмом. Тов. Майзлин сравнил нашу среднюю норму душевого потребления со средней довоенной нормой. Но если бы он взял изменение нормы душевого потребления за последние годы, т.-е. взял бы душевое потребление в динамике, он убедился бы в том, что развитие нашей промышленности не только сопровождалось «известным ростом душевого потребления», но что этот рост идет значительно быстрее, чем в других странах.

Тов. Майзлин жалуется на то, что при том темпе развития промышленности, который мы фактически имеем, достаточный рост душевого потребления не обеспечен, что наша норма потребления отстает от довоенной. Отсюда он заключает, что темп индустриализации недостаточен. Однако, т. Майзлин умалчивает о том, что если бы индустриализация проходила по рецепту самого Майзлина и его единомышленников, т.-е. если б при данных средствах «темп» был взят более высокий, крен в сторону производства средств производства был бы взят более резко—рост душевого потребления готовых изделий был бы гораздо меньшим. Если мы имеющиеся в нашем распоряжении средства интенсивнее перераспределяли бы в пользу капитальных затрат, нам бы пропорционально меньше оставалось на расширение производства средств потребления.

Тов. Майзлин хочет скрыть, что сверхиндустриалистский темп развития как раз и означает минимальный рост душевого потребления на ближайшие годы. При этом надо иметь в виду, что, приняв экономическую программу тов. Майзлина, мы не могли бы компенсировать дефицитную массу готовых продуктов ввозом их из-за границы: механическое «ускорение» темпа означало бы необходимое увеличение доли ввозимого оборудования при соответствующем сокращении контингента ввозимых готовых продуктов.

Насколько нелепо о темпе нашего индустриального роста умозаключать непосредственно от движения нормы душевого потребления, показывает лучше всего вариант развития, предлагаемый Шаниным—Сокольниковым. Ведь, как раз при самом медленном темпе, при «минималистской» программе индустриализации, мы имели бы на ближайшие годы относительно наиболее быстрый рост душевого потребления. Или, быть может, Майзлин зачислит и тов. Шанина в категорию «сверхиндустриалистов»?

При шанинско-сокольниковском варианте мы забросили бы капитальное строительство, развертывали бы «пока» легкую индустрию и ввозили бы в огромных массах готовые товары из-за границы. Мы имели бы тогда временно больший рост душевого потребления, но такой ценой мы получили бы смычку нашего крестьянства с иностранным капиталом, падение роли социалистической госпромышленности, утрату руководящей роли пролетариата.

Родственность ошибок «минималистского» и «максималистского» вариантов состоит в том, что оба они ориентируются на отдаленное будущее, на «потом».

Шанин рассуждает: повременим с индустриализацией лет 5—6, будем вести себя как честная аграрная страна: «потом», поднакопив сил, примемся за индустриализацию.

Майзлин и его друзья фактически рассуждают прямо противоположно: возьмем с самого начала максимальный разбег промышленности, развернем капитальное строительство до отказа какой угодно ценой (хоть бы сняв с рынка огромную массу готовых товаров), разовьем в первую очередь производство средств производства—зато «потом» мы сможем произвести большую массу средств потребления.

И тот и другой планы страдают тем недостатком, что они предлагают трудящимся *классам ждать*. Шанин предлагает рабочему классу «потерпеть» с индустриализацией, не понимая, что это грозит потерей его руководящей роли в стране. Майзлин, Преображенский и другие предлагают фактически «повременить» с потреблением во славу максимального развертывания производства средств производства, т.-е. фактически *снизить реальный уровень жизни масс*. Правда, т. Майзлин предпочитает об этом обстоятельстве не сказать ни слова. Напротив, на протяжении всей статьи он демагогически *козыряет* недостаточностью душевого потребления. Однако, тем теоретически *подлее и тем политически лицемернее* его позиция.

Рецепты Майзлина фактически таковы: недостаточный рост потребления он предлагает лечить усилением накопления; товарный голод он предлагает лечить еще большим товарным голодом (как будто ему невдомек, что проектируемое им непропорциональное отвлечение средств на капитальные затраты, означает в ближайшие годы перспективу обострения товарного голода)[1].

Было бы вульгарно, разумеется, представлять дело таким образом, будто в то время, как оппозиция стоит за капитальные затраты, партия против капитальных затрат. Осуществление курса индустриализации без больших капитальных затрат немыслимо. Но есть две политики капитальных затрат. Одна—политика капитальных затрат без надлежащей оглядки на производство средств потребления. Другая—политика развертывания капитальных затрат, используя все имеющиеся для этого ресурсы, но так, чтобы было обеспечено бесперебойное и *систематическое* продвижение всей промышленности и всего народного хозяйства в целом, чтобы, в частности, было обеспечено и ни в коем случае не снижено производство необходимых предметов широкого потребления. Политика индустриализации ни в коем случае не должна притти в конфликт с задачами повышения жизненного

[1]) То, что сверхиндустриальное «усиление» капитального строительства чревато на ближайшие годы *обострением* товарного голода, несколько месяцев назад признавал и т. *Преображенский* (см. его статью «Экономические заметки» в «Б—ке» № 6). Тов. Преображенский признавал, что при усилении капитального строительства пришлось бы «снять с рынка» определенный процент ходовых товаров. Оппозиция вела бы себя по крайней мере теоретически и политически *честно*, если бы заявила прямо, что она «сейчас» (т.-е. на ближайшие *годы*) стоит за обострение товарного голода (т.-е. снижение уровня потребления масс) с тем, чтобы его утолить «в будущем». Вместо этого оппозиция хочет быть именинницей и на Антона и на Онуфрия: мы, мол, за уничтожение товарного голода и сейчас и в будущем. Однако, логика вещь упрямая. Всякие нехорошие проделки с ней могут быть легко выведены на чистую воду.

уровня трудящихся масс. Таково единственно правильное решение вопроса о темпе индустриализации и о темпе капитального строительства [1]).

К решению вопроса о темпе индустриализации нельзя подходить *только* под углом зрения капитальных затрат. Практические «границы» индустриализации у нас определяются не только возможностью капитального строительства. И не всякий, кто предлагает увеличить пропорцию капитальных вложений, об'ективно способствует ускорению темпа индустриализации. Наши *сырьевые* ресурсы, напр., определяют возможность развертывания промышленности не в меньшей мере, чем наши «капитальные фонды». Без форсированного развертывания производства промышленного сырья, мы не сможем реализовать быстрый темп индустриализации. До какой степени «сырьевые лимиты» давят на нашу промышленность, видно из того, что для реализации намеченного ВСНХ пятилетнего плана развертывания промышленности надо ввезти заграничного сырья почти на сумму в 1.400 миллионов рублей, в то время как оборудования всего на 1.250 миллионов. Ясно, что чем дальше, тем больше развертывание нашего капитального сторительства будет упираться в недостаток производства внутреннего сырья, что должно давить непроизводительным бременем на наш импорт и тем самым сокращать возможности ввоза капитального оборудования. Устранить эту перспективу можно только индустриализацией самого сельского хозяйства, которое, таким образом, должно входить как составной элемент в общий процесс индустриализации нашей страны [2]).

II. ПРОЦЕСС ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ДЕРЕВНЯ.

1. Можно ли крестьянство «обидеть» индустриализацией?

До сих пор мы рассматривали вопрос о темпе индустриализации вне соотношения города и деревни. Мы предполагали средства на индустриализацию величиной данной. Между тем, размеры этих средств могут быть различными в зависимости от

[1]) Недавнее постановление СТО и СНК о «контрольных цифрах Госплана» с этой точки зрения весьма показательно. СТО и СНК предлагают изыскать средства на усиление капитальных затрат (указывая для этого конкретные источники), но так, чтобы при этом было обеспечено надлежащее расширение средств потребления.

[2]) Строго говоря, сверхиндустриалисты не имеют никаких оснований хвастаться тем, что предлагаемый ими вариант развития отличается *более быстрым темпом*. Реально темп определяется целым рядом моментов: и «нормой накопления», и *быстротой* оборотов «капитала», и соотношением между отраслями народного хозяйства, и развитием внешней торговли (и ее структурой), и состоянием денежного обращения и кредита. Чем согласованнее, чем планомернее, чем *систематичнее* будет происходить развертывание всех составных элементов народного хозяйства,—тем *выше темп реально*, и тем легче добиться его *ускорения*. Всякое же «зарывание» с темпом, всякий заскок в развертывании *одного* из элементов хозяйства, всякое *непропорциональное* ухлопывание средств в какую-либо одну из хозяйственных сфер—будь то капитальные затраты или что-либо иное—дает реально *общее снижение* темпа. Сверхиндустриалисты *говорят* о более высоком темпе, но это не значит, что такова их *реальная* программа. Реально «сверхиндустриализм» привел бы как раз к *снижению* темпа. Мы в последней главе увидим, какой «темп» сулит нам оппозиционная «политика цен».

того, как сложатся отношения между городом и деревней. Тот тип отношений, который предполагает статья тов. Майзлина, есть отношение эксплоатации. Правда, т. Майзлин этого прямо не говорит. Правда, т. Майзлин говорит даже о необходимости индустриализации сельского хозяйства, о всемерном расширении кредита бедноте, но в вопросах экономической политики менее всего можно верить на слово. О том, каким образом предполагается осуществить индустриализацию сельского хозяйства и из каких сумм предполагается оказать кредитную помощь бедноте,—об этом т. Майзлин не говорит ни слова. Зато тов. Майзлин предлагает нечто реальное и осязательное в области политики цен на промышленные товары. Тов. Майзлин предлагает повысить отпускные цены на промтовары. Тов. Майзлин не может не знать, что повышение отпускных цен в условиях товарного голода должно неминуемо повлечь за собой повышение цен розничных—мы ниже увидим, что Майзлин это прямо признает. Повышение цен Майзлиным рассматривается как всемогущая панацея от всех зол. За счет повышения отпускных цен Майзлин предполагает «ускорить» индустриализацию. Идее неумеренной «перекачки», «эксплоатации», «отчуждения» «прибавочного продукта», «пожирания» деревни городом Майзлин дал в своей статье конкретное цифровое выражение [1]).

Таким образом, индустриализация по т. Майзлину должна проводиться посредством усиленного хозяйственного нажима на деревню.

Имея за душой такую реальную программу индустриализации, Майзлин не стесняется произнести следующие слова:

«В корне неправильным является взгляд, довольно широко распространяющийся за последние годы в нашей партии и сквозящий у Бухарина, будто бы индустриализация является процессом, враждебным сельскому хозяйству, в корне неправильна боязнь «обидеть» крестьянина индустриализацией».

Товарищ Майзлин полагает, что «обидеть» крестьянина индустриализацией нельзя. Между тем, т. Майзлин говорит прямую неправду. Нельзя обидеть крестьянина правильно проводимой политикой индустриализации. Но в двух случаях крестьянина «индустриализация» могла бы обидеть.

Либо—при чересчур слабом темпе индустриализации, когда промышленность не двигается вперед, не производит самой необходимой массы товаров для деревни, при чем дефицит промтоваров не покрывается соответствующим ввозом из-за границы.

Либо—при том «заскоке» с темпом, который рекомендуется не в меру ретивыми сверхиндустриалистами, в роде самого Майзлина. Как может быть крестьянство довольно той индустриализацией, которая держится на политике высоких цен, которая бьет крестьянина как потребителя? Как может быть крестьянство довольно такой индустриализацией, которая, отвлекая средства на капитальные затраты, не дает одновременно возрастания производства готовых изделий, той индустриализацией, которая на целый ряд лет обостряет товарный голод? Покорно поблагодарил бы Вас, тов. Майзлин, крестьянин за подобную индустриализацию.

[1]) Правильность расчета Майзлина мы проверим ниже, когда будем взвешивать всю сумму хозяйственных результатов повышения отпускных цен.

У Майзлина и прочих сверхиндустриалистов есть одна оговорка, которой они постоянно пользуются, но которая их, однако, ничуть не спасает. Они пытаются уверить, что речь должна итти лишь о «временном» повышении отпускных цен. Что означает, однако, это «временное» повышение цен, ни Майзлин, никто другой прямого конкретного ответа не дают. Косвенные указания на этот счет у Майзлина все же имеются. Надо «повысить сейчас отпускные цены»... «и дать более быстрый темп развитию промышленности, такой темп, который не отставал бы от роста потребностей народного хозяйства в ее продуктах». «Только тогда мы добьемся как действительного снижения цен на товары—благодаря насыщению ими рынка, так и возможности для промышленности выдержать низкие цены—благодаря постройке новых фабрик и заводов с улучшенной техникой, с меньшими затратами труда на единицу продукта».

А до тех пор «пока» наша страна не покроется достаточной сетью «новых фабрик и заводов с улучшенной техникой», до тех пор о снижении цен мечтать не приходится, до тех пор—«временно» повышать цены, драть семь шкур с потребителя, индустриализировать город верхом на деревне.

Откладывание на «потом»—скрытая посылка рассуждений сверхиндустриалистов. «Вначале» максимум капитальных вложений, «потом» расширение продукции предметов потребления. «Вначале» обострение товарного голода, «потом» его ликвидация («насыщение рынка» «благодаря постройке новых фабрик и заводов»). «Вначале» повышение отпускных цен, «потом» их «реальное» снижение. «Вначале» индустриализация города за счет деревни, «потом» индустриализация предварительно ограбленной деревни. Цеховая, узко-промышленная точка зрения искривляет сверхиндустриалистам всю перспективу развития. Они не понимают органической взаимозависимости составных частей народного хозяйства, не понимают, что нельзя двигаться вперед одной ногой, а другой стоять на месте, забывают, что развертывание не по средствам одной отрасли хозяйства грозит обострением диспропорции во всей хозяйственной системе в целом. Благодаря этому—хотят ли они это сознавать или нет—у них индустриализация превращается из инструмента «смычки» в орудие ее срыва, в способ обострения противоречий рабочего класса и крестьянства.

2. Сверхиндустриализация и дифференциация.

«При слабом темпе индустриализации смычка с крестьянством неизбежно превращается в смычку с кулаком»,—говорит т. Майзлин. «Тот темп, который мы имели до сих пор и который намечается в будущем», Майзлин об'являет слабым. Вывод: «наша экономическая политика» есть политика «смычки с кулаком».

Нет нужды опровергать здесь Майзлина. Крикам о «смычке с кулаком» та же цена, как и всей болтовне о «кулацком перерождении» ВКП. Спросим лучше, как должна повлиять проектируемая самим Майзлиным политика повышения цен на процессы расслоения в деревне.

Как должно измениться соотношение социальных сил внутри крестьянства, если мы поведем политику повышения цен? Кого ударит повышение цен на промтовары больше: того ли, кто побогаче, или того, кто победнее? Ответ ясен и для малого ребенка. Пострадает больше всего беднота, пострадает середняк, пострадает вся основная масса деревни в целом, зажиточный и кулак пострадают меньше всего (кулаку ведь полегче будет выдержать майзлинские «божеские» цены). Относительный вес кулака в деревне возрастет. Середняцкое хозяйство подыматься не будет. Пауперизм в деревне будет расти. Почва для кабальных, ростовщических сделок в деревне расширится. Процесс расслоения пойдет интенсивнее. Из орудия преодоления дефференциации «индустриализация» (пухнущая на высоких ценах) превратится в орудие ее разжигания. Вместо «движения со всей массой крестьянства», которое завещал нам Ленин, мы получим небывалый рост расслоения и разрыв рабоче-крестьянского союза. Таково действие майзлинской «индустриализации» на деревню.

Таково влияние на дифференциацию, оказываемое политикой повышения промышленных цен (а эта политика есть, как мы знаем, альфа и омега всей экономической платформы Майзлина).

Не очевидна ли после этого вся гнилость теоретической и политической установки оппозиции? Не режет ли всем глаза ее идейное двурушничество?

Рвут и мечут насчет процессов расслоения, а в то же время прописывают сверхиндустриализацию, процессы расслоения обостряющую!

Вопят во все тяжкие о кулацкой опасности, а в то же время проповедуют политику цен, кулачество в деревне укрепляющую! На словах против, а на деле за смычку с кулаком.

Сулят бедноте золотые горы—помощь и кредит, а на деле предлагают обобрать бедноту как потребителя.

Кричат о дифференциации, а сами предлагают ее подхлестнуть!

Клеймят ЦК за низкие нормы душевого потребления, а на деле провозглашают генеральный поход против всей массы потребителей.

Таковы безысходные противоречия оппозиционной платформы. Так сочетается оппозиционный сверхиндустриализм с криками оппозиции о дифференциации.

3. Сверхиндустриализация и аграрное перенаселение.

Бедняк—кандидат в промышленную резервную армию. Чем быстрее идет в деревне расслоение и чем больше в ней развивается пауперизм, чем «экстенсивнее» ведется в ней хозяйство, тем больше скрытое перенаселение деревни и тем большую массу безработных выталкивает в город перенаселенная деревня. Таким образом, ускорение процессов расслоения и ухудшение положения деверенской бедноты означает растущее воспроизводство нашей безработицы.

Мы видели только-что, как Майзлин решает проблему дифференциации. Проблему безработицы он «решает» не лучше. Самый факт безработицы для него служит лишь доказательством того, что правы сверхиндустриалисты. Раз у нас безработица не изживается, значит сугубо недостаточен «темп» индустриализации.

Но как Майзлин «ускоряет» развитие промышленности, это тоже известно. По Майзлину, форсирование роста промышленности идет на основе усиления нажима на крестьянство, на основе политики высоких промышленных цен. Но эта политика есть политика разжигания дифференциации. Она ведет к нарастанию пауперизма в деревне к расширенному воспроизводству аграрного перенаселения. Много крича о безработице Майзлин по существу держит курс на политику, которая безработицу обостряет и не может не обострять.

Как могло получиться у Майзлина такое скандальное противоречие? Оно у него получилось потому, что он—и не только он: в том повинна вся оппозиция—не понимает самой проблемы безработицы.

Майзлин думает, что безработицу можно преодолевать только с городского конца. Майзлин думает, что, только расширив промышленность, можно покончить с безработицей. Но думать так, значит заранее расписаться в неразрешимости проблемы по существу. Нельзя решать проблемы безработицы таким образом, если, с одной стороны, мы будем нагонять «темп», нанимать на десятки тысяч рабочих больше, а с другой—вести политику аграрного перенаселения, выбрасывающего из деревни новые сотни тысяч рабочих. «Решать» проблему безработицы так, значит решать ее по рецепту Шляпникова—Медведева; значит культивировать ту утопическую перспективу развития промышленности, которая дала бы «приложение рук и сил» «неизбежно» разоряемым, по Медведеву, десяткам миллионов деревенской бедноты.

Между тем правильно и необходимо вести борьбу с безработицей одновременно с двух концов—с городского и с деревенского; и развертыванием промышленности и «преодолением» аграрного перенаселения в самой деревне. Стремясь к максимально возможному вовлечению новых кадров в состав промышленного пролетариата, надо заботиться о том, чтобы аграрное перенаселение преодолеть. А для этого вести борьбу против дифференциации (не политикой высоких цен, разумеется), для этого надо подымать середняцкое хозяйство, интенсифицировать сельское хозяйство в целом, осуществлять на деле шаг за шагом кооперативный план Ленина. Обо всем этом Майзлин не обмолвился ни одним словом. Поэтому в его статье мы находим много визгу о безработице, но не реальную борьбу с ней. Деревенская же политика Майзлина есть политика прямого усиления безработицы.

III. ПРОЦЕСС ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ДОБАВОЧНЫЕ СРЕДСТВА НА НЕЕ. ТАЙНА „МИЛЛИАРДА“.

Повышение отпускных цен—это центральный пункт оппозиционной экономической программы; это то «основное звено», ухватившись за которое оппозиция предполагает тащить всю народно-хозяйственную цепь, ускорить накопление, дать более быстрый темп процессу индустриализации, победить частный

капитал, выправить «классовую линию», сделать всю «нашу экономическую политику» состоятельной.

Вот почему дискуссия между партией и оппозицией о политике цен имеет решающее значение. Если бы оппозиция в этом пункте оказалась права, то ей действительно удалось бы доказать «несостоятельность нашей экономической политики». И, наоборот, если бы «основное звено» оказалось фальшивым, то рушилась бы, обанкротилась вся хозяйственно-политическая установка оппозиции.

Рассмотрим поэтому оппозиционную «политику цен» подробнее.

До сих пор мы брали оппозиционную «политику цен» лишь под углом зрения отношений между городом и деревней. При этом мы предполагали, что курс на повышение цен удалось осуществить, что это дало ускорение темпа индустриализации; все же те пертурбации, которые повышение цен должно вызвать во всей системе народного хозяйства, мы оставляли в стороне. Теперь мы должны взвесить всю сумму экономических последствий политики повышения отпускных цен.

Возьмем аргументацию и «расчет» т. Майзлина. Политика цен партии, по мнению Майзлина, есть политика, ведущая к наживе спекулянтских элементов, политика частнокапиталистического накопления («своими руками создаем буржуазию»). Сжать раствор оптово-розничных ножниц до сих пор не удалось. Существующий широкий раствор оптово-розничных ножниц есть источник накопления частников. Если нельзя сжать лезвия ножниц снижением розничных цен, то их надо сжать повышением цен отпускных.

Встав на путь повышения отпускных цен мы не только добились бы сжатия оптово-розничных ножниц, но выловили бы целый «миллиард» из сферы обращения, который бросили бы на увеличение капитальных затрат.

Вот соответствующий арифметический расчет Майзлина.

«Мы имеем сейчас рабочих в промышленности (и крупной и мелкой) несколько меньше $2^1/_2$ миллионов человек (см. «Плановое Хозяйство», № 7, стр. 254). Заработная плата в червонных рублях составляет в среднем около 50 руб. в месяц, т.-е. 600 рублей в год. На всех рабочих это составит полтора миллиарда рублей. На продукты промышленности рабочий тратит не более $^2/_5$ своего заработка. Следовательно, все рабочие тратят на покупку продуктов промышленности не более 600 миллионов рублей в год».

«Накидки на товары широкого потребления составляют по тем же подсчетам ВСНХ в среднем за 10 месяцев этого года 40% сверх нормы. Предположим, что мы повысили наши отпускные цены на 30% (разумеется, как мы уже говорили, это можно произвести не сразу, а постепенно с осторожностью), тогда всем рабочим придется заплатить за то же количество продуктов промышленности не 600, а 780 м. р., т.-е. им нужно будет для этого увеличить зарплату на 180 м. р. Это самое большее, что мы потеряем на повышении цен. А что мы выиграем?»

«Мы производим в этом году предметов широкого потребления на 4 мрд. руб. по отпускным ценам, на которых торговцы получают сверх нормальной прибыли по 40 коп. на рубль. Если мы повысим цены на эту продукцию на 30%, то выиграем на этом 1.200 млн. руб. Если даже окажется, что рабочие действительно потеряют на повышении отпускных цен все 180 млн. руб. (что мало вероятно) и, следовательно, на эту же сумму мы увеличим им заработную плату, то и тогда у нас останется 1 мрд. руб., который мы можем направить и на дальнейшее улучшение жизни рабочего и на усиление капитальных затрат».

К этому расчету т. Майзлина мы должны сделать прежде всего три замечания.

Первое. Относительно того, что повышение отпускных цен на 30% надо «произвести не сразу, а постепенно, с осторожностью». «Сразу» или «постепенно» предполагается повышение цен, но оно производится так, что уже в течение данного хозяйственного года «миллиард» реализуется полностью. Если иметь в виду, что общее повышение цен на 30% надо произвести в течение года, «осторожность» реально может проявиться лишь в том, что накидки будут различны для разных видов товаров. На те товары, на которые имеется больший массовый спрос, накидки фактически должны быть выше 30%. На те же готовые продукты, которые даже при существующих ценах «затовариваются», отпускные цены вообще (под угрозой прямого кризиса сбыта) не могут быть повышены. Так что реально, «сразу» или «постепенно», но в течение данного года отпускные цены тех предметов широкого потребления, на которые чувствуется товарный голод, должны быть фактически повышены больше, чем на 30%.

Второе. Отметим, что выигрываемый от повышения отпускных цен «миллиард» Майзлиным даруется именно «на усиление капитальных затрат». Отметить это необходимо в виду того, что за страницу перед своим «расчетом» Майзлин обещал усилить кредит бедняку и повысить реальную заработную плату рабочему [1]). Поскольку, однако, теперь оказывается, что весь выручаемый «миллиард» поступает на усиление капитальных затрат, и поскольку в этом мире неизвестно, чтобы кредит бедноте и повышение зарплаты проводилось в форме капитальных затрат, постольку предыдущие «обещания» были, попросту говоря, обманом.

Третье. Самое важное то, что в своем расчете Майзлин вынужден черным по белому признать, что повышение отпускных цен фатально повлечет за собой и повышение цен розничных. «Предположим, что мы повысили отпускные цены..., тогда всем рабочим придется заплатить за то же количество продуктов не 600, а 780 милл. руб.» (по ценам потребителей, конечно, т.-е. по розничным ценам, т.-е., следовательно, Майзлин признает, что розничные цены должны повыситься). Это обстоятельство важно иметь в виду для дальнейшего, а кроме того, оно показательно в том отношении, что Майзлин вынужден отказаться от своеобразной «идеи», развиваемой некоторыми оппозиционерами (напр., В. М. Смирновым), будто повышение отпускных цен не влечет за собой роста розничных. И, разумеется, было бы мещанским прекраснодушием и премиленькой идеализацией частника думать, что в условиях товарного голода и отсутствия свободной конкуренции он не стал бы перекладывать

[1]) «Гораздо лучше, повысив сейчас отпускные цены..., обратить... средства на то, чтобы повысить заработную плату рабочему, усилить кредит бедноте и дать более быстрый темп развитию промышленности..» (Майзлин).

убытки от повышения опта на потребительские массы. Майзлин настаивает, правда, на том, что накидки на розницу не увеличатся настолько же, насколько вырастут накидки на опт. Здесь с Майзлиным можно согласиться, но лишь в том отношении, что розничные цены могут расти до тех пор, пока это не вызовет кризиса сбыта, что границей повышения розницы будет платежеспособный спрос, так что розничные цены могут повыситься и меньше, чем на 30%, и больше, чем на 30%.

Как бы то ни было, несмотря на эти «мелочи», т. Майзлин свое дело сделал чисто. «Миллиард» на капитальные затраты он достал нам, как со дна морского. Взмахнул волшебной палочкой, повысил отпускные цены—раз, два, три!—и «миллиард» лежит готовенький на тарелке. Хозяйственники-трестовики потирают руки, рабочие не имеют никаких оснований жаловаться (ведь им предусмотрительный Майзлин, предвидя повышение розничных цен, повысил зарплату на 180 милл.), частник лишается громадных барышей, кооперация немножко «пожмется», а в целом ускоряется «темп» и открывается настоящая идиллия сверхиндустриализации!

Попробуем, однако, взглянуть за кулисы.

Не пострадает ли кто-нибудь от майзлинской операции, не случится ли что-нибудь непредвиденное? Не найдется ли кто-нибудь—частников мы пока оставляем в стороне—кто с полным основанием будет смотреть на майзлинский «миллиард» довольно косо? Оказывается, такие люди найдутся.

Найдутся прежде всего в рабочем классе. Майзлин предусмотрел сохранение реальной зарплаты рабочим крупной и мелкой промышленности. Но Майзлин «забыл» о том, что существуют в СССР железнодорожники, которых немалое число и которые, надо думать, ценами на предметы широкого потребления интересуются. Майзлин «забыл, кстати, и о существовании строительных рабочих, рабочих коммунального хозяйства, сельскохозяйственных рабочих, поденных рабочих, прислуги и пр. Майзлин «забыл» и об огромной армии служащих, большинство из которых заработную плату получает невысокую. Короче говоря, в погоне за миллиардом, Майзлин не принял в расчет, что весь пролетариат СССР в целом насчитывает теперь свыше девяти миллионов человек. Если даже из этой массы лиц наемного труда вычесть миллион человек, обеспеченных достаточно высоким окладом, то остается, кроме $2\frac{1}{2}$ миллионов рабочих крупной и мелкой промышленности, около 6 миллионов рабочих и служащих, т.-е. огромное большинство членов наших профессиональных союзов. Всей этой массе людей цены на предметы широкого потребления не безразличны, и едва ли она не обратит внимания на проектируемое Майзлиным повышение цен. Наверно, и сам Майзлин согласится с тем, что это внимание едва ли будет очень благосклонным. Во всяком случае, перед т. Майзлиным вырисовывается такая дилемма. Либо пойти сознательно на то, чтобы перессорить пролетарское государство с подавляющей массой членов советских профессиональных союзов, которые будут майзлинский «миллиард» проклинать за то, что он сулит им понижение реальной зарплаты. Либо Майзлин постесняется «перекачивать» миллиард из кармана рабочего класса, но тогда он должен в какой-либо форме повысить всей массе пролетариата зарплату на ту же сумму, на какую повысятся цены на промтовары. На это повышение зарплаты, фактически означающее лишь сохранение ее на прежнем реальном уровне, придется затратить никак не менее 400 милл. руб. Иными словами, великолепный майзлинский «миллиард» уже от одного этого должен с'ежиться до 600 миллионов.

Но не следует думать, что на этом злоключения нашего, уже теперь изрядно общипанного, «миллиарда» кончаются. Претерпеть ему предстоит еще не мало.

Только наш «миллиард», постыдно сократившись до 600 миллионов, избавился на время от недовольств рабочего класса, как его немедленно встречает в штыки основная масса нашего крестьянства. Какие последствия имеет политика повышения индустриальных цен на деревенскую экономику, мы знаем из предыдущей главы. Эта политика означает регресс сельского хозяйства, усиление дифференциации, укрепление позиций кулака-ростовщика, рост аграрного перенаселения, нарастание «быстрым темпом» недовольства середняцко-бедняцкой массы деревни. В любом случае—даже если мы примем самую благоприятную перспективу,—т.-е. примем, что повышение отпускных цен на 30% только незначительно отразится на повышении розницы, скажем процентов на 10—иначе как четырех'этажной благодарностью за Ваш «миллиадр», тов. Майзлин, Вам крестьянство не отплатит.

Но это еще не все, т. Майзлин. Не думайте, что деревня соблаговолит перенести Ваш «миллиард» «просто так». Хозяйственный нажим на деревню со стороны города породит хозяйственное противодействие со стороны деревни. На враждебную ей политику промышленных цен она ответит повышением цен на сельскохозяйственные товары. Цены на продукты сельского хозяйства обнаружат тенденцию к росту. (При этом росте с.-х. цен выигрывать будет больше, конечно, зажиточно-кулацкая верхушка деревни, которая обладает большими «маневренными» способностями, может хлеб припрятывать, рост цен может выжидать).

Здесь майзлинскому «миллиарду» грозит новый непредвиденный удар. На беду Майзлина, рабочий класс СССР покупает предметы потребления не только промышленного происхождения. Изрядную долю в рабочем бюджете составляют расходы на сельскохозяйственные продукты. А поскольку на высокий промышленный индекс деревня ответит высоким индексом сельскохозяйственным, поскольку подымутся цены на хлеб, молоко, масло, яйца, мясо,—постольку «миллиард» рикошетом ударит прежде всего и больше всего по рабочему карману. «Миллиард» вызовет рост промышленных цен, деревня подымет цены на хлеб, а в результате падет реальная заработная плата [1].

Таковы предварительные итоги повышения отпускных цен. Острое недовольство всего трудящегося населения Союза как в городе, так и в деревне, как рабочих, так и служащих, как бедноты, так и середнячества; острое недовольство основных классов нашего Союза, уровень существования которых был бы снижен, которые были бы ограблены как потребители,—таков пред-

[1] Если бы т. Майзлин захотел этого падения зарплаты избежать, то ему пришлось бы повысить денежную зарплату в меру повышения цен на сельскохозяйственные продукты, но тогда его «миллиард»..., то-бишь 600 миллионов, «оттаял» бы еще на пару сотен миллионов.

варительный результат майзлинского «миллиарда». «В копеечку» обошелся бы «миллиард» пролетарскому государству.

Но, быть может, стоило бы пойти на такой риск, стоило бы решиться на «временную» грабиловку потребителей, стоило бы это «потерпеть» ради каких-либо сверх'ординарных благ другого порядка? Быть может, повысив отпускные цены, мы оздоровили бы систему нашего товарооборота, вытеснили бы частника из сферы торговли, «загребли» бы его барыши? Быть может, в награду за «временные» страдания, вызванные «миллиардом», мы имели бы наше победоносное наступление в сфере обращения? Так ли это?

О борьбе с частным капиталом оппозиция накричала не меньше, чем о кулацкой опасности. В большом ходу оппозиционные словечки о нашем якобы «потакании» частному капиталу, о «фактическом покровительстве» ему, о «недооценке» грозящих со стороны нэпманской буржуазии опасностей и т. п.[1]).

---

[1]) В этом отношении прямо-таки «перлом» является глава о частном капитале в статье Майзлина. В своей разудалой «полемике» по этому вопросу с т. Н. Бухариным Майзлин отличился, пожалуй, больше всего.

Идет спор о размерах прибылей и накопления у частного капитала. Тов. Н. И. Бухарин берет данные Кутлера о сумме прибылей частного капитала за 1924/25 г. Для того, чтобы определить накопление частного капитала, нужно вычесть из этой суммы прибылей (которая по данным Кутлера колеблется между 319 и 585 милл р.) фонд потребления частнокапиталистических хозяйств. Беря всю массу частных хозяйств (323.885) и помножая ее на вероятный средний размер потребления на каждое хозяйство (1000 рублей в год), Бухарин получает совокупный фонд потребления частников (323 миллиона рублей). Таким образом, величина накопления частного капитала должна определяться разностью между всей валовой прибылью и 323 миллионами рублей.

Но тут появляется Майзлин и начинает греметь в свой оппозиционный бубен. Ага!—восклицает Майзлин—Бухарин делит все доходы частного капитала поровну между всеми частниками! Бухарин считает, что все частники потребляют каждый по тысяче рублей! Бухарин «не понимает» того, что бывают частники победнее, которые проедают меньше 1000, и бывают нэпманы-зубры, которые проедают больше 1000 и которым «остается и на накопление!» У Бухарина невозможная «арифметика»! Если рассуждать «по Бухарину», то нужно делить все доходы сельского хозяйства поровну между всеми крестьянами, тогда не будет кулаков. Если рассуждать «по Бухарину», то надо делить все доходы между капиталистами, тогда в капиталистическом обществе не будет капиталистов! В том же духе Майзлин распаляется «ядом» и дальше, затем яростно начинает «вычислять», сколько проедают и сколько накопляют более и менее богатые частники, «вычислений» своих, однако, до конца не доводит, «саркастически» предоставляя сделать это «самому Бухарину», который «в арифметических вычислениях мастак».

«Ехидства», что и говорить, в этих рассуждениях наслежено не мало. Вся беда в том, однако, что товарищ Майзлин стреляет холостыми. Все его рассуждения покоятся на той милой «предпосылке», будто тов. Бухарин где-либо и когда-либо действительно утверждал, что все частники потребляют «поровну» и накопляют «поровну». Между тем, подобной чуши ни Бухарин, ни один человек, у кого голова на плечах—не говорил. Самое слово «поровну» здесь попросту выдумано Майзлиным. «Опровергал» Майзлин, иными словами, не т. Бухарина, но свою собственную галиматью, которая им Бухарину была бесцеремонно приписана («знай, мол, наших!»).

Бухарин брал вероятную среднюю потребления на каждое частнокапиталистическое хозяйство. Этого ему было совершенно достаточно для того, чтобы, зная число частнокапиталистических хозяйств, вычислить весь фонд потребления частников. Можно было бы, конечно, подсчет вести иначе: разбить хозяйства частников по категориям, вычислить сколько каждая категория потребляет в отдельности, затем сложить эти отдельные потребительские фонды и таким путем получить сумму потребления частников. Не трудно догадаться даже и не особенным «мастакам в арифметике», что в случае, если средняя потребления определена правильно, результаты обоих

Как обстояло бы, однако, дело реальной борьбы с частным капиталом, если бы мы вздумали осуществить экономическую программу оппозиции? Как реагировала бы наша товаропроводящая сеть—госторговля, кооперация и частный капитал—на майзлинское повышение отпускных цен на промышленные изделия?

Сам Майзлин признает, что повышение отпускных цен явится экономическим ударом для всей нашей товаропроводящей сети. Он этого не скрывает, ведь его «план» в том и состоит, чтобы заставить «немножко пожаться» кооперацию и отнять барыши у частников. Но Майзлин увиливает от вопроса, который в глазах всякого, действительно дорожащего интересами борьбы с частником, должен являться решающим: кого повышение отпускных цен должно ударить больше—частника или кооперацию и госторговлю?

А между тем достаточно только поставить этот вопрос, чтобы получить на него ясный и недвусмысленный ответ. Государственная и кооперативная торговля уже потому должны пострадать больше, что они благодаря той «нашей экономической политике», которую Майзлину угодно было об'явить «несостоятельной»—господствуют в нашем товарообороте (почти весь опт и большая часть розницы охвачены гос- и кооперативной торговлей). Уже поэтому средства, извлекаемые из сферы обращения в промышленность, суть в гораздо большей пропорции не барыши нэпманов, но средства нашей кооперации и госторговли. В той мере, в какой кооперации и госторговле не удастся переложить повышение отпускных цен на потребителя, в той самой мере

вычислений должны совпасть. Например, берем 300.000 частных хозяйств; если среднее годовое потребление на семью равно 1.000 руб., то весь фонд потребления будет 1000 р. × 300.000 = 300 миллионов рублей. Та же сумма может получиться, если мы возьмем, частные хозяйства по группам, напр. 100.000 хозяйств потребляют по 800 рублей в год, в сумме 80 миллионов. 100.000 хоз. по 1200 руб.—сумма 120 миллионов. 100.000 хоз. по 1000 руб.—сумма 100 милл. рублей; итого 80 м. + 120 м. + 100 м., т. е. те же 300 миллионов рублей. Напрасно, между прочим, т. Майзлин свои столь «победоносно» начатые вычисления дипломатически прекратил. Если он продолжил бы их до конца, не пускаясь на какое-либо добавочное шулерство, он мог бы получить ту же самую сумму потребления частников, какая дана в примерном расчете т. Бухарина.

Пусть, кстати, Майзлин обратит такого рода остроумие против себя самого. Он много распространялся насчет душевого потребления. Но душевое потребление есть норма потребления на каждую душу населения. С какой стати Майзлин осмеливается «делить поровну» потребление между всеми «душами»?... «Неужто» он полагает «всерьез», что все «души»—будь то «души» рабочего, крестьянина, кулака или нэпмана или, наконец, «душа» самого Майзлина потребляют «поровну» пирогов, сахару, табаку, чугуна и оппозиционных статей?

Впрочем, весь полемический экстаз насчет частнокапиталлистического накопления Майзлину служит для заметания следов, Майзлин ни-гугу о маленькой «истории вопроса», об исчислении размеров накопления частного капитала. А эта «история» такова, что представители оппозиции (напр., т. Пятаков) отождествляли накопление частного капитала с валовой прибылью его. Благодаря этому получалось несуразно преувеличенное представление о накоплении частного капитала. Тов. Дзержинский, а затем и тов. Бухарин разоблачили этот маневр оппозиции, указав на то, что из валовой прибыли надо скинуть фонд личного потребления. Майзлин «смолчал» насчет итогов этого спора. Вместо того, чтобы коснуться этой сути, он предпочел юркнуть в кусты, навязать т. Бухарину ряд диких «мыслей», а потом их старательно «опровергнуть», то бишь усердными зубами «грызть гранит» своей собственной глупости. Вы ничего себе «мастак», т. Майзлин!

средства на «миллиард» будут в основном создаваться «перекачной» из каналов государственно-кооперативной торговли в госпромышленность, т.-е. самая операция с «миллиардом» сведется в значительной степени к перекладыванию из одного государственного кармана в другой. Кошель госторговли и кооперации несколько опустеет. Им придется, как скромно выражается Майзлин, «немножко пожаться».

Но что это означает «немножко пожаться»? Это означает то, «что обедневшие кооперация и госторговля должны сократить масштаб своих операций закупочных, продажных, кредитных,— должны меньше покупать у госпромышленности, меньше продавать потребителям; должны закрыть ряд своих лавок и магазинов; рассчитать массу служащих; другими словами, на известный процент свернуть свой товарооборот [1]). В товарообороте должна образоваться «дыра». Чтобы избежать кризиса сбыта, кто-то эту «дыру» должен заполнить. Кто это сделает? Разумеется, не дух святой и даже не товарищ Майзлин (у которого по горло возни с своим «миллиардом»). Это сделает частный капитал. «Тит Титыч вывезет!» «Немножко пожаться» значит на деле «немножко» потесниться перед нэпманской буржуазией. Иными словами, политика повышения отпускных цен неизбежно ведет к форсированному наступлению частного капитала на фронте обращения и, наоборот, к отступлению на этом фронте государственного хозяйства. Вести политику повышения цен, осуществить экономическую программу оппозиции значит почти завоеванный нами рынок отдать назад частному торговцу. Оппозиционная политика цен есть политика смычки с частным капиталом. Такова оборотная сторона майзлинской сверхиндустриализации, таков предательский казус с майзлинским «миллиардом». Обещал нам «загресть» у частника все барыши, разорялся вкось и вкривь насчет «фактического» якобы «покровительства» частнику со стороны нашей партии, а кончил тем, что сам пошел на поклон к частнику. (Кооперация «пожмись»! Тит Титыч, выручай!). Грозен Майзлин у «старта», но разве не жалок он у «финиша»? [2]).

---

[1]) Следует отличать, конечно, сокращение административно-хозяйственных расходов, устранение «многозвенности» благодаря рационализации аппарата от майзлинского «пожаться» посредством механического повышения отпускных цен. Механическое повышение отпускных цен кооперацию и госторговлю не «рационализирует», но толкнет на повышение розницы, с одной стороны, а, с другой стороны, заставит «сократить» их торговый оборот.

[2]) Процентное соотношение частника и государственно-кооперативного хозяйства в торговле менялось следующим образом:

	1923—24 г.	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г. (предположительно).
Частник	40	27	23,7	21,5
Госторговля и кооперация . . .	**60**	**73**	**76,3**	**78,5**

Теперь Майзлины предлагают нам «пожаться», а частнику вернуть утерянные позиции. Только этот номер не пройдет. Не для того Ленин учил коммунистов торговать, чтобы теперь—когда они кой-чему научились, когда роль частника в торговле снизилась с 40 до 21,5 проц.—перед частником пасовать. Будем крепить наш товарооборот дальше, частнику не сдадимся, на оппозиционный зов не пойдем.

Конечно, повышение отпускных цен означает нажим на весь товарооборот в целом—и на кооперацию, и на госторговлю, и на частный капитал. Но нажим этот должен сказаться несравненно сильнее именно на государственной и кооперативной торговле. Частник скорей переложит отпускные накидки на потребителя. Если кооперация и госторговля зависят от наших директив (мы можем одергивать, не допускать слишком большого вздувания цен), то у частника в этом отношении руки свободны. Если кооперация связана с товарным «ассортиментом», должна брать от промышленности и неходкие товары, частник этого может не делать. Если кон'юнктура не позволит частнику сразу слишком вздуть розничные цены, он отыщет себе временно другие сферы «деятельности»: спекуляция валютой, хлебозаготовки (благо майзлинский «миллиард» чреват ажиотажем на рынке с.-х. продуктов). Во всех случаях относительные позиции частника на рынке укрепятся, а позиции нашей торговли будут ухудшаться.

Опустошения, чинимые «миллиардом» в потребительском бюджете рабочего, в потребительском бюджете крестьянина и в области нашей внутренней торговли, еще не составляют всей суммы последствий политики повышения отпускных цен. Одиссея «миллиарда» еще не дошла до своего логического конца.

А этот конец состоит в том, что политика высоких цен должна нанести нашему хозяйству еще два жестоких удара: удар по нашей внешней торговле и удар по нашей валюте.

Мы видели, что политика повышения цен на промтовары должна повлечь за собой тенденцию роста цен на сел.-хоз. продукты. Но чем выше стоят заготовительные цены на продукты сельского хозяйства, тем труднее их вывезти, тем менее рентабельным делается наш экспорт, тем меньше мы имеем возможности развернуть наши отставшие внешнеторговые операции. Препятствуя политикой высоких цен развитию нашего экспорта, мы тем самым либо делаем невозможным развитие импорта (в том числе и рост ввоза капитального оборудования на индустриализацию); либо развертываем импорт ценою пассивного торгового и платежного балансов, ценою расточения иностранной валюты, что ставит под прямую угрозу наш червонец.

На червонец атака ведется со всех сторон:

Подрывается обеспечение червонца из-за неблагоприятных условий торгового баланса, из-за разбазаривания нашего валютного фонда.

Падает устойчивость червонца из-за необходимости произвести добавочную червонную эмиссию на хлебозаготовки (ведь цены-то на хлеб, спасибо Майзлину, должны возрасти).

Падает устойчивость червонца из-за необходимости нового выпуска червонцев на пополнение возросшего фонда денежной заработной платы.

Понижается покупательная сила червонца, ибо создается ненормально «повышенная» кон'юнктура в целом, ибо идет неслыханный ажиотаж с ценами, ибо растет общий товарный индекс, ибо создается перенапряжение кредита.

Призрак инфляции превращается в зловещую реальность. Червонец неудержимо катится вниз.

Инфляция, обесценение, крах нашей валюты—таково заключительное звено политики повышения отпускных цен, таково «последнее прости» уходящего на покой бедного «миллиарда» Майзлина. А что такое инфляция—нужно ли «об'яснять» трудящимся СССР? Это—общее и непрерывное падение реальной заработной платы, это—расстройство всего народнохозяйственного механизма в целом, это—срыв нашего хозяйственного роста.

Что же мы имеем в результате осуществления «индустриализации» по Майзлину:

1) Непрерывное падение реальной зарплаты.
2) Форсированное расслоение деревни, резкое ухудшение положения бедноты и недовольство середняка.
3) Рост аграрного перенаселения и безработицы.
4) Ухудшение позиций госторговли и кооперации одновременно с усилением частника.
5) Хронический пассивный торговый баланс.
6) Инфляция, падение червонца.
7) Остановка нашего хозяйственного роста.

Что же остается от политики повышения отпускных цен—а эта политика ведь есть основа основ всей экономической платформы оппозиции? Ничего абсолютно, кроме ее полной и очевидной несостоятельности. Такую политику принять нельзя. Ибо это было бы политикой нашего экономического самоубийства.

* * *

Мы видим, что представляет собой экономическая платформа оппозиции. Мы видим, что она не может похвастать логической выдержанностью, законченностью своего построения. Мы видим, наоборот, что безысходные противоречия и бьющая в глаза политическая беспринципность пронизывают всю оппозиционную платформу от начала до конца. Разве не беспринципность—требовать максимального накопления и в то же самое время максимального потребления? Разве не беспринципность—демагогическая игра на товарном голоде и в то же время курс на политику, которая товарный голод обостряет (оппозиционное «лечение» товарного голода товарным голодом)? Разве это не беспринципность—оппозиционные «охи» и «вздохи» по поводу недостаточного потребления масс и одновременно политика высоких цен, политика обирания трудящихся потребителей? Разве это не беспринципность—панический галдеж насчет дифференциации и одновременно политика ее разжигания? Разве это не беспринципность и разве это не обман рабочих—обещание высокой зарплаты и в то же время политика инфляции? Наконец, разве это не беспринципность—оппозиционный вопль о нашествии частника, а под шумок отдача частнику сферы обращения?

В экономической платформе оппозиции следует отличать «реальности» от «декораций». Платформа эта густо пересыпана всевозможными «левыми» фразами и словечками. Но «левые» выкрики оппозиции не должны скрывать от нас ее подлинного правого существа. Существо экономической программы оппозиции, единственное ее «новое слово», единственно деловое и конкретное, что оппозиция могла противопоставить партии—это политика высоких цен. Но политика высоких цен—это верный способ оторвать партию и советское государство от широких масс, верный способ потащить партию направо. «Левые» фразы, с каким бы стопроцентным надрывом они ни произносились, не могут и не должны от нас скрывать правой сути реальной экономической программы оппозиции.

Когда оппозиция кричит о кулаке, то это только левая фраза; когда оппозиция предлагает вести политику высоких цен, кулака в деревне укрепляющую, то это правая суть ее платформы.

Когда оппозиция кричит о помощи бедноте («лошадь безлошадному»), то это ее левые слова; когда же она заявляет о своей готовности хлестать высокими ценами бедняцких потребителей—это ее правое дело, правая политика.

Когда оппозиция кричит о засилии частников и спекулянтов—это только левые слова; когда оппозиция предлагает перед частником распахнуть все шлюзы нашего товарооборота (кооперация «пожмись»!)—это правая суть ее экономической политики.

Когда оппозиция мечет громы насчет расслоения крестьянства—это только поток левых фраз; когда она предлагает вести политику форсированной «перекачки», политику высоких цен, деревню усиленно расслаивающую и разоряющую—это правое существо ее платформы.

Когда оппозиция сулит высокую зарплату это с ее стороны только левый маневр, демагогическое «запускание арапа»; когда же она провозглашает политику инфляции (ведь в инфляции секрет всех ее «миллиардов»!), политику, сводящуюся на деле к падению реального уровня зарплаты, это есть реальное содержание ее хозяйственной платформы.

Попытка оппозиции задрапироваться в «левый» плащ не должна никого обманывать. «Левее» большевизма стать невозможно. Только враги революции могут «открыть» более «левую» линию, нежели та линия, которую ведет большевистская партия. Не случайно из белого стана несутся теперь бешеные аплодисменты «левизне» и «революционности» об'единенной оппозиции. Не случайно «Соц. Вестник» торопливо раздает «левые» ордена оппозиционным вождям и заявляет о своей солидарности или полусолидарности с оппозицией. Только ведь вся партия знает, что «левым» «Соц. Вестник» признал даже «концессионного» Медведева. Только ведь никогда не было и не будет того положения, чтобы в глазах большевиков имели цену те аттестаты на «левизну», которые выдаются меньшевиками и кадетами.

Именно потому меньшевики восхищаются «левизной» оппозиции, что она на деле тянет партию направо к меньшевизму. На деле экономическая платформа «Майзлина» есть, как мы видели, именно правая платформа. Его экономическая платформа есть политика срыва рабоче-крестьянского союза, политика срыва индустриализации (несмотря на все слова о «высоком темпе»), политика, всеми своими корнями уходящая в неверие в строительство социализма в нашей стране.

Политика сознательного расшатывания партийных рядов, которую ведет теперь оппозиция, логически дополняет оппозиционную экономическую платформу. Теперь эта раскольническая политика оппозиционных вождей у всех на глазах. Теперь оппозиция лицемерными возгласами «мы тоже за единство!

никого не возьмет. И никого не обманет ходовая оппозиционная фраза, произносимая, якобы, в «защиту единства»: «Ведет к расколу тот, кто отходит от пролетарской линии, защищает единство тот, кто борется за выправление классовой линии. Только решив вопрос о том, кто сползает с пролетарской линии и кто борется за нее, можно сказать, кто раскалывает партию и кто борется за ее единство...». Ну, а вопрос о том, **кто** компетентен решать вопрос о «сползании» или о «выпрямлении» классовой линии, существует на белом свете или нет? Кто **этот** вопрос должен решать? Об **этом** Майзлины—ни слова, об этом они лицемерно молчат. Может быть, решение вопроса о сползании принадлежит тем или иным «свободным художникам» от оппозиции? Может быть, Шляпников и Медведев, «сползающие» к Уркартам, имеют здесь «веское» слово? Или, быть может, сам «Майзлин», «пролетарскую линию» которого мы только-что видели, в праве решить этот вопрос? Может быть, заграничный ренегат от коммунизма, профессор Корш? Может быть, наконец, «Соц. Вестник», который на «майзлинские» темы тоже ведь не прочь распространяться? Где же партия, где ее верховные органы, где партийные с'езды, конференции, где ленинский Центральный Комитет? Таких «категорий» нет «в постановке вопроса» «Майзлина». Это для Майзлина «пустая формалистика». «Майзлин» и его друзья предпочитают «решать» центральные вопросы нашей партии за спиной партии и ее руководящих учреждений, на своих фракционных собраниях. Тем самым они ведут преступную политику раскола. Только на этом пути они здорово прогадают. Вся партия, как один человек, дает раскольникам решительный отпор и ленинизм от «майзлинизма» отличить сумеет...

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

МАКАРОВ, Н. П.—«Организация сельского хозяйства». Изд. «Экономическая Жизнь», Москва, 1926 г., стр. 565, цена 5 р.

Реорганизация сельского хозяйства—актуальнейшая проблема дня. В пособиях по организации хозяйства ощущается острая потребность. Особенная нужда ощущается в полной научно-популярной книге по этому предмету.

Работа проф. Н. П. Макарова стремится заполнить этот пробел. Преимущества ее перед аналогичными работами—сравнительно простое изложение понятий и знаний по организации с. х-ва, умелое построение курса предмета, насыщенность книги новейшими данными по организации хозяйства С.-А. С. Ш. и европейских стран и пр.

Но если с точки зрения популяризации знаний по организации сельского хозяйства книга проф. Макарова приемлема, то те теоретические идеи «организационно-производственной школы», которые пронизывают стержнем весь курс, должны получить с точки зрения марксистской критики отрицательную оценку.

Наибольший интерес в этом случае представляют первые две главы книги: в них концентрируется концепция проф. Макарова и устанавливаются методологические отправные точки для остальных глав.

«...Целый ряд положений, излагаемых здесь (I и II гл. *А. С.*), представляет собой выводы из того, что в последующих главах излагается подробнее и на более конкретном материале. Поэтому лицам, изучающим вопросы организации сельского хозяйства, мы рекомендовали бы еще раз вернуться ко второй и первой главам после прочтения гл. XII» [1]).

Следовательно, мы не погрешим, если центр тяжести своих замечаний, направленных против теоретических положений и выводов проф. Н. П. Макарова, перенесем на первые две главы.

Проблему организации сельского хозяйства, равно как и проблему организации промышленности, следует рассматривать в причинной связи и зависимости как от основных звеньев хозяйства, так и всех второстепенных его слагаемых. С другой стороны, также надо иметь в виду влияние естественных, экономических и социальных факторов на структуру сельского хозяйства. Только в этом аспекте анализ проблемы организации хозяйства подводит нас к всестороннему охвату ее и позволяет вскрыть истинную природу самого сельского хозяйства. Вместе с тем удается правдоподобнее выявить структуру социально-экономических типов хозяйства и установить процессы в них происходящие. Поэтому исключительный интерес представляет трактовка Н. П. Макаровым вопроса о том, как увязать организацию хозяйства с социальными типами хозяйства.

К факторам, определяющим организацию хозяйства, Н. П. Макаров относит систему хозяйства, направление хозяйства и размер хозяйства (крупность его), который в свою очередь определяется земельной площадью при экстенсивной системе, суммой вложенного капитала или труда на хозяйство—при интенсивной системе хозяйства [2]).

Размер же хозяйства стоит в прямой зависимости от социального типа хозяйства: «Между размером хозяйства и социально-экономическими типами его существует определенное соотношение» [3]).

[1]) Стр. 68.
[2]) См. критику этих положений в предисловии издательства.
[3]) Стр. 22.

Затем следует социальная характеристика типов хозяйства:

1. «Мелкое трудовое хозяйство (т. наз. полупролетарское, бедняцкое хозяйство, карликовое или парцеллярное)».

2. «Трудовое хозяйство (так наз. середняцкое, мелкобуржуазное)».

3. «Капиталистически-трудовое (так наз. мелкобуржуазное, кулацкое, полутрудовое)».

4. «Капиталистическое».

5. «Крупное капиталистическое хозяйство или полулатифундиальное».

Другими словами, данную Н. П. Макаровым об'ективную характеристику перечисленным выше типам хозяйства, т.-е. бедняцкие—эксплоатируемые, середняцкие—неэксплоатируемые и неэксплоатирующие, кулацкие—эксплоатирующие и т. д., можно признать почти удовлетворительной. Но... «...Об'ективной характеристике социальных типов хозяйства соответствует суб'ективная их характеристика, которую необходимо иметь в виду, чтобы понимать задачи и цели организации хозяйства в зависимости от социального типа хозяйства... всякое хозяйство ведется из-за дохода, и всякий хозяин стремится получить возможно больший доход с возможно меньшими затратами[1])... Но в каждом социальном типе хозяйства существует своя оценка затрат и своя оценка дохода» (курсив везде автора. *А. С.*)[2]).

Превосходно. Если, в самом деле, в связи с организацией хозяйства к присущей каждому социальному типу хозяйства об'ективной характеристике необходимо добавить метод суб'ективной оценки, то в этом кардинальнейшем вопросе важно знать масштаб и силу последней оценки.

«Трудовое хозяйство,—пишет проф. Макаров по этому поводу,—в составе своих расходов имеет затрату своего труда. Этот труд обычно не подвергается рыночной предварительной оценке... Такой хозяин может измерить полученный остаток с затраченным трудом на получение этого чистого остатка.

Хозяин оценивает полученный чистый остаток с точки зрения всей суммы имеющихся у него потребностей. С другой стороны, он оценивает свое трудовое напряжение».

И несколько дальше:

«Он (хозяин. *А. С.*) контролирует хотя бы бессознательно степень направления трудовых сил степенью удовлетворения его потребностей. Такое трудовое хозяйство определяется (А. В. Чаяновым и Б. Д. Бруцкусом) как хозяйство, имеющее своей целью доставить средства к существованию семье хозяина путем выгодного использования рабочих сил семьи и имеющихся в его распоряжении земли и средств производства. Поэтому такое хозяйство называется потребительно-трудовым хозяйством (!!) (и в таком хозяйстве. *А. С.*), напряжение трудовых сил регулируется степенью удовлетворения потребностей трудовой семьи» (!) (курсив автора. *А. С.*)[3]).

Слов нет, что суб'ективные соображения хозяина при организации хозяйства играют некоторую роль, и эти суб'ективные манипуляции, несомненно, будут различны в неодинаковых социальных типах хозяйства. Но все это второстепенное и третьестепенное.

---

[1]) „Доход" в бедняцком хозяйстве без кавычек — бессмыслица. Его „доход" нередко спускается до и ниже физического минимума заработной платы. (Ср. Маркс, т. III, ч. 2, стр. 342—343).

[2]) Стр. 23.

[3]) Стр. 24.

А вот когда Н. П. Макаров теоретически утверждает, что суб'ективные оценки затрат хозяина, отображающие собой экономические процессы индивидуального хозяйства, есть прямое следствие потребностей трудовой семьи, другими словами, «экономические функции» «трудового хозяйства» обусловлены «физиологическими импульсами» последней—так это неверно. Ведь кажется так очевидно, что экономические категории имеют свои собственные законы управления, не имеют и не могут иметь абсолютно никакого отношения к физиологическим потребностям и суб'ективно-психологическим мотивам. Поэтому невозможно найти и установить рациональную зависимость между потреблением семьи и динамикой хозяйства в товарном обществе[1]).

Однако, для проф. Макарова вполне достаточно положить в основу жизни «трудового» хозяйства «физиологическое потребление» семьи, признав это движущим и регулирующим экономику хозяйства рычагом, чтобы затем воздвигнуть ложную теорию «потребительно-трудового» хозяйства, противоречащую смыслу вещей и фактам действительности.

Потом, вооружившись «суб'ективно-психологическим» методом, автор с неослабевающей логикой анализирует элементы хозяйства, устанавливая их взаимодействующую соподчиненность.

И труд из активной движущей силы хозяйства и основного мерила стоимости продукта превращается у него в технический придаток к средствам производства (к с.-х. орудиям, удобрениям).

Исповедывать подобную точку зрения в исследовании проблемы «организации хозяйства» проф. Н. П. Макарову приходится в силу той логически-развернутой цепи выводов, которые теоретически питаются из источника «суб'ективно-психологической» концепции. И немудрено, что в результате анализа выдвинутые автором социально-экономические типы хозяйства остались неправильно понятыми, и все «потребительно-трудовые» хозяйства (середняцкие), собственно основная масса крестьянских хозяйств, представлены в ложном свете.

Проф. Макаров загипнотизирован суб'ективно-психологической концепцией и не замечает совсем «немногого», что суб'ективные критерии оценки хозяйства при организации ограничены, и сфера действия этих мотивов протекает в пределах индивидуального хозяйства, отражая своим психологическим настроением колебания и изменения кривой экономики хозяйства, которое в свою очередь подчинено экономическим категориям: рынку, конкуренции и т. д.

Экономические тенденции индивидуального хозяйства парализуются об'ективным миром вещей, в соответствии с этим получают удары и суб'ективно-психологические соображения и физиологические побуждения.

Проф. Н. П. Макаров не видит экономических взаимоотношений индивидуального хозяйства с массой аналогичных ему хозяйств, не замечает вынужденного подчинения через рынок первого последним. Благодаря этому в его глазах оправдывается «потребительно-трудовая» теория, которая самосильно доказывает, что психологию хозяйствующего суб'екта определяет «физиология его семьи», т.-е. желудки членов семьи есть тот «стержень», вокруг которого вращается вся жизнь «трудового хозяйства». На самом же деле определенное количество труда, затраченное в отдельном хозяйстве, овеществившись в продукте труда, получает об'ективное мерило в общественном труде на рынке и через рынок. Только чисто натуральное хозяйство избегает этого общественного мерила. Втянутые же на 20—25% в рыночные отношения хозяйства

---

[1]) В статье всюду предполагаются условия товарного производства в сельском хозяйстве.

(фактически крестьянское хозяйство за некоторым исключением захвачено рынком от 30 до 75%) уже подчиняются общим законам экономики.

Усвоенный взгляд на вещи принудил проф. Макарова отказаться от приблизительно правильного понимания им социальных типов хозяйства, первоначально им принятого, ибо последовательное развитие вскользь брошенных мыслей—при характеристике социальных типов хозяйства—должно было бы привести его к марксистскому пониманию сельского хозяйства и социальных типов, в него включенных. Это противоречило бы мировоззрению проф. Н. П. Макарова.

Социальные типы хозяйства в дальнейшем рисуются автору чуть ли не абсолютно замкнутыми, не испытывающими толчков рынка, ударов проникающего в сельское хозяйство капитала; в них не существует социальных трений, постоянной борьбы и глубокого антагонизма, развивающихся на фоне экономической динамики сельского хозяйства и имеющих результатом непрерывное расслоение крестьянского хозяйства.

Одним словом, проф. Макаров не знает или не признает законов диалектики в сельском хозяйстве.

Но проф. Макаров не прочь поговорить о предпринимательских тенденциях потребительно-трудового хозяйства:

«Под влиянием повышенной выгодности затрат труда или усиленного устремления к добавочному доходу трудовые хозяйства выходят из-под власти (!) потребительского расчета (!) в своей организации и управляются приобретательским (!!) мотивом... это бывает доступно уже более крупным трудовым хозяйствам(!!)» [1].

С одной стороны, «нельзя не признать», с другой—«нельзя признать», что трудовое хозяйство руководствуется приобретательским мотивом. Обратной стороны автор вообще не предполагает—выталкивание «трудовых» хозяйств в бедняцкую группу. Но допущенная Н. П. аномалия является исключительной. «Если хозяйство не велико (подразумевается—середняцкое. *А. С.*), то оно сохраняется, как потребительское» [2].

«Эти хозяйства,—пишет проф. Макаров о бедняцких хозяйствах,—знают рыночную оценку своим рабочим силам при заработках на стороне, но неудовлетворенные потребности... заставляют затрачивать свой труд на такие отрасли и в таких формах, которые низко оплачивают труд... Для таких хозяйств, главным образом, является не вопрос высоты оплаты труда, а вопрос удовлетворения неудовлетворенных еще потребностей» [3].

Сказанное отчасти верно, кроме основного вывода. Мыслимо ли нерациональные затраты труда и другие элементы в хозяйстве в заведомо убыточной с.-х. отрасли ставить в зависимость от «неудовлетворенных потребностей» семьи. Сыт или голоден крестьянин-бедняк, не это определяет методы организации его хозяйства. Методы организации его хозяйства, как и середняцкого и кулацкого, определяются экономическими законами товарного хозяйства, отличие состоит только в том, что бедняцкое хозяйство лишено необходимейших средств производства и материальных средств своего существования, благодаря чему бедняк в организации своего хозяйства постоянно экономически зависим от кулака.

Установив теоретически физиономию социально-экономических типов, проф. Макаров переходит к анализу производственных функций, которые вменяются ходом эволюции сельского хозяйства каждому из них:

«Каждый социальный тип хозяйства имеет свою хозяйственную психологию, свой хозяйственный мотив, а, следовательно, и свой принцип организации хозяйства. Разные системы и направления сельского хозяйства далеко неодинаково уживаются с различными размерами и социальными типами хозяйства». «Затраты труда и капитала, равно как и чистый доход, рассматриваются и оцениваются по-разному в каждом социальном типе хозяйства. Это еще раз ведет к различию в системах и направлениях хозяйства, в различных социальных типах хозяйства» [1] (курсив автора. *А. С.*).

[1]) Стр. 24.
[2]) Стр. 25.
[3]) Там же.

В качестве иллюстрации проф. Макаров дает обзор типов сельского хозяйства, начиная с скотоводческого хозяйства диких и малокультурных народов Африки, Америки, Азии, кончая высококультурными хозяйствами Западной Европы и С.-А. С. Ш.

Экономическая структура и социальная природа капиталистического хозяйства, разумеется, глубоко отлична от бедняцкого хозяйства. В соответствии с этим хозяйственная психология и хозяйственные мотивировки, а с ними и методы организации хозяйства принципиально различны в этих двух социальных типах хозяйства. В то время как первое хозяйство, авансируя капитал на средства производства и рабочую силу, стремится насколько возможно рациональнее использовать свой капитал, приспособляясь к естественно-исторической среде и рыночным условиям,—второе, не имея свободного гроша и подавленное экономическим превосходством окружающих его социальных типов хозяйства, при отсутствии средств производства, вынуждено сознательно продавать лучшие рабочие руки, обрекая семью на полуголодное существование.

Безусловно неоспорим и тот факт, что социальный тип предпринимательских хозяйств стоит ближе к той системе сельского хозяйства (интенсивный или экстенсивный—смотря где: в Америке или Германии), которая обеспечивает приложенному к с. х. капиталу наивысший доход.

Но отсюда больше чем рискованно делать выводы, будто бы производительные функции каждого социально-экономического типа хозяйства предрешены ходом развития сельского хозяйства; будто бы существует чуть ли не естественное распределение производственных ролей между социальными типами хозяйства, при чем каждый из них, идя своим направлением, связан с определенной системой хозяйства. Например, разведение сахарной свеклы и картофеля для винокурения, выработка крахмала, с утилизацией заводских отбросов продуктивным животноводством, связаны с капиталистическими типами хозяйства; птицеводство, свиноводство (Дания), садоводство, огородничество, сбыт молока, цыплят—«с потребительно-трудовым».

Как видно, проф. Макаров лишний раз пытается «выделить» и «оградить» трудовое хозяйство в том смысле, что, мол, можно отыскать побольше десятка систем сельского хозяйства, рационализация и интенсификация которых м ы с л и м а лишь в условиях «потребительного» хозяйства, потому что крупное хозяйство (капиталистическое, колхоз, совхоз—безразлично, какое крупное) при этой системе невыгодно, убыточно, непрогрессивно.

Во-первых, методологически неверно брать для иллюстрации в пространстве размещенные социальные типы хозяйства, игнорируя при этом время (исторический период) эволюции с. х. и условия, под влиянием которых слагалась и эволюционировала данная система хозяйства.

Во-вторых, нет и одной системы хозяйства, которую можно было бы отнести к чисто капиталистическому, полукапиталистическому, трудовому или бедняцкому социальным типам.

[1]) Стр. 27—28.

Та же самая картофельная система сельского хозяйства широко распространена во всех социальных типах в РСФСР и в особенности в БССР, и в Польше, Германии, Франции и в Бельгии.

Так обстоит с культивированием сахарной свеклы (Бельгия, Германия, Россия, Франция. Этого не оспаривает и проф. Макаров), с продуктивно-мясо-молочной системой сел. х-ва, садоводством и проч. [1]).

Что касается производства какао, чая, табака в Индии (на острове Цейлоне), которое идет чисто капиталистическим путем, ибо мелкое производство туземных племен похоронено, так это не противоречит, а оправдывает марксистскую постановку вопроса, в том смысле, что, проникая в сельское хозяйство, капитал вытесняет мелкое крестьянское хозяйство, с чем несогласна «организационно-производственная школа».

Размеры рецензии не позволяют нам более детально рассмотреть ряд интереснейших, имеющих актуальное значение для с.-х. экономии, теоретических вопросов, которых касается проф. Макаров.

«Подчиняя себе природу, труд человека играет все большую роль в производственном процессе»,—пишет он.

«...Но не меньшую роль в процессе организации хозяйства играет и применение средств производства—капитала».

Признав сначала труд чуть ли не главнейшей причиной в производственном процессе, проф. Макаров на той же странице отождествляет его роль с капиталом и природой: «Капиталом может замениться живой человеческий труд или восполняться деятельность природы... таким образом, факторы (капитал, труд, природа. *А. С.*) могут быть взаимно заме щаемы или восполняемы» [2]).

Отождествлять **труд, капитал и природу**, как **равносильные** факторы в хозяйстве, методологически не допустимо, теоретически—глубоко ошибочно. Маркс зло издевался над вульгарной экономией за отождествление труда, капитала и земли:

«Взаимное отношение между ними (трудом, капиталом и землей. *А. С.*) приблизительно таково, как, напр., между нотариальными пошлинами, красной свекловицей и музыкой» [3]).

Ленин, разоблачая «марксизм» Булгакова, безжалостно высмеивал этого ревизиониста за попытку отождествить указанные факторы [4]).

Проф. Макаров ни одним словом не обмолвился, что факторы эти не идентичны. По существу здесь следовало бы ожидать от него должного анализа этих действительно важных проблем для с.-х. экономии, поскольку они им были затронуты. Автор, однако, не только прошел мимо анализа этих категорий, но и не дал даже их четкой формулировки.

Употребляя понятие капитала в техническом смысле, проф. Макаров не обронил ни одного звука, что капитал надо рассматривать, как историческую категорию, как результат общественных отношений.

Поэтому совершенно неясно, что во всех ли социальных типах хозяйства средства производства (с.-х. орудия, удобрения и проч.) выступают в форме капитала. Или это упущение, ложное понимание капитала...

Но какими бы соображениями ни руководствовался проф. Макаров, рассматривая экономические категории в сельском хозяйстве, приходится, однако, констатировать, что труд во всех случаях фигурирует у него

---

[1]) Речь может итти о большей или меньшей концентрации капитала в различных отраслях и системах сельского хозяйства, а не «естественных» законах, не допускающих внедрения капитала (укрупнение хозяйства) в некоторые системы хозяйства.

[2]) Стр. 5—6.

[3]) Т. III, ч. 2, стр. 351.

[4]) Ср. т. IX, стр. 48—49.

под одной рубрикой с природой и капиталом. Именно это положение не выдерживает критики.

Теперь несколько слов о «пресловутом законе» падающей производительности последующих затрат.

Проф. Макаров как будто отвергает этот закон, как экономическое народнохозяйственное явление: «Строго говоря,—пишет он,—увеличение или уменьшение фактора или элемента хозяйства без одновременного изменения техники—или крайне редкое явление в области организации хозяйства, или не существует в реальной жизни, или выдумано сторонниками «закона падающей производительности».

Однако, закон падающей производительности автору служит основным методом в организации индивидуального хозяйства, и проблему организации отдельного хозяйства он рассматривает под углом зрения этого «маленького законика». Для марксистов неприемлем закон падающей производительности и в подобной «смягченной» формулировке, ибо для трезвого, марксистско-диалектического понимания и анализа проблемы организации сельского хозяйства он не представляет абсолютно никакой научной ценности; его необходимо отвергнуть.

В заключение необходимо остановиться на проблеме интенсивности в сельском хозяйстве Интенсивность или уровень интенсивности в сельском хозяйстве служит главнейшим признаком при классификации типов хозяйства; кладя в основу классификации типов хозяйства интенсивность, мы тем самым определяем грань и различия между структурами изучаемых типов, улавливаем особенности каждого.

Надо, однако, отметить, что марксистская методология, приемля указанный признак при классификации типов хозяйства—в отличие от взглядов буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков—рассматривает организацию хозяйства через призму классовых отношений и социальных связей.

Как же определить уровень интенсивности системы хозяйства? «Интенсивность системы хозяйства (x),—читаем в книге проф. Макарова,—может быть выражена дробью, у которой в числителе стоит сумма затрат труда и капитала, а в знаменателе—величина земельной площади (п):

$$x = \frac{т + к}{п}$$

Чем больше затрат труда,—продолжает автор,—тем более **трудоинтенсивна** система хозяйства. Чем более затрат капитала, тем более **капиталоинтенсивна** система хозяйства».

Формула и комментарий к ней неприемлемы. Под интенсивностью надо понимать **капиталонасыщенность**, «**капиталонапряженность**» (как выражается автор в предисловии от издательства) **земли** [1]). Сумма затрат капитала на единицу площади определенного участка земли—единственно правильно может быть представлена (в капиталистическом хозяйстве) при определении интенсивности, лишь в **форме постоянного и переменного капитала**. И интенсивность, таким образом, может быть выражена дробью:

$$i = \frac{к}{н} = \frac{c + v}{н}$$ [2]).

В зависимости от высокого или низкого органического строения капитала интенсивность будет **высокого органического строе-**

---

[1]) См. стр. 7.

[2]) i—уровень интенсивности данной системы хозяйства;
к—сумма затрат капитала на единицу площади определенного участка земли, которая во второй части уравнения представлена в форме постоянного капитала (c) и переменного (v);
н—подвергнутая обработке площадь земли.

ния или низкого органического строения, что вполне правильно подмечено в предисловии издательства [1]).

Это совсем другое, о чем пишет проф. Н. П. Макаров. Его формула и определения: «трудоинтенсивности» и «капиталоинтенсивности» совсем не выражают интенсивности, ибо при сравнительно больших затратах труда в хозяйстве, чем других элементов, нет оснований утверждать, что данная система хозяйства интенсивна или, как там проф. Макаров называет, «трудоинтенсивна», а при сравнительно больших затратах капитала—«капиталоинтенсивна».

Такое слишком бесформенное определение интенсивности неверно; оно покоится на ложном понимании труда и капитала как общественно-экономических категорий, на отождествлении этих различных понятий.

Таким образом, появление книги проф. Н. П. Макарова не может заменить собою нужный марксистский учебник по организации хозяйства. Этим, однако, не сказано, что рецензируемая книга в силу этого не может быть рекомендованной читателю. Наоборот, содержательный, интересный и во многих отношениях полезный труд проф. Макарова при вдумчивом, критическом отношении к его теоретическим выводам послужит ценным и нужным пособием.

А. Сивегривов.

---

[1]) Во всех тех случаях, в коих приходится прибегать к понятию «органического строения» капитала, как, напр., в данном—при измерении интенсивности систем хозяйства, необходимо вкладывать марксово содержание в это понятие, которое состоит в следующем: состав капитала по стоимости—отношение постоянного капитала (c) с переменным капиталом (v)—определяется техническим его составом, т.-е. отношением определенной массы средств производства к массе рабочей силы—«живому труду»—как выражается Маркс.

Проблему органического строения немыслимо рассматривать в сноске статьи. Здесь можно ограничиться замечанием самого Маркса:

«... В технологическом отношении (капиталы. *А. С.*) составлены одинаково... могут тем не менее оказаться составленными различно вследствие того, что постоянные части этих капиталов имеют различную стоимость... капитал сравнительного низкого органического состава вследствие простого повышения стоимостей его постоянных частей может произвести такое впечатление, как будто он поднялся на одну ступень с капиталом более высокого органического состава». Это замечание Маркса (т. III., ч. 2, стр. 301—302) имеет громадное значение в особенности в тех случаях, когда приходится широко пользоваться понятием органического строения капитала.

Издательство в своем предисловии, критикуя проф. Макарова, вполне правильно поступает, прибегая к методу органического состава, и в то же время совершенно неправильно, скромно умалчивая об этих особенностях органического „строения, о которых неоднократно упоминает Маркс в I и 2 ч. III т. Недоговоренности порою искажают аргументацию Маркса, ведут к превратному пониманию марксистской концепции, тем самым усиливают позиции тех, против которых острие марксистской критики направлено.

Однако, надо признать немалую заслугу автора предисловия именно в том, что он впервые из марксистов применил понятие органического строения к измерению интенсивности сельского хозяйства.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 ОКТЯБРЯ 19—20

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 72063. Москва. Тираж 2.000 экз.
Тип. Изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. № 23а.

Ем. Ярославский.

Завершенный круг.

(Итоги фракционной деятельности оппозиции за 1926 год).

Всем членам нашей партии необходимо отчетливо осознать не только отдельные моменты борьбы новой оппозиции с партией,—борьбы, которая закончилась жесточайшим поражением об'единенной оппозиции; необходимо видеть всю борьбу оппозиции за этот год: тогда еще более ясной станет сила этого поражения оппозиции и сила нашей партии, которая сумела справиться в течение нескольких месяцев с натиском об'единенной оппозиции. Многим казалось, особенно из оппозиционного лагеря, что силы оппозиции растут с каждым днем; некоторые из вождей оппозиции, вероятно, искренне думали, что «сегодняшнее меньшинство завтра станет большинством». Некоторые из них приурочивали этот момент к осени, к партконференции, к «XIV с половиной с'езду» или к XV с'езду; некоторые были убеждены в том, что на XV с'езде соотношение всей партии совершенно изменится и что докладчиками будут уже представители нынешнего меньшинства. События последних дней показали, какие ничтожные силы в нашей партии за об'единенной оппозицией.

Но вместе с тем, разлагающая работа, которая была проделана оппозицией за это время, оставила, несомненно, глубокие следы в отдельных, хотя и малочисленных группах членов партии. Бешеная кампания против партии, не брезговавшая никакими средствами, не останавливающаяся перед самыми крайними, раскольническими, фракционными мерами борьбы, отравила сознание части товарищей, и не так уже легко, может быть, будет отдельным товарищам освободиться от этой отравы, которая сделала их чуждыми партии, враждебными партии.

Задача настоящей статьи обрисовать работу новой оппозиции, чтобы еще более полно вскрыть несостоятельность оппозиции и тем помочь товарищам, сбившимся с пути, возможно скорее изжить остатки фракционности и (может быть, помочь даже самим руководителям оппозиции) избавиться от самообмана, который привел их к такой катастрофе.

1. Как складывался оппозиционный блок?

Я не буду здесь касаться «истории разногласий», которая была рассказана тов. Зиновьевым и другими на XIV с'езде партии. Вряд ли кто теперь станет спорить против совершенно неопровержимых данных, что перед XIV с'ездом тов. Зиновьевым и другими лидерами нынешней оппозиции велась определенная подготовка к XIV с'езду,

частью в отдельных секретных заседаниях руководящей головки ленинградской организации, частью на районных и на XXII губернской конференции в Ленинграде. Но следует отметить одну черту во всей этой подготовке. Подготовка велась таким образом, что маскировкой для нее служили нападки на троцкизм и на тов. Троцкого. Вся партия знает, как ленинградцы требовали исключения тов. Троцкого не только из состава Политбюро, но одновременно и из состава ЦК; вся партия знает, как соответствующим образом подготовлялась не только ленинградская организация комсомола, но и ЦК комсомола. Тов. Зиновьев и другие противопоставляли мнение ЦК комсомола мнению большинства ЦК, которое тогда противилось исключению тов. Троцкого из состава Политбюро. Вся партия теперь знает о письме тов. Леонова о том, как секретарь ленинградского губкома тов. Залуцкий обвинял большинство ЦК в покровительстве тов. Троцкому, в перерождении ЦК и в термидорьянстве. Пускались слушки и намеки, а иногда и прямые обвинения, что большинство ЦК состоит из «троцкистов» и «полутроцкистов»; одновременно велась атака на тов. Бухарина и специально создавалась «синяя папка» документов, направленных к тому, чтобы дискредитировать тов. Бухарина. В речах и произведениях целого ряда товарищей нынешней оппозиции излюбленной темой были нападки на тов. Троцкого и на троцкизм и обвинение большинства партии в том, что оно покровительствует троцкизму. Вот тов. Черный, секретарь одного из ленинградских районов, призывает к себе тов. Филиппа Иванова и об'ясняет ему: «О Троцком разногласия идут в такой плоскости: тт. Зиновьев, Каменев, Крупская и вся ленинградская организация стремятся к тому, чтобы окончательно добить троцкизм. Тт. Сталин, Молотов, Бухарин, Калинин и прочие хотят ввести Троцкого не только членом ЦК партии, но даже намечают его вновь в Политбюро ЦК. Печатаются все его речи и статьи, без всяких примечаний, помещаются различные его доклады, во-всю распространяются его книги и брошюры, одним словом, вновь при таком послаблении дают жить троцкизму»[1]).

Когда потом тов. Ланде разоблачает фракционную работу перед XXII ленинградской конференцией будущей оппозиции, одним из аргументов против Ланде в устах ленинградцев является то, что Ланде—бывший троцкист. Как можно верить бывшему троцкисту? На XXIII чрезвычайной конференции губернской организации ВКП(б) тов. Зайцев говорил об этой подготовке к XIV с'езду:

«Мы видели и чувствовали, в особенности делегация Выборгского района, что ряд товарищей, как Саркис, Александров и др. приготовляли идейный динамит для взрыва единства и подрыва авторитета ЦК партии» [2]). «Идейный динамит» оказался очень плохого качества и дал только вспышку, от которой остался не очень благоуханный запах.

Теперь совершенно точно установлено, что еще задолго до XIV с'езда оппозиция ставила в Ленинграде вопрос о расколе.

---

[1]) XIV с'езд ВКП (б). Стенографический отчет.

[2]) Стенографический отчет, бюллетень № 2.

об отколе. Тов Кузьмин из Балтийского завода на XXIII ленинградской конференции рассказал, как «еще до нашей районной конференции у нас на Балтийском заводе явился заведующий orготделом Василеостровского района тов. Абрамсон и предложил собрать десяток актива, где он поставил вопрос об опасности внутри нашей партии, о расколе в ЦК». Говорил о том, что «лучшая часть ЦК в лице четырех товарищей, Зиновьева, Сокольникова, Каменева и Крупской отделяется»... На деле договорился до того, что «необходимо дать бой на с'езде, что, может быть, мы останемся в меньшинстве, но что нужно вести подготовительную работу к XV с'езду партии». Тов. Чернов (завод имени Радищева) на той же конференции рассказал о подготовительной работе, которая началась в Василеостровском районе еще с момента 8-й Октябрьской годовщины, со знаменитого вечера «спайки оппозиции», где выступил с докладом тов. Зиновьев. «Оглядываясь теперь на это собрание актива,—говорил Чернов,—ясно, что многое там не договаривалось, вероятно, что Зиновьев не чувствовал там еще стопроцентной поддержки». «После этого начинаются секретные заседания в районных комитетах, где собираются оппозиционно настроенные организаторы коллективов, где определенно обсуждаются мнения о тех или других членах ЦК партии».

Если в своих речах и статьях тт. Саркис, Сафаров, Шелавин и др. тогда обвиняли по различным поводам большинство партии в сочувствии троцкизму, то эти ноты особенно заострил сам тов. Зиновьев в своей знаменитой речи 8 декабря 1925 г., где он призывал ленинградскую конференцию сплотиться, выступить, как один, на XIV с'езде, устранив из делегации всех, кто не был с ними согласен в вопросе о необходимости дать бой партии. Выступая против резолюции, принятой на московской губернской конференции, цитируя то место в резолюции московской конференции, где говорится о ликвидаторском безверии в силы пролетариата и о возможности социалистического строительства в СССР, тов. Зиновьев говорил: «В кого, вы думаете, здесь стреляют? В Троцкого? В меньшевиков? Ничего подобного». Прямой смысл этих вопросов, конечно, только тот, что если бы стреляли таким обвинением в Троцкого, в меньшевиков, то это было бы правильно. Тов. Зиновьев еще 8 декабря 1925 года ставил Троцкого на ряду с меньшевиками. Он считал, что по отношению к тов. Троцкому такие упреки были бы еще законны. По поводу слов резолюции москвичей «конференция считает необходимым дать решительный отпор ликвидаторским попыткам трактовки нашей социалистической промышленности, как промышленности государственно-капиталистической»—т. Зиновьев спрашивает: «Вы думаете, что все эти слова о безверии и прочее говорятся про Троцкого?» Опять-таки прямой смысл этого вопроса нельзя иначе истолковать, как то, что тов. Троцкий заслуживает, по мнению т. Зиновьева, таких упреков. По поводу заявления московской конференции, что «недооценка середняка, боязнь середняка, непонимание его общественно экономической и политической роли есть об'ективно не что иное, как срыв союза рабочих и крестьян, ослабление диктатуры пролетариата, величайший ущерб делу строительства социализма», тов. Зиновьев опять разражается грозной филип-

пикой: «Про кого это говорится? Вы опять думаете, что это про Троцкого?»

Троцкого и троцкистов оппозиционные лидеры готовы были обвинять во всем том, в чем их самих обвиняли. Троцкизм играл тогда—это теперь совершенно ясно—роль дымовой завесы, которую простирали перед ленинградскими партийными массами для того, чтобы легче было нападать на ЦК. Центр тяжести всей подготовительной агитации сводился к тому, что в течение последнего времени большинство партии будто бы мирволит троцкистам. Так как надо бороться, то т. Зиновьев дал лозунг об'единяться для борьбы на XIV с'езде: «Вы должны, говорю вам, ясно сознавать, как обстоит дело в московской конференции, имеющей большое значение, проведенной под лозунгом «бей ленинградцев!». «Мы должны выступить, как один человек, мы должны быть единодушны». Само собой разумеется, что для этого «единодушия», пришлось вывести из состава делегации, намеченных раньше тт. Сталина, Дзержинского, Комарова, Лобова и других.

Тов. Комаров рассказал на XIV с'езде, как это происходило, как тов. Зиновьев предлагал ему «срегулировать», как он говорил ему: «Выступите на конференции и заявите, что вы не только разделяете ее резолюцию, но что вы разделяете все настроение конференции и что со всеми нами будете, где угодно, защищать их. Если этого не сделаете, то товарищи, наверное, отведут вас из списков губкома и из списков на с'езд». (Стенографический отчет о XIV с'езде).

Как велась подготовка, об этом мы знаем также из письма т. Филиппа Иванова, оглашенного на XIV с'езде:

«Мы должны, говорил т. Черный т. Иванову, вести осторожно такую подготовительную работу к районным и губернским конференциям и к XIV с'езду, чтобы свою точку зрения перед партией и ЦК заявить в четверть голоса на районных конференциях, в полголоса на губернских партийных конференциях и полным голосом должны заявить эту точку зрения нашей делегации на XIV партийном с'езде».

* * *

Тов. Троцкий все это знал. На XIV с'езде он хранил глубокое молчание.

Что же заставило уже тогда т. Троцкого и троцкистов держать такую нейтральную позицию по отношению к тов. Зиновьеву и ко всей новой оппозиции? Надежда на соглашение с новой оппозицией. Несмотря на то, что первые предложения в этом смысле со стороны оппозиции по адресу всех прежних группировок были чрезвычайно еще робки и неопределенны; несмотря на то, что представители прежних оппозиционных группировок, тт. Шляпников, Радек и др. делали вид, что они совершенно не верят в серьезность таких предложений,—однако, надежды у них, несомненно, были, надежды на то, что теперь, когда вступают в оппозицию тт. Зиновьев, Каменев, Сокольников и другие, легче будет об'единенными силами свалить ЦК «положить его на обе лопатки». Когда т. Зиновьев предлагал «поручить ЦК привлечь к работе всех товарищей, все силы всех бывших групп в нашей партии», в зале заседания раздался шум. Тов. Моисеенко спросил т. Зиновьева: «С кем вы заигрываете?» Представители оппозиции других фракций и групп—троцкисты, шляпниковцы и другие говорили: «Кто ему поверит?» Но когда решался вопрос о назначении т. Степанова-Скворцова редактором «Ленинградской Правды», тов. Троцкий заявил, что он против такой меры по отношению к ленинградской организации, он фактически уже протягивал руку новой оппозиции, «пролезал в щель разногласий».

Для всех было очевидно, что на XIV с'езде со стороны новой оппозиции раздался призыв к созданию блока оппозиционных групп. Это выразил очень ярко т. Бухарин в заключительном слове, когда он говорил: «До сих пор у нас всегда считалось, что наша партия,—в этом одна из составных частей ленинизма,—есть единая монопольная организационная крепость, вырабатывающая совершенное единство воли, и т. д. Это мы доказали в полемике с троцкистами до хрипоты голосов, а вы что сделали? Вы не замечаете, как вы уже лежите на самом дне. Вы предложили блок всем фракциям и группировкам, с которыми Ленин боролся. Тов. Зиновьев вышел и кричал на с'езде: «Я тону, я тону, тов. Шляпников, тов. Сафаров, тов. Дробнис, спасайте и выручайте!». Вот, что было здесь на с'езде. Вы выдвинули лозунг группировок, лозунг фракций, лозунг свободы дискуссии, лозунг превращения нашей стальной партии в федерацию группочек. Я утверждаю, что на этот путь разрушения нашей партии мы не пойдем (аплодисменты)». (Стенограф. отчет о XIV с'езде).

Тогда еще кое-кто был так наивен, что склонен был отрицать возможность блока новой оппозиции с троцкистами, и даже сами рядовики-оппозиционеры искренно возмущались, когда им говорили о том, что складывается оппозиционный блок из всех групп, начиная от троцкистов и кончая «рабочей» оппозицией. Однако, события шли очень быстро, и мы получили:

К апрельскому пленуму блок еще не очень тесный и прочный. Троцкисты отдельно выработали свои «поправки», ленинградская оппозиция—отдельно свои «поправки». На апрельском пленуме были отдельные тезисы двух блокирующихся групп: троцкисты и зиновьевцы; при намечающемся уже сочувствии со стороны «рабочей» оппозиции и при достаточно дружной взаимной поддержке,—«кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку»,—тов. Каменев заявил, что он поддерживает «поправки» т. Троцкого, так же, как т. Троцкий поддерживал поправки т. Каменева.

К июльскому пленуму—тесный блок, блок «всерьез и надолго», по словам т. Зиновьева, с защитой Оссовского, с косвенной защитой платформы тт. Шляпникова и Медведева, как «левых», с об'единенными платформами, декларациями и резолюциями.

И многим казалось, что это, действительно «всерьез и надолго». Можно ли терпеть в партии такой блок долго? Не должна ли она была употребить все силы к тому, чтобы этому блоку нанести тягчайший удар? Не обязана ли она была вскрыть всю гниль этого блока, всю антипартийность его? Не должна ли она употребить все средства и силы к тому, чтобы «всерьез и надолго» его уничтожить, уничтожить «всерьез и надолго» всякую фракционность? Если оппозиционная группа собирается «всерьез и надолго» трепать нашу партию, то партия

обязана была употребить все силы на то, чтобы «всерьез и надолго» расколотить этот беспринципнейший из беспринципных блоков, и она этого добилась в значительной степени уже к настоящему дню.

II. Логика фракционной борьбы об'единенного блока.

Мы указывали на июльском пленуме ЦК и ЦКК, что этот безпринципнейший блок об'единенной оппозиции требует для своего существования: а) взаимной амнистии, б) взаимных теоретических уступок. И действительно, взаимная амнистия была первым результатом этого блока и возможно, что она была условием блокирования. Уже на июльском пленуме тт. Зиновьев и Каменев, которые были на самом крайнем крыле в вопросе о борьбе с т. Троцким и троцкистами до XIV с'езда, должны были заявить, что они считают, что оппозиция 1923 года в основном, в критике нашего внутрипартийного положения была права. Этим оправдывался и «новый курс» троцкистов, и все те бешеные нападки, которые имели место, не только, начиная с 1923 года, но и раньше со стороны троцкистской и др. оппозиционных группировок по отношению к большинству нашей партии, потому что в нападках на «партийный аппарат», в разговорах о «режиме» и «зажиме» в партии оригинального троцкисты ничего не придумали, кроме того, что говорили и другие оппозиционные группы нашей партии, начиная с «рабочей» оппозиции. Это открывало дорогу к блоку и другим фракционным группировкам. И хотя т. Троцкий нигде, ни одним словом не обмолвился о том, что он считает неправильными свои «Уроки Октября» и свою «несуразно-левую перманентную революцию» (Ленин), сторонники ленинградской оппозиции (зиновьевцы—то ж) усиленным образом распространяли версию о том, что не они пришли к Троцкому и троцкизму, но что Троцкий пришел к ним, отказавшись от «Уроков Октября» и «перманентной революции». Один из наиболее усердных трубадуров этой оппозиции—тов. Беленький направо и налево звонил об этом событии, которое, однако, остается тайной для партии, так как нигде, ни в одном документе, ни в одной из речей, т. Троцкий от этих своих ошибок не отмежевался. В одном из документов, который распространяла оппозиция,—«ответ тов. Троцкого на запрос тт. от оппозиции», тов. Троцкий пишет о том, что «всякая попытка пользоваться старыми статьями или тезисами представителей обоих течений с целью посеять внутри новой оппозиции взаимное недоверие, основанное на воспоминаниях о старой идейной борьбе, представляет собою покушение с негодными средствами...» «Об'единенная оппозиция показала в апреле и июле и покажет в октябре (подчеркнуто нами), что единство ее взглядов только укрепляется под влиянием грубой и нелойяльной травли, и партия поймет, что только на основании взглядов об'единенной оппозиции есть выход из нынешнего жестокого кризиса».

О том, что показала об'единенная оппозиция в октябре, речь будет впереди. Здесь же мы считаем необходимым отметить только этот факт,—факт взаимной амнистии.

Правда, здесь говорится только об «обоих течениях», т.-е. о троцкистах и зиновьевцах; однако, из ряда документов и фактов мы знаем, что «рабочая» оппозиция все время также блокировалась с этими двумя течениями и, как могла, помогала им. Так, например, в то время, как об'единенная оппозиция распространяла, вместе со своей подпольной литературой, произведения тт. Шляпникова и Медведева, группа, организованная из сторонников бывшей «рабочей» оппозиции (группа Шугаева и Михайлова), распространяла на ряду со шляпниковскими и медведевскими произведениями литературу новой оппозиции. Это ли не блокировка,—взаимная помощь в распространении подпольной литературы?

В то же самое время каждая группа старается представить дело так, что другие пришли к ним. Мы уже указывали на факт, что ленинградская оппозиция усиленно распространяла слухи об отказе т. Троцкого от своих теорий перманентной революции и «Уроков Октября». Это было особенно необходимо, так как только таким путем можно было удержать еще за собою некоторые группы сторонников, хотя и небольшие. Ведь заявляли же ультра-левые из германской коммунистической партии, в роде Вебера, что если бы им кто-нибудь доказал, что новая оппозиция скатилась к троцкизму, поддерживала троцкизм, они отказались бы от своей позиции и признали бы свою неправоту. Больше всего боялась «ленинградская» оппозиция, чтобы партия не поняла дела именно так, что—она капитулировала перед троцкизмом, пошла «на паек к т. Троцкому». Правда, когда в многочисленных речах и статьях на июльском пленуме и позже, мы вынуждены были, вопреки желанию т. Троцкого, «пользоваться старыми статьями и тезисами представителей обоих течений», отнюдь не «с целью посеять внутри новой оппозиции взаимное недоверие», основанное «на воспоминаниях о старой идейной борьбе»,—ни т. Зиновьев, ни т. Каменев, ни другие представители новой оппозиции не могли ничего сказать по поводу этих «старых воспоминаний», по поводу этих прежних своих взглядов. Или им надлежало открыто заявить, что они считают эти старые свои взгляды, старые оценки троцкизма неправильными, ошибочными, или капитулировать перед этими старыми взглядами. И, несмотря на кое-какие оговорки, которые были сделаны т. Каменевым относительно теории перманентной революции, оппозиция в основном, перед троцкизмом капитулировала. Троцкисты заставили их сделать такие заявления, которые шли вразрез со всем их прошлым. Вот почему новая оппозиция («ленинградская») теряла своих сторонников по мере того, как укреплялся об'единенный блок вверху, по мере того, как т. Шелавин и другие убеждались, что нападки на «троцкистов» и «полутроцкистов» перед XIV с'ездом со стороны т. Зиновьева и других были ничем иным, как маскировкой, как дымовой завесой в атаке на ЦК. Шляпниковцы изображали дело таким образом, что новая оппозиция пришла к ним. В деле группы Михайлова—Шугаева и др. имеется заявление члена партии т. Ерошенко, подтвержденное т. Донцепко, что докладчик на квартире у т. Михайлова констатировал перед собранием, что оппозиция пришла к ним (т.-е. к «рабочей» оппозиции).

Правда, оставались и долго еще поддерживались элементы взаимного недоверия. Тов. Сталин правильно предсказал на апрельском пленуме ЦК и ЦКК, что блок означает союз таких групп, которые сохраняют еще свою внутреннюю самостоятельность, что блокирующиеся группы могут вести внутри блока взаимную борьбу. В тех же заявлениях тт. Ерошенко и Донценко имеются указания на нотки недоверия по отношению к товарищу Троцкому, которые сквозили в речах докладчика из «рабочей» оппозиции. А, с другой стороны, троцкисты старались, повидимому, также поддерживать среди «своих» линию, что Зиновьев и Каменев очень ненадежные союзники. Тов. Финашин, один из троцкистов, который организовал подпольные кружки и группы, пишет в своем заявлении ЦК: «Нужно сказать, что имелись директивы о недоверии к Каменеву и Зиновьеву, в особенности Сокольникову, который признал только часть программы оппозиции... С раз'яснением этого выступал всегда красный профессор на собраниях». Нет, никакого сомнения в том, что в дальнейшей своей борьбе эта об'единенная оппозиция не могла бы избежать самых глубоких разногласий и борьбы именно потому, что она была склеена из самых разнородных элементов, которые, несмотря на величайшие теоретические и практические уступки друг другу, все же достаточно тянули в разные стороны.

Чтобы склеить не только «всерьез и надолго», но и на сколько-нибудь продолжительное время такой беспринципный блок, нужны были взаимные теоретические уступки,—без этого никакая взаимная амнистия была невозможна. Таких теоретических уступок сделано было не мало. Мы уже говорили о том, что ленинградцы-зиновьевцы для того, чтобы войти в блок с троцкистами, были вынуждены выбросить за борт все свои ленинские рассуждения о монолитности партии, о большевистской дисциплине, о недопустимости фракций и группировок и пр., и пр. Это они были вынуждены признать, наконец, в заявлении своем, напечатанном в «Правде» от 16 октября. Троцкисты, как более сильная сторона в этом деле, сделали меньше уступок зиновьевцам. «Рабочая» оппозиция прилаживалась к этим двум группам. «Рабочая» оппозиция должна была в статье Шляпникова, напечатанной в номере 17 «Большевика», сделать кое-какие отступления от своей прежней платформы с тем, однако, что об'единенная оппозиция берет, до известной тоже степени, под защиту взгляды Шляпникова и Медведева. Незачем было бы требовать теперь от об'единенной оппозиции, чтоб она отмежевывалась от взглядов тт. Шляпникова и Медведева, если бы не было фактов этой взаимной поддержки в период с XIV с'езда до настоящих дней. Когда на июльском пленуме ЦК и ЦКК было пред'явлено требование к новой оппозиции отмежеваться от взглядов тт. Шляпникова и Медведева, то представители новой оппозиции говорили, что они не делают этого потому, что когда есть правая опасность, они не хотят бороться с левыми течениями. (Об этом же пишет и Шляпников в своей статье «О демонстративной атаке»). И тогда уже было указано, что если т. Зиновьев и др. считают ликвидаторские взгляды тт. Шляпникова и Медведева левыми, то где же они сами находятся тогда,—на каком крыле?

Законно ли было сравнение этого об'единенного блока с августовским блоком? Эти сравнения были сделаны за последнее время не раз, и особенно определенно в речи т. Мологова на торжественном заседании курсов уездных партработников при ЦК ВКП(б). Несмотря на различие эпох и на совершенно иную обстановку, в которой складывался новый «августовский» блок, налицо сходство: а) в том, что все эти оппозиционные группы направлены были против Ленинской партии; б) в том, что налицо беспринципное об'единение самых разнообразных правых и левых группировок (фактически межеумочные буферщики и примиренцы, в роде т. Смилги, Шкловского и др., лили воду на мельницу об'единенного блока оппозиции); в) организатором этого нового «августовского» блока оказался тот же великий мастер в деле построения фракционных группировок, тов. Троцкий. Конечно, различие эпох, различие обстановки, делают этот блок еще менее прочным, менее устойчивым. Уже сегодня всякий может видеть, что ВКП(б) достаточно сильна, чтобы разбить какие угодно блоки каких угодно об'единенных оппозиций, не дать им жить ни всерьез, ни надолго.

III. Апрельский и июльский пленумы ЦК и ЦКК.

На апрельском и июльском пленумах ЦК и ЦКК об'единенная оппозиция имела возможность развернуть во-всю сумму своих взглядов по вопросам организационным, по вопросам хозяйственным, по вопросам международной политики. По вопросам организационным для того, чтобы оправдать существование фракции, об'единенная оппозиция выдвинула еще на XIV с'езде предложение, которое Ленин охарактеризовал, как оппортунистическое требование «живи и жить давай другим». Над таким требованием оппозиции 1923—24 гг. т. Зиновьев достаточно издевался,— и справедливо издевался,—в свое время. Теперь это требование «живи и жить давай другим» было выдвинуто, как ленинское. Тов. Крупская выступала с такими аналогиями, с такими заявлениями по поводу Стокгольмского с'езда, которые весь с'езд и вся партия не могли понять иначе, как оправдание существования фракций, оправдание фракционной борьбы. И, несмотря на ее повторное об'яснение по этому поводу, что она не имела в виду в своей аналогии оправдание фракционной борьбы, это впечатление оправдания фракционной борьбы т. Крупской осталось у всех. На июльском пленуме ЦК и ЦКК т. Крупская и другие товарищи развивали теорию о том, что у нас партии нет, а есть фракция большинства и фракция меньшинства; фракция меньшинства выступает со своей платформой, а фракция большинства со своей платформой. Тут уже совершенно исчезло у оппозиции ленинское представление о партии. Конечно, при таком вольном толковании сущности нашего партийного строительства, об'единенная оппозиция считала, что у нее руки развязаны. Поэтому она позволяла себе третировать партию и ее ЦК, как «сталинскую фракцию». Надо ли доказывать, что эти взгляды об'единенной оппозиции ничего общего со взглядами Ленина на фракционность не имеют? В резолюции X с'езда ВКП(б) о единстве партии, Ленин предлагал с'езду принять, и с'езд принял, такое определение фракций: «Между тем,—читаем мы в

резолюции,—еще до общей партийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружились некоторые признаки фракционности, т.-е. возникновение групп с особыми платформами и со стремлением известным образом замкнуться и создать свою групповую дисциплину». Еще раньше Ленин об'яснял, что такое фракционность: «Фракционность,—писал он,—есть главная отличительная черта с.-д. партии одной определенной исторической эпохи. Какой именно? С 1903 по 1911 г. Чтобы выяснить наиболее наглядно, в чем была сущность фракционности, надо вспомнить конкретные условия хотя бы 1906—7 гг. Партия тогда была едина, не было раскола, но была фракционность, т.-е. на деле, существовали в данной партии две фракции, в виде фактически отдельных организаций. Рабочая организация внизу была едина, но по каждому серьезному вопросу две фракции вырабатывали две тактики».

Какая же «платформа» была у большинства ЦК? Этой платформой были решения XIV с'езда, решения пленумов ЦК, решения ЦК (его секретариата, Оргбюро и Политбюро). А разве может в каких-либо иных формах выражаться воля партии, как не в решениях ее с'ездов и конференций, не в решениях ее пленумов ЦК и ЦКК. Достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять всю бессмысленность противопоставления новообразованного блока об'единенной оппозиции большинству партии, как другой фракции. Вся антиленинская сущность такого противопоставления бьет в глаза. У большинства не было и не могло быть никакой особой платформы, кроме решений с'езда и решений пленумов ЦК и ЦКК, т.-е. тех решений, которые приняты на основе устава нашей партии. Об'единенная оппозиция имела фракцию, со своей особой платформой или платформами, со своей внутренней групповой дисциплиной (об этой групповой дисциплине ниже).

Статья Оссовского только давала наиболее антипартийные, наиболее меньшевистские формулировки всем тем тенденциям, которые уже намечались во взглядах этой об'единенной оппозиции. Вот почему мы требовали от об'единенной оппозиции, чтобы она отмежевалась немедленно от таких антипартийных взглядов. Она этого не сделала. Выступление т. Троцкого на июльском пленуме ЦК и ЦКК против т. Молотова в этом вопросе необычайно характерно. Статья Оссовского появилась перед июльским пленумом ЦК. Тов. Молотов выступил с указанием на те опасности, которые таятся во взглядах Оссовского. Что же на это ответил т. Троцкий? Он признал, что у Оссовского есть ошибки, «даже серьезные ошибки», что формулировка Оссовского, что «у нас рабоче-крестьянское государство»—формулировка безусловно неправильная, но вместе с тем, т. Троцкий считал необходимым заявить: «Да, против молотовских обвинений я Оссовского всегда буду защищать». (Голоса: «Хорошо очень хорошо! Стыдно!». Шум.). Троцкий: «Везде и повсюду, на каждом партийном собрании я скажу: где-то жмет башмак у рабочего, и Оссовский неправильно и неумело выражает этот зажим, надо Оссовского выправить...» «Оссовский дает совершенно ошибочные формулировки, но в этих грубо ошибочных формулировках, хотя и беспомощно, но находят свое выражение известные потребности классового движения»... Статья Оссовского напечатана теперь целиком вместе с его добавлениями. Она разобрана достаточно и в «Правде» и в «Большевике». Вся партия имела возможность ознакомиться уже со взглядами Оссовского и имеет возможность судить о том, можно ли было так выступать по поводу антипартийных самых право-меньшевистских, ликвидаторских взглядов Оссовского, как выступал т. Троцкий. А он выступал с их защитой именно потому, что, хотя и «в грубо ошибочных формулировках», Оссовский выражал, по сути дела, тенденции, которые таились во взглядах об'единенной оппозиции. Он только их более последовательно развил в сторону меньшевистско-ликвидаторского идеала. Взгляды Оссовского, это—в перспективе и потенции—взгляды об'единенной оппозиции. Статья Оссовского как будто говорит: друзья мои, если вы думаете, что я выражаю «известную потребность классового движения», то посмотрите, куда приводит это «классовое движение» и чье это классовое движение. Тт. Каменев и Троцкий голосовали против исключения Оссовского из партии, опять-таки потому, что они считали, что у Оссовского только грубо ошибочные формулировки и что Оссовского можно исправить. Никакой попытки решительно, серьезно, принципиально отмежеваться от взглядов Оссовского у об'единенной оппозиции не было до их заявления от 16 октября. Но и то хорошо, что хоть 16 октября отмежевались,—лучше поздно, чем никогда.

Оппозиция не отмежевалась раньше от тт. Шляпникова и Медведева. Если бы даже верно было то, что пишет т. Шляпников в своей возмутительной статье в № 17 «Большевика»—«О демонстративной атаке»,—если бы верно было, что письмо т. Медведева в том виде, в каком оно было прислано из Баку, заключает в себе некоторые искажения, которые могли возникнуть при переписке, то ведь сам же т. Медведев, при поддержке тов. Шляпникова, рассылал всем членам Политбюро, в том числе тт. Троцкому, Каменеву и Зиновьеву экземпляры, им самим исправленные, им самим подписанные. Именно этот экземпляр подвергнут разбору в № 17 «Большевика» в статье В. Л.—«Еще раз о правой опасности в нашей партии». Тт. Троцкий. Зиновьев и Каменев могли убедиться, что эти взгляды совершенно недопустимы в нашей партии, совершенно антипартийны, что от них надо отмежеваться во что бы то ни стало. Ведь это жалкая отговорка, что статья относится к 1924 г.; ведь нигде, ни разу тт. Шляпников и Медведев не отмежевывались от нее в 1926 г., хотя они должны были это сделать, если они не разделяют изложенных в письме взглядов и если они не хотят, чтобы о них судили ложно. Наоборот, они защищают эти взгляды. Статья т. Шляпникова в № 17 «Большевика» содержит возмутительное сравнение нашего советского правительства с правительством Керенского, говорит об «июльских угрозах». Если бы не было этого беспринципнейшего блока, который обязывал группы, входящие в блок, ко взаимной амнистии и к прикрыванию взаимных ошибок, то, конечно и тов. Троцкий, и тов. Зиновьев, и тов. Каменев отгородились бы от этих антипартийных взглядов.

Ко времени июльского пленума ЦК и ЦКК мы имели «лесное собрание» на 39 версте, организованное тт. Беленьким, Лашевичем и др., с докладом т. Лашевича. Об'единенная оппозиция пыталась об'яснить все дело внутрипартийным зажимом, доказать, что так плохо стало, так тяжело стало, что никакого другого выхода не осталось, как бежать в лес и устраивать лесные собрания. «От хорошей жизни в лес не побежишь»,—тяжело «шутили» оппозиционеры. Тов. Лашевич забыл, как он на XIII партийной конференции высмеивал тт. Преображенского, Серебрякова и Сапронова, когда они об'явили, что «ЦК таких бедняжек, как Преображенский, Серебряков и Сапронов, загнал в группировку». «Они не хотели группировок, а ЦК—все эти Сталины, Зиновьевы и Каменевы—силою загнал их туда. Кого хотите вы удивить такими пустячками?—спрашивал тогда тов. Лашевич. «Они распределяли роли, назначали выступления, намечали кандидатуры в ЦК, т.-е. делали все то, что полагается хорошей фракции. Тов. Преображенский приходит сюда и изображает дело так, что они не хотели фракции, что их силком туда загнали. Тов. Преображенский, это сущие пустяки!» Тов. Лашевич тогда возмущался, что фракция Сапронова и Преображенского пыталась представить сам ЦК в виде фракции. «Выходит,—говорил он,—что это не ЦК партии, а какая-то фракция, фракция, в которую входят ЦК и ЦКК, а, с другой стороны, другая—тов. Преображенский, Беленький и прочие «угодники». На что это, товарищи, похоже?» Да, в самом деле, на что это похоже, тов. Лашевич? На июльском пленуме очень много говорилось и очень много писалось потом в разных подпольных изданиях, будто мы запугали партию, создавая в ней режим молчания,—но то же самое ведь говорили и в 1923 г. Что отвечал на это т. Лашевич? «Вы говорите,—отвечал он оппозиции,—что партия превращается в партию запуганных людей. Бросим на партконференции так говорить. Неужели вы думаете, что партию в 400.000 можно запугать, превратить в молчальников? Бросьте пустяками заниматься и не клевещите на партию! Партия умеет говорить соответствующим языком, когда это требуется, а не тогда, когда вам хочется, товарищи из оппозиции. Я утверждаю, что это не достойно ни конференции, ни ЦК, ни даже вас, товарищи из оппозиции, когда вы говорите о запугивании целой партии, в которой имеется слой, прошедший огромный стаж политической борьбы в течение десятков лет и которая умеет защищать свои взгляды, когда это требуется и никогда молчальником не была» (XIII конференция ВКП(б). Протоколы стр. 137—40. Речь Лашевича).

В 1926 г. все это забылось, и т. Лашевич буквально в тех же самых выражениях стал повторять «пустяки и глупости», которыми оперировала оппозиция в 1923 г. Также говорил о запугивании, о молчании, которое воцарилось в партии, хотя сейчас в партии не 400.000, а больше миллиона членов и кандидатов, и партия выросла. Партия показала Лашевичам и другим, что она умеет говорить тоже настоящим языком,—и не тогда, когда хочется этого оппозиции, а когда это нужно партии,—и она недвусмысленно сказала свое слово в **октябре** 1926 г., когда оппозиция была уверена, что она положит «на обе лопатки» Центральный Комитет.

Надо отметить, что на июльском пленуме ЦК мы имели еще одно довольно серьезное предостережение—это похвалу по отношению к новой оппозиции, в частности, по отношению к тов. Зиновьеву со стороны Г. **Мясникова**, который прислал письмо, выражающее надежду на то, что т. Зиновьев, который начал жить по Гегелю, в конце концов придет к взглядам Мясникова. Мы думаем, что этого **никогда** не случится, но что в поведении об'единенной оппозиции были такие ноты, которые позволяли и позволяют Мясниковым их похлопывать по плечу, которые позволяли и позволяют злейшим врагам пролетарской диктатуры на них рассчитывать,—этого теперь не станет отрицать никто.

На апрельском и июльском пленумах ЦК мы развернули принципиальную дискуссию решительно по всем вопросам нашей международной и внутренней политики. Мы показали всю несостоятельность взглядов об'единенной оппозиции. На июльском пленуме ЦК об'единенная оппозиция уже не скрывала совершенно того, что у нее есть блок. Тов. Зиновьев подчеркнул, что это—блок всерьез и надолго. Мы здесь не останавливаемся подробно на изложении этой дискуссии потому, что результаты этой дискуссии зафиксированы в резолюции июльского пленума ЦК и ЦКК. Оппозиция была осуждена всей партией. Вся партия **по существу этих решений** высказала решительную поддержку ЦК, **одобрила курс** нашей партии. **Оппозиция не пошла бы так далеко, если бы она умела во-время прислушаться к этому языку партии, если бы** она не питалась самообманом, будто партия на ее стороне, будто стоит ей только выступить со своими речами, как партия повернется от большинства ЦК и «сегодняшнее меньшинство завтра станет большинством», как уверяли себя и других некоторые лидеры оппозиции. Июльский пленум ЦК и ЦКК по делу тов. Лашевича и др. вынес решение, которое должно было предупредить оппозицию от дальнейшего продолжения фракционной борьбы, от дальнейшей подпольной работы. Но именно этот самообман, именно эти расчеты на осень, **на октябрь** подвели оппозицию.

IV. Углубление подпольной фракционной работы после июльского пленума ЦК и ЦКК.

После июльского пленума ЦК и ЦКК, несмотря на резолюцию, предупреждавшую членов оппозиционного блока, что партия будет бороться самыми решительными мерами против фракционной работы, несмотря на заявление некоторых лидеров оппозиции, что они подчинятся решениям партии, что они будут «держать руки по швам», фракционная работа не только не прекратилась,—она пошла вширь и вглубь. Прежде всего, широко стали распространяться такие произведения, как «платформа» или «декларация» новой оппозиции, затем перепечатывались и широко распространялись такие произведения, как статья профессора Устрялова «Собор XX века» (О XIV с'езде ВКП(б), книга Макса Истмэна, полная клеветы на партию, речи, документы, заявления в протоколах апрельского и июльского пленумов ЦК и ЦКК, заявления членов оппозиции в ЦК и ЦКК ВКП(б) и другие произведения, подобранные исключительно однобоко. Кроме того, появлялись анонимные статьи, в роде статьи «Рабочий вопрос»,

где этот рабочий вопрос ставился так, что подчеркивалось существующее будто у нас «самодержавие» красных диктаторов, доказывалась необходимость добиться права чаще устраивать стачки на государственных предприятиях, говорилось, что заработная плата будто у нас все еще ниже, чем довоенная и т. п. Распространялись также заявления тт. Шляпникова и Медведева, статья т. Шляпникова «О демонстративной атаке» (позднее напечатанная в № 17 «Большевика»). Конечно, печатание и распространение шло подпольно. Печатали на машинках, на шапирографах, гектографах, пользовались беспартийными сотрудниками и сотрудницами в государственных учреждениях и предприятиях. (Иногда оплачивали работу из сумм этих учреждений—особый вид «режима экономии»). Наконец, перешли к печатанию на конспиративных квартирах, где в дело втянуты были беспартийные комсомольцы, их родственники и даже пионеры (дело Резцова, Резцовой и др.). Беспартийная комсомолка Резцова перепечатывает список ячеек района с точными указаниями и секретнейшие партийные документы с помощью пионерки. В Выксе комсомолец-студент Токмаков дает читать полученную им от оппозиционеров в Москве книгу Истмэна,—это после всего того, что товарищи Н. Крупская и Троцкий писали об этой книге в печати, называя эту книгу клеветнической, вредной, антипартийной, направленной против рабочего класса (см. № 16 «Большевика» за 1925 г.). Такое двурушничество свидетельствовало о глубоком моральном разложении (в партийном смысле) оппозиции, свидетельствовало о том, что оппозиция не останавливается перед распространением таких документов, которые она сама называет клеветническими. Кроме этой работы по распространению литературы, которая раздавалась направо и налево, шла обработка партийцев (а кое-где и беспартийных) в духе недоверия к ЦК, к его решениям, в духе борьбы с его решениями. Организовались кружки, на которых эти товарищи «обрабатывались» по антипартийным материалам в роде «Рабочего вопроса», и из этих товарищей подготовлялся таким образом «актив», который должен был выступить осенью, или, как это сказано в уже цитированном документе т. Троцкого, в октябре. Одновременно шла организационная работа групп «активистов», бюро, комитетов. В Ленинграде пытались создать даже военное бюро для работы среди партийцев Красной армии. Существовали, как об этом свидетельствует целый ряд заявлений по Москве, членские взносы на организационные расходы, на печатание литературы и на помощь исключенным из партии. При этом, вербовка шла в некоторых местах таким образом, что составлялись списки бывших оппозиционеров (бывших троцкистов и др.) и из них составлялось основное ядро.

Работа велась по всем правилам конспирации, в особенности после первых «провалов», когда ЦКК и местным КК стали известны факты подпольной фракционной работы. Как происходили собрания, об этом рассказывает рабочий, т. Копытов, Г. С., участвовавший в одном из таких собраний, и т. Рыжов, привлекший его на это собрание. Рыжов рассказывает, как у него «оформилось настроение» после того, как он встретился с неким Захаровым (кличка), «настоящую фамилию которого я не знаю, но знаю, что он член ВКП(б)». Познакомился он с этим Захаровым на трамвайной площадке, а через несколько дней он пришел уже к нему на квартиру с какой-то женщиной, фамилии которой Рыжов также не знает. На вопрос контрольной комиссии: «Как же, не зная фамилии, адресов и что политически собою представляют люди, ты приглашаешь их к себе на квартиру и устраиваешь подпольное собрание?» тов. Рыжов отвечает: «Фамилии собравшихся у меня на квартире для собрания гг. я не знаю так же, как не знаю источника секретных документов. Да я этим и не интересовался. Плохие они были бы конспираторы, если бы правильно назвали свои фамилии». «Прежде, чем принять сына т. Копытова на собрание, я посоветовался с Захаровым и женщиной, несмотря на то, что он член партии ВКП(б), и когда отец за него поручился, дал слово, что он не выдаст, только тогда мы разрешили ему притти, а, он, мерзавец, все-таки выдал. А ведь я его не сразу ввел в дом свой. Сначала, я его поводил по Мясницкой и переулкам, чтобы он не запомнил дома и улицы, а потом уже ввел в квартиру с Мясницкой, а выпустил с собрания в Уланский переулок. Только одну я сделал оплошность, я при знакомстве с сыном Копытова, сказал ему точно свою фамилию, а то, может быть, и не попался бы. Ведь когда сын Копытова приходил с райкомщиками нас накрыть, он не нашел дома, вот я как его запутал».

Копытов рассказывает об этом собрании: «Выходили из квартиры по очереди и в разные выходы, а перед выходом смотрели, нет ли кого, не следит ли кто».

Эта картинка дает представление о том, как далеко зашла оппозиция в деле создания подпольной организации, в деле выработки подпольной психологии и подпольных навыков работы. Здесь налицо все элементы конспирации против партии («плохие были бы конспираторы»).

Так как работа велась подпольно, то, конечно, нужно было соблюдать большую осторожность, чтобы «не выдать себя», «не выдать своих «единомышленников». Отсюда вырабатывается определенная тактика, каким образом не обнаружить себя до открытых выступлений. Тактика эта заключается в том, чтобы не выступать до поры до времени открыто на собраниях, покуда не даны «директивы» из подпольного фракционного центра. Надо, присутствуя на собраниях, подавать ядовитые записки, вызывать докладчика на ответы по вопросам разногласий с оппозицией, ставить почаще вопрос о необходимости повысить заработную плату, о засилии кулака, о завещании и прочее; перед голосованием либо уходить, чтобы не принимать участия в голосовании и чтобы получилось впечатление, что члены партии не желают принимать участия в голосовании, либо воздерживаться при голосовании. Впрочем, давались и такие советы: «голосуй за ЦК до поры до времени, рука у тебя не отсохнет, и в то же время веди подготовительную работу по накоплению оппозиционного актива» (заявление Боярского в МКК и др.).

Вырабатывалась соответствующая тактика «как держать себя на допросах в КК», в случае «провала», при вызовах в контрольную комиссию рекомендовалось никого не выдавать, все начисто отрицать, в крайнем случае вину брать на себя и никаких имен не открывать. В случае исключения товарищам обещали, что осенью удастся положить на обе лопатки

ЦК, что осенью ударят в бой, что осенью все исключенные из партии будут после победы над «сталинской фракцией»—нынешним ЦК, восстановлены с прежним стажем. Соответственно этой тактике, каждого товарища, который считал необходимым сообщить партии об этой фракционной подпольной работе, называли провокатором, доносчиком, относились к нему, именно, как к провокатору, доносчику. Так шельмует Беленький рабочего Васильева, так шельмует В. М. Смирнов т. Скользнева, так шельмует Гинзбург т. Маслова. Это тоже часть тактики.

На подпольных собраниях, где нет, конечно, никакой критики со стороны партии, а есть фракционные подпольные кружки, которые связываются, в силу конспирации, особой групповой дисциплиной, не может быть и речи, конечно, о сколько-нибудь серьезном обсуждении вопроса, о какой-нибудь серьезной проверке той или иной фальши в подобранных фактах и цифрах. Зато люди сколачиваются на таких подпольных собраниях фракционной дисциплиной, они становятся «единомышленниками» и противопоставляют себя партии. Даже член КК в Одессе, тов. Б. Гуревич считает возможным говорить и в ЦКК КП(б)У и в Одесской окружной КК, среди своих товарищей, что она не может выдать своих единомышленников, как последние не выдавались жандармам. Уже одно такое сравнение, одно такое сопоставление показывает, как далеко пошла раскольническая деятельность оппозиции. Единомышленники для оппозиционера—члена ВКП(б), не партия, а тот подпольный кружок, по отношению к которому они обязались «не выдавать». Так это было в кружке Михайлова и Шугаева, так это было на целом ряде других собраний, конспираторы договорились до возможности столкновения с советской властью и поговаривали о том, какую тактику выработать в таких случаях. При этом они приходили к такой мысли, что, т. к. здесь налицо классовая борьба, то, конечно, она может принять самые острые формы. Отдельные докладчики допускали даже, что дело может дойти до того, что придется обратиться с призывом к демонстрациям и стачкам протеста против репрессий по отношению к оппозиции. Так, фактически события вели к тому,—хотели этого, или не хотели лидеры оппозиции,—что в недрах ВКП(б) организационно и идейно сколачивалась группа товарищей, стоявшая на почве борьбы с партией, на почве откола, раскола, на почве создания другой партии. Таковы были тенденции объединенного блока оппозиционных групп в 1926 г.

V. Фракция выходит из подполья. Она считает, что момент настал.

Близость конференции, наличие демагогической программы, накопление «актива», торопливость некоторых заговорщиков, нетерпение, а, главное,—самообман, самоуверенность, что стоит только оппозиции выйти на широкие рабочие собрания, собрать вузовцев, как «сегодняшнее меньшинство завтра станет большинством», как лидеров оппозиции «понесут на руках» люди, стосковавшиеся по «живому» слову. Эту иллюзию до некоторой степени подкрепляла еще курортная деятельность оппозиции. Эта курортная деятельность внушала некоторым товарищам мысль, что в партии все подготовлено к принятию линии оппозиции, что нужно только «смелое слово», смелые выступления. И вот эти смелые выступления начались. В Москве дело началось с Коммунистической Академии, где в присутствии беспартийных т. Радек заявил, будто наша партия докатилась до мысли построить социализм «в одном уезде». Выступление т. Радека было не одиноким. Так как лидеры оппозиции не принимали никакого участия в деловой работе партии, они не представляли себе, какая огромная работа проделана партией в смысле воспитания рядовых членов, и первые же крошечные успехи, первые аплодисменты вскружили голову лидерам оппозиции. После соответствующей обработки части членов партии в ячейке службы тяги Рязано-Уральской железной дороги там появляется т. Сапронов. В этой ячейке велась довольно долго подготовительная работа посредством самых провокационных приемов со стороны бывшего секретаря ячейки Ткачева. Этот Ткачев, будучи членом райкома, выдавал себя на сто процентов сторонником линии ЦК и в то же самое время вел подпольную работу по вербовке сторонников оппозиции. Чтобы замаскировать эту свою двурушническую работу, он постоянно сообщал в райком свои подозрения относительно некоторых товарищей, что они являются оппозиционерами, что они ведут оппозиционную работу. Эти подозрения он высказывал относительно людей, не имевших никакого отношения к оппозиции; а затем, в «нужный» момент, он сбросил маску. Когда эта его деятельность стала известной районной КК, она исключила его из партии. Выступление т. Сапронова сопровождалось такими обвинениями по адресу части собрания, которая не желала дискуссии (Сапронов назвал собрание хулиганским), что собрание пришлось закрыть, а на другой день оппозиция снова собрала собрание и выдвинула председателем собрания уже исключенного из партии Ткачева. И несмотря на то, что прибывшие на собрание тт. Троцкий и Сапронов были предупреждены членом райкома о том, что здесь происходит собрание незаконное, что на нем председательствует исключенный из партии, т. Троцкий остался на этом собрании и выступил на нем с речью, после которой была принята соответствующая резолюция в оппозиционном духе. Для чего это понадобилось? Оппозиции нужно было во что бы то ни стало иметь в руках хотя бы одну резолюцию от рабочих. Лидеры оппозиции все время убеждали товарищей, что им сейчас, во что бы то ни стало, нужно завоевать хоть часть рабочих. Сейчас же принятая на этом непартийном собрании резолюция была размножена и распространена не только в Москве, но и по другим городам—смотрите, дескать, рабочие—за оппозицию! Окрыленные этим успехом, товарищи направились в другие ячейки, но здесь они встретили такой решительный отпор, которого они не ждали. Рядовая масса рабочих не пожелала слушать оппозиционных лидеров, она прямо им заявила, что партия не позволит навязать ей дискуссию. Несмотря на демагогические речи, в которых обещалось и повышение заработной платы и обещалось очень легко достать дополнительный миллиард на индустриализацию, несмотря на колоссальный авторитет, какой был у лидеров оппозиции, несмотря на то, что против них не выступал ни один член Политбюро,—рядовые рабочие своими силами дали сокрушительный отпор оппозиции.

Конечно, нелепо ставить так вопрос, как ставит оппозиция, будто перед партийными массами была дилемма: или внутрипар-

тийная демократия, которую будто бы предлагала провести в жизнь оппозиция своим требованием открыть дискуссию, или партийная дисциплина. Это чудовищное противопоставление отнюдь не ленинское, а чисто меньшевистское. Последний № «Социалистического Вестника» буквально так ставит вопрос. В передовой статье «Умирающий лозунг» «С. В.» пишет: ...«Либо формально отказаться от двусмысленного лозунга «внутрипартийная демократия», ...либо на деле послать эту «демократию» ко всем чертям, запрегив всякие «дискуссии» и рассуждения»... («С. В.» № 19 (137), 2/X 1926 г.). Разве по-большевистски партийную дисциплину можно противопоставлять внутрипартийной демократии? Разве внутрипартийная демократия не предполагает строжайшей партийной дисциплины? Разве не ясно, что здесь внутрипартийная демократия превращается у оппозиции в средство борьбы против партийной дисциплины?! Нет, рядовая партийная масса дала отпор оппозиции, не только по вопросу о том, надо ли вести дискуссию или не надо, а она дала в своих резолюциях по всем основным вопросам ответ положительный, который заключает в себе поддержку ЦК партии.

«Резко-отрицательное отношение к «принципиальной» платформе оппозиции, протест против навязываемой дискуссии, которая неизбежно отвлечет силы от хозяйственного строительства, тревога за единство партии и отсюда требование решительных мер в отношении нарушителей этого единства,—вот основной характер выступлений по вопросу о внутрипартийном положении». Таков вывод обзора московских резолюций, принятых 20 тысячами членов партии («Правда» № 239, 16/X 1926 г.).

Никогда еще, быть может, ЦК нашей партии не пользовался таким колоссальным доверием всей нашей партии, как в настоящее время, и это надо сказать потому, что в течение вот уже нескольких лет ведется борьба против руководителей ЦК, в частности против ее генерального секретаря т. Сталина. Тов. Каменев на XIV с'езде прямо ставил вопрос о т. Сталине. Партия неоднократно давала ответ на этот вопрос, и она дала на этот раз еще более ясный ответ всем тем, кто выступал против этого руководства.

С чем же выступала оппозиция? Смехотворный, дутый «миллиард» т. Зиновьева фигурировал и в Москве и в Ленинграде и ни в ком не мог вызвать ни малейшего сочувствия, потому что никогда еще политические вожди не подходили с такой несерьезностью, так поверхностно к вопросу, как в этом случае, и рабочий класс, выросший колоссально за это время, почувствовал это. Когда ему, в качестве рецепта предлагалось ввести тайное голосование, он законно увидел в этом только угрозу организационным и политическим основам нашей партии и нашего советского государства. Не мешайте нам строить социалистическое хозяйство,—вот каков был общий ответ рядового рабочего класса,—и этот ответ оппозиция заслужила. Если еще после XIV с'езда и на XIV с'езде оппозиция возмущалась тем, что мы упрекаем ее в безверии, то как же можно иначе назвать, как отступничеством, как безверием—речь о том, что мы хотим «строить социализм в одном уезде» (Радек), или речь т. Минина

в Гомеле, в которой он договорился до таких вещей: «Вы все говорите строим, строим социализм. Что толку? Мы еще собираемся построить социализм, когда у нас нет культурных сортиров». Поразительное открытие: социализм, оказывается, ввести легче всего в такой стране, где лучше всего устроены уборные. А еще говорят, что у оппозиции нет оригинальных мыслей!.. Выступали с планом «демократического с'езда». Мы знаем о сотнях таких разговоров еще со времени «курортных совещаний» оппозиции, где выработались планы насчет того, как устроить с'езд. Мы заверяем оппозицию, что XV с'езд будет созван (на основе устава ВКП(б)], и никакие разработанные на конспиративных собраниях директивы оппозиции в жизнь проведены не будут.

Вся «популярность» вождей оппозиции разбилась о несокрушимую стену партийного общественного мнения, партийной дисциплины, огромно выросшей сознательности членов партии. Презрительные разговоры об аппарате, об аппаратчиках, презрительные мнения об этом аппарате привели к тому, что оппозиция просто не поняла, какую силу собою представляет сейчас ленинская партия, воспитанная на разрешении величайших трудностей нашей эпохи. Они не знали партии и принимали мнения незначительных кружков своих сторонников и информацию Беленького и Сапронова о мифических десятках ячеек, которые за ними, целиком за истину, принимали свои собственные мечты за действительность. Но «мечты и иллюзии гибнут, а факты остаются».

После жесточайшего поражения в Москве и по некоторым другим городам, оппозиция сделала шаг к тому, чтобы найти какой-нибудь выход на пути примирения с партией, на пути примирения с ЦК. 4 октября, за подписью тт. Троцкого, Зиновьева, Сокольникова, Пятакова, Евдокимова в ЦК поступило заявление о необходимости ликвидации тяжелого периода внутрипартийной распри, о необходимости наладить совместную дружную работу. В «Извещении ЦК ВКП(б) о внутрипартийном положении» от 16 октября 1926 г. члены партии найдут изложение хода событий после этого заявления. В тот самый момент, когда подписавшие заявление товарищи протягивали руку мира, они делали еще одну попытку положить на чашку партийных весов мнение массы ленинградского пролетариата. Тов. Зиновьев не раз говорил о том, что стоит ему появиться в Ленинграде на Путиловском заводе, как рабочие понесут его на руках. Такую же мысль высказывали и другие более или менее видные лидеры оппозиции. И вот целая компания лидеров оппозиции, собранная даже из других городов, двинулась в Ленинград. Удар, урок, который получила оппозиция в Ленинграде, окончательно выбил почву из под ног фантазеров и показал в истинном свете авантюристический смысл расчетов оппозиции на ленинградский пролетариат. Ленинградский пролетариат ответил так же единодушно, как и московский, на попытку оппозиции. Ленинградский пролетариат показал, что он настроен в высшей степени партийно,—за ЦК, за партию. Никакие речи самых доселе популярнейших вождей (председателя исполкома Коминтерна!) никакие обещания (даже немедленно и значительно поднять заработную плату!) не разбили стальной стены. Такого поражения еще не знала оппозиция.

Оппозиция должна была капитулировать, и она капитулировала 16 октября 1926 г. Надолго ли, всерьез ли? Это покажут ближайшие события.

VI. Литература об'единенной оппозиции.

Стоит еще раз бегло остановиться на литературе, которой пользовалась об'единенная оппозиция. Трудность положения ее заключалась в том, что многим ее лидерам пришлось отказаться от своих самых боевых литературных произведений последнего времени. Если еще недавно т. Троцкий мог действовать против части ЦК своими «Уроками Октября», то сейчас надо было запрятать «Уроки Октября» подальше. Если еще недавно речи, статьи и книги тт. Зиновьева, Каменева, Сафарова, Евдокимова, Сокольникова, Залуцкого и др. были ходкой литературой против т. Троцкого, то сейчас самое благоразумное было ее спрятать вплоть до «евангелия ленинизма»—книги т. Зиновьева о ленинизме. Никакие оговорки в роде того, «кто старое помянет, тому глаз вон», конечно, не были обязательны для членов партии, которые обязаны были вспомнить об этих литературных произведениях. Что же осталось оппозиции? Пускали в ход такие произведения, как статью Устрялова (никогда сменовеховец-профессор Устрялов не думал, что он удостоится такой чести, что его статья будет перепечатываться и распространяться широко сторонниками тт. Троцкого, Зиновьева и др.), перепечатывалась и распространялась книга Макса Истмэна, после того, как она получила характеристику от самих лидеров оппозиции в свое время, как книга недостойная, клеветническая,—книга, рассчитанная на поддержку классового врага. Главная же масса литературы, которая перепечатывалась за последнее время, это были произведения, которые рисовали разгром ленинградской организации (письмо Кострицкого, доклад т. Евдокимова и др. в Политбюро). Дальше шли бесчисленные заявления лидеров оппозиции в ЦК, их речи на пленумах и Политбюро; копии различных неопубликованных, секретных документов; составленные оппозицией платформы; анонимная статья «Рабочий вопрос», «Крестьянский вопрос», «Ответ т. Бухарину», «Вопросы и ответы». Дальше шли произведения товарищей Шляпникова и Медведева. Подумывали о периодической печати. Намечались «информационные бюллетени» и другие периодические издания. Если какой-нибудь историк займется анализом этих произведений, он поразится невероятной идейной бедностью, невероятно низким теоретическим уровнем всего того, что вышло за это время из-под пера оппозиции в качестве материала для идейного воздействия на массу членов партии. Нет никакого сомнения в том, что если бы дело пошло дальше в этом направлении, мы получили бы через некоторое время более систематически организованную самостоятельную печать оппозиции. Нужно еще иметь в виду, что за границей оппозиция имела к своим услугам ультра-левую и ультра-правую в различных коммунистических партиях. Никогда еще ни одна оппозиционная группа не пользовалась такой поддержкой всей враждебной коммунистической партии печати, как на этот раз,—начиная от белогвардейской и меньшевистской печати и кончая печатью ультра-левых германской коммунистической партии, все об'единились для борьбы против ВКП(б) за оппозицию.

VII. Борьба партии с оппозицией.

Одним из козырей оппозиции служила все время сказка насчет разгрома ленинградской организации. В чем выразился этот разгром? Оппозиция рисовала дело таким образом, что 6—7—8 тысяч ленинградцев из оппозиции сняты с постов и разбросаны по самым глухим углам. Мы утверждаем со всей ответственностью что цифра эта преувеличена по крайней мере в 30—40 раз, что во время перевыборов коллективов очень многие вожди и «вожди» были сняты с руководящих постов самой массой: члены комитетов, бюро ячеек, секретари и т. д. Но это ведь и есть демократический способ решения вопроса, против которого не имеет права возражать ни один оппозиционер. Каким образом это могло быть сделано в Ленинграде? Путем упорной активной раз'яснительной кампании. Мы утверждаем, что никогда еще партия так жадно не изучала решений партийного с'езда, никогда так не интересовалась решениями пленумов ЦК и ЦКК, как теперь, и никогда партия так много не сделала, чтобы сделать понятными, близкими, известными всем членам партии эти решения, как теперь. Колоссальная работа, которая проделана в совпартшколах, в вузах, в школах политграмоты, в кружках, через сотни тысяч, миллионы листовок, брошюр, через многочисленные статьи в повседневной партийной периодической печати, через «Правду» и «Большевик», «Коммунистическую Революцию» и др. органы печати, дала свои результаты. Решения XIV с'езда, апрельского и июльского пленумов ЦК и ЦКК распространялись на всех партийных собраниях. Лидеры оппозиции как-то отмечали, что их «прорабатывали» целых десять месяцев. Да, действительно, мы прорабатывали все их взгляды, так что партия в состоянии к ним отнестись сознательно.

Нередко можно услышать от оппозиционеров жалобы на репрессивную деятельность КК. Но ведь это уже чистейшие пустяки! КК исключили по всему Союзу несколько десятков (вряд ли более 40—50 чел.) товарищей, которые в своей фракционной подпольной работе зашли так далеко, что стали чуждыми партии, враждебными партии, стали, например, заявлять прямо, что они не доверяют партии. Как же может партия оставить в своих рядах товарища, который ей не доверяет? КК ни одного товарища не исключили и не подвергли другим партийным репрессиям за оппозиционные взгляды. Но, само собой разумеется, что репрессивная деятельность КК должна была иметь место при таком напоре на принципиальные основы нашего организационного строительства, при таких грубейших нарушениях решений партии. КК сделали все, что могли для того, чтобы помочь привлекаемым членам партии отказаться от своего антипартийного пути. Тот факт, что, несмотря на величайшую конспирацию, подпольная деятельность оппозиции вскрыта в основном перед партией почти до мелочей, является, с одной стороны, результатом умелого товарищеского подхода КК к привлекаемым членам партии, а, с другой стороны, результатом того, что члены партии, соприка-

сающиеся с оппозицией, разоблачают сами раскольническую деятельность оппозиционеров. Нам нет надобности следить за оппозиционерами. За ними следит вся партия. Укрыться от этого глаза партии, от этого контроля партии оппозиция может только, уйдя из нашей партии, только уйдя из наших рядов. Покуда она действует в наших рядах, КК обязаны знать, что она делает и в праве требовать от привлекаемых членов партии, чтобы они открыли подробности своей оппозиционной работы. И при нашем строении партии, никакие самые широкие попытки создания конспиративной организации внутри нашей партии не могут иметь длительного успеха. Однако, следует признать, что не КК дали в основном отпор оппозиции; в основном отпор оппозиции дали рядовые члены партии, рядовая партийная масса. Это заставило оппозицию капитулировать, когда оппозиция убедилась в невозможности скрыть свою подпольную деятельность от партии, это заставило ее признать хотя бы часть своих ошибок.

VIII. Итоги и перспективы.

1. Оппозиция в процессе борьбы встала на путь создания внутри ВКП(б) другой партии (фракции) с особой программой (платформой) со своей внутренней фракционной дисциплиной, со своими организационными об'единениями — кружками, комитетами, членскими взносами, своей, пока еще подпольной, печатью. На примере этой оппозиции, во главе которой стояли крупнейшие лидеры с мировой известностью, с большими ораторскими и писательскими талантами, каждый должен убедиться в том, что ВКП(б) достаточно сильна для того, чтобы справиться со всеми попытками расколоть ее.

2. Оппозиция встретила поддержку в антипартийных кругах (меньшевики, эсэры, белогвардейцы). Мы не станем приводить здесь отзывы этой эсэровской, белогвардейской и меньшевистской печати, хвалебных гимнов оппозиции. В белогвардейских кругах строились всякие планы на то, что оппозиция сумеет подорвать основы диктатуры пролетариата. Оппозиция стала рупором чужих, враждебных партий, настроений. Ее работа приветствовалась, как удар по диктатуре пролетариата и поэтому «благодарственно» воспринималась. На этом примере всякая оппозиционная группа может видеть, в чьих интересах она об'ективно работает, хочет она этого или не хочет. Мы ни в малейшей степени не сомневаемся в том, что ни один из лидеров оппозиции не хотел этой поддержки. Но теперь всякому ясно, где больше сочувствия встретила оппозиция, в партийных или антипартийных кругах, в пролетарских или антипролетарских.

3. Оппозиция не встретила поддержки в массах не только партийных, но и беспартийных рабочих. Она вызвала к себе враждебное отношение в рабочих массах, которые говорят: не мешайте нам строить социализм, не сбивайте нас с толку, мы сами знаем трудности и видим их. Вернитесь на работу и помогайте, а не стойте в стороне и не критикуйте нас, как когда-то критиковали коммунистическую партию враждебные ей группы и партии. Оппозиция оказалась изолированной, и рабочий класс этим, конечно, подтвердил худшую характеристику, которая давалась троцкистам и другим оппозиционным группам в свое время тт. Каменевым, Зиновьевым, Капатчиковым и др., когда эти тт. боролись против троцкистской оппозиции. Не только партия рабочего класса оказалась против оппозиции, весь рабочий класс оказался против оппозиции. Оппозиция оказалась вне массы и против массы. Если т. Троцкий на XIII с'езде партии говорил, что нельзя быть правым против партии и без партии, то он в этом теперь должен был окончательно убедиться, что против партии и без партии нельзя быть правым.

4. Партия колоссально выросла, выросла рядовая партийная масса, и она дает отпор. Потерявшие ленинскую дорогу вожди наталкиваются не только на аппарат, они наталкиваются на всю партийную массу, и не только на ее рабочую часть.

И вузовец не тот уже, что был при оппозиции 1923—24 гг. Вузовец против оппозиции, вузовец вырос политически, и партиец изменил свой социальный состав. Многочисленные и многолюдные собрания и резолюции вузовцев, давших оппозиции отпор, красноречиво говорят об этом. Красноармеец не тот, политработник не тот,—он уже воспитан не в духе троцкистских традиций. Это партиец, который дает отпор оппозиционному блоку, который политически вырос за это время так же, как и вся партия.

Оппозиция не знала партии, она встретила не ту партию, о которой она имела ложное представление, о которой «мечтала».

5. Не по вопросу «внутрипартийная демократия или дисциплина» ответила партийная масса оппозиции. Такое меньшевистское противопоставление—или внутрипартийная демократия, или дисциплина—чуждо нашей партии. Массы дали отпор оппозиции по существу выдвинутых вопросов. Массы разобрались в значительной степени в хозяйственных вопросах, в международной политике. Партийная масса одобряет хозяйственную политику, внутреннюю и международную политику нашей партии,—вот в чем смысл того поражения, которое потерпела оппозиция.

* * *

Что же дальше? Заявление оппозиции от 16 октября 1926 года является, по мнению ЦК, тем «минимумом, который необходим для обеспечения единства партии». «Задача, по мнению ЦК, состоит в том, чтобы, продолжая идейную борьбу с принципиальными ошибками оппозиции, от которых она не отказывается, принять все меры к тому, чтобы достигнутый минимум для обеспечения единства партии был действительно проведен в жизнь». Поскольку оппозиция заявила, что она стоит на почве взглядов, которые изложены в официальных документах и речах, произнесенных на с'езде, на пленумах ЦК, Политбюро, партии предстоит упорнейшая борьба с этими принципиальными ошибками, нагроможденными об'-

единенной оппозицией за последнее время в этих своих речах и заявлениях на XIV с'езде, на пленумах и в ЦК. Если оппозиция считает, что она от этих взглядов не отступила, то, тем более, партия не может отступить от взглядов, которые выражены в решениях с'ездов, решениях пленумов и ЦК, ибо это есть решения партии, а решения оппозиции есть решения фракции, которая ныне должна быть распущена, согласно заявлению лидеров оппозиции. Мы должны со всей строгостью проследить за тем, чтобы, действительно, фракционные группы были распущены и, само собой разумеется, за попытку сохранить где-нибудь такие фракционные группы мы вынуждены будем применять еще более суровые партийные репрессии. Однако, центр тяжести и сейчас у нас и раньше был не в партийных репрессиях, а в огромной раз'яснительной пропагандистской работе, в ясной, доступной форме, в коротких брошюрах, популярных статьях, докладах на собраниях, работе в кружках, проработке вопросов во всех наших партшколах, в вузах. Мы должны добиться того, чтобы камня на камне не осталось от неверных теоретических построений оппозиции по всем вопросам. Вся наша партийная масса должна знать, к чему ведет политика цен, выдвигаемая оппозицией; вся партийная масса должна видеть, куда ведет линия оппозиции в крестьянском вопросе; вся партийная масса должна знать, в чем неправа оппозиция в отношении международной политики. Многое в этом отношении сделано. Сознательное отношение партии в значительной степени по всем этим вопросам уже достигнуто. Но надо всю эту работу углубить. Пусть оппозиция питает еще надежды на то, что «партия примет в ходе дальнейшей ее работы то, что правильно было во взглядах оппозиции». Мы никогда не отказывались принимать правильные предложения оппозиции. Мы их принимали. Но это не наша вина, а беда оппозиции, что в ее платформах нет правильных предложений. Чем скорее возьмутся искренне за деловую работу оппозиционеры, чем скорее они перестанут противопоставлять себя партии, чем внимательнее они отнесутся к той огромной работе, которую проделывает партия, чем больше они сами возьмутся за кропотливую повседневную работу партийных, советских, профессиональных органов, с искренним желанием помогать партии, а не пребывать в положении безответственной оппозиции, тем скорее изживутся те обостренные отношения, которые сложились между сторонниками оппозиции и большинством партии во многих местах, тем скорее исчезнет трагическое положение потерпевших кораблекрушение оппозиционеров, тем плодотворнее станет их собственная работа и работа всей партии.

Мы знаем, что не все одинаково легко могут встать на этот путь, но преданность пролетарскому делу, (а в ней мы не сомневаемся) поможет, мы надеемся на это, товарищам увидеть свои ошибки и исправить их. Чем скорее они это сделают, чем основательнее они разделаются с остатками оппозиционных настроений и взглядов, тем лучше для пролетариата, для ВКП(б), для дела мировой пролетарской революции.

Работа оппозиции по части принципиальной ревизии ленинизма уже дала свои горькие плоды. Мы имеем такие заявления сбитых с толку оппозиционерами партийцев, как заявление одного из «стойких» оппозиционеров в Сормове: «Слишком верить учению Ленина не нужно, он тоже ошибался много, но исправился на практике, так как Ленин больше практик, чем теоретик» («Правда», 16/X 1926 г., корреспондент из Сормова). Или заявление одного из оппозиционеров на Подольских полях орошения: «Раньше был марксизм, теперь ленинизм и дальше должно быть что-нибудь выше ленинизма. Учение Ленина должно пасть. Партия на одном месте стоять не может»... (Сводка о собр. ячеек об итогах VII плен. МК от 8/X—26 г.). Или заявление некоего т. Перэ в ЦКК, где этот пылкий троцкист пишет: «Фанатики ленинизма!.. Можно ли шутить с именем такого гениального человека, как Троцкий?!... Скорее, друзья, вы откажетесь от всего и раньше всего от ленинизма, чем Троцкий от троцкизма!» «Вы, как фанатики, поклоняющиеся и придерживающиеся жизненного прогресса по евангелию, поклоняетесь ленинизму... Почему не пересмотреть ленинизма? А ведь то, что писал Ленин, ведь многие пункты ленинизма, пожалуй (!!!) устарели для текущего момента. Почему бы не пересмотреть их в тесной среде верных нашей партии товарищей, почему бы не заменить их новыми, в текущем моменте более целесообразными?»...

Оппозиция «попробовала» сделать такой пересмотр ленинских взглядов. Что из этого получилось—видит вся партия. Оппозиция заявляет, что остается на своих принципиальных позициях. Самая глубокая самовлюбленность не может итти так далеко, чтобы надолго эти товарищи остались сидеть в печальной позиции барона Гринвальдуса.

Чем скорее и основательнее сама оппозиция возьмется за самокритику—а эта самокритика теперь неизбежна для всякого мало-мальски добросовестного партийца-оппозиционера (как она обязательна для всякого партийца вообще),—тем больше у партии будет надежды на то, что обещания лидеров оппозиции не останутся пустыми обещаниями, тем больше будет гарантии, что завершенный ныне новой оппозицией круг не начнет снова свой порочный и опасный бег.

Н. Бухарин.

О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР.

1. Возникновение проблемы. 2. Вопрос о зрелости мирового капитализма. Различная критика большевизма: с точки зрения общей незрелости капитализма, с точки зрения военных разрушений, с точки зрения незрелости пролетариата. 3. Вопрос о предпосылках социализма в России: международная социал-демократия, российский меньшевизм, Богданов—Базаров, Троцкий, октябрьская позиция правого крыла большевиков. 4. Вопрос о построении социализма в СССР, как вопрос о характере нашей революции. 5. Гарантия от внешних опасностей и внутренние силы нашего развития. 6. Итоги.

В настоящее время ряд кардинальнейших, основных вопросов нашей революции снова поставлен во всей широте, поставлен, можно сказать, ребром. Подробно разбирать причины этого здесь не представляется возможным, но нельзя не указать, что коренная причина этого состоит в том, что мы сейчас переживаем период перехода от так называемого восстановительного процесса к процессу реконструктивному. Такая терминология кажется нам, впрочем, не совсем точной и не совсем правильной. Ведь, обозначение предыдущей фазы развития нашего хозяйства, как восстановительного процесса, предполагает—если брать это слово в строгом его значении—что у нас под'ем промышленности и под'ем всего народного хозяйства идет по той же самой колее, по какой он шел и в дореволюционный период. Только при таком условии можно было бы говорить о восстановительном процессе в строгом смысле этого слова. На самом же деле у нас после Октябрьской революции под'ем хозяйства и, в первую очередь, его государственного сектора, шел таким образом, что на ряду с восстановлением хозяйства происходила и непрерывная переделка производственных отношений. Наше развитие шло на другой основе, чем та, на которой развивалось хозяйство страны до октябрьской победы рабочего класса. Поэтому, когда мы говорим о восстановительном процессе, то нужно помнить, что это выражение берется условно. Этим мы хотим сказать, что наша продукция достигла довоенного уровня, что материальный остов производства восстановлен в размерах довоенного периода. Только в этом смысле слова и можно говорить о восстановительном процессе. И только при таком понимании можно говорить о переходе от периода восстановительного к периоду реконструктивному.

Итак, является совершенно несомненым, что сейчас перед нами встает во весь рост задача переустройства хозяйства, задача перевода его на новую техническую основу.

Эта задача упирается, прежде всего, в задачу изыскания и приложения капитальных средств, средств, идущих на расширение производственного базиса, на постройку или закладку новых предприятий, в значительной мере на новой технической основе. Не трудно сообразить, что это—задача величайшей трудности. при чем трудность ее не исчерпывается лишь сферой практики. Нет, даже взятая в теоретическом разрезе, она представляет, как говорят немцы, ein harter Nuss (крепкий орех). Эта трудность и порождает целый ряд колебаний, шатаний в наших рядах. Она же заставляет нас восходить к коренным вопросам революции.

Нелишне отметить, что вопрос об основном капитале ставился сравнительно давно (ср. вопрос об электрификации у Ленина); ставился он и некоторыми из наших противников. Между прочим, в этой связи можно упомянуть об одной работе П. П. Маслова, именно о выпущенной им в 1918 г. книге «Итоги войны и революции»[1]). Маслов тогда стоял целиком на меньшевистской позиции и в указанной книге проводил меньшевистскую точку зрения. Само собой разумеется, он отрицал возможность социалистической революции у нас, и отрицание это, в значительной мере, обосновывал невозможностью решения проблемы новой техники при отсталости технико-экономического базиса нашей страны вообще. Вот что писал он тогда:

«Стоит только познакомиться с преобладающим типом предприятий в земледелии и в кустарном производстве, занимающем наибольшее число рук в индустрии, чтобы притти к заключению, что революция не может ввести социалистического строя, пока капиталистическое производство не создаст для него материальные условия. Великая русская революция в первые годы только отколет индустрию от земледелия в деревне, отколет посредством капитализма, а социализм лишь «в более или менее отдаленном будущем» снова соединит их в гармоническое целое. Не отколовшись от земледелия в мелких хозяйствах, индустрия не может технически сформироваться в общественное производство, так как первобытная техника кустаря не может сохраниться, а изменение техники расколет полуземледельческое хозяйство. Творить же новые предприятия на новых технических началах из ничего даже и революция не в состоянии, хотя она и обладает огромными творческими силами»[2]).

В этой цитате наиболее характерной и любопытной является последняя фраза, где автор мысль относительно невозможности социалистической революции у нас связывает с мыслью о том, что нам неоткуда будет взять сил и средств для подведения под свое хозяйство новой технической базы.

На какие средства можно подвести эту новую техническую базу—вот проблема. Эта, выражаясь современным языком, «проблема основного капитала» как раз и выдвигалась П. Масловым на первый план. А так как—по мнению Маслова-меньшевика—ни о какой новой технике нечего и думать, то именно это для него и являлось решающим аргументом, чтобы вообще отрицать социалистический характер нашей революции.

[1]) Маслов, П. «Итоги войны и революции», М., 1918.
[2]) П. П. Маслов, l. c., стр. 151. Курсив наш.

Отсюда следует, что вопрос о переводе нашего хозяйства на новые технические рельсы, проблема основного капитала, вплотную подводит к вопросу о характере нашей революции, к вопросу о возможности строительства социализма в одной стране,—словом, к ряду тех вопросов, которые сейчас являются предметом спора в нашей партии. Вот почему сейчас полезно будет оглянуться назад, вспомнить, что говорилось раньше относительно социалистической революции вообще, что говорилось о возможности социалистической революции в нашей стране. Такая историческая справка вытащит на свет божий целый ряд аргументов, которые помогут уяснить теперешние споры, обеспечивая возможность проследить идейные истоки взглядов той или иной спорящей стороны.

Здесь необходимо хотя бы и очень коротко, остановиться на вопросе о «зрелости» современного и, прежде всего, мирового капитализма в той постановке этой проблемы, как она давалась большевиками. Общеизвестна истина, что исторический прогноз и тактика большевиков всегда покоятся на определенном, совершенно об'ективном, анализе положения вещей. Три рода явлений, которые связаны между собою и обусловливают друг друга, брались большевиками в расчет при решении вопроса о зрелости мирового капитализма. Это, во-первых, его технико-экономический базис и его организационные формы. Во-вторых, соотношение классов, соотношение сил между рабочим классом, мелкой буржуазией и капиталистической крупной буржуазией. В-третьих, культурно-идеологическая зрелость пролетариата. Само собой понятно, что вопрос о культурно-идеологической зрелости пролетариата ортодоксальные марксисты ставили не с той точки зрения, что пролетариат может захватить власть лишь тогда, когда выработает свою собственную культуру, выдвинет кадр необходимых административных сил, нужных для управления государством и т. д. Так ставил вопрос А. А. Богданов. Это по его теории пролетариат не может завоевать власть, пока не усвоит принципов «всеобщей организационной науки», не проникнется взглядами всеоб'емлющего учения о пролетарской культуре. Само собой разумеется, что при таком подходе, как у Богданова, вопрос о зрелости капитализма едва ли когда-нибудь получил бы положительное решение. Но у большевиков подход был иной, и с точки зрения этого подхода общая зрелость капиталистических отношений для перехода их в социалистические не подлежала никакому сомнению. Большевики выдвигали здесь положение о последней империалистической фазе капитализма, о достаточной степени централизации и концентрации капитала, об особых организационных формах капитализма (финансовый капитал, капиталистические монополии, банковые консорциумы и т. д.), рассматривая самый факт мировой империалистической войны, как доказательство зрелости капиталистических отношений, потому что сама империалистическая война есть не что иное, как выражением громаднейшего конфликта между ростом производительных сил и их капиталистической оболочкой, ставшей уже тесной для более или менее нормального развития этих производительных сил в дальнейшем.

Само собой разумеется, что при оценке мирового капитализма большевики вовсе не исходили из признания, если так можно выразиться, сплошной зрелости капитализма и вовсе не предполагали, что в каждом географическом пункте земного шара степень централизации и концентрации капитала, степень концентрации рабочего класса и т. д. и т. д. всюду одинаковы и достаточны для перехода к социализму. Наоборот, в лице Ленина большевики выдвинули положение о так называемом «законе неравномерности капиталистического развития». Этот закон имеет своей базой разнородность структур капитализма по странам. Этот закон выдвигает и то обстоятельство, что есть строгое различие между центрами капиталистической экономики и колониальной периферией этой же экономики, что зрелость капитализма в целом, как капитализма мирового, вовсе не предполагает совершенно одинаковой высоты капиталистического развития в разных странах, одинакового темпа развития и т. д. Этот ленинский закон неравномерности капиталистического развития и был теоретическим обоснованием подхода большевиков к вопросу о зрелости мирового капиталистического хозяйства, о степени его подготовленности к переходу в хозяйство социалистическое, о мировой революции, как сложном и длительном процессе, который может начаться даже в одной стране.

Так ставили вопрос большевики. Иначе подходили к нему противники большевизма. При этом должно быть отмечено, что их (противников) аргументация в «доказательство» незрелости капиталистических отношений имела целый ряд вариантов. Имеется целый ряд критических позиций, направленных против большевиков и долженствующих опровергнуть большевистский тезис относительно зрелости капиталистических отношений в современном мировом хозяйстве. Одни говорят, что экономически капитализм еще не созрел; другие говорят, что он экономически созрел, но в результате мировой войны и в результате того обнищания, которое наступило за время войны, он перестал служить достаточной базой для перехода на рельсы социалистической революции. Наконец, третьи выдвигают ряд особо «оригинальных» соображений, указывая на культурную незрелость пролетариата, который не может в силу этого решить задачу мировой революции.

Первый тип критики большевизма, критики с точки зрения экономической незрелости капиталистических отношений, наиболее ярко представлен в работах Генриха Кунова. В одной из своих брошюр, написанной в оправдание голосования 4-го августа 1914 года в германском рейхстаге, он развивал, примерно, такую концепцию. Он говорил, что думать о переходе к социалистическому строю сейчас значит заниматься пустыми иллюзиями и утопией. Маркс сказал, что ни одна хозяйственная форма не перестает жить, прежде чем она целиком и полностью не осуществит всех своих возможностей, пока она не исчерпает всю себя до конца. Возьмите те страны, говорил Кунов, где недостаточно еще развит капитализм; возьмите рынки, которые не целиком еще наполнены капиталистическим товарным содержанием; возьмите некоторые страны, где капитализм стоит еще в начале своего развития,—и вам станет совершенно ясно, что капитализму предстоит развиваться еще огромное количество времени. А после войны,—так утверждал Кунов,—благодаря частичному уничтожению производительных сил, получается еще возможность добавочного развития капиталистических отношений, потому что, поскольку производительные силы капитализма

во время войны подверглись определенному разрушению, постольку даже та сеть рынков, которая и без того была велика, будет по отношению к разрушенным производительным силам еще более велика; поэтому нелепой, утопичной, антимарксистской является мысль относительно перехода общества в ближайший период на социалистические рельсы.

Здесь все так недвусмысленно и ярко, что нет нужды привлекать других критиков, идущих по той же линии; достаточно будет лишь упомянуть о другом, на этот раз русском, марксистском, или полумарксистском, литераторе, А. А. Богданове. В одной из своих работ, именно в брошюре «Вопросы социализма» он писал: «В подтверждение (необходимости и возможности перехода к социализму. *Н. Б.*) указывают на гигантский рост именно тех отраслей, которые производят средства производства. И вот, если взять мировое производство тех же двух основных материалов во всей промышленности—чугуна и угля, и основываясь на их цене, оплате рабочей силы и приблизительной норме ее эксплоатации, вычислить, какая доля всей трудовой энергии, находящейся в распоряжении человечества, кристаллизуется в огромной годовой массе этих продуктов, то окажется около 2—$2\frac{1}{2}$ и отнюдь не более 3%. Результат, в котором как будто нет ничего подавляющего» [1]).

Приведя эти свои 2—$2\frac{1}{2}$% в производстве чугуна и угля, А. А. Богданов тем самым считает доказанным положение о такой фазе развития капиталистических отношений, при которой нечего и думать о том, чтобы ставить себе какие-то задачи перехода на рельсы социалистической революции и на рельсы непосредственного социалистического строительства.

Едва ли такая критика может всерьез быть принятой за критику марксистскую: это не больше, как карикатура на марксизм [2]). Ибо «критики» исходят здесь из крайне упрощенного, отнюдь не диалектического, представления о предпосылках гибели капитализма. По их мнению, капиталистическая форма производства погибнет только тогда, когда она целиком вытеснит (или почти целиком вытеснит) другие формы производства. Между тем, в действительности капиталистический способ производства гибнет гораздо раньше, ибо он гораздо раньше развивает свои внутренние противоречия, делающие нестерпимым и об'ективно невозможным его дальнейшее существование (ср., например, мировые войны, «эпоху войн и революций»). Равным образом, «критики» исходят из такого положения, что материальная зрелость капитализма должна быть такова, чтобы после захвата власти налицо был почти готовенький социализм, охватывающий целиком и сразу все общество. Между тем, в действительности речь идет лишь об **отправных пунктах** движения, о возможности дальнейшего строительства. У «критиков» исчезает почти весь переходный период, который есть период развития социалистических хозяйственных форм **среди** форм несоциалистических. Их («критиков») кажущийся радикализм есть оборотная сторона их глубочайшего оппортунизма. Едва ли есть нужда дольше задерживаться на этой породе критиков: приведенного достаточно, чтобы перейти к другой группе возражений.

[1]) А. Богданов, «Вопросы социализма». М. 1918 г., стр. 48.

[2]) Как на курьез, здесь можно указать на тоже «марксистскую» критику большевиков со стороны некоего **Рудольфа Шнейдера**, секретаря «Имперского Союза немецкой индустрии», побивающего в своей брошюре: «Советский строй, социализация и принудительное хозяйство» не только большевиков, но и социалистов вообще, самим Марксом: «Уже 50 лет тому назад,—пишет сей ученый защитник немецких промышленников,—великий теоретик социализма К. Маркс, блестяще опроверг всех таких утопистов и реформаторов мира одним единственным замечанием» (20 стр.). Когда говорят о практической реализации социализма, впадают в утопию; «Социализм совершил обратный путь от науки к утопии»... (20). (Rudolf Schneider: Geschäftsführer des Reichsverbandes der deutschen Industrie: «Rätesystem, Sozialisierung und Zwangswirtschaft». Dresden, 1919).

Эта последняя в общем виде, примерно, может быть изображена таким образом: социализм, конечно, созрел, капитализм уже создал внутри себя производительные силы, которые могут поставить в порядок дня вопрос о социалистическом перевороте, но война все разрушила, и теперь приходится брать уже иной тон, теперь нельзя ставить перед собой задачу социалистического переворота. Так ставит вопрос, между прочим, не кто иной, как Каутский, который говорил относительно огромных разрушений войны и относительно того, что на базисе разрушенного войной капитализма строить социализм невозможно. Но были и русские социал-демократы, которые точно так же ставили вопрос,—например, так ставил его очень известный русский меньшевик **Либер**. В предисловии к своей брошюре, изданной в Харькове в 1919 г. под названием «Социальная революция или социальный распад», он, не преминув сообщить, что «к сожалению» им потеряны прежние рукописи в то время, когда ему пришлось скрываться от «коммунистических охранников», выдвигает такие рассуждения: «Основные, «пессимистические» положения, развитые в настоящей лекции, защищались мною в еще «медовые» месяцы нашей революции. Уже с первых дней русской революции для меня были ясны черты **гнилостного ее распада, вызванного войной**, и перебегающие болотные огоньки ни на один момент не казались мне революционными маяками» [1]). Это, долженствующее быть поэтическим, описание содержит такую политическую мысль: что вы, большевики, говорите о каком-то социализме, о международной революции и проч. вещах? Что вы ставите это в порядок дня? На самом деле то, что происходит, есть не процесс революционного движения общества вперед, а есть процесс гнилостного распада, вызванного войной.

В третьей главе этой своей брошюры, расписывая «анархию», появившуюся в результате войны, в главе, названной «Грядущие перспективы и задачи», автор прямо заявляет, что его точка зрения приложима не только к России, но ее «чохом», так сказать, можно применить и ко всему миру: «**Из всего, что я сказал, ясно, что социализма теперь нельзя осуществить**» [2]).

Не трудно увидеть, что эта аргументация исходит из оппортунистической предпосылки о «**безболезненном**» переходе от капитализма к социализму. В полном противоречии с революционной теорией Маркса, который предсказывал рождение социализма среди катастроф («Zusammenbruchstheorie»), неизбежно связанных с разрушением производительных сил, «критики» исходят из возможности поистине идиллического хода событий. С дру-

[1]) М. И. Либер, «Соц. рев. или соц. распад», Харьков, 1919, предисловие. Курсив наш.

[2]) Ibidem, стр. 57.

гой стороны, разбираемая аргументация связана также с арифметическим представлением о предпосылках социалистического строительства: она предполагает, что отступление от определенной грани в развитии материального остова производства уже тем самым делает сразу невозможным переход к социализму. Изменяющееся соотношение классовых сил, воспитание и самовоспитание пролетариата в его боях и т. д.,—все это не принимается во внимание. Нечего и говорить о том, что эмпирическая проверка этого положения, т.-е. весь последующий ход событий, целиком опровергли рассуждения оппортунистов, которые просто-напросто убегали от решения задачи, как убегали от революции вообще.

Третья группа возражений, в форме самого ходового товара, была представлена в виде теории, которая должна была доказать, что пролетариат вообще не может взять власть, поскольку он является арифметическим меньшинством населения. Взятие власти, диктатура пролетариата, захват власти политической партией рабочего класса, строительство социализма, переход от капиталистического общества к социалистическому, предполагает обязательно, по мнению этих критиков—социал-демократов, большинство, принадлежащее пролетариату. Этот вопрос очень подробно обсуждался в большевистской литературе и останавливаться на нем здесь едва ли есть необходимость. В частности широко известны аргументы, которые в этом вопросе направлял против Каутского тов. Ленин.

«...Главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай: мелкобуржуазных демократов) II Интернационала,—писал Ленин,—состоит в непонимании ими того, что государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и мелкобуржуазных партий» [1]). Вполне возможно такое конкретное сочетание общественных сил, когда пролетарское меньшинство населения может руководить массой мелкой буржуазии. С другой стороны, возможно и такое аристократическое перерождение известных слоев пролетариата, имеющего большинство в стране, когда пролетарская революция крайне затруднена [2]). Таким образом, только шаблонное, вульгарное, неконкретное, недиалектическое отношение к вопросу может привести к социал-демократическому взгляду на невозможность переворота при пролетарском меньшинстве.

Оригинальный вариант теории о незрелости самого пролетариата представляет точка зрения А. Богданова. У Богданова имеется, как известно, особая теория вызревания социалистических элементов в недрах капиталистического общества. Согласно этой теории дело обстоит так, что только тогда рабочий класс может поставить перед собой задачу завоевания власти для социалистического строительства, когда он будет уже иметь в своем распоряжении подготовленный кадр людей, могущих решать самые сложные задачи социалистического строительства. Аргументация Богданова довольно проста. Он берет, скажем, такой вопрос, как вопрос плана, и говорит: построить план социалистического хозяйства есть задача колоссально сложная. А если поставить задачу мировой организации социалистического общества, то трудность возрастет неизмеримо. Преодолеть эту трудность без соответствующих культурно-организационных предпосылок невозможно. А так как этих предпосылок еще нет налицо, то, само собой разумеется, невозможна и постановка на очередь дня самой задачи социалистического строительства.

В виду особой оригинальности позиции А. А. Богданова, приведем наиболее характерные места полностью. На стр. 38 своей брошюры «Вопросы социализма» автор пишет:

«Планомерная организация человечества предполагает обобщение и обобществление организационного опыта, его кристаллизацию в научной форме. Если этого нет, значит—еще не назрели исторические условия для решения задачи. Оно невозможно, как невозможна была бы система машинного производства без естественных и технических наук, обобщающих и обобществляющих технический опыт».

И далее, на стр. 68:

«Культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть факт основной и несомненный, который надо честно признать, и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего. Культура класса—это вся совокупность его организационных форм и методов. Если так, то какой злой иронией или каким детским неразумием представляются проекты немедленно навязать пролетариату дело самого радикального, невиданно-сложного и трудного во всей истории организационного переустройства в мировом масштабе! И это тогда, когда так часто на наших глазах распадаются и рассыпаются—нередко даже не от внешних ударов—его собственные организации».

В известном смысле не менее интересную точку зрения и очень близко стоящую к позиции А. Богданова развивал в те годы В. Базаров. Базаров исходит, примерно, из тех же предпосылок, что и Богданов, но более конкретно и отчетливо формулирует свои выводы. На этих выводах, минуя их аргументацию, общий характер которой только-что отмечен, и следует остановиться. Вот как они формулированы автором. Анализируя западноевропейские формы государственного капитализма, В. Базаров умозаключает:

«В виду всего сказанного выше, нам представляется совершенно невероятным, чтобы рабочая партия в сколько-нибудь близком будущем смогла использовать эту новую форму буржуазного строя, как орудие для создания подлинно-социалистического, свободно-планомерного хозяйства. Единственно доступной для нее в данных условиях задачей является задача, формулированная германскими оппортунистами: превращения хозяйства, основанного на извлечении прибыли, «в государственную хозяйственную организацию, рассчитанную на обслуживание потребления», в «Bedarfsdeckungswirtschaft», как гласит неуклюжий термин новейшего изобретения» [1]).

[1]) Ленин, «Выборы в Учр. собрание и диктатура пролетариата». Собр. соч., том XVI, стр. 447.

[2]) См. по этому поводу замечательно интересные соображения у Ленина,—«Ленинск. Сборник», III, 493—494.

[1]) Базаров, В. (Руднев), «На пути к социализму». Харьков, изд. 1-ое, 1919 г., стр. 21—22.

Сделав поправку против оппортунистов в смысле необходимости *международного характера этой организации — госкапитализма*, автор приходит к такому итоговому выводу:

...«Дело идет здесь об очень обширной и сложной организации. Но так как она нисколько не порывает с основами принудительной, буржуазно-демократической государственности, так как с другой стороны, общие контуры этой организации уже начинают вырисовываться в стихийных процессах переживаемого нами времени,—то здесь перед современной демократией встает проблема, которую нельзя признать принципиально для нее непосильной. От того, сумеет ли пролетариат проявить надлежащую инициативу и сплотить вокруг себя прочие демократические элементы, заинтересованные в успешном разрешении указанной задачи, *зависит ход всемирной истории в течение ряда ближайших 10-летий, а может быть, и столетий*» [1]).

Словом, этот базаровский аргумент от некультурности рабочего гласит: дай бог нам, по следам германских оппортунистов, поддерживать государственно-капиталистические организации, заправилами которых является буржуазия; где уж там социализм строить! На десятилетия, а то и на целые столетия, пролетариату придется удовольствоваться весьма остроумным занятием: поддерживать капиталистический строй в его самом концентрированном виде [2]).

Богдановско-базаровская «теория» культурно-организационного вызревания пролетариата в лоне капиталистических отношений насквозь неверна, противоречит основным фактам развития рабочего класса, насквозь идеалистична. Она неверна потому, что предполагает возможность для пролетариата, класса эксплоатируемого, угнетенного экономически, политически и культурно, «созреть» в рамках капитализма настолько, чтобы сразу оказаться готовым управлять всем обществом и иметь в своих рядах силы, решающие самые сложные задачи строительного периода. Богданов и Базаров не понимают всей принципиальной разницы между пролетарской и буржуазной революцией, между вызреванием капитализма в рамках феодального строя и вызреванием социализма в рамках строя капиталистического. По этому поводу мы в свое время писали:

«В рамках капиталистического строя пролетариат создает гениальнейшие намеки грядущей культуры, замечательные возможности дальнейшего культурного развития человечества; но в этих рамках он, культурно угнетенный класс, не может развить их настолько, чтобы подготовить себя к организации всего общества.

Он успевает подготовить себя к «разрушению старого мира». «Переделывает свою природу» и вызревает он, как организатор общества, *лишь в период своей диктатуры*» [3]).

Теория Богданова—Базарова неверна, следовательно, и потому, что она пред'являет слишком большие требования для

---

[1]) Ibid., 22.

[2]) Считаем нужным напомнить читателю, что такая характеристика базаровской точки зрения имеет в виду только соответствующий период времени.

[3]) См. Н. Бухарин: «Буржуазная революция и революция пролетарская». Сборник «Атака», стр. 232, 1-го издания.

захвата власти, и потому, что она не понимает значения переходного периода, *как периода культурного вызревания пролетариата*. Если бы основания богдановской теории были верны, то задача пролетарской революции была бы так же неразрешима *вообще*, как задача квадратуры круга или perpetuum mobile.

В таких формах выражалась критика большевизма по вопросу относительно зрелости международного капитализма, относительно зрелости мирового хозяйства. Что же касается самого большевизма, то в этом отношении он был един и монолитен: внутри нашей партии по *этому* вопросу, по вопросу о зрелости капиталистических отношений мирового хозяйства, никогда никаких разногласий не было. Все оттенки, все течения, все направления внутри нашей партии по отношению к этому вопросу не высказывали скептицизма, ни одно выступление из среды большевиков не оспаривало положения о зрелости капитализма для социалистического переворота в международном масштабе, в первую очередь, в так называемых передовых странах Европы.

Но совсем иначе обстоит дело, если мы возьмем *другой вопрос, именно вопрос о зрелости капиталистических отношений в России*: ответ на этот вопрос уже звучит разноречиво не только тогда, когда мы берем различие между большевиками и социал-демократами, эсерами и др. соглашательскими партиями; этот вопрос ставился по-разному и по-разному решался *и внутри нашей собственной партии*. И теперь он ставится тоже по-разному. Ибо вопрос о возможности построения социализма в нашей стране, есть не что иное, как вопрос о *характере нашей революции*. В такой формулировке он подымался уже не однажды.

Здесь точно так же будет не безынтересно и совсем не бесполезно предварительно выслушать и мнения противников из *социал-демократического лагеря*.

Застрельщиком в борьбе против большевиков вокруг вопроса о *характере нашей революции* выступил, сперва очень мягко, потом по-ренегатски, и, наконец, совершенно, как контрреволюционер, известный папа социал-демократии, *Карл Каутский*. В ранних своих брошюрах он выступал сравнительно умеренно. Например, даже в брошюре, против которой полемизировал т. Ленин, Каутский еще был на грани приличия, но и тогда он служил об'ективно роль лакейского идеологического подпевалы буржуазии [1]). В своих работах Каутский ставил вопрос о харак-

---

[1]) В этом отношении крайне интересен один отзыв, данный небезызвестным доктором *Паулем Шиманом* в брошюре, которая была издана «Генеральным секретариатом лиги для изучения и борьбы с большевизмом» и которая носит совершенно специфическое название: «Азиатизация Европы». Этот Пауль Шиман пишет по поводу выступления Каутского буквально следующее: «Самым лучшим (по-немецки сказано еще сильнее: «das weitaus Beste») и самым убедительным, что с социально-политической точки зрения было написано о большевизме, является брошюра Каутского «О диктатуре пролетариата» (8). А *почему* это «самое лучшее и убедительное», Шиман подкрепляет своей оценкой большевизма. Он пишет по поводу большевизма: «Духовная смерть, внутреннее окостенение человечества, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы». (Paul Schiemann: Die Asiatisierung Europas, 1919, s. s. 8, 9.).

тере нашей революции довольно точно, ясно и определенно. В об'емистой книге, носящей название «Пролетарская революция и ее программа», он прямо заявляет, что наша революция имеет в себе типичные черты революции буржуазной. С ней, собственно говоря, иначе и быть не может, так как эта революция происходит в стране, капиталистическая незрелость которой—факт общепризнанный. Еще у Маркса сказано,—повествует старый начетчик,—что никакое новое общество не может родиться раньше, чем старое не разовьет всех своих производительных возможностей. А, стало быть, и социализм невозможен, раз предыдущая стадия общественного развития не закончена, раз старое общество еще не исчерпало себя до конца. Вооружившись так, он лихо начинает прямую атаку против большевиков, которые, с его точки зрения, очень увлеклись ролью повивальной бабки, но выполняют ее крайне неуклюже, ибо понукают родильницу разрешиться от бремени гораздо раньше, чем это ей полагается по законам природы. В сущности, большевики вовсе не акушеры, а просто шарлатаны-знахари, которые только рекламируют себя, как прошедших курс обучения в школе революционного акушерства, в школе Маркса. В действительности они к ней (школе Маркса) никакого касательства не имеют. У матушки-Руси вовсе не роды социализма: она просто об'ект экспериментов со стороны большевистских мошенников.

Словом, капитализм в России отсталый, недозрелый, а потому не здесь и социализм нужно строить,—так наставительно заключает одна из энциклик социал-соглашательского папы [1]).

На ряду с папой-Каутским необходимо рассмотреть точку зрения, занимаемую по данному вопросу О т т о Б а у э р о м, который по справедливости, может быть почтен за прелата социал-соглашательства. Нужно сказать, что прелат оказался куда обделистее и изворотливее папы: точка зрения О. Бауэра и хитрее, и остроумнее позиции Каутского.

Его постановка вопроса такова. Он ни капли не отрицает, что в России—диктатура рабочего класса. Он ни капли не отрицает, что наша партия взяла власть, как партия городского рабочего класса. Он говорит, что диктатура пролетариата у нас, правда, в других формах, чем в Западной Европе, но она необходима и она е с т ь. В Западной Европе она была бы в форме демократии, а в России она приобрела совершенно особую форму, форму «п р о л е т а р с к о г о д е с п о т и з м а». У нас «деспотизм», но все же п р о л е т а р с к и й. Но долго он не может удержаться. Его историческая задача заключается в том, чтобы всеми правдами и неправдами пробудить к культурной жизни большинство населения нашей страны; а большинство населения—это и есть м у ж и к. Пробуждая к культурной жизни крестьянские миллионы, «пролетарский деспотизм» (диктатура пролетариата) своими собственными руками растит ту политическую силу, которая его столкнет. Как только этого крестьянина достаточно взрастит диктатура пролетарского меньшинства, так сейчас же он скажет: «Убирайся!» Тем самым будет выполнена историческая миссия «пролетарского деспотизма», и тогда наш народ дозреет до настоящей демократии.

[1]) См. K a r l K a u t s k y: «Die proletarische Revolution und ihr Programm». Verl. Dietz. 2 Aufl. s. s. 78, 90.

Две следующие цитаты достаточно характеризуют позицию Бауэра. Он пишет: «В России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить свое господство т о л ь к о в р е м е н н о. Он должен неизбежно (muss) вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки» [1]). «Временное господство индустриального социализма в аграрной России есть только пламя, которое призывает пролетариат индустриального Запада к борьбе. Только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индустриального Запада можно обеспечить длительное господство индустриального социализма» [2]).

За исключением Каутского и Бауэра некоторый интерес представляет еще позиция П а р в у с а и Ш т р ё б е л я. Брошюра первого («Рабочий социализм и мировая революция—письма к немецким рабочим») содержит столько клеветы на нашу революцию, что более подлое произведение едва ли можно встретить: перлы лжи Каутского ничто в сравнении с махинациями обделистого Парвуса. Даже свою позицию 1905 года он излагает так, как будто он вовсе не говорил о социалистической революции, а говорил лишь о рабочей демократии в стиле демократии... австралийской! Разумеется, всякому понятно, что здесь налицо желание вымолить у буржуазного общественного мнения Европы извинение за грешки далекой юности,—для этого и понадобился г. Парвусу австралийский плащ.

Наша революция с точки зрения этого подлейшего из ренегатов не больше, не меньше как о к к у п а ц и я с т р а н ы д е з е р т и р о в а в ш е й с о л д а т с к о й ч е р н ь ю.

«Для осуществления социализма нужна определенная степень развития индустрии и зрелость рабочего класса» [3]). Ни того, ни другого в России нет и в помине, а потому нет для нее и возможности осуществления социалистической революции, возможности строительства социализма. Историческая миссия большевиков—послужить мостом, по которому к власти придет какой-нибудь цезарь, бонапарт или кто-нибудь другой, но в том же роде. Таков клеветнический «итог», который подводит нашей революции разудалый купчик-Парвус, не раз пытавший счастье сбыть подмоченный товаришко на нашем политическом базаре.

Что касается последнего упоминаемого нами автора, Ш т р ё б е л я, то он попытался свои взгляды на нашу революцию развить в целую теоретическую «систему».

В брошюре, носящей характерное название «Не насилие, а организация», Штрёбель, рассуждая о «сущности русской революции», заявляет, что было бы совершенным вздором говорить о коммунистической пролетарской революции, ибо основным фактом нашей революции является укрепление частной собственности крестьянина, а укрепление частной собственности крестьянина и есть то, что все решает, что определяет х а р а к т е р этой революции. Кто этого не понимает, тот не марксист, тот «ком-

[1]) O t t o B a u e r, «Bolschewismus oder Sozialdemokratie». 3 Aufl. Wien. 1921, s. 7.

[2]) Ibidem. Здесь не трудно подметить удивительное сходство позиции Бауэра со взглядами тов. Троцкого. Но об этом ниже.

[3]) P a r v u s, «Der Arbeitersozialismus und die Weltrevolution. Brife an die deutschen Arbeiter». Berlin. 1919, s. 15.

народник»,—выражаясь современным языком и т. д. В итоге Штрёбель и сводит большевизм к бакунизму.

«Если большевики и воображали,—пишет Г. Штрёб[illegible] что русских крестьян можно пропагандой (Zureden) и прину[illegible] завоевать на сторону действительного коммунизма и комму[illegible]ческого способа производства, то они доказывали лишь [illegible] что они обретаются в плену типичных представлений [illegible] русского революционаризма, которые составляют специфи[illegible] сущность бакунизма [1]).

Крестьяне... представляют, по крайней мере, семь восьмых всего населения Советской России. Вес их числа и их хозяйственного значения решает в конце концов судьбу революции вообще! Сколько фантастики и сколько фанатической веры в чудеса нужно в таких условиях иметь, чтобы считать русскую революцию за революцию коммунистическую по ее внутреннему характеру и по ее конечному результату!» [2]).

Не социализм строят русские большевики, а унавоживают почву для расцвета нового капиталистического строя,—таков итог анализа нашей революции, данного международной социал-демократией. В России—незрелые капиталистические отношения, это—полуазиатская страна, соответствующие классовые отношения которой находят свое выражение в колоссальном числовом перевесе крестьянства; пролетариат плавает, как муха, в крестьянском молоке, и этот пролетариат-муха, поставленный перед слоном-крестьянином, не может проделать никакой коммунистической революции. Гиря крестьянства тянет все сильнее, эта гиря и решает вопрос о характере русской революции. И какие бы маскарадные костюмы ни надевали на себя активные деятели русской революции, какие бы лозунги ни выдвигали, что бы ни придумывали—все равно: в конце концов, так или этак, вопрос будет решать крестьянство. Единственный смысл всей революции есть укрепление частной собственности крестьянства. Об'ективный смысл крестьянской революции есть не что иное, как раскрепощение крестьянства от феодальных пут. Это и определяет буржуазный характер русской революции. Таков «отзыв» международной социал-демократии.

Теперь не лишне будет взглянуть на наших соотечественников, русских меньшевиков. Они рассуждали тоже, примерно, так, как рассуждали их западно-европейские коллеги. Возьмем такого классика русского меньшевизма, как Георгий Валентинович Плеханов, который теоретически был наиболее последовательным. В свойственном ему стиле, с «книжной простотой» оценивая характер нашей революции, он писал: «Маркс прямо говорит, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил. Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, т.-е., что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему. Россия страдает не только от

[1]) Heinrich Ströbel, «Nicht Gewalt, sondern Organisation». Berlin. 1921. Verl. „Der Firn", s. 12.

[2]) Ibidem, s. 13.

того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недо[illegible]статочно развит капиталистический способ производства. И эт[illegible] неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из [illegible] людей, называющих себя марксистами» [1]). А в открытом [illegible] петроградским рабочим от 28 октября 1917 г. Г. В. [illegible]ханов приводил и другие аргументы. Он писал: «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать [illegible]ктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. [illegible]ого не станет оспаривать ни один серьезный социалист» [2]).

Или вот мнение по этому же вопросу уже упоминавшегося П. П. Маслова, бывшего в то время ортодоксальным меньшевиком: «Рабочий класс в России не может взять на себя организацию производства, потому что он представляет собою меньшинство населения страны. Другие классы даже численно значительно преобладают» [3]). Или, в другом месте: «Происходящая революция, будучи буржуазной революцией, т.-е. сохраняющей все основы капиталистического строя, может вместе с тем быть—и неизбежно будет—социальной революцией, которая повлечет значительный сдвиг экономических отношений не в сфере организации производства, а в сфере распределения национальных доходов между разными классами» (т.-е. рабочие будут немножко больше получать, а крестьяне будут немножко меньше облагаться налогами и т. д.) [4]).

Так писали столпы меньшевизма, лучшие меньшевистские идеологи, еще в начале революции, давая характеристику этой революции, как революции необходимо и неизбежно буржуазной.

Отсюда понятно, что по мере того, как все дальше и дальше шла развязка событий, как все прочнее и прочнее становилась власть большевиков, как все тверже и тверже чувствовал себя авангард пролетарской диктатуры, в конце концов должна была зазвучать — и, действительно, все настойчивее и настойчивее стала звучать—нотка о неизбежности большевистского перерождения.

Если сначала резче и громче звучала нота о неизбежной неудаче, о гибели большевиков, то во второй период, поскольку большевики уже закрепились у власти, все громче и громче зазвучало другое: большевики удерживаются, но большевики уже не те; большевики укрепляются, но они перерождаются под влиянием крестьянской стихии. Иначе и быть не могло: кто признает буржуазный характер за нашей революцией, тот, естественно, **до** укрепления советов, должен был вопить о неизбежной неудаче пролетарского переворота, а **после** укрепления неизбежно должен был заговорить о перерождении.

Эту нотку необыкновенно хорошо выразил Далин, один из видных меньшевиков вообще, один из теоретиков вымирающего меньшевизма—в частности. В своей книге «После войн и революций» он пишет: «Нужно понять смысл событий, нужно

[1]) Г. В. Плеханов. «Год на родине». Полное собрание статей и речей 1917—1918 гг. в двух томах. Изд. Поволоцкого и К°. Париж. 1921. Т. I, стр. 26

[2]) Ibidem, т. II, стр. 246.

[3]) П. Маслов, l. c., стр. 143.

[4]) Ibidem, 142

сорвать маскарадные одежды. Нужно смыть краски и белила: судить не по словам, а по делам; не по намерениям, а по итогам. Нужно понять об'ективный смысл революции» [1]). А этот «об'ективный» смысл революции вот в чем: «Та революция, которую переживает Россия вот уже пятый год (писано в 1922 году. *Н. Б.*), с самого начала была и остается до самого конца буржуазной революцией [2]). Ставится вопрос: «Почему таков итог коммунистической революции?» И дается ответ: «Потому, что интересы крестьянства решали судьбу всей политики» [3]).

В этом же отношении интересна позиция уже цитировавшегося нами Либера, этого махрового правого меньшевика. Вот что писал Либер в той же своей брошюре, обобщая свои мысли о невозможности социализма в России: «...Для нас, «не переучившихся» социалистов, не подлежит сомнению то, что социализм, прежде всего, может быть осуществлен в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития—Германия, Англия и Америка—вот те страны, в которых прежде всего есть основание для очень крупных победных социалистических движений (это в Америке-то «прежде всего» «есть основания для очень крупных победных социалистических движений»! *Н. Б.*). Между тем, с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против первых марксистов» [4]). Значит, большевизм это есть народническая теория, в борьбе с которой развивался русский марксизм. (Как тут не вспомнить «новейшие» упреки в «комнародничестве»!). Но и этого недостаточно нашему «мыслителю». Нужна еще более компрометирующая марка для представителей большевизма. Народников г. Либеру маловато. Поэтому он «углубляет» постановку вопроса и пишет: «Эта теория (большевистская теория. *Н. Б.*) очень старая; корни ее—в славянофильстве» [5]).

Своеобразно, но в том же основном стиле решал вопрос о характере нашей революции А. Богданов. Большевики захватили власть, использовав слабость буржуазии после войны, которая (буржуазия) обанкротилась. Захват власти, осуществленный

[1]) Д. Далин, «После войн и революций». Изд. «Грани». Берлин. 1922 г. Стр. 10.

[2]) Ibidem, стр. 7.

[3]) Ibidem, стр. 13.

[4]) М. И. Либер, l. c., стр. 16.

[5]) М. И. Либер, l. c., стр. 17. Читатель видит, что г. Либер искажает большевистскую постановку вопроса, смешивая вопрос о том, кто раньше „начал“, с вопросом о высоте типа революции. Империалистический фронт был прорван у нас раньше, и пролетариат захватил власть раньше, что в значительной мере обусловливалось слабостью российской буржуазии. С другой стороны, строить нам труднее из-за технико-экономической отсталости страны. Все это не раз раз'яснялось в большевистской литературе. Отметим также, что „новейшие“ рассуждения о „национальной ограниченности“ имели своих славных предшественников в рассуждениях Штрёбеля, Либера и К⁰. „Славянофильство“ большевиков—это даже будет покрепче! Если г. Либер зачисляет большевиков в лоно славянофилов, то г. Чернов обвиняет нас в плагиировании идей т. н. „максималистов“. „Русские народники-максималисты пророчески предвосхитили в своих фантазиях едвали не все крупнейшие большевистские эксперименты“ (В. Чернов, «Конструктивный социализм». Т. I. Прага, стр. 162).

при помощи солдатчины, ни в какой мере не является началом социалистической революции: пролетариат еще не дозрел до социализма, а крестьян—большинство. Поэтому-то государство, которое создают большевики, отнюдь не есть государство пролетариата. Это государство техническо-организаторского слоя, интеллигенции, которая сложилась теперь, как класс. Если даже в суб'ективные намерения большевиков и не входило создание такой власти, то об'ективно их роль сводится к строительству оригинального государства, во главе которого стоит новый класс, окончательно сконсолидировавшийся в огне революции. Подвергаясь чиновничьему, бюрократическому перерождению, выходцы из пролетариата сами превращаются в составные части этого нового класса. Об'ективная невозможность социализма и здесь сказала свое решающее слово, вопреки суб'ективным иллюзиям самих агентов революционного процесса.

Заслуживает быть отмеченным, что и Базаров, который не раз выступал литературным близнецом Богданова, не мог согласиться на признание социалистического характера нашей революции. В качестве социалистической наша революция выступает, по его словам, лишь в большевистских декларациях, в действительности же целая пропасть разделяет эти декларации и действительность, пропасть, на заваливание которой у пролетариата уйдет не одна сотенка лет [1]).

Такова в общем оценка нашей революции в том виде, как она дается русским оппортунистическим социализмом, в первую очередь, меньшевиками. Она сводится к тому, что у нас не созрели капиталистические отношения; что в стране соотношение сил в высшей степени неблагоприятно для пролетариата; что характер русской революции определяется крестьянством; что тем или иным путем, через партию большевиков, или помимо этой партии, по ее инициативе или против ее воли, с сохранением ее у власти и перерождением, или с ниспровержением ее,—прокладывает себе дорогу новый капитализм, опирающийся на крестьянское большинство нашего населения. Такова социал-демократическая теория по вопросу о характере нашей революции, или, что то же самое, о возможности построения социализма в нашей стране.

Этим исчерпана критика большевизма по данному вопросу, исходящая из небольшевистских рядов. Очередь за критикой, идущей из тех групп и направлений, которые находятся внутри нашей партии.

Просмотр критиков этой последней категории целесообразнее всего начать с т. Троцкого, тем более, что критика Троцкого столь назойлива и криклива, что буквально у всех в зубах навязла. Здесь достаточно лишь напомнить два места, неоднократно приводившиеся в литературе, привести их с тем, чтобы сделать кое-какие сопоставления с критиками, только что разбиравшимися. Вот эти места из работ Троцкого: «Для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебное столкновение не только

[1]) См. Базаров, l. c.

со всеми группировками буржуазии... но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. Взорвав в силу исторической необходимости ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т.-е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой»[1]).

Это первое место из работ Троцкого, относящихся к 1922 г. (!).

А вот второе место: «Без прямой государственной поддержки (курсив наш. *Н. Б.*) европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты»[2]). Если дать себе труд сравнить то, что говорит здесь т. Троцкий, с тем, что говорил социал-демократ О. Бауэр,—то невольно отмечается необычайная близость, если не сказать полное совпадение этих точек зрения. Если т. Троцкий в 1922 г. не отрицал в России наличия пролетарской диктатуры, то и для хитрого Бауэра эта диктатура—тоже факт. Но с другой стороны, если хитрый прелат социал-демократического папского престола осторожненько вводит маленькое ограничение: диктатура-то пролетарская, но весьма и весьма недолговечная, и прочность ее стоит в прямой зависимости от государственной помощи западного пролетариата,—то и трибун революции Троцкий ни на йоту не отступает от Бауэра: он тоже (очевидно из боязни впасть в грех национальной ограниченности) не допускает и мысли, что без прямой государственной поддержки российский пролетариат обеспечит переход своего временного господства в длительную социалистическую диктатуру.

Как ни хитри, как ни верти, а сходство, скромно выражаясь, бьет в нос. Позиция Троцкого в вопросе о возможности построения социализма в нашей стране (или—что то же самое—в вопросе о характере нашей революции) есть не больше, не меньше, как русский перевод бауэровского социал-демократического варианта. Вот почему и оказался возможным тот факт, что в борьбе с ленинским ЦК русских большевиков т. Троцкий очутился в одной компании с приобретшим ныне печальную известность ренегатом Коршем и его друзьями. Ведь сей почтенный муж проповедью крестового похода на русскую революцию искупляющий свои грехи коммунистического падения, тоже узрел, осененный благодатью Каутского, буржуазно-крестьянский характер нашей революции и теперь вещает, что русские большевики взращивают ростки нового, американского типа, капитализма. Что же тут удивительного? Раз нет пролетарской государственной помощи с Запада, немудрено, что пролетарская диктатура начинает превращаться в «далеко не пролетарскую»; немудрено,

[1]) Предисловие к книге „1905 г.". 1922 г.

[2]) Л. Троцкий, «Наша революция», цит. по кн. Бухарина «К вопросу о троцкизме». ГИЗ, 1925, стр. 114.

что она «сползает» с классовых рельс. Это ведь элементарно-простой вывод из бауэровско-троцкистских посылок...

Покончив на этом с Троцким, мы должны разобрать весьма своеобразный вариант «дружественной» критики ленинской точки зрения на характер нашей революции: мы имеем в виду критику Ленина со стороны тт. Зиновьева, Каменева и др. в период Октябрьской революции; своеобразие этой критики сказалось в том, что указанные товарищи противопоставляли Ленину не только свою теоретическую «линию», но выставили «по-дружески» и политическую контрплатформу. Но предварительно необходимо остановиться на критике ленинской точки зрения, которую (критику) давал Каменев на апрельской конференции 1917 г. Это сделать совершенно необходимо, ибо апрельская позиция Каменева, выявленная особенно четко в его содокладе на Всероссийской конференции, является идейным истоком и теоретическим обоснованием всей дезертирской октябрьской линии названных товарищей.

На апрельской конференции в докладе Ленина и содокладе Каменева ставился вопрос о характере начавшейся революции, о тех классах, которые могут быть и являются ее движущими силами. Конференция, намечавшая линию поведения партии на ближайший период,—а период этот был периодом развертывания революции,—не могла не ответить на вопрос, какая же революция развертывается, только буржуазная или же перерастающая в социалистическую. И докладчик (Ленин) и содокладчик (Каменев) этот вопрос ставят и на него отвечают. При этом Ленин задачу будущего, и будущего ближайшего, будущего ближайших месяцев, видит в том, чтобы «сделать первые конкретные шаги к этому переходу» (т.-е. переходу на рельсы социалистической революции). Для Каменева же думать, подобно Ленину, что «эта революция не буржуазно-демократическая, что она приближается к социалистической»,—думать так—значит впадать в «величайшее заблуждение». «Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок (между рабочим классом и мелкой буржуазией. *Н. Б.*) не мог бы существовать, и перед ним никаких определенных задач не было бы, а пролетариат вел бы революционную борьбу против мелко-буржуазного блока. Совместная работа в этот момент была бы совершенно невозможна. И, однако, мы признаем... советы, как центры организации сил, следовательно, признаем, что есть задачи, которые могут быть выполнены союзом рабочих и крестьян. Значит буржуазная революция еще не закончилась, еще не изжила себя, и я думаю, что все вы должны признать, что при полном окончании этой революции власть действительно перешла бы в руки пролетариата. Вот тогда бы наступил момент разрыва блока пролетариата с мелкой буржуазией и самостоятельное осуществление самим пролетариатом своих пролетарских целей. Я думаю, что должна быть одна из двух тактик: или перед пролетариатом стоят задачи, которые могут быть осуществлены только пролетариатом, и ни одна из общественных групп ему помочь не может,—и тогда мы разрываем блок и идем на осуществление тех идей, которые должны быть выполнены пролетариатом; или мы считаем, по условиям текущего момента, блок жизненным, имеющим будущее,—и тогда мы в этом блоке участвуем и строим нашу так-

тику так, чтобы этот блок не разорвать. Поэтому я говорю, что пролетарская партия должна выделиться в этом блоке и наметить ясно и точно свои собственные, чисто-социалистически-интернациональные цели. Мы идем с блоком и еще можем сделать совместно с ним несколько шагов. Я хочу, чтобы пролетарская партия действительно поступила так» [1]).

Здесь попутно разрешается и другой вопрос (вернее другая сторона той же проблемы), вопрос о роли *крестьянства в пролетарской революции*, вопрос о том, может ли еще крестьянство быть использовано в качестве силы, способной *помогать* революции. Точка зрения Каменева здесь тоже ясна: ни о какой пролетарской диктатуре, которая бы шла вместе с крестьянством, не может быть и речи; ни о какой диктатуре рабочего класса, где пролетариат занялся бы строительством социализма вместе с крестьянством, *руководя* этим последним, не может быть и речи. Каменеву, наоборот, момент взятия власти пролетариатом, момент, с которого пролетариат может приступить к фактическому строительству социализма, представляется именно моментом разрыва блока с крестьянством. Не союз с крестьянством, а *только* борьба, и борьба непримиримая—вот что мерещилось Каменеву в начале революции.

Само собой понятно, что этот теоретический анализ нашей революции, эта оценка ее движущих сил и соотношений между рабочим классом и крестьянством, это утверждение невозможности рабоче-крестьянского блока при пролетарской диктатуре и т. д.—целиком и полностью *определили позицию т. Каменева и его соратников в октябрьские дни*. Каменев, оказавшись в оппозиции Ленину и большинству ЦК в октябрьские дни, в качестве последовательного человека, делал практические выводы из своей теории, развивавшейся им, в противовес теории Ленина, на апрельской конференции. Другие, шедшие с ним, с последовательностью или без оной, тоже ничего иного не делали, как выводили следствия из первой «дружеской» попытки теоретической ревизии ленинизма. Ведь в самом же деле, если взятие власти пролетариатом означает обязательное столкновение с крестьянством, то нельзя принимать участие в правительстве диктатуры пролетариата, нельзя звать пролетариат на восстание, ибо разгром его предусмотреть можно с астрономической точностью. Отсюда и письма против восстания, отсюда и выходы из ЦК, и СНК.

Действительно, посмотрите, что составляет лейт-мотив всех и всяческих документов, «обосновывавших» и «об'яснявших» эти безобразные выходы и уходы, этот срыв партийной дисциплины, это бегство с поля битвы. Вот документ, подписанный, между прочим, и тов. Шляпниковым: «Мы стоим,—говорится в нем,—на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий» (тогда под советскими партиями разумелись не те, которые стоят на «советской платформе», а те, которые тогда входили в состав советов, т.-е., большевики, меньшевики и с.-р. *Н. Б.*). «Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной

[1]) Петроградская общегородская и всероссийск. конференция Р.С.-Д.Р.П.(б) в апреле 1917 г. ГИЗ, 1925, стр. 53.

армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: *сохранение чисто-большевистского правительства средствами политического террора*. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет *к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны*. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК'ом звание народных комиссаров» [1]).

Вот коротенькая, но красноречивая цитата из длинного письма Зиновьева, Каменева и других: «Мы уходим из Центрального Комитета,—пишут они,—в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим, потому что мы не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата» [2]).

Само собой разумеется, что эти политические выводы взяты не с потолка; нет, они совершенно «правильно» сделаны, как следствия определенной точки зрения, характеризующей нашу революцию. В самом деле, раз у нас буржуазная революция еще далеко не закончена и еще не перерастает в социалистическую (а это потому, что пролетариат у нас слаб, а большинство населения страны—крестьянство—не может быть использовано в качестве силы, хотя бы только содействующей пролетарской революции), то, стало быть, и диктатура пролетариата—в данных условиях—задача неосуществимая, затея несбыточная и опасная. Конечно, можно *заставить* партию, очертя голову, броситься в эту авантюру, но путного из этого, как и из всякой авантюры, ничего не выйдет: партию ждет или немедленный разгром, или неминуемая гибель по истечении короткого срока ее господства. Иначе и быть не может: ведь, даже и закрепившись у власти, она это положение сможет обеспечить не иначе, как голым насилием, штыком диктатуры, а позиция на штыке и непрочная и малоудобная. Партия в таком положении не сможет предотвратить свой собственный отрыв от пролетариата, благодаря этому отрыву сузит круг революционных сил до своих собственных пределов, и, выявив, вопреки своим собственным желаниям, неразумность, бессмыслицу, недейственность своего шага, отдаст революцию на поток и разграбление.

Тут не лишне будет отметить, что среди этих первых выводов из теории *неверия* в возможность у нас социалистической революции, теории *недоверия* к силам нашего пролетариата и недооценки крестьянства, уже звучат нотки, которые потом из раза в раз будут повторяться при каждой вспышке оппозиционных настроений. Пролетариат слаб, помощи ждать неоткуда—не со стороны же деревни!—куда же думать о построении социализма?! Попытки этого построения обречены на неудачу,—они обязательно будут вырождаться в свою противоположность; упорство в их проведении приведет лишь к вырождению нового ре-

[1]) *Архив Революции* 1917 г. Октябрьский переворот. Факты и документы. Состав. Попов, под ред. Н. Рожкова. Петроград, 1918, изд. „Новая Эпоха", стр. 408.

[2]) *Архив Революции* 1917, стр. 409.

жима в безответственный режим бюрократического, аппаратного нажима, политического террора, к отрыву масс и в конце концов к вырождению самой партии. Словом, доброго из попыток большевиков строить социализм «в одной стране» ничего не выйдет, а другого сколько хочешь: пожалуй, и до «азиатского окостенения», о котором говорил упоминавшийся немецкий буржуа, Шиман, дело может дойти!..

Теперь позволительно сделать кое-какие выводы.

Прежде всего, сопоставление всех изложенных и разобранных выше точек зрения европейской социал-демократии, Богданова—Базарова, русских меньшевиков, Троцкого и Каменева—Зиновьева устанавливает их полное совпадение в основном: в вопросе о характере русской революции, в вопросе о соотношении внутренних сил русской революции, в вопросе о зрелости экономической структуры России с точки зрения возможности определенных социалистических достижений. В пределах этих вопросов можно говорить, нисколько не преувеличивая действительного сходства, о тождестве в основном всех этих перечисленных позиций. Само собой разумеется, что, указав на общность исходной позиции, мы не хотим тем самым указать и на одинаковость выводов, к которым приходили, отправляясь от нее, все перечисленные группировки. Нет, выводы делались разные: одни стали героями революции, другие—бились против революции, третьи болтались позорно в ногах. Справедливость требует отметить, что выводы не совпадали даже в пределах одной и той же группировки. Так, например, Плеханов отходил от своих друзей, отказываясь, как теперь уже известно, от попыток расправы с пролетарской, хотя и «преждевременной», но все же пролетарской, революцией. Выводы были различны и в пределах другой группировки: Троцкий в октябрьские дни делал одни выводы, идя в передовых шеренгах бойцов, Каменев—Зиновьев—другие. Троцкий рассчитывал: хотя в силу внутренних причин гибель и неизбежна, но, может быть, вывезет государственная помощь западного пролетариата. Поэтому: вперед! Каменев—Зиновьев соображали: именно потому, что гибель неизбежна по внутреннему сочетанию сил, нечего идти так быстро вперед: осади назад.

Выводы, повторяем, различны, а теоретическая подоснова (в смысле оценки движущих сил революции, в смысле подхода к оценке рабоче-крестьянского блока, в смысле решения вопроса о сочетании сил и о возможности для маленького рабочего класса вести за собой громадную крестьянскую махину; в смысле решения вопроса о неизбежности конфликта между этими силами; в смысле решения вопроса о характере русской революции, т.-е., о возможности социализма в нашей стране)—подоснова всего этого у них одна и та же. И эта «подоснова» настолько далека от ленинской постановки вопроса, что если и напоминает эту последнюю, то только по противоположности, но ни в коей мере не по сходству. Ленинская постановка вопроса о зрелости капитализма в России не так упрощенно-дубовата, как представляется многим умникам, критиковавшим Ленина. Ленин никогда не оспаривал утверждения, что материальных предпосылок для строительства социализма в России много, много меньше, чем в Западной Европе или в Сев. Америке. Но, с

другой стороны, по его мнению, ни в одной стране нет такого положения, что после захвата власти коммунистами социализм сразу рождается готовым со всех решительно сторон. В каждой стране, даже в самой развитой, даже в С.-А. С. Ш., будет такое положение вещей, что пройдет довольно большой исторический этап до тех пор, пока организация хозяйства охватит целиком весь народно-хозяйственный комплекс. Однако, Ленин считал, что и в отсталом хозяйстве России существует островок, который может послужить для начала социалистических операций. Это тем более, что внутри страны мы имеем особое сочетание «пролетарской революции с крестьянской войной», сочетание, которое Марксом считалось за наиболее благоприятное условие пролетарской победы. Особые условия рождения революции из империалистской войны, особое сочетание сил внутри страны, наличность известной материальной базы, как отправного пункта движения,— все это по совокупности дает почву для систематического продвижения вперед на рельсах социалистической революции. Нужно лишь тщательно укреплять социалистический сектор хозяйства, превратив его в базу для своих операций, и тогда, пользуясь им, как командной высотой, планомерно и без излишней поспешности, вести захват всей стихии хозяйства под социалистическое влияние.

После всего вышеизложенного не лишне будет поставить вопрос, какие должны быть сделаны выводы при последовательном применении этой точки зрения неверия в возможность построения социализма в наших условиях, точки зрения, общей и европейским социал-демократам, и Богданову—Базарову, и Троцкому, и Каменеву—Зиновьеву. Мимоходом мы уже касались этого; теперь необходимо подчеркнуть это еще более резко. Оказывается, что, будучи последовательно применяема, эта точка зрения неверия приводит к одному из двух возможных следующих положений: если нет победоносной международной рабочей революции, то большевики гибнут либо в результате их низвержения, либо они гибнут в результате своего собственного перерождения. Ничего другого быть не может. Потому что, если нет об'ективных предпосылок для социалистической революции, если пролетарская диктатура, как пролетарская диктатура, не может длительно существовать, то она может сохранить, в лучшем случае, свою форму, меняя свое содержание, т.-е. пролетарское государство должно становиться «далеко не пролетарским государством». Если в области социально-классовой у нас есть огромный перевес крестьянства, и если столкновение с ним неизбежно, то тогда неизбежно должно получиться перерождение (если мы «сохраняемся») нашего государства, которое делает все больше и больше, под давлением крестьянства, уступок этому крестьянству, идущему на поводу зажиточных слоев. Таким образом будет развиваться конкретная форма перерождения нашего государства, его «окулачивание». Другими словами: в тех оппортунистических предпосылках, которые были заложены еще летом 1917 г., целиком заключается идеология теперешней оппозиции, которая, исходя из факта нашего существования, толкует о тенденциях нашего перерождения. Теоретическая установка оппозиции неизбежно

влечет за собою такие выводы. Правда, эти выводы раньше оппозиционных коммунистов сделали социал-демократы, — в этом отношении можно было бы произведения Каутского назвать vade mecum всесоюзной коммунистической оппозиции, т.-е. спутником оппозиционного коммуниста. Но это обстоятельство лишь подчеркивает идейное отклонение нашей оппозиции от ленинизма. Если она говорит об «окулачивании», то Бауэр говорил то же самое гораздо раньше. Он и сейчас говорит, что в нашем хозяйстве есть много социалистических элементов; он считает и сейчас, что мы не совсем нерабочая партия; он «только» полагает, что мы начинаем пахнуть крестьянским духом, и такова, повидимому, наша неизбежная судьба. Пауль Леви в предисловии к одной антиленинской брошюре тов. Розы Люксембург (брошюре, которую он издал вопреки воле покойной революционерки) пишет то же самое. Далин пишет в своей книге, которую мы уже цитировали, что «суб'ективно» у нас была пролетарская революция, об'ективно же она есть не что иное, как буржуазная революция, ибо это революция—неизбежно крестьянская и т. д., и т. п. А другая теоретическая струя—Богданов и Базаров,—разве это не теория нашего неизбежного бюрократического перерождения, теория, с которой так носится теперь об'единенная оппозиция? Если социал-демократы подчеркивают в первую очередь крестьянскую сторону, то Богданов со всей решительностью подчеркивает вторую половинку процесса нашего «перерождения», а именно наше бюрократическое (техническо-интеллигентская бюрократия, каста «организаторов») вырождение. В речах некоторых оппозиционеров в Коммунистической Академии прозвучали нотки насчет «Кавеньяков». Но и эта глупость не оригинальна: она была давным давно «открыта» и Парвусом, и Каутским, и другими джентльменами, потому что эта компания не верит, что у нас возможна победоносная революция. А так как «проклятые большевики» не уходят со сцены, то остается одна возможность, одна надежда, одна светлая звезда: перерождение, бонапартизм, цезаризм и прочие «термидоры». Теория перерождения стоит целиком на плечах социал-демократических, богдановских, троцкистских и каменево-зиновьево-октябрьских предпосылок...

После этого исторического введения можно заняться тем же вопросом, но в той его особой постановке, какую он получил в литературной дискуссии с оппозицией. Мы переходим к вопросу о «строительстве социализма в одной стране». Целесообразнее всего взять ту формулировку, которая дана т. Зиновьевым, так как эта формулировка может быть рассматриваема, как своего рода официоз нашей оппозиции.

Тов. Зиновьев ставит вопрос таким образом. Он говорит, что нужно различать две вещи, а именно: «1) обеспеченную возможность строить социализм—такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может (!) мыслиться (!!) и в рамках одной страны и 2) окончательное построение и упрочение социализма...» [1]).

Вот какова постановка вопроса. Тов. Зиновьев в первую очередь ссылается на цитату из Ленина. На X с'езде Ленин говорил, что об окончательном успехе социалистической революции в России речь может итти «лишь при двух условиях»: 1) при условии поддержки со стороны революции в передовых странах и 2) при соглашении с большинством крестьянства.

[1]) Г. Зиновьев. «Ленинизм». ГИЗ. Ленинград. 1926, стр. 265.

Тов. Зиновьев приводит далее целый ряд цитат из Ленина, цитат, где Ленин утверждает, что «окончательная победа социализма в одной стране невозможна».

Нет никакого сомнения в том, что у Ленина можно найти чрезвычайно много цитат, которые следует обобщенно формулировать, как положение о невозможности окончательной победы социализма в одной и, именно, нашей стране; эта формулировка, в том ее понимании, которое противопоставляется нами зиновьевскому пониманию (о чем ниже), абсолютно правильна.

Прежде, чем перейти к ее толкованию, нужно, однако, сказать, что цитатам, приводимым Зиновьевым, можно противопоставить ряд других цитат, в том числе и таких, которые приводятся точно так же и в книге т. Зиновьева. Мы приведем три следующих цитаты, которые, формально-логически рассуждая, как будто бы противоречат тому тезису, на который в первую очередь опирается т. Зиновьев. А именно, у самого же т. Зиновьева, на странице 269 его книги, в связи с цитатой из Ленина о законе неравномерности капиталистического развития, приведено следующее рассуждение:

«Победивший пролетариат этой (вступившей на путь революции. *Н. Б.*) страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств».

Самое интересное в этой цитате, это мысль Ленина, что пролетариат не только победит, но и организует у себя социалистическое производство. Значит, здесь т. Ленин говорит о возможности организации социалистического производства, т.-е., если перевести это с иностранного на русский язык— о возможности построения социализма в одной стране.

Приведем другую цитату из статьи «О кооперации». Здесь т. Ленин пишет, что у нас есть «все необходимое для построения полного социалистического общества» [1]). И дальше: «это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» [2]). Итак, не подлежит сомнению, что т. Ленин безусловно считает возможным построение полного социалистического общества, т.-е. он считает возможным не только попытки строительства но и построение социализма. Мы строим социализм и можем его достроить, потому что мы имеем «все необходимое и достаточное» для этого. Теперь попробуем сопоставить все, что говорится в этих цитатах. Итак, с одной стороны, говорится, что окончательная победа социализма в одной нашей стране невозможна, с другой—что мы можем организовать социалистическое производство и что мы имеем все необходимые

[1]) Ленин, Собр. соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 140.
[2]) Ibidem.

условия для достижения полностью нового социалистического общественного строя. Как же примирить эти, повидимому, противоречивые утверждения? И есть ли здесь противоречие у самого Ленина? Не стоял ли он в одном случае на одной точке зрения, в другом—на другой? Или здесь скрывается нечто, чего как раз и не понимает наша оппозиция? Если посмотреть на все выступления товарищей из оппозиции, всюду увидишь стремление опереться на первый ряд цитат,—они якобы подтверждают «теорию» оппозиции. Но те же самые оппозиционеры скрывают, не подвергая анализу, другую серию цитат, которую выдвигают против них сторонники Центрального Комитета. Где же найти ключ для разрешения всего этого? Этот ключ нужно искать у самого Ленина, и его можно найти чрезвычайно легко, если внимательно присмотреться к высказываниям Ленина, особенно к высказываниям, содержащимся в последних работах Ленина. Нам думается, этот ключ для решения задачи можно найти в следующей цитате, взятой из той же статьи «О кооперации».

Ленин пишет здесь: «Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе» [1]).

Эта самая цитата и говорит о том, как нужно толковать ряд положений Ленина относительно того, что окончательная победа социализма в одной стране (в нашей стране. *Н. Б.*) невозможна. Его мысль сводится к следующему. Если мы будем исходить из сочетания сил внутри нашей страны, то, несмотря на отсталость нашей страны, несмотря на огромные трудности, определяемые этой отсталостью, мы имеем все необходимое и все достаточное для построения социализма, мы можем строить и можем построить социалистическое общество. Эта ленинская позиция есть позиция, совершенно противоположная позиции социал-демократов; это есть позиция, совершенно отличная от позиции т. Троцкого; это есть позиция, в корне иная, чем позиция тех «оттенков», «течений» и «групп», которые считают, что (так как у нас огромное большинство населения составляет крестьянство) при таком сочетании общественных сил мы неизбежно осуждены на гибель или вырождение. Это есть отрицание такой позиции по всему фронту. Тезис Владимира Ильича относительно возможности построить полный социализм есть в то же время ответ на вопрос о характере русской революции. Это есть ответ на вопрос о том, можно ли, или нельзя, по внутренним причинам, строить и построить социализм, и ответ этот есть ответ положительный. Но этот ответ еще не весь ответ: рядом с этим Владимир Ильич говорит: но ведь мы не живем одни на белом свете; кроме внутреннего сочетания сил в нашей стране, есть еще международная обстановка; эта обстановка чревата разными опасностями; она грозит целым рядом этих опасностей: войн, интервенций, блокад и т. д.; она связана с международным нашим долгом развивать международную революцию дальше. У нас нет поэтому в кармане гарантии, что в действительности мы достроим без помощи западно-европейского пролетариата социализм, что

[1]) Ленин, Собр. соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 144—145, курсив наш.

мы доведем революцию до конца, т. е. дойдем до полного социалистического общества. Итак, когда Ленин говорит о том, что окончательная победа социализма невозможна в одной стране, он этим хочет сказать: не позабывайте, что у вас есть еще международное окружение; не скулите по поводу того, что не можете строить социализма благодаря нашей технико-экономической отсталости, ибо все же у нас есть все для построения социализма; но не позабывайте, что вы не живете одни на свете, не позабывайте, что вы находитесь в международном окружении, что с этой стороны против вас расположены огромные силы международного капитализма. Именно эта мысль и выражена в той цитате, которую мы привели, мысль, которую приводит бесконечное количество раз т. Зиновьев в разных вариантах. Если просмотреть все выдержки из Ленина (в том числе и приводимые тов. Зиновьевым в его «Ленинизме») против «окончательной победы социализма в одной стране», то можно без труда увидеть, что речь идет именно о внешних опасностях. Между тем тов. Зиновьев запутывает вопрос, смешивая в одну кучу внутренние и внешние опасности. В этом отношении чрезвычайно любопытно следующее. На стр. 278 своей работы тов. Зиновьев пишет:

«Никто, надеемся, не упрекнет в пессимизме такую книгу, как «Азбука Коммунизма». Эта книга писалась тогда, когда революция наша шла триумфальным шагом от победы к победе. В ней мы читаем:

«Коммунистическая революция может победить только, как мировая революция... При таком положении, когда рабочие победили только в одной стране, очень затруднено экономическое (везде курсив подлинника) строительство, организация хозяйства... Если для победы коммунизма необходима победа мировой революции и взаимная поддержка рабочими друг друга, то это значит, что необходимым условием победы является интернациональная (международная) солидарность рабочего класса».

Это не «пессимизм», это—просто—азбука коммунизма (без кавычек).

Таким образом, тов. Зиновьев в простоте душевной полагает, что он может прикрыться азбукой коммунизма. Увы! В действительности эта азбука (равно как и «Азбука») говорят целиком против него.

Прежде всего посмотрим, где тов. Зиновьев поставил многоточие. Он его поставил два раза. Заглянем, что же стоит в «Азбуке» на этих местах? А вот что. Вслед за положением, что коммунистическая революция может победить, лишь как мировая революция, идет следующее выпущенное тов. Зиновьевым место:

«Если бы получилось так, что в одной какой-нибудь стране рабочий класс стал у власти, а в других странах он был не за страх, а за совесть предан капиталу, то в конце концов эту страну крупные разбойничьи государства задушили бы. В 1917, 1918 и 1919 гг. все державы душили Советскую Россию; в 1919 г. они задушили советскую Венгрию. Но задушить Советскую Россию они не могли потому, что внутреннее положение у самих великих держав было такое, что приходилось думать, как бы не слететь самим под напором собственных рабочих, которые требо-

вали вывода войск из России. Значит во-первых, самое существование пролетарской диктатуры в одной стране поставлено под угрозу, если нет поддержки от рабочих других стран. Во-вторых (далее следует приведенное Зиновьевым место о затруднительности—а не о невозможности, т. Зиновьев!—экономического строительства).

За сим второй пропуск у Зиновьева. Восстанавливаем и это место. Оно об'ясняет причину затруднений: «Такая страна,—читаем мы в «Азбуке»,—ничего или почти ничего не получает из-за границы: ее блокируют со всех сторон».

Недурно цитирует т. Зиновьев! Удачно ставит многоточия, как раз там, где это ему нужно, где это идет на потребу оппозиции! Дополним азбучные цитаты еще одной. В § 45 «Азбуки» идет речь о мелкобуржуазном характере страны, о собственнических инстинктах крестьянства, об остатках этих инстинктов даже у части рабочих. Какой вывод делает «Азбука»? 1) Дело строительства коммунизма в России «есть дело величайшей трудности»; 2) различные помехи внутреннего характера «затрудняют осуществление наших задач, отнюдь, однако, не делая невозможным такое осуществление». Это совсем, совсем не по Зиновьеву. Это—по Ленину.

Итак, т. Зиновьев превратно толкует Ленина, и уж совершенно зря ссылается на азбуку коммунизма. Напрасно т. Зиновьев запутывает вопрос. Было бы бессмысленным вести спор о том, есть ли у нас гарантия построения социализма при любом возможном международном положении, при наличии, скажем, интервенции со стороны капиталистических стран. Ясно, что единственной гарантией от внешних опасностей является международная революция.

По этому вопросу у нас нет никакого спора. Не об этом идет спор, не здесь пролегает та линия, которая отграживает систему взглядов нашего Центрального Комитета от той системы взглядов, которую защищает оппозиция. Спор идет о том, сможем ли мы строить социализм и построить его, если мы отвлекаемся от международных дел, т.-е. спор идет о характере нашей революции. Можем ли мы сказать вместе с Лениным, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не наши международные обязанности и т. д.? Или наша отсталость обязательно должна потянуть нас на дно? Так стоит вопрос. Что дело обстоит именно так, об этом свидетельствует история расхождений с теперешней оппозицией. Впервые разногласия наметились у нас по этому вопросу на одном из заседаний Политбюро, где т. Каменев, а отчасти и т. Зиновьев, сказали, что нам не одолеть задачи строительства социализма, потому что у нас технико-экономическая база отсталая [1]). Об этом мы говорили и на XIV с'езде. Следовательно, вопрос не стоит так просто, как это представляется

[1]) Теперь и тов. Смилга петушком бежит за т. Каменевым, считая за „центральный пункт марксизма и ленинизма" положение, что „в одной технически отсталой стране социализм построить невозможно". Тов. Смилга делает ударение именно на отсталости и из этой отсталости заключает к невозможности построения социализма. Речь идет не о трудности, а именно о невозможности. Воистину—„ленинизм"! (см стеногр. отчеты о прениях в Комакадемии; см. также статью тов. Слепкова, «Противоречия в экономической платформе оппозиции». „Правда", № 232).

с первого взгляда, и мы обязаны различать его правильную постановку от неправильной. Можно, конечно, спросить: почему необходимы такие тонкости, для чего нам нужно, с одной стороны, ставить вопрос относительно возможности борьбы с капиталистическим миром, с капиталистическими интервенциями, войнами и т. д., а с другой стороны, от этого вопроса отделять вопрос о внутреннем сочетании наших сил, когда в действительной жизни одно и другое марширует вместе и реально одно от другого неотделимо? В ответ на это следует привести ряд очень веских и очень убедительных аргументов. В самом деле, если нам предстоит пережить известную полосу мирного развития, скажем, в течение нескольких лет, то при такой постановке вопроса, которая говорит, что мы не можем построить социализм в нашей стране в силу нашей технико-экономической отсталости, в силу того, что у нас крестьянство слишком велико, мы неизбежно должны двигаться весь этот мирный промежуток времени на оси перерождения. Если ответить отрицательно на вопрос, который положительно решался Лениным, когда он анализировал внутренние силы нашего развития,—то тем самым нужно брать под сомнение все решительно: социалистический характер наших государственных предприятий, социалистический характер нашей диктатуры, социалистический характер динамики нашего экономического развития и социалистический характер динамики нашего государства. Ибо, если мы отрицательно отвечаем на вопрос о возможности построить социализм в виду внутреннего сочетания классовых сил в нашей стране, то развитие производительных сил в нашей стране обязательно будет совпадать с таким его развитием, которое в большей или меньшей степени, дает перевес капиталистическим элементам. Это будет «обеспечивать» такой характер развития, который наверняка будет перемещать центр тяжести в сторону крестьянства против рабочего класса. Это будет сопровождаться обязательно такой перегруппировкой людей в системе нашего государственного аппарата, при которой можно выйти на трибуну и сказать, что сверху мы превращаемся в бюрократию, отрывающуюся от рабочей массы, а нижние этажи нашего государственного аппарата затопляются кулацкими элементами. Т.-е. вся «позиция оппозиции», которая намечается теперь, позиция, которая атакует партию по линии доказательства нашего перерождения, вытекает из того, что товарищи подвергают сомнению те места из Ленина, где он прямо говорит, что у нас есть все необходимое и достаточное для построения социалистического общества.

Из этого же расчленения вопроса вытекает и действительно революционно-марксистская, действительно интернациональная постановка вопроса.

Если люди говорят о международной революции при каждом удобном и неудобном случае, то не всегда это выражает максимум революционности. Может быть такая постановка вопроса о международности революции, которая прямо противоречит революционной точке зрения. Вот, например, у того же Либера есть одно очень ехидное место, которое поясняет, чем отличается пролетарская революция от буржуазной. Перечисляя особые черты пролетарской революции, г. Либер пишет: «Наконец,

еще одна характерная черта социалистической революции—это ее международный характер (подумайте только, «международный характер»! *Н. Б.*). Социалистический строй приходит на смену капитализму. Отличительной чертой капиталистического строя является то, что он создает мировое хозяйство... Поэтому немыслимо представить себе осуществление социализма в одной какой-нибудь части этого хозяйства без того, чтобы все мировое хозяйство не было задето. Социалистическая революция мыслима лишь, как революция международная, и, следовательно, она предполагает известное состояние не только в одной, двух, трех, четырех, пяти странах, в большинстве промышленно-развитых стран, ибо иначе произошло бы неизбежное столкновение между теми странами, которые не подготовлены к социализму и теми, которые уже созрели для этого».

Ясно, какая здесь международность и как она здесь обосновывается. Вот она: «не делай революции, не строй социализма, ибо придешь в столкновение с другими странами». Революция международная здесь представляется, как известный однократный акт; будто бы сразу пролетариаты всех стран выходят на историческую арену и кричат: «Да здравствует революция!» и в два счета социализм подается им на блюде. Практически-политический смысл такого заклинания мировой революции заключается в морали: «не иди вперед, не совершай революции в одной стране, потому что ты все равно не победишь», или, переводя на более современный язык: «куда тебе одному в городе Глупове, на одной улице дерзать построить социализм. Зачем ты стоишь на такой национально-ограниченной точке зрения?» «Начнешь революцию в одной стране, перестанешь быть настоящим интернационалистом»,—поучает нас Либер.

Такой «интернационализм»—оборотная сторона социал-предательства.

Еще раз повторяем. Спор идет о внутренних силах, а не об опасностях, связанных с заграницей. Спор идет, следовательно, о характере нашей революции.

Когда мы говорим о построении социализма в одной стране, мы под этой «одной страной» имеем в виду именно нашу страну. Мы не можем сказать, что в любой стране может быть построен социализм. Если бы, скажем, перед нами была какая-нибудь совершенно отсталая страна, без того минимума материальных предпосылок строительства социализма, которые есть у нас, то мы наших выводов сделать бы не могли. Значит, речь идет относительно нашей страны, со всеми ее характерными особенностями, с ее техникой, экономикой, с ее социально-классовыми соотношениями, с ее пролетариатом, с ее крестьянством, с определенным соотношением между этим пролетариатом и крестьянством. Так нужно ставить вопрос и в такой постановке вопрос о возможности построения социализма в нашей стране—это и есть вопрос о характере нашей революции. Раз наша революция предполагает все же такое соотношение, при котором строительство социализма возможно, раз мы имеем «все необходимое и достаточное» для построения социализма, то, стало быть, в самом процессе этого социалистического строительства нигде нет такого момента, начиная от которого это строительство стало бы невозможным. Если мы имеем внутри нашей страны такое сочетание сил, что по отношению к каждому прошлому году идем с перевесом социалистического сектора нашего хозяйства, и обобществленные секторы нашего хозяйства растут быстрее, чем частнокапиталистические, то в каждый будущий год мы выступаем с перевесом сил. Если рассчитывать «в среднем», отвлекаясь от целого ряда возможных зигзагов и всяких случайностей, которые взаимно уравновешиваются, то в общем мы будем иметь восходящую линию развития. Совершенно непонятно, откуда может изнутри страны вылезти такая сила, которая сделает невозможным дальнейшее социалистическое строительство. Но так как реально жизнь протекает не на одной территории Советского Союза, так как пролетарская диктатура не находится на некоем изолированном острове, а занимает одну шестую часть света, находясь в окружении капиталистических пяти шестых, то возникает целый ряд опасностей международного характера. Если поставить вопрос, есть ли абсолютная гарантия против возможных интервенций, то должно сказать, что такой гарантии у нас нет. А так как в реальной жизни все находится во взаимной связи, одно влияет на другое, то, конечно, прав Ленин, когда он говорит, что окончательная победа социализма в одной нашей стране в условиях капиталистического окружения невозможна. Но когда тов. Зиновьев, Каменев, Смигла и др. эту мысль «сводят» к тому, что невозможно дойти до полного социалистического общества из-за нашей технической отсталости, то это будет неправильно и против этого нужно изо всех сил бороться. Против такого толкования нужно бороться именно потому, что иначе нельзя защищать ту линию, которая была намечена у т. Ленина. Всякие смешки насчет социализма «на одной улице», «в Пошехонье», в «Глупове», должны претить настоящему революционеру. Люди думают, что эти гнилые шутки весьма остроумны. А не соображают, что они просто жалки, ибо повторяют остроты Каутского о «социализме в Туркестане», остроты Гильфердинга о «социализме Бухарских мулл» и т. д. Это вздор, будто под этими социал-демократическими шутками скрывается революционный интернационализм. Здесь налицо простое дезертирство с поста в тот момент, когда трудно.

Сейчас на нас нахлынули новые трудности, связанные с нашей технико-экономической отсталостью, связанные с тем, что мы должны выискивать средства для наших капитальных затрат, связанные, наконец, с темпом развития, более медленным, чем тот темп, который был бы возможен при победоносной пролетарской революции в Европе. Конечно, эта победоносная революция радикально изменила бы положение вещей; темп индустриализации нашей страны через определенный промежуток времени чрезвычайно ускорился бы; мы должны были бы иначе реорганизовать наши производительные силы; мы должны были бы по-другому «районировать» и «планировать»; мы получили бы другое соотношение между городом и деревней; мы гораздо быстрее смогли бы вовлекать в орбиту влияния индустрии наше отсталое земледелие. В общем, темп получился бы гораздо более быстрый. Сейчас мы идем гораздо более медленным темпом. Но этот сравнительно (сравнительно с темпом об'единенного социалистического европейского хозяйства) медленный темп не есть отрицание возможности построить социализм в нашей стра-

не. Этот темп выражает лишь относительно огромную трудность нашей строительной работы.

Так нужно решать вопрос относительно возможности построения социализма в одной стране. Для того, чтобы привести этот вопрос в связь с некоторыми еще более общими вопросами, мы позволим себе напомнить вот о чем. Еще в полемике 1923 г. мы говорили: если тов. Троцкий прав, и наша страна без государственной помощи западно-европейского пролетариата не в состоянии будет сохранить пролетарскую диктатуру, из-за столкновений с крестьянством, то это обязывает к очень большим выводам. Ведь, если мы распространим пролетарскую революцию на весь мир, то мы получим, примерно, такое же соотношение между пролетариатом и крестьянством, какое мы имеем в Советском Союзе. Ибо, когда пролетариат возьмет власть в Англии, то ему придется иметь дело с Индией и др. бывшими английскими колониями. Если пролетариат возьмет власть во Франции, ему придется иметь дело с Африкой. Если пролетариат возьмет власть во всем мире, ему придется иметь дело со всеми другими крестьянскими странами. Мировому пролетариату придется решать проблему, как ужиться с мировым крестьянством. А если здесь имеется такое же, примерно, соотношение, как и в Советском Союзе, то, сделав соответствующие выводы из теории неизбежной гибели без помощи извне, volens-nolens придешь к куновской постановке вопроса, которая гласит, что мир «не дозрел» до социалистического переворота. Имеется колоссальное количество крестьян, которые—по Троцкому—«неизбежно» придут в конфликт с пролетариатом. Так как в одном Китае их имеется четыреста миллионов, то «неизбежно» революция обречена на гибель: ведь, «государственной помощи» извне получить будет совершенно неоткуда. Вот куда ведет теория оппозиции. Если таких выводов не делают, то это происходит только потому, что не додумывают вопроса до конца, останавливаются на полдороге: когда говорят об Англии, то видят Лондон, Манчестер и забывают о других частях света, которые в настоящее время привязаны к Англии, с полупрезрением проходят мимо колоссального количества колониальных и полуколониальных народов, и этим проявляют свой рафинированный «европейский» «марксизм».

Таким же образом выясняется, что вопрос относительно характера нашей революции, ее движущих сил и проч. имеет глубочайшее практическое мировое значение.

Итоги всего сказанного могут быть формулированы следующим образом:

Идейными истоками оппозиции являются, несомненно, социал-демократические тенденции. Это, конечно, не следует понимать грубо и упрощенно. Вожди оппозиции, конечно, не меньшевики; но тенденции, которые растут в сторону меньшевизма, у них есть. Они подают «пальчик» меньшевистскому чорту,—это не подлежит решительно никакому сомнению. Из их идейной установки вытекает какая-то неисправимая потребность пророчествовать о нашей гибели. Предрекала эту гибель, как известно, в октябрьские дни группа Каменева—Зиновьева—Шляпникова—составная часть оппозиционного блока. За это их позиция была названа Лениным «крикливым пессимизмом». Предрекали эту гибель весною 1921 года (особенно тов. Троцкий).

Предрекали эту гибель осенью 1923 года (известная декларация «46-ти»). Предрекают эту гибель теперь, выступая сомкнутыми рядами против партии. Все эти «пророчества», которые последовательно терпят крах за крахом, упираются в неверную теорию, которая, по сути дела, есть теория, отрицающая объективно-социалистический характер нашей революции.

В. Костржева.

К роли мелкой буржуазии в революции.

Ошибка польской коммунистической партии в дни переворота Пилсудского вытекала из неправильной оценки роли мелкой буржуазии. Послевоенная эпоха принесла с собою почти во всех капиталистических странах рост активности мелкобуржуазных слоев—явление, которое должно было получить особенно яркое выражение в странах сильной мелкобуржуазной прослойки, как Италия, Франция или Польша, но которое в определенные моменты выступало резко наружу и в странах высшего капиталистического развития, как например, Германия. Поэтому-то ошибки, допущенные в этой области польской партией, отнюдь не лишены и более общего значения.

Точкой отправления ориентации довольно значительной группы внутри польской партии была оценка переворота, совершенного Пилсудским, как «мелкобуржуазного переворота». Эта огульная предпосылка уже прямым путем вела к выводу, согласно которому все мероприятия Пилсудского при всей его непоследовательности были в принципе направлены против имущих классов, из чего, в свою очередь, следовало заключить, что и в дальнейшем Пилсудский будет вынужден в борьбе с капиталистическими классами еще неоднократно апеллировать к массам. На перспективе этих конфликтов партия и должна бы строить свою тактику. Тов. Зиновьев в одном из своих недавних выступлений пошел еще дальше, считая возможным охарактеризовать переворот Пилсудского, как «классический мелкобуржуазный переворот».

Мы думаем, что этого оперирования эпитетом «мелкобуржуазности» и слишком мало, и слишком много для надлежащей исчерпывающей оценки интересующего нас явления. А тем более формула: «классический» мелкобуржуазный переворот! Она предполагала бы существование какого-то исторического прообраза. Между тем, весь исторический опыт показывает, что мелкая буржуазия представляет собой самый шаткий и переменчивый социальный фактор, который на разных ступенях социального развития выступает в иной роли. В «18 Брюмера» Маркс говорит:

«Мелкая буржуазия есть составная часть всех назревающих революций».

Но тактическая трудность сводится именно к тому, чтобы в каждый данный момент правильно оценить удельный вес этой составной части, чтобы ясно видеть те изменения, каким оно подвержено в зависимости от разных моментов борьбы. Ибо мелкая буржуазия предстает

перед нами каждый раз в другом виде: подвижная и изменчивая, как волна, она то приплывает к берегам революции, то бежит от них, и зачастую бывает трудно предвидеть, куда эту волну погонит вихрь истории...

I

Если проследить выступления мелкой буржуазии в длинной веренице десятилетий, то легко убедиться в том, как изменчив был характер этих выступлений в зависимости от ступеней капиталистического развития. В эпоху Великой французской революции (как и в эпоху английской революции XVII столетия) мелкая буржуазия в своих низовых слоях является вместе со слабым еще, преимущественно ремесленным пролетариатом, наиболее радикальным, наиболее революционным фактором,—фактором самой непримиримой борьбы с абсолютной монархией и феодализмом. И в более позднюю эпоху сильный антагонизм мелкой буржуазии по отношению к крупной является еще плодом тех отношений, которые создаются в период раннего капитализма и первоначального накопления. Капитализм развивался и укреплялся прежде всего путем разорения мелких производителей, пожирания ремесла, оттеснения домашних крестьянских промыслов, служивших основою равновесия и независимости крестьянского хозяйства. Жестокая экспроприация широких народных масс, лишавшая их земли и орудий труда—этот пролог истории капитала, писанный кровью и железом и изображенный Марксом в I томе «Капитала»—наложила свое клеймо на отношения между мелкой и крупной буржуазией, как они сложились в первой половине минувшего столетия.

Беспощадные налоги, какими облагались крестьяне, неслыханная задолженность мелкой земельной собственности, убийственная конкуренция капиталистической промышленности с мелким ремеслом,—все это создавало фон, на котором развертывался острый антагонизм между мелкой буржуазией и капиталом. Антагонизм этот находит свое выражение в боях 1848 и следующих годов. Правда, мелкая буржуазия, запуганная требованиями и методами борьбы рабочего класса, предает пролетариат в июньские дни в Париже. И все же она еще выступает к концу этой половины столетия, в общем и целом, как класс, обладающий несомненной революционной инициативой. Пролетариат еще слаб, и в начале революции 48 года, по словам Маркса, он является еще только «придатком к официальной буржуазной демократии».

В последующий исторический период роль рабочего класса уже должна была измениться. Июньские парижские бои открыли величайшую тайну всех последующих революций XIX столетия (Маркс): основным их содержанием должна была стать борьба пролетариата за власть. Но в ожидании нового и скорого революционного кризиса, который был бы отправной точкой для пролетарской революции, Маркс предполагал, что все же и при новой революции первой выступит на сцену борющаяся за власть и за осуществление своей классовой программы мелкая буржуазия, и что только в обстановке той дезорганизации, какая будет вызвана этим бунтом мелкой буржуазии против капиталистических классов, наступит процесс быстрого революционно-социалистического созревания рабочего класса. Завоевание

власти мелкой буржуазией должно было служить **прологом к пролетарской революции.**

И на этом новом этапе развития, каким он рисовался в воображении Маркса и Энгельса, мелкой буржуазии суждено было выступить в двойной роли: зачинщика, а затем и неизбежного предателя революции. Мелкобуржуазная демократия должна была дать первый импульс революции и впоследствии сделать все, чтобы ее погубить. Эта двойственная роль являлась естественным последствием всей ее роли в хозяйственном механизме капиталистического общества. Класс без будущего, втиснутый между пролетариатом и крупной буржуазией, размалываемый жерновами истории, неизбежно выдвигает как свой идеал приостановку движения этого колеса, торможение исторического процесса. Мелкобуржуазную идеологию и характеризует именно то, что она не выходит за узкие горизонты мелкобуржуазного быта, за пределы утопического идеала приостановки колеса истории, смягчения противоречий, неизбежно порождаемых капиталистическим развитием. Поэтому-то на другой день после победы оно и ставит своей целью не «революционное преобразование мира», а, как выразился Маркс в «Классовой борьбе во Франции», «свое собственное приспособление к условиям буржуазного строя». Завоевав власть, она не употребит ее на то, «чтобы одновременно уничтожить обе враждебные друг другу силы, капиталистов и пролетариат, но пытается смягчить существующие между ними противоречия», всем своим боевым фронтом поворачиваясь против революционного пролетарского авангарда, стремящегося к уничтожению самого источника эксплоатации и угнетения. Революционная, пока она борется за власть, мелкобуржуазная демократия превращается в контрреволюционный фактор с момента завоевания власти. Вчерашний союзник пролетариата, она превращается в его врага, и это неизбежное превращение налагает на нее своеобразное клеймо.

Говоря о мелкой буржуазии, Маркс имеет все время в виду не только городскую мелкую буржуазию всякого рода, но и крестьянскую массу; но эта бесформенная крестьянская масса видна только на втором плане этой картины, и, как наиболее выпуклая фигура в этой теории превращения мелкой буржуазии, красуется прежде всего в качестве руководящей политической силы городская мелкобуржуазная демократия.

Сообразно этому двуликому характеру мелкобуржуазной демократии, как она рисовалась Марксу и Энгельсу в половине минувшего столетия—тактика пролетариата должна обладать чрезвычайной гибкостью и подвижностью. Заключая союз с мелкобуржуазно-революционными силами, рабочий класс должен одновременно подготовлять линию будущего наступления, он должен в решающий момент мгновенно перестроить фронт борьбы в предвидении, что эта перемена фронта произойдет со стороны мелкой буржуазии против него. Ожидая в самом начале 50-х годов возрождения революции, Маркс в знаменитом «Обращении Центрального Комитета к союзу коммунистов» освещает мощным рефлектором своего гения весь этот лежащий перед пролетариатом сложный путь. Напомним здесь вкратце содержание этого несравненного документа пролетарской тактики и стратегии, во-первых, для того, чтобы показать, как уже тогда—целых 3/4 столетия назад и спустя полвека после Великой французской революции—Маркс критически оценивал роль мелкой буржуазии в революции, во-вторых, для того, чтобы осознать, как теперь многое изменилось по сравнению с этой эпохой половины минувшего столетия.

В 1850 году Маркс еще представляет себе, что на первой стадии развивающейся революции мелкая буржуазия выполнит еще подлинно-революционную миссию, в борьбе за осуществление своей собственной классовой программы, завоевывая власть в непосредственно-вооруженном бою против капиталистических классов. Радикальная мелкобуржуазная демократия, которая в XVII и XVIII столетиях еще представляла собой крайний революционный фланг, в эту более позднюю историческую эпоху уже превращается в активный фактор контрреволюции—с того момента, когда она уже укрепила свою власть, и неизбежно поворачивается против рабочего класса, отныне выступающего на историческую сцену, как великая и самостоятельная сила, борющаяся за непосредственную реализацию своей собственной классовой программы, за реализацию социализма. Это, так сказать, второй главный этап в историческом развитии мелкой буржуазии, рассматриваемой под углом зрения ее роли в революции. В этой обстановке Маркс и Энгельс, приблизительно следующим образом формулируют ту гибкую тактику, которая им представляется необходимой для пролетарского авангарда:

1) Революционная рабочая партия должна бороться совместно с мелкобуржуазной демократией в период ее борьбы за власть и повернуться фронтом против нее с момента, когда власть окажется в руках мелкой буржуазии;

2) Ни в одной стадии борьбы пролетариат не может пойти на образование совместно с мелкобуржуазными демократами общей оппозиционной партии,—наоборот, рабочие

> «...должны направлять свою деятельность к тому, чтобы на ряду с официальными демократами восстановить тайную и явную организацию рабочей партии и превратить каждую общину в центральный пункт и ядро рабочих союзов, в которых будут обсуждаться положение и интересы пролетариата независимо от буржуазных влияний».

3) Какие бы то ни было особые об'единения также излишни и в процессе борьбы против общего врага:

> «На случай борьбы против общего врага не нужно никакого особого об'единения. Как только является необходимость прямой борьбы с таким противником, интересы обеих партий на этот момент совпадают, и как до сих пор, так же и на будущее время это на данное мгновение рассчитанное об'единение будет устанавливаться само собой».

4) Рабочий класс должен ожидать измены со стороны своего временного союзника:

> «...в этой борьбе мелкие буржуа в массе будут держаться как можно долее медлительно, нерешительно и пассивно, чтобы затем, когда победа будет решена, захватить ее в свои руки, призвать рабочих к спокойствию и к возвращению к своему труду, предупредить так наз. эксцессы и лишить пролетариат плодов победы».

5) После завоевания власти демократами рабочие должны потребовать для себя гарантий и

«...с первого мгновения победы недоверие должно направляться уже не против побежденной реакционной партии, но против прежних союзников, против партии, которая только в своих интересах стремится использовать общую победу.

6) Однако,

«чтобы быть в состоянии энергично и грозно выступить против этой партии, измена которой начнется с первого же часа победы, рабочие должны быть вооружены и организованы. Вооружение всего пролетариата ружьями, орудиями и боевыми припасами должно быть немедленно произведено..., рабочие должны попытаться самостоятельно организоваться в пролетарскую гвардию и вступить под командование учрежденных рабочими революционных выборных советов... Уничтожение влияния буржуазных демократов на рабочих, немедленная самостоятельная и вооруженная организация рабочих и установление, по возможности, наиболее затруднительных и компрометирующих условий для временного неизбежного господства демократии,—вот главные пункты, которые пролетариат должен иметь в виду во время и после предстоящего восстания».

Одним словом, максимум недоверия по отношению к мелкобуржуазному союзнику, максимум усилий с целью подготовки будущей борьбы с ним, максимум гибкости, требуемой быстрой переменой фронта,—вот указания для революционной рабочей партии в период, когда пролетариат не может еще сразу выдвинуться во главу революционных событий и когда первая скрипка революции находится в руках мелкой буржуазии.

Эта фаза революции уже бесповоротно прошла для стран развитого капитализма.

II

Как известно, предположения Маркса и Энгельса насчет близкого возобновления революции не оправдались. Капитализм, как показала впоследствии история, имел еще в то время перед собою продолжительную эпоху развития и расцвета, в течение которого **отношение мелкой буржуазии к крупному капиталу должно было подвергнуться дальнейшему изменению**. Невиданный расцвет производительных сил, который сам по себе обозначал целую революцию в мировых отношениях, индустриализация целого ряда новых крупных стран, постепенное возникновение мирового рынка—весь этот громадный процесс, завершенный периодом империалистического развития и более или менее окончательным разделом колониальных материков, открыл перед мелкой буржуазией в известном смысле новые перспективы, призвал к жизни новые мелкобуржуазные слои, явившиеся скорее плодом этого новейшего капиталистического развития, нежели его жертвами. Весь этот процесс привел к необычайной зависимости мелкобуржуазной массы от крупного капитала, приковал эту массу к его колеснице, породил в ней сознание фатальной солидарности ее интересов с интересами капиталистической буржуазии. Прежний острый исторический антагонизм мелкой буржуазии по отношению к крупному капиталу превратился в простое, не особенно грозное, фрондирование. В течение целой длительной эпохи, предшествовавшей мировой войне, мелкая буржуазия была союзником буржуазии против пролетариата. Грубо формулируя, можно бы сказать, что в эту эпоху расцвета капитализма, постепенно подымающегося до его высших империалистических форм, мелкобуржуазная демократическая стихия вступает в новую, **третью фазу** своего развития, в которой она существует уже только под сенью капиталистической буржуазии и перестает быть самостоятельным фактором революционного развития, революционной борьбы с безусловно господствующим капиталистическим классом.

Несмотря на это, Энгельс высмеивал тех, кто думал, что революция может «явиться в одну прекрасную ночь» без предварительных изменений временно затвердевшей системы классовых отношений. И в этот новейший период зрелого капитализма революция не сведется к единократному непосредственному штурму пролетариата, но будет, как это формулировал Энгельс, «длящимся целые годы процессом развития масс в ускоренном темпе движения». Она не начнется сразу с пятого акта, но откроется с первого, когда «все оппозиционные партии об'единяются против правительства и его ошибок и, таким образом, побеждают, и уже после этого, по очереди, одна за другой компрометируют себя и становятся невозможными... Для того, чтобы революция созрела для нас и мы для нее—необходимо, чтобы все промежуточные партии предварительно пришли к власти и оскандалились,—и только после этого придет очередь за нами» (Письмо к Бернштейну).

Иначе говоря, и в нашу эпоху в первой стадии революции,—думал Энгельс,—власть должна очутиться в руках мелкобуржуазных элементов, и только этот промежуточный этап поможет делу быстрого «завоевания масс для революционного социализма». Но весь вопрос в том, что мелкобуржуазные элементы уже будут иметь совершенно другой облик, нежели тот, который они могли бы иметь в половине минувшего столетия. Мелкобуржуазная демократия выступает здесь на сцену **с первого момента** в качестве «спасительницы общества от коммунистических рабочих» (Энгельс в написанном им в 1885 г. введении к «Кельнскому процессу коммунистов»). Пролетариат тут с первого момента является безусловно решающим фактором революции, мелкобуржуазные партии с первого ее дня относятся к нему с глубочайшим недоверием и боязнью и на его плечах возносятся к власти, благодаря панике, овладевающей привилегированными классами, которые в этой власти промежуточных элементов видят спасение от непосредственной угрозы социалистического переворота.

Энгельс всячески стремился уберечь социалистические партии того времени от утопических, упрощенных представлений о революционном процессе. В этом отношении особенно интересны его многочисленные письма к Бернштейну, писанные, как и введение к Кельнскому процессу, в начале 80-х годов [1]). Во всех рисуемых в этих письмах схемах промежуточные мелкобуржуаз-

[1]) См. в особенности письма от 2—3 ноября 1882 года, 12 июня 1883 г. и 27 августа 1883 г. в «Архиве Маркса и Энгельса», книга 1-ая.

ные группы помогают еще созданию некоего промежуточного этапа, в условиях которого и происходит ускоренное «завоевание масс для революционного социализма» усилиями авангардной пролетарской партии, но фатальное клеймо контрреволюционной роли с первого же момента и гораздо резче, чем раньше, красуется на мелкобуржуазной демократии. И одновременно с представлением об уменьшающейся самостоятельной политической роли мелкой буржуазии и о доминирующем значении рабочего класса, появляется мысль о руководящей роли пролетариата в отношении масс мелкой буржуазии, особенно деревенской и о революционном союзе с ними, но уже на новых основах, когда роль революционного авангарда становится уделом пролетариата. В письмах Кугельману Маркс говорит о «союзе английских рабочих с ирландской крестьянской беднотой». В «Гражданской войне во Франции» Маркс утверждает, что Коммуна имела все основания обратиться к крестьянам с лозунгом «в нашей победе—ваша надежда»—и показывает, каким образом можно было привлечь крестьян к революции и превратить их в союзников рабочего класса. Та же мысль в позднейшие годы неоднократно встречалась и у Энгельса.

Теперь мы уже можем точно уяснить себе, до какой степени неверно и извращенно ставилась вся проблема мелкой буржуазии старым Интернационалом как в лице Бернштейна, так равно и в лице Каутского.

Бернштейн, констатируя, что мелкая буржуазия перестала быть революционным классом, одновременно, как известно, утверждал, что революция с ее методами насилия устарела и как метод борьбы рабочего класса. Отсюда он заключал, что пролетариату необходимо отбросить старые революционные фразы, только мешающие ему в его практической работе и поставить перед собою совместно с мелкой буржуазией задачу ненасильственного свержения, а реформирования капитализма.

В отличие от Бернштейна, Каутский, как известно, формально не отвергал идею революции, содержанием которой должна была стать массовая экспроприация частных собственников в пользу общественного хозяйства. Но о том, каким образом должен совершиться этот колоссальный переворот, об этом всего менее можно было узнать у Каутского. И в то время, как мысль Маркса и Энгельса упорно возвращается именно к проблеме тактики пролетариата в эпоху революции,—Каутский не менее упорно избегает этой проблемы, фактически же, как доказывают даже такие его труды, как «Путь к власти», он не расстается с надеждой, что дело обойдется без ножа хирурга, без кесарева сечения и что все произойдет мирным путем, когда процесс массовой пролетаризации подвинется настолько вперед, что промежуточные слои уже не будут играть сколько-нибудь выдающейся роли. Исчезновение мелкобуржуазных масс, а не их активное участие в процессе революционной борьбы—вот каутскианская предпосылка завоевания власти пролетариатом. Социалистическая революция улетучивается здесь в какую то неопределенную туманную даль. Бернштейн хоронит ее торжественно и всенародно, Каутский же—мнимый защитник Маркса—погребает ее трусливо и исподтишка в ночном сумраке подобно тому, как это делает контрреволюция с революционными героями.

И крайне интересно и важно констатировать, что при этом идеологическом обескровлении революции решающую роль играет именно извращение марксовых и энгельсовых представлений о роли мелкобуржуазных слоев в период революции. Каутский упрямо доказывает, что ошибочные расчеты Маркса и Энгельса на близость социальной революции имели своим источником преувеличенные представления обоих основоположников научного социализма о той революционной роли, которую еще суждено сыграть мелкой буржуазии. Трудно представить себе более крупное недоразумение.

Уже из всего вышесказанного ясно, что Маркс и Энгельс чужды были каких бы то ни было иллюзий насчет самостоятельной революционной роли мелкой буржуазии в более поздние периоды капиталистического развития. Они нисколько не грешили в этой области оптимизмом. Но в то же время бесспорным фактом является то, что, во-первых, они отвергали упрощенное представление о революции, как о единократном и окончательном штурме пролетариата, идущего в бой в условиях полного классового одиночества; они, во-вторых, думали, что на промежуточных этапах революции партия мелкобуржуазной демократии, хотя и выступая с первого момента в качестве «спасительницы общества от коммунистических рабочих», все же косвенно помогает авангардной пролетарской партии в деле «завоевания масс для революционного социализма»; в-третьих,—и это всего важнее,—они были убеждены, что пролетариат, выступая в роли настоящего представителя и вождя всех угнетенных—но именно только в этом случае—отнюдь не очутится изолированным в борьбе, но, наоборот, увлечет за собою как значительные низовые слои городской мелкой буржуазии, так и в особенности крестьянства, и, наконец, трудящиеся массы угнетенных и эксплоатируемых народностей.

Извращая до основания эти представления Маркса и Энгельса о процессе революции, приписывая им мнимый оптимизм насчет той самостоятельной революционной роли, которую, якобы, еще способна была бы сыграть мелкая буржуазия, Каутский вынимает важнейшие кирпичи из здания марксовой революционной теории, подменяя ее мнимо-революционной теорией полной изоляции пролетариата, которая фактически обозначала собою отсрочку революции ad calendas graecas. И даже Роза Люксембург, первая в рядах старого Интернационала поднявшая знамя восстания против оппортунизма Каутского, не ведет наступления по этой линии. Теорию полной изоляции пролетариата в революционной борьбе разделяло все левое крыло II Интернационала, и учение это и поныне входит, как одна из существеннейших составных частей, в ультра-левую идеологию.

III.

Революционный марксизм во всей своей полноте и неисчерпаемом богатстве возродился только в большевизме. Только в большевистской теории выступили опять на сцену все живые социальные классы, как факторы, формирующие события, а не как безвольные об'екты механического процесса концентрации капитала. Крестьянство, как могучий фактор революции, пролетариат, как гегемон, ведущий за собой другие классы, вся

громадная подвижная система изменчивых классовых взаимоотношений, расслоение мелкой буржуазии на разные группы, их разная роль в разные моменты борьбы, шаткость всей мелкобуржуазной массы на каждой отдельной стадии, конкретный анализ динамических сил, приводящий в движение отдельные классы и слои,—вот неоценимое идеологическое наследие, оставленное нам Лениным.

В опубликованном недавно в V томе «Ленинского Сборника» отрывке, озаглавленном «Этапы, направление и перспективы революции» Ленин в следующих словах характеризует вероятный ход революции (отрывок относится к концу 1905 г.):

«1. Рабочее движение поднимает пролетариат сразу под руководством РСДРП и будит либеральную буржуазию: 1895—1901 гг.

2. Рабочее движение переходит в открытую революционную политическую борьбу и присоединяет политически проснувшиеся слои либеральной и радикальной буржуазии и мелкой буржуазии: 1901—2 и 1905 гг.

3. Рабочее движение разгорается в прямую революцию, причем либеральная революция уже сплотилась в конституционно-демократическую партию и думает об остановке революции путем соглашения с царизмом, но радикальные элементы буржуазии и мелкой буржуазии склоняются к союзу с пролетариатом для продолжения революции 1905 года.

4. Рабочее движение побеждает в демократической революции при пассивном выжидании либералов и при активной поддержке крестьянства плюс радикальная республиканская интеллигенция и соответствующие слои мелкой буржуазии в городах. Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана.

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

5. Либеральная буржуазия, выжидательная в третьем периоде, пассивная в четвертом, становится прямо контрреволюционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. Присоединяется к ней зажиточное крестьянство».

Шестой этап—это, по мнению Ленина, совместная с мировым пролетариатом борьба за социализм.

Если мы эту картину предполагаемого развития революции сравним с вышеупомянутым обращением Маркса и Энгельса к Союзу Коммунистов, то мы отчетливо увидим различия, отвечающие тем изменениям, которые наступили во взаимоотношениях классов в промежутке времени между появлением одного и другого документа. В схеме, зарисованной Лениным в конце 1905 года, рабочий класс с самого начала выступает в качестве инициатора, организатора, руководителя революции, гегемона, ведущего за собой другие классы, «будящего» и «присоединяющего» их. В качестве главной вспомогательной силы революции выступает крестьянство, слой, по природе своей менее способный к самостоятельным организованным выступлениям, чем городская мелкая буржуазия. В ленинской концепции отпадает совершенно промежуточный подготовительный период революции, когда власть переходит в руки мелкой буржуазии и пролетариат только готовится к наступлению, точно так же, как отпадает другой основной промежуточный этап, который пережила Западная Европа, — этап буржуазной революции, руководимый буржуазией. В этом и состоит секрет ленинского гения, что в революции видел Ленин, в отличие от меньшевиков, не простое повторение схем, которые когда-то были облечены историей в кровь и плоть, но учитывал все то новое, что должна была внести в эту схему новая историческая эпоха. 1917 г. в России, год молниеносно быстрого развития событий, принес с собой вместо чередования во времени явление параллельного переживания разных этапов революции, в былое время отделенных друг от друга годами и даже десятками лет. Буржуазная революция с властью в руках буржуазии, власть мелкой буржуазии, выступающей в буферной роли защитника от напора революционного пролетариата, революционная диктатура рабочих и крестьян, воплощенная в советах, существующих на ряду с временным правительством и выступающих вначале в форме параллельной власти, и, наконец, диктатура пролетариата,—все это переплавилось в колоссальном котле Российской революции в течение одного полугодия, отделившего Октябрь 1917 г. от февраля того же года.

IV.

В Центральной и Западной Европе события пошли другим путем. Именно потому, что пролетарской революции приходится здесь только попутно завершать дело прежних буржуазных революций, что она имеет здесь за собою долголетнюю эпоху революции сверху и реформистских традиций социалистических партий, у нее не хватило того взрывчатого материала, который в России в течение всего нескольких месяцев взорвал и уничтожил все здание буржуазного господства. В Западной и Центральной Европе оправдало себя в самом буквальном смысле гениальное пророчество Энгельса о характере первой фазы революции, когда мелкобуржуазная демократия приходит к власти в качестве «спасительницы общества от коммунистических рабочих». Мелкобуржуазная стихия в Германии, в Австрии, в Польше берет в свои руки власть в 1918 году не вопреки буржуазии, не в прямой вооруженной борьбе с ней, эта власть достается ей прежде всего и больше всего, как плод испуга и паники капиталистических классов и, в некотором смысле, с их благословения и согласия. Мелкобуржуазные партии не вырывают насильно власть из рук буржуазии, но занимают то пустое место, какое образовалось в результате распада старой власти.

История не оправдала другого предсказания Энгельса, которому думалось, что эра правления радикальной мелкой буржуазии окажется весьма недолговечной и, продержавшись не более года—двух, уступит место власти рабочего класса. События прошли иным путем прежде всего потому, что значительная часть пролетариата, воспитанная в реформистских традициях и измученная войной, изменила своей собственной программе, своим историческим целям и перешла на платформу мелкой буржуазии. Это произошло еще и потому, что беспримерный всеобщий хаос в экономических и международно-политических отношениях, чудовищное опустошение и дезорганизация, порожденные мировой войной, равно как гораздо большая, чем раньше, зависимость одних государств от других создали на известное время в некотором роде безвыходное положение, чрезвычайно дезорганизующее рабочие массы и ослабляющее их энергию и пыл. В

этих преходящих условиях длительного характера восторжествовала мелкобуржуазная программа, начались многочисленные попытки реализации всех мелкобуржуазных утопий: народного суверенитета в форме демократического парламентаризма, замены классовой борьбы сотрудничеством «работодателей и рабочих», одаривания при помощи парламентских резолюций крестьян землей, проектов постепенной социализации, комитетов общности интересов предпринимателей и рабочих и т. д., и т. д.

Мелкая буржуазия пережила период своего апогея, когда традиционная ее программа должна была, казалось бы, превратиться в программу спасения человечества. Два решающих класса современного общества, толкаемые развитием событий на поле смертельной борьбы, не решаясь, ринуться в бой, пытались найти в мелкобуржуазной утопии возможность отсрочки той неизбежной черты, к которой приблизила их история.

Человечество пережило совершенно новый период своей истории, период исторической попытки реализации мелкобуржуазной программы и период полнейшего ее банкротства,—кто этого не понимает, тот никогда не поймет значения и роли мелкобуржуазных движений нашей эпохи.

Всеобщее голосование, социальное законодательство, резолюции о земельной реформе,—все это оказалось, в особенности на фоне разложения капиталистического хозяйства, лишенным какого-либо содержания, поскольку не были сокрушены устои помещичье-капиталистического господства.

Демократия ни в малейшей степени не оправдала надежд широких масс как городского, так равно и сельского населения: в особенности, в период инфляции она принесла с собой молниеносное обнищание, вместо земли давала бумажные обещания, не устранила административного гнета и полицейского террора. В то же время, однако, послевоенный парламентарный строй усложнил, распылил и дезорганизовал весь политический, законодательный и административный государственный механизм. Сеймы и парламенты—эти органы парламентарской демократии—превратились в отражение и фактор хаоса, в символ того тупика, в котором очутился послевоенный капитализм.

Наступление капитала и борьба за стабилизацию капитализма должны были привести к покушению на эти органы, признанные в свое время к роли межклассового буфера, а ныне в атмосфере обостряющихся классовых антагонизмов, свидетельствующие на каждом шагу о бесплодности разрешения конфликтов путем соглашения и уступок. Ликвидация парламентаризма была наиболее необходима и облегчена в странах с перевесом мелкой буржуазии и обостренным крестьянским вопросом, так как именно там господствовали наибольший парламентарский хаос и разочарование в парламентаризме, скомпрометированном своим бессилием перед лицом проблем, разрешить которые могла бы только революция.

Остались только две программы: программа буржуазии, которую защищает вся реакционная пресса — сильная власть, стремящаяся ликвидировать социальные завоевания, удлинение рабочего дня, понижение заработной платы, ликвидация земельной реформы—и с другой стороны, программа революционного рабочего класса—коммунизм.

Это банкротство мелкобуржуазных иллюзий символизируют: Муссолини—в Италии, и в особенности, Пилсудский—бывший представитель мелкобуржуазного направления в социализме. Один из его спутников—Серошевский—так изображает отход «вождя» от мелкобуржуазных мечтаний о свободной демократической Польше в рамках капитализма: «Пилсудский,—говорит он,—верил, что новая Польша может удержаться только как Польша демократическая, справедливая, гуманитарная, современная. Общество не могло этого понять, и Пилсудский уступил» (подчеркнуто нами).

Пилсудский уступил. Он решил, что в Польше можно править только при помощи кнута, как этого хотела буржуазия, отбросил прочь старые утопии, решил реализовать программу буржуазии. Но в атмосфере всеобщего кипения масс нельзя осуществлять программы буржуазии открыто, во имя интересов буржуазии; необходимо было наполнить новым пафосом идею национального единства и фикцию сверхклассового государства. Традиционное представительство капитала и землевладения, ненавистное широким массам, не могло создать этой фикции. Собственные интересы господствующих классов должны были быть осуществлены по доверенности—чужими руками. И так как национал-демократия—партия этих классов—не могла этого понять, орудия Пилсудского должны были вдолбить ей это в голову.

Буржуазия должна порвать с мелкобуржуазными утопиями, воспротивиться требованиям широких масс, предварительно уничтожив орган компромисса с классами, компромисс с которыми невозможен. Не может быть компромисса с крестьянской массой, требующей земли, не может быть компромисса с рабочими, которым буржуазия, выступающая на борьбу за международный рынок, стремится сократить зарплату и удлинить рабочий день. Но чем менее возможным становится для буржуазии проведение сколько-нибудь крупного реформистского обмана, чем более антинародной становится ее политика, тем необходимее для нее тесное единение, по крайней мере, с тонкими верхушечными слоями мелкой буржуазии и рабочего класса. Это единение должно облегчить буржуазии создание фикции сверхклассового государства, оказать противодействие наступлению масс, прикрыть диктатуру буржуазии фиговым листом радикальной фразы.

Группами, призванными играть эту роль, были в Италии фашисты, а в Польше—пилсудчики—организации деклассированной мелкой буржуазии, оторванные от классовых корней, ни с кем не связанные, применяющиеся психологически к роли, которая их ожидала: к роли реализаторов программы другого класса.

Мы не располагаем формулой, которая давала бы определение фашизма, не имеем также образца, который с точностью во всех деталях повторялся бы во всех странах. Однако, фашизм обладает некоторыми специфическими чертами, отличающими его от прежних обычных реакционных форм господства буржуазии и окрашивающими его в яркий цвет современной эпохи. К этим чертам относятся:

1) Использование буржуазией движения низовых деклассированных и разочарованных в демократии мелкобуржуазных масс, которые буржуазия направляет с целью ликвидации неудобных ей форм парламентской демократии, и с целью охвата

бунтующих масс железными тисками разветвленной организации, поддерживающей правительство. 2) Новый апофеоз идеи сверхклассового государства—и как ее выражение—стремление ликвидировать парламенты и классовые представительства—партии, и заменить их единственной сверхклассовой партией, сливающейся с административным аппаратом. 3) Новый пафос «органической работы», использование национального чувства с целью подчинения масс требованиям капиталистической эксплоатации. Новый капиталистический романтизм в эпоху распада капитализма, когда неверие в его прочность охватывает даже буржуазные ряды. 4) Наполеоновские идеи: сильное правительство, большая армия, национальное единство, как база для империалистических выступлений, военных авантюр.

Таков смысл переворота, произведенного Муссолини в Италии и Пилсудским в Польше. **Пролетариат был слишком слаб для того, чтобы использовать бунт мелкобуржуазных масс против их собственной программы—использовала его буржуазия**: при помощи мелкой буржуазии она разрушила и превратила в фикцию прежний непригодный ей орган межклассового компромисса и создала из организации деклассированной мелкой буржуазии новую подпору, поддерживающую аппарат буржуазной государственной власти.

V.

После всего, что было сказано, вполне ясно вырисовываются все этапы развития, через которые прошла мелкая буржуазия, равно, как и нынешняя последняя фаза ее развития.

В государствах развитого капитализма мелкая буржуазия не может уже теперь, как это было раньше, выступать в качестве самостоятельной силы, обладающей революционной инициативой и могущей хотя бы только в первую фазу революции играть роль авангарда: и это не только потому, что самая молодая сила современного капиталистического общества—пролетариат—оттиснула ее на задний план, но еще и потому, что она уже пережила фазу исторического опыта осуществления своей программы и фазу ее банкротства.

В первый период бури и натиска своей молодости, когда капиталистическое общество только освобождалось от пут феодализма, мелкая буржуазия, как радикальная часть лагеря, борющегося со старым порядком, играла роль акушера, содействующего нарождению нового строя, будущие классовые взаимоотношения которого не выступили еще в резко очерченных формах.

Во втором периоде, когда историческое развитие втиснуло ее между колесами огромного механизма, двигателями которого являются две решающие силы современного общества—буржуазия и пролетариат,—мелкая буржуазия боролась за власть, чтобы завоевать право нормирования жизни на основе потребностей и стремлений своего класса, чтобы иметь возможность реализации своей программы, существом которой являлось торможение махового колеса развития, задержка концентрации капитала, ослабление классовой борьбы.

Вскоре, однако, во второй половине минувшего века, мелкая буржуазия совершенно переходит под команду бурно развивающегося капитализма. Решающие слои мелкой буржуазии находят для себя удобное место в его молниеносно расширяющихся рамках, и мелкая буржуазия становится представительницей того «народа», который, по известному выражению Маркса, придает действительное значение буржуазной конституции, так как от имени народа передает всю власть крупной буржуазии. В парламентах, этих органах компромисса между крупной и мелкой буржуазией, эта последняя поддерживает капитал в течение долгого периода до войны, помогая ему держать в повиновении рабочий класс. Мелкобуржуазная утопия классового компромисса превращается в дополнение к буржуазной программе национального единства точно так же, как мелкобуржуазная программа махрового национализма и антисемитизма превращается в противоядие против идеологии классовой борьбы. В этот период мелкая буржуазия становится самой прочной основой и поддержкой капиталистического господства.

Военный и послевоенный кризис и новые революционные потрясения капиталистического мира **в третий раз выводят мелкую буржуазию на историческую арену в качестве самостоятельной политической силы**. Но теперь она уже не борется за власть, а разрешает буржуазии, охваченной паникой, передать ей власть. Теперь она не стремится во что бы то ни стало реализовать свою программу, но как бы принуждена это делать. Теперь она делает попытки реализации своих радикально-демократических идеалов без прежнего пафоса, она с самого начала заражена неверием и сомнением. И очень скоро, после **нескольких лет попыток она поднимает белый флаг капитуляции, подает сигнал к отступлению в об'ятия капиталистической церкви**. Она борется с оружием в руках только затем, чтобы ей разрешено было играть роль могильщика собственной программы, только за то, чтобы для некоторых ее слоев не был прегражден доступ в святую святых капиталистического мира—к аппарату власти, в котором выковываются нерушимые законы господства буржуазии.

Путь в капиталистическую Каноссу некоторой части мелкой буржуазии—вот содержание переворота Муссолини и Пилсудского.

VI.

На этом новом повороте истории появляется, однако, огненная черта, отделяющая нынешнюю эпоху капитуляции мелкой буржуазии от той эпохи, которая последовала после революции XIX в. Тогда бурное развитие капитализма открыло перед мелкой буржуазией и промежуточными слоями новые перспективы. Капитализм выступал уже не только в качестве разорителя ремесла и мелкой земельной собственности, но и в качестве щедрого творца жизни и благосостояния: быстрое развитие промышленности разгружало деревню от избытка рабочих рук, питало спрос на сельскохозяйственные продукты, что в свою очередь заставляло окружать заботой сельское хозяйство. Нарождался многочисленный слой всевозможных посредников, лиц свободных профессий, служащих, которые создавали как бы свиту капиталистической буржуазии, находились в полной от нее зависимости и связывали свои судьбы с ее благоденствием.

Ныне глубокий и все обостряющийся кризис капитализма лишает его возможности найти средства, охраняющие широкие

нищающие массы мелкой буржуазии городской и сельской от разорения, безработицы и постоянной неуверенности существования. Капитализм находит временное для себя спасение, указывая деклассированным слоям мелкой буржуазии новую социальную функцию—защиты буржуазного государства от революционного пролетариата и изголодавшегося по земле крестьянства.

Но само пользование этим лекарством знаменует близкую смерть.

Необходимость непомерного расширения аппарата насилия и угнетения свидетельствует о том, что господствующий строй не может обеспечить широкие массы даже самыми элементарными средствами существования. Такой метод использования и удовлетворения бунтующих и деклассированных элементов тем острее выдвигает вопрос: что дальше? Какой дальнейший исход найдет буржуазия по мере того, как будут расти ряды безработной интеллигенции, разоренной мелкой буржуазии и жаждущих земли крестьян? Какой дальнейший исход, кроме новой военной резни, может найти капитализм, не будучи в состоянии ни разрешить аграрный вопрос, ни вырваться из заколдованного круга, который создается фантастическим развитием производительных сил и невозможностью найти рынок при сужающейся базе потребления?

Временное улучшение кон'юнктуры, благодаря займам и переходящим экспортным возможностям в таких странах, как Польша, Италия, Германия, только на время отодвинуло жгучие вопросы, но никак их не разрешило. Они вернутся с удвоенной силой, приводя ко все более сильному напряжению противоречий между стремлениями масс и программой действия соглашательских вождей и небольшого слоя рабочих и крестьян, подкупаемых буржуазией. Это противоречие четко обнаружилось во время майского переворота в Польше.

Штаб руководителей переворота не хотел сейма, усматривая в нем препятствие к установлению крепкой власти, стоящей на защите капиталистов и помещиков; массы, следующие за Пилсудским, не хотели сейма, так как искали силы, которая бы свергла господство капиталистов и помещиков. В этот раз еще движение масс было использовано для чуждых и враждебных им целей, но при том общем пробуждении умов, вызванном настоящими условиями, майский опыт не пройдет бесследно.

Шаткость, непостоянство, внутренняя гниль всей той новой политической надстройки, которая была создана в Польше при помощи пушек Пилсудского, засвидетельствована хотя бы тем фактом, что мелкобуржуазные вожди, которые когда-то наводняли мир своими утопическими программами,—теперь держат язык за зубами и стоят безгласные перед своими массами, спасаясь за загадочной маской сфинкса. Общественная потребность в пафосе беспрограммности создала в Польше даже особый тип человека, которого так наивно характеризует апологет этого направления—А. Струг: «Пилсудчик,—говорит он,—это тот, кому власть принадлежит по праву, так как он «чувствует Польшу, дышит ею»,—однако, «не имеет никакой социальной программы».

Неимение социальной программы стало для пилсудчика дипломом к власти потому, что он протягивал к ней руку для того, чтобы реализовать программу буржуазии, независимую тем массам, которые в пилсудчиках видели своих защитников. Пилсудский—сфинкс, вознесенный к власти при участии широких масс, пилсудчик—немой,—вот символы того раздвоения, которое произошло в лагере мелкой буржуазии. Верхний слой ее ликвидировал свою программу для того, чтобы навязаться буржуазии в роли реализатора ее программы; широкие массы найдут удовлетворение своих желаний и надежд только тогда, когда пойдут под руководством коммунистов. Измена вождей, прикрытая видимостью борьбы с буржуазией, сбила массы с толку. Было бы, однако, величайшей ошибкой думать,—на основе того, что произошло в этом году в Польше, а четыре года назад — в Италии,—что оправдываются предсказания тех, кто предполагал, что революционная роль мелкой буржуазии города и деревни кончена навсегда и что пролетариат будет полностью изолирован в момент решающего боя за свержение буржуазной власти.

Наоборот,—как раз наоборот,—громадность противоречий, нарастающих в настоящий переходный период, созревание нового революционного кризиса, несомненно, всколыхнет до самого дна в момент взрыва все общественные слои так, как всколыхнула их когда-то Великая французская революция, а потом Российская Октябрьская революция. Только на почве такого широкого движения масс как рабочих, так и крестьянских, а отчасти и городской мелкой буржуазии, коммунисты, как выразители их требований и действительных интересов, смогут завоевать власть. Разница по отношению к прежним буржуазным революциям будет состоять не в одиночестве пролетариата, как думал Каутский, а в его передовой роли. Вот тот основной закон, который все коммунисты должны усвоить, и который, как показали майские события, недостаточно прочно засел в головах польских товарищей.

Нельзя не задать себе вопроса: как это стало возможным, что весь круг польских товарищей, которым пришлось руководить событиями в период переворота, забыл о том, что является краеугольным камнем ленинизма, забыл об идее гегемонии пролетариата? Вместо того, чтобы ее претворить в жизнь, выявляя наружу то противоречие, которое существовало между стремлениями масс и программой Пилсудского, вместо того, чтобы использовать период подготовки, а потом начала борьбы с Хиено-Пястом для пропаганды идей самостоятельных революционных организаций и ее реализации,—партия долгое время была пассивна, а потом бросила лозунг поддержки партии Пилсудского.

Это произошло потому, что всякий программный или тактический принцип неизбежно останется мертвой буквой, если его оставляют висеть в пустом пространстве и отрывают от живой действительности данной страны, если партия не ищет ответа на вопрос, какими путями должно итти претворение этого принципа в действительность, если партия не знает истории возникновения и развития этого принципа и науки, вытекающей из фактов его применения в прошлом.

Таким именно было положение в польской компартии. Ряд причин привел к тому, что товарищи привыкли ограничиваться трафаретными формулами, недостаточность которых обнаружилась с полной яркостью, когда партия стала перед лицом трудных и сложных проблем.

В настоящей статье мы поставили себе задачу набросать разные фазы и проявления борьбы и совместных действий рабо-

чего класса и мелкой буржуазии и показать, как изменилась роль классов и социальных групп с изменением их экономической ситуации и удельного веса в обществе.

Однако, это ничуть не исчерпывает вопроса, а только создает фон, дает материал для ответа на вопрос, который со всей остротой встает перед партией, особенно, после майского опыта: как претворить в жизнь идею революционного руководства пролетариата?

Банкротство мелкобуржуазной программы, измена соглашательских вождей во время переворота вовсе не дают уверенности, что новая волна революции сразу сметет с поверхности все половинчатые и колеблющиеся рабочие и крестьянские партии, и что коммунистическая партия станет сразу хозяином положения. И потому вопрос о тактике компартии и о роли классов и партий в процессе развертывания революции, тот вопрос, который постоянно ставили перед пролетариатом Маркс и Энгельс, который составлял предмет спора между большевиками и меньшевиками, а также между Лениным и Троцким—должен стать в центре внимания теоретической мысли Коммунистического Интернационала.

Партия должна осветить этот путь революционного развития и формы осуществления гегемонии пролетариата прожектором диалектической марксистской мысли. Это будет лучшая гарантия от повторения тяжелых ошибок последнего периода.

А. Микоян.

К вопросам хлебной кампании.

(Беглые заметки).

К постановке вопроса.

Сельскохозяйственная продукция занимает превалирующее место во всей продукции нашего народного хозяйства. Урожай и его реализация в нашей стране — тот основной узел хозяйственных и политических вопросов, разрешение которых дает то или иное направление всей хозяйственной и политической жизни страны на более чем годичный период. В проблему урожая и его реализации упираются следующие основные вопросы:

во-первых, вопрос о размерах развертывания всего народного хозяйства;

во-вторых, вопрос о размерах заготовок хлеба, поступающего в распоряжение государства для снабжения основных потребляющих рынков и необходимого для создания продовольственной базы для промышленности и крестьянских районов специальных технических культур (Средняя Азия) и для экспорта за границу;

в-третьих, вопрос о размерах экспорта, который в значительной степени предопределяет возможный импорт промышленного сырья и оборудования для развертывания промышленности и, следовательно, производственную программу всей промышленности и сумму капитальных вложений;

в-четвертых, вопрос об организационных формах экономической смычки рабочего государства с крестьянством в области основной части крестьянской продукции;

в-пятых, политика хлебных цен, т.-е. вопрос о том, по каким ценам будет заготовлен хлеб у крестьян и какие эквивалентные ценности получит крестьянин в обмен на продаваемый им хлеб, а это—существеннейший момент в экономических взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства;

в-шестых, вопрос об уровне хлебных цен, который в связи с уровнем цен на промтовары будет определять не только политическое настроение крестьянства на данный период, но и ценностное соотношение между продукцией промышленности и сельского хозяйства, и тем самым размеры так называемого товарного голода. Уровень хлебных цен определяет и судьбы следующего сельскохозяйственного года, ибо крестьянин при намечении общей площади посева и доли, отводимой каждой с.-х. культуре, будет исходить в большей мере от существующих рыночных цен на данную культуру, чем от указаний Наркомзема;

в-седьмых, вопрос о реальной зарплате рабочего, ибо от уровня заготовительных цен будет зависеть и высота продажных цен хлеба в потребляющих районах;

в-восьмых, вопрос о том, сколько денежных средств государству придется израсходовать на закупки хлеба, что в значительной степени определяет размеры денежной эмиссии и влияет на курс нашей валюты.

Этим длинным списком важнейших вопросов нашей экономики и политики ни в коей мере не исчерпывается обусловленность многих других вопросов нашей жизни урожаем и перспективами его реализации. Отсюда понятно то громадное внимание, которое всегда уделялось партией урожаю и хлебозаготовкам. В прошедшем 1925/26 г. партия больше, чем когда-нибудь, фиксировала свое внимание на этих вопросах. И это потому, что только-что закончившийся год, богатый урожаем, был не менее богат различного рода затруднениями, отразившимися на всей хозяйственной и политической жизни страны. Эти затруднения оказали немалое влияние на ход нашей внутрипартийной жизни. Для партии стало почти законом, что всякий мало-мальски серьезный внутрипартийный кризис вызывается серьезными хозяйственными затруднениями — в прошлом году в непосредственной связи с хлебозаготовками. Появление новой оппозиции не случайно совпало с этими хозяйственными затруднениями в области взаимоотношений рабочего класса с крестьянством, и не случайно то, что в ее идеологии основное место занимает паника перед опасностями, боязнь дальнейших затруднений, приписывание их не нашим ошибкам, а сопротивлению деревни, которое мы не в силах преодолеть без крутой ломки всей нашей политики. Отсюда—раздувание кулацкой опасности, которое по сути дела об'ясняется боязнью деревни. Для подтверждения этой мысли можно привести немало цитат и доказательств. Достаточно, однако, ограничиться наиболее важными документами, какими являются речи оппозиционных лидеров на партийном с'езде, где мы читаем: «Дело идет к использованию нэпа некоторыми слоями крестьянства в направлении сопротивления нашему плану». И далее: «Нас *крестьянство* (курсив наш) в этом году довольно твердой рукой держало и удержало в деле разворачивания подлинно-социалистических элементов. В этот момент лозунг: «огонь по тем, кто указывает на эту опасность, сосредоточенный огонь по тем, кто указывает на рост этого сопротивления», это—тот лозунг, который вытекает из об'ективной ситуации? Нет! Я утверждаю, что это неправильная ориентировка»... (XIV Всесоюзн. с'езд ВКП(б), стр. 265).

Речь здесь идет не просто о кулацкой опасности, которая есть и которую никто не скрывает, а об опасности, которая грозит нам со стороны деревни, или, по крайней мере, со стороны *кулака и середняка*, ибо здесь ставится знак равенства между «ростом крестьянского сопротивления» и «ростом кулацкой опасности», т.-е. между крестьянством и кулаком. Такое смешение понятия крестьянства и кулака можно произвести только при панике перед деревней. Отсюда вытекает, что единственный источник всех затруднений, переживаемых нами на путях социалистического строительства,—это об'ективная непреодолимость сопро-

тивления крестьянства, которое, якобы, держит нас в узде и связывает рабочее государство в деле развертывания хозяйства.

Что нэп, предоставив крестьянству возможность свободного распоряжения излишками своей продукции, ставит перед нами ряд затруднений—это верно. Но нельзя забывать наших ошибок в деле хозяйственного руководства, упускать все ошибки, в том числе и собственные, взваливать все на сопротивление крестьянства и смешивать крестьянство с кулачеством. Вместо того, чтобы перед выявившимися новыми явлениями на рынке с.-х. продукции пересмотреть методы руководства, сделать их более гибкими, отвечающими новым особенностям и запросам жизни и этим путем избежать затруднений,—оппозиционеры выступили в роли отчаявшихся людей, которые при виде возникающих затруднений ударяются в панику и начинают требовать коренной ломки всей политики. Партия оспаривала эти выводы оппозиции, которые выходили далеко за пределы вопросов хлебозаготовок и давали совершенно иную, неверную установку нашей партии в крестьянском вопросе.

Партия на XIV с'езде дала решительный отпор этим попыткам пересмотра наших взглядов на крестьянство, доказав теоретическую фальшивость утверждений новой оппозиции с точки зрения ленинизма. Было бы важно еще раз проверить, на основе данных практики уже нового хлебозаготовительного года, нашу политическую линию в этом вопросе и посмотреть, насколько основательны были те опасения, которые выражала оппозиция. Тогда удалось бы установить, что рабочее государство на тех же путях нэпа нашло ключ к правильному руководству делом сбыта крестьянской продукции.

Правда, пока еще рано делать какие-нибудь окончательные выводы, ибо заготовительный год в значительной своей части еще впереди: с начала кампании прошло только 3 с лишним месяца. Однако, основные тенденции, под знаком которых пойдет хлебозаготовительная кампания, выявлены уже в достаточной степени, чтобы не отказаться от некоторых *предварительных выводов и соображений*.

Крестьянское накопление хлеба и наша политика цен.

Одна из ошибок прошлого года заключалась в том, что мы недостаточно учли то количество хлеба, которое крестьянство оставило себе в качестве запаса. Таким образом, ошибка прошлого года заключалась не в преувеличении размеров валового сбора урожая, а в преувеличении той части продукции, которая должна была поступить на рынок. Планирующие органы, данные которых были положены в основу оперативных планов, рассчитывали, что крестьянство оставит себе в запас из всего валового урожая 100 млн. пуд., тогда как оно, по данным Экспертного Совета, к концу прошлого года фактически оставило себе около 430 млн. пуд. ЦСУ считает, что около 200 млн. пуд. может быть дополнительно отложено крестьянством в этом году. В прошлом году не всему крестьянству СССР удалось оставить себе запасы, благодаря неравномерности урожая. Ряд районов Союза, в частности Центрально-Земледельческий район, не имел таких излишков, чтобы он мог отложить себе достаточные запасы.

В настоящее время мы часто встречаемся с такого рода рассуждениями оппозиции: 500—600 млн. пуд. хлеба крестьянство придерживает и не продает рабочему государству; будь в нашем распоряжении эти 500—600 млн. пуд., мы могли бы уже теперь усилить наше промышленное строительство.

Факт накопления запасов у крестьянства оппозиция использует, как один из аргументов, в пользу той ложной идеи, что крестьянство фактически бойкотирует рабочее государство. Что это совершенно не верно, ясно из того, что еще до существования рабочего государства крестьянство всегда оставляло себе хлебные запасы, размер которых по России достигал в лучшие урожайные годы и в особенности в повторные урожайные годы 500—600 млн. пуд. И это при отсутствии всякого товарного голода. Крестьянские хлебные запасы не есть способ бойкота рабочего государства, протеста против его политики цен и товарного голода. Конечно, низкие промышленные цены на промтовары есть важный стимул к выбрасыванию крестьянством хлеба на рынок. Однако, нужно твердо помнить, что при всех благоприятных для крестьянской продукции явлениях на нашем рынке у крестьянства останется естественное стремление накоплять известные хлебные запасы. Благоприятные рыночные факторы могут лишь сокращать размеры накопления.

Я считаю, что хлебное накопление крестьянства можно разделить на две части, имеющие совершенно различное значение и вытекающие из совершенно различных причин. Одна часть накопления—это страховка от возможности неурожая. Известно, что каждое производственное предприятие, даже регулируемое в плановом порядке (завод, трест), не может нормально работать без некоторого запаса материалов и сырья, которые находятся на предприятиях временно в качестве мертвого капитала, но являются необходимой страховкой против возможных перебоев в снабжении, при чем указанные запасы для каждой отрасли промышленности имеют почти установленную норму. Если это необходимо для отраслей хозяйства, мало подверженных воздействию стихийных бедствий, то тем больше это необходимо для нашего отсталого сельского хозяйства, которое находится в сильнейшей зависимости от стихийных бедствий. Ведь у нас почти установился закон, что через каждые 2—3 года урожай сменяется неурожаем, переходящим зачастую в голод. При этих условиях совершенно естественно, что крестьянин страхует себя от недорода. На этом естественном желании крестьянина строить теорию растущего сопротивления крестьянства рабочему государству, это значит совершенно игнорировать особенные условия развития нашего сельского хозяйства.

Если бы мы предложили крестьянину не оставлять себе никаких запасов, кроме того, что ему необходимо до нового урожая для обсеменения полей, питания и корма скота, то этим самым мы должны были бы, в случае неурожая, взять на себя снабжение крестьянства недостающим количеством хлеба. Но ведь это меняло бы положение только в худшую для нас сторону, ибо мы должны были бы создать страховые хлебные запасы у государства, и значительное количество хлеба должно было бы лежать неподвижным запасом в руках государства.

Я считаю, что эта часть крестьянского накопления хлеба, т.-е. страховые запасы, в качестве гарантии против неурожая, являются совершенно нормальными в условиях нашей крестьянской экономики. Против такого накопления государство ни в какой мере не должно бороться.

Вторая часть запасов, которая откладывается преимущественно зажиточными крестьянами сверх страховых запасов, вызывается ожиданием более выгодной рыночной кон'юнктуры и продажи хлеба по более высоким ценам.

Если первую часть запасов можно назвать производственной страховкой, то вторая часть представляет собой исключительно спекулятивные запасы. Из принципиально различного назначения этих двух частей хлебных запасов крестьянства должно вытекать и наше различное отношение к ним: наша задача должна сводиться к тому, чтобы отучить крестьянство от попыток удержания хлеба до момента более высоких цен, от его попыток маневрирования в качестве торговца (продавца). Этого можно достигнуть лишь при такой устойчивой политике хлебных цен, которая не дает возможности имущим слоям крестьянства ориентироваться на повышение хлебных цен. Крестьянин к этому маневрированию на рынке привык еще до революции; рынок и при капитализме был подвержен неожиданным стихийным изменениям и скачкам. Но, как это ни странно, за последние годы, т.-е. почти за все годы нэпа, цены с.-х. рынка в нашей стране отличались от цен в буржуазных государствах не своей устойчивостью, как надо было бы ожидать, а, наоборот, большей изменчивостью, резкими скачками то вверх, то вниз. Прошел только год, как мы сохраняем правильное движение цен в течение всего заготовительного периода, не допуская неестественно сильного разрыва между осенними и весенними хлебными ценами. Зажиточные крестьяне уже на деле убеждались в отсутствии выгоды от удержания хлеба. Не получая никакой пользы от своего маневрирования и терпя в своих расчетах неудачу, они постепенно должны будут сократить, а затем, возможно, и совсем прекратить накопление спекулятивных хлебных запасов. Запасы такого характера будут также в этом году, хотя, наверное, в меньшей мере, чем раньше, ибо кулацкие элементы крестьянства в 1925/26 г. жестоко обманулись в своих расчетах. В то время как в 1924/25 году весенние цены значительно превосходили осенние (по ржи на 69 к.—119%, по пшенице на 84 к.—93%, а по овсу на 72 к.—124%), в 1925/26 году мы имеем резко изменившуюся картину. Цены на пшеницу в апреле—июне 1926 г. пали против октября—декабря 1925 г. с 1 р. 21 к. до 1 р. 18 к.; за тот же период цены на ячмень снизились с 62 до 60 к. Правда, цены на рожь и овес возросли, но настолько незначительно (с 80 до 89 к. и с 73 до 83 к.), что удержание их в течение полугодия едва ли могло дать какие-нибудь преимущества. Таким образом, зажиточные крестьяне, имевшие весной значительные запасы, проиграли, тогда как середняцкие и бедняцкие элементы, продавшие свой хлеб, главным образом осенью, несомненно, выиграли.

Что выдержанная политика заготовительных цен отбивает у крестьян охоту держать маневренные запасы, можно показать на примере хлопка.

На хлопок у нас существует монопольная цена, которая почти не меняется. Крестьянин, производитель хлопка, привык к этому и он не имеет никаких оснований ожидать повышения

хлопковых цен. Поэтому мы и не наблюдаем случаев выдерживания хлопка. Наоборот, в течение первых 2—3 месяцев заготовительного сезона средне-азиатское крестьянство почти весь хлопок выбрасывает на рынок. Иначе обстояло дело в довоенное время в России и еще теперь в капиталистических странах, в частности в Америке: игра на повышение цен, выдерживание хлопка в ожидании более высоких цен и проч. были и остаются здесь обычным явлением.

О роли частников в хлебозаготовках.

По данным контрольных пунктов Наркомторга СССР, мы в июле, августе и сентябре этого года имеем резкое сокращение роли частника против тех же месяцев прошлого года (август 1925 г.—17%, август 1926 г.—11%; сентябрь 1925 г.—22,8%, сентябрь 1926 г.—6,4%). Однако, это сокращение роли частника в хлебных перевозках было вызвано отнюдь не нашей умелой конкуренцией с частным заготовителем. Таких успехов мы еще не достигли: накладные расходы хлебозаготовителей у нас еще высоки, гибкость аппарата еще недостаточна и ни в коей мере еще не поддается сравнению с частным капиталом. Сокращение частных заготовок обязано так называемому экономическому регулированию перевозок частного хлеба по ж. д. и водному транспорту, которые в этом году проведены почти во всех имеющих большее или меньшее значение хлебных районах, чего не было в прошлом году в таком масштабе.

Такое сильное сокращение роли частного капитала в хлебозаготовках нельзя, следовательно, отнести за счет нашего регулирования рынка чисто экономическими мерами. Наоборот, мы пока еще добиваемся нормализировать хлебный рынок на месте заготовок и устранять, напр., громадное расхождение между ценами заготовительными в районах производящих и продажными в районах потребляющих. Это расхождение настолько сильно и дает столь большие сверхприбыли на сбыте хлеба в потребляющих районах, что если бы даже госзаготовители уменьшили накладные расходы на 3—5 коп. по сравнению с частником, то и это не сократило бы роста частных заготовок, так как прибыль, получаемая частником при этом расхождении цен между районами, во много раз превышает 3—5 коп. Если бы нам удалось, а мы этого добиваемся и добьемся, чтобы отношения между продажными ценами на хлеб в потребляющих районах и ценами заготовительными в производящих районах были нормальны, то не требовалось бы и таких жестких мер регулирования, о которых мы говорили выше.

Что же мы получили в результате всех наших мероприятий? В области хлебной торговли мы имеем, примерно, то, что тов. Ленин еще в начале нэпа, когда еще ни у кого не было ясного представления, какие конкретные формы примет нэп, назвал «свободой местного товарооборота». Мы сейчас не имеем свободного общесоюзного хлебного рынка, и рамки деятельности частников и государственных, кооперативных внеплановых заготовителей ограничены, главным образом, местным товарооборотом. В то же время создавшаяся практика хлебных заготовок в текущем году напоминает некоторыми чертами незаконченную хлебную монополию, поскольку свободой движения хлебных грузов по всей территории СССР пользуются лишь основные хлебозаготовители, работающие по основным планам государства. Эта временная форма регулирования неизбежно изменится, когда мы установим более или менее правильные отношения между ценами потребляющих и производящих рынков.

Варьирование в применении чисто экономических и административных мер регулирования не только не противоречит нэпу, но вполне укладывается в рамки нэпа, ибо нэп не есть данная заранее, не подверженная изменениям экономическая система. Она меняется и будет изменяться в зависимости от нашего роста, от охвата рынка государственными и кооперативными организациями, от отношений между социалистическими элементами и частным капиталом в области товарооборота. Нэп не только не исключает, но предусматривает использование всех командных высот, всех рычагов пролетарской диктатуры. Транспорт есть одна из важных командных высот пролетарского государства, и он не может быть исключен из нашего арсенала воздействия на рынок. Только сплошным недоразумением можно считать то, что в уставе железных дорог имеется пункт, смысл которого сводится к тому, что железные дороги чуть ли не нейтральны в борьбе социалистических элементов с капиталистическими. Этот пункт устава на деле давно уже не применяется,— и устав железных дорог, подчиненных пролетарскому государству, должен включать в себе задачу содействия победе социалистических элементов.

До сих пор мы боролись и впредь будем бороться за увеличение роли государственной и кооперативной торговли в товарообороте страны вообще. Но еще сильнее мы должны бороться с частником за сбыт крестьянской продукции, ибо это имеет большее экономическое и политическое значение, чем даже сбыт промышленной продукции крестьянству. На самом деле, промышленная продукция в огромной своей части находится в руках государства, которое в любой момент в состоянии ослабить роль частника путем направления все возрастающей части промышленных товаров к крестьянству по каналам кооперативной и государственной торговли. Иначе обстоит дело на рынке сел.-хоз. товаров. Здесь частник может теснее связаться с многомиллионным распыленным крестьянством, поставить нам барьер на пути сближения с трудящейся массой крестьянства и создать ряд экономических и политических трудностей. В условиях рынка последних лет частник, продавая крестьянам по ценам более высоким, чем кооперация и государство, в качестве продавца промтоваров фигурирует в глазах крестьянина в самом отрицательном свете, и в этой области деревню куда легче втянуть в русло кооперативной и государственной торговли.

В заготовках хлеба и сырья частник сплошь и рядом платит дороже государственных и кооперативных заготовителей и представляется крестьянину в более положительном свете.

Однако, каким бы темпом мы ни продолжали вытеснение частного капитала, думать о том, что в ближайшие годы мы совершенно вытесним его из области торговли вообще, в частности из хлебной и сырьевой торговли,—значило бы питать несбыточные иллюзии, а, стало быть, вредные иллюзии. Кооперация еще до сих пор не сумела охватить полностью крестьянское хозяйство, а без этого совершенно неизбежно существование

частного торгового капитала. Другой вопрос о доле участия этого частного капитала, которая все больше и больше ограничивается. Кроме того, у частного капитала есть накопленные средства, игнорировать которые мы не можем, особенно в связи с необходимостью больших средств для индустриализации страны.

На ближайшее время мы должны поставить себе задачу максимального, но постепенного вытеснения частного капитала из торговли вообще и в особенности из хлебной и сырьевой.

Вместе со стремлением уменьшения удельного веса частной торговли в общем товарообороте страны наши усилия должны быть направлены по руслу организованного регулирования того частного торгового капитала, который остается, и неизбежно еще на некоторое время будет оставаться, составной частью нашей экономики.

Здесь не мешало бы сослаться на Ильича, который отмечал пять форм основных хозяйственных типов, из которых складывается экономика нашей страны. Он писал об этом в 1918 г. и повторил в 1921 г. в начале нэпа. На ряду с существованием частного капитала Ильич указывал на формы государственного капитализма, прибавляя, что государственный капитализм в отношении обычного частного капитализма есть шаг вперед, и наша задача заключается в стремлении способствовать переходу формы частного капитала в форму государственного капитализма, как облегчающую, в свою очередь, переход к социалистическому хозяйству. Последующий ход хозяйственного развития СССР оставил несравненно меньше места государственному капитализму, чем Ильич отводил ему при определении хозяйственной структуры нашей страны. Это, главным образом, об'ясняется тем, что одна из форм государственного капитализма—концессии—не получила того развития, которое можно было предполагать (в нашу задачу не входит останавливаться в этой статье на причинах этого).

В нашем хозяйстве крупнейшее значение имеют: 1) социалистический тип хозяйства, 2) товарно-крестьянское хозяйство и 3) частное капиталистическое хозяйство. Натуральная форма крестьянского хозяйства все больше стала сокращаться, превращаясь в товарно-крестьянское хозяйство, а госкапиталистическая форма не получила значительного развития.

Мы должны работать над тем, чтобы частный капитал в области торговли и промышленности приобрел характер государственного капитализма, мы должны направить частный капитал в известные отрасли нашего хозяйства, сообразуясь с интересами нашего социалистического хозяйства. В то же время мы должны найти такие формы ограничения частного капитала, которые обеспечили бы плановое регулирование его со стороны государства.

К работе в этих двух направлениях мы только-что приступили. Делать какие-нибудь окончательные выводы из данных практики было бы рано, ибо прошло лишь несколько месяцев, как эти меры регулирования частного капитала начали применяться. Мы уже пытаемся, вытесняя капитал из громадных областей заготовок сырья и хлеба, направить его на заготовки других, второстепенных частей с.-х. продукции и вытеснить его из области торговли недостаточными товарами, допуская в торговлю достаточными товарами, где деятельность частного капитала может протекать при меньшем темпе накопления и не грозит большими опасностями. Мы стали применять следующие методы регулирования частного капитала: поскольку частнику трудно доставать товары обычным путем (а необычный путь вызывает большие накладные расходы для частника и создает ненормальности и перебои в его работе), мы сочли возможным снабжать его недостаточными товарами, обусловливая такой отпуск в организованном порядке ограниченными накидками на отпускные цены, определяемыми органами Наркомторга. Частник, возможно, часть товаров будет продавать на сторону по более повышенным накидкам. В виду этого мы должны уточнить формы регулирования и заставить частника придерживаться установленных цен и порядка.

Данные многих городов, в частности Москвы, показывают, что частники, в результате организованного снабжения, снизили цены на мануфактуру. Другой пример—попытки заключения конвенций между частниками и госорганизациями в Москве имел место в области продажи дров. Раньше частник продавал куб дров дороже госорганизаций на 24 руб., теперь же частные цены превышают государственные только на 1—2 руб. Я должен еще раз оговориться, что это еще первая попытка, не дающая оснований к окончательным выводам, но достаточно важная, чтобы обратить на нее внимание. На ошибках этих опытов придется учиться и продолжать работу по вовлечению частных торговцев в орбиту государственного регулирования.

В области хлебных заготовок мы также проводим ряд опытов по регулированию частника. Это регулирование пока носит пестрый характер, имея в различных районах различные формы. По мере накопления опыта устанавливаются более однообразные формы, поскольку неудачи и ошибки одних мест используются как данные для других мест: в частности на Украине, Сев. Кавказе и в ряде других районов РСФСР частные мельники после проведения экономического регулирования пошли на наши условия, и уже с многими из них заключены договора. Так, существуют типовые договора на заготовку хлеба у крестьян по ценам конвенционным, государственным и на сдачу этого хлеба Госбанку или другим государственным органам по ценам биржевым (или даже ниже) на месте заготовок. Это одна из форм покупки хлеба у частника. Другая форма, когда частник заготовляет по нашей цене, но реализация его хлеба производится Госбанком на началах комиссионных. В этих двух методах есть некоторая разница. В первом случае частник, с одной стороны, лишается возможности получения сверхприбылей, разницы между ценами заготовительных районов и потребляющих. Но с другой, он получает возможность более быстрого оборота своих средств, поскольку продает на месте Госбанку и получает наличными деньгами и может продолжать заготовки. Во втором же случае частник получает сверхприбыль, но зато мы вовлекаем его средства в товарооборот без дезорганизующего влияния на цены заготовительных и потребительских рынков; частный заготовитель возвращает свои деньги лишь после реализации хлеба на рынке. Когда мы устраним «ножницы» между ценами потребительских и заготовительных районов, тогда эта вторая форма станет для нас более выгодной, чем первая форма. Ибо при этом

будет возможность сократить государственные средства, вкладываемые в хлебозаготовки путем привлечения частных средств. Если эти опыты приведут к положительным результатам и на практике примут широкие размеры, то частный капитал перестанет быть фактором, не поддающимся нашему регулированию и не будет больше так дезорганизовывать рынки, путать всю нашу работу. Но и при этом условии мы должны будем итти не на увеличение роли частного капитала в хлеботорговле, а на дальнейшее постепенное сокращение. Ибо такое регулирование частника при хлебозаготовках возможно при преобладающем значении государственной и кооперативной торговли хлебом. Мне кажется, что эта форма регулирования частного капитала вообще, и в области хлебозаготовок в частности, будет теми каналами, которые будут толкать обычный частный капитал на рельсы госкапитализма.

Товарный голод и новый опыт в хлебозаготовительной практике.

Конечно, на ходе хлебозаготовок будет сильно отражаться недостаток промтоваров, который лишает крестьянство стимула выбрасывать все свои излишки на рынок. Размер этого товарного голода, конечно, имеет громадное значение для судеб хлебозаготовок. Госплан в своих контрольных цифрах исчислил размеры товарного голода страны в текущем хозяйственном году на 120 млн. р. больше, чем это было в прошлом году. По исчислениям Госплана, эта цифра выражалась в прошлом году в 380 млн. руб., а в нынешнем она увеличилась до 500. Мне кажется, что Госплан преувеличивает размеры товарного голода. Во-первых, потому, что он взял процент увеличения производственной программы всей промышленности и, в частности, текстильной промышленности, на 2—3% меньше, чем это намечено ВСНХ и утверждено СТО. Во-вторых, Госплан не учел сильного увеличения размеров из'ятия средств у населения, в частности, крестьянского, по каналам налоговым, как прямым, так и косвенным, которое произойдет в 1926—27 г.

Кроме того, хлебные цены держатся на уровне более низком, чем это предполагал Госплан, а это обстоятельство, конечно, также отразится на размерах товарного голода, ибо более низкие цены сокращают платежеспособность крестьянства, этим самым сокращая размеры товарного дефицита.

Если оставить в стороне подробные цифровые расчеты, страдающие большими неточностями, и исходить из общих показателей состояния рынка, то окажется, что товарный голод в 1926—27 г. вряд ли будет более острым, чем в прошлом году. Наоборот, не исключена возможность, что при некоторых условиях он будет несколько смягчен.

Однако, товарный голод и в прошлогоднем размере является чрезвычайно серьезным препятствием в деле нашего хозяйствования, в особенности в деле хлебозаготовок.

Наша задача найти новые формы и способы получения денежных средств от крестьянства. Одна из этих форм, которую мы имеем в виду применить—это получение авансов от крестьянства путем предварительной подписки на покупку недостаточных с.-х. орудий, машин, шпагата и пр. При этом должно быть соблюдено условие предоставления всех преимуществ кооперированному крестьянству. Здесь нужно избежать прошлогодней ошибки, когда значительная доля тракторов попала путем подписки в руки зажиточных слоев. Этот способ имеет громадное практическое значение.

Другой формой такого применения, в качестве опыта, выдвинуты «покупка хлеба на цену» и так называемый «кооперативный сбыт хлеба». Покупка «хлеба на цену» сводится к тому, что крестьянин, предположим, в августе, сентябре и октябре сдает хлеб кооперативу или госхлебозаготовителю и получает некоторый аванс, не больше 50% стоимости хлеба с тем, чтобы окончательный расчет с ним производился через 2—3 месяца, именно в тот день, который крестьянин оговаривает при сдаче хлеба. Расчет производится по ценам, существующим на договоренный день у государственных и кооперативных заготовителей. Эта форма дает возможность покупки у крестьян хлеба в кредит на 3—4 месяца. При такой системе у крестьянина создается возможность выгадать на повышении цены, если бы оно действительно имело место, и притом без всяких расходов по хранению у себя хлеба от возможной его порчи долгоносиком, отсырения и проч. При продаже «хлеба на цену», крестьяне от всего этого избавляются и оставляют за собой возможность пользоваться рыночной кон'юнктурой, тем более, что крестьянин уверен, что если даже весенние цены не будут выше осенних, то вряд ли они будут ниже.

Если бы мы шли с перспективой на повышение хлебных цен весной, то покупка на цену нам была бы невыгодна с двух точек зрения: во-первых, потому, что мы переплачивали бы крестьянину и, во-вторых, в социальном отношении, поскольку на такую продажу хлеба пойдут, естественно, середняк или кулак и давать ему заработать против бедняка и маломощного середняка было бы политической ошибкой. Если же мы идем с перспективой твердо-устойчивых цен на протяжении всего года или очень незначительного изменения, то это для нас выгодно. Кроме того, сама покупка на цену дает возможность сохранить устойчивые цены на хлеб весной, ибо чем больше наличного хлеба у государства, тем больше у него возможности регулирования цен.

Как видно, эта мера, имея свои положительные стороны, таит в себе ряд опасностей. Однако, она настолько важна и практически интересна, что было бы лучше проверить ее в качестве опыта, чем, боясь трудностей, воздерживаться от «покупки хлеба на цену». Многие могут считать это нереальным, однако, есть факты в ряде наиболее культурных районов (Украина, Сев. Кавказ, Поволжье), когда крестьяне идут на «продажу хлеба на цену». По 20 сентября на Украине этим путем заготовлено уже 500 тыс. пуд. хлеба: в нашем же плане намечена «покупка хлеба на цену», примерно, на 5 милл. руб. в качестве опыта. Если опыт этот удастся, то было бы чрезвычайно важно эту практику укрепить и в будущем расширить. Это дает, с одной стороны, укрепление доверия крестьянства к государству и кооперации и, с другой стороны, дает государству возможность маневрирования: изымая хлеб, когда в его распоряжении нет достаточных промтоварных ресурсов, оно переносит расчеты с крестьянином на более благоприятное время. Осенью происходят все хлебные и сырьевые заготовки, требующие больших средств и дополнительных эмиссий, а при этом порядке мы могли бы уменьшить раз-

меры дополнительных эмиссий. Методы покупки хлеба у крестьян без уплаты наличными, практикуются не только у нас. В Канаде, например, этот способ широко применяется, но имеет несколько иные формы.

Кроме этого метода закупки у крестьян на цену, мы применяем практику так называемого «сбыта хлеба», когда крестьянину уплачивается неполная цена, а иногда даже ничего не уплачивается с тем, что расчет производится после продажи хлеба на рынке, исходя из вырученной суммы минус накладные расходы и установленная норма прибыли кооперативной организации. Эта вторая форма может принять более широкий характер, но она менее выгодна, чем первая, ибо в первом случае кредит предоставляется на более долгий срок—2—3—4 месяца, а во втором случае кооперация получает кредит хлебом всего лишь на две недели или на месяц в виду быстрого оборота хлеба на местном рынке.

Обо всем этом мы можем говорить, как об опытах, заслуживающих нашего внимания и интереса, но полную оценку им можно будет дать только на основе более длительного опыта.

Арт. Кактынь.

Политика цен.

В первые годы нэпа, когда только еще образовывался рынок, возник довольно ожесточенный спор на тему о том, возможно ли и целесообразно ли государственное регулирование цен. Спор этот особенно заострился к концу 1922 г., когда промышленность, «разбазарившая» перед тем остатки своей продукции в обмен на дорогой по случаю неурожая хлеб, стала понемногу взвинчивать свои цены, стремясь этим возместить потери, когда она в то же время испытывала жестокий сырьевой голод и, истратив старые запасы, не обеспеченная оборотными средствами, с трудом приобретала необходимое ей количество сырья. Если в отношении хлеба, который в этом году шел в большей своей массе еще по продналогу, вопрос цены не играл решающей роли, то в отношении сырья и некоторых других сельскохозяйственных продуктов при недостаточной их продукции возникли известные затруднения в отношении цены на эти товары. Вместе с тем высокие цены на промтовары стали затруднять их сбыт в деревне и обмен их на сырье, хлеб и др. продукты последней. Когда еще в мае 1922 года создавалась комиссия СТО по внутренней торговле, а в октябре того же года задачи и права этой комиссии расширялись вплоть до установления списков товаров, повышение цен по которым при выпуске с фабрик и заводов выше устанавливаемых предельных цен не допускается, ряд товарищей (главным образом тт. Пятаков, В. Смирнов и др.) высказывали принципиальные сомнения насчет возможности и допустимости государственного регулирования цен. Они указывали, что в неорганизованной своей части рынок все равно это регулирование цен не признает, цена будет устанавливаться, особенно в рознице, в зависимости от соотношений спроса и предложения, а в конечном счете—от производственных отношений, складывающихся в нашем хозяйстве; что же касается организованной части народного хозяйства (государственная промышленность, транспорт, кооперация), то здесь регулирование цен и не нужно, кроме разве расчетов между отдельными крупными хозяйственными организациями; что же касается отношений между организованной и неорганизованной частями хозяйства, то при выходе товаров из промышленности не следует ограничивать ту долю прибыли, какую при данном соотношении между спросом и предложением может получить промышленность.

В этом вопросе отразилась целая теория, целая линия—линия противопоставления промышленности сельскому хозяйству, линия борьбы между ними, линия, знаменующая отказ от внесения организующего, планово-регулирующего начала в мелкое неорганизованное еще хозяйство. Это была политика реванша для промышленности за те потери, которые она понесла в предыдущий голодный год, когда она за бесценок отдавала последние свои запасы в деревню (приказ т. Пятакова по ВСНХ о погоне за прибылями). Идеология эта приводила с полной неизбежностью к «ножницам»:

последние в то время усиленно росли, достигнув через год своего наивысшего раствора.

Уже тогда эта точка зрения получила решительный отпор со стороны тов. Ленина, противопоставлявшего ей линию на смычку с деревней, линию на кооперирование деревни, втягивание ее таким образом в сферу воздействия со стороны социалистической системы хозяйства. Ясно, что при этом подходе требовалось устанавливать такие отношения между городом и деревней, которые приводили бы не к борьбе между ними, а создавали бы известное равновесие, обеспечивающее крепкий между ними союз. Эта точка зрения в отношении регулирования цен и тогда уже в перспективе приобретала исключительное значение, ибо, поскольку вырастал внутренний рынок, поскольку рыночная система, по мере развертывания нэпа, охватывала все элементы народного хозяйства,—а иначе это и быть не могло, ибо нельзя было по-ларински сочетать систему товарооборота с системой централизованного снабжения и распределения эпохи «военного коммунизма»—поскольку реализация создаваемой в промышленности и в сельском хозяйстве «прибавочной ценности» происходила на рынке,—постольку вместе с тем усиливалось значение цены, как экономической категории, отражавшей производственные отношения и, в известной мере, влиявшей, в свою очередь, на их дальнейшее развитие. Этот важнейший фактор регулирования всего народного хозяйства не мог быть нами отдаваем во власть рыночной стихии: владея крупнейшими промышленными предприятиями, а также всеми видами транспорта, кредитной системой и крупной оптовой торговлей, уже тогда сосредоточивавшейся в первых синдикатах, в основном же проводившейся трестами, мы получили такую мощную силу воздействия на рынок, что, в дополнение к об'ективным законам ценности и отношений спроса и предложения, определяющим автоматически уровни цен, мы могли добавить еще третий существенный фактор планового порядка—регулирование цен, как сознательное, заранее рассчитанное, производимое основными экономическими рычагами, находящимися в наших руках, воздействие на производство и обращение на рынке той продукции, которую давало обобществленное хозяйство, или столь же сознательное и рассчитанное регулирование спроса обобществленного сектора на продукцию сектора необобществленного. Тов. Ленин, не без основания, определял тогда отказ от регулирования цен, как чистейшее ребячество, совершенно не совместимое с нашими очередными задачами.

Следует констатировать, что за истекшие с тех пор четыре года идея регулирования цен настолько укрепилась, что вряд ли сейчас найдутся серьезные ее противники. Чрезвычайно значительный рост за последнее время государственной промышленности, усиление ее удельного веса во всей экономической жизни страны, развертывание внутреннего рынка и усиление роли в нем государственно-кооперативного сектора, благодаря особенно мощному росту за последние годы кооперации, оттеснение частного капитала на второй план,—все это усилило предпосылки для возможности регулирования товарооборота и цен. В то же время такие затруднения, как затруднения доставленные нам «ножницами» 1923—24 г., или затруднения в связи с высокими хлебными ценами 1924—25 г., наконец, товарный голод и происходящий от него ажиотаж в отношении голодных товаров,—настойчиво требовали применения активной политики цен, которая помогла бы нам изживать эти затруднения. Никто не станет отрицать, что это регулирование в соответствующие моменты вносило значительное оздоровление в рыночные отношения и через них в отношения производственные и социальные.

Но если принцип планирования и регулирования цен, а, следовательно, и товарооборота, наконец, признан и усвоен, то далеко еще нет единства насчет самого содержания нашей политики цен. Вплоть до последнего времени существуют попытки придать этому регулированию цен такое направление, которое искусственно и чрезмерно усиливало бы позиции промышленности за счет сельского хозяйства ценой задержки естественного роста этого последнего, попытки проводить политику цен, которая вместо смычки города с деревней обостряла бы противоречия между ними, заменяла бы социалистическую плановую систему хозяйства анархической борьбой на рынке основных элементов этого хозяйства. К такому противопоставлению города деревне с несомненностью приводят обе «установки» нашей оппозиции, как установка «сверх'индустриалистов», так и установка аграристов. Первая группа оппозиционеров совершенно открыто выдвигает задачу дополнительного извлечения средств из деревни путем повышения отпускных цен на промышленную продукцию (эта группа, конечно, говорит не «из деревни», а «с рынка», выдвигая в то же время предложение вернуть рабочим потери от повышения цен в виде повышения зарплаты). Конечно, не может быть сомнений, что в основной своей части это повышение отпускной цены по голодным товарам перенесется на сельского потребителя, ибо, как уже сказано, рабочему эта потеря должна быть возмещена. Что же касается новой буржуазии и частного торговца, то в отношении достаточных товаров, по которым это повышение шло бы за их счет, они, как это обычно делается, сократят свое участие в реализации этих товаров, тем более энергично накидывая на попадающиеся в их руки голодные товары, добывая их всеми путями и средствами, ибо по голодным товарам, при явном превышении спроса над предложением, есть полная возможность накидку на отпускные цены перевести даже в двойном, тройном размере на потребителя, каковым в отношении этих товаров, во всяком случае не меньше, чем наполовину, является деревня.

Аграристы прямого тезиса, подобного сверх'индустриалистам, не выставляют, но если расшифровать их политику ослабления монополии внешней торговли, политику, которая пытается изжить товарный голод за счет притока недостающих товаров извне и, отдавая на заклание нашу промышленность, довольствоваться аграрным характером нашей страны и ее хозяйства, то станет ясно, что эта позиция представляет, в сущности, обратную линию,—линию усиления сельского хозяйства за счет промышленности, как путем снижения в целях конкуренции с иностранными промтоварами цен на промтовары ниже себестоимости, так и путем соответствующего повышения сельскохозяйственных цен, благодаря широкому свободному экспорту излишков сырья и сельскохозяйственных продуктов за границу. И при этой позиции мы опять-таки имеем в рыночной сфере противопоставление и борьбу города и деревни, имеем, в конечном счете, отказ от планового регулирования, имеем свободу движения цен, тем

более, что снятие монополии подчинило бы наш рынок, в значительной мере, иностранному торговому, промышленному и финансовому капиталу.

Ни та, ни другая позиция для партии и советской власти не приемлема. Подобные уклоны являются не чем иным, как выражением паники, отчаяния, неверия в возможность социалистического строительства в нашей стране, являются отрицанием тех успехов в области обобществления и индустриализации хозяйства, какие мы уже имеем и какие, по мере дальнейшего развития индустриализации и коллективизации хозяйства, могут и должны дать все более значительное преобладание в нем социалистических элементов. Партия, вопреки этим паникерским уклонам, выдвигает задачу дальнейшего планового охвата рынка и сподчинения частного торговца государственной торговле и кооперации, владеющим $^{9}/_{10}$ опта. Сосредоточивая в каналах госторговли и кооперации возрастающие массы промышленных товаров, твердо удерживая в своих руках регулятор внешней торговли, мы должны усиливать планово-регулирующее воздействие на ценообразование и движение цен, чтобы таким путем устанавливать необходимые соотношения и темпы роста промышленности и сельского хозяйства.

В настоящих условиях наша политика цен должна исходить из следующих предпосылок. Во-первых,—из факта товарного голода. Товарный голод все еще сохраняет свою силу, хотя и число товаров, на которые он распространяется, постепенно суживается, и при правильной политике заработной платы и планомерной реализации урожая растягивается во времени спрос на товары, и тем самым смягчается несоответствие между спросом и предложением. Не следует забывать и того, что, хотя и размеры товарной массы, недостающей для полного снабжения города и деревни по некоторым подсчетам растут, недостаток этот относительно легче воспринимается, поскольку общий уровень потребления из года в год растет весьма заметно (за последний год проц. на 10 по городу и деревне). Наконец, прочная валюта при соответствующей эмиссионной политике, при строгом регулировании внешне-торгового баланса и валютных расчетов, содействует обращению известных количеств накопляемых денежных ценностей в прямое денежное накопление, в займы и т. д. Тем не менее товарный голод остается немаловажным фактом, так как основные предметы потребления деревни, а отчасти и города—текстиль, кожа, металл и строительные материалы, все еще им охвачены.

Во-вторых, следует исходить из факта некоторого нового раздвижения «ножниц» между городом и деревней, особенно, если брать не формальные «ножницы» по оптовым и розничным индексам, а брать эквиваленты между ценами на хлеб и основные промтовары, а еще лучше, если сопоставлять заготовительные цены на основные продукты сельского хозяйства с ценами уездных городов и деревни на промтовары. Раздвижение «ножниц» получилось этим летом и осенью в результате значительного падения хлебных цен, при росте, вплоть до мая—июня, промышленных цен, которые в дальнейшем стабилизировались с тенденцией к снижению.

В-третьих, следует исходить из факта оптово-розничных «ножниц». В среднем по всем товарам они несколько за последний год сокращаются, но по промтоварам торговые накидки все еще удерживаются на высоком уровне, что вызывает чрезмерное отложение средств в сфере обращения, усиливает частное накопление и усиливает раствор «ножниц» между городом и деревней.

Наконец, в-четвертых, необходимо исходить из факта продолжающегося вплоть до осени этого года раздвижения уровней мировых цен и цен нашего Союза, при чем общий уровень наших цен продолжал расти, тогда как уровни цен Соединенных Штатов, Англии, Германии и других стран постепенно, из месяца в месяц и из года в год, снижались. Это является, между прочим, основной причиной затруднений в области экспорта, низкой его рентабельности, недостаточной стимуляции его развития. Такое расхождение цен приводит нас в итоге к значительному отрыву от мирового хозяйства, что весьма трудно совместить с нашими задачами индустриализации, по крайней мере, на первое время, когда мы чрезвычайно нуждаемся в тех технических средствах, какие нам может дать иностранный рынок. Нечего добавлять, что слабый экспорт вызывает пассивность внешне-торгового баланса, вместе с тем осложняет наши валютные расчеты, заставляет нас вывозить за границу золото. Это в свою очередь создает затруднения также и в отношении внутреннего денежного рынка, несмотря на твердую кредитную политику и максимальное ограничение эмиссии, что в общем за последние месяцы значительно упрочило наш рубль и подняло его покупательную способность.

Уже перечня этих предпосылок достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, какой должна быть наша политика цен. Ясно, что достигнуть сжатия «ножниц» между городом и деревней, а также и сокращения той доли прибыли, которая остается в сфере обращения, наконец, достигнуть усиления экспорта и вместе с тем импорта, можно лишь при линии на систематическое, настойчивое снижение уровня розничных цен. Только при этом условии мы получаем возможность дальнейшего снижения заготовительных сельскохозяйственных цен—в противном случае, мы подходим к пределу того их снижения, за которым (пределом) хлебные и особенно сырьевые цены становятся для крестьянства разорительными—только при этом условии мы можем реально сократить торговую накидку и вместе с тем большее количество средств оставить для производства. Наконец, только при общем курсе на постепенное снижение общих уровней цен, как розничных, так и оптовых, и, особенно, по экспортным товарам, мы можем добиться рентабельности экспорта и вместе с тем его усиления.

Таков основной вывод из наличных предпосылок. Однако, следует сделать ряд существенных оговорок, уточняющих нашу основную политику цен. В отношении сельскохозяйственных товаров, в особенности в отношении группы экспортных товаров, по которым процент накидки пока не является особенно высоким, нам не следует гнаться за слишком быстрым снижением этой накидки, ибо это может вызвать также и усиление внутреннего потребления этих товаров. Стремясь всячески к снижению розничных цен на основные продукты потребления—хлеб, мясо, растительное масло, соль, сахар, ситец, посуду и некоторые другие массовые товары, мы не должны слишком снижать уровень цен на такие предметы потребления, как сливочное масло, та-

баки, особенно табаки высоких сортов, пушнина и т. п. Соответствующей системой железнодорожных тарифов мы должны сосредоточивать эти наиболее ценные экспортные товары преимущественно в портах, ограничивая сравнительно высокой ценой внутреннее их потребление. Однако, для полной ясности подчеркнем, что такая политика цен отнюдь не требует усиления торговой накидки по этим товарам: лучше надбавку отдавать в виде добавочного тарифа для внутренних рынков транспорту, снижая чисто торговые накладные расходы.

Что касается в отдельности сырья, то, в виду несоответствия между сырьевыми и хлебными ценами, во всяком случае вплоть до этой осени не следует гнаться, как это сплошь и рядом любят делать наши торговые органы, когда на них сверху давят по части снижения продажных цен, за чрезмерным снижением заготовительных цен на сырье. Такая политика цен—это подпиливание того сука, на котором сам сидишь. Не секрет, что промышленность наша в большинстве отраслей легкой индустрии не может даже полностью себя нагрузить, вследствие острого недостатка сырья; и вместе с тем не секрет, что благодаря чрезмерному снижению заготовительных сырьевых цен, при растущих промышленных ценах, замедлился темп развития технических культур и скотоводства. Снижая относительно высокие хлебные цены и всячески снижая уровень розничных промышленных цен, мы должны сырьевые цены в общем и целом сохранять на прежнем уровне, что будет означать относительный их рост, как по сравнению с ценами хлебными, так и промышленными, и вместе с тем создание новых стимулов для развития соответствующих отраслей сельского хозяйства.

В отношении промышленных товаров приходится выделить в особую категорию недостаточные товары, по которым политика цен никоим образом не должна приводить к повышению отпускной цены, ибо такое повышение целиком или в главной своей части перенеслось бы на розницу, сокращая в то же время спрос на достаточные промтовары, ибо соответствующая часть покупательной способности города и деревни поглощалась бы добавочной накидкой на голодные промтовары. В то же время нельзя требовать снижения отпускной цены по этим товарам, ибо это явилось бы лишь переброской известной доли средств из промышленности в торговлю, не давая прямого эффекта в виде снижения розничных цен. Исходя поэтому из стабильности отпускных цен, следует повести линию на сосредоточение основной массы до 80—90% голодных промтоваров в каналах государственной торговли, и главным образом, в каналах кооперации, действуя методами планового завоза и генеральных договоров между кооперацией и синдикатами. Подобное сосредоточение в обобществленном секторе торговли голодных товаров сократит, с одной стороны, операции с ними частника и вместе с тем его долю прибыли от этих товаров, главное же,—позволит нам установить социальный принцип распределения этих товаров, продвигая их, в первую очередь, к потребителю—рабочему и крестьянину, особенно в главные промышленные и производящие сельскохозяйственные районы. Политика эта в значительной степени оправдала себя в прошлом году и лишь недосмотр за всякого рода кредитными органами, торгами, акционерными обществами и той же кооперацией создал возможность частнику овладеть всякими обходными путями чуть ли не 40% мануфактуры

и значительными количествами других голодных товаров. Запрещение банкам производить торговые операции этими товарами, решительный нажим по всей линии на кооперацию, усиление ее доли в получении этих товаров и соответственное сокращение доли торгов и акционерных обществ, строгое регулирование доли, отпускаемой частнику, со все более и более усиленным нажимом на него в смысле соблюдения им обязательной накидки,—все это должно значительно изменить положение к лучшему. При такой политике распределения недостающих товаров, мы имеем возможность, вопреки соотношениям спроса и предложения, добиваться снижения розничных цен и сокращать долю торговой накидки, сжимая в то же время «ножницы» между городом и деревней, раствор которых идет, главным образом, по линии этих товаров.

Что же касается достаточных товаров, то в этой области главный удар должен быть сделан по той же торговой накидке, путем ее пересмотра в сторону сокращения, особенно по линии организационных, погрузочных, складских и т. п. расходов. Однако, необходимо отметить, что по ряду этих товаров розничные цены уже и теперь являются не чрезмерными и даже при расчете на хлебные эквиваленты относительно приемлемы по соли и сахару, по керосину же стоят даже ниже довоенных эквивалентов.

Задача индустриализации диктует нам повелительным образом сокращение торговой накидки и вместе с тем некоторое оседание средств в сфере обращения. Достаточно для представления о том, какую долю средств поглощает торговля, отметить, на основе контрольных цифр Госплана, что вся торговая накидка, составляющая в среднем по промышленным и сельскохозяйственным товарам 29%, дает сумму 4,7 миллиардов рублей в истекшем хозяйственном году и 5,0 млр. рублей предположительно в будущем хозяйственном году. Из этой последней суммы следует вычесть около 1.100 млн. руб. акциза и около 1.000 млн. руб. на оплату грузовых транспортных тарифов. Остается, таким образом, около 2.900 млн. рублей чистой торговой накидки. Несомненно, что при обороте в предстоящем году ценностей по ценам производителя в размере 17,5 млр. руб., такая доля торговых расходов, почти в два раза превышающая довоенные нормы, является совершенно непосильной для нашего хозяйства. Несомненно, из этих 2,9 млр. от 300 до 500 млн. можно забрать путем сокращения торговой накидки без всякого ущерба для торгового аппарата и товаропроводящей сети. Достаточно отметить, что одни выборные органы кооперативной системы всех видов стоят нам в год около 90 млн. руб. Несомненны также чрезмерно превышенные организационные расходы по излишне раздутым штатам торгового аппарата, ряд звеньев которого можно без ущерба упразднить. Высоки также погрузочно-разгрузочные и складские расходы благодаря низкой производительности труда в этой области и т. д. Нужно всячески нажать по всем этим линиям, чтобы высвободить часть средств, которые могли бы быть использованы для повышения тарифов (но без малейшего повышения цен) на пополнение дефицитного транспортного бюджета, в главной же своей части, конечно, на нужды индустриализации. Задача оздоровления товаропроводящего аппарата и сети становится, в силу указанных причин, решающей, ударной задачей на предстоящий год,—задачей, требующей си-

стематической кампании по сокращению накладных торговых расходов.

Другим основным условием для индустриализации страны является производственный импорт, главным образом, в виде оборудования, отчасти и в виде сырья и полуфабрикатов. Импорт этот буквально режется ограниченным до-нельзя экспортом, при достижении в отношении внешнего товарооборота всего лишь 40% от довоенного. Главным препятствием для развития экспорта являются отмеченные выше соотношения между мировыми и нашими ценами, а также и рост внутреннего потребления, сокращающий экспортные излишки. Отсюда вывод: во-первых, снижение заготовительных хлебных цен для достижения рентабельности экспорта, также снижение заготовительных цен по некоторым другим видам сельскохозяйственной продукции, где это возможно без ущерба для развития соответствующих отраслей производства. Во-вторых, снижение непомерных накладных расходов, особенно на заграничных рынках; в-третьих, применение экспортных премий и других поощрительных мер в виде специальных экспортных тарифов и т. д. Вот те меры, какими мы должны добиться максимального усиления экспорта. Попытка разрешить вопрос изменением валютных паритетов должна быть решительно осуждена, ибо это, в сущности, свелось бы к ослаблению монополии внешней торговли. Валютный паритет сам по себе не вызывает никаких особых затруднений для страны в целом, ибо то, что от паритета теряет экспортер, выигрывает импортер. Нужно лишь справедливо распределять убытки и прибыли от тех и других операций, что вполне нам доступно, так как 97% всего внешнего товарооборота находится в руках государственно-кооперативного аппарата. Лишь при твердом валютном паритете и прочном его обеспечении валютными резервами, которые мы должны накопить в этом году, а также усилении покупательной способности червонца на внутреннем рынке, мы можем добиться повышения кредитов за границей и в то же время большей рентабельности экспорта. Все эти мероприятия должны дать нам максимальные выгоды в смысле усиления темпа индустриализации и вместе с тем в смысле изживания товарного голода. Ввоз из за границы сырья, нехватающего для нашей легкой индустрии, позволит нам нагрузить ее настолько, что даже при нынешнем состоянии техники товарный голод, несомненно, будет смягчен.

Такова основная линия нашей политики цен в настоящих условиях. Попытки оппозиции изменить эту политику осуждены на явный неуспех и непопулярность в широких массах. Ни рабочий, ни крестьянин не поверит, что при повышении отпускных цен не повысится цена розничная, и что от общего повышения цен улучшится прочность денежной системы и вместе с тем улучшатся взаимоотношения между городом и деревней и сократятся излишние торговые накидки. Не по линии наименьшего сопротивления нужно нам итти, а, напротив, по линии энергичнейшей борьбы за оздоровление торговли, энергичнейшей борьбы за снижение розничных цен, сжатия «ножниц», форсирования экспорта. Только этим путем мы разрешим наши современные затруднения и в то же время достигнем максимального усиления социалистических элементов в хозяйстве, максимального ускорения темпа индустриализации.

А. Айхенвальд.

„Против Каутского и Ленина“ или вместе с Каутским против Ленина?

(Об идеологическом существе германских ультра-левых).

Орган прародителей современных немецких ультра-левых—«Коммунистише Арбейтерцейтунг» (листок полумертвой «Коммунистической рабочей партии Германии»—КАРD)—несколько месяцев назад писал, что наиболее дальновидные из левых товарищей КПГ уже понимают, что «борьба против Каутского и Ленина есть не больше, не меньше, как борьба за революционизирование ориентирующихся на реформизм рабочих масс, есть не что иное, как борьба за необходимую для победоносного совершения социальной революции политическую подготовку пролетариата». Прошло немного времени, и ряды «борцов против Каутского и Ленина», ряды «пролетарских антибольшевиков»—как рекомендуют себя авторы этой же статьи—пополнились ценным приобретением. Иван Кац, этот блудный сын ганноверского муниципалитета, сначала сменивший скромную должность заведующего библиотекой городского совета на полную треволнений работу коммунистического депутата рейхстага, а потом, после неприятностей с неоценившим его способности и заслуги ЦК ГКП, вновь постучавшийся в двери «господина обер-бургомистра Ганновера»—исключенный из ГКП ренегат Иван Кац полностью и целиком перешел на позиции махрового, неприкрытого «ультралевого» меньшевизма, кичащегося своей «ортодоксальной» контрреволюционностью и одновременно пытающегося выдавать себя за единственно неподдельно пролетарское направление. Профессор Корш и учитель гимназии Шварц—теперь, кстати сказать, разодравшиеся друг с другом и вполне правильно квалифицирующие один другого как «интеллигент» и «мелкий буржуа», немного спустя после Каца были тоже исключены из КПГ и немедленно скатились в общую ультра-левую лужу. Отличие Корша от Каца, по сути дела, только в том, что Кац с бульварной откровенностью прямо нападает на Ленина и ленинизм, прямо говорит, что ленинизм есть крестьянское учение, враждебное пролетариату, а Корш свои нападки прикрывает лицемерными ссылками на «учение Маркса, Люксембург и Ленина» и во всем винит «ликвидаторов Коминтерна» Сталина и Бухарина. Подголосками этих окончательно самоопределившихся господ выступают вне партии Рут Фишер и Маслов, а внутри партии—Урбанс и Вебер. И вся эта цепь ультра-левых крикунов становится в позу истинно-пролетарских революционеров, борющихся против реформизма и оппортунизма

во всех оттенках, начиная с Каутского и кончая... начиная с германской социал-демократии и кончая... рованным Коминтерном», руководимым ВКП с ее «к... королем Сталиным» (Кац).

Если попытаться вскрыть, какое же идеологическ... жание скрывается за политиканской трескотней этой мног... но по сути дела, единомыслящей брагии, то, прежде все... ткнешься на отсутствие сколько-нибудь серьезного изучени... тов, сколько-нибудь основательного обоснования выдвигаем... ложений, лозунгов, обвинений и пр. Идейное убожество, ...лительная импотентность, неумение сказать хоть что-нибуд... вое, оригинальное, интересное—вот отличительная черта уль... левой идеологии. За неимением собственных мыслей ультра-левые поверхностно и нудно изглагают старые, поношенные социал-демократические или полусиндикалистские теории и жадно подхватывают об'едки с меньшевистского стола или из оппозиционной кухни, смешивая все это в «эклектическую похлебку», щедро посыпанную солью дешевой «левизны». При этом они думают, что они сказали последнее слово революционной политики. Но они, конечно, ошибаются: оппортунизм, даже подмалеванный в ярко красные тона, останется оппортунизмом. Меньшевистского шила в гнилом ультра-левом мешке не утаишь!

Возьмем центральную линию различия между оппортунизмом и революционным марксизмом (большевизмом) и посмотрим, где окажется ультра-левая идеология. Будет ли она в основном и решающем вопросе по ту сторону водораздела, в сфере господства социал-демократической идеологии, или ее можно будет признать хотя бы в основном революционной пролетарской идеологией.

В замечательном наброске, касающемся кооперации,—в наброске, опубликованном в «Правде» от 3-го июля с. г., Ленин дал точное и глубокое определение двух направлений в рабочем движении. «Рабочий класс при существовании капитализма проявлял две тенденции в своей политической и экономической деятельности. С одной стороны, это была тенденция удобно и сносно устроиться при капитализме, что было осуществимо лишь для небольшой верхней прослойки пролетариата. С другой стороны—это была тенденция стать во главе всех трудящихся масс для революционного ниспровержения господства капитала вообще».

Или гегемония (руководство) пролетариата трудящимися массами в революции, или тенденция «устроиться при капитализме»,—так ставил Ильич вопрос о выборе путей рабочего движения.

На XI с'езде партии, в 1922 г., Ленин подчеркивает эту же мысль специально в применении к строительству социалистического хозяйства. «В народной массе мы все капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариат, а пролетариат не будет вести за собой масс, и вся машина развалится»[1]. И в другом месте той же речи: «Если мы капитализм побьем и смычку с крестьянской экономикой создадим, тогда будем абсолютно непобедимой силой. И тогда строи-

[1]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 55, курсив наш.

...о социализма не будет делом капли в мо... ...вающейся коммунистической партией, ...трудящейся массы»...[1]).

...з все эти места красной нитью проходит мысль, соста... основную суть пролетарской революционной политики. ...класс может выполнить свою историческую революцион... ...ссию, только став во главе всех трудящихся масс. Наоборот, отказ от революции и ограничение борьбы рабочих целью «...но и сносно устроиться при капитализме» прямым путем в... к замыканию пролетариата в рамки цеховой ограниченности, ведет к отказу от борьбы за руководство крестьянством, ...казу от соединения пролетарской борьбы за социализм с борьбой миллионов угнетенных трудящихся (в первую голову крестьян) за свое освобождение. «Чисто пролетарская» тактика в таком ее понимании есть трэд-юнионистская, антиреволюционная, соглашательская, лжепролетарская тактика. Подлинно-революционная тактика состоит в том, что пролетариат — даже ценой уступок, даже путем маневров, лавирования, компромиссов—завоевывает и обеспечивает руководство движением всех других слоев трудящихся «для революционного ниспровержения господства капитала вообще».

Конечно, меньшевистские теоретики всех оттенков издавна отрицали эту ленинскую постановку вопроса. Для них политика союза с трудящейся массой мелкокрестьянского типа в борьбе за революцию и стремление «ужиться» с ней и «перевоспитывать» ее постепенной работой в период пролетарской диктатуры были явным, очевидным, вопиющим доказательством мелкобуржуазности и даже «антиреволюционности» большевизма. Чтобы не забираться в слишком седую древность, приведем пример актуальных и свежих меньшевистских постановок вопроса.

Пауль Леви в своей статье по поводу июльского пленума ЦК и ЦКК («Лейпцигер Фольксцейтунг» от 30/VII—26 г.) писал следующее: «Основной мыслью того, что теперь большевики называют ленинизмом..., является тот тезис, что советское государство в силу своей особой организации представляет амальгаму между крестьянином и рабочим и их интересами (автору угодно говорить «амальгама», тогда как у ленинцев речь идет о союзе с крестьянством при руководстве пролетариата и т. д.; в цитате, однако, наиболее характерно не это вульгарное «истолкование» ленинизма, а следующие строки. *А. А.*). Мы были того воззрения, что особые интересы рабочих в конечном счете, социализм, стоят в противоречии к существованию крестьянской собственности, что идентичность между интересами крестьян и рабочих только видимая и что дальнейшее развитие русской революции будет обострять это противоречие и оформлять его фактически. Идею солидарности интересов мы считали коалиционной идеей только в несколько другой форме»,—наставительно замечает «несоглашатель», «противник» коалиций, «чисто пролетарский» «революционер» Леви. Для него, для этого «непримиримого пролетарского борца» оппортунизмом представляется не только коалиция с крупной буржуазией. Нет, он храбро и последовательно идет дальше, он не согласен с «гениальным оппортунизмом Ленина», он против коа-

[1]) Там же, стр. 40—41, курсив наш.

лиции также и с крестьянством. Разве он не «левей» Ленина? Кто после этого смеет назвать его предателем?

Леви продолжает философствовать дальше—и при этом не может не поцеловать своими жирными ренегатскими губами нашу оппозицию. «Для нас же в Западной Европе, которые видят вещи издалека, одно ясно: наша позиция есть позиция оппозиции. Часть старой гвардии большевиков и, повидимому, рабочие в России возвращаются от всех коалиционных сумятиц к основным мыслям марксизма...

В России опять начинается самостоятельное противокапиталистическое классово-боевое рабочее движение». По Леви оно сводится к «защите социализма против наступающего крестьянства» (курсив всюду наш).

Постановка вопроса совершенно ясна. Социалистический пролетариат в своей борьбе не может иметь ничего общего с собственническим крестьянством. Не в том дело, что между рабочими и крестьянами есть противоречия, которые временами могут приводить и приводят к обострениям. Это признает и ленинизм. Леви говорит другое: противоречия между рабочими и крестьянами непримиримы, развитие революции будет все более и более «обострять» эти противоречия. Крестьянин неизбежно будет против социализма. Подлинно социалистическое классовое рабочее движение мыслимо только как «самостоятельное», т.-е. обособленное от крестьянства и даже враждебное ему движение («защита социализма против крестьянства»).

Читателю, знакомому с нашей партийной литературой, «что-то чудится родное» (если и не родное, то во всяком случае хорошо знакомое) в этой «песне» социал-демократического «ямщика».

Ведь рассуждения Леви вплотную приближаются к известным заявлениям Троцкого о том, что российский пролетариат, перейдя границы буржуазно-демократической революции, неизбежно «придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти». И там, и тут интересы социалистической диктатуры пролетариата представляются прямо и непримиримо противоречащими интересам широких крестьянских масс. И там, и тут строительство социализма в хозяйственном союзе с крестьянством самым очевидным образом исключается. Ведь крестьянин—мелкий собственник, ведь крестьянин—не пролетарий, как же можно, сохраняя чистоту пролетарских риз «уживаться» с ним без классовой борьбы, «поглощения», эксплоатации и других страшных вещей, с таким вкусом описанных т. Преображенским в его «Новой Экономике».

Не нужно большого напряжения мысли и памяти, чтобы вспомнить, что и Медведев не слишком далеко ушел от такой же постановки вопроса. Ведь и для него разговоры о смычке равносильны отказу от пролетарской политики, ведь и для него середняк-«деревенщина» почти-что классовый враг, об интересах которого не должна заботиться подлинно-классовая пролетарская политика. Можно было бы привести еще целую вереницу примеров, говорящих об одном и том же. Все меньшевистские, неленинские, оппортунистические теории своей общей основой имеют отказ от политического, а также и хозяйственного руководства широкими трудящимися массами, признание невозможности для пролетарского авангарда «связаться, сблизиться до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и непролетарской трудящейся массой» [1] (курсив Ленина). Одни из них из этой общей предпосылки делают откровенные трэд-юнионистские выводы; другие, с одной стороны, боятся прямо отказаться от социалистической перспективы, а с другой стороны, не решаются поставить вопрос о революционной гегемонии пролетариата. Поэтому они ограничиваются жалким бормотаньем о том, что пролетариат пока еще—меньшинство в населении, что поэтому он еще не может брать власти, а должен еще обождать, не торопиться, не волноваться, ограничивать свою борьбу рамками капитализма; наконец, третьи, не понимая подлинных путей революции, не имея твердой революционной основы, бросаются в политический авантюризм, пытаются строить теории социалистической революции, проводимой одним только сознательным пролетариатом без поддержки всех трудящихся масс, колеблются между путчизмом и пессимизмом, между радужной восторженностью и мрачным отчаянием, подменяют реальный анализ обстановки истеричными воплями или псевдореволюционной однообразной декламацией,—словом, пытаются левой фразой прикрыть свой первородный оппортунистический грех, свой антиреволюционный исходный пункт, свое непонимание центрального положения стратегии и тактики пролетарской революции. Они кажутся страшно левыми, они кажутся, как небо от земли, далекими от трэд-юнионизма и социал-демократизма, но на самом деле основа у всех у них общая, на самом деле оппортунизм един в трех лицах, и его ультра-левое лицо ничем не лучше, чем два других. Нет никакой трудности документально, с фактами и цитатами доказать, что ультра-левая идеология совершенно не понимает необходимости руководства пролетариатом над всей трудящейся массой, считает союз с крестьянством мелкобуржуазной затеей и всю свою «р-р-революционность» строит на цеховой, узкой, замкнутой основе. Вот, например, лозунг, выставляемый Коршем в циркулярном письме своим сторонникам: «не двусмысленное требование рабоче-крестьянского правительства», а «единовластие революционного рабочего класса». В другом документе (в резолюции имперского фракционного совещания группы Корша еще в апреле с. г.) Корш еще яростнее нападает на лозунг рабоче-крестьянского правительства, называет его «компрометирующим», заявляет, что он «в настоящий период уже не годится» и требует «противопоставить» «чистобуржуазным и буржуазно-реформистским правительственным комбинациям» исключительно рабочее, вполне революционное правительство.

Очевидно, это вытекает из того, что «даже лучшее рабоче-крестьянское правительство, какое до сих пор существовало, русское, в конце концов оканчивается не диктатурой пролетариата, а напротив того, диктатурой против пролетариата (Караул! Плагиат у меньшевиков без ссылки на источник! *А. А.*), диктатурой кулаков» (из циркулярного письма).

«Коммунистише Арбейтерцейтунг» в уже цитированной статье еще яснее формулирует «ультра-левую» точку зрения: «С раз-

[1] Собр. соч. т. XVII, стр. 118.

витием нэпа все более и более ясным становится классовое противоречие между обладающими лишь рабочей силой пролетариями и владеющей землей крестьянской массой СССР».

В другом номере той же газетки (№ 60) написано, что в СССР «нищета и безработица пролетариата есть источник... из которого крестьяне создают свою прибавочную стоимость и свое обогащение». «Лозунг—ленинское единство—равносилен подчинению пролетариата крестьянству, равносилен отказу от самостоятельной классовой политики пролетариата». Как видит читатель, тут ультра-левые почти слово в слово повторяют Леви. «Программа есть только у ленинизма,—пишет «Коммунистише Арбейтерцейтунг», говоря о борьбе между оппозицией и ЦК ВКП и справедливо противопоставляя оппозицию ненавистному ленинизму,—это программа враждебного пролетариату класса, программа крестьянства и капитализма».

Будучи глубоко убеждены, что трудящиеся мелкокрестьянского типа являются «классовыми врагами» пролетариата и наивно считая, что такая точка зрения подлинно левая, впервые ими «открытая», ультра-левые, с позволенья сказать, «идеологи» применяют это положение ко всем политическим вопросам, как Советского Союза, так и Германии.

Так, например, конгресс трудящихся представляется им предприятием, наглядно доказывающим то, что германская коммунистическая партия идет «семимильными шагами к мелкобуржуазной партии»[1]). «Решительные левые» мечут громы и молнии и называют в своей «резолюции о положении в К. И.» конгресс трудящихся «пресловутым» и «бесклассовым».

Однако, $^9/_{10}$ своего совсем не благосклонного внимания ультра-левые уделяют не Германии, а Советскому Союзу, этому гнезду «сталинской банды», «ликвидаторов Коминтерна», «окулачившихся коммунистов», «нэповского большевизма», «бухаринских красных профессоров» и прочих ужасов современного рабочего движения.

Тут разоблачениям ультра-левых нет конца, и тут они наиболее рельефно выявляют оппортунистическое ядро своей идеологии. Прежде всего они единым махом об'единяют крестьянство с капиталистами в один враждебный пролетариату лагерь. Так, в одной из своих резолюций Корш пишет: «Результаты XIV парт'езда РКП послужили началом основной перестройки русской экономики и политики в сторону опоры на имущих капиталистически хозяйничающих середняков, которых трудно отличить от кулаков». В другой резолюции—уже по поводу «положения в Коминтерне» в связи с июльским пленумом ЦК и ЦКК—«решительные левые» (коршевцы) пишут, что «новая демократия советского государства» ослабляет влияние пролетариата и компартии и усиливает «собственнические классы (крестьян и частных капиталистов)»—совсем в духе т. Преображенского, буквально ставя за одни скобки все «частно-собственнические элементы» Советского Союза. В этом пункте Урбанс ни на шаг не отстает от Корша: «Настоящая тактика в России,—говорил он в июле с. г. на конференции партийных работников Берлина,—ведет к экономическому усилению середняка за счет пролетариата... Речь идет о том, что-

[1]) Так называется одна обличительная статья против КПГ в № 15/16 «Коммунистише Политик» Корша.

бы в деревне поднять классовую борьбу бедных крестьян против середняков и кулаков». Наконец, «меморандум веддингской оппозиции и группа Урбанса» по русскому вопросу поносит «большинство ЦК» за то, что оно будто бы облегчило доступ в советы «мелкобуржуазным и контрреволюционным элементам»—очевидно не сомневаясь, что мелкобуржуазные трудящиеся массы ничем не отличаются от заядлых контрреволюционеров.

Таким образом, ультра-левые Мальбруки зачисляют середняка в капиталисты и с барабанным боем и трубными звуками открывают целый поход на середняка, бросая ВКП тяжелейшие обвинения за непролетарскую тенденцию сохранить и укрепить прочный союз с этим презренным мелким буржуа. Все внутреннее взаимоотношение социалистического и крестьянского хозяйства в СССР представляется воинственным ультра-левым в виде «борьбы с имеющейся налицо мелкобуржуазной анархией на товарном рынке», борьбы, которая «облегчается» благодаря «занятию важнейших постов в государстве и центральных хозяйственных учреждениях».

О каком-либо хозяйственном союзе и руководстве по отношению к массе мелкобуржуазных товаропроизводителей ультра-левые авторы «Меморандума» и не подозревают. Вернее, они подозревают о нем и считают его доказательством того, что «нэп, явившийся с самого начала уступкой мелкобуржуазным крестьянским массам, должен был повести к дальнейшим уступкам».

В качестве обоснования своего утверждения, что Коминтерн переживает ликвидаторский кризис, ультра-левые ссылаются на то обстоятельство, что стала возможной теория, расценивающая нэп, как «прямую и единственно верную дорогу к победе социализма над всеми несоциалистическими хозяйственными формами».

Подобное положение кажется им чудовищной попыткой «ликвидировать коммунизм», против которой должны восстать все «левые элементы Коминтерна».

И вот сами ультра-левые, воображая себя подлинными и единственными последовательно-революционными пролетарскими борцами, бросаются в бой против гидры мелкобуржуазного перерождения, против «сталинизма», против «окулачивания», против крестьянства, за пролетариат, за «самостоятельную», «особую», «чисто пролетарскую» политику.

Прежде всего их гневные взоры обращаются в сторону СССР. С разной степенью резкости ультра-левые всех сортов и оттенков заявляют, что в Советском Союзе происходит «окулачивание» государства, «окрестьянивание» партии, капитализация хозяйства.

«За пять лет существования нэпа сильно возросло значение частного капитала и сила вновь возникающей городской и в особенности сельской буржуазии».

Так пишут авторы «Меморандума по русскому вопросу», умалчивая о том, что по относительному значению роль частного капитала понизилась и продолжает понижаться, благодаря наступлению социалистических элементов советского хозяйства. Признавая улучшение положения рабочего класса, «Меморандум» вместе с тем утверждает, «что внешнее улучшение положения рабочего класса отстает по сравнению с улучшением жизненных условий новой буржуазии». И вот, в этой обстановке роста нового

капитализма «большинство ВКП считает, однако, правильной политику предоставления уступок богатым крестьянам (расширение избирательных прав, облегчение налогов для богатых крестьян (вот уж действительно пальцем в небо. *А. А.*), отказ от притеснения «крестьянских союзов» (?), которые, повидимому, являются исходным пунктом контрреволюционных классовых партий и пр.)».

Вставший на путь кулацкого вырождения ЦК ВКП замышляет ликвидацию Коминтерна:

«Ликвидаторские тенденции, все более усиливающиеся среди всех партий Коминтерна, не находят противодействия в большинстве ВКП, напротив, действия и теория большинства ВКП даже усиливают ликвидаторские тенденции Коминтерна».

Если меморандум Урбанса и Вебера не решается поставить все точки над і и четко формулировать свои обвинения, то Коршу и Кацу стесняться не приходится. То, что у Урбанса—Вебера в уме, то у Корша—Каца на языке.

III Интернационал «пошел стезей банкротства» «благодаря экономической основе, на которой он построен» — так вещает кацевская «Коммунистише Арбейтерцейтунг». «Этой экономической основой является Россия с ее 120-милл. крестьянством и 6-милл. пролетариатом». III Интернационал «ныне служит выражением мелкобуржуазной страны, сдавшей в архив пролетарскую революцию и приступившей к «строительству» на основе капиталистического товарного производства и индивидуального крестьянского хозяйства».

Напрасно русские коммунисты пытаются выдать возрождение капитализма в России за строительство социализма—обличают «решительные левые» ЦК ВКП.

«Социализм и коммунизм в России больше не развиваются, напротив, там теперь восстанавливается только капиталистическое хозяйство в форме государственного капитализма и вновь возникающего частного капитализма».

И отсюда коршевцы делают свой последний заключительный вывод, выставляют свой важнейший боевой лозунг. Предоставим слово Гивану, неудачно отстаивавшему на ячейке берлинского предприятия «Консум» «сверхреволюционную» точку зрения «последовательных» и «решительных» левых. «Весь порядок государства и общества в России находится уже в настоящее время под ясным знаком реакции, и пролетарская диктатура совершенно открыто сокращается... В виду этого ячейка «Консума» об'являет свою солидарность с политически и экономически лишенными прав массами пролетариата и призывает к самой острой классовой борьбе в городе и деревне, чтобы таким образом подготовить вторую революцию для свержения власти кулаков и нэповской буржуазии и восстановить действительную диктатуру пролетариата».

Круг закончен. Сказано все, что ультра-левые хотят и могут сказать. Цель ясна, программа формулирована. Остается только собрать все живые силы под знамя «второй революции» и ринуться в решительный бой с реакционной, кулацкой, нэповской советской властью.

Но, ультра-левые господа, собирая свои силы, не забудьте захватить с собою тех, кто в течение нескольких лет повторяет то, что теперь вы написали на своем знамени. Ваши теории, как

две капли воды, похожи на теории международного меньшевизма. Ваши призывы ко «второй революции» звучат так же, как призывы Каутского к контрреволюции. Ваши обвинения взяты из социал-предательской прессы, ваше оружие взято из социал-демократического арсенала. Ибо чем, например, отличаются следующие слова русского меньшевика Шварца из его статьи в немецком соглашательском «Форвертсе» от того, что пишете и говорите вы? [1]). «Нынешняя Россия,—писал Шварц,—в своем подавляющем большинстве есть страна мелкобуржуазная, строящая свое хозяйство, разоренное войной, и в особенности гражданской войной, преимущественно на частнохозяйственной основе». «ВКП постепенно независимо от своей воли становится орудием этого развития и в идеологическом и даже в общественном отношении переживает процесс обуржуазивания».

Ведь эту цитату можно перепутать с тем, что пишет «Коммунистише Арбейтерцейтунг»! Ведь вы вошли в ряды международного меньшевизма, ведь вы теперь один из его отрядов!

И в этом нет ничего удивительного. Кто исходит из общих исходных пунктов, приходит к общим выводам. Вместе с международным меньшевизмом ультра-левые видят в стремлении пролетариата стать во главе всех трудящихся тенденцию в сторону мелкобуржуазного перерождения. Вместе с международным меньшевизмом, они требуют от пролетариата обособления от широких трудящихся масс. Исходя из общего непонимания необходимости, возможности и обязательности для пролетариата СССР опираться на широкие крестьянские массы, соединить строительство социализма с их хозяйственной работой, и меньшевики и ультралевые приходят к общим выводам, общему обвинению ВКП в крестьянском перерождении. Те, кто считают, правильными утверждениями, что пролетариат может отстаивать свои классовые интересы только обособленно от остальной трудящейся массы. только против крестьянства, только в одиночку, только по цеховому,—тем, конечно, неизбежно будет казаться, что пролетариат Советского Союза подчинился крестьянству и что ВКП является партией, делающей крестьянское дело. Но ведь эти утверждения есть оппортунистические утверждения, и поэтому основанные на них обвинения есть обычная меньшевистская клевета. И как бы ни драпировалась подобная идеология в псевдо-левые одежды. пролетариат сметет ее со своей дороги вместе со всеми другими разновидностями меньшевизма.

---

[1]) «Форвертс» от 14 августа с. г.

Альфред Трэн.

Точная информация о Лилле[1]).

Тов. Бернар поместил в № 14 «Большевика» по случаю Лилльского с'езда длинную статью о рабочем движении и о французской коммунистической партии.

Я должен исправить ошибку г. Бернара не в целях полемики с ним, но потому, что русская партия и Коминтерн имеют прабо на точную информацию.

Применение принципов большевизма к точному ознакомлению с реальностью необходимо для хорошего руководства рабочим движением.

Северный район.

Бернар об'ясняет влияние, которым социал-демократия пользуется на рабочих Севера, тем фактом, что в их представлении марксистско-гедистская традиция связана с социалистической партией. Это об'яснение недостаточно.

Слишком слабое распространение нашего коммунистического влияния в Северном районе об'ясняется ошибкой, совершенной в 1920—21 гг. нашей партией, которой тогда руководил оппортунист Фроссар, находившийся в закулисной связи с анархо-синдикалистом Бернаром.

Фроссар способствовал расколу обще-национального профсоюзного движения. Затем он содействовал осуществлению при самых худших условиях раскола в низах в Северном районе. В могущественных синдикатах этого района, которые насчитывали тысячи членов и в которых мы спустя несколько месяцев завоевали бы большинство, революционные синдикалисты провели раскол и образовали тощие синдикаты.

Политика Фроссара толкнула в ряды социалистической партии прекрасные пролетарские элементы, которые были близки нам. Получилось впечатление, что виновниками раскола являются коммунисты.

Социалистические лидеры, начинавшие уже терять почву под ногами, оперлись на старые синдикаты, отданные нами им без боя, а также и на муниципалитеты больших городов и на находившиеся в их руках кооперативы. Даже в настоящее время рабочий, состоящий членом социалистической партии и имеющий тяготение к нам, может расстаться со своей старой партией, с которой он связан целой сетью всяких учреждений, лишь после жестокой длительной борьбы.

[1]) Настоящая статья т. Трэна является дискуссионной. В дискуссионном же порядке была помещена и статья т. Бернара «Пути большевизации КПФ» в № 14 «Большевика»; ее дискуссионный характер по недосмотру не был отмечен редакцией. *Ред.*

Лилльская демонстрация, об'единившая под нашими знаменами 10.000 рабочих, большей частью социалистов, не дает нам права строить воздушные замки.

Лишь путем настойчивой и продолжительной работы, а не посредством волшебной палочки, нам удастся, даже в нынешней благоприятной ситуации, уменьшить влияние социал-демократии на Севере.

Состав, влияние и развитие партии.

Со времени Турского с'езда влияние партии на массы увеличилось, в то время как число членов партии уменьшилось.

Эти два процесса не развивались по правильной кривой.

В разных случаях влияние партии временно падало, что нарушало правильность в общем восходящей кривой. Так, например, было во время Парижского с'езда до IV всемирного конгресса, когда мы находились на волоске от раскола, и в такое же положение мы попали в результате 11 мая 1924 г., когда иллюзии, вызванные левым блоком, продолжали развиваться в массах до тех пор, пока предательство лидеров не стало слишком заметным.

В различных случаях число членов партии сразу увеличивалось, что нарушало правильность кривой, имеющей характер нисходящий. Это произошло, например, после IV всемирного конгресса, во время оккупации Рура и после V всемирного конгресса, когда наша партия устранила Суварина, вызывавшего к себе справедливое недоверие в профсоюзном движении.

Законы развития партии не отличаются таким единообразием, как это думает Бернар. На ряду со сходными чертами, весьма общего характера, между развитием французской партии и развитием германской партии имеется глубокое различие.

Германская партия в своем развитии прошла через несколько крупных революционных движений и окрепла в борьбе против реформизма внутри политических и профсоюзных массовых организаций.

Германская партия развивалась в атмосфере единого профсоюзного движения.

Германская партия родилась из слияния спартаковского союза и левого крыла независимых в атмосфере раскола социал-демократической партии.

Французская партия развивалась в стране, которая после войны испытала лишь одно глубокое потрясение — всеобщую стачку мая 1920 года. Она должна была вести борьбу против реформизма и против анархо-синдикализма в недрах политических и профсоюзных организаций, имевших небольшое число членов и оказывавших довольно слабое влияние на широкие пролетарские массы и на мелкое крестьянство.

Французская партия развивалась в обстановке профсоюзного раскола. С другой стороны, французская партия вышла из рядов старой социалистической партии, сохранившей до Тура свое органическое единство. Затем она ассимилировала разные группы, вышедшие из анархо-синдикалистских рядов.

Я лишь вскользь касаюсь этого вопроса. Но того, что я сказал, уже достаточно, чтобы показать, что на развитие французской партии нужно смотреть через международные очки, а не через германские.

Бернар об'ясняет переход французской партии от левого социализма к настоящему коммунизму тем фактом, что 73% состава французской партии—это новые члены, вступившие после января 1925 года. Таким образом, лишь 27% наших членов имеют полуторагодичный партийный стаж, 10%, а может быть и меньше, имеют трехлетний стаж, и из тех, которые основали партию в Туре, осталась лишь кучка.

Большую часть членов нашей партии составляют рабочие, которые лишь временно находятся в ней. Наша партия функционирует в качестве фильтра, и она не сумела до сих пор удержать в своих рядах всех тех из своих членов, которых стоило удержать. Это вызывает тревогу среди лучших наших партийных работников.

И Бернар приветствует в качестве счастливого явления все то, что беспокоит нас всех, всех тех, на ком лежит ответственность за французское движение. По мнению Бернара, именно эта масса временных членов привила партии ее коммунистическую чистоту.

Я же говорю следующее: со времени Турского с'езда множество мелкобуржуазных интеллигентов, поступивших в партию в период под'ема революционной волны в Европе, оставило нас. Об этих мы нисколько не жалеем. Наоборот.

Но со времени Турского с'езда наши ошибки, наша нерешительность, которые были, быть может, неизбежны, удалили из наших рядов, из нашей организации множество хороших пролетариев, которые теперь продолжают нам сочувствовать и которые должны снова занять своe место в нашей партии.

Когда по возвращении из СССР меня пригласили в одну ячейку Парижского района, я нашел, что из 26 членов ее 20 находятся в партии менее 6 месяцев. Они называли меня «господин», потому что видели меня впервые. Никакие рассуждения Бернара не заставят кого-либо поверить, что этим 20 членам принадлежит заслуга перехода партии от левого социализма к коммунизму.

Это 20 прекрасных рабочих, которые могут многому нас научить, но которых и мы можем многому научить.

Они пришли к нам—одни, как беспартийные, другие в качестве социалистов, проникшихся отвращением к своим вождям. Они приходят в наши ряды, руководимые классовым инстинктом, но лишенные солидной теоретической основы. Это по большей части квалифицированные рабочие. Они получают относительно высокую заработную плату и имеют больше возможности, чем другие, оказывать сопротивление хозяевам. Они пренебрежительно относятся к повседневным требованиям масс и с нетерпением стремятся к революционному преобразованию всего строя.

Будучи новообращенными, они имеют склонность примыкать к крайне левым.

В значительной степени именно давлением этих элементов, из которых многие вступают в профсоюзы лишь после того, как они уже в течение нескольких месяцев пробыли в партии, об'ясняются наши ошибки, совершенные нами в период, предшествовавший нашей конференции 2-го декабря 1925 г.

Эти элементы станут прекрасными коммунистами, если партия сумеет их воспитать.

Не прилив этих элементов, но увеличивающийся опыт более старых кадров, вовлеченных в борьбу против оппортунизма и в недавнюю кампанию против марокканской войны, против фашизма и против усилившегося наступления капиталистов, вызвал прогресс нашей партии.

Массы и движение.

Бернар, анализируя нерешительность, проявленную массами в борьбе против усилившегося наступления капитализма, совершает ошибки, которые нужно резко подчеркнуть, ибо они представляют собой совершенно ложную оценку положения во Франции.

Неверно, будто хозяева согласились в недавнем прошлом на увеличение заработной платы по той причине, что это повышение обойдется им менее дорого, чем стачка.

Локауты Рено и Сигроэна, ограничимся лишь наиболее характерными примерами, направленные против десятков тысяч рабочих парижского района, служат ярким опровержением утверждения Бернара, совершенно не признающего воинственного духа боевого верхнего слоя французских предпринимателей.

Неверно, будто социалистическая партия в глазах масс считается потерпевшей полное банкротство. Социалистическая партия собирает вокруг себя в настоящий момент главную часть мелкобуржуазных масс, до сих пор следовавших за радикальной партией. Фашизм, с одной стороны, и компартия—с другой, собирают остальную часть.

Социалистическая партия превратилась в буржуазную партию, поскольку речь идет о ее политике. Но, неверно, будто социалистическая партия окончательно превратилась даже по своему составу в мелкобуржуазную партию.

Социалистическая партия сохраняет крепкую пролетарскую основу в большинстве крупных промышленных районов за исключением парижского района. Назовем, например: Север, Па-де-Калэ, Эльзас, департамент Верхней Вьенны и Лионский район.

Течения внутри партии.

Развитие финансового и политического кризиса во Франции привело в движение мелкобуржуазные массы раньше, чем пролетарские массы. Вначале мелкобуржуазные массы, хуже организованные для оказания сопротивления, пострадали более непосредственно и более сильно от первых ударов кризиса. Огромная активность этих масс вместе с относительной пассивностью пролетариата во время этого первого периода толкала партию в сторону оппортунизма. Это было одной из причин усиления правого течения. Это не было важнейшей причиной, ибо, пока это явление совершалось, партия получила уже прочную пролетарскую базу. Это никоим образом не об'ясняет главного факта, который Бернар обходит молчанием.

Наиболее опасная атака правой исходила не от оппортунистских элементов мелкобуржуазного происхождения, но от вож-

рождения наступательного движения в синдикатах, анархо-синдикализма, загримированного коммунистическим синдикализмом. Наибольшая опасность, идущая справа, называется не Суварин—Лорио, а Монатт—Росмер.

Послевоенная Франция, переживающая медленную, благоприятствующую экспорту инфляцию, подвергается процессу индустриализации, привлекающему на заводы новые слои крестьянства.

Эти новые слои вносят в рабочее движение свою собственную идеологию, враждебно относящуюся к централизму, который необходим в борьбе против капитала.

Они питают ненависть к войне, и в их глазах высоко стоит престиж русской революции. Требования английского и американского финансового капитала, требующего у Франции уплаты долгов, вызывает в этих слоях усиление националистического движения, обвиняющего также и Москву в том, что она оказывает слишком сильное давление на рабочее движение в других странах. Это неопределенное и иногда противоречивое настроение новых крестьянских слоев, привлеченных на заводы индустриализацией, послужило основой для оживления деятельности течения Монатт—Росмер в синдикатах.

Следует прибавить, что если наши левые ошибки и не создали правого течения, то они во всяком случае содействовали его развитию, отбрасывая в его об'ятия тех рабочих, которые вполне справедливо были недовольны, но которые ошибались, ища выхода в правом направлении.

Бернар обходит молчанием все эти наиболее значительные причины развития правого направления в партии в течение прошлого года.

Когда Бернар отождествляет течение Морен—Юмбердо с правой, он делает ошибку. Это центристское течение имеет двойственный характер. С одной стороны, оно послужило для замаскирования правой, появившейся в своем настоящем виде в результате кампании, предпринятой против нее 2 декабря. С другой стороны, центристское течение отвело в сторону все недовольство, которое еще оставалось среди прекрасных пролетарских элементов, начавших замечать истинный антикоммунистический характер правых.

Бернар представляет дело так, как будто правое течение совершенно разбито во Франции.

В действительности же, победа над правой в партии не столь блестяща, как та, которая была одержана на Лилльском с'езде, и это потому, что Лилль не был подготовлен широкой дискуссией, а также и потому, что резолюция с'езда, недостаточно раз'ясненная партийной массе, не встретила в партии большого отклика. Правая благоразумно молчит. Но ее кадры продолжают существовать и выжидают лишь случая для наступления.

Тот факт, что партия на Лилльском с'езде и после него не ставила и не разрешала целого ряда жизненных вопросов, может в соединении с общим положением в Коммунистическом Интернационале дать возможность правой в известные моменты найти трамплин. Следует быть настороже.

Недостатки с'езда.

Бернар упрекает с'езд французской партии в том, что он лишь вскользь рассматривал вопрос о положении во Франции и что он отдал слишком много времени критике прошлого, рассмотрению внутренней ситуации партии и изучению международного положения.

Этот упрек необоснован. С'езд продолжался неделю. Два дня были посвящены рассмотрению прошлого и внутреннего положения партии. В течение полутора дней обсуждались международные вопросы, и три дня были посвящены французским вопросам.

В противоположность тому, что утверждает Бернар, положение во Франции и задачи партии были предметом широкой дискуссии на пленарном заседании, и директивы с'езда были выработаны в форме точных резолюций комиссиями, доложившими их в последний день. Падение кабинета Бриана, образование нового кабинета Бриана—Кайо, понижение курса франка, фашистская деятельность,—все эти вопросы были рассмотрены в докладе Семара, в докладе Ката и в последовавшей за этими докладами дискуссии.

Верно то, чего Бернар не говорит, а именно, что при рассмотрении внутреннего положения во Франции партия забыла рассмотреть вопросы, наиболее непосредственно касающиеся ее развития.

На с'езд оказало сильное влияние быстрое понижение курса франка, и он не сумел извлечь из изучения внутреннего и международного положения урока о глубоких причинах развития инфляционного кризиса в направлении к стабилизационному кризису, для которого крупный капитал начал уже класть экономический и политический фундамент.

Конгресс не затронул даже вопроса о том, какой политики должна придерживаться наша партия в связи с внутренним кризисом социалистической партии, идущей к расколу путем откола от нее ее правого крыла, которое опирается на часть реформистской Всеобщей Конфедерации Труда. Подобный раскол позволил бы центру и левой образовать независимую партию, которая путем искусной политики сумела бы на австрийский манер подольститься к революционным чувствам масс и задержала бы приближение последних к коммунизму. Это—проблема, которая не может быть разрешена одной лишь тактикой единого фронта, и которая требует, чтобы наша партия не оставалась индифферентной и пассивной во время процесса раскола социалистической партии.

В нашей партии, как и в Интернационале, по профсоюзному вопросу ведут тайную борьбу между собой различные течения: консерватизм в организационном вопросе, стремящийся под видом агитации за профсоюзное единство продлить раскол до бесконечности; ликвидаторство, готовое заплатить за возвращение к синдикальному единству отказом от нашего права критики и от нашего права организоваться в виде фракции в профсоюзном движении; искренняя борьба, посредством агитации и организации об'единительного левого крыла во Всеобщей Конфедерации Труда с целью осуществления профсоюзного единства таким путем, который не означал бы ликвидации коммунистического дви-

жения. С'езд не выяснил этого положения и в результате борьбы за профсоюзное единство.

С'езд ошибочно подошел к вопросу о едином фронте и о временных соглашениях с мелкобуржуазными организациями. Дискуссия заблудилась в сложной казуистике, в поисках за таким катехизисом, который предвидел бы всевозможные случаи и диктовал бы, какого поведения следует придерживаться в каждом отдельном случае. Партия — каждый из ее комитетов, каждый из ее членов—нуждается не в катехизисе, а в компасе, который дал бы ей возможность ориентироваться во всевозможных положениях. Антикапиталистический единый фронт, образованный пролетариатом и его постоянными или временными сотрудниками! Коммунистическая партия, руководящая пролетариатом и направляющая выступление против капитала, благодаря справедливости своей политики и своей инициативе!

Глубоко проникшись содержанием этих директив, партия должна смело приступить к работе, контролировать самое себя через посредство своих обычных органов и посредством постоянной самокритики использовать опыт каждой ошибки и каждого успеха.

Таковы были действительные недостатки с'езда, которых партия не исправила еще после Лилля и о которых Бернар ничего не говорит. Большинство этих вопросов рассматривалось на расширенном пленуме нашего ЦК 2 февраля 1926 г.

На этом заседании эти вопросы, поставленные во французской комиссии некоторыми членами, были отложены для обсуждения их на чисто академическом заседании, состоявшемся после голосования пленума. На этом заседании ограничились лишь кратким обменом мнений. Никакой директивы не выработали.

Вполне понятно, что глухой кризис, переживаемый руководством Интернационала, ответственность за который падает на оппозицию, повлиял неблагоприятно на работу последнего расширенного пленума Исполкома Коминтерна.

Но партия с тех пор оставила изучение этих проблем, решение которых носит наиболее срочный характер. Состояние беспокойства в партии также не было полностью рассеяно в Лилле. В прежних конфликтах по вопросам, ныне уже разрешенным как партией в целом, так и Интернационалом, образовались группы, которые слишком долго оставались в кристаллизованном состоянии. В период, когда это не было необходимо, внутри партии продолжала господствовать дисциплина в большей степени, чем это необходимо,—дисциплина в узких группах и инстинктивное взаимное недоверие, не покоящееся ни на каком серьезном политическом основании. Между тем появились новые проблемы внутреннего и международного характера. И внутри этих групп проявились разногласия, имевшие свое историческое обоснование, но потерявшие всякий смысл на практике. Но узкая дисциплина групп, из которых каждая имела свою зону влияния в партии и в рабочем движении, послужила препятствием для устройства свободной коммунистической дискуссии внутри партии.

Болезненное состояние нашей партии явилось результатом конфликта, возникшего из необходимости, с одной стороны, широкого обсуждения новых проблем и невозможности, с другой стороны, обсуждать их в слишком широких кадрах старых групп, наложивших на своих членов жесткую дисциплину и создавших

таким образом препятствие для развития партии. Лилльский конгресс, продолжая дело 2 декабря, ослабил эту групповую дисциплину и таким образом сделал возможным рассмотрение имеющих жизненное значение для партии вопросов и выработку ясной и точной политики. Этой политики с'езд и партия еще не выработали. Лилльский с'езд, и в этом была его слабость, был скорее компромиссом между группами и лицами, об'единившимися в борьбе против правой, чем действительным об'единением, проведенным сверху донизу, партийных сил на основе ясной, точной положительной политики, полностью соответствующей интересам пролетариата.

Развитие партии.

Бернар различает три этапа в развитии партии: первый, характеризуемый господством лидеров социалистической левой (Фроссар и Жорж Пиош); второй—характеризуемый господством элементов, представляющих мелкобуржуазный революционный радикализм (Трэн, Сюзанна Жиро), и третий—лишь начинающийся, характеризуемый господством молодых рабочих вождей.

Что касается второго и третьего этапа, то события разворачивались в эти периоды вовсе не так, как это изображает Бернар. Второй этап характеризовался расколом в старой левой между мелкобуржуазными элементами (Суварин и Лорио) и элементами, регрессировавшими в сторону анархо-синдикализма (Монатт и Росмер), с одной стороны, и, с другой стороны, коммунистическими элементами, связанными с рабочими массами.

Несколько месяцев спустя после V конгресса, очистившаяся таким образом левая начинает незаметно разлагаться на три группы. Группа, имевшая наибольшее влияние (Трэн, Сюзанна Жиро, Семар, Торрэз, Крэмэ, Марран), выражала настроение рабочих слоев, отличавшихся левыми тенденциями и образовывавших основу партии. Она испытывала на себе влияние неустойчивого равновесия, созданного в Интернационале германской партией, отданной в руки левых — Рут Фишер и Маслова, и влияние тогдашнего делегата Интернационала, предложившего принять целую серию лозунгов, подвергавшихся с тех пор критике, которую руководители Интернационала долгое время обходили молчанием.

Группа Монмуссо, бывшая группа «la Vie Ouvrière», связанная с беспартийными профсоюзными массами, глухо противилась этой политике, но не сумела выдвинуть ясной политической программы и часто ложно формулировала взаимоотношения между партиями и профсоюзами.

Союз коммунистической молодежи с Дорио во главе отражал настроение молодых рабочих, эксплоатируемых в качестве чернорабочих на заводе. Эти последние уделяли большое внимание наиболее скромным повседневным требованиям, но иногда сужали свой горизонт, отличались отсутствием перспектив и обнаруживали тенденцию к пренебрежительному отношению к революционным целям.

Когда ситуация, порожденная ошибками левых, стала явно невозможной, произошла перегруппировка после того, как не удались сделанные мною вместе с новым делегатом Исполкома Коминтерна попытки уговорить первую группу взять на себя

инициативу в проведении радикального изменения в вопросах, касавшихся единого фронта, профсоюзной политики и внутреннего режима партии. Ожесточенное сопротивление со стороны Сюзанны Жиро вызвало неудачу этой попытки.

На конференции 2 декабря Сюзанна Жиро, выступившая в Политбюро против той тактики, которая должна была стать тактикой всей партии, как против оппортунистического уклона, должна была согласиться на компромисс.

Она признала наличность мелких ошибок в прошлой тактике единого фронта, но она искала необходимые улучшения, главным образом, в лучшем техническом функционировании партии.

Трэн и Дорио, поддерживаемые Монмуссо, думали наоборот, что необходимым условием правильного внутреннего функционирования партии является возврат к правильной политике в отношении беспартийных масс, реформистских и профсоюзных масс,—политике, которая отказалась бы от того, чтобы разрывать каждого активного работника на части, заставляя его, с одной стороны, признавать необходимость массовых выступлений, а с другой стороны, считаться с требованиями партии, ставившей предварительным условием единого фронта принятие массами всей партийной программы.

Семар, Крэмэ и Торрэз колебались между этими двумя группами, а затем присоединились к истинной политике 2 декабря.

Вместо того, чтобы констатировать возникновение этой новой здоровой ситуации и содействовать ее укреплению путем изучения и выяснения наиболее срочных проблем, на которых партия останавливалась во время заседания расширенного пленума Центрального Комитета 2 февраля, расширенный Исполком поставил вопрос о том, кому нужно отрубить голову. Одни требовали головы Сюзанны Жиро, другие из соображений о симметрии требовали головы Трэна. Группа Семар, Крэмэ, Торрэз и группа Дорио—Монмуссо вели меж собой борьбу на этой хрупкой почве, а затем приняли компромисс с оговоркой, что головы будут отсекаться французской партией, а не Москвой. Гильотины, даже если они симметричны, не могут заменить политики.

Политика 2 декабря была одобрена Исполкомом, но Трэн, один из инициаторов 2 декабря, остался в Москве, в то время как Сюзанна Жиро, выступавшая против 2 декабря, имела возможность защищать свою точку зрения в период подготовки конгресса. Расхождение между политическими резолюциями расширенного пленума Исполкома и одобренными им организационными мероприятиями не благоприятствовали возникновению ясной политической дискуссии внутри французской партии.

Я не хочу бросить камнем в расширенный пленум Исполкома. Исполком Коминтерна, переживая скрытый кризис, был, несомненно, вынужден в целях спасения главной политической линии принять компромисс в вопросе о лицах.

Если организационные решения, касающиеся меня, могли помочь устранить препятствия, то я их охотно принимаю, но чего я никак не могу принять—это те басни, которые рассказывает Бернар и которые ложно информируют русскую партию и Интернационал.

Неверно, будто я был инициатором той пресловутой подвижной скалы лозунгов, которая свела с ума партию. Эти лозунги,

предложенные делегатом Исполкома Коминтерна, были мною приняты так же, как и всем Политбюро. Мы часто выступали против них в согласии с Дорио, как, например, в случае с знаменитым революционным трибуналом. Когда я выступал в защиту этих лозунгов в нашей печати, то это было сделано по поручению Политбюро.

Неверно, будто бы я претендовал на применение ленинистской мысли о гибкой тактике, рекомендуя опровергать шаг за шагом статьи «Тан» и «Либерте». Я, напротив, в различных случаях боролся со стремлением полемизировать с газетами, читаемыми лишь узкими капиталистическими кругами. Я, напротив, рекомендовал опровергать аргументы, появляющиеся в тех газетах, которые оказывают влияние на наиболее близкие партии массы.

Во многих случаях я оставался один, расходясь со всем составом Политбюро и Центрального Комитета.

Впервые это случилось во время с'езда в Клиши, где я восставал против ложных методов работы с бюро конфедерации.

Во второй раз это произошло по поводу марокканской войны. Я никогда не выдвигал лозунга о немедленном превращении марокканской войны в гражданскую войну. Это—легенда, против которой я протестовал с трибуны на последнем расширенном пленуме Исполкома и которую никто не осмелился повторить с трибуны Лилльского с'езда. Я говорил, что в нашей агитации против марокканской войны мы должны доказывать возможность расширения марокканской войны и превращения ее в войну между империалистскими державами и что в случае такой войны мы должны указать на необходимость превращения империалистической войны в гражданскую войну для осуществления социализма и не должны скрывать истинного лица партии.

В третий раз я выступил против безоговорочного отказа во всех случаях от наших голосов в пользу социалистов во втором туре кантональных выборов. Как всеобщее правило с возможностью исключений, я рекомендовал условный отказ в пользу тех социалистов, которые выскажутся за немедленный мир. Этот факт, взятый вместе с предыдущим, показывает, что я понимал, правда, не совсем ясно, разницу между лозунгом единого фронта и революционной партийной пропагандой. Я считаю, кроме того, что в этих двух случаях т. Сюзанна Жиро, закоренелая левая, совершила оппортунистические ошибки.

В четвертый раз это случилось, когда я отказался поехать на конференцию Северного района, для того, чтобы покрыть политику механизации, проводившуюся там Кадо, районным делегатом Политбюро.

В пятый раз это было, когда я восставал в течение трех заседаний, посвященных этому вопросу по моей просьбе, против абстрактного и бюрократического понимания организационной работы, которое, будучи применено тов. Соважем, вызвало возмущение в рядах коммунистической фракции с'езда Унитарной Конфедерации Труда.

В шестой раз (перечисление не идет в хронологическом порядке) это произошло, когда я защищал свою статью, появившуюся в мае 1925 года в «Cahiers du Bolchevisme». В этой статье я восставал против перспективы бесконечной инфляции. Анализируя национальные и международные факторы этой проблемы, я пришел к выводу, что инфляция совершается по ступеням, что

она не пойдет ни так далеко, ни таким быстрым темпом, как в Германии, что стабилизация валюты наступит раньше, чем там, и что кризис дойдет во Франции до высшего пункта после валютной стабилизации, а не до нее, как это было в Германии.

Я выступил против лозунга о заработной плате в золотом исчислении, от которого Унитарная Конфедерация Труда вынуждена была отказаться после того, как она его выдвинула.

Я констатирую, что в этом вопросе события оправдали мои предположения и что моя точка зрения на будущее стала ныне точкой зрения Коминтерна.

Бернар упрекает меня в том, что я молчал на Лилльском конгрессе об ошибках прошлого. Это неверно. В моих выступлениях я признал свои ошибки, но я восстал против всяких попыток возложить на одного человека ответственность за ошибки, совершонные всеми вместе.

Бернар пишет, что я вел борьбу вместе с Дорио за власть. Когда человек глубоко убежден, что его дорога правильная, он ведет борьбу за власть, считая ее средством для осуществления торжества политики, которую он считает наилучшей для пролетариата.

Одно из двух: либо написанное Бернаром означает именно это—и тогда бесполезно было выражать столь банальную мысль, либо же Бернар ловко обвиняет меня в том, что я вел борьбу за власть как за самодовлеющую цель. Если Бернар это думает, пусть он это скажет. Незачем говорить намеками. Что же означают также следующие слова Бернара: «По мере того, как Трэн удаляется от руководящих постов в партии, он становится выразителем новых течений, возникающих в мелкобуржуазном лагере»?

Вся эта манера вести дискуссию при помощи двусмысленных формул, которые могут вызвать позорящее коммуниста толкование, может привести лишь к раздорам и не может заменить об'ективного рассмотрения вопроса.

Я констатирую, что Бернар пользовался неточной информацией, пытаясь доказать, что я являюсь представителем мелкобуржуазного революционного радикализма, оппортунизма худшего вида и колебаний между преувеличенными революционными иллюзиями и преувеличенным пессимизмом.

Его теория развития партии является выражением совершенно демагогического уврииеризма. Вместо того, чтобы пытаться улучшить руководство партией, которое, не будучи неприкосновенным нуждается в известной преемственности, Бернар говорит о необходимости замены нынешних руководителей лучшими рабочими элементами. Если Бернар знает людей более подходящих, чем нынешние руководители, то пусть он нам сообщит их имена. Если же он таких не знает, то зачем же смущать партию фантомами?

Европа и Америка.

Бернар выступает против моего тезиса по вопросу Европа—Америка. Он это делает с тем большей легкостью, что он извращает этот тезис так, как ему это угодно.

Следует, однако, когда ведут спор по вопросу, имеющему такое значение, приводить соответствующие цитаты.

Опубликование моих двух выступлений в Лилле послужило бы наверное лучшим опровержением тех ошибочных утверждений, которые высказывались в нашей коммунистической печати и повторялись нашими телеграфными агентствами.

Бернар изображает дело так, будто я сказал, что противоречие интересов между Европой и Америкой уже в настоящее время сильнее, чем противоречия интересов между империализмом отдельных стран внутри Европы.

На самом же деле я просто сказал, что противоречия интересов между Европой и Америкой имеют тенденцию стать более сильными, чем другие противоречия между империализмом отдельных стран. Я прибавил, что эта тенденция может реализоваться лишь в том случае, если развитие в направлении к европейской революции пойдет медленным темпом.

Я констатировал, что противоречие Европа—Америка имеет очень сильную об'ективную базу не только в вопросе о долгах, но также и в вопросе об экономической конференции и о сопротивлении Европы контролю Соединенных Штатов.

Я констатировал, что как в рядах крупной европейской буржуазии, так и в рядах американской отдают себе ясный отчет в быстром росте солидарности европейского капитализма.

Бернар может пренебрегать буржуазной печатью, но речь Черчилля, политика Лушера или Эдмонда Стиннеса, заявление Бора, даже переданное в печати, имеют большое значение, когда речь идет об оценке разных течений в рядах крупной буржуазии.

Бернар констатирует наличность этих течений, благоприятствующих созданию европейско-капиталистического фронта против Америки, лишь в рядах мелкой буржуазии. Я констатирую их наличность также и в рядах крупной буржуазии. Я утверждаю даже, что течения эти народились именно в рядах крупной буржуазии раньше, чем они увлекли за собой мелкую буржуазию.

И неужели констатировать наличность этих течений равносильно тому, чтобы заставить Интернационал тащиться в хвосте мелкой буржуазии?

И разве потому, что скопища националистов напали в Париже на американских туристов, я должен отказаться от об'ективного анализа международного положения?

Почему же Бернар обходит молчанием тот факт, что я высказался в Лилле за борьбу против всякой европейской капиталистической коалиции и против всякой попытки оказать поддержку Лиге Наций в ее борьбе с американским империализмом? Следует бороться, сказал я, как с американским империализмом, так и с коалицией европейских империалистических держав.

Истолковывать Геную без всяких ограничений, как шаг в направлении к европейской коалиции, это означало бы включать и СССР в эту коалицию, так как СССР участвовал в Генуэзской конференции.

Почему же Бернар замалчивает то, что я сказал против Женевы и заставляет меня говорить о Генуе, о которой я в Лилле не сказал ни одного слова?

Зачем создавать это недоразумение? А также, зачем изображать все это в карикатурном виде? Где это я сказал: кто не согласен с моим тезисом, тот против ленинизма? Я сказал следующее:

«Если верно, что Европа, несмотря на ее внутренние капиталистические противоречия, не идет к созданию коалиции против Соединенных Штатов, то это означает, что Америка еще не настолько могущественна, чтобы быть в состоянии постоянно диктовать законы раз'единенной Европе, посадить ее на паек, выдавать ей по своему усмотрению сырье, и предоставлять ей по своему усмотрению рынки сбыта. В таком случае прав был Троцкий, писавший два года назад об этом вопросе, в таком случае тезисы по международному вопросу, принятые нашим с'ездом в Клиши, неправильны, в таком случае мы идем к сверх'империализму, в таком случае мы подвергаем ревизии один из важнейших вопросов ленинизма. Те, которые думают так, должны это сказать. Мы будем бороться с ними, но полная ясность по этому вопросу необходима. Троцкий пытается, правда, теперь избежать необходимости сделать вывод об эволюции в сторону сверх'империализма.

Но так как он отрицает возможность создания некоей европейской капиталистической коалиции, которая позволила бы Европе померяться силами с Соединенными Штатами, то он вынужден сказать, что единственный путь, идя по которому, Европа может избегнуть американской гегемонии, является близкая революция в Европе. Отсюда всего лишь один шаг до того, чтобы сделать вывод, что капиталистическая стабилизация в настоящее время закончилась.

Таким образом, Троцкий вынужден для того, чтобы избежать вывода в духе сверх'империализма, исключить возможность перспективы более медленного развития.

Его теория не позволяет ему в действительности толковать такую перспективу иначе, как в оппортунистическом смысле, в смысле возможности сверх'империализма. допускающего капиталистическое умиротворение мира».

Бернар заявляет, что с'езд выступил против моего тезиса. Это неверно. Многие члены Политбюро выступали против него с трибуны, не выдвигая взамен ничего определенного. Неверно, что представители крупных районов выступали против моего тезиса. Мишель Марти и Кост, очень осторожно, впрочем, подошедшие к этому вопросу, все-таки не представляют все крупные районы Франции.

Из разговоров, которые я имел в Лилле с делегатами, и из многочисленных полученных мною писем у меня создалось впечатление, что если бы с'езду было предложено высказаться, то он отклонил бы это предложение и вполне справедливо потребовал бы времени для ознакомления с этим вопросом.

Если с'езд восстал против моего тезиса и если мои оппоненты абсолютно уверены в своей правоте, то как же Бернар об'ясняет тот факт, что никто не предложил в Лилле резолюцию в этом смысле.

Я исправил в настоящей статье целый ряд фактических ошибок и привел несколько соображений о положении дел во Франции, которые я считаю справедливыми. Если я совершил ошибку, конечно, против моей воли, то я прошу, чтобы раньше, чем пытаться разбить меня такой погромной атакой, пусть попытаются убедить меня путем серьезной дискуссии.

Когда Ленин вел борьбу с худшими противниками пролетариата, то он вел ее всегда на почве точной информации. Настоящей и прочной победы нельзя одержать посредством методов политического импрессионизма.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ». №№ 1, 2, 3 и 4 (59, 60, 61 и 62). Орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Выходит еженедельно Ц. 30 к.

Основанный при прямом участии и под непосредственным руководством т. Ленина, журнал «Коммунистический Интернационал» выходил нерегулярно в виде сборника статей, являвшихся важнейшим пособием для пионеров III Интернационала в разных частях света. По мере роста сил Коминтерна и формирования отдельных секций его потребность в регулярно выходящем журнале становилась все более сильной. «К. И.» стал выходить ежемесячно, а теперь и еженедельно (в один и тот же день в Москве и в Берлине). Переход на еженедельное издание «К. И.» ни в коем случае нельзя считать случайным явлением.

Мы переживаем особую полосу в истории загнивания капитализма,—полосу, которая характеризуется процессом быстрой дифференциации сил и выкристаллизовывания мощного левого крыла в рядах, казавшихся окостеневшими, реформистских организаций и перегруппировки сил в лагере капитала, делающего самые энергичные усилия для восстановления своего положения.

Редакция журнала с полным основанием говорит во вступительной статье в № 1: «Относительная стабилизация капитализма—да, но воистину не застой, не мервый штиль в процессе мировой истории. Наоборот, нынешний этап характеризуется особым накоплением энергии в развитии движущих сил. Огромные политические антагонизмы, которые развиваются на основе экономических противоречий империализма, хотя, перекрещиваясь, отчасти нейтрализуют друг друга, в то же время непрерывно подрывают и разлагают устои капиталистической стабилизации. Все напрягаются противоречия между стоящими друг против друга силами. То в одной стране, то в другой на политической поверхности происходят быстрые, нервозные изменения ситуации, отражающие мощные процессы брожения, которые назревают в глубинах».

Для того, чтобы видеть, какие мощные процессы развития и накопления революционных сил происходят в мировом рабочем движении, вовсе не требуется вооруженного глаза.

Борьба английского пролетариата в 1926 г. остается, несмотря на великую измену вождей, важнейшим историческим явлением. И это безусловно необходимо подчеркнуть, об этом важно помнить. В передовой № 3 «К. И.» говорится: «Как бы ни тяжело было разочарование, вызванное у людей малодушных ее (всеобщей забастовки) поражением,—остается неоспоримым факт, что английская всеобщая стачка была одним из самых крупных событий после Октябрьской революции».

Каков бы ни был исход беспримерной стачки горняков, одно уже ясно—застоя нет в рабочем движении, мертвая точка далеко позади нас. Борьба английских горняков огромным прожектором освещает все поле сражения и те передвижения, которые происходят в лагерях борющихся сил.

Буржуазия не предается фаталистической вере в свое несокрушимое могущество; она изыскивает и применяет на деле «новейшие» способы эксплоатации рабочего класса, имеющие одну цель—стабилизовать капитализм.

Но все эти современные методы «рационализации» (в Германии) или прямой атаки, неслыханной жестокости (в Англии) ведут лишь к одному—к крайнему обострению классовых противоречий и неслыханному революционизированию рабочих масс в этих именно «стабилизируемых» странах.

Редакция журнала с особой силой подчеркивает важность и глубину этих тенденций. Иллюстрации этих тенденций мы находим в статьях каждой книжки журнала. В особо яркой форме формулированы основные тенденции развития в современном рабочем движении в передовых статьях, из которых приведем отдельные цитаты:

«Прежнее соотношение сил внутри мирового рабочего движения, как оно (это соотношение) сложилось в итоге послевоенного раскола,—говорится в передовой «К. И.» № 3,—ныне радикально меняется. Как внутри с.-д., так и внутри Амстердама все более и более оформляются низовые рабочие течения в пользу сближения и сотрудничества с коммунистами на основе классовой борьбы».

Несмотря на то, что временное поражение всеобщей забастовки английских горняков и трудности социалистического строительства в СССР создают почву для упадочных настроений, растет тяга западно-европейского пролетариата к первому в истории государству диктатуры пролетариата и продолжается процесс собирания левых сил. Вот как характеризуется расположение сил внутри рабочего класса: «На одной стороне—значительная часть тех рабочих масс, которые до сих пор стояли вне нашего воздействия и находились под влиянием с.-д. Эта часть пролетариата, представляющая его основные кадры, двигается справа налево. На другой стороне—в наших собственных рядах—мы имеем крыло, которое проделывает обратный путь—слева направо, к соц.-демократии, хотя и пускает в оборот левую фразеологию» (№ 2).

Особое наглядное отражение этого процесса поляризации сил в мировом рабочем движении мы видели недавно на с'езде английских трэд-юнионов в Борнемуте. Тт. Педж Арнот и Мерфи, анализируя результаты этого с'езда (в № 2), констатируют, с одной стороны, поправение таких вождей, как Персель, которые до сих пор прикрывались левой фразой, но, с другой стороны, появление настоящего нового левого крыла. На с'езде в Борнемуте левая оппозиция выступала против Кука, который качнулся вправо, в сторону Генсовета. Еще несколько месяцев тому назад Кук считался «самым левым», а за это лето произошли серьезнейшие события. Блестящий пример пролетарской солидарности, проявленной рабочими СССР во время борьбы горняков, способствовал укреплению симпатий английских рабочих к СССР; значительный прирост членов английской компартии является выражением того же процесса революционизирования масс; на с'езде в Борнемуте больше миллиона голосов оказалось много левее Кука.

Перед лицом этих новых факторов особенно опасны, конечно, всякие ошибки и колебания вправо нашей английской компартии. Тт. Мерфи и Арнот указывают на необходимость как можно скорее ликвидировать эти ошибки.

Колебания вправо в рядах коммунистических партий опасны в особенности теперь, когда капиталисты концентрируют свое наступление против пролетариата, когда с.-д., всячески стараясь затушевать классовые противоречия, делает шаги к установлению коалиции с буржуазией и когда на ряду с общей подготовкой империалистических держав к новым войнам все яснее вырисовывается угроза образования «Священного союза» буржуазии против СССР.

«Рационализация» и картелирование промышленности—вот современный лозунг буржуазии. Смысл его вскрыт т. Спектатором в интересной статье в № 1 «К. И.». Буржуазия стремится «к ускорению оборота капитала и к увеличению интенсивности труда», к образованию монополистических образований в международном масштабе. Рационализация производится на почве организационной реконструкции хозяйства, а не технической, и потому ляжет тяжелым бременем на плечи рабочего класса. Говоря о значении картелирования, т. Спектатор пишет:

«Капитализм и в довоенную эпоху знал и картели и даже международные об'единения предпринимателей; но все же их не было налицо в таких размерах, как теперь, когда они охватывают почти все производство страны... И в данном случае количество переходит в качество. Капитализм изменил свою структуру: он стал монополистическим par excellence, он начинает становиться таким и в международном масштабе. И совершенно естественно, что последствия монополистического капитализма, которые были указаны Лениным,—беспощадная эксплоатация рабочих и крестьянских масс,—проявляются теперь в удесятеренном виде. Повышение цен, под лозунгом которого совершаются теперешняя и рационализация и картелирование, означает еще дальнейшее ухудшение положения рабочих и крестьянских масс».

Отсюда, конечно, вытекает необходимость дальнейшего сплачивания пролетарских сил и образования крепкого единого пролетарского фронта, который мог бы отразить об'единенный натиск капитала.

Буржуазия, организуя международные об'единения, как это правильно подчеркивает т. Спектатор, заключает между собой мир, имея в виду новые хищнические планы, направленные в первую очередь против Советского Союза, а также против Китая (статья Спектатора в № 2 «Гражд. мир» в Дрездене и «братство народов» в Женеве»). Передовая в № 2 «К. И.» «Подготовка империалистической войны» делает обзор всех приготовлений империалистов за последний период и отмечает:

«Английские пираты ведут прямую войну против китайского народа и подготовляют с невероятной быстротой войну против СССР»... «Творцы Версаля, жрецы Локарно, душители углекопов, расстрельщики индусского народа, поработители человечества грозят новой войной. Они готовят ее систематически и планомерно. Так же систематически, планомерно должен готовить свои силы международный пролетариат».

В какой обстановке проходит эта сложная подготовка войны и как в высшей степени важно фиксировать внимание мирового пролетариата на этой опасности, показывают статьи т. Катаямы в № 1: «К положению в Китае» и ст. тов. Мицкевича-Капсукаса: «Окружение СССР и литовско-польский конфликт» в № 3 «К. И.».

В предвидении серьезных и крупных конфликтов с пролетариатом буржуазия стремится заключить союз с вождями реформистов и подготовить почву для политической коалиции.

«Германия,—говорит т. Спектатор в статье «Гражданский мир» в № 2,—стоит перед эпохой чрезвычайно тяжелых конфликтов, и этим об'ясняется выступление представителя крупных промышленников в Зильверберге и заигрывание их с с.-д. Но миллионы безработных, тяжелая судьба, ждущая еще многих и многих тысяч рабочих, является причиной того, что в рабочих массах оживает снова дух революционной борьбы и в первую очередь, крепнет воля и стремление к закреплению пролетарского единого фронта».

В этом отношении большую роль призвана сыграть кампания за созыв конгресса трудящихся в Германии, которая (кампания), как это показывает в своей статье т. Шляффер (№ 3), явится новым этапом на пути к собиранию сил германского пролетариата в борьбе с буржуазией, к закреплению успехов, достигнутых компартией во время кампании против возмещения монархической династии, и расширит базу единого фронта в профсоюзах и фабзавкомах.

Соц.-демократия пытается затушевать подлинное соотношение сил в Германии, но предварительные результаты народной переписи 1925 г., как то доказывает т. Варга в № 3 в статье «Пролетаризованная Германия», подтверждают, что «пролетариат составляет значительное большинство среди трудового населения Германии» и процесс пролетаризации за последние два десятилетия сильно шагнул вперед. Это обстоятельство имеет безусловное значение для установления тактики и стратегии нашей партии в период до захвата власти и в период диктатуры.

Наступление капитала на пролетариат становится все более активным, развертывается быстрым темпом и делает тактику единого фронта наиболее актуальной. Тов. Эрколи в статье «Наступление капитала и некоторые основные задачи профсоюзов» (№ 2) пишет: «Тактика единого фронта имеет, таким образом, значение не только разоблачительного маневра: она имеет также положительное значение в том смысле, что стремится противопоставить об'единенным силам капитала мощную силу рабочих и таким образом противодействовать попыткам стабилизации капитала».

Указывая на некоторые успехи этой тактики (комитеты действия в Англии, комитеты пролетарского единства во Франции и агитационные комитеты в Италии), т. Эрколи подчеркивает необходимость поставить в центре внимания вопрос о фабзавкоме—как исходном пункте борьбы за классовую организацию. «Борьба за профсоюзное единство пролетариата должна стать доминирующей нотой нашей повседневной политико-профессиональной борьбы», приходит к заключению тов. Эрколи.

И эта борьба за единство должна вестись со всей энергией, несмотря на возможные ошибки и огромные затруднения. Тяга рабочих к единому фронту неодолима, вопреки сопротивлению реформистских вождей и несмотря на отдельные промахи наших товарищей. В этом отношении поучителен опыт болгарских товарищей. Выяснению уроков этого опыта посвящена статья т. Димитрова в № 2 «Борьба за профсоюзное единство в Болгарии».

Сдвиги в рабочих массах, особенно в тех слоях, которые идут еще за с.-д., делают особенно важным и необходимым тщательное изучение соц.-дем. и эволюции как масс, быстро двигающихся влево, так и вождей, с одной стороны, сбрасывающих революционный плащ, а с другой стороны, пытающихся путем сочинения новых программ удержать свои позиции в рабочих массах. В процессе поляризации сил в рабочем классе быстро перемалываются и теряют свое значение центристские элементы. Тов. Штрассер в статье «Центристский документ» (№ 3) показывает, как «блудливый сын» II Интернационала Роберт Гримм подготовил свое возвращение в него, как этот герой «центризма», кокетничавший столь долгое время с революционными массами, скатился к обыкновенным реформистам, мечтающим о министерском портфеле.

Реформисты, особенно наиболее умные из них, продолжают цепляться за марксистские формулировки и не прочь пококетничать даже с большевистскими лозунгами. Австрийские соц.-дем. больше всего отличились своим искусством приготовления программы, которая, не удовлетворяя ни одному революционному требованию пролетариата, создает впечатление радикальности. Борьба с ханжеством, лицемерием, фальсификаторством австрийских «марксистов» в «самой сильной» партии II Интернационала является одной из серьезнейших задач в нашей борьбе с реформистами. Блестящая статья т. Бухарина в № 1 «Новая программа австрийской с.-д.» дает основательную критику господ австро-марксистов, «лавирующих и маневрирующих» *против* пролетариата, и выскрывает весь «эклектизм, реформизм и оппортунизм» их «марксизма». Тов. Бухарин констатируя полное отсутствие элементов *классовой* идеи пролетариата в этой новой «похлебке» австрийских с.-д., указывает, что «кокетство большевистскими фразами есть не проявление любви к революции, а проявление антиреволюционного коварства».

Здоровый пролетарский инстинкт, дающий возможность пролетарским массам выбраться на верный путь классовой борьбы, конечно, чужд тем героям упадочных настроений, которые за последние годы уходили из рядов Коммунистического Интернационала.

Передовая № 3 «К. И.» пишет: «Вся история Коммунистического Интернационала полна разительными примерами отхода от коммунистического движения разочаровавшихся «рыцарей на час». Но эти люди не уходили просто: они пытались давать обоснование своему отходу «левой критикой». Так было с Фроссаром, Транмелем, Хеглундом, так повторяется с германскими Коршами и т. д.

Тщательное изучение природы этих «левых» приобретает особое значение в данный момент, когда дезорганизаторская работа «левой» оппозиции германской партии принимает такие большие размеры и когда борьба за массовые компартии требует от нас самого большого напряжения.

Только преодолев саботаж сектантских групп внутри некоторых компартий, при неутомимой, полной энтузиазма борьбе за массовые компартии, можно будет «дать решительный отпор упадочным настроениям, драпирующимся в тогу «левого» недовольства».

Выразители этого «левого» недовольства, нытики и маловеры, беспринципные критики и крикливые дезорганизаторы особенно активны в Германии, где они с наибольшим остервенением стараются внести смуту в умы рабочих и взорвать компартию. Тов. Яблонский дает в № 2 полный анализ платформы ренегата Корша, который сумел превзойти самых закоренелых предателей и под видом борьбы с якобы «разлагающейся коммунистической мировой партией» фактически скатился к меньшевикам и другим врагам Советской Страны. Подобную же эволюцию этих «рыцарей на час» мы видим и на примере Транмеля в Норвегии, о чем имеется в № 2 статья т. Фиорда «Саморазоблачение Транмеля».

Поворотный пункт, который мы переживаем сейчас в истории рабочего движения, сопровождается целым рядом новых идеологических шатаний в рядах мелкой буржуазии, козыряющих в данный момент «ультралевыми» фразами.

Тов. Яблонский в статье «Как мелкий буржуа делал революцию» (№ 2), подвергая резкой критике платформу группы Корша, пишет: «Теперь, когда революционный пролетариат снова решительно и энергично собирает свои силы, чтобы единым фронтом дать отпор наступлению буржуазии, идеологическая физиономия мелкого буржуа искажается отвратительными гримасами, отражение которых мы находим в непревзойденной ренегатской платформе Корша».

Критика платформы Корша, равно как и тщательный разбор меморандума ультра-левых ГКП, сделанный в серии статей т. Клары

Цеткин (№№ 3 и 4), особенно интересны для нас, так как рассуждения и доводы германских оппозиционеров фактически являются логическим развитием и воспроизведением в неприкрашенных формах многих основных положений «оппозиционного блока» в ВКП.

Тов. Клара Цеткин, разбирая меморандум ультра-левых ГКП, приходит к заключению: «Из «важных документов» явствует лишь одно: налаженность связи между ультра-левыми и оппозиционной фракцией в ВКП(б). Эти документы носят, несомненно, фабричную марку: «изготовлены в Москве».

Каждому члену партии необходимо внимательно изучить как платформу Корша, так и меморандум ультра-левых, так как в этих документах лучше всего видна демагогическая беспринципность, идейная скудость, истерическая крикливость нашей оппозиции и братающейся с ней германской ультра-левой.

Полное непонимание оппозицией основных тенденций развития нашего хозяйства и значения поворотного пункта нашего строительства находит свою оценку в статье т. Стэна («Ленинизм или троцкизм» в № 2). Очень интересно вскрывает фракционную беспринципность и беспочвенное паникерство как германских ультра-левых, так и нашей оппозиции, т. Айхенвальд в статье «Тенденции и итоги хозяйственного развития Советского Союза».

Необходимо обратить внимание на прекрасную передовую статью № 4 «Дьявольская машина». Статья начинается словами упрека по адресу компартий капиталистических стран: «Как плохо вы еще боретесь с бесчеловечным террором наших заклятых врагов!» Белый террор, возведенный в систему классового господства контрреволюционной буржуазии почти во всех странах, безусловно требует более энергичной и более развернутой борьбы в международном масштабе. Эта борьба имеет теперь первостепенное значение как в одолении нашего основного врага—буржуазии, так и разоблачении с.-д., старательно затушевывающих гнусные деяния палачей и являющихся их прямыми пособниками.

В рецензируемых номерах журнала мы находим целый ряд статей, характеризующих положение отдельных партий. Из них отметим статью Дж. Мерфи о предстоящем восьмом конгрессе английской компартии (в № 4), в которой автор подробно останавливается на правых ошибках партии, затем статью т. Жана Шавароша «Стабилизация франка и экономические перспективы Франции» (№ 4) и статью т. Тан-Пин-Шана (в № 4), представляющую опыт анализа социальных взаимоотношений в Китае и в частности в Гуандуне. Еще заслуживает упоминания статья т. Лозовского в № 3, посвященная 25-летию профессионального движения.

Следует отметить наличие в каждом номере журнала интересно составленного и поучительного отдела критики и обзора книг по международной политике и рабочему движению.

Нет возможности исчерпать всего материала этих номеров еженедельника. Содержание его разнообразно, многосторонне; читается с захватывающим интересом, так как все статьи затрагивают самые жгучие и важные проблемы мирового коммунистического движения, проблемы близкие как ВКП, так и заграничным секциям К. И.

Редакция журнала права, когда пишет в № 1 «К. И.»: «Интернационализация важных актуальных вопросов рабочего движения отдельных стран со времени великой Октябрьской революции с каждым годом идет беспрерывно вперед. Стачка английских горнорабочих в этом году есть нечто совершенно иное, чем стачки былых времен: она является событием мировым. Очередные вопросы китайского рабочего движения затрагивают теперь жизненные интересы во всей Европе. И борьба ЦК ВКП(б) против мелкобуржуазных уклонов, представленных новой оппозицией, непосредственно вызывает в рядах рабочего движения других стран живейший отклик и активное выявление позиций за или против, как если бы речь шла о самых острых вопросах рабочего движения собственной страны».

Как в борьбе за массовые компартии за границей, так и в строительстве социализма в нашей стране,— в этих неразрывно сообщающихся сосудах единой борьбы за мировую революцию—существование боевого руководящего органа—К. И., способствующего вооружению пролетариата ленинизмом и готовящего кадры для борьбы за диктатуру пролетариата, является делом первостепенной необходимости и важности.

Первые четыре номера дают полное основание надеяться, что «Коммунистический Интернационал» будет пользоваться вниманием широких партийных кругов.

Д. Ихок.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
В. Молотов.
А. Слепков.
Е. Ярославский.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 НОЯБРЯ 21—22

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1926
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 74308. Москва. Тираж 71.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Путь оппозиционного блока.

Наша партия преодолела за период существования диктатуры пролетариата много внутрипартийных уклонов, пытавшихся стянуть партию с рельс ленинской политики.

Правда, выступая против ленинских принципов партийной политики, оппозиционные течения отнюдь не всегда делали это открыто и прямо. В первые годы диктатуры пролетариата, при жизни тов. Ленина, всякое принципиальное выступление против ленинизма встречало отпор со стороны самого тов. Ленина; таким образом, оппозиционные идеологи вынуждены были признавать и открыто демонстрировать антиленинский характер своих выступлений. После смерти тов. Ленина положение в этом отношении изменилось: всякое оппозиционное течение, учитывая, как глубоко осели в сознании партийных масс ленинские идеи, пытается свои антипартийные идеи прикрыть знаменем Ленина: ревизуя ленинизм или подбираясь к ревизии его, оппозиционные вожди проделывали это под видом «защиты» ленинизма.

Но суть-то этой «защиты», несомненно, заключается в борьбе с ленинскими принципами партийной организации и ленинскими принципами советской экономической политики.

После того, как партия осталась без Ленина, она выдержала и преодолела несколько оппозиционных нападений на принципы, практику и перспективы ленинской партийной политики.

В 1923 году партия вынуждена была вести борьбу с троцкистской оппозицией, которая в области организационной стремилась превратить партию из стальной большевистской единомыслящей и единодействующей организации в коалицию фракций с разной идеологией и своей особой дисциплиной; а в области экономической политики пыталась навязать партии такие принципы экономполитики и такие мероприятия, которые исходили из оценки крестьянства не как союзника, а как неизбежно и только враждебной пролетариату силы.

В соответствии с этим троцкистская оппозиция уже тогда наметила элементы «сверхиндустриалистской» теории, согласно которой промышленность должна развиваться не на основе сочетания промышленного и сельскохозяйственного строительства, а путем экономического подрыва сельского хозяйства, согласно

которой необходимо вступить на путь нажима, «эксплоатации» в отношении крестьянства.

Нет никакого сомнения в том, что эта авантюристическая политика разрыва рабоче-крестьянского блока теснейшим образом связывалась с утверждением о невозможности примирения противоречий между пролетариатом и крестьянством, с положением о невозможности построения социализма в нашей стране из-за ее технико-экономической отсталости.

В 1924 году зашевелились осколки «рабочей» оппозиции, пытавшиеся нащупать почву для нелегальной фракционной работы в закавказском рабочем районе.

«Медведевщина» не нашла поддержки и оказалась идейно изолированной. По своему идейному содержанию «медведевщина» является, так сказать, вульгаризированным троцкизмом.

Тот же курс на срыв партийного единства, тот же курс на превращение единой монолитной большевистской партии в коалицию фракций,—с одной стороны, та же посылка о невозможности осуществления рабоче-крестьянского блока, тот же курс на «пожирание» крестьянских хозяйств и «индустриализацию» страны путем экономического подрыва массы крестьянских хозяйств—с другой стороны; то же неверие во внутренние силы революции и в возможность построения социализма в нашей стране.

Но, во-первых, медведевщина формулирует свои антиленинские идеи более грубо и откровенно, чем троцкизм, так, напр., говоря о невозможности осуществления рабоче-крестьянского союза, она прямо заключает об ошибочности перехода к новой экономической политике; во-вторых, из полагаемой ею недостаточности внутренних сил российской революции для построения социализма она делает выводы о широком привлечении концессионного капитала, сопряженном с большими материальными жертвами для диктатуры пролетариата.

Вместе с тем «рабочая» оппозиция этого времени доходит до таких антипартийных идей, как идея ликвидации Профинтерна, как меньшевистская оценка иностранных секций Коминтерна и т. д.

Вылазка «рабочей» оппозиции оказалась неудачной; рабочие-большевики не пошли за идеологами этого течения, представляющими вульгаризированный, угрубленный троцкизм.

В 1925 году внутри партии оформилась «новая оппозиция», возглавляемая тт. Каменевым и Зиновьевым. «Новая оппозиция», склонная к «ликвидаторскому безверию в социалистические пути нашего развития», по мере углубления своих ошибок, все больше приближалась к троцкизму, хотя и начала свою фракционную деятельность под лозунгом борьбы с якобы «полу-

троцкистским» ЦК. Это приближение к троцкизму шло по трем основным линиям.

Во-первых, «новая оппозиция» изменила ленинским организационно-партийным принципам и стала защищать теорию и практику фракций и группировок. Тов. Зиновьев на XIV партийном с'езде даже заявил от имени оппозиции, что самый лучший способ урегулирования внутрипартийных отношений он видит в привлечении к руководству партией «всех сил всех бывших групп в нашей партии».

Во-вторых, идеологи «новой оппозиции», вслед за Троцким, обнаружили недооценку роли середняка в деревне и значения ленинского лозунга о заключении прочного союза с середняком.

Это отклонение от ленинского курса было подготовлено такими оценками внутридеревенских отношений, в которых середняк изображался уже почти «вымытым» процессом капиталистического развития в деревне.

В-третьих, переоценивая враждебные пролетариату силы, выразив сомнение в социалистическом характере государственной промышленности, изобразив последнюю видом госкапитализма, отвергнув ленинский план приобщения деревни к социализму через кооперацию, и изобразив НЭП как сплошное отступление,— «новая оппозиция» неизбежно должна была скатиться и скатилась к утверждению о невозможности построения социализма в нашей стране из-за ее технико-экономической отсталости, из-за количественного преобладания крестьянства в населении страны. Но как известно, это утверждение было одним из основных элементов троцкизма. Новая оппозиция потерпела на XIV партийном с'езде жестокое поражение.

Таким образом, все эти три антиленинских течения внутри нашей партии—«рабочая» оппозиция, троцкизм, «новая оппозиция»—имели родственные идейные основы. Это было первой предпосылкой их об'единения в оппозиционный блок.

С другой стороны, притязания всех этих течений, каждого по отдельности, были отвергнуты партией; все эти антиленинские течения внутри ВКП(б) не имели поддержки в партийных массах и поэтому стремились возместить отсутствие поддержки со стороны партийных масс взаимной поддержкой, об'единением, блокированием. Такова вторая предпосылка оппозиционного блока.

Выступив против партии и не отказавшись после поражения от своих взглядов, идеологи этих течений взяли курс на об'единение своих сил, при чем роль идейного гегемона в этом об'единении играл, несомненно, троцкизм.

История образования и оформления оппозиционного блока в основном есть история приближения к троцкизму, ската к

троцкизму «новой оппозиции» и история прилаживания к троцкизму «рабочей» оппозиции.

Если на апрельском пленуме ЦК «новая оппозиция», в лице тов. Каменева, еще считала необходимым, хотя бы на словах, отмежеваться от идеологических позиций троцкизма 1923 года,— то на июльском пленуме ЦК «новая оппозиция» целиком и полностью капитулировала перед троцкизмом, признав, что троцкизм в 1923 году правильно намечал перспективы партийного развития. Одновременно с этим т. Шляпников своей статьей в «Большевике» попытался «причесать» ликвидаторскую концепцию тов. Медведева, дабы она выглядела совсем по-троцкистски: вульгарный троцкизм он пытался превратить в троцкизм «культурный».

Об'ятые об'единительной лихорадкой «ведущие» элементы блока не остановились даже перед тем, чтобы присоединить к себе такого оппозиционного «лидера», каким является ликвидатор Оссовский.

В недрах Коминтерна оппозиционный блок идейно вооружил против партии и такие правые элементы, как Суварин и такие ультра-правые элементы как Корш и др., выступающие под прикрытием левой фразы.

Моменты разногласий предусмотрительно устранялись,—все составные элементы оппозиционного блока в целях мобилизации и об'единения своих сил против партии стремились добиться полнейшего идейного единства. Когда в результате этих усилий об'единение было нащупано, оппозиционный блок решил дать бой партии перед XV партийной конференцией. Жалкие результаты этой попытки общеизвестны: оппозиционный блок потэрпел жесточайшее поражение,—многочисленные партийные собрания единодушно или почти единодушно осудили и оппозиционную идеологию и фракционные методы «работы» оппозиции. Единодушное осуждение встретил оппозиционный блок и со стороны наших братских коммунистических партий, со стороны всего Коминтерна.

Как же себя повели идеологи оппозиционного блока после того, как оппозиция потерпела поражение?

Они прежде всего, вынуждены были признать преступность и ошибочность своей фракционной политики, направленной против партии. Они вынуждены были далее отмежеваться от наиболее пахнущих оппортунизмом ответвлений оппозиционной идеологии (медведевщины, оссовщины, коршевщины). Но они не признали ошибочности и социал-демократического характера представленных ими антиленинских политических тенденций.

На XV партийной конференции устами тт. Троцкого и Каменева они заявили, что они иначе, чем Ленин, понимают характер и движущие силы нашей революции.

В предшествующих дискуссиях партия подчеркнула, что крупнейшие ошибки троцкизма находятся в той или иной связи с троцкистской теорией «перманентной революции», что эта теория дает такую оценку соотношения и динамики классовых сил в революции, которая представляет социал-демократический уклон и на основе которой нельзя дать ленинского разрешения основных проблем партийной политики.

Партия указала далее и на то, что последние ошибки тт. Каменева и Зиновьева, связаны с их идейной позицией в октябре 1917 г., когда они в своих политических оценках и выводах тоже обнаружили крен в сторону социал-демократизма.

Непосредственно перед партийной конференцией т. Сталин в проекте резолюции об оппозиционном блоке подчеркнул, что именно наличие этих социал-демократических тенденций в 1917 г. и у Троцкого и у главных идеологов «новой оппозиции» облегчило им «закономерную» встречу в 1926 году.

Выступления тт. Каменева и Троцкого на XV партийной конференции блестяще подтвердили эту оценку.

Тов. Троцкий выступал на XV партийной конференции в защиту своей теории «перманентной революции», а т. Каменевым была проявлена тенденция вновь навязать партии свою полуменьшевистскую оценку нашей революции, не как социалистической революции, переросшей буржуазно-демократическую, а как буржуазно-демократической.

Это есть основной политический итог борьбы оппозиционного блока против партии.

Этот итог определяет и перспективы отношений партии к оппозиции.

Поскольку оппозиция вновь и вновь пытается фальсифицировать ленинизм, поскольку она его революционному существу противопоставляет тенденции социал-демократического порядка, постольку партия должна вести серьезнейшую идейную борьбу с социал-демократическим уклоном.

Это есть наша ближайшая и серьезнейшая внутрипартийная задача, разрешение которой гарантирует единство партии на ленинской идейной основе.

Э. Гольденберг.

Хозяйственный вопрос на XV конференции.

Постановка и обсуждение хозяйственного вопроса на XV конференции носят на себе яркую печать той новой, строительной полосы, в которую вступило наше развитие. Индустриализация, создание материальной и социальной базы коммунистического общества, являющееся основным содержанием этой полосы, ставит перед партией и рабочим классом ряд новых задач: хозяйственный аппарат должен быть приспособлен к изменившейся хозяйственной обстановке, должны быть изысканы новые источники накопления, должны быть найдены новые методы концентрации свободных средств всей страны в ее индустриальном ядре. Завершение т. н. «восстановительного» процесса, означающее исчерпание старых основных фондов, делает центральной для нас проблему капитальных затрат, проблему нового капитального строительства. Ее необходимо, однако, разрешать таким образом, чтобы не было нарушено равновесие всего народного хозяйства в целом, и равновесие его промышленного и сельско-хозяйственного элементов в первую очередь. Именно в этом заключается специфическая, неизвестная ни одной другой общественной системе кроме нашей, сложность и особенность стоящей перед нами задачи.

I. Что осталось от хозяйственной программы оппозиции к XV конференции?

XV конференции предшествовало свыше 9 месяцев напряженной борьбы с оппозицией, ожесточенных споров, в центре которых стояли вопросы экономической политики. Тем более замечательно, что по докладу о хозяйственном положении представители оппозиционного блока не смогли сказать ни одного слова. На прямые приглашения выступить и высказаться блок оппозиционных вождей счел за лучшее ответить «фигурой умолчания».

Менее трех месяцев отделяет XV конференцию от июльского пленума ЦК. Но и этого краткого срока оказалось достаточным, чтобы сделать очевидным для всякого полное банкротство хозяйственной—как и всякой другой—программы оппозиции. Жизнь не оставила камня на камне от ее практических

предложений. Расчеты нажить политический капитал бросанием демагогических лозунгов о зарплате, подыгрыванием к наиболее отсталым слоям рабочих не оправдались. Не оправдались и предсказания о «повторении в расширенном масштабе» затруднений минувшего года. Что еще, кроме «фигуры умолчания», оставалось у блока оппозиционных вождей?

Всем еще памятно, как под гром оппозиционных фанфар, на апрельском и июльском пленумах ЦК и ЦКК тт. Троцкий, Каменев, Пятаков пытались уверить партию, что в результате неверной, непролетарской политики Центрального Комитета лозунг индустриализации, данный XIV с'ездом, остался на бумаге, что на деле вместо индустриализации у нас налицо дальнейшая аграризация нашей и без того крестьянской страны. Ссылка на то, что до сих пор рост промышленности у нас шел темпом почти в пять раз более быстрым, чем сельское хозяйство, что промышленность с 1923 по 1926 г. увеличила свою продукцию на 170% в то время, как сельское хозяйство—только на 36%, отводилась оппозиционерами как бездоказательная. Они утверждали, что такой темп промышленного роста был возможен лишь на основе старого, уже имеющегося основного капитала. С исчерпанием его ресурсов, когда развертывание промышленности упирается в новое строительство, мы неизбежно должны сесть; если мы не изменим радикально нашу налоговую политику, нашу политику цен, промышленность в новых условиях, созданных завершением восстановительного процесса, не в состоянии будет угнаться за сельским хозяйством. Соотношение темпов роста промышленности и сельского хозяйства в восстановительный период не должно нас обманывать. Политика ЦК ведет к аграризации.

Так пророчествовал блок оппозиционных вождей. С присущим им суверенным презрением к фактам и цифрам они даже не пытались обосновать свои пророчества как-либо иначе помимо общих рассуждений и восклицательных знаков.

Но меньше всего в таких вопросах можно аргументировать восклицательными знаками. Если даже принять, что соотношение промышленного и сельскохозяйственного темпов в истекшие годы было возможно, главным образом, благодаря наличию готового и неиспользованного основного капитала [1]), то какие все же имеются основания предполагать, что в новых условиях, созданных завершением восстановительного процесса, сельское хозяйство будет обгонять промышленность? Какие имеются основания утверждать, что политика ЦК препятствует, срывает реконструкцию нашего хозяйства под знаком его индустриализации?

Никаких. Соотношение промышленности и сельского хозяйства, как известно, в последнем счете решается соотношением их основных капиталов. Темп производства в будущем определяется темпом накопления в настоящем. Согласно контрольным цифрам Госплана, на которые так охотно и часто ссылаются оппозиционные экономисты, ежегодный прирост основного ка-

[1]) Что было бы, однако, неверно, так как для использования имеющегося основного капитала надо было накопить оборотные средства. Темп восстановления, следовательно, определяясь не только наличием готового основного капитала, но и темпом накопления оборотного капитала.

питала в сельском хозяйстве последние годы составляет 3,1%, между тем как прирост основного капитала промышленности в 1925—26 г. составил 9,5%, и, примерно, столько же составит и в 1926—27 г. Таким образом, промышленность оставляет далеко позади сельское хозяйство не только по линии темпа роста производства, но и по линии темпа роста накопления.

Решающим в вопросе о направлении развития нашего хозяйства, и, следовательно, о правильности или неправильности направляющей политики партии является распределение капиталонакопления страны между индустриальным и сельскохозяйственным секторами. Теоретически здесь возможно три случая: 1) большая часть всего капиталонакопления идет в сельское хозяйство, и таким образом закрепляется и воспроизводится на расширенной основе аграрный характер страны, 2) все капиталонакопление равномерно распределяется между индустриальным и сельскохозяйственным секторами; в аграрной стране это закрепляет и воспроизводит диспропорцию промышленности и сельского хозяйства; и, наконец, 3) большая часть всего капиталонакопления идет в индустриальный сектор. В этом случае аграрный характер страны преодолевается индустриализацией.

Как обстоит дело у нас? Мы заимствуем из контрольных цифр таблицу, передающую динамику вложений в основные фонды в СССР.

	Общая сумма вложений (млн. р.)	Из них в сельском хозяйстве (в м. р.)	В %% ко всей сумме.
1923/24 г. . . .	1.273	644	50
1924/25 » . . .	1.724	743	43
1925/26 » . . .	2.756	849	31
1926/27 » . . .	3.102	960	31

Эта таблица заслуживает самого пристального рассмотрения. В 1923—24 г. сельское хозяйство поглощало 50% всех вложений в основные фонды, и только 50% оставалось на долю индустриального сектора. В 1925—26 г. сельское хозяйство поглощает уже только 31%, и 69% приходится на долю индустриального сектора. Капиталонакопление всего народного хозяйства, следовательно, распределяется таким образом, что обеспечивает индустриальному сектору значительно более быстрый темп роста, чем сельскохозяйственному. Огромное достижение, достижение решающее, заключается в том, что за три года нам удалось добиться того, что вместо половины, свыше двух третей всего капитального потока направляется в индустриальное русло. Политика, имеющая своим результатом такое перераспределение, есть правильная политика, политика индустриализации.

Приведенная таблица интересна, однако, не только тем, что показывает полную беспочвенность, произвольность оппозиционных обвинений и пророчеств. В ней обращает на себя внимание и другое обстоятельство. Доля сельского хозяйства в общей сумме капитальных вложений из года в год падает. Но при этом абсолютная сумма капитальных затрат в сельском хозяйстве из года в год растет. С 644 млн. рублей в 1923—24 году она поднялась до 849 миллионов рублей в 1925—26 г. и достигнет

960 милл. рублей в 1926—27 г. Это лишний раз подтверждает то сплошь и рядом непонимаемое оппозиционерами положение, что только на основе растущего сельского хозяйства возможен более быстрый рост промышленности.

Что промышленность и сельское хозяйство не только противостоят друг другу, но и теснейшим образом друг с другом связаны, друг от друга зависимы—это систематически замалчивается оппозиционными экономистами. Оппозиционные экономисты любят себя ставить в пример людям, которые, будто бы, под влиянием временных и преходящих колебаний кон'юнктурного характера склонны забывать о факторах длительного и поэтому большего значения. Сами, однако, они блеснули лишь тем, что, ссылаясь на обострение товарного голода в 1925—26 г., решили, что такой фактор, как крестьянский рынок и его расширение соответственно с ростом промышленности, можно вообще сбросить со счетов. На наш век хватит, а там видно будет. Какая, действительно, проницательность, какая глубина теоретического проникновения!

Сельское хозяйство связано с промышленностью не только как его рынок, но и как его сырьевая база. Вопрос о сырьевой базе промышленности был очень отчетливо и со всею конкретностью поставлен на XV конференции. 35% всей нашей промышленности работает на сельскохозяйственном сырье. Но вследствие крайне низкого уровня нашего сельского хозяйства, крайне недостаточной его интенсификации, недостаточного развития в нем технических культур, большую часть этого сырья нам приходится ввозить из-за границы. Эта часть настолько велика, что в настоящем году составит 40% всего нашего импорта. Совершенно очевидно, что интенсификация сельского хозяйства, развитие в нем технических культур является непосредственной предпосылкой индустриализации, освобождая нас от дани, которую мы сейчас вынуждены платить заграничной буржуазии не только за нашу промышленную, но и сельскохозяйственную отсталость.

Китайская стена между промышленностью и сельским хозяйством существует только в воображении оппозиционных фантастов. На деле же развитие хлопководства, развитие льносеяния, свеклосеяния и т. д. является составной частью процесса индустриализации по той чрезвычайно простой причине, что развертывание промышленности требует развертывания ее сырьевой базы.

Если осознание важности для нашей промышленности деревенского рынка нашло уже свое практическое выражение в нашей политике цен, то осознание важности деревни, как источника сырья, у нас еще далеко недостаточно. Можно не сомневаться, что этому осознанию много посодействует XV конференция. Ей пришлось остановиться на этом вопросе потому, что 1925—26 год на ряду с общим ростом сельского хозяйства принес с собою сокращение на 6% посевной площади под техническими культурами и задержку в развитии интенсивного животноводства. Основной причиной этого была неправильная политика цен. Тов. Яковлев в своей речи указал, что «в картофельном и льноводном районе (Костромская, Ярославская губ.) индекс цен на картофель составлял 0,78 индекса всех сельскохозяйственных то-

варов этого района, а индекс льноволокна 0,66 того же индекса всех сельскохозяйственных товаров. В льноводном районе (Псковская, Новгородская) индекс льноволокна равнялся только 0,55 индекса всех сельскохозяйственных товаров этого района... А если к этому прибавить, что у нас задержалось развитие хлопковых посевов, темп роста хлопковых посевов ничтожен (в то время как посевная площадь под хлопком по данным Главхлопкома достигла 84,1% довоенного, урожай составляет только около половины довоенного), то общая картина будет ясна. Причина этого ведь весьма проста: в 1925—26 г. соотношение цен на хлопок и пшеницу было, примерно, 3:2, а в отдельные месяцы и того хуже, в то время как довоенное отношение было примерно 3:1» [1]). Такого же рода сведения для свеклы, подсолнуха, табака и др. культур сообщили делегаты Украины и Юго-Востока [2]).

Более быстрый темп развития промышленности сравнительно с сельским хозяйством, требуемый индустриализацией, не только не исключает, но и прямо предполагает определенный абсолютный рост сельского хозяйства. И только при полном непонимании этой связи можно расценивать рост сельского хозяйства, как угрозу индустриализации.

В полемике, предшествовавшей XV конференции, представители оппозиционного блока часто пытались отыграться на товарном голоде. В усилении товарного голода пытались видеть доказательство аграризации нашей страны. От более быстрого в 1925—1926 г. роста деревенского спроса нежели промышленного предложения непосредственно заключали к более быстрому росту сельского хозяйства нежели промышленности.

Несостоятельность этого довода достаточно уже разоблачена в нашей партийной литературе, в частности в ряде статей, напечатанных в последних номерах «Большевика». В самом деле, очевидно, что именно курс на индустриализацию, означающий рост промышленности в первую голову за счет производства средств производства, т. е. за счет таких товаров, действие которых на потребительском рынке может сказаться лишь по истечении нескольких лет,—именно курс на индустриализацию делает неизбежным известное отставание темпа насыщения потребительского, в том числе и крестьянского, рынка от общего темпа развертывания промышленности. Сейчас нас интересует не эта сторона вопроса.

Непонимание связи между промышленностью и сельским хозяйством толкнуло оппозицию к созданию по меньшей мере странной теории о том, что повторный хороший урожай тормозит и усложняет дело социалистического строительства. Оппозиция предсказывала нам «повторение в расширенном масштабе» всех трудностей прошлого года и на этом «повторении в расширенном масштабе» даже строила кой-какие политические расчеты [3]). В момент XV конференции мы располагали уже возможностью практической проверки этих предсказаний. Они не оправдались ни в едином пункте.

[1]) XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 5, стр. 13.
[2]) Там же, стр. 18, 19, 54.
[3]) См. факты, сообщенные в заключительном слове т. Рыкова.

Блок оппозиционных вождей предсказывал дальнейшее заострение торгового голода, ссылаясь при этом на контрольные цифры Госплана на 1926—27 г., на приведенный в них товарный баланс города и деревни. Чтоб не оставить никаких сомнений относительно выводов, к которым должен привести этот баланс, т. Смилга в своей статье о «Контрольных цифрах» [1]) предупредительно раз'яснял: «Внутренний рынок и платежеспособный спрос обнаруживают тенденцию к более быстрому росту нежели производство материальных ценностей—мы уже значительный период времени сталкиваемся с товарным голодом. Во-вторых, мы заканчиваем восстановительный процесс при нарушившемся равновесии города и деревни в пользу последней. Данные, которые могут быть приведены в дальнейшем, показывают, что то, что в контрольных цифрах мы называем балансовой разницей, является разницей в росте отдельных отраслей хозяйства».

Или, иными словами, дальнейшее обострение товарного голода выражает лишь дальнейшее усиление диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

Как же обстоит в действительности дело с дальнейшим обострением товарного голода? Согласно товарному балансу «Контрольных цифр» дефицит по промтоварам для деревни в 1925—1926 г. выразился в сумме в 240 млн. рублей и в 1926—27 г. выразится в сумме в 263 млн. рублей. А б с о л ю т н о дефицит, таким образом, возрастает на 23 миллиона рублей. Для всякого грамотного человека, однако, ясно, что сила товарного голода определяется не абсолютными размерами дефицита, а его долей во всем обороте. Очевидно, что при покупательной способности крестьянства в 1 миллиард рублей дефицит в сто миллионов даст товарный голод более острый, чем дефицит в 150 миллионов при покупательной способности в 2 миллиарда рублей. В первом случае дефицит составляет 10% всего покупательного фонда, во втором случае только 7,5%.

По вычислениям контрольных цифр мы имеем, правда, абсолютный рост дефицита по промтоварам для деревни на 23 миллиона рублей; но д о л я дефицита во всем покупательском фонде крестьянства не только не возрастает, но даже падает. В 1925—1926 г. она составляла 7,5% (240 м. р. дефицита при покупательном фонде в 3,6 мрд. руб.). Таким образом, даже если исходить из товарного баланса контрольных цифр Госплана, на которые ссылаются оппозиционеры,—даже в этом случае предрекать з а о с т р е н и е, да еще р е з к о е заострение товарного голода не приходится.

Д а ж е если исходить из товарного баланса контрольных цифр. Но этот товарный баланс далеко не является самой сильной частью контрольных цифр. В частности рост покупательной способности крестьянства в настоящем году в нем заведомо преувеличен, главная основа чего заключается в том, что контрольные цифры исходили из предположения о полной или почти полной стабилизации сельскохозяйственных цен на всем протяжении заготовительной кампании, между тем как на деле они снизились и по главной группе—по группе хлебных цен—даже весьма значительно: на 12—17%. Это имеет огром-

[1]) «План. Хоз.» № 8, стр. 112.

ное значение не только потому, что замедляет рост платежеспособного спроса деревни, но и потому, что относительно низкие хлебные цены очень серьезно улучшают и наши экспортно-импортные перспективы, а значит и перспективы снабжения рынка. Мы имеем все основания в настоящем году рассчитывать на смягчение товарного голода.

В настоящий момент мы можем противопоставить оппозиционным пророчествам о заострении товарного голода не только более или менее отвлеченные выкладки, но и живые факты, которые, как известно, являются окончательным критерием истины. Сейчас уж не может быть двух мнений о том, что прошлогодний товарный голод в этом году не повторился. В то время, как прошлогодняя осень сопровождалась бешеным ажиотажем на всех рынках, расцветом всяческого грюндерства, резким ростом цен, осеннее оживление в настоящем году протекает несравненно более плавно и спокойно. Спрос низового рынка на промтовары дал в августе повышение на 2%, в сентябре на 4%. Грузооборот в течение всего 4 квартала увеличился на 12% против увеличения на 21% в прошлом году. Розничные цены, скакавшие вверх прошлой осенью, незначительно, но все же снижаются, и уж во всяком случае не растут сейчас. Денежная масса в августе прошлого года возросла сравнительно с средне-месячной за предыдущие 10 месяцев на 28,1%, в настоящем году—на 2,1%, в сентябре прошлого года прирост составил 12%, в сентябре настоящего года—5%. Ни о каком заострении товарного голода в настоящий момент, следовательно, не может быть и речи. Напротив. По ряду товаров (металлические, силикатные, текстильные, электроизделия), мы в последнее время имеем даже некоторое частичное затоваривание. Конечно, это затоваривание временное, коренящееся не в рыночной кон'юнктуре, а в плохом ассортименте, предлагаемом нашими синдикатами. Но оно тем не менее весьма поучительно, так как показывает, как даже лучшую рыночную кон'юнктуру может испортить бюрократическая организация дела, бюрократизм в торговле, тот бюрократизм, который настоящим махровым цветом расцвел бы, если б партия приняла оппозиционную программу повышения цен.

Не многим большую проницательность проявили представители оппозиции и в своих рассуждениях относительно наших возможностей маневрирования на хлебном рынке. Как известно, т. Каменев изобрел оригинальную теорию, согласно которой большая часть хлебных запасов находится в руках кулаков, которые не желают выпускать его на рынок и тем срывают нашу хлебозаготовительную кампанию. Получается нечто весьма парадоксальное и в своем роде даже занимательное: чем лучше урожай, тем сильнее расслоение, тем больше удельный вес кулака, тем мрачнее хлебозаготовительные перспективы. От повторного урожая т. Каменев поэтому вместе с т. Троцким ничего хорошего не ожидал.

Утверждение, будто большая часть хлебных запасов находится в руках кулаков, было в свое время достаточно освещено в нашей печати [1]). Мы можем поэтому здесь ограничиться лишь

[1]) См. в особенности книжку т. Яковлева «Ошибки хлебо-фуражного баланса ЦСУ».

установлением того факта, что оппозиционные предсказания о срыве хлебозаготовительного плана оправдались, примерно, так же, как и предсказания о заострении товарного голода. С начала кампании по 11 ноября заготовлено 288,1 млн. пудов хлебопродуктов против 244,2 м. п. на 1 ноября прошлого года. Это—несмотря на сильно запоздавшую уборку, несмотря на то, что ряд районов вступил в кампанию только во второй половине сентября. Октябрьский план выполнен с превышением на 32,7%. При этом хлебные цены все время держатся на уровне значительно более низком, чем прошлогодний. В начале октября цена ржи была на 13% ниже, чем в прошлом году, цена пшеницы на 17% ниже, цена ячменя на 25%. И наконец, что особенно важно отметить, мы имеем очень серьезные успехи в вытеснении из хлебозаготовок частника: его участие в них осенью прошлого года выражалось 20,6%, в нынешнюю—в 6,5%.

Хлебозаготовительная паника оппозиции имеет своим источником не только прошлогодний просчет и затруднения; корни ее ведут гораздо глубже, к самым основам оппозиционного, миросозерцания. Одно из главных отличий оппозиционной платформы от партийной, заключается, как известно, в том, что для нее, середняк перестал быть «центральной фигурой нашего земледелия». Оппозиция утверждает такой темп классового расслоения и вымывания середняка, какого не знала деревня при Столыпине. При чем, всякую попытку усомниться в возможности такого темпа в наших условиях она рассматривала как крайнюю ступень теоретического падения [1]).

Тем больший интерес приобретают данные о расслоении, собранные ЦСУ и оглашенные на XV конференции т. Рыковым. Следующая таблица передает динамику группировки крестьянских хозяйств по посеву (в процентах) [2]) по 35 губерниям.

	1922	1923	1924	1925
Без посева	6,9	5,3	4,8	4,2
С посевом до 2 дес. . . .	46,0	40,7	36,6	33,0
От 2 до 6 дес.	40,3	44,0	46,7	49,3
От 6 до 10 десятин . . .	5,6	7,8	9,0	10,2
Свыше 10 десятин	1,2	2,2	2,9	3,3

Налицо, таким образом, резкое сокращение числа бедняцких хозяйств (без посева и посев до 2 десятин) при очень сильном росте высших групп. О вымывании середняка говорить пока-что, повидимому, не приходится. Правда, динамика посевных группировок сама по себе не может быть решающей, и данные по посеву были бы поэтому мало показательны, если бы не были дополнены в докладе т. Рыкова данными по скоту. Тов. Рыков огласил итоговые данные о группировке крестьянства по скоту в РСФСР исчисленные в Наркомфине:

[1]) См. статью Майзлина «Тов. Бухарин в борьбе против оппозиционного блока».

[2]) Доклад т. Рыкова на XV конференции. Бюллетень № 3, стр. 22.

	1923/24	1925/26
Без скота	17%	15%
До 2 голов	63%	60%
От 2 до 4 голов	18%	22%
Свыше 4 голов	2%	3%

Здесь мы видим, несколько, правда, ослабленной, ту же тенденцию, что и в таблице посевов. Количество бедняцких хозяйств сокращается, растут середняцкие и кулацкие хозяйства. При чем данные о скоте уже не могут служить прикрытием для развивающейся на бедняцкой земле эксплоатации бедняка, как это важно было предположить относительно изолированно взятых данных о посевах.

Какие выводы позволяют сделать приведенные таблицы? «Мы имеем,—говорит т. Рыков,—общий под'ем всех групп хозяйств, уменьшение бесскотных, беспосевных и малопосевных хозяйств. Все группы крестьянских хозяйств растут вверх. Основная толща середняцкого слоя не только не распадается, но растет и приобретает большее значение, так как поднимающиеся на основе нашей политики бедняцкие слои пополняют середину»[1]).

Это не значит, конечно, что нам удалось уже вообще ликвидировать в деревне классовое расслоение. «Но во всяком случае несомненно, что как характер, так и темп расслоения иной, чем в дореволюционные времена. В этом основное своеобразие идущих в деревне процессов дифференциации»[2]).

Этого своеобразия совершенно не видит и не понимает оппозиция. Не понимает того, то самая трогательная или самая кровожадная декламация слова «расслоение», не может заменить анализ самого процесса. Расслоение может итти двумя путями. Оно может выражаться в более быстром росте зажиточного хозяйства при общем росте бедняцких и середняцких хозяйств. И оно может выражаться в росте зажиточных хозяйств за счет вымывания и пожирания середняцких хозяйств[3]). Конечно, в капиталистических условиях первый вид расслоения должен рано или поздно перейти во второй. Но для нас, в Советской Республике, при рабочей диктатуре, при имеющихся у нас возможностях некапиталистической эволюции крестьянского хозяйства, этот переход отнюдь не обязателен. Тот факт, что у нас налицо расслоение первого типа, имеет для нас огромное практическое значение потому хотя бы, что надолго сохраняет середняка как «центральную фигуру нашего земледелия», а середняцкое хозяйство—как исходный пункт некапиталистического, кооперативно-социалистического развития нашего сельского хозяйства. Жизнь целиком подтверждает оценку и политический курс взятый XIV с'ездом. У оппозиции здесь выход один—«фигура умолчания», за которую она, впрочем, и спряталась.

---

[1]) Доклад т. Рыкова на XV конференции Бюллетень № 3, стр. 24.
[2]) Там же, стр. 25.
[3] Здесь возможна некоторая аналогия с «расслоением» внутри самой буржуазии: Маркс в «Капитале», как известно, строго различает понятия концентрации и централизации капитала. Под первым он понимает укрупнение капитала за счет накопления и расширенного воспроизводства данного предприятия. Под централизацией же он понимает рост крупного капиталиста за счет пожирания им средних и мелких капиталистов.

С вопросами расслоения оппозиция тесно увязывала и вопросы нашей налоговой политики, вопрос о сельхозналоге. «Перерождение», «сползание с пролетарских рельс» усматривалось, между прочим, и в том, что мы берем с деревни слишком мало налога, слишком потакая таким образом кулацкому накоплению в ущерб нашей промышленности. Достаточно самого элементарного ознакомления с сельхозналогом, чтобы увидеть, какова цена всем этим разговорам.

Общая сумма сельхозналога в настоящем году определена в 300 миллионов рублей. 25% всех крестьянских хозяйств (6 млн. бедняцких дворов) от налога освобождено совершенно. 40% всех хозяйств (10 млн. дворов) с условно-чистым годовым доходом от 150 до 300 рублей должны будут внести налогу в размере 6—6,5% дохода. 20% всех хозяйств (5 млн. дворов) с условно-чистым годовым доходом от 300 до 500 рублей внесут налог в размере 7—8% дохода. И, наконец, с 15-процентного верхушечного слоя, с условно-чистым годовым доходом от 500 до 2000 рублей мы возьмем налог в **10—25%** всего дохода.

Оппозиция вопила о необходимости сильного повышения налога. За чей счет? За счет освобожденной от налога бедноты? Об этом не может быть и речи. За счет середняка? Но это означало бы форсировать процесс расслоения, ослабить устойчивость середняцкого хозяйства, сделать его менее способным к борьбе с кулаком. За счет кулака? Но кто же не понимает, что повышение налога свыше 25% дохода означает уже не налог, а почти раскулачку, чуть ли не возвращение к методам военного коммунизма. И чем иным, если не пустопорожней и безответственной демагогией, можно назвать после этого все то, что говорилось и писалось на этот счет оппозицией?

Оппозиция утверждала, что потакая в деревне кулаку, мы в городе потакаем частному торговцу, что наша в корне неправильная экономическая политика привела к угрожающему росту частнокапиталистического накопления. Здесь мы подошли к одной из самых скандальных страниц в истории оппозиционного блока. Всем еще памятно, как на июльском пленуме ЦК и ЦКК тов. Пятаков доказывал, что частный торговый капитал за один только 1925—26 год заработал миллиард рублей, из которого 500—600 миллионов накопил. Тайна этого пятаковского миллиарда в свое время была достаточно разоблачена. Сейчас, однако, мы можем этому миллиарду противопоставить уже не только основанные на косвенных показателях выкладки, но и результаты прямого обследования, проделанного аппаратом Наркомфина по заданию Госплана. Согласно этому обследованию вся сумма частного капитала в торговле составляла в 1924—25 г. 224,2 м. р. и в 1925—26 г. 337,5 м. р. Накопление, таким образом, выразилось в 113,3 м. р., 113 миллионов на деле и 500—600 миллионов в громовых филиппиках тт. Пятакова, Майзлина и других! Дистанция солидного размера!

Корень частнокапиталистического зла оппозиция, как известно, видит в нашей политике цен. Вопрос о политике цен в нашей печати был освещен настолько полно, что заново повторять всю относящуюся сюда аргументацию нет надобности. Отметим лишь один момент. На ряду со всякого рода принципиальными соображениями оппозиция доказывает необходимость повышения опто-

вых цен невозможностью в условиях товарного голода снизить розничные цены. К кампании за снижение розничных цен она—как и ко всему в СССР—относится в высшей степени скептически, третируя ее, как бюрократическую утопию. Оппозиционные мудрецы высокомерно раз'ясняют партии, что там, где спрос превышает предложение, снижения цен быть не может. Они это знают наверное, этому учили все «отцы» политической экономии от Вилльяма Петти и до Иеремии Бентама и Мак-Куллоха включительно.

Ничего, однако, кроме собственной плоскости и поверхностности оппозиционные мудрецы этим не доказывают. Они не понимают того, что борьба за снижение розничных цен сама же создает предпосылки для своего успеха. Борьба за снижение розничных цен—это борьба за улучшение и удешевление торгового аппарата, борьба за сокращение непроизводительного потребления людей, сидящих в торговом аппарате, за сокращение спроса на товары, пред'являемого этими людьми. В этом гвоздь всей кампании, гвоздь, который оппозиционные экономисты по обыкновению проглядели.

К моменту XV конференции жизнь не оставила ни одного клочка от хозяйственной программы блока оппозиционных вождей. По докладу о хозяйственном положении блок оппозиционных вождей на конференции не выступил, молчал—молчал потому, что ему нечего было сказать!

II. Пути развития и «узкие места». Вопросы управления.

В «Контрольных цифрах Госплана», в большой журнальной и газетной литературе, появившейся в связи с концом хозяйственного года наши хозяйственные достижения были освещены достаточно широко. Останавливаться на этом поэтому нет надобности. Не сделал этого в своем докладе и т. Рыков. Но он заострил вместо того внимание конференции на тех «узких местах» в нашем хозяйстве, развитие которых отстает от общего развития, и которые, если не будут приняты меры, могут поэтому затормозить наше дальнейшее продвижение вперед.

«Наиболее слабыми звеньями в общей системе хозяйства страны,—говорил т. Рыков,—будут являться на протяжении ближайшего времени топливо, производство электрической энергии и транспорт... Необходимо иметь в виду, что в прошлом году Донецкий бассейн дал увеличение продукции на 500 миллионов пудов. В текущем году добыча угля опять повышается на 300—400 миллионов пудов. За два года увеличение продукции Донбасса почти на целый миллиард пудов каменного угля! Это такого рода шаг, который позволяет нам гордиться очень большими достижениями в области нашей хозяйственной работы. Современные затруднения с топливом страна переживает при громадных достижениях и в угольных и нефтяных районах и при напряженной работе всего имеющегося для добычи топлива оборудования» [1]).

По подсчетам Промплана ВСНХ топливный дефицит в 1926—1927 году составит около 120 миллионов пудов. По расчетам

[1]) XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 3, стр. 14.

же ОСВОК при полной даже нагрузке всех добывных единиц Донбасса, при намечаемом темпе развертывания промышленности угольный дефицит в 1929—30 г. составит 565 миллионов пудов. Для предупреждения этого дефицита необходимо в ближайшие годы вложить в капитальные затраты по угольной промышленности 731 миллион рублей [1]). Но и в этом случае ликвидация топливного дефицита будет возможна лишь при условии величайшей рационализации топливоснабжения и широко развернутого строительства электростанций.

Необходимо отметить, что СССР, в своей европейской части по крайней мере, каменным углем очень беден. Мировые запасы каменного угля исчисляются в 7.338 миллиардов тонн. Из них на долю Сев.-Америк. Соед. Штатов приходится свыше половины—3.838 миллиардов тонн, на долю Канады—1.235 мрд. тонн, Германии—423 мрд. тонн, Сибири—400 мрд. тонн, европейской части СССР—60 мрд. тонн и т. д. Таким образом, европейская часть СССР с ее населением, почти в два раза превышающим население Германии, располагает угольными запасами, в семь раз меньшими, чем Германия [2]). Это обстоятельство с особенной остротой ставит вопрос об использовании водной энергии, местных и низкосортных видов топлива. А это требует электрификации.

Топливный дефицит плюс наметившийся в особенности в таких центрах, как Москва и Ленинград, дефицит в электроснабжении делают необходимым широкое развертывание электрического строительства. В настоящем году в электрификацию будет вложено свыше 160 млн. рублей, что даст прирост действующей сети более чем на 250 тысяч клвт. В нынешних условиях эту программу необходимо рассматривать как минимальную.

Другим «узким местом» в нашем народном хозяйстве является транспорт. «Железнодорожные перевозки,—говорил т. Рыков,—в настоящее время не только достигают довоенного уровня, но даже несколько его превосходят. За истекший год рост перевозок шел удовлетворительно. Однако, несмотря на это, в этом году транспорт сделался дефицитным. Идут споры о размерах этого дефицита, и называют цифры от 50 до 100 миллионов с лишком рублей. Причины дефицита транспорта заключаются в том, что в связи с новым периодом капитального строительства, строительства жилищ и т. п., в составе грузооборота необычайно выросли убыточные или малорентабельные перевозки и уменьшился процент доходных перевозок... Малорентабельные грузы, это—топливо, строительные материалы, лес, цемент и т. д., на которые установлены низкие тарифы. Усиление этих перевозок вытекает из всего характера переживаемой эпохи нового строительства, но для жел.-дор. транспорта это выразилось в значительных убытках» [3]). Повышение тарифов даст дополнительный доход в сумме около 100 млн. рублей. Но и после этого повышения индекс жел.-дор. перевозок остается гораздо ниже и товарного и промышленного индексов.

[1]) Материалы к критике гипотез ОСВОК'а, стр. 64.
[2]) Мы имеем, правда, богатейшие угольные залежи в Сибири. Но поскольку промышленность наша работает глав. обр. в европейской части СССР, на ближайшее по крайней мере время, это большого практического значения иметь не может.
[3]) XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 3, стр. 15.

Разумеется, топливо, электроснабжение и транспорт не исчерпывают собой всего числа узких мест в нашем хозяйстве. К сожалению, их очень много. Достаточно указать на металл, машиноснабжение, жилищное строительство, внешнюю торговлю. На последней мы считаем необходимым остановиться.

В то время, как все наше народное хозяйство в целом в 1925—1926 году достигло уже почти ста процентов довоенного уровня, внешняя торговля достигла только 37,3% довоенной.

Так как импорт в последнем счете определяется экспортом, то «ведущая роль» в этом отставании принадлежит, конечно, последнему. Мы не вывозим и не можем вывозить теперь столько, сколько вывозили до войны. Не можем, во-первых, потому, что за годы империалистической и гражданской войны ряд новых конкурентов занял наши позиции на мировом рынке. Во-вторых, потому, что старый довоенный вывоз покоился на недоедании крестьянства («не доедим, а вывезем»). О таком вывозе из СССР, разумеется, не может быть речи.

В результате, однако, Россия, до войны дававшая 29,3% всего европейского ввоза хлебов, в 1923—24 г. дала только 9,5%, в 1925—26 г.—8,7%. А падение вывоза, в условиях финансовой полублокады, естественно, влечет за собою и соответственное сжимание ввоза.

Это сжимание ввоза создает очень серьезные трудности. Достаточно сказать, что до войны 58% всего машиноснабжения русской промышленности шло из-за границы, что текстильная промышленность до войны почти наполовину работала на заграничном сырье [1]). Зависимость от заграницы довоенной русской промышленности при сильном импортном зажиме теперь приводит к целому ряду прорех в нашем хозяйстве. Так, по расчетам ОСВОК по общему машиностроению выпуск изделий в 1925—1926 г. составил 141,9 млн. рублей, при потребности в 241 млн. рублей. Естественно, что эта потребность была далеко не полностью удовлетворена [2]). Таких примеров можно бы привести очень много.

Отставание внешней торговли от темпа развития народного хозяйства в целом с величайшей остротой ставит перед нами задачу усиленного развертывания собственного производства средств производства, с одной стороны, и усиленного развития собственного производства сельскохозяйственного сырья, с другой.

Развертывание промышленности, рост всего народного хозяйства сейчас упирается раньше всего и больше всего в капитальные затраты. В настоящем году по промышленности и электрификации они, как известно, превысят миллиард рублей, при чем 28% всей суммы будет вложено в топливную промышленность и 24%—в металлическую. Само собой разумеется, что выполнение этой программы требует и соответственного увеличения оборотных средств промышленности. По «Контрольным цифрам» оно должно будет выразиться в сумме в 540 миллионов рублей.

Что касается источников покрытия, то здесь на первом месте стоит внутрипромышленное накопление. Прибыль промышленности (по минимальному варианту) составила 474 миллиона рублей

[1]) См. Гриневецкий, «Послевоенные перспективы русской промышленности».

[2]) Материалы к критике гипотез ОСВОК, стр. 114.

в истекшем 1925—26 г. В настоящем году она перевалит за полмиллиарда. До полумиллиарда рублей дадут в настоящем году амортизационные отчисления. И, наконец, ассигнования по бюджету на электрификацию через Коммунальный банк, отдел долгосрочного кредитования Промбанка и т. д. дадут в настоящем году 625,2 миллиона рублей. Из этих 625,2 м. р., однако, 250 м. р. будет изъято из средств самой промышленности. Собственно-бюджетное финансирование, следовательно, составит 375 миллионов рублей.

Бюджет является одним из основных рычагов перераспределения народно-хозяйственного накопления. За три года (с 1924—25 по 1926—27) он дал нашей промышленности 733,2 миллиона рублей. Цифра эта говорит сама за себя. Этим рычагом мы пользоваться научились.

Значительно хуже обстоит дело с другим возможным орудием перераспределения и использования народно-хозяйственного накопления—с привлечением сбережений всего населения в сберкассы, кооперацию, госзаймы и т. д. «Напомню, — говорил тов. Рыков,—что царскому режиму удавалось в этом отношении добиваться гораздо больших результатов. Общая сумма сбережений вложенных в государственные сберкассы составляет за 1925—26 год приблизительно 90 миллионов рублей, что составляет лишь 6% остатка вкладов, которые имелись при царе на 1 января 1914 г. Только 6% того, что было в царское время!.. В составе вкладчиков необычайно мал удельный вес вкладов крестьян, составлявший на 1 января 1926 г. всего 3,6% всех счетов и только 2,4% всей суммы вкладов в сберкассах. В довоенное время (на 1 янв. 1914 г.) крестьянские вклады составляли 28,5% всех вкладов и 28,3% всех счетов... Ни наша печать, ни государственные и кооперативные органы, ни партийные и профессиональные организации не уделяют должного внимания, чтобы принять все необходимые меры для увеличения притока вкладов в сберегательные кассы. В этом отношении партия должна добиться решительного перелома в лучшую сторону» [1]).

Завершение восстановительного процесса влечет, и не может не повлечь за собою, резкое снижение темпа развертывания промышленности. В 1924—25 г. промышленная продукция возросла на 62%, в 1925—26—на 42%, в настоящем году она возрастет только на 18,2%, а в будущем году, вероятно, и того меньше. Иначе и не может быть. Мы вступили в такую полосу, когда каждому новому шагу в расширении производства должен предшествовать новый шаг в расширении основного капитала. А эти шаги требуют и очень много денег, и очень много времени. С «восстановительными» масштабами поэтому пора распроститься. Хозяйство наше созрело уж настолько, что рывками «восстановительного» периода дальше двигаться не может. Но, тем более необходимо подчеркнуть, что и нынешний, «реконструктивный» темп нашего развертывания оставляет далеко позади темп промышленного развертывания любой капиталистической страны, даже в наиболее цветущую пору капитализма.

В последние 15 лет перед войной средний годовой прирост промышленной продукции в передовых капиталистических стра-

[1]) XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 3, стр. 10.

нах колебался между 8,5% (США) и 1,16% (Англия) [1]. Прирост основного капитала в тот же период составлял в США, примерно, 6—6,5% в год [2]), в Зап. Европе 3—3,5% [3]). Прирост основного капитала у нас в 1925—26 г. составил 9,5% и на этом же приблизительно уровне, повидимому, будет держаться и в ближайшие годы. Темп прироста основного капитала у нас, т. о., в полтора—три раза превышает темп его прироста в самых передовых капиталистических странах в лучшую пору их развития.

«Скептики» из оппозиционных рядов, пытавшиеся, как известно, запугать партию одновременным отставанием нашей промышленности не только от крестьянского хозяйства, но и от мирового хозяйства, пытаются смазать значение этого факта указанием, что более быстрый темп роста у нас об'ясняется тем, что мы растем с несравненно более низкого уровня, чем капиталистические страны [4]). Аргумент этот является совершеннейшей мистикой. Темп накопления отнюдь не определяется абсолютными размерами производства. Он определяется нормой прибыли, во-первых, и соотношением расходуемой и накопляемой части прибавочной ценности, во-вторых. Могут возразить, что норма прибыли определяется уровнем органического строения капитала, и таким образом, свести различия темпов накопления у нас и в капиталистических странах к тому, что органическое строение капитала в нашем народном хозяйстве значительно ниже, чем в последних. Но сделать это—значило бы забыть о тех огромных барышах, которые буржуазия загребает, экспортируя капитал, выколачивает в Китае, в Индии, в Африке, в Юнж. Америке на основе еще боле низкого технического уровня, на основе еще более низкого органического строения капитала, нежели у нас.

Более быстрый темп нашего накопления по сравнению с капиталистическими странами есть не продукт нашей технической отсталости, не продукт низкого уровня органического состава капитала в нашем народном хозяйстве. Он является продуктом того, что мы ликвидировали непроизводительное потребление основной группы буржуазии, которая до войны с'едала до 50% всей производимой в промышленности прибавочной ценности [5]), продуктом плановости, все более овладевающей нашим хозяйством, продуктом того, что по своему типу наша экономика выше экономики капиталистической.

Завершение восстановительного процесса, задачи нового строительства требуют и соответственной перестройки хозяйственного аппарата, его приспособления к новым задачам. Эта перестройка диктуется не только категорической необходимостью удешевить его. Она диктуется также тем, что чрезмерная многоступенчатость, чрезмерное разбухание органов контроля, чрезмерная централизация управления, все это через посредство весьма неприятного диалектического процесса обрезает крылья планированию, может создать угрозу анархии и сепаратизма

[1]) Цифры Альб. Вайнштейна, приведены в докладе т. Рыкова.
[2]) С. Струмилин «К проблеме капиталов в СССР».
[3]) Cassel «Theoretische Sozialökonomie».
[4]) См., напр., последнюю главу второго издания «Новой экономики» т. Преображенского.
[5]) См. Струмилин «К проблеме капиталов в СССР».

в строительстве, которые допускать мы ни в коем случае не можем. Возьмем количество инстанций, который должен пройти промфинплан какого-либо треста; используем в качестве примера Ленинградский бумтрест. Его промфинплан проходит до своего утверждения через: 1) Управление треста—отделы: финансовый, Эко, технический, снабжения, одновременно и параллельно—ревизионная комиссия, 2) Севзаппромбюро—Эко, отделы: труда, топливный, технико-производственный, финансовый, 3) президиум Промбюро, 4) Угпром ВСНХ РСФСР, 5) лесобумажный директорат ВСНХ РСФСР, одновременно—строительный директорат, 6) Промплан ВСНХ РСФСР, 7) президиум ВСНХ РСФСР, 8) Госплан РСФСР, 9) Экосо РСФСР, 10) Госплан СССР, 11) Главлесбум ВСНХ СССР, параллельно—строительный директорат, 12) Промплан ВСНХ СССР, 13) президиум ВСНХ СССР, 14) Совет Труда и Обороны [1]). Отсюда крайне раздутая система отчетности. Так, одна крупная текстильная фабрика, тверская «Пролетарка», обязана представлять сведений: ежедневно—4, два раза в месяц—3, ежемесячно—79, поквартально—57, полугодовых—32, годовых—57. В той же Твери находится консервированная Переволоцкая фабрика, которая, несмотря на свою консервированность, все же посылает до 20 форм отчетности. О том, как и насколько это усложняет и удорожает аппарат, говорить не приходится. Но помимо этого, такая система отчетности рикошетом бьет и по самому производству. Заведующий одним из крупных отделений «Пролетарки» вынужден уделять производству только 30% своего рабочего времени, 50%—канцелярщине, а 20%—всевозможным заседаниям. Другой заведующий отделением в день посещения его корреспондентом «Торг.-Пром. Газеты» подписал 158 бумаг, из них ордеров на спецодежду—62, разных ордеров по счету «общих расходов»—60, на получение жалованья—2, сведений и форм разных—19, писем и отношений—15.

Совершенно естественно, что когда промфинплан треста должен пройти четырнадцать инстанций (это—не считая всяческих суб'инстанций внутри большинства этих инстанций), то своевременно он утвержден быть не может. У нас поэтому сплошь и рядом имеют место случаи, когда промфинплан утверждается только к концу второго или даже в третьем квартале. А первые два квартала, которые в сущности являются решающими для всего хозяйственного года? Первые два квартала трест работает без утвержденного плана, на собственный страх и риск.

Срывание плана чрезмерной централизацией и бюрократизацией хозяйственного управления особенно опасно в условиях развертывания нового строительства. Расцветающие на этой почве «грюндерство», сепаратизм, вероятно, влетели нам уже не в один миллион рублей. Тов. Рыков привел целый ряд примеров ненужной, нерациональной стройки, которая означала лишь ненужную трату или нецелесообразное распыление средств. Но, с другой стороны, необходимо помнить, что это «грюндерство» и этот сепаратизм являются лишь неизбежным продуктом чрезмерной централизации, чрезмерного опекания мест. «Мы за предыдущее время,—сказал в своей речи председатель Совнаркома

[1]) «Торг.-Пром. Газета» № 267.

Украины т. Чубарь,—никогда не имели к началу года планов нашей промышленности, планов нашей работы, не имеем их на сегодня и вряд ли будем иметь на 1 января. Значит работа развертывается без планов, значит в важнейший период нового года наши хозяйственники проталкивают планы, заявки и т. д., а не руководят производством» [1]). Нельзя поэтому противопоставлять некоторую децентрализацию управления, предоставление больших прав и большей ответственности низовым организациям усилению планового начала. Задача приспособления хозяйственного аппарата к новым условиям была правильно сформулирована т. Рыковым: «Нужен централизованный план и дисциплина в осуществлении этого плана. На ряду с этим осуществление плана должно быть децентрализовано. Необходимо сохранить целостность плана капитального строительства, сочетать интересы хозяйства всего Союза, как единого целого, и создать такие условия выполнения плана, которые давали бы полную возможность развития инициативы республик, областей и губерний. Вот в чем заключается задача изменения нашего планового руководства».

---

[1]) XV конференция ВКП(б). Бюллетень № 4, стр. 11.

В. Астров.

Тов. Преображенский „отвечает“.

1. О мягком характере тов. Преображенского.

Второе издание книги «Новая экономика» т. Преображенский снабдил новым предисловием, в котором он отвечает т. Бухарину на его статьи в «Правде» (статьи, озаглавленные: «К вопросу о закономерностях переходного периода») и еще одним послесловием, где т. Преображенский отвечает автору этих строк и тов. Гольденбергу на наши статьи в №№ 13 и 15—16 «Большевика». Мы коснемся здесь лишь этого послесловия, при чем оставим в стороне включенную в него полемику с тов. Нагиевым.

Сначала о некоторых деталях, имеющих второстепенное значение, но характерных. На последней странице первого издания «Новой экономики» автор писал:

«В своей полемике против моих критиков я соблюдаю мягкость тона»... «Если имеешь, что сказать по существу, легко отказаться от полемических резкостей»... «Я имею сказать еще очень многое в защиту моих положений, и притом с цифрами в руках. Этим естественным преимуществом я воспользовался в настоящей книге» (2 изд., стр. 313).

Что касается «цифр», то возможно, что они находятся «в руках» автора, но в книге их нет. В книге они фигурируют пока, как некие «отдаленные седой зимы угрозы». Например, автор пишет:

«Затем я должен опечалить т. Гольденберга тем, что за первым моим томом последует второй («хоть грустно мне, но что же делать»?... *В. А.*), где исследуется на большом фактическом материале, как конкретно проявляется закон первоначального социалистического накопления»... «и как складывается то общехозяйственное равновесие,... которое отображалось на цифровом балансе нашего хозяйства за истекшие годы. Тогда борьба с моей точкой зрения для оппонентов будет куда потрудней, чем теперешнее выдумывание аргументов «вообще» (стр. 324).

Никто из нас не может, разумеется, назначить достойную цену этому векселю на будущее. Быть может, в кармане у автора алтын, а может быть, и кукиш. Нельзя, однако, не заметить, что в данном случае тов. Преображенский занимается ничем иным, как уловлением рыбки в таких водах, где она еще не водится (перефразируя приведенную им же остроту Маркса).

Если же держаться более современных сравнений, то все это со стороны нашего автора скорее похоже на американскую рекламу своих невышедших книг, чем на приемы теоретической полемики.

Что же касается хваленого «мягкого тона» т. Преображенского, то в прибавлениях ко 2-му изданию он ему положительно изменил. Судите сами. все его критики—«люди текущей кон'юнктуры в политике и в теории», они «накручивают аргументы», их возражения—«политическая клевета» и притом «грубо состряпанная» «в целях политической дискредитации». Автор с такой, буквально, злобной мрачностью взирает на нашу печать, что все пишущие в библиографических отделах благоприятные отзывы о книгах рисуются ему в виде «угождающих рецензентов», которые хвалят «бессодержательные брошюры и книги», «а по отношению к книгам в роде настоящей (ну, еще бы! *В. А.*) научную недобросовестность критики считают своей политической добродетелью» (стр. 315, 318, 321, 332, 334 и т. д.).

Куда девался «мягкий характер» т. Преображенского? Если, как он только-что утверждал, его оппоненты прикрывают резкостью полемики «отсутствие собственной точки зрения», то, может быть, это «правило» не распространяется на самого автора «настоящей» книги? Может быть, ее автор в этом отношении такой «вундер-кинд», что он грубостями и резкостями прикрывает (гм!) избыток аргументации?..

По отношению к одному из своих оппонентов т. Преображенский употребляет и такой совершенно незаменимый «аргумент»:

«Я не знаю партийного стажа тов. N. Из забористости тона заключаю, что он не очень велик» (308).

Выгодно ли т. Преображенскому продолжать разговор на тему о тоне? Если мягкость тона обозначает, что «имеешь что сказать», то выходит, что г. Преображенскому почти-что нечего сказать. Если, с другой стороны, «забористость» тона свидетельствует о недостаточности партстажа, то ведь т. Преображенский рискует в глазах читателя, почему-либо его лично не знающего, выступить в роли члена ВКП(б) с 1924 года!

Но «милее» всего «аргументик» от партстажа. Вот это истинно-оппозиционный способ полемики с «моими критиками из молодых»!

Само собою понятно, что человек, имеющий 25 или 28 лет отроду, при всей революционности его натуры, не может быть членом партии с 1905 года. Но что же из этого?! Извольте возражать ему по существу, т. Преображенский!

Нечего сказать, прекрасный способ «срабатываться» с молодым поколением «открыт» ветераном нашей оппозиции, т. Преображенским: если тебе возражают, то спрашивай о партстаже у возражающего. И это «открытие» исходит из тех самых рядов, откуда в 1923 году партия слышала бесшабашную демагогию насчет «стариков», якобы «зажимающих» у нас в партии молодежь, не дающих расти новому поколению! И это исходит от того, кто на тех же страницах пишет, что он рассчитывает на «оценку молодежи»!

Не троцкисту бы учить партийный молодняк уважению к старым большевикам. В его запросах о партстаже, обращенных к оппоненту, нет ровно ничего, кроме комчванства, зазнавшегося присяжного «теоретика», не желающего разговаривать с молодежью.

До каких высот возносит т. Преображенского его комчванство, видно из следующего. На полученный им от т. Бухарина упрек в «профессорском высокомерии» (всякий, кто читал «Новую экономику», найдет этот упрек вполне справедливым) т. Преображенский отвечает так:

«Обвинение Маркса и марксистов в научном высокомерии есть старое обвинение. Мы были к нему всегда более чем равнодушны» (14).

Это «мы с Марксом» так и просится в альбом гоголевских персонажей, среди которых, как известно, был один, который, по его собственным рассказам, любил, похлопывая по плечу Александра Сергеевича Пушкина, говаривать: «Ну, что, брат, Пушкин?»..

2. Тов. Преображенский отмахивается от возражений.

Как автор «Новой экономики» бранится на своих оппонентов, мы видели. Сейчас увидим, как он, под шум ругательств и чванливых окриков, отмахивается от сделанных ему возражений и удирает с поля идейного сражения. Он пишет:

«Весь второй раздел статьи т. Астрова, озаглавленный: «теория» тов. Преображенского, как обоснование политики экспроприации крестьянства», представляет из себя «обоснование» этой политической клеветы. На политическую полемику я не намерен отвечать в настоящей книге, поэтому прохожу мимо и данного выпада. Советую только тов. Астрову навести справку из истории рабочего движения, как именуются в нем люди, которые занимаются натравливанием мелкого собственника на социализм (?!—*В. А.*), и чем кончались обыкновенно такие упражнения». И там же, в сноске: «Все обвинения меня насчет «колоний», грабежа крестьянства и т. д. являются упражнениями подобного же рода и лишь агитируют крестьянство против строительства социализма» (?!) (стр. 318).

Это все, что в ответе Преображенского относится ко 2-й главе моей статьи.

Конечно, если считать писания т. Преображенского подлинной программой строительства социализма, тогда можно было бы поставить знак равенства между «агитацией» против них и агитацией против социализма. К сведению т. Преображенского: строительством социализма руководит партия, которая книгу «Новая экономика» евангелием социализма не считает. Казалось бы, т. Преображенский сам должен был догадаться об этом. А раз это так, выходит, что «агитируют» (как угодно выражаться т. Преображенскому, хотя агитация тут ни при чем) против одного из вредных уклонов, способных помешать делу строительства социализма, если им не дать своевременного отпора.

И, разумеется, зря припутывает т. Преображенский крестьянство: изобретенный им закон первоначального накопления обсуждается в среде партии, а не на волостных собраниях.

Тов. Преображенский, как мы видели, квалифицирует выдвинутое против его теории «обвинение», как «политическую клевету». Густо сказано! Но доказано ли? «Прохожу мимо», «на политическую полемику я не намерен отвечать в настоящей книге».—все это одни чванливые жесты.

Припомним, на чем основывалось выдвинутое против т. Преображенского «обвинение»? На доводах троякого рода.

Во-первых, довод сравнительно-исторического порядка. Преображенский предлагает нам «брать» с крестьян *больше*, чем брали капиталисты. Оссовский, его ученик, от которого «учитель» нигде *ни одним словом* не отгородился,—брать больше, чем брал царизм. Спрашивается: «если уж политика царизма не была политикой эксплоатации, пауперизации и экспроприации крестьянства, то что же тогда называть эксплоатацией, пауперизацией и экспроприацией?» («Б-к», № 13, стр. 17).

Почему бы автору «Новой экономики» не уделить хотя бы несколько строк для ответа *по существу* на этот вопрос, вместо пустой брани?

По той же линии идет наше замечание, которое т. Преображенский опять-таки обходит лицемерным молчанием,—о монопольных ценах:

«Говоря о монопольных ценах, как об орудии первоначального накопления, т. Преображенский совершенно забывает, что они являются для капитализма не просто средством перекачки *прибавочного продукта* крестьян в капиталистические несгораемые шкафы, но именно орудием *экспроприации* (или же пауперизации) крестьянской массы» (там же).

Почему бы нашему автору не осчастливить нас хотя бы односложным ответом: да или нет? Являются ли монопольно-высокие цены при капитализме орудием дифференциации крестьянства, и, следовательно, в той или иной форме экспроприации крестьянской массы, или не являются?

И если да, то не является ли политикой, рассчитанной на усиление дифференциации крестьянства, т.-е. на процесс экспроприации массы крестьян, политика цен, которую т. Преображенский обосновывает так:

«Неэквивалентность обмена, которой он (т.-е. пресловутый «закон». *В. А.*) требует и в сфере обмена, есть не только воспроизведение той пропорции, в которой эта неэквивалентность существует в капиталистических странах, но и связана с известным *плюсом сверх этого*».

«Теоретику», карикатурно копирующему Маркса в «научном высокомерии», не худо бы вспомнить о примитивной теоретической честности, обязывающей отвечать на аргументы противника, а не просто отмахиваться от них.

Кроме сравнительно-исторических соображений, был приведен и довод *теоретико-экономического* порядка. Нельзя толковать процесс первоначального капиталистического накопления как только процесс перекачки прибавочного продукта из мелких хозяйств. Это есть *прикрашивание* капитализма. Процесс капиталистического первоначального накопления есть «*процесс отделения производителей от средств производства*» (Маркс), т.-е. *экспроприации* производителей. Между тем, вся аналогия между процессами первоначального капиталистического и первоначального социалистического накопления построена у т. Преображенского на извращенном, немарксистском толковании первого из этих процессов, как процесса «перекачки». Это приводит автора в конечном счете к игре не более, не менее, как с идеей об *экспроприации* крестьянства. Вокруг этой идеи т. Преображенский танцует на протяжении всей своей книги, хотя он и не всегда в этом сам себе отдает отчет.

Почему, опять-таки, т. Преображенский не соизволил ответить на выдвинутое против него возражение?

Уже того, что было сказано, вполне достаточно, чтобы сформулировать «обвинение», которое мы пред'явили т. Преображенскому, назвав его «теорию» обоснованием политики экспроприации крестьянства.

Еще и по *третьей* линии было подкреплено столь уязвившее т. Преображенского обвинение. Из его книги были приведены в моей статье и в статьях т. Гольденберга несколько дословных цитат, из которых явствовало, что т. Преображенский склоняется к мысли об *усилении* нажима на крестьянство по мере нашего приближения к социализму. Вот одна из этих цитат, которую мы вынуждены напомнить:

«Чем страна, где начинает бороться за свое существование и развитие социалистический сектор хозяйства, является более крестьянской, менее пролетарской, тем реальная экономическая политика рабочего государства должна *больше* отклоняться от теоретически мыслимой прямой закона социалистического накопления или, что одно и то же, закона расширенного социалистического воспроизводства [1]). Чем более крестьянской является страна, тем более абстрактным должен быть метод исследования, потому что тем важней будет отделить в политике государства то, что *диктуется* законом соцнакопления и что *навязывается* крестьянским характером страны. Чем страна является более индустриальной, тем менее, при анализе ее социалистического воспроизводства, линия действия этого закона в чистом виде будет отклоняться от реальной экономической политики рабочего государства, тем меньше придется прибегать к абстракции» (2 изд., стр. 312; 1 изд., стр. 273. Курсив автора. *В. А.*).

Мы полагаем, что эту и другие приводившиеся нами цитаты в том же духе можно истолковать только так: чем *меньше* будет *сопротивление* частных хозяйств (а оно будет тем меньше, чем мы ближе подходим к социализму), тем *дальше* пойдет социалистическое государство в политике нажима на крестьян по линии *отчуждения* их прибавочного продукта, и это отчуждение в свою очередь будет иметь тенденцию перерастать в экспроприацию мелких производителей. Если такое толкование неправильно, то т. Преображенский обязан был дать такую расшифровку своим довольно-таки схоластическим формулам (о «теоретически мыслимых прямых» и пр.), которая, с его точки зрения, будет правильной. Но если он от этой обязанности опять-таки предпочитает отмахнуться, то это его дело. Тогда остаются целиком в силе как сделанный мною вывод о ближайшем родстве между построениями т. Преображенского и «теорией третьей революции», так и справедливое замечание тов. Гольденберга:

---

[1]) Между прочим, после того, как мною было указано, что здесь автор вновь и вновь ставит знак равенства между „законом *первоначального* соцнакопления" и „законом расширенного социалистического воспроизводства вообще, автор внес во 2-м издании „Нов. экономики" поправку, вставив слово „пока". Теперь эти слова звучат так: ...«прямой закона социалистического накопления или, что *пока* одно и то же, закона расширенного социалистического воспроизводства". Нигде, ни одним словом этого исправления автор, как это было уже и ранее с некоторыми изменениями в тексте его статей при их перепечатке, не оговорил.

«Чем ближе к социализму, тем больше отчуждения, тем больше перекачки! Это явный абсурд, это сумасшедшие пустяки, но пусть попробует тов. Преображенский сделать другие выводы из своих собственных слов» («Б-к», № 15--16).

Вместо того, чтобы делать выводы из собственных слов, т. Преображенский в своем ответе начинает говорить вещи совершенно противоположные.

Оказывается,—«совершенно верно, т. Гольденберг! Чем ближе к социализму, тем не больше, а с известного момента меньше «отчуждения», потому что тем больше накопления на собственной основе государственного хозяйства, потому что тем эквивалентней обмен в сравнении с теперешним положением» (стр. 323).

Это выходит довольно безапелляционно, но,—как бы это сказать,—не очень добросовестно, потому что поставленные автору в вину цитаты из его книги и не сняты автором, как ошибочные, и не истолкованы текстуально так, чтобы было доказано неправильное их истолкование оппонентами. Со стороны Преображенского это не теоретическая полемика, а какие-то подозрительные приемы «цыганской борьбы», явные «подножки». Сказать одно, а потом, когда оппонент скажет другое, воскликнуть: «Совершенно верно, т. Гольденберг!» А затем прокричать о «политической клевете». Невелика мудрость, но невелико и уважение к себе.

3. Новые перлы «преображенного ленинизма».

«Начну внешне с самого существенного возражения, выдвинутого против меня,—говорит т. Преображенский.—Меня упрекают в основной методологической ошибке, заключающейся в противопоставлении социалистическому сектору всего частного хозяйства, без дифференциации последнего на капиталистические элементы, на мелкое производство деревни, на бедноту и т. д.» (стр. 315).

С своей стороны т. Преображенский выдвигает два контрвозражения.

Первое. «Между простым товарным производством... и капиталистическим производством есть, употребляя зоологический термин, видовое различие, но и та и другая экономики одного рода, т.-е. и то и другое есть товарное производство. При противопоставлении всего товарного производства социалистическим тенденциям развития исследователь обязан абстрагироваться от видовых различий простого товарного и капиталистического производства. Отказ от исследования законов развития нашей экономики в этой области есть капитуляция перед мелкой буржуазией в этой области» (316).

Сколь страшно это ни звучит («капитуляция перед мелкой буржуазией»!), но ведь здесь нет даже тени довода. «При противопоставлении всего товарного производства» социалистическому, конечно, полагается отвлечься от видовых различий товарного производства. Но ведь т. Преображенскому было указано на неправильность в данном случае самого такого противопоставления, если имеется в виду определенная конкретная цель: выведение «основного закона социалистического накопления». У т. Преображенского крайне своеобразная манера спорить. Например, если бы ему посоветовали: не пишите статей о законе первоначального накопления, он мог бы с тем же успехом «возразить»: «Для написания статей я не могу обойтись без бумаги». Но докажет ли такой ответ кому-либо, что употребление, сделанное из бумаги (которая «все терпит») т. Преображенским, правильно и что статьи его верны?

Тов. Преображенский обнаруживает здесь полное неуменье приложить абстрактную схему к жизни. При противопоставлении мелких крестьян и крупных капиталистов рабочему классу, конечно, можно абстрагироваться от «видовых различий» между всеми собственниками средств производства. Но правильно ли применять такое противопоставление, когда хочешь определить основные тенденции развития классовых отношений в переходный период? Неправильно, ибо такое противопоставление непригодно для данной конкретной цели. В жизни дело обстоит так, что пролетариат и буржуазия борются между собою за крестьянство. Суть политики пролетариата (суть нэпа) — в смычке с крестьянством (а не с «частными хозяевами» вообще!). При развитии к социализму буржуазия вытесняется, а крестьянство переделывается под влиянием пролетариата. Являются ли эти формулированные Лениным положения основными законами нашего развития или нет? А если являются, то разве их можно вывести талмудическим путем из противопоставления социалистического сектора всем «частническим» элементам? Это же круглый вздор!

А социалистическое накопление,—разве оно может итти не в соответствии с указанными основными законами нашего социального развития? Разве для него существует другой, абстрактный, «открытый» т. Преображенским «закон», стригущий под одну гребенку мелкого крестьянина и капиталиста на том скромном основании, что крестьянин и капиталист оба представляют в экономике товарное производство? Это же сущие пустяки! Успокоившись на таком «законе», наша партия проявила бы невероятную трэд-юнионистскую ограниченность.

Тов. Преображенский, поэтому, ищет «капитуляцию перед мелкой буржуазией в теории» совсем не там, где ее следует искать. Когда надо конкретно анализировать вопрос, т. Преображенский скрывается от нас в облаках абстракции. И, наоборот, когда ему говорят, например, о необходимости подходить к конкретному анализу советского общества только после установления обще-теоретических положений о двухклассовом обществе переходного периода (рабочие и крестьяне), тогда он истерически хохочет, называя это «глуповским подходом». Беспринципное метание между конкретностью и абстракцией (по единственному приемлемому для нашего «методолога» принципу: чего хочешь, того просишь) и есть одно из ярких проявлений теоретической капитуляции, превращающее произведения т. Преображенского в теоретический кисель.

«Это первое —продолжает наш автор.—Второе и самое важное доказательство правильности именно моего метода анализа заключается в следующем. Кто наш основной (курсив Преображенского. *В. А.*) враг, откуда угрожает основная опасность советской системе? Разумеется, от мирового ка-

питализма. Когда я противопоставляю социалистический сектор нашей экономики частному хозяйству, то ведь в частное хозяйство, как территорию действия закона ценности, входят основной величиной мировое хозяйство и мировой рынок. Чем дальше существует наша система и чем более растет ее связь с мировым разделением труда, тем ясней должно делаться для всех, даже для людей с захолустным кругозором, что основная линия борьбы социалистического сектора нашего хозяйства с буржуазной системою пролегает именно по линии борьбы с мировой капиталистической экономикой, что должно отражаться и на всей сумме наших отношений с внутренним капитализмом и с внутренним мелким производством» (стр. 317).

Страницей ниже тов. Преображенский договаривает свою мысль. Он пишет, комментируя в примечании свою точку зрения (внимание!):

«Отношение государственного хозяйства к крестьянскому с этой точки зрения чем дальше, тем больше делается лишь функцией нашего взаимоотношения с мировым капитализмом, что, конечно, не исключает, а обязывает конкретно анализировать отношение рабочих и крестьян в советской системе во всем их своеобразии и динамике» (стр. 318; видимо, ошибка при верстке, ибо это примеч. относится к 319 стр.).

Начнем с последних строк.

Поистине здесь перед нами «самое важное доказательство» полного банкротства теории т. Преображенского, как теории нашего развития к социализму. В нарисованной им перспективе нет места такому развитию. Зато она дает широкий простор всевозможным выводам о неизбежности нашего перерождения, падения и т. п.

Отношение госпромышленности и крестьянского хозяйства есть основное экономическое отношение в нашем современном строе. Именно оно, а не отношение госпромышленности к «частному хозяйству вообще», как это рисуется Преображенскому, является экономически основным. Развивая госпромышленность и кооперируя крестьянские хозяйства, мы строим социалистическую экономику.

И вот т. Преображенский утверждает, что эта основная линия нашего развития «чем дальше, тем больше» «делается лишь функцией нашего взаимоотношения с мировым капитализмом». Что это может означать?

До сих пор мы были свидетелями того, что не только наше международное положение отражалось на внутренней жизни СССР и ее экономическом развитии, но имел место и факт обратного порядка: наше внутреннее укрепление, рост социализма в СССР в огромной степени определяли наше международное положение и даже, в известной мере, ход революционного движения в других странах.

На протяжении всех первых лет нэпа мы наблюдали, как наше международное положение и наши отношения с мировым капитализмом «чем дальше, тем больше» «делались функцией» нашего внутреннего роста, улучшения наших отношений с крестьянством. Словом, была тенденция развития, диаметрально противоположная той, которую нам пророчит т. Преображенский на будущее.

Где доказательства, что с 1926 года наступает якобы такой коренной перелом, поворот на 180° в положении и тенденциях развития СССР, который рисуется т. Преображенскому? Чем он обосновывает свой пессимизм?

А картина у т. Преображенского, действительно, получается необыкновенно мрачная, будущее наше рисуется ему безотрадным. Он, видимо, совершенно не верит в возможность под'ема социалистического хозяйства в нашей стране, да еще под'ема более быстрого по темпу, чем в капиталистических странах, добиться чего намеревается партия.

Ибо если бы т. Преображенский исходил из перспективы наших успехов в деле индустриализации и кооперирования крестьянства, он не мог бы сказать: «чем дальше, тем больше» наши отношения к крестьянству становятся «лишь функцией» наших отношений с империализмом. Наоборот, он должен был бы подчеркнуть совершенно иную, противоположную тенденцию: «чем дальше, тем больше» мы будем все более и более экономически независимы и самостоятельны по отношению к империалистическому окружению.

Вся политика индустриализации страны у нас рассчитана на эту перспективу. А тов. Преображенский, об'являющий себя «индустриалистом», совершенно исключает возможность для нас достичь даже первоочередной цели индустриализации,— обеспечения нашей экономической самостоятельности (не говоря уже о построении социализма в нашей стране). В этом отношении «левый» т. Преображенский вполне примыкает к «правому» т. Сокольникову. Но, разумеется, т. Сокольников более последователен, ибо он, не веря в индустриализацию, как в путь обеспечения нашей экономической независимости, выступает против развития производства средств производства в нашей стране. А т. Преображенский, несмотря на сокольнически-шанинское неверие, которое он разделяет, считает для себя вполне возможным обвинять партию в нежелании ускорять индустриализацию! Нечего говорить, что это не делает чести его способностям логически рассуждать.

Характерно для тов. Преображенского, что его необычайно уязвило брошенное мимоходом в моей статье замечание о пессимистических нотках, прорывающихся в его писаниях. Повод, послуживший для этого замечания, в данном случае не столь важен (оговорка т. Преображенского, которая, как и было отмечено, «противоречит, казалось бы, ряду других положений автора»,—см. «Б-к», № 13, стр. 21). Тов. Преображенский пишет по этому поводу в одном месте, что его оппонент «пытается накрутить аргумент насчет моего пессимизма, не зная, что его же единомышленники упрекали меня до сих пор в излишнем оптимизме насчет возможной роли планово-социалистического начала в нашей экономике» (320). И в другом месте: «если, как мы видели, т. Астров строит вариант, обвиняя меня «по признакам пессимизма», то гораздо чаще мои критики обвиняли меня как раз в обратном и делали это искренно, а не в целях политической дискредитации» (стр. 335).

По всему видно, что «обвинение» в пессимизме гораздо сильнее ужалило тов. Преображенского, чем «обвинение» в «опти-

мизме». Но что поделать, если у нашего автора преувеличенно-оптимистическое отношение к плановому началу сочетается с крайне пессимистической оценкой перспектив нашего развития и об'ективных предпосылок для построения социализма в нашей стране? Кто же, кроме самого автора столь противоречивой теории, повинен в этом?

А разве сам автор, в завуалированном виде, не признается перед читателями в своем пессимизме? Вот что он говорит в заключительных строках 2-го издания:

«В моей работе я пытаюсь дать теоретический анализ развития советской системы хозяйства. Это развитие возможно лишь в том случае, если внутри развертывание государственного сектора идет быстрей роста частного хозяйства и, само собой разумеется, если извне мы не будем задушены мировым империализмом. С точки зрения сегодняшнего дня мой анализ может казаться слишком оптимистическим, но иначе обстоит дело, если брать линию развития в целом» (стр. 335).

Из признания т. Преображенского, сделанного здесь, явствует, что он вполне сознательно сочетает в своей теории двоякого рода оценки условий и перспектив нашего развития, притом оценки противоположного характера. По отношению к сегодняшнему дню его оценка более оптимистична, по отношению к «линии развития за целый период» она отнюдь не такова, здесь «иначе обстоит дело», здесь оценка более пессимистична.

Это значит, что предлагая нам интенсивнее выкачивать средства из деревни и гнать дело индустриализации на всех парах, даже с воспрещенной скоростью, т. Преображенский в то же время мрачно смотрит на возможность наших экономических побед на протяжении периода империалистического окружения: он, как мы видели, считает невозможным даже упрочение нашей экономической самостоятельности по отношению к империалистическому миру.

Не напоминает ли столь странный «пессимистический оптимизм», например, храбрость труса или прыжок в пропасть человека, отчаявшегося спасти свою жизнь? Не сводится ли этот «оптимизм» к авантюристическому пораженчеству?

Вернемся теперь еще раз к аргументации т. Преображенского насчет «основного врага» и вспомним, что ссылкой на существование мирового империализма т. Преображенский хочет нам доказать невозможность проводить различие между мелкими крестьянами и крупными капиталистами, поскольку речь идет о том, как должно развиваться социалистическое накопление и каков его «основной закон».

Итак, о чем же говорит ссылка на мировой капитал, это «второе и самое важное» доказательство т. Преображенского? Оно говорит лишь о том, что т. Преображенского безвозвратно губит склонность к схоластике. «Зачислив» крестьянское хозяйство по одному «ведомству» с капитализмом, т. Преображенский, вполне естественно, в конце концов, приходит к безудержному пессимизму. Схоластика и пессимизм здесь идут рука об руку.

Надо быть на редкость педантичным и узким «мыслителем», чтобы при исследовании законов нашего развития, мелкое крестьянское хозяйство внутри советской страны, где оно подвержено воздействию и руководству социалистического государства,

взять за одни скобки не только с капитализмом внутри страны, но и с мировым капитализмом, организованным в гигантские империалистические государства! Неужели же и закон «перекачки» остается одним и тем же для этих обоих «видов товарного производства»?! Один и тот же закон «перекачки» в социалистический сектор из крестьянского хозяйства и из мирового капиталистического хозяйства,—разве это не явный абсурд? Любопытно, какие по этому поводу последуют раз'яснения от автора!

Неужели и здесь он «отделается» ссылкой на то, что и в нашей деревне и за границей действует, видите ли, один и тот же закон ценности? Полно-те, разве он вполне одинаково действует и там и тут?!

Перед нами, поистине, редчайший пример талмудического подхода к теории. Положительно, теоретические занятия т. Преображенскому вредны.

И разве не смешно звучит, когда т. Преображенский после всего этого становится в позу исследователя конкретных законов конкретной экономики:

...«Я никакими абстрактными переходными периодами не занимаюсь (это плохо, т. Преображенский, что вы не усвоили некоторых основных черт переходного периода вообще, оттого вам и не удается конкретный анализ. *В. А.*), я исследую советскую, т.-е. конкретную, экономику и в совершенно конкретный период ее развития»... и т. д. (стр. 324).

Это «конкретность»-то исследования позволяет заключать наше крестьянское хозяйство за одни скобки с мировым капитализмом? Постыдились бы, «исследователь»! Если так, вообще говоря, и можно делать в очень абстрактном анализе (и крестьяне—собственники, и мировые капиталисты—собственники), то, понятно, в конкретном анализе поступать так абсолютно невозможно.

В забавное положение ставит себя т. Преображенский и своими возражениями против теории двухклассового общества. Он пишет:

«Тов. Астров думает улизнуть от признания наличности в нашей экономике закона первоначального накопления, сделав теорией переходного периода теорию двухклассового общества. Я уверяю его, что если начать исследование с этого конца и добросовестно вести его в духе революционного марксизма и ленинизма, не впадая в национальную ограниченность, то закон первоначального социалистического накопления настигнет исследователя неизбежно, пусть даже в качестве закона, выведенного индуктивным путем».

Чувствуя, что одних «уверений» недостаточно, автор пытается аргументировать:

«Ведь исследователь будет заниматься не отношением между рабочими и крестьянами при диктатуре пролетариата вообще, а отношениями между этими классами в конкретной советской экономике данного периода. Попробуйте обойти при таком исследовании факт дифференциации крестьянства»... «Попробуйте обойти проблему экспорта, импорта и экспортирующих групп крестьянства»...

И далее:

«Закон первоначального социалистического накопления есть закон соотношения социалистического сектора нашего хозяйства не только с частным хозяйством внутри, но и со всем мировым хозяйством. Превращать его (? ни во что «превращать» закон» т. Преображенского мы не собираемся, ибо во что-нибудь дельное его все равно «превратить» нельзя. *В. А.*) в теорию взаимоотношения государственного хозяйства с крестьянским хозяйством, значит подменять всю проблему одной ее частью. Отвлечься от мирового рынка и от основного нашего противника и стряпать теорию (!) замкнутого рабоче-крестьянского общества и его экономики, значит заменять марксистское исследование вопроса пошехонской или глуповской теорией советского хозяйства. Я очень бы рекомендовал Астрову и другим оппонентам, стоящим на его точке зрения, попробовать с таким исследованием»... И далее идут упражнения в «остроумии» (стр. 317—318).

Итак, отвлекаться от международного окружения при теоретическом подходе к вопросу о внутренних силах нашей революции нельзя. Это значит «стряпать теорию» и т. д., и т. п. А отвлекаться от пустяковых различий между нашим средним крестьянином и европейским капиталистом можно. Это есть «конкретный анализ». Поразительная методология!

Но, прежде всего, следует заметить, что т. Преображенский делает слишком много чести автору этих строк, когда изображает его чуть ли не «родоначальником» какой-то якобы невиданной новой теории. В статье, на которую отвечает Преображенский, есть недвусмысленная ссылка на «тов. Бухарина, который вслед за Лениным, в ряде своих теоретических произведений, ставит вопрос об анализе двухклассового общества, как об основе основ теории переходного периода» («Большевик» № 13, стр. 12). Верна ли эта ссылка на Ленина или нет? Казалось бы, что на этот вопрос должен был прежде всего дать ответ т. Преображенский, если он не согласен по существу с высказанной здесь точкой зрения. А он молчаливо обходит вопрос о моей ссылке на Ленина. Не потому ли, что ему нельзя было бы доказать неправильность этой ссылки? Не потому ли, что пришлось бы тогда обвинять Ленина в желании «стряпать теорию»?..

Конечно, совсем не относятся к существу дела замечания в роде того, что «попробуйте обойти» дифференциацию деревни или экспортирующие группы крестьянства. Никто не предлагает их совсем «обойти». Сам же т. Преображенский цитирует из моей статьи место, где сказано:

«Социализм плюс мелкое производство здесь должны быть исходной ступенью абстракции, после чего в сферу анализа должен быть введен в порядке конкретизации вопроса капитализм» (стр. 315 кн. Преображенского).

Характерно для степени теоретической честности т. Преображенского, что он сам, несомненно, прекрасно понимает, в какой плоскости у меня идет речь о теории двухклассового общества («социализм плюс мелкое производство» в качестве «исходной ступени абстракции»). Ему прекрасно известно, что взять двухклассовое общество рабочих и крестьян «исходной ступенью» абстракции (примерно, так же, как в «Капитале» Маркс берет в качестве исходной ступени абстракции двухклассовое общество рабочих и капиталистов), это не значит «обойти» иные классы (точно так же, как Маркс не «обходит» ренту, мелких производителей и т. п.).

Что постановку вопроса т. Преображенский безусловно понимает, об этом свидетельствует условное согласие на нее, которое он дает в словах: «если начать исследование с этого конца и добросовестно вести его»... (см. цитату выше). Понимая постановку вопроса, т. Преображенский, однако, «накручивает аргументы», к вопросу не относящиеся.

Тов. Преображенский (и т. Троцкий на XV конференции) выдвигают и защищают положение, будто бы теоретически недопустимо «отвлекаться» от международной обстановки при анализе внутренних сил нашей революции. А тех, кто считает вслед за Лениным обязательным для себя при анализе условий развития российской революции сперва рассмотреть условия развития этой революции самой по себе, и лишь после того, как будет создана полная ясность по этому исходному пункту, отнюдь не «обходить» международные условия, а рассмотреть их и раздельно, и в сочетании с внутренними нашими условиями,—всех сторонников такого подхода сторонники оппозиции об'являют «национально-ограниченными» людьми!

Легко видеть, что сами оппозиционные товарищи выступают здесь в роли глуповцев и пошехонцев, ни с того, ни с сего вообразивших себе международную революцию в виде высокой колокольни, с которой полагается плевать на свою деревню «самое по себе». Пошехонец, поездивший «по заграницам» и свысока третирующий свое Пошехонье, служил бы лучшей иллюстрацией к оппозиционному «интернационализму».

4. С больной головы—на здоровую.

Тов. Преображенский нашел необходимым в своем послесловии разразиться целой филиппикой против «критиков из молодых». «Первородный грех» их, видите ли, состоит в том, что «молодые самым серьезным образом тактическую сторону ленинских взглядов выдают за программу ленинизма в крестьянском вопросе, а программные и общие формулировки выдают за кон'юнктурно-тактические лозунги, связанные с условиями военного коммунизма» (стр. 333). «Мои критики из молодых уступки самым наивным образом выдают за цель»... и т. д. А посему они «отражают давление» не более, не менее, как «22 миллионов крестьянских хозяйств страны» (!!) (стр. 334).

Разбери, кто может! Когда, кто, где, какие «уступки» выдавал «за цель», тактическую сторону ленинизма за «программу ленинизма в крестьянском вопросе»? Все это—секрет изобретателя подобных «аргументов».

Может быть, тов. Преображенский потому больше не захотел уделить здесь места об'яснению своих столь сногсшибательных выводов, что опять-таки этому он посвятит лишь седьмую часть восьмого тома своих сочинений, которая выйдет в свет не раньше такого-то мартобря? Разрешит ли нам он, поэтому, принять и эти свои намеки, как очередную американскую рекламу?

Ну, что же, подождем; только вряд ли что-нибудь убедительное выскажет нам наш оппонент по обещанному им поводу и в мартобре. Потому что полная «программа ленинизма в крестьянском вопросе», его «цель», как известно, есть обобществление сельского хозяйства, полное уничтожение противоположности между городом и деревней, достижение коммунизма. Эту программу за «тактическую сторону» никто еще не выдавал и, как будто бы, выдать ее за таковую невозможно. С Преображенским же партия (вся партия, а не только «критики из молодых») спорит по вопросу о том, как итти к осуществлению нашей программы вообще, «в крестьянском вопросе» в частности.

«Вытеснять» крестьянское мелкое производство методами высоких налогов или высоких цен, способствуя своей политикой процессу дифференциации крестьянства, процессу, сопровождающемуся экспроприацией (в экономическом значении этого слова) массы крестьян? Или же переделывать основную мелкокрестьянскую массу, беря ее такой, какова она есть, вовлекая ее в социалистическое строительство методами, развивающими заинтересованность ее в успехах социализма, помощью в организации коллективного хозяйства и т. п. (что не исключает налогов и иных мер частичного перераспределения крестьянского продукта в социалистический сектор хозяйства, но обязует нас применять их лишь в определенных пределах)? Вот о чем идет спор,—о методах строительства социализма в переходный период, о путях к осуществлению нашей программы, и в этом смысле мы спорим не о программе, а об экономической «тактике и стратегии» переходного периода.

Тов. Преображенский сказал фразу: «Тактику выдают за программу, программу за тактику», но в этой фразе у него ровно никакого смысла нет. Между тем, его упоминание о военном коммунизме, допущенное им в таком сомнительного рода «контексте», наводит на размышления. Где это он узрел, что программные формулировки его критики якобы выдают за «кон'юнктурно-тактические» лозунги военного коммунизма? Не происходит ли дело наоборот? Не склонен ли сам судья партийного «молодняка» выдавать, если не за программные, то во всяком случае за основные положения экономической политики нашей партии «кон'юнктурные» лозунги военного коммунизма? Не сваливает ли он с больной головы на здоровую?

Последнее будет вернее. Например, по отношению к крестьянскому хозяйству в годы, когда советская страна защищалась от белогвардейцев, у нас почти целиком проводился лозунг: «брать все, что технически и экономически досягаемо». А в годы 1923—26 этот кон'юнктурный лозунг вдруг вынырнул на свет божий в статьях о «новой экономике», с явной претензией и в годы нэпа остаться основным тактическим положением. Между тем, в эти годы уже нельзя только «брать»—надо уметь и давать; надо не только думать о том, что технически «досягаемо», но и о том, что технически более производительно, выгодно и т. п.

Возьмем и другой пример—с кооперацией. С упорством, достойным безусловно лучшей участи, т. Преображенский пропагандирует идею о социалистическом характере одной лишь производственной кооперации.

Он и в ответе нам твердит свое: «развитие производительных сил по линии создания кулацких и зажиточных хозяйств, т.-е. путем не социалистической, а антисоциалистической организации земледельческого труда, идет быстрей создания производительной кооперации в деревне (колхозы главным образом)» (стр. 317). А в другом месте сказано так: «Мы имеем здесь (в нашей экономической системе. *В. А.*) два основных звена: во-первых, социалистическую форму с большинством или с частью кооперативной периферии (с периферией рабочей кооперации во всяком случае)» и т. д. (стр. 319).

Это называется «маневрировать» в вопросе о социалистическом характере кооперации! То она, социалистическая кооперация, составляет «большинство» «кооперативной периферии», то она вдруг на наших глазах свертывается до размеров «части» («или часть»? несмело запрашивает автор), и, наконец,—гора родила мышь,—только рабочая кооперация, но не крестьянская, остается «во всяком случае» (!), если не социалистической формой, то «кооперативной периферией социалистической формы» (уф!).

Из крестьянской же кооперации «социалистический путь организации труда» представлен у Преображенского только «производительной кооперацией» («главным образом колхозы»).

Кооперация в сфере сбыта и закупок, в сфере обращения, таким образом, не является, с точки зрения Преображенского, путем к социалистической организации труда. Таков не только принципиальный, но и буквальный смысл его слов, приведенных выше.

Ну, а эта точка зрения разве не отдает «кон'юнктурой» военного коммунизма, когда у нас о кооперации в сфере обращения вообще не было речи, потому что самая эта сфера находилась под официальным запретом («свобода торговли—программа Колчака»), когда в силу этого и ряда других условий, колхозы играли, действительно, исключительную роль в наших планах и перспективах?

Не выходит ли, что и здесь т. Преображенский не продумал написанной Лениным статьи «О кооперации», где сказано, что «одно дело фантазировать насчет всяких рабочих об'единений для построения социализма, а другое дело—научиться практически строить этот социализм так, чтобы **всякий** мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею непомерно мало».

Неужели же Ленин здесь говорил только о строительстве колхозов? Неужели же «мы достигли теперь» той «ступени», когда «всякий мелкий крестьянин» уже «может участвовать в построении»... колхозов (т.-е. сразу уничтожить себя, как мелкого хозяина, растворившись в коллективном хозяйстве)?!

Полно, да так ли это?

О колхозах ли писал Ленин, как о «переходе к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина»? Их ли он имел в виду, когда говорил, что «теперь мы нашли ту ступень соединения частного интереса, част-

ного торгового интереса (а участники колхоза здесь индивидуальной, частной торговли не ведут! Значит, не о них речь у Ленина. *В. А.*), проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам»? Только ли рост колхозов, по Ильичу, а не рост и иной кооперации у нас «тождествен с ростом социализма»?

Стоит поставить хотя бы лишь перечисленные вопросы, чтобы отпало «военно-коммунистическое» толкование, которое дает кооперативному плану Ильича т. Преображенский. Ленин имел в виду прежде всего кооперацию в сфере обращения, хотя и менее приближающуюся к социалистическому производству по своему типу, чем кооперация производственная, но зато способную проще, легче и быстрее охватить основную массу торгующего своими продуктами мелкокрестьянского населения, чтобы впоследствии подвести ее к коллективному производству.

К этому плану привел Ленина анализ условий нашего развития в период нэпа, в период торговли. А т. Преображенский тащит нас назад, «накручивая» в то же время совершенно искусственные и ходульные аргументы насчет какой-то подмены программы тактикой.

Когда человек мал ростом и его разбирает недовольство своей судьбой, то он может взобраться на ходули и быть «выше всех» на одну, две, три головы. Беда только в том, что снизу ходули видны и никогда никого такой человек своим ростом не обманет, кроме малых и ничего не понимающих ребят. Пример этот пусть послужит уроком тов. Преображенскому. Пусть он не принимает за несмышленных ребят партийцев, читающих теоретические книги. Что—что, а ходули они сумеют отличить от настоящих ног.

Г. Маленков.

Вовлечение рабочих в партию.

Партийное ядро в рабочем классе и пролетарское ядро в партии.

Наша партия всегда уделяла исключительное внимание вопросу регулирования своего состава. Правильное разрешение этого вопроса в значительной мере обеспечивает сплоченность партийных рядов и твердость партийного руководства. «Укрепление партии и усиление ее руководящей роли во всех областях нашей строительной работы, необходимое в теперешней сложной обстановке более, чем когда бы то ни было, предполагает также и правильное регулирование состава партии» (XIV п. с'езд).

Как передовой отряд рабочего класса, наша партия, естественно, стремится к вовлечению в свои ряды всех наиболее сознательных, наиболее преданных делу пролетариата рабочих.

Практическое осуществление этой политики находится в совершенно очевидной зависимости от роста рабочего класса и особенно от роста его общественно-политической активности. За последние годы, начиная, примерно, с 1923—24 г., когда развивавшийся ранее процесс деклассирования пролетариата сменился процессом его укрепления, консолидации, сопровождавшимся непрерывным ростом его общественно-политической активности, происходило особенно значительное увеличение количества коммунистов, работающих у станка [1]): в январе 1924 г. их было 83.000, в январе 1925 г.—302.000, в январе 1926 г.—409.000, в июле 1926 г.—примерно, 433.000. В течение $2^1/_2$ лет партия увеличила свое пролетарское ядро на 350.000 или более чем в пять раз.

Для партии важно не только укрепление ее рабочей части,—пролетарского ядра в партии, но и постепенное увеличение коммунистической прослойки в рядах основных кадров рабочего класса, занятых в промышленности и на транспорте,—увеличение партийного ядра в рабочем классе.

Последним этот вопрос по группе промышленных рабочих. В январе 1924 г. фабрично-заводских рабочих в СССР было 1.542.000, коммунистов же среди них, работающих у станка,—60.000, что составляет—3,9%; в январе 1925 г. количество рабочих возросло до 1.789.000, коммунистов же среди них стало 204.000, или 11,4%, в январе 1926 г. рабочих—2.131.000, коммунистов среди них—265.000, или 12,4%.

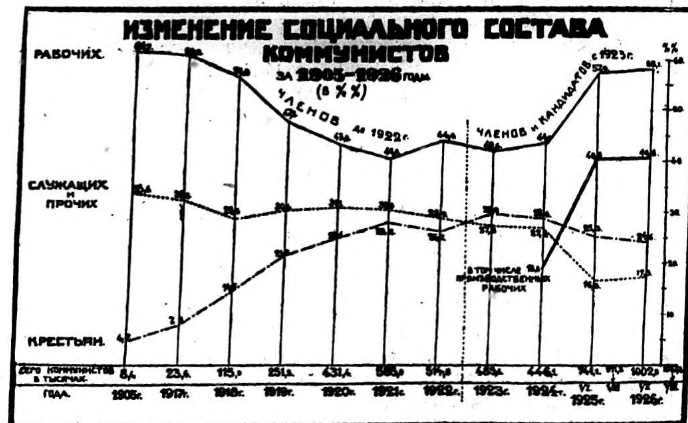
На транспорте соотношение между количеством коммунистов и рабочих изменилось еще более благоприятно. В то время

[1]) Общее количество рабочих в партии (как работающих у станка, так и занятых на партийной, советской, профессиональной и другой работе) за это же время изменилось след. образом: в январе 24 г.—196.000, в январе 25 г.—429.000, в январе 26 г.—582.000, в июле 26 г. примерно, 621.000.

как рабочая сила, занятая на транспорте, за рассматриваемый период изменялась в общем незначительно, группа коммунистов-рабочих транспорта росла быстрым темпом. Так, в январе 1924 г. она не превышала 20.000, в январе 1925 г. равнялась уже 72.000, в январе 1926 г. достигла 100.000.

Одновременно шло усиление и удельного веса пролетарского ядра в партии. Если в январе 1924 г. рабочие по занятию (у станка) составляли в партии 18,8%, то в июле 1926 г. они составляют уже свыше 40%. Но это увеличение относится исключительно к периоду первого ленинского призыва. В дальнейшем же процент коммунистов-рабочих от станка не только не увеличивался, но в отдельные периоды даже несколько снижался: в январе 1924 г. он равнялся, как мы видели—18,8%, в июне 1924 г. он сразу достиг 42,3%, в январе 1925 г. он понизился—40,8%, в июле 1925 г.—42%, в январе 1926 г.—40,8%, в июле 1926 г., по неполным пока еще данным, этот процент остается приблизительно на том же уровне[1]).

Естественно, что относительное и абсолютное укрепление рабочей части партии имело своим результатом ослабление удельного веса других социальных категорий (крестьян, служащих и прочих) в партии. Из ниже приведенной диаграммы видно, что уже с 1923 г. (а в отношении служащих даже еще ранее) непрерывно падает процент крестьян, служащих и прочих в партии, тогда как до этого времени происходил обратный процесс.



Вывод: 1. Партийное ядро в рядах промышленного и транспортного пролетариата растет более быстрым темпом, чем увеличиваются кадры последнего. 2. Пролетарское ядро в партии за последние годы выросло значительно, но уже продолжительное

[1]) Процесс усиления удельного веса всей рабочей части партии (рабочие от станка+рабочие, занятые на парт., сов., проф. и др. работе), является совершенно аналогичным и характеризуется следующими данными: в январе 24 г. рабочие по соц. положению составляли в партии 44%, в июле 24 г.—60%, в январе 25 г.—57,9%, в июле 25 г.—58,6%, в январе 26 г.—58,1%, в июле 26 г. по неполным пока еще данным этот процент остается приблизительно на том же уровне.

время имеет место стабильность процента рабочих-коммунистов к общему количеству членов и кандидатов партии.

Необходимо сосредоточить внимание на повышении удельного веса пролетарского ядра в партии. Это требует более тщательного регулирования приема в партию из непролетарских слоев и все большего вовлечения в партию пролетариев. Так и формулировал эту задачу XIV с'езд партии—необходимо «вести политику, направленную к поднятию качественного состава партийных организаций, ко все большему вовлечению рабочих в партию и к постоянному повышению удельного веса пролетарского партийного ядра».

* * *

Мы рассмотрели вопрос о пролетарском ядре по партии в целом. Необходимо теперь дать характеристику размеров пролетарского ядра по партийным организациям отдельных районов. Во многих из них имеют место значительные отклонения от среднего по партии процента (40,8%—на январь 1926 г.) рабочих-коммунистов. Об этом с большой наглядностью свидетельствуют данные о проценте рабочих по занятию в составе парторганизаций различных районов в январе 1926 г.: центральные пром. губернии—49,9%; центральные земледельч. губ.—31%; Сев.-Зап. область—57,6%; Уральск. область—43,3%; Севкавкрай—35,7%; Сибирь—28,5%; Азербайджан—53%; Украина[1])—46,1%.

Партийные организации промышленных районов, как мы видим, насчитывают в своем составе свыше или около 50% рабочих от станка, в то время как в парторганизациях земледельческих районов последние составляют обычно не больше $1/3$ общего количества членов и кандидатов партии. Разнообразие размеров пролетарского ядра в отдельных партийных организациях зависит, таким образом, прежде всего от экономических и социальных особенностей каждого района.

Но на размер удельного веса рабочей части партии в партийных организациях различных районов, помимо указанных об'ективных причин, оказывает влияние и практика регулирования в отдельных организациях. Регулирование не является достаточно тщательным. Об этом можно судить, как по данным процента рабочих в составе принимаемых в кандидаты, так и по снижению процента рабочих за последнее время в составе отдельных парторганизаций.

Состав принимаемых в кандидаты можно иллюстрировать следующими данными. В первом квартале текущего года среди общего количества принятых в кандидаты рабочие по занятию составляли—в бакинской организации 88,5%, в ленинградской 76,6%, в промышл. округах Урала—63,9%, в центр. промышленных губерниях—62,4%, в центр. земледельч. губ.—34,1%, в Сибири—24%, в земледельч. округах Урала—13,7%.

Мы видим на ряду с высоким процентом рабочих в составе принимаемых в кандидаты в одних организациях промышленных

[1]. Следует иметь в виду, что процент приводимый для Украины и Урал-области, является лишь средним: он значительно выше в промышленных округах и, следовательно, более низок в земледельческих округах.

районов, значительно более низкий процент в организациях других промышленных районов и чрезвычайно низкий процент в организациях земледельческих районов. Конечно, решающую роль здесь играют отмеченные выше социально-экономические особенности каждого района. Но при тщательно проводимом регулировании эти особенности не влияли бы так разительно, не дали бы такого понижения процента в отдельных промышленных и особенно непромышленных районах.

Снижение же за последнее время процента рабочих (по занятию) в отдельных парторганизациях видно из следующих данных: на июль 1925 г. в парторганизациях центральных промышленных губерний рабочих по занятию было 51,3%, в январе же 1926 г. стало 49,9%, в парторганизации Уралобласти было 45,5%, стало 43,3%, в парторганизации Севкавкрая было 38,4%, стало 35,7%, в парторганизации Сибири было 30,3%. стало 28,5%, в парторганизациях Украины было 49,2%, стало 46,1%, в парторганизации Азербайджана было 54%, стало 53%. В некоторых партийных организациях это снижение относится не только к тому или иному отдельному периоду времени, но является даже систематическим. Так, например, в Брянской организации рабочих по социальному положению в январе 1925 г. было 68,7%, в июле 1925 г.—64%, в январе 1926 г.—63,3%, в июле 1926 г.—60,8%; в Тульской организации за те же периоды—73,5%, 71,4%, 70%, 68%; в Вологодской—54,1%, 49%, 47,5%, 45,7%; в Псковской—52,7%, 46,4%, 45,9%, 44,9%.

Вывод. Необходимо практику регулирования выравнять. Каждая из парторганизаций промышленных районов должна обеспечивать еще большее преобладание за рабочими среди вновь принимаемых в партию и постоянно повышать таким образом удельный вес рабочих в своем составе. Парторганизации земледельческих районов при дальнейшем пополнении своих рядов должны учитывать необходимость достижения в ближайший период 50% рабочих от станка в составе всей партии.

Анализ состава рабочей части партии.

Основная масса промышленных рабочих СССР занята на крупных предприятиях. По данным Госплана, к 1925 г. мелкие предприятия с числом рабочих до 50 охватывали 5,2% всего промышленного пролетариата, средние предприятия, с числом рабочих от 51 до 500,—26% и крупные предприятия, с числом рабочих свыше 500—68,8%.

Естественно, что и основная масса коммунистов-рабочих сосредоточена также в крупной промышленности. На январь 1926 г. в одних только основных отраслях крупной промышленности—обработка металлов и машиностроение, горная и горно-заводская, текстильная,—где сосредоточена большая часть наших крупных предприятий, насчитывалось 58% общего количества коммунистов, работающих у станка по всем отраслям промышленности. По всей крупной промышленности процент, естественно, гораздо выше.

Эти данные характеризуют пролетарское ядро нашей партии. Большая часть его сосредоточена на крупных фабрично-заводских предприятиях.

Другую картину мы имеем по промышленности в отношении степени охвата партийным ядром рабочих масс. Отрасли промышленности с наибольшим количеством крупных предприятий, охватывающие главную массу рабочих, по насыщенности коммунистами, стоят далеко не на первом месте. В среднем на 1.000 рабочих приходится [1]): в металл. и машино-строит.—178 коммунистов, в горной и горно-заводской—156 коммунистов, в текстильной—87, в то время как в полиграфической—234, в швейной—221, в кожевенной—220.

С этим неизбежно связана и меньшая насыщенность коммунистами (относительно общего количества рабочих) крупных предприятий сравнительно с мелкими и средними. Это видно из следующей таблицы [2]):

Размер предприятия.	До 200 рабочих.	201 500	501—2.000	2.001—5.000	Свыше 5.000
% комм в составе рабоч.	27,2	19,4	13,1	8,8	8,7

Безусловно имеют место и отклонения от цифр, приведенных в таблице; последние верны лишь как средние для предприятий соответствующего размера. Так, процентное отношение коммунистов, работающих у станка, к общему количеству рабочих выражается на отдельных предприятиях в следующих цифрах [3]): завод «Красный Путиловец»—Ленинград—9,960 рабочих—16,8%, Лысвенский металлургический завод—Уралобласть —7.481 рабоч.—25,4%, Ленинградский металлический завод—3.083 рабочих —29,3%, фабрика «Красный Профинтерн»—Иван.-Вознес. губ. — 7.106 рабочих—3,2%, текстильная фабрика имени тов. Ланцуцкого—Моск. губ.—1.551 рабочих—4,8%, Решетихинская фабрика—Нижег. губ.—1.335 рабочих—5.5%, 1-я Республиканская льняная фабрика—Костромск. губ.—7.373 рабочих—5,6%. В основном, эти отклонения определяются, несомненно, составом рабочих и состоянием массовой работы парторганизации.

Более слабая насыщенность коммунистами предприятий крупного размера в основном может быть об'яснена значительным увеличением за последние два года количества рабочих на крупных предприятиях. Совершенно естественно, что огромное увеличение рабочих кадров на крупных предприятиях, даже при условии значительного роста абсолютных размеров партийного ядра, имело своим результатом некоторое отставание в темпе увеличения процента коммунистов на крупных предприятиях, в сравнении со средними и мелкими, где такого роста числа рабочих не было.

Вывод. Крупная промышленность сосредоточивает абсолютно большее количество рабочих-коммунистов. Относительно занятых в этой промышленности рабочих коммунистическая прослойка

[1]) Данные относятся к январю 1926 г.
[2]) «Большевик» № 12. стр. 62.
[3]) Цифры относятся к январю 1926 года.

в крупной промышленности несколько слабее, чем в мелкой и средней промышленности.

В соответствии с этим выводом,—в дальнейшем процент рабочих от станка в нашей партии, очевидно, необходимо поднимать в первую очередь за счет партийных организаций крупной промышленности, охватывающей основную кадровую массу рабочего класса.

* * *

Для того, чтобы полностью иметь представление о том, каково лицо нашей партии, каков ее удельный вес в рабочем классе, для того, чтобы правильно наметить мероприятия в отношении дальнейшего роста партии, необходимо рассмотреть состав рабочей части партии в отношении к основным слоям рабочего класса с точки зрения их положения в производстве.

Вопрос о том, в какой степени каждый из этих слоев рабочего класса пополняет ряды своего авангарда—коммунистической партии, несомненно, является одним из наиболее основных в области регулирования состава партии. С'езды партии неоднократно подчеркивали необходимость не простого увеличения числа членов партии, даже в ее рабочей части, а увеличения партии за счет основных кадров пролетариата в производстве. «Партии не нужно простое увеличение количества рабочих в организациях»— XIII партс'езд: «с'езд отвергает политику, ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов и наполнению их полупролетарскими элементами, не прошедшими школы профсоюзов и пролетарских организаций вообще»—XIV партийный с'езд. На последнем с'езде приводились также письма Ленина, в которых он настаивал на пересмотре вопроса о сроках кандидатского стажа. Ленин писал: «Несомненно, что у нас постоянно считаются за рабочих такие лица, которые ни малейшей серьезной школы в смысле крупной промышленности не прошли. Сплошь и рядом в категорию рабочих попадают самые настоящие мелкие буржуа, которые случайно и на самый короткий срок превратились в рабочих», «... и если оставлять 6 месяцев для рабочих, то безусловно необходимо, чтобы не обманывать себя и других, определить понятие «рабочий», таким образом, чтобы под это понятие подходили только те, кто на самом деле по своему жизненному положению должен был усвоить пролетарскую психологию. А это невозможно без многих лет пребывания на фабрике без всяких посторонних целей, а по общим условиям экономического и социального быта».

Однако, с самого начала необходимо отметить, что исследование этого вопроса чрезвычайно затруднено. До сих пор в громадном большинстве организаций этот вопрос совершенно не изучался. И для того, чтобы ответить на него, мы прибегнем к анализу состава парторганизаций на отдельных предприятиях [1]), охватывающих свыше 34 тысяч рабочих.

[1]) «Мотовилиха» (Урал) около 7.500 рабочих; «Красный Пролетарий» (Москва) свыше 1.000 рабочих; «Профинтерн» (Брянск. губерн.) до 11.000 рабочих; 1-ая ситценабивная фабрика б. Циндель (Москва) до 2.800 рабочих; фабрика «Красное Веретено» (Москва) 500 рабочих; з-д Морзе (Москва) свыше 700 рабочих; Механический завод (Златоуст. округ) — 5.600 рабочих; завод мельнично-ткацких оборудований (Москва) – 630 рабочих; ф-ка «Красн. Текстильщ.» бывш. Голутвинская (Москва) — 1.600 рабочих; Металлургический завод (Златоуст. округ)—2.900 рабочих.

Состав парторганизаций на этих предприятиях с точки зрения производственной квалификации рабочих характеризуется следующими данными: к 1-му, 2-му, 3-му разрядам относятся 226 коммунистов, что составляет в группе рабочих, относящихся к этим разрядам, 2,7%; к 4-му и 5-му разрядам—927 коммунистов, что составляет 8% в группе рабочих этих разрядов; к 6-му и 7-му разрядам—1.009 коммунистов, или 12,7%; к 8-му и 9-му разрядам—371 коммунист, или 12% в соответствующей группе рабочих.

Эти данные показывают, что: 1) основная масса рабочих партийцев относится по своему положению в производстве к рабочим средней квалификации; 2) слабо представлены в партии рабочие низкой квалификации и 3) недостаточно представлены в партии рабочие высокой квалификации [1]).

Отсутствие данных о производственной квалификации всех коммунистов-рабочих не позволяет с абсолютной точностью утверждать, что эти выводы могут быть целиком распространены на все пролетарское ядро партии. Однако, к этому выводу нас приводят материалы многих местных партийных организаций.

Подобная же картина обнаруживается при рассмотрении кандидатского состава с точки зрения производственной квалификации. По группе предприятий [2]), охватывающих 16.000 рабочих, кандидатов, относящихся по производственной квалификации к 1-му, 2-му, 3-му разрядам, насчитывается 63 человека, или 1,5% к группе рабочих этих же разрядов; кандидатов, относящихся к 4-му и 5-му разрядам—182, или 3%; к 6-му и 7-му разрядам относятся 105 кандидатов, что составляет в соответствующей группе рабочих 3%; к 8-му и 9-му разрядам относятся 32 кандидата, что составляет 2,4% к группе рабочих этих разрядов.

Эти данные позволяют ответить на вопрос о том, какие именно рабочие в рассматриваемой группе предприятий с точки зрения их производственной квалификации шли за последнее время в партию. Именно: в основном шли в партию рабочие средней квалификации, очень слабо—рабочие низкой квалификации и недостаточно—рабочие высокой квалификации.

Мы приходим таким образом и из анализа состава рабочей части партийных организаций и из анализа вступающих в нее рабочих к одному общему выводу.

Вывод. Пролетарская часть наших партийных организаций состоит и вновь пополняется преимущественно из основной массы рабочих, именно рабочих средней производственной квалификации, слабо—за счет рабочих низкой квалификации и недостаточно—за счет рабочих высокой квалификации.

В чем же причины того, что малоквалифицированные рабочие слабо, а высококвалифицированные недостаточно идут в партию? Рассмотрим этот вопрос раздельно для каждого из этих слоев.

[1]) Необходимо отметить, что в отдельных крупных промышленных центрах имеют место отклонения от приведенных данных. Так, например, в Ленинграде по Московско-Нарвскому району ЛК приводит след. данные: в составе чернорабочих 17% коммунистов, в составе рабочих 5—7 разр.—20%, 7—9 разр.—24%, 9 и выше—27%.

[2]) Предприятия, перечисленные в примечании к стр. 46, за исключением «Мотовилихи» и «Профинтерна».

Малоквалифицированные представляют в массе своей рабочих более низкого культурного уровня, чем другие слои рабочего класса. К этой категории также относится и основная масса вновь вступающих в производство рабочих. Слабый приток в партию рабочих низкой квалификации является поэтому совершенно естественным.

В дальнейшем, очевидно, необходимо усилить влияние партии среди этого слоя рабочих через развертывание, прежде всего, среди них работы профессиональных организаций. «Это может быть достигнуто приспособлением всех отраслей союзной работы к всестороннему обслуживанию своих членов, энергичной защите их экономических интересов и всемерному поднятию их культурного уровня, обращая особое внимание на воспитание новых рабочих» [1]). Тех же из малоквалифицированных рабочих, которые имеют достаточный производственный стаж и прошли уже известную школу работы в общественных организациях, несомненно, нужно стремиться вовлечь в ряды нашей партии.

Высококвалифицированные рабочие, бесспорно, представляют собой наиболее культурную часть рабочего класса. Но среди них, несомненно, есть определенная часть «настроенных реформистски, либеральных рабочих», направляющих свою энергию и активность по линии мещанских интересов и иногда, правда, в редких отдельных случаях, даже скатывающихся к меньшевизму. Вся политика партии и профсоюзов на предприятиях социалистической промышленности не только не обеспечивает дальнейшего роста такого типа рабочих, но и ведет к изживанию его. Лишь искривление этой линии при практическом проведении ее в отдельных случаях делает возможным разрыв между высококвалифицированными и остальной массой рабочих.

Эта прослойка либеральных рабочих в общем незначительна. Однако, опасность влияния на рабочих этой прослойки в виду ее положения в производстве должна быть учитываема. Необходимо парализовать влияние этой группки на остальную массу рабочих путем беспощадного разоблачения ее, но вместе с тем необходимо также стремиться к перевоспитанию таких рабочих через вовлечение их в общественную работу.

В отношении абсолютного большинства высококвалифицированных рабочих можно с уверенностью сказать, что они целиком приемлют руководство нашей партии. Недостаточный же приток их в партию должен быть целиком отнесен к недостаткам в постановке массовой работы среди этого слоя рабочих. Высококвалифицированные рабочие, как более культурные, пред'являют гораздо большие требования к постановке и качеству массовой работы.

Низовым партийным организациям совершенно необходимо проявить большую активность в деле вовлечения в партию высококвалифицированных рабочих. Необходимо охватить их массовой работой, удовлетворить их потребности и запросы. Во всей работе с этим наиболее культурным слоем рабочих совершенно необходимым является строжайшее проведение в жизнь указаний XIV партс'езда об осуществлении здоровой рабочей демократии в массовых пролетарских организациях, в первую очередь в профсоюзах. Особенно важно привлечь высококвалифицированных рабочих к участию в производственной жизни предприятий, используя здесь их опыт, знания и культурность. Этим путем легче всего будет вовлечь их в общественную работу, а их лучшие элементы—в партию.

¹) Из резолюции XIV партс'езда о работе профессиональных союзов.

Регулирование приема в партию.

Основной задачей для настоящего периода в деле регулирования социального состава партии является поднятие качественного состава парторганизаций.

Необходимость сосредоточения внимания на улучшении качественного состава партии была намечена ЦК еще осенью прошлого года. В постановлении Оргбюро, вынесенном по докладам нижегородского, тульского и брянского губкомов (IX—1925 г.) сказано: «Отмечая значительный рост организаций, считать необходимым обращать в дальнейшем особое внимание не на количественный рост, а на повышение качества вновь принимаемых. В этом направлении разработать предусмотренные планом работы Оргбюро ЦК директивные указания по вопросу о регулировании роста парторганизации». XIV с'езд партии дал четкую формулировку этой линии в уже приведенном постановлении его: «С'езд считает необходимым вести в данной области политику, направленную к поднятию качественного состава парторганизаций, ко все большему вовлечению рабочих в партию и к постоянному повышению удельного веса пролетарского партийного ядра».

Из директивы с'езда ясно, что линия на поднятие качественного состава партии должна сочетаться с задачей постоянного повышения удельного веса пролетарского партийного ядра. Осуществление последней задачи требует обеспечения относительного преобладания рабочих среди всех принимаемых в партию. Как выполнялось это партийными организациями видно из сл. табл. [1]):

Социальный состав принятых в кандидаты (в %%).

Категории	1924 год		1925 год		1926 год
	I	II	I	II	I
Рабочих	92,4	64,5	62,4	43,8	47,3
Крестьян	5,8	22,2	22,5	39,6	39,1
Служащих и пр.	1,8	13,3	15,1	16,6	13,6

В 1924 г., к которому относится первый Ленинский призыв и в 1-й половине 1925 г., когда многие организации также провели кампанию массового приема рабочих в партию,—среди принимаемых было обеспечено значительное преобладание за пролетарскими элементами. Во второй половине 1925 г. это преобладание резко уменьшилось, но уже в последующие кварталы, оно вновь начало возрастать. В противоположность этому

¹) Проценты относятся к рабочим по социальному положению; процент же рабочих по занятию, естественно, был несколько меньшим.

удельный вес непролетарских элементов (крестьян и служащих) среди принимаемых в кандидаты, заметно увеличивавшийся до 1926 г. (точнее до 3-го квартала 1925 года) начинает с этого времени уменьшаться.

Снижение процента рабочих среди принимаемых в партию после Ленинского призыва является по существу нормальным. Но стабильность (и даже падение в отдельные периоды) удельного веса (в %) пролетарского ядра в партии с этого именно времени показывает, что это снижение процента рабочих среди принимаемых было слишком резким, а повышение процента в последнее время еще недостаточным.

Вывод. Среди вновь принимаемых партия обеспечивала в общем преобладание за пролетарскими элементами. Но в отдельные периоды процент рабочих среди принимаемых был ниже того предела, который необходим для повышения удельного веса пролетарского ядра в партии.

Это ставит задачу *усиления преобладания среди принимаемых в партию за рабочими.* Только при этом условии возможно в дальнейшем проводить в жизнь директиву с'езда о постоянном повышении удельного веса пролетарского партийного ядра.

Поднятие качественного состава организаций требует далее проведения тщательного отбора при приеме и обеспечения возможности силами наличных кадров партии воспитать в партийном отношении вновь вступающих, дать им большевистскую выучку. Количество принимаемых в партию, естественно, играет в этом случае значительную роль. Представим данные, характеризующие движение этого количества за последние $2^1/_2$ года в виде следующей табл.:

Социальный состав принятых в кандидаты (в тысячах).

Категории	1924 год		1925 год		1926 год
	I	II	I	II	I
Всего принято	212	103	190	131	95
Рабочих	196	67	118	57	45
Крестьян	12	23	43	52	37
Служащих и проч.	4	13	29	22	13

Рабочий класс непрерывно давал значительные пополнения своей партии. В среднем с января 1924 г. в партию ежемесячно принималось 16,1 тысяч рабочих, крестьян—5,5 тыс., а служащих и прочих—2,7 тыс.

За последнее время, как видно из той же табл., имеет место замедление приема в партию из всех социальных категорий. Оно, несомненно, связано с указанной выше линией на поднятие качественного состава парторганизаций и поэтому не представляет опасности.

В связи с этим вопросом «о количестве и качестве», имеют место, однако, неясности. Это отмечалось на Московском губерн-

ском совещании заворгов, инструкторов и секретарей производственных ячеек (май 1926 г.): «Нужно сказать, что отдельные наши ячейки, отдельные наши организации несколько не учли необходимости дальнейшего количественного роста, и мы встречаемся порой с некоторым безразличным отношением к вопросу дальнейшего роста нашей партии... На основании целого ряда моментов, которые мы наблюдали за последнее время в жизни наших организаций, путем обследований и поступающих с мест материалов, мы выявили то, что у нас рост теперь на отдельных фабриках, на отдельных предприятиях имеет слишком замедленный темп или даже вовсе приостановился. Мы хотим в первую очередь предостеречь от такого неправильного применения на практике директив МК. Мы считаем необходимым усилить работу по вовлечению передовых рабочих от станка в нашу партию» [1]).

Курс на поднятие качественного состава парторганизаций, не должен задерживать систематического отбора для партии передовых элементов рабочего класса.

На практике согласованное осуществление задач количественного роста и качественного отбора обеспечивается наличием в массовых пролетарских организациях значительных кадров беспартийного рабочего актива—этого *непосредственного резерва* партии. Общественная закалка этих кадров в массовых организациях, их политический рост на общественной работе, отбор на основе их общественно-политической активности—обеспечивают качественное улучшение партийных рядов. Рост же этих кадров, их непрерывное расширение за счет новых и новых слоев рабочего класса обеспечивает возможность все большего вовлечения рабочих в партию и повышения, благодаря этому, удельного веса пролетарского партийного ядра.

В вопросе о росте беспартийного рабочего актива необходимо рассеять имеющую место неясность. «Кое-где, за последнее время по вопросу о беспартийном пролетарском активе вкрадывается, мне кажется, невольная ошибка. Сравнивают тот период, который был перед Ленинским призывом, и настоящий период, и получается такое представление, что пролетарский беспартийный актив вокруг партии в настоящее время сократился по сравнению с тем пролетарским беспартийным активом, который был у нас полтора—два года тому назад. Это, конечно, грубая ошибка, грубый обман зрения... Теперь есть громадное количество организаций, начиная от фабзавкомов и вообще профорганов, которые включают в себя весьма большое число активных пролетариев, остающихся беспартийными, но работающих вместе с партией, под руководством партии и являющихся подлинным беспартийным пролетарским активом» [2]).

Этот бурный рост беспартийного рабочего актива происходит, несомненно, быстрее, чем идет вовлечение его в партию. Интересен анализ, произведенный в этом отношении парторганизацией одного из крупнейших (11.000 рабочих) металлургических заводов—«Профинтерн» (Брянск. губ.) Здесь проанализировали вступление в партию по отдельным категориям беспартий-

[1]) Из доклада т. Баумана.

[2]) Организационный отчет ЦК XIV с'езду партии, доклад т. Молотова.

ного рабочего актива. Получились следующие данные[1]): из 107 беспарт. делегатов завкома созыва 1925 г. в партию вступило 11 чел. или 10,3%, из 99 беспарт. уполн. ЦРК—9 чел. или 9%, из 48 бесп. чл. горсовета—4 чел. или 8,3%. Громадные размеры актива, наличие в нем значительных резервов для пополнения партии ясно обнаруживаются на этом примере (более или менее типичном для большинства парторганизаций).

Величина и рост непосредственного резерва партии дает возможность одновременно и усиливать требования при отборе идущих в партию и все более вовлекать передовых рабочих в партию. Задача здесь состоит во всемерном развертывании и улучшении работы партии в массах. Именно развитие массовой работы обеспечивает возможность воспитания все новых и новых кадров активных беспартийных рабочих, отбора лучших из них, способных стать членами нашей партии, и подготовки их к вступлению в кандидаты партии.

Руководство вовлечением рабочих в партию.

Сложность регулирования социального состава партии требует правильной постановки руководства вовлечением рабочих в партию.

Как же на практике обстоит дело с этим руководством? Анализ этого вопроса обнаруживает здесь серьезнейшие недочеты. И то обстоятельство, что рост партии в целом шел в общем удовлетворительно ни в каком случае не находится в противоречии с наличием этих недочетов. Нормальный в общем рост, несомненно, об'ясняется не специальным вниманием к руководству им со стороны парторганизаций, а главным образом авторитетом партии в целом и каждой партийной организации в отдельности, правильностью руководства со стороны партии всеми областями нашего строительства, крепкой связью партийных организаций с массами.

Основными недостатками в деле руководства вовлечением являются:

Во-первых, слабость этого руководства в низовых парторганизациях. Показательно, например, что по 14 производственным ячейкам из 18, просмотренных в связи с исследуемым вопросом, в плане работ бюро совершенно не стоял вопрос о руководстве вовлечением, в плане же работ остальных 4 ячеек этот вопрос лишь вскользь упомянут.

Во-вторых, отсутствие планомерности в деле вовлечения новых членов партии и отсюда, естественно, отсутствие непрерывности приема. Данные о приеме в партию по многим ячейкам свидетельствуют о том, что рост этих последних в некоторые месяцы бывает очень значительным, в некоторые же сводится к минимуму. До недавнего времени в большинстве организаций происходило приурочивание приема новых членов партии к тому или иному событию. Теперь такого рода кампании не проводятся, но неравномерность приема говорит о том, что в самой постановке работы по вовлечению в партию еще имеют место элементы кампанийского характера.

В-третьих, недостатком является отсутствие участия широких кадров партийцев в деле вовлечения новых членов. Масса

[1]) «Коммунар» № 6, орган Брянского ГК, стр. 61.

рядовых партийцев в значительной своей части не уделяет должного внимания этому вопросу. Организаторы партработы на местах неоднократно отмечали это обстоятельство. Целиком подтверждают его и товарищи, занимавшиеся обследованием низовых парторганизаций.

В соответствии с этим, основными задачами в области руководства вовлечением являются—активность в регулировании со стороны парторганизаций, планомерность в деле вовлечения и, как результат этого, непрерывность притока новых членов и, наконец, участие в деле вовлечения новых членов всей массы наличных кадров членов партии.

Эти требования относятся, в первую очередь, к низовым парторганизациям. Именно, в ячейки упирается в настоящее время этот вопрос. Комитеты партии вынуждены сознательно задерживать на продолжительные сроки значительные количества дел о приеме, вследствие недостаточно внимательного отношения к приему новых членов со стороны ячеек.

Основная же задача партийных комитетов, несомненно, заключается здесь в том, чтобы, на основе внимательного изучения состояния и роста отдельных организаций, дифференцировать свои указания в отношении каждой из них. Практика общих указаний по уезду, губернии, округу или даже области со стороны соответствующего комитета, имевшая место до последнего времени, должна быть дополнена особыми, более конкретными и детальными указаниями каждой организации в отдельности.

Л. Эвентов.

„Демократизация" американского капитала.

Соединенные Штаты занимают в настоящее время в капиталистическом мире, примерно, такое же положение, какое занимала Англия до семидесятых годов прошлого столетия. Огромные масштабы производства и накопленного богатства на фоне ослабления промышленной роли Европы превратили их в «ведущую» капиталистическую страну. Следующая таблица дает представление о росте национального богатства Заатлантической республики по данных Бюро Цензов, выраженным в целях сравнимости в ценах 1912 года.

Национальное имущество С. Шт. за 1890—1922 гг.

Годы.	Национальное имущество в млн. долл.	Индекс оптовых цен Бюро Статистики Труда.	Национальное имущество в ценах 1912 г.	Процент ежегодного прироста или уменьшения.
1890	65.037	89	73.075	—
1900	88.517	81	109.280	+ 4,10
1904	107.104	92	116.417	+ 1,51
1912	186.300	100	186.300	+ 6,05
1922	320.804	159	201.764	+ 0,80

Из цифр довоенных годов следует вычесть приблизительно 5 мрд. долл. иностранного капитала, вложенного в хозяйство С. Штатов, а к сумме послевоенных годов добавить капитал, инвестированный американцами за границей как в форме частных инвестиций, так и государственных займов, который в совокупности составлял в конце 1923 г. около 20 мрд. долл.[1]). В общем, национальное имущество С. Штатов превосходило в. 1922 г. совокупное имущество трех главнейших европейских стран—Англии

[1]) Во избежание недоразумений мы считаем нужным указать, что признаем правильным исключение из подсчетов национального имущества капиталов, вложенных во внутренние ценные бумаги, но неправильным—вычет иностранных ценных бумаг. Отметим еще, что согласно недавно опубликованному официальному отчету Вашингтонской федеральной комиссии по изучению торговли и промышленности С. Штатов (Federal Trade Comission), национальное имущество С. Шт. в 1922 г. определено в 353 мрд. долл. (в ценах 1922 г.), а в 1926 г., по оценке той же комиссии, составит 400 мрд. долл.

Германии и Франции, составлявшее 236,6 мрд. долл. или 78,6% национального богатства С. Штатов. Значительный рост национального дохода в 1923 г. и его высокий уровень в последующие годы обеспечили дальнейшее увеличение национального имущества.

Концентрация богатства характеризуется тем, что 1% населения владеет 59% национального имущества, а 13% населения—90%. Низшая группа, с имуществом меньше 500 долл., охватывает около 80% владельцев и около 5,5% всего имущества, со средними размерами имущества в 258 долл., при средней в 3.827 долл. для всех групп, вместе взятых[1]). Тенденция к концентрации растет, хотя она маскируется под различными формами. Неравенство в распределении национального дохода точно так же прогрессирует.

Если отвлечься от всяких «кон'юнктурных» прибылей, можно указать три главных источника, на основе которых выросло экономическое могущество Соед. Штатов: 1) труд сельскохозяйственного производителя-фермера, продукт которого реализовался в значительной мере путем экспорта, что обеспечивало прилив в страну капиталов извне; 2) прибавочная стоимость, извлекаемая от эксплоатации многомиллионной армии рабочих; 3) наконец, в последние годы к первым двум источникам присоединилось присвоение прибавочной стоимости, выколачиваемой должниками С. Штатов из своих рабочих для уплаты в виде процентов и в счет погашения задолженности американским инвесторам. Пока-что эта сумма незначительна, но по окончательном урегулировании межсоюзнических долгов эта сумма вместе с доходами от частных инвестиций составит ежегодно приблизительно 900—1000 м. долл. в год, чему противостоят платежи по инвестированным в С. Штатах капиталам и их амортизации на сумму в 325 м. долл.

Доход фермера, благодаря зависимости последнего от транспортного, торгово-посреднического и финансового капитала, в огромной доле остается в руках железнодорожных компаний и представителей крупной торговли и банков.

По данным «National Industrial Conference Board», доход сельского хозяйства в 1925 г. составлял около 3% на инвестированный капитал, меж тем как доход железнодорожных компаний, регулируемый правительством, составил в том же году 5,7%.

Как правильно указывает в своих работах об американском сельском хозяйстве т. Осинский, фермеру приходится бороться с двумя трудностями: 1) с несоответствием между издержками производства сельского хозяйства и рыночной ценой на ряд сельскохозяйственных продуктов и 2) с расхождением сельскохозяйственных и промышленных цен. С прекращением военной кон'юнктуры и ажиотажа и восстановлением свободной конкуренции на мировом рынке основные отрасли американского сельского хозяйства попали в затруднительное положение. В 1923 г. возделывание 1 акра под пшеницу обходилось в 21 долл., а выручка от урожая на нем составляла всего 16,64 долл. или, иными словами, при издержках на бушель в 1,24 долл. рыночная цена была 99 центов; бушель овса обходился в 52 цента при цене в 49 центов. За период 1919—1925 гг. в среднем остаток налич-

[1]) По данным цитир. отчета федер. комиссии.

ности в руках фермера сократился и равнялся меньше трети его валового дохода, остальное присваивалось механизмом распределения и казной. В 1924—1925 году положение в этом отношении несколько улучшилось, благодаря неурожаю в Канаде, обеспечившему американским сельскохозяйственным продуктам монопольное положение на внешних рынках, но 1925—1926 г. был менее благоприятен вследствие плохого урожая пшеницы в С. Штатах и пониженных мировых цен как на хлеба, так и на хлопок. «Ножницы», т.-е. расхождение между сельскохозяйственными и промышленными ценами, хотя и уменьшились, но продолжали сохраняться. В апреле 1926 г. раствор левий составлял еще 12% [1]).

В связи с затруднительным положением сельского хозяйства фермерская проблема в последнее время снова стала актуальной, выразившись в росте среди фермерских кругов протекционистских стремлений, которые, однако, встречают отпор со стороны промышленного капитала. Отклонение конгрессом проекта Хаугена, направленного к валоризации, т.-е. к снятию излишков хлеба для удержания высоких цен на него на внутреннем рынке и реализации экспорта по низким мировым ценам, а также поражение официальных республиканцев на частичных выборах в отдельных штатах являются этапами начавшейся борьбы противоположных интересов.

Но еще более всеоб'емлющий источник прибылей американской буржуазии составляет эксплоатация рабочего класса. Дать количественное выражение этой величине—дело трудное. Однако, американская статистика позволяет сделать первое приближенное измерение степени этой эксплоатации. Промышленные цензы дают в своих исчислениях промышленного производства очень существенную графу под названием «стоимость, прибавленная в производстве», иными словами, стоимость, созданную рабочими в процессе производства со включением перенесенной стоимости основного капитала. Эта статья, следовательно, об'единяет заработную плату, прибавочную стоимость и амортизацию основного капитала. Зная из тех же цензов выданную зарплату, можно, исходя из обычных норм амортизации и данного органического строения капитала, исчислить массу прибавочной стоимости и норму эксплоатации (по Марксу m и $\frac{m}{v}$).

Известный американский статистик Кинг дает приблизительную оценку как общих размеров капитала американской фабрично-заводской промышленности, так и его основной части. Остаток после вычета из «прибавленной стоимости» цензов зарплаты рабочих и служащих и амортизации в 10% показывает массу прибавочной стоимости. Она составляла в 1900 г.—2.077 м. долл., в 1905 г.—2.560 м. долл. и в 1923 г.—9.607 м. долл. Характер ее динамики иллюстрируется движением нормы прибавочной стоимости, которая в результате соответствующих исчислений выражается в итоге в следующих цифрах: в 1900 г.—86,9%, 1905 г.—80,4%, 1923 г.—69,7%.

[1]) По только-что опубликованным данным, департамент земледелия С. Ш. определяет средний доход фермера на инвестированный капитал в 1925—26 г. в 3,6% против 3,2% в 1924—25 г., а средний размер вознаграждения фермерской семьи за труд и управление хозяйством в 648 долл. против 624 долл. в 1924—25 г.

Нельзя претендовать на абсолютную точность приведенных данных, так как их получение связано с преодолением весьма значительных статистических трудностей, однако, близкое отражение действительности в них, несомненно, имеется, о чем свидетельствуют приводимые ниже данные о чистом доходе акционерных обществ за аналогичные или близкие годы [1]). Не следует также думать, что эти цифры исключительно обусловлены интенсивным развитием механизации американской промышленности или, выражаясь в терминах Маркса, отражают только относительную прибавочную стоимость. Большая производительность американского рабочего, конечно, находится в большой зависимости от высокого органического строения капитала, но широкое распространение системы конвейеров, внедрение в производственный процесс методов научной организации труда в форме тэйлоризма, фордизма и т. п. обусловливают также и необычайную интенсивность труда американского рабочего, выражаясь в максимальной уплотненности его рабочего времени.

Норма прибавочной стоимости показывает, как это вытекает из вышеприведенных данных, некоторую тенденцию к понижению, что представляется вполне закономерным, если учесть чрезвычайно бурное развитие промышленности, поглощавшей почти весь прирост населения плюс иммиграцию, и долгие годы организованной профессиональной борьбы. Однако, несомненно, что капиталисты сумели себя компенсировать как увеличением оборачиваемости капитала, так и за счет роста размеров эксплоатируемой армии. Напомним, что по данным промышленных переписей численность фабрично-заводского пролетариата в С. Штатах увеличилась за период 1899—1923 гг. на 86%, именно с 4,7 млн. до 8,7 млн., не считая фабрично-заводских служащих, число которых увеличилось за то же время на 247%, и строительных и горно-заводских рабочих.

Что же получили рабочие, обеспечившие экономическое могущество капитала, от благодарного отечества? Американская буржуазия с гордостью обычно указывает на высокую зарплату американского пролетариата. По официальным данным, действительно, уровень зарплаты повышался, но зато неизменно повышалась и производительность труда. Следующая табличка иллюстрирует связь обоих элементов.

Годы	Индекс реальной зарплаты рабочего [2])	Производительность труда
1914	100,0	100,0
1919	107,0	100,0
1921	111,0	107,0
1923	124,0	134,0

[1]) Если и имеются неточности, то скорее в сторону преуменьшения. Исчисляя норму прибавочной стоимости довоенной русской промышленности тем же методом, по данным, приведенным у т. С. Г. Струмилина («Проблема промышленного капитала в СССР», стр. 39), получаем около 100%. Колупаевы выколачивали 100% прибавочного труда без высокой американской техники, выезжая, главным образом, на почти даровом труде.

[2]) Индекс реальной зарплаты исчислен посредством деления номинальной зарплаты на стоимость бюджетного набора, составлявшего, по данным Департамента Труда, 183 в 1919 г., 172 в 1921 г. и 166 в 1923 г. (1914=100).

Даже, исходя из этих официальных данных, можно констатировать почти полный параллелизм в движении обоих рядов, при чем с 1923 г. темп роста производительности труда обгоняет увеличение зарплаты, которая в реальном выражении остается даже стабильной вплоть до первой половины 1926 г.

Еще более разительная картина получается, если взять отдельные отрасли, по которым имеются данные о производительности труда. В недавно опубликованном в Monthly Labor Revue (июль 1926 г.)—официальное издание американского департамента труда—исследовании о производительности труда отмечается, что в автомобильной промышленности выработка на на 1 рабочего была в 1925 г. в три раза больше, чем в 1914 г., в железной и стальной индустрии на 50% выше, в обувной—на 17% и в бумажной—на 34%, чем в 1914 г.

Таким образом, рост производительности труда обеспечивал поддержание зарплаты на более или менее повышенном уровне. Но для правильной оценки положения следует, кроме того, учесть и сопутствующую пролетариату безработицу, которая в отдельные годы, напр., в кризисном 1920—1921 году, достигала весьма значительных размеров, охватив более 3 миллионов трудящихся, благодаря чему реальный уровень заработной платы резко падал.

Указанные источники являлись широким фундаментом доходов американской буржуазии, о размерах которых известное представление можно получить по данным о чистом доходе акционерных обществ, обязанных отчетностью [1]).

Годы	Чистый доход в мрд. долл.	Дивиденды и проценты (средн. месячн.) в тыс. долл.
1913	4,7	69.838
1914	3,9	68.481
1915	5,3	66.019
1916	8,7	77.176
1917	10,7	89.856
1918	8,3	85.184
1919	9,4	79.745
1920	7,9	80.248
1921	4,3	76.965
1922	6,9	77.554
1923	—	80.271
1924	—	84.391
1925	—	88.838

По всей группе обрабатывающей промышленности норма прибыли равнялась в 1919 г. 19,9%, 1920 г.—14,6% и 1921 г.—13%. для других годов данных не имеется.

Отчеты акционерных обществ не отражают верной картины получаемых прибылей, но даже эти неполные данные дают представление о мощном механизме капиталистической эксплоатации,

[1]) Profits—by W. Tr. Foster & W. Catchings, Pollak Foundation for Economic Research. 112 стр., см. также Survey of current Business, август 1926 г.

приведенном в движение американской «демократией» [1]). Любопытно, что дивиденды на протяжении ряда лет остаются почти стабильными, что в порядке вещей, ибо такой политикой главная масса прибылей удерживается в руках небольшой кучки воротил.

С начала века представителями крупного капитала (big business) делаются энергичные попытки к привлечению широкой публики, особенно рабочих и служащих, в качестве инвесторов в акционерных обществах, у которых они работают. Для привлечения мелких держателей акций компании прибегают ко всякого рода поощрительным мерам—специальным премиям для приобретателей рабочих акций в виде уступок с цены, рассрочке покупной суммы, внесению за счет общества первых взносов и т. п. Помимо извлечения сбережений и прикрепления рабочих к предприятиям, что при недостатке рабочих в С. Штатах весьма существенно, эта кампания имеет целью посеять иллюзию диффузии богатства и демократизации акционерной собственности, отравляя сознание рабочих перспективой их превращения в соучастников капиталистических прибылей. Предприниматели отлично понимают, что, укрепляя в пролетариате чувство собственности и противопоставляя классовой борьбе принцип сотрудничества классов, они гарантируют себя от стачек и воздвигают вал против красной опасности.

Нельзя отрицать достигнутых в этом направлении успехов. Действительно, можно констатировать рост акционеров, число которых с 1900 г. более чем удвоилось. Отдельным крупным трестам—Standard Oil, United Steel Corporation и др.—удалось привлечь, благодаря предпринятой энергичной кампании, своих рабочих и служащих в заметном числе к подписке на акции. Особенно широко распространено мелкое акционерство на предприятиях общественного пользования (электрических, газовых, телефонных). На ряду с этим развивается еще более широкая программа вовлечения рабочих в капиталистическую орбиту в виде создания целой системы рабочих банков и учреждения на предприятиях на паритетных началах советов и даже производственных совещаний [2]).

Под влиянием этих успехов Джон Лэр, председатель торговых палат в С. Штатах, уже провозгласил, что демаркационная линия между капиталистами и рабочими стерлась, что интересы обоих классов идентичны, а один из видных американских экономистов Томас Карвер даже посвятил этим процессам целую книгу под громким названием «Современная экономическая революция в Соед. Штатах». По мнению Карвера, откровенного апологета капитала, именно такая политика промышленников обеспечивает наступление гармоничного строя в С. Штатах. Та-

[1]) В последние годы капиталистическая машина сделала новые успехи по части эксплоатации. На основании данных о доходности акционерных обществ за первую половину текущего года исчисляют, что 1.200 крупных предприятий получат в 1926 г. прибыль в 5 мрд. долл., значительно превышая прибыль всех остальных 398.000 предприятий. Для характеристики концентрации интересно отметить, что в группе 1 200 корпораций 168 концернов получили в прошлом отчетном году общую прибыль в 2,3 мрд. долл, при чем каждый из них имел в среднем свыше 13,5 миллионов долл. дохода

[2]) Последнее сделано, повидимому, по нашему примеру, доказывая этим, что практический янки не отказывается от признания революции, когда она готова служить его интересам.

ким образом, история снова повторяет издание старой бернштейниады, но в соответствии с новой обстановкой сопровождает ее американской рекламой.

Несомненно, в настоящем отрезке американской истории, как раньше в развитии британского капитализма, имеются условия, ведущие к коррупции значительных слоев рабочего класса, особенно его верхушки. Американская буржуазия имеет достаточно материальных возможностей, чтобы приручить существенные для ее интересов группы рабочих, а через них подчинить своему влиянию и авторитету руководящие рабочие организации. В этом направлении она уже многого достигла, почти превратив Американскую Федерацию Труда в органическую часть всей капиталистической системы. В то же время она стремится своей политикой удержать неорганизованные слои пролетариата в состоянии раздробленности и аморфности, что особенно подчеркивается поведением такого гиганта промышленности, как Форд, который основным требованием при найме выставляет отказ рабочего от участия в профсоюзе. Однако, не следует преувеличивать ее успехов. Развитие американской экономики, как и развитие капитализма вообще, ведет не к примирению, а к обострению классовых интересов.

В каком направлении развивается американский акционерный капитал? Карвер [1]), прибегая к беззастенчивой фальсификации, доказывает, исходя из значительного увеличения числа акционеров и уменьшения портфеля акций крупных держателей, якобы в пользу мелких, что акционерная собственность демократизуется и что приближается эра рабочего управления. Однако, данные статистики подоходного налога легко опровергают измышления американского профессора. Л. Корвей [2]), на основании материалов американского бюро доходов, дает следующую табличку распределения акционерной собственности по классовому признаку.

Распределение акционерной собственности по классам (1924 г.).

Классы	Акционерн. капитал в долларах	%%
Фермеры	1 520.000.000	2,4
Рабочие и служащие	1.650.000.000	2,5
Не служащие:		
Доход ниже 5.000 долл.	12.080.000.000	18,1
» от 5.000 до 20.000 долл.	14.780.000.000	22,4
Свыше 20.000 долл.	35.970.000.000	54,5
Всего	66.000.000.000	100,0

Приведенная таблица показывает, что акционерный капитал, вопреки Карверу, является монополией (на 95%) буржуазии, при

[1]) См. его книгу «The Present Economic Revolution in the United States», Boston. 1926.

[2]) «How Is Ownership Distributed» «The New Republic», 5 мая 1926 г.

чем 76,9% его было сконцентрировано в руках 4,6% акционеров, с доходом свыше 5.000 долларов. Если и происходили смещения, то внутри владельческого класса и в сторону средних групп, но не в пользу рабочих. Для характеристики динамики интересно, что в 1923 г. доля лиц с доходом выше 5.000 долл., в акционерном капитале, исчислявшемся в 62,5 мрд. долл., составляла всего 75%.

Л. Корвей далее отмечает, что, несмотря на все меры, принятые акционерными компаниями, стоимость рабочих акций, распределенных среди 6,5 милл. лиц, составляла всего 500 милл. долл., поэтому он считает, что оценка доли участия рабочего класса в акционерном капитале в 1,7 мрд. долл., данная им выше, даже несколько преувеличена.

В отдельных больших трестах число держателей рабочих акций падает в последние годы. В 1921 г. 42% всех служащих и рабочих Стальной корпорации (United Steel Corporation) были акционерами, теперь этот процент упал до 19. В течение 22 лет служащие и рабочие подписались на акции, стоимостью в 200 милл. долл., но в марте 1926 г. им фактически принадлежало акций всего на 80 милл. долл., что составляло 9% всего капитала. Безработица, стачки, болезни и смерть заставляют рабочих акционерных обществ пропускать платежи или продавать уже приобретенные акции. Это, по замечанию Корвея, поистине сизифова работа.

На самом деле, для тех, кто знаком с практикой американского учредительства, ясно, что в стремлении предпринимателей навязать свои акции рабочим и служащим, помимо вышеуказанных целей, скрывается и прямой поход на карман последних, и это, при содействии ученых сикофантов, преподносится обществу в виде осуществления «американского идеала». Надувательство широкой публики осуществляется путем выпуска привилегированных и обыкновенных акций, при чем только привилегированные акции и облигации обеспечены всем материальным достоянием предприятия и выражают его действительную стоимость, обыкновенные же акции представляют, так сказать, нематериальный фонд акционерного общества, иначе говоря, капитализацию его будущих прибылей и основаны на коммерческом имени компании, goodwill, как выражаются американцы. Но многие американские тресты крайне перекапитализированы, и капитал их разводнен, так что облигации и привилегированные акции значительно превышают действительную стоимость предприятия. Поэтому, как только в делах наступает заминка, она, в первую очередь, отражается на обыкновенных акциях, ведя к их обесценению. Но именно обыкновенные акции, не дающие их держателю права голоса и лишающие его всякого влияния на ход дел общества, всовываются с помощью необыкновенно ловкой рекламы доверчивой массе акционеров [1]). Такова цена демократизации американской акционерной собственности!

Что касается роли рабочих банков, которая из всех сил раздувается Карверами и другими приспешниками капитала и

[1]) Плутни американского акционерного учредительства очень хорошо вскрыты в работах Торнштейн Веблена, одного из немногих американских экономистов, выгодно выделяющегося среди многочисленной плеяды вульгаризаторов экономической науки. См. особенно его работу «The Theory of Business», также Р. Лифман—«Картели и Тресты».

нашла уже подражателей среди реформистских кругов европейской социал-демократии и в особенности среди амстердамцев, то о ней можно судить по следующим данным; несмотря на всю шумиху с рабочими банками, в апреле 1925 г. в Соед. Штатах насчитывалось 23 таких банка, с капиталом всего в 90 милл. долл. Мизерность этой суммы становится особенно ясной, если сопоставить ее с 46,9 мрд. депозитов в 1925 г. во всех американских банках [1]).

Ресурсы рабочих банков состоят, главным образом, из профсоюзных фондов. Как быстро могут таять эти фонды, свидетельствует опыт английской угольной и всеобщей забастовки. Что же будет с ресурсами рабочих банков, когда в С. Штатах вспыхнет какой-либо значительный конфликт между трудом и капиталом? Впрочем, увязав средства рабочих организаций в обычные банковские операции, которыми в настоящее время занимаются рабочие банки, их руководители могут разоружить пролетариат с материальной и моральной стороны в самый нужный момент. Кроме того, войдя в общую финансовую сеть страны, рабочие банки, как наиболее слабое ее звено, подвергаются всем невыгодным колебаниям кон'юнктуры. Достаточно федеральным резервным банкам, контролирующим кредитную систему страны, направить в нежелательную сторону винт, регулирующий учетную ставку, чтобы подставить под удар самое существование рабочих банков.

Идея рабочих банков еще менее нова, чем лозунг демократизации капитала, являясь на самом деле весьма плоским плагиатом. Ее лучшее издание—французское—было едко высмеяно еще в 40-х годах прошлого столетия Марксом, в его полемике с Прудоном, как типичный продукт мелкобуржуазной мысли.

Маркс со свойственной ему страстью обличал мелкобуржуазную сущность прудонистов за то, что они собирались разрешить социальную проблему путем реформирования сферы распределения, оставляя в неприкосновенности капиталистическое производство. Но для современных мелкобуржуазных идеологов и это чересчур радикально: они и не думают покушаться на существующее имущественное неравенство. Если рабочие банки отцвели, не успевши расцвесть, в отсталой мелкобуржуазной Франции, то не приходится сомневаться в крушении этой идеи в Америке, с ее мощными трестами и грандиозными финансовыми институтами.

Действительное положение широкой трудящейся массы в Соед. Штатах вовсе не таково, чтобы можно было поверить в росказни о всеобщем благоденствии и об уничтожении имущественных противоположностей. Наоборот, тенденции экономического развития ведут к ускорению концентрации капитала, что не исключает выделения в качестве побочного продукта развития и некоторого среднего слоя. Интенсивный рост группы высших служащих является для этого подходящей базой. Сюда будут подтянуты в результате классовой дифференциации также соответствующие категории и из других классов. Однако, экономические процессы, совершающиеся в основной массе трудящихся, не дают оснований ожидать сближения социальных уровней. Положение фермеров было выше очерчено. Достаточно характерным для эволюции этого слоя является бегство в города, которое, по данным Департамента Земледелия, определяется за 4 года (1921—1924) в 2.000.000 человек. Что касается положения рабочего класса, то исследование национального дохода за 1920 г. и его распределения, по данным Национального Бюро экономических исследований, приводит к выводу, что люди, живущие наемным трудом, лишены всякой надежды на средний заработок в размерах прожиточного минимума. Такое положение имело место в 1920 г., но оно типично и для всякого другого года [1]).

[1]) Годовой отчет секретаря казначейства за 1925 г.

Благополучие американского пролетариата выделяется только на фоне обнищания европейского рабочего населения. В действительности, социальный жизненный уровень американского рабочего ухудшился. Это определенно обнаруживается, если сопоставить движение индексов реальной заработной платы и роста физического об'ема продукции за длинный ряд лет. Известный немецкий экономист-статистик Ю. Кучинский, сопоставив эти два ряда, вычислил долю заработной платы в продукции с 1899 до 1924 года и получил следующие очень показательные цифры [2]):

Доля зарплаты промышленных рабочих в промышленной продукции в С. Штатах.

Годы	Доля 1899 = 100	Годы	Доля 1899 = 100
1899	100	1912	59
1900	99	1913	61
1901	89	1914	63
1902	93	1915	57
1903	81	1916	49
1904	82	1917	46
1905	72	1918	49
1906	67	1919	50
1907	67	1920	48
1908	80	1921	67
1909	68	1922	52
1910	66	1923	46
1911	67	1924	49

Мы видим, что, хотя зарплата в общем поднялась, но относительная доля рабочего в общественном продукте уменьшается, именно—за 25-летие более чем вдвое. По другим источникам вычислено, что средний американский рабочий производил в 1925 г. за каждый доллар, полученный им в виде заработной платы, на 15% больше ценностей, чем в 1914 году [3]).

Американская буржуазия мечтает создать регулируемое общество на капиталистической основе. В экономической области используются последние достижения науки, чтобы обеспечить бескризисное существование капитализма. Социальная же политика направлена к тому, чтобы приковать пролетариат к капиталистической машине и сохранить классовый мир. Развитие аме-

[1]) Стюарт Чэз, «Трагедия расточительства», Госуд. Технич. Издат. 1926 г., 135 стр.

[2]) «Finanzpolitische Korrespondenz», 1926 г. 4 сент.

[3]) L. Olds—Движение зар. платы в С. Штатах—Американская торговля и промышленность. Изд. Акц. О-ва Амторг, сентябрь 1926 г.

риканской экономики с ее резкими зигзагами показывает все бессилие буржуазии в деле обуздания капиталистической стихии. Еще труднее ее задача в области регулирования классовых отношений. Всякий успех в этой сфере может быть только временным, ибо увековечивается капиталистическое производство, в области же распределения, как это видно из вышеприведенных данных о норме эксплоатации, неравенство сохраняется в полной мере. Капиталистические противоречия не могут не прорваться, как об этом красноречиво говорят последние события в Англии. Медовые месяцы американского капитализма приближаются к концу, и вместе с этим все труднее будет осуществление политики классового лавирования и обмана.

А. Ивин.

Китайская проблема.

I.

Для того, чтобы разобраться в чрезвычайно сложном клубке китайских событий, уяснить себе причины, тенденции и характер развертывающейся китайской революции, требуется помимо знакомства с экономической и политической структурой сегодняшнего Китая иметь некоторое представление о китайской истории, в частности о великих народных движениях, которыми так богата эта история. Вот почему, прежде чем переходить к оценке современного момента, мы считаем необходимым привести здесь тот минимум исторических фактов, который даст нам возможность с большей уверенностью подойти к анализу фактов современности. Если взять историю Китая за последние две с лишним тысячи лет, т.-е. за период, характеризуемый господством режима частной собственности на землю, режима свободной продажи и покупки земельных участков, то из громадной серии великих народных движений, имевших место за этот период, наиболее значительными и в то же время наиболее характерными нужно признать: восстания Красных Бровей, Желтых Тюрбанов, Хуан-Чао, восстание Белого Логоса, в конце Юаньской или Монгольской династии, Ли-Цзы-Чэна и Чан-Хьен-Чуна, опрокинувшее минскую династию и, наконец, отчасти восстание Тайпинов.

Чем были вызваны все эти восстания и революции? Уже в начале рассматриваемого нами периода Китай является сравнительно густо населенной страной. Действительно по переписи имевшей место в 156 г. до нашей эры, в Китае насчитывалось 16.070.906 семейств, с 50.066.856 душами—цифры, которые приходится считать скорее преуменьшенными, так как это преуменьшение было, принимая во внимание, что перепись велась в фискальных целях, в интересах как самого населения, так и местных властей. Во-вторых, за весь этот период Китай представлял собою как бы особый изолированный мир, окруженный лишь отсталыми народностями и варварскими племенами, из которых некоторую опасность представляли лишь северные кочевники, т.-е. юе-чи, гунны и всякого рода монгольские племена. Говорим: некоторую опасность, ибо, благодаря громадности своей территории и своего населения, благодаря своей экономической мощи, несравненному превосходству своей материальной и духовной культуры над всеми окружающими народами по существу ни одного серьезного врага, по крайней мере, до 2-й половины прошлого столетия у Китая не было. Если же Китай, в особенности Северный, был неоднократно завоеван кочевниками, то причины таких завоеваний кроются, как мы увидим в дальнейшем, не столько вне, сколько внутри самого Китая.

Уже à priori, исходя лишь из факта существования в начале описываемого нами периода (т.-е. накануне великой крестьянской жакерии, именуемой восстанием Красных Бровей) в громадной изолированной сравнительно густо населенной земледельческой стране режима частной собственности при свободной продаже и покупке земли, можно сказать, какие неизбежные процессы должны были породить уже упомянутую нами жакерию. Эти процессы—концентрация земельной собственности, развитие торгового капитала, обезземеление значительных масс крестьянства, рост деклассированных элементов, обострение противоречий интересов между арендаторами и землевладельцами.

«У бедняков нет ни вершка земли, тогда как богачи захватили колоссальные поместья, монополизировали реки, озера, горы и леса. Ведя безнравственный образ жизни, они не считаются ни с какими правилами и лишь соперничают друг с другом в роскоши. В округах они почитаются, как монархи, и даже в селах и деревнях они зачастую не уступают по своему богатству герцогам и маркизам. Простой народ угнетен, и ему приходится обрабатывать землю богатых, платя за это половину урожая. И вот бедняки носят одежду, унизительную для человеческого достоинства, и питаются пищей собак и свиней». Так характеризовал положение крестьянства китайский ученый и философ Тун-Чун-Шу, живший в период первой Ханьской династии (202 до начала по 8-й год после начала нашей эры),—период, закончившийся восстанием Красных Бровей. Если верить китайской истории, это восстание, которое смело сотни городов и нанесло смертельный удар режиму латифундий и вообще более или менее крупному землевладению, стоило Китаю неимоверных жертв. По переписи, относящейся ко второму году нашей эры, то-есть незадолго до восстания, в Китае насчитывалось 12.233.062 сем., или 59.594.978 чел., по переписи же, произведенной в конце царствования первого императора Восточной Ханьской династии, а именно в 57 г., в Китае оказывается всего лишь 4.271.634 семьи или 21.007.820 душ. Империя, однако, быстро оправляется, и уже в 75 г. население ее достигает 34.125.021 чел., в 88 г.—43.356.367 чел. и в 105 г.—53.256.229 чел. Стремительно развивается торговля и ремесла, растут города, растет значение и богатство буржуазии. А вместе с тем ускоренным темпом развивается новый процесс концентрации земельной собственности. Знаменитый ученый конца II столетия Чун-Тун-Фу жалуется на то, что «влиятельные люди и торговцы» сделались чрезвычайно богатыми и могущественными. «Они,—пишет он,—имеют свои склады и резиденции во всех провинциях и округах, а их колоссальные земельные владения по своим размерам не уступают зачастую целому княжеству. Благодаря своим богатствам и подкупам они позволяют себе все, что угодно, и не несут наказаний даже в случае совершения ими тяжких преступлений. Целый штат убийц и головорезов состоит у них на службе. В то же самое время слабые и маломощные живут в невыносимых условиях, а в случае смерти остаются без погребения».

«В древности,—говорит современник Чун-Тун-Фу известный китайский историк и моралист Сюн-Юе, — поземельный налог равнялся 0,1 урожая, что считалось весьма справедливым. В настоящее время Ханьская династия (дело идет о второй Ханьской династии 25—220 г. *А. И.*) взимает 0,01, т.-е., можно сказать, совсем незначительную часть. Однако, богатые и сильные захватили непомерное количество земли и сами взимают с нее налоги (в виде арендной платы. *А. И.*) в размере, большем половины ее доходности. Благодеяния правительства не доходят до народа, а его мощь и престиж захвачены богатыми. Император Вэнь-Ти не исправил основы зла, а старался лишь уменьшить во что бы то ни стало поземельный налог, но действовать так, это значит лишь играть на руку богатым и сильным, ибо «в руках богатых и сильных находится в настоящее время земля. Внезапная конфискация ее вызвала бы их ненависть, а это породило бы смуты, опасные для существующего строя».

Таким образом, показания обоих современников ясно говорят, что и в конце Восточной Ханьской династии, накануне новой великой, народн. революции, подобно тому, как двести лет назад накануне восстания «Красных Бровей», концентрация земельных владений в руках «богатых и сильных», обезземеление крестьянства, превращение мелких собственников в арендаторов вновь достигли колоссальных размеров. В то же время, не говоря уже о вынужденной борьбе с кочевниками, частые военные экспедиции, организуемые династией, которая вела великодержавную захватническую политику, как и безумная роскошь двора, требовали колоссальных средств. А между тем все растущее налоговое бремя ложилось своей тяжестью, главным образом, на плечи и без того все более и более разоряемого крестьянства и арендаторов. Действительно, всю массу налогов, взимаемых в то время правительством с населения, можно подразделить на поземельный, подушный и военный. И вот, поземельный налог, в интересах «богатых и сильных», захвативших значительную часть обрабатываемой площади, все время понижается, тогда как подушный и военный налоги, взыскиваемые пропорционально количеству душ, а не владеемой земли, все время увеличивается. Если прибавить ко всему этому самоуправство подкупного чиновничества, находящегося в услужении «богатых и сильных», чье могущество к тому времени настолько возросло, что сильно задевать их интересы считается, как мы видели, не безопасным даже для царствующей династии, то не трудно будет себе представить тот гнет, который испытывало крестьянство, а главное мелкие арендаторы, не трудно будет понять причины, вызывавшие необычайное скопление деклассированных элементов в городах, необычайное развитие бандитизма и, наконец, новую колоссальную жакерию, известную под именем восстания Желтых Тюрбанов. Эта жакерия, начавшаяся в 80-х годах II столетия, длилась около двадцати лет и была ликвидирована лишь в начале III столетия, однако, вместе с ней оказалось ликвидированным и крупное землевладение, о чем свидетельствует хотя бы следующий документ: «Ранее было невозможно восстановить колодезную систему (особую «идеальную» систему уравнительного землепользования, которая якобы существовала в древности),—пишет некий Сы-Ма-Лан в начале описываемого нами столетия,—потому что земля принадлежала собственникам, владевшим ею в течение нескольких поколений. Внезапная конфискация ее правительством была бы делом чрезвычайно трудным. Но теперь, после долгого периода смуты, весь народ рассеялся, земля осталась без хозяев и перешла в распо-

ряжение государства. Мы должны воспользоваться этим обстоятельством и восстановить колодезную систему». Таким образом, и на этот раз, подобно тому, как в начале нашей эры в результате восстания Красных Бровей вопрос о взаимоотношениях между арендаторами и землевладельцами вновь был разрешен и, пожалуй, еще более «радикальным» образом, чем два столетия назад. По переписи, произведенной в период «наивысшего расцвета второй Ханьской династии, а именно в 157 г., население империи превышало 10 милл. семей, тогда как в период борьбы Трех Королевств (220—280), на которые разбилась до того единая китайская империя, не превышало, так, по крайней мере, утверждает китайская история, 1.200.000 семей и лишь при Цзиньской династии (265—317; 317—420), вновь на короткое время об'единившей страну, достигло, как это показывает перепись 280 г., 2.459.840 сем., или 16.163.863 чел. Колоссальное уменьшение населения, при необычайно возросшей площади пустующих земель, обусловили первую (если не считать попытку Ван-Мана, накануне восстания Красных Бровей) серьезную попытку «восстановления» системы уравнительного, и в то же время принудительного, землепользования. К сожалению, нет никаких данных относительно того, насколько широко эта система была проведена в жизнь и сколько времени она функционировала. Во всяком случае она не была долговечной. Уже в 311 году Лиу-Цун, вождь гуннского королевства Хань, берет приступом и предает разграблению Лоян. Столица переносится в Чан-Ан (Сианьфу, Шэньсийской провинции), но и последнюю постигает та же участь, что и Лоян. Открывается период непрерывных набегов северных кочевников, которых ослабевший Китай уже не в состоянии сдерживать. Лишь в VI столетии Китай, ассимилировав все чуждые ему народности, захватившие бассейн Хуан-Хо, вновь об'единяется династией Суй (589—620), предшествующей Танам (620—907), «вернувших империи ее былые блеск и величие». При Танской династии, несмотря на то, что, идя по стопам уже упомянутой Цзиньской династии и «варварских» северных королевств в роде Вэйского, пыталась применять систему уравнительного землепользования, процесс концентрации земельной собственности идет своим порядком и ко второй половине царствования этой династии принимает такие размеры, которые, по свидетельству современников, ничуть не уступают концентрации, имевшей место при династии Хань. Неудивительно, если вторая половина Танского периода наполнена «непрекращающейся смутой», и если в конце концов Танская империя подобно Ханьской получает смертельный удар от очередной гигантской жакерии знаменитого восстания Хуан-Чао. Мы не можем здесь останавливаться на сравнительно мало интересном периоде т. н. 5 династий (907—960), ни на периоде Сунской династии (960—1280), отмеченной реформаторской деятельностью знаменитого государственного деятеля китайского «социалиста» Вань-Ань-Ши. Скажем только, что если в середине этого периода Северный Китай подпал под господство Журженей, основавших известное королевство Цин, а в конце, первый раз в истории, весь Китай целиком очутился под властью монголов, основавших Юаньскую династию (1280—1361), то причины этого кроются в необычайно остром кризисе китайского земледелия, об'ясняемом невыносимым положением широких масс крестьянства, разоряемых арендой и государственными налогами до такой степени, что они, истощив свои участки земли, вынуждены были бросать их, в результате чего все более и более значительная площадь ранее обрабатываемой земли приходила в запустение. «Земля в окрестностях столицы, говорится в одном из «всеподданнейших докладов», насчитывает несколько тысяч кв. «ли» (ли=около ½ версты) посевной площади. Однако, в настоящее время лишь 20—30% этой площади возделано; при чем не более 50—60% крестьянских дворов смогли уплатить аренду и налоги. Одни семьи распались, другие забрасывают земледелие. Достаточно крестьянской семье утром запахать один фут земли, чтобы в тот же день вечером быть занесенной в налоговой реестр. Даже в том случае, когда правительство освобождает ее от поземельного налога, ей приходится платить всякого рода чрезвычайные налоги, общая сумма которых превышает обычный налог». Мы не имеем точных цифр, указывающих, каких размеров достиг в описываемую эпоху процесс концентрации земельной собственности и обезземеления крестьянства, тем не менее кое-какие данные все же имеются. «Семьи, округляющие свои участки, говорится в анналах Сунской династии, всегда занимали значительные земельные пространства, тогда как бедняцкие и маломощные семьи — лишь жалкие клочки». Необходимо также принять во внимание, что, по утверждению некоторых, к концу Сунской династии не менее 1/7 площади обрабатываемой земли принадлежало государству, которое сдавало ее крестьянству на арендных началах.

Юаньская или монгольская династия (1260—1380), пришедшая на смену Сунской, была, как известно, сброшена национальной революцией, в которой весьма видную роль играло знаменитое Общество Белого Лотоса. При внимательном изучении этой революции нельзя, однако, не заметить, что главными основными причинами ее явились не столько постоянно уязвляемое национальное чувство всех слоев китайского общества (привилегированное положение монголов, запрещение китайцам читать и писать по-монгольски; конфискация у китайцев оружия и лошадей; запрещение китайцам носить одежду известных цветов и некоторые эмблемы и т. д.), сколько опять же экономический и политический гнет, испытываемый основным классом страны—крестьянством, и это, несмотря на похвалы, расточаемые официальной историей «мудрой и благодетельной политике Юаньской династии», благодаря которой «каждый сыт и ни одна семья не терпит недостатка»! Многочисленные налоги и поборы, обусловленные военными экспедициями, жестокость и злоупотребление сборщиков налогов, жалобы на самоуправство которых несутся со всех сторон, насильственный захват монгольской знатью и ламаистским духовенством крестьянских земель, зачастую обращаемых в пастбища, на ряду с этим, очередная концентрация земельной собственности, идущая параллельно с развитием торгового капитала, наконец, невыносимое положение быстро увеличивавшегося класса крестьян-арендаторов,—вот, повидимому, те основные причины, которые к концу юаньского периода вызвали целый ряд восстаний, закончившихся свержением монгольского ига.

Первыми восстали провинции бассейна Ян-Цзы и Западной реки, т. е. провинции южного Китая. Некоторые об'ясняют это тем, что к тому времени уже «в течение десяти столетий

Северный Китай столько раз находился под господством кочевников, что характер его значительно изменился. Наоборот, провинции центрального и Южного Китая узнали иностранное иго лишь во время монгольского завоевания, и потому китайский патриотизм там был еще живуч. Хотя и населенные в древности чуждыми китайцам туземцами, они уже давно стали истинным Китаем, Китаем китайским, противостоящим татарскому, т.-е. Северному Китаю, Китаем торговым и демократическим, противостоящим милитаристскому феодальному Китаю Севера; наконец, Китаем интеллектуальным с его великими художниками и учеными, с его бесчисленными школами, сектами и ассоциациями, Китаем, который не мог мириться с абсолютизмом Пекина. Контраст между Северным Китаем (Cathay) и Южным (Manzi), отмеченный еще Марко Поло, стал к концу юаньской династии еще более разительным. В средине XIV ст. крупные агломерации среднего течения Ян-Цзы—порты нынешних провинций Чжецзян, Фуцзян и Гуандун—жили интенсивной провинциальной жизнью, которую не в состоянии была ослабить даже монгольская централизация. Отсюда и началась та революция, которая изгнала монголов из цветущего королевства». Во всем этом заключена, разумеется, не малая доля истины, однако, одним только этим не об'яснить грандиозного размаха повстанческого движения именно в Южном Китае. Об'яснение здесь, думаем мы, нужно опять же искать в особо бедственном положении крестьянства южных провинций в частности крестьян-арендаторов. Об этом положении можно судить уже по тому, что сама царствующая династия была вынуждена издавать такого рода указы:

«В провинциях, лежащих к югу от Ян-Цзы (Цзянсу, Аньхой) арендаторы, работающие на полях землевладельцев, платят неимоверно высокую арендную плату. В результате они обречены на бедность и истощение. Отныне повсеместно и навсегда арендная плата должна быть понижена на 20%».—Нужно ли прибавлять, что этот как и подобные ему указы, вряд ли улучшали положение крестьянства в «провинциях, лежащих на юг от Ян-Цзы».

Но вот в результате революции на место Юаньской, иноземной династии появляется китайская национальная династия Мин, основанная крестьянским вождем знаменитым Чу-Юан-Чаном. Как известно, на протяжении трех столетий существования последующей маньчжурской династии (1644—1911) лозунг: «Долой Цзинскую (маньчжурскую) династию, да здравствует династия Мин!»—стал боевым лозунгом целого ряда народных тайных революционных обществ. И, однако, эти столь идеализированные Мины по существу пали не в результате нашествия маньчжуров, но опять же в результате великой крестьянской жакерии, возглавляемой Ли-Цзы-Чэном, Чан-Хьен-Чуном и др.

«Правительство,—говорится в одной китайской работе, посвященной экономике минского периода,—обращалось с народом, как с вьючным животным, и народ страдал и роптал. Повсюду поднялись бунты и восстания. Во всех четырех сторонах вселенной (т.-е. Китая) не мало было людей, обративших сельскохозяйственные орудия в оружие. Так продолжалось вплоть до императора Си-Цуна, когда окончательно пала Минская династия».

Какие же основные причины обусловили на этот раз крестьянскую жакерию? Эти причины все те же, что и в предидущих революциях, а именно: концентрация земельной собственности, обезземеление крестьянства, непосильные налоги.

Как обстояло дело в самом начале Минской династии? По свидетельству знаменитого китайского ученого Ку-Тин-Лина, «После больших смут конца Юаньской династии с воцарением династии Мин в Хэнане и Шандуне, имелась громадная площадь пустующих земель... Не мало свободных земель имелось и в других провинциях, вот почему известный ученый Фын-Сяо-Ю предложил восстановить колодезную систему».

Однако, спустя каких-нибудь 20 лет уже начинают раздаваться жалобы на то, что «в настоящее время нет, вероятно, места, где бы не было могущественных землевладельцев, «пожирающих» крестьянские земли».

В одном из «всеподданнейших» докладов мы читаем: «Начиная с периода Хуан-У, даже резервуары и пруды захватываются многочисленными семьями и могущественными людьми. Одни из них используют эти пруды для разведения рыб, тогда как другие осушают их и превращают в свои частные поля. В настоящее время это явление особенно распространено на юге». В другом докладе говорится, что в провинции Цзянсу число «крупных землевладельцев с каждым днем все увеличивается, тогда как число земледельцев, собственным трудом обрабатывающих землю, с каждым днем все уменьшается». Наконец, в более поздних документах указывается, что вышеописанное явление наблюдается не в одном только Цзянсу.

В связи с очередной концентрацией земельной собственности вновь, как и в предыдущие периоды, начинают раздаваться требования ограничения размеров земельных владений, но и теперь эти требования остаются, разумеется, безрезультатными. Более того, начиная с царствования императора Ин-Чуна, стремительно растут так наз. «Императорские фермы», в росте которых сами китайские историки видят одну из главных причин падения «национальной династии» Мин. «Со времени императора Ин-Чуна, примеру которого последовал император Сьен-Чун, императорские фермы стали расти с каждым днем. При Сяо-Чуне в столичном районе их имелось пять, с общим количеством земли в 1.280.000 «му», кроме того, 332 фермы, пожалованные высшим чиновникам и фаворитам, насчитывали 3.310.000 «му». С восшествием на престол императора У-Чуна положение еще более ухудшается. В одном столичном районе императорских ферм оказывается уже более 300. Кроме того, императорские фермы, принадлежащие различным князьям, имеются по всей империи. Некоторые князья, как, например, князь Хуай владеет фермами, имеющими более 700.000 «му». То же самое мы видим и у дворцовых фаворитов, как Шэн-Чуан, У-Ан, Чжоу-Су, Ку-Ен и др. Некоторые земли они получили от императора, другие же силой отняли у населения. В период царствования императора Сун-Чуна 4 миллиона «му» земли должно было быть забрано в провинциях Хэнань, Шаньдун, Хубэй и Хунань в подарок любимому сыну императора принцу Фу.

«При императоре Си-Чуане положение стало невыносимым. Дворцовые фавориты забрали большую власть, а правительство

легко раздавало земли принцам, князьям и т. д. Некоторые принцы и принцессы владели зачастую не менее, чем миллионом «му». Народные массы впали в ярость и отчаяние».

Прибавьте ко всему этому налоговой пресс, который к концу Минского периода был особенно сильно завинчен в виде всевозможных чрезвычайных налогов, из которых наиболее печальной известностью пользовались т. н. Ляодунский налог, взимаемый для борьбы с маньчжурами, «военный налог» для вербовки новых солдат и, наконец, налог в целях изыскания средств, необходимых для подавления все растущих волнений и бунтов. Тогда как одни китайские ученые видят, как мы уже упоминали, главную причину падения Минской династии в необычайном росте императорских ферм, другие видят ее в вышеуказанных налогах.

Не претендуя на основании немногочисленных фактов, которые мы приводим в нашем чрезвычайно беглом очерке китайских народных движений,—строить «философию китайской истории», мы тем не менее считаем возможным утверждать, что на протяжении последних двух тысяч лет аграрный вопрос являлся основным вопросом китайской истории, что к началу нашей эры, Китай за двести с лишним, предшествовавших восстанию Красных Бровей лет, уже свершил ту эволюцию, которая в дальнейшем будет воспроизведена неоднократно, хотя, разумеется, с неизбежными поправками и и коррективами, однако, поправками и коррективами в общем, несмотря на свою значительность, не меняющими безотрадной картины кружения в каком-то «заколдованном кругу».

Очередная более или менее значительная концентрация земельной собственности, сопровождаемая очередным ростом торгового капитала, очередное обезземеление значительных масс крестьянства, очередной рост деклассированных элементов, очередное обострение противоречий между арендаторами и землевладельцами, очередное завинчивание налогового пресса, тяжесть которого каждый раз усугубляется самоуправством и злоупотреблениями бюрократии и чиновничества, всегда тесно связанных с землевладением и торговым капиталом, а в результате всего этого очередная крестьянская жакерия, ожесточенная социальная война с очередными стихийными бедствиями, губительный эффект которых в такие периоды удесятеряется, порождая голод, мор и запустение. Преданные огню и мечу, гибнут сотни цветущих городов, ликвидируются латифундии и вообще более или менее крупные поместья, в ужасающих размерах уменьшается само население. «Заколдованный круг» замыкается. Начинается новая эволюция, чтобы завершиться новой жакерией, а то и новым набегом какого-либо воинственного народа, кочующего за Великой стеной и жадно поджидающего удобного случая, чтобы лавиной ринуться в пределы сказочно заманчивой империи и там по прошествии более или менее долгого времени или ассимилироваться или же быть выброшенным за ту же Великую стену.

Повторяем это не «философия китайской истории», для каковой современное состояние синологии еще не дает достаточных данных, это лишь рабочая схема, позволяющая суммировать громадный поток сложных исторических фактов. Китайская история за последние две тысячи лет не есть, конечно, сказка о белом бычке, но медленно поднимающаяся спираль, однако, настолько медленно, что на первый взгляд производит, как мы уже сказали, впечатление «заколдованного круга».

Наш краткий обзор китайских народных движений заканчивается восстанием Ли-Цзы-Чэна и Чан-Хьен-Чуна. Это восстание, как и довольно длительный процесс последовавшего затем завоевания маньчжурами Китая, стоило последнему больше половины населения. Лишь в 33 году царствования императора Кан-Си, т.-е. около 50 лет спустя, после воцарения маньчжуров, мы читаем, что «весь бродячий народ со всех четырех концов света постепенно вернулся на свои родные места». Лишь в 1736 году население империи достигло шестидесяти миллионов человек, т.-е. сравнялось с количеством населения, каким располагал Китай в конце Минской династии. Но уже в 1753 г. китайская статистика показывает около 100 млн., а в 1792 г.—около 300 млн. жителей. Вместе с поднятием экономического благосостояния страны и параллельным стремительным увеличением населения, стремительно развиваются и все те процессы концентрации земельной собственности, роста класса крестьян-арендаторов и т. п., которые мы наблюдали уже не раз при предшествующих династиях. Остротой этих процессов и об'ясняется, разумеется, в значительной мере длинная серия больших и малых восстаний, которыми наполнена история маньчжурской династии, как и величайшее из этих восстаний—восстание Тайпинов (1851—1865). Как ни интересно Тайпинское движение, здесь мы на нем останавливаться не можем. Отметим лишь, что в целом ряде провинций, оно, подобно предшествующим движениям, почти ликвидировало более или менее крупные земельные поместья. Движение Тайпинов было, повторяем, величайшим народным движением периода господства маньчжурской династии. Ни боксерское движение, ни сама так наз. первая революция (1911 г.), революция, «свергнувшая самодержавие и учредившая республику», не могут итти в сравнение с Тайпинским восстанием. Несмотря на довольно значительную роль, которую играли в революции 1911 г. народные тайные революционные общества, особенно общ. Старших Братьев, эта национальная революция носит скорее характер какого-то грандиозного пронунциаменто. Аграрный вопрос ею не только не был решен, но по существу не был даже и поставлен. Со времени этой революции прошло пятнадцать богатых событиями лет, и то, что совершается в настоящее время в четырехсотмиллионном крестьянском Китае, можно охарактеризовать прежде всего как процесс стремительного назревания очередной аграрной революции.

Рост торгового капитала. О нем говорят гигантские цифры китайского ввоза и вывоза неуклонно растущие вопреки т. н. «гражданским войнам», которыми заполнена история этих пятнадцати лет. В настоящий момент значительная часть более или менее крупного землевладения в Китае уже находится в руках цо-май-май-ди, т.-е. торговцев.

Концентрация земельной собственности. Даже официальная статистика указывает, что еще в 1918 году менее

3 млн. землевладельцев имело в своих руках несравненно большую площадь земли, чем 31 млн. беднящких и маломощных крестьянских семей. Конечно, на данные китайской официальной статистики особенно полагаться не приходится, однако, все частичные сведения о положении дел в различных уездах различных провинций свидетельствуют скорее о том, что процесс концентрации зашел в настоящий момент много дальше, чем показывают вышеприведенные цифры.

Рост класса крестьян-арендаторов. Та же официальная статистика отмечает, что уже в 1918 году количество арендаторов составляло около 50% китайской деревни. Что касается обострения противоречий интересов между арендаторами, полуарендаторами и землевладельцами, то это обострение находится в прямой зависимости от роста китайского вывоза, от стремительного вздорожания сельскохозяйственных продуктов и увеличения площади, отводимой под культуру табака, хлопчатника и других высокодоходных злаков.

Тяжесть налогового пресса. В большинстве провинций, благодаря непрекращающимся войнам, колоссальному росту китайских армий налоговый гнет достиг неслыханных еще размеров, при чем этот гнет сказывается как в том, что обычный поземельный налог собирается во многих местах за несколько лет вперед, так и в том, что всякого рода чрезвычайные налоги под всевозможными наименованиями выросли до предела. Более того, в ряде провинций милитаристами введена принудительная культура опиума, налоги сборы и доходы с которого составляют иногда одну из главных, а то и главную статью их бюджета.

«Опиум, читаем мы в одной из корреспонденций, относящейся к концу прошлого года, является в настоящее время главным продуктом Шэньси. Это об'ясняется как экономическими, так и политическими причинами. Опиум, в отличие от пшеницы, легко транспортировать... Необычайная доходность макосеяния позволяет милитаристам брать с макового поля непропорционально высокий налог. Во многих местах макосеяние является принудительным, благодаря тому, что крестьянину приходится платить вышеуказанный налог даже в том случае, если он сеет пшеницу. В одной долине р. Вэй, т.-е. в 30 уездах (из 96 насчитывающихся во всей провинции) опиумный налог дал в 1924 г. 15 млн. мексиканских долларов... Лишь опиумный налог дает возможность враждующим милитаристским группам провинции содержать их многочисленные армии».

В другом конце Китая, а именно в провинции Фуцзянь дело обстоит не лучше. «Фактически,—отмечалось в «Китайском Ежегоднике» еще от 1924 г.—во всей провинции введена принудительная культура опиума. Семидесятитысячная армия, командуемая пятью генералами, а также весь военный флот содержатся, главным образом, за счет опиума». С тех пор положение нисколько не улучшилось; наоборот, под предлогом покрытия военных расходов,—сообщалось в целом ряде местных корреспонденций, от конца прошлого года—повсюду введено принудительное макосеяние. В результате поля, занятые прежде под культуру пшеницы, сахарного тростника и табака, засеяны теперь маком, что позволяет милитаристам необычайно повышать поземельный налог.

Возьмем, наконец, Сычуань.

«Мелкие собственники, крестьяне и арендаторы,—жалуется один уроженец Сычуаня,—помимо уплаты обычных и всякого рода чрезвычайных податей, вынуждаются милитаристами заниматься культурой опиума, что является полным разорением. Поля, засеянные маком, облагаются такими высокими налогами, что крестьянину, несмотря на высокодоходность макосеяния, почти ничего не остается. А между тем ему приходится теперь покупать рис для удовлетворения потребностей своей семьи, а арендатору и для взноса обычной арендной платы. Масса арендаторов оказывается несостоятельными, сгоняются с земли, а их денежные залоги удерживаются землевладельцами. Неудивительно, если недовольство быстро растет, и общее положение в Сычуане становится все более и более тревожным». Мы так долго остановились на гнете, испытываемом крестьянством в целом ряде провинций от введения милитаристами принудительной культуры опиума, главным образом потому, что эта форма гнета еще не была достаточно освещена на страницах нашей печати.

Нам остается теперь коснуться роста деклассированных элементов. Этот рост, об'ясняемый главным образом, обезземелением широких масс крестьянства, принял колоссальные размеры, о чем свидетельствует грандиозная волна бандитизма, заливающая почти все провинции от Маньчжурии до Гуандуна, от Сычуаня до Фуцзяня. Китайский бандитизм, стремительно увеличивающийся с каждым годом, стал за последнее время как бы неот'емлемой частью китайской военной и политической жизни. В специальной работе, вышедшей на китайском языке еще года полтора назад, был приведен довольно внушительный, хотя и далеко не полный список, перечислявший все известные бандитские шайки, численностью от несколько сот до нескольких тысяч человек, оперировавших в различных провинциях, с указанием как районов операций, так и главарей этих шаек. Согласно этому списку, в Шаньдуне насчитывалось 47 более или менее крупных бандитских отрядов, в Цзянсу—15, в Хэнане—52 и т. д. С тех пор количество этих шаек и отрядов почти во всех провинциях без исключения значительно возросло. Мы могли бы здесь привести сколько угодно примеров того, как разбойничьими отрядами захватываются, несмотря на их крепкие стены, уездные города, а богатые и зажиточные семьи целых районов облагаются этими отрядами регулярной данью.

Помимо беспримерного развития бандитизма, необычайный рост деклассированных элементов сказывается отчасти и в самом росте китайских армий, тем более, что зачастую между армиями многих милитаристов и бандитскими отрядами бывает весьма трудно провести демаркационную линию. Разгромленные бригады и дивизии превращаются в разбойничьи шайки, и, наоборот, разбойничьи шайки, достигнув более или менее значительных размеров, сплошь и рядом переименовываются в полки, бригады и дивизии и вливаются в армию.

Наконец, как накануне всех предыдущих великих крестьянских восстаний и революций, активность широких масс крестьянства необычайно повысилась. Дело теперь, как мы уже имели случай писать, идет не о простом недовольстве, не о глухом брожении там, где-то «в глубинах», но об открытых

бунтах и восстаниях, для подавления которых милитаристам приходится иногда пускать в ход целые дивизии с пушками, пулеметами и бронепоездами. Знаменитое движение Красных Пик, хотя и направлено прежде всего на борьбу против милитаризма, против непосильного фискального гнета, самоуправства военщины и бандитизма, тем не менее, по мере своего роста и углубления, настолько затрагивает интересы всех «именитых людей», что последние до создания своих крепких миньтуанов (отрядов милиции, являющихся орудием классового господства джентри и вообще более или менее крупных землевладельцев над китайской деревней) готовы устраивать овации любому генералу и слезно молить его о присылке отрядов. Тенденция крестьянского движения в сторону заострения борьбы не только против милитаристов, но и против всех эксплоататоров китайской деревни: кулаков, джентри и землевладельцев, является фактом, который вряд ли приходится оспаривать. Таким образом, все внешние признаки неопровержимо свидетельствуют о том, что в Китае в настоящее время стремительно завершается процесс назревания очередной крестьянской революции, китайское крестьянство стоит накануне новой попытки решения вновь чрезвычайно обострившегося аграрного вопроса.

При десятках миллионов семей арендаторов и полуарендаторов, т.-е. основной массы безземельного и малоземельного крестьянства, при необычайной густоте населения, превышающего в собственном Китае по своей плотности Соединенные Штаты, по крайней мере, в восемь раз, решить аграрный вопрос путем политики переселения в окраинные области и провинции представляется, по крайней мере, на обозримое нами время делом невозможным. Решение аграрного вопроса, хотя, разумеется, только временное, возможно или путем катастрофического уменьшения населения, что, как мы видели, имело место уже не раз на протяжении китайской истории, или же путем экспроприации землевладельцев, эксплоатирующих свои земельные участки путем сдачи их в аренду, экспроприации, сводящейся фактически к отказу арендаторов вносить арендную плату. Такова дилемма. Никакого третьего выхода из положения не имеется, ибо, если бы даже теперешний чрезвычайно медленный темп индустриализации Китая ускорился в несколько раз, то и в таком случае китайский промышленный город был бы не в состоянии поглотить грандиозную армию, вытесняемых из земледелия элементов. Все это вместе взятое лишь подтверждает, повторяем, неизбежность очередной крестьянской революции. Однако, обстоятельства, при которых назревает эта революция, радикально отличаются от обстоятельств, в которых происходили предыдущие революции, отличаются в том отношении, что в настоящий момент Китай окончательно и бесповоротно втянут в орбиту мирового хозяйства. Не в пример прошлым столетиям, когда Китай считал себя вселенной, включающей все цивилизованное человечество, окруженное лишь отсталыми полуварварскими народностями и племенами кочевников, теперь он, благодаря гигантскому прогрессу европейско-американской техники, победившей само расстояние, видит себя окруженным страшным, внезапно выросшим на его глазах, чудовищем, именуемым империалистическим миром, чьи пароходы снуют по его великим водным артериям, чьи железнодорожные пути, как гигантские щупальцы, уже проникли в самое сердце страны, чьи агенты хозяйничают в его столице и в десятках открытых портов, чьи миссионерские учреждения покрыли все провинции, а главное, чьи силой навязанные договоры автоматически превращают гордый своей великой земледельческой культурой народ в «вола и лошадь» европейско-американского капитализма.

И вот процесс стремительного назревания очередной аграрной революции переплетается с процессом не менее стремительного назревания революции национальной. Одновременное развитие двух этих процессов и составляет основное содержание, как и необычайную сложность и противоречия все сильнее и сильнее разгорающейся в Китае борьбы.

До последнего времени внимание нашей печати было приковано, главным образом, к событиям, непосредственно связанным с развитием второго процесса, т.-е. с национально-революционной борьбой, ведомой под лозунгом борьбы «с империализмом и его приспешниками—китайскими милитаристами». Первому процессу уделялось сравнительно мало места, хотя в такой архикрестьянской стране, как Китай, он есть база всякого широкого народного движения. Вот почему в настоящей статье мы прежде всего сочли необходимым подчеркнуть именно первый процесс. Теперь же перейдем к национально-революционной борьбе, главным фокусом которой является сейчас кантонская северная экспедиция.

Несмотря на некоторую заминку в течение предыдущих недель, достижения кантонской северной экспедиции, успеху которой еще совсем недавно мало кто верил, без сомнения превзошли даже самые смелые надежды ее инициаторов. Занят Хунань, занят Хубэй с Ханьяном, Ханькоу и Учаном, разгромлен У-Пей-Фу, кантонские войска уже давно вошли в провинцию Цзянси, один из «домэнов» Сун-Чуан-Фана, чье выступление должно было, как казалось многим, стать катастрофическим для Кантона; в то же время попытка фуцзяньского дубаня Чоу-Ин-Жэня вторгнуться в пределы гуандунской провинции потерпела полное фиаско. Если прибавить ко всему этому события в Шэньси, движение Красных Пик в Хэнане и других провинциях, наконец, последние вести о положении дел первой народной армии, значительная часть которой пока все еще находится в Баотоу, конечном пункте Суйюаньской жел. дороги, отстоящем от Пекина на расстоянии всего лишь одних суток—то нельзя будет не согласиться, что и в настоящее время события развиваются довольно благоприятно для национально-революционных сил. Успехи кантонской северной экспедиции можно, в известной мере, сравнить лишь с успехами революционного движения 1911 года. И теперь, как в 1911 году, одна провинция за другой переходит на сторону национальной революции. Не только Южный Китай, не только значительная часть бассейна Ян-Цзы, но и значительная часть бассейна Желтой реки об'единяются вокруг революционного Кантона. Кантон во главе с гоминдановским правительством уже противостоит Пекину Чжан-Цзо-Лина, как когда-то Нанкин с правительством, руководимым по существу предтечей Гоминдана—революционным обществом Тун-Мэн-Хуэй, противостоял правительству Юань-Ши-Кая. И теперь, как 15 лет назад, на очередь дня выдвигается

дилемма: беспощадная война революции с реакцией или же— «временный компромисс». Однако, несмотря на известное сходство есть и весьма существенные различия в обстановке нынешнего движения и движения 1911 г. За 15 лет, что прошло с тех пор, в Китае выросли новые крупные общественные силы. Помимо революционной интеллигенции, буржуазии и передового студенчества, чья численность, организованность, а вместе с тем и удельный вес необычайно возросли, на политическую арену выступил молодой китайский пролетариат, сделавшийся за короткий срок крупнейшим фактором национально-революционного движения. Наконец, и это самое главное, в отличие от 1911 г. национально-революционное движение происходит при необычайно развившейся активности широких крестьянских масс, в атмосфере стремительно назревающей крестьянской революции. В соответствии с изменившимися условиями изменилось и само содержание национально-революционной борьбы, борьбы за «национализм, демократизм и социализм». Если в 1911 году борьба шла против маньчжурской иноземной династии («национализм»), то в настоящее время она ведется за освобождение Китая от гнета мирового империализма под лозунгом: «Долой неравноправные договоры». В связи с этим дело теперь идет не об ассимиляции национальных меньшинств, имеющихся в Китае, а об их свободном самоопределении.

С другой стороны, «демократизм», выражавшийся в требованиях свержения самодержавия (а затем и диктатуры Юань-Ши-Кая) и установления парламентарной республики, выражается теперь в требованиях свержения «феодального милитаризма» и созыва национального собрания, понимаемого как представительство рабочих, крестьянских, студенческих, педагогических и купеческих организаций, а также и национальных меньшинств.

События последних лет, в особенности же начиная со второй половины прошлого года, ясно показали все могущество этих лозунгов. Однако, теперь оперировать лишь с «демократизмом» и «национализмом» и прятать под спуд аграрно-крестьянскую проблему было бы роковой, непоправимой ошибкой, ибо в конечном счете привело бы к разрыву с деревней, без самого тесного союза с которой национальная революция победить не может. Успешная борьба с милитаризмом, об'единение страны путем военной экспедиции без этого союза так же немыслимо, как немыслимо без него освобождение Китая от гнета мирового империализма.

Нужно сказать, что в отличие от Тун-Мэн-Хуэй партия Гоминдана с момента своей реорганизации взяла курс на самое тесное сближение с рабочими и крестьянскими массами. В частности, агитация и пропаганда в деревне, создание крестьянских союзов стали одной из ее ударных задач. Под эгидой кантонского правительства провинция Гуандун покрылась сетью крестьянских организаций. Не мало таких же организаций было создано и в Хэнане в бытность в этой провинции 2-ой народной армии. Кое-что в том же направлении удалось создать и в ряде других провинций, как Гуанси, Хунань, Сычуань, Шэньси. Наконец, на 2-м с'езде партии принимается по крестьянскому

вопросу целый ряд чрезвычайно важных резолюций, из которых главные сводятся к следующему:

1) свергнуть гнет милитаристов, компрадоров, жадного чиновничества, джентри и кулаков;

2) уничтожить все несправедливые налоги и незаконные поборы; воспретить взимание налогов за несколько лет вперед и отменить поземельный налог с безземельных;

3) напрячь все силы для организации широких крестьянских масс и вовлечения их в национально-революционное движение;

4) распустить все угнетающие крестьянство организации, как, например, гуандунские миньтуаны (отряды буржуазной милиции);

5) вырвать в деревнях власть из рук кулаков и джентри и содействовать органам крестьянского самоуправления;

6) установить предельную арендную плату и минимальные цены на сельскохозяйственные продукты.

7) уменьшить рабочий день батраков и повысить их заработную плату.

Меры, направленные в занимаемых кантонскими войсками провинциях на облегчение налогового бремени бедняцкого маломощного и середняцкого крестьянства, меры, вводящие в то же время более высокое обложение землевладельцев и вообще богатых слоев населения, указывают, что не только Гоминдан, но и верховное командование отдают себе отчет в важности привлечения симпатий крестьянства к северной экспедиции. Разумеется, одних вышеуказанных мер недостаточно, тем более, что до тех пор, пока деревня не организована в крепкие союзы, землевладельцы всегда сумеют тем или иным способом переложить налоговое бремя на плечи крестьян, в частности крестьян-арендаторов. Вот почему приказы о роспуске миньтуанов или отрядов «народной милиции», являющихся по существу органом классового господства джентри и землевладельцев, есть первый необходимый шаг на пути сближения с крестьянством. Весь вопрос только в том—насколько широко и правильно применяются эти приказы.

Здесь необходимо заметить, что роспуск миньтуанов, т.-е., как мы уже сказали, органов классового господства джентри и землевладельческой буржуазии, и содействие созданию взамен их органов крестьянской самозащиты неизбежно ведет к постановке на очередь дня основного вопроса китайской деревни: вопроса о взаимоотношениях между арендаторами и землевладельцами, который отчасти затрагивается в одном из пунктов цитированной нами «аграрной программы» Гоминдана. Эта программа была, не нужно забывать, принята еще в то время, когда самый вопрос о северной экспедиции еще не ставился. Отвечает ли она в настоящий момент значительно изменившейся кон'юнктуре, сможет ли она удовлетворить теперь запросам и требованиям широких крестьянских масс, особенно в пункте, касающемся арендных отношений,—все эти вопросы будут, разумеется, самым тщательным образом взвешены и проанализированы Гоминданом. Какие будут в конце концов приняты решения, мы не знаем. Во всяком случае одно несомненно: пункты программы, касающиеся организации широких крестьянских масс, свержения гнета джентри и кулаков, роспуска угнетающих крестьянство буржуазных миньтуанов и урегулирование арендных отношений должны теперь с занятием кантонской армией ряда провинций

в бассейне Ян-Цзы лечь в основу практической поли[illegible] партии. От того, насколько правильную и решительную [illegible]нию возьмет в этом вопросе Гоминдан, будет зависеть, удас[illegible]ся или не удастся ему закрепить намечающийся союз с деревней; в частности—удастся ему или нет возглавить широкое крестьянское движение северных провинций, протекавшее до сих пор вне его руководства. Если Гоминдан в настоящей стадии развития революционного процесса не может, как было справедливо указано, преждевременно рвать общенациональный блок, ибо задачей дня является направить максимальное количество сил против иностранного империализма, то в то же время он не может забывать что «нельзя править сейчас против крестьянства и нельзя организовать силы революции, не подводя крестьянского базиса под эту революцию».

Мы подходим к концу беглого очерка, в котором нами по существу затронута лишь часть китайской проблемы. Для полного освещения этой проблемы необходимо проанализировать классовые взаимоотношения в развертывающейся в Китае борьбе, остановиться на характере и перспективах современного крестьянского движения, происходящего в эпоху империализма, влияющего на всю систему китайского народного хозяйства, а главное, остановиться на великой роли, которую уже играет китайский пролетариат и на его исторической миссии. Всех этих вопросов нам придется коснуться в особой статье.

Е. Варга.

Противоречия германского капитализма [1]).

Когда в наших кругах говорят о стабилизации капитализма, то при этом прежде всего имеют в виду Германию. И это не без основания. Ни в одной стране капиталистическая система не была в такой степени потрясена и не казалась столь созревшей для переворота, как в Германии осенью 1923 года. Ни в одной стране капитализм в течение последних трех лет не испытал такого сильного под'ема, как здесь.

Не только наши взгляды на временный характер стабилизации, но также и учение реформистов, согласно которому речь идет не о временной стабилизации, а о начале нового под'ема, а капитализму предстоит еще целый период под'ема, — основываются отчасти на под'еме германского капитализма в последние три года. Это делает необходимым более детальное исследование развития германского хозяйства в послевоенный период, отвлекаясь от кон'юнктурных колебаний.

Подобные исследования наталкиваются на гораздо большие затруднения, чем если бы речь шла о Соедине[illegible]х Штатах или об Англии. Мы не имеем обоснованной цифрами картины современной структуры германского хозяйства, тех перемен, которые произошли в нем с 1907 года; мы не знаем, как изменилось в течение последних 20 лет социальное расслоение населения, так как из цифр последней промышленной и профессиональной переписи 1925 года до сих пор опубликованы лишь отрывки. Мы не имеем пригодной производственной статистики за исключением тяжелой индустрии и т. д. Вследствие этого нижеследующие выводы неизбежно будут содержать ошибки в отношении своих количественных исчислений. Однако, мы надеемся, что отклонения от истины будут происходить в таких пределах, что от этого не пострадают ни правильная постановка проблемы, ни выводы.

Забегая вперед, мы можем установить следующие результаты нашего исследования:

1) В Германии существует сильная **длительная диспропорция между производственной мощностью материального производственного аппарата и возможностями сбыта: отсюда — длительный кризис сбыта.**

2) Имеется налицо многочисленная промышленная резервная армия, которая, в противоположность нормальному капитализму, не втягивалась в производственный процесс даже в течение кратковременных кон'юнктурных фаз, и даже и теперь не

[1]) Статья дискуссионная.

видно пути для обратного вовлечения этой армии безработных в производственный процесс.

3) Уровень производства, потребления и накопления не достиг еще довоенного уровня, несмотря на то, что в течение последних двух лет в Германию притекло 5—8 миллиардов иностранного капитала.

4) В виду того, что произведенные до сих пор репарационные платежи взяты не из продукции германского хозяйства, а из притекающего иностранного капитала, репарационная проблема еще не разрешена; существует неразрешенное противоречие между необходимостью увеличить экспорт германских фабрикатов на многие миллиарды марок для того, чтобы иметь возможность уплатить репарации, и между диктуемым общей узостью мирового рынка для промышленных товаров стремлением всех стран—в том числе также и получателей репарационных платежей—ставить германскому экспорту всевозможные препятствия на его пути.

5) Существует кричащее противоречие между стремящейся к империалистическому расширению структурой германского хозяйства и тем фактом, что разоруженная Германия, обязавшаяся платить дань, сильно ограничена в своей экономической политике контролем Антанты над государственными доходами с железных дорог и над государственным банком. Короче говоря: противоречие между *империалистическими и колониальными элементами* нынешнего германского капитализма.

Все эти внутренние противоречия ведут к тому, что *никоим образом нельзя считать обеспеченным дальнейший под'ем германского хозяйства по пути к достижению довоенного уровня и превышению его, и по нашему мнению такой под'ем в высшей степени невероятен.* Он мог бы иметь место:

1) Если бы наблюдался общий под'ем мирового капитализма, или

2) Если бы Германии удалось, в смысле ленинского закона о неравномерном скачкообразном развитии капитализма, опираясь на новые технические изобретения (превращение угля в жидкое состояние, химическая промышленность), проделать скачкообразную, побивающую другие капиталистические державы эволюцию. В процессе нашего исследования мы укажем на некоторые моменты, которые обеспечивают германскому капитализму преимущество на мировом рынке перед некоторыми его конкурентами.

Но эти элементы, по нашему мнению, недостаточны для того, чтобы, принимая во внимание тяжелое бремя репараций, сделать возможным скачкообразное развитие германского капитализма и его победу над конкурентами на мировом рынке. И так как мы, конечно, считаем абсолютно исключенным общий под'ем мирового капитализма, то дальнейший под'ем германского капитализма представляется в высшей степени невероятным.

Расширение производственного аппарата германского капитализма. Противоречия между производственными возможностями и возможностями сбыта.

Германский капитализм вышел из войны с весьма сильно износившимся материальным производственным аппаратом для

производства предметов потребления (Раздел II марксовой схемы воспроизводства) и в общем с улучшенным и увеличившимся, по сравнению с довоенным временем, производственным аппаратом для производства средств производства (Раздел I), после того как заводы и фабрики от производства военных материалов перешли к производству мирного времени. Правда, в результате совершившейся по мирному договору урезки территории Германия потеряла большие производственные предприятия. Но в течение инфляционного периода при всеобщем обнищании произошла сильная концентрация имущества в руках промышленного капитала. Новоприобретенное имущество было вложено в «реальные ценности» и употреблено для увеличения производственного аппарата [1]).

К сожалению, результаты переписи предприятий, проведенной в июне 1925 года, еще не опубликованы. Мы можем поэтому привести лишь несколько взятых наудачу цифр, касающихся расширения производственного аппарата:

Углепромышленность. В области снабжения машинами угольной промышленности мы наблюдаем следующее развитие [2]):

Название машин.	1/IV—1914 г.	1/IV—1924 г.	1/IV—1914 г.	1/IV—1924 г.
Вращательные бурильные машины (Drehbohrmaschinen)	48	2.427	42	1.793
Бурильные молоты (Bohrhämmer)	13.783	43.472	21.574	51.023
Угольные молоты (Abbauhämmer)	545	15.500	585	12.944
Kohlenschneider	35	69	72	232
Schüttelrutschenmotoren	2.135	6.301	13.038	57.429
Врубовые машины (Schrähmaschinen)	270	715	951	3.782
Пневматические кирки (Presslufthacken)	—	469	—	488
Всего	16.816	68.953	42.262	127.637

Оказывается, что угольная промышленность в течение войны и инфляционного периода втрое увеличила свое машинное оборудование.

1) Что речь идет здесь не о концентрации посредством накопления, но лишь о концентрации п тем централизации, при чем все отрасли хозяйства, кроме промышленности, обеднели,—об этом свидетельствует следующая таблица:

Основной капитал 641 акционерного общества, существовавших уже в 1913 году и опубликовавших в первой половине 1926 г. свои балансы, составлял согласно сводке в «Wirtschaftsdienst» от 2/VII—1926 г.:

	1913 г.	1925 г.
	Миллиарды марок	
63 банка	2.720	939
578 промышл. предприятий	4.667	6.157

Мы видим, что даже банковский капитал, составлявший в «нормальные» времена эпохи империализма сильнейшую часть финансового капитала, по выходе из инфляционного периода потерял 2/3 своей силы в качестве капитала.

2) «Börsen Courier» от 6/I—1925 г.

Железная и стальная промышленность. Согласно данным от 24/III 1926 г. производительность германских железоделательных заводов выражалась в следующих цифрах:

Годы.	Число доменных печей	Производственная мощность, считая по 24 часа	Производственная мощность на одну печь
1912 [1])	291	44.000	153
1922	219	38.000	172
1926	208	50.000	273

Согласно тайному докладу «Микума» («Micum»—«межсоюзная техническая комиссия по контролю промышленности»—«Berliner Tageblatt» от 16/II 1925) производственная мощность рурских горных промыслов в сравнении с довоенным временем поднялась в среднем на 33%, производственная мощность доменных печей на 32%, конверторов на 16%, мартеновских печей на 40%.

Электрическая промышленность. Производственные возможности предприятий, вырабатывающих электрическую энергию, согласно данным «Об'единения предприятий, производящих электрическую энергию» равнялись:

	1913 г.	Начало 1925 г.
Мощность в киловаттах	2.095.600	5.938.400
Эксплоатируемая энергия в миллионах единиц	4.061	11.525

Химическая промышленность. У нас нет никаких цифр о развитии химической промышленности. Но не подлежит никакому сомнению, что химическая промышленность в Германии в настоящее время значительно выросла по сравнению с довоенным временем.

Железные дороги. Оборудование железных дорог в настоящее время гораздо лучше, чем до войны.

Подвижной состав ширококолейных железных дорог равнялся:

Годы.	Локомотивы	Пассажирские вагоны	Товарные вагоны
1913	29.990	65.961	667.048
1923	30 850	69.253	748.713
1924	30.767	69.209	705.021

Дауэсовский доклад, из которого мы берем цифры за 1923 г. замечает, что $^2/_3$ всего подвижного состава поставлено на работу лишь в течение последних лет. «Находящийся ныне во владении германской железнодорожной системы состав как в качественном, так и в количественном отношении сильно превосходит употреблявшийся до войны». С тех пор подвижной состав еще более улучшился вследствие употребления товарных вагонов провозоспособностью от 20 до 50 тонн.

[1]) Цифры за 1912 год вычислены нами на основании данных «Статистического Ежегодника» за 1915 г.

На каждые 100 эксплоатируемых километров падало:

Годы.	Паровозы	Пассажирские вагоны	Товарные вагоны
1913	48	111	1.121
1924	54	141	1.453

Несмотря на то, что это лишь отдельные данные [1]), не может быть никакого сомнения в том, что производственный аппарат нынешней Германии, по меньшей мере, равен довоенному.

Этот сильно расширенный производственный механизм до сих пор не мог быть использован в полном размере. Фактическая продукция оставалась всегда сильно позади производственной способности. Попытки германской буржуазии полностью пустить в ход производственный аппарат привели в 1924 году и осенью 1925 года к тяжелым кризисам сбыта. До сих пор не удалось каким-либо способом выравнять эту диспропорцию путем расширения рынка. В сентябре 1926 г.—после того, как Германия давно перешагнула через высший пункт кризиса и когда сильно дали уже себя почувствовать последствия стачки английских углекопов,—продукция составляла в процентном отношении к производственной возможности [2]):

Машиностроение	50	%
Паровозное и вагонное строительство	25	„
Деревообделочная пром.	25—60	„
Железо	60	„
Сталь	70	„

Мы можем указать еще на тот факт, что, несмотря на повысившуюся производственную способность, потребление важнейших видов сырья на голову населения в настоящее время меньше, чем оно было до войны, несмотря на сильное улучшение в течение последних лет.

Потребление важных видов сырья в Германии на душу населения в килограммах (согласно исчислениям «Статистического Ежегодника» за 1926 г.):

Виды сырья.	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Уголь вообще [3])	2.470,0	2.412,0	1.731,0	2.163,0	2.212,0
Железная руда	690,0	269,0	130,0	200,0	309,0
Железо	277,0	162,0	80,0	123,0	160,0
Медь	4,0	3,3	2,5	2,8	3,4
Калийные соли	153,0	197,0	168,0	119,0	—
Хлопок	7,2	4,3	3,0	4,3	5,9
Джут	2,3	1,6	1,4	1,7	2,1
Нефть (без смазочн. масел)	17,2	6,6	3,0	3,8	7,4

[1]) Имеется лишь одна сводная, к сожалению, не опубликованная работа об увеличении машинного оборудования Германии в послевоенное время. Эта работа тов. Мендельсона, которая была им составлена в Берлине по моему совету во время его научной командировки. По его исчислениям новые поступления в машинах — сверх обычного изнашивания — равнялись 4,6 милл. тонн, что по последним ценам довоенного времени составляет около 5 млрд. золотых марок.

[2]) Данные из речи Дуисберга на Дрезденской конференции «имперского союза промышленности» и из статистики «Стального об'единения».

[3]) Бурый уголь, кокс и брикетты, перечисленные на каменный уголь.

Для 1926 г. в виду тяжелого экономического кризиса, разразившегося в первой половине этого года, должны будут получиться еще более низкие цифры. **Несмотря на расширение производственного механизма, несмотря на повышение продуктивности работы, мы видим уменьшение продукции и тяжелые кризисы сбыта. Таковы первые важные основные факты германского хозяйства.**

Промышленная резервная армия.

Оборотной стороной диспропорции между производственными возможностями и возможностями сбыта является наличность большой промышленной резервной армии. Это известный порочный круг анархии капиталистического способа производства: так как нет сбыта, то рабочие увольняются, это ведет к дальнейшему сужению потребления, в результате чего возможность сбыта еще более ухудшается.

Число действительных безработных трудно установить, так как публикуется лишь число получающих пособия.

Кон'юнктурный институт дает на 1 августа 1926 г. следующее исчисление действительных безработных (выпуск II, стр. 41):

Безработные, получ. пособия	1.650.000
Безработные, не получающие больше, в виду продолжительности их безработицы, никаких пособий	100.000
Не получающие пособия в виду наличности в семье лиц, имеющих работу	165.000
Итого	1.915.000
Работающие неполное время 1.670.000; если перевести рабочее время, которое они не работают, на полные рабочие недели, то получится безработица в	500.000
Всего	2.415.000

Заметим к этому, что фактическое число должно быть еще больше, так как число лишенных пособия и число не получающих никаких пособий гораздо выше данных кон'юнктурного института. Мы полагаем, что если свести потерянное в результате неполной работы время к полным безработным, то мы можем принять для августа 1926 г.. 2,8—3 милл. полных безработных, а в качестве среднего числа для всего года, протекшего со времени стабилизации валюты приблизительно 1,5—2 милл.

Для сравнения с довоенным временем приведем исчисления кон'юнктурного института (выпуск II, стр. 42), согласно которому Германия, если исчислять по процентному числу безработных в профсоюзах, в среднем давала около 200.000. Самое высокое число было 467.000 в январе 1914 г., в зиму военного года.

Мы видим, таким образом, что неиспользованные средства производства и массовая безработица представляют собой длительное явление в германском капитализме[1]).

Причины хронического кризиса сбыта.

Проблема германского капитализма состоит в выравнении диспропорции между возможностями производства и возможностями сбыта для германской промышленности и притом в возрастающей степени, путем такого расширения сбыта, при котором миллионная армия безработных снова будет втянута в производственный процесс. Ибо лишь подобное разрешение вопроса означало бы действительный под'ем, дальнейшую стабилизацию капитализма. Разрешение вопроса по нисходящей линии путем ограничения продукции посредством образования монополии могло бы, пожалуй, погнать вверх прибыль картелированного капитала, но оно не разрешит социальной проблемы массовой безработицы.

Какие же надежды имеются на то, что удастся в возрастающей степени преодолеть диспропорциональность по восходящей линии?

Чтобы ответить на это, остановимся на структуре внутреннего рынка, потребляющего около 80% выработки германского хозяйства[2]).

В капитализме существует, как известно, постоянно диктуемая конкуренцией тенденция расширять продукцию за пределы существующего в данный момент общественного (конечно, лишь «платежеспособного») потребления, т.-е. тенденция к диспропорции между производством и сбытом предметов потребления, что, естественно, неизбежно ведет к перепроизводству также и средств производства.

Вызванное войной и инфляцией обеднение привело к усилению этой тенденции: капиталисты употребили сконцентрированное в их руках имущество на расширение производственных предприятий. Создалось следующее положение:

Доля продукции, падающая на рабочий класс понизилась, ибо эксплоатация пролетариата повысилась в результате интенсификации труда и низких ставок заработной платы. Поэтому

---

[1]) Улучшение кон'юнктуры в течение осенних месяцев 1926 г. в результате английской угольной стачки привело, правда, к обратному приему 35.000 рабочих в горной промышленности; но улучшение рынка рабочей силы в наиболее важных отраслях промышленности совершенно недостаточно, как показывают следующие цифры: процент безработных в профсоюзах составлял:

	Январь.	Июль.	Сентябрь.
Металлопромышл. и машиностроение	18,8	20,6	19,5
Текстильная промышленность	12,3	17,2	14,4
Деревообделочная промышленность	31,6	28,5	24,4
Конфекционная промышленность	31,3	34,5	26,9
Кожевенная и обувная промышленность	32,2	27,6	21,9
Все отрасли промышленности	22,6	17,6	15,6

[2]) Годичная продукция германского хозяйства в очень грубом виде может быть оценена в 40—50 мрд. марок; экспорт составлял в 1925 г. 8,8 мрд. марок.

капиталисты находят у рабочих сбыт для меньшей части ежегодной продукции промышленности[1]).

Покупательная мощность крестьянства в результате обеднения в периоды войны и инфляции и существующих до самого последнего времени ножниц меньше, чем в довоенное время. Промышленность может продать крестьянству товары лишь на меньшую сумму[2]).

Доля капиталистов в продукции, составлявшая до войны, по меньшей мере 3 мрд. марок в год, значительно уменьшилась. До войны имелся налицо облигационный долг империи отдельных германских государств, городов, земельных кредитных учреждений, промышленных предприятий в

---

[1]) Никто не сомневается в том, что реальная заработная плата рабочих в настоящее время ниже, чем она была до войны, в особенности, если принять во внимание массовую безработицу и неполную работу. Мы привели уже выше данные о потреблении сырья на голову, прибавляем здесь данные о потреблении пищевых продуктов:

[**Потребление некоторых пищевых продуктов в Германии на голову населения.**

		1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Рожь	кг	153	90	106	87	128
Пшеница	»	96	47	57	68	83
Ячмень	»	108	29	42	45	—
Картофель	»	700	500	433	495	—
Рис	»	2,5	—	1,7	3,4	5,3
Мясо	»	52	34	31	43	47
Селедки	»	2,2	1,3	2,0	2,3	2,1
Сахар	»	19,0	19,5	13,3	20,2	21
Южные фрукты	»	4,4	0,9	0,7	4,8	6,1
Кофе	»	2,4	0 6	0,6	0,9	1,4
Чай	»	0,06	0,05	0,04	0,06	0,07
Пиво	литр	102	51	45	60	75
Водка	»	5,4	2,5	1,8	2,8	—

Цифры взяты из «Статистического Ежегодника» за 1925 и 1926 г. В отношении зерновых хлебов цифры касаются урожайного года до августа следующего года.

[2]) Сельскохозяйственная продукция еще не достигла довоенного уровня, что видно из следующих цифр:

Сельскохозяйственная продукция в Германии в млн. тонн.

Годы.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Картофель.	Свекловица.
1913 нынешн. тер.	4,04	10 13	3,04	8,61	44,1	7,8
1922 » »	1,96	5.23	1.61	4,02	40,7	10,8
1923 » »	2,90	6,68	2,36	6,11	32,6	8,7
1924 » »	2,43	5,73	2,40	5,65	36,4	10,3
1925 » »	3,22	8,06	2,60	5,58	41,7	10,3
1926 » »	3,05	7,50	2,62	6,57	—	—

Скотоводство в миллионах голов.

Годы.	Лошади.	Рогатый скот.	Свиньи.	Овцы.	Козы.
1913 нынешн. тер.	3,81	18,47	22,53	4,99	3,16
1925 » »	3,92	17,20	16,20	4,75	3,80

Вследствие того, что сельскохозяйственные продукты упали значительно в своем количестве, а цены на них по сравнению с ценами на промышленные товары упали (до осени 1926 г.), то сельскохозяйственное население могло купить меньше промышленных товаров, чем до войны.

40 мрд. марок; сюда присоединялись вклады в сберегательные кассы на сумму не менее 20 мрд. Последнее время, правда, сумма вкладов снова увеличилась, но доход от «ренты на капитал» все еще составляет небольшую часть суммы довоенного времени[1]).

Потребление капиталистов также уменьшилось. Так, напр., общая сумма дивидендов вышеназванных 578 промышленных акционерных компаний понизилась с 484 млн. марок в 1913—1914 г. до 297 млн. в 1925 г., т.-е., если принять во внимание обесценение денег,—наполовину. В своем стремлении увеличить собственный капитал в предприятиях руководители промышленности ограничивали дивиденды, т.-е. назначенную для частного потребления акционеров долю прибыли, вследствие чего сбыт промышленных товаров еще более был ограничен[2]).

Таким образом, мы видим, что имманентная капитализму тенденция к диспропорциональному развитию производства в отношении к платежеспособному спросу на предметы потребления обостряется благодаря специальным условиям. Это об'ясняет резкую диспропорцию, существующую между производственными возможностями и возможностями сбыта.

До сих пор мы говорили только о промышленности. Русский читатель должен вспомнить о том, что судьба германского капитализма находится в полной зависимости от судьбы германской промышленности. Уже в 1907 году лишь 27% всего работающего населения было занято в сельском хозяйстве; в настоящее время число их вряд ли составляет больше 21—22%. Поэтому не следует переносить условий СССР, в общем хозяйстве которого сельское хозяйство имеет несравненно больший удельный вес, на Германию...

Мы переходим теперь к структуре иностранного сбыта. Как мы указывали выше, стоимость всего экспорта—в очень грубой оценке—составляет 15% стоимости всей продукции Германии. Для промышленной продукции процент стоимости экспорта должен быть несколько выше. Но для преодоления противоречия между возможностями производства и возможностями сбыта посредством расширения сбыта за границу, необходимо было бы сильное повышение экспорта. Между тем статистика показывает, что экспорт Германии далеко еще не достиг довоенного уровня.

---

[1]) Накопление приносящего проценты капитала сделало в последнем году большие успехи. В течение первых десяти месяцев 1926 г. было вложено:

Внутренние займы	1.200	млн.	марок
Ипотеки, заемные письма	1.000	»	»
Увеличение вкладов в сберегат. кассы	1.000	»	»

[2]) Повышение потребления буржуазии мало изменило бы нынешнюю диспропорцию, ибо наличный конкретный производственный аппарат германской промышленности технически направлен на массовое производство средств производства и предметов массового потребления. Повышенное потребление буржуазии могло бы вызвать улучшение в некоторых отдельных отраслях: тончайшие ткани, роскошные здания, роскошная мебель и т. д., но существующая большая диспропорция от этого не исчезнет.

Экспорт товаров в миллионах марок на основе единиц стоимости 1913 г. составлял:

Годы	Экспорт.
1913 старая территория	10.097
1913 новая территория [1])	9.087
1922 » »	6.187
1924 » »	5.134
1925 » »	6.596
1926 янв.-август = 2/3 года	4.850

Следует заметить, что экспорт 1913 года был особенно высок. Поэтому цифры эти показывают, что хотя внешняя торговля приближается к довоенному уровню, она все же далеко не достигла его.

На пути к дальнейшему расширению экспорта стоят различные препятствия. Важнейшим из них является то обстоятельство, что Германия обеднела, и поэтому она не располагает сильнейшим средством в борьбе с конкурентами на мировом рынке в империалистическую эпоху, которое состоит в предоставлении займов для финансирования импортирующих государств—товарный экспорт в форме экспорта капиталов. Далее германский капитализм не имеет колоний и полуколоний, обеспечивающих монопольный или, по крайней мере, привилегированный сбыт, подобный тому, который имеет Англия (привилегированные пошлиной колонии) Франция, Япония, Соед. Штаты. В некоторых антантовских государствах существуют законодательные политические и психологические затруднения для импорта германских товаров. Далее весьма важно то обстоятельство, что германская промышленность потому именно, что ее производственный аппарат лишь отчасти использовывается, также и производит дороже [2]), чем некоторые ее работающие с использовыванием всей мощности своего производственного аппарата конкуренты.

Наконец, следует напомнить об обстоятельствах, затрагивающих также и все другие промышленные государства; о существовании диспропорции между производственной способностью всей западно-европейской промышленности и потребительной способностью мирового рынка в отношении промышленных товаров, диспропорцией, наступившей в результате вызванного войною обеднения и стремления каждого государства, к развитию всеми средствами своей собственной промышленности [3]).

[1]) Предполагается, что на уменьшенную территорию падает соответствующая уменьшившемуся количеству населения часть внешней торговли.

[2]) Директор Ганс Кремер, член президиума имперского союза германской промышленности, заявил на текстильной выставке во Франкфурте 22 сентября («Deutsche Allgemeine Zeitung», корреспонденция из Франкфурта от 22/IX): «Откровенно говоря, значительная часть трудностей вытекает из того, что германские товары за границей стоят на 30—50% выше, чем следовало бы, и ни в коем случае не обнаруживают постоянно своих качеств мирного времени».

[3]) Демонстрации в пользу свободной торговли, в роде знаменитого манифеста банкиров, не могут устранить того факта, что основой оборонительной способности является в настоящее время промышленность и что поэтому ни одно самостоятельное государство не может отказаться от развития своей собственной промышленности.

Мы видим общие вытекающие из характера современного периода упадка капитализма причины и специальные зависящие от германских условий причины, которые, действуя сообща, вызывают перманентный кризис германского хозяйства [1]).

Предложение социал-демократии: повышение заработной платы.

Социал-демократия и профсоюзы предлагают в качестве средства для преодоления кризиса сбыта повышение заработной платы. В программной брошюре «Всеобщего об'единения германских профсоюзов значится следующее [2]):

«...Мы... требуем повышения реальной заработной платы германских рабочих и служащих, которое вызовет расширение рынка сбыта и, таким образом, приведет снова к повышению степени занятости». Эта же мысль развивается в многочисленных статьях; капиталистов умаляют в их собственных интересах, в интересах германского хозяйства платить более высокие ставки заработной платы с целью преодоления кризиса сбыта.

Капиталисты не хотят, однако, прислушиваться к мольбе социал-демократов и вместо того, чтобы повысить заработную плату, они пытаются, наоборот, еще более понизить ее. Несмотря на то, что капиталисты не являются марксистами, они знают очень хорошо, что предложение социал-демократов бессмысленно.

Ибо, если заработная плата повышается при остающейся прежней продуктивности, то это означает, что из годичной стоимости продуктов рабочему классу остается большая доля, а капиталистам меньшая. То, что выигрывается в отношении возможности сбыта среди рабочих, теряется в результате уменьшения возможности сбыта среди капиталистов.

Но если даже не учитывать этого, то для капиталистов, как класса, было бы весьма невыгодной сделкой добровольно уступить рабочему классу часть прибавочной ценности для того, чтобы потом иметь возможность продавать рабочим на эту сумму больше товара.

Но если повышение заработной платы явится средством повышения производительности труда, то и это не приведет ни на шаг ближе к разрешению проблемы, ибо добавочная производительность означает увеличившееся производство товаров, т.-е. диспропорцию на более высокой ступени лестницы.

Поэтому германские капиталисты отклоняют рекомендуемый социал-демократией выход. Лишь те слои капиталистов-промышленников, которые производят не абсолютно-необходимые для рабочего класса предметы массового потребления (платье, мебель, в Америке также автомобили), стоят за повышение заработной платы рабочих (за исключением своих собственных предприятий) с целью повышения сбыта их специальных товаров. Но капиталистический класс, как единое целое, ищет другого выхода.

[1]) В осенние месяцы 1926 г. положение германского хозяйства несколько улучшилось, прежде всего в результате английской стачки; но это улучшение не имеет длительного характера.

[2]) «Gegenwartsaufgaben deutscher Wirtschaftspolitik», ADGB — Verlag, стр. 9.

Попытка капиталистов разрешить вопрос: рационализация и образование монополий.

Германские капиталисты действительно предложили путь, как раз противоположный тому, который предлагали социал-демократы. Они употребили все средства для того, чтобы путем уменьшения доли рабочих в общей продукции, т.-е. путем повышенной эксплоатации рабочих понизить себестоимость товаров. Они исходят при этом из следующего положения:

«На дешевый товар хорошего качества всегда находится покупатель».

Мероприятия, служащие к понижению себестоимости товаров, все вместе называются рационализацией. Приведем важнейшие моменты этого явления:

а) Повышение производительности труда. Это означает, что посредством технического прогресса, т.-е. при помощи применения лучших орудий производства и методов производства уменьшается содержащееся в единице продукта рабочее время. Это означает реальное понижение себестоимости производства, при чем непосредственно не затрагивается деление стоимости продукта на стоимость и прибавочную стоимость.

Косвенно повышение производительности труда, т.-е. понижение издержек производства на единицу продукта означает возможность понижения заработной платы, если понижение издержек производства распространяется на товары, потребляемые рабочими. При сохранении теоретической предпосылки Маркса, гласящей, что рабочая сила при капитализме оплачивается согласно своей стоимости, заработная плата падает соответственно удешевлению входящих в бюджетный набор рабочих товаров. Доля капиталистов в общей продукции при сохранении реальной заработной платы рабочих увеличивается. При прочих равных условиях это означало бы повышение общей прибыли капиталистического класса.

б) Методы для производства относительной прибавочной стоимости. Различные стремления к рационализации имеют своей целью посредством лучшей организации труда достигнуть уменьшения содержащегося в единице продукта рабочего времени без применения технических усовершенствований, т.-е. добиться понижения издержек производства без улучшения производственного аппарата. Важным и интересным методом рационализации является установление единой величины и единого качества товаров и частей товаров: стандартизация, нормализация, типизация. Достигнутое таким путем уменьшение заключающегося в единице продукта рабочего времени явно попадает также в категорию относительной прибавочной стоимости. В эту категорию входит также и ставшая возможной благодаря образованию трестов специализация предприятий на производстве одного или целого ряда товарных типов: концентрация продукции на наилучше расположенных с экономической точки зрения или на технически наилучше оборудованных предприятиях.

в) Увеличение абсолютной прибавочной стоимости посредством повышения эксплоатации рабочей силы. Эта форма рационализации затрагивает рабочих наиболее непосредственным образом. Она распространяется как на простое увеличение рабочего дня, так и в особенности на интенсификацию труда, т.-е. на принуждение рабочего в одинаковое время произвести более высокий расход рабочей силы. Последний способ иногда неверно обозначается сам по себе как рационализация. Введение движущейся ленты и другие методы автоматического контроля и интенсификации расхода рабочей силы образуют главное средства для этого. Но интенсификация труда может производиться также и без введения подобных технических новшеств в роде движущейся ленты, а просто путем повышения предписанной на известное время производительности труда, или путем понижения поштучной платы. При всех этих методах речь идет об усилении эксплоатации рабочей силы, о добавочном расходе ее во время работы в тот же период времени и за ту же денежную плату.

г) Увеличение эксплоатации путем простого понижения заработной платы, посредством чего во многих случаях цена труда понижается ниже ее стоимости.

Из этого мы видим, что все эти мероприятия, называемые в производственных сферах рационализацией, сводятся по существу к повышению прибавочной стоимости, частью путем повышенного производства относительной прибавочной стоимости, частью путем повышения производства абсолютной прибавочной стоимости или же путем понижения цены рабочей силы ниже ее стоимости.

Сводной работы, которая подвела бы итоги кампании по рационализации, еще не имеется. Однако, наше впечатление таково, что при этом достигнуто не столько повышение производительности труда, как повышение эксплоатации рабочих. В этом нашем взгляде мы прежде всего опираемся на тот факт, что в течение всей кампании по рационализации германская машиностроительная промышленность была занята лишь на 50% своей мощности. Но повышение производительности означает то, что каждый рабочий приводит в движение способный давать лучшие результаты производственный механизм. Это, таким образом, должно было быть связано с сильной заменой старых машин новыми лучшими, чего в действительности, очевидно, нет.

С другой стороны, в течение этого периода, несомненно, достигнуто уменьшение реальной заработной платы рабочих. Реальная заработная плата германских рабочих в течение 1926 г. упала. Денежная заработная плата согласно официальным данным осталась совершенно без перемен; фактически же все аккордные ставки, т.-е. фактический заработок, были сильно понижены. Индекс официального бюджетного набора повысился на 2—3%, так что можно считать, что реальная заработная плата упала минимум на 5%.

Что касается возможности сбыта на внутреннем рынке, то и рационализация ни в коем случае не принесла улучшения в этом отношении [1]). Но это и не является целью руководящих германских капиталистов. Они, наоборот, стремятся к тому, чтобы на ряду с понижением себестоимости товаров путем образования монополии установить внутри страны цену, далеко пре-

[1]) Поэтому замечается некоторая усталость у многих капиталистов в отношении лозунга рационализации. Так, напр., упомянутый уже выше Кремер заявил, что рационализация никоим образом не является панацеей от всех зол.

вышающую производственную цену (издержки производства плюс средняя прибыль). Излишние продукты должны найти сбыт по дешевым ценам за границей [1]).

Но прежде чем мы перейдем ко второму главному моменту экономической программы германских капиталистов, мы бы хотели заметить следующее относительно рационализации:

1) Рационализация не является чем-то принципиально новым в истории капитализма. Она применялась с давних пор. Повышение производительности труда и интенсификации работы—это общие основные линии капиталистического развития. Различие в сравнении с прежним временем состоит в том, что принуждаемые кризисами сбыта германские капиталисты применили все эти методы в ускоренном темпе, а затем также и в том, что понижение издержек производства в империалистическом периоде под'ема совпадало с повышением реального уровня жизни рабочего класса, между тем как ныне в Германии оно связано с понижением уровня жизни.

2) Рационализация не является монополией германского капиталистического класса. Если в результате рационизаторской кампании в Германии будет достигнуто преимущество в области понижения издержек производства в сравнении с другими государствами, то конкуренты не замедлят последовать за Германией по этому пути. Длительный перевес может быть достигнут лишь в том случае, если путем технических нововведений будет создана почва для «скачкообразного» развития германского капитализма [2]).

Германская буржуазия связывает рационализацию с весьма интенсивной деятельностью в области образования монополий. Это отчасти является средством компенсировать нежелательные последствия рационализации, а именно поскольку рационализация, путем повышения производительности труда, означает сдвиг в органической структуре капитала в направлении к повышению постоянной его части, она совпадает с уменьшением доли прибыли. Комбинирование технического прогресса с монополистическим назначением цен картелями должно иметь своим последствием сохранение старых продажных цен, несмотря на достигнутое уменьшение издержек производства, т.-е. оно будет означать попытку устранить тенденцию к падению прибыли в связи с повышением производительности.

Помимо этого, образование монополий должно послужить также и для поднятия цен внутри страны выше прежней производственной цены.

---

1) На ряду со стремлением к понижению себестоимости посредством мероприятий внутри производственного процесса промышленный капитал — в марксовском смысле, т.-е. не только промышленный капитал, но и всякий капитал, проделывающий процесс $G - \frac{A}{Pm} \ldots P \ldots W' \ldots G'$, пытается увеличить свою долю прибыли за счет других видов капитала: торгового капитала, кредитного капитала, банковского капитала. С другой стороны, также и при непродуктивных видах капитала, «населяющих исключительно сферу обращения», как говорит Маркс, идет повышение эксплоатации занятых рабочих и служащих путем введения новых машин (система Головит в бухгалтерии и статистике), путем интенсификации труда и удлинения рабочего дня. Но мы не можем на этом подробнее остановиться, ибо это завело бы нас слишком далеко.

2) О возможностях подобного развития см. мою статью «Сверхимпериализм и закон неравномерного развития капитализма» в «Комм. Интерн.» № 6.

Мы здесь не будем приводить никаких данных об образовании монополий в Германии. Мы хотим лишь подчеркнуть, что в настоящее время в Германии вряд ли имеется хотя бы одна значительная отрасль промышленности, которая не была бы об'единена в картелях. Важно также, что вместо «вертикального» образования трестов (об'единение всех производственных стадий от сырья до готовых предметов потребления), имевшего место в период инфляции, в настоящее время происходит преимущественно «горизонтальное» об'единение одинаковых производственных стадий. Но не исключительно так: одновременно происходит горизонтальное об'единение вертикальных трестов. Такую картину представляет, например, стальное об'единение—«Vereinigte Stahlwerke A. G» или химическое—«I. G. Farbenindustrie», в которых об'единены все производственные стадии, при чем стальной трест занял господствующее положение внутри горизонтального картеля железных и стальных фабрикатов и полуфабрикатов.

Результатом рационализации и одновременного образования монополий должно быть такое расширение заграничного сбыта, которое разрешило бы основные противоречия германского капитализма. Задача состоит в том, чтобы сделать более выгодным промышленное производство посредством полного использования производственного аппарата—при одновременном прекращении работы в значительных частях этого аппарата и ликвидации их—и одновременно преодолеть массовую безработицу путем обратного вовлечения рабочих в производственный процесс. В то же время необходимо, однако, путем увеличенного экспорта создать активный торговый баланс. Ибо лишь посредством весьма активного платежного баланса Германия может уплатить репарации, а также и проценты на вложенный в Германии иностранный капитал. Ибо Германия,—это следует особенно подчеркнуть,—до сих пор не уплатила никаких репараций за счет своей собственной продукции, но она платила исключительно из полученных ею иностранных займов.

Со времени дауэсовского соглашения мы знаем про следующие иностранные займы [1]):

	В миллионах марок
Дауэсовский заем	840
1924 г. 1/IX до 31/XII	154
1925 г.	1.472
1926 г. до конца октября	1.384
	3.850

В течение двух лет и одного месяца в Германию притекли 4 миллиарда в виде публичных займов. Сюда следует присоединить торговые кредиты и продажу германских акций, облигаций и т. д. за границу. Мы оцениваем всю новую задолженность иностранным государствам приблизительно в 8 миллиардов, а проценты или дивиденды, таким образом, приблизительно, в 600 млн. марок в год. Само собой разумеется, что этот процесс распродажи за границу не может вечно продолжаться; репарации и проценты не могут постоянно покрываться путем заключения новых займов. Поэтому Германия должна иметь активный,

---

1) «Wirtschaftsdienst» № 32, 1926 г.; для 1926 г. «Berliner Tageblatt» от 5/XI—1926 г.

сильно активный торговый баланс. Таким образом, вопрос о кризисе сбыта связывается с проблемой репараций.

Перспективы попыток германских капиталистов разрешить проблему.

Успех германского капитализма на мировом рынке зависит от того, удастся ли ему очень сильно поднять вывоз фабрикатов на мировой рынок (из сырья Германия имеет для экспорта лишь уголь и калий) для того, чтобы репарации могли быть уплачиваемы из стоимости продукции германского хозяйства. Германия должна покрыть своим экспортом следующие суммы платежного баланса:

	Миллионны марок.
Репарационные платежи	2.500
Проценты на вложенный в Германии иностранный капитал	600
Усиленный ввоз сырья, необходимый для расширения вывоза фабрикатов	1.200
Всего	4.300

Сумма, с помощью которой мог бы быть развит экспорт фабрикатов из Германии, с целью создания активного платежного баланса без помощи иностранных займов, равна нескольким миллиардам. Если германский народ в общем достиг бы довоенного жизненного уровня, то стало бы необходимым дальнейшее повышение ввоза приблизительно на полтора миллиарда довоенных марок, ибо до войны тратилось на импорт пищевых продуктов и текстильного сырья именно на такую сумму больше, чем теперь; в нынешней валюте эта сумма равна 2 миллиардам марок. При очень грубом исчислении Германия для того, чтобы поднять свое хозяйство до довоенного уровня, уплатить репарации и питать и одевать германский народ так же, как до войны, должна была бы достигнуть увеличения экспорта фабрикатов на сумму не менее 6 млрд. марок.

Чтобы получить представление о возможности подобного поднятия экспорта, мы сопоставили в нижеследующей таблице вывоз фабрикатов важнейших капиталистических стран за 1925 г. Из имеющих значение стран промышленного экспорта не достает лишь Италии, в статистике внешней торговли которой не существует подразделения на сырье и фабрикаты.

Мировая торговля фабрикатами в 1925 г. [1])

	Ввоз	Вывоз	Вывоз в милл. долларов
	в милл. валютн. единиц		
Англия (фунты стерлинг.)	320	616	2.957
Соед. Штаты (доллары)	796	1.812	1.842
Германия (марки)	2.005	6.626	1.578
Франция (франки)	5.402	26.976	1.295
Бельгия (франки)	3.910	8.081	387
Чехо-Словакия (кроны)	4.055	11.635	349
Япония (иены)	243	558	228
Голландия (гульдены)	5.053	626	250
			8 886
		Ввоз Германии	500
			8.386

[1]) «Accounts relating to the trade and Commerce», H. M. St. O. 1926. Пересчеты сделаны на основании данных «Survey of Current Business».

Таблица показывает, что общая покупательная способность мирового рынка в отношении промышленных фабрикатов перечисленных стран составляет приблизительно 34 миллиарда марок. Экспорт фабрикатов, неперечисленных стран: Италии, Польши и некоторых меньших стран, не должен по самой высокой оценке превышать 6 миллиардов марок, т. е. всего около 40 мрд. марок. Покупательная мощность мирового рынка должна была бы, таким образом, увеличиться на полных 15 процентов, или же германская промышленность для того, чтобы создать себе место на мировом рынке для добавочного экспорта германских промышленных товаров на сумму в 6 мрд. марок, должна будет вытеснить своих конкурентов на одну шестую общего оборота. И приблизительно на такую же сумму необходимо увеличить германскую продукцию для того, чтобы иметь возможность снова привлечь в производственный процесс промышленную резервную армию [1]).

Каковы же преимущества германской промышленности в сравнении с ее конкурентами на мировом рынке?

1. Более низкие расходы на заработную плату, чем в Америке, Англии, Франции (повидимому, более высокие, чем в Италии и Японии).

2. Временный рост темпа (развития промышленности), благодаря более ранней рационализации.

3. Более тесная связь между наукой, техникой и производством, чем в большинстве других стран, и отсюда возможность технического скачка вперед.

4. Освобождение от части бремени задолженности при помощи инфляции и создание таким образом более выгодного положения в сравнении со странами, находящимися в дефляционном периоде (Америка, Англия, нейтральные государства), которые должны нести на себе все довоенное бремя.

Но всем этим преимуществам нужно противопоставить следующие отрицательные стороны:

1. Репарации, которые, будучи доведены до полного размера, потребуют ежегодно 5% продукции германского хозяйства, и связанные с ними более высокие налоги (в значительной части репарации уплачиваются рабочими, но—при всех равных обстоятельствах—капиталисты могли бы в такой же степени понизить заработную плату в свою пользу, если бы рабочие не были вынуждены платить налоги для уплаты репараций).

2. Контроль важнейших политико-экономических факторов: государственные доходы, государственный банк, железные дороги.

3. Отсутствие вывоза капиталов [2]).

[1]) В очень грубом исчислении, в Германии имеется около 15% безработных в собственно промышленности: ценность продукции может составить приблизительно 30 мрд. марок; при полной загруженности на 5 мрд. больше.

[2]) До войны суммы иностранных займов Германии составляли в среднем за период 1907—1913 гг. 473 млн золотых марок ежегодно (при нынешнем уровне валюты равн. 700 млн.). В 1925 г. не больше 10 млн. марок. В I половину 1926 г—15 млн. Правда, германская индустрия может предоставить товарный кредит в исключительном случае даже долгосрочный—как, например, 300 млн. кредит Советскому Союзу, но это не является настоящим вывозом капитала, а лишь товарным кредитом, как он практиковался, помимо вывоза капитала, в широком масштабе и до войны.

4. Отсутствие монопольно обеспеченных или специальных рынков сбыта в такой мере, как ими обладает Америка, Англия, Франция и Голландия и др. в своих колониях или полуколониях.

Выгоды и невыгоды положения германской промышленности по меньшей мере уравновешиваются. Это обнаруживается в структуре экспорта. Последний, правда, сильно поднялся, но не достигнув, однако, при этом довоенного уровня; еще менее он достиг той сильной активности, которая необходима для разрешения противоречий германского хозяйства — для преодоления диспропорции между производственными возможностями и возможностями сбыта и для устранения факта наличности безработных пролетарских масс при остающихся неиспользованными средствах производства.

Мировая торговля при пересчете на нынешние ценности составляла (специальная торговля без золота и серебра):

	Ввоз	Вывоз	Превышения	
			Ввоз	Вывоз
1913 старая территория	10.770	10.097	673	—
1913 новая территория	9.693	9.087	606	—
1923	6.150	6.102	48	—
1924	9.083	6.552	2.531	—
1925	12.428	8.798	3.630	—
1926 янв. до авг. = $^2/_3$ года	6.077	6 423	—	346

Активность баланса в течение первых месяцев 1926 г. следует прежде всего приписать сильному уменьшению ввоза сырья. Правда, экспорт также существенно поднялся, отчасти в результате английской угольной стачки. Несомненно, что после окончания английской угольной стачки обстоятельства сложатся опять в пользу германского вывоза. Во всяком случае довоенный вывоз, исчисленный в довоенных ценностях, еще далеко не достигнут, и участие Германии в мировой торговле уменьшилось. Согласно официальной германской статистике (Commerce Report) [1], участие Германии и ее важнейших конкурентов в общем мировом экспорте составляло:

Ценность экспорта в процентах общего мирового экспорта.

	1913 г.	1924 г.	1925 г.
Великобритания и Ирландия	16,7	17,5	16,7
Германия	13	6,2	7,4
Франция	7,2	8,9	7,7
Соед. Штаты	13,5	18,3	17,4

Остановимся еще очень бегло на некоторых отраслях германской промышленности, считающихся имеющими наиболее богатую будущность и в отношении которых Германия считается передовой страной на мировом рынке: химическая промышленность, электрическая промышленность и машиностроение показывают следующее развитие:

[1]) Цитировано по «Wirtschaftsdienst», вып. 37, от 17 октября 1926 г.

Химическая промышленность [1]). Мы видим сильный скачок вперед в вывозе 1925 г., однако, довоенный вывоз еще не достигнут, и участие Германии в снабжении мира химическими продуктами при учете увеличившегося с тех пор потребления, несомненно, значительно уменьшилось.

Внешняя торговля в миллионах марок.

	1913 г.	1924 г.	1925 г.
Вывоз	895	350,7	859,7
Ввоз	215	93,7	143,1
Превышение вывоза	680	247,0	755,6

Электрическая промышленность. Вывоз электрических машин и аппаратов из различных стран в процентном отношении представлял следующую картину [2]):

	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Великобритания	23,4	28,9	28,9	30,2
Германия	48,5	28,7	25,7	27,7
Соед. Штаты	17,7	31,3	33,4	31,3
Франция	6,7	7,2	8,2	6,6
Швейцария	3,7	3,9	3,9	4,2

Мы видим, что Германия оттеснена с первого на третье место. В абсолютных цифрах она достигла своего довоенного экспорта в то время, как Соед. Штаты удвоили свой довоенный экспорт.

Машиностроительная промышленность. Экспорт и импорт всякого рода машин, а также аппаратов и машинных частей—без электрических—составляли [3]):

	В миллионах марок		
	1913 г.	1924 г.	1925 г.
Вывоз	938	621	855
Ввоз	125	80	172
	813	541	683

Здесь мы также замечаем сильное увеличение в 1925 г., но довоенный вывоз все же, несмотря на сильное повышение

[1]) Мы резюмируем в этой таблице на основании данных «Статистического Ежегодника» следующие пункты внешнеторговой статистики: сернокислый аммоний; другие химические сырьевые материалы и полуфабрикаты; каменноугольный деготь, каменноугольные масла и производные; целлулоид и т. д.; фильмы, краски, олифа, лаки; серно-кислый калий, хлористый калий химические и фармацевтические продукты. Недостает искусственного шелка, и др. ибо последний привозится вместе с естественным шелком.

[2]) «The Electrical Industry in Germany», изд. Об'единения британской электрической промышленности, стр. 111.

[3]) Там же, стр. 105.

цен, не достигнут. Здесь также Германия оттеснена конкуренцией других стран.

Распределение экспорта машин по весу в процентах [1]).

	1913 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Великобритания	40	38	35	30
Германия	41	28	27	27
Франция	16	35	34	40
Швейцария	3	4	4	3

С первого места Германия оттеснена на третье место.

Таким образом, мы видим, что хотя германский капитализм и достиг больших успехов в течение последних лет, все же о завоевании мирового рынка в размерах, необходимых для преодоления внутренних противоречий, еще не может быть и речи.

Будущность германского капитализма.

Капиталистический метод, рационализация и образование монополий как будто также приспособлен к тому, чтобы разрешить этим способом проблему германского хозяйства. Да, кажется, будто и сама германская буржуазия склоняется к тому, чтобы отказаться от действительного разрешения вопроса по восходящей линии и удовольствоваться обеспечением своих прибылей, не обращая внимания на разрешение проблемы в целом с классовой и государственной точки зрения.

Германская буржуазия рационализирует и создает монополию. Это означает уменьшение доли пролетариата в общей продукции, высокие цены на внутреннем рынке, дальнейшее сужение покупательной способности внутреннего рынка. И это тем более, что германская промышленная буржуазия в целях сохранения необходимых для монополистической эксплоатации внутреннего рынка высоких покровительственных тарифов должна согласиться также и на предоставление аграриям высоких покровительственных тарифов на пищевые продукты, что также действует в направлении дальнейшего сужения внутреннего рынка в отношении промышленных предметов массового потребления [2]).

Эта система приспособлена для обеспечения прибылей монополистической промышленности при уменьшенном производстве, а не для под'ема капитализма и для преодоления безработицы. С другой стороны, германская буржуазия как будто сама не питает надежд на обратное завоевание своего старого места на мировом рынке в открытой борьбе с конкурентами. Поэтому она судорожно стремится к созданию международных картелей, под прикрытием которых она может себе обеспечить известную добрую долю прибыли на мировом рынке. Это также означает обеспечение прибылей, а не разрешение проблемы. Результатом такой политики будет: продолжение существования безработицы, дальнейшее ухудшение положения рабочих, массовая эмиграция, фиктивные репарационные платежи, т.-е. дальнейшее отчуждение германского имущества посредством «мнимого трансферта» [1]). Конечным результатом было бы падение Германии до положения экономической колонии экспортирующей капиталы державы, т.-е. прежде всего Соед. Штатов.

Резюмируем. Несмотря на серьезные успехи в течение последних трех лет, крупные проблемы германского капитализма не разрешены. Дальнейший под'ем германского капитализма на ступень, которая обеспечила бы германскому пролетариату соответствующее накопление в самом широком смысле этого слова, не обеспечен. Только либо всеобщий под'ем мирового капитализма, либо скачкообразное развитие за счет своих конкурентов могло бы это провести в жизнь. Нет основания надеяться ни на то, ни на другое. Поэтому наиболее вероятной перспективой является продолжение периода кризиса, прерываемого кратковременными фазами улучшившейся кон'юнктуры, и при этом продолжение наступления капиталистов на жизненный уровень германского пролетариата. Само собой разумеется, что степень сопротивления, которое будет оказывать германский пролетариат дальнейшему усилению эксплоатации, будет оказывать особое влияние на дальнейшую структуру германского капитализма. Одно не подлежит сомнению: об'ективное положение складывается таким образом, что для работы германской коммунистической партии создается благоприятная почва.

---

[1]) Там же, стр. 106.

[2]) Повышение цен на пищевые продукты означает или уменьшение прибыли внутреннего капитала, если реальная заработная плата рабочих остается без изменений, или уменьшение заработной платы и тем самым уменьшение покупательной способности промышленного пролетариата в отношении промышленных товаров. Часть уменьшения покупательной способности рабочих компенсируется повышением покупательной способности среднего и богатого крестьянства, но бо́льшая часть достается крупным землевладельцам.

[1]) Я называю «мнимым трансфертом» то явление, при котором репарации уплачиваются не из текущей продукции германского хозяйства, но путем продажи «обязательств в счет будущего дохода» — акций, облигаций и т. д. за границу.

Лазарь Шацкин.

Путешествие тов. Ксенофонтова по „основным вопросам стратегии и тактики ВКП“.

Борьба против всяких извращений марксизма и ленинизма принадлежит к числу важнейших задач нашей партийной печати. Особенно сейчас, когда марксизм и ленинизм стали в советской стране «модой» и когда всякий, кому не лень, божится именами великих учителей коммунизма. С другой стороны, и потому, что у нас сейчас нередко появляются «халтурные» произведения по основным вопросам большевистской теории и тактики. В особенности же тщательно надо следить за тем, чтобы в момент, когда вся партия жадно читает все, что относится к внутрипартийным разногласиям, под флагом борьбы против оппозиции не преподносился всякого рода хлам, ничего общего с теорией и практикой партии не имеющий. Ибо такая «борьба» с оппозицией превращается в свою противоположность.

На эти—думаем, вполне своевременные—мысли наводит недавно вышедшая книжка тов. Ф. А. Ксенофонтова (не смешивать с покойным Иваном Ксенофонтовичем Ксенофонтовым)—«Основные вопросы стратегии и тактики ВКП» (ГИЗ, 1927 г.).

I. Цель путешествия и «манера письма».

Прежде всего нужно отметить, что т. Ксенофонтов не ставит себе задачи популярно изложить то, что «завоевано и записано» нашей партией на основе ее революционного опыта и идейной борьбы в основных вопросах стратегии и тактики авангарда пролетариата. «Однако, я должен оговориться: это не учебник по вопросам стратегии и тактики ВКП»—скромно замечает автор, почему-то думая, что кто-либо может принять такого рода произведение за партийный учебник. «Целью брошюры является разбор идейных основ политики партии (в связи с решениями XIV с'езда) и платформы оппозиционного блока»—так определяет он задачу своего «труда». Таким образом, перед нами попытка самостоятельного теоретического исследования (или разбора) основных вопросов стратегии и тактики ВКП. Именно под углом выполнения этой серьезнейшей задачи и надо расценивать плоды творчества т. Ксенофонтова.

Однако, автор нисколько не сомневается в возможности выполнить ее своими собственными силами. Его безбрежная самоуверенность и безграничное самомнение бросаются в глаза уже на первой странице книги. Первая глава «Основных вопросов» начинается следующим перлом:

> «В своей первой работе о ленинизме (примечание автора: см. Ф. Ксенофонтов, «Учение Ленина о революции и диктатуре пролетариата», ГИЗ, 1925 г.), написанной в 1924 г., мы так определяли ленинизм:
>
> «Ленинизм есть наука о революционной политике рабочего класса в условиях империализма, т.-е. теория и тактика пролетарской революции». Теперь, вдумываясь в это определение и сравнивая его с определением, которое дал тов. Сталин в своей брошюре «Об основах ленинизма», мы считаем, что оба определения в основном совпадают. Однако, определение Сталина более полно, а потому и более совершенно» (стр. 1, курсив мой. *Л. Ш.*).

Конечно, широкие партийные массы проявят необычайный энтузиазм по поводу совпадения определения Сталина и определения Ксенофонтова. Еще больше обрадуется партия, когда узнает, что Ксенофонтов—боже упаси—ничего не позаимствовал у Сталина, а сам «додумался», ибо для доказательства именно этого положения и приведены год писания и год издания первого труда нашего автора (брошюра Сталина вышла в 1924 г.). Но зачем же уже на первой странице «намекать», что собственно, я, Ксенофонтов, и был тем человеком, который «выдумал», что такое ленинизм. Ведь, во-первых, никто этому не поверит, а во-вторых, кому интересны подробности теоретической биографии т. Ксенофонтова, кроме, быть может, его ближайших родственников и друзей?

Казалось бы, что автор столь самоуверенный, открывший, что такое ленинизм и берущийся исследовать основные вопросы стратегии и тактики ВКП, должен по меньшей мере уметь грамотно и ясно писать. Этого нельзя сказать про книжку т. Ксенофонтова. Вот несколько образцов ксенофонтовского стиля: «Партия, по мнению этого блока, не ведет свою политику согласно мудрости этого идейного колодца троцкизма...» (стр. V предисловия). Почему колодца? Почему бы в эпоху индустриализации не сказать, например, идейного водопровода? Или водокачки? Говоря об отрицании Каутским возможности построения социализма в нашей стране, Ксенофонтов так излагает точку зрения Каутского: «противоречия между пролетариатом и крестьянством этой страны неразрешимы только ее плечами» (стр. 18). Опять же читатель может задать вполне законный вопрос: почему плечами? Почему, например, не головой, ежели уж противоречия между пролетариатом и крестьянством обязательно необходимо решать какой-нибудь частью тела? Или про того же Каутского: «Каутский не понимает, что пролетарская революция, есть борьба, гражданская война классов, а поэтому, она есть проблема движущих сил ее» (стр. 38). Извиняемся перед Ксенофонтовым за навязчивость, но опять приходится задать вопрос: кто она? кого (чье) ее? Темновато получается. Ксенофонтов берется определить, что такое ликвидаторство и пишет: «Ликвидаторство, это—есть мень-

шевизм в пользу реакции» (28). Чрезвычайно оригинально, но... непонятно. И неграмотно.

Впрочем, хватит с нас стиля т. Ксенофонтова. Правда, говорят, что стиль—это человек и что неясность изложения выдает неясность мысли. Насколько это правильно, видно будет из дальнейшего изложения. А пока отметим одну странность в «манере письма» т. Ксенофонтова. В тексте его книги встречаются нередко формулировки, которые целиком или с изменением лишь нескольких слов заимствованы из чужих произведений без кавычек и указания источника. Например:

«Победивший пролетариат в одной стране, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, должен встать против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, направляя в случае необходимости даже военную силу против эксплоататорских классов и их государств» (Ксенофонтов, стр. 43).

В этой знаменитой цитате из Ленина Ксенофонтов изменил следующее: 1) «в одной стране» вместо «этой страны» (и вышло литературно неладно), 2) «должен встать» вместо «стал бы», 3) «направляя» вместо «выступая», 4) «военную силу» вместо «с военной силой» (см. Ленин, т. XIII, стр. 133). Все остальное точно так же, как и у Ленина. Мы ни в коем случае по этому случаю не обвиняем тов. Ксенофонтова в плагиате. Во-первых, потому, что он сам за 27 страниц перед тем приводил эту цитату из Ленина с указанием источника. Во-вторых, потому, что, пропустив строк шесть он последние слова соответствующего ленинского абзаца приводит как цитату, выделяя их петитом, беря их в кавычки и т. д. Но все-таки мы никак не можем согласиться с такого рода заимствованием из Ленина. Ибо читатель не обязан помнить всего Ленина наизусть. Так же мало он обязан помнить наизусть цитаты из Ленина, приводимые Ксенофонтовым в другом месте его книги. Но Ксенофонтов обязан строго различать между текстом Ленина и своим текстом. По той простой причине, что читатель хочет и должен знать, что от Ленина и что от Ксенофонтова. Ведь разница-то между ними есть. Поэтому против такого рода «совпадений» приходится возражать. Тем более, что это не единственный случай «совпадения». Такую же историю проделывает т. Ксенофонтов и со Сталиным:

«Важнейшими такими организациями системы диктатуры пролетариата являются: советы, как массовая организация трудящихся, связывающая партию с этими последними, прежде всего, по линии государственной; профсоюзы, как массовая организация пролетариата, связывающая партию с классом, прежде всего, по линии производственной: кооперация, как массовая организация, главным образом, крестьянства, связывающая партию с крестьянскими массами, прежде всего по линии хозяйственной, по линии вовлечения крестьянства в социалистическое строительство; союз молодежи, как массовая организация рабочей и крестьянской молодежи, призванная облегчить авангарду пролетариата социалистическое воспитание нового поколения и выработку молодых резервов».

Так значится в тексте Ксенофонтова на стр. 51, без кавычек, без указания источника. Все это, начиная со слова «советы», дословно совпадает с приводимой Ксенофонтовым в другом месте цитатой из «Вопросов ленинизма» т. Сталина (стр. 26—27). Только вместо профсоюзов на первое место поставлены советы и выпущена фраза о роли партии, следующая за оценкой роли союза молодежи. Приписать такое дословное и точное заимствование только хорошей памяти т. Ксенофонтова невозможно. Тут есть какая-то странность «манеры письма» и странность недопустимая. И тут есть система. Ибо на стр. 45 проделана такая же операция с ленинской цитатой о том, что «диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата» и т. д.—четыре строки дословно заимствованы. Возможно, что и в других местах встречаются подобные «совпадения»—мы специально их не искали, а привели лишь то, что бросается в глаза.

До сих пор мы отметили случаи заимствования таких формулировок из чужих произведений, которые т. Ксенофонтов сам приводит в других листах своей книги. Однако, к сожалению, в книге встречаются и такие дословные или почти дословные заимствования, о которых во всей книге не сообщается ни то, что слова взяты чужие (т. е. никаких кавычек), ни то, откуда они взяты. Приведем несколько примеров:

Ксенофонтов.	Ленин.
«Но для нас торговля не является самоцелью, она для нас является единственной возможной экономической формой связи между десятками миллионов мелких земледельцев» (стр. 149).	«Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью» (т. XVIII, ч. 1, стр. 413).

Мы подчеркнули те места, которые в обеих цитатах дословно или почти дословно совпадают. И дело здесь не столько в том, что т. Ксенофонтов переписал, не сообщив об этом читателю, несколько строк из Ленина, сколько в том, что он фактически выдает за свою одну, из лучших, классических формулировок Ленина. То же самое, хотя и в несколько смягченной форме, он проделывает и со знаменитыми формулировками Ленина о торговле, как важнейшем звене, ухватившись за которое мы овладеем всей цепью (Ксенофонтов, 149, Ленин, т. VIII, ч. 1, стр. 412).

Еще хуже Ксенофонтов обращается с произведениями т. Сталина, где «совпадения» начинают принимать эпидемический характер. Несколько примеров:

Ксенофонтов.	Сталин.
«Гигантское усиление противоречий между горстью цивилизованных наций и миллионами колоний и зависимых стран...» (стр. 14).	«Третье противоречие—это противоречие между горстью господствующих, цивилизованных наций и между сотнями миллионов колониальных и зависимых народов мира» (Вопросы ленинизма», стр. 77).

Выкинуты слова «между сотнями» и «народы» заменены «странами». Остальное со слова «противоречий» дословно «совпадает». Дальше.

Ксенофонтов.	Сталин.
«Например, в годы гражданской войны со всей резкостью выступает насильственная сторона диктатуры пролетариата» (стр. 48). «Это не означает, что в период непосредственной гражданской войны не было совсем строительной работы...» (стр. 49).	«В период гражданской войны особенно бьет в глаза насильственная сторона диктатуры. Но из этого вовсе не следует, что в период гражданской войны не происходит никакой строительной работы» («Вопросы ленинизма», стр. 23).

В главе чрезвычайно претенциозно названной «Несколько замечаний о стратегии и тактике военной и стратегии и тактике политической» встречается следующее «совпадение»:

Ксенофонтов.	Сталин.
«Нельзя, как мы об этом говорили выше, смешивать военную стратегию и тактику и стратегию и тактику политическую: партия, проводящая свою стратегию и тактику создает свою армию в ходе самой классовой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того, как массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее тактики и политики» (стр. 110).	«Политическая армия не то, что армия военная. Если военное командование приступает к войне, имея в руках уже готовую армию, то партии приходится создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновений классов, по мере того как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики» (там же, стр. 188).

Вторая половина цитаты списана дословно, первая лишь слегка изменена. Еще пример:

Ксенофонтов.	Сталин.
«Образцом такой тактики может служит заключение Брестского мира... Однако, этот мир позволил партии выиграть время: использовав столкновение в лагере империализма, укрепив свои силы, свою связь с крестьянством, она обеспечила.. Не заключив Брестского мира наша партия не могла бы... подготовиться к борьбе против Колчака и Деникина (стр. 136—7).	«Образцом такой стратегии можно считать заключение Брестского мира, давшего партии возможность выиграть время, использовать столкновения в лагере империализма, разложить силы противника, сохранить за собой крестьянство и накопить силы для того, чтобы подготовить наступление на Колчака и Деникина (там же, стр. 143—4).

Опять-таки—часть цитаты списана «открыто», другая завуалированно, вставлены в середку свои фразы. Но читателю «от этого не легче».

Надо вообще отметить, что добрых две трети книжки т. Ксенофонтова представляют довольно посредственное изложение Сталина. Мы позже докажем, что там, где автор отступает от этого правила, он сбивается с пути, делая крупнейшие ошибки, зачастую оппортунистически извращая теорию и тактику партии. Против изложения книг наших вождей нечего возразить, но

при том непременном условии, чтобы 1) изложение было грамотным и ясным и 2) чтобы изложение не превращалось в списывание без указания источника.

Мы не знаем, как квалифицировать «манеру письма» нового «теоретика». Может быть, это и не называется плагиатом. Но во всяком случае эта безобразная неряшливость в обращении с чужими произведениями показывает, что мы имеем дело с автором чрезвычайно легкомысленным, которому прежде, чем писать об основных вопросах стратегии и тактики нашей партии, надо бы подумать:

1) о минимальной дозе скромности, необходимой для «выдвигающихся» молодых литераторов,

2) об основных правилах грамотного и ясного изложения на русском языке,

3) об основных правилах обращения с произведениями других авторов.

Надеемся, что т. Ксенофонтов, если он решит—да минует нас чаша сия—выпустить еще одну книжку, примет во внимание эти наши дружеские советы.

А теперь направимся в, по необходимости, длительное путешествие в область основных вопросов стратегии и тактики ВКП по следам новоявленного исследователя.

II. Ксенофонтов в гостях у Маркса.

Как известно, и Маркс и Ленин причастны к решению основных вопросов стратегии и тактики коммунистической партии. Поэтому вполне законно желание т. Ксенофонтова определить соотношение марксизма и ленинизма, хотя, собственно говоря, эта задача недурно выполнена до появления его книги другими товарищами. А для того, чтобы определить это соотношение, надо выяснить наследие марксизма в основных вопросах пролетарской революции. С марксизма поэтому и начинает Ксенофонтов.

1. Главное в учении Маркса о пролетарской революции и диктатура пролетариата. Тов. Ксенофонтов берет прямо быка за рога и дает характеристику всего учения Маркса о революции:

> «Такова постановка вопроса, которую дали Маркс и Энгельс в своем учении о революции вообще и о пролетарской революции в особенности. Главное в этом учении, в этом фундаменте теории международной пролетарской революции—научное об'яснение революции, как естественно-исторического результата общественного развития, и на основе этого—установление всемирной исторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества» (стр. 7).

Так говорит Ксенофонтов. Но ведь всякому кончившему школу политграмоты бросается в глаза, что именно главное в учении Маркса «о революции вообще и о пролетарской революции в особенности» упущено. У Ксенофонтова пропала в этой характеристике... диктатура пролетариата. Не больше, не меньше. Давать характеристику марксова учения о революции, не говоря ничего о диктатуре пролетариата, значит извращать и опошлять марксизм, значит принижать его

до уровня, приемлемого для любого реформиста. В 1926 г. после восьмилетней борьбы между II и III Интернационалами по вопросу о диктатуре пролетариата, после «Государства и революции» Ленина, забывать такой «мелочи» нельзя. Говорить на полутора страницах о главном в учении Маркса о революции, давать «дефиниции» (определения) по этому вопросу и ни разу не упомянуть о диктатуре пролетариата—значит показать полное невежество в вопросах марксизма.

Правда, Ксенофонтов пытается сослаться на следующую цитату из Ленина, которую он, как часто и другие цитаты, приводит неточно. В марте 1913 г. Владимир Ильич писал: «Главное в учении Маркса,—это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества» (т. XII, ч. 2, стр. 43). Но, во-первых, здесь речь идет обо всем учении Маркса, об учении Маркса вообще, а не о марксовом учении о революции—это разница очень существенная. Во-вторых, в 1917 г. Ленин расшифровал понятие всемирно-исторической роли пролетариата в своей классической работе («Гос. и революция»), посвященной в значительной мере восстановлению подлинного марксизма. Там он приводит выдержку из знаменитого письма Маркса к Вейдемейеру, в котором Маркс сам характеризует главное в своем учении:

> «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»...

Так сам Маркс определяет роль диктатуры пролетариата в его учении. А вот как комментирует Ленин это письмо Маркса:

> «В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о «государстве» (Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 323, курсив мой. *Л. Ш.*).

И дальше:

> «Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа» (там же, последний курсив мой. *Л. Ш.*).

Похоже это на характеристику главного в марксовой теории революции, данную Ксенофонтовым? Нисколько. Самое важное, революционную душу марксизма Ксенофонтов выхолостил.

Курьез, однако, заключается в том, что в другом месте, через 34 страницы, Ксенофонтов сам приводит цитированное

письмо Маркса, ничего в нем не поняв. Это доказывается не только его словами о главном в учении Маркса о пролетарской революции, но и его пониманием роли Маркса в развитии теории диктатуры пролетариата. После главы «Ленинизм, как теория и тактика международной пролетарской революции» у Ксенофонтова идет глава «Ленинизм, как теория и тактика диктатуры пролетариата» (отметим, кстати, что это деление вообще неудачно, ибо нет и не может быть «теории и тактики пролетарской революции» без «теории и тактики диктатуры пролетариата»). Приведя в этой последней главе письмо Маркса к Вейдемейеру, Ксенофонтов предпосылает ему следующие слова:

> «Несомненно, что идея диктатуры пролетариата принадлежит Марксу. Но Маркс дал лишь общую постановку вопроса о диктатуре пролетариата, а не всесторонне разработанную теорию последней» (курсив Ксен., стр. 41).

А само письмо он сопровождает таким комментарием:

> «Вот как Маркс определяет свою роль в теории диктатуры пролетариата. Это есть, собственно говоря, общая формулировка учения о классовой борьбе» (там же, курсив мой. *Л. Ш.*).

Это называется «понял я вас», как говорит один из героев «Треста Д. Е.». Обе формулировки Ксенофонтова совершенно неправильны.

Неверно, что Маркс дал лишь «общую» постановку вопроса, только «идею» диктатуры пролетариата. Он указал связь диктатуры пролетариата с переходным периодом в экономике, он указал причины ее возникновения (роль государства буржуазного и пролетарского), условия ее возникновения (насильственная революция и слом буржуазной государственной машины), тип пролетарского государства (Парижская Коммуна), причины и условия отмирания пролетарской диктатуры и т. д. Для того, чтобы доказать, что Ленин сказал много нового о пролетарской диктатуре (это хочет доказать Ксенофонтов), нет надобности преуменьшать роль Маркса в решении этого вопроса. Принижать значение Маркса в теории пролетарской диктатуры значит помогать реформистам искажать марксизм, кастрировать его революционную сущность. Каутский писал, что «Маркс, к сожалению, упустил указать подробнее, как он представляет себе эту диктатуру». А Ленин замечает по этому поводу: «Насквозь лживая фраза ренегата, ибо Маркс и Энгельс дали именно ряд подробнейших указаний»... (т. XV, стр. 449).

Неверно, что учение Маркса о пролетарской диктатуре есть лишь «собственно говоря, общая формулировка учения о классовой борьбе», как с неподражаемой развязностью третирует Маркса Ксенофонтов. В письме Маркса, которое так оценивает Ксенофонтов, сказано как раз обратное. Общая формулировка учения о классовой борьбе была дана буржуазными историками и экономистами. Она приемлема для умных, передовых буржуа, под ней подпишется любой неглупый реформист. Маркс именно не только дал более глубокое об'яснение классовой борьбы вообще, но сделал громадный исторический шаг вперед от общей формулировки учения о классовой борьбе к учению о ее неизбежном результате—диктатуре пролетариата. Смазывать это

историческое завоевание марксизма значит помогать реформистам превращать пролетарски-революционное учение в невинную теорию передового буржуазного демократа.

Так понял Ксенофонтов главное в марксовом учении о революции—теорию пролетарской диктатуры Маркса.

2. Маркс и насильственная революция. Не меньше путаницы у Ксенофонтова и в том месте его книги, где он говорит об отношении Маркса к насильственной революции. В тексте он делает вполне правильное заявление:

> «Поэтому, Ленин считает, в полном согласии с Марксом, что путь пролетариата к социализму лежит не через буржуазную демократию, а через насильственную революцию, через гражданскую войну, разрушающую буржуазную демократию и возвышающую пролетариат до положения господствующего класса» (стр. 31, курсив мой. *Л. Ш.*).

Но к этому правильному заявлению Ксенофонтов делает следующее примечание:

> «Это положение Ленина (т.-е. только-что приведенное положение—прошу заметить. *Л. Ш.*), как и положение о возможности победы социализма первоначально в одной стране, значительно, с принципиальной стороны дополняет, развивает марксизм. Известно, что Маркс сделал следующее заявление 2 октября 1872 г.: «Мы знаем, что в борьбе за политическую власть необходимо считаться с учреждениями, с нравами, с обычаями различных стран, и мы не отрицаем, что имеются страны, как Америка, Англия,—к ним возможно я причислил бы и Голландию, если бы знал ее учреждения,—где возможно, что рабочие достигнут своей цели мирным путем. Но это не относится ко всем странам». Эти слова Маркса имели свое отношение к определенной эпохе, когда милитаризм не стал еще господствующей системой» (стр. 31, курсив мой, слово «принципиальной» подчеркнул автор. *Л. Ш.*).

Что же получается в результате этого «исследования» Ксенофонтова? С одной стороны, Ленин выдвинул «это положение», т.-е. положение о неизбежности насильственной революции, гражданской войны и т. д. в согласии, да еще полном, с Марксом, а, с другой стороны, это же положение дополняет, да еще с принципиальной стороны, марксизм, т.-е. «этого положения» у Маркса не было. Выходит, что все, что в «этом положении» написано, в первую голову насильственную революцию, «открыл» Ленин, а Маркс об этом не знал. Что именно так и только так может читатель понять примечание Ксенофонтова, доказывает тот факт, что Ксенофонтов проводит в этом вопросе аналогию с взглядами Маркса и Ленина на вопрос о победе социализма в одной стране, в котором,—по мнению Ксенофонтова,—существуют коренные различия между Марксом и Лениным. Тот же вывод вытекает и из того факта, что для иллюстрации слов о «принципиальном» «дополнении» Маркса Лениным в вопросе о насильственной революции Ксенофонтов приводит заявление Маркса о возможности «мирного пути» в Англии. И получается у Ксенофонтова Маркс, постриженный под Каутского.

Именно Каутский пытается изобразить Маркса вегетарьянцем в вопросе о революции, а Ленина апологетом насилия, ревизующим Маркса. Именно Каутский пытается придать словам Маркса об Англии общее значение, решающее для всего учения Маркса о завоевании власти пролетариатом. А Ксенофонтов—вольно или невольно—в этом ему помогает.

На деле «это положение» содержится целиком у Маркса. Вот как Ленин оценивал точку зрения Маркса и Энгельса на насильственную революцию».

> «Мы уже говорили выше и подробнее покажем в дальнейшем изложении, что учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно смениться государством пролетарским (диктатура пролетариата) не может путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией. Панегирик, воспетый ей Энгельсом и вполне соответствующий многократным заявлениям Маркса... этот панегирик отнюдь не «увлечение», отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы в таком и именно таком взгляде на насильственную революцию лежит в основе всего учения Маркса и Энгельса» (Ленин, т. XIV, ч. 2, 313, курсив Ленина. *Л. Ш.*).

Вот каким ясным языком говорил Ленин о взглядах Маркса на насильственную революцию. Это в корне отлично от того, как описывает Ксенофонтов эту, по выражению Ленина, «безусловно самую важную часть их (Маркса и Энгельса) учения».

А как отвечал Ленин на попытку Каутского при помощи цитаты об Англии доказать, что Маркс не был сторонником насильственной революции?

> «Ссылка на то, что Маркс в 70-х годах допускал возможность мирного перехода к социализму в Англии и Америке, есть довод софиста, т.-е. проще говоря, мошенника, который жульничает при помощи цитат и ссылок. Во-первых, эту возможность Маркс и тогда считал исключением. Во-вторых, тогда не было еще монополистического капитализма, т.-е. империализма. В-третьих, именно в Англии и Америке не было тогда (теперь есть)—военщины, как главного аппарата буржуазной государственной машины» (т. XV, стр. 425).

Из этого следует что: 1) возможность мирного перехода власти к пролетариату «Маркс и тогда считал исключением», т.-е. этого никак нельзя считать принципиальным отличием марксова учения от ленинского взгляда на насильственную революцию и 2) Ленин не «принципиально» дополнял Маркса в вопросе об Англии, а применил к новой конкретной обстановке в Англии учение Маркса.

Для того, чтобы доказать, что Ленин дал много нового по сравнению с Марксом, нет нужды извращать марксизм и извращать его в оппортунистическую сторону.

3. Маркс и победа пролетарской революции в одной стране. Ксенофонтов ставит вопрос об отношении

Маркса к победе пролетарской революции в одной стране. Сама постановка этого вопроса является заслугой, едва ли не единственной, нашего автора. Но как он обошелся при этом с Марксом, выяснил ли он действительно поставленную проблему—это вопрос другой. Ксенофонтов ставит вопрос следующим образом:

«Есть ли революция продукт одновременного восстания рабочих всего мира или, по меньшей мере—продукт об'единенных усилий ряда передовых стран промышленного капитализма? А в связи с этим обязательно ли должна начаться пролетарская революция с наиболее передовой промышленной страны? Имеем ли мы у Маркса и Энгельса ответ на этот вопрос? Нет не имеем. Правда, нужно сказать, у Маркса есть случайное замечание по этому вопросу в его рукописи о Фейербахе» (стр. 8, курсив мой. *Л. Ш.*).

Итак, Ксенофонтов задает Марксу и Энгельсу два вопроса: 1) одновременно ли должен восстать пролетариат передовых стран (прошу заметить—вопрос поставлен именно о восстании, а не о строительстве социализма)? 2) должно ли восстание обязательно начаться с наиболее (прошу заметить: наиболее) передовой страны? И на оба вопроса автор не находит ответа у Маркса, а лишь случайное замечание [1]). На самом деле Ксенофонтов приводит два «случайных замечания»—одно из рукописи о Фейербахе, другое из «Принципов коммунизма» Энгельса. В первом замечании говорится, что «коммунизм эмпирически возможен только как одновременное, происходящее зараз дело господствующих народов...», а во-втором, что «коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех передовых странах, т.-е. по крайней мере в Англии, Америке, Франции и Германии». К сему комментарий Ксенофонтова:

«Это случайное замечание Маркса дало повод меньшевику Дану оспаривать и возможность социалистического строительства в одной стране и правомерность русской Октябрьской революции. Опровержением такого толкования этого беглого замечания является, конечно, во-первых, само учение Маркса, его революционная диалектика. Во-вторых, если бы даже эти слова имели известное основание в условиях промышленного капитализма, еще недостигшего своей империалистской стадии, то они не имеют совсем никакого основания в условиях империализма. Это только показывает, что вопрос нуждается в разработке...» (стр. 8 и 9, курсив Ксенофонтова).

А что у Ксенофонтова получилось? Ответа на свои вопросы он якобы не получил. Но все-таки в качестве ответа он приводит «случайные замечания». И так их преподносит, что в результате Маркс выдан с головой Дану, Маркс превращен в человека, утверждавшего, во-первых, по вопросу об одновременном восстании, и, во-вторых, по вопросу о том, какая страна может начать восстание, то же, что сейчас говорят социал-демократы. Если бы это даже было и так, то это, конечно, все же не доказывало бы правоты меньшевиков. Но это не так, а потому зря Ксенофонтов дает им в руки аргумент весьма веский—право ссылаться на Маркса.

[1]) Мы обсуждаем здесь вопрос об отношении Маркса к победе социализма в одной стране лишь в постановке т. Ксенофонтова, т.-е. в той его части, которая касается пролетарского восстания. От этого надо отличать вопрос о социалистическом строительстве в одной стране, отношение к которому Маркса требует специального разбора.

А произошло сие потому, что наш почтенный автор взялся писать по всем вопросам, а ни одного из них толком не изучил или не понял. Во-первых, он прервал цитату из «Принципов коммунизма» несколько преждевременно. После приведенного Ксенофонтовым места Энгельс говорит:

«В каждой из этих стран она (коммунистическая революция. *Л. Ш.*) будет развиваться быстрее или медленнее, в зависимости от того, в какой из этих стран более развита промышленность, больше накоплено богатств и имеется более значительное количество производительных сил. Поэтому, она осуществится медленнее и труднее всего в Германии, быстрее и легче всего в Англии» («Коммунистический Манифест», изд. под ред. Рязанова, стр. 317).

В этих словах, почему-то не приведенных в книжке Ксенофонтова, содержится: 1) утверждение о неравномерности развития капитализма в разных странах и 2)—на основе этого—утверждение о неравномерности развития коммунистической революции.

Во-вторых, наш «исследователь взял почему-то (скорее всего по незнанию) только два сравнительно незрелых труда Маркса и Энгельса, а главное, написанных до революции 1848 г., когда Маркс и Энгельс впервые познакомились с революцией на собственном опыте. В «Классовой борьбе во Франции», где Маркс анализирует опыт французской революции 1848 г., он пишет:

«Период развития так же, как и период кризиса, на континенте наступил позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда совершается в Англии; это—Демиург буржуазного Космоса... Поэтому, хотя кризисы и вызывают революцию прежде всего на континенте, но причины их всегда заложены в Англии. Естественно, что насильственные вспышки происходят раньше всего в конечностях буржуазного организма, чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно, чем там. С другой же стороны, степень, с какой континентальные революции оказывают обратное действие на Англию, служит показателем того, насколько эти революции действительно затрагивают жизненные отношения буржуазного общества или же касаются только их политических форм» (Маркс и Энгельс «Исторические работы», стр. 117, курсив мой. *Л. Ш.*).

Тут тов. Ксенофонтов мог бы получить ответ на оба свои вопроса,—«раньше в конечностях буржуазного организма, чем в его сердце». Это значит, что 1) пролетарские восстания («насильственные вспышки») не обязательно происходят одновременно и 2) они не обязательно начинаются в «наиболее передовой стране», ибо даже Ксенофонтов не решится утверждать, что

. Сама «конечность» есть вещь более «передовая», чем «серд..ии не Франция после революции 1848 г. была страной более п... этом в экономическом отношении, чем Англия. ...бле-

Еще более конкретно ставит Маркс вопрос в другом ... того же произведения:

> «Но задача рабочего—кто решает ее? Никто. Она разрешается не во Франции, но во Франции возвещается. Она нигде не разрешима в пределах национальных границ; классовая война внутри французского общества превращается в мировую войну, в которой нации выступают друг против друга. Решение начинается лишь с того момента, когда мировая война поставит пролетариат во главу народа, господствующего над мировым рынком,—во главу Англии. Революция, которая здесь не оканчивается, а получает свое организационное начало, не будет кратковременной революцией» (там же, 98, курсив мой. *Л. Ш.*).

В этой цитате выражены следующие основные положения: 1) решающее значение для международной пролетарской революции имеет Англия, как сердце капиталистического мира [1]), 2) революция начинается («возвещается») во Франции, 3) она приводит к мировой войне, в которой нации выступают друг против друга, ибо Англия во главе Священного Союза будет бороться против революционной Франции,—эту мысль о связи французской пролетарской революции с «мировой войной» или с «европейской революционной войной» Маркс подчеркивает неоднократно (см. «Исторические работы», стр. 36 и 51), 4) что революция составит целую эпоху (она не будет «кратковременной»). Эта последняя мысль выражена наиболее ярко в следующих словах Маркса:

> «Вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданских и международных войн не только для того, чтобы изменить отношения, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству» (курсив мой. *Л. Ш.*).

Теперь мы разрешим себе спросить Ксенофонтова: если после пролетарской революции во Франции нации выступают друг против друга, то не ясно ли, что не все передовые страны одновременно начинают пролетарские восстания, ибо никто не поверит, что пролетарские государства выступают друг против друга? Не ясно ли, что эпоха гражданских и международных войн исключает обязательность одновременного победоносного восстания в разных странах, ибо тогда не было бы ни эпохи (в 15—20—50 лет!) гражданских войн (без поддержки иностранной буржуазии они были бы быстро ликвидированы внутри пролетарского государства), ни тем более эпохи международных войн? Не ясно ли, что мировая война, в которой пролетарское государство воюет с буржуазными, предполагает, что

---

1) Отметим мимоходом, что если Ксенофонтов уже заговорил об „известном основании“ марксовых „случайных замечаний“, то надо было рассказать, что это за основание. Именно сюда относится монопольная роль Англии на мировом рынке вплоть до 70 гг. прошлого века.

ловека, пролетариат первого государства завоевал власть и укре-
восстан...?

начат... ретьих, тов. Ксенофонтов промолчал об отношении Ес... и Энгельса к величайшему событию их жизни—Парижской Коммуне, которая ведь была пролетарской революцией, диктатурой пролетариата и, как даже тов. Ксенофонтов знает, в одной стране. Кроме того, известно, что коммуна была не только пролетарским восстанием—она создала новый тип пролетарского государства. Больше того, она начала и работу по реорганизации производственных отношений, правда, только начала. Теперь спрашивается: мог ли бы Маркс написать «Гражданскую войну во Франции»—этот гениальный памятник Коммуне, если бы он не считал возможным пролетарское восстание во Франции, в одной стране, в отсталой—по сравнению с Англией—стране? А ведь Маркс считал Коммуну образцом диктатуры пролетариата. С другой стороны, позволительно ли Ксенофонтову считать Маркса таким дураком, который после опыта Коммуны, не мог определенно ответить на ксенофонтовские вопросы?

И в этом пункте Ксенофонтов извратил Маркса—и снова в оппортунистическую сторону.

4. Маркс и крестьянство. И в вопросе об оценке Марксом роли крестьянства в пролетарской революции Ксенофонтов учинил порядочную путаницу:

> «Является ли пролетарская революция делом только одного пролетариата? Известно, что у Маркса нет более или менее разработанного ответа на этот вопрос. Правда, у него есть гениальные намеки на «второе издание крестьянской войны» в Германии, как на важнейшее условие успеха пролетарской революции. Но это только намек, не больше» (стр. 37).

Ну, не перл ли это? «Только намек, не больше». На большее наш «теоретик» не согласен. Он ни на один вопрос не может найти ответа Маркса по той простой причине, что Маркса он не знает.

Именно в вопросе о крестьянстве Ленин дал особенно много нового по сравнению с Марксом. Но он это сделал на основе довольно многочисленных, замечательных и вполне ясных указаний Маркса и Энгельса на роль крестьянства в пролетарской революции. Это настолько общеизвестно, что мы не будем здесь приводить цитат из Маркса. Укажем лишь Ксенофонтову, где он может познакомиться с ними. В своих «Исторических работах» (стр. 21, 37, 102—104, 116, 222, 226, 243—244), в «Гражданской войне во Франции» (стр. 41) Маркс и Энгельс совершенно ясно говорят о крестьянстве, как о союзнике пролетариата в социалистической революции и о руководящей роли пролетариата в этом союзе. Есть, к сведению Ксенофонтова, целая книжка Энгельса, которая так и называется «Крестьянский вопрос» и в которой Энгельс рисует тактику коммунистов по отношению к крестьянству не только до, но и после завоевания власти пролетариатом. Это такой «намек», которого Ленин никогда не забывал, на который он часто ссылался, в особенности—когда говорил о нашем отношении к середняку.

«Намеков» Маркса и Энгельса по вопросу о крестьянстве упорно не желают замечать меньшевики, ибо они—в отличие от большевиков—считают крестьянство реакционной силой, ибо они, враги пролетарской революции, не могут правильно поставить вопроса о союзниках пролетариата. Но не пристало коммунисту подпевать им, помогать им преуменьшать значение Маркса в выяснении этого вопроса.

Итог посещения Маркса Ксенофонтовым: если бы Маркс был таким, каким изобразил его Ксенофонтов,—марксизм не мог бы быть теорией революционной партии пролетариата. И еще один итог: «Покажите русскому школьнику карту звездного неба, о которой он до тех пор не имел никакого понятия, и он завтра же возвратит вам эту карту исправленною» (Достоевский).

III. Ксенофонтов на пути к власти.

Тов. Ксенофонтов, уяснив себе роль Маркса в теории пролетарской революции, не оставляет своим просвещенным вниманием целый ряд проблем завоевания власти рабочим классом. И тут он сделал крупнейшие ошибки.

1. Пролетарское восстание и большинство рабочего класса. Тов. Ксенофонтов описывает тактику ВКП в октябрьском восстании в качестве «образца стратегически-тактического искусства» для других партий Коминтерна. При этом он так изображает соотношение сил к моменту восстания:

> «Известно, что наша партия перед Октябрем не имела абсолютного большинства в массах рабочего класса. Но также известно, что эти массы были возмущены против правительства Керенского, соблюдая нейтралитет по отношению к большевикам. Опираясь на большинство завоеванных рабочих голосов в Москве и Питере, т.-е. опираясь на наиболее сознательную часть пролетариата, партия добилась и от этих масс рабочего класса и активной поддержки, и восстания, и советской власти» (стр. 136, курсив мой. *Л. Ш.*).

Последняя половина цитаты совершенно правильна. А первая часть ее неверна. Из положения Ксенофонтова можно сделать два вывода: один исторический,—что большевики захватили власть, не пользуясь сочувствием большинства пролетариата, и другой принципиальный,—что для захвата власти компартией достаточно нейтрализовать большинство пролетариата.

Первый вывод неверен фактически. Соотношение сил перед Октябрем получается у Ксенофонтова тем более нелепым, что он за несколько строк до этого пишет: «Большинство крестьянства и армии, несомненно, сочувствовало большевикам в их лозунгах борьбы за мир и землю». Расстановка сил получается совершенно неверная. Выходит, что большевики идут на захват власти: 1) при сочувствии меньшинства пролетариата, 2) при сочувствии большинства крестьянства, 3) при нейтралитете большинства пролетариата. Выходит, что крестьянство более революционный класс, чем пролетариат. Получается нечто в роде пресловутого меньшевистского «солдатского бунта». Излишне доказывать, ибо это общеизвестно, что соотношение сил к Октябрю было иным. Иначе оценивал его и тов. Ленин, как непосредственно перед

Октябрем, так и в последующие годы, когда он раз'яснял опыт Октября международному пролетариату.

Излишне подробно доказывать, что изображенный Ксенофонтовым «образец» не годится для других компартий. Конечно, не обязательно, чтобы абсолютное большинство рабочих участвовало в восстании с оружием в руках, «шло на смерть». С другой стороны, не обязательно, чтобы сочувствие большинства рабочего класса к революционной партии проявилось в «голосовании», как на этом настаивает Каутский. Но Ленин и Коминтерн всегда стояли на той точке зрения, что для завоевания власти компартии необходимо завоевать сочувствие большинства пролетариата и бороться против тех, кто этого не понимал. Напомним тов. Ксенофонтову, хотя бы прения по этому вопросу на III конгрессе Коминтерна. Никогда у Ленина Ксенофонтов не найдет утверждения, что достаточно нейтрализации большинства пролетариата для успеха пролетарского восстания.

2. Пролетарская революция и нейтрализация крестьянства. Однако, соглашаясь на нейтрализацию большинства пролетариата, Ксенофонтов считает, что лозунг «нейтралитет крестьянства» вообще непригоден, безотносительно к условиям времени и места. В том месте, где речь идет о движущих силах пролетарской революции, Ксенофонтов пишет:

> «Большую часть современного общества составляют непролетарские трудящиеся слои народа, и в основном—крестьянство. Как же быть с ними? Одно из двух: или они будут союзниками пролетариата в революции, или они будут резервами контрреволюции. Надеяться только на их нейтральность — это значит предоставить эти слои в распоряжение буржуазии» (стр. 38, курсив мой. *Л. Ш.*).

Так говорит Ксенофонтов. Он отвергает нейтрализацию для всего крестьянства (не расчленяя его на разные социальные слои), для всей революции (не отличая различных ее этапов). И это ошибка. А вот Ленин (и Коминтерн, принявший тезисы Ленина) считал возможным на определенном этапе революции и для определенного слоя крестьянства выдвинуть лозунг нейтрализации. В тезисах по аграрному вопросу (II конгресс КИ) Ленин писал о середняцком (середняцком, тов. Ксенофонтов!) крестьянстве:

> «Революционный пролетариат не может ставить своей задачей,—по крайней мере для ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата,—привлечение этого слоя на свою сторону. Он должен ограничиться задачей нейтрализовать его, т.-е. заставить его не оказывать активной поддержки буржуазии в ее борьбе с пролетариатом» (Бела Кун, «Коминтерн в резолюциях», стр. 63, курсив мой. *Л. Ш.*).

Тов. Ленин даже думает, что для начала периода пролетарской диктатуры успех такой политики наверняка обеспечен:

> «Соединение мер этого рода (т.-е. помощи середняцкому крестьянству. *Л. Ш.*) с беспощадной борьбой против буржуазии вполне гарантирует успех политики нейтрализации» (там же, стр. 64).

Так писал тов. Ленин «в международном масштабе». А отношение Ленина и всей нашей партии к вопросу о нейтрализации в России превосходно выявлено в политическом отчете тов. Сталина на XIV с'езде:

«Раньше, когда мы шли к буржуазной революции, когда мы, большевики, впервые набросали свою тактику в отношении крестьянства, Ленин говорил: союз со всем крестьянством против царя и помещиков, при нейтрализации кадетской буржуазии... Это был первый этап нашей революции.

Потом, когда мы подошли ко второму этапу, к Октябрю, Ленин дал новый лозунг, соответствующий новой обстановке: союз пролетариата с деревенской беднотой против всех буржуа, при нейтрализации среднего крестьянства. Это—лозунг, необходимый для компартий, идущих к власти. И даже тогда, когда они завоевали власть, но еще не укрепили власти, они не могут рассчитывать на союз с середняком...

А в дальнейшем? В дальнейшем, когда мы власть достаточно укрепили, отбив атаки империалистов, и вступили в полосу широкого социалистического строительства, Ленин выдвинул третий лозунг—прочного союза пролетариата и бедноты со средним крестьянством...» («Вопросы ленинизма», стр. 380, 381).

Так-то, тов. Ксенофонтов. Оказывается, что стратегия и тактика ВКП вещи не столь уже простые и писать о них надо со смыслом. А ведь если бы компартии стали на точку зрения Ксенофонтова «или-или», считая нейтрализацию вообще каутскианской ересью, то им бы никогда не дождаться диктатуры пролетариата по той простой причине, что до упрочения диктатуры пролетариата прочный союз с середняками невозможен, а нейтрализации Ксенофонтов не желает. Неприятное положение. Единственная надежда остается—авось взгляды Ксенофонтова необязательны для Коминтерна!

3. Мирное завоевание власти пролетариатом и правительство Макдональда. Нейтрализовав пролетариат и денейтрализовав крестьянство, Ксенофонтов, наконец, переходит к «взятию» власти. Но берет он ее странно. И тут мы снова переходим к той серии ошибок нашего автора, которые имеют определенный оппортунистический привкус. В самом деле, послушайте нашего «архистратига»:

«При известных условиях (каких? *Л. Ш.*) буржуазная демократия может привести пролетариат к власти мирным парламентским путем, пролетариат, который ведет либеральную рабочую политику, пролетариат, которым руководит оппортунистическая рабочая партия. Но тогда обладание пролетариатом властью нисколько не означает революционного преобразования капитализма в коммунизм (какое уже тут «революционное преобразование», раз все дело идет мирно и через парламент! *Л. Ш.*). Такое обладание пролетариатом властью фактически является спасением буржуазии от революции (ну, какая уж тут революция! *Л. Ш.*) Пример английского «рабочего правительства» во главе с Макдональдом доказывает это» (стр. 36, 37, курсив мой. *Л. Ш.*).

Помилуйте, тов. Ксенофонтов. Ведь нельзя же так в нескольких строчках опрокидывать всю ленинскую теорию завоевания власти пролетариатом.

Как видно из этой цитаты, тов. Ксенофонтов «обладает» двумя «мыслями»: 1) пролетариат, руководимый оппортунистами, может притти к власти мирно, через парламент, не в форме диктатуры пролетариата при таких условиях, как, например, условия возникновения правительства Макдональда (т.-е. условия Англии в 1924 году!); 2) правительство Макдональда — это и был пролетариат у власти. Достаточно двух этих положений Ксенофонтова, чтобы спросить Госиздат: как можно печатать такие книжки?

Обе «мысли» Ксенофонтова совершенно неправильны и оппортунистичны в самом прямом смысле этого слова. Вот что говорит т. Сталин по этому вопросу:

«Меньшевики и оппортунисты всех стран (вот в какую компанию попал наш «стратег». *Л. Ш.*), боящиеся диктатуры, как огня, и подменяющие с перепугу понятие диктатуры понятием «завоевания власти» (заметьте, тов. Ксенофонтов. *Л. Ш.*), обычно сводят «завоевание власти» к смене «кабинета» (*N. B.*!), к появлению у власти нового министерства из людей в роде Шейдемана и Носке, Макдональда и Гендерсона. Едва ли нужно раз'яснять (оказывается нужно. *Л. Ш.*), что эти и подобные им смены кабинетов не имеют ничего общего с диктатурой пролетариата, с завоеванием действительной власти действительным пролетариатом. Макдональд и Шейдеман у власти, при оставлении старых буржуазных порядков, их, так сказать, правительства не могут быть чем-нибудь другим, кроме обслуживающего аппарата в руках буржуазии... правительства такого рода, несмотря на это (на то, что они сигнализуют «беспокойство» в капиталистическом обществе. *Л. Ш.*), неизбежно остаются подкрашенными правительствами капитала. От правительства Макдональда или Шейдемана до завоевания власти пролетариатом так же далеко, как небо от земли» («Вопросы ленинизма», стр. 107, 108, курсив мой. *Л. Ш.*).

Так писал тов. Сталин против меньшевиков. И попал не в бровь, а в глаз тов. Ксенофонтову. А вывод сумеет сделать читатель.

Но, возразит нам тов. Ксенофонтов, Ленин говорил о возможности «мирного перехода» к социализму. Да, говорил в полемике с Бауэром.

И вот как говорил:

«Например: допустим, что в девяти странах, в том числе во всех великих державах, Вильсон, Ллойд-Джордж, Мильеран и прочие герои капитализма находятся уже в таком положении, как у нас Юденич, Колчак и

Деникин с их министрами. Допустим в десятой м а л е н ь к о й стране, п о с л е э т о г о капиталисты предлагают рабочим: давайте мы вам добросовестно поможем, подчиняясь вашим решениям, провести «упорядоченную» и мирную (без разрушения) экспроприацию экспроприаторов»... (Ленин, т. XVII, стр. 21, курсив наш. *Л. Ш.*).

Такое положение по Ленину теоретически возможно. Похоже ли это на то, что пишет Ксенофонтов, приводя в пример Англию? Нисколько.

Но Ксенофонтов может сослаться на Венгрию, где в 1919 г. сложились такие международные и внутренние условия, при которых власть перешла к пролетариату после добровольной отставки буржуазного правительства. Однако, 1) эти условия составляют р е д ч а й ш е е и с к л ю ч е н и е, которое вряд ли повторится до победы пролетариата в важнейших странах капитализма, 2) на другой день после завоевания власти пролетариатом, началась ожесточенная г р а ж д а н с к а я в о й н а, 3) Венгрия—страна маленькая, лежащая в стороне от путей мировой политики (это не Англия!), 4) в Венгрии пролетариат пришел к власти под руководством коммунистов, хотя и сделавших глупость, слившись с с.-д., 5) в Венгрии мы имеем, несмотря на измену с.-д., правда, несовершенную, но все же д и к т а т у р у п р о л е т а р и а т а и советскую власть. А Ксенофонтов говорит о завоевании власти пролетариатом и м е н н о н е в ф о р м е д и к т а т у р ы п р о л е т а р и а т а. По этому последнему поводу полезно вспомнить следующие слова Ленина:

«Чего прежде всего не понимают социалисты и в отношении чего проявляется их теоретическая близорукость, их зависимость от буржуазных предрассудков, их политическое предательство по отношению к пролетариату, это то, что в капиталистическом обществе, при обострении лежащей в его основе классовой борьбы, н е м о ж е т б ы т ь ч е г о - л и б о с р е д н е г о, н а х о д я щ е г о с я м е ж д у д и к т а т у р о й б у р ж а з и и и д и к т а т у р о й п р о л е т а р и а т а. Всякая мечта о чем-то третьем, есть реакционная, мелкобуржуазная ламентация» (Ленин, т. XVI, стр. 42, курсив мой. *Л. Ш.*).

Нехорошо, тов. Ксенофонтов, заниматься реакционной мелкобуржуазной ламентацией и выдавать ее за ленинизм. Ибо Ленин говорит:

«Сущность советской власти выступает теперь тем яснее: никакая иная власть, поддерживаемая трудящимися с пролетариатом во главе их, теперь невозможна нигде в мире (нигде в мире, тов. Ксенофонтов!), кроме как советская власть, кроме как диктатура пролетариата» (т. XVI, стр. 226).

И—к сведению Ксенофонтова—эти слова сказаны Лениным и именно в связи с переходом власти к пролетариату в Венгрии, в его «привете венгерским рабочим».

Но у Ксенофонтова может остаться еще одна зацепка: ведь правительство Макдональда есть правительство английской р а б о ч е й партии; рабочая партия пришла к власти, следовательно, правительство Макдональда—власть пролетариата. Но и такое рассуждение не имело бы ничего общего с ленинизмом. Ибо:

«Конечно, рабочая партия большею частью состоит из рабочих, но из этого не следует, что всякая рабочая партия, состоящая из рабочих, в то же время «политическая рабочая партия»; это зависит от того, как она руководится и какое содержание она вкладывает в свои действия и в свою политическую тактику. Только это последнее определяет, имеем ли мы перед собой действительно политическую партию пролетариата. С этой единственно правильной точки зрения р а б о ч а я п а р т и я, н а о б о р о т, н а с к в о з ь б у р ж у а з н а я п а р т и я, ибо, хотя она и состоит из рабочих, но руководят ею реакционеры, притом самые худшие, совершенно в духе буржуазии, и с помощью английских Носке и Шейдеманов они систематически обманывают рабочих» (Ленин, т. XVII, стр. 301, курсив мой. *Л. Ш.*).

Если уж Ксенофонтов не читает решений Коминтерна, где подробно «обсказано» о том, как может пролетариат завоевать власть и что собою представляет правительство Макдональда, то неужто он не читает даже газет, где все это подробно разжевывалось? Странная история. Но поучительная, ибо «не суйся в воду, не зная броду». Не берись писать об основных вопросах стратегии и тактики ВКП, если в них ничего не смыслишь.

4. «Л е в ы е к а у т с к и а н ц ы» и О к т я б р ь. Мы не можем обойти молчанием и этого вопроса, ибо он имеет большое значение. Ксенофонтов задался целью доказать (как это, впрочем, доказано было Бухариным в его лекциях в Ин—те Кр. Профессуры, появившихся затем в виде статьи в № 19—20 «Большевика»), что оценка Троцким перспектив русской революции в ее связи с революцией международной совпадает с той их оценкой, которую давал Каутский в 1917 и 1918 годах. Это совершенно правильно. Но исходя из этого благого намерения, Ксенофонтов «доказал» и слишком много и сильно приукрасил каутскианство.

Он заявляет:

«Меньшевизм, несомненно, не приемлет Октября. Но каутскианство 1917—18 гг. с известной «оговоркой» «приемлет» Октябрь» (стр. 188).

При чем, как дальше выясняет Ксенофонтов, оговорка эта заключается в гарантировании немедленного взрыва европейской революции.

Тут у Ксенофонтова две ошибки: во-первых, каутскианство противопоставлено меньшевизму вообще, как будто оно не есть одна из разновидностей (и наиболее опасная разновидность) меньшевизма.

Во-вторых, Ксенофонтов обязан был указать, что даже при условии гарантированного взрыва европейской революции каутскианство 1917—18 гг. «приемлет» Октябрь 1) только н а с л о в а х (это очень существенно, в этом гвоздь!!); 2) только в ч у ж о й с т р а н е, а не в своей (одна из характерных особенностей наиболее «л е в ы х» центристов); 3) только п о с л е того, как О к т я б р ь стал совершившимся фактом и наиболее умные из реформистов поняли, что бороться с Октябрем можно среди рабочих только

под флагом его формального признания. Без этих раз'яснений, слова о приемлемости Октября для каутскианства превращаются в прикрашивание этой разновидности меньшевизма.

Ксенофонтов понимает, что «Каутский как ренегат и об'ективно и лично, заведомо «знает», что общеевропейской революции «не будет», а потому он не идет на Октябрь». Но общеизвестно, что Каутский—«правый каутскианец». А о «левых» каутскианцах Ксенофонтов ставит вопрос иначе:

«Не допустимо ли, что «левый» каутскианец в расчете на немедленный взрыв европейской революции может даже пойти на «Октябрь», но «на второй день», в обстановке долголетнего одинокого существования рабочего государства в СССР, в обстановке стабилизиции капитализма быть носителем пессимизма и брюзжания постольку, поскольку он остается по-старому на позициях каутскианства в вопросах характера русской революции»? (стр. 18 и 19, курсив мой. *Л. Ш.*).

Непосредственно Ксенофонтов имеет здесь в виду Троцкого, но он ставит вопрос в общей форме о «левом каутскианце» вообще и отвечает на поставленный им вопрос утвердительно.

Что касается Троцкого, то мы смеем утверждать, что, участвуя на руководящих ролях в Октябрьской революции, т. Троцкий, с точки зрения каутскианства вообще и левого в частности, поступал непоследовательно.

А что касается «левых каутскианцев» вообще, то, конечно, не исключена возможность, что отдельные персонажи этого рода (в качестве исключения) вполне искренно пойдут на Октябрь. Но постольку и на время своего участия в пролетарском вооруженном восстании, имеющем целью свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата, они перестают быть последовательными левыми каутскианцами.

Ибо, к сведению тов. Ксенофонтова, сущность левого каутскианства состоит (или состояла в 1917—18 гг..) не в «признании» Октября в той или другой форме, с той или другой оговоркой о европейской революции или о чем-нибудь другом—все это фразы левых «каутскианцев», все это отвод глаз. Сущность левого каутскианства, его дела состояли и состоят в саботаже «извне» и «изнутри» всякой попытки пролетариата повести решительную борьбу против буржуазии, всякой попытки вооруженного восстания, всякой попытки установления диктатуры пролетариата. Поэтому, на общий вопрос: «не допустимо ли», что «левый каутскианец» в расчете на немедленный взрыв европейской революции может даже пойти «на Октябрь»?—мы отвечаем: нет. Если брать «левого каутскианца», как последовательного представителя целого течения, если брать левокаутскианских вождей «в их массе» или «в качестве общего правила»—они или будут бешено бороться против Октября или путаться в ногах у борющегося пролетариата, об'ективно помогая буржуазии подавить восстание. Мы думаем, что следующая характеристика тов. Ленина относится не только к Каутскому лично, но и вообще к каутскианским вождям, в том числе и «левым».

«Гаазе и Каутский, Фридрих Адлер и Отто Бауэр могут сколько угодно вертеться и исписывать горы бумаг и говорить бесконечные речи—им не отговориться от того факта, что они на деле обнаруживают полное непонимание диктатуры пролетариата и советской власти, что они на деле мещанские демократы, «социалисты» в роде Луи Блана и Ледрю Роллена, что они на деле в лучшем случае—игрушка в руках буржуазии, в худшем—даже прямые прислужники ее.

«Независимцы», каутскианцы, австрийские социал-демократы кажутся единой партией; на деле масса членов партии не солидарна с вождями в основном, в самом главном, в наиболее существенном. Масса пойдет на пролетарскую революционную борьбу за советскую власть, как только наступит момент нового кризиса, а «вожди» останутся тогда, как и теперь, контрреволюционерами» (Ленин, т. XVI, стр. 332 и 333, курсив Ленина. *Л. Ш.*).

Тов. Ленин указывает на дела каутскианцев в отличие от бумажных увертох, «признаний» диктатуры пролетариата на словах, под давлением масс. И он говорит, что каутскианцы не пойдут на октябрь.

Неужто Бауэр—один из вождей современного левого каутскианства, к которому также относится характеристика Владимира Ильича,—пойдет на деле на октябрь только потому, что он на словах признал диктатуру пролетариата в СССР?

Неужто тов. Ксенофонтов забыл опыт 1923 г., когда германская компартия, думая, что «левые каутскианцы» (левые саксонские социал-демократы) могут «пойти на октябрь», построила на этом предположении всю свою стратегию и в первую голову поэтому проиграла дело. Ведь именно эти самые «левые каутскианцы», про которых Ксенофонтов думает, что они могут пойти на октябрь, и погубили германский октябрь в 1923 г.

Ксенофонтов поставил неверно вопрос, от правильного решения которого зависит очень многое в тактике Коминтерна. Ведь «левые каутсканцы» и сейчас существуют и в Германии, и в Австрии, и в других странах. Если наступит новая непосредственно революционная ситуация, как строить свою тактику компартиям: из расчета на левых с.-д., как на союзников в деле вооруженного восстания или как на врагов (в лучшем случае «нейтральных ренегатов»)? По-ксенофонтовски надо бы выбрать первое. По-большевистски—второе, что, конечно, не исключает лавирования и маневрирования с левыми с.-д., но что исключит повторение германских ошибок 1923 г.

Итог продвижения Ксенофонтова к власти: если бы пролетариат шел по ксенофонтовскому пути, он никогда не завоевал бы власти.

(Окончание следует).

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ЯКОВЛЕВ, Я. А.—«Сельское хозяйство и индустриализация» (Доклад в Комакадемии). ГИЗ, 1927 г., стр. 64. Цена 40 к.

Настоящая брошюра тов. Яковлева, представляющая стенограмму его доклада в Комакадемии, должна привлечь внимание и вызвать глубокий интерес со стороны широкого актива нашей партии. В самом деле, брошюра затрагивает самую злободневную, самую актуальную проблему нашей экономической политики—взаимоотношение сельского хозяйства и принятого партией курса на индустриализацию страны.

Как известно, именно здесь, в разрешении этой проблемы, как отправного пункта для определения возможного темпа индустриализации, оппозиция резко и решительно разошлась с партией. Оппозиция утверждала, что принятый партией темп индустриализации «явно недостаточен», что партия не использовала всех возможностей для привлечения имеющихся в стране средств, необходимых для индустриализации, что партия ведет неправильную политику, характеризующуюся старой формулой «промышленность, не забегай», «равняйся по крестьянскому хозяйству».

Едва ли, впрочем, можно было бы что-либо возразить против доброго пожелания ускорить темп индустриализации, расширить принятую нами программу индустриализации. «Наша промышленность могла бы с удобством поглотить вдвое больше» той суммы, которая была ассигнована в 1925—26 г. на капитальное строительство, говорил т. Сталин на собрании ленинградского актива, «нам нужно превратить нашу страну из страны аграрной в страну индустриальную и чем скорее, тем лучше. Но для всего этого требуются большие капиталы».

Оппозиция не удовлетворена принятым темпом индустриализации, но для того, чтобы темп ускорить, нужны дополнительные капиталы, дополнительные средства. Откуда же оппозиция думает их почерпнуть, где достать? Программа оппозиции немудрена. Нажать посильнее на крестьянина: усилить действие налогового пресса, и увеличить на 30% отпускные цены на промтовары. Тогда сельское хозяйство, страдающее, по мнению оппозиции, излишним полнокровием, скинет лишний и вредный для нее жирок, а промышленность получит дополнительно миллиард рублей для целей индустриализации. Однако, как ни «проста», как ни «немудрена» была такая программа, оппозиция не могла доказать ее экономической, а тем более политической рациональности. Мало и недостаточно «найти миллиард» для дополнительного капитального вложения в промышленность, надо еще доказать, что эта «находка» дает положительный, а не отрицательный эффект. А это можно было сделать только на основе тщательного экономического анализа, которого оппозиция не только не делала, но и упорно уклонялась произвести.

Тем больший интерес представляет брошюра тов. Яковлева, на тщательном экономическом анализе предложений оппозиции проверяющая их экономический и политический смысл или, вернее, их политическую и экономическую бессмысленность.

В основе работы т. Яковлева лежит совершенно бесспорное положение, утверждающее «наличие и закономерность органической связи сель-

ского хозяйства и промышленности, в особенности в экономических условиях нашей страны». Тысячами экономических нитей связаны между собой промышленность и сельское хозяйство, и именно в н а ш и х условиях, в условиях наличия диктатуры пролетариата пока т о л ь к о в о д н о й с т р а н е, дальнейшее развитие промышленности в такой же мере обусловливается развитием сельского хозяйства, как и последнее—первым. Уже настоящий год «дает нам возможность проверить силу этой связи по линии сельскохозяйственного сырья. На общем фоне роста сельского хозяйства этот год вскрыл ряд тревожных симптомов, над которыми следует задуматься. Мы имели в этом году на ряду с большим ростом хлебных и кормовых культур, падение технических и специальных культур и задержку в развитии животноводства». В потребляющем районе снижается посевная площадь под картофелем на 2,9%, а под льном на 3,4%. В производящем районе посевная площадь под подсолнухами сократилась на 6,1%, а под кукурузой—на 17,8%. «На Сев. Кавказе на ряду с особо сильным ростом хлебных товарных культур, происходит особо сильное сокращение интенсивных культур (посевн. площ. под подсолнухами сокращается в 1926 году до 84,1% площади 1925 г.)». На Украине площадь под кукурузой уменьшается на 20,2%, под подсолнухами—на 26,2%, по сравнению с 1925 г. и т. д.

Такие же тревожные показатели дает и животноводство. «По потребляющей полосе происходит общее сокращение всех видов продуктивного скота, особенно крупного рогатого скота (до 92,2% от 1925 г.); сокращаются и овцы, и козы, и свиньи. Особо сильно сокращение крупного рогатого скота в Центрально-Промышленной области (в 1926 г.—86,6% от 1925 г.)». Примерно, та же картина наблюдается и в производящей полосе и на Украине.

Как должны будут отразиться эти регрессивные явления на промышленности? Достаточно сказать, что «отрасли промышленности, работающие на сельскохозяйственном сырье, дают, по исчислениям ВСНХ, больше третьей части всей продукции нашей промышленности»! Достаточно одного этого напоминания, чтобы понять, что сокращение специальных и технических культур, сокращение животноводства означает вместе с тем и сокращение, сужение необходимой для промышленности сырьевой с.-х. базы. И развивающаяся наша промышленность, вместо того, чтобы все больше освобождаться в отношении сырья от капиталистического хозяйства, оказывается вынужденной все большее место в импортном плане уделять сырью. И если в прошлом году «ввоз с.-х. сырья для нашей промышленности составил около четверти всего импорта», то в будущем году «согласно ориентировочного основного импортного плана, ввоз сырья составит больше 40% всего импортного плана. Сырье загружает импортный план, сырье занимает то место, которое можно было бы отдать оборудованию. В итоге некоторых регрессивных явлений в с.-х. этого года мы имеем такое положение, что отрасли промышленности, производящие 35% всей годовой продукции промышленности, встретились в этом году с рядом новых затруднений в виду недостатка сельскохозяйственного сырья». Наконец, сокращением посевных площадей отдельных с.-х. культур, как, например, подсолнуха, создается «прямая угроза в след. году и маслобойной промышленности и экспорту».

Таким образом, зависимость промышленности от сельского хозяйства совершенно несомненна. Только как источник сырья (мы уже не говорим о с. х., как потребителе продукции промышленности) сельск. хоз. влияет на промышленность и непосредственно и через импортно-экспортные операции, сокращая в условиях падения специальных и технических культур

и животноводства экспортные планы и тем самым сокращая возможности ввоза оборудования и требуя в импортных планах большего места сырью за счет оборудования, за счет ввоза средств производства.

О чем, однако, говорят все эти явления нашей экономической жизни? Прежде всего, о том, что для проведения в жизнь принятого партией плана индустриализации надо «во что бы то ни стало увеличить импорт оборудования. Для этого надо разгружать импорт от сырья—это значит развивать сырьевые отрасли сельского хозяйства». А, во-вторых, усилить экспорт. Но этого «мы не сможем достигнуть без форсирования развития животноводства и специальных отраслей сельского хозяйства». И в том и в другом случае разрешение проблемы индустриализации оказывается связанным соответствующим развитием сельского хозяйства. «Интересы промышленности требуют определенного типа развития сельского хозяйства в сторону увеличения значения в этом хозяйстве специальных и технических культур сельского хозяйства и животноводства». Если это условие не будет соблюдено, если роль сельского хозяйства, как поставщика сырья для промышленности, будет падать, если сельск. хоз. будет уменьшать свою роль в нашем экспорте, если импорт будет загружаться сырьем, то все разговоры об индустриализации останутся только пустыми и праздными «разговорами», под шум которых план переделки из страны аграрной в страну индустриальную будет фактически сорван.

Между тем наличие этой связи, этой взаимозависимости и взаимообусловленности, этого совпадения интересов сельского хозяйства и промышленности является характерной особенностью экономической платформы оппозиции. Увлеченная своей «сверхиндустриалистской» теорией, оппозиция проглядела эту «особенность» нашего экономического развития; окрыленная своими «успехами» в поисках новых «миллиардов» для капитальных вложений в промышленность, она не заметила, что «сверхиндустриализация» на словах означает срыв какой бы то ни было индустриализации на деле.

В самом деле, проведение плана индустриализации требует такой политики в отношении крестьянства, в отношении сельского хозяйства, которая обеспечивала бы усиленное развитие необходимых для нее источников с.-х. сырья, расширение рынка сбыта промышленной продукции. Обеспечивает ли создание этих необходимейших предпосылок для индустриализации предложение оппозиции усиленной перекачки крестьянских накоплений в промышленность путем повышения налогового обложения крестьянства и повышения на 30% отпускных цен на промтовары? Конечно, нет. И не только не обеспечивает, но и подрывает в основе самую возможность осуществления курса на индустриализацию. Что это именно так, а не иначе, говорит тщательный и добросовестный экономический анализ предложений оппозиции, проделанный тов. Яковлевым.

Где границы экономической и политической рациональности перекачки крестьянских накоплений в промышленность? Вот тот основной вопрос, на который т. Яковлев дает ответ в своей брошюре-докладе. Совершенно очевидно, говорит т. Яковлев, что «эта граница определяется тем, что и сама промышленность заинтересована в таком темпе развития сельского хозяйства, который не задерживал бы развития самой промышленности. Из'ятие средств, которое повлекло бы такую задержку развития сельского хозяйства, что была бы бита в конечном счете сама промышленность, явно бессмысленно и с точки зрения интересов промышленности». В этом разрезе, очевидно, должна быть дана оценка и предложений оппозиции об увеличении, усилении из'ятия дополнительных средств из сельского хозяйства.

Рассмотрим, прежде всего, вопрос о границах из'ятия по сельскохозяйственному налогу. Как известно, «новый с.-х. налог построен на основе принципа постепенного увеличения норм из'ятия дохода по мере увеличения дохода хозяйства. Колебание норм из'ятия дохода законом установлено от 2% дохода для хозяйств, у которых доход на едока до 20 руб., до 18,62% дохода у хозяйств, имеющих доход от 190 до 200 рублей на едока и т. д., вплоть до 25% из'ятия у наиболее мощных крестьянских хозяйств». В ряде же случаев «по закону этого года налогом изымается до 30 и выше % фактического дохода». Если же к этому прибавить, что 47% всего с.-х. налога уплачивается 15% хозяйств, имеющих около 25% облагаемого дохода, т.-е. около 150 миллионов, то мы имеем все необходимые данные для оценки предложения оппозиции о повышении с.-х. налога. «Если положение таково, — говорит т. Яковлев,—что мы теперь у кулацких групп изымаем даже по наркомфиновскому исчислению до 25% дохода—то разумеется, что увеличение налога (тем более на сумму в 200—300 миллионов) означает фактическое предложение из'ять у этой группы почти весь доход». Таким образом, на деле оппозиция предлагает возвратиться к методам военного коммунизма «конфискации, к прямому раскулачиванию, к прямой ликвидации имеющихся кулаков» и некоторой, наиболее зажиточной части середняков, хотя в прямой форме она этого не говорит, стараясь пустыми фразами отделаться от существа дела.

Но это предложение также в корне подрывает всякий стимул в крестьянском хозяйстве к какому бы то ни было накоплению а, следовательно, и к культурному росту, к интенсификации сельского хозяйства. А это в свою очередь означает не что иное, как **курс на срыв индустриализации**, ибо не может развиваться промышленность без с.-х. сырья, требующего определенного культурного уровня сельского хозяйства и без крестьянского спроса на продукты промышленности, в свою очередь зависящего от накоплений в крестьянском хозяйстве.

По сути дела, такой же смысл имеет и другое предложение оппозиции—повышение на 30% отпускных цен продуктов промышленности. Анализ этого предложения оппозиции, проведенный тов. Яковлевым, совместно с тт. Дволайцким и Баевским, представляет особенный интерес. Где здесь, в вопросе цен на продукты промышленности, граница возможного из'ятия крестьянских накоплений?

В 1925—26 году крестьянство продало продуктов сельского хозяйства и купило продуктов промышленности на 2.600 млн. рублей. Но в то время, как индекс крестьянских доходов по исчислению контрольных цифр был 1,46, сами крестьяне покупали промышленные товары вне крестьянского производства по индексу 2,4. Таким образом, по сравнению с ценами довоенного времени крестьянство «переплатило в 1925—26 г. городу, вследствие существования «ножниц», 1.041 млн. червонных руб. «Если бы осуществилось предложение оппозиции о повышении отпускных цен на 30%, если бы (а иначе и быть не может) это повышение вызвало повышение розничных цен на 30%, то сумма «переплат» крестьянства городу на «ножницах» поднялась бы до 2 миллиардов рублей».

Нужно ли говорить о том, какой экономический и политический эффект имели бы эти предложения оппозиции? Усиление налогового обложения на 200—300 миллионов рублей и повышение отпускных цен промтоваров на 30% не только лишили бы крестьянство каких бы то ни было накоплений, не только свели бы на-нет все экономические завоевания Октябрьской революции для крестьянства, не только в корне сорвали бы наш курс на индустриализацию страны, но и привели бы нас к крупнейшему экономическому и политическому конфликту с крестьянством,

к разрыву того союза с ним, который является основой существования диктатуры пролетариата, непременным условием успешного социалистического строительства.

Так, на примере экономической платформы оппозиции мы еще раз можем убедиться, как левые фразы прикрывают самое правое дело, как «фразы» о «сверхиндустриализме», об усилении индустриализации страны, ускорении нашего движения к социализму, на деле ведут к срыву индустриализации, к срыву дела социалистического строительства в нашей стране.

Несомненный интерес представляет VIII глава настоящей работы т. Яковлева: «Несколько справок о расслоении деревни». Вопреки утверждению представителей оппозиции, что основной и характерной особенностью нашего сельского хозяйства является сильная дифференциация деревни, что кулаков у нас чуть ли не пятая часть всех крестьянских хозяйств, тов. Яковлев на основе статистических и фактических данных приходит к следующему выводу, к характеристике того основного, что происходит в деревне: «Основное заключается в общем сдвиге вверх, благодаря которому продвигаются в середняцкие группы значительные слои бедняцких или ослабленных середняцких хозяйств (это не означает, конечно, ослабления дифференциации—она растет на базе повышенного общего уровня»). «Процесс роста сельского хозяйства есть в настоящее время в основном процесс под'ема бедняцких хозяйств и процесс укрепления середняцких хозяйств на середняцкой еще основе, и только в небольшой пока еще верхней прослойке это есть вырастание середняка в кулака».

В общем работа т. Яковлева, показывающая на конкретном анализе экономический и политический смысл предложений оппозиции, вскрывающая всю их утопичность и вздорность, должна будет сыграть свою роль в деле дальнейшего разоблачения новоявленных спасателей партии и страны от «гибели».

Из недостатков брошюры нужно отметить следующее: не могли не оказать известного влияния на настоящую брошюру форма изложения (стенографированный доклад) и некоторая спешность ее издания. Замечается иногда литературная неотделанность, неудачность отдельных формулировок. Последнее может быть иллюстрировано следующим: в главе VIII т. Яковлев утверждает, что аграрная революция (направленная против кого? Очевидно, против помещиков,— т.-е. революция буржуазно-демократическая. *К. Р.*) у нас еще не закончилась, мотивируя это тем, что бедняк еще не «освоил» полученную им землю. Что бедняк полученную им землю еще не «освоил»—это совершенно бесспорно, но неверен отсюда вывод о незаконченности аграрной буржуазно-демократической революции. Национализацией земли, ликвидацией помещичьего землевладения аграрная буржуазно-демократическая революция была закончена. Несколько преуменьшены т. Яковлевым, на наш взгляд, и размеры тех экономических выгод, которые получило крестьянство в результате Октябрьской революции.

Ведь экономические завоевания крестьянства, приобретенные ими в результате Октябрьской революции, выражались не только в уничтожении арендных и выкупных платежей и сокращении налогов, но и в общем увеличении доходности крестьянского хозяйства в связи с переходом в руки крестьянства бывшей помещичьей, монастырской, частновладельческой земли и т. под.

Работа т. Яковлева, несмотря на некоторые указанные недочеты (не могущие, впрочем, поколебать основных ее выводов) должна быть рекомендована всем тем, кто захочет ознакомиться с экономическим и политическим смыслом экономической платформы оппозиционного блока.

РЕЙСНЕР. М. — «Право (Наше право, Чужое право, Общее право)». ГИЗ. 1925 г.

Идеологические шатания ряда наших теоретиков-«марксистов» далеко не ограничиваются рамками внутрипартийной дискуссии, они пробиваются и в область социальных наук, как: экономической политики, общего учения о государстве, теории права и философии вообще.

Яркий пример того, как эти шатания отражаются в теории права и государства, представляет рецензируемая работа проф. М. Рейснера «Право (Наше право, Чужое право, Общее право)». Задачи настоящей рецензии показать те ликвидаторские выводы о советском праве, к которым пришел и неизбежно должен был притти проф. Рейснер, поскольку он стоит на почве неверных, немарксистских методологических предпосылок.

При беглом взгляде на эту работу у читателя может создаться мнение, что она представляет интерес лишь для крайне ограниченного круга лиц,—философов права. Но это далеко не так.

Еще т. Ленин, восставая против философии Маха и Авенариуса, которую Богданов пытался «согласовать» с марксизмом, писал: «... За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад» [1]). Следовательно, и вопросы чисто философского порядка не должны ускользать от нашего партийного внимания.

В книге М. Рейснер — «Право» в основном трактуется проблема «междуклассового», «компромиссного» права, построенного на принципах «примирения» и «соглашения». Что же касается проблемы советского права, изложенной в главах VII—IX, то она представляет лишь частный вывод из общих принципов «общего» «междуклассового» права.

Исходя из основной предпосылки, что «... правом делает право вовсе не государственное принуждение или классовый интерес господствующего класса» [2]), М. Рейснер, как «юрист по профессии», на основании сопоставления цитат из историков права второй половины XIX века (Поста, Дареста, Мэпа, Ковалевского и др.), при помощи формально-логических умозаключений приходит к выводу об образовании «общего» [3]), «лишенного как, с одной стороны, государственного вмешательства, так, с другой—классового интереса господствующего класса» [4]) права еще в недрах первобытного, догосударственного общества.

Необходимо отметить, что теория о первобытном праве вообще, ярым защитником которой является М. Рейснер, крайне проблематична и вызывает ряд основательных возражений. Здесь, конечно, не место подробно останавливаться на этом вопросе, так как он носит сугубо теоретический характер. Отметим лишь, что даже те авторы, на которых ссылается М. Рейснер, как М. Ковалевский, имели достаточную осторожность, применяя особый «термин эмбриологии права» [5]).

«Род,—пишет М. Рейснер,—является первоначальной ячейкой правовой защиты» [6]), а «... с внешней стороны род противостоит другим родам, как некоторая международная единица, и разрешает споры с ними

---

[1]) Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм». ГИЗ, 1920 г., стр. 365.
[2]) М. Рейснер, «Право», стр. 40.
[3]) Там же, стр. 71.
[4]) Там же, стр. 41.
[5]) Пост, «Зачатки госуд. и правовых отношений, стр. 3.
[6]) М. Рейснер, «Право», стр. 63.

тем путем, которым и сейчас решают свои конфликты независимые организации» [1]). При разрешении междуродовых конфликтов, по М. Рейснеру, «свое» право одного рода сталкивается с «чужим» правом другого рода, а из сочетания «своего» и «чужого» образуется новое «общее» право, которое соответствует интересам обоих родов.

«Таким путем за первым правом обиженного рода и за противоположным ему вторым правом обидчика явилось новое третье право—право, установленное посредником, которому первоначально без всякого государственного содействия, свободно и добровольно подчинялись обе стороны» [2]).

«Общее правило найдено» [3]),—восклицает в восторге автор.

Из этого мы с очевидностью можем заключить, что М. Рейснер перед собою имел не реальные общественные силы, отличающиеся своеобразным качественным различием, а лишь абстрактные понятия: свое, чужое, общее... Таким образом, из абстрактных понятий при помощи формально-логического метода (формальных построений понятий и суждений без надлежащей оценки по существу) и была сфабрикована теория «общего» права.

Сказанное относится не только к одному родовому строю. По мере развития и распада родовых отношений «междуродовое право,—рассуждает М. Рейснер, пользуясь тем же методом,—сменилось междуклассовым правопорядком» [4]). Это новое «междуклассовое» право, по учению М. Рейснера, образуется из сочетания права противоположных классов на основе компромисса, примирения, соглашения и т. д.

Здесь та же формальная логика, та же абстракция. Странным является лишь одно, как это «марксист» из-за абстракций не замечает реальности содержания.

Чем же характеризуется это «новое», открытое М. Рейснером, «междуклассовое» право?

«Оно,—говорит автор о праве,—с первых своих шагов работает при помощи компромисса» [5]). «В отличие от власти,—продолжает он,—право отличается характером примирения и компромисса» [6]), так как «социальной функцией права является соглашение и компромисс» [7]). Исходя из этого, можно сказать, что «всякая система права с этой точки зрения есть компромисс» [8]). «...Сотрудничество классов,—цитирует автор мысли по своему другому труду «Государство»,—завершается идеологическим об'единением» [9]).

Совершенно очевидно, что между точкой зрения марксизма и точкой зрения М. Рейснера должна быть проведена самая резкая грань.

Прежде всего, обратим внимание на классовый характер права и соответствие его интересам господствующего класса. Говоря о праве буржуазного общества, К. Маркс пишет: «Но не спорьте же с нами, оценивая уничтожение буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных понятий о свободе, образовании, праве и т. д.... Ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса...» [10]), а под этими

1) Там же.
2) Рейснер, «Право», стр. 70.
3) Там же, стр. 71.
4) Там же, стр. 246.
5) Там же, стр. 195.
6) Там же, стр. 195.
7) Там же, стр. 196.
8) Там же стр. 184.
9) Там же, стр. 32.
10) К. Маркс и Ф. Энгельс, «Ком. ман.», стр. 41.

законами «скрываются те или другие буржуазные интересы» [1]). Даже такие явления, как фабричное законодательство, сокращение рабочего дня в основном соответствуют интересам господствующего класса, так как «собственный интерес капитала как будто указывает ему на установление нормального рабочего дня» [2]), ибо буржуазия сама, как класс эксплоататоров, заинтересована до известной степени в ограждении рабочего класса от чрезмерной эксплоатации для сохранения процесса воспроизводства необходимой рабочей силы, капитала и капиталистических отношений вообще.

Следовательно, в буржуазном обществе имеется не «общее» право, а право господствующего класса. Этим, конечно, мы ничуть не отрицаем необходимости политической борьбы и завоеваний рабочего класса. «Установление нормального рабочего дня,—пишет К. Маркс,—явилось результатом многовековой борьбы между капиталистом и рабочим» [3]), «... продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом» [4]). Таким образом, не «соглашение» и «компромисс», а непрерывная классовая борьба, не «сотрудничество классов», а непримиримость классовых противоречий [5]).

Это необходимо уяснить.

Этим исчерпывается и вопрос о так называемых «уступках». Господствующие классы, идя на известного рода уступки, в основном имеют в виду свои классовые интересы, сохранение всей системы отношений своего государства.

Яркую иллюстрацию этого дает т. Ленин в анализе фабричного закона 1897 г., в котором он при помощи ряда конкретных цифровых выкладок показал, что уступка в смысле уменьшения рабочего дня еще по существу не обозначает нарушение интересов господствующего класса. В данном конкретном случае господствующий класс выиграл [6]).

На рассуждения о «сотрудничестве» и «примирении» классов следует обратить особое внимание.

«Сотрудничество классов, вместо классовой борьбы, есть политика предательских вождей эксплоатируемых классов» [7]). «Каутский, — говорит Ленин,—стоит, в сущности, на точке зрения примирения, согласования, сотрудничества пролетариата и буржуазии» [8]), но «...массы полевели, революционизировались, отвернулись от меньшевиков и эсеров, перешли на сторону большевиков, то-есть отвернулись от мелкобуржуазного руководства, от иллюзий соглашения с буржуазией и т. п.» [9]). Спрашивается: не преподносит ли М. Рейснер нам те же идеи? Напомним лишь ему, что путь этот скользкий, так как он заводит далеко в дебри мелкобуржуазной идеологии.

В своей книге «Государство и революция» т. Ленин пишет: «У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит,—сплошь и рядом при благожелательных ссылках на Маркса,—что государство как раз примиряет классы. По Марксу, государство есть орган клас-

1) Там же, стр. 33.
2) К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 247.
3) Там же, стр. 252.
4) Там же, стр. 283.
5) Ленин, «Государство и революция» (Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 300—301).
6) См. Ленин, «Новый фабричный закон» (Собр. соч.. т. I).
7) Ztucka, «Pár pilsonisko demokratiju uz padomjn varu», стр. 8.
8) Ленин, «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (Собр. соч. т. XV, стр. 481).
9) Там же, стр. 482.

сового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов» [1]). По мнению же М. Рейснера, эту социальную функцию примирения классов и выполняет право [2]). Так что мелкобужуазное течение, оппортунизм в области учения о праве и государстве свое дальнейшее завершение находит в теории М. Рейснера.

Перейдем к следующему вопросу выдвинутой проблемы, к вопросу о советском праве.

Рассуждая последовательно, на основании предыдущих положений, автор делает дальнейшие логические выводы относительно советского права. По мнению автора, мы имеем «междуклассовое право в республиках Советов» [3]). Это «междуклассовое право» Советских республик представляет собой «юридически некоторый компромисс трех классовых систем права» [4]), то-есть пролетариата, крестьянства и буржуазии. «Советское право,—поясняет он дальше,—таким образом, есть сложный правопорядок, в состав которого входят крупные отрезы социалистического права рабочего класса и его классовое пролетарское право. Таково господствующее положение пролетарского права в силу диктатуры пролетариата. Следующее место занимает классовое крестьянское право, воплощенное в земельном кодексе с его преобладанием коллективной собственности. Лишь на третьем месте стоит классовое право буржуазии с ее гражданским кодексом в рамках торгового оборота. Но в одном отношении буржуазия может еще торжествовать свою идеологическую победу. Наш государственный социализм, благодаря капиталистическому окружению, пользуется рынком, как аппаратом распределения, и в виду этого во многих случаях советский порядок сохраняет формы буржуазного индивидуалистического права» [5]). Выводы, к которым приходит автор из указанного соотношения правовых систем трех классов Советских республик, крайне печальны.

«Мертвые кости воскресли! Мы положительно захлебываемся в праве и правовой идеологии» [6]),—тревожно восклицает автор. «Перед революцией,—откровенно сознается он,—я думал, что право могло бы быть использовано нами, как революционное оружие. В настоящее время, при наличности новой экономической политики и замедления мировой революции (курсив наш. *А. С.*), я склонен стать на противоположную точку зрения. Меня весьма страшат наши новые правовые увлечения, и я склонен возвысить свой голос в тех целях, чтобы предостеречь от безмерной юридизации наших порядков даже на основе пролетарской диктатуры» [7]).

«В рамках наших условий право есть громадный аппарат умиротворения и примирения, который делает возможной наличность диктатуры пролетариата в крупно- и мелко-капиталистическом окружении, как во внутренних, так и внешних отражениях, но, с другой стороны, то же право может стать реакционной силой, которая закрепит переходный период в его нэповской форме сверх всякой действительной необходимости, даст простор буржуазному праву в об'еме, который может нанести серьезный ущерб пролетарскому интересу и этим или замедлит

1) Ленин, «Государство и рев.» (Собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 301).
2) М. Рейснер, «Право», стр. 196.
3) Там же, стр. 209.
4) Там же, стр. 222.
5) Там же, стр. 244.
6) Там же, стр. 36.
7) Там же, стр. 35.

ход «врастания» в коммунистическое общество или сделает необходимой новую революцию (курсив наш. *А. С.*) для освобождения пролетариата от незаметно в'евшихся буржуазных сетей» [1]).

Вот все, что мог сказать ученый о перспективе советской власти.

Мы, конечно, понимаем, что значит быть начеку, предвидеть трудности нашего строительства. Но не об этом только речь идет у М. Рейснера. В его пессимистическом тоне звучит нечто другое... Система его мыслей, его логика приводит к более тяжелым настроениям, к неверию в строительство социализма. Это—закономерный результат непонимания особенностей нашего строительства, непонимания всей сложности и сочетания конкретных социальных сил и их динамики. От темпа развития и широты размаха строительства новой жизни, новой советской государственности в нашей стране у профессора кружится голова и он бьет «тревогу», что путь этот опасен, т. к. он в перспективе упирается в «новую революцию».

М. Рейснер, во всяком случае, считает себя марксистом и не прочь поэтому ссылаться на Ленина для доказательства своих положений. Не безынтересно проследить, как понимает он Ленина.

«Задолго до декларации прав были уже обнародованы II Всероссийским с'ездом декреты, в которых заключается самый подлинный союз между рабочими и крестьянами», так как «подобно пролетариату и крестьяне пришли в революцию со своим классовым правом» [2]). Из этого видно, что основной предпосылкой «междуклассового права» Советских республик, по М. Рейснеру, является рабоче-крестьянский союз. Пользуясь формально-логическим, юридико-догматическим методом, к выводам М. Рейснера можно прийти из следующего ряда умозаключений. Пролетариат и крестьянство—классы; между пролетариатом и крестьянством, по Ленину, возможен союз; следовательно, между классами возможен союз. Если между классами возможен союз, то допустимо его распространение над всеми классами данного общества, в том числе и над буржуазией. Так формальная логика автора приводит его в лоно оппортунизма.

Как же смотрел т. Ленин на данный вопрос?

«Диктатура пролетариата есть особая (курсив наш. *А. С.*) форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся..., союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии... Это—особого (курсив наш. *А. С.*) вида союз...» [3]).

М. Рейснер, как видно, не понимает своеобразности этого союза по существу, союза состоящего только из трудящихся против эксплоататоров, против буржуазии. «Кто не понял этого,—скажем словами Ленина,—читая «Капитал» Маркса, тот ничего не понял у Маркса, ничего не понял в социализме, тот на деле филистер и мещанин, слепо плетущийся за буржуазией. А кто понял это, тот не даст себя обмануть фразами о «свободе» и «равенстве», тот будет думать и говорить о деле, т.-е. о конкретных условиях сближения крестьян с рабочими, союза их против капиталистов, соглашения их против эксплоататоров, богачей и спекулянтов» [4]). Ведь надо помнить, что основной особенностью этого союза является то, что пролетариат в нем остается гегемоном, руко-

1) М. Рейснер, «Право», стр. 224.
2) Там же, стр. 215.
3) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 241.
4) Там же, стр. 240.

водителем. Следовательно, и организация этого рабоче-крестьянского блока, по сути дела, исходит из интересов рабочего класса, пролетарской революции и пролетарского государства. В этих вопросах, конечно, при помощи формальной логики не разобраться.

«Отделываться от изучения конкретных форм, условий, задач этого союза посредством общих фраз о «свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии», т.-е. посредством обрывков из идейного багажа эпохи товарного хозяйства, могут только гнилые герои гнилого «Бернского» или желтого Интернационала, в роде Каутского, Мартова и К⁰» [1]).

Далеко ли от Каутского и К⁰ по этому вопросу ушел автор рецензируемой книги? Как видно, нет.

Что же касается господства, «торжества» буржуазного права и «необходимости новой революции», то теория М. Рейснера подошла очень близко к взглядам Устрялова, по мнению которого «советское государство становилось похожим на редиску: будучи красным лишь снаружи, внутри оказывалось белым, как снег» [2]) и «...превращается по своему социальному существу в «буржуазную», собственническую страну» [3]).

Ясное дело, что, имея в виду такую перспективу, революционер М. Рейснер может посоветовать лишь «новую революцию»...

Вот в кратких чертах основная система мыслей, которая, своеобразно преломляясь через академический формализм, приводит к оппортунизму чистейшей воды.

Идея Оссовского, по утверждению которого советское государство «должно представлять все наличные интересы страны, в том числе и капиталистических предпринимателей» [4]), ибо из его положения вытекает, что всякое государство ведет «не классовую, а межклассовую, надклассовую политику» [5])—была, как видит читатель, предвосхищена еще в 1925 г. в рецензируемой книге о «Праве».

А. К. Стальгевич.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 241.

[2]) Цитирую по книге Бухарина «Цезаризм под маской революции» стр. 13.

[3]) Там же, стр. 15.

[4]) Оссовский, «Партия к XIV съезду», «Большевик», № 14, стр. 59.

[5]) Слепков, А., «Платформа оппозиционного ликвидаторства» (там же стр. 85).

Письмо в редакцию.

Дорогой товарищ редактор!

Прошу не отказать поместить нижеследующее письмо в редактируемой вами газете.

За последние месяцы текущего года появился в печати целый ряд речей, статей и брошюр, в которых содержатся неправдивые указания о моей деятельности в октябре—ноябре 1917 года. Некоторые из ложных утверждений о моей роли в октябрьском перевороте вошли даже в учебник (сборник «Рабочая оппозиция», материалы и документы. Составил М. Зоркий, с предисловием Е. Ярославского, одобренный Гусом). Это неправильное изображение заставляет меня предупредить учащуюся и рабочую молодежь, а также и всех партийцев, прорабатывающих «материалы об уклонах в ВКП(б)» о неправильном изложении авторами октябрьских событий и моей роли в них.

Первую неправду обо мне высказал т. Бухарин на собрании актива ленинградской организации 28 июля 1926 г. Говоря об «идейных истоках» оппозиционного блока, т. Бухарин заявил, что «в числе октябрьских дезертиров был и т. Шляпников; он тоже ушел с поста в октябрьские дни» [1]).

Ту же неправду обо мне пишет и т. Ярославский в ряде статей и в своей брошюре «Рабочая оппозиция» [2]), в которой говорит, что «партия боролась и окрепла в борьбе с такими товарищами, как Шляпников, будущий вождь рабочей оппозиции, который в самую трудную минуту вышел из Совета Народных Комиссаров и заявил, что слагает с себя ответственность за гибельную политику Ленина и ленинской большевистской партии, так как не верит в силы рабочего класса». Это утверждение т. Ярославского так же, как и ссылка тов. Бухарина, неверно от начала до конца. Я никогда не отказывался от партийных обязанностей, не уходил с постов в октябрьские дни и никогда не был дезертиром.

В октябре 1917 г. я принимал участие в целом ряде заседаний ЦК с активными работниками того времени, высказывался за взятие власти, за организацию восстания и голосовал за него. По линии союза металлистов принимал участие в проведении этих решений ЦК в жизнь.

Все ссылки тт. Бухарина и Ярославского на мое дезертирство не соответствуют действительности и являются результа-

---

[1]) См. брошюру «Партия и оппозиционный блок». Речи тт. Рыкова и Бухарина, стр. 87.

[2]) См. брошюру: Е. Ярославский, «Рабочая оппозиция», «Рабочая группа», «Рабочая Правда», изд. Молодая Гвардия. Стр. 6.

том неправдивого использования неточно изложенных в некоторых произведениях печати фактов и документов того времени. Поводом к их обвинению меня служит нижеследующий документ:

«В ЦИК СР и СД и в Совет Народных Комиссаров.

Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни.

Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто-большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звание Народных Комиссаров.

Народный Комиссар Торговли и Промышленности В. Ногин.
Народный Комиссар по Внутренним Делам А. Рыков.
Народный Комиссар Земледелия В. Милютин.
Народный Комиссар по Продовольствию И. Теодорович.

Присоединяюсь к общей оценке политического момента в вопросе о необходимости соглашения; но считаю недопустимым сложить с себя ответственность и обязанность [1]). Народный Комиссар Труда А. Шляпников.

К настоящему заявлению присоединяются:
Комиссар Путей Сообщения Д. Рязанов.
Комиссар по Делам Печати Н. Дербышев.
Комиссар Государственных Типографий И. Арбузов.
Комиссар Красной гвардии Юренев.
Завед. Отд. Конфликтов и Мин. Труда Гр. Федоров (Прэд. Раб. Секции).
Завед. Отд. Законод. Предп. Комиссар Гр. Ю. Ларин».

Этот документ был подписан числа 2 ноября и мною, но с определенными ограничительными указаниями, что, подписывая его, я присоединился лишь к «оценке политического момента в вопросе о необходимости соглашения», но в то же время заявлял, что «считаю недопустимым сложить с себя ответственность и обязанность». Так в подписанном документе и сказано, а тт. Бухарин и Ярославский это мое заявление совершенно забыли и упустили [2]).

Из этого документа видно, что я соглашался с инициаторами заявления лишь в вопросе о «необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий». В условиях того времени для меня речь шла о вхождении в состав «Временного рабоче-крестьянского правительства» левых социалистов-революционеров, как представителей революционного крестьянства. Левые соц.-революционеры имели тогда влияние в массах, что особенно наглядно видно по составу ВЦИК тех дней. Наших товарищей, с.-д. большевиков было тогда 62 члена, левых с.-р. 29, а к остальным фракциям (интернационалисты, украинские социалисты и максималисты) принадлежало всего 10 человек. Правые с.-р. и с.-д. меньшевики ушли со II с'езда советов и тем самым поставили себя против советов и об'явили себя противниками власти советов.

Я был сторонником соглашения с левыми социалистами-революционерами по двум причинам. Самой важной причиной, по которой я был сторонником соглашения, на данной стадии революции, с левыми социалистами-революционерами, было сознание необходимости соглашения с революционным крестьянством, которое в то время шло за левыми с.-р., а наше влияние в деревне еще было слабо. Крестьянские с'езды на местах в большинстве шли за левыми с.-р. Открывшийся в те дни (11 ноября) С'езд Советов Крестьянских Депутатов был наглядным тому подтверждением. Из более чем 260 делегатов с'езда 110 были членами фракции левых с.-р., 40 беспартийных крестьянских делегатов их поддерживали, не считая 50 делегатов, сторонников правых с.-р. Наших сторонников было всего 40 человэк и 15 человек украинцев нам «сочувствовали».

Второй причиной, побудившей меня отстаивать соглашение с левыми с.-р., было стремление разбить интриги всех наших противников, изображавших нас просто «захватчиками власти» за спиной советов, не считавшимися с другими советскими партиями. На этой струне «захвата власти» только одной нашей партией играли все прочие партии, все интернационалисты, максималисты, левые с.-р., не говоря уже о прямых врагах. Эта агитация находила отклик и в рабочей среде, в частности в среде передовых рабочих-металлистов Питера. Соглашение с левыми с.-р. выбивало почву из-под этой агитации и разоблачало врагов советской власти.

За такую линию соглашения с левыми с.-р. ЦК нашэй партии, по предложению В. И. Ленина, командировал меня на с'езд для бесед с крестьянскими делегатами.

В том же ноябре состоялось соглашение нашего ЦК с ЦК левых с.-р., которое я считал тогда необходимым и правильным. Вслед за этим произошло и слияние Крестьянского Совета с Советом Р. и С. депутатов в лице действовавшего тогда ВЦИК II с'езда советов.

Как произошло подписание мною документа, я рассказал еще в 1922 году, и всякий товарищ, интересующийся правдой, может найти это в № 10 «Пролетарской Революции». Там подробно описано мое участие в этом деле, до сих пор никем не опровергнутое. Вот что писал я тогда по этому поводу: «В начале ноябрьских дней я был вызван от имени тт. Каменева, Зиновьева и Рыкова в Смольный, в кабинет, который ранее занимал президиум петербургского совета, в частности Н. С. Чхеидзе. Придя туда, я нашел группу товарищей, в глубоком возбуждении обсуждавших и подписывавших какое-то заявление. Собиранием подписей занималась О. Д. Каменева. Мне об'яснили, что вопрос о соглашении окончательно потерпел крах в Центральном Комитете, а поэтому товарищи решили сооб-

---

[1]) Эта оговорка появилась в газетах того времени в виде сноски. *А. Ш.*

[2]) Поскольку тов. Ярославский ссылается на документ, приведенный в книге т. Троцкого „1917 г.“, считаю необходимым отметить, что т. Троцкий опубликовал этот документ неполностью, без моего примечания, имеющегося в оригинале.

щить фракции ВЦИК о своем отношении и уходе с ответственных постов. Я заявил им о своей солидарности в вопросе о соглашении, но сказал, что решительно протестую против отказа от работы. Свою подпись дал с оговоркой, что согласен лишь с политической оценкой момента, но отнюдь не согласен покидать работу, и что заявление, само собой разумеется, пойдет только в партийном порядке и не для прессы. Предупредил товарищей, что на фракции ВЦИК буду решительно возражать против ухода от работы. Я очень сожалел тогда, что не сумел прежде выяснить подробно от В. И. Ленина, как стоял вопрос в ЦК, положился исключительно на информацию лишь части членов ЦК. Кажется, в тот же день было совещание фракции ВЦИК, на котором я отмежевался от уходивших, но выразил свое согласие в вопросе о необходимости временного соглашения с левыми социал-революционерами. Заявление это попало в буржуазную печать, которая сделала из него большую шумиху»[1]).

Все сказанное мною легко подтверждается фактами и подлинными документами. Любой питерский металлист, член правления союза, член делегатских собраний того времени знает, что я дезертиром не был.

Я не покидал постов ни в октябре 1917 г., ни позже. В частности в октябре—январе 1917—18 г., я, по поручению ЦК и по предложению председателя Совнаркома В. И. Ленина, выполнял работу в двух наркоматах: Н. К. Труда и Н. К. Торговли и Промышленности, не говоря о других поручениях партийного, советского и союзного порядка. А кто организовал тогда вместе с профсоюзами борьбу против саботажа? Одних этих фактов достаточно, чтобы опровергнуть возводимое на меня обвинение в отказе от работы и несении ответственности за политику партии.

Прошу всех товарищей, читающих и изучающих «уклоны в ВКП(б)», принять к сведению вышеизложенные мои об'яснения, а авторов брошюр, речей и статей, содержащих неправду обо мне, прошу исправить допущенные ими ошибки.

С коммунистическим приветом *А. Шляпников.*

P. S. Просьба ко всем газетам, поместившим вышеуказанные статьи, напечатать и настоящее письмо.

Москва, 10 ноября 1926 г.

---

[1]) См. „Пролетарская Революция" № 10 за 1922 г.

По поводу октябрьских колебаний и ошибок.

(Ответ редакции „Большевика" т. А. Шляпникову).

Давая место «письму в редакцию» т. Шляпникова, редакция «Большевика» не может умолчать о некоторых странностях об'яснения т. Шляпниковым крупных ошибок, относящихся к октябрю 1917 г., в которых т. Шляпникова обвиняли тт. Бухарин, Ем. Ярославский и другие. Всем известно, что тов. Шляпников выступает в печати, как историк 1917 года. Эта его роль историка пролетарской революции обязывает его, прежде всего, к очень большой точности и внимательному отношению к историческим документам вообще. Что же мы имеем на деле? Тов. Шляпников обвиняет тт. Бухарина, В. Л. и Ярославского в том, что их ссылки на поведение т. Шляпникова в октябрьские дни 1917 года «не соответствуют действительности и являются результатом неправдивого использования неточно изложенных в некоторых произведениях печати фактов и документов того времени».

Так ли это? Пусть судит читатель.

Тов. Шляпников признает, что он был в октябре 1917 г. согласен в политической оценке момента с тт. Каменевым и Зиновьевым. Именно эта-то неправильная оценка и толкала ведь этих товарищей на ошибочные, вредные шаги, вела к критике лозунга восстания и проч. Прочтите обращение этих товарищей «к Петроградскому, Московск., Моск. Обл., Финляндск. Обл. Комитетам РСДРП, бюро фракции ЦИК и бюро фракции с'езда Советов Сев. Области». На вопрос о том, «что же дальше?», эти товарищи дают ответ:

«Мы глубочайше убеждены, что об'явить сейчас вооруженное восстание—значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции... Шансы наши на выборы в Учредительное Собрание превосходны... За нас большинство рабочих и значительная часть солдат. Но все остальное под вопросом... Международный пролетариат будто бы уже сейчас в своем большинстве за нас. Это, к сожалению, не так... Поскольку выбор зависит от нас, мы можем и должны теперь ограничиться оборонительной позицией». По мнению этих товарищей, непосредственного революционного настроения не было ни в рабочем классе, ни у солдат. Поэтому эти товарищи считали, что было бы безумием брать власть в условиях октября 1917 г. «Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения», писали они 11/X—1917,—за две недели до восстания.

Вот эта-то оценка политического момента и легла в основу подписанного т. Шляпниковым заявления. Не трудно видеть—и это доказал в своем ответе Ленин в «Письме к товарищам» (см. собр. соч., т. XIV, ч. 2),—что эта оценка («капитализм еще силен, пролетариат слаб, предпосылок для немедленной пролетарской революции еще нет,—большевистская политика восстания гибельна») ничего общего с большевизмом не имеет, что это есть полуменьшевистская оценка. И эта оценка вошла в подписанный т. Шляпниковым после октябрьского переворота документ.

Теперь несколько справок по поводу документа.

В центр. органе нашей партии «Правде», № 182 от 20(7) XI 1917 г., напечатано в отчете о заседании ЦИК Советов 2-го созыва:

«От имени группы народных комиссаров товарищ Ногин делает следующее внеочередное заявление:

«Мы, нижеподписавшиеся, полагаем, что прочная и твердая власть может быть построена только на основе коалиции всех социалистических элементов страны, что правительство, сильное поддержкой одной лишь партии, может удержаться у власти лишь путем террора и устрашения; считаясь далее с невозможностью при данной обстановке провести в жизнь нашу мысль, слагаем с себя обязанности народных комиссаров» (Курсив наш. *Редакция*).

Под этим документом имеется, в числе других, и подпись т. Шляпникова. Давал ли т. Шляпников подпись под этим документом? Очевидно, давал, если не опроверг в той же «Правде» тогда же, что он давал подпись. По крайней мере, нам неизвестно, чтобы т. Шляпников этот документ опроверг. Обязан был т. Шляпников опровергнуть его, если он неправилен? Конечно, обязан был, если бы даже он и не собирался писать историю 1917 года. Имели ли право тт. Бухарин и Ярославский считать этот документ правдивым? Ясно, что у них не было ни малейшего основания сомневаться в его достоверности и подлинности.

В 1918 году весною вышел сборник документов, относящихся к октябрьскому перевороту: «Архив Революции 1917 г. Октябрьский переворот. Факты и документы. Составил А. Попов, под редакцией и со вступительной статьей «Ход революции» Н. Рожкова. Петроград. 1918 г.». В этом сборнике на стр. 408 и напечатан целиком, без всяких оговорок со стороны т. Шляпникова и за его подписью (в числе других) документ, цитируемый т. Троцким в т. III, ч. 2, его сочинений: «1917» (год). Больше того. Подпись т. Шляпникова в этом документе стоит перед припиской: «К настоящему заявлению присоединяются», после которой идут подписи других товарищей. Получается впечатление, что т. Шляпников принял участие в составлении этого документа. Заканчивается этот документ фразой: «Нести ответственность за эту политику (т. е. ленинскую. *Редакция*) мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звание Народных Комиссаров». Где, когда т. Шляпников опротестовал, опроверг этот документ, в общем выражающий то же самое отношение, что и напечатанный в «Правде» от 20(7),

XI, 1917 г.? А если его не опроверг т. Шляпников, имели ли право считать его правильным тт. Бухарин и Ярославский? Очевидно, имели полное основание.

Правда, т. Шляпников в пятилетний юбилей Октября поместил в «Пролетарской Революции» (№ 10. Октябрь, 1922 г.) статью «К Октябрю», в которой излагает «историю» этого документа приблизительно так, как он теперь излагает ее в своем письме в редакцию. Мы сейчас не касаемся содержания этого документа по существу. Но ведь после этой статьи тов. Шляпникова, другой историк 1917 года т. Троцкий, поместил в своем «1917 годе», на стр. 355 «приложение 13-е» совершенно то же самое заявление, что и в указанном сборнике документов об октябрьском перевороте 1917 г., вышедшем в 1918 г. под ред. Рожкова. Оспорил ли т. Шляпников этот документ? Нет и нет. Книга т. Троцкого вышла в 1924 г. Тов. Троцкий в своих «Уроках Октября» предлагал по этим документам, у него в книге напечатанным, изучать историю октября. А другой историк октября, т. Шляпников, умолчал о том, что этот документ неточен, неправилен. Имели ли право тт. Бухарин, В. Л., Ярославский и другие цитировать, как они его сделали, документы, приведенные в книге т. Троцкого? Неужели они обязаны были не верить неопровергнутым документам? [1]). Чем же об'ясняется, что т. Шляпников не опровергал до сих пор прямо эти документы? Чем об'ясняется, что он девять лет молчал о заявлении, напечатанном в «Правде», 8 лет о документе в «Архиве Революции 1917 г.» и 2 года о документе, напечатанном у т. Троцкого, и так быстро реагировал на выступления тт. Бухарина, В. Л. и Ярославского? Редакция имеет основание думать, что ни сам т. Шляпников, ни вся партия не видели сколько-нибудь серьезного различия в действиях т. Шляпникова и других товарищей, подписавших это заявление. Не совсем, поэтому, соответствует действительности, по мнению редакции, об'яснение, даваемое теперь т. Шляпниковым, почему он подписал это заявление.

Но как же, в самом деле: была ли сделана тов. Шляпниковым оговорка на документе, о которой он рассказывает? Очевидно, была сделана. По крайней мере, редакция «Большевика» проверила теперь по тексту, напечатанному в органе Моск. Комитета нашей партии «Социал-Демократ». Там в № 202 от 7(20) ноября 1917 г. напечатано в том виде, как его приводит т. Шляпников «заявление группы комиссаров».

Как же все это об'яснить?

Тов. Шляпников об'ясняет все тем, что тогда он стоял за соглашение с левыми эсэрами.

Так ли это?

Пусть тов. Шляпников, историк, проверит по документам, и он убедится, что он не прав. В то время работала при-

[1]) В присланной в редакцию «Большевика» копии письма т. Троцкого т. Шляпникову т. Троцкий об'ясняет, что, вероятно, т. Ленцнер или кто-нибудь другой, участвовавший в редактировании III тома его сочинений и подборе материалов, допустил ошибку, и ссылается на то, что он лично «не имел никакой возможности проверять текст документов, приложенных к III тому». Ясно, что цитировавшие этот документ по книге т. Троцкого тт. Бухарин, В. Л. и Ем. Ярославский находились не в лучшем положении, чем т. Троцкий, в смысле возможности проверять текст документов, приложенных к сочинениям т. Троцкого.

мирительная (согласительная) комиссия, в которую входили представители всех социалистических партий (в том числе меньшевиков и правых эсэров), а также «Викжеля» (т.-е. полукадетской организации). 3-го ноября эта комиссия пред'явила ультиматум: ЦИК 2-го с'езда Советов должен быть заменен Временным Народным Советом из ЦИК 2-го созыва, старого Совета Крест. Деп., Московской и Петроградской городских дум—то-есть штаба контрреволюции. Меньшевики—Абрамович и Мартов—потребовали от имени своей партии немедленного перемирия и прекращения террора (никакого террора с нашей стороны еще не было), что означало на деле—дать свободу действий Чернову, который организовывал тогда свое, контрреволюционное, правительство в ставке.

4-го ноября та же «примирительная» комиссия настаивала на создании коалиционного правительства от народных социалистов (т.-е. почти кадетов) до большевиков, ответственного перед органами, об'единяющими все части демократии, то-есть в том числе «Комитет Спасения Родины и Революции».

Вот о чем шла тогда речь, тов. Шляпников, а вовсе не о таких, сравнительно, невинных вещах, как соглашение с левыми эсэрами.

На эти предложения наш ЦК, конечно, не мог пойти и не пошел, соглашения с этими элементами, а вовсе не с левыми эсерами, требовал ультиматум.

А когда наш ЦК отказался от такого соглашения, т. Шляпников подписал документ, который, как ни толкуйте его теперь, был тогда отказом от большевистской линии.

Пусть судит теперь читатель, имели ли право тт. Бухарин и Ярославский указать на ошибочную и вредную линию т. Шляпникова на другой день после октября, когда он осуждал, как неверную линию ленинцев, когда он заявлял, что не может вступить на путь террористического подавления контрреволюции? Пусть судит читатель—вполне ли соответствует действительности то об'яснение, которое дает т. Шляпников в «письме в редакцию».

Кстати, не об'яснит ли т. Шляпников заодно, как историк, такой документ, тоже относящийся к истории октября 1917 г. года.

Открытое письмо Исколастрелу.

Несмотря на категорическое воспрещение со стороны с'езда Большого Совета Солдатск. Депутатов XII армии каких бы то ни было передвижений войск с фронта [1]), передвижение это все-таки продолжается. Мало того, передвигаются исключительно латышские части. Последнее обстоятельство и заставляет нас, полномочных представителей XII армии, обратиться к Вам, как представителям латышских полков, с нижеследующим открытым письмом.

Мы считаем это продолжающееся передвижение войск совершенно недопустимым. Оно нарушает тот нейтралитет нашей армии по отношению к происходящим событиям, который установлен только-что состоявшимся с'ездом нашей армии.

Помимо этого, оно дезорганизует как всю армию, так и самих передвигающихся. Ведь передвижение полков происходит в неорганизованном виде, почти без офицеров, при чем часть солдат разбредается, производит бесчинства на железных дорогах, а в отдельных случаях даже насилия над личностью и имуществом беззащитных граждан. Происходит распад революционной армии. Но опасное само по себе, грозя началом гражданской войны, это передвижение, поскольку оно ограничивается национальными полками, грозит еще большими бедствиями. Ибо это передвижение, несомненно, возбуждает национальную рознь в среде XII армии—армии, до сих пор бывшей наиболее организованной. Начатое, может быть, в самых лучших, самых революционных целях, оно на деле приводит к контрреволюционным результатам, ведет к началу гражданской войны в пределах армии, к дезорганизации частей революционной армии, к возбуждению национальной розни.

Учитывая и предвидя все эти последствия, Армейский Комитет, в качестве полномочного органа всей XII армии, обращается к Вам, товарищи из Исколастрела, с категорическим и непреклонным требованием: немедленное прекращение дальнейшего передвижения взятых с фронта латышских полков, немедленное возвращение их обратно, немедленное, наконец, водворение в этих полках революционного порядка и революционной организации.

Во имя спасения революции, во имя спасения страны и защищающей ее армии, Вы должны выполнить это требование и, надеемся, исполните. Армейский Комитет, от лица всей XII армии, ждет от Вас ответа, товарищи, и немедленного ответа.

Временный Исполнительный Комитет XII армии

Председатель: *С. Медведев*

М. Лихач.

Секретарь: *А. Сперанский.*

(Открытое письмо напечатано в газетах: «Рижский Фронт» и «Дело Трудового Народа» от 5 ноября 1917 года).

Этот документ также не был, насколько нам известно, опровергнут г. Медведевым, хотя письмом к солдатам XII армии в газетах «Рижский Фронт» и «Окопная Правда» тов. Медведев отрекся от своей подписи на ряде телеграмм временного Искосола XII армии, указав, что его подпись была поставлена на этих телеграммах без его ведома и согласия.

А ведь этот документ напечатан был в право-эсэровской газете «Дело Трудового Народа» 5(22) ноября 1917 года, когда было известно, что XII армия стремится оказать помощь революции, что революционные латышские (и не только латышские) части снялись, чтобы помешать Керенскому получить помощь с фронта, когда Духонин сообщал Керенскому, что на XII армию совершенно положиться нельзя. Правда это или нет, что на этом документе подпись т. Сергея Медведева была рядом с подписью правого эсера Ли-

[1]) Мы здесь не касаемся того, что такого постановления Сов. Солд. Деп. XII армии не было. *Ред.*

хача и призывала XII армию соблюдать нейтралитет по отношению к революции?

Конечно, авторы речей и статей, касавшиеся поведения т. Шляпникова в 1917 году, должны принять во внимание об'яснение т. Шляпникова, как и приводимые в настоящем ответе редакции факты, чтобы в дальнейшем дать более точную картину этого, еще недостаточно освещенного и изученного, периода нашей истории.

Редакция.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 ДЕКАБРЯ 23—24

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 75177. Москва. Тираж 69.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Оппозиционный блок на трибуне ИККИ.

Один из основных выводов, который должен быть сделан из дебатов по «русскому» вопросу на VII пленуме ИККИ, состоит в том, что известное «Заявление» лидеров оппозиционного блока от 16/X было оценено членами нашей партии, и не только ими, более серьезно, чем оно заслуживало того на деле.

Атака, предпринятая правой оппозицией Троцкого—Зиновьева—Каменева против нашей партии на пленуме, раскрыла теперь на практике, как они понимают свое «заявление» и как они считают необходимым его «выполнять».

Критерием истин является практика. А практика с поразительной ясностью показала, что документ, опубликованный 17 октября с. г. и принятый всеми, в том числе и нашей партией, за выражение капитуляции оппозиции перед ленинской партией, за выражение действительного согласия на прекращение фракционной борьбы, оказался на проверку документом неслыханного политического двурушничества и лицемерия.

Каков смысл выступления лидеров оппозиционного блока на пленуме ИККИ? Зачем они взошли на трибуну Андреевского зала перед представителями международного революционного пролетариата?

Конечно, не затем, чтобы «об'ясниться с пленумом» по поводу своей позиции и тактики, как это утверждал т. Зиновьев. Не в этом дело. Ибо не нужно было даже ушей прикладывать к земле, чтобы знать две вещи, которые нужно рассматривать вместе: 1) что секции Коминтерна уже высказались против оппозиционной, социал-демократической ревизии ленинизма и 2) что Центральный Комитет нашей партии не может не считать выступление, как аппеляцию на решения нашей партии, аппеляцию формально правомерную, но по существу означающую новый взрыв фракционной борьбы против ВКП(б) и Коминтерна и поэтому недопустимую, вредную аппеляцию.

Оппозиция знала это. И если, несмотря на это, она все же выступила, то это доказывает лишь то, что она хотела «об'ясниться» не с пленумом и не в интересах партии и Коминтерна, а в интересах обострения фракционной борьбы против партии и Коминтерна. Она сознательно шла на это. Сам тов. Зи-

новьев авторитетно (хотя и «деликатно») заявил, что обострение фракционной борьбы в результате ее выступления «не исключено».

Оппозиция хотела «об'ясниться» не с пленумом. Трибуна пленума служила для нее лишь «легальной возможностью», которую она решила «использовать» для того, чтобы «об'ясниться» со своими единомышленниками, в частности, и в особенности, с германским филиалом оппозиционного блока, дезорганизованным и деморализованным заявлением от 16/X—1926 г.

Самый факт деморализации единомышленников Троцкого—Зиновьева—Каменева, в частности, их германских сторонников, в результате «Заявления» не подлежит сомнению. Достаточно прочесть следующие места из декларации Урбанса и Шиманского, оглашенной ими 20 октября на активе берлинской организации КПГ, чтобы убедиться в этом.

> «Хотя мы и знаем,—утверждает декларация этих ультралевых мелких буржуа,—какое давление весь партийный и государственный аппарат сталинского большинства оказал на вождей русской оппозиции, тем не менее мы считаем ее (оппозиции. *Ред.*) заявление не одним только тактическим шагом, но и капитуляцией, которую мы не можем одобрить и которая не может служить нам примером в нашей политике.
>
> Мы считаем, что тактическое отступление тт. Зиновьева, Троцкого, Каменева, Сокольникова, Пятакова и Евдокимова лишь способно увеличить опасности, которые они совершенно правильно и энергично сигнализировали, ибо их поведение ничего не изменило в об'ективных причинах кризиса.
>
> Мы, далее, того мнения, что эти тт. должны были предвидеть, какого рода мероприятия будут к ним применены со стороны господствующей фракции ВКП, и проводить соответствующую (!!) тактику, а не капитулировать после вылазки последних недель.
>
> Далее мы того мнения, что их поведение, способно ослабить (!) оппозицию, образующуюся (!) в нерусских секциях против ликвидаторов, ревизионистов и представителей беспринципной мелкобуржуазной линии, расходящейся с пролетарской классовой линией (так сама оппозиция назвала линию господствующей фракции)». (См. «Rote Fahne» от 22 октября. Курсив наш).

Наглое высокомерие, с которым эти взбесившиеся мелкие буржуа пытаются учить «пролетарской» политике революционных рабочих СССР, проделавших под руководством ВКП(б) три революции и победоносно строящих социализм, не может, однако,

скрыть того ошеломляющего впечатления, которое произведено на международную фракцию оппозиционеров отпором большевиков-пролетариев СССР «вылазке» оппозиции. В виду этого Урбанс и Шиманский включили в свою минорную политическую декларацию «ободряющий» пункт:

> «Мы приглашаем поэтому всех честных коммунистических рабочих не дать себя запугать событиями в ВКП и не поддаваться их влиянию» (см. там же. Курсив наш).

Итак, в итоге открытого поражения «вылазки» оппозиционеров и в результате «Заявления» их лидеров интернациональная фракция оппозиции начала трещать по швам. Получилась разноголосица, пошел разнобой в тактике, взаимное непонимание между «русской» и немецкой частью блока («не можем одобрить», «не может служить нам примером» и т. д.), появились упреки в «капитулянстве» перед ВКП(б), в отсутствии «предвидения», в отсутствии понимания необходимости «соответствующей (!!) тактики», вместо капитуляции «после вылазки». Пошел переполох в рядах, начавших «поддаваться влиянию» «событий в ВКП». Наконец, это убийственное для Каменева и Зиновьева обвинение в трусости и дезертирстве (испугались-де «давления всего партийного и государственного аппарата»)!

Знала ли наша оппозиция о таком впечатлении от документа 16 октября? Да. И не только знала, но на XV конференции даже учла его в своих выступлениях, заговорив наперебой на тему о «значении заявления от 16 октября».

Деморализация и дезорганизация оппозиционной фракции, необходимость оправдаться (не перед партией, конечно, нет!—перед Урбансом), необходимость срочно подтянуть «силы», влить «свежую» оппозиционную струю в дезорганизованные ряды,—вот что толкнуло лидеров блока на выступление перед пленумом ИККИ.

Еще на XV конференции оппозиция попыталась «использовать» ее трибуну в качестве первой попавшейся «легальной возможности» для того, чтобы ликвидировать недомолвки и попреки между оппозициями в ВКП и КПГ.

Рассеять впечатление о капитуляции (16/X)—такова была первая задача. И вот как «тонко» проделывал это т. Зиновьев:

> «Есть основания думать,—говорил он на XV конференции, что некоторые тт., разделяющие взгляды оппозиции или считающие, что они их разделяют [1]) не поняли

[1]) Так тов. Зиновьев вынужден называть, в частности, ту самую группу Урбанса—Маслова—Рут Фишер, перед которой он оправдывается на XV конференции, и от которой «Заявление», как известно, «отгородилось».

значения нашего заявления от 16 октября... Я читал заявление двух членов ЦК германской партии тт. Урбанса и Шиманского на активе берлинской организации 20 октября; из него ясно видно, что они не понимают значения нашего заявления от 16 октября [1]).

«Они не поняли, что этот документ не есть «маневр» или «ход», а продиктован тем, как мы сами, в результате наших выступлений, оценили настроение наших рабочих-коммунистов, а именно: мы считаем, что у последних над всем остальным возобладала боязнь, что если допустить дискуссию, то единство партии может подвергнуться действительной опасности. Делая свое заявление от 16 октября, мы равнялись по желаниям, по настроениям рабочих-рядовиков нашей партии, которые требуют, чтобы единство партии было обеспечено прежде всего...

...Предполагать, что в нашем заявлении могли играть какую-либо роль госорганы, как предполагают тт. Урбанс и Шиманский, конечно, чудовищно и нельзя. Заявление наше, конечно, продиктовано только нашим пониманием интересов единства партии» (см. речь т. Зиновьева на XV конференции. Курсив наш).

Оправдываясь перед Урбансом (дескать, не мы капитулировали, а нас «капитулировали» рабочие-коммунисты), т. Зиновьев вынужден был высказать кусочек правды. А именно, что в капитуляции оппозиции повинны сами «рабочие-рядовики нашей партии». Но т. Зиновьев извратил действительное положение вещей изображая дело так, как будто бы эти рабочие-коммунисты не разбирали принципиальных взглядов оппозиции, а только отвергли ее фракционные методы, попытки подорвать единство партии: возможно, дескать, что рабочие-коммунисты и согласны с нашими оппозиционными взглядами, но у них над всем остальным (!!) возобладала боязнь» перед опасностью единству партии. Тов. Зиновьев неверно информировал Урбанса и Шиманского. Он скрыл, что рабочие-рядовики нашей партии с неменьшей твердостью и решительностью и с неменьшей самостоятельностью отвергли в открытой дискуссии с крупнейшими лидерами оппозиции всю сумму идейных взглядов последних.

---

[1]) Дальше цитируем отрывок, прочитанный тов. Зиновьевым по заранее написанному, т. е. искусно завуалированному, тексту, в котором, однако, для каждого «посвященного» ясно, что к чему.

Оцените после этого насквозь лицемерное утверждение, что, делая свое «Заявление» от 16 октября, лидеры оппозиции «равнялись по желаниям, по настроениям рабочих рядовиков нашей партии»!

Вторая цель выступления тт. Троцкого, Зиновьева и Каменева на пленуме ИККИ, которую теперь, после пленума, можно вскрыть уже в выступлениях на XV конференции, состояла в следующем: доказать иностранным оппозиционерам, убедить их, что при данных условиях (неоправдавшихся карканий об обострении хозяйственных затруднений в СССР, абсолютного единодушия в партии и т. д.) задача оппозиции (в частности и в Германии) состоит в том, чтобы вывести «силы» из-под удара, прикинуться агнцами, не лезть на рожон.

«Наше мнение,—излагал эту мысль тов. Зиновьев, со свойственной ему «тонкостью»,—что от фракционности должны отказаться также и немецкие товарищи, стоящие на точке зрения Урбанса и Шиманского, а ЦК германской компартии должен им это облегчить» (см. там же).

Выступления на пленуме ИККИ в еще более полной, в еще более развернутой форме преследовали те же самые цели: рассеять разговоры о капитуляции, направить деятельность оппозиции в русло «использования легальных возможностей».

Нужно отдать справедливость выступлениям тт. Зиновьева, Троцкого, Каменева: они действительно показали всю вздорность разговоров о какой-либо капитуляции, всю неосновательность надежд, возлагавшихся рабочими-коммунистами, рабочими-рядовиками нашей партии и Коминтерна вообще, на честное выполнение условий, содержащихся в заявлении от 16 октября. Теперь уже одно из двух:

Или—«оппозиция нарушила свое же собственное «Заявление» от 16 октября 1926 года, вернувшись к фракционным методам борьбы» (Сталин).

Или, если от 16 октября ничего нового не произошло, тогда значит, оппозиция никогда и не думала выполнять условий этого «Заявления», и это «Заявление» есть документ политической нечестности (употребляем это слово, рискуя вызвать реплику т. Каменева о «невесомости» подобных категорий).

И в том и в другом случае нужно сделать один вывод: фракционная борьба оппозиционного блока против партии и Коминтерна не прекращена, борьба большевизма с оппозицией не завершена...

Одновременно с «морально»-политической реабилитацией (перед Урбансами, Масловыми, Сувариными и пр.), на ряду с попыткой консолидировать «силы» международной фракции оппозиционеров, поднять перед ней свой авторитет, поблекший после

16 октября, тт. Зиновьев, Троцкий и Каменев решили специально для иностранных оппозиционеров сформулировать свою платформу, представляющую очередную, дипломатически прикрытую в специфических пунктах, формулировку их прежней же платформы.

Опыт показал, что нельзя консолидировать сил на той платформе, которая слишком уж откровенно атакует решения Коминтерна (напр., в вопросе о троцкизме), слишком уж откровенно ревизует ленинизм.

Опыт показал оппозиции, что особо одиозные пункты, отталкивающие от оппозиции всех честных рабочих и революционный пролетариат вообще, должны быть прикрыты, скрадены, замазаны, обойдены,—с тем, однако, чтобы в основном платформа все же осталась той же.

Например, вопрос о гегемонии троцкизма в оппозиционном блоке, который, несомненно, затрудняет консолидацию сил. Две деликатные формулы (Троцкого, с одной стороны, Каменева и Зиновьева, с другой), данные на пленуме, пытаются устранить это затруднение. Тов. Каменев заявил, что остается в силе его прежняя критика «исторического (!?) троцкизма», но предусмотрительно отказался пояснить входит ли, по его мнению, в этот «исторический троцкизм» троцкизм последних лет. Тов. Троцкий, с своей стороны, говорил о «пробелах» в теории перманентной революции, предусмотрительно скрыв от пленума, что именно он называет «пробелами».

Ясно, что вопрос о гегемонии троцкизма такими увертками не может быть решен. И «ослиные уши» троцкизма показываются всему свету то тут, то там из-под дымовой завесы, напущенной словесной трескотней. В частности, китайский вопрос, предложение о выходе из Гоминдана, поддерживаемое всей оппозицией. Чем, как не повторением и выражением троцкистской ошибки (перепрыгивание через целые стадии в развитии революции) является эта позиция? Представитель китайской компарти, тов. Тан-Пин-Сян, был поэтому совершенно прав, утверждая, что троцкистская линия означала бы для Китая крах национально-освободительного движения.

Другой пример: утверждение, что оппозиция не требовала и не требует повышения оптовых цен, утверждение, которое встречается гомерическим смехом всеми нашими рабочими-коммунистами!

Или вопрос о сползании с классовой пролетарской линии, о перерождении. В каждом отдельном пункте обвинений такого типа сделаны смягчения, иногда даже больше, чем смягчения,—с тем, однако, чтобы собрать эти нападки в единый кулак, сжать в одно концентрированное целое и прямо в лицо ленинской пар-

тии бросить неслыханной наглости обвинение в «национал-реформистской перспективе»!

Заключив, что оборона означает смерть для оппозиционной фракции со всей ее идеологией, тов. Каменев, в полной солидарности с тт. Зиновьевым и Троцким, решил противопоставить обвинению в социал-демократическом уклоне обвинение Коминтерна в национал-реформистской перспективе.

Чудовищно то, что центральным аргументом, «обосновывавшим» обвинение в национал-реформизме, было избрано... насквозь действенное, насквозь революционное, насквозь пропитанное интернационализмом учение Ленина о победе социализма в одной стране!

«Я перечислил,—говорил тов. Каменев на пленуме, — отдельные элементы правого уклона...

Той теорией, которая увязывает эти отдельные ошибки в одно целое, увенчивает их и таким образом пытается создать целую линию политики, при чем в международном масштабе,—является в данный момент теория социализма в одной стране» (курсив т. Каменева).

История повторяется! Ярлык «национальной ограниченности», наклеенный тов. Троцким еще в 1915 году в качестве «возражения» на учение Ленина о победе социализма в одной стране (см. ответ тов. Троцкого на статью Ленина «О лозунге С. Ш. Европы»), повторяется теперь, одиннадцать лет спустя, г. Каменевым!

И после такого ската к троцкизму в коренном вопросе социалистического строительства уверяют, что троцкизм не является гегемоном в оппозиционном блоке!

История повторяется! Оппозиция не хочет видеть, что обвинение теории победы социализма в одной стране в «национальной ограниченности» лишь повторяет в новой обстановке и в новой формулировке старые социал-демократические зады о «национальной ограниченности» большевиков с их (большевиков) проповедью учения о победе революции в одной стране.

И после этого нас уверяют, что обвинение в социал-демократическом уклоне не соответствует действительности!

История повторяется! Утверждение оппозиции о невозможности победы социализма в СССР лишь повторяет старые-престарые побасенки Суханова и всех социал-демократов вообще о незрелости нашей страны для социализма, об отсутствии в ней «об'ективных предпосылок» для него,—те самые мещанские побасенки, которые т. Каменев развивал после Февральской революции,—те самые побасенки, которые подверглись уничтожаю-

щей критике Ленина в статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» (см. Ленин, т. XVIII, ч. 2).

И после этого лидеры оппозиции смеют изображать себя, как поборников ленинизма!

Правда, еще накануне пленума ИККИ, на XV конференции тов. Каменев, прижатый к стене резолюцией XIV партконференции о победе социализма в одной стране, за которую он, вместе с тов. Зиновьевым, голосовал, которую т. Зиновьев перед партийным собранием защищал, — прижатый этими фактами, тов. Каменев дипломатически пытался изобразить дело так, что партия игнорирует вопрос о темпе и что в этом, в степени «точности» и заключается разногласие.

> «В резолюции XIV конференции (апрель 1925 г.),—об'яснял т. Каменев,—сказано об условиях окончательной победы социализма в нашей стране иначе, чем сказано в данных тезисах» (следует дальше рассуждение о темпе, как о «такой же необходимой предпосылке окончательной победы социализма в нашей стране, как и отсутствие военной интервенции»).
>
> «Итак, товарищи,—резюмировал тов. Каменев свои об'яснения о резолюции XIV конференции и проекте резолюции XV конференции,—мы совершенно и целиком можем принять, без всякого насилия над своей теоретической совестью коммунистов и ленинцев, ту характеристику нашей революции (следовало сказать точнее: характеристику условий окончательной победы социализма в одной стране. Об этом говорила резолюция XIV конференции. *Ред.*), которая дана здесь. Мы полагаем, однако, что было бы точнее (!), если бы к словам о прямой военной интервенции было добавлено, как стимул к дальнейшей работе, указание на необходимость ускорить темп хозяйственного развития, единственно так, как сказано у Ленина, и тогда, повторяю, никаких разногласий по этому вопросу у нас не будет» (см. речь т. Каменева на XV конференции).

Это не мешало, впрочем, т. Каменеву тут же заявить, что решение XIV конференции о победе социализма в одной стране, защищавшееся тт. Каменевым и Зиновьевым, является «компромиссом» (!!). Это не мешало т. Каменеву через месяц заявить, что учение о победе социализма в одной стране означает «национал-реформистскую» перспективу.

Но партия уже привыкла к политической беспринципности этих лидеров, сегодня утверждающих одно, завтра—другое, на XIV конференции—одно, до XV конференции—другое; на XV конференции—«было бы точнее», а через месяц—«национал-реформизм»! и т. д.

Утверждение о «компромиссе» на XIV конференции заслуживает особого внимания. Отныне партия, со слов самого т. Каменева знает, что эти лидеры способны на компромиссы даже в важнейших, теоретических и политических вопросах, способны изменять своим же собственным принципиальным взглядам во имя... Чего? Политического шантажа! Политиканства!

И после этого некоторые еще удивляются, как эти люди, боровшиеся с троцкизмом, и не плохо боровшиеся, сами скатились к троцкизму, к этой, по их же словам, «разновидности меньшевизма»! Тайну этого перехода мы и раньше знали, но теперь она раскрыта самим т. Каменевым.

Беспринципность тт. Каменева, Зиновьева, Троцкого и об'ясняет всю ту мертвечину, которая ярко обнаружилась в их рассуждениях на VII пленуме ИККИ по вопросу о победе социализма в одной стране. В то время, как большевики-ленинцы, собравшиеся на пленуме, сознавая себя историческими преемниками Ленина, старались дать анализ проблемы победы социализма в одной стране во всех существенных разрезах, все более и более конкретизируя и уточняя вопрос, углубляя его решения по путям, многократно указанным Лениным; в то время, как представители иностранных компартий приняли живейшее участие в этой дискуссии, применяя решение вопроса к условиям той или иной конкретной страны, оценивая все гигантское значение этого вопроса для всех компартий, открыто демонстрируя весь глубокий интернационализм, заложенный в этом учении Ленина,—в это время беспринципные, обанкротившиеся лидеры оппозиции занимались схоластическими рассуждениями (чего стоит одно только рассуждение тов. Троцкого о характере связи между хозяйством СССР и капиталистических стран!), открыто показывая свое неумение решать элементарные, теоретические и политические вопросы в духе ленинизма. Чего стоят, например, рассуждения оппозиции о том, что наряду с гарантией от реставрации должно быть поставлено второе условие: соответствующий темп в нашем развитии. Вот путаница! Вот смешение вопроса о возможности победы социализма в СССР с вопросом о возможности окончательной победы его. Вот смешение в одной куче вопросов о внутренних и внешних противоречиях в нашем развитии. Если уж говорить о внутренних—к чему ограничиваться одним темпом. А союз рабочего класса и крестьянства? А отношение к буржуазии? К капиталистическим элементам в экономике вообще? А вопросы правильного руководства?—Все дело в том простом и ясном тезисе, что внутренние противоречия преодолеть (и в том числе вопрос о

темпе разрешить) **мы можем своими собственными, внутренними силами** (и в этом заключается смысл утверждения о возможности построения социализма в одной стране), но что внешние противоречия можно разрешить и преодолеть только при совместных усилиях пролетариев нескольких стран (и в этом заключается смысл утверждения о невозможности **окончательной** победы социализма силами одного пролетариата СССР). Оппозиция же, не умея разобраться в таких простых положениях, доказывает лишь свою плененность мещанскими предрассудками социал-демократии, высказывает лишь виртуозность в жонглировании цитатами для оправдания своей пассивной, фаталистической теории обреченности дела социализма в СССР.

Ленин говорил, что марксизм—настолько глубокое и разностороннее учение, что всегда будут попытки оправдать оппортунизм цитатами из Маркса и Энгельса. История повторяется: то, что делали социал-демократы по отношению к Марксу и Энгельсу, начинают проделывать лидеры оппозиции по отношению к Марксу, Энгельсу и Ленину!

Забывают, что «марксизм—не догма, а руководство к действию».

Коммунистический Интернационал дал им жестокий отпор в этой попытке оппортунистически извратить Ленина и основоположников марксизма.

Попытка консолидировать силы на основе извращения ленинизма кончится крахом. Попытка укрепить фракцию оппозиционеров на основе гнилой теории и политики не может увенчаться успехом.

На гнилой, оппортунистической платформе можно собрать лишь разложившиеся и разлагающиеся элементы рабочего движения. Все же, что есть честного и революционного в Коммунистическом Интернационале, собрано вокруг ленинизма, в духе которого протекала вся борьба против уставших, деморализованных и разбитых вождей оппозиции.

Эта борьба и будет успешно завершена.

И. Сталин.

О перспективах революции в Китае[1]).

Товарищи, раньше чем перейти к вопросу, считаю нужным заявить, что у меня нет исчерпывающих материалов по китайскому вопросу, необходимых для того, чтобы развернуть полную картину революции в Китае. Поэтому я вынужден ограничиться некоторыми общими замечаниями принципиального характера, имеющими прямое отношение к вопросу об основном направлении китайской революции. У меня имеются тезисы т. Петрова, тезисы т. Мифа, два доклада т. Тан-Пин-Сяна и замечания т. Рафеса по китайскому вопросу. Я думаю, что все эти документы, несмотря на их достоинства, страдают тем громадным недостатком, что они обходят целый ряд коренных вопросов революции в Китае. Я думаю, что прежде всего необходимо обратить внимание на эти недочеты. Поэтому мои замечания будут иметь вместе с тем критический характер.

1. Характер революции в Китае.

Ленин говорил, что китайцы будут иметь в скором времени свой 1905 год. Некоторые товарищи поняли это так, что у китайцев должно повториться точь-в-точь то же самое, что имело место у нас в России в 1905 году. Это неверно, товарищи. Ленин вовсе не говорил, что китайская революция будет копией революции 1905 г. в России. Ленин говорил лишь о том, что у китайцев будет **свой** 1905 год. Это значит, что, кроме общих черт революции 1905 года, китайская революция будет иметь еще свои специфические особенности, которые должны наложить свой особый отпечаток на всю революцию в Китае.

Что это за особенности?

Первая особенность состоит в том, что китайская революция, будучи революцией буржуазно-демократической, является вместе с тем национально-освободительной революцией, направленной своим острием против господства чужеземного империализма в Китае. Этим она отличается, прежде всего, от революции в России в 1905 г. Дело в том, что господство империализма в Китае проявляется не только в его военном могуществе, но, прежде всего, в том, что основные нити промышленности в Китае, железные дороги, фабрики и заводы, копи, банки и т. д. находятся в распоряжении чужеземных империалистов. Но из этого следует, что вопросы борьбы с чужеземным империализмом и их китайскими агентами не могут не играть преобладающей роли в китайской революции. Тем самым китайская революция непосредственно смыкается с революциями пролетариев всех стран против империализма.

---

[1]) Речь т. Сталина в Китайской комиссии ИККИ 30/IX—1926 г.

Из этой особенности вытекает вторая особенность китайской революции, состоящая в том, что крупная национальная буржуазия до последней степени слаба в Китае, что она несравненно слабее русской буржуазии периода 1905 года. Это и понятно. Ежели основные нити промышленности сосредоточены в руках чужеземных империалистов, то крупная национальная буржуазия в Китае не может не быть слабой и отсталой. В этом отношении замечание т. Мифа насчет слабости национальной буржуазии в Китае, как одного из характерных фактов китайской революции, является совершенно правильным. Но из этого следует, что роль инициатора и руководителя китайской революции, роль вождя китайского крестьянства должна неминуемо попасть в руки китайского пролетариата, который больше организован и более инициативен, чем китайская буржуазия.

Не следует также забывать о третьей особенности китайской революции, состоящей в том, что рядом с Китаем существует и развивается Советский Союз, революционный опыт которого и помощь которого не может не облегчить борьбы китайского пролетариата против империализма и против феодально-средневековых пережитков в Китае.

Таковы основные особенности китайской революции, определяющие ее характер и ее направление.

2. Империализм и империалистическая интервенция в Китае.

Первый недостаток представленных тезисов состоит в том, что они обходят или недооценивают вопрос об империалистической интервенции в Китае. Если хорошенько вчитаться в тезисы, то можно подумать, что в Китае в настоящий момент нет, собственно говоря, империалистической интервенции, а есть лишь борьба северян с южанами или одной группы генералов против другой группы генералов. При этом под интервенцией склонны понимать такое состояние, когда имеется факт ввода чужеземных войск на китайскую территорию, а если нет такого факта, то нет и интервенции. Это глубочайшая ошибка, товарищи. Интервенция вовсе не исчерпывается вводом войск, и ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции. При современных условиях революционного движения в капиталистических странах, когда прямой ввод чужеземных войск может вызвать ряд протестов и конфликтов, интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму. При современных условиях империализм предпочитает интервенировать путем организации гражданской войны внутри зависимой страны, путем финансирования контрреволюционных сил против революции, путем моральной и финансовой поддержки своих китайских агентов против революции. Борьбу Деникина и Колчака, Юденича и Врангеля против революции в России империалисты были склонны изображать, как борьбу исключительно внутреннюю. Но мы все знали, и не только мы, но весь мир знал, что за спиной этих контрреволюционных русских генералов стояли империалисты Англии и Америки, Франции и Японии, без поддержки которых серьезная гражданская война в России была бы совершенно невозможна. То же самое надо сказать и о Китае. Борьба У-Пей-Фу и Сун-Чуан-Фана, Чжан-Цзо-Лина и Чжан-Цзун-Чана против революции в Китае

была бы просто невозможна, если бы этих контрреволюционных генералов не вдохновляли империалисты всех стран, если бы они не снабжали их финансами, оружием, инструкторами, «советниками» и т. д. В чем состоит сила кантонских войск? В том, что у них есть идея, пафос, вдохновляющие их в борьбе за освобождение от империализма, в том, что они несут освобождение Китаю. В чем состоит сила контрреволюционных генералов в Китае? В том, что у них стоят за спиной империалисты всех стран, владельцы всех и всяких железных дорог, концессий, фабрик и заводов, банков и торговых контор в Китае. Поэтому дело не только или даже не столько во вводе чужеземных войск, а в той поддержке, которую оказывают империалисты всех стран контрреволюции в Китае. Интервенция чужими руками—в этом теперь корень империалистической интервенции.

Поэтому империалистическая интервенция в Китае есть несомненный факт, против которого и направлена своим острием китайская революция.

Поэтому, кто обходит или недооценивает факт империалистической интервенции в Китае, тот обходит или недооценивает самое главное и самое основное в Китае.

Говорят, что японские империалисты проявляют некоторые признаки «расположения» к кантонцам и к китайской революции вообще. Говорят, что американские империалисты не отстают в этом отношении от японских. Это самообман, товарищи. Надо уметь отличать сущность политики империалистов, в том числе и японо-американских, от ее маскировки. Ленин нередко говорил, что революционеров трудно взять дубьем, кулаком, но их иногда очень легко берут лаской. Эту истину, сказанную Лениным, никогда не следует забывать, товарищи. Во всяком случае, ясно, что японо-американские империалисты довольно хорошо раскусили значение этой истины. Поэтому надо строго различать между лаской и похвалой по адресу кантонцев и между тем фактом, что наиболее щедрые на ласки империалисты наиболее цепко держатся за «свои» концессии и железные дороги в Китае, от которых они ни за что не согласны «освободиться» в Китае.

3. Революционная армия в Китае.

Второе замечание в связи с представленными тезисами касается вопроса о революционной армии в Китае. Дело в том, что вопрос об армии обойден или недооценивается в тезисах. (Голос с места: Правильно!). В том их второй недостаток. Продвижение кантонцев на север обычно рассматривают не как развертывание китайской революции, а как борьбу кантонских генералов против У-Пей-Фу и Сун-Чуан-Фана, как борьбу за первенство одних генералов в отношении других генералов. Это глубочайшая ошибка, товарищи. Революционные армии в Китае являются важнейшим фактором борьбы китайских рабочих и крестьян за свое освобождение. Разве это случайность, что до мая или до июня этого года обстановка в Китае расценивалась, как господство реакции, наступившей после поражения армий Фын-Юй-Сяна, а потом, летом этого года, стоило продвинуться на север победоносным войскам кантонцев и занять Хубэй, чтобы картина изменилась в корне в пользу революции? Нет, это не

случайность. Ибо продвижение кантонцев означает удар по империализму, удар по его агентам в Китае и свободу собраний, свободу стачек, свободу печати, свободу организации для всех революционных элементов в Китае вообще, для рабочих в особенности. Вот в чем особенность и важнейшее значение революционной армии в Китае.

Раньше, в XVIII и XIX столетиях, революции начинались так, что обычно восставал народ, большей частью безоружный или плохо вооруженный, и сталкивался он с армией старого режима, каковую армию он старался разложить или, по крайней мере, частично перетянуть на свою сторону. Это типичная форма революционных взрывов в прошлом. То же самое имело место у нас в России в 1905 году. В Китае дела пошли иначе. В Китае не безоружный народ стоит против войск старого правительства, а вооруженный народ в лице его революционной армии. В Китае вооруженная революция борется против вооруженной контрреволюции. В этом одна из особенностей и одно из преимуществ китайской революции. В этом же кроется особое значение революционной армии в Китае.

Вот почему недооценка революционной армии является недопустимым недочетом представленных тезисов.

Но из этого следует, что коммунисты Китая должны обратить особое внимание на работу в армии.

Во-первых, коммунисты Китая должны всемерно усилить политическую работу в армии и добиться того, чтобы армия стала действительным и образцовым носителем идеи китайской революции. Это особенно необходимо потому, что к кантонцам пристают теперь все и всякие генералы, не имеющие ничего общего с Гоминданом, пристают к ним, как к силе, которая сокрушает врагов китайского народа, и, приставая к кантонцам, вносят в армию разложение. Нейтрализовать таких «союзников» или сделать их настоящими гоминдановцами можно лишь путем усиления политической работы и путем организации революционного контроля над ними. Без этого армия может попасть в тягчайшее положение.

Во-вторых, китайские революционеры, в том числе и коммунисты, должны взяться вплотную за изучение военного дела; они не должны смотреть на военное дело, как на второстепенное, ибо военное дело в Китае является теперь важнейшим фактором китайской революции. Китайские революционеры, а значит и коммунисты, должны изучить военное дело для того, чтобы постепенно продвигаться вперед и занять в революционной армии те или иные руководящие посты. В этом гарантия того, что революционная армия Китая пойдет по правильной дороге, прямо к цели. Без этого шатания и колебания в армии могут стать неизбежностью.

Таковы задачи китайской компартии в вопросе о революционной армии.

4. Характер будущей власти в Китае.

Третье замечание касается того, что в тезисах не учтен, или учтен недостаточно, вопрос о характере будущей революционной власти в Китае. К этому вопросу близко подошел тов. Миф в своих тезисах, и в этом его заслуга. Но, подойдя близко,

он чего-то испугался и не решился довести дело до конца. Тов. Миф думает, что будущая революционная власть в Китае будет властью революционной мелкой буржуазии при руководстве пролетариата. Что это значит? Меньшевики и эсеры во время Февральской революции в 1917 году тоже были мелкобуржуазными партиями и в известной мере революционными. Значит ли это, что будущая революционная власть в Китае будет эсеро-меньшевистской властью? Нет, не значит. Почему? Потому, что эсеро-меньшевистская власть была властью империалистической, тогда как будущая революционная власть в Китае не может не быть властью антиимпериалистической. Тут разница коренная. Правительство Макдональда было даже «рабочей» властью, но оно было вместе с тем империалистическим, ибо оно базировалось на сохранении империалистической власти Англии, скажем, в Индии и Египте. У будущей революционной власти в Китае будет то преимущество перед правительством Макдональда, что оно будет властью антиимпериалистической. Дело не только в буржуазно-демократическом характере кантонской власти, являющейся зачатком будущей всекитайской революционной власти, но дело, прежде всего, в том, что эта власть является и не может не являться властью антиимпериалистической, что каждое продвижение этой власти вперед означает удар по мировому империализму,—стало быть, удар в пользу мирового революционного движения. Ленин был прав, когда он говорил, что, если раньше национально-освободительное движение, до наступления эпохи мировой революции, являлось частью обще-демократического движения, то теперь, после победы советской революции в России и наступления эпохи мировой революции, национально-освободительное движение является частью мировой пролетарской революции.

Этой особенности не учел тов. Миф.

Я думаю, что будущая революционная власть в Китае будет напоминать по своему характеру такую власть, о которой у нас говорилось в 1905 г., т.-е. диктатуру пролетариата и крестьянства, с той, однако, разницей, что это будет власть антиимпериалистическая по преимуществу. Это будет власть переходная к некапиталистическому или, точнее, к социалистическому развитию Китая.

Вот в каком направлении должна пойти революция в Китае.

Этот путь развития революции облегчается тремя обстоятельствами:

во-первых, тем, что революция в Китае, как революция национально-освободительная, будет направлена своим острием против империализма и его агентов в Китае;

во-вторых, тем, что крупная национальная буржуазия в Китае слаба, слабее, чем национальная буржуазия в России периода 1905 г., что облегчает дело гегемонии пролетариата, дело руководства пролетарской партии в отношении китайского крестьянства;

в-третьих, тем, что революция в Китае будет развиваться при обстоятельствах, дающих возможность использовать опыт и помощь победившей революции в Советском Союзе.

Победит ли этот путь наверняка и безусловно,—это зависит от многих обстоятельств. Одно во всяком случае ясно, что

борьба за этот именно путь развития китайской революции является основной задачей китайских коммунистов.

Отсюда вытекает задача коммунистов Китая в вопросе об отношении к Гоминдану и к будущей революционной власти в Китае. Говорят, что китайские коммунисты должны выйти из Гоминдана. Это глупость, товарищи. Выход китайских коммунистов из Гоминдана был бы глубочайшей ошибкой. Весь ход китайской революции, ее характер, ее перспективы с несомненностью говорят о том, что китайские коммунисты должны остаться в Гоминдане и усилить там свою работу. Но может ли китайская компартия участвовать в будущей революционной власти? Не только может, но должна участвовать. Ход революции в Китае, ее характер, ее перспективы красноречиво говорят о том, что китайская компартия должна участвовать в будущей революционной власти Китая. В этом одна из необходимых гарантий того, чтобы гегемония китайского пролетариата была осуществлена целиком и полностью.

5. Крестьянский вопрос в Китае.

Четвертое замечание касается вопроса о крестьянстве в Китае. Тов. Миф думает, что надо немедленно дать лозунг об образовании советов, крестьянских советов в китайской деревне. Я думаю, что это ошибка. Тов. Миф забегает вперед. Нельзя строить советы в деревне, обходя промышленные центры Китая. Между тем вопрос об организации советов в промышленных центрах Китая не стоит пока на очереди. Кроме того, надо иметь в виду, что советы нельзя рассматривать вне связи с окружающей обстановкой. Советы, в данном случае крестьянские советы, можно было бы организовать лишь в том случае, если бы Китай переживал период максимального под'ема крестьянского движения, ломающего старое и творящего новую власть, в расчете, что промышленные центры Китая уже прорвали плотину и вступили в фазу образования власти советов. Можно ли сказать, что китайское крестьянство и вообще китайская революция уже вступили в эту фазу? Нет, нельзя. Поэтому говорить о советах теперь—значит забегать вперед. Поэтому вопрос надо поставить теперь не о советах, а об образовании крестьянских комитетов. Я имею в виду выбранные от крестьян крестьянские комитеты, которые способны формулировать основные требования крестьянства и которые примут все меры к тому, чтобы притти к осуществлению этих требований революционным порядком. Эти крестьянские комитеты должны послужить тем стержнем, вокруг которого будет развязываться революция в деревне.

Я знаю, что среди гоминдановцев и даже среди китайских коммунистов имеются люди, которые не считают возможным развязывание революции в деревне, боясь, что втягивание крестьянства в революцию подорвет единый антиимпериалистический фронт. Это глубочайшее заблуждение, товарищи. Антиимпериалистический фронт в Китае будет тем сильнее и могущественней, чем скорее и основательней втянется китайское крестьянство в революцию. Авторы тезисов, особенно же тов. Тан-Пин-Сян и тов. Рафес, совершенно правы, утверждая, что немедленное удовлетворение ряда наиболее назревших крестьянских требований является необходимейшим условием победы китайской революции. Я думаю, что пора сломать ту инертность и тот «нейтралитет» в отношении крестьянства, которые замечаются в действиях известных элементов Гоминдана. Я думаю, что как коммунистическая партия Китая, так и Гоминдан, а значит и кантонская власть, должны немедля перейти от слов к делу и поставить вопрос об удовлетворении теперь же наиболее жизненных требований крестьянства. Каковы должны быть перспективы в этом отношении и до каких пределов можно и нужно дойти,—это зависит от хода революции. Я думаю, что дело надо, в конце концов, вести к национализации земли. Во всяком случае, мы не можем зарекаться от такого лозунга, как лозунг национализации земли.

Каковы те пути и дорожки, по которым должны итти китайские революционеры для того, чтобы поднять многомиллионное крестьянство Китая за революцию?

Я думаю, что при данных условиях можно говорить лишь о трех путях.

Первый путь—это путь образования крестьянских комитетов и проникновения в эти комитеты китайских революционеров для воздействия на крестьянство. (Голос с места: А крестьянские союзы?). Я думаю, что крестьянские союзы будут группироваться вокруг крестьянских комитетов, или крестьянские союзы будут превращаться в крестьянские комитеты, облеченные той или иной властью, необходимой для осуществления крестьянских требований. Об этом пути я уже говорил выше... Но этот путь недостаточен. Было бы смешно думать, что у Китая хватит революционеров на это дело. В Китае около 400 миллионов населения. Из них около 350 млн. китайцев. Из них более чем $^{9}/_{10}$—крестьян. Думать, что несколько десятков тысяч китайских революционеров могут исчерпать этот океан крестьянства,—значит заблуждаться. Значит, надо искать еще других путей.

Второй путь—это путь воздействия на крестьянство через аппарат новой народно-революционной власти. Несомненно, что в новых освобожденных провинциях будет создаваться новая власть по типу кантонской власти. Несомненно, что эта власть и аппарат этой власти, если она хочет действительно двигать революцию вперед, должна заняться удовлетворением наиболее наболевших требований крестьянства. И вот задача коммунистов и вообще революционеров Китая состоит в том, чтобы проникать в аппарат новой власти, сближать этот аппарат с крестьянскими массами и помогать крестьянским массам через этот аппарат удовлетворить свои насущные требования путем ли отобрания помещичьих земель или путем снижения налогов и арендной платы,—смотря по обстоятельствам.

Третий путь состоит в воздействии на крестьянство через революционную армию. Я уже говорил о важнейшем значении революционной армии в китайской революции. Революционная армия Китая является той силой, которая первой проникает в новые провинции, которая первой проходит по самой гуще крестьянства и по которой судит, прежде всего, крестьянин о новой власти, об ее плохих или хороших качествах. От поведения революционной армии, от ее отношения к крестьянству и к помещикам, от ее готовности помочь крестьянам — зависит, прежде

всего, отношение крестьянства к новой власти, к Гоминдану и вообще к революции в Китае. Если иметь в виду, что к революционной армии Китая примазалось не мало сомнительных элементов, что эти элементы могут изменить физиономию армии в худшую сторону, то можно понять, какое большое значение имеет в глазах крестьянства политическая физиономия армии и ее, так сказать, крестьянская политика. Поэтому коммунисты Китая и вообще революционеры Китая должны принять все меры к тому, чтобы нейтрализовать антикрестьянские элементы армии, сохранить за армией ее революционный дух и вести дело к тому, чтобы армия помогала крестьянам и подымала их на революцию. Говорят, что революционную армию встречают в Китае с распростертыми об'ятиями, но потом, после того, как армия осядет, наступает некоторое разочарование. То же самое было и у нас в Советском Союзе во время гражданской войны. Об'ясняется это тем, что армия, освобождая новые провинции и оседая там, вынуждена кормиться так или иначе за счет окружающего населения. Нам, советским революционерам, удавалось обычно компенсировать эти минусы тем, что мы старались помогать через армию крестьянам против помещичьих элементов. Необходимо, чтобы китайские революционеры также научились компенсировать эти минусы проведением правильной крестьянской политики через армию.

Таковы те пути и зацепки, при помощи которых можно будет проводить в Китае правильную крестьянскую политику.

6. Пролетариат и гегемония пролетариата в Китае.

Пятое замечание касается вопроса о китайском пролетариате. Я думаю, что в тезисах недостаточно подчеркивается роль и значение рабочего класса Китая. Тов. Рафес спрашивает: на кого должны ориентироваться китайские коммунисты — на левых или на центр Гоминдана? Странный вопрос. Я думаю, что китайские коммунисты должны ориентироваться на пролетариат и ориентировать деятелей освободительного движения в Китае на революцию. Только тогда будет поставлен вопрос правильно. Я знаю, что есть среди китайских коммунистов товарищи, которые считают забастовки рабочих за улучшение их материального и правового положения нежелательными и отговаривают рабочих от забастовок. (Голос: Это было в Кантоне и Шанхае). Это большая ошибка, товарищи. Это серьезнейшая недооценка роли и удельного веса пролетариата Китая. Это должно быть отмечено в тезисах, как явление безусловно отрицательное. Было бы большой ошибкой, если бы китайские коммунисты не использовали нынешней благоприятной обстановки для того, чтобы помочь рабочим улучшить свое материальное и правовое положение, хотя бы через забастовки. Для чего же тогда революция в Китае? Не может быть гегемоном пролетариат, сынов которого секут, истязают агенты империализма во время забастовок. Нужно во что бы то ни стало уничтожить это средневековое зло для того, чтобы поднять среди пролетариев Китая чувство силы и чувство своего достоинства и сделать их способными к гегемонии в революции. Без этого нечего и думать о победе революции в Китае. Поэтому экономические и правовые требования рабочего класса Китая, идущие по линии серьезного улучшения

их положения, должны найти в тезисах подобающее место. (Тов. Миф: Об этом сказано в тезисах). Да, об этом сказано в тезисах, но, к сожалению, эти требования выставлены недостаточно выпукло.

7. Вопрос о молодежи в Китае.

Шестое замечание касается вопроса о молодежи в Китае. Странно, что в тезисах не учтен этот вопрос. А между тем вопрос о молодежи имеет теперь в Китае чрезвычайно важное значение. В докладах т. Тан-Пин-Сяна говорится об этом вопросе, но, к сожалению, недостаточно выпукло. Вопрос о молодежи имеет теперь в Китае первостепенное значение. Учащаяся молодежь (революционные студенты), рабочая молодежь, крестьянская молодежь,—все это такая сила, которая могла бы двинуть революцию семимильными шагами, если ее подчинить идейному и политическому влиянию Гоминдана. Надо иметь в виду, что никто не переживает империалистического гнета так глубоко и живо и никто не чувствует необходимости борьбы с этим гнетом так остро и болезненно, как молодежь в Китае. Это обстоятельство должно быть всемерно учтено китайской компартией и китайскими революционерами в смысле всемерного усиления работы среди молодежи. Молодежь должна найти свое место в тезисах по китайскому вопросу.

8. Некоторые выводы.

Я хотел бы отметить два вывода—по линии борьбы с империализмом в Китае и по линии крестьянского вопроса.

Несомненно, что китайская компартия не может теперь ограничиться требованием уничтожения неравных договоров. За это требование стоит теперь даже такой контрреволюционер, как Чан-Суен-Лян. Очевидно, что китайская компартия должна пойти дальше. Надо поставить перед собой в качестве перспективы вопрос о национализации железных дорог. Это необходимо, и к этому надо вести дело. Надо, далее, иметь в виду перспективу национализации наиболее важных фабрик и заводов. При этом прежде всего встает вопрос о национализации тех предприятий, владельцы которых отличаются особой враждебностью и особой агрессивностью в отношении китайского народа.

Нужно затем двинуть вперед крестьянский вопрос, связав его с перспективой революции в Китае. Я думаю, что дело надо вести, в конце концов, к национализации земли.

Остальное понятно само собой.

Вот и все замечания, которые я хотел сделать, товарищи.

А. Микоян.

Диспропорция и товарный голод.

Диспропорции—неизбежное явление в товарном хозяйстве. Они имеются и в нашем народном хозяйстве.

Здесь я хочу коснуться лишь одной основной диспропорции, которая за последний год так много приковывала к себе внимание партии.

Я имею в виду диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством в пользу последнего, что обозначает преваліирующий удельный вес сельского хозяйства над промышленностью.

Значение этой диспропорции выходит далеко за пределы вопроса о соотношении между двумя отраслями хозяйства, ибо здесь речь идет об отраслях, отличающихся друг от друга своей социальной конструкцией. Говоря о сельском хозяйстве, мы подразумеваем крестьянское хозяйство, т.-е. частное мелкотоварное хозяйство. Промышленность же представляет собой обобществленный сектор народного хозяйства и призвана по своему социальному типу реорганизовать и перестроить распыленное сельское хозяйство.

Поэтому вопрос о диспропорции, о темпе развития промышленности и с. х.—является вопросом о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства.

Апрельский пленум ЦК признал, что мы имеем диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью.

Кроме того, мы имеем еще ряд диспропорций внутри этих двух отраслей хозяйства, сильно отражающихся на народном хозяйстве в целом. Самая острая из них в данный момент это—диспропорция между сырьевыми и зерновыми отраслями сельского хозяйства в том смысле, что мы имеем недостаточно развитую сырьевую базу не только для дальнейшего развертывания индустрии, но и для удовлетворения нужд ее на данной стадии развития. Одновременно мы имеем диспропорции между различными отраслями самой промышленности.

Не затрагивая здесь этих вопросов и переходя к вопросу об основной диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, надо заметить, что у нас происходит смешение понятий, связанных с определением, что такое диспропорция в нашем народном хозяйстве. Часто эту диспропорцию, размер ее отождествляют с размером дефицита промтоваров, иначе, с товарным голодом, как у нас принято называть это. В данном направлении особенно поработала наша оппозиция. Во всех ее выступлениях красной нитью проходит мысль, что товарным голодом на рынке, размером его, измеряется диспропорция и, чтобы устранить этот товарный голод, необходимо сейчас максимальное форсирование капитальных вложений в промышленность.

Между тем, это совершенно неверно. Необходимо отличать два явления: первое—диспропорция в распределении производительных сил страны между промышленностью и сельским хозяйством в пользу последнего, представляющая собой исторически сложившееся явление, к устранению которого направлена задача индустриализации и превращение нашей аграрно-промышленной страны в промышленно-аграрную. Эта диспропорция производительных сил устранима лишь на протяжении ряда лет. Увеличение капитального вложения в промышленность есть ускорение того срока, в который рост производительных сил в области промышленности должен догнать и обогнать рост производительных сил сельского хозяйства. Непрерывный рост вложений в основной капитал промышленности за последние два года является порукой, что мы стоим на правильном пути и быстрее, чем любой другой общественный строй добьемся усиленного развития нашей индустрии.

Второе явление—это кон'юнктурная диспропорция между рыночной стоимостью промышленной и сельскохозяйственной продукций, оборачивающихся на рынке, диспропорция между платежеспособным спросом и предложением на рынке, вопрос о встречных потоках промышленных и сельскохозяйственных товаров. Второе явление, проистекая из первого, отличается от него значительно. Если нельзя их противопоставить, то нельзя их и отождествлять, ставить знак равенства между ними. Если диспропорция производительных сил может быть изменена коренным образом лишь на протяжении ряда лет, то рыночная диспропорция между промышленными и сельскохозяйственными товарами определяется более изменчивыми величинами и может сравнительно круто меняться в ту или другую сторону. При данном состоянии производительных сил в индустрии и в сельском хозяйстве и при одном и том же количестве продукции промышленности и сельского хозяйства возможна и диспропорция в пользу сельскохозяйственной продукции, и обратно—диспропорция в пользу промышленных товаров, в зависимости от уровня цен на промтовары и сельскохозяйственные продукты. При условии неизменности количества товаров, при стабильности промышленных цен, известное снижение сел.-хозяйственных цен может привести к изживанию товарного голода и даже к кризису сбыта, т.-е. превышению предложения над спросом, и, наоборот, при стабильности промышленных цен, повышение сел.-хозяйственных цен приведет к еще большему обострению товарного голода. Возможно и так, что при стабильности сел.-хоз. цен понижение промышленных цен приведет к усилению товарного голода, а повышение их поведет к превышению предложения над спросом. Все эти изменчивые факторы действуют на размер товарного голода.

Надо заметить, что методы в устранении возникших диспропорций и в изживании товарного голода различны в капиталистическом хозяйстве и в нашей экономике. Законы капиталистической стихии, создающие эти диспропорции, действуют тем же стихийным путем в сторону их устранения. Это происходит путем переливания капитала из одних отраслей хозяйства в другие. По той же линии ведет и влияние товарооборота мирового рынка (изменения в экспорте и импорте отдельных стран).

В условиях свободной рыночной стихии товарный голод быстро изживался или смягчался бы: 1) путем повышения цен на недостаточные товары и 2) путем усиленного импорта этих товаров из других стран.

Оба эти фактора в своем действии сильно ограничены пролетарской диктатурой. Несмотря на стихию рынка, толкающую на повышение цен на дефицитные товары, государство использовывает все имеющиеся в его распоряжении средства воздействия против этого повышения. Монополия же внешней торговли, —помимо таможенной политики—действующей во всех странах,— ставит пределы импорту. Ибо наша импортная программа определяется не острыми нуждами рынка в сегодняшний день, а более коренными потребностями нашего хозяйства, интересами проводимой экономической политики.

Это еще более усугубляет изменчивое значение тех факторов, которые определяют товарный голод и кон'юнктурную диспропорцию. Они не в малой степени зависят от политики самой советской власти.

Для доказательства того, что нельзя отождествлять товарный голод с диспропорцией между промышленностью и сельским хозяйством, не требуется подробного изложения всех аргументов. Достаточно сопоставить два факта из жизни советской власти. В 1923 году, несмотря на мизерный уровень развития нашей промышленности, при чрезвычайно высоких ценах на промтовары, мы имели кризис сбыта. Однако, никому в голову не приходило утверждать, что в 1923 году в распределении производительных сил страны перевес был на стороне индустрии. Также никто не может утверждать, что если в 1925—26 г. у нас оказался голод на промтовары, то это означает, что наша промышленность после 1923 года отставала в темпе своего роста от сельского хозяйства, ибо процент роста продукции промышленности за эти годы превысил процент роста сельского хозяйства и его товарной продукции.

При одном и том же количестве промтоваров и сел.-хоз. продуктов, товарный голод может быть, но может и не быть, в зависимости от уровня цен на промтовары и сел.-хоз. продукты, что в немалой степени зависить от политики советской власти.

Кроме того, при одном и том же удельном весе производительных сил сельского хозяйства и промышленности, если принять цены на товары неизменными, мы можем иметь кризис сбыта промтоваров, ибо никто не гарантирован от неурожая, даже при увеличении посевной площади в сел. хозяйстве, при том же количестве живого и мертвого инвентаря и затраченного труда, благодаря неблагоприятным природным условиям. Неурожай даже при некотором повышении с.-х. цен значительно сократит покупательную способность крестьянства и создаст превышение предложения промышленных товаров над крестьянским спросом, не говоря уже о других последствиях, которые могут быть ликвидированы лишь в течение нескольких урожайных лет.

В связи с этим большую роль играет отношение товарной части сельскохозяйственной продукции к валовой продукции.

Не надо забывать также, что при всех равных условиях товарный дефицит может сокращаться или увеличиваться в зависимости от налоговой политики советской власти, в зависимости от того, в какой степени эта политика сокращает, или увеличивает платежеспособный спрос города и деревни.

Поэтому совершенно неправильно отождествлять товарный голод с диспропорцией между промышленностью и сельским хозяйством. Неправильно предлагать в качестве безусловного рецепта изживания сегодняшнего товарного голода, форсирование капитальных вложений в индустрию. Ибо, если логически рассуждать, исходя из этого положения, то в случае неурожая, означающего отсутствие товарного голода, не нужно будет производить и больших вложений в основной капитал нашей промышленности. А это, конечно, совершенно неверно и неприемлемо; мы должны будем каждый год, независимо от рыночных отношений между промтоварами и сел.-хоз. продуктами, увеличивать в меру наших возможностей основной капитал нашей промышленности, расширять и перестраивать промышленность.

Кроме того, надо отметить, что, если большие капитальные вложения в п е р с п е к т и в е обеспечивают нас большей массой промтоваров и этим самым при прочих равных условиях устраняется возможность товарного голода, то большие капитальные вложения в ближайшие 2—3 года могут не только не ослабить товарного голода, но, наоборот, вызвать значительное его обострение. Ибо переоборудованные и вновь строящиеся заводы, потребовав вложения громадных средств, дадут товарную продукцию только через 2—3, а то и большее количество лет. Между тем, вкладываемые в эти предприятия средства, превращаясь на время в мертвый капитал, создают излишний спрос на промтовары (строительные материалы, оборудование, средства потребления новых строительных рабочих и т. д.), не противопоставляя дополнительного количества промпродукции.

Затем нельзя закрывать глаза на тот факт, что непосредственные причины нехватки главнейших промтоваров, кроются н е в о т с у т с т в и и д о с т а т о ч н о й м о щ н о с т и п р о м ы ш л е н н ы х п р е д п р и я т и й, а в о т с у т с т в и и д о с т а т о ч н о г о с ы р ь я. Так, наиболее острый дефицит чувствуется по текстильным и кожевенным изделиям и подсолнечному маслу. В этих отраслях промышленности мы до сих пор не полностью использовали все имеющиеся производственные возможности. Значительное количество предприятий недогружено или находится на консервации, ибо у нас нехватает хлопка, шерсти, кожи, подсолнуха и пр. Если необходимость больших вложений аргументировать переживаемым товарным голодом, то пришлось бы в нашей экономической политике ударение ставить не на капитальных вложениях, а на развитии сырьевых отраслей сельского хозяйства, не на ввозе оборудования, а на ввозе сырья и готовых товаров потребления. Между тем, мы этого не делаем, ибо индустриализация страны представляет собой куда более широкую задачу, чем задача изживания сегодняшних рыночных затруднений.

Вот почему необходимо методологически строго отличать исторически данную диспропорцию в распределении производительных сил и диспропорцию в рыночной кон'юнктуре. Это важно не только методологически, но также и с точки зрения экономической политики, чтобы, во-первых, определить точно значение и место капитальных вложений в индустрию в нашем

народном хозяйстве и, во-вторых, чтобы точно уяснить себе причины и размер товарного голода и методы его изживания.

* * *

Прежде, чем перейти к исчислению размеров товарного голода, надо остановиться на следующем. Многие подчеркивают только отрицательные стороны товарного голода, не сравнивая его с противоположным злом—кризисом сбыта. Покойный тов. Дзержинский был совершенно прав, когда на июльском Пленуме ЦК в последней своей речи, со всей свойственной ему резкостью, подчеркнул, что товарный голод для советской власти представляется более положительным показателем народно-хозяйственного развития. И, конечно, куда лучше иметь товарный голод, чем кризис сбыта промтоваров. Конечно, товарный голод вносит элементы дезорганизации на рынке, создает ряд затруднений. Но несмотря на это, товарный дефицит имеет громадное положительное значение, заключающееся в том, что при нем промышленность получает величайший толчок со стороны рынка к быстрейшему росту и увеличению продукции.

Если даже мы изживем существующий товарный голод, мы не должны рассчитывать на то, что у нас больше он не возникнет,—он будет, он неизбежен и страшиться его нечего. Благосостояние народных масс, в первую очередь благосостояние рабочих масс и широких трудящихся слоев деревни, будет быстро расти. Промышленность, опираясь на растущую емкость внутреннего рынка, все больше будет расширяться. При росте нашей промышленности товарный голод является показателем широких перспектив развертывания индустрии, и лишь на основе перспективного развертывания емкости рынка может быть построена серьезная задача индустриализации нашей страны.

Говоря о дефиците промтоваров, о голоде на промтовары, многие не понимают, что у нас нет одинакового дефицита на все промтовары и не может быть постоянно одинаковых соотношений между спросом и предложением на все промтовары. Рынок еще настолько подвержен влиянию стихийных экономических факторов, что никогда не может быть полного соответствия между спросом и предложением между этими двумя рыночными элементами. По одним товарам будет нехватка, по другим же то или другое превышение спроса над предложением, при чем один и тот же товар может переходить из группы недостаточных в группу достаточных товаров. При нехватке промтоваров—будет стоять задача усиленного развития промышленности; при некотором превышении предложения над спросом, т.-е. достатке промтоваров, задача будет сводиться не к сокращению производства, что могло бы быть при чисто капиталистической системе производства, а к снижению цен и к другим мерам, расширяющим емкость рынка и создающим новые рынки, и открывающим возможность дальнейшего развития тех отраслей промышленности, продукция которых до этого была в достаточном количестве. В данный момент говоря о товарном голоде, мы должны иметь в виду лишь небольшую группу промтоваров, по которым на рынке чувствуется острая нехватка. Надо сказать также, что при достатке данного товара в масштабе всей страны, не исключена возможность дефицитности его в ряде отдельных районов. Одно дело—соотношение между количеством данного промтовара и спросом на него, взятое в общем масштабе, и другое—фактические отношения между спросом и предложением на этот товар в каждом данном районе страны. Кроме того, мы можем иметь голод на отдельные сорта данного товара при избытке других сортов того же товара. Например, в данный момент, мы при недостаточном сбыте готовой обуви имеем недостаток выделанных кожевенных товаров и непокрытие спроса по этому товару. Или, в другом случае, мы имеем залежи дорогой фаянсовой посуды, не находящей сбыта, при усиленном спросе на дешевые сорта посуды. Имея достаточное количество низких сортов чая, мы наблюдаем усиленный спрос на высокие сорта чая, не покрываемый предложением. Было бы неправильным ожидать, что можно легко и скоро добиться устранения всех этих многочисленных, перекрещивающихся друг с другом, рыночных диспропорций, несоответствия между спросом и предложением на все отдельные товары, на отдельные сорта их в масштабе всей страны или в рамках локальных, местных рынков. Это несоответствие мы будем всегда чувствовать, и промышленность должна будет приспосабливаться к требованиям рынка, чувствуя его толчки. Другой вопрос, что наша промышленность вследствие своего бюрократического построения или технической слабости не может быстро реагировать на изменчивые потребности рынка и соответственно перестраиваться, и что наши торгующие организации вследствие оторванности от жизненных потребностей рынка не могут заранее отражать его нуждам и пред'являть промышленности организованный спрос на различные товары и их сорта, помогая промышленности быстрее и лучше перестраиваться соответственно требованиям рынка; при более или менее достаточном количестве данного вида товара вопрос об ассортименте и качестве становится на видный план. При недостатке же количества товаров, вопрос о качестве его отодвигается на последнюю очередь, выпячивается вперед количественный момент.

Состояние рынка определяется такими многочисленными, изменчивыми показателями, что прогноз на целый год представляет большие трудности, чем в какой-нибудь другой отрасли хозяйства. Поэтому всякие расчеты, на основе которых строится прогноз состояния товарооборота на год вперед, будут носить неизбежно сугубо ориентировочный, приблизительный характер. Несмотря на все эти оговорки, не исключена возможность и необходимость составления ориентировочных балансов товарооборота.

Попытку построения такого баланса мы находим в контрольных цифрах Госплана, составленных т. Смилгой и рядом его сотрудников.

Если контрольные цифры на 1926—27 г. по сравнению с этими же цифрами на 1925—26 г. представляют значительный прогресс в сторону большего уточнения, как методов их построения, так и более правильного предугадывания тенденций хозяйственного развития, то все же, в этих цифрах мы находим значительные дефекты, которые видны не только потому, что жизнь уже дала достаточный контрольный материал, на основе которого можно судить о правильности или неправильности выводов контрольных цифр. Этот, последний, момент совершенно

неизбежен, и никакие цифры, предварительно составленные, не могут обеспечить нас от возможных и неизбежных коррективов, вносимых действительным ходом хозяйственной жизни. Но если даже отвлечься от всех новых данных, которые мы имеем уже после составления контрольных цифр, и ограничиться теми данными, которые имелись в распоряжении авторов контрольных цифр и критически отнестись к самим методам и результатам исчисления контрольных цифр, то мы найдем там ряд крупнейших ошибок. Поскольку, как автор контрольных цифр правильно указывал, контрольные цифры являются не только прогнозом, но и директивой, постольку нам необходимо подвергнуть их критической оценке. Кроме того, контрольные цифры Госплана являются единственным общегосударственным сводом всех элементов народного хозяйства и учетом тенденций их развития. Чем раньше мы добьемся уточнения тех или других сторон этого труда, тем полезнее для нашего народного хозяйства, тем больше гарантии от возможных ошибок в практической деятельности.

Здесь мы имеем в виду остановиться на одной ошибке контрольных цифр, на определении размеров товарного голода.

По этому вопросу три основных органа (Госплан, ВСНХ и Наркомторг) произвели свои исчисления размеров товарного голода.

У каждого из них свои методы исчисления, дающие различные цифры. Методология ни одного из этих органов не может быть признана вполне удовлетворительной и обеспечивающей цифры, в точности соответствующие действительности. Все исчисления построены на таких грубых приближениях, где легко могут быть ошибки на несколько десятков миллионов рублей.

Необходимость выработки единой, более совершенной методологии исчисления народнохозяйственного баланса совершенно назрела.

Если в деле определения хлебофуражного баланса мы в этом году достигли таких результатов, что баланс, составленный экспертным советом при ЦСУ, куда входят лучшие силы и знатоки вопроса из всех ведомств,—оказался максимально близким к действительности, то этим мы еще не можем похвастать в области определения товарного баланса.

Работа по проверке данных товарного баланса, произведенная после издания контрольных цифр Госплана вышеуказанными тремя органами, дала результаты более близкие к действительности, чем те, которые были в контрольных цифрах.

Но прежде, чем перейти к результатам этих исчислений, я должен констатировать чрезвычайно странное обстоятельство, которое находит каждый, хотя бы бегло просмотревший контрольные цифры Госплана. На 79 стр. контрольных цифр в главе «Товарооборот» мы находим после всех необходимых методологических оговорок следующее утверждение: «Товарный дефицит в предстоящем году должен определиться суммой, порядка 500 милл. рублей, против 380 милл. руб. текущего года». Когда вы пытаетесь найти где-нибудь, или в тексте книги или в многочисленных таблицах, приложенных к книге, обоснование этой суммы или методы исчисления ее, когда вы пытаетесь найти, каким путем, из сопоставления каких данных получается этот товарный дефицит, то вы нигде никаких данных обоснования исчисления не найдете. Между тем, цифра в ½ миллиарда товарного дефицита имеет крупнейшее значение для всей нашей экономики, и эта цифра сыграла немаловажную роль в качестве крупного аргумента в руках нашей оппозиции, нападавшей на политику партии. Одна ссылка ее на эту цифру, приводимую в официальной сводке народнохозяйственного баланса, изданного от имени Государственной Плановой Комиссии, придавала авторитет и рассеивала всякие сомнения. Когда же подошли к проверке этой цифры, то обнаружилась полная необоснованность ее. После этого становится вопрос, на который очень трудно ответить: откуда взял автор ½ миллиарда товарного дефицита, и вытекала ли эта цифра из об'ективного анализа состояния народного хозяйства и его перспектив на год, или она нужна была ему, при ее необоснованности, для каких-то иных целей? Если принять во внимание обстановку нашей партии, когда составлялись эти цифры, и принадлежность автора к определенному течению внутри нашей партии, то становится возможным предполагать, что эта цифра была приведена в качестве необходимого оружия в борьбе оппозиции против партии, а не в качестве об'ективного вывода из анализа народнохозяйственной жизни, что и нужно было требовать от автора этого труда.

С другой стороны, когда вы начинаете рассматривать другие части текста и приложенные к книге таблицы, то вы находите совершенно иные данные. Таблица «недостаток промтоваров» определяет товарный голод в 302 милл. рублей.

Итак по важнейшему вопросу в этом труде вы находите две цифры: одна порядка—500 милл., без всяких следов обоснования, и другая—302 милл., т. е. на 200 милл. меньше, которую должны обосновать исчисления таблицы.

В этой таблице вы также находите странное обстоятельство: в графе «расходы сельского населения» (стр. 128) дается расход на торговую накидку в размере 20% стоимости внутрикрестьянского оборота с сельско-хоз. товарами и кустарной продукцией. В доходах же сельского населения эти 20% накидки к стоимости товара—отсутствуют. Между тем, это составляет не маленькую сумму и сильно меняет картину баланса. 20% от внутрикрестьянского оборота с.-х. и кустарных товаров составит—691 м. руб. (519 милл. руб. + 172 милл. руб.). Если считать, что, примерно, ⅓ этого оборота проходит через городских посредников, то все же около 460 милл. руб. должно быть прибавлено к доходам деревни.

Но тогда вся таблица переворачивается вверх дном. Ибо в этой таблице промтоварная масса определяется в размере 7.060 милл. руб., спрос же городского и сельского населения определяется в 7.362 м. р. Получается дефицит в 302 м. р. Если же внести вышеприведенную поправку, то получаются совершенно абсурдные результаты.

ВСНХ же в своих подсчетах стоимость всей промтоварной массы исчисляет в 7.927 м. р., а спрос населения—в 8.200 м. р. Таким образом, товарный дефицит получается в 273 м. р.

Наркомторг же в своих исчислениях исходит из стоимости всей промтоварной продукции в 7.450 м. р., спрос же населения определяет в 7.820 м. р., в итоге чего товарный дефицит выражается в сумме 370 м. р.

Кроме ряда других отличий в методах исчислений этих трех органов, расхождение их цифр получается оттого, что они берут различный уровень цен на промтовары и сел.-хоз. продукты. Так, контрольные цифры Госплана исходят из того, что цены на все товары в среднем в 1926—27 г. будут находиться на уровне 1925—26 г., т.-е. будут стабильны.

Наркомторг же предполагает, что средний уровень цен на промтовары будет снижен против 1925—26 г. на 4%, а на сельскохозяйственные товары—на 6%. ВСНХ же берет цены на сел.-хоз. товары на 6% ниже прошлогодних, исходя из стабильности промтоварных цен.

Помимо этого, контрольные цифры предполагают рост количества продукции нашей промышленности на 15,8%, а ВСНХ и Наркомторг—на 17—18%.

Во всех этих исчислениях не всюду учтен или недостаточно точно учтен ряд других моментов, которые не могут не менять основных цифр, как-то: новые налоги, проведенные летом, как прямые, так и косвенные (в частности налог на хлебное вино сильно преуменьшен).

Все ведомства пришли к этим цифрам, исходя из тех возможностей развертывания промышленности, которые можно было предусмотреть до начала хозяйственного года. Однако ныне, благодаря новым обстоятельствам, которые трудно было раньше предусмотреть, становится возможным увеличение продукции промышленности на 19 или даже на 20% против прошлого года. Таким образом, промышленность в своем развитии пойдет у нас более быстрым темпом, чем предусматривали в своем прогнозе и чем предлагали в своих директивах контрольные цифры.

Предположения контрольных цифр о росте промпродукции на 15,8% оказались сильно преуменьшенными, а предположения ВСНХ, поддержанные Наркомторгом, о росте на 17—18% оказались наиболее верным прогнозом.

При исчислении размеров товарного голода Наркомторг шел двумя методами. Первый метод, который общ и Госплану,—это определение стоимости всей промтоварной массы, спроса населения и выведение разницы между ними. Второй метод, который корректировал первый—это определение количества основных недостаточных промтоваров и спроса на них, согласно показателям рынка, данных местных органов Внуторгов и торгующих организаций. Эти два метода, проверяя друг друга, дают более реальные результаты. Мы взяли основные товары, по которым остро чувствуется товарный голод на рынке, в частности и в первую очередь хлопчатобумажные и шерстяные ткани, кожевенные изделия, металл для хозяйственных нужд крестьянского и городского населения и ряд товаров менее важных, как по размерам своего дефицита, так и по своему значению в народном хозяйстве. Мы пришли к выводу, что нехватка хлопчатобумажных тканей определяется цифрой в 150—200 милл. рублей, шерстяных тканей—цифрой в 40 милл. рублей, кожевенных изделий в переводе на готовую обувь—70 милл. рублей, металла,—примерно, 50 милл. рублей. Все это взято в розничных ценах; в грубом приближении эти цифры мы получаем, исходя из первоначально намеченной производственной программы промышленности. Однако, за последнее время хозяйственная, мировая и внутренняя, кон'юнктура выявила некоторые изменения, которые открывают возможность большего развертывания нашей промышленности именно по этим недостаточным товарам. Вообще, в области развертывания промышленности первые два месяца текущего года дают результаты, превышающие намеченную программу. В частности мы имеем за октябрь, ноябрь и 10 дней декабря превышение добычи нефти в Грозном против намеченной программы на 131%. Мы имеем превышение добычи каменного угля в Донбассе сверх намеченной программы. Но мы здесь хотим остановиться только на отраслях промышленности, обслуживающих широкий рынок.

Первоначально ВСНХ намечал к переработке на хлопчатобумажных фабриках 17½ милл. пудов хлопка, что составляет рост продукции на 9%. Дальнейшее увеличение производственной программы не намечалось не потому, что состояние оборудования фабрик, их производственные возможности не позволяли, а лишь потому, что мы не располагали достаточным количеством сырья, в частности, хлопка. Выяснившиеся результаты отечественного урожая хлопка дают превышение на 1 милл. пуд.: вместо предполагаемых 9½ милл. пуд. волокна мы получим около 10½ милл. пуд. Катастрофическое падение цен на хлопок на мировом рынке открывает возможность купить на меньшее количество валюты, чем мы предполагали израсходовать на намеченный контингент импортного хлопка, столько же, сколько было намечено, даже немного большее количество его. В среднем, в прошлом году пуд хлопка, закупаемого за границей, обошелся нам в 20 руб. 50 коп. Часть хлопка в 900 тыс. п. для работ фабрик в текущем хозяйственном году была закуплена еще в прошлом хозяйственном году в момент еще высоких цен, но нынешняя цена на американский хлопок сошла с 20 с лишком рублей на пуд до 12½. Снижение—на 40%, что, конечно, дает громадную экономию валюты, предназначенной для закупки хлопка, давая возможность полной загрузки наших фабрик. Кроме того, при составлении производственной программы ВСНХ исходил из наличия меньшего количества производственного запаса хлопка на фабриках, чем на деле оказалось. ВСНХ исходил из переходящего запаса промышленности в 1½ милл. пуд. После произведенного точного учета оказалось, что запас хлопка составляет 3.180 тыс. пудов. Этим самым, даже не увеличивая количества закупаемого за границей хлопка, имея увеличение урожая союзного хлопка в текущем году, мы в состоянии увеличить производственную программу хлоп.-бум. промышленности еще на 1.400 тыс. пуд., доведя ее до 18.900 тыс. пуд., или кругло—19 милл. пудов, при нормальном количестве переходящих запасов хлопка у промышленности на будущий 1927—1928 г. Выработка 1½ милл. пудов хлопка сверх программы дает хлопчато-бумажных тканей при грубом подсчете по розничным ценам на 120 милл. рублей. Этим самым мы уже имеем возможность сильно сократить товарный голод на хлопчато-бумажные ткани. Хотя первый квартал года еще не кончился, но уже сейчас выяснилось, что вместо предположенного к выброске на рынок за квартал 5.895 вагонов хлопчато-бумажных тканей, мы выпустили на рынок 6.455 ваг., т.-е. на 560 вагонов больше, чем предполагали, что составляет более 10% роста.

Во втором и третьем кварталах мы получим еще более значительное увеличение.

По шерстяной промышленности мы также имеем возможность увеличить производственную программу, в виду увеличения сырьевой базы этой промышленности, хотя здесь увеличение будет в меньшей мере, чем в хлопчато-бумажной промышленности.

В кожевенной промышленности мы тоже получим возможность увеличения производственной программы против намеченной. Все это сократит товарный дефицит по шерстяным тканям на 20—30 милл. руб., по кожевенным на 5—10 милл. руб. При этих новых расчетах мы уже получим товарный дефицит в 200—250 милл. рублей, против предположенных 370 милл. руб., т.-е. мы не будем иметь в течение 1926—27 хозяйственного года никакого усиления товарного голода, а возможно даже, что последует некоторое ослабление его. Мы не берем совершенно в расчет не исключенный плохой урожай в будущем году, что, конечно, перевернет эти расчеты и создаст совершенно иные рыночные отношения. После критической проверки всех этих данных, президиум Госплана, также признав неправильность и необоснованность контрольных цифр в этой части, определил товарный дефицит примерно в таких же размерах.

Обсуждение годового плана товароснабжения страны на заседании Совета Труда и Обороны привело к таким же результатам.

В качестве итога можно сказать, что контрольные цифры Госплана, указывающие на товарный дефицит в этом году в 500 милл. руб. в этой части совершенно необоснованы, преувеличены, если даже исходить из той производственной программы, которая намечалась в основе контрольных цифр. Если же брать все происшедшие после этого изменения, то мы на деле будем иметь в текущем хозяйственном году не усиление товарного голода, а ослабление его. Контрольные цифры Госплана, которые автором оцениваются как прогноз и директива, в этой важнейшей области оказались совершенно неверными и неправильно ориентирующими страну, и этим самым, они, если их не развенчать, способны нанести вред нашему хозяйству.

Тов. Рыков был совершенно прав, когда на XV партконференции, приведя наши расчеты о товарном голоде, высказал мысль о преувеличенности и выразил надежду, что товарный голод в этом году не возрастет. Он дальше совершенно правильно указал, что оппозиция все время становится в «позу пророков». Однако, все ее пророчества носят сугубо пессимистический характер, предсказывают нашей стране неисчислимые бедствия и каждый раз оказываются совершенно неправильными. В частности, весной 1926 года на апрельском пленуме т. Троцкий предсказывал катастрофические последствия нашему хозяйству при ограниченности наших товарных ресурсов в случае хорошего урожая. Но, как эти пессимистические пророчества т. Троцкого, так и его пророчества 1923 года о гибели страны и проч. оказались разбитыми, благодаря более правильному пониманию нашей партией реального хода хозяйственной жизни и умелой политике в деле руководства ею. Однако, т. Троцкий в своем выступлении на конференции сказал следующее:

«Мы указывали на то, что диспропорция при той политике в области распределения национального дохода, которая происходилась, угрожает нам дальнейшим возрастанием. Это называли почему-то пессимизмом. Товарищи, арифметика не знает ни пессимизма, ни оптимизма. Экономическая статистика не знает ни оптимизма, ни пессимизма, ни маловерия, ни капитуляции. Цифры суть цифры. Если вы возьмете контрольные цифры Госплана, то они говорят о том, что в прошлом году диспропорция, точнее нехватка промтоваров, измерялась суммой в 380 милл. рублей, в этом году—в 500 милл. рублей, т.-е. по первоначальным контрольным цифрам Госплана диспропорция выросла на 25%. Тов. Рыков в своих тезисах говорит, что можно надеяться на то, что диспропорция в этом году не возрастет. Но откуда эта «надежда» получилась? А получилась она оттуда, что урожай оказался хуже, чем все мы надеялись... Об'ективный хозяйственный опыт проверяет разногласия не так—оптимистичны ли цифры или пессимистичны,—а расценивает их иначе: правильны они или неправильны. Я думаю, что наша оценка диспропорции была правильна».

Однако, как видно из всего вышеизложенного, товарный голод, измеряемый контрольными цифрами Госплана в 500 м. р., оказался недействителен не потому, что урожай оказался хуже, как говорил т. Троцкий; прошлогодний урожай был один из хороших, урожай же текущего года оказался еще лучше. Поэтому вряд ли, говоря о реализации урожая, оппозиция весной могла думать об урожае более хорошем, чем мы на деле имеем. Характерно, что этот довод т. Троцкого о том, что урожай оказался хуже, принадлежит к тому порядку доводов, которые являются обычными для оппозиции—без всякого обоснования предсказывать, предвещать, пророчествовать самое худшее, что можно предположить и придумать о нашем хозяйстве.

Вечное карканье, вместо прогноза, и паника—в качестве политики!

Мих. Питковский.

Вовлечение промышленных рабочих в профсоюзы.

Под'ем народного хозяйства вовлек в процесс производства новые сотни тысяч рабочих. Это можно показать ростом количества рабочих, занятых в цензовой промышленности за последние 3 года. В 1923/24 г. рабочих было 1.617,5 тыс., а в 1925/26 г.—2.421,8 т. [1]). Прирост выражается внушительным числом—свыше 804 тысяч.

Такое громадное и резкое увеличение количества, работающих в промышленности с особенной силой выдвигало вопрос о том, в какой степени росту рабочего класса соответствует его профессиональная организованность.

Рост членов профсоюзов был также чрезвычайно значительный. Если взять для примера рост за апрель—октябрь 1925 г., то он выразится в этот сравнительно короткий период только в индустриальных союзах в полумиллионе (498.000) новых членов союза. Однако, удовлетвориться одним абсолютным ростом невозможно. Чрезвычайно важно, в какой степени профессиональные союзы поспевают охватывать рабочих нашей промышленности.

Таблица № 1.

Наименование союза.	Профессиональный охват работающих по индустриальным союзам в % по данным ВЦСПС.		
	На 1/I 1925 г.	На 1/IV 1925 г.	На 1/X 1925 г.
Бумажники	93,6	91,2	90,8
Горнорабочие	92,1	92,5	84,0
Деревообдел.	84,4	77,5	85,3
Кожевники	93,2	92,5	90,8
Металлисты	89,2	87,8	87,9
Печатники	94.8	95.1	93,5
Пищевики	90,8	88,7	88,5
Сахарники	85.5	83,4	73,2
Строители	90.3	89.3	83,8
Текстили	95.8	96,5	92,6
Химики	90,7	90,9	88,5
Швейники	94,2	92,3	90.8
Итого	91,6	90,3	87,9

Приводимые по индустриальным союзам итоговые цифры и цифры по отдельным союзам (табл. № 1) позволили XIV партс'езду заключить, что на ряду с бесспорным фактом очень высокого процента организованности рабочего класса в профсоюзах, имеется, однако, снижение процента охвата.

[1]) По контрольным цифрам Госплана 1926 г.

Таким образом, перед партией и профсоюзами встала неотложная задача усилить внимание к профессиональному охвату рабочих.

Последние данные по 12 промышлен. союзам (на 1/IV—1926 г.) значительно меняют общую картину профессиональной организованности (см. табл. № 2):

Таблица № 2.

На 100 рабочих в завед. и учрежд. 12 индустриальн. союзов приходится членов союзов [1]).

1925 г.		1926 г.
1/IV	1/X	1/IV
90,3	87,9	90,5

Директива, вытекающая из постановлений XIV с'езда, констатировавшего отставание профессиональной организованности от роста рабочего класса, в значительной степени выполнена: процесс организованности не только не отстает от роста рабочего класса, но даже несколько впереди его (1/IV—1925 г.—90,3; 1/IV—1926 г.—90,5%).

Однако, если мы рассмотрим степень организованности по отдельным индустриальным союзам, то увидим, что на ряду с ростом союза металлистов и союзов второстепенного значения (бумажников, деревообделочников и др.) союзы горнорабочих, текстильщиков, пищевиков, кожевников, швейников и строителей не достигли к 1/IV—26 г. того уровня, на котором они были к 1/IV—25 г.

Таблица № 3.

Союзы.	% организованности		
	1/IV—25 г.	1/X—25 г.	1/IV—26 г.
Горнорабоч.	92.5	84,0	87,0
Кожевник.	92,5	90,8	91,7
Пищевик.	88,7	88,5	87,0
Текстильщик.	96,5	92.6	95,6
Швейник.	92,3	90,8	91,5
Строительн.	89,3	83,8	85,5

Наиболее сильно продолжают отставать союзы горняков, строителей—(89,3—85,5%), и систематически, хотя и незначительно, дают снижение пищевики.

Рассмотрим также состояние профессионального членства по некоторым отдельным областям.

Сопоставляя данные на 1/IV—25 г. с данными на 1 апреля 1926 г. по Украине, можно установить за этот период—снижение профессиональной организованности. Процент членов союзов

[1]) При числе работающих на 1/IV—25 г.—2.565,1 т. ч.; 1/X—25 г.—3.296,3 т. и 1/IV—26 г.—3.366,6 т.

среди работающих на 1/IV—25 г. равнялся 91,6, а на 1/IV—26 г.—89,8 [1]).

Резко снизился % у горняков (было 94,9%, стало 88,2%), кожевников (было 92,7%, стало 85,4%), химиков (было 91,6%, стало 88,4%) и у строителей (было 91,1%, стало 86,6%).

Сопоставляя данные на 1 апреля 1926 г. с данными на 1 апреля 1925 г. по Уралу мы можем установить: во-первых, средний % профорганизованности по индустриальным союзам (без строителей и сахарников) увеличился с 73,2 до 82,3; во-вторых, средний процент по Уралу (82,3 на 1/IV—26 г.) значительно ниже % организованности по всему СССР (на 1 апреля 1926 г. без строителей и сахарников он равняется 91,0) и, в-третьих, в отдельных союзах Урала и за этот период имеется значительное снижение процента организованности: у горнорабочих с 83,1 до 77,1, у химиков с 92,1 до 81,1, у швейников с 85,6 до 66,3, у строителей с 86,7 до 74,0. Менее значительное снижение у текстильщиков на 1,4% и у пищевиков на 2,5%.

Таким образом, резолюция XIV с'езда партии о том, «что профсоюзы... не поспевают даже организационно охватить, элементарно вовлечь их (новых рабочих. *М. П.*) в свою организацию», принятая в отношении всего профсоюзного движения, продолжает оставаться правильной для ряда индустриальных профес. союзов и для отд. областей СССР.

Отсюда вывод о необходимости усиления работы партии и профсоюзов по вовлечению в союзные ряды рабочих ряда отраслей промышленности.

При анализе профсоюзного членства, особенное внимание обращало на себя падение процента организованности в крупных быстро растущих предприятиях.

Громадное развитие социалистической промышленности в течение восстановительного периода приводило к быстрому росту особенно крупных заводов и к росту рабочей силы на этих заводах. Это связано с вовлечением больших кадров рабочих, насчитывающих в своем составе много неорганизованных в профсоюзы.

Так, на заводе им. Петровского (быв. Брянском) в Екатеринославе, в связи с быстрым ростом количества рабочих осенью 1925 г. одновременно не состояло в союзе около 3 тыс. рабочих. На Харьковском паровозостроительном заводе число одних заявлений в завком о приеме в члены союза доходило в апреле этого года до 600. На Краматорском машиностроительном и металлургическом заводе (Донбасс) в течение всех месяцев первой половины 1926 года было 1.200—1.300 рабочих, не состоящих членами союза.

Эти факты заставляют обратить внимание на опасность состояния вне союза огромных групп рабочих на крупных быстро развивающихся заводах.

Дальнейший рост нашей промышленности, в особенности в связи с индустриализацией страны, требует учета этих фактов.

---

[1]) Данные по 10 промышл. союзам, т.-е. без сахарн. и строител. Сахарники и строители тоже дают снижение: первые от [illegible],1% в 25 г. до 88,6% в 26 г., а вторые вместо 91,1% в 25 г. до 86,6% в 26 году.

Необходимо взять в отношении профессионального членства под особое наблюдение центральных и местных профорганизаций наши крупные предприятия, имеющие значение опорных пунктов нашей промышленности.

Состав не вовлеченных в профсоюзы и причины профессиональной неорганизованности.

Отсутствие массовых сводных данных сильно затрудняет точное выяснение вопроса о составе нечленов профсоюза.

Полученные же при обследовании отдельных предприятий в Харькове, Донбассе, Москве и др. местах данные позволяют заключить, что главная масса нечленов союза это рабочие недавно вступившие на производство, в большинстве пришедшие из деревни на завод впервые.

Однако, было бы ошибочным предполагать, что в числе неорганизованных в профсоюзы находятся исключительно рабочие из новых слоев.

Мы находим, правда, в небольших отношениях, старых и квалифицированных рабочих. В единичных случаях они составляли даже большинство среди нечленов союза. Возьмем для примера состав рабочих, не состоящих членами профессионального союза по двум цехам Краматорского металлургического завода (одного из крупнейших заводов Донбасса).

В механическом цеху мы найдем среди них трех слесарей, с производственным стажем в 15 л., 17 л. и 33 года; на данном заводе один из них работает 1½ года, другой 4 года, третий—15 лет; 2-х токарей с производственным стажем 19 лет и 33 года, один из них на данном заводе работает 2 месяца, а другой 18 мес.; 2 строгальщиков, с производственным стажем в 10 л., и в 22 г.;—по столько же лет каждый из них работает на данном предприятии; одного кровельщика, с производственным стажем в 13 месяцев, на данном заводе—1 г.; 1 молотобойца с производственным стажем в 4 года, на данном заводе работает 1 год; 1 сторожа, с производственным стажем в 38 лет на данном заводе работает 7 лет.

Следует учесть также и тех рабочих, которые фактически не являются членами союза. Это те, кого называют «злостными неплательщиками». Среди них гораздо чаще встречаются квалифицированные рабочие, с большим производственным стажем.

Из этой группы рабочих большая часть восстанавливает свою связь с союзом, но нередки случаи, когда рабочие из разряда злостных неплательщиков переводятся в разряд нечленов союза (формально же они все, как не платившие свыше 3-х месяцев членских взносов должны быть механически исключены из союза).

По тем отрывочным и неполным сведениям, которыми мы располагаем, трудно сделать вывод о точном соотношении в составе нечленов союза между квалифицированными и неквалифицированными, старыми и молодыми. Одно несомненно, что этот вопрос немаловажный и требует со стороны партии и профсоюзов тщательного выяснения.

Имеющиеся же у нас сведения и данные позволяют сделать вывод, что основная масса нечленов союза—новые слои рабочих, но на ряду с этим среди нечленов союза имеются и рабочие

с большим производственным стажем и с долгим сроком пребывания на последнем месте работы.

Комиссия ВЦСПС по обследованию состояния профработы на Украине об'ясняет значительность процента неохваченных союзами тем, что «в период массового набора рабочих союзы не справляются с оформлением приема в союз», «волокитой с утверждением в члены союза», неправильностями при отборе вступающих в профсоюз и т. п.

Несомненно, что эти препятствия имеют громадное значение. Однако, для полного выяснения причин профессиональной неорганизованности необходимо учесть отношение самих рабочих к вступлению в профессиональный союз.

Обследования и изучение этого вопроса приводят к тому выводу, что, несомненно, имеет место известная пассивность по отношению к вступлению в союз со стороны некоторых групп рабочих. Это пассивное отношение коренится в различных для каждой прослойки рабочего класса причинах.

Рассмотрим эти причины.

В группе квалифицированных рабочих, не состоящих членами профсоюзов преобладают рабочие бывшие в союзе и оторвавшиеся от него. Однако, имеются и такие квалифицированные рабочие, которые в союзе еще не состояли.

Независимо от этого и в том и в другом случае причины пассивности по отношению к профсоюзу в общем сходны и идут по линии отрыва от пролетарской общественности.

Это вызывается несоответствием между ростом активности у этой прослойки рабочего класса и их удовлетворением.

Если не учесть того, что с улучшением материального положения неминуемо должны повыситься либо политическая активность, либо мещанские потребности, и если не организовать во-время эту активность, не использовать ее, не укрепить и не развить ее, то очень легко можно встретиться с фактами мещанского разложения, аналогичными тем, какие имели место на Харьковском паровозостроительном заводе.

Вот, что пишут работники Краснозаводского районного комитета партии, обследовавшие Харьковский паровозостроительный завод.

«На ХПЗ останавливает внимание вопрос о механическом выбытии из союза... Это явление достаточно серьезно. На 17 мая имеются 77 тт., не уплативших членских взносов, кроме того, механически исключенных за неуплату членских взносов свыше 6 мес. еще 20 тт.».

Далее товарищи приводят табличку, иллюстрирующую состав уже исключенных из союза (на 20 рабочих).

Всего искл.	Взросл.	Молод.	Квалифицир.	Неквалифицир.	По профстажу.			
					1 год	До 3 л.	До 5 л.	Свыше 5 лет.
20	19	1	11	9	1	8	4	7

«Эти цифры говорят,—продолжают обследователи,—что большая часть из них—взрослые рабочие, значительная часть квалифицированные рабочие, имеющие значительный профстаж».

Большинство товарищей на ХПЗ об'ясняет это явление так: «Не платил несколько месяцев, а затем «запутался», или тем, что «часть из исключенных рабочих частенько выпивают».

Интересны личные беседы с исключенными из союза. Вот что выяснилось из этих бесед:

В одном случае, рабочий член союза с 1917 г. (квалифицированный) не согласен с линией профсоюза (жалобы на зажим и давление со стороны профорганизации).

Другой рабочий «запутался» из-за семейных обстоятельств. Он об'ясняет причину ухода из союза так: «Пришел домой, поставил этот вопрос в своей семье на голосование и большинством решили не платить (членских взносов), а на общих основаниях вступить вновь в союз».

И, наконец, третье об'яснение квалифицированного рабочего с большим производственным стажем: «У меня жена одна на всю деревню, надо ее хорошо одеть, обуть, на ее наряд весь мой заработок уходит»... «мне старому рабочему очень стыдно».

Несомненно, что во всех трех случаях профсоюз без особого труда мог бы найти пути не допустить этих рабочих к отрыву от союза. В самом деле, все 3 рабочих пережили известную борьбу с самим собой, прежде, чем уйти из профсоюза. Один член союза с 1917 г. на 9 году пребывания в союзе решается на выход из него, т.-е. именно тогда, когда профорганы решительно стали на путь рабочей демократии и когда легче всего было убедить его в том, что его отношение к профсоюзу—неправильно.

В двух других случаях явное колебание: один «голосует» в семье, а другому «стыдно», что он пошел по мещанскому пути, а не по пролетарскому.

В этих случаях при организованном сопротивлении со стороны профсоюза влиянию семьи и мещанскому «увязанию», несомненно, выхода из союза могло бы и не быть.

Само собой разумеется, что все эти случаи требовали со стороны профсоюзного органа специального внимания к отдельным рабочим. Необходимо было в одном случае втянуть рабочего в активную профработу и доказать ему на деле его политическую ошибку. В 2-х других случаях колебания рабочих нужно было их обывательским интересам противопоставить развитую общественную работу союзов. Только этим можно было ликвидировать влияние на них мещанской среды и изжить вызванные ею колебания.

Если имеется группа квалифицированных рабочих, стоящих в стороне от пролетарской общественности (даже не состоящих членами профсоюза), то это само собой должно сказаться в большей или меньшей степени на политической физиономии всего цеха. Влияние старого рабочего, в особенности квалифицированного, в процессе производства огромно. Он может быть проводником чуждых пролетариату влияний и на самом производстве и вне его. С другой стороны, эти на первый взгляд «безнадежные» рабочие могут быть опорой профсоюзов и администрации при разрешении производственных задач.

Каким же образом профсоюз может усилить свое влияние на эти слои рабочих? Каков же путь вовлечения этих рабочих в общественную жизнь союза?

И само вовлечение в союз и сохранение членства может быть достигнуто для этой группы рабочих прежде всего по пути втягивания их в производственную жизнь цеха и завода. Это может пойти через вовлечение в производственные совещания, включение в производственные комиссии, приглашение их на технические совещания мастеров и инженеров и через делегирование таких рабочих на практикующиеся производственные конференции.

Между тем, не везде и не всегда проводится приобщение даже высококвалифицированных рабочих к производственной жизни предприятия. Им не всегда обеспечена (если не считать формального права) возможность участвовать в организации производства. Потребности такого рода не всегда учитываются, а между тем они огромны.

* * *

Выяснение состояния членства на различных предприятиях указывает на преобладание в составе нечленов союзов рабочих из новых кадров. Это совершенно естественно, так как отставание профсоюзов в охвате рабочих об'ясняется в значительной степени притоком в нашу промышленность огромного количества новых кадров рабочих.

Рассмотрим причины, мешающие рабочим из новых кадров быть членами союзов. Неверным будет видеть причины лишь в том, что рабочие из новых кадров не успевают оформить членство, что новые рабочие «прут» в профсоюз и что приходится их даже сдерживать. Это, конечно, верно, но только до известной степени.

Следует помнить, что «эта масса... менее подготовлена к пролетарской организации и поэтому она не так быстро поддается вовлечению в профсоюзы» [1]).

Произведенные обследования полностью подтверждают это положение т. Молотова.

Выяснение причин невступления в союз у новых рабочих на шахте им. Артема показало следующее: опрошенные через делегатов о причинах несостояния в союзе, рабочие из новых кадров дали следующие ответы (см. табл. на стр. 41).

Выяснение причин у группы рабочих по строительному цеху Краматорского завода дало следующие результаты. На вопросы о причинах несостояния в союзе получены такие, примерно, ответы: 1) «не думаю долго работать», 2) «невнимательное отношение со стороны профсоюза», 3) незнание о членстве и 4) наиболее распространенный ответ—«непостоянство места работы».

Приведенные ответы говорят о пассивном отношении к профсоюзам со стороны части рабочих из новых кадров.

Каковы же причины, заставляющие и некоторых новых рабочих воздерживаться от вступления в профессиональный союз?

Для разрешения этого вопроса следует иметь в виду, что среди новых рабочих имеются: 1) постоянно работающие рабочие, 2) работающие периодически, хотя и в качестве постоянных рабочих и 3) рабочие, работающие в качестве временных и сезонных рабочих.

[1]) Из организационного отчета ЦК XIV с'езду ВКП(б). Доклад т. Молотова.

Причины несостояния в союзе по указанию самого рабочего.

№№ по порядку.	Квалификация.	Производ. стаж.	Связь с деревней.	Причины несостояния в союзе по указанию самого рабочего.
1	Отгребщик	5 м.	имеет	Не желает.
2	Забойщик	7 »	не имеет	»
3	Уборщик породы . . .	4 »	имеет	»
4	» » . . .	5 »	»	»
5	» » . . .	4 »	»	»
6	» » . . .	4 »	»	»
7	Выборщицы	2 »	»	Обещает подать заявление.
8	»	2 »	»	» » »
9	»	6 »	»	» » »
10	»	3 »	»	» » »
11	Бурильщик	4 »	»	Недавно прибыл из деревни.
12	Крепильщик	3 »	»	» » » »
13	»	3 »	»	» » » »
14	Вагонщик по породе . .	8 »	не имеет	Не позволяет материальн. положение.
15	Сортировщик	1 г.	имеет	Не хочет.
16	»	1 »	»	Согласен подать заявлен.
17	»	3 »	»	Не хочет.

Нечленов союза можно встретить среди всех этих групп. Каждая из этих групп имеет свои особенности, у каждой из них свои причины пассивного отношения к вступлению в профсоюз.

У постоянно работающего рабочего, даже если у него и имеется связь с деревней, интересы сосредоточиваются на фабрике или заводе. Но это происходит не сразу, а постепенно. В течение первых месяцев работы, которая становится для него основным и единственным источником существования, бывает безразличное отношение к организациям и к самому производству. Политику и интересы класса он осознает постепенно через наиболее близкую для него организацию—профессиональные союзы. Но проходит сравнительно немалое время, пока он начинает видеть в профсоюзе организацию, защищающую его интересы. Это происходит потому, что со стороны профорганизаций «наблюдается недостаточное выполнение своих прямых обязанностей защиты экономических и бытовых нужд... недостаточно внимание к мелким насущным бытовым и экономическим требованиям... рабочих». (Из резолюции XV конференции ВКП(б) о работе профсоюзов).

Между тем, именно по этой линии профсоюзы могут привлечь в свои ряды новые слои рабочих. Для них защита экономических интересов и защита условий труда и быта играют, конечно, решающую роль. Само собою разумеется, что на ряду с этим должна итти работа союзов по удовлетворению их культурных и политических потребностей, по развитию их производственных интересов.

У периодически работающих рабочих, хотя и в качестве постоянных рабочих, периодичность имеет в основе смешанный источник существования: фабричный заработок и сельское хозяйство. У этой группы причина несостояния в профсоюзе лежит, несомненно, в том, что центр их интересов не всегда сосредоточен

в городе, а скорее находится в деревне, в своем сельском хозяйстве.

В приходной части бюджета такого рабочего-крестьянина может быть преобладание в одном случае городских заработков, в другом—доходов с сельского хозяйства. В значительной степени от этого зависит место, центр, где лежат его экономические интересы. Но во всяком случае и при преобладании городских заработков или сельских доходов такой рабочий имеет специфические особенности. Он тесно связан с крестьянскими интересами, мало развит культурно и политически, менее поддается пролетарскому влиянию, менее чувствует свою связь с пролетариатом. Недостаточный учет и внимание профсоюзов к этим особенностям данной прослойки рабочих усугубляет их пассивность к союзному членству и вызывает у некоторых из них нежелание быть членами союза.

Все это, но еще в более резкой степени, мы найдем у сезонных рабочих.

Союзы, приспособившие свою работу к особенностям этих рабочих и проведшие ряд мероприятий в этом направлении достигают прекрасных результатов; пример: у строителей в Артемовском округе достигнуто минимальное количество нечленов союза (чуть ли не 100%-е членство). Рядом же в профорганизации, ведущей профработу «вообще», без учета специфических особенностей этой группы рабочего класса, имеется большая брешь в отношении профсоюзного членства (в стройтельном цеху—около 40% нечленов союза).

Каковы пути, по которым должно пойти вовлечение в профессиональные союзы рабочих из новых кадров?

Необходимо усилить внимание союзов ко всем мелочам быта и труда этих слоев—учитывать их материальные интересы при заключении колдоговоров, особое внимание оказать охране их труда, улучшению их жилищных условий, развить среди них культпросветительную работу (в особенности ликвидацию неграмотности, охватывая их своим влиянием и по месту их жительства в деревне). Особую роль при этом надо отдать активному участию профсоюзов в деле шефской работы над селом.

Только этими путями удастся вовлечь эти слои в профсоюзы и в их общественную работу.

* * *

Разобранные нами причины пассивного отношения некоторых групп рабочих к вступлению в профсоюзы в значительной степени усиливаются недостаточно активным отношением самих союзов к делу вовлечения в члены союза.

Не всегда можно встретить в союзах четко поставленную цель по вовлечению в них всех промышленных рабочих. Более того, недавняя практика давала возможность констатировать в некоторых случаях прямое сопротивление профсоюзов делу вовлечения в союзы некоторых слоев рабочих.

Комиссия ВЦСПС по обследованию состояния профработы на Украине подтверждала это сопротивление фактами установления стажерства. Например, у горняков Артемовского и Луганского округов после принятия в члены союза на шахтном собрании, рудничный комитет вместо членского билета выдавал временное

удостоверение. При одновременном вступлении нескольких рабочих в союз часть из них получала постоянные законные билеты, а часть временные. Постоянные билеты выдавались «солидным» рабочим. Тем же, в солидность которых работники шахтного комитета не особенно верят—выдают временные удостоверения.

В Шепетовском округе «сомнительным» рабочим (в отношении 100% «пролетаризма») до принятия в союз давались определенная профнагрузка для проверки—«насколько они подойдут для выполнения профработы, с одной стороны, и покажут свое классовое чутье (?)—с другой».

На некоторых фабриках отказывали в приеме в союз механически выбывшим из союза за неуплату членских взносов.

Достаточно распространена практика требований при приеме в союз поручительства двух или нескольких членов союза (Коксобензольный завод в Артемовске, Карзавод в Луганске, у горняков в Брянске).

Любопытно, что прием в союз в некоторых местах (Воронежская губ.) сопровождался такого рода мотивировкой: «В виду того, что такой-то имеет такую-то квалификацию, такое-то положение и имя (?) и в виду того, что его квалификации нет среди безработных (очевидно, членов союза. *М. П.*) принять в члены союза».

Все это делалось, конечно, с лучшими намерениями, «чтобы не засорить союзы непролетарскими элементами».

Такой решительный «отбор» приводил к тому, что рабочие вынуждены были иногда доказывать свое право на принятие в союз боевыми заслугами.

Третьим пленумом ВЦСПС дана совершенно правильная директива—изжить из практики профработы систему сопротивления вступлению новых слоев рабочих в профсоюзы. Наоборот, пленум обращает внимание на необходимость вовлечения в профсоюзы новых сотен тысяч рабочих впервые пришедших на фабрики и заводы.

Результаты этой директивы уже сказались: случаев сопротивления союзов в приеме рабочих в союзы становится все меньше и меньше.

Однако, вопрос об ограждении притока в союзы новых членов продолжает оставаться актуальным для новых рабочих.

В правлениях союзов, в завкомах, на вопрос—принимают ли они в союз временных рабочих—можно получить двоякого рода ответ: либо категорическое утверждение, что временных в союз не принимают, либо (гораздо реже), что временных допускают к приему, но только после истечения месячного срока работы.

Между тем «временные» рабочие перестают быть временными, если они проработали свыше месяца. (Таков закон в СССР).

Таким образом, во всех случаях мы имеем фактически такое положение, что временных рабочих в союз не принимают.

Между тем, в условиях имеющейся безработицы можно найти довольно значительные группы пролетариев, вынужденных в силу безработицы наниматься в качестве временных рабочих. В таком состоянии «временно работающие», перебрасываясь с одного завода на другой, пребывают иногда довольно продолжительное время—1 г. и более.

Временное пребывание на заводе пролетарских и полупролетарских элементов должно быть использовано для вовлечения их в союз. Само собой, что тут имеется известная опасность разбухания профсоюзов за счет непролетарских элементов. С другой стороны, имеются и технические препятствия, заключающиеся прежде всего в том, что оформление в членстве таких рабочих затруднено в силу кратковременности пребывания их на одном месте.

Несмотря на это, профсоюзам необходимо практически поставить вопрос о вовлечении временных рабочих в союз.

* * *

Анализ профессиональной неорганизованности необходимо дополнить разбором причин несостояния в союзе еще 2-х групп рабочих: 1) переходящих из одной отрасли промышленности в другую и 2) исключенных из союзов[1]).

Довольно значительное время находятся вне союза, а то и вовсе отрываются от него рабочие, перешедшие с одной отрасли промышленности на другую и идущие под рубрикой «членов других союзов».

Перевод таких рабочих с одного союза в другой только за последнее время облегчен и не требует прохождения всех инстанций, как при первичном вступлении в профсоюз.

Однако, в некоторых случаях, как, например, в Орле, строители вовсе не принимали в союз железнодорожников, а железнодорожники—бывших металлистов.

Низовые профорганы относятся к таким рабочим—«членам других союзов»—с недостаточным вниманием.

Там, где профорганы и ставят себе цель вовлечь рабочих в члены союза, они в отношении «членов других союзов» специальной работы по вовлечению (вернее по переводу) не проводят, предполагая, что последние сами оформят свой переход. На практике часто можно встретить оттяжку и замедление со стороны таких рабочих к оформлению своего перевода. Часто бывает, что такой рабочий от старого союза оторвался (не будет же он платить членские взносы где-то на стороне), а с другой стороны—и на новом месте с союзом не связался.

Это «межсоюзное» положение очень опасно. Оно бывает во многих случаях причиной полного отрыва рабочих от профсоюза.

Между тем, вопрос о вовлечении в союзы таких «членов других союзов» имеет местами большое значение. На некоторых предприятиях количество сезонных, временных рабочих и «членов других союзов» очень велико и в значительной степени снижает процент профессиональной организованности рабочих.

Перед профсоюзами стоит задача действительного упрощения перевода рабочих с одного союза в другой. С другой стороны, к числу рабочих, среди которых необходимо вести работу по вовлечению в союз, необходимо отнести и «членов других союзов».

Перейдем к рассмотрению группы рабочих, исключенных местными профорганами из своих организаций.

[1]) В число нечленов союзов входит также группа рабочих, не имеющих права состоять в профсоюзе (лишенные права и т. п.). Она малочисленна, и вряд ли следует на ней останавливаться.

Хотя в настоящее время исключения за «антипролетарские поступки» проводятся с большой осторожностью, однако, и сейчас еще можно встретиться со многими случаями неправильного исключения из союза. Исключают за пьянство (Артемовск), за мещанство, за безнравственность (Крым), за непосещение общих собраний, за то, что в годы гражданской войны занимался торговлей и т. п.

Почти все приведенные мотивы исключения, очевидно, перенесены механически из партийной практики. Но то, что правильно для партии в отношении своих пассивных и разлагающихся членов, то неприменимо в союзной практике. Такая линия «чистки» союзов совершенно неправильна. В союзах, как в школах коммунизма, должно преобладать воспитательное воздействие на своих членов; карательные же меры, в виде «отсечения» своих членов, должны быть применяемы лишь в крайних, исключительных случаях.

* * *

Итак, мы видим, что рабочие различных групп остаются еще вне союза. Здесь влияет ряд причин: 1) пассивность самих рабочих, 2) недостаточно активное отношение к вовлечению со стороны профсоюзов, 3) искажение основной линии ВЦСПС в виде сопротивления профсоюзов приему некоторых слоев из новых кадров рабочих в союз, 4) недостаточная работа союзов по закреплению своих членов в союзах, и наконец, 5) исключение ими своих членов часто без достаточных оснований.

Союзам необходимо усилить работу по вовлечению и закреплению рабочих в союзах.

Только идя по этому пути профсоюзы выполнят стоящую перед ними задачу поголовного вовлечения всех промышленных рабочих в профессиональные союзы.

Как проводится вовлечение в профсоюзы?

Успешность работы по вовлечению требует полной осведомленности профорганов относительно социального положения, производственного стажа, специфических особенностей рабочих—нечленов союзов.

Большинство (если не все) профорганизаций не располагает данными, основанными на точном изучении. Не только нет данных, позволяющих подробно характеризовать нечленов союза, но отсутствует даже простой учет нечленов союза, без которого немыслимо изучение этих рабочих.

Главным условием для успешности работы по вовлечению является учет нечленов союза.

Однако, следует отказаться от проводимой некоторыми профорганами системы учета членов профсоюза. Они требуют обязательной регистрации в завкоме всех вновь поступающих рабочих, независимо от того, члены они или нечлены профсоюза. Такой «учет» бьет по добровольному членству и, вследствие этого, сам по себе подрывает всю работу по вовлечению в члены союза.

Не годится и канцелярский способ проведения учета нечленов союза. Способ этот заключается в том, что работники

завкома сопоставляют списки из заводской конторы, на работающих со списком плательщиков членских взносов на данный месяц. Контора, обычно, дает не именной список, а число работающих. (Давать именные списки, в особенности, там, где рабочих тысячи—очень трудно). В этих случаях путем вычитания завком устанавливает только количество нечленов союза. Притом и количество это весьма не точно, так как в нем находятся и те рабочие, которые почему-либо в данный месяц не платили членских взносов.

Действительный учет нечленов союза может быть организован не иначе, как при участии низового профессионального актива. Значительно поможет в этом деле прикрепление к каждому члену профактива (делегату, сборщику) определенной группы рабочих, как членов союза, так и нечленов. Зная свою «двадцатку», профделегату очень легко будет учесть и изучить членов и нечленов союза. Попытка учета таким путем вполне удалась на шахте им. «Артема» (Щербиновский рудник). Благодаря ей, удалось выяснить социальный состав нечленов союза, их производственный стаж, причины их невступления в союз. Местные работники уверены, что при такой постановке задача вовлечения значительно облегчится.

Не менее важным для успешности вовлечения является планомерность этой работы. Во всех обследованных по этому вопросу предприятиях планомерность в вовлечении отсутствует.

Возьмем для примера данные о приеме в союз на канатной фабрике «Новая Бавария»:

	Принято в союз.	Осталось нечл. союза.
За август	30 ч.	447 ч.
» сентябрь	218 »	1.418 »
» октябрь	110 »	1.253 »
» ноябрь	57 »	1.247 »
» декабрь	785 »	378 »

Вовлечение в союз здесь происходит не планомерно, а в ударном порядке—скачками. В то время, как за ноябрь на этой фабрике принято в союз 57 рабочих, за декабрь принято—785 рабочих, хотя в ноябре количество рабочих, нечленов союза, было не меньше, а даже больше, чем в декабре.

При такой неравномерной работе за массовым единовременным приемом обычно должно следовать ослабление работы по вовлечению в союз.

Недостатком такого способа вовлечения является, с другой стороны, неминуемое ослабление всех других видов профработы, так как вовлечение сразу огромных масс рабочих требует напряжения всего профсоюзного аппарата. Кроме того, при кампаниях организация отбора стоит на очень низкой ступени. Отсеивание непролетарских элементов при таком массовом приеме невозможно.

Необходимо перейти от ударности и кампаний к планомерному вовлечению в союз. Для этого нужна организация учета и изучение рабочих, нечленов союза.

* * *

Остановимся на практикующихся формах вовлечения.

Вступление в союз идет обычно самотеком, без организованной работы по вовлечению. На целом ряде предприятий (быв. Маринская чулочная, им. Фрунзе, Измаиловская прядильня им. Петра Алексеева и т. д.) «профорганизации не ставили перед собой задачи изыскания и выработки методов вовлечения в союз» [1]).

Приток в члены союзов в таких случаях шел, главным образом, за счет рабочих, стремившихся по своей инициативе стать членами союза.

Наличие среди нечленов союза рабочих, самостоятельно стремящихся в союз, не должно мешать видеть рабочих, пассивных по отношению к союзу. Нельзя удовлетвориться притоком в союзы только за счет «самотека», нужно, на ряду с ним, проводить и организованное вовлечение в союзы и пассивных рабочих. На практике это не всегда имеет место.

На ряду с предприятиями, не ведущими работы по вовлечению, есть целый ряд предприятий, где уже в довольно развитой форме ведется эта работа.

Большим недостатком в этой работе по вовлечению было отсутствие специального внимания к различным прослойкам массы нечленов союза. В некоторых случаях она состояла на 70% из крестьян—новых рабочих—и на 30% из старых рабочих; в работе же по вовлечению это не было учтено, и она была совершенно не дифференцирована.

Некоторое дифференцирование в этой работе мы находим на шахте им. «Артема». В целях вовлечения в союз новых рабочих, в казармах, где преимущественно они живут, проводились неоднократно групповые беседы на тему, «что такое шахтком, рудком и вообще союз», «отличие союза от хозоргана» и т. д. Следует указать, что такие вопросы, несмотря на простоту их, являются в высшей степени важными для этих слоев. В соседней шахте, при беседе с новыми рабочими, мы на наши вопросы получали чудовищные ответы, например, «кто хозяин предприятия?»—нам говорили в одном случае—«союз», в другом случае—«штейгер». Может ли союз уволить с работы? «Может»—уверенно отвечали рабочие. «Кто устанавливает расценку?» Ответ—«профуполномоченные» и т. п. Эти ответы показывают, насколько важны такие беседы для новых рабочих.

Конечно, для старых рабочих, нечленов союза, должны быть найдены другие формы вовлечения, и на этой же шахте уже обращено специальное внимание к старым рабочим. Здесь организованы «квартальные комиссии», которые ведут работу среди рабочих, живущих в колонии. (В отличие от казарм в колонии живут старые рабочие). Первейшей задачей в работе этих комиссий было намечено поголовное профессиональное и кооперативное членство этих рабочих.

Необходимо этот принцип дифференцирования проводить повсеместно, где состав рабочих этого требует.

При этом мы встретимся с необходимостью помимо групп-агитации применять и метод индивидуальной агитации. Этот метод индивидуальной агитации особенно важно применять при вовлечении квалифицированных старых рабочих. Индивидуальная агитация уже применяется в некоторых местах по отношению к неплательщикам членских взносов. В таких случаях результаты за редким исключением положительны. Не подлежит сомне-

[1]) Из обследования у текстилей Московск. губернии.

нию, что при вовлечении в союз, в особенности старых рабочих, метод индивидуальной агитации оправдает себя.

Регулирование и отбор при приеме новых членов профсоюза.

Партия и профсоюзы держат курс на поголовное вовлечение рабочих в профсоюзы. Однако, это обстоятельство, не должно умалять значение отбора при приеме в союз новых членов.

На практике мы сталкиваемся с двоякими отклонениями в деле отбора. Они имеются и в сторону излишней строгости при приеме: на ряду с этим не мало случаев другого порядка. когда, вследствие слабого отбора в союз, туда проникают непролетарские элементы.

Происходит это вследствие того, что низовыми профорганизациями недостаточно усвоена линия центральных профсоюзных органов по этому вопросу.

Однако, одного усвоения профаппаратом правильной линии при приеме недостаточно. Для действительного регулирования приема в союз важно привлечение к этому делу масс.

Между тем, порядок утверждения в члены союза не всегда позволяет привлечь массы к регулированию приема. Это станет ясно, если мы рассмотрим применяющиеся пути оформления профчленства. Четких форм здесь еще нет. Они не одинаковы на различных предприятиях.

Так, на первой госмеханической мастерской (Харьков) заявления о приеме в союз подаются в завком, завком обсуждает заявления и выносит их на обсуждение общего собрания; списки вступающих нигде не опубликовываются.

И на канатной фабрике «Новая Бавария» фабком рекомендует новых членов, но уже не общему собранию, а делегатскому. Здесь вывешиваются по цехам списки рекомендуемых. Отводы должны даваться, однако, заранее фабкому в течение недельного срока.

На Керамиковом заводе вступление в союз происходит через делегата: он достает для нового члена союза регистрационную карточку.

На Константиновском зеркальном заводе заявления на цеховых собраниях не рассматриваются, а утверждаются вначале завкомом, а потом делегатским собранием.

На шахте им. «Артема» утверждение в члены союза происходит только на делегатском собрании.

Приведенные примеры иллюстрируют пестроту в отношении порядка утверждения в члены союза. Мы видим, что на ряде заводов масса активно участвует в обсуждении при приеме, на ряде других заводов она фактически устранена от возможности обсуждения, благодаря порядку оформления членства на делегатских собраниях.

Необходимо твердо усвоить и проводить линию руководящих профорганов при отборе членов профсоюза.

Подлинный отбор требует активного участия масс.

Необходимо изучить и остановиться на наиболее жизненных формах отбора, обеспечивающих активное участие масс.

Внимание профорганизаций должно быть заострено на максимальном вовлечении рабочих в союзы. Но при этом ни в коем случае нельзя забывать, что основной принцип вовлечения—индивидуальное и добровольное членство—не должен быть поколеблен. Опасность в этом отношении имеется. Это видно из того, что нередки случаи принудительного членства, иногда в явных, чаще в замаскированных формах.

Так, один фабком в одном случае договорился с фабричной администрацией об отпуске лоскута только членам союза, уплатившим членские взносы. В другом случае, во время увольнения группы рабочих завком дает распоряжение в контору об удержании при расчете с этих рабочих членских взносов. Фабком нашел здесь способ удержать деньги, сомнительно лишь удержит ли он, таким образом, этих рабочих в союзе.

Есть еще более резкие случаи.

В Ульяновске снимают с работы исключенных или механически выбывших из союза за неуплату членских взносов. Такие же случаи мы встречаем в Сталинграде. Более того, право снятия с работы здесь даже оговаривается в коллективных договорах.

В протоколе завкома завода «Шарикоподшипник» мы читаем следующее постановление: «Поступивших ранее 1 августа всех провести в союз. Предложить заводоуправлению направлять в завком всех поступающих рабочих и служащих. Вывесить об'явления в цехах: все рабочие, поступившие до 1 августа, нечлены союза, должны в 3-дневный срок подать заявление в завком о принятии в члены союза».

Одновременно с этим завком пишет отношение в заводоуправление: «Завком завода предлагает сообщать о найме рабочей силы, а также направлять в заводский комитет всех вновь поступающих рабочих и служащих не позднее 3-х дней»...

Все эти приведенные факты требуют усиления внимания к осуществлению добровольного членства.

Необходимо добиться того, чтобы на ряду с максимальным вниманием к вовлечению всех промышленных рабочих в союзы было изжито принудительное членство как в явных, так и в замаскированных формах.

Ю. Ларин.

Об извращениях при проведении национальной политики[1].

> «С'езд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы...с) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное национальное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств».
>
> (*Резолюция XII с'езда партии по докладу т. Сталина*).

1. Общая постановка.

«Уж сколько раз твердили миру», что есть разница между развитием национальной культуры какого-либо народа и национальным насилием над другим народом или над частью того же самого. Что извращение советской национальной политики в сторону насильственности является злейшим врагом здорового советского строительства. Что язык является не самоцелью безотносительно к желанию населения, а средством. Что насилие над языком трудовых масс неизбежно вызывает рост шовинизма с обеих сторон и тем самым должно приводить к определенно контрреволюционным последствиям. Что под прикрытием сверхусердного сверхпроведения искаженной в сторону насильственности национально-культурной политики в наши ряды и в наш аппарат вносятся, таким образом, вообще элементы разложения как об'ективные, так и суб'ективные. И так далее. И тем не менее все еще не особенно редко встречаются обоснованные жалобы на несомненные извращения в этом отношении. Редакцией «Правды» передан мне ряд соответственных материалов, из которых ниже приведены некоторые типичные случаи.

До сих пор партийное противодействие таким извращениям сводилось к исправлению отдельных случаев искривлений, поскольку они привлекали внимание, к пропаганде правильных взглядов и к принятию общедирективных резолюций (напр., последним, третьим, С'ездом Советов СССР). Кое-что существенное достигнуто и этими методами, но, повидимому, они

[1]) Статья т. Ларина печатается в порядке обсуждения *Ред.*

недостаточны. От «уговаривания» надо перейти, очевидно, к «употреблению власти», партийной и советской, против продолжения подобных извращений национальной политики, которые в конечном счете могут обойтись нам слишком дорого и недопустимы для нас вообще. Это предусмотрено резолюцией XII с'езда нашей партии, принятой 23 апреля 1923 г. по докладу тов. Сталина и приведенной в заголовке.

2. Принудительная евреизация.

В одесских «Известиях» от 27 июля 1926 года под названием «Перевести работу на родной язык» за подписью «Хотимлянский» напечатана следующая заметка:

«Райком ЛКСМ задался целью перевести на еврейский язык работу комсомольской ячейки 1-й госконсервной фабрики. В течение года несколько раз вызывали секретаря ячейки, предлагали евреизировать всю работу, тот бился, бился, но ничего из этого не выходило. А между тем вопрос этот, несомненно, требует своего разрешения. В ячейке огромное большинство членов—евреи, но они совершенно не умеют ни читать, ни писать по-еврейски, даже говорят плохо. Актив ячейки не владеет своим родным языком. Вся работа ведется на русском языке. Райкому ЛКСМ необходимо учесть национальный состав ячейки и принять меры к переводу ее работы на еврейский язык».

Эта типичная заметка чрезвычайно характерна по выраженному в ней мировоззрению. И автор и райком ЛКСМ, повидимому, искренне полагают, что родной язык—это тот, которого не понимают. Среди людей (в том числе комсомольцев) надо вести общественную работу на том языке, какой им понятен. Иначе им не принесут пользы газеты, которых нельзя прочесть, писанные циркуляры, остающиеся недоступными, и устные доклады, содержание которых неразгадано. Но мировоззрение райкома ЛКСМ лучше готово принести вред агитации, пропаганде и всей общественной работе, лишь бы лишить этих евреев права употреблять русский язык.

Через язык люди связываются с культурой своего класса и со всей мировой культурой. Еврейские рабочие 1-й госконсервной фабрики, как сообщают одесские «Известия» в этой заметке, связаны с культурой через русский язык. На другом не умеют ни читать, ни писать. Они являются людьми русской культуры, хотя еврейской национальности. Но райком ЛКСМ в определении принадлежности человека к русской или к еврейской культуре руководится не современным фактом, а религиозными верованиями предков. Не то важно, какой язык понимает данный человек, на каком ему легче приобщиться к общественной жизни,—а то важно, что сказано было в царском паспорте папеньки и маменьки нынешнего комсомольца, когда они родили его—вера в православного Христа или в иудейского Иегову.

Эта принудительная «евреизация» не знающих еврейского языка людей (евреев по национальности), особенно много справедливых жалоб вызывает, когда распространяется на школы. Здесь ко всему прочему присоединяется еще отставанье в

ученье вследствие трудности усвоить науку на малопонятном языке («родном» по определению райкома ЛКСМ и подобных по настроению органов). В «Правде» мы приводили уже подобный пример (после чего в данном городе дело было исправлено, но поступает ряд таких же сообщений из других мест).

Корни принудительной евреизации двояки. Во-первых—шовинистическое руссофобство. Во-вторых—направленный против «конкурентов» антисемитизм. Совершенно подчиненную роль играет встречающееся кое-где «усердие не по разуму» отдельных еврейских коммунистов, ведущих специальную еврейскую работу и в стремлении расширить ее впадающих иногда в своеобразную «еврейскую петлюровщину». Серьезнее обстоит дело с двумя другими истоками принудительной евреизации.

Зоологическое руссофобство,—литературным примером которого могут служить статьи Хвильового «Прочь от Москвы» и др., подвергаемые критике тов. Скрыпником в № 1 «Украинского Большевика» за 1926 год,—существует не только в литературе. Отчасти оно является некритическим перенесением на русский народ ненависти, какую вызывал к себе со стороны угнетенных наций русский царизм. Но в гораздо большей мере культивирование его является нарочитым средством со стороны скрыто-контрреволюционных элементов для ослабления советской власти путем наивозможно большего враждебного обособления отдельных входящих в СССР народов. На этой почве им легче пытаться группировать и вести за собой малосознательных патриотов своей нации, склонных видеть в них лишь более усердных, более увлекающихся проповедников своей национальной культуры. А фактически и об'ективно дело сводится к подрывной работе против советской системы в целом, с выбором для этой работы наименее защищенного места. В таких молодых по советской национальной культурной работе государствах, как, например, Украина, самый состав обслуживающего культурную работу государственного аппарата неизбежно рекрутируется в известной мере из членов бывших буржуазных националистических шовинистических партий, из лиц, сочувствовавших в свое время петлюровцам и т. п. Это, понятно, облегчает появление соответственных извращений. Поскольку мы не можем еще весь аппарат культурной работы составить из надежно воспитанных партийных людей,—и очень долго еще не сможем,—постольку необходимо особое внимание к решительному и быстрому устранению обнаруживаемых извращений вмешательством сверху. Ни одна соответственная жалоба снизу не должна оставаться без внимательного расследования, раз об'ективно в жизни есть некоторые предпосылки для возникновения таких извращений.

Руссофобская (противорусская) мысль в основе принудительной евреизации знающих русский язык и желающих пользоваться русским языком евреев очень проста: раз они не говорят по-украински, то не давать им, по крайней мере, пользоваться русским языком—пусть переходят на еврейский или, если тогда сами предпочтут, на украинский. Искоренить в городах Украины русскую речь путем

принудительного отучения от нее евреев, составляющих там весьма крупную часть городского населения, привыкших к ней и желающих употреблять ее и дальше—вот об'ективный смысл принудительной евреизации тех евреев, которые «совершенно не умеют ни читать, ни писать по-еврейски, даже говорят плохо».

Вторым моментом является стремление мелкобуржуазных торговых, ремесленных и служилых элементов ослабить конкурента. Еврейский торговец, еврейский ремесленник, еврейский служащий, поскольку он говорит по-русски—понятен всему городскому и большинству сельского населения Украины. Если же еврейских детей с детства принудительно учить в школах на еврейском языке, общественную работу в комсомоле и т. д., «учтя национальный состав ячейки» (по выражению райкома ЛКСМ), перевести на еврейский язык и пр.,—то будущий еврейский ремесленник, торговец (кооперативный) и чиновник не сможет об'ясняться с подавляющим большинством населения Украины. Принудительно евреизировать на Украине, в Белоруссии или в РСФСР говорящую теперь по-русски часть евреев—значит в значительной мере избавиться от них, как от конкурентов в деле обслуживания города и деревни ремеслом, торговлей и общественной службой. Этим, кстати сказать, и об'ясняется резкий характер протестов еврейского населения против случаев его принудительной евреизации. Оно прекрасно понимает, что с одним еврейским языком далеко не уйдешь даже в хозяйстве, не говоря уже о науке. Само собой, что так как для евреев по их малочисленности нельзя создать на еврейском языке, например, вузов всех видов, какие существуют на русском и украинском языке (и перевести всю научную литературу), то принудительная евреизация еврейских детей, пионеров и комсомола,—означает отрезывание еврейским трудящимся в будущем возможности пользоваться вузами во всем их разнообразии на ряду с русским и украинским населением. Этот момент воспринимается также крайне болезненно.

Такими путями своеобразное сочетание руссофобства и антисемитизма превращается в принудительную евреизацию «не владеющих своим родным языком» евреев. Необходимость повсеместного устранения таких извращений бесспорна, и способы гарантии его на практике должны быть разработаны.

3. Принудительная украинизация профсоюзами.

В материалах о различных проявлениях извращений в области национальной политики обращают на себя внимание данные, приведенные на заседании президиума ВЦСПС официальными докладчиками по вопросу о деятельности профсоюзов Украины. Мы цитируем эти доклады по отчету в «Труде» от 13 июня 1926 г.

Первый доклад делал председатель Укр. ЦСПС тов. Радченко. По интересующему нас вопросу он заявил: «Много места украинским союзам приходится уделять работе, связанной с украинизацией. Процент украинцев—работников профорганизаций—увеличился. Что касается членов союзов, то по неточному учету украинцев в профсоюзах насчитывается 49%, умеющих говорить по-украински имеется 17%, в настоящее время

эта статистика уточняется. Точка зрения профорганизаций на деле украинизации сводится в общем к тому, что насильно никого нельзя украинизировать, но все работники госучреждений должны знать украинский язык».

Точка зрения профорганизаций, как видим, совершенно правильная. Иною она и не может быть, раз на Украине всего одна шестая часть членов профсоюзов умеет говорить по-украински (даже по «неточной» статистике). Необходимо особенно подчеркнуть отличие национального состава профсоюзов от распределения их членов по употреблению ими того или иного языка. Еще недавно всю печать обошло телеграфное сообщение из Харькова, что на Украине среди членов профсоюзов почти половина — целых 49%—украинцы. Приводились данные по отдельным союзам, по группам и т. д. и не сообщалось лишь одно—что две трети этих украинцев не умеют говорить по-украински. Такую постановку осведомления агентством общественного мнения в связи с вопросом проведения национализации нельзя признать добросовестной. Когда речь идет о том, следует ли на деле всю работу профсоюзов на Украине переводить на украинский язык, то решающим является не то, у скольких человек фамилия оканчивается на «ко», а для скольких человек украинский язык является разговорным.

На этом пункте приходится настаивать тем энергичнее, что правильной точке зрения у украинских профсоюзов, к сожалению, соответствует расходящаяся с нею неправильная практика. В том же заседании президиума ВЦСПС был заслушан доклад особой комиссии ВЦСПС, обследовавшей округа с более 50% членов союзов Украины. Докладчик этой комиссии тов. Климовицкий «отметил ряд ненормальностей в национальной работе украинских профорганизаций. Так, например, даже в тех местностях (рудниках, предприятиях), где огромное большинство составляют рабочие русские, преимущественно Курской, Орловской губерний,—собрания ведутся на украинском языке» (цитирую по тому же № 134 «Труда»).

Здесь перед нами «ряд ненормальностей», проверенный на месте комиссией ВЦСПС, официально засвидетельствованный и никем не опровергнутый. Ниже мы приведем то вполне правильное об'яснение, какое дали затем в этом же заседании президиума ВЦСПС работники профсоюзов такому кричащему расхождению между «точкой зрения» и практикой.

Если вспомнить, что вообще в профсоюзах Украины (даже по «неточной» статистике) только одна шестая часть членов умеет говорить по-украински, что значительная часть этой шестой приходится, понятно, на союзы деревенские, как работников земли и леса, как сахарников и т. п., то нельзя признать украинский язык нормальным языком ведения собраний, протоколов и печати—вообще в городских профсоюзах Украины. В городах и специально промышленных поселениях Украины (Донбасс) обычно говорит по-украински еще меньшая часть членов профсоюзов, чем по Украине в целом.

Конечно, эту часть, хотя она составляет менее 15%, надо обслуживать по-украински. Но из этого не следует, что остальным 85% допустимо навязывать на собраниях, в печати и в протоколах язык, на котором они не говорят. А насколько далеко на практике заходит насилие над языком видно из того, что не только вообще, но даже на тех рудниках и предприятиях, где рабочие являются выходцами или пришельцами из Орловской губернии—«собрания ведутся на украинском языке». Такой образ действия может быть назван—и по-русски и по-украински и по всякому—только насилием над языком.

Действовать так, означает отрывать массу от союза. Когда собрание ведется и доклад делается на непонятном (для пяти шестых членов) языке, тогда посещение собраний превращается в бюрократическую повинность. Не может быть при таких условиях действительного, непоказного оживления профсоюзов, которого требует партия. Эта сторона дела имеет величайшую важность, и нельзя пройти мимо опасности вырождения профсоюзов в бюрократические организации без общественной самодеятельности членов. Эту опасность можно создать обязательным применением в их докладах и делопроизводстве языка, непонятного подавляющему большинству их членов в данной местности.

Во-вторых,—указанный комиссией ВЦСПС образ действий («ряд ненормальностей в национальной работе») ведет к понижению общего уровня культуры в рабочей среде. «Из грамотного меня сделали неграмотным»,—пишет с Украины рабочий-металлист в переданном мне «Правдой» письме. Пятнадцать лет своей сознательной жизни,—пишет этот пролетарий,—я участвовал в партийных организациях на территории Украины, слушал доклады и выступал на собраниях, читал газету, живу среди русских же рабочих, и вдруг мы сразу перестали понимать доклады, газеты и т. д., «даже надписи в кино»,—пишет он, и спрашивает: «Разве это похоже на ленинскую национальную политику»? Нет, конечно, не похоже. По Ленину надо было устранить малейший след препятствия к развитию украинской культуры—это верно. Но никоим образом не следовало большое количество русских или говорящих только по-русски рабочих лишать возможности пользоваться русским языком при заслушивании докладов, в делопроизводстве своих организаций и т. д.

Такой «ряд ненормальностей» отрезывает этих рабочих от дальнейшего культурного и общественного развития, останавливает их на том уровне, какого они достигли, пока могли обслуживаться в общественной работе понятным им языком. А так как украинский язык на Украине не является разговорным для пяти шестых рабочего класса, то здесь мы будем стоять перед весьма серьезной проблемой, если охарактеризованная комиссией ВЦСПС практика не будет решительно искоренена, а получит дальнейшее распространение в виду недостаточного внимания к этому делу и недостатка противодействия замеченным извращениям.

В-третьих,—принудительность в деле изменения языка не может дать у нас прочных результатов. Когда ответственные профессиональные работники сообщают, что некоторые местные профорганизации Украины ведут заседания своих органов на русском языке, а потом управдел или секретарь составляет

протокол заседания на украинском языке на случай ревизии для проверки языка делопроизводства, то тут есть о чем подумать.

Поскольку преобладающая масса членов союзов не говорит по-украински—неизбежны такие попытки свести украинизацию к чему-то показному, не глубокому, к декорации. В подобных организациях украинский язык является для массы и актива предметом изучения или выученным, а не разговорным. Если в таких организациях его начинают применять даже на заседаниях, а не только в протоколах, то разговорным в быту, в мышлении, в повседневном товарищеском общении он от этого все-таки не делается. Люди знакомятся с украинским языком, но последствием является не украинизация, а раздражение против украинизации. А это раздражение подрывает основу под действительным ростом украинской культуры.

Раздражение является не вследствие обязательности ознакомления с украинским языком, а вследствие сопровождающего его одновременно принудительного устранения из общественного обихода русского языка для людей, у которых именно русский является разговорным. Обязательность ознакомления с украинским языком деятелей профдвижения и всего рабочего класса на Украине несомненна. Не заботиться об этом—значило бы не заботиться о том, чтобы на Украине рабочий понимал крестьянина. Кроме того, знать украинский язык надо и для того, чтобы быть в силах обслужить ту одну шестую часть членов профсоюзов, для которой разговорным является украинский. Но из обязательности ознакомления на Украине с украинским языком никоим образом не вытекает перевод на украинский язык всей работы профсоюзов, их докладов, делопроизводства и т. д., ибо для подавляющей части их членов по украинской же («неточной») статистике украинский язык не является разговорным. Надо знать украинский язык, чтобы быть в силах связываться с крестьянами, с украинскими госорганами, с говорящей по-украински частью рабочих. Но отнюдь не затем, чтобы заставлять рабочих из Орловской губ. слушать доклады по-украински, а их профорганизации переводить свое внутреннее делопроизводство на неразговорный для них язык.

Между тем—и это четвертое отрицательное следствие, установленного комиссией ВЦСПС «ряда ненормальностей»,—между тем прибавление к необходимой обязательности изучения украинского языка еще совершенно ненормального устранения русского языка из общественной работы и жизни—искусственно сеет и усиленно выращивает на Украине ростки великорусского национализма и шовинизма. Расходящиеся с Украины вести (в роде цитированного доклада комиссии ВЦСПС) и раз'езжающиеся с Украины люди (в роде упомянутого рабочего, не пожелавшего «превратиться в неграмотного») разносят затем зародыши таких настроений и по РСФСР. Известно, что на московских заводах подавались записки: «Правда ли, что на Украине хотят на заводах рассчитать всех русских и заменить украинцами» и т. п. дикие измышления, подкрепляющиеся при расспросах ссылками на

то, что такой-то знакомый рабочий на Украине выписал из Москвы «Бедноту», так как там «запретили» местную русскую газету, или прислал письмо с жалобами на устранение русского языка и т. д. Здесь мы имеем дело с явлением, которое при всей ничтожности своих размеров в настоящее время,—кроет в себе при дальнейшем развитии возможность серьезной трещины. Потому необходимы предупредительные меры уже в самом зародыше. Иначе сказать, надо провести в жизнь (и наблюсти за проведением), чтобы необходимая обязательность знакомства с украинским языком никоим образом не обращалась и не сопровождалась установлением принудительной монополии украинского языка в тех аппаратах (профсоюзных, кооперативных, советских и др.), которые обслуживают население с неукраинским разговорным языком.

Кстати сказать, иногда общественному мнению сообщалось, будто на Украине заинтересованы в русском языке только «чиновники». Официальный доклад председателя ВУСПС кладет конец этой сказке, ибо прямо устанавливает, что на Украине умеет говорить по-украински лишь одна шестая часть пролетариата. И обследовательская комиссия ВЦСПС то же точно говорит о русских рабочих на рудниках и в предприятиях. Устранение русского языка из докладов и делопроизводства местных профорганизаций в тех случаях, где оно имеет место, именно эту часть населения заставляет себя чувствовать «гражданами второго разряда».

По какой же причине, установленная комиссией ВЦСПС практика расходится с изложенной тов. Радченко правильной точкой зрения украинских профсоюзов? На это, отвечая на доклад комиссии, дал на том же заседании вполне правильный ответ видный профработник тов. Угаров. Цитирую по тому же отчету «Труда» № 134: «тов. Угаров отмечает, что в недочетах украинизации меньше всего виноваты ВУСПС и союзы: профорганизации вынуждены там итти в ногу с другими организациями и общими настроениями». Яснее нельзя сказать. Сюда и надо обратить внимание.

«Общие настроения» отнюдь не являются, конечно, настроениями тех пяти шестых рабочих и служащих Украины, которые не умеют говорить по-украински. Может быть, перехода профсоюзов на украинский язык, как на монопольный в ряде случаев, с полным устранением русского, требуют крестьяне и умеющая говорить по-украински одна шестая часть рабочих и служащих? Вряд ли, если судить по такому сообщению обследовавшей украинские организации на месте комиссии ВЦСПС: «В районах с украинским населением нередки случаи, когда украинцы просят вести собрания на русском языке, ибо язык собраний, докладов и т. п. обычно—не разговорный украинский, а литературный, так называемый галичийский, непонятный широким массам» («Труд» № 134 от 13 июня 1926 года).

Мы не собираемся входить здесь в изыскания о различии между языком Шевченко и «галицийским», а просто регистрируем это фактическое сообщение, поскольку отчет «Труда» о заседании президиума ВЦСПС не сообщает о дезавуировании доклада его комиссии ни самим президиумом ВЦСПС, ни представителями укрсоюзов.

«Общие настроения» должны быть сведены ближайшим образом к настроениям тех «других организаций», с которыми «вынуждены итти в ногу» профорганизации Украины. Проще говоря, надо и пора сказать это прямо,—«недочеты украинизации» об'ясняются тем, что некоторые местные партийные и государственные органы перегнули палку.

Этот перегиб выразился, во-первых, в создании такой атмосферы украинизации, при которой считается возможным читать украинские доклады непонимающим их рабочим из Орловской губ. и при которой после заседания на русском языке местный профсоюз для отвода глаз составляет без надобности для себя украинский протокол.

Этот перегиб выразился, во-вторых, в отсутствии яркой, гласной и решительной борьбы против попыток навязывания не говорящей по-украински части населения устранения русского языка из общественной жизни (от собраний на «рудниках и предприятиях» до языка надписей в кино).

Этот перегиб палки должен быть признан и исправлен, иначе рост украинской культуры будет сопровождаться ростом нежелательного отношения к ней со стороны русских рабочих и крестьян и политическим разложением пролетариата.

(Окончание следует).

Лазарь Шацкин.

Путешествие тов. Ксенофонтова по „основным вопросам стратегии и тактики ВКП“.

(Начало статьи см. в № 21—22).

IV. Ксенофонтов у власти.

«Разрешив» основные проблемы завоевания власти пролетариатом, тов. Ксенофонтов переходит к вопросам, стоящим перед победившим буржуазию рабочим классом.

1. Социальная природа диктатуры пролетариата. Мимо этой проблемы наш путешественник пройти равнодушно не может. Его первое «оригинальное» положение гласит:

> «Власть пролетариата в нашей стране возникла на основе союза пролетариата и трудового крестьянства. Этим определена социальная природа диктатуры пролетариата» (стр. 41, курсив мой. *Л. Ш.*).

Второй тезис т. Ксенофонтова:

> «Абсолютно не правы те, которые говорят, что диктатура пролетариата «не есть союз одного класса с другим», или: «в самой государственной власти крестьянства, как соучастника этой власти, нет». Неверно» (стр. 44, курсив мой. *Л. Ш.*).

Итак, тов. Ксенофонтов считает, что 1) социальная природа диктатуры пролетариата определяется союзом двух классов и 2) крестьянство—соучастник государственной власти в СССР. Оба эти утверждения противоречат учению Ленина о диктатуре пролетариата, хотя тов. Ксенофонтов и пытается доказать обратное. Послушаем, что говорил тов. Ленин по затронутым Ксенофонтовым вопросам:

> «Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т.-е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс» («Госуд. и революция», т. XIV, ч. 2, стр. 316, курсив мой. *Л. Ш.*).

В другом месте т. Ленин следующим образом определял диктатуру пролетариата:

> «Продолжение классовой борьбы в иной форме: господствующий класс (эксплоатируемые; пролетариат, а не эксплоатируемые вообще)».
> («Ленинский Сборник», III, стр. 493, курсив мой. *Л. Ш.*).

Противоречие между этими положениями Ленина и утверждениями Ксенофонтова бросается в глаза, и попытка Ксенофонтова устранить его признанием руководящей роли пролетариата и его партии ничем тут помочь не может.

В самом деле: что такое социальная природа диктатуры пролетариата? Это—ее классовая природа. По Ленину эта классовая природа определяется властью одного класса—пролетариата. По Ксенофонтову—союзом двух классов—пролетариата и крестьянства. На деле у Ксенофонтова идет речь не о диктатуре пролетариата, а о диктатуре пролетариата и крестьянства, не о пролетарской, а о рабоче-крестьянской природе этой диктатуры.

Или, что означает соучастие крестьянства в государственной власти? Это значит, что некоторая доля государственной власти принадлежит не пролетариату, а другому классу—крестьянству, т.-е. пролетариат—вопреки учению Ленина—делит свою власть с кем-то другим. По Ленину, диктатура пролетариата означает единовластие пролетариата, а по Ксенофонтову — власть двух классов.

Тов. Ксенофонтов смешал—на наш взгляд—вещи, которые смешивать непозволительно.

Он смешал вопрос о социальной природе диктатуры пролетариата (или, что то же, вопрос о господствующем классе) с вопросом об отношении этой диктатуры к крестьянству, т.-е. с вопросом о рабоче-крестьянском блоке, руководимом пролетариатом. Пролетариат руководит крестьянством, он вовлекает его в дело строительства социализма, в дело управления страной (прежде всего через советы), он учитывает в своей политике интересы крестьянства,—все это азбука ленинизма. Только это и выражает термин «рабоче-крестьянское правительство». Тот, кто не понимает, что союз пролетариата и крестьянства есть «высший принцип диктатуры пролетариата» в нашей стране, что диктатура пролетариата есть «особая форма» этого союза, тот не понимает ленинской политики рабоче-крестьянского блока. Но именно потому, что руководителем в этом блоке является пролетариат, что единственной господствующей партией является компартия, что все вопросы решаются властью исключительно с точки зрения классовых интересов пролетариата,—социальная природа диктатуры пролетариата определяется единовластием рабочего класса (а не союзом двух классов), и власти своей пролетариат ни с кем не делит (т.-е. крестьянство не есть соучастник власти, хотя оно и вовлекается в советы, в органы управления).

Если троцкистская теория перманентной революции недооценила союза рабочих и крестьян, то тов. Ксенофонтов так его «переоценил», что дал обоснование перерожденческим идеям. С точки зрения признания рабоче-крестьянской социальной природы диктатуры и власти двух классов нечего возразить против «теории» Оссовского о рабоче-крестьянском государстве, ибо, собственно говоря, разницы здесь почти никакой нет. С точки зрения тов. Ксенофонтова можно целиком оправдать и знаменитое заявление оппозиции о «далеко не пролетарском характере нашего государства». Ибо диктатура пролетариата это и есть пролетарское государство. А какое уже там пролетарское государство, если классовое содержание (или социальная природа) диктатуры, по Ксенофонтову, далеко не пролетарское?

2. Советский середняк в изображении Ксенофонтова. Изобразив крестьянство одним из двух господствующих классов в СССР, тов. Ксенофонтов хочет определить экономический тип середняка—этой центральной фигуры нашего земледелия. Для этой цели он приводит следующую цитату из написанной Лениным резолюции II конгресса Коминтерна по аграрному вопросу:

> «Под средним крестьянством в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют на правах собственности или аренды, небольшими участками земли, но все же такими, которые при капитализме дают, по общему правилу, не только скудное содержание семьи и хозяйства, но и возможность получить известный излишек, способный, по крайней мере, в лучшие годы, превратиться в капитал, и которые прибегают довольно часто к найму чужой рабочей силы» (курсив мой. *Л. Ш.*).

Не разобравши, что к чему, т. Ксенофонтов следующим образом комментирует Ленина:

> «Некоторые товарищи, в доказательство того, что нам союз с середняком не страшен, говорят, что середняк не капиталист потому, что он хотя и покупает и продает, но не применяет наемного труда. Это неверно. Середняк применяет наемный труд, как и капиталист» (стр. 167, курсив мой. *Л. Ш.*).

Прибавив к этому, что середняк в отличие от капиталиста применяет наемный труд, как вспомогательное средство в трудовом хозяйстве, т. Ксенофонтов считает определение экономического типа середняка исчерпанным. Итак, по Ксенофонтову, советский середняк, правда в качестве вспомогательного средства, но все же, как общее правило, применяет наемный труд.

А теперь послушаем, что тов. Ленин говорил о российском середняке в 1903 г. в своей брошюре «К деревенской бедноте».

> «Все средние крестьяне за хозяевами тянутся, собственниками хотят быть, но удается это очень и очень немногим. Очень мало таких, которые даже батраков и поденщиков нанимают, сами стараются на чужом труде нажиться, на чужой спине пролезть в богачи. А большинству средних крестьян не то, что нанимать, самим наниматься приходится» (Ленин, т. IX, стр. 340, курсив мой. *Л. Ш.*).

Это тов. Ленин говорил в период, когда расслоение деревни зашло так далеко, что (по Ленину же) из десяти миллионов крестьянских дворов приходилось на долю кулаков (богатых крестьян) полтора миллиона, на середняков—два миллиона, а остальное приходилось на бедноту и батраков с наделом! Как будто получается противоречие между двумя утверждениями т. Ленина. На деле у Ленина никаких противоречий нет, а Ксенофонтов его неправильно истолковал.

Тов. Ксенофонтов, не потрудившись разобраться в вопросе, простой ссылкой на резолюцию второго конгресса заставил всех середняков нанимать рабочую силу.

Но, во-первых, даже в приведенной Ксенофонтовым цитате говорится, что середняки прибегают «довольно часто к найму чужой рабочей силы», что отнюдь не значит, что все середняки или большинство их нанимают батраков.

Во-вторых, т. Ксенофонтов прервал цитату на очень интересном месте; вслед за приведенными словами в резолюции идет следующее:

> «Примером среднего крестьянства в передовой капиталистической стране может служить в Германии, по переписи 1907 года, группа с хозяйством от 5 до 10 гектаров, в которой число хозяйств, нанимающих сельскохозяйственных наемных рабочих, составляет около трети всего числа хозяйств этой группы» (Бела-Кун, «Коминтерн в резолюциях», стр. 63, курсив мой. *Л. Ш.*).

Дальше т. Ленин говорит о том, что во Франции, где более развиты специальные культуры, «соответствующая группа, вероятно, еще в более широких размерах пользуется чужой наемной рабочей силой». Но даже для Франции т. Ленин не дает общей формулы: «середняк применяет наемный труд». А в первоначальном наброске этих же тезисов тов. Ленин приводил цифры для Австрии по переписи 1902 г., согласно которым из 383.331 хозяйства середняцкой группы лишь 126.136 нанимали наемных рабочих. Интереснее всего, что в этом же первоначальном наброске после слов «прибегают довольно часто» стояли в скобках слова: «например, в одном хозяйстве из двух или из трех» («Ленинский Сборник», IV, стр. 402). Так что тов. Ленин не считал всех или большинства середняков нанимателями рабочей силы даже в передовых капиталистических странах.

В-третьих, в цитируемых тезисах т. Ленин делит крестьянство (кроме батраков-пролетариев) на четыре группы, среди которых наряду с середняком фигурирует «мелкое крестьянство». Оно характеризуется следующим образом:

> «В-третьих, мелкое крестьянство, т.-е. мелкие землевладельцы, владеющие на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы» (Бела-Кун, «Коминтерн в резолюциях», стр. 61, курсив мой. *Л. Ш.*).

Пусть подумает тов. Ксенофонтов, куда надо отнести эту группу при принятом у нас делении крестьянства на три слоя. Авось, и он согласится, что ее при таком делении надо будет причислить к середнякам. Ясно, что характеристику середняцкого крестьянства передовых капиталистических стран, данную в резолюции II конгресса, нельзя механически перенести на середняцкое крестьянство СССР.

Фактически же дело с наймом батраков в СССР обстоит следующим образом: большинство поденщиков в ряде обследованных губерний работает у середняков, но во всей сумме середняцких хозяйств лишь меньшинство нанимает рабочую силу.

Таким образом, извратив и здесь Ленина, т. Ксенофонтов смаху неверно решил такой вопрос, от правильной постановки которого зависит очень многое в оценке классовой борьбы в деревне. Ибо если бы все или большинство середняков применяли наемный труд, то неизмеримо труднее было бы сплотить середняцкое крестьянство с батраками и беднотой для борьбы против кулака, так как противоречия между середняцким крестьянством, с одной стороны, и батрачеством и беднотой, с другой стороны, были бы гораздо острее.

3. Госкапитализм по Ксенофонтову. Нельзя дать идейного разбора взглядов оппозиции, ради которого и написана, по словам автора, его книга, не разобравши вопроса о госкапитализме.

По вопросу о госкапитализме т. Ксенофонтов выставляет целый ряд бесспорных и общеизвестных положений. Он приводит ленинскую характеристику пяти укладов нашей экономики и правильно заявляет, что «за каждым из этих укладов экономики стоит определенный класс или та или иная общественная группировка». Не менее правильно утверждение, что «госкапитализм в пролетарском государстве означает контроль, регулирование со стороны государства капиталистических отношений в производстве и на рынке». Но вслед за тем у т. Ксенофонтова идет центральная итоговая формула (выделяемая им курсивом), которая вносит в вопрос о госкапитализме порядочную путаницу именно с точки зрения приведенной характеристики нашей экономики и госкапитализма:

> «Допуская нэп мы допускаем и госкапитализм. Госкапитализм есть там, где есть элементы свободной торговли, элементы частнохозяйственного капитализма, торгово-капиталистические приемы в экономическом строительстве» (177).

Из всего дальнейшего изложения т. Ксенофонтова явствует, что под «торгово-капиталистическими приемами в экономическом строительстве» автор понимает торговую и финансовую деятельность госорганов[1]). Эта формула Ксенофонтова или неграмотна, или означает, что в каждом из трех приведенных им случаев (свободная торговля, частнохозяйственный капитализм, торговая и кредитная работа госорганов) мы имеем госкапитализм. А последнее сильно напоминает оппозиционные взгляды на госкапитализм, подводящие под госкапитализм все или почти все в нашей экономике.

Но, мог бы сказать т. Ксенофонтов, это напоминает и одно утверждение т. Ленина (утверждение, которое в период XIV партс'езда усиленно пыталась использовать оппозиция). Да, напоминает. И еще раз напоминает нам, как плохо Ксенофонтов понимает Ленина. Тов. Ленин писал в своей брошюре «О продналоге»:

> «Либо пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей...

---

[1]) Пролетарское государство как оптовый купец (государственная внутренняя и внешняя торговля), пролетарское государство, держащее в своих руках систему денежных отношений (банк и червонец), это есть несомненно, применение метода «капиталистической экономики» (стр. 181, курс. Ксенофонтова. *Л. Ш.*). Несмотря на неряшливость стиля (пролетарское государство есть применение!), ясно, что последние слова итоговой формулы, приведенной в тексте, касаются именно госпредприятий.

Либо (последняя возможная и единственно разумная политика)—не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма. Это экономически возможно, ибо государственный капитализм есть налицо в той или иной форме, в той или иной степени—всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 216, курсив мой. *Л. Ш.*).

Как видно т. Ксенофонтов перефразировал Ленина (кое-что добавив от себя), но перефразировал крайне неудачно. На деле есть громадная разница между положением Ленина и итоговой формулой Ксенофонтова.

Во-первых, Ленин не бросает в общий котел госкапитализма приемов деятельности нашего экономического строительства, зачастую приемов «капиталистической экономики». Он определенно говорит о «частном, негосударственном обмене», о «капитализме». Ксенофонтов берет за общую скобку госкапитализма и деятельность наших госорганов, ставя их в данной связи на одну доску со свободной торговлей вообще и частнохозяйственным капитализмом. Получается смешение различных экономических укладов и разных классов, которые за ними стоят. Госкапитализм, являющийся особым укладом, особым типом предприятий, с особым отношением классов, смешивается в этой формулировке с деятельностью госорганов, представляющих, как известно и Ксенофонтову, совершенно другой тип предприятий с другим классовым содержанием.

Во-вторых, у Ленина речь идет о наличии госкапитализма там, «где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще», т.-е. не просто свободной торговли, а свободной торговли плюс капитализм, т.-е. торговли, переросшей в капитализм. По формуле же Ксенофонтова, где он перечисляет три «случая» наличия госкапитализма, госкапитализм есть там, где есть свободная торговля, хотя бы не переросшая в капитализм, т.-е. госкапитализм есть и там, где нет капитализма. Ксенофонтов не говорит, что госкапитализм есть налицо только при наличии свободной торговли плюс капитализм. У него в каждом из этих случаев—госкапитализм. И тут получается непозволительное смешение экономических укладов и классов, стоящих за ними.

В-третьих, там, «где есть элементы свободной торговли и капитализм вообще», т.-е. где есть частнохозяйственный капитализм, Ленин говорит о наличии госкапитализма «в той или иной форме, в той или иной степени», о чем у Ксенофонтова нет и речи. Владимир Ильич говорит, что надо направить частнохозяйственный капитализм в русло госкапитализма, следовательно это еще не есть госкапитализм в пролетарском государстве в обычном смысле слова. Это «направление» становится возможным потому, что всюду где есть капитализм, наше государство сталкивается, соприкасается с ним, что означает низшую «форму», низшую «степень» наличия госкапитализма. Но «полного» госкапитализма здесь нет, ибо иначе нечего было бы «направлять» в русло госкапитализма, иначе не было бы двух отличных укладов: частнохозяйственного капитализма и госкапитализма. У т. Ксенофонтова, в его формуле эта подвижная грань стерлась и снова два различных общественно-экономических уклада свалены в одну кучу.

Поэтому у него и получился почти сплошной госкапитализм. Он незаконно подвел под госкапитализм вообще: 1) всякую свободную торговлю, 2) всякий частнохозяйственный капитализм, 3) торговую и финансовую деятельность госорганов. И если т. Ксенофонтов затем спорит против зиновьевского определения нэпа в целом, как госкапитализма, то он не обнаруживает большого запаса логики, ибо спорит он в значительной мере против самого себя.

4. Классовый мир. Говоря о различных периодах пролетарской диктатуры «с точки зрения разнообразия форм классовой борьбы пролетариата», тов. Ксенофонтов фактически ликвидирует в одном месте своей книжки эту самую классовую борьбу для настоящего периода. Он говорит о переходе от гражданской войны к миру следующее:

> «Это есть вопрос о смене лозунга гражданской войны лозунгом классового мира, т.-е. вопрос о соотношении между реформами и непосредственно революционными методами работы» (49, курсив мой. *Л. Ш.*).

Тов. Ксенофонтов, следуя своей постоянной привычке смешивать самые различные вещи, спутал лозунг гражданского мира с лозунгом классового мира. А между тем — это совершенно различные лозунги. Лозунг гражданского мира означает переход от революционных к реформистским методам классовой борьбы. Лозунг классового мира означает прекращение самой классовой борьбы. Он не соответствует действительности, ибо классы у нас есть, а, следовательно, и классовая борьба (в своеобразной обстановке гражданского мира) продолжается и в городе и в деревне. Он не соответствует политике партии, которая, не разжигая классовой борьбы, организует ее и руководит ею (борьба госхозяйства против частного капитала, борьба бедноты с кулачеством и т. д.). Лозунг классового мира—немарксистский, неленинский, непролетарский лозунг. Это — лозунг «надклассовых» идеологов промежуточного класса — мелкой буржуазии.

Некоторое родство с лозунгом классового мира обнаруживает и назойливо повторяемый Ксенофонтовым «оригинальный» тезис:

> «Пролетариат, руководящий политикой классового общества» (стр. 46, курсив Ксеноф. *Л. Ш.*).

То же самое два раза повторяется на стр. 47. Ошибка здесь заключается в признании наличия какой-то политики классового общества, состоящего из разных классов, следовательно, надклассовой политики. Пролетариат, как господствующий класс, методами убеждения и принуждения подчиняет себе все общество, но проводит свою, классовую пролетарскую политику. Она лишь в конечном счете совпадает с интересами всего общества, всего человечества, поскольку лишь пролетарская революция может создать предпосылки для дальнейшего бурного расцвета производительных сил.

5. Борьба между социализмом и капитализмом. Тов. Ксенофонтов занялся также оценкой «текущего момента»

в развитии СССР и дал некую директиву пролетарскому государству:

«Кто говорит о том, что у нас всюду и везде сплошной госкапитализм (чья бы корова мычала... *Л. Ш.*), тот пытается сорвать новую экономическую политику, сорвать использование рабочим государством методов и способов деятельности госкапитализма в известных отраслях экономики, ибо тот сеет панику перед **ф а к т о м о т н о с и т е л ь н о г о р о с т а ч а с т н о й т о р г о в л и**, кулацкого хозяйства, концессий, смешанных обществ, комиссионерств и т. д. А мы как раз подходим к **п е р и о д у** дальнейшего развития товарооборота и **н е и з б е ж н о** связанного с этим **о т н о с и т е л ь н о г о р о с т а к у л а ч е с к о г о х о з я й с т в а и т о р г о в л и**. Допущение более расширенной возможности аренды в сельском хозяйстве, применения наемной рабочей силы—говорит об этом более чем ясно. Пролетарское государство, опираясь на свою социалистическую государственную промышленность, учитывая ее рост и влияние в экономике страны, может **и д о л ж н о п о й т и н а б о л е е т в е р д о е и б о л е е ш и р о к о е п р и м е н е н и е м е т о д о в д е я т е л ь н о с т и г о с у д а р с т в е н н о г о к а п и т а л и з м а**, используя их для укрепления промышленности, для увеличения хозяйственных благ в стране» (178, курсив мой. *Л. Ш.*).

Итак, тов. Ксенофонтов, во-первых, для **н а с т о я щ е г о в р е м е н и** устанавливает «факт **о т н о с и т е л ь н о г о** роста частной торговли». Откуда он взял сей факт, неизвестно. XV конференция ВКП(б) установила обратный факт: на ряду с абсолютным ростом частной торговли происходит **п а д е н и е** ее относительной роли во всем товарообороте, во всей экономике страны. По Ксенофонтову выходит, что капиталистический сектор народного хозяйства растет быстрее социалистического—своеобразный метод борьбы против... паники.

Но мало того. Тов. Ксенофонтов, во-вторых, и для **б л и ж а й ш е г о п е р и о д а** (целого **п е р и о д а**—не шутите!) устанавливает веселенькую перспективу «относительного роста кулацкого хозяйства и торговли», т.-е. падения роли госторговли и кооперации и роста роли частного хозяйства не то вообще во всей стране, не то в деревне. Капиталистическая тенденция, очевидно, будет по Ксенофонтову побеждать в ближайший период.

Но и это еще не все. Ксенофонтов советует пролетарскому государству «более твердое и широкое применение методов деятельности госкапитализма». Если бы под этим подразумевалось усиление регулирующей роли государства по отношению к частному капитализму,—то это было бы вполне правильно. Но, увы—после того определения госкапитализма Ксенофонтовым, которое было нами приведено выше, вопрос отнюдь не так ясен. Ибо, если стирается грань между частнохозяйственным капитализмом и госкапитализмом, то расширение госкапитализма означает, очевидно, предоставление большего простора капиталистическому развитию, расширение его рамок, изменение нынешней политики пролетарского государства в **э т о м** направлении. Что именно так надо понимать Ксенофонтова, доказывает его перспектива относительного роста частной торговли. С чем и поздравляем нашего архистратега.

Итог пребывания Ксенофонтова у власти: если бы его взгляды были правильны, то мы не имели бы ни подлинного пролетарского государства, ни подлинного строительства социализма.

V. Ксенофонтов в центре международных событий.

Общая теория и события в СССР не удовлетворили нашего путешественника. Его влекут неведомые дали. Именно, для Ксенофонтова, неведомые, как и сумеет ниже убедиться читатель. Во всяком случае он отважно пускается в кругосветное плавание.

1. **В о й н а и II И н т е р н а ц и о н а л.** Для того, чтобы обрисовать роль Ленина в развитии революционной теории, Ксенофонтов останавливается на причине предательства международной социал-демократии в 1914 г. И об'ясняет сие прискорбное событие сверхмарксистски, а именно:

«Началась империалистическая война. Встал вопрос о поведении социалистических рабочих партий, о голосовании военных кредитов. Ни одна из социалистических партий не хотела начинать борьбы против своей империалистской буржуазии до тех пор, пока не начала эту борьбу ее братская партия в другой стране, т.-е. пока не начали эту борьбу одновременно все социалистические партии. В результате (!) получилось **з а с т ы в ш е е и н т е р н а ц и о н а л ь н о е б е з д е й с т в и е** (курсив автора. *Л. Ш.*). Но так как (!!) природа не терпит «пустоты», не терпит и стоячего «застывшего» положения, то (!!!) в результате (!) на практике получилось, что все социалистические рабочие партии II Интернационала (за исключением отдельных революционных групп и партии большевиков в России) пошли на войну...» (стр. 15).

Ловко? Стоит ли думать об экономических корнях социал-шовинизма, о связи его с предвоенным оппортунизмом в международной социал-демократии и прочих пустяках? Зачем, когда природа не терпит пустоты (почему-то в кавычках), а значит все дело в шляпе, и II Интернационал преспокойно крахнул. Против такой философии истории серьезно полемизировать не стоит—она принадлежит юмористической литературе. Но одно замечание мы себе все же разрешим: прочтя эту тираду Ксенофонтова, иной читатель может подумать,—а не бывает ли таких исключительных случаев, когда природа терпит пустоту (подлинную, без кавычек)?

2. **II и III И н т е р н а ц и о н а л ы.** Раз уж мы заговорили о II Интернационале, то отметим также попытку тов. Ксенофонтова выяснить разницу между взглядами II и III Интернационалов. Известно, что коренное теоретическое расхождение между коммунизмом и социал-демократией пролегает по линии отношения к диктатуре и демократии. Это понимает и Ксенофонтов. Вместе с тем, однако, т. Ксенофонтов дает следующую, по меньшей мере, странную формулировку:

«Советская демократия, таким образом, является не просто политической демократией, она является демократией **и х о з я й с т в е н н о й** (кооперация и профсоюзы).

В этом разница нашей постановки вопроса о демократии от постановки этого вопроса II Интернационалом» (стр. 52, курсив Ксен. *Л. Ш.*).

Смеем уверить т. Ксенофонтова, что не в этом разница. В «постановке вопроса», на словах II Интернационал за «хозяйственную демократию». Германская социал-демократия считает «хозяйственную демократию» (Wirtschaftsdemokratie) одним из важнейших своих лозунгов, понимая под этой демократией участие профсоюзов в восстановлении и строительстве промышленности (капиталистической).

Разница не в том, что II Интернационал только за политическую демократию, а III Интернационал и за политическую, и за хозяйственную, а в том, что II и III Интернационалы по разному понимают, так политическую, так и хозяйственную демократию. А это различное понимание настолько часто раз'яснялось, что даже Ксенофонтову оно небезызвестно.

3. Современная Германия. Описывая последствия мировой войны, т. Ксенофонтов не может промолчать и о Германии. А помолчать не мешало бы. Подумайте—в книге, вышедшей в дни XV партконференции, содержится следующее утверждение:

> «Германия ныне превращена фактически в колонию Англии, Америки и Франции» (стр. 14, курсив мой. *Л. Ш.*).

Именно «ныне»! Т.-е. тогда, когда уже вполне ясно обнаружились контуры возрождающегося германского империализма, когда Германия вновь стала влиятельным участником международных картелей, когда она стала участником империалистических блоков, когда она вновь начала борьбу за колонии и т. д., и т. д. Вот это действительно называется попасть пальцем в небо. Не предложит ли еще т. Ксенофонтов германским коммунистам по случаю колониального положения их страны обдумать возможность поддержки германской буржуазии в ее борьбе против других буржуазных государств? Впрочем, отсылаем тов. Ксенофонтова к докладам Бухарина на партконференции и пленуме Коминтерна, а также к тезисам, принятым последним. Там он узнает, что с его «оригинальной» мыслью о Германии-колонии произошла маленькая неприятность: она опоздала этак на годик-полтора.

4. Послевоенная Англия. И об Англии пишет Ксенофонтов. Воистину: «еще молодой человек, но с каким-то можно сказать универсальным образованием». И пишет об Англии так, что сам чорт ногу сломает в этой неразберихе:

> «В результате войны Германия повергнута в прах, Англия и Франция на время усиливают развитие своей промышленности. Получается новое соотношение борющихся сил. Франция и Англия борются ныне за гегемонию на европейском рынке. Развитие этих стран происходит за счет их прогрессивного загнивания(!) Упадок английской промышленности, важнейшей причиной которого является, между прочим, на ряду с выталкиванием английского империализма из колоний, его техническая отсталость, обнаруживает с наибольшей яркостью тенденцию к загниванию» (стр. 24, курсив мой. *Л. Ш.*).

С Францией дело ясное—«она усиливает развитие своей промышленности» после войны. Но что происходит с Англией у Ксенофонтова? В одном абзаце, рядышком уместились и усиление английской промышленности и ее упадок! Нехорошо, тов. Ксенофонтов, так шутить с Англией—страна все-таки немаловажная. И в дни английской забастовки не мешало бы писать о ней поточнее. Читатель очень интересуется сейчас Англией, и он не проглотит без протеста теорию одновременного упадка и усиления промышленности. Впрочем, что такое с точки зрения размаха ксенофонтовской мысли какая-то Англия? Пустячок, не больше.

Итог посещения Ксенофонтовым «международного масштаба»—недоуменный вопрос: зачем писать о том, чего не знаешь? И опять-таки: читает ли т. Ксенофонтов резолюции Коминтерна и газеты?

VI. Ксенофонтов бродит мыслями в прошлом.

И, наконец, тов. Ксенофонтов предстал перед удивленным миром в роли историка чуть ли не всех времен и народов. Без большого умственного напряжения, так сказать, мимоходом он дает оценку сложнейшим событиям, воздвигает законы исторического развития и создает новые факты в прошлом буржуазного общества и революционного движения. На этих исторических экскурсиях Ксенофонтова стоит вкратце остановиться.

1. Экономическая свобода буржуазии при феодализме и основной закон буржуазных революций. Тов. Ксенофонтов доказывает два верных и общеизвестных положения, согласно которым система капиталистических производственных отношений достигает значительной зрелости уже в рамках феодального режима и буржуазия еще до буржуазной революции является классом эксплоататорским. Но в ходе доказательств этих бесспорных положений тов. Ксенофонтов выдвинул новый тезис об экономической свободе буржуазии при феодализме:

> «Будучи экономически свободной, буржуазия, однако, политически неполноправна: у власти стоит класс феодалов» (стр. 28).

> «Здесь вполне возможен и даже обязателен путь эволюционного перерождения феодализма в капитализм через развитие торговых отношений. Но даже буржуазные революции, призванные только увенчать экономическую власть буржуазии политической властью [1]), не обходятся без ряда насильственных действий. Достаточно вспомнить Великую французскую революцию. Мы установили, что само экономическое положение буржуазии в недрах феодализма дает ей возможность классового сотрудничества с феодализмом, ибо их классовые интересы, как интересы эксплоататоров, могут уживаться рядом друг с другом» (29, курсив всюду мой. *Л. Ш.*).

Прежде всего, неверно, что в «недрах феодализма» буржуазия экономически свободна и лишь политически неполноправна. Будучи классом эксплоататоров, буржуазия перед Великой французской революцией не была экономически полно-

[1]) В другом месте сам Ксенофонтов говорит, что буржуазия все-таки боролась «во имя закрепления, упрочения и расширения экономического господства».

правна. Остатки феодализма чрезвычайно стесняли капиталистическое развитие—в этом основная причина буржуазной революции. Общеизвестно, что феодализм в земледелии препятствовал развитию рынка, что пережитки цеховой регламентации мешали росту промышленности, что внутренние таможни нарушали свободу торговли и т. д., и т. п. Буржуазия боролась не только за политическую, но и за экономическую свобод[illegible] для [illegible]тализма.

Неверно, что обязателен путь эволюци[illegible] перерождения феодализма в капитализм. В Англии мы [illegible]ли в качестве предпосылки бурного расцвета капитализма насильственную экспроприацию крестьянства, во Франции — насильственную экспроприацию феодального землевладения. До поры до времени накопление противоречий между новым и старым экономическим строем происходило в рамках феодального режима эволюционным путем. Но затем количество переходило в качество, накопленные противоречия приводили к революциям, а не только к отдельным «насильственным действиям», как об этом скромно говорит тов. Ксенофонтов. Если принять его теорию обязательной эволюционной смены одной общественно-экономической формации другой, хотя бы феодализма капитализмом, то придется кое-что весьма существенное вычеркнуть из знаменитого предисловия Маркса к его книге «К критике политической экономии», где дана теория революционной смены различных экономических систем общества.

Наконец, утверждение о том, что классовые интересы буржуазии и феодалов «могут уживаться друг с другом» слишком абсолютно, представляет только полправды. На различных ступенях общественного развития взаимоотношения между буржуазией (и ее отдельными слоями—торговой, финансовой и промышленной буржуазией) и феодалами различны. Нам известны длительные периоды недостаточной зрелости капиталистических отношений, когда буржуазия и помещики «мирно» уживались друг с другом. Нам известны исторические периоды, когда, наоборот, бурное развитие капитализма выдвигало на арену классовой борьбы пролетариат, тем самым сплачивая в реакционный блок враждующих между собой эксплоататоров. Но ведь никто не может отрицать, что в английской и французской революциях промышленная буржуазия, хотя бы на время, становилась во главе восстания против класса феодалов. Впрочем, Ксенофонтов, может быть, и будет отрицать—ведь он доподлинно «теоретик» неисчерпаемых возможностей.

Но этим не ограничиваются открытия нашего автора в деле исследования буржуазных революций. Сочинить какой-нибудь основной закон—это для Ксенофонтова все равно, что раз плюнуть:

> «Основной закон всех до сих пор бывших буржуазных революций состоял в том, что либеральная буржуазия вела за собой народные массы. И это было источником неудач буржуазных революций Запада. Именно по этой причине они оставались на полдороге, на полпути» (60).

Вряд ли Ксенофонтов будет отрицать, что Великая французская революция относится к числу «до сих пор бывших буржуазных революций». И, однако, она дошла до конца того пути, который был возможен на данной ступени экономического развития и классовой дифференциации Франции. И дошла именно потому, что либеральная буржуазия (жирондисты) в ходе революции потеряла руководство над народными массами. Диктатура якобинцев была предельной возможностью Великой французской революции, предельной потому, что пролетариат тогда не созрел еще для роли гегемона в буржуазной революции. И это была диктатура мелкой буржуазии, которая не только не [illegible] под руководством либеральной буржуазии, но, наоборот, [illegible] головы ее вождям. Она потерпела неудачу потому, что мелк[illegible] буржуазия не могла выполнить политических и экономических задач капитализма. Но эта террористическая революционная диктатура никак не может быть запихана в «основной закон» Ксенофонтова, который применим к революции 1848 г., но отнюдь не ко всем буржуазным революциям.

2. Капитализм и крепостничество перед 1905 г. в России. К тезису об экономической свободе буржуазии при феодализме, в качестве его частного случая, можно отнести и характеристику взаимоотношений между капитализмом и крепостничеством перед революцией 1905 г. Тов. Ксенофонтов хочет доказать, что в 1905 году буржуазия была в основном классом контрреволюционным. И это правильно. Но неправильно следующее положение нашего автора:

> «Интересы буржуазного хозяйства срослись с интересами крепостнически-земельного строя и наоборот» (57, курсив мой. *Л. Ш.*).

Что такое «буржуазное хозяйство»? Это капитализм. Что значит—интересы капитализма срослись с интересами крепостнически-земельного строя (т.-е. не только класса помещиков, а всего земельного строя)? Это значит, что развитие капитализма требовало сохранения крепостнического землевладения. Ничего другого приведенная формулировка Ксенофонтова означать не может. А достаточно ясно поставить этот вопрос, чтобы увидеть неправильность утверждения Ксенофонтова. Конечно, капитализм к 1905 году был экономически связан с землевладением и помещичьим государством (хлебная торговля, казенные заказы и т. д.), что оказало свое влияние на поведение русской буржуазии в буржуазной революции. Однако, это нисколько не противоречит тому общеизвестному факту, что крепостнический строй в земледелии был величайшим препятствием на пути развития капитализма (буржуазного хозяйства то-ж). Ксенофонтов сам, в полном противоречии с самим собой, пишет про революцию 1905 года.

> «Ленин великолепно знает, что революция есть результат столкновений между производительными силами общества и уже отжившими себя (стиль! *Л. Ш.*) производственными отношениями» (56).

Ленин знал, а Ксенофонтов, очевидно, не знает, что революция была результатом «столкновений» между производительными силами буржуазного хозяйства и изжившими себя производственными отношениями крепостничества, прежде всего в земледелии. Ибо пережитки крепостничества в земледелии препятствовали «нормальному» (с капиталистической точки зрения) развитию внутреннего рынка для промышленности, ре-

северной армии рабочих, свободному развитию капитализма в земледелии и т. д. Так вот, революция была результатом «столкновений», или—яснее—противоречия между интересами капитализма и крепостничества, а не сращивания этих интересов.

А буржуазия была классом контрреволюционным прежде всего потому, что она боялась и пролетариата и радикальной аграрной революции, покушавшейся на частную собственность, хотя бы помещиков. Именно поэтому буржуазия была неспособна провести до конца такую буржуазную революцию, которая дала бы максимальный простор развитию буржуазного хозяйства. Этого противоречия, заложенного в соотношении классовых сил, не могли понять меньшевики. Его, очевидно, не понял и Ксенофонтов.

3. Революция 1905 г. и Февральская революция 1917 г. Сравнительный «анализ» этих двух буржуазно-демократических революций приводит нашего автора к следующему глубокомысленному заключению:

> «Февральская революция, подготовленная революцией 1905 года, контрреволюцией 1907—1914 гг. и главное — империалистической войной, призвала к активной политической жизни многомиллионные народные массы, подняла их на ноги, разбудила их классовое сознание, обострила и вскрыла классовые противоречия. Одним словом, февральская революция создала массовое бурное народное движение. Было ли это в революцию 1905 г.? Нет. Там вопрос стоял еще о том, чтобы через революционную борьбу, через вооруженное восстание, через созыв учредительного собрания, через временное революционное правительство разбудить народные массы, поставить их на ноги, поднять их к политической жизни, и в процессе этого, создать демократическую коалицию рабочих и крестьян, которая была бы выразительницей революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (105, курсив мой. *Л. Ш.*).

Мы не будем здесь касаться действительных отличий революции 1905 года от Февральской революции 1917 г. К числу этих отличий относится, безусловно, и более высокая ступень активности народных масс в 1917 году. Но утверждать, что революция 1905 года не создала «массового бурного народного движения» значит утверждать такую бессмыслицу, такую явную и ничем не прикрытую чепуху, на опровержение которой не стоит тратить и слова. Отметим лишь, что сам Ксенофонтов в другом месте пишет:

> «Основной смысл революционных событий 1905 года Ленин видел в том, что они впервые пробудили глубокие народные массы к политической жизни, дали им наглядные уроки классовой борьбы, а отсюда и классового самосознания» (98).

Снова—Ленин видит, а Ксенофонтов не видит. Такие расхождения между Лениным и Ксенофонтовым довольно обычны. Но что сказать, про «историка», у которого левая рука не ведает, что делает правая, который на 105 странице забывает

уже то, что он сказал на 98-й? А, впрочем, надо ли что-нибудь говорить? Тут, действительно, комментарии излишни.

4. О тактике большевизма и лозунге Учредительного Собрания в 1905 и 1917 гг. Лозунг Учредительного Собрания играл не малую роль в тактике большевиков в 1905 и 1917 гг. Как освещает этот вопрос историк Ксенофонтов? Для 1905 года он считает возможным ограничиться таким туманным заявлением:

> «Петиция (9-го января. *Л. Ш.*), на ряду с изобилием социал-демократических требований, одним из центральных пунктов выдвигает требование «внеклассового» Учредительного Собрания, где будет «и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель». Это есть одно из узловых «требований», или точнее, программных пунктов позиции либеральной буржуазии».

Лозунг Учредительного Собрания в такой «внеклассовой» формулировке, без вооруженного восстания и вышедшего из него революционного правительства, был действительно лозунгом либеральной буржуазии. Но, ведь, и у большевиков лозунг У. С. в 1905 году фигурировал далеко не на последнем месте. Его выдвигала и «последовательная буржуазная демократия»—партии деревенской мелкой буржуазии, которых к либеральной буржуазии не отнесешь. Читатель, не знающий истории революции 1905 года, вынесет из книги Ксенофонтова впечатление, что только либеральная буржуазия требовала Учредительного Собрания, что сам по себе этот лозунг неправилен был для того времени. А, может, и сам Ксенофонтов так думает? Мы во всяком случае не берем на себя смелости это отрицать.

Как же обстояло дело с лозунгом У. С. в 1917 г.?

> «...Наша партия не могла не учитывать того факта, что известные лозунги меньшевиков и эсеров ведут за собой значительную часть народных масс. Партия должна на практическом опыте самих народных масс показать им конкретное классовое содержание этих лозунгов и подвести их таким образом к непосредственным революционным позициям. В силу этого партия должна использовать эти лозунги при своем тактическом поведении (стиль! *Л. Ш.*). Известно, что самыми популярными лозунгами нашей революции того времени были: 1) единый фронт революционной советской демократии; 2) всенародное Учредительное Собрание. Последний лозунг был особо популярен лишь только потому, что он был кровным детищем народной революции, во имя этого лозунга боролись целые поколения революционеров. Наша партия не могла не считаться с обоими этими лозунгами и особенно с последним» (133, курсив мой. *Л. Ш.*).

Оставим в стороне единый фронт революционной демократии. В приведенной цитате не только неверно об'яснены причины выставления большевиками лозунга У. С., но явно и оппортунистически искажены основные принципы большевистской тактики. Ксенофонтов на деле подменил большевистскую тактику чистейшей воды хвостизмом. В самом деле—по Ксенофонтову выходит, что партия выдвинула

меньшевистский лозунг У. С. потому, что он был популярен в народе. Больше того. Ксенофонтов обобщает эту «истину», рекомендуя партии «использовать» такие лозунги «при своем тактическом поведении». Но ведь мало ли что было популярно в меньшевистских лозунгах? Вот, например, в 1917 г. был очень популярен лозунг революционного оборончества, в 1914 году—лозунг защиты отечества? По ксенофонтовским тактическим «регулам» надо бы большевикам выдвинуть («использовать») эти лозунги. Ленин думал иначе. Это новое прискорбное расхождение между Ксенофонтовым и Лениным получилось потому, что Ксенофонтов явно приспособленчески, а не большевистски смотрит на необходимость учета настроений масс. Не угодно ли:

«Тактика только тогда верна, когда она отражает собой не голый принцип нашей теории, а когда она выражает данное соотношение классов, данный уровень сознательности народных масс, их «склонность» решать в тех или иных формах волнующие их вопросы, вопросы классовой борьбы» (стр. 81—82, курсив мой. *Л. Ш.*).

Не выражает, тов. Ксенофонтов, а учитывает наша тактика уровень сознания народных масс. Наша тактика всегда выражает классовые интересы пролетариата, учитывая—для их преодоления, а не превращения в лозунги партии—и цеховые и всякие другие настроения масс. Не может большевистская партия делать своим всякий популярный лозунг, как бы это ни огорчало тов. Ксенофонтова.

Лозунг У. С. был лозунгом нашей партии не потому, что меньшевики его сделали популярным, а потому, что он был правильным лозунгом на буржуазном этапе революции, потому, что он—в большевистском его понимании—до известного момента революционизировал народные массы, сплачивал их для борьбы с царизмом. Неправильных лозунгов наша партия не давала ни ради прекрасных глаз меньшевиков, ни в память погибших народных революционеров.

5. **Советы в 1905 и 1917 гг.** По этому вопросу тов. Ксенофонтов преподносит читателю такую итоговую формулу:

«Ленин уже в 1905 г. рассматривал советы рабочих депутатов, как орган революционной диктатуры пролетариата, в 1917 г.—как орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, при условии революционной ситуации, непосредственного руководства советами революционной социал-демократии» (стр. 95, курсив мой. *Л. Ш.*).

Это уже прямо акробатический номер. Все было как раз наоборот... Или здесь дело в крупной (слишком что-то крупной) опечатке, которая не могла не быть замечена в «замеченных опечатках», либо у нашего теоретика просто ум за разум зашел от необычайного количества поставленных им проблем[1]).

[1]) Кстати сказать, теперь читатель может уже судить об остроумии тов. Ломакина, который в рецензии на обсуждаемую книгу Ксенофонтова («Известия» от 12-го декабря) заявляет: «В общем же и целом книжка Ксенофонтова правильно и умело излагает основные этапы стратегии и тактики большевизма 1905 — 1917 гг. и послеоктябрьского периода и может послужить пособием при уяснении ошибок оппозиции...» Для такой оценки Ксенофонтова, как историка, право, нет особой нужды учиться на историческом отделении ИКП.

Итог исторических экскурсий Ксенофонтова: переворот не только в науке, но и в твердо установленных фактах, извращение и вульгаризация тактических принципов и тактической истории большевизма.

* * *

А теперь пора подвести и общий итог книге Ксенофонтова. Тов. Ксенофонтов сделал не меньше 22-х крупнейших ошибок на протяжении одной книжки в двести страниц. Действительно—не теоретик, а двадцать два несчастья. К этому надо прибавить невероятное самомнение, неумелое списывание и чрезвычайную безграмотность. Хуже всего то, что не меньше половины ксенофонтовских ошибок явно оппортунистичны. А еще хуже, что находится издательство, которое такую книжку печатает, рецензенты, которые ее хвалят и пропагандисты, которые употребляют ее в качестве пособия в партшколе. Именно поэтому и нужно было так подробно на этой книжке остановиться.

И еще—быть может, мы своей критикой окажем дружескую услугу и самому тов. Ксенофонтову. Одному литератору, имевшему претензии не меньше ксенофонтовских, было как-то сказано в классической русской литературе: «Занимайтесь хозяйством, пейте чай, но... оставьте литературу в покое. Она от этого не проиграет». Мы не можем рекомендовать тов. Ксенофонтову таких буржуазных развлечений. И не можем ему советовать оставить литературу навсегда. Но одно ясно: писать надо о том, что знаешь. Правило очень простое, но весьма полезное.

меньшевистский лозунг У. С. потому, что он был популярен в народе. Больше того. Ксенофонтов обобщает эту «истину», рекомендуя партии «использовать» такие лозунги «при своем тактическом поведении». Но ведь мало ли что было популярно в меньшевистских лозунгах? Вот, например, в 1917 г. был очень популярен лозунг революционного оборончества, в 1914 году—лозунг защиты отечества? По ксенофонтовским тактическим «регулам» надо бы большевикам выдвинуть («использовать») эти лозунги. Ленин думал иначе. Это новое прискорбное расхождение между Ксенофонтовым и Лениным получилось потому, что Ксенофонтов явно приспособленчески, а не большевистски смотрит на необходимость учета настроений масс. Не угодно ли:

> «Тактика только тогда верна, когда она отражает собой не голый принцип нашей теории, а когда она выражает данное соотношение классов, данный уровень сознательности народных масс, их «склонность» решать в тех или иных формах волнующие их вопросы, вопросы классовой борьбы» (стр. 81—82, курсив мой. *Л. Ш.*).

Не выражает, тов. Ксенофонтов, а учитывает наша тактика уровень сознания народных масс. Наша тактика всегда выражает классовые интересы пролетариата, учитывая—для их преодоления, а не превращения в лозунги партии—и цеховые и всякие другие настроения масс. Не может большевистская партия делать своим всякий популярный лозунг, как бы это ни огорчало тов. Ксенофонтова.

Лозунг У. С. был лозунгом нашей партии не потому, что меньшевики его сделали популярным, а потому, что он был правильным лозунгом на буржуазном этапе революции, потому, что он—в большевистском его понимании—до известного момента революционизировал народные массы, сплачивал их для борьбы с царизмом. Неправильных лозунгов наша партия не давала ни ради прекрасных глаз меньшевиков, ни в память погибших народных революционеров.

5. Советы в 1905 и 1917 гг. По этому вопросу тов. Ксенофонтов преподносит читателю такую итоговую формулу:

> «Ленин уже в 1905 г. рассматривал советы рабочих депутатов, как орган революционной диктатуры пролетариата, в 1917 г.—как орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, при условии революционной ситуации, непосредственного руководства советами революционной социал-демократии» (стр. 95, курсив мой. *Л. Ш.*).

Это уже прямо акробатический номер. Все было как раз наоборот... Или здесь дело в крупной (слишком что-то крупной) опечатке, которая не могла не быть замечена в «замеченных опечатках», либо у нашего теоретика просто ум за разум зашел от необычайного количества поставленных им проблем[1]).

[1]) Кстати сказать, теперь читатель может уже судить об остроумии тов. Ломакина, который в рецензии на обсуждаемую книгу Ксенофонтова («Известия» от 12-го декабря) заявляет: «В общем же и целом книжка Ксенофонтова правильно и умело излагает основные этапы стратегии и тактики большевизма 1905 — 1917 гг. и послеоктябрьского периода и может послужить пособием при уяснении ошибок оппозиции...» Для такой оценки Ксенофонтова, как историка, право, нет особой нужды учиться на историческом отделении ИКП.

Итог исторических экскурсий Ксенофонтова: переворот не только в науке, но и в твердо установленных фактах, извращение и вульгаризация тактических принципов и тактической истории большевизма.

* * *

А теперь пора подвести и общий итог книге Ксенофонтова. Тов. Ксенофонтов сделал не меньше 22-х крупнейших ошибок на протяжении одной книжки в двести страниц. Действительно—не теоретик, а двадцать два несчастья. К этому надо прибавить невероятное самомнение, неумелое списывание и чрезвычайную безграмотность. Хуже всего то, что не меньше половины ксенофонтовских ошибок явно оппортунистичны. А еще хуже, что находится издательство, которое такую книжку печатает, рецензенты, которые ее хвалят и пропагандисты, которые употребляют ее в качестве пособия в партшколе. Именно поэтому и нужно было так подробно на этой книжке остановиться.

И еще—быть может, мы своей критикой окажем дружескую услугу и самому тов. Ксенофонтову. Одному литератору, имевшему претензии не меньше ксенофонтовских, было как-то сказано в классической русской литературе: «Занимайтесь хозяйством, пейте чай, но... оставьте литературу в покое. Она от этого не проиграет». Мы не можем рекомендовать тов. Ксенофонтову таких буржуазных развлечений. И не можем ему советовать оставить литературу навсегда. Но одно ясно: писать надо о том, что знаешь. Правило очень простое, но весьма полезное.

И. Д. Левин.

Попытки „американизации" английского рабочего движения.

В прошлом году после бурных июльских дней, когда забастовка углекопов была отсрочена на 9 мес. правительственной субсидией шахтовладельцам, полковник Ф. Вернон Вилли, тогдашний председатель Британской федерации промышленности, ездил в страну доллара и открыл там фордизм с его стандартизацией и высокой зарплатой. Вернувшись на родину, он поделился с читателями почтенного «Таймса» своим открытием и заговорил о «новом духе», который необходимо внести во взаимоотношения между предпринимателями и рабочими для того, чтобы Англия вновь завоевала свое старое место на мировом рынке. В редакцию «Таймса» посыпались письма от предпринимателей, в которых живо обсуждался поднятый Верноном Вилли вопрос. Много лестного было сказано по адресу заокеанской республики, где мудрые «капитаны индустрии» сумели превратить свои предприятия в сказочные Эльдорадо, не знающие забот и печалей промышленных конфликтов, забастовок и локаутов, где рабочие и предприниматели живут-де в трогательном единении. Сэр Эрнест Петтер в февральской книжке «Юнити», органа национального индустриального альянса, пишет, что разрешения проблем, стоящих сейчас перед Англией, следует искать в комбинации высокой зарплаты с высокой производительностью труда. «Эта политика,—говорит он,—и подняла Америку на такую высоту благоденствия, что ей завидует весь мир». Известный миллионер сэр Альфред Монд и др. промышленники, сами применяющие на своих предприятиях некоторые формы классового сотрудничества, говорят о достигнутых ими успехах и горячо рекомендуют систему участия рабочих в прибылях. Шумиха, поднятая буржуазией о «новом духе», «индустриальном Локарно» и «божьем мире в промышленности», становилась все гуще и гуще.

Но разразилась горняцкая забастовка и вслед за ней всеобщая стачка, открывшая новую эру в истории английского рабочего движения. Перед английской буржуазией разверзлась пропасть. Устами Болдуина она оценила положение следующим образом: «Со времени войны,—говорил Болдуин в своей речи от 7 октября т. г. на конференции консервативной партии в Скарборо,—не было еще такой угрозы британской государственности. Более того, даже война не угрожала в такой степени устоям, на которых покоится жизнь нашего государства... Если бы (всеобщая забастовка) удалась, она опрокинула бы конституционное правительство нашей страны и положила бы конец нашим парламентским учреждениям». Неудивительно, что в тот момент смертельной для себя опасности, буржуазии было не до сладких речей о классовом сотрудничестве. Во время забастовки она предпочла заговорить с рабочими языком штыка и бронированного кулака. Английская буржуазия впервые ощутила осязательно приступы социального переворота. Предательство Генсовета принесло ей облегчение, и она снова начинает затягивать свою песню о «новом духе». Лорд Грей в своей речи от 28 мая в Национальном Либеральном Клубе, под свежим впечатлением сорванной всеобщей забастовки, предлагает буржуазии предоставить рабочим возможность участия в промышленности. Он подчеркивает, что имеет в виду «не просто участие в прибылях, которое всегда будет рассматриваться как премия, или как подкуп, предлагаемые с намерением удержать рабочих в спокойном состоянии». «Нет,—говорил он,—только, участвуя в самом управлении промышленностью, рабочие почувствуют себя партнерами». Консерватор Гарвин, в своем органе «Обсервер» (30 мая 1926 г.) подхватывает эту идею и горячо рекомендует Болдуину, «приять дух», проповедуемый лордом Греем.

Институт промышленного равновесия. Английская буржуазия трезвонит о «новом духе». Его воплощение должно произойти на основе программы Болдуина, сформулированной еще в прошлом году и сводящейся к тому, что «уровень жизни всех английских рабочих должен быть понижен». В частности, буржуазия со всей силой своего государственного аппарата поддерживает шахтовладельцев и костлявыми руками голода заставляет углекопов согласиться на удлинение рабочего дня и снижение зарплаты.

Фальшивые песни английской буржуазии о «новом духе» сразу находят отклик среди «деятелей» и «вождей», английского рабочего движения. 15 июня 1926 г. в «Таймсе» появилось письмо с извещением об учреждении института, ставящего себе задачей установление равновесия в промышленности. Под письмом подписались учредители, между которыми фигурируют, наравне с Гильбертом Вайлом, председателем Ассоциации британских торговых палат, и сэром Хорном, бывшим министром и членом консервативной партии, Вильямом Перрингом, консервативным членом парламента и директором разных акционерных обществ, также хорошо нам знакомый Артур Пью, председатель последнего конгресса тред-юнионов в Борнемуте, Филипп Сноуден, бывш. министр финансов в рабочем правительстве, Роберт Вильямс, председатель последнего с'езда рабочей партии в Маргейте, и Крэмп, секретарь союза железнодорожников. Авторы письма говорят: «Мы пережили тяжелый кризис (имеется в виду всеобщая забастовка. *И. Л.*) и сейчас должны снова приняться за работу при увеличившихся трудностях. У некоторых, может быть, осталось чувство горечи, но мы надеемся, однако, что семена взаимного понимания и глубокого уважения (между рабочими и предпринимателями! *И. Л.*) нашли себе подходящую почву, и мы спрашиваем, нет ли какой-нибудь точки, вокруг которой, несмотря на наши расхождения, мы могли бы об'единиться с надеждой на взаимное сотрудничество». Искомая «точка» у авторов письма уже имеется. «Мы все едины в нашем желании блага для всего народа»,—говорится в письме. Дальнейшее ясно и гладко. Институт, являющийся «союзом деловых людей и людей науки», в совет которого входят «собственники, адми-

нистраторы, представители организованных рабочих и представители разных отраслей науки», будет заниматься, главным образом, «проблемой установления равновесия в промышленности». Под равновесием авторы понимают «такую согласованность между производством и потреблением, которая уменьшит нерегулярность в работе» (т.-е. безработицу. *И. Л.*). Согласованность между производством и потреблением не должна ограничиваться только рамками одной Англии, но должна охватить и «другие страны, с которыми мы ведем дела», что в свою очередь означает «такое взаимное соглашение между народами мира, которое привело бы к сохранению мира». Другими словами, разрешение зол капитализма (безработица и пр.) внутри страны путем классового сотрудничества и более тесной спайкой британской империи, а извне—пацифизмом и Лигой Наций.

Вслед за институтом возникли еще две организации классового мира. Хавелок Вильсон, председатель союза моряков, один из самых реакционных вождей английского рабочего движения, в середине августа основывает союз промышленного мира в британской империи. Задачи союза: «вести борьбу против доктрин классовой борьбы», «поддержать конституционное правительство страны, если ему будет угрожать опасность», «обеспечить каждому рабочему, заключившему договор с предпринимателем, право работать» (во время забастовки), «об'единение всех граждан британской империи» и «установление мира в промышленности». На банкете, устроенном в честь Хавелока Вильсона 30 сент. 1926 г. лондонским коммерческим клубом в одном из фешенебельных ресторанов Лондона, виновник торжества заявил об основанном им союзе и просил материальной поддержки. В буржуазной прессе появилось об'явление об учреждении союза, с просьбой о присылке пожертвований. Сам Хавелок Вильсон от имени союза моряков ассигнует 1.000 ф. ст. в год в пользу своего детища—Союза промышленного мира. Интересно отметить, что в то время, как сама буржуазия говорит о фордизме, партнерстве рабочих в промышленности и о высокой зарплате, ее лакей Вильсон поет совершенно другие песни: «Мои люди (т.-е. члены его союза моряков. *И. Л.*),—заявил он на банкете,—удлинили свой рабочий день до 14 часов не потому, что они этого хотели, а потому, что считались с экономическими фактами. Иностранные пароходы, особенно немецкие, у которых расходы на 50% ниже английских, конкурируют с нашими пароходами. Если бы мои рабочие выставили такой же лозунг, как Кук и Смит— «ни секунды к рабочему дню», то больше половины британских пароходов торчало бы в портах и половина их экипажа была бы без работы». Вильсон предпринимает энергичную кампанию по всей стране и выступает на митингах в Кардиффе, Гулле и др. городах. В Манчестере на митинге, устроенном вновь образовавшимся союзом, вместе с Вильсоном выступают видные консервативные деятели, а председательское место занимает Сэм Финбург, член парламента от консервативной партии.

В конце сентября некоторыми, никому неизвестными членами профсоюзов, главным образом, союза железнодорожников, была основана лига прав трэд-юнионистов. Почетным секретарем этой лиги был избран некий Ловдей. По его словам, лига насчитывает 5.000 чел. Главные цели лиги следующие: 1) Наладить лучшую посещаемость собраний местных отделов

профсоюзов рядовыми членами для того, чтобы решения этих собраний представляли собой подлинное выражение мнений членов союзов, а не только социалистической клики. 2) Принять надлежащие меры для установления более тесного контакта между теми членами различных профсоюзов, которые стремятся к полной свободе действия по вопросам, касающимся организованных рабочих вообще,—с тем, чтобы с мнением таких членов приходилось считаться при выработке важных решений, затрагивающих интересы и благосостояние страны. 3) Сохраняя право на забастовку, сотрудничать с предпринимателями там, где такое сотрудничество явно диктуется общественными интересами. 4) Добиваться введения тайного голосования в профсоюзах по системе парламентских выборов при разрешении серьезных вопросов.

Сначала лига утверждала, что она состоит исключительно из рабочих—членов профсоюзов. Но теперь она не отрицает, что ею установлено почетное членство для лиц, не являющихся членами профсоюзов. Лига, несомненно, является детищем консерваторов, которые стремятся инсценировать движение, якобы исходящее от организованных рабочих и требующее от правительства вмешательства во внутренние дела профсоюзов и ограничения их прав. На своем собрании от 25 сент. в Манчестере лига и приняла резолюцию в этом духе, а именно: «Настоящее совещание членов различных профсоюзов, не становясь на сторону той или иной части общества в их стремлениях к общему улучшению условий труда, полагает, что эти условия могут быть улучшены конституционными методами. Учитывая опыт недавней забастовки и в то же время, будучи осведомлено о попытках со стороны некоторых групп вызвать новую смуту, совещание выражает свое твердое убеждение в необходимости проведения законодательным путем принципа, в силу которого до об'явления стачки должны быть опрошены все рабочие».

Совершенно новое для Англии явление представляют «компанейские союзы». «Компанейские союзы» являются союзами, об'единяющими рабочих и служащих одного какого-либо предприятия от самых низких до самых высоких должностей, включая и самого хозяина предприятия или директоров акционерного общества. Эти союзы всецело находятся под контролем предпринимателей. Этот тип союзов сложился в Америке в результате борьбы американской буржуазии с рабочим движением. Предприниматели усердно насаждали у себя на фабриках и заводах этот тип союза с целью распылить рабочее движение, изолировать рабочих отдельного предприятия от общего рабочего движения, не давая им примкнуть к своему профсоюзу. На первое время предприниматели предоставляют своим рабочим, примыкающим к компанейскому союзу, известные льготы, в надежде, что это даст им возможность убить впоследствии всякое независимое рабочее движение.

В Англии компанейские союзы—совершенно новое явление. Они впервые появляются лишь после всеобщей забастовки, когда английская буржуазия считает необходимым применение американских методов борьбы с организованным рабочим движением. Первой фирмой, организовавшей у себя компанейский союз, было Акц. О-во Джон Дикинсон и К°, занятое в производстве бумаги и канцелярских принадлежностей. После провала всеобщей забастовки фирма заявила, что она больше не признает существую-

щих профсоюзов, а для рабочих своего предприятия организуют специальный союз, членами которого могут быть «все работающие у фирмы Дикинсон, включая директоров». Согласно уставу, зарплата «не должна быть ниже установленного трэд-юнионами уровня», а рабочее время «не должно быть выше принятого в этой отрасли промышленности». В уставе предусмотрены кассы страхования от болезни, старости, инвалидности и пр., обычные в практике английских профсоюзов, а также всякие возможности спортивных развлечений. По уставу никакие стачки не допустимы. Со своей стороны фирма Дикинсон притворяется, что она порывает всякую связь с союзами предпринимателей и берет на себя обязательство не устраивать никаких локаутов.

Другим компанейским союзом, но несколько замаскированным, является союз, об'единяющий рабочих Акц. О-ва, издающего известную либеральную газету «Манчестер Гардиан». Этот союз тоже возник после провала всеобщей забастовки. Устав, а также договор, заключенный вновь образовавшимся союзом с фирмой, составлены более тонко, чем устав компанейского союза Дикинсона. И неудивительно: над последним уставом «работали» за соответствующую мзду виднейшие юристы рабочей партии, как Слессер, занимавший пост Генерального Адвоката в правительстве Макдональда, и Гендерсон, сын известного Гендерсона, играющие крупную роль в парламентской фракции рабочей партии. Авторы устава сделали все от них зависящее, чтобы придать этому тонкому орудию, направленному против организованного профдвижения, безобидный вид. Согласно уставу, членами союза могут быть исключительно рабочие фирмы, издающей «Манчестер Гардиан». Хозяин фирмы или директора не имеют права быть членами союза. Зарплата, рабочий день и др. условия труда должны быть «не менее благоприятны для рабочих, чем условия, устанавливаемые соответствующими профсоюзами». Рабочие по уставу имеют право, помимо компанейского союза, принадлежать и к своему профсоюзу. Однако, это право фиктивное, так как по договору, заключенному с фирмой, рабочие обязуются не устраивать никаких забастовок. Подписанием договора, рабочие, таким образом, фактически лишили себя права подчиняться профессиональной дисциплине. Со своей стороны фирма тоже сохранила за собой право вступать в предпринимательские организации, однако, она не имеет права об'являть локаута. Само собой разумеется, что с организацией у себя компанейского союза это право фирме больше не нужно, и она свободно может от него отказаться. Коллективный договор содержит в себе много приманок для рабочих. Фирма взяла на себя ряд обязательств по выдаче пенсий престарелым рабочим и сразу перечислила из своих резервов 50.000 ф. ст. в открытый ею специально для этой цели пенсионный фонд. Увольняемым рабочим будут выдаваться выходные в зависимости от количества прослуженных лет—в размере от 6 ф. с. 15 шилл. 3 пенсов (1 год службы) до 78 ф. ст. 3 шилл. 11 пенсов (44 года службы) и до 800 ф. ст. (свыше 44 лет службы).

Основные цели союза согласно уставу: содействовать установлению хороших отношений между фирмой и ее рабочими и служащими и улажению всяких возникающих конфликтов путем арбитража и всяких других законных мер; способствовать наилучшей постановке дела фирмы и обеспечить непрерывный выпуск газет в законных интересах читающей публики; вообще охранять интересы союза и фирмы.

«Манчестер Гардиан» посвятил своему союзу ряд статей, в которых дал идеологическое обоснование своему «эксперименту». «Возможно,—говорит газета,—что первой и самой необходимой задачей трэд-юнионизма, когда он был и молод, и слаб, должно было быть сосредоточение всех сил на вопросе об обеспечении известного скромного уровня жизни. Но с ростом сил растут и обязанности. Трэд-юнионизм достиг такого могущества, что он может брать на себя роль строителя и свои знания делить с администрацией, сотрудничая с ней в деле реорганизации промышленности на благо общества». Газета предусмотрительно старается отвергнуть мысль, будто эксперимент направлен против профсоюзов. Новый союз, говорит газета, является «в полном смысле слова трэд-юнионом и вполне независим», ибо «он сам руководит своими делами, сам избирает своих доверенных лиц, должностных и свои комитеты». Орган либеральных лисиц притворяется даже защитником... укрепления профдвижения! «Если бы мы думали,—говорит газета,—что наш шаг серьезно ослабит профдвижение в его основах, мы никогда не заключили бы нашего договора с союзом». Либеральный орган сознает, что основанный союз пока представляет собой лишь изолированное явление, но он мечтает о том времени, когда страна покроется сетью подобных союзов.

«Если,—говорит он,—нашему примеру последуют другие, то тогда вырастет целый ряд производственных союзов в роде нашего, и между ними, естественно, установится связь, будут общие конференции, и сообща будут выдвинуты новые идеи». «Мы,—заявляет газета,—подвинемся тогда по пути индустриального юнионизма в более широком смысле слова». Индустриальный юнионизм под эгидой капитализма—вот перспектива либералов.

В противоположность «Манчестер Гардиан», крупная лондонская фирма типографского дела Лимингтон, устроившая у себя компанейский союз, не стала формулировать своей собственной философии. Фирма Лимингтон решила взять ее на прокат у известного вождя рабочей партии Филиппа Сноудена. В своем воззвании к своим рабочим она приводит добрую часть речи, произнесенной Сноуденом на банкете Американской торговой палаты в Лондоне в 20-х числах прошлого июня, где он между прочим сказал:

«Трэд-юнионистская идея в прошлом, и в весьма значительной степени и в настоящее время, состояла и состоит в противопоставлении себя предпринимателям. Мы должны это теперь изменить. Мы должны добиться того, чтобы рабочие поняли, что они являются партнерами промышленности и что промышленный кризис бьет больше по рабочим, чем по предпринимателям. Мы должны понять, что всякое прогрессивное расширение промышленности пойдет пропорционально в пользу рабочих... Я поэтому хочу, чтобы политика трэд-юнионов была изменена с тем, чтобы они не стремились получить как можно более высокие ставки зарплаты независимо от того, может промышленность их дать или нет, но помогали бы процессу рационализации, которая даст промышленности наибольшие выгоды и позволит выплачивать наиболее высокие ставки зарплаты».

К выдержкам из речи Сноудена фирма Лимингтон прибавила: «Это как раз то, к чему фирма Лимингтон стремится».

Компанейские союзы внедрились пока в типографском деле. Параллельно с этим в этой же отрасли идет более откровенная атака на профсоюзы другим американским методом, т. наз. «open shop», т. е. «предприятия с открытыми дверями» для нечленов профсоюзов. Предприниматели дают предпочтение нечленам профсоюзов, а от членов профсоюзов требуют выхода из союзов. На конференции предпринимателей и рабочих типографской отрасли, состоявшейся 5 окт. 1926 г., была принята резолюция, приветствующая тот факт, что «принцип «предприятия с открытыми дверями» признан в типографских предприятиях как правительственных, так и частных». Резолюция дальше выражала свое мнение, что необходимо установление лучших отношений между рабочими и предпринимателями и требовала от правительства принятия немедленных мер к изменению закона о промышленных конфликтах 1906 г. [1]). Рынок лживой капиталистической прессы в Англии настолько еще обширен, что позволяет культивировать у рабочих печатного дела самые махровые рабоче-аристократические настроения.

Национальная лига либералов-трэд-юнионистов. Развал либеральной партии—одно из знаменательнейших явлений современной общественной жизни Англии. В эпоху острой классовой борьбы, которая наступила теперь для Англии, нет места таким промежуточным партиям, как либеральная, и она выметается, как ненужный сор, с арены истории. Сильно поредевшие ряды этой партии продолжают таять с каждым днем. Рабочие, голосовавшие за либеральную партию на выборах, покинули ее и теперь голосуют за рабочую партию. Крупные предприниматели, в роде сэра Альфреда Монда, перекочевали в лагерь консерваторов, а мелкая буржуазия переходит отчасти к консерваторам, а отчасти к рабочей партии, попутно усиливая правое крыло последней. Среди жалких остатков либеральной партии идет беспрерывная грызня между приверженцами Ллойд-Джорджа и приверженцами Асквита. Умный и дальнозоркий Ллойд-Джордж понял, что если что может ускорить уход рабочих масс от либеральной партии, то это именно тактика, ориентирующаяся направо в сторону консерваторов. Ллойд-Джордж уже давно заигрывает с рабочей партией, а теперь делает красивый жест в сторону последней. Он, хотя и обвиняет профсоюзы, но возлагает ответственность за всеобщую забастовку на правительство Болдуина, резко критикуя его за неуступчивость и непримиримость по отношению к лидерам рабочей партии и профдвижения, выдвигавшим компромиссные предложения [2]).

Смерть смотрит либеральной партии в глаза. Либеральная партия ищет спасения в приобщении к рабочим массам. Она пытается проникнуть в профсоюзы, собрать некоторые имеющиеся там активные либеральные силы, тонущие теперь в общей организованной рабочей массе, организовать их в ячейки, которые

[1]) После долгих лет агитации, рабочее движение добилось в 1906 г. проведения либеральным правительством закона, предоставляющего союзам право выставлять во время забастовок пикеты, чтобы повлиять на штрейкбрехеров в смысле присоединения их к забастовке.

[2]) Как известно, эти компромиссные предложения сводились к предательству углекопов и делались за спиной последних.

могли бы служить притягательными центрами для рабочих, еще не освободившихся от буржуазных влияний. Еще в прошлом году либеральная партия созывает ряд конференций либералов, являющихся членами профсоюзов. Наконец, 18 сентября т. г. в Лондоне с большой помпой созывается с'езд представителей групп либералов-трэд-юнионистов, на котором основывается лига либералов-трэд-юнионистов. На с'езде присутствуют 242 делегата, «представляющих» 67 профсоюзов. В предложенном с'езду меморандуме обосновывалась необходимость создания лиги и указывалось, что отсутствие особой организации мешало либералам трэд-юнионистам оказывать влияние на политику либеральной партии, с одной стороны, и на политику профсоюзов, с другой. Согласно уставу лиги, принятому с'ездом, в каждом парламентском округе образуется группа либералов-трэд-юнионистов. Группа входит в местную либеральную ассоциацию. Группы одного района образуют районную организацию, а последняя об'единяется лигой в общенациональном масштабе. Меморандум показывает, что Ллойд-Джордж кое-чему научился у коммунистов: тактика организации ячеек оказалась у коммунистов настолько жизненной, что либералы не прочь испробовать и это средство для подкрепления своих пошатнувшихся позиций. Ллойд-Джорджу только невдомек, что там, где сами об'ективные условия разрушают либерализм, как политическую силу, бессильны какие-либо «группы».

Горячие дебаты вызвал на с'езде вопрос о политическом фонде профсоюзов, который, как известно, идет на содержание рабочей партии. Рабочее движение добилось права облагать своих членов на политические цели после упорной борьбы, и это право было за профсоюзами закреплено законом о профсоюзах 1913 г. Этот закон предоставил, однако, право отдельным лицам, заявляющим о своем нежелании делать политические взносы, быть освобожденными от их уплаты. Либеральная партия, когда впервые зародилась идея создания лиги, намеревалась повести атаку против «политических взносов». В проекте устава, разработанном в апреле, говорилось об оказании помощи членам в деле освобождения их от взносов в пользу политического фонда и возвращения уже сделанных ими взносов, «дабы предотвратить использование либеральных денег на политические цели», а также «добиться всеми законными мерами передачи политических взносов, сделанных либеральными членами профсоюзов, национальной организации либеральных трэд-юнионистов». На этом вопросе с'езд чуть не раскололся. Большая часть делегатов считала, что отказ от «политического взноса» лишит их права голоса в политических вопросах, дебатирующихся в профсоюзах. В виду острого разногласия этот пункт был формулирован крайне туманно, а именно: лига ставит своей целью «защиту своих членов в деле использования ими своих политических прав и свобод» и «оказание совета и помощи во всех делах, касающихся политических взносов».

Во главе движения стали старые либералы-трэд-юнионисты, когда-то игравшие крупную роль в рабочем движении. Председателем лиги был избран 70-летний Фрэд Маддисон, бывший председателем трэд-юнионистского конгресса в 1886 г. и одно время являвшийся вождем железнодорожников. Секретарем был избран Артур Петерс, бывший главным организатором

избирательных кампаний рабочей партии в первые годы, после её основания.

«Назад к Дизраэли!» Попытки либералов проникнуть в рабочие массы не дают покоя более дальновидным и умным консерваторам, мысль которых начинает работать в этом же направлении. В октябрьской книжке «Нешионал Ревью» проводится мысль, что слабость консервативного правительства состоит в том, что в нем нет человека, который мог бы говорить от имени рабочих. По мнению этого органа, правительство должно найти своего Джона Бернса [1]). Болдуин, стоящий во главе самого реакционного правительства, которое современная Англия когда-либо видела, часто вызывает тень Дизраэли знаменитого вождя тори (предшественники современных консерваторов) в середине прошлого столетия. Дизраэли, выразитель интересов родовитой английской земельной аристократии, находившейся тогда в борьбе с молодой растущей буржуазией, был противником промышленного капитализма, бичевал эксплоатацию рабочих и мечтал о восстановлении старой патриархальной «веселой Англии» докапиталистических времен. Болдуин за последнее время не произносит ни одной речи без того, чтобы не цитировать Дизраэли. Он говорит о примирении классов, взывает к взаимным уступкам во имя интересов «всего народа».

Еще в конце 1921 г. после угольного конфликта, завершившегося «черной пятницей», когда политическая атмосфера была чрезвычайно накалена и консерваторов охватило беспокойство за исход предстоявших выборов, послышались речи о возрождении торизма Дизраэли. Тогда была основана демократическая консервативная лига с целью оказывать поддержку кандидатам, которые выступят как «демократы», «придерживаясь дизраэлевской политики социальных реформ». Лига должна была своей «левизной» служить приманкой для рабочих избирателей. Успехи консерваторов на выборах 1922 г. делают дальнейшее существование лиги излишней, и она сама закрывает свою лавочку. Теперь, когда консерваторов снова охватывает тревога и беспокойство за исход предстоящих в 1928 г. выборов, опять раздается лозунг: «Назад к Дизраэли!».

Маршалл Фриман, один из основателей демократической консервативной лиги пишет в «Таймсе» от 22-го октября 1926 г.: «В настоящий момент разрастается движение в пользу основания такой же лиги (как в 1921—22 г.), чтобы дать возможность консервативной партии удержать в руках рабочих избирателей, когда проба сил наступит в 1928 году. Без этого страна перейдет в руки социалистов... Эта опасность может быть предотвращена, если только консервативным рабочим будет предоставлено такое же участие в управлении партией, такое же признание за ними способности занимать места на судейских креслах, в местном самоуправлении и в парламенте, какое предоставляется рабочим либералами и социалистами». «Не пора ли Болдуину,— заканчивает он свое письмо,—перевести свои речи на язык действий? Никакая партия не может вечно существовать за счет благих пожеланий своего вождя».

---

1) Рабочий-металлист, был членом либерального правительства с 1905 до 1914 г.

Заключение.

Каково значение отмеченных нами новых явлений в общественной жизни Англии? Эти явления показывают, что английская буржуазия жадно ищет выхода из создавшегося для нее положения. Она желает умиротворить рабочих, внести «новый дух» в свои взаимоотношения с рабочими и заключить «индустриальное Локарно». В некоторых второстепенных отраслях, в отраслях, работающих на внутренний рынок, ей кое-что в этом направлении удается, как показывает пример компанейских союзов среди рабочих печатного дела. Но в основных отраслях английской промышленности, работающих на экспорт, из всех ее попыток ничего не выходит. Она говорит о фордизме и высокой зарплате, но с ножом у горла заставляет углекопов пойти на снижение зарплаты и удлинение рабочего дня, она вырывает у моряков согласие ввести 14-часовой рабочий день. Голос английской буржуазии—голос Якова, но руки—руки Исава. Расхождение между словом и делом английской буржуазии объясняется тем, что ей приходится вести сейчас отчаянную борьбу за существование на мировом рынке, откуда она давно вытеснена Америкой. Чтобы побить Америку американскими методами (рационализация, фордизация и высокая зарплата), нужны огромные средства, а главное—время. Вышибить же конкурентов ей необходимо сейчас, ибо всякое промедление смерти подобно. Английская буржуазия поэтому спешит, она выбирает более легкий и более проторенный путь. Она бьет своих рабочих, снижая зарплату и увеличивая рабочий день, чтобы дешевым трудом побить Америку.

Может ли проповедь классового сотрудничества иметь успех в такой раскаленной атмосфере классовой борьбы? Конечно, нет. Следует иметь в виду, что само по себе классовое сотрудничество в Англии явление не только не новое, но, наоборот, очень даже старое. Вся верхушка рабочего движения и в настоящее время в большей или меньшей степени пропитана идеями классового сотрудничества. Эти вожди в своем огромном большинстве являются воспитанниками последней четверти прошлого века, т. е. того периода, когда английская буржуазия была в зените своей славы и могущества, когда она могла подбрасывать от времени до времени рабочим какую-нибудь кость. Но с тех пор в экономике Англии произошел неслыханный переворот. Англия скатилась вниз и не выходит из полосы кризисов. Английская буржуазия свирепеет. Рабочие массы под жестокими ударами экономических факторов все больше и больше левеют и освобождаются от буржуазных влияний. Сами эти судорожные попытки американизации рабочего движения свидетельствуют лишь о растущем левении английских рабочих масс, которому желают поставить бессильные барьеры. Не то вожди. Идеология вождей изменилась мало. Идейное перерождение целого поколения вождей дело совершенно невозможное. Отсюда то резкое расхождение между вождями и массами, которое мы видим в Англии. Массы рвутся в бой против буржуазии, как показал пример всеобщей забастовки, а вожди тащат массы назад в буржуазное болото классового сотрудничества. Томасы, Гендерсоны, Хавелоки Вильсоны, откликаются на буржуазный клич классового сотрудничества сразу, как полковые лошади на звуки марша.

Артур Пью, Хавелок Вильсон и другие застрельщики теперешнего движения «классового сотрудничества» еще в 1918 году были членами исполнительного комитета Национального альянса предпринимателей и рабочих, который был детищем знаменитой Федерации британской промышленности. Они там сидели в «хорошей» компании, рядом с Ютом Джексоном, директором английского банка, Дудлеем Доккером, тогдашним председателем Федерации британской промышленности, сэром Джорджем Марреем от пушечной фирмы Армстронг и т. д., и т. д. Но этот альянс никакого успеха среди рабочих не имел, и не больший успех будут иметь новые организации классового сотрудничества.

Участие рабочих в прибылях в Англии тоже не новое явление и практиковалось в течение десятков лет многими предпринимателями. Это, несомненно, создало известную прослойку так называемых «копеечных миллионеров» (penny millionaires), но сколько-нибудь заметного влияния на рабочее движение это не оказало. Следует отметить, что последний договор углекопов с шахтовладельцами базировался на участии в прибылях; тем не менее самая ожесточенная классовая борьба, которую когда-либо знала Англия, разгорелась как раз в угольной промышленности.

«Компанейские союзы» насаждались американской буржуазией, главным образом, в предприятиях, не затронутых рабочим движением». «Компанейские союзы» служили для американской буржуазии противоядием против проникновения рабочего движения на предприятия. Американское рабочее движение сравнительно очень слабо. Другое дело образование «компанейских союзов» в Англии, где рабочее движение пустило глубокие корни. Предприниматели здесь натолкнутся на сопротивление рабочих.

Экономические факты—упрямая вещь; их не прошибешь никакими сладкими речами и никаким «новым» или «старым» духом. Возрождение торизма Дизраэли требует возрождения обстановки времен Дизраэли. Но безнадежное дело питать на этот счет какие-либо надежды. Вот почему английская буржуазия, не надеясь на «новый дух», готовит свирепый поход на организованное рабочее движение. С'езд консервативной партии в Скарборо в октябре текущего года представлял собою настоящий зверинец; на нем стоял такой рев, что даже сам «хозяин»—Болдуин пришел в смущение. Консервативные зубры требовали немедленной расправы с профсоюзами, изменения закона 1903 года о промышленных конфликтах и закона 1913 года о профсоюзах. Но нео-Дизраэли — Болдуин хочет выждать, пока рабочее движение не будет истощено забастовкой углекопов, чтобы спустить с цепи Черчилля, Джойнсона Хикса и Биркенхэда, которые готовят драконовские законы против профсоюзов.

Разговоры о «новом» духе—дымовая завеса, которая должна маскировать подготовляющуюся генеральную атаку на рабочее движение. Рабочий класс Англии стоит перед тяжелыми боями. Он получил тяжелый урок всеобщей забастовки. Он еще не имеет головы. Его старые вожди—ископаемые давно пережитой эпохи, но уже нарождаются новые вожди, разрастается движение меньшинства и усиливается коммунистическая партия. Последняя выросла за последний год вдвое, ее влияние растет. Из предстоящих испытаний английский пролетариат выйдет более закаленным и более подготовленным к дальнейшим сражениям.

Леопольд Авербах.

Еще о классовой борьбе и вопросах культуры.

I.

Развязность и распущенность тона моих «критиков» находится в обратно пропорциональном отношении к содержательности их статей. Статьи тт. Лелевича и Ионова провоцируют нас на профессионально-журналистскую фельетонную перебранку, где хлестко сказанное словечко может изредка заменить мысль. Однако, мы не поддадимся на эту провокацию и останемся на тех рельсах, на которые я старался передвинуть нашу дискуссию в своей статье против тов. Ионова (см. № 7—8 «Большевика»).

* * *

Лелевич считает мое положение «своеобразным». Двусмысленность и своеобразие моего положения заключаются в том, — с точки зрения Лелевича,—что мои теперешние взгляды расходятся с тем, что я писал в брошюре «За пролетарскую литературу». Читателям «Большевика» известно, что я отстаивал против Ионова в с е положения моей брошюры. Следовательно, Лелевич должен был попытаться найти противоречие, которое дало бы ему возможность сетовать на «своеобразие» моего положения. Однако, в достаточно двусмысленном положении оказался Лелевич. Не найдя никаких противоречий между тем, что я писал против Ионова, и моей брошюрой, Лелевич перенес вопрос из области теоретических споров в плоскость вопросов литературной политики. Бесплодный в области теоретических вопросов, Лелевич ищет противоречий между п р и н ц и п и а л ь н о й л и н и е й и между защищаемой мною программой действий в области л и т е р а т у р н о й п о л и т и к и. Разберемся.

Какое у нас имеется положение в области литературной жизни? С одной стороны, находится Всесоюзная Ассоциация Пролетарских Писателей вместе со Всероссийским Союзом Крестьянских Писателей. Они «союзничают» с чрезвычайно ограниченным количеством революционных попутчиков, таких «попутчиков», как Маяковский и Асеев—люди крепко связавшие себя с нашей революцией. С другой стороны, имеется Всероссийский Союз Писателей, в который входит вся масса попутчиков вместе с некоторыми буржуазными, с внутри-эмигрантскими писателями. Задача заключается в том, чтобы оторвать массы попутчиков

от буржуазных писателей и создать блок попутчиков с пролетарскими и крестьянскими писателями. Как же разрешить задачу? Как создать такое положение, чтобы в пролетарской стране мелкобуржуазные писатели работали вместе с пролетарской литературой, а не с буржуазными писателями и, подчас, не под их руководством? Создание федерации советских писателей представляется нам такой организационной формой, в рамках которой поставленная выше задача будет разрешена. Стена между пролетписателями и попутчиками, столь усердно поддерживавшаяся и ремонтировавшаяся А. Воронским, была бы разбита. Мы сумели бы создать атмосферу дружеского и спокойного срабатывания с попутчиками. Мы сумели бы на обсуждении всех вопросов литературной жизни заставлять колеблющихся писателей выбирать между нами и между внутри-российскими Айхенвальдами. А, «национальный блок»,—раздается истерика Лелевича. Социал-предательство, отказ от борьбы с буржуазной идеологией, оппортунизм,—вспоминает Вардин все, что ему когда-либо приходилось писать против меньшевиков. Они декламируют: нам нужен «левый блок», заставим попутчиков притти к нашему левому блоку. И вот та напостовская дубина, которой мы в 1923 г. «били стекла», чтобы заставить партию обратить внимание на то, что проделывает под флагом партии тов. Воронский, на то, что творится у нас вообще в области идеологической борьбы—вновь начинает «энергично фукцировать» в руках у Лелевича и Вардина. Но времена, когда дубина была еще в известном смысле необходима, прошли давно.

Дубиной попутчиков не завоюешь. Воронский не вел попутчиков, а был водим ими, как формулировал однажды вполне авторитетный для Ионова, один из вождей нашей партии. Воронский цементировал блок попутчиков с правыми: иного ничего он не мог делать, пока им велась травля пролетлитературы. «Политика примирений, соглашений, разговоров о единой русской литературе, затушевывания классового подхода к нашим врагам, — эта политика только на руку правому флангу нашего писательства,—писал я о политике Воронского [1]). С этой политикой мы боролись и боремся. Но Лелевич хочет из этой позиции вывести «план меньшинства — противопоставить буржуазному союзу писателей свой притягательный центр для промежуточного писательства в виде федерации советских писателей».

Легко видеть, что план «противопоставления»—это все то, что нужно нашим литературным классовым врагам. План противопоставления—это план сохранения status quo в области литературной жизни, это план консервирования отчужденности пролетписателей от попутчиков. «Одной из главных причин раскола между напостовцами был не вопрос о политике по отношению к попутчикам, а вопрос о политике по отношению к буржуазной литературе»,—пишет Лелевич. Но это—буквальное копирование клеветнических обвинений оппозиции против ленинского большинства нашей партии. «Мы не спорим о середняке, а мы спорим о кулаке»,—утверждали оппозиционеры, крича об окулачивании нашей партии. А, между тем, споры-то шли о середняке. Вовсе не различное отношение к кулаку крылось за спорами на XIV с'езде! И буквально то же самое имело место и у нас, в литературной дискуссии. Вовсе не различное отношение к буржуазным писателям разделило нас на 2 части—это клеветнические сплетни—а вопрос о выполнении директив ЦК о срабатывании с попутчиками, а вопрос об отношении к попутчикам, вот что разделило нас на 2 части. И совершенно так же, как об'ективный смысл и значение «левизны» партоппозиции вели к усилению позиций кулачества и срыву нашего руководства середняками, так и панические позиции Лелевича имели только один смысл—оставить попутчиков в блоке с Замятиным. «Левый блок» Лелевичем пишется. Читать же надо: не трогайте союза писателей, не разрушайте правого блока.

Лелевич цитирует мою брошюру: «Нормальная литературная обстановка для нас не такая, при которой все кошки серы, хотя бы и в союзе писателей. Нормальная литературная обстановка с нашей точки зрения, такая, при которой классовые линии четко проведены, писатели организованы по идеологическому или формальному признаку». Лелевич в восторге, ему даже кажется, что это «чуть ли» не цитата из речей Вардина. И невдомек подпевающему Ионову вардинцу, что теперешнюю-то обстановку я не считаю нормальной, что в приведенной цитате я формулирую задачу, которой следует добиться, чтобы можно было говорить о нормальной литературной обстановке. И цитата Лелевичу потому показалась похожей на речи Вардина, что ему-то теперешняя обстановка кажется нормальной... Сологуб представляет массу попутчиков, а Лелевичи в стороне воинственно машут дубиной—это нормальная литературная обстановка только для тех, у кого левая фраза прикрывает нежелание начать работать с попутчиками. И здесь не леность или робость мысли, а здесь логика позиции, основывающейся на переоценке сил врага и панике перед ним.

Сейчас вопрос о федерации уже практически разрешен и именно в плане наших предложений. И мы смеем утверждать, что, полемизируя с нами по вопросу о федерации, Лелевич нападает не только на напостовскую линию ВАПП'а, но и на партийную линию.

Ошибки Лелевича в вопросе о федерации имеют и свои литературные корни. В брошюре «За пролетарскую литературу» я резко полемизировал с Б. Арватовым, выступавшим против самой постановки вопроса о федерации [1]). Б. Арватов считал, что буржуазная литература имеет историческое право на существование так же, как и пролетарская. Последней следует укрепляться организационно и творчески совершенно обособленно и от буржуазной литературы и от попутчиков. Пролетарская литература еще так слаба, что ей не следует думать о задаче влияния на колеблющихся писателей. Это дело советского государства и компартии—так выступал Б. Арватов.

«Б. Арватов выступает здесь, как апологет до конца доведенной классовой замкнутости пролетлиторганизации. В основе

[1]) Я намеренно беру именно те цитаты, которые использовывались Лелевичем.

[1]) См. Л. Авербах, «За пролетарскую литературу». Стр. 70—71.

лежит у Б. Арватова неверие в творческие силы пролетариата, боязнь его соревнования с буржуазией. По существу, Арватов должен был бы притти к отрицанию гегемонии пролетлитературы, ибо он строит для нее особый путь развития, параллельно с развивающейся буржуазной литературой, между тем, пролетарская литература развивается не на особой дороге, а в каждодневной борьбе и преодолении буржуазной литературы»,—писал я, утверждая, что не цеховые, а классовые задачи стоят перед пролетлитературой. Мы и тогда уже указывали Лелевичу на родственность его взглядов позиции Арватова. Когда отдел печати ЦК поставил нас перед вопросом о создании федерации советских писателей вместе с союзом писателей, Лелевич так письменно и сформулировал свою точку зрения: «отстаивайте идею мирного соревнования параллельных организаций». Чистая арватовщина! Вот почему, расколовшись с «левыми», мы задолго до партс'езда, разбирая исключительно литературные взгляды Лелевича и Вардина, говорили, что у них переоценка сил врага, недооценка наших сил и неверие в пролетлитературу, отказ от идеи ее гегемонии, непонимание форм и задач борьбы за мелкобуржуазного писателя. Ликвидаторством мы называли взгляды наших «левых». Пришел партс'езд, разгорелась дискуссия, и мы увидели, что по такой же линии идут наши партийные разногласия. И после этого Лелевич кричит о «спекуляции» на партдискуссии! Спекулируя на возможности написать пасквильный памфлет, Лелевич не заботится ни об истине, ни о минимальном приличии, ни об элементарном внимании к истории нашего раскола. Человек, знающий, что мы из-за литературных вопросов раскололись до политического раскола, и утверждающий «наживание петкапиталов на политической борьбе»,—этот человек мог рассчитывать на наш ответ только потому, что его взгляды нашли себе место в дискуссионном отделе «Большевика».

Здесь не место долго заниматься Лелевичем. Слишком много дела сейчас у всех нас, чтобы заниматься Лелевичем, человеком, уже похороненным на главной арене его деятельности: в ВАПП'е. Отметим, однако, что вовсе не только вопрос о федерации расколол напостовскую группу.

Чем должен быть ВАПП? Узкой организацией стопроцентных единомышленников или формой широкого пролетлитературного движения? Лелевич за первое. Мы за второе. И разве год назад мы не говорили группе Лелевича, что их организационные взгляды—от пролеткультовского сектантства, разве не обвиняли мы их в том, что они хотят строить некую «литературную партию»?

Как оценивать резолюцию ЦК в художественной литературе? Честное и безоговорочное принятие всеми нами. Колебания у группы Лелевича, особенно у тов. Родова.

Различное отношение к пролеткульту. Этот вопрос едва ли не с самого начала напостовской работы разделял нас, и Вардин одно время поддерживал нас против Лелевича и Родова, соглашаясь с необходимостью окончательного теоретического и практического отгораживания от пролеткульта.

Различные лозунги. Различие явно вытекает из отношений к резолюции ЦК,—как бы ни клялись тт. о принятии ее,

как основы нашей вапповской работы. На первом плане борьба за пролетлитературу, организационные вопросы,—утверждают они. Учеба, творчество и самокритика, как основной лозунг,—противопоставляем мы, и проводим этот лозунг через все организации ВАПП'а.

Тов. Ионов сделал в статье против автора этих строк крупнейшую политическую ошибку, утверждая необходимость такой же политики в области идеологии, какую мы ведем в области экономики. Тов. Ионов получил от нас должный ответ и признал теперь, что «данную им формулировку о разжигании он считает не совсем удачной». Дело, конечно, вовсе не только в формулировке, и с тов. Ионовым мы еще побеседуем на эту тему. Но в «своеобразном положении» Лелевич! Я спорю с т. Ионовым, а Лелевич сбоку кричит: Авербах прав, но он должен быть или с Ионовым, или со мной. Ионов, признавая трусливо и недостаточно свои ошибки, говорит то же самое. Извиняюсь, соответственно уважаемые тт., но я не обязан присоединяться к правым ошибкам одной стороны, и левым уклонам другой. Партийная линия очень часто многим кажется «центристской»: так пытаются толковать ее «левые» и «правые» путаники. Пусть левые спекулируют на правых ошибках, пусть делающий правые ошибки Ионов опирается на демагогию Лелевича—мы будем стоять там, где мы стоим.

«Во время спора в ВАПП'е мы говорили не о формах классовой борьбы в экономике, не о методах борьбы, к примеру, с растущей экономической мощью кулака, а только о классовой борьбе в идеологии»,—пишет Лелевич, протестуя против нашего утверждения о том, что по линии вопроса о разжигании классовой борьбы произошло, в частности, наше литературное и политическое размежевание. Наши разногласия в вопросе о федерации показывают «причастность» вопроса о разжигании к нашим литературным спорам. Но превосходна у Лелевича абсолютная идентичность понятия классовой борьбы с необходимостью эту классовую борьбу разжигать. Да, мы не расходились по вопросу о необходимости вести классовую борьбу. Но мы действительно разошлись по вопросу о том, как вести эту борьбу. Но ведь в этом-то и заключается весь вопрос. Но ведь об этом-то и шла речь у меня! Бездоказательные декламации Лелевича обращаются против незадачливого декламатора. «Если вы тоже признаете необходимость обострения классовой борьбы в этой области, в чем же мы здесь расходимся?»—восклицает Лелевич. К чему делать вопросительный вид? Вопрос совершенно ясен. Мы с вами спорили не о неизбежности острой классовой борьбы, а о нашем отношении к этому обострению. Разжигать или не разжигать? Перед вами стоит необходимость обострения классовой борьбы—соответственно с этим вы строите вашу политику. Мы признаем неизбежность в ряде идеологических участков обострения классовой борьбы и ведем линию, которая отличается от детского вспышкопускательства. Тов. Ионов поучает меня теперь политике гражданского мира, а вот что я говорил в докладе против Вардина—Лелевича на всесоюзной конференции пролетписателей: «Бесспорно, что вы не учитываете значения перехода власти в руки пролетариата. Формы классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата совсем иные: такие формы правильно называют теперь «гражданским миром». Да

будет эта цитата, представляющая собой лишь линию нашей партии, правильно сформулированную тов. Бухариным, ответом и Лелевичу и Ионову.

* * *

Что сказали бы вы, если бы от партии откололась небольшая группа и стала претендовать на партийную ортодоксию и стала бы называть бывшими большевиками массу большевиков, с которыми она разошлась? Наглое самозванство не было бы резким эпитетом. Что сказать о группе тт. Лелевича, Вардина, Родова, разошедшихся с подавляющим большинством напостовцев, со всем ВАПП'ом, но продолжающих выступать от имени напостовства? Ведь как разделились напостовцы? С одной стороны, трое перечисленных тт. плюс Безыменский, а с другой—М. Ольминский, Ф. Раскольников, Ю. Либединский, Бор. Волин, А. Жаров, А. Зонин и ряд других тт., принимавших постоянное участие в напостовской работе. Редакция журнала «На Посту» раскололась на две равные части, а вся масса сотрудников журнала участвует теперь в «На Литературном Посту».

У кого что болит—тот про то и говорит, гласит меткая пословица. Естественно, что именно Лелевич нанялся «обвинять» меня в барометрийности.

Человек, бывший левым в дни Бреста, антиленинцем—в дискуссию о профсоюзах в дни X с'езда партии, троцкистом—в 1923 г. и 1924 г., ушедший затем от троцкизма, чтобы украсить своим присутствием ленинградскую оппозицию, заявляя, что он еще левее ее,—такой человек в самом деле имеет все права обвинять нас за то, что в среде Лелевичей и Чужаков, этих партийных интеллигентов-сверхчеловеков, мы были и будем проводниками нашей партийной погоды.

Я был троцкистом в 1923 г. После появления «Уроков Октября» я—вместе со всей группой комсомольской оппозиции—пересмотрел свои прежние ошибки. Ионову по этому поводу угодно веселиться, а Лелевичу помогать в этом деле Ионову. Можете по этому поводу издеваться. Где ошибался—там ошибался, и я, следуя хорошим примерам, по мере надобности и возможности всегда отмечаю свою прежнюю ошибку. Ибо я считаю такое поведение принципиальным и партийным, а поведение Лелевича, представляющее собою беспринципное перемётывание от одной оппозиции к другой—лишь бы не оказаться в рядах ленинцев!—и обвиняющего других в «барометрийности» поведением непринципиальным и непартийным.

* * *

Наш спор кончен. Время дает эмпирическую проверку правильности основной напостовской линии. Борьбу со всеми противниками напостовства ведем только мы. Лелевичи теперь помогают Ионову, цитируют Чужаков и присоединяются к нападениям Воронского. И больше всего все Лелевичи кричат о «вождях». Они в самом деле считали себя «вождями пролетарской литературы». Они больше всего негодуют на то, что им не приходится теперь «представлять» и «возглавлять» ВАПП. На эту тему Лелевичем и Горбачевым исписано много строк. И этот момент придает сугубо неприятный привкус всем выступлениям Лелевича. На всесоюзной конференции я указывал уже тов. Лелевичу, что у пролетарской литературы организационных вождей быть не может. Пролетарская литература—это совокупность ряда творческих документов, и мертвый Фурманов более живет в ней, чем живые Родов, Вардин и Лелевич вместе. Бесконечные разговоры о «вождях» придают статьям Лелевича оттенок, отчетливо выясняющий позицию, к которой все больше скатывается их автор. Эта позиция: беспринципное склочничество.

II.

Разберемся теперь в той словесной трескотне, которая составляет содержание статей П. Ионова.

Для кого писал Ионов свои статьи? Подлинно ли они рассчитаны на читателя «Большевика»? Сознательный партийный читатель всегда требует от спорящих сторон серьезности и уважения,—если не друг к другу, то к читателю.

А что пишет Ионов? Я выписываю лишь небольшую часть ругательств Ионова по нашему адресу: напостовская твердоголовость, бахвальство, чичиковские Петрушки, воинствующее невежество, путаная голова, теоретическая и политическая неграмотность, советские Митрофанушки, невежда,—таковы лестные эпитеты Ионова.

Нашему оппоненту кажутся убийственными его «характеристики» противника: «недоучившийся гимназист»; «гимназист на посту»—и опять недоучившийся гимназист. Но против кого должны быть на деле направлены эти эпитеты? Да, автор этих строк недоучившийся гимназист. Да, до самого последнего времени партия его не посылала доучиваться. Вы, т. Ионов, видимо, предпочитаете гимназистов, которые доучивались в годы революции. Меня это не удивляет.

Авербах невежественен, пишете вы. Об этом будет судить читатель. Но вы долго и много учились в ИКП. Но чему вы научились? Что вы поняли из того, чему вас учили? Что вы вынесли из ИКП, кроме пошлого самодовольства своей «ученостью» в противовес нашей «неучености»? Вы думаете, что вас посылали в институт для того, чтобы приготовить из вас человека, м. б., годного для работы в юмористическом журнале? Но и «смехач» бы из вас не получился удачный. Доказательством те «остроты», которыми вы заполнили вашу статью: «Примите валерианку и поставьте горчичник на ваше расходившееся воображение»; «О, Влас, не пяль напрасно глаз на персик и ананас», не человек, дескать, Авербах, а «морская тигра». Ведь это перлы, которые красуются в почтовых ящиках наших юмористических изданий, как пример того, как не надо писать. Такими цитатами аргументируют отклонение рукописей.

«Я думала лебедь плывет, а это милого сапог. Неужели вы не видите, тов. Авербах, что сапог оказался самый настоящий вардиновский, и даже без фигового листка»,—пишет Ионов. Сапог с фиговыми листками мне никогда не приходилось видеть, а вот другой вид обуви, в котором сидит Ионов и с увлечением взирает на фиговые листки ему лишь одному ведомых сапог, отчетливо намечается в результате литературных упражнений Ионова.

Я отказываюсь так полемизировать, как «полемизирует» П. Ионов. Я считаю тон его статей позорящим не меня, а моего оппонента. Я считаю такую полемику проявлением величайшего неуважения к партийной печати и к партийному читателю. Статьи П. Ионова по вопросам культуры—факт вопиющей некультурности.

* * *

Будем отвечать Ионову в порядке, отличающемся от расположения спорных вопросов в его статье. Главное внимание должно быть сосредоточено на двух моментах: формы классовой борьбы в области идеологии в данный момент и совместимость или несовместимость господства пролетариата с господством непролетарских идеологий. Эти два момента по существу лишь разные стороны одного вопроса.

В брошюре «За пролетарскую литературу» было выдвинуто положение о связи культурной революции с обострением классовой борьбы в области идеологии. Культурная революция, с нашей точки зрения, есть длительный процесс овладевания массами прежней культурой.

Овладение культурой есть ее классовая переработка. Происходит культурная революция. В процессе ее проведения мы привлекаем к себе интеллигенцию, она работает с нами, она на советской службе, но «от клички никто не меняется, но они буржуа насквозь, с головы до пяток, по своему миросозерцанию и привычкам. Что же, мы разве выкинем их? Сотни тысяч не выкинешь. А если бы и выкинули, то себя бы подрезали» [1],—так писал Ленин в марте 1919 года, в период, когда ударение ставилось на необходимости привлечения специалистов, на преодоление антиспецовских настроений, а не на классовую чуждость их нам. Именно из этих мыслей Владимира Ильича исходили мы, утверждая неизбежность острой классовой борьбы в области идеологии в связи с культурной революцией. «У нас не ослабляется, а обостряется классовая борьба в области идеологии», писал я в брошюре, к сожалению, послужившей причиной рождения на литературной арене П. Ионова. Эта фраза была так комментирована нашим «критиком»: «Вот уж поистине—как любили говорить некоторые тт. ленинградцы—мимо Сидора в стенку. Ведь вот именно это-то и плохо, тов. Авербах. Ведь вот именно за это требование—«разжигать» классовую борьбу—ваши формулы и были ославлены, как пустые абстракции» [2]). Плохо или хорошо—это другой вопрос, это вопрос, на который ответ может дать только анализ современной действительности. Нами дается констатирование факта, опровергните его, докажите, что положение иное,—отвечал я Ионову в № 7—8 «Большевика». Вместо занятий пустословием, мы разбирались в обстановке, констатировали усиление и рост буржуазной идеологии и утверждали: классовая борьба в области идеологии обостряется.

Исходя из этого факта, давайте намечать нашу политику по линии идеологического фронта, давайте находить наилучшие организационные формы, обеспечивающие победу партии. Где тут требование «обострения» классовой борьбы? Где тут призыв к ее разжиганию?

[1]) Ленин. «Революция и культура», изд. «Октябрь Мысли».
[2]) «Большевик» № 4, стр. 40.

Почему, однако, обреченный на неудачу Ионов пытается найти у нас «левый» уклон в вопросе о классовой борьбе? Потому, что он был нами пойман на месте «правого» преступления. «Мы бы очень хотели посмотреть, как это можно разжигать классовую борьбу в области идеологии, не разжигая ее в экономике и политике, тем более, что понятие «идеология» включает в себя не только науку и искусство и прочие безобидные штуки, но и политическую идеологию»,—писал П. Ионов, обнажая «пределы своей собственной сущности». В ответе ему я констатировал, что это—стопроцентная меньшевистская логика, ничего общего с ленинизмом не имеющая. П. Ионов бьет отбой: «Заявляем прямо, что данную нами формулировку о разжигании мы считаем не совсем удачной». Не совсем удачной? В чем именно? В формулировке ли тут дело? Разве речь идет о том или ином выражении этой мысли, а не о самой мысли? П. Ионов считает лишним отвечать на этот вопрос. Вместо точного и ясного разбора своей ошибки Ионов переходит в нападение на нас. Процитированные нами две строчки из статьи П. Ионова тонут в море ругани по нашему адресу. Можно подумать, что я скатился к меньшевизму, а не Ионов перепевал мартовские зады! Но даже, если бы Ионов был заставлен признать свою ошибку, вопрос не был бы снят. «Грамотный читатель» спросил бы: почему Ионов сделал именно такую, а не другую ошибку? Какой круг мыслей нашел свое завершение в этой «не совсем удачной» формулировке? И, наконец, просто ли случайно то, что Ионов никак не хочет откровенно отказаться от своей ошибки?

«Борьбой с «левыми» лозунгами некоторые хотят воспользоваться для того, чтобы толкать нас вправо»,—писал я, характеризуя выступление Ионова [1]). Кому на руку отрицать обострение классовой борьбы в области идеологии? Нэпманству и кулачеству. Только им нужно, чтобы мы закрывали глаза на обострение классовой борьбы в области идеологии.

Наше сотрудничество с буржуазией в области экономики ни в каком случае не будет вызывать аналогичного сотрудничества в области идеологии, в противовес меньшевистским утверждениям Ионова. Наоборот! Ионов не понимает, что наше сотрудничество с буржуазией, что политика гражданского мира, что реформистские методы не что иное, как наиболее целесообразные в данной обстановке формы классовой борьбы.

Не то признавая, не то не признавая свою ошибку—
«И никто не узнает, о чем молчанье,
О чем спокойных дум простота»—
Ионов ищет каких-либо цитат в моей брошюре, которые дали бы ему возможность успокоить свои далеко не спокойные мысли.

«Непримиримая классовая борьба—это единственное, что имманентно присуще взаимоотношениям пролетариата с буржуазной идеологией»,—цитирует Ионов. А вот его комментарии:

[1]) См. нашу статью „О классовой борьбе в области идеологии", «На Литературном Посту», № 2

«В самом деле, разве мыслимо, чтобы пролетариат «сотрудничал» и «соглашательствовал», ну, хотя бы со сменовеховской идеологией?» Отметим сначала, что наш оппонент несколько вольно заключает в кавычки «положение Авербаха», ибо цитируемой им фразы у меня нет. Но не будем останавливаться на этой передержке—их слишком много у Ионова. Разберем вопрос по существу. Чтобы уяснить спорную проблему, я согласен даже принять грубую формулу, «примысленную» мне Ионовым за мою собственную.

«Сотрудничество» и «соглашательство» со сменовеховской идеологией—пытается ехидничать обитатель быстроходной лодки с маркой «треугольник».

Напрасно, страха ради иудейска, заключены Ионовым в кавычки слова сотрудничество и соглашательство. Со сменовеховцами мы сотрудничали, мы не знаем, правда, где доводилось нам с ними соглашательствовать, но в известных условиях мыслимы для успеха более широко задуманные операции и соглашательство на сменовеховском участке фронта. Однако, этим выражением «непримиримая классовая борьба» нисколько не снимается. Слово сотрудничество может покрывать двоякое содержание: сотрудничество в буквальном смысле этого слова и примирение. Тот, кому не ясно, что за сотрудничеством со сменовеховцами скрывается непримиримая классовая борьба, тот в понятие сотрудничества вкладывает примирение, тот неизбежно будет давать ионовские «не совсем удачные формулировки». Именно Ионов не понимает диалектики классовой борьбы, которую непримиримо ведет и будет вести пролетариат, пока он существует как класс. Именно Ионов-то мыслит себе классовую борьбу в форме баррикадных столкновений и гражданской войны. Нет гражданской войны, следовательно, надо метать гром и молнии против тех, кто говорит о классовой борьбе! Я не сомневаюсь, в том, что Ионова не этому учили в ИКП.

«С точки зрения Авербаха, в силу нашей большевистской непримиримости мы должны беспощадно заострять борьбу не только с буржуазной, но и с мелкобуржуазной идеологией». Насколько вывод об обострении обоснован—читатель уже знает. Но нас интересует тот ужас, с каким Ионов пишет о возможности борьбы с мелкобуржуазной идеологией, «*но и* с мелкобуржуазной» вообще.

Тов. Слепков писал в № 16 «Большевика» за 1925 г., что к социалистическому искусству мы придем «только путем борьбы величайшего напряжения, самой широкой инициативной воспитательной работой, борьбой с влиянием буржуазии, преодолением мелкобуржуазных колебаний в области идеологии, критикой, долженствующей уничтожить эти колебания».

В нашей брошюре был задан вопрос-возражение тов. Слепкову. «Разве мы только с колебаниями мелкобуржуазной идеологии боремся»? «Ведя крестьянство по его особому пути к социализму,—особому, но к социализму,—разве мы тем самым не ставим себе задачи его идеологической «пролетаризации», задачи переведения его на «рельсы пролетарской идеологии» (выражение рез. ЦК)? Ответа нами получено не было. Разве только ответом считать «обвинение» нас в оппозиции—за критику тов. Слепкова, конечно. И вот теперь Ионов опять «на эфтом самом месте»!

«*Но и*» с мелкобуржуазной идеологией боремся мы! Формы борьбы, пункты ударов, степень их силы и частота их,—все это будет отличаться от борьбы с буржуазной идеологией, но последняя-то именно потому больше всего опасна, что она может повседневно рождаться из достаточно значительных у нас элементов мелкобуржуазной идеологии.

Сравним теперь две формулировки по вопросу о мирных и насильственных методах диктатуры пролетариата на данной, «строительной», стадии развития.

П. Ионов: «...единство мирных и насильственных методов классовой борьбы дано уже в форме мирного руководства, мирной переделки попутчиков-крестьян, мирного соревнования и сотрудничества» (курсив т. Ионова).

Тов. Сталин: «В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства» (курсив наш. *Л. А.*).

Это сопоставление вызвало невероятный гнев у П. Ионова. Разница настолько разительна и вопрос настолько политически ясен, что Ионов чувствует необходимость как-нибудь «сманеврировать». Он находит у себя в статье одну фразу, гласящую: «В условиях своей диктатуры пролетариат не отказывается и от насильственных методов. Он их применяет и будет применять». За сим образованный Ионов сравнивает нас с «морской тигрой». Это зоологическое сравнение неизбежно должно украшать собою отсутствие человеческой логики! Речь идет о данной стадии диктатуры пролетариата, и Ионов думает, что ему удастся отделаться фразами, относящимися к эпохе диктатуры пролетариата вообще. Сие, во-первых. А, во-вторых, сопоставляя точки зрения тт. Сталина и Ионова, мы брали итоговые формулировки. Приведенная нами цитата из статьи Ионова представляет собою заключение его мыслей по вопросу о методах диктатуры, заключение, нарочито выделенное Ионовым курсивом. И даже, если предположить, что ионовские «оговорки на всякий случай»—как характеризовал я в своем ответе некоторые ионовские фразы—непосредственно к этому пункту относились, то и опять-таки не улучшается положение автора статей о «напостовской путанице». Грамотный читатель опять подумает: случайно ли то, что Ионов в итоговой формулировке по ответственнейшему вопросу совершил именно такую ошибку? Не увязано ли это поглощение одними мирными методами насильственных со всем кругом мыслей нашего «ортодокса»?

Кончим теперь с вопросом о классовой борьбе, остановившись на пресловутой «несовместимости». В нашей брошюре защищалось положение о несовместимости господства пролетариата с господством непролетарских идеологий. В условиях диктатуры пролетариата в целом ряде областей не только имеются, но и господствуют непролетарские идеологии, идеологии в большей или меньшей степени антипролетарские. Что приносит с собой культурная революция на основе укрепления дик-

татуры пролетариата? Усиление и развитие пролетарской идеологии, наступление ее по все более широко разворачивающемуся идеологическому фронту и, как следствие, вытеснение или переработку идеологий непролетарских. Это, естественно, будет означать собою и перерастание пролетарской идеологии в социалистическую. Аксиоматично? Совершенно справедливо! Мы и писали, что отстаиваем здесь лишь большевистские аксиомы, однако, эта аксиома, полная такого злободневного содержания и неизбежно более значительная и актуальная, чем многие рождаемые кое-кем теоремы, вызвала ряд нападений па нас. Случилось так, что критики недостаточно хорошо сговорились между собою и в их нападении получился разнобой. Тов. Слепкову эта аксиома показалась постным и нежизненным афоризмом, т. Ионов откровенно заявил, что «вот это-то и плохо, что это—аксиома и что вот именно поэтому-то ей и было не место в тезисах, претендующих на определение партийной линии» [1]), а тов. Колоколкин—все трое стоят на одной точке зрения—ославил это в «Известиях» старым богдановским положением. «Забыв» о Колоколкине, Ионов пытается установить гармонию хотя бы между тем, что писал Слепков, и тем, что написано пером нашего «ученого» и «грамотного» оппонента. Ионов настаивает на том, что он и Слепков утверждают одно и то же: «Если твердить большевистскую «аксиому» [2]), подобно ученому скворцу, то большевистская аксиома (увы!) из живой практической директивы превращается в мертвый афоризм». Но, ведь, Ионов должен был доказать, что оспариваемая им аксиома устарела, показать, какие аксиомы пришли ей на смену, родившись из закономерного развития большевизма. Этого Ионов и не попытался доказать. А как же быть, к тому же, с тем фактом, что эта «аксиома в прошлом» ославлена богдановской истиной? Картина остается той, которую описывал Гейне: «Каждый предлагал свою поправочку, гипотезочку или еще какой-нибудь недоносочек собственной своей головки»...

Читатель, следивший за дискуссией, помнит наш спор о дарвинизме. Ионов издевался над тем, что мы утверждали несовместимость господства пролетариата с антидарвинской реакцией. Дарвинизм—пролетарская идеология, хихикал он. Я в ответ задал вопрос: «А что же—совместимо господство пролетариата с антидарвиновской реакцией?» Ионов отвечает теперь: «Но, во-первых, тов. Авербах, спор, ведь, у нас с вами шел не о том, совместима или нет диктатура пролетариата с реакционным движением в области идеологии, а о том—совместимо ли господство пролетариата с непролетарской идеологией? А это две различные вещи». Но, во-первых, тов. Ионов, речь в моей брошюре шла о буржуазной профессуре. Но, во-вторых, тов. Ионов, благодарю вас за новый свет, который вы бросили на наш прежний спор о мелкобуржуазной идеологии. С точки зрения Ионова, который столь безуспешно пытался обратить против нас признание марксизмом об'ективной истины, могут быть непролетарские идеологии, в то же время нереакционные. Самая революционная

[1]) См. «Большевик», № 3, стр. 92.

[2]) Почему это слово Ионов здесь заключил в кавычки? Не иначе, как для тумана пущего. Ведь, он же сам писал, что им не отрицается «аксиоматичность» этого положения.

мелкобуржуазная идеология все же реакционна по сравнению с пролетарской. Непролетарские идеологи все реакционны, все дело в том, что они реакционны больше или меньше, что они более или менее вредоносны. Ясно, конечно, что этим ни в какой мере не может быть отрицаема революционность тех или иных мелкобуржуазных течений в тех или иных условиях. «Об'ективной истиной для марксистов является ныне уже коммунизм или первоначальная его стадия—социализм»,—пишет авторитетнейший марксистский философский теоретик», т. Деборин [1]). Одно у нас отношение к «реакционному движению» в области идеологии, другое—по отношению к тем мелкобуржуазным «идеологиям», которые мы надеемся перевести на наши пролетарские рельсы. Но не может быть ничего вреднее замазывания или прямого отрицания относительной реакционности всякой непролетарской идеологии.

«Во-вторых,—продолжает Ионов,—даже если бы мы согласились с тем, что пролетарская диктатура несовместима с антидарвинизмом, то это еще не означало бы, что Авербах может сделать отсюда какие-либо выводы относительно искусства... И... в-третьих... у нас, в Москве, имеются видные коммунисты, совмещающие свой марксизм с эволюцией от дарвинизма к... идеализму Берга. Мы не знаем, что нам опять будет отвечать тов. Авербах»,—заключает Ионов с физиономией, на которой масляной каплей расплылось самодовольство. Не знаете? Так послушайте.

Для начала мы зафиксируем, что Ионов не соглашается с нашим положением о борьбе против антидарвинизма, а отделывается словечками «даже», «если бы», то «еще» и т. п.

Плеханов писал, что совместить с марксизмом можно что угодно, только каким путем? «Видные коммунисты», «совмещающие марксизм» с теоретическим черносотенством Берга, ничего не совмещают, ибо это совместительство даже не эклектизм, а отказ от марксизма. «Видные коммунисты»! Тем хуже, тем опаснее! Ссылкой на видных коммунистов (экая же пошлость!) Ионов думал что-то доказать. Ничего этим не докажешь, совершенно так же, к примеру, как никому не доказать, что даже факт напечатания статей Ионова в «Большевике», в нашем руководящем—слышите, т. Лелевич!—в нашем руководящем журнале—делает их сколько-нибудь правильными.

Вопрос исчерпан. Ионов заключил свой ответ нам по этим пунктам криками о том, что Авербах потерпел «самое жестокое крушение по всем пунктам своей антикритики». Вот уж действительно «главное—не стесняйся»! Ежели Ионов всерьез считает, что я потерпел столь жестокое крушение по всем пунктам, то, следовательно, он берет назад заявление о «не совсем удачной формулировке» или он преуменьшает значение своей ошибки, сводя ее на-нет.

III.

Мы не имеем возможности на страницах «Большевика» достаточно подробно ответить П. Ионову по вопросам культуры. Я ограничусь лишь несколькими конспективными замечаниями,

[1]) А. Деборин. «Ленин, как мыслитель», стр. 16.

оставив за собой право обосновать и развить свои мысли в другом месте.

Извлеченная из болотца анекдотов, юмористических историй и безвкусных стишков точка зрения нашего оппонента представляется в следующем виде:

Не существует буржуазной и пролетарской науки. Марксизм признает существование об'ективной истины, посему наука может быть только одна, а т. к. буржуазия—класс реакционный и т. п., то истинная наука только пролетарская наука. Буржуазной культуры также не существует, т. к., во-первых, существуют не классовые культуры, а культуры общественно-экономических формаций (не бурж. культура, а культура капиталистич. об-ва), и во-вторых, бурж. культура насквозь несогласована, противоречива и т. д. Авербах же, говорящий о классовости науки и культуры, каутскианец и махист (!), ибо он, во-первых, отрицает об'ективную истину, а, во-вторых, устанавливает мир и гармонию в бурж. культуре, на деле негармоничной и немирной. Что же касается ссылок на Ленина, то можно при помощи «диалектики» об'яснить Ленина так, что к сегодняшней обстановке окажется неприложимо то, что писалось Лениным против бундовских националистов (третий китаец Ионова).

П. Ионову кажется, что он углубил вопрос по сравнению с той его постановкой, которая была дана в нашей статье. Однако, как мы попытаемся показать, Ионов лишь внес новую реакционную путаницу, затемняющую подлинную сложность обсуждаемых проблем. Тов. Бухарин слово «мировоззрение» определяет, как общее представление о мире, следуя за Марксом, говорившим о способе представления (Vorstellungsweise). Какова же связь между наукой и мировоззрением? Наука вовсе не только арифметическая сумма опытом проверенных законов. Закон притяжения, конечно, при социализме будет так же действителен, как и теперь. Такие элементы науки «внеклассовы» в том смысле, что они входят в культуру всех классов. Но наука-то представляет собой определенную идеологическую систему, классово конструируемую из законов эмпирического познания движущейся материи. «Сейчас все сводится к собиранию фактического материала. Но, однако, во всякий момент требуется общее представление о предмете для того, чтобы было на что цеплять факты, для того, чтобы было с чем двигаться вперед, для того, чтобы было что предполагать для будущих изысканий. Такое предположение является необходимостью в научном деле» [1]). Это относится ко всякой научной работе и это же относится к науке, как таковой. «Цеплять факты», т.-е. приводить их в определенную систему, можно только в свете определенного «способа представления», только на ось определенного мировоззрения. Мы поверим, впрочем, в то, что Ионов будет отрицать наличие у каждого класса определенного «способа представления»!

Ионов элементарно не понимает того, что такое наука, и плетется в хвосте обывательских рассуждений о «науке вообще». Вульгарная непродуманность вопроса особенно резко бросается в глаза там, где Ионов проводит резкую грань между «точной» и «неточной» наукой, там где Ионов обрушивается на классовый подход к науке, там, где Ионов отрывает науку от «идеологии».

[1]) Ак. И. П. Павлов.

А евгеника это точная или «неточная» наука? А лингвистика? А вопрос о происхождении человека? А научная дискуссия о наследовании приобретенных признаков—не имеет ли она явное общественное значение? Не ударяет ли этот пример по всякому, разрывающему связь и органическое единство между наукой и мировоззрением?

Наука всегда классова. «Внеклассовы» лишь ее отдельные «кирпичи» по блестящему выражению К. Каутского. «Внеклассовы» лишь проверенные человеческой практикой те или иные ее законы. Ах, ссылка на Каутского? И вслед за тем Ионов немедленно начинает кричать о каутскианце Авербахе. Да, Авербах—явный «каутскианец», ибо он обращается к П. Ионову с призывом поучиться у прежнего Каутского,—Каутского того периода, когда он был революционным марксистом. Авось это хоть немного поможет Ионову превратиться в ленинца!

Наука—составная часть классовой идеологии. Именно таков смысл энгельсовского: «Философы всегда управляют естествоиспытателями». Ионов цитирует ленинскую фразу: «Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм».

Тов. Ионов считает, что «всю свою работу об эмпириокритицизме В. И., в сущности говоря, и посвятил доказательству единственной темы: современная «бурж.» наука, «бурж.» естествознание ни в каком разе не примиримо с поповщиной и фидеизмом буржуазного мировоззрения». Однако, лучше было бы для Ионова, если бы он не вспоминал о философских работах Ильича. Характеризуя «Материализм и эмпириокритицизм», Ионов понял лишь часть вопроса. И чрезвычайно характерно, какие стороны вопроса были им упущены! Вся книжка Ильича показывает, что для него не существует науки «вообще». Ленин берет науку в той ее классовой оболочке, в какой она реально существует и в какой она не может не существовать. Вся книга Ленина, далее, показывает, как буржуазная идеология владеет умами подлинных ученых, как она портит и затрудняет работу деятелей такой «точной» науки, как физика и т. д. Работа Ленина насквозь революционна. Вывод из нее: чтобы быть подлинной наукой и развиваться дальше, следует отбросить буржуазную идеологию, следует преодолеть ее. «Современная физика лежит в родах». Поистине так! Но от родов умирают. Ежели вместо идеалистической философии естественниками не будет «управлять» материалистическая философия, то физика сгниет в тупике реакционной буржуазной идеологии. Ленинская работа—это пропаганда похода марксизма в «точные» науки, это призыв к преодолению буржуазной философии, это вдалбливание в головы ученых приоритета философии, роли мировоззрения, общего способа представления—как говорим сейчас мы. И это актуальнейший вопрос сегодняшнего дня. А Ионов, замазывая вопрос о классовости науки, отрицая неизбежную борьбу между буржуазной и пролетарской науками, об'ективно выполняет роль пособника реакционной части наших ученых. С точки зрения Ионова не нужен никакой марксистский поход к естественникам. К чему? Ведь там наука, а наука может быть только материалистической! К таким выводам неизбежно придет и приходит всякий замазывающий значение метода. Буржуазная идеология не дает развиваться науке дальше. Только марксизм позволяет осмы-

слить новые достижения науки, и только он может открыть науке новые пути. Ленинская фраза о «родах» физики и говорит о необходимости переделки буржуазной науки в пролетарскую.

Буржуазия борется за науку. Буржуазная философия прибегает к всевозможнейшим ухищрениям, дабы замазать противоречия между тем, что неизбежно дает познание законов бытия и движения материи, и тем, что утверждают идеологи капитализма. И признание нами об'ективной истины только и означает, что буржуазные попытки обречены на неудачу, ибо двух одинаково об'ективно значимых наук быть не может, в то время, как две классовые науки могут существовать. Ионов попытался это элементарное, с нашей точки зрения, марксистское положение повернуть против нас. Он подставил нам слова «в смысле двух равнозначных научных мировоззрений». Но этого-то у нас не было!

Ионов предлагал нам—со свойственным ему остроумием—подходить к некотрым вопросам не «индифферентной частью» некоего английского джентльмена, а головой. Мы не обязаны всегда «головой» обращаться к тем вопросам, которые интересуют Ионова, ибо мы должны с прискорбием заметить, что подчас его «головные» рассуждения кажутся нам принадлежащими некоей «индифферентной части».

Отвечая по вопросу о науке, мы, по существу, отвечали на всю аргументацию нашего противника в вопросе о классовости культуры. Остановимся лишь на обвинении в апологетике капитализма. «Целостная, «согласованная», «духовная» культура буржуазии существует не в исторической реальности, а в путаной голове Авербаха, в своей теоретической невинности повторяющего махистские зады». Тов. Ионов стоит на точке зрения «эклектичности буржуазной мысли вообще». Но это обнаруживает только, что, потеряв теоретическую невинность, Ионов возместил эту утерю привычкой к вульгарно-метафизическому мышлению. Буржуазная духовная культура времен под'ема и упадка—это две разные вещи. Буржуазная идеология у Ионова всегда—эклектизм буржуазной мысли вообще!—одинаково эклектична и несогласована. Какая чушь! А в период борьбы со средневековьем? А в период французской революции с материализмом Гольбаха, Гельвеция, со всей философией энциклопедистов,—разве не было перед нами целостной буржуазной культуры, эклектичной лишь постольку, поскольку в ней оставались элементы непреодоленного феодализма и возникали зерна завтрашних противоречий?

Маркс в «Капитале» анализировал абстрактный капитализм. Установив его законы, он рассматривал конкретные формы их применения в данном капиталистическом обществе. Именно так мы должны ставить и теоретический вопрос о буржуазной культуре. Подменяя вопрос о буржуазной классовой культуре вопросом о распаде буржуазной культуры, Ионов снова свидетельствует, что не марксизм был виновником утери им теоретической невинности.

«Если нет «согласованной» «духовной» культуры, то еще менее можно найти эту согласованность между «духовной» и «материальной» культурой буржуазного общества»,—пишет Ионов. Техника выпирает из капитализма. Она разрушает его. Социализм будет решать технические задачи, «поставленные еще капитализмом», в своем данном сочетании эта техника будет фунда-

ментом социализма,—такова точка зрения Ионова. Перед нами то же неисторическое решение конкретного вопроса вместо ответа на теоретическую проблему. В период под'ема и начала расцвета буржуазии во всяком случае было соответствие между техникой. производительными силами, экономикой, надстройками. Метафизику свойственно находить противоречия между «соответствием» и реальными противоречиями этого соответствия. Но этот человек не понимает того, что подлинное развитие только и мыслимо через разрешение противоречий. Противоречие движет миром!

Возражая тт., предлагающим вместо классовой культуры говорить о культуре общественно-экономической формации, я спрашивал их: откуда же появляется «культура переходного периода», если до этого перед нами была единая «культура капиталистического общества», а не господствующая буржуазная культура с противостоящими ей ростками культуры пролетарской? Ионов отвечает мне: «Если бы в буржуазной культуре была эта ваша пресловутая «согласованность», то тогда Октябрьская революция являлась бы абсолютно необ'яснимым феноменом, а все ваши разговоры о новом революционном «контексте» не стоили бы ломаного гроша, ибо «новому контексту» неоткуда было бы появиться».

Откровенно списав у меня доводы, направленные против него—Ионова, он—Ионов—напрасно почувствовал себя успокоенным. Напрасно, ибо лишний раз демонстрировал он свою неспособность рассматривать буржуазную культуру в ее развитии, вопервых, ибо «выпирание» техники происходит через борьбу классов и выражается в форме борьбы пролетариата против буржуазии, и социальная революция означает такую фазу борьбы пролетариата, когда он «прилаживает» и приводит в «соответствие» свою духовную культуру к материальной, к технике, отбирающейся им у капитализма. Но этим дело вовсе не кончается. Перед пролетарским государством встает вопрос о технической революции, так как вовсе мы не обязательно берем «капиталистическую технику, «материальный костяк» капиталистического общества и именно в данном его сочетании» (курсив Ионова), «решая технические задачи, поставленные еще капитализмом». Нет! Мы изменяем распределение общественной рабочей силы, мы создаем новое равновесие на основе все большего перераспределения производительных сил. Капитализм был рожден технической революцией, пролетарская революция происходит на базе неслыханного развития техники при капитализме, но перед ней только после победы во всю ширьту развертывается вопрос о проведении технической революции—на пути к уничтожению всякого классового общества.

Ионовские взгляды на буржуазную культуру, как на эклектическую мешанину (см. стр. 99 «Большевика» № 9—10), имеют явный политический смысл. Смазывание относительных «единства» и «целостности» реальной буржуазной культуры полностью увязаны с «не совсем удачными формулировками» Ионова. Такого порядка иронизирование над буржуазной культурой есть худший вид чванства недоучившегося схоластика,—шапками закидаем! Чего там, в самом деле, ежели на месте буржуазной культуры Ионов сегодня видит рассыпавшуюся кучу кирпичей. Этим Ионов мешает нам треснувшее, дряхлое, шатающееся здание буржуазной культуры на деле превратить завтра в кучу кирпичей,

отобрав многие из которых мы построим свое новое здание. При ионовском чванском отношении к буржуазной культуре не понять и ленинских и бухаринских [1]) положений об опасности перерождения в связи с вопросом о культуре. Может ли быть страшна эта куча кирпичей?! Отрицание классовости культуры имеет свою логику. Оно приводит или к преуменьшению или к забвению необходимости непримиримой классовой борьбы с буржуазией и ее духовной культурой.

Совсем плохо обстоит дело у Ионова с попыткой «истолковать» ясные и недвусмысленные цитаты, приведенные нами из статей Ильича. Ионов попытался создать двух Лениных: одного во время драки с бундовцами, а другого после нее. Как и во всякой другой области такая попытка и здесь обречена на неудачу. У Ильича закономерное развитие мыслей о культуре от положения о двух национальных культурах, буржуазной и пролетарской в каждой культуре, до лозунга культурной революции. Ионовская «диалектика» на поверку оказывается чистейшей схоластикой: одно определение оказывается у него оторванным от предыдущего и противоречащим ему. Гегель очень хорошо охарактеризовал «диалектику» Ионовых: «обыкновенно рассматривают,—писал он,—диалектику, как внешнее искусство, произвольно вносящее путаницу и кажущиеся противоречия в определенные понятия. ...Такая диалектика есть не что другое, как суб'ективная игра в доказательства и опровержения, которые не имеют никакого существенного содержания, и пустота которых прикрывается некоторым остроумием рассуждений». Если вместо остроумия сказать о потугах на остроумие—то не в бровь, а прямо в глаз [2])!

Разобрав содержание статей Ионова, мы нашли ключ и к его стилю—поняв его неизбежность—он в словах Гёте, сказанных совсем в другой связи, нет ничего внутри, ничего вовне, ибо что внутри, то и вовне.

[1]) Я не согласен в некоторых вопросах культуры с тов. Бухариным, но должен отметить, что статьи Ионова больше чем против меня направлены против точки зрения тов. Бухарина

[2]) На тему о Ленине и культуре в связи с рассуждениями Ионова см. нашу специальную статью в № 9 журнала «На Лит. Посту».

Письмо в редакцию.

Уважаемый тов. редактор!

В связи с статьей тов. Авербаха «Еще о классовой борьбе и вопросах культуры», представляющей собой ответ на наши статьи, печатавшиеся в №№ 3, 4, 9—10 и 12 Вашего журнала за текущий год, считаю необходимым заявить следующее:

1. Под именем «напостовского» течения в нашей литературе мы до сих пор понимали ту сумму взглядов на литературу и на задачи литературной партийной политики, которая нашла свое более или менее отчетливое выражение в резолюции, принятой по докладу тов. Вардина 1 всесоюзной конференцией пролетарских писателей (январь 1925 г.). Именно вокруг этой резолюции и завязалась литературная дискуссия. Против нее резко выступал тов. Бухарин (см. доклад Бухарина на литературном совещании при ЦК ВКП(б). Против нее же была направлена и статья тов. Яковлева («Большевик» № 11—12 за 1925 г.), открывшая собой литературный спор на страницах «Большевика». С ответом тов. Яковлеву выступила редакция журнала «На Посту», целиком и полностью защищавшая вардинские взгляды в статье «Ревизия ленинской теории культурной революции» («Большевик» № 15, за август 1925 г.).

Резолюцию 1 всесоюзной конференции пролет. писателей с глухой оговоркой на «перегибы палки»—защищал и т. Авербах в брошюре «За пролетарскую литературу», разбор которой мы дали в №№ 3, 4 Вашего журнала.

Тов. Авербах не только не думал критиковать вардинские тезисы, приложенные им к своей книге, в качестве официального документа, выражающего напостовские взгляды, но всю свою брошюру, в сущности говоря, посвятил доказательству совпадения вапповской резолюции с резолюцией ЦК. Вот почему, мы имели полное право рассматривать брошюру т. Авербаха, как расширенный комментарий к вардинским тезисам, сделав отсюда все соответствующие выводы.

2. Защищая в своей брошюре безоговорочно резолюцию Вардина, тов. Авербах уже в первом ответе на нашу статью сделал первый шаг в сторону общепартийных взглядов, заявив, что «в январских тезисах Вардина была дана совершенно неправильная характеристика литературных попутчиков». Мы тогда же поставили тов. Авербаху вопрос: отказывается он или нет от ошибочных тезисов Вардина? К сожалению, на этот вопрос, мы не нашли ответа в статьях т. Авербаха. Однако, ответ на него мы все же получили, правда, в другом месте. А именно—на ноябрьском (1926 г.) пленуме ВАПП'а—по крайней мере, поскольку мы можем судить по газетным отчетам, т. Авербах и его единомышленники признали ошибочным ряд мест в резо-

люции ВАПП'а, в том числе и вардинскую постановку вопроса о классовой борьбе. Полный отход тов. Авербаха и его сторонников на общепартийные литературные позиции окончательно еще не завершен. Тем не менее, как видно из указанных выше фактов, за последнее время в этом направлении сделан ряд существенных шагов, которые мы не можем не приветствовать.

Когда человек находится на пароходе, то ему иногда кажется, что отплывает не пароход, а пристань. Подобную же иллюзию питает и тов. Авербах, считая, что группа Вардина—Лелевича эволюционирует в сторону от напостовских взглядов, в то время как на деле вардинцы попрежнему остаются на старонапостовской мели.

3. Мы старались в своих статьях добросовестно разобрать все возражения нашего оппонента не только действительные, но и возможные. Авербах же в своем ответе по существу обошел все наши аргументы—в этом нетрудно убедиться, вновь пересмотрев нашу полемику. По ряду же других вопросов оппонент заявил, что им будет дан ответ в другом месте.

4. На основании всего вышеизложенного, констатируя вдобавок запальчивость тона нашего противника, переводящего дискуссию в плоскость личной перебранки, мы не считаем рациональным дальнейшее продолжение нашего литературного спора.

На ряду с этим мы еще раз заявляем, что наша формулировка о разжигании классовой борьбы — т. к., она давала возможность истолковать ее в духе абсолютно чуждой нам мысли о совпадении нашей идеологической политики с политикой экономической,—является ошибочной.

Что же касается того, что «годы революции у тов. Ионова ушли на учебу», то,—к сведению т. Авербаха,—Ионов числит в своем партийном опыте, помимо учения в ИКП, подполье, тюрьму, смертный приговор, работу в Красной армии и фронт.

С ком. приветом *П. Ионов.*

От редакции. *Помещая статью тов. Авербаха и письмо тов. Ионова, редакция констатирует, что:*

1) исправляя ошибки, допущенные в брошюре «За пролетарскую литературу», т. Авербах встает в основном на правильную позицию по отношению к попутчикам,

2) тов. Ионов признал ошибку, допущенную им в вопросе о разжигании классовой борьбы,

3) поэтому, несмотря на форму полемики, налицо существенное сближение взглядов тт. Авербаха и Ионова на основе резолюции ЦК по вопросам литературной политики,

4) что взгляды группы Лелевич—Вардин являются отражением в литературных вопросах настроений оппозиции,

и считает дискуссию на стр. «Большевика» по вопросам, уже решенным вышеуказанной резолюцией ЦК, законченной.

От Центрального Комитета ВКП(б).

В своей речи на расширенном пленуме ИККИ тов. Сталин после речи тов. Каменева, обвинявшего нашу партию в национал-реформизме, указал на ряд ошибок тов. Каменева, в том числе и на посылку приветственной телеграммы Временному Правительству и Михаилу Романову.

В ответ на это тов. Каменев прочитал заявление, в котором обвинял т. Сталина «во лжи» и «сплетне». С места тов. Каменев непрерывно заявлял о «лжи» и был поддержан тт. Троцким и Зиновьевым.

После этого т. Зиновьевым, «по поручению» его единомышленников, было послано в Политбюро ЦК заявление за подписями Зиновьева, Смилги и Федорова, с «категорическим настаиванием» на напечатании этого заявления в «Правде» (речь идет о заявлении, которое печатается ниже). В этом заявлении вышепоименованные товарищи стараются убежать от прямого ответа на прямой вопрос о телеграмме М. Романову и грубо и нелойяльно спекулируют именем тов. Ленина, зная **наверняка**, что Ленин считал необходимым пощадить в тот момент Каменева, так как последний признал свою ошибку; зная **наверняка**, что ссылка на «точную протокольную запись» прений не выдерживает критики, так как прения на **частных** совещаниях, где именно и обсуждался вопрос о телеграмме М. Романову, не записывались.

В виду этого в ответ на крикливое заявление оппозиционных лидеров, вызывающий и грубый тон которого тем более странен, что авторы заявления прочно убеждены в своей собственной вопиющей неправоте, ЦК решил опубликовать в «Большевике», на ряду с заявлением т. Зиновьева и других, ряд документов, а именно: выписку из газеты «Енисейский Край»; заявление т. Муранова с припиской т. Ольминского; заявление тт. Швейцер, Врублевского и Померанцевой; заявление ряда участников апрельской конференции.

Из **первых трех документов**, направленных против заявления т. Зиновьева и других, неопровержимо следует, что т. Каменев телеграмму на имя Львова и Родзянки с приветствием М. Романову составлял, ее оглашал на собрании и ее посылал; из **четвертого** же документа (заявление конферентов) неопровержимо вытекает, что этот вопрос послужил предметом дискуссий на частных совещаниях во время апр. конференции, и что только благодаря тов. Ленину, пощадившему тов. Каменева, поскольку последний признал тогда свою ошибку (а не кричал: «Ложь!»), Каменева удалось провести в ЦК.

Из всего этого можно сделать лишь то заключение, что выступления лидеров оппозиции на пленуме ИККИ по данному вопросу имели своею целью ввести братские партии, весь КИ

и ВКП(б) в прямое заблуждение. Эти выступления тем более политически неприличны, что лидеры оппозиции стараются прикрыть чудовищную ошибку тов. Каменева (посылку приветственной телеграммы М. Романову) и свою собственную попытку обмануть Коминтерн—именем т. Ленина.

Заявление тт. Зиновьева, Смилги и Федорова.

На апрельской 1917 г. Всероссийской Партконференции ЦК был избран в составе 9 членов: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Ногин, Милютин, Смилга, Свердлов, Федоров.

Из 9 избранных тогда членов ЦК трое умерло (Ленин, Свердлов, Ногин). В живых сейчас находятся 6 товарищей. Из них мы четверо заявляем, что версия Сталина, будто Ленин прикрыл «телеграмму» Каменева Михаилу Романову, бросает чудовищно-неверный свет прежде всего на самого Ленина. Всем известно, что Ленин был беспощаден к подобным поступкам и никогда не прикрывал их, а, наоборот, открыто перед партией, не стесняясь никакими личными отношениями, осуждал их. На самом же деле он на апрельской конференции, в числе первых же членов, предложил Каменева в ЦК. Каменев был выбран громадным большинством голосов; он получил при тайном голосовании только на 9 голосов меньше, чем Ленин. Таким образом, Каменев был избран в первый после революции ЦК Партии, в который вошло всего 9 человек—когда не избраны были ни Рыков, ни Бухарин.

Существует точная протокольная запись (она имеется и у Сталина, и у всех членов нынешнего Политбюро) закрытого заседания апрельской конференции, на котором выбирался ЦК. Ни одного слова о какой-то «телеграмме» Каменева сказано не было. С отводом выступил только один товарищ—Соловьев—но и тот ни одного слова ни о какой «телеграмме» не говорил. С защитой кандидатуры Каменева выступили Ленин и Ногин. Не могло бы быть и речи о выборе Каменева в члены ЦК, если бы Ленину или кому-либо другому было известно о какой-то «телеграмме» Каменева подобного характера. Если Сталин теперь утверждает, что он знал о такой «телеграмме» Каменева, то протестовал ли он тогда против помещения заявления т. Каменева в «Правде» от 8 апреля 1917 года, сказал ли он тогда об этом Ленину, сказал ли другим членам ЦК? Нет, не сказал! Сказал ли он об этом кому-либо из членов ЦК, когда Каменев в течение 10 лет избирался членом Политбюро, затем председателем Политбюро и т. д.? Нет, не сказал! Мог ли Ленин в июльские дни 1917 г. писать Каменеву интимнейшее дружеское письмо, поручая ему издать важнейшую свою работу, если его (Ленина) убьют враги? Нет, не мог! Мог ли Ленин впоследствии (незадолго перед смертью) поручать Каменеву весь свой архив и свои сочинения, если бы он знал о «телеграмме» Каменева Михаилу Романову? Мог ли ЦК Партии при Ленине давать Каменеву официальное поручение редактировать все литературное наследство Ленина, если бы кто-либо из членов ЦК знал за Каменевым такую «телеграмму»? Нет, не мог!

Вынести на трибуну Коминтерна такую вещь, вынести ее назавтра после политической речи Каменева, направленной против Сталина,—как назвать такое поведение?

Мы категорически заявляем, что вся версия Сталина, поддержанная Стасовой, лжива от начала до конца.

Мы уверены, что из числа оставшихся в живых участников апрельской (1917 г.) конференции многие—независимо от нынешних политических разногласий—не откажутся подтвердить, что на апрельской конференции (вопреки утверждению Сталина) о так называемой «телеграмме» Каменева не было и речи.

Члены ЦК, выбранные на апрельской (1917 г.) конференции:

Г. Зиновьев.
И. Смилга.
Гр. Федоров.

(Четвертым из избранных тогда членов ЦК был Л. Каменев).

16/XII—1926.

* * *

Документы, публикуемые ЦК в ответ на заявление тт. Зиновьева, Смилги и Федорова.

I.

Перепечатка из газеты „Енисейский Край“, № 53 от 8 марта 1917 года.

«В дни великих событий в Красноярске и в губернии. Ачинск в исторические дни».

Оратор начал с рассказа о том, как он попал в Ачинск. Был одним из редакторов рабочей газеты, работал для освобождения рабочего класса и был близок к депутатам рабочего класса, а в результате—суд и ссылка. И хотя оратор мало знаком с местной ачинской жизнью, но тем не менее он надеется, что в эту историческую минуту собрание позволит ему сказать несколько слов.

Собрание ответило на заявление гр-на Каменева дружными аплодисментами и возгласами: «просим!».

Оратор произносит стильную, яркую речь. Бесчисленное множество раз речь его прерывается шумными аплодисментами. Сущность речи может быть формулирована следующим образом:

Задача дня—укрепление нового правительства, безусловная его поддержка, выполнение всех его распоряжений. А для этого необходимы спокойствие, выдержка, единение; нужна организованность, необходимо сознать себя гражданами, необходимо из людской пыли, превратиться в людской гранит.

Воля народа должна получить свое выражение в Учредительном Собрании. Оратор приветствует Временное Правительство, взявшее на себя задачу организации Учредительного Собрания. Он приветствует великого князя Михаила Александровича не как великого князя, а как гражданина России—за то, что он из рук отрекшегося от власти императора не принял корону и вопрос

о форме правления предоставил на разрешение Учредительного Собрания.

Оратор не закрывает глаз на то обстоятельство, что людей, сегодня об'единившихся в борьбе со старой властью, очень многое разделяло вчера и очень многое будет разделять завтра. Но сейчас все то, что разделяет, отходит на задний план; сейчас остается единственная задача: окончательное разрушение старого порядка, упрочение новых форм жизни, создание новых условий для общественной работы.

Даже вопрос о войне, вопрос, по существу которого оратор сейчас своего взгляда высказывать не будет, даже этот вопрос в настоящее время не может являться предметом споров. Война продолжается; армии стоят на фронтах; война будет продолжаться, пока Учредительное Собрание не разрешит вопроса о ней. Может быть, оно найдет нужным поставить вопрос о мире, может быть, оно найдет возможным заключить мир без Армении, Константинополя и Босфора, может быть, оно скажет: «довольно крови, довольно жертв!» (бурные продолжительные аплодисменты). Но сейчас, в данную минуту, не этот вопрос является основным, не вопросы внешней политики требуют немедленного разрешения, а вопрос внутренней жизни, вопрос об упрочении в России нового порядка.

В заключение гр-н Каменев предложил собранию выработать и послать новому правительству приветственную телеграмму. Предложение было принято единогласно. Для выработки текста резолюции была избрана комиссия в составе Ю. Каменева, городского головы и некоторых других граждан.

«Вечная память» павшим борцам за свободу.

Комиссия удалилась для выработки текста приветственной телеграммы. Собрание продолжается. Один из присутствовавших обращается к собранию с кратким словом, посвященным памяти павших борцов за дело освобождения России. Все собравшиеся встают, весь зал поет «вечную память».

Приветственная телеграмма.

Комиссия окончила свою работу, и гражданин Каменев оглашает единогласно принятый комиссией текст приветственной телеграммы:

«Председателю Совета Министров Львову. Председателю Исполнительного Комитета Государственной Думы Родзянко.

Экстренное собрание, созванное городским общественным управлением в составе представителей всех общественных, воинских частей и граждан города Ачинска постановило признать Исполнительный Комитет Государственной Думы и новый Совет Министров и принимать к руководству и исполнению распоряжения нового правительства. Кроме того, постановлено просить передать приветствие гр-ну России великому князю Михаилу Александровичу, показавшему пример подчинения воле народа в Учредительном Собрании».

Вносится поправка: «при участии нижних чинов и офицеров всех воинских частей». Поправка вызывает горячие, страстные продолжительные дебаты... В конце концов поправка принимается, а затем и вся приветственная телеграмма.

II.

Заявление тов. Муранова.

(*С припиской т. Ольминского*).

Выступление т. Петровского на июльском пленуме ЦК и ЦКК и выступление т. Сталина на VII расширенном пленуме ИККИ по поводу приветственной телеграммы т. Каменева Михаилу Романову и безнадежные попытки т. Каменева опровергнуть этот факт заставляют меня дать нижеследующую справку:

Тотчас после получения в Сибири первых сведений о свержении царского самодержавия в городе Ачинске в местном городском собрании состоялся массовый митинг. По предложению т. Каменева я был избран председателем этого митинга. В качестве основного докладчика по вопросу о текущем моменте выступал т. Каменев. Содержание его речи, приведенное в газете «Енисейский Край» в № 53 от 8-го марта 1917 года, передано совершенно правильно. После горячего выступления т. Каменева, митингом была избрана комиссия, в состав которой вошли: тов. Каменев, начальник Ачинского гарнизона полковник Мартынов, командир полка, городской голова, мировой судья и крупный купец Максимов. Текст телеграммы, единогласно принятый комиссией, был оглашен на митинге самим т. Каменевым. В этой телеграмме на ряду с приветствием Временному Правительству содержалось приветствие Михаилу Романову. Текст этой телеграммы, напечатанный в том же номере газеты «Енисейский Край», вполне соответствует действительности. Телеграмма была послана на имя председателя Временного Правительства и Родзянко от имени митинга.

Муранов.

17/XII—26 г.

Приписка т. Ольминского.

«Обо всем этом я слышал в марте 1917 года, будучи одним из редакторов «Правды».

М. Ольминский»

19/XII—26 г.

III.

Заявление тт. Швейцер, Врублевского и Померанцевой.

Мы, бывшие ссыльные г. Ачинска, в целях восстановления тех обстоятельств, при которых состоялся факт посылки приветственной телеграммы Временному Правительству и Михаилу Романову 3 марта 1917 года, считаем своей партийной обязанностью сделать следующее заявление.

После получения первых сведений в Ачинске о Февральской революции в местном городском собрании состоялся общегражданский митинг, на котором председательствовал т. Муранов. С речью о значении происходящих событий выступил т. Каменев. Настроение митинга было чрезвычайно приподнятое. Тов. Каменев говорил с большим под'емом, призывая всех к единению и поддержке нового Временного Правительства. Смысл речи тов. Каменева был таков: главной задачей момента является об'единение всех вокруг поддержки нового правительства, несмотря на

политические разногласия, которые разделяли и будут разделять общество. Также т. Каменев говорил о продолжении войны до решения Учредит. Собрания. Содержание речи т. Каменева, как мы хорошо помним, было в общем либерального характера и вызвало огромное удовлетворение всех граждан г. Ачинска. Митинг закончился посылкой приветственной телеграммы Временному Правительству и Михаилу Романову по случаю его «отказа» от престола, составленной комиссией, в которую входил и Каменев вместе с начальником гарнизона, полковником Мартыновым, с бывшим городской головой и с другими «видными» представителями местных граждан, фамилии которых мы не помним. После этого, 5 или 6 марта в своей квартире местный крупный купец Максимов устроил банкет, на котором был и т. Каменев. Все большевики Ачинской ссылки были недовольны поведением т. Каменева.

Чл. ВКП(б) с 1905 г. п. б. 460973 В. Швейцер.
Член ВКП(б) с 1904 г. п. б. 127964 Ф. Врублевский.
Чл. ВКП(б) с 1903 г. п. б. 21223 А. Померанцева.

17 декабря 1926 г.
Москва.

IV.

Заявление группы делегатов на апрельской партийной конференции 1917 года.

В виду того, что тов. Л. Б. Каменев на заседании VII расширенного пленума ИККИ 15 декабря с. г. осмелился публично отрицать общеизвестный факт посылки им совместно с ачинскими купцами коллективной телеграммы, приветствующей Михаила Романова, что имело место в марте 1917 года, мы, делегаты апрельской партийной конференции 1917 года, считаем своим партийным долгом довести до сведения братских коммунистических партий, представленных на VII расширенном пленуме, нижеследующие факты:

1) на заседании отдельных делегаций апрельской конференции, в частности на заседании Питерской и Московской делегаций, при обсуждении списка первого легального ЦК, со стороны многих делегатов был заявлен категорический отвод кандидатуры тов. Каменева, в виду его компрометирующего поведения на суде думской фракции и участия в посылке телеграммы, приветствующей Михаила Романова;

2) в виду крайне резкого настроения подавляющего большинства делегатов конференции против тов. Каменева в связи с телеграммой, руководящему ядру конференции во главе с тт. Лениным и Сталиным пришлось созвать два закрытых заседания старых большевиков-ленинцев, где т. Ленин отстаивал и с трудом отстоял кандидатуру т. Каменева в члены ЦК;

3) наконец, сам т. Каменев, отлично осведомленный обо всех перипетиях борьбы против его кандидатуры, не сделал ни малейшей попытки для опровержения факта своего участия в посылке ачинской телеграммы на имя Михаила Романова. Опровержение этого факта в тот момент, под свежим впечатлением телеграммы, не составлявшей секрета ни для одного из участников конференции, было абсолютно невозможным.

Попытка тов. Каменева ввести в заблуждение делегатов VII расширенного пленума ИККИ путем голого отрицания неоспоримого и всем известного факта представляет собою совершенно небывалое в нашей партии явление, угрожающее навсегда скомпрометировать политическую честность и партийную репутацию тов. Каменева.

Ф. Раскольников (делегат от Кронштадтской организации).
А. Бубнов (от Московской организации).
В. Соловьев (делегат Моск. окруж. организ.).
С. Косиор (делегат Петербург. гор. орг.).
Ф. Земит (делегат Одесской орг.).
З. Ангаретис (дел. Петербургской орг.).
Н. Подвойский (делегат от Военной организации большевиков).
Лацис (дел. Петр. орг.).
В. Куйбышев (дел. Самарской организации).
Н. Брюханов (дел. от Уфимской организации).
Г. Бокий (секретарь Пет. Ком.).
Елена Стасова (секретарь Бюро ЦК).
Сергей Богдатьев (Питерская орг.).
Василий Шмидт (секретарь ПК).
С. Гопнер (дел. от Екатеринослава).
П. Рабчинский (дел. от Эстляндской губ.).
В. Сахаров (делегат от Московской организации).
В. Залежский (от ПК).
М. Савельев (агент русского Бюро ЦК).
Е. Розмирович (военн. организация при ЦК).
Ворошилов (делегат от Луганска).
В. Молотов.
Г. Ломов (Оппоков).
Ф. Голощекин.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«ИСТОРИК-МАРКСИСТ», №№ 1 и 2. 1926 год. Издательство Коммунистической Академии. Москва. Т. I. 326 стр. Цена 3 руб. Т. II, 291 стр. Цена 3 руб.

Рецензируемый журнал является органом «Общества историков-марксистов при Коммунистической Академии». До сих пор вышло всего только два номера, но они уже дают достаточное представление о характере журнала. Журнал посвящен разработке вопросов мировой истории. Напечатанные статьи посвящены не только проблемам «русской» истории, но и проблемам Запада и Востока.

В первом номере напечатаны статья М. Н. Покровского о задачах общества, три стенограммы докладов и прений о революции 1905 года, одна статья о декабристах, три статьи о французской революции, и две статьи посвящены Востоку, и ряд др. материалов.

В блестящей по форме и очень интересной по содержанию статье М. Н. Покровского дается общий очерк развития исторического материализма в России от Щапова и Чернышевского—материалистов «первого призыва»—до настоящего времени. В прошлом наша историография очень часто грешила по части экономического материализма. Общество историков должно теперь «изживать» «экономический материализм». В качестве «первейшей» задачи историков настоящего поколения Покровский считает исправление ошибок старой историографии со стороны фактической и со стороны классового анализа.

«Наш рабочий и наш крестьянин должны, наконец, иметь в руках книгу, которая изображала бы их прошлое не как дело хозяев и чиновников, а как их собственное дело, дело рабочих и крестьян».

Из статей по «Западу» очень интересна статья т. Фридлянда (напечатано в обеих книгах). «Классовая борьба в июне—июле 1793 года». Он исследует развитие революции «под углом зрения созревания буржуазного общества». Статья О. Л. Вайнштейна—«Парижская Коммуна и Французский банк» выясняет интереснейшую деталь, почему Коммуна не конфисковала средства буржуазии. Это являлось одним из условий ее поражения. К моменту революции в Парижском банке находилось «ценностей на сумму около 3 млрд. франков». Из этих громаднейших средств Коммуна получила на организацию революции только 16 млн. франков, когда контрреволюционное правительство Тьера за два месяца получило 257.790.000 франков. Исследуя всю политику Коммуны, т. Вайнштейн пришел к выводу, что отношение Коммуны к Банку есть отношение к буржуазии. «Либо захват Банка—и тогда разрыв со всеми ее, даже левыми, радикальными элементами и со всем «миром деловых отношений», либо нейтралитет, даже поддержка этих элементов,—но тогда неприкосновенность Банка и других кредитных учреждений». Коммуна пошла по последнему пути. Боясь разорвать с буржуазными попутчиками, она фактически давала возможность усилиться контрреволюции. Интересна статья К. П. Добролюбского—«Термидорианская реакция»; однако, написана она не по первоисточникам и может явиться лишь добавочным материалом по данной теме.

Востоку посвящены две статьи: Ф. Ходжаева—«О младобухарцах» и М. П. Павловича—«Революция 1905 года и Восток». Обе статьи

трактуют интереснейшие темы, но обе страдают одним недостатком—поверхностностью анализа и слабым использованием первоисточников. Статья т. Ходжаева по изложению и анализу часто сбивается на воспоминания или на легкую публицистическую статью, а не на научную работу. Тов. Павлович слишком широко поставил вопрос. Он задевает Персию, Китай, Турцию, Индию, при этом каждой стране отведено 1 или 1½ страницы, поэтому, естественно, что общие социологические обобщения преобладают над конкретным историческим материалом.

Теперь перейдем к «русским» темам.

Статья М. В. Нечкиной—«Общество Соединенных Славян» представляет автореферат ее большой работы на ту же тему. Она очень интересна по содержанию, написана на основании изучения нового архивного материала и дает освещение той струи «декабризма», о которой мы почти ничего не знаем. Работа Нечкиной дает возможность более полно представить характер заговора «декабристов». «Соединенные Славяне»—самая левая группка, которая подняла восстание Черниговского полка.

При всех достоинствах эта работа страдает одним недостатком: автору надо от «экономического материализма» перейти к диалектическому. Следы первого оказываются в общесоциологической характеристике «Соединенных Славян», которая,—кстати сказать—осталась совершенно оторванной от общего изложения и анализа. Нечкина считает, что «Общ. Соед. Слав.»—одна из первых страниц истории русской интеллигенции эпохи промышленного капитализма». Доказательства этого тезиса более чем странные. Анализируя общественное положение «славян», она пишет: «Можно наметить три основных типа славян: поручик или вообще военный мелкого чина; безземельный и «бескрестьянный»—одним словом, бывший дворянин; отставной военный в малом чине, служащий на частной службе, или мелкий шляхтич, нашедший «приватное» занятие у богатого графа—тоже, конечно, без земли и без крестьян, и, наконец,—недворянин, служащий в канцелярии или на какой другой службе. Все живут на жалованье—это типично».

Верно последнее, что все живут на жалованье, но какими судьбами мелкий чиновник государственного аппарата, служащий графа, или разорившийся дворянин становились интеллигентами «эпохи промышленного капитализма»—это может об'яснить только Нечкина. Ни характер эпохи, ни происхождение «славян» (большинство по Нечкиной украинцы)—ничто не подтверждает ее точку зрения. Она просто совершила большой исторический скачок—на полвека—и совершенно зря свою «социологию» привязала к славянам. Эта часть ее рассуждений органически не сливается с последующим анализом. А все оттого, что неумело подвела «экономический базис» и впала в ту погрешность, освободиться от которой советует М. Н. Покровский в своей первой статье.

Из тем, посвященных революции 1905 года, наибольшим интересом отличаются доклад и прения о советах и о крестьянском движении. Доклад С. И. Черномордика—«Декабрьское вооруженное восстание» ничего нового не дал с фактической стороны, но зато многое в докладе напутано и в оценке характера революции и в ряде других вопросов. Ораторам пришлось исправлять ошибки докладчика. Вместо того, чтобы сосредоточить внимание на центре темы—декабрьском восстании в Москве—докладчик занялся фантастикой: «что произошло бы в случае победы декабрьского восстания?».

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, т. Черномордик «углубил» Ленина по вопросу о характере революции 1905 года. В докладе он говорил «в 1905 году была не одна революция, а две революции. Это

революция в октябре, когда все классы нашей страны принимали участие, так называемая национальная революция, и декабрьская революция—пролетарская революция... Далее. Февральская революция 1917 года, есть продолжение октябрьской забастовки 1905 года, т.-е. той революции, в которой принимали участие все классы общества. Продолжением декабря 1905 г. является октябрь 1917 г. Это—вторая пролетарская революция, которая является продолжением декабрьского восстания, первой пролетарской революции» (стр. 241).

Одна эта цитата показывает, что товарищ запутался: он не понял, что значит национальная революция, он оторвал крестьянское движение от рабочего, «углубил» ленинское определение характера революции и благополучно скатился к перманентной революции Троцкого. Особенно ясно это сквозит, когда он «анализирует» ту форму власти, которую пришлось бы установить после того, как декабрь дал бы победу пролетариату. Он забывает ленинскую постановку вопроса о революционно-демократической диктатуре и перебрасывает мостик к перманентной революции. Тт. Покровский, Шестаков отметили основную ошибку докладчика, но он не согласился с их критикой.

Вокруг интересного доклада т. Горина развернулись содержательные прения, которые без сомнения способствуют выяснению вопроса «Чем же были Советы Раб. Деп. в 1905 году». Вполне соглашаясь с общей точкой зрения докладчика, который дал отповедь «ультиматизму» Богданова и Т. З. Рожкову, пытавшемуся смешать советы с рядом других рабочих организаций, считаю необходимым указать на ряд неточностей в докладе.

На стр. 205 читаем: «В противовес большевикам, указывавшим, что революция 1905 года не может быть включена в рамки только чисто буржуазной революции, меньшевики ее рассматривали именно как революцию буржуазную, и буржуазию—как руководящую силу». Если автор подчеркивает различие в оценке характера революции, то он неправ, т. к. и большевики и меньшевики оценивали ее как буржуазную. Если же он подчеркивает ту мысль, что меньшевики не понимали особенностей нашей буржуазной революции со стороны основных движущих сил, то надо выразить это яснее. На следующей странице (206) он не совсем точно излагает взгляды Троцкого на революцию 1905 года. Отметив большевистскую и меньшевистскую точку зрения на революцию, он продолжает: «Нередко склонны думать, что т. Троцкий оценивал революцию 1905 года, как социалистическую. Это неверно». Дальше Горин цитирует Троцкого и делает выводы о его пессимизме и скатывании к меньшевизму. Дойдя до меньшевизма, он так и не дает ответа, как оценивал Троцкий характер революции. Троцкий ошибался в оценке движущих сил и характера революции, о чем Горин не пишет. Смысл «перманентной» революции и заключается в том, что она перепрыгивала через революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян к рабочему правительству.

Еще одно маленькое замечание относительно Петербургского Совета (215). Выступая против «увлечения Петербургским Советом», Горин перегибает палку в другую крайность, когда пишет, что он «в своем развитии остался далеко позади ряда многих других советов». Об'ективное изучение истории других советов вовсе не требует умаления значения Ленинградского Совета. Наконец, последнее замечание: т. Сверчков совершенно прав, когда считает ошибочной, по сути дела, бойкотистскую тактику по отношению к советам, которую проводил ЦК с Богдановым до приезда Ленина. Горин считает эту тактику верной, аргументируя необходимостью борьбы с меньшевистской опасностью. Здесь Горин не сводит концов с концами.

В докладе—«Крестьянство в революции 1905 г.» С. Дубровский на основе фактического материала показал скачкообразный процесс развития крестьянского движения и его отставание от развития рабочего движения. Эта неувязка и являлась «одной из основных причин поражения всей революции 1905 года». Переходя к участникам и организаторам движения, Дубровский устанавливает значительную роль кулаков, которые часто были «организаторами и даже идеологами» движения. В дискуссии дополнили основную точку зрения Дубровского: при анализе характера крестьянского движения надо исходить из особенностей районов, а М. Н. Покровский подчеркнул очень важное влияние «пролетарской революции на деревню, влияние рабочих».

Вот в основном содержание первого номера. Следует отметить хорошо поставленный отдел библиографии.

Общая структура второго тома, примерно, одинакова с первым. Важным дополнением являются две статьи о преподавании истории в вузах общественных и технических. 50-летие смерти Бакунина отмечено двумя статьями наших лучших «бакунистов»—тт. Полонского и Ю. Стеклова. Тов. Полонский предметом исследования своей статьи взял один вопрос—«Бакунин в Первом Интернационале». Эта тема чрезвычайно важная, и развита она автором очень хорошо. Он показывает грандиозный замысел Бакунина захватить руководство Интернационалом. За легальным «альянсом» у Бакунина скрывался план организации законспирированного «тайного интернационала». Полонский показывает, что Бакунин рассматривал тайный альянс «дополнением к интернационалу». Одно из соображений, толкавших на организацию альянса, была уверенность в том, будто, кроме генерального совета интернационала, существовала нелегальная организация во главе с Марксом.

Связывая организационные взгляды Бакунина с общей системой взглядов этого революционера, Полонский дает следующую классовую характеристику: «Бакунин был не зачинателем нового, каким его считали и продолжают считать анархисты, но завершителем старого; он был самым крупным, самым ярким и выдающимся представителем ушедшей в прошлое мелкобуржуазной революции допролетарского периода»...

Если Полонский рассматривал Бакунина как международного революционера на европейской арене, то Ю. Стеклов в статье «Бакунин и подготовка нечаевского дела» выясняет влияние Бакунина на развитие русского революционного движения. Стеклов, кажется, совершенно бесспорно установил, что «настоящим идеологом «нечаевщины» был вовсе не Нечаев, именем которого окрещено это движение, а Бакунин». Не совсем ясно, кем же считает Стеклов самого Нечаева, «бакунинцем» или «ткачевцем». В одном месте он у него выступает то в одном свете, то в другом. Более категорическое заявление необходимо в виду той полемики, которая связана с Нечаевым. Из статьи остается такое впечатление, будто Стеклов склонен считать его ткачевцем (стр. 48 и 49).

Статья А. Шестакова—«Восстание в Средней Азии в 1916 г.» освещает интересный момент широкого национального движения, которое происходило с лета 1916 года и продолжалось до Февральской революции. Автор критикует точку зрения исследователей, которые провокационную политику правительства кладут в основу об'яснения этого движения. Сам автор приходит к выводу, что движение было направлено против «колониальной политики русского империализма» и против мобилизации населения в тыловые дружины армии.

Интересная статья Гурко-Кряжина об английской интервенции в 1918—19 гг. в Закаспии и Закавказье вскрывает причины английского захвата, которые ничего общего не имеют с официальной версией—защита Индии от центральных держав. Настоящей причиной является стремление английского империализма захватить Персию, изолировать ее и Афганистан от влияния революционной России и помешать Турции произвести захват Баку. Интересно было бы эти местные причины вставить в рамку советской политики Англии к советскому государству, сравнить с северной интервенцией. А то у т. Кряжина получается как-то так, будто англичане к нам «по пути» забрели. Шли на империалистический захват наших восточных соседей и кстати забрались в пределы советского государства.

Из содержания второго тома следует отметить доклад Н. А. Рожкова «К методологии истории промышленных предприятий». Он имеет большое научное значение. В нем Н. А. поделился результатом своей работы над архивом Прохоровской мануфактуры за большой промежуток времени. Проработка архивного материала фабрик дает возможность проверить схему развития капитализма в России.

Подведем некоторые итоги. Со стороны научной журнал находится на должной высоте. Совершенно правильна линия журнала освещать историю не только России, но и Запада и Востока. Вполне серьезно поставлен отдел библиографии и рецензий на историческую литературу. Можно рекомендовать усилить освещение методических и программных вопросов истории в вузах. Минус журнала—неаккуратный выход его. Надо добиться, чтобы журнал выходил более регулярно и не реже чем 1 раз в два месяца. Можно пойти на сокращение об'ема, но сделать его выпуск более аккуратным. В подборе материала можно усилить целевую установку номера. Необходимо добиться, чтобы исторический журнал имел не только научное значение, но и политическое, а для этого усилить освещение Октябрьской революции и истории ВКП(б).

Арк. Сидоров.

ТРАГЕДИЯ БУРЖУАЗНОГО СОЦИАЛ-РЕФОРМАТОРА.

Джон А. Гобсон. — «Эволюция современного капитализма». («Evolution of Modern Capitalism». J. H. Hobson. London. 1926).

На ряду с книгой «Империализм», «Эволюция современного капитализма» является лучшим экономическим трудом известного английского экономиста Дж. Гобсона. Основная часть работы, переведенной на русский язык еще в 1898 году, осталась неизменной. В 1916 г. вышли новое издание этой книги, в которой была добавлена глава «Промышленность XX столетия», охватывающая довоенный период. С этого издания появился недавно перевод на русском языке. Летом 1926 г. автором было выпущено новое издание, которое в части последней главы было переработано и дополнено новыми данными. Это издание особенно интересно потому, что в ней автор попытался дать анализ послевоенного развития капитализма.

Мы не будем останавливаться на основной части книги, поскольку она хорошо известна нашему читателю.

Ограничимся приведением краткого отрывка из рецензии В. И. Ленина на эту книгу, написанной в мае 1899 года («Начало», № 5):

«К «современному капитализму»,—писал Ленин,—он (т.-е. Гобсон, *М. И.*) относится критически, вполне признавая необходимость замены его высшей формой общественного хозяйства и относясь к вопросу об этой замене с типично-английской реформаторской практичностью. К убеждению в необходимости реформы он приходит более путем эмпирическим, под влиянием новейшей истории английского фабричного законодательства, английского рабочего движения, деятельности английских муниципалитетов и пр. Стройных и цельных теоретических воззрений, которые бы служили базисом для его реформаторской программы и освещали частные вопросы реформы, у Гобсона нет. Поэтому наиболее силен Гобсон в тех случаях, когда дело идет о группировке и описании новейших статистических и экономических данных. Наоборот, когда дело касается общетеоретических вопросов политической экономии, Гобсон оказывается очень слабым».

И далее:

«При оценке несколько оптимистических взглядов Гобсона на способ осуществления... «реформы» необходимо принять во внимание особенности английской истории и английской жизни: высокое развитие демократии, отсутствие милитаризма, громадную силу организованных трэд-юнионов, растущее помещение капитала вне Англии, ослабляющее антагонизм между английскими предпринимателями и рабочими, и пр.» (Ленин. Сочинения, II изд., II том, стр. 389 и 391).

С тех пор, как это было написано, прошло почти 30 лет, и многое изменилось в развитии капитализма за это время, в частности, в развитии Англии.

«Высокое развитие демократии», «отсутствие милитаризма» в Англии кануло в вечность. Империализм, изучение которого составляет, кстати, большую заслугу самого Гобсона (см. его «Империализм»), достиг своего апогея (имп. война). Империалистическая война, послевоенная разруха, перегруппировки среди великих держав, принесли с собой массу нового материала для научного изучения.

К чему же приходит Гобсон сейчас?

Он начинает свою новую часть с указанием на эволюцию организационных форм капиталистического хозяйства за последние 10 лет и на чрезвычайное усиление финансового капитала, особенно в Англии. Уже до войны, говорит автор, более половины промышленных предприятий в Англии имели форму акционерных обществ. За последние 10 лет выросло новых 20.000 акционерных обществ, при чем огромное число частных фирм приняло акционерную форму. Усилился процесс концентрации промышленности и банков. Он цитирует заключительную часть отчета Комитета по трестам, опубликованного в 1919 году, которая гласит: «Мы констатируем, что число промышленных об'единений быстро увеличивается в этой стране, и в недалеком будущем им будет принадлежать контроль над всеми важнейшими отраслями английской промышленности» (стр. 347).

Автор не без основания предвидит в дальнейшем рост концентрационного движения. «Война,—пишет он,—дала урок английским промышленникам и финансистам, показав им, что если нация хочет удержать свои позиции в новых условиях развития мировой промышленности и торговли, она должна встать на путь концентрации промышленности» (стр. 347). Одновременно с этим он указывает на неизбежный рост числа международных об'единений, одну из причин которого он видит в протекционной политике европейских государств, мешающей свободной торговле. Автор правильно видит огромную опасность для рабочих и широких масс потребителей—в создании мировых об'единений.

Необходимо во-время начать борьбу против таких монополистических об'единений, и автор не сомневается, что эту задачу возьмут

на себя европейские правительства, а особенно Лига Наций. Автор совершенно упускает из виду, что правительства, к которым он взывает— являются не чем иным, как ставленниками организаторов этих международных трестов.

Но это правильное констатирование фактов, с одной стороны, и беспомощные рецепты с другой—характерны вообще для автора.

В результате этого сжатого, но чрезвычайно богатого фактическим материалом, анализа тенденции развития организационных форм современного капитализма, автор констатирует, что в настоящее время господствующее положение в капиталистическом государстве принадлежит небольшим группам лиц, которые в первую очередь контролируют кредитную систему и, таким образом, руководят всем народным хозяйством. Переходя затем к общим проблемам мирового хозяйства, автор констатирует глубокий затяжной кризис. Он приводит новейший цифровой материал, рисующий падение размеров производства в тяжелой индустрии, уменьшение оборотов внешней торговли, уменьшение национального дохода всех европейских стран.

В чем же причина мирового кризиса? Основной причиной, по мнению автора, является—чрезвычайно слабая покупательная способность населения. Проблема рынка вот основная проблема, в плоскости которой нужно искать разрешения кризиса. И тут автор указывает выход из создавшегося кризиса! Необходимо, во-первых, лучшее перераспределение народного дохода с тем, чтобы увеличить в нем долю широких масс населения и, во-вторых, в корне перестроить технику производства, поскольку при теперешней системе производства, особенно в Англии, производительность чрезвычайно низка, и в результате—изделия промышленности становятся недоступными для потребителя. Увеличить доход широких масс населения и понизить цены на промышленные изделия: только тогда мировой капитализм может выйти из тупика—таковы основные выводы автора.

Но как добиться этого при существующем капиталистическом строе? И совершенно неожиданно автор вытаскивает на свет старое средство, которое, по его мнению, блестяще разрешит поставленные им две проблемы. Это средство не более, не менее, как участие рабочих в прибылях капиталистического предприятия. Таким-де путем увеличится доход рабочего класса, поднимется его покупательная способность, а с другой стороны, заинтересованность рабочих в капиталистическом предприятии примирит классовые противоречия и этим создаст предпосылки для увеличения производительности труда. До сих пор, жалуется автор, «рабочий не имеет никакого интереса в капиталистическом предприятии, так как в любой момент он может получить недельное предупреждение об увольнении, и таким образом его «интерес» к предприятию кончается» (стр. 479).

А между тем для реорганизации промышленности на более высоком техническом базисе «необходимы более мирные отношения между трудом и капиталом, работодателями и рабочими». Выдвигаемая, таким образом, автором система сразу убивает двух зайцев! Правда, автор настолько великодушен, что считает нецелесообразным полностью заменить систему заработной платы—системой участия в прибылях, так как рабочие не должны целиком разделять с предпринимателями весь риск возможных убытков, которым подвергается предприниматель, «но система заработной платы может быть усилена участием в прибылях, что будет стимулировать большую производительность труда, создающую прибыль».

Но вслед за этим откровением, трезвый экономист побеждает в Гобсоне буржуазного социал-реформатора. На анализе уже сделанных, в Соединенных Штатах и в Англии, опытов так называемого копартнершипа, автор в дальнейшем приходит к выводу, что вряд ли это движение сможет что-либо улучшить в отношениях между рабочими и предпринимателями. Сбережения рабочего класса настолько незначительны, что он не в состоянии приобретать акции в больших размерах и таким образом, лишен возможности почувствовать себя «хозяином» капиталистического предприятия. И вслед за этим автор меланхолично замечает «мы должны искать других средств исцеления недовольства и низкой производительности труда». Он упоминает затем различные современные теории примирения труда с капиталом, но доказывает, что они являются несостоятельными.

Наконец, он останавливается на социалистическом движении. Очень интересна характеристика, даваемая автором современным социалистическим партиям Европы. «Как в Великобритании, так и в каждом промышленном государстве, исключая Америки, существуют могущественные политические партии, формально преданные социализму. Но они очень далеки от того, чтобы сбросить частный капитализм и заменить его социалистическим государством. Они в гораздо большей степени оппортунистичны и компромиссны (стр. 485). Но, по мнению автора, политика социалистических партий вполне отвечает убеждениям современных европейских наций, поскольку «отвращение к централизованной автократии и известные глубокие дефекты этой системы, делают невозможным принятие какой-либо западно-европейской нацией целиком системы обобществления собственности» (стр. 485).

Характерно указание автора на неприемлемость социализма для западно-европейских наций. Автор, безусловно, знает об успехах социалистического строительства в СССР, но, по всей вероятности, считает, что на Востоке действуют другие законы развития общественных форм. «Но, если,—по мнению автора,—плох социалистический строй в целом, то безусловно неизбежно движение, хотя, по всей вероятности, не быстрое, направленное к замене частной собственности—общественной собственностью—в основных отраслях народного хозяйства» (стр. 486). И дальше—автор доказывает, что в интересах развития народного хозяйства необходима национализация земли, горной промышленности, железных дорог, банков и страховых обществ. Несколько ранее он говорит о том, что «электропромышленность также должна находиться в руках государства». Одновременно с этим автор указывает, что дело народного образования, общественной гигиены и медицины должно перейти в ведение государства. Перед нами довольно широкая программа национализации. Автор видит неизбежность ее проведения в жизнь, но у него нехватает мужества сказать, что в интересах подавляющего большинства населения эти мероприятия нужно провести немедленно и революционным путем.

Вторая проблема, на которой останавливается автор—это опасность новых военных столкновений. В экономическом национализме, который присущ современным государствам, он видит колоссальную опасность для мира!

В борьбе за свои частные интересы, отдельные финансовые и промышленные группы могут использовать свое влияние на государственную машину, и этим создать угрозу новых войн. «Если приподнять завесу,—пишет автор, — над всеми недавними дипломатическими конфликтами в Египте, Персии, Трансваале, Триполи, Марокко, Мексике, Китае и на Балканах, то мы увидим, что настоящей причиной всех политических выступлений являлись экономические факторы: желание приобрести торго-

вые пути и гавани, борьба за рынки и главное желание установить контроль над нетронутыми ресурсами огромных отсталых стран с их избытком дешевого труда и их слабыми или подкупными правительствами» (стр. 491). Такая борьба между государствами продолжается и теперь, и автор выдвигает—в целях прекращения ожесточенной борьбы империалистических государств—новое средство, которое, по его мнению, поведет к вечному миру на земле. Он считает, что вместо того, чтобы спорить и драться из-за каждого лакомого кусочка, европейские государства должны были бы об'единиться и действовать совместно при сношении с правительствами и народами таких стран, в роде Китая, которые созрели для капиталистического развития—при условии притока в них иностранного капитала.

Такая программа пришлась бы по вкусу любому империалисту из английского Форейн Оффис. Но автор идет еще дальше, он указывает, что уже в настоящее время имеются зачатки такого совместного мирного развития отсталых народностей. Таким началом является система мандатов Лиги Наций. «Расширением этой системы (т.-е. системы мандатов) на колонии и протектораты в Африке и части Азии был бы сделан большой шаг в направлении урегулирования конкуренции за нетронутые богатства этих стран, которая до сих пор являлась главным препятствием для мира между нациями, и это повело бы к развитию мирового хозяйства в интересах всего человечества» (стр. 493).

Этим изумительным «откровением», заканчивается работа.

На примере Гобсона можно видеть всю трагичность положения глубокого экономического исследователя, мыслящего себе выход из современного кризиса лишь в условиях существования капиталистического строя. Автору приходится или, давая правильный анализ действительного положения, выдвигать одним за другим рецепты исцеления современного кризиса, рецепты, несостоятельность которых вытекает из его собственных дальнейших указаний; или же ему приходится грубо искажать капиталистическую действительность, чтобы таким образом создать иллюзию, что капитализм выходит из кризиса. Но все это тщетно! Из анализа эволюции капитализма, данного самим Гобсоном, вытекает, что выход из тупика, в котором очутился теперь капитализм, лежит не там, где его ищет автор: не в мелких реформах капиталистического строя, а в полной замене его более высокой общественной формой.

М. Иозльсон.

Указатель статей и рецензий, напечатанных в „Большевике" за 1926 год.

Статьи и заметки Ленин.

Ленин и ленинизм.

Вопросы внутрипартийной политики.

Вопросы экономического курса.

Хозяйств. политика в деревне.

Советское государство.

Профсоюзы.

История.

Международное революционное движение.

Коминтерн.

Международная политика и экономика.

Социал-демократия и меньшевизм.

Вопросы литературной политики.

Разное.

Письма в редакцию.

Критика и библиография.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
В. Молотов.
А. Слепков.
Е. Ярославский.